

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

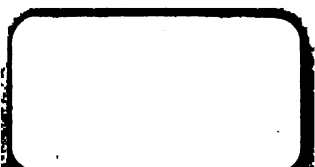
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

INDEX

О Т Е Ч Е С Т В Е Н Н Ы Я
ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

~~INDEXED~~

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae
vocem foris sonantem, sed in
auscultant veritatem decent e

Gersonius.

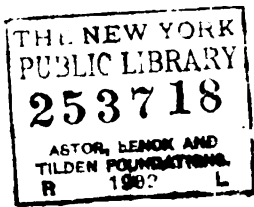
ТОМЪ XLIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

—
1846.

УЧЕБНИКЪ
АРИТМЕТИКИ
УЧЕНИКАМЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ. С. Петербургъ, 31 декабря 1845.
Цензоры: *И. Иваноскій* и *А. Мехелинъ*.

ОТВЕТСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

А Н Д Р Е Й.

ПОЭМА.

Въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Для давно-минувшихъ лѣтъ.»

1.

«Начало трудно» слышалъ я не разъ.
Да, для того, кто любить объясненья.
И не таковъ, — и право свой рассказъ
И начинаю — безъ приготовленья...
Рысней ползлея смиренный мой негасъ;
Друзья, ною простыя приключенья...
Они проходили вдалекъ,
Въ уединенъ, одинокомъ городкѣ.

В. ХІІІ. — Стл. I.

14/02 12.60 (for the list)

2.

Подобно всякъ угаднымъ городамъ
Онъ правильно расположенъ; недавно
Построенъ; на гора соборный храмъ
Стоитъ, неконченный; дома забавно
Свихнулись на бокъ; вѣтъ конца садамъ
Фруктовымъ, огородамъ; страхъ исправно
Содержатся казенныя мѣста —
И площадь главная всегда пуста.

3.

Въ уютномъ, чистомъ домикѣ, въ одной
Изъ улицъ, называемой «Зелёной»,
Жилъ человекъ довольно-молодой,
Въ отставку, холостякъ, притомъ ученый.
Какъ водится, разумной-головой
Онъ слылъ лишь потому, что вѣлъ «мудреной»
Ималъ, да трубки не курилъ, молчалъ,
Не выходилъ и въ карты не игралъ.

4.

Но не было таинственности въ немъ.
Вся знали его чинъ, его фамилью.
Онъ года три въ Москвѣ служилъ; потомъ
Наскучивъ должностной... и прочей гилью
Вернулся въ отчий запустѣлый домъ.
Вся комнаты, наполнены пылью,
Нашелъ (его домашніе давно
Вся померли), да старое вино

5.

Въ подвалъ — да запачканный портретъ —
Да въ кладовой два бабушкиныхъ платья.
На воля росъ онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ;
Пока служилъ онъ — связи да занятя
И вспомнить ему не дали, что нѣтъ
Родной груди, которую въ объятья
Принять бы могъ онъ... нѣтъ ея нигдѣ...
Но адсь, въ родимомъ и пустомъ гнѣздѣ

6.

Ему сначала было тяжело...
Потомъ онъ полюбилъ уединенье
И думалъ самъ, что счастливъ... но на зло
Разсудку — часто грустное томленье
Овладевало имъ... Его клекло
Куда-то вдаль — пока воображенье
Усталое, не сложитъ пестрыхъ крылъ —
И долго послѣ, молчаливъ, унылъ

7.

Сидялъ онъ подъ окошкомъ. Впрочемъ, онъ,
 Какъ человекъ безъ разочарованья,
 Не слишкомъ былъ въ отчаяннѣ влюбленъ
 И не желалъ своего страданья.
 Начнетъ, бывало, думать... что жь? не стонъ,
 Завота выразить его мечтанья;
 Скучалъ онъ, не какъ байроновъ Корсаръ,
 А какъ потомокъ выходцевъ—Татаръ.

8.

Скучалъ онъ — да; быть-можетъ отъ-того,
 Что жить въ деревнѣ скучно; что въ столицахъ
 Безъ денегъ жить нельзя; что ничего
 Онъ целый день не дѣлалъ; что въ двѣццахъ
 Не находилъ онъ толку... но всего
 Не выскажешь никакъ — пока въ границахъ
 Законности, порядка, тишины
 Держаться сочинители должны.

9.

Такъ, онъ скучалъ; но молодъ былъ душой,
 Неопытенъ, задумчивъ какъ писатель,
 Застѣнчивъ и чувствителенъ — большой
 Чудакъ-дикарь и нѣсколько мечтатель.
 Онъ занимался нѣхотя собой
 (Чему вы подивитесь, о читатели!)
 Не важничалъ и не бранилъ людей,
 И ничего не презиралъ, ей-ей!

10.

Хоталъ любви, не зная самъ зачемъ;
 Въ немъ силы разгорались молодыя...
 Кипѣла кровь... онъ отъ любви совсѣмъ
 Себя не ждалъ смѣлымъ, какъ нѣмые
 Дѣвщцы, да студенты. Между-тѣмъ,
 Мгновенья проходили золотыя —
 И минуло два года,—два весны...
 (Весной вся люди чаще влюблены.)

11.

И вотъ опять настала та пора,
 Когда, на солнцѣ весело сверкала,
 Капли падаютъ... когда съ утра,
 По лужамъ дѣти бѣгаютъ, играя...
 Когда коровъ гоняютъ со двора
 И травка зеленѣетъ молодая —
 И вѣшый грачь гуляетъ по лугамъ
 И подступаетъ рѣчка къ берегамъ.

Словесность.

12.

Прекрасенъ русскій, тёплый майскій день...
Все къ жизни возвращается тревожно;
Еще жадка трепещущая тьма
Березъ кудрявыхъ; вѣтеръ осторожно
Колышетъ ихъ верхушки; думать — лѣнь,
А съ губъ согнать улыбку невозможно...
И свѣжій, бѣлый ландышъ подъ кустомъ
Стыдливо заслоняется листомъ.

13.

Подешь зеленыи на конь...
Вдыхаетъ конь и тихо машетъ гривой —
И какъ листокъ, отдавшійся волнѣ,
То медленной, то вдругъ нетерпеливой,
Несутся мысли... Въ ясной вышинѣ
Проходятъ тучки чередой лѣтливой...
Съ деревни воробьевъ крикливый рой
Промчится... Залцъ жметса подъ межою —

14.

И колокольня длинная въ кустахъ
Блѣзаетъ... Пріятель нашъ природу
Весьма любилъ, и въ четырехъ стѣнахъ
Не могъ остаться въ ясную погоду...
Надѣлъ картузь — и съ палкою въ рукахъ
Пышкомъ пустился черезъ грязь и воду...
Была въ числѣ всѣхъ улицъ лишь одна
«Дворянская» когда-то мощена.

15.

Онъ шелъ задумчиво, повѣся носъ.
По лужицамъ ступая деликатно,
Бжалъ за нимъ его лягавый пёсъ.
Мечтатель шелъ; томительно-пріятно
Въ немъ сердце билось — и себя вопросъ
Онъ задавалъ: зачѣмъ такъ непонятно,
Такъ грустно-весель онъ, какъ вдругъ одинъ
Знакомецъ, неслужащій дворяннцъ,

16.

Нагналъ его. «Андрей Ильичъ! куда-съ?»
— Гуляю такъ; а вы? — «Гуляю тоже.
Вообразите — не узналъ я васъ!
Гляжу, гляжу... да кто жъ это, мой Боже!
Ужъ по собакѣ догадался — да-съ!
А слышали вы — городничій?» — Чтò же
Съ нимъ сдѣлалось? — «Да съ нимъ-то ничего:
Жену свою прибилъ онъ за того

17.

Гусарчика — вы знаете...» — Я? Нятъ? —
 «Не знаете? Ну какъ же вамъ не стыдно?
 Такой пріятный въ обществѣ, брюнетъ.
 Вотъ онъ понравился — другимъ завидно —
 Послали письмецо — да весь секретъ
 И разгласили... Кстати — намъ обидно
 Съ женой, что не зайдете никогда
 Вы къ намъ; а жаль, помнитса, всегда

18.

Мы съ вашимъ батюшкой въ большомъ ладу.»
 — А развѣ есть у васъ жена? — «Прекрасно!
 Хорошъ пріятель; признаюсь! Пойду
 Всамъ расскажу...» — Не гнѣвайтесь напрасно.
 (Ну, думалъ онъ: — попался я въ бѣду.) —
 «Не гнѣваться? Нятъ, я сердитъ ужасно...
 И если вы хотите, чтобъ я васъ
 Простилъ совсѣмъ, пойдите къ намъ сейчасъ.»

19.

— Извольте... по нельзя жъ такъ... «Безъ хлопотъ!»
 Они пошли подъ-ручку мимо праздныхъ
 Мѣщанскихъ бабъ и дѣвокъ, у воротъ
 Усажившихся на лавкахъ, мимо разныхъ
 Заборовъ, кузницъ, домиковъ... и вотъ
 Передъ однимъ изъ самыхъ безобразныхъ
 Домовъ остановились... «Здѣсь я
 Живу», сказалъ знакомецъ: — «а судья

20.

Живетъ вонъ-тамъ, подалше. Вечеркомъ
 Игралъ мы въ карты: засидать,
 Онъ, я, да Гуръ Миничъ, вчетверомъ.»
 Они вошли; и закричалъ пріятель
 Андрея: «Эй! жена! смотри, кто въ домъ
 Ко мнѣ зашелъ — твой новый обожатель...
 (Не правда-что ли?) вотъ сударь она,
 Авдотья Павловна, моя жена.»

21.

Ея лицо зардѣлось ярко вдругъ
 При видѣ незнакомаго... Стыдливо
 Она присала... Радостный сунругъ
 Расшаркался... За стулья боязливо
 Она влялась... Ея нѣмой испугъ
 Смуглялъ Андрея. Сълъ онъ молчаливо
 И внутренно себя бранилъ — и, взоръ
 Склонивъ, упрямъ началъ разговоръ.

22.

Но вотъ, пока зашла межъ ними рѣчь
 О томъ, что людямъ нужно развлеченье,
 И что здоровье надобно беречь —
 Вглянувши на нее, въ одно мгновенье
 Замѣтилъ онъ блестящихъ, бѣлыхъ плечи
 Роскошный очеркъ, легкое движенье
 Грудя, зубовъ-жемчужинъ ровный рядъ
 И кроткій, нѣсколько-печальный взглядъ.

23.

Замѣтилъ онъ еще вдоль алыхъ щекъ
 Двѣ кудри шелковистыя, двѣ руки
 Прекрасныя... Звенящій голосокъ
 Ея хранилъ плѣнительные звуки
 Младенчества — какъ говорятъ — пушокъ.
 А за двадцать ей было... пользу снукъ
 Кто можетъ отрицать? Она, какъ ледъ,
 Отъ порчи сберегаетъ нашъ народъ.

24.

Пока въ невнимности души своей
 Любуется нашъ юноша стыдливый
 Чужой женой — мы поспѣшимъ о ней
 Отдать отчетъ подробный, справедливый
 Читателямъ. (Ея супругъ, Фаддей
 Сервантъ — былъ разсѣянный, лѣнивый
 Довѣрчивый, прекрасный человекъ...
 Да кто жь и золь въ нашъ равнодушный векъ?)

25.

Она росла печальной сиротой;
 Воспитана была на счетъ кассовый...
 Потомъ перешла къ тѣтушкѣ глухой,
 Сносила правъ ея неутомимый,
 Ходила въ лѣтнемъ платьѣцѣ вишней —
 И разливала чай... но бракъ законный
 Освободилъ несчастную: ченець
 Она сама надела наконецъ;

26.

Но барыней не сделалась. Притомъ,
 Авдотья Павловна, какъ институтка,
 Гостей дичилась, плакала тайкомъ
 Надъ пошленькимъ романомъ; часто шутка
 Ее пугала... но въ порядкѣ домъ
 Она держала; здраваго разсудка
 Въ ней было много; мужа своего
 Она любила болѣе всего.

27.

Но какъ огонь таетъ подъ доломъ,
 Подъ снегомъ лава, подъ летучимъ ревомъ
 Колючій шипъ, подъ бархатной травой
 Лукавый змѣй, и подъ улыбкой слезы —
 Такъ, можетъ-быть, и въ сердца молодой
 Жены таилась нагубница грѣбы...
 Мы посвящаемъ этотъ оборотъ
 Любителямъ масонческихъ остротъ.

28.

Но все жь она любила мука; да,
 Какъ любить дѣти, — кротко, безъ волненій,
 Безъ реальности, безъ тайнаго стыда,
 Безъ тахъ безумныхъ, горькихъ сомаленій
 И помысловъ, которыми иногда
 Предается сочастно, — безъ подосрачій,
 Безо всего, чемъ дерзостную власть
 Свою на разъ обезначала страсть.

29.

Но не была за то знакома ей
 Восторговъ неслончаемыхъ отрада,
 Тоска блаженства... правда; но страстей
 Боятся дощиро; самая награда
 Не стоитъ жертвы, какъ игра — свачей...
 Сварный, буйный грохотъ водонада
 Насъ оглушаетъ... Вообще, всегда
 Приятно стелчая вода.

30.

И если грусть ей къ душу какъ-нибудь
 Закралывалась — это мы бядою
 Не назовемъ... вадъ ей же хуже, будь
 Она всегда, всегда своей судьбою
 Довольна... грустно ей, заность грудь,
 И взоръ заблещетъ томною слезою —
 Она къ окну подойдетъ, слетна
 Вдохнетъ, да поглядитъ на облака,

31.

На церковь старую, на низкій домъ
 Сосада, на высоніе заборы —
 За фортепьяно сидеть... все кругомъ
 Какъ-будто дремлетъ... слышны разговоры
 Служанокъ; на стѣнѣ подъ потолкомъ
 Играетъ солнце; голубыя шторы
 Сквозятъ; надувшись весь, ручной
 Снегирь свиститъ, — и нахнетъ реводой

32.

Вся комната... Поётъ она — сперва
 Какой-нибудь романсъ sentimentalный...
 Звучать уныло страстные слова;
 Потомъ она сыграетъ погребальный
 Известный маршь Бетховена... но два
 Часа прошло; ждётъ патриархальный
 Обядъ ея; сунругъ, жону любя,
 Кричатъ: «уха простынетъ безъ тебѣ».

33.

Такъ жизнь ея текла; въ чужихъ домахъ
 Она бывала рѣдко; со слезами
 Вѣкала въ гости, чувствовала страхъ,
 Когда съ высокопарными рѣчами
 Узадный фронтъ въ наобрѣныхъ усахъ
 Къ ней подходилъ бочкомъ, неся глазами...
 Свой домъ она любила, какъ сурокъ
 Свою пору — свой «home», свой уголокъ.

34.

Андрей поправился соседствъ. Онъ
 Сидѣлъ у нихъ довольно-долго; въ шеры
 Пускался; словомъ, въ духъ былъ, умиль,
 Любезень, весель... и хотя въ узоры
 Канвы совсѣмъ, казалось погруженъ
 Былъ умъ хозяйки — мелочные взоры
 Ея большихъ и любозытныхъ глазъ
 На немъ остановились — и не разъ.

35.

Межь-тѣмъ, настала ночь. Пришелъ Андрей
 Илечь домой въ большомъ недоумѣннъ.
 Сквозь зубы напѣвалъ онъ «Соловей
 Мой, соловей!» — и цѣлый часъ въ волненья
 Ходилъ одинъ по комнатамъ своей...
 Не много было складу въ этомъ напѣ —
 И пѣсъ его, весьма-разумный скотъ,
 Гладилъ на барина разина ротъ.

36.

Увы! всѣмъ людямъ, видно, суждено
 Узнать, какъ говорится, «жизни бремя».
 Мы ничего пока не скажемъ... Но
 Посмотримъ, что-то намъ откроетъ время?
 Когда на свѣтъ выходитъ лѣсъ — давно
 Въ землѣ нагрѣтой созрѣвало самѣ...
 Тоскливая, мечтательная лѣнь
 Андреевъ овладѣла въ этотъ день.

37.

Съ начала самаго любовь должна
Рости неслышно—какъ во снѣ глубокомъ
Дня ростеть... огласка ей вредна:
Какъ юный грибъ, открытый зоркимъ окомъ,
Земреть, завянуть, пропадетъ она...
Потомъ, — ее вы можете съ потокомъ
Сравнить — съ огнемъ, и съ лавой, и съ грозой,
И вообще со всякой чепухой.

38.

Но первый страхъ и трепеть сердца, стукъ
Его внезапный, первое страданье
Отрадно-грустное, какъ первый звукъ
Печальной пѣсни, первое желанье,
Когда въ огнь неожиданныхъ слезъ и мукъ
Съ искугомъ просынается сознанье,
И вся душа заражена тоской...
Какъ это все прекрасно, Боже мой!

39.

Андрей къ соседямъ сталъ ходить. Они
Его ласкали; малой былъ онъ смиренный,
Имъ по плечу; радушьемъ искони
Славяно славятся; къ ихъ жизни мирной
Привыкъ онъ скоро самъ; летѣли дни;
Онъ рано приходилъ, глоталъ ихъ жирный
Обалъ, пилъ жидкій чай, а вечеркомъ,
Пока супругъ за ломбернымъ столомъ

40.

Сражался, съ ней сидѣлъ онъ по часамъ...
И говорилъ охотно, съ убавленьемъ
И даже съ жаромъ. Часто былъ онъ самъ
Проникнуть добродушнымъ удивленьемъ:
Кто вдругъ освободилъ его? рѣчамъ
Далъ звукъ и силу?—Впрочемъ «откровеньемъ»
Она не величала такъ речей...
Языкъ новѣйшій незнакомъ былъ ей,

41.

Нѣтъ, — но при немъ овладевало вдругъ
Ея душой веселое вниманье...
Андрей сталъ нуженъ ей, какъ добрый другъ,
Какъ братъ... онъ понималъ ея мечтанье,
Онъ разделять умалъ ея досугъ,
И вызывать малѣйшее желанье...
Она могла болтать, молчать при немъ...
Имъ было хорошо, тепло вдвоемъ.

42.

И сталъ онъ тихъ и кротокъ, какъ дитя
 Въ обновѣ; наслаждался безъ оглядки;
 Андрей себя не вопрошалъ, хотя
 Въ немъ зарадка пугливыхъ догадокъ
 Рождалась... Онъ душилъ ихъ, жилъ шутя.
 Такъ первыя таинственныя вѣтки
 Съ стыдливостью соединилъ расчетъ,
 Чиновникъ безсознательно бореть.

43.

Они гуляли много по лугамъ
 И въ рощѣ (мушъ, крихта, тащился следомъ),
 Читали Пушкина по вечерамъ,
 Играли въ шахматы передъ обѣдомъ,
 Иль, волю давъ лукавымъ языкамъ,
 Смѣялись потихоньку надъ соседомъ...
 Иль иногда рассказывалъ Андрей
 О службѣ занимательной своей.

44.

Тогда, какъ струйки мелкія реки
 У камышей, на солищахъ, въ неглубокихъ
 Мѣстахъ, иль какъ тѣ свѣтлыя кружки
 Въ тѣни густыхъ дубовъ и липъ широкихъ
 Когда затихнетъ вѣтеръ, а листья
 Едва трепещутъ на сучкахъ высокихъ —
 По тонкимъ губкамъ Дуни молодой
 Улыбки пребагали чередой.

45.

Они смѣялись часто... Но потомъ
 Весьма грустить и горевать умали,
 И въ небо возноситься... Подъ окномъ
 Они тогда задумчиво сидѣли,
 Мечтали, жили, думали вдвоемъ,
 И молча содрагались и блаженали —
 И тихо воцарялся въ ихъ сердцахъ
 Такъ-называемый «священный страхъ».

46.

Смѣшно глядеть на круглую луну;
 Смѣшно вздыхать — и часто, цѣпая
 Отъ холода, ночную тишину
 «Пить, жадно пить» — блаженствуя, кашля...
 Звать — и прозаическому сну
 Протавиться, затаить, что съ Эмпирея
 Слетаютъ восточескіе сны...
 Но кто жъ не граешъ съ этой стороны?

47.

Да; иногда такъ погибало вечеромъ
 Для нихъ; не то, что въ нихъ тогда звучало,
 То былъ любви невольный, первый вопль...
 Но то, что сердце въ небесахъ исцело,
 Что выразить не находили словъ —
 Такъ близко, рядомъ, подъ-бокомъ дышало...
 Блаженство не въ сонъ... Вирочемъ, кровь
 Заговорить, когда молчить любовь.

48.

Проворно зреетъ запрещенный плодъ.
 Андрей сталъ грустенъ, молчаливъ и страненъ
 (Влюбленные — весьма-смешной народъ!),
 И смыслъ его речей бывалъ туманенъ...
 Известно: труденъ каждый переходъ.
 Нашъ бедный другъ былъ прямо въ сердце раненъ...
 Она съ нимъ часто ссорилась... Она
 Была сама смертельно люблена.

49.

Но мы сказать не смеемъ сколько дней,
 Недель, годовъ, десятковъ леть, волненья
 Такія продолжаться въ немъ и въ ней
 Могли бы, еслибъ случай, — безъ сомненья,
 Первейшій другъ несмысленныхъ людей, —
 Не прекратилъ напраснаго томленья...
 Однажды мушъ уехалъ, а жена
 Осталась дома, какъ всегда, одна.

50.

Работу на поляхъ уронивъ,
 Тихонько на груди опростывши руки
 И голову немножко наклонивъ,
 Она сидитъ подъ обаяньемъ скуки.
 И вечеръ ея свепенъ и ленивъ —
 И на губахъ давно затихли звуки...
 А сердце — то расширится, то вновь
 Задремлетъ... По щекамъ играетъ кровь.

51.

Но милая невысшей предана
 Ея душа; напротивъ, просто «вздоромъ»,
 Какъ люди говорятъ, она полна...
 Улыбкой грустной, беспокойнымъ взоромъ,
 Котораго вчера понять она
 Еще не могла — длиннымъ разговоромъ —
 И тамъ, что выразить нельзя перомъ...
 Знакомый шагъ раздавался подъ окномъ.

52.

И вдругъ, — самъ бѣсъ не скажетъ почему —
 Ей стало страшно, страшно до рыданій.
 Болзась она, что-ли, дать ему
 Въ ея чертахъ найдти слѣды мечтаній
 Недавнихъ... Но въ таинственную тьму
 Чужой души мы нашихъ изысканій
 Не будемъ простарать. Прекрасный полъ,
 Источникъ нашихъ благъ и нашихъ золъ,

53.

Не всамъ дается въ руки, словно кладъ,
 Зарытый хитрой вѣдьмой. Молчаливо
 Она вскочила, черезъ сани въ садъ
 Бѣжить... въ ней сердце бьется торопливо...
 Но какъ испуганная лань, назадъ
 Приходить любопытно, боязливо,
 И слушаетъ и смотреть, и стрѣлка
 Не видитъ — такъ, на цыпочкахъ, слегка,

54.

Она дошла до комнаты своей...
 И съ легкой, замвращающей улыбкой,
 Вся розовая, къ скважинѣ дверей
 Нагнула станъ затянутый и гибкой.
 Концы ея разсыпанныхъ кудрей
 Колебаются плазнительно на зыбкой
 Грудь... подъ черной бровью черными глазъ
 Сверкаетъ ярко, какъ живой алмазь...

55.

Она глядитъ — безмолвно ходитъ онъ.
 Какъ виданъ ясно слѣдъ нѣмой заботы
 И грусти на его лицѣ!.. Влюбленъ
 Андрей. На фортепьянахъ двѣ-три ноты
 Небрежно взялъ онъ. Слабый, робкій звукъ
 Возникъ и замеръ. Вотъ — ея работы
 Разсматривать онъ началъ... Тамъ въ углѣ
 Она платокъ забыла на столѣ.

56.

И жадно вдругъ къ нему приникъ Андрей
 Губами — крѣпко, крѣпко стиснулъ руки.
 Движенья головы его, плечей
 Изобличали силу тайной муки...
 Дуниша вся затрепетала... Въ ней,
 Какъ дружные, торжественные звуки
 Среди равнинъ печальныхъ и нагихъ, —
 Любовь заговорила въ этотъ мигъ.

57.

Ей все понятно стало. Яркій свѣтъ
 Вдругъ озарилъ ея разумокъ. Страстно
 Они другъ друга любятъ... въ этомъ нѣтъ
 Тенерь уже сомнѣній... Какъ прекрасно
 Блаженства ждать и вѣрить съ раннихъ лѣтъ
 Въ любовь, и ждать и вѣрить не напрасно —
 И тако, чуть дыша, себя сказать:
 Я счастлива — и не знаю что желать!

58.

Какъ весело горѣть такимъ огнемъ!
 Но тяжело терять напрасно годы,
 Жить застрашнымъ или вчерашнимъ днемъ,
 И счастья ждать, какъ узники — свободы...
 Уворно, какъ они, мечтать о немъ
 И въ безответныхъ красотахъ природы
 Искать того, чего въ ней нѣтъ: другой
 Души, любимой, преданной, родной.

59.

Въ Дуниши кровь вся къ сердцу прилила,
 Потому къ лицу. Такъ хорошо, такъ больно
 Ей стало вдругъ... бѣдѣжка не могла
 Вдохнуть, какъ бы хотѣлось ей, довольно-
 Глубоко... кое-какъ она дошла
 До стула... Слезы сладкія невольно,
 Висаванно хлынули ручьемъ изъ глазъ
 Ея... Такъ плачутъ въ жизни только разъ!

60.

Она не вспомнила, что никогда
 Съ Андреемъ ей не жить; что не свободна
 Она, что страсти слушаться—бѣда...
 И что такая страсть или безплодна,
 Или преступна... Женщина всегда
 Въ любви такъ безкорыстно-благородна...
 И предаются смято, до конца,
 Одни простые женскія сердца.

61.

Дуниша плакала... Но вотъ Андрей,
 Услышавъ легкій шумъ ея рыданья,
 Дверь отворилъ и съ изумленьемъ къ ней
 Приблизился... вопросы, восклицанья
 Его такъ важны были, звукъ речей
 Дышалъ такимъ необыткомъ состраданья...
 Сквозь слезы, не сказавши ничего,
 Дуниша посмотрѣла на него.

62.

Что было въ этомъ взглядѣ, Воже мой!
 Глубокая, доверчивая нежность,
 Любовь и благодарность и покой
 Блаженства, преданность и безмятежность,
 И кроткій блескъ веселости намой,
 Усталость и стыдливая небрежность
 И томный жаръ пылающій едва...
 Досадно — недостаточны слова.

63.

Андрей не понялъ ровно ничего,
 Но чувствовалъ, что грудь его готова
 Внезапно разорваться — до того
 Въ ней сердце вдругъ забилося. Два-три слова
 Съ усильемъ произнесъ онъ... на него
 Дуляша робко посмотрѣла, снова
 Задумалась — и вотъ, не мысля зла,
 Ему тихонько руку подала.

64.

Онъ все боялся вѣрить... Но потомъ
 Вдругъ поблѣднѣлъ... лицо закрылъ руками
 И тихо наклонился весь, въ намомъ
 Восторгѣ... Быстро, крупными слезами
 Его глаза наполнились... О чемъ
 Онъ думалъ... также выразить словами
 Нельзя... Намъ хорошо, когда въ тупахъ
 Приходитъ описательный языкъ.

65.

Она молчала... и молчалъ онъ самъ.
 О! то, что въ это дивное мгновеніе
 Ихъ полнымъ, замирающимъ сердцамъ
 Одну давало жизнь, одно биенье, —
 Любовь едва рывнется рывкомъ
 Себя доверить... Нужно ль объясненіе
 Того, что несомнѣнной и яснѣй
 (Смотри Шекспира) солнечныхъ лучей?

66.

Онъ руку милую держалъ въ рукахъ
 Похолодѣвшихъ; слабыя колѣни
 Дрожа подъ нимъ сгибались... а въ глазахъ
 Полузакрытыхъ пробѣгали тѣни.
 Онъ задышался... Между-тѣмъ, о страхъ!
 Фаддей (супругъ) входилъ въ пустыя сѣни...
 Известно вамъ, читатели-друзья,
 Всегда приходитъ во-время нужья.

67.

«Я голоденъ», сказалъ онъ важно, вдругъ
Шагнувши въ комнату. Дунаша разомъ
Исчезла; нашъ Андрей, нашъ бѣдный другъ
(Коварный другъ!) глядѣлъ не то Фоблазомъ,
Не то Маниловымъ; одинъ супругъ
Примѣче сохранилъ и даже глазомъ
Не шевельнулъ, не возопилъ «о-го!»
Какъ мужъ—онъ не замѣтилъ ничего.

68.

Андрей пробормоталъ несвязный вздоръ,
Большею зѣвнулъ, сталъ какъ-то бокомъ,
Затѣялъ—было странный разговоръ
О Турціи, гонимой злобнымъ рокомъ, —
И наконецъ, поднявши къ небу взоръ,
Ушелъ. Въ недоуманіи глубокомъ
Воскликнулъ мужъ пріятелю во слѣдъ:
«Куда же вы? Сейчасъ готовъ обѣдъ».

69.

Андрею не до куманья. Деной
Онъ прѣбывалъ и кинулся на шею
Смеря къ хозяйкѣ старой и кривой,
Потомъ къ оторопѣвшему лакею...
Потомъ къ собацѣ. Съ радостью большой
Онъ далъ бы руку своему злодѣю
Теперь... Онъ былъ любимица! онъ былъ любимица!
Кто могъ, о небеса, сравниться съ нимъ?

70.

Андрей блаженствовалъ... Но скоро въ немъ
Другое чувство пробудилось. Странно!
Онъ поглядѣлъ задумчиво кругомъ...
Ему такъ грустно стало, — несказанно,
Глубоко-грустно. Вспомнилъ онъ о томъ,
Что въ головѣ его не разъ туманно
Мелькало... но теперь гроза бѣдой,
Неотразимой, близкой, роковой

71.

Ему представилась. Еще вчера
Не разбиралъ онъ собственныхъ желаній.
При ней онъ былъ такъ счастливъ... и съ утра
Тоской нѣмыхъ, несбыточныхъ мечтаній
Тонился... но теперь—прошла пора
Блаженства безотчетнаго, страданій
Реблческихъ... не возвратится вновь
Промедленное... Андрей узналъ любовь!

72.

И все предвидѣль онъ: позоръ борьбы,
 Позоръ обмана, дни тревогъ и скуки,
 Упрямство непреклонное судьбы,
 И горькія томленія разлуки,
 И страхъ, и все, чѣмъ прокляты рабы...
 И то, что хуже — хуже всякой муки:
 Живучесть пошлости. Она сильна;
 Ей наша жизнь давно покорена.

73.

Онъ не шутя любилъ, не даромъ... Онъ,
 Въ нашъ вѣкъ созизмовъ, вѣкъ самолюбивый,
 Прямымъ и добрымъ малымъ былъ рожденъ.
 Ему дала природа не кичливый,
 Но ясный умъ; онъ уважалъ законъ
 И собственность чужую... Молчаливый,
 Растроганный, онъ медленно лицо
 Склонилъ и тихо вышелъ на крыльцо.

74.

На шаткую ступеньку сѣлъ Андрей.
 Осенній вечеръ обагрилъ сѣннемъ
 Кресты да станы бѣлыя церковей.
 Болтливымъ, связнымъ, долгимъ трепетаньемъ
 Въ саду трепещутъ кончики вѣтвей.
 Струи разливается съ молчаньемъ
 Вечернимъ — слабымъ запахъ. Кроткій свѣтъ
 Румянитъ облака свинцовый цвѣтъ.

75.

Садится солнце. Воздухъ дивно-тихъ.
 И задрагиваетъ вѣтеръ, словно сонный.
 Окошки темныхъ домиковъ на мигъ
 Зардѣлись и погасли. Отягченный
 Росой внезапной, стынеть лугъ. Затахъ
 Весь необъятный міръ. И благовонный,
 Прозрачный паръ повѣсся въ вышину...
 И небо ждетъ холодную луну.

76.

Вотъ замелькали звезды... Боже мой!
 Какъ равнодушна, какъ нѣма природа!
 Какъ тягостны стремительной, живой
 Душѣ — ея законная свобода,
 Ея порядокъ, вѣчность и покой!
 Но часто, послѣ прожитаго года
 Въ томительной, мучительной борьбѣ,
 Природа, позавидуешь тебѣ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Прошло шесть месяцевъ. Зима лихая
 Прошла; вернулась ясная весна.
 Среди полей взъиграла голубая,
 Веселая, свободная волна.
 Уже пробилась почка молодая,
 И дрогнула нѣмая глубина...
 Здоровая земля блеститъ и дышетъ,
 И влѣзетъ, и зародышами пышетъ.

2.

А нашъ Андрей? Паружной перемѣны
 Въ его судьбѣ не замѣчаемъ мы.
 По-прежнему, къ сосѣду, послѣ сцены
 Съ его женой — въ-теченны всей зимы
 Ходилъ опъ... «Тѣ же люди, тѣ же стѣны
 «Все то же, стало-быть...» Вотъ какъ умы
 Поверхностные судятъ большей частью...
 Но мы глубокомысленны по счастью.

3.

Любовь рождается въ одно мгновенье —
 И долго развивается потомъ.
 Съ ней борется лукавое сомнѣнье;
 Она растетъ и крѣпнетъ — по съ трудомъ...
 И лишь тогда послѣднее значенье
 Ея вполне мы наконецъ поймемъ,
 Когда въ себя безжалостно погубимъ
 Упрямый эгоизмъ... или разлюбимъ.

4.

Андрей былъ слишкомъ-юнъ и простодушень...
 И разлюбить не думалъ и не могъ.
 Онъ чувствовалъ, что мнръ его нарушенъ —
 И тайный жаръ его томилъ и жогъ.
 Онъ былъ судьбѣ задумчиво-послушенъ,
 Къ себѣ же строгъ, неумолимо-строгъ...
 Онъ уважалъ то, что любилъ... а нынѣ
 Не вѣрятъ люди собственной святынѣ.

5.

Сперва знакомцамъ нашимъ было ново
 Ихъ положенье... по хоть иногда
 Признанье было вырваться готово —
 Оно не высказалось никогда.

Они какъ-будто дали себѣ слово
 Прошедшее забыть... и навсегда...
 И слово то держали свято, твердо,
 И другъ во друга взрвали гордо.

6.

Но то, надъ чѣмъ не властны мы до гроба:
 Улыбка, вздохъ невольный, взоръ нѣмой —
 Имъ взмѣняли часто... Впрочемъ, оба
 Не пользовались слабостью чужой;
 И даже подозрительная злоба
 Въ ихъ жизни дѣтски-честной и прямой
 Не замѣчала пятенъ... (чтобы чуда
 Въ томъ не нашли—прибавимъ мы: покуда).

7.

По-прежнему, затѣйливо, проворно
 Въ бесѣдахъ проходили вечера.
 Они смѣялись также непритворно...
 Но если мужъ ухвать со двора
 Хотѣлъ — ему протавились упорно,
 И раньше говорили: «спать пора».
 И рже предавались тѣмъ неяснымъ,
 Мечтательнымъ порывамъ, столь опаснымъ.

8.

Все такъ... но каждый принималъ участие
 Во всемъ, что думалъ и желалъ другой.
 И не совсемъ ихъ позабыло счастье:
 Такъ иногда надъ тучей грозовой,
 Когда шумить сердитое ненастье,
 Откроеся внезапно золотой
 Ключокъ небесъ — и лучъ косою, широкій.
 Сквозь частый дождь осветить льсъ далекий.

9.

Какъ выразить ихъ тайную тревогу,
 Когда, на время быстрое пеня,
 Они шли тихо, нѣхотя къ порогу
 И разставались до другаго дня?
 Андрей пускался медленно въ дорогу
 И голову печально наклоня
 Шагалъ, шагалъ такъ мѣрно, такъ уныло...
 А сердце въ немъ тогда рвалось и ныло.

10.

Но Боссюэтъ сказалъ: «всему земному
 «Командуется: маршъ!» и человекъ,
 Владыко міра, ничему живому
 Сказать не можетъ: стой вотъ-здѣсь навѣкъ!
 Черезъ равнины къ морю голубому,
 Далѣкому — стремится воды рѣкъ...

И мчится жизнь, играя на просторъ,
Въ далёкое, таинственное море.

11.

Не только кучерамъ, не всемъ известно,
Что подъ гору сдержаться тяжело.
Андрей боролся совѣстливо, честно;
Но время шло, безъ остановки нѣю...
Великодушье часто несомѣстиво
Съ любовью... Что жь тутъ дѣлать? И на зло
Отличнѣйшимъ намъреньямъ — какъ дѣти
Мы падаемъ въ разставленные сѣти.

12.

Андрей любилъ, но жертвовать собою
Умѣлъ; отдался весь — и навсегда.
Онъ за нее гордился чистотою
Ея души, невѣдавшей стыда.
Какъ? Ей склониться молча головою
Предъ кѣмъ-нибудь на свѣтъ?.. Никогда!
Узнать волненье робости позорной?
Унизиться до радости притворной?

13.

Предать ее на судъ толпы досужной?
Лишиться права презирать судьбу
И сдѣлать изъ жены — рабы наружной,
Нѣмую, добровольную рабу?
О, нѣтъ! Душь слабѣющей, недужной,
Но давшей слово выдержать борьбу —
Что надо? Добродѣтель и терпѣнье?
Нѣтъ — гордость и холодное презрѣнье.

14.

А если вамъ даны другія силы,
И сердце ваше, жадное страстей,
Не чувствуетъ того, чѣмъ сердцу мило
Дозволенные радости людей, —
Живите на свободу... до могилы
Не признавайте никакихъ цѣпей...
Могущество спокойнаго сознанья
Васъ не допустить даже до страданья.

15.

Андрей героемъ не былъ... и напрасно
Страдать — свободы ради — нашъ чужакъ
Не сталъ бы; но, какъ честный малой, можно
Онъ понималъ, что невозможно такъ
Имъ оставаться; что молчать — опасно;
Что надобно бѣдѣ помочь... но какъ?
Объ этомъ часто, долго, принужденно
Онъ думалъ и терялся совершенно.

16.

Нить овладало горькое сомнѣнье...
 И въ тишинѣ томительной ночей
 Безсонныхъ — въ немъ печальное рѣшенье
 Созрѣло наконецъ; онъ долженъ съ ней
 Разстаться... съ ней... О, новое мученье!
 О, скорбь! о, безотрадный мракъ! Андрей
 Предался грусти страшной, безнадежной,
 Какъ—будто передъ смертью неизбежной.

17.

Во всемъ признаться... не сказавши слова,
 Уехать — и въ почтительномъ письмѣ
 Растолковать... Но женщина готова
 Всегда подозревать обманъ... Въ умъ
 Несчастливаго предположенья снова
 Мѣшались, путались... Въ унылой тьмѣ
 Бродилъ онъ... Небольшое приключенье
 Внезапно разрѣшило затрудненье.

18.

Въ Саратовѣ, спокойно, беззаботно,
 Помѣщикъ одинокій, безъ дѣтей —
 Андрея дядя—здравствовалъ; но, плотно
 Покушавши конченыхъ карасей,
 Скончался. Смерть мы всѣ клянемъ охотно,
 А смерти былъ обязанъ нашъ Андрей
 Имѣньемъ округленнымъ и доходнымъ,
 Да, сверхъ того, предлогомъ превосходнымъ

19.

Къ отъезду... Пять-шесть дней въ тоску понятной
 Провелъ онъ... вотъ однажды, за столомъ,
 Съ безпечностью совсѣмъ невѣроятной,
 Игравъ лихорадочно пожомъ,
 Онъ къ новости довольно непріятной
 Сосѣдей приготовилъ... а потомъ
 Отрывисто, ни на кого не глядя,
 Сказалъ: «Я долженъ ѣхать. Умеръ дядя».

20.

Супругъ отвѣтствовалъ однимъ мычаньемъ
 (Онъ куналъ жирный блявѣ); его жена
 На гостя съ изумленнымъ восклицаньемъ
 Глядитъ... Она взволнована, блѣдна...
 Внезапно-пораженное страданьемъ
 Въ ней сердце дрогнуло... Но вотъ она
 Опомнилась... и медленно краснѣя,
 Съ испугомъ, молча, слушаетъ Андрея.

21.

«Вашъ дядюшка скончался?» — Да-съ. — «Я съ-детства
 «Его знавалъ... я знаю цѣлый свѣтъ.
 «Позвольте... Вы теперь на-счетъ наследства?»
 — Да-съ. — Ну, ступайте съ Богомъ—мой советъ.
 «Жаль, жаль лишиться вашего соседства...
 «Но дѣлать нечего. На долго?» — Нѣтъ...
 О, нѣтъ... я не надолго... нѣтъ... И трепеть
 Остановилъ его смущенный лепетъ.

22.

Дуняша смотритъ на него... Разлуку
 Онъ имъ пророчить... но на сколько дней?
 Зачѣмъ онъ ѣдетъ? Радость или муку —
 Что, что скрываетъ онъ? Зачѣмъ онъ съ ней
 Такъ холоденъ? Зачѣмъ внезапно руку
 По мрачному лицу провелъ Андрей?
 Зачѣмъ ея пытающаго взора
 Онъ набѣгалъ, какъ-бы страшась укора?

23.

Она разгнѣвалась. Передъ слезами
 Всегда сердиты женщины. Слегка
 Кусая губы, ласково глазами
 Прищурилась она... да бѣдника
 Насмѣшками, намеками, словцами
 Терзала цѣлый Божій день—пока
 Онъ изъ терпѣнья вышелъ не на шутку...
 Дуняшъ стало легче — на минутку.

24.

Но вечеромъ, когда то раздраженье
 Сняла постепенно тишина —
 Намую грусть, унылов смущенье,
 Усталый взглядъ Андрея вдругъ она
 Замѣтила... невольно сожалѣе
 Въ ея душъ проснулось, и полна
 Раскаивая, Дуняша молчаливо
 По комнату прошлась, и боязливо

25.

Къ нему подсыла. Взоръ ея приятно
 Сягъ; лицо дышало добротой.
 «Андрей, зачѣмъ вы ѣдете?» — Замѣтно
 Дрожалъ неровный голосъ. Головой
 Поникъ онъ безнадежно, безотвѣтно,
 Хотѣлъ заговорить, махнулъ рукой,
 Взглянулъ украдкой на не... бѣдная...
 И пошла Дуняша взглядъ Андрея.

26.

Она сидела молча, замирая,
 Съ закрытыми глазами. Передъ ней
 Вся будущность угрюмая, пустая
 Мгновенно развернулася... и со всей
 Собравшись силой, медленно вставая,
 Она сказала шопотомъ: «Андрей,
 «Я цѣлую васъ... Вы не дураки...
 «Я благодарна вамъ... Вы правы... правы!»

27.

Его рука, дрожа, стѣскала руку
 Дуляши... Разставаясь навсегда
 Въ послѣдній разъ, на горькую разлуку
 Пожалъ онъ руку милую тогда.
 Не передавъ намѣчливому звуку
 Своей тоски — но страха, но стыда
 Не чувствуя — проверными шагами
 Онъ вышелъ — и залился вдругъ слезами.

28.

О, чувство долга! Сколько наслажденій
 (Духовныхъ, разумется) тобой
 Дается намъ въ замѣну тревоженій
 Ничтожной, пошлой радости земной!
 Но, по причинѣ разнахъ затрудненій,
 По слабости, все мышкалъ нашъ герой,
 Пока настала, къ тоскѣ дворянъ узда
 Бобковского, печальный день отъезда.

29.

Андрей съ утра въ унылую тревогу
 Весь погрузился; льдовскій рыдванъ
 Кряхтя придвинулъ къ самому порогу,
 Набилъ и заперъ толстый чемоданъ; —
 Все бормоталъ: «тѣмъ лучше, слава Богу» —
 И сапоги запихивалъ въ карманъ...
 Людей томить и мучить разставанье,
 Какъ никогда не радуешь свиданье.

30.

Потомъ онъ началъ ящики пустью
 Съ великимъ шумомъ выдвигать; въ одномъ
 Изъ нихъ нашелъ онъ ленточки, — тамъ же
 Свидѣтели прошедшаго... Потомъ
 Онъ вышелъ въ садъ... и листья сырые
 Надъ нимъ шумѣли грустно, старый дождь
 Какъ-будто тоже горевалъ, забвенъ
 Предчувствуя, да скорое паденье.

31.

Съ тяжелымъ сердцемъ къ доброму сосѣду
 Андрей поплелся; но не тотчасъ онъ
 Къ нему пришелъ и не пошалъ къ объѣду:
 Уже гудѣлъ вечерній, тяжкій звонъ.
 «А! здравствуйте! Вы ѣдете?» — Я вду.
 «Когда же?» — Завтра до зари. — «Резонъ;
 «Лошадкамъ легче; легче, воля ваша»...
 Андрей съ нимъ согласился. Гдѣ Дуняша?

32.

Она сидѣла въ уголку. Смущенье
 Изобличали взоры. Въ темнотѣ
 Она казалась блѣдной. Утомленье
 Ея печальной, тихой красотѣ
 Такое придавало выраженье,
 Такъ трогательны были взоры тѣ,
 Смягченные недавними слезами,
 Что бѣдный нашъ Андрей всплеснулъ руками.

33.

Съ ней говорилъ онъ... какъ обыкновенно
 Передъ отъѣздомъ говорятъ: о томъ,
 Чтѣ никого на свѣтѣ совершенно
 Занять не въ-состояннѣ; при чемъ
 Они смѣялись рѣдко, принужденно,
 И странне, долго хирились потомъ...
 Фаддей звалъ до слезъ весьма-протяжно...
 И, кончивъ, охорашивался важнѣ.

34.

Былъ у Дуняши садикъ, по старинной
 Привычкѣ русской. Садикомъ у насъ
 Въ уздахъ щеголяютъ. Изъ гостиной
 Вели двѣ-три ступеньки на террасъ.
 Кончался садъ довольно-темной, длинной
 Аллеей... Вечеромъ, и въ жаркѣй часъ,
 И даже ночью, по песку дорожки
 Бродили часто маленькѣ ножки.

35.

Въ тотъ вечеръ, надъ землею, до влаги жадной,
 Веселая, весенняя гроза
 Промчалась шумно... Легкѣй сонъ отраднѣ
 Волной струится мягко на глаза
 Всему, чтѣ дышетъ, и въ тѣни прохладнѣ
 На каждомъ новомъ листикѣ слеза
 Прозрачная дрожитъ, блеститъ лукаво,
 И небо затихаетъ величаво...

36.

Во слѣдѣ другимъ, отсталая, лѣнливо
 Несется туча, легкая какъ дымъ.
 Кой-гдѣ, вдали, возникнетъ торопливо
 Неловный шумъ — и, воздухомъ ночнымъ
 Охваченный, исчезнетъ болячиво.
 Отъ сада вѣетъ запахомъ сырости...
 И на ступенькахъ рѣдкія, большія,
 Еще пестрятъ капли дождевыя.

37.

И на террасѣ они пошли всѣ трое...
 Вотъ, помолчавши нѣсколько, супругъ
 Имъ объявилъ, что время не такое,
 Чтобы гулять, и возвратился вдругъ
 Въ гостиную. Но небо голубое
 Имъ улыбалось ласково. Самъ-другъ
 Они присѣли на скамейкѣ, рядомъ —
 Межъ свѣтлымъ домикомъ и темнымъ садомъ.

38.

Все такъ очаровательно: молчанье
 Кругомъ, какъ-будто чутко надъ землей
 Поникла ночь и слушаетъ... Мерцанье
 Далекой, робкой звездочки... покой
 Намъющаго воздуха... желанье
 Въ сердцахъ ихъ, полныхъ горестью, тоской,
 Любовью — загаралось самовластно...
 А вотъ луна блеснула сладострастно...

39.

И, словно пробужденныя стыдливимъ,
 Медлительнымъ и вкрадчивымъ лучомъ,
 Заговорили говоромъ сонливимъ
 Верхушки липъ, облитыя дождемъ.
 Внезапно, по дорожкамъ молчаливымъ
 Въ кустахъ и на песку передъ крыльцомъ
 Взъяграли тыни слабыя... Волненье
 Скрывая, смотрятъ оба въ отдаленье.

40.

О, ночь! о, мракъ! о, тайное свиданье!
 Ступаешь робко, трепетной ногой...
 Изъ-за стѣны лукавое призванье
 Какъ легкій звонъ, несется за тобой...
 Неровное, горячее дыханье
 Въ тыни пахучей, дремлющей, сырой,
 Тебѣ въ лицо повѣетъ торопливо...
 Но вдали они глядѣли молчаливо.

41.

Сердца рвались... но ни глаза, ни руки
 Встряхаться не дерзали... При лунь,
 Испуганные близостью разлуки
 Они сидятъ въ упылой тишинѣ.
 Лишь изрѣдка порывистыя муки
 Ихъ потрясали смутно — какъ во снѣ...
 «Такъ завтра? Точно?» — Завтра. — Понемножку
 Дуняша встала, подошла къ окошку,

42.

Глядитъ: передъ огромнымъ самоваромъ
 Супругъ усяся; медленно къ губамъ
 Подносить чашку, благовоннымъ паромъ
 Облитую, шыхтѣтъ, кряхтитъ — а самъ
 Поглядываетъ изъ-подлобья. «Даромъ
 Простудилъ, Дуняша... Полно вамъ
 Ребачиться» сказалъ онъ равнодушно...
 Дуняша засмѣялась и послушно

43.

Вошла, да съела молча. — «На прощанье,
 Андрей Ильичъ, откушайте чайку.
 Позвольте небольшое замѣчанье...»
 (Андрей межъ-тѣмъ прижался къ уголку)
 «Вашъ родственникъ оставилъ завѣщанье?»
 — Оставилъ. — «Онъ... въ какомъ служилъ полку?»
 Въ измайловскомъ. — «Я думалъ, въ кирасирскомъ.
 И жизнь окончилъ въ чинѣ бригадирскомъ?»

44.

— Да, кажется... «Скажите! Впрочемъ, что же
 Вамъ горевать? Покойникъ былъ и глухъ,
 И старъ, и слѣпъ... Тѣмъ лучше для него же.
 Хотите чашечку?» — Я больше двухъ
 Не пью. — «Да; какъ подумаешь, мой Боже —
 Что наша жизнь? Пухъ, совершенный пухъ;
 Дрянь, просто дрянь... Что дѣлать! участь наша...
 Эхъ!... Спой намъ лучше пѣсенку, Дуняша.

45.

«Ну не ломайся... вѣдь, я знаю, рада
 Ты пѣть съ утра до вечера.» — Сперва
 Ей овладѣла страшная досада...
 Но вдругъ пришла на память ей слова
 Старинныя... Не поднимая взгляда,
 Аккордъ она взяла... и голова
 Ея склонилась какъ осенній колось...
 И зазвучалъ печально-страстный голосъ:

«Отрава горькая слезы
Последней — жгетъ мой расницы...
Такъ послѣ бѣшеной грезы
Трепещутъ робкія зарницы.

«Тяжелымъ, безотраднымъ сномъ
Заснула страсть... утихли битвы...
Но въ сердца сдавленномъ моемъ
Покоя нѣтъ — я нѣтъ молитвы.

«А ты, кому въ разлучный мигъ
Я молча сжать не смѣю руки,
Къ кому прощальныхъ словъ моихъ
Стремятся трепетные звуки...

• Молю тебя — въ душѣ твоей
Не сохраняй воспомнанья,
Не замѣчай слезы моей,
И позабудь мои страданья!»

46.

Она съ трудомъ проговорила строки
Последнія... потупилась... У ней
Внезапно, ярко запылали щѣки...
Ей стало страшно смѣлости своей...
Къ Андрею наклонился мужъ: «Уроки
Она, сударь, у всѣхъ учителей
Въ Москвѣ брала... Ну, Дунюшка, другую...
Веселевскую, знаешь, удаую!»

47.

Она сидитъ, задумчиво впадая
Въ упорную, нѣмую тишину.
Часы пробили медленно. Зъвая,
Фаддей глядитъ умильно на жену..
«Что жь? Пой же... Нѣтъ? Какъ хочешь...» и оставал,
«Пора» прибавилъ онъ: «меня ко сну
Немного клонитъ. Поздно. Ну, прощайте,
Андрей Ильичъ... а насъ не забывайте.»

48.

Кому не жалъ действительныхъ береній
Души нехитрой, любящей, прямой?
Дуняша не была въ числѣ твореній
Теперь неравнѣхъ на Руси святой —
Охотницъ до «вопросовъ» и до преній,
Холодныхъ сердецъ, нылькихъ головой,
Натапутыхъ, болезненно-болтливыхъ
И сверхъестественно-самолюбивыхъ...

49.

О, нѣтъ! она страдала. Разставанье
 Настало. Тяжело въ послѣдній разъ
 Смотрѣть въ лицо любимое! Прощанье
 Въ передней, да заботливый наказъ
 Себя беречь — обычное меланье —
 Все сказано, — всему конецъ... Изъ глазъ
 Дуяши слезы хлынули... но тупо
 Взглянулъ Андрей — и вышелъ какъ-то глупо.

50.

А на зарѣ, при воплѣ двухъ старушекъ-
 Сосѣдокъ, тронулся рыдванъ. Андрей
 Въ немъ возсѣдалъ среди шести подушекъ.
 Ну, съ Богомъ! Вотъ заставка. Передъ ней
 Ряды полуразрушенныхъ избушекъ;
 За ней дорога. Кучеръ лошадей
 Постегивалъ, и горевалъ, что грязно
 И напавалъ задумчиво-несвязно.

51.

Три года протекло... три длинныхъ года.
 Андрей нигдѣ не свилъ себѣ гнѣзда.
 Онъ видѣлъ много разнаго народа
 И посѣтилъ чужіе города...
 Его не слишкомъ тѣшила свобода,
 И вспоминалъ онъ родину, когда
 Среди толпы веселой, какъ изгнанникъ,
 Бродилъ онъ, добровольный, грустный странникъ.

52.

Онъ испыталъ тревожныя напасти
 И радости скитальца; но въ чужой
 Землѣ жилъ одиноко; старой страсти
 Не замѣнилъ онъ прихотью другой.
 Онъ не забылъ... забыть не въ нашей власти!
 Въ его душѣ печальной, но живой,
 Исполненной неяснаго стремленья
 Толпами проходили впечатлѣнья...

53.

Однажды, предъ каминомъ, на диванѣ
 Андрей сидѣлъ и думалъ о быломъ.
 (Онъ жилъ тогда въ Италіи, въ Миланѣ.)
 Андрей на чай въ одианъ «пріятный» домъ
 Былъ позванъ и скучалъ уже заранѣ...
 Его хозяйка въ комнату съ письмомъ
 Вошла... «Рука Дуяши!» закричалъ онъ —
 И вотъ что, содрогаясь, прочиталъ онъ:

«Признайтесь... Вы письма не ждали
 Такъ поздно и въ такую даль?
 Вамъ прежнихъ радостей не жаль...
 Быть-можетъ, новыя печали
 Смѣняли прежнюю печаль.
 Иль вамъ наскучили страданья,
 И вы живете, не спѣша,
 И жадаетъ вѣчнаго молчанья
 Изнеможенная душа?..
 Не возмутили бь эти строки
 Покоя вашего... меня
 Простите вы... мы такъ далеки...
 Съ того мучительнаго дня —
 Вы помните — прошло такъ много,
 Такъ много времени, что насъ...
 Что мы... что я не знаю васъ...
 Меня вы не судите строго —
 Во имя прошлаго, Андрей!
 Подумайте: среди людей
 Живете вы... а я, мой Боже!
 Все тамъ же — и кругомъ все то же...
 Чтò? грустно вамъ? или смѣшно?
 Иль совершенно все равно?

Андрей, послушайте: когда-то
 Мы жили долго вмѣстѣ... Свято
 Я полюбила васъ... ко мнѣ
 Вы привязались добровольно...
 Потому... но мнѣ сознаться больно
 Какъ мы страдали въ тишинѣ.
 Съ-тѣхъ-поръ, Андрей, со дня прощаній
 Хотите знать, какъ я живу?
 Какъ некогда, въ часы свиданій
 Я васъ опять къ себѣ зову...
 Вотъ — вы со мной сидите рядомъ,
 Не поднимая головы —
 И на меня глядите вы
 Тѣмъ ласковымъ и добрымъ взглядомъ...

Когда разстались вы со мной,
 Я не винила васъ. Одной
 Заботой — точно, непритворно
 Вы были заняты. Тогда
 Меня щадили вы... Ну — да!
 Я благодарна вамъ, безспорно.
 Я вѣрю — грустно было вамъ;
 Не притворялись вы лукаво;

Вы въ цѣлый годъ успали къ намъ
 Привыкнуть; жертва ваша, право
 Достойна громкой похвалы...
 Да; безъ-сомнѣнья: люди злы —
 Вся малодумны, вся коварны
 И до конца неблагодарны...
 Вамъ должно было ѣхать... я
 Согласна... но какъ вы сдѣшали!
 Нѣтъ, нѣтъ, меня вы не любили!
 Нѣтъ, не любили вы меня!

Ахъ, если надо мной жестоко
 Не насмѣялись вы сперва...
 Андрей, я чувствую, глубоко
 Васъ оскорбить мои слова;
 Но я живу въ такой пустынь...
 Но я ношу такой вѣнецъ — —
 Въ моей любви, въ моей святынѣ
 Я сомнѣваюсь наконецъ...
 Я гибну!... Крикъ тоски мятужной
 Сорвался съ губъ моихъ... Андрей,
 Печаль разлуки безнадежной
 Сильнѣе гордости моей...
 Я васъ люблю... тебя люблю я...
 Ты знаешь это... ты... Повесть
 Навѣкъ, мучительно тоскуя,
 Съ тобой простилась я теперь.

Я плачу. Да; ты благороденъ,
 Андрей, ты силецъ и свободенъ;
 Ты позабыть себя готовъ.
 Изъ видовъ низкихъ и корыстныхъ
 Ты не наложишь ненавистныхъ,
 Хоть позолоченныхъ оковъ.
 О, да! Когда передъ томленьемъ
 Разлуки, въ робкой тишинѣ,
 Съ вѣмыль и страшнымъ упрекомъ
 Тебя вѣрлалась я внолнѣ,
 Я поняла твое молчанье...
 Я покорилась... Отъ тебя
 Я приняла тогда страданье
 Какъ даръ, безроотно, любя...
 Я не могла тебя не вѣрить —
 Тебя не вѣрить, Боже мой!
 Когда я вся жила тобой...
 Но не хочу я лицемерить:
 Потомъ — казалось мнѣ, что ты...

Пусться женскія мечты
 Мнѣ севастно... но въ извненье,
 Андрей, ты пріймешь положење
 Мос... Подумай: на кого
 Меня ты здѣсь оставилъ? снука,
 Тоска... не знаешь ничего...
 Навдуть гости — что за мука!
 Сосѣдки-смытницы; сосѣдъ
 Молчитъ, самитъ во весь обѣдъ,
 Глотасть, давитея несильно,
 Да къ ручкѣ полойдеть умильно.
 Съ утра ждешь вечера, свачей...
 Занятій нѣту... нѣтъ дѣтей...
 Книгъ нѣту... душно, страшно-душно...
 Попросишь мужа — равнодушно
 Проговоритъ онъ: «Погоди
 «Зайдетъ разнощикъ»... впереди
 Все то же, то же до могилы...
 О, Господи, пошли мнѣ силы!!!

. . . . .
 Но прежде — прежде живнѣ моя
 Была спокойна... помню я
 Себя веселой, безмятежной
 Передъ домашнимъ очагомъ...
 Какой любовью кроткой, мягкой
 Тогда дышало все кругомъ!
 Какъ были хлопоты, заботы
 Хозяйки, легкія работы
 Въ то время сердцу моему,
 Сама не знаю почему,
 Невыразимо-сладки, милы!..
 Но мнѣ прошедшаго не жаль —
 Тогда ребяческія силы
 Щадила строгая печаль...

О, мнѣ конечно въ наказанье
 За гордость послано страданье...
 Иль и за то, что въ самый часъ
 Когда я васъ узнала — васъ —
 Я позабылась малодушно,
 Дала вамъ право надъ собой,
 И безъ борьбы, передъ судьбой
 Склонила голову послушно!..
 Тогда я сердца своего
 Не понимала... для чего
 Никто съ суровостью мужнины
 Меня не смасъ... я до кончины

Жила бы въ «мирной тишинѣ,
«Не зная помысловъ опасныхъ»...

Я плачу... плачу... Стыдно мнѣ
Тахъ горькихъ слезъ—и слезъ напрасныхъ!
Кому я жалуясь? Зачѣмъ,
Зачѣмъ я плачу? Передъ кѣмъ?
Кто можетъ выслушать упреки
Мои?.. Быть—можетъ, эти строки,
Слады горячихъ слезъ моихъ,
Друзьямъ покажетъ онъ лукаво,
На толки правды чужихъ
Людей предасть меня?.. Но, право,
Съ ума схожу я...

Вотъ, Андрей

(Теперь мы съ вами хладнокровно
Поговоримъ), какъ безусловно
Я вѣрю вамъ. Души моей
Я не скрываю передъ вами.
Конечно, знаете вы сами,
Что значить женская печаль...
Я вспомнила, въ какую даль
Васъ унесло... Мнѣ стало грустно...
И то, что высказать изустно
Я не посмѣла бы... Меня
Поймете вы! Что дѣлать, я
Не слишкомъ—счастлива. Но годы
Пройдутъ — состарюсь... в той
Любви блаженной, той свободы
Мнѣ не захочется самой.

Я перечла свое маранье...
Андрей, не вздумайте въ моемъ
Письмѣ постыдное желанье
Найти... Не, Боже мой! о чемъ
Могла я къ вамъ писать?.. Мнѣ больно,
Я плачу, жалуясь невольно...
Но легче мнѣ теперь, яснѣй...
И сердце послѣ долгой битвы
Жалуетъ отдыха, молитвы,
И бѣется медленнѣй... вольнѣй...

Андрей, прощайте. Дайте руку
Не на свиданье — на разлуку.
Судьба!.. Но если въ тишинѣ
Та дружба старая случайно

Еще живеть... и если тайно
 Хоть взрыдка... вамъ обо мнѣ
 О сторонѣ родной, далекой
 Приходятъ мысли... знайте: тамъ
 Есть сердце, полное глубокой
 Печалью, преданное вамъ.
 Среди волненій жизни новой,
 Объ участи моей суровой
 Вы позабудете... Но васъ
 Я буду помнить — вѣчно... вѣчно...
 И въ каждый свѣтлый, тихій часъ,
 Благодарить васъ бесконечно.
 Прощайте, добрый, старый другъ...
 Какое горькое мгновенье!
 Мучительно разстаться вдругъ...
 Но страшно долгое томленье...
 Отъ полноты души моею
 На жизнь обильную, святую...
 И даже — на любовь ниую
 Благословляю васъ, Андрей!»

54.

Онъ жадно пробѣжалъ письмо глазами...
 Исписанный листокъ въ его рукахъ
 Дрожалъ... Онъ вышелъ тихими шагами,
 Съ улыбкой невеселой на губахъ...
 Но здѣсь, читатель, мы простимся съ вами,
 Съ Андреемъ и съ Дуняшей. Право, страхъ
 Подумать — какъ давно, съ какимъ терпѣньемъ,
 Вы насъ дарите вашимъ снисхожденьемъ.

55.

Чтò случилось съ героями моиими?..
 Я видѣлъ ихъ .. Тому не такъ давно...
 Но то, надъ чѣмъ я даже плакалъ съ ними,
 Теперь мнѣ даже нѣсколько смѣшно...
 Смѣяться надъ страданьями чужими
 Весьма-предосудительно, грѣшно...
 Но если насъ не станеть мучить совѣсть,
 Когда-нибудь мы кончимъ эту повѣсть.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

ДВѢ МИНУТЫ.

Септская повесть.

Въ томъ году на баденскихъ водахъ было чрезвычайно-многолюдно. Погода стояла постоянно хорошая. Больные и здоровые, люди богатые, искатели приключеній, игроки, туристы, лорды, маркизы и русскіе дворяне съезжались со всѣхъ сторонъ. Близъ англійской гостиницы, Hôtel d'Angleterre, по широкой аллеѣ, унизанной съ обѣихъ сторонъ лавками, пестрѣли и волновались вплоть до Конверсационнаго-Дома цѣлыя толпы разряженныхъ дамъ и кавалеровъ. Нѣсколько молодыхъ людей, расположась у модной лавки, подъ сѣнью вѣтвистаго дерева, играли въ шахматы и домино. Старикъ Дюръ, въ бархатной ермолкѣ, толковалъ о политикѣ съ русскими вельможами, покупающими у него отъ-нѣчего-дѣлать всякій старинный вздоръ. Съ другой стороны, между тирольскими и хрустальными издѣліями, старикъ Меллеріо прельщалъ проходящихъ дамъ своимъ женевскимъ товаромъ. Въ особомъ павильонѣ играла музыка. По Лихтентальской-Аллеѣ скакали на красивыхъ лошадяхъ амазонки съ откинутыми вуалями, отважные Венгерцы, длинныя Англичане.

Повсюду раздавались привѣтствія, приглашенія, разговоры о предполагаемыхъ удовольствіяхъ и загородныхъ прогулкахъ, о любовныхъ приключеніяхъ, о поединкахъ и публичныхъ играхъ. Въ воздухъ было что-то праздное и праздничное, что-то неуговорное, торопящееся жить, вызывающее на разсвѣніе во что бы ни стало. Но болѣе всего суетился и толпился народъ у Конвер-

саціоннаго-Дома, между книжной лавкой Маркса и рестораціей Гауке. Тутъ искатели фортуны роились около большихъ зеленыхъ столовъ, покрытыхъ горами золота.. Тутъ все говорили шопотомъ, и среди алчнаго жужжанія раздавались отъ времени до времени рѣзкія слова банкмета: «Rouge, passe et impair, noir perd, couleur gagne. Faites votre jeu, messieurs. Rien ne va plus!» Самые ревностные посѣтители, наклонившись на столъ, отмѣчали длинными булавками на бѣлыхъ карточкахъ капризные серіи перемѣнчивой игры; нѣкоторые были очень-блѣдны. Многіе, кинувъ нѣсколько монетъ на зеленое поле, убѣгали, опасаясь дальнѣйшаго искушенія. Русскіе отличались отважностью: кидали наполеоны пригоршнями и приводили иногда въ трепетъ содержателя игръ, многимъ извѣстнаго г-на Беназэ.—Около столовъ и по роскошнымъ заламъ Конверсаціоннаго-Дома прохаживались разряженные дамы. Иныя играли, другія кокетствовали... На террасѣ и далѣе около большихъ померанцовыхъ деревьевъ рисовались живописными группами мирныя семейства, вокругъ чайныхъ столиковъ; отчаянные щеголи, дамы различныхъ возрастовъ, сословіи и одѣжаній... И все это шумѣло, двигалось, суетилось подъ звуки музыки, подъ говоръ неумолчной болтовни. Картина была веселая, живая, разнообразная. Но при долгомъ созерцаніи, отъ нея становилось пусто на душѣ.

Вдалекѣ отъ этого шума, по уединенной аллеѣ, протянутой вдоль ручейка, опоясывающаго весь садъ, гуляла молодая женщина съ двумя дѣтьми. Рѣзвый, кудрявый мальчикъ въ шотландскомъ костюмѣ бѣжалъ впереди, погоняя палочкой зеленый обручъ, а маленькая сестра старалась догнать его и принять участіе въ его эгонистической игрѣ. Молодая женщина держала въ рукахъ книгу, отъ времени до времени призывала дѣтей своихъ, поправляла безпорядокъ ихъ платья, слегка бранила, потомъ цаловала, — и дѣти снова уносились впередъ, а она снова принималась за чтеніе. Лицо ея было спокойно. Видно было, что она не увлекалась заманчивостью читаемой книги, а читала съ тѣмъ холоднымъ вниманіемъ, которымъ знаменуется исполненіе довольно-скучной обязанности. Люди, встрѣчавшіе ее изрѣдка, оборачивались съ удивленіемъ и долго смотрѣли ей въ слѣдъ, изумляясь красотѣ ея. И точно она была красавицей въ полномъ смыслѣ слова. Высокая ростомъ, съ черными глазами и густыми рѣсницами, съ светло-блѣдыми локонами, падавшими около правильнаго овала дѣтски-нѣжнаго лица, она олицетворяла самую възискательную, самую свѣтлую фантазію поэта. Но въ то же время, что-то холодное отражалось въ чертахъ ея. То не была, впрочемъ, печать горькаго опыта, жизненной усталости, а напротивъ, скорѣе отраженіе какого-то смиреннаго рав-

вѣдушія, душевнаго познанія всего, что волнуешь жизнь. Но наряду ея видно было, что она принадлежала къ высшему кругу общества, но что она не обращала никакого вниманія на туалетныя мелочи. Турецкая шляпа была кое-какъ накинута на ея плечи. Зеленая лента прелестной шляпки отнюдь не согласовалась ни съ свѣтлыми ея волосами, ни съ голубымъ цвѣтомъ ея утренняго пантота.

На поворотѣ аллеи она остановилась, увидѣвъ толстаго мужчину, блуждающаго довольно-сердито къ ней на встрѣчу. Господинъ этотъ, съ широкой и красной физиономіей, былъ разряженъ какъ модная картинка. Кроме того, огромный изумрудъ на пестрой галстухѣ, почти съ жемчугами и трость съ уродливѣйшъ золотышъ набабланикомъ обнаруживали несомнѣнно русскаго богатаго барина. Дѣти бросались къ нему на встрѣчу, а по покорному ожиданію молодой женщины не трудно было отгадать въ толстомъ господнѣ законнаго супруга.

— Вообрази! началъ онъ говорить по-русски, обращаясь къ жемчужнице и отвѣчая довольно-небрежно ласкавшимся къ нему дѣтямъ:— Вообрази! красная прошла тринадцать разъ. Вдругъ переменяйся. До того времени, знаешь, ни то, ни сѣ... intermittence... красная... черная... черная... красная... я, разумеется, и началъ пѣть играть. Что же ты думаешь? Вдругъ тринадцать красныхъ... Ну, какъ ожидать этого?.. Нѣ выигралъ 26,000.

— А ты проигралъ? равнодушно спросила молодая женщина.

— Разумеется, проигралъ... Такая досада! Не пришло въ голову догадаться... Ну, а ты, матушка, что тутъ читаешь?

— «Исторію Французской Революціи».

Толстый господинъ покачалъ головой.

— Охота тебѣ! Что ты въ-самомъ-дѣлѣ, въ губернтки что ли хочешь идти? Посмотри на себя, какъ ты одѣта? Ни на что не похоже... А живешь, кажется, съ порядочными людьми, видишь, какъ одѣваются всѣ прочія. И что за манера такая? Отъ казны прячешься, отъ всѣхъ бѣгаешь. Просто; матушка, не прогнѣвайся, глупо...

— Ты знаешь, вымолвила красавица:—я не люблю свѣта.

— Что за пустяки, матушка! не любишь свѣта? Отъ-чего не любить тебѣ свѣта? Ты, слава Богу, не уродъ какой-нибудь. Отъ-чего не быть какъ всѣ, гулять тамъ, гдѣ всѣ гуляютъ, отъ людей не бѣгать? Что же ты думаешь, что ты ихъ всѣхъ лучше, тѣ ли? а? Ну, тебѣ это не весело, такъ хоть для меня. А то какъ, право, передъ всѣми совѣстно. Всѣ объ тебѣ спрашиваютъ: гдѣ ты? что ты? а я, какъ дуракъ какой-нибудь, не знаю что отвѣчать. Да вотъ сейчасъ еще просиди меня представить тебѣ:

Французъ маркизъ Растиньякъ, Венгерецъ Наццари и Баварецъ баронъ Эйзенгеймъ.

— Ахъ, нельзя ли избавить?

— Фу ты какая, право! вспылчиво воскликнулъ разсерженный супругъ. — Что жъ ты несчастная какая-нибудь жертва? а? С тобой, матушка, съ ума сойдешь. Вколотила себѣ въ голову чортъ знаетъ какой вздоръ... Шатается-себѣ по какимъ-то закоулкамъ. вѣчно одна...

— Какъ?... Съ удивленіемъ замѣтила обиженная супруга: — дѣти!...

— Да, дѣти... Ну, дѣти... Конечно, дѣти... Ну, такъ что же? Для дѣтей есть няньки. Не цѣлый же день съ ними возиться. У тебя, матушка, есть и другія обязанности... обязанности къ свѣту... Ну, хоть ко мнѣ, наконецъ; я терпѣливъ, терпѣливъ... А тутъ, матушка, и терпѣнія никакого не станетъ.

— Ты домой влешь? спросила молодая женщина, желая прервать неприятный разговоръ.

— Домой. Пора объѣдать. Звали меня, правда, за *table d'hôte*. Да я слуга покорный. Такую дрянъ подаютъ, что средства нѣтъ.

Толстый господинъ, не переставая ворчать, подавъ руку безмолвной супругѣ, и оба, въ сопровожденіи прыгающихъ дѣтей, отправились къ красивому домику, находящемуся на лихтенальско дорожѣ. На пути, съ ними встрѣтилось нѣсколько молодыхъ ще голей, которые поклонились имъ такъ низко и такъ почтительно что лицо русскаго барина прояснилось отъ чувства удовлетвореннаго самолюбія. Онъ велъ подъ руку свою жену, а жена его была безъ-сомнѣнія первой красавицей баденскаго сезона.

Молодые люди столпились кучкой на площадкѣ близъ англійской гостиницы и провожали глазами удаляющуюся чету.

— *Le diable m'emporte!* воскликнулъ Растиньякъ:—*Voilà une belle garde qui m'irait comme un gant.*

— Странная женщина! прервалъ Наццари.—Никакъ не могу е разгадать. Замѣтите, какъ она отъ всѣхъ удаляется. Въ ея жизни должна быть какая-нибудь тайна... Со всѣмъ тѣмъ она глядитъ совершеннымъ ребенкомъ. Тутъ страсти еще не было... Странная женщина! Вообрази: я спрашивалъ объ ней петербургскихъ дамъ,—ни одна ничего не сумѣла объ ней сказать.

— Хитра, замѣтилъ кто-то.

— Глупа, можетъ-быть, прибавилъ другой.

— Она, можетъ-быть, влюблена въ мужа, важно вымолвилъ молодой Англичанинъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Я думаю, началъ баронъ Эйзенгеймъ:—что она просто бонт-

ся мужа. Онъ, говорятъ, ревнивъ до безумія и держитъ жену свою въ заперти, по національному обыкновению. Въдѣ эти Русскіе настоящіе Азіатцы и притворяются только Европейцами, когда путешествуютъ.— Да вотъ идетъ кстатѣ одинъ русскій, Voligine. Можно его поразспросить.

Къ толпѣ приближался молодой офицеръ Вольтинъ, весьма-неглухой и весьма-праздный малой, находящійся за границей въ отпуску, какъ водится, для излеченія болѣзни.

— Скажите намъ... сказалъ, обращаясь къ нему, Наццари.

— Знаю, перебилъ Вольтинъ: — тринадцать разъ красная... Слышалъ... Меня тамъ не было... Такая, право, досада...

— Нѣтъ, не то. Мы хотѣли бы узнать отъ васъ исторію...

— Какую исторію?

— Исторію вашей русской графини. Кро... Кри... Кра... Никакъ не уюмню.

— Чихните! весело подхватилъ Растиньякъ: — а потомъ скажите ...ски.

— Краснохолмской? спросилъ Вольтинъ.

— Да, да; вы ее знаете?

— Знаю.

— Хорошо?

— Не хорошо, а давно... Мы въ Петербургѣ всѣ другъ друга давно знаемъ.

— Такъ скажите намъ ея исторію.

— Помилуйте... Тутъ нѣтъ исторіи. Она родилась, росла и вышла замужъ. Воспитала ее бабушка весьма-строга. Бабушка эта — старушка стараго покроя, сама не знатнаго рода, но очень любить знать; притомъ набожная, небогатая, и скупая. Свадьба графа всѣхъ удивила. Графиня была очень — небогата, но весьма-хороша. Графъ, напротивъ, очень-богатъ, но весьма-пехорошъ, какъ вы, впрочемъ, сами изволите видѣть. Графиня была часто недорова, жила, кажется, въ деревнѣ и мало бывала въ петербургскомъ свѣтѣ.

— Хорошаго они дворянства? спросилъ баронъ Эйзенгеймъ, который былъ весь проникнутъ баварскимъ аристократизмомъ.

— Да, онъ служилъ при дворѣ, а теперь въ отставкѣ.

— Большіе у нихъ доходы? спросилъ снова Эйзенгеймъ.

— Полмиліона рублей.

Вольтинъ приагнулъ немного, да подумалъ-себѣ, какъ русскій чловѣкъ: «зачѣмъ же этихъ Нѣмцевъ и не валутъ маленько?»

Нѣмцы щелкнули губами.

— Diantre! воскликнулъ Французъ.

Англичанинъ остался неподвиженъ.

— Сможете, Mr Voligine, заговорить слова Наццари: — въ это простой исторіи не было ли какого-нибудь тайнаго романа?

— На этотъ счетъ, отвѣчалъ улыбаясь Волигинъ: — я вамъ съ вѣру успокоюсь. У насъ не бываетъ романовъ: коледие-слиши комъ... До тридцати лѣтъ наши дамы настоящія дѣти. Что бываесть послѣ,—мнѣ неизвѣстно. Шутки въ сторону, графиня прелестная женщина; но, въ-слѣдствіе своего воспитанія, она такъ застѣнчива, такъ озабочена дѣтьми, такъ мало размышляетъ о мужѣ что отъ нея надѣяться вамъ нечего. За снѣгъ желаю вамъ хорошаго аппетита.

Въ эту минуту раздался колокольчикъ, призывающій къ обѣду за table d'hôte. Молодые люди разошлись съ недовольными лицами. Болѣе всѣхъ казались озабоченными Растиньякъ, Наццари и Эйзенгеймъ. Пріѣхавъ въ Баденъ за приключеніями, они находили въ графинѣ прекрасный предметъ для своихъ нѣжныхъ замысловъ, и нападѣй, обольщенный самолюбіемъ и прежними нетрудными успѣхами, обдумывалъ планъ своихъ коварныхъ нападѣй.

Нѣсколько дней спустя, всѣ лица, составляющія баденскіи fashion, отправились въ экипажахъ и верхахъ къ старинному замку, столь живописно-расположенному на высокой горѣ, близъ самого города. Общество было отборное и разноплеменное. Худощавыя англійскія герцогини, въ шляпкахъ съ высокими перьями, сами правили прекрасными лошадьми, запряженными въ ихъ шегольскіе ягдлагены. Француженки съ лукавыми взорами и скромнымъ видомъ отличались простотой своихъ нарядовъ; Нѣмки — своею чорною наружностью. Русскія дамы, сверкая браслетами и бронжами, лежали въ своихъ экипажахъ, громко смѣясь и разговаривая съ торжующими около нихъ всадниками. Графиня тоже участвовала въ гуляньѣ, но непреклонной волею супруга, но не принимала въ общемъ удовольствіи живаго участія своихъ соотечественницъ. Она ѣхала въ коляскѣ съ одной перезрѣвшей французской дѣвницей, большой охотницей до чужихъ колясокъ, а передъ нею сидѣлъ Растиньякъ, успѣвшій уже съ нею познакомиться. Графъ былъ въ другомъ экипажѣ. Во время всей поездки, Растиньякъ такъ и заливался трещоткой, сыпалъ комплиментами и каламбурами и былъ до того забавенъ, что наводилъ иногда невольную улыбку на холодное лицо графини.

Когда экипажи остановились у воротъ замка, всѣ націи смѣшались сперва въ толпу, а потомъ разсыпались, смотря по возрасту и привычкамъ. Дѣвушки сблизились, старушки тоже. Львицы отправились гулять съ своими поклонниками. Растиньякъ поспѣшно предложилъ руку графинѣ, но она отказалась, при чемъ графъ, глядѣвшій на нее издали, поблѣднѣлъ отъ досады и повлекъ съ собою

какую-то длинную и богатую Англичанку. Растищакъ не смутился неудачей и продолжалъ свое любезничанье. За нимъ, немного поодаль, шли молча Нацари и Эйзенгеймъ. Они оба уже были представлены графинѣ, но предоставляли Французу болтать, а сами приняли другую тактику. Нацари казался мраченъ и неразгаданъ: онъ хотѣлъ возбудить любезнѣйство. Эйзенгеймъ, напротивъ, вздыхалъ, глядѣлъ страстными глазами и надѣялся внушить сожалѣніе. Но графиня ихъ даже не замѣтила. Она думала, что утромъ наказала сына за шалости, и что дождь ея, бѣгая по саду, немного расшибла себѣ носъ.

Гулянье длилось. Было жарко. Растищакъ становился неспокойнъ. Графиня хотѣлась домой.

Вдругъ русскій знакомый голосъ заставилъ ее обернуться:

— Здравствуйте, графиня!

— Какъ! и вы здѣсь? радостно вскрикнула графиня. — Давно ли?

— Вчера прѣехалъ.

— Откуда?

— Изъ Петербурга.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

Молодой прѣезжій былъ дипломатъ, только изрѣдка посѣщающій жену столыцу. Онъ въ дѣтствѣ еще знавалъ графиню и былъ ей нѣсколько съ-родни. Впрочемъ, по судьбѣ его службы; они давно уже не видались, и онъ стоялъ передъ нею, любуясь чуднымъ развитіемъ ея красоты.

Графиня замѣтила его изумленіе и покраснѣла.

— Что новаго въ Петербургѣ? спросила она поспѣшно.

— Да, по обыкновенію, почти ничего; все по-старому. Много скучаютъ, много танцуютъ... Тѣтушки ваши, слава Богу, здоровы. Бабушка ваша говѣла... На улицахъ пусто и холодно. Солнце въ отпуску; дождикъ на безсѣнномъ караулѣ. Новаго четыре ленты, кажется, три смерти и двѣ свадьбы, о которыхъ вы уже, вѣроятно, изволите знать.

— Дѣ, намъ писали...

— Однакомъ, я очень-радъ, что забѣжалъ въ Баденъ: привелось на васъ посмотреть, а то чуть-чуть не проѣхалъ-было мимо.

— Какъ? вы не остаетесь здѣсь?

— Нѣтъ, я еду въ Парижъ. Тамъ дожидается меня тѣтка, да и дѣла есть... Впрочемъ, я надѣюсь тамъ васъ увидѣть. Вы, вѣроятно, завернете въ деревеньку?.. Баденъ, вѣдь извѣстно, не что иное, какъ русская станція на парижской дорогѣ. Прикажете заготовить вамъ квартиру?

— Дѣ, мой мужъ думаетъ ѣхать туда на зиму.

— Ахъ, какой славный мужъ! весело подхватилъ дипломатъ. — Да гдѣ же онъ? Покажите мнѣ его.

Графиня сдѣлалась какъ-то неловко. На встрѣчу къ нимъ бѣжалъ запыхавшійся графъ съ распростертыми объятіями.

— Чесминь! Чесминь! кричалъ онъ: — какими, братецъ, судьба-ми? Старый пріятель, обвинимся!

Дипломатъ храбро выдержалъ объятія толстаго господина, но не могъ удержаться отъ обыкновенной сардонической улыбки. Графиня снова покраснѣла и отвернулась съ досадой. Мужъ показался ей глупъ, а Чесминь золь.

— Милости просимъ къ намъ, продолжалъ толстый графъ. — Здѣсь, братецъ, не житье, а масляница. Рулетка только эта дражная разорветъ совѣтъ. Никакъ не могу выиграть... Вы вѣдь съ женой старые знакомые?.. Она мнѣ говорила объ тебѣ... Пожалуйста, побрани ее, братецъ. Авось она тебя послушаетъ. Вообрази: вотъ въ первый разъ ее вытащилъ на гулянье, а то никого не хочетъ видѣть, ни съ кѣмъ не знакомится; точно въ монастырѣ живетъ. Повѣришь ли, вотъ мы ужъ три недѣли, братецъ, въ Баденѣ, ни разу еще не была на балъ!

Дипломатъ бросилъ испытующій взоръ на графиню.

— Я не очень была здорова, проговорила съ замѣшательствомъ красавица...

Она боялась насмѣшекъ Чесмина...

— Не вѣрь, братецъ, подхватилъ графъ, по обыкновенію мужей, весьма-некстати: — не вѣрь, пожалуйста. Пустыя отговорки! Она, слава Богу, здоровехонька. Просто капризится. Не можешь ли ты, братецъ, вразумить ее? Мужей, ты знаешь, теперь мало слушаютъ. Вообрази: цѣлый день возится съ дѣтьми, моетъ, учитъ, одѣваетъ, точно будто нянекъ на свѣтъ нѣтъ. Я говорилъ, говорилъ, что на все есть время, да и говорить пересталъ.

— И ты недоволенъ, спросилъ съ удивленіемъ Чесминь: — что жена твоя не любитъ свѣта?..

— Разумѣется, недоволенъ... потому-что все-таки... что ни говори... однакоже... нужно же...

— Вотъ они мужья! прервалъ Чесминь. — Вотъ какимъ людямъ счастье! Видно, что ты не знаешь, что такое свѣтская женщина: заговорилъ бы ты иначе! А я отъ-того и не женился, что думалъ, — извините меня, графиня, — что жена, чистосердечно не любящая свѣта, существо совершенно-невозможное.

Дипломатъ вздохнулъ и улыбнулся. Невозможно было отгадать, шутить онъ, или говорить то, что чувствуетъ.

Разговоръ былъ прерванъ новыми лицами, которые со всѣхъ сторонъ атаковали Чесмина радостными восклицаніями и привѣтствіи-

ями. Его всѣ знали, всѣ хотѣли знать, потому-что онъ былъ пріятный человекъ и въ особенности потому-что онъ постоянно былъ въ модѣ.

Чесминъ глубоко изучилъ науку большаго свѣта и поставилъ, что въ свѣтѣ первая добродѣтель—наружность, что въ свѣтѣ человекъ цѣнится не за то, что онъ есть, а за то, чѣмъ онъ кажется. Не будучи вовсе красавцемъ, онъ умѣлъ придать себѣ такой приличный и такой пріятный видъ, что никому не приходило въ голову спросить, хорошъ онъ, или дуренъ. Онъ не позволялъ себѣ ни яркихъ жилетовъ, ни фраговъ удивительнаго покроя, ни странныхъ причесокъ, ни галантерейныхъ безделокъ, — словомъ, ничѣмъ не привлекалъ вниманія, но сверкалъ, такъ-сказать, самой изысканной, самой утонченной опрятностью. Въ немъ никогда не проглядывало русское неряшество. Ни пылинки, ни складки никогда не было заметно на его лондонскомъ платьѣ. Онъ былъ истиннымъ шеголемъ, потому-что шеголялъ не для другихъ, а для себя, шеголялъ мелочами, не всегда понятными записнымъ франтамъ, какъ-то добротой сибирскаго бѣлья, формою шляпы, тканью чернаго галстука. Ни одна красавица, можетъ-быть, не занималась такъ своей наружностью, какъ Чесминъ, хотя онъ вовсе не казался озабоченнымъ своей особой. Вообще, въ обыкновенной его жизни было что-то неуловимо-шеголоватое, приобретаемое только въ-слѣдствіе долгаго навыка. Онъ не былъ богатъ, но никто тому вѣрить не могъ; потому-что во всѣхъ его пріемахъ проглядывала непритворная, а настоящая привычка къ тайнымъ роскошамъ жизни. Былъ люди, къ которымъ никакъ нельзя примѣнить мысль о дурномъ общѣ, о пустомъ буважничѣ. Они кажутся чуждыми мелочнымъ житейскимъ бѣдствіямъ. Въ обществѣ, Чесминъ былъ весьма-осмотрителенъ, остороженъ и часто молчаливъ. Онъ казался холоднымъ, не искалъ ни чьихъ знакомствъ, никому низко не кланялся, говорилъ тихо, не поражалъ громкими остротами и умѣлъ слушать и выжидать. Въ разговорѣ же онъ отличался какой-то странной небрежностью, но былъ вкрадчивъ, увлекателенъ, а самъ, какъ слышетъ настоящему дипломату, никогда и ни въ чемъ себя не compromettiroвалъ. Отъ-того всѣ его любили, всѣ дорожили его знакомствомъ. Служба его шла чрезвычайно-удачно, хотя, по-видимому, онъ ничего не домогался. Въ Петербургъ онъ имѣлъ мѣсто при дворѣ; за границей всѣ были увѣрены, что онъ озабоченъ важными дипломатическими порученіями, но самъ онъ о томъ никогда ничего не говорилъ. Связи свои поддерживалъ онъ только въ самомъ высшемъ кругу общества, разговаривалъ охотно съ знатными старыми дамами, изучалъ слабости молодыхъ, но никогда не дѣлалъ глупостей ни изъ любви, ни изъ дружбы, не игралъ, не

увлекался буйствомъ молодости. Осторожность была основаніемъ его жизни. Никогда не сказалъ онъ лишняго слова, никогда не хвасталъ онъ своими успѣхами съ женщинами, хотя соблазнительная молва многое на этотъ счетъ подозривала. Словомъ, онъ былъ живымъ образцомъ свѣтскаго человѣка и дипломата. Онъ всѣмъ нравился и зналъ какъ нравиться. За тѣмъ, было или нѣтъ какой-нибудь теплое чувство у него на сердцѣ, могъ ли онъ любить, могъ ли онъ ненавидѣть,—все это оставалось вѣчной загадкой, непроницасемой тайной, которой еще никому не удалось разрѣшить.

Когда онъ явился среди гулянья, всѣ присутствующіе, даже графиня, такъ чистосердечно ему обрадовались, что влюбленное trio баденскихъ шеголей осталось весьма-недовольнымъ. Каждый поочередно подходилъ къ графинѣ и намекалъ ей объ удовольствіи встрѣтить соотечественника на чужбинѣ. Растильякъ началъ напыщать речитативъ надъ «Танкредомъ»: «O patria!», но, однакожь, первый протянулъ Чесмину руку. Чесминъ ни слова не сказалъ графинѣ о ея выдыхателяхъ, хотя съ перваго взгляда понималъ ихъ безвредное коварство.

Онъ, казалось, былъ очень-занятъ разговоромъ съ старыми герцогинями, которыя страшно ему улыбались и звали къ себѣ обѣдать.

Гулянье окончилось, какъ обыкновенно оканчиваются подобнаго рода удовольствія: всѣ ужасно устали и торопились по оглядывалась дамой, утверждая, что очень было весело и прогулка удалась-наконецъ-лучше.

На другой день, утромъ, графъ ушелъ, по обыкновенію, въ игорный домъ. Графиня, въ утренникъ распахнотъ камель, предавалась своимъ обыкновеннымъ занятіямъ. Она спала споконейно ночь послѣ вчерашней скуки и совсѣмъ забыла и о гуляньѣ, и о Растильякѣ, и даже о Чесминѣ. Она сидѣла въ большихъ креслахъ, положивъ на колѣни открытую русскую азбуку, надъ коюрой наклонялась блонкурая кудрявая головка ея шестилѣтней дочери. Дѣвочка повторяла слова, ошибалась, потягивалась, зѣвала и просылась въ садъ. Графиня съ серьезной мишой поправляла ошибку и неутомимо заставляла живаго ребенка твердить за собой нечто-значащія буквы.

— *А*, говорила графиня.

— *А*, повторяло дитя.

— *Бе*, говорила графиня.

— *Ка*, говорило дитя.

— *Нѣтъ*, не *ка*; говори: *бе*.

— *Ка*, говорило дитя.

— *Нѣтъ*, не *ка*... Скажи: *бе*, *ба*.

— Ка, уперно продолжала дѣвочка.

— Не плачь... Въ садъ не пойдешь. Скажи: бе.

— Бе.

— Хорошо; теперь: се. Не гляди на сторонамъ. Скажи: се.

— Ка, начинала снова дѣвочка.

— Нѣтъ, не ка; повторай за мной: се, се.

— Се... сказалъ Чесмиръ, который уже нѣсколько времени стоялъ въ дверяхъ.

Графиня вскрикнула.

— Извините, сказалъ улыбаясь Чесмиръ:— я не нашелъ, по бабевскому обыкновению, никого въ передней, и такимъ образомъ дошелъ до этой комнаты. Да я, кажется, вамъ мѣшаю. Вы заняты?

— Нѣтъ, отвѣчала графиня:— я только учила дочь.

— Продолжайте, ради Бога, коли не хотите жени прогнать. Правѣ науки священны; я подожду покамѣсть.

— Что жъ вы будете дѣлать?

— Ужъ не думайте обо мнѣ. Я найду себѣ занятіе.

Чесмиръ взявъ на столѣ какую-то учебную книгу, расположился въ углу комнаты и началъ читать съ большаго вниманіемъ. Только от-временно-до-времени украдкой поглядывалъ онъ черезъ книгу на прелестную группу молодой женщины съ ея ребенкомъ. Но когда графиня обращала въ его сторону свою чудную головку, онъ почтино углублялся въ чтеніе, какъ-бы совершенно-увлеченный внимательностью дѣтской ариметики. Такъ прошло нѣсколько времени, и они ни слова не сказали другъ другу. Онъ будто-бы забылъ про нее, а она дѣйствительно объ немъ забыла, вступивъ въ довольно-серьезный споръ съ дочерью, которая непремѣнно хотѣла выговаривать всѣ русскія буквы на ка.

— Что вы тутъ дѣлаете? заревѣлъ съ хохотомъ громкій голосъ. Въ дверяхъ показался графъ.

— Учился, весело отвѣчалъ Чесмиръ.

Графиня разсмѣялась.

Съ первой минуты, Чесмиръ былъ у нихъ домашнимъ человекомъ. Съ первой минуты графиня перестала его бояться.

Графъ былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа: онъ, противъ обыкновенія, выигралъ нѣсколько свертковъ золота, и отътого такъ рано возвращался домой. Радужно пригласилъ онъ Чесмина обѣдать у него каждый день, на что Чесмиръ согласился, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ съ нимъ не церемонились и отсылали бы его, когда онъ будетъ лишнимъ. Но лишнимъ онъ, разумется, никогда не былъ. Графу было пріятно выказывать свою дружбу съ европейски-знаменитымъ дэнди; графиня была то-

же довольна, что нашла умнаго и не страшнаго собесѣдника, который не надоѣдалъ ей ни вздохами, ни объясненіями, и вовсе думалъ ее обворожать. Правда, онъ началъ ходить къ ней каждыи день, но это болѣе казалось дѣломъ привычки. Разговоры ихъ всегда касались занимательныхъ и довольно-отвлеченныхъ предметовъ; то перелистывали они вмѣстѣ новую книгу, то разсуждали о воспитаніи, то толковали о Россіи. Иногда они были противъ ложныхъ мнѣній, и тогда горячились, спорили, даже ссорились какъ дѣти. Графиня читала немного, размышляла еще меньше, женскимъ проицательнымъ умомъ, и въ-особенности женскимъ сердцемъ отгадывала то, что нужно было возражать черезъ-чуръ иногда положительнымъ воззрѣніемъ дипломата. Въ этомъ безпрерывномъ развитіи чувствъ и мнѣній графиня не замѣчала, что Чесминъ совершенно забылъ о своемъ отъѣздѣ. За то баленскіе временые жители очень-хорошо это замѣтили. Никто уже не сомнѣвался въ любви графини къ Чесмину, хотя она сама еще ничего подобнаго не подозрѣвала. Наццари и Эйзенгеймъ въ-особенности распускали тихомолкомъ весьма-неблаговидные для петербургской красавицы слухи. Растивьякъ ухмалъ въ Парижѣ.

По вечерамъ графъ игралъ въ вистъ съ двумя или тремя едина равносильными русскими баринами, которые и за границу переняли свои петербургскія привычки. Чесминъ оставался наединѣ съ графиней въ другой комнатѣ, и тутъ они снова разговаривали, тутъ дипломатъ мало-по-малу началъ обнаруживать молодой женщины коварную науку большаго свѣта.

— Отъ-чего вы такъ дурно одѣваетесь? спрашивалъ онъ ее о наряды въ порывѣ сердечнаго участія.

— Будто ужъ такъ дурно! возражала графиня.

— Очень - дурно, непростительно-дурно. Вы слишкомъ-хорошо знаете, что все, что вы надѣнете, будетъ вамъ къ-лицу; но позвольте вамъ замѣтить, вы это сознаніе доводите до злоупотребленія. Платье ваше измято дѣтьми; чепчикъ надѣтъ какъ-нибудь Грѣшно вамъ, графиня!

Графиня улыбнулась.

— Право, некогда мнѣ, сказала она: — заботиться о нарядахъ. Браните моихъ дѣвушекъ. Это ихъ дѣло!

— Въ вашей небрежности, началъ снова докторально Чесминъ — таятся много гордости, даже много презрѣнія къ обществу. Это нехорошо! Вы забываете, что желаніе нравиться есть та же женская добродѣтель.

— Нравиться? кому нравиться? спросила простодушно графиня.

— Да хоть всѣмъ.

— Къ-чему?.. Какая въ томъ надобность?

— Какъ, къ-чему? Не-уже-ли нѣтъ такого человѣка, которому вы хотѣли бы нравиться?

— Я замужемъ.

— А прежде?..

— Прежде я была ребенкомъ.

— И вы никогда никому нравиться не хотѣли?

— Никогда.

— И теперь не хотите?

— Разумѣется.

Чесминъ вздохнулъ. «Не-уже-ли она глупа?» подумалъ онъ. «Какая жалость!» Однакожь онъ продолжалъ:

— Я понимаю, что вы не находите никого достойнымъ вашего вниманія; но вамъ тогда должно быть скучно, графиня. Вы должны умирать со скуки. Признайтесь хоть въ этомъ!

— У меня есть дѣти, серьёзно замѣтила графиня.

— Знаю. Да не-уже-ли вы никогда не слыхали, что есть мучительное благополучіе, которое называется страстью? не-уже-ли душа ваша не уставала никогда отъ своего безцвѣтнаго, тяжелаго спокойствія и не просила еще чего-то?

— Я никогда не думаю о вздорѣ, важно вымолвила графиня: —я не люблю вздора слушать.

Чесминъ закусилъ губы. Оба замолчали и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія обратились къ постороннему и вялому разговору. Чесминъ ушелъ рано, не смотря на сопротивленія графа. Онъ былъ очень не въ духъ. Графиня была также чѣмъ-то недовольна и долго не могла заснуть. Однако, на другой день, одѣваясь, она замѣтила своимъ горничнымъ, что онѣ дурно исполняютъ свою обязанность и слишкомъ-мало заботятся объ ея туалетѣ. Сама она долго выбирала себѣ платье, приказала его хорошенько выгладить, и, смотрясь въ зеркало, поправляла бантики своего утренняго чепчика.

Вечеромъ, Чесминъ явился, по обыкновенію, и съ перваго взгляда замѣтилъ успѣхъ своей вчерашней лекціи. Лицо его невольно засіяло отъ удовольствія, и онъ началъ живо, весело, забавно болтать о всякихъ баденскихъ пустякахъ. Но въ-особенности началъ онъ рассказывать съ подробностями всѣ сердечные романы, которые, какъ извѣстно, такъ изобильно обогащаютъ баденскую хронику.

Графиня слушала его, какъ дѣтя слушаетъ волшебныя сказки. Для нея открывался новый міръ,—міръ страшный, объемлющій всю душу ея какимъ-то тайнымъ ужасомъ, возмущающій въ ней всѣ чистыя чувства женщины. Картины свѣтскихъ страстей казались ей сперва отвратительными до омерзѣнія, потомъ начали по-

откровенно возбуждать ее самоозначаніе и подстрекать ее любопытство. Разумѣется, она не находила въ своей безпорочной жизни ничего съ ними общаго, но она слушала... Есть такіе предметы, которыми не надо омрачать чистаго воображенія; одно вниманіе къ нимъ становится уже проступкомъ.

Взлелѣнная обглодальной бабушкой въ счастливомъ невѣдѣніи житейскаго зла, графиня начала привыкать къ разсказамъ, при слушаніи которыхъ благочестивая старушка вѣрно крестилась бы и отплевывалась бы цѣлыя сутки. Впрочемъ, надѣ замѣтить, что до того времени графиня была рѣдкимъ исключеніемъ въ большомъ свѣтѣ. Строгое воспитаніе, материнскія заботы, частыя походы въ деревню, продолжительное отращеніе къ свѣту и странная односторонность характера были причиною, что и по замужествѣ графиня сохранила свое элокоистіе и свое незнаніе. Графъ очень этимъ обижался, потому-что нанималъ жену таѣ, гдѣ въ-особенности желалъ блестящую вышивку для своего дема. Черезъ красоту жены онъ надѣлся усилить свое значеніе въ свѣтѣ; попасть въ самую завидную мѣду, — и вдругъ, къ крайнему его огорченію, обнаружилось, что графиня нянчится съ дѣтми, никуда не ѣздитъ, никого не принимаетъ. Положеніе было въ-самомъ-дѣлѣ нестерпимое! Графъ рѣшился тогда отправиться путешествовать подъ предлогомъ здоровья, но въ-самомъ-дѣлѣ повода за границу имѣла тайной цѣлью свѣтское образованіе графини: Впрочемъ, и за границей графиня долго сохранила свое гордое равнодушіе, и не будь Чесминна, не будь его ирадчивыхъ и коварныхъ разсказовъ, графиня, вѣроятно, возвратилась бы на родину такимъ же невиннымъ ребенкомъ, какъ и вывела.

Мало-по-малу, она начала задумываться. Чесминнъ былъ учтивъ до крайности съ графомъ, но никогда не говорилъ объ немъ ни слова, когда оставался вѣединъ съ графиней. Эту учтивость, это молчаніе не трудно было перевести. До того времени, она только догадывалась, что мужъ ее ничтожный человекъ, — теперь она въ томъ убѣдилась. Слѣдовательно, онъ не достоинъ ее; слѣдовательно, она несчастлива! Ей стало жаль самой-себя. Неопытныя женщины любятъ казаться и даже чувствовать себя страждущими, непонятыми, неразгаданными. Это льститъ ихъ самолюбію, и бѣда тѣмъ, которыя начинаютъ довѣрять хоть кому-нибудь свои тайныя печали.

Чесминнъ дѣйствовалъ лукаво и осторожно. Онъ сперва возмущилъ воображеніе молодой красавицы, а потомъ началъ намекать шутками о глупой скучѣ безгрѣшной жизни, о странномъ самопожертвованіи для пустыхъ свѣтскихъ обязанностей. Замѣтивъ, что его слушаютъ уже безъ гнѣва, онъ началъ опіеивать самыя яр-

кни красками блаженство двух дунь, созданных другъ для друга, когда онѣ, встрѣчаясь въ жизни, пренебрегаютъ всѣмъ житейскимъ и сходятся вмѣстѣ въ упоеніи возвышеннаго чувства. Речь его была такъ искусно разсчитана, что никогда не доводила его собесѣдницу до негодованія. Шутка кстати всегда останавливала готовую ссору.

Въ одно прекрасное утро, онъ пришелъ объявить, что черезъ два часа ѣдетъ въ Парижъ. Графиня взглянула на него съ удивленіемъ, какъ-будто это было дѣло невозможное. Графъ вслѣски уговаривалъ его остаться и ѣхать съ ними вмѣстѣ. Но у Чесмина были свои причины: онъ отклонялся и обѣщался приготовить въ Парижъ квартиру.

— Жаль Чесмина! сказалъ графъ, когда щеголь ушелъ.

Графиня слегка покраснѣла. Эти два слова какъ-то болзвненно раздались въ ея сердцѣ.

— Онъ давно, кажется, хотѣлъ въ Парижъ, сказала она.

— Да, точно давно. Да вотъ какъ-то и пересталъ говорить о томъ. Отъ души люблю этого человѣка; да и ты, кажется, его любишь.

Графиня вспыхнула и начала усердно вышивать какую-то цолушку по канвѣ. Цѣлый день она была очень озабочена своей работой. Дѣти ходили гулять съ нянькой.

На другой день, ей сдѣлалось скучно. Она, которая до того времени никогда не скучала, вдругъ почувствовала, что все ей пропало, что она отъ всего устала. Книга о французской революціи осталась неоконченною. Учить продолжала она свою дочь уже не тѣмъ прежнимъ рвеніемъ. Иногда въ часы преподаванія азбука оставалась открытая на ея козняхъ; дѣвочка говорила всякій дѣтскій вздоръ, а она не слыхала ея... и взоръ ея блуждалъ Богъ-знаетъ гдѣ, и ребенокъ убѣгалъ рвзвиться въ садъ, а она и не замѣчала того и оставалась на своемъ мѣстѣ задумчивая и непошиная.

Черезъ нѣсколько времени, графиня начала жадоваться мужу, то въ Баденѣ сдѣлалось страшно-пусто, и никого уже не осталось.

— Помилуй, матушка! отвѣчалъ простодушно графъ.— Поневолѣ тебѣ покажется пусто. Ты ни съ кѣмъ не хочешь знакомиться. Теперь, напротивъ, передъ концомъ сезона, гораздо-больше народа, чѣмъ прежде. Французовъ набѣхало бездна. Вчера одинъ выигралъ пять свертковъ. Мастеръ играть! Хочешь, я тебѣ его представлю?

— Ахъ, вѣтъ... избавь, пожалуйста... я не люблю новыхъ знакомствъ.

— Ну, какъ хочешь, матушка... Сиди-себѣ одна! съ досадою говорилъ графъ, послѣ чего отпиривался, пожимая плечами, къ своей любимой руеткѣ.

Рулетка дѣйствовала исправно. Черезъ мѣсяцъ, въ графской кассѣ вдругъ обнаружилось только достаточное количество денегъ, чтобъ доѣхать до Парижа, гдѣ графъ ожидалъ новыхъ пособій изъ своихъ саратовскихъ деревень. Въ-слѣдствіе этого важнаго открытія, начали поспѣшно готовиться къ отъезду. Графиня мгновенно оживилась и какъ-бы проснулась послѣ продолжительнаго сна. Со дня отъезда Чесмина она проводила время въ страшномъ молчаніи, днемъ читала романы, вечеромъ глядѣла на луну, и думала и задумывалась, и слезы иногда навертывались на ея чудныхъ глазахъ.

Два грузные экипажа, съ претензіей на англійскіе, но очевидно русскіе, навьюченные и тяжеловѣсные, повезли графское семейство по страбургскому шоссе. На половинѣ извѣстной многимъ Русскимъ дороги, почтмейстеръ вручилъ графу запечатанный пакетъ.

— Отъ Чесмина, сказалъ графъ.

— Право? сказала съ притворнымъ равнодушіемъ графиня. — Что онъ пишетъ?

— Квартиру намъ нанялъ.

— Гдѣ?

— Rue de Rivoli.

— Сколько комнатъ?

— Не сказано.

— Не можетъ быть!

— Право, нѣтъ.

— Не можетъ быть! Онъ мнѣ сказалъ, что напишетъ.

— Да говорятъ тебѣ, матушка, что не написано. На, читай сама.

Графиня только того и хотѣла. Она начинала уже лукавить. Небрежно взяла она письмо и начала его читать. Письмо было сдѣланнаго содержания: «Спѣшу уведомить васъ, любезный графъ, что, согласно вашему желанію, я нанялъ вамъ квартиру, Rue de Rivoli № 7. Надѣюсь, что вы будете довольны. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.» Больше ничего! Графиня двѣ раза сряду прочитала письмо, потомъ перевернула его въ рукахъ и вдругъ снова принялась читать. Она все искала въ немъ чего-то сама не зная чего. Ей казалось, что въ немъ что-то не досказано и не дописано, что въ немъ не достаетъ чего-то такого, что непременно должно бы тутъ быть. Не смотря на то, она воспользовалась минутой, когда графъ пошелъ торопить лошадей, чтобъ спрятать пакетъ въ карманъ своего дорожнаго платья.

— Гдѣ письмо Чесмина? спросилъ дорогой графъ.

— Не знаю, отвѣчала графиня. — Потеряно, кажется. Да зачѣмъ оно? Я адресъ помню: Rue de Rivoli. № 7.

Это было ночью, почти зноетьмахъ. Джемъ, графиня еще не решилась бы солгать.

Скоро они прїѣхали въ Парижъ и остановились въ приготовленной квартирѣ. Графъ тотчасъ же отправился на бульвары, въ Пале-Рояль, по магазинамъ, по кофейнымъ домамъ и въ театръ. Графиня осталась одна и ни одной минуты не задумалась о парижскихъ удовольствїяхъ. Она думала о другомъ: она думала, вслѣдъ ли ей извѣстить Чесмина о ихъ прїѣздѣ, или не посылать. Нѣсколько разъ она рѣшалась, нѣсколько разъ отдумывала. — Не можетъ ли онъ эту поспѣшность съ ея стороны объяснить совершенно-ошибочно? И потомъ, думала она, онъ долженъ знать, что я прїѣхала, онъ долженъ дожидаться, долженъ сейчасъ самъ явиться... Иначе объ немъ вовсе и не стоило бы заботиться. Впрочемъ, если разсудить хорошенько, такъ зачѣмъ же и ему спѣшить такъ кинжъ-образомъ? Для чего? съ какого права?.. Нѣтъ, онъ не можетъ быть сейчасъ, не долженъ смѣть. Нетерпѣніе его было бы несправедливо. Онъ пойметъ это. Онъ такъ уменъ... Я не могу, я не должна, я не буду его ожидать. И убѣждаясь, что она не должна его ожидать, она все-таки его ожидала. Такъ прошло почти все утро. Наконецъ дверь съ шумомъ отворилась. Графиня вздрогнула, поспѣшно приняла сурово-важный видъ и вдругъ очутилась въ объятїяхъ молодой разряженной дамы. У графини отлегло отъ сердца. Молодая дама была прїятельницею графини по первой молодости. Нѣсколько лѣтъ онъ не видалась.

— Какъ я рада! говорила она, обвиняя свою прежнюю подругу.—Наконецъ ты прїѣхала! Мы тебя ждемъ—не-ждемся. У меня былъ сейчасъ Чесминъ, который сказалъ мнѣ о твоёмъ прїѣздѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Онъ самъ не можетъ быть къ тебѣ ни нынче, ни завтра. У него, ты знаешь, здѣсь старая тѣтка. Они куда-то вмѣстѣ отправились. Онъ велѣлъ тебѣ сказать, чтобъ ты хорошенько отдохнула, а потомъ онъ явится за твоими приказанїями.

Чесминъ не хотѣлъ видѣть графиню усталую отъ дороги, да потомъ, какъ человекъ опытный въ своемъ дѣлѣ, старался возбудить въ ней передъ первымъ свиданїемъ чувство досады. Больше всего онъ боялся равнодушїя, зная, что оно больше удаляетъ отъ любви, чѣмъ гнѣвъ и ненависть.

Прїятельница графини, княгиня Звенигородская, была въ полномъ смыслѣ слова свѣтская женщина, съ сердцемъ не совсѣмъ искорченнымъ, съ безнѣчнымъ правомъ, съ безразсуднымъ воображенїемъ, большая охотница до разсѣянїя, сплѣтней и удовольствїй, веселая, словоохотная, нарядная, вѣчно озабоченная мелочами. Она въ чадѣ свѣта совершенно утратила строгія правила, внушен-

няя ей когда-то довольно-неудачно при воспитаніи. Она шла правды съ мужемъ, и, коли сказать всю правду, соблазнительная хитрость нарѣдко пронесла ее имя... Но это обстоятельство было незначительно. Она была еще хороша собой, очень-богата, обладала всеми свѣтскими отличіями, и потому не только не теряла ничего въ общественномъ мнѣніи, а напротивъ занимала въ свѣтской жизни самое пріятное и самое значительное мѣсто.

— Пожалуйста, говорила она ескороговоркой своей пріятельницѣ: слушайся во всемъ меня. Я тебя сама отрекомендую своимъ знакомствамъ, а те онъ непременно обмануть тебя, какъ русскую привязую, и дадутъ прошлогоднія моды. Ты, право, еще похорошѣла. Однакожь, не бойся... я не такая жепщина: изъ ревности не дамъ тебѣ дурнаго совѣта. Послушай, ты будешь ѣздить въ свѣтъ? неправда ли? Это надо хорошенько устроить. Я тебя вездѣ представлю; вѣдь Терну, и къ Дельмару. Я ужь говорила о тебѣ, чтобъ тебя заранѣе доставили приглашеніе. Знаешь, возьмемъ вѣтвь лозы въ Итальянскомъ-Театрѣ? Тамъ бываетъ очень-весело. Завтра утромъ я за собою ѣзду. Поведемъ вѣтвь въ Bois de Boulogne. Какую мнѣ колеску съдѣлалъ Эрлеръ, прелесть! Лошади англійскія pur sang: я ихъ купила у Сейфура. Пожалуйста, милая, познакомься съ Французами. Они такіе любезные, право... Съ нашими Русскими и сравнивать нельзя. Сюда столько наѣхало Русскихъ, что просто бѣда. Отъ нихъ отдѣлаться совсѣмъ нельзя. Иногда здѣсь точно Петербургъ: что довольно-скучно. Мы къ нимъ не слишкомъ-часто будемъ ѣздить. Не правда ли?.. а то, право, не стоило бы жить въ Парижѣ. Старуха Чесмина живетъ довольно-открыто. Вечера даетъ. Бываетъ довольно-весело. Французовъ много. Изъ Русскихъ здѣсь Julie A., Sophie B. . Catherine C. Знаешь еще, кто здѣсь?.. Маленькая Китти. Такъ конетничаетъ, что ни на что не похоже. Мужъ, болванъ, ничего не видитъ, а самъ волочится за актрисой. Мы съ Китти большія пріятельницы. За ней ухаживаютъ Ланкуръ и Раствинякъ: Да, кстати, онъ, говорятъ, и въ тебя былъ влюбленъ.

— Что за вздоръ! отвѣчала улыбаясь графиня.

— Онъ мнѣ самъ говорилъ. Что жь? Онъ не дурень собой, только дѣлаетъ деклараціи всѣмъ жепщинамъ. Это, говорятъ онъ: — обшая спекуляція, которая приноситъ ему обыкновенно десять процентовъ. Онъ очень-забавенъ. Ахъ! послушай, пожалуйста; когда ты будешь ходить одна по улицамъ, не надѣвай ничего яркаго. Тебя непременно пріймутъ... Вотъ-знаешь за кого.

— Развѣ можно ходить одной на улицѣ? спросила графиня.

— А какъ же? здѣсь такъ принято. Это иногда бываетъ очень-удобно... Да что я говорю за вздоръ? Покажи мнѣ дѣтей своихъ; я люблю дѣтей безъ памяти. Жаль, что у меня ихъ нѣтъ. Да бѣда!

хочешь взять со мной на открытіе камеры депутатовъ? Веррѣ будетъ говорить рѣчь. Скучно немного, а интересно. У меня есть лена въ Консерваторіи: Растиньякъ досталъ. Гдѣ твой мужъ? Я его давно не видала; что онъ, постарѣлъ, потолстѣлъ?.. Какъ я рада, что ты пріѣхала! А ты у меня не спрашиваешь, кѣмъ я занята теперь. Вообрази—никѣмъ. Жанкуръ надолъ до смерти. Да ты его не знаешь. Глупъ до крайности: все вздыхаетъ. Вообрази, Растиньякъ началъ—было меня преслѣдовать? Повѣришь ли, на колѣни сталъ! право, сталъ. Можешь представить какая фигура! Я, разувается, разсмѣялась, сказала ему, что этого ужъ не дѣлается, что онъ видно становится старъ, помнить старыя преданья... Онъ тоже разсмѣялся... Мы съ нимъ большіе друзья.

Два часа сряду продолжала модная женщина свою безсвязную болтовню. Графиня слушала ее съ какимъ-то невольнымъ ужасомъ. Она была какъ въ лѣсу, въ которомъ заблудилась и изъ котораго не находила выхода.

Она цѣлый день прождала мужа въ самомъ сильномъ волненіи. Графъ возвратился поздно домой и, услыжавъ отъ жены подробный разсказъ о ея свиданіи съ княгиней, сперва обрадовался, а потомъ разсердился: обрадовался онъ тому, что такая знатная и модная дама была столь внимательна къ его женѣ, а разсердился за то, что жена его ни мало не оцѣнила этого отличія и хотѣла прекратить вовсе знакомство съ княгиней. Графъ почелъ даже за нужное воспользоваться своею супружескою властью, объявивъ, что онъ не позволитъ за учтивость отвѣчать грубостью, и требуетъ настоятельно, чтобъ жена его воспользовалась всѣми предложеніями модной львицы. Такъ и было сдѣлано. Княгиня Звенигородская была рада выказывать свою соотечественницу, хвастать, такъ-сказать, ею, возбудить черезъ нее свѣтское любопытство и такимъ-образомъ привлечь новое вниманіе моднаго парижскаго круга и къ своей уже извѣстной особѣ. Два дня ѣздили онъ вмѣстѣ по магазинамъ и по визитамъ. Чесмина нигдѣ не было видно. Графиня становилось очень-досадно. Наконецъ, черезъ нѣсколько дней, онъ явился и велѣлъ о себѣ доложить; но графиня приказала сказать, что она извиняется и не можетъ его принять. Она уже дѣлалась свѣтской женщиною и угадывала свѣтскія уловки. Чесминъ улыбнулся и отправился, по обыкновенію, въ свой клубъ.

Между-тѣмъ, вѣсть о прибытіи графини распространилась по аристократическимъ салонамъ русской колоніи. Старушка Чесмина сама пріѣхала пригласить пріѣзжую красавицу къ себѣ черезъ нѣсколько дней на парижскій раутъ. Графъ принялъ предложеніе съ благодарностью и не замѣтилъ, что со стороны жены его не было никакого сопротивленія. Въ первый разъ, со дня ихъ супружества,

она охотно въехала на свѣтскій вечеръ. Въ первый разъ она сильно задумалась о своемъ нарядѣ, торопила модистку, примѣривала прически, была недовольна то тѣмъ, то другимъ. Дѣвушки глядѣли на нее съ изумленіемъ.

Появленіе графини въ парижскомъ свѣтѣ было настоящимъ для нея торжествомъ. Французы такъ и ахнули при видѣ ея величественной, такъ-сказать сверкающей красоты. Всѣ взгляды, всѣ лорнеты устремились къ ней, и повсюду раздавались восклицанія и вопросы на ея счетъ. Чесминъ издали тѣшился общимъ впечатлѣніемъ. Наконецъ, посреди вечера, они встрѣтились, оба улыбулись невольно, какъ-бы помирившись не ссорившись, и сѣли рядомъ уединяясь отъ толпы. О баденской жизни, о недавнемъ неучтивомъ отказѣ не было сказано ни полслова. Они заговорили о современныхъ пустякахъ, но заговорили какъ-то живо, съ неестественнымъ одушевленіемъ, съ лихорадочнымъ удовольствіемъ. Въ глазахъ ея уже заигрывала искра кокетства. Голосъ звучалъ новымъ образомъ. Чесминъ былъ пораженъ. Передъ нимъ была вовсе не та женщина, которую онъ зналъ въ Баденѣ—небрежную, лѣнивую, гордую: передъ нимъ была свѣтская женщина, нарядная съ искусствомъ, воздушная съ умысломъ, желающая нравиться, готовая любить. По его свѣтскимъ понятіямъ, она до того выиграла, что онъ обрадовался и ужаснулся своему успѣху. Знакомство, служившее ему до того времени забавой, могло сдѣлаться для него мученіемъ. Онъ чувствовалъ, что готовъ влюбиться какъ школьникъ и чрезъ то лишиться всѣхъ своихъ преимуществъ, сдѣлаться жалкимъ, глупымъ, безсильнымъ. Онъ вдругъ помолодѣлъ десятью годами. Княгиня Звенигородская, замѣтивъ, что ихъ разговоръ продолжается, подсыла къ нимъ въ должности ширмъ, съ невиннымъ видомъ опытной кокетки. Скоро около нея образовалась цѣлая группа молодыхъ людей, которые поочередно представлялись графинѣ. Растиньякъ фамиллярно развалился подлѣ нея на креслахъ, какъ старый пріятель, и началъ сыпать блестящими французскаго остроумія. По Чесминъ на этотъ разъ не уступилъ Французу и былъ такъ веселъ, такъ уменъ, такъ любезенъ, что рѣшительно затмилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Графинѣ было очень-весело. Графъ поправлялъ галстухъ и нѣхотя улыбался, какъ скромный обладатель всеми-завидуемаго сокровища. Когда начали развѣзжаться, Чесминъ бросился ѣтискивать людей графини, а объ пріятельницы, въ ожиданіи своихъ каретъ, разговорились на лѣстницѣ.

— Какая ты скрытная! говорила княгиня.—Совсѣмъ утаила отъ меня, что Чесминъ влюбленъ въ тебя по уши.

— Что это значитъ? прервала графиня съ смущеніемъ.

— Какъ тебѣ не грѣшно не имѣть ко мнѣ доверія! Мнѣ Чес-

минъ самъ сказалъ, что голова его пошла вверхъ дномъ. Ты сидѣла подлѣ меня. «Посмотрите», говорить онъ: «на сосѣдку: какъ она хороша. Она меня съ ума сведеть.»

Графиня вспыхнула. Глаза ея сверкнули негодованіемъ.

— Я удивляюсь, княгиня, сказала она гордымъ и обиженнымъ тономъ: — что вы позволяете себѣ говорить со мной такимъ неприличнымъ образомъ.

Княгиня взглянула на нее съ удивленіемъ.

— Ахъ, извини, пожалуйста, сказала она: — я совсѣмъ не знала, что дѣло такъ серьезно. Я думала, что это шутка. Впрочемъ, ты можешь быть совершенно-спокойна. Я умѣю хранить тайну, и ты не должна меня бояться.

Графиня хотѣла что-то сказать, но въ эту минуту графъ объявилъ, что карета готова, а Чесминъ почтительно накинулъ мантилью на плеча красавицы. Въ каретѣ она сидѣла въ большомъ недоумѣніи, не зная, сказать ли мужу о разговорѣ съ пріятельницей. Съ одной стороны, мысль, что она хоть кесвеннымъ образомъ выслушала признаніе мужчины, тяготила ея совѣсть, какъ тяжкое преступленіе; съ другой, она боялась насмѣшекъ или гдѣва своего мужа. Она положила не говорить ничего, и хотя не чувствовала въ себѣ столько твердости, чтобъ прекратить вовсе знакомство съ Чесминнымъ, но рѣшилась измѣнить съ нимъ свое обращеніе и не допускать прежней фамильярности. Совсѣмъ-тѣмъ она была очень-разстроена; ей было досадно и на Чесмина, и на княгиню, и на себя. Ей хотѣлось плакать; совѣсть ее мучила.

На другой день, она начала заботиться дѣтьми съ новымъ рвеніемъ, ласкала ихъ, учила, возила съ собою кататься и старалась думать только объ нихъ. Возвратившись съ гулянья, она вошла въ кабинетъ мужа. Графъ дожидался ея съ Чесминнымъ, котораго пригласилъ къ обѣду. Чесминъ началъ говорить съ ней по-баденски, и такъ просто, такъ непринужденно, что графиня мгновенно успокоилась. Вчерашній испугъ показался ей неумѣстнымъ и смѣшнымъ. Она устыдилась своего ребяческаго негодованія и своихъ глупыхъ опасеній. Послѣ обѣда, написала она, по приказанію мужа, самую дружескую и самую вѣжливую записочку къ княгинѣ, предлагая ей ѣхать вмѣстѣ въ театръ. Предложеніе было принято. Они отправились въ-четверомъ; только графъ ушелъ въ знакомыя ему ложи, такъ-что Чесминъ остался одинъ съ двумя дамами, и былъ снова такъ забавенъ, такъ увлекателенъ, что графиня, вѣрнѣе, не могла бы сказать, какую пьесу представляли актѣры. Пріятельница ея была, напротивъ, совершенно погружена въ созерцаніе спектакля. Нѣсколько часовъ пролетѣли незамѣтно.

Съ того времени, Чесминъ сталъ посѣщать графиню всякій день,

и она снова до того привыкла къ его посѣщеніямъ, что когда его не было въ комнату, ей какъ-будто чего-то не доставало. По утру они ходили втроемъ смотрѣть парижскія достопримѣчательности, или отправлялись къ мяндамъ, гдѣ графъ торговалъ мебеля Буля, японскія вазы и прочія рѣдкости, привлекающія петербургскую знать. Иногда Чесминъ оставался вдвоемъ съ графиней, провожалъ ее, по порученію мужа, домой, но никогда не пользовался удобнымъ случаемъ для объясненія. Напротивъ, онъ становился тогда какъ-то молчаливѣе и важнѣе. Графиня тоже становилась угрюма. Они шли молча. Иногда она, усталая отъ прогулки, опиралась болѣе обыкновеннаго на его руку; тогда онъ останавливался, выразительно глядѣлъ на нее, какъ-бы ожидая чего-то; но она взглядывала на него съ простодушіемъ ребенка, и онъ вздыхалъ, — и оба отправлялись далѣе не говоря ни слова.

Графиня не отдавала себѣ отчета въ своихъ чувствахъ: ей хорошо и весело было жить; но почему ей было весело и хорошо, — о томъ она не хотѣла и думать. Вечеромъ они снова были вмѣстѣ, иногда въ большомъ свѣтѣ, но больше всего и охотнѣе всего дома. Графъ игралъ тогда въ карты съ своими друзьями, а графиня вышивала и разговаривала съ Чесминымъ. Баденскіе вечера возобновились. О чемъ разговаривали они, Богъ ихъ знаетъ, только разговоръ ихъ былъ всегда оживленъ. Между ними не было словъ любви, но души ихъ рождались непримѣтнымъ образомъ каждый день болѣе-и-болѣе. Она уже перестала бороться съ своими опасеніями и бессознательно чувствовала, что Чесминъ необходимъ для ея жизни. Чесминъ, съ своей стороны, преклиналъ свое ребячество: дипломатъ влюбился; то, чего онъ боялся, осуществилось. Вся его житейская опытность ужь никуда не годилась. Онъ, глубоко изучившій пороки и слабости людскіе, онъ, привыкшій презирать людей и дѣлать себѣ изъ нихъ орудія, дрежалъ и робѣлъ передъ ребенкомъ! Какъ новый Пигмалионъ, онъ плѣнился своимъ созданіемъ. Онъ понималъ, что, благодаря его коварнымъ урокамъ, графиня созрѣла уже для любви и для страсти; но кто знаетъ? можетъ-быть эта любовь, эта страсть назначены не для него!.. Вотъ что его мучило. Истинное чувство всегда бываетъ недоверчиво. Иногда онъ ловилъ во взглядѣ красавицы лучъ надежды, и тогда сердце его билось отъ радости, онъ былъ и счастливъ, и веселъ, и молодъ. Но вдругъ имъ овладѣвало сомнѣніе. Онъ страшился равнодушія, не вѣрилъ въ свое могущество, и тѣмъ болѣе бѣсился на себя, что чувствовалъ себя непростительно-глухимъ. Юноша на его мѣстѣ просто высказалъ бы свое мученіе и по-крайней-мѣрѣ узналъ бы истину. Но дипломату было известно, что такимъ образомъ можно только испортить все дѣло. Ему было известно,

что сильная пылкая страсть ничтожна въ глазахъ женщины, когда сердце ея не задвѣто, и что потому она первая должна дать знаніе къ объясненію.

Видѣла такъ, что осторожность Чесмина слѣдилась опаснѣе для графини, чѣмъ самыя страстныя рычи. Молодая женщина, сама того не замѣчая, начала примѣшивать его образъ ко всемъ своимъ помысламъ, ко всемъ своимъ дѣйствіямъ. Она зажила, такъ-сказать, онъ, — и все, въ чемъ онъ не имѣлъ участія, какъ-будто не касалось до нея. Она не замѣтила даже, что около нея образовалась иная толпа вдыхателей. Растиньякъ въ-особенности преслѣдовалъ ее своими нѣжностями, за которыя она забывала даже сердиться, потому-что думала вовсе о другомъ.

Графъ, напротивъ, почиталъ Растиньяка опаснымъ соперникомъ, и, встрѣчая его у жены, началъ примѣтнымъ образомъ хмуриться. Эта супружеская тонкость чуть-чуть не погубила графиню.

У австрійскаго посланника былъ балъ. Обѣ пріятельницы, одѣты одинаково въ розовыя платья, привлекли на себя общее вниманіе. Балъ былъ великолѣпный. Вмѣстѣ съ тѣмъ, звуки оркестра, благоуханіе цвѣтовъ, балыный говоръ, праздничная суматоха немалю настроивали душу къ тревожному волненію. Графиня, упоенная и своимъ успѣхомъ, и своей молодостью, и атмосферой бала, была хороша до божества. Чесминъ, сидѣвшій до ея пріѣзда въ уголку съ какой-то дамой, вскопчилъ съ своего мѣста и почтительно подошелъ къ графинѣ.

— Кто эта хорошенькая женщина, спросила лукаво графиня: — съ которой вы тамъ сидѣли?

— Не помню, право, отвѣчалъ Чесминъ. — Она на васъ немного похожа.

Сказавъ эти слова, онъ страстно взглянулъ на графиню, и взоры ихъ встрѣтились. И графиня не отвернулась, а выдержала этотъ впечатлительный взоръ, и ясная краска вспыхнула на ея щекахъ, и сердце ея замерло... Растиньякъ стоялъ уже возлѣ нея и звалъ на танецъ.

— Не будете ли вы завтра у княгини? продолжалъ по-русски Чесминъ. Голосъ его дрожалъ.

Графиня опешила.

— Не думаю, сказала она довольно-холодно и понеслась вальсировать съ Растиньякомъ. Глаза ея горѣли. Грудь волновалась. Странная улыбка оживляла ея черты. Она была упоена какимъ-то бѣлеснымъ вдохновеніемъ и шутила, и кокетничала, и носилась въ ширѣ вальса, едва касаясь до паркета. Растиньякъ, съ сверкающимъ отъ удовольствія лицомъ, танцевалъ съ ней почти всѣ танцы, водилъ ее подъ руку по всемъ гостинымъ и былъ убѣжденъ;

что обворожилъ красавицу, тогда-какъ красавица не замѣчала даже его присутствія. Она хотѣла только подавить возмущавшія ее чувства, разсѣяться отъ голоса страсти, и увлекалась новымъ страстнымъ восторгомъ. Всѣ глядѣли на нее съ удивленіемъ. Старушки качали головами. Молодыя женщины перешептывались. Молодые люди улыбались.

— Каковъ Растиньякъ! говорилъ одинъ парижскій левъ своему товарищу передъ графомъ, котораго не зналъ. — Съумѣлъ отыскать себя такую красавицу!

— Да у нихъ еще это началось въ Баденѣ, отвѣчалъ собесѣдникъ:—Растиньякъ мнѣ самъ говорилъ.

Графъ поблѣднѣлъ и съ грознымъ видомъ пошелъ объявить жене, что пора ѣхать домой. Но графиня весело отвѣчала, чтобъ онъ ѣхалъ одинъ, а что она пріѣдетъ съ княгиней Звенигородской. Графъ взглянулъ на нее, какъ Отелло глядитъ на Дездемону; но такъ-какъ тутъ было много свидѣтелей, то онъ улыбнулся и исчезъ. За нимъ исчезъ и Чесминъ.

Графиня танцевала всю ночь.

На другой день, она сидѣла одна у своего камина. Лицо ея было блѣдно. Глаза неподвижны. Слезы катились по щекамъ. Минута поздняго откровенія настала: она любила...

Да, она любила. Обманывать себя ей было уже невозможно; она любила Чесмина такъ, какъ и не подозрѣвала, чтобъ можно было любить. Въ немъ, только въ немъ сосредоточивалась для нея вся вселенная; все прочее для нея не существовало. И вдругъ ей становилось страшно. Совѣсть упрекала ее въ легкомысліи, въ вероломствѣ, въ развратѣ. Морозъ пробѣгалъ по ея жиламъ. Она искала спасенія... она рѣшалась броситься къ ногамъ мужа, просить у него защиты, совѣта, опоры.

Въ комнату вошелъ графъ и началъ сурово ходить взадъ и впередъ.

Графиня до того была погружена въ раздумье, что не замѣтила его присутствія.

— Ну, матушка! началъ вдругъ грубо графъ.—Поздравляю.

Графиня вздрогнула.

— Поздравляю, продолжалъ безтолковый супругъ. — Хорошо, очень-хорошо. Нечего сказать. Жила-себѣ смиренницей, да вдругъ и брякнула. Да за кого ты меня принимаешь? Ты думаешь, что я позволю тебѣ жить съ возлюбленнымъ? А?

Графиня взглянула на мужа съ ужасомъ.

— Все можно, только умно, началъ графъ:—а показывать такъ нагло, какъ ты, свое предпочтеніе Французу... это выходитъ изъ всѣхъ границъ приличія. Этого я не могу, не долженъ позволять. Ты еще меня не знаешь, каковъ я! А!

— О какомъ Французъ вы говорите? съ удивленіемъ спросила графиня.

— Ты, матушка, думаешь, кажется, что я слѣпъ, или дуракъ набитый? Прошу не прогнѣваться. Мнѣ все эти проделки извѣстны. Я все вижу, хотя и не показываю... у васъ это ужъ въ Баденѣ началось. Ты думаешь я и не замѣтилъ? Только со мной-то, матушка, не легко сладить: сперва разсчитаюсь съ тобой по-своему, а тамъ и Француза давай. (Графъ принялъ при этомъ воинственный видъ.) Этотъ мусьё Растиньякъ не свесетъ своей головой: чуть-чуть не вызвалъ его стрѣляться по-русски, да Чесминъ угрозилъ. «Вы» говорить: «человѣкъ женатый: у васъ дѣти; вамъ грѣшно собой жертвовать; я не позволю. Самъ скорѣе стану на мое мѣсто. Мнѣ терять нечего.» Вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ! лютъ Чесминъ! Получше твоихъ Французовъ...

Графиня молчала. Лицо ея было блѣдно и неподвижно.

Графъ все болѣе и болѣе горячился.

— Вотъ что значить, мычалъ онъ: — жениться не въ своемъ кругу. Далъ тебѣ имя, богатство, свѣтское значеніе. Изъ ничего сдѣлалъ знатной дамой. Вотъ тебѣ и благодарности! Вотъ тебѣ и жина! Съ перваго дня все на-перекорь. Прошу быть какъ въ свѣтъ, принимать гостей,—такъ нѣтъ: сижу дома, никого не хочу видѣть,—такая добродѣтель, что страшно! Чтѣ слово, те дѣти. А подвернулся первый Французъ, такъ и растерялась сестрица. Вотъ тебѣ и добродѣтель! вотъ тебѣ и дѣти! Да нѣтъ, мама, нестой! Вотъ только замѣчу еще что-нибудь. Слышишь ли? Такъ ужъ прошу не прогнѣваться. Дѣтей отберу, отдамъ въ пансіонъ, а тебя отправлю къ бабушкѣ съ аттестатомъ. Посмотришь, матушка, какъ-то она тебя пріиметъ?

Графиня вскочила съ своего мѣста. Глубоко-оскорбленная, она прерывательно взглянула на мужа, медленно, безмолвно ушла къ своей комнатѣ и заверла за собою дверь.

Вечеромъ она была у княгини Звенигородской. При появленіи ея, Чесминъ вскрикнулъ отъ радости; но графиня, измученная сестрицой, обиженная мужемъ, была какъ-то болѣзненно-разсѣяна. Она провела странный вечеръ. Свѣтская пріятельница, будто-бы озабоченная какими-то домашними распоряженіями, оставлала ихъ нѣсколько разъ вдвоемъ. Тогда они молча глядѣли другъ на друга, и зная, что они могутъ говорить только объ одномъ, не говорили ничего. Оба ожидали. Такъ прошелъ вечеръ. На другой день, они уговорились вѣхать втроемъ въ концертъ Консерваторіи.

Есть минуты жизни, гдѣ музыка сильно на насъ дѣйствуетъ, потому-что она сливается въ одно выраженіе и наши чувства и наши мысли. Графиня ожидала концерта съ нетерпѣніемъ. Въ ле-

ни сидѣли они втроемъ: обѣ дамы рядомъ; за графиней Чесминъ. Всѣ ожидали съ благоговѣніемъ начала це-мольной смѣе-нинъ. Наконецъ, Габеманъ подавъ знакъ, и оркестръ зазвучалъ.

Сперва раздались глухіе удары, какъ-будто вызовъ судьбы, на-пугивающій душу страхомъ и смутеніемъ. Волненію то увеличива-лось, то утихало, и среди этого волненія вылетала воздушная мелодія, какъ пѣснь беззаботной души, незнающей ни страстей, ни бѣдствій,—покойной, невзвонной, веселой посреди говора и шума и стеновъ житейской суеты.

Графиня слушала.

Оркестръ немного примолкъ и началъ снова. Звонкій, звучащій валою, голосъ возлюбленнаго, запѣлъ, какъ-бы жалуюсь на землю и прелесть на небо. Въ этомъ пѣньѣ проглядывалъ лучъ надежды, выражалась увѣренность на лучшее... Но судьба не дремлетъ... Но жизнь тутъ съ своими извѣтельными намеками. Душа, готовая улетѣть, вдругъ останавливается мертвыми кортами существован-ности. Борьба съ жизнью начинается. Житейскія печали, землія условія, препятствія, бѣдствія, огорченія промелькиваютъ и ре-зультъ, и ложатся свинцовымъ грузомъ на измученное, истерзанное сердце...

Графиня не переводила дыханія.

Оркестръ снова замолкъ и снова началъ.

Вотъ они начались, разыгрались, зашумѣли людскіе толпы, ду-шевныя враги. Вотъ они насильственно мѣняютъ скороговоркой свои коварныя рчи, и бѣгаютъ, и трещатъ, и смѣются демонскими смѣхомъ. Теперь имъ раздѣлье... Теперь имъ праздникъ... Они тя-нутъ, рвутся, смачутъ, чтобъ уничтожить несогласную душу... Но вдругъ, собравшись съ силами, душа отряхиваетъ ихъ съ пре-зрѣніемъ. Раздаются крики радости и торжества. Вся природа сли-вается въ одну небѣдную пѣснь славы и любви. Душа побѣдила. Ей отверзты объятія неба. Въ свѣтѣ все вселенная. Тщетныя вранья усвѣдія; се прославляютъ все міры, все созданія, все, что было, все, что будетъ... все, что приобщено въ жизнь... все, что создано для любви и свѣта...

Въ эту минуту Чесминъ и графиня взглянули другъ на друга. Лица ихъ сіяли восторгомъ. Княгиня, нагнувшись черезъ ложу сѣдѣль, смотря на Раствиняна, который заснулъ сидя въ пре-сылнѣ.

— Да, вамъ нѣтъ? спросилъ трепетно Чесминъ.

Графиня взглянула на него такъ уповательно, такъ страстно, что Чесминъ задрожалъ. Слезы подернули ея глаза туманной пѣрой. Она все забыла, она готова была броситься въ объятія нѣжно-любимаго. Руки ихъ встрѣтились. Уста ея шепнули слово да, и

так тихо, так невинно, что только сердце Чеснина его улы-
кало.

Княгиня поспѣшно увезла ее домой, громко утверждая, что са-
ма не может слышать музыки равнодушно.

Оставшись одна послѣ этого незабвеннаго вечера, графиня ужас-
нулась быстрому развитію своей страсти. Не-уже-ли она, дотоле
непорочная какъ младенецъ, открыла сердце свое преступнымъ,
порочнымъ чувствамъ? Не-уже-ли она могла до такой степени за-
быть женскую стыдливость, женское достоинство, что привалясь
къ любви свѣтскому щеголю, который еще недавно былъ для нея
чужимъ, почти-незнакомымъ человѣкомъ? Раскаленіе грызло ея
сердце. Она воображала себя замѣсвѣлой преступницей. Она вдругъ
графиню похудѣла, ночи проводила въ треможной безсонницѣ, бро-
саясь на колѣни передъ образомъ, и молилась, и рыдала, и не мо-
гла думать — и все думала объ немъ. До того времени зная о
сердцѣ только по-наслышкѣ, она начала страдать нервическими
припадками, вдругъ вздрагивала отъ невольнаго испуга, плакала
безъ причины; наконецъ, какъ слабая женщина, убѣдилась, что
она не въ силахъ преодолѣть своей любви, но по крайней-мѣрѣ
объявила себѣ не забывать своему долгу. Она рѣшилась избѣжать
Чеснина, не оставаться съ нимъ наединѣ, заставить его забыть
про именованный, необдуманнѣйшій перывъ протѣвляющагося чувства.
Въ-слѣдствіе такого намѣренія, она перестала принимать его на
улицѣ, не отпускала отъ себя дѣтей ни на шагъ, не выжидала
никуда безъ мужа, котораго, послѣ грубого обласканія, она пона-
видѣла и презирала. Это одно стѣяло ей болѣе всего помертвеня-
ній. Но силы ея истощались въ такой душавной борьбѣ. Она тѣ-
ла съ каждымъ днемъ, звала смерть себѣ на помощь. Графъ былъ
созлобенъ, потому-что Раствиняку отказывали всякій разъ, какъ онъ
влялся. За то Чеснинъ былъ въ отчаяніи. Послѣ признанія, онъ
считалъ себя совершенно-счастливымъ, думалъ, что графиня го-
вова забыть для него все свои обязанности. Вышло напротивъ:
рафиня набѣгала его повсюду; графиня глядела на него съ явнѣю
олодностью, не принимала его страстныхъ намековъ. Чеснинъ му-
чался, бѣсился, выходилъ изъ себя. Онъ воображалъ даже иногда,
то графиня не что иное, какъ опытная кокетка, которая возна-
бривалась его проучить за свѣтское коварство. Тогда онъ влялся
и отшутить за неумѣстную шутку, и вдругъ вцепившись объ ея
вѣтви въ взглядъ, о ея свѣтлой улыбкѣ, и готовъ былъ про-
ить у ней прощенья на колѣняхъ, и терзался, и отчаявался, и
любилъ безнадежно.

Такъ прошло нѣсколько недѣль.

Однажды, княгиня Звенигородская, вѣрнула, по обыкновенію,

устроитъ къ своей пріятельницѣ. Графиня, блѣдная и изпуренная лежала на кушеткѣ.

— Знаешь ли новость? сказала княгиня.

— Нѣтъ.

— Говорятъ, что назначается новое министерство.

— Право? небрежно вымолвила графиня и погрузилась въ свою обыкновенную задумчивость.

— Это очень-важное извѣстіе, продолжала нарядная львица: — Очень-важное! Жаккуръ надѣется быть гдѣ-нибудь секретаремъ посольства. Ланкуръ въ большомъ горѣ. Вся умы взволнованы. Говорятъ, вся французская политика измѣнится. Я сейчасъ встрѣтила жему одного изъ будущихъ министровъ. Какая на ней пляска — прелесть! Вообрази: лиловая съ синими цвѣтами. Очень-оригинально. Хочу взять къ Бедранъ заказать себѣ такую же. Да бышь, главное-то я и забыла: Чесминъ отправляется курьеромъ.

— Куда? вскрикнула графиня и судорожно схватила пріятельницу за руку.

— А-га! вотъ и тебя интересуеъ политика. Я ужь это знала. Вотъ что! Онъ только ждетъ рѣшительной перемѣны министровъ и тотчасъ долженъ взять. Ему велено ждать немедленнаго отпрывенія въ Петербургъ. Бѣдный! ты не можешь представить, какъ онъ жалокъ. Все объ тебѣ говорить... Повѣришь ли? на глазахъ его были слезы. Плачетъ, право, плачетъ; я сама видѣла... не могу еще повѣрить. Грѣшно тебѣ его такъ мучить. Я не понимаю твоего поведенія. По-моему, если любить, такъ ужь любить право; сейчасъ сама скажу... А не любишь, такъ и скажи откровенно. Зачѣмъ даромъ мучить человека?

Графиня трепетно сняла съ руки эмалевое кольцо.

— Нѣ, сказала она шопотомъ.—Нѣ, отдай ему это. Если я его не увижу, скажи ему, чтобъ онъ былъ счастливъ... что я желаю ему счастья... Я прошу его, чтобъ онъ не забывалъ меня. чтобъ онъ носилъ мое кольцо... Отдай ему... Скажи ему...

И слезы покатались градомъ по блѣдному лицу красавицы.

Княгиня слегка улыбнулась и покатила головой.

— Милая! сказала она: — сколько ты потеряла времени попустому... Однако, будь покойна. Твое порученіе будетъ сейчасъ же исполнено.

Какъ только графиня осталась одна, она съ жадностью бросилась на газеты, и вѣрно некогда самый честолюбивый кандидатъ министерства не читалъ съ такимъ вниманіемъ политическія прінія парижскихъ камеръ, какъ бѣдная, истерзанная русская красавица. Перемѣна министровъ была неминуема. Съ графиней сдѣлалась лихорадка. Она легла въ постель. Послала за докторомъ

итеръ прописалъ какое-то лекарство и объявилъ, что опасаетъ горячки.

Однако, на другой день, графиня встала, приварядилась съ большимъ вниманіемъ и кое-какъ дотащилась до гостиной. Графъ какъ рочно не отходилъ отъ нея. Быть-можетъ, онъ рассказывался въ лавшей своей грубости. Долежили Чесмина.

Графиня слегка приподнялась съ своей кушетки и взглянула на ледаго человека страстно-умоляющимъ взоромъ.

— Правда, что ты ѣдешь? спросилъ графъ.

Чесминъ былъ блѣденъ и важенъ.

— Не знаю еще, сказалъ онъ. — Это зависить отъ обстоятельствъ, отъ объясненій. Во всякомъ случаѣ, если я и поѣду... возвратюсь скоро.

— Вы не боитесь дорогъ? прошептала графиня. — Онъ теперь въ дурны въ Россіи.

— Я ничего не боюсь, выразительно вымолилъ Чесминъ. — У меня есть талисманъ.

— Покажи-ка, прервалъ смѣясь графъ. Верно подарокъ какой-нибудь хорошенькой женщины. Вѣдь я, братъ, все, все знаю!

— Я никогда и никому не покажу его. Я его ношу съ кровью на груди, сказалъ съ чувствомъ Чесминъ: — и его похоронять не имей.

Всѣ замолчали.

— Ты не ѣдешь гулять? небрежно спросила графиня у мужа.

— Нѣтъ, мнѣ что-то нездоровится. Цѣлый день останусь дома. У насъ будутъ гости. Дѣ, кстати; Чесминъ, не хочешь ли отобѣдѣть съ нами?

— Не могу; я долженъ видѣться съ посланникомъ и не знаю въ какомъ часу буду свободенъ.

Графиня позвонила и приказала закладывать карету.

— Что это ты, матушка? спросилъ мужъ: — а докторъ что скажетъ?

— Докторъ приказалъ мнѣ подышать свѣжимъ воздухомъ... да я тому же я обѣщалась захватить къ княгинѣ Звенигородской.

— Берегись, замѣтилъ графъ:—чтобъ не было бѣды.

Чесминъ взглянулъ на графиню съ невыразимымъ чувствомъ обви и благодарности. Наконецъ она признавала его власть; наконецъ она поняла его! Само-собою разумѣется, что черезъ нѣсколько времени они сидѣли у княгини Звенигородской, сидѣли локоть въ локоть, въ полномъ упоеніи блаженства. Хозяйка шла въ другую комнату, зная по опыту, что при подобныхъ свидѣніяхъ посторонніе свидѣтели совершенно-лишніе.

Графиня ужъ не рассказывалась, ужъ не мучилась. Она какъ-бы

обескуражила отъ любви. Она вѣдомогола посягъ долей, мучительной, бесполезной борьбы. Страсть, давно таившаяся въ душѣ ея, вдругъ разгорѣлась на престоѣ и не позволяла ей опомниться. Она была въ полнѣмъ забытьѣ, ничего, ничего не боялась, — любила, только любила, только могла любить.

— Смотри на меня... смотри на меня... шептала она съ изто-рабочными трепетомъ. — Въ твоихъ глазахъ все мое счастье, вся моя жизнь, все мое будущее... Ты вѣришь теперь, что я тебя люблю? Не правда ли, ты вѣришь? Для тебя все брошу. Никаго не пожалю. Всемъ готова пожертвовать... Ты мой... ты весь мой... Я тебя никому не отдамъ. Ты останешься, ты не увидишь... или, знаешь что? возьми меня съ собой... Я уйду, убѣгу, куда захочешь, только чтобъ быть съ тобой... Я оставлю дѣтей, и никогда не возвращусь въ Россію, — я всѣхъ забуду, все забуду. Сжался надо мною; возьми меня, возьми меня... Я не умю притворяться, не выучилась обманывать. Пускай все узнаютъ, какъ я тебя любила и что я для тебя сдѣлала.

Чесминъ страстно поцаловалъ руку красавицы.

— Вы прелестный ребенокъ!.. сказалъ онъ съ невольной улыбкой. — Но то, что вы предлагаете, невозможно. Я не могу принять вашей жертвы. Это было бы противъ моей совѣсти.

Опытность дипломата разомъ представляла ему все послѣдствія безумнаго побѣга.

— Не-уже-ли, сказала съ негодованіемъ графиня:—вы не умѣете любить?

— Я? воскликнулъ съ жаромъ Чесминъ. — Виноватъ ли я, что я васъ старѣе, что я лучше вашего знаю жизнь? Подумайте: можете ли вы оторваться на вѣкъ отъ вашего семейства, обезславить себя по цѣлой Европѣ; въ состояніи ли вы снести униженіе, которое вы рѣшаетесь. Подумайте, что всѣ будутъ указывать на васъ пальцами. Подумайте, что никто не будетъ смѣть говорить о васъ при вашихъ дѣтяхъ... И когда вы состарѣетесь, когда умру, что будетъ съ вами?.. Вы забыли это! Но я долженъ былъ твердѣ за двоихъ. Я не могу, не долженъ этого забыть—для насъ же самихъ... И вы говорите, что я не умю любить?

Быть-можетъ, въ этихъ словахъ было и истинное чувство честнаго челоука; быть-можетъ тоже, что Чесминъ хотѣлъ охранить собственное имя отъ гласности и ужасался вѣчной обузы.

— Что жъ мнѣ дѣлать? что жъ мнѣ дѣлать? съ отчаяніемъ говорила графиня.

— Любить тайно, скрытно... чтобъ никто о томъ не зналъ. По-вѣрите моей грустной опытности. Нельзя одолѣть свѣтскихъ толковъ, но можно утѣниться отъ нихъ. Надо соблюсти приличіе. На-

на счастье наружность. Это иногда несносно... да дѣлать ничего. Вамъ будетъ тяжело-скерва, очень-тяжело... я это знаю. Но за то насъ ожидаютъ такія святыя минуты, такія святыя вознагражденія, что, право, можно для нихъ полукавить немного. Скажите слово... одно только слово... и я вѣчно в всюду буду за вами слѣдовать. Я брошу службу, я всю жизнь посвящу вамъ до послѣднего выдыханія.

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... проестонала графиня. — Я не могу... не умѣю лгать, не умѣю притворяться. Я не создана для тайнаго перека, для гнуснаго обмана. Я сама все расскажу... Не сердитесь на меня. Престите меня... Я не умѣю лгать. Еслибъ вы знали, чего это мнѣ стѣитъ. Еслибъ вы знали, что такое моя терпѣливая жизнь, какое для меня мученіе видѣть своего мужа. Почитайте на меня. Вы видите: я чахну. Мнѣ не долго жить; меня убьетъ раскаянье. Я все, все забыла, я сама-себя презираю... съ ума схожу. Повѣрите, мнѣ иногда кажется, что я дѣтей не люблю вовсе, что они мнѣ только мѣшаютъ... Пощадите меня, скажитесь надо мной... Или я убѣгу съ вами, или мы разстанемся на вѣкъ. Я постараюсь забыть васъ... умру вѣроятно, — но по-прежнему умру съ спокойной совѣстью, посреди дѣтей своихъ.

— Послушайте! важно вымоливалъ Чесминъ: — я человекъ свѣтскій, но я не дурной человекъ. Если вы не въ силахъ принести мнѣ малую жертву, я не скажу ни слова. Вы отъ меня не услышите ни жалобы, ни упрека... Теперь я долженъ вѣхать къ посланнику. Прощайте. Нынѣче вечеромъ я опять буду сюда за своимъ разговоромъ. Скажите слово: я откажусь отъ поѣздки, выйду въ отставку. Не хотите, — Богъ вамъ судья. А право, никто не будетъ любить, какъ я васъ люблю.

Съ этими словами, Чесминъ вышелъ. Въ противоположныхъ дверяхъ показалась хозяйка и опрометью бросилась къ стлянкѣ со ширтомъ. Съ графиней сдѣлалось дурно.

Не сердитесь, милыя читательницы, за странную холодность Чесмина. Онъ былъ влюбленъ, но онъ былъ уже не молодъ. Онъ хотѣлъ принести жертву, но хотѣлъ быть увѣренъ въ вознагражденіи. Отказаться отъ важнаго дипломатическаго порученія значило для него отказаться отъ службы, отъ блестящей будущности, — а онъ не былъ богатъ... и былъ честолюбивъ.

Да, онъ былъ честолюбивъ, какъ многіе Русскіе: онъ любилъ крену, онъ благоговѣлъ передъ чиномъ, хотя, разумется, скрывалъ и чувства какъ душевную немощь. Пренебречь ожидающими отличіями — это было для него величайшимъ доказательствомъ любви; но онъ былъ свѣтскимъ человекомъ, испорченнымъ человекомъ, и потому во всемъ сохранялъ расчетъ.

Между-тѣмъ, послали сказать графу, чтобъ онъ не дожидаясь жены къ обѣду. Графъ былъ очень этимъ доволенъ, потому-что пригласилъ некоторыхъ пріятелей, съ которыми намѣревался выпить лишнюю рюмку и потомъ расположиться играть на всю ночь.

Объ пріятельницы остались вдвоемъ. Швейцару было приказано, чтобъ, кромѣ Чесмина, не принимали никого. Трудно изобразить, что происходило въ душѣ графини. Если кто-нибудь изъ васъ, моя читательница (чего я, впрочемъ, не думаю) бывалъ въ такомъ положеніи, то вѣрно вы поймете болѣзненное смятеніе духа и пожалѣете о бѣдной. Безконечные часы вѣло тянулись часами. При каждомъ новомъ стукѣ маятника, при каждомъ скрипѣ дверей, графиня вздрагивала отъ невольнаго страха. Книжки ухаживала за ней молча, какъ за больной. Чесминъ не возвращался. — Наступилъ вечеръ. На улицѣ засверкали фонари. Становилось уже поздно. Чесмина все еще не было. Наконецъ, въ сосѣднихъ комнатахъ послышались шаги. Дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вошла старуха Чесмина разряженная и раздурманенная.

Объ пріятельницы вскрикнули.

— Какъ я вамъ благодарна, говорила жеманясь старуха:— какъ я вамъ благодарна за исключеніе въ мою пользу. Это очень-милосердье съ вашей стороны. Швейцаръ мнѣ сказалъ, что, кромѣ меня, вѣрно никого принимать. Даже бѣдному моему племяннику отказать. Вы знаете: министерство перемѣнило. Онъ завтра ѣдетъ. Вѣрно приходилъ прощаться. Я думала его здѣсь найти.

Сказавъ это, старуха расположилась на креслахъ и объявила, что намѣрена остаться на цѣлый вечеръ. Пріятельницы взглянули другъ на друга съ ужасомъ. Начался безсвязный разговоръ. Книгиня рѣшилась перемѣнить безтолковаго швейцара, но покамѣнь дѣлать было нечего. Послѣ долгой, мучительной пытки, графиня потребовала карету и уѣхала домой. Поспѣшно прошла она мимо комнатъ, гдѣ графъ громко козырялъ съ пріятелями, и заперла въ своей спальнѣ, не взглянувъ даже на спящихъ дѣтей. Но провела она ужасную, всю подушку омочила горячими слезами, стокала, и дрожала въ лихорадкѣ, и хотѣла молиться, и не могла молиться, и ходила по комнатѣ, и отворяла окно, и жадно глотала холодный почной воздухъ. Голова ея горѣла. Морозъ и огонь попеременно бѣгали по жиламъ: она металась, рыдала, бредила, чувствовала, что сходитъ съ ума. Дѣвушка, вошедшая къ ней утромъ, вскрикнула отъ ужаса. Она не узнала своей барыни. Графиня, однакожь, была, по-видимому, спокойна; только лицо было страшно-блѣдно и искажено, а губы судорожно дрожали. Она велѣла подать себѣ газеты: новые министры были уже назначены... Тогда она поспѣшно одѣлась, надѣла перчатки и шляпку

накинула на плеча мантилью и вышла на улицу. Графъ еще спалъ.

Долго ходила она по городу, обуреваемая страстными мыслями, съ огнемъ безумнаго изступленія въ очахъ. То шла она тихо, какъ-бы изнемогая отъ усталости, то быстро бѣжала, какъ-бы спасаясь отъ невидимаго врага. Но какая-то тайная сила все влекла ее въ одну сторону, въ одну улицу, гдѣ, она знала, живетъ Чесмиръ. Вдругъ она провела рукой по лбу, какъ-бы подавляя страшныя мысли и, остановившись у воротъ большого дома, робко стукнула молоткомъ.

Въ форточкѣ показался привратникъ въ очкахъ и засаленномъ козлѣкѣ.

— Кого вамъ надо, сударыня? сказалъ онъ.

— Здѣсь живетъ г. Чесмиръ? едва внятно спросила графиня.

Привратникъ улыбнулся и лукаво покачалъ головой.

— Жаль мнѣ васъ, сударыня, сказалъ онъ:— а вотъ всего двѣ минуты, какъ онъ уѣхалъ въ Россію.

— Двѣ минуты!.. протяжно повторила графиня: — только двѣ минуты!...

Тихо, съ поникшей головой, удалилась она отъ дома, отъ котораго ей жаль было оторваться. Старый привратникъ долго глядѣлъ ей во слѣдъ, качая головой и развертывая листы своего журнала.

Какъ дошла графиня домой, какъ ее раздѣли и положили въ постель, какъ она три недѣли пролежала въ безпамятствѣ и въ горячкѣ, того она никогда не могла припомнить.

Такимъ-образомъ кончился романъ двухъ лицъ, которыя, можетъ-быть, были созданы другъ для друга. Нѣсколько лѣтъ они слова не видались. Наконецъ, случай ихъ опять какъ-то свелъ въ

Петербургъ. При первой встрѣчѣ, имъ было и неловко, и грустно и совѣстно, и досадно. Чесминь немного посѣдѣлъ. Графиня все еще была хороша по-прежнему, много ѣздила въ свѣтъ и одѣвалась лучше всѣхъ петербургскихъ красавицъ. Оба въ душѣ пожелали о прошедшемъ, — но оба были уже заняты другимъ.

ГРАФЪ В. СОЛЛОГУБЪ.

Петербургъ
14 ноября 1843.

ГРАФИНЯ ДЕ-МОНСОРÓ.

Романъ Александра Дюма́ (*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

БРАКОСОЧЕТАНІЕ СЕН-ЛЮКА.

Въ воскресенье карнавала 1578 года, послѣ народнаго праздника, когда на улицахъ утихалъ шумъ радостнаго, веселаго дня, начиналось роскошное празднество въ великолѣпномъ домѣ, недавно-выстроенномъ по другую сторону рѣки и почти противъ Лувра знаменитой фамиліей Монморанси,—фамиліей, которая, находясь въ родственныхъ связяхъ съ королевскимъ домомъ, равнялась ближайшимъ членамъ его. Этотъ частный праздникъ, слѣдовавшій за народнымъ, былъ устроенъ по причинѣ бракосочетанія друга короля Генриха III и одного изъ самыхъ близкихъ любимцевъ его, Франсуа д'Элннѣ де-Сен-Люка съ Жанной де-Коссѣ-Бриссакъ, дочерью маршала Франціи.

Объединенный столъ былъ въ Луврѣ, и король, неохотно согласившійся на этотъ бракъ, присутствовалъ на немъ съ строгостію въ глазахъ, совершенно-несогласовавшеюся съ обстоятельствами. Са-

---

(*) Этотъ новый романъ Александра Дюма́ служитъ какъ-бы продолженіемъ его многолюдному роману «Королева Марго», напечатанному въ ХLI-мъ и ХLIІ-мъ томахъ «Отеч. Записокъ».

мый костюмъ его не соотвѣтствовалъ выраженію лица: Генрихъ былъ въ платьѣ темнокаштановаго цвѣта, въ которомъ Клуэ изобразилъ его на свадьбѣ Жуаёза; и это королевское привидѣніе, серьёзное до величія, въяло холодомъ на всѣхъ присутствующихъ, особенно же на новобрачную, на которую посматривало оно искоса и исподлобья.

Однакожь, мрачный видъ короля посреди радостнаго праздника никому не казался страннымъ, потому-что причина его была одна изъ тѣхъ придворныхъ тайнъ, около которыхъ всѣ лавируютъ, какъ около придворныхъ скалъ, зная, что столкновение съ ними влечетъ за собою неминуемую гибель.

Тотчасъ по окончаніи стола, король быстро всталъ, и всѣ, даже тѣ, которые вполголоса сознавались, что охотно посидѣли бы еще за столомъ, должны были послѣдовать его примѣру.

Тогда Сен-Люкъ бросилъ взглядъ на жену, какъ-бы желая почерпнуть мужество изъ взоровъ ея и, подошедъ къ королю, сказалъ:

— Государь, удостойте ли вы меня чести принять участіе въ балѣ, который я даю сегодня вечеромъ въ домѣ Монморанси, для вашего величества?

Генрихъ III оглянулся съ выраженіемъ, въ которомъ гнѣвъ боролся съ грустію, и какъ Сен-Люкъ, наклонившись предъ нимъ, умолялъ его нѣжнымъ голосомъ и кроткой улыбкой, то онъ отвѣчалъ:

— Будемъ; хотя вы и не заслуживаете этого знака нашей дружбы.

Мадмуазель де-Бриссакъ, жена Сен-Люка, почтительно начала было благодарить короля, но Генрихъ повернулся къ ней спиною и не отвѣчая на ея благодарность.

— За что король сердитъ на васъ, мсьё де-Сен-Люкъ? спросила новобрачная своего мужа.

— Другъ мой, отвѣчалъ Сен-Люкъ:—я расскажу вамъ это послѣ того, когда пройдетъ гнѣвъ его.

— А пройдетъ ли онъ? спросила Жанна.

— Непремѣнно, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Мадмуазель де-Бриссакъ была еще такъ недавно замужемъ, что не могла заставить мужа объяснить причину гнѣва короля; она преодолѣла на время свое любопытство, съ твердымъ намѣреніемъ дожидаться минуты, когда ей можно будетъ предложить Сен-Люку условія, на которыя онъ по-неволѣ долженъ будетъ согласиться.

И такъ, въ то время, когда начинается нашъ рассказъ, Генрихъ ждалъ короля въ великолѣпный домъ фамиліи Монморанси.

Пробило уже одиннадцать часовъ, а короля не было.

Сен-Люкъ пригласилъ на этотъ балъ всѣхъ друзей короля и своихъ собственныхъ; онъ включилъ въ приглашеніе принцевъ и друзей принцевъ, особенно старыхъ нашихъ знакомыхъ, герцога д'Аласона, сдѣлавшагося герцогомъ анжуйскимъ при вступленіи Генриха III на престолъ; но герцогъ анжуйскій не былъ на обѣдѣ

Лувръ, следовательно, его нельзя было ожидать и въ домѣ Монморанси.

Что касается до короля и королевы наваррскихъ, то они удалились въ Беарнъ и вступили въ открытую оппозицію, принявъ начальство надъ гугенотами.

Герцогъ анжуйскій также присоединился къ оппозиціи, но къ оппозиціи глухой и мрачной: онъ всегда старался держаться въ сторонѣ, выдвигая, такъ-сказать, впередъ тѣхъ изъ своихъ друзей, на которыхъ не подѣйствовалъ примѣръ ла-Моля и Коконнѣ.

Очень-натурально, что его придворные не жили въ согласіи съ придворными короля, и что между ними ежемѣсячно по два и по три раза бывали стычки, рѣдко проходившія безъ того, чтобъ одинъ изъ противниковъ не оставался на мѣстѣ или, по-крайней-мѣрѣ, не былъ опасно раненъ.

Что касается до Катерины, она достигла цѣли своихъ желаній. Возлюбленный сынъ ея возсѣдалъ на престолѣ, котораго она столько домогалась для него, или, лучше сказать, для себя. И она царствовала подъ его именемъ, стараясь, однакожь, показывать вѣдь, что удаляется отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ и заботится только о спасеніи души своей.

Сен-Люкъ, безпокойшійся о томъ, что ни одна особа изъ королевской фамилии не являлась, старался утѣшить своего тестя, испуганнаго этимъ грознымъ обстоятельствомъ. Будучи, подобно всѣмъ, убѣжденъ въ дружбѣ короля Генриха къ Сен-Люку, герцогъ де-Бриссакъ надѣялся вступить въ союзъ съ любимцемъ, а между-тѣмъ выходило напротивъ: дочь его сдѣлалась женою чело-вѣка, впавшаго въ немилость. Сен-Люкъ употреблялъ все усилія, чтобъ внушить ему спокойствіе, котораго у него-самого не было, а друзья его, Можиронъ, Шомбергъ и Келюсъ, въ великолѣпныхъ костюмахъ, какъ-бы сжатые въ богатыхъ полукафтанныхъ и въ огрожныхъ брыжжахъ, посреди которыхъ головы ихъ казались точно на блюдахъ, увеличивали это безпокойство ироническимъ соболѣзнованіемъ.

— Ахъ, Боже мой! бѣднѣйшій другъ мой! говорилъ Келюсъ:—я въ самомъ-дѣлѣ начинаю думать, что теперь ты рѣшительно погибъ. Король сердитъ на тебя, что ты не послушался его совѣтовъ, а герцогъ анжуйскій сердится за то, что ты насмѣхался надъ его носомъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ Сен-Люкъ: — король не приходитъ потому, что отправился въ гости въ Миними Венсенскаго-Льса, а герцогъ анжуйскій потому, что влюбленъ въ какую-нибудь женщину, которую я забылъ пригласить.

— Полно! сказалъ Можиронъ: — развѣ ты не замѣтилъ, какую мшву король дѣлалъ за столомъ? Не-уже-ли онъ походилъ на чело-вѣка, готовящагося идти въ гости куда бы то ни было? Что же касается до герцога анжуйскаго, — еслибъ причиной отсутствія его было то, что ты говоришь, отъ-чего жъ бы придворнымъ его

не придти? Посмотри, ни одного из них нет! рѣшительно затмѣніе! даже Бюсси нетъ.

— Э, господá! говорилъ герцогъ де-Бриссакъ, уныло покачивая головой:— это похоже на совершенную немилость. Чѣмъ же, Боже мой! нашъ домъ, всегда столь преданный его величеству, могъ навлечь на себя его нерасположеніе?

И старшій придворный съ горестію подымалъ руки къ небу.

Молодые люди смотрѣли на Сен-Люка съ громкимъ смѣхомъ, который не только не успокаивалъ маршала, но увеличивалъ его отчаяніе.

Новобрачная, грустная и задумчивая, старалась, подобно отцу, угадать, чѣмъ Сен-Люкъ разгнѣвалъ короля.

Сен-Люкъ это зналъ, и потому безпокоился болѣе другихъ.

Вдругъ у одного изъ главныхъ входовъ доложили о прибытіи короля.

— А! вскричалъ маршалъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ:— теперь я ничего не боюсь; если доложить еще о прибытіи герцога анжуйскаго, я буду совершенно счастливъ.

— А я, проговорилъ Сен-Люкъ:— больше боюсь присутствія, нежели отсутствія короля, потому-что онъ, вѣроятно, пришелъ сыграть со мною дурную шутку; герцогъ анжуйскій не является по той же самой причинѣ.

Однакожъ, несмотря на это печальное размышленіе, онъ успѣшилъ на встрѣчу короля, который, снявъ свой костюмъ темно-каштановаго цвѣта, явился блистая атласомъ, перьями и драгоценными камнями.

Но въ то самое мгновеніе, когда въ одну дверь входилъ король Генрихъ III, у другой, противоположной, явился еще король Генрихъ III, совершенно-сходный съ первымъ, одинаково-одѣтый, обутой, причесанный и убранный, такъ-что придворные, стремившіеся уже къ первому, внезапно остановились и отступили въ безпорядкѣ отъ перваго ко второму.

Генрихъ III замѣтилъ это движеніе и, видя предъ собою вытянутыя лица, изумленные глаза и неподвижныя фигуры, вскричалъ:

— Что съ вами, господа?

Продолжительный смѣхъ былъ отвѣтомъ.

Король, нетерпѣливый отъ природы и особенно въ эту минуту мало-расположенный къ терпѣливости, начиналъ уже хмурить брови, когда Сен-Люкъ приблизился къ нему:

— Государь! Шикó, вашъ шутъ, нарядился совершенно-сходно съ вашимъ величествомъ и даетъ дамамъ цаловать свою руку.

Генрихъ III засмѣялся. Шикó пользовался при дворѣ его такою же свободою, какою пользовался за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ Трибулэ при дворѣ Франциска I-го и сорокъ лѣтъ спустя Данжелл при дворѣ Лудовика XIII.

Шикó былъ необыкновенный шутъ. Онъ нѣкогда назывался

— Шико и былъ бретонскимъ дворяниномъ; оскорбленный де-Маённомъ, онъ искалъ защиты и убѣжища у Генриха III и пла- тилъ правдой, иногда жесткой, за покровительство, оказываемое ему преемникомъ Карла IX.

— Э! Шико, сказалъ Генрихъ:—изъ двухъ королей одинъ дол- жень уступить мѣсто другому.

— Въ такомъ случаѣ, не мѣшай мнѣ играть роль короля, а ты играй роль герцога анжуйскаго; можетъ-быть, тебя пріймутъ за него, и ты услышишь вещи, которыя объяснятъ тебѣ не то, что онъ думаетъ, а то, что дѣлаетъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ король, осматриваясь съ недоволь- нымъ видомъ: — брата моего нѣтъ здѣсь.

— Тѣмъ болѣе ты долженъ замѣнить его. И такъ; конечно: я Генрихъ, а ты Франсуа. Я буду царствовать; ты будешь тан- цовать; я возьму на себя все бремя королевскаго званія; а ты между-тѣмъ можешь немножко повеселиться: Бѣдный король!

Взоръ короля остановился на Сен-Люкѣ.

— Ты правъ, Шико; я буду танцовать.

— Теперь я вижу, что ошибался, полагая, будто бы король гнѣ- зится на насъ, думалъ Бриссакъ. — Онъ, напротивъ, въ прекра- сномъ расположеніи духа.

И Бриссакъ засуетился, поздравляя cadaго и въ-особенности себя-самого съ тѣмъ, что выдалъ дочь свою за человѣка, пользо- вавшагося такою милостию у короля.

Между-тѣмъ, Сен-Люкъ приблизился къ женѣ. Мадмуазель де- Бриссакъ не была красавицей, но у ней были прелестные черные глаза, бѣлые зубы, ослѣпительный цвѣтъ тѣла; все это вмѣстѣ придавало лицу ея большую пріятность.

— Моей Сен-Люкъ, сказала она мужу, занятая одною мыслию: — отъ-чего все говорили, что король на меня гнѣвается? Съ- тѣхъ-поръ, какъ онъ пріѣхалъ, онъ не перестаетъ улыбаться мнѣ.

— Послѣ объѣда вы мнѣ не то говорили, милая Жанна, пото- му-что тогда взглядъ его пугалъ васъ.

— Вѣроятно, его величество былъ тогда въ другомъ распо- ложеніи духа, сказала молодая женщина: — теперь же...

— Теперь еще хуже, сказалъ Сен-Люкъ: — король смѣется на отъ души. Я предпочелъ бы открытый гнѣвъ его. Жанна! бѣдный другъ мой, король готовитъ намъ какую-нибудь нехорошую шу- ту... О, ради Бога, не смотрите на меня такъ нѣжно, — по- жалауйста, отвернитесь. Вотъ идетъ Можиронъ; удержите его, овла- дѣйте имъ, любезничайте съ нимъ.

— Послушайте, возразила Жанна улыбаась: — это странное по- рученіе!... еслибъ я исполнила его, могутъ подумать...

— Ахъ! сказалъ Сен-Люкъ съ глубокимъ вздохомъ: — какъ бы хорошо было, еслибъ подумали!

И, обратившись спиной къ женѣ, взымленіе которой достигло

высшей степени, онъ отправился ухаживать за Шикó, играющимъ роль короля съ чрезвычайно-комическимъ величіемъ.

Генрихъ, пользуясь случаемъ, танцовалъ. Но, танцуя, онъ не спускалъ глазъ съ Сен-Люка; то подзывалъ его, чтобъ сообщить ему забавное замѣчаніе, которое было ли смѣшно или нѣтъ, но заставляло хотѣть Сен-Люка отъ души; то предлагалъ ему изъ своей коробочки пралинки и засахаренные плоды, которые Сен-Люкъ находилъ превкусными. Наконецъ, если Сен-Люкъ на минуточку уходилъ изъ залы, въ которой былъ король, чтобъ занимать гостей въ другихъ комнатахъ, то Генрихъ немедленно посылалъ за нимъ пажа или кого-либо изъ придворныхъ, и Сен-Люкъ возвращался съ улыбкой къ своему повелителю, который казался спокойнымъ и довольнымъ тогда только, когда Сен-Люкъ былъ при немъ.

Вдругъ сильный шумъ поразилъ слухъ Генриха.

— Эге! сказалъ онъ: — мнѣ кажется, это голосъ Шикó. Слышишь, Сен-Люкъ, король сердится?

— Точно, ваше величество, отвѣчалъ Сен-Люкъ, не замѣчая намека короля: — онъ съ кѣмъ-то ссорится.

— Сходи, узнай, вь сейчасъ же воротись.

Сен-Люкъ удалился.

И точно, голосъ Шикó раздавался по всѣмъ заламъ; онъ даже старался подражать голосу короля.

— Я, кажется, довольно издалъ законовъ противъ роскоши! Но если тѣхъ, которые я издалъ, недостаточно, то я издамъ еще новые и буду издавать ихъ до-тѣхъ-поръ, пока не скажутъ «довольно!» Если эти законы не будутъ хороши, то, по-крайней-мѣрѣ, ихъ будетъ много! Шести страницъ много, клянусь рогомъ Вельзевула, мой кузень! Это много, мосье де-Бюссé?

И, надувшись, покачнувшись на бокъ и уперевъ кулакъ въ бдро, Шикó удивительно-вѣрно представлялъ короля.

— Чтó онъ тамъ говоритъ о Бюссé? спросилъ король, насупивъ брови.

Сен-Люкъ хотѣлъ уже отвѣчать королю, какъ вдругъ толпа разступилась, и шестеро пажей, одѣтые въ парчу, съ гербами своего повелителя, блиставшими отъ драгоценныхъ камней, выступили впередъ. За ними слѣдовалъ молодой человѣкъ, гордый и прекрасный собою, съ поднятой головой, смѣлымъ взглядомъ, легкой презрительной улыбкой на лицѣ. Простой, черный бархатный костюмъ его составлялъ рѣзкую противоположность съ богатымъ костюмомъ его пажей.

— Бюссé, говорили всѣ шопотомъ:—Бюссé д'Амбуазъ.

И всѣ бѣжали на встрѣчу молодому человѣку, прозвездшему эту суматоху, или сторонились, чтобъ дать ему дорогу.

Можиронъ, Шомбергъ и Келюсъ стали по сторонамъ короля, какъ-бы для того, чтобъ защитить его.

— Странно! сказалъ первый, намекая на неожиданный приходъ

Бюссі и на отсутствіе герцога д'Алансона, къ свитѣ котораго принадлежалъ Бюссі:—странно! слуга пришелъ, а господина нѣтъ!

— Потерпите, возразилъ Келюсъ:—передъ слугою явились слуги слуги. Господинъ слуги идетъ, можетъ-быть, за господиномъ черныхъ слугъ.

— Послушай-ка, Сен-Люкъ, сказалъ Шомбергъ, младшій изъ любовницевъ (мильионовъ) короля Генриха и вмѣстѣ съ тѣмъ храбрѣйшій:— Бюссі не оказываетъ тебѣ должнаго почета; посмотри-ка на черное полукафтанье его; прилично ли оно на свадебномъ балѣ?

— Нѣтъ, сказалъ Келюсъ:—это похоронный костюмъ.

— Ахъ! проговорилъ Генрихъ:— жаль, что онъ носитъ трауръ не по себѣ-самому!

— Однако, Сен-Люкъ, сказалъ Можиронъ:—герцога анжуйскаго нѣтъ! Ужъ не попалъ ли ты и къ нему въ немилость?

Слова и къ нему поразили Сен-Люка въ самое сердце.

— Мы напрасно ждали, что онъ придетъ за Бюссі, сказалъ Келюсъ. — Развѣ не помните, что когда его величество почтилъ мосье де-Бюссі приглашеніемъ въ свою свиту, онъ отвѣчалъ, что, происходя отъ королевской крови, не имѣетъ надобности быть въ чей-либо свитѣ, и довольствуется однимъ и лучшимъ повелителемъ, то-есть, самимъ-собою?

Король насунилъ брови и сталъ кусать концы усовъ своихъ.

— Не смотря на то, Келюсъ, возразилъ Можиронъ:— онъ все-таки въ свитѣ герцога анжуйскаго.

— Въ такомъ случаѣ, флегматически отвѣчалъ Келюсъ:— вѣрнѣе, герцогъ важнѣе короля.

Этотъ отвѣтъ долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на Генриха, который всегда братски ненавидѣлъ герцога анжуйскаго. Онъ не сказалъ ни слова, но страшно поблѣднѣлъ.

— Полно, полно, господа! сказалъ съ трепетомъ Сен-Люкъ:— пожалуйте гостей моихъ; не разстройвайте моего свадебнаго бала.

Эти слова Сен-Люка, по-видимому, перемѣнили направленіе мыслей Генриха.

— Да, сказалъ онъ:— не будемъ разстраивать свадебнаго бала Сен-Люка, господа.

Онъ произнесъ эти слова закручивая усь съ насмѣшливымъ видомъ, ускользнувшимъ отъ вниманія бѣднаго новобрачнаго.

— Странно! вскричалъ Шомбергъ:— развѣ Бюссі въ роднѣ съ Бриссаконъ?

— Почему это? спросилъ Можиронъ.

— Потому-что Сен-Люкъ защищаетъ его. Чортъ возьми! защищать можно только себя, родныхъ, союзниковъ, или близкихъ друзей.

— Господа, сказалъ Сен-Люкъ:— мосье де-Бюссі мнѣ не союзникъ, не другъ и не родственникъ; онъ гость мой.

Король бросилъ гнѣвный взглядъ на Сен-Люка.

— Притомъ же, поспѣшно прибавилъ послѣдній, испугавшись взгляда короля:—я его нисколько не запищаю.

Бюссі съ достоинствомъ выступилъ впередъ и готовился уже поклониться королю, но ШикѠ, обиженный тѣмъ, что не ему отдавали предпочтеніе, вскричалъ:

— Эге!... Бюссі, Бюссі д'Амбуазъ, Луи де-Клермонъ, графъ де-Бюссі... я по-неволѣ долженъ вычислять все твои имена, чтобы ты понялъ, что я говорю съ тобою... Развѣ ты не видишь настоящаго Генриха?.. развѣ ты не умѣешь отличить короля отъ шута? Тотъ, къ кому ты подходишь, не кто иной, какъ ШикѠ, мой шутъ... который дѣлаетъ иногда такіа глупости, что я умираю со смѣха.

Бюссі продолжалъ идти впередъ и наклонился уже передъ королемъ, какъ тотъ сказалъ ему:

— Развѣ вы не слышите, мсьё де-Бюссі? Васъ зовутъ.

И при громкомъ смѣхѣ своихъ миньйоновъ, Генрихъ обернулся спиною къ молодому капитану.

Бюссі покраснѣлъ отъ негодованія, но, побѣдивъ первое движеніе и не обращая вниманія на смѣхъ Келюса, Шомберга и Можирона, обратился къ ШикѠ:

— Простите, ваше величество; я принялъ вашего шута за короля.

— ЧтѠ? проговорилъ Генрихъ остановившись:—чтѠ онъ сказалъ?

— Ничего, ваше величество, сказалъ Сеп-Люкъ, на котораго, по-видимому, судьба наложила долгъ примирителя въ этотъ вечеръ:—ничего, рѣшительно ничего.

— Все равно, Бюссі, сказалъ ШикѠ, принявъ любимую ногу короля:—все равно; это непростительно.

— Государь, возразилъ Бюссі:—простите, я былъ озабоченъ.

— Чѣмъ? своими пажами? сказалъ ШикѠ съ неудовольствіемъ. — Вы разоряетесь на пажей и—*mordieu!* вступаете въ мои права.

— Какимъ образомъ? сказалъ Бюссі, который понялъ, что, потворствуя шуту, онъ болѣе раздосадуетъ короля. — Прошу васъ объясниться, ваше величество, и если я въ-самомъ-дѣлѣ виноватъ, то сознаюсь въ томъ съ должною покорностію.

— Вы наряжаете въ парчу этихъ мальчишекъ, сказалъ ШикѠ, указавъ на пажей:—между-тѣмъ, какъ сами, дворяннѣ, капитанѣ, носите просто черный бархатъ!

— Государь, сказалъ Бюссі, обратившись къ миньйонамъ короля:—нынѣче мальчишки одѣваются въ парчу; позвольте же мнѣ, для отличія отъ нихъ, носить бархатъ...

И онъ отплатилъ миньйонамъ тою же презрительною улыбкою, съ которою они смотрѣли на него за нѣсколько минутъ предъ симъ.

Генрихъ взглянулъ на своихъ любимцевъ, которые, побѣдивъ отъ ярости, какъ-бы ожидали одного знака своего повелителя, чтобъ броситься на Бюссі. Келюсъ, болѣе другихъ озлобленный противъ этого дворянина, съ которымъ онъ уже имѣлъ бы соеди-

люкъ, еслибъ не строгое запрещеніе короля, — схватился за эфесъ шпаги.

— Не на мою ли свиту вы намекаете? вскричалъ Шикò, который, заступивъ мѣсто короля, спрашивалъ то, что король самъ долженъ бы былъ спросить въ подобномъ случаѣ.

И, произнося эти слова, шутъ принялъ такую комически-величественную позу, что половина гостей расхохоталась. Другая же половина не смѣялась, по той весьма-натуральной причинѣ, что смѣялись надъ нею.

Между-тѣмъ, трое изъ друзей Бюссі, полагавшіе, что дѣло не обойдется безъ ссоры, стали возлѣ него. То были Шарль Бальзакъ и Антрагъ, котораго по-просту называли Антрагэ, — Ливаро и Рейберакъ.

Замѣтивъ эти враждебныя расположенія, Сен-Люкъ понялъ, что Бюссі былъ подосланъ братомъ короля, чтобъ нарочно надѣлать шума или вызвать кого-нибудь. Онъ задрожалъ сильнѣе прежняго, потому-что попался между сильною ненавистью двухъ могущественныхъ враговъ, избравшихъ домъ его мѣстомъ битвы.

Онъ подбѣжалъ къ Келюсу, который былъ болѣе другихъ разгоряченъ и, наложивъ руку на эфесъ его шпаги, вскричалъ:

— Ради самого неба! успокойся, другъ... подождемъ.

— Э, mon dieu! успокойся самъ, отвѣчалъ Келюсъ. — Ударъ этого невѣжды столько же попалъ въ тебя, какъ и въ меня; кто оскорбляетъ одного изъ насъ, тотъ оскорбляетъ насъ всѣхъ; а кто оскорбляетъ насъ, тотъ оскорбляетъ короля!..

— Келюсъ, Келюсъ! сказалъ Сен-Люкъ: — подумай о герцогѣ Анжуйскомъ, который тѣмъ опаснѣе, что его самого нѣтъ здѣсь. И надѣюсь, ты не думаешь, что я боюсь слуги!

— Надѣюсь! Намъ, приверженцамъ короля, нѣкого страшиться!.. Если мы подвергаемся опасности, защищая короля, то онъ защититъ насъ.

— Тебя, да; но не меня! плачевнымъ голосомъ отвѣчалъ Сен-Люкъ.

— Такъ кто же тебя велѣлъ жениться? сказалъ Келюсъ: — ты знаешь, какъ король ревнуетъ къ друзьямъ своимъ!

— Прекрасно! подумалъ Сен-Люкъ: — всякій заботится только о себѣ. Слѣдовательно, и мнѣ не слѣдуетъ забывать себя. А такъ-какъ хочу жить спокойно, по-крайней-мѣрѣ первыя двѣ недѣли брака, такъ постараюсь угодить герцогу.

Послѣ этого размышленія, онъ оставилъ Келюса и пошелъ къ монсору де-Бюссю.

II.

Продолженіе.

Послѣ своего дерзкаго отвѣта, Бюссі поднялъ голову и окинулъ смѣлымъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ, прислушиваясь не отвѣтитъ ли кто-нибудь на его дерзость. Но всѣ стояли опустивъ глаза; всѣ молчали; одни боялись короля, другіе Бюссі.

Последній, замѣтивъ, что къ нему приближался Сен-Люкъ, вообразилъ, что онъ наконецъ дождался того, чего желалъ.

— Не тому ли, что сейчасъ сказалъ я, обязанъ я удовольствію видѣть васъ передъ собою? спросилъ Бюссі.

— А что вы сказали? спросилъ Сен-Люкъ съ граціозною улыбкой. — Что же вы сказали? Я ничего не слышалъ. Нѣтъ, я замѣтилъ васъ и подошелъ для того, чтобъ поблагодарить за честь, которую дѣлаетъ мнѣ ваше присутствіе въ этомъ домѣ.

Бюссі былъ человекъ возвышенный во всѣхъ отношеніяхъ, — мужественный до безразсудства, но образованный, остроумный и вѣжливый. Онъ зналъ храбрость Сен-Люка, и потому понималъ, что въ эту минуту онъ подчинялъ свое оскорбленное самолюбіе долгу хозяина дома. Всякому другому онъ повторилъ бы сказанное, но теперь онъ вѣжливо поклонился Сен-Люку и снисходительно отвѣчалъ на его привѣтствіе.

— О-го! сказалъ Генрихъ, увидѣвъ, что Сен-Люкъ подошелъ къ Бюссі: — кажется, мой пѣтушокъ отвѣчаетъ капитану. Онъ очень хорошо дѣлаетъ, но я не хочу, чтобъ его зарѣзали. Посмотри, Келюсъ... или нѣтъ! ты слишкомъ-горячъ... Можиронъ, сходи, послушай, о чемъ они бесѣдуютъ.

Можиронъ скоро повиновался; но осторожный Сен-Люкъ замѣтилъ его движеніе и, не давъ ему времени дойти до Бюссі, пошелъ къ нему на встрѣчу и воротился съ нимъ вмѣстѣ къ королю.

— Что ты сказалъ этому приторному Бюссі? спросилъ король.

— Я, государь?

— Дѣ, ты.

— Я ему пожелалъ добраго вечера, сказалъ Сен-Люкъ.

— А! и больше ничего? проворчалъ король.

Сен-Люкъ замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ глупость.

— Я пожелалъ ему добраго вечера, сказалъ онъ: — и присовокупилъ, что завтра буду вмѣстѣ честь пожелать ему добраго утра.

— О-го! произнесъ Генрихъ: — я такъ и думалъ. Ты слишкомъ-горячъ.

— Я долженъ просить ваше величество сохранить это въ тайнѣ, прибавилъ Сен-Люкъ.

— Не бойся! сказалъ Генрихъ III: — и еслибъ ты могъ избавить меня отъ него, не подвергаясь самъ опасности...

Миньоны помѣнялись быстрымъ взглядомъ. Генрихъ притворился, что не замѣтилъ этого.

— Потому-что, продолжалъ король: — дерзость его становится нестерпимою...

— Да, да, сказалъ Сен-Люкъ. — Только рано ли, поздно ли, онъ будетъ наказанъ... Повѣрьте, ваше величество.

— Гм! Онъ мастеръ владѣть шпагой, сказалъ король, покачивая головой. — Еслибъ на него напала бышеная собака... это избавило бы насъ отъ него безъ дальнихъ хлопотъ.

И онъ изъ-подлобья посмотрѣлъ на Бюсси, прогуливавшася по залу взадъ и впередъ вмѣстѣ съ своими друзьями и насмѣхавшася надъ противниками герцога анжуйскаго, — слѣдовательно, надъ друзьями короля.

— Corbleu! вскричалъ Шикд:—что вы, Бюсси, задѣваете моихъ любимыхъ дворянъ! Не забудьте, что я тоже умѣю владѣть шпагой.

— А, негодный! проворчалъ Генрихъ: — по чести, онъ не ошибается.

— Ваше величество, если Шикд будетъ продолжать подобныя шутки, я накажу его, сказалъ Можиронъ.

— Не советую, Можиронъ; Шикд дворянинъ, и весьма-щеколитъ въ дѣлахъ, касающихся его чести. Впрочемъ, не онъ заслуживаетъ наказанія, потому-что не онъ дерзче всѣхъ.

Въ этотъ разъ, слова короля были ясны; Келюсъ сдѣлалъ знакъ д'О и д'Эперноу.

— Господи, сказалъ Келюсъ, отведи ихъ въ-сторону:—намъ надо посоветоваться; ты, Сен-Люкъ, говори съ королемъ и старайся помириться съ нимъ.

Сен-Люкъ предпочелъ это обстоятельство совѣщанію съ товарищами и подошелъ къ королю и Шикд, разговаривавшимъ о чемъ-то съ жаромъ.

Между-тѣмъ, Келюсъ отвелъ четырехъ друзей своихъ въ амбразуру окна.

— Что тебѣ нужно? говори скорѣе! сказалъ д'Эперноу.—Я воюю за женою Жуаёза и предваряю тебя, что если то, что ты хочешь сказать намъ, не занимательно, я никогда не прошу тебя этого!

— Я хочу вамъ сообщить, господа, отвѣчалъ Келюсъ:—что тотчасъ послѣ бала ѣду на охоту.

— Хорошо, сказалъ д'О:—на какую охоту?

— На охоту за кабаномъ.

— Что за мысль пришла тебѣ ѣхать на охоту въ такой холодъ?

— Ничего. Я ѣду.

— Одинъ?

— Нѣтъ, съ Можирономъ и Шомбергомъ. Мы будемъ охотиться для короля.

— А, понимаю! сказали вмѣстѣ Шомбергъ и Можиронъ.

— Король хочетъ, чтобъ завтра ему подали кабанью голову.

— Съ итальянскимъ воротникомъ, сказалъ Можиронъ, намекая на простой воротничокъ, который, въ противоположность съ брызжжами мнѣйоновъ, покрывалъ плечи Бюсси.

— А-га! произнесъ д'Эпернонъ:—такъ и я съ вами.

— О чемъ идетъ рѣчь? спросилъ д'О — я рѣшительно ничего не понимаю.

— Посмотри вокругъ себя, мой милъ ѳ.

— Ну, смотрю.

— Не смѣется ли кто-нибудь тебѣ въ глаза?

— Бюсси, кажется.

— Такъ не кажется ли тебѣ еще, что онъ кабанъ, голова котораго можетъ быть пріятна королю?

— Ты думаешь, что король...? началъ д'О.

— Онъ требуетъ, отвѣчалъ Келюсъ.

— Изволь; и я ѣду съ вами. Но какъ же мы будемъ охотиться?

— На сторожкѣ. Это вѣрнѣе.

Бюсси замѣтилъ совѣщаніе, и не сомнѣваясь въ томъ, что разговоръ шелъ объ немъ, посмѣиваясь приблизился съ своими друзьями къ разговаривавшимъ.

— Посмотри, Антрагѣ, посмотри, Рибейракъ, сказалъ онъ:—какъ они сгруппированы! Какое трогательное зрѣлище... точно Эвріаль и Низій, Дамонъ и Пвѣй, Касторъ и... но гдѣ же Поллуксъ?

— Поллуксъ женился, сказалъ Антрагѣ: — Кастора разрознили съ нимъ.

— Что они тамъ дѣлаютъ? спросилъ Бюсси, дерзко указывая на нихъ.

— Я готовъ биться объ закладъ, сказалъ Рибейракъ: — что они замышляютъ камую-нибудь шалость.

— Ошибаетесь, господа, сказалъ Келюсъ улыбаясь:—мы говоримъ объ охотѣ.

— Не-уже-ли, синьоръ Купидонъ? сказалъ Бюсси:—теперь холоденъ охотиться. Замерзнете.

— Извините, отвѣчалъ Можиронъ вѣжливо: — у насъ есть теплыя перчатки и полукафтанья на ватѣ.

— А! Это успокоиваетъ меня, сказалъ Бюсси:—а когда вы намѣрены ѣхать на охоту?

— Можетъ-быть, въ эту же ночь, отвѣчалъ Шомбергъ.

— Не можетъ-быть, а навѣрное, замѣтилъ Можиронъ.

— Я извѣщу о томъ короля, сказалъ Бюсси:—что скажетъ его величество, если завтра утромъ узнаетъ, что всѣ любимцы его простудились?

— Не безпокойтесь, сказалъ Келюсъ: — его величество знаетъ, что мы собираемся на охоту.

— За жаворонками? спросилъ Бюсси съ оскорбительно-проничеюю улыбкою.

— Нѣтъ, возразилъ Келюсъ: — за кабаномъ. Намъ непременно нужна кабанья голова.

— Но гдѣ же показался кабанъ?... спросилъ Антрагё.

— По близости, отвѣчалъ Шомбергъ.

— Найдете ли вы его? спросилъ Ливарё.

— Постараемся, отвѣчалъ д'О. Не угодно ли вамъ, мосьё де-Бюссй, ѣхать съ нами?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бюссй тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ.— Не могу, къ-сожалѣнію. Завтра я долженъ быть у герцога анжуйскаго для встрѣчи мсьё де-Монсорё, которому его высочество, какъ вамъ извѣстно, пожаловалъ званіе обер-егермейстера.

— Но нынѣче ночью? спросилъ Келюсъ.

— А! и нынѣче ночью не могу; у меня есть свиданіе въ таинственномъ домѣ Сент-Антуанскаго-Предмѣстья.

— А-га! вскричалъ д'Эпернонъ:— не живетъ ли королева Маргё некогнито въ Парижѣ? Мы узнали, мосьё де-Бюссй, что вы преэминикъ ла-Моля.

— Да; но съ нѣкотораго времени я отказался... дѣло идетъ совершенно о другой особѣ.

— Которая ждетъ васъ въ Сент-Антуанскомъ-Предмѣстьѣ? спросилъ д'О.

— Именно; мнѣ даже надобно попросить совѣта у васъ, мсьё де-Келюсъ.

— Говорите. Хотя я и не адвокатъ, но умѣю давать хорошіе совѣты, особенно друзьямъ.

— Говорятъ, что парижскія улицы ночью не безопасны; Сент-Антуанское-Предмѣстье весьма-уединенно. Какую дорогу совѣтуете вы мнѣ избрать?

— Такъ-какъ луврскій перевозчикъ будетъ насъ ждать всю ночь, то я, на вашемъ мѣствѣ, отправился бы къ маленькому парому въ Пре-о-Клеркъ, пошелъ бы по набережной до Гран-Шатлэ, и по улицѣ Тиксерандри дошелъ бы до Сент-Антуанскаго-Предмѣстья. Если вы счастливо минуете турнельскій отель, то дальше ужъ нѣчего опасаться...

— Благодарю за маршрутъ, сказалъ Бюссй.— Во-первыхъ, маленький паромъ въ Пре-о-Клеркъ, потомъ набережная Гран-Шатлэ, улица Тиксерандри и наконецъ Сент-Антуанское-Предмѣстье. Я послѣдую вашему совѣту, мосьё де-Келюсъ; непремѣнно.

И, поклонившись, онъ отошелъ, сказавъ вслухъ Бальзаку д'Антрагу:

— Нѣтъ, Антрагё, съ этими людьми рѣшительно нельзя ничего сдѣлать; уйдемъ.

Ливарё и Рибейракъ засмѣялись, слѣдуя за Бюссй и Антрагё, которые, удаляясь, нѣсколько разъ оглядывались со смѣхомъ.

Мильионы оставались спокойны; они рѣшились не понимать оскорбленій.

Когда Бюссй переходилъ чрезъ послѣднюю залу, въ которой находилась мадамъ де-Сен-Люкъ, не спускавшая глазъ съ своего мужа, послѣдній кивнулъ ей головою, указавъ на удалявшася лю-

бшица герцога анжуйскаго. Жена поняла взгляды мужа съ проницательностью, свойственною женщинамъ и, поспышавъ на встречу Бюссі, преградила ему дорогу.

— Ахъ, мось де-Бюссі, сказала она: — всѣ говорятъ о сонетѣ, сочиненномъ вами...

— Противъ короля? спросилъ Бюссі.

— Нѣтъ; но въ честь королевы. О, скажите мнѣ его!

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Бюссі, подавъ руку жень Сен-Люка, и, повторяя сонетъ, удалился съ нею.

Въ то же время, Сен-Люкъ тайкомъ подошелъ къ миньйонамъ и услышалъ, какъ Келюсъ говорилъ:

— При такихъ вѣрныхъ свидѣніяхъ, не трудно будетъ преслѣдовать звѣря; и такъ, господа, на углу турнельскаго отеля, близъ Сент-Антуанскихъ-Воротъ.

— Каждый съ лакеемъ? спросилъ д'Эпернонь.

— Нѣтъ, Погарѣ, нѣтъ, отвѣчалъ Келюсъ: — будемъ одни, исполнимъ одни дѣло и одни же сохранимъ тайну. Я его ненавижу не смотря на то, ни за что не соглашусь, чтобъ до него коснулася палка лакея... онъ родовой дворянинъ.

— Мы выйдемъ всѣ шестеро вмѣстѣ? спросилъ Можиронъ.

— Пятеро, а не шестеро, сказалъ Сен-Люкъ.

— Ахъ, да! мы и забыли, что ты обзавелся женой. Мы поступили-было съ тобой, какъ съ холостымъ, сказалъ Шомбергъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, прибавилъ д'О:— пусть бѣдный Сен-Люкъ хоть первую ночь брака останется съ женою.

— Вы ошибаетесь, господа, возразилъ Сен-Люкъ: — меня удерживаетъ совсемъ не жена, хотя, признайтесь, она стоить того, чтобъ я всѣмъ для нея пожертвовалъ... меня удерживаетъ король.

— Какъ, король?

— Да, его величество желаетъ, чтобъ я проводилъ его до Лувра. Молодые люди посмотрѣли на него съ улыбкой, значенія которой Сен-Люкъ не могъ понять.

— Что дѣлать! сказалъ Келюсъ: — король такъ къ тебѣ расположенъ, что не можетъ обойтись безъ тебя.

— Притомъ же, прибавилъ Шомбергъ:— намъ ненужно Сен-Люка. Обойдемся и безъ него!

— Звѣрь силенъ, сказалъ д'Эпернонь.

— Ба! возразилъ Келюсъ:— я однимъ коломъ ручаюсь управиться съ нимъ.

Послышался голосъ Генриха, звавшаго Сен-Люка.

— Господа, сказалъ послѣдній: — вы слышите, король зоветъ меня; желаю вамъ удачи на охотѣ; до свиданія.

И онъ оставилъ ихъ. Но вмѣсто того, чтобъ идти къ королю, онъ пробрался вдоль стѣнъ за толпою зрителей и танцовавшихъ и подошелъ къ двери, гдѣ стоялъ Бюссі, котораго прелестная и вобрачная старалась удержать.

— А, это вы, мось Сен-Люкъ, сказалъ молодой человекъ.

Но какъ вы озабочены! Ужь не собираетесь ли и вы на большую олоту, о которой мнѣ сейчасъ говорили?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сен-Люкъ:—я озабоченъ потому, что искалъ мсь...

— Не-уже-ли?

— И потому-что опасался не застать васъ еще здѣсь. Милая Жанна, прибавилъ онъ:—скажите вашему батюшкѣ, чтобъ онъ старался удержать короля; мнѣ надо сказать два слова наединѣ мосьё де-Бюссі.

Жанна поспѣшно удалилась; она не понимала ничего, но исполняла все безпрекословно, потому-что инстинктивно чувствовала важность совѣтовъ мужа.

— Что вамъ угодно, мосьё де-Сен-Люкъ? спросилъ Бюссі.

— Я хотѣлъ вамъ сказать, мосьё де-Бюссі, отвѣчалъ Сен-Люкъ:—что если у васъ назначено сегодня вечеромъ какое-нибудь свиданіе, то лучше отложите его до завтра, потому-что въ это время по парижскимъ улицамъ ходить опасно. Сверхъ того, если вамъ нужно проходить мимо Бастиліи, то старайтесь обойти турнельскій отелъ, потому-что возлѣ него есть углубленіе, въ которое могутъ легко спрятаться нѣсколько человѣкъ. Вотъ что мнѣ нужно было сказать вамъ, мосьё де-Бюссі. Боже сохрани меня отъ той мысли, что человѣкъ, подобный вамъ, можетъ струсить... я только совѣтую вамъ предостеречься.

Въ это самое время раздался голосъ Шикд:

— Сен-Люкъ, мой миленькій Сен-Люкъ! Не прячься же. Развѣ ты не видишь, я жду тебя, чтобъ вернуться въ Лувръ?

— Я здѣсь, ваше величество, отвѣчалъ Сен-Люкъ, побѣжавъ впередъ по направленію голоса Шикд.

Возлѣ шута стоялъ Генрихъ III, которому одинъ пажъ подавалъ же тяжелый плащъ, подбитый горностаемъ, другой массивныя ерчатки, доходившія до локтя, а третій бархатную маску съ атласной подкладкой.

— Ваше величество, сказалъ Сен-Люкъ, обращаясь вмѣстѣ и къ королю и къ шуту:—я буду имѣть честь посвѣтить вамъ до вашихъ носилокъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, сказалъ Генрихъ:—Шикд идетъ въ свою комнату, а я въ свою. Все друзья мои — негодяи: они разбрелись, такъ-что я долженъ одинъ вернуться въ Лувръ. Я понадеялся на нихъ, а ихъ нѣтъ... Следовательно, ты, какъ человѣкъ женатый, ценный, не можешь отпустить меня одного: ты долженъ проводить меня къ королеву. Пойдемъ, другъ мой, пойдемъ. Эй! ко мосьё де-Сен-Люку!.. Или нѣтъ, ненужно, сказалъ онъ, какъ-бы думавъ:—носилки мои широки; будетъ мѣста обоимъ.

Жанна де-Бриссакъ не проронила ни одного слова изъ этого разговора; она хотѣла говорить, сказать слово мужу, извѣстить отца томъ, что король похищалъ Сен-Люка; но послѣдній, приложивъ

палецъ къ губамъ, сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ она ничего не говорила.

— Осторожнѣе! подумалъ онъ: — я списалъ себя пріазнь Франсуа-Анжуйскаго; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ я долженъ былъ поссориться съ Генрихомъ-Валуа. Ваше величество прибавилъ онъ въ-слухъ: — я такъ вамъ преданъ, что по приказанію вашему готовъ за вами слѣдовать на край свѣта.

Наступила суматоха; со всѣхъ сторонъ отступали глубокіе полкны, потомъ все умолкло, чтобъ слышать, какъ король прещался съ мамзель де-Бриссакъ и отцомъ ея. Король былъ чрезвычайно-любезенъ.

Потомъ лошади нетерпѣливо заржали на дверь; факелы бросали красноватый свѣтъ на стекла оконъ. Смѣясь и дрожа отъ холода, толпа придворныхъ и всѣ приглашенные на свадьбу разѣхались и разошлись въ разные стороны.

Оставшись одна съ своими служанками, Жанна удалилась къ себѣ въ спальню и преклонила колѣни передъ образомъ святой, которую избрала своею хранительницей. Потомъ, она отпустила служанокъ, приказавъ приготовить ужинъ своему мужу.

Мосѣ де-Бриссакъ сдѣлалъ болѣе: онъ послалъ шесть слугъ къ воротамъ Лувра, чтобъ они ждали тамъ Сен-Люка и проводили его домой. Но, два часа спустя, слуги послали одного изъ своихъ товарищей къ маршалу съ извѣщеніемъ, что всѣ двери въ Луврѣ были заперты, и что дежурный капитанъ сказалъ имъ: «Вы напрасно ждете; теперь уже мы никого не выпустимъ изъ Лувра. Его величество извѣдितъ почивать — и всѣ спать».

Маршалъ пошелъ извѣстить объ этомъ странномъ обстоятельствѣ свою дочь, которая такъ беспокоилась, что рѣшилась не смыкать глазъ во всю ночь, въ ожиданіи мужа.

III.

Какъ часто не тотъ входитъ въ домъ, кто отворяетъ дверь.

Сент-Антуанскіи Ворота состояли изъ каменнаго свода, на подобіе вышшихъ Сен-Денискихъ и Сен-Мартенскихъ-Воротъ въ Парижѣ. Только съ лѣвой стороны они примыкали къ смежнымъ строеніямъ, къ Бастиліи, и такимъ-образомъ соединялись съ вѣхой темницей.

Пространство, находившееся между воротами и бретанскими отелемъ, было велико, мрачно и грязно; но это пространство было мало посѣщаемо днемъ, а ночью совершенно-пусто, потому-что вечерніе прохожіе проложили себѣ дорогу возлѣ самой темницы, чтобъ стать, — въ это время, когда не было ночныхъ патрулей, улицы наполнены были разбойниками, — подѣ защиту часоваго, кот

рый хотя и не могъ помочь имъ, но могъ крикомъ созвать людей и разогнать промышленниковъ.

Само собою разумеется, что въ зимнія ночи прохожіе были еще осторожнѣе, нежели въ лѣтнія.

Ночь, когда происходило описанное нами, была такъ холодна, мрачна, и небо было подернуто такими тяжелыми тучами, что никто не могъ бы замѣтить на стѣнѣ темничной ограды часоваго, который самъ не могъ видѣть людей, проходившихъ по площади.

Передъ Сент-Антуанскими-Воротами, ближе къ городу, не было ни одного дома; видѣлись только высокія стѣны, направо примыкавшія къ Церкви-св.-Павла, а нѣлѣво къ турнельскому отелю. На концѣ этого отеля былъ тотъ уступъ, о которомъ Сен-Люкъ говорилъ Бюссѣ.

Ни одинъ фонарь не освѣщалъ этой части древняго Парижа. Въ ночь, когда мѣсяцу угодно было освѣщать путь прохожимъ, взору представлялась мрачная, величественная и неподвижная гигантская масса Бастиліи, чернымъ пятномъ отдѣлявшаяся отъ небесной лазури. Въ темныя же ночи, это мѣсто было еще мрачнѣе, и мѣстами пересѣкалось слабымъ свѣтомъ, виднѣвшимся въ окнахъ.

Въ эту ночь, начавшуюся довольно-сильнымъ морозомъ и кончившуюся изобильнымъ снѣгомъ, ни одного прохожаго не видно было по тропѣ, проложенной возлѣ темницы; но зато привычный глазъ разсмотрѣлъ бы въ уступѣ турнельской стѣны нѣсколько черныхъ тѣней; по движеніямъ ихъ можно было видѣть, что онѣ старались согрѣться, чему препятствовала, однакожъ, неподвижность, на которую они себя осудили, какъ-бы въ ожиданіи какого-нибудь происшествія.

Часовой, которому въ темнотѣ нельзя было различить этихъ людей, не могъ слышать тихаго разговора ихъ, хотя этотъ разговоръ былъ довольно-занимателенъ.

— Проклятый Бюссѣ былъ правъ, говорилъ одинъ изъ этихъ людей:—я помню только одну такую ночь, именно, когда мы были съ королемъ Генрихомъ въ Варшавѣ; если намъ придется еще долго ждать, такъ мы въ-самомъ-дѣлѣ замерзнемъ.

— Полно, Можиронъ! ты жалуешься какъ баба, отвѣчалъ другой.—Правда, не тепло; но закутайся въ плащъ и спрячь руки въ карманы: какъ-разъ согрѣешься.

— Тебѣ хорошо говорить, Шомбергъ, сказалъ третій:—по всему видно, что ты Нѣмецъ. У меня губы растрескались, а усы покрыты льдомъ.

— У меня руки окостенѣли, сказалъ четвертый. — Право, мнѣ кажется, что онѣ у меня отмерзли!

— Зачѣмъ ты не взялъ муфты у маменьки, бѣдный Келюсъ? отвѣчалъ Шомбергъ. — Она бы тебѣ охотно отдала ее, особенно, еслибъ ты сказалъ ей, что это для избавленія себя отъ миаго Бюссѣ, котораго она любитъ какъ моровую язву.

— Э, Боже мой! потерпите, сказалъ пятый. — Я увѣренъ, что сейчасъ вамъ будетъ жарко.

— Дай Богъ, д'Эпернонъ! сказалъ Можиронъ, переступая съ ноги на ногу.

— Это говорилъ не я, отвѣчалъ д'Эпернонъ: — а д'О. Я молчу, боясь, чтобъ у меня слова не замерзли.

— Что ты сказалъ? спросилъ Келюсъ у Можирона.

— Д'О говорилъ, отвѣчалъ Можиронъ: — что сейчасъ намъ будетъ жарко, а я ему отвѣчалъ: дай-то Богъ!

— Мнѣ кажется, желаніе твое исполнилось, потому-что тамъ кто-то идетъ.

— Ошибаешься. Это не онъ.

— Почему?

— Потому-что онъ хотѣлъ идти по другой дорогѣ.

— Большая важность! Развѣ онъ не могъ догадаться, что мы замыслиемъ что-нибудь противъ него и перемѣнить дорогу?

— Вы не знаете Бюссѣ; если онъ скажетъ: пройду тамъ-то, такъ и пройдетъ, хотя бы узналъ, что самъ чортъ поджидаетъ его по той дорогѣ.

— Однако, замѣтилъ Келюсъ: — два человѣка идутъ сюда.

— Правда, правда! произнесли два или три голоса.

— Въ такомъ случаѣ, впередъ! сказалъ Шомбергъ.

— Не горячитесь, сказалъ д'Эпернонъ: — можетъ-быть, это честные граждане, или добрыя бабки... Пойдите! они остановились.

И точно, на концѣ Улицы-св.-Павла, выходящей на Сент-Антуанскую-Улицу, остановились какъ-бы въ нерѣшимости два человека.

— О-го! сказалъ Келюсъ: — не замѣтили ли они насъ?

— Полно! мы сами себя едва видимъ.

— Ты правъ, возразилъ Келюсъ. — Смотрите: они повернулись на лѣво... остановились у какого-то дома... ищутъ...

— Да, да.

— Они, кажется, хотятъ войти, сказалъ Шомбергъ. — Какъ не-уже-ли онъ уйдетъ отъ насъ?

— Да это не онъ, потому-что ему надобно идти въ Сент-Антуанскую-Улицу, отвѣчалъ Можиронъ.

— А почему вы знаете, сказалъ Шомбергъ: — что хитрецъ обманулъ насъ случайно, по злобѣ, или съ намѣреніемъ?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ Келюсъ: — это возможно.

Размышленія эти заставили шайку дворянъ выскочить изъ своего убѣжища; съ обнаженными шпагами бросились они къ двумъ человѣкамъ, остановившимся у двери.

Одинъ изъ нихъ только-что готовился отпереть дверь, когда шумъ нападающихъ заставилъ таинственныхъ прохожихъ оглянуться.

— Что это? спросилъ тотъ, что былъ пониже, у своего товарища. — Ужъ не на насъ ли нападаютъ, д'Ориль?

— Кажется, ваше высочество, возразилъ человекъ, отворявшій дверь.— Назовете ли вы себя, или сохраните инкогнито?

— Вооруженные люди? это намъзна!

— Какіе-нибудь ревнивыцъ. Я говорилъ вашему высочеству, она такъ хороша, что у ней не можетъ не быть поклонниковъ, а у насъ соперниковъ.

— Войдемъ скорѣе, д'Орильи. За дверьми легче защищаться отъ нападенія, нежели передъ дверьми.

— Да, ваше высочество, когда нѣтъ враговъ съ тылу; а кто знаетъ...

Онъ не успѣлъ договорить. Молодые люди съ быстротою молніи пробѣжали разстояніе во сто шаговъ, отдѣлявшее ихъ отъ дома. Келюсъ и Можирдонъ, бѣжавшіе возлѣ стѣны, бросились между дверью и тѣнью, которые хотѣли войти въ нее, чтобъ пресѣчь нѣтъ отступленіе, между-тѣмъ, какъ Шомбергъ, д'О и д'Эпернонъ стоялись навасть на нихъ спереди.

— На смерть! на смерть! кричалъ Келюсъ, самый отчаянный изъ пяти товарищей.

Вдругъ тотъ, котораго отворявшій дверь называлъ высочествомъ, бросился къ Келюсу, ступилъ шагъ впередъ и, скрестивъ руки на груди, спросилъ глухимъ, мрачнымъ голосомъ:

— Мнѣ кажется, что вы хотите умертвить брата короля, мосьё де-Келюсъ?

Келюсъ отступилъ съ ужасомъ... руки его опустились... колѣни задрожали...

— Его высочество принцъ анжуйскій! вскричалъ онъ.

— Его высочество герцогъ анжуйскій! повторили его товарищи.

— Чтò жъ вы замолчали, господа? произнесъ Франсуа громкимъ голосомъ.— Чтò жъ вы не кричите: «на смерть! на смерть!»

— Простите, ваше высочество, проговорилъ д'Эпернонъ:— это была шутка... простите.

— Мы не думали, сказалъ д'О:— встрѣтить ваше высочество въ такое время и въ такой отдаленной части города.

— Шутка? возразилъ Франсуа, не удостоивая д'О отвѣта.— Вы странно шутите, мосьё д'Эпернонъ. Говорите: если вы не думали встрѣтить меня, то къ кому же относилась ваша шутка?

— Ваше высочество, почтительно сказалъ Шомбергъ:— мы знали, что Сен-Люкъ пошелъ въ эту сторону. Это намъ показалось подозрительнымъ, и мы хотѣли узнать, какая причина можетъ заставить мужа оставить жену въ первую ночь брака.

Отговорка была удачно придумана, потому-что, по всѣмъ вѣроятностямъ, герцогъ долженъ былъ узнать, что Сен-Люкъ не ночевалъ дома, и это обстоятельство подтвердило бы слова Шомберга.

— Сен-Люкъ? Вы приняли меня за Сен-Люка, господа?

— Точно такъ, ваше высочество, въ одинъ голосъ отвѣчали пріятели.

— Странно! сказалъ герцогъ анжуйскій: — кажется, трудно ошибиться. Сен-Люкъ цѣлой головою выше меня.

— Точно-такъ, ваше высочество, отвѣчалъ Келюсъ: — но онъ одного роста съ мосьё д'Орильи.

— Притомъ же теперь такъ темно, прибавилъ Можиронъ.

— Наконецъ, сказалъ Келюсъ: — вы не можете думать, что мы осмѣлились бы не только оскорбить ваше высочество, но даже помѣшать вашимъ удовольствіямъ.

Слушая болѣе или менѣе логическія отговорки молодыхъ людей, Франсуа незамѣтнымъ образомъ отошелъ отъ двери вѣстѣ съ д'Орильи, постояннымъ товарищемъ его ночныхъ прогулокъ, и отдалился отъ нея на такое разстояніе, что трудно было бы отыскать ее.

— Мои удовольствія, произнесъ онъ съ горечью. — А кто вамъ говорить, что я пришелъ сюда для удовольствій?

— Это до насъ не касается, ваше высочество, возразилъ Келюсъ: — и потому мы готовы немедленно удалиться, если вы простите намъ.

— Хорошо! Идите.

— Ваше высочество, прибавилъ д'Эпернонь: — можете помолиться на нашу всѣмъ извѣстную скромность.

Герцогъ анжуйскій, готовившійся уже удалиться, внезапно остановился и, нахмуривъ брови, сказалъ строго:

— Скромность, мосьё де-Ногаре! — а кто васъ проситъ быть скромнымъ?

— Мы полагаемъ, что такъ-какъ ваше высочество одинъ съ повѣрчивымъ тайнъ вашихъ...

— Вы ошибались... Я хочу, чтобъ вы убѣдились въ своей ошибкѣ.

Молодые дворяне слушали въ почтительномъ молчаніи.

— Я шелъ, продолжалъ герцогъ анжуйскій медленно и съ удареніемъ на каждомъ словѣ, какъ-бы желая, чтобъ оно лучше запечатлѣлось въ памяти слушателей: — я шелъ къ Жиду Манасесу, который умѣетъ гадать на стеклѣ и на кофейной гущѣ. Онъ живетъ, какъ вамъ извѣстно, въ Турнельской-Улицѣ. Мимоходомъ, Орильи замѣтилъ васъ и принялъ за стражу, обходящую рундомъ. А потому, прибавилъ онъ съ нѣкоторою веселостью, страшною для всѣхъ, знавшихъ характеръ принца: — мы, какъ настоящіе гадальщики, пробирались возлѣ стѣнъ, чтобъ сколько-возможно укрыться отъ вашихъ грозныхъ взглядовъ.

Произнося эти слова, принцъ дошелъ до Церкви-св.-Павла и входилъ уже въ недалекомъ разстояніи отъ часового Бастиліи, обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ нападенія, которое онъ считалъ весьма-возможнымъ, по причинѣ ненависти къ нему брата. Отговорки и извиненія миньйоновъ Генриха III не успокоили его.

— Теперь вы уже знаете, что вамъ должно думать и, въ-особенности, что должно говорить, продолжалъ принцъ: — и такъ вы можете удалиться. Прощайте, господа.

Молодые люди поклонились принцу и удалились молча. Герцогъ несколько разъ оглядывался, слѣдя за ними взоромъ и медленно удаляясь въ противоположную сторону.

— Ваше высочество, сказалъ д'Орильи:—клянусь вамъ, что эти люди замыслили что-то недоброе. Скоро полночь; мы находимся въ уединенной части города; воротитесь скорѣе домой, ваше высочество.

— Совсѣмъ нѣтъ, сказалъ принцъ, остановивъ его: — я, напротивъ, хочу воспользоваться ихъ отсутствіемъ.

— Но вы ошибаетесь, сказалъ д'Орильи. — Они не ушли; они опять спрятались на прежнемъ мѣстѣ... Посмотрите сами... тамъ, въ углубленіи турнельскаго отеля.

Франсуа посмотрѣлъ. Д'Орильи былъ правъ. Молодые люди стали опять на прежнее мѣсто, и ясно было, что они намѣревались привести въ исполненіе замыселъ, прерванный прибытіемъ принца: можетъ-быть, они скрылись только для того, чтобъ подсматривать за принцемъ и удостовѣриться, точно ли онъ шелъ къ Жиду Манасесу.

— На что вы рѣшаетесь, ваше высочество? спросилъ д'Орильи. — Я готовъ дѣлать, что прикажете; но мнѣ кажется, что неблаго-разумно здѣсь оставаться.

— *Mordieu!* сказалъ принцъ съ досадой:—жаль... мнѣ не хотѣлось бы уйдти...

— Поверю, ваше высочество; но можно отложить до другаго раза. Я уже говорилъ вамъ, что освѣдомлялся обо всемъ подробно. Домъ нанятъ на годъ. Мы знаемъ, что красавица живетъ въ первомъ этажѣ; служанка ея подкуплена; у насъ есть ключъ отъ ея квартиры. При такихъ выгодныхъ обстоятельствахъ, мы можемъ ждать.

— Увѣренъ ли ты, что дверь отворилась?

— Совершенно: третій ключъ пришелся.

— Ахъ, кстати! Заперъ ли ты?..

— Дверь?

— Да.

— Разумѣется, ваше высочество.

Не смотря на то, что д'Орильи отвѣчалъ утвердительно, мы должны сказать, что онъ самъ не былъ увѣренъ въ томъ, заперъ ли онъ дверь. Однакожъ, рѣшительность, съ которою онъ отвѣчалъ, успокоила принца.

— Я желалъ бы, однакожъ, узнать, что они тамъ дѣлаютъ, сказалъ принцъ.

— Что дѣлаютъ? Я могу вамъ объяснить это. Они ожидаютъ кого-нибудь. Увидятъ, ваше высочество; у васъ много враговъ: можетъ-быть, противъ васъ-самихъ составленъ заговоръ.

— Пойдемъ... только съ тѣмъ, чтобъ вернуться.

— Однакожь не въ эту ночь, ваше высочество. Простите мнѣ трусость... но она позволительна, потому-что я сопровождаю принца на крови... наследника престола, которому столько людей завидуютъ...

Послѣднія слова произвели такое сильное впечатлѣніе на Франсуа, что онъ сталъ поспѣшно удаляться, не переставая, однакожь, проклинать встрѣчу и внутренне рѣшившись отомстить при случаѣ молодымъ дворянамъ за неприятную помѣху.

— Пойдемъ домой, сказалъ онъ:— насъ, я думаю, ждетъ Бюссі, воротившійся съ проклятаго бала; онъ вѣрно поссорился и убилъ или завтра убьетъ одного изъ этихъ гнусныхъ мнѣшоновъ... это утѣшитъ меня.

— Именно, ваше высочество, сказалъ д'Орлиль:—положитесь на Бюссі; въ этомъ отношеніи я самъ на него надѣюсь.

Они удалились.

Едва они повернули за уголъ Улицы-Жуи, какъ наши молодые люди увидѣли всадника, приближавшагося съ противоположнаго конца и закутаннаго въ широкій плащъ. Рѣзкій стукъ лошадиныхъ копытъ раздавался въ тишинѣ ночи, в слабый лучъ луны, боровшійся съ тяжелыми тучами и силившійся проникнуть сквозь валившій хлопьями, осветилъ бѣлое перо на токъ всадника. Онъ приближался медленно и затягивалъ удила, отъ-чего ретивый конь нетерпѣливо храпѣлъ и сильнѣе ударялъ копытами по окаменѣлому отъ мороза мостовой.

— Теперь, сказалъ Келюсъ: это онъ.

— Не можетъ быть! возразилъ Можиронъ.

— Отъ-чего же?

— Отъ-того, что онъ одинъ, а мы оставили его съ Антрагомъ, Ливаро и Рибейракомъ; не можетъ быть, чтобъ они отпустили его одного.

— Это онъ, онъ! сказалъ д'Эпернонь.— Я узнаю его по кашлю и по тому, что онъ гордо держитъ голову... Онъ одинъ.

— Слѣдовательно, сказалъ д'О:—намъ нельзя всѣмъ вмѣстѣ напасть на него.

— Все равно, можно ли, нельзя ли, вскричалъ Шомбергъ:—вотъ онъ! Итакъ — впередъ, друзья!

То былъ въ-самомъ-дѣлѣ Бюссі, беззаботно приближавшійся въ точности слѣдовавшій по дорогѣ, означенной ему Келюсомъ. Несмотря на то, что предостереженіе Сен-Люка заставило его вдрогнуть, онъ, не слушая убѣжденія друзей, расстался съ ними похвалясь одинъ.

Мужественный Бюссі любилъ идти на встрѣчу опасностямъ.

— Я простой дворянинъ, говаривалъ онъ про себя:—но въ груди моей сердце императора; когда я читалъ въ Плутархѣ подвиги древнихъ Римлянъ, мнѣ казалось, что между ними нѣтъ ни одного подвига, на которой бы я не могъ рѣшиться.

Притомъ же, Бюссі подумалъ, что Сеп-Люкъ, котораго онъ не считалъ своимъ другомъ, и который, въ-самомъ-дѣлѣ, оказывалъ ему участіе только изъ личныхъ выгодъ, — нарочно предостерегъ его, чтобъ заставить принять мѣры предосторожности, могшія сдѣлать его сѣтвыми въ глазахъ недоброжелателей. Бюссі менѣе страшился смерти, нежели посмѣянія. Даже враги сознавали его мужество, и, чтобъ поддержать свою славу, Бюссі предпринималъ самые отчаянные подвиги. Какъ настоящій плутарховскій герой, онъ отослалъ своихъ товарищей, которые могли бы защитить его отъ цѣлаго эскадрона, — и одинъ, скрестивъ на груди руки, не имѣя другаго оружія, кромѣ шпаги и кинжала, онъ направлялся къ дому, гдѣ ждала его не возлюбленная, какъ можно было бы подумать, по письму королевы лаваррской, писавшей къ нему каждый мѣсяцъ въ извѣстное время, въ память прежней ихъ дружбы. Исполняя обѣщаніе, данное имъ прелестной королевы Марго, мужественный капитанъ каждый разъ самъ отправлялся ночью за письмомъ, доставляемымъ въ извѣстный домъ.

Онъ безопасно довхалъ до Сент-Антуанской-Улицы, какъ вдругъ прощипательные и привычные глаза его замѣтили во мракѣ, возлѣ стѣны, нѣсколько человѣкъ, которыхъ герцогъ анжуйскій, не будучи предувѣдомленъ, не замѣтилъ.

Бюссі сосчиталъ черныя тѣни, отдѣлявшіяся отъ сѣрой стѣны. — Три, четыре, пять человѣкъ, сказалъ онъ: — не считая лакеевъ, которые ждутъ, вѣроятно, съ другой стороны, и набѣгутъ при первомъ призывѣ своихъ господъ. Такая сила противъ одного человѣка очень льститъ моему самолюбію. Чортъ возьми! работа будетъ. Я вижу, добрый Сеп-Люкъ не обманулъ меня, и хотя бы я встрѣтилъ его-самого въ числѣ этихъ господъ, я скажу ему: «спасибо, товарищъ, за предостереженіе!»

Размышляя такимъ-образомъ, онъ продолжалъ подвигаться впередъ; только лѣвой рукой онъ незамѣтно отстегнулъ застѣжку плаща, освободивъ правую...

Съ крикомъ: «Впередъ, друзья!» повтореннымъ всеми молодыми людьми, они бросились на Бюссі.

— Э, господа! сказалъ Бюссі чистымъ, звучнымъ голосомъ: — вы, кажется, хотите убить бѣднаго Бюссі! Такъ онъ-то и есть страшный звѣрь, грозный кабанъ, за которымъ вы собирались охотиться? Позвольте же вамъ замѣтить, что и кабанъ вашъ не дастъ свуску... а вы знаете, я никогда не измѣняю слову.

— Знаемъ! вскричалъ Шомбергъ: — но все-таки ты невѣжа, Бюссі д'Амбуазъ, что разговариваешь съ нами сидя на лошади, между-тѣмъ, какъ мы пѣшіе.

И видѣвъ съ этими словами, молодой человѣкъ откинулъ свой плащъ, и бѣлый атласный рукавъ его блеснулъ какъ серебро при свѣтѣ луны. Бюссі не понялъ движенія Шомберга; онъ подумалъ, что оно сопровождало его угрозу, и хотѣлъ уже отвѣчать такъ, какъ обыкновенно отвѣчалъ Бюссі; но лошадь покачнулася подъ нимъ...

Шомбергъ, со свойственнымъ ему искусствомъ, доказаннымъ уже во многихъ битвахъ, кинулъ ножъ, лезвіе котораго было тяжело рукоятки, въ колено лошади... ножъ глубоко вонзился въ рану. Бѣдное животное глухо заржало и, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, упало на переднія колѣни. Бюссі, никогда нетерявшій присутствія духа, соскочилъ съ лошади и обнажилъ шпагу.

— Несчастный! вскричалъ онъ: — это моя любимая лошадь; ты мнѣ дорого за нее заплатишь.

Шомбергъ приближался, увлекаемый своею храбростію и не рассчитавъ расстоянія... въ то же мгновеніе рука Бюссі выпрямилась, и шпага его вонзилась въ ляжку противника.

Шомбергъ громко вскрикнулъ.

— Чтò? спросилъ Бюссі: — умѣю ли я держать слово? Безразсудный! надо было перерубить руку Бюссі, а не колено коню его!

Въ одно мгновеніе, пока Шомбергъ перевязывалъ платкомъ ляжку, лезвіе шпаги Бюссі сверкнуло предъ глазами осаждавшихъ, и капитанъ отступилъ же для того, чтобъ бѣжать, но чтобъ стать къ стѣнѣ, къ которой и прислонился, чтобъ защититься отъ нападенія сзади. Онъ не хотѣлъ звать на помощь, потому-что подобный поступокъ былъ недостойнъ его. Онъ нанюсиль по десяти ударовъ въ минуту и часто чувствовалъ, что шпага его встрѣчала слабое сопротивленіе, какъ-бы вонзаясь въ тѣло. Но вдругъ онъ оступился и покачнулся... этой секунды достаточно было Келюсу, чтобъ нанести ему ударъ въ бокъ.

— Пошелъ! вскричалъ Келюсъ.

— Да, только въ полукафтанье, отвѣчалъ Бюссі, не хотѣвшій даже сомнѣться въ томъ, что былъ раненъ.

И, наступая на Келюса, онъ съ такою силою ударилъ по его шпагѣ, что она отлетѣла на нѣсколько шаговъ. Но онъ не могъ воспользоваться своимъ торжествомъ, потому-что въ эту же минуту д'О, д'Эпернонъ и Можиронъ напали на него съ большою яростію. Шомбергъ перевязалъ свою рану, Келюсъ успѣлъ поднять шпагу. Бюссі понялъ, что его окружаютъ, что ему оставалась одна только секунда для отступленія къ стѣнѣ, и что, если онъ не воспользуется ею, то погибнетъ.

Онъ разомъ отскочилъ назадъ. Въ то же мгновеніе нападавшіе были опять возлѣ него; однакожь капитанъ, благодаря другому скачку, успѣлъ опять прислониться къ стѣнѣ. Тамъ онъ остановился, съ спокойной улыбкой защищаясь отъ пяти шпагъ, блиставшихъ передъ его глазами и старавшихся поразить его. Вдругъ холодный потъ выступилъ на лбу его... въ глазахъ у него потемнѣло. Онъ забылъ о своей ранѣ, и только первые признаки обморока напомнили ему о ней.

— А! ты ослабѣваешь, вскричалъ Келюсъ, съ новымъ бѣшенствомъ наступаая на него.

— Вот тебѣ доказательство! вскричалъ Бюссѣ.—И онъ ударилъ его эсесомъ въ високъ. Келюсъ, пораженный тяжелымъ ударомъ, повалился наземь.

Потомъ, съ яростью кабана, долго-гонимаго собаками, но наконецъ обращающагося къ нимъ лицомъ, онъ грозно вскрикнулъ и бросился впередъ. Д'О и д'Эпернонъ отступили. Межиронъ, подставъ Келюса, поддерживалъ его. Бюссѣ переломилъ шпагу раненаго и ранилъ д'Эпернона въ руку. На одно мгновение Бюссѣ былъ побѣдителемъ; но Келюсъ пришелъ въ себя. Шомбергъ, не смотря на свою рану, опять присоединился къ нападающимъ... и опять четыре шпаги направлены къ груди капитана.

Бюссѣ видѣлъ, что онъ погибъ, собралъ послѣднія силы, чтобы отступить, и медленно приближался къ стѣнѣ. По холодному поту, выступавшему на лбу его, по звону, раздававшемуся въ его ушахъ, по кровавой пеленѣ, закрывавшей глаза его, по боли въ боку, онъ чувствовалъ, что скоро долженъ лишиться чувствъ. Шпага его наносила одни невѣрные, нетвердые удары. Левой рукой Бюссѣ сталъ искать стѣну, коснулся ея, и ея холодъ остигнулъ и подирывнулъ его... Но какъ онъ изумился, замѣтивъ, что стѣна подвигалась! То была полурастворенная дверь. Надежда пробудилась въ сердцѣ капитана, и въ эту рѣшительную минуту онъ собралъ все свои силы. Въ продолженіи секунды, удары его были такъ быстры и сильны, что наступающіе невольно отступили. Воспользовавшись этой секундой, Бюссѣ подошелъ назадъ... дверь открылась... онъ вошелъ въ домъ, обернулся, плечомъ прижалъ дверь... замѣкъ поглотилъ.

Все было кончено. Бюссѣ былъ внѣ опасности. Бюссѣ остался побѣдителемъ, потому-что былъ спасенъ.

Тогда глазами, блиставшими радостью, онъ взглянулъ въ маленькое отверстіе двери, огражденное рѣшетою железной рѣшеткой и увидѣлъ блѣдныя лица враговъ своихъ. Онъ видѣлъ, съ какою бесполезнымъ бѣшенствомъ они ударили шпагами въ дверь... онъ слышалъ яростныя клики, проклятія ихъ.

Но вдругъ ему показалось, что все закружилось вокругъ него, что стѣна на него надвигается. Онъ ступилъ три шага впередъ и вышелъ на дворикъ, покачнувшись и упавъ на ступени дѣлщины.

Потомъ онъ болѣе ничего не видѣлъ и не слышалъ... ему показалось, что онъ опустился въ безмолвіе и мракъ могилы.

IV.

Какъ иногда трудно отличить мечту отъ истины,

Передъ паденіемъ сводитъ, Бюссѣ успѣлъ приложить платокъ къ ранѣ и заткнуть кушакъ, чѣмъ и составилъ нѣчто въ родѣ повязки на глубокой ранѣ, изъ которой струилась горячая, жгучая кровь;

но прежде еще онъ потерялъ столько крови, что долженъ былъ лишиться чувствъ.

Однакожь, отъ-того ли, что въ умъ его, воспламененномъ гнѣвомъ и страданіями, сохранилась жизнь, или сильная горячка разсѣяла обморокъ, Бюссі какъ-бы сквозь туманъ увидѣлъ слѣдующее:

Онъ былъ въ комнату, украшенной обоями, на которыхъ были представлены фигуры во весь ростъ, въ комнату съ расписаннымъ потолкомъ и обставленной рѣзною мѣбелю. Между двумя окнами находился ярко-освѣщенный портретъ женщины; только капитану показалось, что рамка этого портрета была не что иное, какъ желѣзчикъ двери. Бюссі, неподвижный, какъ-бы высшею силою прикованный къ постелю и лишившійся всѣхъ чувствъ, время чувствъ зрѣнія, смотрѣлъ смутными глазами на неподвижныя фигуры, красовавшіяся на обояхъ, и любовался приторными улыбками женщинъ съ цвѣтами въ рукахъ, и забавно-гиѣными физиономіями мужчинъ, размахивавшихъ мечами. Видѣлъ ли онъ прежде эти лица, или они въ первый разъ представлялись глазамъ его? Этого онъ не могъ объяснить себѣ: такъ голова его была еще тяжела.

Вдругъ портретъ женщины отделился отъ рамки, и къ нему приближилось прелестное созданіе, одѣтое въ длинное былое шерстяное платье, съ распущенными по плечамъ волосами, съ черными глазами, длинными бархатными ресницами, съ прозрачнымъ тѣломъ въжно-розоваго цвѣта. Эта женщина была такъ дивно-хороша, обаятельна, руки ея были такъ очаровательны, что Бюссі сдѣлалъ сильное усиліе, чтобъ пасть къ ногамъ ея. Но узлы, подобныя тѣмъ, которыя удерживаютъ мертвеца въ могилѣ, призывали его къ постелю.

Онъ остался неподвиженъ, и ему показалось, что онъ лежитъ на одной изъ тѣхъ великолѣпныхъ кроватей, которыя дѣлались во времена Франциска I, съ бѣлыми камковыми занавѣсами, вышивными золотомъ.

При видѣ женщины, Бюссі пересталъ обращать вниманіе на фигуры, изображенныя на обояхъ. Существо, отделившееся отъ портрета, было для него все, и онъ старался рассмотреть, что послѣ женщины осталось въ рамѣ. Но облако, сквозь которое не могъ проникнуть взоръ его, закрывало раму; онъ опять сталъ смотрѣть на таинственное существо, и, сосредоточивъ на немъ все силы ума своего, сталъ мысленно сочинять къ нему стихи, которые онъ сочинялъ довольно-легко.

Но вдругъ женщина исчезла: пѣчто непрозрачное стало между ею и Бюссі. Непрозрачная масса медленно двигалась, и что-то черное, въ видѣ рукъ, простиралось къ капитану.

Кровь закипѣла въ Бюссі, и онъ вошелъ въ такое бышенство противъ нечаяннаго посѣтителя, что навѣрное бросился бы на него, еслибъ могъ пошевелиться... онъ даже сдѣлалъ отчаянное усиліе, но тщетно.

Пока онъ старался отдѣлаться отъ постели, къ которой былъ какъ-бы прикованъ, вновь прибывшій заговорилъ.

— Здѣсь ли?

— Здѣсь, докторъ! отвѣчалъ такой нѣжный голосъ, что сердце Бюссѣ встрепенулось:—вы можете теперь снять повязку.

Бюссѣ сдѣлалъ еще усиліе, чтобъ удостовѣриться, былъ ли то голосъ женщины-портрета; но напрасно. Онъ увидѣлъ только передъ собою молодого человѣка пріятной наружности, который снялъ съ глазъ повязку и съ изумленіемъ озирался.

— Чтобъ чортъ его побралъ! подумалъ Бюссѣ.

И онъ хотѣлъ выразить свою мысль словами или движеніемъ, но не могъ слѣзать ни того, ни другаго.

— А! теперь понимаю, сказалъ молодой человѣкъ, подошедъ къ постели.—Вы ранены? Посмотримъ, что у васъ...

Бюссѣ хотѣлъ отвѣчать, но вспомнилъ, что прежнія усилія его были тщетны. Передъ глазами его носился туманъ, а въ оконечностяхъ пальцевъ онъ ощущалъ такую боль, какъ будто-бы его кололи тысячами булавокъ.

— Не-уже-ли рана его смертельна? съ горестнымъ выраженіемъ голоса и съ ангельскимъ участіемъ спросилъ тотъ же нѣжный голосъ. Бюссѣ показалось, что у него выступили слезы на глазахъ.

— Не знаю! отвѣчалъ молодой человѣкъ:—но сейчасъ скажу... теперь онъ въ обморокъ.

Бюссѣ не слышалъ больше ничего, исключая легкаго шороха платья удалившейся женщины. Потомъ ему показалось, что въ рану его опускали раскаленное желѣзо...

Въ-послѣдствіи, Бюссѣ не могъ объяснить, долго ли онъ находился въ обморокъ.

Только, когда онъ пробудился отъ этого летаргическаго сна, холодный вѣтеръ дулъ ему въ лицо; грубые, хриплые голоса неприятнымъ образомъ поражали слухъ его; онъ открылъ глаза, чтобъ посмотреть, не поссорились ли фигуры обоевъ съ фигурами, изображенными на потолкѣ, и надѣялся увидѣть портретъ. Но обоевъ не было; потолка также. Портретъ исчезъ. По правую сторону его былъ человѣкъ въ сѣрой одеждѣ, въ занятнѣйшемъ кровью передникѣ, одинъ уголокъ котораго былъ заткнутъ за поясъ, и по лѣвую сторону стоялъ августинскій монахъ, поддерживавшій ему голову; а передъ нимъ старуха, борютавшая молитвы.

Блуждающій взоръ Бюссѣ остановился на грудь камней, лежавшей передъ нимъ, и поднялся выше, чтобъ измѣрить высоту ея; онъ узналъ тогда Тамплъ, крѣпость, окруженную стѣнами и башнями; а надъ Тамплемъ сѣрое, холодное небо, легко позлащенное восходящимъ солнцемъ.

Бюссѣ былъ просто на улицѣ, или, лучше сказать, на краю рва, — а ровъ этотъ былъ возлѣ Тампля.

— Благодарю, добрые люди, сказалъ онъ:—за то, что вы вынесли меня сюда. Мнѣ нуженъ былъ воздухъ. Впрочемъ, очень—

можно было отворить только окна и оставить меня на кровати съ канковыми занавѣсами; тамъ мнѣ было лучше... Но все равно. Если вы еще не вознаградили себя сами, что было бы весьма-естественно и даже умно, то найдете у меня въ карманѣ десятка два золотыхъ экю; возьмите ихъ себѣ, друзья мои.

— Намъ не слѣдуетъ никакого вознагражденія, сказалъ мясникъ. — Мы и не думаемъ переносить васъ. Проходя мимо, мы увидѣли васъ здѣсь и остановились.

— Ахъ, чортъ возьми! сказалъ Бюсси:—и молодого доктора не было?

Говорившіе съ нимъ посмотрѣли другъ на друга.

— Это все еще бредъ горячки, сказалъ августинскій монахъ, покачавъ головой.

— Сынъ мой, мнѣ кажется, что тебѣ не худо бы исповѣдаться.

Бюсси съ изумленіемъ посмотрѣлъ на монаха.

— Не было доктора, мой бѣдный господинъ, сказала старуха. — Вы были одинѣшеньки, брошены здѣсь, безъ всякаго милосердія, и холодны какъ покойникъ. Посмотрите, на снѣгу видно то мѣсто, гдѣ вы лежали.

Бюсси взглянулъ на свой бокъ, вспомнилъ, что былъ раненъ, засунулъ руку подъ полукафтанье и оцупалъ платокъ, по-прежнему покрывавшій рану и по-прежнему придерживаемый поясомъ.

— Странно, сказалъ онъ.

Пользуясь позволеніемъ, присутствовавшіе дѣлили между собою его золото съ жалобными восклицаніями.

— Хорошо, сказалъ Бюсси, когда дѣлежъ былъ конченъ:—хорошо, друзья мои. Теперь проводите меня домой.

— Какъ же, какъ же, бѣдненькій молодой господинъ! говорила старуха:—мясникъ силенъ, при томъ же съ нимъ лошадь; онъ можетъ довести васъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросилъ Бюсси.

— Разумѣется! отвѣчалъ мясникъ, я и лошадь моя къ вашимъ услугамъ.

— Все равно, сынъ мой, сказалъ монахъ:—пока мясникъ пойдетъ за лошадью, тебѣ слѣдовало бы исповѣдаться.

— *Mordieu!* вскричалъ Бюсси, приподнявшись съ усиліемъ. — Я надѣюсь, что не пришла еще пора, и потому отложимъ это до другаго раза. Мнѣ холодно, и я желалъ бы быть у себя дома, чтобъ согрѣться.

— А гдѣ же вашъ домъ?

— Домъ Бюсси знаетъ?

— Какъ! вскричали присутствовавшіе:—домъ Бюсси?

— Да; что жъ въ этомъ удивительнаго?

— Такъ стало-быть вы изъ слугъ мсье де-Бюсси?

— Я самъ Бюсси.

— Вы! вскричали все хоромъ:—вы мсье де-Бюсси, храбрый Бюсси, бичъ миньйоновъ? Вивать Бюсси!

И несколько человекъ изъ увеличившейся толпы подняли мундироу капитана на плечи и съ торжествомъ понесли домой; между-тѣмъ какъ монахъ, считая свою долю изъ двадцати эку, удалялся, покачивая головой и ворча:

— Если это въ-самомъ-дѣлѣ еретикъ Бюссі, такъ не удивительно, что онъ не хотѣлъ исповѣдываться!

Пробывъ домой, Бюссі немедленно послалъ за своимъ хирургомъ, который объявилъ, что рана была неопасна.

— Скажите, спросилъ его Бюссі:— не была ли моя рана переизнана?

— Можетъ-быть, сказалъ докторъ:— впрочемъ, утвердительно сказать не могу, потому-что она еще совсѣмъ-свѣжа.

— А могла ли она произвести бредъ?

— Разумѣется.

— Чортъ возьми! подумалъ Бюссі:— однакожь, обон съ фигурами, расписанный плафонъ, кровать съ бѣлыми камковыми занавѣсами, вышитыми золотомъ, портретъ между двумя окнами, прелестная блондинка съ черными глазами, докторъ игравшій въ журии и которому мнѣ хотѣлось свернуть шею... не-уже-ли все это мечта, бредъ? Не-уже-ли дѣйствительна только моя битва съ ивильонами? Но гдѣ же я дрался съ ними?.. Ахъ, да! возлѣ площади Бастиліи, недалеко отъ Церкви-Св.-Павла. Я прислонился къ стѣнѣ... она подалась, и я спасся въ дверь. Мнѣ посчастливилось запереть за собою дверь, и я попался въ корридоръ... изъ корридора на дворикъ. Потомъ ничего не помню. Приходилъ ли я въ себя, или то была одна мечта?.. Да; по вотъ вопросъ, кто вынесъ меня оттуда?.. А моя бѣдная лошадь? Ее, вѣроятно, нашли убитою на площади. Докторъ, позовите, пожалуйста, кого-нибудь.

Докторъ позвалъ слугу.

Бюссі освѣдомился и узналъ, что лошадь окровавленная, израненная, дотаскала до воротъ, гдѣ и нашли ее утромъ. Это обстоятельство встревожило всѣхъ въ домѣ; слуги Бюссі, любившіе своего господина, побѣждали его отыскивать, и многіе изъ нихъ еще не воротились.

— Слѣдовательно, одно только остается для меня загадкой, — именно портретъ, думалъ Бюссі.— Впрочемъ, я начинаю убѣждаться, что это была одна мечта: есть ли какая-нибудь возможность, чтобъ портретъ вышелъ изъ рамки? И для чего? чтобъ разговаривать съ докторомъ, у котораго завязаны глаза? Нѣтъ, нѣтъ, я вижу, что я былъ въ горячкѣ!.. А между-тѣмъ, портретъ этотъ былъ очарователемъ. У него было...

И Бюссі принялся исчислять всю красоту портрета, и по-мѣръ-того, какъ припоминалъ всѣ подробности ея, сладострастный трепетъ, трепетъ любви, согрѣвающій сердце, пробѣжалъ по горявшей его груди.

— И не-уже-ли все это мнѣ снилось, вскричалъ Бюссі, когда

докторъ перевязывалъ ему рану. — *Mordieu!* это невозможно... подобныя мечты невозможны. Припомню еще разъ.

И Бюссіи сталъ припоминать въ сотый разъ.

— Я былъ на балу; Сен-Люкъ сказалъ мнѣ, что меня будутъ ожидать близъ Бастиліи.—Я былъ съ Антрагомъ, Рибейракомъ и Ливаро. Я расстался съ ними; пошелъ по набережной къ Грандъ-Шатле... У турнельскаго отеля я замѣтилъ людей, ожидавшихъ меня. Они кинулись на меня... испортили мою лошадь. Мы отчаянно дрались. Я вошелъ въ корридоръ; лишился чувствъ, а потомъ... да! вотъ въ этомъ-то *а потомъ* все дѣло: въ пемъ заключаютъ горячка, бредъ, мечта!.. А потомъ, прибавилъ онъ со вздохомъ:—я лежалъ на краю рва, близъ Тампля, гдѣ августинскій монахъ непременно хотѣлъ меня исповѣдать...

— Все равно, продолжалъ Бюссіи послѣ краткаго молчанія, время котораго онъ старался собрать свои воспоминапія: — я долженъ узнать, что заключается еще въ этомъ *а потомъ!* Докторъ не-уже-ли мнѣ опять придется пролежать въ постели двѣ недѣли, какъ въ прошлый разъ?

— Не знаю. Попробуйте, можете ли пройти? сказалъ хирургъ.

— Еще бы! отвѣчалъ Бюссіи.—У меня точно ртуть въ ногахъ!

— Обойдите вокругъ комнаты.

Бюссіи соскочилъ съ постели и твердымъ шагомъ обошелъ комнату.

— Хорошо, сказалъ докторъ:—вамъ можно будетъ выйти, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы не ѣздили верхомъ и не пролежали десяти лѣтъ въ первый день.

— Вотъ это дѣло! вскричалъ Бюссіи. — Люблю васъ, докторъ за это... однако, я въ прошлую ночь видѣлъ другаго доктора. Дочка точно видѣла... Я слишкомъ-хорошо помню лицо его, и если когда-нибудь встрѣчу, непременно узнаю.

— Не советую вамъ искать его, сказалъ докторъ: — послѣ такихъ ранъ обыкновенно слѣдуетъ горячка, а съ нею неразлученъ бредъ... Вамъ бы слѣдовало это знать, потому-что вы уже болѣли двѣнадцать разъ бывали ранены...

— О, Боже мой! вскричалъ вдругъ Бюссіи, пораженный внезапною мыслию:—не-уже-ли я лишился чувствъ не за дверью, а передъ дверью? Не-уже-ли я не видѣлъ ни аллеи, ни лѣстницы, ни кровати съ бѣлыми камковыми занавѣсами, вышитыми золотомъ и портрета? Не-уже-ли эти разбойники, полагая, что я убитъ, довели меня до тампльскаго рва и бросили тамъ? Въ такомъ случаѣ очень-вѣроятно, что мнѣ все это пригрезилось. Боже праведный! Если это правда, если они виною тѣхъ грезъ, которыя волнуютъ, похищаютъ, убиваютъ меня, то клянусь не оставить ни одного изъ нихъ живымъ!

— Советую вамъ не горячиться, сказалъ докторъ:—если вы хотите поскорѣе выздороветь.

— Исключая, однакожъ, добраго Сен-Люка, продолжалъ Бюссіи

не слушая доктора. — Онъ поступилъ со мною какъ другъ; сегодня же отправлюсь къ нему.

— Только не ранѣе вечера, сказалъ докторъ: — часовъ въ пять вы можете выйти, не ранѣе.

— Хорошо, отвѣчала Бюсси: — но увѣрю васъ, что я вылечусь скорѣе, выходя со двора, нежели оставаясь въ постели.

— Впрочемъ, и то можетъ быть, сказалъ докторъ: — вы во всѣхъ отношеніяхъ престранный больной; дѣлайте какъ знаете; послушайте только одного совѣта: не обнажайте шпаги до-тѣхъ-поръ, пока эта рана не заживетъ.

Бюсси обѣщалъ послѣдовать этому совѣту, одѣясь, приказалъ подать носилки и велѣлъ снести себя въ домъ Монморанси.

V.

КАКЪ ПРОВЕЛА ПЕРВУЮ НОЧЬ БРАКА МАМЗЕЛЬ ДЕ-БРИССАКЪ
ИЛИ МАДАМЪ ДЕ-СЕН-ЛЮКЪ.

Луи де-Клермонъ, болѣе известный подъ именемъ Бюсси д'Амбуаза, причисленный къ отважнѣйшимъ полководцамъ XVI столѣтія своимъ двоюроднымъ братомъ, Брантомомъ, — былъ красивый, стройный мужчина и благородный дворянинъ. Съ давняго времени, никто не славился такими дивными подвигами, какъ онъ. Короли и принцы домогались его дружбы. Королевы и принцессы привѣтствовали его нѣжнѣйшими улыбками. Бюсси сдѣлался, послѣ да-Моля, любимцемъ Маргариты-Наваррской, и добрая королева, одаренная отъ природы нѣжнымъ сердцемъ, такъ была огорчена смертію прежняго своего любимца, исторію котораго мы рассказали, и столько нуждалась въ утѣшеніи, что съ безразсудною нѣжностью привязалась къ прекрасному и храброму Бюсси д'Амбуазу, такъ-что даже Генрихъ, мужъ ея, обыкновенно необращавшій вниманія на прихоти жены, невольно разгнѣвался; и Франсуа никогда бы не простилъ Бюсси безразсудства сестры, еслибъ это обстоятельство не доставило ему преданнаго друга въ молодомъ и мужественномъ капитанѣ. И въ этотъ разъ, герцогъ пожертвовалъ своею любовію тому глупому, нерышительному честолюбію, которое во всю жизнь заставляло его страдать.

Но посреди всѣхъ своихъ военныхъ, честолюбивыхъ и любовныхъ уснѣховъ, Бюсси оставался тѣмъ, чѣмъ можетъ быть душа, недоступная никакимъ человѣческимъ слабостямъ; и тотъ, которому неизвѣстенъ былъ страхъ, не зналъ и любви до того самого времени, съ котораго начинается разсказъ нашъ. Это могучее сердце, бывшее въ груди простаго дворянина, было чисто и двусмысленно, подобно алмазу, до котораго не касалась еще рука юве-

лира и который только-что вынулъ изъ руды, гдѣ созрѣвалъ по одними солнечными лучами.

Генрихъ III предлагалъ ему свою дружбу, и Бюссіи отказалъ отъ нея, отвѣчавъ, что друзья Генриха были лакеи, а иногда хуже, и что такое званіе казалось ему недостойнымъ его имени. Генрихъ III молча перенесъ это оскорбленіе, усилившееся еще тѣмъ, что Бюссіи поступилъ въ свиту Франсуа. Надо сказать, что Франсуа былъ столько же повелителемъ Бюссіи, сколько сторожъ принца бываетъ повелителемъ льва: онъ кормитъ и ухаживаетъ львомъ, чтобъ тотъ не съѣлъ его. Таковъ былъ Бюссіи, котораго Франсуа употреблялъ орудіемъ личной своей мести. Бюссіи это очень хорошо понималъ, но молчалъ, потому-что такая роль нравилась ему.

Онъ составилъ себѣ теорію наподобіе девиза Роановъ, котораго говорили:

«Roi ne puis, prince ne daigne, Rohan je suis».

(Королемъ не могу быть, принцемъ не хочу, а Роанъ я есмь.)

Бюссіи же говорилъ:

— Я не могу быть королемъ Франціи, но герцогъ анжуйскій можетъ и хотеть быть имъ; я же буду править герцогомъ анжуйскимъ.

И точно онъ правилъ имъ.

Когда слуги Сен-Люка увидѣли, что у дома остановился страшный Бюссіи, они побѣжали извѣстить о томъ мосьѣ де-Бриссака.

— Дома ли де-Сен-Люкъ? спросилъ Бюссіи, выглянувъ изъ окна.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ привратникъ.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Не знаю, отвѣчалъ достойный слуга.—Всѣ въ домъ въ сильномъ безпокойствѣ. Мосьѣ де-Сен-Люкъ не возвращался со вчерашняго вечера.

— Ба! вскричалъ Бюссіи съ изумленіемъ. — Не-уже-ли?

— Точно.

— А мадамъ де-Сен-Люкъ?

— О! она другое дѣло:

— Дома?

— Дома.

— Доложите же ей, что я весьма бы желалъ засвидѣтельствовать ей мое нижайшее почтеніе.

Пять минутъ спустя, посланный воротился съ отвѣтомъ, что г-жа де-Сен-Люкъ съ большимъ удовольствіемъ приметъ г. де-Бюссіи.

Бюссіи спустился съ бархатныхъ подушекъ и началъ всходить по парадной лѣстницѣ; Жанна де-Коссэ вышла на встрѣчу молодому человеку до середины приемной залы. Она была очень блѣдна, черные какъ вороново крыло волосы ея придавали ея блѣдность цвѣтъ пожелтѣвшей слоновой кости; глаза ея раскраснѣлись отъ тягостной безсонницы, а на щекахъ какъ-бы виднѣлся сребристый слѣдъ недавней слезы. Бюссіи, котораго эта блѣдность сначала

ставила улыбиться и который готовил уже комплиментъ, соответственный обстоятельствамъ, вдругъ остановился, замѣтивъ признаки истинной горести.

— Добро пожаловать, мосье де-Бюсси, сказала молодая женщина: — добро пожаловать, хотя приходъ вашъ не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго.

— Что вы говорите? спросилъ Бюсси: — отъ-чего приходъ мой кажется вамъ зловѣщимъ?

— Ахъ! у васъ былъ поединокъ съ Сен-Люкомъ въ эту ночь, не правда ли? признайтесь!

— У меня? съ Сен-Люкомъ? повторилъ Бюсси съ изумленіемъ.

— Да. Онъ удалилъ меня, чтобъ наединѣ переговорить съ вами. Вы принадлежите герцогу анжуйскому, а онъ королю. Вы поссорились. Не скрывайте отъ меня ничего, умоляю васъ! Вы должны понять мое безпокойство. Онъ ушелъ съ королемъ, но вы могли сойтись послѣ. Скажите правду, что случилось съ Сен-Люкомъ?

— Я не могу прійти въ себя отъ изумленія, отвѣчалъ Бюсси.

— Я ожидалъ, что вы съ участіемъ освѣдомитесь о моей ранѣ, а вы отъ меня же требуете отчета!

— Де-Сен-Люкъ ранилъ васъ; вы дрались! вскричала Жанна. — А! вы видите, что я не ошиблась...

— Совсѣмъ нѣтъ, сударыня, онъ не дрался... по-крайней-мѣрѣ со мною онъ не дрался и — благодаря Бога! — не онъ меня ранилъ. Мало того: еслибъ я послушался его, такъ самъ не былъ бы раненъ. Не-уже-ли онъ вамъ не сказалъ, что мы теперь друзья?

— Какъ же могъ онъ мнѣ это сказать, если я не видала его?

— Вы его не видали? следовательно то, что мнѣ говорилъ вашъ привратникъ, справедливо?

— Что онъ вамъ говорилъ?

— Что г. де-Сен-Люкъ не возвращался домой съ одиннадцати часовъ вечера. Не-уже-ли вы, въ-самомъ-дѣлѣ, не видали его съ-гвхъ-поръ?

— Нѣтъ!

— Но гдѣ же онъ можетъ быть?

— Я васъ объ этомъ спрашиваю.

— О, расскажите, расскажите! сказалъ Бюсси, который понялъ, въ-чемъ было дѣло: — это весьма-забавно.

Бѣдная молодая женщина съ изумленіемъ посмотрѣла на Бюсси.

— Нѣтъ. Я хотѣлъ сказать, что это весьма-прискорбно, поправила Бюсси. Я лишился столько крови, что совсѣмъ растерялся. Расскажите мнѣ эту плачевную исторію, сударыня, расскажите.

И Жанна рассказала все, что знала, то-есть приказаніе Генриха III Сен-Люку проводить его, и возвращеніе слугъ отъ запертыхъ воротъ Лувра.

— А, понимаю! сказалъ Бюсси.

— Что вы понимаете? спросила Жанна.

— Его величество увелъ съ собою Сен-Люка въ Лувръ, и повелъ туда, Сен-Люкъ уже не могъ выйти.

— Отъ-чего же онъ не могъ выйти?

— А! отъ-того... что...

Бюссі былъ въ большомъ затрудненіи,

— Сударыня! отвѣчалъ онъ наконецъ: — я не могу открывать вамъ тайны государственныхъ.

— Но я была послѣ того въ Лувръ съ отцомъ моимъ.

— Что жъ?

— Стражи отвѣчали намъ, что они ничего не знаютъ, и что должно быть, мосѣ де-Сен-Люкъ вернулся домой.

— Это еще болѣе доказываетъ, что онъ въ Лувръ, сказалъ Бюссі.

— Вы думаете?

— Я въ томъ увѣренъ, и если вамъ самимъ угодно увѣриться...

— Какимъ образомъ?

— Ступайте сами въ Лувръ.

— Развѣ это послужитъ къ чему-нибудь?

— Разумѣется.

— Но мнѣ отвѣтять то же, что прежде отвѣчали, потому-что еслибъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ тамъ, зачѣмъ бы имъ не пустить меня къ нему?

— Хотите идти въ Лувръ?

— Зачѣмъ?

— Видѣть Сен-Люка?

— Но говорятъ вамъ, что его тамъ нѣтъ.

— Э, mon dieu! А я говорю вамъ, что онъ тамъ.

— Странно...

— Нѣтъ, очень-натурально.

— Но развѣ васъ пустятъ въ Лувръ?

— Разумѣется. Я не мадамъ де-Сен-Люкъ.

— Вы изумляете меня...

— Пойдемте только со мною.

— Но я васъ не понимаю. Вы говорите, что жена Сен-Люка не можетъ войти въ Лувръ, а между-тѣмъ зовете меня съ собою.

— Вы меня не понимаете, сударыня; я проведу въ Лувръ и жену Сен-Люка... Женщину — въ Лувръ... Фи!

— Следовательно, вы смѣтаете надо мною... и смѣтаете въ такую минуту... это жестоко!

— Совсѣмъ нѣтъ! Выслушайте меня: вамъ двадцать лѣтъ, вы высоки ростомъ, стройны, глаза у васъ черные... вы очень похожи на моего пажа... понимаете?... того хорошенькаго мальчика которому вчера великолѣпный костюмъ былъ такъ къ-лицу?

— Ахъ, какое безразсудство! вскричала Жанна покраснѣвъ.

— Другаго средства я не знаю. Хотите ли вы видѣть Сен-Люка? говорите.

— О! я бы отдала все на свѣтъ, чтобъ увидѣться съ нимъ.

— Такъ я покажу вамъ его, не требуя съ васъ ничего.

— Но...

— Другаго средства нѣтъ.

— Извольте; я готова исполнить ваме желаніе; только какъ достать костюмъ этого молодаго человека?

— Объ этомъ не безпокойтесь. Я пришлю вамъ одинъ изъ совершенно-новыхъ костюмовъ, приготовленныхъ для монхъ пажей къ первому балу вдовствующей королевы, и выберу для васъ тотъ, который будетъ вамъ впору; потомъ мы сойдемся сегодня вечеромъ въ условленномъ мѣстѣ, — хотъ въ Улицѣ-Сент-Оморѣ, а оттуда...

— Оттуда?

— Оттуда мы вмѣстѣ отправимся въ Лувръ.

Жанна засмѣялась и подала руку Бюссі.

— Простите мнѣ мой подозрѣніи, сказала она.

— Съ удовольствіемъ. Вы доставляете мнѣ средство участвовать въ шуткѣ, которая разсмѣшитъ всю Европу. Следовательно, я же у васъ въ долгу.

И, расставшись съ молодой женщиной, онъ воротился къ себѣ, чтобъ заняться приготовленіями къ замышляемому маскараду.

Вечеромъ, въ извѣстный часъ, Бюссі и мадамъ де-Сен-Люкъ встрѣтились у Сержантской-Заставы. Если бъ на молодой женщины не былъ костюмъ пажей Бюссі, онъ никакъ бы не узналъ ея. Она была очаровательна. Помѣнявшись нѣсколькими словами, они направились къ Лувру.

Въ концѣ Улицы-Фоссе-Сен-Жерменъ, они встрѣтили большое общество, заградившее имъ дорогу.

Жанна испугалась.

По факеламъ и костюмамъ, Бюссі узналъ свиту герцога анжуйскаго, а по пѣгой лошади и бѣлому бархатному плащу самого герцога.

— А! сказалъ Бюссі, обратившись къ Жаннѣ:—вы не знали, какъ пройти въ Лувръ; успокойтесь: теперь вы войдете туда съ большимъ церемоніаломъ.

— Ваше высочество! закричалъ Бюссі герцогу анжуйскому.

Не смотря на шумъ отъ лошадей и говора всадниковъ, звуки этого голоса достигли до слуха принца.

Онъ оглянулся.

— Бюссі! вскричалъ онъ радостно: — я думалъ, что ты смертельно раненъ и вхалъ къ тебѣ съ визитомъ.

— Ваше высочество, отвѣчалъ Бюссі, не поблагодаривъ даже крича за вниманіе:—если я не убитъ, такъ обязанъ этимъ одному себѣ. По истинѣ, вы посылаете меня въ славныя заводи! Балъ Сен-Люка походилъ вчера на притонъ разбойниковъ. Они высосали у меня порядочное количество крови.

— Клянусь смертію, Бюссі, что они дорого заплатятъ за твою кровь!... Я отомщу за каждую каплю.

— Полноте, отвѣчалъ Бюссі съ своею обыкновенною смѣлостію:

— это вы только говорите, а на дѣлѣ вы улыбнетесь первому изъ разбойниковъ, который вамъ попадется. Хорошо бы еще, ёслибъ, улыбаясь, вы показывали зубы, а то нѣтъ! у васъ губы слишкомъ-плотно сжаты.

— Ступай же за мною въ Лувръ, сказалъ принцъ: — и тамъ увидишь!

— Что я увижу, ваше высочество?

— Ты увидишь, какъ я буду говорить съ братомъ.

— Послушайте, ваше высочество, я не пойду съ вами въ Лувръ, если на мою же голову упадетъ вся вина. Выговоры хороши для миньйоновъ, а не для меня.

— Будь спокоенъ; я принялъ это дѣло къ сердцу.

— Общаетесь ли вы, что расправа будетъ хороша?

— Ты останешься доволенъ... Ты, кажется, еще колеблешься?

— Ваше высочество... я такъ хорошо васъ знаю...

— Ступай, говорить тебѣ. Это свиданіе надѣляетъ шума.

— Теперь ваше дѣло устроилось, шеннуль Бюссі на ухо жидкой графини. — Между добрыми братьями, обожающими другъ друга, будетъ страшная ссора... а вы между-тѣмъ увидите Сент-Луи.

... Ну, что? спросилъ герцогъ: — рѣшился ли ты, или хочешь, чтобъ я далъ тебѣ честное слово?

... О, нѣтъ! воскричалъ Бюссі: — это принесетъ мнѣ несчастіе. Какъ бы то ни было и что бы ни случилось, я послѣдую за вами; а если меня оскорбятъ, такъ я сумѣю отмстить за себя.

И Бюссі пошелъ рядомъ съ принцомъ, между-тѣмъ, какъ новый пажъ его пошелъ за нимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ принцъ, отвѣчая на послѣднюю угрозу Бюссі: — это дѣло до тебя не касается, мой храбрый дворянинъ! я беру на себя мщеніе. Послушай, сказалъ онъ, понизивъ голосъ: — я знаю убійцъ.

... Не-уме-ли? сказалъ Бюссі: — вы трудились развѣдывать?

— Я самъ видѣлъ ихъ.

— Будто? спросилъ Бюссі съ изумленіемъ.

— Да; у меня было дѣло близь Сент-Антуанскихъ-Воротъ. Они сперва напали на меня и чуть же убили, вмѣсто тебя. А! я не зналъ, что эти разбойники поджидали тебя!... не то...

— Что жъ бы вы сдѣлали?

— Твой новый пажъ былъ съ тобою? спросилъ принцъ, не договаривъ угрозы.

— Нѣтъ, ваше высочество, я былъ одинъ; отвѣчалъ Бюссі: — а: вы?

— Я былъ съ Ориль; но отъ-чего же ты былъ одинъ?

— Потому-что хочу сохранить прозвище храбраго, которое они мнѣ сами дали.

— Они ранили тебя? спросилъ принцъ, быстро уклоняясь отъ какаостей Бюссі.

— Я не хочу говорить имъ этого; иначе они слишкомъ обрадуются; отвѣчалъ Бюсси: — но они проткнули мнѣ бокъ.

— Злодѣи! вскричалъ принцъ. — Ориль былъ правъ, когда говорилъ, что у нихъ злой умыселъ.

— Какъ! сказалъ Бюсси: — вы видѣли засаду? вы были съ Ориль, который почти такъ же хорошо играетъ шпагою, какъ на ютнъ? онъ сказалъ, что у этихъ людей былъ злой умыселъ... насъ было двое, а ихъ было только пятеро, и вы не остались тамъ, чтобъ видѣть, что они затѣвали, и чтобъ защищать того, на котораго намъ вѣревались напасть?

— Что жь дѣлать! я не зналъ, кого они поджидали.

— Чортъ возьми! вы должны же были знать, что они могли поджидать только кого-нибудь изъ вашихъ друзей! А такъ-какъ только я одинъ имѣю дерзость и мужество быть вашимъ другомъ, то не трудно было угадать, что они добирались до меня.

— Да, ты правъ, мой добрый Бюсси, сказалъ Франсуа: — это не вращало мнѣ въ голову.

— Что дѣлать! проговорилъ Бюсси со вздохомъ, какъ-бы не выходя другикъ словъ, чтобъ выразить то, что думалъ о герцогѣ.

Прибывъ въ Лувръ. У воротъ герцогъ анжуйскій былъ встрѣченъ карауломъ и стражею. Строго было приказано никого не впускать. Не очень-понятно, что это приказаніе не простиралось на первую ступу въ королевствѣ послѣ короля. Принцъ велѣлъ со всею свитою поѣхать арку подъемнаго моста.

— Ваше высочество, сказалъ Бюсси, вступивъ на почетный вѣкъ: — ступайте на расправу и не забывайте, что вы мнѣ обѣщали. Мнѣ же надобно идти по своему дѣлу.

— Ты уходишь отъ меня, Бюсси? съ безпомощствомъ сказалъ принцъ, надѣявшійся на присутствіе канитана.

— По необходимости; но не бойтесь: въ самый разгаръ разгара я явлюсь къ вамъ. Только кричите громче, ваше высочество, чтобъ я издали услышалъ, потому-что если я не услышу вашего крика, такъ не приѣду.

Потомъ, въ то самое время, когда герцогъ входилъ въ большую залу, онъ съ Жанной преобразился во внутренніе немки.

Бюсси зналъ Лувръ какъ свой домъ. Онъ прошелъ по потайной лестницѣ и дошелъ до передней.

— Подождите меня здѣсь, сказалъ онъ Жаннѣ.

— О, Боже мой! вы оставляете меня одну? со страхомъ произнесла молодая женщина.

— Это необходимо; я долженъ очистить вамъ дорогу.

VI.

Продолженіе.

Бюссі пошелъ прямо въ оружейный кабинетъ, столько любимыхъ королемъ Карломъ IX и, по новому распоряженію и расположенію, превратившійся въ спальню короля Генриха III. Карль IX король-охотникъ, король-кузнецъ, король-поэтъ, украсилъ эту комнату ружьями, охотничьими рогами, манускриптами и книгами. Генрихъ III украсилъ ее двумя постелями, бархатною и атласною, довольно-безнравственными картинами, талисманами, восточными благовонными порошками, нарамниками, освященными папей, и коллекціей отличнѣйшихъ рапиръ.

Бюссі очень-хорошо зналъ, что не застанетъ Генриха въ этой комнатѣ, потому-что братъ просилъ у него аудиенціи въ большомъ кабинетѣ; но онъ зналъ также, что возлѣ комнаты короля былъ покой кормилицы Карла IX, въ которомъ теперь жилъ тотъ любимецъ Генриха, который былъ въ чести. Но такъ-какъ Генрихъ III былъ чрезвычайно-непостоянень въ своей дружбѣ, то въ этой комнатѣ попеременно жили Можиронъ, д'О, д'Эвернонъ, Келюсъ и Шомбергъ, а въ настоящее время въ ней, втроитно былъ заключенъ Сен-Люкъ, къ которому король внезапно почувствовалъ такое расположеніе, что похитилъ его у жены.

Генриху III, человѣку странной организаціи, королю то мелочному, то глубокомысленному, то трусливому, то мужественному, вѣчно скачавшему, безпокойному, задумчивому, нужны были постоянныя развлеченія,—днемъ: шумъ, игры, движеніе, маскарады, интриги;—ночью: свѣтъ, болтовня... Генрихъ III — единственно лицо этого характера, встречающееся въ новѣйшей исторіи... Онъ долженъ былъ родиться нѣсколькими столѣтіями прежде, на Востоку, и царствованіе его должно было составлять нечто среднее между царствованіемъ Нерона и Геліогабала.

Такъ-какъ Бюссі полагалъ, что Сен-Люкъ занималъ комнату кормилицы, то онъ постучался у двери въ переднюю, общую этимъ двумъ покоямъ.

Капитанъ стражей отворилъ дверь.

— Мосё де-Бюссі! вскричалъ онъ съ изумленіемъ.

— Точно-такъ, любезный мосё де-Нансей, отвѣчалъ Бюссі: — король приказалъ мнѣ переговорить съ Сен-Люкомъ.

— Хорошо; доложите мосё де-Сен-Люку, что его спрашиваютъ отъ имени короля.

Черезъ отверстіе полурастворенной двери, Бюссі бросилъ взглядъ нажу. Потомъ, обратившись къ Нансею, спросилъ:

— Что дѣлаетъ нашъ бѣдный Сен-Люкъ?

— Онъ играетъ съ Шикъ, въ ожиданіи короля, который пошелъ на аудіенцію, испрошенную у него его высочествомъ герцогомъ анжуйскимъ.

— Позвольте ли вы пажу моему подождать здѣсь? спросилъ Бюссі капитана стражи.

— Охотно.

— Жанъ, ступай сюда, сказалъ Бюссі молодой женщинѣ, и рукою указалъ ей амбразуру окна, въ которую она поспѣшно удалилась.

Едва она скрылась туда; какъ вошелъ Сен-Люкъ. Нансей отступилъ въ скромности.

— Что нужно еще отъ меня королю? сказалъ Сен-Люкъ рывкомъ голосомъ и съ досадою. — Ахъ, это вы, мосье де-Бюссі!

— Я, мой добрый Сен-Люкъ; но прежде всего...

Онъ понизилъ голосъ.

— Прежде всего, благодарю васъ за оказанную мнѣ услугу.

— Услуга эта была естественна, отвѣчалъ Сен-Люкъ: — я не хотѣлъ, чтобъ такой благородный и мужественный дворянинъ, какъ вы, былъ убитъ измѣнническимъ образомъ.

— Меня чуть не убили... за малымъ дѣло стало... но въ подобныхъ случаяхъ и малость важна!

— Что вы говорите?

— Я говорю, что отдался раной, за которую, однакожь, щедро заплатилъ Шомбергу или д'Эпернону, не знаю хорошенько. Что же касается до Келюса, то онъ живъ только благодаря крепости своего черепа. Мнѣ въ жизнь не случалось еще встрѣчать такого крѣпкаго черепа!

— Расскажите, пожалуйста, свое приключеніе; это развлечетъ меня, сказалъ Сен-Люкъ, зѣвнувъ съ наслажденіемъ.

— Теперь некогда, любезный Сен-Люкъ. — Я пришелъ сюда совсѣмъ за другимъ. Вамъ, кажется, здѣсь ужасно-скучно?

— Что и говорить!

— Такъ я пришелъ развлечь васъ... Чортъ возьми, услуга за услугу.

— Вы правы, и ваша услуга гораздо-больше моей. Отъ скуки скорѣе можно умереть, нежели отъ шпаги; она дѣйствуетъ медленнѣе, но вернѣе.

— Бѣдный графъ, сказалъ Бюссі: — слѣдовательно, я не ошибаюсь; вы въ плѣну?..

— Въ жесточайшемъ плѣну. Король увѣряетъ, что только моя веселость можетъ разсвѣтъ его. Это очень-милостиво, и потому со втораго вечера я сдѣлалъ ему болѣе гримасъ, нежели его обезьяна, и наговорилъ болѣе грубостей, нежели шутъ его.

— Сможете же, не могу ли я вамъ оказать какую-нибудь услугу?

— Можете, и весьма-большую, отвѣчалъ Сен-Люкъ: — смотрите, пожалуйста, ко мнѣ, или, лучше сказать, къ де-Бриссаку, и усно-

мойте мою бедную жену, которая, вѣроятно, очень тревожится и находитъ мое поведеніе страннымъ.

— Но что мнѣ сказать ей?

— Скажите, что вы видите—что я въ пѣвну и что со вчерашняго вечера король толкуетъ мнѣ о дружбѣ такъ, какъ Цицеронъ писалъ объ ней, и о добродѣтели—такъ, какъ Сократъ исполнялъ ее.

— Что жъ вы отвѣчаете ему?

— *Morbleu!*... я отвѣчаю, что въ дружбѣ я непостояненъ и добродѣтели не знаю; не смотря на то, онъ продолжаетъ вадыхать и повторять: «ахъ, Сен-Люк! не-уже-ли дружба — только мечта? не-уже-ли добродѣтель пустой звукъ?..» Когда ему надѣется повторять это по-французски, онъ принимается говорить то же самое по-латынѣ, а потомъ по-гречески.

При этихъ словахъ, пажъ, котораго Сен-Люкъ прежде не замѣтилъ, громко засмѣялся.

— Что дѣлать, любезный другъ! Онъ надѣется тронуть васъ. *Vis repetita placent*, а тѣмъ болѣе *ter*. И такъ, вы никакой услуги отъ меня не требуете?

— Ахъ, Боже мой! Есть еще одна... но я не смѣю...

— Въ такомъ случаѣ то, о чемъ вы меня просили, исполнено.

— Какъ?

— Я угадывалъ, куда вы попались, а потому все рассказалъ вашей женѣ.

— Что жъ она отвѣчала?

— Она сначала не хотѣла вѣрить. Но, прибавилъ Бюсси, бросивъ косвенный взглядъ на амбразуру окна:—я надѣюсь, что наконецъ убедилъ ее. Следовательно, требуйте отъ меня другой услуги, болѣе-трудной, пожалуй даже невозможной; тогда мнѣ будетъ пріятнѣе услужить вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, прилетите на крылатомъ конѣ къ моему окну и умчите меня къ женѣ. Потомъ, если вамъ угодно, можете опять воротиться на Луну.

— Другъ мой, это можно устроить гораздо-проще: пусть жена ваша придетъ къ вамъ.

— Сюда?

— Да, сюда.

— Въ Лувръ?

— Разумѣется, въ Лувръ. Это гораздо-забавнѣе. Не правда ли?

— Еще бы, *mordieu!*

— Тогда вы не будете больше скучать?

— Не буду, клянусь!

— Потому-что вѣдь вы здѣсь скучаете?

— Спросите Шикко. Съ самаго утра я возненавидѣлъ его и три раза вызывалъ на пединнокъ. Онъ такъ ослѣпъ, что при другихъ обстоятельствахъ, я умеръ бы со смѣху, а тутъ даже не улыбнулся. Только если это будетъ еще продолжаться, я безъ шутокъ убью его или дамъ ему убить себя.

— О! это очень может случиться; вы знаете, что Шико па-терски владѣеть шпагой. Въ гробу вамъ будетъ еще скучнѣе, не-келн здѣсь, повѣрьте!

— Не думаю.

— Послушайте, сказалъ Бюсси; смѣясь: — хотите ли, я дамъ вамъ своего пажъ?

— Мнѣ?

— Да, чудеснаго мальчика.

— Благодарю, отвѣчалъ Сен-Люкъ:—я ненавижу этихъ мальчи-шекъ. Король предлагалъ мнѣ послать за тѣмъ изъ моихъ пажовъ, котораго я люблю болѣе другихъ, но я отказался. Предложите то королю; онъ обзаводится новыми пажами. Вышедши отсюда, я уду держать у себя въ домъ одну женскую прислугу.

— Ничего, сказалъ Бюсси, продолжая шептаться: — возьмите только моего пажъ.

— Бюсси! возразилъ Сен-Люкъ съ неудовольствіемъ: — пере-ставьте насмѣхаться.

— Послушайте, возьмите.

— Не хочу.

— Да говорить вамъ, что останетесь довольны.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, сто разъ нѣтъ!

— Эй, пажъ! поди сюда.

— *Mordieu!* вскричалъ Сен-Люкъ съ негодованіемъ.

Пажъ приближался краснѣя.

— О! произнесъ Сен-Люкъ съ крайнимъ изумленіемъ; узнавъ Капу въ ливрѣ Бюсси.

— Ну, что? спросилъ Бюсси:—отослать его?

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Сен-Люкъ, только совѣвъ другимъ именомъ.—А, Бюсси! Бюсси! а вамъ навѣки обязанъ!

— Вы забываете, Сен-Люкъ, что за нами подсматриваютъ.

— Правда, отвѣчалъ Сен-Люкъ, и, ступивъ уже два шага къ евъ, скоро отступилъ назадъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, г. де-Нансей, изумленный слишкомъ—вырази-тельнымъ движеніемъ Сен-Люка, сталъ уже прислушиваться, какъ ругъ сильный шумъ въ аудіенц-залѣ привлекъ его вниманіе.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Нансей:—кажется, король на ко-то гнѣвается!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? возразилъ Бюсси съ притворнымъ безпо-койствомъ: — ужъ не на герцога ли анжуйскаго, съ которымъ я ишелъ?

Капитанъ стражей прикрѣпилъ шпагу къ боку и пошелъ къ зеръ, изъ которой слышался шумъ.

Хорошо ли я устроилъ дѣла? спросилъ Бюсси, обратившись къ н-Люку.

— Что жъ еще? спросилъ послѣдній.

— То, что король теперь спорится съ герцогомъ анжуйскимъ; такъ-какъ это должно быть очень-любопытно, то я бѣгу туда.

Воспользуйтесь суматохой, — не для того, чтобъ бѣжать, потому-что отъ короля не уйдете, а для того, чтобъ спрятать здѣсь этого прелестнаго нажда, котораго я дарю вамъ... Возможно ли это?

— Конечно, возможно. Да хоть бы и не было возможно, такъ должно быть! Не счастью, я притворился больнымъ и не вышелъ изъ комнаты.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте, Сен-Люкъ; а вы, сударыня, забывайте меня въ своихъ молитвахъ.

И Бюссі, радуясь шуткѣ, которую сыгралъ надъ Генрихомъ II вышелъ изъ передней и поспѣшилъ въ галерею, гдѣ король раскрасившійся отъ гнѣва, доказывалъ герцогу анжуйскому, и блгдвѣвшему отъ ярости, что въ приключеніи прошедшей ночи Бюссі самъ былъ зачинщикомъ.

— А я утверждаю, кричалъ герцогъ анжуйскій: — что д'Эпернонь, Можиронъ, Шомбергъ, д'О и Кельюсъ поджидали его у тузельскаго отеля.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Я самъ видѣлъ ихъ, государь! собственными своими глазами видѣлъ!

— Въ темнотѣ, не правда ли? На дворъ было темно, какъ въ гробѣ.

— Я не по лицу и узналъ ихъ.

— А по чему же? по синиѣ?

— Нѣтъ, ваше величество, по голосу.

— Развѣ они говорили съ вами?

— Мало того: они приняли меня за Бюссі, и напали на меня.

— На васъ?

— Да, на меня.

— А зачѣмъ вы ходили къ Сент-Антуанскимъ-Воротамъ?

— Это мое дѣло.

— Я хочу знать это. Я сегодня любопытенъ.

— Я шелъ къ Манасесу.

— Къ Манасесу? къ Жиду?

— Вы же ходите къ Руджіери, чернокожнику.

— Я хожу куда мнѣ вздумается; на то я король!

— Это не причина.

— Я вамъ говорилъ и говорю, что Бюссі былъ зачинникомъ.

— Бюссі?

— Да.

— Гдѣ?

— На балѣ у Сен-Люка.

— Бюссі вызвалъ пятерыхъ разомъ! Полноте, государь, Бюссі храбръ, но не безразсуденъ.

— Mordieu! Я вамъ говорю, что самъ слышалъ его вызовъ. И что тутъ удивительнаго? Не смотря на всѣ возраженія, я вижу что онъ рванулъ Шомберга въ лажку, д'Эпернона въ руку, а Люса почти убилъ.

— Не-уже-ли? сказалъ герцогъ: — онъ мнѣ не говорилъ этого. Надо поздравить его.

— Я, сказалъ король: — никого поздравлять не буду, но покажу вамъ строгость надъ этимъ забіякой.

— А я, возразилъ герцогъ: — котораго ваши друзья оскорбляютъ не только въ особѣ Бюссі, но и въ его собственной, я докажу, что я братъ вашъ, и что въ цѣлой Франціи не должно быть человѣка, кромѣ вашего величества, который осмѣлился бы шутить мнѣ прямо въ глаза, и который не питалъ бы ко мнѣ, или въ уваженія, такъ страха!...

Въ это время вошелъ Бюссі въ зеленомъ атласномъ костюмѣ, украшенномъ розовыми лентами.

— Ваше величество, сказалъ онъ, наклонившись предъ Генрихомъ III: — благоволите принять выраженіе моего глубочайшаго почтенія.

— Pardieu! вотъ онъ я самъ, сказалъ Генрихъ.

— Ваше величество изволили говорить обо мнѣ? спросилъ Бюссі.

— Да, отвѣчалъ король: — и очень-радъ, что васъ вижу; не смотря на то, что мнѣ говорили, вы совершенно-зоровы... лицо мое свѣжее, нежели было когда-нибудь...

— Ваше величество, я долженъ имѣть сегодня чрезвычайно-свѣжій цвѣтъ лица, возразилъ Бюссі: — потому-что лишняя кровь вертитъ цвѣтъ тѣла.

— Если васъ побили, если ранили васъ, мосьё де-Бюссі, такъ жалуйтесь, и я удовлетворю васъ.

— Позвольте замѣтить вашему величеству, что меня не побили, и ранили, и что я не жалуюсь.

Генрихъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на герцога анжуйскаго.

— Что жъ вы говорили? спросилъ онъ.

— Я говорилъ, что Бюссі получилъ глубокую рану въ бокъ.

— Правда ли это, Бюссі? спросилъ король.

— Если это говорить его высочество, такъ должно быть правду, отвѣчалъ Бюссі.

— И, получивъ рану въ бокъ, спросилъ Генрихъ: — вы не жалуетесь?

— Я пожалуюсь вашему величеству только въ такомъ случаѣ, когда мнѣ отрубятъ правую руку, и тѣмъ лишатъ средства мстить. Впрочемъ, продолжалъ отчаянный дуэлистъ:— и въ этомъ случаѣ я сумѣю отомстить за себя лѣвой рукой.

— Дерзкій! проговорилъ Генрихъ.

— Ваше величество, сказалъ герцогъ анжуйскій: — вы говорите объ удовлетвореніи: исполняйте же обѣщаніе — я больше ничего не требую. Прикажите сдѣлать сѣдство, назначьте сами судей, чтобъ можно было узнать, кто былъ не зачинщикомъ, а убійцей!

Генрихъ покраснѣлъ.

— Итъ, отвѣчалъ Генрихъ:—я не хочу знать, на чьей сторо-

на врага, и лучше—прошу всѣхъ. Я желаю, чтобъ эти свирѣпыя враги примирились, и очень сожалею, что здѣсь нѣтъ Шомбергъ и д'Эпернона, которыхъ раны задержали дома. Скажите, герцогу кто изъ моихъ друзей былъ самый ожесточенный, по вашему мнѣнію? Скажите: вы должны это знать, если утверждаете, что видѣли ихъ.

— Келюсъ, отвѣчалъ герцогу анжуйскій.

— Ваше высочество не ошиблись, отвѣчалъ Келюсъ: — и я въ томъ не отрицаюсь.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Генрихъ:—пускай мосье де-Бюссі и Келюсъ примирятся за всѣхъ.

— О! что это значитъ, ваше величество? сказалъ Келюсъ.

— Это значитъ, что я хочу, чтобъ вы сейчасъ же обнялись здѣсь при мнѣ.

Келюсъ нахмурился.

— Что жъ, синьоръ? вскричалъ Бюссі, произнося слова съ итальянскимъ акцентомъ и сдѣлавъ любимый жестъ итальянскихъ комедіантовъ: — не-уже-ли вы, синьоръ, откажете мнѣ въ этой дѣлѣ?

Выходка эта была такъ неожиданна и исполнена съ такимъ коммюномъ, что самъ король засмѣялся. Бюссі, подошедъ къ Келюсу, продолжалъ:

— Синьоръ, обвинемся: король приказалъ. И онъ бросился къ нему на шею.

— Надвусю, что это только комедія? сказалъ шопотомъ Келюсъ.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ Бюссі шопотомъ же: — рано ли, поздно ли, мы встрѣтимся.

Келюсъ, красный и растрепанный отъ объятій Бюссі, отступилъ въ бѣшенствѣ.

Генрихъ опять нахмурилъ брови, а Бюссі, раскланявшись съ ужимками итальянскаго комедіанта, сдѣлавъ пируэтъ и удалился изъ аудіенц-залы.

Этой комической выходкой онъ приобрѣлъ себѣ смертельнаго врага.

VII

Какъ дожился спать король Генрихъ III.

Послѣ этой сцены, начинавшейся трагедіей, кончившейся комедіей, и слухъ о которой въ нѣсколько минутъ распространился по всему городу, король, сильно-разгнѣванный, пошелъ къ своему покою, сопровождаемый шуткомъ, просившимъ ужинать.

— Я не голоденъ, сказалъ король, переступая за порогъ своей комнаты.

— Вѣрю, возразилъ Шико:—но я съ ума схожу отъ голода; я вѣдь не кусаюсь.

Король не обратил вниманія на послѣднія слова. Онъ разстегнулъ застежку своей мантильи, бросилъ ее на кровать, снялъ токъ, утвержденный на годовѣ его длинными черными будагами, и бросилъ на кресло; потомъ, направивъ шаги къ корридору, ведущему въ комнату Сен-Люка, которая отдѣлялась отъ его спальни одною стѣною, сказалъ:

— Жди меня, шутъ, я сейчасъ ворочусь.

— О, не торопись, не торопись! отвѣчалъ Шикó;—я даже желалъ, продолжалъ онъ, прислушиваясь къ удалявшимся шагамъ Генриха:—чтобъ ты далъ мнѣ время приготовить тебѣ маленькій сюрпризъ.

Потомъ, когда шаги совершенно утихли, онъ отворилъ дверь въ переднюю и закричалъ:

— Эй! кто-нибудь!

Явился слуга.

— Король передумалъ и приказалъ подать ужинъ, сказалъ Шикó:—деликатный ужинъ для него и для Сен-Люка. Слышишь? И ни на жалеть. Ступай!

Слуга побѣжалъ исполнять приказаніе Шикó, полагая, что это было приказаніе короля.

Генрихъ же, какъ мы уже сказали, пошелъ въ спальню Сен-Люка, который, зная, что король прійдетъ, легъ въ постель и приказалъ старому слугѣ читать вслухъ молитвы. Слуга этотъ прилежалъ Сен-Люку и, послѣдовавъ за нимъ въ Луаръ, пошелся рядомъ вмѣстѣ съ нимъ. На позолоченномъ креслѣ, въ углу, опутивъ голову на руки, спалъ крѣпкимъ сномъ пажъ, котораго звали Бюссі.

Король однимъ взоромъ окинулъ комнату.

— Что это за молодой человѣкъ? спросилъ онъ Сен-Люка съ безпокойствомъ.

— Ваше величество сами позволили мнѣ взять одного изъ пажей моихъ.

— Конечно, отвѣчалъ Генрихъ III.

— И я воспользовался позволеніемъ.

— А!

— Можетъ-быть, ваше величество раскаяваетесь въ томъ, что позволили мнѣ это развлеченіе? спросилъ Сен-Люкъ.

— Нѣтъ, сынъ мой, нѣтъ; напротивъ, я желаю, чтобъ ты имѣлъ развлеченіе. Ну, какъ ты себя чувствуешь?

— У меня сильная лихорадка.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, у тебя горитъ лицо. Дай пощупать пульсъ; ты знаешь, я такъ-разумью кое-что въ медицинѣ.

Сен-Люкъ съ видимымъ неудовольствіемъ подалъ ему руку.

— Да, сказалъ король, жаръ и волненіе въ крови.

— Я очень-нездоровъ, ваше величество, сказалъ Сен-Люкъ.

— Не бойся, я пришлоу къ тебѣ своего врача.

— Благодарю, ваше величество!

— И самъ буду ухаживать за тобою...

— Ваше величество, я не потеряю...

— Я велю поставить себя въ твоей комнатѣ кровать, Сен-Люк! Мы будемъ бесѣдовать цѣлую ночь. Мнѣ надо о многомъ пероговорить съ тобою.

— Ахъ! вскричалъ Сен-Люкъ съ отчаяніемъ: — вы говорите что знаете толкъ въ медицинѣ, увѣряете меня въ дружбѣ, а между-тѣмъ не хотите давать мнѣ спать. *Morgbleu!* у васъ странная манера лечить больныхъ! *Morgbleu!* у васъ страшный способъ докзывать дружбу.

— Какъ? ты хочешь остаться одинъ въ этомъ положеніи?

— Ваше величество, со мной пажъ, Жанъ.

— Но онъ спитъ.

— Такъ и слѣдуетъ; по-крайней-мѣрѣ, онъ мнѣ самому не мешаетъ спать.

— Позволь мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, остаться съ нимъ. Я буду разговаривать съ тобою только тогда, когда ты преснешься.

— Ваше величество, я бываю очень сердитъ, когда просыпаюсь надобно привыкнуть ко мнѣ, чтобъ терпѣливо сносить грубости которыя я говорю при пробужденіи.

— Хорошо; такъ прійди ко мнѣ на минуту.

— А послѣ, когда вы ляжете, я буду свободенъ?

— Совершенно.

— Извольте; только увѣрю васъ, я буду плохой собесѣдникъ! Мнѣ ужасно спать хочется.

— Ничего! Ты можешь звать сколько тебѣ угодно.

— Какое тиранство! сказалъ Сен-Люкъ: — вѣдь у васъ и безъ меня много друзей.

— Да, хороши друзья! Бюссѣ отдѣлалъ ихъ порядкомъ. У Шоберга проткнута ляжка; у д'Эпернона ранена рука; Келюсъ не пришелъ еще въ себя отъ вчерашняго удара и отъ сегодняшнихъ обидъ. Остается д'О, который чрезвычайно надоедаетъ мнѣ, и Мажиронъ, который на меня дуется. Скорѣе! разбуди этого пажа одѣнься.

— Ваше величество, я бы желалъ, чтобъ вы удалились...

— Зачѣмъ?

— Уваженіе къ...

— Чтó за вздоръ!

— Черезъ пять минутъ я буду у васъ.

— Ну, хорошо! Черезъ пять минутъ я жду тебя; только не больше пяти минутъ; слышишь? и въ эти пять минутъ придумай какую-нибудь забавную исторію, чтобъ я могъ посмѣяться.

За тѣмъ, король, достигнувшій половины того, чего желалъ удалиться въ-половину удовлетворенный.

Едва дверь затворилась, какъ пажъ вскочилъ съ кресла.

— Ахъ, Сен-Люкъ, вскричалъ онъ, когда замолкли шаги короля:—вы хотите оставить меня. Боже мой, какое мученіе! Я умираю со страха. Если узнаютъ...

— Милая Жанна, отвѣчалъ Сен-Люкъ:—Гаспаръ защититъ васъ! и онъ указалъ на стараго слугу.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ лучше уйти, отвѣчала молодая женщина, покраснѣвъ.

— Если вамъ непременно угодно, Жанна, сказалъ Сен-Люкъ съ грустію:—я прикажу проводить васъ въ домъ Монморанси, потому что только мнѣ запрещено выходить отсюда. Но если вы такъ же добры, какъ прелестны, если вы расположены хоть нѣсколько къ бѣдному Сен-Люку, подождите его здѣсь нѣсколько минутъ. Я столько буду жаловаться на головную боль, на нервы и желудокъ, что надоѣмъ королю, и онъ пошлетъ меня спать.

Жанна опустила глаза.

— Ступайте же, сказала она: — я подожду; но я вамъ скажу то же, что король: не оставайтесь долго.

— Жанна, милая Жанна! вы очаровательны! сказалъ Сен-Люкъ: — я не замедлю къ вамъ воротиться. Впрочемъ, мнѣ пришла мысль, я обдумаю ее хорошенько и вернувшись сообщу вамъ.

— Мысль... которая освободитъ васъ?

— Надѣюсь.

— Такъ идите же скорѣе.

— Гаспаръ, сказалъ Сен-Люкъ:—не впускай никого сюда. Если я не вернусь черезъ четверть часа, запри дверь ключомъ и принеси изъ его. Потомъ ступай домой и скажи, чтобъ никто не беспокоился о графинѣ; самъ же приходи завтра.

Гаспаръ улыбаясь обѣщалъ исполнить приказанія, которыя молодая женщина выслушивала краснѣя.

Сен-Люкъ нѣжно поцаловалъ руку жены и побѣжалъ въ комнату Генриха, начинавшаго уже беспокоиться.

Жанна, оставшись одна, робко спряталась за широкій занавѣсъ кровати и тамъ съ безпокойствомъ придумывала средство выйдти съ торжествомъ изъ страннаго положенія, въ которомъ находилась.

Сен-Люкъ, вошедши въ комнату короля, былъ пораженъ сильнымъ сладострастнымъ ароматомъ, распространявшимся въ воздухъ. Генрихъ въ-самомъ-дѣлѣ наступалъ на цвѣты, которыми былъ устланъ коверъ; розы, жасмины, фіалки, гвоздики составляли, не смотря на зимнее время, мягкій и благовонный коверъ короля Генриха III.

Комната, плафонъ которой былъ расписанъ прекрасною живописью на холстѣ, была меблирована, какъ мы уже сказали, двумя кроватями, изъ которыхъ одна была такъ широка, что занимала почти треть комнаты. Эта кровать была украшена обоями, сотканными изъ шелка и золота, и изображавшими исторію Ценея или Пенелопы, то въ видѣ женщины, то въ видѣ мужчины; превращенія эти были выражены, какъ очень-понятно, въ самыхъ фанта-

стически-сладострастныхъ формахъ. Балдахинъ кровати былъ и парчи съ шелковыми узорами, а у изголовья видѣлся великолѣпный вытканый гербъ короля.

У оконъ были тѣ же обои, какъ у кроватей, а диваны и кресла обиты тою же матеріею, изъ которой были занавѣсы у окон и кровати. Посреди плафона, на золотой цѣпочкѣ висѣла серебряная, позолоченная лампа, въ которой горѣло масло, распространившее въ воздухѣ нѣжное благоуханіе. По правую сторону кровати, золотой сатиръ держалъ въ рукахъ канделябръ, въ которомъ горѣли четыре свѣчи изъ розоваго воска, также падушеннаго. Эти восковые свѣчи, толщиною въ палецъ, разливали нѣжный свѣтъ, который, вмѣстѣ со свѣтомъ лампы, озарялъ комнату.

Король, опустивъ голыя ноги на цѣвѣты, которыми былъ усыпанъ полъ, сидѣлъ въ креслѣ изъ чернаго дерева съ золотыми украшеніями; на колѣняхъ у него было семь или восемь щенковъ испанской породы, которыхъ нѣжныя мордочки пріятно шекотали ему руки. Двое слугъ разбирали и завивали волосы короля, причесанные вверху, усы, загнутые крючками, и рѣдкую, клочковатую бороду.

Третій слуга покрывалъ лицо короля розовымъ масломъ страннаго вкуса и самаго сладострастнаго запаха.

Генрихъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, съ величіемъ и важною индійскаго божества.

— Сен-Люкъ! говорилъ онъ: — гдѣ Сен-Люкъ?

Сен-Люкъ вошелъ.

Шикó взявъ его за руку и подвелъ къ королю.

— Вотъ, сказалъ онъ Генриху: — вотъ онъ, твой другъ Сен-Люкъ; прикажи ему тоже вымазаться, или, лучше сказать, выпачкаться твоимъ масломъ; потому-что если ты не пріймешь эту необходимую предосторожность, то можетъ случиться весьма-непріятное обстоятельство: или тебѣ покажется, что отъ него нехорошо пахнетъ, или ему покажется, что отъ тебя слишкомъ-хорошо пахнетъ. Эй, сюда масла и гребенки! вскричалъ онъ, опустившись въ кресло противъ короля: — я тоже хочу попробовать, хорошо ли пацкаться!

— Шикó, Шикó! вскричалъ Генрихъ: — твоя кожа слишкомъ-суха, и поглотитъ слишкомъ-много масла; а у меня его немного; щетина же твоя такъ жестка, что переломаетъ всѣ мои гребенки.

— Кожа моя высохла на твоей службѣ, неблагодарный! а если щетина моя жестка, такъ отъ-того, что ты дѣлаешь мнѣ столько непріятностей, что заставляешь безпрестанно щетиниться!.. Но не давай мнѣ масла, не давай!.. Я тебѣ отплачу.

Генрихъ пожалъ плечами, не будучи расположенъ смѣяться надъ фарсами шута.

— Пошелъ, сказалъ онъ: — ты говоришь вздоръ.

Потомъ, обратившись къ Сен-Люку, продолжалъ:

— Ну что, другъ мой, какъ твоя годовная боль?

Сен-Люкъ поднесъ руку ко лбу и вздохнулъ.

— Представь себя, продолжалъ Генрихъ: — я видѣлъ Бюссѣ д'Амбуаза. Ай!.. вскричалъ онъ, обратившись къ парикмахеру: — ты обжегъ меня.

Парикмахеръ сталъ на колѣни.

— Вы видѣли Бюссѣ д'Амбуаза, ваше величество? сказала Сен-Люкъ, задрожавъ.

— Да, отвѣчалъ король. — Представь себѣ, что за глупцы! Пятро ванади на одного... И онъ ушелъ отъ нихъ! Я волю ихъ самихъ приколотить гдѣ-нибудь въ пустынномъ мѣстѣ. Скажи-ка, Сен-Люкъ, еслябъ ты былъ съ ними? а?

— Ваше величество, отвѣчалъ молодой человекъ: — очень-вѣроятно, что я не былъ бы счастливейе своихъ товарищей.

— Полно! что ты говоришь? Я готовъ прозакладовать десять тысячъ эю, что ты раннѣе Бюссѣ десять разъ, прежде, нежели онъ успеетъ шесть разъ дотронуться до тебя! Pardieu! Это мы завтра увидимъ. Ты продолжаешь фехтовать?

— Конечно, ваше величество.

— То-есть, я спрашиваю, часто ли ты упражняешься въ этомъ?

— Почти каждый день, когда бываю здоровъ. Но когда нездоровъ, то ни къ чему не гожусь.

— Когда мы съ тобой дрались, кто былъ искуснѣе?

— Мы почти-одинаково деремся, ваше величество.

— А я фехтую получше Бюссѣ, morgdieu! закричалъ Генрихъ. — Эй! ты, кажется, вырвалъ мнѣ клокъ волосъ изъ бороды.

Брадобрѣй сталъ на колѣни.

— Ваше величество, спросилъ Сен-Люкъ: — не знаете ли вы средства противъ тошноты?

— Надобно ѣсть, отвѣчалъ король.

— О, я думаю, что вы ошибаетесь.

— Нѣтъ, уверяю тебя.

— Ты правъ, Генрихъ, сказалъ Шикó: — а такъ-какъ у меня и тошнота и рвзъ въ животѣ, то я слѣдую твоему предписанію.

Въ то же время послышался шумъ, подобный скорому навканью обояны.

Король оглянулся и увидѣлъ Шикó, проглотившаго двѣ порціи ужины, который онъ велѣлъ принести отъ имени короля, и съ наслажденіемъ выпившаго какую-то жидкость, поданную въ чашкѣ изъ японскаго фарфора.

— Что ты тамъ дѣлаешь, Шикó? спросилъ Генрихъ.

— Ты дѣлаешь наружность, а я внутренность, отвѣчалъ Шикó: — коли ты не позволяешь мнѣ также заботиться о своей наружности...

— Ахъ, негодный! вскричалъ король, сдѣлавъ такое быстрое и нечаянное движеніе головою, что палецъ слуги, перемаравшаго ему лицо масломъ, попалъ въ ротъ Генриху.

— Кушай на здоровье! съ важностью произнесъ Шикó: — я тебя не запрещаю заботиться ни о наружности, ни о внутренности своей.

— Остороживе! закричал Генрихъ лакею.

Лакей, ни слова не говоря, сталъ на колѣни подобно парикмахеру и брадобрѣю.

— Позовите сюда капитана стражей, вскричалъ Генрихъ: — да скорѣе! живѣе!

— А зачѣмъ тебѣ твоего капитана? спросилъ Шикó, облизывая внутренность чашки.

— Чтобъ онъ проткнулъ масквою шпагой Шикó и изжарилъ его для моихъ собакъ!

Шикó вскочилъ и, подбоченясь, вскричалъ съ негодованіемъ:

— *Mordieu!* мое мясо твоимъ собакамъ, дворянина четвероногимъ! Пусть идетъ твой капитанъ! Пусть идетъ! Мы увидимъ!..

И Шикó вытащилъ свою длинную шпагу, которою такъ забавно сталъ пугать парикмахера, брадобрѣя и слугу, что король не могъ удержаться отъ смѣха.

— Я проголодался, сказалъ король плачевнымъ голосомъ: — а этотъ негодяй съѣлъ мой ужинъ.

— Ты ужасно-прихотливъ, Генрихъ, ужасно-непостояненъ. Я давеча предлагалъ тебѣ поужинать, — ты отказался. Впрочемъ, бульйонъ твой остался. Я теперь сытъ и пойду спать.

Между-тѣмъ, старый Гаспаръ принесъ ключъ своему господину.

— И я пойду спать, сказалъ Сен-Люкъ: — потому-что ужасно болѣть. У меня лихорадка...

— Вотъ, Сен-Люкъ, сказалъ король, подавая нѣсколько шенковъ молодому человѣку:—возьми *это* съ собою.

— Зачѣмъ? спросилъ Сен-Люкъ.

— Положи ихъ спать съ собою, и боль твоя перейдетъ къ нимъ.

— Благодарю, ваше величество, отвѣчалъ Сен-Люкъ, укладывая собакъ въ корзину:—я не доверяю этому средству.

— Я прійду къ тебѣ, Сен-Люкъ, сказалъ король.

— О, не ходите, ваше величество, умоляю васъ! сказалъ Сен-Люкъ: —вы испугаете меня, а говорятъ, отъ этого можетъ случиться падачая болѣзнь.

И, непоклонившись королю, онъ удалился. До-тѣхъ-поръ, пока онъ не исчезъ за дверью, Генрихъ ласково кивалъ ему головою. Шикó также исчезъ. Люди, присутствовавшіе при вечернемъ туалетѣ короля, тоже удалились. Остались только слуги, которые покрыли лицо короля маской изъ тончайшаго полотна, напитаннаго ароматнымъ жиромъ. Въ этой маскѣ были оставлены отверстія для глазъ, носа и рта. Она прикрѣплялась подъ колпакомъ, сдѣланномъ изъ шелковой и золотой ткани. Потомъ они надѣли на короля розовую атласную фуфайку на ватѣ и съ атласной же подкладкой; потомъ подали ему перчатки изъ мягчайшей кожи. Эти перчатки доходили до локтей и внутри были напитаны благовоннымъ масломъ, придававшимъ имъ ту мягкость, причину которой никакъ нельзя было угадать по наружности.

По окончаніи этихъ мистерій королевскаго вечерняго туалета,

Генрихъ сталъ пить бульйонъ изъ золотой чашки; но прежде отдалъ половину въ точно такую же чашку, которую приказалъ отнести Сен-Люку, и пожелать ему доброй ночи.

Потомъ онъ сталъ молиться... но Генрихъ былъ такъ озабоченъ въ этотъ вечеръ, что произнесъ только одну молитву, не взявъ даже въ руки освященныхъ четокъ; окончивъ молитву, онъ приказалъ открыть занавѣсы кровати, окуренной кишпецомъ, бензоэномъ и корицей.

Опустившись, наконецъ, на множество мягкихъ подушекъ, Генрихъ приказалъ убрать цвѣты, отъ которыхъ запахъ становился слишкомъ-тяжелымъ. Слуги отворили на нѣсколько секундъ окна, чтобъ освѣжить тяжелый воздухъ; потомъ зажгли въ мраморномъ каминѣ кучу виноградныхъ лозъ, которыя вспыхнули подобно метеору, но, угаснувъ, распространили, однакожь, по всему покою вѣтрную теплоту.

Тогда слуга закрылъ занавѣсы, двери, и впустилъ въ комнату огромную любимую собаку короля, Нарцисса. Однимъ прыжкомъ вскочивъ она на кровать, отряхнулась, повернулась нѣсколько разъ и улеглась у ногъ своего господина.

Наконецъ, розовыя свѣчи были погашены; лампа опущена, въ нее вложена менѣ-яркая свѣтильня, опять поднята, и слуга, которому были поручены эти послѣднія обязанности, удалился едва касаясь пола.

Король Франція забылъ уже, что у него было королевство.

Онъ спалъ.

Полчаса спустя, стражи въ галереяхъ и на различныхъ постахъ увидѣли сквозь занавѣсы оконъ Генриха, что и лампа угасла и... лунный свѣтъ отразился на окнахъ королевскаго покоя. Стражи подумали, что король спалъ крѣпкимъ сномъ.

Весь наружный и внутреннй шумъ утихъ, и можно было бы слышать тихій полетъ летучей мыши въ мрачныхъ корридорахъ Лувра.

VIII.

Какъ, безъ всякой извѣстной причины, король измѣнился въ одну ночь.

Такимъ образомъ прошли два часа. Вдругъ раздался страшный крикъ въ комнату короля.

Однакожь, ночная лампа угасла; ничто не прерывало прежней глубокой тишины, исключая этого страшнаго королевскаго крика.

Потому-что кричалъ—король.

Вскорѣ послышался шумъ упавшей мѣбели, вазы, разлетѣвшейся въ дребезги... послышались скорые шаги; потомъ опять крикъ, се-

провожаемый лаемъ собакъ. Заблистали огни, засверкали обнаженные шпаги въ галереяхъ, и тяжелые шаги сонныхъ стражей раздались подъ массивными сводами.

— Вставайте! кричали со всѣхъ сторонъ:— вставайте! король зоветъ!.. Король зоветъ!

И въ то же мгновеніе, капитанъ Швейцарцевъ, дворцовые стражи, дежурные стрѣлки, наперерывъ другъ передъ другомъ бросились въ королевскій покой, который освѣтился въ одно мгновеніе...

Возлѣ опрокинутаго кресла и разбитой вазы, передъ кроватью, съ которой подушки, простыни и одеяла были разбросаны по комнатѣ, стоялъ Генрихъ, блѣдный, со включенными волосами, съ неподвижными глазами.. Правая рука его была вытянута впередъ и дрожала какъ листъ отъ вѣтра; лѣвая судорожно сжатая впѣпилась въ эфесъ шпаги, за которую онъ машинально схватился.

Собака, столь же испуганная, какъ и господинъ ея, смотрѣла на него и выла.

Король былъ нѣмъ отъ ужаса, и всѣ присутствовавшіе, не смѣя вымолвить слова, съ ужасомъ вопрошали другъ друга взглядами.

Тогда явилась полуодѣтая, но закутанная въ широкій пеньюаръ молодая королева, Луиза-Лотарингская, существо кроткое, подобно ангелу, промелькнувшее по землѣ...

Крикъ мужа разбудилъ ее.

— Что случилось, ваше величество? спросила она съ трепетомъ: — я услышала вашъ крикъ и прибѣжала.

— Ни... ни... ничего, проговорилъ король, не спуская глазъ съ одной точки, гдѣ какъ-бы представлялось ему страшное видѣніе.

— Но вы кричали, повторила королева. — Вы, вѣроятно, больны?

Ужасъ, выразившійся на лицѣ короля, былъ такъ силенъ, что вскорѣ овладѣлъ всѣми сбѣжавшими на крикъ его. Всѣ глазами пожирали короля, чтобъ удостовѣриться, не былъ ли онъ раненъ, не былъ ли укушенъ какимъ-нибудь насѣкомымъ.

— О, ваше величество, вскричала королева:— ваше величество! ради Бога, не оставляйте насъ въ этомъ страхѣ!.. Не прикажете ли позвать врача?

— Врача? сказалъ Генрихъ мрачнымъ голосомъ. — Нѣтъ, плоть здорова; страждетъ духъ... Нѣтъ, нѣтъ, не надо врача; позовите... духовника.

Присутствовавшіе посмотрѣли другъ на друга, потомъ на Авери, занавѣсы, паркетъ, потолокъ. Нигдѣ не видно было ничего, чтобъ могло навести на короля такой ужасъ.

Король требовалъ духовника: тайна становилась болѣе непроницаемою, любопытство увеличивалось.

Немедленно по требованію короля, одинъ изъ стражей выбѣжалъ, вскопчилъ на коня, и тысячи искръ засверкали по местной.

Пять минут спустя, настоятель іезуитскаго монастыря былъ, такъ сказать, вырванъ изъ своей кровати и входилъ къ королю.

Съ прибытіемъ духовника прекратилась суматоха, спокойствіе и тишина возстановились; всѣ вопрошаютъ другъ друга, догадываются, угадываютъ, но—всѣ трепещутъ... Король исповѣдается!

На другой день король всталъ съ разсвѣтомъ, прежде всѣхъ во дворцѣ, и приказалъ опять запереть ворота Лувра, которые открывались только для того, чтобъ выпустить духовника.

Потомъ онъ велѣлъ призвать священника и церемоніймейстера, взялъ молитвенникъ, переплетенный въ черный бархатъ, и началъ читать молитвы; прерывалъ это занятіе, чтобъ вырывать пожатіями лки святыхъ и вдругъ приказалъ позвать всѣхъ друзей своихъ.

Но этому приказанію отправились прежде всего къ Сен-Люку; но онъ страдаетъ болѣе вчерашняго. Онъ томится, жалуется. Болезнь его превратилась въ моральное изнеможеніе; сонъ его, или, лучше сказать, летаргія была такъ глубока, что изъ всѣхъ обитателей дворца, онъ одинъ не слышалъ крика короля, хотя одна только стѣна отдѣляла его комнату отъ королевской. Онъ проситъ позволенія остаться въ постели.

При этомъ печальномъ извѣстіи, Генрихъ перекрестился и пошелъ за аптекаремъ; потомъ велѣлъ привести въ Лувръ всѣ бичи изъ августинскаго монастыря; одѣтый въ черномъ съ головы до ногъ, онъ подошелъ къ хромающему Шомбергу, къ д'Эперному съ подвязанной рукою, къ Келюсу, непришедшему еще въ себя со вчерашняго дня, къ трепещущимъ д'О и Можирону, роздалъ имъ бичи и приказалъ бить другъ друга изо всѣхъ силъ.

д'Эперонъ возразилъ, что такъ-какъ у него правая рука подвязана, то его должно исключить изъ этой церемоніи, потому-что онъ не можетъ возвращать удары, которые будетъ получать, отъ-чего выйдетъ нѣкоторое разстройство въ гаммѣ бичеванія.

Генрихъ III отвѣчалъ ему, что тѣмъ угодное будутъ его страданія Господу — и самъ подалъ первый примѣръ, скинулъ полукафтанье, жилетъ, рубаху и началъ бить себя изо всѣхъ силъ. Шикъ хотѣлъ было посмѣяться и потрунить по своему обыкновенію, но грозный взглядъ короля остановилъ его; тогда и онъ взялся за бичъ, но, вмѣсто того, чтобъ бить себя, началъ колотить другихъ, и, сожучившись бить по спинамъ, онъ принялся обивать скульптурныя украшенія стѣнъ.

Эта церемонія мало-по-малу успокоила короля; однакожь замѣтно было, что умъ его еще сильно разстроены.

Вдругъ онъ уходитъ изъ комнаты, приказавъ продолжать церемонію до своего возвращенія; но лишь только онъ за дверь, какъ бичеваніе прекратилось какъ-бы по волшебству. Одинъ Шикъ продолжалъ колотить д'О, котораго терпѣть не могъ. д'О возвращать ему удары. Это былъ поединокъ на плеткахъ.

Генрихъ ушелъ къ королеви. Онъ подарилъ ей жемчужное ожер-

реаль въ двадцать-пять тысячъ экую, поцаловалъ въ обѣ щеки, чего не дѣлалъ уже болѣе года, — и умолялъ, чтобъ она сложила съ себя царскія украшенія и облеклась во вретиче.

Луиза-Лотарингская, всегда кроткая и добрая, немедленно согласилась на требованіе своего супруга. Она спросила, однакожъ зачѣмъ онъ, подаривъ ей жемчужное ожерелье, велитъ ей надѣть вретиче.

— Для спасенія души моей, отвѣчалъ Генрихъ.

Этотъ отвѣтъ удовлетворилъ королеву, потому-что она лучше другихъ знала, сколько грѣховъ на душѣ ея мужа. Она одѣла по желанію Генриха, который ушелъ въ свой покой, прося королеву придти туда же.

При входѣ короля, опять началось бичеваніе. Д'О и Шикò, и переставшіе бить другъ друга, доколотились до крови. Король благодарилъ ихъ и называлъ своими истинными, единственными друзьями.

По прошествіи десяти минутъ, явилась королева, одѣтая во вретиче. Всѣмъ придворнымъ розданы восковыя свѣчи, и вскорѣ мужичины и женщины, преданные королю, пошли босыми ногами по мерзлой мостовой на Монмартръ; сначала они дрожали отъ холода, но мало-по-малу ихъ согрѣвали удары Шикò, который колотилъ бичомъ всѣхъ безъ разбора.

Д'О сознался побѣжденнымъ, и сталъ какъ-можно-подальше отъ Шикò.

Въ четыре часа вечера, печальная прогулка кончилась; монастырямъ были сдѣланы богатые подарки, ноги придворныхъ распухли, спины миньйоновъ избиты; королева явилась передъ народомъ въ вретичѣ изъ грубаго холста; король съ четками въ видѣ череповъ.

Были слезы, рыданія, плачь, молитвы, кантаты.

День, какъ читателямъ видать, прошелъ незамѣтно.

Всѣ пострадали отъ холода и побоевъ, чтобъ угодить королю, но никто не угадывалъ, зачѣмъ Генрихъ, наканунѣ весело танцовавшій, вздумалъ возложить на себя такое суровое покаяніе. Гугеноты, ягисты и вольнодумцы насмѣшливо глядѣли на странную процессію, спрашивая: — Что это за люди?

Генрихъ воротился домой голодный, съ красными и синими пятнами на спинѣ; онъ цѣлый день ни на шагъ не отходилъ отъ королевы и при каждой остановкѣ процессіи у церкви и часовенъ общалъ ей новые подарки и говорилъ о путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ.

Что же касается до Шикò, то, наскучивъ колотить и проголодавшись болѣе обыкновеннаго отъ сильнаго моціона, онъ ушелъ, не доходя до Монмартра, съ нѣкоторыми вольнодумцами, и вошелъ въ знаменитую гостиницу, гдѣ наѣлся и напился до-сыта. Потомъ, на возвратномъ шествіи процессія, онъ незамѣтнымъ образомъ опять присоединился къ ней, принявшись снова бить всѣхъ и раздавая, какъ онъ самъ говорилъ, покаятельныя индульгенціи.

Вечеромъ, король почувствовалъ сильную усталость отъ далекой прогулки и отъ ударовъ плеткой. Онъ велѣлъ подать себѣ постылый ужинъ, вымазатъ масломъ спину и плечи и пошелъ къ Сен-Люку, котораго засталъ веселымъ и здоровымъ.

— Ахъ! сказалъ король съ видомъ человѣка, чувствующаго глубокое отвращеніе къ жизни: — какъ хорошо, что жизнь человѣческая соединена съ такими страданіями!

— Отъ-чего, ваше величество? спросилъ Сен-Люкъ.

— Отъ-того, что человѣкъ, которому наскучитъ жизнь, не боится смерти, но стремится къ ней всѣми своими желаніями и помыслами.

— Простите, ваше величество, сказалъ Сен-Люкъ:—это вы можете говорить про себя; но я нисколько не стремлюсь къ смерти.

— Послушай, Сен-Люкъ, сказалъ король, покачавъ головою:—ты хорошо сдѣлаешь, если послѣдуешь моему совѣту... этого мало: моему примѣру.

— Охотно, ваше величество, если этотъ примѣръ мнѣ понравится.

— Хочешь ли ты оставить свою жену? я покину престолъ, и мы вмѣстѣ вступимъ въ монастырь. У меня есть разрѣшеніе отъ нашего святѣйшаго отца папы; завтра же мы пострижемся. Я нарекусь братомъ Генрихомъ...

— Простите, ваше величество, вы не дорожите своимъ престоломъ, потому-что онъ надобѣнъ вамъ; но я очень дорожу своей женой, съ которою даже не могъ еще и познакомиться. Следовательно, я отказываюсь...

— О-го! сказалъ Генрихъ:—да ты, кажется, выздоровѣлъ?

— Совершенно, ваше величество; сердце, умъ и душа моя удивительно расположены къ счастью и удовольствіямъ.

— Бѣдный Сен-Люкъ! сказалъ король, всплеснувъ руками.

— Вчера, ваше величество, я, можетъ-быть, принялъ бы ваше предложеніе. Вчера я былъ не въ духѣ, болѣвъ, грустенъ. За бездѣлицу я бросился бы въ колодезь, или—въ монастырь! Но сегодня вечеромъ — другое дѣло; я провелъ прекрасную ночь, очаровательный день и... *mordieu!* да здравствуетъ радость!

— Ты сказалъ *mordieu*, Сен-Люкъ!

— Будто-бы? Впрочемъ, можетъ-быть; вы сами часто употребляете это слово.

— Употреблялъ, но больше употреблять не буду.

— Я не смѣю сказать того же про себя. Постараюсь употребить подобныя слова порѣже; вотъ все, что могу обѣщать. Впрочемъ, Господь такъ милостивъ къ грѣхамъ нашимъ, когда эти грѣхи происходятъ отъ человѣческой слабости.

— Итакъ, ты полагаешь, что Господь помилуетъ меня?

— О! я говорю не о вашемъ величествѣ, а о самомъ-себѣ.

Король вздохнулъ, и произнесъ *шеа сипра*, ударя себя въ грудь.

— Сен-Люкъ, сказалъ онъ:—хочешь ли ты спать у меня?

— Это зависитъ отъ того, тѣмъ мы займемся.

— Мы зажжемъ всѣ свѣчи; я лягу, а ты будешь читать житія святыхъ отцовъ.

— Покорно благодарю, ваше величество.

— Не хочешь?

— Не чувствую ни малѣйшаго расположенія.

— И ты, Сен-Люкъ, оставляешь меня!

— Напротивъ; я остаюсь при васъ.

— Не-уже-ли?

— Если вамъ угодно.

— Разумѣется, угодно.

— Но съ условіемъ... *sine qua non*...

— Съ какимъ условіемъ?

— Съ тѣмъ, чтобъ вы послали за музыкантами, приказали приготовить ужинъ... мы будемъ танцовать.

— Сен-Люкъ! Сен-Люкъ! вскричалъ Генрихъ съ невыразимымъ ужасомъ.

— О, ваше величество! я сегодня ужасно расположенъ къ веселости.—Согласны ли вы?

Но Генрихъ не отвѣчалъ. Умъ его, иногда столь живой и веселый, омрачался болѣе-и-болѣе и, казалось, боролся съ тайною мыслию, отягчавшею его, подобно свинцу, привязанному къ ножкамъ птицы, дѣлающей тщетныя усилія, чтобъ улетѣть.

— Сен-Люкъ, произнесъ наконецъ король мрачнымъ голосомъ: —видаешь ли ты когда-нибудь сны?

— Часто, ваше величество.

— Вѣришь ты снамъ?

— Разсудокъ велитъ вѣрить имъ.

— Какъ такъ?

— Конечно! сны утѣшаютъ насъ въ горестной дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, прошлую ночью у меня былъ прелестный сонъ.

— Какой?

— Мнѣ снилась жена...

— Ты думаешь еще о своей женѣ, Сен-Люкъ?

— Болѣе, нежели когда-либо.

— Ахъ!.. король вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Мнѣ снилось, продолжалъ Сен-Люкъ:—что жена моя, сохранивъ свое прелестное личико... потому-что жена моя прелестна; не правда ли, ваше величество?

— Увы, да! отвѣчалъ король.—Евва тоже была хороша, несчастный! Но вѣдь она-то и погубила насъ!

— Такъ вы за это на нее и сердитесь? Но выслушайте мой сонъ...

— И у меня былъ сонъ...

— Итакъ, жена моя, сохранивъ свое прелестное личико, обратилась въ птичку, и перелетѣвъ черезъ рѣшетки и ограду Лувра,

тла крылышками стучаться ко мнѣ въ окно, говоря: «отвори, Сен-Люкъ, отвори, супругъ мой!»

— И ты отворилъ? вскричалъ король почти съ отчаяніемъ.

— Еще бы! вскричалъ Сен-Люкъ:—и съ радостію!

— Суета-суеть!

— Всяческая суета! прибавилъ Сен-Люкъ.

— Но потомъ ты проснулся?

— Нѣтъ, ваше величество; сонъ былъ слишкомъ-приятенъ.

— И сонъ твой продолжался?

— До самаго утра.

— И этой ночью ты опять надѣнешься...

— Видеть сонъ? Надѣюсь. Да, ваше величество, вотъ отъ-чего отказываюсь отъ вашего лестнаго, впрочемъ, для меня приглашенія. Если вамъ угодно, чтобъ я не спалъ, такъ я желаю по-иной-мѣрѣ быть вознагражденъ за то, что отказываюсь отъ ласковаго сновидѣнія. Итакъ, если вамъ угодно послать за музыкантами...

— Довольно, Сен-Люкъ, довольно, сказалъ король, вставая. — Ты губишь свою душу; погубишь и мою, если я долѣе останусь у тебя. Прощай, Сен-Люкъ; надѣюсь, что вмѣсто сна-искусителя небо пошлетъ тебѣ душевспасительный сонъ, который заставитъ тебя завтра покаяться и обратиться на путь истины.

— Сомнѣваюсь, ваше величество, и даже осмѣлюсь посоветовать вамъ сегодня же выгнать изъ Лувра грѣшника Сен-Люка, рѣшившись умереть безъ покаянія.

— Нѣтъ, сказалъ Генрихъ:—нѣтъ; надѣюсь, что завтра ты будешь говорить и думать иное. Спокойной ночи, Сен-Люкъ; я буду молиться за тебя.

— Прощайте, ваше величество, я буду спать за васъ.

И Сен-Люкъ запѣлъ первый куплетъ довольно-веселой пѣсенки, которую король пѣвалъ, когда былъ въ духѣ; это заставило Генриха еще поспѣшише удалиться и захлопнуть за собою дверь.

— Боже! сказалъ онъ, воротившись къ себѣ:—гнѣвъ твой справедливъ, потому-что мѣръ съ-часу-на-часъ развращается болѣе и болѣе!..

IX.

КАКЪ КОРОЛЬ БОЯЛСЯ ТОГО, ЧЕГО ИСПУГАЛСЯ, И КАКЪ ШИКО БОЯЛСЯ ИСПУГАТЬСЯ.

Вставшій съ Сен-Люкомъ, король пошелъ сперва къ себѣ, а оттуда въ большую галерею, гдѣ, по его приказанію, собрался весь дворъ.

Тамъ онъ сталъ раздавать награды друзьямъ своимъ, отправилъ

д'О, д'Эпернона и Шомберга въ провинцію, грозилъ Можирону Келюсу казнию, если они опять осмѣлятся поссориться съ Бюссэ; далъ послѣднему поцаловать свою руку и долго-долго сжималъ въ своихъ объятіяхъ Франсуа.

Что же касается до королевы, онъ былъ такъ милъ и любезенъ съ нею, что это всѣмъ показалось добрымъ признакомъ для наследства французскаго престола.

Однакожь, время проходило, ночь наступала, и всѣ замѣчали, что король нарочно удерживалъ придворныхъ; наконецъ, на луврскихъ часахъ пробило девять; Генрихъ осмотрѣлся; онъ, казалось, выбиралъ между друзьями своими того, на кого бы возложить обязанность чтеца, отъ которой Сен-Люкъ отказался.

Шикó смотрѣлъ на него.

— Генрихъ, сказалъ онъ съ обыкновенною своею дерзостью: — ты сегодня что-то умилно посматриваешь на меня. Не хочешь ли ты подарить мнѣ аббатство съ доходомъ въ десять тысячъ ливровъ? Давай, давай! я не прочь...

— Ступай со мною, Шикó, сказалъ король. — Доброй ночи господá; я иду спать.

Шикó обратился къ придворнымъ, закрутилъ усы съ граціознымъ движеніемъ и, съдѣлавъ томные глазки, повторилъ, подражая голосу Генриха:

— Прощайте, господá; мы идемъ спать.

Придворные едва могли удержаться отъ смѣха; король покраснѣлъ.

— Эй! парикмахера, сказалъ Шикó: — брадобрѣя, каммердинера! Да смотрите, не забудьте розоваго масла!

— Не нужно, сказалъ король: — теперь начинается постъ, а я иду хожусь въ покаяніи.

— Жаль; но вѣдь розовое масло не скоромное, сказалъ Шикó.

Король и шутъ вошли въ покой, уже описанный нами.

— Послушай-ка, Генрихъ! сказалъ Шикó: — такъ я попалъ сегодня въ любимцы? въ неразлучныя? да развѣ я похоронилъ, что ли? развѣ я лучше купидончика Келюса?

— Молчи, дуракъ! сказалъ король: — а вы, господá, удадитесь мнѣ сегодня никого не нужно.

Слуги повиновались; дверь за ними затворилась. Генрихъ и Шикó остались одни. Шикó съ изумленіемъ смотрѣлъ на Генриха.

— Зачѣмъ ты отослалъ ихъ? спросилъ шутъ. — Вѣдь они не мазали еще насъ. Не хочешь ли ты собственноручно мазать меня? Что жъ? Это также покаяніе своего рода!

Генрихъ не отвѣчалъ. Всѣ удалились; король и шутъ продолжали смотрѣть другъ на друга.

— Будемъ молиться, сказалъ Генрихъ.

— Спасибо, вскричалъ Шикó. — Если ты призвалъ меня для этого, такъ напрасно трудился. Прощай, сынъ мой, доброй ночи!

— Остаешься! сказалъ король.

— О-го! вскричалъ Шикó сердито. — Это похоже на принужденіе

Гм доспоть, Дюенсий! Мнѣ здѣсь скучно; цѣлый день я по твоей милости безопасно колотилъ друзей своихъ, а теперь ты, кажется, опять хочешь приняться за ту же исторію... Не хочу! Насъ только двое здѣсь, а вдвоемъ скучно... обоимъ достается.

— Молчи, жалкій дуракъ! вскричалъ король. — Каюсь.

— Ну, такъ! Да въ чемъ же мнѣ каяться? Въ томъ, что я съдѣлся твоимъ шутомъ? Совѣтеог... каюсь; шеа сифра, моя вина, моя страшная вина!

— Не богохульствуй, несчастный! не богохульствуй! кричалъ король.

— Однако, сказалъ Шикó: — на повзрку выходитъ, что лучше япастъ въ клятну ко льву или къ обезьянамъ, нежели въ твою комнату, Генрихъ. Прощай, спокойной ночи.

Король поспѣшно вынулъ ключъ изъ двери.

— Генрихъ, сказалъ Шикó: — уверяю тебя, ты сегодня страшишь; и если ты меня не выпустишь, я стану кричать, позову на помощь, разломаю дверь, разобью окна... А-га! я вѣдь шутить не люблю!

— Шикó, сказалъ король съ задумчивымъ видомъ:—ты употребишь во зло скорбь мою.

— А! понимаю, сказалъ Шикó:—ты боишься остаться одинъ. — То-то и есть. Прикажи-ка себѣ выстроить двѣнадцать дворцовъ, какъ Тиверій, или двѣнадцать комнатъ, какъ Дюенсий. А пока жими мою шпагу и позволь мнѣ уйти съ ножнами.

При словѣ «боишься», молнія сверкнула въ глазахъ Генриха; потому съ страннымъ трепетомъ онъ вскопчилъ и началъ прохаживаться по комнатѣ.

Генрихъ былъ въ такомъ волненіи, лицо его было такъ блѣдно, что Шикó подумалъ, что король въ-самомъ-дѣлѣ нездоровъ. Съ спокойствомъ слѣдя за нимъ взорами, онъ наконецъ сказалъ ему:

— Успокойся, сынъ мой! Чтó съ тобою? Расскажи свое горе ругу твоему Шикó.

Король остановился передъ шутомъ и, пристально посмотрѣвъ на него, сказалъ:

— Да, ты другъ мой, мой единственный другъ.

— Кстати, сказалъ Шикó:—Валенсейское-Аббатство теперь безъ заставителя.

— Слушай, Шикó, скромнень ли ты?

— И Петивьерское свободное; а туда бы славно; тамъ дѣлаютъ ревукусные наштеты.

— Не смотря на всѣ твои шутки и глупости, продолжалъ король:—ты человекъ съ сердцемъ.

— Такъ не давай мнѣ аббатства, дай полкъ.

— Ты даже при случаѣ можешь подать хорошій совѣтъ.

— Такъ не давай мнѣ полка, а произведи въ совѣтники. Или нѣтъ! лучше дай аббатство, или полкъ. Не хочу быть совѣтникомъ: нельзя имѣть своего мнѣнія.

— Молчи, молчи, Шикó; минута приближается.., страшная грозная минута!..

— Онять ты за свое! сказалъ Шикó.

— Ты увидишь и услышишь!

— Увижу—кого? услышу—что?

— Подожди, и ты самъ все узнаешь; подожди.

— Итъ, не хочу ждать! не хочу ждать!.. Да что ты ко мнѣ присталъ!

— Шикó, ты храбръ?

— Конечно; но не хочу подвергать своей храбрости испытаніямъ Tuidiable! Если король Франціи причитъ такъ, что исполонитъ все дворецъ, такъ со мной... со мной можетъ приключиться еще большая бѣда. Прощай, Генрихъ; возьми своихъ капитановъ, своихъ стражей, Швейцарцевъ, призратниковъ, а меня отпусти!.. Не люблю опасностей невидимыхъ! Не люблю опасностей невидомыхъ!

— Приказываю тебѣ остаться, сказалъ король повелительнымъ голосомъ.

— Вотъ забавно!.. да если я боюсь! Если мнѣ страшно! Если меня волосы становятся дыбомъ!.. Караулъ!.. Пешаръ!..

И Шикó влѣзъ на столъ.

— Полно, дуракъ, сказалъ король. — Если ты непременно хочешь знать въ чемъ дѣло, такъ слушай!

— А-га! сказалъ Шикó, перирая руки, остронно сѣвъ со стола и обнажая длинную шпагу. — Это дѣло другое! Когда ты мнѣ скажешь, въ чемъ опасность, такъ я могу принять свои шпаны. Разскажи мнѣ, разскажи мнѣ, сынъ мой. Видно, мы будемъ имѣть дѣло съ какимъ-нибудь крокодиломъ. Гм! tudiable! шпага моя хороша, потому-что я подрываю ею каждую недѣлю мозоли, а мозоли у меня словно медъ... Итакъ, ты говоришь, что мы увидимъ крокодила!

Шикó опустился въ глубокое кресло, держа шпагу между коленями.

— Въ прошлую ночь, началъ Генрихъ:—я спалъ...

— И я тоже, сказалъ Шикó.

— Вдругъ чье-то дыханіе повеяло мнѣ въ лицо...

— Видно собака твоя проголодалась и стала лизать у тебя с лица масло.

— Я просыпаюсь вполонину и чувствую, какъ волосы становятся у меня дыбомъ подъ шапочкой.

— А! послушай-ка, я самъ начинаю дрожать, сказалъ Шикó, поджавъ ноги подъ себя и уперевъ подбородокъ на затылокъ шпаны.

— Тогда, продолжалъ король столь слабымъ и дрожающимъ голосомъ, что звуки его едва доходили до слуха Шикó: — тогда въ комнатѣ раздавался столь пламенный стонъ, что разумъ мой померкъ...

— Это воевалъ крокодилъ. Я читалъ въ путешествіяхъ Марко Поло, что крокодилъ раздражается крикомъ дѣтей; но усаживайся, сынъ мой; если онъ придетъ, такъ мы убьемъ его.

— Слушай dalje.

— Слушаю! сказалъ Шикó, внезапно выпрямившись: — я вѣн-
оуженъ какъ пень, — цѣмъ, какъ рыба.

Генрихъ продолжалъ болѣе-мрачнымъ тономъ:

— Несчастный грѣшникъ! прозвнесъ голосъ...

— Ба! прервалъ Шикó: — голосъ говоришь?.. Такъ, значить, это
е крокодилъ?..

— Несчастный грѣшникъ! сказалъ онъ: я голосъ твоего судьи?
Шикó вскочилъ, но тотчасъ же опять принялъ прежнее поло-
женіе.

— Какого судьи? парламентскаго?

— Ахъ, Шикó! отвѣчалъ Генрихъ: — грозенъ былъ этотъ го-
съ!

— Не-уже-ли? Какъ, въ рупоръ?..

— Зажь ли ты? Внемлешь ли мнѣ? Намѣренъ ли ты, закоренѣ-
мй грѣшникъ, коснуть въ своихъ преступленіяхъ?

— Не-ужь-то? смотри, покажу! сказалъ Шикó: — правду говорить,
to vox populi, vox...

— Потомъ, прервалъ его король: — онъ дѣлалъ мнѣ жестокіе упре-
в... о которыхъ я умалчиваю...

— Напрасно, сынъ мой, напрасно; рассказывай все; я бы же-
ль знать, все ли извѣстно твоему...

— Нечестивецъ! вскричалъ король: — если ты сомнѣваешься, такъ
млю наказать тебя!

— Я? спросилъ Шикó: — насколько; я только удивляюсь, какъ
тогда судья ждалъ до-суду-неръ. Онъ видно терпѣливъ. Я бы
млю... И такъ, мой сынъ, ты порядочно струналь?

— О, да!

— Повѣрю.

— Холодный потъ выступилъ у меня на вискахъ, и кровь за-
шла въ жилахъ.

— Повѣрю, повѣрю; не-знаю, что бы я сдѣлалъ на твоёмъ мѣ-
тѣ! Только, вѣрно, что-нибудь нехорошее... Потому ты позвалъ?

— Да.

— И пришелъ?

— Да.

— Вѣдали?

— Вездѣ.

— Судьи не нашли?

— Нигдѣ.

— Ужасно!

— Такъ ужасно, что я послалъ за духовникомъ.

— А! Это хитро; и онъ приближалъ?

— Немедленно.

— Послушай-ка, Генрихъ, будь хоть разъ на своемъ мѣстѣ! —
млю. Что твой духовникъ думаетъ объ этомъ преступленіи?

— Онъ пришелъ въ ужасъ.

— Повѣрю.

— Онъ крестился и приказалъ мнѣ покаяться.

— Это очень-хорошо. Но что же онъ сказалъ о видѣнїи, или, лучше сказать, о голосѣ?

— Онъ сказалъ, что это чудо, и что мнѣ слѣдуетъ позаботиться о спасенїи души своей. А потому сегодня же утромъ...

— Что ты сдѣлалъ сегодня утромъ?

— Я подарилъ сто тысячъ ливровъ иезуитамъ.

— Славно!

— И истязалъ свое тѣло и такому же истязанїю подвергъ своихъ любимцевъ!

— Прекрасно! Дальше?

— Дальше ничего. Ну, скажи, Шикò, что ты объ этомъ думаешь? Я говорю съ тобою не какъ съ шуткомъ, а какъ съ человекомъ благороднымъ, съ другомъ.

— Ахъ, ваше величество, отвѣчалъ Шикò серьезно: — мнѣ кажется, что это вамъ грезилось.

— Ты думаешь?

— Я думаю, что это нехорошїй сонъ, и что онъ не повторится, если вы не будете много думать о немъ.

— Сонъ? повторилъ Генрихъ, покачавъ головою. — Нѣтъ, нѣтъ я не спалъ; увѣряю тебя.

— Ты спалъ, Генрихъ!

— Не спалъ; глаза у меня были открыты.

— Да и я сплю съ открытыми глазами.

— Такъ; но я видѣлъ; а кто спитъ, тотъ и съ открытыми глазами не видитъ.

— Что же ты видѣлъ?

— Я видѣлъ, какъ луна свѣтила въ окно и отражалась на ампьѣ, украшающемъ эфесъ моей шпаги...

— А что сдѣлалось съ лампой?

— Она погасла.

— Пригрезилось, сынъ мой, пригрезилось!

— Отъ-чего ты не вѣришь этому, Шикò?

— Отъ-того, что тебѣ пригрезилось.

— Это не отвѣтъ, Шикò! Понимаешь ли ты теперь, зачѣмъ хочу, чтобъ ты остался у меня? сказалъ король.

— Еще бы не понять!

— Я хочу, чтобъ ты самъ услышалъ голосъ.

— Чтобъ всѣ приняли эту исторїю за фарсъ, если я стану разсказывать объ ней? Шикò такъ ничтоженъ, такъ глупъ, что ни кто ему не повѣритъ. Хитро придумаю!

— Зачѣмъ же ты не хочешь вѣрить, сказалъ король: — что увѣряю тебѣ эту тайну, какъ другу?

— Не лги, Генрихъ; если голосъ опять заговоритъ, такъ онъ опять помуритъ тебя... Но все равно! Я останусь съ тобою. Ми

сному хочется послушать этотъ голосъ; можетъ-быть, онъ скажетъ что-нибудь и на мою долю.

— Но что же намъ дѣлать?

— Ложись спать.

— А если, напротивъ...

— Слушать не хочу!

— Однакожь...

— Не-уже-ли ты думаешь, что зажмешь ротъ голосу, если не ляжешь спать? Тогда онъ, чего добраго, еще разсердится пуше вчерашняго!

— Хорошо, сказалъ король: — ты остаешься!

— Остаюсь.

— Ну, такъ я лягу спать.

— Съ Богомъ!

— Но ты не ляжешь?

— Ни за что.

— Только я сниму одно полукафтанье.

— Какъ знаешь.

— Я останусь въ панталонахъ.

— Хорошо.

— А ты?

— А я останусь на этомъ креслѣ.

— Ты не будешь спать?

— Не знаю; сонъ то же, что страхъ — не зависитъ отъ нашей воли.

— Только постарайся не заснуть.

— Я буду щипать себя; впрочемъ, голосъ меня разбудитъ.

— Не шути съ голосомъ, сказалъ Генрихъ, поднявшій уже ногу, чтобъ лечь въ постель, но вдругъ отскочившій отъ нея.

— Полно, сказалъ Шикъ: — ложись же спать!

Король глубоко вздохнулъ и, осмотрѣвъ весь углы съ безпокойствомъ, влезъ въ постель, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ такъ! сказалъ Шикъ: — теперь и я устроюсь.

Онъ растянулся въ креслѣ, обложивъ себя со всѣхъ сторонъ подушками.

— Какъ вы себя чувствуете, ваше величество?

— Не дурно, отвѣчалъ король: — а ты?

— Хорошо. Спокойной ночи, Генрихъ.

— Спокойной ночи, Шикъ; только не спи.

— Не буду, отвѣчалъ Шикъ, громко зѣвнувъ.

И оба закрыли глаза: король, чтобъ притвориться спящимъ, Шикъ, чтобъ заснуть въ-самомъ-дѣлѣ.

X.

Какъ голосъ ошибся и обратился къ Шикю, вмѣсто короля.

Въ продолженіи десяти минутъ, король и Шикю оставались неподвижны и молчаливы. Вдругъ король вскочилъ.

Это движеніе короля разогнало первый сонъ Шикю, и онъ тоже вскочилъ.

Оба со страхомъ посмотрѣли другъ на друга.

— Чтѣ? спросилъ Шикю шопотомъ.

— Дыханіе, отвѣчалъ король едва-слышнымъ голосомъ: — повяло, дыханіе!

Въ то же мгновеніе, одна изъ свѣчей, бывшихъ у золотого сѣтира въ рукахъ, угасла; потомъ другая, потомъ третья и наконецъ послѣдняя.

— О-го, какое дыханіе! сказалъ Шикю.

Шикю не договорилъ еще этихъ словъ, какъ погасла и лампа. Нѣсколько угольковъ, догоравшихъ въ каминѣ, слабо освѣщали комнату.

— Страшно! сказалъ Шикю, вставъ на креслѣ.

— Онъ заговорить, сказалъ король, спрятавшись подъ одеяло: — онъ заговорить.

— Будемъ слушать, отвѣчалъ Шикю.

И точно, въ одно и то же мгновеніе глухой, шипящій голосъ пролищалъ за кроватью короля:

— Закоренный грѣшникъ! здѣсь ли ты?

— Здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ Генрихъ дрожащимъ голосомъ.

— О-го! сказалъ Шикю: — какой хриплый голосъ; все равно... страшно!

— Внемлешь ли ты мнѣ? продолжалъ голосъ.

— Внемлю, внемлю, отвѣчалъ Генрихъ съ еще большимъ ужасомъ.

— Не-уже-ли ты думаешь, что угодишь мнѣ сегодняшней комедіей? Я знаю, что сердцемъ ты еще не покаался!

— Хорошо сказано, вскричалъ Шикю: — метко!

Руки короля дрожали; Шикю подошелъ къ нему.

— Ну чтѣ? проговорилъ король: — вѣришь ли теперь, нестыдный?

— Постой, сказалъ Шикю.

— Чтѣ тебѣ надобно?

— Тихе!.. уйди потихоньку... я лягу на твое мѣсто.

— Зачѣмъ?

— Чтѣбъ голосъ пожурилъ меня.

— Развѣ ты думаешь, что въ такомъ случаѣ онъ пощадитъ меня?

— Не знаю; но все равно! Попытаемся.

И онъ осторожно помогъ королю сеѣдти съ кровати, а самъ легъ на его мѣсто.

— Телера, Генрихъ, сказалъ онъ: — ступай, садь на мое кресло и оставь меня здѣсь.

Генрихъ повиновался; онъ начиналъ догадываться.

— Ты не отвѣчаешь, продолжалъ голосъ: — слѣдовательно не хочешь каяться!

— Простите, простите! сказалъ Шикò, подражая голосу короля. Потомъ, обратившись къ Генриху, шепнулъ:

— Хорошь голосъ!.. Онъ не узнаётъ, что я не ты, а я.

— Э-ге! сказалъ король: — что это значитъ?

— Постой, постой! То ли еще мы услышимъ!

— Несчастный! произнесъ голосъ.

— Точно, отвѣчалъ Шикò: — я закоренный грѣшникъ!

— Такъ сознайся въ своихъ преступленіяхъ и пожайся.

— Я сознаюсь, сказалъ Шикò: — что поступилъ неблагородно съ своимъ кузеномъ Кондè, соблазнивъ жену его — и каюсь!

— Чтò ты тамъ говоришь? проговорилъ король. — Замолчи! Объ этомъ уже давно не говорятъ!

— Не-уже-ли? сказала Шикò: — такъ поговоримъ о другомъ.

— Я сознаюсь, продолжалъ за Генриха Шикò: — что обманулъ Пешковъ и убѣжалъ отъ нихъ, взявъ съ собою всю королевскія драгоценности.

— Дуракъ! вскричалъ Генрихъ: — чтò ты тамъ толкуешь!

— Да надо же ему что-нибудь рассказывать, возразилъ Шикò.

— Не вѣдай.

— Говори! произнесъ голосъ.

— Я сознаюсь, продолжалъ Шикò: — что отбилъ престолъ Франціи у моего кузена д'Алансона, которому онъ приходился по праву, потому-что я самъ отказался отъ него, принявъ польскую корону — каюсь!

— Негодяй! вскричалъ король.

— Это еще не все, произнесъ голосъ.

— Сознаюсь, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ моей доброй матерью, чтобы нагнать на Францію моего шурина, короля наваррскаго, лишивъ его всѣхъ друзей, и сестру мою Маргериту, лишивъ ее всѣхъ любезниковъ, — въ чемъ искренно каюсь!

— А, разбойникъ! проговорилъ король, стиснувъ зубы отъ злости.

— Ваше величество, если хотите, чтобъ голосъ сжался надъ нами, такъ не должно ничего скрывать отъ него.

— Я спрашиваю не о политикѣ, продолжалъ голосъ.

— А-га! отвѣчалъ Шикò плачевнымъ голосомъ: — вы изволите говорить о моей нравственности?

— Именно! отвѣчалъ голосъ.

— Сознаюсь, продолжалъ Шикò: — я чрезвычайно извѣстенъ, извѣстенъ, вѣдь, малодушень и лицемеръ.

— Правда, произнесъ глухо голосъ.

— Я дурно поступалъ съ женщинами, и особенно съ моею женою, ангеломъ кротости и доброты.

— Возлюби жену, яко самого-себя, съ гнѣвомъ произнесъ голосъ:—и не помышляй о другомъ!

— Ахъ! вскричалъ Шикó плачевнымъ голосомъ:—я много грѣшилъ!

— И соблазнялъ другихъ своимъ примѣромъ!

— Правда, совершенная правда.

— Ты чуть не погубилъ бѣднаго Сен-Люка.

— Ба! вскричалъ Шикó:—такъ я еще не погубилъ его?

— Нѣтъ; но это можетъ случиться, если ты завтра же не отпустишь его.

— А-га! шепнулъ Шикó королю:—голосъ, кажется, расположенъ къ Сен-Люку.

— И если не пожалуешь его герцогомъ, а жену герцогиней, продолжалъ голосъ: — въ вознагражденіе за оскорбленіе.

— А если я не послушаюсь? спросилъ Шикó.

— Если ты не слушаешься, возразилъ голосъ, принявъ грозное выраженіе: — такъ попадешь въ огонь вѣчный, туда же, гдѣ доселѣ жарятся Сарданапалъ, Навуходоносоръ и маршалъ де-Рецъ.

Генрихъ III жалобно застоналъ. Эта угроза еще болѣе увеличила страхъ его.

— Peste! сказалъ Шикó:—замѣчаешь ли ты, Генрихъ, какъ голосъ заботится о Сен-Люкѣ? Можно подумать, что они большіе друзья.

Но Генрихъ не слышалъ шутокъ Шикó, а если и слышалъ, такъ онъ не могли разогнать его страха.

— Я погибъ! говорилъ онъ въ безуміи: — я погибъ! этотъ голосъ сверху убьетъ меня!

— Сверху? возразилъ Шикó: — совсемъ не сверху, а съ боку?

— Какъ, съ боку? спросилъ Генрихъ.

— Разумѣется: развѣ ты не слышишь, что онъ тутъ за стѣной? Генрихъ, голосъ твой живетъ въ Луврѣ.

— Нечестивый!

— Поздравляю тебя, Генрихъ, съ такимъ жильцомъ. Только мнѣ кажется, ты не умѣешь довольно цѣнить этой чести. Какъ! голосъ живетъ въ Луврѣ, за твоей стѣной, а ты и не навѣстишь его? Полно, Генрихъ, это невѣжливо, и я не узнаю тебя.

Въ это самое мгновеніе, сучокъ, лежавшій въ углу камина, вспыхнулъ и осветилъ комнату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лицо Шикó.

На немъ выразилось столько иронической веселости, что король изумился.

— Какъ! сказалъ онъ: — ты еще можешь шутить? Ты смѣешь...

— Да, смѣю, сказалъ Шикó:—и ты самъ осмѣлишься сейчасъ, чортъ возьми!.. Да поразмысли же хорошенько, сынъ мой, и дѣлай то, что я тебѣ совѣтую.

— Что ты мнѣ советуешь?..

— Я совѣтую тебѣ сходить посмотреть, не сидитъ ли голосъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Но если онъ опять заговоритъ?

— Такъ я отвѣчу ему. Оно даже очень-кстати, потому-что голосъ вообразить, будто ты все-еще здѣсь; голосъ-то не совсѣмъ хитеръ, онъ не узнаетъ даже съ кѣмъ говорить. Вотъ я цѣлую четверть часа бесѣдую съ нимъ, а онъ и не узналъ меня!..

Генрихъ насушилъ брови. Шикó поколебалъ его убѣжденіе.

— Мнѣ кажется, ты правъ, Шикó, сказалъ онъ:—и мнѣ пришла охота...

— Да ступай же!

Генрихъ отворилъ тихонько дверь въ корридоръ, ведшій къ сосѣдней комнатѣ, которая, какъ мы уже сказали, принадлежала коршавцѣ Карла IX, а теперь занята была Сен-Люкомъ. Но едва онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ, что голосъ опять слыть провозноситъ угрозы. Шикó жалобно отвѣчалъ ему.

— Да, говорилъ голосъ:—ты непостояненъ, какъ женщина, изнеженъ, какъ сибаритъ, развращенъ, какъ идолопоклонникъ!

— Хи, хныкалъ Шикó: — хи, хи! развѣ я виноватъ, что тѣло у меня нежно, руки бѣлы, умъ переменчивъ? Но конечно, о господи! Съ завтрашняго же дня я буду носить рубахи изъ самой грубой холстины...

Генрихъ продолжалъ идти впередъ по корридору, замѣчая съ шумливѣемъ, что по мѣрѣ того, какъ слова Шикó становились меньше-значительными, слова, произносимыя голосомъ, явственнѣе и громче долетали до его слуха, и что голосъ выходилъ точно изъ комнаты Сен-Люка.

Генрихъ хотѣлъ уже постучаться, какъ замѣтилъ слабую полосу сѣта, пробивавшуюся сквозь замочную скважину.

Онъ наклонился, приложилъ глазъ къ этой скважинѣ и сталъ смотрѣть.

Вдругъ Генрихъ, дотолъ блѣдный, покраснѣлъ, выпрямился и сталъ протирать глаза, какъ-бы не довѣряя имъ.

— *Mordieu!* проговорилъ онъ:—онъ осмѣлился такимъ образомъ надуть надо мною!

Вотъ что онъ увидѣлъ въ замочную скважину:

Въ одномъ углу комнаты, Сен-Люкъ, въ шелковомъ халатѣ, говорилъ въ сарбаканъ грозныя слова, столько утѣшившія короля, а вѣкъ него; опершись къ нему на плечо, стояла молодая женщина въ бѣломъ пеньюарѣ; она по-временамъ отнимала у Сен-Люка сарбаканъ и говорила въ него слова, которыя ей приходили на умъ. Въ промежуткахъ они смѣялись, прислушиваясь къ гнусливому и плаксивому голосу Шикó.

— Жанна де-Коссé въ комнатѣ Сен-Люка, отвѣрзтіе въ стѣнѣ, истѣвкація!.. Со мной!.. глухо произнесъ Генрихъ.—О, они мнѣ много заплатятъ за это!..

На оскорбительныя слова, сказанныя молодою женою Сен-Люка въ сарбаканъ, король отскочилъ отъ двери и съ такой яростию и силою ударилъ въ нее ногой, что замѣкъ отскочилъ.

Жанна страшно вскрикнула и скрылась за занавѣсами кровати.

Сен-Люкъ, съ сарбаканомъ въ рукѣ, блѣдный, трепещущій, упалъ на колѣни передъ королемъ, поблѣднѣвшимъ отъ ярости.

— Ай! кричалъ Шикѣ за стѣной: — ай, пощадите!.. Умирую, изнемогаю!

Но въ комнатѣ Сен-Люка никто еще не имѣлъ силы промолвить одного слова: такъ быстръ и внезапно былъ переходъ отъ сарбана къ ужасу.

Генрихъ нервный прервалъ молчаніе однимъ словомъ.

— Вонъ! сказалъ онъ, протянувъ руку.

И, уступивъ движенію ярости, недостойной короля, онъ вырвалъ сарбаканъ изъ рукъ Сен-Люка и хотѣлъ его ударить.

Но это движеніе заставило Сен-Люка скоро вскочить.

— Ваше величество, сказалъ онъ:— вы не имѣете права бить меня: я дворянинъ.

Генрихъ съ бѣшенствомъ бросилъ сарбаканъ на полъ. Кто-го поднять его. То былъ Шикѣ, который, услышавъ шумъ въ соседней комнатѣ и полагая, что посредникъ необходимъ, прибѣжалъ туда.

Онъ оставилъ Генриха и Сен-Люка справляться другъ съ другомъ, а самъ побѣжалъ къ занавѣсу, изъ-за котораго вытаскивалъ трепещущую молодую женщину.

— Вотъ какъ! вскричалъ онъ:— Адамъ и Ева! А ты выгоняешь ихъ, Генрихъ? спросилъ онъ, взглянувъ на короля.— Такъ позволю же мнѣ выпроводить ихъ.

И, ставъ между королемъ и Сен-Люкомъ, онъ поднималъ сарбаканъ надъ головами виноватыхъ и произнесъ:

— Изгоняю васъ изъ рая; чтобъ впередъ вашей ноги здѣсь не было!

Потомъ, наклонившись къ уху Сен-Люка, который обхватилъ одной рукой талию жены, какъ-бы желая защитить ее отъ гнѣва короля, Шикѣ шепнулъ ему:

— Не жалѣйте лучшихъ своихъ лошадей; не чтобъ завтра же между вами и Лувромъ было разстоянія двадцать мѣ по-крайней-мѣрѣ!

XI.

Бюссі отправился отыскивать свою мечту, болѣе болѣе убѣжденный въ томъ, что то была действительность.

Бюссі и герцогъ анжуйскій, возвращаясь домой, были оба заглупѣлы, — герцогъ анжуйскій потому, что опасался послѣдствій хры съ королевою, къ которой онъ былъ въ некоторомъ образѣ вынужденъ; Бюссі потому, что проишествія прошедшей ночи не вылезли у него изъ ума.

— Наконецъ, говорилъ онъ, разставшись съ герцогомъ послѣ некоего комплиментовъ за энергію, которую онъ обнаружилъ: — неоспоримо то, что на меня напали, что я дрался, что мы ранили, потому-что я чувствую сильную боль въ боку. Занежъ, я видѣлъ стѣну турнельскаго отеля и зубчатые башни Бастильи; тамъ на меня напали, потому-что я въхалъ въ Сент-Августинско-Ирадымъе за письмомъ королевы наваррской. Я дрался нѣтъ, передъ дверью, которая подавалась, за которую я скрылся и въ которой видѣлъ еще блѣдное лицо и сверкающіе глаза Келеса. Я попалъ въ корридоръ; на концѣ корридора была лестница. Выступилъ на первую ступеньку, споткнулся о вторую и лишился дышлага. Потомъ начались грезы. Наконецъ, я очутился на краешкѣ близъ Тампля, между августинскимъ монахомъ, маскиномъ и пудрой... Теперь я желаю бы знать, отъ-чего все прочее такъ хорошо сохранилось въ моей памяти, а мечта исчезла?.. Въ этомъ я все и таю!

Бюссі остановился у двери своего дома, прислонился къ стѣнѣ, закрылъ глаза.

— *Morglens!* вскричалъ онъ: — не можетъ-быть, чтобъ бредъ остался въ умѣ такое сильное впечатлѣніе. Я какъ теперь вижу комнату съ обоями, на которыхъ были изображены фигуры; вижу эспиритный плафонъ, вижу кровать съ бѣлыми камковыми занавѣсами, вышитыми золотомъ. Вижу портретъ, вижу блондинку... только не знаю, какъ она вышла изъ рамки. Наконецъ, вижу открытое и веселое лицо молодого доктора, котораго подвели къ моей кровати съ завязанными глазами. Кажется—ясно? Нѣтъ! я непременно долженъ еще разъ на яву увидѣть этотъ сонъ!.. Во-первыхъ, чтобъ лучше приступить къ дѣлу, надѣну костюмъ болѣе приличный для ночныхъ прогулокъ — а потомъ къ Бастильи!

Въ-слѣдствіе этого намѣренія, довольно-безразсуднаго со стороны человѣка, который шелъ къ тому же мѣсту, на которомъ его закавунъ чуть не убили, Бюссі вошелъ къ себѣ, велѣлъ перевязать свою рану, надѣлъ ботфорты, взялъ съ собою самую на-

дежную изъ своихъ шпагъ, закутался въ плащъ, съгъ въ носнаки и, прибывъ къ началу Сент-Антуанской Улицы, вышелъ изъ носналокъ, приказавъ своимъ людямъ ждать себя, а самъ отправился одинъ къ Бастилии.

Было около девяти часовъ вечера. Колокольный звонъ возвѣстилъ уже о томъ, чтобъ тушили огни. Улицы опустыли.

По причинѣ оттепели, площадь Бастилии была покрыта лужами.

Бюссѣ сталъ отыскивать то мѣсто, гдѣ упала его лошадь, и началъ его; онъ сталъ отступать такимъ же образомъ, какъ отступалъ наканунѣ, дошелъ до стѣны и началъ отыскивать дверь съ углубленіемъ и маленькимъ окошечкомъ, черезъ которое онъ смотрѣлъ на Колюса. Но почти всѣ двери были съ уступомъ и окошечкомъ, а всѣми слѣдовалъ корридоръ.

— *Pardieu!* вскричалъ Бюссѣ съ досадою:—хотя бы мнѣ пришлось стучаться во всѣ двери, допрашивать всѣхъ жильцовъ; хотя бы мнѣ пришлось истратить тысячу экую, чтобъ развязать языкъ слугамъ и старухамъ, я дебьюсь—таки истины! Здѣсь пятьдесятъ домовъ; по десяти домовъ на вечеръ: слѣдовательно, мнѣ надобно будетъ потерять пять вечеровъ. Подожду только, чтобъ стало посуше.

Едва Бюссѣ договаривалъ эти слова, какъ увидѣлъ слабый, дрожащій свѣтъ, осторожно приближавшійся и отражавшійся въ лужахъ, какъ маякъ въ морѣ. Этотъ свѣтъ медленно приближался къ нему, описывая круги, останавливаясь по-временамъ, переходя то направо, то налево; иногда спотыкаясь и прыгая подобно блуждающему огню, потомъ опять приближался ровню и опять выдѣлывала прежнія эволюціи.

— Надо согласиться, подумалъ Бюссѣ:—что здѣсь престранное мѣсто... Подожду.

И Бюссѣ, закутавшись въ плащъ, спрятался въ углубленіе двери. Ночь была такъ темна, что въ четырехъ шагахъ нельзя было ничего различить.

Фонарь все приближался прежнимъ порядкомъ. Но такъ-какъ Бюссѣ не былъ суевѣренъ, то и не могъ думать, чтобъ это былъ блуждающій огонекъ, гроза путешественниковъ среднихъ вѣковъ.

И точно, нѣсколько секундъ спустя, мнѣніе его оправдалось.

Въ тридцати шагахъ отъ себя, Бюссѣ увидѣлъ черную, длинную какъ столбъ фигуру, которая мало-по-малу принимала формы живаго существа, державшаго въ лѣвой рукѣ и то передъ собою, то съ боку фонарь. Это живое существо въ ту минуту принадлежало, по-видимому, къ почетному братству пьяницъ, потому-что только пьянству можно было приписать странные круги, описываемые этимъ существомъ, и мужество, съ которымъ спотыкалось оно въ грязныхъ ямахъ и ступало черезъ лужи.

Однажды, онъ даже поскользнулся на неотмерзшей мостовой и глухой стукъ, сопровождаемый быстрымъ движеніемъ фонаря свер-

ду нить, возвѣстивъ Бюссí, что ночной путникъ, твердо держимый на ногахъ, нашелъ болѣе-вѣрный центръ тяжести.

Бюссí омутивъ съ этой минуты то уваженіе, которое все благородные люди питають къ запоздалымъ пьяницамъ, и готовился уже идти подать помощь этому служителю Бахуса, какъ говорилъ поэтъ Ронсаръ, какъ увидѣлъ, что фонарь поднялся съ быстротою, доказывавшею въ хозяинѣ его твердость, какой нельзя было предположить прежде.

— А-га! проговорилъ Бюссí:— видно еще приключеніе.

И такъ-какъ фонарь все болѣе и болѣе приближался и направлялся прямо къ нему, то онъ еще далѣе спрятался въ уступъ двери.

Фонарь приблизился еще на десять шаговъ, и тогда Бюссí, не снѣту, расirocтpапяемому имъ, замѣтилъ странное обстоятельство: у чело́вѣка, несшаго фонарь, были завязаны глаза.

— *Par Dieu!* сказалъ Бюссí про-себя:— вотъ странная идея играть въ журки съ фонаремъ, въ такое время и по такой грѣш! Ужъ не грезится ли мнѣ опять?

Человѣкъ съ фонаремъ ступилъ еще пять или шесть шаговъ.

— Господи! подумалъ Бюссí:— да онъ никакъ что-то борюеть. Стало-быть, это не пьяница и не сумасшедшій: это математикъ, ищущій разрѣшенія какой-нибудь задачи.

Такое мѣнше было внушено наблюдателю послѣдними словами, произнесенными чело́вѣкомъ съ фонаремъ:

— Четыреста-восемьдесятъ-восемь, четыреста-восемьдесятъ-девятъ, четыреста-девяносто, бормоталъ чело́вѣкъ съ фонаремъ:— должно быть здѣсь.

И тогда таинственный незнакомецъ, приподнявъ повязку, повелъ прямо къ дому, противъ котораго находился.

Подойдешь къ двери, онъ сталъ внимательно разсматривать ее.

— Нѣтъ, сказалъ онъ:— не здѣсь.

Потомъ опустилъ повязку и пошелъ далѣе.

— Четыреста-девяносто-одинъ, четыреста-девяносто-два, четыреста-девяносто-три, четыреста-девяносто-четыре... должно быть здѣсь.

И онъ опять поднялъ повязку и, остановившись противъ двери, входившейся возлѣ той, у которой Бюссí былъ спрятанъ, сталъ осматривать ее съ тѣмъ же вниманіемъ.

— Гм! сказалъ онъ:— кажется, здѣсь; нѣтъ... а впрочемъ... нѣтъ, нѣтъ! Эти проклятыя двери все похожи одна на другую.

— Я замѣтилъ то же самое, подумалъ Бюссí:— сходство нашихъ замѣчаній заставляетъ меня уважать математика.

Математикъ опустилъ повязку и продолжалъ:

— Четыреста-девяносто-пять, четыреста-девяносто-шесть, четыреста-девяносто-семь, четыреста-девяносто-восемь, четыреста-девяносто-девять... если теперь противъ меня дверь, такъ это должна быть именно та, которую я ищу.

Точно, противъ него была дверь, и именно та самая, у которой былъ спрятанъ Бюссей; а потому, когда математикъ поднялъ и повязку и фонарь, то встрѣтился лицомъ-къ-лицу съ Бюссей.

— Ну, что? спросилъ Бюссей.

— О! вскричалъ незнакомецъ, отступивъ шагъ назадъ.

— Э, старшій знакомый! вскричалъ Бюссей.

— Не можетъ быть! вскричалъ незнакомецъ.

— Оно такъ, да только очень-странно. Такъ это вы, докторъ?

— А вы раненный?

— Точно.

— Боже! какой случай!

— Вы докторъ, продолжалъ Бюссей:—перевязывавшій вчера дворянина рану въ боку...

— Въ правомъ.

— Именно; я васъ сейчасъ узналъ; у васъ такая легкая и искусная рука.

— Ахъ! я не надѣялся встрѣтить васъ здѣсь.

— Чего же вы искали?

— Домъ.

— А! сказалъ Бюссей:—вы искали домъ?

— Да.

— Развѣ вы его не знаете?

— Какъ же мнѣ его знать, отвѣчалъ молодой человекъ:—коли меня провели съ завязанными глазами.

— Следовательно, вы теперь увѣрены, что были въ этомъ домѣ?

— Въ этомъ, или одномъ изъ сосѣднихъ, навѣрное не знаю, потому-что самъ вижу его.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ не пригрѣзилось, сказалъ Бюссей.

— Пригрѣзилось? Что такое?

— Надобно вамъ сказать, другъ мой, что мнѣ казалось, будто все это приключеніе, исключая, разумѣется, раны, была мечта.

— Знаете ли, что слова ваши нисколько не удивляютъ меня!

— Отъ-чего?

— Я былъ увѣренъ, что тутъ кроется какая-нибудь тайна.

— Да, другъ мой, и тайна, которую вы поможете мнѣ открыть, не правда ли?

— Охотно.

— Но прежде всего два слова.

— Говорите.

— Какъ васъ зовутъ?

— Я охотно отвѣчу вамъ на этотъ вопросъ, отвѣчалъ молодой человекъ. — Хотя мнѣ очень-хорошо известно, что, по модѣ и по законамъ общежитія, мнѣ слѣдовало бы при подобномъ вопросѣ подбочениться, закинуть назадъ голову и спросить: «А васъ самихъ какъ зовутъ, почтеннѣйшій?» Но вы вооружены длинной шпагой, а со мной кромѣ ланцета ничего нѣтъ. Вы похожи на благороднаго дворянина, а меня можно принять за бродягу, потому-что я

промокъ до костей и заглянулся по пояс. И такъ, я рѣшаюсь откровенно отвѣчать на вашъ вопросъ: меня зовутъ Реми де-Годуэнъ.

— Прекрасно. Благодарю васъ. А я— Луи де-Клермонъ, графъ де-Бюсси.

— Бюсси д'Амбуазъ! герой Бюсси! вскричалъ молодой докторъ въ восторгѣ.—Какъ? вы тотъ знаменитый Бюсси, тотъ капитанъ, тотъ который... котораго... о!

— Я самъ, скромно отвѣчалъ дворянинъ.—И такъ-какъ теперь мы знаемъ другъ друга, то покорнѣйше васъ прошу удовлетворить моему любопытству...

— Сейчасъ, сейчасъ. Я такъ запачкался, что, подобно Эпанимоду-Овивяину, долженъ буду просидѣть дня три въ своей комнатѣ, не имѣя другаго платья... Но извините, вы, кажется, изволили спрашивать меня о чемъ-то...

— Да, я желалъ знать, какъ вы попали въ этотъ домъ?

— Очень-простымъ и вмѣстѣ непонятнымъ образомъ. Я вамъ то сейчасъ объясню, сказалъ молодой человѣкъ.

— Пожалуйста.

— Ахъ, извините, графъ... Я такъ разстроенъ, такъ изумленъ, что даже забылъ, что говорю съ графомъ.

— Ничего, продолжайте.

— Изволите видѣть, графъ, что со мною случилось: я живу въ лицѣ Ботрельи, въ пятистахъ шагахъ отсюда. Я бѣдный ученикъ хирургіи и, увѣряю васъ, уже довольно-хорошо знаю свое дѣло.

— Я это извѣдалъ по опыту.

— Я прилежно учился, и учусь, продолжалъ молодой человѣкъ: а больныхъ у меня нѣтъ. Меня зовутъ Реми де-Годуэнъ; Реми имени, а де-Годуэнъ потому, что я родился въ Нантелье-де-Годуэнъ. Дней семь или восемь назадъ, за Арсеналомъ, какой-то человѣкъ былъ раненъ пожаромъ; я зашилъ ему рану въ животѣ и невѣловко упряталъ кишки, которыя ползли—было наружу. Это ставило мнѣ нѣкоторую репутацію, которой я обязанъ тѣмъ, что прошлую ночь меня разбудилъ нѣжненькій голосокъ.

— Женскій? вскричалъ Бюсси.

— Да; но берегитесь, графъ; не смотря на всю простоту свою, узналъ, что это былъ голосъ служанки. Впрочемъ, это очень-натурально: съ этими голосами я болѣе знакомъ, нежели съ голосами знатныхъ дамъ.

— Что же вы сдѣлали?

— Я всталъ и отворилъ дверь; но едва вышелъ въ сѣни, какъ въ ручки, не слишкомъ-нѣжныя, но и не слишкомъ-жесткія, зажали мнѣ глаза.

— Ничего не говоря? спросилъ Бюсси.

— Ничего. Она сказала мнѣ:—Пойдемте; не старайтесь узнавать, да видите; будьте скромны; вотъ вамъ награда.

— Какая же была награда?

— Кошелекъ, набитый пистолями, который она вложила мнѣ въ руку.

— Ага! Что жъ вы отвѣчали?

— Я отвѣчалъ, что готовъ слѣдовать за миленькой проводницей... Я не зналъ, мила ли она, но во всякомъ случаѣ этотъ ком-пактъ не могъ испортить дѣла.

— И вы слѣдовали за нею безъ возраженій, не требуя никакого обезпеченія въ своей безопасности?

— Я часто читалъ подобныя исторіи въ книгахъ и всегда замѣчалъ, что онѣ кончались чѣмъ-нибудь пріятнымъ для врача. Слѣдовательно, я, какъ имѣлъ уже честь докладывать, пошелъ въ служавкой; меня вели по твердой дорогѣ; морозило, и я сосчиталъ пятьсотъ-два шага.

— Хорошо, сказалъ Бюсси:—вы поступили благоразумно; слѣдовательно, вы остановились у этой двери?

— Я полагаю, потому-что сосчиталъ до четырех-сотъ девяносто сѣти-девяти шаговъ; если только хитрая дѣвчонка не заставила меня нарочно покружиться, въ чемъ я ее очень подозреваю.

— Да; но предположимъ даже, что она приняла эту предосторожность, сказалъ Бюсси:—не-уже-ли она не дала вамъ чего-нибудь замѣтить, не произнесла какого-нибудь имени?

— Никакого.

— И вы сами ничего не замѣтили?

— Я замѣтилъ все, что можно было замѣтить пальцами, служащими иногда вмѣсто глазъ... то-есть: дверь, обитую гвоздями; а дверью корридоръ; въ концѣ корридора лѣстяницу.

— На-лѣво?

— Да. Я даже сосчиталъ ступени.

— Сколько?

— Двѣнадцать!

— И потомъ прямо входъ?

— Нѣтъ; кажется, сперва былъ корридоръ, потому-что три раза отворялись двери.

— Хорошо.

— Потомъ я услышалъ голосъ... Ахъ! это ужъ былъ голосъ г-на споживающаго... нѣжный, пріятный голосокъ.

— Да, да, это былъ ея голосъ.

— Ея?

— Я въ томъ увѣренъ.

— Вы счастливые меня, потому-что хоть въ чемъ-нибудь увѣрены. Потомъ меня толкнули въ комнату, въ которой вы лежали, и мнѣ позволили снять повязку.

— Такъ, такъ.

— Тогда я увидѣлъ васъ.

— Гдѣ я былъ?

— На постели.

— Съ бѣлыми камковыми занавѣсами, шитыми золотомъ?

- Да.
- Въ комнатѣ съ обоями?
- Да.
- И съ расписаннымъ потолкомъ?
- Точно-такъ. Между двумя окнами...
- Портретъ.
- Именно.
- Портретъ восемнадцати или двадцати-лѣтней дѣвушки.
- Да.
- Блондинки?
- Такъ.
- Прелестной, какъ ангелъ?
- Еще прелестнѣе!
- Правда! Что жъ вы слышали?
- Я перевязалъ вамъ рану.
- И очень-искусно.
- Какъ умѣлъ!
- Прекрасно перевязали, другъ мой, прекрасно! потому-что сегодня утромъ рана почти закрылась.
- Благодаря бальзаму, мною-самимъ составленному и изумительному въ подобныхъ случаяхъ! Сколько разъ, не помня кого лечь, я самъ наносилъ себѣ раны, чтобъ испытать свой бальзамъ. И что же? Каждый разъ раны заживали въ два-три дня.
- Любезный мосьё Реми, вскричалъ Бюсси: — вы человекъ драгоценный, и я сердечно полюбилъ васъ. Но говорите: что жъ было далѣе?
- Потомъ съ вами опять сдѣлался обморокъ. Голосъ безпрестанно спрашивалъ меня объ васъ.
- Откуда?
- Изъ сосѣдней комнаты.
- Такъ-что вы не видали хозяйки?
- Не видалъ.
- Что же вы отвѣчали ей?
- Я отвѣчалъ, что рана не опасна, и что черезъ сутки не будетъ и слѣдовъ ея.
- Что же она?
- Она была въ восторгѣ, потому-что вскричала: Какое счастье, Боже мой!
- Она сказала: какое счастье?
- Сказала.
- Мосьё Реми, я беру васъ подъ свое покровительство. Но далѣе, далѣе...
- Далѣе все было кончено; рана ваша была перевязана; мнѣ нечего было больше дѣлать, и голосъ сказалъ: «мосьё Реми...»
- Голосъ зналъ, какъ васъ зовутъ?
- Конечно; въ-слѣдствіе заслуженной мною репутаціи послѣ излеченія раны, о которой я вамъ говорилъ.

— Правда, правда. И такъ, голосъ сказалъ вамъ: «мосьё Реми...

— «Будьте благороднымъ человекомъ; не изменяйте бѣднѣ женщины, которую увлекло человеколюбіе; надѣньте опять помянутыя и удалитесь, не стараясь узнать, гдѣ вы были.»

— И вы обѣщали?

— Далъ честное слово.

— И сдержали его?

— Какъ видите, наввно отвѣчалъ молодой человекъ: — иначе не сталъ бы искать двери.

— Вы поступили прекрасно, какъ благородный человекъ; сказалъ Бюссі:—и хотя внутренно я бышусь, но не могу не сказать вамъ: дайте мнѣ вашу руку, мосьё Реми.

И Бюссі дружески протянулъ руку къ молодому доктору.

— Графъ... сказалъ Реми съ замѣшательствомъ.

— Давайте, давайте: вы дворянинъ по сердцу.

— Графъ, сказалъ Реми: — я почти за величайшую честь пожать руку храброму Бюссі д'Амбуазу... но сперва я долженъ объяснить вамъ, зачѣмъ ищу демъ.

— Зачѣмъ?

— Въ кошелькѣ было десять пистолей.

— Ну?

— Это слишкомъ-много для человека, который беретъ по пяти су за визитъ, и то только въ такомъ случаѣ, если ему могутъ заплатить; а потому я хотѣлъ...

— Возвратить деньги?

— Да.

— Любезный Реми, вы черезъ-чуръ совѣстливы, клянусь вамъ вы заслужили эти деньги, и онѣ принадлежатъ вамъ по праву.

— Вы думаете? сказалъ Реми, весьма-довольный.

— Увѣрю васъ; только не эта дама должна платить вамъ, потому-что я ея не знаю, и она меня не знаетъ.

— Слѣдовательно, я долженъ же отдать деньги...

— Пожалуй; но я у васъ въ долгу.

— Вы?

— Да, и заплачу свой долгъ. Что вы дѣлаете въ Парижѣ? говорите... Расскажите мнѣ всѣ свои обстоятельства, мой добрый мосьё Ремі.

— Что я дѣлаю въ Парижѣ? Покуда ничего; но еслибъ у меня были пациенты, я бы не сидѣлъ сложа руки.

— Прекрасно! Я сейчасъ дамъ вамъ пациента: хотите лечитъ меня? Вамъ будетъ много дѣла, увѣрю васъ! Не проходитъ дня, чтобъ я не изуродовалъ кого-нибудь, или чтобъ мнѣ самому не досталось. Скажите же... хотите ли вѣздаться чинить проорѣхи, которыя мнѣ будутъ дѣлать, для которыхъ я буду дѣлать?

— Ахъ, графъ! сказалъ Реми: — я не достоинъ этой чести...

— Нѣтъ, чортъ возьми! такихъ людей, какъ вы, нѣмногo. А у васъ рука легка, какъ у женщины; притомъ же, вычѣ балованъ...

— Графъ!

— Вы будете жить у меня... у васъ будетъ своя квартира, свои люди. Соглашайтесь, или, клянусь честью, вы оскорбите меня. Впрочемъ, дѣло ваше не кончено: вы должны сдѣлать мнѣ еще перемѣнку.

— Графъ, отвѣчалъ молодой докторъ: — я такъ счастливъ, что не умю выразить своей признательности. Я буду трудиться... у меня будутъ пациенты!

— Нѣтъ, не будутъ, потому-что я беру васъ для себя-одного... и, разумеется, для друзей моихъ. Но скажите: больше вы ничего не помните?

— Ничего.

— Такъ объясните мнѣ одно обстоятельство. Вы, какъ человекъ наблюдательный, осторожный, ошупывающій стѣны, изучающій голоса, можете-быть, скажете мнѣ, какимъ образомъ я попался изъ того дома на край рва близъ Тампля?

— Вы!

— Да, я... Вы не помогали переносить меня?

— Нисколько! Я даже воспротивился бы этому, потому-что люди могъ повредить вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Бюссі: — я рѣшительно теряюсь. Хотите ли вы еще поискать со мною?

— Все, что вамъ угодно, графъ; но я боюсь, что трудъ нашъ будетъ напрасенъ. Здѣсь всѣ дома похожи одинъ на другой.

— Такъ мы посмотримъ днемъ, сказалъ Бюссі.

— Да; но днемъ насъ самихъ увидятъ.

— Такъ надо будетъ выведать?

— Будемъ выведывать, графъ.

— И выведаемъ! Поверь мнѣ, Реми; насъ теперь двое, и я увѣренъ, что это не мечта, а действительность. Это уже много.

XII.

Что за человекъ былъ обер-егермейстеръ Брианъ де-Монсоро:

Бюссі волновала не радость, а восторгъ, когда онъ убедился, что мечта его не была мечтою, и что прелестная блондинка в-самомъ-дѣлѣ оказала ему великодушное гостепримство, о которомъ сердце его сохранило неслепое воспоминаніе.

Онъ рѣшился не отпущать отъ себя молодого человека, котораго возлюбилъ въ званіи своего домашняго доктора. Не смотря на то, что Брианъ былъ ужасно выданкава, онъ долженъ былъ съестъ съ нимъ въ носъ; Бюссі боялся отпустить его, чтобъ и онъ не

исчезъ, какъ видѣннѣ; онъ рѣшился взять его къ себѣ, запретивъ на ночь, и выпустить на свободу только къ утру.

Во все время возвратнаго пути, графъ допрашивалъ молодого человека; но отвѣты все оставались въ томъ тѣсномъ кругу, который мы указали. Реми-де-Годуэнъ зналъ не болѣе Бюссі.

Но для человека, въ сердцѣ котораго рождается любовь, — а въ сердцѣ Бюссі она развивалась видимо, — приятно бесѣдовать о любимой женщинѣ; правда, Реми не видалъ этой женщины, но это была еще выгода для Бюссі, потому-что онъ могъ описывать ему ея прелести.

Бюссі былъ очень-расположенъ пробесѣдовать всю ночь о незнакомой красавицѣ; но Реми, вступивъ въ свою новую должность, началъ съ того, что приказалъ раненному лечь спать; усталость тоже совѣтовала ему, и онъ повиновался.

Однакожь, Бюссі прежде самъ проводилъ своего новаго врача въ квартиру, состоявшую изъ трехъ комнатъ, которую онъ самъ нѣкогда занималъ; потомъ, удостовѣрившись, что молодой докторъ доволенъ своей новой квартирой и счастьемъ, посланнымъ ему Провидѣніемъ, не уйдетъ тихонько изъ дома, вошелъ въ великолѣпную квартиру, которую занималъ въ первомъ этажѣ.

Проснувшись на другое утро, онъ увидѣлъ возлѣ своей кровати Реми. Молодой докторъ все еще не вѣрилъ своему счастью и ждалъ пробужденія Бюссі, чтобъ удостовѣриться, не грезилъ ли онъ самому.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ онъ Бюссі.

— Прекрасно, мой любезный эскулапъ; довольны ли вы сами?

— Такъ доволенъ, великодушный покровитель мой, что не помнясь даже съ королемъ Генрихомъ III, хотя онъ теперь, какъ кажется, собирается прямо въ рай; но дѣло не въ томъ; надобно осмотрѣть вашу рану.

— Осмотрите.

И Бюссі повернулся бокомъ, чтобъ молодой хирургъ могъ лучше снять повязку.

Все шло какъ-нельзя-лучше; рана закрылась. Бюссі спалъ какъ человекъ вполне-счастливый; сонъ и счастье помогли хирургу такъ-что ему почти ничего не оставалось дѣлать.

— Что вы скажете, мой добрый Реми?

— Я не смѣю сознаться, что вы почти здоровы, боясь, чтобъ вы не отослали меня домой, въ мою квартирку, въ улицѣ Ботрелли въ пятистахъ шагахъ отъ таинственнаго дома...

— Который мы отыщемъ, не правда ли, Реми?

— Надѣюсь.

— И такъ, другъ мой, сегодня ты долженъ...

— Простите! вскричалъ Реми, со слезами на глазахъ:—вы, кажется, сказали мнѣ ты?

— Реми, я говорю ты людямъ, которыхъ люблю. Тебѣ это не пріятно?

— Напротивъ, вскричалъ молодой человекъ, стараясь схватить руку Бюссі и поцаловать ее: — напротивъ! Я думалъ, что мнѣ только и слышалось. О, мосьё де-Бюссі! я сойду съ ума отъ радости!

— Не надобно, другъ мой; я хочу, чтобъ и ты полюбилъ меня хоть немного; хочу, чтобъ ты былъ у меня домашнимъ человекомъ и сегодня же переселился ко мнѣ совсѣмъ; мнѣ же ты долженъ позволить присутствовать при врученіи жезла новому придворному обер-егермейстеру (*).

— Ахъ! сказалъ Реми: — это еще опасно.

— Ничего; обещаюсь тебѣ быть осторожнымъ.

— Но вѣдь вы должны быть на лошади?

— Непременно.

— Есть ли у васъ спокойная лошадь?

— У меня ихъ четыре.

— Ну, такъ возьмите ту, на которой вы позволили бы ѣхать той особѣ... знаете... гдѣ портретъ..?

— Знаю ли? Еще бы! Реми, ты проложилъ себѣ навѣки дорогу къ моему сердцу; я ужасно боялся, что ты не позволишь мнѣ ѣхать на сегодняшнюю охоту, или на этотъ охотничій церемоніаль, на которомъ будутъ всѣ придворныя дамы и съѣдутся многія изъ горожанокъ. Ты понимаешь, что мой портретъ непременно долженъ принадлежать ко двору, — либо это горожанка. Простой шляпкой она быть не можетъ: роскошь и изящество ея дома доказываютъ, что она или знатная, или богатая женщина... Я, можетъ-быть, встрѣчу ее!

— Все возможно, философически отвѣчалъ Реми.

— Да; только дома нельзя узнать, совздохомъ возразилъ Бюссі.

— Еще труднѣе будетъ войти въ него, прибавилъ Реми.

— О, только бы найдти!.. О томъ, какъ войдти, я всегда думаю только тогда, когда уже войду, сказалъ Бюссі: — впрочемъ, у меня есть вѣрное средство.

— Какое?

— Я дамъ себя еще разъ ранить.

— Прекрасно, сказалъ Реми: — это подаетъ мнѣ надежду, что вы оставите меня при себѣ.

— Не безпокойся, сказалъ Бюссі: — мнѣ кажется, что я знакомъ съ тобою уже лѣтъ двадцать, и, клянусь честью, никогда не разстанусь съ тобою.

Доброе лицо молодого доктора просіяло невыразимою радостью.

— Итакъ рѣшено, сказалъ онъ: — вы ѣдете на охоту, чтобъ отыскать красавицу, а я отправлюсь сперва въ улицу Ботрелли и потомъ пойду узнавать домъ.

(* При вступленіи въ это званіе, егермейстеру вручали жезлъ — *estortuaire*, который онъ долженъ былъ подавать королю на охотѣ въ лѣсу, для отклоненія сучьевъ при смачкѣ въ галопъ.

— Забавно было бы, сказалъ Бюссі:—еслибъ и твои и мои иски увѣчались успѣхомъ.

Бюссі и Реми разстались не какъ господинъ и подчиненный, какъ два друга.

Въ Венсенскомъ-Лѣсу была назначена большая охота по случаю вступленія въ новую должность Бриана де-Монсорѣ, недавняго пожалованнаго въ обер-егермейстеры. Религіозная процессія и западное покаяніе короля заставляли всѣхъ сомнѣваться въ томъ, придетъ ли онъ лично присутствовать на этой охотѣ, потому что когда на него находили подобныя минуты, онъ по цѣлымъ недѣлямъ не выходилъ изъ Лувра, а иногда поступалъ даже въ монастырь; но къ величайшему изумленію двора, около девяти часовъ утра всѣ узнали, что король уѣхалъ въ Венсенскій-Замокъ и отылся за оленями съ своимъ братомъ, герцогомъ анжуйскимъ, всѣмъ дворомъ.

Мѣсто сходки было назначено у Лощины-Короля-св.—Лудовика. Такъ называли въ то время перекрестокъ, гдѣ находился еще какъ говорятъ, знаменитый дубъ, возлѣ котораго король-мученикъ творилъ судъ и расправу. Всѣ уже собрались въ девять часовъ утра, когда новый сановникъ, предметъ общаго любопытства почти никому незнакомый при дворѣ, явился на красивомъ ворономъ конѣ своемъ.

Всѣ взоры обратились на него.

Это былъ человекъ лѣтъ тридцати-пяти, высокій ростомъ; рубашка и покрытое красными пятнами лицо его производило непріятное впечатлѣніе и заставляло внимательнѣе его разсматривать, чѣмъ рѣдко располагаетъ въ пользу того, кого разсматриваютъ. Къ чувству располагаетъ обыкновенно первый взглядъ: открытыя взоры и прямодушная улыбка симпатически вызываютъ такой же взоръ и такую же улыбку.

На немъ было зеленое полукафтанье, вышитое по швамъ серебромъ; серебряный поясъ съ вышитымъ гербомъ короля, токъ съ длиннымъ перомъ; въ лѣвой рукѣ нѣчто въ родѣ палицы, а въ правой жезлъ, который онъ долженъ былъ вручить королю.

Мосей де-Монсорѣ имѣлъ мужественную, грозную, но ужь не сколько не красивую наружность.

— Фи! какого урода вы привезли намъ изъ своей провинціи, ваше высочество, сказалъ Бюссі герцогу анжуйскому:—такъ такими-то дворянами вы ѣздите въ глушь? Чортъ возьми! во всемъ Парижѣ не найдешь такой непріятной фizioноміи, хотя у насъ ихъ много! Говорятъ,—я повторяю только то, что слышалъ,—говорятъ будто-бы ваше высочество изволили настоятельно требовать, чтобъ король принялъ этого обер-егермейстера.

— Графъ де-Монсорѣ служилъ мнѣ вѣрой и правдой, отрывисто отвѣчалъ герцогъ анжуйскій:—я вознаграждаю его.

— Хорошо сказано, ваше высочество; признательность ваша тѣмъ достойнѣе, что мы рѣдко встрѣчаемъ ее; но если онъ не имѣетъ

другаго достоинства, такъ мнѣ кажется, что и я служилъ вамъ верой и правдой, и смѣю доложить, мнѣ болѣе былъ бы къ-лицу постыжъ обер-егермейстера, нежели этому привидѣнію... Ахъ! да у него рыжая борода. Я и не замѣтилъ этого: однимъ достоинствомъ болѣе!

— Я не зналъ, отвѣчалъ герцогъ анжуйскій:—что надобно походить на Аполлона или Антиноя, чтобъ занимать мѣсто при дворѣ.

— Ваше высочество не знали этого? спросилъ Бюссі съ величайшимъ хладнокровіемъ:— странно!

— Я предпочитаю сердце лицу, отвѣчалъ принцъ:—оказанныя услуги важнѣе обѣщанныхъ.

— Простите за любопытство, ваше высочество, продолжалъ Бюссі:—но мнѣ бы очень хотѣлось знать, какія услуги оказалъ мнѣ де-Монсорё?

— А, Бюссі! съ колкостью отвѣчалъ герцогъ:—вы правду скажи—вы любопытны... слишкомъ-любопытны.

— Вотъ вы каковы, принцъ! воскликнулъ Бюссі съ обыкновенною своею смѣлостью. — Вы сами любите разспрашивать и требуете, чтобъ вамъ отвѣчали; а спроси васъ, такъ ни слова не добесятся.

— Правда, сказалъ герцогъ анжуйскій: — но если ты хочешь знать, за что я покровительствую Монсорё, я дамъ тебѣ средство узнать.

— Какое?

— Спроси самого Монсорё.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! вскричалъ Бюссі.—Вы правы! Тѣмъ болѣе, что съ нимъ, какъ съ простымъ дворяниномъ, я чиниться не стану, если онъ мнѣ не дастъ отвѣта, такъ...

— Что же?

— Такъ я ему скажу, что онъ невѣжа.

И, обратившись съ этими словами къ принцу спиною, Бюссі, не разсуждая, снялъ шляпу и при всѣхъ приблизился къ Монсорё, который, сидя на конѣ посреди круга, образовавшагося около него и будучи центромъ всѣхъ взоровъ, ожидалъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ, чтобъ король избавилъ его, наконецъ, отъ этого неприятнаго положенія.

Когда онъ увидѣлъ Бюссі, приближающагося съ открытымъ, веселымъ, улыбающимся лицомъ, то и его лицо приняло менѣе-серьезное выраженіе.

— Простите, сказалъ Бюссі:—но я вижу, что вы здѣсь совершаете оди. Не-уже-ли милость, которою вы пользуетесь, доставитъ вамъ уже столько враговъ, сколько вы могли имѣть друзей за клячу до вступленія въ это званіе?

— Не знаю навѣрное, графъ, но объ закладъ битесь готовы, отыскалъ де-Монсорё. — Позвольте, однакожь, мнѣ узнать, чему я

обязанъ честно, которую вы мнѣ оказываете, нарушая мое уединеніе?

— Тому восторгу, смѣло отвѣчалъ Бюссі: — который герцог анжуйскій внушилъ мнѣ къ вамъ.

— Какимъ образомъ?

— Разказавъ тотъ подвигъ, за который вы пожалованы обер-егермейстеромъ.

Монсорó страшно поблѣднѣлъ. Онъ бросилъ на Бюссі взглядъ предвѣщавшій сильную грозу.

Бюссі замѣтилъ тогда, что сдѣлалъ ошибку; но онъ не любилъ отступать; напротивъ, онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые не скромность поправляютъ дерзостью.

— Вы говорите, отвѣчалъ обер-егермейстеръ: — что герцогъ разказалъ вамъ мой послѣдній подвигъ?

— Да, отвѣчалъ Бюссі: — разказалъ очень-подробно; это само внушило мнѣ непреодолимое желаніе услышать разказъ о томъ жъ подвигѣ отъ васъ самихъ.

Монсорó сжалъ жезлъ въ рукахъ своихъ, какъ-бы желая употребить его оружіемъ противъ Бюссі.

— Parbleu! сказалъ онъ: — я готовъ бы былъ исполнить ваше желаніе; но вотъ король... Однакожь, если вамъ угодно, то послѣ буду къ вашимъ услугамъ.

И точно, король, на своемъ любимомъ гнѣдомъ конѣ, быстро приближался къ лошадѣ.

Бюссі оглянулся и встрѣтилъ взглядъ герцога анжуйскаго; и лицъ его была одна изъ самыхъ злобныхъ его улыбокъ.

— Господинъ и слуга, подумалъ Бюссі: — дѣлаютъ оба очень нехорошую гримасу, когда смѣются; каково же должно быть, когда они плачутъ?

Король любилъ открытыя, пріятныя лица; а потому Монсорó ему не понравился. Не смотря на то, онъ довольно-ласково принялъ жезлъ, который обер-егермейстеръ подалъ ему, преклонивъ по обычаю, одно колено.

Немедленно за тѣмъ, пикёры возвѣстили, что олень былъ загнанъ, и охота началась.

Бюссі нарочно сталъ съ боку, чтобъ видѣть всѣхъ, скакавшихъ мимо; онъ разсматривалъ всѣхъ женщинъ, но тщетно: между ними были хорошенькія, предестныя, очаровательныя; но милаго существа, котораго искалъ онъ, не было.

Бюссі присоединился къ друзьямъ своимъ. Антрагё, вѣчно веселый и беззаботный, разогналъ скуку своего друга.

— Новый обер-егермейстеръ нашъ очень-некрасивъ, сказалъ онъ Бюссі: — не правда ли?

— Я нахожу его отвратительнымъ; хороша должно быть самаго! Покажи мнѣ его жену.

— Онъ не женатъ, возразилъ Антрагё.

— Почему ты знаешь?

— Потому-что мадамъ де-Ведровъ находитъ его красавцемъ и охотно взяла бы его себѣ въ четвертые мужья, какъ Лукреція Борджиа взяла графа д'Эсте. Посмотри, какъ она гонится на своей пылой лошади за воронымъ конемъ мосье Монсоро.

— А какихъ онъ имѣній владѣтель? спросилъ Бюсси.

— Разныхъ.

— Гдѣ они?

— Въ Анжу.

— Онъ богатъ?

— Говорять; но это все достоинство его... онъ изъ мелкаго дворянства.

— А кто его возлюбленная?

— У него нѣтъ возлюбленной; онъ хочетъ быть оригиналомъ... Но тебя, кажется, зоветъ герцогъ анжуйскій; ступай скорѣе.

— Подождать!.. Этотъ Монсоро сильно возбуждаетъ мое любопытство... Я нахожу его страннымъ. Мнѣ кажется, — самъ не знаю отъ-чего, — но мнѣ кажется, что мнѣ придется имѣть съ нимъ дѣло. И притомъ, что за имя, Монсоро!

— Мон-де-ла-Сури, возразилъ Антрагэ: — вотъ происхожденіе этого имени; это мнѣ растолковалъ сегодня утромъ мой старшій аббатъ: Mons Sorigis.

— Странное имя!

— Ахъ, постой! вскричалъ вдругъ Антрагэ.

— Что такое?

— Ливаро долженъ знать...

— Кого?

— Фамилію Mons Sorigis. Они сосѣди по владѣніямъ.

— Не-уже-ли? Надобно сейчасъ спросить его. Эй, Ливаро! Ливаро приблизился.

— Скорѣе, сюда, Ливаро!... Что Монсоро?

— Какъ что?

— Расскажи намъ, что за люди эти Монсоро?

— Охотно.

— Долго будешь рассказывать?

— Нѣтъ, недолго. Въ трехъ словахъ я объясню вамъ, что знаю и то думаю про него... Я боюсь его!

— Хорошо! Это касается до тебя. Расскажи же намъ теперь, — что до него касается.

— Слушай!.. Однажды вечеромъ...

— Страшно начинается, сказалъ Антрагэ.

— Не мѣшай же! — Однажды вечеромъ я возвращался отъ своего дяди черезъ Меридорскій-Лѣсъ. Этому будетъ мѣсяцевъ шесть; вдругъ слышу ужасный крикъ и вижу, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня скачетъ бѣлая осёдланная лошадь; всадника на ней не было; я поскакалъ за нею и на концѣ длинной аллеи, омраченной вечерними сумерками, вижу всадника на ворономъ конѣ: онъ не скакалъ, а летѣлъ. Еще разъ послышался страшный крикъ, и я за-

мѣтилъ, что передъ нимъ лежала перекинутая черезъ сѣдло женщина, которой онъ старался зажать ротъ рукою. Со шной было охотничье ружье; ты знаешь, что я стрѣляю обыкновенно довольно-мѣтко. Я прицѣлился и вѣрно подстрѣлилъ бы всадника, еслибы ружье не дало осѣчки.

— Что же потомъ? спросилъ Бюссі.

— Потомъ я спрашивалъ дровосѣка, что это былъ за человекъ, похищавшій женщину; дровосѣкъ отвѣчалъ, что это былъ мосѣ де-Монсорѣ.

— Такъ что жъ за бѣда! сказалъ Антрагѣ:—похищать женщину позволительно; это водится, не правда ли, Бюссі?

— Правда, отвѣчалъ Бюссі:—но имъ по-крайней-мѣрѣ не мѣшаютъ кричать.

— Кто же была женщина, которую онъ похищалъ? спросилъ Антрагѣ.

— Этого никто не зналъ.

— Да! сказалъ Бюссі:—онъ въ-самомъ-дѣлѣ человекъ весьма-любопытный...

— Вѣрно то, сказалъ Ливарѣ:—что о немъ идетъ ужасная молва.

— Не рассказываютъ ли другихъ приключеній?

— Нѣтъ, никакихъ; онъ никогда, впрочемъ, открыто и не дѣлалъ большаго зла; притомъ же, говорятъ, онъ очень-добръ къ крестьянамъ—хотя они, не смотря на эту доброту, боятся его какъ огня. На охотѣ онъ настоящій Нимродъ, и король можетъ похвалиться, что теперь у него отличный обер-егермейстеръ. Онъ во всякомъ случаѣ будетъ лучше Сен-Люка, которому король назначалъ-было это мѣсто, но которому предпочли де-Монсорѣ, благодаря вліянію герцога анжуйскаго.

— Однако ты видишь, что герцогъ продолжаетъ звать тебя, сказалъ Антрагѣ.

— Пускай зоветъ! Но кстати, знаете ли, что рассказываютъ про Сен-Люка?

— Нѣтъ; онъ все еще въ плѣну у короля? спросилъ смѣясь Ливарѣ.

— Вѣротно, отвѣчалъ Антрагѣ:—если его нѣтъ здѣсь.

— Совсѣмъ нѣтъ, друзья мои; онъ ускакалъ въ часъ ночью!

— Куда?

— Въ имѣніе жены своей.

— Изгнанъ?

— Кажется.

— Не можетъ быть, чтобъ король рѣшился изгнать Сен-Люка.

— Увѣряю тебя!

— Отъ кого ты слышалъ?

— Отъ самого маршала де-Бриссѣака.

— Вотъ любопытная новость; это повредитъ Монсорѣ.

— О! знаю, вскричалъ Бюссі.

— Что ты знаешь?

— Угадалъ!

— Да что жь ты угадалъ?

— Какую услугу онъ оказалъ герцогу анжуйскому.

— Сен-Люкъ?

— Нѣтъ, Монсоро.

— Не-уже-ли?

— Да, чортъ возьми; вы сейчасъ увидите, ступайте за мною.

И Бюссі, вмѣстѣ съ Ливаро и д'Антрагомъ поскакалъ въ галопъ въ герцогствѣ анжуйскимъ, который, наскучивъ звать его знаками, выскочилъ далѣе.

— Ахъ, ваше высочество! вскричалъ Бюссі, догнавъ принца:— то за драгоценный человѣкъ этотъ Монсоро!

— Не-уже-ли?

— Удивительный!

— Развѣ ты съ нимъ говорилъ? насмѣшливо спросилъ принцъ.

— Конечно; притомъ онъ человѣкъ весьма-остроумный.

— И ты спросилъ его, какую онъ мнѣ оказалъ услугу?

— Разумѣется; вѣдь я только для того и подѣхалъ къ нему.

— И онъ тебѣ отвѣчалъ? спросилъ герцогъ разсмѣявшись.

— Отвѣчалъ, и съ любезностью, за которую я ему душевно благодаренъ.

— А что жь онъ тебѣ сказалъ, мой неустрашимый дворянинъ? спросилъ принцъ.

Тутъ Бюссі тихонько шепнулъ принцу намекъ на способность котораго похищать женщинъ...

Герцогъ еще болѣе нахмурился, съ яростію сжалъ кулаки и пулъ коня въ такой бѣшеный галопъ, что Бюссі и друзья его остались позади.

— А-га! сказалъ Антрагэ:—ты, кажется, попалъ въ цель своей шуткой.

— Тѣмъ болѣе, прибавилъ Ливаро:—что не всѣ принимаютъ ее за шутку.

— Чортъ возьми! сказалъ Бюссі:—мнѣ кажется, что я его кольнулъ въ самое сердце!

Минуту спустя, послышался голосъ герцога анжуйскаго.

— Эй, Бюссі! гдѣ ты? кричалъ онъ:— ступай сюда!

— Здѣсь, ваше высочество, отвѣчалъ Бюссі, приблизившись.

Принцъ громко хохоталъ.

— Я вижу, что вы теперь только поняли мою шутку, сказалъ Бюссі.

— Нѣтъ, Бюссі, я смѣюсь не тому, что ты мнѣ сказалъ.

— Жаль; я желалъ бы заставить смѣяться принца, который не часто смѣется.

— Я смѣюсь тому, мой бѣдный Бюссі, что ты хитришь и выдумываешь небывалыя исторіи, чтобъ допытаться до истины.

— Совсѣмъ-нѣтъ, ваше высочество! Я сказалъ вамъ сущую правду!

— Хорошо. Настъ теперь двое; расскажи же мнѣ подробности твоей исторіи; гдѣ ты узналъ ее?

— Въ Меридорскомъ-Лѣсу, ваше высочество.

Герцогъ поблѣднѣлъ, но не сказалъ ни слова.

— Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, подумалъ Бюссі:— герцогъ замѣшанъ въ исторію похитителя на вороной лошади и несчастной жертвы.

— Послушайте, ваше высочество, сказалъ Бюссі, смѣясь: свою очередь отъ-того, что герцогъ пересталъ смѣяться: — есть нѣкотораго рода услуги, которыя вращаются вамъ болѣе другъхъ, такъ научите настъ, и мы готовы вступить въ соперничество Монсоро.

— Pardieu! охотно, сказалъ герцогъ:— слушай, Бюссі, ты можешь оказать мнѣ услугу.

Принцъ отвелъ Бюссі въ сторону.

— Слушай, сказалъ онъ: — я случайно встрѣтилъ въ церкви прелестную женщину; такъ-какъ нѣкоторыя черты лица ея, за крытаго вуалемъ, напомнили мнѣ ту, которую я некогда любилъ страстно, я пошелъ за нею и узналъ, гдѣ она живетъ. Служанка ея подкуплена, и у меня есть ключъ отъ ея дома.

— До-спухъ-поръ я не вижу, чтобъ вы нуждались въ услугѣхъ.

— Погоди! Говорятъ, она добродѣтельна, хотя свободна, молодая и прелестна

— А, ваше высочество, это невозможно!

— Послушай, ты храбръ и любишь меня — по-крайней-мѣрѣ самъ увѣряешь, что любишь.

— Не каждый день.

— Ты храбръ не каждый день?

— Нѣтъ; но люблю васъ не каждый день.

— А!... а сегодня?

— Пожалуй, полюблю, чтобъ угодить вашему высочеству. Извольте говорить.

— Я хочу, чтобъ ты сдѣлалъ для меня то, что мы обыкновенно дѣлаемъ только для самихъ-себя.

— Не прикажете ли поволочиться за васъ? спросилъ Бюссі. Вашему высочеству, вѣроятно, угодно удостовѣриться точно: она такъ же добродѣтельна, какъ прелестна? Извольте, я согласенъ.

— Нѣтъ, не то. Я хочу, чтобъ ты узналъ, не волочится ли кто-нибудь другой за нею.

— Это мнѣ пріятно и понятно. Объяснитесь...

— Ты долженъ подсмотрѣть, кто тотъ мужчина, который ходитъ къ ней?

— Такъ, стало-быть, къ ней ходитъ мужчина?

— Я подозреваю.

— Любовникъ? мужъ?

— Не знаю; но во всякомъ случаѣ ревнивецъ.

— Тѣмъ лучше, ваше высочество.

— Отъ-чего же тѣмъ лучше?

— Отъ-того, что у васъ уже однимъ затрудненіемъ меньше.

Стало-быть, она не такъ добродѣтельна, какъ вы полагаете.

— Это не утѣшительно. Но прежде всего я бы желалъ узнать, кто этотъ человекъ.

— И вы на меня возлагаете это порученіе?

— Да, если ты хочешь услужить мнѣ...

— Вы пожалуете мнѣ мѣсто обер-егормейстера, когда на него будетъ ваканція?

— Охотно, Бюссі! Тѣмъ охотнѣе, что я еще ничего не сдѣлалъ для тебя.

— Не-уже-ли? Это вы теперь только замѣтили!

— Я давно уже говорю это.

— Да, но такъ, чтобъ никто не услышалъ.

— Что жь, Бюссі?

— Что угодно, ваше высочество?

— Согласенъ ли ты?

— Подсматривать за красавицей?

— Да.

— Празнуюсь вашему высочеству, что это порученіе не очень тебѣ нравится и я охотно промѣнилъ бы его на другое.

— Ты самъ предлагалъ услужить мнѣ, Бюссі, а теперь уже отказываешься?

— Pardieu! Вы возлагаете на меня обязанность шпиона.

— Совсѣмъ нѣтъ! я требую дружеской услуги; впрочемъ, не думай, что ты будешь безъ дѣла; прійдется, можетъ-быть, обнажить шпагу.

Бюссі покачалъ головой.

— Ваше высочество, сказалъ онъ:—есть вещи, которыя каждый можетъ дѣлать самъ для себя, чтобъ онѣ не были неприяты.

— Слѣдовательно, ты отказываешься?

— Отказываюсь, ваше высочество.

Герцогъ насунилъ брови.

— Такъ я послѣдую твоему совету, сказалъ онъ:—я самъ пойду, и если буду убитъ или раненъ, то скажу, что просилъ друга своего, Бюссі, взять на себя эту маленькую неприятность и что въ первый разъ въ жизни свое Бюссі былъ остороженъ.

— Ваше высочество, отвѣчалъ Бюссі:—сказали мнѣ однажды шестеро: «я ненавижу миньйоновъ короля, которые не упускаютъ случая насмѣхаться надъ нами; сходи-ка на свадьбу къ Сен-Люку, поссорься съ ними и избавь меня отъ котораго-нибудь изъ нихъ». Я пошелъ, ваше высочество; ихъ было пятеро; я былъ одинъ; я оскорбилъ ихъ; они съѣли въ засаду, всѣ пятеро разомъ напали на меня, убили мою лошадь; не смотря на то, я ранилъ двоихъ и чуть не разбилъ голову третьему. Сегодня вы поручаете мнѣ обидѣть женщину. Простите, ваше высочество, — это выходитъ нѣтъ

разряда услугъ, которыя вы можете отъ меня требовать, и я отъ казываюсь.

— Хорошо, сказалъ герцогъ: — я пойду одѣвъ, или опять съ Орильи.

— Опять! вскричалъ Бюссй, въ груди котораго невольно вздрогнуло сердце. — Извините, но...

— Что такое?

— Не за ревнивцемъ ли вы подсматривали въ то время, когда увидѣли миньйоновъ, ожидавшихъ меня?

— Именно.

— Слѣдовательно, ваша незнакомая красавица живетъ близъ Бастили? спросилъ Бюссй.

— Противъ Церкви-св.-Екатерины.

— А!

— Въ такой части города, гдѣ лихо можно попасться подъ ножъ ревнивца.

— Послѣ того вечера вы уже не были тамъ?

— Былъ, вчера.

— Что жъ?

— Я увидѣлъ человѣка, который какъ-будто чего-то искалъ, и который, вѣроятно, замѣтивъ меня, сталъ возлѣ самой двери и не отходилъ уже оттуда.

— Этотъ человѣкъ былъ одинъ?

— Да, съ полчаса.

— А потомъ?

— Потомъ къ нему подошелъ другой человѣкъ съ фонаремъ.

— А-га!

— Только человѣкъ въ плащѣ... продолжалъ принцъ.

— Плащъ былъ на первомъ? спросилъ Бюссй.

— Да. Тогда человѣкъ въ плащѣ и человѣкъ съ фонаремъ стали разговаривать и, по-видимому, рѣшились остаться тутъ на всю ночь. Это надоело мнѣ, и я воротился домой.

— Съ намѣреніемъ отказаться отъ интриги?

— Кажется. И прежде, нежели я рѣшусь войти въ этотъ домъ, который очень-похожъ на притонъ разбойниковъ...

— Вы посылаете туда на пробу одного изъ друзей своихъ.

— Другъ этотъ, не будучи принцемъ, не имѣя столькихъ враговъ, какъ я, и болѣе привыкнувъ къ подобнымъ приключеніямъ, можетъ узнать мѣру опасности, которой я могу подвергнуться, и уведомить меня о томъ.

— На вашемъ мѣстѣ, ваше высочество, сказалъ Бюссй:—я бросилъ бы эту женщину.

— Ни за что въ свѣтъ! Она слишкомъ-хороша.

— Да вы сами говорите, что едва замѣтили лицо ея.

— Я видѣлъ ее столько, что могъ рассмотреть прелестныя русые волосы.

— А!

- Очаровательные глаза.
- А! а!
- Цвѣтъ лица, какого мнѣ не случалось еще видѣть; дивную мню...
- А! а! а!
- Ты понимаешь, что отъ подобной женщины трудно отказаться.
- Понимаю, ваше высочество, и вхожу въ ваше положеніе. Герцогъ искоса посмотрѣлъ на Бюсси.
- Честное слово! сказалъ послѣдній.
- Ты смѣешься.
- Нѣтъ; и въ доказательство моего участія... такъ и быть, гмъ принять на себя ваше порученіе.
- Такъ ты передумалъ?
- Передумалъ... Скажите мнѣ только, что надобно дѣлать?
- Ты долженъ спрятаться въ некоторомъ разстояніи отъ двери, которую я тебѣ укажу, и если въ нее войдетъ мужчина, поди за нимъ и узнай, кто онъ.
- Хорошо; но если онъ захлопнетъ за собою дверь?
- Вѣдь я тебѣ сказалъ, что у меня есть ключъ.
- Ахъ, да! я и забылъ; но вотъ въ чемъ дѣло: если ключъ подойдетъ и къ другой двери? Если я войду не туда, куда слѣдуетъ?
- Ошибиться нельзя; эта дверь ведетъ въ корридоръ; въ концѣ корридора на лѣво лѣстница; подынешься двѣнадцать ступеней, тамъ опять корридоръ...
- Но какъ же вы все это знаете, если, какъ говорите, сами никогда не бывали въ этомъ домѣ?
- Вѣдь я тебѣ говорилъ, что подкупилъ служанку? Она мнѣ и объяснила.
- Тѣшусь! Какъ хорошо быть герцогомъ! Такъ все само и идетъ у мнѣ. Я, на-примѣръ, долженъ бы былъ самъ отъискивать мнѣ, найдти дверь, понасть въ корридоръ, сосчитать ступени. Это такъ бы у меня много времени, и кто знаетъ, удастся ли бы мнѣ!
- Итакъ, ты согласенъ?
- Развѣ я могу въ чемъ-нибудь отказать вашему высочеству? Только вы сами укажите мнѣ дверь.
- Изволь; возвращаясь съ охоты, мы съѣдемъ кругъ; пройдемъ чрезъ Сент-Антуанскія-Ворота, и я покажу тебѣ домъ.
- Прекрасно; а что мнѣ дѣлать съ женщиной, если онъ прийметъ?
- Ничего; поди только за нимъ и узнай, кто онъ.
- Это трудненько; если жь, на-примѣръ, этотъ человекъ до

того остороженъ, что не пустить меня вверхъ и спросить зачѣмъ я пришелъ?

— Тогда дѣлай, что тебѣ заблагоразсудится.

— Какъ-будто бы я дѣйствовалъ для себя?

— Совершенно.

— Будетъ исполнено.

— Только никому ни слова!

— Никому — честное слово дворянина!

— И никого не бери съ собою!

— Я пойду одинъ — клянусь...

— И такъ, рѣшено; мы объѣдемъ кругомъ мимо Бастильи. Я покажу тебѣ дверь... ты прійдешь ко мнѣ... я дамъ тебѣ ключъ... и сегодня вечеромъ...

— Я займу постъ, ваше высочество; рѣшено.

Бюссей и принцъ присоединились къ охотѣ, которою москѣ де-Монсорѣ управляетъ съ искусствомъ гениальнаго охотника. Король былъ въ восторгѣ отъ всѣхъ его распоряженій. Олень, гонимый два часа, проскакавшій около пяти льѣ, показавшійся болѣе двадцати разъ,—какъ-бы нарочно дался въ руки королю.

Москѣ де-Монсорѣ получилъ благодарность отъ короля и герцога

— Я не заслуживаю похвалъ вашего высочества, сказалъ онъ послѣднему: — потому-что вамъ обязанъ этимъ мѣстомъ.

— Но вы знаете, сказалъ герцогъ: — чтобъ вполне заслужить расположеніе короля, вы сегодня вечеромъ должны ѣхать въ Фонтенблѣ; королю угодно начать охотиться тамъ послѣ завтра, охота будетъ продолжаться нѣсколько дней, потому-что одного дня не достаточно, чтобъ познакомиться съ тамошнимъ лѣсомъ.

— Знаю, ваше высочество, отвѣчалъ де-Монсорѣ:—экипажъ мой уже готовъ. Я уѣду ночью.

— Теперь вамъ не будетъ отдыха, москѣ де-Монсорѣ! сказалъ Бюссей. — Вы желали быть обер-егермейстеромъ и получили это званіе, съ которымъ сопряжены по-крайней-мѣрѣ пятьдесятъ безсонныхъ ночей въ году; хорошо еще, что вы не женаты.

Бюссей смѣялся, говоря это; герцогъ же устремилъ прощательный взглядъ на обер-егермейстера, потомъ поскакалъ къ королю поздравить его на счетъ перемѣны, происшедшей въ его здоровьѣ съ вчерашняго дня.

Что жъ касается до Монсорѣ, то при шуткѣ Бюссей, лицо его еще разъ покрылось тою отвратительною блѣдностью, которая при давала ему такой страшный видъ.

XIII.

акъ Бюссі отыскалъ въ одно время и портретъ и оригиналь.

Охота кончилась въ четыре часа по полудни; въ пять же часовъ, какъ-будто король угадывалъ желаніе герцога анжуйскаго, — съ дворъ возвращался въ Парижъ чрезъ Сент-Антуанское-Предмѣстіе.

Мосье де-Монсорб, подъ предлогомъ отъѣзда, простился съ коменъ и герцогомъ и въ экипажѣ отправился въ Фроманто.

Проважая мимо Бастили, король показалъ своимъ друзьямъ ясную и мрачную наружность темницы, какъ-бы желая напоить имъ, что ихъ ожидало, еслибъ они вздумали изъ друзей его дѣлаться его врагами.

Многіе поняли намѣкъ короля и еще ниже кланялись ему.

Между-тѣмъ, герцогъ анжуйскій говорилъ тихимъ голосомъ Бюссі, тѣхашему возлѣ него:

— Смотри хорошенько, Бюссі, смотри направо! Видишь этотъ земляной домикъ, передъ которымъ маленькая статуя Богородицы? Счти послѣ него четыре другіе дома.

— Сосчиталъ, сказалъ Бюссі.

— Въ пятomъ, продолжалъ герцогъ: — прямо противъ Церкви-Св. Катерины...

— Вижу, вижу, ваше высочество:—смотрите, при звукахъ трубъ, возышающихъ о провѣдѣ короля, у всѣхъ оконъ показываются необычные.

— Да, отвѣчалъ герцогъ:—но у оконъ того дома, о которомъ я съ говорю, никого не видно.

— Точно... но посмотрите... уголокъ завѣса приподымается... казалъ Бюссі, и сердце его сильно забилось.

— И однакожъ никого не видно. О! ее содержать въ строгомъ потемнѣнн, либо она сама скрывается. Во всякомъ случаѣ, ты тебѣ знаешь дѣлать; поѣдемъ ко мнѣ, я отдамъ тебѣ ключъ.

Бюссі не спускалъ глазъ съ окна—никого не было видно.

Прѣхавъ къ себѣ, герцогъ отдалъ Бюссі ключъ съ уваженіемъ о дѣлѣ, приказавъ ему хорошенько сторожить. Бюссі обещалъ се исполнить и поѣхалъ домой.

— Ну что? спросилъ онъ Ремі.

— Позвольте мнѣ, графъ, сдѣлать вамъ тотъ же вопросъ.

— Ты ничего не нашелъ?

— Домъ этотъ двемъ такъ же неприступенъ, какъ ночью. Я сомѣляю между пятью или шестью смежными домами.

— Въ такомъ случаѣ я, кажется, былъ счастливѣ тебя, любезный Ремі!

— Развѣ вы тоже искали?

— Нѣтъ, я только провхалъ по той улицѣ.

— И узнали дверь?

— Провиданіе, другъ мой, повело меня къ цѣли таинственныхъ путей.

— И вы увѣрены?

— Не говорю, чтобъ я былъ увѣренъ; но надѣюсь.

— А когда же я узнаю, оправдалась ли ваша надѣжда?

— Завтра утроитъ.

— Нуженъ ли я вамъ?

— Нѣтъ, мой добрый Ремі.

— Вы не хотѣте, чтобъ я шелъ за вами?

— Нельзя.

— Будьте осторожны, графъ.

— О! отвѣчалъ Бюссі смѣясь:— совѣтъ твой напрасенъ; я извѣстенъ по своей осторожности.

Бюссі отобѣдалъ, какъ человѣкъ незнающій гдѣ и какъ онъ поужинаетъ; потомъ, въ восемь часовъ, опоясалъ лучшую свою шкуру, прицѣпилъ къ поясу, вопреки недавнему запрещенію короля пару пистолетовъ, и отправился въ носилкахъ на конецъ Улицы св.-Павла.

Оттуда онъ пошелъ далѣе, отыскалъ деревянный домикъ, передъ которымъ стояла статуя Богородицы, сосчиталъ послѣ себя еще четыре дома, увѣрился, точно ли былъ пятымъ тотъ, который указалъ ему герцогъ и, закутавшись въ плащъ темнаго цвѣта, сталъ на углу Улицы-св.-Екатерины, рѣшившись прождать два часа, вѣрнее послѣ этого времени никто не прійдетъ, то дѣйствовать уже для самого-себя.

Два часа пробыло на Церкви-св.-Павла, когда Бюссі сталъ на углу.

Онъ престолялъ не болѣе десяти минутъ, какъ увидѣлъ изъ темноты двухъ всадниковъ, выскочившихъ изъ воротъ Бастиліи. Близъ турнелскаго отеля они остановились, одинъ изъ нихъ соскочилъ съ лошади и отдалъ поводъ въ руки другому, который, по-видимому, былъ слуга; потомъ, престолялъ на одномъ мѣстѣ, пока слуга съ лошадей не исчезъ изъ вида, сталъ приближаться къ дому, съ котораго Бюссі не смускалъ глазъ.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до дома, незнакомецъ обшелъ кругомъ, какъ-бы желая удостовѣриться, что никого не было; потомъ, не замѣтивъ никого, онъ скоро подошелъ къ двери и исчезъ.

Бюссі услышалъ только скрипъ двери, заправившейся за незнакомцемъ, подождалъ еще минуту, полагая, что таинственный человѣкъ, можетъ-быть, подсматриваетъ еще изъ окошечка. Не по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, Бюссі перешелъ черезъ улицу, отпереть дверь и, увидѣвъ, что она скрипала, осторожно заперъ ее за собою.

Тогда онъ осмотрѣлся: точно, это было то самое окошечко, изъ котораго онъ смотрѣлъ на Келюса. Но Бюссѣ пришелъ не за тѣмъ только, чтобъ узнать окошечко. Онъ сталъ медленно и шумно пробираться по корридору, въ концѣ котораго, нальво, наткнулся на первую ступень лѣстницы.

Тамъ онъ остановился по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому-что волненіе его было сильно, и онъ долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ; во-вторыхъ, потому-что онъ услышалъ голосъ, говорившій:

— Гертруда, доложи своей госпожѣ, что я пришелъ, и вступи кел.

Эти слова были произнесены повелительнымъ голосомъ и, мину-ту спустя, Бюссѣ услышалъ голосъ горничной, отвѣчавшей:

— Потрудитесь войти въ залу, сударь; барыня сейчасъ прий-детъ.

Потомъ онъ опять услышалъ шумъ затворявшейся двери.

Бюссѣ вспомнилъ тогда, что Ремі считалъ двѣнадцать ступе-ней; онъ сосчиталъ ихъ столько же и вступилъ на площадку; по-томъ вспомнилъ о корридорѣ и о трехъ дверяхъ, и, выставивъ впередъ руки, удерживая дыханіе, прошелъ нѣсколько шаговъ. Наконецъ онъ наткнулся на первую дверь: это была та самая, въ которую вошелъ незнакомецъ; онъ пошелъ далѣе, встрѣтилъ другую дверь, ощупью нашелъ ключъ, повернулъ его и, дрожа всѣмъ тѣ-ломъ, толкнулъ дверь.

Комната, въ которую вступилъ Бюссѣ, была совершенно-темна, ключая одной части, въ которую проникалъ свѣтъ изъ сосѣдней комнаты, черезъ полурастворенныя двери. Этотъ свѣтъ падалъ на нее, завѣшенное занавѣсами, которые снова заставили забиться сердце молодого человѣка отъ радости.

Онъ поднялъ глаза, взглянулъ на освѣщенную часть плафона: — узналъ икологическую живопись его; онъ протянулъ руку и коснулся кровати.

На было болѣе сомнѣнія: онъ находился въ той самой комнатѣ, въ которой раненный.

Все сильнѣйшая дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, когда она коснулась кровати... по всему замѣтно было, что кровать принадле-жала молодой и прелестной женщиной.

Бюссѣ спрятался за занавѣсъ кровати и сталъ слушать.

Въ сосѣдней комнатѣ съ нетерпѣніемъ прохаживался незнако-мецъ; во-временамъ онъ останавливался, ворча сквозь зубы:

— Скоро ли она будетъ?

Вдругъ отворилась дверь въ залу. На коврѣ послышались легкіе шаги маленькой ножки; шорохъ шелковаго платья достигъ до слу-хъ Бюссѣ и онъ услышалъ голосъ, исполненный боязни и презрѣнія:

— Я здесь; что вамъ еще угодно отъ меня?

— Ого! подумай Бюссѣ, закутываясь въ занавѣсъ: — если этотъ сонливъ покладникъ, такъ мужъ можетъ спать спокойно.

— Сударыня, сказалъ человекъ, котораго такъ холодно приняла: — явлю честь доложить вамъ, что, будучи принужденъ встать завтра утромъ въ Фонтенблô, я хочу провести съ вами ночь.

— Принесли ли вы мнѣ какое-нибудь извѣстiе объ отцѣ моемъ? спросила молодая женщина.

— Выслушайте меня...

— Вы знаете, въ чемъ мы вчера условились; я согласилась сдѣлаться вашею женою только съ тѣмъ, что или отецъ мой придетъ въ Парижъ, или я побѣду къ нему.

— Немедленно по возвращенiи изъ Фонтенблô, мы увѣдемъ, даю вамъ честное слово; но до-тѣхъ-поръ...

— О! не запирайте двери, это напрасно; я не проведу ни одной ночи подъ одной кровлей съ вами, пока не буду успокоена насчетъ отца моего.

И женщина, говорившая съ такою твердостью, свиснула въ маленькiй серебряный свистокъ. Раздался рѣзкiй, продолжительный звукъ.

Въ то же мгновенiе, дверь, въ которую вошла она, отворилась снова, и въ нее вошла служанка—высокая, здоровая крестьянка изъ Анжю, которая какъ-бы ожидала этого зова госпожи и поспѣшно приближалась.

Она вошла въ залу и отворила дверь настежь.

Лучъ свѣта проникъ тогда въ комнату, гдѣ спрятался Бюсси, и между двумя окнами онъ увидѣлъ портретъ.

— Гертруда, сказала молодая женщина: — не ложись спать и будь готова явиться на первый зовъ мой.

Не говоря ни слова, служанка удалилась, оставивъ, однакожъ, дверь отворенною и, следовательно, чудный портретъ освѣщеннымъ.

Бюсси никакъ не могъ уже болѣе сомнѣваться: онъ узналъ портретъ.

Медленно приблизился онъ къ двери и приложилъ глазъ къ скважинѣ, которая, по причинѣ массивности петель, оставалась между дверью и стѣною. Не смотря на всю осторожность, съ которою онъ приближался, полъ заскрипѣлъ подъ его ногами.

При этомъ звукѣ, молодая женщина оглянулась: то былъ оригиналъ портрета, то была фея мечты его.

Хотя мужчина ничего не слышалъ, однакожъ и онъ машинально оглянулся.

Это былъ г. де-Монсорô.

— А! подумалъ Бюсси: — бѣлая лошадь... похищенная женщина... я, вероятно, открою какую-нибудь ужасную тайну.

И на лицѣ его выступилъ холодный потъ.

Бюсси, какъ мы уже сказали, могъ видѣть и ее и его.

Она стояла передъ Монсорô блѣдная, съ гордой, презрительною улыбкой.

Онъ сидѣлъ; лицо его было покрыто страшною блѣдностью; онъ нетерпѣливо постукивалъ ногой и какъ-бы грызъ себя руку.

— Сударыня, сказалъ наконецъ Монсоро: — не надѣйтесь долго играть со мною роль угнетенной жертвы. Вы въ Парижъ, вы у меня въ домѣ; да, сверхъ того, вы теперь графиня де-Монсоро, то есть, жена моя.

— Если я ваша жена, то зачѣмъ вы отказываетесь свезти меня къ отцу; зачѣмъ скрываете вы меня отъ цѣлаго свѣта?

— Вы забыли герцога д'Анжу, сударыня.

— Но вы увѣряли меня, что, сдѣлавшись вашею женою, я не должна буду болѣе опасаться его.

— То есть...

— Вы увѣряли меня въ этомъ!

— Однакожь, я долженъ же принять нѣкоторыя мѣры предосторожности.

— Такъ принимайте эти мѣры и возвратитесь ко мнѣ не ранее, какъ когда онѣ будутъ приняты.

— Діана, сказалъ графъ, гнѣвъ котораго видимо усмѣивался: — Діана, не играйте священными узамъ брака. Послушайтесь моего совѣта.

— Внушите мнѣ довѣренность къ мужу, и я буду уважать бракъ.

— Мнѣ кажется, поведеніе мое должно бы внушить вамъ къ мнѣ довѣрчивость.

— Я думаю, во всемъ этомъ дѣлѣ вы дѣйствовали не изъ одного участія ко мнѣ... случай помогъ вамъ...

— Довольно! вскричалъ графъ: — я въ своемъ домѣ, вы жена моя, и самъ адъ не спасетъ васъ отъ рукъ моихъ; въ эту ночь вы будете принадлежать мнѣ!

Бюссѣ схватился за шпагу и хотѣлъ уже выступить впередъ; но движеніе Діаны остановило его.

— Вотъ, вскричала она, выхвативъ изъ-за пояса кинжалъ: — вотъ мой отвѣтъ!

Потомъ однимъ скачкомъ она очутилась въ комнатѣ, гдѣ находился Бюссѣ, захлопнула дверь и задвинула двойныя задвижки. Монсоро бросился къ двери, но уже было поздно. Съ яростію ударилъ онъ кулакомъ въ дверь, такъ-что дерево затрещало.

— Вы знаете меня! вскричала Діана въ отвѣтъ на проклятія и угрозы его: — войдите силою въ эту комнату, и вы найдете меня мертвою на полу.

— Успокойтесь, сударыня, сказалъ Бюссѣ, обхвативъ талію ея обѣими руками: — успокойтесь, у васъ будетъ мститель.

Діана готова была вскрикнуть; но она поняла, что въ эту минуту ей угрожала только одна опасность, именно отъ мужа.

Она стала въ оборонительное положеніе, но безжеланная, трепещущая, неподвижная.

Монсёр ударилъ ногою въ дверь; потомъ, вѣроятно, убѣжденный въ томъ, что Діана приведетъ свою угрозу въ исполненіе, вышелъ изъ залы, громко захлопнувъ за собою дверь. Потому шумъ шаговъ его мало-по-малу утихалъ въ корридоръ и, наконецъ, совершенно затихъ на лѣстницѣ.

— Кто вы? спросила тогда Діана, отступивъ назадъ. — Кто вы? какъ вошли вы сюда?

— Сударыня, сказалъ Бюссі, отворяя дверь и ставъ на колѣна передъ Діаною: — я тотъ, которому вы спасли жизнь. Можете ли вы думать, что я зашелъ сюда съ дурнымъ намѣреніемъ?

Благородное лицо молодого человѣка было ярко освѣщено. Діана узнала его.

— О! вы были здѣсь! вскричала она, всплеснувъ руками: — вы были здѣсь и все слышали?

— Увы!... все.

— Но кто вы? Какъ васъ зовутъ?

— Луи де-Клермонъ, графъ де-Бюссі.

— Бюссі, вы храбрый Бюссі! наввно вскричала Діана, не подозревая даже радости, которую это восклицаніе внушило молодому человѣку. — Ахъ, Гертруда! продолжала она, обращаясь къ своей служанкѣ, которая, услышавъ, что госпожа ея съ кѣмъ то разговаривала, вошла испуганная:—Гертруда, теперь мнѣ нечего болѣе бояться; съ этой минуты я становлюсь подъ защиту и некровительство благороднѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ дворянъ Франціи.

Потомъ, протянувъ руку къ Бюссі, она продолжала:

— Встаньте, графъ, я знаю, кто вы; теперь узнайте, кто я.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

I.

КТО БЫЛА ДИАНА ДЕ-МЕРИДОРЪ.

Бюссі былъ внѣ себя отъ счастья и вошелъ съ Діаной въ залу, изъ которой за нѣсколько минутъ вышелъ Монсоро.

Онъ смотрѣлъ на Діану съ восторгомъ, смѣшаннымъ съ изумленіемъ, никакъ не ожидая, чтобъ женщина, которую онъ искалъ, могла выдержать сравненіе съ тою, которую представлялъ ему его воображеніе,—а между-тѣмъ, дѣйствительность была выше, совершеннѣе мечты его.

Діанѣ было восемнадцать или девятнадцать лѣтъ, то-есть, она была въ первомъ цвѣтѣ юности и красоты. Выраженіе взгляда было слишкомъ-понятно; Діана чувствовала, что Бюссі былъ отъ нея въ восторгѣ и не имѣла ни силы, ни твердости, чтобъ разрушить сладостныя мечты, въ которыя онъ былъ погруженъ, смотря на нее.

Наконецъ, надобно было прервать это слишкомъ-выразительное молчаніе.

— Мосё де-Бюссі, сказала она:—вы отвѣчали только на одинъ изъ моихъ вопросовъ: я спросила васъ, кто вы, и вы сказали; но я еще спросила, какъ вы зашли сюда?... На этотъ вопросъ вы мнѣ ничего не отвѣтили.

— Графиня, отвѣчалъ Бюссі:—по нѣсколькимъ словамъ, подмѣшаннымъ мною изъ разговора вашего съ г. де-Монсоро, я полагаю, что причины моего пребыванія здѣсь окажутся сами-собою изъ вашего разказа о себѣ. Вы, кажется, сейчасъ общались разказать мнѣ, кто вы.

— О да, графъ, я вамъ все расскажу, отвѣчала Діана: — одно ваше имя внушило мнѣ полную къ вамъ довѣренность; я часто слышала, что это имя принадлежитъ человеку, котораго мужеству, прямодушію и благородству можно вѣрится.

Бюссі молча поклонился.

— Изъ немногихъ словъ, слышанныхъ вами, сказала Діана: — вы могли понять, что я дочь барона де-Меридора, то-есть, единственная наследница одного изъ славнѣйшихъ и древнѣйшихъ именъ въ Аяжю.

— Былъ баронъ де-Меридоръ, сказалъ Бюссі: — который могъ спастись при Павіи, но, узнавъ, что король его въ плѣну, самъ отдалъ Испанцамъ свою шпагу и попросилъ, какъ милости, чтобъ ему позволили слѣдовать за Францискомъ I въ Мадридъ; тамъ онъ не отходилъ отъ высокаго плѣнника и оставилъ его только для того, чтобъ собрать во Франціи выкупъ за него.

— Это отецъ мой; и если вамъ когда-нибудь случится войти въ большую залу Меридорскаго-Замка, вы увидите портретъ Франциска I, написанный мастерскою кистью Леонардо да-Винчи и подаренный моему отцу королемъ въ память его преданности.

— Да! сказалъ Бюссі: — въ то время короли умѣли еще награждать своихъ подданныхъ.

— По возвращеніи изъ Испаніи, отецъ мой женился. Первые дѣти, два сына, умерли. Глубока была горестъ барона де-Меридора, видѣвшаго, что родъ его долженъ пресѣчься. Вскорѣ умеръ и король; тогда горестъ моего отца превратилась въ отчаяніе; нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого событія, онъ оставилъ дворъ и поселился съ женою въ своемъ Меридорскомъ-Замкѣ. Тамъ и родилась какъ-бы чудомъ, десять лѣтъ спустя послѣ смерти моихъ братьевъ.

«Тогда вся любовь барона сосредоточилась на единственно его дочери; онъ не любилъ, а обожалъ меня. Трехъ лѣтъ я лишилась матери; это былъ еще горестный ударъ для барона. Будучи еще слишкомъ-молода и не понимая всей важности этой потери, я не переставала улыбаться, и эта улыбка утѣшала отца моего.

«Я росла при немъ; способности мои развивались подъ его надзоромъ. Такъ точно, какъ я была все для него, такъ и онъ мой бѣдный отецъ, былъ для меня всею. Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, и я даже не подозрѣвала, что существовалъ другой міръ, кромѣ того, въ которомъ я жила съ своими овечками, павлинами, лебедями и голубами, не думая о томъ, что эта жизнь должна была измѣниться и не желая того.

«Замокъ Меридорскій былъ окруженъ обширными лѣсами, принадлежавшими герцогу аяжуйскому; лѣса эти были населены оленями, которыхъ никто не беспокоилъ и которые отъ-того были почти ручными; я знала почти всѣхъ; одни изъ нихъ до того привыкли къ моему голосу, что прибѣгали, когда я звала ихъ

особенно одна лань, моя любимица, моя бѣдная Дафна, привыкла есть съ моей руки.

«Одной весной, я цѣлый мѣсяцъ не видала своей любимицы; я думала, что она погибла, и оплакала ее какъ друга, но вдругъ она появилась съ двумя маленькими оленями; птенцы сначала боялись, но, увидѣвъ, съ какою доверчивостью подходила ко мнѣ ихъ мать, они поняли, что меня нечего бояться и тоже стали ласкаться ко мнѣ.

«Около того времени разнесся слухъ, что герцогъ анжуйскій прислалъ вице-губернатора въ главный городъ провинціи. Нѣсколько дней спустя, узнали, что вице-губернаторъ пріѣхалъ, и что его звали графомъ де-Монсоро.

«Отъ-чего это имя поразило меня въ самое сердце, когда его въ первый разъ произнесли при мнѣ? Теперь только я понимаю, что это было предчувствіе.

«Прошла недѣля. Разные были у насъ толки о графѣ де-Монсоро. Однажды утромъ лѣса огласились звуками роговъ и лаемъ собакъ; я поспѣшила къ рѣшеткѣ замка и, подоспѣвъ къ ней, увидѣла Дафну, промелькнувшую какъ молнія и преслѣдуемую стаей собакъ; молодые олени слѣдовали за нею.

«Минуту спустя, на ворономъ конѣ пронесся, подобно видѣнію, ксѣ де-Монсоро.

«Я вскрикнула, хотѣла просить, чтобъ пощадил мою любимицу, но онъ не слышалъ моего голоса или не обратилъ на него вниманія, увлекаемый охотою.

«Тогда, забывъ безпокойство, которое я могла причинить своему отцу, если онъ замѣтитъ мое отсутствіе, я побѣжала въ ту сторону, куда усакали охотники, надѣясь встрѣтить самого графа или кого-нибудь изъ его свиты и упросить, чтобъ они пощадил мою озаоритку.

«Я пробѣжала такимъ образомъ съ пол-лѣе, сама не зная куда бѣжала, потому-что давно уже потеряла изъ вида и лань, и стаю собакъ, и охотниковъ. Вскорѣ я перестала даже слышать лай собакъ, упала у дерева и горько заплакала. Я пребыла тамъ около четверти часа, когда вдали послышался мнѣ шумъ охоты; я не ошибалась: шумъ этотъ постепенно приближался и сталъ такъ близокъ, что я не сомнѣвалась, что охота пройдетъ мимо меня или, по-крайней-мѣрѣ, въ весьма недалнемъ отъ меня разстояніи.

«Я поспѣшно встала и увидѣла мою бѣдную Дафну, утомленную и измученную; при ней остался только одинъ маленькій олень; другой, вѣроятно, былъ загнанъ и разорванъ собаками.

«Она сама видимо ослабѣвала; разстоянія между ею и стаей было гораздо-менѣе, нежели въ первый разъ; она уже не бѣжала, а скакала; увидѣвъ меня, она жалостно затосковала.

«Какъ и въ первый разъ, я дѣлала тщетныя усилія, чтобъ остановить охотниковъ. Монсоро не видѣлъ ничего, кромѣ оленя, имѣ

преслѣдуемаго; онъ пронесся опять съ быстротою молніи, громко трубя въ рогъ.

«За нимъ три или четыре охотника подстреляли собакъ голосомъ и звуками роговъ. Подобно вихрю пронеслась мимо меня эта гроза, составленная изъ лая, фанфаръ и криковъ, исчезла въ чащѣ лѣса и утихла въ отдаленіи.

«Я была въ отчаяніи; я говорила себѣ, что еслибъ приблизилась еще только на пятьдесятъ шаговъ на край ложины, то мосьё де-Монсорё замѣтилъ бы меня, и, вѣроятно, по моей просьбѣ, пощадилъ бы бѣдное животное.

«Эта мысль придала мнѣ бодрости; охотники могли въ третій разъ проскакать мимо меня. Я пошла по дорогѣ, обсаженной прекрасными деревьями и ведущей въ замокъ Божё. Этотъ замокъ, принадлежавшій герцогу анжуйскому, находится въ трехъ лѣ отъ замка отца моего. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я увидѣла Божё, и только тогда вспомнила, что удалась одна отъ Мервдорскаго-Замка.

«Признаюсь, мною овладѣлъ необъяснимый ужасъ, и только въ эту минуту я подумала о неосторожности и даже о непристойности своего поведенія. Я пошла по берегу пруда, чтобъ дойти до сада и попросить садовника, добраго чловѣка, часто дарившаго мнѣ красивые букеты, чтобъ онъ проводилъ меня домой, какъ вдругъ опять услышала шумъ охоты. Я остановилась и начала прислушиваться. Шумъ усиливался. Я все забыла. Почти въ то же мгновеніе, лань появилась по другой сторонѣ пруда. Собаки уже догнали ее. Она была одна: и другой маленькій олень достался въ добычу собакамъ; видъ воды придалъ ей новыя силы; она незарями вдохнула въ себя свѣжесть и бросилась въ прудъ, какъ-бы намѣреваясь доплыть до меня.

«Сначала, она плыла скоро; казалось, силы ея возстановились. Я смотрѣла на нее со слезами на глазахъ, протянувъ впередъ руки и съ невыразимую боязнію... но мало-по-малу силы стали покидать ее, между-тѣмъ, какъ собаки все болѣе и болѣе оживлялись, надѣясь на скорую добычу. Вскорѣ самыя ожесточенныя достигли ея, и она перестала плыть. Въ то же мгновеніе, г. де-Монсорё появился у опушки лѣса, подѣхалъ къ пруду и соскочилъ съ коня. Тогда я собрала всѣ свои силы и, сложивъ руки, вскричала умоляющимъ голосомъ: «пощадите!» Кажется, онъ замѣтилъ меня, я я вскричала еще разъ, громче прежняго. Онъ услышалъ меня, поднялъ голову, побѣжалъ къ лодкѣ, отвязалъ ее и скоро поплылъ къ бѣдному животному, окруженному уже всей стаей. Я не сомнѣвалась, что г. де-Монсорё былъ тронутъ моимъ умоляющимъ голосомъ и хотѣлъ спасти Дафну; онъ подплылъ къ ней, обнажилъ охотничій ножъ, который блеснулъ на солнцѣ... я громко вскрикнула... весь ножъ вонзился въ горло бѣднаго животного. Брызнула кровь и окрасила воду вокругъ лодки. Лань застонала

любимымъ голосомъ, стала биться въ водѣ, вытянула шею и...
гиерла.

«Я безъ чувствъ упала на берегу пруда.

«Я пришла въ себя уже на постели въ замкѣ Божё. У изгоямъ горько плакалъ мой отецъ, за которымъ тотчасъ же послали.

«Такъ-какъ мое безпамятство было только нервическимъ кризисомъ, произведеннымъ усталостью и сильнымъ волненіемъ, то на другой же день я могла воротиться въ Меридоръ. Однакожь, въ продолженіи трехъ или четырехъ дней, я не выходила изъ комнаты.

«На четвертый, отецъ мой сказалъ мнѣ, что во все время моей отъѣзди г. де-Монсоро приходилъ освѣдомляться обо мнѣ; онъ былъ въ отчаяніи, когда узналъ, что былъ невольною причиною этого несчастія, и просилъ, чтобъ ему позволили извиниться предо мною, оговоря, что онъ утѣшится только тогда, когда я прощу ему.

«Смѣшно было бы не принять его, и, не смотря на все отвращеніе, которое онъ внушалъ мнѣ, я согласилась на его просьбу.

«На другой день, онъ явился; я поняла все безразсудство своей жестости: охота такое удовольствіе, въ которомъ принимаютъ участіе даже женщины; слѣдственно, я сама нѣкоторымъ образомъ должна была извиняться въ впечатлѣніи, произведенномъ на меня жертвою моею бѣдной Дафны.

«Графъ притворялся неутѣшнымъ и двадцать разъ клялся честію, что еслибъ онъ могъ угадать, какое участіе я принимала въ его страданіи, онъ почелъ бы за счастье пощадить ее; его увѣренія, однакожь, не убѣдили меня, и графъ удалился, не разсвѣявъ тяжелаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на мое сердце.

«Удаляясь, графъ просилъ у отца моего позволеніе навѣщать меня. Онъ родился въ Испаніи, былъ воспитанъ въ Мадридѣ. Отцу моему пріятно было встрѣтить человека, съ которымъ онъ могъ говорить о странѣ, гдѣ прожилъ такъ долго въ добровольномъ плѣну. Притомъ же, графъ былъ древняго происхожденія, вице-губернаторъ провинціи, любимецъ, какъ говорили, герцога кастильскаго; слѣдственно, не было никакихъ причинъ не принять его.

«Но съ этой минуты прекратилось если не счастье, то спокойствіе мое. Вскорѣ я замѣтила, какое впечатлѣніе произвела на графа. Сначала, онъ приходилъ разъ въ недѣлю, потомъ два, и наконецъ сталъ ходить каждый день. Онъ понравился отцу моему всею къ нему внимательностью. Я видѣла, съ какимъ удовольствіемъ батюшка разговаривалъ съ нимъ. Я не смѣла жаловаться; но что было мнѣ жаловаться? Графъ былъ любезенъ со мною, какъ съ любовницей, почитоленъ, какъ съ сестрою.

«Однажды утромъ, батюшка вошелъ ко мнѣ въ комнату. Лицо его было серьезнѣе обыкновеннаго; не смотря на то, на немъ была написана внутренняя радость.

«— Дитя мое, сказалъ онъ: — ты всегда увѣряла меня, что хочешь разлучиться со мною?»

«— О, батюшка! вскричала я: — вы знаете, что это мое высшее желаніе!»

«— Другъ мой, продолжалъ онъ, наклонившись, чтобы поцаловать меня: — отъ тебя самой зависитъ исполненіе этого желанія!»

«Не знаю, отъ-чего я угадала, что онъ хотѣлъ сказать, и такъ поблѣднѣла, что онъ остановился, не коснувшись еще губами моего лба.»

«— Діана! милое дитя моя! вскричалъ онъ: — что съ тобою?»

«— Мосьё де-Монсорó, не права ли? проговорила я.

«— Что же? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

«— О! никогда, батюшка: — если вы чувствуете хоть сколько-нибудь состраданія къ своей дочери... никогда!»

«— Діана, другъ мой, сказалъ онъ: — ты знаешь, что не изъ состраданія, а изъ любви къ тебѣ я готовъ отказать ему; но подумай... можетъ-быть, черезъ недѣлю...

«— О, нѣтъ, нѣтъ! вскричала я: — это напрасно; ни недѣли, ни часа, ни минуты. Нѣтъ, нѣтъ...

«И я залилась слезами.

«Отецъ мой нѣжно любилъ меня; никогда еще онъ не видѣлъ моихъ слезъ; онъ обнялъ и утѣшилъ меня двумя словами, давъ честное слово, что не будетъ болѣе говорить мнѣ объ этомъ бракѣ.»

«И точно, цѣлый мѣсяцъ я не видала г. де-Монсорó, и никто не говорилъ мнѣ о немъ. Однажды мы получили приглашеніе на балъ, который давалъ г. де-Монсорó въ честь брата короля, по-сѣтлившаго провинцію.

«Къ этому письму было приложено собственноручное приглашеніе принца, писавшаго, что онъ имѣлъ уже удовольствіе знати моего отца при дворѣ короля Генриха, и что радъ будетъ случаю снова увидѣться съ нимъ.

«Первымъ движеніемъ моимъ было просить батюшку, чтобы онъ отказался, и онъ, безъ всякаго сомнѣнія, исполнилъ бы мою просьбу, еслибъ приглашеніе было сдѣлано отъ имени одного Монсорó; но отецъ мой боялся оскорбить его высочество отказомъ.

«Мы поѣхали на балъ. Г. де-Монсорó принялъ насъ такъ, какъ-будто бы ничего между нами не происходило; обращеніе его со мною было не холодно и вообще ни мало не отличалось отъ обращенія съ прочими дамами. Это меня обрадовало и успокоило.

«Но совсѣмъ иначе поступилъ герцогъ анжуйскій.— Лишь-только онъ увидѣлъ меня, какъ не спускалъ съ меня глазъ. Мнѣ было неловко подъ тяжестію этого взгляда и, не объясняя причинъ, заста-влявшей меня дѣйствовать, я такъ долго упрашивала отца, что онъ, наконецъ, рѣшился уѣхать со мною съ бала.

Три дня спустя, г. де-Монсорб явился въ Меридоръ: — я тогда увидѣла его и удалилась въ свою комнату.

«Я боялась, чтобъ батюшка не послалъ за мною; по страхъ мой былъ напрасенъ. — По прошествіи получаса, я увидѣла, что г. де-Монсорб удалился. Отецъ не говорилъ мнѣ даже объ этомъ посѣщеніи; только я замѣтила, что онъ сталъ печаленъ и мраченъ.

«Прошло еще нѣсколько дней. Я возвращалась съ прогулки по окрестностямъ, когда мнѣ доложили, что у отца моего былъ г. де-Монсорб. Батюшка два или три раза спрашивалъ обо мнѣ, не помня гдѣ я такъ долго оставалась. Онъ приказалъ немедленно извѣстить его, когда я возвращусь.

«И точно, едва я воротилась къ себѣ въ комнату, батюшка вошелъ ко мнѣ.

«— Дитя мое, сказалъ онъ мнѣ: — обстоятельство, причину котораго мнѣ теперь не за чѣмъ объяснять, заставляетъ меня рымучиться съ тобою на нѣсколько дней. Не спрашивай, но будь увѣрена, что это обстоятельство должно быть чрезвычайнo-важно, потому-что я рѣшаюсь разлучиться съ тобою на недѣлю, на двѣ — быть-можетъ, на мѣсяць.

«И затрепетала, хотя не могла угадать, чему подвергалась, какая опасность ожидала меня. Но вторичный визитъ г. де-Монсорб не предвѣщалъ мнѣ ничего хорошаго.

«— Куда же вы меня отсылаете? спросилъ я.

«— Въ Людскій-Замокъ, къ сестрѣ моей; тамъ ты будешь сокрыта отъ всѣхъ взоровъ. Чтобъ прибытіе твое осталось тайнымъ, ты выйдешь въ замокъ ночью.

«— Вы не проводите меня?

«— Нѣтъ, я долженъ остаться здѣсь, чтобъ отклонить подозрѣнія. Даже домашніе не будутъ знать, куда ты уѣдешь.

«— Съ кѣмъ же я поѣду?

«— Съ двумя вѣрными людьми, на которыхъ я вполне полагаюсь.

«— Батюшка...

«Онъ поцаловалъ меня.

«— Дитя мое, сказалъ онъ: — это необходимо.

«Я знала, какъ отецъ любилъ меня, и потому болѣе не настаивала и не требовала отъ него другихъ объясненій: — мы только условились, что Гертруда, дочь моей кормилицы, проводить меня.

«Батюшка удалился, приказавъ мнѣ готовиться къ отъѣзду.

«Въ восемь часовъ было уже темно, потому-что это было въ серединѣ зимы. Въ восемь часовъ вечера, батюшка пришелъ за мною. — Я была готова; мы сошли внизъ безъ шума, перешли черезъ садъ; онъ самъ отворилъ маленькую калитку, изъ которой былъ выходъ въ лѣсъ; тамъ ждалъ меня экипажъ и два человѣка; батюшка долго говорилъ съ ними, просилъ ихъ беречь меня; потомъ я сѣла въ экипажъ; Гертруда помѣстилась возлѣ меня. Батюшка поцаловалъ меня еще разъ и мы отправились.

«Я не знала, какая опасность угрожала мнѣ и заставляла удалитъ-

ся изъ Меридора, разспрашивала Гертруду, — но и она ничего не знала. Я не смѣла разспрашивать проводниковъ, которыхъ не знала. Мы ѣхали льсомъ. По прошествіи двухъ часовъ, ровное и однообразное движеніе началось усыплять меня, какъ вдругъ Гертруда схватила меня за руку. Экипажъ остановился.

«— Ахъ, сударыня! вскричала бѣдная дѣвушка:— что это съ нами случилось?»

«Я выглянула изъ экипажа; насъ окружали шесть замаскированныхъ всадниковъ; проводники хотѣли-было защищаться, но ихъ обезоружили.

«Я такъ испугалась, что не могла даже звать на помощь; притомъ же кто слышалъ бы крикъ мой?»

«Человѣкъ, казавшійся начальникомъ замаскированныхъ людей, приблизился къ экипажу.

«— Успокойтесь, сударыня, сказалъ онъ:— вамъ не сдѣлаютъ никакого зла; только вы должны послѣдовать за нами.

«— Куда? спросила я.

«— Туда, гдѣ вамъ не только нечего опасаться, но гдѣ съ вами будутъ поступать какъ съ королевой.

«Эко утѣшеніе испугало меня болѣе угрозы.

«— О, батюшка! батюшка! проговорила я.

«— Послушайте, сударыня, сказала мнѣ шопотомъ Гертруда:— здѣшнія окрестности мнѣ извѣстны; я душевно привязана къ вамъ, сирѣчь, и намъ, вѣроятно, удастся убѣжать.

«Слова бѣдной служанки не успокоили меня. Однакожь, такъ пріятно имѣть близъ себя существо преданное, что я нѣсколько пришла въ себя.

«— Дѣлайте съ нами, что угодно, господа, отвѣчала я:— мы бѣдныя, слабыя женщины, и не можемъ защищаться.

«Одинъ изъ замаскированныхъ сошелъ съ лошади, сѣлъ на мѣсто нашего проводника, и экипажъ неворотилъ въ другую сторону.

«Мы ѣхали почти три часа; потомъ экипажъ остановился. Я услышала скрипъ двери, говоръ и вслѣдъ за тѣмъ экипажъ поѣхалъ далѣе. По звуку я могла угадать, что мы ѣхали по подземному мѣсту, и не ошибалась: — я выглянула изъ экипажа и увидѣла, что мы въѣхали въ замокъ.

«Кому принадлежалъ этотъ замокъ—этого не знала ни я, ни Гертруда... Часто, во время дороги, мы хотѣли знать гдѣ ѣхали, но видѣли только, что со всехъ сторонъ окружалъ насъ непроницаемый лѣсъ. Мы подумали, что насъ нарочно кружили въ лѣсу, чтобъ сбить съ толку.

«Дверцы экипажа отворились, и человѣкъ, который уже прежде говорилъ съ нами, просилъ насъ выйти.

«Я молча повиновалась. Два человѣка, вѣроятно принадлежавшіе къ замку, вышли къ намъ на встрѣчу съ факелами. Согласно обѣщанію, испугавшему меня, насъ приняли сколь-возможно-ве-

чительно. Мы последовали за людьми съ фанелами; они провели насъ въ великолѣпно-убранную спальню.

«На столѣ былъ приготовленъ роскошный ужинъ.

«— Вы у себя, сударыня, сказали мнѣ тотъ же человѣкъ, который прежде говорилъ съ нами: — и такъ-какъ вамъ необходима женская прислуга, то ваша служанка останется при васъ; комната ея смежна съ вашей.

«Мы помѣнялись съ Гертрудой радостными взглядами.

«— Великій разъ, когда вамъ угодно будетъ позвать, продолжалъ замаскированный: — потрудитесь только постучать этимъ молоткомъ въ дверь, и человѣкъ, который будетъ постоянно въ передней, немедленно явится на зовъ вашъ.

«Эта именная внимательность показала намъ, что за нами строго присматривали.

«Замаскированный поклонился и вышелъ; мы услышали, что онъ заперъ дверь на два оборота ключа.

«Я осталась одна съ Гертрудой.

«Съ минутою мы сидѣли неподвижны, смотря одна на другую на свѣтъ двухъ свѣчей, стоявшихъ на томъ столѣ, на которомъ былъ приготовленъ ужинъ. Гертруда хотѣла что-то сказать; я дѣлала ей знакъ, чтобъ она молчала: насъ, вѣроятно, подслушивали.

«Дверь въ комнату, которую назначили Гертрудѣ, была отворена; насъ вмѣстѣ пришла мысль осмотрѣть эту комнату. Гертруда взяла ключечникъ, и мы вмѣстѣ вошли туда.

«То была большая туалетная комната, принадлежавшая къ спальнѣ и дополнявшая ее. Въ ней была дверь, параллельная двери той комнаты, въ которую насъ ввели: — эта дверь, точно какъ и первая, была украшена прелестнымъ чеканеннымъ мѣднымъ молоткомъ, имѣвшимъ на пуговку изъ того же металла. И молотки и пуговицы были отдѣланы съ такимъ искусствомъ, какъ-будто-бы вышли изъ мастерской Бенvenuto Челлини.

«Замѣтно было, что обѣ двери вели въ одну и ту же переднюю.

«Гертруда приблизила свѣчу къ замку и увидѣла, что дверь была заперта на ключъ.

«Мы были въ заточеніи.

«Удивительно, какъ люди совершенно-различныхъ состояній, будучи въ одной опасности, въ одномъ положеніи, имѣютъ однѣ и тѣ же мысли и хорошо понимаютъ другъ друга.

«Гертруда подошла ко мнѣ.

«— Замѣтили ли вы, сударыня, сказала она тихимъ голосомъ: — мы прошли только пять ступеней?

«— Да, отвѣчала я.

«— Следовательно, мы въ нижнемъ этажѣ.

«— Это ясно.

«— Такъ-что, прибавила она еще болѣе понизивъ голосъ и устремивъ глаза на окна: — такъ-что...

«— А рѣшети? возразила я.

«— Ничего; лишь бы у васъ достало смѣлости...

«— Смѣлости! вскричала я: — о, будь спокойна, въ смѣлости у меня недостатка нѣтъ.

«Тогда Гертруда приложила палецъ къ губамъ.

«— Понимаю, отвѣчала я ей.»

«Гертруда знакомъ показала мнѣ, чтобъ я осталась тамъ, гдѣ была, и снесла подсвѣчникъ на столъ.

«Я уже поняла ея намѣреніе, подошла къ окну и стала искать задвижки внутренняго ставня.

«Я, или, вѣрнѣе, Гертруда, воротившись, нашла ее. Ставень отворился.

«Я невольно вскрикнула отъ радости; окно было безъ рѣшетокъ.

«Но Гертруда успѣла уже замѣтить причину этой мнимой безпечности нашихъ стражей: подъ самыми окнами былъ большой прудъ, который болѣе преграждалъ намъ средства къ бѣгству, нежели рѣшетки.

«Но, осмотрѣвъ внимательно видъ, представлявшійся намъ изъ оконъ, я узнала мѣстоположеніе: мы находились въ заточеніи въ замкѣ Божѣ, куда я прежде часто приходила съ отцомъ и гдѣ лишилась чувствъ въ день смерти моей бѣдной Дафны.

«Замокъ Божѣ принадлежалъ герцогу анжуйскому.

«Тогда вся истина, подобно громовому удару, представилась уму моему.

«Съ мрачнымъ наслажденіемъ глядя на прудъ; въ немъ я видѣла последнее средство противъ насилія, послѣднюю защиту отъ безчестія.

«Мы закрыли ставень... Не раздвываясь я легла въ постель, а Гертруда съела у ногъ моихъ въ кресло.

«Двадцать разъ въ-продолженіи этой ночи я внезапно просыпалась съ невыразимымъ ужасомъ; но ничто до-сихъ-поръ не оправдывало этого страха, исключая положенія, въ которомъ я находилась: ничто не свидѣтельствовало о какихъ-либо дурныхъ замыслахъ противъ меня; всѣ спали въ замкѣ, и только крикъ болотныхъ птицъ прерывалъ ночную тишину.

«Стало свѣтать; дневной свѣтъ убѣдилъ меня во вчерашнихъ опасеніяхъ; не было рѣшительно никакого средства къ побѣгу безъ чьей-либо помощи; но отъ кого могли мы ожидать помощи?

«Около девяти часовъ, кто-то постучался въ дверь. Я ушла въ комнату Гертруды, сказавъ ей, чтобъ она позволила войти.

«Вошли вчерашніе наши похитители; они унесли ужинъ, до котораго мы не коснулись, и принесли завтракъ.

«Гертруда стала-было спрашивать ихъ, но они удалились, не оставивъ ни слова.

«Но наше заточеніе въ замкѣ Божѣ и мнимое уваженіе, которое намъ оказывали, открыли мнѣ всю истину. Герцогъ анжуйскій видѣлъ меня на балѣ у Монсоро; онъ влюбился въ меня.

отца моего уведомили объ этомъ; онъ хотѣлъ избавить меня отъ преслѣдованій, жертвой которыхъ я могла сдѣлаться, и удалитъ изъ Меридора; но или невѣрный слуга, или несчастный случай измѣнили ему; предосторожность его была напрасна: я повалась во власть челоуѣка, отъ котораго онъ тщетно старался спасти меня.

«Я остановилась на этой мысли, которая одна была возможна и справедлива.

«По настоянію Гертруды, я выпила чашку молока и съѣла кусокъ хлѣба.

«Мы провели все утро, придумывая разные безразсудные планы къ бѣгству. На сто шаговъ разстоянія отъ насъ, была лодка съ веслами. Еслибъ мы могли добратъся до нея, то навѣрно были бы спасены.

«Во все утро, никто не беспокоилъ насъ. Намъ принесли обѣдъ такимъ же образомъ, какъ завтракъ; я была чрезвычайно-слаба и съѣла за столъ; одна Гертруда прислуживала мнѣ, потому-что слуги исчезли, поставивъ обѣдъ на столъ. Но вдругъ, разламывая хлѣбъ, я нашла въ немъ маленькую записочку. Развернувъ ее, прочла слѣдующія слова:

«Васъ бережетъ другъ. Завтра вы узнаете кто онъ и увидите получите извѣстіе о своемъ отцѣ.»

«Вы можете понять, какъ сильна была моя радость: сердце мое билось сильно. Я показала записку Гертрудѣ. Мы провели весь день въ ожиданіи и надеждѣ.

«Вторая ночь такъ же прошла спокойно, какъ первая; наступалъ нетерпѣливо-ожидаемый часъ завтрака; я была увѣрена, что найду въ хлѣбѣ еще записочку—и не ошиблась; я нашла записку слѣдующаго содержанія:

«Особа, похитившая васъ, прибудетъ въ замокъ Божё сегодня вечеромъ въ десять часовъ; но другъ, берегущій васъ, будетъ подъ вашими окнами въ девять часовъ, съ письмомъ отъ вашего отца, которое послужитъ къ тому, чтобъ внушить вамъ къ нему довѣренность. Сожгите эту записку.»

«Я нѣсколько разъ перечитывала записку и бросила ее въ огонь. Почеркъ былъ совершенно-незнакомъ мнѣ, и я никакъ не могла догадаться, кто былъ этотъ другъ.

«Мы съ Гертрудой терлись въ догадкахъ; сто разъ въ-теченіи дня подходили съ нею къ окнамъ, чтобъ посмотреть, нѣтъ ли кого на берегу пруда или въ лѣсной чащѣ, — но не видно было ни души.

«Часъ спустя послѣ обѣда, постучались въ дверь; такъ-какъ это было въ первый разъ въ такое время, то мы чрезвычайно изумились и обезпокоились; однакожь, такъ-какъ не было никакой возможности запереться изнутри, то мы по-необходимости должны были впустить стучавшагося.

«Это былъ все тотъ же челоуѣкъ, который говорилъ съ нами во время похищенія. Я не могла узнать его по лицу, потому-что

въ то время онъ былъ въ маскѣ, но узнала по голосу съ первыхъ словъ, которыя произнесъ онъ.

«Онъ подалъ мнѣ письмо.

«— Отъ кого вы? спросила я.

«— Потрудитесь прочитать письмо, сударыня, отвѣчалъ онъ: — и вы узнаете.

«— Но я не хочу читать письма, не зная, отъ кого оно.

«— Какъ вамъ угодно. Мнѣ приказано отдать это письмо, и кладу его къ ногамъ вашимъ... если вамъ будетъ угодно, вы примите его.

«И точно, онъ положилъ письмо на скамейку, на которой лежали мои ноги, и вышелъ.

— Что мнѣ дѣлать? спросила я Гертруду.

— По моему мнѣнію, сударыня, вамъ слѣдуетъ прочитать письмо. Можетъ-быть, оно извѣщаетъ о какой-нибудь опасности, отъ которой мы, будучи предувѣдомлены, можемъ избавиться.

«Совѣтъ этотъ былъ такъ благоразуменъ, что я подняла письмо и развернула его...»

При этихъ словахъ, Діана прервала свой рассказъ, встала, открыла маленькій ящикъ и изъ шелкового бумажника вынула письмо.

Бюссіи взглянулъ на адресъ и прочиталъ:

«Прелестной Діанѣ де-Меридоръ».

Потомъ, взглянувъ на молодую женщину, онъ сказалъ:

— Это почеркъ герцога анжуйскаго.

— Ахъ! отвѣчала она со вздохомъ:— слѣдовательно, онъ не обманулъ меня.

Письмо было у Бюссіи въ рукахъ, но онъ не смѣлъ открыть его.

— Читайте, сказала ему Діана: — Если сама судьба назначила васъ быть повѣреннымъ тайнъ моей жизни, я не хочу ничего скрывать отъ васъ.

Бюссіи повиновался и сталъ читать:

— «Несчастный принцъ, котораго божественная красота ваша поразила въ самое сердце, прійдетъ сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, извиниться на-счетъ поведенія своего съ вами,— поведенія которое, какъ онъ самъ знаетъ, можетъ быть оправдано только пламенною любовію, которую вы внушили ему.

«ФРАНСУА.»

— Слѣдовательно, это письмо точно отъ герцога анжуйскаго спросила Діана.

— Да, отвѣчалъ Бюссіи:— это его почеркъ и подпись.

Діана вздохнула.

— Не-уже-ли онъ не такъ виновенъ, какъ я полагала? проговорила она.

— Кто, принцъ? спросилъ Бюссіи.

— Нѣтъ, графъ де-Монсоръ?

Но Бюссіи не отвѣчалъ.

— Продолжайте, сударыня, и тогда мы произнесемъ судъ надъ герцогомъ и графомъ.

— Это письмо, въ неподложности котораго я тогда не имѣла никакой причины сомнѣваться, потому-что оно такъ хорошо согласовалось съ мои собственными опасеніями, — это письмо возвѣщало мнѣ, какъ предвидѣла Гертруда, опасность, въ которой я находилась и въ которой покровительство неизвѣстнаго друга, предлагавшаго мнѣ свою помощь именемъ отца моего, было мнѣ еще драгоценнѣе. На немъ я основала всѣ свои надежды.

Мы съ Гертрудой опять не спускали глазъ съ другаго берега пруда и той части лѣса, которая находилась противъ нашихъ оконъ, но не замѣтили ничего такого, что могло бы оправдать наши надежды.

Наступила ночь; но такъ-какъ это было въ январь, то стемнѣло уже въ четыре часа: слѣдственно, пять смертельныхъ часовъ казалась еще до рѣшительной минуты; мы ждали съ невыразимою боязнью.

Была прекрасная, свѣтлая зимняя ночь: небо, усыянное звѣздами, было ясно, и луна освѣщала природу серебристымъ свѣтомъ; мы открыли окно въ комнатѣ Гертруды, за которою, ввроятно, наблюдали не такъ строго, какъ за моею.

Около восьмага часа, надъ прудомъ поднялся легкій туманъ; но, подобно прозрачному кисейному покрывалу, онъ не скрывалъ изъ насъ предметовъ, или, лучше сказать, глаза наши такъ привыкли къ темнотѣ, что могли различать явственно всѣ предметы.

Такъ-какъ мы не могли въ точности опредѣлять времени, то и не знали, который именно былъ часъ, какъ вдругъ сквозь туманъ увидѣли мы у опушки лѣса движущіяся тѣни. Онѣ осторожно приближались, пробираясь около деревьевъ и какъ-бы стараясь скрыться отъ насъ, ихъ окружавшемъ. Можетъ-быть, мы подумали бы, что представлявшееся нашимъ глазамъ было не что иное, какъ игра шута утомленнаго зрѣнія, но ржаніе лошади поразило слухъ нашъ.

— Это наши друзья, проговорила Гертруда.

— Или герцогъ, отвѣчала я.

— О, нѣтъ! сказала она: — герцогъ не сталъ бы скрываться.

— Это простое замѣчаніе разсѣяло мои опасенія и успокоило меня.

Мы смотрѣли съ удвоеннымъ вниманіемъ.

Одинъ человекъ отдѣлился отъ прочихъ, которые остались въ кучу, пошелъ прямо къ лодкѣ, отвязалъ ее и поплылъ къ намъ.

По шѣрзъ того, какъ лодка приближалась, я начинала узнавать черты лица, правившаго ею; мнѣ казалось, что то были мрачныя и злобныя черты графа де-Монсоро; наконецъ, когда онъ былъ въ десяти шагахъ отъ насъ, я уже болѣе не сомнѣвалась.

Съ той минуты, я стала столько же страшиться помощи, какъ самой опасности.

Я оставалась шѣмал, неподвижная въ сторонѣ отъ окна, такъ-

что онъ не могъ меня видѣть. Подплывъ къ стѣнѣ, онъ привѣсилъ лодку за желѣзное кольцо, и голова его появилась въ окнѣ.

«Я невольно вскрикнула.

«— Ахъ, простите! сказалъ графъ Монсоро: — я думалъ, что вы ожидали меня.

«— Я ожидала, отвѣчала я: — но не васъ.

«Горькая улыбка появилась на лицѣ графа.

«— Кто же заботится о спасеніи чести Діаны де-Меридоръ, крѣмъ меня и отца ея?

«— Вы писали мнѣ, что прійдете за мною отъ имени моего отца.

«— Правда; и такъ-какъ я зналъ, что вы не будете имѣть ко мнѣ полной довѣренности, то запасся письмомъ барона.

«И онъ подалъ мнѣ письмо.

«Мы не зажгли свѣчей, потому-что темнота могла способствовать намъ привести въ исполненіе наше намѣреніе. Я пошла въ свою комнату, стала на колѣни возлѣ каминна и прочла слѣдующее:

«Милая Діана! Мосье де-Монсоро одинъ можетъ спасти тебя отъ опасности, въ которой ты находишься; опасность эта велика! Вѣрься же ему, какъ лучшему другу, котораго небо посылаетъ намъ.

«Онъ тебѣ послѣ откроетъ мое тайное желаніе; только исполненіе этого желанія вознаградитъ графа за благодѣяніе, намъ оказанное.

«Твой отецъ

Баронъ де-Меридоръ.»

«Въ умѣ моемъ не было ничего опредѣленнаго противъ Монсоро; отвращеніе мое къ нему было болѣе инстинктивное, нежели обдуманное. Я могла обвинить его только въ убіеніи лани, — а въ охотникѣ это было совсѣмъ не преступленіе.

«Я возвратилась къ нему.

«— Что же? спросилъ онъ.

«— Я прочитала письмо, графъ; батюшка пишетъ, что вы можете спасти меня отсюда, но не говоритъ, куда вы меня отвезете.

«— Туда, гдѣ баронъ ожидаетъ васъ.

«— Гдѣ же онъ меня ожидаетъ?

«— Въ Меридорскомъ-Замкѣ.

«— Слѣдовательно, я увижусь съ отцомъ моимъ?

«— Черезъ два часа.

«— О, графъ! если вы меня не обманываете...

«Я замолчала; видно было, что графъ ждалъ окончанія моей фразы.

«— То можете быть увѣрены въ вѣчной моей признательности, прибавила я слабымъ, дрожащимъ голосомъ, потому-что понимала, чего онъ могъ ожидать отъ моей признательности.

«— Итакъ, вы готовы слѣдовать за мною?

«Я съ беспокойствомъ взглянула на Гертруду; видно было, что мрачное лицо графа успокоивало ее болѣе меня.

«— Не забудьте, что каждая минута теперь дороже, нежели вы

можете думать, сказалъ онъ.—Я уже опоздалъ почти полчаса; сейчасъ будетъ десять часовъ, а вы, кажется, были предуведомлены, что въ десять часовъ принцъ будетъ въ Божѣ?

«— Да! отвѣчала я.

«— Когда принцъ будетъ здѣсь, мнѣ можно будетъ только рискнуть жизнью безъ всякой надежды, между-тѣмъ, какъ теперь я рискую съ полной увѣренностью спасти васъ.

«— Зачѣмъ же батюшка самъ не пріѣхалъ?

«— Не-уже-ли вы думаете, что за барономъ не присматриваютъ? Каждый шагъ его извѣстенъ.

«— Но вы? спросила я.

«— Я—другое дѣло; я другъ, повѣренный принца.

«— Но если вы другъ, повѣренный принца, то...

«— То я измѣняю ему? это правда. Я сейчасъ говорилъ вамъ, что рискую жизнью, чтобъ спасти васъ отъ безчестія.

«Въ этомъ отвѣтъ графа было столько убѣдительнаго, онъ былъ такъ похожъ на истину, что, ощущая еще нѣкоторое отвращеніе къ тому, чтобъ идти за графомъ, я, однакожъ, не находила болѣе словъ, чтобъ выразить это отвращеніе.

«— Я жду, сказалъ графъ.

«Я посмотрѣла на Гертруду: она такъ же колебалась...

«— Посмотрите, сказалъ графъ: — посмотрите въ эту сторону, если еще сомнѣваетесь.

«И со стороны, противоположной той, съ которой онъ пріѣхалъ, мы увидѣли толпу всадниковъ, приближавшихся къ замку.

«— Чтó это за люди? спросила я.

«— Это герцогъ анжуйскій и его свита, отвѣчалъ графъ.

«— Сударыня, вскричала Гертруда: — теперь ужъ нельзя болѣе медлить.

«— Ради Бога, сказалъ графъ: — рѣшайтесь; время дорого!

«Я упала на стулъ; силы измѣняли мнѣ.

«— О, Боже, Боже мой! что мнѣ дѣлать? проговорила я.

«— Слышите ли, сказалъ графъ: — слышите ли, они стучатся въ ворота.

«И точно, два человѣка, отдѣлившіеся отъ толпы, стучали въ ворота.

«— Еще пять минутъ, сказалъ графъ, и будетъ поздно.

«Я хотѣла встать, но не могла.

«— Помогите мнѣ, Гертруда! проговорила я.

«— Сударыня, сказала бѣдная дѣвушка:— слышите ли вы? Ворота отперли..., слышите ли вы стукъ копытъ по каменной мостовой?..

«— Да, да! отвѣчала я едва-внятно.—Но силы измѣняютъ мнѣ.

«— О, такъ я вамъ помогу! вскричала она, подняла меня какъ ребенка, и передала на руки графа.

«Почувствовавъ прикосновеніе этого человѣка, я задрожала такъ сильно, что чуть не выпала изъ рукъ его въ воду.

«Но онъ крѣпко прижалъ меня къ груди и посадилъ въ лодку.
 «Гертруда послѣдовала за мною, не нуждаясь въ помощи графа.
 «Тогда я замѣтила, что мой вуаль упалъ и плавалъ по водѣ.
 «Я подумала, что онъ можетъ показать преслѣдователямъ доро-
 гу, которую мы избрали для побѣга.

«— Мой вуаль! сказала я графу: — достаньте мой вуаль.

«Графъ бросилъ взглядъ въ ту сторону, куда я указывала паль-
 цемъ.

«— Ничего, сказалъ онъ: — это лучше.

«И, схвативъ весла, онъ далъ такое быстрое движеніе лодкѣ,
 что въ несколько ударовъ мы были уже близъ противоположнаго
 берега.

«Въ это время мы увидѣли, что окна моей комнаты освѣтились;
 слуги вошли тѣда со свѣчами.

«— Обманулъ ли я васъ? Могли ли мы еще медлить?

«— О, нѣтъ, нѣтъ! вскричала я: — вы точно мой спаситель.

«Мы видѣли, какъ свѣчи скоро переходили изъ моей комнаты въ
 комнату Гертруды, и слышали крики. Вошелъ какой-то человекъ;
 всѣ остановились передъ нимъ. Этотъ человекъ подошелъ къ откры-
 тому окну, выглянулъ въ него, замѣтилъ вуаль, плававшій по во-
 дѣ и страшно вскрикнулъ.

«— Видите ли, какъ мы хорошо сдѣлали, что оставили вуаль,
 сказалъ графъ: — принцъ подумаетъ, что вы бросились въ воду и
 пока васъ будутъ искать, мы успѣемъ спастись.

«Мнѣ стало страшно этого мрачнаго ума, который напередъ раз-
 считалъ выгоду подобнаго средства.

«Мы причалили къ берегу.»

II.

Продолженіе разсказа. Договоръ.

Наступила минута молчанія. Діана, почти столько же взволно-
 ванная воспоминаніями, какъ дѣйствительностію, не могла болѣе
 говорить; голосъ ея ослабѣвалъ. Бюссі слушала ее всеми способ-
 ностями души своей и напередъ клялся вѣчною ненавистью къ вра-
 гамъ ея и преслѣдователямъ.

Наконецъ, вдохнувъ изъ флакончика, который былъ у ней въ
 карманѣ, Діана продолжала:

— Едва мы сошли на берегъ, какъ семь или восемь человекъ
 подошли къ намъ. То были слуги графа, между которыми я узна-
 ла двухъ слугъ, провожавшихъ нашъ экипажъ въ ту ночь, когда
 на насъ напали люди герцога. Конюшіи велъ двухъ лошадей; од-
 на изъ нихъ была вороная лошадь графа; другая, бѣлая, нагна-

чала мнѣ. Графъ помогъ мнѣ сѣсть на бѣлую лошадь и потомъ самъ вскочилъ на своего коня.

«Гертруду посадилъ съ собою одинъ изъ слугъ графа, и мы ускакали въ галопъ.

«Замѣтивъ, что графъ взялъ мою лошадь полъ узды, я сказала ему, что умѣю довольно-хорошо ѣздить верхомъ и чтобъ онъ не беспокоился; но онъ отвѣчалъ, что бѣлая лошадь была очень-пухлая и можетъ меня сбросить.

«Мы скакали уже около десяти минутъ, когда я услышала голосъ Гертруды, звавшей меня. Я оглянулась и увидѣла, что толпа всадниковъ раздѣлилась; четверо поскакали съ Гертрудой въ гѣсь, между-тѣмъ, какъ графъ де-Монсоро и четверо другихъ слугъ продолжали скакать по прежней дорогѣ.

«—Гертруда! вскричала я:—графъ, зачѣмъ вы разлучаете меня съ Гертрудой?

«—Это необходимая предосторожность, сказалъ графъ:—если за нами погонятся, мы должны оставить два сѣзда; надобно, чтобъ съ двухъ сторонъ люди въ селеніяхъ говорили, что видѣли, какъ похищали женщину. Можетъ случиться, что герцогъ анжуйскій ошибется и поскачетъ за вашей служанкой; но во всякомъ случаѣ преслѣдователи должны будутъ раздѣлиться на двѣ части.

«Не смотря на положительность этого отвѣта, онъ не успокоилъ меня: но что было дѣлать? я вздохнула и молчала.

«Впрочемъ, дорога, по которой мы ѣхали, точно вела въ Мери-доръ. По скорости, съ которою мы скакали, намъ оставалось до замка не болѣе четверти часа, какъ вдругъ на перекресткѣ, который былъ мнѣ очень-хорошо знакомъ, графъ, вмѣсто того, чтобъ продолжать дорогу къ замку отца моего, повернулъ на-лѣво, со-сѣвъ въ другую сторону. Я вскрикнула и, не смотря на быстроту лошади, готовилась уже соскочить съ нея, когда графъ, наблюдавшій, вѣроятно, за всеми моими движеніями, наклонился ко мнѣ, схватилъ мою талью и перекинулъ къ себѣ на сѣдло. Бѣлая лошадь, чувствуя себя свободно, громко заржала и поскакала въ гѣсь.

«Графъ такъ скоро сдѣлалъ это, что я успѣла только вскрикнуть.

«Онъ зажалъ мнѣ ротъ рукою.

«—Клянусь вамъ честію, сказалъ онъ:—что въ точности исполню волю вашего отца и докажу вамъ это на первомъ раздѣлѣ; если и это доказательство не убѣдитъ васъ, или покажется вамъ сомнительнымъ, то еще разъ клянусь честію, вы будете свободны.

«—Но вы сказали, что отвезете меня къ отцу? вскричала я, отталкивая его руку и откинувъ голову назадъ.

«—Да, я это сказалъ, потому-что, мнѣ казалось, вы колебались слѣдовать за мною, и одна минута этой нерѣшимости могла отбѣднить и его, и васъ, и меня, что, впрочемъ, вы сами видѣли. Скажите же, спросилъ графъ, остановивъ лошадь:—хотите ли вы

погубить барона? Хотите ли вы подвергнуться безчестию? — Сказала те одно слово, и я отвезу васъ въ Меридоръ.

«— Но вы сейчасъ сказали, будто у васъ есть доказательства, что вы дѣйствуете по приказанію моего отца?»

«— Вотъ оно, сказалъ графъ: — возьмите это письмо и прочтите его въ первомъ домѣ, въ которомъ мы остановимся. Если и послѣ того вамъ все-еще угодно будетъ вернуться въ замокъ, — повторю вамъ, вы свободны. Но если вамъ угодно будетъ послушаться приказаній барона, то вы не вернетесь въ замокъ, я въ томъ увѣренъ».

«— Такъ поскачемте скорѣе, графъ; я нетерпѣливо желаю удостовериться, правду ли вы говорите».

«— Вспомните, что вы добровольно слѣдуете за мною».

«— Да, добровольно, въ такой, однакожь, степени, въ какой можетъ дѣйствовать добровольно молодая дѣвушка, находясь въ этомъ положеніи, гдѣ она съ одной стороны видитъ смерть отца и свой собственный позоръ, а съ другой стороны необходимость вѣрится челоуѣку, котораго она почти не знаетъ; все равно, я слѣдую за вами добровольно, и вы сами удостоверитесь въ томъ, если прикажете мнѣ подать коня».

«Графъ сбѣжалъ знакъ одному изъ своихъ людей, чтобъ онъ слѣзъ съ коня, и минутой спустя, я скакала возлѣ графа».

«— Бѣлая лошадь недалеко убѣжала, сказалъ онъ слугѣ: — пойщи ее въ лѣсу, позови ее; ты знаешь, что она послушна, какъ собака. Прѣвѣжай за нами прямо въ Ла-Шатръ».

«Я невольно вздрогнула. Ла-Шатръ былъ въ десяти лѣ отъ Меридорскаго-Замка, по дорогѣ въ Парижъ».

«— Графъ, сказала я: — я слѣдую за вами; но въ Ла-Шатрѣ мы условимся...»

«— Въ Ла-Шатрѣ, сударыня, отвѣчалъ графъ: — вы сообщите мнѣ свои приказанія».

«Это мнѣмое повиновеніе не успокоивало меня; но такъ-какъ это было единственное средство спастись отъ герцога анжуйскаго, то я молча слѣдовала за Монсоро. На разсвѣтъ мы прибыли въ Ла-Шатръ. Но вмѣсто того, чтобъ вѣхать въ селеніе, мы поворотили по полю во стѣ шагахъ отъ первыхъ садиковъ и направились къ уединенному домику».

«Я остановила лошадь».

«— Куда мы ѣдемъ? спросила я».

«— Позвольте, отвѣчалъ графъ: — я уже замѣтилъ точность вашего ума, а потому обращаюсь опять къ вашему уму. Можемъ ли мы, спасаясь отъ преслѣдованій могущественнѣйшаго лица въ государствѣ послѣ короля, остановиться въ обыкновенной гостиницѣ, посреди селенія, гдѣ первый крестьянинъ, который насъ увидитъ, можетъ выдать насъ? Можно подкупить одного челоуѣка, но не цѣлюю деревню».

«Во всѣхъ отвѣтахъ графа была точность и положительность, противъ которой я не могла ничего возразить».

«— Хорошо, сказала я.— Поѣдемте туда.

«И мы отправились dalje.

«Насъ ожидали; я не замѣтила, что одинъ изъ нашихъ слугъ поспѣвалъ впередъ. Свѣтлый огонь горѣлъ въ каминѣ довольно-опрятной комнаты; тамъ же была приготовлена постель.

«— Вотъ ваша комната, сказалъ графъ: — я буду ожидать вашихъ приказаній.

«Онъ поклонился и вышелъ.

«Я осталась одна.

«Первымъ движеніемъ моимъ было подойти къ лампѣ и вынуть письмо отца моего; вотъ оно, г. де-Бюссі; читайте и будьте мнѣ судьбою.»

Бюссі взялъ письмо и сталъ читать:

«Возлюбленная моя Діана, если, въ—чемъ я не сомнѣваюсь,—ты исполнила мою просьбу и послѣдовала за графомъ де-Монсоро, то онъ, вѣроятно, объяснилъ тебѣ, что, по несчастію, ты понравилась герцогу анжуйскому; и что онъ похитилъ и отвезъ тебя въ замокъ Божэ; по этому поступку ты можешь гадать о томъ, на что герцогъ способенъ и какой поворотъ угрожаетъ тебѣ. Теперь же представляется средство спастись отъ безчестія, котораго я не переживу: ты должна выйдти за нашего благороднаго друга; сдѣлавшись его женою, ты будешь уже находиться подъ его защитой, и графъ де-Монсоро поклялся мнѣ, что сдѣлаетъ всевозможное, чтобы защитить тебя. Слѣдовательно, величайшее мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы бракъ вашъ совершился скорѣе, и если ты готова исполнить мою просьбу, то къ совершенному соглашенію присовокупляю мое отеческое благословеніе и молю Бога, чтобы Онъ даровалъ тебѣ всѣ сокровища блаженства, которыми Онъ, по милосердію своему, наделаетъ сердца, подобныя твоимъ.

«Твой, не приказывающій, но умоляющій отецъ,

«Баронъ де-Мериdorfъ.»

— Увы! сказалъ Бюссі: — если это письмо точно отъ вашего отца, оно рѣшительно.

— Оно точно отъ него, я въ томъ не сомнѣваюсь; не смотря на то, я три раза прочитала его, не зная, на что рѣшиться. Наконецъ я дозволила графу.

«Онъ вошелъ немедленно, почему я и заключила, что онъ ждалъ за дверью.

«Письмо было у меня въ рукахъ.

«— Что же? спросилъ онъ:— читали ли вы?

«— Да, отвѣчала я.

«— Сомнѣваетесь ли вы еще въ моей преданности и моемъ уваженіи?

«— Письмо это отнимаетъ у меня всякое сомнѣніе, отвѣчала я. — Скажите же, графъ, что вы намѣрены дѣлать, еслибъ... еслибы я послѣдовала совету моего отца?

«— Я намѣренъ отвезти васъ въ Парижъ; тамъ легче всего будетъ скрыть васъ.

«— А батюшка?

«— Когда пройдет опасность, вы увидите съ нимъ.

«— Графъ! я готова принять вашу защиту съ условіями, кото-
рыя вы предвижете.

«— Я ничего не предписываю, отвѣчалъ графъ:— я только пред-
лагаю средство спасти васъ, и больше ничего.

«— Извините; я готова принять средство спасенія, предлагаемое
вами, на трехъ условіяхъ.

«— Говорите.

«— Первое — то, что вы возвратите мнѣ Гертруду.

«— Она здѣсь, отвѣчалъ графъ.

«— Второе — что мы не вмѣстѣ поѣдемъ въ Парижъ.

«— Чтобъ совершенно успокоить васъ, я самъ хотѣлъ предло-
жить вамъ это.

«— Въ-третьихъ — что нашъ бракъ будетъ заключенъ при моемъ
отцѣ, если только тому не воспрепятствуютъ обстоятельства, при-
знанныя действительными мною-самою.

«— Это мое величайшее желаніе; благословеніе вашего батюшки
осчастливитъ союзъ нашъ.

«Я была поражена изумленіемъ. Я думала, что графъ сдѣлаетъ
хоть какое-нибудь возраженіе на мои три условія, а между-тѣмъ
онъ самъ былъ одного со мною мнѣнія.

«— Позвольте же мнѣ теперь подать вамъ нѣсколько совѣтовъ,
сказалъ Менсоро.

«— Извольте; я слушаю.

«— Путешествуйте только ночью.

«— Я уже рѣшилась на это.

«— Позвольте мнѣ назначить мѣста, гдѣ вамъ останавливаться,
и дорогу, по которой ѣхать; всѣ предосторожности мои будутъ
имѣть одну цѣль, именно — спасти васъ отъ герцога анжуйскаго.

«— Если вы точно любите меня такъ, какъ говорите, то моя
безопасность должна быть вамъ такъ же дорога, какъ и ваша соб-
ственная; следовательно, я не могу дѣлать никакихъ возраженій
противъ вашего желанія.

«— Наконецъ, прошу васъ принять въ Парижѣ ту квартиру, ко-
торую я вамъ приготовлю, какъ бы она ни была проста и уеди-
ненна.

«— Чѣмъ проще и уединеннѣе будетъ квартира, тѣмъ она мнѣ
болѣе понравится.

«— Въ такомъ случаѣ, мы во всемъ согласны, и мнѣ остается
только засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, прислать къ вамъ
Гертруду и приступить къ исполненію нашего плана.

«— Я дворянка, графъ; если вы сдержите свои обѣщанія, и я
не извѣнню своимъ.

«— Это обѣщаніе говоритъ мнѣ, что вскорѣ я буду счастливѣй-
шимъ изъ смертныхъ.

«Съ этими словами, онъ поклонился и вышелъ.

«Пять минутъ спустя, вошла Гертруда.

«Велика была радость этой бедной дѣвушки; она думала, что ее навсегда хотѣли разлучить со мною. Я разсказала ей обо всемъ; мнѣ нуженъ былъ человекъ, который понялъ бы мои намѣренія, помогалъ бы мнѣ, слушался бы, въ случаѣ нужды, одного знака, одного взгляда. Согласіе графа на всѣ мои условія пугало меня; я думала, что онъ поступалъ такимъ-образомъ потому только, что хотѣлъ сначала завлечь меня подалѣе.

«Когда я разговаривала съ Гертрудой, мы услышали стукъ копытъ удаляющейся лошади. Я выглянула въ окно: графъ во весь галопъ возвращался въ ту сторону, съ которой мы пріѣхали. Зачѣмъ возвращался онъ назадъ? Я не могла объяснить себѣ этого. Но онъ исполнилъ первое условіе, возвративъ мнѣ Гертруду, а удаляясь, исполнялъ и второе. Впрочемъ, куда бы онъ ни уѣзжалъ, отсутствіе его успокоивало меня.

«Мы пробыли цѣлый день въ маленькомъ домикѣ; намъ прислуживала хозяйка; только къ вечеру, человекъ, казавшійся начальникомъ нашихъ провожатыхъ, вошелъ ко мнѣ; такъ-какъ мнѣ казалось, что опасность будетъ уменьшаться по мѣрѣ удаленія моего отъ замка Божэ, то я сказала этому человеку, что готова къ отъѣзду; пять минутъ спустя, онъ воротился и доложилъ, что все было готово. У крыльца стояла моя бѣлая лошадь; графъ де-Монсоро не ошибся: она пріѣзжала по первому зову.

«Мы ѣхали всю ночь и опять только на разсвѣтъ остановились: я рассчитала, что мы пріѣхали около пятнадцати льё; всѣ мѣры были приняты графомъ, чтобъ я не терпѣла ни отъ холода, ни отъ усталости. Лошадь, которую онъ выбралъ для меня, была свирна; рысь у нея была чрезвычайно-спокойная; на плечи мои накинули плащъ, подбитый мехомъ.

«Во время всего путешествія, со мною поступали одинаково почтительно и заботливо: ясно было, что намъ предшествовалъ человекъ, заготовлявшій все для нашего принатія. Не знаю, самъ ли графъ взялъ на себя эту обязанность, или одинъ изъ новобранныхъ его, но во всякомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ совершенно-согласно второму моему условію, и во всю дорогу я ни разу не увидела его.

«Около вечера седьмого дня, я съ высоты холма увидѣла громадную кучу домовъ. То былъ Парижъ.

«Мы остановились и съ наступленіемъ ночи отправились далѣе; скоро мы въѣхали въ ворота, за которыми первый предметъ, представившійся глазамъ моимъ, было огромное зданіе, казавшееся мнѣ мѣстопредѣломъ. Мы два раза перешли черезъ рѣку, повернули направо и, десять минутъ спустя, очутились на Площади-Бастиліи. Тамъ вышелъ къ намъ на встрѣчу изъ одного дома человекъ, по-видимому, дожидавшійся насъ. Онъ подошелъ къ начальнику провожатыхъ и сказалъ:

«— Здѣсь.

«Начальникъ обратился ко мнѣ.

«— Мы пріѣхали, сударыня; сказалъ онъ.

«И, соскочивъ съ лошади, онъ помогъ мнѣ сойти на землю.

«Дверь въ домъ была отворена; на ступеняхъ лѣстницы стояла лампа.

«— Сударыня, сказалъ мнѣ начальникъ провожатыхъ:— вы здѣсь у себя; у этой двери кончается возложенное на меня порученіе; могу ли льстить себя надеждою, что оно было исполнено согласно вашимъ желаніямъ и даннымъ мнѣ приказаніямъ?

«— Я душевно вамъ благодарна, отвѣчала я: — поблагодарите также отъ моего имени добрыхъ людей, меня провожавшихъ. Я желала бы вознаградить ихъ... но у меня ничего нѣтъ.

«— Не беспокойтесь, отвѣчалъ онъ: — они уже щедро награждены.

«Онъ поклонился мнѣ и вскочилъ на коня.

«— За мной! сказалъ онъ, обратившись къ слугамъ: — да чтобъ никто изъ васъ завтра утромъ не помнилъ этого дома!

«Послѣ этихъ словъ, они ускакали въ галопъ и исчезли при поворотѣ въ Сент-Антуанскую-Улицу.

«Первымъ движеніемъ Гертруды было запереть дверь. Потомъ она взяла лампу и стала свѣтить мнѣ.

«Мы вошли на лѣстницу, потомъ въ корридоръ: всѣ двери были отворены. Зала эта была освѣщена какъ теперь.

«Я отворила эту дверь: за нею была туалетная комната, а за этою — спальня, въ которой, къ величайшему моему изумленію, увидѣла я свой портретъ.

«Это тотъ самый, который висѣлъ въ комнатѣ моего отца, въ Меридоръ; вѣроятно, батюшка подарилъ его графу.

«Я задрожала при этомъ новомъ доказательствѣ того, что батюшка считалъ меня уже женою графа Монсеро.

«Мы обошли весь домъ: въ немъ никого не было, но за то не было и ни въ чемъ недостатка; всѣ печи затоплены, а въ столовой приготовленъ ужинъ.

«Я скоро взглянула на столъ: на немъ былъ только одинъ приборъ; это успокоило меня.

«— Видите ли, сударыня, сказала мнѣ Гертруда:— графъ твердо держитъ свое обѣщаніе.

«— Да, отвѣчала я со вздохомъ, потому-что мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ графъ, измѣнивъ одному изъ своихъ обѣщаній, далъ и мнѣ право отступить отъ своего слова.

«Послѣ ужина мы еще разъ обошли весь домъ, но и въ этотъ разъ не нашли ни живой души: онъ принадлежалъ намъ, но не одиамъ.

«Гертруда спала въ моей комнатѣ.

«На другой день, она вышла со двора и, вернувшись, рассказала мнѣ, что мы жили на концѣ Сент-Антуанской-Улицы, противъ турнельскаго отеля, и что черное, мрачное зданіе, возвышавшееся съ правой стороны, было—Бастилія.

«Впрочемъ, это не послужило мнѣ ни къ чему. Я никогда не была въ Парижѣ, и потому не знала его.

«День прошелъ спокойно; вечеромъ, когда я сѣла за столъ, кто-то постучался.

«Я съ безпокойствомъ посмотрѣла на Гертруду.

«Они стали стучаться.

«— Посмотри, кто тамъ, сказала я Гертрудѣ.

«— А если графъ? спросила она, увидѣвъ, что я поблѣдѣла.

«— Если графъ, отвѣчала я съ усиленіемъ: — впусти его, Гертруда; онъ сдержалъ свое обещаніе, и я не должна измѣнить слову.

«Минуту спустя, Гертруда воротилась.

«— Графъ, сказала она.

«— Проси, отвѣчала я.

«Гертруда удалилась; графъ появился на порогѣ.

«— Сдержалъ ли я свои обещанія? спросилъ онъ.

«— Сдержали, отвѣчала я:— благодарю васъ.

«— Следовательно, вамъ угодно будетъ теперь принимать меня у себя? продолжалъ онъ съ улыбкой, иронію которой не могъ скрыть, и смотря на всѣ свои старанія.

«— Войдите.

«Графъ вошелъ и остановился у стола. Я сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ сѣлъ.

«— Не принесли ли вы мнѣ какихъ новостей? спросила я.

«— Откуда и отъ кого?

«— Отъ отца моего, изъ Меридора.

«— Я не возвращался въ Меридорскій-Замокъ, и потому не видался съ барономъ.

«— Такъ отъ герцога, изъ Божэ.

«— Это другое дѣло: я былъ въ Божэ и видѣлъ герцога.

«— Какъ вы нашли его?

«— Въ сомнѣніи.

«— На-счетъ чего?

«— На-счетъ вашей смерти.

«— Но вы утвердили его въ этомъ мнѣніи?

«— Я дѣлалъ, что могъ.

«— Гдѣ же теперь герцогъ?

«— Въ Парижѣ, со вчерашняго вечера.

«— Отъ-чего жь онъ воротился такъ поспѣшно?

«— Отъ-того, что непріятно оставаться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мы должны обвинять себя въ смерти женщины.

«— Видѣли ли вы его въ Парижѣ?

«— Я сейчасъ отъ него.

«— Говорилъ ли онъ вамъ обо мнѣ?

«— Я не далъ ему выговорить ни слова.

«— О чемъ же вы ему говорили?

«— Объ обещаніи, которое онъ мнѣ далъ, и которое я пре-

силъ его исполнить. Онъ обязался выхлопотать мнѣ званіе обер-егермейстера за услуги, которыя я оказалъ ему.

«— Ахъ, да! отвѣчала я ему съ грустной улыбкой, вспоминая о смерти моей бѣдной Дафны:—вѣдь вы страшный охотникъ... я помню... вы имѣете полное право на это званіе.

«— Я получаю его не какъ охотникъ, а какъ вѣрный слуга герцога; мнѣ дадутъ его не потому, что я имѣю на него право, а потому что герцогъ авжуйскій побойлся быть ко мнѣ неблагодарнымъ.

«Не смотря на все уваженіе, которое оказывалъ мнѣ графъ де-Монсоро, въ словахъ его было что-то устрашавшее меня, — шепотомъ, выраженіе мрачной и твердой воли.

«Я молчала нѣсколько минутъ.

«—Могу ли я писать къ отцу моему? спросила я.

«—Разумѣется; но помните, что ваши письма могутъ быть перехвачены.

«—Смѣю ли я выходить?

«—Вы смѣете дѣлать все, что вамъ угодно; только позволяйте мнѣ замѣтить, что за вами могутъ приглядывать.

«—По-крайней-мѣрѣ, могу ли я идти въ воскресенье къ обѣднѣ?

«—Можете; но лучше не ходить. Впрочемъ, если это вамъ непременно угодно, то позволяйте посоветовать вамъ идти въ Церковь-св.-Екатерины.

«—А гдѣ эта церковь?

«—Напротивъ васъ, на-искось.

«—Благодарю.

«Опять наступило молчаніе.

«—Когда я опять увижу васъ, графъ?

«—Жду вашихъ приказаній.

«—Будто они что-нибудь значатъ для васъ?

«—Конечно; теперь я еще для васъ человѣкъ чужой.

«—У васъ нѣтъ ключа отъ этого дома?

«—Ключъ отъ него можетъ имѣть только вашъ мужъ.

«—Графъ, отвѣчая я, испуганная этими покорными отвѣтами:—графъ, вы можете приходить когда вамъ будетъ угодно, или когда вамъ нужно будетъ сообщить мнѣ что-либо важное.

«—Благодарю васъ, сударыня; я воспользуюсь этимъ позволеніемъ, но не употребляю его въ зло... первымъ доказательствомъ этого пусть послужитъ то, что я теперь же удаляюсь.

«Съ этими словами графъ всталъ.

«—Вы уходите? спросила я, болѣе и болѣе удивленная поведеніемъ, котораго никакъ не ожидала.

«—Сударыня, отвѣчалъ графъ: — знаю, что вы еще не любите, и не хочу употреблять во зло ваше положеніе, заставляющаго васъ принимать мое покровительство. Набывая васъ не часто и оставаясь далеко, я надеюсь, что вы мало-по-малу привыкнете

ко мнѣ; жертва будетъ казаться вамъ не столь тягостною, когда наступитъ минута сдѣлаться моею женою.

«Графъ, сказала я вставая:—я сознаю всю деликатность вашихъ поступковъ и, не смотря на сухость и жесткость, сопровождающую каждое ваше слово, умѣю цѣнить ихъ надлежащимъ образомъ. Вы правы, я буду говорить съ вами такъ же откровенно, какъ вы со мною говорили. У меня были противъ васъ предубѣжденія, которыя, я надѣюсь, разсѣетъ время.

«—Позвольте мнѣ, сказалъ графъ: — питать ту же надежду и ожидать этой счастливой минуты.

«Потѣмъ, поклонившись мнѣ со всею почтительностью, которую я могла ожидать отъ нижайшаго изъ слугъ своихъ, онъ сдѣлалъ знакъ Гертрудѣ, въ присутствіи которой происходилъ этотъ разговоръ, чтобъ она посвѣтила ему, и вышелъ.»

ИИ.

Продолженіе разсказа. Бракъ.

— Странный человѣкъ! сказалъ Бюссі.

— Не правда ли, очень-странный? Онъ выражалъ мнѣ любовь своею со всею горечью ненависти. Когда Гертруда воротилась, она застала меня болѣе грустною и печальною, нежели прежде.

«Гертруда старалась утѣшить меня; но ясно было, что бѣдная дѣвушка столько же беспокоилась, какъ и я сама. Это ледяное почтеніе, ироническое повинновеніе, побѣждаемая страсть, рѣзкими звуками отзывавшаяся въ каждомъ словѣ его, были страшнѣе, нежели ясно-высказанная воля, съ которою я могла бы еще бороться.

«На слѣдующій день было воскресенье: съ самаго дѣтства своего я не пропускала ни одной обѣдни. Колоколъ Церкви-св.-Екатерины какъ-бы призывалъ меня. Я видѣла, какъ народъ шелъ къ Божьему дому, закрылась плотнымъ вуалемъ и въ сопровожденіи Гертруды вмѣшалась въ толпу богомольцевъ, собиравшихся по звуку колокола.

«Я выбрала самый темный уголокъ и преклонила тамъ колѣни. Гертруда стала какъ-будто на стражѣ, между свѣтомъ и мною. Но это было напрасно: никто не обращалъ на меня вниманія.

«На третій день, графъ опять пришелъ и объявилъ мнѣ, что назначенъ въ обер-егермейстеры. Вліяніе герцога анжуйскаго доставило ему это мѣсто, почти обещанное одному изъ любимцевъ короля, г. де-Сен-Люку. Самъ графъ не ожидалъ такой милости.»

— Точно, сказалъ Бюссі: — это обстоятельство удивило насъ съхъ.

— Онъ пришелъ возвѣстить мнѣ эту новость, надѣясь, что полученіе почетнаго званія заставитъ меня скорѣе дать свое согласіе; только онъ самъ не преслѣлъ, не упоминалъ даже о бракѣ, ожидая всего отъ моего обѣщанія и самаго положенія дѣла.

«Что же касается до меня, то, полагая, что герцогъ анжуйскій считаетъ меня умершею, я начинала надѣяться, что опасность миновалась, и, слѣдовательно, я не была болѣе обязана сдѣлаться женою графа.

«Прошла цѣлая недѣля безъ особыхъ приключеній, кромѣ двухъ посѣщеній графа. Эти посѣщенія были, по-прежнему, холодны и нечтительны; но я уже говорила вамъ, какъ страшны и почти страшны были эти холодность и нечтительность.

«Въ слѣдующее воскресенье, я опять пошла въ церковь и заняла то же мѣсто, которое занимала за недѣлю. Спокойствіе дѣлаетъ насъ неосторожными: посреди молитвы, я невольно откинула вуаль... въ домѣ божіемъ я помышляла только о Богѣ... Я усердно молилась за своего отца, какъ вдругъ почувствовала, что Гертруда коснулась руки моей: она должна была повторить это движеніе, чтобъ вывести меня изъ религіознаго одушевленія, въ которое я погружена была. Я подняла голову, машинально осмотрѣлась и съ ужасомъ увидѣла въ двухъ шагахъ отъ себя герцога анжуйскаго, прислонившагося къ колоннѣ и пожирившаго меня глазами.

«Съ нимъ былъ человѣкъ, казавшійся болѣе повѣреннымъ, нежели слугою его.»

— Это былъ Оридъ, сказалъ Бюсси:—его музыкантъ на лютиѣ.

— Кажется такъ, отвѣчала Діана:—Гертруда послѣ узнала его имя.

— Продолжайте, умоляю васъ, продолжайте, сказалъ Бюсси:—я начинаю все понимать.

— Я послѣдно опустила вуаль, но уже было поздно: онъ увидѣлъ меня, и если не узналъ, то во всякомъ случаѣ сходство мое съ дѣвушкою, которую онъ любилъ и считалъ погибшею, сильно его поразило. Смущенная его взоромъ, я встала и пошла къ двери; но онъ послѣлъ туда прежде меня, обмахнулъ пальцы въ кропильницу и подаль мнѣ святую воду.

«Я притворилась, будто не замѣтила его, и прошла мимо.

«Но не оглядываясь я поняла, однакожь, что за мною слѣдовала. Еслибъ я знала Парижъ, то нашла бы средство скрыть отъ герцога свое настоящее мѣсто жительства; но я не знала другой дороги, кромѣ той, которая вела отъ дома, гдѣ жила я, до церкви; я никого не знала, у кого могла бы просить гостепріимства на четверть часа; у меня не было ни одного друга... былъ, правда, защитникъ, но его боялась я болѣе врага...»

— О, Боже мой! проговорилъ Бюсси:—зачѣмъ Провидѣніе или случай не позволили мнѣ ранѣе встрѣтиться съ вами!..

Діана взглядомъ поблагодарила молодого человѣка.

— Не простите, сказалъ Бюссей:— я безпрестанно прерываю васъ, а между-тѣмъ самъ умираю отъ любопытства. Продолжайте, Бога ради.

— Въ тотъ же вечеръ пришелъ графъ де-Монсоро. Я не знала, должна ли была я говорить ему о своемъ приключеніи, когда онъ самъ уничтожилъ мою нерѣшимость.

«— Вы спрашивали меня, сказалъ онъ: — можете ли ходить къ Обдѣнѣ; я отвѣчалъ, что вы были властны располагать своими поступками, но что лучше было бы, еслибъ вы не выходили изъ дома: вы не послушались меня и вышли сегодня утромъ въ Церковь-св.-Екатерины. Случай, или скорѣе фатализмъ привелъ туда герцога: онъ видѣлъ васъ.

«— Это правда, и я не рѣшилась открывать вамъ этого, потому-что не была увѣрена, узналъ ли меня герцогъ.

«— Вашъ видъ поразилъ его, ваше сходство съ дѣвушкой, которую онъ считаетъ погибшею, показалось ему необыкновеннымъ: онъ последовалъ за вами и справлялся; но никто не могъ сказать ему, кто вы, потому-что никто этого не знаетъ.

«— Боже мой! что жъ изъ этого выйдетъ? вскричала я.

«— Герцогъ настойчивъ и неутомимъ, отвѣчалъ графъ де-Монсоро.

«— О, я надѣюсь, онъ забудетъ меня!

«— Не думаю: кто васъ видѣлъ хоть одинъ разъ, тотъ уже не можетъ васъ забыть. Я дѣлалъ все, что могъ, чтобъ забыть васъ, но убѣдился въ невозможности...

«Молнія страсти, блеснувшая при этихъ словахъ въ глазахъ графа, испугала меня въ эту минуту болѣе, нежели видъ герцога анжуйскаго въ церкви.

«Я не могла отвѣчать.

«— Что же вы намѣрены дѣлать? спросилъ графъ.

«— Не могу ли я перемѣнить квартиры, жить въ другомъ домѣ, въ другой улицѣ, на другомъ концѣ Парижа, или, что еще лучше, воротиться въ замокъ моего отца?

«— Все это не послужило бы ни къ чему, сказалъ Монсоро, покачавъ головой: — герцогъ неутомимъ; онъ нападетъ на вашъ слѣдъ; вы теперь можете уединяться куда вамъ будетъ угодно, но отъ него не уйдете.

«— О, Боже мой! вы пугаете меня.

«— Не пугаю, а говорю правду.

«— Такъ позвольте же и мнѣ спросить, что вы намѣрены дѣлать, графъ?

«— Увы! отвѣчалъ Монсоро, съ горькой ироніей: — я не одаренъ ни воображеніемъ, ни изобрѣтательнымъ умомъ. Я нашелъ одно средство, оно вамъ не нравится: такъ не приказывайте мнѣ искать другаго.

«— Но, Боже мой! возразила я: — опасность, можетъ-быть, не такъ велика, какъ вы полагаете.

«— Это докажутъ намъ послѣдствія», сказалъ графъ, вставая.— На всякій случай, я повторю вамъ, что графиня де-Монсоръ тѣмъ менѣе должна будетъ опасаться герцога, что теперь, по новому своему замию, я завишу прямо отъ короля, и, слѣдовательно, мы можемъ искать у него защиты и покровительства.

«Я отвѣчала вздохомъ. То, что говорилъ графъ, было и благо-разумно, и возможно.

«Монсоръ молчалъ, какъ-бы желая дать мнѣ время хорошенько обдумать отвѣтъ; но я не имѣла силы произнести слова. Онъ стоялъ предо мною, готовясь удалиться. Горькая улыбка появилась на лицѣ его; онъ поклонился и вышелъ.

«Я слышала, какъ онъ произносилъ проклятія, скользя внизъ.

«Я позвала Гертруду.

«Гертруда обыкновенно бывала или въ кабинетъ, или въ спальню, во время посѣщеній графа; она немедленно явилась на зовъ мой.

«Я стояла у окна, за занавѣсками, такъ-что, не будучи сама замѣчена, могла видѣть все, что происходило на улицѣ.

«Графъ вышелъ изъ дома и удалялся.

«Мы около часа простояли у окна... все было тихо.

«Ночь прошла спокойно.

«На другой день, Гертруда, выходя изъ дома, встрѣтила молодого человѣка, того самого, который былъ въ церкви съ герцогомъ; но на все вопросы его она не отвѣчала ни слова: ни просьбы, ни убѣжденія его на нее не подѣйствовали.

«Молодой человѣкъ удался съ досадою.

«Эта встрѣча внушила мнѣ невыразимый ужасъ. Она была началомъ преслѣдованія, которое, вѣроятно, этимъ не удовольствуется. Я боялась, что Монсоръ не придетъ, и что, можетъ-быть, ночью приняты будутъ противъ меня какія-нибудь насильственные мѣры; я послала за графомъ: онъ пришелъ немедленно.

«Я рассказала ему все, и, по словамъ Гертруды, описала ему наружность молодого человѣка.

«— Это Орильи, сказалъ онъ: — что ему отвѣчала Гертруда?

«— Гертруда ничего не отвѣчала.

«Монсоръ задумался.

«— Напрасно, сказалъ онъ.

«— Отъ-чего же?

«— Отъ-того, что намъ нужно выиграть время.

«— Время?

«— Да; сегодня я еще въ зависимости отъ герцога анжуйскаго; но черезъ двѣ недѣли, черезъ полторы, черезъ недѣлю, быть-можетъ, герцогъ будетъ зависѣть отъ меня. Слѣдовательно, удобно обмануть его, чтобъ онъ согласился ждать.

«— Боже мой!

«— Надежда сдѣлаетъ его терпѣливымъ. Рѣшительный отказъ можетъ заставить его приступить къ отчаяннымъ мѣрамъ.

«— Графъ! напишите къ батюшкѣ, вскричала я: — онъ придетъ и упадетъ къ ногамъ короля... король сжалится надъ злуженнымъ старикомъ!

«— Это завянетъ отъ расположенія духа, въ которомъ будетъ ходить король, и отъ того, будетъ ли въ политическихъ видахъ его выказать себя другомъ или недругомъ герцога анжуйскаго. Сверхъ того, нужно не менѣе шести дней времени, чтобъ послать вѣстника къ вашему отцу; столько же нужно вашему отцу, чтобъ пріѣхать сюда. А въ двѣнадцать дней герцога доставитъ своей цѣли, если мы не остановимъ его.

«— Но какъ его остановить?

«Графъ де-Монсоро не отвѣчалъ. Я поняла мысль его и опустила глаза.

«— Графъ, сказала я послѣ минутнаго молчанія: — отдайте вамъ приказанія Гертрудѣ... она исполнитъ ихъ.

«Едва-замѣтная улыбка выступила на лицѣ графа при этомъ брашеніи къ его покровительству.

«Онъ сталъ разговаривать съ Гертрудой.

«— Я могу быть замѣченнымъ, выходя отсюда, сказалъ мнѣ мнѣ: — до ночи осталось еще два или три часа — позволите ли мнѣ мнѣ провести это время у васъ?

«Графъ де-Монсоро имѣлъ почти право требовать; но онъ промолчалъ; я сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ сѣлъ.

«Тогда я замѣтила, какую могущественную власть Монсоро имѣлъ надъ самимъ-собою; онъ въ то же мгновеніе преодолевъ всю тяжесть нашего взаимнаго положенія, и разговоръ его, которому обычная его рѣзкость придавала энергическій характеръ, сдѣлалась занимателенъ и разнообразенъ. Графъ много путешествовалъ, много испыталъ, много видѣлъ, много мыслилъ, и по рошествию двухъ часовъ я поняла всю силу вліянія, которое этотъ гранный человѣкъ пріобрѣлъ надъ отцомъ моимъ.»

Бюсси глубоко вздохнулъ.

«— Съ наступленіемъ ночи, продолжала Діана: — онъ прѣкратилъ разговоръ, простился со мною и удалился.

«Вечеромъ, мы съ Гертрудой опять стали у окна. Въ этотъ вечеръ, мы увидѣли двухъ человѣкъ, внимательно разсматривавшихъ окны. Они нѣсколько разъ подходили къ двери; насъ они не могли видѣть, потому-что всѣ свѣчи были погашены.

«Около ольнадцати часовъ, они удалились.

«На другой день, Гертруда опять встрѣтила того же молодого словѣка, на томъ же самомъ мѣстѣ; онъ опять подошелъ къ ней снова сталъ ее разспрашивать. Гертруда была не такъ сурова и нѣтъ и уже сказала ему нѣсколько словъ.

«На слѣдующій день, Гертруда сдѣлалась еще разговорчивѣе; она сказала молодому человѣку, что я была вдова совѣтника и, не имѣя состоянія, жила очень-уединенно; онъ хотѣлъ узнать еще о мнѣ, но Гертруда не говорила болѣе ни слова.

«На третій день, Орильи обнаружилъ нѣкоторое сомнѣніе въ справедливости разсказа Гертруды и заговорилъ объ Анжю, замкѣ Божѣ и Меридорѣ.

«Гертуда отвѣчала, что въ жизнь свою не слыхала такихъ именъ.

«Тогда Орильи признался, что онъ находится при дворѣ герцога анжуйскаго, что герцогъ влюбился въ меня. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ дѣлать ей и мнѣ великолѣпныя предложенія, — ей же, чтобъ дать герцогу средство войти въ домъ, мнѣ — чтобъ согласилась принять его.

«Монсоро приходилъ каждый вечеръ, и каждый вечеръ я сообщала ему положеніе нашихъ дѣлъ. Онъ оставался отъ восьми часовъ до полуночи; замѣтно было, что онъ сильно беспокоился.

«Въ субботу вечеромъ, онъ пришелъ блѣдный, раздраженнымъ и взволнованнымъ.

«— Послушайте, сказалъ онъ мнѣ:— надобно все обѣщать ко вторнику или къ средѣ.

«— Обѣщать? вскричала я: — зачѣмъ?

«— Герцогъ на все рѣшился. Въ эту минуту, онъ въ дружбѣ съ королемъ и, слѣдовательно, отъ короля защиты ожидать нельзя.

«— Но развѣ до среды можетъ случиться что-нибудь благоприятное для меня? Развѣ до среды я могу быть спасена?

«— Можетъ-быть. Со-дня-на-день ожидаю я обстоятельство, которое поставитъ герцога въ зависимость отъ меня. Я стараюсь приблизить срокъ этого событія не только желаніями, но и дѣйствіями. Завтра я долженъ оставить васъ и ѣхать въ Монтрѣ.

«— Вы должны? спросила я съ нѣкоторымъ ужасомъ, смѣшаннымъ съ радостію.

«— Да; у меня тамъ назначено свиданіе для ускоренія этого событія, о которомъ я вамъ говорилъ.

«— А если до вторника ничто не переменится — что тогда будетъ, Боже мой!

«— Но что же могу я предпринять противъ принца, не имея никакого права защищать васъ?.. Надобно будетъ покориться.

«— О, батюшка! батюшка! вскричала я.

«Графъ пристально взглянулъ на меня.

«— Такъ вы сильно ненавидите меня? спросилъ онъ.

«— Графъ...

«— Какая же причина вашей ненависти?

«— О, никакой нѣтъ! напротивъ...

«— Не преданъ ли я вамъ, какъ другъ, не почитателенъ ли, какъ братъ?

«— Вы поступаете со мною какъ благородный челоѣкъ.

«— Не дали ли вы мнѣ обѣщанія?

«— Дала...

«— Напоминалъ ли я вамъ хоть разъ объ этомъ обѣщаніи?

«— Ни разу.

«— И не смотря на то, вы, стоя между честію и позоромъ, лучше соглашаетесь сдѣлаться любовницей герцога анжуйскаго, нежели женою графа де-Монсоро?»

«— Я не говорю этого.

«— Такъ рѣшайтесь же.

«— Я рѣшилась.

«— Сдѣлаться графиней де-Монсоро?»

«— Лучше, нежели любовницей герцога анжуйскаго.

«— Лучше, нежели любовницей герцога анжуйскаго:—это предпочтеніе весьма для меня лестно.

«Я не отвѣчала.

«— Все-равно, сказалъ графъ: — скажите Гертрудѣ, чтобъ она старалась выиграть время до вторника, а тамъ мы увидимъ.

«На другой день, Гертруда, по обыкновенію, вышла со двора, но не встрѣчала Орильи. Это обезпокоило насъ еще болѣе, нежели его истоянное появленіе. Гертруда нарочно вышла во второй разъ, безъ всякой надобности, только въ надеждѣ встрѣтить его, но напрасно. Третій выходъ былъ такъ же бесполезенъ, какъ и два первые.

«Я послала Гертруду къ графу де-Монсоро, — его не было дома, никто не зналъ, куда онъ уѣхалъ.

«Мы были одні, беззащитны, слабы; въ первый разъ я почувствовала всю свою несправедливость къ графу.»

— О! вскричалъ Бюсси: — вы напрасно стараетесь такъ скоро оправдать этого человѣка; въ поведеніи его есть тайна, которой мы еще не знаемъ, но которую откроемъ.

«— Наступилъ вечеръ; нами овладѣлъ невыразимый ужасъ; я рѣшилась на все, лишь бы не даться живою въ руки герцога анжуйскаго. Я вооружилась этимъ кинжаломъ и намѣревалась поразить имъ себя въ ту минуту, когда принцъ или люди его захотятъ положить на меня руку. Мы заставили всѣмъ, чѣмъ могли, дверь въ мою спальню. По непостижимой безпечности, у двери, ведущей на улицу, не было внутренней задвижки или запора. Мы спрятали лампу и опять стали у окна.

«Все было тихо до одиннадцати часовъ; въ одиннадцать часовъ, пять человѣкъ вышли изъ Сент-Антуанской Улицы, стали совѣтоваться между собою и спрятались въ уступъ стѣны турнельскаго сада.

«Страхъ нашъ увеличился; эти люди, вѣроятно, пришли съ намереніемъ напасть на насъ.

«Однакожь, они не трогались. Прошло около четверти часа.

«Наконецъ, изъ-за угла Улицы-Св.-Павла вышли еще два человѣка. Одна, выступившая изъ-за тучъ, освѣтила этихъ людей, и Гертруда узнала въ одномъ изъ нихъ Орильи.

«— Ахъ, сударыня! это они, проговорила бѣдная дѣвушка.

«— Да, отвѣчала я, дрожа отъ ужаса:—а первые пять человѣкъ изъ сообщники.

Т. XLV. — Отд. I.

«— Но они должны будут выломать дверь, сказала Гертруда:— а на шумъ сбѣгутся сосѣди.

«— Какое дѣло до насъ сосѣдамъ? Не-уже-ли ты думаешь, что они захотятъ вмѣшаться въ неприятное дѣло изъ-за женщинъ которыхъ они не знаютъ? Нѣтъ, Гертруда, у насъ остался только одинъ защитникъ — графъ!

«— Такъ зачѣмъ же вы, сударыня, не хотите сдѣлаться его женою?

«Я вздохнула.

IV.

Продолженіе разсказа. Бракъ.

«Между-тѣмъ, два человека, вышедшіе изъ Улицы-Св.-Павла пробрались возлѣ домовъ и подошли подѣ наши окна.

«Мы тихонько отворили окно.

«— Увѣренъ ли ты, что это здѣсь? спросилъ одинъ голось.

«— Здѣсь, ваше высочество, я въ томъ убѣжденъ. Пятый домъ отъ угла Улицы-Св.-Павла.

«— А увѣренъ ли ты, что ключъ подойдетъ?

«— Я воскомъ снялъ форму замка.

«Я схватила руку Гертруды и судорожно сдвинула ее.

«— А когда мы войдемъ?

«— Тамъ ужъ мое дѣло. Горничная отворитъ намъ. У вашего высочества есть въ карманѣ золотой ключъ, подходящій ко всѣмъ замкамъ.

«— Отпирай же.

«Мы услышали, какъ замокъ щелкнулъ...

«Вдругъ люди, скрывшіеся въ углубленіи, отделились отъ стѣны и бросились къ принцу и къ Оривъ съ криками:

«— На смерть! на смерть!

«Я уже ничего не понимала и только угадывала, что неожиданная помощь подошла къ намъ. Я упала на колѣни и благо дарила Бога.

«Но лишь-только принцъ выступилъ впередъ, лишь-только онъ назвалъ себя, какъ всѣ голоса умолкли, всѣ шпаги опустились и неожиданные защитники мои отступили.»

— Да, да; сказалъ Бюссі:—они поджидали не принца, а меня.

«— Какъ бы то ни было, продолжала Діана:— это нападеніе удалило принца. Мы увидѣли, какъ онъ ушелъ; молодые же дворяне опять стали на прежнее мѣсто въ уступѣ стѣны турнедскаго отеля.

«Нельзя было сомнѣваться, что по-крайней-мѣрѣ въ эту ночь опасность миновалась для насъ, потому-что скрывавшіеся дворяне

ишли дурной умьсель не противъ меня. Но мы были такъ обаяны и взволнованы, что не могли лечь спать. Мы остались у окна и съ боязнію ожидали какого-нибудь новаго происшествія.

«Мы ждали не долго. Посерединѣ Сент-Антуанской-Улицы показался всадникъ.

«Это былъ, по-видимому, тотъ, котораго поджидали молодые люди, потому-что, увидѣвъ его, они закричали: «впередъ, впередъ!» и бросились на него.

«Вы знаете все, что случилось далѣе...» сказала Діана.

— Напротивъ, возразилъ Бюссі, надѣясь открыть какую-нибудь тайну сердца молодой женщины: — я не знаю ничего, кромѣ поединка, или, лучше сказать, битвы, потому-что послѣ лишился чувствъ.

— Не считаю нужнымъ объяснять вамъ, какое участіе принимали мы въ этой битвѣ, столь неравной, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь мужественно поддерживаемой съ вашей стороны» сказала Діана, слегка покрасивъ. — «При каждой перемѣнѣ этой битвы, мы вскрикивали... молились... за васъ. Мы видѣли, какъ ваша лошадь качнулась и упала. Мы думали, что вы погибли, но нѣтъ! храбрый Бюссі оказался достойнымъ своей славы. Вы встали на ноги, и противники ваши встрѣтили грознаго врага; наконецъ, будучи окружены, угрожаемы со всѣхъ сторонъ, вы отступили какъ левъ, обратившись лицомъ къ непріятелю, и прислонились къ нашей двери... тогда въ умъ нашемъ мелькнула мгновенно одна и та же мысль: мы хотѣли сойти внизъ, отворить дверь и впустить васъ... Гертруда взглянула на меня...

«— Да, сказала я ей, и мы вмѣстѣ побѣжали къ лестницѣ.

«Но я уже говорила вамъ, что мы заставили дверь, и потому прошло нѣсколько минутъ, пока мы могли отставить отъ нея громажденную мѣбель... Въ то самое мгновеніе, когда мы вышли на лестницу, мы услышали, что дверь наша съ шумомъ захлопнулась.

«Мы остановились неподвижны. Кто вошелъ къ намъ и какимъ образомъ?

«Вскорѣ послышались чьи-то шаги въ корридоръ; они приближались къ лестницѣ... показался мужчина... онъ шелъ нетвердыми шагами и выставивъ руки впередъ... показнулся и упалъ съ глухимъ стономъ.

«Тогда мы увидѣли, что намъ-самимъ нѣчего было страшиться, и что, напротивъ, незнакомецъ нуждался въ нашей помощи.

«— Принеси лампу! сказала я Гертрудѣ.

«Она побѣжала и воротилась съ огнемъ.

«Мы не ошиблись: вы были въ обморокъ. Мы узнали въ васъ дворянина, который такъ мужественно защищался противъ яторыхъ, и немедленно рѣшились подать вамъ помощь, снесли васъ въ мою комнату и уложили на постель.

«Вы не приходили въ себя; помещь врача казалась необходи-

мою. Гертруда вспомнила, что ей рассказывали о чудесной операциі, исполненной недавно однимъ молодымъ докторомъ, жившимъ... въ улицѣ... въ улицѣ Ботрельи. Она знала, гдѣ онъ жилъ, и предлежала мнѣ сходить за нимъ.

«— Но, замѣтила я:—этотъ молодой человѣкъ можетъ измѣнить намъ.

«— Будьте спокойны, отвѣчала она: — я прийму свои мѣры. Гертруда дѣвушка смѣлая и вмѣстѣ осторожная. Я совершенно положила на нее. Она взяла деньги, ключъ и кинжалъ мой... и осталась одна съ вами... и молилась за васъ.»

— О! воскликнулъ Бюссі: — я не зналъ всего своего счастья!..

— Четверть часа спустя, продолжала Діана: — Гертруда воротилась, ведя съ собою молодого доктора, который на все согласился и слѣдовалъ за нею съ завязанными глазами.»

— Да, сказалъ Бюссі:—въ эту минуту я пришелъ въ себя, глаза мои остановились на вашемъ портретѣ, и мнѣ показалось, что онъ ожилъ, вышелъ изъ рамы.

— Я точно вошла въ эту минуту; безпокойство заставило меня забыть осторожность; я сдѣлала нѣсколько вопросовъ молодому доктору; онъ осмотрѣлъ вашу рану, сказалъ, что она неопасна, и я успокоилась.

— Все это сохранилось въ моей памяти, сказалъ Бюссі: — но такъ неясно, какъ остается воспоминаніе о сновидѣніи; а между тѣмъ здѣсь, прибавилъ молодой человѣкъ, приложивъ руку къ сердцу: — здѣсь мнѣ что-то говорило, что это не было сновидѣніемъ.

— Докторъ, перевязавъ вашу рану, вынулъ изъ кармана маленькую стекляночку съ красною жидкостью и вылилъ вамъ въ ротъ нѣсколько капель...

«— Этотъ эликсиръ, сказалъ онъ:—усыпите раненнаго и прогнать лихорадку.

«И точно, минуту спустя, вы опять закрыли глаза и впали опять въ безпамятство, изъ котораго на минуту вышли.

«Я испугалась; но докторъ успокоилъ меня.

«— Все къ лучшему, сказалъ онъ: — дайте теперь больному хорошенько выспаться.

«Гертруда опять завязала ему глаза и проводила въ улицу Ботрельи. Она замѣтила, что онъ считалъ шаги.»

— Точно, сказалъ Бюссі:—онъ сосчиталъ шаги.

— Это предположеніе испугало насъ. Молодой врачъ могъ измѣнить намъ. Мы рѣшились скрыть все слѣды оказаннаго намъ гостепрїимства; но самое главное состояло въ томъ, чтобъ скрыть васъ—самихъ... но какъ? куда?

«Я собрала все силы; было два часа по полуночи; на улицахъ не было ни души. Гертруда сильна; она совѣтовала вынести васъ... Положеніе наше было таково, что мы должны были рѣшиться на это. Мы вмѣстѣ поднимли васъ и донесли до тампльскаго рва.

Потомъ на-скоро воротились домой, испуганныя смѣлостью, съ которою мы, женщины, вышли однѣ на улицу въ такое время, когда даже мужчины выходятъ только въ сопровожденіи слугъ.

«Господь берегъ насъ: мы не встрѣтили никого и воротились домой никѣмъ незамѣченныя.

«Воротившись, я лишилась чувствъ...»

— О, Боже мой! вскричалъ Бюссі, сложивъ руки:— чѣмъ я замачу за то, что вы для меня сдѣлали!

Наступила минута молчанія, во время котораго Бюссі съ нѣжностью смотрѣлъ на Діану. Молодая женщина, опершись на столъ, опустила голову.

Посреди этого молчанія, раздался бой башенныхъ часовъ на Церквн-св.-Екатерины.

— Два часа! сказала Діана вздрогнувъ. — Два часа! а вы еще здѣсь!

— О, ради-Бога, умоляя Бюссі:— не отсылайте меня, не облыжнѣвъ, какъ и чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ. Предположите, что Господь даровалъ вамъ брата, и скажите этому брату, что онъ можетъ сдѣлать для сестры своей.

— Увы! теперь ничего! сказала молодая женщина:— уже поздно!

— Что было на другой день? спросилъ Бюссі:— что дѣлали вы въ тотъ день, когда я думалъ только о васъ, не будучи одна-гожь убѣжденъ въ томъ, что вы не были только мечтою, видѣніемъ?

— Въ-продолженіи этого дня, продолжала Діана: — Гертруда вышла и встрѣтила Орильи. Онъ разспрашивалъ ее болѣе прежняго и не сказалъ ни слова о ночномъ покушеніи, но только именованъ своего господина просилъ у меня свиданія.

«Гертруда согласилась, прося, чтобъ онъ обождалъ до среды, то-есть до сегодня.

«Орильи обѣщала, что господинъ его умѣритъ свое нетерпѣніе и будетъ ждать.

«Итакъ, намъ предстояли три дня отдыха.

«Вечеромъ пришелъ графъ де-Монсорё.

«Мы рассказали ему все, кромѣ того, что касалось до васъ. Мы сказали ему, что въ прошедшую ночь герцогъ отворилъ дверь фальшивымъ ключомъ, но что въ то самое время, когда онъ намеревался войти, на него напали пять дворянъ, между которыми были д'Эпернонъ и Келюсъ, имена которыхъ я запомнила.

«— Да, да, сказалъ графъ:—я уже слышалъ объ этомъ; следовательно, у него есть ключъ... Я ожидалъ этого.

«— Нельзя ли перемѣнить замка? спросила я его.

«— Онъ сдѣлаетъ новый ключъ, отвѣчалъ графъ.

«— Прикажете сдѣлать задвижки.

«— Онъ придетъ съ десятью челоуѣками и выломаетъ дверь.

«— Но вы ожидали какого-то событія, которое дастъ вамъ власть надъ герцогомъ.

«— Оно отложено, можетъ-быть, на долгое время.

«Я замолчала; холодный потъ выступилъ на лбу моемъ, и я уже не могла болѣе скрывать отъ себя, что могла спастись отъ герцога анжуйскаго только сдѣлавшись женою графа.

«— Графъ, сказала я ему:—повѣренный герцога обѣщалъ ждать до середины... я прошу васъ подождать до вторника.

«— Во вторникъ вечеромъ, сударыня, сказалъ графъ:—въ такое же время, я буду здѣсь.

«И, не говоря болѣе ни слова, онъ всталъ и удалился.

«Я слѣдила за нимъ глазами и увидѣла, что, вмѣсто того, чтобы удалиться, онъ всталъ въ углубленіе турнельской стѣны и, казалось, рѣшился простоять тамъ всю ночь, чтобы въ случаѣ нужды послѣпить ко мнѣ на помощь. По-крайней-мѣрѣ, я такъ думала.

«Каждое доказательство преданности этого человека поражало меня въ сердце.

«Два дня прошли быстро; ничто не возмутило нашего уединенія. Не могу вамъ объяснить, что я ощущала въ эти два дня.

«Когда наступила ночь втораго дня, я была уничтожена; всѣ чувства, казалось, мало-по-малу покидали меня. Я была неподвижна, нѣма и холодна, какъ статуя; одно сердце мое только билось, все остальное существо какъ-бы перестало жить.

«Гертруда стояла у окна. Я, сидя на одномъ мѣстѣ, отирала платкомъ выступавшій на лицѣ потъ.

«Вдругъ Гертруда протянула ко мнѣ руку; это движеніе, которое за нѣсколько дней заставило бы меня вздрогнуть, не произвело теперь на меня никакого дѣйствія.

«— Сударыня! сказала она.

«— Что?

«— Четыре человека... я вижу четырехъ человекъ... они приближаются сюда... отворяютъ дверь... входятъ...

«— Пусть входятъ, отвѣчала я не трогаясь.

«— Но это люди, вѣроятно, герцога анжуйскаго, Орильи и сообщники ихъ.

«Вмѣсто отвѣта, я взяла кинжалъ и положила его воелъ себя на столъ.

«— Позвольте мнѣ сперва посмотреть, вскричала Гертруда, бросившись къ двери.

«И минутой спустя, она воротилась.

«— Сударыня, это графъ.

«Я спрятала кинжалъ не сказавъ ни слова, только обратилась лицомъ къ входившему графу.

«Кажется, блѣдность моя испугала его.

«— Гертруда сказала мнѣ, что вы меня приняли за герцога и хотѣли убить себя, еслибъ ваше опасеніе оправдалось? вскричалъ онъ.

«Я въ первый разъ видѣла его взволнованнымъ. Было ли это волненіе действительно или притворно?

«— Гертруда напрасно сказала вамъ это, отвѣчала я.

«Наступила минута молчанія.

«— Вы знаете, что я пришелъ не одинъ, сказалъ графъ.

«— Гертруда видѣла четырехъ людей.

«— Догадываетесь ли вы, кто они?

«— Я полагаю, что одинъ изъ нихъ священникъ, а двое свидѣ-
ли.

«— Согласны ли вы сдѣлаться моею женою?

«— Развѣ я не дала вамъ слова? Только я не забываю нашего
оговора; мы условились, что только въ крайности я выйду за васъ
и въ присутствіи моего отца.

«— Я не забылъ этого условія, только мнѣ кажется, что поло-
женіе дѣлъ таково...

«— Вы правы.

«— Что же?

«— Я готова сдѣлаться вашею женою, графъ. Но замѣьте од-
но: вы вступите въ права мужа не прежде, пока я не увижусь
съ отцомъ моимъ.

«Графъ насупилъ брови и сжалъ губы.

«— Я не намѣренъ приневоливать васъ, сказалъ онъ: — вы дали
слово... я готовъ отказаться отъ своихъ правъ; вы свободны...
яко...

«Онъ подошелъ къ окну и бросилъ взглядъ на улицу.

«— Только, продолжалъ онъ: — смотрите...

«Я встала, движимая могущественнымъ влеченіемъ, заставляю-
щимъ насъ удвояваться въ несчастіи, и подъ окномъ увидѣла
кюльба, закутаннаго въ плащъ и какъ-бы старавшагося войти
въ дверь...»

— Боже мой! вскричалъ Бюссі: — вы говорите, что это было
чуждъ?

— Да, вчера, около девяти часовъ вечера.

— Продолжайте, сказалъ Бюссі.

— Минуту спустя, къ этому человѣку присоединился еще одинъ:
и оба держали въ рукахъ фонарь.

«— Что думаете вы объ этихъ людяхъ? спросилъ меня графъ
де-Монсоро.

«— Я думаю, что это герцогъ и его повѣренный, отвѣчала я.

Бюссі глубоко вздохнулъ.

«— Теперь, продолжалъ графъ: — приказывайте—уйдите мнѣ, или
оставаться?»

«Я колебалась... Да, не смотря на письмо моего отца, не смо-
тря на данное обѣщаніе, не смотря на близкую, страшную опа-
сность, я колебалась... и еслибъ у двери не было этихъ людей...»

— О! я несчастный! вскричалъ Бюссі: — человѣкъ въ плащѣ
былъ я; человѣкъ съ фонаремъ былъ Ремі-де-Годуэнъ, тотъ моло-
дой врачъ, за которымъ вы послали!

— Вы! вскричала Діана съ изумленіемъ.

— Да, я... я, болѣе-и-болѣе убѣжденный въ дѣйствительности своихъ воспоминаній, старался отвѣкать домъ, въ которомъ мнѣ было оказано гостепрѣимство, комнату, въ которой лежалъ, женщину или, лучше сказать, ангела, котораго видѣлъ... О! я несчастный несчастный!

И Бюссі былъ какъ-бы уничтоженъ подъ бременемъ фатализма; воспользовавшись имъ, чтобъ заставить Діану отдать руку графу.

— Следовательно, продолжалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія — теперь вы... жена его?

— Со вчерашняго вечера, отвѣчала Діана.

И опять наступило молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ молодыхъ людей.

— Но скажите, спросила вдругъ Діана: — какимъ-образомъ вы вошли въ этотъ домъ?

Бюссі молча показалъ ей ключъ.

— Ключъ! вскричала Діана: — откуда вы достали этотъ ключъ? Кто вамъ далъ его?

— Гертруда общала принцу ввести его къ вамъ сегодня вечеромъ... Принцъ видѣлъ графа де-Монсорю и меня; а такъ-какъ и Монсорю и я также видѣли его, то онъ побоялся опасности и послалъ меня вмѣсто себя.

— И вы приняли на себя это порученіе? сказала Діана съ легкимъ упрекомъ.

— Это было единственное средство войти къ вамъ. Неужели вы будете такъ несправедливы и осудите меня за то, что пришелъ сюда за одною изъ величайшихъ радостей и одною изъ величайшихъ горестей моей жизни?

— Да, я осуждаю васъ, сказала Діана: — потому-что лучше было бы, еслибы вы не видали меня... и забыли бы обо мнѣ.

— Нѣтъ, сказалъ Бюссі: — вы ошибаетесь. Самъ Господь послалъ меня къ вамъ, чтобъ открыть страшныя козни, которыхъ жертвой вы сдѣлались. Послушайте; съ той минуты, какъ я впервые увидѣлъ васъ, вся жизнь моя принадлежитъ вамъ. Теперь же я приступлю къ исполненію долга, который я самъ возложилъ на себя. — Вы желали имѣть извѣстія объ отцѣ своемъ?

— О, да! вскричала Діана: — я не знаю, что случилось съ нимъ.

— Я все узнаю и все сообщу вамъ, сказалъ Бюссі: — вспоминайте только иногда о томъ, кто, начиная съ этой минуты, будетъ жить только вами и для васъ.

— Но этотъ ключъ? спросила Діана съ безпокойствомъ.

— Я возвращаю его вамъ, сказалъ Бюссі: — потому-что хочу пользоваться имъ только въ такомъ случаѣ, когда вы сами дадите его мнѣ. Клянусь честію, что я буду пользоваться этимъ ключомъ какъ почтительный и преданный братъ.

— Я вѣрю слову храбраго Бюссі, сказала Діана: — возьмите.

И она подала ключъ молодому человѣку.

— Не позже какъ черезъ двѣ недѣли, сказалъ Бюсси: — мы узнаемъ, что такое графъ де-Монсоро.

И, поклонившись Дианѣ съ почтительностію, смѣшанною съ пламенною любовію и глубокою грустію, Бюсси исчезъ за дверью.

Диана опустила голову и долго прислушивалась къ удалявшемуся шагамъ молодого человѣка. Давно уже умолкъ этотъ звукъ, а она все еще слушала съ сильнымъ сердечнымъ бивіемъ и слезами на глазахъ...

V.

Какъ путешествовалъ король Генрихъ III и сколько времени ему было нужно, чтобы дохать изъ Парижа въ Фонтенбло.

Четыре или пять часовъ спустя послѣ разсказаннаго нами, бледное солнце, едва серебрявшее края красноватаго облака, освѣтило отъѣздъ короля Генриха III въ Фонтенбло, гдѣ, какъ мы уже сказали, дѣлались приготовления къ большой охотѣ.

Этотъ отъездъ, который, при другомъ государѣ, остался бы незамѣченнымъ, при Генрихѣ — этомъ странномъ королѣ, царствованіе котораго мы вознамѣрились описать, — составлялъ важное событіе по шуму и суматохѣ, его сопровождавшимъ.

И точно, съ восьми часовъ утра по луврской набережной гнула длинная процессія, выходившая изъ большихъ воротъ, между Угловой-Башней и Астрюсской-Улицей; впереди, на красивыхъ лошадяхъ, ѣхали дежурные дворяне, закутанные въ подбитые мехомъ плащи; за ними безчисленное множество пажей, потомъ толпа лакеевъ и, наконецъ, дворцовая швейцарская стража, за которою непосредственно слѣдовалъ королевскій экипажъ.

Этотъ экипажъ, запряженный восьмью мулами подъ великолѣпными пологами, заслуживаетъ особаго вниманія.

Представьте себѣ четырехугольный продолговатый ящикъ на четырехъ колесахъ, внутри обложенный кругомъ подушками, а снаружи обитый парчовыми занавѣсами; онъ имѣлъ до пятнадцати футовъ длины и до восьми ширины. По тяжелой дорогѣ или въ гористыхъ мѣстахъ, къ восьми муламъ припрягалось неопредѣленное число воловъ, которыхъ медленный ходъ не прибавлялъ скорости, но не-крайней-мѣрѣ доставлялъ надежду прибыть къ цѣли, хотя двумя или тремя часами позже.

Въ этомъ ящикѣ помѣщался Генрихъ III и весь дворъ его, включая, однакожъ, королевы, Луизы-Водемонской, которая такъ мало принадлежала къ двору своего мужа, что появлялась только въ путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ, или въ другихъ религиозныхъ процессіяхъ.

Итакъ, оставивъ бѣдную королеву въ сторонѣ, скажемъ, изъ кого состоялъ дорожный дворъ Генриха III.

Онъ состоялъ, во-первыхъ, изъ самого короля, врача его Марка-Мирона, капеллана, имя котораго не дошло до насъ, шута Шикѣ, нашего стараго знакомаго, изъ пяти или шести мильионовъ, находившихся въ милости, Келюса, Шемберга, д'Эперюна, д'О и Можирона — изъ пары гончихъ собакъ, которыя, посреди всѣхъ этихъ людей лежавшихъ, сидѣвшихъ, или стоявшихъ, протягивали свои острыя, зѣбныя морды и зѣвали, и, наконецъ, изъ корзины, набитой цѣлою семьею щенковъ англійской породы, и которая то лежала на колыняхъ короля, то висѣла на цѣпочкѣ или на лентѣ у него на шеѣ.

По-временамъ, изъ нарочно-устроенной въ экипажѣ конуры вытаскивали суку, которая кормила щенятъ и на которую какъ-бы съ сожалѣніемъ смотрѣли гончія собаки, увѣренныя въ особенной оказываемой ей милости, и потому не считавшія нужнымъ ревновать.

Къ потолку была прицѣплена мѣдная золоченая клетка, въ которой сидѣли два прелестные голубя, бѣлые какъ снѣгъ, съ двойнымъ чернымъ кольцомъ на шейкахъ.

Если случайно въ экипажѣ попадалась какая-нибудь дама, то зѣвинецъ умножался еще двумя или тремя обезьянами, которыя въ то время были въ модѣ у дамъ двора послѣдняго короля изъ рода Валуа.

Статуэтка шартрской Божіей Матери, высѣченная изъ мрамора скульпторомъ Жаномъ Гужономъ для короля Генриха II, стояла на одномъ концѣ экипажа, въ вызолоченной нишѣ, и какъ-бы съ изумленіемъ смотрѣла на окружавшіе ее предметы.

Всѣ памфлеты того времени — недостатка въ нихъ не было, — всѣ сатирики той эпохи часто упоминали объ этомъ экипажѣ, называя его ноевымъ ковчегомъ.

Король сидѣлъ на одномъ концѣ, подъ самой нишей статуэтки; у ногъ его Келюсъ и Можиронъ сплетали ленты, — ~~защиты~~ составлявшее одно изъ самыхъ серьезныхъ дѣлъ молодыхъ людей того времени; оно послужило къ открытію множества самыхъ замысловатыхъ узловъ, тайна которыхъ потеряна въ наше время. Можиронъ выщипывалъ въ одномъ углу свой гербъ съ ногамъ дѣвцомъ, будто бы имъ-самимъ придуманнымъ; въ другомъ углу, кадиллакъ разговаривалъ съ врачомъ; д'О и д'Эперюнъ выглядывали въ окна и, вставъ слишкомъ-рано, зѣвали заодно съ гончими; наконецъ, Шикѣ, сидя у однихъ дверейъ, вывѣсивъ ноги наружу, чтобъ быть всегда наготовѣ выйти изъ экипажа, когда ему понадобится, цѣлъ кантаты, декламировалъ насквильи, или, ~~до~~ модѣ того времени, сочинялъ анаграммы и во всѣхъ именахъ придворныхъ находилъ чрезвычайно-непріятныя личности.

Прибывъ на площадь Шатлѣ, Шикѣ зацѣлъ кантату.

Капелланъ, разговаривавшій, какъ мы уже сказали, отвернулся съ неудовольствіемъ и нахмурился.

— Шикò, другъ мой, сказалъ король: — берегись.

— Спасибо за советъ, сынъ мой, сказалъ Шикò: — я и забылъ про нашего достойнаго капеллана, разговаривающаго съ докторомъ. Не нужно кантатъ? изволь; я спюю тебѣ самую новельскую пьсенку, только-что-сложенную.

— На какой голосъ? спросилъ король.

— Все на тотъ же, отвѣчалъ Шикò, и запѣлъ во все горло:

Notre roi doit cent millions (*)...

— Я долженъ больше этого, сказалъ Генрихъ: — тотъ, кто слагаетъ эту пьсенку, лжетъ, Шикò; я долженъ больше.

Не обращая вниманія на эти слова, Шикò продолжалъ:

*Henri doit deux cent millions,
Et faut, pour acquitter les dettes
Que Messieurs les mignons ont faites
De nouvelles inventions,
Nouveaux impôts, nouvelles tailles,
Qu'il faut, du profond des entrailles
Des pauvres sujets arracher.
Malheureux qui traînent leurs vies
Sous la griffe de ces harpies
Qui avalent tout sans mâcher (**).*

— Хорошо! сказалъ Келюсъ, продолжая сплетать шелковые ленты: — у тебя прекрасный голосъ, Шикò. Продолжай, другъ мой; спой намъ второй куплетъ.

— Послушай, Валуа, сказалъ Шикò, не отвѣчая Келюсу: — не вели своимъ друзьямъ называть меня другомъ: это обидно.

— Говори стихами, Шикò, отвѣчалъ король: — проза твоя никуда не годится.

— Изволь, сказалъ Шикò и продолжалъ:

*Leur parler et leur vêtement.
Se voit tel qu'une honnête femme
Aurait peur d'en recevoir blâme,
Vêtue aussi lascivement.
Le cou ne se tourne à son aise.
Dedans les reptis de leur fraise;*

(*) Намъ король долженъ двѣсти милліоновъ.

(**) Генрихъ долженъ двѣсти милліоновъ, и нуженъ, чтобъ покрыть долги, слагаемые господами милліонщиками, новыми выдумки, новые налоги, новые поборы, которые должно вырвать изъ внутренности бѣдныхъ подданныхъ, несчастныхъ, влекущихъ жизнь подъ ногтями грабителей, которые поглосають все, не жуж.

Déjà le froment n'est plus bon
 Pour l'ampois blanc de leur chemise,
 Et faut pour façon plus exquise,
 Faire de riz leur amidon (*).

— Bravo! сказалъ король:—кажется, д'О избралъ рисовый крахмалъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Шикò:— не д'О, а мосьё де-Сен-Мегренъ, представившійся въ прошломъ году подъ ударами мосьё де-Майенна. Помилуйте, за что вы лишаете бѣднаго покойника его достоинствъ? крахмалъ и то, что онъ съблалъ мосьё де-Гизу, составляютъ всю славу его; отнимите у него крахмалъ, и имя его не дойдетъ до потомства.

И, не обращая вниманія на лицо короля, омрачившееся при этомъ воспоминаніи, Шикò продолжалъ:

Leur poil est tondu au compas...

— Все это говорится о миньйонахъ, замѣтилъ Шикò, прерывая пѣніе.

— Понимаемъ, понимаемъ; продолжай! сказалъ Шомбергъ. Шикò продолжалъ:

Leur poil est tondu au compas,
 Mais non d'une façon pareille,
 Car en avant, depuis l'oreille,
 Il est long et derrière bas (**).

— Старая пѣсня! сказалъ д'Эпернонь.

— Старая? вчера только сложена.

— Ну, а мода ужъ перемѣнилась сегодня утромъ: смотри.

И д'Эпернонь снялъ токъ, чтобъ показать Шикò, что спереди волосы его были такъ же коротко-острижены, какъ сзади.

— О! какъ это скверно! вскричалъ Шикò и продолжалъ:

Leurs cheveux droits par artifice,
 Par la gomme qui les hérissé,
 Retordent leurs plis refrisés
 Et dessus leur tête légère,
 Un petit bonnet par derrière
 Les rend encor plus déguisés (**).

(*) Ихъ языкъ и одежда таковы, что честная женщина подверглась бы осужденію, еслибъ нарядилась такъ сладострастно. Шеѣ ихъ нѣшаютъ поворачиваться нѣжныя складки брыжей, и пшеница ужъ не годится для того, чтобъ крахмалить ихъ рубахи, а для вящаго ихъ удовольствія, должно дѣлать крахмалъ изъ риса.

(**) Волосы ихъ подстрижены по циркулю, но только не одинаково, ибо спереди отъ ушей она длинны, а сзади коротки.

(***) Волосы ихъ искусственно приглажены, клей становится ихъ дыбомъ, кудри искусно завиты; а сверхъ вѣтренныхъ головъ надѣта сзади маленькая шапочка, которая еще болѣе обезображиваетъ ихъ.

— Пропускаю четвертый куплетъ, сказалъ Шикó: — онъ слишкомъ-безразривственъ.

Потомъ онъ опять запѣлъ:

Pensez-vous que nos vieux Français,
Qui par leurs armes valeureuses
En tant de guerres dangereuses
Ont fait retentir leurs exploits,
Erandant le fruit de leur gloire.
Avec le nom de leur victoire,
En tant de périlleux hasards,
Eussent la chemise empesée,
Eussent la perruque frisée,
Eussent le teint blanchi de fards (*)?

— Bravo! вскричалъ Генрихъ: — еслибъ братъ мой былъ здесь, онъ поблагодарилъ бы тебя, Шикó.

— Кого называешь ты братомъ, сынъ мой? спросилъ Шикó. — Ужь не Жозефа ли Фулона, сен-женевскаго аббата, къ которому, какъ говорятъ, ты ходишь на покаяніе?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Генрихъ, спускавшій Шикó весь его шутки.

— Я говорю о братѣ моемъ, Франсуа.

— Ахъ, да! Понимаю, понимаю, ты говоришь о Франсуа, принца крови Божіею милостію, герцога брабантскаго, лотьерскаго, люксамбургскаго, гвельдрскаго, алансонскаго, анжуйскаго, туренскаго, беррійскаго, эврѣскаго, шато-тьерскаго, графа фламдрскаго, голландскаго, зеландскаго, зютфенскаго, менскаго, першскаго, митскаго, мѣлчнскаго и бофорскаго, маркиза святой имперіи, сѣцлера фризскаго и малинскаго, защитника бельгійской свободы, которому природа дала одинъ носъ, оспа два, и на котораго я сочинилъ слѣдующее четверостишіе:

Messieurs, ne soyez étonnés,
Si voyez à François deux nez,
Car par droit comme par usage,
Faut deux nez à double visage (**).

Миньйоны разсмѣялись, потому-что герцогъ анжуйскій былъ личный врагъ ихъ, и эниграмма на принца заставляла ихъ на время забыть насмѣлку на нихъ-самихъ, пропѣтый шутомъ.

Что касается до короля, то какъ до-сихъ-поръ Шикó не задѣвалъ его-самого, онъ смѣялся громче другихъ, но шадя никого, корма сахаромъ и пирожнымъ собакъ и злослови брата и друзей.

(*) Не-уже-ли вы думаете, что у нашихъ древнихъ Французовъ, которые съ своимъ страшнымъ оружіемъ въ столькихъ опасныхъ битвахъ прославились подвигами, распространили плоды своей славы вмѣстѣ съ именами своихъ побѣдъ, въ столькихъ опасныхъ случаяхъ, — не-уже-ли вы думаете, что у нихъ рубахи были нахраплены, парики завиты, лицо намазано бѣлизной?

(**) Господа, не удивляйтесь, если увидите два носа у Франсуа, ибо по праву и по обычаю нужно два носа двойному лицу.

Вдругъ Шикò вскричалъ:

— О! Генрихъ, ты не соблюдаешь политики; Генрихъ, это дерзко и неосторожно.

— Что такое? спросилъ король.

— Нѣтъ, слово честнаго шута, ты не долженъ бы сознаваться въ такихъ вещахъ... фи, фи!

— Въ какихъ вещахъ? спросилъ Генрихъ съ взумленіемъ.

— Въ тѣхъ, которыя ты самъ говоришь про себя, когда подписываешь свое имя. А, Генрихъ! а, сынъ мой! это нехорошо.

— Берегитесь, ваше величество, сказалъ Келюсъ, угадывавшій какую-нибудь колкость по сладкому выраженію лица Шикò.

— Что ты за вздоръ несешь, дуракъ? спросилъ король.

— Какъ ты подписываешься? Ну-ка, скажи!

— *Pardieu!*.. Я подписываюсь... я подписываюсь... *Henri de Valois*.

— Замѣьте, господа, сказалъ Шикò: — онъ самъ это говоритъ посмотримъ, нѣтъ ли въ этихъ тринадцати буквахъ буквы V?

— Разумется; *Valois* начинается съ буквы V.

— Достопочтенный капелланъ, выньте свою записную книжку потому-что я нашелъ настоящее имя короля; *Henri de Valois* не что иное, какъ анаграмма.

— Какъ такъ?

— Конечно, анаграмма. Я вамъ сейчасъ скажу настоящее имя моего сына. Итакъ: въ *Henri de Valois* есть V; пишете V, достопочтенный капелланъ.

— Написано, сказалъ д'Эпернонь.

— Нѣтъ ли въ этой подвиси буквы i?

— Конечно есть, это послѣдняя буква имени *Henri*.

— Какъ велика злоба людская! сказалъ Шикò: — зачѣмъ она отдѣлила эти двѣ буквы, которыя созданы для того, чтобъ стояли рядомъ! Итакъ: поставьте послѣ V букву i. Готово ли?

— Готово, отвѣчалъ д'Эпернонь.

— Поведемъ теперь, не выйдетъ ли буква l; есть? ладно! Буква a тоже есть; другое i; сидитъ; есть и n. Ладно! Умьешь ли ты читать, Погаро?

— Умью, къ стыду своему, отвѣчалъ д'Эпернонь.

— Полно важничать; не-уже-ли ты считаешь себя такимъ важнымъ лицомъ, что тебѣ можно быть невѣждой?

— Дерзкій! вскричалъ д'Эпернонь, замкнувшись на Шикò сарказаномъ.

— Бей, но читай, сказалъ Шикò.

д'Эпернонь засмѣялся и сталъ читать по складамъ.

— *Vi-lain, vilain...*

— Ладно! вскричалъ Шикò. — Видишь ли, Генрихъ, какъ это хорошо начинается: имя твое я ужъ нашелъ. Надюсь, ты дашь мнѣ такую же пощину, какую братъ нашъ Карлъ IX платилъ мнѣ, когда я составляю и фамилію твою.

— Шикó, ты доведешь до того, что тебя надобно будетъ приколотить палками, сказалъ король.

— А гдѣ растутъ палки, которыми колотятъ дворянъ? Скажи, пожалуйста, сынъ мой.

— Мнѣ кажется, сказалъ Келюсъ: — что мосьё де-Майепнъ не нукался въ палкахъ, мой бѣдный Шикó, въ тотъ день, когда мсталъ тебя съ своей любовницей.

— За те я у него въ долгу. Не бойтесь, сеньёръ Купидонъ, это внесено у меня въ приходъ.

И Шикó приставилъ палець ко лбу.

— Позно, Келюсъ, сказалъ д'Эпернонъ: — я увѣренъ, что по твоей милости Шикó не доскажетъ намъ фамилию.

— Не бойся, сказалъ Шикó: — я поймалъ уже ее...

— Скажи, скажи фамилию! вскричали молодые люди.

— Во-первыхъ, въ остающихся буквахъ у насъ есть большое Н; види Н, Ногарé.

д'Эпернонъ виновался.

— Потомъ e, потомъ r, потомъ возьмемъ въ Valois—o; потомъ e, возьму то слово, которое грамотѣи называютъ частицей—d, e; потомъ прибавъ букву s, которою кончается имя. Все это вмѣстѣ составитъ... складывай, д'Эпернонъ, Н, e, r, o, d, e, s.

— Nérodes, сказалъ д'Эпернонъ.

— Vilain Nérodes! вскричалъ король.

— Угадалъ, отвѣчалъ Шикó: — и вотъ что ты не стыдишься подписывать каждый день. О, сынъ мой!

И Шикó съ комическимъ ужасомъ закрылъ лицо, опрокинувшись назадъ.

— Мосьё Шикó, сказалъ Генрихъ:—вы забываетесь.

— Нисколько, отвѣчалъ Шикó:—я говорю, что вижу; вотъ что значитъ быть откровеннымъ! Какъ-разъ разсерадишь кого-нибудь!

— Хороша твоя генеалогія! сказалъ Генрихъ.

— Не отрекайся отъ нея, сынъ мой, сказалъ Шикó:—venir de biche! Это самая лучшая генеалогія для короля, который безпрестанно имѣетъ дело съ Жидами.

— Этотъ грубиянъ всегда найдется, вскричалъ король.—Господи, помилуйте; такимъ-образомъ ему вѣкому будетъ отвѣчать.

Въ ту же минуту наступило глубокое молчаніе.

Шикó, внимательно глядѣвшій на дорогу, не намѣревался прервать молчанія, какъ вдругъ, нѣсколько минутъ спустя, на Мобертской-Площади, на углу улицы Нойе, Шикó выскочилъ изъ экипажа, растолкалъ стражей и бросился на колѣни воиъ угла мши довольно-красивой наружности и съ балкономъ на разрисованныхъ бревнахъ, выдавшимся на улицу.

— Эй, нечестивецъ! вскричалъ король: — что ты тамъ дѣлаешь?

Но Шикó не отвѣчалъ; онъ сталъ на колѣни на мостовой вслухъ произносить слова, которыя явственно доходили до слуха короля.

— Вотъ домъ,—я узнаю его и всю жизнь свою не забуду,— вотъ домъ, въ которомъ Шикó пострадалъ. Шикó никогда не призываетъ несчастія на мосьё де-Майенна, виновника своихъ несчастій, и на Николая Давида, орудіе пытки. Нѣтъ, Шикó ждалъ, потому что Шикó терпеливъ, хотя и не безгрѣшенъ,—и вотъ уже добрыхъ шесть лѣтъ, между которыми одинъ годъ високосный, какъ Шикó насчитываетъ проценты долга господамъ де-Майенну и Николаю Давиду... по десяти процентовъ—которые должно теперь называть законными процентами, потому-что самъ король платитъ ихъ своимъ кредиторамъ,—и такъ по десяти процентовъ, сложность ихъ удваиваетъ капиталъ въ теченіи семи лѣтъ. Пусть же у Шикó достанеть терпѣнія подождать еще годъ, чтобъ пятьдесятъ ударовъ, которые Шикó получилъ въ этомъ домъ по приказанію принца лотарингскаго, отъ рукъ разбойника, нормандскаго адвоката, удвоились вмѣстѣ съ кружкою крови, которую они выпустили изъ Шикó.

Шикó поцаловалъ землю, и къ невыразимому изумленію собравшихся зрителей, непонимавшихъ смысла этой сцены, вернулся занявъ прежнее свое мѣсто въ экипажѣ.

— Что значитъ, спросилъ король: — эта длинная и странная рѣчь и вся эта комедія?

— Ваше величество, отвѣчалъ шутъ: — Шикó похожъ на лису; Шикó долго-долго чуетъ и лижетъ камни, на которыхъ осталась его кровь, — лижетъ до-тѣхъ-поръ, пока не раздавитъ этимъ же камнями головы тѣхъ, которые пролили кровь его.

— Ваше величество! вскричалъ Келюсъ:—мнѣ послышалось, что Шикó произнесъ имя герцога майеннскаго, а потому я готовъ биться объ закладъ, что рѣчь его относится къ тѣмъ небоямъ, о которыхъ онъ сейчасъ говорилъ.

— Бейтесь, Жакъ де-Левй, графъ де-Келюсъ, сказалъ Шикó — бейтесь объ закладъ — выиграете.

— Слѣдовательно?... спросилъ король.

— Именно, ваше величество, отвѣчалъ Шикó:— въ этомъ домъ у Шикó была любовница, доброе и прелестное существо, да еще дворянка, въ добавокъ. Однажды ночью, когда онъ пришелъ къ ней какой-то ревнивый принцъ приказалъ окружить домъ, приказалъ схватить Шикó и бить его палками такъ немилосердно, что Шикó выскочилъ въ окно, или, лучше сказать, не имѣя времени отворить окна, соскочилъ съ этого маленькаго балкона, который вы видите на улицу и Шикó остался живъ только чудомъ.

— Ахъ, бѣдный Шикó! А вы еще бранили его, ваше величество!

— Такъ тебя больно прибили, мой бѣдный Шикó?

— О, очень, ваше величество! Только все-таки не довольно.

— Какъ такъ?

— Въ самомъ дѣвѣ, а былъ бы отецъ-доволенъ, еслибъ мнѣ делалось больше.

— За грѣхи твои?

— Нѣтъ, за грѣхи герцога майеннскаго.

— А! понимаю; ты думаешь мстить отважному воину...

— Нѣтъ, ошибаетесь, ваше величество. Нашъ великій полководецъ, неустрашимый воинъ — это старшій братъ, который добывается короны Франціи; нѣтъ, у этого расчетъ съ Генрихомъ де-Валуа; это касается до тебя, сынъ мой; знай свои долги такъ, какъ я знаю свои.

Генрихъ не любилъ, чтобъ ему говорили о его двоюродномъ братѣ, де-Гизѣ; а потому отвѣтъ Шикó заставилъ его задуматься, какъ-то до самаго Бисетра прерванный разговоръ уже не возобновлялся.

Въ три часа времени, экипажъ доѣхалъ отъ Лувра до Бисетра, оптимисты полагали, что на будущій день къ вечеру прибудутъ въ Фонтенблò, между-тѣмъ, какъ пессимисты предлагали парі, что прибудутъ туда не ранѣе полудня третьяго дня.

Шикó же увѣрялъ, что они никогда не доѣдутъ.

По выѣздѣ изъ Парижа, кортежъ сталъ свободнѣе подвигаться впередъ.

Утро было ясное; вѣтеръ утихъ; солнце проникло наконецъ сквозь тучи, и день походилъ на одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ октябрьскихъ дней, во время которыхъ, при шелестѣ послѣднихъ опадающихъ листьевъ, взоръ гуляющаго съ грустнымъ сожалѣніемъ огружается въ синеватую таинственную даль шепчущихъ лѣсовъ.

Было три часа пополудни, когда повѣздъ приблизился къ первымъ гѣзамъ жювизнекой ограды. Съ этой точки можно было уже затѣять шествіе, выстроенный на Оржв и большую гостиницу подъ названіемъ «*Cour de France*», смѣшивавшую съ рѣзкимъ вечернимъ вѣтеркомъ запахъ своихъ жаркихъ и веселый трескъ своихъ каминовъ.

Носъ Шикó на-лету схватилъ кухонныя испаренія. Онъ высунулся изъ экипажа и издали у двери гостиницы увидѣлъ нѣсколько чужаковъ, закутанныхъ въ плащи. Посреди этихъ людей былъ тотъ низенькій и толстый, лицо котораго было совершенно крыто широкою полями шляпой.

Эти люди послѣшно вошли въ гостиницу при появленіи повѣзда: Но низенькій толстакъ поотсталъ на минуту отъ другихъ, и какъ его не разглялъ Шикó. Въ то самое мгновеніе, когда толстакъ исчезъ, Шикó выскочилъ изъ экипажа, взялъ свою дорожку у пажа, ведшаго ее подъ уаццы, и, скрывшись за угломъ гѣны и незамѣчанный въ наступившія сумерки, онъ далъ прохаживать огаду, медленно подвигавшемуся къ Эссонну, гдѣ король намѣревался провести ночь; потомъ, когда послѣдніе всадники исчезли у Шикó изъ виду, когда не стало слышно шума колесъ на мостовѣй, шутъ выѣхалъ изъ-за своего угла, тайкомъ объѣхалъ замокъ

и поджочивал къ гостиницѣ, какъ-будто-бы прїѣхалъ изъ Фонтен-блѣ. Приблизившись къ окну, Шикѣ бросилъ быстрый взглядъ въ внутренность и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что люди, которыхъ онъ замѣтилъ, все еще были тамъ, а съ ними и толстякъ, котораго онъ, по-видимому, удостоивалъ особаго вниманія. Только такъ какъ Шикѣ имѣлъ свои причины стараться не быть замѣченнымъ, вмѣсто того, чтобъ войти въ ту комнату, въ которой былъ толстякъ, онъ вошелъ въ другую, приказавъ подать себѣ бутылку вина и сълѣзъ такимъ-образомъ, что могъ видѣть каждаго, кто захотѣлъ бы войти или выйти.

Изъ этой комнаты, Шикѣ, осторожно усѣвшійся въ тѣни, могъ видѣть уголокъ огромнаго камина въ сосѣдней комнатѣ. Въ этомъ углу сидѣлъ на табуретѣ толстякъ низкаго роста, вполне освѣщенный краснымъ свѣтомъ пламени, которому вязка виноградныхъ лозъ брошенныхъ въ эту минуту, придава еще болѣе яркости.

— Я не ошибся, говорилъ Шикѣ про-себя: — и когда я проклиналъ его у дома въ улицѣ Ноайе, то, казалось, чуялъ возвращеніе этого челоука. Но отъ-чего же онъ тайкомъ возвращается въ столицу моего друга Ирода? Зачѣмъ онъ прячется отъ него? А! Пшадъ! Пшадъ! Не-уже-ли намъ прїѣдется разсчитаться скорѣе, нежели думалъ?

Вскорѣ Шикѣ замѣтилъ, что съ мѣста, которое онъ себѣ выбралъ, онъ не только могъ видѣть, но, по странному случайному акустическому дѣйствию, могъ и слышать разговоръ этихъ людей. Шикѣ наострилъ уши съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ наблюдалъ за всѣми движеніями толстяка.

— Господи, сказалъ толстякъ своимъ товарищамъ: — мнѣ кажется пора вхатъ; послѣдній изъ лакеевъ пеѣзда провхалъ, и я думаю что въ это время дорога еще безопасна.

— Совершенно-безопасна, ваша святлость, отвѣчалъ голосъ, заставившій вздрогнуть Шикѣ и принадлежавшій челоуку, котораго онъ прежде не замѣтилъ, обративъ все свое вниманіе на главное лицо.

Челоукъ, которому принадлежалъ этотъ голосъ, былъ такъ же высокъ ростомъ, какъ тетъ, котораго онъ называлъ святостью, былъ низокъ, столько же блѣденъ, какъ тотъ румявъ, столько же почтителенъ, какъ тотъ дерзокъ.

— А! почтеннѣйшій Давидъ, сказалъ Шикѣ про себя и тихонько смѣясь: — Tu quoque... Ладно! Я буду очень-несчастливъ, если мы разстанемся и въ этотъ разъ не скажемъ другъ другу пары словъ.

Шикѣ выпилъ вино и заплатилъ хозяину; чтобъ ничто не могло задержать его, когда ему вздумается уйдти.

Предосторожность его была не напрасна, потому-что семь челоуковъ, обратившихъ на себя вниманіе Шикѣ, также стали расплачиваться, или, лучше сказать, толстякъ заплатилъ за всѣхъ; потомъ слуги или конюшіе подвели имъ лошадей, и вскорѣ всадники, по-

скававъ по направленію къ Парижу, исчезли въ туманѣ первыя вечернія сумерекъ.

— Хорошо! сказалъ Шикó: — онъ ѣдетъ въ Парижъ; такъ и я за нимъ.

И Шикó, также сѣвъ на лошадь, послѣдовалъ издали за всадниками, ни на минуту не теряя изъ вида ихъ сѣрыхъ плащей, или прислушиваясь къ топоту коней ихъ.

Вся кавалькада своротила съ большой дороги въ Фроманто, направилась къ Шуазі, потомъ, переѣхавъ черезъ Сену по Шарангонскому-Мосту, въѣхала въ городъ чрезъ Сент-Антуанскія-Ворота и подобно рою пчелъ скрылась въ домъ Гіза, въ которомъ ихъ, по-видимому, ожидали.

— Чудесно! сказалъ Шикó, прячась за уголъ: — это, какъ видно, козни не одного Майенна — тутъ есть и гизовскія!.. До-сихъ-поръ это было только любопытно, теперъ же становится чрезвычайно-интереснымъ. Подождемъ.

И Шикó прождалъ въ-самомъ-дѣлѣ добрый часъ, не смотря на холодъ и голодъ, начинавшіе жестоко терзать его. Наконецъ, дверь опять отворилась: но, вмѣсто шести всадниковъ, закутанныхъ въ плащи, изъ нея вышли семь монаховъ, закрытыхъ капюшонами и вооруженныхъ огромными четками.

— О! вскричалъ Шикó: — какая неожиданная развязка! Не-уже-ли домъ Гізовъ до того проникнуть притворнымъ благочестіемъ, что нечестивцы обращаются въ Божьихъ овецекъ, только переступивъ за порогъ его?.. Теперъ эта исторія становится еще занимательнѣе.

Шикó послѣдовалъ за монахами точно такъ, какъ прежде слѣдовалъ за всадниками, не сомнѣваясь, что подъ монашеской одеждой скрывались тѣ же люди, которые прежде скрывались подъ плащами.

Монахи перешли черезъ мостъ Нотр-Дамъ, прошли городъ, дошли до Мобёрской-Улицы и вступили въ Улицу-Св.-Женеьевы.

— Ой, ой, ой! сказалъ Шикó, снявъ шляпу, когда проходилъ мимо дома, передъ которымъ онъ утромъ преклонялъ колѣни: — какъ не возвращаемся ли мы въ Фонтенблô? Въ такомъ случаѣ, я напрасно хлопоталъ... Однако нѣтъ... мы идемъ не туда.

Монахи остановились у воротъ Аббатства-Св.-Женеьевы и исчезли подъ сводами, во мракѣ которыхъ стоялъ другой монахъ того же ордена; послѣдній выступилъ впередъ и пропускалъ пришедшихъ не иначе, какъ съ величайшимъ вниманіемъ осматривъ ихъ лица.

— *Tudieu!* подумалъ Шикó: — чтобъ цопастъ сегодня вечеромъ въ аббатство, нужно, какъ кажется, чистенько вымыть руки. Нѣтъ... нѣтъ... тутъ скрывается что-то необыкновенное!

Послѣ этого размысленія, Шикó, довольно озабоченный тѣмъ, какъ бы узнать намѣренія людей, за которыми слѣдовалъ, сталъ сматриваться и съ изумленіемъ увидѣлъ со всѣхъ сторонъ монаховъ, шедшихъ къ аббатству поодиначкѣ и попарно.

— Что бы это значило? подумалъ Шикó:—что за важное совѣщаніе сегодня въ Аббатствѣ-Св.-Женевьевы?.. Въ первый разъ въ жизнь мнѣ приходитъ охота побывать на монашескомъ совѣщаніи. в, признаюсь, страшная охота!

Монахи исчезали подъ сводомъ, показывая руки или извѣстныя значокъ, бывшій у нихъ въ рукахъ.

— Я бы охотно пошелъ за ними, подумалъ Шикó: — но для этого у меня не достаетъ двухъ необходимыхъ вещей: во-первыхъ монашеской одежды, ибо я не вижу ни одного свѣтскаго между этими почтенными особами, а во-вторыхъ той вещицы, которую они показываютъ брату-привратнику; я увѣренъ, что она показываетъ какой-то значокъ! Ахъ, братъ Горанфлó, братъ Горанфлó, еслибъ ты былъ теперь здѣсь, мой достойный другъ!

Это восклицаніе было вынуждено воспоминаніемъ объ одномъ изъ почтенныхъ братій женовѣфицовъ, котораго Шикó обыкновенно угощалъ, когда не обѣдалъ въ Луврѣ,—о томъ самомъ, съ которымъ, во время покаятельнаго шествія, шутъ остановился въ гостинницѣ у Монмартрскихъ-Воротъ.

Монахи все-еще продолжали стекаться со всѣхъ сторонъ, такъ что можно было подумать, что половина населенія Парижа поступила въ монашество; а братъ-привратникъ не переставалъ осматривать всѣхъ съ одинакимъ вниманіемъ.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ Шикó про себя:—сегодня вечеромъ происходитъ что-то необыкновенное. Я долженъ найти средство удовлетворить своему любопытству. Теперь половина восстамаго; братъ Горанфлó, вѣроятно, сидитъ въ гостинницѣ Рога-Изобилія; онъ, обыкновенно, ужинаетъ въ это время.

Шикó оставилъ монаховъ и, пустивъ лошадь въ галопъ, вскорѣ доскакалъ до Сен-Жакской-Улицы, гдѣ наспротивъ Монастыря Св.-Бенуа процвѣтала гостинница Рога-Изобилія.

Шикó былъ знакомъ въ этой гостинницѣ не какъ обычный посетитель, но какъ одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ гостей, которые оставляли по-временамъ золотую монету и часть своего ума въ заведеніи Клода Бономé. Такъ звали раздавателя даровъ Церера и Бахуса, которые постоянно сыпались изъ знаменитаго мифологическаго рога, служившаго вывѣской заведенію.

VI.

Читатель будетъ имѣть удовольствіе познакомиться съ братомъ Горанфлó, о которомъ уже два раза было упомянуто въ нашемъ разсказѣ.

За прекраснымъ днемъ наступилъ прекрасный вечеръ; но такъ какъ день былъ холодный, то вечеръ былъ еще холоднѣе. Подъ шляпами запоздалыхъ прохожихъ видѣнъ былъ паръ ихъ дыханія.

остылаемый красноватымъ свѣтомъ факеловъ. Шаги прохожихъ слышались по мерзлой мостовой вмѣстѣ съ побрякиваньемъ, къ которому вынуждалъ холодъ. Однимъ словомъ, былъ одинъ изъ тѣхъ крѣпкихъ весеннихъ морозовъ, которые придаютъ двойную прелесть розовому цвѣту оконъ освѣщенныхъ гостиницъ.

Шикó вошелъ въ общую залу, окинулъ взоромъ всѣ уголки и шкапки и, не находя между гостями того, кого искалъ, спокойно отправился въ кухню.

Хозяинъ заведенія былъ углубленъ въ благочестивое чтеніе воли огромной сковороды, на которой шипѣло масло, въ ожиданіи кермановъ, лежавшихъ наготовѣ на столѣ и усыпанныхъ густо мукою.

При входѣ Шикó, Бономé поднялъ голову.

— А! это вы, ваша милость, сказалъ онъ, закрывая книгу. — Желаю вамъ добраго вечера и хорошаго аппетита.

— Благодарю за двойное желаніе, хотя одна половина его такъ же выгодна для васъ, какъ пріятна для меня. Но это еще не рѣшеное дѣло.

— Какъ не рѣшеное?

— Да; вы знаете, что я не люблю ѣсть одинъ.

— Если вашей милости будетъ угодно, сказалъ Бономé, приподнять зеленый колпакъ:—такъ я отъужинаю съ вами.

— Благодарю, любезный; хоть я и знаю, что вы славный собеседникъ, но я ищу...

— Брата Горанфó, не такъ ли? спросилъ Бономé.

— Именно, отвѣчалъ Шикó:—что онъ, принялся уже за свой ужинъ?

— Нѣтъ еще, но все-таки совѣтую вамъ поторопиться.

— Поторопиться?

— Да, потому-что черезъ пять минутъ онъ кончитъ.

— Братъ Горанфó не принимался еще за ужинъ, а вы говорите, что черезъ пять минутъ онъ кончитъ?

И Шикó покачалъ головой въ знакъ недовѣрчивости.

— Ваша милость, вѣроятно, изволили забыть, что сегодня середина, сказалъ Клодъ:— и что завтра начинается постъ.

— Такъ что же? сказалъ Шикó съ видомъ, мало говорившимъ о вальзу религиозныхъ наклонностей брата Горанфó.

— А! то-то и есть! возразилъ хозяинъ съ движеніемъ, которое, пріятно, означало: оно такъ, да я и самъ не понимаю этого.

— Рѣшительно, въ подлунной машинѣ разстроился какой-нибудь механикъ, сказалъ Шикó.— Можетъ ли быть, чтобъ братъ Горанфó проглотилъ свой ужинъ въ пять минутъ? Кажется, мнѣ сегодня суждено быть свидѣтелемъ разныхъ чудесъ.

И съ видомъ путешественника, вступающаго на незнакомую землю, Шикó сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ небольшому отдѣльному кабинету со стекляною дверью, завѣшенною занавѣскою съ бѣлыми и розовыми клятками; онъ толкнулъ дверь и увидѣлъ въ

этой комнаткѣ, при свѣтѣ сальной свѣчи съ нагорѣвшей свѣтильной, почтеннаго женовеица, небрежно мѣшавшаго ложкой порцію шпината, варенаго въ водѣ и которому онъ старался придать болѣе сочности кускомъ сыра.

Между-тѣмъ, пока почтенный братъ углубленъ въ это занятіе съ гримасой, доказывавшей, что онъ не слишкомъ полагался на помощь сыра, мы постараемся представить его въ свѣтѣ, который вознаградитъ читателей за то, что они такъ долго были лишены удовольствія познакомиться съ нимъ.

Брату Горанфлѣ было около тридцати-восьми лѣтъ; росту онъ былъ пяти футовъ. Этотъ низенькій ростъ вознаграждался, по словамъ самого брата, пропорціональностью формъ; то, чего ему не доставало въ вышину, онъ выгадывалъ въ ширину, потому-что въ плечахъ имѣлъ до трехъ футовъ ширины, что соответствуетъ, какъ всякому извѣстно, девяти футамъ въ объемъ.

Въ центрѣ его геркулесовскихъ плечъ торчала воловья шея съ жилами толщиною въ палецъ. По несчастію, и шея была пропорціональна съ прочими частями тѣла, то-есть, была толста и коротка, что при первомъ слишкомъ-сильномъ волненіи угрожало брату Горанфлѣ апоплексическимъ ударомъ. Но, сознавая этотъ недостатокъ и опасность, которой онъ его подвергалъ, достойный женовеицъ никогда не волновался; даже выраженіе неудовольствія, которое замѣтилъ Шикѣ, вошелъ въ комнату, рѣдко появлялось на лицѣ брата Горанфлѣ.

— Эй, пріятель! что вы тутъ дѣлаете? вскричалъ Гасконецъ, смотря попеременно то на шпинатъ, то на Горанфлѣ, то на нагорѣвшую свѣчу, то на кружку, наполненную водой, подкрашенной нѣсколькими каплями вина.

— Какъ видите, братъ мой, ужинаю, отвѣчалъ Горанфлѣ громко звучнымъ и могущественнымъ, какъ колоколъ аббатства.

— Да развѣ такъ ужинаютъ? Кто ѣстъ эту траву съ сыркомъ? Полно! вскричалъ Шикѣ.

— Сегодня первая среда поста, надобно заботиться о спасеніи души, надобно поститься! отвѣчалъ Горанфлѣ гнуса и поднявъ глаза къ небу.

Шикѣ остодбенѣлъ. По выраженію лица его можно было угадать, что ему не разъ случалось видѣть, какъ Горанфлѣ лестился.

— Въ которомъ же часу вы обѣдали?

— Я не обѣдалъ, братъ мой, сказалъ монахъ, гнуса больше прежняго.

— Да что вы гнусите? Не-ужь-то вы думаете, что я гнусите не умѣю? Посмотримъ, кто лучше... Коли вы не обѣдали, братъ, сказалъ Шикѣ, въ-самомъ-дѣлѣ гнуса сильнѣе монаха:—такъ чѣмъ же вы занимались?

— Я сочинялъ рѣчь, отвѣчалъ Горанфлѣ, гордо закинувъ голову.

— О-го, вотъ какъ! а зачѣмъ?

— Чтѣбъ произнести ее сегодня вечеромъ въ аббатствѣ.

— Странно, подумалъ Шикó:— онъ будетъ говорить рѣчь... се-
ния вечеромъ... странно!

— Надобно поторопиться, сказалъ Горанфлò, проглотивъ первую
жку шпаната съ сыромъ:— а не то слушатели мои разсердятся.
Шикó вспомнилъ о безчисленномъ множествѣ монаховъ, вхо-
дившихъ въ аббатство, и полагая, что герцогъ майеннскій, по всѣмъ
роятностямъ, былъ въ числѣ ихъ, изумился, что настоятель мо-
ктыря, Жозефъ Фулонъ, избралъ Горанфлò, неотличавшагося
и малѣйшимъ краснорѣчіемъ, для произнесенія проповѣди предъ
парижскимъ ярищемъ и такимъ многочисленнымъ собраніемъ.

— Будто-бы! сказалъ онъ:— а въ которомъ часу вы будете про-
говѣивать?

— Отъ девяти до половины десятаго часа, братъ мой.

— Э! теперь только три четверти девятаго; вы удлите мнѣ
и минутъ. *Ventre de biche!* Мы не видались цѣлую недѣлю.

— Мы въ томъ не виноваты, братъ мой, сказалъ Горанфлò:— и
нѣ надѣяться, это несколько не вредитъ нашей дружбѣ. Ваша
цѣба удерживаетъ насъ при особѣ нашего великаго короля Ген-
риха III, да сохранить его Господь! Моя же приказываетъ мнѣ
верять подавнія и молиться; а потому не удивительно, что мы
иногда видимся.

— Да, отвѣчалъ Шикó:— но, *sois bon!* тѣмъ болѣе мы должны
кѣпиться, когда случай сводитъ насъ вмѣстѣ.

— Да я очень-веселъ, сказалъ Горанфлò, сдѣлавъ плачевную
минуту:— не смотря на то, я непременно долженъ разстаться съ вами.
И онъ хотѣлъ встать.

— Дотыште, по-крайней-мѣрѣ, эту траву, сказалъ Шикó,
взявъ руку на плече монаха и заставивъ его сѣсть.

Горанфлò посмотрѣлъ на шпанатъ и вздохнулъ; потомъ глаза
его обратились къ вружкѣ съ подкрашенной водой, и онъ неволь-
но отвернулся.

Шикó замѣтивъ, что это была удобная минута приступить къ
дѣлу.

— Помните ли вы нашъ послѣдній обѣдъ? сказалъ онъ:— у
картинскихъ-Воротъ, когда нашъ великій король Генрихъ III
пилъ себя и другихъ?.. Обѣдъ былъ чудесный, дичь славная,
виновское перваго сорта... какъ-бишь это вино называется? Да
и вѣстаетъ, и открыли его?

— Это вино моея родины, отвѣчалъ Горанфлò:— въ Романіи.

— Да, да, помню; это молоко, которое вы сосали, родившись
и сѣсть, достойный сынъ моя!

Горанфлò съ задумчивой улыбкой провелъ языкомъ по губамъ.

— Какое было вино, а? сказалъ Шикó.

— Хорошо, отвѣчалъ женовефицъ:— да только оно бываетъ
и тамъ.

— Те же самое утверждалъ на-дняхъ Клодъ Бошемé, нашъ хо-
лодъ; онъ увѣряетъ, будто у него въ погребѣ есть пятьдесятъ

бутылочъ этого винца, предъ которымъ вино его товарища, хозяина гостинницы близъ Монмартрскихъ-Воротъ, просто вода!

— Истинно такъ, сказалъ Горанфлô.

— Какъ? вскричалъ Шикô: — вы это знаете и пьете отвратительную подкрашенную воду, когда вамъ стоило только руку протянуть за бутылкой отличившаго вина? эи!

Схвативъ кружку съ водою, Шикô бросилъ ее на полъ.

— На все есть свое время, братъ мой, возразилъ Горанфлô. — Вино тогда хорошо, когда, напившись его, намъ нêчего болêе дêлать, какъ преславаять Господа, создавшаго оное! Но когда прощовъдъ впереди, такъ вода лучше и для вкуса, и для обычая *facunda est aqua*.

— Вздоръ! возразилъ Шикô. — *Magis facundum est vinum*, и, въ доказательство, скажу вамъ, что и мнê нужно произнести рчь и что именно по этой причинê я прикажу себê подать бутылку вашего винца... да чего бы мнê съêсть, Горанфлô?

— Чего хотите, только не шпината, отвêчалъ монахъ: — онъ нигуда не годится.

— Бррр! вскричалъ Шикô, взявъ тарелку и поднося ее къ носу:—бррр!

И, открывъ ôкно, онъ выкинулъ на улицу тарелку со шпинатомъ.

— Хозяинъ! вскричалъ онъ.

Клодъ Бономê, впроятно подслушивавшій за дверью, въ то же мгновеніе явился на порогъ.

— Хозяинъ, сказалъ ему Шикô: — принеси мнê двê бутылки романейскаго вина; вѣдъ ты хвалился имъ!

— Двê бутылки, сказалъ Горанфлô.—Зачѣмъ? Я пить не стану.

— Еслибъ я думалъ, что вы будете пить, такъ я велѣлъ бы принести четыре, шесть бутылочъ; я велѣлъ бы принести весь запасъ, какой есть у хозяина, сказалъ Шикô. — Но когда мнê приходится пить одному, такъ съ меня будетъ двухъ бутылочъ.

— Точно, возразилъ Горанфлô: — двê бутылки очень-благоразумно, и если вы притомъ будете всть постное, такъ духовникъ вашему нê за что будетъ побранить васъ.

— Разумѣется, сказалъ Шикô:—эи! Кто ставеть всть скоромное въ среду постомъ!

И, отправившись къ буфету, между-тѣмъ, какъ Бономê побѣждалъ за виномъ, Шикô вытащилъ жирную пулярку.

— Чтô вы тамъ дѣлаете? спросилъ Горанфлô, съ невольнымъ участіемъ слѣдившій за всеми движеніями Гасконца:—чтô вы тамъ дѣлаете?

— Какъ видите, овладѣваю карпомъ, чтобъ другой кто не перебилъ у меня. Въ постъ къ рыбѣ доступу нѣтъ.

— Карпъ! рыба! вскричалъ Горанфлô съ изумленіемъ.

— Разумѣется, карпъ, отвѣчалъ Шикô, сунувъ женовѣсцу подносъ жирную пулярку.

— Это?

— Ну, да, это.

— А давно ли у карпа клевъ? спросилъ монахъ.

— Клевъ? спросилъ Гасконецъ:—да гдѣ тутъ клевъ? просто рыба головка!

— А крылья? продолжалъ монахъ.

— Это плавательныя перья.

— А перья?

— Это чешуя. Любезный Горанфлô, вы пьяны.

— Пьянъ! вскричалъ Горанфлô:—пьянъ!.. Чтò вы? Я ничего не ѣлъ, кромѣ шпината, и ничего не пилъ, кромѣ воды.

— Такъ, значить, шпинатъ обременяетъ вашъ желудокъ, а вода бросается въ голову?

— Да вотъ хозяинъ, сказалъ Горанфлô: — пусть онъ рѣшитъ, рыба это, или пулярка.

— Пожалуй. Но пусть онъ сперва откупоритъ вино. Я хочу удостовѣриться, то ли вино принесъ онъ. Откупоривайте, Божомô.

Хозяинъ откупорилъ бутылку и налилъ полстакана Шикô.

Шикô проглотилъ вино и сталъ шелкать языкомъ.

— Я плохой знатокъ и не имѣю рѣшительно никакой памяти на вина; не знаю, лучше оно или хуже того, чтò мы пили у Монмартрскихъ-Воротъ. Я даже не знаю, то ли оно.

Глаза Горанфлô заблестали, когда онъ увидѣлъ бутылки.

— Послушайте, братъ мой, сказалъ Шикô, наливъ нѣсколько капель вина въ стаканъ монаха:—ваше назначеніе помогать ближнимъ; помогите жь мнѣ узнать, точно ли это то вино, и хорошо ли оно?

Горанфлô взялъ стаканъ, поднесъ ко рту и съ наслажденіемъ, по каплѣ, выпилъ.

— То, совершенно то, отвѣчалъ онъ:—но...

— Но что?

— Но вы мнѣ налили слишкомъ-мало; я не могу рѣшить хорошо ли оно.

— Жаль! а мнѣ очень хочется знать достоинство этого вина, потому что я не хочу, чтобъ меня обманывали. Еслибъ вамъ не нужно было говорить сегодня проповѣди, я попросилъ бы васъ вынуть еще немножко.

— Такъ я быть, изъ дружбы къ вамъ, сказалъ монахъ.

— Вотъ люблю!

И онъ налилъ монаху полстакана.

Горанфлô съ такимъ же почтеніемъ, какъ въ первый разъ, поднесъ стаканъ ко рту и сталъ пить съ такимъ же наслажденіемъ.

— Это вино лучше, сказалъ онъ: — гораздо-лучше, могу васъ увѣрить.

— Э! да вы, я вижу, заодно съ хозяиномъ.

— Знатокъ, отвѣчалъ Горанфлô: — съ перваго раза узнать название вина, со втораго—качества его, а съ третьяго гдѣ.

— О, да! вскричалъ Шикó:—скажите мнѣ, пожалуйста, сколько лѣтъ этому вину?

— Это не трудно, отвѣчалъ Горанфó, подставляя ему стаканъ: — дайте мнѣ только двѣ казальи, и я скажу вамъ, сколько ему лѣтъ.

— Шикó до трехъ четвертей наполнилъ стаканъ; мощахъ выпилъ его медленно, но не останавливаясь.

— 1561-го! сказалъ онъ, поставивъ стаканъ на столъ.

— Ахъ, ты Господи! сказалъ Бономé:—именно такъ! 1561 года.

— Братъ Горанфó, сказалъ Гасконецъ, поклонившись монаху: — въ Римъ поклоняются людямъ, которые не стоятъ вашего мнѣшца!

— Привычка, сказалъ Горанфó съ скромностію.

— И природныя дарованія, сказалъ Шикó:— а то, извините! съ одной привычкой далеко не уйдешь! Я самъ привыкъ пить, да все-таки не знаю толку въ винѣ... Но что вы дѣлаете?

— Какъ видите, встаю.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ идти въ собраніе.

— Не отвѣдавъ моего карпа?

— Ахъ, да! Мнѣ кажется, любезный братъ, что въ пищу вы знаете еще меньше толкъ, чѣмъ въ питьѣ. Бономé, что это за звѣрь?

И братъ Горанфó показалъ на предметъ спора.

Трактирщикъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на вопрошавшаго.

— Да, прибавилъ Шикó: — скажите намъ, что это за звѣрь?

— Вотъ вопросъ! что это за звѣрь? Разумѣется, пулярка.

— Пулярка! съ изумленіемъ вскричалъ Шикó.

— И еще манская, прибавилъ Клодъ.

— А что? спросилъ Горанфó торжествуя.

— А то, что я, какъ кажется, не правъ, отвѣчалъ Шикó:— но такъ-какъ мнѣ ужасно хочется съѣсть эту пулярку и не оскоромиться, то удружите, любезный братъ, въ знакъ вашего расподоженія, и магической силой обратите ее въ карпа.

— Ха, ха, ха! засмѣялся Горанфó.

— Нѣтъ, пожалуйста, серьезно продолжалъ Шикó:— удружите, а не то оскоромись!

— Такъ и быть! отвѣчалъ Горанфó, увлеченный своею природною веселостію и виномъ, которое выпилъ почти на тощакъ.

И Шикó налилъ женовещицу полный стаканъ. Первая бутылка опорожнилась.

— Именемъ Бахуха, Момуса и Кемуса, сказалъ Горанфó:— буда там шарпанъ!

И онъ вспрыснулъ виномъ пулярку и девять разъ повторилъ свою формулу.

— Теперь, сказалъ Гасконецъ, топнувшись съ женовещицей:— выпьемъ за здоровье превращеннаго; пусть хорошо излечится и

уть искусство Кледа Бюномэ увеличить и разовьетъ качества, доставляя ему природою.

— За его здоровье! вскричалъ Горанолó, громко захохотавъ и проглотить разомъ стаканъ вина: — за его здоровье, *merbleu!*.. давое вино!

— Хозяинъ, сказалъ Шикó: — посадите немедленно этого карпа на вертелъ; поливайте его свѣжимъ тепленькимъ масломъ, въ которое прошу накрошить свиного жира и шалотокъ; потомъ, когда онъ станетъ золотиться, то-есть, по-престу поджариваться, подайте живѣе.

Горанолó не говорилъ ни слова, но взоромъ и легкимъ движеньемъ головы одобрялъ распоряженія Шикó.

— Теперь же, продолжалъ Шикó: — подайте намъ сардинку, да тунца. У насъ теперь постъ, хозяинъ, и я хочу сладко понаставленіямъ почтеннаго брата Горанолó. Да постоитъ, принесите еще двѣ бутылки романійскаго вина 1561 года.

Изъ кухни вскорѣ пронесся пріятный запахъ, производившій такое дѣйствіе на монаха. Онъ сталъ облизываться, но все-таки рывался и дѣлалъ усиліе, чтобъ встать съ мѣста.

— Не-уже-ли, спросилъ Шикó: — вы хотите оставить меня одно въ рѣшительную минуту?

— Что дѣлать! Надо идти, отвѣчалъ Горанолó, поднимая глаза къ потолку съ видомъ неліцемернаго сожалѣнія.

— Однако, вы неосторожно поступаете, отправляясь говорить монаху не замусивъ.

— Отъ-чего же? проговорилъ монахъ.

— Отъ-того, что у васъ будетъ одышка. Галліенъ сказалъ: *Rufus hominis facile deficit.*

— Увы! да, сказалъ Горанолó: — я это не разъ испыталъ на себѣ; еслибъ у меня не было одышки, я былъ бы образцомъ разсудочія.

— Вотъ вы сами сознаетесь! сказалъ Шикó.

— По счастью, отвѣчалъ Горанолó, опять усѣвшись на стулъ: — по счастью, у меня есть усердіе... рвеніе!

— Да; но усердія и рвенія недостаточно; на вашемъ мѣстѣ я пилъ бы сардинку и выпилъ бы еще нѣсколько кашей этого вина.

— Одну сардинку, отвѣчалъ Горанолó: — и одинъ стаканъ.

Шикó положилъ сардинку на тарелку монаха и налилъ ему вина.

Горанолó съѣлъ сардинку и опорожнилъ стаканъ.

— Ну, что? сказалъ Шикó, который только потчивалъ монаха, самъ ничего не ѣлъ и не пилъ: — ну, что?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчалъ Горанолó: — это немножко подкрѣпило меня.

— *Ventre de biche!* вскричалъ Шикó: — если вамъ предстоитъ важная проповѣдь, такъ вы должны подкрѣплять себя не немно-

жко, а хорошеенко; на вашень мѣсть, продолжалъ Гасконецъ: — я бы съѣлъ пару плавательныхъ перьевъ этого карпа, потому—что если вы не закушаете получше, такъ отъ васъ будетъ пахнуть виномъ. *Megum sobrio male olet.*

— А, чортъ возьми! сказалъ Горанфлô: — вѣдь вы правду говорите.

Въ это время принесли нуларку; Шикô отрезалъ одну ланку, которая онъ называлъ плавательными перьями, подаль е монаху и тотъ съ большимъ аппетитомъ съѣлъ ее.

— Честное слово! вскричалъ Горанфлô:—это превкусная рыба. Шикô отрезалъ другую ланку и положилъ ее на тарелку пріятеля, между-тѣмъ, какъ самъ принялся за крылышко.

— И славное вино, сказалъ Шикô, откупоривая третью бутылку. Вообудивъ свой огромный аппетитъ, Горанфлô не могъ уже остановиться; онъ съѣлъ вторую ланку, превратилъ прочую часть нуларки въ скелетъ и позвалъ Бономé.

— Хозяинъ, сказалъ онъ: — у меня пробудился аппетитъ; вы кажется, хвастали, что у васъ есть славная ячница съ ветчинкой.

— Конечно, есть, отвѣчалъ Шикô:—она уже заказана. Не правда ли, Бономé?

— Какъ же, какъ же, сказалъ трактирщикъ, никогда не протворивавшій своимъ покупателямъ, когда рѣчи ихъ клонились въ его пользу.

— Такъ подавайте, подавайте, хозяинъ! сказалъ монахъ.

— Черезъ пять минутъ будетъ готово, отвѣчалъ Клодъ, который, по знаку Шикô, скоро выскочилъ изъ комнаты, чтобъ приготовить требуемое.

— А! протяжно вздохнулъ Горанфлô, опустивъ на столъ свой огромный кулакъ, вооруженный вилкой:—теперь легче.

— Не правда ли?

— Да; и еслибъ ячница была готова, такъ я проглотилъ бы ее разомъ, точно такъ, какъ разомъ преглочу этотъ стаканъ вина.

И съ сверкающими отъ жадности глазами, монахъ проглотилъ четверть третьей бутылки.

— Но скажите, спросилъ Шикô:—развѣ вы были нездоровы?

— Не нездоровъ, а глупъ, пріятедь! отвѣчалъ Горанфлô: — эта проклятая рѣчь измучила меня; я сочинялъ ее три дня.

— Должно быть, она чудесна?

— Великолѣнна!

— Скажите мнѣ нѣсколько словъ изъ нея въ ожиданіи ячницы.

— Вотъ—еще! вскричалъ Горанфлô:—кто станетъ говорить рѣчи за столомъ? Гдѣ ты это видалъ, шутъ? Не у твоего ли господина при дворѣ?

— При дворѣ короля Генриха—да хранишь его Господь!—привозятъ славныя рѣчи! сказалъ Шикô, приподнявъ шляпу.

— А о чемъ толкуютъ эти рѣчи?

— О добродѣтели.

— Да, да, вскричалъ монахъ, опустившася на спинку стула: — тыль болѣе, что твой король Генрихъ III ужасно добродѣтеленъ!

— Не знаю, добродѣтеленъ ли онъ, сказалъ Шикó:—но я знаю, что нѣтъ ни разу ни отъ чего не случилось краснѣть при дворѣ.

— Повѣрю! сказалъ монахъ:—ты, я думаю, давно уже разучился краснѣть, развратникъ!

— Что? я развратникъ! вскричалъ Шикó: — да я олицетворенная выдержанность и умѣренность! Я слѣдую за всѣми процессіями, соблюдаю всѣ посты...

— Да, ты! слуга Сарданапала, Навуходоносора, Ирода! Процессіи ваши лицемерны, посты не безкорыстны. По счастью, мы узнали твоего короля Генриха III!

И, вмѣсто рѣчи, которой онъ не хотѣлъ говорить шуту, Горанфлò запѣлъ во все горло слѣдующую пѣсенку:

Le roi, pour avoir de l'argent,
A fait le pauvre et l'indigent
Et l'hypocrite;
Le grand pardon il a gagné
Au pain, à l'eau et à jeun
Comme un ermite;
Mais Paris, qui le connait bien,
Ne lui voudra plus prêter rien
A sa requête;
Car il a déjà tant prêté
Qu'il a de lui dire arrêté:
— Allez en quête (*).

— Bravo! вскричалъ Шикó: — bravo! — Потомъ прибавилъ про себя: — коля запѣлъ, такъ скоро и заговорить.

Въ это время явился Бономè съ яичницей въ одной и двумя бутылками въ другой рукѣ.

— Неси, неси! закричалъ Горанфлò, улыбнувшись и открывъ ротъ до ушей.

— Но, другъ мой, замѣтилъ Шикó: — вы забываете, что вамъ подобно говорить рѣчь.

— Она здѣсь! отвѣчалъ монахъ, хлопнувъ широкою ладонью по лбу, до котораго начинала уже разливаться краска, выступившая на щекахъ его.

— Въ половинѣ десятаго, прибавилъ Шикó.

— Я солгалъ, сказалъ монахъ:—omnis homo mendax, confiteor.

— А въ которомъ же часу?

(*) Король, чтобъ деньги получить, прикидывался бѣднымъ, нищимъ и лицемерилъ; прощеніе онъ получилъ посты на хлѣбъ, на водѣ, нѣтъ отшельника; но Парижъ теперь его узналъ и не даетъ болѣе ничего; Парижъ ужъ столько давалъ, что рѣшился ему отвѣчать: «Слушайте собирать не-даліе».

— Въ десять.

— Въ десять? Я думалъ, что аббатство запираютъ въ девять.

— Пускай запираютъ! отвѣчалъ Горанфоло, любуясь рубиновымъ цвѣтомъ вина и поднося стаканъ къ свѣчѣ: — пускай запираютъ; меня свой ключъ.

— Ключъ отъ воротъ аббатства? вскричалъ Шикъ: — не-уже-ли

— Онъ здѣсь; отвѣчалъ Горанфоло, ударивъ по карману.

— Не можетъ быть, сказалъ Шикъ: — я знаю монастырскія постановленія; я былъ на покаяннн въ трехъ монастыряхъ. Ключъ отъ воротъ не позврътъ простому монаху.

— Вотъ онъ, отвѣчалъ Горанфоло, опрокинувшись на стулъ и съ громкимъ смѣхомъ показывая Шикъ монету.

— Деньги? А, понимаю! вскричалъ Шикъ. — Вы подкупаете брата-привратника, чтобъ возвращаться домой въ непозволенные часы. О, несчастный грѣшникъ!

Ротъ Горанфоло опять расширился до ушей съ сладкой улыбкой человека, на котораго начинаютъ дѣйствовать винныя пары.

— Sufficit... пробормоталъ онъ.

Онъ хотѣлъ уже спрятать монету въ карманъ, но Шикъ остановилъ его.

— Пойдите, пойдите, сказалъ онъ. — Какая странная монета!

— Съ изображеніемъ еретика, сказалъ Горанфоло. — За то она и просверлена на томъ мѣстѣ, гдѣ должно быть сердце.

— Точно, точно, проговорилъ Шикъ, разсматривая монету.

— Книжаломъ въ грудь, бормоталъ Горанфоло: — смерть еретикъ! Тому, кто убьетъ еретика, прощаются всѣ грѣхи!.. Я самъ отдаю ему свой уголокъ въ рай.

— А-га! подумалъ Шикъ: — дѣло начинаетъ объясняться; только онъ еще не довольно-пьянъ.

И онъ опять наполнилъ стаканъ монаха.

— Да, сказалъ онъ вслухъ: — смерть еретикъ и вивать католикамъ!

— Вивать православнымъ! сказалъ Горанфоло, залпомъ опороживъ стаканъ: — вивать!

— Следовательно, сказалъ Шикъ, который, при видѣ монеты, вспомнилъ о братѣ-привратникѣ, внимательно разсматривавшемъ руки монаховъ, сходящихся со всѣхъ сторонъ къ воротамъ аббатства: — следовательно, вы покажете эту монету брату-привратнику и...

— И онъ меня впустить, дополнилъ Горанфоло.

— Не говоря ни слова?

— Я пройду съ этой монетой въ аббатство точно такъ же свободно, какъ это вино проходить въ мое горло.

И женовѣщъ выпилъ еще стаканъ вкуснаго вина.

— Peste! сказалъ Шикъ: — если сравненіе вѣрно, такъ вы въ своемъ дѣлѣ пройдете какъ ни въ чемъ не бывали.

— То-есть... вотъ какъ... бормоталъ Горанфоло совершенно-пья-

Шикó: — то-есть такъ... что брату Горанфлó настѣжь отворятъ... объ
полювники... воротъ... то-есть вотъ какъ!

— И вы будете говорить рѣчь?

— И буду говорить рѣчь, отвѣчалъ женовѣиць. — Видишь ли,
какъ это дѣлается: вотъ, на-примѣръ, вхожу... слушаешь ли ты,
Шикó?

— Еще бы! обоими ушами.

— Ну, такъ слушай же... обоими ушами. Вхожу... знаешь, вхо-
жу. Собраніе большое... избранное; и есть бароны, есть и графы,
есть даже герцоги...

— Чего добраго, и принцы?

— И принцы, отвѣчалъ монахъ: — ты угадалъ... и принцы; знай
ишишь! Я съ покорностью вхожу къ вѣрнымъ членамъ союза...

— Къ вѣрнымъ членамъ союза? повторилъ Шикó: — что это за
союзъ?

— Не мѣшай; вхожу къ вѣрнымъ... членамъ союза; зовутъ бра-
та Горанфлó; я выхожу впередъ...

Съ этими словами, монахъ всталъ.

— Вы выходите впередъ? повторилъ Шикó.

— Выхожу впередъ, продолжалъ Горанфлó, стараясь исполнить
то, что говорилъ; но едва онъ ступилъ шагъ, какъ наткнулся на
край стола и повалился на полъ.

— Bravo! сказалъ Шикó, подымая его и сажая на стулъ: — вы
выходите впередъ, кланяетесь собранію и говорите...?

— А вотъ врешь! Не знаешь... такъ и не толкуй. Я ничего не
говорю... друзья говорятъ...

— Что же они говорятъ?

— Друзья говорятъ: «Братъ Горанфлó, говорите рѣчь! Говорите,
достоинный нашъ союзникъ, братъ Горанфлó!»

И женовѣиць гордо произнесъ свое имя.

— Достоинный союзникъ? повторилъ Шикó про-себя: — какую
тайну откроетъ мнѣ это вино?

— И я начинаю...

Женовѣиць всталъ, закрылъ глаза и прислонился къ стѣнѣ: онъ
былъ мертвецки-пьянъ.

— Вы начинаете? повторилъ Шикó, поддерживая его.

— Я начинаю: «Братія, сегодня великій день для вѣры... бра-
тія, сегодня чрезвычайно-великій день для вѣры, право... право...
давно...»

Послѣ этихъ словъ, Горанфлó сталъ повторять несвязные звуки,
и Шикó увидѣлъ, что отъ него ничего вельзя было болѣе добыть-
ся, а потому пересталъ поддерживать его.

Братъ Горанфлó, хранившій равновѣсіе только при помощи Ши-
кó, повалился вдоль стѣны, какъ неплотно-приставленное брев-
но, и ногами толкнулъ столъ, съ котораго упало нѣсколько бу-
тылокъ.

— Аминь! сказалъ Шикó.

Почти въ то же мгновеніе окна маленькой комнатки задрожали отъ громоподобнаго крапѣня женовеица.

— Прекрасно, сказалъ Шикѣ: — лапки пулярки исполнили свое дѣло. Пріятель мой проспать двѣнадцать часовъ безъ просыпа, и я смѣло могу раздѣть его.

Разсудивъ, что не должно было терять времени, Шикѣ развязалъ тесемки чернаго кафтана монаха и, поворотивъ Горанелѣ какъ мѣшокъ съ орѣхами, стащилъ съ него кафтанъ, завернулъ его самого въ скатерть, повязалъ ему голову салфеткой и, спрятавъ кафтанъ подъ плащъ, вышелъ въ кухню.

— Хозяинъ, сказалъ онъ Бономѣ, отдавая ему золотую монету: — вотъ вамъ за ужинъ; вотъ еще монета за то, чтобъ вы поберегли мою лошадь, которую оставляю у васъ, а вотъ еще за то, чтобъ не будили бѣднаго брата Горанелѣ, который спать спометъ праведника.

— Ладно, ладно! отвѣчалъ трактирщикъ, вполне довольный щедрой платой: — все будетъ исполнено... не безпокойтесь, мосьѣ Шикѣ.

Послѣ этихъ словъ, Шикѣ вышелъ, и съ легкостью серны, съ хитростью лисицы, добѣжалъ до Сент-Этьенской-Улицы, гдѣ, взявъ въ правую руку монету, накинулъ на себя кафтанъ монаха и въ три четверти десятаго, не безъ некотораго сердечнаго волненія, подошелъ къ воротамъ Монастыря-Святой-Женевьевы.

VIII:

Какъ Шикѣ замѣтилъ, что легче было войти въ Сент-Женевьевское-Аббатство, нежели выйти изъ него.

Надѣвая платье монаха, Шикѣ изъ предосторожности подложилъ подъ плечи свой плащъ, чтобъ казаться толще; борода была у него того же цвѣта, какъ у Горанелѣ, и хотя онъ родился на берегахъ Гаронны, а женовеица на берегахъ Саоны, однакоже Шикѣ такъ часто передразнивалъ голосъ монаха, что удивительнымъ-образомъ научился подражать ему. Всѣмъ извѣстно, что монаха, закрытаго капюшономъ, можно узнать только по бородѣ, а не по голосу.

Братъ-привратникъ готовился уже запирать ворота, когда къ нему подошелъ Шикѣ. Гасконецъ показалъ просверленную монету, былъ немедленно впущенъ. Передъ нимъ прошли два монаха; онъ вослѣдовалъ за ними и вошелъ въ капеллу, въ которой часто бывалъ съ королемъ.

Генрихъ III всегда особенно покровительствовалъ Сент-Женевьевскому-Аббатству.

Капелла была построена въ одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ столѣтіи, и, какъ всѣ капеллы того времени, имѣла хоры, подъ кото-

ыми находился склепъ или подземная церковь. По этой причинѣ хоры были восемью или десятью футами выше церковной трапезы; на хоры вели двѣ боковыя лѣстницы, между которыми была желѣзная дверь, ведшая изъ трапезы въ склепъ; за дверью шла наверхъ лѣстница.

На хорахъ, занимавшихъ боковыя стороны церкви по сторонамъ алтара, украшеннаго образомъ святой Женевьевы, работы живописца Россо, стояли статуи Кловиса и Клотильды.

Три лампы освѣщали капеллу; одна изъ нихъ висѣла посреди арки, другія двѣ были повѣшены на равномъ другъ отъ друга расстоянии въ трапезной.

Этотъ скудный свѣтъ придавалъ еще большую торжественность церкви, какъ-бы удвоывая ея размеры, потому-что воображеніе могло продолжать до безконечности части, терявшіяся во мракѣ.

Глаза Шикô не съ разу привыкли къ темнотѣ; чтобъ скорѣе привыкнуть, онъ сталъ считать монаховъ. Ихъ было сто-двадцать въ трапезѣ, и двѣнадцать на хорахъ, всего сто-тридцать-два монаха. Двѣнадцать монаховъ, находившихся на хорахъ, были поставлены въ рядъ предъ алтаремъ и какъ-бы служили стражей или защиты дарохранительницы.

Шикô съ удовольствіемъ замѣтилъ, что онъ пришелъ не послѣдній къ тѣмъ, которыхъ Горанфлô называлъ «братьями союза». За нимъ вошли еще три монаха въ широкихъ сѣрыхъ рясахъ: они шли передъ тѣмъ рядомъ, о которомъ мы уже упомянули.

Маленькій служка, котораго Шикô сначала не замѣтилъ, обошелъ капеллу, чтобъ осмотрѣть, все ли были по мѣстамъ; потомъ пошелъ къ одному изъ трехъ монаховъ, прибывшихъ послѣ Шикô, и сталъ что-то говорить ему.

— Насъ сто-тридцать-шесть человекъ, сказалъ этотъ монахъ громкимъ, звучнымъ голосомъ:—это Божье число.

Въ то же мгновеніе, сто-двадцать монаховъ, находившихся въ трапезной, разошлись и заняли мѣста на стульяхъ и скамьяхъ. Шумъ тяжелыхъ желѣзныхъ затворовъ и скрипъ петель, послышавшійся вслѣдъ за тѣмъ, возвѣстилъ о томъ, что запирались массивныя двери.

Хотя Шикô былъ не трусливъ, однакожь сердце его сильно забилось при этомъ шумѣ. Чобъ прійдти въ себя, онъ сѣлъ въ тѣни за кафедрой, откуда могъ видѣть трехъ монаховъ, казавшихся главными лицами этого собранія.

Имъ принесли кресла, и они усѣлись на нихъ, точно судьи. Монахи, стоявшіе за ними, не садились.

Когда шумъ отъ запиравшихся дверей и усаживанья монаховъ утихъ, ударилъ три раза маленькій колоколъ.

Это былъ, вѣроятно, знакъ возстановленія тишины, потому-что при первыхъ двухъ ударахъ раздалось продолжительное *тсс!*, а при третьемъ наступила глубокая тишина.

— Братъ Монсорё, сказалъ тотъ же монахъ, который уже говорилъ:—какія вѣсти принесли вы союзу изъ Анжу?

Два обстоятельства обратили на себя вниманіе Шикó: первое—звучный, громкій голосъ говорившаго, которому было прилично выходить изъ-подъ забрала шлема на полъ битвы, нежели изъ-подъ монашескаго капютона въ церкви; второе—имя Монсорё, недавно появившагося при дворѣ, гдѣ, какъ мы уже сказали, онъ произвелъ непріятное впечатаніе.

Монахъ высokaго роста, въ рясы съ угловатыми складками, въ щель изъ среды братій и смѣлымъ, твердымъ шагомъ взошелъ на кафедру.

Шикó тщетно старался разсмотрѣть его лице.

— Тамъ лучше, подумалъ онъ:—если я не увижу ничего лицаго, по-крайней-мѣрѣ, я моего не увидаю.

— Братія, произнесъ человекъ, по первымъ звукамъ голоса котораго онъ узналъ обер-егермейстера:—извѣстія изъ анжуйско-провинціи неблагопріятны, не потому, чтобы мы не встрѣчали тамъ единомышленниковъ, но потому—что не имѣемъ тамъ представителей. Распространеніе союза въ этой провинціи было дозволено на барона де-Меридора; но этотъ старецъ, опечаленный недавнею смертію своей дочери, пренебрегъ дѣлами святой лиги, и мы ничего не можемъ ожидать отъ него, пока онъ не утѣшится. Что касается до меня, то я приобрѣлъ трехъ новыхъ членовъ обществу и согласно постановленію, опустилъ имена ихъ въ церковную книгу. Пусть совѣтъ рѣшить, могутъ ли эти три новые брата,—з которыхъ я, впрочемъ, отвѣчаю какъ за самого-себя,—сдѣлаться членами союза.

Одобрительный ропотъ пробѣжалъ по рядамъ монаховъ; братъ Монсорё воротился уже на свое мѣсто, а ропотъ все еще не утихъ.

— Братъ ла-Гюрьеръ, продолжалъ тотъ же монахъ, который казался, по произволу вызывалъ вѣрныхъ:—скажите намъ что вы сдѣлали въ Парижѣ?

Другой монахъ, также съ опущеннымъ капюшономъ, взошелъ на кафедру.

— Братія, сказалъ онъ:—всѣмъ вамъ извѣстна моя преданность католической вѣрѣ; я на дѣлѣ доказалъ ее въ тотъ день, въ тотъ великій день, когда наша вѣра восторжествовала. Да, братія, съ этого дня я сдѣлался однимъ изъ пламеннѣйшихъ приверженцевъ нашего великаго Генриха де-Гиза, и отъ самого г. де-Бема, — да благословить его Господь! — получилъ приказанія, которыя ему угодно было дать мнѣ, и которыя я выполнялъ съ такою ревностью, что хотѣлъ даже убить собственныхъ постояльцовъ своихъ. Эта преданность къ нашей святой вѣрѣ доставила мнѣ надзоръ за кварталомъ, и, смѣю сказать, это весьма-важное обстоятельство для нашей цѣли. Благодаря званію надзирателя, я могъ узнать и записать имена всѣхъ еретиковъ квартала Сен-Жермен-д'Оксерруа, въ которомъ по-прежнему содержу гостиницу, въ Улицѣ-Арбр-

онъ, куда и приглашаю васъ, о братія!.. Конечно, я уже не только жажду крови гугенотовъ, какъ въ прежнія времена, но могу скрыть отъ себя настоящей пьли нашего святаго союза.

— Надобно прислушать, подумалъ Шикó: — этотъ ла-Гюрьеръ, если не ошибаюсь, страшный преслѣдователь еретиковъ, и гь долженъ знать всѣ подробности лиги...

— Говорите, говорите, пронесло нѣсколько голосовъ.

Ла-Гюрьеръ, весьма-довольный случаемъ развить свои ораторскія способности, которыя онъ считалъ въ себя врожденными, помялся, прокашлялся и продолжалъ:

— Если я не ошибаюсь, братія, такъ насъ въ эту минуту занимаетъ не одно истребленіе частныхъ ересей. Добрый французскій король долженъ убѣдиться, что никогда не встрѣтитъ ерековъ между королями, которымъ суждено управлять имъ. Помилуйте же спросить васъ, братія, въ какомъ положеніи дѣла? Франкъ II, обѣщавшій сдѣлаться ревностнымъ защитникомъ вѣры, меръ бездѣтень. Карлъ IX, бывшій ревностнымъ католикомъ, меръ бездѣтень. Король Геврихъ III, о вѣрованіяхъ и дѣйствіяхъ своего судить мнѣ не подобаетъ, — умретъ, вѣроятно, не оставивъ наследника; сдѣлательно, остается герцогъ анжуйскій, у кофю не только нѣтъ дѣтей, но который, кромѣ того, весьма-слабо преданъ святой лигѣ.

Нѣсколько голосовъ, и между ними голосъ обер-егермейстера, перервали слова оратора.

— Отъ-чего же? Почему вы говорите, что онъ слабо преданъ? Какой поводъ подалъ принцъ къ этому обвиненію?

— Я говорю, что онъ слабо преданъ, потому-что до-сихъ-поръ онъ не вступилъ еще въ члены святой лиги, хотя знаменитый гь Монсорó обѣщалъ намъ это отъ его имени.

— А кто вамъ говоритъ, что онъ не вступилъ въ члены, вскричалъ голосъ Монсорó: — если я самъ объявилъ, что представлялъ сегодня новыхъ членовъ? Пока имена ихъ сдѣлаются извѣстными, и никого не имѣете права обвинять.

— Справедливо, отвѣчалъ ла-Гюрьеръ: — я подожду еще; но герцогъ анжуйскій смертенъ; члены рѣда его не долговѣчны, — у него нѣтъ дѣтей... Кто же послѣ него вступитъ на престолъ? Самый вѣрнѣйшій изъ гугенотовъ, ренегатъ, отступникъ, Навухалоннъ...

При этихъ словахъ, не ропотъ, а бѣдныя рукоплесканія помѣшались голосъ оратора.

— Геврихъ-Беарискій, противъ котораго преимущественно составленъ союзъ нашъ; Геврихъ-Беарискій, который является въ то же время въ Парижъ, когда всѣ воображаютъ, что онъ погрязъ своихъ любовныхъ интригахъ въ По или въ Тарбъ!

— Онъ въ Парижѣ? вскричало нѣсколько голосовъ: — въ Парижѣ? Не можетъ быть!

— Онъ былъ въ Парижѣ, вскричалъ ла-Гюрьеръ: — въ ту самую

ночь, когда была умерщвлена госпожа де-Совъ; онъ, быть-можетъ, и теперь еще въ столицѣ.

— Смерть Беарнцу! вскричали нѣкоторые голоса.

— Да, конечно, смерть! закричалъ ла-Гюрьеръ: — и еслибъ онъ когда-нибудь остановился въ моей гостиницѣ la Belle-Etoile, я ручаюсь за себя... да не остановится! Въ одинъ и тотъ же шагъ два раза не поймашь одной и той же лисицы. Онъ остановится у кого-нибудь изъ своихъ друзей, потому-что у этого еретика есть друзья. Да, братія, и число этихъ-то друзей мы должны стараться уменьшить по-возможности. Нашъ союзъ святъ, наша лига благородна; ее освятилъ, благословилъ, утвердилъ самъ святѣйшій папа Григорій III. Итакъ я требую, чтобъ вы перестали хранишь нашъ союзъ втайнѣ; пусть надзирателямъ за частами и кварталами будутъ розданы списки, и пусть они отправляются съ ними по домамъ приглашать добрыхъ гражданъ къ подпискѣ. Тѣ, которые подпишутъ, будутъ нашими друзьями; тѣ, которые откажутся, будутъ нашими врагами, и если вторая вареоломеевская ночь окажется необходимою, мы повторимъ ее!

Раздался громъ рукоплесканій; потомъ, когда волненіе утихло, опять послышался звучный голосъ перваго монаха, который сказалъ:

— Святой союзъ благодаритъ брата ла-Гюрьера за его усердіе и принимаетъ предложеніе его къ соображенію; оно будетъ разсмотрѣно въ высшемъ совѣтѣ.

Рукоплесканія усилились. Ла-Гюрьеръ поклонился нѣсколько разъ, чтобъ благодарить собраніе и, сошедши съ кафедры, сѣлъ на прежнее мѣсто согбенный подъ громадностью торжества своего.

— А-га! подумалъ Шикъ: — я начинаю понимать дѣло. На православіе моего пріятеля Генриха III менѣ полагаются, нежели на православіе брата его Карла IX и господъ Гизовъ. Не удивительно! потому-что самъ герцогъ майенскій запутанъ въ это дѣло. Господа Гизы хотятъ составить въ государствѣ маленькое отдѣльное общество, начальниками котораго хотятъ быть сами; великій Генрихъ, полководецъ, будетъ управлять арміей; толстый Майенцъ завладѣетъ гражданами; знаменитый кардиналъ слѣдуетъ главой церкви, и въ одно прекрасное утро мой пріятель Генрихъ увидитъ, что у него остались однѣ четки, съ которыми его попросятъ удалиться въ какой-нибудь монастырь. Умно придумано! Ахъ да!.. а герцогъ анжуйскій? Чортъ возьми, что останется герцогу анжуйскому?

— Братъ Горанфолъ! произнесъ тотъ же монахъ, который вызывалъ уже обер-егермейстера и ла-Гюрьера.

Отъ-того ли, что онъ былъ слишкомъ занятъ собственными размышленіями, или отъ-того, что не привыкъ еще отвѣчать на имя монаха, одеждой котораго завладѣлъ, но Шикъ не отвѣчалъ.

— Братъ Горанфолъ! произнесъ служка такимъ рѣзкимъ и тоненькимъ голосомъ, что Шикъ вздрогнулъ.

— О-го! проговорилъ онъ:—точно женскій голосокъ зоветъ бра-

та Горанфлò. Не-уже-ли въ этомъ почтенномъ собраніи участвуетъ и прекрасный полъ?

— Братъ Горанфлò, повторилъ тотъ же тоненькій голосокъ: — гдѣ вы?

— Ахъ, чортъ возьми! проворчалъ Шикò:—вѣдь Горанфлò-то я; совсѣмъ изъ ума вонъ!

Потомъ, гнуся изо всѣхъ смѣлъ, онъ отвѣчалъ вслухъ:

— Здѣсь, здѣсь! Я былъ погруженъ въ глубокія размышленія, пробужденныя во мнѣ рѣчью брата ла-Гюрьера, и потому не слышалъ, что меня звали.

Онъ послышался одобрительный ропотъ въ пользу ла-Гюрьера, слова котораго отзывались еще во всѣхъ сердцахъ; этотъ ропотъ далъ Шикò время приготовиться.

Шикò могъ бы, скажутъ, не отвѣчать на зовъ главнаго монаха, такъ-какъ всѣ сидѣли съ опущенными капюшонами. Но просимъ читателей вспомнить, что присутствующіе были сочтены; следовательно, они знали и ждали другъ друга; и отсутствіе одного брата, между-тѣмъ, какъ счетомъ всѣ были тутъ, заставило бы ихъ поднять капюшоны, и тогда Шикò былъ бы въ великой опасности.

Онъ не колебался ни минуты, всталъ, поднялъ плечи, взошелъ на кафедру и еще ниже опустилъ капюшонъ.

— Братія! сказалъ онъ, удивительно-вѣрно подражая голосу монаха:—я, какъ вамъ извѣстно, собиратель милостыни въ этомъ монастырѣ и, следовательно, имѣю возможность входить во всѣ жилища адвѣнныхъ прихожанъ. Пользуюсь этимъ правомъ ради православнои церкви.

«Братія!» продолжалъ онъ, припоминая первыя слова рѣчи Горанфлò, прерванной такъ жестоко крѣпкимъ сномъ, которымъ онъ и теперь еще наслаждался: «братія, сегодня великій день для вѣры православной! Мы въ домъ Всевышняго, о братія, и потому будемъ говорить откровенно.

«Что такое Французское Королевство? Тѣло. Это сказалъ св. Августинъ: *Omnia civitas corpus est*—«Всякій градъ тѣло есть». Какое же worseе условіе спасенія тѣла? Здоровье. Чѣмъ можно сохранять здоровье тѣла? Осторожными кровопусканіями въ случаѣ избытка силъ. Несомнѣнно, что враги католической церкви слишкомъ усилились, потому-что мы опасаемся ихъ: следовательно, надо еще разъ пустить кровь громадному тѣлу, называемому обществомъ; это повторяютъ низъ каждый день прихожане, отъ которыхъ я приношу въ монастырь молоко, яйца, ветчину и деньги.»

Это начало рѣчи Шикò произвело сильное впечатлѣніе на слушателей.

Шикò обождалъ, чтобъ одобрительный ропотъ, возбужденный его словами, затихъ, и продолжалъ:

— Мнѣ, можетъ-быть, скажутъ, что церковь не любитъ проливать кровь: *ecclesia abhorret a sanguine*, продолжалъ онъ. — Но знаете хорошенько славящее: богословъ не объясняетъ,

къ какой крови церковь питаетъ отвращеніе. Я готовъ прозакладовать вола на яйцо, что онъ говоритъ не о крови еретиковъ. И точно: *Fons malus, corruptionis sanguis hereticorum autem pessimus!*.. Но вотъ еще другой аргументъ, братія: я сказалъ «перкадь». Не мы не всѣ принадлежимъ къ церкви. Братъ Монсоро, который сейчасъ говорилъ такъ краснорѣчиво, върѣтню опоясанъ и теперь ножомъ обер-егермейстера. Братъ де-Гюрье рѣдко управляетъ вертеломъ: *veru agreste, lethiferum tamen instrumentum*. Я самъ, о братія, я самъ, Жакъ-Непомюсень Горанфлѣ носилъ оружіе въ Шампани и жегъ гугенотовъ въ ихъ молельняхъ. Кажется, и этого было довольно съ меня, чтобъ понасть въ рай; но внезапно въ совѣсти моей пробудилось сомнѣніе: прежде, чѣмъ мы сожгли гугенотовъ, мы немножко ограбили ихъ. Кажется, это испортило нашъ великодушный поступокъ... по-крайней-мѣрѣ, такъ увѣрялъ духовникъ мой... Въ-слѣдствіе этого, я посѣщивъ постричься въ монахи и, чтобъ смыть съ себя пятно, положенное на меня еретиками, я съ той минуты далъ обѣтъ провестъ остатокъ дней моихъ въ воздержаніи и знаться только съ добрыми католиками.

Вторая часть рѣчи оратора понравилась не менѣе первой, и всѣ удивлялись, какими непостижимыми путями совершилось обращеніе брата Горанфлѣ.

Къ одобрителному ропоту присовокупились и некоторые рукоприкладсканія. Шикѣ скромно раскланялся во всѣ стороны и продолжалъ: — Теперь намъ остается поговорить о начальникахъ, «которыхъ мы избрали себѣ, и о которыхъ мнѣ, недостойному женовѣвцу, кажется, есть что сказать. Конечно, похвально, въ-особенности осторожно, пробраться ночью, въ монашескомъ одѣяніи, въ кавалерду, чтобъ слышать рѣчь брата Горанфлѣ; но мнѣ кажется, что этимъ не должна ограничиться обязанность высокихъ сановниковъ. Такая осторожность заставляетъ оказанныхъ гугенотовъ смѣяться надъ нами... долгъ справедливости заставляетъ сказать, что они насъ не боятся, потому-что они суровы на словахъ, храбры на дѣлѣ... Я требую, чтобъ и мы поступали болѣе-достойнымъ образомъ, какъ люди благородные, стремящіеся... Къ чему мы стремимся? къ истребленію ереси?.. Дѣ; но тутъ скрыватьсѣ не да чѣмъ! Не скрыватьсѣ должны мы, а открыто выйдти на улицу, благочестивымъ шествіемъ, и пусть солнечный свѣтъ играетъ на вашихъ блестящихъ оружіяхъ!.. Зачѣмъ же мы дѣйствуемъ, какъ тати ночные?..

«Все это прекрасно, отвѣтите вы, но кто первый подастъ примѣръ? Кто?.. Я!.. я, Жакъ-Непомюсень Горанфлѣ, я, недостойный братъ ордена Св. Женевьевы, скромный и покорный собиратель милостыни; я облекусь, если вамъ угодно, въ стальную кирасу, надѣну на голову шлемъ, возьму мушкетъ въ руки и пойду передъ добрыми католиками, хотъ бы только для того, чтобъ пристыдить начальниковъ, которые скрываются, какъ-будто-бы дѣло шло не о защищеніи церкви, а о какой-нибудь трактирной ссорѣ!..»

Рѣчь Шикò, согласовавшаяся съ мнѣніемъ многихъ изъ членовъ лги, невидѣвшихъ надобности скрываться, а желавшихъ идти прямо къ цѣли, которая, шесть лѣтъ назадъ, была достигнута вараоломеевскою ночью,—рѣчь эта произвела въ большей части слушателей пылкій восторгъ, и они закричали въ одинъ голосъ:

— Вивать! да здравствуетъ церковь! Вивать храброму брату Горанфò! Будемъ дѣйствовать открыто!.. открыто!..

Энтузіазмъ былъ тѣмъ пламеннѣе, что усердіе почтеннаго брата впервые являлось въ такомъ свѣтѣ. Ближайшіе друзья дотолѣ считали его человѣкомъ ревностнымъ, безъ всякаго сомнѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнымъ, удерживаемымъ въ границахъ благоразумія чувствомъ самосохраненія. Но вдругъ братъ Горанфò выступилъ какъ-бы въ боевомъ вооруженіи на арену изъ полусвѣта, въ которомъ дотолѣ оставался... и чѣмъ неожиданнѣе, тѣмъ пламеннѣе былъ восторгъ его пріятелей.

По несчастію или по счастью для Шикò, начальники не были одного съ нимъ мнѣнія, и, слѣдовательно, выгоды ихъ требовали прекращенія этого восторга. Одинъ изъ трехъ молчаливыхъ монаховъ наклонился къ уху служки и, секунду спустя, тоненькій голосокъ произнесъ трижды:

— Братія, наступилъ часъ отдыха; засѣданіе кончено.

Монахи съ шумомъ поднялись съ своихъ мѣстъ и, рѣшившись единодушно требовать въ будущее засѣданіе подтвержденія предложеній брата Горанфò, медленно направились къ двери. Многіе изъ нихъ подошли къ кафедрѣ, чтобъ поблагодарить собирателя милостыни, рѣчь котораго имѣла такой блистательный успѣхъ, когда онъ сойдетъ внизъ. Но Шикò разсудилъ, что вблизи могли узнать его по голосу, могли замѣтить, что онъ былъ выше брата Горанфò, который, конечно, повысился въ умѣ своихъ слушателей, но только морально, и потому онъ, поспѣшно преклонивъ колѣни, притворился усердно-молящимся.

Пріятели уважили его внезапный экстазъ и направились къ выходу, разговаривая шопотомъ, но съ жаромъ, чрезвычайно-забавлявшимъ Шикò.

Однакожь, Шикò не достигнулъ своей цѣли.

Онъ оставилъ короля Генриха III потому, что увидѣлъ герцога майенискаго. Онъ вернулся въ Парижъ, потому-что увидѣлъ Николая Давида. Шикò, какъ читатели уже знаютъ, поклялся двойною местию. Но онъ былъ человѣкъ слишкомъ-ничтожный, чтобъ могъ дерзнуть напасть на принца изъ лотарингскаго дома, а потому рѣшился выжидать удобнаго случая. Совсѣмъ другое дѣло было съ Николаемъ Давидомъ, простымъ нормандскимъ адвокатомъ. Правда, и онъ былъ въ свое время солдатомъ, но Шикò мастерски владѣлъ оружіемъ, и потому нетерпѣливо ждалъ встрѣчи со своимъ смертельнымъ врагомъ.

Шикò внимательно слѣдилъ за всѣми монахами, чтобъ узнать долговязую, тощую фигуру Давида; но вдругъ замѣтилъ, что, при

выходъ, каждый монахъ подвергался такому же осмотру, какъ при входѣ; братъ-привратникъ выпускалъ ихъ по какому-то условленному знаку. Шикò сначала подумалъ, что онъ ошибался; но вскорѣ это сомнѣніе превратилось въ увѣренность... холодный потъ выступилъ на тѣлѣ бѣдняка..

Братъ Горанфлò объяснилъ ему, что нужно было сдѣлать, чтобъ войти, но онъ забылъ узнать, съ помощію какого знака можно было выйти.

VIII.

Какъ Шикò, неволью оставшійся въ капеллѣ аббатства, увидѣлъ и услышалъ вещи, которыя было весьма-опасно слышать и видѣть.

Шикò поспѣшилъ сойдти съ кафедры и вмѣшался въ толпу монаховъ, чтобъ узнать какъ-нибудь значокъ и добыть себѣ его, если было еще возможно. И точно, вытянувъ шею и слѣдя за движеніями выходившихъ и привратника, онъ увидѣлъ, что выходной знакъ была монета, обрѣзанная въ видѣ звезды.

Монетъ этихъ было довольно въ карманѣ у Гасконца, но по несчастію ни одна не была обрѣзана такимъ страннымъ образомъ, который навсегда изгонялъ ее изъ обращенія.

Шикò мигомъ понялъ опасность своего положенія.

Подойдя къ двери и не будучи въ состояніи предъявить своего значка, онъ былъ бы узнанъ; какъ шутъ и одинъ изъ ближайшихъ людей къ королю, онъ могъ быть весьма-опасенъ братіямъ союза, а потому ему пришлось бы плохо. Шикò понялъ все это и спрятался за колонну.

— Мало того, думалъ Шикò:— что я погублю себя, но потеряю случай оказать услугу королю, къ которому я, привязанъ, хотя и говорю ему безпрестанно дерзости. Конечно, мнѣ теперь лучше бы воротиться въ гостинницу Рога-Изобилія, къ брату Горанфлò, но на нѣтъ и суда нѣтъ.

Разсуждая такимъ образомъ, Шикò старался спрятаться за уголокъ исповѣдальни.

Минуту спустя, послышался голосъ служки, кричавшаго съ наперти:

— Всѣ ли вышли? Сейчасъ запрутъ двери.

Никто не отвѣчалъ. Шикò вытянулъ впередъ шею и увидѣлъ, что въ часовнѣ остались только три монаха въ сѣрыхъ ризахъ.

— Ладно, сказалъ Шикò:— лишь бы не запирали оконъ, такъ я ужъ выберусь.

— Осмотримъ церковь, сказалъ служка брату-привратнику.

— *Ventre-de-biche!* проворчалъ Шикó: — я не удѣлю мѣста въ своемъ сердцѣ этому монашку!

Братъ-привратникъ зажегъ восковую свѣчу и вмѣстѣ съ привратникомъ сталъ обходить церковь.

Положеніе Шикó было чрезвычайно-опасно. Братъ-привратникъ и служка должны пройти мимо его и непременно замѣтили бы его. Шикó постепенно обходилъ колонну по-мѣрѣ-того, какъ свѣтъ приближался и оставаясь такимъ образомъ въ тѣни; потомъ, отворить тихонько исповѣдальню, вошелъ въ нее и заперъ за собою дверь.

Братъ-привратникъ и служка прошли въ четырехъ шагахъ отъ него, и сквозь рѣшетку свѣтъ упалъ на платье Шикó.

— Чортъ возьми! ворчалъ про себя Шикó: — не вѣчно же братъ-привратникъ, служка и три сѣрые монаха останутся въ церкви; когда они уйдутъ, такъ я подставляю стулья къ окну и выльзю...

— Да! выльзю... продолжалъ Шикó, отвѣчая самому-себѣ: — выльзю на дворъ, а не на улицу!.. Нѣтъ, ужь лучше дожидаться утра... закутаюсь въ рясу Горанфлò и усну... нѣчего дѣлать!

— Гаси лампы, сказалъ служка. — Пусть снаружи все видать, что совѣщаніе кончилось.

Привратникъ, съ помощію длиннаго гасильника, погасилъ обѣ лампы, и трапеза погрузилась въ глубокій мракъ.

Потомъ онъ погасилъ и lampu на хорахъ.

Только блѣдный лучъ зимней луны слабо освѣщала церковь, пробиваясь сквозь цвѣтныя стекла.

Вмѣстѣ съ мракомъ наступила и тишина.

Колоколъ ударилъ двѣнадцать разъ.

— *Ventre de biche!* проворчалъ Шикó: — въ полночь, одинъ, въ церкви, пріятель мой Горанфлò порядочно бы струсилъ; но къ счастью, я не такой слабой комплекціи. Шикó, другъ мой, желаю тебѣ доброй ночи и спокойнаго сна!

Прошло десять минутъ; глаза его стали слипаться, и онъ началъ погружаться въ сонъ; уму его представлялись фантастическіе образы и неясныя видѣнія, какъ вдругъ рѣзкій ударъ по мѣдной доскѣ дребезжа разнесся по церкви.

— Это что? спросилъ Шикó, открывъ глаза и прислушиваясь.

Въ то же время опять засвѣтилась лампа на хорахъ и синеватое пламя ея освѣтило прежнихъ трехъ монаховъ, сидѣвшихъ на томъ же мѣстѣ и въ той же неподвижности.

Невольный суевѣрный страхъ овладевалъ Гасконцемъ; не смотря на всю свою храбрость, онъ принадлежалъ къ своей эпохѣ, а въ его время вѣрили фантастическимъ преданіямъ и страшнымъ легендамъ.

Онъ сотворилъ крестное знаменіе и произнесъ шопотомъ:

— *Vade retro, satanas!*

Еслибъ видѣніе было адское, еслибъ все представлявшееся глѣзѣ Шикó было дьявольское навожденіе, то оно непременно во-

человѣкъ былъ послѣ словъ Шикѣ; но такъ-какъ монахи остались на своихъ мѣстахъ, вопреки *va de retro*, то Гасконецъ сталъ думать, что видитъ вещи весьма-естественныя, и хотя не настоящихъ монаховъ, то по-крайней-мѣрѣ живыхъ людей.

На смотря на это, дрожь человѣка пробуждающагося, смѣшанная съ трепетомъ человѣка боящагося, пробѣжала по тѣлу Шикѣ.

Секунду спустя, одна плита пола медленно поднималась и оставалась, безъ всякой видимой посторонней опоры, на собственномъ своемъ узкомъ основаніи. Въ отверстіи показался сперва сѣрый капюшонъ, потомъ явился цѣлый монахъ, который, медленно подвигнувшись, вступилъ на полъ; за нимъ плита медленно закрылась.

При этомъ зрѣлищѣ, Шикѣ пересталъ вѣрить въ действительность своего заклинанія. Волосы поднялись дыбомъ на головѣ его, и онъ воображалъ, что всѣ пріоры, аббаты и старшинныя Монастыря-св.-Женевьевы, начиная съ Онтѣ, умершаго въ 533 году, и до Паерра Будена, предшественника настоящаго начальника, возстали изъ своихъ гробовъ, находившихся въ склепѣ.

Но сомнѣніе его было непродолжительно.

— Братъ Монсорѣ, сказалъ одинъ изъ трехъ монаховъ появившемуся столь страннымъ образомъ: — прибылъ ли тотъ, кого мы ждемъ?

— Онъ ждетъ приказанія войти, отвѣчалъ тотъ, къ кому обращался вопросъ.

— Отворите ему дверь, и пусть онъ войдетъ.

— О-го! подумалъ Шикѣ: — кажется, комедія-то въ двухъ дѣйствіяхъ, а я видѣлъ только первое. Два дѣйствія! шутка!..

И, не смотря на то, что Гасконецъ шутилъ съ самимъ-собою, онъ не могъ, однакожъ, преодолѣть невольнаго трепета, отъ котораго ему казалось, что вся скамья, гдѣ сидѣлъ онъ, была обита острыми иглами.

Братъ Монсорѣ приблизился къ трапезѣ и отворилъ желѣзную дверь, находившуюся между двумя лѣстницами, ведущими на хоры.

Въ то же время, монахъ, сидѣвшій на хорахъ между двумя другими, опустилъ свой капюшонъ и открылъ такимъ образомъ широкій шрамъ, благородный знакъ, по которому Парижане узнавали съ такимъ восторгомъ того, кто слылъ уже героемъ католическихъ, не сдѣлавшихъ еще ихъ мученикомъ.

— Знаменитый Генрихъ де-Гизъ, подумалъ Шикѣ: — а мой пріоръ воображаетъ, что онъ занятъ есадой Ла-Шаритѣ. А! теперь я все понимаю. Тотъ, который сидитъ по правую сторону, долженъ быть кардиналъ лотарингскій, по лѣвую—мой закадычный другъ герцогъ майеннскій; но гдѣ же, чортъ его возьми, Николай Да-видъ?

И точно, въ то же мгновеніе, какъ-бы для подтвержденія мысли Шикѣ, капюшоны другихъ двухъ монаховъ опустились назадъ, открывъ съ одной стороны умное лицо, широкій лобъ и пронизан-

тальной взоръ знаменитаго кардинала, а съ другой гораздо-менше благородное и выразительное лицо герцога майеннского.

— Ага! узналъ я васъ, подумалъ Шикё: — теперь посмотримъ, что ты будешь дѣлать; послушаемъ, что ты скажешь.

Въ это самое время, Монсоро подошелъ къ желѣзной двери.

— Полагали ли вы, что онъ придетъ? спросилъ человекъ съ правомъ своего брата, кардинала.

— Не только полагалъ, но былъ въ томъ такъ увѣренъ, что малъ съ собою все, что нужно для помазанія муромъ.

И Шикё, сидѣвшій такъ близко, что легко могъ все слышать и видеть, замѣтилъ, какъ слабый свѣтъ лампы блеснулъ на золотыя ящичкы съ выпуклыми украшениями.

— Кажется, они хотятъ помазать кого-то на царство. — Какъ это хорошо; мнѣ уже давно хотѣлось видѣть такую церемонію!

Между-тѣмъ, человекъ двадцать монаховъ, скрытые подъ бранными капюшонами, вошли въ желѣзную дверь и заняли мѣста въ трапезной. Одинъ изъ нихъ вошелъ вслѣдъ за графомъ де-Монсоро и всталъ на правую сторону трехъ братьевъ, на хорахъ.

Служка опять явился, почтительно выслушалъ приказанія Генриха де-Гиза и исчезъ.

Герцогъ де-Гизъ окинулъ взоромъ собраніе, которое было въ шесть разъ малочисленнѣе перваго и, вѣроятно, состояло только изъ избранныхъ; увѣрившись, что все не только слушали его, но съ терпѣніемъ ожидали, чтобъ онъ заговорилъ, онъ сказалъ:

— Друзья, время дорого, и я пойду прямо къ цѣли. Полагамъ, что вы были въ первомъ собраніи, и потому слышали, что некоторые изъ членовъ лиги обвиняютъ въ равнодушіи и даже въ порасположеніи одного изъ главнѣйшихъ между нами, принца самаго приближеннаго къ трону. Наступила минута выказать эту принцу все наше участіе и уваженіе. Вы сами услышите его, и какъ люди, стремящіеся къ первой цѣли святой лиги, будете сами судить о томъ, справедливы ли упреки и обвиненія въ равнодушіи, холодности и бездѣйствіи, выказанныя сейчасъ однимъ изъ братьевъ святой лиги, которому мы не сочли нужнымъ открывать нашей тайны, — а именно Горанолё.

При этомъ имени, произнесенномъ герцогомъ де-Гизомъ съ выраженіемъ, свидѣтельствовавшимъ о порасположеніи къ бѣдному женозевицу, Шикё не могъ удержаться отъ внутреннего смѣха, который хотя не былъ громкимъ, но не менше того былъ непримѣтителенъ, судя по важности лицъ, возбуждавшихъ его.

— Братъ, продолжалъ герцогъ: — примитъ, содѣйствія котораго вы желали и надѣялись — здѣсь!

Всѣ взоры съ любопытствомъ обратились къ монаху, стоявшему на правую сторону трехъ братьевъ.

— Ваше высочество, сказалъ герцогъ де-Гизъ, обратившись къ тону, на котораго въ эту минуту было обращено общее вниманіе: — мнѣ кажется, что воля Господа теперь несомнѣнна; такъ-какъ

им согласился присоединиться къ намъ, то наше дѣло должно быть правое. Позвольте же попросить ваше высочество поднять кашюшонъ, чтобъ ваши приверженцы могли собственными глазами убедиться въ исполненіи деннаго имъ обещанія... обещанія столетнаго, что имъ трудно было повѣрять ему.

Таинственное лицо, къ которому обращался Генрихъ де-Гизъ, откинуло кашюшонъ назадъ, и Шикѵ, ожидавшій увидѣть портретъ какого-нибудь лотарингскаго неизвѣстнаго принца, съ изумленіемъ увидѣлъ лицо герцога анжуйскаго; оно было такъ блѣдно, что при свѣтѣ лампы казалось высѣченнымъ изъ мрамора.

— Нашъ братецъ анжуйскій! подумалъ Шикѵ: — неужь-то онъ не перестанетъ играть чужими головами въ чужія короны?

— Да здравствуетъ его высочество герцогъ анжуйскій! вскричали всѣ присутствующіе.

Франсуа поблѣднѣлъ болѣе прежняго.

— Не бойтесь, ваше высочество, шепнулъ ему Генрихъ де-Гизъ: — въ капеллѣ нѣтъ ни одного лишняго челоуѣка, а двери крѣпко заперты.

— Разумѣется, подумалъ Шикѵ.

— Братья, сказалъ графъ де-Монсоро:—его высочество желаетъ вамъ сказать нѣсколько словъ.

— Пусть говоритъ, пусть говоритъ! вскричали остальные: — мы слушаемъ.

Три лотарингскіе принца обратились къ герцогу анжуйскому и поклонились ему.

Герцогъ анжуйскій оперся на спинку скамьи; казалось, онъ готовъ былъ упасть.

— Господѣ, сказалъ онъ такимъ глухимъ и дрожащимъ голосомъ, что сначала было трудно слышать его:—господѣ, я вѣрю, что Господѣ обратилъ на насъ свой милостивый взоръ, и что рано ли, поздно ли, Онъ положитъ конецъ смутамъ и безнорядкамъ, которые суть слѣдствія безразсуднаго людскаго честолюбія.

Начало рѣчи герцога было такъ же темно, какъ мраченъ былъ его характеръ; всѣ въ молчаніи ожидали, чтобъ рѣчь его высочества пролилась нѣсколько, и чтобъ можно было судить о ней.

Герцогъ продолжалъ болѣе-твердымъ голосомъ:

— Я самъ бросилъ взоръ на этотъ міръ и, не будучи въ состояніи окинуть всю поверхность его своимъ слабымъ взглядомъ, отомошилъ его на Франціи. Что же увидѣлъ я тогда въ этомъ королевствѣ? Святая вѣра Христова поколеблена въ своемъ основаніи, и истинные слуги Божіи разсѣяны и изгнаны. Тогда я измѣрилъ глубину бездны, уже разверстой ересями, потрясающими въ рванія подъ предлогомъ быть угодными Господу, и душа моя погрузилась въ печаль и сътованіе...

Одобрительный ронетъ пробѣжалъ по собранію.

Герцогу высказалъ свое сочувствіе къ страданіямъ церкви, что почти равнялось объявленію войны виллеламъ этихъ страданій.

— Посреди этой глубокой горести, продолжалъ принцъ: — я слышалъ, что многіе благородные дворяне, благочестивые люди и приверженные къ обычаямъ нашихъ предковъ, приняди на себя попеченіе объ утвержденіи поколебленнаго алтаря. Я бросилъ вокругъ себя грустный взглядъ, и мнѣ показалось, что наступилъ же день страшнаго суда, что Господь отбѣдилъ уже избранныхъ отъ отчужденныхъ. Съ одной стороны, были послѣдніе, и я съ жасомъ отдался отъ нихъ; съ другой стороны были избранные, и я бросился въ ихъ объятія... Братія, я съ вами!

— Очень-хорошо! произнесъ Шикó тихимъ голосомъ.

Но предосторожность его была напрасна: онъ могъ бы закрыть во все горло, и все-таки шикто бы не услышалъ его: такъ шумны были клики и рукоплесканія, раздавшіяся подъ сводами церкви послѣ словъ герцога.

Три лотарингскіе принца первые подали знакъ къ этому шуму; потомъ кардиналъ, стоявшій ближе другихъ къ герцогу, ступилъ еще шагъ къ нему и сказалъ:

— Добровольно ли вы пришли къ намъ, принцъ?

— Совершенно-добровольно.

— Кто открылъ вамъ нашу святую тайну?

— Другъ мой, усердный приверженецъ католической вѣры, графъ де-Монсоро.

— Такъ-какъ вы теперь изъ нашихъ, сказалъ герцогу де-Гизъ: — то благоволите, ваше высочество, объявить намъ, что вы намѣрены сдѣлать для блага религій и святой лиги?

— Я намѣренъ исполнить всѣ требованія римско-католическо-восточной религій, отвѣчалъ новопосвященный.

— *Ventre de biche!* проворчалъ Шикó: — охота же людямъ окружать себя таинственностью, чтобъ твердить подобныя глупости! Что бы имъ мѣти прямо къ Генриху III? Огъ окошко вступилъ бы въ союзъ ихъ. Вѣдь процессіи, бичеванія, истребленіе ереси — это любимыя занятія!.. Чудаки, право! *Soigneur!* Добрый герцогу анжуйскій такъ растрогалъ меня, что мнѣ хочется выйдти изъ исповѣдальни и просить этихъ господъ, чтобъ они приняли и меня въ свою лигу! Продолжай, достойный братъ моего благопріятеля, продолжай! Это очень-похвально!..

И герцогу анжуйскій, какъ-бы угадавъ мысли Шикó, продолжалъ въ-самомъ-дѣлѣ.

— Но, сказалъ онъ: — благородные дворяне должны имѣть цѣлю не одни интересы религій. Я вижу еще другую цѣль.

— Говори, анжуйскій, говори! говорилъ Шикó про себя: — я тоже дворянинъ, и надѣюсь — благородный; следовательно, цѣль твоѣ касается и до меня.

— Ваша высочество, сказалъ кардиналъ де-Гизъ: — вы отъ глосочайшимъ вниманіемъ готовы васъ слушать!

— Тамъ болѣе, что слова ваши пробуждаютъ надежду въ нашихъ сердцахъ, прибавилъ герцогъ анжуйскій.

— Такъ я объяснюсь, сказалъ герцогъ анжуйскій, устремивъ безпокойный взглядъ въ мрачный конецъ капеллы, какъ-бы для того, чтобъ удостовѣриться, не услышатъ ли его словъ уши, недостойныя ихъ слышать.

Графъ де-Монсорбъ понялъ безпокойство принца и успокоилъ его улыбкой и выразительнымъ взглядомъ.

— Всякій дворянинъ долженъ сперва помышлять о Богѣ, а потомъ... при послѣднихъ словахъ герцогъ анжуйскій невольно произвелъ голосъ.

— Потому о королѣ, пробормоталъ Шико;—старая неспя!

— Потому объ отечествѣ, сказалъ герцогъ анжуйскій: — и онъ спрашиваетъ себя, точно ли отчизна его наслаждается тою честью и тѣмъ благосостояніемъ, которыхъ она заслуживаетъ...

— И такъ, я спрашиваю себя, продолжалъ герцогъ анжуйскій, угловатыя скулы котораго мало-по-малу оживлялись лихорадочнымъ румянцемъ: — я спрашиваю себя пользуется ли моя отчизна тѣмъ спокойствіемъ и счастіемъ, которыхъ заслуживаетъ прекрасная, чудная страна, называемая Франціей, и — вижу съ горестію, что нѣтъ.

«И точно, братія! самыя разнообразныя, но могущественныя власти и партіи терзаютъ государство. По слабости высшей воли, которая забываетъ, что она должна надъ всѣмъ господствовать для блага своихъ подданныхъ и только шурьда, и то всегда нехстати, принимается за энергическія дѣйствія, которыми, поэтому самому, производятъ только вредъ, — по слабости этой воли мы смѣло можемъ обвинить въ злополучномъ положеніи Франціи только ея... правителя!...

«На, братія, обвинять не значить утверждать.

«Хотя мы не знаемъ настоящаго источника зла, а только подозреваемъ его, — но зло, однакожь, существуетъ... Если виновникъ этого зла и не король, такъ виновны мнимые друзья, его окружающіе, а потому я долженъ былъ, какъ истинный, вѣрный, служитель церкви и престола, присоединиться къ тѣмъ, которые всѣми способами стремятся истребить еретиковъ и коварныхъ совѣтниковъ. Вотъ, господа, чему и я хочу содѣйствовать всѣми силами; вотъ почему и я присоединяюсь къ нимъ.»

— О-го! подумалъ Шико съ изумленіемъ: — одно уже выказалось, да только не осанное, какъ я думалъ сперва, а дельное.

Эта рѣчь герцога анжуйскаго, — формализованная, быть-можетъ, несколько-длинною нашимъ читателямъ, незнакомымъ съ политикою того вѣка, — такъ сильно возбуждала умовѣ слушателей, что почти всѣ приблизились къ праму, чтобъ не пропустить ни одного сло-

а изъ рвчи, произносимой болѣе и болѣе глухихъ, неясственнымъ голосомъ, по мѣрѣ того, какъ смыслъ ея становился яснѣе.

Зрѣлище было любопытное. Толпа изъ двадцати-пяти или тридцати слушателей, съ откинутыми капюшонами, оставлявшими незакрытыми благородныя, смѣлыя фizioноміи, на которыхъ было написано сильное любопытство, группировалась вокругъ принца и была освѣщаема блѣднымъ свѣтомъ единственной лампы.

Остальная часть церкви, какъ-бы чуждая драмы, разыгрывавшейся на одной точкѣ, была погружена въ глубокой, непроницаемый мракъ.

Посреди группы видно было блѣдное лицо герцога анжуйскаго, со впалыми глазами и ртомъ, походившимъ на челюсть черепа.

— Ваше высочество, сказалъ герцогъ де-Гизъ: — благодаря вамъ и произнесенныя слова, осмѣлюсь прибавить, что вы окружены людьми преданными не только изложеннымъ вами правиламъ, но и особѣ вашего высочества, въ чемъ послѣдствія этого совѣщанія могли убѣдять васъ.

Герцогъ анжуйскій поклонился и, поднявъ голову, окинулъ сограждане безпокойнымъ взоромъ.

— Ваше высочество, сказалъ кардиналъ, отъ котораго не ускользнулъ взглядъ принца: — если вы еще опасаетесь, такъ имѣюсь, что одни имена окружающихъ васъ могутъ ручаться за верность и преданность ихъ. Вотъ губернаторъ д'Онисъ, д'Антрагъ младшій, де-Риберакъ и де-Ливаро, молодые дворяне, знакомые нашему высочеству; вотъ еще видѣмъ кастильйонскій, баронъ де-Юсвианъ, господа Крюсэ и Леклеръ, — все люди, убѣжденные въ благоразуміи вашего высочества и счастливые тѣмъ, что служатъ святой религіи и престолу подѣ вашимъ начальствомъ. Следовательно, мы всѣ съ признательностью готовы принять повелѣнія вашего высочества.

Герцогъ анжуйскій не могъ скрыть движенія гордости. Надменные Гизы, которыхъ онъ никогда не могъ подчинить волѣ своей, сперъ сами говорили о повиновеніи.

— По происхожденію своему и уму, сказалъ герцогъ майеннскій: — вы естественный начальникъ святаго союза, и отъ вашего высочества мы должны узнать, какъ поступать съ тѣми ложными друзьями короля, о которыхъ вы сейчасъ изволили говорить.

— Это весьма-просто, отвѣчалъ герцогъ съ тѣмъ лихорадочнымъ одушевленіемъ, которое въ людяхъ малодушныхъ замѣняется мужествомъ: — когда чужездныя и ядовитыя растенія растутъ въ полѣ и вредятъ полезнымъ растеніямъ, ихъ должно истребить. Король окруженъ не друзьями, но льстецами, которые губятъ его: подають привѣръ ужасной, позорной жизни!

— Правда, сказалъ герцогъ де-Гизъ мрачнымъ голосомъ.

— Притомъ же, эти льстецы, прибавилъ кардиналъ: — прелят...

ставують намъ, истиннымъ друзьямъ его высочества, имѣть доступъ къ престолу, принадлежащій намъ по праву.

— А потому, внезапно вскричалъ герцогъ майенскій—пусть протые члены лиги заботятся о пользѣ церкви. Служа церкви, они будутъ угождать только членамъ ея. Мы же будемъ дѣлать свое. Есть люди, мѣшающіе намъ, оскорбляющіе насъ и неказывающіе должнаго уваженія прицу, которому мы душевно преданы и котораго избрали своимъ начальникомъ.

Лицо герцога анжуйскаго покрылось краской.

— Истребимъ, продолжалъ Майеннъ:—истребимъ до послѣдняго эту окаянную сволочь, которую король обогащаетъ намъ же во вредъ! Пусть только каждый изъ насъ возьметъ на себя отправитъ на тотъ свѣтъ хоть одного. Насъ здѣсь тридцать человекъ, сочтемъ враговъ.

— Это благоразумно, сказалъ герцогъ анжуйскій:—и вы, мослѣ де-Майеннъ, уже сдѣлали свое.

— Что сдѣлано, то не въ счетъ, отвѣчалъ герцогъ майенскій.

— Однакожь вы должны оставить и на нашу долю нѣкоторыхъ, сказалъ д'Антрагъ.— Я беру на себя Келюса.

— Я Можирона, сказалъ Ливаро.

— Я Шомберга, сказалъ Риберакъ.

— Хорошо, хорошо! вскричалъ герцогъ:—не забывайте, что у меня остается еще Бюсси, мой храбрый Бюсси, который возьметъ на свою долю нѣсколькихъ.

— А мы? а мы? кричали другіе.

Графъ де-Монсоро выступилъ впередъ.

— А-га! оберъ-егермейстеръ пришелъ просить свою долю, проговорилъ Шико, который, видя, какой оборотъ принимали дѣла, уже не смѣялся.

Но онъ ошибался на-счетъ графа де-Монсоро.

— Господи, сказалъ послѣдній:—прошу позволенія сказать нѣсколько словъ. Мы люди смѣлые, рѣшительные, а между-тѣмъ боимся откровенно говорить другъ съ другомъ. Мы люди рассудительные, а между-тѣмъ остаиваемся напустякахъ. Будьте же, господа, посмѣлье, порѣшительнѣе, пооткровеннѣе. Дѣло идетъ не о мишьонахъ короля Генриха и не о томъ, что мы не имѣемъ къ нему доступа...

— О чемъ же? проговорилъ Шико, приставилъ къ уху руку, и видѣ акустической трубы, чтобъ не проронить ни одного слова.

— Говори же скорѣе, о чемъ? я жду.

— Насъ теперь занимаетъ затруднительное, невыносимое положение, въ которомъ мы находимся. Власть, которая нами управляетъ, надостойна французскаго дворянства: что значать религиозныя комедіи, безславіе и оргіи, щедрость на празднества, заставляющія съ сентиментальностію улыбаться всю Европу, скупость ко всему, что относится къ войнѣ и искусствамъ? Подобное поведеніе

проследить не отъ невѣдѣнія, не отъ малодушія, а отъ разстрой-
ства устныхъ связей!

Могильная тишина наступила за словами обер-егермейстера.

Впечатлѣніе, произведенное ими, было тѣмъ глубже, что каж-
дый тайно твердилъ слова, произнесенныя имъ вслухъ, такъ-
то въ издрогнули, какъ-бы услышавъ отголосокъ собственнаго
своего мнѣнія, собственнаго своего убѣжденія.

Графъ де-Монсёр, очень-хорошо понимавшій, что молчаніе это
было слѣдствіемъ общаго согласія, продолжалъ:

— Не-уже-ли мы должны терпѣть сумасшедшаго, малодушнаго
и празднаго короля, когда Испанія зажигаетъ свои костры, когда
въ Германіи, въ древнихъ монастыряхъ, пробуждаются ересена-
шники, когда непоколебимая политика Англіи отсѣкаетъ головы?
Въ эти націи со славою стремятся къ чему-нибудь? Мы же находимся
въ презрѣнномъ, позорномъ усыпленіи! Простите мнѣ, господа, что
я дерзаю говорить это въ-присутствіи великаго принца. Вотъ уже
четыре года, какъ нами управляетъ не король, а монахъ!...

При этихъ словахъ, энтузіазмъ присутствующихъ, искусно-под-
готовленный и воздерживаемый въ-продолженіи цѣлаго часа осто-
рожнымъ дѣйствіемъ начальниковъ, разразился съ такою силою,
что никто не узналъ бы въ этомъ пылкомъ порывѣ прежнихъ ко-
лѣныхъ и разсудительныхъ союзниковъ.

— Не хотимъ болѣе Генриха! кричали всѣ:—дайте намъ въ на-
чальника дворянина, короля-воина, тирана, если нужно, но не хо-
тимъ монаха!

— Господь, господь! сказалъ лицемерно герцогъ анжуйскій:—по-
жалте, умоляю васъ, моего брата, который ошибается или кото-
рымъ обманываютъ. Позвольте мнѣ надѣяться, что наши умные со-
умы и благодѣтельное вмѣшательство могущества лгги наставятъ
его на путь истинный.

— Шипитъ, змѣя, шипитъ! ворчалъ Шикё.

— Ваше высочество, сказалъ герцогъ де-Гизъ:—изволили вы-
слушать искреннее выраженіе мнѣнія нашего общества. Нѣтъ, здѣсь
идетъ дѣло о союзѣ противъ Беарнца, пугалища глушцовъ, а не
о дѣлѣ для поддержанія правъ церкви, которая сама сдѣлаетъ
поддержать ихъ лучше насъ; мы заботимся о томъ, чтобъ вывести
французское дворянство изъ постыднаго положенія, въ которомъ
оно находится. Долго удерживало насъ уваженіе къ вашему вы-
сочеству; долго мысль о привязанности вашего высочества къ сво-
имъ роднымъ удерживала насъ въ границахъ скрытности. Теперь
мы все узнали, а потому услышите цѣль настоящаго засѣданія
лгги.....

— Что вы говорите, герцогъ? спросилъ принцъ съ безпокой-
ствомъ.

— Ваше высочество, продолжалъ герцогъ де-Гизъ:—мы собра-
лись не для того, чтобъ вступать въ богословскіе диспуты, а для
того, чтобъ дѣйствовать и дѣйствовать рѣшительно. Сегодня мнѣ

избирали начальника, способнаго обогатить дворянство Франціи; такъ—какъ у древнихъ Франковъ существовалъ обычай дѣлать подарокъ избираемому начальнику, то мы предлагаемъ начальнику избранному нами...

Всѣ сердца забилась; но слышье другихъ забилась сердца герцога. Однакожь, онъ оставался нѣмъ и неподвиженъ... только страшная блѣдность вмѣняла его волненію.

— Господа, продолжалъ герцогъ де-Гизъ, взявъ со скамьи и поднявъ надъ головою принца что-то тяжелое: — вотъ подарокъ, который я, отъ имени всѣхъ, подношу принцу.

— Корона! вскричалъ герцогъ, схватившись за спинку скамьи, чтобъ не упасть: — корона мнѣ?

— Вивать Франциску III! вскричали дворяне, обнажая шпаги.

Глухо, странно раздавалось это восклицаніе подъ тяжелыми сводами церкви.

— Мнѣ?... мнѣ? говорилъ принцъ, дрежа отъ радости и страха: — мнѣ?... Не это невозможно!.. Братъ мой еще живъ!... Братъ мой помазанникъ Господа!

— Мы ждемъ, сказалъ герцогъ де-Гизъ:—чтобъ судъ Божій былъ произнесенъ...

— О, господа! произнесъ слабымъ голосомъ принцъ:—нецадите!

— Ваше высочество, сказалъ кардиналъ:—мы уважаемъ вашу братскую любовь; но вотъ намъ отвѣтъ на ваше замѣчаніе: Генрихъ III былъ помазанникъ Божій, но я, по дарованной мнѣ свыше власти, отрѣшилъ его: не онъ, а вы теперь избранникъ Божій!.. Этотъ храмъ такъ же важенъ, какъ реймскій соборъ, потому-что въ немъ хранятся мощи святой Женевьевы, покровительницы Парижа; здѣсь было погребено тѣло Клодвига, перваго христіанскаго короля... И въ этомъ святомъ храмѣ, передъ статуей истиннаго основателя Французской Монархіи, я, одинъ изъ сановниковъ церкви, имѣющій полное право надѣяться быть со-временемъ главою ея, провозглашаю васъ королемъ и помажу на царство святымъ митромъ, присланнымъ папою Григоріемъ XIII! Ваше высочество, назовите будущаго реймскаго архіепископа, назовите вашего коннетабля, и черезъ минуту вы будете королемъ, и братъ вашъ Генрихъ будетъ провозглашенъ незаконнымъ владѣтелемъ престола, если откажется уступить вамъ его добровольно! Служка, зажги свѣчи на алтарѣ!

И въ одно мигновеніе служка, ожидавшій, но-видимому, этого приказанія, зажгъ свѣчи алтаря.

Ярко освѣтился алтарь, и всѣ увидѣли на немъ митру, обсыпанную драгоценными камнями, и мечъ съ гербомъ Франціи: То была архіепископская митра... то былъ мечъ коннетабля!..

И въ то же время подъ сводами пронесся звукъ органа, заграваго Vnii Creator.

Эта эффектная развязка, подготовленная тремя лотарингскими принцами и которой не ожидалъ самъ герцогъ анжуйскій, произ-

на глубокое впечатление на присутствующих: Сильные воспалились, слабые стали сильными.

Герцог анжуйский поднялъ голову и шатомъ болѣе-твердымъ, когда можно было ожидать, пошелъ къ алтарю, въ правую руку взявъ мечъ, въ левую мечъ и, возвратившись къ герцогу и архиепископу, которые ожидали этой чести, возложилъ мечъ на карнизъ и вручилъ мечъ герцогу.

Единодушныя рукоплесканія привѣтствовали этотъ рѣшительный шагъ болѣе неожиданный поступокъ, что взявъ болѣе наивѣрный рѣшительный характеръ принца.

— Господи, сказалъ герцогъ присутствующимъ: — пусть герцогъ айенскій защититъ ваши имена: въ тотъ день, когда я славаюсь королемъ, вы все будете кавалерами ордена.

Рукоплесканія усилились, и все присутствующее поочередно стало подходить къ герцогу майеннскому.

— *Mordieu!* подумалъ Шикъ: — вотъ славная occasia получить хорошую ленту: стоитъ только показаться! Но не покажусь — я предпочитаю суетность!

— Теперь къ алтарю, ваше величество, сказалъ кардиналъ де-Ливаръ.

— Месье де-Монсоро, вы полковникъ; господи де-Риберакъ и Антрагъ — капитаны, де-Ливаръ — лейтенантъ моей стражи, займите на хорахъ мѣста, которые принадлежатъ вамъ по чинамъ, которыя я вамъ жалую.

Каждый изъ названныхъ занялъ мѣсто, которое въ настоящей процесси принадлежало бы имъ.

— Господи, сказалъ герцогъ, обращаясь къ прочимъ: — каждый изъ васъ можетъ просить у меня чего угодно; я постараюсь удовлетворить всѣхъ.

Между тѣмъ, кардиналъ ушелъ за дарохранительницу и воротился оттуда въ полномъ облаченіи, неся въ рукахъ чашу съ иждуромъ. Служка, по данному знаку, принесъ евангеліе и крестъ. Кардиналъ взялъ и то и другое, положилъ крестъ на евангеліе и подальше вѣнцу, который положилъ на нихъ руку.

— Царь именемъ Бога, сказалъ принцъ: — обещаю моему народу уважать и защищать права святой вѣры нашей, какъ слѣдуетъ христіанскому королю и старшему сыну церкви. Да поможетъ мнѣ слово и святое евангеліе!

— Аминь! оканчивали въ одинъ голосъ все присутствующіе.

— Аминь! повторялъ какъ-бы отголосокъ въ глубинахъ церкви.

Герцогъ де-Гизъ, исполнявшій, какъ мы уже сказали, должность штебля, подошелъ къ алтарю и положилъ на него свой мечъ. Кардиналъ благословилъ его, вынулъ изъ него ножны, взявъ за лезвие и подавъ Френциску, который принялъ его за рукоять.

— Господари, сказалъ кардиналъ: — примите этотъ мечъ вмѣстѣ благословеніемъ Господа; пусть этотъ мечъ, едлю Святаго Духа, воздѣйствуетъ на васъ какъ на щитъ отъ враговъ и на покровительство

святой церкви и государства, вамъ вѣримаго. Пріймите этотъ мечъ, чтобъ, съ помощію его, твердить судъ и расправу, защищать вдовъ и сиротъ и уничтожать безпорядки; царствуйте со славою и доблестно, чтобъ удостоиться царствовать съ тѣмъ, котораго вы замѣняете на землѣ и котораго царствію не будетъ конца! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Герцогъ опустилъ мечъ такимъ образомъ, что остріе его касалось пола, и черезъ минуту опять отдалъ его герцогу де-Гизу.

Служка принесъ подушку и положилъ ее предъ герцогомъ анжуйскимъ, который преклонилъ на ней колѣно.

Потомъ кардиналъ открылъ маленькую золотую шкатулку и остріемъ золотой иглы извлекъ изъ нея частицу святаго мвра, которую положилъ на дискосъ.

Взявъ дискосъ въ лѣвую руку, онъ произнесъ надъ герцогомъ двѣ молитвы.

Потомъ, взявъ святой елей большимъ перстомъ, онъ сотворилъ надъ нимъ крестное знаменіе на головѣ принца, говоря:

— *Ungo te in regem de oleo sanctificato, in nomine Patris et Filii et Spiritus-Sancti.*

Вслѣдъ за тѣмъ, служка стеръ елей платкомъ, вышитымъ золотомъ.

Тогда кардиналъ взялъ въ обѣ руки корону и опустилъ ее на голову принца, не выпуская, однакожъ, изъ рукъ. Герцоги де-Гизъ и де-Майеннъ приблизились и съ обѣихъ сторонъ взяли за корону.

И кардиналъ, поддерживая ее одною лѣвою рукою, сказалъ благословляя принца правую:

— Господь вѣнчаетъ тя вѣнцомъ славы и правосудія.

Потомъ, отнявъ и лѣвую руку, произнесъ:

— Прійми сей вѣнецъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Корона опустилась на голову блѣднаго и дрожавшаго всими членами герцога анжуйскаго, и въ то же мгновеніе онъ инстинктивно схватился за нее руками...

Служка провознилъ, и всѣ присутствующіе преклонили головы.

Но вскорѣ она опять подняли ихъ, обнажили шпаги и вскричали:

— Да здравствуетъ король Францискъ III!

— Ваше величество, сказалъ кардиналъ герцогу анжуйскому: съ этой минуты вы царствуете надъ Франціею, потому-что вы вѣнчалъ представитель самого папы Григорія XIII.

— *Ventre de biche!* провозчалъ Шикъ:—пронтересное зрѣлище! Спасибо мнѣ... удружил! все показали.

— Господа, сказалъ герцогъ анжуйскій съ гордостью и величіемъ:—я никогда не забуду именъ тридцати дворянъ, которые пераде сочили меня достойнымъ царствовать надъ ними... Прощайте, господа, да хранитъ васъ Богъ!

Кардиналъ и герцогъ де-Гизъ поклонились; но Шикъ, сметръ

онъ изъ нихъ съ боку, замѣтилъ, что пока герцогъ майенскій провозилъ новаго короля, братья помѣнялись иронической улыбкой.

— Ой, ой, ой! Это еще что значить? подумалъ Гасконецъ:—и то за игра, когда всѣ плутуютъ?

Между-тѣмъ, герцогъ ушелъ въ желѣзную дверь, ведущую въ плещь, куда за нимъ послѣдовали всѣ присутствовавшіе, исключая трехъ братьевъ, которые вошли въ трапезную, пока братья-перевратникъ гасилъ свѣчи на алтарѣ.

Служка затворилъ желѣзную дверь, и церковь опять была освѣщена только одною лампою, которая, подобно символу, непостижимому вассъ, говорила избраннымъ о чемъ-то таинственномъ...

IX.

Какъ Шикѣ, думая заняться исторіей, проходилъ курсъ генвалогіи.

Шикѣ всталъ въ исповѣдальнѣ, чтобъ поразмыслиться. Онъ могъ думать, что это засѣданіе было послѣднее; а такъ-какъ было уже около двухъ часовъ пополудни, то онъ хотѣлъ уже устроиться, чтобъ лучше уснуть.

Но, къ величайшему изумленію его, когда всѣ двери были закрыты, три лотарингскіе принца вышли изъ трапезной; только теперь они скинули съ себя монашеское одѣяніе и явились въ обыкновенныхъ своихъ костюмахъ.

Въ то же время, при появленіи ихъ, служка засмѣялся такъ громко и весело, что и Шикѣ не могъ удержаться отъ смѣха, самъ не зная, чему смѣется.

Герцогъ майенскій поспѣшно подошелъ къ лѣстницѣ.

— Не смѣйтесь такъ громко, сестра, сказалъ онъ:—они только вышли и могутъ васъ услышать.

— Сестра? подумалъ Шикѣ съ новымъ изумленіемъ:—не-ужь-то это монашекъ женщина?

И точно, служка откинулъ назадъ свой капюшонъ и открылъ дружное и прѣмное женское личико.

У нея были черные глаза, блиставшіе лукавствомъ, но въ серьезные минуты принимавшіе грозное выраженіе.

У нея былъ алый, прелестный ротикъ; носъ прекрасно-очерченный, кругленькій подбородокъ, оканчивавшій правильный овалъ несколько-блѣднаго лица, на которомъ ярко отдѣлялись черныя брови.

Это была сестра Гизовъ, мадамъ де-Монпансѣ, опасная сирена, искусно умѣвшая скрыть подъ тяжелой монашеской одеждой неровность плечъ, изъ которыхъ одно было несколько-выше дру-

гаго, и некрасивую форму правой ноги, заставлявшую ее слегка хромать.

Благодаря этимъ несовершенствамъ, въ тѣлѣ этой женщины, которую Господь надѣлилъ лицомъ ангела, поселилась душа демона.

Шикó часто видалъ ее при дверѣ королевы Луизы-Водемонской и ея кузины, и почелъ всю тайну предшествовавшихъ ея.

— Ахъ! братецъ-кардиналъ, говорила герцогиня, не переставай хохотать: — а онъ подставлялъ голову! Фш! Какъ онъ былъ хорошъ въ коронѣ!

— Все равно, сказалъ герцогъ: — мы достигли того, что намъ было нужно, и Франсуа теперь не отступится. Миссюрé, у котораго, вѣроятно, были свои тайныя, мрачныя причины, довелъ насъ до этого, и теперь мы увѣрены, что онъ не отступится отъ насъ какъ отъ ла-Моля и Коконна, когда ихъ повели на эшафотъ.

— О! отвѣчалъ герцогъ майенскій: — принцамъ нашего рода далеко до этой дороги.

Шикó понялъ, что съ герцогомъ анжуйскимъ сыграна комедія и такъ-какъ онъ ненавидѣлъ принца, то за эту мистификацію охотно поцаловалъ бы Гизовъ, исключая, однакожь, Майенна, за котораго онъ поцаловалъ бы два раза герцогиню де-Монпансьé.

— Но возвратитесь къ дѣламъ, сказалъ кардиналъ. — Все что вы знаете, не правда ли?

— Все, все! отвѣчала герцогиня: — впрочемъ, можно посмотреть.

— Нѣтъ, сказалъ герцогъ: — вы, должно-быть, устали, мой миленькій служба.

— Напротивъ, мнѣ было слишкомъ-весело.

— Майеннъ, вы говорите, что онъ здѣсь? спросилъ герцогъ.

— Да.

— Но я не видалъ его.

— Еще бы! Онъ спрятанъ.

Шикó пересталъ смѣяться.

— Гдѣ же? спросилъ герцогъ де-Гизъ.

— Въ исповѣдальнѣ.

Эти слова раздались въ ухахъ Шикó какъ сто тысячъ трубъ апокалипсиса.

— Кто спрятанъ въ исповѣдальнѣ? ворчалъ онъ, задремавъ: — ventre de biche! Кажется, я одинъ здѣсь!

— Слѣдовательно, онъ все видалъ, все слышалъ? спросилъ герцогъ.

— Такъ что же? Онъ въ нашихъ рукахъ.

— Приведите его, Майеннъ.

Майеннъ сошелъ съ лѣстницы, осмотрѣлся и пошелъ прямо къ исповѣдальнѣ, въ которой сидѣлъ нашъ Гасконецъ.

Шикó былъ храбръ; но въ этотъ разъ холодный потъ выступилъ на лбу его, и онъ такъ задрожалъ, что зубы застучали во рту его.

— Однакожь, думалъ онъ, стараясь высвободить шпату изъ-подъ

предлага влѣтъ мѣнѣхъ: — я не хочу умереть, какъ собака, въ томъ ящикѣ. Поѣду на встрѣчу смерти, ventre de biche! А такъ-какъ представляется удобный случай, такъ прежде убью Майенна, потомъ умру самъ.

И, чтобъ привести въ исполненіе это мужественное намѣреніе, Шикъ, схватившись за рукоятку шпаги, хотѣлъ уже отдернуть завѣску, когда послышался голосъ герцогини:

— Не въ этой, Майеннъ, не въ этой! сказала она: — въ другой, налѣво.

— А! въ другой, сказалъ герцогъ, протягивавшій уже руку къ вери; онъ скоро повернулся и пошелъ къ противоположной исповѣдальни.

— Уф! произнесъ Гасконецъ съ глубокимъ вздохомъ, которому позавидовалъ бы самъ Горанфлô: — хорошо, что она предупредила кровопролитіе... Да кой-чортъ сидитъ тамъ?

— Выходи, Николай Давидъ, сказалъ Майеннъ: — мы одни.

— Я здѣсь, ваша свѣтлость, отвѣчалъ человекъ, выходявшій изъ исповѣдальни.

— А! дружокъ, тебя-то и не доставало! проворчалъ Гасконецъ — а тебя гдѣзъ искалъ и нахожу въ то самое время, когда переталъ искать.

— Ты все слышалъ, все видѣлъ, не правда ли? спросилъ герцогъ де-Гизъ.

— Я не проронилъ ни одного слова, не пропустилъ ни одного обстоятельства; будьте спокойны, ваша свѣтлость.

— Слѣдовательно, ты можешь все передать его святѣйшеству Григорію XIII? спросилъ опять де-Гизъ.

— Все, до одного слова.

— Братъ мой, де-Майеннъ, говоритъ, что ты сдѣлалъ чудеса на насъ. Рассказывай же, что ты сдѣлалъ!

Кардиналъ и герцогиня приблизились съ любопытствомъ. Три принца и сестра составили одну группу.

Николай Давидъ стоялъ въ трехъ шагахъ отъ нихъ, вполне освѣщенный пламенемъ лампы.

— Я сдѣлалъ, что обѣщалъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Николай Давидъ: — то-есть, я нашелъ средство возвестъ васъ на престолъ Франціи, безъ споровъ и препятствій.

— И они лѣзутъ на престолъ! подумалъ Шикъ. — Сколько же у насъ будетъ королей?

Читатели видятъ, что храбрый Шикъ опять повеселѣлъ. Эта веселость происходила отъ трехъ причинъ:

Во-первыхъ, онъ спасся неожиданнымъ образомъ отъ страшной опасности; во-вторыхъ, онъ открылъ заговоръ; въ-третьихъ, по этому самому заговору, онъ нашелъ средство отмстить своимъ двумъ главнымъ врагамъ: герцогу майеннскому и адвокату Николаю Давиду.

— Милый Горанфлô, проговорилъ онъ, когда привелъ въ поря-

докъ всё свои мысли: — какой же ужинъ я тебя задамъ завтра за то, что ты одолжилъ мнѣ свое платье! ужь угошу!

— Если средство твое слишкомъ-рѣшительно, такъ я отказываюсь отъ него, сказалъ Генрихъ де-Гизъ. — Я не хочу имѣть нищезъ всѣхъ королей христіанскаго міра, царствующихъ по праву наслѣдства.

— Я все предусмотрѣлъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ адвокатъ поклонившись герцогу и съ увѣренностью взглянувъ на триумфаторъ. — Я не только умѣю ловко владѣть шпагой, какъ говорятъ мои враги, желавшіе лишити меня довѣренности вашей свѣтлости, я изучилъ всё богословскія и юридическія книги, какъ ученый правовѣдъ; я разобралъ всё лѣтописи и всё законы, и изъ нихъ вывелъ все то, что намъ нужно. Главное дѣло — доказать ваши права на престолъ и законность этихъ правъ; это мнѣ удалось, ваша свѣтлость, и я открылъ, что вы законные наслѣдники, между-тѣмъ какъ домъ Валуа принадлежитъ къ отрасли, незаконно владѣющей престоломъ...

Увѣренность, съ которою Николай Давидъ произнесъ эту небольшую рѣчь, сильно обрадовала герцогиню де-Монпансье, внушила большое любопытство кардиналу и де-Майенну, и вызвала улыбку на строгое лицо герцога де-Гиза.

— Трудно однакожь доказать, сказалъ онъ: — чтобъ лотарингскій домъ, не смотря на свое высокое происхожденіе, могъ оспаривать первенство у дома Валуа.

— Это доказано, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Николай, приподнявъ длинное монашеское платье и вытащивъ изъ-подъ него большой листъ пергамента. Въ то же время можно было замѣтить, что онъ былъ вооруженъ.

Герцогъ взялъ пергаментъ изъ рукъ Николая Давида.

— Что это? спросилъ онъ.

— Родословное древо лотарингскаго дома.

— Ведущаго свой родъ отъ...?

— Отъ Карла-Великаго, ваша свѣтлость.

— Отъ Карла-Великаго! вскричали братья съ недоувѣрчивостью но вмѣстѣ съ невольною радостію: — не можетъ быть. Первый лотарингскій герцогъ былъ современникъ Карла-Великаго, назывался Ранье, но не былъ родственникомъ этого великаго императора.

— Погодите, ваша свѣтлость, сказалъ Николай: — позволите вамъ замѣтить, что я не прибѣгъ бы къ тому доказательству которое можно опровергнуть и уничтожить съ перваго слова. Чего вамъ нужно? Процессъ, добрый процессъ, который длился бы долго, занялъ бы парламентъ и народъ, чтобъ, во время его, вамъ можно было склонити на свою сторону не народъ, — онъ вашъ, но парламентъ. Итакъ, извольте взглянуть, ваша свѣтлость: поступилъ какъ слѣдуетъ; во-первыхъ:

«Ваше, первый герцогъ лотарингскій, современникъ Карла-Великаго.

«Гильберъ, сынъ его, современникъ Лудовика-Кроткаго.

«Генрихъ, сынъ Гильбера, современникъ Карла-Лысаго.

— Но... прервалъ его герцогъ де-Гизъ.

— Потерпите, ваша свѣтлость; сейчасъ увидите. Извольте при-
слушать. Бона...

— Да, сказалъ герцогъ: — Бона, дочь Рисина, втораго сына
Рише.

— Прекрасно, отвѣчалъ адвокатъ: — въ супружествѣ... съ кѣмъ?

— Кто? Бона?

— Да.

— Съ Карломъ-Лотарингскимъ, сыномъ Лудовика VI, королемъ
Франціи.

— Съ Карломъ-Лотарингскимъ, сыномъ Лудовика VI, королемъ
Франціи, повторилъ Давидъ. — Теперь извольте прибавить: братамъ
Лотаря, лишеннаго престола Франціи незаконнымъ владѣтелемъ
Гугомъ-Капетомъ.

— О! произнесли вмѣстѣ герцогъ майеннскій и кардиналъ.

— Продолжай, сказалъ Генрихъ де-Гизъ: — я начинаю понимать.

— Карлъ-Лотарингскій наследовалъ бы престолъ послѣ брата
своего Лотаря, еслибъ родъ послѣдняго угасъ. Родъ Лотаря
угасъ; слѣдовательно, вы единственный и настоящій наследникъ
престола Франціи.

— Mort Dieu! проворчалъ Шикô: — эта змѣя ядовитѣе, нежели я
мыслю.

— Чтò вы скажете на это, братъ? спросили вмѣстѣ кардиналъ
и герцогъ майеннскій.

— Я говорю, отвѣчалъ Генрихъ: — что, по несчастію, во Франціи
существуетъ законъ, называемый салическимъ, и уничтожающій
къ вашимъ замысламъ.

— Я ждалъ этого замѣчанія, ваша свѣтлость, вскричалъ Давидъ
съ гордостью удовлетвореннаго самолюбія: — назовите мнѣ пер-
вый примѣръ салического закона?

— Восшествіе на престолъ Филиппа де-Валуа, вопреки правъ
Эдуарда-Англійскаго.

— Назовите мнѣ годъ этого востшествія?

Герцогъ сталъ думать.

— Тысяча триста двадцать-восьмой, отвѣчалъ кардиналъ не думая.

— То-есть, триста-сорокъ-одинъ годъ послѣ незаконнаго всту-
пленія на престолъ Гуго-Капета, двѣсти сорокъ-шесть лѣтъ послѣ
преступленія рода Лотаря. слѣдовательно, за двѣсти-сорокъ лѣтъ
до сего предки ваши имѣли право на престолъ: за двѣсти-сорокъ
лѣтъ до учрежденія салического закона. Всякому извѣстно, что
законъ не имѣетъ обратной силы.

— Вы человекъ весьма-некупецкй, Давидъ, слышь герцогъ, смотря на адвоката съ изумленіемъ, къ которому примѣшивалось, однакожъ, нѣкоторое презрѣніе.

— Это замасловато! сказалъ кардиналъ.

— Умно! сказалъ Майеннъ.

— Удивительно! вскричала герцогиня.—А какъ я теперь принцесса крови, то выйду замужъ только за какого-нибудь германскаго императора.

— Боже мой! проворчалъ Шикъ:—объ одномъ я всегда молилъ и еще молю: *Nec nos inducas in tentationem et libera nos ab avocatis.*

Одинъ герцогъ де-Гизъ остался задумчивъ посреди общаго восторга.

— Не-уже-ли человекъ, подобный мнѣ, долженъ унижаться до подобныхъ уловокъ? проговорилъ онъ.— Не-уже-ли народы похищаются охотно подобными пергаментамъ, немелю благородству и величію, написанному на лицѣ человекъ, молніямъ, сверкающимъ въ глазахъ его?

— Что дѣлать, Генрихъ, вы правы, совершенно правы. Елишь смотрѣли только на лицо, такъ вы были бы царь между царями, потому-что всѣ прочіе принцы, какъ всѣ говорятъ, кажутся престоломънами передъ вами. Но, чтобъ вступить на престолъ, главное дѣло, какъ очень-умно замѣтилъ Николай Давидъ, затѣять добрый процессъ; а родословная нужна для того, чтобъ нашъ гербъ не уступалъ гербамъ другихъ владѣтелей въ Европѣ.

— Слѣдовательно, эта родословная дѣйствительна, продолжалъ, вздохнувъ, Генрихъ де-Гизъ:— вотъ двѣсти эку, обещанные вамъ, Николай Давидъ, моимъ братомъ герцогомъ майеннскимъ.

— А вотъ и еще двѣсти эку, сказалъ кардиналъ адвокату, глаза котораго заблестали радостно при видѣ золота:— за новое порученіе, которое мы возложимъ на васъ.

— Говорите, я весь къ услугамъ вашей милости.

— Мы не можемъ послать васъ самихъ въ Римъ къ нашему святѣйшему отцу Григорію XIII, съ этой родословной, чтобъ онъ утвердилъ ее. Вы слишкомъ-незначительное лицо, и предъ вами не отворится дверь Ватикана.

— Увы! сказалъ Николай Давидъ:— сердце у меня благородное, но происхожденія я ничтожнаго! Ахъ, еслибъ я былъ только простой дворянинъ!

— Замолчишь ли ты, бродяга! проворчалъ съ дворянскими недоуваніемъ Шикъ.

— Но вы не дворянинъ, продолжалъ кардиналъ:— къ сожалѣнію. Слѣдовательно, мы должны возложить это порученіе на Пьера-де-Гондла.

— Позвольте, братецъ, сказала герцогиня серьезно:— Гондла — люди ученые, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но мы не имѣемъ надъ ними никакого вліянія, никакой власти. За нихъ намъ

нисть перучиться одно ихъ честолюбіе; но они могутъ удовлетворить свое честолюбіе такъ же хорошо съ королемъ Генрикомъ, какъ съ Гизами.

— Сестра говоритъ правду, сказалъ герцогъ майеннейскій:—и мы не можемъ положитьсь на Пьера де-Гонди съ тою же увѣренностью, съ какою полагаемъся на Николая Давида; онъ нашъ, и мы можемъ его повѣсить, если намъ вздушается.

Эта наивность герцога, высказанная безъ чиновъ, въ глаза Николаю Давиду, произвела на бѣднаго законника самое странное впечатаніе: онъ засмѣялся судорожнымъ смѣхомъ, свидѣтельствовавшимъ о большомъ страхѣ.

— Братъ мой Карлъ шутитъ, сказалъ Генрихъ де-Гизъ поблѣднѣшему адвокату: — мы знаемъ, что вы намъ преданы; вы думали это во многихъ случаяхъ.

— Да, доказалъ; это я знаю! подумалъ Шикò, грозя кулакомъ своему врагу, или, вѣрнѣе сказать, двумъ врагамъ.

— Успокойтесь, Карлъ; успокойтесь, Екатерина; я принялъ всѣ кѣры. Пьеръ де-Гонди отвезетъ эту родословную въ Римъ, не нѣсть съ другими бумагами, не зная самъ, что везетъ. Папа утвердитъ или не утвердитъ, а Гонди ничего не будетъ знать. Вы, Николай Давидъ, отправитесь почти въ одно время съ нимъ и будете ждать его въ Шалонъ, Лионъ или Авиньонъ, смотря по приказанію, которое получите отъ насъ; такимъ-образомъ, вамъ нѣтъ будетъ извѣстна наша тайна. Следовательно, вы видите, что повѣренными нашими остаетесь вы одни.

Давидъ поклонился.

— Да; но не забывай, дружокъ, на какомъ условіи, ворчалъ Шикò:—ты будешь повѣшенъ, если измѣнишь; но не бойся, клянется святой Женевьевой, изображенной здѣсь въ разныхъ видахъ, что ты теперь строишь между двумя висѣльцами, но ближе къ той, которую я тебя готовлю.

Братья пожали другъ другу руки и поцаловали сестру, которая привнесла имъ монашескія рясы, снятыя ими въ трапезной; потомъ, когда они надѣли ихъ, она сама опустила на лицо капюшонъ и пошла вмѣстѣ съ ними по направленію къ двери, у которой ждалъ ихъ братъ-привратникъ. Вскорѣ они исчезли во мракъ, и только слышно было, какъ деньги звучали въ карманѣ Николая Давида.

Братъ-привратникъ заложилъ за ними затворы и, воротившись въ церковь, погасилъ лампу; тогда опять наступилъ глубокій мракъ, уже прежде наводившій такой таинственный ужасъ на Шикò.

Шумъ сандалій монаха на каменномъ полу мало-по-малу утихалъ и, наконецъ, совсѣмъ затихъ.

Пять минутъ, казавшіяся вѣчностью Гасконцу, прошли, и ничто не нарушало ни тишины, ни мрака.

— Слава Богу, сказалъ Шикò: — теперь, кажется, все кончено; ра дѣйствія сыграны; актёры развѣхались. Постараюсь и я выбраться отсюда: будетъ съ меня и этой комедіи!

И, не желая болѣе провести ночь въ церкви съ тѣхъ-портъ, какъ увидалъ, что и подъ поломъ и въ исповѣдальныхъ скрывались иныиы монахи, Шико отдернулъ тихонько задвижку, осторожно отворилъ дверь и вышелъ изъ своей будки.

Онъ замѣтилъ, что въ одномъ углу стояла лѣстница, которую приставляли къ окнамъ, чтобъ чистить стекла и рамы. Онъ не терялъ времени. Выставивъ впередъ руки, осторожно переступая, онъ тихо дебрадся до лѣстницы, поднялъ ее и приставилъ къ окну.

При свѣтъ луны, Шико замѣтилъ, что не ошибся въ своемъ расчетѣ: окно выходило на монастырское кладбище.

Гасконецъ открылъ окно, съѣлъ верхомъ на подоконникъ, притянулъ къ себѣ лѣстницу съ ловкостью, которую всегда сообщаетъ радость или страхъ, и потомъ спустилъ ее наружу.

Сомель вникъ, онъ свирталъ лѣстницу за уголъ и, пробираясь между могилами, дошелъ до стѣны, отдѣлявшей кладбище отъ улицы и перелѣзъ черезъ нее, сваливъ за собою нѣсколько камней, которые упали на улицу.

Тамъ Шико вздохнулъ свободнѣе.

Онъ отбѣлся нѣсколькими царапинами отъ опасности, нѣсколько угрожавшей его жизни.

Потомъ, начавъ дышать свободнѣе, Шико побѣжалъ къ Улицѣ Сен-Жакъ, и остановился только у гостиницы Рога-Изобилія, въ дверь которой немедленно постучался.

Клодъ Бопомѣ самъ отворилъ ему дверь. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые знаютъ, что за всякое безпокойство платятъ наличными деньгами, и надѣялся болѣе разбогатѣть экстраординарными доходами.

Онъ съ перваго взгляда узналъ Шико, хотя тотъ умелъ свѣтскимъ человѣкомъ, а воротился монахомъ.

— А! это ваша милость, сказалъ онъ: — добро пожаловать!

Шико далъ ему эку.

— А братъ Геранфоло? спросилъ онъ.

Приятная улыбка выступила на лицѣ хозяина; онъ вешелъ къ маленькой комнаткѣ, толкнулъ дверь и сказалъ:

— Посмотрите.

Братъ Геранфоло хралъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ оставилъ его Шико.

— *Ventre de biche!* сказалъ Гасконецъ: — достойный другъ мой ты еще самъ не знаешь, какой тебѣ приснился странный сонъ!

X.

КАКЪ ПУТЕШЕСТВОВАЛИ МОСЬЁ И МАДАМЪ ДЕ-СЕН-ЛЮКЪ И
КАКЪ ОНИ НАШЛИ СКЕВЪ СЛУТНИКА.

На другой день утромъ; около того времени, когда просыпался братъ Горанфелло, закутанный въ свой черный кафтанъ, читатель нашъ встрѣтилъ бы по дорогѣ изъ Парижа въ Анжеръ, между Шартромъ и Ножаномъ, двухъ всадниковъ, дворянина съ пажомъ, смиренные кони которыхъ шли рядомъ, лаская другъ друга мордами и бесѣдуя ржаніемъ и дыханіемъ, какъ пара добрыхъ животныхъ, которыя, будучи лишены дара слова, нашли-таки средство сообщать другъ другу свои ощущенія.

Наканунъ, всадники прискакали въ Шартръ на лошадяхъ, покрытыхъ пѣною; одна изъ нихъ упала на самой соборной площади, и такъ-какъ въ то самое время благочестивые граждане Шартра шли въ церковь, то зрѣлище прекраснаго коня, издыхавшаго отъ усталости и покинутаго своими хозяевами, подобно какой-нибудь ничтожной клѣткѣ, доставило имъ не малое развлеченіе.

Некоторые изъ нихъ замѣтили, — жители Шартра съ давнихъ временъ слывуть за тонкихъ наблюдателей, — замѣтили, что тотъ изъ всадниковъ, который былъ повыше ростомъ и казался господиномъ, далъ прохожему мальчику эки, чтобъ тотъ проводилъ его до ближайшей гостиницы, изъ заднихъ воротъ которой, выходящихъ на поляну, оба всадника выѣхали, полчася спустя, на новыхъ коняхъ.

Выѣхавъ на поляну, еще голую и холодную, но уже украшенную синеватыми тѣнами, предвѣстниками весны, всадникъ, который былъ повыше ростомъ, приблизился къ меньшему и обнявъ его, сказалъ:

— Поцалуемся; теперь намъ нечего бояться.

Тогда г-жа де-Сен-Люкъ — то была она, — раскрыла плащъ, который былъ у нея на плечахъ, наклонилась къ молодому человѣку и, опершись обѣими руками на плеча его, съ вѣжливымъ взглядомъ его поцаловала.

Изъ удивленія въ томъ, что они находились въ безопасности, а можетъ-быть и изъ долгаго сладкаго поцалуи воспослѣдовало то, что въ этотъ день мосьё и мадамъ де-Сен-Люкъ остановились въ маленькой гостиницѣ Курвилльскаго-Селенія, находящагося въ четырехъ льѣ отъ Шартра и представлявшаго, по своему уединенію, двойнымъ заборамъ и разнымъ другимъ удобствамъ, множество выгодъ.

Они остались тамъ цѣлый день и цѣлую ночь, и приказавъ привести себя покушать, заперлись, сказавъ хозяину, что нуждаются въ покое послѣ долгаго, утомительнаго путешествія, а потому желаютъ, чтобъ ихъ не беспокоили до слѣдующаго утра.

Приказаніе ихъ было исполнено въ точности.

Утромъ этого слѣдующаго дня мы встрѣчаемъ молодыхъ супруговъ на дорогѣ изъ Шартра въ Ножанъ.

Такъ-какъ въ этотъ день они были еще спокойнѣе и беззаботнѣе, то вѣхали уже не какъ бѣглецы, даже не какъ влюбленные, а какъ школьники, ежеминутно сворачивающіе съ прямой дороги, чтобъ любоваться первыми древесными почками, отыскивали первый зеленеющій мохъ, собирали первые цвѣтки, первенцы весны, пробивающіеся сквозь тающій снѣгъ, и отъ души радовались при видѣ солнечнаго луча, ласкающаго отлнчатую шеюку утки или прыжками зайца, пробѣгающаго по полянѣ.

— *Morgbleu!* вскричалъ вдругъ Сен-Люкъ: — какъ пріятно быть на свободѣ! Была ли ты когда-нибудь на свободѣ, Жанна?

— Я? отвѣчала молодая женщина весело и звучнымъ голосомъ: — никогда; я въ первый разъ въ волю наслаждаюсь открытымъ воздухомъ. Отецъ мой былъ всегда мнителенъ. Мать была деспотомъ. Я никогда не выходила безъ гувернантки, двухъ горничныхъ и долговязаго лакея, такъ-что мнѣ ни разу не удалось порывиться на лугу, съ-тѣхъ-поръ, какъ я, беззаботное и первое дитя, бѣгала по большимъ меридорскимъ лѣсамъ съ моей доброй Діаной, перегоняя ее и иногда разбѣгаясь въ разные стороны. Тогда мы останавливались съ боязнью, при видѣ оленя или лани, испуганной нами, и со страхомъ спрашивали тишину лесной чащи... Но ты, мой милый Сен-Люкъ, ты всегда былъ свободенъ!

— Я свободенъ?

— Разумьется, мужчина...

— Ошибаешься, мой другъ; я никогда не былъ свободенъ. Будучи воспитанъ съ герцогомъ анжуйскимъ, я удралъ отъ него въ Польшу, воротился въ Парижъ, былъ прикованъ къ нему своимъ деспотизмомъ этикета и преслѣдуемъ плачевнымъ голосомъ, твердившимъ мнѣ безпрестанно: «Сен-Люкъ, другъ мой, мнѣ скучно; давай скучать вмѣстѣ.» Свободенъ, одѣтъ, — а корсетъ, сжимавшій мнѣ животъ, а накрахмаленные брыжки, парадные мнѣ шею, а завитые волосы, вымазанные разными помадами, а тѣтъ, булавками приклеенный къ моей головѣ... О, нѣтъ, нѣтъ, моя добрая Жанна, мнѣ кажется, я былъ менѣе свободенъ, нежели ты. За то, ты видишь теперь, какъ я пользуюсь своею свободою. *Vive Dieu!* чудная вещь свобода!..

— А если насъ поймутъ, Сен-Люкъ, сказала молодая женщина, оглянувшись съ безпокойствомъ: — если насъ посадятъ въ Бастилію?

— Если насъ посадятъ вмѣстѣ, милая Жанна, такъ была бы очень-велика; кажется, вчера мы просидѣли вмѣстѣ только государственные преступники, а между-тѣмъ на скамьяхъ...

— Сен-Люкъ, отвѣчала Жанна съ лукавой улыбкой: — насъ вмѣстѣ не посадятъ, этого-то я и боюсь!

И прелестная молодая женщина покраснела отъ-труса, что хотеть много высказать, а сказала такъ мало.

— Такъ скроемся подалеже, сказалъ Сен-Люкъ.

— О, будь спокоенъ! отвѣчала Жанна: — въ этомъ отноше-
ннѣ бояться нечего; мы скроемся какъ-нельзя-лучше; ты не зна-
ешь Меридора въ его высокими дубами, похожими на колонны хра-
ма, садомъ которому служить само небо; ты не знаешь его бес-
нечныхъ галерей и дѣланныхъ рѣкъ, текущихъ лѣтомъ подѣ
мачными арками зелени, а зимой подѣ слоями сухихъ, желтыхъ
 листьевъ; ты не знаешь огромныхъ прудовъ, полей, засѣянныхъ
 жемчужно, цвѣтничковъ, мягкихъ луговъ и маленькихъ башенъ, на-
 зеленыхъ тысячами голубей, летающихъ и ворующихъ подобно
 слани въкругъ улья; но это еще не все, Сен-Люкъ: посреди все-
 этого, царица этого маленькаго царства, очаровательница этихъ
 извѣстныхъ лѣсовъ, прелестная, добрая, несравненная Діана, ал-
 маное сердце въ золотой оболочкѣ... о, ты полюбишь ее, Сен-
 люкъ!

— Я уже люблю ее за то, что она тебя любила!

— Я увѣрена, что она и теперь еще любитъ меня и всегда
 будетъ любить меня. Діана постоянна въ своей дружбѣ. Можете
 представить себѣ, какую счастливую жизнь будемъ мы ве-
 сти въ этомъ гнѣздѣ изъ цвѣтовъ, которые распускаются съ насту-
 пеніемъ весны! Діана управляетъ домомъ своего отца, стараго ба-
 рона; следовательно, о его приемѣ заботиться нечего. Онъ ста-
 лый воинъ временъ Франциска I, нѣкогда сильный и храбрый,
 перь слабый и кроткій; сохранившій одно воспоминаніе о про-
 славѣ, о побѣдѣ при Мариньонѣ и побужденномъ при-
 нятію, превращенъ одну привязанность въ настоящее и одну на-
 жду въ будущее—любовь къ Діанѣ!.. Мы можемъ прожить въ
 припадкѣ такъ, что еще и знать того не будетъ. А если и узнаетъ,
 къ намъ будетъ намъ радъ какъ-нельзя-болѣе! Стоитъ только
 услышать его, когда онъ будетъ говорить, что Діана очарователь-
 нѣйшая дѣвушка въ мѣрѣ, и что король Францискъ I величайшій
 мотоводецъ въ исторіи!

— О, это прелестно! сказалъ Сен-Люкъ: — только я преданъ
 истинной ссорѣ.

— Съ кѣмъ?

— Съ барономъ.

— За что? За короля Франциска I?

— Нѣтъ. Я, пожалуй, согласусь съ нимъ въ этомъ; но что ка-
 сета до очаровательнѣйшей дѣвушки...

— Да вѣдь я твоя жена, а не дѣвушка.

— И то правда, сказалъ Сен-Люкъ.

— Можете ли вы представить себѣ такое блаженство? предла-
 гала Жанна.— Съ утра мы выйдемъ въ лѣсъ изъ маленькаго ве-
 щивона, въ которомъ будемъ жить. Я знаю этотъ павильонъ;
 башенки связаны зданіемъ, выстроеннымъ во времена Луаръ

ника XII, очаровательной архитектуры; онъ тебѣ понравится... А изъ оконъ спокойный видъ на безконечный лѣсъ, въ тонкихъ аллеяхъ котораго вдали виднѣются олень или лань, поднимающіе голову при малѣйшемъ шумѣ; съ противоположной же стороны обширный видъ на золотистыя поляны, на селенія изъ бѣлыхъ домиковъ съ красными кровлями; на Муару, вскриющуюся при солнечныхъ лучахъ и покрытую чалнаками. Потомъ, въ трехъ мѣстахъ насъ, будетъ озеро, съ лодками; у насъ будутъ свои лошади, свои собаки, съ которыми мы будемъ охотиться въ большихъ лѣсахъ, между-тѣмъ, какъ старый баронъ, не зная о гостяхъ, будетъ прислушиваться къ отдаленнымъ звукамъ охотничьихъ роговъ, къ лаю собакъ, и будетъ говорить:

«— Слушай, дочь моя, слушай... точно будто Астрея и Флегетонъ охотятся...

«— Пускай охотятся, добрый папенька, отвѣтитъ ему Диана...

— Скорѣй, скорѣй, Жанна, сказалъ Сен-Люкъ: — я бы желалъ уже быть въ Меридоръ.

И они погоныи лошадей, которыя часа два скакали безъ отдыха, потомъ мало-по-малу умѣряли бѣгъ, и молодые люди опять вступали въ разговоръ, или мѣнялись печалуйми.

Такимъ-образомъ они дождались до Манса, гдѣ почти совершенно-испокоенные, пребыли цѣлый день. Еще счастливая станція на счастливомъ пути ихъ!

Съ твердымъ намѣреніемъ прѣбывать въ тотъ же вечеръ въ Меридоръ, они на слѣдующій день вѣхали въ песчаные лѣса, протѣравшіеся въ то время отъ Геселара до Экомуа.

Прибывъ туда, Сен-Люкъ считалъ себя уже изъ всякой опасности, зная то вышій, то лѣвивый нравъ короля, который, по расположенію духа, либо отправлялъ за немъ въ погоню двадцать курсеровъ и сто стражей съ приказаніемъ привести его живымъ или мертвымъ, либо вздохнулъ, потянулся и преворналь, зѣвнувъ:

— О! извѣститъ Сен-Люкъ, не зная же я тебя!

А такъ-какъ за ними не было никакой погони, то было очень-вѣроятно, что Генрихъ III находился не въ первомъ, а во второмъ расположеніи духа.

Такъ думалъ Сен-Люкъ, оглядываясь по-временамъ на пустынную дорогу, на которой незамѣтно было ни малѣйшаго преслѣдователя.

— Я увѣренъ, думалъ онъ: — что всѣ греза разразилась надъ бѣднымъ Шикомъ, который, не смотря на всю свою глупость, а можетъ-быть, по причинѣ этой глупости, дѣлалъ мнѣ очень-хорошія совѣты... Я отдѣляюсь какого-нибудь болѣе или менѣе остроумною анаграммою.

И Сен-Люкъ вспоминалъ страшную анаграмму, которую Шикъ сочинилъ на него, когда онъ былъ еще въ вѣдѣности.

Вдругъ Сен-Люкъ почувствовалъ, что жена схватила его за руку.

Онъ вздрогнулъ. Движеніе ея не походило на ласку.

— Что съ тобой? спросилъ онъ.

— Смотри, сказала Жанна.

Сен-Люкъ оглянулся и увидѣлъ вдали всадника, скакавшаго во весь опоръ по той же дорогѣ, по которой они ѣхали.

Всадникъ этотъ находился на вершинѣ холма, рѣзко отдѣлялся отъ блѣднаго неба, и по тому обману перспективы, который, въ-ролотно, многіе изъ нашихъ читателей замѣчали, казался великаномъ.

Это обстоятельство показалось дурнымъ предзнаменованіемъ Сен-Люку, потому-что въ то самое время, когда онъ считалъ себя уже въ опасности, дѣйствительность какъ-бы опровергала его мнѣніе. Не смотря на спокойствіе, онъ внутренно страшился какой-либо незваной прихоти Генриха III.

— Да, точно, отвѣчалъ онъ, поблѣднѣвъ: — всадникъ.

— Ускачемъ поскорѣе, сказала Жанна, прищпоривъ лошадь.

— Нѣтъ, возразилъ Сен-Люкъ, который, не смотря на опутительный страхъ, не терялъ присутствія духа: — нѣтъ; этотъ всадникъ одинъ, если я не ошибаюсь, а отъ одного человѣка я бѣжать не могу. Посторожимся и дадимъ ему дорогу; когда онъ пройдетъ, мы будемъ продолжать путь.

— А если онъ остановится?

— Если остановится, такъ мы увидимъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, и будемъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ.

— Ты правъ, сказала Жанна: — и я напрасно безпокоилась, наконецъ, мой милый Сен-Люкъ, подъ твоей защитой.

— Однакожь все-таки прищпоримъ лошадей, сказалъ Сен-Люкъ, бросивъ послѣдній взглядъ на незнакомца, скакавшаго во весь галопъ прямо къ нимъ: — я узнаю шляпу и на шляпѣ перо, которое вѣшаетъ меня.

— О, Боже мой! Что же можетъ быть страшнаго въ шляпѣ и перѣ? спросила Жанна, слѣдуя за мужемъ, схватившимъ лошадь ея въ узды и тащившимъ ее за собою въ лѣсъ.

— То, что перо самаго новомоднаго цвѣта, а шляпа нынѣшней формы; подкрашивать эти перья стѣдуетъ слишкомъ-дорого, шляпы эти также непомѣрно-дороги, по причинѣ своей новомодности; слѣдовательно за нами скачетъ не какой-нибудь деревенскій дворянинъ, а землякъ жирныхъ пулярдокъ, которыхъ столько уважаетъ Шикъ. Ускачемъ скорѣе, Жанна; этотъ всадникъ похожъ на послаца моего повелителя, августѣйшаго Генриха III.

— Ускачемъ! отвѣчала молодая женщина, дрожа какъ листъ при одной мысли о томъ, что ее могли разлучить съ мужемъ.

По говорить было легко, исполнить трудно. Сосны были такъ часты въ лѣсу, что образовывали настоящую зеленую стѣну; да и лошади вязли въ сыпучемъ пескѣ.

Между-тѣмъ, всадникъ приближался съ быстротою молніи, и уж слышался топотъ коня его по склону холма.

— Боже мой! нѣтъ никакого сомнѣнія; онъ гонится за нами! вскричала молодая женщина.

— *Mortbleu!* отвѣчалъ Сен-Люкъ:—если за нами, такъ посмотримъ, что ему угодно, потому-что бѣжать невозможно; онъ пышкомъ догонитъ насъ.

— Онъ остановился, сказала молодая женщина.

— Сходить съ коня, прибавилъ Сен-Люкъ: — входить въ лѣсъ А, *mortbleu!* хоть бы онъ былъ самъ чортъ, такъ я пойду къ нему на встрѣчу.

И точно, привязавъ лошадь къ дереву, незнакомецъ вошелъ въ лѣсъ и кричалъ:

— Эй, дворянникъ! не бѣгите, тысяча чертей! Я хочу отдать вамъ вещь, которую вы потеряли.

— Что онъ говорить? спросила графиня.

— Онъ говорить, что мы потеряли какую-то вещь, отвѣчалъ Сен-Люкъ.

— Эй, господинъ пажъ, продолжалъ незнакомецъ: — вы забыли свой браслетъ въ курвилльской гостинницѣ. Чортъ возьми! женскихъ подарковъ терять не должно, а особенно съ портретомъ, и тѣмъ больше съ портретомъ почтенной мадамъ де-Коссѣ. Я же хочу вамъ услужить, а вы заставляете меня бѣгать за вами.

— Да это знакомый годось! вскричалъ Сен-Люкъ.

— Онъ говорить о маменькѣ.

— Развѣ ты потеряла браслетъ, другъ мой?

— Ахъ, Боже мой, да! Я только сегодня утромъ замѣтила это, и никакъ не могла вспомнить, гдѣ его оставила.

— Да это Бюссі! вскричалъ вдругъ Сен-Люкъ.

— Графъ де-Бюссі, спросила Жанна: — нашъ другъ?

— Разумѣется, нашъ другъ! вскричалъ Сен-Люкъ, спѣша такъ же скоро на встрѣчу дворянину, какъ онъ бѣжалъ отъ него.

— Сен-Люкъ! слѣдовательно я не ошибся, сказалъ звучнымъ, веселымъ голосомъ де-Бюссі, который однимъ скачкомъ очутился возлѣ молодыхъ супруговъ. — Здравствуйте, графиня, продолжалъ онъ, смѣясь и подавая графинѣ портретъ, который она въ-самомъ-дѣлѣ забыла въ курвилльской гостинницѣ, гдѣ, какъ мы уже говорили, наши путешественники переночевали.

— Не король ли послалъ васъ за нами въ погоню, мосье де-Бюссі? спросила Жанна, улыбаясь.

— Меня? О, дѣтъ! Я не такъ-друженъ съ его величествомъ, чтобъ могъ удостоиться подобнаго порученія. Нѣтъ, я нашелъ вашъ браслетъ въ Курвиллѣ, и по-этому догадался, что вы ѣдете по этой дорогѣ. Тогда я погналъ своего коня, увидѣлъ васъ и невольно загналъ въ лѣсъ. Извините.

— Слѣдовательно, спросилъ Сен-Люкъ, не совсѣмъ еще убѣжденный:—одинъ случай привелъ васъ на эту дорогу.

— Случай, отвѣчалъ Бюссі:—или, лучше сказать, Провидѣніе. И всѣ сомнѣнія Сен-Люка разсѣялись при взглядѣ въ свѣтлые глаза и на откровенную улыбку прекраснаго молодаго человѣка.

— Слѣдовательно, вы путешествуете? спросила Жанна.

— Путешествую, отвѣчалъ Бюссі, садясь на лошадь.

— Только не такъ, какъ мы?

— Нѣтъ, къ-сожалѣнію.

— То-есть я хотѣла сказать, вы не въ милости?

— Почти.

— А куда вы ѣдете?

— Къ Анжеру. А вы?

— Туда же.

— Понимаю; имѣніе Бриссакъ находится въ десяти льѣ отсюда, между Анжеромъ и Самюромъ; вы ѣдете искать убѣжища въ родномъ гнѣздышкѣ, какъ гонимые голубки; это очень-мило, и я позавидовалъ бы вашему счастью, еслибъ зависть не была такой нехорошой порокомъ!

— Э! мосѣ де-Бюссі, сказала Жанна съ выраженіемъ признательности:— женитесь, и вы будете такъ же счастливы, какъ мы; счастье само приходитъ, когда намъ есть кого любить.

И она улыбаясь взглянула на Сен-Люка, какъ-бы требуя, чтобъ тотъ подтвердилъ слова ея.

— Графиня, отвѣчалъ Бюссі:— я не доверяю этому счастью; вѣдь не всякому удастся жениться съ разрѣшенія короля...

— Полноте, мосѣ де-Бюссі; будто вы не знаете, что васъ всѣ любятъ.

— Когда насъ любятъ всѣ, графиня, отвѣчалъ улыбаясь Бюссі:— такъ это значить, что никто насъ не любитъ.

— Знаете что, сказала Жанна, значительно взглянувъ на мужа:— я найду вамъ невесту; это, во-первыхъ, успокоитъ многихъ ревнивыхъ мужей, которыхъ я знаю, а во-вторыхъ, это доставитъ вамъ то счастье, которое вы отрицаете.

— Я не отрицаю этого счастья, отвѣчалъ Бюссі, вздохнувъ:—я только говорю, что для меня оно не существуетъ.

— Хотите ли, я женю васъ? повторила мадамъ де-Сен-Люкъ.

— Если вы хотите женить меня по своему вкусу, такъ нѣтъ; а по моему — такъ да.

— Вы говорите это, какъ человѣкъ, рѣшившійся остаться холостякомъ.

— Можетъ-быть.

— Не-уже-ли вы влюблены въ женщину, на которой не можете жениться?

— Графъ, ради Бога, сказалъ Бюссі:—попросите мадамъ де-Сен-Люкъ, чтобъ она перестала терзать мое бѣдное сердце.

— Берегитесь, Бюссі; вы заставите меня думать, что вы влюблены въ жену мою.

— Въ такомъ случаѣ вы должны сознаться въ моей скромности и въ томъ, что ревнивымъ мужьямъ нѣчего меня бояться.

— Правда! сказалъ Сен-Люкъ, вспомнивъ, что Бюссіи привелъ къ нему жену въ Лувръ. — Но все равно, признайтесь, сердце ваше несвободно.

— Признаюсь, отвѣчалъ Бюссіи.

— По любви, или по прихоти? спросила Жанна.

— По страсти, графиня.

— Я вылечу васъ.

— Не думаю.

— Я женю васъ.

— Сомнѣваюсь.

— И вы будете такъ счастливы, какъ заслуживаете...

— Увы! единственное мое счастіе теперь то, что я несчастливъ.

— Объявляю вамъ, что я ужасно упряма.

— А я больше васъ! отвѣчалъ Бюссіи.

— Графъ, вы уступите мнѣ.

— Послушайте, графиня, сказалъ молодой человекъ:—будемъ путешествовать какъ добрые друзья. Не будемъ ссориться. Выѣдемъ сперва изъ этой песочницы и поѣдемъ полемъ къ тому маленькому селенію, которое виднѣется тамъ, вправо...

— Зачѣмъ же къ этому, а не къ другому?

— Мнѣ все равно.

— Такъ стало-быть вы ѣдете съ нами.

— До извѣстнаго мѣста, если позволите.

— Съ удовольствіемъ. Но вы сдѣлаете еще лучше, если поѣдете съ нами.

— Куда?

— Въ Меридорскій-Замокъ.

Кровь бросилась сперва въ лицо, а потомъ къ сердцу Бюссіи. Онъ сначала покраснѣлъ, а потомъ такъ поблѣднѣлъ, что тайна его была бы открыта, еслибъ Жанна не смотрѣла въ это время съ улыбкой на мужа.

Бюссіи имѣлъ время прійти въ себя, пока молодые супруги, или, лучше сказать, любовники, взорами бесѣдовали другъ съ другомъ: собравшись съ духомъ, онъ спросилъ:

— Въ Меридорскій-Замокъ, графиня? Чтò это такое?

— Имѣніе одной изъ моихъ подругъ, отвѣчала Жанна.

— Изъ вашихъ... подругъ... продолжалъ Бюссіи:—и она... теперь у себя... въ имѣніи?

— Разумѣется, отвѣчала г-жа де-Сен-Люкъ, не имѣвшая ни малѣйшаго свѣдѣнія о томъ, что происходило въ послѣдніе два мѣсяца въ Меридорѣ:—не-уже-ли вы, графъ, никогда не слышали ничего о баронѣ де-Меридорѣ, одномъ изъ богатѣйшихъ владѣтелей въ этомъ краю?.. И...

— И? повторилъ Бюссіи, замѣтивъ, что Жанна остановилась.

— И о дочери его, Дианѣ де-Меридорѣ, прелестнѣйшей дѣвницѣ не только въ здѣшнемъ краѣ, но и въ цѣлой Франціи?

— Не слыхалъ, съ трудомъ отвѣчалъ Бюссі.

И пока Жанна опять смотрѣла на мужа съ нѣжнымъ выраженіемъ, молодой дворянинъ спрашивалъ себя, по какому странному частію встрѣчалъ онъ на этой дорогѣ, безъ всякой причины, безъ всякой логики, людей, которые заговаривали съ нимъ о Дианѣ де-Меридорѣ, о единственной женщинѣ, о которой онъ могъ помыслить въ настоящую минуту. Было ли это сдѣлано съ намбрениемъ? Не можетъ-быть, потому-что Сен-Люкъ не былъ уже въ Парижѣ, когда Бюссі вошелъ къ графинѣ де-Монсоро и когда онъ узналъ, что графиня де-Монсоро была Диана де-Меридорѣ.

— А далеко ли отсюда это имѣніе? спросилъ Бюссі.

— Кажется, въ семи лѣ, и я готова биться объ закладъ, что мы тамъ переночуемъ, а не въ этомъ селеніи, которое вамъ столько нравится. Ѣдете вы съ нами?

— Съ удовольствіемъ.

— А! произнесла Жанна:— вотъ мы уже ступили шагъ къ тому счастью, которое я вамъ предлагаю.

Бюссі поклонился и продолжалъ ѣхать возлѣ молодыхъ супруговъ, которые были съ нимъ очень-любезны за услугу, имъ оказанную.

Въ-продолженіи нѣсколькихъ минутъ они ѣхали молча.

Наконецъ, Бюссі, которому хотѣлось узнать многое, рѣшился слыть вопросъ. Какъ человѣкъ, котораго приглашали въ незнакомый домъ, онъ имѣлъ на то полное право.

— А что за человѣкъ этотъ баронъ де-Меридорѣ, о которомъ вы мнѣ говорите?

— Онъ истинный дворянинъ, рыцарь древнихъ временъ, который, еслибъ жилъ во времена короля Артура, то навѣрное попалъ бы за круглый столъ.

— А, спросилъ Бюссі, съ неимовѣрнымъ усиліемъ стараясь прилить лицу своему равнодушное выраженіе:— за кого выдалъ онъ свою дочь?

— Свою дочь?

— Да.

— За кого?

— Я спрашиваю васъ о томъ.

— Диану?

— Что жъ въ этомъ удивительнаго?

— Ничего; но Диана не замужемъ; иначе меня первую уведомили бъ о томъ.

Сердце Бюссі сжалось, и горестный, тяжкій вздохъ вырвался изъ груди его.

— Слѣдовательно, продолжалъ онъ:— мамзель де-Меридорѣ въ замкѣ, у своего отца?

— Надѣмся, отвѣчалъ Сен-Люкъ съ удареніемъ, которымъ какъ-бы хотѣлъ показать жень, что онъ понялъ ее, соглашался съ нею и вступалъ съ нею въ союзъ.

Наступила минута молчанія, во время котораго каждый былъ занятъ своими мыслями.

— Ахъ! вскричала вдругъ Жанна, приподнявшись на стременахъ: — вотъ и башни замка. Смотрите, смотрите, мосьё де-Бюссі, посреди этого огромнаго обнаженнаго лѣса, который черезъ мѣсяць покроется очаровательною зеленью; видите ли вы аспидную кровлю?

— Вижу, вижу, отвѣчалъ Бюссі съ волненіемъ, которому самъ изумился. — Такъ это замокъ Меридоръ?

И по обороту мысли, весьма-понятному и естественному при видѣ богатой и прекрасной природы даже въ это время года, при видѣ дворянскаго жилища, онъ вспомнилъ о бѣдной плѣнницѣ, заключенной въ удушливомъ домикѣ Сент-Антуанской - Улицы, посреди парижскихъ испареній и тумановъ...

Онъ еще разъ вздохнулъ. Общая счастье, г-жа де-Сен-Люкъ внушила ему надежду.

ДВОЙНИКЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГОСПОДИНА ГОЛЯДКИНА.

ГЛАВА I.

О томъ, какъ проснулся титулярный совѣтникъ Голядкинъ. О томъ, какъ онъ снарядилъ себя и отправился туда, куда ему путь лежалъ. О томъ, какъ оправдывался въ собственныхъ глазахъ своихъ г. Голядкинъ, и какъ потомъ вывелъ правило, что лучше всего дѣйствовать на слѣдую ногу и съ откровенностію, не лишенною благородства. О томъ, куда наконецъ захалъ г. Голядкинъ.

Было безъ малаго восемь часовъ утра, когда титулярный совѣтникъ Яковъ Петровичъ Голядкинъ очнулся послѣ долгаго сна, глнулъ, потанулъ и открылъ наконецъ совершенно глаза свои. Минуты съ двѣ, впрочемъ, лежалъ онъ неподвижно на своей постели, какъ человекъ, не вполне еще увѣренный, проснулся ли онъ совершенно или все еще спитъ, на яву ли, и въ дѣйствительности ли все то, что около него теперь совершается, или продолженіе его беспорядочныхъ сонныхъ грезъ. Вскорѣ, однакожъ, чувства господина Голядкина стали яснѣе и отчетливѣе принимать свои привычныя, обыденныя впечатлѣнія. Знакомо глянули на него каменные-грязноватыя, закоптѣлыя, пыльныя стѣны его маленькой комнатки, его коммодъ краснаго дерева, стулья подъ красное дерево, столъ, окрашенный красною краскою, клеенчатый турецкій диванъ пурпуроваго цвѣта, съ зелененькими цвѣточками и наков.

нець вчера впопыхахъ снятое платье и брошенное комкомъ на диванъ. Наконецъ, сѣрый осенній день, мутный и грязный, такъ сердито и съ такой кислой гримасою заглянулъ къ нему сквозь тусклое окно въ комнату, что господинъ Голядкинъ никакимъ ужь образомъ не могъ болѣе сомнѣваться, что онъ находится не въ тридесятомъ царствѣ какомъ-нибудь, а въ городѣ Петербургѣ, въ столицѣ, въ Шестилавочной-Улицѣ, въ четвертомъ этажѣ одного весьма-большаго, капитальнаго дома, въ собственной квартирѣ своей. Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ судорожно закрылъ глаза, какъ-бы сожалѣя о недавнемъ снѣ и желая его воротить на животку. Впрочемъ, черезъ минуту господинъ Голядкинъ однимъ скачкомъ выпрыгнулъ изъ постели своей, вѣроятно попавъ наконецъ въ ту идею, около которой вертѣлись до-сихъ-поръ разсѣянные, неприведенныя въ надлежащій порядокъ мысли его. Выпрыгнувъ изъ постели, онъ тотчасъ же подбѣжалъ къ небольшому кругленькому зеркальцу, стоявшему на коммодѣ. Хотя отразившаяся въ зеркалѣ заспанная, подслѣповатая и довольно-оплѣшивѣвшая фигура была именно такого незначительнаго свойства, что съ перваго взгляда не останавливала на себѣ рѣшительно ничего исключительнаго вниманія, но по-видимому обладатель ея остался совершенно доволенъ всѣмъ тѣмъ, что увидѣлъ въ зеркалѣ. «Вотъ бы штука была», сказалъ господинъ Голядкинъ въ-полголоса: «Вотъ бы штука была, еслибъ я сегодня манкировалъ въ чемъ-нибудь, еслибъ вышло, на-прим., что-нибудь да не такъ,—прыщикъ таивъ какой-нибудь вскочилъ посторонній, или произошла бы другая какая-нибудь непріятность; впрочемъ, покаместъ не дурно; покаместъ все идетъ хорошо.» Очень обрадовавшись тому, что все идетъ хорошо, господинъ Голядкинъ поставилъ зеркало на прежнее мѣсто, а самъ, не смотря на то, что былъ босикомъ и сохранялъ на себѣ тотъ костюмъ, въ которомъ имѣлъ обыкновеніе отходить ко сну, подбѣжалъ къ окошку и съ большимъ участіемъ началъ что-то отыскивать глазами на дворѣ дома, на который выходила окна квартиры его. По-видимому, и то, что онъ отыскивалъ на дворѣ, совершенно его удовлетворило; лицо его просіяло самодовольной улыбкою. Потомъ,—заглянувъ, впрочемъ, сначала за перегородку въ каморку Петрушки, своего камердинера, и увѣрившись, что въ ней нѣтъ Петрушки,—на ципочкахъ подошелъ къ столу, отперъ въ немъ одинъ ящикъ, пошарилъ въ самомъ заднемъ уголку этого ящика, вынулъ наконецъ изъ-подъ старыхъ пожелтѣвшихъ бумагъ и кой-какой дрянн зеленый истертый бумажникъ, открылъ его осторожно, бережно и съ наслажденіемъ заглянулъ въ самый дальній, потаенный карманъ его. Вѣроятно пачка зелененькихъ, сѣренькихъ, синенькихъ, красненькихъ и разныхъ пестренькихъ бумажекъ тоже

весьма-привѣтливо и одобрительно глянула на господина Голядкина: съ просіявшимъ лицомъ положилъ онъ передъ собою на столъ раскрытый бумажникъ и крѣпко потеръ руки въ знакъ величайшаго удовольствія. Наконецъ, онъ вынулъ ее, свою утѣшительную пачку государственныхъ ассигнацій, и, въ сотый разъ впрочемъ считая со вчерашняго дня, началъ пересчитывать ихъ, тщательно перетвравъ каждый листокъ между большимъ и указательнымъ пальцами. «Семь-сотъ-пятьдесятъ рублей ассигнаціями!» окончилъ онъ наконецъ полушопотомъ. «Семь-сотъ-пятьдесятъ рублей... знатная сумма! Это пріятная сумма», продолжалъ онъ дрожащимъ, немного-разслабленнымъ отъ удовольствія голосомъ, сжимая пачку въ рукахъ и улыбаясь значительно: «это весьма-пріятная сумма! Хоть кому пріятная сумма! Желалъ бы я видѣть теперь человѣка, для котораго эта сумма была бы ничтожною суммою? Такая сумма можетъ далеко повести человѣка... А любопытно было бы знать, куда бы меня, на-примѣръ, могла повести эта сумма», заключилъ господинъ Голядкинъ, «еслибъ я, на-примѣръ, такъ, отъ какихъ бы то ни было причинъ, вдругъ, по какому тамъ ни есть случаю, вышелъ въ отставку, и такимъ-образомъ остался бы безъ всякихъ доходовъ?» Сдѣлавъ себѣ такой важный вопросъ, господинъ Голядкинъ серьезно задумался. Замысливъ здѣсь, кстати, одну маленькую особенность господина Голядкина. Дѣло въ томъ, что онъ очень любилъ иногда дѣлать нѣкоторыя романическія предположенія относительно себя-самого; любилъ пожаловать себя подѣ часъ въ герои самаго затѣйливаго романа, мысленно запутать себя въ разныя интриги и затрудненія, и наконецъ вывести себя изъ всѣхъ непріятностей съ честію, уничтожая всѣ препятствія, побѣждая затрудненія и великодушно прощая врагамъ своимъ. Очнувшись отъ своихъ размышленій, господинъ Голядкинъ съ серьезной, значительной миной положилъ свои деньги въ бумажникъ, бумажникъ въ столъ, на прежнее мѣсто, и взглянулъ на часы. Часы приготовлялись бить. Было ровно восемь часовъ.

— Однако, что же это такое? подумалъ господинъ Голядкинъ: — а гдѣ же Петрушка? — Все еще сохраняя тотъ же костюмъ, заглянулъ онъ другой разъ за перегородку. Петрушки опять не нашлось перегородкой, а сердился, горячился и выходилъ изъ себя лишь поставленный тамъ на полу самоваръ, безпрерывно угрожая кипяткомъ, и что-то съ жаромъ, быстро болталъ на своемъ мудреномъ языкѣ, картавя и шепелявя господину Голядкину, вѣроятно говоря: что, дескать, возьмите же меня, добрые люди, вѣдь я совершенно послышалъ и готовъ.

— Черти бы взяли! подумалъ господинъ Голядкинъ. — Эта лѣзлая бестія можетъ наконецъ вывести человѣка изъ послѣднихъ

границъ; гдѣ онъ шатается? Въ справедливомъ негодованіи своемъ вошелъ онъ въ переднюю, состоявшую изъ маленькаго корридера, въ концѣ котораго находилась дверь въ стѣни, крошечку пріотворилъ эту дверь, и увидѣлъ своего служителя, окруженнаго порядочной кучкой всякаго лакейскаго, домашняго и случайнаго сброда. Петрушка что-то рассказывалъ, прочіе слушали. По-видимому, ни тема разговора, ни самый разговоръ не понравились господину Голядкину. Онъ немедленно кликнулъ Петрушку и возвратился въ комнату совсѣмъ недовольный, даже разстроенный. «Эта бестія ни за грошь готова продать человѣка, а тѣмъ болѣе барина», подумалъ онъ про себя: «и продалъ, непременно продалъ, парі готовъ держать, что ни за копейку продалъ. Ну, что?»

— Ливрею принесли, сударь.

— Надѣнь и пошолъ сюда.

Надѣвъ ливрею, Петрушка, глупо улыбаясь, вошелъ въ комнату барина. Костюмированъ онъ былъ странно до нелзя. На немъ была зеленая, сильно подержанная лакейская ливрея, съ золотыми обсыпавшимися галунами, и по-видимому шитая на человѣка, ростомъ на цѣлый аршинъ выше Петрушки. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу, тоже съ галунами и съ зелеными перьями, а при бедрахъ имѣлъ лакейскій мечъ, въ кожаныхъ ножнахъ.

Наконецъ, для полноты картины, Петрушка, слѣдуя любимому своему обыкновенію ходить всегда въ неглаже, по домашнему, былъ и теперь босикомъ. Господинъ Голядкинъ осмотрѣлъ Петрушку кругомъ и по-видимому остался доволенъ. Ливрея очевидно была взята на прокатъ для какого-то торжественнаго случая. Замѣтно было еще, что во время осмотра Петрушка глядѣлъ съ какимъ-то страннымъ ожиданіемъ на барина, и съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдилъ за всякимъ движеніемъ его, что крайне смущало господина Голядкина.

— Ну, а карета?

— И карета пріѣхала.

— На весь день?

— На весь день. Двадцать-пять ассигнаціей.

— И сапоги принесли?

— И сапоги принесли.

— Болванъ! не можешь сказать принесли-сь. Давай ихъ сюда! Изъявивъ свое удовольствіе, что сапоги пришлись хорошо, господинъ Голядкинъ спросилъ чаю, умываться и бриться. Обрился онъ весьма-тщательно и такимъ же образомъ вымылся, хлебнулъ чаю на-скоро, и приступилъ къ своему главному окончательному облаченію: надѣлъ панталоны почти совершенно-новые; потомъ шапку съ бронзовыми пуговками, жилетку съ весьма-яркими и яркими

ными дыточками; на шею повязалъ пестрый шелковый галстухъ, и наконецъ натянулъ виц-мундиръ тоже новехонькій и тщательно вычищенный. Одеваясь, онъ нѣсколько разъ съ любовью взглядывалъ на свои сапоги, поминутно приподымалъ то ту, то другую ногу, любовался фасономъ, и что-то все шепталъ себѣ подъ носъ, изрѣдка подмигивая своей думкѣ выразительною гримаскою. Вирочемъ, въ это утро господинъ Голядкинъ былъ крайне разсѣянъ, потому-что почти не замѣтилъ улыбочекъ и гримасъ на свой счетъ помогавшаго ему одѣваться Петрушки. Наконецъ, справивъ все, что слѣдовало, совершенно одѣвшись, г. Голядкинъ положилъ въ карманъ свой бунажикъ, полюбовался окончательно на Петрушку, надѣвшаго сапоги, и бывшаго такимъ-образомъ тоже въ совершенной готовности, и замѣтивъ, что все уже сдѣлано и ждать уже болѣе нечего, горлоливо, суетливо, съ маленькимъ трепетаніемъ сердца сбѣжалъ съ своей лѣстницы. Голубая извозничья карета, съ какими-то гербами, съ громомъ подкатилась къ крыльцу. Петрушка, перемигиваясь съ извозникомъ и съ кое-какими зъваками, усадилъ своего барина въ карету; непривычнымъ голосомъ, и едва сдерживая думкѣй смѣхъ, крикнулъ *пошолъ!* вскочилъ на запятки, и все это съ шумомъ и громомъ, звѣня и треща, покатилося на Невскій-Проспектъ. Только-что голубой экипажъ успѣлъ выѣхать за ворота, какъ господинъ Голядкинъ судорожно потеръ себѣ руки и залился тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, какъ человекъ веселаго характера, которому удалось сыграть славную штуку, и которой штуку онъ самъ радъ-радѣхонекъ. Впрочемъ, тотчасъ же послѣ припадка веселости, смѣхъ смѣнился какимъ-то страннымъ озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ господина Голядкина. Не смотря на то, что время было сырое и пасмурное, онъ опустилъ оба окна кареты и забормоталъ началъ высматривать направо и налево прохожихъ, тотчасъ принимая прличный и степенный видъ, какъ-только замѣчалъ, что на него кто-нибудь смотритъ. На поворотѣ съ Литейной на Невскій-Проспектъ, онъ надрогнулъ отъ одного самаго непріятнаго ощущенія, и сморщась какъ бѣдняга, которому наступили печально на мозоль, торопливо, даже со страхомъ прижался въ самый темный уголокъ своего экипажа. Дѣло въ томъ, что онъ встрѣтилъ двухъ сослуживцевъ своихъ, двухъ молодыхъ чиновниковъ того ведомства, въ которомъ самъ состоялъ на службѣ. Чиновники же, какъ оказалось господину Голядкину, были тоже съ своей стороны въ крайнемъ недоумѣніи, встрѣтивъ такимъ-образомъ своего отоварщика; даже одинъ изъ нихъ указалъ пальцемъ на г. Голядкина. Господину Голядкину показалось даже, что другой кликнулъ его по имени, что, разумѣется, было весьма-неприлично на улицѣ. Герой нашъ притаился и не отозвался. «Что за мальчишки!»

началъ онъ разсуждать самъ съ собою. «Ну что же такого тут страннаго? Человѣкъ въ экипажъ; человѣку нужно быть въ экипажѣ, вотъ онъ и взялъ экипажъ. Просто дрянн! Я ихъ знаю, — просто мальчишки, которыхъ еще нужно посячь! Имъ бы только въ орлянку при жалованьи, да гдѣ-нибудь потаскаться, вотъ это ихъ дѣло. Сказалъ бы имъ всѣмъ кое-что, да ужъ только...» Г. Голядкинъ не докончилъ и обмеръ. Бойкая пара казанскихъ лошадокъ, весьма-знакомая господину Голядкину, запряженныхъ въ шегольскія дрожки, быстро обгоняла съ правой стороны его экипажъ. Господинъ, сидѣвшій на дрожкахъ, нечаянно увидѣвъ лицо господина Голядкина, довольно-неосторожно высунувшаго свою голову изъ окошка кареты, тоже по-видимому крайне былъ изумленъ такой неожиданной встрѣчей, и, нагнувшись сколько могъ, съ величайшимъ любопытствомъ и участіемъ сталъ заглядывать въ тотъ уголъ кареты, куда герой нашъ успѣшилъ-было спрятаться. Господинъ на дрожкахъ былъ Андрей Филипповичъ, начальникъ отдѣленія въ томъ служебномъ мѣстѣ, въ которомъ числился и господинъ Голядкинъ, въ качествѣ помощника своего столоначальника. Господинъ Голядкинъ, видя, что Андрей Филипповичъ узналъ его совершенно, что глядитъ во всѣ глаза и что спрятаться никакъ невозможно, покраснѣлъ до ушей. Поклониться иль нѣтъ? Отозваться иль нѣтъ? Признаться иль нѣтъ? думалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой, или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительнo схожій со мною, и смотреть какъ ни въ чемъ не бывало? Именно не я, не я да и только! говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шляпу предъ Андреемъ Филипповичемъ и не сводя съ него глазъ. «Я, я ничего», шепталъ онъ черезъ силу, я совсѣмъ ничего, это вовсе не я, Андрей Филипповичъ, это вовсе не я, не я да и только.» Скоро, однакожъ, дрожки обогнали карету, и магнетизмъ начальническихъ взоровъ прекратился, наконецъ, надъ господиномъ Голядкинымъ. Однако, онъ все-еще краснѣлъ, улыбался, что-то бормоталъ про себя... «Дуракъ я былъ, что не отозвался», подумалъ онъ наконецъ: «слѣдовало бы просто на сильную ногу и съ откровенностью не лишенною благородства: — дескать такъ и такъ, Андрей Филипповичъ, тоже приглашенъ на обѣдъ. да и только! Потомъ, вдругъ вспомнивъ, что сръзлся; герой нашъ всхлинулъ какъ огонь; нахмурилъ брови и бросилъ страшный вызывающій взглядъ въ передній уголъ кареты, взглядъ такъ и вывѣщенный съ тѣмъ, чтобъ испепелить разомъ въ прахъ всѣхъ враговъ его. Наконецъ, вдругъ, по влхновенію какому-то, дернулъ онъ за шнурокъ, привязанный къ локтю извошика-кучера, остановилъ карету и приказалъ поворотить назадъ на Литейную. Дѣло въ томъ, что господину Голядкину немедленно понадобилось для собственнаго же спокойствія, вѣроятно, сказать что-то самое инти-

решое доктору его, Крестьяну Ивановичу. И хотя съ Крестьяномъ Ивановичемъ былъ онъ знакомъ съ весьма-недавняго времени, именно, посѣтилъ его всего одинъ разъ на прошлой недѣлѣ, въ-слѣдствіе кой-какихъ надобностей, но вѣдь докторъ, какъ говорить, что духовникъ, — скрываться было бы глупо, а знать пациента его же обязанность. «Такъ ли, впрочемъ, будетъ все это», продолжалъ нашъ герой, выходя изъ кареты у подъезда одного пяти-этажнаго дома въ Литейной, возлѣ котораго приказалъ оставить свой экипажъ: «такъ ли будетъ все это? Прилично ли будетъ? Кстатн ли будетъ? Впрочемъ, вѣдь что же», продолжалъ онъ, подымаясь на лѣстницу, переводя духъ и сдерживая біеніе сердца, имѣвшаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ: «что же? вѣдь я про свое, и предосудительнаго здѣсь ничего не имѣется... мнѣ кажется, что ничего не имѣется. Скрыться было бы глупо. Я вотъ такимъ-то образомъ и сдѣлаю видъ, что я ничего, а что такъ мимоходомъ... Онъ и увидитъ, что такъ тому и слѣдуетъ быть.»

Такъ разсуждая, господинъ Голядкинъ поднялся до втораго этажа, и остановился передъ квартирою пятаго нумера, на дверяхъ котораго помѣщена была красивая мѣдная дощечка съ надписью:

*Крестьянъ Иваносичъ Рутеншицъ
Докторъ Медицины и Хирургіи.*

Остановившись, герой нашъ успѣхнулъ придать своей физиономіи притворный, развѣсннй, но безъ нѣкоторой любезности видъ, и приготовился дернуть за шнурокъ колокольца. Приготовившись дернуть за шнурокъ колокольчика, онъ немедленно и довольно-хитро разсудилъ, что не лучше ли завтра, и что теперь поспѣетъ любезности большой не имѣется, совсѣмъ-никовои не имѣется. Не такъ-какъ господинъ Голядкинъ услышалъ вдругъ на лѣстницѣ чужие шаги, то немедленно перемѣнилъ новое рѣшеніе свое и уже такъ, зелою, впрочемъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ, подошелъ у дверей Крестьяна Ивановича.

ГЛАВА И.

О томъ, какимъ образомъ вошелъ г. Голядкинъ къ Крестьяну Ивановичу. О чемъ именно онъ съ нимъ трактовалъ; какъ потомъ прослезился; какъ потомъ ясно доказалъ, что обладаетъ некоторыми и даже весьма-значительными добродѣтелями, необходимыми въ практической жизни, и что некоторые люди умѣютъ иногда поднести коку съ сокомъ, какъ по пословицѣ говорится; какъ наконецъ онъ попросилъ позволенія удалиться и, выпросивъ его, вышелъ, оставивъ въ изумленіи Крестьяна Ивановича. Мнѣніе г. Голядкина о Крестьянѣ Ивановичѣ.

Докторъ медицины и хирургъ, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, весьма-здоровый, хотя уже и пожилой человекъ, одаренный густыми съдвѣвающими бровями и бакенбардами, выразительнымъ, сверкающимъ взглядомъ, которымъ однимъ, по-видимому, пресогналъ все болѣзнь, и, наконецъ, значительнымъ ордемомъ, — сидѣлъ въ это утро у себя въ кабинетѣ, въ покойныхъ креслахъ своихъ, пилъ кофе, принесенный ему собственноручно его докторшей, курилъ сигару и прописывалъ отъ времени до времени рецепты своимъ пациентамъ. Прописавъ послѣдній пузырекъ одному старичку, страдавшему темерроемъ, и выпроводивъ страдающаго старичка въ боковыя двери, Крестьянъ Ивановичъ усялся въ ожиданіи слѣдующаго посѣщенія. Вошелъ господинъ Голядкинъ.

По-видимому, Крестьянъ Ивановичъ несколько не ожидалъ, и не желалъ видѣть предъ собою господина Голядкина, потому что онъ вдругъ на мгновеніе смутился и невольно вырезилъ на лицѣ своемъ какую-то странную, даже можно сказать неподобающую мишу. Такъ-какъ, съ своей стороны, господинъ Голядкинъ почти всегда какъ-то некстати опадалъ и терялся въ тѣ мгновенія въ которыхъ случалось ему абординовать кого-нибудь ради собственныхъ дѣлшекъ своихъ, то и теперь, не приготовивъ вербальныхъ, бывшей для него въ такихъ случаяхъ настоящимъ камнемъ преткновенія, сконфузился препорядочно, что-то пробормоталъ, — впрочемъ, кажется, извиненіе, — и, не зная, что dalje дѣлать, взялъ стулъ и сѣлъ. Но, вспомнивъ, что усялся безъ приглашенія, тотчасъ же почувствовалъ свое неприличіе и поспѣшилъ поправить ошибку свою въ незнаніи свѣта и хорошаго тона, немедленно вставъ съ занятого имъ безъ приглашенія мѣста. Потомъ, опомнившись и смутно замѣтивъ, что сдѣлалъ двѣ глупости разомъ, рѣ-

шля, ни мало не медля, на третью, т. е. попробовалъ-было при-
нести оправданіе, пробормоталъ кое-что улыбаясь, покраснѣлъ,
сconfузился, выразительно замолчалъ и наконецъ съѣлъ окончатель-
но и уже не вставалъ болѣе, а такъ только на всякій случай
обещалъ себя тѣмъ же самымъ вызывающимъ взглядомъ, ко-
торый имѣлъ необычайную силу мысленно испепелить и разгром-
ить въ прахъ всѣхъ враговъ господина Голядкина. Сверхъ-того,
этотъ взглядъ вполне выражалъ независимость господина Голя-
дкина, т. е. говорилъ ясно, что господинъ Голядкинъ совсѣмъ ни-
чего, что онъ самъ-по-себѣ, какъ и всѣ, и что его изба во вся-
комъ случаѣ съ краю. Крестьянъ Ивановичъ кашлянулъ, крикнулъ,
по-видимому въ знакъ одобренія и согласія своего на все это, и
устрилъ инспекторскій, вопросительный взглядъ на господина
Голядкина.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, началъ господинъ Голядкинъ съ
улыбкою:— пришелъ васъ беспокоить вторично, и теперь вторично
спрашиваюсь просить вашего снисхожденія... Господинъ Голядкинъ
медленно затруднялся въ словахъ.

— Гм... да! проговорилъ Крестьянъ Ивановичъ, выпустивъ изо-
рта струю дыма и кладя сигару на столъ:— но вамъ нужно пред-
шанснй держаться; я вѣдь вамъ объяснялъ, я вѣдь вамъ прошед-
шій разъ объяснялъ, что пользованіе ваше должно состоять въ из-
бавленіи привычекъ... Ну, развлеченія; ну, тамъ, друзей и знако-
мыхъ должно посѣщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бутылки врагомъ не
бывать; равномерно держаться веселой компаніи.

Господинъ Голядкинъ, все еще улыбаясь, поспѣшилъ замѣтить,
что ему кажется, что онъ, какъ и всѣ, что онъ у себя, что рав-
неченія у него, какъ и у всѣхъ... что онъ, конечно, можетъ ѣздить
въ театръ, ибо тоже, какъ и всѣ, средства имѣетъ, что днемъ онъ
въ дачности, а вечеромъ у себя, что онъ совсѣмъ ничего; даже
ничего тутъ же мимоходомъ, что онъ, сколько ему кажется, не
луче другихъ, что онъ живетъ дома, у себя на квартирѣ, и что
нищенки у него есть Петрушка. Тутъ господинъ Голядкинъ за-
шука.

— Гм, нѣтъ, такой порядокъ не то, и я васъ совсѣмъ не то хо-
телъ спрашивать. Я вообще знать интересуюсь, что вы большой
ли любитель веселой компаніи, пользуетесь ли весело временемъ...
Ну, такъ, меланхолическій или веселый образъ жизни теперь пре-
обладаютъ?

— Я, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм, я говорю, перебилъ докторъ:— что вамъ нужно коренное
преобразованіе всей вашей жизни имѣть и въ некоторомъ смыслѣ
применить свой характеръ. (Крестьянъ Ивановичъ сильно ударилъ

на слово «переломить» и остановился на минуту съ весьма-значительным видомъ.) Не чуждаться жизни веселой; спектакли и клубы посещать и во всякомъ случаѣ бутылки врагомъ не бывать. Дома сидеть не годится... вамъ дома сидеть никакъ-невозможно.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю тишину, проговорилъ господинъ Голядкинъ, бросая значительный взглядъ на Крестьяна Ивановича, и очевидно ища словъ для удачнѣйшаго выраженія мысли своей:—въ квартирѣ только я, да Петрушка... я хочу сказать, мой человекъ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, Крестьянъ Ивановичъ, что я иду своей дорогой, особою дорогой, Крестьянъ Ивановичъ. Я себя особо, и сколько мнѣ кажется, ни отъ кого не завишу. Я, Крестьянъ Ивановичъ, тоже гулять выхожу.

— Какъ?.. Да! Ну, нынче гулять не составляетъ никакой пріятности; климатъ весьма-нехорошій.

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Я, Крестьянъ Ивановичъ, хоти и смиренный человекъ, какъ я уже вамъ, кажется, имѣлъ честь объяснить, по дорога моя отдѣльно идетъ, Крестьянъ Ивановичъ. Путь жизни широкъ... Я хочу... я хочу, Крестьянъ Ивановичъ, сказать этимъ... Извините меня, Крестьянъ Ивановичъ, я не мастеръ красно говорить.

— Гм... вы говорите...

— Я говорю, чтобъ вы меня извинили, Крестьянъ Ивановичъ, въ томъ, что я, сколько мнѣ кажется, не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ полу-обиженнымъ тономъ, немного сбиваясь и путаясь.—Въ этомъ отношеніи я, Крестьянъ Ивановичъ, не такъ какъ другіе, прибавилъ онъ съ какою-то особенною улыбкою:— и много говорить не умѣю; придавать слогу красоту не учился. За то я, Крестьянъ Ивановичъ, действую; за то я действую, Крестьянъ Ивановичъ!

— Гм... Какъ же это... вы действуете? отозвался Крестьянъ Ивановичъ. За тѣмъ, на минутку, послѣдовало молчаніе. Докторъ какъ-то странно и недѣлочно взглянулъ на господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ тоже въ свою очередь довольно-недовѣрчиво покосился на доктора.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать господинъ Голядкинъ все въ прежнемъ тонѣ, немного-раздраженный и озадаченный крайнимъ упорствомъ Крестьяна Ивановича:—я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю спокойствіе, а не свѣтскій шумъ. Тамъ у нихъ я говорю, въ большомъ свѣтѣ, Крестьянъ Ивановичъ, нужно умѣть паркетныя доски лащить сапогами... (тутъ господинъ Голядкинъ немного пришаркнулъ по полу ножкой), тамъ это спрашиваютъ-съ, и кака буръ тоже спрашиваютъ... комплиментъ раздушевиый нужно умѣть составлять-съ... вотъ что тамъ спрашиваютъ. А я этому не учился

Крестьянъ Ивановичъ,—хитростямъ этимъ всѣмъ я не учился; некогда было, Крестьянъ Ивановичъ. Я человекъ простой, незатѣйливый, и блеска наружнаго нѣтъ во мнѣ. Въ этомъ, Крестьянъ Ивановичъ, я полагаю оружіе; я кладу его, говоря въ этомъ смыслѣ.— Все это господинъ Голядкинъ проговорилъ, разумѣется, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что герой нашъ вовсе не жалеетъ о томъ, что кладетъ въ этомъ смыслѣ оружіе, и что онъ хитростямъ не учился, но что даже совершенно напротивъ. Крестьянъ Ивановичъ, слушая его, смотрѣлъ внизъ, съ весьма-непріятной гримасой въ лицѣ, и какъ-будто заранѣе что-то предчувствовалъ. За тирадою господина Голядкина послѣдовало довольно-долгое и значительное молчаніе.

— Вы, кажется, немного отвлеклись отъ предмета, сказалъ наконецъ Крестьянъ Ивановичъ вполголоса: — я, признаюсь вамъ, не могу васъ совершенно понять.

— Я не мастеръ красно говорить, Крестьянъ Ивановичъ; я уже много имѣлъ честь доложить, Крестьянъ Ивановичъ, что я не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ, на этотъ разъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Гм...

— Крестьянъ Ивановичъ! началъ опять господинъ Голядкинъ тихимъ, но многозначачимъ голосомъ, отчасти въ торжественномъ тонѣ и останавливаясь на каждомъ пунктѣ: — Крестьянъ Ивановичъ! когда вы сюда, я началъ извиненіями. Теперь повторяю прежнее, и прошу вашего снисхожденія на время. Мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, отъ васъ скрывать нечего. Человекъ я маленькій, сами вы знаете; но, къ счастью моему, не жалею о томъ, что я маленький человекъ. Даже напротивъ, Крестьянъ Ивановичъ; и, чтобъ все сказать, я даже горжусь тѣмъ, что небольшой человекъ, а маленький. Не интригантъ,—а этимъ тоже торжусь. Дѣйствую не дипломатомъ, а открыто, безъ хитростей, и хотя бы могъ вредить въ свою очередь и очень бы могъ, и даже знаю надъ кѣмъ и какъ это сдѣлать, Крестьянъ Ивановичъ, но не хочу замарать себя, и въ этомъ смыслѣ умываю руки мои. Въ этомъ смыслѣ, говорю, я ихъ умываю, Крестьянъ Ивановичъ!—Господинъ Голядкинъ на мгновеніе выразительно замолчалъ; говорилъ онъ съ кроткимъ одушевленіемъ.

— Иду я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать нашъ герой: — прямо, открыто и безъ окольныхъ путей, потому-что ихъ не люблю, и предоставляю это другимъ. Не стараюсь унижить тѣхъ, которые, можетъ-быть, насъ съ вами почише... то-есть, я хочу сказать насъ съ ними, Крестьянъ Ивановичъ, насъ съ ними. Полуюлю не люблю; мизерныхъ двуличностей не жалею; клеветою и

силѣтней гнушаюсь. Маску надеваю лишь въ маскарадъ, а не хожу съ нею передъ людьми каждодневно. Спрошу я васъ только, Крестьянъ Ивановичъ, какъ бы стали вы мстить врагу своему, злѣйшему врагу своему, — тому, кого бы вы считали такимъ? заключилъ г. Голядкинъ, бросивъ вызывающій взглядъ на Крестьяна Ивановича.

Хотя господинъ Голядкинъ проговорилъ все это до-нельзя отчетливо, ясно, съ увѣренностью, взвѣсивъ слова и рассчитывая на вѣрнѣйшій эффектъ, но между-тѣмъ, съ безпокойствомъ, съ большимъ безпокойствомъ, съ крайнимъ безпокойствомъ смотрѣлъ теперь на Крестьяна Ивановича. Теперь онъ обратился весь въ зрѣніе, и робко, съ досаднымъ, тоскливымъ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта Крестьяна Ивановича. Но, къ изумленію и къ совершенному пораженію господина Голядкина, Крестьянъ Ивановичъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ; потомъ придвинулъ кресло къ столу, и довольно-сухо, но, впрочемъ, учтиво объявилъ ему что-то въ родъ того, что ему время дорого, что онъ какъ-то не совсѣмъ понимаетъ; что, впрочемъ, онъ, чѣмъ можетъ, готовъ служить, по силамъ своимъ, но что все дальнѣйшее в до него некасающееся онъ оставляетъ. Тутъ онъ взялъ перо, придвинулъ бумагу, выкроилъ изъ нея докторской формы лоскутикъ и объявилъ, что тотчасъ пропишетъ, что слѣдуетъ.

— Нѣтъ-съ, не слѣдуетъ, Крестьянъ Ивановичъ! нѣтъ-съ, это вовсе не слѣдуетъ! проговорилъ господинъ Голядкинъ, привставъ съ мѣста и хватая Крестьяна Ивановича за правую руку: — этого, Крестьянъ Ивановичъ, здѣсь вовсе не надобно...

А между-тѣмъ, покаместъ говорилъ это все господинъ Голядкинъ, въ немъ произошла какая-то странная перемена. Сѣрые глаза его какъ-то странно блеснули, губы его задрожали, всѣ мускулы, всѣ черты лица его заходили, задвигались. Самъ онъ весь дрожалъ. Послѣдовавъ первому движенію своему и остановивъ руку Крестьяна Ивановича, господинъ Голядкинъ стоялъ теперь неподвижно, какъ-будто самъ не доверяя себѣ и ожидая вдохновенія для дальнѣйшихъ поступковъ.

Тогда произошла довольно-странная сцена.

Немного-озадаченный, Крестьянъ Ивановичъ на мгновение буднично вприсосъ къ своему креслу и, потерявшись, смотрѣлъ во всѣ глаза господину Голядкину, который такимъ же образомъ смотрѣлъ на него. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ всталъ, придерживаясь немножко за лацканъ вид-мундира господина Голядкина. Нѣсколько секундъ стояли они такимъ-образомъ оба, неподвижно, и не смотря другъ съ друга. Тогда, впрочемъ, необыкновенно-страннымъ образомъ, разрѣшилось и второе движеніе господина Голяд

на. Губы его затряслись, подбородокъ заврыгалъ, и герой нашъ ахнулъ совсѣмъ-неожиданно. Всклипывая, кивая головой, и удаляя себя въ грудь правой рукою, а лѣвой схвативъ тоже за лацканъ домашней одежды Крестьянъ Ивановича, хотѣлъ-было онъ шепнуть и въ чемъ-то немедленно объясниться, но не могъ и слова сказать. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ опомнился отъ своего пущенія.

— Полноте, успокойтесь, садитесь! проговорилъ онъ наконецъ, торопясь посадить господина Голядкина въ кресла.

— У меня есть враги, Крестьянъ Ивановичъ, у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые меня погубить поклялись... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ болзливо и шопотомъ.

— Полноте, полноте; что враги! не нужно враговъ поминать! это совершенно не нужно. Садитесь, садитесь, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ, усаживая господина Голядкина окончательно въ кресла.

Господинъ Голядкинъ усѣлся наконецъ, не сводя глазъ съ Крестьянъ Ивановича. Крестьянъ Ивановичъ съ крайне-недовольнымъ видомъ сталъ шагать изъ угла въ уголъ своего кабинета. Последовало долгое молчаніе.

— Я вамъ благодаренъ, Крестьянъ Ивановичъ, весьма-благодаренъ, в весьма чувствую все, что вы для меня теперь сдѣлали, Крестьянъ Ивановичъ. По гробъ не забуду я ласки вашей, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ наконецъ господинъ Голядкинъ, съ обиднымъ видомъ вставая со стула.

— Полноте, полноте! я вамъ говорю полноте! отвѣчалъ довольно-строге Крестьянъ Ивановичъ на выходку господина Голядкина, еще разъ усаживая его на мѣсто.

— Ну, что у васъ? расскажите мнѣ, что у васъ есть тамъ теперь непріятнаго, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ: — и о какихъ врагахъ говорите вы? Что у васъ есть тамъ такое?

— Нѣтъ, Крестьянъ Ивановичъ, мы лучше это оставимъ теперь, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, опустивъ глаза въ землю: — лучше отложимъ все это въ сторону, до времени... до другаго времени, Крестьянъ Ивановичъ, до болѣе-удобнаго времени, когда все обнаружится, и маска спадетъ съ некоторыхъ лицъ, и кое-что объяснится. А теперь, покаиѣсть, разумѣется, послѣ того, что съ нами случилось... вы согласитесь сами, Крестьянъ Ивановичъ... Пожалуйста пожелать вамъ добраго утра, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ господинъ Голядкинъ, въ этотъ разъ рѣшительно и серьезно кивая съ мѣста и хватаясь за шляпу.

— А ну... какъ хотите... гм... (Последовало минутное молчаніе.)— Я, съ моей стороны, вы знаете, что могу... и искренно вамъ добра желаю,

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю; я васъ совершенно понимаю теперь... Во всякомъ случаѣ, извините меня, я васъ обезпокоилъ, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм... Нѣтъ, я вамъ не то хотѣлъ говорить. Впрочемъ, какъ угодно. Медикаменты по прежнему. Продолжайте...

— Буду продолжать медикаменты, какъ вы говорите, Крестьянъ Ивановичъ, буду продолжать, и въ той же аптекъ брать буду... Нынче в аптекаремъ быть, Крестьянъ Ивановичъ, уже важное дѣло...

— Какъ? въ какомъ смыслѣ вы хотите сказать?

— Въ весьма-обыкновенномъ смыслѣ, Крестьянъ Ивановичъ. Хочу сказать, что нынче такъ свѣтъ пошелъ...

— Гм...

— И что всякіи мальчишка, не только аптекарскій, передъ порядочнымъ человѣкомъ носъ задираетъ теперь.

— Гм. Какъ же вы это понимаете?

— Я говорю, Крестьянъ Ивановичъ, про извѣстнаго человѣка... про общаго намъ знакомаго, Крестьянъ Ивановичъ, на-примѣръ, хоть про Владимира Семеновича...

— А!..

— Да, Крестьянъ Ивановичъ; и я знаю нѣкоторыхъ людей, Крестьянъ Ивановичъ, которые не слишкомъ-то держатся общаго мнѣнія, чтобъ иногда правду сказать.

— А!.. Какъ же это?

— Да ужь такъ-съ; это, впрочемъ, постороннее дѣло; умѣютъ такъ иногда поднести коку съ сокомъ.

— Чтò? чтò поднести?

— Коку съ сокомъ, Крестьянъ Ивановичъ; это пословица русская. Умѣютъ иногда кстатн поздравить кого-нибудь, на-примѣръ; есть такіе люди, Крестьянъ Ивановичъ.

— Поздравить?

— Да-съ, поздравить, Крестьянъ Ивановичъ, какъ сдѣлалъ на дняхъ одинъ изъ моихъ короткихъ знакомыхъ...

— Одинъ изъ вашихъ короткихъ знакомыхъ... а! какъ же это? сказалъ Крестьянъ Ивановичъ, внимательно взглянувъ на господина Голядкина.

— Да-съ, одинъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ поздравилъ съ чиномъ, съ полученіемъ ассессорскаго чина, другаго весьма-близкаго тоже знакомаго, и въ добавокъ пріятеля, какъ говорится, сладчайшаго друга. Этакъ къ слову пришлось. «Чувствительно, дескать, говорятъ, радъ случаю принести вамъ, Владимиръ Семеновичъ, мое поздравленіе, искреннее мое поздравленіе въ полученіи чина. Нѣтъ, больше радъ, что нынче, какъ всему свѣту извѣстно, выве-

съ бабушки, которыя вѣрожать». Тутъ господинъ Голядкинъ дѣловски кивнулъ головой и, прищурясь, посмотрѣлъ на Крестьяна Ивановича...

— Гм. Такъ это сказалъ...

— Сказалъ, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ, да тутъ же и взглянулъ на Андрея Филипповича, на дядю-то нашего вѣщечка, Владимира Семеновича. Да что мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, что онъ ассоромъ сдѣланъ? Мнѣ-то что тутъ? Да жениться хочетъ, когда не молоко, съ позволенія сказать, на губахъ не обсохло. Такъ-ли и сказалъ. Де-скасть, говорю, Владиміръ Семеновичъ! Я теперь все сказалъ; позвольте же мнѣ удалиться.

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, позвольте же мнѣ теперь, говорю, удалиться. Да тутъ, чтобъ ужъ разомъ двухъ воробьевъ однимъ шептъ убить, — какъ сръзалъ молодца-то на бабушкахъ и обращаюсь къ Кларѣ Олсуфьевнѣ (дядю-то было третьяго-дня у Олсы Ивановича), — а она только-что романсъ пропѣла чувствительный, — говорю, де-скасть, «чувствительно пропѣтъ вы романсы новыи, да только слушаютъ-то васъ не отъ чистаго сердца.» И намекою тѣмъ ясно, понимаете, Крестьянъ Ивановичъ, намекаю тѣмъ во, что вступать-то теперь не въ ней, а подальше...

— А! ну что же оиъ?..

— Лимонъ съѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, какъ по пословицѣ говорится.

— Гм...

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Теже и старикъ самому говорю-де-скасть, Олсуфій Ивановичъ, говорю, я знаю, чѣмъ обязанъ нѣтъ, дѣню вполне благодѣлнл ваши, которыми почти съ дѣтства лѣтъ моихъ вы осыпали меня. Но откройте глаза, Олсуфій Ивановичъ, говорю. Посмотрите. Я самъ дѣло на чистоту и отъ-чисто веду, Олсуфій Ивановичъ.

— А, вотъ какъ!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. Оно вотъ какъ...

— Что жъ оиъ?

— Да что оиъ, Крестьянъ Ивановичъ! мямлнть; и того и сего, я тѣбя знаю, и что его превосходительство благодѣтельный оиъ-и пошелъ, и размазался... Да вѣдь что жъ? отъ старика, какъ говорится, покачнулся порядкомъ.

— А! такъ вотъ какъ теперь!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. И всѣ-то мы такъ, чего! старики! въ гробъ смотреть, дышетъ на ладанъ, какъ говорится, слытно бабью заплетутъ какую-нибудь, такъ оиъ ужъ тутъ шастъ; безъ него невозможно...

— Сплетню, вы говорите?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, заплели они сплетню. Замыслили свою руку сюда и нашу медаль, и племянникъ его, наше крѣпкое; связались они съ старухами, разумеется, и сострапали дѣла. Какъ бы вы думали? Что они выдумали, чтобъ убить человѣка?!

— Чтобъ убить человѣка?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, чтобъ убить человѣка, правдиво, но убить человѣка. Распустили они... я все про моего близкаго знакомаго говорю...

Крестьянъ Ивановичъ кивнулъ головою.

— Распустили они на-счетъ его слухъ... Признаюсь вамъ, мы даже совѣстно говорить, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм...

— Распустили они слухъ, что онъ уже далъ подписку жениться, что онъ уже женихъ съ другой стороны... И какъ бы вы думали, Крестьянъ Ивановичъ, на комъ?

— Право?

— На кухмистершѣ, на одной неблагопристойной Нямкѣ, у которой обѣды беретъ; вмѣсто заплаты долговъ, руку ей предлагаетъ.

— Это они говорятъ?

— Вѣрите ли, Крестьянъ Ивановичъ? Нямка, подлая, гадкая, безстыдная Нямка, Каролина Ивановна, если известно вамъ...

— Я признаюсь съ моей стороны...

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю, и съ своей стороны это чувствую....

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ вы живете теперь?

— Гдѣ я живу теперь, Крестьянъ Ивановичъ?

— Да... я хочу... вы прежде, кажется, жили...

— Жилъ, Крестьянъ Ивановичъ, жилъ, жилъ и прежде. Какъ же не жить! отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, сопровождая свои слова маленькимъ смѣхомъ, и немного смутивъ отвѣтомъ своимъ Крестьяна Ивановича.

— Нѣтъ, вы не такъ это приняли; я хотѣлъ съ своей стороны.

— Я тоже хотѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, съ своей стороны, тоже хотѣлъ, смѣясь продолжалъ господинъ Голядкинъ.—Но, однакожь, я, Крестьянъ Ивановичъ, у васъ засидѣлся совсѣмъ. Вы, и дѣюсь, позвольте мнѣ теперь... пожелать вамъ добраго утра...

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, я васъ понимаю; я васъ теперь вполне понимаю, сказалъ нашъ герой, немного рисуясь передъ Крестьяномъ Ивановичемъ... И такъ, позвольте вамъ пожелать добраго утра...

Бригга-бороды, аршинившись наконецъ еще въ нѣсколькихъ въ своемъ родѣ колоды и пріятнымъ восклицаніемъ, господина Голлякина кончить тѣмъ, что обещала завтра же зайти непремѣнно или даже сегодня прислать за сторованнымъ, зная номеръ лавки, и, замолушавъ внимательно купца, хлопотавшаго о задаточкѣ, обещала въ свое время и задаточекъ. После чего онъ поспѣшно распростился съ недоумившимся купцомъ и пошла вдоль по улицѣ, преследуемый цілою стаей сидельцевъ, поминутно оглаждаемыхъ назадъ на Петрушку и тщательно отъскакивая каждую-то новую лавку. Мимоходомъ забывалъ онъ въ мѣшальную лавочку и разбивалъ всю свою крупную бумагу на мелкую, и хотя вторично на промѣнѣ, но за то все-таки разбивалъ, и бумажикъ его значительное пожелтѣлъ, что, по-видимому, доставило ему крайнее удовольствіе. Наконецъ остановился онъ въ лавочкѣ рясныхъ дамскихъ матерій. Натрговать опять на значную сумму, воспевавши Голлякина и здѣсь обещала купцу зайти непремѣнно, зная номеръ лавки и на вопросъ о задаточкѣ, опять повторила, что будетъ въ свое время и задаточекъ. Потомъ посетилъ и еще нѣсколько лавокъ; во всѣхъ торговалъ, прицѣплялся къ разнымъ вещичкамъ, спорилъ иногда долго съ купцами, уходилъ изъ лавки и раза по три возвращался,—однимъ словомъ, оказывалъ необыкновенную дѣятельность. Изъ Гостиного-Двора герой нашъ отправился въ одинъ извѣстный мебельный магазинъ, гдѣ сторовалъ мебели на шесть комнатъ, полюбовался однимъ моднымъ и весьма затѣйливымъ дамскимъ туалетомъ въ послѣднемъ вкусѣ и, утѣшивъ купца, что пришлетъ за всѣмъ непременно, вышелъ изъ магазина, по своему обычаю, съ обещаніемъ задаточка, потомъ заѣхалъ еще кое-куда и потрговалъ кое-что. Однимъ словомъ, не было, по-видимому, конца его хлопотамъ. Наконецъ, все это, кажется, сильно стало надоедать самому господину Голлякину. Даже и Богъ-знаетъ въ какомъ случаю стали его терзать, ни съ того ни съ сего, угрызения совѣсти. Ни за что бы не согласился онъ теперь встрѣтиться, на-прямь, съ Андреемъ Филипповичемъ или хоть съ Крестьяномъ Ивановичемъ. Наконецъ, геродские часы пробилъ три по-полудни. Когда господинъ Голлякинъ съѣлъ окончательно въ пероту, нѣсколько прибретений, сдѣланныхъ имъ въ это утро, оказалось въ дѣйствительности лишь одна пара перчатокъ и стидянка духовъ въ шестеро рублей ассигнаціями. Такъ-какъ для господина Голлякина было еще довольно-рано, то онъ и призвалъ своему кучеру оставаться здесь одного: извѣстнаго ресторана на Невскомъ-Проезжѣтѣ, о которомъ доселѣ онъ звалъ лишь по послѣднимъ, вывелъ изъ пероты и поѣхалъ закурить, отдохнуть и выждать извѣстнаго часа.

Закусивъ сага, началъ закусываетъ человѣкъ, у котораго въ перспективѣ богатый званый обѣдъ, т. е. перехватить кое-что, чтобы, какъ говорится, червячка заморить, и выпивъ одну рюмочку водки, господинъ Голядкинъ усвоясь въ креслахъ, и, скромно осмотрѣвшись кругомъ, мирно пристрелился къ одной тощей національной газетѣ. Прочтя строчки двѣ, онъ всталъ, посмотрѣлся въ зеркало, оправился и оглянулся; потомъ подошелъ къ окну и поглядѣлъ, путь ли его карета... потомъ опять сѣлъ на место и взялъ газету. Имѣло было; что герой нашъ былъ въ крайнемъ волненіи. Вглянувшись на часы, и видя, что еще только четверть четвертаго, слюкотливо, еще остается порядочно ждать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изудивъ, что такъ сидѣть неприлично, господинъ Голядкинъ приказалъ подать себѣ шоколаду, къ которому, впрочемъ, въ настоящее время большой охоты не чувствовалъ. Выпивъ шоколадъ и замѣтивъ, что время немного подвинулось, вышелъ онъ расплѣтаться. Другъ кто-то ударилъ его по плечу.

Онъ обернулся и увидѣлъ предъ собою двухъ своихъ сослуживцевъ-товарищей, тѣхъ самыхъ, съ которыми встрѣтился утромъ въ Литейной — ребятъ еще весьма-молодыхъ и по лѣтамъ и по ину. Герой нашъ былъ съ ними ни-то-ни-сѣ, ни въ дружбѣ, ни въ открытой враждѣ. Разумѣется, соблюдалось приличіе съ обѣихъ сторонъ; дальнѣйшаго же сближенія не было, да и быть не могло. Встрѣча въ настоящее время была крайне-непріятна господину Голядкину. Онъ немного поморщился и на минутку смѣшался.

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ! защebetали оба регистратора:—вы здѣсь? по какому...

— А! это вы, господа! перебилъ дослѣдственно господинъ Голядкинъ, немного сконфузясь и скандализируясь изумленіемъ чиновниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ короткостію ихъ обращенія, но, впрочемъ, дѣлая изъясненнаго и молочца по-неволь. — Дивертировали, господа, ха, ха, ха!.. Тутъ даже, чтобъ не уронить себя и снисойдти до канцелярскаго омовѣства, съ которымъ всегда былъ въ должныхъ границахъ онъ раздобывалъ—было потрепать одного юнана по плечу; но поупадности въ этомъ случаѣ не удалась господину Голядкину, и вмѣстѣ прилично-короткаго жеста, вышло что-то совершенно другое.

— Ну, а что, малодѣ нашъ свдѣтъ?..

— Кто это, Яковъ Петровичъ?

— Ну, малодѣ-то, будто не знаете кого медвѣдѣтъ зовутъ?.. господинъ Голядкинъ засмѣялся и отвернувшись къ прикащику взялъ въ него сдачи.—Я говорю про Андрея Филипповича, господа, промалодѣ оны; малодѣ съ-предвѣдѣномъ и не отбѣтъ разъ съ всѣмъ

на-серебрянымъ видомъ обратившись къ чиновникамъ. Оба регистратора значительно перемигнулись другъ съ другомъ.

— Сидеть еще и васъ спрашивалъ, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Сидеть, а! Въ такомъ случаѣ, пусть его сидитъ, господа. И меня спрашивалъ, а?

— Спрашивалъ, Яковъ Петровичъ; да что это съ вами, Яковъ Петровичъ, раздушены, распомажены, фронтонъ ташить?..

— Такъ, господа, это такъ! Полноте... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, смотря въ сторону и напряженно улыбувшись. Видно, что господинъ Голядкинъ улыбается, чиновники раскочетались. Господинъ Голядкинъ немного надулся.

— Но, однакоже, Яковъ Петровичъ?..

— Я вамъ скажу, господа, подружески, отвѣчалъ нешоро промолчавъ нашъ герой, какъ-будто (такъ ужъ и быть) ранившись открыть что-то чиновникамъ: — вы, господа, все меня знаете, но до-сихъ-поръ знали только съ одной стороны. Пенять въ этомъ случаѣ нѣ на кого, я, отчасти, сознаюсь, я былъ самъ виноватъ.

Господинъ Голядкинъ сжалъ губы и значительно взглянулъ на чиновниковъ. Чиновники снова перемигнулись.

— До-сихъ-поръ, господа, вы меня знали только отчасти и до совсѣмъ... Объясняться теперь и здѣсь будетъ не совсѣмъ-то кстати. Скажу вамъ только кое-что мимоходомъ и вскользь. Есть люди, господа, которые не любятъ окольныхъ путей и маскируются только для маскарада. Есть люди, которые не видятъ прямого человеческого назначенія въ ловкомъ умѣнн лошить паркетъ сапогами. Есть и такіе люди, господа, которые не будутъ говорить, что съестиввы, и живутъ волишь, когда, на-примѣръ, на нихъ корено сидятъ панталоны. Есть, наконецъ, люди, которые не любятъ скакать и вертѣться по-пустому, заигрывать и подлизываться, а главное, господа, совать туда свой носъ, гдѣ его вовсе не спрашиваютъ... Я, господа, сказалъ почти все; позвольте мнѣ мѣть теперь удалиться...

Господинъ Голядкинъ остановился. Такъ-какъ господа регистраторы были теперь удовлетворены волишь, то, вдругъ, оба крайне-неучтиво покатылись со стука. Господинъ Голядкинъ вслыхнулъ.

— Смѣйтесь, господа, смѣйтесь покаместъ! Поживете—увидите, сказалъ онъ съ чувствомъ смербленнаго достоинства, взявъ свою шляпу и ретируясь къ дверямъ.

— Но скажу болѣе, господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ послѣдній разъ къ господамъ регистраторамъ:— скажу болѣе, господа—оба вы здѣсь со мной глазъ-на-глазъ. Вотъ, господа, моя правда: не удалется—кряжусь, удалется—держусь и во всякомъ случаѣ ни-

но не подкашляло. Не интригантъ—и этимъ горжусь. Въ дипломаты бы я не годился. Говорятъ еще, господа, что птица сама лить на охотника. Правда и готовъ согласиться: но кто здѣсь охотникъ, кто птица? Это еще вопросъ, господа!

Господинъ Голядкинъ краснорѣчиво умолкъ и съ самой значительной миной, то-есть, поднявъ брови и сжавъ губы до нелзя, раскланялся съ господами чиновниками и потомъ вышелъ, оставивъ въ крайнемъ изумленіи.

— Куда прикажете? спросилъ довольно-сурово Петрушка, которому уже наскучило, вѣроятно, таскаться по холоду:—куда прикажете? спросилъ онъ господина Голядкина, встречая его страшный, кувачтожающій взглядъ—тотъ самый взглядъ, которымъ герой нашъ уже два раза обезпечивалъ себя въ это утро, и къ которому прибегнулъ теперь въ третій разъ, сходя съ лѣстницы.

— Къ Измайловскому-Мосту.

— Къ Измайловскому-Мосту! Пошолъ!

— Обѣдъ у нихъ начнется не раньше, какъ въ пятомъ, или даже въ шестомъ часоу, думалъ господинъ Голядкинъ:— не рано ль теперь? Впрочемъ, вѣдь я могу и пораньше; да, къ-тому же, и сѣншій обѣдъ. Я, этакъ, могу сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Отъ-чего же бы мнѣ нельзя сан-фасонъ? Медвѣдь нашъ тоже говорилъ, что будетъ все сан-фасонъ, а потому и я тоже... Такъ думалъ господинъ Голядкинъ:— а между-тѣмъ волненіе его все болѣе и болѣе увеличивалось. Замѣтно было, что онъ готовился къ чему-то весьма-хлопотливому, чтобы и сказать болѣе, шепталъ про себя, жестикулировалъ правой рукой, безпрерывно поглядывалъ въ окна кареты, такъ-что, смотря теперь на господина Голядкина, право бы никто не сказалъ, что онъ собирается хорошо пообѣдать, за-просто, да еще въ своемъ сѣншнмъ кругу, — сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Наконецъ, у самаго Измайловскаго-Моста, господинъ Голядкинъ указалъ на одинъ домъ; карета съ громомъ вкатилась въ дворъ, и остановилась у подъезда праваго фаса. Замѣтивъ одну маленькую фигуру въ окнѣ втораго этажа, господинъ Голядкинъ махнулъ ей рукой поцалуй. Впрочемъ, онъ не зналъ самъ что дѣлаетъ, потому-что рѣшительно былъ ни живъ, ни мертвъ въ эту минуту. Изъ кареты онъ вышелъ блѣдный, растерянный; взошелъ и прылцо, снялъ свою шляпу, машинально опрарился, и, чувствуя, впрочемъ, маленькую дрожь въ колѣнкахъ, пустился по лѣстницѣ.

— Олсуфій Ивановичъ? спросилъ онъ отворившаго ему чело-
вѣка.

— Дома-съ, т. е. нѣтъ-съ, ихъ нѣтъ дома-съ.

— Какъ? что ты, мой милый? Они у себя; я—я на обѣдъ; братецъ. Вѣдь ты меня знаешь?

— Какъ же знать-съ! Принимать всѣхъ не вѣдьмо-съ.

— Ты... ты, братецъ... ты вѣрно ошибаешься, братецъ. Это я такъ видишь, что это я. Я, братецъ, приглашаю; я на обѣдъ, — протѣворить господинъ Голядкинъ, сбрасывая шинель и показывая очевидное намѣреніе отправиться въ комнаты.

— Позвольте-съ, нельзя-съ. Не вѣдьно принимать-съ, развѣ оскорблять вѣдьно. Вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ поблѣднѣлъ. Въ это самое время, дверь изъ внутреннихъ комнатъ отворилась, и вошелъ Герасимычъ, старшій камердинеръ Олсуфія Ивановича.

— Вотъ они, Емельянъ Герасимовичъ, войдти хотѣтъ, а я...

— А вы дуракъ, Алексѣичъ. Ступайте въ комнаты, а сюда пришлите подлеца Семеныча. Нельзя-съ, сказалъ онъ учтиво, но рѣшительно обращаясь къ господину Голядкину. — Никакъ не возможно-съ. Просить извинить-съ; не могутъ принять-съ.

— Они такъ и сказали, что не могутъ принять? вѣрнѣйшешо спросилъ господинъ Голядкинъ. — Вы, извините, Герасимычъ. Отъ-чего же никакъ невозможно?

— Никакъ не возможно-съ. Я докладываю-съ; сказали: проин извинить. Не могутъ, де-скаютъ, принять-съ.

— Отъ-чего же? какъ же это? какъ... Герасимычъ... я...

— Позвольте, позвольте!..

— Однако какъ же это такъ? Такъ нельзя. Должите... Какъ же это такъ? я на обѣдъ...

— Позвольте, позвольте!..

— А ну, впрочемъ, это дѣло другое, если извинить просить; но однакъжь позвольте, Герасимычъ, какъ же это, Герасимычъ?

— Позвольте, позвольте! возразилъ Герасимычъ, весьма рѣшительно отстраняя рукой господина Голядкина, и давая широкую дорогу двумъ господамъ, которые въ это самое мгновеніе входили въ прихожую. Входившіе господа были Андрей Филипповичъ и племянникъ его, Владиміръ Семеновичъ. Оба они съ недоумѣніемъ посмотрѣли на господина Голядкина. Андрей Филипповичъ хотѣлъ было что-то заговорить, но господинъ Голядкинъ уже рѣшился; онъ уже выходилъ изъ прихожей Олсуфія Ивановича, спустивъ глаза, покраснѣвъ, улыбаясь, съ совершенно-потерянной смѣло-стіей. — Я найду послѣ, Герасимычъ; я объяснюсь; я думаю, что все это не замедлитъ своевременно объясниться, проговорилъ онъ на порогъ и отчасти на лѣстницѣ...

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ!., послышался голосъ послѣдовавшаго за господиномъ Голядкинымъ Андрея Филипповича.

Господинъ Голядкинъ подошелъ тогда уже на первой застѣвочной лестницѣ. Она быстро оборотилась къ Андрею Филипповичу.

— Что вамъ угодно, Андрей Филипповичъ? сказалъ онъ довольно-вѣжливымъ тономъ.

— Что это съ вами, Яковъ Петровичъ? Какимъ образомъ?..

— Ничего, Андрей Филипповичъ, я ничего. Я здѣсь самъ-по-себѣ. Это моя частная жизнь, Андрей Филипповичъ, это моя частная жизнь.

— Что такое-съ?

— Я говорю, Андрей Филипповичъ, что это моя частная жизнь, что здѣсь, сколько мнѣ кажется, ничего нельзя найти предвзвѣденнаго касательно официальныхъ отношеній моихъ.

— Какі! касательно официальныхъ... что?.. что съ вами, сударь, какое?

— Ничего, Андрей Филипповичъ, совершенно-ничего; держаясь точно, больше ничего...

— Что!.. что?! Андрей Филипповичъ почти потерялся отъ удивленія. Господинъ Голядкинъ, который доселѣ, разговаривая съ лѣстницы съ Андреемъ Филипповичемъ, смотрѣлъ такъ, что казалось, готовъ былъ ему прыгнуть прямо въ глаза, — видя, что замѣнитъ отдаленіе нашего смѣшался, сдѣлалъ, почти-необходимо себѣ, шагъ впередъ. Андрей Филипповичъ подался назадъ. Господинъ Голядкинъ переступилъ еще и еще ступеньку. Андрей Филипповичъ безпокойно осматрѣлся кругомъ. Господинъ Голядкинъ вдругъ быстро поднялся на лѣстницу. Еще быстрее прыгнулъ Андрей Филипповичъ въ комнату и захлопнулъ дверь за собою. Господинъ Голядкинъ остался одинъ. Въ глазахъ у него потемнѣло. Онъ обвелъ совсѣмъ и стоялъ теперь въ какомъ-то безтолковомъ изумленіи, какъ-будто припоминая о какомъ-то тоже крайне-безтолковомъ обстоятельстве, весьма-недавно случившемся. Эхъ, эхъ! прошепталъ онъ, улыбаясь съ натугой. Между-тѣмъ, на лѣстницѣ, слышались предвѣстныя голоса и шаги, вѣроятно новыхъ гостей, пришедшихъ Олсуфьевъ Ивановичемъ. Господинъ Голядкинъ отчасти опомнился, нескорѣе подымалъ повыше свой оконной портьякъ, прикрылся имъ по возможности, и сталъ, ковыляя, семеня, горюхась и спотыкаясь сходить съ лѣстницы. Чувствовалъ онъ въ себѣ какое-то ослабленіе и онемѣніе. Смущеніе его было въ такой сильной степени, что, вышедъ на крыльцо, онъ не подождать кареты своей, а самъ пошелъ прямо черезъ грязный дворъ до своего экипажа. Подойдя къ своему экипажу и приготовляясь въ немъ помѣститься, господинъ Голядкинъ мысленно обнаружилъ желаніе провалиться сквозь землю, или спрятаться хоть въ мышиную шельчку вмѣстѣ съ каретой своей. Ему казалось, что все,

что ни есть въ домъ Олсуфинъ Ивановича, вотъ такъ и смотритъ теперь на него изъ всѣхъ оконъ. Онъ знаетъ, что непременно тутъ же на мѣстѣ умирать, если обернется назадъ.

— Что ты смѣешься, болванъ? сказалъ онъ скороговоркой Петрушкѣ, который приготовился было его подсадить въ карету.

— Да что мнѣ смѣяться-то? я ничего; куда теперь вѣхать?

— Ступай домой, поѣзжай...

— Пошолъ домой! крикнулъ Петрушка, вмявшись на запятка.

— Экое горло воронье! подумалъ господинъ Голлядкинъ. Между тѣмъ, карета уже довольно-далеко отъѣхала за Измайловскій-Мостъ. Вдругъ герой нашъ изъ всей силы дернулъ шнурокъ и закрылъ своему кучеру немедленно воротиться назадъ. Кучеръ поворотилъ лошадей и черезъ двѣ минуты въѣхалъ опять во дворъ къ Олсуфину Ивановичу. — «Непужно, дуракъ, непужно; назадъ!» пререкчалъ господинъ Голлядкинъ — и кучеръ словно ожидалъ такого пререканія. Не возражая ни на что, не останавливаясь у подъѣзда и объѣхавъ кругомъ весь дворъ, выѣхалъ снова на улицу.

Домой господинъ Голлядкинъ не воѣхалъ, а миновалъ Сампсонскій-Мостъ, приказалъ поворотить въ одинъ переулокъ и остановиться волеѣ трактира, довольно скромной наружности. Вышелъ изъ кареты, герой нашъ расплатился съ заводщикомъ и такнѣ образомъ избавился наконецъ отъ своего экипажа. Петрушка приказалъ мати домой и ждать его возвращенія. Самъ же пошелъ въ трактиръ, взялъ особенный номеръ и приказалъ подать себѣ пообѣдать. Чувствовалъ онъ себя весьма-дурно, а голову свою въ полнѣйшемъ разбродѣ и въ хаосѣ. Долго ходилъ онъ въ волненіи по комнатамъ; наконецъ сѣлъ на стулъ, подперъ себѣ лобъ руками и началъ всеми силами стараться обсудить и разрешить кое-что относительно настоящаго своего положенія...

ГЛАВА IV.

Какой именно обедъ и какой именно балъ давались статскимъ советникомъ Берендеевымъ. Ничто о пользе черныхъ лѣстницъ. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ показываетъ, что знакомъ съ бывшимъ французскимъ министромъ Виллелемъ. Мнѣнiе господина Голядкина о иезуитахъ. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ, вспоминаясь иезуитами, достигаетъ наконецъ своей цѣли, какъ потомъ нищетъ средины и социальнаго своего положенiя и стремится снискать благорасположенiе иезуита. Какъ при семъ удобномъ случаѣ вспоминаетъ о безволосыхъ головахъ и о арабскихъ эмирахъ. Полька и заключенiе этой совершенно-правдоподобной главы.

День, торжественный день рожденiя Клары Олсуфьевны, единственной дочери статскаго советника Берендеева, въ это время благодѣлали господинъ Голядкинъ, — день, ознаменованный блестящими, великолѣпными зваными обѣдомъ, такимъ обѣдомъ, какъ дѣло не видали въ стѣнахъ чиновничьихъ квартиръ у Измайловскаго-Мѣста и около, — обѣдомъ, который походилъ болѣе на нѣчто шире вальтасаровскiй, чѣмъ на обѣдъ, — который отъ имени чѣмъ-то виллонскiй, въ-отношенiи блеска, роскоши и приличiя, съ шампанскимъ-кликко, съ устрицами и плодами Блоссю в Малютиныхъ-Давокъ, со всякими упитанными тельцами и чинною чаевою о рѣткахъ, — этотъ торжественный день, ознаменованный такимъ торжественнымъ обѣдомъ, заключился блестящими балами, семейнымъ, салоннымъ, рождественнымъ баломъ, но все-таки блестящимъ въ-отношенiи вкуса, образованности и приличiя. Конечно, я совершенно согласенъ, такiе балы бываютъ, но рѣдко, весьма-рѣдко бываютъ. Такiе балы, балы похвалы на семейныя радости, чѣмъ на балы, могутъ лишь даваться въ тихихъ домахъ, какъ, напримеръ, домъ статскаго советника Берендеева. Слажу болѣе: я даже сомнѣваюсь, чтобъ у всякаго статскаго советника могли даваться такiе балы. О, если бы я былъ поэтъ! — разумѣется, по-крайней-мѣрѣ такой, какъ Гомеръ или Пушкинъ; съ небольшимъ талантомъ советъ я не дамъ, — я бы, напримеръ, изобрелъ вамъ приличныя прасканы и широкую кистью, о шестахъ! всея этой истинно-торжественной дѣли. Ничто, я бы

началъ свою поэму объѣдомъ, и особенно бы налегъ на то поразительное и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное мгновеніе, когда поднялась первая заздравная чаша въ честь царицы праздника. Я изобразилъ бы вамъ, во-первыхъ, этихъ гостей, погруженныхъ въ благоговѣйное молчаніе и ожиданіе, болѣе похожее на демосеенское краснорѣчіе, чѣмъ на молчаніе. Я изобразилъ бы вамъ потомъ Андрея Филипповича, какъ старшаго изъ гостей, имѣющаго даже нѣкоторое право на первенство, украшеннаго съдѣнами и приличными съдѣннъ своей ордецами, вставшаго съ мѣста и подымающаго надъ головою заздравный бокалъ съ искрометнымъ виномъ, — виномъ нарочно привозимымъ изъ одного отдаленнаго королевства, чтобъ запивать имъ подобныя мгновенія, — виномъ болѣе похожимъ на божественный нектаръ, чѣмъ на вино. Я изобразилъ бы вамъ гостей и счастливыхъ родителей царицы праздника, подымающихъ тоже свои бокалы вслѣдъ за Андреемъ Филипповичемъ, и устремившихъ на него полныя ожиданія очи. Я изобразилъ бы вамъ, какъ этотъ часто-поминаемый Андрей Филипповичъ, уренивъ сначала слезу въ бокалъ, проговорилъ поздравленіе и пожеланіе, провозгласилъ тостъ и выпилъ за здравіе... Но, сознаюсь, не могъ изобразить, не могъ бы я изобразить всего торжества — той минуты, когда сама царица праздника, Клара Олсуфьевна, красивая, какъ весенняя роса, румяная, какъ блаженства и стыдливости, отъ восторга чувствъ унасла въ объятія матушки, какъ прослезилась женщина-мать, и какъ зарыдалъ при семъ случаѣ самъ отецъ, младшій старецъ и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, администраторъ употребленія погъ на долговременной службѣ и вознагражденный судьбою за такое усердіе капитальцемъ, домкомомъ, деревенцами и красавицей-дочерью, — зарыдалъ какъ ребенокъ и провозгласилъ оканчивая слезы, что его превосходительство благодѣтельный человекъ. Я бы не могъ, да, именно не могъ бы изобразить вамъ и неуловительно-послѣдовавшаго за сей минутой асообщаго удовлетворенія сердца, — увлеченія, даже вырвавшагося даже поведеніемъ одного юнаго регистратора (который въ это мгновеніе походилъ болѣе на охотскаго совѣтника, чѣмъ на регистратора), тоже прослезившагося, вникая Андрею Филипповичу. Въ свою очередь, Андрей Филипповичъ въ это торжественное мгновеніе вприсе не воздержалъ въ величаваго совѣтника и начальнаго отдѣленія въ одностороннемъ замѣчаніи, — итѣ, онъ казался чѣмъ-то другимъ... я не знаю точно, чѣмъ именно, но не коллежскимъ совѣтникомъ, итѣ! Онъ былъ выше! Наконецъ... о! для чего я не обладаю тайною слога высочайшаго, сильнаго, слога корикстваннаго, для изображенія нѣкихъ этихъ прекрасныхъ и наивнѣйшихъ моментовъ человеческой жизни, какъ будто нарочно устроеныя для славаательства, какъ ивотла

преступаетъ добродѣтель надъ неблагонамѣренностью, вольнодумствомъ, порокомъ и завистью! Я ничего не скажу, но молча, — что гдѣтъ лучше всякаго краснорѣчія, — укажу вамъ на этого счастливаго юношу; вступающаго въ свою двадцать-шестую весну, — на ладыря Семеновича, племянника Андрея Филипповича, который такъ въ свою очередь съ мѣста, который провозглашаетъ въ свою очередь тосты, и на котораго устремлены слезящіеся очи родителей царицы праздника, гордые очи Андрея Филипповича, стыдливыя очи самой царицы праздника, восторженные очи гостей и же прилично-завистливыя очи въкоторыхъ молодыхъ сослуживцевъ этого блестящаго юноши. Я не скажу ничего, хотя не могу не думать, что все въ этомъ юношѣ, — который болѣе похожъ на царя, чѣмъ на юношу, говоря въ выгодномъ для него отношеніи, — все, начиная съ дѣтскихъ лавитъ до самого ассессорскаго, а не въ лежавшаго чина, все это въ сію торжественную минуту только-что не проговаривало, что де-скасть де такой-то высокой степени неждеть благопріятіе довести человека! Я не буду описывать, какъ, наконецъ, Антонъ Антоновичъ Свточкинъ, столоначальникъ одного департамента, сослуживецъ Андрея Филипповича и иногда Олсуфій Ивановича, вмѣстѣ съ тѣмъ старинный другъ деда и крестный отецъ Клары Олсуфьевны, — старичокъ какъ лунь блѣдный, въ свою очередь предлагая тостъ, пропѣлъ шуткомъ и риторично веселыя стихи; какъ онъ такимъ приличнымъ забавляетъ приличія, если можно такъ выразиться, рабѣвшій въ своемъ обществѣ, и какъ сама Клара Олсуфьевна за такую веселость и любезность подаловала его, по приказанію родителей. Скажу только, что, наконецъ, гости, которые послѣ такого обѣда, естественно, должны были чувствовать себя другъ другу родными братьями, встали наконецъ изъ-за стола; какъ тотъ-же старичокъ пошелъ соглядать, послѣ недолгаго времени, употребленнаго на дружескій разговоръ и даже на кое-какія, разумеется, весьма-приличные и любезныя откровенности, чинно пропѣлъ въ другую комнату, не теряя золотого времени, раздѣлившись на партіи, съ чувствомъ собственнаго достоинства сѣли за столы, обтиснутые зелеными сукномъ; какъ дамы, усѣвшись въ гостиной, стали вдругъ въ необыкновенно-любезны и начали разговаривать о разныхъ предметахъ; какъ, наконецъ, самъ высоко-уважаемый хозяинъ дома, принявшій употребленія ногъ на службѣ върою и правлюю и наказанный за это зѣмь, чѣмъ выше упомянуто было, сталъ раскаиваться на костыляхъ между гостями своими, поддерживаемый племянникомъ Семеновичемъ и Klarой Олсуфьевной, и какъ, вдругъ вспыхнулъ тоже необыкновенно-любезнымъ, ршился и произнесъ шалунскій скромный балъ, не смотря на издержки; какъ

для сей цели командировать былъ одинъ расторопный юноша (тот самый, который за обѣдомъ болѣе похожъ былъ на статскаго советника, чѣмъ на юношу) за музыкантами; какъ потомъ пробыли музыканты въ числѣ цѣлыхъ одиннадцати штукъ, и какъ, наконецъ, ровно въ половинѣ девятаго раздались пріятныя звуки французской кадрили и прочихъ различныхъ танцевъ... Нѣчего ужъ и говорить, что перо мое слабо, вяло и тупо для пріятнаго изображенія бала, импровизированнаго необыкновенною любезности еядовласаго хозяина. Да и какъ, спрошу я, какъ могу я, скромный новѣствователь весна, впрочемъ, любопытныхъ въ своемъ родѣ приключеній господина Голядкина, — какъ могу я изобразить эту необыкновенную и благопристойную смесь красоты, блеска, пріличія, веселости, любезной солидности и солидной любезности, рывости, радости, все эти игры и смѣхи всѣхъ этихъ чиновныхъ дамъ, болѣе похожихъ на фей, чѣмъ на дамъ, — говоря въ выгодамъ для нихъ отношеній, — съ ихъ лилейно-розовыми плечами и личиками, съ ихъ воздушными станами, съ ихъ рямными, гомеопатическими, говоря высокими слогами, юнками? Какъ изображу я вамъ, наконецъ, этихъ блестящихъ чиновныхъ кавалеровъ, веселыхъ и солидныхъ, юношей и степенныхъ радостныхъ и пріятно-туманныхъ, курящихъ въ антрактахъ между танцами, въ маленькой отдаленной зеленой комнатѣ, трубку пакующихъ въ антрактахъ трубки, — кавалеровъ, итѣшавшихъ на себя, отъ перваго до послѣдняго, пріятный чинъ и фамилию, — кавалеровъ, глубоко-проникнутыхъ чувствомъ изящнаго и чувствомъ собственнаго достоинства; кавалеровъ, говорящихъ болѣею частью на французскомъ языкѣ съ дамами, а если на русскомъ, то выраженіями самаго высокаго тона, комплиментами и глубокими фразами, — кавалеровъ, развѣ только въ трубочной позволявшихъ себѣ некоторыя любезныя отступленія отъ языка высшаго тона, нѣкоторыя фразы дружеской и любезной короткости, въ родѣ такитъ на-примѣръ: «что де-сказать ты такой-сякой Петька славно полкъ отдалывалъ», или: «что де-сказать ты такой-сякой Вася пршав дорилъ-таки свою дамочку какъ хотѣлъ». На все это, какъ ужъ видно видѣлъ я честь объяснить вамъ, о читатели! не достаетъ ира моего, я потому я молчу. Обратится лучше къ господину Голядкину, единственному, истинному герою весьма-правдивой повѣсти нашей.

Дело въ томъ, что онъ находится теперь въ весьма-странномъ чтобъ не сказать болѣе, положеніи. Онъ, господа, тоже мѣся, е. не на балѣ, но почти-что на балѣ; онъ, господа, ничего; онъ хотя и самъ-по-себѣ, но въ эту минуту стоять на дорогѣ не съсидитъ-то правдой; стоишь онъ теперь — даже стренно сказать — ст

тъ онъ теперь въ снѣгахъ, на черной лѣстницѣ квартиры Олсуфа Лавочкича. Но это ничего, что онъ тутъ стоитъ; онъ танъ-себя. Дѣл, господа, стоитъ въ уголку, забывшись въ мѣстечко хоть не ютеялье, но зато потемнѣе, закрывшись отчасти огромнымъ шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ дрягомъ, хламомъ и ухлядью; открывался до времени, и покамѣстъ только наблюдая и ходитъ общаго дѣла въ качествѣ посторонняго зрителя. Онъ, господа, только наблюдаетъ теперь; онъ, господа, тоже вѣдь можетъ войти... почему же не войти? Стоитъ только шагнуть, и пойдетъ, и весьма-ловко войдетъ. Сейчасъ только,—выставая, впрочемъ, уже третій часъ на холодѣ, между шкафомъ и ширмами, между всякимъ хламомъ, дрягомъ и рухлядью,—цитовалъ онъ, въ общественное оправданіе свое, одну фразу блаженной памяти французскаго министра Виллеля, что «все де-скасть прійдетъ своимъ временемъ, если выждать есть смѣтка». Фразу эту вычиталъ господинъ Голлякинъ когда-то изъ какой-то книжки, изъ совершенно-посторонней, впрочемъ, книжки, но теперь весьма-кстати привелъ ее себѣ на память. Фраза, во-первыхъ, очень-хорошо шла къ настоящему его положенію, а во-вторыхъ, чего же не прійдетъ въ голову человеку, выжидающему съчастливой развязки обстоятельствъ своихъ почти битые три часа въ снѣгахъ, въ темнотѣ и на холодѣ? Цитовалъ, какъ уже сказано было, весьма-кстати фразу бывшаго французскаго министра Виллеля, господинъ Голлякинъ тутъ же, неизвѣстно только почему, припомнилъ и о бывшемъ турецкомъ визирѣ Марцинирискѣ, равно-какъ и о прекрасной маркграфинѣ Луизѣ, исторію которыхъ читалъ онъ тоже когда-то въ книжкѣ. Потомъ пришло ему на память, что іезуиты поставили даже правиломъ своимъ считать всѣ средства годящимися, лишь-бы цѣль могла быть достигнута. Обнадеживъ себя немного подобнымъ историческимъ нумитомъ, господинъ Голлякинъ сказалъ самъ-себѣ, что дескать что іезуиты? Іезуиты всѣ до одного были величайшіе дураки, что онъ самъ ихъ всѣхъ заткнетъ за поясъ, что вотъ только бы хоть на минуту опустѣла буфетная (та комната, которой двери выходила прямо въ снѣгъ, на черную лѣстницу, а гдѣ господинъ Голлякинъ находится теперь), такъ онъ, не смотря на всѣхъ іезуитовъ, возьметъ да прямо и пройдетъ сначала изъ буфетной въ чайную, потомъ въ ту комнату, гдѣ теперь въ карты играютъ, а тамъ прямо въ залу, гдѣ теперь польку танцуютъ. И пройдетъ, напрямки пройдетъ, ни на что не смотря пройдетъ, проскользнетъ да и только, и никто не замѣтитъ; а тамъ ужъ онъ самъ знаетъ, что ему дѣлать. Вотъ въ такомъ-те положеніи, господа, находится мы теперь героя совершенно-правдивой исторіи нашей, хотя, впрочемъ, трудно объяснить, что именно дѣлалось съ нимъ въ

настоящее время. Далеко-то въ томъ, что онъ до самой и до лѣ
 щины добраться умѣлъ, но той причинѣ, что до-скать повину
 не добраться, что все добираются; но дабы проникнуть не смѣ
 дво этого сдѣлать не смѣлъ... не потому, чтобъ чего-нибудь
 смѣлъ, а такъ, потому-что самъ не хотѣлъ, потому-что ему лут
 хотѣлось бы въ-тихомолочку. Вотъ онъ, господа, и выжидалъ
 теперь тихомолочекъ и выжидаетъ ее ровно два часа съ половино
 Отъ-чего жь и не выждать? И самъ Видзель выжидалъ. «Да
 тутъ Видзель!» думаетъ господинъ Голядкинъ: «какой тутъ Ви
 дель? А вотъ, какъ бы мнѣ теперь, того... и проникнуть, эти
 вать да и проникнуть?.. Эхъ ты, фигурантъ ты этакой!» сказа
 господинъ Голядкинъ, ушпинувъ себя окончившаго рукою за о
 ченьщую шеку: «дурашка ты этакой, Голядка ты этакой —
 милія твоя такава!»... Впрочемъ, это ласкательство собственной о
 бь своей въ настоящую минуту было лишь такъ-себъ, мимоходомъ
 безъ всякой видимой цѣли. Вотъ-было онъ сунулся и подался въ
 вель; минута настала; буфетная опустела и въ ней нѣтъ нико
 господинъ Голядкинъ видѣлъ все это въ окошко; въ два шага о
 тислся онъ у двери и уже сталъ отворять ее. «Идуи, или нѣтъ? И
 вати, или нѣтъ? Пойду... отъ-чего жь не пойти? Сильному доро
 вать!» Обнадеживъ себя такимъ-образомъ, герой нашъ вдругъ
 совсѣмъ-неожиданно ретировался за ширмы. «Нѣтъ» думаетъ онъ
 за ду какъ войдетъ кто-нибудь, а ну какъ войдетъ? Такъ и ест
 вонди; чего жь я звалъ, когда народу-то не было? Этакъ о
 вять да и проникнуть... да и проникнуть! Нѣтъ, ужь что пр
 икнутъ, когда характеръ у человека такой! Эка вѣдь теменн
 редкая! Струсилъ, какъ курица. Струсить-то наше дѣло, вотъ о
 то! Нагадить-то всегда наше дѣло; объ этомъ вы вѣстъ и не спр
 ивайтесь. Вотъ и стой здѣсь, теперь какъ чурбанъ, да и только
 Дома бы такъ теперь выпать зашепку... право, выпать бы зашепку
 Оно бы и пріятно этакъ было дышать бы зашепку. После прій
 ти, такъ Петрушка будетъ, пожалуй, ворона. Не пойти ли а
 мой? Чертъ бы взялъ все это! Иду да, в только!» Разрешитъ т
 кимъ-образомъ свое положеніе, господинъ Голядкинъ быстро по
 дается впередъ, словно дружину какую: кто требовалъ въ нѣтъ: о
 двухъ шаговъ очутился въ буфетной, сбросилъ шинель, снялъ сво
 шлану, приспавши сунуль это все въ уголокъ, справился и огла
 дваясь, потопъ... потопъ двинулся въ чайную, изъ чайной вернул
 еще въ другую комнату, скользнулъ, почти незамѣтно между
 предвѣднн къ азарту игрокамъ; потопъ... потопъ... тутъ господинъ
 Голядкинъ позабылъ все, что докрузъ него дѣлается, и дался
 какъ слѣтъ на полору, являсь въ танцовальную залу...
 Какъ нарочно къ это время не танцовать. Дамы гуляютъ по за

— Эти два стула, паруютъ, назначены одинъ для Клары Олсуфьевны, а другой для танцующей здесь же княжны Човичихиной; а ихъ, поручикъ, теперь для нихъ берегу, задыхаясь проговорилъ господинъ Голядкинъ, обращая умоляющій взоръ на господина поручика. Поручикъ молча и съ убійственной улыбкой отводился. Осѣкшись въ одномъ мѣстѣ, герой нашъ попробовало попытать счастье гдѣ-нибудь съ другой стороны, и обратился прямо къ одному важному совѣтнику, съ значительнымъ крепкомъ на шеѣ. Но совѣтникъ обмывалъ его такимъ холоднымъ взглядомъ, что господинъ Голядкинъ ясно почувствовалъ, что его друтъ окатили цѣлымъ ушатомъ холодной воды. Господинъ Голядкинъ затихъ. Онъ рѣшился лучше смолчать, не заговаривать, помысливъ, что онъ такъ-себѣ, что онъ тоже такъ, какъ и всѣ, и что положеніе его, сколько ему нажется по-крайней-мѣрѣ, тоже приличное. Съ этою целью онъ приковалъ свой взглядъ къ обшлагамъ моего вид-мундира, потомъ поднялъ глаза и остановилъ ихъ на животъ весьма-почтенной наружности господинъ. — На этомъ господинъ парикъ, подумалъ господинъ Голядкинъ: — а если снять тотъ парикъ, такъ будетъ голая голова, точь-въ-точь какъ ладонь на глади. — Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ вспомнилъ и о арабскихъ эмирахъ, у которыхъ если снять съ головы зеленую чалму, которую они носятъ въ знакъ родства своего пророкомъ Мухаммедомъ, то останется тоже голая, безволосая голова. Потомъ, и, вѣроятно, по особенному столкновению идей относительно Турковъ въ головѣ своей, господинъ Голядкинъ дошелъ и до туфель турецкихъ, и тутъ же кстати вспомнилъ, что мундиръ Фидлинъ носитъ сапоги, похожіе больше на туфли, чѣмъ на сапоги. Замѣтно было, что господинъ Голядкинъ отчасти освободился съ своимъ положеніемъ. — Вотъ, еслибъ эта люстра, мелькнуло въ головѣ господина Голядкина: — вотъ, еслибъ эта люстра свалилась теперь съ мѣста и упала на общество, то я бы тотчасъ просился спастись Клару Олсуфьевну. Спасени ея, скажалъ бы офицеръ: не беспокойтесь, сударыня; это ничего-съ, а спаситель вашъ я. Истинно... Тутъ господинъ Голядкинъ повернулъ глаза въ сторону, взглянувъ на Клару Олсуфьевну, и увидѣлъ Герасимыча, стараго камердинера Олсуфа Ивановича. Герасимычъ съ самымъ заботливымъ, съ самымъ официально-торжественнымъ видомъ приблизился прямо къ нему. Господинъ Голядкинъ надругнулъ и намерился отъ какого-то безотчетнаго и вѣдствѣ съ тѣмъ самымъ неприятнаго ощущенія. Минимально осмотрѣлся кругомъ: ему пришло-было на мысль, какъ-нибудь, этакъ подъ-рукой, бочкомъ, такшомоду улизнуть отъ графа, этакъ вѣсть да и стучивался, и с. сдѣлать такъ, какъ-будто-бы онъ ни въ одномъ глазу; кантъ

будте бы во все не съ немъ было дѣло. Однако, прежде, ты нашъ герой успѣлъ рываться на что-нибудь, Герасимычъ уж отойдъ впередъ немъ;

— Видите ли, Герасимычъ, сказалъ нашъ герой, съ улыбкою обращаясь къ Герасимычу:— вы, знаете ли? вы возьмите да и прикажите, — вотъ видите, свѣчка тамъ въ канделябрѣ, Герасимычъ она сейчасъ упадетъ: такъ вы, знаете ли, прикажите поправить ее она, право, сейчасъ упадетъ, Герасимычъ...

— Свѣчка-съ? нѣтъ-съ; свѣчка прямо стоитъ-съ; а вотъ что-то тамъ спрашиваетъ-съ.

— Кто же это тамъ меня спрашиваетъ, Герасимычъ?

— А ужъ право не знаю-съ, кто именно-съ. Человѣкъ отъ нихъ-то-съ. Здѣсь, дескать, находится Яковъ Петровичъ Голядкинъ. Такъ вызовите, говорить, его по весьма-нужному и снѣжному дѣлу... вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Герасимычъ, вы ошибаетесь; въ этомъ вы, Герасимычъ, ошибаетесь.

— Сумнительно-съ...

— Нѣтъ, Герасимычъ, не сумнительно; тутъ, Герасимычъ, ничего нѣтъ сумнительнаго. Никто меня не спрашиваетъ, Герасимычъ меня некому спрашивать, а я здѣсь у себя, т. е. на своемъ мѣстѣ, Герасимычъ.

Господинъ Голядкинъ перевелъ духъ и осмотрѣлся кругомъ. Тамъ и оста! Все, что ни было въ залѣ, все такъ и устремлено на него взоромъ и слухомъ въ какомъ-то торжественномъ ожиданіи! Мужчины толпились поближе и прилушничались. Подальше тревожно перешептывались дамы. Самъ хозяинъ явился въ весьма недалекомъ разстояніи отъ господина Голядкина, и хотя не видно было замѣтить, что онъ тоже, въ свою очередь, принимаетъ прямое и непосредственное участіе въ обстоятельствахъ господина Голядкина, потому-что все это дѣлалось на деликатномъ ногу, но тѣмъ не менѣе все это дало ясно почувствовать герою новѣсти нашей, что минута для него настала рывительная. Господинъ Голядкинъ ясно видѣлъ, что настало время удара снѣлаго времени посрамленія враговъ его. Господинъ Голядкинъ былъ въ волненіи. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ какое-то вдохновеніе и дрожащимъ, торжественнымъ голосомъ началъ свой, обращаясь къ ожидавшему Герасимычу:

— Нѣтъ, мой другъ, меня никто не зоветъ. Ты ошибаешься. Снаму болѣе, ты ошибался и утроишь сегодня, убѣряя меня... ослѣдствіемъ убѣряя меня, говорю я (господинъ Голядкинъ возвысилъ голосъ), что Олсуфій Ивановичъ, благодѣтель мой съ незапамятныхъ лѣтъ, забывшиишъ мнѣ въ некоторомъ смыслѣ отца, такъ-

ить для меня дверь свою въ минуту семейной и торжественной радости для его сердца родительскаго. (Господинъ Голядкинъ подалъ, но съ глубокимъ чувствомъ осматривался кругомъ. На кличъ его намернулись слезы.) Повторяю, мой другъ, заключишь самъ герой: — ты ошибался, ты жестоко, непростительно ошибался...

Минута была торжественная. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что моментъ былъ взрывчивый. Господинъ Голядкинъ стоялъ, скромно потупивъ глаза и ожидая объятій Олсуфия Ивановича. Въ голыхъ шпильно было волнение и недоумьнiе; даже самъ непоколебимый и ужасный Герасимычъ заикнулся на словъ «сумнительно... какъ вдругъ безопадный оркестръ, ни съ того ни съ сего, началъ пляску. Все! пропало; все на вѣтеръ пошло. Господинъ младинокъ вздрогнулъ; Герасимычъ отшатнулся назадъ, все, что было въ залъ, заволновалось какъ море, и Владимиръ Семеновъ уже неся въ первой паръ съ Кларой Олсуфьевной, а красивый парочникъ съ княжной Чевчехановой. Зрители съ любопытствомъ и восторгомъ тѣснились взглянуть на танцующихъ польку танецъ интересный, новый, модный, кружившій всѣмъ головы. Господинъ Голядкинъ былъ на время забыть. Но вдругъ все замедлялось, зашамало, засуетилось; музыка умолкла... случилось какое-то происшествiе. Утомленная танцемъ, Клара Олсуфьевна, на переводя духъ отъ усталости, съ пылающими щеками и глубоко-волнующею грудью упала наконецъ въ изнеможенiи силъ въ кресла. Всѣ сердца устремились къ прелестной очаровательницѣ, всѣ спыли наперерывъ приветствовать ее и благодарить за данное удовольствiе, — вдругъ чередъ нею очутился господинъ младинокъ. Господинъ Голядкинъ былъ блѣденъ, крайне разстроены; казалось, онъ тоже былъ въ какомъ-то изнеможенiи, онъ на двгался. Онъ отъ-чего-то улыбался, онъ просительно протягивалъ руку. Клара Олсуфьевна, въ изумленiи, не успѣла отпустить руки своей и машинально встала на приглашенiе господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ покачнулся впередъ, сперва шагъ, потомъ другой, потомъ поднялъ ножку, потомъ что-то прищаркнулъ, потомъ какъ-то притоннулъ, потомъ сползнулъ... Клара Олсуфьевна вскрикнула; всѣ бросились освобождать ее руку изъ руки господина Голядкина, и разомъ герой былъ отнесенъ толпою едва-ли не на десять шаговъ раздала. Вокругъ него сгруппировался тоже кружокъ. Послышался шумъ и крикъ двухъ старухъ, которыхъ господинъ Голядкинъ на изъ опрокинулъ въ ретирадъ. Смятенiе было ужасное; все шло, все шло, все шло, все разсуждало. Оркестръ умолкъ. Герой самъ перешелъ въ кружокъ своимъ и машинально, отчасти

улыбаясь, что-то барыталъ про себя, что «де-сказать отъ чего и и дѣтъ, и что, де-сказать, полька, сколько ему по-крайней-мѣрѣ кажется, тачецъ новый, и весьма-интересный, созданный для употребленія дамъ... Но что если такъ дѣло пошло, то онъ, пожалуй, готовъ согласиться». Но согласія господина Голлякина, кажется, и кто и не спрашивалъ. Герой нашъ почувствовалъ, что чья-то рука упала на его руку, что другая рука немного опала на спину его, что его съ какого-то особенною заботливостію направляютъ въ какую-то сторону. Наконецъ онъ замѣтилъ, что идетъ прямо къ дверямъ. Господинъ Голлякинъ хотѣлъ-было что-то сказать, что-то сдѣлать... Но нѣтъ, онъ уже ничего не хотѣлъ. Онъ только машинально отсмѣивался. Наконецъ онъ почувствовалъ, что на него надвѣваютъ шпатель, что ему нахлобучиваютъ на голову шляпу; что — наконецъ онъ почувствовалъ себя въ сумракѣ, въ темнотѣ и на холодѣ, наконецъ и на лѣстницѣ. Наконецъ онъ споткнулся, ему казалось, что онъ падаетъ въ бездну; онъ хотѣлъ-было вскрикнуть — и вдругъ очутился на дворѣ. Свѣжій воздухъ пахнулъ на него, онъ на минутку приостановился; въ самое это мгновеніе до него долетѣли звуки вновь-гравированнаго оркестра. Господинъ Голлякинъ вдругъ вспомнилъ все; казалось, и опавшія силы его возвратились къ нему опять. Онъ сорвался съ мѣста, на которомъ доселѣ стоялъ какъ прикованный, и стремглавъ бросился вонъ, куда-нибудь, на воздухъ, на волю, куда глаза глядятъ...

ГЛАВА V.

СОВЕРШЕННО-ЯКОВЪЯСНИМОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

На всѣхъ петербургскихъ башняхъ, показывающихъ и бывшихъ часы, пробило ровно полночь, когда господинъ Голлякинъ и себя выбѣжалъ на набережную Фонтанки, ближе самаго Исааковскаго-Моста, спасаясь отъ враговъ, отъ преслѣдованій, отъ гонимыхъ щелчковъ, на него занесенныхъ, отъ крика встревоженныхъ старухъ, отъ оханья и аханья женщинъ и отъ убійственныхъ взглядовъ Андрея Филипповича. Господинъ Голлякинъ былъ убитъ — убитъ вполнѣ, въ полномъ смыслѣ слова, и если сохранивъ на настоящую минуту способность бѣжать, то единственно по какому-то чуду, по чуду, которому онъ самъ, наконецъ, вѣрить не казывается. Ночь была ужасная, ноябрьская, — морная, туманная, дождливая, свѣжливая, чреватая флюсами, историческая, дикородная.

ица, шапки, горячки всѣхъ возможныхъ родовъ и сортовъ, слытъ слышать, всѣми дарами петербургскаго ноября. Вътеръ былъ въ опустѣлыхъ улицахъ, вздымая выше колецъ черную во-
ду Фонтанки, и задорно потрогивая тощія фонари набережной, которые въ свою очередь вторяли его завываніямъ тоненькимъ, проницательнымъ скрипомъ, что составляло безконечный, пискля-
вый, дребезжащій концертъ, весьма-знакомый каждому петер-
бургскому жителю. Шелъ дождь и снѣгъ разомъ. Прорываемыи
струи струи дождевой воды прыскали чуть-чуть не горизон-
тально, словно изъ пожарной трубы, и кололи и сбкли лицо не-
маловаго господина Голядкина, какъ тысячи булавокъ и шпилекъ.
Былъ вечнаго безмолвія, прерываемата лишь отдаленнымъ гу-
ломъ каретъ, водемъ вътра и скрипомъ фонарей, уныло слышались
шумъ и журчаніе воды, стекавшей со всѣхъ крышъ, крылецъ,
выбсовъ и карнизовъ на гранитный помостъ троттуара. Ни души
и было ни вблизи, ни вдали, да казалось, что и быть не могло
въ такую пору и въ такую погоду. И такъ, одинъ только госпо-
динъ Голядкинъ, одинъ съ своимъ отчаяніемъ, трусилъ въ это
времъ по троттуару Фонтанки своимъ обыкновеннымъ мелкимъ и
чистымъ шагкомъ, спѣша добѣжать какъ-можно-скорѣе въ свою
Катковскую-Улицу, въ свой четвертый этажъ, къ себѣ на
квартиру.

Тотъ снѣгъ, дождь и все то, чему даже и имени не бываетъ, когда
выиграется вьюга и хмара подъ петербургскимъ ноябрьскимъ небомъ,
рушилъ, вдругъ атаковали и безъ того убитаго несчастіями господина
Голядкина, не давая ему ни малѣйшей пощады и отдыха, прони-
кали его до костей, заляпывая глаза, продувая со всѣхъ сторонъ,
били съ вуты и съ послѣдняго толка, хотъ все это разомъ опро-
кинулось на господина Голядкина, какъ-бы нарочно сообщась и
соемась со всѣми врагами его отработать ему денекъ, вечерокъ
и часу на славу,—не смотря на все это, господинъ Голядкинъ
былъ вѣчно нечувствителенъ къ этому послѣднему доказатель-
ству гонимой судьбы: такъ сильно потрясло и поразило его все
происшедшее съ нимъ, нѣсколько минутъ назадъ, у господина стат-
скаго совѣтника Берендѣева! Еслибъ теперъ посторонній, неинте-
ресный какой-нибудь наблюдатель, взглянулъ бы такъ-себѣ,
въ бѣгу, на тоскливую побѣжку господина Голядкина, то и тотъ
былъ бы проникнулся всѣмъ страшнымъ ужасомъ его бѣдствій,
и вѣроятно сказалъ бы, что господинъ Голядкинъ глядитъ те-
перь такъ, какъ-будто самъ отъ себя куда-то спрятаться хочеть,
и какъ-будто самъ отъ себя убѣжать куда-нибудь хочеть. Да! оно
было действительно такъ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ
и также желалъ теперъ убѣжать отъ себя самого, но даже совсѣмъ

уничтожиться, не быть, въ врахъ обрѣтаться. Въ настоящихъ минуты, онъ не внималъ ничему окружающему, не понималъ ничего, что вокругъ него дѣлается, и смотрѣлъ такъ, какъ-будто-бы для него не существовало на-самомъ-дѣлѣ ни неприятностей недавней ночи, ни долгаго пути, ни дождя, ни сыга, ни вѣтра, ни всякой крутой непогоды. Калоша, отставшая отъ сапога съ правой ноги господина Голядкина, тутъ же и осталась въ грязи и сыгу, на троттуарѣ Фонтанки, а господинъ Голядкинъ и не подумалъ вернуться за нею, и не примѣтилъ пропажи ея. Онъ былъ такъ ослѣпленъ, что нѣсколько разъ, вдругъ, не смотря ни на что окружающее, проникнутый вполне идеей своего недавняго, страшнаго паденія, останавливался неподвижно, какъ столбъ, посреди троттуара; въ это мгновеніе, онъ умиралъ, исчезалъ; потомъ вдругъ срывался какъ бѣшеный съ мѣста и бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки, какъ-будто спасаясь отъ чьей-то, пегоми, отъ какого-то еще болѣе ужаснаго бѣдствія... Дѣйствительно, положеніе было ужасное!.. Наконецъ, въ истощеніи силъ, господинъ Голядкинъ остановился, оперся на перила набережной въ положеніи челоука, у котораго вдругъ совсѣмъ-неожиданно потекла носомъ кровь, и пристально сталъ смотрѣть на мутную, черную воду Фонтанки. Незавѣстно, сколько именно времени проведено было имъ въ этомъ занятіи. Извѣстно только, что въ это мгновеніе господинъ Голядкинъ дошелъ до такого отчаянія, такъ былъ истерзанъ, такъ былъ измученъ, до того изнемогъ и опалъ и безъ того уже слабыми остатками духа, что позабылъ обо всемъ, и объ Измайловскомъ-Мостѣ и о Шестилавочной-Улицѣ, и о настоящемъ своемъ... Что же на-самомъ-дѣлѣ? вѣдь ему было все равно? дѣло ядъ-азно, конечно рѣшеніе скрѣплено и подписано; что жъ ему?.. Вдругъ... вдругъ онъ вдрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно отскочилъ шага на двѣ къ сторону. Съ невъяснимымъ безпокойствомъ началъ онъ озираться кругомъ; но никого не было, ничего не случилось особеннаго, — а между-тѣмъ... между-тѣмъ ему показалось, что кто-то сей часъ, сію минуту, стоялъ здѣсь, около него, рядомъ съ нимъ, то же облокотясь на перила набережной, и—чудное дѣло!—даже что то сказалъ ему, что-то скоро сказалъ, отрывисто, не совсѣмъ-понятно, но о чемъ-то весьма къ нему близкомъ, до него относившемся. «Что жъ, это мнѣ почудилось, что ли?» сказалъ господинъ Голядкинъ, еще разъ озираясь кругомъ. — «Да я-то гдѣ же стою?.. Эхъ, эхъ!» заключилъ онъ, покачавъ головою, а между-тѣмъ съ безпокойнымъ, тоскливымъ чувствомъ, даже со страхомъ сталъ вглядываться въ мутную, влажную даль, наирадая всѣми силами зрѣніе и всѣми силами стараясь прозрѣть близорукимъ взоромъ своимъ мокрую средину, передъ нимъ разстланнуюся. Однакожъ

ничего не было нового, ничего особеннаго на бросилось въ глаза господину Голядкину. Казалось, все было въ порядкъ, какъ слѣдуетъ, т. е. снѣгъ валилъ еще сильнѣе, крупнѣе и гуще; на разстояніи двадцати шаговъ не было видно ни эги; фонари скрипѣли ии произвѣстельнѣе пражидго, и вѣтеръ, казалось, еще плачевнѣе, еще жалостливѣе затягивалъ тоскаливую пѣсню свою, словно неотзывный вѣщій, вымаливавшій мѣднаго гроша на свое процѣпаніе. «Экъ, ахъ! да что жь это со мною такое?» повторилъ опять господинъ Голядкинъ, пускаясь снова въ дорогу и все слегка озираясь кругомъ. А между-тѣмъ, какое-то новое ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина: тоска не тоска, страхъ и страхъ... лихорадочный трепеть пробѣжалъ по жиламъ его. Минута была невыносимо-непріятная! «Ну, ничего», проговорилъ онъ, чтобъ себя ободрить: «ну, ничего; можетъ-быть, это и совсѣмъ ничего в чести ничьей не мараешь. Можетъ-быть, оно такъ и надобно было», продолжалъ онъ, самъ не понимая, что говорить: «можетъ-быть, все это въ свое время устроится къ лучшему, и претендовать будетъ не на что и всѣхъ оправдаетъ.» Такимъ-образомъ гетра, и словами себя облегчая, господинъ Голядкинъ отряхнулся отъ всего, страхнулъ съ себя снѣжные хлопья, навалившіе густою прою ему на шляпу, на воротникъ, на шинель, на галетухъ, на пальто и на все, — не страннаго чувства, странной темной тоски или все еще не могъ оттолкнуть отъ себя, сбросить съ себя. Гдѣ-то далеко раздался пушечный выстрѣлъ. «Эка погодка», подумалъ герой нашъ: «чу! не будетъ ли наводненія? видно вода подымается слѣшкомъ-сильно.» Только-что сказалъ или подумалъ это господинъ Голядкинъ, какъ увидѣлъ впереди себя идущаго ему и шурлу прохожаго, тоже, вѣроятно, какъ и онъ, по какому-нибудь тамъ случаю заозадалаго. Дѣло бы, кажется, пустое, случившееся не менѣе-вѣстно почему господинъ Голядкинъ смутился и даже струсилъ, потерялся немного. Не то, чтобъ онъ боялся вѣнчато-человѣка, а такъ, можетъ-быть... да и кто его знаетъ, это по какой-то, промелькнуло въ головѣ господина Голядкина, можетъ-быть, и онъ то же самое, можетъ быть онъ-то тутъ и самое главное дѣло, и не даромъ идетъ, а съ цѣлью идетъ, дорогу мою прокладать и меня задѣваетъ. Можетъ-быть, впрочемъ, господинъ Голядкинъ и не подумалъ именно этого, а такъ только ощутилъ инстинктивно что-то подобное и весьма-непріятное. Думать-то и смущаться, впрочемъ, иногда было; прохожій уже былъ въ двухъ шагахъ. Господинъ Голядкинъ тотчасъ, по всегдашнему обыкновенію своему, началъ думать, что онъ, Голядкинъ, самъ-по-себѣ, что онъ ничего, что дорога для всѣхъ довольно-широкая, и что вѣдь онъ Голядъ

кинъ, самъ никого не затрагиваетъ. Вдругъ онъ остановился какъ вкопанный, какъ-будто молніей пораженный, и быстро потомъ обернулся назадъ вслѣдъ прохожему, едва только его инстинкту, — обернулся съ такимъ видомъ, какъ-будто что его дернуло съ дѣ, какъ-будто вѣтеръ повернулъ его флюгеръ. Прохожій быстро исчезалъ въ снѣжной мятельцѣ. Онъ тоже шелъ торопливо, тоже какъ и господинъ Голядкинъ, былъ одѣтъ и укутанъ съ голою до ногъ, и такъ же какъ и онъ дробилъ и сбѣгивалъ по троттуаруFootnote: [Footnote: троттуаръ] танки частымъ, мелкимъ шажкомъ, немного съ притрусочкой. «Что это?» шепталъ господинъ Голядкинъ, недоверчиво улыбаясь, но однакожь дрогнувъ всѣмъ тѣломъ. Морозомъ подернуло у него спинѣ. Между-тѣмъ, прохожій исчезъ совершенно, не стало уже слышно и шаговъ его, а господинъ Голядкинъ все еще стоялъ и глядѣлъ ему въ слѣдъ. Однакожь, наконецъ, онъ мало-по-малу очинился. «Да что жь это такое», подумалъ онъ съ досадою: «что жь это я, сума что ли, въ-самомъ-дѣлѣ, ешеелъ?» обернулся и пошелъ своею дорогою, ускоряя и частя болѣе и болѣе шаги, и старался ужь лучше все ни о чемъ не думать. Даже и глаза наконецъ закрылъ съ сою цѣлюю. Вдругъ, сквозь завыванія вѣтра и шумъ непогоды до слуха его долетѣлъ опять шумъ чьихъ-то весьма-недалекихъ шаговъ. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Передъ нимъ опять, шагахъ въ двадцати отъ него, чернѣлся какой-то быстро-приближающійся къ нему человѣчекъ. Человѣчекъ этотъ спѣшилъ, частилъ торопился; разстояніе быстро уменьшалось. Господинъ Голядкинъ уже могъ даже совсѣмъ разглядѣть своего новаго замечательнаго товарища — разглядѣлъ и искрикнулъ отъ изумленія и ужаса; но его подкосились. Это былъ тотъ самый знакомый ему выскочка котораго онъ, минуту съ десять назадъ, пропустилъ мимо себя, который вдругъ, совсѣмъ-неожиданно, теперь опять передъ нимъ явился. Но не одно это чудо поразило господина Голядкина, — пораженъ господинъ Голядкинъ былъ такъ, что остановился, искрикнулъ, хотѣлъ-было что-то сказать и пустился догонять выскочка, даже закричалъ ему что-то, вѣроятно, желая остановить его поскорѣе. Незнакомецъ остановился действительно, такъ, шагахъ десяти отъ господина Голядкина, и такъ-что свѣтъ близъ-стоящаго фонаря совершенно ведалъ на всю фигуру его, — остановившись обернулся къ господину Голядкину и съ истеричливо-свѣбоднымъ видомъ ждалъ, что онъ скажетъ. «Извините, я пошелъ ошибся» дрожащимъ голосомъ проговорилъ малъ герой. Незнакомецъ молча и съ досадою повернулся и быстро пошелъ своею дорогою, какъ-будто спѣша нагнать потерянную дѣй секунды съ господиномъ Голядкинымъ. Что же касается до господина Голядкина, то у него задрожали всѣ жилки, молнія его подогрѣлась, ослѣ

и, и онъ со стеною притѣлъ на троттуарную тумбочку. Впрочемъ, дѣйствительно, было отъ чего прійти въ такое смущеніе. Дало въ томъ, что незнакомецъ этотъ показался ему теперь какъ-то знакомымъ. Это бы еще все ничего. Но онъ узналъ, почти-совсѣмъ узналъ теперь этого человѣка. Онъ его часто видывалъ, этого человека, когда-то видывалъ, даже недавно весьма; гдѣ же бы это? ужъ не вчера ли? Впрочемъ, и опять не въ томъ было главное дѣло, что господинъ Голядкинъ его видывалъ часто; да и особеннаго въ этомъ человѣкѣ почти не было ничего,—особеннаго вниманія равносильно ничьего не возбуждалъ съ перваго взгляда этотъ человекъ. Такъ, человекъ былъ, какъ и вся, порядочный, разумный, какъ и всѣ люди порядочные, и, можетъ-быть, нѣтъ нѣтъ кое-какія и даже довольно-значительныя достоинства. Однимъ словомъ, былъ самъ-по-себѣ человекъ. Господинъ Голядкинъ не питалъ даже ни ненависти, ни вражды, ни даже никакой самой легкой неприязни къ этому человеку, даже напротивъ, казалось бы. — а между-тѣмъ (и въ этомъ-то вотъ обстоятельство была главная сила), а между-тѣмъ, ни за какія сокровища міра не желалъ бы встрѣтиться съ нимъ, и, особенно, встрѣтиться такъ, какъ теперь, на-примѣръ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ зналъ имя этого человека; онъ даже зналъ, какъ зовутъ его, какъ фамилія этого человека; а между-тѣмъ, ни за что, и опять-таки ни за какія сокровища въ мірѣ не захотѣлъ бы назвать его, согласился бы признать, что вотъ, дескать, его такъ-то зовутъ, что онъ такъ-то по батюшкѣ, и такъ по фамиліи. Много ли, мало ли предположало недоразумѣніе господина Голядкина, долго ли именно онъ сидѣлъ на троттуарномъ столбѣ,—не могу сказать; но только, наконецъ, маленько очнувшись, онъ вдругъ пустился бѣжать безъ оглядки, что силы въ немъ было; духъ его занимался; онъ спотулся два раза, чуть не упалъ, — и при этомъ обстоятельстве скрѣпѣлъ другой сапогъ господина Голядкина, тоже покинутый самою калошею. Наконецъ, господинъ Голядкинъ сбавилъ шагу немножко, чтобъ духъ перевести, торопливо осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что уже перебѣжалъ, не замѣчая того, весь свой путь по Фотанкѣ, перешелъ Аничковъ-Мостъ, миновалъ часть Невскаго и теперь стоитъ на поворотѣ въ Литейную. Господинъ Голядкинъ повернулъ въ Литейную. Положеніе его въ это мгновеніе напоминало положеніе человека, стоящаго надъ страшной стремниной, когда земля подъ нимъ обрывается, ужъ поначнулася, ужъ поначнулася, въ послѣдній разъ колыхнется, надастъ, улякается его и бѣдну; а между-тѣмъ у несчастнаго нѣтъ ни силы, ни твердости духа отбодать назадъ, отвести свои глаза отъ зияющей пропасти; бѣдѣ тѣмъ его, и онъ прыгаетъ напередъ въ нее самъ,

дому усмирля: минуту своей же погибели. Господинъ Голядкинъ звалъ, чувствовалъ, и былъ совершенно-уверенъ, что въ минуть-две непременно совершится дорогая еще что-то надобное, что разрадовалось бы опять своею какою-нибудь неприятностью, это, на-прямь, ему бы хотѣлось опять своего знакомаго; но—странное дѣло, онъ даже тогда въ этой встрѣчѣ, считалъ его неизбѣжнымъ, и просилъ тамъ, чтобы несмотря все это кончилась, чтобы положеніе-то его разрѣшилось хоть какъ-нибудь, но только бы скорѣе. А между-тѣмъ, онъ все бѣжалъ да бѣжалъ, и словно двигаемый какою-то легкой силой; и въ во всемъ существѣ своемъ чувствовалъ какъ-то ослабленіе и оштрафленіе; думать ни о чемъ онъ не могъ, хотя даже его цѣплялось за все, какъ терновникъ. Онъ боялся и думать, что тернется совершенно, что падаетъ въ бездну. Какъ-то авторитетная собачка, вся мокрая и издротная, улавливая за господиномъ Голядкинымъ и тоже бѣжала около него бочкомъ, терла-сь, поджавъ хвостъ и уши, по-временамъ рѣвко и понаглывала на него поглядывая. Кака-то далекая, давно уже забытая идея, — ассоциация о какомъ-то давно-случившемся обстоятельстве— пришла теперь ему въ голову, стучала словно мелочкомъ въ его мозгъ, досаждала ему, но отсылывалась прочь отъ него. «Дѣтъ, это старая собачонка!» шептала господинъ Голядкинъ, самъ же держалъ себя. Наконецъ онъ увидѣлъ своего знакомаго на порогѣ въ Итальянскую-Улицу. Только теперь знакомецъ уже спѣлъ не на встрѣчу ему, а въ ту же самую сторону, какъ и онъ, и тоже бѣжалъ, нѣсколько шаговъ впереди. Наконецъ, вошелъ въ Шведскую-дворничью. У господина Голядкина духъ захватило. Незнакомецъ остановился прямо передъ тѣмъ домомъ, въ которомъ квартировалъ господинъ Голядкинъ. Послышался звонъ колокольчика, и почти въ то же самое время скрипъ желѣзной задвижки. Калитка открылась, незнакомецъ нагнулся, мелькнулъ и исчезъ. Почти въ то же самое мгновеніе послѣлъ и господинъ Голядкинъ, и какъ стрѣла влетѣлъ подъ ворота. Не слушая заворчавшаго дворника, рванувшись вбѣжалъ онъ на дворъ и тотчасъ же увидѣлъ своего интереснаго спутника, на минуту потеряннаго. Незнакомецъ выскочилъ при входе на ту лѣстницу, которая вела въ квартиру господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ бросился вслѣдъ за нимъ. Лѣстница была темная, сырая и грязная. На вертѣхъ деревянныхъ нагромождена была бездна всякаго жилищаго хлама, такъ, что чужой, небывалый человекъ, появивши на эту лѣстницу въ такое время, принужденъ былъ по ней съ начала пущенности, рискуя сломать себѣ ноги, и прокладывая выдохъ съ лѣстницы въ различные свѣтлыя, неудобно тамъ поселившихся. Но случилось такъ, что господинъ Голядкинъ былъ словно знакомый, а незнакомецъ

двигать легко, безъ затрудненій и съ совершеннымъ изяществомъ искусства. Господинъ Голядкинъ почти-совсемъ неощущалъ это; даже когда два или три, подолги шинели незнакомца ударили его по плечу. Сердце въ ночь замирало. Таинственный человекъ остановился прямо противъ дверей квартиры господина Голядкина; стукнулъ, и (что, впрочемъ, удивило бы въ другое время господина Голядкина) Петрушка словно ждалъ, и тотчасъ не дожидаясь, тотчасъ открылъ дверь и пошелъ за пожеланнымъ чепухомъ со свѣчкою въ рукахъ. Въ себя обжигая въ шинели свое горло: парней, пошесть; изъ шинели и шляпы, арешель онъ корридорчикъ и, словно громятъ порожнейшей, остановился на порогѣ своей комнаты. Въ присутствіи господина Голядкина сбывлось совершенно. Все, чего ожидалъ онъ и что предугадывалъ, совершилось теперь на-яву. Давши себѣ позволеніе, голова изкружилась. Незнакомецъ сидѣлъ на стулѣ, тоже въ шинели и въ шляпѣ, на его же постели, съ легкимъ урбаномъ и, пригнувшись кошмарно, дружокски кивалъ ему головой. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ закричать, но не могъ, — предвостановить языкъ-языкъ образованъ, но силъ не хватало. Велосомъ встали на колѣя его дыбомъ, и онъ прасялъ безъ чувствъ на животѣ отъ удара. Да и было отъ-чего, впрочемъ. Господинъ Голядкинъ совершенно утратить наконецъ своего ночного пріятеля. Ночной пріятель не былъ не кто иной, какъ онъ-самъ, — самъ господинъ Голядкинъ, другой господинъ Голядкинъ, но совершенно такой же, какъ и онъ самъ — однимъ словомъ, что называется двойникъ его во всемъ отношеніяхъ.

ГЛАВА VI.

О томъ, какъ господинъ Голядкинъ силится объяснить необъяснимое происшествіе, и какъ наконецъ отчасти объясняетъ его. Рѣшеніе г. Голядкина. Нѣчто о сіамскихъ близнецахъ. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ почти привирается съ сіамскими близнецами и соглашается между-прочимъ, что Крыловъ баснописецъ великій. Встрѣча и затруднительное положеніе г. Голядкина.

На другой день, ровно въ восемь часовъ, господинъ Голядкинъ всталъ на своей постели. Тотчасъ же въ необыкновенномъ восторженіи двѣ и еще неслыханная дѣлка наче съ ея женою и мѣстными пріятельскими раскѣ, вдругъ по всей утѣшительной

кажется являлся его воображенію и парити. Такая ошесточенная злоба враговъ его и особенно насильное доказательство злобы, ослепили сердце господина Голыдкина. Но и зная тѣмъ все это было такъ страшно, непоплатно, дико, казалось тишесловнымъ, что дѣйствительно трудно было вѣру дать въ этому дѣлу; господина Голыдкина дамо самъ готовъ бы признать все это несбыточнымъ бредомъ, именованнымъ р. устройствомъ воображенія, отемнѣніемъ ума, слабобъ, къ счастью сему, не зная по горькому житейскому опыту, до чего иногда а. ба можетъ довести человека, — до чего можетъ иногда дойти о. сточность врага, истиннаго за честь и амбицію. Къ-тому же, р. бытыя члены господина Голыдкина, чадная голова, наложенная и злокачественный насморкъ сильно свидетельствовали стетивали всю вѣрность вчерашней ночной прогулки, а стиво и всего прочаго, приключившагося во время этой прогул. Да и наконецъ господинъ Голыдкинъ уже давно-давно зна. что у нихъ тамъ что-то готовится, что-то недоброе ступи. ли, что у нихъ тамъ есть кто-то другой. Ясно и несомнѣнно дѣ. что все это было не сонъ и не бредъ. Но однакожь что же? У р. ренно радуясь, господинъ Голыдкинъ рѣшился смолчать, и р. риться и не протестовать по этому дѣлу до времени. Съ ст. стороны, онъ твердо увѣренъ былъ во всей несомнѣнности дѣ. онъ только не зналъ, съ чьей именно стороны шель ударъ. «Дѣ. Богъ-спасеть», думалъ онъ: «вѣдь если такъ разобрать, такъ кто ст. тамъ знаетъ? Можетъ-быть, это и совсемъ ничего; такъ, можетъ. быть, только напугать меня вздумали, а какъ увидятъ, что я ни. го, не протестую и совершенно смирюсь, съ смиреніемъ переи. шу и стыдъ свой и горе, такъ и отступятся, сами отступятся, еще раньше отступятся. Они, можетъ-быть, кто ихъ знаетъ, и жеть-быть и добра мнѣ желаютъ. Пройдетъ! авось на добры. людей нападу!» Такимъ-образомъ раздумывалъ господинъ Гол. кинъ о своемъ положеніи, и во всякомъ случаѣ рѣшился ожа. смирно послѣдствій, и со-временемъ, потомъ, когда, на-примѣръ, у. слишкомъ будетъ угрожать опасность, такъ только тогда развѣ. ти къ его превосходительству.

Такъ вотъ такіа-то мысли были въ головѣ господина Голыдки. когда онъ, потягиваясь въ постели своей и расправляя разбит. члены, ждалъ этотъ разъ обычнаго появленія Петрушки въ ст. комнату. Ждалъ онъ уже съ четверть часа; слышалъ, какъ ст. икъ Петрушка возится за перегородкой съ самоваромъ, а жаж. чьимъ никакъ не рѣшился позвать его. Скажемъ болѣе: господинъ Голыдкинъ даже немного болѣлъ теперь очной ставки съ Петру. шимъ. «Видъ Богъ-спасеть», думалъ онъ: «вѣдь Богъ-спасеть, какъ

нере смотреть на все это дѣло этотъ мошенникъ, какъ онъ тамъ судитъ объ этомъ дѣлѣ на-собому. Онъ тамъ молчать-молчить, а самъ соби-на-ушко». У господина Голядинова даже явилась какое-то тайное, отдаленное подозрѣнiе, что, де-сказать, не съ этой ли стороны нужно искать ключа, разрѣшенiя загадки. Наконецъ, дверь открылась, и явился Петрушка съ подносомъ въ рукахъ. Господинъ Голядиновъ робко на него поглядѣлъ, съ потеряннѣйшимъ ожиданiемъ, что будетъ, ожидая, не скажетъ ли онъ наконецъ чего-нибудь на счетъ невѣстнаго обстоятельства. Но Петрушка ничего не сказалъ, а напротивъ былъ даже-то молчаливѣе, суровѣе и сердитѣе обыкновеннаго, носился на носъ нѣз-подлабля; вообще видно было, что онъ чѣмъ-то крайне-недоволенъ; даже ни разу не взглянулъ на своего барина, что, мимоходомъ сказать, немного колышетъ господина Голядинова; поскребалъ на столѣ все, что принесъ съ собой, перорвался и ушелъ молча за свою перегородку. «Знаеть, знаетъ, мажетъ, бодь-ляникъ!» ворчалъ господинъ Голядиновъ, принимался и чай. Его бы нужно перазспросить хорошенько, позывѣдать кое-что отъ него, такъ отдаленно начать, тонкимъ образомъ, проговориться заставивъ его. Онъ, шельма, уврамъ... да вѣдь ласковымъ брешитъ. Этакъ сначала польстить ему, вотъ какъ, и ужь послѣ прасунуть къ разспросамъ». Одновременно, герой нашъ ровно ничего не разспросилъ у своего человѣка, хотя Петрушка нѣсколько разъ хотѣлъ входить въ его комнату за разными надобностями. Въ самомъ тревожномъ положенiи духа былъ господинъ Голядиновъ. «Только бы скорѣе разрѣшилось-то все» думалъ онъ: «ужь какъ бы такъ ни было, а только бы пуская разрѣшилась-то вся эта кутерьма скорѣе.» Жутко было еще идти въ департаментъ. Сильное протуствие было, что вотъ именно тамъ-то что-нибудь да не такъ. «Вѣдь вотъ войдешь» думалъ онъ: «да какъ наткнешься на что-нибудь. Не лучше ли теперь потернеть? Не лучше ли теперь подождать? Они тамъ пуская-себя какъ хотятъ; а я бы сегодня вѣдѣе-мидиалъ, собрался бы съ силами, справился бы, размыслилъ поуте обо всемъ этомъ дѣлѣ, да потомъ уллучилъ бы минутку, да вѣдѣе имъ какъ свѣгъ на голову, а самъ ни въ одномъ глазу.» Голубиная тонкимъ-образомъ, господинъ Голядиновъ выкуривалъ трубку за трубкой; время летѣло; было уже почти половина десятого. «Вѣдь вотъ уже половина десятого» думалъ господинъ Голядиновъ: «и лаяться-то поздно. Да къ-тому же я болеть, ризуется болеть, непронѣнно болеть; кто же скажетъ, что нѣтъ? Чѣ-ниа! А пусть примлютъ свидѣтельствовать, а пусть прийдеть инкуиторъ; да и чѣ же мнѣ въ-самоль-дѣль? У меня вотъ самъ-и балеть, кашель, насморкъ; да и наконецъ я нольза мнѣ идти, никакъ нольза по этой погодѣ; я могу заболѣть, а почему я уш-

реть, приказу; ищите особенно сноровости толка...» Голышкин рождался господином Голышкинъ успевалъ законнымъ званиемъ своею сноровкой и заране оправдалъ самъ пародъ собою въ погоню, они дожили эту Андрея Филипповича за пародышею по службе. Вообще, во всякъ подобныйхъ обстоятельствахъ крайне любилъ иши глорой ридавалъ себя въ собственныхъ глазахъ своихъ ридавалъ востраженными разорнами и успевалъ глорно-обрести звание своимъ содвѣсть. И такъ, успевалъ теперь звание своимъ содвѣсть, казался онъ за трубку, набилъ ее и только-то началъ морозно раскуривать, быстро вскопчалъ съ дивана, трубку обрешалъ, иша ушля, обрешалъ, преладывая, патлувалъ на себя вша-пушину и все прочее, захватилъ все-какія бумаги и полетѣлъ въ департаментъ.

Впередъ господиномъ Голышкинъ въ свое отдаленное раба, съ вришущимъ онцданіемъ чего-то весьма-непорочного, — онцданіемъ-реть безсодержательнымъ, темнымъ, на вришотъ съ тѣмъ и весьма-непритязательнымъ; робко присылъ онъ на свое неоглашенное мѣсто вселъ онцданіемъ Антона Антоновича Степанова. Ни на что не глядя, не развлекаясь ничѣмъ, выскнулъ онъ въ содержание лѣтислуживости пародъ нѣтъ бумагъ. Рѣшился онъ и далъ самъ слово какъ вонше сферическая отъ всесо-вызывающаго, онъ всесо-погрѣшилъ глорно на его компрометтировать, какъ-то: отъ нескромныхъ востраженностей зѣнуть-небудъ шутачкомъ и несправдливыхъ намеконъ на-снотъ всахъ обстрѣлывалъ вчерашнаго вечера; рѣшился даже отстрѣлывалъ отъ обычныхъ учтивостей съ соудниками, то-есть вса-решалъ в разорды, и проч. Вречамъ, господиномъ Голышкинъ звание, в лѣтѣ вончалъ, что обзодвѣствалъ его шлоко шлуть, и что дѣла-предиградо. Вотъ почему канее-то внутреннее, глубокое безсодержательство не на минуту не оставило его, но все влужбе-и-глубже-судило дѣлать карна въ душѣ его, и все болѣе-и-болѣе разрасталось, такъ-что онъ, какъ ни бился, никакъ не могъ войти въ свою обычную, служивую форму, то-есть, съложивъ понашенію в вонше востраженномъ и снотвѣномъ, манъ слѣдуетъ, не отрывая снотвѣ отъ школы, безмилостиво, часовъ пять в болѣе, водить пародъ по бумагамъ. Означило, что ганъ оставаться было немалая, немалая. Безсодержательство и несправдливое о чашѣ-небудъ балано его задоволять, пародъ его вришало болѣе, немалая самое задоволять. И вотъ вотъ чашу, на снотвѣ не дѣлать собѣ слово не вришати ни во-мѣ, что бы ни дѣлалось, и сторонился отъ всаго, что бы ни-было глорно Голышкинъ пародъ, украломъ, вришало-гиталию вришавалъ пароду; в исподвѣстна поглаждалъ на снотвѣ; вришало, вришало, заглаждалъ въ снотвѣ своихъ снотвѣ, и на снотвѣ уже снотвѣ за-снотвѣ, манъ на снотвѣ: манъ вришало.

ниже, до него относивагося и отъ него съ какими-нибудь не-
 логическими цѣлями скрываемаго. Предполагалъ онъ непроизволь-
 но связь всего своего вчерашняго обстоятельства со всемъ те-
 перь его окружающимъ, мысленно старался распутать всѣ узлы
 мнѣній своихъ, проникнуть, раскутить всю нитягу, и всѣ эти
 злыя загадочки его окружавшія. Наконецъ, въ тоску своей, онъ
 началъ желать, чтобы хоть Богъ-знаетъ-какъ, да только разрѣши-
 лось бы все поскорѣе; хоть и бѣдой какой-нибудь — нужды нѣтъ!
 только бы поскорѣе. Какъ-тутъ судьба поймала господина Го-
 лякина: не успѣлъ онъ пожелать, какъ сомнѣнія его вдругъ раз-
 шлись, но за то самымъ страннымъ и самымъ неожиданнымъ
 образомъ.

Дверь изъ другой комнаты вдругъ скрипнула тихо и робко,
 какъ-бы рекомендуя тѣмъ, что входящее лицо весьма-незначитель-
 но, и что-то фигура, впрочемъ весьма-знакомая господину Голя-
 кину, застѣнчиво явилась передъ самымъ тѣмъ столомъ, за кото-
 рымъ поившался герой нашъ. Герой нашъ не подымалъ головы, —
 нѣтъ, онъ наглядѣлъ эту фигуру лишь вскользь, самымъ малень-
 кимъ взглядомъ, но уже все узналъ, понялъ все до малѣйшихъ
 подробностей. Онъ сгорѣлъ отъ стыда и уткнулъ въ бумагу свою
 обидную голову, совершенно съ тою же самою цѣлью, съ кото-
 ою страусъ, преслѣдуемый охотникомъ, прячетъ свою въ горячій
 песокъ. Новоприбывшій поклонился Андрею Филипповичу и вслѣдъ
 за тѣмъ послышался голосъ форменно-ласковый, такой, какимъ
 говорятъ начальники во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ съ новопосту-
 пившими подчиненными. — Сядьте вотъ здѣсь, проговорилъ Андрей
 Филипповичъ, указывая новачку на столъ Антона Антоновича: — вотъ
 здѣсь, напротивъ господина Голякина, а дѣломъ мы васъ тотчасъ
 займемъ. Андрей Филипповичъ заключилъ тѣмъ, что сдѣлалъ ново-
 прибывшему скорый прилично-увѣщательный жестъ, а потомъ не-
 медленно углубился въ сущность разныхъ бумагъ, которыхъ передъ
 нимъ была цѣлая куча.

Господинъ Голякинъ поднялъ, наконецъ, глаза, и если не упалъ
 въ обморокъ, то единственно отъ-того, что уже сперва все дѣло
 предчувствовалъ, что уже сперва былъ обо всемъ предувѣдомленъ,
 гадать пришлоца въ душѣ. Первымъ движеніемъ господина Го-
 лякина было быстро осмотрѣться кругомъ, — нѣтъ ли тамъ нашего
 душманья, не отливается ли на этотъ счетъ какая-нибудь остропа-
 лачка-арская, не испривалось ли чье лицо удивленіемъ, не упалъ
 ли наконецъ кто-нибудь подъ столъ отъ испуга. Но въ величай-
 шему удивленію господина Голякина, ни въ комъ не обнаружи-
 лось ничего подобнаго. Поведеніе господъ товарищей и сослужив-
 цевъ господина Голякина поразило его. Оно казалось видъ здра-

наго смысла. Господинъ Голядкинъ даже неумогая такого же обыкновеннаго молчанія. Существенность за себя говорила; дѣло было странное, безобразное, дичое. Было отъ чего шевельнуться. Все это, разумѣется, только мелькнуло въ головѣ господина Голядкина. Самъ же онъ горѣлъ на мелкомъ огнѣ. Да и было отъ чего впрочемъ. Все, что ни ощущалъ господинъ Голядкинъ, вполнѣ оправдывалось обстоятельствами настоящей минуты. Тотъ, кто сидѣлъ теперь напротивъ господина Голядкина, былъ—ужасъ господина Голядкина, былъ—стыдъ господина Голядкина, былъ—вчерашній кошмаръ господина Голядкина, однимъ словомъ, былъ самъ господинъ Голядкинъ, — не тотъ господинъ Голядкинъ, который сидѣлъ теперь на стулѣ съ разинутымъ ртомъ и съ застывшими нервами въ рукѣ; не тотъ, который служилъ въ качествѣ помощника своего столоначальника; не тотъ, который любитъ стучаться и зарываться въ толпу; не тотъ, наконецъ, чья походка ясно выговариваетъ: «не троньте меня, и я васъ трогать не буду», или «не троньте меня, вѣдь я васъ не затрогиваю»,—нѣтъ, это былъ другой господинъ Голядкинъ, совершенно-другой, но вѣсть съ тѣмъ и совершенно-похожій на перваго,—такого же роста, такого же склада, такъ же одѣтый, съ такой же лысиной — однимъ словомъ, ничего, рѣшительно ничего не было забыто для совершеннаго сходства, такъ-что еслибъ взять, да поставить ихъ рядомъ, то никто, рѣшительно никто не взялъ бы на себя опредѣлить, который именно настоящій Голядкинъ, а который подальшій; кто старенькій и кто новенькій, кто оригиналъ и кто копія.

Герой нашъ, если возможно сравненіе, былъ теперь въ положеніи человѣка, надъ которымъ забавляется проказникъ какой-нибудь для шутки наводитъ на него исподтишка зажигательное стекло. «Что жъ это, сонъ или нѣтъ», думалъ господинъ Голядкинъ: «настоящее или продолженіе вчерашняго. Да какъ же? по какому же праву все это дѣлается? кто разрѣшилъ такого чимовника, кто далъ право на это? Сплю ли я, грежу ли я?» Господинъ Голядкинъ попробовалъ ущипнуть самого-себя, даже попробовалъ вознамѣриться ущипнуть другаго кого-нибудь... Нѣтъ, не сонъ да и только; онъ, онъ самъ сидѣлъ предъ собою, какъ-будто передъ нимъ поставили зеркало. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что потъ съ него градомъ льется, что сбывается съ нимъ необычайное и доселѣ невиданное, и потому самому, къ довершенію несчастія, непримачное, ибо господинъ Голядкинъ понималъ и ощущалъ всю невыгоду быть въ такомъ нескладномъ дѣлѣ первымъ примеромъ. Онъ даже сталъ наконецъ сомнѣваться въ собственномъ существованіи своемъ, и хотѣ заранѣе быть ко всему приготовленъ, и самъ желалъ, чтобъ хотя какими-нибудь образомъ разрѣшилась его сомнѣнія, но едва-то

ясность обстоятельства ужь конечно стоили неожиданности. Тогда его давила и мучила. Порой онъ совершенно лишался и смысла и памяти. Очнувшись послѣ такого мгновенія, онъ замѣчалъ, что машинально и бессознательно водить перомъ по бумагѣ. Недоверяя себѣ, онъ начиналъ повѣрять все написанное — и не понималъ ничего. Наконецъ, другой господинъ Голядкинъ, сидѣвшій до-сихъ-поръ тихо и смиренно, всталъ и вбѣжавъ въ дверяхъ другаго отдѣленія на какихъ-то дѣломъ. Господинъ Голядкинъ оглянулся кругомъ, — ничего, все тихо; слышенъ лишь скрипъ перьевъ, шумъ перерасчитываемыхъ листовъ и говоръ въ уголкахъ поотдаленнѣе отъ сальона Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на Антона Антоновича, и такъ-какъ, по всей вѣроятности, физиономія этого героя вполне отзывалась его настоящимъ и гармонировала съ самимъ смысломъ дѣла, следовательно, въ некоторомъ отношеніи была весьма-замѣчательна, то добрый Антонъ Антоновичъ, отложивъ крѣзь сторону, съ какимъ-то необыкновеннымъ участіемъ освѣдился о здоровьѣ господина Голядкина.

— Я, Антонъ Антоновичъ, слава Богу, заикаясь проговорилъ господину Голядкину. — Я, Антонъ Антоновичъ, совершенно здоровъ; а Антонъ Антоновичъ, теперь ничего, прибавилъ онъ вершинительно, не совсѣмъ еще доверяя часто-поминаемому имъ Антону Антоновичу.

— А! А мнѣ показалось, что вы нездоровы; впрочемъ, не мудрено; чего добраго! Нынѣ же особенно все такіа повѣтрія. Знаете ли...

— Да, Антонъ Антоновичъ, я знаю, что существуютъ такіа повѣтрія... Я, Антонъ Антоновичъ, не отъ того, продолжалъ господинъ Голядкинъ, пристально вглядываясь въ Антона Антоновича: — я, видите ли, Антонъ Антоновичъ, даже не знаю какъ вамъ, то-есть, я хотѣю сказать, съ которой стороны за это дѣло приняться, Антонъ Антоновичъ...

— Что-съ? Я васъ... знаете ли... я, признаюсь вамъ, не такъ-то прямо понимаю; вы... знаете, вы объяснитесь подробно, въ какихъ именно отношеніи вы здѣсь затрудняетесь, сказалъ Антонъ Антоновичъ, самъ затруднялся немножко, видя, что у господина Голядкина даже слезы на глазахъ выступили.

— Я, право... здѣсь, Антонъ Антоновичъ... тутъ — чиновникъ, Антонъ Антоновичъ...

— Ну-съ! Все еще не понимаю.

— Я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь есть довольно-существенный чиновникъ.

— Да-съ, есть-съ; однофамилецъ вамъ.

— Какъ? вскрикнулъ господинъ Голядкинъ.

XLIV. — Отд. I.

— Я говорю: вашъ однофамилецъ; тоже Голядкинъ. Не братецъ ли вашъ?

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я...

— Гм! скажите пожалуйста, а мнѣ показалось, что должно быть близкій вашъ родственникъ. Знаете ли, есть такое фамильное въ некоторомъ родѣ сходство.

Господинъ Голядкинъ остолебенѣлъ отъ изумленія, и на время него языкъ отнялся. Такъ легко трактовать такую безобразную невиданную вещь, вещь действительно рѣдкую въ своемъ родѣ вещь, которая поразила бы даже самаго неинтересованнаго наблюдателя. Говорить о фамильномъ сходствѣ тогда, какъ тутъ видно какъ въ зеркалѣ!

— Я знаете ли, что посовѣтую вамъ, Яковъ Петровичъ, продолжалъ Антонъ Антоновичъ.—Вы сходите-ка къ доктору, да по совѣтуйтесь съ нимъ. Знаете ли, вы какъ-то *выглядите* совсемъ не здорово. У васъ глаза особенно... знаете, особенное какое-то выраженіе есть.

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я, конечно, чувствую... то-есть я хочу все спросить, какъ же этотъ чиновникъ?

— Ну-съ!

— То-есть, вы не замѣчали ли, Антонъ Антоновичъ, чего-нибудь въ немъ особеннаго... слишкомъ чего-нибудь выразительнаго?

— То-есть?

— То-есть я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, поразительнаго сходства такого съ кѣмъ-нибудь, на-примѣръ, то-есть со мною, на-примѣръ. Вы вотъ сейчасъ, Антонъ Антоновичъ, сказали про фамильное сходство, замѣтили этакъ, замѣчаніе вскользь сдѣлали.. Знаете ли, этакъ иногда близнецы бываютъ, то-есть совершенно какъ двѣ капли воды, такъ-что и отличить нельзя? Ну, вотъ, я про это-съ.

— Да-съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ, немного подумавъ и какъ будто въ первый разъ пораженный такимъ обстоятельствомъ:—да-съ! справедливо-съ. Сходство въ-самомъ-дѣлѣ разительное, и вы безошибочно разсудили, такъ-что и действительно можно принять одного за другаго, продолжалъ онъ, болѣе и болѣе отырывая глаза.—И знаете ли, Яковъ Петровичъ, это даже чудесное сходство. фантастическое, какъ иногда говорится, то-есть совершенно, какъ вы... Вы замѣтили ли, Яковъ Петровичъ? Я даже самъ хотѣлъ просить у васъ объясненія, да, признаюсь, не обратилъ должнаго вниманія сначала. Чудо, действительно чудо! А знаете ли, Яковъ Петровичъ, вы вѣдь не здѣшній родомъ, я говорю?

— Нѣтъ-съ.

— Онъ также вѣдь не изъ здѣшнихъ. Можете-быть, изъ однихъ

въ ваши мѣсть. Ваша матушка, сибью спроситъ, гдѣ большую часть проживала?

— Вы сказали... вы сказали, Антонъ Антоновичъ, что онъ не изъ здѣшнихъ?

— Да-съ, не изъ здѣшнихъ мѣсть. А, и въ-самомъ-дѣлѣ, какъ же это чудно, — продолжалъ словоохотливый Антонъ Антоновичъ, которому поболтать о чемъ-нибудь было истиннымъ праздникомъ: — съистинительно способно завлечь любопытство; и вѣдь какъ часто име пройдеши, задѣнешь, толкнешь его, а не замѣтишь, слонаго, какъ говорится, и не замѣтишь, Яковъ Петровичъ. Впрочемъ, вы не смущайтесь, этимъ-то обстоятельствомъ особеннымъ вы не смущайтесь. Это бываетъ. Это, знаете ли — вотъ я вамъ расскажу, то же самое случилось съ моей тѣтушкой съ матерней стороны; она тоже предъ смертію себя двоинъ видѣла...

— Натъ-съ, я, — называю, что прерываю васъ, Антонъ Антоновичъ, — я, Антонъ Антоновичъ, хотѣлъ бы узнать, какъ же этотъ чиновникъ, т. е. на какомъ онъ адѣсь основаніи?

— А на мѣсто Семена Ивановича покойника, на вакантное мѣсто; вакансія открылась, такъ вотъ и замѣстили теперь. Вѣдь вотъ, право, сердечный этотъ Семень-то Ивановичъ покойникъ, тронхъ дѣтей, говорятъ, оставилъ малъ-мала меньше. Вдова падала къ ногамъ его превосходительства. Говорятъ, впрочемъ, она тамъ; у ней есть дѣвчонки, да она ихъ тамъ...

— Натъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ, я вотъ все о томъ обстоятельстве.

— То-есть? Ну, да! да, что же вы-то такъ интересуетесь этимъ? Говорю вамъ: вы не смущайтесь. Это все временное отчасти. Что жъ? вѣдь вы сторона; это ужъ такъ самъ Господь-Богъ устроилъ, это ужъ Его воля была, и роптать на это грѣшно. На этомъ Его премудрость видна. А вы же тутъ, Яковъ Петровичъ, сколько я понимаю, наивидоваты нисколько. Мало ли чудесъ есть на свѣтѣ! Матр прарода щедра; а съ васъ за это отвѣта не спроситъ, отвѣчать за это не будете. Вѣдь вотъ, для примѣра, кстати сказать, слышали, какъ ихъ, какъ-бишь ихъ тамъ, да, сіамскіе близнецы, сплосъ-събъ спинами, такъ и живутъ и ѣдятъ и спать вмѣстѣ; деньги, говорятъ, большія берутъ.

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ...

— Понимаю васъ, понимаю! Да! ну да, что жъ? — ничего! Я говорю, по крайнему, моему, разумію, что смущаться тутъ нечего. Что жъ? онъ чиновникъ какъ чиновникъ, кажется, что дворянъ челоикъ. Говоритъ, что Голякинъ; не изъ здѣшнихъ мѣсть, говоритъ. Титулярный совѣтникъ. Лично съ его превосходительствомъ...

— А ну, какъ же - съ?

— Ничего-съ; говорятъ, что достаточно объяснился, резо представилъ; говорить, что вотъ-дескать такъ и такъ, ваше превосходительство, и что нѣтъ состоянія, а желаю служить и особенно подѣ вашимъ лестнымъ начальствомъ... ну и тамъ все, что сдѣдуетъ, знаете ли, ловко все выразилъ. Умный человекъ, долженъ быть. Ну, разумеется, явился съ рекомендаціей; безъ нея не шло...

— Ну-съ, отъ кого же-съ... т. е. я хочу сказать, кто тутъ много въ это срамное дѣло руку свою замѣшалъ?

— Да-съ. Хорошая, говорятъ, рекомендація; его превосходительство, говорятъ, посмѣялся съ Андреемъ Филипповичемъ.

— Посмѣялся съ Андреемъ Филипповичемъ?

— Да-съ; только такъ улыбулись и сказали, что хорошо и жаль, и что они съ ихъ стороны не прочь, только бы въ службу...

— Ну-съ, дальше-съ. Вы меня оживляете отчасти, Антонъ Антоновичъ; умоляю васъ дальше-съ.

— Позвольте, я опять что-то васъ... Ну-съ, да-съ; ну, и ничего-съ; обстоятельство немудреное; вы, я вамъ говорю, не смущаетесь, и сумнительнаго въ этомъ нечего находить...

— Нѣтъ-съ. Я, т. е., хочу спросить васъ, Антонъ Антоновичъ, что его превосходительство ничего больше не прибавили... съчесть меня, напримѣръ?

— Т. е. Какъ же-съ? Да-съ? Ну, нѣтъ, ничего; можете быть совершенно-спокойны. Знаете, оно, конечно, разумеется, обстоятельство довольно-разительное и сначала... да вотъ я, наприм., сначала и не замѣтилъ почти. Не знаю, право, отъ-чего не замѣтилъ дѣтъ-поръ, покажѣтъ вы не напомнили. Но, впрочемъ, можете быть совершенно-спокойны. Ничего особеннаго, ровно ничего не сказали, прибавилъ добренькій Антонъ Антоновичъ, вставая со стула.

— Такъ вѣтъ-съ я, Антонъ Антоновичъ...

— Ахъ, вы меня извините-съ. Я и такъ о пустякахъ проболталъ, а вотъ дѣло есть важное, сѣшное. Нужно вотъ справиться

— Антонъ Антоновичъ! раздался учтиво-призывный голосъ Андрея Филипповича: — его превосходительство спрашивалъ...

— Сейчасъ, сейчасъ, Андрей Филипповичъ, сейчасъ иду-съ. Антонъ Антоновичъ, взявъ въ руки кучку бумагъ, полетѣлъ сначала къ Андрею Филипповичу, а потомъ въ кабинетъ его превосходительства.

— Такъ какъ же это? думалъ про себя господинъ Голдкинъ: такъ вотъ у насъ игра какова! Такъ вотъ у насъ какой вѣтерокъ тепе подуваетъ... Это не душно; это, стало-быть, напирательный об

ротъ дѣла приняли. Молодцомъ да и только! говорилъ про себя герей нашъ, протирая руки и не слыша полъ собою стула отъ радости. Такъ вотъ оно какъ! Такъ дѣло-то наше обыкновенное дѣло. Такъ все пустячками кончается, ничѣмъ разрѣшается. Въ-самомъ-дѣдѣ, никто ничего, и не пикнуть, разбойники, сидятъ и дѣлами занимаются; славно, славно! я добраго человѣка люблю, люблю и всегда готовъ уважать... Впрочемъ, вѣдь оно и того, какъ подуматъ, этотъ Антонъ-отъ Антоновичъ... дѣвзряться-то страшно: съдѣ черезъ-чуръ и отъ старости покачнулся порядкомъ. Самое, впрочемъ, слабое и громадное дѣло то, что его превосходительство ничего не сказали и такъ пропустили; оно хорошо! одобрятъ! Только Андрей-то Филипповичъ чего жь тутъ съ своими смѣшками ишкется? Ему-то тутъ что? Старая петля! всегда на пути моемъ, всегда черной кошкой порѣвнть перебѣжать человѣку дорогу, всегда-то поперегъ да въ пику человѣку; человѣку-то въ пику да поперегъ...

Господинъ Голядкинъ опять оглянулся кругомъ и опять ошн-нама надеждой. Чувствовадъ онъ, впрочемъ, что его все-таки смущаетъ одна отдаленная мысль, какая-то недобрая мысль. Ему даже пришло-было въ голову самому какъ-нибудь подбится къ чиновникамъ, забѣжать впередъ зайцемъ, даже (тамъ какъ-нибудь при выходѣ изъ должности, или подойдя какъ будто-бы за дѣлами) между разговоромъ и намекнуть—что вотъ-де-ска-тъ, господа, такъ и такъ, вотъ такое-то сходство равнительное, обстоятельство странное, комедія панквильная, — т. е. подтрунить самому надъ всѣмъ лишь, да и сондировать такимъ-образомъ глубину опасности. А то вѣдь въ тихомъ-то омутѣ черти водятся! мысленно заключилъ нашъ герей. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ это только подумалъ; за то одумался во-время. Пенялъ онъ, что это значитъ махнуть далеко. «Натура-то твоя такая!» сказалъ онъ про себя, шелкнувъ себя легонько по лбу рукою: «сейчасъ зенграешь, обрадовался! душа ты правдивая! Натъ, ужъ лучше мы съ тобой, потерпимъ, Яковъ Петровичъ, подождемъ, да потерпимъ!»—Тѣмъ не менѣе и какъ мы уже упоминали, господинъ Голядкинъ возродился полной надеждой, точно изъ мертвыхъ воскресъ. «Ничего» думалъ онъ: «слово вѣщаетъ пудовъ съ груди сорвалось! Вѣдь вотъ обстоятельство! А ларчикъ-то просто вѣдь открывался. Крыловъ-то и правъ, Крыловъ-то и правъ... дѣка, петля этотъ Крыловъ, и баснописецъ великій! А что до того, такъ пусть его служить, пусть его служить-себя на здоровье, лишь бы никому не мешалъ и никого не затро-гивалъ; пусть его служить, — согласенъ и испробую!»

А между-тѣмъ, часы проходили, летѣли, и незамѣтно ступило четыре часа. Присутствіе закрылось; Андрей Филипповичъ вслепилъ

на шлангу, и, как водится, все последовали его примеру. Господинъ Голядкинъ помедлилъ немножко, нужное время, и вышелъ впрочемъ раньше всехъ, самымъ последнимъ, когда уже все разбрелось по разнымъ дорогамъ. Вышедъ на улицу, онъ почувствовалъ себя точно въ рай, такъ-что даже опутилъ желаніе хотъ и крикну-дать, а прейдись по Невскому. «Вѣдь вотъ судьба!» говорилъ шавъ герой: «неожиданный переворотъ всего дѣла. И погода-то разгулялась, и морозецъ, и сапожки. А морозъ-то годится русскому человѣку, словно уживается съ морозомъ русскій человѣкъ! Я люблю русскаго человѣка. И сибѣжотикъ и первая пороша, какъ сказала бы охотникъ; вотъ бы тутъ зайца по первой порошѣ! Эхъ! да ну, ничего!»

Такъ-то выражался восторгъ господина Голядкина, а между-тѣмъ что-то все еще шекотало у него въ головѣ, тоска не тоска — и порой такъ сердце насасывало, что господинъ Голядкинъ не зналъ чѣмъ утѣшить себя. «Впрочемъ, подождешь-ка мы дня, и тогда будешь радоваться. А впрочемъ, вѣдь что же такое? Ну, разсудимъ, посмотримъ. Ну, давай разсуждать, молодой другъ мой, ну, давай разсуждать. Ну, такой же какъ и ты человѣкъ, во-первыхъ, совершенно такой же. Ну, да что жъ тутъ такого? Коли такой человѣкъ, такъ и жить и вѣковать? Мнѣ-то что? Я въ сторонѣ; свинцу себѣ, да и только! На то пошла, да и только! Пусть его служить! Ну, чудо и странность, тамъ говорятъ, что сіамскіе близнецы... Ну, да зачѣмъ ихъ сіамскихъ-то? положимъ они близнецы; но вѣдь и великіе люди подчасъ чудачками смотрѣли. Даже въ исторіи извѣстно, что знаменитый Суворовъ пѣлъ пѣтухемъ... Ну, да онъ тамъ это все изъ полковника; и великіе полководцы... да, впрочемъ, что жъ полководцы? А вотъ я самъ-по-себѣ да и только, и знать ничего не хочу, и въ невинности моей врага презираю. Не интригантъ и злымъ горжусь. Чистъ, примодушенъ, опрятенъ, пріятенъ, не злобнъ...»

Вдругъ господинъ Голядкинъ умолкъ, осѣкся, и какъ листъ задрожавъ, даже закрылъ глаза на мгновение. Надъясъ, впрочемъ, что предметъ его страха просто иллюзія, открылъ онъ наконецъ глаза и робко покосился на право. Нѣтъ, не иллюзія!... Рядомъ съ нимъ семенилъ утренній знакомецъ его, улыбался, заглядывая ему въ лицо и, казалось, ждалъ случая начать разговоръ. Разговоръ, впрочемъ, не начинался. Оба они прошли шаговъ пятьдесятъ такимъ-образомъ. Все стараніе господина Голядкина было какъ-можно плотнѣе закутаться, зарыться въ шинель и нахлобучить на глаза шляпу до послѣдней возможности. Къ довершенію

биды, даже и шинель и шляпа его пріятеля были точно такія же, какъ-будто сейчасъ съ плеча господина Голядкина.

— Милостивый государь, произнесъ наконецъ нашъ герой, сталъ говорить почти шопотомъ и не глядя на своего пріятеля:— вы, кажется, идемъ по разнымъ дорогамъ... Я даже увѣренъ въ этомъ, сказалъ онъ, помолчавъ немножко. — Наконецъ, я увѣренъ, что вы меня поняли совершенно, довольно-строго прибавилъ въ заключеніе.

— Я бы желалъ, проговорилъ наконецъ пріятель господина Голядкина: — я бы желалъ... вы, вѣроятно, великодушно извините меня... я не знаю, къ кому обратиться здѣсь... мои обстоятельства — я надѣюсь, что вы извините мнѣ мою дерзость — мнѣ же показалось, что вы, движимые состраданіемъ, принимали во мнѣ сегодня утромъ участіе. Съ своей стороны, я съ перваго взгляда почувствовалъ къ вамъ влеченіе, я... Тутъ господинъ Голядкинъ насильно пожелалъ своему новому сослуживцу превалтаться къ землѣ.

— Если бы я смѣлъ надѣяться, что вы, Яковъ Петровичъ, меня свѣходительно изволите выслушать...

— Мы — мы здѣсь — мы... лучше пойдемте ко-мнѣ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ:—мы теперь перейдемъ на ту сторону Невскаго, тамъ намъ будетъ удобнѣе съ вами, а потомъ переулочкомъ... мы лучше возьмемъ переулочкомъ. Переулочкомъ ближе...

— Хорошо-съ. Пожалуй, возьмемъ переулочкомъ-съ, робко сказалъ смущенный свитникъ господина Голядкина, какъ-будто намекомъ отвѣта, что гдѣ ему разбираться, и что, въ его положеніи, онъ и переулочкомъ готовъ удовольствоваться. Чтѣ же касается до господина Голядкина, то онъ совершенно не понималъ, то съ нимъ дѣлалось. Онъ не вѣрилъ себѣ. Онъ еще не отошелъ отъ своего изумленія.

ГЛАВА VII.

Оба господина Голядкина. О томъ, какъ они трактовали о разныхъ матерiяхъ. О томъ, какъ одинъ господинъ Голядкинъ плакалъ, а другой сочинялъ стихи. Господинъ Голядкинъ находитъ себя совершенно — счастливымъ и даетъ себѣ слово вести себя впередъ хорошо. Жизнь господина Голядкина-младшаго о дружескомъ кровѣ. Господинъ Голядкинъ-старшій протестуетъ и возстаетъ на нѣсколько-замаранную репутацию пророка Мухаммеда. Неприличное поведение Петрушки. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ-старшій отходитъ наконецъ ко снѣ

. Опомнился онъ немного на лѣстницѣ, при вхождѣ въ квартиру свою. «Ахъ я баранъ-голова!» ругнулъ онъ себя мысленно: «ну куда жъ я веду его? Что же скажетъ онъ мнѣ? самъ я голову въ петлю кладу. Что же подумаетъ Петрушка, увидя насъ въ гостиную? Что этотъ мерзавецъ теперь подумаетъ осмѣлится? а онъ по дозрительнѣ...» — Но уже поздно было раскаляться; господинъ Голядкинъ постучался, дверь отворилась и Петрушка началъ снимать шинели съ гостя и барина. Господинъ Голядкинъ посмотрѣлъ вскользь, такъ только бросилъ мелькомъ взглядъ на Петрушку, стараясь проникнуть въ его физиономiю и разгадать его мысли. Но къ величайшему своему удивленiю увидѣлъ онъ, что служитель его не думаетъ удивляться, и даже, напротивъ, словно ждалъ чего то подобнаго. Конечно, онъ и теперь смотрѣлъ вбокъ, косилъ на сторону, и какъ-будто кого-то съестъ собирался. «Шутка-шутка», думалъ герой нашъ: «ужъ не околдовалъ ли ихъ кто всѣхъ сегодня, — бѣсъ какой-нибудь обѣжалъ! Непременно что-нибудь особенное должно быть во всемъ этомъ народѣ сегодня. Да только прикидывается бестiя, просто прикидывается. Знаетъ, все знаетъ! Чортъ возьми, экая мѣла какая!» Вотъ все-то такимъ образомъ думая и раздумывая, господинъ Голядкинъ ввелъ своего гостя къ себѣ въ комнату и пригласилъ покорно садиться. Гость былъ въ крайнемъ, повидимому, замѣшательствѣ, очень робко и покорно слѣдилъ за всеми движенiями своего хозяина, ловилъ его взгляды, и по нимъ, казалось, старался угадать его мысли. Что то униженное, забитое и запуганное выражалось во всѣхъ жесткахъ его, такъ-что онъ, если позволять сравненiе, довольно походилъ въ эту минуту на того человѣка, который, за немилостивой

его платья, одѣлся въ чужое : рукава лѣзутъ на верхъ, талия почти на затылкѣ, а онъ то поминутно оправляетъ на себя ко-
ткій жилетикъ, то вылетѣть бокомъ и сторонится, то поровнять
ка-нибудь спрятаться, то заглядываетъ всѣмъ въ глаза и при-
ушляется, не говорятъ ли чего люди о его обстоятельствахъ,
смѣются ли надъ нимъ, не стыдятся ли его, — и краснѣетъ че-
вѣкъ, и теряется человекъ, и страдаетъ амбиція... Господинъ Го-
лядкинъ поставилъ свою шляпу на окно ; отъ неосторожнаго дви-
женія шляпа его слетѣла на полъ. Гость тотчасъ же бросился ее
поднимать, счистилъ всю пыль, бережно поставилъ на прежнее
мѣсто, а свою на полу, возлѣ стула, на краешкѣ котораго сми-
ренно самъ помѣстился. Это маленькое обстоятельство открыло от-
чисти глаза господину Голядкину ; понялъ онъ, что нужда въ
немъ великая, и потому не сталъ болѣе затрудняться, какъ начать
съ своимъ гостемъ, предоставивъ это все, какъ и слѣдовало, сму-
шному. Гость же, съ своей стороны, тоже не начиналъ ничего,
хвѣль ли, стыдился ли немножко, или, въ учтивости, ждалъ
начала хозяйскаго — неизвестно, — разобрать было трудно. Въ
то время вошелъ Петрушка, остановился въ дверяхъ и уставивъ
глазами въ сторону, совершенно-противоположную той, въ ко-
торой помѣщались и гость, и баринъ его.

— Обѣда двѣ порціи прикажете брать? проговорилъ онъ не-
реже и сиповатымъ голосомъ.

— Я, я не знаю... вы — да, возьми, братъ, двѣ порціи.

Петрушка ушелъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на своего
гостя. Гость его покраснѣлъ до ушей. Господинъ Голядкинъ былъ
обрый человекъ, и потому, по добротѣ души своей, тотчасъ же
оставилъ теорію:

— Бѣдный человекъ, думалъ онъ, да и на мѣсть-то всего одинъ
день ; въ свое время пострадалъ, вѣроятно ; можетъ-быть, только и
обрато, что приличное платьишко, а самому и пообѣдать-то не-
бѣлъ. Экъ его, какой онъ забытый ! Ну, ничего ; это отчасти и
лучше... Извините меня, что я, — началъ господинъ Голя-
дкинъ : — впрочемъ, позвольте узнать, какъ мнѣ звать васъ ?

— Я... я... Яковъ Петровичемъ, почти прошепталъ гость его,
ловко совѣстясь и стыдясь, словно прощенія проса въ томъ, что
его зовутъ тоже Яковъ Петровичемъ.

— Яковъ Петровичъ ! повторилъ нашъ герой, не въ силахъ
удучи скрыть своего смущенія.

— Да-съ, точно-такъ-съ... Тѣзка вамъ-съ, отвѣчалъ смиреннѣй-
шій гость господина Голядкина, осмѣливаясь улыбнуться и сказать
ка-нибудь пошутливое. Но тутъ же и осѣлся назадъ, привѣсь

видъ самый серьезный и немного впрочемъ смущанный, замѣчалъ, что хозяйку его теперь не до шуточекъ.

— Вы... позвольте же васъ спросить, по какому случаю имено я честь...

— Зная ваше великодушіе и добродѣтели ваши, — быстро, но робкимъ голосомъ прервалъ его гость, немного приподымаясь со стула; — зная добродѣтели ваши, осмѣлился я обратиться къ вамъ и просить вашего... знакомства и покровительства... заключилъ его гость, очевидно затрудняясь въ своихъ выраженіяхъ, и выбирая слова не слишкомъ-льстивыя и унижительныя, чтобъ не скомпрометтировать себя въ-отношеніи амбиціи, но и не слишкомъ-свѣзлыя, отызывающіяся неприличнымъ равенствомъ. Вообще можно сказать, что гость господина Голядкина велъ себя какъ благородный двиній въ заштопанномъ фракѣ, и съ благороднымъ цаспорткомъ въ карманѣ, ненапрактиковавшійся еще какъ слѣдуетъ представлять руку.

— Вы смущаете меня, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, оглядывая себя, свои стулы и гостя: — чѣмъ же я могъ бы... я, те-ска-хочу сказать, въ какомъ имено отношеніи могу я вамъ услужить въ чемъ-нибудь?

— Я, Яковъ Петровичъ, почувствовалъ къ вамъ влеченіе съ перваго взгляда, и, простите меня великодушно, на васъ понадѣялся — осмѣлился понадѣяться, Яковъ Петровичъ. Я... я человекъ здѣсь затерянный, Яковъ Петровичъ, бѣдный, пострадалъ весьма-много, Яковъ Петровичъ, и здѣсь еще вновь. Узнавъ, что вы, при обыкновенныхъ, врожденныхъ вамъ качествахъ вашей прекрасной души, однофамилецъ мой...

Господинъ Голядкинъ поморщился.

— Однофамилецъ мой, и родомъ изъ однихъ со мной мѣстъ, рѣшился я обратиться къ вамъ, и изложить вамъ затруднительное мое положеніе.

— Хорошо-съ, хорошо-съ; право, я не знаю, что вамъ сказать, отвѣчалъ смущеннымъ голосомъ господинъ Голядкинъ: — вотъ, послѣ обѣда мы потолкуемъ...

Гость поклонился; обѣдъ принесли. Петрушка собралъ на столѣ гостя, вмѣстѣ съ хозяиномъ, принялись насыщать себя. Обѣдъ продолжался недолго; оба они торопились, — хозяинъ, потому-что былъ не въ обыкновенной тарелкѣ своей, да къ-тому же и совѣстился, что обѣдъ былъ дурной, — совѣстился же отчасти отъ-того, что хотѣлось гостя хорошо покоричнить, а частью отъ того, что хотѣлось показать, что онъ не какъ двиній живетъ. Съ другой стороны, гость былъ въ крайнемъ смущеніи и крайне возмущался. Взявъ одинъ разъ хлѣба и съѣвъ своей ломоть, онъ

уже боялся протягивать руку къ другому лонто, совѣстился брать кусочки по-лучше и поминутно увѣрялъ, что онъ все не голоденъ, что обѣдъ былъ прекрасный, и что онъ, съ своею стюпы, совершенно-доволенъ и во гробъ будетъ чувствовать. Когда еда кончилась, господинъ Голядкинъ закурилъ свою трубочку, предложилъ другую, заведенную для пріятеля, гостю, оба уселись другъ противъ друга, и гость началъ рассказывать свои приключенія.

Рассказъ господина Голядкина—младшаго продолжался часа три или четыре. Исторія приключеній его была, впрочемъ, соотвѣстна изъ самыхъ пустынныхъ, изъ самыхъ низверженныхъ, если можно сказать, обстоятельствъ. Дѣло шло о службѣхъ гдѣ-то въ палатахъ въ губерніи, о прокурорахъ и предсѣдателяхъ, о кое-какихъ канцелярскихъ интригахъ, о развратѣ души одного изъ новытчаиновъ, о ревности, о внезапной переѣзѣ начальства, о томъ, какъ господинъ Голядкинъ-второй пострадалъ совершенно-безвременно; о престарѣлой тѣтушкѣ его, Палаговѣ Семеновнѣ; о томъ, какъ онъ, по разнымъ интригамъ враговъ своихъ, мѣста лишился и пышкомъ приехалъ въ Петербургъ; о томъ, какъ онъ искался и горе выкалывалъ въ Петербургѣ, какъ бесплодно долгое время мѣста искалъ; промился, исхарчился, жилъ чуть не на улицѣ; въ чертовскій лѣтъ и зашивалъ его слезами своими, свалъ на голову нолу, и, наконецъ, какъ кто-то изъ добрыхъ людей взялся хлопотать о немъ, рекомендовалъ и великодушнѣе къ новому мѣсту пристроилъ. Гость господина Голядкина плакалъ рассказывая и утиралъ слезы синимъ клетчатымъ платкомъ, весьма входившимъ на клеенку. Заключилъ же онъ тѣмъ, что открылся вполнѣ господину Голядкину и признался, что ему не только нечѣмъ поганиться жить и прилично устроиться, но и обмундироваться—то какъ слѣдуетъ не на что; что вотъ, включилъ онъ, даже на сапожника не могъ смолотиться, и что видъ-мундиръ взять нигъ у кого-то на поддержаніе на малое время.

Господинъ Голядкинъ былъ въ умилени, былъ истинно тронутъ. Впрочемъ, и даже не смотря на то, что исторія его гостя была самая пустая исторія, все слова этой исторіи лежались на сердце его словно манна небесная. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ забывалъ послѣднія сомнѣнія свои, разрѣшилъ свое сердце на свободу и радость и, наконецъ, мысленно самъ себя пожаловалъ въ дураки. Все было такъ естественно! И было отъ чего сокрушаться, бить такую тревогу! Ну, есть, действительно есть одно исключительное обстоятельство, — да эдакъ оно не бѣда: оно не можетъ самарать человека, амбцію его замятнать и карьеру его закрутить, когда пощипывать человека, когда сама природа съде за-

вздыхалась. Къ-тому же, гость просилъ покровительства, гость плакалъ, гость судьбу обвинялъ, казался такимъ незатѣйливымъ, безъ злобы и хитростей, жалкимъ, ничтожнымъ, и, кажется, самъ теперь совѣстился, хотя, можетъ-быть, и въ другомъ отношеніи страннымъ сходствомъ лица своего съ хозяйскимъ лицомъ. Вѣдь онъ себя де-нельзя благонадежно, такъ и смотрѣлъ угождать своему хозяину, и смотрѣлъ такъ, какъ смотритъ человекъ, который терзается угрызеніями совѣсти и чувствуетъ, что виновать передъ другимъ человекомъ. Заходила ли, на-примѣръ, рѣчь о какомъ-нибудь существенномъ пунктѣ, гость тотчасъ же соглашался съ мнѣніемъ господина Голядкина. Если же какъ-нибудь, по ошибкѣ, заходилъ мнѣніемъ своимъ въ контръ господину Голядкину, и потому мнѣ чаль, что сблизя съ дороги, то тотчасъ же поправлялъ свою рѣчь, объяснялся и давалъ немедленно знать, что онъ все разумѣетъ точно такимъ же образомъ, какъ хозяинъ его, мыслить такъ же, какъ онъ, и смотритъ на все совершенно-таинни же глазами, какъ онъ. Однимъ словомъ, гость употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы въ господинѣ Голядкинѣ, такъ-что господинъ Голядкинъ рѣшилъ наконецъ, что гость его долженъ быть весьма-любимымъ человекомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Между-прочимъ, подали чай; чай былъ девятый. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи духа, развеселился, разыгрался, расхотѣлся, пошаманюкну и впустился наконецъ въ самый живою и занимательный разговоръ съ своимъ гостемъ. Господинъ Голядкинъ водъ не седую руку любилъ иногда рассказать что-нибудь интересное. Такъ и теперь: рассказалъ гостю много о столицѣ, объ увеселеніяхъ, прасотахъ ея, о театрѣ, о клубахъ, о картинахъ Брюллова; о томъ какъ два Англичанина пріѣхали наречиво изъ Англіи изъ Петербурга, чтобъ посмотреть на рашетку Лѣтняго-Сада, и тотчасъ уехали; о службѣ, объ Олсуфѣ Ивановичѣ и объ Андрѣ Филіпповичѣ; о томъ, что Россія съ-часу-на-часъ идетъ къ совершенству, и что «тутъ

Словесныя науки здесь цвѣтутъ»;

объ анекдотѣ, прочитанномъ недавно въ «Сѣверной Пчелѣ», что въ Индіи есть змѣя удавъ необыкновенной силы; наконецъ о баронѣ Брамбеусѣ, и т. д., и т. д. Словемъ, господинъ Голядкинъ вполне былъ доволенъ, во-первыхъ, потому-что былъ совершенно-спокоенъ, во-вторыхъ, что не только не боялся враговъ своихъ, но даже готовъ былъ теперь всѣхъ ихъ вызвать на самый рѣшительный бой; въ-третьихъ — что самъ своею особою оказывалъ покровительство и, наконецъ, дѣлалъ доброе дѣло. Сознавая себѣ, впрочемъ, въ душѣ своей, что еще не совсемъ-счастливы

въ эту минуту, что сидитъ въ немъ еще одинъ червячекъ, самый малюшкй впрочемъ, и течить даже и теперь его сердце. Мучило крайне его воспоминаніе о вчерашнемъ вечерѣ у Олсуфья Ивановича. Много бы далъ онъ теперь, еслибы не было кой-чего въ томъ, что было вчера. «Впрочемъ, вѣдь оно ничего!» заключала шлющъ нашъ герой и рѣшился твердо въ душѣ вести себя впередъ хорошо и не впадать въ подобныя промахи. Такъ-какъ господинъ Голядкинъ теперь раскопался вполне и сталъ вдругъ почти совершенно-счастливъ, то издумалось ему даже и пожуровать жизнь. Принесенъ былъ Петрушкою ромъ, и составилъ пуншъ. Гость г-ховлянинъ осушилъ по стакану и по два. Гость оказался имъ любезнѣе прежняго, и съ своей стороны показавъ не одно достоинство приподушія и счастливаго характера своего, сильно подлы въ удовольствіе господина Голядкина, казалось, радовался только одною его радостью и смотрѣлъ на него какъ на истиннаго и единственнаго своего благодѣтеля. Взявъ перо и листочекъ бумаги, онъ попросилъ господина Голядкина не смотрѣть на то; но онъ будетъ писать, и потомъ, когда кончитъ, самъ покажетъ маму своему все написанное. Оказалось, что это было четверостишіе, написанное довольно-чувствительно, впрочемъ прекрасными буквами и почеркомъ, и, какъ видно, сочиненіе самого любимаго гостя. Стишки были слѣдующіе:

Если ты мама забудешь,
 Не забуду я тебя;
 Въ жизни можетъ все случиться,
 Не забудь и ты меня!

Со слезки на глазахъ обнявъ своего гостя господина Голядкина, и расчувствовавшись наконецъ вполне, самъ посвятивъ своего гостя въ нѣкоторые секреты и тайны свои, причемъ рѣчь сильно направилъ на Андрея Филипповича и на Клару Олсуфьевну. «Ну, дядь мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, сойдемся» говорилъ нашъ герой своему гостю: «мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, сойдемся; будемъ жить какъ рыба съ водой, какъ братья родиме; мы, дружище, будемъ хитрить, за-одно хитрить будемъ; съ своей стороны будемъ интригу вести въ пику нивъ... въ пику-то имъ интригу вести. Мы съ тобой теперь за-одно, а имъ-то ты никому не нравишься. Вѣдь я тебя знаю, Яковъ Петровичъ, и характеръ твой знаю; вѣдь ты какъ-разъ все расскажешь, душа ты правдивая! Ты, братъ, сторонись отъ нихъ всѣхъ.» Гость вполне соглашался, благодарилъ господина Голядкина и тоже наконецъ прослезился. «Ты знаешь ли, Яша» продолжалъ господинъ Голядкинъ дрожащимъ, ослабленнымъ голосомъ: «ты, Яша, посиди у меня и

время, или навсегда поселись. Мы сойдемся. Что, братъ, тебѣ, а
 А ты не смущайся и не ропщи на то, что дотъ между вами та
 кое странное теперь обстоятельство: роптать, братъ, грѣшно; по
 жерись и смириись; это природа! А мать-природа щедра, вотъ что
 братъ Яша! Любя тебя, братски любя тебя, говорю. А мы съ то
 бой, Яша, будемъ хитрить и съ своей стороны подковы вѣсти, и
 носы имъ утремъ.» Пувиль наконецъ дошелъ до третьихъ и чет
 вертыхъ стакановъ на брата, и тогда господинъ Голядкинъ сталъ
 испытывать два ощущенія: одно то, что необыкновенно-счастливъ,
 а другое—что уже не можетъ стоять на ногахъ и качается. Гости
 разумеется, былъ приглашенъ ночевать. Кровать была кое-какъ со
 ставлена изъ двухъ рядовъ стульевъ. Господинъ Голядкинъ-млад
 шій объявилъ, что подлѣ дружескимъ кровомъ мягко спать и на го
 домъ палу, что съ своей стороны онъ заснетъ, гдѣ придется, съ
 некоррктностью и привапательностью; что теперь онъ въ раю, и что
 законенъ, онъ много перенесъ на своемъ вѣку несчастій и гор
 на все посмотрѣлъ, всего перетерпѣлъ, и — кто знаетъ буду
 щее? — можетъ-быть, еще перетерпеть. Господинъ Голядкинъ
 старшій протестовалъ противъ этого и началъ доказывать, что
 нужно возложить всю надежду на Бога. Гость вполне соглашался
 возвернулъ, что, разумѣется, никто таковъ, какъ Богъ. Тутъ господинъ
 Голядкинъ-старшій замѣтилъ, что Турки правы въ нѣкоторомъ от
 ношеніи, призывая даже во снѣ имя Божіе. Потомъ, не соглаша
 лись, впрочемъ, съ иными учеными въ ншихъ ксветахъ, взводившимъ
 на турецкаго пророка Мухаммеда, и призывая его въ своемъ ро
 дѣ великимъ политикомъ, господинъ Голядкинъ перешелъ къ все
 ма-интересному описанію алжирской царюльни, о которой читалъ
 въ какой-то книжкѣ, въ смѣси. Гость и хозяинъ много смѣяли
 подлѣ престолушнмъ Турковъ; впрочемъ, не могли не отдать дол
 жной дань удивленія ихъ фанатизму, возбуждаемому опиумомъ.
 Гость сталъ наконецъ раздѣваться, а господинъ Голядкинъ вы
 шелъ за перегородку, частію по добротѣ души, что, можетъ-быть
 доскаты у него и рубашки-то порядочной нѣтъ, такъ чтобы и
 сдѣлать и безъ того уже пострадавшаго чловѣка, а частію да
 того, чтобы увѣриться по-взможности въ Петрушкѣ, испытать его
 разсудокъ, если можно, и приласкать чловѣка, чтобы ужъ такъ
 чтобы, умъ всѣ были счастливы, и чтобы не оставалось на столѣ
 пресуданной соды. Нужно замѣтить, что Петрушка все еще по
 бнчно смущалъ господина Голядкина.

Ты, Петръ, дожись теперь спать, кратко скажешь господину
 Голядкину, входи въ отдѣленіе своего служителя:—ты теперь и
 шнѣ спать, а завтра въ восемь часовъ ты меня и разбуди. Пои
 жасна, Петрушка?

Господинъ Голядкинъ говорилъ необыкновенно-мягко и ласково. Но Петрушка молчалъ. Онъ въ это время возился около своей кровати и даже не обернулся къ своему барину, что бы долженъ былъ сдѣлать, впрочемъ, изъ одного къ нему уваженія.

— Ты, Петръ, меня слышалъ? продолжалъ господинъ Голядкинъ. — Ты вотъ теперь ложись спать, а завтра, Петруша, ты и разбуди меня въ восемь часовъ; понимаешь?

— Да ужъ помню, ужъ что тутъ! проворчалъ себѣ подъ носъ Петрушка.

— Ну то-то, Петруша; я это только такъ говорю, чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. Вотъ мы теперь все счастливы, такъ чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. А теперь спокойной ночи желаю тебѣ. Усни, Петруша, усни; мы все трудиться должны... Ты, братъ, знаешь, не думай чего-нибудь...

Господинъ Голядкинъ началъ-было, да и остановился. «Не слышитъ ли будетъ?» подумалъ онъ: «не далеко ли я замкнулъ? Такъ, такъ; всегда; всегда-то я пересыплю.» Герой нашъ вышелъ отъ Петрушки весьма-недовольный собою. Къ-тому же, грубостью и неповажливостью Петрушки онъ немного обидѣлся. «Съ шведомъ не признаютъ, шведу баринъ честь дѣлаетъ, а онъ не чувствуетъ», подумалъ господинъ Голядкинъ. «Впрочемъ, такая ужъ важная подава у всего этого рода!» Отчасти покачиваясь, воротился въ комнату, и видя, что гость его улегся совсѣмъ, пристѣлъ и минутку къ нему на постель. «А вѣдь признайся, Яша, началъ въ шепотъ и курныкая головой: «вѣдь ты, подлецъ, предо мной шлопать? вѣдь ты, тѣзка, знаешь, того...» продолжалъ онъ, довольно-самодушно заговаривая съ своимъ гостемъ. Наконецъ, распростившись съ нимъ дружески, господинъ Голядкинъ отправился спать. Гость между-тѣмъ захрапѣлъ. Господинъ Голядкинъ въ свою очередь началъ ложиться въ постель, а между-тѣмъ посмѣиваясь шепталъ про себя: «Вѣдь ты пьянъ сегодня, голубчикъ мой, Яковъ Петровичъ, подлецъ ты такой, Голядка ты этакой — фамилья твой какой! Ну, чему ты обрадовался? Вѣдь завтра расплачешься, ну и ты этакая; что мнѣ дѣлать съ тобой!» Тутъ довольно-странное чувство отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина, что въ каждомъ на сомнѣнїе или раскаянїе. «Расходился жъ я» думалъ онъ: «вѣдь вотъ теперь шумитъ въ головѣ и я пьянъ; и не удер- жана, дурачина ты этакая! и вздору съ три короба намололъ, да не шприть, подлецъ, собирался. Конечно, прошенїе и забвенїе есть самая первѣйшая добродѣтель, но все жъ оно плохо! вотъ и шло!» Тутъ господинъ Голядкинъ привсталъ, взявъ свѣчу; и шло-какъ еще разъ пошелъ взглянуть на спящаго своего гостя. Долго стоялъ онъ надъ нимъ въ глубокомъ раздумьи. «Варъ

тима неприятная! пасквиль, чистѣйшій пасквиль, да и дѣло съ концомъ!»

Наконецъ господинъ Голядкинъ улегся совсѣмъ. — Въ головѣ у него шумѣло, трещало, звонило. Онъ сталъ забываться — забываться... свихлся—было о чемъ-то думать, вспомнить что-то такое весьма-интересное, разрешить что-то такое весьма-важное, какое-то щекотливое дѣло,—но не могъ. Сонъ налетѣлъ на его побѣдную голову, и онъ заснулъ такъ, какъ обыкновенно спятъ люди, съ непривычки употребившіе вдругъ пять стакановъ пивна и какой-нибудь дружеской вечеринкѣ.

ГЛАВА VIII.

О томъ, что случилось съ господиномъ Голядкинымъ въ продолженіи. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ струсилъ отчасти. Встрѣча обонхъ Голядкиныхъ. Какъ одинъ господинъ Голядкинъ пускаетъ пыль въ глаза другому господину Голядкину. Адская взъѣна господина Голядкина-младшаго. Неприличіе и необразованность господина Голядкина-младшаго. Безобразіе господина Голядкина-младшаго. Миніе господина Голядкина-старшаго въ тоннахъ, амбиціяхъ и репутаціяхъ. О томъ, какинъ образомъ эта глава кончается.

Какъ обыкновенно, на другой день господинъ Голядкинъ проснулся въ восемь часовъ; проснувшись же, тотчасъ припомнилъ подробности вчерашняго вечера, — припомнилъ и поморщился. «Экая развѣгрався вчера такимъ дуракомъ!» подумалъ онъ, приподнявшись съ постели и взглянувъ на постель своего гостя. Но какое же было его удивленіе, когда не только гостя, но даже и постель на которой спалъ гость, не было въ комнатѣ! «Что же это такое? Чуть не вскрикнулъ господинъ Голядкинъ: «что же бы это было такое? Что же означаетъ теперь это новое обстоятельство?» По камчатъ господинъ Голядкинъ, недоумывая, съ раскрытыми ротомъ смотрѣлъ на опустѣлое мѣсто, скрикнула дверь, и Петрушка вошелъ съ чайнымъ подносомъ. «Гдѣ же, гдѣ же?» проговорилъ чуть слышнымъ голосомъ нашъ герой, указывая пальцемъ на вчерашнее мѣсто, отведенное гостю. Петрушка сначала не отвѣчалъ ничего, даже не посмотрѣлъ на своего барина, а повернулся своимъ глазомъ въ уголъ направо, такъ-что господинъ Голядкинъ самъ принужденъ былъ взглянуть въ уголъ направо. Впрочемъ, послѣ нѣско-

того молчанія Петрушка сиповатымъ и грубымъ голосомъ отвѣтъ — «что барина, дескать, дома вѣтъ».

— Дуракъ ты; да вѣдь я твой баринъ, Петрушка; проговорилъ господинъ Голядкинъ прерывистымъ голосомъ, и во весь глаза смотри на своего служителя.

Петрушка ничего не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ такъ на господина Голядкина, что тотъ покраснѣлъ до ушей, — посмотрѣлъ съ какою-то оскорбительною укоризною, похожею на чистую брань. Господинъ Голядкинъ и руки опустилъ, какъ говорится. Наконецъ, Петрушка объявилъ, что *другой* ужь часа съ полтора какъ ушелъ, что онъ не хотѣлъ дожидаться, и что общалъ своевременно увидѣться, поговорить и объясниться рѣшительно. Конечно, отвѣтъ былъ вѣроятенъ и правдоподобенъ; видно было, что Петрушка не гналъ, что оскорбительный взглядъ его и слово *другой*, употребленное имъ, тоже оскорбительное для чести героя нашего, были лишь слѣдствіемъ всего известнаго гнуснаго обстоятельства, что наконецъ Петрушка нѣкоторымъ образомъ былъ въ своемъ правѣ; говоря и поступая такимъ образомъ, и что претендовать на него, или распекать его за это нельзя; слѣдовательно, на этотъ счетъ господинъ Голядкинъ могъ повидимому оставаться совершенно спокойнымъ, — но все-таки онъ понималъ хоть и смутно, что тутъ что-нибудь да не такъ, и что судьба готовить ему еще какой-то гостинецъ, не совсѣмъ-то пріятный. «Хорошо, мы посмотримъ, думалъ онъ про себя: «мы увидимъ, мы своевременно раскусимъ все это... Ахъ, ты Господи Боже мой!» простоналъ онъ и заключеніе уже совсѣмъ-другимъ голосомъ: «и зачѣмъ я это предлагалъ его, на какой конецъ я все это дѣлалъ? вѣдь истинно снѣ голову сую въ петлю ихъ воровскую, самъ эту петлю свящую. Ахъ, ты голова, голова! вѣдь и утерпѣть-то не можешь ты, чтобъ не провратъся какъ мальчишка какой-нибудь, канцеляристъ какой-нибудь, какъ безчиновная дрянъ какая-нибудь, тряпка, вешалка гнилая какая-нибудь, сплѣтничъ ты этакой, баба ты этакая!... Святые вы мои! И стишки шельмецъ написалъ, и въ любки ко мнѣ изъяснился! Какъ бы этакъ того... Какъ бы ему, шельмцу, приличнѣе на дверь указать, коли воротится? Разумѣется, много есть разныхъ оборотовъ и способовъ. Такъ и такъ, дескать, при моемъ ограниченномъ жалованьи... Или тамъ, припугнуть его какъ-нибудь, что, дескать, взявъ въ соображеніе вотъ то-то и то-то, принужденъ изъясниться... дескать, нужно въ половинѣ платить за квартиру и столъ, и деньги впередъ отдавать. Гм! вѣтъ, чертъ возьми, вѣтъ! Это меня замараешь. Оно не совсѣмъ-деликатно. Развѣ какъ-нибудь тамъ, вотъ этакъ бы сдѣлать: взять бы, да и надумать Петрушкѣ, чтобъ Петрушка ему насолналъ какъ-ни-»

будь, неглижировалъ бы съ нимъ какъ-нибудь, подѣ-часть бы сгрубилъ ему, да и выжить его такимъ-образомъ? Стравить бы ихъ такъ вмѣств... Нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это опасно, да и опять если съ этакой точки зрѣнья смотреть — ну, да, вовсе нехорошо. Совсѣмъ-нехорошо! А ну, если онъ не прійдетъ? что тогда будетъ проврался я ему вчера вечеромъ!.. Эхъ, плохо, плохо! Эхъ, дѣло то наше какъ плоховато! Ахъ, я голова, голова окаянная! взубритъ то ты чего слѣдуетъ не можешь себя, резону-то вгвоздить туда не можешь себя! Ну, какъ онъ не прійдетъ и откажется? А дай-то Господи, еслибъ пришелъ! весьма былъ бы радъ я, еслибъ пришелъ онъ; много бы далъ я, еслибъ пришелъ...» Такъ разсуждалъ господинъ Голядкинъ, глотая свой чай и безпрестанно поглядывая на стѣнные часы. «Безъ четверти девять теперь; вѣдь вотъ ужъ пора идти. А что-то будетъ такое, что-то тутъ будетъ. Желалъ бы я знать, что здѣсь именно особеннаго такого скрывается, — этакъ цѣль, направленіе и разныя тамъ заковыки. Хорошо бы узнать, на что именно метать все эти народы, и каковы-то будутъ ихъ первый шагъ...» Господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть, бросилъ недокуренную трубку, одѣлся и пустился на службу, желая накрыть, если можно, опасность и во всемъ удостовѣриться своимъ личнымъ присутствіемъ. А опасность была: это ужъ онъ самъ зналъ, что опасность была. «А вотъ мы ее... в раскусимъ» говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шинель и калоши въ передней: «вотъ мы и проникнемъ сейчасъ во все эти дѣла.» Рѣшившись такимъ-образомъ дѣйствовать, герой нашъ оправился, принявъ видъ приличный и форменный, и только-что хотѣлъ-было проникнуть въ сосѣднюю комнату, какъ вдругъ въ самыхъ дверяхъ столкнулся съ нимъ вчерашній знакомецъ, другъ и пріятель его. Господинъ Голядкинъ-младшій, кажется, не замѣчалъ господина Голядкина-старшаго, хотя и сошелся съ нимъ почти носомъ къ носу. Господинъ Голядкинъ-младшій былъ, кажется, занятъ куда-то спѣшишь, запыхался; видъ имѣлъ такой оффиціальныи такой дѣловой, что, казалось, всякій могъ прямо прочесть на лицѣ его — «командированъ по особому порученію»...

— Ахъ, это вы, Яковъ Петровичъ! сказалъ нашъ герой, хватая своего вчерашняго гостя за руку.

— Послѣ, послѣ, извините меня, расскажете послѣ, закричалъ господинъ Голядкинъ-младшій, порываясь впередъ...

— Однако, позвольте; вы, кажется, хотѣли, Яковъ Петровичъ, того-съ...

— Что-съ? Объясните скорѣе-съ. — Тутъ вчерашній гость господина Голядкина остановился какъ-бы черезъ силу и нехотѣ, подставилъ ухо свое прямо къ носу господина Голядкина.

— Я вамъ скажу, Яковъ Петровичъ, что я удивляюсь приему... приему, какого вовсе, по-видимому, не могъ бы я ожидать.

— На все есть известная форма-съ. Явитесь къ секретарю его превосходительства и потомъ отнесите, какъ слѣдуетъ, къ господину правителю канцелярин. Просьба есть?...

— Вы, я не знаю, Яковъ Петровичъ! вы меня просто изумляете, Яковъ Петровичъ! вы вѣрно не узнаете меня, или шутите, по врожденной веселости характера вашего.

— А, это вы! сказалъ господинъ Голядкинъ-младшій, какъ-будто только-что сейчасъ разглядѣлъ господина Голядкина-старшаго: — такъ это вы? Ну, очень радъ, что это вы! Ну, что жъ, хорошо ли вы почивали? Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій, улыбувшись немного, официально и форменно улыбувшись, хотя вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало (потому-что, вѣдь во всякомъ случаѣ онъ одолженъ же былъ благодарностью господину Голядкину-старшему), и такъ улыбувшись официально и форменно, прибавилъ, что онъ съ своей стороны весьма-радъ, что господинъ Голядкинъ хорошо почивалъ; потомъ наклонился немного, всматривалъ немного на мѣсть, поглядѣлъ направо, налево, потомъ опустилъ глаза въ землю, нацѣлился въ боковую дверь, и, прошептавъ скороговоркой, что онъ по особому порученію, юркнулъ въ сосѣднюю комнату. Только и видѣлъ его нашъ герой.

— Вотъ-те и штука!.. прошепталъ нашъ герой, остолбенѣвъ на мгновѣніе: — вотъ-те и штука! Такъ вотъ такое-то здѣсь обстоятельство!... Тутъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что у него отъ чего-то заходили мурашки по тѣлу. — Впрочемъ, продолжалъ онъ про себя, пробираясь въ свое отдѣленіе: — впрочемъ, вѣдь я уже давно говорилъ о такомъ обстоятельствѣ; я уже давно предчувствовалъ, что онъ по особому порученію, — именно, вотъ вчера говорилъ, что непременно по чьему-нибудь особому порученію употребленъ человекъ... Однакожъ, какъ же все это?.. Если такъ рассудить, оно выходитъ и не совсемъ-такое необыкновенное дѣло. Здѣсь, во-первыхъ, вѣроятно, есть недоразумѣніе какое-нибудь, а во-вторыхъ, вѣдь то же самое и со всеми случается; оно, можетъ-быть, то же самое и со всеми случится...

— Окончили вы, Яковъ Петровичъ, вчерашнюю вашу бумагу? спросилъ Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ усѣвагося подлѣ него господина Голядкина: — у васъ здѣсь она?

— Здѣсь, прошепталъ господинъ Голядкинъ, смотря на своего столоначальника отчасти съ потерявшимся видомъ.

— То-то-съ. Я къ тому говорю, что Андрей Филипповичъ уже давно спрашивалъ. Того-и-гляди, что его превосходительство потребуетъ...

— Нѣтъ-съ, она кончена-съ...

— Ну-съ, хорошо-съ.

— Я, Антонъ Антоновичъ, всегда, кажется, исполнялъ свою должность какъ слѣдуетъ и радью о порученныхъ мнѣ начальствомъ дѣлахъ-съ, занимаюсь ими рачительно.

— Да-съ. Ну-съ, что же вы хотите этимъ сказать-съ?

— Я ничего-съ, Антонъ Антоновичъ. Я только, Антонъ Антоновичъ, хочу объяснить, что я... т. е. я хотѣлъ выразить, что иногда неблагонамѣренность и зависть не щадятъ никакого лица, и своей повседневной отвратительной пищи-съ...

— Извините, я васъ не совсѣмъ-то понимаю. То-есть, на какое лицо вы теперь оборотомъ смысла вашихъ рѣчей нарицание дѣлаете?

— То-есть, я хотѣлъ только сказать, Антонъ Антоновичъ, что я иду прямымъ путемъ, а окольнымъ путемъ ходить презираю, что я не интригантъ, и что самъ, если позволено только будетъ мнѣ выразиться, могу весьма-справедливо гордиться...

— Да-съ. Эго все такъ-съ, и по крайнему моему разумѣнію отдаю полную справедливость разсужденію вашему; но позволяйте же и мнѣ вамъ, Яковъ Петровичъ, замѣтить, что личности въ хоршемъ обществѣ не совсѣмъ позволительны-съ; что за глаза, и на-примѣръ, готовъ снести, — потому-что за глаза и кого жь не бранять! — но въ глаза, воля ваша, а я сударь мой, на-примѣръ, себя дерзостей говорить не позволю. Я, сударь мой, посѣдѣлъ въ государевой службѣ, и дерзостей на старости лѣтъ говорить себѣ не позволю-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ-съ, вы видите ли, Антонъ Антоновичъ, вы, кажется, Антонъ Антоновичъ, меня не совсѣмъ-то въ смыслъ рѣчей моихъ уразумѣли-съ. А я, помилуйте, Антонъ Антоновичъ, я съ своей стороны могу только за честь постоять-съ...

— Да ужь и насъ тоже прошу извинить-съ. Учены мы не старинному-съ. А по вашему, по новому учиться намъ поздно. По службѣ отечеству разумѣнія доселѣ намъ, кажется, доставало. У меня, сударь мой, какъ вы сами знаете, есть знакъ за двадцать пятнадцатую безпорочную службу-съ...

— Я чувствую, Антонъ Антоновичъ, я съ моей стороны совершенно все это чувствую-съ. Но я не про то-съ, я про маску говорю, Антонъ Антоновичъ-съ...

— Про маску-съ?

— То-есть, вы опять... я опасаясь, что вы и тутъ примете въ другую сторону смыслъ, т. е. смыслъ рѣчей моихъ, какъ вы сами говорите, Антонъ Антоновичъ. Я только тамъ разваваю, т. е.

ропускаю идею, Антонъ Антоновичъ, что люди, носящіе маску, гали не редки-сь, и что теперъ трудно подъ маской уздать чевъка-сь...

— Ну-сь, знаете ли-сь, оно не совсѣмъ-то и трудно-сь. Иногда довольно легко-сь, иногда и искать недалеко нужно ходить-сь.

— Нѣтъ-сь, знаете ли-сь, я, Антонъ Антоновичъ, говорю-сь, про себя говорю, что я, на-примѣръ, маску надѣваю лишь когда нужна въ ней бываетъ, т. е. единственно для карнавала и веселыхъ собраній, говоря въ прямомъ смыслѣ, по что не маскируюсь передъ людьми каждодневно, говоря въ другомъ, болѣе-скрытномъ смыслѣ-сь. Вотъ что я хотѣлъ сказать, Антонъ Антоновичъ-сь.

— Ну, да мы, покамѣстъ, оставимъ все это; да мнѣ же и некогда-сь, сказалъ Антонъ Антоновичъ-сь, вставъ съ своего мѣста и собирая кой-какія бумаги для доклада его превосходительству. — Дѣло же ваше, какъ я полагаю, не замедлитъ своевременно объясниться. Сами же увидите вы, на кого вамъ пенять, и кого обвинять, а за тѣмъ прошу васъ покорнѣе уволить меня отъ дальнѣйшихъ, частныхъ и вредящихъ службъ объясненій и толковъ-сь...

— Нѣтъ-сь, я, Антонъ Антоновичъ, началъ поблѣднѣвшій немного господинъ Голядкинъ вслѣдъ удаляющемуся Антону Антоновичу:—я, Антонъ Антоновичъ, того-сь, и не думалъ-сь.—Что же это такое? продолжалъ уже про себя нашъ герой, оставшись одинъ:—что же это за ветры такіе здѣсь подувають, и что означаетъ этотъ новый крючокъ? Господи, Боже мой! да не сплю ли ужъ я?.. — Въ то самое время, какъ потерянный и полу-убитый герой нашъ готовился-было разрѣшить этотъ новый и довольно-интересный вопросъ, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ, обнаружилось какое-то дѣловое движеніе, дверь отворилась, и Андрей Филипповичъ, только-что передъ тѣмъ отлучившійся по дѣламъ въ кабинетъ его превосходительства, запыхавшись, появился въ дверяхъ и кликнувъ господина Голядкина. Зная въ чемъ дѣло и не желая заставить ждать Андрея Филипповича, господинъ Голядкинъ вскочилъ съ своего мѣста и, какъ слѣдуетъ, немедленно засуетился на чемъ свѣтъ стоитъ, обготовляя и обхаливая окончательно требуемую тетрадку, да и самъ приготавливаясь отправиться, вслѣдъ за тетрадкой и Андреемъ Филипповичемъ, въ кабинетъ его превосходительства. Вдругъ и почти изъ-подъ руки Андрея Филипповича, стоявшаго въ то время въ самыхъ дверяхъ, юркнулъ въ комнату господинъ Голядкинъ-младшій, суетясь, запыхавшись, загонявшись на службѣ, съ важнымъ рѣшительно-форменнымъ видомъ и прямо подкатился къ господину Голядкину-старшему, менѣе всего ожидавшему подобнаго нападенія...

— Бумаги, Яковъ Петровичъ, бумаги... его превосходительство изволили спрашивать, готовы ль у васъ? зашебеталъ вполголоса и скороговоркой пріятель господина Голядкина-старшаго:— Андрей Филипповичъ васъ ожидаетъ...

— Знаю и безъ васъ, что ожидаютъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ-старшій тоже скороговоркой и шепотомъ.

— Нѣтъ, я, Яковъ Петровичъ, не то; я, Яковъ Петровичъ, съ вами не то; я сочувствую, Яковъ Петровичъ, и подвигнуть душой своимъ участіемъ.

— Отъ котораго нижайше прошу васъ избавить меня. Позвольте, позвольте-съ...

— Вы, разумеется, ихъ обернете оберточкой, Яковъ Петровичъ, а третью-то страничку вы заложите закладкой, позвольте, Яковъ Петровичъ...

— Да позвольте же вы, наконецъ...

— Но вѣдь здѣсь чернильное пятнышко, Яковъ Петровичъ, чернильное пятнышко; вы замѣтили ль чернильное пятнышко?..

Тутъ Андрей Филипповичъ второй разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Сейчасъ, Андрей Филипповичъ; я вотъ только немножко, вотъ здѣсь... Милостивый государь, понимаете ли вы русскій языкъ?

— Лучше всего будетъ ножичкомъ снять, Яковъ Петровичъ, вы лучше на меня положитесь; вы лучше не трогайте самъ, Яковъ Петровичъ, а на меня положитесь, и я же отчасти тутъ ножичкомъ...

Андрей Филипповичъ третій разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Да помилуйте, гдѣ же тутъ пятнышко? Вѣдь, кажется, вовсе нѣту здѣсь пятнышка?

— И огромное пятнышко, вотъ оно! вотъ, позвольте, я здѣсь его видѣлъ; вотъ, позвольте... вы только позвольте мнѣ, Яковъ Петровичъ, вы только позвольте, я отчасти здѣсь ножичкомъ, я въ участіи, Яковъ Петровичъ, и ножичкомъ отъ чистаго сердца... вы только позвольте; вотъ такъ, вотъ и дѣло съ концомъ...

Тутъ, и совсѣмъ-неожиданно, господинъ Голядкинъ-младшій, вдругъ, ни съ того ни съ сего, ославивъ господина Голядкина-старшаго въ мгновенной борьбѣ, между ними возникшей, и во всякой случаѣ совершенно противъ воли его, овладевъ требуемой начальствомъ бумагой, и, вмѣсто того, чтобъ поскоблить ее ножичкомъ отъ чистаго сердца, какъ вѣроломно увѣрялъ онъ господина Голядкина-старшаго, быстро свернулъ ее, сунулъ подъ мышку, въ дѣлѣ скачка очутился возлѣ Андрея Филипповича, незамѣтившаго ни одной изъ продѣлокъ его, и полетѣлъ съ нимъ въ директорскій

кабинетъ. Господинъ Голядкинъ-старшій остался какъ-бы прикованнымъ къ мѣсту, держа въ рукахъ ножичекъ и какъ-будто приготовляясь что-то скоблить имъ...

Герой нашъ еще не совсѣмъ понималъ свое новое обстоятельство, онъ еще не опомнился. Онъ почувствовалъ ударъ, но думалъ, что это что-нибудь такъ, а между-тѣмъ шепталъ про себя: «сейчасъ, Андрей Филипповичъ; я сейчасъ; я вотъ тотчасъ же буду готовъ...» Однако, черезъ мгновеніе онъ понималъ, хотя какъ-то смутно понималъ, хотя все еще думалъ, что это что-нибудь такъ, ничего... Въ страшной, неописанной тоскѣ сорвался онъ наконецъ съ мѣста и бросился прямо въ директорскій кабинетъ, моля, впрочемъ, небо дорого, чтобъ это устроилось все какъ-нибудь къ лучшему и было бы такъ, ничего... Въ послѣдней комнатѣ передъ директорскимъ кабинетомъ, сбѣжался онъ прямо, носъ-съ-носомъ съ Андреемъ Филипповичемъ и съ однофамильцемъ своимъ. Оба они уже возмущались: господинъ Голядкинъ посторонился. Андрей Филипповичъ говорилъ улыбаясь и весело. Однофамилецъ господина Голядкина-старшаго тоже улыбался, юлилъ, семеня въ почтительномъ разстояніи отъ Андрея Филипповича, и что-то съ восхищеннымъ видомъ нашептывалъ ему на ушко, на что Андрей Филипповичъ самымъ благосклоннымъ образомъ кивалъ головою. Разомъ юлилъ герой нашъ все положеніе дѣлъ. Дѣло въ томъ, что работа его (какъ онъ послѣ узналъ) почти превзошла ожиданія его превосходительства и поспѣла дѣйствительно къ сроку и во-время. Его превосходительство были крайне-довольны. Говорили даже, что его превосходительство сказали спасибо господину Голядкину-малшему, крѣпкое спасибо, сказали, что вспомнать при случаѣ и никакъ не забудутъ... Разумѣется, что первымъ дѣломъ господина Голядкина было протестовать, протестовать всѣми силами, до послѣдней возможности. Почти не помня себя и блѣдный, какъ смерть, бросился онъ къ Андрею Филипповичу. Но Андрей Филипповичъ, услышавъ, что дѣло господина Голядкина было частное дѣло, отказался слушать рѣшительно, замѣчая, что у него нѣтъ ни минуты свободной и для собственныхъ надобностей.

Сухость тона и рѣзкость отказа поразили господина Голядкина. «Это ничего, это кажется ничего», подумалъ онъ: «а вотъ лучше какъ-нибудь съ другой стороны... вотъ я лучше къ Антону Антоновичу. Къ несчастію господина Голядкина, и Антона Антоновича не оказалось въ наличности: онъ тоже гдѣ-то былъ чѣмъ-то занятъ. «А вѣдь не безъ намѣренія просилъ уволить себя отъ обязательствъ и толковъ!» подумалъ герой нашъ. «Вотъ куда метилъ онъ — туда петля! Впрочемъ, и это также вѣдь все ничего. Въ такомъ случаѣ я просто дерзну умолять его превосходительство.»

Все еще блѣдный и чувствуя въ совершенномъ разбродѣ всю свою голову, крѣпко недоумѣвая, на что именно нужно рѣшиться, при сѣлъ господинъ Голядкинъ на стулъ. Существенность дѣла въ концѣ убивала господина Голядкина. «Гораздо было бы лучше, еслибы все это было лишь такъ только» думалъ онъ про себя. «Дѣйствительно, подобное темное дѣло было даже цвѣтнотно совѣмъ. Это, во-первыхъ, и вздоръ, а во-вторыхъ, и случиться не можетъ. Это вѣроятно, какъ-нибудь тамъ померещилось, или вышло что-нибудь другое, а не то, что дѣйствительно было; или вѣрно это я самъ ходилъ... и себя какъ-нибудь тамъ принялъ совѣмъ за другога... однимъ словомъ, это совершенно-невозможное дѣло.»

Только-что господинъ Голядкинъ рѣшилъ, что это совѣмъ-невозможное дѣло, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ господинъ Голядкинъ-младшій съ бумагами въ обѣихъ рукахъ и подѣ мышкой. Сказавъ мимоходомъ какія-то нужныя два слова Андрею Филипповичу, перемолвивъ и еще кое-съ-къмъ, полюбезничавъ кое-съ-къмъ, пофамиллярничавъ кое-съ-къмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, по-видимому невѣвший лишняго времени на бесполезную трату, собирався уже, кажется, выйти изъ комнаты, но, къ счастью господина Голядкина-старшаго, остановился въ самыхъ дверяхъ и заговорилъ мимоходомъ съ двумя или тремя случившимися тут же молодыми чиновниками. Господинъ Голядкинъ-старшій бросился прямо къ нему. Только-что увидѣлъ господинъ Голядкинъ-младшій маневръ господина Голядкина-старшаго, тотчасъ же началъ съ большимъ беспокойствомъ осматриваться, куда бы ему поскорѣй улізнуть. Но герой нашъ уже держался за рукава своего ичирашняго гостя. Чиновники, окружавшіе двухъ титулярныхъ совѣтниковъ, разступились и съ любопытствомъ ожидали, что будетъ. Старшій титулярный совѣтникъ понималъ хорошо, что доброе мнѣніе теперь не на его сторонѣ, понималъ хорошо, что подѣ него интригуютъ: тѣмъ болѣе нужно было теперь поддержать себя. Минута была рѣшительная.

— Ну-съ? проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, довольно дерзко смотря на господина Голядкина-старшаго.

Господинъ Голядкинъ-старшій едва дышалъ. — Я не знаю, милостивый государь, началъ онъ: — какимъ-образомъ вамъ теперь объяснить странность вашего поведенія со мною.

— Ну-съ. Продолжайте-съ. — Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій оглянулся кругомъ и мигнулъ глазомъ окружавшимъ ихъ чиновникамъ, какъ-бы давая знать, что вотъ именно сейчасъ и начнется комедія.

— Дерзость и безстыдство вашихъ пріемовъ, милостивый государь мой, со мною, въ настоящемъ случаѣ, еще болѣе васъ обя-

миють... чѣмъ всѣ слова мои. Не надѣйтесь на вашу игру: она шлохвата...

— Ну, Яковъ Петровичъ, теперь скажите-ка мнѣ, каково-то вы ютились? отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій, прямо смотря въ глаза господину Голядкину-старшему.

— Вы, милостивый государь, забываетесь, сказалъ совершенно-потерявшійся титулярный совѣтникъ, едва слыша полъ подъ собою:—я надѣюсь, что вы перемѣните тонъ...

— Душка моя!! проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, скорчивъ довольно-неблагопристойную гримасу господину Голядкину-старшему и вдругъ совсѣмъ-неожиданно, подъ видомъ ласкательства, ухватилъ его двумя пальцами за довольно-пухлую правую щеку. Герой нашъ вскинулся, какъ огонь... Только-что пріятель господина Голядкина-старшаго примѣтилъ, что противникъ его, трясся всѣми членами, нѣмой отъ изступленія, красный, какъ ракъ, и наконецъ доведенный до послѣднихъ границъ, можетъ даже рѣшиться на формальное нападеніе, то немедленно и самымъ безстыднымъ образомъ предупредилъ его въ свою очередь. Потрепавъ его еще раза два по щекъ, пощекотавъ его еще раза два, поигравъ съ нимъ, неподвижнымъ и обезумѣвшимъ отъ бѣшенства, еще нѣскольکو секундъ такимъ-образомъ, къ немалой утѣхѣ окружающей ихъ толдѣжи, господинъ Голядкинъ-младшій съ возмущающимъ душу безстыдствомъ щелкнулъ окончательно господина Голядкина-старшаго по крутому брюшку и съ самой ядовитой и далеко-намекающей улыбкой проговорилъ ему: «дескать, шалишь, братецъ, Яковъ Петровичъ; щалишь! хитрить мы будемъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, хитрить». Потомъ, и прежде, чѣмъ герой нашъ успѣлъ мало-малыки прійти въ себя отъ послѣдней атаки, господинъ Голядкинъ-младшій вдругъ (предварительно отпустивъ только улыбочку кружавшимъ ихъ зрителямъ) вдругъ принялъ на себя видъ самый нилтой, самый дѣловой, самый форменный, опустилъ глаза въ землю, съжился, сжался, и быстро проговоривъ «по особому порученію», лягнулъ своей коротенькой ножкой и шмыгнулъ въ соседнюю комнату. Герой нашъ не върилъ глазамъ и все еще былъ не въ состояніи опомниться...

Наконецъ онъ опомнился. Сознавъ въ одинъ мигъ, что погибъ, уничтожился въ нѣкоторомъ смыслѣ, что замаралъ себя и запачкалъ свою репутацію, что осмѣянъ и оплеванъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, что предательски поруганъ тѣмъ, кого еще вчера считалъ первѣйшимъ и надежнѣйшимъ другомъ своимъ, что срѣзана наконецъ на-чемъ-свѣтъ-стоитъ, господинъ Голядкинъ бросился въ погоню за своимъ непріателемъ. Въ настоящее мгновение онъ уже и думать не хотѣлъ о свидѣтеляхъ своего поруга-

нія. «Это все въ стачкѣ другъ съ другомъ», говорилъ онъ самъ про себя: «одинъ за другаго стоитъ и одинъ другаго на меня направляетъ.» Однакожь, сдѣлавъ десять шаговъ, герой нашъ ясно увидѣлъ, что все преслѣдованія остались пустыми и тщетными, и потому воротился. «Не уйдешь», думалъ онъ: «попадешь подъ сюркупу своевременно, отольются волку овечьи слезы.» Съ яростнымъ хладнокровіемъ и съ самою энергическою рѣшимостью дошелъ господинъ Голядкинъ до своего стула и усѣлся на немъ. «Не уйдешь!» сказалъ онъ опять. Теперь дѣло шло не о пассивной оборонѣ какой-нибудь: пахнуло рѣшительнымъ, наступательнымъ, и кто видѣлъ господина Голядкина въ ту минуту, какъ онъ, краснѣя и едва сдерживая волненіе свое, кольнулъ перомъ въ чернильницу, и съ какой яростью принялся строчить на бумагѣ, тотъ могъ уже заранѣе рѣшить, что дѣло такъ не пройдетъ, и простымъ, какимъ-нибудь бабьимъ образомъ не можетъ окончиться. Въ глубинѣ души своей сложилъ онъ одно рѣшеніе и въ глубинѣ сердца своего поклялся исполнить его. По правдѣ-то, онъ еще не совсѣмъ-хорошо зналъ, какъ ему поступить, т. е. лучше сказать, вовсе не зналъ; но все равно, ничего! «А самозванствомъ и безстыдствомъ, милостивый государь, въ нашъ вѣкъ не берутъ. Самозванство и безстыдство, милостивый мой государь, не къ добру приводятъ, а до петли доводятъ. Гришка Отрепьевъ только одинъ, сударь вы мой. взялъ самозванствомъ, обмазувъ слѣпой народъ, да и то не надолго». Не смотря на это послѣднее обстоятельство, господинъ Голядкинъ положилъ ждать до-тѣхъ-поръ, покажеться маска спадеть съ нѣкоторыхъ лицъ и кое-что обнажится. Для сего нужно было, во-первыхъ, чтобъ кончились какъ-можно-скорѣе часы присутствія, а до-тѣхъ-поръ герой нашъ положилъ не предпринимать ничего. Потомъ же, когда кончатся часы присутствія, онъ приметъ мѣру одну. Тогда же онъ знаетъ, какъ ему поступить, принявъ эту мѣру, какъ расположить весь планъ своихъ дѣйствій, чтобъ сокрушить рогъ гордыни и раздавить змью, грызущую прахъ въ презрѣніи безсмія. Позволить же затереть себя, какъ ветошку, объ которую грязныя сапоги обтираютъ, господинъ Голядкинъ не могъ. Согласиться на это не могъ онъ, и особенно въ настоящемъ случаѣ. Не будь послѣдняго посрамленія, герой нашъ, можетъ-быть, и рѣшился бы скрѣпить свое сердце, можетъ-быть онъ и рѣшился бы смолчать, покориться и не протестовать слишкомъ-упорно; такъ, поспоришь бы, попретендовалъ бы немножко, доказалъ бы, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ бы уступилъ немножко, потомъ, можетъ-быть, и еще немножко бы уступилъ, потомъ согласился бы совсѣмъ, потомъ, и особенно тогда, когда противная сторона признала бы торжественно, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ, можетъ-быть, и по-

ирился бы даже, даже умилился бы немножко, даже,—кто бы могъ знать,—можетъ-быть возродилась бы новая дружба, крѣпкая, жаркая дружба, еще болѣе широкая, чѣмъ вчерашняя дружба, такъ-что эта дружба совершенно могла бы затмить наконецъ неприятность довольно-неблагопристойнаго сходства двухъ лицъ, та, что оба титулярные совѣтника были бы крайне-какъ рады, и пережили бы наконецъ до ста лѣтъ, и т. д. Скажемъ все, наконецъ; господинъ Голядкинъ даже начиналъ немного раскаяваться, даже сильно раскаяваться, что вступился за себя и за право свое, и тутъ же получалъ за то неприятность. «Покорись онъ», думалъ господинъ Голядкинъ: «скажи, что пошутилъ, простилъ бы ему, даже болѣе простилъ бы ему, только бы въ этомъ громко признался. Но какъ ветошку себя затирать я не дамъ. И не такимъ людямъ не дамъ я себя затереть, тѣмъ болѣе не позволю покуситься на это челоуку развращенному. Я не ветошка; я, сударь мой, не ветошка!» Однимъ словомъ, герой нашъ рѣшился. «Сами вы, сударь вы мой, виноваты!» Рѣшился же онъ протестовать, и протестовать всѣми силами до послѣдней возможности. Такой ужъ былъ челоукъ! Позволить обидѣть себя онъ никакъ не могъ согласиться, а тѣмъ болѣе позволить себя затереть какъ ветошку, и наконецъ позволить и совѣтъ—развращенному челоуку. Не споримъ, впрочемъ, не споримъ. Можетъ-быть, еслибъ кто захотѣлъ, еслибъ ужъ кому, напримеръ, вотъ такъ, непременно захотѣлось обратить въ ветошку господина Голядкина, то и обратилъ бы, обратилъ бы безъ сопротивленія и безнаказанно (господинъ Голядкинъ, самъ въ иной мѣтъ это чувствовалъ), и вышла бы ветошка, а не Голядкинъ,—такъ, чистая, грязная бы вышла ветошка, но ветошка-то эта была бы и простая, ветошка эта была бы съ амбиціей, ветошка-то эта была бы съ одушевленіемъ и чувствами, хотя бы и съ безответной амбиціей и съ безответными чувствами и далеко въ грязныхъ складкахъ этой ветошки скрытыми, но все-таки съ чувствами...

Часы длились невѣроятно-долго; наконецъ пробило четыре. Спустили лампу, всѣ встали, и вслѣдъ за начальствомъ двинулись къ дому, но домамъ. Господинъ Голядкинъ вмѣшался въ толпу; глазъ не ве дремалъ и не упускалъ, кого нужно, изъ виду. Наконецъ нашъ герой увидалъ, что пріятель его подбѣжалъ къ канцелярскимъ порешамъ, раздававшимъ шинели, и, по подлему обыкновенію своему, вѣлтъ около нихъ въ ожиданія своей. Минута была рѣшительная. Какъ-какъ протѣснился господинъ Голядкинъ сквозь толпу и, желая отставать, тоже захопоталъ о шинели. Но шинель подавъ сперва пріятелю и другу господина Голядкина, за тѣмъ, что и самъ успѣлъ онъ по-своему подбѣться, приласкаться, нашептывать и выводить.

Накинувъ шинель, господинъ Голядкинъ-младшій, проищески взглянувъ на господина Голядкина-старшаго, дѣйствуя такимъ-образомъ открыто и дерзко ему въ пику, потому съ свойственною ему наглостью осмотрѣлся кругомъ, посеменялъ окончательно, вѣроятно, чтобъ оставить выгодное по себѣ впечатлѣніе, около чиновниковъ, сказалъ словцо одному, пошептался о чемъ-то съ другимъ, почтительно полизался съ третьимъ, адресовалъ улыбку четвертому, далъ руку пятому, и весело юркнулъ внизъ по лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ-старшій за нимъ, и, къ неописанному своему удовольствію, таки пагналъ его на послѣдней ступенькѣ, и схватилъ за воротникъ его шинели. Казалось, что господинъ Голядкинъ-младшій немного оторопѣлъ и посмотрѣлъ кругомъ съ потерянными видомъ. ●

— Какъ понимать мнѣ васъ? прошепталъ онъ наконецъ слабымъ голосомъ господину Голядкину.

— Милостивый государь, если вы только благородный человѣкъ, то надѣюсь, что вспомните про вчерашнія дружескія наши сношенія, проговорилъ нашъ герой.

— А, да. Ну, что жъ? хорошо ли вы почивали-съ?

Бѣшенство отняло на минуту языкъ у господина Голядкина-старшаго.

— Я-то почивалъ хорошо-съ... Но позвольте же и вамъ сказать милостивый мой государь, что игра ваша крайне запутана...

— Кто это говорить? Это враги мои говорятъ, отвѣчалъ открыто тотъ, кто называлъ себя господиномъ Голядкинымъ, и вслѣдствіе съ словомъ этимъ неожиданно освободился изъ слабыхъ рукъ настоящаго господина Голядкина. Освободившись, онъ бросился съ лѣстницы, оглянулся кругомъ, увидѣвъ извозчика, подбѣжалъ къ нему, сѣлъ на дрожки и въ одно мгновеніе скрылся изъ глазъ господина Голядкина-старшаго. Отчаянный и покинутый всѣми товарищескими совѣтниками оглянулся кругомъ, но не было другаго извозчика. Попробовалъ-было онъ бѣжать, да ноги подламывались. С опрокинутой фізіономіей, съ разинутымъ ртомъ, уничтожившись съжившись, въ безсиліи прислонился онъ къ фонарному столбу, остался нѣсколько минутъ такимъ-образомъ посреди троттуара. Казалось, что все разомъ опрокинулось на господина Голядкина; казалось, что все погибло для господина Голядкина...

ГЛАВА IX.

решеніе господина Голядкина. Разныя разсужденія господина Голядкина, преимущественно же о близнецахъ о разныхъ на свѣтъ существующихъ подлецахъ. Клань-образомъ господинъ Голядкинъ съдадетъ одиннадцатъ пирожковъ-растегайчиковъ и не находитъ въ этомъ состоятельствѣ ничего оскорбительнаго для своей репутаціи. Письмо господина Голядкина къ известному своему безобразію и пасквильностию своего направленія словеску. О томъ, какъ потомъ господинъ Голядкинъ былъ, усталъ и легъ спать. Какъ проснулся потомъ и дозналъ Петрушкѣ, что онъ плутъ въ благородномъ значеніи этого слова. Переписка и окончательное рѣшеніе господина Голядкина.

Все, по-видимому, и даже природа сама вооружилась противъ господина Голядкина; но онъ еще былъ на ногахъ и не побѣжденъ; онъ это чувствовалъ, что не побѣжденъ. Онъ готовъ былъ бороться. Онъ съ такимъ чувствомъ и съ такою энергіей потерялъ руки, когда очнулся послѣ перваго изумленія, что уже по одному виду господина Голядкина заключить можно было, что онъ не уступитъ, что онъ никакъ не уступитъ, что «если дескать, сударь мой, не хотите на деликатную ногу, то мы и за крутяды перы возьмемся. Что, дескать, вотъ какъ-съ, что, дескать, вотъ во какъ-съ, милостивый мой государь!» Господинъ Голядкинъ чувствовалъ даже, что обязанность его была возстать всѣми силами противъ угрожавшаго бѣдствія, сломить рогъ гордыни, и поранить неблагопрістойную злонамѣренность. Впрочемъ, опасность была на носу, была очевидна; господинъ Голядкинъ и это чувствовалъ; да какъ за нее взяться, за эту опасность-то? вотъ вопросъ. Даже на мгновеніе мелькнула мысль въ головѣ господина Голядкина, «что, дескать, не оставитъ ли все это такъ, не отступитъ ли запросто? Ну, что жъ? ну, и ничего. Я буду особо, какъ-будто не я» думалъ г. Голядкинъ: «пропускаю все мимо; не я да только; онъ тоже особо, авось и отступится; поюдитъ, шальнець, поюдитъ, повертится, да и отступится. Вотъ оно какъ! Я ширеюмъ возьму. Да и гдѣ же опасность? ну, какая опасность? Недалъ бы я, чтобъ кто-нибудь указалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ опасность? Пѣвое дѣло! обыкновенное дѣло!..» Здѣсь господинъ Голядкинъ осѣлся. Слова у него на языкѣ замерли; онъ даже руг-

нулъ себя за эту мысль; даже тутъ же и уличилъ себя въ низость, въ трусости за эту мысль; однако, дѣло его все-таки не динулось съ мѣста. Чувствовалъ онъ, что рѣшиться на что-нибудь въ настоящую минуту было для него сущемою необходимостью; даже чувствовалъ, что много бы далъ тому, кто сказалъ бы ему, что именно нужно рѣшиться. Ну, да вѣдь какъ угадать? Впрочемъ и некогда было угадывать. Зналъ онъ только, что такъ оставаться нельзя, никакъ нельзя, непременно нельзя, никакимъ образомъ невозможно, что непременно нужно что-нибудь сдѣлать. На всякій случай, чтобъ времени не терять, чтобъ дорогаго-то времени своего не терять, началъ онъ извоинца и подетялъ домой. «Цѣтъ братъ» подумалъ онъ самъ въ себя: «теперь, братъ, не цѣточки а ягодки. Что? каково-то ты теперь себя чувствуешь? Каково-то вы себя теперь изволите чувствовать, Яковъ Петровичъ? Что-то ты сдѣлаешь? что-то сдѣлаешь ты теперь, подлець ты такой, щельмецъ ты такой! Довелъ себя до посѣднлаго, да и плачешь теперь, да и хнычешь теперь!» Такъ поддразнивалъ себя господинъ Голядкинъ, подпрыгивая на тряскомъ экипажѣ своего ваники. Поддразнивать себя и растревлять такимъ-образомъ свои раны, въ настоящую минуту, было какимъ-то глубокимъ наслажденіемъ для господина Голядкина, даже чуть-ли не сладострастіемъ. «Ну, еслибъ тамъ, теперь» думалъ онъ: «волшебникъ какой бы пришелъ, или оффиціальнымъ образомъ какъ-нибудь этакъ пришелъ; да сказали бы: дай, Голядкинъ, палець съ правой руки и квиты съ тобой; не будетъ другаго Голядкина, и ты будешь счастливъ, Голядкинъ, только пальца не будетъ,—такъ отдалъ бы палець, непременно бы отдалъ, не поморщась бы отдалъ. Чертъ бы взяли все это!» вскрикнулъ наконецъ отчаянный титулярный совѣтникъ: «ну, зачѣмъ все это? ну, надобно было всему этому быть вотъ непременно этому, вотъ именно этому, какъ-будто вѣдь было другому чему? И все было хорошо сначала, все было довольны и счастливы; такъ вотъ нѣтъ же, надобно было! Впрочемъ, вѣдь словами ничего не возьмешь. Нужно дѣйствовать» заключилъ онъ, подымаясь на дѣстницу своей квартиры: «нужно дѣйствовать; и, чтобъ все сказать наконецъ, нужно сильнѣе, безпошаднѣе дѣйствовать этакъ прямымъ, открытымъ, благороднымъ путемъ...»

Итакъ, почти рѣшившись на что-то, господинъ Голядкинъ, войдя въ свою квартиру, нимало не медля схватился за трубку и началъ съвивая ее изъ всѣхъ силъ, раскидывая клочья дыма на право и на лѣво, началъ въ чрезвычайномъ волненіи бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. Между-тѣмъ, Петрушка сталъ собирать на столѣ. Наконецъ, господинъ Голядкинъ рѣшился совсѣмъ, вѣдучь бросилъ

рубку, накинулъ на себя шинель, сказалъ, что дома обѣдать не будетъ, и выбѣжалъ вонъ изъ квартиры. На лѣстницѣ нагналъ его выхавшись Петрушка, держа въ рукахъ забытую имъ шляпу. Господинъ Голядкинъ взялъ шляпу, хотѣлъ-было мимоходомъ маленько оправдаться въ глазахъ Петрушки, чтобъ не подумалъ чего Петрушка особеннаго, — что вотъ, дескать, такое-то обстоятельство, что вотъ шляпу позабылъ и т. д., — но такъ-какъ Петрушка глядѣть не хотѣлъ, и тотчасъ ушелъ, то и господинъ Голядкинъ безъ дальнѣйшихъ объясненій надѣлъ свою шляпу, сбѣжалъ съ лѣстницы, и, приговаривая, что все, можетъ-быть, къ лучшему будетъ, и что дѣло устроится какъ-нибудь, хотя чувствовалъ, между-прочимъ, даже у себя въ пяткахъ ознобъ, вышелъ на улицу, шмыгнулъ извозчика и полетѣлъ къ Андрею Филипповичу. «Впрямь, не лучше-ли завтра?» думалъ господинъ Голядкинъ, хватаясь за шнурокъ колокольчика у дверей квартиры Андрея Филипповича: не лучше-ли завтра? Да и что же я скажу особеннаго? Особеннаго-то здѣсь нѣтъ ничего. Дѣло-то такое мизерное, да оно, наконецъ, действительно, мизерное, плѣвое, т. е. почти-плѣвое дѣло... вѣдь вотъ оно какъ это все, обстоятельство-то...» Вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ за колокольчикъ, колокольчикъ зазвенѣлъ, внутри послышались чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ уже проклиналъ себя отчасти за свою поспѣшность и дерзость. Главнѣя неприятности, о которыхъ господинъ Голядкинъ едва не забылъ за дѣлами, и контра съ Андреемъ Филипповичемъ — тутъ и пришли ему на память. Но уже бѣжать было поздно: дверь открылась. Къ счастью господина Голядкина, отвѣтили ему, что Андрей Филипповичъ и домой не прѣзжалъ изъ должности и не бываетъ дома. «Знаю, гдѣ онъ обѣдаетъ: онъ у Измайловскаго-лѣста обѣдаетъ» подумалъ герой нашъ и страхъ-какъ обрадовался. «Вопросъ слуги, какъ объ васъ доложить, сказалъ, что-дескать мой другъ, хорошо, что, дескать, я, мой другъ, послѣ, и даже съ некоторою бодростью сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Выйдя на улицу, въ рѣшился отпустить экипажъ и расплатился съ извозникомъ. Если же извозчикъ попросилъ о прибавкѣ, — дескать, ждалъ, сударь, много, и рысачка для вашей милости не жалѣлъ, — то далъ и прилично пятачокъ, и даже съ большою охотою; самъ же пѣшкомъ пошелъ.

— Дѣло-то оно, правда, такое, думалъ господинъ Голядкинъ: — то вѣдь такъ оставить нельзя, никакъ нельзя, — рѣшено, что нельзя, и говорить объ этомъ болѣе нечего, но, однакожъ, если такъ думать, этакъ здраво разсудить, такъ изъ чего же по настоящему дѣлу хлопотать? Ну, нѣтъ, однакожъ, я буду все про то говорить, изъ чего же мнѣ хлопотать? изъ чего мнѣ маяться, бити-

ся, мучиться, себя убивать? Во-первыхъ, дѣло сдѣлано, я его не воротить... вѣдь не воротить! Разсудимъ такъ: является человекъ— является человекъ съ достаточной рекомендаціей, дескать способный чиновникъ, хорошаго поведенія, только бѣденъ, и потерпѣлъ разныя непріятности, — передразки тамъ этакіе, — ну, да вѣдь бѣдность не порокъ; стало-быть, я въ сторонѣ. Ну, въ-самомъ-дѣлѣ, что жъ за вздоръ такой? Ну, пришелся, устроился, самой природою устроился такъ человекъ, что двѣ капли воды похожъ на другаго человека, что совершенная копія съ другаго человека: такъ ужь его за это и не принимать въ департаментъ?! Коли ужь судьба, коли одна судьба, коли одна слѣпая фортуна тутъ виновата, — такъ ужь его и затереть какъ ветошку, такъ ужь и служить ему не давать... да гдѣ же тутъ, послѣ этого, справедливость-то будетъ! Что жъ я-то вру дуракъ-дуракомъ! Изъ чего же я бьюсь, чего жъ я-то хочу? Человекъ же онъ бѣдный, затерянный, запуганный; тутъ сердце болитъ, тутъ состраданіе его призрѣть велить! Да! вѣнецъ сказать, хороши бы были начальники, еслибъ такъ разсуждали какъ я, забубенная голова! Эка вѣдь башка у меня! На десятирьхъ подъ-часъ глупости хватить! Нѣтъ, нѣтъ! и сдѣлали хорошо, и спасибо имъ, что призрѣли бѣднаго горемыку... Ну, да, положимъ, на-прямъ, что мы близнецы, что вотъ ужь мы такъ уродились, что братья-близнецы да и только—вотъ оно какъ! Ну, что же такое? Ну, и ничего! Можно всѣхъ чиновниковъ приучить, а посторонній кто, войдя въ наше вѣдомство, ужь вѣрно не намеренъ бы ничего неприличнаго и оскорбительнаго въ такомъ обстоятельствѣ. Оно даже, тутъ есть кое-что умиленное; что вотъ, дескать, мысль-то какая: что, дескать, промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно-подобныхъ, а начальство благодѣтельное, видя промыслъ Божій, приютило двухъ близнецовъ. Оно, конечно, — продолжалъ господинъ Голядкинъ, переводя духъ и немного понизивъ голосъ: — оно, конечно... оно, конечно, лучше бы было, кабы и было ничего этого, кабы все такъ и оставалось по-прежнему, не было бы ничего умиленного, и близнецовъ никакъ бы то бы не было... Чортъ бы побралъ все это! И на что это нужно было? И что за надобность тутъ была такая особенная, и никакого отлагательства нетерпящая?! Господи Богъ мой! Впрочемъ, вѣдь однакожъ, не предосудительно? вѣдь не предосудительно? честнѣе вѣдь ничѣмъ не мараешь? Ну, такъ и ничего; ну, такъ и все хорошо; ну, такъ и все тутъ по-прежнему, и всѣ тутъ молчать должны... и тѣмъ удовольствоваться... и ничего не должны говорить и никакъ не должны прекословить... Экъ-вѣдь черти заварили шу какую! Вотъ, вѣдь, однакожъ, у него и характеръ такой, ну, да онъ такого игриваго, сквернаго, — подлець онъ такой, вертѣ

ный такой, леопунъ, леоблюодъ, Голлядкинъ онъ этакой! Пожалуй, еще дурно себя поведетъ, да фамилию мою замазаетъ, мерзавецъ. Вотъ теперь и смотри за нимъ, и ухаживай! Экъ вѣдь наказаніе какое! Впрочемъ, что жь? ну, и нужды нѣтъ! Ну, онъ подлець, — ну, пусть онъ подлець, а другой зато честный. Ну, вотъ онъ подмигъ будетъ, а я буду честный, — и скажутъ, что вотъ этотъ Голлядкинъ подлець, на него не смотрите, и его съ другимъ не связывайте; а этотъ вотъ честный, добродѣтельный, кроткій, незлобивый, весьма-надежный по службѣ, и къ повѣщенію чинемъ достойный; вотъ оно какъ! Ну, хорошо... а какъ того... А какъ они тамъ того... да и перешибаютъ! Отъ него вѣдь все станется! Ахъ, ты Господи Боже мой!.. И подмигнуть человѣка, подмигнуть, подмигъ онъ такой, — какъ ветошку человѣка подмигнуть, и не разсудить, что человѣкъ не ветошка. Ахъ, ты Господи Боже мой! Это несчастіе какое!..

Вотъ такимъ-то образомъ разсуждая и сѣуя, бѣжалъ господинъ Голлядкинъ не разбирая дороги, и самъ почти не зная куда. Отчулся онъ на Невскомъ-Проспектѣ, и то по тому только случаю, что столкнулся съ какимъ-то прохожимъ такъ ловко и плотно, что только искры посыпались. Господинъ Голлядкинъ, не поднимая головы, пробормоталъ извиненіе, и только тогда, когда прохожий, проворчавъ что-то не слишкомъ-лестное, отошелъ уже на разстояніе значительное, поднялъ носъ кверху и осмотрѣлся, гдѣ онъ и какъ. Осмотрѣвшись и замѣтивъ, что находится именно вблизи того ресторана, у котораго отдыхалъ, приготовляясь къ званому обѣду у Олсуѣя Ивановича, герой нашъ почувствовалъ вдругъ щипки и щелчки по желудку, вспомнилъ, что не обѣдалъ, званого же обѣда не предстояло нигдѣ, и потому, дорогаго своего времени не теряя, побѣжалъ онъ вверхъ по лѣстницѣ къ ресторану, перехватить что-нибудь поскорѣе, и какъ-можно торопясь не забываться. И хотя у ресторана было все дорогонько, но это маленькое обстоятельство не остановило на этотъ разъ господина Голлядкина; да и останавливаться-то теперь на подобныхъ бездѣлицахъ нѣмогда было. Въ ярко-освѣщенной комнатѣ, у прилашка, на которомъ лежала рѣзнообразная груда всего того, что потребляется на закуску людьми порядочными, стояла довольно-густая толпа посетителей. Контрощикъ едва успѣвалъ наливать, откусывать, сдавать и приносить левыхъ. Господинъ Голлядкинъ подождалъ своей очереди и, выходя, скромно протянулъ свою руку къ широкку-растопайчику. Отойдя въ уголокъ, оборотясь спиною къ присутствующимъ, и закусивъ съ аппетитомъ, онъ воротился къ контрощику, поставилъ на столъ блюдечко, взявъ цѣну, вынулъ 10 коп. сереб. и положила на прилавокъ нѣмолку, левя взгляда контрощику, чтобъ указавъ:

ону: «что вотъ, дескать, пометка лежитъ; одинъ растегайтись» и т. д.

— Съ васъ рубль десять копеекъ, прощайте сквозь зубы пометки.

Господинъ Голядкинъ порабочно изумился.

— Вы что говорите?.. Я... я, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Одиннадцать взяли; съ удивительною возразилъ конторщикъ.

— Вы... сколько мнѣ кажется... вы, кажется, ошибаетесь... Я, право, заплатилъ, взялъ одинъ пирожокъ.

— Я считалъ; вы взяли одиннадцать штукъ. Когда взяли, такъ нужно платить; у насъ даромъ ничего не даютъ.

Господинъ Голядкинъ былъ ошеломленъ. — Что жь это, колдовство что ли какое надо мной совершается? подумалъ онъ. — Что это значить такое?.. Между-тѣмъ, конторщикъ ожидалъ рѣшенія господина Голядкина; господина Голядкина обступили; господинъ Голядкинъ уже полѣзъ-было въ карманъ, чтобъ вынуть рубль и три копейки, чтобъ расплатиться немедленно, чтобъ отъ грѣха-то по-дальше быть. «Ну, одиннадцать, такъ одиннадцать», думалъ онъ, краснѣя какъ рани: «ну, что же такого тутъ, что съдано одиннадцать пирожковъ? ну, голоденъ человекъ, такъ и съѣлъ одиннадцать пирожковъ; ну, и вустъ есть-себѣ на здоровье; ну, и видѣлся тутъ нечему, и смѣяться тутъ нечему...» Вдругъ, какъ-будто что-то кольнуло господина Голядкина; онъ поднялъ глаза и разомъ почуялъ загадку, почуялъ все недобро; разомъ разрѣшился въ затрудненіи... Въ дверяхъ въ соседнюю комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицомъ къ господину Голядкину въ дверяхъ, которая, между прочимъ, герой нашъ принималъ до сего за зеркало, стоялъ одинъ человекъ, — стоялъ онъ, стоялъ самъ господинъ Голядкинъ, — но старій господинъ Голядкинъ, а герой нашей повѣсти, а другой господинъ Голядкинъ, новый, молодой, молодой Голядкинъ. Другой господинъ Голядкинъ выскочилъ, по видимому, въ превосходномъ расположеніи духа. Онъ улыбнулся господину Голядкину-первому, кивалъ ему головою, поднималъ пальцами, осматривалъ немалые ноги, и глядѣлъ такъ, что чувствовалъ, — какъ онъ и ступается, такъ онъ и въ соседнюю комнату, а тамъ, немалый, задвинуть колѣны, да и того... и вся прелесть оставалась тинетини, — дескать, отложи-ка пометки; прелесть моя; да и только. Въ рукахъ его былъ послѣдній кубокъ дешево растегая, который онъ, въ глазахъ же господина Голядкина, отправилъ въ свой ротъ, чокнувъ отъ удовольствія, и: «ну, на проговоривъ, что, дескать, херони на чужой счетъ растегивать нежелательны, подумавъ недумавъ господинъ Голядкинъ, пометки свои, какъ огонь, отъ себя: она постыдилась публичности! Видите

ни его? Кажется, не замѣчаютъ никто...» Господинъ Голядкинъ бросилъ рубль серебромъ такъ, какъ будто бы объ него все пальцы обжечь, и, не замѣчая значительно-вѣрлой улыбки конторщика, улыбки торжества и спокойнаго могущества, выдрался изъ толпы и бросился вонъ безъ оглядки. «Спасибо за то, что хоть не кампресеттировала окончательно человѣка!» подумалъ старшій господинъ Голядкинъ. Спасибо разбойнику, и ему и судьбѣ, что не хорошо все уладилось. Нагрубилъ лишь конторщикъ. Да что къ, вѣдь онъ былъ въ своемъ правѣ! Рубль десять сдѣловало, а къ и былъ въ своемъ правѣ. А то бы можно было его и того... дескать, безъ денегъ у насъ никому не даютъ! Хоть бы были поучительнѣе, бездѣльничъ!...»

Все это говорилъ господинъ Голядкинъ, сходя съ лѣстницы на крыльцо. Однакоже, на послѣдней ступенькѣ онъ остановился какъ вкопанный и вдругъ покраснѣлъ такъ, что даже слезы выступили у него на глазахъ отъ припадка страданія амбиціи. Протянувъ съ возмущенныи столбомъ, онъ вдругъ рѣшительно топнулъ ногою, въ одинъ прыжокъ соскочилъ съ крыльца на улицу, и, безъ оглядки, задыхаясь, не слыша усталости, пустился къ себѣ, домой, въ Шестилавочную-Улицу. Дома, не снявъ даже съ себя верхняго платья, вопреки привычкѣ своей быть у себя по-домашнему, не взявъ даже предварительно трубки, усѣлся онъ немедленно на диванъ, придвинулъ чернильницу, взялъ перо, досталъ листъ почтовой бумаги и принялся строчить дрожащею отъ внутренняго волненія рукою слѣдующее посланіе:

«Милостивый государь мой;

«Яковъ Петровичъ!

«Ничего бы не взялъ я пера, если бы обстоятельства мои, и вы сами, милостивый государь мой, меня къ тому не принудили. Вѣрите, что необходимость одна понудила меня вступить съ вами въ подобное объясненіе, и потому прежде всего прошу считать эту шкуру мою не какъ умышленнымъ намѣреніемъ къ вашему, милостивый государь мой, оскорбленію, но какъ необходимыми слѣдствіемъ свѣдущихъ насъ теперь обстоятельствъ.»

— Кажется, хорошо, прилично, вѣжливо, хотя не безъ силы и гордости?.. Обижаться ему тутъ, кажется, нѣтъ. Къ тому же, въ своемъ правѣ — подумалъ господинъ Голядкинъ, перечитывая написанное.

«Неожиданное и странное появленіе ваше, милостивый государь мой, въ бурную ночь, послѣ грубаго и неприличнаго со мною поступка враговъ моихъ, моихъ или умалчиваю изъ презрѣнія къ нимъ, было зародышемъ всѣхъ недоразумѣній, въ настоящее время между нами существующихъ. Упорное же ваше, милости-

«Вый государь, желаніе стоять на своемъ и насильственно войти въ кругъ моего бытія и всѣхъ отношеній моихъ въ практической жизни, выступаетъ даже за предѣлы, требуемые одною лишь свѣжливостью и простымъ общитіемъ. Я думаю, нечего упоминать здѣсь о похищеніи вами, милостивый государь мой, бумаги моей и собственнаго моего честнаго имени, для пріобрѣтенія ласки начальства, — ласки, незаслуженной вами. Нечего упоминать здѣсь и объ умысленныхъ и обидныхъ уклоненіяхъ моихъ отъ необходимыхъ по сему случаю объясненій. Наконецъ, чтобы все сказать, не упоминаю здѣсь и о послѣднемъ странномъ, можно сказать, непонятномъ поступкѣ вашемъ со мною въ кофейномъ домѣ. Далекъ отъ того, чтобъ сѣтовать о безплатной для меня уtratѣ рубля серебромъ; но не могу не выказать некого негодования моего при воспоминаваніи о явномъ неосторожествѣ вашемъ, милостивый мой государь, въ ущербъ моей чести, и, къ довадокъ, въ присутствіи нѣсколькихъ персонъ, хотя весьма чуждыхъ мнѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма-хорошаго тона...»

— Не далеко ли я захожу? подумалъ господинъ Голядкинъ. Не много ли будетъ; не слишкомъ ли это обидчиво — этотъ наметъ на хорошей тонъ, напримаръ?.. Ну, да ничего! Нужно некая ему твердость характера. Впрочемъ, ему можно, для смягченія этакъ, польстить и подмаслить въ концѣ. А вотъ мы посмотримъ.

«Но не сталъ бы я, милостивый государь мой, утомлять васъ письмомъ моимъ, если бы не былъ твердо увѣренъ, что благородство сердечныхъ чувствъ и открытый, прямодушный характеръ вашъ укажутъ вамъ самому средства поправить мое упушеніе и возстановить все по-прежнему.

«Въ полной надеждѣ я смѣю оставаться увѣреннымъ, что вы примете письма моего въ обидную для васъ сторону, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не откажетесь объясниться нарочито по этому случаю письменно, черезъ посредство моего человѣка.

«Въ ожиданіи, честь имѣю пребыть,

«милостивый государь,

«покорнѣйшимъ вашимъ слугою

«Я. Голядкинымъ.»

— Ну, вотъ и все хорошо. Дѣло сдѣлано; дошло и до писемцаго. Но кто жъ виноватъ? Онъ самъ виноватъ: самъ доводитъ человека до необходимости требовать письменныхъ документовъ. А я въ своемъ правѣ...

Перечитавъ послѣдній разъ письмо, господинъ Голядкинъ сложилъ его, запечаталъ и позвалъ Петрушку. Петрушка явился, обыкновенію своему, съ заспанными глазами и на что-то крайній сердитый.

— Ты, братецъ, вотъ возьмешь это письмо... понимаешь?

Петрушка молчалъ.

— Возьмешь его и отнесешь въ департаментъ; тамъ отыщешь канцелярскаго, губернскаго секретаря Вахрамьева. Вахрамьевъ сегодня дежурный. Понимаешь ты это?

— Понимаю.

— Понимаю! не можешь сказать: понимаю-сь. Спросишь чиновника Вахрамьева и скажешь ему, что, дескать, вотъ такъ и такъ, дескать; баринъ приказалъ вамъ кланяться и покернѣйше попросить васъ справиться въ адресной нашего вѣдомства книгѣ — гдѣ, дескать, живетъ титулярный совѣтникъ Голядкинъ?

Петрушка промолчалъ, и, какъ показалось господину Голядкину, улыбнулся.

— Ну, такъ вотъ ты, Петръ, спросишь у нихъ адресъ, и узнаешь, гдѣ, дескать, живетъ новонеступившій чиновникъ Голядкинъ?

— Слушаю.

— Спросишь адресъ и отнесешь по этому адресу это письмо; понимаешь?

— Понимаю.

— Если тамъ... вотъ куда ты письмо отнесешь, — тотъ господинъ, кому письмо это дашь, Голядкинъ-то... Чего ты смѣешься, болванъ?

— Да чего мнѣ смѣяться-то? Что мнѣ! Я ничего-сь. Нѣчего нашему брату смѣяться...

— Ну, такъ вотъ... если тотъ господинъ будетъ спрашивать, дескать, какъ же твой баринъ, какъ же онъ тамъ; что, дескать, отъ того... ну, тамъ, что-нибудь будетъ выспрашивать, — такъ ты молчи, и отвѣчай, дескать, баринъ мой ничего, а просать, дескать, отвѣта отъ васъ своеручнаго. Понимаешь?

— Понимаю-сь.

— Ну, такъ вотъ, дескать, баринъ мой, дескать, говори, ничего, дескать, и здоровъ, и въ гости, дескать, сейчасъ собирается; а отъ васъ, дескать, они отвѣта просятъ письменнаго. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, ступай.

— Вѣдь вотъ еще съ этимъ болваномъ работа! смѣется себѣ, да и пошлено. Чему жъ онъ смѣется? Дожилъ я до бѣды, дожилъ я вотъ такимъ-то образомъ до бѣды! Впрочемъ, можетъ-быть, оно обратится все къ лучшему... Этотъ мошенникъ вѣрно часа два будетъ таскаться теперь, пропадетъ еще гдѣ-нибудь. Послать нельзя нигуда. Эка бѣда вѣдь какая!.. эка вѣдь бѣда одолѣла какая!..

Чувствуя такимъ образомъ вполне бѣду свою, герой нашъ рѣшился на пассивную двухчасовую роль въ ожиданіи Петрушки.

Съ часъ времени ходилъ онъ по комнатѣ, курилъ, читалъ бросилъ трубку и сѣлъ за какую-то книжку, потомъ всталъ и пошелъ въ ванну, потомъ опять всталъ за трубку, потомъ опять началъ бѣгать по комнатѣ. Хотѣлъ-было заняться чѣмъ-нибудь, да лѣнь было заняться. Хотѣлъ-было онъ разсуждать, но разсуждать не могъ рѣшительно ни о чемъ. Наконецъ, агонія пассивнаго состоянія его возрасла до послѣдняго градуса, и господинъ Голядкинъ рѣшился принять одну мѣру. «Петрушка прійдетъ еще черезъ часъ» думалъ онъ: «можно ключъ отдать дворнику, а самъ я покажусь я такъ... изслѣдую дѣло, по своей части изслѣдую дѣло.» — Не теряя времени и спѣша изслѣдовать дѣло, господинъ Голядкинъ взялъ свою шапку, вышелъ изъ комнаты, заперъ квартиру, зашелъ къ дворнику, вручилъ ему ключъ вмѣстѣ съ гривенникомъ, — господинъ Голядкинъ сталъ какъ-то необыкновенно щедръ, — и пошелъ, куда ему слѣдовало. Господинъ Голядкинъ пустился цѣшкомъ, сперва къ Измайловскому-Мосту. Въ холбѣ прошло съ полчаса. Дойдя до дѣла своего путешествія, онъ дошелъ прямо во дворъ своего знакомаго дома и взглянулъ на окна квартиры статскаго совѣтника Берендѣева. Кромѣ трехъ завѣшенныхъ красными гардинами оконъ, остальные все были темны. «У Олеуѣя Ивановича сегодня вѣрно нѣтъ гостей» подумалъ господинъ Голядкинъ: «они вѣрно все одни теперь дома сидятъ.» Постоявъ нѣсколько времени на дворѣ, герой нашъ хотѣлъ-было уже на что-то рѣшиться. Но рѣшению не суждено было состояться по-видимому. Господинъ Голядкинъ отдумалъ, махнулъ рукой и воротился на улицу. «Нѣтъ, не сюда мнѣ нужно было идти. Что же я буду здѣсь дѣлать?... Спрашивается, что же я буду здѣсь дѣлать? А вотъ я лучше теперь того... и собственно-лично изслѣдую дѣло.» Принявъ такое рѣшеніе, господинъ Голядкинъ пустился въ свой департаментъ. Путь былъ, вѣроятно, близокъ, въ добавокъ была страшная грязь, и мокрый асфальтъ залилъ самыми густыми хлопьями. Но для героя нашего въ настоящее время затрудненій, кажется, не было. Имя-то онъ знаетъ, правда, да и загрязнился не мало, «да ужъ такъ, за одно, за полчаса достигнута». И дѣйствительно, господинъ Голядкинъ уже подходилъ къ своей цѣли. Темная масса огромнаго казеннаго строения уже зачернѣла вдали передъ нимъ. «Стой!» подумалъ онъ: «куда жъ я иду, и что я буду здѣсь дѣлать? Положимъ, узнаю гдѣ онъ живетъ; а между-тѣмъ Петрушка уже вѣрно вернется и отвѣтъ мнѣ принесъ. Время-то я мое дорогое только даромъ теряю, время-то я мое только такъ потерялъ. Ну, ничего; еще все это можно исправить. Однако, и въ-самомъ-дѣлѣ, не зайти ли къ Нахрамѣву? Ну, да нѣтъ! я ужъ послѣ... Эхъ! выйдеть-то было вовсе ненужно. Да нѣтъ, ужъ характеръ такой! Скорѣе такъ.

не куда ли, нѣтъ ли, вѣчно переслю кашъ-нибудъ впередъ зайти. Гм... который-то часъ? ужь вѣрно есть девять. Петрушка нѣтъ придетъ и не найдетъ моего дома. Сдѣлалъ я чистую глупость, что вышелъ... Эхъ, право, коммиссія!

Искренно сожалеясь такимъ образомъ, что сдѣлалъ чистую глупость, герой нашъ побѣжалъ обратно къ себѣ въ Шестилавочную. Сбѣжалъ онъ усталый, измученный. Еще отъ дворника узналъ въ, что Петрушка и не думалъ являться. «Ну, такъ! ужь я предпринималъ это» подумалъ герой нашъ: «а между-тѣмъ, уже десять часовъ. Эхъ вѣдь негодяй онъ какой! Ужъ вѣчно гдѣ-нибудь запереть! Господи, Богъ мой! Экой вѣдь донѣкъ выдался на дошную горемычную!» Такимъ-то образомъ размышляя и свтуя, господинъ Голядкинъ отперъ квартиру свою, досталъ огня, развелъ свѣчку, выкурилъ трубку, и истощенный, усталый, разбитый, наконецъ прилегъ на диванъ, въ ожиданіи Петрушки. Свѣчка горѣла тускло, свѣтъ трепеталъ на стѣнахъ... Господинъ Голядкинъ махалъ-глядѣлъ, думалъ-думалъ, да и заснулъ наконецъ какъ дитя.

Прснулся онъ уже поздно. Свѣча совсѣмъ почти догорѣла; пламя и готова была тотчасъ совершенно потухнуть. Господинъ Голядкинъ вскопчалъ, встрепенулся и вспомнилъ все, рѣшительно въ. За перегородкой раздавался густой храпъ Петрушки. Господинъ Голядкинъ бросился къ окну — нигдѣ ни огонька. Отворялъ юбку — тихо; городъ словно вымеръ, спитъ. Стало-быть, часа въ три; такъ и есть: часы за перегородкой понатужились и пробилъ два. Господинъ Голядкинъ бросился за перегородку.

Коснувшись, впрочемъ, послѣ долгихъ усилій, растолкалъ онъ Петрушку и успѣлъ посадить его на постель. Въ это время свѣчка наконецъ потухла. Минуть съ десять прошло, покажется господинъ Голядкинъ успѣлъ найти другую свѣчку и зажечь ее. Въ это время Петрушка успѣлъ заснуть съизнова. «Мерзавецъ ты этакой, какой ты такой!» проговорилъ господинъ Голядкинъ, снова его растолкавъ: «встанешь ли ты, проснешься ли ты? Послѣ получасныхъ усилій, господинъ Голядкинъ успѣлъ однако же расшевелить совершенно своего служителя и вытащить его изъ-за перегородки. Тутъ только увидѣлъ герой нашъ, что Петрушка былъ, какъ говорится, мертвецки-пьянъ и едва на ногахъ держался.

— Болдливый ты этакой! закричалъ господинъ Голядкинъ: — разбитый ты этакой! голову ты срѣзалъ съ меня! Господи, гдѣ же это онъ письмо-то обѣлъ съ рукъ? Ахти, Создатель мой, гдѣ же оно... И зачѣмъ я его написалъ? и нужно было мнѣ его писать! Разсказался, дуракой, я съ амбиціей! Туда же полѣзь за амбиціей! Вотъ тебѣ и амбиція, подлець ты этакой, вотъ и амби-

ция!.. Ну, ты! куда же ты письмо-то дѣлъ, разбойникъ ты этакъ! Кому же ты отдалъ его?..

— Никому я не отдавалъ никакого письма; и не было у меня никакого письма... вотъ-какъ!

Господи въ Голыжнѣ ломалъ руки съ отчаянiя.

— Слушай ты, Петръ... ты послушай, ты слушай меня...

— Слушаю...

— Ты куда ходилъ? — отъчай...

— Куда ходилъ... къ добрымъ людямъ ходилъ! что мнѣ!

— Ахъ, ты Господи Боже мой! Куда сначала ходилъ? былъ въ департаментъ?.. Ты, послушай, Петръ; ты, можетъ-быть, пьянъ!

— Я пьянъ? Вотъ, хоть сейчасъ съ мѣста не сойду, маж-ши маковой — вотъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего, что ты пьянъ... Я только такъ сиромъ; это хорошо, что ты пьянъ; я ничего, Петруша, я ничего. Ты, можетъ-быть, только такъ понабывъ, а все поминишь. Ну-ка вспомни-ка, былъ ты у Вахрамьева чиновника, — былъ, или нѣтъ?

— И не былъ, и чиновника такого не бывало. Вотъ хоть сейчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Петръ! нѣтъ, Петруша, вѣдь я ничего. Вѣдь ты видишь, что я ничего... Ну, что жъ такое! Ну, на дворъ зашелъ сыро, ну, выпилъ человекъ маленько, ну и ничего. Я не сержусь. Я самъ, братъ, выпилъ сегодня... Ты признайся, вспомни-ка, братъ, былъ ты у чиновника Вахрамьева?

— Ну, какъ теперь, вотъ этакъ пошло, такъ право-слово — вотъ былъ же, вотъ хоть сейчасъ...

— Ну, хорошо, Петруша, хорошо, что былъ. Ты видишь, я и сержусь... Ну, ну, продолжалъ нашъ герой, еще болѣе задобривъ своего служителя, трепля его по плечу и улыбаясь ему — и клякнулъ, мерзавецъ, маленько... на гривенникъ что-ли клякнулъ плутяга ты этакъ? Ну и ничего; ну; ты видишь, что я не сержусь... я не сержусь, братецъ, я не сержусь...

— Нѣтъ, я не плутъ, какъ хотите-съ... Къ добрымъ людямъ только зашелъ, а не плутъ и плутомъ никогда не бывалъ....

— Да, нѣтъ же, нѣтъ, Петруша! ты послушай, Петръ: вѣдь ничего, вѣдь я тебя не ругаю, что плутомъ называю. Вѣдь это въ утѣшенiе тебя говорю, въ благородномъ смыслѣ про это говорю. Вѣдь это значить, Петруша, польстить иному человеку, какъ сказать ему, что онъ петля этакая, продувной малой, что онъ малой не промахъ и никому надуть себя не позволитъ. Это любить иной человекъ. Это льстить ему. Это я въ благородномъ отношенiи тебя плутомъ называю... Ну, ну, ничего! и скажи же ты мнѣ, скажи же ты мнѣ, Петруша, теперь, безъ ута-

на, широкими, какъ другу... ну, былъ ты у чиновника Вахрамеева, а адресъ онъ далъ тебѣ?

— И адресъ далъ, тоже и адресъ далъ. Хорошій чиновникъ! И баринъ твой, говоритъ, хорошій человекъ, очень-хорошій, говоритъ, человекъ; я дескать, слыши, говоритъ, — кланяйся, говоритъ, своему барину, благодарн и слыши, что я дескать люблю, — нѣтъ дескать какъ уважамъ твоего барина! за то, что, говоритъ, ты, баринъ твой, говоритъ, Петрушка, хорошій человекъ, говоритъ, и ты, говоритъ, тоже хорошій человекъ, Петрушка, — вотъ...

— Ахъ, ты Господи Боже мой! А адресъ-то, адресъ-то, Иуда ты злокой? — Последнія слова господина Голыдикина проговорилъ очень шепотомъ.

— И адресъ... и адресъ далъ; тоже и адресъ далъ.

— Далъ? Ну, гдѣ же живетъ онъ, Голыдикинъ, чиновникъ Голыдикинъ, титулярный советникъ?

— А Голыдикинъ будетъ тебѣ, говоритъ, въ Шестилавочной-Улицѣ. Вотъ какъ пойдешь, говоритъ, въ Шестилавочную, такъ направо, на лестницу, въ четвертый этажъ. Вотъ тутъ тебѣ, говоритъ, и будетъ Голыдикинъ...

— Мошеникъ ты злокой! закричалъ наконецъ выходящій изъ комнаты герой нашъ:—разбойникъ ты злокой! да это вѣдь я; вѣдь не ты про меня говоришь. А то другой есть Голыдикинъ; а про друга говорю, мошеникъ ты злокой!

— Ну, какъ хотите! что мнѣ! Вы какъ хотите — вотъ!..

— А письмо-то, письмо...

— Какое письмо? и не было никакого письма, и не видалъ и никакого письма.

— Да куда же ты далъ его, — шельмецъ ты злокой!..

— Отдалъ его, отдалъ письмо. Кланяйся, говоритъ, благодарн; мрской злокой, говоритъ, баринъ. Кланяйся, говоритъ, своему барину...

— Да кто же это сказалъ? это Голыдикинъ сказалъ?—Петрушка началъ плакать, и ушпхнулся во весь ротъ, глядя прямо въ лица своему барину.

— Слушай ты, разбойникъ ты злокой! — началъ господинъ Голыдикинъ задыхаясь, терясь отъ бѣшенства: — что ты слышалъ со мной! Говори ты мнѣ, что ты слышалъ со мной! Сказалъ ты мнѣ, злодой ты злокой! Голосу съ плечъ моихъ слышь, Иуда ты злокой!

— Ну, теперь какъ хотите! что мнѣ! сказалъ рѣшительнымъ тономъ Петрушка, ретурясь за перегородку.

— Поехалъ сюда, поехалъ сюда, разбойникъ ты злокой!..

— И я поведу я къ вамъ теперь, слышь не поведу. Что мнѣ!

И на добрыхъ людехъ пойдутъ... А добрые люди живутъ не честно, добрые люди безъ фальши живутъ, и по-двое никогда не бываютъ... У господина Голякина и руки и ноги владѣли, и духъ занялся...

— Да-съ, продолжилъ Петрушка:—ихъ по-двое никогда не бываетъ, они честно живутъ; Бога и честныхъ людей не обманутъ...

— Ты бездальникъ, ты пьяны! Ты спи теперь, разбойникъ ты старикъ! А вотъ завтра и будетъ тебѣ, — едва-слышимымъ голосомъ проговорилъ господинъ Голякинъ. Чтѣ же касается до Петрушки, то онъ пробормоталъ еще что-то; потомъ слышно было, какъ онъ налегъ на кровать, такъ-что кровать затрещала, притяно зѣвнулъ, потянулся и наконецъ захрапѣлъ своимъ шепелявомъ, какъ говорится. Ни живъ ни мертвъ былъ господинъ Голякинъ. Неудачіе Петрушки, намѣны его весьма-странные, хотя и отдаленные, на которые сердиться, следовательно, нечего было, такъ-было, что пьяный человекъ говорилъ, и наконецъ, весьма-мелочливый оборотъ, принимаемый дѣломъ, — все это потрясло до основанія господина Голякина, ясно показавъ ему, какіе глубокіе корни пустила клевета, изъвна, исторія, научничество, и наконецъ, какъ много выиграла поля известный своимъ благопріятельнымъ направленіемъ человекъ въ мнѣніи частныхъ людей, а такъ-было въ общественномъ мнѣніи. А улыбка — Петрушка, в тотъ, сообщенный шельмцу недоброежелательнымъ господина Голякина. «И дернуло меня его распекаеть среди ночи, говорилъ нашъ герой, дрожа всемъ тѣломъ отъ какого-то безъразсуднаго смущенія. «И падеушло меня съ пьянымъ человекомъ спать! Какого толку ждать отъ пьянаго человека! чтѣ ни слово, те врать. Ни чтѣ это, впрочемъ, онъ намекалъ, разбойникъ онъ этакій? Господи Боже мой! И зачѣмъ я все эти нысы писалъ, я-то дурагоубой; это, самоубійца я этакій! Нельзя помолчать! Надо было проорать! Видъ ужъ чего: погибаешь, ветонкѣ подобился, такъ вѣдь нѣтъ же, гудя-жр съ амбиціей; дескать честь моя страдаетъ, дескать честь твоя своею нужно спасти! Самоубійца я этакій! И конанъ тенденціи у всего этого рода, тенденція-то какая у разбойника! Видитъ, что человекъ споткнулся, что человекъ въ просакъ попалъ, что человекъ въ унѣ въ болото залѣзъ, такъ вотъ онъ тѣтчасъ и въ паку ему: дескать въ болото залѣзъ, такъ вотъ тебѣ за это еще на придачу, и уколетъ человека, и задѣнетъ человека!... Состраданія-то нѣтъ! И я-то, я-то каковъ? у самого-то тенденція какая скверная! натурка-то подлая!.. И честь свою такъ ужъ непременно нужно спасти, — необходимость была! И съ пьянымъ человекомъ мы готовы спать! Какъ-будто и пятилѣтнему ребенку невидимо, что пьяный человекъ на чѣмъ и спитъ, что врать, да грубости дѣлаетъ. И

вѣтъ итъ потому-что пьянъ, потому-что тенденція такая у пья-
наго человѣка подлая, чтобъ грубости дѣлать, потому-что и по
нуръ человѣческой вѣчноно вотъ такъ, а не иначе должно оно
идти. Слѣдственно, онъ въ одновъ отношеніи и правъ; слѣд-
ственно, онъ и правъ во всѣхъ отношеніяхъ, и претендовать на это
нельзя. Претендовать же нужно на того дурака, который съ пья-
наго человѣкомъ связаться готовъ. Вотъ оно какъ! Вотъ оно какъ
впрямь, во шестикъ должно выходить! Написалъ, такъ и грубитъ
идеи; оно такъ и слѣдуетъ, на этомъ ужъ человѣкъ и стоитъ,
къ и жонъ натура его, ужъ въ этомъ не я виноватъ, — вотъ оно
какое!.. Такъ говорилъ господинъ Голядкинъ, сидя на диванѣ сво-
емъ и не смѣя пошевеливаться отъ страха. Вдругъ глаза его оста-
новились на административномъ предметѣ, въ высочайшей степени возбуди-
вшемъ его вниманіе. Въ страхъ — не иллюзія ли, не обманъ ли
образокъ предмета, возбудившій вниманіе его, — протянулъ
къ нему руку, съ надеждою, съ робостію, съ любопытствомъ
испытывающаго... Нѣтъ, не обманъ! не иллюзія! Письмо, точно
письмо, непременно письмо, и къ нему адресованное... Господинъ
Голыдкинъ взялъ письмо со стола. Сердце въ немъ страшно би-
ло. «Вотъ вѣрно тотъ монашеникъ принесъ» подумалъ онъ: «и тутъ
алкоголь, а потомъ и забылъ; вѣрно такъ все случилось; это
впрямь точно такъ все случилось... Впрочемъ, какъ же оно? кто
и такъ написалъ... Кто же это, вотъ такимъ-образомъ письмо ко
мнѣ написалъ?.. Дорого бы я далъ, чтобъ узнать, что именно въ
немъ написано, просто узнать, не читавши узнать!.. Господи, Господи...
Господинъ Голядкинъ отложилъ на время письмо, вы-
нулъ платокъ и отеръ себя потъ, выступившій у него на лбу; по-
томъ... потомъ сломилъ свои руки, и долго съ необыкновеннымъ
удивленіемъ что-то шепталъ про себя; потомъ, не въ силахъ буду-
чи справиться своего нетерпѣнія, сломилъ печать, обернулъ страни-
цы прочелъ иодпись. Письмо было отъ чиновника Вахрамѣева,
известно: ослуживца, и нѣкогда пріятеля господина Голыдкина.
«Впрочемъ, я все это заранее предчувствовалъ», подумалъ герой
романа все это вчера непременно предчувствовалъ, и все то, что
въ немъ теперь будетъ, также предчувствовала... Что же? За од-
нимъ ли не пошелъ!.. Ну!... Ничего...» Господинъ Голядкинъ на-
чалъ читать. Письмо было слѣдующее:

«Милостивѣйшій государь

«Яковъ Петровичъ!

«Человѣкъ вашъ пьянъ, и путнаго отъ него не дожидается;
по сей причинѣ предпочитаю отвѣчать нисыменно. Спѣшу вамъ
объявить, что порученіе, вами на меня возлагаемое, и состоящее
въ передачѣ известной вамъ особѣ черезъ мои руки письма, согла-

себя исполнить во всей искренности и точности. Квартируетъ же сія особа, весьма вамъ известная, и теперь занимающая мнѣ другіе кой имя при семъ умалчиваю (за тѣмъ, что не хочу напрасно чернить репутацію совершенно-невиннаго человека), вмѣстѣ съ нами, въ квартирѣ Каролины Ивановны, въ томъ самомъ номерѣ гдѣ прежде еще, въ бытность вашу у насъ, квартировалъ заика изъ Тамбова пѣхотный офицеръ. Впрочемъ, особу сію можетъ найти вездѣ между честныхъ и искреннихъ сердцемъ людей, чего объ иныхъ особахъ сказать невозможно. Связи мои съ вами на мѣрѣхъ я съ сего числа прекратилъ; въ дружественномъ же тонѣ и въ прежнемъ согласномъ видѣ товарищества нашего никакъ оставаться некая, и потому прошу васъ, милостивый государь мой немедленно по полученіи сего откровеннаго письма моего выслать слѣдующее мнѣ два цѣлковыхъ за бритвы иностранной работы проданныя мною, если запомнить изволите, семь мѣсяцевъ тому назадъ, въ долгъ, еще во время жительства вашего съ нами у Каролины Ивановны, женщины, которую я отъ всей души моей уважаю. Дѣйствую же я такимъ-образомъ потому, что вы, по разсказамъ умныхъ людей, потеряли амбіцію и репутацію и стали опасны для нравственности новинныхъ и незараженныхъ людей, и некоторые особы живутъ не по правдѣ, и, сверхъ-того, слова ихъ — фальшь и благонамѣренный видъ подозрительны. Вступитесь же за обиду Каролины Ивановны, которая всегда была благоправнаго поведенія, а во-вторыхъ, честная женщина и въ добавокъ дѣвица хотя не молодыхъ лѣтъ, но зато хорошей иностранной фамиліи, — людей способныхъ можно найти всегда и вездѣ, о чемъ просилъ меня некоторые особы уверяя меня въ семъ письмѣ своимъ искреннимъ доверіемъ и говоря отъ своего лица. Во всякомъ же случаѣ, вы узнаете своевременно, если теперь не узнали, не смотря на то, что ославилъ себя, по разсказамъ умныхъ людей, во всѣхъ концахъ нашей многочисленной столицы, и, следовательно, уже во многихъ мѣстахъ могли получить надлежація о себѣ, милостивый мой государь, свидѣнія. Въ заключеніе же письма моего объявляю вамъ милостивый мой государь, что известная вамъ особа, коей имя я упоминаю здѣсь по известнымъ благороднымъ причинамъ, весьма уважаема людьми благомыслящими; сверхъ-того, характера веселаго и пріятнаго, успѣваетъ какъ на службѣ, такъ и между всеми здравомыслящими людьми, вѣрна своему слову и дружбѣ и не обижаетъ заочно тѣхъ, съ кѣмъ въ глаза находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

«Во всякомъ случаѣ пребываю

«покорнымъ слугою вашимъ

«Н. Вахрамѣевымъ.»

«Р. S. Вы вашего челоуѣка согоните: онъ пьяница и приноситъ мнѣ, во всей вѣроятности, много хлопотъ, а возьмите Евстафія, думавшаго прежде у насъ и находящагося на сей разъ безъ мѣста. Тщерешнѣй же служитель вашъ не только пьяница, но, сверхъ-того, воръ, ибо еще на прошлой недѣлѣ продалъ фунтъ сахару, въ видѣ кусковъ, Каролина Ивановицъ за уменьшенную цѣну, что, по моему мнѣнію, не могъ онъ иначе сдѣлать, какъ обворовавъ насъ хитростивымъ образомъ, по-малому и въ разные сроки. Пишу вамъ сіе желая добра, не смотря на то, что нѣкоторые особы умѣютъ только обижать и обманывать всѣхъ людей, преимущественно же честныхъ и обладающихъ добрымъ характеромъ; сверхъ-того, можно понести ихъ и представляють ихъ въ обратномъ смыслѣ, единственно изъ зависти и потому, что сами себя не могутъ назвать глупыми.

«В.»

Прочтя письмо Вахрамѣева, герой нашъ долго еще оставался въ неподвижномъ положеніи на диванѣ своемъ. Какой-то новый свѣтъ пробавался сквозь весь неясный и загадочный туманъ, уже два дня окружавшій его. Герой нашъ отчасти начиналъ понимать... Попробовалъ—было онъ встать съ дивана и пройтись разъ и другой по комнатамъ, чтобъ освежить себя, собрать кое-какъ разбитыя мысли, устремить ихъ на нѣзвѣстный предметъ и потомъ, поврашивъ себя немного, зрѣло обдумать свое положеніе, рѣшиться на что-нибудь непременно и твердо, и сообразно съ рѣшеніемъ дѣйствовать. Но только-что хотѣлъ-было онъ встать, какъ тутъ же въ немощи и безсиліи упалъ опять на прежнее мѣсто. «Оно, конечно, я это все заранѣе предчувствовалъ; соглашаюсь, что и должно было быть такъ, непременно должно было быть такъ, чтобъ я это все заранѣе предчувствовалъ; но однакоже, какъ же онъ выйдетъ и каковъ прямой смыслъ этихъ словъ? Смыслъ-то я, конечно, и знаю; но куда это поведетъ? Господи Боже мой! куда это все поведетъ?.. Сказали бы прямо: вотъ де-скачь такъ-то и такъ-то, и требуется то-то и то-то, я-бы и исполнилъ и угодное сдѣлалъ бы мнѣ, и все дѣло повернулось бы къ лучшему, и всѣ были бы довольны и счастливы. Турниора-то, оборотъ-то, принявшаго дѣломъ, такой неприятный выходитъ! Ахъ, какъ бы поскорѣе добраться до завтра и поскорѣе добраться до дѣла! теперь же я знаю, что дѣлать, очень-хорошо знаю, что именно теперь мнѣ надобно дѣлать. Де-скачь такъ и такъ, скажу, на резоны согласенъ, чести моея не продамъ, а того... пожалуй; впрочемъ, отъ-то, себа-то эта нѣзвѣстная, лицо-то неблагопріятное какъ же сюда подмѣшалось? и зачѣмъ именно подмѣшалось сюда? Ахъ, какъ бы до завтра скорѣй! Оставить они меня до-тѣхъ-поръ, интригу-

ютъ они, въ пику работаютъ! Главное—времени не нужно терять и теперь, на-примѣръ, хоть письмо написать и только пропустить что де-сказать то-то и то-то и вотъ на то-то и то-то согласенъ, завтра чѣмъ-свѣтъ отослать и самому пораньше того... и съ другой стороны имъ въ контру пойти и предупредить ихъ, голубчиковъ. Ославять они меня, да и только!»

Господинъ Голядкинъ подвинулъ бумагу, взялъ перо и написалъ слѣдующее посланіе въ отвѣтъ на письмо губернскаго секретаря Вахрамѣева:

«Милостивый государь

«Несторъ Игнатьевичъ!

«Съ прискорбнымъ сердцу моему удивленіемъ прочелъ я оскорбительное для меня письмо ваше, ибо ясно вижу, что подъ именемъ некоторыхъ неблагопріостойныхъ особъ и иныхъ съ ложною благонамѣренностью людей разумѣете вы меня. Съ истинною горестію вижу, какъ скоро, успѣшно и какіе далекіе корни пустилъ клевета, въ ущербъ моему благоденствію, моей чести и доброй моему имени. И тѣмъ болѣе прискорбно и оскорбительно это, что даже честные люди съ истинно-благороднымъ образомъ мыслей и главное, одаренные прямымъ и открытымъ характеромъ, отступаютъ отъ интересовъ благородныхъ людей и притѣляются лучшими качествами сердца своего къ зловерной т.е. къ-несчастію, и наше тяжелое и безнравственное время расплодившейся сильно и крайне-благонамѣренно. Я говорю вообще; о частныхъ же лицахъ упоминать здѣсь считаю излишнимъ, хотя священнымъ долгомъ своимъ почитаю предостеречь неопытную и незараженную невинность отъ глетворныхъ и одаренныхъ ядовитымъ дыханіемъ чудовищъ, ложно и фальшиво принявшихъ на себя человѣчскій образъ и выдающихъ себя, съ возмущающею душою наглостию, на другихъ, совершенно-постороннихъ людей, живущихъ степенно и благородно, идущихъ прямою дорогою, безъ маски, съ открытымъ лицомъ, презирающихъ кривыми путями и хитростями, и тѣмъ справедливо гордящихся. Въ заключеніе скажу, что вамъ означенный долгъ мой, два рубля серебромъ, почту святою обязанностію возвратить вамъ во всей его цѣлости.

«Что же касается до вашихъ, милостивый государь мой, намековъ на-счетъ известной особы женскаго пола, на-счетъ намековъ, расчетовъ и разныхъ замысловъ этой особы, то скажу вамъ, милостивый государь мой, что я смутно и неясно понялъ все эти намеки. Позвольте мнѣ, милостивый государь мой, благородный образъ мыслей моихъ и частное для насъ секретное неопубликованными. Во всякомъ же случаѣ, готовъ свидѣтельствовать лично, предпочитая дѣятели дѣла, и дарить того

чтобы войти въ разныя миролюбивыя, обоюдныя, разумѣтся, соглашенія. На сей конецъ прошу васъ, милостивый мой государь, передать сей особѣ готовность мою для соглашенія личнаго, и перъ-того, просить ее назначить время и мѣсто свиданія. Горько мнѣ было читать, милостивый государь мой, намеки на то, что будто-бы васъ оскорбилъ, намѣнилъ нашей первобытной дружбѣ, и отыскался о васъ съ дурной стороны. Приписываю все сіе не-поразумѣнію, гнусной клеветѣ, зависти и недоброжелательству тѣхъ, кои справедливо могу наименовать ожесточеннѣйшими врагами юми. Но они, вѣроятно, не знаютъ, что невинность сильна уже своею невинностью, что безстыдство, наглость и возмущающая дупу фамильярность вныхъ особъ, рано ли, поздно ли, заслужить себѣ всеобщее клеймо презрѣнія, и что эти особы погибнуть не шаче, какъ отъ собственной неблагопристойности и развращенности сердца. Въ заключеніе прошу васъ, милостивый государь мой, передать симъ особамъ, что странная претензія ихъ и неблагородное фантастическое желаніе вытѣснять другихъ изъ предѣловъ, назначенныхъ симъ другими своимъ бытіемъ въ этомъ мірѣ, и занять ихъ мѣсто, заслуживаютъ наумленія, презрѣнія, сожалѣнія и перъ-того сумасшедшаго дома; что, сверхъ того, такіа отношенія шрещены строго законами, что, по моему мнѣнію, совершенно-справедливо; ибо всякій долженъ быть доволенъ своимъ собственнымъ вѣствомъ. Всему есть предѣлы, и если это шутка, то шутка неблагопристойная, скажу болѣе: совершенно-безсрававенная; ибо шю увѣрить васъ, милостивый государь мой, что идея моя, вры-и распространеныя на счетъ своимъ мнѣнію, чисто-справедливыя.

«Во всякомъ случаѣ честь имѣю пребыть

«Вашимъ покорнымъ слугою

«Я. Голядкинъ.»

ГЛАВА X.

Жизни господина Голядкина о томъ, что такое игра съ козырями и игра безкозырная. Развращенный человекъ занимаетъ мѣсто господина Голядкина въ практической жизни. О томъ, какъ смотрять на все это обстоятельство разные извошники и согласившійся съ ними Петрушка. Господинъ Голядкинъ просыпается, пишетъ письмо и насколько задѣваетъ репутацію Гришки Отрепьева. Господинъ Голядкинъ начинаетъ интриговать. Писаря. О томъ какъ покончили свои интриги и на что окончательно решился господинъ Голядкинъ.

Вообще можно сказать, что происшествія вчерашняго дня и основанія потрясли господина Голядкина; всего же страшнѣе было послѣднее слово враговъ его. Конечно, это послѣднее слово было еще не досказано... Все это было въ какомъ-то таинственномъ угрожающемъ сумракѣ; не это-то самое обстоятельство, что все это было въ сумракѣ и таинственно, и подрывало господина Голядкина: «Играй они въ открытую игру», думалъ господинъ Голядкинъ съвозъ сонъ, въ минуту своего пробужденія: «то я не допустялъ бы ихъ такъ козырять; я бы наказалъ ихъ тогда игру безкозырную.» Всего же болѣе мучило господина Голядкина письмо Вахрамьева. Что значили все эти намѣки? что означаетъ это до странности рѣзкій и угрожающій тонъ? Конечно, господинъ Голядкинъ все это заранѣе предчувствовалъ... то-есть, все не то, что оно такъ все какъ-то странно удалось и случилось, что вышло именно это, а не другое; следовательно, господинъ Голядкинъ и это тоже предчувствовалъ. — Почивалъ нашъ герой не весьма хорошо, т. е., никакъ не могъ даже на пять минутъ заснуть совершенно: словно проказникъ какой-нибудь насыпалъ ему рѣзкой щетинны въ постель. Всю ночь провелъ онъ въ какомъ-то полу-сонѣ, полу-бдѣннн, переворачиваясь со стороны на сторону, съ боку на бокъ, охая, крихтя, на минутку засыпая, черезъ минуту опять просыпаясь, и все это сопровождалось какой-то странной тоской, неясными воспоминаніями, безобразными видѣніями, — о чемъ словомъ всѣмъ, что только можно найти неприятнаго... Появилась передъ нимъ въ какомъ-то странномъ загадочномъ полусвѣтѣ фигура Андрея Филипповича, — сухая фигура, сердатая фигура, съ сухимъ, жесткимъ взглядомъ и съ черство-учливой нобра-

ны... И только-что господинъ Голядкинъ начиналъ - было подходить къ Андрею Филипповичу, чтобъ передъ нимъ какимъ-нибудь образомъ, такъ или этакъ, оправдаться и доказать ему, что онъ все не таковъ, какъ его враги расписали, что онъ вотъ такой-и, да своей-то, и даже обладаетъ, сверхъ обыкновенныхъ, прощамышекъ качествъ своихъ, вотъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, — но какъ-тутъ оказалось невѣстное своимъ неблагопрестойнымъ направлениемъ лицо, а какимъ-нибудь самымъ возмущающимъ душу средствомъ къ рву разрушало все предначинанія господина Голядкина, тутъ же, почти на глазахъ же господина Голядкина, очерняло деспотично его репутацію, вставывало въ грязь его амбицію, и ветошь немедленно занимало мѣсто его на службѣ и въ обществѣ. То была годовая господина Голядкина отъ какого-нибудь щелчка, мило-благопріобрѣтеннаго и уничиженно-принятаго, полученнаго ни въ обществѣ, ни какъ-нибудь тамъ по обязанности, да какой щелчокъ протестовать было трудно... И между-тѣмъ, какъ господинъ Голядкинъ начиналъ-было думать себѣ голову надъ тѣмъ, что почему вотъ именно трудно протестовать хоть-бы на такой-то щелчокъ, — между-тѣмъ, эта же мысль о щелчке незаметно перемѣнилась въ какую-нибудь другую форму, — въ форму какой-нибудь известной маленькой или довольно-значительной подлости, выдуманной, слышанной, или самимъ недавно исполненной, — и, часто исполненной-то даже и не на подломъ основаніи, даже и не по волеяго побужденія какого-нибудь, а такъ, — иногда, наприм. по случаю, — изъ деликатности; другой разъ изъ ради совершенной твоей беззащитности, ну и наконецъ потому... потому, однимъ словомъ, ужъ это господинъ Голядкинъ змалъ хорошо, понемалу. Тутъ господинъ Голядкинъ краснѣлъ сквозь сонъ, и, подавляя рыску свою, бормоталъ про себя, что дескать здѣсь, ва-прим., никакъ бы показать твердость характера, значительную бы можно было показать въ этомъ случаѣ твердость характера... а потомъ и начиналъ, что, «дескать что же твердость характера!.. дескать, нечего ее теперь помнить!..» Но всего болѣе бѣсило и раздражало господина Голядкина то, что какъ тутъ, и невременно въ такую минуту, звали ль, не звали ль его, являлось известное безобразіемъ и наскальностью своего направленія лицо, и тоже, не смотря на то, что уже, кажется, дѣло было известное—тоже туда же бормотале съ неблагопрестойной улыбочкой, что «дескать, что чужъ тутъ твердость характера! какаа дескать у насъ съ тобой, съ Иванъ Петровичъ, будетъ твердость характера!..» То грезилось Голядкину, что находится онъ въ одной прекрасной комнатѣ, возвытнѣй своей остроуміемъ и благороднымъ тономъ разсужденій, со составляющихъ; что господинъ Голядкинъ въ сре-

очередь отличился въ-отношеніи любезности и остроумія, что вс его полюбили, даже и некоторые изъ враговъ его, бывшихъ тутъ же его нелюбили, что очень-пріятно было господину Голядкину; что всё ему отдали первенство, и что, наконецъ, самъ господинъ Голядкинъ съ пріятностью поделушала, какъ хозяинъ, тутъ же, отвѣдая въ сторону кой-кого изъ гостей, похвалилъ господина Голядкина... и вдругъ ни съ того, ни съ сего, опять явился известною своею неблагонамѣренностью и звѣрскими побужденіями лицо, и вѣдь господина Голядкина-младшаго, и тутъ же, съ-разу, въ одинъ мигъ, однимъ появленіемъ своимъ Голядкинъ-младшій разрушилъ все торжество и всю славу господина Голядкина-старшаго, затянулъ себѣ Голядкина-старшаго, втопталъ въ грязь Голядкина-старшаго, и наконецъ ясно доказалъ, что Голядкинъ-старшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій, — вовсе не настоящій, а поддѣльный, а что онъ настоящій, что, наконецъ, Голядкинъ-старшій вовсе не то, чѣмъ онъ кажется, а такой-то и сякой-то, и, слѣдовательно, не долженъ и не имѣетъ права принадлежать къ обществу людей благонамѣренныхъ и хорошаго тона. И все это до того быстро сдѣлалось, что 'господинъ Голядкинъ-старшій и рта раскрыть не успѣлъ, и ужь всё и душою и тѣломъ предавался безобразному и поддѣльному господину Голядкину и съ глубочайшимъ презрѣніемъ отвергли его, настоящаго и невиннаго господина Голядкина. Не оставалось лица, котораго живнія не передѣлалъ бы въ одинъ мигъ безобразный господинъ Голядкинъ по-свѣдому. Не оставалось лица, даже самаго незначительнаго въ цѣлой компаніи, къ которому бы не подлизался бесполезный и фальшивый господинъ Голядкинъ по-свѣдому, самымъ сладчайшимъ манеромъ, къ которому бы не подбилъ по-свѣдому, передъ которымъ бы онъ не покуралъ по своему обыкновенію, чѣмъ-нибудь самымъ пріятнымъ и сладкимъ, такъ-что обкуриваемое лицо только нюхало и чихало до слезъ, въ знакъ высочайшаго удовольствія. И, главное, все это дѣлалось игоймъ! быстрота хода подозрительнаго и беспознаго господина Голядкина была удивительна! Чуть успѣетъ, на-прим., полизаться съ однимъ, заслужить благорасположеніе его, — и глянкомъ по-игоймешъ, какъ ужь онъ у другаго. Полизается, полизается съ другимъ втихомолочку, сорветъ улыбочку благоволенія, ляпнетъ своей коротенькой, кругленькой, довольно, впрочемъ, дубоватенькой ложкой, и вотъ ужь и съ третьимъ, и куртизанить ужь третьяго, и съ нимъ тоже ляжется по-пріятельски; рта раскрыть не успѣетъ, въ изумленіе не успѣетъ прійти, а ужь онъ у четвертаго, и съ четвертымъ уже на тѣхъ же кондиціяхъ — ужась, колдѣесть да и только! И всь рады ему, и всь любятъ его, и всь превозносятъ его, и всь провозглашаютъ хоромъ, что любезность и сати-

раческое ума его направлѣніе не въ-примѣръ дурше любезности и снисходительнаго направленія настоящаго господина Голядкина, и стыдять этимъ настоящаго и невѣрнаго господина Голядкина, и стиргаютъ правдолюбиваго господина Голядкина, и уже сыздаютъ на него благонамѣреннаго господина Голядкина, и уже сыздаютъ на него въ невѣстнаго любовью къ ближнему, настоящаго господина Голядкина!.. Въ тоскѣ, въ ужасѣ, въ близнествѣ выбѣжалъ многострадательный господинъ Голядкинъ на улицу, и сталъ нагибать шею, чтобъ прямо летѣть къ его правосудительному, а если не такъ, то ужь по-крайней-мѣрѣ къ Андрею Филипповичу, по—ужасъ! шею никакъ не соглашались везти господина Голядкина, «дескать, баринъ, нельзя везти двухъ совершенно подобныхъ, дескать, ваше благородіе, хорошій человекъ неровитъ съ по-честности, а не какъ-нибудь, и вдвойнѣ никогда не брать.» Въ вступленіи стыда, оглядывался кругомъ совершенно-честный господинъ Голядкинъ, и дѣйствительно увѣрялся, самъ, своими глазами, что шею и станинѣе съ нимъ Петрушка изъ въ своемъ правѣ; ибо развращенный господинъ Голядкинъ находилъ дѣйствительно тутъ же, возлѣ него, не въ дальнемъ отъ него разстояніи, и, слѣдуя подлымъ обычаямъ нравовъ своихъ, и тутъ, и въ этомъ критическомъ случаѣ непременно готовился сдѣлать что-то весьма-неприличное, и нисколько-необличающее особеннаго благородства характера, получаемаго обыкновенно при воспитаніи, — благородства, которымъ такъ величался при всякомъ удобномъ случаѣ отвратительный господинъ Голядкинъ второй. На него, себя, въ стыдѣ и въ отчаяніи бросился погибшій и совершенно-справедливый господинъ Голядкинъ куда глаза глядятъ, на волю судьбы, куда бы ни вынесло, но съ каждымъ шагомъ его, съ каждымъ ударомъ ноги въ гранитъ троттуара, высматривало что-будто изъ-подъ земли, по такому же точнѣ, совершенно-полюбовному и отвратительному развращенностию сердца господину Голядкину. И все эти совершенно-подобные пускались тотчасъ же на вѣселіи своемъ бѣжать одинъ за другимъ, и дѣлною цѣпью, какъ вереница гусей, тнудились и ковыляли за господиномъ Голядкинымъ-старшимъ, такъ-что нѣкуда было убѣжать отъ совершенно-подобныхъ, такъ-что духъ захватывало всячески-достойному великаго господина Голядкину отъ ужаса, — такъ-что наредилась страшная безапа совершенно-подобныхъ, — такъ-что вся стража запрудилась наконецъ совершенно-подобными, и нелицей-свой слугитель, видя такое нарушение приличія, принужденъ былъ взять ихъ всѣхъ совершенно-подобныхъ за шиворотъ и по-честности въ случившуюся у него подъ бокомъ будку!.. Цѣпью и лѣ-...

деня отъ ужаса, чувствовалъ, что и на-яву-то едва-ли вса-ди проводится время... Тяжело, мучительно было!.. Тоска подло-ди такая, какъ-будто кто сердце выдалъ изъ груди...

Наконецъ, господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть. «Будетъ же этого!» закричалъ онъ, съ рѣшимостью приподнявъ постель, и въ-слѣдъ за этимъ восклицаніемъ совершенно отшле-палъ ее.

День, по-видимому, уже давно начался. Въ комнату было кинуть не по обыкновенному свѣтло; солнечные лучи густо про-свѣдывались сквозь замедлившія отъ мороза стекла и обильно раз-ливались по комнатѣ, что не мало удивило господина Голядки-на ибо развѣ только въ полдень заглядывало къ нему солнце свои-ми чередомъ; прежде же такихъ исключеній въ теченіи небосвода се-мья, сколько, по-крайней-мѣрѣ, господинъ Голядкинъ еще не припомнитъ, почти никогда не бывало. Только-что успѣлъ под-няться на это герой нашъ, какъ зажужжали за перегородкой стѣ-нные часы, и такимъ-образомъ совершенно приготовились бить. «Вотъ!» подумалъ господинъ Голядкинъ, и съ тоскливымъ ожиданіемъ приготовился слушать... Но, къ совершенному и окончатель-ному пораженію господина Голядкина, часы его понатужились ударить всего одинъ разъ. Это что за исторія? вскричалъ нашъ герой, выскакивая совсѣмъ изъ постели. Такъ какъ былъ, не въ-узнавъ своихъ, бросился онъ за перегородку. На часахъ была де-сять свѣтлѣлая часъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на кровать П-трушки; но въ комнатѣ даже не нахло Петрушкой: постель е-го по-видимому, давно уже была прибрана и оставлена; саного-го е-го тоже нигдѣ не видать было, — несомнѣнный признакъ, что Петру-шка дѣйствительно не было дома. Господинъ Голядкинъ бросился къ дверямъ: двери заперты. Не отлагая въ долгій лычекъ дѣла, го-сподинъ Голядкинъ сбѣжалъ опять въ свою комнату, бросился къ постели, завернулся въ одеяло и крѣпко зажмурилъ глаза...

Съ минутку времени пролежалъ нашъ герой недвижимо; потомъ осторожно, боязливо, тихо открылъ оба глаза: — нѣтъ! пер-выхъ нѣтъ никакой; все было то же, по-прежнему. «Стало-быть даже и не сонъ!» вскрикнулъ господинъ Голядкинъ: «стало-быть это я дѣйствительно, въ сущности, и наяву просналъ за полден-емъ. Да гдѣ же Петрушка?» продолжалъ онъ пошептомъ, весь въ стѣ-нномъ волненіи и чувствую довольно-значительную дрожь во всѣхъ членахъ... Вдругъ одна мысль пронеслась въ головѣ его... Госпо-динъ Голядкинъ бросился къ столу своему, оглядѣвъ его, обш-ривъ кругомъ, — такъ и есть: вчерашняго письма его къ Вахра-меву не было... Петрушки за перегородкой тоже теперь сосѣ-да не было; на стѣнныхъ часахъ былъ часъ, а во вчерашнемъ пис-мѣ Вахрамьева были введены какіе-то новые пункты, всѣмъ

прочтеть, съ перваго взгляда неясныя пункты, но теперь совершенно-объяснившіеся пункты, яично и фамильно до господина Голядкина относящіеся... Наконѣцъ, и Петрушка, хотя и въ пять рядъ (и сльдственно былъ въ своемъ правѣ, и потому съ кто и спрашивать нечего) объявилъ же вчера, что другіе вдвойнѣ не живутъ, а живутъ по честности... Стало-быть, это все было такъ! Намекъ былъ ясный, козни враговъ обнаружены, и игра почти открывалась; игра-то шла, стало-быть, теперь на открытую... Ясное дѣло, что подкапывались теперь подъ самое сердце его благодѣянія; ясное дѣло, что подкупали, шныряли, колдовали, гадали, шпионничали, что, наконецъ, хотѣли окончательной гибели господина Голядкина; можетъ-быть, уже назначили день... можетъ-быть, уже назначили часъ... Стало-быть, Петрушка подкупленъ и тоже теперь на ихъ сторонѣ переметчикомъ; стало-быть, вотъ такъ! Стало-быть, вотъ такую-то турпюру начали теперь дѣла принимать!.. Иначе чѣмъ же объяснить исчезновеніе Петрушки; порочное поведеніе Петрушки, письмо Вахрамѣева съ обвинительными пунктами, сухость и жесткость отношеній съ начальствомъ, наконецъ, исчезновеніе письма, и то, что господинъ Голядкинъ просидѣлъ за полдень, — чѣмъ же все это объяснить, какъ не приписывать, какъ не злонамѣреннымъ участіемъ во всѣхъ неудачахъ моего новаго неблагопрістойнаго лица, какъ не скрытыми и подлыми кознями этого лица, для нанесенія всяческаго безбожнаго ущерба господину Голядкину... И господинъ Голядкинъ зналъ, какое это было лицо, зналъ, какая новая особа подмѣшалась, — и зналъ, почему подмѣшалась. Потому, что у Измайловскаго Моста дѣло началось, потому и подмѣшалась: «И этого довольно для дальнѣйшаго уразумѣнія», подумалъ господинъ Голядкинъ. «Да и дѣло-то ясное было! Да и какъ, впрочемъ, такая простая вещь еще вчера миновала меня! какъ это я съ разу давно обо всемъ не смекнулъ! Отъ-того все и сдѣлалось; и хотя это и сплетня, хотя все это не болѣе, какъ выдумка бабья, старушья, выдумка извѣстныхъ старухъ, стакнувшихся съ извѣстными лицами; чтобъ людей обморочить, чтобъ окончательно дорѣзать въ нравственномъ отношеніи человека, — но все это было именно такъ! Такъ это и-то главный узелъ завязывается!» вскричалъ господинъ Голядкинъ, ударивъ себя по лбу, и все болѣе-и-болѣе открывая глаза; такъ это въ гнѣздѣ этой скаредной Нѣмки кроется теперь вся нечистая сила! Такъ это, стало-быть, она только стратегическую диверсію дѣлала, указывая мнѣ на Измайловскій-Мостъ, — она отводила, мой докой отравляла, смущала меня (негодная старуха!), и вотъ такимъ-то образомъ подкопы вела!!! Дѣ, это такъ! Это такъ! Если только съ этой стороны на дѣло взглянуть, то все

это и будетъ вотъ именно такъ! Непременно должно быть та
И появленіе мерзавца тоже теперь объясняется, вполнѣ объясни
ся; это все одно къ одному. Они его давно ужь держали, при
товляли и на черный день припасали. Онъ у нихъ закуска в
этой неблагопристойной витринѣ, и ими же сдѣланъ, для сол
ствія ихъ главнымъ и самымъ неблагонамѣреннымъ цѣлямъ. В
вотъ оно какъ теперь, какъ сказалося-то все! какъ разрешило
то все! Такъ вотъ чего прихватило дьяцо-то наше теперь! Ста
быть, маска упадаетъ теперь, стало-быть, открывается все! Ста
быть безстыдство, развратъ и распутство не стыдятся теперь с
ей наготы, и рѣшаются среди бѣла дня идти открыто и съ п
нятой головой... Но на этомъ-то они и опьшатся; вотъ на этомъ
то они и колънку сшибуть!» вскричалъ нашъ герой, прикинувъ
себя при семъ затруднительномъ случаѣ, что невинность сама
уже одною своєю невинностью... «И дивно, какъ это я вчера оп
щаль и ничего не замѣтилъ! А ну, ничего! Еще не потеряно в
ид; еще, слава Бегу, его не много ушло, и время еще совсѣмъ
почти не потеряно!» Тутъ господинъ Голядкинъ съ ужасомъ вс
мнилъ, что уже часъ по полудни. «Что, если они теперь и уст
ли!» Стопъ вырвался у него изъ груди... «Да нѣтъ же, врут
не успѣли,—посмотримъ... а вотъ мы теперь возьмемъ да и пос
тримъ, дескать того на чистую ногу... да и посмотримъ...» б
мотадъ господинъ Голядкинъ, не слинкомъ-то себя понимая, р
харавшись, блѣднѣя и трепеща отъ тоски и волненія. Наконецъ
нашъ герой, схватясь за платье, сталъ какъ-можно-скорѣй о
ваться...

Кое-какъ онъ одѣлся; не теряя времени, отперъ другія кл
чомъ квартиру, сбѣжалъ съ лѣстницы и уже не оставивши
разспросить дворника о своемъ человѣкѣ, зная, что все это ли
нее, что все это дѣл стачкѣ, и одинъ на другомъ выгнзжать, в
бѣжалъ за ворота и побѣжалъ въ департаментъ. Впрочемъ, за уг
Итальянской и Шестилавочной-Улицъ, герой нашъ успѣлъ еще и
время, благоразумно одуматься, перемѣнить рѣшеніе свое, и п
дожилъ на время воротиться домой. «Оно и нужды нѣтъ», дума
онъ; «что приопоздаю маленько. Не досказаннаго же слова вѣдъ та
нельзя оставлять. Въ должность-то, я во-первыхъ, успѣю рано и
поздно ли,—развязка все та же. Все это кругомъ этого ходить.
же могу и того... такъ и сдѣлаю... Къ его-то превосходительст
д. могу и позавчеркомъ побывать; дескать-того, такъ и такъ, л
скать... экетра,—ввѣрюсь,— и при семъ представляю того... О
вотъ и будетъ все такъ! Чтѣ же касается до главнаго дѣла, то н
худшему, кажется, его ужь исвортить нельзя; ужъ и такъ в
дсправно, все благополучѣйшимъ образомъ обстоитъ. Во всякомъ

и слухъ тому необходимо еще написать, и поскорѣй написать, приуменьшить, дурана приуменьжить—именно приуменьжить, непременно приуменьжить; дескать такъ и такъ, сударь мой, а васъ того... приуменьжить! Я вамъ, милостивый мой государь, глаза открываю, и прочесть, желаю всамъ сердцемъ остаться съ вами въ дружескихъ и т. д.,—это непременно нужно. А тому объявить рѣшительно, право, что игра его очень-запутана, дескать, крайне запутана, и мы уверяемъ... Что такъ или этакъ на дѣло смотрѣть, милостивый мой государь и мерзавецъ, а распутать вашу игру мы предкапати не только кому-нибудь, почище насъ съ вами кому-нибудь, — дескать перенесемъ въ другую инстанцію, — махнемъ, дескать, и пошлемъ куда-нибудь; дескать, сударь вы мой, и у насъ губа не дура; дескать, сударь вы мой, всякой человѣкъ собственный свой носъ бережетъ, лезветъ и охраняетъ его, а мы, сударь, свой споримъ не лѣвой ногой, и т. д. Вотъ какъ мы сдѣлаемъ; вотъ оно такъ; т. е. на сибѣрую ногу, заговоримъ языкомъ принятымъ, благороднымъ, съ стальною, какъ говорится въ хорошемъ слогѣ, рѣшимостью и съ желѣзною твердостью, чего, какъ всему свѣту известно, боится всякой подлець, и т. д. Или оно, можетъ-быть, и не такъ можно сдѣлать... т. е. того.. т. е. дѣлу дать другой оборотъ, и этакъ этакъ, и — под-ли-сить... т. е. нѣтъ, зачемъ подлизываться... это подло, подлизистъ! а такъ, тоже можно языкомъ принятымъ, благороднымъ и совершенно на сибѣрую ногу, т. е. того... такъ и не подлизываться, — дескать, если есть какая вина на мнѣ, то я готовъ и покаяніе-то, покаялуй, готовъ, виновать, дескать... а прочесть, и прочесть... — ну, такъ благороднымъ-образомъ, разумеется...

Гутъ господинъ Голядкинъ остановился и замѣтилъ, что еще (фрагментъ) свой извѣстный, страшный, вызывающій взглядъ на граверный портретъ шута Балакирева, влезшій въ его комнату надъ востѣломъ. Балакиревъ же только зубы скакалъ, поглядывая на господина Голядкина. Въ смущенномъ оглядѣлся кругомъ нашъ герой и тутъ только увидѣлъ, что уже давнымъ-давно воротился въ свою комнату, чего было сначала совѣсть не замѣтить, рѣшилъ въ свои разсужденія... Плюнувъ съ досады, господинъ Голядкинъ сбросилъ съ себя шинель и все прочее, ненужное въ комнату, сѣлъ за столъ, схватилъ перо и много пошевелилъ, настроилъ два послѣдующіе посланія, — одно Вахрамѣеву, а другое неблагопріятному господину Голядкину-младшему. Письмо къ Вахрамѣеву было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь мой

«Исторъ Игнатьевичъ!

«Скромная въ неприкосновенности и цѣлости благородство души, неразрушенное сердце и спокойную совѣсть (истинное бо-

«гатство и счастье велаго смертнаго!), привужденъ я, милостивый государь мой, вторично и не ожидая вашего отвѣта на вчерашнее письмо мое, объясниться съ вами и окончательно сказать теперь мое последнее слово. Стыжусь вчерашняго письма моего ибо въ невѣжествѣ моей и моемъ простосердечіи — качества заключающихъ въ себѣ настоящіе признаки истинно-благороднаго основанія, получаемаго преимущественно воспитаніемъ (такъ такъ часто и нагло гордятся нѣкоторые фальшивые и во всякомъ случаѣ бесполезные люди), — въ невѣжествѣ моей и простосердечіи моемъ, повторяю, говорилъ я съ вами, милостивый мой государь въ послѣднемъ письмѣ моемъ, явлюсь не укрѣпленъ и не поспольныхъ скрытыхъ козней, но открытымъ, благороднымъ, и искреннимъ мнѣ истиннымъ убѣжденіемъ въ чистотѣ моей совѣсти въ презрѣніи, питаемомъ мною къ отвратительному и во всякомъ отношеніяхъ сожалѣнію достойному лицемерству. Переписываясь и видѣть съ тѣмъ убѣдительноше прошу васъ, милостивый мой государь, считать вчерашнее, воровски-пріобрѣтенное Петрушкой письмо мое къ вамъ, какъ-бы неполученнымъ или какъ-бы несуществовавшимъ вовсе, или, если невозможно иначе, то по-крайней-мѣрѣ умоляю васъ, милостивый мой государь читать его совершенно-наоборотъ, въ обратномъ смыслѣ, т. е. сдѣлать толкуя смыслъ рѣчей моихъ въ совершенно или обратную сторону. Ибо я не только не желаю теперь свидѣнія съ известною вамъ особою женскаго пола, но вполне отвергаю всѣ собственныя личныя и интереса моего безопасности, даже какіе-либо отдаленнѣйшія и неизвѣстнѣйшія съ нею сношенія. Отвергая же сію особу и чуждался ея и тогда, когда безъ всякаго съ ней стороны повода къ нарушенію приличій жилъ я, въ сообществѣ нашемъ и другихъ, сердцу моему на-вѣки милыя, даже въ квартирѣ этой особы, пользуясь ея столомъ и прислугой. Такъ же точно намѣренъ я чуждаться ея и теперь, когда извѣстна мнѣ писаннаго вами отъ — сего мѣсяца письма, о незаконномъ во всякомъ случаѣ безчестномъ для особы благонадежнаго воспитанія пріобрѣтеніи фунта сахара, въ видѣ кусковъ, чрезъ воръ Петрушку, чему даже радъ; ибо нѣтъ теперь въ рукахъ неименный и подлинный документъ о фальшивыхъ ея добродѣтеляхъ. Наконецъ, и надѣюсь, что вы въ прямомъ вашемъ истинно-откровеннаго характера вполне согласитесь, что подкупъ Петрушки, переманка его къ себѣ въ услуженіе и подсовываніе съ нею, милостивый мой государь, стороны Евстафія, какъ способнаго по вашимъ хитрымъ словамъ къ услуженію холостому и благоуравнаго поведенія молодому человѣку, — а между-тѣмъ, не годна, какого даже и свѣтъ не производилъ до-сихъ-поръ, — и

порать въ мою пользу даже боже, чѣмъ слѣдуетъ. Вѣрите, милостивый мой государь (если еще не удалось вамъ досель увѣрится), что на все въ свѣтѣ существуетъ расправа, и что надъ нашимъ братомъ существуетъ также начальство. Лживыхъ же писемъ моихъ къ сей особѣ, какъ несправедливо увѣрите вы, милостивый государь, въ запискѣ писемъ, не существовало никогда, и, следовательно, документовъ противъ меня никакихъ не имеется. Известному же, постыдному своимъ направленіемъ и виждя съ стѣнъ несчастному лицу, играющему теперь жалкую, и кромѣ того, самую роль подставнаго и самозванца, скажите, что, во-первыхъ, 1) самозванство, и пате всего безстыдство и наглость никогда и нискогда не приводили къ чему-нибудь хорошему и правдивому; 2) что Огренковы въ нашемъ вѣкѣ невозможны; 3) что четверо-стопки, будто итъ-самимъ сочиненное и написанное имъ въ бытность у меня съ крестоуловыми и, следовательно, обманчивыми слесими умалели, я берегу у себя, какъ свидѣтельство передъ цѣлымъ міромъ противъ возмущающаго душу разврата и безстыдства, — клеветы, вѣдущихъ къ погибели, — вѣ что, наконецъ, 4) ближнею мнѣ на чѣмъ не именовался и никогда не бывалъ; что притомъ съ жалостью ему скорѣе осмѣяніе и позоръ со стороны всѣхъ людей, чѣмъ какое-либо исполненіе его гнусныхъ желаній, и что спитъ; наконецъ, я съ собой не позволю. Скажите итъ вамъ, милостивый мой государь, что я не итъ тѣхъ людей, которые боятся суда или очной ставки, чувствуя, что вь сами-то приключили на душу нечистого грѣшка, и поему зайдемъ впередъ заблѣваться; что я не итъ тѣхъ людей, которые вслѣдствіи готовы простить свой вѣкъ подъ шельчокъ, да потомъ еще и благодарять скажутъ; что я, наконецъ, не итъ тѣхъ людей, которые, если ахъ-сказать, шапши. себя у шортнаго панталона не модъ, съ хорошиими штрибками, то не глупости своей и подобие дураканъ, чувствую себя на весь день уже совершенно-счастливыми. Въ заключеніе скажу, что деньги, слѣдуемая вамъ, милостивый государь мой, за продажу итъ бритвъ, пошту священнѣйшимъ для меня долгомъ возвратить всѣ сполна, и съ нижайшею при семъ благодарностью.

«Впрочемъ, пребываю къ вамъ въ уваженіи
и остаюсь вашимъ,

Милостиваго государя моего,

покорнѣйшимъ слугою

Я. Голядкинъ.»

Первое къ господину Голядкину-младшему было слѣдующаго содержания:

«Милостивый государь мой

Яковъ Петровичъ!

«Любо вамъ, либе я, а вмѣстѣ намъ невозможно! И потому объявляю вамъ, что страшное, смѣшное, и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможное желаніе ваше — назваться моимъ благодѣтелемъ и выдавать себя за такового, послужить ни къ чему иному, какъ къ совершенному вашему безчестию и паражению. Я не знаю, какъ лучше скажете, не помню хорошенько, въ какихъ вы земляхъ, но христиански предупреждаю васъ, что самовольствомъ здѣсь, у насъ, и въ намъ вѣкъ не возьмемъ, и что мы живемъ не къ славу. И потому прошу васъ, ради собственной же выгоды вашей, сбросить маску свою, восторжничать и дать путь людямъ истинно-благодѣтельнымъ и съ цѣлями благонамѣренными. Въ противномъ же случаѣ, готовъ буду рѣшиться даже на самыя крайнія мѣры; всегда сама-собою сведеть и все-что само-собою обнажится; еще: сснмалннн же къ вамъ, васъ уведомляю объ этомъ. Во всякомъ же случаѣ предупреждаю васъ теперь въ послѣдній разъ. «Почемъ будете вездѣ. Кладу поро и ожидаю... Впрочемъ, пробавляю во всякомъ случаѣ готовымъ на услуги

Я. Голядкинъ.»

Энергически потеръ себя руки герой нашъ, когда кончилъ свои оба письма. Господинъ Голядкинъ былъ замѣтно лѣ сильнее вознесенъ, какъ-будто-бы уже и совсѣмъ разстроилъ всѣхъ враговъ своихъ, и спонтанно разрушалъ всѣ ихъ старательныя и неукротимыя кривы. Особенно же разгорчался онъ, дописывая свои послѣднія строки. Даже въ томъ, что самъ онъ сильно почувствовалъ некоего, что находится въ правѣ своемъ. Съ любовью и съ надеждой взглянулъ онъ еще разъ на горячія, уже остывшія шпички-страни, потомъ свернулъ оба письма и заматывалъ въ два раза шпичку. «А теперь и за работу» немедли сказала господинъ Голядкинъ, вставая съ своего дивана: «теперь я иду въ каморку, и какъ-можно-скорѣе. Предупредить же ихъ можно, отъ-вѣсно; если бы только не вездѣ. Эхъ, эхъ, да уже упрямъ въ началѣ!»

Дѣйствительно, уже четверть третьяго показывали часы господина Голядкина, когда пришлось ему окончить свою переписку. Не смотря на то, что оба письма были весьма-небольшія, слогъ ихъ достался нашему герою весьма-нелегко. Особенно, трудно было сильно работать въ началѣ, на первыхъ страницахъ. Молча взявъ господинъ Голядкинъ свою шляпу и довольно-медленно сталъ натягивать шпичку на плеча. Дѣло-то было действительно страшное. Штука-то, впрочемъ, выходила опять весьма нехорошая! Оно, кончить.

но, впрочем, если такъ судить, съ одной стороны, на дѣло смотрѣть, то и ничего пожалуй, — ну, да; а если этия вѣтви съ другой стороны, оно и не такъ выходило, такъ гадливо-то оно совершенною дружить: Дале было въ томъ, что и теперь, написать свои письма, полюбовавшимся ими и наконецъ совсѣмъ замечатель, горькии же все еще былъ въ какомъ-то раздумьи. «Впрочемъ, зачѣмъ и къ написала эти письма-то?» говорилъ онъ самъ про-себя, взявъ свои шляпу и вторично выходя изъ квартиры: «зачѣмъ же это? и истинному-то, а ихъ написалъ? Оно, конечно, и того... да не знаю! Не лучше ли выждать!—такъ... этакъ благороднее уюдачь до времени; показавъ видъ, что не хочу высылать, что сами и неприятности не хочу выходить, покажется мнѣ ужасъ пропускать, — вотъ оно какъ! А те вѣдь это будетъ внимательный шагъ — шагъ смѣлый, — шагъ даже ужъ и слишкомъ-рѣшительный, если такъ все начать говорить, — шагъ, который за собою несетъ повеленъ — повелѣть, что нибудь весьма-неприятное... Гм... экъ плохо, плохо! Дѣйствие-то наше какъ теперь плоховато... гм! Весьма, впрочемъ, плохо и то, что я такъ онездаль непростительно; — какъ мнѣ мнѣ? Заходить туда какъ-то жутко; къ-тому же, почти и спорить... Экъ, плохо, плохо!.. Впрочемъ, любезнѣе бы опять, кинуть того, и на какой онъ ногъ теперь...»

«Дескать, на какой-то вы тамъ ногъ, милостивый мой государь?» бормотала господинъ Голядкинъ прѣхавъ и слезая съ извозчика: «дескать на что вы рѣшились, и что-то вы теперь подальше-то? Хотите знать?...» продолжалъ онъ бормотать, различивъ съ помощью и отчасти не помня себя отъ волненія. «Да ну! ничего, впрочемъ» сказалъ онъ наконецъ въ заключеніе: «а вотъ единственно, я все про то...»

«Плохо, и дѣйствительно плохо, что я эти два письма написалъ; и такимъ образомъ, наконецъ, написалъ; гораздо бы лучше было, еслибы написать ихъ болѣе въ дружескомъ, въ пріятельскомъ тонѣ... Вахрамѣеву, напримеръ, такъ, между-прочимъ... дескать, мой такъ, милый другъ, помню пріятныя минуты, проведенныя мнѣ съ тобою, и особенно тотъ незабываемый вечеръ и т. д., и т. д. между-прочимъ такъ, попенять ему только... дескать, полюбилъ тебѣ, милый другъ, два цѣлковыхъ за бритвы; ещебы, что поинтернѣе, а между-прочимъ позволю тебѣ сказать по-дружески, милый другъ, что я такъ и такъ, прочелъ письмо твое (тутъ отъ возможности минуточкой) и вижу, что ты, Волокита и коварный извѣститель (такой ты сякой), стоишь рыцаремъ за германскую красоту и блондъ на глазу, т. е. за извѣстную намъ особу женскаго пола: Впрочемъ, о блондѣ-то и умолять не приходится. Дуракъ дѣйствительно выйдеть изъ на ту сторону... да ну, ничего, это дѣло»

нас, а вотъ: — и такъ, милый другъ, объяснить тебѣ то-то и то, включено письмо и пребываю твоимъ вѣрнѣйшимъ Голядинымъ, и т. д.—вотъ оно какъ! Впрочемъ, такъ или этакъ, а оно-таки и того... Эхъ плохо, плохо! Остеречься бы нужно, а ждать-было бы нужно, до времени, когда бы еще болѣе обнажилось дѣло... Э, да ну, ничего! Поживешь — попримыкаешь а вотъ мы теперь и того, и изслѣдуемъ дѣло; это действительно нашей части изслѣдовать дѣло; оно и всегда, наконецъ, было нашей части изслѣдовать дѣло какое-нибудь... Такъ-таки вѣда проинишуть...» говорилъ господинъ Голядкинъ, остановившись въ раздумьи у департаментской лѣстницы. «Дѣло-то въ томъ, действительно войти или нѣтъ? Оно, конечно, съ одной стороны пожелай и того, но съ другой стороны оно, пожалуй, и опять то самое. Эхъ плохо, плохо! эхъ дѣло-то наше какъ теперь плохо!... Намеишь, господинъ Голядкинъ рывился немножко. Впрочемъ, рывишися немножко, господинъ Голядкинъ тутъ же кричалъ, что не лучше ли послѣ, что не лучше ли этакъ, какимъ-нибудь тамъ и того, дескать, послѣ а теперь на смѣлую ногу, и другимъ путемъ какъ-нибудь; а то вѣда это значило обнаруживать единичекъ-игру и самому въ петлю лѣзть. А оно и всегда бывало не совсѣмъ-то хорошо обнаруживать много; если ужъ все говорить, если на то пошло, чтобъ ужъ все говорить, такъ оно и не всегда бываетъ дороже свой носъ далеко выставлять и въ карты съ прорадами заглядывать. «Дѣло было въ томъ, что господинъ Голядкинъ дѣйствительно и весьма — вѣрно предугадывалъ, предчувствовалъ минута рѣшительная, что дѣло развязывается, что триго, четвертое и шестая работаютъ, и что, наконецъ, враги совершенно предупредили его, взяли верхъ, и что, наконецъ, развязка теперь на носу. «Конечно» думалъ герой нашъ: «конечно, это можно предположительно разузнать ною рукою, обо всемъ это можно разузнать предварительно, можно узнать, наприимѣръ, въ разобранной, каковы онъ действительно тамъ-то, и на какой онъ носъ а носу своего далеко не выставлять; дескать, носъ-то свой ну теперь доберечь; потому-что оно же вѣду человека бываетъ далеко своей носъ выставлять, — дескать, вотъ оно какъ, и т. д.»

Вотъ такимъ-то образомъ опадалъ и терялся герой нашъ, и думавшая, что сдѣлать и какъ ему воступить въ своемъ труднительномъ обстоятельствѣ. Вдругъ, одно повидимому весьма-маловажное обстоятельство разрѣшило нѣкоторые сомнения господина Голядкина, и хотя только отчасти помогло ему, но и крайней-мѣрѣ поставило на битую дорогу, на истинный путь. Нѣтъ-за угла департаментскаго зданія вдругъ показалась запылившаяся и раскрасившаяся, върлотно отъ скорой ходьбы, фигу

на, и украдкой, красноречиво похвасткой, шмыгнула на крыльцо, и встала тотчас же въ сѣни. Это былъ писарь Остафьевъ, человекъ весьма-знакомый господину Голыдкину, человекъ отчасти нужный и за гривенникъ годовой на все. Этимъ изжила струнку Остафьева, и смекнувъ, что едѣ послѣ отлучки въ самую нужнѣйшую надобность, впрямую сталъ еще болѣе прежняго нахлопъ на гривенники, герой нашъ рѣшился ихъ не жалѣть, и тотчасъ же шмыгнулъ на крыльцо, а потомъ и въ сѣни въ-слѣдъ за Остафьевымъ, кликнувъ его, и съ таинственнымъ видомъ пригласилъ въ сторонку, въ укромный уголокъ, за огромную желѣзную печку. Заведя его туда, герой нашъ началъ разспрашивать.

— Ну, что, мой другъ, какъ этакъ тамъ, того... ты меня понимаешь?...

— Слушаю, ваше благородіе, здравія желаю вашему благородію.

— Хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя послѣ неблагодарю; милый другъ. Ну, вотъ видишь, какъ же, мой другъ?

— Что изволите спрашивать-сь? Тутъ Остафьевъ попридержалъ немного рукою свой нечаянно-раскрывшійся ротъ.

— Я, вотъ видишь ли, мой другъ, я того... а ты не думай чего-нибудь... Ну что, Андрей Филипповичъ здѣсь?...

— Здѣсь-сь.

— И чиновники здѣсь?

— И чиновники тоже-сь, какъ слыдуется-сь.

— И его превосходительство тоже?

— И его превосходительство тоже-сь. Тутъ писарь еще другой разъ попридержалъ свой опять раскрывшійся ротъ и какъ-то любовательно и странно посмотрѣлъ на господина Голыдкина. Герою нашему, крайней-мѣрѣ, такъ показалось.

— И ничего особеннаго такого нѣту, мой другъ?

— Нѣтъ-сь; никакъ нѣтъ-сь.

— Этакъ обо мнѣ, милый другъ, нѣтъ ли чего-нибудь тамъ, какъ чего-нибудь только... а? только такъ, мой другъ, понимаешь?

— Нѣтъ-сь, еще ничего не слышно покажется. Тутъ писарь опять попридержалъ свой ротъ и опять какъ-то странно взглянулъ на господина Голыдкина. Дѣло въ томъ, что герой нашъ старался теперь проникнуть въ сѣнокомію Остафьева, впрочестъ на ней косякъ, не таится ли чего-нибудь. И действительно, какъ-будто что-то такое таилось; дѣло въ томъ, что Остафьевъ становился все какъ-то грубѣе и суше, и не съ такимъ уже участіемъ, какъ съ начала разговора, вглядывалъ теперь въ интересы господина Голыдкина. «Онъ отчасти въ своемъ правѣ» подумалъ господинъ Голыдкинъ: «звѣдѣ что жь я ему? Онъ, можетъ-быть, уже и поглядывалъ съ другой сто-

роны, а потому и отступилъ до законучившейся-то. А вотъ я смъ в того...» Господинъ Голядкинъ узналъ, что время грешникова наступило.

— Вотъ тебя, милый другъ...

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Еще болѣе дамъ.

— Слушаю, ваше благородіе,

— Теперь, сейчасъ еще болѣе дамъ, и когда дѣло кончится, еще столько же дамъ. Понимаешь?

Писарь молчалъ, стоялъ въ струнку и неподвижно смотрѣлъ на господина Голядкина.

— Ну, теперь говори: про меня ничего не слышно?

— Кажется, что еще, покажѣсть... того-съ... ничего нѣтъ покажѣсть-съ. Остафьевъ отвѣчалъ съ разстановкой, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, наблюдая немного таинственный видъ, подергивая немного бровями, смотря въ землю, стараясь не упасть въ надлежащій тонъ, и, однимъ словомъ, всѣми силами стараясь изработать обещанное, потому что данное онъ уже считалъ за собою и окончательно-приобрѣтеннымъ.

— И неизвѣстно ничего?

— Покажѣсть еще нѣтъ-съ.

— А послушай... того... оно, можетъ-быть, будетъ извѣстно?

— Потому, разумеется, можетъ-быть, будетъ извѣстно-съ.

— Плохо! подумалъ герой нашъ. Послушай; вотъ тебя еще, милый мой.

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію. —

— Вахрамѣевъ былъ вчера здѣсь?..

— Былъ-съ.

— А другаго кого-нибудь не было ли?... Припомни-ка, братецъ?

Писарь порылся съ минутку въ своихъ воспоминаніяхъ и надлежащаго ничего не припомнилъ.

— Нѣтъ-съ, никого другаго не было-съ.

— Гм. — Последовало молчаніе.

— Послушай, братецъ, вотъ тебя еще; говори все, всю подноготную.

— Слушаю-съ. Остафьевъ стоялъ теперь точно шелковый того и надобно было господину Голядкину.

— Объясни мнѣ, братецъ, теперь, на какой онъ ногѣ?

— Ничего-съ, хороша-съ, стѣнать писаря, во все глаза смотрѣлъ на господина Голядкина.

— Т. е. какъ порошо?..

— Т. е. такъ-съ. Тутъ Остаевова значительно подорнула бровями; впрочемъ, снѣ рѣзительно становится въ туникъ и не знала, что ну еще говорить. «Плохо!» подумалъ господинъ Голядкинъ.

— Нѣтъ ли у нихъ дальнѣйшаго чего-нибудь съ Вахрамеевичемъ?

— Да и все какъ и прежде-съ.

— Подумай-ка.

— Есть, говорить-съ.

— А ну, что же такое?

Остаевова невидержалъ рукою свой ротъ.

— Письма отъ твоего нѣтъ ли ко мнѣ?

— А сегодня стережъ Михеевъ ходилъ къ Вахрамееву на квартиру, туда-съ, къ Нѣмкѣ ихней-съ, такъ вотъ я пойду и спрячу, самъ надобно.

— Сдѣлай одолженіе, братецъ, ради Создателя!.. И только такъ... и, братъ, не думай чего-нибудь, а я только такъ. Да разспроси, братецъ, разузнай, не приготовляется ли что-нибудь тамъ на мой счетъ. Онъ-то какъ дѣйствуетъ? вотъ мнѣ что нужно; вотъ это ты и знай, милый другъ, а я тебя потомъ и поблагодарю, милый другъ...

— Слушаю-съ, ваше благородіе, а на вашемъ мѣстѣ Иванъ Семеновичъ свали сегодня-съ.

— Иванъ Семеновичъ? А! да! не-уже-ли?

— Андрей Филипповичъ указали мнѣ съѣсть-съ...

— Не-уже-ли? по какому же случаю? Разузнай это, братецъ; ради создателя разузнай это, братецъ; разузнай это все, — а я тебя поблагодарю, милый мой; вотъ что мнѣ нужно... А ты не думай чего-нибудь, братецъ...

— Слушаю-съ, слушаю-съ, тотчасъ сойду сюда-съ. Да вы, ваше благородіе, развѣ не войдете сегодня?

— Нѣтъ, мой другъ; я только такъ, я вѣдь такъ только, я поспотрѣть только пришелъ, милый другъ, а потомъ и тебѣ и поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ. Писарь быстро и усердно побѣжалъ вверхъ по стѣнцѣ, а господинъ Голядкинъ остался одинъ.

«Плохо!» подумалъ онъ. «Эхъ, плохо, плохо! Эхъ дьяво-то наше... къ теперъ плоховато! Что бы это значило все? чего это они тамъ не прихватили? что именно значили нѣкоторые намѣки этого лица, на-примѣръ, и чья это штука? А! я теперь знаю чья, это Лука. Это вотъ какая штука. Они вѣрно узнали, да и посадили... прочесть, что жь посадили? это Андрей Филипповичъ его посадилъ, зна-то Семеновича; да впрочемъ, зачѣмъ же онъ его посадилъ? съ какою именно дьявоу посадилъ? Вѣроятно; узнали... Это Вах-

рабочей работы, т. е. на Вахрамеев, онъ: глупъ, да и просто осинное бревно. Вахрамеев-то; а это они: все за него работают да и шельмеца-то за тѣмъ же самымъ сюда натравили; а Никита-то одноглазый! Я всегда подозревалъ, что вся эта шельма не проста, и что во всей этой бабьей, старушней шельме непременно есть что-нибудь; то же самое я и Крестыну Ивану вичу говорилъ, что дескать поклялись зарезать, въ нравственномъ смыслѣ говоря, человѣка, да и ухватились за Королину Иванову. Нѣтъ, тутъ мастера работаютъ видно! тутъ, сударь мой, работаетъ мастерская рука, а не Вахрамеевъ какой-нибудь. Уже сказано, что глупъ Вахрамеевъ, а это... я знаю теперь, кто здесь на нехъ всѣмъ работаетъ: это шельмецъ работаетъ, самошлепъ работаетъ! На этомъ одномъ онъ и лѣпится, что доказываетъ отчасти и усилки его въ высшемъ обществѣ. А дѣйствительно, жаль было бы знать было, на какой онъ ногѣ теперь... что-то онъ тамъ у нихъ? — Только зачѣмъ же они тамъ взяли Ивана-то Семеновича? на какой имъ чортъ было нужно Ивана Семеновича, точно нельзя ужъ было достать другаго кого. Впрочемъ, кого ни досади, все было бы то же самое; а что я только знаю, такъ это, что онъ, Иванъ-то Семеновичъ, былъ мнѣ давно подохнутъ, а про него давно замѣчалъ: старикашка такой, скверный гадкій такой,—говорятъ, на проценты даетъ и жидовскіе проценты беретъ. А вѣдь это все медвѣдь мастерить. Во все-то обстоятельство медвѣдь замѣшался. Началось-то оно такимъ образомъ. Измайловскаго-Моста оно началось; вотъ оно какъ началось... Тутъ господня Голлакинъ сморщился, словно лимонъ разгрызъ, вѣроятно припоминая что-нибудь весьма-непріятное. «Ну, да ничего, впрочемъ!» подумалъ онъ. «А вотъ только, я все про свое. Чѣмъ это Остафьевъ не идетъ? Вѣроятно, засѣлъ или былъ оставленъ тамъ какъ-нибудь. Это вѣдь и хорошо отчасти, что я такъ интригую и съ своей стороны подкопы веду. Остафьеву только гривенничекъ нужно дать, такъ онъ и того... и на моей стороне. Только вотъ дѣло въ чемъ: точно ли онъ на моей стороне; можетъ-быть, они его тоже съ своей стороны... и съ своей стороны согласясь съ нимъ, интригу ведутъ. Вѣдь разбойникомъ сматриваютъ мошенникъ, чистымъ разбойникомъ! Таятся, шельмецъ! «Нѣтъ, нечего» говорить «и чувствительно, дескать, вамъ, ваше благородіе» говорить, благодарень.» Разбойникъ ты этакой! Это все шельма такъ; и какъ говорилъ сейчасъ, непременно одинъ на другомъ вылаживаетъ; а можетъ-быть и не такъ... впрочемъ, можетъ-быть, онъ и совсѣмъ не такъ, а просто другимъ какимъ скрытымъ дѣлаемъ образомъ. Эхъ плохо, плохо! Эхъ плохо, плохо! ну, да вѣдь дѣло! оно можетъ-быть и все ничего, а только бы вотъ онъ-

впередъ, гдѣ бы по нѣ-то пришли! Что-то онъ тамъ? А-то бы, какая дурная дорослая, въ пику намъ вышла бы; досадитъ, да мол, пускай въ тамъ и текъ, и лезетъ, и по-спасому, а если жить у насъ здѣсь есть и по-нашему. Вотъ оно какъ, судья мой; въ пику, досадитъ, вамъ интригу ведемъ, на благородную, отпрыпу вогу интригу ведемъ...»

Пелышался шумъ... господинъ Голядкинъ съѣжился и прыгнулъ на печку. Кто-то сошелъ съ лѣстницы и вышелъ на улицу. Кто бы это такъ отправлялся теперь? подумалъ про-себя нашъ герой. Черезъ минутку послышались опять чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ не вытерпѣлъ и высунулъ нѣ-за своего бруса на маленькій-маленькій кончикъ носу — высунулъ и тотчасъ же сѣлся назадъ, словно кто ему булавкой носъ удедалъ. На этотъ разъ проходилъ извѣстно кто, т. е. шельмецъ, интригантъ и маратникъ, — проходилъ по обыкновенію своимъ подленькимъ штыль шажкомъ, присеменявая и выкидывая ножками такъ, какъ-будто-бы собирался кого-то лягнуть. «Подлецъ!» проговорилъ про-себя нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ не могъ не знать, что у подлца подъ мышкой былъ огромный зеленый промель, принадлежавшій его превосходительству. «Онъ это опять въ собому» подумалъ господинъ Голядкинъ поправивши и выжавшись еще болѣе прежняго отъ досады. Только что господинъ Голядкинъ-младшій промелькнулъ мимо господина Голядкина-старшаго, совсѣмъ не замѣтивъ его, какъ послышались къ этотъ разъ чьи-то шаги, и на этотъ разъ господинъ Голядкинъ увидѣлся, что шаги были писарскіе. Дѣйствительно, какая-то маленькая писарская фигурка заглянула къ нему за печку: фигурка, впрочемъ, была не Остафьева, а другаго писаря, Писаренка въ званію. Это взумило господина Голядкина. Зачѣмъ же это шаркающъ въ секретъ замѣшалъ? подумалъ герой нашъ: экая штука! святаго у нихъ ничего не нѣется! «Ну, что, мой другъ?» проговорилъ онъ, обращаясь къ Писаренкѣ: «ты, мой другъ, съ ко-

— Вотъ-съ, по вашему дѣльцу-съ. Ни отъ кого извѣстій блока-
къ нѣтъ никакихъ-съ. А если будутъ, уведомишь-съ.

— Остафьевъ!...

— Да ему, ваше благородіе, никакъ нельзя-съ. Его превосход-
ительство уже два раза проходили по отвлеченію; да и мнѣ те-
рѣ никогда.

— Остафьева, милый мой, спасибо тебѣ... Только ты мнѣ ска-

— Эй-Ватуше, некогда-съ... Помилуйте васъ спрашивать-съ. А выте вы знаете здесь еще постоять-съ, такъ если будетъ что нибудь относительно вазего дядьда-съ, такъ мы васъ угдывимъ-съ...

— Нѣтъ, ты, мой другъ, ты скажи...

— Позвольте-съ; мнѣ некогда-съ, говорилъ Писаренко, порываясь отъ ухватившаго его за полу господина Голядкина: — врандальзя-съ. Вы идодьте здесь еще постоять-съ, такъ мы и угдывимъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, другъ мой! сейчасъ, милый другъ! Вотъ те теперь: вотъ два письма, мой другъ; а я тебя поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ.

— Вотъ это письмо ты возьмешь, милый мой; потомъ возьмешь сторожа или рассыльнаго, кого-нибудь, и вручишь ему, чтобъ онъ ставилъ по адресу губернскому секретарю Вахрамѣеву; а я тебя поблагодарю, милый мой...

— Понимаю-съ. Вотъ какъ уберусь, такъ внесу.

— А вотъ это другое письмо, милый мой, ты поспердись отнатишь милый мой, господину Голядкину.

— Голядкину?

— Да, мой другъ, господину Голядкину. Тутъ, видишь ли, мой другъ, есть два господина Голядкина. Это такъ уже случилось. Исторія странная, милый ты мой, — прибавилъ, усмѣхнувшись черезъ силу, для приличія, нашъ герой, съ тою целью, чтобы Писаренко не подумалъ чего-нибудь, и чтобъ ясно дать ему знать, что онъ все ничего, и что господинъ Голядкинъ самъ ничѣмъ не смущается.

— Хорошо-съ; вотъ какъ уберусь, такъ внесу-съ. А вы мнѣ скажете покамѣнь. Здесь никто не увидитъ...

— Нѣтъ, и, мой другъ, ты не думай... я вѣдь здесь стою не для того, чтобъ кто-нибудь не видѣлъ меня. А я, мой другъ, теперъ буду не здесь...

— Слушаю, — слушаю...

— А я, мой другъ, буду вотъ здесь въ переулочкѣ. Косовина есть здесь одна; такъ я тамъ буду ждать, а ты, если случится что, и уведомляй меня обо всемъ, понимаешь?

— Хорошо-съ. Пустите только; я понимаю...

— А я тебя поблагодарю, милый мой! аристалъ господинъ Голядкинъ вслабъ освободившемуся наконецъ Писаренку... Шаломъ!

кается, грубѣе сталь послѣ, — подумалъ герой нашъ, украдкой выходя изъ-за печки. Тутъ еще есть крючокъ. Это ясно... Сначала былъ и того и сего... Впрочемъ, онъ и дѣйствительно торопился; можетъ-быть, дѣла тамъ много. И его превосходительство два раза идя по отдаленію... По какому бы это случаю было?... Ухъ! да ну, ничего! оно, впрочемъ, и ничего, можетъ-быть; а вотъ мы теперь и посмотримъ...

Тутъ господинъ Голядкинъ отворилъ-было дверь и хотѣлъ уже выйти на улицу, какъ вдругъ въ это самое мгновеніе у крыльца загремѣла карета его превосходительства. Не успѣлъ господинъ Голядкинъ опомниться, какъ отворились изнутри дверцы кареты, и сальшіи въ ней господинъ выпрыгнулъ на крыльцо. Прихвачшій былъ не кто иной, какъ тотъ же господинъ Голядкинъ-младшій, спустя десять тому назадъ отлучившійся. Господинъ Голядкинъ-старшій вспомнилъ, что квартира директора была въ двухъ шагахъ. «Это онъ по особому» подумалъ нашъ герой про-себя. Между-тѣмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, захвативъ изъ кареты какой-то зеленый портфель и еще какихъ-то бумаги, приказавъ наконецъ что-то кучеру, отворилъ дверь, почти толкнувъ ею господина Голядкина-старшаго, и нарочно не замѣтивъ его, и, следовательно, дѣйствуя такимъ-образомъ ему въ паку, пустился скорой-пешкой вверхъ по департаментской лѣстницѣ. «Плехо!» подумалъ господинъ Голядкинъ: «эхъ дѣльцо-то наше! чего прихватило тебя! Ишь его, Господи-Вонъ мой!» Съ пол-минутки еще просто-таки нашъ герой неподвижно; — наконецъ онъ рѣшился. Долго не раздумывая, впрочемъ сильное трепетаніе сердца и дрожь во всемъ телѣ, побуждалъ онъ вѣзды за пряталомъ своимъ вверхъ по лѣстницѣ. «А! была не-была; что же мнѣ-то такое? я сторона вѣзды дѣльцо, думалъ онъ, снявъ шляпу, шинель и казени въ карманъ. «Пшукъ, впрочемъ, еще впередъ, а пусть ее, правдо! а и въ карманъ и на сигнальную дорогу, такъ рѣзительно-смыло, бланкетъ-шутень, — маску снимая, — человекъ же притомъ въ свободномъ... тогда — и т. д. — да ну, ничего!»

ГЛАВА XII.

Враги г. Голядкина идутъ на открытую, при чемъ наскакадуютъ съ нѣкоторыхъ лицъ окончательно, и иногда, совершенно, впрочемъ, ненужное, — обнажается. Г-нъ Голядкинъ доказываетъ при семъ удобномъ случаѣ, что всѣ такія движенія души, которымъ всякое начальство должно бы было до-нельзя сочувствовать; но Антонъ Антоновичъ Сяточкинъ, передавшись на сторону враговъ г-на Голядкина, доказываетъ совершенно-противное. О томъ до какой степени благонамѣренно направленіе г-на Голядкина. Не смотря на это, никто не сочувствуетъ г-ну Голядкину, и онъ рѣшительно не можетъ ни съ кѣмъ объясниться.

Когда господинъ Голядкинъ вошелъ въ свое отдѣленіе, были уже полныя сумерки. Ни Андрея Филипповича, ни Антона Антоновича не было въ комнатѣ. Оба они находились въ директорскомъ кабинетѣ съ его докладами; директоръ же, какъ по слухамъ известно было, въ свою очередь спѣшилъ къ его высокопревосходительству. Въ-слѣдствіе таковыхъ обстоятельствъ, да еще потому что и сумерки сюда подмѣшались и кончалось время присутствія нѣкоторые изъ чиновниковъ, преимущественно же молодѣжь, въ самую минуту, когда вошелъ нашъ герой, занимались нѣкотораго рода бездѣйствіемъ, сходились, разговаривали, толковали, сидѣли и даже кое-кто изъ самыхъ юнѣйшихъ, т. е. изъ самыхъ безчиновныхъ чиновниковъ, въ-тихомолочку и подъ общій шумокъ становили орлянку въ углу у окошка. Зная приличіе и чувствуя настоящее время какую-то особенную надобность приобрести найдети, господинъ Голядкинъ немедленно подошелъ кей-къ-комъ съ кѣмъ ладилъ получше, чтобъ пожелать добраго дня, и т. д. Но какъ-то странно отъѣхали сослуживцы на пріѣздъ господина Голядкина. Непріятно былъ онъ пораженъ какою-то всеобщою холодною, сухостью, даже, можно сказать, какою-то строгостью пріема. Рукъ ему не далъ никто. Иные просто сказали «здравствуйте» и прочь отошли; другіе лишь головою кивнули, кто просто отвернулся и показалъ, что ничего не замѣтилъ, наконецъ, нѣкоторые — и что было всего обиднѣе господину Голядкину, нѣкоторые изъ самой безчиновной молодѣжи, ребята, которые какъ справедливо выразился о нихъ господинъ Голядкинъ, ум

отъ лишь въ орлянку при случаѣ, да гдѣ-нибудь потаскаться, — нѣпо-шалу окружили господина Голядкина, сгруппировались около него и почти заперли ему выходъ. Всѣ они смотрѣли на него съ какинъ-то оскорбительнымъ любопытствомъ.

Знакъ былъ дурной. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ это и прекрасно приготовился съ своей стороны ничего не замѣтить. «Это ничто, впрочемъ; это, можетъ-быть, все и къ лучшему будетъ», думалъ онъ въ неописанномъ смущеніи своемъ и совсемъ теряясь. Вдругъ одно совершенно-неожиданное обстоятельство совсемъ, какъ говорится, докавало и уничтожило господина Голядкина.

Въ кругу молодыхъ, окружавшихъ его сослуживцевъ, вдругъ, и словно нарочно, въ самую тоскливую минуту для господина Голядкина, появился господинъ Голядкинъ-младшій, веселый покладистому, съ улыбочкой по-всегдашнему, вертлявый тоже покладистому, однимъ словомъ: шалунъ, прыгунъ, лизунъ, хохотунъ, локъ на язычокъ и на ножку, какъ и всегда, какъ прежде, тогда такъ, какъ и вчера, напримѣръ, въ одну весьма неприятную минутку для господина Голядкина-старшаго. Осклабившись, вертляво, семеня, съ улыбочкой, которая такъ и говорила всѣмъ: «добро вечера», втерся онъ въ кучку чиновниковъ, тому пожалъ руку, того по плечу потрепалъ, третьяго обнялъ слегка, четвертого объяснилъ, по какому именно случаю былъ его превосходящимъ употребленъ, куда ѣздилъ, что сдѣлалъ, что съ собою привезъ; пятаго, и, вѣроятно, своего лучшаго друга, чмокнулъ въ щеку губки — однимъ словомъ, все происходило точь-въ-точь какъ и съ господина Голядкина-старшаго. Напрыгавшись до-сыта, похлопавъ со всякимъ по-своему, обдѣлавъ ихъ всѣхъ въ свою пользу, и, конечно, не нужно ли было; нализавшись всласть съ ними со своимъ господинъ Голядкинъ-младшій вдругъ, и вѣроятно ошибкой, не успѣвъ замѣтить до-сихъ-поръ своего старѣйшаго друга, чмокнулъ руку и господину Голядкину-старшему. Вѣроятно тоже ошибкой, хотя впрочемъ и успѣвъ совершенно замѣтить неблагопріятное господина Голядкина-младшаго, тотчасъ же, жадно схвативъ герой простертую ему такъ неожиданно руку и пожалъ ее своимъ крѣпкимъ, самымъ дружескимъ образомъ, пожалъ ее съ какинъ-то страннымъ, совсемъ - неожиданнымъ внутреннимъ движениемъ, съ какинъ-то слезящимся чувствомъ. Былъ ли обмануть или нашъ первымъ движеніемъ неблагопріостойнаго врага своего, или же, не нашелся, или почувствовалъ и созналъ въ глубинѣ своей всю степень своей беззащитности — трудно сказать. Тотъ, что господинъ Голядкинъ-старшій, въ здоровомъ видѣ, въ полной волѣ своей, и при свидѣтеляхъ, торжественно пожалъ руку того, кого называлъ смертельнымъ врагомъ своимъ. —

Но каково же было изумленіе, изступленіе и бѣшенство, каковъ былъ ужасъ и стыдъ господина Голядкина-старшаго, когда негдѣ и смертельный врагъ его, неблагородный господинъ Голядкинъ-младшій, замѣтивъ ошибку свою, тутъ же въ собственныхъ же рукахъ преслѣдуемаго, невиннаго и втроемне-обманутаго имъ ловѣка, безъ всякаго стыда, безъ чувствъ, безъ состраданія и вѣсти, вдругъ съ нестерпимымъ нахальствомъ и съ грубостію рвалъ свою руку изъ руки господина-Голядкина старшаго; мало того, — страхнулъ свою руку, какъ-будто замаралъ ее черезъ то чѣмъ-то сорсѣмъ нехорошемъ; мало того, — плюнулъ на сторону сопровождая все это самымъ оскорбительнымъ жестомъ; мало того, — вынулъ платокъ свой и тутъ же самымъ безчеловѣчѣйшимъ образомъ вытеръ имъ всю пальцы свои, побывавшіе на минутку рукъ господина Голядкина-старшаго. Дѣйствуя такимъ образомъ господинъ Голядкинъ-младшій, по подленькому обыкновению своему, нарочно осматривался кругомъ, дѣлалъ такъ, чтобы всѣ видали его поведеніе, заглядывалъ всѣмъ въ глаза, и очевидно старался внушеній всѣмъ всего самаго неблагопріятнаго относительно господина Голядкина. Казалось, что поведеніе отвратительнаго господина Голядкина-младшаго возбудило всеобщее негодованіе окружающихъ чиновниковъ; даже втрѣнная молодѣжь показала свое неудовольствіе. Кругомъ поднялся ропотъ и говоръ. Всеобщее движеніе могло миновать ушей господина Голядкина-старшаго; но вдругъ кстати подоспѣвшая шуточка, накрѣпшая между-прочимъ въ устахъ господина Голядкина-младшаго, разбила и уничтожила послѣднюю надежду героя нашего, и наклонила балансъ опять въ пользу смѣтельнаго и бесполезнаго врага его.

— Это нашъ русскій Фоблазъ, господа; позвольте вамъ рекомендовать молодого Фоблаза, защищалъ господинъ Голядкинъ-младшій, съ свойственною ему наглостію семени и вьюна межъ чиновниками, и указывая имъ на оцѣпенѣвшаго и выдѣтъ съ тѣмъ изступленнаго настоящаго господина Голядкина. «Поцалуемъ, дураки!» продолжалъ онъ съ нестерпимою фамильярностію, подвигаясь къ предательски-оскорбленному имъ челоуѣку. Шуточка бесполезнаго господина Голядкина-младшаго, кажется, наша отголосокъ гдѣ слѣдовало, тѣмъ болѣе, что въ ней заключался коварный намекъ на одно обстоятельство, по-видимому уже гласное и извѣстное всѣмъ. Герой нашъ тяжело почувствовалъ руку браговъ на плечахъ своихъ. Впрочемъ, онъ уже рѣшился. Съ пылающимъ взоромъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ неподвижной улыбкой, выбрался онъ какъ изъ толпы, и неровными, учащенными шагами направилъ свой путь прямо къ кабинету его превосходительства. Въ предшествующей комнатѣ встрѣтился съ нимъ только-что выходящій отъ

по превосходительству Андрей Филипповичъ, и хотя тутъ еще не успѣло было порядочно возникнуть другикъ, совершенно-чужеродныхъ въ настоящую минуту для господина Голядкина. Лишь по прѣдъзанъ и вниманію не хотѣлъ обратитъ на подобное обстоятельство. Прямо, разсчитавъ; смѣло, почти самъ-себѣ удивляясь и мудренно себя за смѣлость похвалявая, абсорбировалъ еще, въ кратъ времени, Андрея Филипповича, порядочно уменьшеннаго такими вниманіемъ нападениемъ.

— А!.. что вы... что вамъ угодно? спросилъ начальникъ ордена, не слушая запнувшася на чемъ-то господина Голядкина.

— Андрей Филипповичъ, я.. могу ли я, Андрей Филипповичъ, жить теперь, тогда же и глазъ-на-глазъ разговоръ съ его превосходительствомъ? рѣзчисто и отчетливо проговорилъ нашъ герой, упрямивъ самый рѣшительный взглядъ на Андрея Филипповича.

— Что-съ? конечно, вѣтъ-съ. Андрей Филипповичъ съ ногъ до племъ обмѣривалъ взглядомъ своимъ господина Голядкина.

— Я, Андрей Филипповичъ, все это къ тому говорю, что, удивившись, какъ никто здѣсь не обличитъ самозванца и поддеса.

— Что-о-съ?

— Поддеса, Андрей Филипповичъ.

— О комъ же это угодно вамъ такимъ образомъ относиться?

— Объ извѣстномъ лицѣ, Андрей Филипповичъ. Я, Андрей Филипповичъ, на извѣстное лицо намекаю; я въ своемъ правѣ... И думая, Андрей Филипповичъ, что начальство должно быть по подобнымъ дѣяніямъ, прибавилъ господинъ Голядкинъ, отчаянно не помня себя.— Андрей Филипповичъ!.. въ изреченіи ордена, Андрей Филипповичъ, что это благородное дѣяніе и къ каждому мою благосамъзрѣнность саманетъ—приметъ начальство и спра, Андрей Филипповичъ, признаваю, дескать, благодарственное начальство за отца, и слѣпо възряю судьбу свою. Такъ и такъ, думалъ... вотъ какъ... Тутъ голосъ господина Голядкина задрожалъ, и онъ раскраснѣлся, и двѣ слезы набѣжали на обѣихъ рѣсницахъ его.

Андрей Филипповичъ, слушая господина Голядкина, до того удивился, что какъ-то неволью отшатнулся шага на два назадъ. Потомъ съ безпокойствомъ осмотрѣлся кругомъ... Трудно сказать, что бы кончилось дѣло... Но вдругъ дверь изъ кабинета его превосходительства отворилась, и онъ самъ вышелъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновниковъ. За нимъ потянулись всѣ, кто ни были видны. Его превосходительство подозвалъ Андрея Филипповича вѣнчать съ нимъ рядомъ, заведя разговоръ о какихъ-то дѣлахъ. Когда всѣ тронулись и пошла вонъ изъ комнаты, опомнился и господинъ Голядкинъ. Присмиривъ, приотвѣсился онъ полъ крыльишко

Антонъ Антоновича Сътолкина, который сзади вскилъ косицы въ своею очередь, и, какъ показалось господину Голядкину, съ самымъ строгимъ и озабоченнымъ видомъ. «Проврался я и тутъ; нагадлы и тутъ», подумалъ онъ про себя: «да ну ничего. Надюсь, что по крайней-мѣрѣ вы, Антонъ Антоновичъ, согласитесь прислушать меня и выслушать въ мои обстоятельства», проговорилъ онъ тихо, и еще немного дрежащимъ отъ волненія голосомъ. «Отверженные всеми, обращаюсь я къ вамъ. Недоумѣваю де-сикъ-поръ, что значилъ слова Андрея Филипповича, Антонъ Антоновичъ. Объясните мнѣ ихъ, если можно...»

— Своевременно все объяснится-сь, строго и съ разстановкою отвѣчалъ Антонъ Антоновичъ, и, какъ показалось господину Голядкину, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что Антонъ Антоновичъ вовсе не желаетъ продолжать разговора.—Узнаете въ скоромъ времени все-сь. Сегодня же форменно обо всемъ известись.

— Что же такое форменно, Антонъ Антоновичъ? почему же такъ именно форменно-сь? робко спросилъ нашъ герой.

— Не намъ съ вами разсуждать, Яковъ Петровичъ, какъ начальство рѣшаетъ.

— Почему же начальство, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ, оробѣвъ еще болѣе:—почему же начальство Я не вижу причины, почему же тутъ нужно безопежить начальство Антонъ Антоновичъ... Вы, можетъ-быть, что-нибудь относительно вчерашняго хотите сказать, Антонъ Антоновичъ?

— Да изтъ-сь, не вчерашнее-сь. А то, что на худое рѣшили вы, Яковъ Петровичъ; тутъ кое-что другое хромаетъ-сь у насъ.

— Что же хромаетъ, Антонъ Антоновичъ? мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, что у меня ничего не хромаетъ.

— А хитрить-то съ кѣмъ собирались? рѣзко пересѣкъ Антонъ Антоновичъ совершенно-оторопѣвшаго господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ какъ платокъ.

— Конечно, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ онъ едва-слышимъ голосомъ:—если внимать голосу клеветы и слушать враговъ нашихъ, не принявъ оправданія съ другой стороны, то конечно, конечно, Антонъ Антоновичъ, тогда можно и пострадать, Антонъ Антоновичъ, безвинно и ни за что пострадать.

— То-то-сь; а неблагопрістойный поступокъ вашъ во вредъ репутаціи благородной дѣвицы того добродѣтельнаго, почтеннаго и известнаго семейства, которое вамъ благодѣтельствовало?

— Какой же это поступокъ, Антонъ Антоновичъ?

— То-то-съ. А относительно другой дѣвицы, хотя бѣдной, но честнаго иностраннаго происхожденія, похвальнаго поступка моего тоже не знаете-съ?

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ... благоволите, Антонъ Антоновичъ, выслушать...

— А вѣроломный поступокъ вашъ и клевета на другое лицо — обвиненіе другаго лица въ томъ, въ чемъ сами грѣшка прихватили? а? это какъ называется?

— Я, Антонъ Антоновичъ, не выгонялъ его, проговорилъ затрепетавъ нашъ герой:—и Петрушку, то-есть, человека моего полюбому ничему не училъ-съ... Онъ ѣлъ мой хлѣбъ, Антонъ Антоновичъ; онъ пользовался гостепріимствомъ моимъ, прибавилъ выразительно и съ глубокимъ чувствомъ герой нашъ, такъ-что подбородокъ его запрыгалъ немножко и слезы готовы были опять навернуться.

— Это вы, Яковъ Петровичъ, только такъ говорите, что онъ хлѣбъ-то вашъ ѣлъ, отвѣчалъ осклабяясь Антонъ Антоновичъ, и въ голосѣ его было слышно лукавство, такъ-что по сердцу скребнуло у господина Голядкина. — Это вы, Яковъ Петровичъ, только такъ, чтобъ только что-нибудь сказать, говорите.

— Конечно, Антонъ Антоновичъ... вы правы, Антонъ Антоновичъ, сказалъ оскорбленный герой нашъ.—Теперь добродѣтели падаютъ, и гостепріимство уже не ставится въ счетъ.

— Вотъ въ томъ-то вы и ошибаетесь, Яковъ Петровичъ. Это ужъ и вольнодумствомъ, сударь мой, называется.

— Совсѣмъ не вольнодумствомъ, Антонъ Антоновичъ; я быгу вольнодумства, Антонъ Антоновичъ. Это Петрушка, Антонъ Антоновичъ, онъ всегда пьянствуетъ, и на него ни въ чемъ нельзя полагаться-съ.

— Да тутъ не Петрушка-съ. Совсѣмъ не въ Петрушкѣ и дѣло-то тутъ.

— Конечно, не въ Петрушкѣ и дѣло, Антонъ Антоновичъ; это вы справедливо изволите говорить. Позвольте еще васъ, Антонъ Антоновичъ, нижайше спросить: навѣстны ли обо всемъ этомъ дѣлѣ его превесходительство?

— Какъ же-съ! Впрочемъ, вы теперь пустите меня-съ. Мнѣ съ вами тутъ некогда... Сегодня же обо всемъ узнаете, что вамъ слѣдуетъ знать-съ.

— Позвольте, ради Бога, еще на минутку, Антонъ Антоновичъ...

— Да итъ-съ, итъ некогда съ вами-съ... послѣ-съ, пожалуй...

— Одну минуту, одно только слово, Антонъ Антоновичъ...

— Послѣ расскажете-съ...

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ; я-съ, вѣдѣю-съ, предусудайте только, Антонъ Антоновичъ... Я советъ не вольнодумствую, Антонъ Антоновичъ; я бѣгу вольнодумства; я совершенно готовъ съ своей стороны и даже пропускалъ ту идею...

— Хорошо-съ, хорошо-съ. Я ужь слышалъ-съ...

— Нѣтъ-съ, этого вы не слыхали, Антонъ Антоновичъ. Это другое, Антонъ Антоновичъ, это хорошо, право, хорошо, и приятно слышать... Я пропускалъ, какъ выше объяснилъ, ту идею, Антонъ Антоновичъ, что вотъ промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно-подобныхъ, а благодѣтельное начальство, видя промыслъ Божій, пріютило двухъ близнецовъ-съ. Это хорошо, Антонъ Антоновичъ. Вы видите, что это очень-хорошо, Антонъ Антоновичъ, и что я далеко вольнодумства. Принимаю благодѣтельное начальство за отца. Такъ и такъ, де-скать, благодѣтельное начальство, а вы того... де-скать... молодому чловѣку нужно служить... Поддержите меня, Антонъ Антоновичъ, заступитесь за меня, Антонъ Антоновичъ... Я ничего-съ... Антонъ Антоновичъ, ради Бога, еще одно словечко... Антонъ Антоновичъ...

Но уже Антонъ Антоновичъ былъ далеко отъ господина Голякина... Герой же нашъ не зналъ, гдѣ стоялъ, что слышалъ, что дѣлалъ, что съ нимъ сбѣдалось, и что еще будутъ дѣлать съ нимъ — такъ смутило его и потрясло все имъ слышанное и все съ нимъ случившееся:

Умоляющимъ взоромъ отыскивалъ онъ въ толпѣ чиншниковъ Антона Антоновича, чтобъ еще болѣе оправдаться въ глазахъ его, и сказать ему что-нибудь крайне-благодѣтельное и весьма-благодѣльное и пріятное отъ себя-самого... Впрочѣмъ, мало-помалу, новый свѣтъ начиналъ пробиваться сквозь смущеніе господина Голякина, новый ужасный свѣтъ, озарившій передъ нимъ вдругъ, разомъ, цѣлую перспективу совершенно-невѣдомыхъ обстоятельствъ... Въ эту минуту, кто-то толкнулъ совершенно-сбившагося героя нашего подъ бокъ. Остъ-скануло. Передъ нимъ стоялъ Писаренко.

— Письмо-съ, ваше благородіе:

— А!.. Онъ уже охотилъ, милашій мой?

— Нѣтъ, это еще утромъ въ десять часовъ сюда привезли-съ. Серный Михаилъ сторожъ пришелъ-съ съ квартиры губернскаго секретаря Вахрамеева.

— Хорошо, мой другъ, хорошо, а я тебя благодарю, милый мой.

.. и. Создавъ это, господинъ Голякинъ обратилъ писмо къ боковой карманъ своего вид-мундара и застегнулъ его на все пуговицы; потомъ осмотрѣлся кругомъ и къ удивленію своему замѣтилъ,

что уже находится въ сѣняхъ департаментскихъ, въ лучшѣ чиновниковъ, столпившихся къ выходу, ибо кончалось присутствіе. Господинъ Голядкинъ не только не замѣчалъ до-сихъ-поръ этого послѣдняго обстоятельства, но даже не замѣчалъ и не помнилъ тогда, какимъ образомъ онъ вдругъ очутился въ широкій, въ камешкахъ и держалъ свою шляпу въ рукахъ. Все чиновники стояли неподвижно и въ почтительномъ ожиданіи. Даже въ томъ, что его превосходительство остановился ввиду лѣстницы, въ ожиданіи окончанія почему-то замѣшавшагося аннаша, и велъ весьма-интересный разговоръ съ двумя совѣтниками и съ Андреемъ Филипповичемъ. Ближайшею междоу отъ двухъ совѣтниковъ и Андрея Филипповича, стоялъ Антонъ Антоновичъ Свточкинъ и кое-кто изъ другихъ чиновниковъ, которые весьма улыбались, видя, что его превосходительство изволяетъ шутить и смѣяться. Столпившіеся наверху лѣстницы чиновники тоже улыбались и ждали, покаместъ его превосходительство опять засмѣются. Не улыбался лишь только одинъ Фалесевичъ, толстопузый швейцаръ, державшійся у ручки дверей, вытянувшійся въ струнку; и съ затеряннѣмъ ожидавшій порокъ своего обыденнаго удовольствія, состоявшаго въ томъ, чтобы разомъ, однимъ взмахомъ руки, широко откинуть одну изъ половинокъ дверей; вѣломъ, согнувшись въ дугу, почтительно пропустить мимо себя его превосходительство. Но вѣкъ болѣе, по-видимому, былъ радъ и чувствовалъ удовольствія недостойный и неблагородный врагъ господина Голядкина. Онъ, въ это мгновеніе, даже позабылъ всѣхъ чиновниковъ, даже оставилъ въонить и семенить между ними, по своему подленькому обыкновенію даже позабылъ, какъ случается, подливаться къ кому-нибудь въ это мгновеніе. Онъ обратился весь въ слухъ и зрѣніе, какъ-то странно съжался, вероятно, чтобы удобнѣе слушать, не спуская глазъ съ его превосходительства, и нервика только подергивало его руки; ноги в голову какими-то едва-замѣтными судорогами, обличавшими внутреннія сокровенныя движенія души его:

— Ишь его разбираетъ! подумалъ герой нашъ: «фаворитомъ считаться, пошеникякъ! Желалъ бы я знать, чѣмъ онъ именно беретъ въ общество высокаго тона? Ни ума, ни характера, ни образованія; ни чувства... везетъ шельменцу! Господа Боже! вѣдь какъ это скоро можетъ пойдти человекъ, какъ подумаетъ, и найдти во всѣхъ людяхъ! И поидетъ человекъ, клятву даю, что поидетъ далеко, шельмецъ, доберется, — везетъ шельменцу! Желалъ бы я еще узнать, чѣ именно такое, онъ всѣмъ имъ напаштываетъ? Какія тайны у насъ со всѣмъ этимъ народомъ заводятся и про какія секреты они шепчутъ? Господа Боже! Какъ бы мнѣ этакъ тебѣ... и съ ними бы, тоже, пошеникякъ, до-этого-тогда и зря; попроситъ его развѣ...

де-сказать такъ и такъ, а я больше не буду; де-сказать я виновать, а молодому человеку, ваше превосходительство, нужно служить въ наше время; обстоятельствомъ же темнымъ мнѣ я отнюдь не смущаюсь, — вотъ оно какъ! протестовать тамъ какимъ-нибудь образомъ тоже не буду и все съ терпѣніемъ и смирѣніемъ спесу, — вотъ какъ! Вотъ развѣ такъ поступить?.. Да, впрочемъ, его не проймешь, шельмеца, никакимъ словомъ не пробьешь; резону-то ему извозить нельзя въ забубѣнную голову... А впрочемъ попробуемъ. Случится, что въ добрый часъ попаду, такъ вотъ и попребовать...

Въ беззаконствѣ своемъ, въ тоскѣ и смущеніи, чувствую, что такъ оставаться нельзя, что наступаетъ минута рѣшительная, что нужно же съ кѣмъ-нибудь объясниться, герой нашъ сталъ-было пощенишкку подвигаться къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ недостойный и загадочный непріятель его; но въ самое это время, у подъявода загремѣлъ давно-ожидаемый экипажъ его превосходительства. Одолѣвъ рванулъ дверь и, согнувшись въ три дуги, пропустилъ его превосходительство мимо себя. Все ожидавшіе разомъ хлынули къ выходу и отгѣснили на мгновеніе господина Голядкина-старшаго отъ господина Голядкина-младшаго. «Не уйдешь!» говорилъ нашъ герой, прерывался сквозь толпу и не спуская глазъ съ кого сдѣлалъ. Наконецъ, толпа раздалась. Герой нашъ почувствовалъ себя на свободѣ и ринулся въ ногу за своимъ непріателемъ.

ГЛАВА XIII.

Кофейная. О томъ, какимъ-образомъ выразилась крайняя степень безправственности господина Голядкина-младшаго и какимъ образомъ защищалъ себя господинъ Голядкинъ-старшій. Обманъ и вѣроломство. Вихрь, вѣюга, вѣтль и — паденіе господина Голядкина-старшаго. Сравненіе господина Голядкина-старшаго съ кулемъ муки; господинъ Голядкинъ-старшій рѣшавтъ, впрочемъ, что это еще все ничего, и что все можетъ еще устроиться къ лучшему. Какимъ-образомъ посредствомъ двухъ бабъ, одного холоваго и одного господина, читавшаго «Полицейскія Вѣдомости», господинъ Голядкинъ открылъ, что его хотятъ отравить. Последний ударъ господину Голядкину.

Духъ занимался въ груди господина Голядкина; словно на крыльяхъ летѣлъ онъ впередъ за своимъ быстро-удалявшимся непріателемъ. Чувствовалъ онъ въ себѣ присутствіе какой-то страшной энергіи. Впрочемъ, не смотря на присутствіе страшной энергіи, го-

сподобить Голядкина могъ смѣло надѣяться, что въ настоящую минуту даже простой комаръ, еслибъ только онъ могъ въ такое время жить въ Петербургѣ, весьма бы удобно перешагъ его крылою своимъ. Чувствовалъ онъ еще, что онагъ и ослабъ совершенно, что несеть его какою-то совершенно-особенною и постороннею силою, что онъ вовсе не самъ идетъ, что, навротивъ, его ноги подкашиваются и служатъ отказываются. Впрочемъ, это все было еще совсѣмъ ничего и, не смотря ни на что, неизменно могло бы устроиться къ лучшему. «Къ лучшему не къ лучшему» думалъ господинъ Голядкинъ, почти задыхаясь отъ скорого бѣга: «не что дѣло проиграно, такъ въ томъ теперь и сомнѣнія малѣйшаго нѣтъ; что пропалъ я совсѣмъ, такъ ужъ это известно, опредѣлено, рѣшено и подписано.» Не смотря на все это, герой нашъ словно изъ мертвыхъ воскресъ, словно баталію выдержалъ, словно небѣду схватилъ, когда пришлось ему уцѣпиться за шинель своего непріятеля, уже заносившаго одну ногу на дрожки куда-то только-что сговореннаго имъ вавки. Впрочемъ, не смотря на выигранную баталію, герой нашъ до того потерялся въ настоящее мгновеніе, что, выпившись въ шинель злѣйшаго врага своего, такъ и остался съ раскрытыми ротомъ, безъ словъ, безъ движенія, едва перевода духа. «Милостивый государь! милостивый государь!» закричалъ онъ наконецъ наступитому имъ неблагородному господину Голядкину-младшему: «милостивый государь, я надеюсь, что вы...»

— Нѣтъ, вы ужъ пожалуйста ничего не надѣйтесь, уклончиво отвѣчалъ безчувственный непріятель господина Голядкина, стоя одною ногою на одной ступенькѣ дрожекъ, а другою нѣе всѣхъ силъ врываясь нопастъ на другую сторону экипажа, тнетьно махая по воздуху, стараясь сохранить эквалнбръ и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь всѣми силами отцѣплнтъ шинель свою отъ господина Голядкина-старшаго, за которую тотъ, съ своей стороны, уцѣпился всѣми данными ему природою средствами.

— Яковъ Петровичъ! только десять минутъ...

— Извините, мнѣ некогда-съ.

— Согласитесь сами, Яковъ Петровичъ... пожалуйста, Яковъ Петровичъ... ради Бога, Яковъ Петровичъ... такъ и такъ — объяснитесь... на смѣлую ногу... Секундошку, Яковъ Петровичъ!..

— Голубчикъ мой, некогда, отвѣчалъ съ неучтливою фамильярностью, но подѣ видомъ душевной доброты, должно-благородный непріятель господина Голядкина:—въ другое время, повѣрьте, естъ волюты души и отъ чистаго сердца; но теперь — вотъ право ты вавья.

— Подлецъ! подумалъ герой нашъ:—еще и отъ чистаго сердца, шавлець ты такой!.. Яковъ Петровичъ! закричалъ онъ геклашею

— а, впрочемъ врагъ мой невиннаго блуднаго. Давно же люди похорошевали. Если бы не вышло такъ... Съ своей стороны я готовъ... Якобъ Петровичъ, угодна, шагъ съ вами, Якобъ Петровичъ, вотъ сейчасъ зайдемъ!.. Въ такъ отъ чистаго сердца, какъ справедливо сказали бы вы, а законъ примитъ, благодарнытъ!.. вотъ въ эту минуту; тогда все само-собою объяснится, — вотъ какъ, Якобъ Петровичъ! Тогда неправитно все само-собою объяснится...

— Въ какой-нибудь? хорошо-съ. Я не прочь, зайдемъ въ какой-нибудь, съ однимъ только условіемъ, радость моя, съ единнымъ условіемъ, — что такъ все само-собою объяснится. Дескать, такъ и такъ, душа, проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, едвая съ дружкой и безотыдно петривавъ героя нашего по плечу: — дружке ты станой; для тебя, Якобъ Петровичъ, я готовъ переулочкомъ (какъ справедливо въ это время вы, Якобъ Петровичъ, замѣтитъ лавочникъ). Видъ вотъ плутъ; право, что захочетъ, то и дѣлаетъ съ человекомъ! продолжалъ лживый другъ господина Голядкина, въ ласковой улыбочкой вертѣсь и улыбаясь около него, заглядывая подъ шляпу къ нему, и однимъ словомъ фальшиво, всеми средствами стараясь изобразить себою остроумца и любезнаго человека, но между тѣмъ дѣйствуя со всеми безстыдствомъ безпримѣрности. прямо въ руку господину Голядкину-старшему, едвая ступая съ него дѣлать, чтобъ какимъ-нибудь новымъ безотыднымъ способомъ его обмануть; и потомъ въ дружеской компаніи, едвая-нибудь за бокаломъ вина, для остраго слова, насмѣяться надъ нимъ. Отдаленная отъ большаго улицы кофейная, куда вѣдывали Голядкина, была въ эту минуту совершенно пуста. Даваловъ-кофейная. Мѣтка повисла у прилавка; едвая только задрожала зѣвнъ колокольчика. Господинъ Голядкинъ едвая-нибудь не притворилъ его: прошло въ первую комнату, где едвая-нибудь оторванный предъ пробку мальчишка возился съ вазой около печки, сляса возбуждать въ ней похотѣнныя мысли. По требованію господина Голядкина-младшаго, поданъ былъ колода.

— А предобная бабка; проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, плутовски подмигнувъ господину Голядкину-старшему!

Герой нашъ, въкратцѣ едвая-нибудь... Герой нашъ, въкратцѣ едвая-нибудь; невинито. Знаю вытъ высть. Мнѣ сударь, Мнѣ сударь до тоновныхъ Ничоныхъ; мы, дескать, душа ты придиши, Якобъ Петровичъ; дакой-отъ тебѣ до тоновныхъ, ты едвая-нибудь, а не-издривныхъ едвая-нибудь. Ничоныхъ; едвая-нибудь у нихъ нанимаемъ, ихъ нравственность соблазняемъ, за бирюку едвая-нибудь, едвая-нибудь наше сердце мнѣ похотѣннытъ, да разнѣй. Поди-скажи, а вытъ; едвая-нибудь, едвая-нибудь. Поди-скажи, а вытъ; едвая-нибудь, едвая-нибудь.

ны стагой! Все это проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, ила такимъ образомъ совершенно-безполезный, хотя, впрочемъ, злодѣйски-хитрый намекъ на известную особу женскаго пола, казался ожеде господина Голядкина, улыбаясь ему подъ видомъ любезности, лживо показывая такимъ-образомъ радушіе къ нему радость при встрѣчѣ съ нимъ. Замѣчая же, что господинъ Голядкинъ-старшій вовсе не такъ глупъ и вовсе не до того лишень образованности и манеровъ хорошаго тона, чтобъ сразу поверить ему, неблагородный человекъ рѣшился перемѣнить свою тактику повести дѣла на открытую ногу. Тутъ же проговоривъ свою гнусность, фальшивый господинъ Голядкинъ заключилъ тѣмъ, что въ возмущающимъ душу безстыдствомъ и фамильярностью потрѣгалъ солиднаго господина Голядкина по плечу, и, неудовольствовавшись этимъ, пустился заигрывать съ нимъ, совершенно-непримичнымъ въ обществѣ хорошаго тона образомъ, именно вознамѣялся повторить свдю прежнюю гнусность, т. е. не смотря на сопротивление и легкіе крики возмущеннаго господина Голядкина-старшаго, ущипнуть его за щеку. При видѣ такого разврата, герой нашъ вскипѣлъ и смолчалъ... до времени, впрочемъ.

— Это рѣчь враговъ моихъ, отвѣтилъ онъ наконецъ, благородно сдерживая себя, трепещущимъ голосомъ:— это рѣчь враговъ моихъ, съ достоинствомъ прибавилъ герой нашъ, чувствуя себя между-прочимъ совершенно въ правѣ своемъ и задѣтый за-живо фамильярностью и безстыдствомъ недостойнаго врага своего... Въ то же самое время, герой нашъ съ безпокойствомъ оглянулся на сцену. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ-младшій былъ, —видимому, въ превосходномъ расположеніи духа и въ готовности пуститься на равныя шуточки, непозволительныя въ обществѣ и въ обществѣ и вообще говоря, недопускаемыя законами съвѣсти, и преимущественно въ обществѣ высокаго тона.

— Ну, ну, ну, не буду, не буду! проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, притворительно отстраняясь отъ господина Голядкина-старшаго, лукава и фальшива передъ нимъ такимъ-образомъ, дѣлая маску, и тонкимъ обманомъ, подъ видомъ смиренія мани о въ новыя сѣти. Впрочемъ, герой нашъ понималъ, ясно понималъ, что безнравственный близнецъ его, здѣсь, съ нимъ, на очную ставку, на открытую и свѣтлую ногу и съ откровенностью, лишённою благородства, немного возьметъ. Де-скать, такъ и такъ, а ты сръжешься, де-скать, такъ и такъ, а ты, милостивый государь и мерзавецъ, немного возьмешь, де-скать, того, и т. д.

— А, ну, въ такомъ случаѣ, какъ хотите, серьезно возразилъ господинъ Голядкинъ-младшій на мысль господина Голядкина-старшаго, поставивъ свою опустѣлую чашку, выпитую имъ съ не-

придичною жадностью, на столъ. — Ну-съ, мнѣ съ вами долго нечего, впрочетъ... Ну-съ, каково-те вы теперь поживаете, Яковъ Петровичъ?

— Одно только могу сказать я вамъ, Яковъ Петровичъ, иди покровно и съ достоинствомъ отзывайся нашь герой:—врагони мнѣ и никогда не бывагъ.

— Гм... ну, а Петрушка? какъ-бишь! Петрушка вѣдь, кажется!—ну, да! Что, каковъ онъ у васъ? Хорошо, по-прежнему?

— И онъ тоже по-прежнему, Яковъ Петровичъ, отзывалъ не много взумленный господинъ Голядкинъ-старшій. — Я не знаю Яковъ Петровичъ... съ моей стороны... съ благородной, съ открытой стороны, Яковъ Петровичъ, согласитесь сами, Яковъ Петровичъ...

— Да-съ. Но вы сами знаете, Яковъ Петровичъ, отзывалъ тихимъ и выразительнымъ голосомъ господинъ Голядкинъ-младшій фальшиво изображая собою такимъ-образомъ грустнаго, полнаго раскаянїя и сожалѣнїя достойнаго человѣка:—сами вы знаете, время наше тяжелое... Я на васъ пошлюсь, Яковъ Петровичъ; человѣкъ вы умный и справедливо рассудите, включилъ господинъ Голядкинъ-младшій, подло лъстя господину Голядкину-старшему — вы справедливо рассудите, что иначе и поступать мнѣ было нельзя. Жизнь не игрушка, — сами вы знаете, Яковъ Петровичъ многозначительно заключилъ господинъ Голядкинъ-младшій, прикидываясь такимъ-образомъ умнымъ и ученымъ человѣкомъ, который можетъ рассуждать о высокихъ предметахъ.

— Съ своей стороны, Яковъ Петровичъ, съ одушевленїемъ отзывалъ нашъ герой:—съ своей стороны презирая окольными путемъ и говоря смѣло и откровенно, говоря лязкомъ правымъ, благороднымъ и поставивъ все дѣло на благородную доску, скажу мнѣ могу открыто и благородно утверждать, Яковъ Петровичъ, что чистъ совершенно, и что, сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, обоюдное заблужденїе,—все, можетъ-быть,—судъ свѣта, мнѣние рабѣннкой толпы... Я говорю откровенно, Яковъ Петровичъ, все можетъ быть. Еще скажу, Яковъ Петровичъ, если такъ судить, если с благородной и высокой точки зрѣнїя на дѣло смотреть, то смѣю скажу, безъ ложнаго стыда скажу, Яковъ Петровичъ, мнѣ даже прїятно будетъ открытъ, что я заблуждался, мнѣ даже прїятно будетъ сознаться въ томъ, что я заблуждался, Яковъ Петровичъ. Сами вы знаете, вы человѣкъ умный, а сверхъ-того благородный готовъ сознаться въ этомъ. Безъ стыда, безъ ложнаго стыда готовъ въ этомъ сознаться... съ достоинствомъ и благородствомъ, закончилъ нашъ герой.

— Рокъ, судьба! Яковъ Петровичъ... но оставимъ все это, со мною проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій. — Употребимъ лучше краткія минуты нашей встрѣчи на болѣе-полезный и приятный разговоръ, какъ слѣдуетъ между двумя сослуживцами... Правда, мнѣ какъ-то не удавалось съ вами двухъ словъ сказать во все это время... Въ этомъ не я виноватъ, Яковъ Петровичъ...

— И не я, съ жаромъ перебилъ нашъ герой:—и не я! Сердце мое говоритъ мнѣ, Яковъ Петровичъ, что не я виноватъ во всемъ этомъ. Будемъ обвинять судьбу во всемъ этомъ, Яковъ Петровичъ, прибавилъ господинъ Голядкинъ-старшій совершенно-примирительнымъ тономъ. Голосъ его начиналъ мало-по-малу слабѣть и дрожать.

— Ну, что? какъ вообще ваше здоровье? произнесъ заблудшійся смѣлымъ голосомъ.

— Нешного покашливаю, отвѣчалъ еще слаше герой нашъ.

— Берегитесь. Теперь все такія повстрія, немудрено схватить кашлю, а я, признаюсь вамъ, начинаю уже кутаться во фланель.

— Дѣйствительно, Яковъ Петровичъ, не мудрено схватить жабу... Яковъ Петровичъ! произнесъ послѣ краткаго молчанія герой нашъ: — Яковъ Петровичъ! я вижу, что я заблуждался... Я съ радостію вспоминаю о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя я съ вами провелъ вмѣстѣ подъ бѣднымъ, но смѣю сказать, рыцарскимъ кровомъ моимъ...

— Въ письмѣ вашемъ, вы, впрочемъ, не те написали, отчасти съ радостію проговорилъ совершенно-справедливый (впрочемъ, единственно только въ этомъ одномъ отношеніи совершенно-справедливый) господинъ Голядкинъ-младшій.

— Яковъ Петровичъ! я заблуждался... Ясно вижу теперь, что заблуждался и въ этомъ несчастномъ письмѣ моемъ. Яковъ Петровичъ, вы не можете мнѣ совѣстно смотреть на васъ, Яковъ Петровичъ, вы не можете... Дайте мнѣ это письмо, чтобъ разорвать его, въ вашихъ же глазахъ разорвать его, Яковъ Петровичъ, или если этого никакъ невозможно, то умоляю васъ, читать его наизусть, — совсѣмъ на оборотъ, то-есть, нарочно съ намѣреніемъ извѣстивъ, давая обратный смыслъ всемъ словамъ письма моего. Я заблуждался. Простите меня, Яковъ Петровичъ, я совсѣмъ... я заблуждался, Яковъ Петровичъ.

— Вы говорите? довольно-разсвѣнно и равнодушно спросилъ старый другъ господина Голядкина-старшаго.

— Я говорю, что я совсѣмъ заблуждался, Яковъ Петровичъ, и съ моей стороны я совершенно безъ ложнаго стыда...

— А, ну, хорошо! Это очень-хорошо, что вы заблуждались, грубо отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій.

— У меня, Яковъ Петровичъ, даже идея была, прибавилъ бы городнымъ образомъ откровенный герой нашъ, совершенно не думая ужаснаго вѣроломства своего ложнаго друга:—у меня да идея была, что де-сказать, вотъ, создались два совершенно подобины...

— А! это ваша идея!.. Хороша, хороша, нечего сказать, весьма-хороша; впрочемъ, не смотря на то, что она хороша, мы ее знаете, идею-то вашу, нагло и безстыдно проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, прищуриваясь, улыбаясь и кивая головою и сводя руку Голядкину-старшему:—мы ее до другаго времени, идею-то вашу, а теперь...

Тутъ извѣстный своею бесполезностью господинъ Голядкинъ-младшій всталъ и схватился за шляпу. Все еще не замѣчая обмана, всталъ и господинъ Голядкинъ-старшій, простодушно и благородно улыбаясь своему лже-приятелю, стараясь, въ вежливости своей, его приласкать, ободрить и завязать съ нимъ такъ-образомъ новую дружбу...

— Мы ее до завтра, идею-то вашу, а теперь, употребляя справедливейшее выраженіе ваше, Яковъ Петровичъ, мы все трудиться должны, прибавилъ господинъ Голядкинъ-младшій, очевидно говоря вслухъ всдоръ въ насмѣшку господину Голядкину-старшему. Мы все трудиться должны, понимаешь, Петрушка?!.. Ну, да нечего, ничего, не смущайтесь... Ну, да прощайте, Яковъ Петровичъ, довольно мнѣ съ вами покажѣсть... Удастся сойтись какъ-нибудь, вынемъ бутылочку-другую винца, сладка пол-пива, какъ-говорить мужичьё (между-прочимъ все это), поговоримъ, пошамкаемъ, потолкуемъ другъ съ другомъ, продолжалъ безразвратный человекъ; удивляя господина Голядкина своею безразвратностію и развратностію сердца:—приласкаемъ; пожалуй, Петрушку скажемъ ему, что мы все трудиться должны, прибавилъ заблудившійся безразвратно, поднигнувъ господину Голядкину-старшему все вертлясь и семеня около него и съ нимъ отчасти заигрывая:—возстановимъ между-прочимъ нѣсколько-замаранную, посредствомъ разныхъ немецкихъ ученыхъ, репутацію общаго нашего друга Мухаммеда, пророка турецкаго, рѣшился присовокупить еще съ побольшею, чѣмъ прежде, безстыдною наглостію всячески-развратный человекъ, развратнымъ образомъ улыбаясь достойному господину Голядкину-старшему, и такимъ-образомъ постыдно всмѣхался надъ нимъ:—и наконецъ, наконецъ, дайте руку винцу, герой! дайте руку!

«Дайте руку, на разлукъ», и т. д.

Тутъ безбожный и ни во что невѣрующій господинъ Голядкинъ-младшій, вѣроятно, воображая узлѣвить гордаго героя повѣсти на-

ней, сдѣлавъ въ его же глазахъ неприличное антрша, лягнувъ ногой и, къ довершенію своего посярмленія, шолкнулъ посредствомъ пальца и языка ртомъ, желая показать такимъ образомъ, но какъ-будто-бы онъ откупориваетъ бутылку шампанскаго, а между-тѣмъ очевидно тѣшась самымъ бесполезнымъ образомъ, какъ игривый ребенокъ, не имѣя, однакожь, его невинности. Наконецъ, побъ окончить полную, отвратительную картину своего всяческаго воображенія, съ самой наглою, язвительной и вакхической улыбкой, потянулъ онъ руку свою къ цѣломудренному, говоря въ выгоду для него отношеніи, господину Голядкину-старшему, и крикнувъ неустовымъ и вивствѣ съ тѣмъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Прошайте, ваше превосходительство!

При видѣ такого олицетвореннаго фанатизма къ разврату, герой нашъ невольнo отшатнулся назадъ... Не развращенное дѣтя прирмы, бесполезный господинъ Голядкинъ-младшій, казалось, далъ себѣ слово идти до конца въ оскорбленіи настоящаго господина Голядкина. Чтобъ только отвязаться, сунулъ герой нашъ въ простертую ему руку фанатика два пальца своей руки; но тутъ... тутъ безстыдство господина Голядкина-младшаго превзошло всяческую черствую и мѣру. Схвативъ два пальца руки господина Голядкина-старшаго и сначала пожавъ ихъ, недостойный, тутъ же, въ глазахъ же господина Голядкина, рѣшился повторить свою утреннюю комедійную шутку. Мѣра человѣческаго терпѣнія была истощена... Онъ уже пряталъ платокъ, которымъ обтеръ свои пальцы, въ карманъ, когда господинъ Голядкинъ-старшій опомнился. — Подлый и развратный четьовѣкъ! закричалъ нашъ герой полу-шопотомъ, отрываясь отъ дѣрви въ сосѣднюю комнату, весь дрожа отъ злобно-то болѣзненно-тоскливомъ волненія и, очевидно, окончателъно разстроенный неистощимымъ безстыдствомъ врага своего.

Тутъ произошла довольно-страпная сцена. Господинъ Голядкинъ-младшій, сдѣлавъ неблагопристойность, и, по скверной привычкѣ своей, снзша уже улизнуть въ сосѣднюю комнату, быстро обернувшись къ господину Голядкину-старшему съ самымъ зловѣщимъ видомъ въ лицѣ. Герой нашъ невольнo отступилъ назадъ два шага. Безнравственный сдѣлавъ впередъ два шага; герой нашъ отступилъ еще два шага, благоразумно стараясь выбрать цѣлью ретрапной своей такой уголокъ, изъ котораго бы не было видно въ сосѣднюю комнату, гдѣ были посторонніе люди, ни въ зеркало, въ которомъ котораго люди, находившіеся въ сосѣдней комнатѣ, не могли бы все видѣть; должно было опасаться какой-нибудь новой и отвратительной и отвратительной шуточки, отъ которой могла бы пострадать амбіція въ присутствіи постороннихъ людей. Наконецъ, господинъ Голядкинъ-старшій добрался до своего уголка.

Враги стояли теперь совершенно носомъ-къ-носу, причѣмъ наш герой старался всѣми силами прямо, рѣшительно и не смигнувъ глазомъ смотрѣть въ глаза недостойнаго врага своего, чтобъ показаться ему такимъ-образомъ, что онъ его совсѣмъ не боится, и даже и противъ. Молчаніе и ожиданіе длилось. «Зачѣмъ я привелъ его сюда!» пронеслось въ головѣ господина Голядкина. «Вѣдь вотъ и теперь стоимъ носомъ-къ-носу», кстатн, подумалъ герой нашъ: «что еслибъ носы наши нераздѣльно срослись...» Тутъ же привоивъ онъ сказку, въ которой говорилось о колбасѣ, прнрощей къ носу одной неблагоразумной въ желаніяхъ своихъ жены одного старика. «Жадность къ стяжанію и неблагоразуміе желаній губятъ насъ» подумалъ господинъ Голядкинъ, рѣшительно, безстрашно не смигнувъ глазомъ продолжая смотрѣть въ глаза врагу своему.

— Фоблазъ? проговорилъ наконецъ безнравственный волутъ днственнѣмъ шопотомъ и вопросительнымъ тономъ.

Герой нашъ тоскливо посмотрѣлъ на сосѣднюю дверь.

— Вѣдь Фоблазъ? продолжалъ еще настойчивѣе господинъ Голядкинъ-младшій, наступая до-нельзя на господина Голядкина старшаго.

— Опомнитесь — мы не одни; выйдемте, Яковъ Петровичъ на улицу; на улицѣ лучше намъ будетъ. Яковъ Петровичъ...

Герой нашъ не докончилъ и осыкъся; мѣра оскорбленій превзошла всѣ тоскливыя ожиданія его.

.....

Обезпамятѣвъ отъ изумленія стоялъ нашъ герой, покаместъ двигаясь съ мѣста... Наконецъ, онъ опомнился. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ-младшій, окончивъ послѣднюю гнусность, которую онъ вѣроломно называлъ шуточкой, ринулся со всѣхъ ногъ въ сосѣднюю комнату; а безнаказанно же нельзя было оставлять вѣроломства! Но когда нашъ герой прибылъ въ изступленіи своемъ въ сосѣднюю комнату, безнравственный непріятель его, какъ будто ни въ одномъ глазу, стоялъ-себѣ у прилавка, въ прожн и преспоконно, какъ добродѣтельный человекъ, любезничалъ съ Нѣмкой-кандитершей.—«При дамахъ нельзя» подумалъ герой нашъ подошелъ тоже къ прилавку, не помня себя отъ волненія.

— А вѣдь дѣйствительно бабѣнка-то недурна! — Какъ вы думаете? снова началъ свои неприличныя выходки господинъ Голядкинъ-младшій, вѣроятно рассчитывая на безконечное терпѣніе господина Голядкина. Толстая же Нѣмка, съ своей стороны, смѣялась на обоихъ своихъ посѣтителей оловянно-безсмысленнымъ глазами, очевидно не понимая русскаго языка и привѣтливо улы...

бывъ. Герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь отъ словъ незнающаго слова госпожня Голядкина-младшаго, и, не въ силахъ владѣть собою, бросился наконецъ на него съ очевиднымъ намѣреніемъ растерзать его и повершить съ нимъ такимъ-образомъ окончательно; но господинъ Голядкинъ-младшій, по подлому обыкновению своему, уже былъ далеко: онъ далъ тягу, онъ уже былъ на крыльцѣ. Само-собою разумѣется, что послѣ перваго мгновеннаго столбняка, естественно нашедшаго на господина Голядкина-старшаго, онъ опомнился и бросился со всѣхъ ногъ за обидчикомъ, который уже садился на поджидавшаго его и очевидно во всемъ согласившагося съ нимъ, ваньку. Но въ это самое мгновеніе толпа Ныка, видя бѣгство двухъ посѣтителей, взвизгнула и позволила, что было силы, въ свой колокольчикъ. Герой нашъ почти налету обернулся назадъ, бросилъ ей деньги за себя и за незаплатившаго безстыднаго чловѣка, не требуя сдачи, и, не смотря на то, что промѣшкалъ, все-таки успѣлъ, хотя и опять на-лету только, подхватить своего непріятеля. Уцѣпившись за крыло дрожекъ этими данными ему природою средствами, герой нашъ несся въ другое время по улицѣ, карабкаясь на экипажъ, отстаиваемый изъ всей силъ господиномъ Голядкинымъ-младшимъ. Извозчикъ между-тѣмъ, и кнутомъ, и возжей, и ногой, и словами понукалъ свою робитицу клячу, которая совсѣмъ-неожиданно понеслась въ скачъ, въ вихрь, закусивъ удила и лягаясь, по скверной привычкѣ своей, мѣлкими ногами на каждомъ третьемъ шагу. Наконецъ, нашъ герой успѣлъ-таки взмоститься на дрожки, лицомъ къ своему непріятелю, спиной упираясь въ извозчика, колѣнками въ колѣнки извозца, а правой рукой своей всѣми средствами уцѣпившись въ зѣмна-скверный мѣховой воротникъ шинели развратнаго и опаснѣйшаго своего непріятеля...

Они неслись и въ некоторое время молчали. Герой нашъ едва переводилъ духъ; дорога была прескверная, и онъ подскакивалъ на каждомъ шагу съ опасностію сломить себѣ шею. Сверхъ-того, ожесточившійся непріятель его все еще не соглашался признать себя побѣжденнымъ и старался спихнуть въ грязь своего противника. Къ несчастію всѣхъ непріятностей, погода была ужаснѣйшая. Снѣгъ летѣлъ хлопьями и всячески старался съ своей стороны какимъ-нибудь образомъ залѣзть подъ запахнувшуюся шинель настоящаго Голядкина. Кругомъ было мутно и не видно ни зги. Было отличить куда и по какимъ улицамъ несутся они... Герою Голядкину показалось, что сбывается съ нимъ что-то чудное. Одно мгновеніе онъ старался припомнить, не предчувствовалъ ли онъ чего-нибудь вчера... во снѣ, на-примѣръ... Наконецъ, тоска его доросла до послѣдней степени своей агоніи. На-

легши на безошаднаго противника своего, онъ началъ-было кричать. Но крикъ его замиралъ у него на губахъ... Была минута, когда господинъ Голядкинъ все позабылъ, и рѣшилъ, что все это совсѣмъ ничего, и что это такъ только, какъ-нибудь, необъяснимымъ образомъ дѣлается, и протестовать по этому случаю было бы лишнимъ и совершенно-потеряннымъ дѣломъ... Но вдругъ и почти въ то самое мгновеніе, какъ герой нашъ заключалъ это все, какой-то неосторожный толчокъ переъмѣнилъ весь смыслъ дѣла. Господинъ Голядкинъ какъ кулъ муки свалился съ дрожекъ и покати́лся куда-то, совершенно-справедливо сознавая въ минуту паденія, что дѣйствительно и весьма-некстати погорячился немного, и что все изъ того и вышло, что онъ погорячился немного. Вскочивъ наконецъ, онъ увидѣлъ, что куда-то пріѣхали; дрожки стояли среди чьего-то двора, и герой нашъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что это дворъ того самого дома, въ которомъ квартируетъ Олсуфій Ивановичъ. Въ то же самое мгновеніе замѣтилъ онъ, что пріятель его пробирается уже на крыльцо и, вѣроятно, къ Олсуфію Ивановичу. Въ неописанной тоскѣ своей, бросился-было онъ догонять своего непріятеля, но къ счастью своему благоразумно одумался во-время. Не забывъ расплатиться съ извозчикомъ, бросился господинъ Голядкинъ на улицу и побѣжалъ, что есть мочи, куда глаза глядятъ. Снѣгъ валилъ по-прежнему хлопьями; по-прежнему было мутно, мокро и темно. Герой нашъ не шелъ, а летѣлъ, опрокидывая всѣхъ на дорогѣ—мужиковъ и бабъ и дѣтей, и самъ въ свою очередь отскакивая отъ бабъ, мужиковъ и дѣтей. Кругомъ и вслѣдъ ему слышался пугливый говоръ, визгъ, крикъ... Но господинъ Голядкинъ, казалось, былъ безъ памяти, и вниманія ни на что не хотѣлъ обратить... Опомился онъ, впрочемъ, уже у Семёновскаго-Моста, да и то по тому только случаю, что успѣлъ какъ-то неловко задѣть и опрокинуть двухъ бабъ, съ ихъ какими-то походнымъ товаромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ повалиться. «Это ничего» подумалъ господинъ Голядкинъ: «все это еще весьма можетъ устроиться къ лучшему» и тутъ же полѣзъ въ свой карманъ, желая отдѣлаться рублемъ серебра за просыпанные пряники, яблоки, горохъ и разныя разности. Вдругъ новымъ свѣтомъ озарилъ господина Голядкина; въ карманъ ощупалъ онъ письмо Вахрамѣева. Бросивъ рубль серебромъ, побѣжалъ онъ опять не останавливаясь и ни на что не оглядываясь. Вспомнивъ, между прочимъ, дорогою, что есть у него недалеко знакомый трактиръ, забѣжалъ онъ въ трактиръ, не медля ни минуты пристроился къ столику, освѣщенному сальной свѣчкою, и, не обращая ни на что вниманія, не слушая полового, явившагося за приказаніями, сломалъ печать и началъ читать нижеслѣдующее, окончательное его поразившее:

«Милостивый государь мой,
«Яковъ Петровичъ.

«Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, милостивый мой государь, яснѣе образомъ давалъ я вамъ знать, что дальнѣйшія между нами сношенія не только будутъ мнѣ весьма-непріятны, но даже повредятъ моимъ личнымъ выгодамъ. Ибо всему свѣту известно, что сообщество особъ, недорожающихъ мнѣніемъ людей благонамѣренныхъ, особъ отверженныхъ, наконецъ, обществомъ хорошаго тона, можетъ быть не только пагубнымъ для людей неразвращенныхъ и незараженныхъ въ невинности своей тлетворнымъ дымомъ порока, но даже довести ихъ до окончательной гибели. Не смотря на все это, вы не унялись и продолжаете искать всей дружбы! Яснымъ же доказательствомъ мнѣнія моего о тлетворномъ ядѣ, сообщаемомъ вами, служить, во-первыхъ, заманчивая репутація ваша у Измайловскаго-Моста и около. Во-вторыхъ, огласка и всеобщая оффиціальная публикація вашей беспорочной жизни; въ-третьихъ, непрерывное подсовываніе вамъ на глаза совершенно-постороннихъ лицъ и, въ-четвертыхъ, обманъ и ухищренія, предпринимаемыя вами противъ особъ, извѣстныхъ благонамѣренностью и откровенностью своего характера и прямою душою. Ибо некоторые люди въ глаза фальшиво уверяютъ въ дружбѣ своей, а за глаза имѣютъ пагубную привычку вносить нареченныхъ друзей своихъ не только поворившимъ образомъ, но даже бранными и обидными словами, какъ, на-примѣръ, названіемъ *Свища*, вѣроятно объясняя симъ словомъ, что друзья ихъ глушы и ничего въ головѣ не имѣютъ, а следовательно голова ихъ уподобляется пустому орѣху, что по-мужицки и называется *свищомъ*. Все это сдѣлали вы, милостивый мой государь, равно пять мѣсяцевъ тому назадъ, въ бытность вашу у нашего вамъ знакомаго Николая Сергѣевича Скороплѣхина, и въ дообманъ при постороннихъ лицахъ. Далекъ отъ того, чтобъ себя передъ вами оправдывать, но между прочимъ всему свѣту известно, что излишнее остроуміе не только не есть главнѣйшая необходимость человѣческая, но даже вредитъ въ практической жизни, чему сами служите сожалѣнію достойнымъ примѣромъ, ибо получаете не отъ чего иного, какъ отъ излишняго своего остроумія. Я же еще неопытенъ, недавно изъ Вятской-Губерніи, обычаевъ здѣшнихъ не знаю, и потому благоразумно отъ излишняго остроумія уклоняюсь, стараюсь, наоборотъ, прославиться однимъ лишь добродушіемъ и прямою характера, — качествами, которыми справедливо горжусь. Пишете вы наконецъ, милостивый мой государь, какъ-будто въ свое оправданіе, что самозванствомъ въ вашъ вѣкъ, дѣловой и промышленный (преимущественно по-

«средствомъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ) — не возьмешь, какъ справедливо изволите утверждать, что Гришка Отрепьевъ другой разъ не можетъ явиться. Справедливо, и готовъ согласитъ ся; но онять, и симъ пунктомъ письма своего, вы, милостивый государь, не только не принесли ничего въ свое оправданіе, а даже на себя-самого обратили свое обвиненіе, ибо тѣмъ докамъ ли, во-первыхъ, что вы человекъ образованный и исторію драгоценнаго намъ отечества нашего знаете, а слѣдовательно, во-вторыхъ, и будучи образованнымъ и остроумнымъ человекомъ, и сдобереглись и впади въ тѣ самые недостатки, которые теперь и другихъ порицаете. Говорю же я сіе, милостивый мой государь, потому-что сами дѣствуете обманомъ и самозванствомъ, имая на зна нѣстныхъ лицъ, слагая на нихъ всѣ преступленія свои, тѣмъ стараясь спасти себя отъ неумолимой строгости законовъ. Грубые же и ожесточенные поступки ваши противъ особы женскаго пола, о имени которой умалчиваю изъ уваженія къ ней, заслуживаютъ одного лишь презрѣнія и обращаются къ собственному позору и посрамленію. Но если вы, милостивый мой государь, забывъ честь и долгъ, сдѣлали сію особу навѣки несчастною и отвергли теперь всякія дальнѣйшія съ нею сношенія, то есть и существуютъ еще люди съ такимъ и неживымъ характеромъ, которые почтутъ за честь и славу себя, милостивый мой государь, весь ущербъ, нанесенный вамъ, чтобъ окончателно и благороднымъ образомъ загладить его. Ибо здѣсь всѣ говорятъ, что хлопотать о рукъ сей особы и чести и выгодно; ибо сія особа происхожденія не постыднаго, а сие холопскаго и сдѣлала бы вамъ честь, предлагая вамъ руку. Ибо уже извѣстно вамъ, что родитель ея служилъ юнкеромъ въ германской конной артиллеріи. Сверхъ того, на Обуховскомъ проспектѣ живеть она короткаго знакомаго и пріятели своего, занимающагося слѣсарнымъ искусствомъ, который, по словамъ сего мой извѣстной вамъ и всячески обиженной вами особы, совершенно не похожъ на какого-нибудь подлаго мужика слѣсара, а, слѣдовательно, человекъ образованный; потомъ, троюроднаго своего брата, человека искреннаго, благочестиваго и извѣстнаго и съ весьма-хорошей стороны, — булочника въ Большой-Полтавской; потомъ, еще бывшаго кондитера, человека хотя бѣднаго, но съ весьма-солиднымъ и твердымъ характеромъ, и наконецъ роднаго дядю своего, господина ученаго, и сверхъ того химика, содержащаго собственную свою аптеку въ Сергіевской-Улицѣ. Наконецъ, и извѣстный вамъ докторъ медицины и хирургія, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншицъ, не откажется всѣмъ сильнымъ вліяніемъ своимъ содѣйствовать къ пользѣ и защитѣ оскорбленной своей со

отечественницы. Въ заключеніе скажу вамъ, что просьба Каролины Ивановны относительно вашего дѣла уже давно подана, что ходитъ по этому дѣлу въ пользу Каролины Ивановны общій знакомый нашъ, Николай Сергѣевичъ Скоропѣхинъ, что дѣло ея уже шло во всеобщую огласку и публикацію, что на квартирахъ въ васъ не будутъ нигдѣ держать, что лишались вы всякаго кредита и довѣренности, что проиграете по службѣ; ибо еще сегодня утромъ предупреждены и разрушены были всѣ ваши козни просьбами и мольбами Каролины Ивановны передъ вашимъ начальствомъ, что, наконецъ, всѣ ваши надежды и вздорныя бредни на счетъ Измайловскаго-Моста и около, должны будутъ при всеобщей огласкѣ и публикаціи о вашей развратной жизни разрушиться сами-собою, и вы, отверженный всеми, терзаясь угрызениями совѣсти, не будете знать, гдѣ голову свою преклонить, будете скитаться по цѣлому свѣту, и тщетно кормить въ своемъ сердцѣ змѣю своего разврата и мщенія. За симъ пребываю,

«милостивый государь, вашимъ покорнымъ слугою

«Н. Вахрамѣевымъ.»

Прочтя письмо Вахрамѣева, герой нашъ остался на нѣсколько минутъ какъ—бы пораженный громомъ. И такъ, все объяснилось, все, все! Все обнаружилось, и безбожье адской интриги взяло верхъ надъ невинностью. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ еще не все понималъ совершенно; онъ еще не могъ опомниться отъ нападенія на него столбняка. Въ страшной тоскѣ, въ страшномъ волненіи, блѣдный какъ платокъ, съ письмомъ въ рукахъ, прошегал онъ нѣсколько разъ по комнатѣ; къ довершенію бѣдствія своего положенія, герой нашъ не замѣтилъ, что былъ въ настоящую минуту предметомъ исключительнаго вниманія всѣхъ находящихся въ комнатѣ. Вероятно, безпорядокъ костюма его, не сдерживаемое волненіе, или, или лучше сказать бѣготня жестикюляціи обѣими руками, или—быть, нѣсколько загадочныхъ словъ, сказанныхъ на вѣтеръ и въ забывчивости,—вероятно, все это весьма-плохо зарекомендовало господина Голядкина въ мнѣніи всѣхъ посѣтителей; и самъ полковой начиналъ поглядывать на него подозрительно. Обнаружись, герой нашъ замѣтилъ, что стоитъ посреди комнаты, и долго неприличнымъ, невѣжливымъ образомъ смотритъ на одного изъ—почтенной наружности старичка, который, пообѣдавъ и выходясь передъ образомъ Богу, усялся опять, и съ своей стороны также не сводилъ глазъ съ господина Голядкина. Смутно оглянувшись кругомъ нашъ герой и замѣтилъ, что всѣ, рѣшительно всѣ смотрятъ на него съ видомъ самымъ злобщимъ и подозрительнымъ. Вдругъ одинъ отставной военный съ краснымъ воротникомъ, громко потребовалъ «Полицейскія Вѣдомости». Господинъ Голядкинъ

вадрогнулъ и покраснѣлъ. Письмо Вахрамѣва и официальная публикація мелькнули въ умъ его. Въ то же самое мгновеніе, герой нашъ какъ-то нечаянно опустилъ глаза въ землю и увидѣлъ, что былъ въ такомъ неприличномъ костюмѣ, въ которомъ и у себя дома ему быть нельзя, не только въ общественномъ мѣстѣ. Сапоги, панталоны и весь лѣвый бокъ его были совершенно въ грязи, штрибка на правой ногѣ оторвана, а фракъ даже разорванъ во многихъ мѣстахъ. Въ неистощимой тоскѣ своей подошелъ нашъ герой къ столу, за которымъ читалъ, и увидѣлъ, что къ нему подходитъ трактирный служитель съ какимъ-то страшнымъ и дерзко-неостоятельнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Потерявшись и опавъ совершенно, герой нашъ началъ разсматривать столъ, за которымъ стоялъ теперь. На столѣ стояли неубранные тарелки послѣ чьего-то обѣда, лежала замаранная салфетка, и валялись только-что бывшіе въ употребленіи ножъ, вилка и ложка. «Кто жь это обѣдалъ?» подумалъ герой нашъ. «Не-уже-ли я? А все можетъ быть! Пообѣдалъ, да такъ и не замѣтилъ-себѣ; какъ же мнѣ быть?» Поднявъ глаза, господинъ Голядкинъ увидѣлъ опять подлѣ себя поваряго, который собирался ему что-то сказать.

— Сколько съ меня, братецъ? спросилъ нашъ герой трепещущимъ голосомъ.

Громкій смѣхъ раздался кругомъ господина Голядкина; самъ поварой умѣхнулся. Господинъ Голядкинъ понялъ, что и на этомъ случился и сдѣлалъ какую-то страшную глупость. Понявъ все это, онъ до того сконфузился, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ своимъ, вѣроятно, чтобы что-нибудь сдѣлать и такъ не стоять; но, къ неописанному своему и всѣхъ окружающихъ его изумленію, вынулъ, вмѣсто платка, стьянку съ какими-то лекарствами, дня четыре тому назадъ прописаннымъ Крестьяномъ Ивановичемъ. «Медикаменты въ той же аптекъ», пронеслось въ головѣ господина Голядкина... Вдругъ онъ вадрогнулъ и чуть не вакрикнулъ отъ ужаса. Новый свѣтъ проливался... На ярлычкѣ въ стояло «аптекарь ***, въ Сергіевской». Не обращая ни на что остальное вниманія, схватилъ господинъ Голядкинъ письмо Вахрамѣва и—о ужасъ!—изъ старавшихся за Каролину Ивановну, былъ, кромѣ другихъ остальныхъ, Крестьянъ Ивановичъ и аптекарь въ Сергіевской. Въ письмѣ же было сказано, что сегодняшнимъ утромъ дѣла его приняли другой оборотъ, и онъ предупрежденъ передъ высшимъ начальствомъ. Сегодняшнимъ же утромъ исчезъ Шугрушка и наконецъ, господинъ Голядкинъ проспалъ за полдень «Можетъ-быть, ядъ и я дѣйствіемъ яда проспалъ за полдень», пронеслось въ головѣ господина Голядкина; машинально сболталъ онъ лекарство, и поднесъ на свѣтъ пузырькъ...

Теплая, красновато-отерпительная жидкость злобными отсветами блеснула въ глаза господину Голядкину... Пузырекъ выпалъ у него изъ рукъ и тутъ же разбился. Герой нашъ вскрикнулъ и отскочилъ шага на два назадъ отъ пролившейся жидкости... Герой нашъ дрожалъ всеми членами; в потъ пребывался у него на вискахъ и на лбу. «Стало-быть, жизнь въ опасности!» Между-тѣмъ, въ комнать произошло движеніе, смятеніе; всѣ окружали господина Голядкина, всѣ говорили господину Голядкину, некоторые даже хватили господина Голядкина. Но герой нашъ былъ нѣмъ и недвижимъ, не видя ничего, не слыша ничего, не чувствуя ничего... Наконецъ, какъ-будто съ мѣста сорвавшись, бросился онъ изъ трактира, растолкалъ всѣхъ и cadaго изъ стремившихся удержать его, почти безъ чувствъ упалъ на перья, попавшіяся ему извошпичи дрожжи и полетѣлъ на квартиру.

Въ снятыхъ квартирѣ своей встрѣтилъ онъ Михѣева, сторожа департаментскаго, съ казеннымъ пакетомъ въ рукахъ. «Знаю, другъ мой, все знаю» отвѣчалъ слабымъ, тоскливымъ голосомъ изнуренный герой нашъ: «это оффиціальное...» Въ пакетъ дѣйствительно было предписаніе господину Голядкину, за подписью Андрея Филимоновича, слать находившіяся у него на рукахъ дѣла Ивану Семеновичу. Взявъ пакетъ и давъ сторожу гривенникъ, господинъ Голядкинъ пришелъ въ квартиру свою и увидѣлъ, что Петрушка готовитъ и собираетъ въ одну кучу весь свой дрязгъ и хламъ, всѣ свои вещи, очевидно намѣреваясь оставить господина Голядкина и перекрѣсть отъ него къ переманившей его Каролинѣ Ивановнѣ, чтобъ интанта ей Евстафія. Молча снявъ Петрушка шинель съ своего барана, хотѣлъ-было прибрать калоши, но калошъ не было, потому-что господинъ Голядкинъ ихъ потерялъ; проводилъ своего барана въ его комнату, подалъ свѣчу и молча указалъ ему на пакетъ, лежавшій на столикѣ. Пакетъ пришелъ по городской почтѣ. Молча и почти не помня себя, распечаталъ его нашъ герой и прочелъ, къ величайшему своему изумленію и окончательному своему уничтоженію, нижеслѣдующее:

«Благородный, за меня страдающій и на вѣки милый
сердцу моему человекъ!

«Я страдаю, я погибаю, — спаси меня! Клеветникъ, интригантъ и вѣстный безполезностью своего направленія человекъ опуталъ меня сѣтями своими, и я погибла! (Но онъ мнѣ претивень, а ты!..) Ты разлучалъ, мои письма къ тебѣ перехватывали, — и все это сдѣлалъ безнравственный, воспользовавшись однимъ своимъ лучшемъ качествомъ—сходствомъ съ тобою. Во всякомъ же случаѣ, можно быть дурнымъ собою, но плавнать умомъ, сильнымъ чувствомъ и пріятными намереніями... Я погибаю! Меня отдають про-

«Твѣ воли, насилью, и всего болѣе интригуешь здѣсь родители, «благодѣтель мой и статскій совѣтникъ Олсуфой Ивановичъ, впродолженіи, желая занять мое мѣсто и мои отношенія въ обществѣ высшаго тона... Но я рѣшилась, и протестую всеми данными мнѣ «природою средствами. Де-скасть такъ и такъ, а я протестую, де-скасть такъ и такъ... а вы, милостивый мой государь и мерзавецъ, того... и Отрепьевы въ нашъ вѣкъ невозможны... Де-скасть «спаси меня, милый сердцу моему человекъ! Не дай мнѣ погубиться, и жди меня съ каретой своей сегодня ровно въ девять часовъ у оконъ квартиры господина Берендьева. У насъ балъ. Я «выйду, и мы полетимъ, полетимъ... и будемъ жить въ тихихъ «на берегу Хвалынскаго-Моря. Къ-тому же, есть другія мѣста служебныя, какъ-то: почиткомъ въ палатѣ, въ губерніи. Простаршей же тѣтушки нашей Пелагии Семеновны мы съ собой не «возьмемъ: она не соглашается ѣхать. Но во всякомъ случаѣ «вспомни, мой другъ, что невинность сильна уже своею невинностью. «Хороша еще одна нравственная идея на-счетъ своихъ мѣстъ и «историческая идея о томъ, что Отрепьевы въ нашъ вѣкъ невозможны. Прощай, вспоминай обо мнѣ, и ради неба жди меня съ «каретой своей у подъезда. Я же съ своей стороны брошусь подъ «защиту объятій твоихъ ровно въ два часа полночи.

«Твоя до гроба.

«КЛАРА ОЛСУФЬЕВНА.»

ГЛАВА XIV.

О томъ, какъ господинъ Голядкинъ рѣшается похитить Клару Олсуфьевну, замѣчая, впрочемъ, что безнравственность воспитанія губитъ неопытныхъ девушекъ. Нѣчто объ испанскихъ сарендадахъ и о разныхъ разностяхъ, неудобныхъ въ суровомъ климатѣ нашемъ. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ такъ и такъ объяснялся. Нѣчто о малостерскихъ художниковъ и о благородныхъ фамиліяхъ, вышедшихъ изъ Малороссіи. Господинъ Голядкинъ ѣдетъ къ Измайловскому-Мосту.

Дня, какъ говорится, не было на господинъ Голядкинъ, когда пришло ему кончить неожиданное письмо, ужасное и страшное уже тѣмъ однимъ, что оно было совсѣмъ-неожиданное. Столькихъ равнорѣчивыхъ обстоятельствъ, столько ударовъ, столько одному противорѣчившихъ ужасовъ! Блѣдный, потрясенный, встре-

ошешный, приподнялся господинъ Голыдкинъ со стула. Въ глазахъ / неволею; съ нимъ дѣлалось дурно. Черезъ минуту онъ од- / мко опомнился и позвалъ Петрушку. Петрушка вошелъ покатыва- / къ, держась какъ-то странно-небрежно и съ какой-то холопски- / торжественной миной въ лицѣ. Видно было, что Петрушка что-то / даумалъ, чувствовалъ себя вродѣ въ своемъ правѣ и смотрѣлъ / совершенно-постороннимъ человѣкомъ, т. е. чьимъ-то другимъ слу- / жителемъ, но только никакъ не прежнимъ служителемъ господина / Голыдкина.

— Ну, вотъ видишь, мой милый, началъ, задыхаясь, герой нашъ: / — который теперь часть, милый мой?

Петрушка молча отправился за паргородку, потомъ воротился и / довольно-независимымъ тономъ объявилъ, что ужь скоро половина / всьмаго.

— Ну, хорошо, мой милый, хорошо. Ну, видишь, мой милый... / изволь тебѣ сказать, милый мой, что между нами, кажется, те- / перь кончено все.

Петрушка молчалъ.

— Ну, теперь, какъ ужь все между нами кончалось, скажи ты / имъ теперь откровенно, какъ другу скажи, гдѣ ты былъ, братецъ?

— Гдѣ былъ? между добрыхъ людей-съ.

— Знаю, мой другъ, знаю. Я тобою былъ постоянно доволенъ, / мой милый, и аттестать тебѣ дамъ... Ну, что же ты у нихъ те- / перь?

— Что же, сударь! сами изволите знать-съ. Известно-съ, доб- / рый человекъ худому тебя не научить.

— Знаю, мой милый, знаю. Нынче добрые люди рѣдки, мой / другъ; цѣни ихъ, мой другъ. Ну, какъ же они?

— Известно-съ какъ-съ... Только я у васъ, сударь, больше слу- / шать теперь не могу-съ; сами изволите знать-съ.

— Знаю, милый мой, знаю; твою ревность и усердіе знаю; я ви- / дѣю все это, другъ мой, я замѣчалъ. Я, мой другъ, тебя уважаю. / И брате и честнаго человека, будь онъ и лакей, уважаю.

— Что жь, известно-съ! Известно, сударь, что ужь между до- / брымъ человекомъ хорошо находится-съ. Разное вѣдь случается, / другъ, на него нападеши... Нашъ братъ, конечно, сами изволите / знать-съ, гдѣ лучше, тамъ и хлѣбъ себѣ добывается-съ. Ужь такъ / же-съ. Что мнѣ! Известно, сударь, что ужь безъ добраго челове- / ка нѣтъ-съ. Говорятъ: «что тебѣ тамъ, добрый человекъ, дѣлать? / тамъ нѣтъ, добрый человекъ, у него, говорятъ, тебѣ нѣчего дѣ- / лать.» Известно, что ужь оно такъ, того-съ... но нами нача- / то, но нами и кончится; а нашему брату вездѣ тѣрада... извест- / но-съ.

— Ну, хорошо, бравада, хорошо; я это чувствую, друг мой, это чувствую... Ну, вот твои деньги и вот твой аттестат. Теперь подадусь, братец, простился съ тобою...

— Ну, теперь, милый мой, я у тебя попрошу одной услуги, по сладейшей услуги, сказалъ господинъ Голодкинъ торжественнымъ тономъ. — Видишь ли, милый мой, вот оно какъ. Всякое бываетъ. Гере, друг мой, крестя и въ позлащенныхъ палатахъ, и отъ него никуда не уйдешь. Ты знаешь, мой другъ, я, кажется, съ тобою всегда ласковъ былъ...

Цыгрушка молчалъ.

— Я, кажется, съ тобою всегда ласковъ былъ, милый мой... Ну, сколько у насъ теперь бѣлъ, милый мой?

— Да все на лицо-сь. Рубашекъ холстинковыхъ шесть-сь; карпетокъ три пары; четыре манишки-сь; фуфайка фланелевая; ну, изъ нижняго платья двѣ штуки-сь. Сами знаете, все-сь. Я, сударь, вишего ничего-сь... Я, сударь, барское добро берегу-сь. Я вамъ, сударь, того-сь... извѣстно-сь... а грѣха какого за мной—никогда, сударь; ужь это сами знаете, сударь...

— Вѣрю, другъ мой, вѣрю. Я не про то, мой другъ, не про то; видишь ли, вотъ что, мой другъ...

— Извѣстно, сударь-сь. Ужь это мы знаемъ-сь. Я, вотъ, когда еще у генерала Столбнякова служилъ-сь, такъ отпускали меня, уѣзжали сами въ Саратовъ... вотчина тамъ у нихъ...

— Нѣтъ, мой другъ, не про то; я ничего... ты не думай чего, милый другъ мой...

— Извѣстно-сь. Что ужь нашего брата-сь, сами изволите знать-сь. Долго ли поклепать человека-сь. А мною были довольны всѣ-сь. Были министры, генералы, сенаторы, графы-сь. Бывалъ у вѣсть-сь у князя Свинчаткина-сь, у Переборкина, подковника-сь, у Недобарова, генерала, тоже ходили-сь, въ вотчину ѣздили къ нашимъ-сь. Извѣстно-сь...

— Да, мой другъ, да; хорошо, мой другъ, хорошо. Вотъ и теперь, мой другъ, уѣзжаю... Путь всякому разный лежитъ, милый мой, и неизвѣстно, на какую дорогу каждый человекъ попасть можетъ. Ну, мой другъ, дай же ты мнѣ одѣться теперь; да, ты виц-мундиръ мой тоже положишь... брюки другіе, простыни, одѣяла, подушки...

— Въ узелъ припадете все завязать-сь?

— Да, мой другъ, да; пожалуй и въ узелъ... Кто знаетъ, что можетъ съ нами случиться. Ну, теперь, милый мой, сходишь и прищешь карету...

— Карету-сь?..

— Да, мой другъ, карету, престоpннѣ и на извѣстное время: А ты, мой другъ, не думай чего-нибудь...

— А далеко увѣзжать хотите-сь?

— Не знаю, мой другъ, этого тоже не знаю. Перину тоже, я думаю, туда же положить нужно будетъ. Какъ ты самъ думаешь, другъ мой? я на тебя полагаюсь, мой милый...

— Нѣшто сейчасъ изволите увѣзжать-сь?

— Да, мой другъ, да! Обстоятельство вышло такое, вотъ странное дѣло такое... вотъ оно какъ, милый мой, вотъ оно какъ...

— Извѣстно, сударь; вотъ у насъ въ полку, съ поручикомъ то же самое было-сь; тамъ у помѣщика-сь... увезли-сь...

— Увезъ?.. Какъ! милый мой, ты...

— Да-сь, увезли-сь и въ другой усадьбѣ вѣнчались. Все было правѣ готово-сь. Погоня была-сь; князь тутъ только-сь вступились, мойникъ-сь, — ну, и уладили дѣло-сь...

— Вѣнчались, да... ты, какъ же, мой милый? ты-то какимъ же образомъ, милый мой?..

— Да ужь извѣстно-сь, что-сь! Слухомъ земля, сударь, полнѣя. Знаемъ, сударь, мы все-сь...

— Такъ вотъ, такъ и ты тутъ же, мой милый? какъ же это ты такъ?.. Ну, хорошо, хорошо... я на тебя полагаюсь. Видишь ли, другъ мой, обстоятельство тутъ вышло такое... Нечего, я думаю, тебѣ объяснять...

— Знаю, сударь, извѣстно, что ужь конечно, съ кѣмъ же грѣха не бывало. Только я вамъ скажу теперь, сударь, позвольте мнѣ, по-просту, сударь, по-холоцки сказать; ужь коль теперь на то пошло, такъ ужь я вамъ скажу, сударь: есть у васъ врагъ, суперника вы, сударь, шибете, сильный суперникъ; вотъ-сь...

— Знаю, мой другъ, знаю; самъ ты, милый мой, знаешь... Ну, такъ вотъ я на тебя полагаюсь. Какъ же намъ теперь дѣлать, мой другъ?.. Какъ же намъ теперь, вотъ это, такимъ-то образомъ сдѣлать?

— А вотъ, сударь, если вы такъ теперь, такимъ, примѣрно скажутъ, шаперой пошли, сударь, такъ вотъ вамъ понадобится тамъ что покупать-сь,—ну тамъ простыни, подушки, перину-другую-сь, платье хоршее-сь,—такъ вотъ здѣсь, у сосѣдки-сь, внизу-сь: мѣшечекъ, сударь, она; лисій салонъ есть хороший; такъ можно его посмотреть и купить; сударь, можно сейчасъ сходить посмотреть-сь. Это же вамъ надобно, сударь, теперь-сь; хороший салонъ-сь, атласъ крытый-сь; на лисьемъ мѣху-сь...

— Ну, хоршее, мой другъ; хоршее; я согласенъ, мой другъ, я на тебя полагаюсь, вполне полагаюсь; пожалуй хотъ и салонъ, милый мой... Только поскорѣй, поскорѣй! ради Бога, скорѣй! Я и са-

лопъ куплю, только, пожалуйста, поскорѣй! Скоро восемь часовъ, скорѣй, ради Бога, мой другъ! поторопись поскорѣе, мой другъ!..

Петрушка бросилъ недовязанный узелъ бѣлья, подушекъ, одеяла, простынь и всякаго дрязгу, что сталъ-было вмѣстѣ собирать и увязывать, и стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты. Господинъ Голядкинъ, между-тѣмъ, схватился еще разъ за письмо... но читать его онъ не могъ. Схвативъ въ обѣ руки свою побѣдную голову, онъ въ изумленіи прислонился къ стѣнѣ. Думать ни о чемъ онъ не могъ, дѣлать что-нибудь тоже не могъ; онъ и самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видя, что время проходитъ, а ни Петрушки, ни салона еще не являлось, господинъ Голядкинъ рѣшился пойдти самъ. Растворивъ дверь въ сѣни, онъ услышалъ внизу шумъ, говоръ, споръ и толки... Нѣсколько сосѣдокъ болтали, кричали, судили, рядили о чемъ-то, — ужь это господинъ Голядкинъ зналъ о чемъ именно. Слышался голосъ Петрушки; потомъ послышались чьи-то шаги. «Боже ты мой! Они сюда все свѣтъ созовутъ!» простоналъ господинъ Голядкинъ, ломая руки въ отчаяніи и бросаясь назадъ въ свою комнату. Прибѣжавъ въ свою комнату, онъ упалъ, почти не помня себя, на диванъ, лицомъ къ подушку. Съ минутку полежавъ такимъ-образомъ, онъ вскочилъ и, не дожидаясь Петрушки, надѣлъ свои кадоши, шляпу, шинель, захватилъ свой бумажникъ и побѣжалъ стремглавъ съ лѣстницы. «Ничего, не нужно ничего, милый мой! я самъ, я все самъ. Тебѣ покаместъ не нужно, а между-тѣмъ дѣло, можетъ-быть, и уладится къ лучшему,» пробормоталъ господинъ Голядкинъ Петрушкѣ, встрѣтивъ его на лѣстницѣ; потомъ выбѣжалъ на дворъ и вонъ изъ дому; сердце его замирало; онъ еще не рѣшался... Какъ ему быть, что ему дѣлать, какъ ему въ настоящемъ и критическомъ случаѣ поступить...

— Вѣдь вотъ-какъ поступить, Господи Богъ мой! И нужно же было быть всему этому! вскричалъ онъ наконецъ въ отчаяніи, куда глаза глядятъ, на удачу ковыляя по улицѣ: — нужно же было быть всему этому! Вѣдь вотъ не будь этого, вотъ именно этого, такъ все бы уладилось; разомъ, однимъ ударомъ, однимъ ловкимъ энергическимъ, твердымъ ударомъ уладилось бы. Палецъ даю на отсѣченіе, что уладилось бы! И даже знаю, какимъ именно образомъ уладилось бы. Оно бы вотъ-какъ все сдѣлалось: я бы тутъ и того — дескать такъ и такъ, а мнѣ, сударь мой, съ позволенія сказать, ни туда, ни сюда; дескать дѣла такъ не дѣлаются; дескать, сударь вы мой, милостивый мой государь, дѣла такъ не дѣлаются и самозванствомъ у насъ не возьмешь; самозванецъ, сударь вы мой, человекъ того... бесполезный, и пользы отечеству непринносящій. Понимаете ли вы это? Дескать понимаете ли вы это, милостивый

мой государь!! Вотъ бы какъ оно и того... Да нѣтъ, впрочемъ, что же... оно вовсе вѣдь не того, совсѣмъ не того... Я-то что вру, дуракъ дуракомъ! я-то, самоубійца я этакой! Оно, дескать, самоубійца ты этакой совсѣмъ, не того... Вотъ, однако, развращенный ты человекъ, вотъ оно какъ теперь дѣлается!.. Ну, куда я двинусь теперь? ну, что я, на-примѣръ, буду дѣлать теперь надъ собой? ну, куда я похаживаю теперь? ну, куда ты, примѣромъ сказать, годишься теперь, Голядкинъ ты этакой, недостойный ты этакой! Ну, что теперь? карету брать нужно; возьми, дескать, да подай ей карету сюда; дескать ножки замочимъ, если кареты не будетъ... И вотъ, что бы подумать могъ? Ай-да барышня, ай сударыня вы моя! ай-да благонаправнаго поведенія дѣвица! ай-да хваленая каша. Отличились, сударыня, нѣчего сказать, отличились!.. А это все происходитъ отъ безнравственности воспитанія; а я, какъ теперь поразсматриваю, такъ пораскусилъ это все, такъ и вижу, что это не отъ иного чего происходитъ, какъ отъ безнравственности. Чѣмъ бы смолода ее угодило... да и розгой подъ часъ, а они ее конфѣтками, а они ее ласками разными пичкаютъ, и самъ старикашка нюнить надъ ней:—дескать ты такая моя, да сякая моя ты хорошая, дескать графа отдамъ тебя, моя сіятельная!.. А вотъ она и вышла у насъ такая сіятельная! Такая-то, да сякая-то наша, — вотъ она и показала намъ теперь свои карты; дескать вотъ у насъ игра какова! чѣмъ бы дома держать ее смолода, а они ее въ пансіонъ, къ мадамъ Француженкѣ, къ эмигранткѣ Фальбалѣ тамъ какой-нибудь; а она тамъ добру всякому учится у эмигрантки-то Фальбалы, — вотъ оно и выходитъ такимъ-то все образомъ. Дескать, помните, порадайтесь! дескать будьте въ каретѣ вотъ въ такомъ-то часу передъ окнами, и романсъ чувствительный по-испански прочтите; жду васъ, и знаю, что любите, и убѣжимъ съ вами вмѣстѣ, и будете жить въ хижинѣ; а сами вы, сударь мой, повытчи-комъ будете!.. Да, наконецъ, оно и нельзя; оно, сударыня моя, вы моя—если на то ужъ пошло,—такъ оно и нельзя, такъ оно и законами запрещено честную и невинную дѣвицу изъ родительскаго дома увозить безъ согласія родителей! Да, наконецъ, и зачѣмъ, почему, и какая тутъ надобность? Ну, вышла бы тамъ-себѣ за кого слѣдуетъ, за кого судьбой предназначено; такъ и дѣло съ концомъ. А я человекъ служащій; а я мѣсто мое могу потерять изъ-за этого; я, сударыня вы моя, подъ судъ могу попасть изъ-за этого! вотъ оно что! коль не знали. И это я знаю все, раскусилъ это все; знаю, откуда все происходитъ, кто надъ этимъ работаетъ! Это Нѣмка работаетъ. Это отъ нея вѣдьмы все происходятъ; всѣ сыры-боры отъ нея загораются. Потому-что оклеветана была эта женщина, потому-что выдумали на него сплетню бабью, небывальщина.

лицу въ лицахъ, по совѣту Андрея Фидиповича, отъ-того и пр
 всходить! Иначе, почему же Петрушкѣ тутъ вмѣшиваться? ему-
 тутъ что? шельменцу—то какая тутъ надобность? Нѣтъ, я не мог
 сударыня, никакъ не могу, ни за что не могу... А вы меня, с
 дарыня, на этотъ разъ ужъ какъ - нибудь тамъ извините. Это о
 васъ, сударыня, все происходитъ, это не отъ Нѣмки все происх
 дить, вовсе не отъ вѣдьмы, а чисто отъ васъ, потому—что вы
 добрая женщина, потому—что вѣдьма невиновата ни въ чемъ, а в
 сударыня вы моя, виноваты,—вотъ оно какъ! Вы, сударыня, в
 меня въ напраслину вводите... Тутъ человекъ пропадаетъ, тут
 самъ отъ себя человекъ исчезаетъ, и самого-себя не можетъ сле
 жать — какая тутъ свадьба! И какъ это кончится все? и какъ э
 теперь устроится и кончится все? Дорого бы я далъ, чтобъ узна
 это все!..

Такъ разсуждалъ въ отчаяніи своемъ нашъ герой. Очувш
 вдругъ, замѣтилъ онъ, что гдѣ-то стоитъ на Литейной. Погод
 была ужасная: была оттепель, валилъ снѣгъ, шелъ дождь,—в
 точь-въ-точь, какъ въ то незабвенное время, когда, въ страшн
 полночный часъ, начались всѣ несчастія господина Голядкин
 —Какой тутъ вояжъ! думалъ господинъ Голядкинъ, смотря на пе
 году:—тутъ смерть, тутъ всеобщая смерть... Господи Богъ мой
 ну гдѣ мнѣ, на-прим., здѣсь карету съискать? Вонъ тамъ на углу
 кажется, что-то чернѣется. Посмотримъ, изслѣдуемъ... Господ
 Богъ мой! продолжалъ нашъ герой, направивъ слабые и шатк
 шага свои въ ту сторону, гдѣ увидѣлъ что-то похожее на карет
 Нѣтъ, я вотъ какъ сдѣлаю: отправлюсь, паду къ ногамъ, если м
 жно, униженно буду испрашивать. Дескать такъ и такъ; въ ваш
 руки судьбу свою предаю, въ руки начальства; дескать, ваше пр
 восходительство, защитите и облагодѣтельствуйте человека; так
 и такъ дескать, вотъ то-то и то-то, протовозаконный поступокъ
 не погубите, принимаю васъ за отца, не оставьте... амбицію, чест
 ния и фамилію спасите... и отъ злодѣя, развращеннаго человек
 спасите... Онъ другой человекъ, ваше превосходительство, а я те
 же другой человекъ; онъ особе и я тоже самъ-по-себѣ; право
 самъ-по-себѣ, ваше превосходительство, право самъ-по-себѣ; де
 скать вотъ оно какъ. Дескать походить на него не могу: перемѣ
 ните, благоволите, велите перемѣнить — и безбожный самовольны
 подмѣнъ уничтожить... не въ примѣръ другимъ, ваше превосхо
 дительство. Принимаю васъ за отца; начальство, конечно, благодѣ
 тельное и попечительное начальство подобныя движенія должно пе
 ошрять... Тутъ есть даже нѣсколько рыцарскаго. Дескать при
 нимаю васъ, благодѣтельное начальство, за отца и вварю судѣ

свою, и прекословить не буду, въпряюсь и самъ отстраняюсь отъ дѣлъ... дескать вотъ оно какъ!

— Ну, что, мой милый, извощикъ?

— Извощикъ...

— Карету, братъ, на вечеръ...

— А далеко ли ѣхать изволите-съ?

— На вечеръ, на вечеръ; куда бѣ ни пришлось, милый мой, куда бѣ ни пришлось.

— Нѣшто за городъ ѣхать изволите?

— Да, мой другъ; можетъ и за городъ. Я еще самъ навѣрно не знаю, мой другъ, не могу тебѣ навѣрно сказать, милый мой. Оно, видишь ли, милый мой, можетъ-быть, все и уладится къ лучшему, и перемѣнится къ лучшему, когда маска спадетъ съ некоторыхъ лицъ и кое-что обнажится. Известно, мой другъ...

— Да, ужъ известно, сударь, конечно; дай Богъ всякому веселья и счастья...

— Да, мой другъ, да; благодарю тебя, милый мой; ну, что же ты возьмешь, милый мой?..

— Сейчасъ изволите ѣхать-съ?

— Да, сейчасъ, т. е. нѣтъ, подождешь въ одномъ мѣствѣ... такъ немножко, недолго подождешь, милый мой...

— Да, если ужъ на все время берете-съ, такъ ужъ меньше шестидесяти цѣлковыхъ, по погодѣ, нельзя-съ...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя поблагодарю, милый мой. Ну, такъ вотъ ты меня и повезешь теперь, милый мой.

— Садитесь; позвольте, вотъ я здѣсь оправляю малѣнько; — извольте садиться теперь. Куда ѣхать прикажете?

— Къ Измайловскому-Мосту, мой другъ.

Извощикъ-кучеръ взгромоздился на козла и тронулъ-было пару тощихъ клячъ, которыхъ насилу оторвалъ отъ корыта съ сѣномъ къ Измайловскому-Мосту. Но вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ шнурокъ, остановилъ карету и попросилъ умоляющимъ голосомъ поворотить назадъ, не къ Измайловскому-Мосту, а въ одну другую улицу. Кучеръ поворотилъ въ другую улицу, и чрезъ десять минутъ ново-пріобрѣтенный экипажъ господина Голядкина остановился передъ домомъ, въ которомъ квартировалъ его превосходительство. Господинъ Голядкинъ вышелъ изъ кареты, попросилъ своего кучера убедительно подождать и самъ взбѣжалъ съ замвращающимъ сердцемъ вверхъ во второй этажъ, дернулъ за шнурокъ, дверь отворилась, и нашъ герой очутился въ передней его превосходительства.

— Его превосходительство дома изволить быть? спросилъ го-

сподинъ Голядкинъ, адресуясь такимъ-образомъ къ отворившему ему человеку.

— А вамъ чего-съ? спросилъ лакей, оглядывая съ ногъ до головы господина Голядкина.

— А я, мой другъ, того... Голядкинъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ Голядкинъ. Де-скать, такъ и такъ объясниться...

— Обождите; нельзя-съ...

— Другъ мой, я не могу обождать: мое дѣло важное, нетерпящее отлагательства дѣло...

— Да вы отъ кого? Вы съ бумагами?..

— Нѣтъ, я, мой другъ, самъ-по-себѣ... Доложи, мой другъ, де-скать такъ и такъ объясниться. А я тебя поблагодарю, милый мой...

— Нельзя-съ. Не вѣльно принимать; у нихъ гости-съ. Пожалуйте утромъ въ 10 часовъ-съ...

— Доложите же, милый мой; мнѣ нельзя, невозможно итти ждать... Вы, милый мой, за это отвѣтите...

— Да ступай, доложи; что тебѣ сапоговъ жалъ, что ли даромъ топтать? проговорилъ другой лакей, развалившійся на залатѣ, и до-сихъ-поръ не сказавшій ни слова.

— Сапоговъ топтать! Не вѣльгъ принимать, знаешь? Ихъ че-реда по утрамъ.

— Доложи. Языкъ что ли отвалится?

— Да я-то доложу; языкъ не отвалится. Не вѣльгъ, сказано, и вѣльгъ. Войдите въ комнату-то.

Господинъ Голядкинъ вошелъ въ первую комнату; на стол стояли часы. Онъ взглянулъ; половина девятаго. Сердце у него заняло въ груди. Онъ было уже хотѣлъ воротиться; но въ эту самую минуту долговязый лакей, ставъ на порогъ слѣдующей комнаты, громко провозгласилъ фамилию господина Голядкина. — «Эко вѣдь горло!» подумалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой. «Ну, сказалъ бы ты того... де-скать такъ и такъ, покоряише смиренно пришелъ объясниться, — того... благоволите принять. А теперь вотъ и дѣло испорчено, вотъ и все мое дѣло на итеръ пошло; впрочемъ... да, ну—ничего»... Разсуждать, впрочемъ, нечего было. Лакей воротился, сказалъ «пожалуйте» и ввелъ господина Голядкина въ кабинетъ.

— Когда нашъ герой вошелъ, то почувствовалъ, что какъ-будто ослѣпъ, ибо рѣшительно ничего не видалъ. Мелькнули, впрочемъ, двѣ-три фигуры въ глазахъ: «Ну—да это гости» мелькнуло у господина Голядкина въ головѣ. Наконецъ, нашъ герой сталъ отличать звезду на черномъ фракѣ его превосходительства, потому

сохраняя постепенность, перешелъ и къ черному фраку, наконецъ получилъ способность — полнаго созерцанія...

— Что-съ? проговорилъ знакомый голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ.

— Титулярный совѣтникъ Голядкинъ, ваше превосходительство.

— Ну?

— Пришелъ объясниться...

— Какъ?.. Что?

— Да ужъ такъ. Де-скасть такъ и такъ пришелъ объясниться—
ше превосходительство-съ...

— Да, вы... да кто вы такой?..

— Го-го-господинъ Голядкинъ, ваше превосходительно, титуляр-
ный совѣтникъ.

— Ну, такъ чего же вамъ нужно?

— Де-скасть такъ и такъ, принимаю его за отца; самъ отстра-
нись отъ дѣлъ, и отъ врага защитите, — вотъ какъ!

— Что такое?..

— Известно...

— Что известно?

Господинъ Голядкинъ молчалъ; подбородокъ его начинало по-
винному подѣргивать...

— Ну?

— Я думалъ, рыцарское, ваше превосходительство... Что здѣсь,
дескать, рыцарское, и начальника за отца принимаю... дескать такъ
и такъ, защитите, слезно м..молю, и что такія дви...движенія
долж...но по... по...поощрять...

Его превосходительство отвернулся. Герой нашъ нѣсколько мгнов-
еній не могъ ничего разглядѣть своими глазами. Грудь его тѣ-
снило. Духъ занимался. Онъ не зналъ гдѣ стоялъ... Было какъ-
то стыдно и грустно ему. Богъ-знаетъ, что было послѣ... Очну-
вшись, герой нашъ замѣтилъ, что его превосходительство говоритъ
съ своими гостями, и какъ-будто рѣзко и сильно разсуждаетъ съ
ними о чемъ-то. Одного изъ гостей господинъ Голядкинъ тотчасъ
узналъ. Это былъ Андрей Филипповичъ; другаго же нѣтъ; вро-
нчъ, лицо было какъ-будто тоже знакомое, — высокая, плотная
сигара, лѣтъ пожилыхъ, одаренная весьма-густыми бровями и ба-
кешбардами, и выразительнымъ, рѣзкимъ взглядомъ. На шеѣ не-
значительна была орденъ, а во рту сигарка. Незнакомецъ курилъ, и,
вынимая сигары изъ рта, значительно кивалъ головою, взгля-
дывая по-временамъ на господина Голядкина. Господину Голяд-
кину стало какъ-то неловко; онъ отверлъ свои глаза въ сторону,
и тутъ же увидѣлъ еще одного весьма-страннаго гостя. Въ двер-
яхъ, которыя герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, какъ

нѣкогда то же случилось съ нимъ,—появился онъ... извѣстно кто, весьма-короткій знакомый и другъ господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ-младшій дѣйствительно находился до-сихъ-поръ въ другой маленькой комнаткѣ и что-то спѣшно писалъ; теперь, видно, понадобилось—и онъ явился, съ бумагами подъ мышкой, подошелъ къ его превосходительству и весьма-ловко, въ ожиданіи исключительнаго къ своей особѣ вниманія, успѣлъ втереться въ разговоръ и совѣтъ, занявъ свое мѣсто немного по-за спиной Андрея Филипповича, и отчасти маскируясь незнакомцемъ, курящимъ сигарку. По-видимому, господинъ Голядкинъ-младшій принималъ крайнее участіе въ разговорѣ, который подслушивалъ теперь благороднымъ образомъ, кивалъ головою, семенилъ ножками, улыбался, поминутно взглядывалъ на его превосходительство, какъ-будто-бы умолялъ взоромъ, чтобъ и ему тоже позволили ввернуть свои полсловечка. Подлецъ! подумалъ господинъ Голядкинъ и невольно ступилъ шагъ впередъ. Въ это время генералъ оборотился и самъ довольно-нерѣшительно подошелъ къ господину Голядкину.

— Ну, хорошо, хорошо; ступайте съ Богомъ. Я поразсмотрю ваше дѣло, а васъ велю проводить... Тутъ генералъ взглянулъ на незнакомца съ густыми бакенбардами. Тотъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головою.

Господинъ Голядкинъ чувствовалъ и понималъ ясно, что его принимаютъ за что-то другое, а вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало. «Такъ или этакъ, а объясниться вѣдь нужно» подумалъ онъ: «такъ и такъ дескать, ваше превосходительство.» Тутъ въ недоумѣніи своемъ опустилъ онъ глаза въ землю, и къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ на сапогахъ его превосходительства значительное бѣлое пятно. «Не-уже-ли лопнули?» подумалъ господинъ Голядкинъ. Вскорѣ однакожь господинъ Голядкинъ открылъ, что сапоги его превосходительства вовсе не лопнули, а только сильно отсвѣчивали,—феноменъ, совершенно объяснившійся тѣмъ, что сапоги были лакированные и сильно блестящи. Это называется *бликъ*, подумалъ герой нашъ и особенно же сохраняется это названіе въ мастерскихъ художниковъ; въ другихъ же мѣстахъ этотъ отсвѣтъ называется *свѣтлыми ребромъ*. Тутъ господинъ Голядкинъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что пора говорить, потому-что дѣло весьма могло повернуться къ худому концу... Герой нашъ ступилъ шагъ впередъ.

— Дескать такъ и такъ, ваше превосходительство, сказалъ онъ: — а самозванствомъ въ нашъ вѣкъ не возьмешь.

Генералъ ничего не отвѣчалъ, а сильно позвонилъ за снурокъ колокольчика. Герой нашъ еще ступилъ шагъ впередъ.

— Онъ подлый и развращенный человекъ, ваше превосходительство, сказалъ нашъ герой, не помня себя, замирая отъ страха, и

при всемъ томъ смѣло и рѣшительно указывая на недостойнаго близнеца своего, семенявшаго въ это мгновеніе около его превосходительства:—такъ и такъ, дескать, а я на известное лицо на-показу.

Послѣдовало всеобщее движеніе за словами господина Голядкина. Андрей Филипповичъ и незнакомая фигура закивали своими головами; его превосходительство дергалъ въ нетерпѣніи изъ всѣхъ силъ за снурокъ колокольчика, дозываясь людей. Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій выступилъ впередъ въ свою очередь.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ: — униженно прошу позволенія вашего говорить. Въ голосъ господина Голядкина-младшаго было что-то крайне-рѣшительное; все въ немъ показывало, что онъ чувствуетъ себя совершенно въ правѣ своемъ.

— Позвольте спросить васъ, началъ онъ снова, предупреждая сердіемъ своимъ отвѣтъ его превосходительства и обращаясь въ этотъ разъ къ господину Голядкину:—позвольте спросить васъ, въ чемъ присутствія вы такъ объясняетесь? передъ кѣмъ вы стоите, въ чемъ кабинетъ находитесь?.. Господинъ Голядкинъ-младшій былъ весь въ необыкновенномъ волненіи, весь красный и пылающій отъ негодованія и гнѣва; даже слезы въ его глазахъ показались.

— Господа Бассаврюковы! проревѣлъ во все горло лакей, появившійся въ дверяхъ кабинета. — «Хорошая дворянская фамилья, выходцы изъ Малороссіи» — подумалъ господинъ Голядкинъ, и тутъ же почувствовалъ, что кто-то весьма-дружескимъ образомъ влезъ ему одной рукой на спину; потомъ и другая рука налегла ему на спину; подлый близнецъ господина Голядкина юлилъ впереди, показывая дорогу, и герой нашъ ясно увидѣлъ, что его, кажется, направляють къ большимъ дверямъ кабинета. «Точь-въ-точь какъ у Олсуфія Ивановича», подумалъ онъ и очутился въ передней. Оглянувшись кругомъ, онъ увидѣлъ подлѣ себя двухъ лакеевъ его превосходительства и одного близнеца.

— Шинель, шинель, шинель, шинель друга моего! шинель моего лучшаго друга! защебеталъ развратный челоуѣкъ, вырывая изъ рукъ одного челоуѣка шинель и набрасывая ее, для подлой и неблагопріятной насмѣшки, прямо на голову господину Голядкину. Выбываясь изъ-подъ шинели своей, господинъ Голядкинъ-старшій ясно услышалъ смѣхъ двухъ лакеевъ. Но, не слушая ничего и не мнявъ ничему постороннему, онъ ужъ выходилъ изъ передней и ступилъ на освѣщенной лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ-младшій за нимъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! закричалъ онъ вслѣдъ господину Голядкину-старшему.

— Подлец! проговорилъ изъ себя герой.

— Ну, и подлець...

— Развратный человѣкъ!

— Ну, и развратный человѣкъ... отвѣчалъ такимъ-образомъ достойному господину Голядкину недостойный непріятель его и свойственной ему подлости, глядѣлъ съ высоты лѣстницы, прямо не смигнувъ глазомъ, въ глаза господину Голядкину, какъ-будто прося его продолжать. Герой нашъ плюнулъ отъ негодованія и выбѣжалъ на крыльцо. Выбѣжавъ на крыльцо, онъ былъ такъ убитъ что совершенно не помнилъ, кто и какъ посадилъ его въ карету. Очнувшись, увидѣлъ онъ, что его везутъ по Фонтанкѣ. «Стало-быть къ Измайловскому-Мосту?» подумалъ господинъ Голядкинъ... Тутъ господину Голядкину захотѣлось еще о чемъ-то подумать, но не дѣля было; а было что-то такое ужасное, чего и объяснить невозможно... «Ну, ничего!» заключилъ нашъ герой и поѣхалъ къ Измайловскому-Мосту.

ГЛАВА XV.

О томъ, какъ господинъ Голядкинъ похвощаетъ Клару Оссуфьевну. О томъ, какъ случилось все то, что господинъ Голядкинъ заранѣе предчувствовалъ. Конецъ всей этой совершенно-ненравдоподобной исторіи.

....Казалось, что погода хотѣла переѣзвиться къ лучшему. Дѣйствительно, мокрый снѣгъ, валившій доселѣ пѣлыми тучами, началъ мало-по-малу рѣдѣть, рѣдѣть, и наконецъ почти совсѣмъ пересталъ. Стало видно небо, и на немъ тамъ-и-сямъ заискрились звѣздочки. Было только мокро, грязно, сыро и душливо, особенно для господина Голядкина, который и безъ того уже едва дулъ переводилъ. Вымокшая и отяжелѣвшая шнелъ его принимала всѣ его члены какою-то непріятно-теплою сыростью, и тяжестью своею подламывала и безъ того уже сильно-ослабѣвшія ноги его. Какъ-то лихорадочная дрожь гуляла острыми и тѣкими мурашками по всему его тѣлу; изнеможеніе точило изъ него холодный, болѣзненный потъ, такъ-что господинъ Голядкинъ позабылъ уже при самомъ удобномъ случаѣ повторить съ свойственной ему твердостью и рѣшимостью свою любимую фразу, что оно и все-то авось, можетъ-быть, какъ-нибудь навѣрное непременно возьметъ да и уладится къ лучшему. «Впрочемъ, это все еще ничего покажетъ» прибавилъ

крѣпкій и неунывающийъ духомъ герой нашъ, отирал съ лица своего капли холодной воды, струившейся по всѣмъ направленіямъ съ полей круглой и до того взмокшей шляпы его, что уже вода не держалась на ней. Прибавивъ, что это все еще ничего, герой нашъ попробовалъ-было присѣсть на довольно-толстый деревянный обрубокъ, валявшійся возлѣ кучи дровъ на дворѣ Олсуфья Ивановича. Конечно, объ испанскихъ серенадахъ и о шелковыхъ лѣстницахъ ничего уже было думать; но объ укромномъ уголкѣ, хотя и несо-всѣмъ-тепломъ, но за то уютномъ и скрытномъ, нужно же было подумать. Сильно соблазнялъ его, мимоходомъ сказать, тотъ самый уголокъ въ снѣгахъ квартиры Олсуфья Ивановича, гдѣ прежде еще, почти въ началѣ сей правдивой исторіи, выстаивалъ свой два часа нашъ герой, между шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ домашнимъ и ненужнымъ дрягломъ, хламомъ и рухлядью. Дѣло въ томъ, что и теперь господинъ Голядкинъ стоялъ и выжидалъ уже цѣлые два часа на дворѣ Олсуфья Ивановича. Но относительно укромнаго и уютнаго прежняго уголка существовали теперь нѣкоторыя неудобства, прежде несуществовавшія. Первое неудобство—то, что, вѣроятно, это мѣсто теперь замѣчено и приняты на-счетъ его нѣкоторыя предохранительныя мѣры со времени исторіи на послѣднемъ балѣ у Олсуфья Ивановича; а во-вторыхъ, должно же было ждать условнаго знака отъ Клары Олсуфьевны, потому-что непременно долженъ же былъ существовать какой-нибудь такой знакъ условный. Такъ всегда дѣлалось и «дескать не нами началось, не нами и кончится». Господинъ Голядкинъ тутъ же кстати мимоходомъ припомнилъ какой-то романъ, уже давно имъ прочитанный, гдѣ героиня подала условный знакъ Альфреду совершенно въ подобномъ же обстоятельстве, привязавъ къ окну розовую ленточку. Но розовая ленточка теперь, ночью и при санктпетербургскомъ климатѣ, извѣстномъ своею сыростью и ненадежностью, въ дѣло идти не могла, и, однимъ словомъ, была совсѣмъ-невозможна. «Вѣтъ, тутъ не до шелковыхъ лѣстницъ» подумалъ герой нашъ: «а я лучше здѣсь такъ-себѣ, укромно и въ-тихомолочку... я лучше вотъ, на-примѣръ, здѣсь стану», и выбралъ мѣстечко одно на дворѣ, противъ самыхъ оконъ Олсуфья Ивановича, около кучи смяденныхъ дровъ. Конечно, на дворѣ ходило много постороннихъ людей, форрейторовъ, кучеровъ; къ тому же стучали колеса и фыркала лошади, и т. д.; но все-таки мѣсто было удобное: во-первыхъ, можно было тутъ дѣйствовать въ-тихомолочку, а во-вторыхъ, замѣчать ли, не замѣчать ли, а теперь по-крайней-мѣрѣ выгода та, что дѣло-то происходитъ нѣкоторымъ-образомъ въ тѣни, и господинъ Голядкинъ не видитъ никто; самъ же онъ могъ видѣть рѣшительно все. Окна были сильно освѣщены; былъ какой-то тор-

жественный съездъ у Олсуфья Ивановича. Музыки, впрочемъ, еще не было слышно. «Стало-быть, это не балъ, а такъ, по какому-нибудь другому случаю съѣхались» думалъ, отчасти замирая, герой нашъ. «Да сегодня ли, впрочемъ?» пронеслось въ его головѣ: «не ошибка ли въ числѣ? Можетъ быть, все можетъ быть... Оно вотъ это какъ можетъ быть все... Оно еще, можетъ-быть, вчера было письмо-то написано, а ко мнѣ не дошло, и потому не дошло, что Петрушка сюда замѣшался, шельмецъ онъ такой! Или завтра написано, то-есть, что я... что завтра нужно было все съѣзжать, то-есть съ каретой-то ждать...» Тутъ герой нашъ похолодѣлъ окончательно и полтъзъ въ свой карманъ за письмомъ, чтобъ справиться. Но письма, къ удивленію его, не оказалось въ карманѣ. «Какъ же это?» прошепталъ полумертвый господинъ Голядкинъ: «гдѣ же это я оставилъ его? Стало-быть, я его потерялъ? — этого еще не доставало!» простоналъ онъ наконецъ въ заключеніе. «Ну, если я его такимъ-то образомъ потерялъ? Ну, если оно въ недобрый руки теперъ попадетъ? (Да, можетъ, попало уже!) Господи! что въ этого всего воспослѣдуетъ? Да что воспослѣдуетъ! Будетъ такое, что ужь... Ахъ, ты, судьба ты моя ненавистная!» Тутъ господинъ Голядкинъ какъ листъ задрожалъ при мысли, что, можетъ-быть, неблагопрістойный близнецъ его, набрасывая ему шпатель на голову, имѣлъ именно цѣлью похитить письмо, о которомъ какъ-нибудь тамъ пронюхалъ отъ враговъ господина Голядкина. «Къ-тому же, онъ перехватываетъ» подумалъ герой нашъ: «доказательствомъ же... да что доказательствомъ!...» Послѣ перваго припадка и столбняка ужаса, кровь бросилась въ голову господина Голядкина. Со стономъ и скрежеща зубами схватилъ онъ себя за горячую голову, опустился на свой обрубокъ и началъ думать о чемъ-то... Но мысли какъ-то ни о чемъ не вязались въ его головѣ. Мелькали какія-то лица, припоминались то неясно, то рѣзко какія-то давно-забытыя происшествія, лзли въ голову какіе-то мотивы какихъ-то глупыхъ пѣсень... Тоска, тоска была неестественная! «Боже мой! Боже мой!» подумалъ пѣсколько очнувшись герой нашъ и подавляя глухое рыданіе въ груди: «подай мнѣ твердость духа въ неистощимой глубинѣ моихъ бѣдствій! Что пропадъ я, исчезъ совершенно,—въ этомъ ужь нѣтъ никакого сомнѣнія, и это все въ порядкѣ вещей, ибо и быть не можетъ никакимъ другимъ образомъ. Во-первыхъ, я мѣста лишился, непременно лишился, никакъ не могъ не лишиться... Ну, да положимъ, оно и уладится какъ-нибудь тамъ. Деньжонокъ же моихъ, положимъ, и достанетъ на первый разъ; тамъ квартирѣнку другую какую-нибудь, мѣбелишки какой-нибудь нужно же... Петрушки же, во-первыхъ, не будетъ со мной. Я могу и безъ шельмеца... этакъ отъ жильцовъ; ну, хоро-

шо! И приходишь и уходишь когда мнѣ угодно, да и Петрушка не будетъ ворчать, что поздно приходишь,—вотъ оно какъ; вотъ почему отъ жильцовъ хорошо... Ну, да положимъ, это все хорошо; только какъ же я все не про то говорю, вовсе не про то говорю? что будетъ вотъ какъ... оно вотъ какъ будетъ...» Тутъ мысль о настоящемъ положеніи озарила память господина Голядкина. Онъ взглянулъ кругомъ. «Ахъ, ты, Господи Богъ мой! Господи Богъ мой! да о чемъ же это я теперь говорю?» подумалъ онъ, растерявшись совсѣмъ и хватая себя за свою горячую голову...

— Нѣшто скоро, сударь, извольте ѣхать? произнесъ голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ; но передъ нимъ стоялъ его извозчикъ, тоже весь до нитки измокшій и продрогшій, отъ ветерпенія и отъ нечего-дѣлать вздумавшій заявлять къ господину Голядкину за дрова.

— Я, мой другъ, ничего... я, мой другъ, скоро, очень-скоро, а вы подожди...

Извозчикъ ушелъ, ворча себя подъ носъ.—Объ чемъ же онъ это орчитъ? думалъ сквозь слезы господинъ Голядкинъ:—вѣдь я его англъ же на вечеръ, вѣдь я того... въ своемъ правѣ теперь... отъ оно какъ! на вечеръ нанялъ, такъ и дѣло съ концомъ; дескать, милый ты мой, и дѣло съ концомъ. Хоть и такъ прстойшь, не равно. Все въ моей волѣ. Воленъ ѣхать и воленъ не ѣхать. Дескать, вотъ оно какъ! И что вотъ здѣсь за дровами стою, такъ это совсѣмъ ничего... и не смѣешь ничего говорить; дескать, я и хочу за дровами стоять, вотъ онъ и стоитъ за дровами... и чести ничьей не мараетъ,—вотъ оно какъ! Вотъ оно какъ, сударыня вы моя, если только это вамъ хочется знать. А въ хипшъ, сударыня вы моя, дескать, такъ и такъ, въ нашъ вѣкъ никто не живетъ. Оно вотъ что! А безъ благоправія въ нашъ промышленный вѣкъ, сударыня вы моя, не возьмешь, чему сами теперь служите пагубнымъ примѣромъ... Дескать, повытчиномъ нужно служить и въ хижинѣ жить, на морскомъ берегу. Во-первыхъ, сударыня вы моя, на морскихъ берегахъ нѣтъ повытчиновъ, а во-вторыхъ и достать его намъ съ вами нельзя, повытчика-то. Ибо, скажемъ, примѣрно-сказать, вотъ я просьбу подаю, являюсь—дескать такъ и такъ, въ повытчики, дескать того... и отъ врага защитите... а вамъ скажутъ, сударыня, дескать того... повытчиновъ много, и что вы здѣсь не у эмигрантки Фальбалá, гдѣ вы благоправію учились, чему сами служите пагубнымъ примѣромъ. Благоправіе же, сударыня, значить дома сидѣть, отца уважать и думать о женишкахъ прежде времени. Женишки же, сударыня, свое время найдутся,—вотъ оно какъ! Конечно, разнымъ талантамъ безспорно нужно уметь, какъ-то: на фортецянахъ иногда

поиграть, по-французски говорить, исторіи, географіи, закону Божию и ариметикѣ, — вотъ оно какъ! — а больше не нужно. Къ тому же, и кухня; непременно въ область вѣдѣнія всякой благоправной дѣвицы должна входить кухня! А то, что тутъ? во-первыхъ, красавица вы моя, милостивая моя государыня, васъ не пустять, а пустять за вами погоню, и потомъ подъ сюркупъ, въ монастырь. Тогда что, сударыня вы моя? тогда мнѣ-то что дѣлать прикажете? прикажете мнѣ, сударыня вы моя, слѣдуя нѣкоторымъ глупымъ романамъ, на ближній холмъ приходить, и таять въ слезахъ смотря на хладныя стѣны вашего заключенія, и наконецъ умереть, слѣдуя привычкѣ нѣкоторыхъ скверныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и романистовъ, такъ ли, сударыня? Да, во-первыхъ, позвольте сказать вамъ по-дружески, что дѣла такъ не дѣлаются, а во-вторыхъ, и васъ, да и родителей-то вашихъ посѣкъ бы преворочиво за то, что французскія-то книжки вамъ давали читать: ибо французскія книжки добру не научатъ. Тамъ ядъ... ядъ глетворный, сударыня вы моя! Или вы думаете, позвольте спросить васъ, или вы думаете, что, дескать, такъ и такъ, убѣжимъ безнаказанно, да и того... дескать, хижинку вамъ на берегу Хвалынскаго-Моря; а я съ моей стороны буду повытчикомъ, да и ворковать начнемъ и объ чувствахъ разныхъ разсуждать, да такъ и всю жизнь проведемъ, въ довольствѣ и счастьи; да потомъ заведется птенецъ, такъ мы и того... дескать, такъ и такъ, родитель нашъ и статскій совѣтникъ, Олсуфій Ивановичъ, вотъ, дескать, птенецъ заведется, такъ вы по сему удобному случаю снимите проклятис, да благословите чету? Нѣтъ, сударыня, и опять-таки дѣла такъ не дѣлаются, и первое дѣло то, что воркованія не будетъ, не извольте надеяться. Нынче мужъ, сударыня вы моя, господинъ, и добрая, благовоспитанная жена должна во всемъ угождать ему. А нѣжностей, сударыня, нынче не любятъ, въ нашъ промышленный вѣкъ; дескать, прошли времена Жанъ-Жака Руссо. Мужъ, на-прим., нынче приходитъ голодный изъ должности, — дескать, душенька, нѣтъ ли чего закусить, водочки выпить, селедочки съесть? такъ у васъ, сударыня, должна быть сейчасъ на готовѣ и водочка и селедочка. Мужъ закуситъ-себѣ съ аппетитомъ, да на васъ и не взглянетъ, а скажетъ, поди-т-ка, дескать, на кухню, котеночекъ, да присмотри за обѣдомъ, да развѣ-развѣ въ недѣлю разокъ поцалуешь, да и то равнодушно... Вотъ оно какъ по-нашему-то, сударыня вы моя, да и то, дескать, равнодушно!.. Вотъ оно какъ будетъ, если такъ разсуждать, если ужъ на то пошло, что такимъ-то вотъ образомъ начать на дѣло смотрѣть... Да и я-то тутъ что? меня-то, сударыня, въ ваши капризы зачѣмъ подмывали? Дескать, благодѣтельный за меня страждущій и всячески милый сердцу моему человекъ,

т. д. Да, во-первыхъ, я, сударыня вы моя, я для васъ не го- жусь, сами знаете, комплиментамъ не мастеръ, дамскіе тамъ раз- ые раздушенные пустячки говорить не люблю, селадоновъ не хую, да и фигурую, признаться, не взялъ. Ложнаго-то хвостов- сты и стыда вы въ насъ не найдете, а признаемся вамъ теперъ ю всей искренности. Дескать, вотъ оно какъ, обладаемъ лишь правымъ и открытымъ характеромъ, да зравымъ разсудкомъ; витригами не занимаемся. Не витригантъ, дескать, и этимъ гор- жусь,—вотъ оно какъ!.. Хожу безъ маски между добрыхъ людей, и чтобъ все вамъ сказать...

Вдругъ господинъ Голядкинъ вздрогнулъ. Рыжая и взмокшая окончательно борода его кучера опять глянула къ нему за дрова...

— Я сейчасъ, мой другъ; я, мой другъ, знаешь, тотчасъ; я, мой другъ, тотчасъ же, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ трепещущимъ и шнывающимъ голосомъ.

Кучеръ почесалъ въ затылкъ, потомъ погладилъ свою бороду, ютомъ шагнулъ шагъ впередъ... остановился и недовѣрчиво взгля- нулъ на господина Голядкина.

— Я сейчасъ, мой другъ; я, видишь... мой другъ... я немножко, я, видишь, мой другъ, только секундочку здѣсь... видишь, мой другъ...

— Нешто совсѣмъ не побѣдете? сказалъ наконецъ кучеръ рѣши- тельно и окончательно приступая къ господину Голядкину...

— Нѣтъ, мой другъ, я сейчасъ. Я, видишь, мой другъ, дожжи- люсь...

— Такъ-съ...

— Я, видишь, мой другъ... ты въ какой деревни, мой милый?

— Мы господскіе...

— И добрыхъ господъ?..

— Нешто...

— Да, мой другъ; ты постой здѣсь, мой другъ. Ты, видишь, мой другъ, ты давно въ Петербургъ?

— Да ужь годъ вaju...

— И хорошо тебѣ, другъ мой?

— Нешто.

— Да, мой другъ, да. Благодари Провидѣніе, мой другъ. Ты, мой другъ, добраго человѣка ищи. Нынѣче добрые люди стали рѣди, мой милый; онъ обмоетъ, накормитъ и напоитъ тебя, ми- лый мой, добрый-то человѣкъ... А иногда, ты видишь, что и че- ревъ золото слезы льются, мой другъ... видишь плачевный при- тиръ; вотъ оно какъ, милый мой...

Нешто ку какъ - будто стало жалко господина Голядкина. — Да шалите, я подожду-съ. Нешто долго ждать будете-съ?

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ; я ужь, знаешь, того... я ужь не бу-

ду ждать, милый мой. Какъ ты думаешь, другъ мой? Я на тебя полагаюсь. Я ужь не буду здѣсь ждать...

— Нѣшто совсѣмъ не побѣдете?

— Нѣтъ, мой другъ; нѣтъ, а я тебя поблагодарю, милый мой... вотъ оно какъ. Тебѣ сколько сдѣлать, милый мой?

— Да ужь за что рядились, сударь, то и пожалуете. Ждали, сударь, долго; ужь вы челоуѣка не обидите, сударь.

— Ну, вотъ тебѣ, милый мой, вотъ тебѣ. Тутъ господинъ Голядкинъ отдалъ всѣ шесть рублей серебромъ извознику, и серьезно рѣшившись не терять болѣе времени и заключивъ, что все это вѣрно такъ было, и что лучше всего его такъ и оставить, т. е. уйти по-добру-по-здорову, тѣмъ болѣе, что уже окончательно рѣшено было дѣло и извозникъ отпущенъ былъ, и, следовательно, ждать болѣе нѣчего, пустился самъ со двора, вышелъ за ворота, поворотилъ на-лѣво и безъ оглядки, задыхаясь и радуясь, пустился бѣжать. «Оно, можетъ-быть, и все устроится къ лучшему» думалъ онъ: «а я вотъ такимъ-то образомъ бѣды избѣжалъ.» Дѣйствительно, какъ-то вдругъ стало необыкновенно легко въ душѣ господина Голядкина. «Ахъ, кабы устроилось къ лучшему!» подумалъ герой нашъ, самъ, впрочемъ, мало себя на-слово вѣря. «Вотъ я и того...» думалъ онъ. «Нѣтъ, я лучше вотъ-какъ, и съ другой стороны... Или лучше вотъ этакъ мнѣ сдѣлать?...» Такимъ-то образомъ сомняваясь и ища ключа и разрѣшенія сомнѣній своихъ, герой нашъ добѣжалъ до Семеновскаго-Моста, а добѣжавъ до Семеновскаго-Моста, благоразумно и окончательно положилъ воротиться. «Оно и лучше», подумалъ онъ. «Я лучше съ другой стороны, т. е. вотъ-какъ. Я буду такъ—наблюдателемъ постороннимъ буду, да и дѣло съ концомъ; дескать я наблюдатель, лицо постороннее—и только; а тамъ, что ни случись—не я виновать. Вотъ оно какъ! Вотъ оно такимъ-то образомъ и будетъ теперь.»

Положивъ воротиться, герой нашъ дѣйствительно воротился, тѣмъ болѣе, что, по счастливой мысли своей, ставилъ себя теперь лицомъ совсѣмъ-постороннимъ. «Оно же и лучше: и не отвѣчаешь ни за что, да и увидишь, что сдѣловало... вотъ оно какъ!» То-есть, расчесть былъ вѣрнѣйшій, да и дѣло съ концомъ. Итакъ, какъ дѣло было совершенно съ концомъ, и претендовать уже болѣе не кому, и такъ—какъ всѣ должны были быть совершенно-довольны и счастливы, то и герой нашъ въ свою очередь тоже совсѣмъ успокоился. Успокоившись, забрался онъ опять подъ мѣрную снѣ своей успокоительной и охранительной кучи дрогъ и внимательно сталъ смотрѣть на окна. Въ этотъ разъ смотрѣть и дожидаться пришлось ему недолго. Вдругъ во всѣхъ окнахъ разомъ обнаружилось какое-то странное движеніе, замелькали фигу-

ды, открылись занавѣсы, цѣлыя группы людей толпились въ окнахъ квартиры Олсуфія Ивановича, всѣ искали и выглядывали чего-то на дворѣ. Обезпеченный своею спасительною кучею дровъ, герой нашъ тоже въ свою очередь съ любопытствомъ сталъ слышать за всеобщимъ движеніемъ и съ участіемъ вытягивать направо и налѣво свою голову, сколько по-крайней-мѣрѣ позволяла ему короткая тѣнь отъ дровяной кучи, его прикрывавшая. Вдругъ онъ оторопѣлъ, вздрогнулъ и едва не присѣлъ на мѣстѣ отъ ужаса. Дѣло-то было вотъ какъ... Дѣло-то все вотъ такимъ-то образомъ происходило теперь... Искали-то не что-нибудь и не кого-нибудь: искали просто его, господина Голядкина. Да оно и действительно такъ, и сомнѣнія болѣе нѣтъ никакого. Дескать, вотъ оно какъ, дескать такъ и такъ, а ищутъ господина Голядкина. Всѣ смотрятъ въ его сторону, всѣ указываютъ въ его сторону. Бѣжать было невозможно: увидятъ... Оторопѣвшій господинъ Голядкинъ прижался какъ-можно-плотнѣе къ дровамъ и тутъ только замѣтилъ, что предательская тѣнь намѣняла, что прикрывала она не всего его. Съ величайшимъ удовольствіемъ согласился бы нашъ герой пролѣзть теперь въ какую-нибудь мышиную щелочку между дровами, за тамъ и сидѣть-себѣ смирно, еслабѣ только это было возможно. Но было рѣшительно-невозможно. Въ агоніи своей нашъ герой сталъ наконецъ рѣшительно и прямо смотрѣть на всѣ окна разомъ; оно же и лучше... И вдругъ сгорѣлъ со стыда окончательно. Его совершенно замѣтили, всѣ разомъ замѣтили, всѣ манятъ его руками, всѣ киваютъ ему головами, всѣ зовутъ его; вотъ щелкнуло и отворилось нѣсколько форточекъ; нѣсколько голосовъ разомъ что-то начали кричать ему... «Удивляюсь, какъ этихъ дѣвчонокъ не сбѣгутъ еще съ дѣтства», бормоталъ про себя нашъ герой, совсѣмъ потерявшись. Вдругъ съ крыльца сбѣжалъ онъ (извѣстно, кто) въ одномъ виц-мундирѣ, безъ шляпы, запыхавшись, загонявшись, юля, смеясь и подпрыгивая, въроломно изъясняя ужаснѣйшую радость о томъ, что увидѣлъ наконецъ господина Голядкина.

— Яковъ Петровичъ, занебетагъ извѣстный своей безполезностью человекъ: — Яковъ Петровичъ, вы здѣсь? Вы простудитесь. Здѣсь холодно, Яковъ Петровичъ. Пожалуйста въ комнату.

— Яковъ Петровичъ! Нѣтъ-съ, я ничего, Яковъ Петровичъ, покорнымъ голосомъ пробормоталъ нашъ герой.

— Нѣтъ-съ, нельзя, Яковъ Петровичъ; просить, покорнѣйше просить, ждутъ насъ. «Осчастливьте, дескать, и приведите сюда Яковъ Петровича». Вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Яковъ Петровичъ; я, видите ли, я бы лучше сдѣлалъ... Мнѣ бы лучше домой пойдти, Яковъ Петровичъ... говорилъ нашъ

герой, горя на мелкомъ огнѣ и замерзая отъ стыда и ужаса, все въ одно время.

— Ни-ни-ни-ни! защebetалъ отвратительный человекъ.—Ни-ни-ни, ни за что! Идемъ! сказалъ онъ рѣшительно и потащилъ къ крыльцу господина Голядкина-старшаго. Господинъ Голядкинъ-старшій хотѣлъ-было вовсе не йти; но такъ-какъ смотралъ въ и сопротивлялся и упираться было бы глупо, то герой нашъ пошелъ,—впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ пошелъ, потому-что рѣшительно самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Да ужъ такъ ничего, за одно!

Прежде, нежели герой нашъ успѣлъ кое-какъ оправиться и опомниться, очутился онъ въ залѣ. Онъ былъ блѣденъ, растрепанъ, растерзанъ; мутными глазами окинулъ онъ всю толпу—ужасъ! Зала, всѣ комнаты,—все, все было полнымъ-полнѣхонько. Людей было бездна, дамъ цѣлая оранжерея; все это тѣснилось около господина Голядкина, все это стремилось къ господину Голядкину, все это выносило на плечахъ своихъ господина Голядкина, весьма-явно замѣтившаго, что его упираютъ въ какую-то сторону. «Вдѣль къ дверямъ», пронеслось въ головѣ господина Голядкина. Дѣйствительно, упирали его не къ дверямъ, а прямо къ покойнымъ кресламъ Олсуфій Ивановича. Возлѣ креселъ, съ одной стороны стояла Клара Олсуфьевна, блѣдная, томная, грустная, впрочемъ, пышно-убрачная. Особенно бросились въ глаза господину Голядкину маленькіе бѣленькіе цвѣточки въ ея черныхъ волосахъ, что составляло превосходный эффектъ. Съ другой стороны креселъ держался Владиміръ Семеновичъ, въ черномъ фракѣ, съ новымъ своимъ орденомъ въ петличкѣ. Господинъ Голядкинъ вели подалъ руки, и, какъ сказано было выше, прямо на Олсуфія Ивановича—съ одной стороны господинъ Голядкинъ-младшій, принявшій на себя видъ чрезвычайно-благопристойный и благонамѣренный, чемъ нашъ герой до-нельзя обрадовался, съ другой же стороны руководилъ его Андрей Филипповичъ съ самой торжественной миной и лицѣ. Что бы это? водумалъ господинъ Голядкинъ. Когда же онъ увидалъ, что ведутъ его къ Олсуфію Ивановичу, то его вдругъ какъ-будто молніей озарило. Мысль о перехваченнѣхъ пасьямъ мелькнула въ головѣ его... Въ неистощимой агоніи предсталъ нашъ герой передъ кресла Олсуфія Ивановича. «Какъ мнѣ тверды!» подумалъ онъ про себя. «Разумѣется, этакъ все на смѣлую ногу, то есть, съ откровенностью, нелишенною благородства; де-скать, такъ и такъ и т. д.» Но чего боялся, по-видимому, герой нашъ, то не случилось. Олсуфій Ивановичъ принялъ, кажется, весьма-хорошо господина Голядкина, и хотя не протянулъ ему руки своей но по-крайней-мѣрѣ, смотря на него, покачалъ своею сѣдлою

и мнущающую всякое уваженіе головою, — покачалъ съ какинъ-то торжественно-печальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благосклоннымъ видомъ. Такъ, на-крайней-мѣрѣ, показалось господину Голядкину. Ему показалось даже, что слеза блеснула въ тусклыхъ взорахъ Олсуѣя Ивановича; онъ поднялъ глаза и увидалъ, что и на рѣсницахъ Клары Олсуфьевны, тутъ же стоявшей, тоже какъ-быто-бы блеснула слезинка, — что и въ глазахъ Владиміра Семеновича тоже какъ-быто-бы было что-то подобное, — что, наконецъ, ненарушимое и спокойное достоинство Андрея Филипповича тоже стѣло общаго, слезящагося участія, — что, наконецъ, юноша, когда-то юсма походившій на важнаго совѣтника, уже горько рыдалъ, голтулся настоящей минутой... Или это все, можетъ-быть, только такъ показалось господину Голядкину, потому-что онъ самъ весьма прослезился, и ямо слышалъ, какъ текли его горячія слезы по его холоднымъ щекамъ... Голосомъ полнымъ рыданій, примиренный съ людьми и судьбою, и крайне любя въ настоящее мгновеніе не только Олсуѣя Ивановича, но только всѣхъ гостей, взитыхъ вѣсть, но даже и зловреднаго близнеца своего, который теперь, по-видимому, вовсе былъ не зловреднымъ и даже не близнецомъ господину Голядкину, но совершенно-постороннимъ и крайис-любезнымъ самимъ-по-себѣ человекомъ, обратился-было герой нашъ къ Олсуѣю Ивановичу съ трогательнымъ вліаніемъ души своей, но отъ полноты всего въ немъ накопившагося не могъ ровно ничего объяснить, а только весьма-краснорѣчивымъ жестомъ, молча, указавъ на свое сердце... Наконецъ, Андрей Филипповичъ, вѣроятно, желая пощадить чувствительность сѣдовласаго старца, откилъ господина Голядкина немного въ сторону и оставилъ его, впрочемъ, кажется, въ совершенно-независимомъ положеніи. Улыбаясь, что-то бормоча себѣ подъ носъ, немного недоумывая, но во всякомъ случаѣ почти совершенно-примиренный съ людьми и судьбою, началъ пробираться герой нашъ куда-то сивозъ густую массу гостей Олсуѣя Ивановича. Всѣ ему дávalи дорогу, всѣ смотрѣли на него съ какинъ-то страннымъ любовытствомъ и съ какинъ-то необъяснимымъ, загадочнымъ участіемъ. Герой нашъ пропалъ въ другую комнату: — то же вниманіе вездѣ; онъ глухо слышалъ, какъ цѣлая толпа тѣснилась по слѣдамъ его, какъ замѣчали его каждаго шагъ, какъ въ-тихомолку всѣ между собою толковали о чемъ-то весьма-занятельномъ, начали голосами, говорили, судили, ржали и шептались. Господину Голядкину весьма бы хотѣлось узнать, о чемъ они всѣ такъ судятъ и рдятъ и шепчутся. Онъ, впрочемъ, зналъ очень-хорошо о чемъ. Оглянувшись, герой нашъ замѣтилъ подлѣ себя господина Голядкина-младшаго. Почувствовавъ необходимость схватить его руку и отвести его въ сторону,

господина Голыдкинъ убедительнѣе попросилъ другаго Николая Петровича содѣйствовать ему при всѣхъ будущихъ начинаніяхъ и не оставлять его въ критическомъ случаѣ. Господинъ Голыдкинъ-младшій важно кивнулъ головою и крѣпко сжалъ руку господина Голыдкина-старшаго. Сердце затрепетало отъ избытка чувствъ въ груди героя нашего. Впрочемъ, онъ задыкался, онъ чувствовалъ, что его такъ тѣснить - тѣснить; что все эти глаза, на него обращенные, какъ-то гнетутъ и давятъ его... Господинъ Голыдкинъ увидѣлъ мимоходомъ того совѣтника, который носилъ парикъ на голень. Совѣтникъ глядѣлъ на него строгимъ, испытующимъ взглядомъ, вовсе неслышаннымъ отъ всеобщаго участія... Герой нашъ рѣшился-было идти къ нему прямо, чтобы улыбнуться ему и по возможности съ нимъ объясниться; но дѣло какъ-то не удалось. На одно мимованіе господина Голыдкинъ почти забылся совѣтъ, потерялъ и память и чувства... Очнувшись, замѣтилъ онъ, что вернется въ широкій кругъ его обступившихъ гостей. Какъ-какъ выбрался нашъ герой изъ широкаго круга и сталъ-было пробираться къ дверямъ. Вдругъ изъ другой комнаты крикнули господина Голыдкина; крикъ разомъ пронесся по всей толпѣ. Все всколыхнулось, все зашумѣло, все ринулось къ дверямъ передней залы; герой нашего почти заперся на рукахъ, при чемъ твердосердый совѣтникъ въ парикѣ олутился бокомъ-о-бокъ съ господиномъ Голыдкинымъ. Наконецъ, онъ взялъ его за руку и повелъ въ дверь себя, напротивъ сидѣвша Олсуѣя Ивановича, въ довольно-значительномъ, впрочемъ, отъ него разстояніи. Все, что на было въ комнатахъ, все услышавъ въ исполомкѣхъ рядѣхъ кругомъ господина Голыдкина и Олсуѣя Ивановича. Все затихло и присмирало, все наблюдало торжественное молчаніе, все всматривалось на Олсуѣя Ивановича, очевидно ожидая чего-то не совѣтъ-обыкновеннаго. Господинъ Голыдкинъ замѣтилъ, что возлѣ кресель Олсуѣя Ивановича, а также прямо противъ совѣтника, помѣстился другой господинъ Голыдкинъ съ Андреемъ Фялицкинымъ. Молчаніе длилось; чего-то дѣйствительно ожидали. «Точь въ точь, какъ въ семьѣ покой-пабудь при отъѣздѣ чего-пабудь изъ членовъ этой семьѣ въ дальній путь; стѣять только встать да пожелать тебѣ, подумалъ герой нашъ. Вдругъ обнаружилось необыкновенное дѣяніе и прервало все размышленія господина Голыдкина. Случилось что-то давно ожидаемое. «Идѣть, идѣть!» пронеслось по толпѣ. «Кто это идѣть?» пронеслось изъ головъ господина Голыдкина; и онъ вздрогнулъ отъ много-го страшнаго испуганія. «Идѣть!» сказалъ совѣтникъ, внимательно посмотрѣвъ на Андрея Фялицкина. Андрей Фялицкинъ съ своей соборности взглянулъ на Олсуѣя Ивановича. Важно и торжественно кивнулъ головою Олсуѣя Ивановича.

ть. «Встанемъ», проговорилъ советникъ, подымая господина Голякина. Все встало. Тогда советникъ взялъ за руку господина Голякина-старшаго, а Андрей Филипповичъ господина Голякина-младшаго, и оба торжественно свели двухъ совершенно-подобныхъ еди обставшей ихъ кругомъ и устремившейся въ ожиданіе толпы. Герой нашъ съ недоумѣніемъ осмотрѣлся кругомъ, но его тотчасъ остановили и указали ему на господина Голякина-младшаго, торый протянулъ ему руку. «Это мирить насъ хотять», подумалъ герой нашъ и съ умиленіемъ протянулъ свою руку господину Голякину-младшему; потомъ, потомъ протянулъ къ нему свою левую. Тотже сдѣлалъ и другой господинъ Голякинъ... Тутъ господину Голякину-старшему показалось, что вѣроломный другъ улыбается, что онъ бѣгло и цаутовска мигнулъ всей одружанной имъ толпой, что есть что-то зловѣщее въ лицѣ неблагопрестѣго господина Голякина-младшаго, что даже онъ отпустилъ грѣску какою-то въ минуту іудина своего поцалуя... Въ головѣ затуманило у господина Голякина, въ глазахъ потемнѣло; ему показалося, что бездна, цѣлая вераница совершенно-подобныхъ Голякиныхъ съ шумомъ влѣмывается во всѣ двери комнаты; но было поздно... Звонкій, предатоласкій поцалуу раздался, и...

Тутъ случилось совсѣмъ-неожиданное обстоятельство... Двери вдругъ растворились съ шумомъ, и на порогъ показался человекъ, котораго оденъ видѣлъ омеденнѣлъ господина Голякина. Ноги его пролегли къ землѣ. Крикъ замеръ въ его стѣсненной груди. Вѣроломъ, господинъ Голякинъ зналъ все заранѣ и давно уже предчувствовалъ что-то подобное. Незнакомецъ важно и торжественно приближался къ господину Голякину... Господинъ Голякинъ ожуру очень-хорошо зналъ. Онъ ее видѣлъ, очень-часто видѣлъ, еще сегодня видѣлъ... Незнакомецъ былъ высокій, плотный оубъ, въ черномъ фракѣ, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ, и реснички густыми, весьма-черными бакенбардами; не доставало только сигарин во рту для дальнѣйшаго сходства... За то взглядъ нищенца, нашъ уже сказано, было омеденнѣлъ ужасомъ господина Голякина. Съ важной и торжественной миной подошелъ страшный оубъ къ плачущему герою повѣсти нашей... Герой нашъ протянулъ ему руку; незнакомецъ взялъ его руку и потащилъ за собою... Съ потеряннмъ, съ убитымъ лицомъ оглянулся кругомъ герой...

- Это, это Крестъ иль Илларионтъ Рутеншицъ, докторъ медицины и хирургіи, нашъ давнишній знаменецъ, Яковъ Петровичъ! защебеталъ той-то противный голосъ подъ самымъ ухомъ господина Голякина. Онъ оглянулся: то-былъ старательный подданными качествами и своей башенцѣ нищенца Голякина. Неблагопрестѣйшаго, зло-

вѣщая радость сіла въ лицѣ его; съ восторгомъ онъ торъ свои руки, съ восторгомъ повертывалъ кругомъ свою голову, съ восторгомъ семенялъ кругомъ всѣхъ и каждого; казался, готовъ былъ тутъ же начать танцовать отъ восторга; наконецъ, онъ прыгнулъ впередъ, выхватилъ свѣчку у одного изъ слугъ и пошелъ впередъ, освѣщая дорогу господину Голядкину и Крестьяну Ивановичу. Господинъ Голядкинъ слышалъ ясно, какъ все, что ни было въ толпѣ, ринулось вслѣдъ за нимъ, какъ все забегало впередъ, тѣснилось, давила другъ друга и всѣ вмѣстѣ въ голосъ начали повторять за господиномъ Голядкинымъ: что это ничего; что не бойтесь, Яковъ Петровичъ, что это вѣдь старинный другъ и знакомецъ вашъ, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншицъ... Наконецъ вышли на парадную, ярко-освѣщенную лѣстницу; на лѣстницѣ была тоже куча народа; съ шумомъ растворились двери крыльцо, и господинъ Голядкинъ очутился на крыльцѣ вмѣстѣ съ Крестьяномъ Ивановичемъ. У подъезда стояла карета, миринжонная четверней лошадей, которая отъскочила отъ истерзаннаго. За радоственный господинъ Голядкинъ-младшій въ три прыжка сбѣжалъ съ лѣстницы и самъ отворилъ карету. Крестьянъ Ивановичъ уважительнымъ жестомъ попросилъ садиться господина Голядкина. Впрочемъ, уважительнаго жеста было вовсе не нужно; было довольно народу подсаживать... Замирая отъ ужаса, оглянулся господинъ Голядкинъ назадъ: вся ярко-освѣщенная лѣстница была унизана народомъ; любопытные глаза глядели на него осмысленно. Самъ Олсуфій Ивановичъ председатель на самой верхней площадке лѣстницы, въ своихъ покойныхъ креслахъ, и внимательно, съ симпатическимъ участіемъ, смотрѣлъ на все совершавшееся. Всѣ ждали. Потъ истерзаннаго пробѣжалъ по толпѣ, когда господинъ Голядкинъ оглянулся назадъ.

— Я надѣюсь, что здѣсь вѣтъ ничего... ничего предостудительнаго... или могущаго возбудить строгость... и вниманіе всѣхъ, катольно офенціальныхъ отношеній моихъ? проговорилъ истерзанно герой нашъ. Говоръ и шумъ поднялся кругомъ; всѣ отрицательно качивали головами своими. Слова брызнули изъ глазъ господина Голядкина.

— Въ такомъ случаѣ, я готовъ, я възврюсь, я възврюсь въ нѣ... такъ я такъ, дескать, самъ отступаю отъ дѣла и вручу судьбу мою Крестьяну Ивановичу...

Только-что проговорилъ господинъ Голядкинъ, что онъ вручилъ судьбу свою Крестьяну Ивановичу, какъ стран-

вмучивающій, разветной крикъ вырвался у всахъ окружающихъ его и слышныя злобнннхъ откликонъ прокатился по всей ожидаемой толпѣ. Тутъ Крестыанъ Ивановичъ съ одной стороны, а съ другой Андрей Филипповичъ, вслаи подлѣ руки господина Голядкина и стали сажать въ карету; двойникъ же, по подленькому быкновенію своему, хланеталъ и подсаживалъ сзади. Несчастныи всадникъ Голядкинъ-старшій бросилъ свой послѣдній, мутный взглядъ на всахъ и на все, и дрожа какъ котенокъ, котораго окани холодной водой, — если позволить сравненіе, — влѣзъ въ карету; и внигъ тотчасъ же сѣлъ и Крестыанъ Ивановичъ. Карета захлонулась: послышался ударъ бича по лошадаиъ; лошади рванули внигъ съ мѣста... все ринулось вслѣдъ за господиномъ Голядкиннмъ; пронзительныя, неустовые крики всахъ враговъ его пошались ему вслѣдъ, въ видѣ напутствія. Нѣкоторое время еще викали кое-какія лица кругомъ кареты, унесившей господина Голядкина; но наконецъ и они стали отставать-отставать, и наконецъ стали советѣмъ. Долге всахъ оставался неблагопристойный близикъ господина Голядкина; заложилъ руки въ боковые карманы своихъ сороченныхъ зеленыхъ панталонъ, бѣжалъ онъ съ довольнымъ видомъ, подпрыгивая то съ одной, то съ другой стороны экипажа, внигъ забѣгалъ и впередъ лошадей; иногда же, схватившись за руку окна и повиснувъ всѣмъ тѣломъ своимъ, просовывалъ въ око свою голову и умилно поглядывалъ на господина Голядкина-старшаго, улыбаясь ему, прощаясь съ нимъ, кивалъ ему головою и внигъ посылалъ ему рукой поцалуйчики... Наконецъ и онъ какъ будто усталъ, рѣже и рѣже сталъ появляться по сторонамъ кареты и внигъ исчезъ совершенно. Глухо занявало сердце въ груди господина Голядкина, кровь горячимъ ключомъ била ему въ голову; ему было душно, ему хотѣлось разстегнуть свою одежду, обнажить свою грудь, обсыпать всю ее сивгомъ и облить холодной водой... Влѣзалъ наконецъ въ забытіе... Когда же очнулся, то увидѣлъ, что лошади вносятъ его по какой-то ему почти-незнакомой дорогѣ; внигъ и наивно чертились какіе-то лѣса; было глухо и пусто. Кружилось въ дуни живонъ. Пошелъ снѣгъ. Тоска давила кошмаромъ грудь господина Голядкина-старшаго. Ему стало страшно... Весь въ внигъ-внигъ, въ тоскѣ, въ агоніи, весь оробѣвшій, убитый прижался онъ плечонъ своимъ къ плечу молчаливаго Крестыана Ивановича... Внигъ внигъ въ ужасъ отъ него отшатнулся и прижался въ другой конецъ кареты. Волосы его поднялись дыбомъ. Холодный потъ капалъ по его вискамъ. Онъ взглянулъ — и обморъ отъ ужаса... Два внигъ-внигъ глаза смотрѣли на него въ темнотѣ, и злобнншею, аднншею радостію блистали эти два глаза... Глаза эти блистались-блистали къ господину Голядкину... Онъ уже слышалъ что-то при-

косновеніе къ себѣ, чья-то ягучее дыханіе на лицѣ своемъ, чья-то распростертыя надъ нимъ и готовыя схватить его руки. Это! Крестьянъ Ивановичъ! Кто это?.. Или это онъ?.. онъ! да! Крестьянъ Ивановичъ, но только не прежній, это другой Крестьянъ Ивановичъ. «Нужно бутылки врагомъ не бывать» пронеслось въ гору въ господина Голякина... Впрочемъ, онъ ничего ужъ не думалъ. Медленно, трепетно закрылъ онъ глаза свои. Омертвѣвъ, онъ ждалъ чего-то ужаснаго—ждалъ... онъ уже слышалъ, чувствовалъ, и наконецъ...

Но здѣсь, господа, кончается исторія приключеній господина Голякина.

Ф. ДОСТОЙВСКІЙ.

ГРАФИНЯ МОНСОРО.

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

СТАРИКЪ-СИРОТА.

Мадамъ де-Сен-Дюкъ не ошиблась: два часа спустя, они подъехали къ Меридорскому-Замку.

Послѣ разговора путешественниковъ, сообщеннаго нами въ послѣдней главѣ, Бюссі сталъ раздумывать, не разказать ли добрымъ друзьямъ своимъ о причинахъ, заставившихъ Диану удалиться изъ Меридора. Но, приступая къ этимъ объясненіямъ, надобно было открыть не только то, что всѣ скоро должны были узнать, но еще то, что одинъ Бюссі зналъ, и чего онъ никому не хотѣлъ открывать. Итакъ онъ отказался отъ признанія, которое повлекло бы за собою слишкомъ-много разспросовъ и догадокъ.

Притомъ же, Бюссі желалъ вступить въ Меридоръ, какъ чело-вѣкъ совершенно-незнакомый. Онъ хотѣлъ видѣть барона де-Меридоръ безъ всякаго приготовленія и желалъ слышать откровенное мнѣніе старика о графѣ Монсоро и герцогѣ анжуйскомъ; онъ желалъ, наконецъ, убѣдиться — не въ томъ, справедливъ ли разказъ Дианы, потому-что не могъ подозрѣвать ея, — но въ томъ, что она сама не была обманута ни въ чемъ и это разказъ, который онъ

выслушалъ съ такимъ участіемъ, во всемъ согласовался съ действительностью.

Читатели видятъ, что Бюссэ обладалъ двумя качествами, поддерживающими челоѣка высшихъ способностей въ его сѣрцѣ, даже посреди ослѣпленія, порождаемаго любовью: эти два качества были осторожность съ чужими и глубокое уваженіе къ любимой особѣ.

А потому мадамъ де-Сен-Люкъ, обманутая, вопреки своей женской провинциальности, присутствіемъ духа Бюссэ, ни мало не сомнѣвалась въ томъ, что молодой челоѣкъ впервые слышитъ имя Діаны, что это имя не пробуждало въ немъ ни воспоминаній, ни надеждъ, и что онъ надѣялся встрѣтить въ Меридоръ какую-нибудь довольно-неловкую провинциалку, которую сильно смутитъ видъ неожиданныхъ гостей.

Въ-сладствіе этого, она готовилась насладиться его изумленіемъ при видѣ Діаны.

Одно удивило ее: когда часовой протрубилъ сигналъ, возвѣщающій о пріездѣ гостей, Діана не вышла имъ на встрѣчу къ подъемному мосту, что она обыкновенно дѣлывала.

Но, вмѣсто Діаны на главное крыльцо вышелъ изъ замка согбенный старецъ, упавшійся на трость. На немъ было зеленобархатное полукафтанье, подбитое лисьимъ мѣхомъ, а у пояса висѣли серебряный свистокъ и связка ключей.

Вечерній вѣтеръ игралъ длинными волосами его, бѣлыми какъ первый выпавшій снѣгъ.

Онъ перешелъ черезъ подземный мостъ; за нимъ слѣдовали двѣ большія собаки нѣмецкой породы; онъ шлѣ медленно, опустивъ голову, и ни однимъ шагомъ не опереживая одна другой. Старецъ, подошедъ къ парпету, спросилъ слабымъ голосомъ:

— Кто тамъ и кто удостоиваетъ бѣднаго старика пощщеніемъ?

— Я! я, баронъ Огюстенъ! весело вскричала молодая женщина.

Жанна де-Коссэ называла старика по имени, въ отличіе отъ младшаго его брата, Гильйома, умершаго за три года передъ тѣмъ.

Но вмѣсто радостнаго восклицанія старика, которое Жанна ожидала, онъ медленно поднималъ голову, и, устремивъ на путешественниковъ мутные глаза, спросилъ:

— Вы?.. Я не вижу. А кто вы?..

— О, Боже мой! вскричала Жанна: — не-уже-ли вы меня не узнаете? Ахъ, я и забыла, что я переодѣта...

— Простите, сказалъ баронъ: — но я почти ничего болѣе не вижу. Глазамъ стариковъ трудно плакать, а если имъ суждено проливать слезы, то эти слезы жгутъ ихъ.

— Ахъ, баронъ! вскричала молодая женщина: — я вижу, что, въ самомъ-дѣлѣ, зрѣніе ваше стало слабо; иначе вы узнали бы меня хоть я и въ мужскомъ платьѣ. Итакъ, я должна вамъ сказать какъ меня зовутъ.

— Да, да, скажите, возразилъ старикъ: — а не то я не узнаю.

— Такъ знайте же, что я графиня де-Сен-Люкъ.

— Сен-Люк? повторил старикъ:—не знаю..

— Но когда я была въ дѣвцахъ, сказала засмѣявшись молодая женщина: — меня звали Жанной де-Коссэ-Брессакъ.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ старецъ, стараясь открыть дрожащими руками рѣшетчатую дверь:—ахъ, Боже мой!

Жанна, непонимавшая причины этого страннаго приема, столь различнаго отъ того, котораго ожидала, и приписывавшая его дряхлости старика и ослабленію его умственныхъ способностей, соскочила, наконецъ, съ лошади, когда онъ узналъ ее, и бросилась къ нему, по прежней привычкѣ; но, поцаловавъ барона, она замѣтила, что щеки его были мокры: онъ плакалъ.

— Это отъ радости! подумала она. — Сердце его осталось молодое.

— Пойдемте, сказалъ старикъ, поцаловавъ Жанну.

И, не обращая никакого вниманія на обоихъ мужчинъ, ее сопровождавшихъ, онъ направился къ замку прежнимъ медленнымъ и нѣрнымъ шагомъ и по-прежнему сопровождаемый двумя собаками, которые только посмотрѣли на гостей.

Видъ замка былъ исполненъ невыразимаго унынія; всѣ ставни были закрыты; онъ походилъ на огромный гробъ. Слуги, нѣрѣдка появлявшіеся, были въ траурѣ. Сен-Люкъ посмотрѣлъ на жену, какъ-бы спрашивая ее, что это значило.

Жанна поняла взглядъ мужа, и такъ-какъ она сама желала поскорѣе выйти изъ грустнаго невѣдѣнія, то подошла къ барону, взяла его за руку и спросила:

— А Діана? Не-уже-ли ея мѣтъ здѣсь?

Старикъ остановился, какъ-бы пораженный громомъ, и, посмотрѣвъ на молодую женщину съ выраженіемъ, походившимъ почти на ужасъ, вскричалъ:

— Діана!

И въ то же мгновеніе обѣ собаки, поднявъ головы къ своему хозяину, жалобно завывали.

Бюссі невольно задрожалъ; Жанна посмотрѣла на Сен-Люка, а тотъ остановился въ нерѣшимости, идти ли ему впередъ, или воротиться назадъ.

— Діана! повторилъ старикъ, какъ-будто-бы ему нужно было время, чтобъ обдумать сдѣланный ему вопросъ:—развѣ вы не знаете?..

И слабый, дрожащій голосъ его превратился въ стонъ, вырвавшійся изъ глубины груди.

— Но что такое? что же случилось? вскричала Жанна, слезивъ руки.

— Діана умерла! вскричалъ старикъ, поднимъ съ видомъ отчаянія руки къ небу и залившись слезами.

Потомъ онъ опустился въ невозможномъ на первыхъ ступеняхъ крыльца, къ которому подошелъ въ эту минуту, закрывъ лицо обѣими

руками и покачивается, какъ-бы желая прогнать страшное воспоминаніе, безпрестанно терзавшее его.

— Умерла! вскричала Жанна съ ужасомъ, поглядывая какъ мертвая.

— Умерла! повторилъ Сен-Люкъ съ нѣжнымъ состраданіемъ къ старику.

— Умерла! проговорилъ Бюссі. — Онъ обманулъ его, сказавъ что Діана умерла. О, бѣдный старикъ! какъ ты меня полюбишь!

— Умерла! умерла! повторялъ баронъ: — они убили ее!

— Ахъ, бѣдный, бѣдный баронъ! произнесла Жанна, которая послѣ ужаснаго удара, навесеннаго ей этимъ извѣстіемъ, нашло единственное средство, облегчающее сердце женщины—слезы.

Она зарыдала, обливая слезами лицо старика, около шеи котораго обвисли ея руки.

Старый владѣтель Меридора поднялся съ усиліемъ.

— Все равно, сказалъ онъ: — горестъ и уныніе, поселившіеся въ моемъ замкѣ, не изгнали изъ него гостепріимства; пойдемте за мною.

Жанна взяла старика подъ руку и прошла съ нимъ чрезъ свѣтлую дубовую залу стражей, превратившуюся въ столовую, а оттуда въ пріемную.

Передъ ними шелъ и отворялъ двери слуга, печальное лицо и раскраснѣвшіеся глаза котораго свидѣтельствовали о привязанности къ господину; за ними шли Сен-Люкъ и Бюссі.

.Вошедъ въ пріемную, старикъ, поддерживаемый Жанною, съелъ или лучше сказать, упалъ на большое деревянное кресло, украшенное богатой резьбой.

Слуга открылъ окно, чтобъ освѣжить воздухъ, и, не выходя изъ комнаты, удалился въ уголокъ.

Жанна не осмѣливалась прерывать молчанія. Она страшилась растравить раны старика разспросами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно всѣмъ людямъ молодымъ и счастливымъ, не хотѣла вѣрить въ несчастіе старика. Есть лѣта, въ которыя не понимаютъ ужасовъ неумолимой смерти, потому-что не вѣрятъ въ нее.

Баронъ первый прервалъ молчаніе, какъ-бы угадавъ желаніе Жанны.

— Вы, кажется, сказали мнѣ, что вы замужемъ, милая Жанна! этотъ молодой человѣкъ вашъ мужъ?

И онъ указалъ на Бюссі.

— Нѣтъ, баронъ Огюстенъ, отвѣчала Жанна: — вотъ мой мужъ, графъ де-Сен-Люкъ.

Сен-Люкъ преклонился не столько передъ почтеннымъ, заслуженнымъ старикомъ, сколько передъ несчастнымъ отцомъ; баронъ отечески отвѣтилъ на его поклонъ и даже смѣлся улыбиться; потомъ, обративъ мутные глаза къ Бюссі, онъ спросилъ:

— А это вашъ братъ, братъ вашего мужа, или родственникъ вашъ?

— Нѣтъ, почтенный баронъ, это не родственникъ, но другъ нашъ: Луи де-Клермонъ, графъ де-Бюссей д'Амбуазъ, одинъ изъ дворянъ герцога анжуйскаго.

При этихъ словахъ, старикъ невольно вскочилъ, выпрямился, бросилъ грозный взглядъ на Бюссей, и, какъ-бы истощенный этимъ изъясненъ вызовомъ, съ глухимъ стономъ уналь аналъ въ кресло.

— Чтѣ это значить? спросила Жанна.

— Баронъ знаетъ васъ, графъ де-Бюссей? спросилъ Сен-Люкъ.

— Я въ первый разъ имѣю честь видѣть барона де-Меридора, спокойно отвѣчалъ Бюссей, который одинъ неналъ, какое дѣйствіе произвело на старика имя герцога анжуйскаго.

— А! вы дворянинъ герцога анжуйскаго, сказалъ баронъ:— вы на службѣ у этого чудовища, этого демона, и смѣете признаваться въ томъ, и осмѣлились войти въ мой домъ!

— Онъ, кажется, помѣшанъ, шепнулъ Сен-Люкъ женѣ, съ изумленіемъ смотря на барона.

— Вѣроятно, горестъ разстроила умственные способности его, отвѣчала Жанна со страхомъ.

Баронъ де-Меридоръ произнесъ послѣднія слова, заставившія Сен-Люка и жену его думать, что онъ не въ полномъ разумѣ, бросивъ на Бюссей еще болѣе грозный взглядъ; но молодой человекъ спокойно, почтительно встрѣтилъ этотъ взглядъ, и не отвѣчалъ ни слова.

— Да, этого чудовища, продолжалъ г. де-Меридоръ, болѣе и болѣе воспламеняясь:— этого убійцы моей дочери!

— Бѣдный старикъ! проговорилъ Бюссей.

— Чтѣ онъ говоритъ? спросила Жанна.

— Чтѣ вы на меня смотрите съ такимъ удивленіемъ? вскричалъ баронъ, взявъ Жанну и Сен-Люка за руки:— развѣ вы не знаете, что герцогъ анжуйскій убилъ мою Діану? да, мою Діану, мою дочь, убилъ герцогъ анжуйскій!..

Старикъ произнесъ послѣднія слова съ выраженіемъ такой глубокой горести, что слезы выступили на глазахъ самого Бюссей.

— Баронъ, сказала молодая женщина:— хоть я и не постигаю, какъ это могло случиться, но вы ни въ какомъ случаѣ не можете обвинять въ этомъ ужасномъ преступленіи г. де-Бюссей, благороднѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ дворянъ. Посмотрите сами, Бюссей не понимаетъ вашихъ словъ: онъ вмѣстѣ съ нами оплакиваетъ вашу горе. Не-уже-ли бы онъ пришелъ сюда, еслибъ зналъ, какъ вы его примете? Ахъ, баронъ Огюстенъ, лучше расскажите намъ, какъ это случилось... расскажите намъ подробности этого несчастія!..

— Слѣдовательно, вы не знали?.. спросилъ старикъ, обращаясь къ Бюссей.

Бюссей поклонился не отвѣчая.

— Э, Боже мой! Разумѣется, онъ не зналъ, коли я сама не знала этой катастрофы!

— Моя Діана умерла, и лучшая подруга ея не узнала о ея смерти!.. Правда, я никому не писалъ, никому не говорилъ объ этомъ; мнѣ казалось, что послѣ моей Діаны никого не осталось на свѣтъ...

— Расскажите намъ все; расскажите, — это облегчитъ вашу горечь, сказала Жанна.

— Да! отвѣчалъ баронъ, глубоко вздохнувъ: — этотъ злодѣй, увидѣвъ мою Діану: красота ея поразила его... онъ велѣлъ похитить и скрыть ее въ замкѣ Бежѣ!.. Тамъ онъ намѣревался обезчестить ее, какъ дочь какого-нибудь васалла. Но Діана, моя благодарная и чистая Діана, предпочла смерть. Она бросилась изъ окна въ озеро, и люди графа нашли только вуаль ея, плававшій по неваркости воды...

Старикъ сопровождалъ послѣднія слова слезами и рыданіями, которыя глубоко растрогали Бюсси, неустрашимаго война, привыкшаго видѣть и проливать кровь.

Жанна съ невыразимымъ ужасомъ глядѣла на графа.

— О, графъ! вскричалъ Сен-Люкъ: — не правда ли, это ужасно! Вы должны оставить этого изверга; благородное сердце, подобное моему, не можетъ оставаться преданнымъ похитителю и убійцѣ!

Старикъ, несколько успокоенный этими словами, ожидалъ отвѣта Бюсси, чтобъ знать, какое мнѣніе имѣть объ немъ; сочувствіе Сен-Люка уже утѣшало его. Въ сильныя нравственные кризисы, великія и физическія слабости человѣка, и ребенокъ, укушенный любимую собакою, почти забываетъ свою боль, когда видить, какъ эту собаку наказываютъ.

Но, вмѣсто отвѣта на вопросъ Сен-Люка, Бюсси ступилъ шагъ къ барону де-Меридоръ.

— Баронъ, сказалъ онъ: — позвольте ли вы мнѣ переговорить съ вами наединѣ?

— Выслушайте г-на де-Бюсси, добрый баронъ! сказала Жанна: — вы увидите, какъ онъ добръ и услужливъ.

— Говорите, графъ, сказалъ баронъ дрожащимъ голосомъ, потому-что читалъ что-то странное во взглядѣ молодаго человѣка.

Бюсси обратился къ Сен-Люку и женѣ его со взглядомъ, исполненнымъ благородства и прилами, и сказалъ:

— Позвольте...

Молодые люди вышли изъ залы рука-объ-руку и еще болѣе крѣпко собственное свое счастье при видѣ страшнаго горестнаго старика.

Когда они затворили за собою дверь, Бюсси подошелъ къ барону и низко поклонился ему.

— Баронъ, сказалъ онъ: — вы изволили въ моемъ присутствіи обвинить принца, которому я служу; вы обвинили его въ такомъ преступленіи, что я нахожусь вынужденнымъ просить у васъ объясненія.

Старикъ сдѣлалъ быстрое движеніе.

— О! вы не поняли почтительного смысла словъ монахъ; я говорю вамъ съ участіемъ, сочувствую вашей горести, и одно желаніе облегчить вашу горестъ заставляетъ меня просить васъ, баронъ, чтобъ вы въ подробности рассказали мнѣ страшную катастрофу, о которой вы сейчасъ говорили г-ну де-Сен-Люкъ и жонѣ его. Скажите, баронъ, убѣждены ли вы въ томъ, что все произошло такъ, какъ вы предполагаете? что нѣтъ уже никакой надежды?

— Графъ, отвѣчалъ старикъ:—я надѣялся — но недолго. Благодушный, великодушный дворянинъ, г. де-Монсоро, полюбилъ мою малую дочь и принималъ въ ней живѣйшее участіе.

— Г. де-Монсоро! вскричалъ Бюссі: — потрудитесь же рассказать мнѣ, что онъ сдѣлалъ, какъ поступилъ?

— Онъ поступилъ, какъ благородный и достойный дворянинъ, тѣмъ болѣе, что Діана отвергла его руку. Не смотря на то, онъ первый сообщилъ мнѣ о низкомъ замыслѣ герцога. Онъ указалъ мнѣ средство уклониться отъ нихъ и просилъ только объ одномъ, чтобъ спасти мою дочь, и это одно доказываетъ всю прямоту, все благородство души его; онъ просилъ руки моей дочери, чтобъ, какъ челоукъ молодой и мужественный, могъ защитить ее отъ могущественнаго принца, противъ котораго я, слабый старикъ, ничего не могъ предпринять. Я съ радостію согласился; но, увы! все было тщетно... онъ прибылъ слишкомъ-поздо... смерть уже спасла Діану отъ безчестія!

— Но съ-тѣхъ-поръ, спросилъ Бюссі:—вы не получали никакихъ вѣстій о графѣ де-Монсоро?

— После моего несчастія, прошло не болѣе мѣсяца, сказалъ старикъ:—и не успѣвъ въ своемъ великодушномъ намѣреніи, бѣдный графъ не смѣлъ, вѣроятно, явиться ко мнѣ.

Бюссі опустилъ голову; онъ все понялъ.

Онъ понималъ теперь, какимъ-образомъ графу де-Монсоро удалось похитить у принца молодую дѣвушку, которую онъ любилъ, — понималъ, почему графъ не опровергалъ слуха о ея смерти, боясь допустить до свѣдѣнія принца, что онъ обманулъ его и что молодая дѣвушка сдѣлалась его женою.

— Что вы теперь скажете? спросилъ старикъ, вида, что молодой челоукъ задумался и устремилъ въ землю глаза, нѣсколько разъ сверкавшіе во время его разсказа.

— Я скажу, баронъ, отвѣчалъ Бюссі: — что герцога анжуйскій поручилъ мнѣ привести васъ въ Парижъ. Его высочество желаетъ лично переговорить съ вами.

— Переговорить! со мною! вскричалъ баронъ: — чтобъ я сталъ лицомъ-къ-лицу съ этимъ челоукомъ, послѣ смерти моей дочери? А что нужно отъ меня этому убійцѣ?

— Кто знаетъ? Быть-можетъ, онъ хочетъ оправдаться.

— Если онъ и оправдается, вскричалъ старикъ: — какъ вознаграить ли мнѣ тѣмъ мою дочь? Нѣтъ, г. де-Бюссі, нѣтъ, я не до-

зду въ Парижъ; я не хочу удаляться изъ того мѣста, въ которомъ находится мое дитя мое!

— Баронъ, сказалъ Бюссі твердымъ голосомъ: — позвольте мнѣ повторить мою прасьбу; я считаю обязанностью, священнымъ долгомъ провозгласить васъ въ Парижъ, и нарочно за тѣмъ вѣрхалъ сюда.

— Хорошо же! я поѣду въ Парижъ, воскричалъ старикъ, задрожавъ отъ гнѣва.—Но горе погубившимъ дочь мою и меня! Король выслушаетъ меня, а если не выслушаетъ, такъ я обращусь къ вѣстамъ дворянамъ Франціи. Притомъ же, продолжалъ онъ, какъ бы про себя:—я забылъ въ своей горести, что у меня въ рукахъ оружіе, которымъ я до-сихъ-поръ не воспользовался. Да, г. де-Бюссі, я поѣду съ вами.

— А я, баронъ, сказалъ Бюссі, взявъ старика за руку:—советую вамъ быть твердымъ и спокойнымъ, какъ слѣдуетъ быть заслуженному дворянину. Господь часто непостижимымъ образомъ награждаетъ благородныя сердца, и вы не знаете, что вамъ готовитъ Его милосердіе. Прошу васъ, баронъ, не считать меня своимъ врагомъ до-тѣхъ-поръ, когда вы убедитесь въ моей къ вамъ преданности. И такъ, до завтра, баронъ, если вамъ угодно; завтра съ разсвѣтомъ мы отправимся въ путь.

— Я согласенъ, отвѣчалъ старый дворянинъ, невольно растроганный чувствомъ, съ которымъ Бюссі произнесъ послѣднія слова:—но до-тѣхъ-поръ, вы мнѣ не врагъ и не другъ; вы болѣе того—вы гость мой, и я самъ хочу приводить васъ въ назначенный для васъ покой.

Баронъ взявъ со стола серебряный подсвѣчникъ съ тремя свѣчами, и тяжелыми шагами пошелъ съ Бюссі д'Амбуазомъ по парадной лѣствицѣ замка.

Собаки хотѣли послѣдовать за нимъ, но онъ остановилъ ихъ однимъ знакомъ; двое слугъ шли за Бюссі также съ подсвѣчниками.

Дошедъ до порога назначенной для него комнаты, графъ сѣрочилъ, что случилось съ Сен-Люкомъ и его женою.

— Мой старый Жермень, вѣроятно, позаботился о нихъ, отвѣчалъ баронъ. — Желаю вамъ доброй ночи, графъ.

II.

Какъ Ренн-де-Годуэцъ познакомился, въ отсутствіи Бюссі, съ одной изъ обитательницъ дома въ Сент-Антуанской-Улицѣ.

Сен-Люкъ и жена его не приходили въ себя отъ изумленія. Бюссі, имѣвшій тайные переговоры съ г-мъ де-Меридоръ; Бюссі, на-вѣривавшійся знать съ старикомъ въ Парижъ; наконецъ, Бюссі, прикидывавшій на себя расстройство дѣлами, о которыхъ онъ, по-

младшему, не имѣлъ прежде никакого понятія, былъ для молодыхъ людей необъяснимымъ феноменомъ.

Что же касается до барона, то волшебное могущество титула его высочества, произвело на него обыкновенное свое дѣйствіе; юрляне времянъ Генриха III не смѣлись еще надъ титулами и званіями. *Королевское высочество*, это слово для барона де-Меридора, такъ и для всѣхъ, исключая короля, было страшнѣе грозы и бури.

Утромъ, баронъ всталъ съ своими гостями, въ полное распоряженіе которыхъ оставилъ свой замокъ; но Сен-Люкъ и жена его, южная затруднительность положенія, рѣшились при первой возможности выехать изъ Меридора и отправиться въ имѣніе Брюсселя, которое находилось по соседству, лишь-только получить на те позволенія бездѣльнаго маршала.

Что же касается до Брюссѣ, то ему достаточно было одной минуты для объясненія своего страннаго поведенія. Онъ шепнулъ нѣсколько словъ на ухо женѣ Сен-Люка.

Послѣ этихъ словъ, лицо Жанны прояснилось; щеки ея покрылись старователынымъ румянцемъ; коралловый ротикъ полуоткрылся, выставивъ на показъ два ряда зубовъ бѣлыхъ, какъ перламутръ; приложивъ пальцы къ губамъ и пославъ поцалуй Брюссѣ, она бѣжала, сдѣлавъ знакъ мужу.

Старикъ не замѣтилъ этой выразительной пантомимы; устремивъ взоръ на жилище своихъ прародителей, онъ машинально ласкалъ лапу собакъ, которыя какъ-бы не хотѣли съ нимъ разставаться; строганымъ голосомъ раздавалъ онъ нѣсколько приказаній слугамъ, которые въ уныніи и почитительно внимали словамъ своего стараго и несчастнаго повелителя. Потомъ, съѣвъ не безъ труда и съ помощію конюшаго на пѣгую лошадь, которую онъ особенно любилъ, баронъ поклонился замку и уѣхалъ, не сказавъ ни слова.

Брюссѣ, съ сіяющими отъ удовольствія глазами, отвѣчалъ на улыбки Жанны и часто оглядывался, чтобъ прощаться съ своими друзьями. При разставаніи, Жанна шепнула ему:

— Какой вы, графъ, странный человѣкъ!.. Я обещала вамъ частіе въ Меридорѣ, а между-тѣмъ вы сами принесли сюда счастье.

Изъ Меридора до Парижа далеко, особенно для стараго воина, покрытаго ранами, полученными въ народныхъ войнахъ. Далекое было также бѣдному пѣгому коню, котораго звали Жарнакомъ, и который при этомъ имени еще гордо подымалъ поникшую отъ старости голову.

Въ дорогѣ, Брюссѣ принялся за исполненіе своего намѣренія, состоящаго въ томъ, чтобъ внимательностью и сыновними попеченіями заслужить пріязнь старика, встрѣтившаго его сначала съ незнакомію, — и, вѣроятно, онъ успѣлъ въ этомъ, потому-что утромъ вѣстнаго дня, по прибытіи въ Парижъ, баронъ де-Меридоръ сказалъ молодому чловѣку слова, ясно выражавшія перемѣну, происшедшую въ умѣ его во время путешествія:

— Странно, графъ! теперь я ближе, нежели когда-либо, къ истинку своего несчастія, а между-тѣмъ, я гораздо-спокойнѣе, нежели какъ былъ при отъѣздѣ изъ Меридорскаго-Замка.

— Подождите еще два часа, баронъ, отвѣчалъ Бюссі: — и будто бы судить обо мнѣ не такъ, какъ прежде судили.

Путешественники вѣхали въ Парижъ чрезъ Сан-Марсельское Предмѣстье.

— Куда мы ѣдемъ? спросилъ баронъ:—вѣроятно въ Луарь!

— Баронъ, отвѣчалъ Бюссі: — я сперва намѣренъ пригласить васъ къ себѣ, чтобъ вы имѣли время отдохнуть и собраться съ силами, необходимыми вамъ для свиданія съ особаю, къ которой я долженъ проводить васъ.

Баронъ повиновался безпрекословно; Бюссі проводилъ его прямо къ своему дому, въ улицъ Гренель-Сент-Онорѣ.

Слуги графа не ожидали, или, лучше сказать, уже перестали ждать его: вернувшись ночью домой въ маленькую дверь, отъ которой у него одного былъ ключъ, онъ самъ осѣдлалъ свою лошадь и ускакалъ, увидавшись сперва только съ Реми-ле-Годуэнъ. Внезапное отсутствіе Бюссі, опасности, которымъ онъ подвергся въ прошедшую недѣлю, ни чѣмъ несправимая его отважность заставляли всѣхъ полагать, что, наконецъ, счастье изменило его мужеству, и что онъ сдѣлался жертвою какого-нибудь извѣстныхъ враговъ.

Лучшіе друзья и вѣрнѣйшіе слуги Бюссі тщетно искали его: нѣго или труна его въ предмѣстьяхъ, въ бастильскихъ рвахъ и въ уединеннѣйшихъ частяхъ города.

Одинъ только человекъ былъ спокоенъ и отвѣчалъ на всѣ вопросы:

— Графъ живъ и здоровъ.

Но на всѣ дальнѣйшіе вопросы, на всѣ попытки узнать куда дѣвался графъ, этотъ человекъ молчалъ.

Человекъ этотъ, подвергавшійся грубостямъ и колкостямъ за услуживаніемъ контельный, но весьма законическій отвѣтъ, былъ знакомецъ нашего Реми-ле-Годуэнъ, который, къ величайшему соблазну домохозяина графа, велъ прѣстранную жизнь: пропадалъ иногда съ утра, ходилъ, звѣвалъ, возвращался къ ночи съ страшнымъ аппетитомъ, всякій разъ веселостью своею разгонялъ уныніе домохозяина.

Ле-Годуэнъ возвращался домой послѣ одной изъ своихъ танцевенныхъ отлучекъ, когда услышалъ на почетномъ дворѣ дома Бюссі радостные клики. Онъ вошелъ на дворъ и увидѣлъ, съ какою радостію конюшіе окружали лошадь, нетерпѣливо ожидающую долю достанется честь подержать лошадь графа, который не сходилъ еще съ нея.

— Благодарю, говорилъ имъ Бюссі: — за ваше участіе, вы радуетесь, что я еще живъ. Вы не доверяете глазамъ своимъ... Это я самъ, друзья мои, я самъ. Помогите же этому достойному двору-

ну сойти съ лошади, и оказывайте ему такое же уваженіе, нѣ-бы онъ былъ принцъ крови.

Бюссі не напрасно сказалъ послѣднія слова. Слуги сначала обратили никакого вниманія на старика; по скромной одеждѣ, яко отсталей отъ моды и по старой пѣгой лошади, они приня-ли его за какого-нибудь стараго отставнаго конюшаго, привезен-наго графомъ изъ провинціи.

Но послѣ приказанія Бюссі, всѣ засуетились около стараго дво-рнина. — Ле-Годуэнъ, по обыкновенію своему, глядѣлъ на про-кладанное смѣясь изподтишка, и только серьёзный видъ Бюссі имѣлъ улыбку съ веселаго, открытаго лица молодаго доктора.

— Скорѣе, отведите комнату господину барону! вскричалъ Бюссі.

— Которую? спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Лучшую; мою.

И, соскочивъ съ лошади, Бюссі подалъ старику руку, чтобъ по-мочь ему взобраться на лѣстницу и стараясь принять его еще съ вышнимъ почетомъ, нежели съ какимъ самъ былъ принятъ имъ.

Баронъ де-Меридоръ принималъ всѣ почести безъ сопротивленія и безъ воли, подобно тому, какъ мы иногда предаемся увле-кательнымъ мечтамъ, заносящимъ насъ въ фантастическія страны вѣста воображенія и мрака.

Барону принесли золоченый кубокъ, и Бюссі самъ налилъ въ не-го вино гостепримства.

— Благодарю, благодарю! говорилъ старикъ: — но скоро ли мы уйдёмъ туда, куда должны идти?

— Скоро, баронъ; будьте спокойны... предстоящее свиданіе доставитъ не васъ однихъ, но и меня.

— Не-уже-ли?... Вы во всю дорогу говорили мнѣ рѣчи, смысла вторыхъ я не понимаю.

— Я говорю, баронъ, и говорилъ, что Провидѣніе хранитъ бла-годенствія сердца... и оказываетъ чудеса въ ихъ пользу.

Баронъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Бюссі: — но Бюссі, ве-личавше поклонившись и сказавъ, что сейчасъ вернется, удалился въ улыбкой на лицѣ.

Бюссі ожидалъ встрѣтить Ремі въ передней, и не ошибся. Онъ взялъ молодаго врача подъ-руку и вошелъ съ нимъ въ сосед-нюю комнату.

— Ну, любезный Иппократъ, спросилъ онъ: — какъ наши дѣла?

— Какія дѣла?

— Разумается, дѣла въ Сент-Антуанской-Улицѣ.

— Граждъ, мнѣ кажется, что они въ весьма-благопріятномъ по-ложеніи — для васъ. Впрочемъ, это не новость.

Бюссі захохоталъ.

— Следовательно, мужъ не возвращался? спросилъ онъ.

— Какъ же! приходилъ, только напрасно. — Во всей этой исто-рии выигралъ какой-то старшій отецъ, на которомъ будетъ осе-длая разовка; этого отна ждутъ съ неоправданнымъ нетерпѣніемъ...

— А ты почему это знаешь?

— Какъ не знать! отвѣчалъ Годуэнъ съ открытой, добродушной улыбкой:—ваше отсутствіе лишило меня всякихъ занятій; не желая даромъ вѣсть хлѣбъ вашъ, я употребилъ все свое свободное время въ вашу пользу.

— Что же ты сдѣлалъ? Рассказывай, мой добрый Ремі; я слушаю.

— Вотъ что я сдѣлалъ: когда вы уѣхали, я, съ туго-набитымъ кошелькомъ, книгами и шпагой переселился въ маленькую квартиру, которую нанялъ на углу Сент-Антуанской-Улицы.

— Прекрасно.

— Оттуда мнѣ былъ видѣнъ отъ подваловъ до трубъ извѣстный вамъ домъ.

— Хорошо; далѣе.

— Переселившись на новую квартиру, я сѣлъ къ окну.

— Такъ.

— Такъ, да не такъ; тутъ явилось маленькое затрудненіе.

— Какое?

— Изъ этого окна я все видѣлъ, но и меня могли видѣть. Съ сѣди могли принять меня, постоянно любующагося однимъ и тѣмъ же видомъ, за плута, за влюбленнаго, за шпиона или за сумасшедшаго.

— Справедливо, мой добрый Годуэнъ. — Какъ же ты сдѣлалъ?

— Я увидѣлъ, что надобно было прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и... влюбился!

— Что? спросилъ Бюсси, не понимая, какую пользу могла принести ему любовь Ремі.

— Я влюбился, какъ уже имѣлъ честь вамъ докладывать, съ важностію повторилъ молодой докторъ: — влюбился крѣпко, безъ памяти.

— Въ кого же?

— Въ Гертруду.

— Гертруду? служанку г-жи Монсорò?

— Разумется, въ Гертруду, служанку графини Монсорò. — Что дѣлать, графъ! я не дворянинъ, а бѣдный, ничтожный докторъ; следовательно, по-необходимости, долженъ довольствоваться служанками и дѣлать свои опыты *in anima vili*, какъ у насъ говорится.

— Бѣдный Ремі! сказалъ Бюсси: — я вполне цѣню твою преданность.

— Э, графъ! отвѣчалъ Годуэнъ:—вы напрасно обо мнѣ сожалѣете. Гертруда славная дѣвушка; она двумя дюймами выше меня ростомъ, и шутя подниметъ меня одной рукой за воротникъ; у нея чрезвычайно развиты двуглавая мышца и ручные мускулы. Это внушило мнѣ къ ней уваженіе, весьма польстившееся самолюбіемъ, а такъ-какъ я всегда ей уступаю, то у насъ никогда не доходитъ до споровъ; притомъ же, у нея есть чудесная способность...

— Какая?

— Снособность разсказывать, такъ-что я все знаю, что дѣлается у ея госпожи... А? что вы скажете на это, графъ? — Я думалъ, что вамъ очень-пріятно будетъ знать, что происходило во время нашего отсутствія.

— Годуэнъ, ты добрый геній, посланный мнѣ случаемъ или, лучше сказать, самимъ Провидѣніемъ... Слѣдовательно, ты съ Гертрудой въ такихъ отношеніяхъ...

— *Puella me deligit*, отвѣчалъ Годуэнъ, покачиваясь съ притворнымъ самодовольствіемъ.

— И ты принять у нихъ въ домъ?

— Вчера, въ полночь, я въ первый разъ на-ципочкахъ вошелъ въ знакомую вамъ дверь съ окошечкомъ.

— Какъ дошелъ ты до этого?

— Самымъ простымъ способомъ.

— Но какимъ же? разскажи.

— На третій день послѣ вашего отъѣзда, и на второй послѣ моего переселенія въ новую квартиру, я ждалъ на улицѣ, чтобы предвѣсть будущей моей страсти отправился закупать провизію, чѣмъ онъ занимается каждый день, отъ восьми до девяти часовъ утра. Въ десять минутъ девятаго она явилась... я немедленно отправился къ ней на встрѣчу.

— И она узнала тебя?

— Узнала, вскрикнула и убѣжала.

— А ты?

— Я побѣжалъ за нею и насилу догналъ, потому-что она бѣгаетъ очень-шибоко; но, знаете, въ длинномъ платьѣ бѣжать неловко... И такъ, я догналъ ее...

«— *Исусе!* вскричала она.

«— Пресвятая Богородица! вскричалъ я.

«Это восклицаніе подало ей хорошее мнѣніе обо мнѣ, потому-что другой человекъ, менѣе-благочестивый, закричалъ бы *corbleu*, или *motbleu!*

«— Молодой докторъ! вскричала она.

«— Прелестная служанка! отвѣчалъ я.

«Она улыбнулась; но въ то же время отвѣчала:

«— Вы ошибаетесь, я васъ не знаю.

«— А я васъ знаю, возразилъ я:—потому-что съ-тѣхъ-поръ, какъ встрѣтился съ вами, я не живу—я обожаю васъ, обожаю до того, что уже не могъ болѣе жить въ улицѣ Ботрельи и переселился сюда, въ Сент-Антуанскую-Улицу, чтобы только видѣть васъ, любоваться вами... Если я понадоблюсь вамъ въ другой разъ, чтобы опять перевязать рану какому-нибудь красавцу-дворянину, такъ милости прошу на новую квартиру.

«— Тише! сказала она.

«— А-га! такъ вы меня узнали теперь? отвѣчалъ я.

«И вотъ какъ мы познакомились или, лучше сказать, возобновили знакомство.

— Такъ-что теперь ты...

— Счастливъ, какъ только можно быть счастливымъ... говорю относительно, — вы понимаете; но и въ другомъ отношеніи я бо- лѣе, нежели счастливъ, потому-что мнѣ удалось услужить вамъ.

— Но если она догадается?

— Никогда; я ни слова не говорилъ о васъ. Гдѣ бѣдному Ре- ми-ле-Годуону знать такихъ благородныхъ дворянъ, какъ графъ де-Бюсси? Нѣтъ, я только такъ, сторовой, спросилъ ее: а чтѣ подѣлываетъ вашъ молодой баринъ?

«— Какой молодой баринъ?

«— А тотъ, что былъ раненъ.

«— Это совсѣмъ не мой баринъ, отвѣчала она.

«— А!.. я только такъ подумалъ, потому-что онъ лежалъ въ постели вашей барыни...

«— Ахъ, Боже мой, нѣтъ! отвѣчала она со вздохомъ:—мы ещѣ совсѣмъ не знали, и послѣ того видѣли только одинъ разъ.

«— Такъ, слѣдовательно, вы не знаете даже, какъ его зовутъ? спросилъ я.

«— Знаю.

«— Вѣроятно, и позабыли?

«— О, нѣтъ, имя его не изъ тѣхъ, которыя забываются.

«— Какъ же его зовутъ?

«— Слышали ли вы когда-нибудь о храбромъ графѣ де-Бюсси?

«— Еще бы! отвѣчалъ я: — кто не знаетъ славнаго Бюсси?

«— Такъ это онъ и былъ.

«— А госпожа ваша?

«— Моя госпожа за-мужемъ.

«— Чтѣ за бѣда! можно быть за-мужемъ, вѣрной супругой и, видѣвъ съ тѣмъ, думать иногда о красавцѣ, съ которымъ нечаянно встрѣтишься... особенно, когда этотъ красавецъ былъ раненъ и лежалъ въ нашей постели...

«— Да я и не говорю, чтобъ моя барыня не думала о немъ. Яркая краска выступила на щекахъ Бюсси.

«— Мы даже говоримъ о немъ, прибавила Гертруда: — когда остаемся однѣ.

— Добрая дѣвушка! вскричалъ графъ.

«— А чтѣ же вы о немъ говорите? спросилъ я.

«— Я рассказываю моей госпожѣ о его подвигахъ; о нихъ мнѣ не трудно было узнать, потому-что весь Парижъ толкуетъ о ранахъ, которыя онъ наноситъ и самъ получаетъ. Я даже помню ея пѣсенку, которая въ большой модѣ.

«— Знаю я эту пѣсенку, отвѣчалъ я.

Un beau chercheur de noise,
C'est le seigneur d'Amboise.
Tendre et fidèle aussi,
C'est Monseigneur Bussy!

«— Такъ?

«— Такъ, именно такъ! вскричала Гертруда. — И госпожа моя съ утра до ночи твердить эту пѣсенку.

Бюсси дружески пожалъ руку молодому врачу; невыразимо-сладостное ощущеніе проникло въ душу его.

— А далѣе что? спросилъ онъ, — такъ человекъ ненасытенъ въ своихъ желаніяхъ.

— Пока ничего. О! да я этимъ не ограничусь; я еще болѣе узнаю... Но не прогнѣвайтесь, въ одинъ день... или, лучше ска-
зать, въ одну ночь всего не узнаешь!...

III.

Отецъ и дочь.

Разсказъ Ремй ошастливилъ Бюсси; онъ изъ него узналъ двѣ новости:—во-первыхъ, что Діана по-прежнему ненавидѣла графа Монсоро, и что она была болѣе расположена къ нему-самому.

Кромѣ того, наивное расположеніе къ нему молодого человека рдвало его сердце. Во всѣхъ добрыхъ, благородныхъ ощущеніяхъ есть какая-то таинственная сила, укрѣпляющая всѣ наши способности. Чѣмъ мы становимся лучше, тѣмъ чувствуемъ себя счастливѣе, а чѣмъ счастливѣе, тѣмъ становимся лучше.

Бюсси понялъ, что теперь не должно было терять времени, и что на него падала отвѣтственность за каждую минуту продолженія горести бѣднаго старика.

Самедъ на дворъ, баронъ де-Меридоръ сѣлъ на коня, для него пригтовленнаго. Бюсси также сѣлъ на другаго коня, и, въ сопровожденіи Ремй, они выѣхали на улицу.

Изумленіе барона возрастало по мѣрѣ того, какъ они приближались къ Сент-Антуанской-Улицѣ; двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ-поръ, какъ онъ не былъ въ Парижѣ, а потому все казалось ему извѣвшимся, новымъ.

Но вмѣстѣ съ изумленіемъ возрастала и грусть старика, по-мѣрѣ-того, какъ онъ приближался къ невѣдомой цѣли своего путешествія. — Какъ приметъ его герцогъ, и какія будутъ послѣдствія этого горестнаго свиданія?

Во-временамъ, онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на Бюсси, спрашивая себя, какое таинственное влеченіе заставило его послѣдовать за дворянномъ принца—виновника его горестей? Не поступилъ ли бы онъ съ большимъ достоинствомъ, отказавшись отъ свиданія съ герцогомъ анжуйскимъ и отправившись прямо въ Лувръ, чтобъ встать къ ногамъ короля и разсказать ему обо всемъ? Чего хотѣлъ отъ него принцъ? Чѣмъ могъ онъ утѣшить его? Не былъ ли онъ изъ тѣхъ, которые льстивыми словами на минуту облегчаютъ на-

несенныя ими раны... раны, которыя потомъ заставляютъ ихъ страдать болѣе прежняго?

Всадники въѣхали въ Сент-Антуанскую-Улицу. Бюссі, какъ искусный полководецъ, послалъ впередъ Ремі, чтобъ приготовить обитательницъ маленькаго домика къ неожиданныму посѣщенію.

Годуэнъ обратился къ Гертрудѣ и воротился доложить своему господину, что путь былъ прочищенъ, и что они не встрѣтятъ никакого препятствія.

Читатели поймутъ, что все эти переговоры шли шопотомъ.

Между-тѣмъ, баронъ всматривался съ изумленіемъ.

— Какъ! спросилъ онъ: — не-уже-ли герцогъ анжуйскій живетъ здѣсь?

И подозрѣніе проникло въ душу его при видѣ маленькаго, скромнаго домика, къ которому они подъѣхали.

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ Бюссі съ веселой улыбкой: — не герцогъ живетъ здѣсь, а особа, которую онъ любилъ нѣкогда.

Лицо стараго дворянина приняло мрачное выраженіе.

— Графъ, сказалъ онъ: — остановивъ лошадь: — мы, провинціалы, не привыкли къ вашимъ парижскимъ обычаямъ; ваше легкомысліе пугаетъ насъ простяковъ. Мнѣ кажется, если его высочеству герцогу анжуйскому угодно видѣть барона де-Меридора, то онъ долженъ принять его въ своемъ дворцѣ, а не у одной изъ своихъ любовницъ. Притомъ же, прибавилъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ: — я удивляюсь, какъ вы, человекъ, по-видимому, благородный, могли взять на себя порученіе проводить старика въ такой неблагопріистойный домъ?.. Не для того ли вы это дѣлаете, чтобъ дать мнѣ понять, что моя бѣдная Діана была бы еще жива, еслибъ, подобно хозяйкѣ этого дома, предпочла позоръ смерти?

— Полно-те, баронъ, сказалъ Бюссі съ прямодушною улыбкой, которая была сильнѣйшимъ убѣдительнымъ средствомъ его, чтобъ склонить старика последовать за нимъ въ Парижъ: — не дѣлайте впередъ ложныхъ заключеній. Клянусь вамъ честію, что вы ошибаетесь. Особа, которую вы сейчасъ увидите, совершенно-добрѣтельна и вполне достойна вашего уваженія.

— Но кто же она?

— Она... она жена одного изъ знакомыхъ вамъ дворянъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Такъ зачѣмъ же вы говорили, что принцъ любилъ ее?

— За тѣмъ, что я всегда говорю правду, баронъ: — извольте войти въ домъ и вы убѣдитесь, что я исполнилъ свое обещаніе.

— Берегитесь; я оплакивалъ возлюбленную дочь, а вы сказали мнѣ: «спути Всевышняго несповѣдимы!» Понимаете ли, что обещать мнѣ утѣшеніе—значитъ почти обещать мнѣ, что для меня сотворится чудо?

— Войдите, баронъ, повторилъ Бюссі съ тою же улыбкою, всегда небывадашею возраженія старика.

Баронъ сошелъ съ лошади.

Гертруда выбѣжала на порогъ и съ изумленіемъ глядѣла на Годуэна, Бюссѣ и стараго барона, не постигая, какъимъ случаемъ эти три человѣка находились вмѣстѣ.

— Доложи графинѣ Монсоро, сказалъ молодой графъ, что мосье де-Бюссѣ воротился и желаетъ говорить съ нею. — Но, ради Бога, прибавилъ онъ шопотомъ: — не говори ей, кого я привелъ съ собою.

— Графиня Монсоро! вскричалъ старикъ съ изумленіемъ:— графиня Монсоро!

— Извольте идти впередъ, баронъ, сказалъ Бюссѣ, приглашая барона войти въ корридоръ.

Въ то самое время, когда старикъ нетвердыми шагами шелъ по лѣстницѣ, вверху послышался дрожащій голосъ Діаны.

— Г. де-Бюссѣ! говорила она: — проси, Гертруда, проси!

— Этотъ голосъ, вскричалъ баронъ, ввезанно остановившись посреди лѣстницы: — этотъ голосъ! О, Боже мой! Боже мой!

— Идите же, баронъ, сказалъ Бюссѣ.

Но въ то мгновеніе, когда баронъ, дрожа всеми членами, схватился за перилы, чтобъ не упасть, вверху показалась Діана, озаренная свѣтлымъ лучомъ солнца, пробивавшимся въ отворенную дверь...

При этомъ видѣніи, казавшемся сверхъестественнымъ, старикъ страшно вскрикнулъ протянувъ впередъ руки... Діана, готовившаяся уже броситься на шею къ отцу, остановилась боязливо.

Протянувъ руки, баронъ коснулся плеча Бюссѣ и оперся на него.

— Діана жива! проговорилъ баронъ де-Меридоръ: — Діана, моя Діана, жива! А мыъ сказали, что она умерла... о Боже мой!..

И старшій воинъ, принимавшій участіе въ столькихъ битвахъ, вошедшихъ его, старшій дубъ, пораженный громовымъ ударомъ вѣстия о смерти Діаны, атлетъ, столь могущественно бороздившій съ горестію — былъ внезапно уничтоженъ, подавленъ радостію, и слабъ не Бюссѣ, то онъ упалъ бы съ лѣстницы предъ видѣніемъ, ставшимъ передъ глазами его.

— Боже мой! вскричала Діана, быстро спускаясь по ступенямъ, отдѣлившимъ ее отъ старика: — что сдѣлалось съ отцомъ моимъ, г. де-Бюссѣ?

И услуганная внезапною блѣдностію и страннымъ дѣйствіемъ, произведеннымъ на стараго барона видомъ ея, вопрошала она Бюссѣ болѣе взоромъ, чѣмъ словами.

— Баронъ де-Меридоръ считалъ васъ умершею и оплакивалъ васъ.

— Какъ! вскричала Діана: — и никто не открылъ ему истины?

— Никто.

— О! нѣтъ, нѣтъ, никто! вскричалъ старикъ, вышедъ изъ минутнаго забытья: — никто! даже г. де-Бюссѣ молчалъ!

— Неблагодарный! сказалъ молодой дворянинъ съ выраженіемъ кроткаго упрека.

— Да, да, неблагодарный! отвечалъ старикъ: — вы правы, потому-что эта минута вознаграждаетъ меня за весь мой страданіи. О, Діана, милая Діана, продолжалъ онъ, прижавъ одною рукою голову дочери къ губамъ своимъ, а другую протягивая къ Бюссі.

Потомъ, поднимая вдругъ голову, какъ-бы пораженный горестнымъ воспоминаніемъ или новою боязнію, которая вкрадлась въ сердце его, не смотря на радость, служившую ему, такъ-сказать, щитомъ, онъ сказалъ:

— Но, г. де-Бюссі, вы сказали мнѣ, что я увижусь съ графиней Монсоро: гдѣ же она?

— Увы! произнесла съ глубокимъ вздохомъ Діана.

Бюссі также вздохнулъ и отвечалъ съ усиліемъ:

— Она предъ вами, баронъ; графъ Монсоро зять вашъ.

— Какъ! проговорилъ старикъ:—Монсоро твой мужъ, и никто, даже ты, Діана, не дала мнѣ знать объ этомъ?

— Я не смѣла писать къ вамъ, батюшка, боясь, чтобъ письмо не попало въ руки принца... Притомъ же, я думала, что вы все знаете.

— Но къ-чему, для чего вся эта таинственность? спросилъ старый баронъ.

— Тутъ скрывается что-то непостижимое, вскричала Діана. — Зачѣмъ г. Монсоро оставилъ васъ въ томъ мнѣніи, что я умерла? зачѣмъ скрывалъ онъ отъ васъ бракъ вашъ?

Баронъ, какъ-бы страшась проникнуть тайну, беззвучно впрямалъ взоромъ сверкашіе глаза дочери и задумчивый взглядъ Бюссі.

Вся эта сцена происходила на лѣстницѣ.

— Монсоро мой зять! проговорилъ баронъ де-Меридоръ, покачивая головой.

— Чему же вы удивляетесь? возразила Діана съ нѣжнымъ упрямствомъ:—не вы ли сами приказали мнѣ выйти за него, батюшка?

— Да; но только въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ спасъ тебя.

— Онъ спасъ меня, отвечала Діана, входя въ залу и съ мрачнымъ видомъ онустившись въ кресло.—Онъ спасъ меня... не отъ несчастія, но отъ позора.

— Такъ зачѣмъ же онъ не написалъ мнѣ, что ты жива? Въд онъ знаетъ, какія горькія слезы проливалъ я? сказалъ старикъ.—И умралъ съ горя, между-тѣмъ, какъ одно слово могло возаратитъ мнѣ жизнь... и онъ молчалъ!

— О! въ этомъ скрывается черное намѣреніе! вскричала Діана.—Батюшка, я не разстанусь болѣе съ вами; г. де-Бюссі, вы защитите насъ, не правда ли?

— Увы, графиня! отвечалъ молодой человекъ, поклонившись:—я не имѣю права мѣшаться въ ваши семейныя тайны. Видя странное поведеніе вашего супруга, я долженъ былъ найти вамъ защитника, которому вы могли бы вѣрится... За этимъ-то защитникомъ

задытъ въ Меридоръ. Теперь же, когда вы съ нимъ, я долженъ удалиться.

— Онъ правъ, печально проговорилъ старикъ. — Г. Монсоро страшился гнѣва герцога анжуйскаго, и г. де-Бюссѣ не хочетъ навлечь на себя его же гнѣва.

Диана бросила на молодого человѣка взглядъ, выразившій: «неужели тотъ, котораго зовутъ храбрымъ Бюссѣ, можетъ бояться герцога анжуйскаго, какъ бонется его графъ Монсоро?»

Бюссѣ понялъ взглядъ Дианы и улыбнулся.

— Баронъ, сказалъ онъ: — простите мнѣ странную просьбу... я дѣлаю ее съ намѣреніемъ услужить вамъ.

Баронъ и Диана смотрѣли на Бюссѣ.

— Спросите, баронъ, продолжалъ Бюссѣ: — графиню Монсоро...

Онъ произнесъ послѣднія слова съ удареніемъ, не замѣтивъ, что Диана поблѣднѣла, онъ сжался надъ нею и продолжалъ:

— Спросите вашу дочь, счастлива ли она бракомъ, совершившимся по вашему приказанію и по ея согласію?

Диана сложила руки и не могла удержать слезъ. Это былъ единственный отвѣтъ ея на вопросъ Бюссѣ. Яснѣе она и не могла отпечатать.

На глазахъ стараго барона выступили слезы. Онъ начиналъ уже понимать, что дружба его къ Монсоро, быть-можетъ, слишкомъ опрометчивая, была одною изъ главнѣйшихъ причинъ несчастія его дочери.

— Теперь, продолжалъ Бюссѣ: — скажите, баронъ, правда ли, что никакая хитрость, никакое насиліе не заставили васъ отдать руку вашей дочери графу Монсоро?

— Правда; а добровольно обѣщаль ему руку Дианы, если онъ спасетъ ее.

— Онъ точно спасъ ее; следовательно, мнѣ не зачѣмъ спрашивать, намѣрены ли вы не отпираться отъ даннаго слова.

— Вы лучше всякаго другаго знаете, что всякій, а тѣмъ болѣе дворянинъ, долженъ исполнять обѣщанное. Графъ Монсоро спасъ мою дочь; следовательно, моя дочь принадлежитъ графу Монсоро.

— Ахъ! проговорила молодая женщина: — зачѣмъ я не умерла!

— Графиня! сказалъ Бюссѣ: — вы видите, что я былъ правъ, когда говорилъ, что здѣсь мнѣ нечего болѣе дѣлать. Баронъ отдалъ вашу руку графу Монсоро, а вы обѣщали ему отдать в сердце, когда увидаетесь съ отцомъ своимъ.

— Не терзайте меня, де-Бюссѣ, вскричала графиня Монсоро, приблизившись къ молодому человѣку: — отецъ мой не знаетъ, что я боюсь этого человѣка; отецъ мой не знаетъ, что я ненавижу его; отецъ мой думаетъ, что онъ мой спаситель... а я, я вижу, я угадываю инстинктивно, что онъ мой палачъ!

— Диана!.. Диана! вскричалъ баронъ: — онъ спасъ тебя!

— Дѣ, вскричалъ Бюссѣ, вышедъ изъ границъ осторожности, въ которыхъ онъ до-тѣхъ-поръ оставался. — Но если опасность была

не так велика, какъ вы думаете, если опасность была мнѣма; если... выслушайте меня, баронъ: во всемъ этомъ скрывается какая-то тайна, которую я долженъ разгадать, и разгадаю. Но повѣрьте, еслибъ я былъ на мѣстѣ г. Монсоро, еслибъ мнѣ судило даровала счастье спасти вашу дочь отъ безчестія, — я, вѣрно, не потребовалъ бы отъ нея платы за эту услугу!

— Онъ любилъ ее, сказалъ баронъ де-Меридоръ, понимая всю гнусность поведенія Монсоро, но стараюсь извинить его: — любовь можно простить многое.

— А развѣ я... вскричалъ Бюссі, но внезапно опомнившись, замолчалъ, и только молнія, блеснувшая изъ глазъ, досказала мысленно его.

Диана поняла его.

— Вы меня поняли, сказала она, покраснѣвъ: — не правда ли, вы требовали, чтобъ я назвала васъ другомъ, братомъ... другимъ мой, братъ мой, не-уже-ли вы еще будете отказываться покровительствовать мнѣ?

— Но герцогъ анжуйскій! герцогъ анжуйскій! говорилъ старикъ, который страшилъ только гнѣва принца.

— Я не изъ тѣхъ, которыхъ можетъ испугать гнѣвъ принца, отвѣчалъ молодой человекъ: — и если не ошибаюсь, вамъ и нечего опасаться этого гнѣва; если вамъ угодно, баронъ, я вѣсь такъ подружу съ герцогомъ, что онъ самъ защититъ васъ отъ графа Монсоро, настоящаго врага вашего, повѣрьте мнѣ; только съ этой стороны угрожаетъ вамъ опасность невѣдомая, но страшная, — невидимая, но неизбежная.

— Все погибло, если герцогъ узнаетъ, что Диана жива! вскричалъ старикъ.

— Вижу, вскричалъ Бюссі: — что, несмотря на все мое убѣжденіе, вы болѣе довѣряете г-ну Монсоро, нежели мнѣ. Оставьте это; отвергайте мое предложеніе, баронъ, отвергайте всесильнаго защитника, котораго я предлагалъ вамъ. Предайтесь въ руки человека, такъ хорошо заслужившаго вашу довѣренность. Я уже сказалъ вамъ: я исполнилъ свой долгъ, и мнѣ здѣсь нечего болѣе дѣлать. Прощайте, баронъ; прощайте, графиня; вы никогда болѣе не увидите меня...

— О! вскричала Диана, схвативъ руку молодаго человека: — развѣ я колебалась? развѣ я довѣряла ему? Нѣтъ! на колѣняхъ умоляю васъ, не покидайте меня.

Бюссі схватилъ умоляющія руки Дианы, и весь гнѣвъ его упалъ подобно снѣгу, тающему на вершинахъ горъ при теплой улыбкѣ майскаго солнца.

— Да, графиня! сказалъ Бюссі: — да, я принимаю святую обязанность, которую вы на меня возлагаете; я сейчасъ же отправлюсь къ принцу, уѣхавшему, говорять, съ королемъ на богомолье въ Шартръ, и не пройдетъ трехъ дней, какъ возвращусь съ утѣшительными извѣстіями, или — я не буду Бюссі!

И, подошедъ къ Діанѣ, онъ сказалъ ей голосомъ тихимъ, но дышавшимъ страстію:

— Мы теперь соединились противъ графа де-Монсоро; не забудьте, что не онъ привелъ къ вамъ отца...

И, пожавъ еще разъ руку барона, онъ вышелъ изъ комнаты.

IV.

КАКЪ БРАТЪ ГОРАНФЛО ПРОСНУЛСЯ И КАКЪ БЫЛЪ ПРИНЯТЪ
ВЪ МОНАСТЫРЬ.

Мы расстались съ нашимъ пріятелемъ Шикó, когда онъ стоялъ въ восторгѣ предъ богатырскимъ сномъ и звучнымъ храпѣніемъ брата Горанфлó; онъ слѣлалъ знакъ хозяину гостинницы, чтобъ тотъ удалился и унесъ свѣчу, наказавъ ему сперва ни слова не говорить достойному брату о его отлучкѣ въ десять часовъ вечера и возвращеніи въ три часа утра.

Такъ-какъ Бономé замѣтилъ, что всегда шутъ угощалъ монаха и платилъ за него, то крайне уважалъ шута и старался всячески угождать ему. Онъ обѣщалъ Шикó не говорить ни слова о происшествіяхъ этой ночи, и удалился, оставивъ пріятелей въ темнотѣ, по приказанію шута.

Вскорѣ Шикó замѣтилъ, что братъ Горанфлó и храпѣлъ и говорилъ въ одно и то же время. Это было слѣдствіемъ не угрызенія сонясти, а слишкомъ-полнаго желудка.

Слова, произносимыя монахомъ во снѣ, составляли страшную смесь краснорѣчія и вакхическихъ изреченій.

Однакожь, Шикó понялъ, что въ темнотѣ ему весьма-трудно будетъ возвратитъ брату Горанфлó его одежду такъ, чтобъ тотъ, проснувшись, ничего не замѣтилъ; и точно, въ темнотѣ онъ могъ смѣло наступитъ на одинъ изъ огромныхъ членовъ монаха и тѣмъ пробудитъ его.

Вслѣдствіе этого размышленія, Шикó раздулъ уголья въ каминѣ, чтобъ нѣсколько освѣтитъ комнату.

Въ то же время, Горанфлó пересталъ храпѣть и проговорилъ:

— Братъ! подымается сильный вѣтеръ; это дуновеніе, вдыхающее меня...

И онъ опять захрапѣлъ.

Шикó обождалъ нѣсколько секундъ, и замѣтивъ, что Горанфлó опять погрузился въ летаргическій сонъ, принялся снимать съ него шапку, въ которую самъ его закуталъ.

— Борр! проворчалъ Горанфлó: — холодно! Чего добраго, вино не согреетъ.

Шикó остановился на минуту и потомъ опять продолжалъ наутро дѣло.

— Вы знаете мое усердіе, братія, продолжалъ монахъ: — я душой преданъ церкви и его свѣтлости герцогу де-Гизу.

— Каналья! проворчалъ Шикó.

— Это мое мнѣніе, продолжалъ Горанфóлò:—но неоспоримо...

— Что неоспоримо? спросилъ Шикó, съ усиленіемъ приводилъ монаха, чтобъ надѣть на него черный кафтанъ.

— Неоспоримо то, что человѣку съ виномъ не совладать; братъ Горанфóлò долго боролся съ виномъ, и наконецъ такъ-преодолѣлъ злое пятіе!

Шикó пожалъ плечами.

Монахъ открылъ одинъ глазъ и увидѣлъ надъ собою лицо Шикó, показавшееся ему блѣднымъ и мрачнымъ при слабомъ свѣтѣ.

— Не нужно мнѣ ни привидѣній, ни домовыхъ, не нужно! сказалъ монахъ, какъ-бы рассуждая съ духомъ, съ которымъ заключалъ условіе.

— Онь мертвецки-пьянъ, сказалъ Шикó, продолжая заворачивать Горанфóлò въ длинныя полы его платья и натягивая ему капюшонъ на голову.

— А! вотъ это дѣло! Церковный сторожъ плотнѣе затворилъ двери, и теперь нѣтъ больше сквознаго вѣтра.

— Теперь, пожалуй, просыпайся, коли хочешь, проговорилъ Шикó:—мнѣ все равно.

— Небо услышало мои молитвы, ворчалъ монахъ: — аквилонъ угрожавшій винограду, превратился въ тихій зѣфиръ.

— Аммиш! сказалъ Шикó.

Разставивъ пустыя бутылки и грязныя тарелки въ живописномъ порядкѣ, подложивъ подъ голову салфетки и покрывшись скатертью, онъ легъ возлѣ своего пріятеля и заснулъ.

Дневной свѣтъ, падавшій ему прямо въ глаза, и рѣзкій голосъ хозяйина, бранившаго своихъ поваренковъ, разогнали сонъ брата Горанфóлò.

Онъ приходилъся, не безъ труда усѣлся на полу и сталъ озираться. Сначала, его поразилъ многозначительный безпорядокъ разбросанной посуды, потомъ Шикó, который, притворяясь спящимъ храпѣлъ, но въ то же время внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями монаха.

— Разсвѣло! вскричалъ Горанфóлò: — сонъ! не-ужь-то я проспалъ всю ночь?

Потомъ, подумавъ съ минутою, онъ продолжалъ:

— А монастырь? о-го-го!

И онъ сталъ застегиваться, чего Шикó, одѣвая его, не могъ сдѣлать.

— Все равно, продолжалъ онъ: — мнѣ снился странныя вещи мнѣ казалось, что я умеръ и былъ завернутъ въ саванъ, запятнаный кровью.

Горанфлô не совсѣмъ ошибался: проснувшись въ половинѣ ночи, онъ принялъ простыню, въ которую былъ завернутъ, за саванъ, а капли пролитаго вина — за кровь.

— По счастью, это былъ одинъ только сонъ, подумалъ Горанфлô, снова есматриваясь.

Взврь его остановился на Шикô, который, замѣтивъ, что монахъ глядѣлъ на него, захрапѣлъ громче прежняго.

— Чудная вещь быть пьянымъ! сказалъ Горанфлô, съ восторгомъ смотря на Шикô:—какъ онъ счастливъ, что можетъ спокойно спать! Ахъ, онъ совершенно свободенъ; а я!..

И онъ испустилъ вздохъ, заглушившій храпѣнiе Шикô и, вьро-ливо, разбудившій бы Гасконца, еслибъ тотъ въ-самомъ-дѣлѣ спалъ.

— Не разбудить ли его? продолжалъ монахъ:— онъ можетъ по-мочь мнѣ хорошей совѣтъ.

Шикô захрапѣлъ такъ, что окна задрожали.

— Нѣтъ, продолжалъ Горанфлô:— я и безъ него найду какую-нибудь ловкую отговорку. Но во всякомъ случаѣ, мнѣ трудно будетъ избавиться отъ ареста... Арестъ бы еще ничего, да на хлѣбъ и на воду посадятъ... Были бы у меня деньги, такъ я подкунилъ бы брата стража...

Услышавъ эти слова, Шикô очень-осторожно и ловко вытащилъ изъ кармана довольно-туго-набитый кошелекъ и спряталъ его подъ себя.

Эта предосторожность не была лишнею, потому-что Горанфлô съ удивленiемъ на лицѣ приближался къ своему прiателю, провзносъ задучливо:

— Еслибъ онъ не спалъ, такъ навѣрное одолжилъ бы мнѣ экию; но я не хочу нарушать его сна... а потому самъ возьму...

Съ этими словами, Горанфлô приближился къ Шикô и тихонько сунулъ къ нему въ карманъ руку.

Шикô продолжалъ храпѣть, пока прiатель обшаривалъ его карманы.

— Странно! сказалъ монахъ:— въ карманахъ ничего нѣтъ... А! Мнѣ въ шляпѣ...

Пока монахъ поползъ къ шляпѣ, Шикô тихонько высыпалъ деньги въ руку и спряталъ пустой кошелекъ въ боковой карманъ панталонъ.

— И въ шляпѣ ничего нѣтъ, сказалъ монахъ:—странно! Я, однакоже, навѣрное знаю, что прiатель мой Шикô никогда не выходитъ со двора съ пустыми карманами... Ахъ, старый Гасконецъ! прибавилъ онъ съ улыбкой, раскрывшей ротъ его до самыхъ ушей:— я и забылъ твои штаны.

И, сунувъ руку въ карманъ панталонъ Шикô, онъ вынулъ изъ него пустой кошелекъ.

— Господи! проговорилъ онъ:—кто же заплатитъ хозяину?

Это размышленiе произвело сильное впечатлѣнiе на монаха, поэтому-что онъ немедленно вскочилъ на ноги и шагомъ скорымъ, хо-

тя еще нетвердымъ, вышелъ изъ комнаты, не говоря ни слова о хозяйномъ, прошелъ чрезъ кухню и выбѣжалъ на улицу.

Тогда Шикъ опустилъ деньги свои въ кошелекъ, спряталъ кошелекъ въ карманъ и, подошедъ къ окну, въ которое пробивался уже солнечный лучъ, погрузился въ глубокія размышленія, забывъ о Горанфлѣ.

Между-тѣмъ, собиратель милостыни, закинувъ суму на спину, продолжалъ удаляться съ выраженіемъ на лицѣ, которое прохожіе могли принять за благочестивое смиреніе, но которое было сдѣлано стѣсненіемъ озабоченности: Горанфлѣ придумывалъ отговорку, которая могла бы выручить его изъ бѣды.

Завидѣвныя имъ издали монастырскія ворота показались ему болѣе мрачными, нежели когда-либо; толпа монаховъ, разговаривавшихъ на порогѣ и съ безпокойствомъ смотрѣвшихъ на всѣ четыре стороны, показалась ему также дурнымъ предзнаменованіемъ.

Но едва онъ вышелъ изъ Улицы-Сен-Жакъ, какъ движеніе монаховъ, увидѣвшихъ его, внушило ему невыразимую боязнь.

— Они говорятъ обо мнѣ, подумалъ онъ: — они показываютъ мнѣ, ждуть меня; меня вѣрно проискали всю ночь; отсутствие мое вадѣвало шума. Я погибъ!

У него закружилась голова; ему пришла отчаянная мысль — бѣжать, бѣжать безъ оглядки; но нѣкоторые изъ монаховъ шли уже къ нему на встрѣчу; бѣжать не было никакой возможности — они непременно догонятъ, свяжутъ, насильно повлекутъ въ монастырь. Горанфлѣ покорила своей судьбѣ.

Опустивъ голову, онъ шелъ на встрѣчу товарищамъ, которые остановились въ нерѣшимости.

— Увы! подумалъ Горанфлѣ: — она, кажется, не хотѣла звать меня.

Наконецъ, одинъ изъ монаховъ пошелъ на встрѣчу къ Горанфлѣ и сказалъ:

— Бѣдный братъ нашъ!

Горанфлѣ вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Вы знаете, что пріоръ васъ ждетъ? сказалъ другой.

— Ахъ, Боже мой!

— Да, Боже мой! прибавилъ третій: — онъ сказалъ, чтобъ васъ привели къ нему, лишь только вы вернетесь.

— Этого-то я и опасался, проговорилъ Горанфлѣ.

И ни живъ, ни мертвъ, онъ вошелъ въ монастырь; дверь скрипомъ затворилась за нимъ.

— А, это вы! вскричалъ братъ-привратникъ: — ступайте скорѣе, васъ требуетъ къ себѣ настоятель, почтенный пріоръ нашъ Жозефъ Фулонъ.

И, взявъ Горанфлѣ за руку, братъ-привратникъ повелъ, или, лучше сказать, потащилъ его къ пріору.

Тамъ тоже за нимъ затворили двери.

Горанфлѣ опустилъ глаза, боясь встрѣтить разгнѣванный взоръ

аббата; ему казалось, что весь миръ покинулъ его, и что онъ находится въ полной власти начальника, но справедливости разгневаннаго.

— А! наконецъ-то я васъ дождался! сказалъ аббатъ.

— Преподобный отецъ... проговорилъ монахъ.

— Сколько беспокойствъ вы намъ причиняете! сказалъ пріоръ.

— Вы слишкомъ милостивы, преподобный отецъ, возразилъ Горанфлô, непонимавшій, что было причиною снисходительности, которой онъ никакъ не ожидалъ.

— Вы боялись воротиться въ монастырь, послѣ того, что произошло въ прошлую ночь, не правда ли?

— Признаюсь, я не смѣлъ воротиться, отвѣчалъ монахъ, на лбу котораго выступилъ холодный потъ.

— Ахъ, любезный братъ, любезный братъ! вы поступили неблагоприятно, вы погорячились, сказалъ аббатъ.

— Позвольте мнѣ объяснить вамъ, почтенный отецъ...

— Къ-чему тутъ объясненія? Вашъ поступокъ...

— Вы не требуете объясненій? Тѣмъ лучше, сказалъ Горанфлô: — потому-что я находился въ затрудненіи...

— Я вполне понимаю ваше затруднительное положеніе. Вы были увлечены минутнымъ энтузіазмомъ... Конечно, энтузіазмъ святое чувство, свягая добродѣтель... но и добродѣтели, употребленныя во зло, становятся пороками... поступки самые благородныя, будучи преувеличены, заслуживаютъ порицанія...

— Позвольте, преподобный отецъ, сказалъ Горанфлô: — теперь я ничего не понимаю. О какомъ поступкѣ изволите вы говорить?

— Я говорю о вашемъ поведеніи въ прошедшую ночь.

— Гдѣ?

— Въ монастырь.

— А-га! въ монастырь?

— Да, да.

Горанфлô почесалъ себѣ кончикъ носа. Онъ начиналъ понимать, что тутъ было какое-то недоразумѣніе.

— Я такой же ревностный католикъ, какъ и вы; не смотря на то, смѣлость ваша испугала меня.

— Моя смѣлость? спросилъ Горанфлô: — такъ вы думаете, что я былъ очень-смѣлъ?

— Болѣе, нежели смѣлы, сынъ мой; вы были дерзки.

— Увы! отецъ мой, простите человѣку, не вполне еще преодолевшему свои страсти; но я исправлюсь, непременно исправлюсь.

— Вѣрю; однакожь выходка ваша можетъ имѣть весьма-дурныя послѣдствія для васъ и для насъ. Еслибъ все это дѣло произошло между нами, такъ ничего бы; но...

— Какъ! вскричалъ Горанфлô: — не-уже-ли оно известно и вѣдѣно въ монастырскихъ?

— Конечно; вѣдь вы знаете, что тутъ было болѣе ста мѣръ, которые не пророкидали ни одного слова изъ вашей рѣчи.

— Изъ моей рѣчи? повторилъ Горанфлѣ, болѣе и болѣе изумленный.

— Надобно отдать вамъ справедливость, — рѣчь была прекрасна; я очень-хорошо понимаю, что рукоплесканія увлекли васъ, что общее одобреніе увеличило ваше вдохновеніе: но вы рѣшились предложить открытое шествіе по парижскимъ улицамъ; вы объявили, что сами рѣшитесь явиться въ полномъ вооруженіи, чтобъ вызвать на правое дѣло всѣхъ православныхъ католиковъ... признайтесь, это ужь черевъ-чуръ смѣло!

Горанфлѣ смотрѣлъ на настоятеля глазами, въ которыхъ выразилось сильнѣйшее изумленіе.

— Остается одно средство поправить все дѣло, продолжалъ приоръ. — Религіозный духъ, исполняющій ваше великодушное сердце, можетъ повредить вамъ въ Парижѣ, гдѣ столько злыхъ, ожесточенныхъ противъ васъ. Я желаю, чтобъ вы отправились...

— Куда, почтенный отецъ? спросилъ Горанфлѣ, въ полномъ убѣжденіи, что его пошлютъ прямо въ какой-нибудь подвалъ.

— Въ провинцію.

— Въ изгнаніе? вскричалъ Горанфлѣ.

— Но здѣсь вы подвергаетесь опасности, любезный братъ.

— Какой опасности?

— Васъ предадутъ уголовному сулу и осудятъ на вѣчное заточеніе, если не на смерть!

Горанфлѣ страшно поблѣднѣлъ; онъ не могъ постигнуть, отъ-чего за ночь, проведенную внѣ монастыря, ему угрожали вѣчнымъ заточеніемъ и даже смертною казнію.

— Между-тѣмъ, какъ, подчиняясь этому временному изгнанію, любезнѣйшій братъ, вы не только спасаетесь отъ грозившей вамъ опасности, но вамъ представляется еще средство водрузить знамя вѣры въ провинціи: то, что вы говорили и предлагали въ эту ночь, опасно и почти-невозможно въ присутствіи короля и его проклятыхъ министровъ; въ провинціи же — дѣло иное. Узжайте же скорѣе, братъ Горанфлѣ; можетъ-быть уже поздно... можетъ-быть, стражамъ дано уже приказаніе арестовать васъ.

— Ой, ой! Что это вы говорите, преподобный отецъ? проговорилъ монахъ, озираясь съ ужасомъ: — какое мнѣ дѣло до стражей?

— Вамъ до нихъ нѣтъ никакого дѣла; но, можетъ-быть, имъ до васъ есть дѣло.

— Стало-быть, на меня ужь донесли? спросилъ Горанфлѣ.

— Я почти увѣренъ въ томъ. Узжайте же, узжайте скорѣе.

— Узжать? Это легко сказать, преподобный отецъ! произнесъ Горанфлѣ съ горестію. — А чѣмъ я буду жить?

— Чѣмъ? Вѣдь вы собиратель милостыни этого монастыря? Вотъ вамъ и средства. До-сихъ-поръ, вы собирали для другихъ: теперь будете собирать для себя. Впрочемъ, вамъ нѣчего беспокоиться! идея и система, которая вы развили, доставятъ вамъ столько приверженцевъ въ провинціи, что вы ни въ чемъ не будете нуж-

тись... Но ступайте, ступайте! И не возвращайтесь, пока васъ не позовутъ.

Нѣжно и дружески обнявъ брата Горанфоло, пріоръ проводилъ о до двери своей келліи.

Тамъ собрались всѣ братья, въ ожиданіи появленія Горанфоло.

Едва онъ показался, какъ всѣ бросились къ нему на встрѣчу, каждый хотѣлъ прикоснуться къ рукамъ, къ шевъ, къ платью его. Некоторые даже прикладывались къ полъ его одежды.

— Прощайте, говорилъ одинъ, прижимая его къ сердцу:—прощайте, вы, святой человѣкъ; не забывайте меня въ своихъ молитвахъ.

— Будто-бы? подумалъ Горанфоло:—не-ужь-то я въ-самомъ-дѣлѣ такой человѣкъ?

— Прощайте, говорилъ другой, пожимая ему руку:—прощайте, умиственный поборникъ вѣры! прощайте!

— Прощай, мученикъ! говорилъ ему третій, цалуя конецъ вески, которою Горанфоло былъ опоясанъ:—мы блуждаемъ во мракъ; но скоро проглянетъ свѣтъ истины.

Перехода изъ рукъ въ руки, изъ объятій въ объятія, отъ поцалуетъ къ поцалуютъ, Горанфоло дошелъ до двери, ведшей на улицу, его вывихнули, и опять дверь со скрипомъ затворилась за нимъ...

Горанфоло посмотрѣлъ на дверь съ выраженіемъ, котораго невозможно описать и, пятясь назадъ, вышелъ изъ Парижа.

Подходя къ заставѣ, онъ остановился, перевелъ духъ и проворчалъ:

— Чортъ возьми! они всѣ съ ума сошли; а если нѣтъ, такъ прости, Господи, мое прегрѣшеніе, я самъ рехнулся!..

У.

Какъ братъ Горанфоло убѣдился, что онъ лунатикъ, и какъ горько оплакивалъ этотъ недугъ.

До злополучнаго дня, когда бѣдный монахъ подвергся неожиданному гоненію, братъ Горанфоло велъ жизнь соверщательную, то-есть, выходилъ утромъ рано, когда ему хотѣлось подышать воздухомъ, — поздно, когда проснуть; не волагаясь на монастырскую кухню, онъ позволялъ себѣ иногда нѣкоторыя дополненія къ ней, но и те только въ такомъ случаѣ, если благочестивые прихожане подавали милостыню монетой; тогда онъ удѣлялъ себѣ частіи изъ этой милостыни и заходилъ въ гостиницу «Рога-Изобилія»; вечеромъ же возвращался въ монастырь. Правда, угощалъ его иногда и пріятель его, Шикко; но Гасконецъ былъ большой чудакъ. Никогда онъ встрѣчался съ монахомъ дней пяти-шести средю, а

что-то исчезалъ на двѣ недѣли, на мѣсяцъ; на полтора. Въ время Шико оставался неотлучно при королѣ, или самъ предпринималъ какое-нибудь путешествіе. Следовательно, Горанфлѣ былъ одинъ изъ тѣхъ монаховъ, для которыхъ мѣръ начинался съ стояненья и кончался съ пустымъ котломъ въ кухнѣ; ему никоимъ образомъ не приходило, чтобъ когда-нибудь ему пришлось отправиться въ дальній путь искать приключеній.

Добро бы у него были деньги — а те нѣтъ; отвѣтъ настоятеля былъ простъ и ясенъ:

— Ищи и обрящешь.

Горанфлѣ, подумавъ, что ему надобно будетъ долго иска, усталъ заранее, не приступивъ еще къ поискамъ.

Однакожь, главное дѣло состояло въ томъ, чтобъ прежде всего избавиться отъ опасности, неизвѣстной, но великой, судя по словамъ пріора. Бѣдный монахъ былъ не изъ тѣхъ, которые могутъ скрыть свою фигуру и спастись отъ преслѣдованій какими-нибудь доджимъ превращеніемъ, и потому онъ рѣшился бѣжать, и скоро миновалъ заставу, стараясь не быть замѣченнымъ часовыми.

На, вышедъ въ чистое поле, удалившись на пятьсотъ шаговъ отъ городскихъ воротъ, увидѣвъ на краю канавы первую весеннюю травку, вызываемую теплыми солнечными лучами, замѣтивъ, что передъ нимъ, направо и налево, было уединеніе, тишина, пустыня, а только свави слышался еще гулъ многолюднаго города, онъ сѣлъ на край канавы, уперъ мясистый подбородокъ въ толстую, жирную ладонь, почесалъ указательнымъ пальцемъ кончикъ лоснивагося своего носа и погрузился въ размышленіе, сопровождаемый глубокими вздохами.

Горанфлѣ вздыхалъ чаще и глубже по-мѣрь-того, какъ время приближалось къ девяти часамъ — то-есть къ обѣденному времени въ монастырѣ, потому что монахи, отсталые отъ просвѣщенія, какъ надлежитъ быть людямъ, отсталымъ отъ всего мірскаго, слѣдовали еще, въ 1578 году, примѣру добраго короля Карла V, обѣдавшій въ восемь часовъ утра, тотчасъ послѣ обѣда.

Столь же трудно было бы сосчитать песчинки, гонимыя вѣтромъ на берегу морскомъ во время бури, какъ исчислить различныя мысли, развивавшіяся одинъ за другими въ умѣ голоднаго Горанфлѣ. Первая мысль, отъ которой онъ съ большимъ трудомъ могъ отказать, была — воротиться въ Парижъ, идти прямо въ монастырь, объявить настоятелю, что онъ рѣшительно предпочитаетъ заоченіе изгнанію, что онъ даже согласенъ подвергнуться бичеванью, лишь бы его кормили, хоть только пять разъ въ день, но болѣе.

За этою мыслию, мучившею бѣднаго монаха добрую четверть часа, въ умѣ его родилась другая, болѣе благоразумная: онъ хотѣлъ идти прямо въ гостиницу Рога-Изобилія, рассказать Шико, который, вѣроятно, еще спалъ, о своемъ бѣдственномъ положеніи, и свидѣвикомъ котораго былъ искуситель-Гасконецъ, и попроситъ помощи у владычущаго друга.

Эта мысль не покидала Горанфлô также въ продолженіи четверга часа.

Наконецъ, третья мысль была снѣтъ двухъ первыхъ: монахъ хотѣлъ обойти вокругъ столицы, воротаться въ нее чрезъ Сен-Жерменскія-Ворота или Нельскую-Башню и тайкомъ продолжать собирать милостыню. Онъ зналъ всѣ теплыя мѣста, зажиточные уголки, переулочки, гдѣ изъкоторыя благочестивыя старушки всегда держали въ запасъ какого-нибудь жирнаго каплуна для собирателя милостыни; пріятельная память рисовала ему хорошенькій домикъ съ крылечкомъ, гдѣ, въ-продолженіе цѣлаго лѣта, готились разныя варенья, добрая доля которыхъ всегда доставалась брату-собирателю. Надобно сказать, что мысли брата-Горанфлô были преимущественно обращены къ удовольствіямъ стола и насладеніямъ сна, такъ-что онъ иногда не безъ боязни помышлялъ о томъ днѣ, когда противъ него возстанутъ два страшные обвинителя: обжорливость и лѣность. Однакожъ почтенный монахъ, не смотря на означенную боязнь, продолжалъ спускаться въ бездну, и днѣ которой безпрестанно режутъ, какъ хариба и сцилла, эти два смертные грѣха.

Послѣдняя мысль понравилась ему болѣе другихъ; этотъ родъ жизни казался ему именно тѣмъ, для котораго онъ былъ рожденъ; но чтобъ привести эту мысль въ исполненіе, надобно было остаться въ Парижѣ; чтобъ вести этотъ родъ жизни, надобно было ежеминутно расковать повстрѣчаться со стражами, сержантами, духовнымъ начальствомъ.

Притомъ же, тутъ представлялось другое препятствіе: казначей Монастыря-Св.-Женевьевы былъ человекъ заботливый, следовательно, онъ не замедлитъ назначить новаго брата-собирателя, и Горанфлô рисковалъ повстрѣчаться съ товарищемъ, который имѣлъ бы надъ нимъ большее преимущество, исполняя свою законную обязанность.

Горанфлô затрепеталъ при этой мысли, — и было отъ чего!

Вдругъ онъ увидѣлъ за городскими воротами всадника; всадникъ подъѣхалъ во весь галопъ къ маленькому домику, находившемуся по стѣ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Горанфлô, — постучался въ ворота и, минутою спустя, исчезъ за ними вмѣстѣ съ конемъ своимъ.

Горанфлô замѣтилъ это обстоятельство только потому, что позавидовалъ счастью всадника, у котораго была лошадь и который, следовательно, могъ продать ее и на вырученные деньги утолить свой голодъ.

Но чрезъ минуту, всадникъ, — Горанфлô узналъ его по плащу, — вышелъ изъ дома и спрятался между кустарникомъ и кучей каменья, лежащихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома.

— О! какъ, кажется, затѣваетъ что-то недоброе, проворчалъ Горанфлô. — Еслибъ я самъ не боялся стражи, такъ пошелъ бы предупредить ее; или, еслибъ я былъ похрабрѣе, такъ самъ бы раздѣлился съ задушильщикомъ.

Въ это время, человекъ, притворившійся за каменьями и осматривавшійся съ безпокойствомъ, замѣтилъ Горанолѣ, сдѣланнаго и прощенья и въ томъ же положеніи. Это обстоятельство было ему, во-всѣмъ, не-пріятно; онъ сталъ прохаживаться за каменьями съ притворною беззаботностью.

— Вотъ странно, проворчалъ Горанолѣ:—вотъ странно... Я какъ будто знаю эту фигуру... такъ и есть!.. Но нѣтъ, нѣтъ, невозможно.

Въ это мгновеніе, незнакомецъ, стоявшій спиною къ Горанолѣ вдругъ присѣлъ, какъ-будто-бы ноги его вдругъ подкосились. Онъ услышалъ стукъ лошадей, прохаживавшихъ подъ сводами городскихъ воротъ.

И точно, три человека—двое казались слугами,—три добрые пуда и три огромные чемодана медленно выѣзжали изъ Парижа. Лишь-только подсматривавшій незнакомецъ завидѣлъ ихъ, какъ присѣлъ еще ниже и на четверенькахъ поползъ до кустарника, куда забился точно охотникъ на сторожкѣ.

Кавалькада прошла, не замѣтивъ его, между-тѣмъ, какъ онъ, казалось, пожиралъ глазами всадниковъ.

— Я воспринялъ преступленіе, подумалъ Горанолѣ:— присутствие мое на большой дорогѣ въ эту минуту было совершенно.

Когда всадники прошли, незнакомецъ воротился въ домъ.

— Ладно! подумалъ Горанолѣ:— это обстоятельство доставитъ мнѣ то, о чемъ я такъ долго думалъ. Если человекъ придетъ,—значитъ, не хочетъ, чтобы его видали. Следовательно, я открылъ тайну, и хоть бы она стояла не болѣе шести дней, потребую и нее выкупа.

И не теряя времени, Горанолѣ направился къ дому; но по мѣрѣ приближенія къ нему, припоминалъ воинственный видъ всадника, длинную шпагу его и грозный взглядъ, которымъ онъ изрекалъ кавалькаду. Мысль остревилась, почесала носъ и свистѣла:

— Нѣтъ, напрасно; такого человека нескоро настрашатъ.

У двери дома, Горанолѣ совершенно убедился въ этомъ мнѣніи, и оставивъ носъ, принялся почесываться за ухомъ.

Вдругъ лицо его прояснѣло.

— Э! славная мысль! сказала онъ.

Пробужденіе мысли въ тяжеломъ умѣ Горанолѣ было такою чудомъ, что онъ самъ не могъ понять, откуда вылезла эта мысль; но въ то время уже знали пословицу: нужда соломѣ ломитъ.

— Мысль, повторилъ онъ:—да еще какая!.. Я скажу ему: дорривитъ, у каждаго человека есть свои намеренія, свои желанія, свои надежды; дайте мнѣ что-нибудь, и я помогу, чтобы эти желанія исполнились. Если намеренія его дурны, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, то ему вдвое нужнѣе молитвы; следовательно, дайте мнѣ двойную милостыню. Я же представляю себя первымъ божеслову, котораго встречу: нужно ли молиться ему?

известныя намеренія, особенно, если они кажутся намъ сомнительными? Что скажетъ богословъ, то я и сдѣлаю; следовательно, вся ответственность падеть на него; а если не встрѣчу богослова... ну, такъ молиться не буду, ибо нахожусь въ сомнѣннн. Но во всякомъ случаѣ, я позавтракаю на деньги злоумышленника. Это по-исполнительно.

Разудливъ такимъ образомъ, Горанолó присловился къ стѣнѣ и сталъ ждать.

Цѣть минутъ спустя, ворота отворились; всадникъ выѣхалъ.

Горанолó приблизился.

— Дворянинъ, сказалъ онъ: — прочтаетъ пять *рабет* и пять *авт* за мнѣ и за исполненіе вашихъ желаній.

Незнакомецъ обратился лицомъ къ Горанолó и вскричалъ:

— Горанолó!

— Мосѣ Шикó! вскричалъ монахъ, остолбенѣвъ.

— Куда ты идешь? спросилъ Шикó.

— Самъ не знаю; а вы?

— Я знаю, куда ѣду, отвѣчалъ Шикó: — куда глаза глядятъ.

— Далеко?

— Какъ вѣдуется. Но такъ-какъ ты, почтеннѣйшій братъ, не хочешь сказать мнѣ, куда идешь, такъ я подозреваю тебя...

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что ты за мной подсматриваешь.

— Господи-Владыко! Стану ли я за вами подсматривать? Сохраня меня Боже! Я видѣлъ—а не подсматривалъ.

— Что ты видѣлъ?

— Какъ вы поджидали кавалькаду.

— Ты не въ своемъ умѣ.

— А что же вы дѣлали за каменьями?

— Слушай, Горанолó, я хочу выстроить себѣ домъ за городомъ; эти камни мои, и я осматривалъ, крѣпки ли они.

— Это другое дѣло, отвѣчалъ монахъ, не повзривъ ни одному слову изъ всего сказаннаго: — следовательно, я ошибся.

— Но что же ты дѣлалъ за городомъ?

— Увы, г. Шикó! я бѣдный изгнанникъ, отвѣчалъ Горанолó съ глубокимъ вздохомъ.

— Что? спросилъ Шикó.

— Я бѣдный изгнанникъ.

И Горанолó выпрямился, принявъ гордую позу человека, которому важное событіе даетъ право на состраданіе ближнихъ.

— Братія изгоняютъ меня изъ среды своей, продолжалъ онъ: — я исключенъ изъ общества ихъ, проклятъ!

— Не-уже-ли? да за что же?

— Послушайте, г. Шикó, сказалъ монахъ, положивъ руку на сердце: — хотъ вѣрьте, хотъ не вѣрьте... но, вотъ вамъ Богъ, я самъ не знаю, за что!

— Ужъ не застали ли васъ въ прошлую ночь въ... волокитствѣ?

— Жестокая шутка! отвечалъ Горанолъ: — будто вы не знаете, что я дѣлалъ въ прошлую ночь.

— То-есть, я знаю, что вы дѣлали отъ восьми до десяти часовъ: но отъ десяти до трехъ — не знаю.

— Что такое? отъ десяти до трехъ?

— Разумѣется; въ десять часовъ вы вышли.

— Я? сказалъ Горанолъ, вытаращивъ на Гасконца бессмысленные глаза.

— Вы вышли... будто не помните! Я еще спросилъ, куда вы идете.

— Куда иду?.. И вы точно спросили?

— Спросилъ.

— И я вамъ отвечалъ?

— Вы отвѣчали, что идете говорить рѣчь.

— Странно... это очень-возможно, проговорилъ Горанолъ, вполне увѣренный.

— Еще бы невозможно! вы даже сказали мнѣ часть вашей рѣчи, — она была очень-длинна.

— Она была въ трехъ частяхъ, по правиламъ, предписываемымъ Аристотелемъ.

— Вы говорили отчаянныя вещи противъ короля Генриха.

— Не-ужь-то?

— Такія отчаянныя, что я опасаясь, чтобъ васъ не арестовали, какъ вермутителя.

— Г. Шикъ, вы открываете мнѣ глаза; не были ли они у меня открыты, когда я говорилъ съ вами?

— Были; только взглядъ ихъ былъ неподвиженъ, ужасенъ: казалось, вы говорили во снѣ, хотя и съ открытыми глазами...

— Гм! однако я проснулся-таки въ гостиницѣ Рога-Нюблиля... Это какъ случилось?

— Что жъ въ этомъ удивительнаго?

— Какъ, что удивительнаго? Вѣдь вы сами говорите, что я ушелъ въ десять часовъ изъ гостиницы.

— Ушли; но вы вернулись въ три часа; въ доказательство этого я даже скажу вамъ, что вы не затворили за собою двери, такъ что я весь продрогъ.

— И я тоже, сказалъ Горанолъ: — помню, помню.

— Ну, видите ли?

— Если вы говорите правду...

— Какъ! говорю ли я правду? Да спросите хоть хозяина, Бономэ.

— Бономэ?

— Ну, да; онъ открывалъ вамъ двери. Еще надобно сказать, что вы такъ важничали, когда вернулись, что я былъ вынужденъ сказать вамъ: — Фя, братъ Горанолъ, гордость большой порокъ, особенно въ тебѣ.

— А чѣмъ же я гордился?

— Успѣхомъ своей рѣчи, похвалами Гиза, кардинала и герцога гагенбургскаго, котораго да сохранитъ Господь, прибавилъ Шико, приподнявъ шляпу.

— Ну, теперь я все понимаю! вскричалъ Горанфоло, всплеснувъ руками.

— Слава Богу! Итакъ, вы сознаетесь, что были въ обществѣ... такъ-бышь его... да, да, въ обществѣ святаго союза. Были?

Горанфоло опустилъ голову на грудь и жалобно застоналъ.

— Я лунатикъ, проговорилъ онъ: — я давно уже замѣчаю въ себѣ этотъ недугъ...

— Лунатикъ? спросилъ Шико: — что это значитъ?

— Это значитъ, отвѣчалъ Горанфоло:—что во мнѣ духъ преобладаетъ надъ плотію до такой степени, что когда плоть спитъ, духъ бодрствуетъ и управляетъ плотію, которая, не смотря на сковывающій ее сонъ, должна ему повиноваться.

— Ничего не понимаю! возразилъ Шико: — это, впрочемъ, какое-то колдовство; скажите лучше, почтеннѣйшій братъ, что въ васъ сидитъ нечистая сила! Виданное ли дѣло, чтобы человекъ во снѣ ходилъ, размахивалъ руками, бранилъ короля, произносилъ отчаянныя речи?.. Нетъ, воля ваша, тутъ нечистая сила шалитъ... станы, окаянный! *Vade retro satanas!*

И Шико попятилъ назадъ своего коня.

— Такъ и вы покидаете меня, г. Шико, *Tu quoque, Brute! Ахъ, Боже мой! Богъ ужъ отъ васъ-то я этого не ожидалъ!*

И Горанфоло въ отчаяніи вскрипывалъ.

Шико сжался надъ его герестію.

— Ну, говори же, сказалъ онъ:—что тебѣ надо?

— Уши! и самъ не знаю... Я съ ума сойду... голова у меня-полна, а животь пустъ... Наставьте меня на путь истинный, г. Шико.

— Ты что-то говорилъ о путешествіи?

— Говорилъ; то-есть, почтеннѣйшій отецъ пріора призывалъ мнѣ отправиться въ путь.

— Куда? спросилъ Шико.

— Куда мнѣ вздумается, отвѣчалъ Горанфоло.

— А куда же тебѣ вздумается?

— Не знаю, отвѣчалъ Горанфоло, поднимая руки къ небу: — куда Богъ велитъ!.. Г. Шико, одолжите мнѣ, пожалуйста, два эку на дорогу.

— Только? Я слышу для тебя больше, сказалъ Шико.

— А! Что же вы слышите?

— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что и я путешествую.

— Да.

— Ну, такъ я беру тебя съ собою.

Горанфоло недоувѣрчиво посмотрѣлъ на Гасконца, какъ-бы думая, что онъ подшучивалъ надъ нимъ.

— Только съ тѣмъ условіемъ, что вы будете слушаться меня. Согласны?

— Согласенъ ли? вскричалъ Горанелó: — согласенъ ли!.. Одна конь, есть ли у васъ деньги на дорогу?

— Смотрите, отвѣчалъ Шико, вынувъ туго-набитый кошелькъ Горанелó прыгнулъ отъ радости.

— Сколько тутъ? спросилъ онъ.

— Сто-пятьдесятъ пистолей.

— А куда мы ѡдемъ?

— Узнаешь.

— Когда позавтракаемъ?

— Сейчасъ.

— На чемъ же я поѣду? спросилъ Горанелó съ безпокойствомъ.

— Не на моей лошади, собоиш! ты раздавишь ее!

— Такъ какъ же мнѣ быть?

— Очень-просто; у тебя брюхо, какъ у силеня; я куплю тебѣ осла.

— Вы мое солнышко, г. Шико... только выберите осла подожке... вы мой благодѣтель!.. Гдѣ жь мы позавтракаемъ?

— Здѣсь, погнѣи, здѣсь! Посмотри-ка эту дверь, и читай, если увидишь читать.

Они приблизились къ гостиницѣ. Горанелó посмотрѣлъ по направлению пальца Шико и прочиталъ надъ дверью:

«Здѣсь окорока, яйца, пироги и бѣлое вино.»

Трудно описать перемѣну, происшедшую въ лицѣ Горанелó: онъ прояснилось; глаза его засверкали, ротъ полуоткрылся и расширился до самыхъ ушей, выставивъ на показъ два ряда бѣлыхъ зубовъ. Наконецъ, онъ съ признательностью поднялъ руку вверхъ и покачивался съ стороны на сторону, запыль пѣсенку.

— Славно вѣто! вскричалъ Шико: — и чтобъ не тратить напрасну драгоценнаго времени, сядемъ поскорѣе за столъ, лю безвѣйшій братъ. Я прикажу подать тебѣ завтракъ, а самъ пойду куплю осла.

VI.

КАКЪ БРАТЪ ГОРАНЕЛÓ ПУТЕШЕСТВОВАЛЪ, СИДЯ НА ОСЛА, ПРОВОЗВАННЕНСЯ ПАНЮРЖЕМЪ, И КАКЪ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНЪ УЗНАЛЪ МНОГІЯ ВЕЩИ, КОТОРЫХЪ НИ ЗНАЛЪ ВРЕЖДЕ.

Шико отъ-того такъ мало заботился о собственномъ желудкѣ, что передъ выходомъ изъ гостиницы Рога Изобилія порядочно позавтракалъ.

Онъ усадилъ брата Горанелó за столъ, и ему начали подавать ветчину, яйца и вино. Горанелó ѣлъ съ свойственными ему скоростью и аппетитомъ.

Между-тѣмъ, Шикó самъ нешелъ справляться по соседству, не продать ли кто-нибудь осла; въ деревнѣ онъ нашелъ у одного крестьянина, между быкомъ и лошадыю, такого смирнаго осла, такого нужно было брату Горанфó: этому животному было четыре года, цѣта ома было бурсьраго, комплекшн довольно-плетной. Въ то время, оселъ стоялъ не болѣе двадцати ливровъ; Шикó заплатилъ двадцать-два ливра и былъ провожаемъ благословенными хозяина.

Когда Шикó воротился съ покупкой и ввелъ осла въ ту самую конюшну, въ которой обѣдалъ Горанфó, почтенный бравъ, проглативъ уже половинну огромнаго пирога и опорожнивъ третью бутылку вина, находился въ такомъ прнятномъ расположенн духа, что бросился на шею своему ослу, облобызалъ его въ обѣ скулы и всунулъ ему въ ротъ огромную корку хлѣба. Оселъ заревѣлъ отъ удовольствн.

— О-го! сказалъ Горанфó:—да у него славный голосъ. Мы съ нимъ можемъ спѣть дуэтъ. Благодарю, другъ Шикó, благодарю. И онъ нарекъ своего осла Панюржемъ.

Шикó взглянулъ на столъ и увидѣлъ, что безъ зазрнн совѣсти могъ оторвать своего товарища отъ обѣда, и потому сказалъ тѣмъ голосомъ, которому Горанфó не могъ противиться:

— Довольно, прнатель, довольно! Пора въ дорогу... Въ Мелѣнъ ны буденъ полдничать.

Не смотря на повелительное и нѣсколько-жосткое выраженн своего голоса, Шикó умѣлъ смягчить приказанн обѣщаннмъ, прнтивъ котораго Горанфó не деранулъ возражать. Онъ только повторилъ:

— Въ Мелѣнъ! въ Мелѣнъ!

И немедленно взобрался съ помощн стула на своего осла, на которомъ, вмѣсто сѣдла, была кожаная подушечка съ двумя ремнями, служившими вмѣсто стременъ. Горанфó уперся на ремни, въ правую руку взялъ поводья, лѣвою подбоченился съ важностн и выхалъ изъ гостиницы...

Шикó вскочилъ на своего коня съ ловкостн искуснаго ѣздока, и оба всадника немедленно направились по дорогѣ въ Мелѣнъ мелнй рысью.

Прѣхавъ такимъ-образомъ четыре лѣ, они остановились отдохнуть. Горанфó воспользовался прекрасной погодой, растянулся на травѣ и заснулъ. Шикó, съ своей стороны, задумался и рассчиталъ, что ему нужно не менѣе двѣнадцати дней, чтобъ прѣхать съ-двѣнадцать лѣ.

Цѣпкоржъ щипалъ вустъ волчца.

Шикó покачалъ головой.

— Нельзя, проговорилъ онъ, смотря на Горанфó, хрепящего на травѣ, точно на маконъ нуковикъ:—нельзя; если товарищъ хо-

четь слѣдовать за мной, такъ долженъ ѣхать не по десяти, а по двѣнадцати лѣ въ день.

ШикѠ толкнулъ ГоранфлѠ локтемъ, чтобъ разбудить его и сообщить ему свое намѣреніе.

ГоранфлѠ открылъ глаза.

— Что? мы въ Мелѣнѣ? спросилъ онъ. — Тѣмъ лучше; я проголодался.

— Нѣтъ еще, отвѣчала ШикѠ:—затѣмъ-то я и разбудилъ васъ; мы должны торопиться въ Мелѣнѣ. Мы ѣдемъ слишкомъ тихо, ventre de biche! слишкомъ-тихо!

— Что жь за бѣда, г. ШикѠ, что мы ѣдемъ тихо?... Будто вы не знаете, какъ трудно идти въ гору? Да и къ-чему намъ торопиться? кто насъ знаетъ? чѣмъ долѣе будетъ наше путешествіе, тѣмъ долѣе мы будемъ вмѣстѣ. Зачѣмъ мы путешествуемъ? Я — для распространенія истинной вѣры; вы—для своего удовольствія. Чѣмъ тише мы будемъ ѣхать, тѣмъ легче мнѣ будетъ распространять вѣру; чѣмъ тише мы будемъ ѣхать, тѣмъ больше будетъ вамъ удовольствія. Я даже готовъ бы пробыть нѣсколько дней въ Мелѣнѣ; тамъ, говорятъ, водятся превкусные пироги, начиненные угрями, и я бы желалъ сдѣлать добросовѣстное и безпристрастное сравненіе между мелѣнскими и другими пирогами. Что вы на это скажете, г. ШикѠ?

— Я скажу, возразилъ Гасконецъ: — что по-моему лучше не полдничать въ Мелѣнѣ, а чтобъ выиграть потерянное время, доѣхать до МонтрѠ и тамъ уже за-одно поужинать.

ГоранфлѠ бессмысленно посмотрѣлъ на своего товарища.

— Впередъ! въ путь, въ путь! вскричалъ ШикѠ.

ГоранфлѠ приподнялся, не вставая, однакожь, на ноги и жалобно простоналъ.

— Впрочемъ, если вы не хотите ѣхать со мною, такъ воля ваша... я васъ принуждать не стану, сказалъ ШикѠ.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ ГоранфлѠ въ испугъ: — нѣтъ, я поѣду съ вами, г. ШикѠ; я не могу разстаться съ вами.

— Ну, такъ не мѣшкайте! ѣдемъ.

ГоранфлѠ подвелъ своего осла къ столбику и влѣзъ на него, уже не верхомъ, а съ боку, на дамскій манеръ; онъ увѣрялъ, что такъ ему будетъ удобнѣе разговаривать съ ШикѠ; въ сущности же онъ догадался, что теперь они поѣдутъ скорѣе, и потому ему можно будетъ держаться за уши и за хвостъ осла.

ШикѠ поскакалъ крупной рысью; оселъ побѣжалъ за его лошадью, оглашая воздухъ жалобнымъ крикомъ.

ГоранфлѠ находился въ чрезвычайно-непріятномъ положеніи. Повременамъ ШикѠ вставалъ на стремяна и осматривался: не замѣчалъ никого на дорогѣ, онъ сильнѣе и сильнѣе погонялъ свою лошадью.

Забываясь только о томъ, какъ бы удержаться на ослѣ, ГоранфлѠ сначала не обратилъ вниманія на озабоченность ШикѠ; но, мало-по-малу усѣвшисъ, спросилъ:

— Что или кого вы ищете, любезный Шикъ?

— Никого, отвѣчалъ онъ.—Я смотрю куда мы ѣдемъ!

— Какъ куда? Въ Мелёнъ. Вѣдь вы сами сказали; вы даже прибавили, что...

— Надо скорѣе вѣхать, скорѣе! сказалъ Шикъ, прищипоривъ лошадь.

— Какъ, скорѣе? вскричалъ Горанфоло: — вѣдь мы... скачемъ... рысью...

— Въ галопъ, въ галопъ! сказалъ Гасконецъ, пустивъ лошадь свою въ галопъ.

Панюржъ также пустился въ галопъ, вслѣдъ за лошадью, не судно-скрываемаго быяшествомъ, непредсказывавшимъ ничего добраго для его всадника.

Горанфоло задыхался.

— Послушайте-ка... послушайте... г. Шикъ... протестовалъ онъ съ изумленіемъ:—такъ-то вы путешествуете... для своего удовольствія?... Хорошо удовольствіе!

— Скорѣе, скорѣе! кричалъ Шикъ.

— На гору трудно...

— Хорошіе ѣздоки только на гору и скачутъ въ галопъ...

— Да вѣдь я не имѣю никакихъ притязаній на званіе хорошаго злока...

— Ну, такъ оставайтесь!

— Э, нѣтъ! ventre bleu! вскричалъ Горанфоло:—ни за что!

— Такъ скачите въ галопъ! Живѣе!

И Шикъ опять прищипорилъ лошадь.

— Панюржъ задыхается, кричалъ Горанфоло:—Панюржъ сейчасъ повалится!..

— Такъ прощайте! отвѣчалъ Шикъ.

Горанфоло хотѣлъ-было распротиться съ Гасконцемъ, но вспомнилъ, что лошадь, которую онъ проклиналъ отъ души, несла на себѣ вращудливаго человѣка, у котораго былъ въ карманѣ туго набитый кошелекъ. Онъ покорился необходимости и, удара всеей ножи каблуками осла, принудилъ его пуститься въ галопъ.

— Я загоню своего бѣднаго Панюржа, вскричалъ Горанфоло перещипывая голосомъ, желая хоть этимъ возбудить состраданность Шикъ:—я непременно загоню его.

— Ничего, загони! отвѣчалъ Шикъ, на котораго это важное, но ничію Горанфоло, замѣчаніе не превзошло ни малѣйшаго впечатлѣнія-загони; мы купимъ лошака.

Какъ-бы понявъ эти громкія слова, осля свернулъ съ большой дороги и пустился бѣжать стороной.

— Помогите! кричалъ Горанфоло:—помогите, я упаду въ рѣку!

— Не бѣда, отвѣчалъ Шикъ:—я готовъ биться объ закладъ, что вы всплыете.

— О! проговорилъ Горанфлô: — это убьетъ меня, я увѣренъ. И всѣ эти непріятности претерпѣваю я за то, что природа создала меня лунатикомъ!

Вдругъ Шикô, взвѣхавъ на вершинну возвышенія, разомъ остановилъ свою лошадь, такъ-что она невольнo попятилась.

Горанфлô, какъ плохой ѣздокъ, продолжалъ скакать съ розмазу, не будучи въ состояніи остановить осла.

— Остановись, собоюи! стой! закричалъ ему Шикô.

Но осла пришла охота скакать въ галопъ; а извѣстно, что осла чрезвычайнo упрямы.

— Остановишься ли ты? кричалъ Шикô: — или, клянусь честью, я всажу тебя пулю въ лобъ.

— Съ какими дьяволомъ я связался! ворчалъ Горанфлô: — что съ нимъ сдѣлалось?

Такъ-какъ Шикô продолжалъ кричать грознымъ голосомъ и такъ-какъ Горанфлô послышался уже свистъ пули, то онъ спустился съ осла нѣ-зонтъ.

— А-га! проговорилъ онъ, не выпуская изъ рукъ поводья и темъ заставивъ остановиться Панюржа: — перехитрилъ я тебя!

Горанфлô началъ взоромъ искать Шикô, чтобъ прочесть на лицѣ его выраженіе благоволенія за свою ловкость.

Шикô стоялъ за большимъ камнемъ и оттуда дѣлалъ знаки брату Горанфлô.

Эта предосторожность заставила Горанфлô догадаться, что, вѣроятно, тутъ была какая-нибудь опасность. Онъ осмотрѣлся и увидѣлъ въ пятистахъ шагахъ отъ себя трехъ всадниковъ, покойно ѣхавшихъ на мулахъ. Съ перваго взгляда, онъ узналъ трехъ путешественниковъ, которые утромъ выѣхали изъ Парижа и за которыми Шикô подсматривалъ изъ-за груды камней.

Шикô обождалъ, пока путешественники не скрылись на поворотѣ дороги: тогда онъ подѣхалъ къ своему товарищу, сидѣвшему на прежнемъ мѣстѣ и невыпускавшему изъ рукъ поводья Панюржа.

— Однако! вскричалъ Горанфлô, начиная терять терпѣніе: — обманите же мнѣ, наконецъ, г. Шикô, что за комедію мы играемъ? Сначала надо было гнать во весь галопъ, а теперь сиди, и трогайся съ мѣста!

— Другъ мой, отвѣчалъ Шикô: — я только хотѣлъ узнать, притокъ ли вашъ оселъ и не обманулъ ли меня продавецъ. Испытаніе кончено, и я совершенно-доволенъ.

Горанфлô не повѣрилъ этому отвѣту и хотѣлъ уже отвѣчать Гасконцу, что онъ его не обманетъ; но лѣньность шеннула ему на ухо, чтобъ онъ не вступалъ ни въ какія разсужденія.

Итакъ, не скрывая своего неудовольствія, онъ только взрежигъ:

— Пусть такъ; но я ужасно усталъ и проголодался.

— Я самъ усталъ, отвѣчалъ Шикô, пріятельски ударивъ по плечу

у Горанелло: — я тоже проголодался, и въ первой гостиницѣ, которая намъ попадется...

— Что же? вскричалъ Горанелло, удержавъ дыханіе и не дозва я своему слуху.

— Мы закажемъ, продолжалъ Гасконецъ: — жаренаго пересенка, рикассѣ изъ цыплятъ и кружку лучшаго вина.

— Не-уже-ли? вскричалъ Горанелло: — вы не шутите?

— Честное слово.

— Въ такомъ случаѣ, я опять готовъ скакать въ галонъ, сказалъ Горанелло, вставая. — Поѣдемъ, Панюржъ; тебѣ дадутъ отрубей.

Шикѣ съѣлъ опять на лошади, а Горанелло повелъ своего осла отъ уздацы.

Вскорѣ обывованная гостиница представилась взорамъ путешественниковъ. Она находилась между Корбелемъ и Мелбиомъ; но, въ величайшему изумленію Горанелло, издали любовавшагося пріятною наружностью гостиницы, Шикѣ приказалъ ему взобраться на осла и повертѣлъ въ сторону, чтобъ проѣхать за домою; впроемъ, догадливость Горанелло быстро развивалась, и онъ объяснилъ себѣ причину новой причуды Гасконца: три мула путешественниковъ, за которыми Шикѣ, казалось, слѣдовалъ, стояли передъ дверями гостиницы.

— Слѣдовательно, все наше путешествіе и обѣденные часы занять отъ этихъ проклятыхъ путешественниковъ? подумалъ Горанелло: — досадно!

И онъ глубоко вздохнулъ.

Панюржъ, замѣтивъ, что его свертели съ прямой дороги, становился и уперся передними ногами въ землю, рывшись по рогами съ мѣста.

— Посмотрите, сказалъ Горанелло жалобнымъ голосомъ: — осла не хочетъ двигаться впередъ.

— А! онъ не хочетъ? сказалъ Шикѣ: — такъ я жь его подвину! Онъ приблизился къ дереву и отломилъ прямой и гибкій сучокъ, толщиною въ палецъ.

Панюржъ былъ не изъ числа тѣхъ глупыхъ животныхъ, которыми не заботятся о томъ, что происходитъ вокругъ нихъ и понимаютъ бѣду только тогда, когда она имъ слѣдетъ на спяву. Онъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями Шикѣ, къ которому начиналъ уже питать должное уваженіе, и, угадавъ его намереніе, двинулъ задними ногами и побѣжалъ впередъ легкой рысью.

— Бѣжить! бѣжить! закричалъ Горанелло.

— Ничего, отвѣчалъ Шикѣ: — въ дорогѣ добрый хлыстъ бо- лѣе вещь.

И Гасконецъ продолжалъ счищать листья съ сучка.

VII.

Какъ братъ Горанолó промѣнялъ осла на лошака, а лошака на лошадь.

Однакожь, похождения Горанолó приближались къ концу, по крайней-мѣрѣ въ этотъ день. Обѣхавъ стороной, они опять въѣхали на большую дорогу и остановились въ соседней гостиницѣ. На разстояніи трехъ четвертей льѣ отъ первой. Шикó ввѣлъ коняту, выходявшую окнами на дорогу, и заказалъ ужинъ, который имъ вскорѣ и подали. Но замѣтно было, что Шикó мало заботился о дѣлѣ; онъ не переставалъ глядѣть въ окно и прислушиваться къ малѣйшему шуму. Эта заботливость продолжалась до десяти часовъ; но такъ-какъ до-тѣхъ-поръ никто не проезжалъ, то Шикó отошелъ отъ окна, приказавъ дать двойную порцію овса и отрубей лошади и ослу, чтобъ на зарѣ они были готовы къ отъѣзду.

Услышавъ это приказаніе, Горанолó, дремавшій послѣ сытнаго ужина, запитаго достаточнымъ количествомъ добраго вина, всталъ.

— На зарѣ? спросилъ онъ.

— Э, *ventre de biche!* отвѣчалъ Шикó:— ты, я думаю, привыкъ вставать такъ рано.

— Да, человекъ рожденъ для труда, сказалъ его товарищъ.

И, весьма-довольный взглядомъ върченіемъ, Горанолó величественно пошелъ къ постели, которую Шикó, опасаясь какой-нибудь неосторожности съ его стороны, приказалъ приготовить въ той же комнатѣ.

На другой день, едва стало разсвѣтать, Шикó всталъ, подошелъ къ окну и, спрятавшись за занавѣску, устремилъ взоръ на дорогу.

Вдругъ преслыщенный шумъ, и Шикó скоро отскочилъ отъ окна. По дорогѣ въѣхали три всадника на мулахъ.

Гасконецъ тотчасъ же подошелъ къ Горанолó и началъ будить его.

— Не-ужь-то мнѣ не будетъ ни минуты покоя? проворчалъ Горанолó, проспавшій всю ночь какъ убитый.

— Живѣе, живѣе! сказалъ Шикó:— одѣвайтесь; пора ѣхать.

— А завтракъ?

— Завтракъ ждетъ насъ по дорогѣ въ Монтрó.

— Что такое Монтрó? спросилъ Горанолó, весьма-мало снѣдущій въ географіи.

— Монтрó, отвѣчалъ Гасконецъ:— городъ, въ которомъ можно позавтракать. Понимаете?

— Понимаю, отвѣчалъ лаконически Горанолó.

— Такъ я пойду расплачиваться съ хозяиномъ, продолжалъ Гасконецъ:— черезъ пять минутъ ворочусь, и если вы не будете готовы, такъ я уйду безъ васъ.

Не смотря на строгій наказъ Шикю, Горанолё одевался шесть минутъ, и потому, когда онъ вышелъ изъ гостинницы, Гасконецъ уже отъѣзжалъ отъ нея.

Горанолё избрался на Паниржа, и оселъ, подкрѣпленный двойною порціею овса и отрубей, пустился въ галопъ безъ всякаго пригласенія и вскорѣ догналъ лошадь Гасконца.

Шикю стоялъ на стременахъ и глядѣлъ вдалѣ.

Горанолё также приподнялся и увидѣлъ на горизонтѣ трехъ всадниковъ, спускавшихся съ возвышенія.

Почтенный братъ вздохнулъ при грустной мысли о томъ, что чужіе люди выѣли такое вліаніе на судьбу его.

Шикю сдержалъ слово: они позавтракали въ Монтрю.

Два дня прошли безъ особыхъ приключеній, и потому ны не станемъ входить въ подробности путешествія двухъ товарищей. Горанолё начиналъ привыкать къ новой жизни и готовъ былъ уже поселиться, какъ вдругъ къ вечеру третьяго дня онъ замѣтилъ, что Шикю приунылъ: съ самаго полудня онъ не видалъ и тѣни трехъ путешественниковъ, за которыми слѣдовалъ, и потому ужиналъ и спалъ дурно.

Горанолё вѣлъ и пилъ за двоихъ и принялся пѣть самыя веселыя пѣсни, какія только зналъ; Шикю все-таки былъ печаленъ и плакать.

Едва стала заниматься заря, какъ онъ будилъ уже своего товарища; Горанолё одѣлся и послѣдовалъ за Гасконцемъ, который отъ самой гостинницы пустилъ лошадь свою въ галопъ.

Но все было тщетно: три путешественника точно свинью землю проманились.

Около полудня, и лошадь и оселъ едва передвигали ноги.

Шикю подѣхалъ къ мытной заставѣ, находившейся на Мосту-Вильнёв-ле-Руа, гдѣ собирали пошлину за прогонъ рогатаго скота.

— Не проѣзжали ли здѣсь сегодня, спросилъ онъ: — три путешественника на мукахъ?

— Сегодня? нѣтъ, отвѣчалъ смотритель: — вчера проѣзжали.

— Вчера? въ которомъ часу?

— Въ семь часовъ вечера.

— Ты замѣтилъ ихъ?

— Вдуть мимо — какъ не замѣтить!

— Что жь это были за люди?

— Какіе, одинъ-то господинъ, а другіе двое лакеи.

— Оні, оні! сказалъ Шикю, подавая смотрителю монету.

Потомъ продолжалъ пре-себя:

— Вчера вечеромъ, въ восемь часовъ; ventre de biche! Двѣнадцать часовъ раньше насъ... Нѣчего дѣлать! Унывать не должно.

— Я и не унываю, г. Шикю, сказалъ Горанолё: — да Панюритъ имъ ноги велѣчить.

И точно, Фадивій оселъ опустилъ голову и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Посмотрите, продолжалъ Горанолó: — въ какомъ состоянiи она лошадь?

— Несмотря на всю свою силу, благородный, саникомъ-горячкоть была въ мьлѣ; изъ поздрей его видна тогдашн паръ глаза напалмивъ крошю.

Шикó скоро осмотряль обеихъ животныхъ и согласился съ мнiемъ своего товарища.

— Братъ-собиратель подаянiя! сказалъ Шикó: — тутъ надобно принять ршительныя мьры.

— Вотъ ужъ нъсколько дней, какъ мы не выходимъ изъ ршительныхъ мьръ, отвчалъ Горанолó, сдлавъ печальную мну отъ одного предложенiя Гасконца, хотя не зналъ еще, въ чьмъ она состояло.

— Мы должны разстаться, сказалъ Шикó ршительно.

— Ба! вскричалъ Горанолó: — вы все твердите одно и то же. Зачмъ намъ разставаться?

— Вы не можете посить за мною.

— *Verdieu!* сказалъ Горанолó: — я несусь какъ стрѣла; не длье, какъ сегодня, я прогалоцировалъ пять часовъ срдлу.

— Этого мало.

— Такъ подемъ длье: — чмъ шибче мы будемъ вхать, тмъ скорее прибудемъ къ цльм; потому-что, я надюсь, у насъ должно же быть какая-нибудь цль.

— Лошадь моя выбилась изъ силъ, осолъ вашъ немучился.

— Такъ какъ же быть?

— Мы оставимъ ихъ здсь, а на возвратномъ пути возьмемъ опять съ собою.

— А мы сами? Не-ужь-то вы хотите путешествовать пшкомъ?

— Мы подемъ на лошадахъ.

— А гдъ ихъ вать?

— Купить.

— Нечего дльять, сказалъ Горанолó со вздохомъ: — правнотъ вамъ еще эту жертву!

— Следовательно, вы согласны?

— Покупайте лошаковъ.

— Браво, братъ Горанолó! изъ васъ будетъ прокъ; поручитъ хозяину гостиницы побережъ Баяра и Панюржа, а я пойду искать лошаковъ.

Горанолó добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученiе; въ-предложенiе четырехъ дней знакомства его съ Панюржемъ, онъ оцньвалъ — не скажемъ качества, но недостаткы его, замьчалъ, что они были: лньность, сластолюбiе и обжорливость. Это замьчанiе тронуло брата-собирателя и онъ съ сожалньемъ расставался съ своимъ осломъ; но Горанолó самъ былъ не только лнтяй, сластолюбець и обжора, но еще въ добарекъ агности; потому ему прiятнѣе было разстаться съ Панюржемъ, чмъ съ Шикó, по причинъ туго-набитаго кошеля послднлаго.

Шикэ воротился съ двумя лошаками, на которыхъ они въ этотъ день проѣхали двадцать льё, такъ-что къ вечеру Шикэ съ радостію увидѣлъ у кузины трёхъ знакомыхъ ему муловъ.

— А! произнесъ онъ, вздохнувъ изъ глубины души.

— А! отдулся Горанфлэ.

Но опытный глазъ Гасконца не замѣтилъ ни господина, ни слугъ; а мулахъ не было ни уздечекъ, ни сѣделъ.

Вокругъ этихъ животныхъ стояли незнакомые люди, которые тщательно разсматривали и какъ-бы оцѣнивали ихъ. Одинъ изъ нихъ людей былъ барышникъ, другой кузнецъ, а остальные двое — францисканскіе монахи; они поворачивали муловъ во всѣ стороны, смотрѣли имъ зубы, ноги, уши... словомъ, приторговывались къ нимъ.

Невольная дрожь пробѣжала по всему тѣлу Шикэ.

— Ступай впередъ, сказалъ онъ брату-Горанфлэ: — подойди къ францисканцамъ; отведи ихъ въ сторону, разспроси; надѣюсь, что я между собою скрытничать не будете; узнай стороной, чья эти мулы, что за нихъ просятъ, и куда дѣвались хозяева ихъ.

Горанфлэ, обезпокоенный безпокойствомъ своего друга, погналъ лошака прямо къ толпѣ и воротился нѣсколько минутъ спустя.

— Узналъ всю подноготную! сказалъ онъ. — Во-первыхъ, знаете ли вы, гдѣ мы находимся?

— Э! шерблен! мы на дорогѣ въ Лионъ: — это я знаю и безъ тебя.

— Прекрасно; но вы мнѣ сказали, что желаете знать, куда дѣвались хозяева этихъ животныхъ?

— Да, да.

— Одинъ изъ нихъ, кажется, дворянинъ.

— Можетъ-быть.

— Этотъ дворянинъ отправился въ Авиньонъ.

— Одинъ?

— Какъ одинъ?

— Я спрашиваю, одинъ ли онъ поехалъ?

— Со слугой.

— А другой?

— Другой отправился въ Лионъ.

— Гм! А затѣмъ дворянинъ поехалъ въ Авиньонъ? Я думаю, что онъ ѣдетъ въ Римъ... Впрочемъ, продолжалъ Шикэ, я говорю съ тобой о вещахъ, которыхъ ты знать не можешь.

— А вотъ знаю же! отвѣчалъ Горанфлэ. — Что? вамъ удивительно?

— Ты знаешь?..

— Знаю, что онъ ѣдетъ въ Авиньонъ потому, что его святѣйшество папа Григорій XIII прислалъ въ этотъ городъ уполномоченнаго легата.

— А-га, понимаю! сказалъ Шикэ: — а мулы?

Т. XLV. — Стл. I.

— Мулы ихъ вывелись изъ силъ, и они продали ихъ барышняку, который хочетъ сбыть ихъ францисканцамъ.

— За сколько?

— По пятнадцать пистолей за мула.

— А какъ же они сами повхали?

— На лошадяхъ, которыхъ здѣсь купили.

— У кого?

— У капитана рейтаровъ, который здѣсь за ремонтъ.

— *Ventre de biche!* вскричалъ Шикô: — ты драгоценный человекъ, Горанфлô!

Горанфлô пріосанился.

— Теперь, продолжалъ Шикô: — ты долженъ докончить начатое.

— Чтò же?

Шикô соскочилъ съ лошака, и отдавъ поводья Горанфлô, сказалъ:

— Возьми лошаковъ и продай ихъ францисканцамъ за двадцать пистолей: — они должны оказать тебѣ предпочтеніе.

— Еще бы! сказалъ Горанфлô:—а не то я донесу на нихъ начальнику.

— Прекрасно, Горанфлô!

— Однако, постойте... замѣтилъ Горанфлô: — какъ же вы сами?..

— На лошадяхъ, *merbleu!*

— Гм! чортъ возьми! проворчалъ Горанфлô, почесавшись за ухомъ.

— Полно, сказалъ Шикô: — ты славный вздохъ.

— Э, куда ни шло! вскричалъ Горанфлô. — Гдѣ же вы будете?

— На городской площади.

— Такъ ждите же меня.

И братъ-сбиратель подавляя твердыми шагами вошелъ къ францисканцамъ, между-тѣмъ, какъ Шикô переулкомъ отправился къ городской площади.

Тамъ, въ гостиницѣ *Смълао-Пытуха*, онъ нашелъ капитана рейтаровъ, сидѣвшаго за бутылкой бургонскаго вина; отъѣты капитана на вопросы Шикô вполне подтвердили слова его слуги.

Потомъ, Гасконецъ выторговалъ пару лошадей у ремонтѣра, который тотчасъ же записалъ ихъ *окольшими съ дорожъ*; благодаръ этому счастливому обстоятельству, Шикô получилъ пару лошадей за тридцать-пять пистолей.

Оставалось только купить уздечки и сѣдла, когда Шикô увидѣлъ изъ окна Горанфлô, несшаго два сѣдла на головѣ и пару уздечекъ въ рукахъ.

— Э-го! вскричалъ Шикô:—что это значить?

— Ничего не значить, прехладнокровно отвѣчалъ Горанфлô:—сѣдла и уздечки съ нашихъ лошаковъ.

— Такъ ты удержалъ ихъ? спросилъ Шикô засмѣявшись.

— Еще бы!

— И продалъ лошаковъ?

— За десять пистолей каждаго.

— И тебѣ заплатили?

— Наличными.

Горанфлѣ ударилъ по карману, набитому монетами всѣхъ видовъ и размѣровъ.

— *Ventre de biche!* вскричалъ Шикѣ. — Горанфлѣ, ты великій человекъ!

— Не великій, а такъ-себѣ, отвѣчалъ Горанфлѣ съ гордою скромностью.

— Теперь въ дорогу, сказалъ Шикѣ.

— Дайте же мнѣ сперва напиться, сказалъ его спутникъ.

— Пей, пока я буду сѣлать лошадей; только смотри, немного.

— Одну бутылочку.

— Только не больше.

Горанфлѣ выпилъ двѣ бутылки и принесъ остальные деньги Гасконцу.

Шикѣ хотѣлъ — было отдать деньги, вырученные за лошаковъ, своему спутнику, но разсудилъ, что лишь-только у Горанфлѣ будутъ наличныя, такъ съ нимъ нельзя будетъ справиться; и потому, онъ взялъ деньги, прежде нежели Горанфлѣ успѣлъ замѣтить его нерышимость, и вскочилъ на коня.

Товарищъ его послѣдовалъ его примѣру съ помощію капитана, человека благочестиваго, который держалъ ногу Горанфлѣ, за что послѣдній благословилъ его, лишь-только вскарабкался на лошадь.

— Добрый конь! сказалъ Шикѣ, замѣтивъ, какъ легко лошадь его пустилась въ галопъ.

Горанфлѣ, не забывая, что вмѣстѣ съ Шикѣ скакалъ и конешникъ его, пустилъ свою лошадь вслѣдъ за нимъ; впрочемъ, онъ уже сдѣлалъ большіе успѣхи въ верховой ѣздѣ; вмѣсто того, чтобы держаться за гриву одною, а за хвостъ другою рукою, онъ ухватился обѣими руками за передокъ сѣдла и такъ крѣпко, что другой опоры ему и не было нужно.

Подъ конецъ, онъ даже перегонялъ Шикѣ по весьма-натуральной причинѣ: Горанфлѣ разсчиталъ, что скакать въ галопъ гораздо легче, нежели ѣхать рысью, и потому безпрестанно понукалъ лошадь Гасконца.

Успѣхъ ихъ увѣнчался успѣхомъ: на другой день вечеромъ, не далеко отъ Шалона, Шикѣ догналъ Николая Давида, переодѣтаго лакеемъ, и не терялъ его изъ вида до самого Ліона, въ ворота котораго они въѣхали вечеромъ на восьмой день по выѣздѣ изъ Парижа.

Это было почти въ то самое время, когда по другой дорогѣ, вѣстѣ, Сан-Люкъ и жена его въѣзжали, какъ мы уже говорили, въ Мардобрекій-Замокъ.

VIII.

Какъ Шикò в товарищъ его остановился въ гостиницѣ Лебедя-Креста, и какъ были приняты хозяиномъ.

Николай Давидъ, переодѣтый лакеемъ, направился къ площади Террò и остановился у лучшей гостиницы, подъ вывѣской *Лебедь-Креста*.

Шикò видѣлъ, какъ онъ вошелъ туда, и обождая нѣсколько минутъ, чтобъ удостовѣриться, нашелъ ли онъ тамъ мѣсто и, следовательно, остается ли въ этой гостиницѣ.

— Нравится ли тебѣ гостиница *Лебедь-Креста*? спросилъ Шикò конецъ своего товарища.

— Отъ-чего жъ нѣтъ? отвѣчалъ Горанфò.

— Такъ ступай туда; найми отдѣльную, уединенную комнату скажи, что ты ожидаешь сюда кого-нибудь изъ братьевъ, и жди меня у порога; я же пойду прогуляюсь и ворочусь, когда совершенно смеркнется; тогда ты проводишь меня въ нашу комнату такъ, что люди, которыхъ я не хочу видѣть, не столкнулись со мною. Понимаешь?

— Какъ-нельзя-лучше.

— Выбери довольно-большую, свѣтленькую комнату, смежную если можно, съ тою, которую найметъ извѣстный тебѣ путешественникъ; постарайся, чтобъ окна выходили на улицу, такъ, что можно было видѣть всѣхъ входящихъ и выходящихъ; не говори моего имени никому и ни въ какомъ случаѣ, и обьщай повелѣнныя золотыя горы.

— Будетъ исполнено.

И точно, Горанфò какъ-нельзя-лучше выполнилъ возложенныя на него порученія. Когда наступила ночь, онъ вышелъ на порогъ и засталъ тамъ Шикò, взялъ его за руки и проводилъ въ нанятую комнату. Не смотря на всю свою простоту, Горанфò далъ замѣтить Гасконцу, что хотя дверь изъ комнаты ихъ выходила на другую лѣстницу, но была рядомъ съ комнатою Николая Давида, отъ которой отдѣлялась деревянною, заштукатуренною перегородкою и что въ этой перегородкѣ можно было пробить отверстіе, если понадобится.

Шикò внимательно выслушалъ Горанфò; по-мѣрь-того, какъ онъ говорилъ, лицо Гасконца прояснилось.

— Ты заслуживаешь награды, сказалъ Шикò, когда братъ-содружатель подавннн замолчалъ: — за все то, что ты сдѣлалъ, я велю подать тебѣ сегодня къ ужину хересу, Горанфò! да, merble! попотчую тебя хересомъ!

— Я не знаю еще перадочно вкуса этого вина, сказалъ Горанфò:—оно должно быть очень-пріятно.

— Узнаны! ventre de biche! возразилъ Шикó, вступая во владѣннѣ квартирѣ: — узнаны, и не позже, какъ черезъ два часа... Поня мое слово!

Шикó позвалъ хозяина.

Можетъ-быть, читателямъ покажется, что лица нашего рассказа слишкомъ-часто останавливаются въ гостинницахъ: на это мы отъвѣдимъ, что не наша вина, если эти лица—одни изъ угожденнѣ своей возлюбленной, другіе спасаясь отъ гнѣва короля, — разбралъ на сѣверъ и на югъ. Находясь между древними временами, когда не было нужды въ гостинницахъ по милости братскаго гостеприимства, и временами новѣйшими, когда гостинница превратилась въ табакъ-дотъ, мы невольно должны останавливаться въ гостинницахъ, гдѣ происходятъ важнѣйшія сцены нашей новеллы. Впрочемъ, караван-сарая нашего запада имѣли въ ту эпоху три формы, а именно, они были или гостинницы, или трактиры, или кабаки.

Лебедь-Крестъ принадлежалъ ко второму разряду.

Впрочемъ, это легко можно было замѣтить изъ обращенія хозяина, который, явившись на зовъ Шикó, сказалъ ему, чтобъ онъ потерпѣлъ, потому-что были путешественники, прѣхавшіе прежде его.

Шикó догадался, что хозяинъ говоритъ о Давидѣ.

— О чемъ они такъ долго толкуютъ? сказалъ Шикó, когда хозяинъ удался.

— Но-ужь-то вы думаете, что у него есть секреты съ извѣстными вамъ путешественникомъ?

— Должно быть такъ, если этотъ грубиянъ соглашается толковать съ человекомъ, одѣтымъ слугою.

— А! возразилъ Горанелó:—онъ переодѣлся; я видѣлъ его: онъ теперь весь въ черномъ.

— Тѣмъ болѣе я имѣю причину думать, что хозяинъ съ нимъ въ-сво.

— Хотите ли, я вынытаю у жены его...? сказалъ Горанелó.

— Нахъ, возразилъ Шикó:— ступай лучше, прогуляйся по городу.

— А ужинъ?

— Я велю приготовить его въ твое отсутствіе; а вотъ тебѣ на-наше... не равно тебѣ пить захочется.

Горанелó съ признательностью принялъ эю.

По мѣрѣ удаленія отъ Парижа, Горанелó болѣе и болѣе прива-ливался къ свободѣ; наконецъ, онъ дошелъ до того, что вспоминалъ о Парижѣ не иначе, какъ о мрачной темницѣ. Горанелó чрезвычайно любилъ ночныя прогулки, а потому съ радостію оставилъ Шикó одного и вышелъ изъ гостинницы, опустивъ руку въ карманъ и придерживая свой эю, чтобъ не потерять его.

Какъ Горанелó удался, какъ Шикó, не теряя ни минуты, началъ бурить и прощелкать въ перегородкѣ дырочку; но прича-

не толстыми досками, онъ не могъ увидѣть въ эту дырочку всѣхъ гостей, бывшихъ въ комнатѣ; но, приложивъ къ ней ухо, онъ могъ довольно-явственно слышать почти все, что тамъ говорили.

Однакожь, по расположенію лицъ въ сосѣдней комнатѣ, Шикѣ могъ видѣть хозяина, разговаривающаго съ Николаемъ Давидовъ.

Нѣкоторыя слова, произнесенныя болѣе-тихимъ голосомъ; ускользали отъ слуха Шикѣ; однакожь, онъ понялъ изъ всего разговора, что Давидъ толцовалъ о преданности своей королю и даже говорилъ, будто-бы г. де-Морвилль возложилъ на него важное порученіе.

Хозяинъ слушалъ почтительно, но, по-видимому, очень-равнодушно, потому-что почти ничего не отвѣчалъ. Шикѣ даже замѣтилъ нѣкоторую иронию во взглядѣ и въ выраженіи голоса хозяина всякій разъ, когда онъ произносилъ имя короля.

— Э-ге! подумалъ Шикѣ:—ужь не принадлежитъ ли нашъ хозяинъ къ лигѣ? Увидимъ, mon dieu!

Такъ-какъ въ разговорѣ трактирщика съ Давидомъ не было ничего интереснаго, то Шикѣ отошелъ отъ переборѣдки.

Нѣсколько минутъ спустя, дверь отворилась.

Въ комнату вошелъ хозяинъ; онъ снялъ колпакъ съ головы и почтительно остановился у двери; но на лицѣ его было то же насмѣшливое, ироническое выраженіе, которое уже прежде перенесло Шикѣ.

— Садитесь, почтеннѣйшій, сказалъ ему послѣдній! — прежде, чѣмъ мы условимся, выслушайте мою исторію.

Слова эти, по-видимому, не понравились хозяину; онъ пожималъ плечами, что не намѣренъ садиться.

— Какъ вамъ угодно, продолжалъ Шикѣ.

Хозяинъ сдѣлалъ знакъ, которымъ хотѣлъ выразить, что ему не нужно на это ничьего разрѣшенія.

— Вы видите, что я пріѣхалъ съ монахомъ, сказалъ Шикѣ.

— Видѣлъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Те! не говорите этого никому... монахъ отъ изрѣивашекъ.

— Ба! вскричалъ хозяинъ:—нѣчто онъ переодѣтъ гугенотъ!

Шикѣ притворился обиженнымъ.

— Гугенотъ! сказалъ онъ съ презрѣніемъ:—кто вамъ сказалъ, чѣмъ онъ гугенотъ? Прошу васъ замѣтить, что этотъ монахъ мой родственникъ, и что у меня нѣтъ въ родѣхъ гугенотовъ. Вамъ стыдно, почтеннѣйшій, говорить такія мерзости!

— Мало ли что бываетъ на свѣтѣ! возразилъ хозяинъ.

— Да въ моей роднѣ этого никогда не было, почтеннѣйшій! Этотъ монахъ жесточайшій врагъ всѣхъ гугенотовъ, онъ даже возманился въ немилость къ его величеству Генриху III, покровителю отнюющему, какъ вамъ извѣстно, еретикамъ.

Трактирщикъ началъ принимать живое участіе въ судѣ обиднаго Горанелю.

— Да! сказалъ онъ, приложивъ палецъ къ губамъ.

— Развѣ у васъ есть здѣсь королевскіе люди? спросилъ Шикѣ.

— Кажется, отвѣчалъ хозяинъ, кивнувъ головою: — вотъ тамъ, и перегородкой.

— О! такъ намъ здѣсь оставаться страшно... убраться лучше скорѣе...

— Да куда же вы пойдете?

— Нашъ пріятель, содержатель одной изъ парижскихъ гостиницъ, Ла-Гюрьеръ, далъ намъ адреса...

— Ла-Гюрьеръ? Такъ вы знаете Ла-Гюрьера?

— Тс! не говорите этого никому; мы познакомились съ нимъ въ проломеевскую ночь.

— Ну, сказалъ хозяинъ: — я вижу, что вы и вашъ родственникъ люди православные; я тоже знаю Ла-Гюрьера. Купивъ этотъ трактиръ, я даже изъ дружбы къ нему хотѣлъ взять ту же фирму, но побоялся, что новая вывѣска повредитъ моимъ дѣламъ... Такъ, вы изволили говорить, что вашъ родственникъ...

— Былъ до того безразсуденъ, что рѣшился говорить открыто въ противъ гугенотовъ; рѣчь его имѣла огромный успѣхъ, очень-красившійся его величеству королю, который немедленно приказалъ схватить дерзновеннаго и посадить въ темницу.

— А потомъ? спросилъ хозяинъ съ участіемъ.

— Я увезъ его, отвѣчалъ Шикѣ.

— А! вы прекрасно поступили!

— Г. де-Гизъ хотѣлъ-было заступиться за него...

— Какъ, великій Генрихъ де-Гизъ? Генрихъ-Балафрѣ?

— Генрихъ-святой.

— Да, именно, вы правду говорите—Генрихъ-святой!

— Но я не захотѣлъ быть виновникомъ народной войны.

— Въ такомъ случаѣ, вы должны понять это...

И хозяинъ сдѣлалъ рукою знакъ, но которому приверженцы лишь уважали другъ друга.

Въ ночь, проведенную въ Монастырь-св.-Женевьевы, Шикѣ не только замѣтилъ этотъ знакъ, но и видѣлъ, какъ надобно было пнуть на него.

— Еще бы! А это знаете?

И Шикѣ сдѣлалъ другой знакъ.

— О! произнесъ трактирщикъ дружески: — въ такомъ случаѣ, вы идите у себя; домъ мой принадлежитъ вамъ; считайте меня другомъ; я считаю васъ братомъ, и если вы нуждаетесь въ деньгахъ...

Взвѣсивъ фавта, Шикѣ вынулъ изъ кармана кошелекъ, полнота котораго мало убавилась.

Видѣвъ чистоту кошелька всегда пріятель, даже великодушному кланку; предлагающему вамъ свои услуги; онъ узнаетъ такимъ образомъ, что вы не нуждаетесь въ его помощи, и вмѣстѣ съ тѣмъ испытываетъ сознание великодушнаго поступка, сдѣланнаго ему весьма-дорого.

— Лучше, сказалъ хозяинъ.

— Чтобы еще больше обрадовать и успокоить васъ, продолжалъ Шикô:— я долженъ вамъ сказать, что мы путешествуемъ для расширенія вѣры, и что дорожные деньги выплачены нами на казначейства святаго союза. Укажите же намъ гостиницу, гдѣ бы мы могли быть въ безопасности?

— *Morbleu!* сказалъ хозяинъ: — нигдѣ вамъ не будетъ такъ хорошо, какъ у меня, повѣрьте.

— Но вы сейчасъ говорили, что здѣсь возлѣ же живутъ...

— Да; но если я только замѣчу, что онъ подслушивается и подсматривается, такъ не будь я Бернулё, если не выживу его!

— Васъ зовутъ Бернулё? спросилъ Шикô.

— Точно такъ; мое имя известно православнымъ, не столицнымъ и провинціальнымъ. Скажите одно слово, одно только слово, и выживу вашего соседа.

— Зачѣмъ? сказалъ Шикô: — напротивъ, оставьте его; гораздо выгоднѣе быть возлѣ своихъ враговъ; такимъ-образомъ легче наблюдать за ихъ дѣйствіями.

— Вы совершенно - правы! съ восторгомъ вскричалъ Бернулё.

— Но почему вы думаете, что этотъ человекъ нашъ врагъ? говорю *нашъ* потому, продолжалъ Гасконецъ съ нѣжной улыбкой:— что мы братья! я въ томъ увѣренъ.

— О, да! мы братья, отвѣчалъ хозяинъ.

— Почему же вы думаете, что онъ нашъ врагъ?

— А вотъ почему: онъ пріѣхалъ сюда въ лакейскомъ платьѣ потому перерядился адвокатомъ; но онъ столько же адвокатъ, какъ и лакей, потому-что, подъ плащомъ, лежавшимъ на стулѣ, я увидалъ конецъ длинной шпаги. Кроме того, онъ съ восторгомъ говорилъ о королѣ, и открылъ мнѣ, что пріѣхалъ съ порученіемъ отъ г. де-Морвиллѣ, министра Навуходоносора нашего.

— Ирода, какъ я его называю.

— Сардананала!

— Bravo!

— О, я вижу, что мы понимаемъ другъ друга, сказалъ хозяинъ.

— Еще бы! Следовательно, я остаюсь.

— Непременно.

— Только ни слова о моемъ родственникѣ.

— Ни словечка.

— Ни обо мнѣ.

— За кого вы меня принимаете? Но тише; кто-то идетъ.

Горанолô явился на порогъ.

— Ахъ! это онъ, достойный изгнанныкъ! вскричалъ хозяинъ.

И, подойдя къ монаху, онъ сдѣлалъ ему знакъ лигѣровъ.

Этотъ знакъ поразилъ Горанолô наумленіемъ и ужасомъ.

— Отвѣчай же, отвѣчай, братъ! сказалъ Шикô.— Нашъ хозяинъ все знаетъ; онъ изъ нашихъ.

— Изъ нашихъ? спросилъ Горанолô:— изъ какихъ изъ нашихъ?

— Изъ чиновъ снатега совѣта, сказалъ Бернульдъ вполголоса.

— Ты видишь, что тантъся нечего; отвѣчай же.

Горанфолдъ отвѣчалъ; трактирщикъ былъ вѣдъ себя отъ радости.

— Однако, сказалъ Горанфолдъ, желая поскорѣе пережвѣнить разговоръ: — нѣтъ обѣщали хересу.

— Хересу, малаги, аликантскаго вина, весь мой погребъ къ вашимъ услугамъ, вочтеннѣйшій братъ!

Горанфолдъ посмотрѣлъ на хозяина, потомъ на ШикѠ, и наконецъ поднималъ взоръ къ небу. Онъ ничего не понималъ и, въ смиреннѣи своемъ, сознавался, что счастье превышало всѣ заслуги его.

Три дня сряду Горанфолдъ напивался: первый день хересомъ, второй малагой, третій аликантскимъ виномъ; но, по прошествіи этихъ трехъ дней, онъ сознался, что все-таки бургенское вкусило, и потому воротился къ шамбертеню.

Во все время этихъ вино-испытаній, ШикѠ не выходилъ изъ своей коннаты, и отъ утра до ночи подсматривалъ за адвокатомъ Николаемъ Давидомъ.

Трактирщикъ, приписывавшій поведеніе ШикѠ боязни встрѣтиться съ иннимымъ роалистомъ, всячески старался надобдать послѣд-вну.

Но ничто не помогало. Николай Давидъ, назначивъ Пьеру-де-Гонди свиданіе въ трактиръ Лебеда-Креста, не хотѣлъ выѣзжать изъ него, опасаясь развѣхаться съ посланнымъ Гізовъ, и потому оставалъ безъ вниманія всѣ придирки хозяина; но за то, лишь-только Бернульдъ затворялъ за собою двери, какъ Николай Давидъ приходилъ въ бѣшенство, что весьма забавляло ШикѠ, смотрѣвшаго въ дырочку.

Замѣтивъ враждебное расположеніе хозяина, Давидъ, на другой же день своего пріѣзда въ гостиницу, погрозила за нимъ кулакомъ и сказалъ:

— Еще пять или шесть дней, и я съ тобой раздвляюсь.

Изъ этихъ словъ ШикѠ узналъ, что Николай Давидъ не выѣдетъ изъ трактира, пока не получитъ отвѣта отъ легата.

Но на седьмой день, Николай Давидъ, которому хозяинъ, не смотря на всѣ убѣжденія ШикѠ, объявилъ, что ему нужна его команда, — занемогъ.

Пока онъ не слегъ еще въ постелю, хозяинъ наставлялъ, чтобы онъ выѣхалъ; адвокатъ просилъ дать ему срокъ до слѣдующаго дня, надѣясь, что ему будетъ легче, но на слѣдующій день ему стало хуже.

Трактирщикъ пришелъ къ Гасконцу, и сказалъ, потирая руки:

— Нашъ роалистъ, пріятель Ирода, ножки протянешъ!

— Ба! вскричалъ ШикѠ: — не-ужь-то вы думаете, что онъ умреть?

— У него, любезный братъ, прескверная горячка; онъ мечется какъ угорѣлый; сами доктора ничего не понимаютъ; аппетитъ у него

го страшный: онъ хотѣлъ задушить меня и приблѣзъ моихъ слугъ... сами доктора ничего не понимаютъ.

Шикѣ задумался.

— Видѣла ли вы его? спросилъ онъ.

— Какъ же! вѣдь я жъ говорю вамъ, что онъ хотѣлъ задушить меня!

— Въ какомъ онъ былъ положеніи?

— Блѣдный, разстроенный, кричалъ, какъ бѣснувшійся.

— Что онъ кричалъ?

— «Берегите короля! Противъ него замышляютъ недоброе!»

— Негодяй!

— Извергъ! Иногда онъ говоритъ, что ждетъ кого-то изъ Авиньйона и не хочетъ умирать, пока не увидится съ этимъ человекомъ.

— Смотрите, пожалуйста! сказалъ Шикѣ. — Онъ ждетъ кого-то изъ Авиньйона,

— Ждетъ не дождется.

— *Ventre de biche!* вскричалъ Шикѣ.

— Послушайте-ка, продолжалъ хозяинъ:— вотъ будетъ забавно, если онъ умретъ.

— Очень-забавно, отвѣчалъ Шикѣ:— только мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ онъ умеръ до прибытія того человека, котораго онъ ждетъ изъ Авиньйона.

— Отъ-чего же? Чѣмъ скорѣе умереть, тѣмъ лучше.

— Да; но ненависть моя не простирается до души его; а такъ-какъ онъ, по-видимому, ждетъ изъ Авиньйона исповѣдника...

— Э, полноте! это одинъ бредъ горячки... онъ никого не ждетъ...

— Кто знаетъ! сказалъ Шикѣ.

— Я вижу, что вы предобрѣйшая душа, сказалъ хозяинъ.

— Плати добромъ за зло.

Хозяинъ удалился въ восторгѣ отъ Шикѣ.

Что же касается до Горанфлѣ, то, не входя ни въ какія дѣла, ни въ какія заботы, онъ толстѣлъ видимо: по прошествіи восьми дней, лѣстница, ведшая къ его комнатѣ, стала трещать подъ тяжестью его и слѣзлась слишкомъ-ужко, такъ-что въ одну вечеръ Горанфлѣ съ ужасомъ объявилъ Гасконцу, что лѣстница совершенно образомъ похудѣла. Впрочемъ, ни Давидъ, ни лига, ни плачевныя событія религіи не трогали его: онъ заботился только о томъ, какъ бы разнообразить свои обѣды и гармонировать различные вина съ душистыми, которыя заказывалъ себѣ. Каждый разъ, когда онъ встрѣчался съ трактирщикомъ, послѣдній говорилъ съ изумленіемъ:

— Кто бы могъ подумать, что этотъ толстякъ кондитерское пристрастіе!

IX.

Какъ Горанфлô исповѣдывалъ адвоката, и какъ адвокатъ исповѣдывалъ Горанфлô.

Наконецъ, наступилъ, или приближался тотъ день, когда трактирщикъ долженъ былъ избавиться отъ непріятнаго постояльца.

Бернульё вбѣжалъ въ комнату Шикô съ такимъ неуемнымъ вѣхомъ, что послѣдній долго не могъ добиться отъ него ни слова:

— Умираетъ! вскричалъ наконецъ сострадательный трактирщикъ: умираетъ, издыхаетъ!

— Что же тутъ смѣшнаго? спросилъ Шикô.

— Какъ что? Это чудесная штука.

— Какая штука?

— Нѣтъ, признайтесь, что вы сыграли съ нимъ эту шутку.

— Я? сыгралъ шутку? съ большимъ?

— Да, разумеется вы!

— Но въ чемъ же дѣло?

— Въ чемъ дѣло?.. Вѣдь вы знаете, что онъ все ожидалъ кого-то изъ Авиньйона?

— Знаю. Что же дальше?

— Этуго кто-то пріѣхалъ.

— А! вы видѣли его?

— Еще бы! Кто можетъ войти сюда мимо меня?

— Что жъ это за человѣкъ?

— Низенькій, худощавый, розовый.

— Онъ и есть! невольно вскричалъ Шикô.

— А! такъ вы знаете его?.. Вѣдь я уже говорилъ, что вы послали его.

— Такъ онъ пріѣхалъ! вскричалъ Шикô, вставая и закручивая платокъ: — ventre de biche! Расскажите же мнѣ все подробно, Бернульё.

— Дѣло очень-просто... только, если не вы послали этого человѣка, такъ вы расскажите мнѣ, кто это сдѣлалъ... И такъ, извольте слушать: — я только-что принялся было сдирать шкуру съ кролика, какъ увидѣлъ, что у двери гостиницы остановился мажоранскій человѣчекъ на огромной лошади.

— Здѣсь г. Никола? спросилъ человѣчекъ. — Вы знаете, что пусный ролястъ назвался здѣсь этимъ именемъ.

— Здѣсь, говорю я.

— Скажите жъ ему, что пріѣхалъ человѣкъ, котораго онъ ждетъ изъ Авиньйона.

— Извольте, отвѣчалъ я: — только позвольте вамъ замѣтить одно обстоятельство,

— Какое?

«— Г. Никола́ умираетъ.

«— Тѣмъ болѣе прошу васъ не медлить.

«— Но вы, можете-быть, не знаете, что у него злая горячка!

«— Не-уже-ли? сказалъ незнакомецъ:— такъ дайте же ему скорее знать обо мнѣ.

«— Какъ, вы наставляете?

«— Наставляю.

«— Несмотря на опасность?

«— Несмотря ни на что, я долженъ его видѣть.

Маленькій чело́вѣчекъ сердился и говорилъ такимъ повелительнымъ тономъ, что нельзя было ему противорѣчить; я и проводилъ его въ комнату больного.

— И онъ теперь тамъ? сказалъ Шикó, указавъ на соседнюю комнату.

— Тамъ. Не правда ли, это забавно?

— Чрезвычайно-забавно, отвѣчалъ Шикó.

— Какъ жаль, что мы не можемъ слышать, о чемъ они говорятъ!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, жаль.

— Должно быть пресмѣшно.

— Умора; но кто же вамъ мѣшаетъ войти?

— Онъ высалъ меня.

— Подъ какимъ предлогомъ?

— Подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ намърочъ испоганываться.

— А кто вамъ мѣшаетъ подслушать у двери?

— Въ-самомъ-дѣлѣ! вскричалъ хозяинъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Шикó же подбѣжалъ къ дырочкѣ въ перегородкѣ.

Пьеръ де-Гондъ сидѣлъ у изголовья кровати больного; но они говорили такъ тихо, что Шикó не могъ ни слова расслышать изъ ихъ разговора.

Впрочемъ, хотъ бы онъ и могъ слышать, то не повѣлъ бы ни чего, потому-что разговоръ ихъ оканчивался и, пять минутъ спустя, г. де-Гондъ всталъ, протиснулся съ больнымъ и вышелъ.

Шикó побѣжалъ къ окну.

— Слуга, сидѣвшій на кургузой лошади, держалъ подлѣ уздамъ большого коня, о которомъ говорилъ трактирщикъ:— идиуту слуга, посланный Гитонъ явился, вскочилъ на лошадь и поворотилъ за уголъ къ дорогѣ, ведущей въ Парижъ.

— *Mordieu!* подумалъ Шикó:— только бы онъ не взялъ съ собою редословной; но все равно, я догоню его, хотъ бы мнѣ пришлось загнать десять лошадей... Нѣтъ, адвокаты хитрыя личности, въ-особенности мой пріятель, котораго я подозреваю... Экая досада! продолжалъ Шикó, съ нетерпѣніемъ топнувъ ногою:— куда дѣвался обжора Горанфó.

Въ это время вошелъ хозяинъ.

— Ну, что? спросилъ его Шикó.

— Увхалъ! отвѣчалъ хозяинъ.

— Исходившиъ ?
 — Какой онъ исходившиъ !
 — А большой ?
 — Въ обзорекъ.
 — Вы уверены, что онъ все въ своей комнатѣ ?
 — Еще бы ! онъ выйдетъ изъ нея только для-того, чтобъ от-
 правиться на кладбище.

— Хорошо ; какъ-только воротится мой братъ, пошлите его ко
 мнѣ.

— А если онъ пьянъ ?

— Все-равно, посылайте.

— Развѣ очень-нужно ?

— Необходимо ; для общаго блага нашего.

Вернулось скоро вышло ; онъ былъ человекъ усердный.

Шикъ находился въ сильномъ волненіи: онъ не зналъ, бѣжать ли
 ему за Гондлі, или войти прямо къ Давиду; если адвокатъ былъ
 и-скомъ-дѣлъ такъ опасно боленъ, какъ говорилъ хозяинъ, то,
 просто, онъ передалъ свои дѣлаши Гондлі. Шикъ какъ безум-
 ный прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, ударялъ себя въ
 лобъ и старался придумать хоть къ одной какой-нибудь мысли
 изъ тысячи мыслей, кивавшихъ въ головѣ его.

Въ соседней комнатѣ все было тихо; Шикъ въ дырочку могъ
 видѣть только одинъ уголокъ кровати, закрытой занавѣсками.

Вдругъ на лестницѣ послышался голосъ. Шикъ вздрогнулъ : то
 былъ голосъ Геранолѣ.

Братъ-сбиратель подавниа, сопровождаемый хозяиномъ, тихонько
 спрашивая заставить его молчать, медленно взбирался по лестницѣ,
 раскивая дребезжащія отъ омызвннн голосемъ:

Le vin
 Et le chagrin
 Se battent dans ma tête,
 Ils y font un tel train
 Que c'est une tempête.
 Mais l'un est le plus fort :
 C'est le vin !
 Si bien que le chagrin
 En sort
 Grand train.

Шикъ побѣжалъ къ двери.

— Тихо, пьяница ! закричалъ онъ.

— Ужъ и пьяница ! возразилъ Геранолѣ:—не тотъ пьяница, кто
 пьетъ, а тотъ, кто...

— Верстанъ же ! ступай сюда; а вы, Вернулось... знаете ?

— Знаю, знаю, сказалъ хозяинъ, значительно кивнувъ головою
 и невнятно сбывая съ лестницы.

Ступай же сюда, говорить тебя, продолжалъ Шикъ, тама Ге-
 ранолѣ въ комнату: — и переговоримъ серьезно, если можешь...

— Могу ли? вотъ еще! Вы, кажется, смѣетесь надо мною. серьёзенъ, какъ проголодавшійся оселъ.

— Скажи лучше, какъ напившійся, возразилъ Шикѣ, покажи плечами.

Потѣмъ онъ подвинулъ Горанфлѣ къ креслу, на которое тотъ и жело опустился, испустивъ протяжное: «а!».

Шикѣ затворилъ дверь и воротился къ Горанфлѣ съ серьезнымъ и рабочимъ лицомъ, и братъ-собиратель началъ, что дѣло шло о чемъ-то важномъ.

— Ну, что тамъ еще? спросилъ Горанфлѣ, какъ-бы желая вырвать этимъ словомъ всё гоненіе, которыми онъ подвергался отъ Гасконца.

— Тѣ, отвѣчалъ Шикѣ строго: — что ты совершенно забываешь обязанности своего званія; ты распутичаешь, гниешь въ нравствѣ и забываешь религію, собою!

Горанфлѣ вытаращилъ глаза на говорившаго.

— Я? произнесъ онъ.

— Да, ты; посмотри на себя, на кого ты похожъ? Какимъ ты будешь; ты, вѣроятно, подражалъ съ кѣмъ-нибудь, потому что тебя подбѣлъ одинъ глазъ.

— У меня? произнесъ Горанфлѣ, болѣе-и-болѣе изумленный выходящими морщинами, къ которымъ не привыкъ.

— У кого же больше? Ты по колѣни замачиваешь грязью, а еще какую грязью, блядь! Ясное доказательство, что ты притворялся въ предмѣстьяхъ.

— Правда.

— Несчастный! Желовалецъ долженъ бы болѣе заботиться о себѣ!

— Не-ужь-то я въ-самомъ-дѣлѣ такъ виноватъ? спросилъ Горанфлѣ, глубоко-тронутый словами Шикѣ.

— То-есть, ты заслуживаешь, чтобъ небесный огонь пожралъ тебя. Берегись! если ты не исправись, я покину тебя.

— Шикѣ, другъ мой, ты этого не сдѣлаешь!

— Вѣдь и въ Лионѣ есть стража.

— О! сжался, мой добрый покровитель! проговорилъ Горанфлѣ и заревѣлъ какъ теленокъ.

— Фи! продолжалъ Шикѣ: — и еще въ какое время предаешь ты разврату? Когда тутъ, возлѣ насъ, умираетъ человекъ!

— Правда, отвѣчалъ Горанфлѣ съ выраженіемъ раскаянія.

— Ну, говори, христіанинъ ты, или нѣтъ?

— Христіанинъ ли я! вскричалъ Горанфлѣ вставая: — отсохни мой языкъ, если я не христіанинъ!

И протянувъ одну руку, онъ занялъ, такъ, что окна задрожали:

Je suis chrétien,
C'est mon seul bien.

— Довольно! сказалъ Шикѣ, зажимая ему ротъ рукою: — если ты христіанинъ, такъ не давай умереть ближнему безъ покаянія.

— Справедливо! Гдѣ онъ? гдѣ мой ближній? Я сейчасъ исповѣдую его, только дайте мнѣ сперва напиться... жажда страшно мучитъ!

Шакѣ подалъ Горанолѣ большую кружку съ водой, и онъ почти разомъ опорожнилъ ее.

— А! сынъ мой, сказалъ Горанолѣ, ставя обратно кружку на столъ: — теперь мнѣ легче!

— Слава Богу, отвѣчалъ Шакѣ, рывшемуся воспользоваться этой минутой.

— Теперь, скажи мнѣ, милый другъ, продолжалъ Горанолѣ: — кого исповѣдывать?

— Нашего несчастнаго сосѣда... онъ умираетъ и нуждается въ душевной помощи. Ступай къ нему.

— Развѣ вы думаете, г. Шакѣ, спросилъ Горанолѣ оробѣвъ: — что ему безъ меня нельзя обейдтись?

— Никакъ нельзя! Если онъ заблудшася сюда, ты поставишь его на путь истинный... ты укажешь ему дорогу въ рай.

— Бѣгу!...

— Постой; я долженъ объяснить тебѣ, что надо дѣлать.

— Зачѣмъ? я и безъ васъ знаю свое дѣло.

— Конечно; но сегодня ты долженъ исполнять не только свое, но и мое дѣло.

— Ваше дѣло?

— И если ты исполнишь его добросовѣстно, я поставлю на твое имя сто пистолей въ Гостиницѣ Рога-Изабелля...

— Будетъ исполнено! Какъ же мнѣ исповѣдывать его?

— Слушай! По званію своему, ты можешь говорить именемъ короля и короля; краснорѣчіемъ своимъ ты долженъ убѣдить этого чловѣка отдать тебѣ бумаги, которые ему привезли изъ Авиньёна.

— А зачѣмъ мнѣ эти бумаги?

Шакѣ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Горанолѣ.

— Чтобъ получить тысячу экю! сказалъ онъ.

— Тысячу экю? Понимаю и отправляюсь.

— Погоди; онъ скажетъ тебѣ, что уже исповѣдывался.

— Ну, такъ мнѣ нечего будетъ дѣлать...

— Слушай; ты отвѣчаешь ему, что онъ лжеть; что чловѣкъ, умирающій сейчасъ отъ него, былъ не исповѣдывъ, а такой же грѣшникъ, какъ онъ самъ.

— Да онъ разсердится!

— А тебѣ какое дѣло? Владъ онъ умираетъ!

— Справедливо.

— Потомъ, заговори съ нимъ о раѣ, объ адѣ, словомъ, о чемъ хочешь; только добейся того, чтобъ онъ отдалъ тебѣ бумаги, полученные изъ Авиньёна.

— А если онъ не отдастъ?

— Такъ не отпускай ему грѣховъ, прокляни его!

— А по-идему, такъ, престо, наземьне отнять у него бумаги.

— Пожалуй и это; только скажи мнѣ сейчас, помнишь ли ты, что я тебѣ говорилъ?

— Понялъ, и вы увидите, какъ ловко исполню дѣло.

Горанелдъ провелъ рукою по лицу; оно приняло спокойное выраженіе, хотя въ глазахъ оставалось еще нѣчто туманное; голосъ его смягчился, движенія стали медленны, но въ рукахъ замытна еще была легкая дрожь.

Потомъ онъ величественно направился къ двери.

— Постой! сказалъ Шикд: — когда онъ отдастъ тебѣ бумаги, сожми ихъ въ одну руку, а другою постучись въ эту стѣну.

— А если не отдастъ?

— Тоже постучись.

— Понимаю.

И Горанелдъ вышелъ изъ комнаты, между-тѣмъ, какъ Шикд, нахлѣбавшійся въ невыразимомъ волненіи, приложивъ ухо къ дырочкѣ и притаявъ дыханіе, чтобъ явственнѣе разслышать малѣйшій звукъ.

Десять минутъ спустя, затрепавшій полъ воззвѣстала ему о томъ, что Горанелдъ входилъ къ сосѣду, и, приложивъ глаза къ отверстію, онъ увидѣлъ тучную фигуру своего товарища.

Адвокатъ приподнялся на подушкѣ и съ изумленіемъ гадаялъ на неожиданнаго гостя.

— Здравствуй, братъ мой! сказалъ Горанелдъ торжественнымъ голосомъ, остановившись посреди комнаты.

— Что вамъ нужно, отецъ? проговорилъ большой слабымъ голосомъ.

— Сынокъ мой, я недостойный монахъ; я узналъ, что вы находитесь въ опасности, и пришелъ позаботиться о спасеніи души вашей.

— Благодарю, отвѣчалъ больной:— но мнѣ кажется, что трудъ вашъ напрасенъ. Мнѣ легче.

Горанелдъ покачалъ головой.

— Вы думаете? спросилъ онъ.

— Я въ томъ увѣренъ.

— Сынокъ мой, это одно навожденіе дьявола, которому бы хотѣлось, чтобъ вы умерли безъ покаянія.

— Дьяволъ очень бы ошибался, сказалъ больной:— потому-что я только-что исповѣдывался.

— Кому?

— Достойному священнику, прибывшему изъ Авиньона.

Горанелдъ опять покачалъ головой.

— Это не священникъ, сказалъ онъ.

— Какъ не священникъ?

— Разумется, нѣтъ.

— Почему вы это знаете?

— Я знаю его.

— Того, кто сейчасъ вышелъ отсюда?

— Да, отвечалъ Горанфлô съ выраженiемъ такой искренности, то адвокатъ невольно смѣшался.

— Такъ-какъ вамъ не легче, сказалъ Горанфлô: — и такъ-какъ тотъ, кто вышелъ отсюда, былъ не священникъ, то вы должны жалеться...

— Охотно, отвечалъ адвокатъ болѣе-твердымъ голосомъ:—но я не хочу покаяться предъ тѣмъ, кого самъ выберу.

— Вамъ уже некогда посылать за другимъ священникомъ, потому-то я и пришелъ...

— Какъ некогда? вскричалъ больной болѣе-и-болѣе твердымъ голосомъ.—Говорятъ вамъ, что мнѣ легче; говорятъ вамъ, что я издоравливаю!

Горанфлô въ третiй разъ печально покачалъ головой.

— А я говорю вамъ, продолжалъ онъ флегматически:—я говорю вамъ, сынъ мой, что я не имѣю никакой надежды на ваше выздоровленiе; вы обречены уже на смерть врачами и святымъ Промыслиемъ. Знаю, что поступаю жестоко, говоря вамъ это, но на участь предстоитъ намъ всѣмъ, рано ли, поздно ли; но намъ кажется то утѣшенiе, что, умирая въ этомъ мiрѣ, мы воскресаемъ въ лучшемъ. Самъ Платонъ говоритъ это, хотя онъ и былъ моноклонникъ. Итакъ, кайся, любезный сынъ мой, кайся!

— Но увѣрю васъ, что мнѣ гораздо-легче... Я даже полагаю, что одно ваше присутствiе возстановило мои силы...

— Ошибаетесь, сынъ мой, возразилъ Горанфлô:—это одинъ обманъ; въ послѣднiя минуты жизни на мгновенiе вспыхиваетъ, точно потухающая лампа. Послушай, сынъ мой, сказалъ монахъ, сяди возлѣ кровати:—разскажи мнѣ откровенно всѣ твои заговоры, жаны, хитрости.

— Мои заговоры, козни, хитрости? повторилъ Николай Давидъ, невольно пятясь отъ загадочнаго монаха, котораго онъ не зналъ и который, по-видимому, зналъ его такъ хорошо.

— Да, сказалъ Горанфлô, сложивъ руки и преспокойно располагаясь слушать исповѣдь умирающаго:—и когда ты мнѣ все откроешь, я дамъ тебѣ же бумаги, и, быть-можетъ, Господь позволитъ мнѣ прозвать тебя прощенiе.

— Какiя бумаги? вскричалъ больной такимъ рѣзкимъ, сильнымъ громкимъ голосомъ, какъ человекъ совершенно-здоровый.

— Бумаги, которыя мнимый священникъ привезъ тебѣ изъ Вильфона.

— А кто вамъ сказалъ, что этотъ мнимый священникъ привезъ тебѣ бумаги? спросилъ адвокатъ, приподнявшись на постели и такимъ грознымъ голосомъ, что Горанфлô былъ внезапно выведенъ изъ приятной полудремоты, въ которую начиналъ-было уже погружаться.

Но онъ тотчасъ же понравился и рѣшился показать твердость духа.

— Тотъ, кто мнѣ это сказалъ, очень-хорошо знаетъ, что онъ

говорилъ, отвѣчалъ Горанфлô: — да полно толковать, подавай бумаги или нѣтъ тебѣ прощенья!

При этомъ словѣ, Давидъ, выскочивъ изъ постели, схватилъ Горанфлô за горло.

— Ахъ, Господи! да развѣ у васъ бѣлая горячка? Такъ вы и хотите каяться, не хотите?

Большой палецъ адвоката такъ ловко и сильно сдвинулъ горло Горанфлô, что тотъ захрипѣлъ, не договоривъ своей фразы.

— Я хочу, чтобъ ты самъ покаялся, посланный Вельзевулъ вскричалъ адвокатъ Давидъ: — а что касается до бѣлой горячки такъ ты увидишь сейчасъ, помѣшаетъ ли она мнѣ задушить тебя!

Братъ Горанфлô былъ силенъ; но нападеніе было такъ внезапно, что, собравъ всѣ силы, онъ могъ только приподняться со стула, уцѣпиться за рубаху адвоката и отбросить его такъ далеко, что тотъ полетѣлъ въ противоположный уголъ комнаты.

Николай Давидъ вскочилъ съ бѣшенствомъ, бросился къ шпагѣ, конецъ которой былъ замѣченъ трактирщикомъ, обнажилъ ее, въ одно мгновеніе ока приставилъ остріе ея къ горлу Горанфлô, въ изнеможеніи опустившагося обратно на стулъ.

— Кайся! сказалъ глухимъ голосомъ адвокатъ: — или ты умрешь!

Горанфлô, совершенно-потрезвившійся отъ холоднаго прикосновенія острія шпаги, понялъ опасность своего положенія.

— О! сказалъ онъ: — следовательно, вы совсѣмъ не были болѣны? Следовательно, болѣзнь ваша была одна комедія?

— Ты забываешь, что тебѣ должно не спрашивать, а отвѣчать, сказалъ адвокатъ.

— Отвѣчать? На что?

— На мои вопросы.

— Спрашивайте.

— Кто ты?

— Вы сами видите, кто я.

— Это не отвѣтъ, сказалъ адвокатъ, придавивъ конецъ шпаги.

— Берегитесь же! Если вы меня убьете, такъ ничего не узнаете!

— Правда. Какъ тебя зовутъ?

— Братъ Горанфлô.

— Такъ ты настоящій монахъ?

— Вотъ вопросъ! Разумѣется настоящій.

— Зачѣмъ ты въ Лионъ?

— Затѣмъ, что изгнанъ изъ Парижа.

— Что привело тебя въ эту гостиницу?

— Случай.

— Давно ли ты здѣсь?

— Шестнадцать дней.

— Зачѣмъ ты подсматривалъ за мною?

— Я и не думалъ подсматривать за вами.

— Какъ ты узналъ, что я получилъ бумаги?

— Мнѣ сказали.

— Кто?

— Тотъ, кто послалъ меня сюда.

— А кто тебя послалъ сюда?

— Не могу сказать.

— Я заставляю!

— Ой! закричалъ Горанфлô.— *Vertueux!* Не троньте, я кричу.

— А я убью.

Горанфлô закричалъ; на концѣ шпаги показалась капля крови.

— Какъ его зовутъ? спросилъ адвокатъ.

— А! такъ и быть! терпѣлъ я долго... больше не могу...

— Разумѣется, ты сдѣлалъ, что могъ. Говори же, кто подослалъ
тебя ко мнѣ...

— Меня...

Горанфлô колебался; ему трудно было измѣнить другу.

— Говори же! сказалъ адвокатъ, топнувъ ногою.

— Да ну!... Шикô.

— Шуть короля?

— Именно.

— А гдѣ онъ?

— Здѣсь! вскричалъ чей-то голосъ.

И Шикô явился на порогъ, блѣдный, грезный, съ обнаженной
шпагой въ рукѣ.

ГЛАВА X:

Какъ Шикô раздѣлялся съ адвокатомъ.

Узнавъ своего смертельнаго врага, Николай Давидъ отступилъ съ
ужасомъ.

Горанфлô воспользовался этой минутой, чтобъ отскочить въ сто-
рону и тѣмъ избавился отъ угрожавшей ему шпаги адвоката.

— Помогни мнѣ, другъ мой! закричалъ онъ: — помоги! меня рѣ-
жутъ, убиваютъ!

— А-га! почтеннѣйшій г. Давидъ, сказалъ Шикô: — такъ это
ты?

— Да, проговорилъ Давидъ: — я.

— Какъ я радъ случаю видѣться съ вами, продолжалъ Гаско-
нецъ.

Потомъ, обратившись къ Горанфлô, прибавилъ:

— Добрый мой Горанфлô, пока мы думали, что г. Давидъ
успѣетъ, присутствие и помощь твоя были намъ весьма-нужны;
но теперь, когда г. Давидъ здоровѣе, то ему уже не
нужно духовника, и потому онъ будетъ имѣть дѣло съ дворяни-
номъ.

Давидъ хотѣлъ было презрительно улыбнуться.

— Да, съ дворяниномъ, сказалъ Шикô: — съ дворяниномъ, ко-
торый сейчасъ докажетъ вамъ свое происхожденіе. Любезный Го-

ранфолó, продолжалъ Шикó, обращаясь къ монаху: — вотрудитесь стать на площадкѣ передъ дверью и не впускать никого; мнѣ нужно переговорить о весьма-важномъ дѣлѣ съ г-нѣмъ Давидомъ.

Горанфолó былъ очень-радъ случаю уйдти подальше отъ свирпаго адвоката, а потому немедленно пошелъ къ двери, описавъ порядочный кругъ, чтобъ во все время перехода черезъ комнату не ходиться въ почтительномъ разстояніи отъ Давида; скоро проскочилъ онъ въ дверь и исчезъ.

Шикó заперъ за нимъ дверь на задвижку, не измѣняя своего хладнокровію.

Давидъ былъ сначала сильно пораженъ неожиданностью этого происшествія; но потомъ, надѣясь на свое искусство и на то, что былъ наединѣ съ Шикó, онъ пришелъ въ себя; когда Гаскомель заперъ двери и обратился къ адвокату, адвокатъ стоялъ свершился на кровать, со шпагой въ рукѣ, и улыбался.

— Одѣвайтесь, сказалъ Шикó: — я подожду, потому-что не хочу имѣть никакого преимущества предъ вами. Я знаю, что вы чрезвычайно-ловко владеете шпагой; но это меня несколько не беспокоитъ.

Давидъ захохоталъ.

— Презабавная шутка! сказалъ онъ.

— Дá, она мнѣ тоже нравится, но это еще не все: послѣ будетъ еще забавнѣе. Знаете ли, г. Давидъ, зачѣмъ я пришелъ сюда?

— Не за остальными ли ударами, которыхъ я вамъ не додалъ, когда вы такъ ловко выскочили изъ окна?

— Нѣтъ; я помню, сколько получилъ, и считаю себя должникомъ герцога майенскаго... но съ нимъ я послѣ рассчитаюсь. Сюда же я пришелъ за нѣкоторой родословной, которую Пьеръ де-Гонди привезъ вамъ сюда, самъ не зная, какое сокровище было у него въ рукахъ.

Давидъ поблѣднѣлъ.

— За какою родословною? спросилъ онъ.

— За родословною господъ Гізовъ, происходящихъ, какъ вамъ самимъ извѣстно, по прямой линіи отъ Карла-Великаго.

— А-га! сказалъ Давидъ: — такъ вы, мосьё Шикó, шпионъ, а я считалъ васъ шутомъ!

— Почтеннѣйшій мосьё Давидъ, чтобъ быть вамъ приятнымъ, я буду и тѣмъ и другимъ: шпиономъ, чтобъ довести васъ до истины; шутомъ, чтобъ смѣяться, когда васъ повѣсятъ.

— Меня повѣсятъ!

— Повѣсятъ, мой милый мосьё Давидъ; головы вамъ отсѣчь нельзя — вы не дворянинъ.

— Какимъ способомъ можете вы довести меня до вѣселяны, какъ говорите?

— Весьма-простымъ: я расскажу всю правду, и дѣло съ концомъ. Надо вамъ знать, любезнѣйшій мосьё Давидъ, что я при-

существовалъ въ прошломъ мѣсяцѣ на маленькомъ совѣщаніи, бывшемъ въ Монастырѣ-Свѣтой-Женевьевы, между нихъ свѣтлостями, господами Гизами и герцогиней де-Монпансье.

— Вы?

— Да, я; я сидѣлъ въ исповѣдальнѣ, которая находилась прямо противъ той, въ которой вы сидѣли; не правда ли, какъ тамъ не ловко? Впрочемъ, мнѣ было еще хуже вашего, потому-что я не могъ выйти прежде, пока совѣщаніе не кончилось, а оно продолжалось непростительно-долго. И такъ, я слышалъ рѣчи г. Монсоро, Ла-Гюрера и одного монаха, имя котораго я забылъ, но который говорилъ весьма-краснорѣчиво. Я видѣлъ сцену коронаванія герцога инжуйскаго: это была драма того спектакля; потомъ пьеска, которую играли въ заключеніе, была крайне-забавна; въ этой пьескѣ разыгрывали родословную герцоговъ лотарингскихъ, просмотрѣнную, исправленную и дополненную г-мъ Николаемъ Давидомъ. Весьма-забавная пьеска! Не доставало въ ней только подтвержденія его святѣйшества.

— А! вы знаете эту родословную? сказалъ Давидъ, съ трудомъ удерживая свое бѣшенство и злобно кусая губы.

— Да, сказалъ Шикъ:— и она показалась мнѣ чрезвычайно-замысловатою, хитро-придуманною, особенно относительно салическаго закона. Только, право, не здорово имѣть столько ума! Какъ-нибудь умрешь — на висѣлицѣ; я былъ очарованъ вашею изобрѣтательностью и въ то же время почувствовалъ къ вамъ крайнее со-страданіе. Какъ! подумалъ я: не-уже-ли я позволю повѣсить почетнаго г. Давида, знаменитаго адвоката, столь же ловко владеющаго шпагой, какъ и перомъ, — словомъ, моего закадычнаго друга! Никогда! Я могу не только спасти его отъ висѣлицы, но и осчастливить, озолотить этого храбраго и умнаго адвоката, этого милаго друга, которому я заплачу добромъ за невольное-причиненное мнѣ зло. Спасу его! Узнавъ, что вы намѣрены отправиться къ дутѣ, я рѣшился слѣдовать за вами. Когда вы выезжали изъ Парижа, я подсматривалъ за вами; вы не замѣтили меня, потому-что я былъ слишкомъ-хорошо спрятанъ; съ этой минуты, я слѣдовалъ за вами, то теряя васъ изъ виду, то догоняя васъ, — словомъ, мнѣ было съ вами много хлопотъ. Наконецъ, мы пріѣхали въ Лонъ. Я говорю: *мы*, потому-что часъ спустя послѣ вашего пріѣзда, я былъ не только въ одной гостиницѣ съ вами, но даже во-мнѣ васъ, вотъ тамъ, за этой стѣной. Считаю излишнимъ объяснить, что я выезжалъ изъ Парижа не для того, чтобъ потерять васъ изъ вида, — нѣтъ; я просверлилъ въ этой тонкой стѣнѣ маленькую дырочку, сквозь которую могъ любоваться вами, сколько душъ моей было угодно — и, признаюсь, вдоволь на васъ посмотрѣлся. Но вотъ мы вдругъ занемогли; хозяинъ хотѣлъ вынудить васъ изъ дома; вы же назначили г-ну де-Гонди свиданіе въ трактирѣ *Алеба-Креста*, боялись разойтись съ нимъ и прикинулись больнымъ. Хитрость довольно-ловкая: но я самъ хитеръ, и по-

тому не совсемъ повѣрилъ вашей болѣзни. Однакожъ, такъ-какъ мы все смертны (въ чемъ я сейчасъ постараюсь убѣдить васъ), то я прислалъ сюда добраго Горамелю, моего товарища и друга, чтобъ склонить васъ къ раскаянью; а вы, закоренѣлый грѣшникъ, не внимая благочестивымъ словамъ его, хотѣли проткнуть его шпагой, забывъ, что за кровь платятъ кровью! Тогда я послѣдилъ подо-спѣть на помощь къ моему бѣдному другу... Позвольте же мнѣ сказать вамъ, почтеннѣйшій г. Давидъ, что я съ вами ссориться не намѣренъ; вѣдь мы старые друзья — помиримся; согласитесь на мое предложеніе, и вы не раскаетесь...

— Какое предложеніе?

— Да то же самое, которое вамъ дѣлалъ пріятель мой Горамелю. Еслибъ вы отдали ему бумаги, я охотно простилъ бы все. Вы, г. Давидъ, человекъ замѣчательный: вы мастерски владеете шпагой, славно взяли верхомъ, судебныя крючки вамъ ни-че-го-то, искусство набивать широкіе карманы туго-набитыми кошачьими вы постигли въ совершенствѣ. Жаль было бы, еслибъ такой великій человекъ, какъ вы, исчезъ внезапно съ лица земли! гдѣ ему суждено играть немаловажную роль. Послушайте, г. Давидъ, бросьте заговоры. Послушайтесь меня, разойдитесь съ Гибелю. Отъ нихъ добра не дождетесь. Отдайте мнѣ ваши бумаги, а даю вамъ честное слово дворянина, я помирю васъ съ королемъ!

— А если я вамъ ихъ не отдамъ, тогда что? спросилъ Николъ Давидъ.

— А! если вы ихъ не отдадите, тогда другое дѣло. Тогда я васъ убью, честное слово дворянина! Не правда ли, это очевидно, мой милый мосье Давидъ?

— Чрезвычайно-забавно, отвѣчалъ адвокатъ, играя шпагой.

— Если жъ вы отдадите мнѣ ихъ, продолжалъ Шинко: — то все будетъ забыто. Вы, можетъ-быть, не вѣрите мнѣ, любезнѣйшій мосье Давидъ, потому-что сами человекъ злопамятный, такъ и вы на считаете такимъ же? Ошибаетесь. Правда, я ненавижу васъ, но я ненавижу еще болѣе герцога майенненкаго: дайте мнѣ свободу, погубить герцога, и я спасу васъ. Хотите ли, чтобъ я прибавилъ еще нѣсколько словъ, которыхъ вы не поймете, потому-что сами никого въ мірѣ, кромѣ себя, не любите?... Знаете ли, что я, жалкій, униженный и униженный шутъ, люблю короля, не смотря на все его недостатки? Я люблю короля, дайте мнѣ свободу убивать, защитившаго меня отъ мясника Майенно, нападшаго ночью съ пятнадцатью разбойниками, на Луврской-Площади, одного человека! Вы знаете, о комъ я говорю... о бѣдномъ Сам-Мегренѣ. Надѣюсь, вы не были въ числѣ убійцъ его? Не правда ли? Гмъ лучше — я вамъ вѣрю. Итакъ, я хочу, чтобъ мой бѣдный король могъ царствовать спокойно, а это невозможно при вѣселяхъ Майенна и родословныхъ Николая Давида. Отдайте мнѣ родословную и — честное слово! я несчастливъ васъ.

Во все время длинной своей рѣчи, Шинко внимательно слу-

льз за движеніями Давида, но не замѣтилъ ни одной доброй мысли въ мрачныхъ глазахъ адвоката, ни одного благороднаго чувства на холодно-злобномъ лицѣ его.

— Вижу, что все краснорѣчіе мое напрасно: вы не вѣрите мнѣ; следовательно, я долженъ прибѣгнуть къ единственному остающемуся мнѣ средству наказать васъ за оскорбленіе, мнѣ причиненное, избавить свѣтъ отъ чловѣка, невѣрующаго ни въ честность, ни въ добродѣтель. Васъ повѣсятъ. Прощайте, мосьё Давидъ!

И Шикó началъ отступать къ дверц, не спуская глазъ съ адвоката.

Давидъ бросился къ нему.

— И вы думаете, вскричалъ онъ: — что я выпущу васъ? О, нѣтъ, исподить шпіонъ; нѣтъ, мой милый Шикó: тотъ, кто знаетъ шпіу родословной, долженъ умереть! Тотъ, кто угрожаетъ Николу Давиду, долженъ умереть! Тотъ, кто требуетъ отъ меня ума, долженъ умереть!

— Тамъ лучше, отвѣчалъ Шикó съ прежнимъ спокойствіемъ: — не хотѣлъ драться съ вами только потому, что увѣренъ былъ въ преимущество, которое имѣю надъ вами: Крыльионъ показалъ мнѣ ударъ, одинъ только ударъ, но его будетъ достаточно — честное слово!... Отдавайте же бумаги, или я убью васъ! прибавилъ онъ грознымъ голосомъ: — я нанесу вамъ рану въ горло, въ то самое мѣсто, въ которое вы колнули моего друга Горанфлó.

Шикó не договорилъ этихъ словъ, какъ Давидъ бросился на него съ дикимъ хохотомъ. Шикó искусно отразилъ первый ударъ.

Противники были почти одного роста; но такъ-какъ Шикó былъ лѣтъ, а адвокатъ въ одной рубахѣ, то послѣдній казался выше, удивляе Гасконца. Онъ по движеніямъ своимъ походилъ на кошку: съ такою быстротою дѣйствовалъ онъ шпагой и такъ ловко уклонялся отъ ударовъ Шикó; но Шикó сказалъ правду: адвокатъ встрѣтилъ опаснаго соперника. Фехтля почти каждый день въ королевѣ, шутъ достигъ высокой степени совершенства въ искусствѣ владѣть шпагой; Давидъ вкорь убѣдился въ этомъ, безреставно встрѣчая остріе шпаги своего противника.

Онъ отступилъ.

— А-га! сказалъ Шикó: — вы начинаете мнѣ вѣрить, не правда ли? Не повтóряю вамъ: отдайте бумаги!

Но адвокатъ отступилъ только, казалось, для-того, чтобъ переменить дыханіе, и съ новымъ остервенѣніемъ бросился на Гасконца, и съ порѣ спокойно защищавшагося и ненаносившаго ни одного удара.

Адвокатъ опять отступилъ.

— Ну! сказалъ Шикó: — теперь и мнѣ пора за дѣло!

И онъ сталъ наступать.

Николай Давидъ однимъ скачкомъ и совершенно-неожиданно бросился на Шикó; но Гасконецъ дѣйствовалъ сдѣшкомъ-спокой-

но, и потому однимъ движеніемъ отразилъ ударъ адвоката, поразивъ его въ самое горло, какъ обѣщаль.

— Правду ли я говорилъ? спросилъ Шикó.

Давидъ не отвѣчалъ; кровь хлынула изъ рта его, и онъ повалился къ ногамъ Гасконца.

Шикó скоро отступилъ. Не смотря на смертельную рану, знать можетъ еще подняться и ужалить.

Невольнымъ движеніемъ Давидъ поползъ къ кровати, какъ-бы желая еще защитить свою тайну.

— Э! произнесъ Шикó:—я думалъ, что ты уменъ, а на повѣрку выходитъ, что ты глупёхенокъ! Я не зналъ, гдѣ были спрятаны твои бумаги, а ты самъ указываешь мнѣ мѣсто.

Пока Давидъ мучился въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, Шикó побѣжалъ къ кровати, поднялъ подушку, матрацъ и подъ нимъ нашелъ свернутый пергаментъ, котораго Давидъ, предвидя эту катастрофу, не думалъ прятать далѣе.

Въ то самое время, какъ онъ развертывалъ пергаментъ, чтобы удостовериться, точно ли это была та бумага, которую онъ искалъ, Давидъ приподнялся съ яростію, но тотчасъ же опять усталъ испустить послѣдній вздохъ.

Взоромъ, исполненнымъ радости и гордости, Шикó смотрѣлъ на пергаментъ, привезенный изъ Авиньйона Пьеромъ де-Гонди.

Папскій легатъ, вѣрный политикъ своего начальника, подписалъ на родословной слѣдующія слова:

Fiat ut voluit Deus: Deus jura hominibus fecit.

— Гм! сказалъ Шикó: — не слишкомъ-то вѣжливо послужаютъ они съ мной королемъ.

Потомъ онъ спряталъ бумагу на груди, приподнялъ тѣло адвоката, положилъ его на кровать, обратилъ лицомъ къ стѣнѣ и, створивъ дверь, позвалъ Горанелó.

Горанелó вошелъ.

— Какъ вы блѣды! вскричалъ онъ, взглянувъ на Шикó.

— Да, послѣднія минуты этого бѣдняги сильно растрепали меня.

— Какъ! не-ужь-то онъ умеръ?

— Кажется, отвѣчалъ Шикó.

— Да вѣдь онъ былъ здоровёхенокъ.

— Былъ. Онъ думалъ, что все прошло; хотѣлъ-было поестъ проглотилъ кусокъ, другой... а не тутъ-то было! желудокъ не вричь; ножки протянулъ.

— По-дѣломъ ему! онъ хотѣлъ зарѣзать меня, а кто другому яму...

— Прости ему, братъ мой, вѣдь ты христіанинъ.

— Ну, такъ и быть, прощаю, отвѣчалъ Горанелó: — хотъ онъ признаться, порядочно наугалъ меня.

— Но это еще не все, сказалъ Шикó: — ты долженъ зажечь свѣчи и прочитать молитву надъ тѣломъ покойника.

— Это зачѣмъ?

У Горанфлô была привычка спрашивать : зачѣмъ ?

— Какъ зачѣмъ? возразилъ Шикô: — чтобъ тебя не посадили въ тюрьму, какъ убійцу.

— Меня? Полно! Да не онъ ли хотѣлъ заколотъ меня?

— Онъ! Но такъ-какъ это ему не удалось, то ярость слишкомъ взволновала кровь его и, вѣроятно, въ груди у него лопнула какая-нибудь артерія, а тамъ и поминай какъ звали! Следовательно, ты видишь, Горанфлô, что, по-настоящему, ты виновникъ его смерти, правда, неумышленный, но все-таки виновникъ! А потому, пока невинность твоя не будетъ доказана, тебѣ можетъ быть плохо.

— Кажется, вы правду говорите, г. Шикô, сказалъ Горанфлô.

— Тѣмъ болѣе правду, что здѣсь въ Лионѣ начальство чрезвычайно-строгое.

— Господи помилуй! проговорилъ братъ-собратель подаврія.

— Дѣлай же, что тебѣ говорятъ.

— Да, что же мнѣ дѣлать?

— Останься здѣсь, читай всѣ молитвы, какія знаешь и даже какихъ не знаешь, а вечеромъ выйди изъ трактира не торопясь, и ступай къ кузницѣ, которая на углу. Знаешь?

— Знаю, отвѣчалъ Горанфлô:—тамъ-то я и подшибъ себѣ глазъ вчера...

— Трогательное воспоминаніе! Но слушай: я распоряджусь такъ-образомъ, чтобъ лошадь твоя была тамъ — понимаешь? Сядь на нее, не вступая ни съ кѣмъ въ разговоры, и скачи, если хочешь, въ Парижъ; въ Вильнёв-ле-Руа ты продашь лошадь и купишь своего Панюржа.

— Ахъ, мой добрый Панюржъ! Что-то онъ подѣлываетъ? Я буду очень-радъ увидѣться съ нимъ. Но чѣмъ же я буду жить до-тѣхъ-поръ?

— Я не скуплюсь съ своими друзьями, сказалъ Шикô: — на. И Шикô вынулъ изъ кармана горсть монетъ, которыя положилъ на широкую ладонь своего спутника.

— Великодушный человѣкъ! сказалъ Горанфлô, тронутый до слезъ: — позвольте мнѣ остаться съ вами въ Лионѣ; это вторая столица королевства и городъ весьма-гостепріимный.

— Да пойми же, наконецъ, что я не остаюсь здѣсь. Я еду... еду немедленно и такъ скоро, что тебѣ не успѣть за мною.

— Покоряюсь, сказалъ Горанфлô печально.

— Давно бы такъ!

Онъ усадилъ своего товарища возлѣ постели, сошелъ къ хозяйну и, отведя его въ сторону, сказалъ:

— Бернульдъ, вы не знаете, что случилось въ вашемъ домѣ?

— Что же такое? спросилъ хозяинъ, вытаращивъ глаза: — что случилось?

— Закоренѣлый грѣшникъ, отчаянный роялистъ, защитникъ гугенотовъ...

— Что же?

— Противникъ православной вѣры, принималъ сегодня у себя посланнаго отъ папы.

— Я же вамъ это говорилъ.

— Да; его святѣйшество (да сохранить Господь его и въ этомъ и въ томъ мѣрѣ!) прислалъ своего повѣреннаго къ злодѣю... но, по-видимому, злодѣй-то не зналъ, съ какою цѣлю.

— А съ какою?

— Ступайте въ комнату своего постояльца, Бернулье, приподнимите одѣяло, посмотрите на шею, и вы увидите.

— Вы пугаете меня.

— Я говорю, что знаю. Въ нашемъ домѣ свершился судъ надъ грѣшникомъ, Бернулье. Вы должны благодарить папу за эту честь.

Потомъ Шико вложилъ въ руку хозяина десять золотыхъ монетъ, пошелъ въ конюшню и вывелъ изъ нея обѣихъ лошадей.

Хозяинъ же бѣгомъ отправился въ комнату Николая Давида.

Тамъ онъ засталъ молящагося Горанфодъ.

Онъ подошелъ къ кровати и приподнял одѣяло. Рана была еще свѣжа, но тѣло адвоката было уже холодно, какъ ледь.

— Такъ погибаютъ все враги истинной вѣры! сказалъ онъ, сдѣлавъ знакъ Горанфодъ.

— Аминь! отвѣчалъ тотъ.

Это происходило около того самого времени, когда Бюсси соединилъ Диану де-Меридоръ со старымъ барономъ, считавшимъ ее умершею.

ГЛАВА XI.

Какъ герцогъ анжуйскій узналъ, что Диана де-Меридоръ жива.

Наступилъ конецъ апрѣля.

Большой Шартрскій-Соборъ былъ завѣшенъ белыми драпировками, а на колоннахъ, гирлянды изъ листьевъ замѣняли цвѣты, которыхъ въ то время года еще не было.

Король, прошедшій босыми ногами отъ градскихъ воротъ, стоялъ противъ алтаря, оглядываясь по-временамъ, все ли привѣрные и друзья его слѣдовали за нимъ. По одни, которымъ не нравилась жесткая мостовая, надѣли башмаки; другіе, уставше или проголодавшіеся, отдыхали или ѣли въ гостинницахъ, куда пробралась тайкомъ, и только весьма-немногіе имѣли мужество стоять голыми ногами на сырой плитѣ, покрывавшей полъ въ церкви.

Религіозная церемонія имѣла цѣлю вымолить наследника французскому престолу; разныя священныя вещи были въ видѣ золотыхъ ящичковъ, въ которыхъ онъ хранились.

Посреди всеобщаго молчанія, Генрихъ III услышалъ вдругъ странный шумъ, походившій на заглушаемый смѣхъ, и оглянувшись, хотѣлъ посмотреть, не возвратился ли Шико; только одинъ Гасконецъ, во-

торону все сходило съ рукъ, могъ дерзнуть засмѣяться въ подобную минуту.

Однакожь, смѣялся не Шикъ; его тутъ не было, и это очень огорчало короля, невидавшаго его съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ выскочилъ изъ экипажа, на дорогъ въ Фонтенблô.

Къ церкви подъѣхалъ всадникъ на лошади, покрытой пѣной; не смотря на то, что сапоги и платье его были забрызганы грязью, онъ пробрался между босыми придворными, одѣтыми въ длинныя вретнища.

Замѣтивъ, что король оглянулся, незнакомецъ остановился почитительно, потому-что былъ человекъ придворный; это легко было узнать по движеніямъ и дорогой, красивой одеждѣ его.

Генрихъ, недовольный шумомъ, произведеннымъ запоздалымъ придворнымъ, и дерзостью, съ которою онъ являлся въ церковь, въ свѣтскомъ, несоответствующемъ торжественности обряда костюмѣ, бросилъ на него взглядъ, исполненный упрека и досады.

Вновь-прибывшій притворился, будто не замѣтилъ взгляда короля, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, къ большому соблазну присутствующихъ (потому-что сапоги его, по тогдашней модѣ, были со скрапомъ), преклонилъ колѣни возлѣ бархатнаго кресла герцога лажуэскаго, погруженнаго въ глубокія размышленія и необращавшаго вниманія на происходившее вокругъ него.

Приближеніе новаго лица заставило его поднять голову; онъ скоро оглянулся и произнесъ вполголоса:

— Бюсси!

— Здравствуйте, ваше высочество, отвѣчалъ молодой дворянинъ такимъ голосомъ, какъ-будто-бы только на канунъ расстался съ герцогомъ, и какъ-будто ничего важнаго не произошло съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ не видалъ его.

— Ты, кажется, съ ума сошелъ?

— Отъ-чего же, ваше высочество?

— Какъ же ты могъ внезапно и неожиданно оставить меня, промалла Богъ - вѣсть гдѣ, и вдругъ очутился въ Шартръ во время торжественной церемоніи и въ такомъ видѣ?

— Ваше высочество, сказалъ Бюсси: — мнѣ немедленно нужно переговорить съ вами.

— Зачѣмъ же ты не пріѣхалъ раньше?

— Вѣроятно, нельзя было.

— Но что же ты дѣлалъ въ-продолженіи трехъ недѣль?

— Объ этомъ-то я и хочу переговорить съ вашимъ высочествомъ.

— Такъ подожди конца церемоніи.

— Увы! Я вижу, что надо ждать, а это-то самое и бѣситъ меня.

— Те! вотъ и конецъ; потерпи, мы вмѣстѣ отправимся ко мнѣ.

— Непременно, ваше высочество.

Король и королева стали на колѣни подъ высокимъ балдахиномъ и усердно молились; придворные, желая подслужиться, подражали имъ.

За тѣмъ король всталъ, поклонился сперва епископу, потомъ королеву и направилъ шаги къ выходу.

Но на половинѣ дороги онъ остановился, замѣтивъ Бюссі.

— Графъ! сказалъ онъ: — кажется, наше покаяніе вамъ не драдятся, потому что вы не можете отказаться отъ шелка и золота, когда самъ король вашъ наложилъ на себя саржевое вретинце.

— Ваше величество, отвѣчалъ Бюссі съ достоинствомъ, но слегка поблѣднѣвъ отъ упрека: — никто болѣе меня не предастъ вашему величеству; никто, даже изъ тѣхъ, которые изранили себѣ ноги на жесткой мостовой; но я только-что воротился съ далекой и утомительной дороги и только сегодня утромъ узналъ о пребываніи вашего величества въ Шартръ. Я проскакалъ двадцать-два льё въ пять часовъ, чтобъ поспѣть сюда въ-время; вотъ почему я не успѣлъ переменить платья и подвергся выговору, котораго я, вѣрно, не получилъ бы, еслибъ остался спокойно въ Парижѣ.

Король остался, по-видимому, доволенъ этимъ отвѣтомъ; но, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ друзей его пожимали плечами, пока говорилъ Бюссі, онъ не хотѣлъ разсердить ихъ, оказавъ снисхожденіе дворянину своего брата, и пошелъ далѣе, не говоря ни слова.

Бюссі почтительно далъ пройти королю.

— Какъ! сказалъ герцогъ: — ты промолчалъ?

— Чтѣ же мнѣ было еще говорить?

— Развѣ ты не видѣлъ, что Шомбергъ, Келюсъ и Моширѣнъ пожимали плечами, когда ты говорилъ?

— Видѣлъ, ваше высочество, спокойно отвѣчалъ Бюссі.

— Чтѣ же?

— Не-ужь-то вы думаете, что я стану заводить ссору въ церкви?

— А! вотъ-какъ! сказалъ герцогъ съ изумленіемъ: — а я думалъ, что ты не видалъ, или не хотѣлъ видѣть.

Бюссі пожалъ плечами и, вышедъ вмѣстѣ съ герцогомъ изъ церкви, сказалъ ему:

— Теперь къ вамъ, ваше высочество?

— Прямо ко мнѣ; я вижу, что у тебя должны быть весьма-важныя новости.

— Весьма-важныя, которыхъ вы и не подозреваете.

Герцогъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Бюссі.

— Я говорю правду, отвѣчалъ Бюссі.

— Такъ дай мнѣ только поклониться королю; я сейчасъ же вернусь.

Герцогъ пошелъ проститься съ королемъ, который, будучи въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, позволялъ брату воротиться въ Парижъ, когда ему заблагоразсудится.

Поспѣшно воротившись къ Бюссі, онъ поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ домъ, который былъ отведенъ принцу.

Тамъ они заперлись.

— Садись, сказалъ герцогъ : — и рассказывай ; я думалъ, что ты убитъ.

— Повѣрю, ваше высочество.

— И весь дворъ надѣлъ бѣлое платье, радуясь твоей мнимой смерти... но теперь не въ томъ дѣло. Ты разстался со мною, чтобы наблюдать за прелестной незнакомкой! Кто эта женщина и чего могу я ожидать отъ нея?

— Вы пожнете то, что посѣяли, ваше высочество : стыдъ и позоръ.

— Что-о? спросилъ герцогъ, болѣе изумленный словами, нежели несправедливостью Бюсси.

— Вы слышали мои слова, холодно возразилъ Бюсси :— следовательно, мнѣ не нужно повторять ихъ.

— Объяснитесь, графъ; предоставьте загадки и анаграммы шуту короля.

— Извольте, ваше высочество ; мнѣ стоить только прибѣгнуть къ вашимъ воспоминаніямъ.

— Но кто эта женщина ?

— Я думалъ, что вы узнали ее.

— Такъ это она! вскричалъ герцогъ.

— Она, ваше высочество.

— Ты ее видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Она говорила съ тобою?

— Разумѣется; молчать только покойники... Впрочемъ, вы, не зная бытъ, имѣли свои причины надѣяться и полагать, что она умерла.

Герцогъ поблѣднѣлъ; жесткія слова того, который, по общему правилу, долженъ бы льстить ему, поразили его въ самое сердце.

— Да, ваше высочество, продолжалъ Бюсси :— хотя вы поставили такую дѣвушку дворянскаго происхожденія въ такое положеніе, что ей оставалось только одно спасеніе — въ самоубійствѣ... она, однакожь, спаслась другимъ способомъ отъ позора... Не радуйтесь еще, ваше высочество : сохранивъ жизнь, она поддалась несчастію, которое хуже самой смерти...

— Что же съ нею случилось? спросилъ герцогъ съ невольнымъ восторгомъ.

— Ваше высочество! Одинъ человекъ спасъ ее отъ позора; этотъ человекъ спасъ ей жизнь; но онъ потребовалъ такую великую награду за услугу, оказанную несчастной дѣвушкѣ, что не стоило и жить ей!

— Говори, говори...

— Чтобы спастись отъ распростертыхъ уже объятій герцога германскаго, любовника котораго она не хотѣла сдѣлаться, дѣвушка де-Меридоръ должна была укрыться въ объятіяхъ человека, котораго она презираетъ, ненавидитъ...

— Что ты говоришь!

— Я говорю, что Диана де-Меридоръ стала графиней Монсорб.
При этихъ словахъ, кровь такъ сильно бросилась въ лицо Франсуа, что даже глаза его побагровѣли.

— Mordieu! вскричалъ онъ съ яростію: — правду ли ты говоришь?

— Съ этимъ вопросомъ вы можете обращаться къ кому угодно, только не къ Бюссі, гордо отвѣчалъ молодой дворянинъ.

— Ты меня не понялъ, сказалъ принцъ: — я не подозреваю твоей честности, Бюссі; я только изумляюсь, какъ дворянинъ изъ моей свиты, какой-нибудь Монсорб, дерзнулъ защитить женщину, которую я удостоивалъ своимъ вниманіемъ!

— Отъ-чего же нѣтъ? спросилъ Бюссі.

— Такъ и ты сдѣлалъ бы то же самое?

— Я сдѣлалъ бы болѣе: я прямо предупредилъ бы ваше высочество, что вы поступаете неблагородно.

Герцогъ грозно взглянулъ на Бюссі, но тотчасъ же успокоился и продолжалъ болѣе-хладнокровнымъ тономъ:

— Послушай, любезный Бюссі, смѣшно было бы, если бы я сталъ извиняться...

— Отъ-чего же смѣшно? Когда дѣло касается чести, вы ничто болѣе, какъ дворянинъ.

— Потому-то я и прошу тебя быть судьей между мною и графомъ Монсорб.

— Меня?

— Да, тебя; я хочу, чтобъ ты сказалъ мнѣ откровенно, не поступилъ ли онъ со мною, какъ измѣнникъ?

— Съ вами?

— Со мною, потому-что онъ зналъ мои намѣренія.

— А намѣренія вашего высочества были...?

— Заслужить любовь Дианы.

— Заслужить любовь ея?

— Да; но ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ насилью.

— Не-уже-ли таковы, въ-самомъ-дѣлѣ, были ваши намѣренія? спросилъ Бюссі съ иронической улыбкой.

— Конечно; и до последней минуты я не измѣнилъ своихъ намѣреній, хотя Монсорбъ всячески и самымъ убедительнымъ образомъ уговаривалъ меня приступить прямо къ цѣли.

— Не-уже-ли?... Не-уже-ли этотъ человекъ, въ-самомъ-дѣлѣ уговаривалъ васъ обвѣстить Диану?

— Честное слово!

— А! такъ это было только на словахъ?

— Письменно. Хочешь ли, я покажу тебѣ одно изъ его писемъ.

— О! вскричалъ Бюссі: — еслибъ это была правда...

— Погоди; ты сейчасъ убѣдишься.

И герцогъ поспѣшно пошелъ къ маленькому шкафу, въ которомъ днемъ и ночью стоялъ на часахъ слуга, и вынулъ изъ него записку, которую и вручилъ Бюссі.

— Читай, сказалъ онъ : — если не вѣришь моимъ словамъ.
Бюссі взялъ записку, дрожащею рукою развернулъ ее и прочелъ :

« Ваше высочество,

« Прошу васъ не беспокоиться : похищеніе удастся мнѣ прекрасно, потому-что молодая дѣвушка отправляется сегодня на неделю къ тѣткѣ; живущей въ Людекомъ-Замкѣ; я беру все на себя, а потому вамъ не о чемъ беспокоиться. Что же касается до отпущенія дѣвушка, то это вѣроятно, когда вы предстанете предъ нимъ.—Итакъ, я буду дѣйствовать... и сегодня вечеромъ... она будетъ въ замкѣ Божѣ.

« Вашего высочества всепокорнѣйшій слуга,
« Брианъ де-Монсоро. »

— Что ты теперь скажешь, Бюссі? спросилъ принцъ, когда молодой дворянинъ во второй разъ пробѣжалъ письмо.

— Я скажу, что графъ Монсоро вамъ душевно преданъ.

— То-есть, что онъ замѣнилъ мнѣ?

— Ахъ, да! я и забылъ про послѣдствія.

— Онъ обманулъ меня, измѣнникъ! Онъ увѣрилъ меня въ смерти дѣвушки...

— Которую самъ укралъ у васъ; правда, это злая шутка. Но, продолжалъ Бюссі съ ядкой ироніей : — надо простить любящаго де-Монсоро.

— А! ты думаешь?... протяжно прошепелъ герцогъ съ злобной улыбкой.

— Я ничего не думаю. Это ваше дѣло.

— А что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ? Но постой, разскажи мнѣ сперва, что онъ сдѣлалъ?

— Онъ увѣрилъ отца молодой дѣвушки, что вы ее захитили. Онъ извазлся быть ея защитникомъ и пріѣхалъ въ замокъ Божѣ съ письмомъ отъ барона де-Меридора, напалъ на лодку къ одной комнатѣ, въ которой находилась плѣнница, и увезъ ее; потомъ, заключивъ ее въ известный намъ домъ, онъ до того страдалъ ее, что она рѣшилась отдать ему свою руку.

— Какая гнусная низость! вскричалъ герцогъ.

— Онъ надвѣлся на цѣкровительство вашего высочества, сказалъ Бюссі съ обыкновенною своею смѣлостью.

— А, Бюссі!.. ты увидишь, умѣю ли я мстить!

— Мстить! можете; вы этого не сдѣлаете.

— Отъ-чего?

— Принцы не мстятъ, ваше высочество:—они наказываютъ. Вы скажите этому Монсоро, что онъ подлый измѣнникъ, и казните его.

— Не дадите-обращенъ?

— Возвративъ счастье Дианѣ Меридоръ.

— Могу ли я это сдѣлать?

— Можете, ваше высочество.

— Но какъ, говори же!

— Возвративъ ей свободу.

— Объяснись.

— Бракъ, въ который она вступила, былъ вынужденный; слѣдствительно, онъ недействителенъ.

— Ты врешь.

— Прикажете расторгнуть этотъ бракъ, и вы вступите, какъ благородный принцъ и достойный дворянинъ.

— Гм! мидельна промещь принцъ:—ты, Бюссей, что-то очень горячо вступаешься за это дѣло.

— Я... ни мало; я забочусь только объ одномъ: чтобъ не знала, что дун де-Клармонъ графъ де-Бюссей служить коварному принцу и безчестному человеку.

— Такъ ты увидишь!.. Но какъ расторгнуть бракъ?

— Очень-просто; пускай дѣйствуетъ отецъ ея.

— Баронъ де-Меридоръ?

— Да.

— Но гдѣ онъ далеко... въ своемъ имѣннѣ.

— Онъ здѣсь, ваше высочество, то-есть, въ Парижѣ.

— У тебя?

— Навъ, у своей дочери. Поговорите съ нимъ, ваше высочество; общайте ему свое покровительство; пусть онъ увидитъ въ вѣнцѣ высочества не врага, а защитника; пусть тотъ, кто за нѣсколько дней проклиналъ ваше имя, благословитъ его!

— Онъ человекъ весьма-сильный въ своемъ краю, силакъ герцога: — говорить, онъ имѣетъ вліяніе на всю провинцію.

— Точно такъ, ваше высочество; но вы должны думать не объ этомъ, а о томъ, что онъ отецъ, что дочь его несчастна...

— Когда же я могу увидѣться съ нимъ?

— Какъ только вернетесь въ Парижъ.

— Хорошо.

— И такъ, я могу положиться на васъ?

— Можешь.

— Честное слово дворянина?

— Честное слово принца.

— Когда же вы уѣдете отсюда?

— Сегодня вечеромъ; ты подождешь меня?

— Нѣтъ; я поскачу впередъ.

— Ступай, и будь готовъ.

— Я всегда готовъ къ услугамъ вашего высочества. Гдѣ я увижусь съ вами?

— На выходъ у короля, завтра въ полдень.

— Я буду тамъ; прощайте.

Не теряя ни минуты, Бюссей ускакалъ въ Парижъ, чтобъ поспѣе утѣшить барона, которому обещалъ помощь, и Дину, которой возвращалъ жизнь.

ГЛАВА XII.

Какъ Шикѣ воротился въ Лувръ и какъ его принялъ король Генрихъ III.

Было одиннадцать часовъ утра, но всѣ еще спали въ Лувръ; асовые на дворѣ осторожно протаживались взадъ-и-впередъ; гражи разговаривали шопотомъ.

Боялись разбудить короля, отдохавшаго послѣ возвращенія изъ Партра.

Два человека въ одно время подъѣхали къ главнымъ воротамъ Лувра; одинъ на красивой берберійской лошади; другой на андаусскомъ конѣ, покрытомъ пвною.

Они вмѣстѣ остановились у воротъ и взглянули другъ на друга.

— Мосьё де-Шикѣ, сказалъ младшій, вѣжливо поклонившись:— доровы ли вы?

— А! мосьё Бюссі! слава Богу, я здоровъ, отвѣчалъ Шикѣ съ охвѣсткой и вѣжливостью истиннаго дворянина.

— Вы являетесь къ выходу короля? спросилъ Бюссі.

— И вы, вѣроятно, тоже.

— Нѣтъ. Мнѣ надо повидаться съ герцогомъ анжуйскимъ. Вы знаете, г. Шикѣ, прибавилъ Бюссі улыбаясь:— что я не имѣю ести быть въ числѣ любящихъ его величества.

— Это не относится къ чести короля.

Бюссі поклонился.

— Вы издалека? спросилъ Бюссі:— Мнѣ сказали, что вы куда-о уѣзжали?

— Да, я былъ на охотѣ, возразилъ Шикѣ.— Но и вы, кажется, уѣзжали?

— Да, мнѣ надобно было побывать въ провинціи; отвѣчалъ Бюссі:— теперь, могу ли я просить васъ оказать мнѣ услугу?

— Сдѣлайте одолженіе! сказалъ Шикѣ:— поставлю себѣ за собенную честь быть пріятнымъ графу Бюссі.

— Вы, какъ человекъ свой, домашній, пройдетѣ прямо во внутренніе покои, между-тѣмъ, какъ я долженъ буду дожидаться въ ередней; потрудитесь, пожалуйста, дать знать герцогу анжуйскому, что я жду его.

— Развѣ герцогъ въ Лувръ? спросилъ Шикѣ.— Ахъ, да! Онъ, вѣроятно, хочетъ быть на выходѣ у его величества; но отъ-чего же вы не хотите войти вмѣстѣ со мною, графъ?

— Боясь гнѣвнаго лица короля.

— Ба!

— Онъ не балуетъ меня своими ласковыми улыбками.

— Будьте спокойны; скоро все переменится.

— Ужь не чернокнижникъ ли вы, мосьё Шикѣ?

— Отчасти. Слѣзьте, мосьё Бюссі, войдемте вмѣстѣ.

Шикó и Бюссé вошли во дворецъ; одинъ направился къ покоямъ герцога анжуйскаго, тѣмъ самымъ, которые прежде занимала королева Маргерита; другой къ спальнѣ короля.

Генрихъ III только-что проснулся, позвонилъ въ большой колокольчикъ, и толпа слугъ и друзей ворвалась въ королевскій покой. Бульйонъ изъ дичи, вино, приправленное пряностями, и пирожки съ говяжьей балли уже поданы, когда Шикó вошелъ въ комнату своего повелителя и, не поздоровавшись съ нимъ, сѣлъ къ столу, поелъ и напился.

— *Par la merdie!* вскричалъ король съ внутренней радостью, хотя и притворялся разгнѣваннымъ: — это, кажется, Шикó, бродякъ, разбойникъ?

— Чтó съ тобой, чтó съ тобой, сынъ мой? сказалъ Шикó, безъ церемоннн садясь съ запыленными сапогами въ огромное кресло, украшенное золотыми лиліями, и въ которомъ сидѣлъ уже самъ Генрихъ III. — Не-ужь-то мы забываемъ ту маленькую ретиралу изъ Польши, въ которую мы играли роль оленя, а магнаты заставляли собакъ? Пля! пля! лови его!

— Ну такъ! сказалъ Генрихъ:—опять ты начнешь надоедать мнѣ своими грубостями. Въ твоѣ отсутствіе я былъ совершенно - покоенъ, никто не тревожилъ меня.

— Ба! ба! сказалъ Шикó: — ты вѣчно жалуешься! Скажи же мнѣ, Генрикé, чтó ты дѣлалъ во время моего отсутствія? Хорошо ли ты правилъ своею прекрасною Франціей?

— Шикó!

— Чтó? народецъ нашъ по-прежнему жалуется!

— Дуракъ!

— Повѣсили ли кого-нибудь изъ завитыхъ красавчиковъ? Ахъ, вспомните, мосьё де-Келюсъ; я не зналъ, что вы здѣсь.

— Шикó, мы поссоримся!

— Осталось ли еще сколько-нибудь денегъ въ нашихъ сундукахъ? Или все перешло къ Жидамъ? Или и Жидовъ-то обобрали? По-дѣломъ имъ! Надо веселиться; жизнь ужасно-скучна и однообразна!

И онъ сталъ собирать съ золотой тарелки крошки слоенаго тѣста пирожковъ съ говядиной.

Король засмѣялся: ссоры его съ Шикó всегда оканчивались смѣхомъ.

— Говори же, сказалъ онъ:—чтó ты дѣлалъ три недѣли?

— Я выдумалъ планъ маленькой процессіи въ трехъ отдѣленіяхъ, отвѣчалъ Шикó. — Слушайте:

«Первое отдѣленіе — кающіеся грѣшники, одѣтые въ одной рубахѣ и, пожалуй, панталонахъ, идутъ отъ Лувра къ Моннартру и дерутъ другъ друга за водесы.

«Второе отдѣленіе—тѣ же кающіеся, обнаженные по поясъ, колотятъ другъ друга четками, возвращаясь отъ Моннартра къ Сан-Женевьевскому-Аббатству.

«Наконецъ, третье отдѣленіе — тѣ же кающіеся, совершеннѣ-на-гіе, безошадно колотятъ другъ друга плетками, возвращаясь отъ Св.-Женовьевскаго-Аббатства въ Лувръ.

«Хотѣлось-было мнѣ, для большаго эффекта, вывести ихъ на Грасскую-Площадь, чтобъ тамъ палачъ сжегъ ихъ всѣхъ отъ пер-ваго до послѣдняго; но я вспомнилъ, что огонь вѣчный уже ждетъ ихъ въ аду... Вотъ и все!»

— Скажи мнѣ лучше, гдѣ ты пропадалъ? спросилъ король. — Знаешь ли, что я велѣлъ искать тебя по всѣмъ грязнымъ закоул-камъ Парижа?

— Меня въ Лувръ не было.

— Я думалъ, что тобою завладѣлъ какой-нибудь распутникъ.

— Этого быть не могло...

— Слѣдовательно, я ошибался?

— Какъ всегда и во всемъ.

— Ты, пожалуй, скажешь, что вздѣлъ на поклоненіе къ свя-тымъ мѣстамъ.

— Именно, и вздѣлъ не одинъ, а съ монахомъ.

Въ это самое время, вошелъ г. Монсордъ и низко поклонился королю.

— А! это вы, господинъ обер-егермейстеръ, сказалъ Генрихъ: — скоро ли вы устроите намъ хорошую охоту?

— Когда вашему величеству будетъ угодно. Я узналъ, что въ Сел-Жермен-ан-Ле развелось много кабановъ.

— Опасно охотиться за кабанями, сказалъ Шикд. — Я помню, что короля Карла IX чуть не убилъ кабанъ на охотѣ; притомъ же, на кабана надобно охотиться съ огромными колами, — какъ-разъazole натрешь. Не правда ли, сынъ мой?

Графъ Монсордъ косо посмотрѣлъ на Шикд.

— Знаешь ли, продолжалъ Гасконецъ, обращаясь къ Генриху:

— знаешь ли, что твой обер-егермейстеръ недавно встрѣтилъ волка?

— Отъ-чего ты такъ думаешь?

— Отъ-того, что, подобно облакамъ поэта Аристофана, онъ сохранилъ выраженіе лица и особенно глаза волчи; удивительное сходство!

Графъ Монсордъ поблѣднѣлъ и, обратившись къ Шикд, сказалъ:

— Г. Шикд, я мало живалъ при дворѣ и не привыкъ къ шу-танъ. Предупреждаю васъ, что не люблю, когда меня оскорбля-ютъ въ присутствіи моего короля, особенно, когда дѣло идетъ о моей службѣ.

— Вотъ забавно! сказалъ Шикд: — а мы, придворные, очень лю-бить носмѣяться. Еще недавно, король отпустилъ такую шутку, что мы все чуть не померли со смѣха.

— Какую шутку? спросилъ Монсордъ.

— Какъ же! онъ пожаловалъ васъ въ обер-егермейстеры; вы видите, что король тоже любитъ пошутить!

Монсордъ бросилъ на Гасконца взглядъ, исполненный ярости.

— Полно, полно! сказалъ Генрихъ, видя, что дѣло доходило до ссоры: — поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ.

— Да, поговоримъ о послѣдней шартрской церемоніи, сказалъ Шикó.

— Шикó, не богохульствуй! возразилъ король строгимъ голосомъ.

— Не богохульствуй? повторилъ Шикó. — Ошибаетесь, Генрихъ, сынъ мой: я человѣкъ военный и, пожалуй, придворный. Я никогда не богохульствую.

Генрихъ зънулъ, протеръ глаза и улыбнулся.

— У тебя за отвѣтомъ дѣло не станетъ, сказалъ Генрихъ и, обернувшись къ придворнымъ, заговорилъ о другомъ.

— Государь мой, сказалъ Монсорó тихимъ голосомъ Гасконцу: — не угодно ли вамъ зайти въ амбразуру этого окна?

— Какъ же, какъ же, съ удовольствіемъ! отвѣчалъ Шикó.

— Такъ пожалуйста за мною.

— На край свѣта, если прикажете!

— Оставьте шутки, вы никого уже не разсвѣтите ими, потому-что никто ихъ не услышитъ, сказалъ Монсорó, слѣдуя за шуткомъ въ амбразуру окна. — Теперь мы лицомъ-къ-лицу, господинъ Шикó, господинъ шутъ, господинъ проказникъ, и потому можете поговорить серьезно. Дворянинъ запрещаетъ вамъ, — слышите ли? запрещаетъ подшучивать надъ нимъ; особенно, онъ совѣтуетъ вамъ вспомнить, что въ лѣсу еще много палокъ, которыя бьютъ такъ же, какъ тѣ, которыми потчивалъ васъ мосье де-Майеннъ.

— А! прозвнѣлъ Шикó, по-видимому очень-хладнокровно, хотя въ черныхъ глазахъ его сверкнула молнія. — А! вы напоминаете мнѣ, какъ много я обязанъ г-ну де-Майенну; не желаете ли вы, чтобъ я сдѣлался и вашимъ должникомъ, и чтобъ питалъ къ вамъ столько же признательности, какъ и къ герцогу майеннскому?

— Вы забываете еще одного изъ вашихъ кредиторовъ.

— Не-уже-ли? кажется, у меня хорошая память... Кто же этотъ забытый кредиторъ?

— Николай Давидъ.

— О, ошибаетесь! отвѣчалъ Шикó съ мрачной усмѣшкой: — этому я ничего больше не долженъ; мы съ нимъ разсчитались.

Въ это самое время къ нимъ подошелъ Бюссé.

— Ахъ, мосье де-Бюссé, сказалъ Шикó: — помогите мнѣ, пожалуйста. Графъ Монсорó загналъ меня сюда точно оленя; скажите ему, сдѣлайте одолженіе, что я кабанъ, и что кабанъ бросается на охотника.

— Шикó, сказалъ Бюссé: — мнѣ кажется, что вы обижаете господина обер-егермейстера, предполагая, что онъ не отдастъ вамъ должной справедливости, какъ дворянину. Графъ, продолжалъ Бюссé, обращаясь къ Монсорó: — позвольте вамъ доложить, что герцогъ анжуйскій желаетъ говорить съ вами.

— Со мною? съ безпокойствомъ спросилъ Монсорó.

— Съ вами, графъ, отвѣчалъ Бюссé.

Монсоро обратилъ на Бюсси вронительный взглядъ, какъ-бы желая проникнуть въ глубину души его, но, встретивъ легкий взглядъ Бюсси, долженъ былъ невольно опустить глаза.

— Поидете вы со мною? спросилъ обер-егермейстеръ молодого дворянина.

— Нѣтъ, я пойду впередъ извѣстить его высочество, что вы сейчасъ будете.

И Бюсси поспѣшно удался, скользя между толпою придворныхъ.

Герцогъ анжуйскій былъ въ своемъ кабинетѣ и перочитывалъ письмо, содержаніе котораго уже извѣстно нашимъ читателямъ. Услышавъ шумъ за дверью и полагая, что идетъ Монсоро, онъ поспѣшно спряталъ письмо.

Вошелъ Бюсси.

— Ну что? спросилъ герцогъ.

— Онъ сейчасъ будетъ, ваше высочество.

— Онъ ничего не подозреваетъ?

— А хоть бы и подозревалъ, возразилъ Бюсси: — такъ что за бѣда? Не вамъ ли онъ всѣмъ обязанъ? Вы навлекли его изъ ничтожества, и опять можете туда же обратиться.

— Конечно, отвѣчалъ герцогъ съ тою озабоченностью, въ которую онъ всегда повергался предъ какимъ-нибудь событіемъ, гдѣ надо было показать энергію.

— Можетъ-быть, вамъ кажется сегодня, что онъ не совсемъ виновенъ?

— О, напротивъ! преступленіе его изъ тѣхъ, которыя увеличиваются по-мѣрѣ-того, какъ ихъ обсуживаешь.

— Впрочемъ, сказалъ Бюсси:—все сосредоточивается на одномъ пунктѣ: онъ измѣнническимъ образомъ похитилъ молодую дѣвушку, дочь дворянина, женился на ней обманомъ и продѣлками, недостойными дворянина; онъ самъ будетъ требовать, чтобъ бракъ былъ расторгнутъ: иначе, вы его принудите къ тому.

— Рѣшено.

— Не забудьте, что именемъ отца, именемъ молодой дѣвушки, именемъ древняго рода Меридоровъ, вы дали мнѣ слово.

— Честное слово!

— Не забудьте, что отецъ и дочь извѣщены обо всемъ и съ невыразимую боязнію ждутъ послѣдствій вашего свиданія съ этимъ человѣкомъ.

— Молодая дѣвушка будетъ свободна; клянусь, Бюсси.

— А! ваше высочество, сказалъ Бюсси:—если вы это одѣлаете, я удержусь тогда, что вы великодушный принцъ.

И онъ почтительно поцаловалъ руку, подвѣсившую столько ложныхъ обещаній, измѣнившую столько клятвамъ.

Въ это время, въ передней послышались шаги.

— Это онъ, сказалъ Бюсси.

— Познать сюда графа Монсоро, вскричалъ Франсуа съ строго-стию, показавшеюся Бюссѣ добрымъ предзнаменованіемъ.

И молодой дворянинъ, почти увѣренный въ то, что достигъ своей цѣли, не могъ удержатъ гордо-иронической улыбки, поклонившись входившему Монсоро; обер-егермейстеръ отвѣчалъ же цѣлкомъ Бюссѣ съ тою ледянистою въжливостію, подъ которою, какъ подъ непроницаемою корою, умѣлъ скрывать все происходившее въ душѣ его.

Бюссѣ вышелъ въ знакомый намъ корридоръ, въ тотъ самый корридоръ, въ которомъ Карлъ IX, Генрихъ III, герцогъ Алансонъ и герцогъ Гизъ чуть не задушили Ла-Моля. Этотъ корридоръ и примыкавшая къ нему передняя были наполнены дворянами, пришедшими засвидѣтельствовать свое почтеніе герцогу.

Бюссѣ вмѣшался въ толпу ихъ, и всѣ почтительно разступились предъ нимъ, столько же изъ уваженія къ его собственной особѣ, какъ и изъ уваженія къ милости, въ которой онъ находился у герцога анжуйскаго. Дворянинъ скрылъ въ глубинѣ души свои ощущенія и опасенія, и съ притворнымъ спокойствіемъ ожидалъ окончанія разговора, отъ котораго зависѣло счастье всей его жизни.

Разговоръ востепенно становился громче и громче; Монсоро былъ не изъ тѣхъ людей, которые уступаютъ безъ борьбы, безъ сопротивленія. Но герцогъ былъ съ нимъ въ такихъ отношеніяхъ, что ему стоило только положить на него руку, чтобъ уничтожить его.

Вдругъ раздался громкій голосъ принца. Онъ, по-видимому, что-то приказывалъ.

Бюссѣ затрепеталъ отъ радости.

Но въ-слѣдъ за тѣмъ наступила глубокая тишина; придворные замолчали, съ безकोпійствомъ смотря другъ на друга.

Предавался то боязни, то надеждѣ, Бюссѣ не зналъ, что это значило... прошло четверть часа.

Вдругъ дверь комнаты герцога отворилась, и за занавѣсомъ слышались голоса, весело и дружески разговаривавшіе.

Бюссѣ зналъ, что, кромѣ обер-егермейстера, никого не было съ герцогомъ, и что еслибъ не произошло между ними ничего неожиданнаго, то они, вѣрно, не разговаривали бы такъ весело.

Онъ невольно поблѣднѣлъ. Вся кровь его хлынула къ сердцу; Вскорѣ голоса приблизились, и изъ-за занавѣса вышелъ Монсоро, кланяясь герцогу, который проводилъ его до порога, сказавъ:

— Прощай, мой другъ. И такъ, рѣшено.

— Другъ, пророчалъ Бюссѣ:—*mordieu!* Это что значить?

— И такъ, ваше высочество, сказалъ Монсоро, продолжая говорить съ принцемъ:—вы сами теперь того мнѣнія, что долже скрываться не должно.

— Не должно, отвѣчалъ герцогъ:—вся эта таинственность не что иное, какъ ребячество.

— Следовательно, сегодня же вечеромъ я представляю се королю.

— Представляйте смѣло; я предувѣдомлю его величество.

Потомъ герцогъ наклонился къ уху обер-егермейстера и шепталъ ему нѣсколько словъ.

— Я уже распорядился, ваше высочество, отвѣчалъ Монсоро.

Монсоро еще разъ поклонился герцогу, обратившему взоръ на придворныхъ; онъ не замѣтилъ Бюсси, скрывавшагося за складки оконнаго занавѣса.

— Господá, сказалъ Монсоро, обратившись къ дворянамъ, ожидавшимъ своей очереди, чтобъ предстать предъ принца и кланявшимся новому любимцу: — господá, позвольте мнѣ сообщить вамъ новость: его высочеству угодно было позволить мнѣ объявить всѣмъ моему бракосочетанію съ Діаной де-Меридоръ — бракосочетанію, включенномъ уже мѣсяць тому назадъ. Сегодня вечеромъ я буду имѣть честь представить жену свою ко двору.

Бюсси задрожалъ: ударъ этотъ былъ такъ силенъ, что молодой словякъ чуть не лишился чувствъ.

Онъ выступилъ впередъ... и герцогъ и онъ, оба блѣдные, хотя мнимоемые различными ощущеніями, помянулись взглядами... въ взглядъ Бюсси было глубокое негодованіе, во взглядъ герцога анжуйскаго выразился ужасъ.

Монсоро прошелъ переднюю, сопровождаемый комплиментами и здравленіями придворныхъ.

Бюсси сдѣлалъ-было движеніе, чтобъ идти къ принцу, но принцъ мѣтилъ это движеніе и предупредилъ молодаго дворянина, поспѣшно опустивъ занавѣсъ; за занавѣсомъ стукнула дверь и шелкъ замка.

Тогда опять горячая, волновавшаяся кровь Бюсси хлынула къ сердцу. Рука его невольно опустилась на кинжалъ, висѣвшій боку; онъ машинально обнажилъ кинжалъ до половины, потому-что первое движеніе страстей этого человѣка было страшно... потомъ онъ опять опустилъ кинжалъ въ ножны: любви скൊвавшую горячность его; сильная, жгучая, невыносимая боль заглушила его гнѣвъ: казалось, сердце его разорвалось на части.

Въ этомъ пароксизмѣ двухъ борющихся страстей, энергія молодаго человѣка была побуждена: она пала, подобно двумъ яростнымъ волнамъ, которыя, казалось, готовы подняться до самаго неба, но по столкновенію между собою разлетаются брызгами...

Бюсси понялъ, что если онъ долѣе останется здѣсь, то всѣ поймутъ и угадаютъ безумную его горечь; онъ пошелъ по корридорѣ секретной лѣстницы, спустился на дворъ Лувра, вскочилъ на шадъ и поскакалъ въ галопъ къ Сент-Антуанской-Улицѣ.

Баронъ и Діана ждали обѣщаннаго отвѣта; вскорѣ они увидѣли издаго человѣка блѣднаго, разстроеннаго, унылаго.

Діана поняла все и громко вскрикнула.

— Графиня! вскричалъ Бюсси: — презирайте меня: я думаю, что вы что-нибудь сдѣлаете, а теперь убѣдились, что я существо и не-

чтожисо. Я думалъ, что могу что-нибудь сдѣлать, между-тѣмъ, не могу даже умереть! Вы жена графа де-Монсоро, законная жена его... вы всѣми признаны и сегодня же вечеромъ будете представлены ко двору. Я же бѣдный безумецъ... или нѣтъ вы правду говорили, баронъ... герцога анжуйскій низкій, коварный человѣкъ!

Видя себя отъ горести и ярости, Бюссіи разстался съ старикомъ и его дочерью, вскочилъ на лошадь, вонзилъ ей шпоры въ бока и, самъ не зная куда, скакалъ опустивъ поводья, стараясь только заглушить страданія сердца, сильно стучавшаго въ груди его...

XIII.

Что произошло между его высочествомъ герцогомъ анжуйскимъ и обер-егермейстеромъ.

Теперь объяснимъ внезапную перемѣну, происшедшую въ герцога анжуйскомъ послѣ разговора съ Монсоромъ.

Герцогъ, принимая графа Монсоро, находился въ самомъ благопріятномъ положеніи для видовъ Бюссіи. Раздражительность его была возбуждаема двумя господствовавшими въ сердцѣ его страстями: самолюбіе герцога было сильно затронуте; опасеніе огласки, которою угрожалъ ему Бюссіи именемъ барона Монсоро еще болѣе подстрекало гнѣвъ Франсуа.

И такъ, герцогъ анжуйскій принялъ обер-егермейстера съ тою строгостью, которая заставляла трепетать самыхъ безстрашныхъ придворныхъ: всѣ знали истинность Франсуа.

— Вашему высочеству было угодно меня видѣть? сказалъ Монсоро очень-спокойно и стараясь угадать по лицу принца причину гнѣва, скрывавшагося подъ его холодною наружностью.

— Мнѣ надобно переговорить съ вами, сказалъ герцогъ:—только прошу васъ быть откровеннымъ.

Монсоро поклонился.

— Видѣ вы вѣрный слуга, господинъ обер-егермейстеръ? и искренно преданы мнѣ?

— Я стараюсь вслѣдствіи доказать вашему высочеству свою преданность.

— Знаю, знаю; вы часто извѣщали меня о составленныхъ противъ меня заговорахъ; часто помогали моимъ намѣреніямъ, забывъ собственныя выгоды, жертвуя даже жизнью...

— Ваше высочество...

— Я все это знаю и помню. Еще недавно—я самъ долженъ былъ помнить вамъ объ этомъ, потому-что вы изъ деликатности никогда не упомянете объ оказанныхъ вами услугахъ, — еще недавно въ несчастномъ заключеніи...

— Въ какомъ заключеніи, ваше высочество?

— Въ нехитреніи дочери барона Меридоръ... Бѣдная дѣвушка!

— Увы! произнесъ Монсоро такимъ голосомъ, по которому восклицаніе его нельзя было прямо примѣнить къ словамъ Франсуа.

— Вы сожалѣете объ ней, не правда ли?

— Какъ не сожалѣть, ваше высочество? Вы сами...

— Я? о, вы знаете, какъ я раскаивался въ этой пагубной прихоти! Только дружба моя къ вамъ, только важныя услуги, вами мнѣ оказанныя, могли заставить меня забыть, что вы виновникъ моего раскаянія, угрызений совѣсти...

— Это что значитъ? подумалъ Монсоро:—не-уже-ли, въ-самомъ-дѣль, одно пустое раскаяніе?

— Ваше высочество, возразилъ онъ вслухъ: — ваша природная доброта заставляетъ васъ напрасно обвинять себя: вы такъ же мало виноваты въ смерти этой дѣвушки, какъ и я...

— Отъ-чего же?

— Конечно; вѣдь вы не имѣли намѣренія довести ее до самоубійства?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Слѣдовательно, вы и не виноваты; это одинъ случай...

— Притомъ же, прибавилъ герцогъ, вперивъ взоръ въ глаза Монсоро: — смерть все прикрыла своимъ непроицаемымъ покровомъ.

Въ голосъ герцога было такое странное выраженіе, что Монсоро въ то же время поднялъ глаза и подумалъ:

— Это не раскаяніе.

— Ваше высочество, прибавилъ онъ вслухъ: — угодно ли вамъ, я буду говорить откровенно?

— Что удерживаетъ васъ? спросилъ принцъ съ гордостію, смѣшанною съ изумленіемъ.

— И точно, возразилъ Монсоро: — я не знаю, что удерживаетъ меня...

— Говорите же!

— О, ваше высочество, я хотѣлъ только сказать, что съ принцемъ столь великодушнымъ и умнымъ, я бы давно долженъ говорить открыто, прямо...

— Давно бы?... Что это значитъ?..

— То, ваше высочество, что вы сами не были откровенны со мною.

— Не-уже-ли? вскричалъ герцогъ съ громкимъ смѣхомъ, скрывавшимъ сильный гнѣвъ.

— Выслушайте, ваше высочество, сказалъ Монсоро, поспѣшнѣе поклонившись. — Я знаю, зачѣмъ вамъ угодно было призвать меня.

— Такъ говорите.

— Вашему высочеству, можетъ-быть, угодно было сказать мнѣ, что Діана де-Меридоръ жива, и слѣдовательно, нѣ въ чемъ раскаиваться?

— А! наконецъ-то! Зачѣмъ же вы такъ долго не открывали мнѣ этого утѣшительнаго извѣстія?.. Нѣчего сказать, вы вѣрный, преданный слуга! Вы были свидѣтелемъ моей горести, моего отчаянія; я вамъ рассказывалъ о страшныхъ снахъ, меня терзавшихъ и не дававшихъ мнѣ покоя послѣ смерти этой дѣвушки. Вы все это знали... и молчали, — между-тѣмъ, какъ однимъ словомъ могли разсвѣять тоску, меня снѣдавшую!.. Какъ прикажете назвать подобное поведеніе, господишь обер-егермейстеръ?

Последнія слова герцога произнесъ съ разразившимся негодованіемъ.

— Ваше высочество, отвѣчалъ Монсорб: — вы какъ-будто обвиняете меня...

— Измѣнникъ! закричалъ герцогъ вскочивъ и подступая къ обер-егермейстеру: — я обвиняю тебя... да! Ты обманулъ меня! Ты похитилъ у меня женщину, которую я любилъ!..

Монсорбъ страшно поблѣднѣлъ, но остался по-прежнему спокоенъ и гордъ.

— Правда, сказалъ онъ.

— А! ты сознаешься... обманщикъ, плутъ!

— Говорите тише, ваше высочество, сказалъ Монсорбъ холодно: — вы забываете, что говорите съ дворяниномъ, преданнымъ...

Герцогъ судорожно захохоталъ.

— Это что еще значить? проговорилъ онъ.

— Это значить, отвѣчалъ Монсорбъ съ лицемѣрною кротостью: — что еслибъ вашему высочеству угодно было меня выслушать, то я сказалъ бы вамъ, что я отъ-того и похитилъ эту дѣвушку, что вы любили ее!

Герцогъ не нашелся, что отвѣчать на эту дерзость.

— Вотъ мое извиненіе, сказалъ обер-егермейстеръ почтительно: — я пламенно любилъ Диану де-Меридоръ...

— И я тоже! съ гордостью возразилъ Франсуа.

— Знаю; но она... васъ не любила.

— Ужь не тебя ли она любила?

— Можетъ-быть! проговорилъ Монсорбъ.

— Лжешь! лжешь! ты обманомъ увезъ ее... ты поступилъ хуже меня... Только мнѣ, господину, не удалось; а ты, слуга, былъ счастливѣе... отъ-того, что мнѣ помогало одно только могущество мое; ты же прибѣгнулъ къ измѣнѣ!

— Ваше высочество, я любилъ ее.

— А мнѣ какое до этого дѣло?

— Герцогъ!..

— Ты грозить мнѣ, змѣя?

— Берегитесь, ваше высочество! сказалъ Монсорбъ, опустивъ голову какъ тигръ, готовящійся броситься на свою жертву. — Я любилъ ее!.. и вы ошибочно называете меня своимъ слугою. Жена моя принадлежитъ мнѣ; никто не можетъ отнять ее у меня!.. Я

убилъ эту женщину; она должна была принадлежать мнѣ, и я твѣялъ ее у васъ.

— Не-уже-ли? вскричалъ Франсуа, бросившись къ колокольчику. — Ты отнял ее!.. Такъ и я жь отниму ее у тебя!

— Ошибаетесь, герцогъ, вскричалъ Монсоро, бросившись къ серебряному колокольчику, чтобъ воспрепятствовать принцу позволить. — Оставьте намъ реніе вредить мнѣ, потому-что, если вы оскорбите меня публично... если...

— Отдай мнѣ эту женщину, говорятъ тебѣ!

— Отдать? но какъ?.. Она моя жена; я женился на ней предъ лицомъ Господа!

Монсоро надѣялся на дѣйствіе послѣднихъ словъ; но они еще больше раздражили герцога.

— Ты женился на ней предъ Господомъ, сказалъ онъ: — и отдай ее людямъ!

— Какъ! стало-быть, вы все знаете? съ изумленіемъ спросилъ Монсоро.

— Да; все знаю. Ты расторгнешь бракъ; а не то я расторгну го...

— Это невозможно, герцогъ...

— Завтра ты возвратишь Диану де-Меридоръ отцу ея; завтра же самъ будешь изгнанъ! Черезъ часъ, ты долженъ продать мѣсто обер-егермейстера; вотъ мои условія... Соглашайся, васаллъ, или я уничтожу тебя въ прахъ, какъ этотъ стаканъ!

И, схвативъ со стола хрустальный бокалъ, украшенный эмалью подаренный ему эрцгерцогомъ австрійскимъ, онъ съ яростію бросилъ его въ Монсоро, который уклонился отъ удара, но былъ запыланъ осколками стекла.

— Я не отдамъ жены, не продамъ мѣста и не выѣду изъ Парижа, отвѣчалъ Монсоро, бросившись къ Франсуа.

— А!.. дерзкій!.. проклятый!..

— Я испрошу помилованіе у короля французскаго, у короля, избраннаго въ Аббатствѣ-св.-Женевьевы, и новый, добрый, благодѣльный король, осчастливленный Божіею милостію, не откажется выслушать перваго просителя, къ нему являющагося!..

Монсоро постепенно возвышалъ голосъ и придавалъ больше и больше выразительности грознымъ словамъ; глаза его сверкали дико, мрачнымъ огнемъ.

Франсуа поблѣднѣвъ, отступилъ назадъ, задернулъ массивный занавѣсъ двери и, схвативъ Монсоро за руку, проговорилъ задыхающимся, отрывистымъ голосомъ:

— Хорошо... хорошо... графъ... Говорите... просите... только еще... тише... Я слушаю васъ.

— Я буду говорить съ должнымъ почтеніемъ, сказалъ Монсоро, спокойно утихокоившись.

Франсуа медленно прошелся по обширной комнатѣ и взгля-

нулъ за занавѣсъ, какъ-бы желая удостовѣриться, что никто не слышалъ словъ графа Монсоро.

— Говорите, графъ, сказалъ онъ наконецъ:—вы хотѣли о чемъ то просить меня?

— Я хотѣлъ объяснить вашему высочеству, что пагубная любовь всему виною. Любовь, — самая сильная изъ всехъ страстей... она заставила меня забыть мой долгъ, забыть уваженіе, которое обязанъ я питать къ вамъ, герцогъ...

— Я уже говорилъ вамъ, графъ, что вы поступили неумѣреннымъ образомъ.

— Не обвиняйте меня, ваше высочество; я самъ понимаю тяжесть своего преступленія. Но послушайте, герцогъ: вы богаты, молоды, счастливы... вы первый государь всего христіанскаго міра...

Герцогъ сдѣлалъ невольное движеніе.

— Да, первый и самый великій государь... продолжалъ Монсоро инпотомъ: — между престоломъ и вами остался одинъ шагъ. Я видѣлъ все величіе, всю славу вашей будущности, и, сравнивъ ваше могущество съ маловажною моихъ собственныхъ желаній, подумалъ: пусть тотъ, предъ которымъ я ничто, занимается съ ними блистательными мечтами; пусть онъ идетъ къ своей величественной цѣли; я же буду искать счастья въ тѣни... онъ да не замѣтитъ моего отсутствія, не обратитъ вниманія на то, что лишаю его минутной прихоти...

— Графъ! графъ! сказалъ герцогъ, невольно-увлеченный ласковымъ краснорѣчіемъ обер-егермейстера.

— Вы простите мнѣ, ваше высочество?

Въ это время, герцогъ нечаянно поднималъ глаза. Онъ увидѣлъ на стѣнѣ портретъ Бюсси, на который любилъ смотрѣть, какъ некогда на портретъ ла-Моля. На этомъ портретѣ такъ вѣрно было схвачено гордое выраженіе, мужественный взглядъ молодого дворянина, что герцогу показалось, будто онъ видитъ передъ собою самого Бюсси съ огненнымъ взглядомъ, Бюсси, представшаго предъ нимъ, чтобъ придать ему мужества.

— Нѣтъ, сказалъ герцогъ: — я не могу простить васъ; я забочусь не о себя, Богъ тому свидѣтель, а о несчастномъ отцѣ недостойнымъ образомъ обманутомъ и требующемъ, чтобъ ему отдали дочь его... Я забочусь о бѣдной женщинѣ, которую вы насильно заставили выйти за себя... Вы знаете, графъ, что первая обязанность государя—правосудіе.

— Ваше высочество...

— Правосудіе первая обязанность государя...

— Мнѣ кажется, что и признательность также первая обязанность короля.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что король никогда не долженъ забывать, кемъ обязанъ престоломъ... Я возвелъ васъ на престолъ, государь!

— Монсоро! вскричалъ герцогъ съ большимъ ужасомъ: — Монсоро! повторилъ онъ тихимъ и дрожащимъ голосомъ: — съдвованно вы такъ же измѣните королю, какъ измѣнили принцу? — Я служу тому, кто покровительствуетъ мнѣ! продолжалъ Монсоро болѣе и болѣе возвышая голосъ.

— Несчастный!..

И герцогъ еще разъ взглянулъ на портретъ Бюссѣ.

— Не могу! продолжалъ онъ слабымъ голосомъ.— Монсоро, вы гордый дворянинъ; съдвованно, должны понять, что я не могу одобрить вашего поведенія.

— Отъ-чего же нѣтъ, ваше высочество?

— Отъ-того, что это поступокъ, недостойный ни васъ, ни меня... кажитесь отъ этой женщины, любезный графъ, принесите мнѣ эту жертву; окажите мнѣ эту услугу, и требуйте, чего хотите...

— Итакъ, вы еще любите Диану де-Меридоръ, ваше высочество? спросилъ Монсоро, поблѣдивъ отъ ревности.

— Нѣтъ! нѣтъ! Клянусь, что нѣтъ!

— Такъ о чемъ же вы заботитесь? Она моя жена; я дворянинъ... чего же вамъ болѣе?

— Но она васъ не любитъ.

— Что за бѣда!

— Откажитесь отъ нея, умоляю васъ, Монсоро...

— Не могу...

— Въ такомъ случаѣ... говорилъ герцогъ въ величайшемъ отчаянн:—я... вы...

— Подумайте, государь!

При послѣднемъ словѣ, холодный потъ выступилъ на лбу герцога.

— Вы донесете на меня?

— Донесу. Если новый государь, котораго мы избрали, оскорбитъ меня, лишитъ меня чести и счастья, я буду искать защиты покровительства у прежняго.

— Это низко!

— Правда; но влюбленный готовъ и на низость.

— Это подло!

— Правда; влюбленный готовъ и на подлость.

Герцогъ хотѣлъ броситься на Монсоро; но тотъ остановилъ его нѣмъ взглядомъ, одной улыбкой.

— Вы ничего не выиграете, если и убьете меня, ваше высочество, сказалъ онъ: — есть тайны, которыя всплывають точно шпешники! Оставайтесь лучше милостивымъ королемъ, если хотите, чтобъ я остался вѣрноподаннымъ!

Герцогъ ломалъ себѣ пальцы, царапалъ ихъ когтями.

— Не-уже-ли вы не хотите оказать маловажной услуги челоку, душевно вамъ преданному?

Франсуа всталъ.

- Что вамъ надобно? спросилъ онъ.
 — Соблаговолите, государь...
 — Несчастный! не-уже-ли ты хочешь, чтобъ я пресилъ тебѣ пощады!
 — О, ваше высочество!
 И Монсорò низко поклонился.
 — Говорите же! проговорилъ Франсуа.
 — Прощаете ли вы мнѣ?
 — Прощаю.
 — Вы помирите меня съ барономъ де-Меридоремъ?
 — Помирю.
 — Вы подпишете мой свадебный контрактъ?
 — Подпишу, отвѣчалъ герцогъ задыхающимся голосомъ.
 — И удостоите жену мою улыбкой въ тотъ день, когда о явится у королевы, которой я намѣренъ ее представить.
 — Хорошо, Все ли теперь?
 — Рѣшительно все, ваше высочество.
 — Идите же; я далъ вамъ слово.
 — А вы, сказалъ Монсорò герцогу на ухо: — вы оставитесь престолъ, на который я возвелъ васъ! Прощайте, государь.
 Въ этотъ разъ, последнее слово было промашено такъ такъ что оно польстило слуху герцога.
 — Теперь, подумалъ Монсорò удаляясь: — мнѣ остается только узнать, кто уведомилъ обо всемъ герцога.

XIV.

Въ тотъ же день, графъ Монсорò представилъ, по желанію герцога анжуйскаго, жену свою королевы.

Генрихъ, передъ отходомъ ко сну, получилъ извѣщеніе отъ г. де-Морвилё, что на другой день былъ назначенъ большій совѣтъ.

Онъ не разспрашивалъ канцлера: было поздно, и его величеству хотѣлось спать. Для совѣта былъ назначенъ самый удобный часъ, чтобъ не обезпокоить короля.

Достойный канцлеръ прекрасно зналъ своего повелителя: онъ зналъ, что король не будетъ слушать съ надлежащимъ вниманіемъ его доклада. Онъ зналъ, что Генрихъ, часто страдавшій бессонницею всю ночь будетъ думать о предстоящемъ совѣтѣ; что это возбудило его любопытство, и, слѣдовательно, онъ внимательнѣе выслушаетъ докладъ канцлера.

Г. де-Морвилё не ошибся въ своемъ расчетѣ.

Проспавъ часа три или четыре, Генрихъ преснулся, вспоминая о томъ, что говорилъ ему канцлеръ, сѣлъ на кровать и сталъ раздумывать.

Но вскорѣ ему надоѣло думать одному; онъ сѣлъ съ постели

и, не видя ночного туалета, пошелъ къ комнатѣ Шикó, въ которой провели первую брачную ночь Сен-Люкъ и мамзель де-Брисакъ.

Гасконецъ крѣпко спалъ и храпѣлъ.

Генрихъ три раза дергалъ его за руку и не могъ разбудить.

Послѣ третьяго раза, онъ такъ громко закричалъ, что Шикó встрепенулся и открылъ одинъ глазъ.

— Шикó! повторилъ король.

— Чтò тамъ еще? спросилъ Шикó.

— Э! другъ мой, сказалъ Генрихъ: — какъ ты можешь спать такъ крѣпко, когда король твой бодрствуетъ?

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Шикó, притворяясь, будто не узналъ короля: — ужь не заболѣлъ ли его величество?

— Шикó, другъ мой, сказалъ Генрихъ: — это я!

— Кто — ты?

— Я, Генрихъ!

— Сынъ мой, я вижу, что ты неосторожно поужиналъ. Вѣдь я предостерегалъ тебя!

— Да я почти и не ѣлъ.

— Такъ, стало-быть, тебя отравили, сказалъ Шикó: — *Ventre de Mache!* Какъ ты блѣденъ, Генрихъ!

— Вѣдь я въ полотняной маскѣ.

— Такъ, стало быть, ты здоровъ?

— Здоровъ.

— Зачѣмъ же ты меня будишь?

— Мнѣ грустно.

— Не-уже-ли? Смотри, пожалуй!

— Мнѣ очень-грустно.

— Тѣмъ лучше.

— Какъ, тѣмъ лучше?

— Да такъ; грусть заставляетъ призадуматься; а призадумавшись, такъ и разсудишь, что въ два часа ночи можно будить честнаго человѣка развѣ только для того, чтобъ сдѣлать ему подарокъ. Чтò же ты мнѣ принесть? Показывай.

— Ничего, Шикó; я пришелъ говорить съ тобою.

— Этого мало.

— Шикó, г. де-Морвилье былъ вчера при дворѣ.

— Ты принимаешь всякую сволочь; зачѣмъ же онъ приходитъ?

— Сказать, что завтра будетъ большой совѣтъ, и просить аудіен-

— Вотъ по всему видно, что онъ порядочный человѣкъ; онъ сперва спроситъ позволенія, а потомъ войдетъ.

— Чтò ему отъ меня надобно, Шикó?

— Какъ, несчастный! Ты для этого только вопроса разбудилъ меня!

— Шикó, другъ мой, ты знаешь, что моя полиція находится въ вѣдѣніи Морвилье.

- Не знаю, отвѣчалъ Шикò: — да и знать не хочу.
- Онъ всегда подробно доноситъ мнѣ обо всемъ.
- Господи Боже мой! Какъ бы я теперь сладко спалъ!
- Ты сомнѣваешься въ бдительности канцлера? спросилъ Генрихъ.
- Да, соgroеuf, сомнѣваюсь! отвѣчалъ Шикò: — и имѣю на то свои причины.
- Какія же?
- Будеть съ тебя одной, или нѣтъ?
- Будеть, если она хороша.
- И послѣ мнѣ можно будетъ спать?
- Дѣ?
- Ну, такъ слушай: въ одинъ прекрасный день... впрочемъ, нѣтъ, это было вечеромъ...
- Все равно.
- Совсѣмъ не все равно. Однажды вечеромъ, я прибылъ тебя, Келюса и Шомберга въ улицъ Фруамантель...
- Ты прибылъ?..
- Да, прибылъ; прибылъ всѣхъ тронхъ.
- За что?
- За то, что оскорбили моего пажа; я прибылъ, а Морвиль не узналъ объ этомъ.
- Какъ? вскричалъ Генрихъ: — такъ это былъ ты, злодѣй! разбойникъ!
- Я самъ, сказалъ Шикò, потирая руки: — не правда ли, сынъ мой, у меня рука довольно-тяжела?
- Негодяй!
- Такъ ты признаешься?
- Я велю высѣчь тебя, Шикò!
- Не въ томъ дѣло: понятно ли тебѣ теперь, или нѣтъ? вотъ все, что я желаю знать.
- Ты это знаешь такъ же хорошо, какъ я самъ, несчастный!
- Призывалъ ли ты на другой день своего Морвиль?
- Призывалъ; онъ былъ у меня при тебѣ.
- Разказалъ ли ты ему о неприятномъ приключеніи, случившемся наканунѣ съ однимъ изъ твоихъ пріателей?
- Разказалъ.
- Приказывалъ ли ты ему отыскать виновнаго?
- Приказывалъ.
- Отыскалъ ли онъ его?
- Нѣтъ.
- Ну, такъ ты видишь, что полиція твоя никуда не годится!
- И, обратившись лицомъ къ стѣнѣ, рѣшившись не говорить болѣе ни слова, Шикò захрапѣлъ такъ громко, что король потерялъ всякую надежду разбудить его.
- Генрихъ, вздыхая, воротился къ себѣ.
- На другой день собрался совѣтъ.

Члены его часто намывались по прихоти короля. Въ этотъ разъ, советъ состоялъ изъ Келюса, Можирона, д'Энернона и Шомбарга, уже въ-продолженіе четырехъ мѣсяцевъ находившихся въ милости у короля.

Шикò, сидѣвшій на концѣ стола, складывалъ изъ бумаги кораблики и методически разставлялъ ихъ на столѣ, чтобъ составить, какъ онъ говорилъ, флотъ его.

Доложили о Морвиальѣ.

Хитрый государственный человекъ нарядился въ самый мрачный костюмъ и придалъ лицу своему весьма-печальное выраженіе. Послѣ глубокаго поклона, на который отвѣчалъ Шикò, онъ подошелъ къ королю и сказалъ :

— Я нахожусь предъ советомъ вашего величества?

— Да, передъ лучшими моими друзьями. Говорите.

— Государь! Дѣло чрезвычайно-важное. Я долженъ открыть вашему величеству страшный заговоръ.

— Заговоръ! вскричали всѣ присутствующіе.

Шикò оставилъ большой корабль, который онъ хотѣлъ назвать адмиральскимъ, и сталъ прислушиваться.

— Заговоръ, ваше величество, повторилъ Морвиальѣ, повизывая губою съ таинственнымъ видомъ.

— О-го! сказалъ король. — Ужь не испанскій ли заговоръ?

Въ это время, герцогъ анжуйскій, приглашенный въ советъ, вошелъ въ залу. Дверь за нимъ была немедленно заперта.

— Слышите ли, братъ мой, сказалъ Генрихъ, послѣ церемониальнаго привѣтствія: — г. де-Морвиальѣ открылъ какой-то заговоръ.

Герцогъ бросилъ на всѣхъ присутствующихъ мнѣтельный взглядъ.

— Можетъ ли быть?.. проговорилъ онъ.

— Точно, ваше высочество, сказалъ г. де-Морвиальѣ: — страшный заговоръ.

— Расскажите же намъ, въ чемъ дѣло, сказалъ Шикò, опустивъ кончикъ корабль въ хрустальную вазу, стоящую на столѣ.

— Да, проговорилъ герцогъ анжуйскій: — расскажите, господни канцлеръ.

— Я слушаю, сказалъ Генрихъ.

Канцлеръ съѣжился, принялъ еще болѣе-таинственный видъ и изговорилъ тихимъ голосомъ :

— Государь, давно уже я наблюдаю за таинственными дѣйствіями некоторыхъ недовольныхъ...

— Некоторыхъ?.. повторилъ Шикò. — Вы слишкомъ-скромны, г. де-Морвиальѣ!

— Большою частію, продолжалъ канцлеръ: — это люди ничтожныя, лавочники, ремесленники, мелкіе адвокаты... были немногіе новачки и школьнички.

— Ну, слава Богу, по-крайней-мѣрѣ не герцога, сказалъ Шикò съ большимъ хладнокровіемъ и принимаясь за новый корабль.

Герцогъ анжуйскій принужденно улыбулся.

— Я зналъ, ваше величество, продолжалъ канцлеръ: — что Недовольные пользуются обыкновенно двумя обстоятельствами: войной или религіей...

— Очень-умно, замѣтилъ Генрихъ. — Далѣе?

Довольный этой похвалою, канцлеръ продолжалъ:

— Въ арміи у меня были офицеры, преданные вашему величеству; они извѣщали меня обо всемъ... въ духовенствѣ же другое дѣло; тамъ я долженъ былъ употребить своихъ людей.

— Очень-умно, замѣтилъ Шикъ.

— Наконецъ, продолжалъ Морвилье: — мнѣ удалось уговорить одного изъ парижскихъ чиновниковъ...

— Уговорить? На что? спросилъ король.

— Чтобы онъ наблюдалъ за проповѣдниками, возмущающими народъ противъ вашего величества.

— О-го! подумалъ Шикъ: — ужь не о моемъ ли пріятелѣ онъ говоритъ?

— Этихъ людей поддерживаетъ партія, нерасположенная къ престолу. Я изучилъ эту партію.

— Прекрасно, сказалъ король.

— Очень-умно, сказалъ Шикъ.

— Я узналъ, наконецъ, надежды этой партіи! съ торжествующимъ видомъ вскричалъ Морвилье.

— Очень-умно! вскричалъ Шикъ.

Король сдѣлалъ знакъ Госланцу, чтобы онъ молчалъ.

Герцогъ анжуйскій не спускалъ глазъ съ оратора.

— Въ-продолженіи двухъ мѣсяцевъ, сказалъ канцлеръ: — я содѣлалъ на суммы вашего величества людей чрезвычайно ловкихъ, мужественныхъ до отчаянія, и, правда, жадныхъ къ деньгамъ; но польза, оказанная ими, неопѣнена... Они донесли мнѣ, что за огромную сумму денегъ откроютъ мѣсто сколашничества заговорщиковъ.

— Очень-умно! сказалъ Шикъ: — плати, Генрихъ!

— О! за этимъ дѣло не станетъ, вскричалъ Генрихъ: — но, г-нъ канцлеръ, какая же цѣль этого заговора... какая надежда заговорщиковъ?...

— Государь! они замышляютъ другую вероломеевскую ночь!

— Противъ кого?

— Противъ гугенотовъ.

Присутствующіе съ изумленіемъ поглядывали другъ на друга.

— Сколько вамъ это стоило? сказалъ Шикъ.

— Семьдесятъ-пять тысячъ ливровъ съ одной стороны, сто тысячъ съ другой.

Шикъ обратился къ королю.

— Дай мнѣ тысячу экю, вскричалъ Гасконецъ: — и я тебя открою тайну г. де-Морвилье.

Канцлеръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на шута; герцогъ опять принужденно улыбнулся.

— Говори, сказалъ король.

— Вся эта исторія не что иное, какъ та же лига, отвѣчалъ Шикó:—лига, начатая десять лѣтъ назадъ. Г. де-Морвилье открылъ то, что всякій гражданинъ въ Парижѣ знаетъ какъ свои пять пальцевъ.

— Милостивый государь!.. вскричалъ канцлеръ.

— Я говорю правду и докажу ее!.. сказалъ Шикó докторальнымъ тономъ.

— Такъ скажите же мѣсто сходбища лигеровъ?

— Извольте; во-первыхъ, площадь; во-вторыхъ, площадь; въ-третьихъ, площадь.

— Г. Шикó шутить, сказалъ съ принужденной улыбкой канцлеръ:—а признаки ихъ?

— Они одѣты какъ всѣ Парижане и передвигаютъ ноги, когда ходятъ, съ важностью отвѣчалъ Шикó.

Громкій смѣхъ раздавался послѣ этого отвѣта. Г. де-Морвилье счелъ приличнымъ не сердиться и засмѣялся вмѣстѣ съ прочими. Но потомъ, принявъ опять мрачный видъ, продолжалъ:

— Одинъ изъ моихъ шпионовъ присутствовалъ на ихъ собраніи въ такомъ мѣстѣ, которое, впрочемъ, не извѣстно вамъ, Шикó.

Герцогъ анжуйскій поблѣднѣлъ.

— Гдѣ же? спросилъ король.

— Въ Аббатствѣ-св.-Женевьевы.

Шикó уронилъ пѣтушка, котораго онъ только-что сложилъ и усаживалъ въ адмиральскій корабль.

— Въ Аббатствѣ-св.-Женевьевы? повторилъ король.

— Не можетъ быть, проговорилъ герцогъ.

— Это вѣрно, сказалъ Морвилье, весьма-довольный дѣйствіемъ, произведеннымъ на присутствующихъ, и бросая на всѣхъ торжественныя взгляды.

— О чемъ же они говорили? Что порѣшили? спросилъ король.

— Они рѣшили, чтобъ лигеры избрали начальниковъ, чтобъ каждый членъ занесся оружіемъ, чтобъ въ каждую провинцію былъ посланъ одинъ изъ заговорщиковъ, чтобъ всѣ гугеноты, покровительствуемые вашимъ величествомъ,—это ихъ собственные выраженія...

Король улыбнулся.

— Чтобъ всѣ гугеноты были убиты въ извѣстный день.

— Только? спросилъ Геврихъ.

— Чортъ возьми! сказалъ Шикó:—по всему видно, что ты ка-талитъ.

— Больше вы ничего не узнали? спросилъ герцогъ.

— Еще узналъ, ваше высочество...

— И Шикó, сказалъ Шикó:—этого мало за сто-семьдесятъ-пять тысячъ лавровъ! Слишкомъ-мало.

— Что же еще, канцлеръ? спросилъ король.

— Начальники избраны...

Шикó замѣтилъ безпокойство герцога анжуйскаго, слышалъ почти бѣшеніе сердца его.

— Вотъ какъ! сказалъ Шикó:—заговорщики избрали начальниковъ... странное дѣло! Однако, и этого мало за-сто семьдесятъ-пять тысячъ ливровъ.

— Кто эти начальники? спросилъ король:—какъ зовутъ ихъ?

— Во-первыхъ, проповѣдникъ, фанатикъ, полоумный... за имя котораго я заплатилъ десять тысячъ ливровъ.

— Такъ и слѣдовало!

— Это женовевскій монахъ, братъ Горанфó.

— Бѣдняжка! произнесъ Шикó съ искреннимъ сожалѣніемъ.

— Ужь, видно, ему такъ на роду написано!

— Горанфó! сказалъ король, записывая это имя: — хорошо... дайте...

— Дайте... отвѣчалъ канцлеръ колеблясь;—это все... ваше величество...

И Морвильé опять окинулъ присутствующихъ таинственнымъ взглядомъ, какъ-бы желая сказать:

— Еслибъ ваше величество были одни, то я сказалъ бы больше.

— Говорите, канцлеръ, сказалъ король:—здѣсь всѣ друзья мои... говорите.

— О, государь! тотъ, кого я не смѣю назвать, имѣетъ также могущественныхъ друзей...

— Не-ужь-то эти друзья могущественнѣе меня? спросилъ Генрихъ, приближаясь отъ гнѣва и безпокойства.

— Государь, это государственная тайна... простите, ваше величество...

— Вы правы.

— Очень-умно! сказалъ Шикó.

— Канцлеръ! сказалъ герцогъ анжуйскій: — мы удалимся, если вы не можете говорить при насъ.

Морвильé колебался. Шикó наблюдалъ за малѣйшими движеніями его, опасаясь, не открылъ ли онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, что-либо поважнѣе первыхъ тайнъ.

Король слѣдилъ канцлеру знакъ, чтобъ онъ приближался; герцогу анжуйскому показалъ, чтобъ онъ оставался на своемъ мѣстѣ. Гаскенцу приказалъ молчать, а любимцамъ не слушать.

Мосьé де-Морвильé наклонился къ уху короля; но онъ не успѣлъ исполнить половины движенія, предписываемаго въ подобномъ случаѣ этикетомъ, какъ громкіе крики послышались на дворѣ.

Король вдругъ вскочилъ; Келюсъ и д'Эпернонъ бросились въ окну; герцогъ анжуйскій схватился за шпагу съ послѣднимъ человекомъ, мучимаго нечистою совѣстью.

Шикó наблюдалъ въ одно время и за тѣмъ, что происходило на дворѣ, и за тѣмъ, что дѣлалось въ комнатѣ.

— А! г. де-Гизъ, вскричалъ онъ:—г. де-Гизъ идетъ въ Лувръ. Король задрогнулъ.

— Правда, вскричали дворяне.

— Герцогъ де-Гизъ? проговорилъ герцогъ анжуйскій.

— Странно... странно... герцогъ де-Гизъ въ Парижъ, протяжно проговорилъ король, прочитавшій въ безсмысленномъ отъ испуга взоръ канцлера то имя, которое онъ намѣревался шепнуть ему на ухо.

— Вы хотѣли назвать моего двоюроднаго брата, герцога де-Гиза? спросилъ король тихимъ голосомъ канцлера.

— Точно, ваше величество; онъ былъ главнымъ во время застѣланія, отвѣчалъ канцлеръ шопотомъ.

— А другіе?..

— Другихъ не знаю...

Генрихъ бросилъ испытующій взглядъ на Шикю.

— *Ventre de biche!* вскричалъ Гасконецъ, становясь въ любимую позицію короля:—позвать сюда брата моего, де-Гиза!

И, наклонившись къ Генриху, шепнулъ:

— Этого ты хорошо знаешь! Кажется, не зачѣмъ записывать его имя!

Стражи съ шумомъ отворили обѣ половины двери.

— Только одну половину, вскричалъ Генрихъ:—только одну!... Обѣ отворяются только для короля!

Герцогъ де-Гизъ былъ уже такъ близокъ, что могъ слышать эти слова; но они нисколько не измѣнили улыбки, съ которою онъ рѣшился привѣтствовать короля.

хv.

Зачѣмъ де-Гизъ приходилъ въ Лувръ.

За г. де-Гизомъ слѣдовала толпа офицеровъ, придворныхъ, дворянъ; за этой блистательной свитой шелъ народъ — свита не такъ блистательная, но болѣе вѣрная и опасная.

Одни дворяне вошли во дворецъ, народъ остался за дверями.

Изъ толпы народа раздавались громкіе крики въ то время, когда герцогъ де-Гизъ вступилъ въ галерею.

При видѣ этой арміи, которая всегда сопровождала парижскаго героя, когда онъ появлялся на улицѣ, дворцовая стража встала за оружіе и, выстроившись за своимъ храбрымъ полковникомъ, съ угрозой смотрѣла на народъ, бросая въ то же время гнѣвные взгляды на героя.

Гизъ замѣтилъ неблагопріятное расположеніе стражи, которое начальствовалъ Грильйонъ; онъ ласково поклонился полковнику,

неподвижно и съ суроюю гордостью стоящему со шпагой въ рукахъ въ четырехъ шагахъ отъ своихъ солдатъ.

Это пренебреженіе полковника и цѣлаго подка къ его могущественному вліянію поразило герцога. Лице его приняло на минуту безпокойное выраженіе; но, по мѣрѣ приближенія къ королевскому покою, оно опять прояснилось, такъ-что онъ вошелъ въ кабинетъ Генриха III улыбаясь.

— А! это вы, кузень? сказалъ король. — Съ какимъ шумомъ! Мнѣ послышалось, что звучали трубы!

— Государь, отвѣчалъ герцогъ:— трубы звучать въ Парижѣ только для короля, а на войнѣ для полководца; я, какъ человекъ хорошо-знакомый съ придворными и лагерными обычаями, знаю это. Здѣсь трубы слишкомъ-шумны для подданнаго; тамъ онѣ слишкомъ-незначительны для короля.

Генрихъ кусалъ губы.

— Par la mort de Dieu! сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія, въ продолженіе котораго пожиралъ глазами лотарингскаго принца: — какъ вы нарядны, кузень! Вы, вѣроятно, сегодня только изъ лагеря?

— Только сегодня, ваше величество, отвѣчалъ герцогъ, слегка покраснѣвъ.

— Много чести, кузень, много чести доставляетъ мнѣ ваше посѣщеніе, весьма-много чести.

Генрихъ III обыкновенно повторялъ слова свои, когда старался скрывать мысли, толпившіяся въ умъ его, точно такъ, какъ генералъ сгущаетъ ряды солдатъ передъ батареей, которая должна быть открыта не тотчасъ.

— Много чести, много чести, повторилъ Шакò, такъ вѣрно поддѣлываясь подъ голосъ короля, что, казалось, слова эти были пронесены самимъ королемъ.

— Государь, сказалъ герцогъ:— вы шутите: можетъ ли мое посѣщеніе дѣлать честь вашему величеству?

— Я хотѣлъ сказать, г. де-Гізъ, возразилъ король: — что всякій добрый католикъ, по возвращеніи изъ кампаніи, отдаетъ сперва долгъ Богу въ которомъ-либо изъ храмовъ его, а потомъ уже королю. Почитайте Бога, служите королю, — вотъ, мой кузень, полу-религіозная, полу-политическая аксіома.

Герцогъ де-Гізъ покраснѣлъ болѣе прежняго; король, смотрѣвшій ему прямо въ глаза, замѣтилъ краску, выступавшую на лицѣ его и обративъ взоръ, какъ-бы по инстинктивному побужденію, на герцога анжуйскаго, замѣтилъ, что родной братецъ его былъ такъ же блѣденъ, какъ двоюродный красенъ.

Это смущеніе, выражавшееся столь противоположнымъ образомъ, поразило короля. Онъ на мгновеніе опустилъ глаза и принялъ вѣсковый видъ, подъ которымъ никто лучше Генриха III не умѣлъ скрывать своего гнѣва.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ:— я чрезвычайно-радъ, гер-

даль, что вы спаслись от военных опасностей, хотя, съ свойственнымъ вамъ мужествомъ, не избѣгали ихъ, какъ мнѣ говорили. Но опасности знаютъ и боятся васъ, кузень.

Герцогъ поклонился.

— А потому, намъ совѣстно передъ вами; пока вы подвергаетесь смертнымъ опасностямъ, мы сочиняемъ новыя моды и модемся.

— Да, ваше величество, сказалъ герцогъ, остановившись на послѣднемъ словѣ короля:—мы знаемъ, что вы государь просвѣщенный и благочестивый, в никакія удовольствія не заставлятъ васъ унустать изъ вида славу Господа и выгоды святой его церкви. Это обстоятельство и подало намъ смѣлость безобоязненно явиться прямо къ вашему величеству.

— Смотри-ка, какъ велика безобоязненная смѣлость твоего кузена. Генрихъ, сказалъ Шико, показывая на толпу дворянъ, почтительно остановившихся за дверьми:—треть этой безобоязненной смѣлости осталась за дверьми твоего кабинета, а двѣ другія трети за луврскими воротами.

— Безобоязненно? повторилъ Генрихъ:—но развѣ вы когда-либо ходили ко мнѣ съ боязнію?

— Государь, смѣлость, о которой я говорю, относится къ предложію, которое намѣренъ я сдѣлать вашему величеству.

— А! такъ вы ко мнѣ съ предложеніемъ, кузень? Говорите съю—для безобоязненно, какъ вы сказали... Что же это за предложеніе?

— Исполненіе одной изъ прекраснѣйшихъ идей, родившихся въ христіанскомъ мірѣ послѣ того, какъ крестовые походы стали невозможны.

— Говорите, герцогъ.

— Государь, продолжалъ герцогъ, возвысивъ голосъ такимъ образомъ, что всѣ, находившіеся въ передней, могли слышать его:—государь, величественно званіе христіанскаго короля: оно обязываетъ пламенно заботиться о покровительствѣ и защитѣ религіи. Вы, король, какъ старшій сынъ церкви, обязаны защищать мать свою.

— О-го! сказалъ Шико:—мой кузень читаетъ проповѣдь со шпалой на боку и шлемомъ на головѣ; это очень-забавно! Не удивительно послѣ этого, что монахи хотятъ воевать. Генрихъ, дай полкъ моему пріятелю, Горанфол!

Герцогъ притворился, будто не разслышалъ этихъ словъ; Генрихъ закинулъ одну ногу на другую и облокотился на колѣно.

— Не угрожаютъ ли церкви Сарацины, любезный герцогъ? спросилъ король.—Или не добиваетесь ли вы титула короля... іерусалимскаго?

— Государь, возразилъ герцогъ:—многочисленная толпа народа, следовавшая за мною и благословлявшая мое имя, удостоена мнѣ этого приѣма только за усердное покровительство вѣры православнои. Предъ вступленіемъ вашего величества на престолъ, я уже

имѣлъ честь говорить вамъ о союзѣ между всеми истинными католиками.

— Да, да, сказалъ Шикѣ:—да, помню, ventre de biche! Помни лигу! Помню! Какъ не помнить! Генрихъ, у тебя должна быть весьма-слабая память, если ты забылъ лигу.

Герцогъ оглянулся и бросилъ презрительный взглядъ на говорившаго, не зная, какое вліяніе имѣли эти слова на короля послѣ того, что ему за нѣсколько минутъ донесъ Морвилье.

Герцогъ анжуйскій смутился еще болѣе прежняго и, приложивъ палецъ къ губамъ, устремилъ пристальный взглядъ на герцога де-Гиза; блѣдный и неподвижный, онъ походилъ на статую Осторожности.

Король не замѣтилъ взгляда, свидѣтельствовавшаго о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ привцевъ; но Шикѣ, играя кораблкомъ небрежно подошелъ къ королю и, устанавливая свою игрушку и тогъ Генриха, шепнулъ ему:

— Посмотри на брата, Генрихъ.

Съ быстротою молніи король поднялъ глаза; почти также быстро герцогъ опустилъ палецъ, но уже было поздно. Генрихъ замѣтилъ движеніе и угадалъ его.

— Государь, продолжалъ герцогъ де-Гизъ, замѣтившій поступокъ Шикѣ, но неслышавшій словъ его: — все католики требовали союза святой лиги, потому-что она имѣла главною цѣлюю упредить престолъ противъ коварныхъ козней гугенотовъ, смертельныхъ враговъ нашихъ.

— Славно сказано! вскричалъ Шикѣ.—Одобряю *redibus et vitibus*

— Но, продолжалъ герцогъ: — недостаточно составить союзъ недостаточно образовать массу, какъ бы плотна она ни была: надобно дать направленіе этому союзу. А въ такомъ королевствѣ, какъ Франція, нѣсколько милліоновъ человѣкъ не могутъ соединиться безъ согласія короля.

— Нѣсколько милліоновъ! вскричалъ Генрихъ, не скрывая своего изумленія, которое можно было принять за страхъ.

— Нѣсколько милліоновъ человѣкъ, повторилъ Шикѣ: — маленкое сѣмечко недовольныхъ, которое, будучи посажено искусными руками, не преманетъ дать прекрасные плоды!

Терпѣніе герцога, казалось, лопнуло; онъ презрительно скривилъ губы, хотѣлъ топнуть ногою, но только судорожно придалъ ей пощипъ.

— Удивляюсь, государь, сказалъ онъ: — что вы позволите прерывать меня, когда я говорю съ вами о такихъ важныхъ дѣлахъ.

При этихъ словахъ, Шикѣ, какъ-бы раздвѣявшій мнѣніе герцога, вскочилъ съ сердцемъ и, грозно осматриваясь, закричалъ дребезжащимъ голосомъ:

— Тише тамъ! молчать, или—ventre de biche! первый, кто заговоритъ, будетъ имѣть дѣло со мною!

— Нѣсколько милліоновъ человѣкъ! повторилъ король, которому очень не нравилось это число:—это весьма-лестно для католической гѣры; но сколько же протестантовъ въ моемъ королевствѣ противъ того огромнаго числа союзниковъ?

Герцогъ сталъ припоминать.

— Четверо, сказалъ Шикѵ.

Эта новая выходка разсмѣшила друзей короля, между-тѣмъ, какъ изъ насущилъ брови, а дворяне, ждавшіе въ передней, громко стали роптать на дерзость Гасконца.

Король медленно обратился къ двери, за которою слышался рожь, бросилъ гордый взглядъ на недовольныхъ, и — все утихло.

Потомъ, обративъ тотъ же взглядъ на герцога, онъ продолжалъ:

— Говорите же, герцогъ, что вамъ надо?.. говорите яснѣе...
иначе...

— Слава короля моего дороже мнѣ своей собственной, и потому я требую, чтобъ вы, государь, ясно доказали, что по усердію и привязанности къ католической вѣрѣ вы столько же выше насъ, сколько и во всемъ другомъ, и этимъ отняли бы у недовольныхъ предлогъ къ новымъ войнамъ.

— О! если дѣло идетъ только о войнѣ, кузенъ, сказалъ Генрихъ: — у меня есть войска; у васъ одинъхъ, если не ошибаюсь, въ лагерь, который вы покинули, чтобъ пріѣхать ко мнѣ съ прекрасными совѣтами, около двадцати-пяти тысячъ человѣкъ.

— Государь, вы не совсемъ поняли меня.

— Такъ говорите яснѣе, кузенъ; вѣдь вы великій полководецъ, мнѣ очень-пріятно будетъ слышать ваши разсужденія о войнѣ.

— Государь, я хотѣлъ сказать, что въ настоящее время королевствѣ нуждены вѣсти двѣ войны: войну моральную, если можно такъ назвать, и войну политическую; войну противъ идей и войну противъ людей.

— *Mor dieu!* сказалъ Шикѵ: — прекрасно сказано.

— Молчи, шутъ! сказалъ король.

— Люди, продолжалъ герцогъ: — видимы, осязательны, смертны; на нихъ можно напасть, ихъ можно порочить, потомъ осудить и казнить, если нужно.

— Да, сказалъ Шикѵ: — можно повѣсить и безъ суда; это не дешево и проще.

— Но на идеи, продолжалъ герцогъ: — прямо нападать нельзя, идее величество; онѣ невидимы, непроницаемы, скрываются отъ насъ, которые хотятъ уничтожить ихъ—скрываются въ глубинѣ души и пускаютъ глубокіе корни; и чѣмъ болѣе обрзываютъ неосторожные отростки, выходящіе наружу, тѣмъ сильнѣе и глубже прокаютъ внутренніе корни. Идея, ваше величество, подобна карлику-великану, за которымъ надо смотреть днемъ и ночью; потому что идея, вчера ползавшая у ногъ вашихъ, сегодня становится выше васъ. Идея, ваше величество, это искра, падающая на соловиную крышу; надобно имѣть хорошіе глаза, чтобъ днемъ замѣ-

тить начало пожара,—и вотъ почему, ваше величество, милліоны блюстителейъ необходимы!

— Пропали мои четыре гугенота! вскричалъ Шикó:—жалъ мнѣ ихъ, ventre de biche!

— Я пришелъ просить ваше величество, продолжалъ герцогъ:—назначить главу этимъ милліонамъ блюстителейъ, этому святому союзу!

— Вы кончили, кузень? спросилъ Генрихъ.

— Кончилъ, ваше величество; вы видѣли, что я говорилъ прямо и откровенно.

Шикó громко вздохнулъ, между-тѣмъ, какъ герцогъ анжуйскій, успокоившись, съ улыбкой глядѣлъ на лотарингскаго принца.

— Что вы скажете на это, господа? спросилъ король, обращаясь къ присутствующимъ.

Шикó, не говоря ни слова, взялъ шляпу и перчатки; потомъ, схвативъ за хвостъ львиную кожу, лежавшую у ногъ короля, утащилъ ее въ уголъ комнаты и растянулся на ней.

— Что ты дѣлаешь, Шикó? спросилъ король.

— Государь, отвѣчалъ онъ: — говорятъ, утро вечера мудренѣе. Отъ-чего это говорятъ? отъ-того, что, когда человѣкъ выспится, то становится умнѣе. Я высплюсь; а завтра утромъ дамъ отвѣтъ моему кузену де-Гизу.

И онъ потянулся.

Герцогъ бросилъ на Гасконца гнѣвный взглядъ; Шикó мигнулъ однимъ глазомъ и захрапѣлъ.

— Жду отвѣта, ваше величество, сказалъ герцогъ.

— Я думаю, что вы правы, кузень; соберите главныхъ либретовъ, прійдите съ ними ко мнѣ, и я выберу вамъ начальника.

— Когда же, государь? спросилъ герцогъ.

— Завтра.

Съ послѣднимъ словомъ, король взглянулъ съ улыбкой сперва на герцога де-Гиза, потомъ на герцога анжуйскаго.

Послѣдній намѣревался удалиться вслѣдъ за другими придворными, но Генрихъ остановилъ его.

— Остановитесь, братецъ, сказалъ онъ:— мнѣ нужно переговорить съ вами.

Герцогъ де-Гизъ прижалъ руку ко лбу, какъ-бы желая удержать возобновившіяся въ умѣ его мысли, и удалился съ своей свитой, которая вскорѣ разсыялась подъ сводами.

Минуту спустя, послышались клавки толпы, приветствовавшей опять своего любимца.

Шикó продолжалъ храпѣть; не извѣстно, точно ли онъ спалъ.

XVI.

Касторъ и Поллуксъ.

Король отпустилъ всѣхъ своихъ любимцевъ, удержавъ брата. Герцогъ анжуйскій во всю предшествовавшую сцену сохранялъ видъ равнодушія, а потому безъ опасенія согласился на приглашеніе Генриха. Онъ не зналъ, что Шикò наблюдалъ за нимъ, и что король замѣтилъ взглядъ и движеніе, которыми онъ предостерегалъ герцога де-Гіза.

— Братецъ, сказалъ Генрихъ, удостовѣрившись, что, кромѣ Шикò, никто не остался въ кабинетъ и прохаживаясь большими шагами отъ двери къ окну, и обратно:—знаете ли вы, что я очень-счастливъ?

— Государь, возразилъ герцогъ:—если вы въ-самомъ-дѣлѣ счастливы, то счастье ваше не что иное, какъ должное возмездіе за мои добродѣтели.

Генрихъ пристально взглянулъ на брата.

— Да, я очень-счастливъ! продолжалъ онъ:—потому-что, если мнѣ самому не приходится на умъ возвышенныя идеи, такъ онѣ приходятъ моимъ приближеннымъ... я это говорю потому, что идея де-Гіза, по-истинѣ, великая идея!

Герцогъ поклонился въ знакъ согласія.

Шикò открылъ одинъ глазъ, какъ-будто не такъ хорошо слышалъ съ закрытыми глазами и какъ-будто ему нужно было видѣть лицо короля, чтобъ лучше понимать слова его.

— Точно, продолжалъ Генрихъ:—соединить подъ одно знамя всѣхъ католиковъ, обратить королевство въ церковь, вооружить вслѣдствіемъ образомъ всю Францію, отъ Калѣ до Ламгелока, отъ Бретани до Бургундіи, такъ, чтобъ у меня всегда была готовая армія противъ Англичанъ, Фламандцевъ или Испанцевъ, и чтобъ ни Англичане, ни Испанцы, ни Фламандцы не подозрѣвали даже существованія этой арміи... знаете ли, Франсуа, что это высокая идея?

— Не правда ли, ваше величество? сказалъ герцогъ анжуйскій, радуясь тому, что король вполне соглашался съ идеями герцога де-Гіза, его союзника.

— Да; и я чувствую себя душевно-расположеннымъ къ тому, кому пришла такая чудесная мысль.

Шикò открылъ оба глаза, но тотчасъ же опять закрылъ ихъ, зафиксировавъ на лицѣ короля одну изъ тѣхъ тонкихъ улыбокъ, которыя понималъ одинъ Шикò. Ему довольно было этой улыбки.

— Да, продолжалъ король.—Повторяю, что такая мысль должна быть вознаграждена по достоинству, и я готовъ все сдѣлать для того, кому она пришла въ голову... Скажите мнѣ, Франсуа, точно

ли принадлежит эта мысль, или начатое уже исполненіе ея, герцогу де-Гізу?

Герцогъ анжуйскій утвердительно кивнулъ головою.

— Прекрасно, сказалъ король. — Я говорилъ, что я счастливъ, но долженъ бы сказать, что я слишкомъ счастливъ, потому—что подданнымъ моимъ не только приходятъ въ голову высокія идеи, но, но усердію ко мнѣ, они даже начинаютъ, безъ моего вѣдома, приводить эти идеи въ исполненіе. Однакожь скажите, Франсуа, скажите мне правдѣ, прибавилъ король, положивъ руку на плечо брату:—скажите, точно ли я обязанъ де-Гізу этой идеей?

— Нѣтъ, ваше величество, эту мысль имѣлъ уже, двадцать лѣтъ тому, кардиналъ лотарингскій, и только зареомоевская ночь воспрепятствовала, или, лучше, сдѣлала излишнимъ на время исполненіе ея.

— Ахъ! какъ жаль, что кардиналъ лотарингскій умеръ! сказалъ Генрихъ:—я бы возвелъ его въ званіе папы, послѣ смерти Григорія XIII; но надо отдать справедливость и племяннику, продолжалъ Генрихъ съ добродушіемъ:—онъ умѣлъ воспользоваться этой идеей. По несчастію, я не могу сдѣлать его папой; но пожалую его... впрочемъ, его уже нѣтъмъ жаловать!

— Государь, возразилъ Франсуа, совершенно-обманутый притворнымъ добродушіемъ брата:—вы преувеличиваете заслуги и достоинства де-Гіза; идея не его и не онъ развилъ ее.

— Такъ, вѣрно, братъ его, кардиналъ?

— Конечно, и кардиналъ очень занимался этимъ, но не онъ главный...

— А! такъ, видно, Майеннъ?

— О, ваше величество! вы дѣлаете ему слишкомъ-много чести, сказалъ герцогъ.

— Правда; какая политическая идея можетъ придти въ голову этому мяснику! Но кому же я долженъ быть признателенъ за развитіе этой идеи?

— Мнѣ, ваше величество, отвѣчалъ герцогъ.

— Вамъ? вскричалъ Генрихъ съ притворнымъ добродушнымъ наумомъ.

Шикó открылъ одинъ глазъ.

Герцогъ поклонился.

— Какъ? сказалъ Генрихъ:—когда всѣ возставали противъ меня, когда проповѣдники кляли мои пороки, поэты и пасквилянты сдѣлали вирши на мои недостатки, политики порицали мою безличность, друзья смѣялись надъ моею неспособностью, когда, наконецъ, и ложеніе мое сдѣлалось столь невыносимымъ, что я худѣлъ, что волосы мои сѣдѣли... вамъ, Франсуа, пришла такая высокая мысль! А я... простите, Франсуа... я не всегда считалъ васъ своимъ другомъ. Ахъ, Франсуа! какъ я виноватъ передъ вами!

И Генрихъ, растроганный до слезъ, протягивалъ руку къ брату. Шикó открылъ оба глаза.

— О! я понимаю всю важность этой идеи, продолжалъ Генрихъ: — я не могъ собирать ни повиноустей, ни рекрутовъ—всѣ роптали на меня!.. Теперь же идея де-Гиза или, лучше сказать, ваша, мой добрый братъ, даетъ мнѣ богатство, войско, друзей и спокойствіе. Теперь, Франсуа, не достаетъ только одного, чтобъ упрочить мое счастье...

— Чего же?

— Кузенъ мой сейчасъ говорилъ, что надобно бы назначить главу этому союзу.

— Конечно...

— Вы понимаете, Франсуа, что начальника надобно выбрать не изъ моихъ любимцевъ: ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ необходимаго для этого ума и мужества. Келюсъ храбръ, но онъ слишкомъ мнитъ своими любовными интрижками. Можиронъ храбръ, но онъ мнитъ своимъ туалетомъ. Шомбергъ храбръ, но не отличается особеннымъ умомъ; въ этомъ соглашаются даже лучшіе друзья его. Д'Эперьонъ храбръ, но онъ лицемеръ, на котораго я не полагаюсь, хоть и не показываю вида... Но вы знаете, Франсуа, одинъ изъ самыхъ тяжкихъ обязанностей короля та, что онъ долженъ постоянно скрывать свои ощущенія, сказалъ Генрихъ съ возрастающею доверчивостью: — и мнѣ такъ легко, такъ пріятно на душѣ, когда могу говорить откровенно, какъ теперь, на-примѣръ...

Шикъ закрылъ глаза.

— Итакъ, продолжалъ Генрихъ:—вы болѣе другихъ содѣйствовали развитію этой идеи; вы избрали орудіемъ герцога де-Гиза; следовательно, я смѣло могу согласиться...

— Что вы говорите, государь? вскричалъ Франсуа, не будучи въ силахъ скрыть своего безпокойства.

— Я говорю, что главой союза долженъ быть принцъ...

— Государь, берегитесь!

— Хорошій полководецъ, искусный дипломатъ...

— Особенно искусный дипломатъ, повторилъ герцогъ.

— Мнѣ кажется, Франсуа, что это званіе особенно прилично герцогу де-Гизу? Не правда ли?

— Ваше величество, сказалъ Франсуа:—герцогъ де-Гизъ и безъ него уже слишкомъ-могущественъ.

— Да; но въ его могущество и заключается вся моя сила.

— Герцогъ де-Гизъ овладѣлъ уже войскомъ и народомъ; кардиналъ лотарингскій овладѣлъ духовенствомъ; Майеннъ—опасное орудіе въ рукахъ двухъ братьевъ... Мнѣ кажется, что могущество не будетъ слишкомъ-велико.

— Правда, сказалъ Генрихъ:—правда твоя, Франсуа.

— Еслибъ Гизы были французскіе принцы, такъ можно бы еще надеяться, что они будутъ пешишь о выгодахъ нашего дома...

— Правда и то; они лотарингскіе принцы...

— Всегда соперничествовавшіе съ нашимъ домомъ.

— Франсуа, вы совершенно правы! *Tudieu!* я не считалъ за

такимъ искуснымъ политикомъ... да! Знаете, отъ-чего я худѣю отъ-чего волосы мои сѣдѣютъ? Могущество лотарингскаго дома беспокоитъ меня; не проходитъ дня, Франсуа, чтобъ эти три герцога, — вы правду сказали, они завладѣли всѣмъ, — чтобъ то герцогъ, то кардиналъ, то Майеннъ не оторвали у меня клочка моей власти, не отняли у меня котораго-нибудь изъ моихъ преимуществъ: смѣлостью, силой, хитростью, или измѣной... А я, бѣдный, слабый, покинутый всѣми, не могу даже противиться имъ!.. Ахъ Франсуа! еслибъ мы прежде объяснились, еслибъ я прежде могъ прочитать то, что было въ вашемъ сердцѣ, — о! тогда у меня было бы силы противиться имъ! Въ васъ я нашелъ бы помощника, опору. Но, увы! теперь ужь поздно...

— Отъ-чего же?

— Отъ-того, что теперь мы должны были бы вступить въ борьбу, а одна мысль о борьбѣ мнѣ тягостна. Итакъ пусть герцогъ де-Гизъ будетъ главой лиги.

— Напрасно, ваше величество, сказалъ герцогъ.

— Кого же мнѣ назначить, Франсуа? Кто возьметъ на себя такую опасную должность? Да, опасную! Развѣ вы не догадались, чемъ домогался герцогъ? Онъ именно того и хотѣлъ, чтобъ я избралъ его главою лиги.

— Такъ что же?

— То, что всякій другой, кого я выберу, сдѣлается смертельнымъ врагомъ его.

— Изберите человека, равнаго ему по могуществу, — такого, который, подъ вашей защитой, не страшится бы силы и могущества трехъ соединенныхъ лотарингскихъ принцевъ.

— О! любезный братъ, сказалъ Генрихъ съ грустію: — гдѣ мнѣ найти такого человека?

— Поищите около себя, ваше величество.

— Около себя? Да кромѣ васъ и Шикдъ, у меня истинныхъ друзей нѣтъ.

— О-го! подумалъ Шикдъ: — ужь не хочетъ ли онъ и со мною сыграть недобрую шутку?

И онъ закрылъ глаза.

— Какъ! сказалъ герцогъ: — не-уже-ли вы еще не понимаете государь?

Генрихъ такъ посмотрѣлъ на герцога анжуйскаго, какъ-будто глаза его внезапно спала завѣса.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ онъ.

Франсуа поднялъ голову.

— Но нѣтъ, продолжалъ Генрихъ: — вы не согласитесь, Франсуа. Это слишкомъ-тяжкая обязанность: гдѣ вамъ возиться съ такимъ народомъ! гдѣ вамъ выслушивать проповѣди фанатиковъ! гдѣ вамъ, въ случаѣ возмущенія мясниковъ, ходить по улицамъ парижскимъ! Надобно быть тройственнымъ, наподобіе Гизовъ, надобно имѣть правую руку по имени Карлъ, а лѣвую по имени

Луи... Майеннъ въ варёломеевскую ночь оказался весьма-дѣльнымъ человѣкомъ: онъ безошадно и безъ разбора билъ и рѣзалъ всѣхъ...

— Слишкомъ безъ разбора.

— Можетъ-быть, но не въ томъ дѣло. — Отвѣчайте на мой вопросъ, Франсуа. Не-уже-ли вы согласились бы связаться съ чернью? Не-уже-ли вы, первый дворянинъ моего двора, захотите сдѣлаться популярнымъ? Mort de ma vie, братецъ! люди очень извѣщаются съ лѣтами!

— Я готовъ согласиться на это—не для себя, а для васъ, ваше величество.

— Добрый, прекрасный братъ! вскричалъ Генрихъ, утирая пальцемъ небывалую слезу.

— Итакъ, продолжалъ Франсуа:— вы желаете, чтобъ я взялъ на себя званіе, которое вамъ угодно было поручить герцогу де-Гизу?

— Желаю ли я! вскричалъ Генрихъ. — *Corne du Diable!* Не только желаю, но радуюсь вашей услужливости. Итакъ, и вы помышляли о лигѣ? Тѣмъ лучше, *mon dieu!* тѣмъ лучше! Чудесно! теперь я вижу, что окруженъ одними великими, умными людьми...

— О! вы шутите, ваше величество...

— Я? Боже сохрани; теперь не до шутокъ. Я говорю, что думаю, Франсуа:— вы избавляете меня отъ большаго затрудненія... Съ некотораго времени я боленъ морально. Умственные способности мои слабѣютъ. Маронъ объясняетъ мнѣ причину этого... но возвратимся къ нашему дѣлу... Впрочемъ, на что мнѣ умъ, когда добрые люди думаютъ за меня? Итакъ, мы рѣшили, что вы будете главой лиги? Такъ?

Франсуа задрожалъ отъ радости.

— О! вскричалъ онъ:— еслибъ я заслужилъ довѣренность вашего величества!

— Довѣренность? Кого мнѣ опасаться, когда не Гизъ будетъ главою лиги? Ужъ не самой ли лиги?.. Можетъ-быть, опасность угрожаетъ мнѣ съ этой стороны? Говори, мой добрый Франсуа, говори!

— О, государь! произнесъ герцогъ.

— Ахъ, какъ я безразсуденъ! Можно ли мнѣ опасаться союза, ~~какимъ-то~~ ~~человѣкомъ~~ котораго будете вы?.. Кажется, это логически?.. Нѣтъ, ничего не опасуюсь. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, у меня во Франціи еще довольно вѣрноподданныхъ, съ которыми я могу пойдти на лигу, если ей вздумается надобдѣть мнѣ!

— Разумъ-бъ, ваше величество, отвѣчалъ герцогъ съ наивностію, ~~отъ~~ ~~столь~~ ~~же~~ ~~искусно~~ ~~поддѣланною~~, какъ добродушіе короля:— ~~братъ~~ всегда останется королемъ.

Шикъ открылъ одинъ глазъ.

— Разумъ-бъ! сказалъ Генрихъ. — Но, къ-несчастью, мнѣ приодти на умъ мысль... Удивительно, сколько сегодня рождается мыслей... одинъ за другими — точно грибы.

— Какая же это мысль? спросилъ герцогъ съ безпокойствомъ.

— Нашъ кузенъ де-Гизъ вообразилъ себя, вѣроятно, что онъ, а не другой кто-нибудь, будетъ начальникомъ лиги. Какъ же мнѣ съ нимъ быть?

— Съ герцогомъ де-Гизомъ?

— Да; онъ, я думаю, только для того и взялся за дѣло. — Берегитесь, Франсуа, онъ не такой человекъ, чтобъ согласился сдѣлаться жертвой *Sic vos non vobis*. Вы читали *Виргиля: Nidificates aves*.

— О, ваше величество...

— Франсуа, я увѣренъ, что онъ такъ думаетъ. — Вѣдь онъ знаетъ, какъ я безпеченъ!

— Ваше величество, вамъ стѣдуетъ сказать одно слово, и онъ уступитъ.

— Скажите лучше — притворится. Я уже сказалъ вамъ: берегитесь, Франсуа, у моего кузена де-Гиза длинны руки! Ему стѣдуетъ только протянуть ихъ, и одной рукой онъ коснется Испаніи, а другою Англій — Дон-Жуана-Австрійскаго и Елизаветы. У Бурбонскаго герцога была короче рукъ де-Гиза, — несмотря на то, онъ сдѣлалъ много зла Франциску I, нашему дѣду...

— Если вы считаете его столь опаснымъ, тѣмъ болѣе должны поручить мнѣ начальство надъ лигой, чтобъ не усилить его вліянія и — при первой измѣнѣ, мы učinимъ надъ нимъ судъ и расправу.

Шикъ открылъ другой глазъ.

— Судъ и расправу, Франсуа! Судъ и расправу!.. Нѣтъ; Людовикъ XI, королю могущественному и богатому, можно было ставить эшафоты и возводить на нихъ кого ему вздумается... У него же не достанетъ денегъ и на то, чтобъ купить чернаго бархата, которымъ въ подобныхъ случаяхъ обиваютъ эшафотъ.

Произнося эти слова, Генрихъ, не смотря на все свое присутствіе духа, бросилъ на герцога мрачный взглядъ, котораго послѣдній и не могъ вынести.

Шикъ закрылъ глаза.

Наступила минута молчанія.

Король первый заговорилъ.

— Надобно быть осторожнымъ, любезный Франсуа, сказалъ онъ: — надо избѣгать народныхъ войнъ, ссоръ между моими подданными. Я — сынъ Генриха-воинственнаго и Катерины-хитрой; немножко наследовалъ хитрость моей матери... позову герцога де-Гиза и наобѣщаю ему столько, что мы сладимъ это дѣло притворительскимъ образомъ.

— Ваше величество, вскричалъ герцогъ анжуйскій: — вы мнѣ поручите начальство надъ лигой?

— Конечно.

— Вы понимаете, что это выгодно для васъ?

— Разумѣется.

— Это ваше собственное желаніе?

— Собственное мое желаніе; только не надо обижать кузена де-Гиза.

— Не безпокойтесь, ваше величество: — я самъ беру съ уговорить герцога.

— Когда?

— Сейчасъ.

— Такъ вы намърены идти къ нему? — О, братецъ, подумайте! Вы сдѣлаете ему слишкомъ-много чести!

— Я не пойду къ нему.

— Какъ же?

— Онъ ждетъ меня.

— Гдѣ?

— У меня.

— У васъ? Да вѣдь онъ вышелъ изъ Лувра? — Вы слышали, какъ народъ привѣтствовалъ его.

— Да; но, вышедъ въ большія ворота, онъ воротился въ боковую. Королю принадлежалъ, по праву, первый визитъ герцога де-Гиза; мнѣ же принадлежитъ второй.

— Ахъ, братецъ! сказалъ Генрихъ: — какъ я вамъ благодаренъ, что вы такъ хорошо поддерживаете наши права, которыя я иногда, по слабости своей, забываю! Идите же, Франсуа, и устройте это дѣло.

Франсуа взялъ руку брата и наклонился, чтобъ поцаловать ее.

— Что вы дѣлаете, Франсуа?.. Въ мои объятія! Вотъ ваше мѣсто; здѣсь, на груди моей! Дайте мнѣ прижать васъ къ сердцу.

И братья стали обниматься въ нѣсколько приѣмовъ; наконецъ, герцогъ анжуйскій, высвободившись изъ объятій короля, вышелъ изъ кабинета и поспѣшно направилъ шаги къ своимъ покоямъ.

Сердце его было преисполнено радости.

По уходѣ брата, король топнулъ ногой и, бросившись въ потаенный корридоръ, ведшій къ покоямъ Маргериты-Наваррской, называемымъ герцогомъ анжуйскимъ, онъ вступилъ въ маленькій кабинетъ, откуда легко можно было слышать все, что говорилось въ комнатѣ Франсуа.

— *Ventre de rishe!* сказалъ Шакъ, отирывъ оба глаза вместе и садясь на кожу: — какая трогательная семейная сцена! Мнѣ казалось, что я на Олимпѣ, и вижу сцену свиданія Кастора и Поллукса послѣ шестимѣсячной ихъ разлуки.

XVII.

Здѣсь доказывается, что подслушываніе есть лучший способъ—слышать.

Герцогъ анжуйскій засталъ герцога де-Гиза въ той самой комнатѣ королевы наваррской, гдѣ некогда Генрихъ и де-Мунъ шопотомъ.
Т. XLIV. — Отд. I.

томъ и говоря на ухо другъ другу, условились бѣжать; осторожный Генрихъ зналъ, что въ Луврѣ было мало комнатъ, возлѣ которыхъ не были устроены коморки для подслушиванья.

Герцогъ анжуйскій тоже зналъ это важное обстоятельство, но, вполне обманутый добродушіемъ брата, онъ забылъ о немъ.

Генрихъ III вошелъ, какъ мы уже сказали, въ маленькій кабинетъ въ то самое время, когда съ другой стороны герцогъ входилъ въ свой покой: слѣдовательно, ни одно слово изъ разговора Франсуа съ де-Гизомъ не ускользнуло отъ короля.

— Что новаго, ваше высочество? съ живостію спросилъ герцогъ де-Гизъ.

— Засѣданіе кончилось счастливо, герцогъ.

— Вы были очень-блѣдны, ваше высочество.

— Развѣ замѣтно было? спросилъ герцогъ съ безпокойствомъ.

— Я замѣтилъ.

— А король?

— Кажется, нѣтъ; но король удержалъ ваше высочество.

— Почему вы это знаете?

— Я видѣлъ, когда выходилъ изъ кабинета. Вѣроятно, король говорилъ съ вашимъ высочествомъ о моемъ предложеніи?

— Говорилъ.

За этимъ словомъ наступило молчаніе, смыслъ котораго Генрихъ понималъ.

— Что же говоритъ король? спросилъ наконецъ де-Гизъ.

— Король одобряетъ вашу мысль; но именно по громадности ея ему кажется опаснымъ ввѣрить вамъ начальство надъ лгвой.

— Безъ меня успѣхъ ея сомнителенъ.

— Мнѣ то же кажется, любезный герцогъ, и предположеніе ваше не состоится.

— Жаль! сказалъ де-Гизъ:—это значитъ умереть прежде рожденія, кончить не начиная.

— Умны оба, шепнулъ кто-то на ухо Генриху, внимательно вслушивавшемуся.

Генрихъ III скоро обернулся и увидѣлъ длинную фигуру Шикѣ, наклонившагося къ акустической трубѣ, возлѣ которой онъ сидѣлъ.

— Ты осмѣлился прійти сюда, негодяй! сказалъ король.

— Молчи, сказалъ Шикѣ, махнувъ рукой: — молчи, сынъ мой; ты мѣшаешь мнѣ слушать.

Король пожалъ плечами; но такъ-какъ онъ зналъ, что изъ всѣхъ окружавшихъ его, онъ могъ положиться только на одного Шикѣ, то продолжалъ подслушивать.

— Ваше высочество, сказалъ герцогъ де-Гизъ: — мнѣ кажется, что король могъ бы прямо отказать мнѣ; тѣмъ болѣе, что онъ привалъ меня довольно-дурно. Не хочетъ ли онъ обмануть меня?

— Кажется, отвѣчалъ принцъ нервнѣе.

— Въ такомъ случаѣ, предпріятіе погибло.

— Конечно, возразил герцог анжуйский:—такъ-какъ вамъ принадлежитъ честь этой выдумки, то я вслѣски старался поддерживать ее... Это мнѣ почти удалось.

— Какъ такъ, ваше высочество?

— Король поручилъ мнѣ упрочить или навсегда уничтожить лигу.

— Какимъ образомъ? спросилъ герцогъ лотарингскій съ сверкающими глазами.

— Послушайте: король опасается вашего могущественнаго вліянія; слѣдовательно, надобно устранить только опасенія его — дѣло же останется въ томъ же видѣ. Настоящимъ начальникомъ лиги всегда будетъ герцогъ де-Гизъ... но званіе это будетъ возложено на герцога анжуйскаго.

— А! вскричалъ де-Гизъ, и кровь бросилась ему въ лицо.

— Славно! проговорилъ Шикó:—кость брошена; собаки сейчасъ подерутся.

Но, къ величайшему изумленію короля и Шикó, герцогъ де-Гизъ внезапно успокоился и продолжалъ почти-веселымъ голосомъ:

— Вы искусный политикъ, ваше высочество, если вы придумали эту уловку.

— Я, отвѣчалъ принцъ.

— Честь вамъ и слава!

— Надобно вамъ сказать, что я только воспользовался случаемъ. Впрочемъ, любезный герцогъ, прибавилъ принцъ:—ничего еще не рѣшено—я хотѣлъ прежде переговорить съ вами.

— Зачѣмъ, ваше высочество?

— Зачѣмъ, что я не знаю, къ чему это поведетъ.

— А я знаю, шепнулъ Шикó.

— Это маленькій заговоръ, сказалъ Генрихъ улыбаясь.

— О которомъ твой Морвилё не зналъ, однакожъ, ни слова; но не мѣшай слушать: это очень-интересно!

— Такъ я же вамъ скажу: къ чему это поведетъ, известно одному Богу, продолжалъ герцогъ де-Гизъ:—но вотъ къ чему это послужитъ: лига будетъ вторая, народная армія; первая армія принадлежитъ уже мнѣ, церковь въ рукахъ моего брата, кардинала... Когда же и лига будетъ подъ моимъ начальствомъ, тогда мы будемъ всесильны!

— Не говоря уже о томъ, сказалъ герцогъ анжуйскій:—что я наследникъ престола.

— А-га! произнесъ Генрихъ.

— Онъ правъ, сказалъ Шикó:—ты самъ виноватъ, сынъ мой!.. Вѣрно жъ тебѣ не имѣть наследника!

— Не смотря на то, что вы наследникъ престола, возразилъ де-Гизъ:—вамъ предстоятъ тысячи препятствій... Сочтите ихъ...

— О герцогъ! не-ужь-то вы думаете, я не считалъ уже, не считалъ ихъ?

— Первое препятствіе—король наваррскій...

— О! этотъ мнѣ не страшенъ; онъ слишкомъ занятъ своими любовными интригами.

— Ошибаетесь, ваше высочество: это самый опасный противникъ; онъ проголодался, исхудалъ, платье на немъ виснось... Онъ поджидаетъ васъ, не терлетъ ни васъ, ни брата вашего изъ вида; ему ужасно хочется вступить на тронъ. Пусть что-нибудь случится съ тѣмъ, кто теперь сидитъ на престолѣ, и вы увидите, какъ онъ очутится изъ По въ Парижъ... Вы увидите, ваше высочество, и вспомните слова мои.

— Что же можетъ случиться съ тѣмъ, кто сидитъ на престолѣ? медленно спросилъ Франсуа, устремивъ испытующій взоръ на Гиза.

— Э-ге! проговорилъ Шикó:—прислушай, Генрихъ; Гизъ сейчасъ наскочитъ тебѣ кучу весьма-поучительныхъ вещей. Прими ихъ въ соображеніе.

— Многое можетъ случиться, ваше высочество, отвѣчалъ де-Гизъ. — Вы знаете, что сегодня живъ и здоровъ, а завтра чувствуешь какую-то необъяснимую боль... думаешь, что проживешь еще многія лѣта, а на повѣрку выходитъ, что не проживешь и нѣсколькихъ часовъ.

— Слышишь, Генрихъ, слышишь? сказалъ Шикó, взявъ дрожащую руку короля, на всемъ тѣлѣ котораго выступилъ холодный потъ.

— Дá, это правда, возразилъ герцогъ анжуйскій такимъ глухимъ голосомъ, что король и Шикó должны были прислушиваться къ словамъ его съ удвоеннымъ вниманіемъ: — правда, принцы нашего дома рождаются подъ вліяніемъ пагубной звезды; но братъ мой, Генрихъ III, слава Богу, здоровъ и силенъ. Онъ бывалъ и на войнѣ, и это еще болѣе укрѣпило его... Какъ же ему теперь не быть здоровымъ, когда вся жизнь его проходитъ въ удовольствіяхъ?

— Правда, ваше высочество, отвѣчалъ де-Гизъ: — но не забывайте, что удовольствія, которыми предаются короли Франціи, имѣютъ свои опасности; отецъ вашъ, Генрихъ II, также воротился здоровъ и силенъ съ войны, но умеръ отъ удовольствій, о которыхъ вы упоминаете. Копье Монгоммері было безобидно, правда, для латъ, но не для глаза короля Генриха II, скончавшагося отъ раны... Вотъ что можетъ случиться. Правда, пятнадцать лѣтъ спустя, вдовствующая королева приказала воротить Монгоммері изъ изгнанія и отрубить ему голову... но все-таки это не возвратило королю жизни. Что же касается до вашего брата, покойнаго короля Франциска, то ему значительно повредило во мнѣніи народа его слабоуміе; онъ также умеръ весьма-несчастнымъ образомъ. Признайтесь, принцъ, что боль въ ухѣ не можетъ быть смертельною болѣзью,—а между-тѣмъ король умеръ отъ этой боли... Вотъ что можетъ случиться. Я часто слышалъ, что эта смертельная бо-

льзв развила въ ухѣ Франциска не однимъ случаемъ... мнѣ даже называли весьма-известную особу...

— Герцогъ!.. проговорилъ Франсуа краснѣя.

— Да, ваше высочество, продолжалъ герцогъ:—съ нѣкоторыхъ-вѣкъ весьма-опасно носить титулъ короля. Антуанъ Бурбонскій получилъ рану въ плечо только отъ-того, что назывался королемъ: другой легко и скоро излечился бы отъ этой раны, а онъ—умеръ отъ нея. Глазъ, ухо и плечо причинили много горя во Франціи, и это напоминаетъ мнѣ стихи, сложенные по этому случаю графомъ де-Бюссі.

— Какіе стихи? спросилъ король.

— Будто ты не знаешь? отвѣчалъ Шикѡ.

— Не знаю.

— Худо же, если отъ тебя скрываютъ подобныя вещи. Слушай:

Par l'oreille, l'épaule et l'oeil,
La France eut trois rois au cercueil;
Par l'oreille, l'oeil et l'épaule,
Il mourut trois rois dans la Gaule.
Par l'oeil, l'épaule et l'oreille...

Но тише, тише! Мнѣ кажется, что братъ твой говорить.

— А послѣдній стихъ?

— Послѣ скажу, когда Бюссі прибавитъ къ нимъ еще четыре стиха.

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что въ семейной картинѣ его не достаётъ еще двухъ лицъ... Но слушай: не братъ твой, а герцогъ де-Гизъ говорить.

— Замѣтите, ваше высочество, продолжалъ де-Гизъ:—что исторія вашихъ родныхъ и союзниковъ не кончена еще въ стихахъ Бюссі.

— Что я тебѣ говорилъ? сказалъ Шикѡ, толкнувъ Генриха локтемъ.

— Вы забываете Жанну д'Альбрѣ, мать Беарнца, которая умерла отъ-того, что понюхала пару перчатокъ, купленныхъ у Флорентина, близъ Сен-Мишельскаго-Моста; это тоже весьма неожиданная случай, тѣмъ болѣе, что въ то время очень-многіе желали смерти Жанны. Признайтесь, ваше высочество, что вась самихъ же обстоятельство весьма удивило?

Герцогъ анжуйскій только насупилъ брови, что придадо его корону взгляду еще болѣе мрачное выраженіе.

— А вспомните Карла IX, продолжалъ герцогъ:—а вы не слышали, что можетъ случиться. Ему причинила смерть не глазъ, не ухо, не плечо, не носъ, а прямо—ротъ.

— Что-о? вскричалъ Франсуа.

И по поблышавшемуся движенію можно было угадать, что герцога анжуйскій отступилъ съ ужасомъ.

— Да, ваше высочество, ротъ, повторилъ де-Гизъ: — чтеніе охотничьихъ книгъ весьма-опасно, особенно, когда страницы такъ слипнутся, что нельзя иначе перебирать ихъ, какъ поднося безпрестанно палецъ ко рту, чтобъ смачивать его слюней; вкусъ загарьлой бумаги весьма вреденъ для здоровья: онъ отравляетъ слюну...

— Герцогъ! герцогъ! произнесъ Франсуа съ ужасомъ: — мнѣ кажется, что вы выдумываете эти преступленія!

— Преступленія? повторилъ де-Гизъ:—кто вамъ говорить о преступленіяхъ, ваше высочество? Я только говорю, что можетъ случиться! Я и не думаю о преступленіяхъ. А знаете ли вы, что случилось съ королемъ Карломъ IX на охотѣ?

— Слушай, Генрихъ, сказалъ Шико: —тебѣ, какъ охотнику, это должно быть очень-любопытно.

— Я знаю, что случилось съ Карломъ, сказалъ Генрихъ.

— Да я не знаю; я тогда еще не былъ при дворѣ; не мѣшай же мнѣ слушать, сынъ мой.

— Вы знаете, ваше высочество, продолжалъ лотарингскій принцъ:—о какой охотѣ я говорю; о той, въ которую, по великодушному побужденію вашего сердца убить кабана, бросившагося на вашего брата, вы выстрѣлили съ такою поспѣшностью и такъ неосторожно, что вмѣсто кабана, въ котораго вы цѣлились, вы ранили того, въ кого не цѣлились. Этотъ выстрѣлъ доказываетъ, какъ должно опасаться того, что можетъ случиться. Всѣмъ при дворѣ извѣстна ловкость вашего высочества. Всѣ знаютъ, что вы стреляете чрезвычайно-мѣтко, а потому вы, я думаю, сами не мало изумились, когда увидѣли, что король упалъ съ лошади и неминуемо сдѣлался бы жертвой свирѣпаго кабана, еслибъ не подоспѣлъ король наваррскій и не убилъ дикаго звѣря.

— Какая же мнѣ была польза въ смерти короля Карла IX? сказалъ герцогъ анжуйскій, стараясь придать себѣ твердости и спокойно отвѣчать на ироническіе намеки де-Гиза:— если наследникомъ его былъ братъ мой Генрихъ?

— Позвольте, ваше высочество; вы забываете, что польскій престолъ былъ не занятъ. Со смертію Карла IX открывалась вакансія и на французскій престолъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что старшій братъ вашъ избралъ бы послѣдній. Но вѣдь и польскимъ престоломъ нельзя было пренебрегать, тѣмъ болѣе, что я знаю многихъ, которые домогались даже бѣдненькой короны наваррской. Притомъ же, смерть Карла IX еще одною ступенью приближала васъ къ наследству... Вѣдь король Генрихъ III прибылъ же изъ Варшавы сюда въ десять дней; следовательно, и вы могли успѣть сюда также скоро.

Генрихъ III посмотрѣлъ на Шикó, который въ свою очередь взглянулъ на короля, но уже не съ обыкновеннымъ лукавымъ и саркастическимъ выраженіемъ, но съ участіемъ, почти-нѣжнымъ, которое, однакожъ, тотчасъ же исчезло съ загорѣлаго лица его.

— Чтò же вы изъ этого заключаете? спросилъ герцога анжуйскій, стараясь прекратить разговоръ, въ которомъ де-Гизъ высказалъ все свое неудовольствіе.

— Я заключаю, что со всякимъ человѣкомъ, а тѣмъ болѣе съ королемъ, можетъ многое случиться. Вы олицетворяете собою случай, угрожающій Генриху III, особенно, если сдѣлаетесь начальникомъ лиги, потому-что быть начальникомъ лиги—значитъ быть королемъ короля, не говоря уже о томъ, что, принявъ начальство надъ лигой, вы уничтожаете случай, угрожающій скорому вашему вступленію на престолъ, т. е. Беарнца.

— Скорому вступленію! Слышавъ? сказалъ Генрихъ III.

— Какъ не слышать, ventre de biche! отвѣчалъ Шикó.

— Слѣдовательно... продолжалъ герцогъ де-Гизъ.

— Слѣдовательно, повторилъ герцогъ анжуйскій:—вы того мнѣнія, что я долженъ принять предложеніе короля?

— Разумѣется! отвѣчалъ лотарингскій принцъ:—я умоляю васъ принять это предложеніе, ваше высочество.

— А вы... сегодня вечеромъ?

— О! будьте спокойны; люди мои рыскаютъ съ утра, и сегодня вечеромъ Парижъ очень удивится...

■ Чему удивится Парижъ? спросилъ Генрихъ III.

— А нѣчто ты не догадываешься?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какъ ты недогадливъ, сынъ мой! Сегодня вечеромъ публично подписываютъ лигу, потому-что тайкомъ она уже давно подписана и переподписана; ждали только твоего согласія: утромъ ты согласился, а вечеромъ ужъ и подписываютъ... ventre de biche! Ты видишь, Генрихъ, что твой случай — потому-что у тебя ихъ два,—что твой случай не теряютъ времени.

— Хорошо, сказалъ герцогъ анжуйскій:—и такъ, до вечера.

— Дá; до вечера! произнесъ глухимъ голосомъ король.

— Какъ! спросилъ Шикó:—не-ужь-ли и ты, Генрихъ, рѣшишься вечеромъ выйти на улицу?

— Непремѣнно.

— Напрасно, Генрихъ.

— Отъ-чего?

— А случай?

— Не бойся, я буду не одинъ; и ты пойдешь со мною.

— Какъ бы не такъ! Я, братъ, не гугенотъ. Я православный старикъ и самъ хочу подписать лигу, не разъ, а десять разъ, не естъ, а сто разъ!

Не стало болѣ слышно голосовъ герцога анжуйскаго и де-Гиза.

— Еще одно слово, сказалъ король, остановишь Шикó: — ты думаешь обо всемъ этомъ?

— Я думаю, что ни одинъ изъ вашихъ предшественниковъ не зналъ своего случая; Генрихъ II не берегъ глаза; Францискъ II не берегъ уха; Антуанъ-Бурбонскій не берегъ плеча; Жанна д'Альбре не берегла носа; Карлъ IX не берегъ рта. Следовательно, вы, Генрихъ, имѣете большое преимущество надъ ними: вы можете предостеречься, потому-что, ventre de biche! хорошо знаете своего брата!

— Да, сказалъ Генрихъ III:—и скоро онъ увидитъ, par la mort de Dieu! какъ его знаю!

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ГЕРМАНСКИЙ ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗЪ (ZOLLVEREIN).

Въ то время, какъ тридцати-лѣтній миръ, дарованный Европѣ вѣнскимъ конгрессомъ, съелъ на почвѣ ея разнообразныя цвѣты цивилизаціи и благоденствія, — неудержимый ходъ влеченій породилъ въ центрѣ Европы событіе, безпрямьное въ лѣтописяхъ человечества: около тридцати государствъ, составляющихъ 28,000,000 жителей, соединились между собою для борьбы съ чужеземцами — не орудіемъ войны, но самою взаимныхъ польза и соревнованія. Мы говоримъ о германскомъ Таможенномъ Союзѣ.

Въ частн европейскаго материка, орошаемой съ одной стороны Балтійскимъ-Моремъ, и ограничивающейся съ другой стороны горами Швейцаріи и Тироля, двѣнадцать лѣтъ назадъ, существовало множество княжествъ, герцогствъ, королевствъ, тяготѣвшихъ во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ тысячами различныхъ интересовъ, тысячами препятствій отъ таможенныхъ формальностей, тысячами пошлинъ обременительныхъ и тяжелыхъ. Одно было у нихъ общее — языкъ, или, лучше сказать, воспоминаніе о древней національности. Такимъ образомъ, въ какъ промышленной и торговой цивилизаціи, отношенія мѣны между различными государствами Германіи оставались связанными почти въ такой же степени, какъ въ эпоху варварства. Необходимость освобо-

дять ихъ отъ столькихъ препятствій была чувствуема болѣе и болѣе: каждое государство страдало отъ торговаго разъединенія, которое вполне предавало страну въ жертву выгодамъ чужой промышленности и парализировало на почвѣ Германіи движеніе труда промышленнаго. Союзъ, къ которому вели общія матеріальныя выгоды жителей одной той же территоріи и одного и того же происхожденія, былъ приготовленъ, такимъ-образомъ, самими состояніемъ умовъ. Два обстоятельства помогли этому соединенію: съ одной стороны, общая литература, освѣщавшая умы и дѣйствовавшая на душу всякаго Нѣмца, безъ различія того, къ какому государству принадлежитъ онъ; съ другой стороны, общее возстаніе, подъ предводительствомъ однихъ и тѣхъ же вождей, противъ общаго врага, посягнувшаго на ихъ самостоятельность. Отсюда — германскій Таможенный Союзъ—Zollverein; отсюда—безпримѣрный фактъ соединенія нѣсколькихъ вполне-самостоятельныхъ государствъ въ одно цѣлое, въ-отношеніи таможеннаго законодательства; другими словами: фактъ единства таможенъ безъ единства политическаго.

Слово «союзъ» сдѣлалось магическимъ словомъ нашего времени; при видѣ благи, прорастающихъ изъ этого источника, не одно благородное сердце подвинуто было желаніемъ очистить свободный путь этимъ благамъ и для другихъ народовъ; и взволнованное воображеніе раздѣлило уже европейскія государства на нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Проекты торговыхъ соединеній по образцу германскаго Таможеннаго Союза серьезно зараждались въ умахъ, и продолжаютъ еще до-сихъ-поръ занимать экономистовъ и людей государственныхъ. Но, не вдаваясь въ разсмотрѣніе возможности обобщенія въ будущемъ началъ германскаго Таможеннаго Союза, и имѣя въ виду только фактъ совершившійся, укажемъ на нѣкоторыя выгоды, представляемыя этимъ соединеніемъ народовъ, на основаніи обобщенія матеріальныхъ интересовъ,—въ-отношеніи административномъ и экономическомъ.

Самая меньшая и очевидная изъ всѣхъ выгодъ, представляемыхъ Таможеннымъ Союзомъ, — есть уменьшеніе издержекъ взиманія таможенныхъ пошлинъ, которое производится только на внешней границѣ Союза.

Но выгода гораздо-большей важности — осуществленіе идеи свободы торговли во всей ея обширности. Если таможенный союзъ учрежденъ между государствами, достаточно къ тому приготовленными (а это необходимое условіе прочности подобнаго рода соединеній), то замѣшательство въ интересахъ, которое причиняетъ эта свобода торговаго движенія, не можетъ быть значительно, и во всякомъ случаѣ это замѣшательство скоропреходяще, тогда-какъ блага, прорастающія отсюда, значительны и постоянны. Во-первыхъ, между различными частями общей территоріи можетъ имѣть мѣсто вѣрное раздѣленіе труда, которое, при предшествовавшемъ раздробленіи, было чрезвычайно-неудобно. Различныя растенія имѣютъ свой климатъ и свою любимую мѣстность; при устраненіи препятствій этимъ естественнымъ склонностямъ, каждая точка земли будетъ возвращать только роды ей свойственныя, по-

ому-что они одни выгодны при существованіи соперничества; а при томъ порядкѣ земля даетъ плоды и въ бѣльшемъ количествѣ, и лучшаго качества. Хотя различныя отрасли мануфактурной промышленности не имѣютъ своихъ поясовъ, столь строго опредѣленныхъ, какъ отрасли земледѣлія; тѣмъ не менѣе присутствіе первыхъ предметовъ или добность ихъ полученія, сосѣдство водныхъ источниковъ или копей зменнаго угля, безпрепятственный сбытъ, иногда извѣстные условія атмосферическія, наконецъ особенныя свойства народонаселеній,—обезпечиваютъ имъ успѣхъ въ данномъ мѣстѣ,—успѣхъ, котораго, предоставивши самимъ-себѣ, они не могли бы достигнуть въ другомъ мѣстѣ; соперничество, существующее на обширномъ пространствѣ страны, утверждаетъ и развиваетъ ихъ только тамъ, гдѣ они призваны процвѣтать естественно. Во-вторыхъ, расширеніе внутренняго рынка сообщаетъ производительности новую энергію. Мануфактурная промышленность возмѣщается преимущественно, потому-что ея произведенія легко перевозятся; впрочемъ, успѣхи ея неразрывны съ успѣхами земледѣлія, которое доставляетъ ея работникамъ пищу и матеріалы.

Кажется, однакожь, что эти результаты свободы торговли не перемѣнятъ за границу Союза: здѣсь возникаютъ таможи,—и тарифъ, какъ и на былъ умеренъ, никогда не потеряетъ изъ вида покровительства своимъ промысламъ, следовательно, воспретитъ доступъ на внутренній рынокъ произведеніямъ чужеземнымъ, находившимъ прежде на немъ сбытъ свой. Но чтобы обойтись безъ произведеній чужеземныхъ, союзъ долженъ обладать въ огромномъ размѣрѣ безконечнымъ разнообразіемъ естественныхъ и промышленныхъ источниковъ. Притомъ же, развитіе промышленныхъ силъ въ Союзъ и соразмѣрное тому увеличеніе потребленія неминуемо родитъ нужду въ произведеніяхъ чужихъ странъ; следовательно, внѣшняя торговля не уменьшится: она только перемѣнится и обратится на другіе предметы, сообразно съ указаніями новой, усиленной жизни силъ производительныхъ.

Единство монетной системы, вѣсовъ и мѣръ, — единство, безъ котораго такъ затрудняются обороты мѣны, должно быть также неминуемымъ слѣдствіемъ единства таможеннаго. Въ то же время, усиленная жажда въ перемѣщеніи произведеній улучшатъ и родитъ новые пути общенія; а эти безпрестанныя сношенія, это дѣятельное движеніе идей и вещей, эта привычка дѣйствовать одинаково и сообща, во всемъ, что касается матеріальной жизни населенія, произведетъ взаимную симпатію; вмѣстѣ съ интересами происходитъ мѣна идей; нравы идей возвышаются вмѣстѣ съ увеличеніемъ ихъ благосостоянія.

Страна, называемая Германіей, не вся заключается въ предѣлахъ Германскаго-Союза: это — обширное пространство, лежащее между Балтійскимъ и Адриатическимъ Морями; между предѣлами Франціи и Россіи. На этомъ пространствѣ господствуетъ единство мѣстности и мѣны. На картѣ, глазъ смѣло отличаетъ ее отъ странъ сопредѣльныхъ не встрѣчаетъ въ срединѣ ея никакого разсѣла, существеннаго различія. Хотя масличное дерево растетъ только на берегахъ Адриатическаго-Моря, и воздѣлываніе винограда не переступаетъ границъ Кур-

царства-Гессенскаго; но температура вообще равно-умеренна отъ одного изъ этихъ предѣловъ до другаго. На всемъ этомъ пространствѣ, народонаселеніе также почти одинаково; на восточной его границѣ, ирландцы обитаютъ Славяне; но превосходство числа и вліянія остается на стороне Нѣмцевъ: Саксонцы, Франконцы, Тюрингенцы, Швабы или Баварцы—различныя вѣтви одного и того же корня, занимаютъ большую часть страны. Прирейнское населеніе ея также отражаетъ въ себя общій типъ. Въ физическомъ отношеніи, всякій Нѣмецъ болѣе кропотъ, чѣмъ жить, по уму, — болѣе терпѣливъ и основателенъ, нежели быстръ и развязенъ; онъ болѣе честенъ, нежели рѣшительнъ; обладаетъ болѣе умеренностью, нежели энергіей.

Но въ этомъ неопредѣленномъ единствѣ прѣглядывается двойственность географическая и политическая. Южная-Германія испещрена во всѣхъ направленіяхъ отраслями Альпъ, продолжающихся даже до Дуная; Сѣверная-Германія представляетъ до самаго моря непрерываемо однообразіе земной поверхности и составляетъ часть обширной равнины Сѣверной-Европы. Тогда-какъ Дунай, орошающій югъ Германіи, направляется на востокъ, неся дань своихъ водъ Черному-Морю, главные артеріи судоходства на сѣверъ ея—Рейнъ, Везеръ, Эльба, Одеръ и Висла текутъ въ Моря Сѣверное и Балтійское. У каждаго изъ этихъ водъ свое народное нарѣчіе. Съ XVI столѣтія, они раздѣлились въ отношеніи религіозномъ: протестантизмъ, лютеранизмъ и кальвинизмъ преобладаютъ на сѣверъ, католицизмъ — на югъ.

Таможенный Союзъ, въ настоящемъ своемъ состояніи, принадлежитъ болѣе сѣверу, нежели югу Германіи. Хотя онъ заключаетъ въ себя четырнадцать нѣмецкихъ государствъ; но членовъ его, въ собственномъ прямомъ смыслѣ, только одиннадцать. Самыя меньшія государства соединены особенными договорами съ болѣе-значительными, составляя, такъ сказать, ихъ спутниковъ. Одиннадцать членовъ суть: на сѣверъ—Пруссія съ Люксембургомъ, Саксонія, Тюрингія, Брауншвейгъ, Гессен-Кассель; на югъ — Франкфуртъ-на-Майнѣ, Гессен-Дармштатъ, Нассау, Баварія, Виртембергъ и Баденъ.

Государства Германскаго-Союза, оставшіяся внѣ Союза Таможеннаго, суть: на сѣверъ—Ганноверъ и Ольденбургъ, Гамбургъ, Бременъ и Либекъ, Голштейнъ, Мекленбург-Шверинъ и Мекленбург-Стрелицъ; на югъ — нѣмецкія части Австріи.

Такимъ образомъ, территория Таможеннаго Союза представляетъ странное и неправильное очертаніе. Ограниченная съ сѣвера Мекленбургомъ и Ганноверомъ, отдѣляющими се отъ моря,— она на югъ, въ срединѣ своей, перерывана Богеміей и Польшею, между которыми Прусская-Силезія, одна изъ его частей, вдегся угломъ; и тогда-какъ западная ея граница представляется съ значительной шириной, восточный предѣлъ ея стороны Россіи оканчивается остроконечно. 8246 кв. нѣмецкихъ миль составляютъ его поверхность.

Официальная цифра народонаселенія простаралась въ 1842 году до 27,623,611 душъ; а нынѣ она превышаетъ 28,000,000.

Въ-отношеніи къ морямъ, принимающимъ въ себя водные истоки, территория Таможеннаго Союза можетъ быть раздѣлена на два главные бассейна — *Восточный* или *Балтійскій*, и *Западный* или *Съвернаго-Моря*. На первомъ — Висла и Одеръ съ значительнымъ числомъ портовъ, между которыми болѣе-замѣчательные — Данцигъ и Штетинъ. Западный бассейнъ болѣе-значителенъ и оживленъ; но Эльба, Везеръ и Рейвъ, столь для него важныя, оканчиваютъ свое теченіе на землѣ, непринадлежащей Союзу.

Для транзита, территория Союза не столь благопріятна, какъ, на-примѣръ, территория Австріи, обладающая огромною торговою артеріей — Дунаемъ; но земля Союза служитъ посредницею между Швейцаріей, Австріей и Царствомъ-Польскимъ, и Балтійскимъ и Съвернымъ Морями.

Въ-отношеніи къ произведеніямъ, — на территоріи Союза можно различить три пояса: *сѣверный*, образуемый тремя прусскими провинціями — Позень, Пруссія и Померанія; *центральный*, заключающій въ себя почти всю остальную часть прусской монархіи, Брауншвейгъ, Королевство-Саксонское, Курфиршество-Гессенское и Люксамбургъ; и *южный*, состоящій изъ Великаго-Герцогства Гессен-Дармштатскаго, Герцогства Нассаускаго, юга Рейнской-Пруссіи, Баваріи, Виртемберга и Бадена. Всякій изъ этихъ отдѣловъ характеризуютъ особенныя произведенія земледѣлія: рожь, хотя и составляетъ произведеніе всѣхъ частей Союза, есть особенное достояніе отдѣла сѣвернаго; шерсть — центрального, и вино — южнаго; мануфактурная промышленность, находящаяся въ слабомъ состояніи въ отдѣлѣ сѣверномъ, болѣе развита въ центральномъ и еще болѣе въ южномъ.

Пруссія заключаетъ въ себя каждый изъ трехъ означенныхъ поясовъ. Восточная ея часть (Позень, Пруссія, Померанія), представляя вообще бесплодный характеръ песковъ Бранденбурга, по теченію рѣкъ изобилуетъ, однакожъ, богатыми долинами, обильно-производящими рожь, табакъ и картофель; здѣсь же (Бранденбургъ, Силезія и Саксонія) процвѣтаетъ овцеводство.

Два западныхъ провинціи — самыя населенныя и самыя богатыя. Покрытая болотами и пустошами, въ соседствѣ съ Голландіей, — Вестфалія представляетъ плодоносную и промышленную страну на берегахъ Везера и Эмса, Липпе и Рюра. Провинція, обязанная своимъ именемъ Рейну, превосходитъ всѣ прочія въ дѣятельности и богатствѣ. Съ обиліемъ земледѣльческихъ произведеній въ долину Рейна, она соединяетъ еще другое богатство, чуждое другимъ частямъ королевства, — вино. Вся отрасль труда процвѣтаетъ въ округѣ Дюссельдорфа, гдѣ находятся Замберфельдъ, Барменъ, Леннепъ, Солингенъ, Кресфельдъ, Гладбахъ, дѣлательно-обрабатывающіе хлопчатую бумагу, шелкъ, шерсть, ленъ или льно.

Между государствами средняго отдѣла, Королевство-Саксонское, по-сѣ Пруссіи, занимаетъ первое мѣсто. Трудъ равно животворитъ здѣсь горы сѣвера и юга: онъ создалъ источники на бѣдной почвѣ, которая не доставляетъ своимъ дѣтямъ даже необходимаго. Саксонія — страна рудокоповъ и фабрикантовъ. Первымъ — внутренности Эрцгебирге

доставляютъ серебро, мѣдь, олово и свинець, и драгоценные камни. Между различными произведеніями послѣднихъ, находятся сукна и другія матеріи изъ шерсти испанскихъ мериносовъ, давно уже аклиматизированныхъ въ Саксоніи. Промышленность хлопчатобумажная распространена по всей странѣ; главные мѣста ея производства — Хемницъ и Плауенъ. Лейпцигъ, на Эльбѣ, — значительнѣйшій пунктъ внутренней торговли Германіи, главное мѣсто книжной торговли и значительнѣйшихъ ярмарокъ.

Въ государствахъ южныхъ преобладаетъ земледѣліе. Вюртембергъ и Баденъ возвели его на высокую степень совершенства, какъ собственно въ-отношеніи земледѣлства, такъ и въ-отношеніи скотоводства. Между различными родами хлѣбныхъ растеній, первое мѣсто принадлежитъ пшеницѣ. Виноградники занимаютъ здѣсь большое пространство; они покрываютъ возвышенности Герцогства-Нассаускаго и при-рейнской части Великаго-Герцогства Гессен-Дармштатскаго; въ Баваріи виноградъ растетъ съ успѣхомъ на берегахъ Рейна и Майна; въ Вюртембергѣ — въ долинѣ Неккера и въ окрестностяхъ озера Констанцкаго.

Хотя Таможенный Союзъ не обнаруживалъ до сего времени никакого акта о результатахъ внѣшней своей торговли, но статистическими данными, которыя изданы частными лицами по вѣрнымъ источникамъ, можно восполнить до нѣкоторой степени этотъ недостатокъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Бирзакомъ (*), сложность средняго оборота торговли Союза, въ-продолженіи пяти лѣтъ, отъ 1837 — 41 года, составляла: ввоза — около 154,920,941 р. сереб.; вывоза — 157,965,875 руб. серебромъ. Необработанные матеріалы для фабрикъ составляютъ въ этомъ королевствѣ большую половину цѣны ввоза, равно какъ произведенія фабрикъ и мануфактуръ составляютъ большую половину цѣны вывоза.

Выше мы замѣтили, что образованіе Таможеннаго Союза не есть явленіе внезапное; оно приготовлялось обстоятельствами исторіи племеннаго сочувствія. Въ образованіи его участвовали: и вторженіе въ Европу Турковъ, впервые соединившее враждовавшія между собою индивидуальныя силы Германіи; и та, развившаяся въ прошедшемъ столѣтіи съ такимъ блескомъ на почвѣ Германіи прекрасная литература, которой орудіе было роднымъ для всякаго Нмица отъ предѣловъ Россіи до предѣловъ Франціи; и нашествіе Наполеона, соединившее въ однихъ и тѣхъ же битвахъ противъ общаго врага — и Австрійцевъ, и Пруссаковъ, и Баварцевъ, и Вюртембергцевъ, и напомнившее имъ, что въ ихъ жилахъ течетъ одна и та же кровь; и наконецъ вѣнскій конгрессъ, давшій начало Германскому-Союзу.

19-й параграфъ акта вѣнскаго конгресса предоставлялъ союзнымъ государствамъ организацію взаимныхъ торговыхъ отношеній; но это опредѣленіе оставалось безъ послѣдствій. Сейму не доставало силы начинанія въ подобномъ предметѣ. Однакожъ, оставаясь мертвою буквою въ рукахъ сейма, 19-й параграфъ жилъ въ общественномъ мнѣніи и по-

(* Въ сочиненіи его «Ueber Schutzzölle». Дармштатъ. 1843.

ужилъ наконецъ оффиціальнымъ текстомъ, освятившимъ различныя еднвенія таможенныхъ линій; съ тѣмъ вмѣстѣ поддержалась надежда и въ будущемъ на дальнѣйшія и обширнѣйшія торговыя ассоціаціи всѣхъ государствъ Германіи.

Въ это самое время, на берегахъ Рейна и Эльбы, господствовала теорія Адама Смита. Ученіе его о свободѣ торговли, которое указываетъ путемъ скорѣе на отдаленную цѣль, нежели представляетъ правило только-удобопримѣнимое въ настоящее время, дѣятельно помогло стремленію эпохи, находясь съ нимъ въ совершенномъ согласіи. Трактаты, ключевыя въ то время между различными государствами Германіи, наруживаютъ преобладавшую идею — уничтожить препятствія, поставленыя старинными обычаями свободѣ сообщеній. Но, къ-несчастью, политическая географія страны совершенно противилась оживленію сношеній. Около сорока государствъ, находящихся на землѣ Германіи, составляютъ чрезвычайную, такъ-сказать, чрезполосность владѣній; каждую-тѣмъ, каждое государство окружило свою границу таможенною линію; притомъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, на-прим., въ Пруссіи, вмѣстѣ съ таможенными на вѣншей границѣ, находились таможни на пределахъ провинцій, и, по злоупотребленію преданій, таможни общинъ и отдельныхъ людей. Это еще не все: будучи чрезвычайно-различны по составу и величинѣ, эти сорокъ государствъ, какъ-бы по странному призу, вмѣютъ части своихъ территорій въ средѣ территорій другихъ государствъ. Пруссія, которой двѣ части, восточная и западная, совершенно между собою раздѣлены Ганноверомъ, Брауншвейгомъ и Курпфюршествомъ Гессен-Кассельскимъ, кажется, служила образцомъ для строенія территорій другихъ государствъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ раздробленіе доведено до неслыханной степени: Герцогство-Саксонія-Кобургъ-Гота имѣетъ до десяти частей своей территоріи. Такимъ-образомъ, чтобъ достигнуть съ границы до центра страны, по направленію отъ сѣвера къ югу, или отъ запада на востокъ, на пространствѣ отъ 50 до 60 нѣмецкихъ миль, товары должны были пройти по крайней-мѣрѣ шестнадцать таможенныхъ линій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и болѣе.

Все это дѣлало болѣе и болѣе ощутительною потребность таможеннаго единства. Но тогда-какъ большая часть желала свободы внутреннихъ сношеній, другіе еще болѣе желали покровительственныхъ преградъ отъ вторженія чужестранныхъ произведеній. Въ-самомъ-дѣлѣ, мануфактурные интересы Германіи страдали отъ этого въ высшей степени. Однакожь, въ то самое время, какъ Германія оставалась открытою для произведеній мануфактуръ иноземныхъ, она увидѣла, что кругъ ея началъ возвышаться стѣны, казалось, готовые отнять у собственныхъ произведеній всякую надежду на вѣншній сбытъ. Великаго кризиса, наставшаго въ Европѣ послѣ двадцати-пяти лѣтъ ожесточенныхъ браней, обѣщало производительному труду блестящій путь; всѣ капитальныя силы обратились отъ войны къ промышленности; главнѣйшія государства Европы желали обладать цвѣтущими мануфактурными-существеннымъ элементомъ наиболѣе-развитой цивилизаціи; и чтобъ

вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, они заключились въ строгую запретительную или покровительствующую систему.

Это стѣсненіе вѣшняго рынка вызвало, правда, у Нѣмцевъ германскія усилія, увѣнчавшіяся успѣхомъ. Такимъ-образомъ, мало-по-малу Саксонія успѣла открыть сбытъ своимъ произведеніямъ въ Сѣверной Америкѣ; она довела до рѣдкой степени совершенства рудный промыселъ и достигла, въ вѣзальномъ искусствѣ, неоспоримаго превосходства такъ-что можетъ не бояться ни запрещеній, ни тарифовъ. Но какъ дорогою цѣною куплены эти результаты! Сколько недочетовъ, сколько несчастій! По причинѣ политическаго и таможеннаго раздробленія, масса фабричныхъ произведеній Германіи была исключена изъ большаго части нѣмецкихъ рынковъ,—а сбытъ на вѣншихъ рынкахъ былъ возможенъ только съ рискомъ контрабанды или опасностями экспедицъ за море; большая часть потребленія внутренняго была удовлетворена промышленностью англійскою. Но это торговое нашествіе Англичанъ ускорило въ Германіи осуществленіе экономическаго единства.

Первоначальная мысль соединенія, ясно выраженная, принадлежитъ кажется, доктору Фридриху Листу, бывшему тогда профессоромъ политической экономіи въ Тюбингенѣ, хотя та же мысль не была чужда то же время и министру внутреннихъ дѣлъ Великаго-Герцогства Баденскаго, Небениусу. По-крайней-мѣрѣ, вотъ что говорятъ Листъ въ предисловіи къ своему сочиненію: «Das nationale System der Politischen Oekonomie» объ этомъ предметѣ: «Я изучилъ, подобно многимъ, систему «и сочиненія экономическія; но мнѣ недостаточно было излагать явное «стству настоящее состояніе науки; я хотѣлъ также узнать, какъ наука «должна быть примѣнена къ развитію благосостоянія, цивилизаціи «могущества Германіи. Теорія совѣтовала свободу торговли. Это начало «казалось мнѣ вѣрнымъ и подтверждалось прекрасными результатами «уничтоженія таможенъ между провинціями Франціи и между тремя «соединенными королевствами Великобританіи. Но удивительное извѣстіе «ствіе континентальной системы и пагубныя послѣдствія ея уничтоженія такъ бросались мнѣ въ глаза, что я не могъ пренебречь ими. «Они мнѣ показались въ совершенномъ противорѣчій съ предъидущими «опытами; и, желая изяснить это себѣ, я пришелъ къ заключенію, что «теорія вѣрна въ той только степени, въ какой всѣ націи будутъ «облюдать между собою начало торговой свободы, какъ, на-примѣръ, «въ упомянутомъ примѣрѣ провинціи одного и того же государства. «Отсюда вниманіе мое обратилось къ національности; я замѣтилъ, что «теорія имѣла въ виду только человечество и недѣлимыхъ, но не націи. «Я убѣдился, что между двумя націями наиболее-просвѣщенными, свободное соперничество не можетъ быть выгодно для каждой изъ нихъ «иначе, какъ подъ условіемъ равенства промышленнаго развитія «нихъ... Словомъ, я замѣтилъ различіе, какое существуетъ между «экономіею космополитическою и экономіею политическою и сказалъ «самому-себѣ: надобно, чтобъ Германія уничтожила свои провинціальныя «вѣвля таможи и общемою системою торговли въ-отношеніи къ иностраннымъ «націямъ усиливалась достигнуть той же степени промышленнаго и торго-

«ваго развитія, какой достигли другія націи... Одинъ (19-й) параграфъ «акта Германскаго-Союза, ясно предоставилъ нѣмецкимъ государствамъ право окончательнаго образованія системы національной торговли. Этотъ «параграфъ, казалось мнѣ, могъ служить основаніемъ зданію будущаго «промышленнаго и торговаго благоденствія германскаго отечества; и это «убѣжденіе внушило мнѣ мысль основать общество негодіантовъ и «фабрикантовъ, которое имѣло бы цѣлью уничтоженіе провинціальныхъ «нѣмецкихъ таможенъ и утверженіе системы нѣмецкой торговли.»

Весною, 1819 года, во время ярмарки, Листъ, прибывъ по своимъ дѣламъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, сообщилъ о своемъ предположеніи одному нюрембергскому негодіанту, который познакомилъ молодаго профессора съ другими негодіантами и купцами различныхъ городовъ. Одинъ изъ нихъ рѣшился соединить нѣсколько подписей въ прошеніи къ Сейму Германскаго-Союза, по предмету препятствій внутренней торговли. Листу поручена была редакція этого прошенія, и онъ выполнилъ ее къ удовольствію всѣхъ. Этотъ первый успѣхъ ободрилъ его; онъ думалъ, что удобная минута для осуществленія его плановъ настала; и вскорѣ, подъ его руководствомъ, учредилось *Общество Нѣмецкой Промышленности и Торговли* (Deutscher Handels-und Gewerbe-Verein), въ пяти или шести тысячъ членовъ.

Успѣха этого общества не замедлили принести плоды въ Южной и Центральной Германіи, гдѣ оно преимущественно дѣйствовало. Въ-слѣдствіе министерскихъ совѣщаній въ Вѣнѣ, въ 1820 году, куда общество послало своихъ депутатовъ, по приглашенію правительства великаго-герцогства Гессен-Дармштадтскаго, коммерческій конгрессъ соединился въ Дармштадтѣ; въ немъ приняли участіе Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Нассау и многія другія государства. Но не могли согласиться: Баварія хотѣла пошлѣе покровительствующихъ и высокѣе; Баденъ и большинство настаивали на тарифѣ очень-низкомъ. Негодіаціи были прерваны въ 1823 году. Спустя годъ, совершилось первое таможенное соединеніе юга Германіи: Вюртембергъ присоединилъ къ себѣ княжества Гогенцоллернъ, находящіяся въ его территоріи. Спустя нѣсколько времени, онъ соединилъ съ собою, сперва предварительною конвенціею 12-го апрѣля 1827 года, потомъ настоящимъ трактатомъ 18-го января 1828 года, Баварію; и только-что-установленная баварско-вюртембергская система начала уже привлекать къ себѣ сосѣднія государства.

Но невозможно было осуществить ничего великаго безъ содѣйствія двухъ или, по-крайней мѣрѣ, одного изъ преобладающихъ государствъ страны. Австрія, заключившись въ центральную систему, слѣдовала своей собственной торговой политикѣ. Пруссія также возбудила въ меньшихъ государствахъ живое негодование своимъ, впрочемъ, весьма-умѣреннымъ тарифомъ, который она установила; но ея исключительное положеніе, нѣсколько не позволяя разьединенія, указывало ей, напротивъ, на миссію союза, которую она умѣла понять и выполнять.

Что идея, распространенная Обществомъ Торговли и Промышленности, имѣла вліяніе на прусское правительство и что онъ возбудилъ и облегчилъ ему совершеніе великаго дѣла таможеннаго единства, давъ въ

помощники мнѣніе, — это неоспоримо; но къ этому также побуждала ее и географическая необходимость. Но для окончательнаго водворенія торговаго единства, ей необходимо было соединить съ своею таможенною системою множество чрезполосныхъ, чуждыхъ владѣній, препятствовавшихъ внутреннему движению, какъ на-прим., пространство, разделяющее западныя и восточныя ея провинціи. Однакожъ, отъ сказанныхъ, первыхъ присоединеній, до образованія того, что нынѣ извѣстно подъ именемъ Zollverein, было еще далеко. Пруссія, первая, приступила къ дѣлу серьезно. Ея первая таможенная конвенція, заключенная съ княжествомъ Шварценъ-Зондерсгаузенъ, относится къ 25 октябрю 1819 года; следовательно, состоялась пятью годами прежде трактата Виртемберга съ княжествами Гогенцоллернъ. Эти первыя негодіаціи были трудны и тяжелы. Съ 1819 по 1828 годъ, Пруссія соединила только чрезполосности и незначительныя части территорій, которыя приставали, смотря по ихъ географическому положенію, къ ея провинціямъ восточнымъ или западнымъ. Однакожъ, въ-продолженіи этихъ девяти лѣтъ незначительныхъ результатовъ, вопросъ зрѣлъ, потому — что въ этихъ маленькихъ ассоціаціяхъ присутствовало начало, которое должно было господствовать въ союзѣ огромномъ. Конвенція большей важности заключена была 14-го февраля 1828 года съ великимъ-герцогствомъ Гессен-Дармштадтскимъ. Это не была уже чрезполосность, въ некоторомъ смыслѣ поглощенная Пруссіей, — но государство извѣстной важности. Система прусская, увеличившись, сдѣлалась системою прусско-гессенскою.

Это обстоятельство взволновало всю Германію. Присутствіе прусскихъ таможенныхъ досмотрщиковъ на границѣ гессен-дармштадтской видимо всѣмъ было неприяно. Соединенія интересовъ всей Германіи въ одинъ узелъ все желали, и однакожъ, недоумчивостью встѣпяти актъ, клонившійся видимо къ этой цѣли. Независимо отъ частныхъ интересовъ, которые всякая перемена, если не уничтожаетъ, то крайней-мѣрѣ устраняетъ, Пруссія, въ-продолженіе своихъ негодіацій, должна была постоянно бороться съ подозрительнымъ расположеніемъ правительствъ, боявшихся вмѣшательства чуждаго вліянія въ дѣла внутренняго управленія, увеличенія могущественной монархіи. Она побѣдила все эти препятствія только своимъ искусствомъ и умѣренностью. Въ этотъ разъ, образовалась контр-ляга. Королевства: Саксонское, Ганноверское, курфиршество Гессен-Кассельское, Ольденбургъ, Брауншвейгъ, Нассау, Гессен-Гомбургъ, герцогства и княжества Тюрингіи, Бременъ и Франкфуртъ-на-Майнѣ, прислали своихъ депутатовъ въ Кассель, для разсужденія о мѣрахъ къ положенію начала свободы торговли въ Германіи. Результатомъ этихъ разсужденій былъ *Торговый Союзъ Центръ Германіи*, установленный трактатомъ 24-го сентября 1828 года; — въ шесть лѣтъ, до конца 1834 года, какъ и союзъ Пруссіи съ Великимъ-Герцогствомъ Гессен-Дармштадтскимъ.

1828 годъ — годъ замѣчательный въ исторіи германской торговли: онъ родилъ три ассоціаціи, которыя были названы, по географическому

положенію государствъ; ихъ составлявшихъ, *сѣверною, центральною и южною*.

Получивъ начало отъ непріязненнаго и недовѣрчиваго чувства въ отношеніи къ Пруссіи, центральный союзъ былъ чисто-отрицательный; никакое начало общей дѣятельности не поддерживало его; сохраняя положеніе вещей, тягостное для всѣхъ, или, по-крайней-мѣрѣ, ограничиваясь неопредѣленными обѣщаніями переменъ, онъ былъ совершенно-безсильнъ. Скоро онъ разстроился: первыя отстали отъ него княжества Рейсъ; затѣмъ Саксен-Веймаръ, и наконецъ, курфиршество Гессен-Кассельское, которое 11-го августа 1831 года перешло въ союзъ сѣверный.

Это присоединеніе было чрезвычайно-важно для прусской системы: составляя центръ контр-лиги, Гессен-Кассель разрушалъ ее такимъ-образомъ, переходя на сторону Пруссіи; притомъ же, теперь соединились западныя и восточныя провинціи Пруссіи, и территорія сѣвернаго союза дѣлалась слитою. Кажется, ободренный этимъ успѣхомъ, онъ пріобрѣталъ большую вѣру въ будущее, потому-что постановили этому новому трактату соединенія предѣлъ болѣе-отдаленный, нежели предѣлающимъ, именно: 1-е января 1842 года.

Оставались двѣ таможенныя ассоціаціи неравной важности: центръ одной былъ Берлинъ, другой — Мюнхенъ.

Болѣе-слабая необходимо должна была быть вовлечена въ орбиту сильнѣйшей, которая болѣе-и-болѣе возрастала въ общественномъ мнѣніи. Заключенная въ тѣсныхъ предѣлахъ территоріи вполнѣ-среднеземной, которую неспособна была расширить, она могла найти элементы жизни только слившись съ ассоціаціей сѣвера. Сближеніе началось торговымъ трактатомъ 27 мая 1829 года, заключеннымъ на 12 лѣтъ, начиная съ 1830 года, въ которомъ выговорены были многочисленныя обоюдныя выгоды. Это былъ шагъ къ уничтоженію таможенъ, которыя все еще существовали.

Гессен-Кассель, какъ мы видѣли, присоединился къ прусской системѣ въ 1831 году; въ 1833 г. совершилось присоединеніе союза южнаго. Присоединеніе королевства Саксонскаго послѣдовало чрезъ восемь дней послѣ присоединенія Баваріи и Вюртемберга; чрезъ полтора мѣсяца послѣ, ассоціація тюрингская, жадкій остатокъ центральной, послѣдовала ихъ примѣру.

По совершеніи этихъ соединеній, германскій Таможенный Союзъ существовалъ. Онъ началъ свое дѣйствіе съ 1-го января 1834 года.

Въ 1835 году, чрезъ присоединеніе великаго-герцогства Баденскаго, территорія союза достигла на югозападъ до предѣловъ Франціи и Швейцаріи. Присоединенія въ томъ же году герцогства Нассаускаго и Гессен-Гомбургскаго, Франкфурга-на-Майнѣ въ 1836 году, и въ 1837 году некоторыхъ чрезополосныхъ владѣній, принадлежащихъ Брауншвейгу и Ганноверу, довершили внутреннее единство территоріи Союза.

Съ-тѣхъ-поръ, до 1841 года, — предѣла перваго термина союзаго акта, — присоединеній не было. Но въ этомъ году, Таможенный Союзъ, привлекая къ себѣ Брауншвейгъ съ Ганноверомъ и Ольденбургемъ, по-

двинулся къ морю Сѣверному; а присоединеніе Люксамбурга распространило границы его даже до крайняго предѣла Германіи на сѣверо-западъ. Въ началѣ 1844 года, наконецъ, брауншвейгскіе округа Гардцъ и Везеръ присоединились къ союзу.

Таково было начало и развитіе германскаго Таможеннаго Союза. Первый періодъ его существованія окончился, в 8-го мая 1844 года, основный актъ его возобновлепъ на 12 лѣтъ.

Первыя таможенныя конвенціи Пруссіи были очень-просты. Черезполосныя территоріи присоединялись, въ дѣль таможенъ, къ ея провинціямъ восточнымъ или западнымъ, и изъ доходовъ, которые были взимаемы по прусскому тарифу, предоставляема имъ была соразмѣрная сумма каждыя три года. Впрочемъ, одна Пруссія была законодательницею въ этомъ предметѣ, равно какъ одному прусскому правительству принадлежало управленіе и надзоръ.

Великое-герцогство Гессен-Дармштадтское заключило трактатъ на условіяхъ равенства. Принявъ таможенную организацію и тарифъ Пруссіи, велико-герцогское правительство предоставило себѣ надзоръ на вѣншей своей границѣ и отдѣльную администрацію; всякая перемена въ общей системѣ требовала ея согласія.

Эти различныя договоры послужили приготолченіемъ къ трактатамъ 1833 года, организовавшимъ Таможенный Союзъ, потому-что условія этихъ трактатовъ почти буквально были повторяемы при соседствіяхъ, происшедшихъ въ-послѣдствіи.

Однообразное законодательство, свобода внутренней торговли и общность доходовъ составляютъ основаніе Таможеннаго Союза.

Вся государства признають одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же тарифъ. Впрочемъ, при этомъ однообразіи допущены изъятія, совмѣстившія съ общою цѣлью, и которыхъ требуютъ мѣстные интересы государствъ.

Таможенныя пошлины не взимаются болѣе на внутреннихъ границахъ, и товары передвигаются изъ одного государства въ другое съ полною свободою. Нѣкоторыя ограниченія, однакожь, оставлены: относительно игральныхъ картъ и соли, какъ предметовъ монополій правительства.

Но свобода сообщеній требовала болѣе, нежели уничтоженія заставъ.

Подъ тысячью названій и предлоговъ, духъ фискальности увеличивалъ свою тягость. Соединенныя правительства рѣшили совершенное уничтоженіе сборовъ судоплаванія, шоссейныхъ, съ мостовъ, шлюзовъ и пр.

Не менѣе полезно было привести къ единству многочисленныя системы монетъ, вѣсовъ и мѣръ, которыя существовали на территоріи Союза. Необходимость учрежденія однообразнаго вѣса чувствуема была въ-особенности: центнеръ гессен-дармштадтскій принятъ за общую единицу вѣса товаровъ съ 1-го января 1840 года. — Переговоры, начатыя затѣмъ по предмету монетъ, кончились дрездовскою конвенціею, 30 іюля 1838 года, которая только отчасти осуществила желанія союзнаго трактата. Три монетныя системы имѣли свою силу: прусская,

саксонская и государствъ южныхъ. Первая, прилагавшаяся почти къ двумъ третямъ населенія Таможенного Союза, поглотила вторую, но не могла преодолеть третьей. Югъ упорно сохранялъ свои *флорины* (гульдены) и *крейцеры*, оставляя съверу его *талеры* и *грош*. Нельзя было установить между флориномъ и талеромъ даже отношенія, которое позволяло бы легкое обращеніе, какъ напримѣръ: 1 къ 2, или 2 къ 3. Изъ марки чистаго серебра чеканять четырнадцать талеровъ, или восемьдесятъ съ половиною флориновъ; следовательно, талеръ равняется $1\frac{1}{2}$ флорицу, а флоринъ $\frac{1}{2}$ талера. Эти два названія монеть признаны исключительно: первое принято Пруссіею, Саксоніею, курфиршествомъ Гессен-Кассельскимъ, и пр.; второе Баваріею и Вюртембергомъ, Баденомъ, великимъ-герцогствомъ Гессен-Дармштадтскимъ, герцогствомъ Нассаускимъ, Франкфуртомъ-на-Майнѣ, и пр. Та и другая система имѣютъ, по-крайней-мѣрѣ, одно общее основаніе; всѣ, равняющійся 233,855 граммъ. Но чтобъ удовлетворить потребности единства, установлена серебряная монета, подъ названіемъ *монеты союза*, принимаемой во всѣхъ государствахъ, не только при платежахъ въ таможи, но и во всѣхъ сдѣлкахъ частныхъ и съ казною; она содержитъ въ себѣ седьмую часть марки чистаго серебра, и стоить, следовательно, два талера или три съ половиною флорина. Въ настоящее время, около трехъ милліоновъ этой монеты должно быть уже въ обращеніи на территоріи Союза. Выпускъ ея отъ каждаго государства пропорціоналенъ съ его народонаселеніемъ.

Однообразіе въ вещахъ должно было быть сопровождаемо равенствомъ для лицъ, въ отношеніи экономическомъ. Старинный духъ ограниченія уступилъ чувству братства, — и каждое государство открыло нынѣ для комиссіонеровъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ, работниковъ, свою территорію, свои рынки, свои ярмарки и порты, подъ теми же условіями, какъ и для собственныхъ подданныхъ. Баварецъ можетъ идти нынѣ отправлять свой промыселъ въ Пруссію, Пруссакъ въ Баварію. Эта взаимность не оставляетъ ихъ даже внѣ предѣловъ Союза: въ мѣстахъ торговли и въ портахъ чужеземныхъ, всѣ они состоятъ подъ общимъ покровительствомъ консуловъ того или другаго изъ союзныхъ государствъ.

Общіе доходы состоятъ въ пошлинахъ за ввозъ, вывозъ и транзитъ, которыя распределяются пропорціонально населенію и для этой цѣли производится перепись черезъ каждые три года. Безъ сомнѣнія, казалось бы наиболее-справедливымъ раздѣлять доходы этого рода, преимущественно доставляемые ввозомъ иностранныхъ произведеній, соразмѣрно съ потребленіемъ каждаго изъ ввозимыхъ предметовъ; но какъ приложить это правило? какъ сдѣлать точную оцѣнку относительнаго потребленія, при свободѣ торговаго движенія внутри Союза? Эти соображенія заставили удержать поголовное раздѣленіе дохода отъ пошлинъ ввозимыхъ. Что же касается до пошлинъ за вывозъ и транзитъ, то государства образуютъ два различныя категоріи: восточныя провинціи Пруссіи, Саксонія и Тюрингія составляютъ одну, остальные государства — другую; раздѣленіе доходовъ этого рода въ послѣдней провинціи

дятся на сказанномъ основаніи; въ первой же — на условіяхъ, взаимно постановленныхъ каждымъ государствомъ.

Въ законодательномъ, административномъ и судебномъ отношеніи, таможенный конгрессъ Союза представляетъ соединеніе правительствъ, равныхъ съ равными, безъ всякаго отношенія къ пространству территоріи, числу жителей и титулу государей. Никакое преобладаніе по праву не существуетъ: всякая мѣра обращается въ законъ только по единогласію, а не по большинству; мѣсто собраній конгресса не присвоено какому-нибудь городу исключительно, и право председательства — какой-нибудь державѣ; но само-собою разумѣется, что и здѣсь, какъ и вездѣ, на-самомъ-дѣлѣ перевѣсъ остается на сторонѣ матеріальной силы, искусства и ловкости администраціи: Пруссія не присвоила себѣ ничего болѣе Франкфурга-на-Майнѣ, но ея первенство необходимо проявляется въ постановленіяхъ конгресса. Центральное бюро, находящееся въ Берлинѣ, гдѣ каждое государство имѣетъ своего представителя, получаетъ отъ всѣхъ таможенныхъ линій трехмѣсячные и годичные отчеты въ доходахъ. Подъ надзоромъ этого общаго центра находятся таможенные отдѣленія и бюро главные и второстепенныя различныхъ государствъ, которыя сами содержатъ ихъ, опредѣляютъ чиновниковъ, платятъ имъ жалованье; но вся таможенная организациія совершенно-однообразна.

Посмотримъ на тарифъ Союза.

Малыя государства не терпятъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Ограниченныя въ собственной производительности, они такъ нуждаются въ произведеніяхъ чужестранныхъ, что не могутъ ограничить или исключить ввозъ ихъ. Какъ источникъ дохода, высокій тарифъ не достигалъ бы въ нихъ своей цѣли, потому-что издержки надзора, котораго онъ требуетъ, поглотили бы большую часть таможенного сбора. Какъ средство покровительства внутренней промышленности, высокія пошлины не годились бы также, ибо неминуемо родили бы монополію, по недостатку соперничества. По-этому, нѣмецкіе тарифы вообще были весьма-умѣренны. Но всѣ результаты отъ этого не были удовлетворительны.

Пруссія, въ XVIII столѣтіи, начала подражать государствамъ перво-степеннымъ, между которыми она заняла мѣсто. Возбуждая промышленность своихъ подданныхъ улучшеніемъ путей сообщенія, учрежденіемъ кредитныхъ установленій, мудрыми мѣрами поощренія, Фридрихъ-Великій значительно успѣлъ развить промышленность, ограничивъ вывозъ необработанныхъ матеріаловъ и ввозъ произведеній фабричныхъ. После того, прусское правительство замѣтило ошибки этой ограничительной системы, и по возстановленіи мира въ Европѣ, приняло участіе о свободѣ торговли. Однакожь, когда англійскіе торговцы, наводнявъ Германію, начали угрожать ей кореннымъ уничтоженіемъ ея мануфактуръ, — Пруссія почувствовала себя принужденною вновь обратиться къ системѣ ограниченія; но, возвыщая свой тарифъ, она старалась, не въ-примѣръ другимъ государствамъ Европы, да еще великимъ умеренности. Важный законъ по этому предмету состоялся 26-го

мая 1818 года. Сохранить отечественной промышленности, особенно же промышленности мануфактурной, полное обладаніе внутреннимъ рынкомъ, поставить внутреннюю производительность въ возможность выдержать на собственномъ рынкѣ соперничество чужестранцевъ и поддерживать это соперничество, какъ необходимое орудіе побужденія, — было главною мыслью этого закона. Нельзя не согласиться, что это основаніе проникнуто глубокою мудростію: въ дѣлѣ тарифа вся сущность состоитъ въ томъ, чтобъ отгадать вѣрно, согласно со временемъ и мѣстомъ, степень потребности запрещенія. Тарифъ, сообразный съ цѣлью покровительственною, — тѣло въ высшей степени упругое, и зоркій взоръ администратора долженъ бдительно смотреть туда, гдѣ чувствуется напоръ, готовый разорвать жизненную артерію извѣстнаго промысла, и гдѣ присутствіе внешней силы необходимо для возбужденія жизни въ другомъ промышленномъ органѣ. Но не надо забывать, что вся промышленная сила въ государствѣ — живое, органическое цѣлое, и потому, дѣйствуя на одну изъ нихъ, вы дѣйствуете тѣмъ самымъ, можетъ-быть, вовсе непримѣтно и отдаленно, но всегда непременно и вѣрно, на всю другія; имѣя въ виду малѣйшую часть, не теряйте изъ вида огромнаго цѣлага, которое неминуемо страдаетъ или благоденствуетъ въ тысячныхъ степеняхъ, вмѣстѣ съ незамѣтною своею частицею.

Прусскій законъ 1818 года провозглашалъ иноземцамъ взаимное ограниченіе и взаимныя льготы; следовательно, подавалъ сообразный съ духомъ вѣка примѣръ торговаго сближенія. Но онъ имѣлъ еще другую выгодную сторону: за основаніе взаимнаго пошлины онъ принялъ не цѣнность товаровъ, но вѣсъ, мѣру или число. Здравый смыслъ и справедливость требуютъ, чтобъ пошлина была пропорціональна съ цѣною товаровъ, и, взимая пошлину съ вещей, безъ сомнѣнія, имѣютъ въ виду большую или меньшую часть цѣны ея. Но начало цѣны, въ этомъ случаѣ, чрезвычайно-неудобно; ибо измѣреніе элемента столь непостояннаго, какъ цѣнность, раждаетъ безконечное препятательство между таможенною и торговлею.

Законъ 1818 года предписывалъ, наконецъ, чтобъ тарифъ былъ пересматриваемъ и обнародуемъ въ новомъ видѣ чрезъ каждые три года. Въ другихъ государствахъ, таможенный тарифъ, будучи соединеніемъ законовъ или распоряженій, изданныхъ при различныхъ обстоятельствахъ, подъ различными вліяніями, былъ пересматриваемъ только по частямъ и въ неопредѣленное время, смотря по надобности. Пересмотръ тарифа въ цѣломъ, производимый въ опредѣленные сроки, послѣ достаточнаго времени испытанія, обезпечивалъ гармонію его съ непрерывно-измѣняющимся положеніемъ промышленности и торговли.

Законъ этотъ доставилъ Пруссіи значительный доходъ, неоспоримо содѣйствовалъ развитію ея промышленности; въ то же время, онъ способствовалъ ей въ ея пріобрѣтеніяхъ таможенныхъ. Строго-запретительный, какъ, на-прим., тарифъ Австрій, онъ отдалилъ бы ему целотѣное народонаселеніе; слишкомъ-слабый, онъ показался бы ему цело-тѣточнымъ; его просвѣщенная умеренность соответствовала нуждамъ

Нидерландъ и сходна была съ ихъ темпераментомъ. Такимъ образомъ, послѣ пятнадцати-лѣтняго своего дѣйствія, онъ сталъ (1834 г.) закономъ Таможеннаго Союза, будучи принятъ совершенно-свободно, безъ всякаго насильственнаго вліянія. Съ 1834 года, этотъ тарифъ былъ пересмотрѣнъ три раза, и клонится нынѣ болѣе на сторону покровительства, оставаясь въ то же время вѣрнымъ своему началу умеренности. По послѣднему его изданію, 1843—45, тридцать предметовъ пользуются совершенною свободою при вывозѣ, ввозѣ и транзитѣ; именно: сельскія произведенія собственности, перерѣзанныхъ границею; молоко, яйца, дичь, свѣжіе плоды, рыба и проч.; бисчая бумага; предметы искусства для музеевъ, библіотекъ и другихъ общественныхъ заведеній; золото и серебро, въ монетахъ или въ слиткахъ, и проч. Общая ввозная пошлина, платимая съ товаровъ непоименованныхъ, составляетъ пятнадцать серебряныхъ грошей ($\frac{1}{2}$ талера) или 52½, крейцера; къ этой категоріи принадлежатъ индиго и рыбій жиръ; но вообще предметы, имѣющіе какую-нибудь торговую важность, обозначены въ тарифѣ особенною пошлиною. Предметы потребленія, непронизводимые страной, именно: кофе, чай, сухіе плоды и рисъ, обложены вообще довольно-умѣренною пошлиною, отъ одиннадцати до двухъ талеровъ за центнеръ: опытъ показалъ, что умеренность пошлины на предметы потребленія есть вѣрнѣйшее средство прекратить контрабанду и, следовательно, увеличить доходъ казны отъ большаго ввоза ихъ. Въ замѣнъ того, сахаръ, вино и табакъ обложены весьма-высокою пошлиною. Колоніальный сахаръ для германскаго Таможеннаго Союза есть обильный источникъ дохода и существенный элементъ будущахъ сношеній съ странами транс-атлантическими; но внутренній сахаръ ничѣмъ для него также свою важность, какъ для владѣнія почти всюду еще средиземнаго. Въ слѣдствіе этого, Союзъ предпринялъ примиреніе обоихъ интересовъ, обложивъ свекловичный сахаръ такою пошлиною, которая въ состояніи была бы ограничить и вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать его производство; пошлина повышается или понижается, смотря по тому, въ какой степени, въ предъидущее лѣто, онъ удовлетворялъ внутреннему потребленію. Ввозная пошлина измѣняется въ видахъ покровительства, смотря по роду мануфактурныхъ произведеній. Относительная льняныхъ тканей, въ которыхъ Германія не имѣла еще соперниковъ, и шелковыхъ тканей, которыя должно щадить по высокой цѣнѣ ихъ и по причинѣ примазки, представляемой ими контрабандѣ,—пошлина остается ниже десяти процентовъ первоначальной цѣны; въ другихъ предметахъ, она достигаетъ десяти процентовъ, или около того. Наконецъ, въ иныхъ предметахъ, какъ, на-примѣръ, хлопчатобумажныя ткани, фаянсъ, обоевъ, готовое платье, она возвышается до 20, 25 и 36 процентовъ.

Начало свободнаго вывоза, справедливо водворяющееся нынѣ во всемъ торгующемъ мѣрѣ, вмѣстѣ въ Таможенномъ Союзѣ немного исключеній; и даже вывозъ нѣкоторыхъ предметовъ, между прочими, рафинированнаго сахара и фабрикованнаго табаку, поощряется преміями.

Положеніе о транзитѣ — самая недостаточная часть таможеннаго законодательства. Прусскій законъ 1818 года, имѣющій силу свою и въ

подвергъ транзитные товары пошлинъ, равняющейся пол-та-
р. Но это общее правило терпѣлось во множествѣ исключеній, смотря
въ роду товаровъ и направленію дорогъ. Какъ остатки старинныхъ
набоекъ правительствъ, искавшихъ въ транзитѣ источниковъ дохода изъ
архана чужестранцевъ, эти запутанныя и многочисленныя изъятія
становиваются транспорты товаровъ и движеніе торговыхъ дѣлъ въ
Австріи, которыхъ причиною бываетъ транзитъ, и которыя имѣютъ для
государства, даже въ финансовомъ отношеніи, гораздо-большую цѣну,
если незначительный доходъ, доставляемый транзитомъ.

Финансовые результаты Союза можно видѣть изъ слѣдующей табли-
цы, представляющей валовой таможенный доходъ Таможенного Союза
въ продолженіи десяти лѣтъ, начиная отъ его образованія; количество
издержекъ на надзоръ, взиманіе пошлинъ и на другіе предметы, и
вмѣстѣ чистый доходъ:

Года	Воловой доходъ:	Вычеты:	Чистый доходъ:
1834	13,608,500 р. с.	2,190,750 р. с.	11,417,750 р. сер.
1835	15,544,750 —	2,204,000 —	13,340,000 —
1836	17,027,750 —	2,017,500 —	15,009,250 —
1837	16,591,250 —	1,973,250 —	14,618,000 —
1838	18,861,750 —	1,973,250 —	16,888,500 —
1839	19,284,000 —	1,971,750 —	17,313,750 —
1840	19,974,500 —	1,987,000 —	17,987,500 —
1841	20,583,000 —	2,000,250 —	18,582,750 —
1842	21,947,250 —	2,087,750 —	19,859,500 —
1843	23,780,250 —	2,104,000 —	21,676,250 —

Ввозная пошлина составляетъ почти всю цифру этого дохода; незна-
чительное число товаровъ составляетъ почти три четверти ввоза, имен-
но: сахаръ, кофе, табакъ и вино, хлопчатобумажная и шерстяная пря-
жа и ткани. Въ вывозъ, одна шерсть доставляетъ значительный доходъ;
транзитъ же доставляетъ нынѣ некоторый доходъ только между Оде-
ррой и Вислой.

Непосредственное и самое очевидное вліяніе союза на таможенные
мѣры есть чрезвычайное сокращеніе таможенныхъ линій, въ слѣд-
ствіе уничтоженія внутреннихъ заставъ. Въ 1819 году, границы толь-
ко пяти главныхъ государствъ: Пруссіи, Баваріи, Вюртемберга, великаго
герцогства Гессен-Дармштатскаго и курфиршества Гессен-Кассельскаго,
составляли пространство около 2,000 нѣмецкихъ миль; одна Пруссія
одна была оберегать 1,073 мили. Въ 1842 году, границы всего Та-
моженного Союза не составляли болѣе 1,065 миль, т. е. онѣ были не-
сколько-меньше, нежели границы одной Пруссіи до времени Союза.

Этому сокращенію линій соответствуетъ соразмѣрное уменьшеніе из-
держекъ на надзоръ и взиманія. Въ Пруссіи, съ 1818 по 1828 годъ, издерж-
ки на этотъ предметъ составляли 21 процентъ годового дохода, тогда-
шнее государство имѣло самое лучшее таможенное устройство и по-
лучало наибольшее таможенное дохода. Въ союзъ баваро-вюртемберг-
скій эти издержки поглощали болѣе 44 процентовъ. Въ настоящее
время. — ОА. II.

время, въ Таможенномъ Союзе, она составляють не болѣе 9 процентовъ. Число таможенныхъ досмотрщиковъ и взимателей было сравнимо въ Германіи съ числомъ солдатъ, которыхъ она содержитъ въ своей защитѣ; Таможенный Союзъ имѣлъ возможность распустить значительную часть этого народа.

Контрабанда уменьшилась; она отброшена на предѣлы Союза, а неослабная бдительность заступила мѣсто прежней небрежности и слабленія.

Съ другой стороны, уничтоженіе внутреннихъ заставъ уменьшило источникъ дохода. Торговля между соединившимися государствами перестала быть источникомъ таможенного дохода; но между соседями между жителями одной и той же страны, разнѣвъ очень-дѣятельно. Можно судить объ этомъ по великому-герцогству Гессен-Дармштадтскому. По свидѣніямъ, собраннымъ Бирзакомъ (Birzack), торговля этого маленькаго государства, въ 1830—1831 годахъ, представляла среднюю цифру въ 18,750,000 р. сер.; эта цифра относится къ среднему обороту торговли Таможеннаго Союза, въ періодъ 1837—1841 годовъ, какъ 10 къ 83, тогда-какъ народонаселеніе великаго-герцогства относится къ общему населенію Таможеннаго Союза какъ 10 къ 330. Такая пропорціональность можетъ быть объяснена только дѣятельностью сношеній между смежнымъ нѣмецкимъ народонаселеніемъ.

Такимъ-образомъ, какова бы ни была потеря,—въ пошлѣнахъ на ввозъ или въ транзитныхъ, отъ уничтоженія внутреннихъ таможенныхъ линій,—эта потеря очевидно вознаграждается во всѣхъ государствахъ (кромя Пруссіи) принятіемъ болѣе-высокаго тарифа, а для всѣхъ безъ исключенія—успѣхами промышленности и общественнаго благостоянія.

Неоспоримо, что большая часть государствъ Союза пріобрѣла значительныя финансовыя выгоды. На-примѣръ, въ союзѣ баваро-вюртембергскомъ, дивидендъ чистаго дохода на душу простирался до 90 мар. сер.; въ первый годъ Таможеннаго Союза, онъ уже восходилъ до 5 коп. серебромъ. Отсюда-то произошло, въ этихъ государствахъ, обложеніе налоговъ.

Доходы Таможеннаго Союза въ-продолженіи десяти лѣтъ, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, постепенно увеличивались: съ 1834 по 1843, валовой таможенный доходъ возросъ почти до 75 процентовъ чистый до 85, тогда-какъ издержки уменьшились съ 16 до 8 или процентовъ этого валоваго дохода.

Самымъ мудрымъ и благимъ преобразованіемъ неизбѣжно встрѣчаются сопротивленія: всѣ государственныя люди должны быть къ нимъ приготовлены. Въ то самое время, какъ великій потокъ идей увлекалъ Германію къ союзу, интересы различнаго рода, посвященные и слѣпыя, т. е. привязанные къ *statu quo*, породили въ Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, великомъ-герцогствѣ Баденскомъ, и вездѣ, наконецъ, шумное мнѣніе въ противоположномъ направленіи. Прусское правительство не обратило на него никакого вниманія; оно помнило, что въ 1818 году при уничтоженіи провинціальныхъ таможенъ, толпы народа тысячами

обрались въ Берлинъ вокругъ дома министра финансовъ, произнося страшныя угрозы, и оно, однакожь, нисколько не раскаявалось, что промѣшало энергически достигать прекрасной цѣли. Но въ другихъ кабинетахъ замѣтно было колебаніе. Какъ ни были съ самаго начала очевидны выгоды Таможеннаго Союза, но непріятная переменна въ судьбѣ частныхъ лицъ, которой не можетъ избѣжать никакой переходъ къ прежнему порядку вещей къ новому, ослабляла эти благія послѣдствія соединенія въ-продолженіе первыхъ лѣтъ. Нынѣче безпокойство всякія жалобы на счетъ Союза давно уже прекратились. Таможенный союзъ, открывъ всѣмъ обширное поле дѣятельности, далеко вознаградилъ скорбленіе, нанесенное нѣкоторымъ интересамъ въ его началѣ, и развилъ новую жизнь на всю обнимаемую имъ страну. Нынѣче съ живостью осуждаютъ о торговой политикѣ, приличной Таможенному Союзу; но никто уже не споритъ о могущественномъ и спасительномъ его вліаніи. Прекрасное зрѣлище представляетъ страна, которая идетъ впередъ и ужасеть; даже вчужь нельзя смотреть на эту картину безъ душеваго движенія. Это зрѣлище наставительно для народовъ, которые вышли прежде на сцену состязанія и предъ которыми возстаетъ новый атлетъ: но должно внушить имъ не жалкую зависть и малодушные крики, но благородное соревнованіе и усиліе энергій; наставительна эта картина также и для народовъ, отставшихъ на трудномъ пути цивилизаціи: она показываетъ, что истина только въ примиреніи двухъ началъ, въ взаимномъ взаимномъ самопожертвованіи того и другаго.

Уничтоженіе множества препятствій, открытіе обширнаго рынка, незначительство тарифа были благопріятны въ Германіи вѣсѣмъ развитію производительности. Земледѣльческая промышленность не менѣе получила выгоды, какъ и мануфактурная, потому-что счастье и несчастье одной все связано съ положеніемъ другой; онѣ взаимно служатъ другъ другу источниками сбыта; увеличеніе усилій одной неизбежно вызываетъ содѣйствующую дѣятельность другой. Однакожь, существенный экономическій результатъ, характеризующій Таможенный Союзъ, состоитъ въ томъ, что онъ водворилъ мануфактурную промышленность въ страны, ставшіяся дотолѣ почти-исключительно страной земледѣльческою.

Такимъ-образомъ, какъ бы ни были велики неоспоримые успѣхи, сдѣланные нѣмецкимъ земледѣліемъ въ-продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ, но успѣхи промышленности мануфактурной составляютъ главный пунктъ, на которомъ слѣдуетъ остановить вниманіе.

Вотъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, относящихся къ главнымъ фабрикаціямъ Таможеннаго Союза; они покажутъ, чѣмъ была эта фабрикація десять лѣтъ назадъ, и что она теперь. Народонаселеніе Союза въ 1834 года возрасло почти на 18 процентовъ; мы увидимъ, что мануфактурная промышленность шла еще быстрее.

Начнемъ съ хлопчатой бумаги. Въ 1834 году Таможенный Союзъ получилъ почти 794,038 пудовъ пряденой бумаги; въ 1843 году, онъ получилъ въ 1,369,298 пудовъ. Въ то же самое время, ввозъ не пряденой бумаги возвысился съ 427,559 пудовъ почти до 977,278 пудовъ въ 1834 году, и до 1,191,058 пудовъ въ 1843 году, — что доказываетъ

усилению пряжи в государствах Союза, равно как и самой фабрикации. Ввоз шелка-сырца в 1837 году составлял 19,515 пудов; в 1842 году, он возрос до 48,864 пудов; шелка сученого, крашеного и выбеленного привезено в 1842 году 6,997 пудов, в 1843 году 6,108 пудов вместо 4,648 пудов, как было в 1834 году. Две трети шелковых тканей поступает на внешний рынок: от 14,4 пудов вывезенного количества этих произведений в 1834 году, ввоз этот возрос в 1842 году до 16,491 пуда, в 1843 году до 18,324 пудов, не считая здесь полшелковых материй. Независимо от своих собственных шерстей, которыми Таможенный Союз снабжал больша мануфактурная страны от 366,500 до 489,000 пудов, он употребляет самъ довольно-большое количество иностранных шерстей, вообще посредственных сортов; вместо 244,000 пудов, вывезенных в 1834 году, ввоз шерстей в 1842 году составляет свыше 489,000 пудов. Вывоз из Союза шерстяных тканей возрос в тот же период времени, от 153,000 до 201,600 и 210,700 пудов. Эти цифры показывают, конечно, успех; но здесь немецкая фабричность не умела удалить с своего рынка произведений чужеземных; изъ-года-въ-годъ ввоз шерстяных иностранных тканей увеличивается.

Льняная промышленность видимо пошла назад. В 1834 году, вывезено было полотенъ белыхъ, крашенныхъ и набивныхъ 305,398 пудов; в 1843 году не более 164,958 пудов. Мелочныхъ товаровъ (kugze Waaren) в 1843 году вывезено на чужестранные рынки 49,540 пудов, вместо 140,685 пудов,—количества, вывезенного в 1834 году.

Ввоз некоторых видовъ необработанныхъ материаловъ значительно увеличился; привезено индига в 1834 году 70,654 пуда; в 1842 году, 129,550 пудов; каменного угля: в 1834 году 3,426,780 пудов; в 1843 году 14,810,000 пудов; кованого желѣза: в 1834 году 456,800 пудов, в 1840 году около 1,326,000 пудов, в 1843 году около 3,053,995 пудов. Увеличение в эти послѣдніе годы, въ ограниченномъ размѣрѣ, ввоза кованого желѣза объясняется построениемъ длинныхъ и новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Дирекция старалась опредѣлить подушно количество потребления разныхъ предметовъ, идущихъ въ пищу, и различнаго вида тканей; въ остроумнымъ вычисленіямъ этого ученаго, средняя цифра втораго и третьяго трехгодичныхъ периодовъ существованія Таможеннаго Союза во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ цифру перваго періода. Не приводя подробныхъ доказательствъ увеличенія благосостоянія, которое утверждается общимъ голосомъ, мы ограничимся указаніемъ на увеличеніе производства жаркаго климата, которыхъ большее или меньшее потребление можетъ считаться довольно-вѣрнымъ мѣриломъ благосостоянія народонаселенія въ умеренномъ поясъ: мы говоримъ о кофе и сахарѣ. Въ 1835 году Таможенный Союзъ получилъ 2,755,681 пудъ сахара и песка, и 1,631,398 пудовъ кофе; в 1843 году, ввозъ колоніальнаго сахара простирался до 4,366,478 пудовъ, независимо отъ свекловичнаго, и

ый съ 1836 года доставляетъ внутреннему потребленію около 611,079 удоль, и кофе 2,296,036 пудовъ.

Матеріальное благосостояніе страны обнаруживается также въ возвышеніи цѣнъ на естественные предметы потребленія, и следовательно въ высотѣ заработной платы и наемной цѣны, и въ цѣнности поземельныхъ собственности. Въ этомъ отношеніи, факты убѣдительно говорятъ въ пользу Союза. Такимъ-образомъ, французскій агрономъ Боля, совершившій, года два назадъ, ученое путешествіе по Германіи, говоритъ о быстромъ увеличеніи въ союзныхъ государствахъ цѣны на котъ и говядину, начиная съ 1833 года. Въ «Аугсбургской Газетѣ» (номеръ 23, мая 1844 года) было сказано, что имѣніе въ окрестностяхъ Дельна, купленное въ 1827 году за 11,250 руб. сер., продавалось за 5,625 руб. сер.; следовательно, въ шестеро дороже. Хотя этотъ фактъ, въ своемъ размѣрѣ, есть, конечно, исключеніе; но несомнѣнно, что цѣна земли возрасла отъ 50 до 100 процентовъ.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что возвышеніе цѣны на съѣстные припасы, определяемое вообще большею дѣятельностью промышленною и торговою, въ частности, на-примѣръ: для кофе и сахара, во всѣхъ государствахъ, кромѣ Пруссіи, было слѣдствіемъ принятія высшаго тарифа, и, для некоторыхъ произведеній туземныхъ, распространеніе рынка.

Предоставляя внутреннему соперничеству свободу дѣятельности, Таможенный Союзъ тѣмъ самымъ благопріятствуетъ промысламъ прочнымъ и полезнымъ, и губитъ промыслы ненадежные и неестественные. Больше-правильное употребленіе промышленныхъ силъ есть величайшее благодѣяніе, принесенное Таможеннымъ Союзомъ. Но эта свобода торговаго движенія не увеличила ли благодѣянія однихъ государствъ, болѣе ушедшихъ на пути промышленномъ, на-счетъ пользы другихъ государствъ, не столь успѣвшихъ на томъ же поширѣ? Опытъ показалъ, что Таможенный Союзъ нисколько не былъ пагубенъ въ этомъ отношеніи. Нѣмецкія государства не слишкомъ раздѣчествовали между собою въ минуту союза; это было одно племя; въ нихъ существовали почти одни и тѣ же обычаи, привычки, и та же степень цивилизаціи; следовательно, государства, болѣе успѣвшія на пути промышленности, не могли имѣть организаціи, которая способна была бы повредить государствамъ отставшимъ.

Нѣмецкая промышленность процвѣла на-счетъ промышленности иностранной; произведенія послѣдней замѣнились произведеніями первой на внутреннемъ рынкѣ, хотя на тарифѣ, ни степень развитія нѣмецкой производительности не исключаютъ предметовъ чужестранныхъ фабрикъ и мануфактуръ.

Въ этомъ отношеніи, ничто не можетъ быть такъ наставительно, какъ ярмарки. Ярмарки Германіи, въ эти послѣдніе годы, были полемъ битвы для нѣмецкой промышленности въ ея борьбѣ внутренней и съ чужеземцами. Эти, такъ-сказать, коммерческія празднества ея можно назвать вполне принадлежащими цѣлой Европѣ. Тамъ являютя все рода произведенія саксонскія, прусскія, баварскія, многочисленныя

предметы промышленности Манчестера и Лилса, шелковые товары Лиона, часы женеvские и шелковыя ткани Цюриха, наконецъ, стеклянныя издѣлія Богеміи, гордо красующіяся въ магазинахъ Лейпцига и Франкфурта-на-Майнѣ. Покупатели прѣзжаютъ туда даже изъ Америки и изъ Центральной-Азіи. Любопытно слѣдить, въ бюллетеняхъ этихъ ярмарокъ, какъ товары иностранныя замѣняются произведеніями туземнаго труда. Каждая изъ лейпцигскихъ ярмарокъ, съ 1834 года, есть новое доказательство успѣха фабрикъ нѣмецкихъ и новыхъ потерь промышленности ноземной. Сбытъ суконъ бреславскихъ, фланелей и меринсовъ саксонскихъ, шелковыхъ товаровъ Кривеля и Эльберсфельда, кофровъ берлинскихъ, ножевыхъ товаровъ Солингена, ситцевъ аугсбургскихъ, и проч., и проч., возрастетъ болѣе и болѣе на счетъ товаровъ того же рода англійскихъ и французскихъ. Результатъ множества ярмарокъ выражается такъ: «невыгодно для товаровъ англійскихъ, дѣловольно-выгодно для произведеній французскихъ, весьма-выгодно для произведеній государствъ союзныхъ».

Кажется, что Таможенный Союзъ, сблизивъ покупателей съ продавцами, долженъ былъ подорвать старинную важность ярмарокъ. Существованіе ярмарокъ понятно въ эпохи слабого развитія государствъ, гдѣ ежедневныя сообщенія преграждаются тысячами препятствій; но въ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ торговая цивилизація, къ-чему выставлять такимъ-образомъ товары, въ извѣстные дни, въ условенныхъ мѣстахъ? Здѣсь, во всякое время года, заказы прямо адресуются къ производителю, или, еще лучше: производитель предлагаетъ свои произведенія продающему въ разницу или потребителю чрезъ посредство своихъ торговыхъ коммиссіонеровъ; здѣсь раскладка товаровъ въ большихъ городахъ составляетъ родъ ярмарки. Прусскія ярмарки Наумбурга почти уничтожились со времени Союза; но ярмарки въ Лейпцигѣ, Франкфуртъ-на-Одерѣ, Франкфуртъ-на-Майнѣ и въ Брауншвейгѣ остаются во всей своей обширности. Въ этомъ случаѣ — вся сила въ обычаяхъ; онъ долго поддержитъ еще ярмарки въ этихъ торговыхъ центрахъ, равнокакъ ярмарки Синигалліи въ Италіи и нижегородскую въ Россіи.

Торговая дѣятельность Союза довольно-велика на всѣхъ его границахъ; но произведенія его фабрикъ въ-особенности идутъ на югъ Европы, въ Левантъ, и всего болѣе въ страны заатлантическія. И вотъ одно изъ многихъ доказательствъ распространенія нѣмецкой торговли въ Америкѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Правительство Чили имѣетъ обыкновеніе допускать къ пересмотру тарифа, по которому взимаются тамошныя пошлины съ иностранныхъ товаровъ, представителей каждой торгующей націи; до-сихъ-поръ, были допускаемы къ этимъ совѣщаніямъ только негодіанты англійскіе, французскіе и американскіе; одинъ Нѣмецъ принялъ участіе въ трудахъ коммиссіи, пересматривавшей тарифъ на 1844 годъ. Это потому, что нынѣ ежегодно приходятъ въ Вальпараисо болѣе 15 нѣмецкихъ кораблей со всякими товарами, вмѣсто 3 или 4, которые Гамбургъ посылалъ туда нѣсколько лѣтъ назадъ съ грузомъ мѣбели, фарфора и мелочныхъ товаровъ.

Въ последнее время, нѣмецкая торговля направила свой полетъ даже въ Восточную-Индію; открытіе китайскихъ портовъ усилими Англичанъ не безъ участія было принято въ Германіи, и два дома въ Лейпцигѣ предприняли на общій счетъ торговую экспедицію, которая, по новѣйшимъ извѣстіямъ, посетила уже Сингапуръ, Манилу, Шангай, Чусанъ, Нангпо, Амой, Гонконгъ и Кантонъ (*).

Вся общественныя улучшенія, относящіяся къ промышленности и торговлѣ, нашли въ Таможенномъ Союзѣ энергическое содѣйствіе. Въ числѣ учреждений, наиболее дѣлающихъ честь Германіи, первое мѣсто должны имѣть школы, которыя, подъ разными названіями, готовятъ мастеровъ труда промышленнаго. Въ этихъ заведеніяхъ, откуда изученіе древнихъ языковъ изгнано, но гдѣ не забыто ничто, развивающееся въ сердце, — все направлено къ тому, чтобъ сдѣлать образующееся поколѣніе полезнымъ. Дети получаютъ въ нихъ положительное и практическое образованіе, годное для занятій искусствами и ремеслами.

Вліяніе Таможеннаго Союза на пути сообщенія удивительно. Между государствами, выходящими въ Таможенный Союзъ, одна Пруссія имѣла въ 1834 году обширную систему дорогъ, потому-что въ продолженіе 17 лѣтъ дороги были однимъ изъ главныхъ предметовъ заботливости ея правительства; во всѣхъ другихъ государствахъ, раздробленіе парализировало предпріятія этого рода. Правительства, которыхъ финансовыя средства были весьма-незначительны, не пускались въ издержки на сношенія медленныя и прерываемыя на каждомъ шагу, и низкаго важнаго не могло быть предпринято безъ общаго содѣйствія нѣсколькихъ правительствъ. Усиливъ торговое движеніе, Таможенный Союзъ даже заставлялъ почувствовать нужду въ средствахъ сообщенія болѣе многочисленныхъ и лучшихъ, и, сблизивъ кабинеты, онъ облегчилъ окончательное устройство этого дѣла. Но всего замѣчательнѣе эта быстрота, съ которою Германія покрылась желѣзными дорогами. Въ 1835 году, даже Пруссія не имѣла ни одной желѣзной дороги. Въ концѣ 1844 года, въ Германіи было уже 29 дорогъ, составлявшихъ 2,434 версты. Многія изъ этихъ дорогъ принадлежатъ Австріи и государствамъ приморскимъ; но большая часть — государствамъ союзнымъ: Пруссія, Саксонія, Баварія изрѣзаны ими. Желѣзныя дороги соединяютъ теперь въ нѣсколько минутъ Берлинъ съ Ангальтомъ и Потсдамомъ, съ Франкфуртомъ-на-Одерѣ и Штеттинномъ, чрезъ нихъ сблизилась Дрезденъ, Лейпцигъ и Магдебургъ, Мюнхенъ съ Аугсбургомъ, Нордбергъ съ Фуртомъ, Эльберфельдъ съ Дюссельдорфомъ.

Представляясь чрезвычайно-важнымъ въ экономическомъ смыслѣ, германскій Таможенный Союзъ имѣетъ великое значеніе въ отношеніи общественномъ и политическомъ.

Въ общественномъ мнѣніи Нѣмцевъ, давно уже существовала темная идея общаго отечества, одной великой національности; не чувствуя встрѣчнаго осуществленія этого желаннаго единства въ германскомъ политическомъ союзѣ, идея эта ожидала своего осуществленія и прови-

(*) Аугсбургская газета 25 февраля 1845 года.

дала его только въ соединеніи матеріальныхъ интересовъ, которое было бы умъ и привело бы стремленія въ гармонию. Изъ сферы отношеній чисто-торговыхъ, идея единства проникла въ область нравственную. Нѣмцы сѣвера и юга сблизились между-собою, какъ члены одного родственія. По праву и по имени, германскій Таможенный Союзъ есть только таможенная конфедерация; но на-самомъ-дѣлѣ онъ представляетъ всю плотность и сцѣпленіе крапкого политическаго тѣла.

Федеративное единство, установленное Таможеннымъ Союзомъ, имѣетъ однакожь, свои выгоды и неудобства. Оставляя провинціальнымъ индивидуальностямъ значительное поприще для дѣятельности, Таможенный Союзъ благопріятствуетъ дружному развитію различныхъ частей территоріи, поддерживая во всѣхъ ихъ жизнь и соревнованіе. Если, притомъ одушевленіе и примаръ исходятъ часто отъ главнаго центра къ центрамъ второстепеннымъ, эти послѣдніе тѣмъ не менѣе обладаютъ духомъ начинанія, и не однажды между ними подаваемъ былъ знакъ дружбы. Но такого рода единство, какъ бы ни было плодотворно, не можетъ обладать въ такой же степени, какъ единство централизаціи, — быстротою и энергіей; общія мѣры, въ постановленіи которыхъ участвуютъ столько кабинетовъ, подвержены всѣмъ родамъ неудобствъ и медленности. Все, однакожь, заставляетъ думать, что правительственное могущество укрѣпится въ Таможенномъ Союзѣ по-мѣрѣ-того, какъ интересъ національный пересматривать интересы провинцій.

Первенствующая страна союза есть, безъ-сомнѣнія, Пруссія. Это и значитъ, что ея первенство постановлено договорами. Хотя конвенціи назначаютъ Берлинъ мѣстомъ центральнаго бюро, однакожь тѣ же самыя конвенціи постановляютъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенное равенство между всеми членами Союза. Но по обширности территоріи, по количеству народонаселенія, по важности между государствами Европы, по опытности администраціи, наконецъ, по промышленности, Пруссія — главное тѣло системы: она поддерживаетъ ее, просвѣщаетъ и направляетъ ея движеніе.

Отъ этого первенства, или перевѣса, оченъ-далеко до совершеннаго господствованія. Государства, обращающіяся воль Пруссіи, подобны спутникамъ, не поглощаются ею: они сохраняютъ свою индивидуальность. Въ ея собственныхъ пользахъ — сохраненіе умеренности и постоянное достиженіе цѣли общаго блага. Будучи державою, направляющею путь къ цѣлямъ, Пруссія вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо принимаетъ на себя ответственность за общія мѣры; на нее падаютъ неудовольствія и подозрѣнія. На конгрессѣ въ Штутгартѣ, въ 1842 г., многіе промышленники и особенно владѣльцы бумагопрядильень, энергически требовали покровительства тарифа и надѣялись получить его, — но ошиблись. Отсюда живое негодованіе на Пруссію.

Внутреннее спокойствіе Германіи въ-продолженіе десяти лѣтъ, есть болѣею частію дѣло Таможеннаго Союза. Между-тѣмъ, какъ искренность новыхъ отношеній подавляла всякій зародышъ раздора между государствами, промышленная дѣятельность и возрастающее благосостояніе на-

родовоселенія удалали всякія причины несогласія между подданными и правительствомъ.

Выше мы уже замѣтили, какое участіе принималъ, 25 лѣтъ тому назадъ, въ образованіи Таможенного Союза германскій ученый Листъ. Плодотворная мысль, одушевлявшая его въ то время, не перестаетъ руководить имъ и теперь, въ борьбѣ за промышленную и торговую эманципацию Германіи, за дарованіе ей прочныхъ основаній благоденствія и величія. Ученіе этого новаго атлета науки, видимо поставляющее его во главу новой школы, такъ оригинально; вліяніе его на ходъ вещей и энтузіазмъ, возбуждаемый имъ, такъ великъ, что мы невольно должны остановиться на этомъ явленіи умственного міра.

Экономическія идеи, на которыхъ Фридрихъ Листъ основываетъ свое огромное вліяніе, заключаются въ сочиненіи, названномъ имъ въ 1841 году, подъ заглавіемъ: *Das nationale System der politischen Oekonomie* (Национальная Система Политической Экономіи).

Постараемся изложить вкратцѣ основныя идеи этого германскаго экономиста.

Самое уже названіе: *Национальная Система*, характеризуетъ его ученіе; другими словами, показываетъ, что Листъ отвергаетъ неудобопримѣнимый космополитизмъ своихъ предшественниковъ; но, съ другой стороны, замѣтимъ предварительно, онъ и не останавливается на тѣсномъ горизонтѣ отечества. Для XIX вѣка столько же, какъ и Германіи, онъ изъясняетъ заглавіе своей книги французскимъ девизомъ: *et la patrie et l'humanité*.

Прежде всего, Листъ былъ пораженъ разстояніемъ, которое, со времени Кенѣ и А. Смита, отдѣляетъ теорію отъ практики въ дѣлѣ внешней торговли, и которое каждый день увеличивается. Господствующая теорія неограниченной свободы торговли показала ему съ самаго начала подозрительною въ своихъ результатахъ: здѣсь общественное благоденствіе было какъ-бы слѣдствіемъ нарушенія ея предписаній; тамъ бѣдствія были результатомъ ихъ наблюденія. По зрѣломъ обсужденіи, онъ отвергъ ее и попробовалъ поставить на ея мѣсто другую, которую факты оправдывали бы, а не изобличали во лжи, и которая, вместо того, чтобъ возбуждать противъ себя всѣ стремленія практики и видѣть себя загнанною въ школы, была бы принята администраціею, какъ жезла путеводная.

Политическая экономія, какъ понимаетъ ее Листъ, въ отношеніяхъ между-народныхъ, получаетъ свои наставленія отъ опыта и приспособляетъ свои уроки къ нуждамъ настоящаго и къ особенному положенію каждой націи, не презирая, впрочемъ, правъ будущности и человечества. Словомъ, она опирается вмѣстѣ на философію, на политикъ и исторію.

Нинѣ въ виду интересы будущаго и человечества, философія требуетъ сближенія націй, общаго мира, замѣны права федеральнаго тѣмъ, что называется нынѣ правомъ народовъ, свободы умственной и матеріальной жизни во всѣхъ частяхъ земнаго шара; наконецъ, всеобщей ассоціаціи. Съ другой стороны, для cadaго народа въ-особенности, по-

литика требуетъ обеспеченія свободы его и самостоятельности, мартъ, которыя могли бы обеспечить его успѣхи въ цивилизаціи, въ благосостояніи и могуществѣ, и создать изъ него политическое тѣло, гармоническое во всѣхъ своихъ частяхъ, полное, независимое. Наконецъ, исторія громко говоритъ въ пользу требованій будущаго, показываетъ, что матеріальное и умственное развитіе людей во все время было связано съ расширеніемъ политическихъ ассоціацій и торговыхъ отношеній; въ то же самое время, она оправдываетъ соединенія настоящаго времени, показываетъ, что націи, которыя не занялись серьезно своими интересами, дорого заплатили за эту безпечность, и что если есть такія положенія обществъ, гдѣ свобода внешней торговли выгодна для страны, то вмѣстѣ съ тѣмъ есть и другія положенія, гдѣ ограниченія необходимы.

Практика, или иначе то, что называется меркантильною системою, впадаетъ въ глубокую ошибку, утверждая безусловную и всеобщую пользу и необходимость запрещеній, вмѣсто того, чтобы ограничить ихъ извѣстными народами и эпохами. Эта система не видитъ, что запрещенія суть только средства, и что свобода—цѣль; эта система имѣетъ въ виду только націю, а не человечество, настоящее, а не будущее. Ученіе Менѣ и А. Смита, предупреждая будущность, предполагаетъ, что царство мира и всеобщей ассоціаціи уже близко, и, въ своемъ слѣпкомъ космополитизмѣ, оно совершенно забываетъ существованіе національностей. На развалинахъ этихъ двухъ еще несовершенныхъ теорій ожидается теорія Листа, какъ соединеніе двухъ точекъ зрѣнія, следовательно, какъ полезительная теорія между-народной торговли.

Прежде построенія и развитія ея, авторъ ищетъ наставленія въ урокахъ исторіи. Вопросая попеременно Италію и Ганзу, Испанію и Португалію, Нидерланды, Англію и Францію, Германію, Сѣверную-Америку и Россію, однимъ словомъ, все промышленныя и торговыя державы среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени,—тѣ, которыя затмившись уже, и тѣ, которыя блещутъ теперь или готовы взойти на горизонтъ,—онъ внимательно изыскиваетъ причины ихъ паденія или возвышенія.

«Вездѣ» говорятъ онъ: «матеріальное благосостояніе зависить отъ условій политическихъ; бесполезны трудолюбіе, бережливость, изобрѣтательность, предприимчивость и индивидуумовъ,—если нація не имѣетъ единства и силы, если ея учрежденія и законы не поощряютъ труда.

Искусства не разъ перемѣнили уже свое отечество, избѣгая угнетенія; они переходятъ изъ Азіи и Греціи въ Италію; изъ бурныхъ городовъ этого полуострова, они бѣгутъ въ остальную Европу, преимущественно въ Брабантъ и Фландрію; отъ религіознаго фанатизма, который преслѣдуетъ ихъ здѣсь, они ищутъ убѣжища въ Голландіи и Англіи; изъ Франціи, куда они призваны такою дорогою цѣною, они улетаютъ, послѣ уничтоженія нантскаго эдикта, на другую сторону Ла-Маншскаго Проліва и за Рейнъ. Но, подобно тому, какъ земледѣлецъ не ожидаетъ отъ случайнаго дѣйствія вѣтровъ плодородія земли, націи не ожидаютъ отъ случайности иноземнаго преслѣдованія въ будущемъ развитія своей промышленности. Онъ стараются привлечь и укоренить у себя произво-

дѣятельныя силы. Ограниченіе торговли—одно изъ главныхъ средствъ, употребляемыхъ ими съ этою цѣлью.

Это ограниченіе необходимо произошло изъ различія національныхъ интересовъ и изъ естественнаго стремленія народовъ стяжать себѣ независимость и большую степень силы. Кольбѣръ не первый прибѣгъ къ нимъ; задолго еще до него, запрещенія существовали въ Англіи, которая въ свою очередь взяла примѣръ въ этомъ случаѣ съ Венеціей. Впрочемъ, запрещенія или ограниченія неприменимы всегда и вездѣ безъ различія. Низшая и высшая степеня цивилизаціи исключаютъ ихъ равнымъ образомъ. Свободный ввозъ предметовъ фабрикованныхъ и свободный вывозъ естественныхъ произведеній иностранцами поощряютъ земледѣлію и возбуждаютъ производительную дѣятельность въ странѣ мало цивилизованной. У народовъ, достигшихъ крайнихъ предѣловъ промышленности, поддержаніе запретительной системы нечувствительно ведетъ къ той латаргической сонливости, въ которой погребла себя Венеція. Но тѣ, которые желаютъ докончить свое промышленное воспитаніе, вправдѣ имѣть притязанія на высокую степень цивилизаціи, чувствуютъ нужду въ системѣ запретительной, чтобъ идти твердою поступью рядомъ съ народами болѣе-опытными. Всякій разъ, какъ было отбрасываемо такое пособіе,—это безразсудство искупляемо было тяжкими переломами; 1786-й годъ для Франціи, 1786 и 1816-й для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ — замѣчательныя эпохи въ этомъ отношеніи. Запретительная политика, напротивъ, произвела чудеса; такъ, Англія одолжена ей отчасти своимъ мануфактурнымъ, торговымъ и морскимъ превосходствомъ. Но чтобъ быть дѣйствительною и полезною, эта политика требуетъ обществъ благоустроенныхъ. Тамъ, гдѣ господствуютъ анархія или безпечность, она бессильна, если не пагубна.

Въ доспѣхахъ этой обширной опытности вѣковъ протекшихъ, Листъ начинаетъ излагать свою теорію. Созидая ее одною рукою, онъ въ то же время другою разрушаетъ теорію своихъ предшественниковъ.

Сочиненіе Кенѣ называется: «*Physiocratie, ou du gouvernement le plus avantageux au genre humain*». Этотъ экономистъ, въ умъ котораго впервые зародилась идея о свободѣ между-народной торговли, представляеть себя купцовъ всѣхъ странъ какъ членовъ одной республики. А. Смитъ изъясняетъ *свойство и причины богатства народовъ*, т. е. всѣхъ народовъ совокупно. По ученію Ж. Б. Сэ, политическая экономія имѣетъ предметомъ своимъ *интересы всѣхъ народовъ, общества человеческого вообще*. Сисмонди опредѣляетъ ее *наукою, имѣющею въ виду счастье рода человеческого*. Наконецъ, Американецъ Томасъ Куперъ доходитъ даже до отрицанія существованія націй: для него нація есть существо отвлеченное, чистый абстрактъ.

Наука, какъ понимали ее всѣ помянутые писатели, не есть политическая экономія и не должна быть смѣшивася съ нею. Политическая экономія, имѣя въ виду состояніе міра каковъ онъ есть, научаетъ какакимъ-образомъ такая или иная нація, при данныхъ обстоятельствахъ, возмѣщается чрезъ земледѣліе, мануфактуры и торговлю къ благо-состоянію, цивилизаціи, могуществу. Напротивъ, наука, о которой го-

верши все означенные писатели, взявъ за исходный пункт гипотезу, что все народы живут въ мирѣ подъ закономъ всеобщаго союза, показываетъ индивидуумамъ условия ихъ земнаго счастья. Мечта аббата Сен-Пьера не заслуживаетъ, конечно, нашего презрѣнія; наше время изобильно речательствами и признаками безпредѣльнаго общаго мира; по дню соединенія всего рода человѣческаго еще далеки отъ насъ. Понятно, что ты, которые допускаютъ уже зарю его, проповѣдуютъ свободу торговли. Съ точки зрѣнія будущности, это начало безукоризненно. Кто отвергаетъ счастливыя послѣдствія свободы торговли между штатами Сѣверной-Америки, между провинціями Франціи, между тремя королевствами Великобританіи, между государствами Томожениаго Союза? Но эти части одного и того же государства, или одной и той же конфедераціи находятся каждая относительно своего государства подъ управленіемъ неразрывнаго единства и постояннаго мира. Въ настоящемъ положеніи государствъ земнаго шара, эта самая свобода торговли повлекла бы за собою всеобщую покорность владычеству народа, наиболѣе успѣвшаго въ промышленности, въ торговлѣ и мореплаваніи. Всеобщая ассоціація осуществима только нѣтъ въ той степени, въ какой различныя общества человѣческія будутъ имѣть почти одинаковую степень промышленности, цивилизаціи и политическаго могущества. Слѣдственно, покровительственная система, помощію которой народы отставшіе догоняютъ ушедшихъ впередъ,—не только охраняетъ настоящее, но готовится и обезвѣчиваетъ будущее.

Причины богатства не должны быть смѣшиваемы съ самимъ богатствомъ. Известное лицо богато; другими словами, оно обладаетъ нѣкоторыми цѣнностями; если этотъ человекъ не умѣетъ производить болѣе, нежели сколько потребляетъ,—онъ бѣднѣетъ. Другой не обладаетъ такими количествами цѣнностей, какъ первый; если его производительная сила превышаетъ его потребленіе,—онъ богатѣетъ. Такимъ-образомъ, для отдѣльныхъ лицъ возможность, способность производить богатство несравненно-важнѣе, нежели обладаніе самимъ богатствомъ. Это же самое, и гораздо съ болѣею основательностью, должно сказать и въ отношеніи къ цѣлымъ народамъ. Война за независимость стоила англійскимъ колоніямъ въ Сѣверной-Америкѣ сотни милліоновъ; но ихъ производительная сила возрасла въ огромномъ размѣрѣ вмѣстѣ съ ихъ независимостью, и чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ мира, населеніе ихъ стало гораздо-богаче, нежели было прежде.

Это обстоятельство не могло совершенно ускользнуть отъ проницательности Адама Смита; во введеніи къ его великому творенію, находятся слѣдующія строки: «Трудъ — источникъ, изъ котораго каждая нація черпаетъ свои богатства, и умноженіе богатствъ зависитъ преимущественно отъ *производительной силы труда*, и особенно отъ степени просвѣщенія, искусства и гармоніи, съ которыми употребляется «трудъ націи». Но занятый, безъ сомнѣнія, прекраснымъ открытіемъ раздѣленія труда, онъ не преслѣдовалъ этой идеи *производительной силы*. Трудъ, однакожъ, не первоначальная причина; онъ самъ есть слѣдствіе многочисленныхъ и сложныхъ причинъ. Неоспоримо, что бо-

гатство — цѣна нашихъ физическихъ и умственныхъ усилій; и Соломонъ сказалъ гораздо-прежде Смита, что трудъ ведетъ къ довольству, а лѣность къ бѣдности. Но въ чемъ состоятъ принципы самого труда? Что приводитъ въ движеніе голову и руки человѣка для производительности? — Тотъ духъ, который животворитъ незыблемыхъ, тотъ общественный порядокъ, который содѣлываетъ ихъ дѣятельность плодотворною. Успѣхи наукъ и искусствъ, развитое во всѣхъ чувство религиозное, нравственное и познанія, безопасность лицъ и имущества, свобода и справедливость подъ эгидою законовъ и учрежденій, ровное и гармоническое развитіе всѣхъ элементовъ матеріальнаго благосостоянія, земледѣліе, мануфактуры и торговля, крѣпость національнаго существованія, достаточная для того, чтобы обезпечить народонаселенію употребленіе всѣхъ естественныхъ силъ и распространеніе всѣхъ совершавшихся успѣховъ, — вотъ условія труда въ высшей степени производительнаго. Богатство и благосостояніе народовъ новаго времени несравненно-выше, нежели народовъ древняго міра, хотя у древнихъ число занятыхъ рукъ было, сравнительно, значительнѣе и трудъ болѣе-тяжелъ; это значить, что время усовершенствовало науки, искусства и учрежденія, усилило образованіе ума, — однимъ словомъ, увеличило производительную силу обществъ.

Адамъ Смитъ и его школа, не сдѣлавъ на такой глубинѣ поисковъ экономическихъ явленій, построили только теорію мѣнющей цѣнности. Мак-Кьюлохъ называетъ политическую экономію именно *наукою о цѣнности*, а другіе англійскіе писатели *наукою мѣры*. Теорія цѣнности должна имѣть въ основаніи своемъ теорію производительныхъ силъ. Вместо того, чтобы ограничиваться, по опредѣленію Ж. Б. Сэ изображеніемъ того, какъ богатства производятся, распределяются и потребляются, — политическая экономія должна научить, какъ производительныя силы возбуждаются и возрастаютъ, или ослабѣваютъ и разрушаются.

Съ точки зрѣнія ограниченнаго матеріализма, на которую поставилъ себя Адамъ Смитъ, онъ отказалъ генію Кеплеровъ, Ньютоновъ и Уаттовъ въ производительной способности, которою одинъ изъ его учениковъ щедро надѣляетъ лошадь и рабочаго вола. Ж. Б. Сэ попытался избѣгнуть этой несообразности, выдумавъ произведенія нематеріальныя; да и то умственные труженики потому только, въ ихъ глазахъ, производители, что талантъ ихъ былъ приобрѣтенъ цѣною денежныхъ жертвованій, и что онъ приноситъ доходъ. Теорія производительныхъ силъ, точно такъ же, какъ и теорія цѣнности, считаетъ между производителями занимающагося скотоводствомъ, дѣлающаго музыкальные и фармацевтическіе инструменты; но она не исключаетъ также изъ числа производителей, и даже считаетъ гораздо-выше въ этомъ отношеніи изобрѣтателя, артиста и медика, или судью и администратора, потому-что первые создаютъ богатства; послѣдніе же — производительныя силы.

Благоденствіе націй возрастаетъ съ развитіемъ этихъ силъ, а не съ увеличеніемъ богатствъ, какъ думаетъ Ж. Б. Сэ. Два владѣльца, имѣя каждый по пяти сыновей, сберегаютъ ежегодно одинаковую сумму; одинъ отдастъ плоды своей экономіи въ ростъ изъ процентовъ и обре-

ность своихъ дѣтей на тяжелыя труды; другой употребляетъ свои сбереженія на усовершенствованіе земледѣльческаго воспитанія двухъ изъ своихъ сыновей и на обученіе трехъ остальныхъ ремесламъ по ихъ призванію. Первый, умирая, оставляетъ болѣе богатства; второй—болѣе производительныхъ силъ; земля послѣдняго будетъ раздѣлена на пять частей, изъ которыхъ каждая, подлѣ благоразумнымъ управленіемъ, принесетъ выгоды столько же, сколько доставляла вся она въ цѣлости; вѣсть съ тѣмъ, три сына не-земледѣльца извлекутъ значительныя выгоды изъ своего таланта; земля перваго будетъ раздѣлена на пять частей и обрабатывается всегда также худо. Вотъ вѣрное изображеніе той и другой теоріи. Всякая общественная издержка на воспитаніе юношества, или для судебной администраціи, или для національной независимости, — есть разрушеніе цѣнностей въ пользу силъ производительныхъ. Точно такого же свойства и покровительственныя пошлины.

Эти двѣ основныя идеи ученія Листа, *національность и производительныя силы*, дополняются у него третьею, которая есть не что иное, какъ великое начало Адама Смита, исправленное и распространенное.

Раздѣленіе труда — выраженіе недостаточное. Въ этомъ началѣ, которому приписываются столь великія послѣдствія, точный анализъ открываетъ *раздѣленіе между нѣсколькими недѣлимыми различными операціями одного и того же дѣла, и содѣйствіе различнаго рода дѣятельностей къ общему производству*. Раздѣленіе безъ содѣйствія было бы безплодно; именно это-то содѣйствіе и есть существенное, плодотворное начало. Для того, чтобы производство гвоздей шло успешно между десятью работниками, исключительно имъ занимающимися, надобно, чтобы эти работники были въ состояніи согласиться между собою и дѣйствительно согласились бы; безъ этого они могли бы работать совершенно бесполезно, одинъ — головки, другой — острія. Необходимо, чтобы этихъ людей связывалъ одинъ узелъ, чтобы общая мысль присутствовала при ихъ трудахъ. Слѣдственно, къ *раздѣленію труда, или раздѣленію операцій*, необходимо прибавить *соединеніе производительныхъ силъ*.

Этотъ законъ не ограничивается только одною какою-нибудь вѣтвью производительности: онъ распространяется на всю общность мануфактурной и земледѣльческой промышленности, на всю экономію націи. Вѣсто приведеннаго въ примѣръ гвоздя, — предметомъ общихъ усилій дѣлается благосостояніе всей націи. Успѣхъ каждой отрасли фабричности зависитъ отъ совместнаго дѣйствія ея производительныхъ силъ и другихъ вѣтвей промышленной дѣятельности: для производителя машинъ, на-примѣръ, нужно, чтобы рудокопъ и металлургъ снабжали его своими первыми матеріалами, и чтобы множество другихъ промышленниковъ брали у него его произведенія. Точно такимъ же образомъ мануфактурная и земледѣльческая промышленность служатъ одна другой источникомъ сбыта, имѣютъ взаимное другъ на друга вліяніе. Чѣмъ болѣе каждая изъ нихъ развита, тѣмъ тѣснѣе она связана между собою, тѣмъ болѣе обѣ имѣютъ вѣроятности на успѣхъ. Нація чисто-земледѣльческая не совершенна, но полна; она лишена главнаго элемента раздѣленія національнаго труда и не можетъ прилагать вполне даже къ

ному земледѣлю этого полезнаго раздѣленія; ея производительная ма не вдвое, но во сто разъ слабѣ производительныхъ силъ націи мануфактурной и вмѣстѣ земледѣльческой; она похожа на челоуька съ иною рукою. Какъ работники игольныхъ фабрикъ должны трудиться на одну кровлю, такъ и земледѣльческая и мануфактурная промышленности должны быть соединены на одной и той же почвѣ, чтобъ одна способствовала другой. Безъ сомнѣнія, для земледѣлія общества важно, выгодно мѣнять свои произведенія на мануфактурные товары иностранцевъ; но этотъ сбытъ, который можетъ быть загражденъ войною и торговыми переломами, — по свойству своему жалокъ и ненадеенъ. Въ правильномъ, нормальномъ положеніи вещей, мануфактуристъ долженъ быть близокъ къ земледѣльцу, какъ тотъ, кто сеетъ хлѣбъ, долженъ быть близокъ къ тому, кто убираетъ его съ поля.

Высшее раздѣленіе труда, въ недрахъ каждой націи, есть раздѣленіе производительныхъ силъ матеріальныхъ и умственныхъ. Эти силы связаны между собою крепкими узами, и необходимо поддерживать между ними равновѣсіе и гармонию, точно такъ, какъ между промышленностью земледѣльческою и мануфактурною.

Школа, отвергающая національность, или, по крайней мѣрѣ, не признающая ея во вниманіе, поступаетъ послѣдовательно, не допуская участія государства, какъ охранителя промышленности и торговли, и требуетъ для частныхъ людей, которыхъ мудрость она превозноситъ, неограниченной свободы торговли. Листъ, напротивъ, предоставляетъ государству, какъ представителю всехъ интересовъ націи, — верховную блюстительность и высшее направленіе производительныхъ силъ; сдерживая стнныя лица въ ихъ эгоизмѣ, просвѣщая въ ихъ невѣдѣніи, поддерживая въ слабости, государство создаетъ общественное благоденствіе. Какъ каждый челоуькъ въ отдельности не иначе можетъ достигать разованности, производительнаго могущества, безопасности и благосостоянія, какъ только въ государствѣ и съ помощію государства, — такъ точно нельзя представить себѣ возможности цивилизаціи рода челоуька иначе, какъ чрезъ цивилизацію каждой націи въ отдельности. Каждая нація должна пройти чрезъ нѣсколько степеней своего развитія — чрезъ состояніе первоначальной грубости, жизнь пастушескую, земледѣльческое, состояніе вмѣстѣ земледѣльческое и мануфактурное, наконецъ чрезъ общественное существованіе, какъ отдельныхъ силъ, земледѣлія, мануфактуры и торговли. Переходу отъ первоначальнаго варварства къ пастушескому, отъ скотоводства къ земледѣлію, и отъ быта земледѣльческаго къ первымъ началкамъ мануфактуры и мореплаванія — силъ содействуетъ свобода мѣны съ иностранцами; но полнаго обладанія мануфактурами, мореплаваніемъ и внѣшнею торговлею можно достигнуть только съ помощію мѣръ ограничительныхъ. Благоразумное и покровительное покровительство — необходимое оружіе промышленнаго снганія націи. Съ помощію покровительства, великія націи умрѣеннаго похса, Франція, Германія и Северо-Американскіе Соединенные Штаты достигнуть той же высоты въ промышленности, какъ Англія, — вмѣстѣ съ нею, развѣдутъ огромныя количества мануфактурныхъ

произведений въ страны жаркаго климата, которые заплатятъ за эти грузы огромными массами произведений тропическихъ; потому-что такъ-то, кажется, законъ естественнаго и основнаго раздѣленія матеріальнаго труда на нашей планетѣ.

Эта мануфактурная промышленность, довершающая и выходящая цивилизацію народа, неизмѣрима въ своихъ результатахъ.

Она возбуждаетъ въ высшей степени производительныя силы частныя и общественныя. Физическая и умственная анатія, рутана и невѣжество составляютъ печальную принадлежность положенія чисто-земледѣльческаго; возрастающая дѣятельность, успѣхъ и просвѣщеніе характеризуютъ положеніе промышленное и торговое. Если земледѣліе, такъ, какъ оно представляется намъ теперь, не теряетъ своего достоинства, то его облагородило вліяніе мануфактуръ и торговли. Тогда — какъ земледѣліе требуетъ единственно силы физической, настойчивости и порядка въ трудахъ простыхъ и однообразныхъ, — мануфактуры приводятъ въ движеніе различныя способности; онѣ извлекаютъ пользу изъ самыхъ незначительныхъ силъ, даже изъ силъ дитяти и старика; онѣ даютъ способностямъ разума лучшее употребленіе. Если земледѣліе, извлекая въ избытокъ изъ земли произведенія, позволило изученіе наукъ и искусствъ, то мануфактурная промышленность дѣлаетъ ихъ общепользовными. Изъ ея соприкосновенія съ науками рождаются машины. Промышленому положенію принадлежатъ каналы, пароходы и паровозы; въ промышленномъ положеніи трудъ получаетъ лучшее вознагражденіе, и время высшую цѣну. Мануфактурная промышленность соединяетъ людей въ городахъ; а города суть жилища просвѣщенія и колыбель разумной свободы.

Мануфактурная промышленность распространяетъ власть человека надъ производительными силами природы. Звѣроловъ не употребляетъ въ пользу тысячной доли ихъ, пастухъ пользуется немногими — болѣе. Въ чисто-земледѣльческомъ положеніи, потеря также значительна; вода и воздухъ не употребляются вовсе или очень-мало, какъ двигатели; эти различныя минералы, которые въ рукахъ промышленныхъ приобращаютъ такую цѣнность, — пренебрежены; горючій матеріалъ расточается; камни, известь и несокъ рѣдко идутъ въ постройкія; волныя потоки, вмѣсто того, чтобъ передвигать товары или оплодотворять поля, — распространяютъ вокругъ себя опустошеніе; при сферѣ дѣятельности человека, ограниченной сосѣдствомъ, — море и страны чуждыя доставляютъ только малую часть своихъ произведений. Мануфактурная промышленность указываетъ употребленіе каждой вещи и беретъ дань со всего земнаго шара.

Мануфактурная промышленность умножаетъ силы, такъ — сказать, орудія, или, другими словами, матеріальныя капиталы. Каково бы ни было сила сбереженія въ-отношеніи созданія капиталовъ, но сбереженіе не въ-состояніи наконецъ бываетъ спасти отъ бѣдности народъ пастушескій, если онъ не переходитъ въ состояніе земледѣльческое, и народъ земледѣльческій, если онъ не возвышается до состоянія промышленнаго, потому — что увеличеніе количества скота или

земледѣльческихъ произведеній заключено въ границы, за которыя всегда переступаетъ народонаселеніе. Если земледѣльская и мануфактурная промышленность совместно существуютъ на одной и той же почвѣ, то каждая изъ нихъ взаимно служитъ источникомъ сбыта своихъ произведеній, выгоднымъ помѣщеніемъ для сбереженнаго, и изъ обюднаго развитія ихъ производительныхъ силъ быстро рождаются богатство, безграничное накопленіе капиталовъ.

Мануфактурная промышленность въ высшей степени благопріятствуетъ интересамъ земледѣльскимъ. Адамъ Смитъ мимоходомъ замѣчаетъ, что она имѣетъ косвенное вліяніе на поземельный доходъ; напротивъ, она есть главная причина возвышенія ренты и цѣнности земли. Мануфактуры дѣйствуютъ на цѣнность земледѣльской собственности точно такъ же, какъ усовершенствованные пути сообщенія; и тогда, какъ предприниматель какого-нибудь новаго промысла, какой-нибудь желѣзной дороги или канала, подвергается риску, — выгоды земледѣльца цѣрны. Слѣдственно, мануфактурная промышленность должна быть покровительствуема для выгодъ земледѣлія, а не во вредъ ему, какъ думали прежде.

Мануфактурная промышленность оживляетъ внутреннюю торговлю, которая, въ земледѣльскомъ положеніи, не имѣетъ предметовъ и средствъ перевозки. Равнымъ образомъ, она даетъ жизнь торговлѣ внутренней; внѣшняя торговля народовъ земледѣльческихъ, состоя, въ нашемъ умѣренномъ полѣ, въ промѣнѣ съѣстныхъ припасовъ и необработанныхъ матеріаловъ на фабричныя произведенія народовъ земледѣльческихъ и вывѣзъ торговыхъ, — ограничена, жалка, невыгодна; мануфактурная промышленность доставляетъ средства устроить сношенія съ странами жаркаго климата, — сношенія, составляющія нынѣ нормальное положеніе между-народной торговли.

Сообщеніемъ движенія внутренней и внѣшней торговли мануфактурная промышленность энергически поощряетъ судоходство.

Таковы главнѣйшія черты теоріи Фридриха Листа о между-народной торговлѣ.

Эта теорія служитъ автору основаніемъ при оцѣнкѣ предшествовавшихъ системъ политической экономіи. Обычай обозначилъ двѣ главныя изъ нихъ именами, которыя страннымъ образомъ противорѣчатъ действительному ихъ значенію и ихъ цѣли; назвали *меркантильную* школу, которая, въ видахъ пользы національной промышленности, допускаетъ ограниченія торговли, и *индустриальную* — ту, которая допускаетъ неограниченную свободу размѣна. Листъ возвращаетъ той и другой ихъ истинное названіе; въ его глазахъ, ученіе Адама Смита и Ж. Б. Сэ есть, по существу своему, система меркантильная, или, другими словами, *система мѣнковой цѣнности*; тогда-какъ начала, руководившія, въ послѣднія столѣтія, администраторовъ, составляютъ собственно систему индустриальную. Система *національная*, собственно говоря, есть только ученое преобразование этой послѣдней, которую Листъ принимаетъ за ея главныхъ основаній, исправляя ее и распространяя.

Изъ теоріи политической экономіи естественно вытекаетъ торговая политика. Подъ впечатленіемъ живой континентальной ненависти къ брита-

танскому превосходству, но въ то же время съ чувствомъ глубокаго удивленія къ искусству и настойчивости, вознесшимъ на колоссальную высоту Великобританію,—Листъ изучаетъ правила, руководившія англійское правительство до послѣднихъ временъ, и пути, которыми идетъ оно теперь. Онъ указываетъ затѣмъ народамъ Европы, и въ-особенности Германіи, ту черту, по которой они должны слѣдовать для поддержанія своей независимости въ виду этого ужасающаго могущества, и что стать имъ въ уровень съ промышленною цивилизаціею Англіи.

Такимъ-образомъ, Листъ извлекаетъ уроки изъ прошедшаго и строитъ на основаніи опыта и фактовъ собственную теорію. Мысли Листа потемняются туманами нѣмецкой метафизики, какъ у другихъ нѣмецкихъ ученыхъ; но собственно-логическая сторона его основаній и выводовъ шатка и подвержена тысячь преткновеній при встрѣчѣ съ фактами того рода, нежели тѣ, которые поразили германскаго профессора. И потому этотъ человекъ замѣчательнѣе болѣе какъ практическій двигатель, какъ пружина, шевелящая германскую неповоротливость на пути жизни промышленной.

Въ началѣ 1843 года, Листъ основалъ въ Аугсбургѣ ежемѣсячный журналъ, подъ названіемъ «Zollvereinsblatt», посвященный разрѣшенію промышленныхъ и торговыхъ вопросовъ Германіи.

Прочно ли существованіе Таможеннаго Союза? не предполагаютъ ли оно возможности разрыва?—Рѣки не восходятъ къ своимъ источникамъ. Никакая основательная опасность не угрожаетъ его существованію вънутри, ни извнѣ; если интересы въ своихъ подробностяхъ расходятся на некоторыхъ пунктахъ и даютъ поводъ къ жаркимъ временіямъ, то это одно изъ неудобствъ, неразлучныхъ со всякою ассоціаціею, сколько-нибудь обширною,—неудобствъ, которыя устраняются искусствомъ правительства; оппозиція между югомъ и сѣверомъ, далеко не обращаясь въ начало разъединенія, — въ недрахъ Таможеннаго Союза есть начало жизни и успѣха; если правительственное и административное единство еще слабо въ Союзѣ, то оно ожидаетъ своей твердости отъ времени опыта.

Впрочемъ, конвенціи перестали бы дѣйствовать тогда, когда бы Германскій-Союзъ принялъ общую систему таможенъ и торговли. Истинно одного трактата таможеннаго соединенія въ Германіи, гдѣ бы этотъ случай не былъ предвидѣвъ. Но, вмѣсто разъединенія Таможеннаго Союза, отъ этого произошло бы только его расширеніе и упроченіе; было бы окончательное осуществленіе родившей его идеи. Слѣдовательно прѣпятствія сомнѣваться въ будущности Таможеннаго Союза: она гдѣ-то вѣтъ ему только новое развитіе.

Таможенный Союзъ — безъ сомнѣнія, могущественное торговое соединеніе, обильное различными благами для всѣхъ своихъ членовъ, но онъ очевидно твореніе неоконченное и въ некоторыхъ отношеніяхъ недостаточное. Какъ ни непрерывно, до сего времени, его расширеніе, но онъ встрѣгалъ на нѣмецкой же почвѣ предѣлы, за которыми начинается его страхъ: устья его рѣкъ не принадлежатъ ему; территории, враждебныя его вліянію, лежатъ между нимъ и моремъ, а

исключая сношенія съ сосѣдями, онъ сообщается съ другими народами только чрезъ посредство портовъ чужихъ, ганзейскихъ, голландскихъ или бельгійскихъ. Какъ ни искусна организація Таможеннаго Союза, во въ ней чувствуется недостатокъ необходимой энергіи для преслѣдованія общей цѣли, и она всегда позволяетъ существовать затрудняющимъ разнорачіямъ. Какъ ни быстры успѣхи его мануфактурной промышленности, но нѣкоторыя главныя вѣтви ея медленно принимаются на его почвѣ, и готовы, кажется, упасть. Не имѣя колоній и мореходства, Таможенный Союзъ затрудняется находить всегда внѣшніе источники сбыта произведеніямъ своихъ фабрикъ.

Во настоящую минуту, Таможенный Союзъ, кажется, глубоко чувствуетъ свое несовершенство и недостаточность во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Нѣкоторые умы, нетерпѣливые и строгіе, сравнивая блестящую перспективу 1834 года съ полученными затѣмъ результатами, укоряютъ Таможенный Союзъ въ его бесплодіи. Упрекъ несправедливый: Таможенный Союзъ принесъ прекрасные плоды. Но чтобы продолжать свои благодѣянія народамъ, онъ долженъ увеличиваться и идти впередъ; а между-тѣмъ онъ находится въ безпокойномъ, тревожномъ положеніи, и прошелъ большое пространство какъ-будто для того только, чтобы лучше взмѣрять разстояніе, которое осталось ему еще пройти. Это положеніе породило многочисленные проекты увеличенія и улучшенія, относящіяся къ территоріи Таможеннаго Союза, къ его учрежденіямъ и торговой политикѣ, имѣющіе въ виду его таможенный тарифъ, торговые трактаты, будущее направленіе эмиграціи и образованіе консульствъ.

Приобрести весь пѣмецкій берегъ Сѣвернаго-Моря съ находящеюся въпъ предѣловъ Таможеннаго Союза частію береговъ Балтійскаго-Моря, — составляетъ, въ настоящее время, наибольшую потребность Таможеннаго Союза и наиболее-занимающую его мысль. До-тѣхъ-поръ, пока отдаленіе этихъ морскихъ береговъ будетъ существовать, Таможенный Союзъ, заключенный впути материка, останется тѣломъ несовершеннымъ, въ жизни сношеній котораго не будетъ доставать нѣкоторыхъ органовъ. Жители его единодушно желаютъ этого необходимаго расширенія. Увеличенный присоединеніемъ всѣхъ морскихъ государствъ, Таможенный Союзъ не имѣлъ бы, однакожъ, въ своихъ предѣлахъ наиболее-значительной державы Германскаго-Союза—Австріи. Безъ Австріи, онъ не вполне будетъ заслуживать названія германскаго, — онъ прежде всего будетъ Прусскимъ; а сліянiе этихъ двухъ большихъ тѣлъ находится только въ отдаленной возможности.

Переходя предѣлы Германскаго-Союза, въ противность буквъ основнаго акта, честолюбіе экономистовъ Таможеннаго Союза мечтаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о торговомъ поглощеніи Швейцаріи, Даніи, Голландіи и Бельгіи.

Учрежденія Таможеннаго Союза будутъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе будутъ они приближаться къ учрежденіямъ власти единачливой, въ той мѣрѣ, разумѣется, въ какой это совмѣстно съ независимостью сосѣдствующихъ государствъ.

Въ настоящую минуту, единство существуетъ только въ-отношеніи таможенъ; таможенный надзоръ и взиманіе пошлинъ исполняется еще агентами каждаго пограничнаго государства отдѣльно, а не Союзомъ. Правда, учреждена монета Союза; но существуютъ неприкосновенно двѣ монетныя системы, рядомъ одна съ другою. Учрежденъ также общій вѣсъ. Вотъ все, что приобрѣло начало единства въ-продолженіе десяти лѣтъ. Впрочемъ, было бы несправедливо обвинять Таможенный Союзъ въ медленности вывода послѣдствій изъ его начала. Установленіе таможенъ и составъ территорій должны были наполнить собою весь первый періодъ его существованія. Нынѣ, въ видахъ того же единства, требуютъ другихъ нововведеній, которыя, однакожъ, должны существенно измѣнить настоящія условія существованія Таможеннаго Союза. Въмѣсто единогласія, которое необходимо нынѣ для положенія мѣръ Таможеннаго Союза, хотятъ установить большинство. Въ-самомъ-дѣлѣ, трудно согласить понятіе единогласія съ понятіемъ ассоціаціи.— двѣ вещи такъ мало сходныя между собою; первое сохраняетъ всю полноту индивидуальныхъ желаній; а второе требуетъ подчиненія этихъ желаній требованіямъ цѣлаго. Такъ говорятъ здравый смыслъ; но интересы, раздражаемые въ этомъ положеніи человечества отсрочкою ихъ удовлетворенія, вопіютъ еще громче. Этотъ вопросъ былъ разсматриваемъ не только въ журналахъ, но и въ парламентахъ конституціонныхъ государствъ; именно: онъ былъ предметомъ интересныхъ разсужденій въ палатѣ депутатовъ великаго-герцогства Баденскаго въ 1843 году. Одни защищали *velo*, какъ обезпеченіе независимости и собственныхъ интересовъ великаго-герцогства; другіе, смотря на это съ болѣе-обширной точки зрѣнія, оспаривали его, и надобно сказать, съ большимъ успѣхомъ, какъ препятствіе не только мѣрамъ полезнымъ для промышленности, но и совершенію общихъ судебъ Германіи. Каковы бы ни были, впрочемъ, причины защищенія *velo*, порождаемыя обстоятельствами, — рано или поздно, однакожъ, Таможенный Союзъ почувствуетъ вполне тягость условія, которое, во многихъ случаяхъ, можетъ осуществляться только послѣ долгихъ и трудныхъ переговоровъ, и, вполне уважая независимость государствъ, упростятъ, или укрѣпятъ систему.

Нѣмцы желаютъ еще, чтобъ таможенный конгрессъ оставилъ характеръ дипломатическій, и чтобъ публичность его преній преобразовала его въ собраніе парламентское. Они отвергаютъ мнимыя выгоды, приписываемыя не-публичности разсужденій о таможенныхъ вопросахъ, и указываютъ, какъ на доказательство въ пользу публичности, на всѣ торговыя державы. Напрасно старались бы мы скрывать отъ иностранцевъ содержаніе нашихъ преній, прибавляютъ они: известно, что въ настоящее время эта цѣль недостижима, и иностранцы знаютъ обо всемъ, что происходитъ въ нашихъ совѣщаніяхъ, гораздо-прежде собственныхъ нашихъ жителей. Редакторъ *Листка Таможеннаго Союза*, съ обычнымъ жаромъ призываетъ контроль общественнаго мнѣнія на пренія такой важности; по мнѣнію его, публичность есть единственная гарантія противъ вредныхъ вліяній, слишкомъ-легко принимаемыхъ.

Въ этомъ пунктѣ съ нимъ согласны даже его обычные антагонисты. Пруссакъ, Бюловъ-Кюммеровъ, въ сочиненіи своемъ: «Der Zollverein, sein System und dessen Gegner», прямо направленно противъ Листа, съ энергіей выражаетъ свое мнѣніе въ пользу публичности: «Одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ» говоритъ онъ: «просвѣтить взглядъ правительства и народа на интересы Германіи, — публичность. Для чего хотѣть они дѣлать тайну изъ заботливости, съ которою усиливаются основать общественное благоденствіе? Для чего не хотѣть они, чтобы въ такомъ великомъ дѣлѣ приложены были умъ и познанія всѣхъ?»

Что касается до торговой политики Таможенного Союза, то расширеніе таможенной линіи и обезпеченіе большей части внутренняго рынка собственной промышленности, были двѣ первоначальныя цѣли Таможенного Союза, — и онъ большею частію достигъ ихъ. Ободренный этими прошедшими успѣхами, нынѣ Таможенный Союзъ ищетъ мѣста между земледѣльческими, мануфактурными и морскими державами перваго разряда и стремится принять участіе во всемірной торговлѣ. Слѣдовательно, тройную цѣль: промышлености, торговли и мореплаванія предлагаетъ себѣ Таможенный Союзъ въ будущемъ. Посмотримъ, какими средствами онъ можетъ достигнуть ея.

1) *Измѣненіе тарифа.* Тарифъ германскаго Таможенного Союза допускаетъ измѣненіе въ трехъ отношеніяхъ, сообразно съ тремя различными цѣлями: увеличеніе пошлинъ, въ видахъ оживленія извѣстныхъ отраслей промышленности; пониженіе пошлинъ, съ цѣлью облегченія желѣзныхъ негодіацій; наконецъ введеніе пошлинъ исключительныхъ, согласно съ интересами мореплаванія.

Требованія возвышенія пошлинъ рождаютъ жаркія пренія; пунктъ пренирательства, какъ и въ другихъ странахъ, составляютъ покровительство и свобода торговля. Покровительственная система поддерживается, надобно отдать справедливость, съ необычайнымъ блескомъ и лишьмъ превосходствомъ. Тѣ, которые наиболее желаютъ развитія мануфактуръ Таможенного Союза, большею частію указываютъ именно на это средство къ достиженію цѣли. Впрочемъ, дѣло идетъ не о введеніи этой системы въ тарифъ, но только о расширеніи ея и усовершенствованіи. Что же касается до защитниковъ *statu quo*, то независимо отъ обыкновенныхъ аргументовъ въ защиту свободы торговли, у нихъ есть въ запасъ причина особенно важная для Таможенного Союза: опасность не расположить къ себѣ приморскія державы и отдалить таинъ-образомъ ихъ присоединеніе, которое для Таможенного Союза есть предметъ первой важности и желанія всѣхъ.

Въ государствахъ конституціонныхъ, палаты энергически выразили свое мнѣніе въ пользу распространенія и усиленія покровительства, и мнѣніе правительствъ есть вмѣстѣ и мнѣніе собраній. Въ Пруссіи, наконецъ, западныя провинціальные штаты подали голосъ въ томъ же смыслѣ.

Германскій кабинетъ, однакожь, сопротивляется доселѣ этому движенію. Какая причина такого сопротивленія? Допустимъ, что палаты баварскія, баденская или гессенская представляютъ собою интересы только

провинціалыныя; но единство ихъ желаній въ этомъ отношеніи, кажется, даетъ этимъ частнымъ интересамъ важность общегерманскаго національнаго интереса. Какова бы ни была, впрочемъ, причина этого сопротивленія, надобно согласиться, что большая осторожность предписывается прусскому правительству высокимъ его положеніемъ, какъ направляющей силы въ Таможенномъ Союзѣ; оно обязано, по-этому, не только не подчиняться никакому увлеченію страсти, но во многихъ случаяхъ обнаруживать даже свое мнѣніе не иначе, какъ при послѣдней крайности. Это-то, кажется, отчасти и причина его сопротивленія.

Слѣдующее объявленіе, принятое большинствомъ, 27 сентября 1843 года, въ собраніи вюртембергскихъ фабрикантовъ, показываетъ въ немногихъ словахъ побудительныя причины и степень желаемаго возвышенія пошлинъ.

1) Честь, независимость и благоденствіе Германіи требуютъ системы покровительства, удобной для національной промышленности.

2) Но что не только оправдываетъ, но дѣлаетъ крайне-необязательно эту систему, — это то, что вывозъ нѣмецкихъ произведеній въ другія страны Европы подверженъ весьма-большимъ стѣсненіямъ; что Англія получаетъ болѣе и болѣе изъ своихъ колоній тѣ произведенія, которыя она досель получала всего чаще изъ Германіи; и что отнынѣ Германія не иначе можетъ снабжать себя иностранными произведеніями необработанными или фабричными, какъ болѣе и болѣе бѣднѣя.

3) Однакожь это покровительство должно быть только умеренное и соразмерное съ нуждами, такъ, чтобы оно не всло нѣмецкихъ промышленниковъ къ лѣности и безснотности совершенными ли запрещеніями, или преувеличенными пошлинами.

4) Въ замѣнъ этого, покровительство должно распространяться въ равной мѣрѣ на всѣ степени промышленности, слѣдовательно, на полуфабрикованные предметы точно такъ же, какъ и на фабрикованные; и нѣтъ ни справедливости, ни здравой національной экономіи въ мѣрѣ, которая оставляетъ совершенно или большую частію безъ покровительства некоторые полуфабрикованные предметы, извѣстные подъ названіемъ матеріаловъ, нужныхъ для фабрикъ.

5) Неудобно также установленіе однообразной пошлины на цѣлый какой-нибудь классъ мануфактурныхъ произведеній, какъ, на-пр., на бумажныя ткани, безъ различія качествъ.

6) Вывозъ нѣмецкихъ произведеній долженъ быть поощряемъ преміями.

Въвязь съ требованіемъ возвышенія пошлинъ на предметы полуфабрикованные или вполне-фабрикованные; желаютъ также уменьшенія пошлинъ на многіе предметы потребленія, удобно-облагаемые, и действительно-обложенные вообще пошлиною слишкомъ-высокою, именно на сахаръ, кофе, табакъ и вино.

Наконецъ, въ видахъ пользы мореплаванія и прямыхъ, непосредственныхъ сношеній, требуютъ пошлинъ исключительныхъ, понимая подъ этимъ общимъ выраженіемъ всякое особенное пониженіе или увеличеніе пошлины.

2) *Торговля неогоціаціи.* Актъ ассоціаціи не предписываетъ правилъ касательно торговыхъ неогоціаціи Таможенного Союза. Каждое государство, въ-отношеніи того, что его касается, сохраняетъ право заключать подобныя конвенціи съ другими державами, лишь бы только онъ не содержалъ въ себѣ ничего противнаго основному акту ассоціаціи и не присвоивали своимъ подданнымъ исключительныхъ выгодъ. Но, на дѣлѣ, направленіе этихъ неогоціаціи принадлежитъ пруссокому правительству; значеніе его въ Европѣ и мірѣ политическомъ присвоили ему это право, безъ выраженія того въ текстѣ союзнаго акта; оно только совѣщается съ другими кабинетами, и затѣмъ представляетъ на ихъ ратификацію условія, заключенныя отъ имени всѣхъ.

Неогоціаціи Таможенного Союза, кромѣ тѣхъ, которыхъ предметъ составляетъ расширеніе его границъ, имѣютъ непосредственную цѣль: облегченіе его торговли доступа къ морю и открытіе источниковъ сбыта его произведеніямъ. Въ первомъ отношеніи, переговоры ведены были донынѣ съ бѣльшимъ или мѣньшимъ успѣхомъ съ Голландіею, Бельгіею и Даніею; въ видахъ открытія новыхъ рынковъ—съ Англіею, Турціею, Северо-Американскими-Штатами и Бразиліею.

3) *Эмиграція.* Эмиграція въ Германіи не есть фактъ случайный, вторгнущійся только чрезъ долгіе промежутки времени; это — движеніе правльное и постоянное. Каждый годъ, множество Нѣмцевъ оставляютъ родину безъ надежды возвратиться, и разсѣваются по лицу земли. Въ-продолженіи пятнадцати лѣтъ, число переселенцевъ не переставало возрастать; ежегодно садилось на корабли въ Бременѣ около шести или семи тысячъ человекъ; въ 1844 году, изъ этого главнаго пункта отправленія за Атлантической-Океанъ, съѣло на корабляхъ болѣе 20,000 человекъ эмигрантовъ изъ всего ихъ количества 43,661 человекъ. За недостаткомъ собственныхъ колоній, Нѣмцы ищутъ счастья въ другихъ націяхъ или ихъ колоніяхъ. Собственно для Таможенного Союза, вопросъ о переселеніяхъ находится только въ началѣ своего рѣшенія, и все предвѣщаетъ, что оно раздѣлится въ немъ на два главные потока — западный и восточный, на путь морской и сухой, къ странамъ отдаленнымъ, заатлантическимъ, или сопредѣльнымъ — Венгріи, Сербіи, Валахіи и Булгаріи.

4) *Консульства.* Для безопаснаго расширенія своей дѣятельности во всѣхъ концахъ земнаго шара, — нѣмецкая торговля имѣетъ нужду во важныхъ агентахъ, которые прояснили бы ея интересы и покровительствовали ей. Таможенный Союзъ не имѣетъ еще собственныхъ представителей; но государства, его составляющія, содержатъ при европейскихъ дворахъ и въ главныхъ торговыхъ пунктахъ, своихъ министровъ и консуловъ; и по смыслу союзнаго акта, покровительство агентовъ одного государства должно быть общимъ для подданныхъ всѣхъ другихъ государствъ. Настоящее образованіе консульствъ признается недостаточнымъ и требуетъ расширенія. Хотѣли даже, чтобъ эти консулы, обязанные смотрѣть за торговыми интересами, общими для всѣхъ соединившихся государствъ, были консулами собственно Таможенного Союза, а не Пруссіи, Баваріи или Бадена, и, слѣдовательно, чтобъ назна-

ченіе ихъ происходило по общему согласію и содержаніе на общихъ издержкахъ. Но ассоціація, которая не имѣетъ еще даже внутри своихъ должностныхъ лицъ, тѣмъ болѣе трудно имѣть ихъ внѣ. До осуществленія этого желанія остается только прусскому правительству увеличить число своихъ дипломатическихъ агентовъ и консуловъ.

Распространеніе Таможеннаго Союза въ настоящую минуту приостановилось отъ упорнаго сопротивленія государствъ свѣрныхъ, отдаленныхъ его отъ моря.

Еслибъ дѣло шло только объ увеличеніи территоріи Таможеннаго Союза нѣсколькими тысячами квадратныхъ миль, или объ увеличеніи его населенія нѣсколькими милліонами душъ, то онъ бы могъ безъ труда отсрочить удовлетвореніе этого честолюбиваго желанія. Но это новое приобритеніе составляетъ для него потребность первой важности, удовлетвореніе которой не терпитъ отлагательства. Всякая великая и полезная идея, рождающаяся въ недрахъ Таможеннаго Союза, можетъ быть осуществима только по присоединеніи государствъ свѣрныхъ. Тогда только Союзъ будетъ владѣть самимъ-собою; тогда только онъ будетъ наслаждаться полною свободою исправлять свой тарифъ и направлять свои негодіаціи; до тѣхъ же поръ онъ осужденъ на нерѣшительность и неподвижность. Въ-слѣдствіе этого, крикъ: *до самаго моря!* слышится всюду,—и обнаруживается нетерпѣніе. Понятно, почему прибрежныя государства болѣе нерѣшительны въ дѣлѣ присоединенія, нежели государства внутреннія: какъ государства земледѣльческія и торговля, привыкшія къ низкому тарифу, они имѣютъ болѣе причинъ бояться—не перемѣны управленія, но необходимыхъ несприятностей перехода къ иному порядку вещей. Впрочемъ, мало вѣроятности, чтобы ихъ упорство могло быть продолжительно. Идея нѣмецкой національности, составляющая душу Таможеннаго Союза, распространила свое владычество до устьевъ Эльбы, Эмса и Везера; каждый день становится болѣе и болѣе понятною естественная взаимность интересовъ, соединяющая прибрежныя страны съ внутренними, морскую торговлю съ мануфактурами. Если ко всему этому прибавить эту силу притяженія сложной массы изъ двадцати-восьми милліоновъ человекъ, оказывающую необходимое вліяніе на малыя государства, составляющія въ совокупности не болѣе трехъ съ половиною милліоновъ жителей, и невозможность отклонить обладаніе большою державою устьями ея рѣкъ,—то присоединеніе свѣрныхъ государствъ къ Таможенному Союзу кажется не только возможнымъ, но совершенно-необходимымъ.

Тогда-какъ Таможенный Союзъ питаетъ сильное желаніе присоединить къ себѣ нѣмецкія государства свѣра, онъ ничѣмъ не побуждается къ соединенію съ великою державою юга—Австріею. Безъ Ганновера и городовъ ганзейскихъ онъ не совершенъ и во многихъ отношеніяхъ безсиленъ; безъ Австріи, послѣ присоединенія свѣрнаго прибрежія, конечно, нельзя будетъ сказать, что онъ достигъ своего естественнаго размѣра, но по-крайней-мѣрѣ онъ будетъ составлять дѣло независимое и требующее себя уваженія.

КОСМОСЪ.

Соч. Александра Гумбольдта.

Статья третья (*).

КАРТНЫ ПРИРОДЫ.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ЯВЛЕНІЙ.

(Продолженіе.)

Изъ сферы небесныхъ тѣлъ нисходимъ теперь въ болѣе-тѣсный кругъ силъ земныхъ, неразрывно связанный съ явленіями ураноса. Убо по самому происхожденію своему, земля принадлежитъ раздѣленной нивогда на туманныя кольца атмосфера солнца, и связана понима съ ниво и съ звездами свѣтомъ и теплотою.

Здѣсь, въ земной сферѣ природы, прежде всего обращаемъ мы вниманіе на отношенія твердыхъ и жидкихъ частей въ пространство, на оскуру земли, на среднюю плотность и частное распределеніе ея внутри планеты, теплоту и электро-магнитное напряженіе земли. Все это указываетъ реакцію внутренности на наружность земли; разсмотрѣніе подземной теплоты приводитъ насъ къ явленіямъ землетрясеній, горичихъ ключей и вулканическихъ процессовъ. Потрясенная внутри земная кора измѣняетъ отношенія высотъ суши къ поверхности воды, и даже самое дно морей. Въ то же время образуются щели, отверстія, посредствомъ которыхъ внутренность земли вступаетъ въ

(*) Чертежи къ статье напечатаны въ «Отеч. Запискахъ» 1845 года (том. XLII и XLIII).

связь съ атмосферой; изъ неизвѣстныхъ нѣдръ вытекають расплавленные массы, пока не изсякнетъ огненный ключъ и лава не остынетъ подѣ образованнымъ ею же покровомъ. Тогда передъ нашими глазами образуются новыя массы скалъ, и измѣняются старыя. Совершенно другаго рода образованія представляютъ воды: сплоченныя массы остатковъ животныхъ и растений, землястые, известковые и глинистые осадки, агрегаты мелко-истертыхъ горныхъ породъ, покрытые слоями инфузорій и наносною землею, мѣстопребываніемъ первозданныхъ животныхъ формъ. Все это, образующееся и измѣняющееся у насъ передъ глазами, ведетъ умствующаго наблюдателя къ сравненію настоящаго съ давно-прошедшимъ, и мы вступаемъ въ область геогнозиса.

Остроумно замѣчено, что мы знаемъ больше внутреннія, нежели наружныя качества другихъ планетъ. Мы ихъ свѣсили, измѣрили ихъ объемъ, массу и плотность, но физическія свойства ихъ для насъ еще загадка. На землѣ же мы непосредственно касаемся всѣхъ стихій созданія, и полнота многообразнѣйшихъ творцовъ въ ихъ безконечномъ смѣшеніи пробуждаетъ въ насъ всю силу умственныхъ способностей. Чувственныя явленія отражаются въ глубинѣ міра идей.

Здѣсь снова касаюсь я преимущества, о которомъ говорилъ уже не разъ, — преимущества знанія, неразрывно-связаннаго съ нашимъ земнымъ существованіемъ. Описаніе неба ограничивалось общими понятіями объ объемъ и количествѣ матеріи. Объ остальномъ въ этой сферѣ отваживались только дѣлать предположенія. Но разнородность матеріи, химическое ея разнообразіе, образованіе ея, отношеніе къ явленіямъ свѣта и электро-магнетизма, — знаніе всего этого есть плодъ нашего существованія на поверхности планеты.

Но я долженъ обратить вниманіе читателя на ограниченность пространства, въ которомъ почерпнули мы знаніе разнородности матеріи. Пространство это довольно-песочобразно называется земною корою; это толща ближайшихъ къ поверхности планеты слоевъ, раскрытая для насъ въ щеляхъ, образованныхъ самою природою, и изсколькору разрытая руками человека. Человекъ дорылся, по отвѣсной линіи, не глубже 2,000 футовъ ниже уровня моря, следовательно, только на $\frac{1}{1000}$ часть земнаго радіуса. Кристаллическія массы, выбрасываемыя вулканами, выходятъ, вѣроятно, изъ глубины въ шестьдесятъ разъ большей, и разстояніе отъ глубочайшихъ коней до вершинъ высочайшихъ горъ не превосходитъ 37,000 футовъ, то-есть около $\frac{1}{311}$ части радіуса земли. Вотъ область геогностическихъ изслѣдованій. Все, что лежитъ глубже, повѣстно намъ такъ же, какъ внутренность другихъ планетъ нашей системы. Мы знаемъ только массу всей земли и ея среднюю плотность, сравненную съ верхними, доступными намъ слоями; и гдѣ кончается знаніе химическихъ и минералогическихъ свойствъ, тамъ мы принуждены ограничиться только предположеніями. Мы не можемъ ничего опредѣлить навѣрное о глубинѣ, гдѣ горныя слои являются, вѣроятно, въ расплавленномъ состояніи, о полостяхъ наполненныхъ эластическими испареніями, о состояніи жидкостей, разогрѣтыхъ подѣ

ужаснымъ давленіемъ, о законъ увеличиванія плотности отъ поверхности къ центру земли.

Наблюденія надъ усиливающеюся къ центру планеты теплою и падъ реакціею внутренности на поверхность привели насъ къ длинному ряду вулканическихъ явленій: къ землетрасеніямъ, изверженіямъ газовъ, горячимъ ключамъ, илстымъ вулканамъ и потокамъ лавы изъ кратеровъ. Эти явленія измѣняютъ даже уровень поверхности: материкъ понижается и возвышается, сушь отдѣляется отъ жидкости; самый океанъ, прорызанннй наподобіе рѣкъ теплыми и холодными теченіями, превращаетъ у полюсовъ воду въ плотныя скалистыя массы, то твердо-стоящія, то разсыпающіяся подвижными отмелями. Границы земли и вода измѣнялись часто; равнины поднимаются и понижаются; послѣ поднятія материковъ, на длинныхъ разсыпкахъ появились горныя хребты. Озера, долго обитаемыя одними и тѣми же животными, отделились другъ отъ друга; ископаемыя остатки раковинъ и зоофитовъ доказываютъ ихъ первоначальную связь. Такъ отъ окончательныхъ, глубоко въ недрахъ земли сокрытыхъ силъ переходимъ мы къ тому, что является на ея поверхности.

Тѣ же самыя силы, которыя выдвинули Анды и Гимналайскій-Хребтъ до области снѣговъ, произвели въ массахъ скалъ новыя смѣшенія и новую ткань, измѣнили слои, осѣвшие нѣкогда изъ наполненныхъ органическими творами жидкостей. Форма и распределеніе материковъ, покрытыхъ роскошною полнотою растительной и животной жизни, тѣсно связаны съ вліаніемъ окружающаго ихъ моря, богатаго только царствомъ животныхъ. Горы и возвышенныя равнины являются въ атмосферѣ, какъ отмели, производящія въ ней различныя теченія и измѣненія температуры, притягивающія сырость изъ облаковъ, и въ потокахъ воды, струящейся по ихъ отлогостямъ, распространяющія всюду жизнь и движеніе.

Географія животныхъ и растений зависитъ отъ этого образованія материковъ и направленія изотермическихъ линій; напротивъ того, нумерическое распределеніе по землѣ поколѣній чловѣка зависитъ не столько отъ этихъ условій, сколько отъ ихъ образованности. Одни поколѣнія, твердо приросшія къ своей почвѣ, быстро приближаются къ своему концу отъ сосѣдства другихъ, болѣе-образованныхъ. Другія, не столько многочисленныя, плаваютъ по морямъ, и они-то, проникая повсюду, достигли наконецъ знанія всей поверхности планеты.

Такимъ-образомъ, не касаясь еще отдѣльнаго въ сферѣ теллурическихъ явленій, мы показали, что можетъ быть соединено въ одномъ созерцаніи: фигура земли, ея электро-магнетизмъ, теплота, размѣры ея поверхности, геогностическій типъ формаций, области моря и атмосферы, географическое распределеніе растений, животныхъ, и наконецъ челоукаго рода. Единство созерцанія предполагаетъ внутреннюю связь явленій; но не простое исчисленіе ихъ одного за другимъ — цѣль такого сочиненія. Я обозначаю только эмпирический путь, по которому стремлюсь къ разумному изложенію явленій природы.

Описание теллурических явлений должно начаться съ фигуры и отношеній планеты въ пространствѣ. Геометрическая фигура земли указываетъ на ея происхожденіе: эллиптической, обращающійся около своей оси сферондъ доказываетъ жидкое нѣкогда состояніе его массы. Къ древнѣйшимъ геогностическимъ событіямъ принадлежитъ сплюсненность, такъ же какъ и постоянное обращеніе луннаго сферонда большою осью къ землѣ. *Математическую* фигуру земли образуетъ покрытая нетекучею водою ея поверхность; отъ нея отлична *физическая*, со всѣми неровностями суши. Зная величину сплюсненности и величину діаметра экватора, можно опредѣлить всю фигуру; но для достиженія полнаго ея опредѣленія необходимы измѣренія въ двухъ отвѣсныхъ другъ къ другу направленіяхъ.

Мы знаемъ величину земли изъ 11-ти измѣреній, изъ которыхъ 9 принадлежатъ нашему вѣку. Они не все согласно опредѣляютъ кривизну меридіановъ на одной широтѣ, но это самое обстоятельство доказываетъ точность употребленныхъ инструментовъ и методовъ. Самый выводъ фигуры планеты изъ увеличенія притягательной силы отъ экватора къ полюсамъ зависитъ отъ распределенія ея внутренней плотности. Нютонъ, основываясь на теоретическихъ умозаключеніяхъ, опредѣлялъ сплюсненность земли, при равномѣрной массѣ, въ $\frac{1}{230}$; дѣйствительныя измѣренія показали, что эта сплюсненность, предполагая плотность увеличивающагося къ центру, очень-близка къ $\frac{1}{300}$.

Для опредѣленія изгиба земной поверхности употребляли три метода: измѣреніе меридіановъ, наблюденія надъ качаніями маятника и неровности въ пути луны. Первый методъ чисто геометрическо-астрономическій; въ двухъ другихъ изъ движеній заключали о производящей ихъ силѣ, и изъ этихъ силъ о причинѣ ихъ, сплюсненности земли. Я нарочно упомянулъ здѣсь объ этомъ, чтобы живо показать внутреннюю связь между формою и силами. Результатомъ 11 измѣреній меридіана вышла сплюсненность земли въ $\frac{1}{300}$. По-этому, полярный радіусъ на 10,938 тоазовъ, почти на $2\frac{1}{2}$ географическихъ миль короче радіуса экватора. Накопленіе матеріи подъ экваторомъ выходитъ, следовательно, по отвѣсной линіи, нѣсколько выше нежели $4\frac{3}{4}$ высоты Монблана, только въ $2\frac{1}{2}$ раза выше вѣроятной верхушки Давалагири. Наблюденія надъ измѣненіями луннаго пути дали почти тотъ же выводъ. Но по качаніямъ маятника сплюсненность выходитъ гораздо-больше; именно: $\frac{1}{300}$. Геогностическія отношенія временизмѣряющаго инструмента затрудняютъ достиженіе общаго результата—опредѣленія фигуры земли изъ наблюденій надъ качаніями маятника.

Такъ-какъ фигура земли оказываетъ сильное вліяніе на движеніе луны, то изъ точнаго знанія этого движенія можно обратно заключать о фигурѣ земли. Лапласъ замѣтилъ, что астрономъ могъ бы, не оставя своей обсерваторіи, опредѣлить не только величину и фигуру земли, но и отстояніе ея отъ солнца и луны. Сплюсненность, выведенная изъ наблюденій надъ движеніемъ луны, вмѣстѣ еще то преимущество, что она есть *средня* для всей планеты. Будучи сравнена съ быстротою круговращенія, она доказываетъ еще увеличеніе плотности планеты отъ

поверхности къ центру. Такъ знаніе наружности даетъ право умо-зачать о внутреннемъ свойствѣ міровыхъ тѣлъ.

Сѣверное и южное полушаріе представляютъ, по-видимому, подъ одинаковыми широтами одинакіе изгибы; но качанія маятника и измѣренія меридіана даютъ для отдѣльныхъ мѣстъ поверхности земли столь различные результаты, что нельзя согласить ихъ въ одной данной фигурѣ. Истинная фигура земли относится къ правильной, «какъ неровная поверхность зыблемой воды къ ровной поверхности тихо стоящей».

Изъярвивъ землю, должно ее свѣсить. Среднюю плотность земли опредѣлили тоже посредствомъ качаній маятника и лота; она оказалась въ 5, 44, то-есть почти въ $5\frac{1}{2}$ разъ плотнѣе чистой воды. Но такъ-какъ по природѣ горныхъ слоевъ, образующихъ сухую часть земной поверхности, плотность этой части едва равняется 2, 7, а вмѣстѣ съ жидкою частью только 1, 6, то этотъ выводъ ясно доказываетъ увеличенію плотности земной массы къ центру.

Впрочемъ, эти выводы повели нѣкоторыхъ физиковъ къ совершенно-противоположнымъ понятіямъ о внутренности земли. Вычислили, на какой глубинѣ капельно-жидкія, даже воздухообразныя вещества дѣлаются отъ давленія собственныхъ слоевъ плотнѣе платины и даже иридія. Чтобы согласить сплюснутость съ предположеніемъ простой, до бесконечности сжимаемой матеріи, Лесли описалъ зерно земли какъ пустой шаръ, наполненный «невѣсомыми творами съ ужасной силою отталкиванія.»

Эти произвольныя предположенія превратились въ области наукъ просто въ игру воображенія. Пустой шаръ мало-по-малу населали животными и растеніями, озаренными свѣтомъ двухъ подземныхъ планетъ, Плутона и Прозерпины. Рассказывали, что въ этихъ внутреннѣйшихъ частяхъ земли вѣчно царствуетъ ровная теплота; что близи сѣвернаго полюса, подъ 82° широты, есть огромное отверстіе, черезъ которое можно опуститься въ подземный міръ. Капитанъ Сэмюэль Публично предлагалъ мнѣ и сэру Гомфри Дэви предпринять эту подземную экспедицію.

Фигура и степень плотности земли неразрывно связаны съ оживляющими ее силами, по той мѣрѣ, какъ онѣ возбуждаются не извнѣ планеты. Сплюснутость доказываетъ жидкое нѣкогда ея состояніе. При остываніи этой жидкости освободилось огромное количество скрытой теплоты, и если процессъ охлажденія начался съ поверхности, то ближайшія къ центру части остались жидкими и раскаленными. Наконецъ, температура планеты установилась, и вообще принимаютъ, что теплота увеличивается въ ней постоянно по мѣрѣ приближенія къ центру. Это доказываютъ: теплота воды въ артезианскихъ колодезяхъ, наблюденія надъ температурою камня въ рудникахъ, и всего болѣе вулканическая дѣятельность Земли. Болѣе нежели вѣроятно, что то же увеличеніе теплоты продолжается до самаго центра.

При неизвѣстности веществъ, изъ которыхъ составлена земля, должно быть какъ-можно-осторожнѣе въ этомъ случаѣ. Всего труднѣе

представить себя границу между жидкою массою внутренности и отдавшими горными породами поверхности; солнце и луна, производя приливъ и отливъ, дѣйствуютъ въротно и до этой глубины, и мы предположить, что жидкая масса подымается подъ сводомъ отвѣршихъ горныхъ породъ, производя на него неравноуѣрное давленіе. Это движеніе не можетъ быть, однакожь, значительно, такъ-что землетрясенія должно приписать совсѣмъ-другимъ причинамъ.

Наблюденія въ артезианскихъ колодезяхъ показали, что теплота увеличивается по одному градусу стоградусаго термометра на 92 парискіе фута. Если это увеличеніе продолжается въ арифметическомъ прогрессіи, то гранитъ расплавится въ глубинѣ $5 \frac{2}{10}$ геогр. миль.

Въ земной планетѣ должно различать три движенія теплоты. Первое — періодическое, измѣняетъ температуру земныхъ слоевъ; теплота, смотря по стоянію солнца и временамъ года, движется сверху внизъ, или снизу вверхъ. Второе движеніе есть тоже слабое движеніе волнца и совершается чрезвычайно-медленно. Часть теплоты, проникнувшей въ страны подъ экваторомъ, движется во внутренности земной коры къ полюсамъ, и вытекаетъ тамъ въ атмосферу въ мировое пространство. Третье движеніе медленнее всѣхъ; это выковое охлажденіе планеты, малый остатокъ первоначальной теплоты, выходящій изъ центра ея на поверхность. Въ эпоху древнѣйшихъ земныхъ переворотовъ, эта потеря теплоты была очень значительна, но съ историческихъ временъ едва измѣрима нашими инструментами. И такъ поверхность земли находится между раскаленнымъ жаромъ внутреннихъ слоевъ и мировымъ пространствомъ, температура котораго, въротно, ниже точки замерзанія ртути.

Періодическія измѣненія теплоты проникаютъ внутрь земли только на очень-малую глубину. Точки, лежащія на различныхъ глубинахъ по вертикальной линіи, достигаютъ въ очень-разное время высшаго и низшаго состоянія сообщенной имъ температуры. Чѣмъ дальше отъ поверхности, тамъ разица этихъ крайностей меньше. Въ умеренныхъ поясахъ (между $48-52^\circ$ шир.), слой неизмѣняемой температуры находится на 55 и 60 футовъ глубины. Въ тропическихъ странахъ, напротивъ того, онъ лежитъ уже только на одинъ футъ подъ поверхностью земли и Буссенго воспользовалась этимъ для опредѣленія средней температуры мѣста. Эта средняя температура есть некоторымъ-образомъ основный элементъ климатическихъ отношеній страны; но средняя температура всей поверхности очень-различна отъ средней температуры самой земли. Вопросъ, измѣнилась ли первая въ-продолженіи столѣтій, едва-ли климатъ страны хуже, можетъ быть рѣшенъ только термометромъ, а онъ изобрѣтенъ всего только за 250 лѣтъ предъ симъ. Слѣдуетъ иначе рѣшиться вопросъ о внутренней теплотѣ всей планеты. Незамѣтная быстрота обращенія земли около оси показываетъ постоянство ея средней температуры. Эта быстрота зависитъ отъ объема планеты; съ уменьшеніемъ отъ охлажденія оси кругообращенія быстрота движенія должна была увеличиваться и день укорачиваться. Но изъ вычисленій видно, что со временъ Гиппарха, т. е. за 200

леть, день навѣрно не уменьшился и на сотую часть секунды; следовательно, средняя теплота земли не измѣнилась и на $\frac{1}{170}$ градуса.

Говоря о внутренней теплотѣ планеты, я придерживался результатовъ наблюденій Фурье. Поаиссонъ сомнѣвается въ непрерывномъ увеличеніи теплоты отъ поверхности къ центру земли. Онъ думаетъ, что вся теплота проникла внутрь снаружи, и что температура планеты заведеть отъ температуры міроваго пространства, въ которомъ движется солнечная система. Но что бы ни было причиною внутренней теплоты земли, она ведетъ насъ въ темную область магнетизма. Измѣненія температуры производятъ магнитическія и электрическія теченія. Теллурическій магнетизмъ приписывается или всей неравномѣрно-согрѣтой массѣ самой земли, или гальваническимъ токамъ, которые мы принимаемъ за электричество въ движеніи. Таинственное наклоненіе магнитной иглы равно условлено временемъ и пространствомъ, теченіемъ солнца и перемѣною мѣста на земной поверхности. По иглѣ можно узнать часы дня. На нее внезапно, но не надолго, дѣйствуетъ далокое сѣверное сіяніе. Когда спокойное часовое движеніе иглы бываетъ нарушено магнитическою грозой, то это возмущеніе часто обнаруживается въ одно время на пространствахъ тысячъ миль, или быстро распространяется по поверхности земли во все стороны. Въ первомъ случаѣ, одновременность грозы могла бы служить для географическаго опредѣленія долготы. Дрожанія двухъ магнитныхъ стрѣлокъ намѣряютъ отдѣляющее ихъ другъ отъ друга разстояніе. Есть страны, гдѣ мореходецъ можетъ навѣрно узнать по измѣненію наклоненія стрѣлки—на сѣверъ или на югъ находятъ онъ отъ пристани, въ которую хочетъ зайти.

Возмущеніе въ часовомъ движеніи иглы показываетъ намъ только существованіе магнитной грозы; но гдѣ находится причина возмущенія, въ земной корѣ или въ атмосферѣ, это остается нерѣшеннымъ. Если смотрѣть на землю, какъ на настоящій магнитъ, то мы должны предположить въ каждой части земли, величиною въ $3\frac{7}{10}$ кубическихъ футовъ, столько же магнитности, сколько въ фунтовомъ магнитѣ. Только желѣзо, никель, и вѣроятно, кобальтъ могутъ быть продолжительными магнитами, но на время, вѣроятно, могутъ быть въ магнитномъ состояніи всѣ теллурическія вещества. Почти всѣ являются въ известной степени магнитными, когда по нимъ протекаетъ электричество.

Магнитная сила нашей планеты проявляется на ея поверхности въ трехъ родахъ явленій: въ одномъ изъ нихъ проявляется *вертикальная интенсивность* силы; въ двухъ другихъ измѣняемое *направленіе наклоненія* и *горизонтальнаго отклоненія* отъ земнаго меридіана мѣста. Общность дѣйствія снаружи обозначается, следовательно, графически тремя системами линій: изодинамическаихъ, изоклиническихъ и изогонныхъ. Отстояніе и относительное положеніе этихъ вѣчно-движущихся, постоянно-подвигающихся кривыхъ, остается не всегда одно и то же. Общее отклоненіе измѣняется на извѣстныхъ точкахъ земли, какъ, напримеръ, въ западной части Антилскихъ Острововъ и на Шандербургѣ, почти-незамѣтно въ цѣлое столѣтіе. Тамъ точно и изогонныя кривыя, переходя въ вѣковомъ движеніи своемъ съ поверхности моря на

материя или большой остров, остаются на немъ долго, и потому изгибаются при дальнѣйшемъ движеніи.

Это постепенное измѣненіе очертаній, сопутствующихъ поступательному движенію и такъ неравномерно-увеличивающихся въ теченіи времени области восточнаго и западнаго отклоненія, затрудняетъ отысканіе переходовъ и аналогій формъ въ графическихъ изображеніяхъ, принадлежащихъ разнымъ вѣкамъ. У каждой вѣтви кривой линіи есть своя исторія; но у западныхъ народовъ эта исторія не древнѣе 13-го сентября 1492 года, когда Колумбъ открылъ 3° на западъ отъ меридіана Азорскаго-Острова, Флоресъ, линію безъ отклоненія. Теперь у всей Европы, исключая небольшой части Россіи, западное отклоненіе, тогда-какъ въ концѣ XVII столѣтія игла указывала прямо на сѣверный полюсъ. Въ Восточной-Россіи, на востокъ отъ устья Волги, отъ Саратова, Нижняго-Новгорода и Архангельска, переходитъ къ намъ изъ Азіи восточное отклоненіе. Въ Сѣверной-Азіи открыто удивительное двойное искривленіе линій отклоненія: вогнутое къ полюсу между Обдорскомъ на Оби и Туруханскомъ, и выгнутое между Байкаломъ и Охотскимъ-Заливомъ. Здѣсь, въ Сѣверовосточной-Азіи, между Верхоянскимъ-Хребтомъ, Якутскомъ и Сѣверной-Кореей, изогонныя линіи образуютъ замѣчательную, саму-въ-себя замкнутую систему. Это явленіе образное расположеніе повторяется правильнѣе и въ большемъ размѣрѣ въ Южномъ-Океанѣ, почти подъ меридіаномъ Плткерна и Маркизовыхъ-Острововъ, между 20° сѣверной и 45° южной широты. Причину такой странной конфигураціи можно бы даже отыскивать въ частномъ сдвигѣ земнаго шара; но если и эта отдѣльная система движется, то она указываетъ на болѣе-обширную причину явленія.

Часовыя измѣненія отклоненія, зависящія отъ истиннаго времени, уменьшаются вмѣстѣ съ магнитною широтою. Близъ экватора, на-примѣръ, на островѣ Равака, они едва достигаютъ трехъ или четырехъ минутъ, тогда-какъ въ Средней-Европѣ доходятъ до тринадцати или четырнадцати; и такъ-какъ во всемъ сѣверномъ полушаріи сѣверный конецъ стрѣлки движется вообще отъ 8½ часовъ утра до 1½ часа полудня съ востока на западъ, а въ южномъ въ то же время тотъ же сѣверный конецъ движется съ запада на востокъ, то справедливо заключили, что должна быть полоса земли, вѣроятно между земнымъ магнитнымъ экваторомъ, гдѣ нельзя замѣтить никакого часоваго измѣненія отклоненія. Эта четвертая кривая линія до-сихъ-поръ еще не определена.

Магнитными полюсами называются точки на земной поверхности гдѣ исчезаетъ горизонтальная сила; магнитнымъ экваторомъ называется кривая линія, на которой нѣтъ склоненія стрѣлки. Положеніе и часовое измѣненіе этой линіи было въ новѣйшее время предметомъ тщательнѣйшихъ изслѣдованій. Узлы обонхъ экваторовъ, земнаго и магнитнаго, т. е. двѣ точки ихъ пересѣченія, распределены такъ неравно, что въ 1825 году узелъ при Островѣ-св.-Фомы, близъ западнаго берега Африки, отстоялъ отъ узла въ Южномъ-Океанѣ близъ Жильбертовыхъ-Острововъ, на 188° по кратчайшему пути. Въ-началѣ этого столѣтія

и шель случай астрономически опредѣлять, на высоту 11,200 футовъ надъ моремъ, точку, гдѣ магнитный экваторъ пересѣкаетъ Анды между Кито и Лимою. Идя дальше на западъ, онъ тянется почти черезъ весь Южный-Океанъ въ южномъ полушаріи, медленно приближаясь къ земному экватору. Въ сѣверное полушаріе переходитъ онъ только передъ индійскимъ архипелагомъ, касается только южныхъ оконечностей Азии, и вступаетъ на африканскій материкъ на западъ отъ Сокотры, почти въ Баб-эль-Мандебскомъ-Проливѣ, гдѣ наиболее уклоняется отъ земнаго экватора. Проходя черезъ неизвѣстныя страны внутренней Африки по юго-западному направлею, магнитный экваторъ возвращается въ Гвинейскомъ-Заливѣ въ южный тропическій поясъ и такъ удаляется отъ земнаго, что касается берега Бразиліи на сѣверъ отъ Порто-Сегуро, подъ 15° южной широты. Оттуда до плоской возвышенности Кордильеровъ, пробѣгаетъ онъ всю Южную-Америку, столько же неизвѣстную подъ этими широтами, какъ внутренность Африки.

По новѣйшимъ наблюденіямъ, узелъ Острова-св.-Фомы подвинулся съ 1825 по 1837 годъ на 4° къ западу. Очень-важно было бы узнать подвинулся ли узелъ Жильбертовыхъ-Острововъ на столько же на западъ.

Третья форма распределеія магнетизма поверхности земли, *интенсивность силы*, выражается графически изодинамическими кривыми линіями. Измѣренія этой силы возбудили всеобщій интересъ только въ началѣ XIX столѣтія, и измѣреніе горизонтальной силы достигло такой степени точности, которая превосходитъ вся прочія магнитическія опредѣленія. Изогонныя линіи всего важнѣе въ приложеніи ихъ къ мореплаванію; изодинамическія же, особенно линіи горизонтальной силы, чрезвычайно-важны для теоріи земнаго магнетизма.

Интенсивность всей силы увеличивается отъ экватора къ полюсамъ, — это фактъ; въ опредѣленіи мѣры этого увеличенія наука всего болѣе обязана трудамъ Эдварда Сабина. Первый опытъ изодинамической системы, разделенной на поясы, сдѣлалъ я для небольшой части Южной-Америки. Эти линіи не параллельны съ линіями равнаго склоненія; интенсивность силы не всего слабѣе, какъ полагали, на экваторѣ; она даже не равна на разныхъ частяхъ его. Сравнивая наблюденія Эрманна въ южной части Атлантическаго-Океана, съ наблюденіями Джемса Кларка Росса, находимъ, что на поверхности нашей планеты сила увеличивается почти въ отношеніи 1 къ 3, начиная отъ полосы, идущей отъ Анголы черезъ Островъ-св.-Елены до бразильскаго берега, — до магнитнаго южнаго полюса, гдѣ Земля-Викторія протягивается отъ мыса Кроу къ вулкану Эребу, возстающему изъ льда на 11,600 футовъ. Если интенсивность близъ южнаго магнитнаго полюса выразить 2,052, то близъ сѣвернаго магнитнаго полюса на островъ Мельвилла (74° 27' сѣверной широты) она 1,624, а близъ Нью-Йорка (почти на одной широтѣ съ Венеціей) 1,803.

Открытія Орстела, Араго и Фарадэ сблизили магнитизмъ съ электричествомъ. Орстель открылъ, что электричество возбуждаетъ магнитизмъ въ окружности проводящаго его тѣла, а Фарадэ, что освободившіеся магнитизмъ производятъ электрическіе токи. Магнитизмъ одна изъ многочисленныхъ формъ проявленія электричества, и древнее предчувствіе ихъ тождества теперь доказанная истина.

Въчная переменна, колебательное (*oscillatorische*) движеніе, замѣчаемое во всѣхъ магнитическихъ явленіяхъ, согласно часамъ дня и ночи, временамъ года и теченію цѣлаго года, позволяетъ предполагать очень-разнородныя частныя системы электрическихъ токовъ въ земной корѣ. Но возбуждаются ли эти теченія термо-магнитически, непосредственно неравнымъ распределеніемъ теплоты? Или они слѣдствіе стоянія солнца, солнечной теплоты? Имѣетъ ли круговращеніе планеты и степень быстроты движенія каждаго пояса, смотря по отстоянію его отъ экватора, вліяніе на распределеніе магнитизма? Искать ли ключа токовъ, т. е. движимаго электричества въ атмосферѣ, въ между-планетныхъ пространствахъ, или въ полярности солнца и луны? Уже Галилей готовъ былъ приписать параллельное направленіе оси магнитной притягательной точкѣ въ мировомъ пространствѣ.

Если принять, что внутренность земли возвышена до такой температуры, которую мы даже не имѣемъ средствъ измѣрять, то, конечно, должно отказаться отъ магнитнаго зерна земли. Магнитизмъ, конечно, исчезаетъ только при жарѣ бѣлаго каленія; въ желѣзѣ, раскаленномъ до-красна, онъ еще проявляется. Что касается до стариннаго изъясненія часовыхъ измѣненій отклоненія прогрессивнымъ нагрѣваніемъ земли въ кажущемся теченіи солнца съ востока на западъ, то при этомъ должно ограничиться только крайнимъ слоемъ коры; теперь известно, какъ медленно проникаетъ солнечная теплота даже на нѣсколько футовъ въ глубину земли. Кроме того, термическое состояніе поверхности моря, покрывающаго двѣ трети планеты, мало благопріятствуетъ такому изъясненію.

На вопросы о конечныхъ физическихъ причинахъ этихъ явленій теперь нельзя еще дать удовлетворительнаго отвѣта. Только для измѣримаго въ пространствѣ и времени найдено много среднихъ чиселъ, — блестящій успѣхъ новѣйшихъ изысканій. Отъ Торонто, въ Верхней Канадѣ, до Мыса-Доброй-Надежды и Земли-Фан-Димена, отъ Парижа до Пекина, съ 1828 года наблюдаютъ за каждаымъ движеніемъ земной силы. Измѣряютъ уменьшеніе магнитной интенсивности на $\frac{1}{10000}$, въ известныя эпохи дѣлаютъ наблюденія въ-продолженіи 24 часовъ каждыя 2 $\frac{1}{2}$ минуты, такъ-что масса наблюденій возрастетъ черезъ три года до 1,958,000. Можно надѣяться, что это приблизитъ насъ къ знанію геометрическихъ законовъ магнетизма.

Теллурической магнитизмъ, электро-динамическія силы находятся въ тѣсной связи съ полярнымъ и земнымъ свѣтомъ, такъ же какъ съ внутреннею и наружною теплотою планеты. Теперь доказано, что сѣверно-

сіяніе есть магнитное явленіе, имѣющее своихъ предвѣстниковъ. Утромъ иеродъ ночнымъ явленіемъ свѣта, неровное часовое движеніе магнитной стрѣлки показываетъ нарушеніе равновѣсія въ распредѣленіи земнаго магнетизма. При сильномъ нарушеніи равновѣсія возстановляется разряженіемъ, сопровождаемымъ развитіемъ свѣта. «Тогда сѣверное сіяніе должно быть принимаемо не за вѣшнюю причину этого нарушенія, но за теллурическую дѣятельность, возвысившуюся до свѣтового явленія.» Сѣверное сіяніе есть актъ разряженія, конецъ магнитной грозы, какъ молнія въ электрической. Электрическая гроза ограничена обыкновенно тѣснымъ пространствомъ, магнитная, напротивъ-того, распространяется по большимъ частямъ цѣлыхъ материковъ. Впрочемъ, весьма-вѣроятно, что при магнитной грозы, какъ и при электрической, возстановленіе равновѣсія посредствомъ свѣтлагого разряженія не есть необходимое условіе.

Вотъ картина совершенно-развивающагося сѣвернаго сіянія: на горизонтѣ, почти тамъ, гдѣ пересѣкаетъ его магнитный меридіанъ, свѣтлое до-тѣхъ-поръ небо начинаетъ темнѣть. Образуется какъ-будто густая туманная завѣса и подымается мало-по-малу градусовъ на 8 или 10. Цвѣтъ темнаго сегмента переходитъ въ бурый или фіолетовый. Звѣзды видны какъ сквозь густой дымъ. Широкая, но ярко-свѣтлая дуга, сначала бѣлая, потомъ желтая, ограничиваетъ темный сегментъ. Высочайшая точка этой дуги находится обыкновенно не на магнитномъ меридіанѣ, а на 5—18 градусовъ дальше въ сторону магнитнаго отклоненія днаго мѣста. Далеко на сѣверъ, очень-близко къ магнитному полюсу, дымоподобный сегментъ бываетъ не такъ темень, а иногда его и вовсе нѣтъ. Гдѣ горизонтальная сила всего слабѣе, тамъ середина свѣтовой дуги наиболѣе удалена отъ магнитнаго меридіана.

Свѣтовая дуга, безпрестанно дрожа и измѣняя форму, стоитъ иногда несколько часовъ, прежде, нежели начнутъ изъ нея выходить лучи и снопы лучей, до самаго зенита. Чѣмъ интенсивнѣе разряженіе сѣвернаго сіянія, тѣмъ живѣе переливаются краски изъ фіолетоваго и синешито-бѣлаго черезъ всѣ оттенки въ зеленый и пурпуровый. Магнитные огненные столбы выходятъ иногда изъ свѣтовой дуги, перемѣшанные даже съ черными, похожими на густой дымъ лучами; иногда она одновременно возникаютъ на разныхъ противоположныхъ точкахъ горизонта и сливаются въ дрожащее огненное море, великолѣпіе котораго передать невозможно. Интенсивность этого свѣта бываетъ иногда такъ велика, что Ловенѣръ видѣлъ дрожанія сѣвернаго сіянія при яркомъ дневномъ свѣтѣ. Движеніе увеличиваетъ видимость явленія. Около края небснаго свода, соответствующей направленію иглы склоненія, лучи, наконецъ, скопляются и образуютъ такъ-называемую корону сѣвернаго сіянія. Она окружаетъ какъ-будто верхушку небснаго шатра бѣло-такимъ сіяніемъ, безъ волненія истекающихъ лучей. Явленіе рано доходитъ до совершеннаго образованія короны, и всегда съ нимъ кончается. Истеченія лучей становятся рѣже, короче и безцвѣтнѣе. Скоро во всему небсному своду остаются неправильно-разсыпанными

только большія, блѣдныя, почти пепельно-сѣрыя свѣтлѣющія и неподвижныя пятна, и они исчезаютъ прежде слѣда темнаго дымоподобнаго сегмента, стоящаго еще на самомъ горизонтѣ. Отъ всего явленія остается еще нѣрѣдко только бѣлое, вѣжное облако, перистое по краямъ, или раздѣленное на равно-отстоящія другъ отъ друга кругловатыя частицы, какъ *cirro-cumulus*.

Эта связь сѣвернаго сѣнія съ *cirro-cumulus* заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому-что она показываетъ намъ магнитно-электрическое развитіе свѣта какъ часть метеорологическаго процесса. Тивеманнъ въ Исландіи, Франклинъ и Ричардсонъ близъ американскаго сѣвернаго полюса, и Врангель на сибирскихъ берегахъ Ледовитаго-Моря замѣтили, что живѣйшіе лучи истекали изъ сѣвернаго сѣнія въ то время, когда въ воздухѣ плавали *cirro-cumuli*. Днемъ, располагаясь подобно лучамъ сѣвернаго сѣнія, эти облака возмущали магнитную стрѣлку.

Дальтонъ часто видѣлъ южныя сѣнія въ Англіи, сѣверныя въ южномъ полушаріи до 45° южной широты. Равновѣсіе нѣрѣдко бываетъ нарушено въ обохъ полюсахъ въ одно и то же время. Я дознался навѣрное, что сѣверныя сѣнія бывали видны даже въ Мехико и Перу. Утверждая, что сѣверныя сѣнія уменьшаются съ уменьшеніемъ широты, должно разумѣть магнитную широту, то-есть, отдаленность отъ магнитнаго полюса. Въ Исландіи, Гренландіи, Терр-Нёвъ, въ портѣ Энтерпрайзъ въ Сѣверной Канадѣ они вспыхиваютъ почти каждую ночь. Въ Италіи сѣверное сѣніе рѣдкость, тогда-какъ на широтѣ Филадельфіи (39° 57') оно случается очень-часто. Но и въ странахъ, гдѣ это явленіе видимо очень-часто, есть особенные поясы долготы, на которыхъ сѣверное сѣніе является особенно-великолѣпно. Это называется на мѣстныхъ вѣвнѣннѣ.

Все, что мы знаемъ о *высотѣ* полярнаго сѣнія, основано на измѣреніяхъ, которымъ нельзя много довѣрять. По повѣйшимъ результатамъ, она бываетъ отъ нѣсколькихъ миль до 3 или 4 тысячъ футовъ. Новѣйшіе наблюдатели готовы указать явленію мѣсто въ предѣлахъ области облаковъ; думаютъ даже, что вѣтеръ можетъ колебать лучи сѣвернаго сѣнія.

Есть ли шумъ такая же принадлежность магнетической, какъ и электрической грозы, — очень-сомнительно. Паррѣ, Франклинъ, Ричардсонъ, Тивеманнъ, Гизеке, Лоттень, Браве, Врангель и Анжу ни разу не слышали шума. Гернъ и Гендерсонъ утверждаютъ противное, но должно замѣтить, что Гудъ, также слышавшій шумъ, слышалъ его и на другой день, безъ сѣвернаго сѣнія.

Сѣверное сѣніе измѣняетъ всѣ три проявленія теллурическаго магнетизма: отклоненіе, наклоненіе и интенсивность. Въ одну и ту же ночь оно оказываетъ на одинъ конецъ стрѣлки притяженіе и отталкиваніе. Процессъ сѣвернаго сѣнія есть, какъ мы уже замѣтили, актъ

восстановленія нарушеннаго равновѣсія, и сила вліянія его на стрѣлку бываетъ различна, смотря по силѣ разряженія.

Неопредѣленное названіе *сѣвернаго сіянія* обозначаетъ мѣстное направленіе, по которому чаще всего, но отнюдь не всегда, бываетъ видимо развитіе свѣта. Важно въ этомъ явленіи то, что земля свѣтитъ сама, собственнымъ, незамѣшаннымъ свѣтомъ. Сила земнаго свѣта, при величайшемъ блескѣ явленія, немногимъ превосходитъ свѣтъ отъ первой четверти луны. Случалось, что можно было читать безъ труда. Венера представляетъ ничто аналогическое; неосвѣщенная солнцемъ часть ея свѣтитъ иногда собственнымъ, фосфорическимъ блескомъ. Не невѣроятно, что и луна, Юпитеръ и кометы имѣютъ тоже свой свѣтъ. На землѣ бываютъ и другіе примѣры самосвѣтности нашей планеты; на-примѣръ, знаменитый свѣтящійся ночью сухой туманъ 1783 и 1831 года; тихій свѣтовой процессъ въ облакахъ, видѣнный Розье и Беккариа. Какъ при сѣверномъ сіяніи на далекихъ широтахъ свѣтъ протекаетъ по атмосферѣ, такъ въ поляхъ тропиковъ тысячи квадратныхъ миль океана производятъ свой свѣтъ, и здѣсь онъ есть произведеніе органическихъ силъ природы. Волны поднимаются и рассыпаются пѣною; все пространство моря сверкаетъ искрами, и каждая искра есть живое движеніе невидимаго животнаго міра.

Какъ внутренняя теплота нашей планеты, съ одной стороны, состоитъ въ связи съ электромагнитными токами и свѣтовымъ процессомъ земли, такъ, съ другой, она является главнымъ источникомъ геогностическихъ явленій. Эти явленія мы разсматриваемъ въ ихъ связи и переходъ отъ просто-динамическаго потрясенія, отъ поднятія материковъ и горныхъ массъ къ произведенію и изліянію газообразныхъ и капельныхъ жидкостей, горячаго яла, расплавленныхъ земель, охлаждающихся въ видѣ кристаллическихъ горныхъ породъ. Такой образъ воззрѣнія не допускаетъ отдѣльныхъ объясненій каждаго явленія, связываетъ ихъ вслѣдствіе, и все это сливается въ одно понятіе о реакціи внутренности планеты на ея поверхность. И не одна неорганическая природа испытала на себѣ вліяніе этой реакціи. Очень-вѣроятно, что сильныя истеченія углекислаго газа усилили нѣкогда углеотдѣляющій процессъ растительной жизни. Самыя судьбы человѣческаго рода являются намъ отчасти въ завѣсности отъ образованія земной коры.

Набрасывая очеркъ каузальной связи геогностическихъ явленій, мы начнемъ съ динамическихъ, съ движенія и измѣненія въ пространствѣ. *Землетрясенія* отличаются отвѣсными, горизонтальными или круго-вращательными, быстро одно за другимъ слѣдующими, качаніями. Вѣрнѣе по отвѣсному направленію всего разительнѣе былъ при разрушеніи города Рюамбы, въ 1797 году, причѣмъ многіе трупы жителей были выброшены на холмъ Кулка, вышиною во сто футовъ, за рѣчку Ликанъ. Движеніе распространяется большею частью въ линейномъ направленіи волнообразно, со скоростью пяти или семи географическихъ миль въ минуту, иногда въ видѣ эллипса, рас-

пространяясь отъ центра къ окружности. Есть страны, принадлежащія къ двумъ пересѣкающимъ другъ друга эллипсамъ сотрясенія. При пересѣченіи этихъ эллипсовъ могутъ существовать въ одно время многія системы волнъ, какъ въ жидкостяхъ, не мѣшая другъ другу. Можно даже вообразить себѣ и интерференцію.

Волны сотрясенія довольно-вѣрно изслѣдованы въ ихъ направленіи и общей силѣ, но не во внутреннемъ свойствѣ ихъ поперемянности и періодическаго возвышенія. Въ городѣ Квито, на высотѣ 8950 футовъ надъ моремъ, гдѣ много массивныхъ зданій и высокихъ церквей, сильныя сотрясенія рѣдко производятъ въ стѣнахъ трещины, тогда-какъ въ перуанскихъ долинахъ гораздо-слабѣйшіе удары сильнѣе вредятъ низкимъ домамъ. Туземцы думаютъ, что причина этого сокрыта въ равномерности движенія по противоположному направленію. Круговое землетрясеніе случается всего рѣже, но оно и всего опаснѣе. При риобамбскомъ землетрясеніи, въ 1797 году, стѣны были поворочены, а не разрушены, прямые ряды деревъ изогнуты, поля, засѣяныя разнообразными произрастеніями, сдвинуты. Мнѣ показывали мѣсто, гдѣ утварь одного жилища найдена была подъ развалинами другаго. Рыхлая земля двигалась наподобіе жидкости, вѣроятно сперва внизъ, потомъ горизонтально, и наконецъ обратно вверхъ.

Думаютъ, что тишь, удушливый жаръ, туманный горизонтъ — предвѣстники землетрясенія. Но это предубѣжденіе. Они случаются при всякомъ состояніи атмосферы. Между тропиками, при моихъ наблюденіяхъ, не замѣнялось ни часовое движеніе магнитной стрѣлки, ни давленіе воздуха. То же самое замѣтилъ и Эрманиъ, близъ Иркутска. Если, вообще, происходящее глубоко въ недрахъ земли не предвѣщается никакимъ метеорологическимъ процессомъ, то должно, однакожъ, замѣтить, что при очень-сильныхъ землетрясеніяхъ сообщается нечто и атмосферѣ, и дѣйствіе бываетъ не часто-динамическое.

Сила глухого шума, сопровождающаго обыкновенно землетрясеніе, возрастаетъ вовсе не соразмѣрно съ силою колебаній. При разрушеніи Риобамбы не было вовсе никакого шума. Ужасный шумъ, слышавшійся подъ городами Квито и Ибарра, разразился минутъ 18—20 послѣ настоящей катастрофы. Самый шумъ бываетъ различенъ: то гремѣтъ перекатами, то звѣнитъ какъ шумъ цѣпей, то какъ-будто въ недрахъ земли разбивается на куски обсидіанъ или другія стекловидныя массы. Такъ-какъ твердыя тѣла превосходныя проводники звука, то шумъ этотъ можетъ быть слышенъ очень-далеко. 30-го апрѣля 1812 года, въ Каракасѣ и на берегахъ Рио-Апуре слышали, безъ всякаго землетрясенія, громоподобный шумъ, когда за 158 миль происходило изверженіе вулкана св.-Викентія. Это то же, что слышать изверженіе Везувія въ Сѣверной-Франціи.

Такой шумъ безъ землетрясенія дѣлаетъ глубокое впечатлѣніе; со страхомъ ждешь, что за нимъ послѣдуетъ. Замѣчательнѣйшій примѣръ его былъ въ Мехико, въ городѣ Гуанорато. Шумъ продолжался, на-

ная съ полуночи 9-го января 1784 г. дольше мѣсяца; точно какъ-то подь ногами жителей носились громовыя тучи. Шумъ усиливался потомъ исчезъ постепенно, и былъ ограниченъ небольшимъ пространствомъ. Землетрясенія не было ни малѣйшаго. Такъ разверзаются закрываются полости въ ндрахъ земли.

Изверженіе вулкана—зрѣлище ужасное, но оно ограничено всегда небольшимъ пространствомъ. Но землетрясеніе, едва-замѣтное для глазъ, объгаетъ иногда тысячи миль. Ужасное землетрясеніе 1 ноября 1755 г., разрушившее Лиссабонъ, чувствовали въ Альпахъ, на шведскихъ рекахъ, на Антильскихъ-Островахъ, на озерахъ Канады и въ Сѣверной-Германіи. Далекіе источники измѣняли свое теченіе. Въ Кадиксъ ре поднялось на 60 футовъ. Исчислено, что потрясенное пространство по четверо больше Европы и никогда не погибло въ нѣсколько миль большаго числа людей, какъ при землетрясеніяхъ: въ Сициліи, въ 1693 году, 60,000, въ Риобамбъ въ 1797 — тысячь 30 или 40, въ Римѣ и Малой-Азійи при Таберіи и Юстинъ-старшемъ въ 19 и 526 годовъ, можетъ-быть, вдесятеро больше.

Въ Андахъ, въ Южной-Америкѣ, были примѣры, что земля дрожала сколько дней сряду безпрерывно. Но сотрясенія, чувствуемыя каждыи съ въ-продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, случались только вдали отъ канонъ, причемъ народъ всегда ожидалъ образованія новаго вулкана. — ожиданіе, исполнявшееся очень-рѣдко.

Еслибы мы имѣли свѣдѣнія о ежедневномъ состояніи всей земной поверхности, то, вѣроятно, убѣдились бы, что она постоянно гдѣ-нибудь дрожитъ. Эта общность явленія доказываетъ независимость его отъ рѣзкости горъ, въ которыхъ оно проявляется, и волны сотрясенія измѣняются не отъ химическаго, а отъ механическаго строенія земли. Такая волна бѣжитъ вдоль берега или по направленію горнаго хребта, у его подошвы, тамъ замѣчаются на извѣстныхъ точкахъ перерывы ея. Волна продолжаетъ бѣжать въ глубинѣ, но на поверхности она чувствительна. Такъ-какъ горныя хребты стоятъ, по-видимому, на твердыхъ земляхъ, то стѣны этихъ щелей способствуютъ, можетъ-быть, параллельному съ хребтомъ направленію волнъ; но случается, что эти стѣны пересѣкаютъ нѣсколько хребтовъ почти подь прямымъ угломъ.

Съ перваго взгляда землетрясеніе кажется чисто-динамическимъ явленіемъ; однакожь оно не только подымаетъ уровни цѣлыхъ земель, но и время его извергается горячая вода, горячіе пары, удушливыя газы, черный дымъ и даже пламя. При лиссабонскомъ землетрясеніи вблизи города пламя, и изъ вновь-образовавшейся разсѣлины въ Альвидрасъ выходилъ дымъ. Изверженіе углекислаго газа при землетрясеніи въ Новой-Гренадѣ, 1827, удушило много животныхъ, жившихъ въ пещерахъ. Въ Квито и Перу случалось, что за сильнымъ землетрясеніемъ наступали дожди въ необыкновенное для тропическаго мѣсяца время.

Внутренняя связь этихъ явленій покрыта еще неизвѣстностью. Взрывы, такъ же какъ и легкія дрожанія земли, вѣроятно происходятъ отъ

эластическихъ жидкостей; движущая сила сокрыта глубоко въ землѣ; какъ глубоко, мы не знаемъ. Дѣйствующіе вулканы можно почитать спасительными отдушниками на земной корѣ. Какъ остановленная дѣятельность вулкановъ оказываетъ свое вліяніе на сотрясеніе земли, такъ и землетрясеніе реагируетъ на вулканическія явленія.

И такъ, въ землетрясеніи проявляется вулканическо-посредствующая сила, рѣдко доходящая до явленій изверженія. Наполненіе разсѣлинь кристаллическими, въ нѣдрѣ вытекающими массами, затрудняетъ понемногу свободное сообщеніе царевъ, и напряженность ихъ дѣйствуетъ тогда трояко: потрясая, поднимая вдругъ, или медленно и непрерывно измѣняя уровень моря и земли.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЪГРА.

Статья восьмая (*).

Исторія. Впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ смертію герцога англійскаго. Продолженіе процесса Жоржа и Морё. Самоубійство Нимтру. Волненіе умовъ. Возвратъ къ монархическимъ идеямъ. Многочисленные адреса. Речь де-Фонтана по случаю приведенія къ окончанію гражданскаго кодекса. Роль Фушэ при этомъ обстоятельствѣ: онъ являлся орудіемъ готовящейся перемѣны. Камбасервсъ оказывалъ на некоторомъ сопротивленіи этой перемѣнѣ. Фушэ настроиваетъ сенатъ. Первый консулъ не даетъ прямого отвѣта сенату и обращается къ иностраннымъ дворамъ, чтобы вызнать, признаютъ ли они его въ новомъ титулѣ, который онъ намѣренъ принять. Благоприятные отзывы Пруссіи и Австріи. Условія этого послѣдняго двора. Живѣйшее расположеніе арміи провозгласить императора. Первый консулъ, послѣ довольно-долгого молчанія, отвѣчаетъ сенату, прося это государственное собраніе высказать вполне мысль свою. Сенатъ вступаетъ въ совѣщаніе. Трибуналь Кюрэ первый подаетъ голосъ о возстановленіи монархіи. Пренія по этому предмету въ трибуналь, и речь трибунала Кардэ. Сенатъ обращается къ первому консулу съ предложеніемъ ему монархической власти. Необходимыя измѣненія въ консульской конституціи. Имперская конституція. Высшіе государственные сановники. Должности военные и гражданскія. Сенатъ въ цѣломъ составѣ своемъ отправляется въ Сен-Клу и провозглашаетъ Наполеона императоромъ. Продолженіе процесса Жоржа и Морё. Осужденіе на смерть Жоржа. Помилowanіе приговоренныхъ къ смерти: Армана де-Неландяка и де-Ривьера. Изгнаніе Морё. Превращеніе республики въ военную монархію.

Завсктъ, произведенный кровавою венсенскою катастрофою, былъ, какъ свидѣнія, великъ во Франціи, но онъ былъ еще поразительнѣе въ Европѣ. Мы не удалимся отъ строгой истины, сказавъ, что эта катастрофа сдѣлалась главною причиною третьей всеобщей войны. Заговоръ французскихъ принцевъ и смерть герцога англійскаго были тѣми великими ударами, которыми революція и контр-революція вы-

(*) Первые семь статей напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1845 года (томъ VII, XII, XVII и XXIV).

звали другъ друга на новую и упорную брань, вскорѣ распространившуюся отъ Альповъ и Рейна даже до береговъ Нюмана.

Для враговъ Франціи было истиннымъ кладомъ это ужасное происшествіе: оно породило новыя союзнчества, которыя могли быть разторгнуты только пушечными выстрѣлами.

Премахи противника — жалкое вознагражденіе за наши собственныя ошибки. Какъ бы то ни было, Англія доставила своей соперницѣ такое вознагражденіе. Она совершила актъ, которому трудно дать имя: она доставляла деньги, необходимыя для приведенія въ исполненіе заговора, и принимала большее или меньшее участіе въ преступныхъ интригахъ трехъ своихъ агентовъ, бывшихъ уполномоченными ея министрами въ Кассель, Штутгардъ и Мюнхенъ. Первый консулъ отправилъ въ Германію варнаго офицера, который, переодѣвшись и выдавая себя за агента заговора, вкрался въ довѣренность гг. Дрека и Спенсера Смита. Вызвъ съ извиненіемъ въ трудности собрать вдругъ значительныя суммы денегъ, онъ получалъ отъ нихъ, для передачи заговорщикамъ, болѣе ста тысячъ франковъ золотомъ, которые немедленно и отдалъ въ руки французской полиціи. Репортъ этого офицера, собственноручныя письма Дрека и Спенсера, были тутъ же собраны, внесены въ Сенатъ и сообщены дипломатическому корпусу, для удостовѣренія въ подлинности рукъ. Этого факта не было возможности отрицать. Репортъ и письма эти, помѣщенные въ *Мониторъ* и представленные иностраннымъ дворамъ, были причиною, что строгое порицаніе поступковъ Англіи заняло мѣсто сильнаго возмущенія, котораго Франція въ продолженіи несколькихъ дней была исключительнымъ предметомъ. Люди безпристрастные совершенно убѣдились, что первый консулъ былъ вызванъ гнусными поступками своихъ агентовъ, и сожалѣли, для его славы, что онъ не удовольствовался мѣрнымъ, по законамъ, Жоржа и его сообщниковъ, и тамъ вслѣдствіе презрѣніемъ, которому должна была подвергнуться англійская дипломатія. Дрекъ и Смитъ, съ негодованіемъ высланные изъ Мюнхена и Штутгарда, быстро проѣхали по Германіи, не осмѣлившись никуда показаться. Въ-особенности Дрекъ, при проѣздѣ чрезъ Берлинъ, получилъ отъ прусской полиціи приказъ ни дня не останавливаться въ этомъ городѣ. Онъ только проѣхалъ чрезъ эту столицу и поспѣшилъ отправиться въ Англію, увозя съ собою стылъ, которымъ покрылся за самостоятельное оскорбленіе самыхъ священнѣйшихъ обязанностей.

Поступокъ Дрека и его сотоварища только на короткое время заставилъ забыть смерть вердега англійскаго. Вскорѣ некоторые европейскія кабинеты изъяснили живѣйшее свое негодованіе за гибель этой царственной жертвы. Въ это время, Пруссія и Россія взаимными декларациями положили основаніе третьей коалиціи.

Но все дѣла, возбужденныя извѣстиемъ венсенскаго катастрофы, съ тѣмъ временемъ привлекли вниманіе примаго консула отъ дѣлъ внутреннихъ, которыя достигли въ эту минуту настоящаго кризиса.

Хотя въ скоромъ времени ослабло впечатленіе, произведенное гибелью герцога англійскаго, однако умы все были попрежнему въ волненіи.

случае профессора Жоржа, Морё и Пашгрю. Старая французская аристократія принимала живѣйшее участіе въ судьбѣ де-Ривьера и де-Поттляка; даже Морё сильно интересовало всѣхъ, любящихъ славу Франціи. Но правосудіе должно было совершиться, и этотъ процессъ, еще на месяцъ или на два, долженъ былъ смущать спокойствіе, обаяніе каннинно-жестокоствавшее подъ управленіемъ пераго консула.

Несчастный случай, совершенно непредвидѣнный, еще болѣе придавъ мрачности этому положенію дѣлъ. Пашгрю, узникъ пераго консула, недовѣрчившій сначала его великодушію и съ трудомъ давшій вѣру его милосерднымъ предложеніямъ, сообщеннымъ ему Реалемъ, вскорѣ былъ убѣжденъ, и съ довѣрчивостію предался мысли о сохраненіи себя жизни, и о томъ, что онъ снова обрѣтетъ себя честь, основавъ большую колонію въ Кайеннѣ. Предложенія пераго консула были чисто-сердечны, потому-что въ рѣшимости своей поразить только роялистовъ, онъ хотѣлъ дать помилованіе Морё и Пашгрю. Реалю, котораго нельзя подозрѣвать ни въ какомъ низкомъ чувствованіи, понесчастливилось на этотъ разъ не менѣе, какъ и въ дѣлѣ герцога ангенскаго. Онъ опоздалъ въ Вансенъ; теперь онъ очень-рѣдко являлся въ темницу Пашгрю, куда ему нѣзачѣмъ было ходить для допросовъ, такъ-какъ уже отчаялся допытаться чего-нибудь отъ столь скрытнаго и непреклоннаго чело-вѣка, каковъ былъ старшій генералъ республики. При множествѣ заботъ, Реалю было недосугъ посѣщать Пашгрю, который, не слыша болѣе ничего о предложеніяхъ пераго консула, и узнавъ о кровавомъ мексиканскомъ приключеніи, подумалъ, что нѣчего болѣе надѣяться на предложенное и обѣщанное ему милосердіе. Не смерть была страшна этому воину: вмѣстѣ съ жизнью терялъ онъ бѣдные остатки своей уже столь-помраченной чести. Этотъ несчастливецъ предпочелъ непосредственную смерть, но смерть безъ стыда, который помылъ бы его при публичномъ процессѣ. Это чувствованіе доказываетъ, что онъ былъ нѣсколько-лучше, нежели какъ заставляютъ полагать его прежніе поступки. Онъ взялъ у Реала творенія Сенеки и однажды ночью, послѣ долгаго чтенія, оставивъ книгу раскрытою на томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о добровольной смерти, удавился посредствомъ шелковаго галстука, изъ котораго свилъ веревку, и деревяннаго гвоздя, послужившаго ему рычагомъ. На разсвѣтъ, стражи, услышавъ въ комнатѣ шумъ, вошли туда и нашли Пашгрю задохшимся; лицо его было красное у человека, пораженнаго апоплексіею. Призванные медки и докторскія лица не оставили ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ причины его смерти и убѣдили въ томъ со всею очевидностію людей добросовѣстныхъ.

Но не существуетъ достаточно-важнаго доказательства для партій, рѣшившихся варить клевету, или распространять ее, на имя ей. Роялисты и люди вразумные немедленно распространили слухъ, что Пашгрю былъ удушенъ свикарjami, убійцами, подосланными перымъ консуломъ. Это катастрофа, названная тампльскою, была исполненіемъ катастрофы, названной мексиканскою; одна была продолженіемъ другой.

Таинств-образомъ, быстро создавъ былъ характеръ новаго Мора. Но прихвату римскаго владыки, онъ не ималъ почти переходнаго состоянiя отъ добра къ злу, отъ добродетели къ преступленiю. Кляушники придумали и основанiе для своей лжи: они говорили, что правительство, потерявъ надежду убѣдить Пашгрю, умертвило его за тѣмъ, чтобъ онъ не явился, во время процесса, для оправданiя своихъ слѣдственныхниковъ.

Это было самую бессмысленною, равно какъ и самую отвратительною выдумкою. Если былъ обвиняемый, котораго присутствiе въ судѣ было бы необходимо въ интересахъ перваго консула, то это былъ Пашгрю. Пашгрю, лично, не могъ почестся опаснымъ соперникомъ съ-тахъ-поръ, какъ его доказанное соединенiе съ партией роялистскою погубило его въ общественномъ мнѣнiи; сверхъ того, показанiя подсудимыхъ всѣхъ партiй равно обвиняли его. Если было кого страшиться, то это — Морб, котораго слава была еще незапятнана и котораго трудно было уличить; и если былъ подсудимый, полезный для его обвиненiя, то это былъ Пашгрю, служившiй связью между республиканцами и роялистами.

Различны были чувствованiя, произведенныя въ массу народа политическими событiями. Если одни провозглашали гнуснымъ поступокъ съ герцогомъ англiйскимъ, за то другiе находили не менѣе гнусными непрерывно-возобновлявшiеся заговоры противъ особы перваго консула. Эти послѣднiе думали, что необходимо обмануть преступныя надежды роялистовъ. Они полагали, что человекъ, предметъ столь ужасныхъ кововъ, долженъ быть облеченъ саномъ короля или императора, за тѣмъ, чтобъ наследственность, присоединенная къ его власти, для ему непосредственныхъ преемниковъ по праву, — чрезъ что уменьшились бы и посягательства на его особу, сдѣлавшись съ-тахъ-поръ бесполезными. Вотъ съ какою быстротою Францiя въ несколько лѣтъ возвратилась къ идеямъ монархическимъ! Отъ пяти директоровъ, назначенныхъ на пять лѣтъ, сдѣланъ былъ переходъ къ идеѣ о трехъ консулахъ, избираемыхъ на десять лѣтъ; потомъ, отъ идеи о трехъ консулахъ къ идеѣ объ одномъ консулѣ *de facto*, вмѣвшемъ пожизненную власть. На такомъ пути нельзя было остановиться иначе, какъ сдѣлать послѣднiй шагъ, т. е. возвратиться къ наследственной власти. Для этого достаточно было малѣйшаго толчка, даннаго умомъ. Сама роялисты взяли на себя дать этотъ толчокъ, замысливъ умертвить перваго консула; и они представили тѣмъ очень-обыкновенное зрѣлище, ибо чаще всего сами враги правительства, своими безразсудными ковами, доставляютъ ему случай дѣлать быстрые успѣхи.

Для всякой политической перемены необходимы люди, которые были бы орудiями осуществленiя идей. Досель Фушѣ, по остатку чистосердечiя, порицалъ быстроту реакцiи, съ которою Францiя возвратилась къ прѣжнему порядку вещей; онъ заслужилъ даже благодарное помянутое г-жи Бонапарте чрезъ то, что, казалось, раздѣлялъ ее несообразностию, смутные страхи; но за это онъ подвергся немилости ея честолюбиваго супруга. За эту неблагодарную роль тайнаго порицателя,

Фушэ лишился министерства и не хотѣлъ болѣе играть ее. Тогда онъ привязался за роль совершенно-противоположную. По своей доброй воли занимался полицейскими розысками въ преслѣдованіи послѣдняго заговора, онъ самъ сталъ опять на свое мѣсто. Видя, что первый консулъ сильно раздраженъ на роялистовъ, онъ льстилъ его гнѣву и подстрекнулъ его на умерщвленіе герцога англійскаго. Если мысль, которую часто придавали первому консулу, — заключить кровавый договоръ съ революціонерами и получить отъ нихъ корону за страшную цѣну крови, если эта мысль входила тогда въ чью-нибудь голову, то навѣрное въ голову Фушэ. Одобритель смерти герцога англійскаго, онъ былъ также пламеннѣйшимъ изъ новыхъ защитниковъ наследственной власти. Въ монархическомъ рвеніи онъ превосходилъ даже гг. Та-лейрана, Рёлера и де-Фонтана.

Правда, не было нужды поощрять перваго консула въ его помыслахъ о тронѣ. Онъ желалъ самаго высшаго сана, но это не было его постоянною мыслію со времени итальянскихъ походовъ, ни даже со времени 18 брюмера, какъ предполагали площадные разсказчики; нѣтъ, не все желанія разомъ овладѣли его душою. Его честолюбіе росло постепенно, подобно судьба его. Достигши до главнокомандованія войсками, онъ увидѣлъ съ этой возвышенной точки еще болѣе возвышенныя вершины правленія республики и пожелалъ дойти до нихъ. Достигши этихъ высотъ, онъ увидѣлъ еще выше, надъ собою, безсравненное консульство и пожелалъ его. Добравшись до этой послѣдней мыси, откуда онъ ясно созерцалъ тронъ, — онъ захотѣлъ взойти на него. Такъ шествуетъ человѣческое честолюбіе, и въ этомъ нѣтъ преступленія. Но умамъ ясно-видящимъ казалось опаснымъ это честолюбіе, безпрерывно возбуждаемое и безпрерывно удовлетворяемое, потому что чрезъ всегдашнее удовлетвореніе все болѣе-и-болѣе возбуждалось оно.

Но готовясь овладѣть властью, непринадлежащею ему по праву, всякій гений, какъ бы онъ ни былъ отваженъ, бываетъ, по-крайней-мѣрѣ, поставленъ въ недоумѣніе, если не объемлется страхомъ. Въ подобномъ положеніи, невольная стыдливость овладѣваетъ самымъ пламеннымъ честолюбиемъ, и человекъ не дерзаетъ сознаться во всемъ, что желаетъ. Первый консулъ, очень-мало говорившій о государственныхъ дѣлахъ съ своими братьями, имѣлъ въ нихъ, когда дѣло шло о его личномъ величій, повѣренныхъ, которымъ охотно все высказывалъ, и къ-тому же повѣренныхъ болѣе пламенныхъ, нежели самъ онъ, потому-что они нетерпѣливо желали сдѣлаться принцами. Должно припомнить, что братья перваго консула съ презрѣніемъ смотрѣли на низменное консульство. Въ настоящее время, Люсіана не было во Франціи, а Юсефъ готовился оставить Парижъ. Люсіанъ женился на красавицѣ вдовѣ, но этотъ бракъ очень-мало согласовался съ теперешнимъ положеніемъ семейства Бонапарте. Разсорившись, по поводу своей неспособности, съ первымъ консуломъ, Люсіанъ удалился въ Римъ, раздѣляя роль изгнанника, и, по-видимому, ища въ наслажденіи искусства утѣшенія за эту братнюю неблагодарность. Госпожа Летиція Бонапарте, которая, подлѣ скромности женщины, рожденной въ бедно-

сти, къ тому же показывая видъ, что помнить о своемъ скромномъ происхожденіи, таила въ себя некоторые изъ страстей императрицы-матери, Летиція Бонапарте постоянно и неосновательно жаловалась на Наполеона, оказывая явное предпочтеніе сыну своему Люсіану: она последовала за нимъ въ Римъ. Первый консулъ, исполненный накло-сти къ своимъ родственникамъ, даже и тогда, когда ему нельзя было похвалиться ими, напутствовалъ мать и брата своимъ всемогущимъ покровительствомъ и поручилъ ихъ благосклонности папы Пія VII.

Иосифъ былъ также недоволенъ, и трудно представить себѣ чѣмъ, еслибѣ исторія не взяла на себя труда рассказать объ этомъ. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ тѣмъ, что первый консулъ хотѣлъ назначить его президентомъ Сената, — и онъ отвергъ это высокое назначеніе съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства. Первый консулъ, не любившій, чтобъ люди оставались правдыми, приказалъ тогда сказать ему, чтобъ онъ отправился добывать себѣ величіе тамъ, гдѣ самъ онъ, первый консулъ, добылъ свое собственное, т. е. въ армию. Иосифъ, назначенный полковникомъ 4-го линейнаго полка, отправился въ Булонь, въ ту самую минуту, какъ затѣвался великій вопросъ о возста-новленіи монархін. Итакъ, первый консулъ былъ лишень двухъ своихъ наперсниковъ, которымъ охотно сообщалъ все, касавшее его собственнаго величія. Камбасересъ, съ которымъ онъ обыкновенно гово-рилъ обо всемъ, — о дѣлахъ государственныхъ и о своихъ личныхъ, Камбасересъ, въ эпоху пожизненнаго консульства, избавлялъ его отъ затрудненія высказать то, чего желалъ онъ. Но въ настоящее время, Камбасересъ безмолвствовалъ по двумъ побужденіямъ: одно изъ нихъ было хорошо, другое — дурно. Хорошее побужденіе состояло въ томъ, что онъ, по своей рядкой предусмотрительности, страшился необузданности безпредельнаго честолюбія. Онъ слышалъ, какъ разговари-вали о Галльской-Имперіи, о имперіи Карла-Великаго, и трепеталъ при мысли, что прочное величіе людевиальскаго мира будетъ принесено въ жертву гигантскимъ предпріятіямъ, въ-слѣдствіе возведенія ге-нерала Бонапарте на тронъ императорскій. Дурное побужденіе происта-ло отъ нарушенія его личнаго интереса, потому-что отнынѣ онъ дол-женствовалъ быть отдѣленъ отъ перваго консула всею высотой тро-на и сдѣлаться, изъ соучастника въ верховной власти, гакъ и на-ла была его часть, простымъ подданнымъ будущаго монарха. Итакъ онъ безмолвствовалъ, и на этотъ разъ (не такъ, какъ въ прошлый) не пред-оставлялъ своего вліянія къ услугамъ перваго консула. Третій консулъ, Лебрёнъ, въ высшей степени преданный первому консулу, на нивѣдѣ ни во что не вышнивавшійся, кромѣ администраціи, нисколько не могъ быть ему полезенъ.

Фушѣ, въ жару своей ревности, по доброй волѣ сдѣлался агентомъ готовившейся перемены. Онъ ловко подступилъ къ первому консулу, котораго тайныя желанія отгадалъ, и представилъ ему необходимость скоро и окончательно на что-нибудь рѣшиться, настоятельному потреб-ности покончить тревожное состояніе Франціи возложеніемъ на главу свою короны и совершеннымъ упроченіемъ результатовъ революціи.

Онъ говорилъ ему, что вся классы націи олушевлены однимъ и тѣмъ же чувствомъ и нетерпѣливо желаютъ провозгласить его императоромъ галльскимъ или императоромъ Французовъ, какъ заблагоразсудится его воля или его вкусу. Онъ часто принимался за эти убѣжденія, особенно стараясь дать почувствовать выгоды дѣйствовать кстатѣ, въ ту минуту, когда Франція, приведенная въ безпокойство за жизнь перваго консула, была расположена согласиться на все, чего бы отъ нея ни потребовали. Отъ убѣжденій онъ переходилъ даже къ укорамъ, и сильно порицалъ нерѣшительность генерала Бонапарте. Тотъ не покидалъ своего уединенія въ Мальмезонъ, со дня венсенскаго происшествія. Фушѣ часто являлся туда, и когда не заставалъ перваго консула, отправлялся или на прогулку, или куда-нибудь, то нападалъ на его домашняго секретаря Менвала, и предлинно разглагольствовалъ ему о выгодахъ наследственной монархіи, и не только монархіи, но и аристократіи, какъ опоры и украшенія трона, присовокупляя, что если первый консулъ захочетъ возстановить ее, то онъ готовъ всеми силами защищать мудрость новаго учрежденія, и, въ случаѣ надобности, готвъ даже самъ сдѣлаться дворяниномъ.

Таково было рвеніе этого стараго республиканца, совершенно оставившаго свои заблужденія. Его безпокойная дѣятельность, возбужденная на этотъ разъ болѣе обыкновеннаго, заставляла его хлопотать уже черезъ мѣру и уподобляла мухѣ, справляющей въ путь дорожныхъ.

И дѣйствительно, почти все готовы были способствовать выполненію желаній перваго консула. Франція, видѣвшая, что уже издавна готовилась ей властелинъ, который, впрочемъ, покрылъ ее славою и осыпалъ благодеяніями, не хотѣла отказать ему въ такомъ титулѣ, какой наиболее полюбился бы его честолюбію. Государственныя собранія, генералы арміи, знавшіе, какъ невозможно впредь ни малѣйшее сопротивленіе, и видѣвшіе въ погибелѣ Морѣ опасность несвоевременной оппозиціи, съ увлеченіемъ бросались во срѣтеніе новому Цезарю, чтобъ отличиться, по-крайней-мѣрѣ, своимъ рвеніемъ и извлечь събѣ пользу изъ возвышенія, которому воспрепятствовать было уже поздно. Все встрѣчали затрудненіе только въ одномъ— снова ввести въ употребленіе слова, прежде-изгнанныя, и отвергнуть другія, принятія недавно съ такою энтузіазмомъ. Небольшая предосторожность въ выборѣ титула будущему монарху могла облегчить трудность самого дѣла. Такимъ образомъ, значительно уменьшилось бы затрудненіе, еслибъ новый владыка названъ былъ императоромъ, а не королемъ. Къ-тому же, для избавленія настоящаго поколѣнія отъ подобнаго затрудненія, невозможно было прискать человека способнѣе прежняго якобинца Фушѣ, бравшагося водать собою примѣръ всѣмъ, и владыкѣ и подданнымъ, и старавшаго прежде всѣхъ произнести слова, которыми еще никто не дерзалъ обмолвиться.

Фушѣ устроилъ все, вмѣстѣ съ нѣкоторыми зачинщиками въ Сенатѣ; а первый консулъ видѣлъ это, одобрялъ, но дѣлалъ видъ, какъ-будто ничего не знаетъ. Опасно было заговорить о необходимости новой перемѣны во французскихъ журналахъ, бывшихъ тогда въ совершен-

ной зависимости отъ полиціи: могли бы подумать, что такое мнѣе высказано по приказу. Правительство имѣло въ Англіи тайныхъ агентовъ, и при ихъ-то посредствѣ въ некоторыхъ англійскихъ журналахъ было напечатано, что, со времени послѣдняго заговора, генералъ Бонапарте былъ безпокоенъ, мраченъ, грозенъ; что всѣ въ Парижѣ живутъ въ тревожномъ безпокойствѣ, что это — естественное слѣдствіе правительственной формы, по которой все поконится на одной главѣ, и что потому во Франціи люди мирные желаютъ, чтобъ наследственность, учрежденная въ семействахъ Бонапарте, доставила настоящему порядку вещей недостающую ему прочность. Такимъ-образомъ, англійскіе журналы, обыкновенно употреблявшіеся на обезславленіе перваго консула, на этотъ разъ были употреблены на служеніе его честолюбивымъ замысламъ. Эти статьи, будучи перепечатаны и истолкованы, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе. Начало было сдѣлано. Въ это время, было нѣсколько выборныхъ коллегій, собранныхъ во многихъ департаментахъ. Не трудно было добыть отъ нихъ адреса. Равнымъ образомъ правительство само вызвало адреса со стороны муниципальныхъ совѣтовъ большихъ городовъ, каковы Лионъ, Марсель, Бордо и Парижъ. Наконецъ, лагеря, расположенные по берегамъ океана, въ свою очередь были приведены въ броженіе. Военные, вообще говоря, составляли классъ, наиболѣе-преданный первому консулу. За исключеніемъ нѣкотораго числа офицеровъ и генераловъ, изъ которыхъ одни были чистосердечные республиканцы, а другіе одушевлены старымъ соперничествомъ, раздѣлявшимъ солдатъ рейнскихъ и итальянскихъ, — большаа часть военачальниковъ провидѣла собственное возвышеніе въ этомъ возвышеніи военнаго челоука на французскій престолъ. Итакъ, они были совершенно расположены быть зачинщиками въ этомъ дѣлѣ, и совершить то, что часто случалось въ Римской Имперіи, т. е. готовы были сами провозгласить императора. Генералъ Сультъ писалъ первому консулу, что ему удалось слышать, о чемъ говорили генералы и полковники, что всѣ желаютъ учрежденія новаго образа правленія, и готовы дать первому консулу титулъ галльскаго императора. Онъ спрашивалъ его приказаній касательно этого предмета. Просительныя грамоты ходили по драгунскимъ дивизіямъ, расположеннымъ лагеремъ въ Компьенъ; эти грамоты покрывались рукоприкладствами и были отправлены въ Парижъ.

Въ воскресенье, 4 жерминала (25 марта), нѣсколько дней спустя послѣ смерти герцога ангенскаго, многіе адреса избирательныхъ коллегій были представлены первому консулу. Адмиралъ Гантомъ, одинъ изъ его приверженныхъ друзей, самъ поднесъ ему адресъ верской коллегіи, которой былъ президентомъ. Въ этомъ адресѣ говорилось, что не довольно наказывать заговорщиковъ, но должно обширною системою учрежденій, которая бы упрочила и увеличила власть въ рукахъ перваго консула, утвердить спокойствіе Франціи и положить предѣлъ ей продолжительнымъ тревогамъ. Другіе адреса были прочитаны на той же аудіенціи, и непосредственно за ними была сказана рѣчь герцога-высшаго разбора. Де-Фонтанъ былъ сдѣланъ президентомъ въ

законодательномъ сословіи и печулся такимъ-образомъ, но милости семейства Бованарте, вѣсте, котораго былъ достоинъ по талантамъ своимъ. На него было возложено принести поздравленіе первому консулу за окончаніе безсмертнаго творенія—гражданскаго кодекса. Этотъ кодексъ, плодъ столькихъ ученыхъ блдній, памятникъ сильной воли и всеобъемлющаго ума главы республики, былъ приведенъ къ окончанію въ настоящій рядъ засѣданій, и благодарное законодательное сословіе положило освятить это воспоминаніе, поставивъ въ залъ своихъ засѣданій мраморный бюстъ перваго консула. Объ этомъ-то де-Фонтанъ возмущалъ на аудіенціи, и надо сознаться, что изъ всѣхъ титуловъ чловѣка, котораго хотѣли прославить, ни одного нельзя было припомнить болѣе кстати въ минуту, когда готовились сдѣлать его наследственнымъ властелиномъ въ странѣ, организованной его гевіемъ. Де-Фонтанъ говорилъ такъ:

«Гражданинъ первый консулъ!

«Громадная имперія уже четыре года покоится подъ снью вашего «мощнаго управленія. Мудрая соразмѣрность вашихъ законовъ еще болѣе и болѣе будетъ соединять подъ эту снь всѣхъ гражданъ. Законодательное сословіе хочетъ освятить эту достопамятную эпоху: оно «востановило, чтобъ ваше изображеніе, поставленное посреди залы ея «совѣщаній, вѣчно напоминало ей ваши благодѣянія, равно какъ и обязанности и надежды французскаго народа. Двойственное право завоевателя и законодателя всегда заставляло смолкнуть всѣ прочія права; «вы видѣли, какъ оно утверждено за вашей особою приговоромъ всей «націи. Кто можетъ еще питать преступную надежду противопоставить «Францію Франціи? Разъединится ли она за какія-нибудь воспоминанія «о прошломъ, когда она сплочена воедино всеми интересами настоящаго? У ней одинъ вождь — вы; у ней одинъ врагъ — Англія.

«Политическія бури могли бросить даже и нѣкоторыхъ мудрыхъ на «вѣту непримиримыя. Но лишь-только руна ваша водила знаменія «религии, всѣ добрые Французы узнали ихъ и потекли во слѣдъ имъ; «вы вѣршили на сторону вашей славы. Ты, которые строятъ ковы въ «цѣль вражьей земли, навсегда отрываются отъ родной земли; и что «могутъ они противопоставить вашему превосходству? У васъ — нева- «блнныя арміи, у нихъ — только наскивили да убійцы; и въ то время, «когда всѣ голоса религій возносятся за васъ горѣ у водножія влгарей, «востановленныхъ вами, — враги ваши наносятъ вамъ оскорбленія «васредствомъ жалкихъ орудій бунта и суевѣрія. Невещность ихъ «копоть дознана. Они ежедневно все болѣе и болѣе будутъ раздражать «судбу, ратуя противъ ея опредѣленій. Пусть, наконецъ, уступитъ они «этому непреодолимому движенію, увлекающему вселенную, и пусть въ «бессмыслии помыслятъ о причинахъ паденія и возвышенія имперій.»

Этотъ отреченіе отъ Бурбоновъ, высказанное предъ лицомъ вновь-избраннаго монарха въ такой торжественной рѣчи, было многозначнаго значенія. Однакожъ, правительство ничего не хотѣло обнародовать през-

де, нежели не сделать первого шага раньше въ государстве учрежденіе — сенатъ, который, на основаніи конституціи, долженъ былъ имъ подати голосъ во всемъ государственномъ дѣлѣ.

Чтобъ заставить его сделать этотъ шагъ, необходимо было переговорить съ Камбасересомъ, который принялъ санатомъ по-своему. Для этого надо было объясниться съ нимъ и узраться въ его расположеніи, не потому, чтобъ можно было опасаться съ его стороны какого-нибудь противодѣйствія, но уже и самое его неодобреніе, хотя безмолвное, было бы весьма досаднымъ въ такомъ обстоятельствѣ, гдѣ было очень важно, чтобъ все безъ исключенія касалось увлеченными общими мнѣніемъ.

Первый консулъ приказалъ повзвать въ Мальмезонъ Лебрёна и Камбасереса. Такъ-какъ Лебрёна убедить было легче, то онъ былъ призванъ первый. Съ нимъ не надо было дѣлать никакихъ усилій, потому-что онъ былъ рѣшительнымъ поклонникомъ монархіи, и въ-особенности когда она ввѣрялась генералу Бонапарту. Камбасересъ, недовольный тѣмъ, что готовилось, прибылъ, когда уже первый консулъ о многомъ успѣлъ переговорить съ Лебрёномъ. Первый консулъ, сказавъ о настоящемъ движеніи умовъ, какъ-будто-бы самъ не принималъ въ этомъ никакого участія, спросилъ мнѣнія втораго консула о вопросѣ, столь-сильно занимавшемъ всѣхъ въ эту минуту, — о вопросѣ касательно возобновленія монархіи.

«Я все еще крѣпко сомнѣвался», отвѣчалъ ему Камбасересъ:—«чтобы дѣло дошло до того. Теперь вижу, что все стремится къ этой дѣли, я готовъ плакать». Тогда, плохо скрывая свое личное неудовольствіе, примѣшивавшееся въ душѣ его къ мудрымъ видамъ, Камбасересъ изложилъ предъ первымъ консуломъ основанія своего мнѣнія. Онъ описывалъ ему республиканцевъ недовольными тѣмъ, что имъ не оставили даже и мечты, которой они предавались, и рожествовъ возмущенными тѣмъ, что осмѣлились возобновить престолъ, не воздвигъ на него Бурбона; онъ говорилъ, что опасно возобновлять прежній образъ правленія, и что за тѣмъ Французамъ останется, пожалуй, только выдѣлить одно мѣсто на мѣсто другаго, и такимъ-образомъ снова ввести старую монархію. Онъ приводилъ слова самихъ республиканцевъ, которые громко хвастались тѣмъ, что имѣли въ генерала Бонапарта предлогу, посланнаго приготовить возвращеніе Бурбонскъ. Онъ показывалъ неудобства новой перемены, которая не могла принести ничего, кромѣ пустаго титула, потому-что власть перваго консула въ настоящую дѣяніи была безгранична, и замѣчалъ, что часто бывають опасности перемѣнить названіе вещей, не сами самыя вещи. Онъ ссылался на трудность получить отъ Каролы признаніе монархіи, которую хотѣла основать; и еще на большую трудность заставить Францію поддержать третью войну, въ случаѣ, если бы пришлось приблизить въ этому случаю, чтобъ исторгнуть признаніе отъ старыхъ европейскихъ дворовъ; наконецъ, онъ представилъ много доводовъ, изъ которыхъ одни были превосходны, другіе посредственны, и чрезъ которые проглядывало неудовольствіе и досада, очень-мало свойственный этому почтенному че-

ловиду. Но онъ не осмѣлился высказать лучшіе изъ доводовъ, которые очень-хорошо совпадалъ въ душѣ своей, именно, что чрезъ это новое удовлетвореніе громаднaго честолюбія, нельзя уже будетъ оставаться ни на чемъ; потому-что, давъ генералу Бонапарту титулъ императора Французовъ, тѣмъ самыя приготовляли его желать титула императора Запада, чего онъ, въ-последствіи, и желалъ въ-тайнѣ: это было не мѣньшею изъ причинъ, заставившихъ его переступить вся границы возможнаго, и чрезъ то пасть. Какъ всякій человекъ въ стѣсненномъ, неловкомъ положеніи, Камбасересъ не высказалъ, что наилучшаго объ этомъ предметѣ могъ высказать, и былъ побужденъ своимъ собесѣдникомъ. Первый консулъ, столь скрытный, притворный въ своихъ желаніяхъ во время учрежденія пожизненнаго консульства, на этотъ разъ самъ взялся за дѣло, видя, что другіе не хотятъ за него враниться. Онъ откровенно признался своему товарищу Камбасересу, что задумалъ возложить на себя корону, и объявилъ почему. Онъ утверждалъ, что Франція хотѣла короля, что это очевидно всякому, умному наблюдать; что она ежедневно покидала глупости, которыми въ когда-то набили голову, и что изъ этихъ глупостей самая величайшая была — республика. «Франція», говорилъ онъ, «совершенно обрзунилась на-счетъ республики; она возведетъ на престолъ Бурбона, или ей не дадутъ Бонапарту; но возвратъ Бурбоновъ будетъ бѣдствіемъ, потому-что это будетъ чистою контр-революціею». Онъ присовокуплялъ, что, для самого себя не желая власти болѣе той, какая была въ рукахъ его, онъ уступаетъ въ этомъ случаѣ необходимой потребности умовъ, и интересу самой революціи. Впрочемъ, по его словамъ, надо же было рѣшиться на что-нибудь, ибо армія приведена въ такое сильное движеніе, что, можетъ-быть, посреди своихъ лагерей, провозгласитъ его императоромъ, и тогда его востество на престолъ будетъ походять на преторіанскую сцену,—а этого болѣе всего надо избѣжать.

Эти доводы мало убѣдили Камбасереса, который и не желалъ быть бѣдственнымъ, — и всякій остался при своемъ мнѣніи, негодую на себя, по сличкомъ-много высказался. Такое неожиданное сопротивленіе Камбасереса смутило перваго консула, который, прикинувшись тогда мѣньше интервалитнымъ, нежели какъ былъ на-самомъ-дѣлѣ, сказалъ обоимъ своимъ товарищамъ, что онъ ни во что не станетъ мѣшаться, и представлять умы собственному ихъ движенію. Они разстались, недовольные другъ другой, и Камбасересъ, возвращаясь съ Лебрёномъ поздно ночью въ Парижъ, сказалъ своему товарищу слѣдующія слова: «Дѣло конечно, монархія восстановлена; но у меня есть предчувствіе, что се это не будетъ продолжительно. Мы воевали съ Европою за тѣмъ, чтобъ дать ей республику, дочерей Французской-Республики; теперь мы хотимъ воевать, чтобъ дать ей монарховъ, сыновей или братьевъ нашихъ,—и истощенная Франція наконецъ падетъ отъ этихъ безумныхъ репатій.»

Но Камбасересъ былъ безмолвнымъ неодобрителемъ; онъ и не думалъ возвѣщать пронырствамъ Фуше и его клеветовъ. Этимъ госпо-

дамъ представлялся теперь превосходный случай. Въ-следствие привыч- того обыкновенія сообщать сенату о важнѣйшихъ происшествіяхъ, представленъ былъ этому государственному собранію рапортъ великаго-судьи касательно интригъ англійскихъ агентовъ, Дрека, Спенсера Смита и Тэйлора. Надо было отозваться на это сообщеніе правительства. Сенатъ назначилъ комиссію, которая должна была представить ему проектъ отвѣта. Дипломаты, находя это обстоятельство благопріятнымъ, старались убѣдить сенаторовъ, что теперь настало время дать ходъ дѣлу о возстановленіи монархіи, что первый консулъ самъ въ большинствѣ недоразумѣній, но что надо побѣдить его недоразумѣнія, представить ему недостатки настоящихъ учреждений и указавъ на способъ исправить ихъ. Они напомнили, подъ-рукою, о томъ непріятномъ положеніи, въ которомъ находился сенатъ, два года тому назадъ, не сумѣвъ предупредить желанія генерала Бонапарте. Вслухъ высказали они причину, которая могла подвинуть сенатъ. Армія, говорили они, обожающая своего вождя, готова провозгласить его императоромъ, и тогда корона императорская дава будетъ, какъ въ Римѣ, преторіанцами. Надо спѣшить и избавить Францію отъ такого соблазна. Дѣйствуя такимъ образомъ, послѣдуютъ только примѣру римскаго сената, который не разъ спѣшилъ провозглашать нѣкоторыхъ императоровъ, за тѣмъ, чтобъ не принять ихъ изъ рукъ легионовъ. Былъ потомъ и еще доводъ, котораго нечего было высказывать ни подъ рукою, ни въ-слухъ, именно, что правительству представало еще раздать большую часть сенаторскихъ воеводства (*senatoreries*), учрежденныхъ во время пожизненнаго консульства, которыя доставляли доходъ въ пополненіе денежнаго содержанія, получаемого каждымъ сенаторомъ. Сверхъ того представало раздать много новыхъ должностей. И потому, говорили, сенатъ не долженъ подвергаться опасности попасть въ немилость своего новаго владыки, если ужъ не можетъ воспротивиться его возвышенію.

Все это увлекло большинство сената, и потому было рѣшено дать многозначительный отвѣтъ на представленіе перваго консула. Вотъ въ чемъ заключался смыслъ этого отвѣта.

Учрежденія Франціи исполны въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, нѣтъ судящаго для высшихъ государственныхъ преступленій, и потому они судятся въ юрисдикціи недостаточной и слабой. Во-вторыхъ, правленіе Франціи покоится на одной главѣ, и это есть поводъ для непрерывныхъ попытокъ заговорщиковъ, которые мечтаютъ, что, поразивъ эту главу, они вмѣстѣ съ тѣмъ испровергнутъ все. И это есть то двойственный недостатокъ въ учрежденіяхъ положено повергнуть къ мудрое усмотрѣніе перваго консула.

6 жерминаля (27 марта) сенатъ былъ созванъ для соображеній о проектѣ отвѣта. Фушэ и друзья его приготовили все, не предуведомивъ консула Камбасереса, который обыкновенно председательствовалъ въ сенатѣ. Кажется даже, что они не предупредили и перваго консула да того, чтобъ пріятно изумить его. Но это вовсе не пріятно поразило Камбасереса, который окаменѣлъ отъ удивленія, слушая, какъ читали проектъ комиссіи. При всемъ томъ онъ показалъ видъ совершеннаго

застрасія, и ничего не могли прочитатъ на лицѣ его многочисленныя стремленныя на него взгляды, ибо вся хотѣла дознаться, до какой степени все это было по-праву первому консулу, котораго наперсникомъ и соумышленникомъ считали Камбасереса. При этомъ чтеніи, можно было разслышать очень-легкій, но очень-ощутительный ропотъ въ той части сената; однако тамъ не менѣе проектъ былъ одобренъ троннымъ большинствомъ и долженствовалъ на завтра же быть сообщенъ первому консулу.

Тотчасъ по выходѣ изъ этого засѣданія, Камбасересъ, обиженный тѣмъ, что все это сдѣлано помимо его, послалъ къ первому консулу Мальмезонъ довольно-холодное письмо, въ которомъ извѣщалъ его всемъ происшедшемъ. Первый консулъ возвратился на слѣдующій день въ Парижъ, для принятія сената, и хотѣлъ предварительно объясниться съ обоими своими товарищами. Онъ казался какъ-бы удивленнымъ нечаянностью и поспѣшностью поступка сената. «Я не только обдумалъ все это», сказалъ онъ Камбасересу: «мнѣ нужно еще посоветоваться и съ вами и съ многими другими прежде, нежели я спущу на что-нибудь. Я скажу сенату, что—подумаю. Но не хочу ни принимать его оффиціально, ни республиковать его предложеніе.»

Первый консулъ принялъ сенатъ и словесно отвѣчалъ его членамъ, сказавъ, что благодарить ихъ за изъявленіе ими своей приверженности, и что ему необходимо нужно зрѣло обсудить предметъ, повергнутый на его усмотрѣніе, и что прежде того онъ не можетъ дать всенароднаго и окончательнаго отвѣта.

Прежде нежели стать на точку, съ которой невозможно отступленіе, первый консулъ хотѣлъ увѣриться въ расположенія къ нему арміи и народа. Собственно, онъ не сомнѣвался въ расположеніи на той, и другой, потому-что былъ любимъ первою, а для другой былъ страшенъ. По тогдашнимъ политическимъ отношеніямъ Франціи, только къ Испаніи, Пруссіи, Австріи и мелкимъ державамъ могъ обратиться первый консулъ съ вопросомъ, признають ли она его въ санъ императора. Испанія была очень-слаба и не могла и помышлять объ отказѣ, чѣмъ бы то ни было. Но пролитая кровь Бурбона заставляла подождать несколько недель прежде, нежели обратиться къ этой державѣ. Австрія наименѣе всѣхъ государствъ казалась раздраженною нарушеніемъ германской территоріи, и, при ея глубокомъ равнодушіи къ тому, что не составляло ея интереса, отъ нея, кажется, можно было ожидать всего. Но, въ дѣлѣ этикета, она была причудлива, высокопарна, и не такъ-то легко можно было надѣяться получить отъ главы имперіи Римской-Имперіи признаніе титула новаго императора (ибо уже было избранъ этотъ титулъ, въ одно и то же время и более-величественный, и более-новый, и более-воинственный, нежели римскій).

Фридрихъ-Вильгельмъ, король прусскій, узнавъ о желаніи перваго консула, поспѣшилъ написать собственноручно своему уполномоченному въ Парижъ письму, которое было сообщено Бонапарте, и въ которомъ роль, въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ, объявляла, что съ

удовольствиемъ готовъ признать новый порядокъ вещей во Франціи, упроченный учрежденіемъ наследственности въ семействахъ перваго консула.

Эти слова, хотя чистосердечныя въ основаніи, не были, однакожъ, совершенно-согласны съ духомъ трактата, заключеннаго Пруссією съ Россією; но желаніе мира доводило этого государя до подобныя поступковъ.

Иначе дѣла шли въ Вѣнѣ. Австрійскій дворъ хотѣлъ за это признаніе получить себѣ какія-нибудь выгоды со стороны Франціи. И потому онъ объявлялъ, что согласится выполнить желаніе перваго консула, если за австрійскимъ домомъ, по его наследственнымъ владѣніямъ, будетъ признана корона не королевская, а императорская, такъ, чтобъ глава этого дома остался австрійскимъ императоромъ, въ случаѣ, если онъ перестанетъ быть германскимъ императоромъ, не будучи избранъ сеймомъ.

Хотя первый консулъ мало сомнѣвался на-счетъ расположенія державъ, при всемъ томъ, отзывы ихъ принесли ему большое удовольствіе. Онъ изъявлялъ самую дружественную благодарность прусскому двору. Не менѣе въ живыхъ выраженіяхъ отблагодарилъ австрійскій дворъ и отвѣтствовалъ, что безъ малѣйшаго затрудненія соглашается признать императорскій титулъ за австрійскимъ домомъ. Только онъ не хотѣлъ тотчасъ обнародовать этой деклараціи, чтобъ не показалось, что онъ за что-нибудь покупаетъ признаніе своего собственнаго титула. Онъ лучше желалъ обязаться секретнымъ трактатомъ признать позже преемника Франца II австрійскимъ императоромъ, въ случаѣ, еслибъ этотъ преемникъ утратилъ званіе германскаго императора. Впрочемъ, еслибъ вѣнскій дворъ сталъ настаивать, то онъ готовъ былъ уступить и въ этомъ обстоятельствѣ, не представляя никакихъ затрудненій, потому-что эти титулы не имѣли теперь настоящаго своего значенія. Со-времени Карла-Великаго до восемнадцатаго столѣтія въ Европѣ былъ одинъ только императоръ, въ-крайней-мѣрѣ на западѣ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи, царь русскій, принялъ этотъ титулъ. Теперь, судя по тому, что происходило во Франціи, готовился явиться и третій императоръ. Явился бы и четвертый, еслибъ германскій сеймъ избралъ когда-нибудь императора Германіи изъ австрійскаго дома. Полагали даже, что и англійскій конвентъ соединенный парламентъ шотландскій, англійскій и ирландскій императорскимъ парламентомъ, можетъ вдумать и сѣбѣ принять титулъ императора. Въ такомъ случаѣ было бы пять императоровъ. Но эти наименованія утратили то бывшее значеніе, каковъ оно имѣло некогда, когда Францискъ I и Карлъ V оспаривали другъ у друга избраніе германскихъ курфюрстовъ.

Независимо отъ этихъ отзывовъ европейскіхъ дворовъ, перемѣны дѣлъ судъ получалъ отъ маршала Сульта извѣщеніе, что армія въ Россіи готова признать его самодержцемъ. Сверхъ того, въ продолженіе войны видъ трехъ дѣлъ, употребленныхъ на переговоры съ Венною и Бонапарте, большіе сараи Лионъ, Марсель, Бордо, Парижъ, представляли

правительству адресы, въ которыхъ энергически говорили о возста-
новленіи монархіи. Увлеченіе было общее, и потому шелъ было, при-
ступая къ делу официальнымъ образомъ, объясняется наземцѣ отъ
сенатомъ.

Первый консулъ, какъ мы видали, не далъ совету публичной ау-
диенціи, и только словесно отглаголь на его предложеніе отъ 6 жермина-
ля. Вотъ уже около мѣсяца онъ заставлялъ его сдѣлать своего оф-
фициальнаго отвѣта. Этотъ отвѣтъ подыждалъ, наконецъ, 5 мѣсяца
(25 апреля 1804 г.) и повлекъ за собою желаемую развязку: «Вашъ
адресъ отъ 6 жерминаля», сказалъ первый консулъ: «не выходилъ
изъ головы моей... Вы полагали, что наследственность верховнаго са-
новничества необходима для обезопасенія французскаго народа отъ за-
мысловъ нашихъ враговъ и отъ волненій, которыя могутъ поро-
диться соперничающими честолюбцами; многіи изъ нашихъ учреж-
деній казались вамъ также долженствующими быть усовершенствован-
ными для того, чтобъ навсегда упрочить торжество равенства и об-
щественной свободы и доставить націи и правительству двойственное
обозначеніе, двойственную гарантію, въ которой они имаютъ нужду...
По-прежнему, какъ я размышлялъ объ этихъ великихъ предметахъ, я
более и более чувствовалъ, что, при обстоятельствахъ столько же новомъ,
сколько и важномъ, мнѣ необходимы совѣты вашей мудрости и вашей
опытности. И потому прошу васъ высказать мнѣ во всей полнотѣ
мысль вашу.»

Это предложеніе еще не было распубликовано, равно какъ и то, на
которое оно было отвѣтомъ. Сенатъ немедленно собрался для совѣ-
щанія. Совѣщаніе не представляло затрудненій, и заключеніе было из-
вѣстно уже напередъ: оно состояло въ предположеніи превратить кон-
сульскую республику въ наследственную имперію.

Однакожь, не слѣдкомъ-благовидно было посему-то безмолвіе;
для пріачія надо было готовившуюся важную перемену подтвердить
преніемъ въ такомъ государственномъ собраніи, гдѣ пренія прене-
сены публично. Сенатъ не вступалъ въ пренія. Законодательное со-
словіе выслушивало официальныхъ ораторовъ и съ безмолвіемъ поды-
мало голоса свои. Трибунатъ, хотя уменьшенный и превращенный въ
племени государственнаго совета, еще сохранялъ право слова. Рѣшено
было воспользоваться трибунатомъ, чтобъ съ единственной трибуны
оградившей возможность противорѣчія, донести въ народъ воспомина-
ніе, бывшихъ призраками свободы.

Въ это время председателемъ трибуната былъ Фабръ-де-л'Оль, че-
ловѣкъ преданный семейству Бонапартѣ. Правительственно усвоилось съ
Фабромъ на-счетъ избранія въ зачтенныя на этому делу членовъ, ко-
торый самымъ бы извѣстнымъ прежде, какъ самый отчаянный республи-
канецъ. Трибунатъ Каро, съоткровенности и личныи другъ Камбасер-
а, была избранъ для развѣтванія этой роли. Онъ начерталъ предло-
женіе, въ которомъ говоралось о возстановленіи наследственности въ
семействѣ Бонапартѣ. Этотъ текстъ подвергся въ Сен-Клу строг-
ому замѣненію. Первый консулъ на шестѣ словъ: «иммеморальность»

от семейства Бонапарте написалъ: *наследственность отъ исходившихъ потомства Наполеона Бонапарте*. Фабръ-де-л'Оль былъ большой приятель Юсефа. Очевидно, первый консулъ, недовольный своимъ братьями, не хотѣлъ имѣть никакого конституціональнаго обязательства съ-обща съ ними. Угодники Юсефа замужили вокругъ Фабра-де-л'Оль, и проекты предложенія были снова отправлены въ Сен-Клу съ объясненіемъ, не поставитъ ли слово: *отъ семейства Бонапарте* вместо словъ: *отъ исходившихъ потомства Наполеона Бонапарте*. Проектъ былъ возвращенъ съ словами: *отъ исходившихъ потомствъ*, — безъ всякихъ объясненій.

Фабръ рѣшился не разглашать объ этомъ обстоятельствѣ и отдать трибуну Кюрё текстъ предложенія въ такомъ видѣ, какъ онъ вынулъ изъ рукъ первого консула, но включивъ туда слова, предпочтительныя каваретами Юсефа. Онъ думалъ, что когда это предложеніе разъ уже будетъ представлено и напечатано въ *Мониторъ*, то никто не осмѣлится дѣлать въ немъ измѣненія, и онъ съ самоотверженіемъ готовился, еслибъ было нужно, на трудное объясненіе съ первымъ консуломъ. Это обстоятельство служитъ доказательствомъ, что партія около братьевъ Бонапарте была такъ сильна, что отражалась, въ ихъ интересахъ, наги наперекоръ глава семейства. Обо всѣхъ этихъ предѣлахъ злодѣя-въ-дѣцъ даваемо было знать Юсефу, уже отправившемуся въ Булонскій лагерь.

Въ субботу, 8 флореала (28 апрѣля 1804 г.), предложеніе Кюрё было внесено въ трибунатъ, а преніе по этому предмету было отложено до понедѣльника 10 флореала. Толпа ораторовъ толпилась около трибуны въ намѣреніи поддержать это предложеніе, и они наперерывъ другъ передъ другомъ старались разглагольствовать о выгодахъ монархіи.

Въ срединѣ этихъ звонкихъ угодничествъ, только одно лицо обнаруживало истинное достоинство. То былъ трибунъ Карно, человекъ, снѣло высказывавшій свое безкорыстное убѣжденіе. Смелость его была такъ почтенна, что онъ вовсе не выражался какъ демагогъ, а, напротивъ, генералъ какъ гражданинъ мудрый, умеренный, другъ порядка. Онъ объявлялъ, что назавтра онъ покорится съ повиновеніемъ властелину, котораго поставилъ законъ; но что, въ ожиданіи этого закона, и такъ какъ этотъ законъ подлежитъ обдуманію, онъ желаетъ высказать о немъ свое собственное мнѣніе.

Трибунъ Карно съ благородствомъ говорилъ о первомъ консулѣ и объ услугахъ, оказанныхъ имъ республикѣ. По словамъ его, Французская-Республика въ кровавые дни своего существованія имѣла власть, подобную древнему Риму, во временномъ диктатора, и Наполеонъ Бонапарте могъ сдѣлать изъ этой диктатуры самое благородное, самое важное употребленіе, удержавъ ее въ рукахъ своихъ на время, необходимое для приготовления Франціи къ свободѣ; но что, захотѣвъ абрѣчь эту власть въ наследственную и постоянную, онъ добровольно лишился славы великодушнаго и бескорыстнаго.

Но это былъ гласъ вопиющаго въ пустынь. Въ засѣданіи 13 флореала (3 мая), трибунычъ постановилъ слѣдующее:

Во-первыхъ, чтобъ Наполеонъ Бонапарте, темершній пожизненный консулъ, провозглашенъ былъ императоромъ, и, въ этомъ качествѣ, былъ правителемъ Французской-Республики.

Во-вторыхъ, чтобъ титулъ императора и императорская власть были наследственными въ его семействѣ, въ мужескомъ полѣ, по праву первородства.

Въ-третьихъ, чтобъ, по учиненіи, въ устройствѣ конституціонныхъ властей, взвѣснѣй, требуемыхъ учрежденіемъ наследственной монархіи, сокращены были равенство, свобода и права народа во всей своей неприкосновенности.

Это постановленіе, одобренное огромнымъ большинствомъ на слѣдующій день, 14 флореала (4 мая 1804 г.), было внесено въ сенатъ. Президентъ этого государственнаго собранія, выслушавъ депутацію трибунычъ, сказалъ трибунамъ: «Я не могу раздрать завѣсы, на время покрывавшей занятія сената. Между-тѣмъ, я долженъ сказать вамъ, что, съ 6 перидала, мы обратили на тотъ же предметъ, какъ и вы, вниманіе моего совѣтника. Но вотъ въ чемъ ваши преимущества: о чемъ размышляемъ мы въ-продолженіи двухъ мѣсяцевъ молча, о томъ, по вашимъ учрежденіямъ, дозволено вамъ вступать въ пренія вредъ народу.»

«Въ вашихъ публичныхъ рѣчахъ мы обрѣли основу всѣхъ нашихъ мыслей. Подобно вамъ, граждане-трибуны, мы не хотимъ Бурбоновъ; потому-что не хотимъ контр-революціи, единственнаго дара, который могутъ принести намъ они.»

«Подобно вамъ, граждане-трибуны, мы желаемъ возвести новую династію; ибо хотимъ упрочить за народомъ французскимъ приобретенныя имъ права. Подобно вамъ, мы желаемъ, чтобъ не могли умалиться у насъ свобода, равенство, просвѣщеніе. Я не говорю о великомъ чело-вѣкѣ, призванномъ славою дать свое имя своему вѣку... Но для сего вамъ самому, а для насъ долженъ онъ пожертвовать собою! Предлагаю вамъ съ энтузіазмомъ сенатъ взвѣсившегъ съ спокойствіемъ...»

Изъ этихъ словъ видно, какъ сенатъ не хотѣлъ, чтобъ его опередили и превзошли въ дѣлѣ приверженности къ новому властелину. Люди, имѣвшіе дѣлашнѣе направленіе готовившейся перемѣны, очень-хорошо предвидѣли вліяніе, какое должны были произвести на это государственное собраніе пренія трибунычъ. Они воспользовались этимъ, для того, чтобъ ускорить рѣшимость сената; она говорила, что сенатъ долженъ дать свое рѣшительное мнѣніе въ тотъ самый день, какъ ему представлено будетъ мнѣніе трибунычъ, за тѣмъ, чтобъ казалось, что оба государственныхыя собранія встали бы другъ съ другомъ своими мнѣніями, а не казалось бы, что значительнѣйшее изъ нихъ обонихъ рѣшилъ за другия. И потому сенатъ со всею поспѣшностью принялъ за это дѣло. Придумали поднести первому консулу меморію, въ которой сенатъ изложилъ бы свои мысли и представилъ бы основанія своего органаческаго сенатскаго постановленія. Въ-самомъ-дѣлѣ, эти

меморія была совершенно готова къ то время, какъ была проведена депутация трибуната. Редакция этой меморіи была одобрена, и положено было немедленно представить ее первому консулу. Хотѣли, чтобъ это представленіе сделано было въ тотъ же день (14 февраля). Въ-слѣдствіе того, отправлена была къ первому консулу депутация, которая вручила ему докладъ сената, вмѣстѣ съ меморією, заключавшею въ себѣ идеи о новомъ монархическомъ устройствѣ Франціи.

Должно было, наконецъ, дать этимъ идеямъ форму конституціональныхъ статей. Составлена была коммиссія изъ нѣсколькихъ сенаторовъ, и трехъ консуловъ: на нее возложено было начертать новое сенатское постановленіе. Не имѣя болѣе нужды брать предосторожность касательно гласности этого дѣла, правительство на слѣдующій день напечатало въ *Монитеръ* всѣ акты сената, сношенія его съ первымъ консуломъ, и всѣ адреса, съ котораго времени требовавшіе восстановленія монархіи.

Назначенная коммиссія немедленно приступила къ дѣлу. Она собралась въ Сен-Клу, въ присутствіи перваго консула и его обоихъ товарищей. Она рассмотрѣла и вслѣдъ за тѣмъ разрѣшила всѣ вопросы, вставшіе по случаю учрежденія наследственной власти. Первый представлявшійся вопросъ относился до самого титула новому монарху. Будетъ ли онъ провозглашенъ королемъ или императоромъ? Та же причина, по которой, въ древнемъ Римѣ, цезари не восстанавливали титула царя и приняли совершенно военный титулъ: *императоръ* — заставила творца новой конституціи предпочесть это восточное названіе. Оно было въ одно и то же время и ново, и многочисленно, и до известной степени отклоняло воспоминанія о прошедшемъ, которое хотѣли восстановить отчасти, а не во всей полнотѣ. Сверхъ-того, въ этомъ названіи было нечто имперсональное, что явилось достолюбіемъ Наполеона. Его многочисленные враги въ Европѣ, ежесредне предпринимавшія ему замыслы, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ, и не имѣлъ еще, безпрестанно протрещавшіе въ газетахъ, или замышлявшіе восстановить имперію Западе, или по крайней мѣрѣ Галльскую Имперію, его враги, приговаривали всѣхъ, и даже его-самого, къ титулу императора. Этотъ титулъ былъ на устахъ всѣхъ, друзей и недруговъ, гораздо-прежде до его принятія. Онъ былъ подобенъ фортъ-даражонію. Въ-слѣдствіе того, рѣшено было провозгласить перваго консула императоромъ Французамъ.

Наследственность, цѣль новой революціи, была, естественно, учреждена на началахъ саллическаго закона, т. е. въ мужескомъ родѣ, по праву первородства. Такъ-какъ Наполеонъ не имѣлъ дѣтей, и, казавшійся, осужденъ былъ судьбою не имѣть ихъ, то было приувано предложить ему право усыновленія, по примѣру римскихъ императоровъ. За неимѣніемъ усыновленнаго преемника, дозволено было перенести корону въ боковую линію, но не на всѣхъ братьевъ императора, а на двухъ исключительно, Люсіана и Людовика. Только одинъ одобрилъ себя истинною завѣщаніе. Люсіанъ, по своему образу жизни, по своему малолѣтному возрасту, былъ признанъ неспособнымъ къ преемственности. Людовикъ,

она вступила въ юнкерскаго возраста, женился на Американкѣ безъ согласія своихъ родственниковъ. И такъ, только Юсифъ и Лудоикъ были допускаемы къ наследованію. Императору дана была неограниченная власть надъ членами императорской фамиліи. Было постановлено, что бракъ французскаго принца, заключенный безъ согласія главы имперіи, долженъ повлечь за собою лишеніе всехъ правъ на наследство, какъ для самого принца, такъ и для детей его. Одно только расторгеніе брака, заключеннаго такимъ-образомъ, могло снова возвратити утраченныя права.

Врѣмя и сестры императора получали титулъ принцезы и принцессы, со всеми почестями, причастующими этому сану. Было решено, что роспись содержанія императорской фамиліи будетъ утверждена на тѣхъ же началахъ, какъ роспись 1791 года, т. е. что она будетъ утверждена на все царствованіе, и будетъ состоять изъ указывшихъ еще королевскихъ дворцовъ, изъ сборовъ съ коронныхъ имуществъ и изъ ежегоднаго дохода въ 25 милліоновъ. Каждому французскому принцу было положено по милліону въ годъ.

При такомъ полномъ возвращеніи къ монархическимъ идеямъ, должно было оприветить этотъ новый тронъ знатными саванниками, которые служили бы ему украшеніемъ и опорю. Къ-тому же, должно было подумать объ этихъ второстепенныхъ честолюбивыхъ, которые добровольно уступили мѣсто высшему честолюбію, способствовали возвышенію его на верхъ величія и должны были быть, въ свою очередь, награжденными за свои заслуги частныя или личныя и общественныя. Все думали о двухъ консулахъ, Камбасересъ и Лефрѣа, которые, хотя, во всѣхъ отношеніяхъ, очень-далекіе отъ своего соотавища, раздѣляли однакожъ съ нимъ его верховную власть и оказали ему неоспоримыя услуги мудростью своихъ совѣтовъ. И тотъ и другой присутствовали на совѣщаніяхъ сенаторской комисіи, начертывавшей въ Сен-Клу новую монархическую конституцію. Консулъ Камбасересъ, можетъ-быть, въ первый разъ въ своей жизни, не узна сиречь своего неудовольствія, былъ холоденъ и мало-сообщителенъ. Все чувствовали необходимость удалить обоихъ консуловъ, окончивавшихъ свое изначеніе, и въ-свободности Камбасереса, который, не смотря на кой-какія смышлялыя старанія, пользовался величайшимъ общественнымъ уваженіемъ. Слѣдствіемъ, предумавъ было, для поддержанія во всемъ Римской-Имперіи, оставити по-прежнему обоихъ консуловъ подлѣ императора. Известно, что, во введеніи цезаря на императорскій престолъ, сохранило было званіе консуловъ, что одинъ изъ безумныхъ членовъ этой фамиліи даже шутилъ консула своей лошадей, что другіе давали его своимъ рабамъ и служкамъ, и что въ Восточной-Имперіи, незадолго до ея паденія, были еще избираемы ежегодно по два консула, которыхъ обязанность состояла въ изданіи закона. Это-то неслучайное воспоминаніе возбудило друзьямъ, впрочемъ благосклонныхъ, мысль сохранить двухъ консуловъ въ новой французской имперіи. Фушэ, отвергавъ это предложеніе, сказалъ, что имъ мало не надо заботиться о тѣхъ, которые потерпѣли неудачу при своей организаціи; что важнее всего имъ остается не забывать

дого сюда одержимаго правленія, наемъ было тогда республиканское. «Люди, которые потеряютъ нѣчто при новомъ правленіи», возразилъ Камбасересъ, «могутъ утѣшаться, потому—что они унесутъ съ собою, что не всегда уносится, по оставленіи должностей, — всеобщее увѣженіе». Этотъ намекъ на Фушэ и на его первый выходъ изъ министерства заставлялъ улыбнуться перваго консула, который одобрялъ отвѣтъ, но постарался положить конецъ преніямъ, сделавшимся невыносимыми. Второй и третій консулы не были болѣе приглашаемы въ засѣданія комиссіи.

Талейранъ, гениальнѣйшій изъ выдумщиковъ, когда дѣло шло о удовлетвореніи честолюбія, придумалъ заимствовать отъ Германской-Имперіи нѣкоторыя изъ ея сановитыхъ должностей. Каждый изъ семи курфюрстовъ былъ, въ этой старой имперіи, одинъ маршаломъ, другой кравчимъ, третій канцлеромъ, четвертый канцлеромъ Галліи или Італіи, и т. п. Еще смутно, неопредѣленно носилась мысль о восстановленіи, быть-можетъ, со-временемъ имперіи Запада въ пользу Франціи; а теперь готовились элементы для будущаго чрезъ окруженіе императора знатными сановниками, избранными въ настоящее время изъ французскихъ принцевъ и знатныхъ лицъ республики, но предназначенными въ-послѣдствіи сделаться въ свою очередь королями, и оставить свѣту вассальныхъ монарховъ вокругъ престола новаго Карла-Великаго.

Талейранъ, съ-обща съ первымъ консуломъ, придумалъ шесть великихъ должностей, а именно должности: великаго избирателя, архиканцлера имперіи, государственнаго архиканцлера, государственнаго казначея (*architresorier*), коннетабля и великаго-адмирала.

Эти сановники не были ответственными, и не могли быть отрѣшены отъ своихъ должностей. Они должныствовали имѣть права члѣно-почетныя, и одинъ только общій надзоръ надъ тою частью правленія, съ которою имѣлъ соотношеніе ихъ титулъ. Такимъ-образомъ великій избиратель созывалъ законодательное сословіе, сенатъ, избирательныя коллегіи, призывалъ къ присягѣ избранныхъ членовъ различныхъ государственныхъ собраній, принималъ участіе во всѣхъ обрадахъ при созываніи и распушеніи избирательныхъ коллегій. Архиканцлеръ имперіи принималъ присягу отъ должностныхъ лицъ, или предель, къ къ присягѣ предъ императоромъ, наблюдала за обнародованіемъ законовъ и сенатскихъ постановленій, председательствовалъ въ государственный советъ, верховномъ императорскомъ судѣ (о которомъ затѣмъ будетъ сказано), предлагалъ измѣненія, которыя желалось произвести въ законахъ; наконецъ, былъ оффиціальнымъ свидѣтелемъ при рожденіи, бракѣ и смерти членовъ императорскаго дома. Государственный архиканцлеръ былъ сановникъ по дипломатической части; онъ принималъ посланниковъ, представлялъ ихъ императору, подписывалъ трактаты и обнародовалъ ихъ. Государственный казначей имѣлъ въ своемъ вѣданіи большую государственную долговую книгу, скрѣпленную своею подписью долговыми обязательствами государства, провѣрялъ общія отяжелости прежде представленія ея на усмотрѣніе императора, и предель

галь свои соображенія касательно финансовыхъ оборотовъ. Ко нѣтабль, относительно военнаго управленія, великій-адмиралъ, по морской части, имѣли совершенно-подобныя же обязанности. Наполеонъ положилъ правиломъ, что ни въ какомъ случаѣ ни одинъ изъ этихъ высшихъ сановниковъ не долженъ быть министромъ, затѣмъ, чтобъ почетное званіе было отдѣлено отъ дѣйствительной обязанности. Это были, для каждой части правленія, должности, учрежденныя по образцу самой верховной власти, недѣятельныя, безответственныя, почетныя, какъ и сама она, но, подобно ей-самой, долженствовали имѣть общій и верховный надзоръ.

Лица, облеченныя въ эти званія, могли, въ отсутствіи императора, занимать его въ сенатѣ, или совѣтахъ, или въ арміи. Они составляли, вмѣстѣ съ императоромъ, верховный совѣтъ имперіи. Наконецъ, въ случаѣ прекращенія естественнаго и законнаго потомства, они избирали императора, и, въ случаѣ несовершеннолѣтія наследника престола, составляли собою совѣтъ регентства.

Мысль объ этихъ высшихъ должностяхъ была принята всѣмъ творцами новой конституціи. Каждое такое почетное лицо, если только оно въ одно и то же время не было и высшимъ сановникомъ и императорскимъ высочествомъ, должно было получать содержаніе, равнявшееся трети содержанія, получаемаго принцами, т. е. третьей части миліона. Тутъ было что дать и двумъ братьямъ императора, и его надинимъ совратителямъ, и знаменитѣйшимъ особамъ, оказавшимъ важныя государственныя или военныя заслуги. Всѣмъ пришли на мысль, послѣ двухъ братьевъ, Иосифа и Лудовика, консулы Камбасересъ и Лебрёнъ, Евгенийъ де-Бонардъ, сыновленный первымъ консуломъ, Мюратъ, своякъ Наполеона, Бертъе, его вѣрный и полезный сотоварищъ по оружію, Талейранъ, посредникъ между Наполеономъ и Европою. Вся ждали отъ сильной воли перваго консула раздачи этихъ высокихъ милостей.

Также естественно было создать и въ арміи высшія мѣста, возстановить это маршалское званіе, существовавшее въ старой имперіи, и принятое въ цѣлой Европѣ, какъ самое блистательное знаменованіе военнаго начальничества. Положено было имѣть шестнадцать маршаловъ имперіи и еще четырехъ почетныхъ маршаловъ, избираемыхъ изъ старыхъ генераловъ, сдѣлавшихся сенаторами, и лишившихся, по этому званію, активныхъ функций. Также возстановлены были званія генерал-инспекторовъ по артиллерійской и инженерной частямъ, и генерал-полковниковъ кавалеріи. Къ этимъ высшимъ военнымъ чинамъ присоединили высшіе гражданскіе чины, какъ наприм. камергеровъ, церемоніймейстеровъ и т. п., и составили изъ тѣхъ и другихъ второй классъ сановниковъ, подъ именемъ высшихъ чиновъ имперіи, которые, подобно самимъ шести высшимъ сановникамъ, не могли быть отрѣшены отъ своихъ должностей. Чтобъ всѣхъ ихъ поставить сколько-нибудь на твердую ногу, вынужла ихъ въ обязанность присутствовать въ избирательныхъ коллегіяхъ. Предсѣдательство каждой избирательной коллегіи предназначалось навсегда одному изъ высшихъ сановниковъ, или одному изъ высшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Такимъ-обра-

зюмъ, великій-избиратель долженъ былъ председательствовать въ брессельской избирательной коллегіи; архиканцлеръ имперіи—въ бердской; государственный архиканцлеръ—въ вантской; государственный везначей—въ лонской; коннетабль—въ туринской; великій-адмиралъ—въ марсельской.

Высшіе гражданскіе и военныя чины должны были председательствовать въ избирательныхъ коллегіяхъ меньшей важности. Человеческое искусство не могло придумать ничего болѣе-ловкаго для представленія аристократіи въ совокупности съ демократіею, потому-что эта іерархія шести высшихъ сановниковъ и сорока или пятидесяти нижнихъ чиновъ, поставленныхъ на ступеняхъ трона, была въ одно и то же время аристократіею и демократіею: аристократіею — по своему положенію, почестямъ, доходамъ, которые она вскорѣ должна была имѣть, благодаря побѣдамъ французскаго оружія; демократіею — по своему происхожденію, потому-что она состояла изъ адвокатовъ, офицеровъ, выслужившихся изъ солдатъ, иногда и изъ простыхъ поселанъ, сдѣлавшихся маршалами, и должна была оставаться постоянно открытою всякому гениальному, или даже просто талантливому выскочкѣ. Все эти творенія исчезли вмѣстѣ съ своимъ творцемъ, вмѣстѣ съ обширною имперіею, служившею имъ базисомъ; но было статочное, что они могли бы, наконецъ, упрочиться, еслибъ время придало имъ свою силу и это право давности, внушающее почтеніе.

Возстановивъ тронъ, украсивъ съ такою торжественностью его ступени, сочли не лишнимъ дать, въ утѣшеніе гражданамъ, некоторые избытка доселѣ обезпеченія его правъ. Такимъ-образомъ, сенату присвоена была привилегія быть блюстителемъ личной свободы гражданъ и свободы книгопечатанія, въ случаѣ, еслибъ та или другая подверглась противозаконному дѣйствію правительственныхъ властей.

Въ глазахъ насмѣшливой націи смѣшнымъ казалось безмолвіе законодательнаго сословія, бокъ-о-бокъ съ излишнею болтливостью трибуната. Теперь дано было законодательному сословію право, по выслушаніи явившихся предъ него трехъ ораторовъ трибуната и трехъ государственныхъ совѣтниковъ, вступать, въ тайномъ комитетѣ, въ совѣщанія о представленныхъ на его усмотрѣніе предметахъ.

Ко всему этому было, наконецъ, присоединено учрежденіе, недостававшее для безопасности правительства и для безопасности гражданъ, — то былъ верховный императорскій судъ (*la haute cour impériale*), который въ Англіи, и нынѣ во Франціи, находится въ палатѣ пэровъ. Недостатокъ въ этомъ учрежденіи сдѣлался чувствительнѣе при слѣдствіи по жоржеву заговору и при несчастной вонсенской экзекуціи. И дѣйствительно, должно было доставить обезпеченіе правительству — относительно злоумышленниковъ, составлявшихъ заговоры; гражданамъ — относительно агентовъ правительства, злоупотреблявшихъ власть свою.

Этотъ верховный судъ состоялъ, подъ председательствомъ архиканцлера, изъ ста двадцати членовъ, изъ которыхъ на половину было сенаторовъ.

Позже было еще раз прибегнуть къ воле нации и пригласить граждан къ подавiю голосовъ на счетъ учрежденiя наследственности императорской власти въ потомствѣ генерала Бонапарте, и двухъ его братьевъ, Иосифа и Лудовика.

Императоръ долженъ былъ, въ-теченіе двухъ лѣтъ, дать торжественную присягу учреждениямъ имперiи, въ присутствiи высшихъ сановниковъ, высшихъ чиновъ, министровъ, государственнаго совета, сената, законодательнаго сословія, трибунала; кассационнаго суда, архиепископовъ, епископовъ; председателей судовъ—юстиціи, председателей избирательныхъ коллегій и народовъ тридцати—шести главнѣйшихъ городовъ республики. Эта присяга должна была быть дана,—какъ гласилъ текстъ новаго конституціональнаго акта, — французскому народу, на французскомъ языкѣ. Она должна была состоять въ слѣдующихъ словахъ: «Клянусь сохранять неприкосновенность территорiи республики, чтить и заставлять чтить законы конкордата и свободы исповѣданій; чтить и заставлять чтить равенство правъ, политическую и гражданскую свободу, неприкосновенность покупокъ національныхъ имуществъ; не налагать никакого налога, ни устанавливать никакой таксы иначе, какъ въ силу закона; сохранять учрежденіе почетнаго-легіона; управлять единственно въ видахъ интересовъ, счастья и славы французскаго народа.»

Таковы-то были условія, принятыя для новой монархіи въ проектѣ сенатскаго постановленія, написанномъ просто, опредѣлительно и ясно, какъ писались все законы того времени.

Первый консулъ, желая вознаградить своихъ сотоварищей, Камбасереса и Леброна, предложилъ первому изъ нихъ санъ архиканцлера имперiи, а второму санъ государственнаго казначея. Такимъ-образомъ, онъ раздалъ ихъ съ своими родными братьями, которые также включили въ число шести высшихъ сановниковъ. Онъ объявилъ о своемъ имперiи Камбасересу, съ тою планнительною ласкою, которой никто не былъ въ состоянiи противиться. «Я окружёнъ» сказалъ онъ Камбасересу: «и буду окружёнъ болѣе, нежели когда-нибудь, интригами, ласками или корыстными совѣтами; одни вы такъ умны и чистосердечны, что говорите мнѣ правду. И потому я хочу еще болѣе прилечь къ вамъ. Вы будете пользоваться полнымъ моею довѣренностью и оправдаете ее.» Эти хвалы были заслужены. Камбасересъ, которому нечего было болѣе желать, ни страшиться на такомъ вѣекомъ патрѣ, долженъ былъ быть, и былъ действительно самымъ чистосердечнымъ, самымъ правдивымъ изъ совѣтниковъ новаго императора, и одинъ только имѣлъ на него вліяніе.

Иосифъ Бонапарте былъ назначенъ великимъ-избирателемъ, Лудовикъ Бонапарте министромъ. Два должности — государственнаго архиканцлера и великаго-адмирала не были никому отданы. Наполеонъ былъ въ недоуманiи, не зная кого выбрать изъ членовъ своего семейства. Ему приходила на мысль и Люсианъ, бывший въ отсутствiи и въ немилости (младшій братъ его; впрочемъ, надѣялись расторгнуть), и Евгенийъ де-Шарлье, невпросившій ничего, но съ совершенною покорностью

сидящий всего отъ важности своего названнаго родителя, и Мираблѣ, домогавшійся нес-чего не самъ, но чрезъ свою жену, молдулу, прекрасную, честолюбивую, любящую Наполеона и долго пользовавшуюся нѣжностью, которую она внушила ему.

Талейранъ, главный изобретатель новыхъ самовничествъ, повстрѣвъ при этомъ случаѣ, первый несприятный толчокъ, имѣвшій неблагое вліяніе на его душевное расположеніе, и бросающій его, поже, въ оппозицію, роковую для него-самого, досадную для Наполеона. Талейранъ мечталъ, что онъ будетъ назначенъ дипломатическимъ самовничкомъ, государственнымъ архиканцлеромъ. Но Наполеонъ высказалъ на этотъ счетъ положительно свой образъ мыслей. Онъ не дозволялъ, чтобъ высшіе самовники могли быть министрами; онъ хотѣлъ, чтобъ министрами были люди, подлежащіе отвѣтственности и отращенію, и которыхъ онъ могъ смѣнять и наказывать по своему произволу. Генералъ Бертѣ былъ для него орудіемъ столь же драгоценнымъ, какъ и Талейранъ. Между-тѣмъ, онъ хотѣлъ его оставить министромъ; равно какъ и Талейрана, вознаградивъ ихъ обомъ богатѣмъ содержаніемъ. Гордость Талейрана была сильно оскорблена, и, все оставаясь лѣвкимъ придворнымъ, онъ сталъ, однакоже, обнаруживать свое недовольство, которое было сначала очень-мало заметно, но, въ послѣдствіи, усилилось и отозвалось ему жестокою немилостью.

Сверхъ-того, и въ арміи и при дворѣ, оставалось еще довольно мнѣсть могущихъ удовлетворить всамъ честолюбіемъ. На четыре мѣста почетныхъ маршаловъ Наполеонъ назначалъ: Калерманна, въ воспоминаніе о дѣлѣ при Вальми; Ледера, за его испытанную храбрость и за праверженность съ самаго дѣла 18 бромѣра; Периньона и Серрюрье, за то уваженіе, которымъ они заслуженно пользовались въ дѣйствіи. Изъ числа шестнадцати маршалскихъ мѣстъ, предназначавшихся для генераловъ, бывшихъ въ дѣйствующей службѣ, четырнадцать хотѣлъ отдать онъ немедленно, а два остальные оставить у себя въ запасъ для вознагражденія будущихъ заслугъ. Эти четырнадцать мѣстъ были даны: генералу Журдану, въ память славной побѣды при Флёрюсъ; генералу Бертѣ за его важныя и настоятельныя заслуги въ управленіи главнымъ штабомъ; генералу Массена за Риволи, Цюрихъ, Геную; генераламъ Ланну и Нью за длинный рядъ геройскихъ подвиговъ; генералу Ожеро за Кастильоне; генералу Брону за Гелдеръ; Мирату за его рыцарское мужество въ главѣ французской кавалеріи; генералу Бессьеру за начальствованіе гвардією, которое было въ рукахъ его со дна маренгскаго сраженія, и котораго онъ былъ достоинъ; генераламъ Монсѣ и Мортѣ за ихъ воинствѣ доблестіи; генералу Сульту за заслуги въ Швейцаріи, подъ Гандей, въ Булонскомъ лагерѣ; генералу Даву за дѣйствія въ Египтѣ и за твердость характера, которую онъ въскорѣ доказалъ самымъ блестящимъ образомъ; наконецъ, генералу Берналотту за некоторую славу пріобрѣтенную имъ въ самбр-и-мааской и рейнской арміяхъ, въ особенности за его родство съ семействомъ Бонапарте, на смотра на вражду, которую Наполеонъ открылъ въ сердцахъ этого семейства, и на

то, что самъ Наполеонъ неоднократно во несущественномъ изъясненіи предъувѣствованіи будущей перемены своихъ къ нему отношеній.

Но въ спискѣ новыхъ маршаловъ не находилось имени генерала, который еще не бывалъ главнокомандующимъ, но который уже дѣйствалъ, подобно генераламъ Ланцу, Дюю, Сульту, значительными корпусами, и маршами съ упомянутыми полководцами заслуживалъ маршальскій жезлъ. То былъ Гумионъ Сен-Сиръ. Если онъ не могъ оромениться съ Массеномъ, но геройскому характеру, но орлиному взгляду въ минуту сраженія, за то онъ превосходилъ его въ знаніи военного дѣла и въ военныхъ соображеніяхъ. Съ-таль-портъ, какъ Морэ былъ потерянъ для Франціи за свои политическія ошибки, съ-таль-портъ, какъ иудушествовали уже Клеберъ и Дезэ, Сен-Сиръ былъ, вмѣстѣ съ Массеномъ, самымъ способнымъ человекомъ для командованія арміею; разумеется, Наполеонъ не могъ быть поставленъ въ параллель ни съ кимъ. Но завистливый и неуживчивый нравъ Сен-Сира начиналъ оказывать въ немъ верхняго раздавателя милостей. Вмѣстѣ съ дѣрзавою властью являлась и слабость, а Наполеонъ, прогнавшій все генералу Бернадотту, не умѣлъ прещать генералу Сен-Сиру его завистливаго глѣза. Оставшись, генералъ Сен-Сиръ получалъ мѣсто генерал-полковника, и былъ назначенъ генерал-полковникомъ краснаго. Жюно и Мерманъ, старые адъютанты генерала Бонапарте, были назначены генерал-полковниками гусарей и егерей, Баракэ-д'Илль — драгунъ. Генералъ Марекко получилъ званіе генерал-инспектора по инженерной части, генералъ Сультъ мѣсто генерал-инспектора артиллеріи. По морской части, вице-адмиралъ Брюи, начальникъ и устроитель флотилии, получилъ адмиральскій жезлъ и былъ сделанъ генерал-инспекторомъ береговъ средиземнаго моря; вице-адмиралъ Декрэ былъ назначенъ генерал-инспекторомъ береговъ Средиземнаго-Моря.

Дворъ былъ устроенъ со всею пышностью старинной французской кохртіи, и съ большимъ великолѣпіемъ, нежели германскій императорскій дворъ. При немъ положены были: великій раздаватель милостей, обер-камергеръ, обер-егермейстеръ, обер-штабмейстеръ, обер-церемоніймейстеръ, и обер-гофмаршалъ. Званіе великаго раздавателя милостей не было дано кардиналу Фешу, даждь Наполеону; званіе обер-камергера — Талейрану; званіе обер-егермейстера — генералу Бертю. Двумъ послѣднимъ эти придворныя мѣста даны были въ вознагражденіе за то, что они не получили двухъ изъ высшихъ сановничествъ имперіи. Званіе обер-штабмейстера было пожаловано Колонкуру, въ возмездіе за клеветы россійскому, распространившихся на него по смерти герцога саксен-го. Сегюръ, бывшій военникъ Людовика XVI при дворѣ Клотарна-Валлонна, способнѣйшій всякаго другаго научить новымъ дворъ пріемамъ и обычаямъ стараго, Сегюръ былъ назначенъ обер-церемоніймейстеромъ. Директъ, управленій консульскимъ дворомъ, во впаденіи чина двора въ императорскій, донзонъ былъ управлять и имъ, будучи обещанъ въ званіи обер-гофмаршала.

Но будучи удивленъ о должностяхъ названныхъ, ни о второстепенныхъ чинахъ, ни о должностяхъ друга у друга этихъ мѣста. Есть болше-де-

стойкие факты, о которых должна повествовать исторія. Она встает до этих мелочных подробностей только тогда, когда она необходима для общей живописи нравовъ. Скажемъ только, что эмигранты, до смерти герцога англійскаго желавшіе приблизиться къ двору, а по смерти франца отдаленніеся на минуту, но, по забывчивости, свойственной всемъ людямъ, мало уже думавшіе о катастрофѣ, приключившейся два мѣсяца тому назадъ, — эмигранты начали показываться въ числѣ палачей, желавшихъ добыть мѣстечка при дворѣ императорскомъ. Некоторымъ изъ нихъ получили себя мѣсто. Предметомъ особенныхъ стараній было — устроить для императрицы всаколяный штатъ. Особа знатнаго рода, г-жа де-Ла-Рошефок, лишенная красоты, но не остроумія, отличавшаяся своимъ воспитаніемъ и приемами, некогда бывшая членомъ маркиза роялистскаго, а теперь сжывавшая съ большою граціею надъ погасшими страстями, была назначена главнымъ штатодержавною Жозефины.

На видѣе всехъ этихъ назначеній было назначеніе Фуше министромъ полиціи; это мѣсто было возстановлено для него въ вознагражденіе заслугъ, оказанныхъ имъ при послѣднихъ событіяхъ.

Надо было дать оффиціальныи характеръ всемъ этимъ учрежденіямъ и главнымъ изъ нихъ, дальнѣйшему изъ генерала республики послѣдственнаго монарха. Начертано было окончательно сенатское постановленіе. Положено было представить его 26 флореала (16 мая 1804 г.) сенату за тѣмъ, чтобъ оно было утверждено во обычной формѣ. На представленіи, немедленно назначена была коммиссія, должность которой составить свой рапортъ. Начертаніе этого рапорта возложено было на Ласседа, ученаго и снзанаго преданнаго Наполеону сенатора. Ласседа написалъ рапортъ въ две сутокъ и представилъ его сенату на третій день, 28 флореала (18 мая). Этотъ день былъ назначенъ для торжественнаго провозглашенія Наполеона императоромъ. Было положено, что консулъ Камбасересъ будетъ председательствовать въ засѣданіи сената, за тѣмъ, чтобъ очевидное было его личное одобреніе новаго монархическаго учрежденія. Едва Ласседа кончилъ чтеніе своего рапорта, какъ все сенаторы единогласно одобрили сенатское постановленіе во всей его цѣлости. Они присутствовали даже съ видными историками при обрядахъ, которыми долженъ былъ сопровождаться таковой актъ, потому что торжественно въскорній отправился въ Сен-Клу. Положено было, что сенатъ во всемъ своемъ составѣ явится въ Сен-Клу для представленія своего дѣтета первому консулу, и для привѣтствованія имъ титуломъ императора. Лишь только принято было сенатское постановленіе, какъ все сенаторы шумно вставили засѣданію и въ минуту дружно перешли другъ друга прощаніемъ къ своимъ каретамъ, — вслѣдствію хотѣлось прежде всего пріѣхать въ Сен-Клу.

Одѣланы были приготовленія въ зданіи сената, во дворѣ, и въ цѣломъ Сен-Клу, для этого несмысленнаго обряда. Въ прекраснѣйшій весенній день длинная вереница каретъ, сопровождаемая конною гвардіею, перенесла сенаторовъ въ самую роскошную карету консула. Напослѣдъ я супругъ его, въ изысканномъ образѣ, идущаго торжественно

наго посещения: Наполеонъ, стоя, въ военной одеждѣ, спущенной, ка-
кнись онъ умалъ быть, когда зналъ, что на него смотрятъ,—жена его, въ
одно в то же время довольная и смущенная, вытритыла сенать, во главе
котораго находилась Камбасаресъ: Камбасаресъ, почтительный сотова-
рищъ и еще болѣе-почтительный подданный, прошепсешъ, прошепсешъ
ниже, слѣдующія слова солдату, котораго онъ провозгласилъ импе-
раторомъ:

«Государь,

«Любовь и признательность французскаго народа уже четыре года то-
«му върили вашему величеству бразды правленія и право избирать
«преемника вашей власти. Сегодня объявляемое вамъ болѣе-высокое
«назначеніе есть только дань, которую нація платитъ своему собствен-
«ному достоинству и ощущаемой ею потребности—оказывать вамъ еже-
«дневно изъявленія своего уваженія и привязанности, увеличивающих-
«ся повседневно.

«Дѣйствительно, можетъ ли французскій народъ помыслить безъ
«восторга о счастіи, которое онъ испытываетъ съ-тахъ-поръ, какъ
«Провиданіе внушило ему мысль въряться вамъ?

«Войска были побѣждены, финансы въ разстройствѣ; общественный
«судеть нечестъ; партіи оспаривали другъ у друга остатки нашего древ-
«наго величія; идеи религіозныя и даже нравственныя были помраче-
«ны; безпрестанная смѣна сановниковъ лишила ихъ должнаго уваженія.

«Ваше величество явился. Вы призвали снова побѣду подъ наши
«знамена; вы возстановили порядокъ и экономію въ общественныхъ рас-
«ходахъ; нація, разуверенная вашею распорядительностью, снова полу-
«чила довѣренность къ своимъ собственнымъ средствамъ; ваша мудрость
«утишила ярость партій; религія дождалась возстановленія своихъ алта-
«рей; наконецъ (и это, безъ сомнѣнія, величайшее изъ чудесъ, совер-
«шенныхъ вашимъ гениемъ), наконецъ, вы заставили этотъ народъ, не-
«обузданный въ-сладствіе гражданскихъ смуть, — полюбить и нечтить
«власть, которою вы пользовались только для его славы и спокойствія.

«Французскій народъ не имѣетъ притязанія быть судьей учрежденій
«другихъ государствъ; ему не-зачѣмъ разбирать чужихъ дѣлъ, не слѣ-
«дуетъ ихъ примѣрамъ: впередъ урокомъ ему будетъ слушать омыт-
«ность.

«Онъ въ-продолженіи цѣлыхъ столѣтій пользовался выгодами сопря-
«женными съ неслѣдственностью власти; онъ выстрадалъ непродолжи-
«тельную, но тяжкую опытность противоположной системы; онъ возвра-
«щается, во свободному и обдуманному размышленію, къ образу правле-
«нія, образному въ его духахъ. Онъ свободно пользуется своими пра-
«вами, другая вашему императорскому величеству власть, которую соб-
«ственные его интересы не позволяютъ ему оставить въ своихъ рукахъ.
«Онъ обязывается въ тридцатія новѣлѣтій, и торжественнымъ актомъ,
«отрывать омытѣ своимъ винувъ отрастивъ вашего рода.

«Счастлива нація, которая, после стальныхъ смуть, находитъ посредди себя человека, могущаго укротить бурю страстей, примирить всѣ «интересы, и соединить весь голоса!»

«Если, по началу нашей конституціи, должно повергнуть на санкцію, по утвержденію народа часть декрета, касающуюся учрежденія національной власти, за те советъ съезду долженъ своимъ всемогущимъ просить ваше императорское величество изъявить согласіе на немедленное исполненіе органическихъ постановленій, и, для славы равно какъ и для счастья республики, онъ теперь же провозглашаетъ «Наполеона императоромъ Французовъ.»

Лишь-только архиканцлеръ произнесъ эти слова, клики: *да здравствуетъ императоръ!* раздались во дворцѣ Сен-Клау. Эти клики, съ радостью и громкими рукоплесканіями, повторились народомъ, толпившимся на дворахъ и въ садахъ дворцовыхъ. Довѣрчивость и надежда были на всѣхъ лицахъ, и всѣ присутствовавшіе, увлеченные эффектомъ зрѣлища, увѣрены были, что надолго упрочено ихъ счастье и благоденствіе Франціи. Архиканцлеръ Камбасересъ, увлеченный и самъ, всегда, казалось, хотѣлъ того, что совершалось въ настоящую минуту.

Когда, наконецъ, водворилось безмолвіе, императоръ произнесъ сематъ славующія слова:

«Все, что можетъ способствовать благу отечества, существенно связано съ собственнымъ моимъ счастьемъ.»

«Принимаю титулъ, который вы считаете полезнымъ для славы націи.»

«Повергаю на санкцію народа законъ о наследственности. Надеюсь, что Франція никогда не расклется въ такъ почестяхъ, которыми она окружить мое семейство.»

«Во всякомъ случаѣ, духъ мой не будетъ болѣе съ моимъ потомствомъ въ тотъ день, когда оно перестанетъ заслуживать любовь и довѣренность великой націи.»

Новыми восклицаніями заглушены были эти прекрасныя слова. За тѣмъ, сенатъ, чрезъ посредство своего президента, Камбасереса, произнесъ настоящие поздравительныя словъ новой императрицы, которая она выслушала, по своему обыкновенію, съ величайшею граціею и на которую отвѣчала только глубокимъ смущеніемъ.

Послѣ того сенатъ удалился, придавъ этому человеку, рожденному такъ далеко отъ трона, титулъ императора, и этотъ человекъ навсегда сохранилъ данный ему титулъ, даже и после своего изгнанія и въ изгнаніи. Виредъ мы будемъ называть его этимъ титуломъ, который остался его собственностью съ описаннаго нами дня. Голосъ націи долженъ былъ рѣшить, быть ли ему наследственнымъ императоромъ. Но, въ ожиданіи, онъ былъ императоромъ Французовъ, утвержденный властію сената, действовавшего въ предѣлахъ правъ своихъ.

Между-тѣмъ, какъ сенаторы удалялись, Наполеонъ удержалъ архиканцлера Камбасереса, и хотѣлъ, чтобы онъ остался обладать вместе съ

императорскую фамилию. Императоръ и императрица осыпали его ласкана и старались заставить его забыть разстояніе, отдалявшее его съ сѣхъ-поръ отъ его прежняго товарища. Впрочемъ, архиканцлеръ могъ утѣшиться: въ даль, онъ не спускался съ той ступени, на которой стоялъ; только владыка его взошелъ выше, и въ-слѣдъ за собою возвысилъ всѣхъ.

Императору и архиканцлеру Камбасересу нужно было переговорить между собою о многихъ важныхъ предметахъ, имѣвшихъ связь съ событіемъ этого дня, именно о церемоніи коронованія и о новомъ образѣ правленія, который должно было дать Итальянской-Республикѣ, не могшей оставаться республикою подлѣ Франціи, превращенной въ монархію. Наполеонъ, любившій чудесное, возымѣлъ смѣлую мысль, выволнение которой должно было поразить умы и сделать еще болѣе необыкновеннымъ его востество на престолѣ: онъ хотѣлъ, чтобъ его помазали на царство самъ папа, верховный на этотъ случай изъ Рима въ Римѣ. Дѣло безпримѣрное въ-продолженіе восемнадцати-вѣкового существованія церкви. Всѣ германскіе императоры, безъ исключенія, сами отправлялись на помазаніе на царство въ Римъ. Карлъ-Великій былъ провозглашенъ императоромъ Запада въ базиликѣ св. Петра, какъ-бы незакончій, въ день Рождества-Христового (800 г.), и папѣ для него не покидалъ Рима. Правда, Пепинъ былъ коронованъ во Франціи папою Стефаномъ; но Стефанъ отправился туда для испрошенія помощи протавъ Ломбардовъ. Теперь впервые папа долженъ былъ появиться Римѣ, для освященія правъ новаго монарха въ собственной столицѣ этого государя. Сходство съ прошедшимъ состояло въ томъ, что и теперь церковь вознаграждала титуломъ императора счастливаго воина, оказавшаго ей помощь; чудное сходство съ Карломъ-Великимъ, достаточно замѣнявшее законность, на которую вотще опирались Бурбоны!

Наполеонъ рѣшился во что бы ни стало привлечь Пія VII въ Римъ. Это было дѣломъ очень-труднымъ, и всякій другой на его мѣста не могъ бы успѣть. Онъ хотѣлъ действовать чрезъ кардинала Баррару, который безпрестанно писалъ въ Римъ, что безъ Наполеона религія погибла бы во Франціи, а, можетъ-быть, и въ Европѣ. Наполеонъ сообщилъ свой планъ архиканцлеру Камбасересу и условился съ нимъ на-счетъ того, какъ сделать первое нападеніе на предвзудца и неподвижность римскаго двора.

Чѣмъ до Итальянской-Республики, Наполеонъ задумалъ составить изъ нея монархію вассальную и отдать ее хѣть бы, на-примѣръ, Іосифу. Это значило положить основаніе имперіи Запада, о которой уже мечталъ Наполеонъ въ своемъ честолюбіи, отнынѣ неизмѣненнымъ границъ. Условлено было, что архиканцлеръ Камбасересъ, бывшій въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Мельци, вице-президентомъ республики, напишетъ ему предварительное объ этомъ предметѣ.

Наполеонъ, условившись съ своимъ прежнимъ сотоварищемъ обо всемъ этомъ, пригласилъ къ себѣ въ Сен-Клу кардинала-легата и объявилъ ему о своемъ желаніи вызвать разительнымъ тономъ, что карди-

даже не посмелъ ничего возражать. Наполеонъ сказалъ ему, что онъ хочетъ чрезъ него предварительно уведомить папу, и потому умо, утѣрившись, что не послѣдуетъ отказа, обратился къ нему съ формальною просьбою прѣхать въ Парижъ; онъ присовѣтовалъ, что, ни мало не сомнѣвается въ исполненіи своихъ желаній и желаетъ, что для пользы самой церкви будутъ чрезвычайно-важны и присутствіе въ Парижѣ первосвященника, и соединеніе, при этомъ необыкновеннымъ случаѣ, торжествъ религіозныхъ съ торжествами гражданскими. Кардиналъ Капранга тотчасъ же отправилъ курьера въ Римъ, а Талейранъ, съ своей стороны, написалъ кардиналу Феллу, уведомляя его объ этомъ новомъ предположеніи и возлагая на него содѣйствовать этой интениціи.

Была весна. Наполеонъ желалъ, чтобъ пана прѣхалъ осенью. Онъ предполагалъ въ эту пору присоединить и другое чудо къ этому необычному зрѣлищу.—къ коронаціи папою въ Парижѣ представляется францужеской революціи, именно—хотѣлъ привести въ исполненіе экзекюцію въ Англію, экспедицію, отложенную имъ во случаѣ заговора роялистовъ и во случаѣ учрежденія имперіи. Онъ уже до того усовершенствовалъ все приготовленія, что успѣхъ казался ему несомнѣннымъ. Нужно было подождать еще съ мѣсяць, не болѣе, чтобъ нанести Англіи этотъ грозный ударъ. Наполеонъ полагалъ совершить эту великую военную операцію въ июль или августъ. Онъ надеялся, что возвратится въ октябрѣ мѣсяцѣ, покрытый побѣдою, съ окончательнымъ миромъ въ руцѣ; и, исполненный всемогущества, увѣнчается императорскою короною въ началѣ зимы, въ годовщину 18 брюмера (9 ноября 1804 года). Въ шестой годъ его жизни разсѣлъ все эти планы, и императоръ увидѣлъ, въ послѣднихъ придумавшихъ имъ соображеніяхъ, что эти планы не были пустыни химерами.

Послѣдующіе дни были употреблены на принесеніе присяги новому вѣдѣтелю Франціи. Все члены сената, законодательнаго совѣта; муниципалитетъ, были вводимы по-одиночкѣ, одинъ въ-свѣтъ за другимъ. Архикандлеръ Камбасоресъ, стоя передъ сидѣвшимъ императоромъ, читалъ форму присяги; затѣмъ импо, доушавшес къ присягѣ, произносилъ явную, а императоръ, приподнявшись въ шлоемъ съ своего императорскаго кресла, отвѣчалъ легкимъ поклономъ своему новому верховодѣлю. Эта внезапная перемена, введенная въ отношеніяхъ между подданными и государемъ, который еще наканунѣ былъ имъ повелѣнъ, произвела непріятное впечатлѣніе на членовъ государственныхъ собраній. Отдавъ корону по какому-то умышленію, она была теперь называемая: увидѣвъ первыя послѣдствія того, что сделано. Трибуна Карно, вѣрный своему обещанію подчиняться закону, лишь-только онъ будетъ лишился престола, произнесъ присяжную клятву вмѣстѣ съ другими членами трибуналы.

Массы народа, восхищенныя правленіемъ столь же славы, славою и благотельнымъ, пораженныя неслыханнымъ армянствомъ, истребленіемъ, онъ созерцали въ его жалостности, а не въ слабостяхъ, и не была и не была, этимъ очастившимъ государю дѣломъ, который удавался, и не было для своихъ дѣтей, и не было, да, и не было, и не было, и не было.

саихъ-себя придворныхъ префектовъ и камергеровъ, — массы народа были внимательны и обхвачты изумленіемъ, обратившимся наконецъ въ восторгъ. Наполеонъ, изъ артиллерійскаго подпоручика сделавшійся императоромъ, принятый, признанный Европою и поднятый на щитъ посреди глубокой тишины, покрывалъ блескомъ судьбы своей всѣ мелочныя ничтожности, вмѣшавшіяся въ это чудное событіе. Правда, теперь не чувствовалъ того увлеченія, которое, въ 1799 году, заставляло ужасомъ пораженную націю божать во срѣтеніе своему спасителю, — не ощущала болѣе того чувства благодарности, которое, въ 1802 году, заставляло восхищенную націю дать ей благодѣтелю безсмысленную мѣсть, и даже стремилась отплатить благодарностью чеповку, который такъ хорошо вознаграждалъ себя своими собственными руками. Но все считали его достойнымъ наследственной верховной мѣсти, дивились тому, что онъ рѣшается взять ее, одобрили ея восстановление, потому-что она служила самымъ полнымъ возмещеніемъ къ порядку; наконецъ, были ослаблены чудомъ, котораго были свидетелями. Такимъ-образомъ, хотя съ чувствами насквозь-различными отъ тахъ, которыя переполняли сердца въ 1799 и 1802 годахъ, граждане съ увлеченіемъ, однако, спѣшили другъ передъ другомъ во все мѣста, гдѣ только были открыты реестры, — для того, чтобъ возвать тамъ голоса. Одобрительныя подписи насчитывались миллионами, и едва дѣскалько отрицательныхъ подписей, кое-гдѣ выдававшихся, какъ-бы для доказательства свободы, которою пользовались граждане, выдавались замѣтно посреди необозримой массы благопріятныхъ голосовъ.

Наполеонъ долженъ былъ испытать еще послѣднее неудовольствіе прежде вступленія въ полное обладаніе своимъ новымъ саномъ. Надобно было покончить этотъ процессъ Жоржа и Морб. На предстоило большія затрудненія касательно Жоржа и его соумышленниковъ, касательно самого Пасигрю, если-бы онъ остался въ живыхъ. Процессъ долженъ-былъ вскрыть ихъ смущеніемъ и доказать соучастничество предателей-эмигрантовъ въ ихъ заговоръ. Но въ это дѣло былъ замѣшанъ Морб. Въ началѣ, думали найти противъ него болѣе уликъ, нежели сколько вышло действительно, и хотя его проступокъ былъ очевиденъ для людей добросовѣстныхъ, при всемъ томъ, однакожь, недоброжелатели имели возможность отрицать вину этого генерала. Къ-тому же, господствовало какое-то невольное чувство при видѣ этого контраста двухъ величайшихъ генераловъ республики, изъ которыхъ одинъ всходитъ на тронъ, другой былъ въ оковахъ, въ ожиданіи смертной казни или изгнанія. Въ подобныхъ случаяхъ все отлагается къ сторону, даже и справедливость, и всѣ готовы скорѣе обвинить счастливаго, будь онъ даже и вракъ.

Все раздѣляющее одинакую участь съ Морб, по увѣщенію своихъ защитниковъ, успѣвали совершенно оправдать его. Въ началѣ процедуры, они были сильно раздражены на Морб, но интересъ взялъ верхъ надъ страстью, и они дали другъ другу слово спасти его, если только была возможна. Вспомогательныя доказательства были бы Наво.

леону сильнейшим нравственным ударъ, именно — ослабь его совершникъ вышелъ съ побѣдою изъ оковъ, призванный невиннымъ, еще болѣе возвеличенный преследованіемъ и сдѣлавшійся вратомъ неумолимымъ. Къ-тому же, если Морô не составлялъ заговора, то можно было утверждать, что вовсе не было никакого заговора, — значитъ, не было ни преступленія, ни виновныхъ.

Весь Парижъ интересовался судьбою Морô и возмущалъ мыслью о его спасеніи. Даже и тѣ, которые, не питая недоброжелательства къ Ламартену, видѣли въ Морô только знаменитаго и несчастнаго вѣнца, котораго услуги могли быть еще полезны, желали, чтобъ онъ вышелъ изъ этого испытанія невиннымъ, и чтобъ могъ быть возвращенъ въ Францію.

Пренія открылись 28 мая (8 преріала XII года), посреди несметнаго стеченія народа. Обвиняемые были многочисленны и сидѣли на лавкахъ въ четыре ряда. Не все они одинаково держали себя. Жоржъ и его сообщники принимали на себя видъ самоуверенности: они чувствовали себя довольными, потому-что, какъ бы то ни было, они могли посвятить себя приверженными жертвами своего дѣла. Однакожъ, дерзкое высокомеріе некоторыхъ изъ нихъ не расположило къ нимъ публики. Жоржъ, хоть и возвышенный въ глазахъ толпы энергією своего характера, вызвалъ противъ себя нѣсколько возгласовъ негодованія. Но несчастный Морô, удрученный слявою, оплакивавшій въ эту минуту знаменитость, которая привлекала на него любопытные взоры толпы, не имѣлъ уже болѣе спокойной самоуверенности, составлявшей некогда его главнѣйшее достоинство на войнѣ. Онъ очевидно оправдывалъ самого-себя, зачѣмъ очутился онъ здѣсь, между роялистыми, — онъ, одинъ изъ героевъ революціи; и если онъ былъ справедливъ къ себѣ, то могъ сказать себѣ только одно — что заслужилъ судьбу свою, предвидѣвшись жалкому пороку зависти. Посреди этихъ многочисленныхъ обвиненныхъ, публика искала глазами только его-одного. Здѣсь не-просто намъ раздавались рукоплесканія старыхъ солдатъ, скрывающихся въ толпѣ присутствующихъ, и возгласы приунывшихъ революціонеровъ, которые думали, что видятъ самую республику на этой сценѣ, гдѣ сидѣлъ главнокомандующій рейнскою армією. Это любопытство, это восторги приводили въ смущеніе Морô: въ то время, какъ другіе съ важностью склоняли свои имена, ничтожныя и снискавшія себѣ жалкую вѣнчанность, онъ такъ тихо произносилъ свое славное имя, что оно едва было слышимо. Праведная кара за поруганіе столь-прекраснаго имени!

Пренія были продолжительны. Зигорщники съ точностью изложили придуманную ими систему оправданій. Жоржъ, де-Валльельъ и де-Ришьеръ прибыли въ Парижъ, по словамъ ихъ, только потому, что имъ представляли новое правительство совершенно-лишавшимся своей популярности и вся умы готовыми снова признать Бурбоновъ. Они не скрывали своей приверженности къ дѣлу законныхъ государей, ни своего расположенія содѣйствовать движенію, еслибъ такое движеніе было возможно; но, присовокупляли они, Морô, котораго интриганты представляли будто-бы готовымъ принять Бурбоновъ, никогда не думалъ о томъ

и не хотѣлъ слушать никакихъ съ ихъ стороны предложеній; съ того времени имъ и въ голову не приходило составлять заговоръ. — Жоржъ, вопрошенный объ основаніи замысла и поставленный на очную ставку съ своими первыми показаніями, въ которыхъ онъ сознался, что прибылъ съ целью сдѣлать нападеніе на перваго консула на дорогѣ въ Мальмезонъ, имѣя подлѣ себя французскаго принца, — Жоржъ, смущенный, отвѣчалъ, что безъ-сомнѣнія объ этомъ подумали бы позже, еслибы произвели возстаніе сочлось удобнымъ; но никто и не занимался планомъ нападенія, такъ-какъ ничто подобное не было возможно. Ему показывали кинжалы, мундиры, приготовленные имъ для шуановъ, на самыхъ этихъ шуановъ, сидѣвшихъ подлѣ него на скамьѣ подсудимыхъ: онъ не былъ, собственно говоря, поставленъ въ-тушкѣ, но дѣлался тогда молчаливъ, и, казалось, своимъ безмолвіемъ свидѣтельствовалъ, что эта система, придуманная для оправданія его соумышленниковъ и Морѳъ, не имѣла ни вѣроятія, ни достоинства.

Было только одно обстоятельство, на-счетъ котораго все они согласились съ прежними своими показаніями, — именно, пребываніе посреди ихъ французскаго принца. И дѣйствительно, затѣмъ, чтобъ не попасть въ разрядъ разбойниковъ, они чувствовали нужду имѣть возможность сказать: «во главѣ нашей шайки находился принцъ». Мало заботились они о томъ, что компрометируютъ королевское достоинство: Бурбоны придавалъ имъ видъ солдатъ, сражающихся за законную династію. Впрочемъ, когда Бурбоны спасали жизнь свою въ Лондонѣ, не возмущая о своихъ несчастныхъ жертвахъ, эти жертвы имѣли право въ Парижѣ пытаться спасти если не жизнь свою, по-крайней-мѣрѣ честь.

Что до Морѳъ, его система оправданія была гораздо-вѣроятнѣе; онъ наложилъ ее въ письмѣ къ первому консулу, къ-несчастью, написанномъ очень-поздно, много времени спустя послѣ бесполезныхъ допросовъ великаго-судьи и когда уже правительство не могло прервать судопроизводства, — а не то показалось бы, что оно боится публичныхъ преній. Морѳъ сознавался, что выдавался съ Пиншгрю, но съ целью примириться съ нимъ и устроить ему средства возвратиться во Францію. По укрепленіи гражданскихъ смуть, онъ думалъ, что покоритель Голландіи заслуживаетъ быть возвращеннымъ республикѣ. Онъ не хотѣлъ видѣться съ нимъ лично, ни прямо просить его возвращенія, потерять всякій вѣсъ во случаю своей размолвки съ первымъ консуломъ. Тайна, которою обдался онъ, не имѣла другаго повода. Правда, роялисты воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ говорить ему о замыслахъ противъ правительства, но онъ отвергъ все эти смѣшныя предложенія. Онъ не любилъ о нихъ, потому-что не считалъ ихъ опасными, и, сверхъ-того, такой человекъ, какъ онъ, не создается для ремесла доносчика.

Оправданіе Морѳъ, опровергаемое положительными уликами, было причиною сильнѣе жаркихъ преній, посреди которыхъ Морѳъ снова обрѣлъ вѣснѣе присутствіе духа, почти подобное тому, которое являлось у

него на войнѣ, во время настоящей опасности. Онъ далъ даже несколько отвѣтовъ, исполненныхъ благородства, которымъ сильно рукоплескала слушатель. «Пшгрю былъ измѣнникъ» сказалъ ему президентъ: «и на него сами вы донесли Директорівъ. Какъ могли думать вы примириться съ нимъ и возвратить его во Францію?» — «Въ то время отвѣчалъ Морбъ: «въ то время, когда армія Кондэ наполняла собою парижскіе салоны и салоны перваго консула, я могъ заняться возвращеніемъ Франціи покорителя Голландіи.» По этому случаю, его спросили, почему онъ такъ поздно донесъ на Пшгрю, и, казалось, хотѣли набросить тѣмъ подозрѣнія на его прошедшую жизнь. «Я скоро положилъ конецъ» отвѣчалъ онъ: «свиданіямъ Пшгрю съ принцемъ Кондэ на границѣ, положивъ побѣдамъ моеи арміи разстояніе въ восемьдесятъ миль между принцемъ и Рейномъ. Когда миновала опасность, я предоставилъ военному совѣту заботу рассмотреть найденныя бумаги и отправить ихъ къ правительству, если онъ сочтетъ это полезнымъ.»

Морбъ, вопрошенный о существѣ заговора, къ которому пристрасть предавали ему, продолжалъ утверждать, что онъ отвергъ это предложеніе. «Да» говорили ему: «вы отвергли предложеніе возвести снова на престолъ Бурбоновъ, но вы согласились воспользоваться Пшгрю и Жоржемъ для испроверженія консульскаго правительства, къ власти илучить изъ ихъ рукъ диктатуру.» — «Мнѣ приписываютъ, какъ вы отвѣчалъ Морбъ: «смѣшное намѣреніе — воспользоваться реалистами, чтобъ сдѣлаться диктаторомъ, какъ-будто-бы я могъ забрать себѣ голову, что роялисты, оставшіеся побѣдителями, вручать мнѣ власть. Десять лѣтъ велъ войну и въ-продолженіе этихъ десяти лѣтъ не думалъ, какъ мнѣ кажется, ничего смѣшнаго.» Это исполненное благородства обращеніе къ его прошлой жизни было покрыто шумными знаменами одобренія. Но не всѣ свидѣтели были посвящены въ тайну роялистовъ. Никто, по имени Роланъ, по-прежнему продолжалъ поддерживать показанія, гибельныя для Морбъ. Буве де-Лозье, этотъ офицеръ жезель, спасшійся отъ самоубійства за тѣмъ, чтобъ бросить на Морбъ страшное обвиненіе, не могъ отречься отъ словъ своихъ и повторять ихъ, всѣми силами старающійся смягчить ихъ значительность. Но въ этомъ обвиненіи, изложенномъ письменно, онъ объявилъ только то, о чемъ зналъ отъ самого Жоржа. Жоржъ говорилъ, что Буве худо разсуждалъ, худо понялъ и, въ-слѣдствіе того, сдѣлалъ невѣрный доносъ. И оставалось это свиданіе ночью, на Бульварѣ-Магдалины, на которомъ сошлись вмѣстѣ Морбъ, Пшгрю и Жоржъ: это обстоятельство не касалось съ простымъ намѣреніемъ возвратить Пшгрю во Францію.

Морбъ при этомъ доволъ упалъ духомъ, и замѣтно стало уменьшиться участіе къ нему присутствующихъ. Но неловкія укоризны президента на-счетъ его состоянія снова несколько возбуждали участіе, готовое совсемъ погаснуть. «Какъ бы то ни было, вы виноваты и тѣмъ, что не сообщили о томъ, что вамъ было извѣстно», сказалъ ему президентъ: «и не смотря на ваше увѣреніе, что такой человѣкъ, какъ вы, не созданъ для ремесла доносчика, вы должны были прежде

всего повиноваться закону, повелевающему всякому гражданину, кто бы онъ ни былъ, доносить объ узанныхъ имъ злоумышленіяхъ. Вы, сверхъ-того, обязаны были выполнить это въ-отношеніи къ правительству, осыпавшему васъ благодѣяніями. Но имѣете ли вы богатыхъ окладовъ, отелъ, земель?»—Укоризна была неумѣстна, ибо относилась къ генералу безкорыстнѣйшему изъ всѣхъ въ то время. — «Господишь президентъ», отвѣчалъ Морб: «не кладите на вѣсы моихъ заслугъ и моего состоянія: между такими вещами не можетъ быть сравненія. Я получаю содержаніе въ сорокъ тысячъ франковъ, я имѣю домъ, землю, которые стоить триста или четыреста тысячъ франковъ. Я бы имѣлъ теперь пятьдесятъ милліоновъ, еслибъ пользовался побѣдою, какъ многіе другіе». — Раштадтъ, Биберахтъ, Энгель, Мёскирхъ, Гогенлинденъ, эти славныя воспоминанія, поставленныя подлѣ ничтожной горсти денегъ, привели въ волненіе присутствующихъ и вызвали шумные знаки одобренія, которые начинали уже рѣдѣть отъ невѣроятности оправданій.

Преніе длилось въ-продолженіе двѣнадцати дней; волненіе умовъ было велико. Въ-присутствіи генерала торжествующаго и унизеннаго королю, являлся генералъ въ несчастіи и оковахъ, противопоставившій, своимъ защищеніемъ, послѣднее возможное сопротивленіе власти, со дня-на-день становившейся неограниченной; посреди безмолвія національной трибуны раздавались голоса адвокатовъ, какъ-бы въ странѣ свободной, — а здѣсь въ опасности люди знаменитые, принадлежавшіе или къ эмиграціи, другіе къ республикѣ: правду сказать, было, чѣмъ тронуться сердцамъ всѣхъ и cadaго! Вся уступала справедливому состраданію, а можетъ-быть также и этому скрытному чувству, которое заставляетъ желать неудачъ счастливому могуществу; и, не будучи врагомъ правительства, многіе возсылали мольбы о спасеніи Морб. Наполеонъ, чувствовавшій себя неспособнымъ къ этой низкой зависти, въ которой его обвиняли, хорошо знавшій, что Морб, не желая возстановленія Бурбоновъ, хотѣлъ его смерти, чтобъ занять его мѣсто, Наполеонъ думалъ и говорилъ во всеуслышаніе, что ему должны оказать справедливость, осудивъ генерала, виновнаго въ государственномъ преступленіи. Онъ желалъ осужденія, какъ своего собственнаго оправданія; онъ желалъ этого осужденія не за тѣмъ, чтобъ срубить на эшафотѣ голову побѣдителя при Гогенлинденѣ, но чтобъ имѣть честь оказать ему помилованіе. Судья знали это, публика также.

Но судья не поддались вліянію причинъ политическихъ и, наконецъ, послѣ сорока-дневныхъ преній, 21 преріала (10 іюля) изрекли приговоръ. Они произнесли смерть Жоржу и его двѣнадцати сообщниковъ. Морб, котораго матеріальное участіе въ заговорѣ не было достаточно доказано, но котораго нравственное поведеніе было укоризненно, — Морб былъ осужденъ на двухлѣтнее заключеніе въ темницу. Арманъ де-Полвьякъ и де-Равьеръ были приговорены къ смертной казни. Жюль де-Полвьякъ и пятеро другихъ полковниковъ на двухлѣтнее заключеніе; двадцать-два человека признаны невинными.

Этотъ приговоръ, одобренный людьми безпристрастными, причинилъ смертельное неудовольствіе новому императору, который съ живѣйшимъ участіемъ порицалъ слабость судей, между-тѣмъ, какъ, въ то же время, другіе обвиняли ихъ въ жестокости. Но вскорѣ Наполеонъ пришелъ въ себя, смягчилъ приговоръ Морю и согласился, чтобы онъ отправлялся въ Америку.

Этотъ несчастный генералъ изъявлялъ желаніе продать свое имущество, и Наполеонъ далъ приказаніе немедленно приобрести его за самую высокую цѣну. Что до осужденныхъ роялистовъ, то постоянно строгій въ-отношеніи къ нимъ со времени послѣдняго заговора, онъ не хотѣлъ сначала ни одному изъ нихъ даровать помилованіе. Однѣмъ Жоржъ, энергіею своего мужества, внушалъ ему нѣкоторое участіе, но онъ выдавалъ въ немъ неумолимаго врага, котораго надо было извести для упроченія общественнаго спокойствія. Впрочемъ, не о Жоржъ заботилась эмиграція: она сильно хлопотала за де-Полиньяка и де-Ривьера; она порицала безразсудство, вовлекшее этихъ людей знатнаго рода, утонченнаго воспитанія, въ сообщество, столь мало ихъ достойное; но она не могла выносить мысли быть зрительницею ихъ казни, и надо сказать правду, что ихъ проступокъ, происходившій отъ увлеченія духа партіи, могъ быть извиненъ и заслуживалъ снисхожденія отъ самаго главы имперіи.

Вся знали сердце Жозефины, — знали, что въ нѣдрѣ неслышаннаго величія, она сохранила трогательное добродушіе; знали также, что она жила въ непрерывномъ страхѣ, помышляя о кинжалахъ, безрестанно угрожавшихъ ея супругу. Блестательный подвигъ милосердія могъ отвратить эти кинжалы и утишить раздраженные сердца. Ступивши въкрасться къ ней при посредствѣ г-жи де-Ремюзэ, состоявшей при ея особѣ, и ввели къ ней въ Сен-Клускій Дворецъ г-жу де-Полиньякъ, которая оросила слезами ея императорскую мантию. Жозефина растрогалась (какъ и надо было ожидать отъ ея чувствительнаго сердца), растрогалась при видѣ жены, умолявшей о помилованіи мужа. Она поспѣшила къ Наполеону. Тотъ, по своему обыкновенію, сарывалъ волненію подъ жесткою и строгою наружностью, грубо отвергъ просьбу жены своей. Г-жа де-Ремюзэ была тутъ же. «Вы вѣрно принимаете участіе въ моихъ врагахъ», сказалъ онъ имъ объимъ: «они столько же безразсудны, сколько и виновны. Если я не проучу ихъ, они примутся за свое слово и будутъ причиною, что лягутъ новыми жертвы.» Жозефина, послѣ такого отказа, не знала, что и дѣлать. Наполеонъ долженъ былъ, спустя нѣсколько минутъ, выйти изъ залы совѣта и проходить по одной изъ галерей дворца. Она придумала, чтобы г-жа де-Полиньякъ поджидала въ этомъ мѣстѣ, когда появится Наполеонъ, и бросилась бы ему въ ноги. Дѣйствительно, въ ту минуту, когда онъ проходилъ, г-жа де-Полиньякъ стала передъ нимъ, и, заливаясь слезами, умолила о спасеніи жизни ея супруга. Наполеонъ, изумленный, бросилъ грозный взглядъ на Жозефину, соучастничество которой въ этомъ дѣлѣ было для него важно; но тотчасъ же побѣдоносный, сказалъ г-жѣ де-Полиньякъ, что

онъ удаляется, находя въ заговорѣ, умышленномъ противъ его особы, Армана де-Полиньяка, товарища своего дѣтства по военной школѣ, но что онъ прощаетъ его ради слезъ супруги, и желаетъ, чтобъ эта слабость съ его стороны не имѣла гибельныхъ послѣдствій, ободривъ роялистовъ на совершеніе новыхъ безразсудствъ. «Сударыня», присо-
вокупилъ онъ: «очень-виноваты тѣ принцы, которые подвергають ги-
бели жизнь своихъ вѣрнѣйшихъ слугъ, не разделяя съ ними ихъ опа-
сностей».

Г-жа де-Полиньякъ, исполненная восторга и благодарности, раз-
сказала посреди испуганной эмиграціи объ этой сценѣ, которая за-
ставляла тогда на минуту отдать справедливость Жозефинѣ и Напо-
леону. Де-Ривьеръ оставался въ опасности. Мюратъ и жена его про-
брались къ императору съ тѣмъ, чтобъ побѣдить его и исторгнуть отъ
него другую милость. Помилowanie де-Полиньяка влекло за собою по-
милowanie де-Ривьера. Наполеонъ тотчасъ же согласился. Великодуш-
ный Мюратъ, одиннадцатъ лѣтъ спустя, не встрѣтилъ подобнаго же
вѣликодушія.

Таковъ былъ конецъ этого жалкаго и ненавистнаго кова, который
имѣлъ целью извести Наполеона, и который, напротивъ, способство-
валъ тому, что онъ восшелъ на престолъ, къ несчастію менѣе-чистый,
нежели какимъ онъ былъ прежде. Таковъ былъ конецъ этого дерзно-
важнаго предпріятія, котораго слѣдствіемъ были: трагическая смерть
французскаго принца, непринимавшаго никакого участія въ злоумы-
шленіи, безваканность людей, бывшихъ виновниками заговора, и на-
конецъ изгнаніе Морё, единственнаго генерала этой эпохи,—генерала,
въ котораго могли, преувеличая его славу и во многомъ умаляя славу
Наполеона, сдѣлать соперника этому послѣднему. Поразительный урокъ,
которымъ должны были бы воспользоваться партіи! Правительство,
партія, или отдѣльный человекъ всегда приобрятають большую силу,
когда противники ихъ пытаются свести ихъ съ лица земли преступны-
ми средствами.

Съ-этихъ-поръ, побѣждено было всякое противодѣйствіе. Въ 1802 г.
Наполеонъ преодолѣлъ гражданское сопротивленіе, уничтоживъ трибу-
налъ; въ 1804 г., онъ сокрушилъ военное сопротивленіе, подорвавъ за-
говоръ эмигрантовъ съ республиканскими генералами. Въ то время, какъ
онъ всходилъ по ступенямъ трона, Морё удался въ изгнаніе. Они
должны были свидѣться другъ съ другомъ, на разстояніи пушечнаго
выстрѣла, подъ ставнями Дрездена, оба несчастливцами: одинъ прихо-
дилъ изъ чужой земли воевать противъ своей отчизны, другой злоупо-
требилъ свое могущество и чрезъ то вызвалъ всеобщую реакцію про-
тивъ величія Франціи; одинъ погибъ здѣсь отъ ядра французскаго,
другой одержалъ послѣднюю побѣду, но уже видѣлъ разверзшуюся предъ
нимъ бездну, поглотившую въ-послѣдствіи его чудную судьбину.

Но какъ бы то ни было, эти великія событія были еще далеки. На-
полеонъ казался тогда всемогущимъ навѣки. Безъ-сомнѣнія, онъ ис-

пыталъ много скорби въ это послѣднее время, ибо, независимо отъ великихъ несчастій, Прошляйте всегда скрывать какое-то предвкусіе горечи въ самомъ счастьи, какъ-бы затѣмъ, чтобъ образумить душу человѣческую и приготовить ее къ сильнымъ ударамъ судьбы. Эти дѣвѣ недѣли были тяжки для Наполеона, но онъ скоро миновали. Оказанное имъ милосердіе бросило кроткій свѣтъ на его рождающееся царствованіе. Смерть Жоржа никого не опечалила, хотя его мужество, достойное лучшей участи, внушило нѣкоторое сожалѣніе. Вскорѣ сердца всѣхъ наполнились снова этимъ чувствомъ изумленнаго любовиства, которое испытывали люди, смотря на столь-необычайное зрѣлище.

ЗАКОНЫ О ТОРГОВЛѢ ХЛѢБОМЪ ВЪ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ.

(Статья Шарля Коклена.)

Отъ Редакціи. Заимствуя эту статью изъ декабрьской книжки журнала «*Revue des Deux Mondes*», мы имѣли въ виду ближе ознакомить читателей съ вопросомъ, который въ настоящую минуту сильно занимаетъ политическія умы въ Европѣ, и съ разрѣшеніемъ котораго въ Англіи соединится не только измѣненіе торговыхъ законовъ и связанныхъ съ ними основаній государственнаго устройства этой державы, — но и измѣненіе въ направленіи промышленной дѣятельности всей Европы и Северной Америки.

Англія — по преимуществу страна общественности, ассоціаціи. Дѣла, которыми, во всѣхъ прочихъ государствахъ, заботливается правительство, въ Великобританіи, по-большой-части, предоставляются заботливости гражданъ, соединяющихъ свои силы для одной общей цѣли. Тамъ университеты, коллегіи, церкви, госпитали сооружаются, содержатся, поддерживаются добровольными подписками и приношеніями. Вся огромная промышленная и коммерческія предпріятія, каналы, желѣзныя дороги, добычанію каменнаго угля, морскія путешествія, — все это производится на счетъ общественности. Стремленіе къ общественности составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ англійскаго народа. То же самое, только въ другой формѣ, подъ другимъ именемъ, видимъ мы у нихъ и въ политическомъ дѣлѣ, когда имѣютъ цѣлью уничтоженіе какого-нибудь злоупотребленія, принимаютъ форму въ администраціи или въ государственномъ составѣ. Тогда ассоціація, стремленіе къ сформированію общества переходитъ въ «*agitation*». Такъ, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, волновался народъ въ Шотландіи, требуя уничтоженія смертной казни. По улицамъ Эбердинъ вездѣ и впередъ бѣгали люди, съ огромными листами бумаги, въ главѣ которыхъ большими буквами были написаны таинственныя слова: *agitate! agitate!* (приходите въ движеніе); между-тѣмъ, другіе призывали всѣхъ подписывать просьбы въ парламентъ; во всѣхъ частяхъ народа, ихъ звали гражданами въ митинги (*meetings*), гдѣ разсматривалось это дѣло. О'Коннелль, прозванный *волнователемъ-по-преимуществу*, возбуждалъ Ирландцевъ для уничтоженія акта соединенія.

Не за чѣмъ говорить объ основаніяхъ и исторіи этого волненія: это весьма-известно нашимъ читателямъ. Но теперь, въ этой старѣ Англій, происходитъ волненіе гораздо-важнѣйшее, имѣющее цѣлью совершенное, непосредственное и безусловное уничтоженіе закона о гонимъ хлѣбомъ, волненіе, известное въ Европѣ подъ именемъ anti-corn law-League (т. е. Лига, или союза, противъ законовъ о хлѣбѣ). До сихъ-поръ, мы еще ни разу не говорили объ этомъ многозначительномъ явленіи новаго историческаго міра, и теперь, по поводу статьи Коклена, рѣшаемся въ нѣсколькихъ строкахъ объяснить это новое явленіе въ Англій, обращающее на себя вниманіе всѣхъ образованныхъ людей въ Европѣ.

Но нужно, полагаемъ мы, говорить здѣсь объ экономической и финансовой системѣ Великобританіи. Этотъ трудъ, который выль бы на место въ спеціальному разсужденію о политической экономіи, здѣсь былъ бы излишнимъ. Довольно только вспомнить, что англійское законодательство представляетъ полную систему, по которой надъ всею массою народа стремится тяготать нѣсколько частныхъ лицъ, составляющихъ аристократію, и въ то же время единственныхъ землевладельцевъ, обладающихъ законодательною властію. Такъ г. Кобденъ, глава трибуны этого союза (лиги), обратясь въ парламентъ къ членамъ аристократіи, сказалъ, ободренный рукоплесканіями voxъ free-trade: «Если нашъ финансовый кодексъ, нашъ statute-book, можно было переслать луку, то не нужно было бы предуведомлять ея обитателей, что она составленъ обществомъ вольножъ-землевладельцевъ (land-lords)».

Не трудно объяснить этотъ фактъ и послѣдствія, которые могутъ произойти отъ поддержанія подобнаго законодательства, когда мы знаемъ, что, вопреки всѣмъ постановленіямъ и обычаямъ всѣхъ странъ материка Европы, Англія, подавленная такимъ страшнымъ долгомъ такою обширною администраціею, вовсе, такъ-сказать, не получаетъ поземельныхъ доходовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, взявъ въ соображеніе весьма-отдаленную отъ насъ эпоху — царствованіе королевы Анны, мы увидимъ, что въ 1706 году въ общественные доходы входило поземельныхъ податей . . . . . на 1,997,379 фун. стерл.
Акцизныхъ . . . . . 1,792,763 — —
Таможенныхъ сборовъ . . . . . 1,549,351 — —

Въ 1841 г., при королеви Викторіи, контрибутивная часть поземельныхъ податей (land-tax), въ общемъ бюджетѣ состояла изъ . . . . . 2,057,627 — —
Акцизныхъ . . . . . 12,858,014 — —
Таможенныхъ сборовъ . . . . . 19,485,217 — —

Итакъ, въ-теченіе 135 лѣтъ, непосредственные налоги остались почти въ томъ же положеніи и составляютъ двадцать-пять часть общественныхъ доходовъ, между-тѣмъ, какъ другіе сборы увеличились въ десяти и пятнадцать разъ.

Видя, какъ отъ этихъ постановленій страдаетъ средний классъ и земледѣльцы въ Великобританіи, семь человекъ, сильныхъ неколѣбной волею и олушевленныхъ тою мужественною рѣшимостью и энергическою неутомимостью, которою отличается англо-саксонское племя, въ октябрѣ 1838 года съѣхались въ Манчестеръ и приняли твердое намѣреніе бороться копыми мѣрами испровергнуть всѣ монополіи. Они избрали своимъ девизомъ слова: «свобода торговли, неограниченная свобода мѣръ».

этой минуты началось волненіе. Впрочемъ, не должно думать, что члены «союза» имели цѣлю ниспроверженіе однихъ законовъ, касающихся торговли хлѣбомъ. Ихъ предпріятіе было гораздо-обширнѣе, ихъ система гораздо-глубже: на совѣтъ своемъ, въ мѣзъ 1843 года, они хотѣли совершеннаго, непосредственнаго уничтоженія всѣхъ монополій, всѣхъ таможенныхъ правъ, потому-что отъ нихъ возвышается цѣна на съестныя припасы, уменьшаются народное благосостояніе, останавливаются успѣхи промышленности и болѣе или менѣе ослабѣваютъ торговля и все права, покровительствующія земледѣлію, мануфактурамъ, коммерціи и мореплаванію. Члены лиги требовали, чтобъ желаніе ихъ было исполнено безусловно, т. е. чтобъ не вмешивались въ дѣлы, которыя на этотъ счетъ примутъ правительства иностранныхъ; они дѣйствовали по-усыбно и поклялись не прежде оставить свое дѣло, какъ когда англійскіе порты будутъ открыты для товаровъ всего извѣстнаго міра. Если они и сосредоточили сперва все свои успѣхи на уничтоженіи законовъ торговли, то потому только, что это монополія насущной пищи, въ выгоду одного класса самаго богатаго и самаго малочисленнаго — аристократовъ-землевладѣльцевъ, которые на народную пищу налагаютъ подать, по свѣдѣтельству самихъ министровъ, простирающуюся ежегодно на 250 милліоновъ рублей серебромъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, эти законы — шпиль, около котораго вращаются все колеса англійской конституціи, и если успѣхи лиги успѣютъ сломить этотъ шпиль, лигисты могутъ въ-послѣдствіи безъ труда достигъ вполне своей цѣли.

Дѣйствительно, надо изумляться успѣхамъ этой лиги съ 1838 года. Постараюсь объяснить, что успѣла она преодолѣть, до чего она достигла, какое вліяніе произвела даже на тѣ графства, которыя доселѣ считались твердынями аристократіи. Но прежде взглянемъ, какъ образовался этотъ союзъ, какъ неусыбно онъ дѣйствовалъ, исчислимъ его пособія и средства, которыми онъ воспользовался съ ловкостію, равною его энергіи, чтобъ достигнуть до степени могущества, но безъ причины внушающаго теперь безпокойство въ британской аристократіи.

Принципы лиги не могли не возбудить къ нему сочувствія всѣхъ производительныхъ классовъ общества. Благодаря добровольнымъ подпискамъ, члены лиги въ 1845 году имели въ рукахъ своихъ около 750,000 руб. сереб., посредствомъ которыхъ они могли немедленно приступить къ исполненію своего плана и поставить себя въ весьма-грозное положеніе. Сначала они стали дѣйствовать посредствомъ типографскихъ станковъ. Появилось множество брошюръ, памфлетовъ, журналовъ, которые ежедневно разсылались по всей Англій. Это были маленькія книжечки въ нѣсколько страницъ, по два, по одному пенни за каждую, называемыя по-англійски *tracts*, написанныя языкомъ простымъ, но резко, остроумно и основательно; это нечто въ родѣ воззваній къ здравому смыслу, доступныхъ каждому классу общества, дѣйствующихъ на умы колеблющіеся и даже враждебные. По доведенію г. Гейккина, генеральнаго секретаря лиги, читанному на митингѣ въ Манчестерѣ, 22 января 1845 года, видно, что лигисты разсылали 2 милліона брошюръ и 1,340,000 экземпляровъ журнала «Лига». Коптора общества, получивъ безчисленное множество писемъ, отправляла ихъ болѣе 300,000. Впрочемъ, лигисты дѣйствовали не только письменно, но и изустно. Въ тридцати-шести графствахъ, пѣтъ сорока, содержатъ преподавателей политической экономіи и, что всего любо-

бопытизе, въ графствахъ, занимающихся земледѣлїемъ, особенно требуютъ танкиъ преподавателей, которыхъ не можетъ уже доставить нѣ общество. Чтобы судить о дѣятельности лиги, должно замѣтить, что она вышла въ Англии и Шотландіи болѣе 200 митинговъ или собраній. Эти чрезвычайныя усилія были успешно поддержаны реформами и идеями, произведенными духомъ XIX столѣтія. Въ-сладствіе преобразованія nocturnal части, лига завела теперь повсемѣстную корреспонденцію, посылаетъ ежегодно до 300,000 депешей и съ небольшими издержками повсюду разсыпаетъ свои брошюры и памфлеты. Железныя дороги сообщаютъ ея операціямъ чудную быстроту, такъ-что человекъ, сегодня утромъ дѣйствовавшій на одномъ концѣ Англии, въ тотъ же день вечеромъ является на противоположномъ концѣ ея.

Избирательная система лиги еще болѣе доказываетъ сметливость ея членовъ. Теперь она нападаетъ на монополію не въ однихъ своихъ митингахъ—она сражается съ нею въ недрахъ самого парламента, гдѣ имѣетъ свою партію, безпрестанно усиливающуюся. На избирательныхъ реестрахъ своихъ она выставила всевозможно-большее число free-traders и въ то же время наблюдаетъ за составленіемъ этихъ реестровъ, исправляя ихъ предъ своимъ трибуналомъ, или вычеркивая членовъ подозрительныхъ и непріязненныхъ. Съ этою цѣлю лига раздѣлила всю Англию на тринадцать избирательныхъ округовъ, изъ которыхъ въ каждомъ находится ея агентъ, опытный въ знаніи законовъ и облеченный отъ нея полною властію.

Это общество, дѣйствовавшее съ изумительною ловкостью, начинаетъ уже пожинать плоды трудовъ своихъ. Усилія лиги сначала преимущественно были направлены на мѣстечки, обитаемая небогатыми аристократами, незначительными промышленниками, мануфактуристами, — однимъ словомъ, людьми, наиболее-сочувствующими ея назиданіямъ. И точно, должно было дѣйствовать на нихъ прежде, нежели общество рѣшилось бороться съ графствами, находящимися всегда подъ вліяніемъ мѣстной аристократіи. Лига начала приводить въ исполненіе свой планъ разомъ въ 160 мѣстечкахъ, и 112 изъ нихъ склонились на сторону свободной торговли. До-сихъ-поръ, общество дѣйствуетъ весьма-успѣшно, и нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи его еще болѣе увеличатся. Въ провинціяхъ дѣла лиги также идутъ очень-хорошо. Въ нѣсколько дней балансъ въ пользу free-traders возросъ до 1750 въ Северномъ-Ланкастерѣ, до 500 въ Южномъ-Ланкастерѣ, до 500 въ Миддлсексѣ и, что весьма замѣчательно, почти на столько же въ Честерѣ и Йоркѣ. Важность этихъ успѣховъ такъ хорошо поняли во всѣхъ концахъ Англии; вліянію, которое должно доставить лигѣ посредничество въ составѣ избирательныхъ реестровъ, такъ горячо сочувствовали всѣ классы англійскаго общества, что въ доказательство этого довольно привести одинъ фактъ: 14 ноября 1844 года, въ одинъ день, въ пользу общества было собрано по подпискѣ 16,000 фунт. ст. (400,000 руб. ассигнаціями). Повсюду лига отваживается на борьбу съ равнымъ оружіемъ и, такъ-сказать, силу противопоставляетъ силу. Если на сторонѣ англійской аристократіи церковь господствующая, то на сторонѣ лиги всѣ прочія церкви, естественно-враждующія съ монополією, потому-что у нихъ, лишенихъ десятины, нѣтъ другаго пособія, кромѣ общественной довѣренности. Въ короткое время, 1,600 протестантскихъ священниковъ отозвались на провозглашенія лиги, и 700 изъ нихъ, изъ всѣхъ областей коро-

ства, собрались въ Манчестеръ. Послѣ долгихъ и основательныхъ вѣщаній, они объявили, что по всей Англіи пойдутъ проповѣдывать ободу торговли.

Итакъ, благодаря своей повсеместной дѣятельности и неутомимой энергіи, лига оказываетъ немисловяемые успѣхи, даже иногда вовсе неожиданныя. Она рѣшилась даже внести свое оружіе въ мѣсто, въ которомъ по преимуществу обитаютъ ея противники, въ нѣдра самого народа, и успѣхъ увѣнчалъ, лучше сказать, превзошелъ ея надежды. Избрать въ ея члены, г. Петтисонъ, котораго избиратели избрали въ виду только по его привязанности къ правиламъ лиги, передалъ ихъ эту лорда Эшбуртона и г. Бернгу, обладающему всеми средствами богатства и знатности. Г. Петтисонъ вскорѣ поступилъ въ число членовъ.

Познакомившись съ этимъ обществомъ, уже пріобрѣтшимъ знаменитость въ исторіи политической экономіи девятнадцатаго столѣтія, скажемъ нѣсколько словъ о главахъ лиги. Кто не слышалъ, не читалъ въ вѣстахъ о Кобденѣ, Брайтѣ, Мурѣ, Вильерсѣ, Гибсонѣ, Томсонѣ, Фоксѣ, Милсонѣ, лордѣ Редноръ и другихъ, которые, въ теченіе семи лѣтъ, вѣдуть эту борьбу, вооруженные талантомъ, мужествомъ и энергіею.

Глава и душа лиги — Ричардъ Кобденъ, въ этомъ трудномъ и опасномъ предпріятіи обнаружилъ многостороннія и замѣчательныя дарованія. Въ два мѣсяца, въ нѣдрахъ земледѣльческаго населенія, онъ вынулъ болѣе сорока митинговъ. Трудно повѣрить, сколько пособій онъ ходитъ къ умъ своему. Всегда сохраняющій бодрость и присутствіе духа, то веселый, то серьезный, онъ измѣняется, смотря по тому, съ кемъ онъ бесѣдуетъ. — Жоржъ Томсонъ, иногда болѣе-спокойный, но то болѣе-звѣвательный, еще болѣе-настойчивый, съ своими блестящими способностями соединяетъ неутомимую дѣятельность и рѣдкую энергію. Благодаря этимъ людямъ, одареннымъ такою силою воли и такою любовію къ своему дѣлу, собранія общества становятся день-отодня многочисленнѣе. Сверхъ-того, лига учреждаетъ обѣды и балы, гдѣ, въ большомъ числѣ принадлежація къ этому обществу, придавая имъ видъ общественныхъ торжествъ. Теперь вся Англія повсемѣстно потрясена этою страшною лигою, безпрестанно пріобрѣтающею неожиданныя пособія. Послѣ долговременныхъ колебаній, одинъ изъ вѣдущѣйшихъ членовъ аристократіи, бывшій государственный секретарь, лордъ Морнестъ, вступилъ въ ея члены и считается теперь однимъ изъ ревностнѣйшихъ ея приверженцевъ. Лордъ Джонъ Россъ, глава кабинета игоговъ, также присоединился къ обществу, и смерть этихъ двухъ аристократовъ, вѣроятно, произведетъ вліяніе на ихъ товарищей. Теперь цѣль и дѣйствія лиги еще болѣе оправдаются глазахъ Англіи опасеніемъ на-счетъ дурныхъ жатвъ въ болѣе-большей ти королевства и безпокойствомъ народа на-счетъ его продовольствія...
Ред.

Въ числѣ экономическихъ вопросовъ нѣтъ ни одного, который возбуждалъ бы заботливость правительства въ такой степени, и который былъ бы предметомъ большаго числа законовъ, какъ вопросъ о народномъ продовольствіи. Вся правительства земнаго шара обращали на него особенное вниманіе; вся, или почти-вся, стремились дать возмозжнѣе лучшіе законы этому важному предмету государственнаго хозяйства. Въ историческихъ памятникахъ самой отдаленной древности открываются слѣды этихъ попеченій. Но не менѣе древней, исторія новыхъ народовъ представляетъ множество мартъ въ этомъ отношеніи. Можно бы наполнить цѣлую книгу однимъ исчисленіемъ публичныхъ актовъ, издававшихся, на-примѣръ, во Франціи съ XII столѣтія по предмету торговли или воздѣлыванія хлѣбныхъ растений. Въ одномъ промежуткѣ времени отъ Генриха IV-го до Людовика XVI-го, насчитывается сто-шестьдесятъ законоположеній подобнаго рода; а извѣстно, что послѣдовавшее за тѣмъ время издало ихъ еще болѣе.

Эта живая и непрерывная заботливость понятна, но-крайней-мѣрѣ въ-отношеніи къ цѣли и предмету.

Въ-самомъ-дѣлѣ, что можетъ быть важнѣе вопросовъ, относящихся къ прокормленію народа? Законы объ этомъ предметѣ не только представляютъ изъ всѣхъ торговыхъ законовъ наибольшій интересъ, но имеютъ еще обширную политическую важность. Трудно, чтобы народъ оставался въ спокойномъ положеніи, когда онъ не находитъ вокругъ себя средствъ удовлетворять своимъ первымъ нуждамъ; такимъ-образомъ, неурожай хлѣбныхъ растений во вся времена, былъ особенно страшенъ для общественнаго спокойствія. Если бы всеобщая исторія не была сама всего чаще людями, любящими только фразы, если бы свѣдѣнія о печальныхъ фактахъ жизни народовъ не были въ ней, какъ это случается болѣею частію, искажаемы и поставляемы въ ложномъ свѣтѣ обещаній, наконецъ, было возможно найти въ ней элементы исторіи предмета, теперь насъ занимающаго, во всей цѣлости, то мы думаемъ, что мы имѣли бы исторію чудныхъ откровеній. Можно было бы увидѣть, что паденіе или возрожденіе государствъ зависело иногда отъ простаго вопроса о продовольствіи, и что перевороты, случавшіеся въ государствахъ, часто, если не вполне определялись, то по-крайней-мѣрѣ направлялись въ другую сторону отъ естественнаго положенія народа, производимаго въ хлѣбѣ. Не вопрошая часто неясные факты древности, можно убѣдиться, что событія новѣйшей исторіи подтверждаютъ эту мысль. Старинная французская монархія разрушается во время голода. Вся волемерная правительства, порожденныя революціею, погибаютъ одна за другою посреди подобныхъ же обстоятельствъ. Имперія, напротивъ, рождается въ лучезарномъ свѣтѣ, посреди народа, увѣреннаго въ обиліи жатвы, — и все пріивѣтствуетъ спервъ улыбкою ея смѣлости; позже, затрудненіе въ народномъ продовольствіи и три сряду неудачайные года, кажется, ириготовляютъ вдали ея паденіе. Почти такъ же исторія реставраціи, и можно не безъ основанія сказать, что настоящее французское правительство, которому въ началѣ его существованія угрожалъ голодъ, слѣдовавшій за революціею 1830 года, и которъ

вскорѣ за тѣмъ такъ укрѣпилось, — испытало, только въ противоположномъ смыслѣ, вліяніе того же самого начала. Между событіями, совершающимися теперь предъ нашими глазами, кто знаетъ, не падетъ ли конституція Великобританіи, эта знаменитая конституція, совершившая въ глазахъ удивленной Европы столь длинный, и въ некоторыхъ отношеніяхъ столь славный путь, — не падетъ ли эта конституція предъ глѣбными законами, на которые смотрятъ иногда, и весьма-ошибочно, какъ на ея лучшую опору? Относите къ одной этой причинѣ всѣ великіе перевороты въ государствахъ, — значило бы, безъ сомнѣнія, исказить исторію; но не позволительно также и презирать ея страшное въ этомъ случаѣ значеніе, и если справедливо, что недостатокъ въ хлѣбѣ никогда не былъ рѣшительною причиною политическихъ переломовъ, — то онъ всегда былъ, по-крайней-мѣрѣ, въ числѣ обстоятельствъ неблагопріятныхъ, которыя, давая худое направленіе легкому взмѣненію обычнаго хода вещей, — весьма-часто приводили къ трагическимъ развязкамъ.

Въ различныхъ вѣтвяхъ государственнаго управленія, нѣтъ ни одной, которая такъ часто была бы организована законами и въ то же время составляла бы предметъ бѣльшаго числа разсужденій и трудолюбивыхъ изысканій публицистовъ, — какъ вопросъ о хлѣбѣ. Во Франціи, въ половинѣ прошедшаго столѣтія, онъ возбудилъ родъ публичнаго пренія, которое продолжалось тридцать лѣтъ, произвело цѣлыя томы и въ которомъ приняли участіе, кромѣ сектантовъ школы экономистовъ, почти всѣ ученые знаменитости того времени. А сколько разсужденій породилъ онъ въ періодъ революціи и съ 1814 года въ недрахъ законодательныхъ собраній! Англія не отставала отъ Франціи въ этомъ отношеніи. Въ-особенности съ 1815 года, когда началось существованіе вынѣ-дѣйствующаго закона, нѣтъ года, въ который не возобновлялись бы болѣе-и-болѣе живыя пренія. Изъ одного собранія сочиненій, изданныхъ объ этомъ предметѣ въ этихъ двухъ странахъ, легко составила бы большая библіотека.

Не смотря на множество попытокъ съ одной стороны, и на столько трудовъ съ другой, — задача о жизненныхъ припасахъ далеко еще не разрѣшена, какъ доказываетъ настоящее положеніе Европы. Въ противность законовъ, назначенныхъ предупреждать недостатокъ въ народномъ продовольствіи, этотъ недостатокъ возобновляется со всеми своими бѣдствіями, со всеми опасностями, которыя онъ влечетъ за собою. Притомъ, кажется, вопросъ о началѣ, которое слѣдуетъ положить здѣсь въ основаніе, не болѣе разрѣшенъ, какъ и вопросъ о самомъ фактѣ, потому-что вездѣ споры возобновляются съ новымъ жаромъ. Надобно ли заключить изъ этого, что повтореніе недостатка хлѣба есть зло неизбежное, противъ котораго усилія человѣческія должны быть напрасны? — Слѣдуетъ ли допустить, что разрѣшеніе предложеннаго вопроса невозможно теперь, даже въ теоріи? — Конечно нѣтъ. Множество попытокъ не доказываетъ, въ этомъ отношеніи, ничего, кромѣ, можетъ-быть, обольщенія, произвольнаго и многоразныхъ ошибокъ. Не часто ли намъ случается видѣть людей, даже

изъ числа участвующихъ въ дѣлахъ правленія, — которые позволяютъ себѣ увлекаться обманчивою наружностью вещей, не смотря на то, что этотъ обманъ всегда одинъ и тотъ же, и которые слѣдуютъ съ постояннымъ упорствомъ ослѣпляющему ихъ ложному свѣту, — даже опытъ, тысячу разъ повторяющійся остается безсильнымъ противъ такого роковаго увлеченія? — Короче, не смотря на видимое множество и разнообразіе мѣръ, относящихся къ народному продовольствію, всѣ онѣ мало разнятся между собою въ основаніи. Вездѣ встрѣчается сдѣланіе однакъ и тѣхъ же мыслей съ одними и тѣми же выводами послѣдствій. Все это вѣчно вращается въ одной и той же сферѣ, — сферѣ заблужденій, предразсудковъ, ошибочныхъ предположеній, непрерывно повторяющихся съ древнихъ временъ.

Правительство предусмотрительное и мудрое, говорятъ намъ, должно обезпечивать продовольствіе страны, ввѣренной его попеченіямъ; а что оно должно дѣлать для этого? Во-первыхъ, воспретить или по крайней-мѣрѣ подвергнуть строгимъ ограниченіямъ вывозъ туземнаго хлѣба, чтобы сохранить для внутренняго потребленія всю массу произведеній земли; во-вторыхъ, благопріятствовать ввозу хлѣба иностраннаго, чтобы восполнить, въ случаѣ нужды, недостатокъ мѣстныхъ произведеній. Вотъ общій корень всѣхъ теорій, основная идея, къ которой приводятся всѣ онѣ, — идея, безъ-сомнѣнія, простая и обольстительная.

Однакожь, такъ-какъ всегда случается, что не смотря на приложение этой системы, или лучше сказать, въ-слѣдствіе ея приложенія, періодическое возвращеніе голодныхъ годовъ повторяется, то часто является необходимость предпринимать мѣры, имѣющія болѣе силы, — и вотъ въ чемъ состоятъ онѣ. Чтобы помочь настоящему злу, налагаютъ условія законовъ на торговлю, и въ-слѣдствіе этихъ распоряженій зло нерѣдко увеличивается: съѣстные припасы исчезаютъ съ рынковъ, и цѣна на нихъ возвышается. Тогда стараются ограничить возвышеніе цѣнъ и даже положить имъ постоянный предѣлъ. Отсюда рождается иногда другая ошибка, которая влечетъ за собой новое увеличеніе зла; въ-слѣдствіе такой мѣры, съѣстные припасы, которые дотолъ были только дороги, исчезаютъ совершенно, и продажа ихъ прекращается. Чтобы помочь какъ-нибудь этому бѣдственному недостатку, рѣшаются прибѣгнуть къ ввѣннымъ закупкамъ, помощью которыхъ противопоставляютъ соперничеству скупщикамъ, принуждая ихъ такимъ-образомъ къ выставкѣ на рынокъ своихъ запасовъ; наконецъ доходятъ до того, что дѣлаютъ народу, на счетъ государства, безмездныя раздачи. Вотъ постоянно повторяющійся кругъ этихъ мѣръ. Безмездныя раздачи составляютъ, впрочемъ, самое крайнее средство и замыкаютъ собою цѣпь. Пришедши къ этому средству, всякое правительство останавливается, потому-что это средство не принадлежитъ къ тѣмъ, которые могутъ держаться долго безъ истощенія финансовъ. Исторія представляетъ примѣры подобныхъ раздачъ, вызвавшихъ некоторое постоянство и продолжительность — въ Римѣ, въ послѣднее время республики и при началѣ имперіи. Но чтобы слѣдовать, въ-продолженіе долгаго времени, этой политикѣ,

подобно, подобно римскому сенату, имѣть возможность жертвовать снабженію съѣстными припасами одного города съ окрестностями — данями отъ различныхъ народовъ и поборами съ извѣстнаго тогда свѣта.

Если изслѣдовать окончательную причину ошибки, поражающей всякаго рода теоріи, то нельзя не увидѣть, что она состоитъ преимущественно въ желаніи поставить во всѣхъ вещахъ то, что называется мудростію законодателя, на мѣсто предусмотрительности торговли, — предусмотрительности, которая въ сферѣ, ей свойственной, гораздо-превосходитъ предусмотрительности положительныхъ законовъ. Не оставаясь, однакожь, на общихъ разсужденіяхъ, мы ограничимся пока-заніемъ, съ помощію рациональныхъ выводовъ и фактовъ, что обширная страна не можетъ навѣрно разсчитывать, въ-отношеніи обезпеченія хлѣбными запасами, на привозъ извнѣ; постараемся показать, что обиліе и безопасность могутъ родиться въ такой странѣ только изъ распространенія земледѣлія, и что истинное, единственное средство распространенія его состоитъ въ безпрепятственномъ дозволеніи, а въ отсутствіи надобности, даже и въ содѣйствіи вывозу хлѣбныхъ произведеній, откуда слѣдуетъ, что изобиліе рождается существеннымъ образомъ въ возможности вывоза. Но прежде развитія этой мысли, необходимо поднять все вышесказанное еще однимъ замѣчаніемъ.

Картина, которую мы сейчасъ представили, изображаетъ довольно-очевиднымъ образомъ всю идею, имѣвшую во всю времена вліяніе на законы, посвященія къ хлѣбнымъ растеніямъ. Однакожь, къ этой теоріи, если можно назвать ее теоріею, — въ послѣднее время, подѣ вліяніемъ новыхъ конституціонныхъ государствъ, присоединился новый элементъ. Въ прежнія времена, если правительство касалось законовъ, относящихся до хлѣба, и если не было руководимо духомъ фискальности, который довольно-рѣдко обращался на этотъ предметъ, то имѣло въ виду исключительно продовольствіе народа. Эта цель, хорошо ли, худо ли понимаемая, руководила неизменно. Обезпечить правильное продовольствіе рабы и поддерживать доступную для всѣхъ цѣну на съѣстные припасы, было единственною и постоянною цѣлью этого рода законовъ. Съ того времени, какъ возникли конституціонныя государства, родилось новое начало, или, лучше-сказать, новый интересъ — интересъ помещичьихъ собственниковъ, который, прикоснувшись къ предмету пользы и интереса земледѣльческаго, еще болѣе запуталъ споръ. Такъ какъ во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ Европы, не исключая Бельгіи, электоральныхъ права болѣе или менѣе исключительно принадлежали собственникамъ земли, которые сдѣлались чрезъ то рѣшителями судебъ министерствъ и главнымъ источникомъ законовъ, то видѣть въ этихъ собственникахъ вдругъ приобрѣлъ здѣсь важность чрезвычайную, необыкновенную, которая поставила его не однажды въ борьбу интересомъ даже народнаго продовольствія, этой великой цѣли печеній всѣхъ древнихъ законодателей. Отсюда произошла новая система, болѣе сложная, чѣмъ древняя, и въ некоторомъ смыслѣ двойственная, въ которой всего чаще дѣлалась приманка два предположенные принципа или интереса. Сущность ея можетъ быть выражена

такъ: ограничить съ одной стороны вывозъ туземнаго хлѣба въ видахъ народнаго продовольствія, и съ другой стороны стѣснить ввозъ хлѣба иностраннаго въ видахъ такъ-называсяго интереса земледѣльческаго.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется нынѣ вопросъ о хлѣбныхъ законахъ. Вся старинные предразсудки существуютъ, хотя, въ некоторыхъ странахъ, и потеряли, можетъ-быть, болѣе или менѣе своей силы; но отнынѣ вышпивается въ вопросъ новая идея, которая одолжена всею своею силою и кредитомъ преобладанію известнаго класса, — идея, состоящая преимущественно въ томъ, чтобъ облегчать продажу туземнаго хлѣба, то способствуя его вывозу на внѣшніе рынки, то, и это еще чаще, не допуская на внутренніе рынки хлѣба чужеземнаго.

Мы говоримъ, что эта идея, что этотъ новый духъ принадлежитъ собственно государствамъ конституціоннымъ, гдѣ господствуетъ вліяніе всемогущихъ собственниковъ; и еслибъ кто усомнился въ истинѣ этого положенія, то для убѣжденія достаточно только раскрыть исторію. Во Франціи, при старинномъ правленіи, и во все продолженіе XVIII вѣка, не смотря на тягость различныхъ условій, которыми подвержена была внутренняя торговля хлѣбомъ, ввозъ хлѣба чужестраннаго былъ постоянно допускаемъ, какъ-будто по какому-то неизмѣнному и священному праву, тогда-какъ вывозъ хлѣба туземнаго, напротивъ, былъ вообще запрещенъ. Отъ этого послѣдняго правила, въ-продолженіи всего столѣтія, отступали только два раза, — въ 1764 и 1787 годахъ, и въ обоихъ случаяхъ эта случайная терпимость, которая поддержана была, впрочемъ, различными изъятіямъ и ограниченіямъ, была такъ скоропреходяща, что она не могла даже принести никакихъ плодовъ. Революція и имперія не удались въ этомъ случаѣ отъ старинной политики. Когда Конституціонное Собраніе (*assemblée constituante*) декретомъ 29 августа 1789 года, возвратило свободу внутренней хлѣбной торговли, то все-таки торговля внѣшняя особеннымъ распоряженіемъ была исключена отъ этой свободы, и вскорѣ за тѣмъ, другимъ декретомъ 18 сентября, объявленъ былъ даже опаснымъ для общественнаго спокойствія и безопасности всякій вывозъ за границу хлѣба въ зернѣ и въ муцѣ. До времени революцїи, хлѣбная торговля, когда не была совершенно запрещена, ограничивалась только существованіемъ внутри государства. Ввозъ иностраннаго хлѣба оставался, однакожъ, тайно-разрешеннымъ въ силу давнѣйшаго обычая, тогда-какъ вывозъ, прїостановленный декретомъ Конституціоннаго Собранія, оставался рѣшительно-воспрещеннымъ. Консульское правительство позволяло вывозъ зерна, но только въ тѣхъ случаяхъ, если сложная цѣна хлѣба съ десяти рынковъ не превосходила известнаго предѣла, который былъ назначенъ, для запада и сѣвера Франціи въ шестнадцать франковъ, и нѣсколько позже, для юга въ двадцать франковъ. Въ послѣдовавшіе за тѣмъ годы, законъ, нѣсколько разъ подвергавшійся измѣненіямъ, продолжалъ дозволить вывозъ, но всегда при известныхъ условіяхъ. Впрочемъ, пользованіе этимъ правомъ не было опредѣлено совершенно, но зависѣло отъ частныхъ дощадлихъ, которыя даваемы были полицейскими агентами и сдѣлались предметомъ

значительнаго торговаго. Въ 1810 году, даже эти дозволенія были запрещены, и вывозъ совершенно запрещенъ былъ вновь.

Такова была во Франціи постоянная политика всѣхъ правительствъ, существовавшихъ конституціонному правленію: дозволить вывозъ хлѣба только извѣстнымъ мѣстностямъ и подъ извѣстными условіями; и благопріятствовать во всякое время ввозу хлѣба, съ тѣмъ, чтобъ сберечь собственному народонаселенію все количество мѣстныхъ произведеній, и, въ случаѣ нужды, восполнить недостатокъ привозомъ извнѣ. Едва установилось, въ 1814 году, конституціонное правленіе, какъ се измѣнилось. 26 іюля, не ожидая даже разсужденій палаты, король издалъ предварительно, и безъ всякихъ условій, вывозъ хлѣба. Это предварительное дозволеніе обращено въ законъ 2-го сльдующаго декабря. Нѣсколько-позже, правительство, правда, уклонилось отъ этой мѣры, въ дальнѣйшемъ существованіи которой видѣло некоторую опасность; но новый духъ, вошедшій въ публичныя совѣщанія, въ послѣдствіи обнаружился яснѣе, сперва въ законъ 16 іюля 1819 года (первый законъ, положившій ограниченіе ввозу хлѣба во Францію), потомъ въ законъ 4 іюля 1821 года, который еще болѣе усилилъ ограниченія предыдущаго. Этотъ законъ 1821 года, — твореніе болѣе палаты, чѣмъ правительства, — оставался общимъ правиломъ для хлѣбной торговли во Франціи въ продолженіи всего времени реставраціи. Законъ 1832 года, дѣйствующій понынѣ, напоминаетъ собою его главнѣйшія распоряженія, но съ нѣкоторыми измѣненіями, въ болѣе-либеральномъ духѣ.

Если отъ конституціонной Франціи перейти къ Англіи, то тамъ мыслете примаръ еще болѣе разительный тѣхъ же чувствъ и того же рода законодательныхъ распоряженій. Въ 1689 году, спустя только годъ послѣ рѣшительнаго установленія конституціоннаго правленія, парламентъ издалъ билль, воспретившій ввозъ въ Англію чужестраннаго хлѣба и не только позволявшій вывозъ туземнаго, но даже покровительствованній ему премією въ 5 шиллинговъ за четверть. Это законодательство, дѣйствовавшее до 1764 года, произвело въ Англіи результаты удивительныя, неожиданныя. Оно было нѣсколько разъ въ послѣдствіи измѣняемо; но ограниченія ввоза чужестраннаго хлѣба всегда существовали и сдѣлались общимъ правиломъ англійской торговли. Однакожь только допущено было исключеніе, именно въ-продолженіе долголетней войны, которую Англія вела съ Франціею. Землеуладельческая аристократія, которая, казалось, особенно интересовалась этою бѣдѣю, сочла необходимымъ тогда свискать расположеніе народа смягчить старинныхъ ограниченій. Впрочемъ, едва война кончилась, какъ въ 1815 году ввозъ чужестраннаго хлѣба былъ снова воспретченъ съ болѣею строгостью, нежели когда-либо прежде. Правда, не старались уже покровительствовать вывозу хлѣба, но ограничивались только возмѣнить его, хотя это позволеніе было почти воображаемое, ибо при существованіи ограниченій ввоза, имѣвшихъ целью, какъ ны сейчасъ увидѣть, возвысить внутреннюю среднюю цѣну надъ общимъ уровнемъ чужестранныхъ, — страна, отказывающаяся получать хлѣбъ шене, имѣетъ вывозить свой хлѣбъ только въ той мѣрѣ, въ какой она бла-

гонимъ этому вывозу, что и дѣлала Англія прежде, помощью премій.

Такимъ образомъ, въ продолженіи XVIII столѣтія, Франція и Англія, управляемая по различнымъ системамъ, или, въ отношеніи хлебной торговли, диаметрально противоположными путями, — одна запрещала то, что другая позволяла или чему даже способствовала съ помощью премій. Съ тѣхъ-поръ, какъ эти государства — находятся, въ конституціонномъ отношеніи, въ подобныхъ обстоятельствахъ, ихъ *хлебные законы* были, напротивъ, создаемы одна по образу другихъ, — съ тѣмъ, однакожъ, различіемъ, что при болѣе-исключительномъ вліяніи поземельной собственности въ Англіи, нежели во Франціи, — ограниченія ввоза, сделанныя въ первой, были всегда строже. И, что не менѣе замѣчательно, новое смягченіе этихъ ограниченій, сделанное во Франціи закономъ 1832 года, совпадаетъ съ произведеннымъ тогда ослабленіемъ партіи поземельныхъ собственниковъ: въ савонъ-дѣлѣ, законъ 1832 года, — если смотрѣть на время изданія, — составляетъ какъ-бы дополненіе или смягченіе другого закона, который, уничтожая, съ одной стороны, двойные голуба наиболее-богатыхъ собственниковъ, и вводя; съ другой стороны, въ электоральный корпусъ, чрезъ пониженіе ценъ, большее число гражданъ, вдвое ослабилъ вліяніе, которое имѣла дотѣхъ поземельная собственность: до такой степени справедливо то, что ограниченія ввоза чужестраннаго хлеба въ сущности суть не что иное, какъ сладкія силы вліянія партіи поземельныхъ собственниковъ и связаны съ вліяніемъ политическою.

Примаръ Бельгіи въ высшей степени подтверждаетъ эту истину. Дотѣхъ-поръ, пока эта страна была соединена съ Голландіей, — хлебная торговля, внутренняя и вѣшняя, была въ ней свободна. Съ того времени, какъ у нея уредились собственныя законодательныя палаты; — гдѣ земледѣльческій интересъ имѣютъ многихъ представителей (*), одно и другимъ послѣдовала ограниченія торговли хлебомъ, всегда болѣе и болѣе тягостныя, — и шестю, что новый законъ, о которомъ было рѣшимо въ последнее засѣданіе палатъ, сдѣлалъ бы эти отягощенія еще болѣе тяжкими, еслибъ, въ-средствіе настоящихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и недостаточнаго послѣдняго урожая, — правительство не счло нужнымъ отеречь дѣйствіе этого закона. Изложенныя выше замѣчанія мы не думаемъ доказывать неудобство конституціоннаго правительства или вообще представительной системы. Мы хотѣли только прояснить фактъ общій и очевидный, который по этой самой причинѣ не можетъ не имѣть никакого значенія, и который, кажется намъ, можетъ показать смыслъ и въ то же время предсказать будущую судьбу

(*) Электоральный ценъ въ Бельгіи не слишкомъ высокъ, но онъ не одинаковъ; онъ различествуетъ по провинціямъ, и въ особенности по мѣстностямъ. Антверпенъ, впрочемъ, гораздо-слабѣе для деревень, нежели для городовъ, отъ чего партія земледѣльческая преобладаетъ. Вотъ, на-примѣръ, высота его для провинціи антверпенской: для Антверпена 40 флоринновъ; для Малина 40 флоринновъ; для Турну 35 флоринновъ; для Лувена 25 флоринновъ; для деревень — 20 флоринновъ. — 4 . . . 12 . . .

хлѣбныхъ законовъ. Только съ этой точки рассматриваемъ мы вопросъ, отставляя въ сторону все относящееся къ политикѣ.

Разберемъ теперь различныя системы, которыхъ сущность мы назвали. Вопросъ о свободѣ внутренней хлѣбной торговли разобранъ теперь какъ въ основаніи, такъ и въ послѣдствіяхъ своихъ, и есть поводъ думать, что эта свобода будетъ обезпечена окончательно. Следовательно, предстоитъ къ рѣшенію вопросъ только о торговлѣ хлѣбомъ внѣшней въ двойномъ отношеніи — въ отношеніи ввоза и вывоза, равно какъ и о послѣдствіяхъ законовъ, ее отменяющихъ.

Сильно заблуждается тотъ, кто думаетъ, что страна болѣе или менѣе обширная и имѣющая многочисленное населеніе, какъ, на-прим., Франція и Англія, можетъ, въ отношеніи народнаго продовольствія хлѣбомъ, — рассчитывать на ввозъ извнѣ. Употребленіе хлѣба чрезвычайно-обширно; являясь хлѣбъ, по своей тяжести, представляетъ такъ мало удобствъ для переноса, что на привозъ большихъ массъ его издалека нельзя надѣяться, не говоримъ уже при продовольствіи целой страны, но даже при удовлетвореніи частныхъ, мѣстныхъ ея потребностей, которыя съ-времени-до-времени могутъ обнаруживаться. По самымъ вѣроятнымъ исчисленіямъ, ежегодная производительность различнаго рода хлѣба во Франціи простирается до 85,828,680 четвертей, по исчисленію, сдѣланному въ палатахъ при разсужденіи о законѣ 1832 года; средняя же величина ощущаемой потребности при недостаточномъ урожаѣ простирается отъ 6 до 7 милліоновъ четвертей. Эти данныя, которыя мы не выдаемъ за строго-точные, могутъ быть приняты во-крайней-мѣрѣ за приближительныя. Что же мы видимъ? Самый большой ввозъ, какой только известенъ, — былъ въ 1831 году, и онъ простирался только до 1 милліона четвертей. Не-уже-ли съ этимъ количествомъ, на которое слѣдуетъ смотрѣть какъ на исключеніе, — потому-что этотъ ввозъ былъ далеко больше всѣхъ другихъ, — можно надѣяться восполнить недостатокъ туземной производительности? То, что мы говоримъ о Франціи, относится въ равной мѣрѣ къ Англіи, хотя средства продовольствія тамъ помощію привоза извнѣ въ некоторой степени обширнѣе. Взятая въ древнихъ своихъ предѣлахъ, средства продовольствія, доставляемыя извнѣ, никогда не превосходили во Франціи пятидесятой, а въ Англіи, можетъ-быть двадцатой, части всей потребности. Одинъ этотъ фактъ достаточно показываетъ, что изобиліе никогда не можетъ родиться въ обширной странѣ отъ свободы ввоза, а вычисленія и рациональныя выводы въ этомъ отношеніи вполнѣ подтверждаются опытомъ. Мы знаемъ, что въ-продолженіи многихъ лѣтъ, до 1814 года, свобода ввоза была въ-какомъ-образѣ общимъ правомъ во Франціи. И въ-продолженіи этого промежутка времени, не-уже-ли недостатокъ въ хлѣбѣ былъ неизвестенъ? Нисколько: государство не было предохранено даже отъ голода. Исторія Англіи не менѣе наставительна въ этомъ отношеніи; потому-что, въ-самомъ-дѣлѣ, промежутокъ времени, въ который ввозъ хлѣба въ этой странѣ былъ дозволенъ, заключаетъ въ себя нѣсколько лѣтъ, исключенныхъ всѣхъ бѣдствій голода. Следовательно, ошибаются отъчаянные противники сдѣланнаго ввоза, какъ, на-прим., англичанскіе

ляги, составившейся въ Англіи для уничтоженія хлѣбныхъ законовъ (anti-corn-law-league), когда они уповаютъ на помощь, которую можетъ представить ввозъ, и основываютъ на этой надеждѣ все свои расчеты.

Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что свободный ввозъ хлѣба не имѣетъ никакого значенія для страны? Совсѣмъ нѣтъ. Только этотъ ввозъ преимущественно важенъ не въ смыслѣ пособія, но въ томъ отношеніи, что онъ препятствуетъ установленію монополіи на внутреннемъ рынкѣ и понижаетъ цѣну.

Что раждаетъ изобиліе, что предохраняетъ страну отъ недостатка и голода, отъ всѣхъ мученій страха? — распространеніе внутренней производительности, обширное развитіе земледѣлія. Хотите ли никогда не имѣть недостатка въ необходимомъ, — достигните того, чтобы собственная ваша почва производила во всякое время съ избыткомъ. Следовательно, существенный вопросъ состоитъ въ знаніи того, при какихъ условіяхъ туземная производительность можетъ развиваться; но не говоритъ ли здравый смыслъ, что главнѣйшее изъ этихъ условій состоитъ въ томъ, чтобы произведенія имѣли постоянный сбытъ, наиболее-обширный и наиболее-удобный, какъ внѣ, такъ и внутри государства?

Созданы въ этомъ отношеніи странныя системы. Прежде всего предполагаютъ, что земледѣліе, особенно же воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній, есть фактъ постоянный, какое-то неизмѣнное данное; далѣе предполагаютъ, что страна производитъ хлѣба всегда столько, сколько можетъ произвести — ни болѣе, ни менѣе. Это исходный пунктъ всѣхъ древнихъ системъ; инымъ образомъ нельзя ихъ объяснить. Та же самая мысль обнаруживается даже и теперь во всѣхъ разсужденіяхъ политическихъ; но, составляя въ существѣ своемъ не что иное, какъ старинный предрасудокъ, она представляется нынѣ сопровождаемая цифрами, которыя даютъ ей видъ наукообразный. Чтобы судить, о томъ, можно ли дозволить вывозъ хлѣба, надобно знать, говорятъ намъ, можетъ ли внутренняя производительность удовлетворить потребностямъ страны, или даже превзойти ихъ, и на этомъ основаніи стараются дѣлать свои вычисленія. Представляютъ, съ одной стороны, таблицу народонаселенія и количество произведеній, потребное на долю каждого жителя; съ другой стороны, таблицу земель, способныхъ къ обработыванію и среднюю цифру получаемыхъ съ известнаго пространства семянъ; сдѣлавъ такой балансъ, смѣло выводятъ заключенія; и такъ-какъ всегда случается, что въ этихъ вычисленіяхъ цифры потребленія и производительности возрастаютъ — потому ли, что действительно таково положеніе большей части европейскихъ народовъ, или потому — что статистическія таблицы, вообще чрезвычайно-упругія, какъ-бы неволью приводятъ къ этому результату, то не останавливаясь, заключаютъ, что страна должна запереться въ самую себя и приберечь для своего собственного потребленія все количество своихъ произведеній. И на основаніи такихъ-то разсужденій принимаются мѣры! и защитники ихъ останавливаются на томъ, что они извлекли политическую экономію изъ сферы отвлеченій и поставили ее на прочномъ основаніи фактовъ!

Не трудно, однакожъ, открыть ошибку, скрывающуюся подъ этими вычислениями. Что въ сущности доказываютъ эти цифры, которыя они призываютъ въ помощь, допустивъ даже точность ихъ, которой онѣ не имѣютъ? Одно: производительность страны въ настоящій, данный моментъ; но, не предполагая, что эта производительность есть крайній возможный предѣлъ, какое заключеніе можете вы вывести въ отношеніи къ производительности въ будущемъ? Въ настоящее время, и подъ вліяніемъ существующихъ законовъ, потребление и производительность распространяются; положимъ, что это справедливо; но вотъ и все, что статистика доказываетъ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что вѣсегда будетъ также, и что полученные теперь цифры останутся востоянными, неизмѣнными, даже при новомъ порядкѣ вещей? Подумаешь въ-самомъ-дѣлѣ, слушая этихъ отважныхъ вычислителей, что въ каждой странѣ есть известное пространство земли, однажды-навсегда и исключительно назначенное подъ посѣвъ хлѣбовъ, и что воздѣлываніе хлѣбныхъ растений не можетъ ни сокращаться, ни расширяться; подумаешь, что какой-то непреложный законъ принуждаетъ земледѣльцевъ вѣчно обращаться въ одномъ и томъ же кругѣ, проводить непременно одну и ту же борозду...

Всякаго рода производительность, если она не ограничивается самою природою вещей, непременно соразмѣряется съ обширностью рынка. Здѣсь могутъ быть иногда большія или меньшія ошибки, особенно въ странахъ, гдѣ постановленіе неядкусныхъ мѣръ производитъ замѣшательство въ промышленной экономіи; но стремленіе производительности къ сказанному уровню нисколько не уменьшается отъ того въ своемъ постоянствѣ; и рѣдко со временемъ не оказываетъ всѣхъ своихъ послѣдствій. Почему же хлѣбная производительность должна составлять въ этомъ случаѣ исключеніе? Она не имѣетъ постоянныхъ и необходимыхъ предѣловъ, потому-что всякая земля, засѣянная, на-примѣръ, рожью, можетъ быть очень-легко обращена на другое употребленіе, и часто это дѣлается по необходимости, точно такъ же, какъ большое число земель, на которыхъ рожь рѣдко сѣется, нисколько не терять отъ того способности производить ея. Отсюда ясно, что статистическія таблицы не доказываютъ ничего: каково бы ни было количество хлѣбныхъ произведеній въ настоящій моментъ, оно ничего не значить, такъ-какъ ничто не мѣшаетъ ему увеличиваться или уменьшаться при иномъ порядкѣ вещей. Чтобы убѣдиться въ истинѣ этого положенія, стоитъ только взять факты на удачу, въ какой-нибудь странѣ, въ настоящемъ или прошедшемъ, и мы увидимъ, что нѣтъ ни одного, который не подтверждалъ бы сказаннаго въ высшей степени.

Предположимъ, что въ какой-нибудь странѣ хлѣбная торговля вдвойна преграждена законами, запрещающими ввозъ и вывозъ. Что будетъ естественнымъ послѣдствіемъ такого стѣсненія? Производительность, имѣя единственнымъ своимъ истокомъ внутренній рынокъ, но въ то же самое время будучи увѣрена въ исключительномъ на нее господствованіи, будетъ доставлять точь-въ-точь почти то количество, которое требуется, — что дѣйствительно и замѣчается вездѣ,

гдѣ находится подобное законодательство. Однакожъ, такъ-какъ вліянія атмосферическія не зависятъ отъ предусмотрительности человека, то производители не безъ основанія дѣлаютъ свои расчеты на среднихъ числахъ нѣсколькихъ лѣтъ. Отсюда — недостатокъ хлѣба въ годы неурожайныя, и излишество его въ годы урожайныя; отсюда также рождаются попеременно то бѣдствіе для народа, то убытки для земледѣльца. Запретительные законы въ хлѣбной торговлѣ непременно производятъ одно изъ этихъ золъ.

Въ странахъ, гдѣ дѣйствуютъ такіе законы, можно даже замѣтить весьма-любопытный фактъ некотораго рода прилива и отлива производительности. Земледѣльцы, какъ мы выше замѣтили, соразмѣряютъ производительность съ нуждами; они дѣлаютъ это довольно-вѣрно, но не на основаніи общихъ сложныхъ соображеній, къ которымъ они нѣсколько не способны, а которыя не всегда въ состояніи сдѣлать даже пріятельство: они соображаются просто съ удобствами или затрудненіями, встрѣчаемыми сбытомъ ихъ произведеній. Что жъ отъ этого происходитъ? Знаютъ, напр., что вообще нѣсколько лѣтъ сряду бываетъ неурожайныхъ, потомъ слѣдуютъ обыкновенно нѣсколько годовъ урожайныхъ. Въ-продолженіе первыхъ, цѣны, не будучи умѣряемы соперничествомъ иностранцевъ, возвышаются до чрезмѣрности, и земледѣльцы получаютъ отъ продажи своихъ произведеній огромныя выгоды. Тогда, обольщенные удобствомъ сбыта и величиною прибылей, они расширяютъ свое земледѣльство, они спѣшатъ занять подъ посѣвъ хлѣба земли, прежде имѣвшія другое назначеніе. Слѣдуютъ за тѣмъ годы урожайныя, и вдругъ, благодаря сдѣланному предъ симъ расширенію земледѣлія, обнаруживается излишество хлѣба. Чѣмъ болѣе былъ недостатокъ въ неурожайныя годы, тѣмъ болѣе становится чувствительнымъ избытокъ года плодороднаго. Цѣны упадаютъ, рынки переворачиваются, житницы земледѣльцевъ загромождаются излишествомъ товара, которому они не находятъ нигдѣ сбыта, — и такимъ образомъ бѣдствіе земледѣльцевъ слѣдуетъ за бѣдствіемъ страны вообще. Вскорѣ за симъ обнаруживается противное движеніе, и послѣдствія очевидны. Вотъ какъ страна, подъ дѣйствіемъ запретительныхъ законовъ, перебрасывается съ одного подводнаго камня на другой. Достаточно изучить то, что происходитъ въ Англіи съ 1815 года, что было во Франціи во время реставраціи, — и прослѣдить съ некоторымъ вниманіемъ движеніе земледѣлія въ обѣихъ странахъ, чтобъ убѣдиться въ неоспоримой истинѣ наложенныхъ нами замѣчаній.

Пойдемъ далѣе. Мы сказали, что въ странѣ, гдѣ дѣйствуютъ запретительные законы, производительность внутренняя почти можетъ быть достаточна для удовлетворенія потребности въ обыкновенныя годы. Это положеніе, однакожъ, требуетъ болѣе точности. Понятно, въ-самомъ-дѣлѣ, что если жатва, превосходящая сколько-нибудь чувствуемую потребность, слишкомъ-часто приводитъ земледѣльца къ совершенной невозможности продать свои произведенія, то для него несравненно еще страшнѣе избытокъ года вполне-плодороднаго. Въ-слѣдствіе сего онъ дѣлается въ высшей степени осторожнымъ и стремится производить не

ше, но ниже потребности. Отсюда происходитъ, — странное дѣло, — о страна, такъ сильно защищенная отъ ввоза, именно всего чаще испытываетъ непреодолимую нужду въ хлѣбъ чужестранномъ, и окончательно ввозить его навболѣе. Кто не узнаетъ въ этихъ чертахъ горѣ Англїи? Никакая другая страна такъ строго не запрещаетъ ввоза чужестраннаго хлѣба и никакая не потребляетъ его столько въ дѣйствительности — Полагаютъ, что англїйскїй народъ такъ часто испытываетъ жажду въ иностранномъ хлѣбѣ потому только, что его территория не въ состоянїи удовлетворить всей потребности; но, если разсмотреть, съ одной стороны, какъ мало Англичанинъ вообще употребляетъ въ пищу хлѣба, съ другой, до какой степени воздѣлываніе хлѣбныхъ растений въ Англїи ограничено, — следовательно, сколько еще остается земель, которыя, въ случаѣ нужды, могли бы быть заняты подъ посѣвъ хлѣба, — становится непонятно, какъ человекъ здравомыслящїй можетъ допустить такое предположеніе. Нѣтъ, нужда Англїи не происходитъ изъ излившества населенїя, но есть естественное и необходимое слѣдствіе ея законовъ. Хотите ли другой фактъ для доказательства? Если французское законодательство, собственно въ-отношенїи хлѣбныхъ растений, гораздо-свободнѣе англїйскаго, — то въ замѣнъ этого, относительно большей части другихъ земледѣльческихъ произведенїй, оно мое стѣснительное во всей Европѣ. Оно налагаетъ пошлины, болѣе или менѣе высокія, на ввозъ льна, пеньки, шерсти, масляныхъ растений, лошадей, овецъ, рогатаго скота, словомъ: всѣхъ земледѣльческихъ произведенїй. И что же показываютъ отчеты французскихъ таможенъ? Ввозъ этихъ самихъ произведенїй во Францію пропорціонально-значительнѣе, нежели во всякую другую страну на материкѣ Европы. Явленїе, по-видимому столь странное, неоспоримо, и конечно изъясняется тѣмъ, что препятствїя, противопоставленныя ввозу произведенїй земли, всегда возвышаютъ ихъ цѣну на внутреннемъ рынкѣ и даютъ такимъ-образомъ большое преимущество одороднымъ произведенїямъ иностраннымъ.

Предположите теперь, что существующїе законы даютъ всякую возможность вывозить хлѣбъ: тогда рынокъ расширяется, открываются новые пути продажи, и земледѣлецъ, видя передъ собой болѣе-обширный горизонтъ, безпредѣльное поприще, соразмѣряетъ свои операціи по обширности нуждъ, которыя онъ удовлетворить долженъ. Начинать ли онъ засѣвать большее количество земли хлѣбными сѣменами, или обрабатываетъ то же пространство съ болѣею дѣятельностью, — во всякомъ случаѣ онъ доставляетъ на болѣе-обширный рынокъ большее количество произведенїй. Количество хлѣба увеличивается сообразно съ спросомъ. Можно даже сказать, что при такомъ порядкѣ вещей увеличеніе производительности идетъ быстрѣе возрастанїя самаго потребленїя, потому-что вышнїе источники сбыта имѣютъ то преимущество, въ высшей степени важное для производителя, что они не имѣютъ потолка, однажды-навсегда установленнаго предѣла, и что могутъ, при помощи нѣкоторыхъ усилїй и пожертвованїй, расширяться до безпредѣльности, тогда-какъ потребленїе внутреннее, естественно огра-

ниченное, неспособно ни къ какому роду переманъ, — ничто не отнимаетъ бодрости у производителя, какъ предвидѣніе, что во время влетворенія однажды потребителей, онъ не въ состояніи будетъ сбыть свой товаръ за сколько-нибудь-выгодную цѣну. Такимъ-образомъ, возможность вывоза поощряетъ производительность и умножаетъ средства. Какъ же страна можетъ терпѣть въ такомъ положеніи голода? — Въ годы обыкновеннаго урожая, она производитъ свыше потребности, и въ нѣшній рынокъ вывозитъ свой избытокъ; а такъ-какъ нѣкогда не бываетъ въ странѣ неурожая всеобщаго, то въ годы неурожайныя въ ней всегда еще есть необходимое. Прибавьте къ этому, что страна привыкшая вывозить хлѣбъ, имѣетъ такое ясное чувство превосходства своихъ жатвъ, что она всегда безопасна отъ ложныхъ страховъ, чѣмъ более-вредныхъ, нежели самый голодъ. Такимъ-образомъ, при вѣковъ этой драгоценной свободы вывоза, — изобиліе дѣлается постояннымъ, всякое опасеніе голода исчезаетъ.

Хотятъ ли еще подтвержденія этой истины, — стонъ только въ какую-нибудь страну, гдѣ вывозъ хлѣба, въ продолженіе нѣсколькихъ времени, былъ постоянно позволенъ. И мы не пойдемъ за прикромъ далеко: возьмемъ его изъ исторіи той же Англіи, — фактъ такъ давно опытенъ и обилень послѣдствіями, что онъ долженъ быть приведенъ здѣсь.

Въ 1689 году, какъ мы выше замѣтили, постановленъ былъ въ Англіи законъ, который не только позволялъ вывозъ хлѣба, но и же способствовалъ ему премією въ 5 шиллинговъ за кварталъ. Какова была цѣль этого закона? Очевидно, онъ былъ изданъ не въ видѣ пользы народа, но, какъ говорится, въ видахъ пользы земледѣльцевъ или вѣрнѣе — поземельныхъ собственниковъ. Чего, однакожъ, хотѣла и надѣялась поземельная аристократія? Она хотѣла, обезпечить земному хлѣбу постоянный сбытъ, произвести до известной степени нужду въ немъ и поддержать чрезъ то цѣну на известной высотѣ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, этотъ законъ произвелъ свое дѣйствіе; и что бы ни говорили многіе англійскіе экономисты, и между прочимъ А. Смитъ, законъ былъ страннымъ образомъ благопріятенъ для англійскаго земледѣлія; въ другихъ отношеніяхъ, однакожъ, онъ имѣлъ результаты совершенно-различныя отъ тѣхъ, которыхъ отъ него ожидали; потому-что, вмѣсто того недостатка хлѣба, котораго отъ него желали, онъ производилъ въ Англіи, до-тѣхъ-поръ, пока былъ въ силѣ, то-есть, до 1764 г. — изобиліе постоянное и неистощимое. Мы слышимъ, что говорилъ объ этомъ предметѣ одинъ англійскій историкъ, писавшій около половины прошедшаго столѣтія подъ псевдонимомъ Джона Никольса: «До-тѣхъ-поръ, пока Англія воздѣлывала только «нныя растенія только для своего собственнаго продовольствія, она часто нуждалась въ хлѣбѣ и принуждена была покупать хлѣбъ изъ «жестранный; но съ того времени, какъ хлѣбъ сдѣлался предметомъ «внѣшней торговли, его воздѣлываніе до такой степени расширилось, «что одна хорошая жатва можетъ прокормить Англію въ-продолженіи «пяти лѣтъ.» — Последнія слова очевидно — преувеличеніе и слышатся

выраженіемъ предрасудковъ времени; однакожь въ нихъ есть своя истинная сторона: они даютъ понятіе о чрезвычайномъ и внезапномъ распространѣніи хлѣбопашества подѣ вліяніемъ новаго закона. «1689-й годъ» продолжаетъ Никольсъ, «есть эпоха обильныхъ жатвъ въ Англіи, которая обязана этимъ тому мудрому закону, который установилъ премію за вывозъ хлѣба на англійскихъ корабляхъ.»

Таимъ-образомъ, Англія, часто испытывавшая до 1689-го года голодъ, была надолго предохранена отъ него благотворнымъ дѣйствіемъ этого закона; но съ-тѣхъ-поръ, какъ она измѣнила систему своего дѣйствія, голодъ опять началъ посѣщать ея жителей. И-такъ, вотъ страна, которая, смотря по тому, въ какой степени ея фискальныя нѣры останавливаютъ вывозъ хлѣба, благопріятствуютъ ему или опять преграждаютъ, — попеременно то испытываетъ голодъ и внезапное колебаніе цѣнъ, подобно многимъ другимъ странамъ, то вдругъ становится житницею для другихъ народовъ, и за тѣмъ опять впадаетъ въ первоначальное свое состояніе. — Чтò можетъ говорить ясно этого призора, который тѣмъ большее имѣетъ значеніе, что во все довольно-долгое время существованія закона 1689-го года, ввозъ былъ постоянно запрещенъ? Такъ истинно то, что изобиліе хлѣба есть не сладствіе ввоза зерна, но, напротивъ, результатъ возможности вывезти его.

Во всѣ времена были страны, славившіяся обиліемъ хлѣбныхъ произведеній, и считавшіяся житницами, нѣтъ которыхъ другія страны могли запасаться средствами продовольствія. Это въ-особенности относится къ древнимъ временамъ, когда таможенныя стѣсненія были не такъ всеобщіи и менѣе однообразны, нежели въ настоящее время. Смотря на чудное плодородіе этихъ странъ, историки, философы, публицисты только восхищались отличнымъ свойствомъ ихъ почвы, которой, безъ всякихъ дальнѣйшихъ причинъ, приписывали это счастливое исключеніе — изобильную производительность хлѣба. «Земля плодородная» говорили они, и этимъ думали сказать все, — какъ-будто земля производитъ хлѣбъ безъ воздѣлыванія ея и только по благословенію неба, какъ-будто хлѣбъ — растеніе до такой степени исключительное и нѣжное, что для него потребно, предпочтительно предъ всеми другими растеніями, извѣстное свойство почвы или климата. То, что мы говоримъ о древнихъ временахъ, привѣняется, впрочемъ, и къ временамъ новымъ, потому-что и нынѣ, какъ прежде, есть страны, которыя считаются привилегированными въ-отношеніи обилія хлѣбныхъ жатвъ. Но еслибъ изучить съ нѣкоторымъ вниманіемъ страны, пользовавшіяся и даже теперь пользующіяся этимъ безцѣннымъ преимуществомъ, то, можетъ-быть, съ удивленіемъ увидѣли бы, что онѣ вообще не болѣе плодородны и не болѣе способны къ воздѣлыванію хлѣба, какъ другія страны, извѣстныя только по частымъ неурожаемъ и обширности ихъ нужды. Чтò составляетъ мнимое плодородіе первыхъ? — мудрость ихъ законовъ. Изъ относительнаго обилія ихъ жатвъ заключали всегда, что онѣ могли имѣть законодательство болѣе-либеральное и болѣешую возможность вывоза, и, хорошо взглянувши въ далю, неслѣзя не убѣдиться, что эта самая возможность и составляла все различіе. Какъ

сомнѣваться въ этомъ, если мы видимъ, что одна и тѣ же страны попеременно переходятъ отъ обилія къ нуждѣ, смотря по тому, позволяетъ или запрещаетъ ихъ законодательство вывозъ хлѣба? Выше мы нашли это явленіе въ исторіи Англіи; оно находится съ нѣсколькими различными обстоятельствами въ болѣе-новой исторіи Бельгіи. Кому невѣстно, что во время реставраціи, когда бельгійскія провинціи были подвластны голландскому правительству, эта маленькая страна, находясь подъ вліяніемъ весьма-либеральныхъ хлѣбныхъ законовъ, служила неоднократно запаснымъ магазиномъ для сосѣднихъ народовъ? О ней говорили также: «земля плодородная». Франція и Англія обращались къ ней съ требованіями хлѣба попеременно и иногда въ одно и то же время. Особенно въ 1830 году, когда недостатокъ хлѣба обнаружился разомъ въ обѣихъ странахъ, агенты англійскіе и французскіе налетѣли, подобно саранчѣ, на бельгійскія поля. Казалось, они должны были истощить въ короткое время всѣ запасы бельгійскаго хлѣба, — нѣсколько? Бельгія удовлетворяла всѣмъ требованіямъ и не почувствовала отъ-того никакого зла. Этотъ необыкновенный вывозъ не возбудилъ опасенія ни въ правительствѣ, ни въ народѣ: обнаружился только нѣкоторые безпокойныя сборища на рынкахъ города Брюгге, гдѣ чернь болѣе невѣжественна и буйна, нежели гдѣ-нибудь; но правительство не обратило на то никакого вниманія, и послѣдствія показали, что оно поступило въ этомъ случаѣ хорошо. До-тѣхъ-поръ, пока Бельгія слѣдовала этому мудрому пути, недостатокъ продовольствія былъ для нея явленіемъ неслыханнымъ. Она славилась какъ сокровищница, какъ земля плодородная, неистощимая. Съ того времени, какъ она слѣдуетъ другой системѣ, это положеніе вещей въ ней измѣнилось.

Оставимъ въ сторонѣ недостаточное положеніе этой страны въ настоящее время, — положеніе, которое можно приписать, если хотите, несчастнымъ исключительнымъ обстоятельствамъ. Во всякомъ случаѣ, Бельгія нынче не то, что была прежде. Подъ вліяніемъ новой системы она потеряла свое выгодное положеніе. Бельгія начинаетъ существованіе новое. Еще одинъ шагъ на этомъ пути — и она скоро будетъ въ положеніи Англіи. Послѣ долговременныхъ похвалъ ся плодородію, скажутъ о ней то же, что съ такою наивностью говорятъ объ Англіи, — т. е. что по причинѣ густоты ея населенія, собственная земля ея не можетъ его продовольствовать.

Примѣръ Франція не менѣе убѣдительнъ, хотя факты представляются здѣсь въ противномъ порядкѣ. Безъ запретительныхъ мѣръ, предшествовавшихъ закону 1832 года, недостатка въ хлѣбѣ не было бы, и смотря по степени строгости запрещеній, этотъ недостатокъ повторился бы болѣе или менѣе часто и съ болѣею или менѣею силою. Законъ 1832 года, не открывъ совершенной свободы, сдѣлалъ, однакожъ, многое; и притомъ это единственный законъ, подъ вліяніемъ котораго страна не испытывала никакого существеннаго недостатка въ хлѣбѣ. Что можетъ быть убѣдительнѣе этихъ фактовъ? Если послѣ всего этого кто-нибудь можетъ утверждать, что причиною недостаточности въ настоящее время житія въ Англіи — увеличеніе ея народонаселенія, то мы спросимъ, не

ему такое же увеличеніе народонаселенія во Франціи не воспрепятствовало ему извлекать изъ собственной своей почвы продовольствіе болѣе-бильное и болѣе-вѣрное, чѣмъ когда-нибудь? Свобода вывоза, поддерживающая въ странѣ изобиліе, не менѣе драгоценна и въ томъ отношеніи, что способствуетъ болѣе, нежели всякое другое обстоятельство, къ сохраненію почти-постояннаго равенства въ цѣнахъ на хлѣбъ. Мы имѣемъ оффиціальныя цифры цѣнъ на хлѣбъ на рынкѣ въ Виндзорѣ, въ продолженіе множества лѣтъ, въ которыхъ законъ 1689 года былъ имъ въ своей силѣ, и во все это время не было тамъ ни одного сколько-нибудь замѣтнаго колебанія цѣнъ. Неутѣшительное зрѣлище, напротивъ, представляютъ непрерывныя и внезапныя измѣненія цѣнъ въ странахъ, гдѣ существуетъ запрещеніе. Между однимъ годомъ и другимъ бываетъ иногда такое различіе въ цѣнахъ, что ужасается воображеніе. «Въ-продолженіе двухъ лѣтъ» говоритъ Госкиссонъ, разумѣя годы 1822 и 1823: «цѣны поднялись отъ 38 шиллинговъ до 112 шилл. а кварталъ». Франція не была счастливѣе въ этомъ отношеніи, когда вывозъ былъ въ ней запрещенъ. Такимъ-образомъ, цѣна хлѣба то повышается до степени, недоступной для потребителя, — до степени голодной цѣны, какъ справедливо называли ее; то, напротивъ, упадетъ такъ низко, что земледѣлецъ не находитъ въ ней справедливаго вознагражденія за трудъ. Отъ времени до времени, товаръ или дѣлается недоступнымъ для потребителя, или становится ему ненужнымъ. Хорошая жатва производитъ необходимо нѣкоторый излишекъ противъ потребленія, и если вывозъ хлѣба запрещенъ, то излишекъ, такъ-сказать, плава по поверхности травы и не находя себя нигдѣ выхода, всюю своею тяжестью падаетъ на рынокъ. Какъ послѣ этого хотѣть, чтобъ страна была покойна посреди этихъ непрерывныхъ колебаній и движеній? Есть ли тутъ безопасность для народа съ одной стороны и поощреніе для земледѣльцъ другой?

Но, скажутъ намъ, если количество хлѣба, получаемого страной изъна, вообще не имѣетъ большаго значенія въ-отношеніи къ продовольствію всего ея народонаселенія и не можетъ восполнить недостатка земной производительности, то въ-слѣдствіе подобной же причины количество хлѣба, которое та же самая страна можетъ обращать на иностранный отпускъ, составляетъ также незначительное уменьшеніе всей массы ея производительности. Англія, во время самаго обширнаго развитія своей торговли хлѣбомъ, отпускала, среднимъ числомъ, не болѣе, какъ на десять милліоновъ рублей серебромъ, и самыя большія отпуска хлѣба другихъ странъ вообще не превышаютъ этой цѣны: какимъ же образомъ ожидать огромныхъ выгодъ отъ столь незначительнаго расширенія продажи? Мы можемъ сказать на это, что излишекъ хлѣба, относительно-незначительный, въ состояніи загромоздить внутренній рынокъ, если закрыть всякій внѣшній истокъ, и это тѣмъ болѣе, что нравственныя вліянія всегда присоединяются къ тѣмъ, которыми имѣютъ свой источникъ въ положеніи рынка. Если рынокъ переполненъ, то земледѣлецъ спаситъ продажей своихъ произведеній, чтобъ осуществить необходимую для него выручку, боясь потерпѣть

убытокъ, когда удобная для того минута пройдетъ, между-тѣмъ, изъкупатель, въ-слѣдствіе подобной же причины, медлитъ покушкою, и чрезъ это тотъ и другой еще болѣе загромождаютъ рынокъ, и безъ того загроможденный. Когда же, напротивъ того, вывозъ позволитъ, то урениность въ возможности вышлага сбыта оставляетъ всѣхъ въ естественномъ положеніи. Впрочемъ, эти причины были бы недостаточны, еслибъ не низлъ здѣсь значенія одинъ фактъ, весьма-важный и вообще слишкомъ-мало замѣчаемый: существованіе *торговли* хлѣбомъ, притомъ участіе въ ней закупщиковъ и продавцовъ вслѣдъ, гдѣ вывозъ имѣетъ мѣсто, и почти-совершенное ихъ отсутствіе тамъ, гдѣ этотъ вывозъ воспрещенъ.

Что торговцы, посредники между производителемъ и потребителемъ действительно являются или исчезаютъ при сказанныхъ нами обстоятельствахъ,—это фактъ, который легко повѣрить и который, впрочемъ такъ легко изъяснить. Торговля нужны пространные истоки, обширный горизонтъ, большое удобство въ ея операціяхъ,—и это замѣчаніе особенно прилагается къ торговлѣ, основанной на спекуляціяхъ. Она не дворяется въ мѣстахъ, гдѣ все ограничено и сосредоточено. Въ-самомъ-дѣлѣ, что дѣлала бы она въ этой душной сферѣ, гдѣ стѣсняются естественные законы? Торговецъ неохотно обременяетъ себя товаромъ громоздкимъ и столь неудобнымъ для сохраненія, какъ хлѣбъ, если увѣренъ въ возможности сбыта его въ случаѣ крайней необходимости. Такимъ-образомъ, во всѣхъ странахъ, гдѣ внѣшній вывозъ хлѣба воспрещенъ, собственно говоря, торговля хлѣбомъ не существуетъ. Въ исключая, можетъ-быть, окрестности столицъ и некоторыхъ другихъ мѣстъ, состоящихъ подъ исключительными условіями, земледѣльцы продаютъ свои произведенія прямо на соседнемъ рынкѣ, малыми количествами мельникамъ, хлѣбникамъ, а иногда даже просто непосредственнымъ потребителямъ. Нигдѣ не видно торговцовъ-спекулянтовъ, которые продавали бы хлѣбъ массами для сбыта на отдаленные рынки. И когда, въ худомъ урожаѣ, обнаруживается недостатокъ со всеми своими послѣдствіями и воплями и въ-слѣдствіе чрезвычайнаго возвышенія цѣны, преграды уничтожаются, — вдругъ появляются и бросаются на работу тучи спекулянтовъ, вышедшихъ изъ различныхъ классовъ общества, стремящихся воспользоваться обстоятельствами; но въ обыкновенное время, можно сказать безошибочно, торговля хлѣбомъ тутъ не существуетъ. Таково было положеніе Франціи во время реставраціи, и хотя положеніе, безъ всякаго сомнѣнія, улучшилось съ того времени и въ-слѣдствіе болѣе-либеральнаго закона, но оно заставляетъ желать многого. Таково и теперь еще положеніе Англіи, какъ свидѣльствуютъ всѣ отчеты ея, даже обнародованныя правительствомъ. Чтобы понять въ-слѣдствія этого положенія вещей, достаточно только ближе разсмотрѣть въ чемъ состоитъ сущность торговли вообще.

Многіе экономисты весьма-справедливо уже показали, что участіе торговаго класса, къ которому иногда относятъ увеличеніе различныхъ неудобствъ для производителей и потребителей, почти всегда составляетъ истинную экономію для тѣхъ и другихъ. Купцы, какъ посредники

единица многія операціи въ одной и дѣлая вдругъ для большихъ количествъ то, что каждый производитель припужденъ былъ бы дѣлать на малыхъ, которыми онъ располагаетъ, — имѣютъ возможность въ перевозкѣ, въ закупкѣ, въ храненіи хлѣба и продажѣ его дѣлать экономію въ издержкахъ, — экономію, равно выгодную всѣмъ, и такимъ-образомъ, е смотря на барышъ, которымъ купцы справедливо пользуются, ихъ осредничество не только не отягощаетъ произведеній новыми издержками, но почти всегда бываетъ причиною ихъ болѣе дешевой. Но то еще не единственная и не самая большая выгода, доставляемая посредничествомъ торговцевъ. Если торгующій классъ можетъ быть разсматриваемъ въ этомъ отношеніи какъ хранитель промышленности, то въ другихъ отношеніяхъ онъ же есть ея просвѣтитель, руководитель и опора; купцы, такъ-сказать, глаза промышленности, которой они указываютъ ходъ; они благоразумно и соразмѣрно распределяютъ между населеніемъ то, что собственно такъ-называемая промышленность бросаетъ на рынокъ. Внимательно открывая нужды и заставляя ихъ проявляться, вино-какъ узнавая и дѣлая полезными всѣ пособія, они сближаютъ производителя съ потребителемъ, показывая послѣднему средства, которыхъ онъ не зналъ, открывая первому рынки, которыхъ онъ самъ не имѣлъ бы. Сверхъ того, торговцы бываютъ причиною равновѣсія рынка и равенства цѣнъ въ различное время и на различныхъ мѣстахъ. Собственно-такъ-называемая торговля состоитъ въ томъ, чтобы покупать для того, чтобы опять продать, — покупать, когда товаръ находится въ изобиліи и цѣны низки, — продавать опять — во время недостатка и высокихъ цѣнъ. «Торгъ постыдный; занятіе непроемыслимое и безправственное!» восклицаютъ люди близорукіе. — «Трудъ тщетный; дѣло въ высшей степени полезное и плодотворное!» говорятъ тѣ, которые имѣли терпѣніе изучить предметъ. Мы уже видали, какъ, при существованіи запрещеній, изобильные и недостаточные годы сдѣлываютъ попеременно одинъ за другимъ, ведя за собою почти періодически то голодъ, бѣду страны, то чрезмѣрное изобиліе — причину изобилія земледѣльца, страшную дороговизну, или чрезмѣрную нищету цѣнъ. Предположимъ, напротивъ, что посреди этого неправильнаго движенія жатвъ являются нѣсколько тысячъ торговцевъ-спекулянтовъ: положеніе тотчасъ перемѣняется, и зло, которое, что бы ни говорили, не неисправимо, исчезаетъ. Въ годы изобильные, эти предпринимательные люди, привлеченные низостью цѣнъ, скупаютъ и откладываютъ въ запасъ для другаго времени часть товара, находящагося въ настоящую минуту въ изобиліи. Есть ли у нихъ нѣкоторыя капиталы, которыми они могутъ свободно располагать, — они употребляютъ ихъ на покупку товара; находятъ ли они неполными свои капиталы, — они наполняютъ ихъ товаромъ. Если въ то же самое время изобиліе позволено (а онъ долженъ быть позволено, чтобы такая торговля могла существовать), купцы, пользуясь низкой цѣною припаса, сообщаютъ о всѣхъ соседнихъ странахъ, чтобы найти въ нихъ избытокъ сбыта, пускаются въ отдаленныя экспедиціи, открываютъ, находятъ новые, незнакомые дотола потребители, учреждаютъ продажу

во всѣхъ концахъ открытаго для нихъ обширнаго рынка, и вывозитъ во всѣ мѣста некоторую часть излишка произведеній страны. Такимъ образомъ, мало-по-малу и безъ усилій, въ страны и внутри ея количество произведеній исчезаетъ, и рынокъ приходитъ въ нормальное положеніе. Слѣдуютъ ли за тѣмъ годы неурожайные, — зло уже прусмотрѣно и лекарство готово. Какъ-скоро цѣна возвышается, безслѣнные запасы, сдѣланные въ прежнее время, снова появляются на рынокъ и, соперничествуя съ произведеніями новой жатвы, восполняютъ все недостающее количество.

Вообще, мало обращаютъ вниманія на эти незначительныя количества товаровъ, которыми торговцы-спекулянты ведавъ, гдѣ торговля свободна, наполняютъ свои магазины или житницы. Дѣйствительно, всякое изъ этихъ количествъ, взятое отдѣльно, кажется незначительнымъ; и въ слѣдствіе того полагаютъ себя болѣе-обезпеченными отъ голода, чемъ имѣютъ огромныя запасныя магазины. И однакожь, кромѣ того, что эти магазины мнимымъ соперничествомъ отнимаютъ энергію у торговца-земледѣльца, — заключающіяся въ нихъ массы хлѣба, по-видимому столь огромныя, мало значатъ въ сравненіи съ безчисленными малыми запасами, которые сдѣланы частными людьми. Какъ бы то ни было, такъ какъ во всякой странѣ, гдѣ вывозъ свободенъ, производительность въ годы обыкновеннаго урожая, превосходитъ нужды мѣстнаго потребленія, и во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ ихъ, — то призваніе спекулянта состоятъ тогда не столько въ томъ, чтобъ предупреждать голодъ, сколько въ томъ, чтобъ бояться нельзя, сколько въ поддержаніи умеренной цѣны, чего онъ и достигаетъ, самъ не подозревая того, выставкою своихъ запасовъ. Онъ не останавливаетъ возвышенія цѣны, но препятствуетъ ей до дозволенаго чрезмѣрности. Онъ ослабляетъ возвышеніе цѣны точно такъ, какъ ослабилъ пониженіе ея, и поддерживая производительность во время изобилія произведеній, онъ подаетъ руку помощи потребителю во время недостатка.

Торговля хлѣбомъ не всегда представляетъ, однакожь, купцовъ съ выгодной стороны. Часто, во время недостатка хлѣба, народъ пресѣдуетъ своими воплями купцовъ, которыхъ клеймятъ именемъ спекулянтовъ. Нынѣче убѣдились уже въ томъ, что эти обвиненія со стороны народа всегда ложны, или по-крайней-мѣрѣ преувеличены, — говоря вообще, это справедливо. Надобно, однакожь, согласиться, что въ некоторомъ смыслѣ эти народныя вопли не безосновательны. Но только тамъ, гдѣ торговля обыкновенно стѣснена и пользуется свободой только урывками во времена кризиса, — она не производитъ благодѣтельныхъ послѣдствій, о которыхъ говоримъ мы. Только тогда, когда цѣны переходятъ извѣстный предѣлъ и уничтожаются преграды, выходятъ торговцы. Зачѣмъ же приходятъ они на рынокъ въ подобномъ случаѣ? Выставить тамъ свои прежніе запасы? — Тамъ ихъ запасовъ нѣтъ у нихъ потому-что ихъ роль только-что начинается. Нѣтъ, они приходятъ какъ мы сказали, пользоваться обстоятельствами, и, во время неурожая и высоты цѣнъ, извлекать себя выгоды изъ возможности поднять цѣну еще выше. На рынокъ, и безъ того уже бѣдный, они приходятъ

увеличивать соперничество покупателей; въ то время, когда товаръ уже дорогъ, они покупаютъ его, предвидя, что онъ еще больше вздорожаетъ, такъ-образомъ они способствуютъ, нисколько о томъ не безпокоясь, влеченію этой ужасной дороговизны, которую они предвидѣли. Тутъ и нисколько того правильнаго и полнаго предвидѣнія посредничества, которое существуетъ въ торговлѣ правильной. Но даже и послѣ всего того, даже и въ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, нельзя сказать, чтобъ посредничество торговцовъ не было полезно. Чрезъ нихъ, внутренніе рынки уравниваются, и отъ избытка одного мѣста улетѣаетъ другому; чрезъ нихъ ввозятся также массы хлѣба съ мѣстъ чужеземныхъ. Очевидно, однакожъ, что торговля хлѣбомъ, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, теряетъ наибольшую часть своего достоинства. Въ этой торговлѣ никогда не можетъ быть скуповъ, и она свободна; она поддерживаетъ цѣны, когда онѣ падаютъ; но, нисколько не позволяя имъ доходить до чрезмѣрности, когда онѣ уже поднимаются, — она, напротивъ, умѣряетъ ихъ. Обладая, въ этомъ видѣ, нисколько случаевъ, предварительно-сдѣланными запасами, купецъ остережется рассчитывать на вѣроятность чрезмѣрнаго возвышенія, котораго когда не будетъ; онъ предпочитаетъ осуществить посредствомъ прокати только извѣстный барышъ, пользуясь настоящимъ возвышеніемъ нынѣ, — и зная, что не одни его магазины имѣютъ запасы, онъ боится быть предупрежденнымъ. Вотъ какъ онъ не допускаетъ крайностей въ цѣнахъ, умѣряетъ вліяніе съ тѣмъ и возвышеніе и пониженіе ихъ, предупреждаетъ недостатокъ и излишество, и поддерживаетъ, наконецъ, выгода всѣхъ, почти-неизмѣнное равенство цѣны.

Такии-то образомъ факты объясняются сами собою. Послѣ сего можно видѣть этотъ странный союзъ двухъ вещей, повидимому несомѣстныхъ: прерывнаго отпуска хлѣба на внѣшній рынокъ и постояннаго изобилія его внутри государства. Явленіе замѣчательное, и однакожъ естественное, простое; одни не знаютъ его, потому-что не присматриваютъ фактъ, которыми они всегда пользуются, а другіе отвергаютъ его существованіе, потому-что не понимаютъ его.

Послѣ всего нами сказаннаго, можно предвидѣть, какимъ-образомъ свобода вывоза, столь благопріятная для потребителя, служить въ то время лучшимъ поощреніемъ для земледѣлія. Невозможно, чтобъ необходимость одушевилась и совершенствовалась посредствѣмъ частыхъ пониженій и возвышеній цѣнъ на хлѣбъ, этихъ безпрерывныхъ прыжковъ, которымъ подвержено земледѣліе. Когда товаръ падаетъ въ излишество и цѣны упадаютъ, земледѣлецъ, обремененный оубо производеній, которыхъ онъ не можетъ продать, и бѣднымъ избыткомъ, которымъ онъ окруженъ, — упадетъ духомъ и потеряетъ желаніе и средство совершенствовать свое производство. Во время недостатка хлѣба, напротивъ, чрезмѣрная высота цѣнъ замѣняла всего все, и онъ не чувствуетъ болѣе нужды улучшить свою производительность для осуществленія большихъ выгодъ. Будучи игрою противоположныхъ обстоятельствъ, надъ которыми не можетъ владѣть все его благоразуміе, онъ предается на волю этихъ колебаній-

стныхъ удачъ, и ожидаетъ отъ голода, т. е. отъ общественнаго бѣдствія, того, чего онъ нисколько не увѣренъ получить отъ своего труда. Какимъ удобствомъ, напротивъ, какимъ сильнымъ двигателемъ усматривать земледѣлія служить это равенство цѣнъ или равенство изобилія хлѣба, которое рождается изъ свободы-вывоза его! Вотъ, что говорилъ объ этомъ предметѣ, въ 1825 году, одинъ человекъ, котораго Англія чтитъ за добро, имѣ для нея сдѣланное, и еще болѣе, можетъ быть, за блага, которыя онъ могъ бы ей дать, еслибъ слишкомъ-мощественныя обстоятельства не связали ему рукъ: «Я всегда думалъ, что мы должны желать поддержанія постоянства цѣнъ, и чтобъ не было этихъ конвульсивныхъ движеній ихъ, производящихъ беспорядокъ въ имуществѣ земледѣльцовъ. Но что дѣлаетъ настоящее законодательство? Въ годы неурожайныя, оно устраняетъ рынки, изъ которыхъ мы могли бы получить хлѣбъ, для насъ необходимый; въ годы изобильныя, оно препятствуетъ намъ продавать излишнее количество произведеній. Нельзя не удивляться, что есть еще люди, которые могутъ защищать систему, одинаково вредную для земледѣльца, ремесленника, самого фермера, особенно послѣ 1821 года, который вполне показалъ вся ея недостатки. Нельзя было, конечно, хвалить эту систему, въ 1822 году, когда, благодаря ей, серьёзно начали поговаривать въ палатѣ о банкротствѣ націй, и предлагаемы были средства самыя чрезвычайныя. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, цѣна хлѣба различествовала отъ тринадцати-восьми до ста-двѣнадцати шиллинговъ за кварталеръ. Изъ этихъ колебаній слѣдуетъ, что промышленность фермеровъ не представляетъ никакой опасности, что большая часть ихъ операций—чистая игра случая, которой результаты такъ же невѣрны, какъ жютажъ рудокопныхъ акцій; и когда они дѣлаютъ долговременный откупъ, то нисколько не могутъ определять положительно послѣдствій, долженствующихъ имѣть вліяніе на благосостояніе ихъ собственное и семействъ ихъ (*).»

Намъ остается показать, что свобода ввоза хлѣба, имѣющая болѣе или меньшую важность, какъ средство восполненія недостаточности жатъ, въ высшей степени важна въ томъ отношеніи, что она есть необходимое условіе умеренности цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ.

Запрещеніе или ограниченіе ввоза хлѣба, дозволяшагося вообще всеми правительствами, получило свое начало, какъ мы видали, въ новѣйшихъ конституціонныхъ государствахъ. Какая была цель этихъ ограниченій? Неурожайствовать земледѣлію: по-крайней-мѣрѣ, это было поставлено видимою целью, предлогомъ. Удаляя чужестранныя произведенія хотѣли сверха обезпечить земледѣльцу исключительное обладаніе внутреннимъ рынкомъ, и затѣмъ произвести искусственное возвышеніе цѣны товара. Этою двойною выгодой, варнымъ внутреннимъ обычаемъ и болѣею высотой цѣны въ сравненіи съ тою, которая была бы при дѣйствіи свободной торговли, хотѣли въ одно и то же время обогатить земледѣльца и поощрить его къ усовершенствованію своего зрѣ-

(*) Mackinnon's Speeches.

зводства. Что это средство было и есть недействительно для успѣвъ земледѣлія,—это показываетъ опытъ ежедневно. Однакожь, вѣрно то, что оно дѣйствуетъ на поднятіе цѣны. На какомъ основаніи производится это возвышеніе цѣны? И отъ-чего оно не поощряетъ земледѣлія? Постараемся объяснить себѣ это.

Когда законы, запрещеніями или пошлинами, удаляютъ извѣстнаго чужестраннаго произведенія, то, само собою разумѣется, они устанавливаютъ монополію въ пользу туземныхъ производителей. Замѣтимъ, однакожь, что эта монополія измѣняетъ свой характеръ, смотря по положенію или свойству промышленности, къ которой относится. Если промышленность, внутри государства, доступна всѣмъ, такъ — что можетъ возникнуть сильное соперничество, то монополія туземнаго производителя есть, такъ-сказать, только относительная, — именно въ томъ смыслѣ, что, будучи закрыта отъ соперничества чужеземнаго, она оставляетъ соперничество внутри государства, достаточное для поддержанія умеренной цѣны. Если, напротивъ, покровительствуемая промышленность доступна только извѣстному классу людей, и даже внутри государства ограничена въ своемъ расширеніи или самою природою вещей или законами, — то монополія принимаетъ характеръ абсолютный, ничто не препятствуетъ тѣмъ, которые ее имѣютъ, пользоваться ею во всей ея обширности. Различныя отрасли промышленности мануфактурной относятся вообще къ первой категоріи; промышленность земледѣльческая — ко второй.

Говоря о промышленности мануфактурной, почти никогда нельзя сказать, что пошлины, установленныя на чужестранные товары, позволяютъ національнымъ производителямъ чрезмѣрно увеличивать цѣны и извлекать огромныя выгоды; по-крайней-мѣрѣ, это истинно не болѣе, какъ въ-продолженіе извѣстнаго времени. Что тотчасъ по установленіи высокой пошлины на ввозъ, существующіе уже фабрики и заводы мануфактурныя могутъ, при помощи этой мѣры, извлечь выгоды болѣе обыкновенныхъ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; однакожь, такое исключительное положеніе, очевидно, можетъ быть только переходное, потому-что, какъ-скоро обнаружатся выгоды его (а это узнается тотчасъ), то вдругъ возникаетъ соперничество, — и отъ дѣйствія этого соперничества выгоды не замедлятъ снизойти къ общему уровню. Стасятельные законы въ-отношеніи къ промышленности этого рода могутъ сдѣлать только одно, — именно, поддержать ее въ-странѣ, не смотря на относительную ея незначительность; но никогда не могутъ и обезпечить людямъ, ею занимающимся, чрезмѣрныя выгоды. Но нельзя сказать въ-отношеніи къ промышленности мануфактурной, то можно утверждать въ-отношеніи къ промыслу земледѣльческому. Число фабрикъ и мануфактуръ можетъ умножаться до безпредѣльности во всякъхъ обстоятельствахъ и смотря по представляемымъ ими выгодамъ,—то совсѣмъ нельзя этого сказать о воздѣлываніи земли, которое строго ограничено въ своемъ пространствѣ. Здѣсь монополія полная, совершенная, ибо соперничество удаленное на границѣ, не имѣетъ никакого средства расширяться внутри государства. Такимъ — образомъ,

монополія извлекаетъ здѣсь все свои выгоды до такой степени, что еслибы вся земледѣльческія произведенія страны были равно покровительствуемы запрещеніемъ ввоза того же рода произведеній чужеземныхъ, то ихъ продажная цѣна безпрестанно возрастала бы, и этому возрастанію не было бы предела.

Это особенное положеніе земледѣльской промышленности вельдочно было повято въ сочиненіяхъ даже лучшихъ экономистовъ. Вмѣры, стасяющія ввозъ, безъ различія предметовъ, къ которымъ относятся,—подвергаются обыкновенно общему порицанію, какъ-будто онѣ должны производить необходимо одни и тѣ же послѣдствія. Что они говорили, однакожь, необходимо дѣлать въ этомъ отношеніи различія. Пошлины, равняющіяся по высотѣ своей даже запрещенію, называемыя на ввозъ мануфактурныхъ произведеній, весьма-часто бываютъ безвредны и не препятствуютъ продажѣ этихъ произведеній на внутреннемъ рынкѣ по цѣнѣ сравнительно весьма-низкой, потому-что соперничество внутри государства заступаетъ въ этомъ случаѣ мѣсто отсутствующаго соперничества иностранцевъ. Это замѣчается, на-примѣръ въ-отношеніи къ большей части произведеній англійскихъ мануфактуръ. Какалнужда Англій, что таможенный ея тарифъ устанавливаетъ пошлины въ тридцать, сорокъ, пятьдесятъ и болѣе процентовъ, на бумажныя матеріи, шерстяные товары, на льняную пряжу и ткани, на различныя мелочные товары и на множество другихъ предметовъ мануфактуръ. Эти пошлины существуютъ для нея только по имени; на дѣлѣ онѣ имѣютъ никакого значенія; онѣ не препятствуютъ, чтобы означенныя товары продавались въ странѣ по цѣнѣ болѣе-низкой, нежели гдѣ-либо на машають Англій наполнить ими, въ случаѣ нужды, все рынки и наго шара. Нельзя этого же сказать о произведеніяхъ земледѣльческихъ. Здѣсь никакая пошлина запретительная или даже только ограничительная не остается незамѣченною. Она имѣетъ слѣдствіемъ, въ-отношеніи къ предмету, которому законъ покровительствуетъ, искусственное возвышеніе цѣны, и это можно сказать обо всѣхъ земледѣльческихъ произведеніяхъ, хотя болѣе прямымъ образомъ это относится къ важнѣйшему изъ произведеній подобнаго рода, — къ хлѣбу, цѣна котораго всегда имѣетъ болѣе или меньшее вліяніе на цѣну всѣхъ другихъ предметовъ. Причиною этого,—особенное, исключительное положеніе земледѣльческой промышленности, въ-отношеніи къ которому внутреннее соперничество действительно, если удалено соперничество вѣншее. Такое положеніе можно сравнить съ положеніемъ всѣхъ занятій, которыхъ отправление было по какимъ-нибудь причинамъ ограничиваемо въ Европѣ закономъ, какъ, на-примѣръ, занятіе маклерскими дѣлами, нотаріусовъ, стряпчихъ, или, какъ въ некоторыхъ большихъ городахъ, — хлѣбниковъ и мясниковъ. Всемъ извѣстно, что люди этихъ занятій дорожили продавали свои услуги. Въ-слѣдствіе монополіи, которую законъ устанавливалъ въ ихъ пользу, цѣны ихъ произведеній или работъ возвышались надъ обыкновенною мѣрою, хотя и существовали правила для умѣренія ихъ вѣншиней высоты. Тѣ же самыя слѣдствія я отъ подобныхъ же причинъ, раждаются и въ области земледѣлія. Такихъ обрѣ-

тъ, случилось неоспоримое вѣдѣніе, что вездѣ, гдѣ ввозъ произведеній земли запрещенъ вовсе или только до некоторой степени, средняя цѣна ихъ возвышается надъ общимъ уровнемъ.

Однакожь, такъ-какъ преграды, поставляемыя ввозу, имѣютъ слѣдствіемъ дороговизну товара, — то спрашивается: почему эта дороговизна, цѣна, по-видимому, благоприятная производителю, безполезна для самаго промысла? Ответъ на этотъ вопросъ весьма-простъ: потому-что въ городахъ земледѣльческаго промысла участвуютъ два различныя лица: собственно земледѣлецъ и собственникъ земли, — и цѣна хлѣба возвышается не въ пользу земледѣльца.

Какая часть прибытка, въ земледѣльческой производительности, принадлежитъ землевладельцу, подъ именемъ ренты? Какая доля изъ этого прибытка приходится земледѣльцу? Какъ бы ни казался сложнымъ этотъ вопросъ, и не смотря на то, что онъ былъ предметомъ долгихъ споровъ между знаменитѣйшими экономистами, мы думаемъ, что его рѣшить не трудно, по-крайней мѣрѣ, въ-отношеніи къ нашему предмету. Владѣльцы-собственники промысла исключительнаго, не подлежащаго возможности расширяться по волѣ человека, пользуются, какъ мы видѣли, монополіею; но эта монополія не распространяется на собственниковъ-называемыхъ земледѣльцевъ. Если число земледѣльческихъ заведеній ограничено самою природою, то число людей, которые могутъ заниматься къ нимъ, подъ именемъ фермеровъ, нисколько не ограничено; слѣдовательно, эти послѣдніе входятъ въ обыкновенную, не исключительную категорію. Подобно всѣмъ другимъ промышленникамъ, они возмущаются безусловно общему закону соперничества, въ силу котораго вся выгоды приводятся къ общему уровню; такимъ-образомъ, они не могутъ вообще ни получать выгодъ меньшихъ, нежели всякіе промышленники, ни требовать большихъ прибылей, нежели какія получаются отъ иныхъ вѣтвей промысловъ, съ тою же суммою дѣятельности, способности и капиталовъ. Если имъ придется получать меньше, они тотчасъ оставятъ земледѣліе, удалятся въ города для занятія городскими промыслами, и землевладельцы, для удержанія ихъ, принуждены будутъ понизить откупную цѣну; если же, напротивъ, они захотятъ потребовать болѣе обыкновенныхъ прибылей, тотчасъ встрѣчатъ совѣстниковъ, которые, явивъ съ предложеніемъ большей откупной суммы, отнимутъ у первыхъ преимущество. И такъ, можно вообщемъ сказать, что земледѣлецъ, въ обыкновенное время, и при равныхъ прочихъ обстоятельствахъ, получаетъ выгоды, равныя тѣмъ, которыя получаютъ другими промыслами.

И такъ, прибыль собственно земледѣльца или фермера опредѣлена: состоитъ изъ обыкновеннаго прибытка, изъ его капиталовъ, и платитъ за его трудъ. После сего, прибыль землевладельца найдти не трудно. Все, что остается отъ общей суммы полученнаго отъ промысла прибытка, за вычетомъ доли земледѣльца, — слѣдуетъ землевладельцу и составляетъ его ренту. Рента существенно образуется изъ излишка, — или изъ остатка произведеній земли, по вычетѣ заработной платы рабочимъ и процентовъ на употребленные капиталы. И такъ, прибыль фермера

имаетъ единицу мѣры; рента землевладельца ея не имѣетъ. Послѣдняя и бываетъ различна въ каждой странѣ, и разность ея зависитъ отъ способа обработанія земли, отъ качества земли, болѣе или менѣе удобнаго положенія ея, и другихъ болѣе или менѣе выгодныхъ условій.

Такъ-какъ прибыль землевладельца некоторымъ образомъ определена, а рента землевладельца, напротивъ, не определена, то ясно, что всякая законодательная мѣра, имѣющая целью увеличить или уменьшить производительность земледѣльческихъ операцій, не имѣетъ никакого вліянія на землевладельца, и падаетъ только, — по крайней-мѣрѣ, въ своихъ продолжительныхъ послѣдствіяхъ, — на поземельный доходъ. Положимъ, въ примѣръ, что учрежденъ новый налогъ на землю: потерпитъ ли отъ этого земледѣлецъ? Только случайно, до времени окончанія его откупа, не болѣе, — потому-что онъ не станетъ долго терпѣть новыхъ тягостей чрезмѣрно-ограничивающихъ прибыль отъ труда его. Предположимъ, напротивъ, пониженіе поземельной подати: воспользуется ли этимъ земледѣлецъ? Нисколько. Какъ-скоро прибыль отъ промысла возвышается надъ общимъ уровнемъ, то землевладелецъ тотчасъ спашитъ увеличеніе въ той же пропорціи свои требованія, и соперничество, имѣющее, какъ мы видали, здѣсь мѣсто, представляетъ ему къ тому удобный случай и средство. Такимъ образомъ, въ томъ и другомъ случаѣ, положеніе землевладельца остается неизмѣннымъ; одна рента измѣняется: на землевладельца падаетъ вся тягость въ первомъ случаѣ, — онъ одинокъ пользуется облегченіемъ въ послѣднемъ. И таково дѣйствіе всякой мѣры, стремящейся возвысить или понизить искусственнымъ, но правильнымъ и постояннымъ образомъ продажную цѣну произведеній земли. Когда ограниченіемъ внѣшняго ввоза обезпечивается для внутреннихъ произведеній искусственная, высшая противъ естественной, цѣна, и если справедливо (а въ этомъ нельзя сомнѣваться), что увеличивается такимъ образомъ обыкновенная прибыль земледѣльческихъ операцій, — то такъ менѣе вѣрно, что это увеличеніе прибыли относится только къ рентѣ, и нисколько не относится къ выгодамъ землевладельца.

Впрочемъ, будемъ отличать преходящія дѣйствія законовъ отъ ихъ вліянія постоянного и продолжительнаго. Когда вдругъ падаетъ пониженіе поземельнаго налога, или мѣра стѣснительная, которая вездѣ, но возвышаетъ прибыль земледѣльческаго производства, то, въ-продолженіе некотораго времени, земледѣлецъ пользуется этими обстоятельствами, — потому-что въ настоящую минуту онъ владѣлецъ, и условія его владѣнія определены откупомъ, сделаннымъ подъ вліяніемъ прежняго закона. Но эта выгода его — только временная, продолжается только до окончанія откупа. Слѣдовательно, въ конечномъ результатѣ къ одному землевладельцу относятся тягостныя или благоприятныя послѣдствія всѣхъ законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ целью увеличить или уменьшить прибыльность земледѣльческихъ занятій.

Послѣ этого, пусть скажутъ намъ: какая польза собственно для земледѣлія отъ-того, что доходы землевладельцевъ, которые живутъ болѣею частію въ городахъ, — будутъ увеличиваться такимъ искусствен-

кимъ образомъ? Какая польза этому многочисленному населенію, живущему полевыми трудами? Предположимъ даже (хотя этого не существуетъ), что большею частію землевладельцы обрабатываютъ свои земли сами, — какая выгода, чтобы они получали, какъ собственники, большую ренту? Напрасно обманывать себя въ этомъ отношеніи: сравненія, которыхъ требуютъ во имя земледѣлія, нисколько для него не полезны, — не только не полезны, но истинные интересы земледѣлія требуютъ даже совершеннаго ихъ уничтоженія. Всякій день нужно требуется для земледѣльцевъ помощь кредита, — и, въ-самомъ-дѣль, успѣхъ земледѣлія много зависитъ отъ расширенія кредита; но те, которые громче другихъ призываютъ его благотворное вліяніе на поля, не замѣчаютъ, что ложнымъ направленіемъ своихъ ученій и отдаляютъ его болѣе и болѣе. Ни учрежденіе такъ-называемыхъ *кредитныхъ банковъ*, ни даже преобразованіе ипотечной системы, не могутъ сдѣлать того, чего такъ желаютъ; потому-что земледѣльческій банкъ есть учрежденіе противоестественное, которое не можетъ процвѣтать долго, а ипотечная система весьма-мало касается земледѣльцевъ, изъ которыхъ большая часть не владеютъ землями, ими управляемыми. Цѣль не будетъ достигнута и тогда, когда замѣнить раздробленное хозяйство земледѣльцами въ большихъ массахъ, потому-что на-самомъ-дѣль все относительно, и если фермеръ большаго участка земли имѣетъ вообще болѣе кредитъ, то его нужды также обширнѣе. Одно можетъ провести къ сельскому населенію кредитъ болѣе или менѣе обширный, существующій въ городахъ, — именно: участіе торгующаго класса въ покупки и продажѣ произведеній земли. Пусть земледѣльцы будутъ въ постоянномъ столкновеніи и сношеніяхъ съ торговлею городовъ для сбыта своихъ произведеній, и тогда, — но только тогда, имъ сдѣлается доступенъ кредитъ городовъ. Такое участіе торговцевъ, какъ мы видали, зависитъ отъ совершенной свободы, внешней и внутренней, покупки и продажи. Какъ ни великъ кредитъ, которымъ торговля и промышленность пользуются въ Англіи, но этотъ кредитъ не распространяется на сельское населеніе, тогда-какъ въ Северо-Американскихъ-Штатахъ, гдѣ торговля земледѣльческими произведеніями свободна, земледѣлецъ пользуется имъ въ той же степени, какъ и всѣ другіе промышленники.

Послѣ всего сказаннаго, намъ немного остается прибавить относительно настоящаго положенія.

Въ настоящее время, Англія и Белгія страдаютъ отъ недостатка жизненныхъ припасовъ; это не удивительно. Пусть справедливо, что жатвы были недостаточны; но мы смѣемъ думать, что объ эти стравы срывать не столько отъ немилосердія неба, сколько отъ немилосердія ихъ законовъ. Подъ дѣйствіемъ лучшихъ въ этомъ отношеніи законовъ, Франція пользуется болѣе-счастливымъ положеніемъ.

Англія должна, наконецъ, рѣшиться преобразовать свои ненавистные законы о хлѣбѣ, которые, въ-продолженіе 30 лѣтъ, угнетаютъ ея населеніе бѣдностію и голодомъ. Богатая и могущественная немилосердѣемъ изобиліемъ своихъ желѣзныхъ рудниковъ и копей камнен-

наго угла, необыкновеннымъ развитіемъ кредита и промышленности, они не потерпятъ долгое время, чтобъ выгоды ея исключительнаго положенія были потеряны для массы населенія, ущемленнаго эгоистическимъ законодательствомъ. Легко предугадать будущее. Уже давно народъ англійскій входитъ въ познаніе положенія дѣла, и благородныя сердца провозглашаютъ теперь истину даже съ кровель; но земледельческая партія сильна, упорна, и оныя показываютъ, что она не легко уступаетъ свою добычу. Однакожъ, лига, образовавшаяся противъ законовъ о хлѣбѣ, поражаетъ эту партію не только огненными речами, но въ самомъ источникѣ ея могущества. Пользуясь одною статьею послѣдняго электоральнаго закона, который поземельная аристократія употребила для увеличенія своей собственной силы, — лига въ свою очередь приобретаетъ избирателей. Она располагаетъ уже несколькими мѣстами въ парламентѣ. Борьба, следовательно, принимаетъ характеръ политическій, который можетъ сделаться грознымъ. Несправедливо, какъ часто говорили, — будто поддержаніе законовъ о хлѣбѣ важно для сохраненія англійской аристократіи: эти законы важны только для ихъ имѣній; и если эта аристократія не имѣетъ мужества пожертвовать неправильно-приобрѣтенною частію своего имущества, то законы о хлѣбѣ легко можетъ упасть когда-нибудь на нее и подавить ее своими развалинами.

(*) Въ-силу которой всякій хлѣбопашецъ, платящій 40 шиллинговъ подати, — можетъ быть избирателемъ.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ВОЗРЪНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗА- ОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАР- СТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА НОЯБРЬ 1845 ГОДА.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СО-
СТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Постановлено, что въ Бакинскій-Таможнѣ и въ заставахъ, по Каспійскому-Морю лежащихъ, какъ то: Сальянской и Ленкоранской, до-
скается очистка всѣхъ персидскихъ, турецкихъ и закавказскихъ от-
нятыхъ товаровъ въ Астрахань и таковыхъ же руссійскихъ во всѣхъ
персидскіе порты и на восточный берегъ Каспійскаго-Моря. Къ приво-
зу эту таможню и заставы допускаются всѣ вообще дозволенные
шеры, привозимые изъ персидскихъ пертовъ и съ восточнаго бере-
Чернаго-Моря, кромѣ европейскихъ и колониальныхъ, къ привозу
въ этихъ заграничныхъ мѣстъ запрещенныхъ, и кромѣ доставляемыхъ
персидскихъ и туркменскихъ береговъ рыбныхъ товаровъ, привозъ
которыхъ допускается къ одному Бакинскому-Порту (Высоч. повел.,
изд. 17 октября).

— Дарованное право академіямъ, университетамъ и другимъ казен-
нымъ заведеніямъ на беспошлинную выписку изъ-за границы нужныхъ
предметовъ распространено и на департаменты Министерства Го-
т. XLIV. — Отд. III.

сударственныхъ Имуществъ, Сельскаго Хозяйства и Лѣсной съ тѣмъ, чтобъ помянутые департаменты, примѣняясь къ 1160-й ст. Учрежденія Таможенныхъ, о всякой предпринятой выпискѣ предметовъ предвара чрезъ кого слѣдуетъ Министертво Финансовъ (Высоч. повел. 31 окт).

— Разрѣшенъ безпошлинный привозъ по 1-е сентября 1846 года, сухопутной границъ съ Пруссiею, ржи, ячменя, овса, гречи, проса, пшеницы, полбы, гороха, чечевицы и бобовъ всякихъ, какъ въ зерно такъ въ мукъ и крупъ (Высоч. повел. объявл. 5 ноября).

— Постановлено: 1) объявить установленнымъ порядкомъ оставшимъ солдатамъ, солдатскимъ женамъ и вдовамъ, чтобъ они съ просьбамъ объ оставленіи при нихъ сыновей для призрѣнія и выключкѣ ихъ изъ военнаго вѣдомства, обращались по принадлежности къ мѣстнымъ гражданскому начальству, а не къ военному, и что тѣ просьбы ихъ, которыя поступать въ Департаментъ Военныхъ Поселеній и вообще военному начальству, послѣ этого объявленія, будутъ оставлены бездѣйствія; 2) подтвердить мѣстному гражданскому начальству входить съ надлежащею точностію въ разборъ принадлежности солдатскихъ сыновей, а также правъ на отдачу ихъ родителямъ для призрѣнія, и если выключка по дѣламъ этого рода будетъ требовать распоряженія Департамента Военныхъ Поселеній, то относиться въ оный чрезъ губернскаго начальство, по приведеніи дѣла въ положительную ясность, и 3) избѣжаніе проволочки въ удовлетвореніи законныхъ означеннаго просьбъ, обратить на нихъ попеченіе уѣздныхъ страницихъ (ук. Цр. Сен. 19 ноября).

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Повельно слѣ 458 ст. XIII т. Свод. Зак. Уст. Нар. Прод. (изд. 1845 г.) о продажѣ хлѣба изъ сельскихъ экономическихъ магазиновъ Запада Сибири распространить и на Восточную-Сибирь, съ тѣмъ только, что продажу этого хлѣба производить тогда, когда вольныя цѣны на ономъ будутъ существовать выше 30 коп. сер. за пудъ, а покупку хлѣба магазины совершать по цѣнамъ не свыше 20 коп. сер. за пудъ, и что эту продажу и покупку производить подъ ближайшимъ наблюденіемъ генерал-губернатора, съ соблюденіемъ въ точности правилъ, постановленныхъ въ вышеозначенной 458 ст. Свод. Зак., т. XIII (Высоч. повел. объявл. 15 октября).

— Высочайше утверждень штатъ по регулированію государственныхъ имуществъ въ остзейскихъ губерніяхъ.

— Разрѣшено продолжать по 1-е сентября 1847 года существовавшую строительной комиссіи при Симбирской Гимназiи, учрежденной для стройки новаго дома для благороднаго пансіона при той гимназiи.

— Учреждена въ селѣ Андреевкѣ, Нижегородской-Губерніи, по пути отъ г. Саратова къ заштатному городу Починкамъ, новая почтовая станція, которая находится въ восемнадцати верстахъ отъ Нечаяевскаго Умета и въ 21 вер. отъ Починокъ.

— По местнымъ уваженіямъ Закавказскаго Края, допущено для горо-
въ этого края изъятіе изъ общаго правила по отбыванію квартирной
инности, изъясненнаго въ 210 ст. Уст. о Пов. (т. IV, изд. 1842 г.),
постановленіемъ, чтобъ воинскіе чины, живущіе въ собственныхъ
дахъ, пользовались квартирными деньгами наравнѣ съ другими чина-
и чтобъ дома ихъ также облагались квартирнымъ сборомъ наравнѣ
другими домами (ук. Прав. Сен. 29 окт.).

— Постановлено: 1) обер-аудитору войскового дежурства, аудиторамъ
терноводарскихъ: Комиссіи Военнаго Суда и Окружнаго Дежурства, а
ино и тѣмъ изъ батальонныхъ аудиторовъ, которые, по случаю
ландировокъ, будутъ проживать въ Екатеринодарѣ болѣе двухъ не-
ль, отпускать на отопленіе квартиръ дрова въ опредѣленномъ коли-
ствѣ, изъ числа тѣхъ, которыя вымѣнаваются у Закубанцевъ для
исковыхъ надобностей, на счетъ военныхъ суммъ, а на свѣчи так-
въ опредѣленномъ количествѣ, въ-теченіе пяти зимнихъ мѣсяцевъ,
личныя деньги, изъ военныхъ суммъ, по справочнымъ цѣнамъ,
того времени, пока сумма, въ городской доходъ опредѣленная (301
Свод. Зак. Гр., т. IV Уст. о Эсм. Повин.) на отопленіе и освѣще-
е квартиръ, увеличится въ достаточномъ для этого предмета коли-
ствѣ, и 2) аудиторамъ прочихъ окружныхъ дежурствъ и пѣшихъ ба-
льионовъ черноморскаго войска, квартирующимъ въ станицахъ, менѣе
ременныхъ повинностями противъ жителей г. Екатеринодара, пред-
гавить пользоваться квартирнымъ содержаніемъ на основаніи 296 и
7 ст. Свод. Зак., т. IV Уст. о Повин., изд. 1842 (Высоч. повел.
ьвл. 18 окт.).

— Для существующихъ въ городѣ Задонскѣ (Воронежской-Губерніи)
мая, 23 июня и 26 августа ярмарокъ, назначены семядневные сроки,
чинаая съ этихъ чиселъ.

— Распространены на Рязанскую-Губернію въ видѣ опыта Высочай-
е утвержденныя въ мая 1845 года правила для дворянскихъ поставокъ,
и допущеніемъ этихъ поставокъ на Шиловскую и Перевлевскую
ристаны, какъ для санктпетербургскихъ и попутныхъ магазиновъ,
къ и для московскихъ (ук. Прав. Сен. 2 ноября).

— Для усиленія способовъ градской полиціи города Дмитрова Москов-
ой-Губерніи, назначенъ къ имѣющемуся нынѣ тамъ городничему по-
ощникъ городничаго, съ жалованьемъ по сту-сорокъ-два рубля восьмиде-
ти-пяти копеекъ серебромъ въ годъ изъ доходовъ г. Дмитрова, и съ
равненіемъ этого чиновника по должности, пенсіи и мундиру съ квар-
альными надзирателями въ уездныхъ городахъ.

III. Законы гражданскіе.

— Высочайше утвержденнымъ въ 22 день февраля 1844 года, по по-
оженію Кавказскаго Комитета, опредѣленіемъ Общаго Собранія Первыхъ
рехъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, постановлено было:
предъ до совершеннаго водворенія въ Закавказскомъ Краѣ правительна-

го гражданского устройства, независимо отъ точнаго соблюденія оныхъ правилъ на совершеніе крѣпостныхъ актовъ, въ Сводѣ Законовъ установленныхъ, возстановитъ въ тотъ порядокъ предварительнаго мѣстнаго удостовѣренія о правѣ владѣльцевъ на продажу имѣнія, какъ былъ учрежденъ въ 1805 году главноуправляющимъ Грузіею, княземъ Цициановымъ и существовалъ до 1832 года. Совѣтъ Главнаго Управленія Закавказскаго Края, по полученіи объ этомъ указа Правительствующаго Сената, вошелъ съ представленіемъ и, объясняя факты, убѣждающіе въ удобствѣ существующаго въ Грузіи по совершенію крѣпостныхъ актовъ общаго порядка, введеннаго указомъ Перваго Департамента Сената 1832 года и подтвержденнаго Общимъ Собраніемъ въ 1836 году, ходатайствовалъ объ оставленіи въ силѣ сего общаго порядка, поставивъ лишь въ обязанность полицейскихъ мѣстъ во всей точности соблюдать порядокъ, для ввода во владѣніе установленный, какъ ограждающій совершенно право дѣйствительнаго владѣнія и останавливающій силу актовъ при возникшемъ противъ онаго спорѣ, присовокупляя, что по мнѣнію Совѣта порядокъ этотъ было бы полезно распространить и на Уѣзды Кутаисскій и Гурійскій въ отвращеніе медленности собранія свидѣній об имѣніяхъ, обремененія полицейскихъ мѣстъ и стѣсненія частныхъ лицъ. Въ обезпеченіе же правъ казны постановить, чтобъ при совершеніи актовъ, кромѣ установленныхъ справокъ, требовано было удостовѣреніе въ Тифлисѣ и Шемахѣ отъ палатъ государственныхъ имуществъ, а въ уѣздахъ отъ мѣстныхъ попечителей государственныхъ имуществъ: состоитъ ли продаваемое имѣніе по ведомостямъ въ числѣ казенныхъ имуществъ, въ дѣйствительномъ владѣніи казны находящихся. Намѣстникъ кавказскій, разсмотрѣвъ означенное представленіе Совѣта Главнаго Управленія, и признавая весьма-полезнымъ оставить въ Закавказскомъ Краѣ установленный указомъ Правительствующаго Сената 26 января 1832 года и подтвержденный указомъ 9 апрѣля 1836 года порядокъ совершенія крѣпостныхъ актовъ при продажѣ и залогѣ имѣній полагаетъ распространить оный и на Уѣзды Кутаисскій и Гурійскій. Для предохраненія же казны и частныхъ лицъ отъ неправильной продажи принадлежащей имъ собственности, къ заключенію Совѣта постановитъ правиломъ: 1) чтобы объявлять продавцамъ ст. 1164 и 1166 т. X. Св. Зак. Гражд. изд. 1842 года, въ комъ изложено, чему подвергается предметъ чужой собственности; 2) чтобы покупщикъ вносилъ въ то присутственное мѣсто, гдѣ совершается актъ продажи, всѣ деньги, слѣдующія за покупаемое имѣніе, или же представлялъ, по согласію съ нимъ продавца, заемное письмо въ части, или во всей суммѣ. Присутственнымъ же мѣстамъ поставить въ непремѣнную обязанность, дабы они о вводѣ во владѣніе покупаемыми имѣніями предписывали, чтобы покупатели вводимы были во владѣніе не позже одного мѣсяца, а то въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, а для ближайшихъ постановить срокъ до двухъ недѣль. По вводѣ уже во владѣніе, то присутственное мѣсто, гдѣ совершится актъ продажи имѣнія, отдаетъ продавцу слѣдующія ему деньги или заемное письмо; при чемъ изъяснить, что пограничные споры не могутъ служить препятствіемъ къ отдачѣ денегъ и должны своимъ по-

рядкомъ очищаться продавцомъ на законномъ основаніи. Наконецъ, порядокъ совершенія актовъ въ Мингреліи и Абхазіи, существующій нынѣ, оставитъ въ настоящей своей силѣ. Кавказскій Комитетъ, по разсмотрѣніи для сего, положилъ утвердить предположенія по всѣмъ семи предметамъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго Края и кавказскаго намѣстника. Это положеніе Комитета удостоилось Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія. (Указъ Прав. Сен. 29 окт.)

IV. Законы уголовные и полицейскіе.

— Высочайше повелѣно: 1) ссылаемыхъ въ Сибирь маловажныхъ преступниковъ евангелическаго исповѣданія, какового бы они ни были племени, поселять въ Тобольской-Губерніи, въ находящейся уже тамъ колоніи Рижково, гдѣ имѣть постоянное пребываніе пастору означеннаго исповѣданія для духовнаго назиданія тѣхъ ссыльныхъ, и 2) прочихъ за тѣмъ болѣе важныхъ преступниковъ евангелическаго исповѣданія, ссылаемыхъ въ Сибирь на поселеніе, отправлять въ Енисейскую-Губернію, гдѣ образовать для всѣхъ ихъ въ Минусинскомъ-Округѣ одну или двѣ колоніи, смотря по надобности, опредѣливъ сообразно тому одного или двухъ пасторовъ. (Высоч. повел. объявл. 8 окт.)

=

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА НОЯБРЬ 1845 ГОДА.

Внѣшняя торговля за 1844 годъ показываетъ, что отпускъ произведеній нашихъ за границу и привозъ иностранныхъ товаровъ значительно увеличились противъ 1843 года. Балансъ торговли за 1844 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Отпущено товаровъ за границу на	90,230,485	руб. сер.	
Въ Царство Польское на	1,994,393	—	—
Въ Финляндію на	1,451,005	—	—
	<hr/>		
	93,675,883	—	—
Привезено товаровъ изъ-за грани-			
цы на	76,862,189	—	—
Царства Польскаго на	1,042,250	—	—
Финляндіи на	575,516	—	—
	<hr/>		
	78,479,955	—	—
Золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ:			
Привезено изъ-за границы на	9,842,741	—	—
Изъ Царства Польскаго на	701,872	—	—
	<hr/>		
	10,544,613	—	—
Вывезено за границу	4,229,582	—	—
Въ Царство Польское на	512,304	—	—
	<hr/>		
	4,741,886	—	—
Общая сумма годового баланса.	187,442,337	руб. сер.	

Отпускъ товаровъ, составляющій вообще 93,675,883 руб. превышаетъ привозъ на 15,195,928 руб. сер. Главною причиною столь выгоднаго въ пользу Россіи баланса было значительное усиленіе изъ южныхъ нашихъ портовъ вывоза разнаго рода хлѣба, а изъ сѣверныхъ пеньки, льна, сѣмени льнянаго и коноплянаго и льснаго товара.

Привозъ. Цѣны на хлопчатую бумагу, сырецъ и пряденую, остались почти тѣ же, какъ въ 1843 году. Привозъ хлопчатой бумаги въ десять лѣтъ увеличился почти вчетверо, причемъ ввозъ пряденой бумаги не

уменьшается, что доказываетъ возрастающее развитіе бумажныхъ нашихъ фабрикъ. — Итальянскаго шелка привезено меньше, по причинѣ высокаго цѣны за границею, отъ-чего цѣна ему возвысилась и у насъ. Шерсти иностранной тонкой привезено болѣе противъ 1843 года. Цѣны на деревянное масло въ Санктпетербургѣ стояли умеренныя, а потому и привозъ онаго къ сему порту увеличился. — Цѣна на кофе была почти одинаковая съ цѣною 1843 года. — Сахарный песокъ. Бѣлый гаванскій сахаръ продавался дешевле, нежели въ 1843 году; въ концѣ года цѣна возвысилась по случаю извѣстій, полученныхъ съ Острова-Кубы о бывшемъ тамъ ураганѣ, причинившемъ большой вредъ сахарнымъ плантаціямъ.

Изъ иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ обращаетъ на себя особенное вниманіе упадающій привозъ бумажныхъ издѣлій. Въ 1840 году, онъ составлялъ 4,502,000 руб., а въ 1844 году привезено только на 3,523,000 руб. сер.; въ пять лѣтъ привозъ сократился почти на 1,000,000 рублей. Также замѣтно постепенное сокращеніе привоза шелковыхъ издѣлій, льняныхъ и шерстяныхъ.

Промышленность. — Выданы привилегіи: 1) дворянину Роману Піотровскому, на изобрѣтенный имъ инструментъ для настройки фортопьянъ и другихъ инструментовъ, подъ названіемъ аккордометръ. Польза сей машины, по объясненію Піотровскаго, заключается въ томъ, что всякій имѣющій слухъ, можетъ безошибочно настроить фортепьяно и другіе струнные инструменты, а равно органы и позитивы, и открыть фальшивые тоны въ духовыхъ инструментахъ, и 2) канцеляристу Аптону Безвалю на изобрѣтенный имъ безконечный механическій фильтръ для извлеченія сока изъ свекловицы, также селитры изъ земель, оную содержащихъ. Выгоды этого аппарата, по объясненію изобрѣтателя, многообразны: быстрота производства, дающая выходы лучшаго качества, дешевизна аппарата, удобность его помѣщенія, простота и прочность его устройства, устраняющія совершенно затрудненія въ работѣ и дѣлающія оный удобнымъ, какъ для большихъ заводовъ, такъ и для малыхъ.

Благотворительность. — Высочайше утверждено положеніе о Домѣ Приравнѣ Бѣдныхъ въ городѣ Туль. Въ этотъ домъ принимаются люди обоюго пола, изъ всѣхъ свободныхъ состояній, престарѣлые и увѣчные, не имѣющіе собственныхъ средствъ къ пропитанію, преимущественно граждане и жители города Тулы. Заведеніе это содержится на счетъ суммъ, собираемыхъ посредствомъ добровольныхъ приношеній благотворителей и состоя подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, находится въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ. Управленіе заведеніемъ сосредоточивается въ попечительство, которое, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, или исправляющаго его должность, составляютъ члены *непремѣнные* и *дѣйствительные*. Непремѣнными членами назначаются: губернский предводитель дворянства, вице-губернаторъ, предсѣдатель палаты государственныхъ имуществъ и градскій глава; дѣйствительные члены суть: попечительница, директоръ, почетные старшины и казна-

чей. Для производства дѣлъ и счетоводства въ попечительствѣ, учреждается при немъ канцелярія изъ правителя дѣлъ, бухгалтера и несколькихъ писцовъ, которые получаютъ вознагражденіе свое за труды изъ общихъ суммъ заведенія. Дѣла производятся на простой бумага и всѣ дѣловыя бумаги и послылки отправляются чрезъ почту безъ платежа почтоваго сбора. — Сверхъ показанныхъ бѣдныхъ, въ Домѣ Прізнанія допускается приѣмъ пансіонеровъ, за определенную плату, изъ людей крѣпостнаго состоянія и вообще лицъ, содержимыхъ на счетъ ихъ благотворительности. Пансіонеры сіи пользуются всѣмъ вообще содержаніемъ, какое отпускается прочимъ призваннымъ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ДЕКАБРЬ 1845 ГОДА.

I. Государственные учреждения (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Изложенныя Свод. Зак. т. XI, Уст. Кред. въ ст. 252 (изд. 1842 г.) правила о приложеніи грифовъ на билетахъ, выдаваемыхъ Государственнымъ Заемнымъ Банкомъ вкладчикамъ въ оный капиталъ, повелѣно принять къ точному руководству по Санктпетербургской и Московской Сохраннымъ Казнамъ Императорскаго Воспитательнаго Дома. (Высоч. повел., объяв. 15 нояб.)

— Дозволено Министерству Финансовъ опредѣлять въ должности архитекторовъ казенныхъ палатъ и неклассныхъ чиновниковъ, которыхъ Академія Художествъ признаетъ для сего достойными. Съ тѣмъ вмѣстѣ постановлено: во вниманіи къ тому, что воспитанники Академіи Художествъ, приготовляемые въ особенности къ познанію архитектуры, по-большой-части происходятъ изъ людей бѣднаго состоянія, не имѣютъ достаточныхъ способовъ отправиться къ мѣстамъ назначенія, выдавать имъ, при отправленіи въ какую бы то ни было губернію, взъ государственнаго казначейства на подъемъ не въ зачетъ годовые оклады жалованья и сверхъ-того прогоны на всякое разстояніе, отправляющимся въ отдаленные края государства и губерній, имѣющія особенныя преимущества, двойныя, а во внутреннія губерніи одинакіе. (Высоч. пов., объявл. 29 нояб.)

— Высочайше утверждены штаты: 1) Управленія новороссійскими и бессарабскими иностранными поселеніями и 2) Саратовской Конторы Иностранныхъ Поселенцевъ, и притомъ повелѣно: исчисленныя по сямъ штатамъ суммы отпускать изъ государственнаго казначейства съ тѣмъ, чтобы слѣдующія, на основаніи примѣчаній къ штатамъ, деньги съ поселенцевъ, по сборѣ ихъ, отсылаемы были въ уздѣвья казначейства въ установленныя для платежа податей сроки; б) санктпетербургскихъ, воронежскихъ и грузинскихъ колонистовъ, управленіе которыми возложено на мѣстныя палаты государственныхъ имуществъ, ввести въ общую съ государственными крестьянами раскладку на содержаніе сего управленія; в) нынѣшняго старшаго члена Попечительнаго Комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи наименовать председателемъ въ комитетъ; г) на Попечительный Комитетъ и Саратовскую Контору Иностранныхъ Поселенцевъ возложить составить описанія предметовъ ихъ занятій по столамъ, съ распределеніемъ частей управленія между двумя членами и вѣсть на утвержденіе министерства, и д) вмѣнять въ обязанность какъ комитета, такъ и конторы, управляя иностранными поселенцами по правиламъ, предписаннымъ въ Сводѣ Постановленій о Колонистахъ, т. XII, въ производствѣ имъ руководствоваться порядкомъ, установленнымъ въ палатахъ государственныхъ имуществъ; въ общесе же присутствіе вносить дѣ-

ла : въ комитетъ — по назначенію председательствующаго, а въ контору — по назначенію управляющаго ; во дѣлопроизводство въ окружныхъ и сельскихъ приказахъ колоній вести на прежнемъ основаніи. (Ук. Пр. Сен. 14 дек.)

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Пострадавшимъ отъ пожара троцкосавскимъ купцамъ, въ-продолженіи трехъ лѣтъ дозволено : 1) торговать вообще по Верхнеудинскому-Округу безъ взятія для того свидѣтельствъ, и 2) разрѣшить троцкосавскимъ купцамъ, пострадавшимъ отъ пожара, производство мелочнаго торга на Кяхтѣ, на сумму не свыше капитала купца 3-й гильдіи, съѣстными припасами и разными мелочами (кромя хлѣба и мерлушки), покупаемыми у другихъ пролапцовъ. (Высоч. повел., объявл. 3 нояб.)

— Разрѣшено рижскому военному, ливляндскому, эстляндскому и курляндскому генерал-губернатору право увольнять членовъ Рижскаго Магистрата въ заграничныя отпуска съ выдачею имъ свидѣтельствъ безъ предварительнаго о томъ представленія на Высочайшее благоусмотрѣніе. (Высоч. повел. объявл. 1 дек.)

— Повелѣно : вмѣсто учрежденія въ состоящемъ при генерал-губернаторѣ Восточной-Сибири Горномъ Отдѣленіи постоянного стола для производства дѣлъ по частнымъ золотымъ промысламъ, продлить еще года на три существованіе временнаго стола, учрежденнаго по штату 18 іюля 1842 г. съ прибавленіемъ только въ столъ сей, согласно ходатайству генерал-губернатора, еще одного помощника столоначальника и одного писца перваго разряда и съ опредѣленіемъ въ Горное Отдѣленіе, для ревизіи поступающихъ въ оное отъ горныхъ ревизоровъ, а также и по управленію нерчинскими горными и сибирскими соловаренными заводами отчетовъ, одного контролера и въ помощь ему писца перваго разряда, съ жалованьемъ и прочимъ содержаніемъ по особо-утвержденному штату и съ отнесеніемъ исчисленныхъ на то тысячъ девяти сотъ двадцати одного рубля тридцати восьми копеекъ, на счетъ взимаемой по 2425 ст. Горн. Уст. четырехрублевой съ каждаго фунта частнаго сибирскаго золота подати. (Высоч. повел., объявл. 24 нояб.)

— Повелѣно всѣхъ жителей г. Кременчуга и посада Крюкова, пострадавшихъ отъ наводненія въ 1845 году, освободить отъ платежа полтора-процентнаго сбора на квартирную повинность въ-теченіе пяти лѣтъ, относя расходъ этотъ на земскіе сборы Полтавской-Губерніи. (Высоч. повел., объявл. 24 нояб.)

III. Законы относительно службы гражданской.

— Повелѣно распространить на чиновниковъ, служащихъ въ посредническихъ комиссіяхъ и при посредникахъ спеціальнаго размежеванія земель и на семейства ихъ правила о назначеніи пенсій и единовременныхъ пособіи изъ суммъ общахъ земскихъ сборовъ. (Ук. Пр. Сен. 7 декаб.)

IV. Законы уголовные и полицейскіе.

— Постановлено : тѣмъ изъ состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ важнѣйшихъ чиновъ, кои по окончательнымъ конфирмаціямъ будутъ совершенно оправданы, возвращается удержанное въ казну жалованье и

дея бытности ихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ зачитается въ дѣйствительную службу. (Высоч. повел., объявл. 15 нояб.)

— Установленную 576 и 577 ст. XIV т. Уст. о Паспортахъ и Бѣглыхъ, изд. 1842 г., денежную награду, за каждаго пойманнаго бѣглеца за каждую бѣглую женщину, равно и несовершенно-лѣтнихъ дѣтей съ повелѣнію распространить и на всѣхъ горно-заводскихъ нижнихъ чиновъ, мастеровыхъ и казаковъ, по сравненію ихъ съ военно-служащими. (Ук. Пр. Сен. 5 дек.)

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ДЕКАБРЬ 1845 ГОДА.

Промышленность. Въ слѣдствіе Высочайшаго дозволенія отставному габс-ротмистру Студзинскому съ товариществомъ учредить и содержать въ теченіе десяти лѣтъ вольныя почты по тракту отъ Москвы въ Тулу, Орелъ и Курскъ до Харькова, Студзинскимъ открыты съ 1-го декабря 1845 года вольныя почты на станціяхъ по тракту отъ Моселокъ (Тульской-Губерніи) до города Харькова включительно. На каждой станціи сего тракта, Студзинскій будетъ содержать для отправленія почтовой гоньбы столько лошадей, чтобъ вся провѣжающіе по вольнымъ и частнымъ надобностямъ, какъ по подорожнымъ, такъ и по вольнымъ, но съ законными видами, а также дилижансы разныхъ именовацій, никогда не имѣли никакой остановки; а посему каждому ищущему съ законнымъ видомъ, безъ различія чиновъ и званій, Студзинскій будетъ отпускать съ содержимыхъ имъ станцій потребное число лошадей, какъ по означенному тракту между станціею Новоселки и городомъ Харьковымъ, такъ отъ онаго тракта и изъ города Харькова на всѣ боковые почтовые до первыхъ на нихъ отъ московско-харьковскаго тракта станцій; на проселочныя же не далее какъ двадцати верстъ отъ той станціи, съ которой лошади взяты. За ввозъ со станцій вольныхъ почтъ предоставлено Студзинскому принимать: а) съ провѣжающихъ по казенной и частной надобностямъ московско-харьковскому тракту до первыхъ станцій на всѣ боковые и него почтовые тракты и на проселочныя дороги (на разстояніи двадцати верстъ), прогонныя деньги по три копейки серебромъ на одну лошадь; б) съ провѣжающихъ по собственной надобности за везенья со станцій брички по три четверти копейки серебромъ за одну версту, а за сани установленную § 44 положенія о вольныхъ почтахъ плату за переездъ каждой станціи по двѣнадцати копеекъ серебромъ, и в) за подмазку колесъ у собственныхъ экипажей провѣжающихъ, слѣдующихъ по собственнымъ надобностямъ, установленную § 44 того же положенія о вольныхъ почтахъ и Высочайше утвержденнымъ 3-го ноября 1837 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта плату, а именно: у кареты, коляски и брички по двѣнадцати копеекъ серебромъ, а у кабинета и телеги по шести копеекъ серебромъ, на всѣхъ станціяхъ, гдѣ дѣйствительно произведена будетъ подмазка, по поряженію самихъ провѣжающихъ, для чего деготъ дается отъ станцій, а сало должны давать провѣжающіе. Для освобожденія провѣжающихъ

щихъ отъ необходимости разсчитываться на каждой станціи въ прогонныхъ деньгахъ, Студзинскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ всякій проезжающій, отправляясь изъ одного губернскаго города на московско-харьковскомъ тракть, или со станціи Новоселки, могъ, въ случаѣ желанія его, уплачивать прогоны за весь предстоящій ему по означенному тракту путь, и получать по установленной формѣ билеты или ярлыкъ, по представленіи коего ему будутъ бесплатно давать лошадей со станціи.

— Выданы привилегіи: 1) купцу Ивану Излеру на изобретенную имъ машину для приготовленія мороженаго, и 2) почетному дивизи двора Его Императорскаго Величества Лемлену на безвредное средство для улучшенія простыхъ виноградныхъ винъ, выдѣлываемыхъ въ Россіи; 3) инструментальному и музыкальному мастеру Гейнриху Коху на усовершенствованіе въ устройствѣ фортепьянъ, посредствомъ котораго всякому тону или аккорду можно отдѣльно сообщить форте, и 4) почетному гражданину Зелигу Слонимскому на изобретенную имъ арифметическую машину.

Благотворительность. — Санктпетербургское биржевое купечество, движимое признательностью къ постояннымъ попеченіямъ бывшаго министра финансовъ, покойнаго генерала-отъ-инфантеріи графа Кавкрина, о преуспѣяніи торговли и промышленности, желая благотворительнымъ учрежденіемъ ознаменовать и передать потомству уваженіе къ его памяти, предположило, отдаливъ изъ биржевой кассы семьвдцать тысячъ пять сотъ рублей серебромъ, обратитъ оныя въ билеты государственныхъ банковъ или фонды, и изъ процентовъ съ сего капитала воспитывать въ высшемъ коммерческомъ пансіонѣ, или другомъ какомъ-либо учебномъ заведеніи одного или нѣсколькихъ, по мѣрѣ средствъ, сыновей обдѣнвшихъ биржевыхъ купцовъ, подъ наименованіемъ: «пансіонеровъ санктпетербургскаго биржеваго купечества, въ память графа Е. Ф. Кавкрина». На приведеніе въ исполненіе сего желанія послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

— Въ высокаторжественный день тезоименитства Его Императорскаго Величества, открытъ въ Москвѣ 5-й дѣтскій приютъ, украшенный именемъ Ея Высочества Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны.

— Санктпетербургскій 1-й гильдіи купецъ Павелъ Кудряшевъ пожертвовалъ на отдалку квартиры Михайловской Частной Школы Санктпетербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества 146 р. 86 к. серебромъ.

IV.

СКОТОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ВЗГЛЯДЪ НА ВЫСТАВКУ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ВЪ ВАРШАВѢ ВЪ 1845 ГОДУ.

Статья третья (*).

Химическія издѣлія.

Химія, физика и механика — основаніе, на которомъ опирается каждый промыселъ; ихъ развитію родъ человѣческій обязанъ вышшею степенью своей цивилизаціи, и отъ нихъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, ждетъ еще болѣе свѣтлой будущности для послѣдующихъ поколѣній. Рѣдко, однакожь, одинъ который-нибудь изъ этихъ трехъ двигателей нашего развитія исключительно господствуетъ въ промышленныхъ заведеніяхъ; чаще всего, болѣе или менѣе, одинъ другому приходитъ на помощь; однакожь, отъ главнаго основанія въ фабричныхъ операціяхъ, произведеніе причисляется или къ разряду механическому, или химическому; общее названіе *химической фабрика* получаетъ тогда только, когда доставляетъ въ тор-

---

(*) Первые двѣ статьи напечатаны въ «Отеч. Запискахъ» прошлаго года (Томъ XLIII).

говлю химическія издѣлія подѣ разными названіями. Такихъ фабрикъ въ Царствѣ-Польскомъ очень-немного. Самая важная изъ нихъ есть извѣстная фабрика химическихъ издѣлій подѣ фирмою Л. Гиршмана и Кіевскаго въ Варшавѣ, которая имѣетъ помѣщеніе въ бывшемъ зданіи тринитаріевъ на Сольцѣ.

Эта фабрика, существующая болѣе двадцати лѣтъ, была замѣнена, при помощи правительства, стараніемъ и иждивеніемъ двухъ упомянутыхъ фабрикантовъ, и въ началѣ подвергалась различнымъ измѣненіямъ, пока вышла на дорогу обезпеченнаго существованія потому-что при обилии и разнообразіи издѣлій, при новыхъ, безпрерывныхъ успѣхахъ химіи, при трудности имѣть знающихъ параторовъ, завѣдывающихъ фабричными операціями, предпріятіе фабрикантовъ было слишкомъ-смѣло, а отъ-того и сбытъ слишкомъ-труденъ и невѣрент. Тѣмъ болѣе, однакожь, надобно отдать имъ справедливости, что они все превозмогли своимъ терпѣніемъ фабрику распространили, и теперь идутъ уже вѣрнымъ шагомъ, если цѣны ихъ издѣлій не равняются еще съ заграничными, и ихъ оправдываетъ въ этомъ тяжелое для нихъ прошедшее, дорогая цѣна суровыхъ матеріаловъ, высшая степень процента отъ капитала, и низкая отъ монеты, большіе расходы на внутреннее управленіе фабрики, стѣсненныя границы сбыта, и наконецъ—отсутствіе всякой конкуренціи. Надобно также обращать вниманіе на рынки, съ которыми сравниваемъ, потому-что и за границей не вездѣ какой-нибудь предметъ имѣетъ одну и ту же цѣну: въ Вѣнѣ на-пр. цѣны однѣ, въ Магдебургѣ другія, и т. д.

Эта фабрика выставила сорокъ различныхъ предметовъ, съ прейскурантами, для показанія, какія были цѣны во время послѣдней выставки въ 1841 году, и какія нынѣ въ 1845; изъ этихъ прейскурантовъ можно видѣть и появленіе новыхъ издѣлій, и пониженіе цѣнъ съ того времени на многія статьи.

Къ главнѣйшимъ издѣліямъ относятся кислоты: серная, соляная, азотная, селитренная, уксусная.

Разныя соли; именно: глауберова соль, зеленый купоросъ (сернокислое желѣзо), синий купоросъ (сернокислая мѣди), бѣлый купоросъ (сернокислый цинкъ), селениновый купоросъ (*Sulfat ferri sulfurici*), хлориновая известь, соленокислое олово, солянокислое олово съ аммоніемъ (*chloridum stanni et ammoniacae, Zinksalz*), синеродистый поташъ съ желѣзомъ краснаго и желтаго цвѣта; селитроокислый свинецъ; уксуснокислый свинецъ; уксусный эфиръ; квасцы обыкновенныя и желѣзистыя. Краски: оловянный белинитъ (*Bläueisenerde*), кремскій белинитъ (*Kremserweiss*); бѣзла для сукна; синька парижская, берлинская, бременская (*Pariser-Berliner-Bremer-blau*); желтая хромовая (*Chromgelb*); червецъ берлинскій (*Berlinerroth*); зеленые

Швейн-
 er-Kaiser-Neu-Oehl-Berg-grün) и т. д. Изъ числа бывшихъ на
 тавкѣ находилось шесть предметовъ, которыхъ выдѣлку, со вре-
 и послѣдней выставки, фабрика очень увеличила, а именно:
 сцы желѣзистые, червецъ берлинскій, уксусный эверъ, красный
 еродистый поташъ съ желѣзомъ (*Cyanidum potassii et ferri*), новый
 гъ желтой хромовой краски и кремскаго беленита; послѣдній
 жень былъ пройти чрезъ многочисленныя пробы, чрезъ про-
 жительныя и дорогіе опыты, пока былъ полученъ въ надлежа-
 і добротѣ. Неоспоримымъ доказательствомъ успѣховъ, кромѣ
 роты издѣлій, служитъ также и пониженіе ихъ цѣнъ: какъ
 еко фабрика удовлетворила этому условію, можно увѣриться
 преис-курантовъ, по которымъ въ 23 предметахъ цѣны пони-
 всь почти на 66 процентовъ, и такъ:

	1841 г.	1845 г.
Сѣрной кислоты въ 66 % Б. 100 ф.	50 золт.	33 $\frac{1}{2}$
Селитряной кислоты въ 36% Б.	150 —	100
Соляной кислоты въ 22 $\frac{1}{2}$ °	80 —	50
Уксусной кислоты.	600 —	500
Квасцы.	42 —	28 $\frac{1}{2}$
Солянокислосе олово.	250 —	200
Свинцовый беленитъ 100 ф.	60—100 —	66—50
Парижская снѣжка.	750 —	600
Берлинская лазурь.	250 —	150 и т. д.

Часть своихъ издѣлій фабрика отправляетъ въ Россію. Весь-
 жаль, что мы не знаемъ количества и цѣнности годовой ея
 лудции, потому-что успѣхъ этой фабрики, или смета внутрен-
 о быта, особенно сѣрной кислоты и купоросовъ, можно почи-
 какъ-бы барометромъ общаго въ нашемъ краю хода фабрич-
 съ заведеній; особенно стеариновыхъ фабрики, которыя все уве-
 иваются, и химическія бѣлильни, значительно распространяютъ
 ылку сѣрной кислоты; въ послѣднихъ очень чувствуется до-
 овизна поваренной соли, которой цѣна 27 золт. за центнеръ —
 жна имѣть вліяніе на цѣны хлориновой извести и соляной ки-
 ы, и становится также препятствіемъ въ приготовленіи соды,
 арая, въ такомъ положеніи, не могла бы выдержать совмѣстна-
 ва съ иностраннымъ товаромъ, гдѣ фабрики покупаютъ соль го-
 то-дешевле.

заведеніе химическихъ фабрикъ должно быть нелегко и не-
 ы-выгодно, если до-сихъ-поръ нѣтъ въ нихъ ни малѣйшей
 курренціи, хотя поле дѣятельности очень еще обширно: мно-
 тво разныхъ красокъ, обложенныхъ значительною пошлиною,

приходится выписывать изъ-за границы, а некоторых предметов, которые стояли прежде въ преис-курантахъ здѣшней фабрики, какъ на-пр. меркуріальныя препараты для аптекъ, горисинька (Bergblau) и т. д., теперь въ нихъ нѣтъ. Это доказываетъ, что успѣхъ не всегда отвѣчаетъ стараніямъ, а приходъ издержкамъ. Но не должно терять надежды: время и дальнѣйшіе успѣхи могутъ дать случай одолѣть нынѣшнія трудности; фабриканты и своею предпріятіемъ много уже сдѣлали; ничто не можетъ оспорить у нихъ важныхъ для нашего края заслугъ на поприщѣ промышленности, которыя на всѣхъ прежнихъ выставкахъ награждены золотыми медалями; должно надѣяться, что видимые со времени послѣдней выставки въ 1841 году успѣхи, которые особенно отличаются значительнымъ пониженіемъ цѣвъ на главнѣйшіе предметы, не останутся безъ вниманія и награжденія.

Другое химическое заведеніе, только въ другомъ родѣ и въ меньшемъ объемѣ, есть фабрика г. Эдварда Васянского. На выставкѣ видѣли мы изъ ея издѣлій, цвѣтныя химическія зажигательныя спички, колонскую воду, разные духи, куренья, пахучія мыла, противоревматическую бумагу, шоколадъ, житный кофе, зѣбрь для паровыхъ лампъ, картофельный сиропъ, химическія чернила для мѣтки бѣлья, и т. д. Это заведеніе существуетъ уже нѣсколькимъ лѣтъ. Главнѣйшее его издѣліе—химическія зажигательныя спички, которыя расходятся вездѣ. Въ Варшавѣ извѣстны намъ двѣ фабрики, которыя доставляютъ ихъ на цѣлый нашъ край, а частью въ сылаютъ и въ Россію, именно гг. Гиршфельда и Васянского. Спички бываютъ двухъ сортовъ: одніе загараются черезъ соприкосновеніе съ сѣрною кислотою, другія черезъ треніе о какое-нибудь неровное и твердое тѣло; первыхъ пачка въ сто тысячъ штукъ продается по 24 злот., другихъ по 36. Издѣліе это вообще хорошо; но надобно бы еще пожелать, чтобъ меньше влаги притягивалось изъ воздуха; цѣна, по нашему краю, невысока, по границею она ниже. Картофельный сиропъ немного еще вошелъ у насъ въ употребленіе. Г. Васянскій приготовляетъ его очень тонкаго цвѣта, потому-что сбываетъ его на искусныя фабрики. Фабрики этого сиропа заслуживали бы болѣе вниманія со стороны нашихъ сельскихъ хозяевъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, подѣ Варшавою въ Повонзкахъ была фабрика картофельнаго сахара: онъ употреблялся на слаженіе водокъ самаго послѣдняго сорта, отчасти на приготовленіе пива, въ добавокъ къ солоду. За границею лучше оцѣнили выгоды употребленія картофельнаго сиропа: тамъ идетъ онъ на пивоварни, даже на приготовленіе искусственнаго вина и печеніе пряниковъ, а иногда для поддѣлки меда, чтобы увеличить его массу и вѣсъ, чему мы не совѣтуемъ подражать.

лько предостерегаемъ касательно возможности такой примѣси. Изъ сла нѣсколькихъ фабрикъ, заведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ наше- края, держится, сколько намъ извѣстно, одна—въ Пассахъ подъ онемъ. Прочія издѣлія г. Васянского извѣстны публикѣ, а значительный сбытъ ихъ доказываетъ, что они заслуживаютъ этой извѣстности. Къ фабрику химическихъ издѣлій г. Васянской присоединилъ механическое заведеніе для строганія красильнаго дерева, въ торомъ устроилъ конный цилиндрической воротъ, изобрѣтенный Берлиннѣ; такихъ воротовъ только два знаемъ мы въ Варшавѣ; о полезное издѣліе было похвалено знатоками. На прошедшихъ выставкахъ, старанія г. Васянского были оцѣнены по заслугамъ награждены серебряною медалью.

Г. Гудсонъ, изъ Варшавы, далъ на выставку разнаго сорта ремесла для бритвъ, духи, куренья, ваксу, колонскую воду.

Г. Готлибъ выставилъ спермацетовыя свѣчи, бѣлыя и цвѣтныя, исеу для смазки колесъ у экипажей и машинъ.

Издѣлія того и другаго не имѣютъ, правда, важнаго значенія въ промышленности, но все-таки значительно замѣняютъ массы этихъ вещей, привозимыя изъ-за границы. Спермацетовыя свѣчи красивы и привлекательны, и въ щегольскихъ будуарахъ должны найдти себѣ мѣсто; но въ общее употребленіе не дадутъ имъ войти керничовыя свѣчи, которыя почти втрое ихъ дешевле и въ вышеніи ничѣмъ имъ не уступаютъ.

Стеариновые свѣчи.

Уже прежними химикамъ было извѣстно, что жирныя растительныя масла и животный жиръ состоятъ изъ двухъ различныхъ веществъ—олеина, жидкаго, и стеарина—плотнаго, твердаго, блестящей близны вещества; но отдѣленіе ихъ одного отъ другаго, слишкомъ дорогое, долго не позволяло приложить это полезное открытіе къ практическому употребленію. Назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ, удалось, наконецъ, французскимъ химикамъ, простѣйшими и дешевыми способами, получить и подарить промышленности новый, ценный-полезный и пріятный матеріалъ; однакожъ, до 1830 года, фунтъ свѣчь стоялъ еще въ Царствѣ пять золотыхъ. Дальнѣйшему извѣстію хамин обязаны мы большимъ упрощеніемъ и уменьшеніемъ издержекъ при выдѣлываніи стеарина, такъ-что у насъ теперь уже, при сильной конкуренціи, покупая разомъ большое количество, можно имѣть, фунтъ свѣчей за два золотыхъ (30 коп. треб.). Съ распространеніемъ ихъ, восковыя свѣчи, которыя гораздо-дороже, а никогда не имѣютъ такой близны, вышли почти изъ употребленія и удержались только въ церквахъ. У насъ, лѣтъ

шесть тому назадъ, завелись разомъ двѣ фабрики стеариновыхъ свѣчей, г. Карла Шольца, сначала въ Варшавѣ, потомъ въ деревнѣ, въ собственномъ его имѣніи, по близости Варшавы, и компаніи гг. Адама Эпштейна и Леви, въ Варшавѣ, на Гусиной-Улицѣ, въ большомъ зданіи, которое называлось прежде литейнымъ дворомъ; третья, г. Лидтке въ Варшавѣ, заложена въ нынѣшнемъ году. Хотя говяжье сало, изъ котораго добывается стеаринъ, есть матеріалъ домашній, однакожь, на внутреннія потребности его не достаётъ, и много надобно привозить изъ Россіи. Кроме недостатка у насъ въ салѣ, безопасность и дурныя привычки альбионскихъ мясниковъ увеличиваютъ цѣну, а уменьшаютъ доброту его, — потому что, приготовляя сырое сало къ топкѣ, не только не очищаютъ его отъ крови и грязи, но еще прибавляютъ къ нему мышцы, жиры, хрящи, и даже кости, чтобъ увеличить его объемъ и вѣсъ, а оставляя его безъ просушки въ кучахъ, пока наберется болѣе, его выставляютъ его на продажу уже затхлое, не смотря на строгость полицейскихъ распоряженій, которыми назначаются наказанія за такіе поступки.

Въ-отношеніи общности и внутренняго устройства, первое мѣсто занимаетъ заведеніе гг. Адама Эпштейна и Леви; толка сыраго сала производится у нихъ новымъ способомъ, не огнемъ, а щелочью и сѣрною кислотою. При такомъ производствѣ — не бываетъ отвратительнаго запаха, неизбежнаго при топкѣ на огонь, который дѣлается несноснымъ для жителей, даже на значительномъ разстояніи, почему всѣ салотопни, дѣйствующія огнемъ, выведены изъ города довольно-далеко за заставы. Для управленія техническими работами, заведеніе имѣетъ директоровъ, выписанныхъ изъ-за границы; для выжиманія олеина изъ химически-обработаннаго сала имѣетъ сальные гидравлическіе прессы, и богато снабжено всѣми нужными орудіями и машинами. Первоначальный и оборотный капиталъ можно считать въ полтора милліона золотыхъ, а годовая выработка — тысяча фунтовъ свѣчъ разныхъ размѣровъ. Большая часть этой выработки расходуется въ Царствѣ; въ сосѣднія русскія губерніи высылается около сорока тысячъ, а въ Берлинъ около тридцати тысячъ фунтовъ ежегодно.

На выставкѣ для каждаго любящаго отечественную промышленность, пріятно было смотреть на издѣлія изъ стеарина, которыми сельскимъ хозяевамъ дѣлаются новою помощію и приманкою при разведеніи и откармливаніи скота. Изъ заведеній гг. Эпштейна и Леви мы съ удовольствіемъ осматривали на выставкѣ: стеарины въ кускахъ, свѣчи разнаго размѣра, почти свѣжой бѣлизны, съ цѣгольскими ярлычками на фунтовыхъ пачкахъ, ночныя лампадки, мѣлки для картъ, и бюсты, которые бѣлизною и гладкостью обра-

иваютъ зрѣніе, давая имъ видъ каррарскаго мрамора,—оленное мыло, и разное туалетное. Всѣ эти предметы ничего не оставляютъ болѣе, и каждый знатокъ, желающій добра отечественнымъ брикамъ, не отошелъ отъ нихъ безъ чувства благодарности къ брикантамъ и безъ внутренняго желанія, чтобъ ихъ пожертвонія и усилія были награждены успѣхомъ.

Г. Карлъ Шольцъ, варшавскій житель, представилъ на выставку парижскія свѣчи и оленное мыло, которыя не уступаютъ издѣліямъ упомянутой фабрики. Его заведеніе, въ нынѣшнемъ своемъ стояніи, выдѣлываетъ въ день около шести сотъ фунтовъ свѣчъ, и оленное мыло, которое дешевле обыкновеннаго и легче спускается въ теплой водѣ, но не такъ выгодно. Итакъ, эта брика также заслуживаетъ вниманіе; хозяинъ ея, знающій технику, разъ заплативъ иностраннымъ мастерамъ за науку, можетъ обойтись уже безъ ихъ помощи, а это доставляетъ ему ту выгоду, что доброта его издѣлій не зависитъ отъ переменъ, знанія и пріядіи пріѣзжающихъ изъ-за границы техниковъ. И ему также и благодарность, и ему также пожелаетъ счастливаго успѣха каждый любящій полезныя предпріятія.

Изъ разряда химическихъ издѣлій, представленныхъ на выставку, принадлежатъ также:

Краски для бѣлья, и краски для домашняго крашенія—голубая, розовая, желтая и зеленая, г. Весоловскаго, бывшія и на прежнихъ выставкахъ. Онѣ приобрѣли уже общія похвалы касательно своей пользы и доброты, но все еще очень дороги, особенно вые сорта, которые продаются по 12 злотыхъ за фунтъ.

Лаки и политуры, масляныя и спиртовыя г. Краузе. Трудно судить о нихъ, смотря только на жидкости въ стеклянкахъ; но мнѣстоляровъ, переписчиковъ и живописцевъ, которые ихъ употребляютъ, и похвальные свидѣтельства особъ, работавшихъ ими, служатъ несомнительнымъ ручательствомъ въ пользу заведенія, которое на послѣдней выставкѣ въ 1841 году получило уже одобренный отзывъ отъ правительства. Оно выдѣлываетъ, между прочимъ, прочную и глянцовитую краску для половъ, также готовую краску для дверей и оконъ, и представило также раскрашенныя на бумагѣ гравюры, нарисованныя по способу, изобрѣтенному нѣмъ фабрикантомъ и покрытыя лакомъ, отъ-чего возвышается живость красокъ, и не имѣется надобности вставлять стекло, а нечистота просто смывается мокрою губкою.

Болонская вода и помады г. Снеховскаго. Первая очень-чиста, пріятнымъ запахомъ, но за то дорога; другія очень подходятъ парижскимъ образцамъ.

СВЕКЛОВИЧНЫЙ САХАРЪ.

Къ важнѣйшимъ отраслямъ промышленности должно причисл сукловичный сахаръ, потому-что онъ не только иностранный продуктъ замѣняетъ домашнимъ, но и обогащаетъ земледѣліе н полезною фабрикаціею, которая даетъ болѣе-вѣрныя выгоды, не ли столь распространенное и доведенное до излшества винокурен. Заннимательно будетъ, можетъ-быть, взглянуть на начало этой промышленности въ нашемъ краѣ и постепенное ея развитие. По примѣру Франціи, еще правительство бывшаго Княжества Варшавскаго, приохочивая сельскихъ хозяевъ къ занятію этимъ предметомъ, велѣло на свой счетъ напечатать наставленіе, какъ разводить сахарную свеклу и дѣлать изъ нея сахаръ. Но этотъ промыселъ былъ еще тогда въ колыбели, а военное время не благопріятствовало рогимъ предпріятіямъ; не смотря на это, въ разныхъ мѣстахъ дались опыты: между-прочимъ, г. Плѣнка, почтмейстеръ въ Ставкахъ, въ Августовской-Губерніи, выдѣлывалъ довольно-хорошій сахаръ на домашнія потребности, и тогдашнему правительству представлялъ пробы въ кускахъ довольно-бѣлыхъ. Долго, однакожъ, было ждать, пока изъ извѣстнѣйшихъ агрономовъ наши такіе, которые рѣшились на фабричную выдѣлку этого вида. Сколько намъ извѣстно, баронъ Галлише и графъ Генрихъ Лубскій, первый въ Издѣбнѣ, другой въ Гузовѣ, Варшавской-Губерніи, около 1828 года, чтобъ дать примѣръ и охоту землякамъ, сего приняли у насъ за эту новую фабрикацію. Особливо послѣдній не щадилъ издержекъ на выписываніе французскихъ машинъ для завода и усвоенія ему всѣхъ улучшеній въ фабрикахъ, которыя гдѣ-либо являлись за границею. Въ это заведеніе отдалъ въ науку людей всѣхъ тѣ помѣщики, которые думали о учрежденіи подобныхъ заводовъ. Прошло, однакожъ, много времени, пока не благопріятствовали. Послѣ 1832 года, однакожъ, было устроено около 26 заводовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, два совершенно уничтожились, а нѣсколько другихъ, по случаю неурожаа свеклошны, дѣйствовали. Не всѣ также и идутъ съ одинаковымъ успѣхомъ: нѣкоторые основатели, заложивъ заводы, не обезпечили себя своевременно доставки свеклы въ нужномъ количествѣ; другіе не обратили вниманія на топливо, на долго ли его станетъ у нихъ самихъ и въ окрестности. Изъ этихъ 26 заводовъ, 10 находятся въ Варшавской-Губерніи, 5 въ Радомской, 8 въ Люблинской, 2 въ Плоцкой, 1 въ Августовской (въ Тыкоцинѣ). Общая выработка всѣхъ заводовъ простиралась въ 1844—45 году до 20,000 центнеровъ, изъ которыхъ половина рафинирована; кромѣ-того, сиропъ около 7,000 центнеровъ, и патоки 4,000 центнеровъ.

Первое мѣсто въ числѣ всѣхъ этихъ заводовъ занимаетъ свекловичносахарный заводъ, при которомъ устроено и рафинвальное заведеніе, въ Германовѣ, подѣ Шимановымъ, въ Сохачевскомъ-Повѣтѣ. Онъ устроенъ въ обширныхъ размѣрахъ и стоѣлъ при самомъ основаніи нѣсколько милліоновъ золотыхъ; онъ существуетъ подѣ фирмою *Германъ Эпштейнъ и компанія*, и сначала находилъя подѣ управленіемъ г. *Людвика Гиришмана*, а нынѣ управляется самимъ *Германомъ Эпштейномъ*. Гузовскій заводъ отсылаетъ сюда всю свою выработку въ видѣ очищеннаго сока, и оба эти заведенія обрабатываютъ ежегодно около 100,000 корцевъ свекловицы, изъ которой, вмѣстѣ съ сахарнымъ пескомъ, закупленнымъ въ другихъ мѣстныхъ заводахъ, доставляютъ въ торговлю слишкомъ десять тысячъ центнеровъ рафинированнаго сахара, кромѣ нѣсколькихъ тысячъ центнеровъ сиропа и патоки. Не малую выгоду этотъ заводъ получаетъ отъ-того, что онъ не передѣлываетъ на песокъ, который потомъ растапливается для рафинирования, а прямо изъ очищеннаго сока приготовляетъ рафинированный сахаръ. Въ важнѣйшіе заводы могли бы дѣйствовать подобнымъ образомъ. Песокъ съ другихъ заводовъ рафинерія покупаетъ, платя только за находящійся въ немъ кристаллическій сахаръ; для этого служитъ *сахаромѣръ Біо* — орудіе, устроенное на основаніи рефракціи свѣта, и показывающее въ водномъ растворѣ сахарнаго песка количество находящагося въ немъ кристаллическаго сахара. Сокъ выжимается гидравлическими прессами, по очищеніи сгущается въ разрѣженномъ воздухѣ на аппаратѣ, изобрѣтенномъ *Пеллетаномъ*, съ нѣкоторыми измѣненіями *Вагенмана*, которому, при заложеніи этого завода, было поручено внутреннее его устройство. Кромѣ собственныхъ плантацій, свекловица доставляется окрестными колонистами, крестьянами и помѣщиками. Чтобъ болѣе распространить воздѣлываніе свекловицы и заохотить мелкихъ поземельныхъ владельцевъ, заводское правленіе раздавало сѣмена и платило по 3½ золотыхъ за корецъ. Не смотря на все это, заводъ не дошелъ еще до предполагаемой выдѣлки, потому-что, при нынѣшнемъ его устройствѣ, онъ могъ бы выдѣлывать ежегодно 15,000 центнеровъ рафинированнаго сахара, и этому помѣшалъ только неурожай свекловицы въ послѣднихъ годахъ. Въ нынѣшнемъ его состояніи, ежегодную его продукцію можно цѣнить въ полтора милліона золотыхъ. Изъ этого легко видѣть, какое благотворное вліяніе имѣетъ этотъ заводъ на сосѣднихъ жителей, давая лѣтомъ и зимою работу тѣмъ классамъ, которые должны жить трудами рукъ своихъ. Оборотъ такого значительнаго капитала употребляется съ истинною пользою для края и для заводчиковъ, а примѣръ ихъ долженъ бы заохотить и другихъ капиталистовъ къ подобнымъ

предпріятіямъ: охранительная пошлина съ заграничнаго сахара—по 75 злотыхъ, а съ доплатою 10% дорожнаго сбора, по 87½ злотыхъ отъ центнера, достаточно защищаетъ этотъ родъ домашней промышленности отъ иностранной конкуренціи. И количество внутренней выдѣлки также еще далеко не покрываетъ всей потребности края, потому что изъ-за границы, черезъ таможи, провозится сахара ежегодно около 23,000 центнеровъ; присоединяя сюда 20,000 центнеровъ домашней выдѣлки, можно бы считать ежегодно потребленіе 43,000 центнеровъ; а за тѣмъ, при народонаселеніи въ 4,600,000 душъ, по $\frac{93}{100}$ фунта на душу, между тѣмъ, какъ въ нѣмецкомъ таможенномъ союзѣ приходится слѣшкомъ по 5 фунтовъ на душу, кромѣ фунта сиропа, — во Франціи около 8, а въ Англіи около 20 фунтовъ на душу. Дороговизна сахара, который продается около 50 грошей (25 коп. сереб.) за фунтъ, препятствуетъ, правда, большому потребленію этого продукта, но, однакожь, въ нынѣшнемъ состояніи, промышленность наша ищетъ еще предъ собою обширное поле, ибо можно навѣрное положить, что нынѣшняя выдѣлка составляетъ только третью часть общаго потребленія; а еслибъ со-временемъ цѣна сахара понизилась до 36—40 грошей, какъ въ Галиціи и Княжествѣ-Познанскомъ, то потребленіе, а съ нимъ и поле земледѣльской промышленности расширились бы весьма-значительно. Новое развитіе этой отрасли промышленности доказываетъ также, что она удержится и установится въ Европѣ, потому что, когда, два года назадъ, французское правительство, въ интересъ своихъ заморскихъ колоній, а болѣе на пользу своего торговаго мореплаванія, увеличило пошлину отъ свекловичнаго сахара, чтобы убить этимъ всѣ свои свеклосахарныя заводы, тогда новыя открытія въ сахаровареніи (въ окрестностяхъ Валансьенна) уменьшили издержки производства, и довели до результата, что сахаръ перваго вара равняется бывающей и плотностью рафинированному. Хотя нѣкоторое число заводовъ уничтожилось, общая, однакожь, выдѣлка не только не уменьшилась, но еще увеличилась шестою частью. Такія улучшения не могутъ долго остаться тайною одного, но со-временемъ должны сдѣлаться общимъ достояніемъ: слѣдовательно, на эту промышленность смѣло и безопасно можно посвящать свои капиталы.

Послѣ Германовскаго, значительнѣйшіе по количеству выдѣлки, заводы суть: въ Лесьмержѣ, при которомъ есть и рафинерія (васлѣдниковъ Вернера), въ Стрѣльцахъ (барона Тресковъ), въ Потуржизнѣ и Радынѣ—оба въ Люблинской-Губерніи (последній г. Шлюбовскаго), и въ Луковомъ, въ имѣніи графа Яна Лубенскаго, въ Плоцкой-Губерніи. На выставку, однакожь, только три завода

исслали свои издѣлія: Германовскій прислалъ двѣ головы рафинированнаго сахара, который близкою, плотностью и мелкостью кристаллизаціи беретъ верхъ надъ всеми домашними издѣліями того рода и можетъ даже стать на ряду съ лучшими иностранными. Заводская цѣна при гуртовой продажѣ — одинъ съ половиной фунтъ за фунтъ.

Г. Попповскій, владѣлецъ имѣнія Свєрники, въ Люблинской-Губерніи, далъ на выставку двѣ головы сахара не рафинированнаго, только очищеннаго посредствомъ покрыванія глиною и налива-нн сиропомъ. Снаружи этотъ сахаръ имѣетъ желтоватый, непріятный для глазъ цвѣтъ, что могло также быть отъ пыли, налетѣвшей на него во-время выетавки, когда онъ долго стоялъ безъ всякой покрывки, а внутри чистъ и безъ запаха. Продается гуртомъ по сорока во два грѣша за фунтъ.

Помѣщикъ имѣнія Раздынъ, г. Станиславъ Шлюбовскій, прислалъ харный песокъ, приращено-выблещенный, который, не смотря на сильный запахъ, свойственный сырому свекловично-сахарному песку, можетъ покупаться очень-офотно.

Изъ Россіи, изъ Полтавской-Губерніи, г-жа Ширкова, вдова, прислала голову сахара, въ которой есть всѣ качества хорошаго издѣлія: онъ былъ, звонокъ, плотенъ, и даже, можетъ-быть, слышнѣе-плотенъ, отъ-чего медленнѣе, нежели другіе, распускается въ водкостяхъ.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО И ДОМОВОДСТВО.

ТЕОРИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ВЪ ЕЯ ПРАВСТВЕННОМЪ, ФИЗИЧЕСКОМЪ, УМОЗРИТЕЛЬНОМЪ И ПРАКТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ,

ИЗЛОЖЕННАЯ

докторомъ Пурфомъ, профессоромъ всѣхъ наукъ и многихъ другихъ.

Эпиграфъ: Ego...

I...

Ich...

Jo...

Moi...

Я самъ...

(Экстрактъ изъ всѣхъ книгъ писанныхъ и напечатанныхъ.)

ТЕОРИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА.

КНИГА I.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО ВООБЩЕ.

ЧАСТЬ I.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО СОБСТВЕННО.

ГЛАВА I.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО САМО-ПО-СЕБѢ.

Отдѣлъ I.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО, КАКЪ ОНО ЕСТЬ.

Подраздѣленіе I.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО, КАКЪ НАУКА.

Подотдѣленіе I.

О ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВѢ ВЪ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

§ 1. Домостроительство (*) есть (**) наука (***) о (****) устройствѣ (*****) дома (*****).

Королларій. Прежде, нежели мы пойдемъ далѣе, да позволено мнѣ будетъ, по обычаю всѣхъ ученыхъ и опытныхъ людей, обра-

(*) Preclarissimi juris utriusque doctoris *Pribiralchini*—De pecuniandis modo vorino, commoquo — Meditatio I.

(**) *J. Scoti*—Ars honeste naduvandi in societate. Pars I, c. 28.

(***) *M. v. Procentini*—De moustarda post prandium servienda lib. quatuordecim, cum adnot.

(****) *Maioris*—De modo faciendi boudinos, calbassosque. Lib. tres. Introductio.

(*****) *Sovestralini*—D. adversus quendam qui vocaverat eum fripponatoreм. *Moralisationes.*

(*****) Illustrissimorum nostrandorum practicozum *Vade tecum ad carmarozum* propualiter nabivendum. Lib. X, p. I, p. 350.

тить вниманіе читателей на обстоятельство, собственно къ дѣлу не мало неотносящееся, но, не смотря на то, весьма для меня важное: я человекъ самый честный и правдивый—правила мои известны, и я могу сказать, какъ говоритъ известный сочинитель г. Булгаринъ: «я братъ каждаго честнаго, благороднаго и даровитаго человека!» (*) Принявъ предложеніе г. редактора «Отечественныхъ Записокъ» касательно начертанія Теоріи Домостроительства, я немедленно приступилъ къ работѣ и послѣдныя плоды трудовъ моихъ представляю на усмотрѣніе просвѣщенной публики. По сему началу, читатели могутъ видѣть, что ожидаетъ ихъ въ-послѣдствіи. Ничто не было упущено изъ вида: и ученое, систематическое раздѣленіе, и бездна авторитетовъ, принятыхъ въ основаніе моей теоріи, а равно точность, ясность и плодovitость моихъ положеній. Въ сію теорію я намѣревался ввести цѣлые трактаты относительно Горшкologіи, Ложкologіи, Кастрюляизма, Шпандализма, Лампомудрія, Пятнословія, Коврологіи, Паркетизма, Столоводства и Стуловодства, Постелесловія, Погребознанія, Буфетомудрія и другихъ наукъ и системъ, которыхъ даже имена неизвѣстны обыкновеннымъ ученымъ. Независимо отъ сего, я собирался войти въ подробныя изслѣдованія всѣхъ факторовъ рациональнаго и догматическаго домостроительства, какъ-то: управителя, столоваго, дворецкаго, камердинера, офиціанта, горничной, лакея, швейцара, дворника, повара и другихъ должностныхъ домашнихъ лицъ; я рѣшился начертать обязанности всѣмъ онымъ поименованнымъ, не исключая даже кухмистра; всѣ сіи диссертациі должны были сопровождаться указаніями не только на европейскія литературы, но и на литературу санскритскую, китайскую, персеполитанскую, и проч. и проч.

И чѣмъ я былъ награжденъ за столь благія намѣренія? Редакторъ «Отечеств. Записокъ» не замедлилъ повторить предъ публикою слухъ, распущенный моими врагами и завистниками,—слухъ самый обидный, самый неслыханный... Вы уже догадываетесь на что я намекаю (**): мои недоброжелатели не могутъ отнять у меня ни славы, ни учености, ни трудовъ на пользу общую; — они касаются на самую жизнь мою! да! на жизнь! Они утверждаютъ, что я не существую и повторяютъ эти слова съ какою-то непонятнымъ ожесточеніемъ. На здоровье! все это, разумется, ни сколько не мѣшаетъ мнѣ жить да добра наживать; но всему есть мѣра! Цѣлому свѣту известна моя всегдашняя скромность, благонамѣренность и деликатность, однакожь, когда дѣло доходитъ до

(*) Воспоминанія Ф. Булгарина, ч. I. стр 312.

(**) Въ объявленіи объ изданіи «Отеч. Записокъ» на 1848 годъ было сказано: «талантливый авторъ, скрывающійся подъ именемъ доктора Пуза» и пр.

меня — о! тогда, признаюсь, я выхожу изъ всѣхъ границъ, считаю для себя все позволеннымъ, — надѣюсь за это меня ни одинъ здравомыслящій человекъ не осудить... Я не существую? я не человекъ? я мнѣ? я что-то такое? Да позвольте узнать, что же я такое? Истинно, это невыносимо и вовсе неблагонамѣренно!... А что все это значитъ? моихъ врагамъ и завистникамъ я — какъ бѣльмо на глазу; имъ хочется извести меня, со свѣта сжить!... Очень-неблагонамѣренно!

Этого мало; даже тѣ, которые нуждаются въ моихъ знаніяхъ и талантахъ, и тѣ — о, времена! о, нравы! за одно съ моими завистниками!

Хорошо же! такъ я не существую? я мнѣ? я анологъ? я сказка? я басня? я полустышя? Очень-хорошо! Извольте: тѣмъ для меня лучше! Я не существую и не буду существовать. Нѣтъ же тамъ ни теорія домостроительства, ни горшкостроенія, ни шандализма, ни ученыхъ изысканій, ни глубокомысленныхъ опредѣленій! Остравитесь во мракъ. Ссылаюсь на всѣхъ опытныхъ людей: не правъ ли я? Конечно, если посмотреть съ одной стороны, я обѣщала въ «Отеч. Записки» писать о домостроительствѣ; но если посмотреть съ другой стороны, то я могу и не сдержать своего обѣщанія, тѣмъ болѣе, что всѣ деньги за статьи получены мною впередъ... Ссылаюсь на всѣхъ опытныхъ людей: долженъ ли я поступить иначе?

Скажутъ: а контрактъ съ редакціею? — Контрактъ? хороша! Посмотримъ, что такое въ контрактѣ; — а тамъ кое-что знаю и по редакцiонной части. Въ контрактѣ сказано, что я обязываюсь «наполнять моими статьями отдѣлъ Домостроительства». Прекрасно! наполнять статьями; — но сказано ли тамъ: «наполнять отдѣлъ Домостроительства статьями о домостроительствѣ»? — Нѣтъ, не сказано. А! такъ вотъ оно что! — Сладчайше, къ тому же законъ, ни советъ не могутъ меня принудить. Я могу наполнять статьи, какими мнѣ угодно, хоть оберточною бумагою — это всего лишь дважды-два-четыре; а если захочу, я могу это талантомъ раздѣрнуть ушачіями на многа разъ на газетныхъ изданіяхъ, которыя постоянно наполняются теми же малятурою, къ большому удовольствію читателей. И почему не такъ? Обѣщаніе исполнено буквально; я свѣдѣю не ввернуть. Читатели — люди добрые: были бы страницаю мало-денежы, и счетъ имъ ввернуть.

Одно очень-досадно: оберточную бумагу надобно покупать, всякая покупка стоитъ денегъ, а деньги — сами знаете, какая вещь на семь свѣтъ. Я распорядился иначе, а это: никакъ нельзя ни сегодня вчерашъ.

Собираются у меня, въ мѣсяцъ разъ — два пріятеля, иногда въ преферансъ поиграть, иногда такъ покалякать, и несутъ такую дребедень, что ни на что не похоже. Что же, подумаль я: нельзя ли ихъ немножко, такъ-сказать, *утилизировать*? Есть у меня кстати писарёнокъ, малой неглупый, грамоты не знаетъ, но пишетъ очень-бойко. «Вотъ тебѣ дѣло, Ванька» сказалъ я ему: «будетъ тебѣ дремать на стулѣ въ официантской; возьми-ка листа четыре бумаги — такъ, сверенькой, да перо выдерни изъ крыла, вотъ что подъ диваномъ лежитъ; присядь къ столику и какъ соберутся гости, слушай, что они говорятъ и все записывай какъ ни пошло; какъ допишешь до послѣдняго листа, сверни да и неси въ типографію: «вотъ-де баринъ прислалъ статью своего сочиненія».

Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что мои пріятели не средней-ручки люди.

Одинъ изъ нихъ, имени не скажу, человекъ очень-опытный, много занимался по питейной части, говорить все на *о*, съ разстановкою, съ удареніемъ и что говорить! — словно тяжелый возъ бьетъ по колямъ. Мы иначе его не называемъ, какъ *Господинъ Здравомысль*, и онъ точно заслуживаетъ этого прозванія: носить всегда коричневый фракъ съ свѣтлыми пуговицами, волосы зачесываетъ сзади напередъ для прикрытія лысины, — когда кто чихнетъ, говорить «желаю здравствовать», нюхаетъ табакъ изъ круглой табакерки, придерживая подъ носомъ, чтобъ табакъ не терялся, очень любить говорить о нравственныхъ предметахъ и сильно нападаетъ на развращеніе нравовъ. Правда, онъ носить сапоги свѣрхъ панталонъ, но въ разговорахъ предпочитаетъ сапогамъ лапти и никогда не пропуститъ случая пожалѣть о бритіи бороды, объ обѣдахъ въ полдень, или побранить машины, книги, желѣзные дороги, дилижансы и прочіе тому подобные предметы. Человекъ весьма-здорово рассуждающій!

Въ вѣщности съ нимъ споритъ одинъ молодой, тоже мой пріятель. Этотъ говоритъ какъ вѣтреная мельница скоро-скоро, да вдругъ и остановится — самъ забылъ о чемъ рѣчь: и то и сѣ, и Байронъ и Наполеонъ, и полька и парохоль, и Европа и Азія, — все у него на языкъ. Мы его прозвали *Поспѣшкинымъ*; Впрочемъ, молодой человекъ не безъ способностей — играетъ въ преферансъ очень-порядочно.

Но ничто оба они въ сравненіи съ третьимъ моимъ пріятелемъ. Ужъ этотъ на все дѣка; ходитъ всегда въ зеленомъ фракѣ, который издали можно принять за виц-мундиръ, ибо, къ-сожалѣнію, мой дѣка въ отставку; гдѣ онъ служилъ — никакъ мы не могли у него добиться: когда его спрашиваютъ объ этомъ, онъ отвѣчаетъ только: «въ директоры смотрѣлъ», поправить очки на своемъ ор-

линомъ носу и заведеть рѣчь о другомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, человѣкъ какихъ мало; ничѣмъ его не изумишь, ничѣмъ не остановишь: не знаетъ, все заранѣе рѣшилъ; что ни скажи — отвѣчаетъ: «ничего стоитъ только сдѣлать распоряженіе»; на томъ и стоитъ; настоящій Наполеонъ, — мы его такъ и прозвали *Наполеонъ Макарычъ*. Удивительная голова! Говорятъ, онъ даже государственный проектъ писалъ, и о финансахъ, и о торговлѣ, и о просвѣщеніи, — словомъ, обо всемъ...

Посѣщаетъ меня и еще пріятель, да объ этомъ нечего и говорить: отставной капитанъ *Добряшкинъ*, — ему и прозвища мы не дали, такъ его имя по немъ пришлось; тихій такой, и водой не замутишь; иногда и разгорячится, но не надолго; какъ всѣ заговаривать вѣзетъ, онъ и примолкнетъ, и только своей деревянной ногой объ полъ постукиваетъ.

Такъ вотъ на какой бесѣдѣ вы будете присутствовать, почтеннѣйшіе читатели. Бесѣда — не могу сказать, чтобъ была интересная; люди все не свѣтскіе; только и есть у нихъ баловъ, что у меня вокругъ самовара соберутся. Къ-тому же, все народъ недостаточный: у кого жена, у кого дѣти; больше всего разговора о томъ «какъ бы концы съ концами свести»; нѣтъ, такъ-сказать, никакихъ этакихъ взглядовъ, воззрѣній, общихъ выводовъ, — развѣ иногда что-нибудь такое Наполеонъ Макарычъ произнесетъ, и то рѣдко.

А теоріи домостроительства вамъ не будетъ; въ томъ прошу принять не на меня: я человѣкъ честный и слово держу буквально; страницы же будутъ наполнены — за то отвѣчаю. Эту статью прошу принять въ видѣ предисловія, или *экспозиціи*. Сколько въ нея выйдеть въ печати — не знаю, да и знать нѣтъ надобности: въ контрактѣ о числѣ листовъ, которые я долженъ поставлять ежемѣсячно, ничего не упомянуто.

ДОКТОРЪ ПЛОТЪ.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО И ДОМОВОДСТВО.

ВЕЧЕРЬ I.

РАЗГОВОРЪ ОБЪ ИЗЪИСКАНІИ ПРОМЫШЛЕННОСТЕЙ И ВОЗДѢЛЫВАНІИ ФАБРИЧНОСТЕЙ ВООБЩЕ, И О СОЛЕННЫХЪ ОГУРЦАХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

(Стенографія Ваньки.)

Наполеонъ Макарычъ говоритъ Василью Ивановичу, капитану Добряшкину: — Ну, что, батюшка Василій Ивановичъ, какъ поживаете? что новаго?

Капитанъ Добряшкинъ отвѣчаетъ: — Да, что, батюшка, огурцы вскорѣжили!

— Ну, что жь! еще не велика бѣда, отвѣчаетъ Наполеонъ Макарычъ.

Кавытанъ. — Какъ, не велика бѣда? были огурцы по грому на ре, а теперь по пятаку, да и не то, чтобъ заправскіе, съ дубовымъ листомъ и эстрагономъ, а просто, съ лапушкиномъ, даже безъ чеснока, — да и мягкіе такіе, вродѣ ихъ возьми!

Наполеонъ Макарычъ. — Изъ вашихъ словъ я положительно только то могу заключить, что огурцы прежде были дешевы, а теперь цена на нихъ возвысилась: ну, что же дѣлать! это происшествіе отъ естественнаго развитія промышленности и движенія торговли.

Кавытанъ. — Да, отецъ мой родной, отъ чего бы оно ни происходило, только мнѣ-то не легче! Посудите сами: грязный я человекъ, не могу заснуть, если огурецъ не поймаю; оно, знаете, такъ хорошо; возьму огурчика три, четыре, накрошу ихъ въ тарелку, да лучку, да перцу прибавлю, да кваскомъ полью — такое

душѣ утѣшеніе, что и сказать нельзя; жить безъ того не могу; съ-измаленька привыкъ; бабушка еще учила; бывало, сама кушаетъ и меня кормить, да приговариваетъ: «и всегда такъ дѣлай, Васенька; оно и здорово, и не убыточно.» Здорово-то, здорово — правду говорила покойница, самъ испыталъ, — вотъ ужъ шестой десятокъ на свѣтъ живу... и не убыточно было, да стало убыточно; вѣдь, сочтите-ка, отцы родные, по пятаку, такъ въ мѣсяцъ тридцать пятаковъ, то-есть, полтора рубля, а въ годъ восемнадцать рублей, чуть-чуть, что не мой мѣсячный паціентъ — и все на одни огурцы...

Въ такія рѣчи долго вслушивался господинъ Здравомысль, да покачивалъ головою, а потомъ и самъ сталъ говорить:

— А отъ-чего все это происходитъ, Василій Ивановичъ? отъ того, что мы отделились отъ природы; роскоши, тревоугодію предаемся.

Капитанъ. — Правда, правда, Фролъ Прохорычъ — золотыя слова вы говорите; роскоши, плотоугодію предаемся — правда, правда — и говорить нечего...

Тутъ подлетѣлъ къ нимъ г. Поспѣшкинъ, перевернулся на одной ногѣ, пустилъ дымъ изъ сигары, и также сталъ говорить:

— Какъ? Фролъ Прохорычъ намелъ, что и капитанъ нашъ роскошничаетъ... на соленыхъ огурцахъ?... Побойтесь Бога!

Капитанъ Добрякичъ поднималъ голову:

— Въ-самомъ-дѣлѣ... я... странно, какъ-то въ толкъ не войму вашей рѣчи, Фролъ Прохорычъ. Вы говорите о роскоши, — а кажется, рѣчь шла о соленыхъ огурцахъ...

Здравомысль. — Въ томъ-то и дѣло, вселюбезнѣйшій Василій Ивановичъ, что мы, въ туманѣ нашей грѣховности, не примемъ тѣхъ врачеваній, которыя указуются доводами здравомыслія. Рѣчь у насъ шла о роскоши относительно соленыхъ огурцевъ; для сумудрой кичливости, между тѣмъ и другимъ не существуетъ никакого отношенія; но это происходитъ отъ разнузданности нашего своемыслія. При глубокомъ же вниманіи оказывается иное, а именно: удаление отъ законовъ природы, и сіе весьма-удобно заключить изъ того, что природа создала огурцы не солеными. Что это значитъ? что огурцы и должны оставаться несолеными; но человекъ, для угожденія своей плоти, стремлясь къ землѣ и мудрству, посолилъ огурцы, и тѣмъ нарушилъ законы природы...

Капитанъ. — Такъ, такъ, неоспоримо, батюшка; ясно доказано. Вотъ ужъ, что говорится, никогда своего порка не увидишь... Ну, приходило ли когда мнѣ въ голову, что я, каждый день ширивъ огурцовъ въ салатъ, нарушаю законы природы... Крошечный вредикъ, а того не замѣчаетъ, что роскошь-то, вредъ-то нашъ,

туть въ каждомъ огурцѣ и слытъ, какъ ни въ чемъ не бывало... его и крошншь окалннго, да еще лучкомъ прислащнваемъ!

Здравомыслѣ.—И замѣтьте, сколь тоннн ухищренія сего врага нашего; мало того, что говоритъ: угоди своему чреву, но еще утънн его разннми приправами, изобрѣтеннми сладострастнн и сластолюбнн...

Капитанъ Добряшнннъ.—Какъ же, батюшка, и чеберъ и маеранъ кмдуть, и смороднновнй листь также... столько вкуса прндетъ, что и сказать нельзя...

Здравомыслѣ.— Въ томъ-то и есть злѣвшнн для насъ опасность, нбо...

Поспѣшкннъ.— Совершенно-справедливо, Фролъ Прохоровнчъ; только позвольте, я не совсѣмъ внкнулъ. Стало-быть, по вашему мнѣнню, огурцы надобно ѣсть непременно сырые?...

Здравомыслѣ.— По законамъ природы и по доводамъ здравомыслнн, безъ сомнѣнн такъ...

Поспѣшкннъ.— А картофель надобно ѣсть также сырой, потому-что природа, сколько мнѣ извѣстно, еще не производнла варенаго картофеля?...

Здравомыслѣ.— Вотъ, видите ли, молодой человекъ, до чего доводнтъ васъ пытливость вашего ума и вашъ модннй, ненавнстннй юморъ! Для удовлетвореннн оному, вы, говоря просто, перескакнваете отъ предмета къ предмету и соединяете вещи совершенно-разнокачественннн, никакого отношенн между собою не нмѣющнн; мы говорнмъ объ огурцахъ, а вы заводите рѣчь о картофелѣ...

Поспѣшкннъ.— Внновать; будемъ держаться хоть за огурцы; такъ, по законамъ природы, огурцы надобно ѣсть сырые, не такъ ли? Согласенъ; только, по законамъ природы, они никакъ не продержатся сырые до знмы, — тутъ какъ быть?...

Здравомыслѣ.— А! извините! тутъ-то я васъ и пойманъ: поможете на вашъ вопросъ отвѣчать таковымъ же: а зачѣмъ огурцамъ и держаться на знму? Природа распоряднлась весьма-мудро: какой слѣдуетъ быть овощи въ то, или другое время года, такая овощъ и есть для такой страны; что потребно, то та страна и производнтъ, и человекъ беззазрнтельно можетъ всѣмъ тѣмъ пользоваться. Но сластолюбнн человекъ мало того, что ему въ его странѣ и въ надлежащее время года дается, — нтъ, онъ начинаеть мудрствовать: дай, я буду умнѣе природы; что она производнтъ лѣтѣмъ, то давай ѣсть знмою; не довольно того, что вокругъ меня есть, — нтъ, давай, привезу себѣ нтъ-за-моря...

Человекъ ннннъ.— Совершенно такъ; только есть одно небольшое

затрудненію: летомъ всѣхъ огурцовъ не съѣшь, даромъ сгнить, а зимой огурцы не растутъ...

Здравомысль. — Да что же вы привазились къ огурцамъ? Я говорю здѣсь объ общемъ матеріальномъ направлеиіи въ наше время, когда только и думаютъ объ удовлетвореніи плотскихъ побужденіямъ...

Посвяшкниъ. — Въ-самомъ-дѣлѣ, рать не объ однихъ огурцахъ... потому-что ни огурцы, ни картофель, ни капуста, ни рожь, — ничто не родится зимою, и, волею-неволею подумаешь, какъ бы что заготовить на зиму, для удовлетворенія своихъ плотскихъ побужденій, то-есть, голода, холода, жажды...

Здравомысль. — Все такъ; но роскошь, роскошь...

Наполеонъ Макарычъ. — Позвольте, позвольте... Сколько я могу заключить изъ вашихъ словъ, вы обращаете надлежащее вниманіе въ-отношеніи къ роскоши... Предметъ важный и щекотливый, на который, по моему мнѣнію, должно смотреть съ высшей точки. Извольте видѣть, вы, Фролъ Прохоровичъ, напримеръ, носите накрахмаленные *полисончики*: конечно, они придаютъ нечто болѣе-величественное вашей фязіономіи; но, входя въ само существо дѣла, нельзя не замѣтить, что ваша фязіономія могла обойтись и безъ полисончиковъ. Къ-чему же они? они роскошь...

Здравомысль. — Извините, совсѣмъ не роскошь, а только бы-топриличіе; это совсѣмъ другое, если вы потрудитесь ближе рассмотреть...

Наполеонъ Макарычъ. — Ваши полисончики? Нѣтъ, я и такъ ихъ довольно-хорошо вижу; впрочемъ, доложу вамъ, что всѣ эти предметы имѣлись у меня въ виду при составленіи моего проекта «*О мѣрахъ къ обезпеченію общественнаго благоденствія и дозволена, во всѣхъ классахъ и состояніяхъ разлагаемаго посредствомъ изисканія промышленности и воздѣлыванія фабричностей*». Признательно вамъ скажу, что въ этомъ проектѣ я фундаментально коснулась всѣхъ тѣхъ соображеній, о коихъ вы изволите упоминать, ибо, неоспоримо дознавъ всѣ относительности, до движенія продуктовъ и ихъ потребленія касающіяся, я преподалъ основательныя правила для всѣхъ надлежащихъ распоряженій въ видахъ всеобщаго усиленія капиталовъ. Еслибъ вы когда-нибудь полюбозытствовали, я весьма буду готовъ сообщить вамъ соображенія моего проекта, которыми, признательно скажу, окончательно разрѣшаются всевозможныя недоумѣнія...

Здравомысль. — Позвольте когда-нибудь воспользоваться... то-есть такъ, не для чего иного, а единственно для изсавительности.

Капитанъ Добрышкниъ. — Слушаю я васъ, господа, вотъ ужъ сколько времени. Всѣ требующіе васъ люди, и говорятъ, вѣче

сказавъ, рѣчи такія умныя, поучительныя даже, — ну, да и даръ слова у васъ необыкновенный, — только я никакъ въ домѣтъ не вѣрну, нѣтъ у васъ рѣчи къ дѣлу приложить: ну, что же теперь по вашему выходить, какъ доставать огурцовъ по дешевле?

Наполеонъ Макарычъ. — Извольте видѣть, Василій Ивановичъ, всякое соображеніе должно понимать относительно, въ видахъ при-
нужденія какъ къ общественной, такъ и частной пользѣ, и удовле-
вѣлять надлежащее руководство. Вы все это найдете въ моемъ
проектѣ...

Капитанъ Добряшкинъ. — И объ огурцахъ тамъ есть, мой отецъ?

Наполеонъ Макарычъ. — Безъ-сомнѣнія; соображая изыска-
нія промышленностей, можно найти надлежащее прикасательство
и къ этому предмету. Впрочемъ, вы понимаете, что въ видахъ об-
щественныхъ соображеній этотъ предметъ столь небольшой важ-
ности...

Капитанъ Добряшкинъ. — Хорошо вамъ, батюшка, говорить:
у васъ ужъ вѣрно натура такая; а я, — что будешь дѣлать! — Фролъ
Прехорычъ очень-поучительно и умилятельно говорилъ о плато-
угожденіи; я очень выискалъ въ его слова и металъ себя на усь,
да какъ вспомнилъ, что если не поѣмъ огурцовъ, такъ больнѣше-
некъ, моя отцы, — такъ и опять меня раздумье взяло... Совсѣмъ
бываю больнѣшенекъ: что тутъ прикажете дѣлать?

Посыпкинъ. — Я думаю, что всего простѣе солить ихъ лѣтомъ
дома, пока они дешевы...

Капитанъ Добряшкинъ. — Солить дома? Охъ, отцы мои! не
знаете...

Наполеонъ Макарычъ. — Я нахожу такое соображеніе весьма-
основательнымъ и совмѣстнымъ. Въ моемъ проектѣ о мѣрахъ къ
обеспеченію...

Капитанъ Добряшкинъ. — Да какъ ихъ солить, отцы мои?

Наполеонъ Макарычъ. — Для сего, конечно, необходимо сдѣ-
лать надлежащее распоряженіе...

Капитанъ Добряшкинъ. — Да какое, батюшка, вы сдѣлаете
распоряженіе съ моею Матрешою Григорьевной? Она такъ распоря-
дится, что и святыхъ вонъ понеси. Вѣдь знаю я это, отцы мои,
что домашнее соленье не въ примѣръ выгодноѣе, и ужъ заговари-
вать я этакъ стороною Матрешу Григорьевну; она тотчасъ смекну-
ла, да и брякъ: «Что я тебя за солнышкина досталась? Я и до за-
мужества съ тобою сама обер-офицерша была; а если вотъ еще за-
мужешься, такъ я тебя такъ насолю, что видно горько будетъ!»
Вотъ она какова, отцы мой, — мужественная такая, — какое ты съ
нею сдѣлаешь распоряженіе!

Наполеонъ Макарычъ. — Сколько я могу заключить изъ распоряженія съ вашимъ домою, Василий Ивановичъ, то мнѣ кажется, что вы бы по сему предмету могли отнестись къ вашей кухаркѣ Марѣ; она же ваша крепостная:

Капитанъ Добряшкинъ. — Пыталъ, мой отецъ; а она говоритъ: «Да развѣ вы меня, баринъ, учили, какъ огурцы солить? И въ кухарки-то я попала самоучкой.»

Наполеонъ Макарычъ. — Изъ вашихъ словъ я заключаю, что ваша Марѣа не училась ни стряпать, ни солить. Согласенъ; но воля ваша, все-таки можно было вамъ распорядиться...

Капитанъ Добряшкинъ. — Да помиуйте, отецъ родной, какъ тутъ распорядиться, когда кухарка солить не умѣетъ, а хозяйка подавно?.. Научите, батюшка...

Наполеонъ Макарычъ. — Я тутъ не вижу ни малѣйшаго затрудненія, — принять мѣры, слѣдовать распоряженію къ исполненію, внушить, озаботиться—вотъ и все...

Капитанъ Добряшкинъ. — Воля твоя, батюшка, не возму толкъ твоей рѣчи...

Здравомыслъ. — Вотъ до чего довело насъ просвѣщеніе, ученость и развращеніе нравовъ! Мужъ, глава семейства, приказываетъ, а жена, даже служанка не слушается. А отъ-чего? отъ-того, что искоренились старинныя нравы; отъ-того, что здѣсь нѣтъ лукаваго Запада, его книгъ, парходовъ, желѣзныхъ дорогъ просвѣщенія и всякой разнузданности своемыслия, — вотъ оно что... вотъ откуда развратъ и гибель семейственная...

Капитанъ Добряшкинъ. — Нѣтъ ужъ, батюшка, на этомъ разговаривайте; ужъ Матрѣну Григорьевну грѣхъ въ этомъ поклясть: не когда книжки и въ руки не возьметъ; терпѣть ихъ не можетъ если и у меня увидитъ, такъ плюметъ, да вонъ поидетъ: это говоритъ: «все вздоръ—книжки; ты изъ нихъ только выдумокъ набираться». Вотъ на лежанкѣ посидѣть, да поспать малую-толку, да съ сосѣдкой поболтать — вотъ ужъ это наше дѣло. Ужъ куда хорова на пересуды моя Матрѣна Григорьевна; какъ поидетъ косить такъ иногда животяки надорвешь, а подь-часъ даже стыдво ступитъ. Но другаго-пречаго я за нею никогда не замѣчалъ, не въ Бога гнѣвать.

Тутъ къ гостямъ подошелъ баринъ, да и стали говорить:

Докторъ Пуфъ. — Что это у васъ за споръ, господа? я только мелькомъ слышалъ—писалъ повару приличное внушеніе для ученія надлежащихъ распоряженій къ застрашному обѣду; но, кажется, я попалъ, въ чемъ у васъ дѣло; дайте я васъ пошрю. Правъ, Фролъ Прехорычъ! необходимо слѣдовать законамъ природы, то-есть, бѣтъ четыре раза въ день, какъ я дѣлаю, да и

также; и ты правъ, Василій Ивановичъ, надобно стараться имѣть всякій принасъ и получше и подешевле; да и ты правъ, Пешодевъ Макарычъ, что для этого стоить распорядиться. Вотъ у меня въ одномъ уездѣ есть пріятель, не шестидесятое лицо въ городѣ, чиновникъ малолетный, но лихой; онъ распорядился не по-табому. Василій Ивановичъ; обѣдаю я у него, — обѣдъ славный, говядина первыи сортъ, куры жиромъ обливались; подають огурцы — обѣденье. Не могъ удержаться; спрашиваю: гдѣ это ты, братецъ, покупаешь огурцы? въ цѣломъ городѣ нѣтъ такыхъ, какъ у тебя, а пріятель подсмѣивается: «нѣтъ» говорить: «это огурцы не покупные, а огурцы ученые, что сами въ ротъ даромъ запрокидываются». — Чтѣ же, просительскіе что ли? «Ну, известное дѣло! уми проситель такая вещь, словно добрый мѣшекъ: встряхнешь его или пожмешь малюшко, такъ изъ него и посыплется — и огурцы, и куры, и говядина, и вино, и другое прочее, да все, что на самый слѣкъ-сливочки». Такъ вотъ, Василій Ивановичъ, какое распоряженіе; и хорошо и дешево.

Капитанъ Добряшкінъ. — Дѣ, батюшка, правда! Только какъ всякому пріятелю эти огурчики — то на томъ слѣтъ отзовутся!..

Пешодевъ Макарычъ. — Советъ недуренъ, только не всякому съ-руни; а вотъ чтѣ ваша лухарка сказала, Василій Ивановичъ, такъ всякому пригодится. Мудрыя ея были слова, господи...

Здравомыслятъ. — Чтѣ же такое? я не замѣтилъ...

Наполеонъ Макарычъ. — Сколько я могу заключить изъ словъ Василія Ивановича, ничего такого отличнаго не представлялось къ изображенію...

Пешодевъ Макарычъ. — Не отличное, а самое простое: еда развѣ меня учили? сказала Марса. Мудрое слово, господи; умнѣ этого мы все вечеръ не сказали...

Наполеонъ Макарычъ. — Принимая къ соображенію, я не вижу тутъ ничего особеннаго...

Пешодевъ Макарычъ. — Въ томъ-то и дѣло, что тутъ нѣтъ ничего особеннаго, а только одна истина, простая правда, какъ она есть, безъ прикрасъ и празднословія. Признаюсь вамъ, господи, я въ хозяйствѣ, не силенъ, да и хозяйства у меня почти нѣтъ; но недавно прочелъ я тетрадку — она мнѣ глаза открыла. Пожалуй, когда-нибудь и вамъ прочту, на досугѣ; она не велика...

Наполеонъ Макарычъ. — После моего проекта: «О нѣрачѣ къ безпечности посредствомъ изысканія промышленности и всадѣльности фабричныхъ»...

Пешодевъ Макарычъ. — Согласенъ. Тетрадка эта подалась мнѣ въ руки промышленныи образомъ; есть у меня тѣтушка, которая держитъ для узкимъ Англичанку; Англичанка такая умная, ужъ можная, но

сважая. Я ее очень люблю; ны съ ней все о Шекспире толкую; она его почти всего наизусть знает; такъ и знаетъ цѣлыми рядами. Прихожу я разъ къ тѣтушкѣ—нахожу ее вѣ себя: «Говорить: «ужь одолжила меня твоя хваленая Англичанка! Слабо, батюшка. Я, признаюсь, и не опомнилась въ первую минуту думать, Богъ-знаетъ что случилось; спрашиваю: что такое? а она въ отвѣтъ подастъ мнѣ тетрадку. «Вотъ, посмотри-ка, батюшка, чему она Лизаньку-то учить. И я на старости лѣтъ оплошала. Ну: Лизанька по-английски учател; ну, думаю, хорошо: англійскій языкъ теперь въ модѣ; очень будетъ недурно, когда Лизанька блеснетъ мнѣ въ свѣтъ — я это очень люблю. Вотъ слышу, съ Англичанкой какую-то книжку переводить; я подумала не лишишь ли? а впрочемъ, нѣтъ большой бѣды. Только вотъ вчера, какъ будто меня что-то толкнуло; по-английски-то я не разумью, а дай посмотрю, что онѣ тамъ такое пишутъ. Взяла я у Лизаньки тетрадку, смотрю сраницу, другую—идо въ глазахъ потемнѣло; посмотри, батюшка, чего тутъ нѣтъ? и какъ полы мыть, и какъ бѣлье стирать, и духи готовить, и какъ вина различать и подавать—да еще это да бы ни шло,—а то, батюшка, посмотри, какъ мужскія рубашки кроить, какъ съ мужемъ обращаться, какъ дѣтей кормить... Вѣдь са не суди, батюшка: Лизанька-то не ребенокъ; вѣдь ей ужь семипятый годъ! Я на Англичанку: «Что это, говорю, матушка, затѣяли?» А она еще не понимаетъ: «Да мы, говорить, съ Лизанькой вѣдь учились: она меня по-русски, а я ее по-английски». Удала мнѣ я ей гонку; во-первыхъ, говорю я ей, мадамъ Мистрисъ, я васъ не для того наняла, чтобъ Лизанька васъ учила, а чтобъ вы ее учили; а во-вторыхъ, что это вы съ ней за книгу выбрали? Я думала, что вы взяли что-нибудь поучительное, многологію или изъ нравственности что-нибудь,—а то что это такое? Что вы въ дочь, въ кухарки, или въ вѣдомойки, или въ маркитанши тотом те? Можетъ-быть, вы сами въ вашей Англій маркитаншѣй бывали такое воспитаніе получили; такъ здѣсь совѣмъ не то,—здѣсь въ дворянскомъ, мадамъ Мистрисъ, домѣ—вотъ какъ. Ты помнишь, батюшка, что ужь о мужескихъ рубашкахъ, да объ дѣтяхъ при Лизанькѣ и говорить побоялась... А еще эта Англичанка сдается, еще говоритъ, что я ее обидѣла; да еще оправдывается: «Говорить, что эта книжка лучше всякой многологіи, что у нихъ въ Англій эту книжку все дочери перовъ читаютъ. Я ей въ отвѣтъ отбѣжала на-просто: что отъ вашихъ за перы такіе не знаю, да знать не хочу; а здѣсь вы знайте, что имѣете дѣло съ дворянскими; такое срама я въ моемъ домѣ не потерплю. Да такъ а какъ вы такъ, что въ тотъ же день ее съ дѣвора согнали?»—Что вы знаете объ этой исторіи, господа?

Фролъ Прохорычъ Здравомысль. — Что до меня касается, то я вполне одобряю вашу почтенную родственницу; она поступила какъ създаетъ умной и благонамѣренной дамъ. Мы — Русскіе; зачѣмъ намъ англійскія книги?..

Поспѣшкниъ. — Да помиуйте! вѣдь бѣлье, полы, рубашки, — все хозяйство не русское, не англійское, не французское и не нѣмецкое, а для всѣхъ одинакое и разница между ними, можетъ-быть, только та, что одно умное, а другое глупое...

Фролъ Прохорычъ Здравомысль. — И къ-тому же, я почти-таю вовсе-неумѣстнымъ юному воображенію представлять такіе предметы, которые только подають поводъ къ плотоугожденію и щитають нашу грѣховность...

Наподконъ Макарычъ. — Я съ своей стороны, сколько могу заключить изъ вашихъ словъ... оно, конечно, въ нѣкоторомъ отношеніи представляется полезнымъ въ видахъ общественнаго благоденствія; но все-таки, съ другой стороны, для благородной дѣвушки — мытье половъ, стирка, мужскія рубашки, кухня — согласитесь, какъ-то неблаговидно...

Клп. Добряшкниъ. — Ну, ужь, батюшка, я вашихъ рѣчей въ домекъ не возьму; а вотъ доложу вамъ, былъ я въ походѣ за границей, тамъ и ногу оставилъ; привезли меня равнаго на квартиру къ какому-то тамошнему купцу, или банкиру, какъ тамъ называютъ; говорили, миллионеръ, первый человекъ въ городѣ, — а дочка у него, самъ видѣлъ, славная такая мамзель и одѣвалась чисто, а поутру ходила на кухню, а потомъ прійдетъ, за клавикорды сядетъ, да играетъ — не то что трень-брень, а все етакія соматы съ варіаціями; да добрая такая, за мною равненнымъ ходила, — да ученая притомъ, и бинты сдѣлаетъ, и корпію, да иногда безъ лекаря и перевязку новую — что твоя сидѣлка, не хуже полковаго фельдшера! Я, бывало, дивлюсь: «какъ это вы все, матушка, умѣете своими ручками дѣлать?» а она говорила, что-де училась тому...

Фролъ Прохорычъ. — Это совсѣмъ-другое дѣло, Василій Ивановичъ.

Поспѣшкниъ. — Нѣтъ, не другое, а ужь одно къ одному: кто обрезають на кухню идти, да мужскую рубашку шить, тотъ потомъ и корпіей и подавно побрезають. Да и то надобно сказать: вная бы и хотѣла при случаѣ и мужу угодить и христіанскій долгъ исполнить, да не умѣеть: не учили съ-молода... а кто ихъ виновать?..

Наподконъ Макарычъ. — Все такъ, съ одной стороны; но, одѣжь, какъ хотите, кухня, рубашки, раны — все это какъ-то неблаговидно.

Поспѣшкинъ.—То-то и есть, господа. Попадется между вами дѣвушка съ прекраснымъ, добрымъ сердцемъ, съ яснымъ умомъ. Фролъ Прохорычъ будетъ ей напѣвать съ одной стороны, что занятіе хозяйствомъ даетъ поводъ къ плотоугожденію; Наполеонъ Макарычъ будетъ напѣвать ей съ другой, что мужскія рубашки шить неблаговидно; а тѣтушка въ нахлобучку будетъ ей толковать, что семнадцати-лѣтней дѣвужкѣ неблагопривстойно знать напередъ, что ее ожидаетъ въ званіи жены и матери. Что жъ изъ этого выйдетъ? Возвратится нашъ добрый капитанъ Василій Ивановичъ, прослуживъ лѣтъ тридцать вѣрой и правдой, станетъ искать домашняго успокоенія и между-прочимъ попроситъ хоть соленыхъ огурцовъ? Но изъ дѣвужки, вами воспитанной, уже вышла Матреница Григорьевна, которая и отвѣтитъ, что она не солильщица, а такъ насолить, что горько будетъ. Одно къ одному: видите, ужъ такъ міръ устроитъ, что мужчинѣ назначена вѣшняя дѣятельность, женшинѣ преимущественно внутренняя...

Фролъ Прохорычъ.—Ну, занесли вашу туманную философію!

Поспѣшкинъ. Какая тутъ къ чорту философія! Тутъ просто то, что всякому надобно пить; ѣсть, бѣлье носить, въ домѣ жить—для всего этого вѣдь надобно, какъ говоритъ Наполеонъ Макарычъ «надлежащее распоряженіе»; ну, когда мужчинѣ этимъ заниматься у мужнины—служба, кабинетъ, дѣла; если его жена, или сестра, или дочь не умѣютъ этимъ распорядиться, какъ же будетъ ѣсть и пить и бѣлье носить?.. Вѣдь вопросъ-то очень-простой.

Наполеонъ Макарычъ.—Сколько я могу заключить изъ вашихъ словъ, вы хотите всѣхъ дамъ сдѣлать кухарками и прачками...

Поспѣшкинъ.—Смотря по обстоятельствамъ. Я, на-примѣръ, какъ не хочу, чтобъ моя жена была прачкою или кухаркою, но хочу, чтобъ жена моя знала чего требовать и отъ кухарки, и отъ прачки, и отъ кормилицы, и отъ няньки... Слышите, чтобъ знала; а не емъ мы только то, чему учимся съ-молода...

Наполеонъ Макарычъ.—Будто ужъ наши дамы этого и не знаютъ...

Поспѣшкинъ.—Немногія, а другія научаются у горькаго учителя—у опыта, котораго уроки длятся долго, лѣтъ десять, двадцать—послѣ тысячи ссоръ, взаимныхъ упрековъ, потерь и прочему подобнаго. Кажется, гораздо-проще выучиться тому въ то время, когда мы учимся букварю, грамматикѣ, исторіи, географіи, мивологіи и прочимъ вещамъ, нужнымъ для жизни. И не забывайте, господа, чтобъ въ самомъ-дѣлѣ занятіе хозяйствомъ было дѣломъ совершенно-матеріальнымъ и убивало душу: эти занятія требуютъ необходимо и умственнаго развитія и любви; домашнее хозяйство есть та же политическая экономія, только въ маломъ...

вѣдъ, и вопросы той и другой науки равно трудны. Эти занятія не сколько не мѣшаютъ другимъ болѣе-возвышеннымъ, точно такъ же, какъ привычка бриться не помѣшала еще ни одному поэту быть поэтомъ, ни живописцу быть живописцемъ. Байронъ брился каждый день. Лучшія хозяйки въ мірѣ—Нѣмки и Англичанки, и вмѣстѣ самыя образованныя, самыя чувствительныя...

— Фроль Прохорычъ. — Такъ! всегда подражаніе лукавому Западу, котораго развращеніе, нечестіе...

Поспѣшкнѣ. — Да вѣдь это наконецъ дѣлается смѣшно, любезный Фроль Прохорычъ!.. Да что же наконецъ? не надобно пахать земли, потому-что на Западѣ ее пахутъ, надобно завѣсить луну и солнце, потому-что и на Западѣ есть и луна и солнце... вѣдь это сущее ребячество! Будто пользоваться хорошимъ значить перенимать и дурное? Вѣдь такой дистилировкѣ пора намъ научиться: ужъ больше ста лѣтъ, какъ насъ училъ этому тотъ великій человѣкъ, который велѣлъ перевести не только ариметику и географію, но и книгу комплиментовъ, и хозяйственныя, и даже поваренныя книги. Да и научились-таки, слава Богу: знаемъ, что все доброе—наше, чье бы ни было, а что отъ дурнаго насъ русскій Богъ сбережетъ... Повѣрите ли? и у насъ есть добрыя хозяйки, — только гдѣ? въ самомъ образованномъ, въ самомъ высшемъ кругу; тамъ дамы совсѣмъ не такъ брезгливы и жеманпы, какъ нѣкоторыя мелкотравчатыя барскія-барыни, которыя и въ книгу не взглянуть, да и шей не сварятъ, а только мастерицы ханжить, да изъ пустаго въ порожнее пересыпать. Образованныя дамы наши, образованныя въ настоящемъ смыслѣ, читаютъ и романы, правда французскіе, за немнѣишемъ русскихъ, — это не ихъ вина, и отъваются — сами знаете какъ, да и въ домѣ все у нихъ чисто, въ порядкѣ, каждая вещь на своемъ мѣстѣ, умьютъ и объедаютъ приказать, и съ прачкой поспорить, и блоншеикъ указать... имъ даже привелось не разъ отвѣдать супа, приготовленнаго самыми аристократическими, бѣлыми ручками. Вы спросите: гдѣ жъ онъ этому научились? Извѣстите, въ англійскихъ и другихъ иностранныхъ книгахъ — потому-что нашихъ объ этомъ не вмѣстѣ, а хозяйственныя свѣдѣнія у насъ въ домашнемъ воспитаніи почитаются еще дѣломъ неблаговиднымъ. Только теперюшныя маменьки догадались, что надобно дочерей тому учить, чему ихъ самихъ не учили, а чему онъ сами выучились, и будущее поколѣніе, можетъ-быть, не повѣритъ, что люди еще спорили о томъ, о чемъ мы съ вами споримъ. Это очень-понятно; умственное развитіе, распространяясь...

Къ величайшему сожалѣнью, я долженъ уведомить читателей, что на семь мѣстъ велевѣдываго панегирика хозяйству нашихъ дамъ, мой стенографъ не выдержалъ — заснулъ; я такъ также вздремнулъ подлѣ шумокъ, потому-что, вы понимаете, все, что рассказали эти господа, совершенная пустошь, и что совсѣмъ не въ томъ штука. Въ просонкахъ замѣтилъ я, что мои гости очень разгорячились и заставили Пospѣшкина въ будущій вечеръ принести свою велемудрую тетрадку, которую Фролъ Прохорычъ и Наполеонъ Макарычъ общались распушить безъ милосердія. И по дѣломъ — должна быть дребедень!

ДОКТОРЪ ПУФЪ.

V.

К Р И Т И К А.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1845 ГОДУ.

Тихо и незамѣтно еще канулъ годъ
и личность, канулъ какъ капля въ море.
И никто не пожалѣлъ о покойникѣ,
никто не проводилъ его ласковымъ
словомъ, — онъ былъ забытъ важно,
былъ совершенно: въ декабрѣ, на
его смотрѣли всѣ какъ на докучнаго,
слѣдшаго гостя, который только
пашаетъ радостной встрѣчѣ съ вожде-
льнымъ новымъ годомъ. Старый годъ,
своею послѣднею мѣсяцѣ, быва-
етъ похожъ на начальника, который
далъ въ отставку, но, за сладче-
ство, еще не оставилъ своего мѣста.
Знаютъ только въ томъ, что о старомъ
начальникѣ всегда жалѣютъ, если не
въ сознаніи, что онъ былъ хорошъ,
по беззавѣсти, что новый будетъ еще
лучше; новаго же года люди никогда

не боятся: напротивъ, ждутъ его съ
нетерпѣніемъ, какъ-будто въ условной
цифрѣ заключается талисманъ нѣх
счастія. И все это для того, чтобъ на-
мѣнить ему, когда онъ состарѣется и
снова возложить свои надежды на его
преемника! Такимъ-образомъ, непри-
ятно уходитъ годъ за годомъ, — и
только развѣ тогда, какъ человекъ по-
чувствуетъ на плечахъ своихъ поря-
дочное количество годовъ, впадаетъ
онъ въ невольное раздумье, и уже не
съ такою холодною провожаетъ ста-
рый, и не съ такою радостью встрѣ-
чаетъ новый годъ... Ему въ первый
разъ приходитъ на умъ очень-простая
истина, что первое января, которымъ
теперь начинается новый годъ, ни-
чимъ не лучше первого сентября,

которымъ прежде начинался годъ; что условныя вѣхи, столбы и станицы на безконечной дорогѣ жизни — въ сущности ничего не значать, и что для каждаго лично всего лучше изнѣрять свое время объемомъ своей дѣятельности, или хоть своихъ удачъ и своего счастья. Ничего не сдѣлать, ничего не достигнуть, ничего не добиться, ничего не получить въ продолженіи цѣлаго года, — значитъ потерять годъ, значитъ не жить въ продолженіи цѣлаго года. А сколько такихъ годовъ теряется у людей! Не дѣлать — не жить; для мертваго это небольшая бѣда, но не жить живому — ужасно! И между-тѣмъ, такъ много людей живетъ не живя, но только собираясь жить! Кто въ самомъ-себѣ не носитъ источника жизни, т. е. источника живой дѣятельности, кто не надѣется на себя, — тотъ вѣчно ожидаетъ всего отъ вѣшняго и случайнаго. И вотъ привычка чествованія новаго года. Новый годъ даетъ то, чего не далъ прошлый... И вотъ —

Настали святки. То-то радости!
 Гадаетъ вѣтреная младость,
 Которой ничего не жаль,
 Передъ которой жизнь даль
 Лежитъ сытла, необорима;
 Гадаетъ старость сквозь очки
 У гробовой своей доски,
 Все потерявъ невозвратно;
 И все равно: надежда нѣтъ
 Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

Святочныя гаданія всегда относятся къ новому году; люди убѣждены, что только въ новомъ году могутъ они быть счастливы. О томъ, достойны ли, способны ли они быть счастливы, имъ и въ голову не приходитъ. Еще тѣ, которые ждутъ своего счастья отъ денегъ, отъ матеріальныхъ выгодъ, могутъ быть правы: не удалось въ прошломъ году — авось удастся въ будущемъ! Притомъ же, люди этого сорта дѣлательны и крѣпко держатся по-словца: «на Бога надѣйся, самъ не пропадешь». Но романтичнѣе дѣлательны,

но вѣчно бездѣлательные, или глупо дѣлательные мечтатели думаютъ о этомъ иначе: небрежно, въ слѣдъ задумчивости, опустивъ руки въ карманы, прогуливаются они дорогѣ жизни, глядя все впередъ, да, въ туманную даль, и думаютъ, что счастье гонится за ними, ищетъ ихъ вотъ — того-и-гляди — наконецъ найдетъ ихъ и бросится въ ихъ объятья, чтобъ никогда уже не расстаться съ ними. «О, что-то сулишь ты къ таинственный новый годъ!» восклицаютъ они, въ стихахъ и въ прозѣ. Но о томъ и не подумаютъ, что они много не сдѣлали, чтобъ найти очарованіе и прелесть въ жизни; что они не рехвтрились, перемудрились до того, что сами не знаютъ, чего имъ надо; что они утратили способность просто чувствовать, просто понимать вещи; что сдѣлались одиозными твореннымъ противорѣчіемъ — не хотятъ жить на землѣ, а мыслятъ на облакахъ; что стали ложны, неестественны, натянуты,

Съ своею безнравственной душой
 Самолюбивой и сухой,
 Мечтательною преданной бездѣлу,
 Съ своимъ озлобленнымъ умомъ,
 Кипящемъ въ дѣйствіи пустомъ...

Въ наше время, особенно много людей мечтающихъ и разсуждающихъ, о которыхъ, впрочемъ, не всегда можно сказать, чтобъ они были въ то же время и мыслящими людьми. Не жить, не мечтать и разсуждать о жизни — все въ чемъ заключается ихъ жизнь... Нельзя не подвѣстить, что юморъ современной русской литературы до сих поръ не воспользовался этими литературными тишинами, которыхъ такъ много теперь въ дѣйствительности, что ему было бы гдѣ разгуляться! Это существо страннаго, иногда жалкаго, иногда достойнаго участія, но всегда равно любимаго для наблюдателя. Ихъ значеніе у насъ очень велико; они явились въ-счастьіе внутренней необходимости, какъ выразительныя при-

вешнаго состоянія общества. Еще недавно были они героями своего времени. Теперь на них мода проходит, не ихъ все еще много, и они не на сморо переводятся. Притомъ же, они не столько переводятся, сколько изживаются, принимая новыя формы. По-этому, они раздѣляются на множество отщепенцевъ, заслуживающихъ недоблагого наследованія.

Что же это за люди, что за тины? — то высокія натуры, презирающія массу: вотъ общее ихъ опредѣленіе, волюно-полное и вѣрное. Что же касается до отщепенцевъ, начнемъ съ первого.

Они слезы лить, добросердечно
 Бранилъ толпу,
 И проклиналъ безчеловѣчно
 Свою судьбу.
 Являлся горестнымъ страдальцемъ,
 Писалъ стихи,
 И не дерзалъ коснуться пальцемъ
 Ея руки.

Въ этой натурѣ такъ хорошо и живо не составлялъ исторіи какого-нибудь гениа или зрѣсїея животнаго рства, какъ хорошо и полно разсана въ этихъ восьми стихахъ исторія ловѣческой породы, о которой горитъ мы. Недовольство судьбою, ая на толпу, вѣчное страданіе, чти-всегда ированіе стихиковъ, и сальное обожаніе неземной дѣвы — гь редные признаки этихъ романковъ жизни. Первый разрядъ ихъ стонть больше нѣтъ людей чувствующихъ, нежели умствующихъ. Ихъ призаніе — страдать, и они горды своимъ призваніемъ. Не спрашивайте же, по чемъ, отъ-чего они страдаютъ: и презираютъ страданіе, которое можно объяснить какою-нибудь приваною. Они любятъ страданіе для заданія. Имъ стыдно мнуды весело, беззаботнаго увлеченія, они ится здоровья, хотять быть блѣдныи худыми, и ничѣмъ такъ нельзя ревощать ихъ, какъ сказать, что

они позволили. Для чего все это? — Для того, что толпа любить ѣсть, пить, веселиться, снѣяться, а они, во что бы то ни стало, хотять быть выше толпы. Имъ пріятно увѣрять себя, что въ нихъ клокочуть венетовыя страсти, что они неперполнены чувствомъ, что ихъ юная грудь разбита несчастіемъ, свѣтлыя надежды на жизнь давно разлетѣлись, и на долю имъ осядалося одно горькое разочарованіе. Имъ непремѣнно нужна душа, которая понала бы ихъ, но они рѣшительно не знаютъ, что имъ дѣлать съ такою душою, когда имъ удастся найдти ее, потому-что ихъ страсти въ головь, а не въ сердцахъ, и счастливая любовь становитъ ихъ вѣтуникъ. По-этому, они предпочитаютъ любовь непонятую, нераздѣленную любви счастливой, и желаютъ встрѣчки или съ жестокою дѣвою, или съ неимѣнницей... Во всемъ этомъ главную роль играетъ самолюбіе, и однакомъ тутъ есть, или была когда-то, своя хорошая сторона; но мы объ этомъ скажемъ ниже, а теперь обратимся къ другому, высшему разряду романтиковъ.

Между этими романтиками бывають люди умные, даже очень, хотя и бесплодно умные. Они толкують не о чувствахъ и не о себѣ только: они разсуждаютъ вообще о жизни. Стремленіе весьма-похвальное, когда оно имѣетъ прочную основу, практическій характеръ! Но романтики вообще враги всего пракческаго, которое они съ презрѣніемъ отдали на долю толпы, не понимая въ своемъ ослабленіи, что всякій гений, всякій великій дѣятель, есть человѣкъ пракческій, хотя бы онъ дѣйствовалъ даже въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Разладъ съ дѣйствительностью — болѣзнь этихъ людей. Въ дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо снѣшить жить, они, вмѣсто этого, только разсуждаютъ о жизни. Нѣкоторые изъ нихъ спокватываются, но поздно: именно въ то время, когда человѣкъ не годится уже ни на что лучшее

как только на то, чтоб рассуждать о жизни, которой онъ никогда не зналъ, никогда не изведалъ. Толиа живетъ, не мысля, и отъ-того живетъ пошло; но мыслить, не живя — развѣ это лучше? развѣ это не такая же, или даже еще не бѣдшая уродливость?...

Но теперь всѣ заговорили о дѣйствительности. У всѣхъ на языкѣ одна и та же фраза: — надо дѣлать! И между-тѣмъ, все-таки никто ничего не дѣлаетъ! Это показываетъ, что во что бы ни нарядили романтикъ, онъ все останется романтикомъ. Не понимая этого, романтики обѣими руками начали хвататься за маски и костюмы, — и вышелъ пестрый маскарадъ, гдѣ на одинъ вечеръ такъ легко быть чѣмъ угодно — и Туркомъ, и Жидомъ, и рыцаремъ. Нѣкоторые, говорить, не шутя надѣли на себя терланъ, охабенъ и шапку мурмолку; боже благоразумные довольствуются только тѣмъ, что ходятъ дома въ татарской ермолкѣ, татарскомъ халатѣ и желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ — все же историческій костюмъ! Назвались они «партиями», и думаютъ, что дѣлать значитъ — рассуждать на приятельскихъ вечерахъ о томъ, что только они — удивительные люди, и что кто думаетъ не по нимъ, тотъ бродитъ во тьмѣ.

Во всемъ этомъ видно одно: стремленіе жить мимо жизни, глубокой внутренней разладъ съ дѣйствительностью. Сперва хотятъ составить программу жизни, хорошенько обдумать и обсудить ее, а потомъ уже и жить по этой программѣ. Удивительно ли, что вся жизнь такихъ людей проходитъ въ составленіи программъ? Человѣкъ долженъ сознать жизнь, и разумъ долженъ вести человѣка по пути жизни — тѣмъ и отличается человѣкъ отъ животныхъ безсловесныхъ; во основу жизни долженъ быть истинный, непосредственное чувство. Безъ нихъ, жизнь есть пустое, холодное и, къ довершенію, преглупое умничанье; такъ

же, какъ безъ мыслительности, непосредственное существованіе есть животное состояніе. Любовь къ женщинамъ — высокое чувство, но оно тогда только истинно, когда выходитъ изъ сердца, а не изъ головы.

А между-тѣмъ, романтики по преимуществу живутъ головными, а не сердечными страстями, и потому вся гамма жизни ихъ поется извѣстною фистулою. Ихъ презрѣніе къ толпѣ такъ велико, что они не могутъ понять, какинъ-образомъ самъ геній потому только и великъ, что служитъ толпѣ, даже борясь съ нею. По-этому, они не хотятъ снисойдти до ознакомленія себя съ толпою, до изумленія ея характера, положенія, потребностей, нуждъ. Для обихода цѣлой ихъ жизни достаточно нѣсколькихъ мыслей, всегда нѣсколькихъ фразъ, вычитанныхъ въ книгѣ, поверхностно понятыхъ, во въ-попадъ приложенныхъ къ дѣйствительности. Они смотрятъ на толпу не какъ на силу, которая гнется и подается только отъ силы генія, а какъ на стадо, которое можетъ гнать пералъ собою куда угодно первый умникъ, если вздумаетъ взяться за это дѣло. Ихъ любовь и довѣренность къ теоріямъ (разумѣется, преимущественно къ своимъ собственнымъ) такъ велика, что они скорѣе рѣшатся не признать существованія цѣлаго народа, который не подходитъ подъ ихъ теорію, нежели отказаться отъ нея. Имъ это такъ легко, а для народа это такъ не опасно! Пусть тѣшатся!... Но въ-дѣ этихъ шотъхамъ долженъ же быть когда-нибудь и конецъ: самъ донъ-Кихотъ опомнился передъ смертью... Что жъ! когда горькій опытъ жизни разобьетъ мечты романтика, — у него не все еще будетъ отнято: у него останется великодушная мантия страданія, въ-слѣдствіе непризнанной геніяльности...

И однакожъ, такіе романтики — не случайное явленіе. Они были необходимымъ результатомъ прививнаго образованія нашего общества; ихъ исто-

рія тѣсно соединена съ исторією нашей литературы, съ которою также тѣсно слѣдуетъ и исторія образованія нашего общества.

До начала литературы, дѣды и отцы наши жили просто, безъ претензій, безъ хитростей, безъ мудрованія, ѣли, пили, спали (и какъ еще ѣли, пили и спали! намъ, ихъ внукамъ и дѣтямъ, увы! уже не ѣсть, не пить и не спать такъ!), женили дѣтей своихъ (тогда сыновья не могли сами жениться — ихъ женили отцы, такъ же, какъ теперь они выдаютъ дочерей замужъ), умѣли лѣтъ въ сорокъ, старѣли лѣтъ въ семьдесятъ, умирали лѣтъ въ девяносто... Безъ-сомнѣнія, это была жизнь весьма-простая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грубо-простая. Вѣдь простота простота — рознь, и для общества лучшая простота есть та, которая выработалась изъ затѣливой вычурности, какъ, напримѣръ, простота обращенія въ современной Европѣ, вышедшая изъ изысканной хитрости обращенія XVIII вѣка. Взятая черезъ-чуръ-простотой обществѣ не было жизни, разнообразія, потому-что личность человека поглощалась этимъ обществомъ, и каждый долженъ, обязанъ былъ жить какъ жилъ всѣ, а не какъ указывалъ ему его разумъ, его чувство, его склонности. Реформа Петра-Великаго потрясла въ основаніи это оцѣненное общество; но она только разбудила, растревожила, взволновала его, и если перемѣнила, то извнѣ только. Внутреннее измѣненіе общества должно было быть дальнѣйшимъ результатомъ этой реформы. Явилась литература, сперва безъ читателей, безъ публики, литература громозвучная, торжественная, надутая, школьная, реторическая, педагогическая, книжная, безъ всякаго живаго отношенія къ жизни и обществу. Въ блестящее царствованіе Екатерины II было положено основаніе знакомства русскаго общества съ европейскимъ; съ этого времени, начало сильно распространяться въ Россіи знаніе фран-

цузскаго языка, а вмѣстѣ съ нимъ и изысканная вѣжливость обращенія и сентиментальный характеръ нравовъ. Бѣдный молодой дворянинъ Карамзинъ объѣхалъ большую часть Европы, и своими *Письмами Русскаго Путешественника*, очаровавшими его современниковъ, прочитанными всею грамотною Россією того времени, довершилъ и утвердилъ знакомство русскаго образованнаго общества съ Европою. Эта книга, которую теперь такъ скучно читать, — тѣмъ не менѣе великій фактъ въ исторіи нашей литературы и въ исторіи образованія нашего общества. Съ Карамзина, наше сочинительство и писательство уже начало становиться не просто книжничествомъ, а литературою, потому-что талантъ Карамзина создалъ и образовалъ публику. Направленіе, данное Карамзинымъ нашей литературѣ, было по-преимуществу сентиментальное. Такъ-какъ оно было въ духѣ времени, то скоро проникло и въ нравы общества. *Чувствительныя души* толпами ходили гулять на Лизинъ-Прудъ; Эрасты, Леоны, Леониды, Мелодоры, Филалеты, Нины, Лилы, Эмилии, Юліи размножились до чрезвычайности, вздохи превращали самые тихіе дни въ вѣтреные, слезы потекли рѣками... Будь это въ наше время, сейчасъ же бы составились компаніи на акціяхъ для постройки вѣтренныхъ и водяныхъ мельницъ, въ расчетѣ на движущую силу вздоховъ и слезъ чувствительныхъ душъ... Теперь это, конечно, смѣшно, но тогда имѣло свое глубокое значеніе. Литература въ первый разъ стала выраженіемъ общества, и потому начала оказывать на него сильное нравственное вліяніе. Чувствительныя души были тогда если не лучшія души въ обществѣ, то, безъ сомнѣнія, самыя образованныя. Онѣ рѣзко отделились отъ *безчувственной* толпы; но онѣ гордились передъ нею только своею способностью чувствовать, умнѣяться до слезъ отъ всего прекраснаго и человѣческаго, а еще не тянулись въ герои и великіе люди. Но тѣмъ же

неніе, раздѣленіе избранныхъ отъ толпы уже обнаружилось. Оно не могло остановиться на одномъ мѣстѣ, но должно было идти впередъ, развиваться. Романтическая муза Жуковского, своими очаровательно-задумчивыми звуками, похожими на уныло-гармоническіе звуки *золотой арфы*, дала сентиментальному обществу болѣе-истинный и болѣе-поэтический характеръ. Въ ней, не смотря на ея мечтательность, была сила, энергія, и она любила не одну сладкую задумчивость, но и мрачныя картины фантастической дѣйствительности, наполненной гробами, скелетами, духами, злодѣйствами и преступленіями — темными преданіями среднихъ вѣковъ... Въ двадцатыхъ годахъ, раздалось въ нашей литературѣ слово «романтизмъ». Всѣ заговорили о Байронѣ, и байронизмъ сдѣлался пунктомъ помѣшательства для прекрасныхъ душъ... Вотъ съ этого-то времени и начали появляться у насъ толпами маленькіе великіе люди съ печатію проклятія на челѣ, съ отчаяніемъ въ душѣ, съ разочарованіемъ въ сердцахъ, съ глубокимъ презрѣніемъ къ «ничтожной толпѣ». Герои сдѣлались вдругъ очень-дешевы. Всякій мальчишкѣ, котораго учитель оставилъ безъ объѣда за незваніе урока, утѣшалъ себя въ горѣ фразами о преслѣдующемъ его рокѣ и о непреклонности своей души, пораженной, но не побѣжденной. Эти господа провозгласили своимъ органомъ Пушкина, потому-что не повали его. Они обѣими руками ухватились за его молодыя произведенія, — прекрасныя, но въ то же время и незрѣлыя; за то, когда Пушкинъ нашелъ путь, назначенный ему его натурою; когда онъ развился до всей высоты своего генія и сдѣлался великимъ художникомъ, — они отступились отъ него, какъ отъ падшаго таланта. Истиннымъ выраженіемъ романтическаго направленія были повѣсти Марлинскаго, съ дополненіемъ къ нимъ повѣстей въ родѣ «Живописца», «Блаженства Безумія», «Эммы» и т. п., и отомъ стихотворенія нѣкоторыхъ

поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ и доведшихъ это направленіе до послѣдней крайности. Въ немъ была и отчаянная фразеологія ложныхъ, натянутыхъ страстей, и притязательная (*prétentiveuse*) фразеологія нѣмецко-бюргеровской мечтательности, пополамъ съ плохо-понятымъ нѣмецко-философскимъ мудрованіемъ; и наша, будто-бы, народная удаля чувствъ и выражений, сбивающаяся нѣсколько на ямщицкое ухарство. Превосходнымъ образчикомъ послѣдняго можетъ служить слѣдующее стихотвореніе, напечатанное въ *Эхо*, альманахѣ за 1830 годъ, изданномъ въ Москвѣ:

Прочь съ презрѣнною толпою,
 Цыцъ, схоластики, молчать!
 Вамъ ли черствою душкою
 Жаръ поэзіи понять?
 Дико, бышено стремленье,
 Чѣмъ поэтъ одушевленъ:
 Такъ въ безумномъ упоеньи
 Богъ поэтовъ, Аполлонъ,
 Съ Марсіаса содралъ кожу!
 Берегись его дѣтей:
 Эпиграммой хлопнуть съ розгу,
 Рифмой быстрой своей
 Въ поэтическія ялты
 Приударитъ дуракомъ,
 И позоръ вашъ, врака дѣти,
 Отдадутъ на свистъ вѣсковъ!

Нельзя не согласиться, что это немножко пошло, немножко-грязно, даже отчасти-глуповато; но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что это только доведенная до послѣдней крайности та *мило-забубенная* поэзія, которая воспѣвала удаля бурсацкой жизни и возвышенныя стремленія разума къ чашѣ съ шипучимъ, — та разудалая поэзія, которою мы съ вами, читатель, такъ восхищались въ время оно, и которая и теперь еще имѣетъ простодушіе претендовать на вниманіе и на почетъ... Справедлива русская пословица: яблоко отъ яблони не далеко упало... Что же касается до неистовой и глубокомысленной романтической фразеологіи въ стихахъ и

нѣтъ, — ны не высказали бы ясной мысли о романтическомъ наклоненіи, если бы не привели здѣсь цѣлыхъ ораза, болѣе или менѣе автористическихъ. Вотъ на вырѣзку нѣсколько мѣстъ изъ разныхъ романтическихъ авторовъ:

Моя сабля мой лучшей заступникъ.
— Бросьте пустое хвостовство, князь сминь; завтра, такъ завтра. Выстрѣль мый остроумный отвѣтъ на дерзости. А пуля самая лучшая награда ковару. Завтра вы увѣритесь, что я не изъ тканей, изъ которой дѣлаются свадебныя подшожки, и не буфвоный тузъ, чтобъ меня цѣлать хладнокровно.

Человѣкъ созданъ изъ Добра и Любви; ними все соединилось у него въ первытвой его жизни. Кто былъ добръ, тѣ любилъ; кто любилъ, тотъ былъ бръ. И любовь родила душу Человѣка мертвою Природою. Философія не разобѣтъ Вѣры, и не логикою убѣждаются ея святыхъ истинахъ — но сердцемъ. Чѣ въ сердцѣ человѣческомъ воздѣи-ла алтарь святой Вѣры; рядомъ съ нимъ таже алтарь Любви; и на обонхъ нитъ одинакая жертва вѣчной истинѣй пламень надежды! Безъ этого пламени, нче нше давно погасло бы, и кометы поднесли бы только погребальную тризна скелетъ земли, съ ужасомъ спѣша въ мрачной пустоты (*), гдѣ глѣбеть въ ея, спѣша — туда, выше, выше, и свѣтъ чише, ярче, болѣе влочень...

Иудея Вѣрнѣйка! скажи, кто ты: дѣнь или ангелъ? Нѣтъ! ты неземная. я знаю лучше тебя самой.

Сказали бы мнѣ: *будь неостанови* — и черезъ годъ я склонилъ бы свою увѣнчанную голову передъ тою, которой обязанъ вдохновеніемъ (**). Развѣ не поэзія — еысокая любовь моя! Развѣ нѣтъ пылу въ моей душѣ! Я бы разбилъ ее съ искры, и звуки, и мысли — и свѣтъ отвѣтилъ бы мнѣ вздохами, и слезами, и рукоблесканими.

Ногу въ землю, взоръ въ небо — вотъ истинное твое положеніе — *человѣкъ!*

Любовь! любовь! души моей восторгъ!
Въ умѣ моемъ ты лучшая идея,
Въ познаваніяхъ — ты лучшее познанье,
Въ надеждахъ — нѣтъ надежды равной,
Въ мечтахъ моихъ — роскошѣйшей мечты!

Для двухъ душъ, свдѣвшихся такимъ образомъ въ области изгнанія — что такое *время*, что такое *разстояніе?*

Отдайте Вѣрнѣйку кому угодно, забросьте ее за моря, за непроходимыя дѣса и горы, позвольте мнѣ ползти на колѣнкахъ по всему свѣту, искать ее...

Вездѣ есть змѣй коварнаго сомнѣнья,
Но змѣй любви безмѣрно ядовитъ.

...Катай, извошникъ, удуши лошадей; пить, десять, двадцать рублей тебѣ на водку! Я летѣлъ; колеса жгли мостовую; я хотѣлъ закружить себя быстротою, упиться самозабвеніемъ — напрасно!

(*) Великолѣпная картина! Любопытно бы взглянуть, какъ кометы съумѣли помѣститься на скелетѣ земли, бы праздновать на ней погребальную зву и, съ то же самое время, съ ужасомъ спѣшить изъ мрачной пустоты туда и пр. Для этого сдѣяло бы погасить мечъ надежды на алтарѣ сердца...

(*) Романтизмъ думаетъ, что стѣдуетъ только влюбиться въ *дѣву неземную*, чтобъ сдѣлаться поэтомъ не хуже Байрона, не нѣтъ отъ природы таланта ни на грошъ. Не знаемъ, думалъ ли романтизмъ, что если безталантный человѣкъ влюбится въ *дѣву неземную*, то сейчасъ же сдѣлается первымъ умникомъ на свѣтѣ.

Душа моя изъѣдена мученьемъ,
 Какъ злой разбойникъ совѣстью и
 кровью!
 За что, за что? за чистоту страстей,
 За благородство сердца и души!

Уже все теперь бѣсило меня: я доса-
 довалъ, что онъ осторожно спряталъ день-
 ги въ бюро, а не скопалъ и не бросалъ
 ихъ.

Не понимай, не понимай, божественная
 дѣва,
 Моехъ пустыхъ речей не понимай!
 Не слушай словъ сердечнаго напѣва,
 Насмѣшками сожми душевный рай;
 О, удержи порывъ нѣмага гнѣва,
 Не понимай меня, не понимай!

Умремъ, моя мечта!... Да и на что
 намъ жизнь?

Ты мол, мол — ты не вырвешься изъ
 объятий души моей; я умерщляю тебя
 моею послѣднимъ смертнымъ дыханіемъ.

Душа велѣла жизнь любить,
 А жизнь и душу ненавидѣть...

Все это очень смѣшно, смѣшнѣе ни-
 чего нельзя выдумать; самая злая пародія
 не могла бы такъ страшно осмѣять
 этихъ выписокъ, какъ осмѣиваютъ
 онѣ сами себя; но это смѣшно теперь,
 а было время — что грѣха таить! —
 когда это всёхъ приводило въ вос-
 торгъ: явный знакъ, что все это было
 нужно и необходимо въ свое время, и
 даже имѣло свою хорошую сторону,
 принесло свои хорошіе результаты.
 Уже одно то, что, благодаря этимъ ту-
 маннымъ, заоблачнымъ и разудалымъ
 фразѣрамъ, мы навсегда какъ-буд-
 то застрахованы въ будущемъ отъ
 опасности увидѣть нашу литературу
 на такой страшной дорогѣ, — одно это

уже большая заслуга. Что же кас-
 ся до романтизма жизни, порокъ
 ныхъ и возлѣдѣнныхъ этою рома-
 ческою литературою, высказавъ
 безъ крыльевъ, глубокою безъ осев-
 ния, таинственною безъ смысла,
 гульною безъ вдохновенія, славою
 бравуры, оригинальною изъ фан-
 ровства, тщеславною по ограничен-
 сти, странною по духу противорѣ-
 — романтики жизни, какъ мы ска-
 зыше, не перевелись и теперь; въ
 торые изъ нихъ и остались такіе
 какими были — ихъ кругъ сосре-
 нили изъ людей уже слишкомъ ма-
 лыхъ, или изъ дѣтей; другіе, при-
 нувшись учеными, облекли старыя
 претензіи въ новыя фразы. Тамъ
 безпрестанно, что абстрактное
 шленіе, ни къ чему не ведетъ, что
 стоимость знанія похѣряется его са-
 шеніями къ жизни, а важность теоріи
 опредѣляется ея приложимостью
 практикѣ, — они тѣмъ не менѣе
 должны жить въ мечтѣ, съ тою
 ко разницею, что сочиняютъ меч-
 тельныя теоріи не объ отвлеченныхъ
 предметахъ, а о дѣйствительныхъ,
 которую схватываютъ въ своихъ
 дѣленіяхъ такъ вѣрно, какъ вѣрно
 додѣйственная кисть Кюrena писала
 портреты, изображая Архима Сив-
 ромъ, а Луку Петромъ.

Стать смѣшнымъ значить не
 играть свое дѣло. Романтизмъ не
 игралъ его вслѣдствіе — и въ литера-
 рѣ, и въ жизни. Онъ самъ это чу-
 ствуетъ. Что же было причиною
 паденія? — Переворотъ въ литературѣ
 новое направленіе, правильное ево. Э-
 го переворота не могъ бы сдѣлать
 Пушкинъ, ни Лермонтовъ. Мы шли
 выше, какъ легко наши романтики
 вообразили себя Байронами, но бл-
 чи въ состояніи даже поддѣлывать
 такое была эта титаническая нату-
 ра. Для всего ложнаго и смѣшнаго оди-
 бичъ, мѣткій и страшный — это
 Только вооруженный этимъ сильнымъ
 орудіемъ писатель могъ дать новое на-
 правленіе литературѣ и убить рома-

твѣтъ. Нужно ли говорить, кто былъ этотъ писатель? Его давно уже знаетъ вся читающая Россія; теперь его знаютъ и Европа.

Если бы насъ спросили, въ чемъ состоитъ существенная заслуга новой литературной школы, — мы отвѣчали бы: въ томъ именно, за что нападаютъ на нее близорукая посредственность, или низкая зависть, — въ томъ, что отъ высшихъ идеаловъ человѣческой природы и жизни, она обратилась къ такъ-называемой «толпѣ», исключительно избрала ее своимъ героемъ, изучаетъ ее съ глубокимъ вниманіемъ и знакомитъ ее съ нею же самою. Это значило повершить окончательно стремленіе нашей литературы, желавшей сдѣлаться вполне національною, русскою, оригинальною и самобытною; это значило сдѣлать ее выраженіемъ и зеркаломъ русскаго общества, одушевить ее живымъ національнымъ интересомъ. Уничтоженіе всего фальшиваго, ложнаго, неестественнаго, должно было быть необходимымъ результатомъ этого новаго направленія нашей литературы, которое вполне обнаружилось съ 1836 года, когда публика наша прочла *Миргородъ* и *Ревизора*. Съ-тѣхъ-поръ, весь ходъ нашей литературы, вся сущность ея развитія, весь интересъ ея исторіи заключились въ успѣхахъ новой школы.

Если бы ежегодныя обзорѣнія русской литературы постоянно помѣщались съ-тѣхъ-поръ въ какомъ-нибудь журналѣ, — они оврадали бы вполне нашу мысль. Чего нельзя замѣтить въ годъ, то дѣлается замѣтнымъ въ годы. Чересчестъ литературныя произведенія за цѣлый годъ ничего не значить; одинъ годъ можетъ быть ими богаче, другой бѣднѣе—это дѣло случайности. Критическій отчетъ за годовой итогъ произведеній долженъ прежде всего показать успѣхъ литературы, или ея упадокъ въ продолженіи года со стороны ея духа и направленія. Такъ дѣлали мы въ продолженіи пяти лѣтъ сряду; такъ сдѣлаемъ и теперь.

Прошлый 1845 годъ литературными произведеніями былъ въсколькбогаче своего предшественника. Но главная заслуга 1845 года состоитъ въ томъ, что въ немъ замѣтно — определеннѣе выказалась дѣйствительность *дальнаго* направленія литературы. По-крайней-мѣрѣ, такъ должно заключать изъ отчаянныхъ воплей нѣкоторыхъ отставныхъ или отсталыхъ *ci-devant* талантовъ, а теперь плохихъ сочинителей, которые клятвенно утверждаютъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ ихъ книги не ѣдутъ съ рукъ и ихъ нѣкто уже не читаетъ, литература наша гибнетъ, въ чемъ виновата, во-первыхъ, новая школа, которая пишетъ такъ хорошо, что только ея произведенія и читаются публикою, а во-вторыхъ, толстые журналы, которые принимаютъ на свои страницы произведенія этой школы, или хвалятъ ихъ, когда они являются отдѣльными книгами... Но оставимъ этихъ господъ — и обратимся къ прошлогодней литературѣ.

Отдѣльно-вышедшихъ книгъ по части изящной словесности въ прошломъ году было немного, если даже включить сюда и сборники. Первое мѣсто между ними, безспорно, должно принадлежать *Тарантасу* графа Соллогуба. Эта книга двойнѣ интересна — и какъ прекрасное литературное произведеніе, и какъ изящное, великолѣпное изданіе. Въ послѣднемъ отношеніи, *Тарантасъ*—рѣшительно первая книга въ русской литературѣ. Въ свое время, мы представили публикѣ наше мнѣніе о произведеніи графа Соллогуба въ особой статьѣ, въ отдѣлѣ Критики. Статья наша была понята двояко: одни приняли ее за восторженную и неумѣренную похвалу, другіе — за что-то въ родѣ памфлета. Это произошло оттого, что и самъ *Тарантасъ* одними былъ принятъ за искреннее *profession de foi* такъ-называемаго славянофильства; другими—за злоую сатиру на него. Что касается до насъ, мы принадлежимъ къ числу послѣднихъ, и теперь, какъ и тогда, понимаемъ *Тарантасъ*

какъ сатиру, и будетъ его понимать такъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не изгладится изъ литературныхъ воспоминаній публики. Мы не можемъ иначе думать, уважая умъ и талантъ автора *Тарантаса*, потому-что герой этого сатирическаго очерка, Иванъ Васильевичъ, играетъ въ немъ такую смѣшную роль, говоритъ такіа несообразности и страшности, что увидѣть во всемъ этомъ искреннее выраженіе убѣжденій автора было бы слишкомъ-сильно и неосторожно. Мы думаемъ, напротивъ, что *Тарантасъ* тѣмъ и дѣлаетъ особенную честь таланту и изобрѣтательности своего автора, что въ немъ еще впервые въ русской литературѣ является одинъ изъ комическихъ героев нашего времени. — этихъ героев, которые тѣмъ смѣшнѣе, что они считаютъ себя лицами очень-серьезными, даже чуть не гениями, чуть не великими людьми. За нихъ давно бы слѣдовало приняться нашимъ даровитымъ писателемъ: это и сдѣлалъ графъ Соллогубъ прежде всѣхъ. Нечего и говорить, что онъ выполнилъ свою задачу съ необыкновеннымъ талантомъ, — хотя, впрочемъ, и нельзя сказать, чтобы въ его произведеніи не было недостатковъ, и довольно-важныхъ, какъ, напримеръ, увѣренія, будто русская критика пишется для забавы мужчинъ, которые, однакожъ, предпочитаютъ ей шутковъ въ нѣхъ мужицкомъ аэтомъ; что будто-бы литература русская должна набираться идей и вдохновенія у постелей умирающихъ мужиковъ, сидя подлѣ нихъ въ качествѣ стенографа и записывая ихъ послѣднія слова, которые, — какъ всѣмъ извѣстно, — касаются только разныхъ житейскихъ заботъ и распоряженій на-счетъ дѣтей, снохъ, коровъ и барановъ. Но, не смотря на эти недостатки, которые притомъ еще и легко исправить при второмъ изданіи *Тарантаса*, — сочиненіе графа Соллогуба все-таки принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ литературнымъ явленіямъ прошлаго года.

Въ прошломъ же году вышелъ это-

рымы изданіемъ второй томъ повѣстей графа Соллогуба, подъ общимъ названіемъ: *На Соли Градущій*. Это насъ особенно порадовало, какъ неоспоримое доказательство готовности и охоты нашей публики покупать, читать и перечитывать все, что выйдеть изъ-за черты посредственности.

Къ числу замѣчательныхъ произведеній прошлаго года должно причислить и *Петербургскія Вершины* г. Букова. Эта книга не обнаруживаетъ въ авторѣ поэта; изъ нея видно, что его талантъ — писать сатирическіе очерки, а не юмористическія повѣсти. Но хорошо и это. Въ наше время, сатирическій талантъ не останется незамѣченнымъ.

Въ Москвѣ есть писатель, никто г. Ваненко, о которомъ почти никто не знаетъ, котораго нима почти неизвестно въ нашей литературѣ, но который тѣмъ не менѣе одаренъ талантомъ, нечуждымъ даже и юмора. Жаль только, что г. Ваненко исключительно привязался къ простонароднымъ разсказаніямъ, и считаетъ очень-выгоднымъ писать для простаго народа, который не читаетъ его, потому-что еще не довольно-грамотенъ для занятія литературою. Мы думаемъ, что для г. Ваненко было бы гораздо-выгоднѣе вѣлаться за изображеніе сцены жизни ступенью выше. Пусть тутъ будутъ и мужики, но только пусть они дѣйствуютъ не въ сказочномъ, а въ дѣйствительномъ мірѣ. Мы убѣждены, что у г. Ваненко стало бы таланта и на это, и что только тогда нашелъ бы онъ поприще, достойное таланта. Въ прошломъ году, г. Ваненке извѣстна вторымъ изданіемъ *Пару комедій Русскія Розсказы*: 1. *О солдатѣ въ красной рубашкѣ, сикія ластосици*; 2. *О молодомъ Ильѣ оснатомъ, да етсомъ Мартынъ тарватомъ*. Читая эту книжку, видишь въ ней талантъ и жалѣешь, что онъ потраченъ на то!

Прошлый литературный годъ дебютировалъ вдругъ двумя весьма-замѣчательными поэмами въ стихахъ. Первая—*Разговоръ*, г. Тургенева, написана удивительными стихами, какіе теперь являются рѣдко, исполнена мысли; но вообще въ ней слишкомъ - значитно вліяніе Лермонтова,—и, прочитавъ новую поэму г. Тургенева, помѣщенную въ этой книжкѣ «Отеч. Записокъ», нельзя не замѣтить, что, въ этомъ послѣднемъ родѣ, талантъ г. Тургенева гораздо - свободнѣе, естественнѣе, оригинальнѣе, больше, такъ сказать, у себя дома, нежели нѣ «Разговорѣ». Поэма г. Майкова—*Дѣл Судьбы*, доказала, что его талантъ не ограниченъ исключительно тѣснымъ кругомъ антологической поэзіи, и что ему предстоитъ въ будущемъ богатое развитіе. Не смотря на явную небрежность, съ какою написаны многіе стихи въ этой поэмѣ, не смотря на то, что нѣкоторыя мѣста въ ней отбиваются юношескою незрѣлостью мысли,—поэма чрезвычайно-замѣчательна въ цѣломъ, и блеститъ удивительными частностями, исполненными ума и поэзіи.

Стихотворенія Александра Струговщикова, заимствованныя изъ Гёте и Шиллера; стихотворенія Эдуарда Губера; *новыя стихотворенія Н. Языкова и якое* (компактное, въ одной книгѣ) изданіе *Сочиненій Державина* довершаютъ собою рядъ вышедшихъ въ прошломъ году книгъ стихотворнаго содержанія.—Публикѣ извѣстно наше мнѣніе о прекрасномъ талантѣ г. Струговщикова переводить Гёте, который мы глубоко уважаемъ, и потому всегда жалѣли, что г. Струговщикова не хочеть ограничиться ролью переводчика, *срамно*, не мудрствуя лукаво, переводящаго по-русски творенія великаго германскаго поэта, но, вмѣсто этого, хочеть быть какимъ-то полу-оригинальнымъ поэтомъ, передѣлывая то, что надо только переводить, и что *хорошо само-по-себѣ*. Общее мнѣніе, обнаружившееся по выходѣ книжки

г. Струговщикова, показало, что мы были правы. — Поэзія г. Губера, отличающаяся замѣчательно-хорошимъ стихомъ и набыткомъ болѣзненнаго чувства, бѣдна оригинальностью. Она не принадлежитъ ни къ какой странѣ, ни къ какому времени; ее можно счесть за переводъ съ какого-угодно языка. — *Новыя* стихотворенія г. Н. Языкова оказались весьма-старыми.— Изданіе *Сочиненій Державина* вышло сѣрвато и плоховато во всѣхъ отношеніяхъ.

Физиологія Петербурга (двѣ части), *Вчера и Сегодня, Сто Русскихъ Литераторовъ* (третій томъ) и второе изданіе двухъ частей *Новоселья*, изданнаго въ первый разъ въ 1833 году, были замѣчательнѣйшими сборниками прошлаго года. О *Физиологіи Петербурга* было, въ-продолженіи всего года, столько говорено, что страшно и вспомнить. Одна газета жила въ 1845 году преимущественно нападками на эту книгу, имѣвшую большой успѣхъ. Статьи этого сборника всѣ безъ исключенія, болѣе или менѣе, могли доставить публикѣ занимательное и пріятное чтеніе; но особенно замѣчательны изъ нихъ, въ прозѣ: «Петербургскій Дворникъ», В. И. Луганскаго, «Петербургскіе Углы», Н. А. Некрасова; въ стихахъ: «Чинovníкъ», Н. А. Некрасова.—Въ сборникѣ: *Вчера и Сегодня* прочли мы два отрывка изъ неоконченныхъ погвѣстей Лермонтова, чрезвычайно-интересныхъ; его же нѣсколько стихотвореній, впрочемъ, ничѣмъ особенно не замѣчательныхъ; премиленькій рассказъ графа Соллогуба — «Собачка», и очень-интересную статью г. Второва— «Гаврила Петровичъ Каменевъ». — Въ третьемъ томѣ *Ста Русскихъ Литераторовъ*, кромѣ первыхъ двухъ статей, все остальное представляетъ собою превосходнѣйшіе образцы посредственности и бездарности.

Переводы по части взящвой словесности, отдѣльно вышедшіе въ прошломъ году, не нужно пересчитыв-

вать; былъ одинъ, но который стоить множества. Мы говоримъ о большомъ предпріятіи — перевести всего Вальтера Скота. Доселѣ вышли два романа — *Квентинъ Дорвардъ*, *Антикваріи*, и надлежало поступить въ продажу третій — *Ливендъ*. Переводъ и изданіе достойны подлинника.

Теперь перейдемъ къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ по части изящной литературы, являвшимся въ журналахъ. Стиховъ теперь вообще мало печатается въ журналахъ. Жалѣть или радоваться? — Намъ кажется, что это очень-пріятное явленіе. Писать стихи, даже порядочные, въ наше время ничего не стоить, и, въ этомъ отношеніи, «поэтовъ» у насъ несметные легіоны — тьмы темъ. Но — увы! — ихъ уже не печатаютъ, или мало печатаютъ, потому что не читаютъ. Дѣва просто, потомъ № 1, веземная дѣва, № 2, луна, ночь, умышіе, разочарованіе, цыганка, шампанское, лѣвъ, похмѣлье, разгулье, отчаяніе, горе, страданіе, дружба, игры, любовь, слава, мечта, — все это до того уже перепѣто на разные голоса, что наконецъ надоѣло всѣмъ смертельно. Пужно что-нибудь новое, но новое открываетъ геній, а въ настоящую минуту у насъ, увы! не видѣтся въ наличности ни одного геніальнаго поэта. Конечно, и таланту, если онъ друженъ съ умомъ, если онъ умный талантъ, удается угадывать, что можетъ имѣть успѣхъ въ настоящую минуту, особенно, если это указано, или хоть издадека намекнуто геніемъ. Въ прошлый годъ явилось, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, нѣсколько счастливыхъ вдохновеній таланта, которыя, впрочемъ, мы можемъ перечестъ всѣ до одного, не утомляя ни себя, ни читателя: *Современная Ода*, г. Не — ва и *Старушкѣ*, его же (въ «Отеч. Запискахъ»); *Чиновникъ* (въ «Физиологіи Петербурга»); *Духъ Вѣка*, г. Майкова (въ «Финскомъ Вѣстникѣ»). Къ этому небольшому итогу слѣдуетъ прибавить три энергическія цески: *Хавроня*, неизвѣстнаго (въ

«Отеч. Запискахъ») и слѣдующія два посланія во 2-й книжкѣ «Москвитянина», которыя, — особенно первое, — такъ хороши, что, желая содѣйствовать ихъ извѣстности, мы считаемъ за нужное выписать ихъ здѣсь.

Къ усопшимъ льнетъ какъ червь Фигляринъ неотвязный.

Въ живыхъ ни одного онъ друга не найдетъ,

За то, когда изъ лицъ почетныхъ кто умретъ,

Клеймитъ онъ прахъ его своею друбой грязной.

— Такъ что же? Тутъ разсчитъ: онъ съ прибылью двойной,

Презрѣнье отъ живыхъ на мертвыхъ вымѣняетъ,

И чтобъ нажать друзей, какъ Чичковъ другой,

Отъ души мертвыхъ скупасть.

Кн. Вяземскій.

Что ты несешь на мертвыхъ небилку.
Такъ нагло лѣзешь къ нимъ въ друзья?
Пріазнь посмертная твоя
Не запятнасть ихъ гробинку.
Все тѣ жъ и Пушкинъ и Крыловъ,
Хоть ѣсть ихъ червь, по волѣ Бога;
Не лобызай же мертвецовъ —
И безъ тебя у нихъ васъ много.

Справедливость требуетъ еще указать, какъ на довольно-замѣчательныя стихотворныя произведенія, на нѣкоторые опыты г. Григорьева (въ «Реввертуарѣ и Пантеонѣ»), какъ на-пр., прекрасное стихотвореніе, *Городъ*, и на разсказъ въ стихахъ: *Олимпий Радни*, въ которомъ цѣло темно, безсвязно, но есть прекрасныя мѣста. Вообще, о г. Григорьевѣ можно сказать, что онъ, кажется, сдѣлался поэтомъ не по избытку таланта, а по избытку ума, и что на немъ мучительно отголосило вліяніе Лермонтова, отъ-чего и происходятъ темнота и неопредѣленность въ цѣломъ многихъ цесъ его и болѣе

нить и малыхъ: видно, что онъ не въ силахъ ни отдѣлаться отъ преслѣдующей его мысли генія, ни овладѣть ею. Онъ написалъ даже драму въ стихахъ: *Два Эюизма*,—въ цѣломъ довольно-блѣдное отраженіе довольно-блѣдной драмы Лермонтова: «Маскарадъ». Г. Григорьевъ, въ этой драмѣ, такъ запутался въ неопредѣленныхъ рефлексіяхъ, возбужденныхъ въ немъ извѣстн, что читатель никакъ не въ состояніи понять чувствъ героевъ ея, ни того, за что они любятъ и ненавидятъ себя и другъ друга, ни того, за что непонятный герой отравляетъ ядомъ непонятную героиню. Но вообще, въ этомъ странномъ и неудачномъ произведеніи промелькнваетъ мѣстами что-то такое, что неволью возбуждаетъ интересъ, если не къ лицамъ драмы, то къ лицу автора. Мѣстами хороши въ ней сатирическія выходы; какъ хороши, на-пр., этотъ монологъ славянофила Баснакова:

Семья — славянское начало.

Я въ диссертациіи моей

Подробно изложу, какъ въ ней преобладала

Безъ примѣса другихъ идей

Идея чистая, славянская идея...

Читай Гегеля съ Мертвиловымъ вдвоемъ,

Мы согласились оба въ томъ,

Что, чувство съ разумомъ согласовать

Различіе пологъ — Славяне лишь одни

Уразумѣть могли такъ тонко и глубоко...

У нихъ однихъ, отъ самой старины,

Поставлена разумно и высоко

Идея мужа и жены...

Жена не гез у нихъ, не вещь, но нѣчто;

Но признается въ ней конечно, но она

Законами ограждена...

Мужъ можетъ бить ее, но убивать не

Мать ей духовное лишь право оцъ нѣтъ,

И только частію in concreto: притомъ

Глубокій смыслъ въ предѣлахъ томъ,

Мать, лучше, въ мысли той о власти надъ

Женою.

Пусть проявляется подъ жесткою корою,

Мать формою побой: что форма? При-

Семья меня всегда приводитъ въ уми-

ленше...
Власть мужа, и жены покорное смиренье...
Чета славянская — я ей не надвинулся!

Замѣчательными оригинальными повѣстями наши журналы въ прошломъ году были не очень-богаты. Начнемъ съ *Библиотеки для Чтенія*. Лучшимъ оригинальнымъ произведеніемъ въ этомъ родѣ былъ въ ней сатирическій очеркъ китайскихъ нравовъ, подъ названіемъ: *Совершеннѣйшая изъ всѣхъ Женщинъ*, барона Брамбеуса. У этого писателя нѣтъ ни дара творчества, ни юмора, но много таланта каррикатуры, много того, что по-малороссійски называется *жартованіемъ*, или *жартомъ*. Его повѣсти и рассказы мѣстами неволью заставляютъ читателя смѣяться; въ нихъ много блесковъ и порывовъ ума. Если бы въ этихъ сатирическихъ очеркахъ было больше опредѣленности въ мысли, больше глубины и дѣльной злости, — ихъ литературное значеніе имѣло бы большую важность. «Совершеннѣйшая изъ всѣхъ Женщинъ» есть одно изъ удачныхъ произведеній шутильваго негра барона Брамбеуса, и нельзя не пожалѣть, что эта забавная повѣсть осталась неконченною. — *Счастіе лучше Богатырства*, рукопись, найденная и изданная Ѳ. В. Вулгариннымъ и Н. А. Полевымъ, — романъ, написанный въ сотрудничествѣ, двумя лицами — не бывалое до-сихъ-поръ явленіе въ нашей литературѣ! «Умъ хорошо, два лучше» говорить русская пословица; но на этотъ разъ, кажется, численность не имѣла никакого вліянія на романъ. Это довольно-неудачное усиліе двухъ прежнихъ писателей поддѣлаться подъ новую школу. Особенно жалко тутъ лицо какого-то удалившагося отъ людей добродѣтельнаго химика. Но, если о достоинствѣ вещей должно судить относительно, то скучная сказка «Счастіе лучше Богатырства» можетъ показаться даже очень-сноснымъ произведеніемъ въ сравненіи со всѣми

остальными оригинальными произведениями въ «Библиотекѣ для Чтенія» прошлаго года. — *Кмелла или Превращенія*, первая часть новаго романа г. Вельмана, рѣшительно напоминаетъ собою блаженной памяти «Русалку», волшебную оперу, которая такъ забавляла нашихъ дѣдовъ своими «превращеніями». Тутъ ничего не поймете: это не романъ, а довольно-не-складный сонъ. Даровитый авторъ «Каша Безсмертнаго» въ «Емель» превзошелъ самого-себя въ странной прихотливости своей фантазіи; прежде, эта странная прихотливость выкупалась блестящими поэзія; о «Емель» и этого нельзя сказать. — *Волжеры*, quasi-комедія г. Основьяненко — высочій образецъ бездарности и плоскаго вкуса. — *Ваша Веселуха* (вскорѣ потомъ выданная отдѣльно) — такъ-себѣ, ни то, ни сѣ. — *Петербургъ Днемъ и Ночью* — пародія на *Парижскія Тайны*; сочинитель, впрочемъ, не думалъ писать пародію — пародія вышла противъ его воли, и отъ-того читать ее очень-скучно. Ни образовъ, ни лицъ, ни характеровъ, ни правдоподобія, ни естественности, ни мысли! За то, фразъ, фразъ — разливанное море! Давно уже не являлось въ русской литературѣ такого страннаго произведенія. — *Три Періода*, романъ г. Кукольника, можетъ служить широкимъ читательскаго терпѣнія...

Переводныхъ романовъ и повѣстей въ «Библиотекѣ для Чтенія» прошлаго года было шесть, кромѣ *Теврино* и нѣсколькихъ небольшихъ рассказовъ, помѣщенныхъ въ «Смѣси», и кромѣ окончанія *Лондонскихъ Тайнъ* и *Вѣчнаго Жида*, начатаго еще съ 1844 года и табуеваго почти цѣлымъ прошлымъ годъ. Лучшими можно назвать *Элеву Миддлтонъ*, г-жи Фуллертонъ, и *Якова Ванс-деръ-Нессъ*, г-жи Паальцевъ: эти двѣ повѣсти, особенно первая, по-крайней-мѣрѣ естественны, хотя и страшно растянуты, особенно первая. Конечно, *Графъ Монте-Кристо* — блестящее бальзадристическое произведе-

ніе, которое читается легко и скоро; но оно — не романъ, а волшебная сказка, только не въ арабскомъ, а въ европейскомъ вкусѣ. — Что касается до «Вѣчнаго Жида», — онъ окончательно дорѣзалъ литературную репутацію своего автора. Правда, въ немъ много частностей очень-интересныхъ, умныхъ, обличающихъ въ писателѣ замѣчательный талантъ; но цѣлое — океанъ фразёрства въ вымыслѣ площадныхъ эффектовъ, невыносимыхъ натажекъ, невыразимой пошлости. Лица надмундъ Карловичъ, москѣ Гарай, Габріеля, двухъ сиротокъ — Розы и Бланки, дражайшаго родителя ихъ, маршала Синова — верхъ неестественности и приторности. Какое отношеніе имѣютъ къ роману вѣчный Жидъ и Иродіада? — ровно никакого, гораздо-меньше, нежели листъ бумаги, въ которую завертываютъ книгу, имѣетъ отношенія къ самой книгѣ. Если бы авторъ назвалъ свой романъ просто: *Иезуиты*, не ввелъ бы въ него ни вѣчнаго Жида, ни Иродіады, ни Самуила съ женою, ни двухъ-сотъ милліоновъ нечестнаго наслѣдства, ни приторно-сентиментальныхъ лицъ въ родѣ сиротокъ-сестеръ и Габріеля, елибъ не превеличилъ характера Родона, придумалъ поестественнѣе завязку, и, вмѣсто десяти томовъ, написалъ только четыре, и написалъ не торопясь, во облунывавъ, — изъ-подъ пера его вышелъ бы прекрасный романъ, потому-что у Эжена Сю больше таланта, чѣмъ у гг. Вальсана, Дюма, Жанена, Сульзъ, Гезлана и tutti quanti вмѣстѣ взятыхъ. Но жажда денегъ и мгновеннаго успѣха равняетъ теперь всѣ таланты, и большіе и малые, подводя ихъ произведенія подъ одинъ и тотъ же уровень ничтожности.

Рядъ оригинальныхъ произведеній по части великой прозы въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года заключился одною изъ тѣхъ повѣстей, которыя составляютъ приобретение литературы, а не литературнаго только года. Мы говоримъ о превосходной

повѣсти: *Кто виноватъ?*, напечатанной въ послѣдней книжкѣ нашего журнала. Эта повѣсть не принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, запечатлѣнныхъ высокою художественностью, которая иногда творитъ изъ ничего, не заботясь ни о цѣлѣ, ни о ничтожествѣ содержанія; но эта повѣсть не принадлежитъ и къ числу тѣхъ умныхъ произведеній, въ которыхъ лишенный фантазій авторъ, словно въ диссертациѣ, развиваетъ свои мысли и взгляды о томъ или другомъ нравственномъ вопросѣ, и въ которыхъ нѣтъ ни характеровъ, ни дѣйствій. Авторъ повѣсти: *Кто виноватъ?* какъ-то чудно, умѣлъ довести умъ до повѣи, мысль обратить въ живыя лица, плоды своей наблюдательности — въ дѣйствіе, исполненное драматическаго движенія. Какая во всемъ поразительная вѣрность дѣйствительности, какая глубокая мысль, какое единство дѣйствія, какъ все соразмѣрно — ничего лишняго, ничего недосказаннаго; какая оригинальность слога, сколько ума, юмора, остроумія, души, чувства! Если это не случайный опытъ, не несомнѣнная удача въ чуждомъ автору родѣ литературы, а залогъ цѣлаго рода такихъ произведеній въ будущемъ, то мы снѣдо можемъ поздравить публику съ приобрѣтеніемъ необыкновеннаго таланта въ совершенно-новомъ родѣ. — *Мамышкинъ Сынокъ*, романъ г. Панаева, напечатанный въ первыхъ двухъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ», отличается всѣми достоинствами и всѣми недостатками таланта этого писателя. Мы не будемъ сравнивать ни о тѣхъ, ни о другихъ, и скажемъ коротко, что они связаны съ сущностью таланта г. Панаева, который, не рискуя ошибиться, можно назвать *дагерротипнымъ*. Во всякомъ случаѣ, «Мамышкинъ Сынокъ» — одно изъ лучшихъ его произведеній и одна изъ лучшихъ повѣстей прошлаго года. — *Необыкновенный Поединокъ*, романтическая повѣсть Говорилкина (асъ-ланкина) чуждъ всякаго художественнаго достоинства, но весьма — печальдъ

литературнаго интереса, особенно для тѣхъ, кто пойметъ живое отношеніе этого разсказа къ эпиграфамъ, которыми онъ украшенъ, и эпиграфовъ къ разсказу. Съ этой точки зрѣнія, мы считали и считаемъ «Необыкновенный Поединокъ» произведеніемъ, заслуживающимъ вниманіе и способнымъ навести читателя на нѣкоторыя весьма любопытныя соображенія насчетъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ именъ нашей литературы. — *Большая Невѣста*, драматическій разсказъ г. М., написанъ подъ вліяніемъ комедій Гоголя, и оста едва-ли не единственный опытъ въ этомъ родѣ, который читается съ наслажденіемъ и послѣ комедій Гоголя. Жаль, что этому разсказу повредило то, что не означено званію дѣйствующихъ въ немъ лицъ. — Въ повѣсти Ста-Одного — *Старое Зеркало*, много интересныхъ частности и умныхъ замѣтокъ, хорошо очерчено лицо Иванъ Анисимовича и дочки его, Мамы; но въ цѣломъ эта повѣсть не выдержала, и развязка ея какъ-то странна, неестественна и неудовлетворительна. — *Милочка*, повѣсть г. Побѣдоносцева, не лишена интереса; жаль, что разсказъ ея не довольно сжатъ и быстръ. — Сверхъ того, въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года были напечатаны: *Дача на Петербургской-Дорожѣ*, повѣсть г-жи Жуковой; *Ошибки*, драматическій анекдотъ, г. Нѣстрова, и *Нана*, повѣсть г. Побѣдоносцева.

Жанна, Тессерино и Маркиза — три романа Жоржа Занда, были переведены въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года. «Маркиза» — одно изъ старыхъ произведеній этой писательницы, *Жанна* — изъ недавнихъ; *Тессерино* — послѣднее. Истинно говорить о ихъ художественномъ достоинствѣ: Жоржъ Зандъ, безспорно, первый талантъ во всемъ пишущемъ мірѣ нашего времени. Скажемъ только, что въ лицѣ Жанны поэгическій инстинктъ представилъ міру лучший и вѣрнѣйшій комментарий на значеніе петербургской Жанны (d'Аркъ), возлюбленной

могла представить наука, много хлопотавшая объ этомъ вопросѣ. «Телерино», въ своемъ родѣ, стоитъ «Жанны», и оба эти романа, безспорно, принадлежатъ къ лучшимъ сочиненіямъ гениальнаго автора. Замѣчательно, что «Телерино» написанъ послѣ «Le Meunier d'Angibault», прекраснаго романа, но испорченнаго двумя главными лицами, до приторности неестественными, — и послѣ «Индоры», во всѣхъ отношеніяхъ слабого и неудачнаго произведенія. — *Вотчимъ*, одна изъ лучшихъ повѣстей одного изъ лучшихъ французскихъ новеллистовъ. Шарль Бервара, который съ замѣчательнымъ талантомъ изображаетъ нравы современной Франціи. Можетъ быть, современемъ выписавшись, и онъ начнетъ писать эффектные сказки на манеръ *Тысячи и Одной Ночи*, или *Вечная Жиды* и *Графа Монте-Кристо*; но, пока, талантъ его еще сохраняетъ всю свою свѣжесть и силу, такъ что послѣ повѣстей Жоржа Занда только и можно читать его повѣсти. — *Америкацы*, романъ, переведенный съ нѣмецкаго, представляетъ гораздо меньше художественности, нежели романы Купера, но едва-ли не больше ихъ знакомитъ съ нравами Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и ихъ отношеніями къ племенамъ дикимъ, потому-что это прямая и положительная цѣль автора, Нѣнца, долго и прилежно изучавшаго интересную страну. Романическая, или поэтическая сторона этого романа, не отличаясь особеннымъ достоинствомъ, въ то же время и не лишена вовсе достоинства. Авторъ «Американцевъ» извѣстенъ въ Европѣ уже не однимъ романомъ въ этомъ родѣ. Имени своего онъ не представляетъ на романахъ; но мы слышали, что это — Р. Вессельефъ, котораго любознательная статья — «Семейная Жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ», была переведена въ Спбѣ «Отечеств. Записокъ» 1843 года (томъ XXIX, стр. 76).

Говорятъ, будто большинству нашей публики больше понравилась *Короле-*

ва Маріо, нежели романы Жоржа Занда, *Вотчимъ*, Шарля Бервара и *Америкацы*... О вкусахъ спорить неслѣдуетъ, а съ этой книжки начнется печатаніе продолженія «Королевы Маріо» — т. е. новѣйшій романъ Дюма: «Графиня Монсоро».

Упомянуть о статьяхъ: *Бараки*, коротенькій, но исполненный глубокаго значенія восточный анологъ В. И. Луганскаго (въ «Москвитинѣ»); *Иванъ Ивановичъ*, прехорошенькій рассказъ г. Гребенки (въ «Финскій Вѣстникъ»); *Деньщикъ*, физиологическій очеркъ В. И. Луганскаго (тамъ же); *Лука Лукичъ*, правоиспательный очеркъ, г. Д. (тамъ же); *Факторы*, правоиспательный рассказъ г. Гребенки (тамъ же); *Чужая голова* — *темный лѣсъ*, рассказъ г. Гребенки (въ «Иллюстраціи»); *Колокола*; *чудесная повесть о колоколахъ, отзывавшихся старину и призывающихъ коней юды*, повесть Диккенса (переведенная въ «Москвитинѣ»), — мы перечислили все, что было замѣчательнаго по части изящной прозы, оригинальной и переводной, въ русскія журналы прошлаго года. Изъ этихъ послѣднихъ статей, мы должны указать на *Деньщика*, В. И. Луганскаго, какъ на одно изъ капитальныхъ произведеній русской литературы. В. И. Луганскій создалъ себѣ особенный родъ поэзіи, въ которомъ у него нѣтъ соперниковъ. Этотъ родъ можно назвать *физиологическимъ*. Повесть съ завязкою и развязкою — не въ талантѣ В. И. Луганскаго, и всѣ его повѣсти въ этомъ родѣ замѣчательны только частностями, охлѣбными мѣстами, но не цѣлымъ. Въ физиологическіе же очеркахъ лицъ разныхъ сословій, онъ — истинный поэтъ, потому-что умѣетъ лицо типическое сдѣлать представителемъ сословія, возвестить его на манеръ, не въ пошломъ и глупомъ значеніи этого слова, т. е. не въ смыслѣ украшенія дѣйствительности, а въ истинномъ его смыслѣ — воспроизведенія дѣйствительности во всей ея полн-

тѣ. *Колбасники и Бородачи, Дворники и Девицы* — образцова произведенія въ своемъ родѣ, тайну котораго такъ глубоко постигъ В. И. Луганскій. Поездъ Гоголя, это до-сихъ-поръ рѣшительно первый талантъ въ русской литературѣ.

Книгъ ученыхъ, учебныхъ, и вообще *длинныхъ*, въ прошломъ году вышло довольно-много. Литература этого рода оказываетъ у насъ видимые успѣхи, которые должны радовать патристическое чувство Русскаго. Причина этихъ успѣховъ заключается сколько въ усиліяхъ правительства, которое всегда готово поощрять усилія частныхъ лицъ и само предпринимаетъ изданія дѣтскимъ и всякаго рода историческимъ памятникомъ, — столько же и въ быстрыхъ успѣхахъ образованности русскаго общества. Въ жизни все связано тѣсно: образованность ведетъ за собою просвѣщеніе. Пока легкая изящная литература еще не укоренилась въ обществѣ до того, чтобъ войти въ его привычки, сдѣлаться его необходимою роскошью, — она замѣняетъ ему науку. Но когда она перестаетъ быть исключительнымъ достояніемъ немногихъ и становится потребностію толпы, — люди избранные дѣлаются требовательнѣе и разборчивѣе въ изящныхъ удовольствіяхъ своего ума и, не оставляя ихъ, стремятся въ то же время и къ болѣе прочнымъ, основательнымъ потребностямъ ума — къ знанію, къ наукѣ. Такии образомъ, по мѣрѣ того, какъ вышіе (вѣрнѣе) слои общества переходятъ отъ легкой литературы къ наукѣ, вышіе отъ невѣжества и не образованности восходятъ къ легкой литературѣ. Это круговая порука, и успѣхи легкой литературы — ручательство успѣховъ науки. Одно безъ другаго быть не можетъ. Просвѣщеніе, основанное на наукахъ, не можетъ быть удѣломъ всѣхъ, даже удѣломъ большинства; но образованіе, основанное на успѣхахъ легкой литературы, можетъ и должно быть удѣломъ всѣхъ,

даже самыхъ низшихъ слоевъ общества, которые могутъ быть грамотны только тогда, когда имъ есть чтѣ читать. Вотъ почему нельзя не радоваться, видя, что у насъ страсть къ легкому чтенію сдѣлалась уже не роскошью, а насущною потребностію, которой едва въ состояніи удовлетворять наши журналы, наполняемые романами и повѣстями. Эта страсть къ легкому чтенію — признакъ распространяющагося въ обществѣ образованія, которое, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о близкихъ успѣхахъ просвѣщенія, основаннаго на наукѣ.

Изъ перечня вышедшихъ въ прошломъ году книгъ и изданій серьезнаго содержанія мы увидимъ, что ихъ число несравненно-болыше числа отдѣльно-вышедшихъ книгъ по части легкой литературы. Скажутъ: бѣллетристическія сочиненія преимущественно помѣщаются въ журналахъ; но мы покажемъ, что въ тѣхъ же самыхъ журналахъ помѣщается множество статей и серьезнаго содержанія.

Особенно должно было радовать всѣхъ видимое усиленіе литературы русскаго исторіи и русскаго древностей. Въ прошломъ году вышли слѣдующія книги по этой части: *Всеобщая Библиотека Россіи, или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всемъ отношеніяхъ и подробностяхъ*. Это — второе прибавленіе къ книгѣ того же названія, изданное г. Чертковымъ въ 1838 году, которая, вмѣстѣ съ первымъ прибавленіемъ, заключала въ себѣ до 7000 названій книгъ; во второмъ прибавленіи, вышедшемъ въ прошломъ году, заключается ихъ до 1800 названій. — *Московская Оружейная Палата* — изданная отъ правительства опись содержащимся въ этой палатѣ нашихъ древности вещей; текстъ книги, прекрасно составленный г. Вельтманомъ, объясняется изображеніями, превосходно сдѣланными. Книга эта вышла въ прошломъ году, хотя на ней и выставленъ 1844 годъ. — Па-

материки *Московской Древности*, съ при-
совокупленіемъ очерка монументальной
исторіи Москвы и древнихъ видовъ и пла-
новъ древней столицы, — великолѣпное и
взвѣсное изданіе, начатое въ 1842 го-
ду, въ прошломъ году окончилось вы-
ходомъ послѣднихъ трехъ тетрадей
(9, 10 и 11-ой). Эта драгоценная книга
равно дѣлаетъ честь и автору, г. Сне-
гиреву, и издателю, г. Сенину. — Па-
мятники, изданные временною комми-
сією для разбора древнихъ актовъ, Вы-
сочайше учрежденною при кievскомъ
военномъ, подольскомъ и волынскомъ ге-
нералъ-губернаторѣ и Собраніи древнихъ
грамотъ и актовъ городовъ: Вильны,
Ковна, Троки, православныхъ монасты-
рей, церквей, и по разнымъ предметамъ
принадлежать къ тѣмъ монументаль-
нымъ изданіямъ, которыя возможны
только для правительства, а не для ча-
стныхъ лицъ, — между тѣмъ, какъ *Сибирскій Сборникъ* принадлежитъ къ чи-
слу тѣхъ важныхъ изданій, которыя,
будучи обязаны своимъ появленіемъ
усиліямъ и ревности частныхъ лицъ, бо-
лѣ всего свидѣтельствуютъ объ успѣ-
хахъ просвѣщенія въ обществѣ. — За-
писки Дюка Лирійскаго и Берикскаго во
время пребыванія его при император-
скомъ российскомъ дворѣ въ званіи посла
короля испанскаго, бывш послѣднимъ
трудомъ Д. И. Языкова, оказавшаго
столько услугъ русской историче-
ской литературѣ. — Г. Тромонинъ и
въ прошломъ году продолжалъ свое
интересное изданіе: *Достопамят-
ства Москвы*. Москва теперь дѣятель-
но изучается, и литература ея древно-
стей богата уже превосходными со-
чиненіями и изданіями. Здѣсь же мѣ-
сто упомянуть объ интересной бро-
шюрѣ г. Снегирева: *О лубочныхъ кар-
тинкахъ русскаго народа*, какъ о сочи-
неніи, относящемся если не къ рус-
ской исторіи, то къ русской старинѣ,
которая имѣетъ полное право на наше
вниманіе. Въ прошломъ году вышло
нѣсколько замѣчательныхъ книгъ по
части критическаго изслѣдованія фак-
товъ русской исторіи, именно: *Ломберисъ*
и *Виллета*, историческое изслѣдованіе

г. Грановскаго; *Объ отношеніяхъ Ново-
рода къ Великимъ Князьямъ*, историче-
ское изслѣдованіе г. Соловьева; *Очерки
литературы русскои до Карамзина*, г.
Старчевскаго, и *Изслѣдованіе о мастич-
чествѣ*, г. Валуева (отдѣльно напечатанная
статья изъ Сибирскаго Сбор-
ника). Съ успѣхомъ продолжалось ве-
ликолѣпное изданіе: *Императоръ Алек-
сандръ I-й и его сподвижники*; портреты
и текстъ этого изданія не оставятъ
желать ничего лучшаго. Второе изданіе
первой части *Руководства къ Все-
общей Исторіи* г. Лоренца; *Краткая
исторія крестовыхъ походовъ*, пере-
веденная съ нѣмецкаго, и 4 и 5-я части
Всемирной Исторіи, Беккера, заклю-
чаютъ собою историческую литературу
прошлаго года. — Изъ беллетристиче-
скихъ сочиненій дѣльнаго содержанія
можно указать на 2-ой томъ *Воспом-
наній Слѣпаго*, интересное описаніе
кругосвѣтнаго путешествія Арага,
взявшаго изданіе съ прекрасными кар-
тинками; *Алмійская Индія въ 1845 го-
ду*, соч. Варрена; *Римъ и Италия сре-
днихъ и новейшихъ временъ*, соч. кн. Вол-
конскаго. — Изъ спеціальныхъ сочине-
ній можно вспомнить 5-ю и 6-ю части
Народной Медицины доктора Чаруко-
скаго; 3-ю часть *Руководства къ воспитанію,
образованію и сохраненію здо-
ровья дѣтей*, доктора Грума; *Керман-
скій Словарь иностранныхъ словъ, во-
шедшихъ въ составъ русскаго языка*;
*Указатель Законовъ для Семейства Ко-
зловъ*; *Лекціи Популярной Астрономіи*,
г. Зеленаго; *Нумизматическіе Факты
Грузинскаго Царства*, князя Баратаева.

Какъ на особенно - пріятныя явле-
нія въ литературѣ прошлаго года, дол-
жно указать на первую часть *Опыта
Исторіи Русской Литературы*, г. Ни-
китенко, и третью книжку *Сельскаго
Чтенія*, издаваемого княземъ Одоев-
скимъ и г. Заблоцкимъ.

Теологическая литература наша
обогатилась въ прошломъ году взвѣс-
нымъ изданіемъ *Словъ и Речей* знаме-
нитаго духовнаго витія нашего, высо-

вопроса священнаго Филарета, митрополита московскаго, вышедшихъ въ трехъ большихъ томахъ. — Сверхъ того, по части духовной литературы вышли въ прошломъ году: *О Подражаніи Христу*, Фомы Кемпійскаго, въ переводѣ графа Сперанскаго; *Теорія Святыхъ Отцовъ*, въ рускомъ переводѣ, изданныя при Московской Духовной Академіи, первая, вторая и третья книжки третьяго года.

Перечень нашъ едва-ли полонъ — такъ много выходитъ теперь у насъ хорошихъ книгъ серьезнаго содержанія: по-крайней-мѣрѣ втрое больше, нежели хорошихъ книгъ по части легкой литературы.

Въ журналахъ, статьи серьезнаго содержанія тоже едва-ли не превосходятъ и числомъ и объемомъ статьи бѣльетристическія. Въ этомъ легко убѣдиться изъ простаго перечня. Въ *Библиотеку для Чтенія*, въ отдѣлѣ наукъ и искусствъ, были помѣщены статьи: *Еремѣя Бителевъ; Древскіе Мексиканцы; Естественная Исторія Пресмыкающихся; Математическіе камни, преимущественно упоминѣ въ Россіи, Э. Эйхвальда; Венеція въ 1845 году (Уварова); Врачебное сословіе въ Англіи; Письма, Инструкціи и Записки Маріи Стюартъ*, изданныя кн. Лобановымъ; *Лафатеръ и Галль, С. С. Кутурги; Историческій характеръ Людовика XIV, К. Н.; О прекрасномъ и объ искусствѣ, Викторъ Кузена; Писатели и ученые предыдущаго пятидесятилѣтія, лорда Брума.*—Статья Кузена есть выборка мыслей изъ вѣстника Гегеля; знаменитый элективъ только поразжидалъ и шокировалъ такъ легко доставшееся ему приобрѣтеніе, объ источникѣ котораго онъ счелъ за лучшее скромно умолчать. Статьи лорда Брума о Вольтерѣ и Руссо, о Юнгѣ и Робертсонѣ, не смотря на громкое имя ихъ автора, довольно пусты и ничтожны. Въ *Смѣси Библиотеки для Чтенія* была очень хорошая и интересная статья: *Судьба немцевъ въ Германіи*, къ сожалѣнію, не окончанная.

Въ *Москвитинѣ* прошлаго года (№№ 5 и 6-й), насъ удивила статья: *Письмо изъ Парижя*, подписанная: Н. Л—й; по мыслямъ, духу, направленію, благородному тону, безпристрастію, наблюдательности и мастерству изложенія, это одна изъ такихъ статей, которыя въ нашей литературѣ — слишкомъ-рѣдкія явленія.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ», по отдѣлу наукъ и искусствъ были помѣщены статьи: *Англійская Индія въ 1845 году*, изъ книги Варрена; *Письма объ изученіи природы*, Искандера; окончаніе статьи: *Реформація*, начатой и продолжавшейся въ 1844 году; *Консульство и Имперія*, Тьера; *Алтай* (естественная исторія его, копи и жители), статья Катрѣжа, написанная по поводу сочиненія г. Чихачева: *Voyage Scientifique dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontiere de Chine*; *Космосъ*, опытъ физическаго міроописанія, Александра Гумбольдта; *Варованія Индусовъ*. Сверхъ ученыхъ извѣстій о дѣятельности Парижской Академіи Наукъ, о всѣхъ новыхъ открытіяхъ въ области наукъ, искусствъ и ремеслъ, въ *Смѣси «Отечественныхъ Записокъ»* были помѣщены библиографическіе очерки знаменитыхъ современниковъ: Теодора Гука, Талейрана, Берцелиуса, Круга, Мартинеза де-ла-Розы, Лорда Брума, Сальватора Тончи, Беранже, Августа-Вильгельма Шлегеля, Эспартеро, генерала Джексона, барона Боюю, Джона Росселя, лэди Стенгонъ.

Нѣкоторые безпристрастные доброжелатели «Отеч. Записокъ», и напеками и явно, словесно и печатно, утверждаютъ, будто-бы содержаніе и направленіе «Отечественныхъ Записокъ» не соотвѣтствуетъ ихъ названію, потому-де, что въ нихъ нѣтъ ничего *отечественнаго*. Мы не станемъ спорить съ этими благонамѣренными доброжелателями, но только выставимъ имъ на видъ нѣсколько фактовъ. Въ отдѣлѣ Словесности «Отеч. Записокъ»

сокъ • помѣщаются развѣ одни только переводы? Развѣ не бываетъ оригинальныхъ статей въ отдѣлѣ Наукъ и Художествъ? Развѣ въ отдѣлѣ Критики и Библиографической Хроники разсматриваются не русскія книги? Развѣ не • отечественное • составляетъ предметъ отдѣла Домоводства, Сельскаго Хозяйства и Промышленности вообще?.. Въ • Отеч. Запискахъ • есть особый отдѣлъ, который, подъ именемъ • Современной Хроникѣ Россіи • представляетъ собою фактическую летопись русскаго законодательства и распоряженій высшаго правительства по части государственнаго управленія. Что • Отечественныя Записки • съ особенной охотою принимаютъ въ себя все, исключительно касающееся до Россіи, — для доказательства стѣнитъ только указать на слѣдующія статьи въ отдѣлѣ Наукъ и Художествъ и Смѣси прошлаго года: *Коронованіе императрицы Екатерины Алексеевны Петромъ Великимъ* (статья, доставленная редакціи покойнымъ Д. И. Языковымъ); *Воспоминаніе о генерал-фельдмаршалѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцовѣ-Задунайскомъ, Н. Кутузова; Военно-учебныя заведенія, подъядомственные Ею Императорскому Высочеству, Главному Начальнику, — въ царствованіе Императрицы Екатерины II-ой, П. И. Глѣбовъ; Иванъ Андреевичъ Крыловъ; Замѣтки на пути изъ Москвы въ Закавказскій край; Величина поверхности тридцати-семи губерній и областей въ Европейской Россіи; Народонаселеніе въ губерніяхъ Европейской Россіи и пр. и пр.* Въ отдѣлѣ Критики разобраны два важныя изданія, относящіяся къ отечественной исторіи: *Памятникъ, изданный временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, учрежденной при киевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генерал-губернаторѣ въ Собраніе древнихъ актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ церквей, монастырей и по разнымъ предметамъ.* Въ отдѣлѣ Библиографической Хроникѣ обращено особенное вниманіе на книги русскаго исторіи, чему дока-

зательствомъ могутъ въ-особенности служить обширныя рецензіи на *Сибирскій Сборникъ* и *Отношенія Поморда къ Великимъ Князьямъ* и др. А что, въ то же время, • Отеч. Записки • представляютъ своимъ читателямъ и возможно-подробную картину движеній современныхъ литературъ Германіи, Англіи и Франціи, — мы думаемъ, что одно другому нисколько не мѣшаетъ, и что, въ этомъ отношеніи, со стороны нашего журнала заслугою больше... Одинъ журналъ (мы не назовемъ его, обвинивъ въ разныхъ ересьяхъ всю русскую литературу и достойныхъ представителей ея — Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, въ томъ же самомъ обвинилъ • Библиотеку для Чтенія • и • Отечественныя Записки •, вѣроятно основываясь и томъ, что въ нихъ нѣтъ статей теологическаго содержанія! Дѣ, ихъ не было и не будетъ въ • Отеч. Запискахъ •, потому-что теологія не входитъ въ изъ программу. Сверхъ-того, издатель и редакторъ • Отеч. Записокъ • думаетъ и глубоко убѣжденъ, что писать о богословскихъ предметахъ — должно быть исключительнымъ правомъ и обязанностью людей духовнаго сана, которые суть единственныя истинныя проповѣдники и блюстители святыхъ истинъ православной церкви, и что было бы великою профанаціею допустить какихъ-нибудь самозванныхъ ревнителей свѣтскаго званія мѣшать, въ литературныхъ изданіяхъ, статьи религіознаго содержанія съ любовными стихами, романами, повѣстями и комедіями... Оставаться въ законныхъ предѣлахъ дозволенной дѣятельности, не стараясь самовольно вмѣшиваться въ вопросы, подлежащіе не нашему вѣдѣнію, — всегда было и будетъ первымъ правиломъ нашего журнала...

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о журналахъ. Изъ насъ немного, а и изъ существующихъ мы не имѣемъ охоты говорить о всѣхъ... Мы указали на все, что

было, въ какомъ бы то ни было отноше-
 нии, замѣчательнаго въ журналахъ
 прошлаго года; говорить о направле-
 нии изданій, уже пользующихся дав-
 нѣйшею извѣстностью, было бы из-
 лишнее. И потому, скажемъ нѣсколько
 словъ о новыхъ журналахъ — *Фин-*
ского Вѣстникъ и *Иллюстраціи*. Мы
 не спѣшили нашимъ сужденіемъ о
 нихъ, желая дать имъ время опредѣ-
 леніе выказаться. Къ-тому же, мы
 не любимъ разсуждать о журналахъ
 во время подписки, и охотно пред-
 оставляемъ эту благонамѣренную ме-
 тоду признаннымъ ея любителямъ.
 Мы уже указали на замѣчательныя
 оригинальныя статьи въ *Финскомъ*
Вѣстникѣ по части легкой литерату-
 ры; теперь остается сказать, что въ
 немъ были хорошія статьи и серьезна-
 го содержанія, какъ на-примѣръ:
Очеркъ исторической дѣятельности до
Карамзина, г. Старчевскаго; *Очеркъ*
финляндской войны 1741 и 1742 годовъ;
Общественныя науки въ Россіи, г. В.
 Майкова и пр. Вообще, *Финскій*
Вѣстникъ былъ вѣренъ своему значе-
 нію — быть *спеціальнымъ сборникомъ*: всѣ
 иностранныя статьи его переводились
 съ шведскаго и знакомили русскихъ
 читателей съ Финляндіей. Другаго же
 значенія онъ не имѣлъ и, кажется,
 имѣть не будетъ. Слѣдственно, не
 ищите въ немъ того, что требуется отъ
 журнала — опредѣленной фізіономіи,
 вѣрности однажды-избранному прин-
 ципу и т. п. Это — *сборникъ*, не болѣе.
 О недостаткахъ *Финскаго Вѣстника*
 пока умолчимъ, изъ уваженія къ до-
 стоинствамъ, которыя онъ уже обна-
 ружилъ, надѣясь, что въ будущемъ
 году послѣднія совершенно перевѣ-
 сать первые. — Вотъ объ *Иллюстра-*
ціи, къ-сожалѣнію, не можемъ сказать
 того же. Картинокъ въ ней много,
 такъ-что больше требовать было бы
 несправедливо: въ этомъ отношеніи
 мы отдаемъ *Иллюстраціи* полную
 честь. Прибавимъ къ этому, что
 въ ней много и русскихъ ориги-
 нальныхъ картинокъ — что также боль-

шая заслуга со стороны подобнаго из-
 данія. Жаль только, что иностранныя
 картинки въ *Иллюстраціи* не со-
 всѣмъ-хорошо отпечатываются, а рус-
 скія, сверхъ-того (большею частію),
 дурно рисуются. Намъ пріятно было
 встрѣтить въ *Иллюстраціи* портре-
 ты гг. Каратыгина, Брянскаго, Моча-
 лова, Петрова, г-жи Александръ-Мей-
 ерь; но весьма-непріятно было ви-
 дѣть, что эти портреты или почти-
 непохожи, или вовсе - непохожи на
 оригиналы. Хуже всѣхъ, въ этомъ от-
 ношеніи, портреты гг. Брянскаго и Пе-
 трова, и г-жи Александръ-Мейеръ: тон-
 кія, нѣжныя черты худощаваго лица
 этой артистки очугились на портретѣ
 крупными, грубыми, а лицо сдѣлано не
 только полнымъ, но и одутловатымъ.
 Такова художественная сторона *Ил-*
люстраціи: къ-сожалѣнію, и литера-
 турная такова же. Во-первыхъ, въ
 этомъ изданіи нѣтъ ничего, похожаго
 на журналъ, на газету, отъ-чего оно
 ужасно-сухо и вяло. Являются въ немъ
 изрѣдка рецензіи, но до того неловкія,
 тяжелыя и бѣдные содержаніемъ и на-
 правленіемъ, что нѣтъ никакого инте-
 реса читать ихъ. Дажессоры *Иллюст-*
раціи съ одною газеткою были такъ
 неловки и тяжелы, что не стоило труда
 начинать ихъ. Извѣщая о смерти Авгу-
 ста-Вильгельма Шлегеля, издатель *Ил-*
люстраціи сказалъ, между-прочимъ,
 что Шлегель былъ порядочнымъ сти-
 хослагателемъ, что онъ обратился къ
 критику въ недостатку вышшаго, са-
 мостоятельнаго таланта и что, будто-
 бы-оту профессію (т. е. критику) въ от-
 дѣльномъ ея видѣ, создала бездарность
 (№ 10)... Вотъ истинно-европейское,
 истинно-ученое понятіе о критику!
 Мы понимаемъ, что издатель *Иллю-*
страціи не можетъ быть доволенъ
 критикою, которая не слишкомъ-сни-
 сходительна бывала къ нему, но въ то
 же время не шута боится, чтобъ
 онъ, по изложенной имъ причинѣ, не
 сдѣлался критикомъ... Впрочемъ, онъ
 принимался и за критику, и все
 съ такимъ же успѣхомъ, съ какими

брался за лирическую поэзію, за драму, за романъ, за повѣсть, за изданіе «Художественной Газеты», «Дагеротипа» и tutti quanti... Но Шлегель былъ превосходный переводчикъ и, для своего времени, превосходный критикъ. — Статьи, которыми наполняется «Иллюстрація», большею частію запечатлѣны посредственностью и замѣчательною небрежностью. Изъ оригинальныхъ статей, только и можно указать на рассказъ г. Гребенки: *Чужая голова — темный лѣсъ*. Ко всему этому надо прибавить особенную манеру издателя выражаться какимъ-то

страннымъ языкомъ: сотрудникъ у него *ласитъ* истину, сѣни аристократическаго дома онъ хочетъ описать *кучно* съ лѣтвицею... Но всего лучше въ этомъ изданіи «Переписка»: ничего еще подобнаго не бывало въ русской литературѣ! Это самое забавное отдѣленіе «Иллюстраціи»: по-крайней-мѣрѣ, мы обязаны ему многими веселыми минутами. Когда-нибудь, въ замѣткахъ нашего журнала, мы выпишемъ нѣсколько примѣровъ этой наивно-курьезной переписки, чтобъ доставить богатый матеріалъ будущему историку русской литературы...

ЗАМѢТКИ ЗА ГРАНИЦЕЮ ВЪ 1840 И 1843 ГОДАХЪ.

Ф. П. А. Санктпетербургъ. 1845.

Такъ-называемыя «путешествія», подъ названіями путевыхъ замѣтокъ, путевыхъ впечатлѣній, замѣтокъ и подъ другими титулами, составляютъ едва ли не самую обильную и, въ то же время, едва ли не самую бесплодную отрасль всякой литературы. Относительно, и наша литература не можетъ жаловаться на бѣдность этого рода книгъ; но хорошихъ между ними очень-мало. Это происходитъ отъ-того, что многіе люди изъ своего путешествія—дѣйствительно важнаго въ ихъ жизни событія, непременно хотятъ дѣлать событіе важное для всего читающаго міра. Они думаютъ, что путешествовать значитъ переѣзжать съ одного мѣста на другое и на все смотреть съ большимъ или меньшимъ любопытствомъ, съ большимъ или меньшимъ вниманіемъ. Имъ и въ голову не приходитъ, что путешествовать съ толкомъ есть своего рода искусство, требующее отъ путешественника и таланта и приготовленія, или, по-крайней-мѣрѣ, хоть таланта безъ приготовленія, или тѣмъ большаго приготовленія, если таланта въ вѣличности не имѣется. Но есть и еще важнѣйшее условіе для искусства хорошо путешествовать—условіе, безъ котораго и та-

лантъ и приготовленіе ни къ чему не служатъ. Мы говоримъ о способности чѣмъ-нибудь сильно, страстно интересоваться. Въ-самомъ-дѣлѣ, если у васъ нѣтъ любви къ живописи, — что вы скажете о самой богатой картинной галереѣ, хотя бы вы и долго изучали исторію живописи? А между-тѣмъ, сколько есть людей, которые думаютъ, что только бы имъ увидѣть что-нибудь, а ужъ описать—самое легкое дѣло! Особенно много такихъ путешественниковъ. Вооружившись цѣлою библіотекою «указателей» (guides), они не дѣлятся дѣлать изъ нихъ выписки, прибавляя отъ себя только подробности о погодѣ въ то время, когда они осматривали ту или другую достопримѣчательность, — и публика дозволять читать эти мертвыя описанія, давно всѣмъ нѣвѣстныя наизусть, давно обратившіяся въ общія мѣста... Другіе вренущественно напираютъ на красоты природы, на живописныя мѣстности, и на впечатлѣнія, возбужденныя въ нихъ тѣмъ, что они видѣли. Восторгамъ нѣтъ конца, слогъ такой пріятный и поэтический, — а читатель зѣваетъ, и книга летитъ у него подъ столъ.

Описаніе путешествія можетъ быть интересно для читателя не по предме-

ту, которому оно исключительно посвящено, а по взгляду на этот предмет и по искусству говорить об этом предмете. Пожалуй, наполните ваши путевые записки исключительно картинами природы; но в таком случае, будьте знатоком природы, а в ее описаніях, будьте живописцем съ талантомъ — и васъ будутъ читать съ удовольствіемъ. Пишите такъ, чтобъ всякая мѣстность нѣла у васъ свою собственную, ей только принадлежащую фзизиономію, и чтобъ, говоря о предметѣ, всѣмъ извѣстномъ изъ тысячи описаній, превосходныхъ и посредственныхъ, хорошихъ и плохихъ, вы умѣли сказать о немъ что-нибудь новое, до васъ никѣмъ не сказанное, представить его съ такой точки зрѣнія, съ какой никто еще не представлялъ его. Тогда мы съ удовольствіемъ будемъ читать у васъ даже описанія береговъ Рейна, или видовъ Неаполя и Везувія — предметовъ, всѣмъ такъ хорошо извѣстныхъ изъ описаній же. Но если вы повторите о нихъ только то, что каждый, не выѣзжая отъ роду изъ Петербурга, можетъ сказать вамъ, руководствуясь читанными книгами или видѣнными картинами и гравюрами, — то лучше бы вамъ было путешествовать просто, безъ претензій, для удовольствія, или расцѣпанія, и не возмущать скучною книгою всему читающему міру, что вы въ такомъ-то году или въ такихъ-то годахъ изволили путешествовать. На что публикѣ знать это? Что ей до этого за дѣло? Она снисходительна и позволитъ вамъ даже рассказывать ей о томъ, въ какихъ трактирахъ вы обѣдали и ночевали, что душали и хорошо ли почивали, но на томъ условіи, чтобъ ваши рассказы были исполнены жизни, остроумія, интереса. Кто говоритъ другимъ о себѣ, тотъ, естественно, думаетъ, что онъ можетъ интересовать собою другихъ. Если онъ не ошибается въ этомъ, — его будутъ читать; если же ошибается, то лучше ограничиться ему длинными письмами къ родствен-

никамъ и друзьямъ, во божіею поблажку...

Описанія путешествій могутъ быть общія и спеціальныя. Тутъ дѣло не въ разносторонности, не въ объѣмѣ, а въ интересѣ, въ талантѣ и утѣлѣ. Авторъ книги, заглавіе которой выставлено въ началѣ этой статьи, преимущественно обращаетъ въ ней вниманіе на бытъ земледѣльцевъ и мѣстнаго хозяйства въ Германіи, и въ описаніе сельскаго хозяйства въ этой странѣ, и — надо сказать, — это составляетъ главное, дѣйствительное достоинство его книги. Онъ писалъ о томъ, что сильно интересовало его, и потому его книга интересна. Что васъ сильно интересуетъ, то мы любимъ, а что мы любимъ, то мы болѣе или менѣе хорошо знаемъ. Г. Ф. П. А. не предлагаетъ никакихъ своихъ теорій не сельскому хозяйству, почти ничего не критикуетъ, и только маршдакъ предлагаетъ томъ или другомъ свое мнѣніе, но не столько, какъ знатокъ дѣла, сколько какъ зритель. Онъ больше наблюдаетъ и замѣчаетъ, и вѣрно передаетъ читателю свои наблюденія и замѣтки. Изъ этого книга его слѣдалась сборникомъ драгоценныхъ фактовъ, которые мы назвали бы статистическими, если бы они, въ своей совокупности, не представляли довольно живой и одушевленной картины быта германскаго народа. Замѣтки г. Ф. П. А. не являются какъ замѣтки, безъ плана, безъ системы; но книга его не только интересна, но потеряла отъ этого, а, наоборотъ, много выиграла: ее не только приятно, весело читать, но она занимаетъ, не утомляя, и даетъ нашимъ читателямъ вѣрное и правильное понятіе, мы должны поздравить васъ съ ея содержаніемъ, съ ея слогами автора, почему и представляемъ вамъ сколько изъ нея напечатанія. (*)

(*) Въ выписки изъ книги г. Ф. П. А. слѣдуетъ замѣтить, что въ описаніи прѣдписанія, какъ обыкновенно, описаны въ выписки въ нѣсколько мѣстъ.

Нѣмецъ гордится своею землею, благословеннѣйшею, говорить, изъ всѣхъ Европейскихъ земель. Но, не смотря на богатство и на счастливое положение этого края по срединѣ Европы, положимъ, что наши низовыя губернія отравили бы туда отъ себя выборныхъ, — десятокъ, другой стариковъ-лучшихъ людей, посмотрѣть, какова тамъ земля и каково тамъ живетъ народъ Божій? — Вдоль и поперекъ за тридцать царствъ исходивъ Нѣмецкія земли, они воротились бы съ такимъ или близкимъ къ тому отвѣтомъ: что тамъ нѣтъ такой, какаѣ у насъ на Низу, благодати морозовъ, снѣгу и льду, и солнце тамъ въ году долѣе грѣеть, и времени тамъ больше для полевыхъ работъ, а нѣтъ у насъ на Низу такого многаго множества разныхъ огородныхъ и садовыхъ сластей, какія тамъ растутъ по горамъ, по полямъ, по долинамъ, и народъ тамъ завистливъ, работающій: — что правда, то правда; — да все той землѣ не прѣкорить насъ.

«Въ самомъ дѣлѣ если выключить низинныя мѣста по берегамъ и то не всѣхъ и не на всемъ протяженіи рѣкъ, гдѣ почва хороша и плодородна: то, не говоря уже о Пруссіи, которую самъ Фридрихъ II называлъ песочницею священной Римской Имперіи, нигдѣ въ Нѣмецкихъ земляхъ не завиднѣе такого чернозему, каковъ у насъ въ низовыхъ, южныхъ, частію и западныхъ губерніяхъ. Съ бѣлаго, желтаго тамъ переходить на красную мессокъ, съ бѣлой и красной глины на желтую; въ иныхъ мѣстахъ поля, словно изъ снѣга, камнемъ засѣяны; а пойдешь въ горы, — одна другой круче, выше и каменистѣе.

Тяжелый трудъ натура завѣшала Нѣмцу въ удѣлѣ, и, — надобно отдать ему справедливость, — онъ оправдалъ ея ожиданія. Врѣжь какъ-нибудь става, онъ по пальцамъ расчелъ, что не будетъ ему проку и отъ поту лица, если онъ прежде всего ласкою не заставитъ землю быть ему исправною за работу плательщицею: — сталъ вѣжливъ и питать ее, чтобы она взаимно его пропитала. То онъ ищетъ, гдѣ бы безнаказанно срѣзать траву, поросшую по краямъ дорогъ и каналовъ; то вырываетъ съ корнями тунеедныя растѣнія; то вынимаетъ грязь изъ болотнаго мѣста; то избирается съ небезопаснымъ усиліемъ на гребнѣ крутой горы — добыть нѣсколько моха. Мохъ, листъ съ широколиственныхъ

растѣній, опавшій въ дѣсахъ листь, молодые побѣги отъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей — постель у него для скотины. Свѣшивъ изъ соломы веревку, онъ дѣлаетъ изъ нея раму, въ которой зачинается и растеть его куча навозу. Туда онъ слагаетъ все то, что срѣжетъ, сорветъ, наполетъ и выкопаетъ, и весь соръ изъ избы и съ улицы, всю пыль и грязь съ шоссе, всю подстилку изъ-подъ скотины и весь тотъ пометъ, что, задыхаясь въ бѣгу за лошады по дорогамъ, принесутъ въ корзинкахъ его дѣти. Чѣмъ выше поднимаешь передъ его окнами этотъ драгоценный составъ въ подарокъ землѣ, тѣмъ онъ веселѣе. Не уснѣетъ дождь перестать, какъ онъ уже съ вилами въ рукахъ ворочаетъ и мѣшаетъ со двѣ эту кучу; наступитъ зной, — прикрываетъ ее соломою или сосновыми вѣтвями; бережетъ годъ, другой это сокровище, даетъ ему время перегнѣть, перегорѣть; ничего не выброситъ, кружки воды не выплеснетъ въ другое мѣсто. Подумаешь, что этотъ запасъ никогда не выходитъ у него изъ памяти, — его надежда-кормилецъ, и никогда онъ не употребитъ его на улачу или на во время; прежде, чѣмъ вывозить его на поле, выкопаетъ, смотря по надобности, яму въ углу своей нивы и вынуть изъ глубины глину ли, песокъ ли, сперва освѣжитъ свой загонъ этимъ новымъ слоемъ; потомъ подниметъ его плугомъ и поровняетъ бороною, тогда уже кладетъ навозъ и нашетъ. Покажется ему, что не довольно одного слоя навоза: мечетъ другой и тронетъ землю. Не повѣришь, чтобы она не была сквозь прохотъ пропущена. Уже онъ подлинно ужасиваетъ за нею прежде, чѣмъ вѣрять ей сѣмена. Выходы показались; замѣтитъ, что не веселы: — золою или известью посыпаетъ ихъ, лишь только выйдутъ изъ краски. Не перескажешь всего труда и терпѣнія, съ какими Нѣмецъ воздѣлываетъ землю не только на ровныхъ мѣстахъ и въ долинахъ, но и на высотахъ, крутыхъ до того, что тамъ уже ни лошади, ни волъ не могутъ быть ему помощниками, а самъ онъ долженъ, надѣвъ складныя подковы на ноги, конатъ заступомъ землю, верѣдко почти подъ облаками, и потомъ таскать туда навозъ, согнувшись дугою подъ ношей.

«У Нѣмца такой порокъ: не можетъ жить безъ работы. Толчка его совсѣмъ огладала, только бы сѣять. Пресмотрѣвъ: съ головы начинается, отъ нечего дѣлать

опять терзаетъ ее сохой или плугомъ. Будь у него больше земли, не сталъ бы онъ такъ играть трудомъ и временемъ.

«Города тамъ безъ выгоновъ, селенія безъ выпусковъ: нѣтъ земли на эту потребу. За то нужна научная Нѣмца обходиться безъ выгоновъ и выпусковъ: — всѣмъ не нужны; расчету нѣтъ пускать скотину на луга и поля по уборкѣ сѣна и хлѣба, или осенью на озими; съ травой, де, корни вырываетъ, а казалось бы ему отъ того и бѣда небольшая, когда у него, не успѣвъ убрать рожь или овесъ, только что ухо не слышится, какъ тамъ же растутъ кормовыя травы. Рогатый скотъ и лошади у него вѣчные невольники, въ ясляхъ на привязи; корму, сколько хотять, а проматься и подышать свѣжимъ воздухомъ могутъ и тогда, когда въ работѣ. Перестаютъ уже во многихъ мѣстахъ выгонять на пастбища и тонкорунныхъ овецъ; держатъ и кормятъ ихъ лѣтомъ въ загоняхъ, зимою въ крытыхъ сараяхъ. Шерсть, говорятъ, отъ того лучше: бѣда, если, особенно на барана, упадетъ капля дождя.

«Нѣмецъ сверхъ того страхъ какъ расчетливъ: держа въ загоняхъ или подъ крышею скотъ крупный и мелкій, онъ напередъ знаетъ, сколько у него будетъ и какаго навоза, безъ котораго земля не дастъ ему ни хлѣба, ни сѣна, пожалуй поливая онъ ее не только потомъ, но и слезами. Какъ же и земля благодарна! Пройдите отъ сѣвернаго моря до рейнскаго водопада по песку, по глинѣ, по горамъ, по ушольямъ, по долинамъ: вездѣ увидите тучныя, богатая жатвы.

«Посмотрите на бытъ перваго, котораго встрѣтите, богатаго хлѣбнашца, Vollbauer, особенно ближе къ югу — домъ у него въ два, въ три этажа, — въ Тироли, въ Швейцаріи похожій на русскую избу, какія видите по московской дорогѣ недалеко отъ Бронницъ или по Волгѣ, по Казань. Земли у него десятинъ двадцать; десятокъ рабочихъ лошадей веселыхъ и сильныхъ; пары три, четыре огромныхъ воловъ съ вѣсками изъ цѣнтовъ на рогахъ, когда они вечеромъ везутъ съ поля хлѣбъ или хозяйство; человекъ восемь наемныхъ работниковъ, столько же работницъ; домъ на лугу, какъ на коврѣ; сѣсны одѣты виноградными лозами; окна межъ ними будто въ зеленыхъ рамахъ à la goscio; грозды прсятся въ окна; передъ домомъ десятокъ, другой ору-

ковыхъ деревьевъ; цѣлыя сѣяния разбѣланы около дома, далѣе лежатъ на солище кучи навоза. Земля у него не знаетъ отдыха; онъ не даетъ ей покоя; снѣжъ озимый хлѣбъ, тотчасъ валитъ навозъ на тотъ же загонъ, наметъ и сѣетъ, чтобъ не то, другое собрать еще въ осень; траву косить четыре, пять разовъ въ лѣто. Душа не нарадуется, когда видишь такое довольство.

«У насъ есть крестьяне гораздо богаче самыхъ богатыхъ нѣмецкихъ земледѣльцовъ, но не отъ сохи, а отъ торгу. Съ такими земледѣльцами въ нѣмецкихъ земляхъ скорѣе можно сравнить тѣхъ напихихъ крестьянъ, которыхъ я видывалъ въ молодыхъ еще лѣтахъ, какъ они жили — даруй Богъ, чтобъ и теперь и во вѣки вѣковъ жили такъ же — дали отъ себя и городовъ хуторами въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ зеленое море — необозримыя равнины — идетъ даже до Чернаго. Два, три брата съ семействами, съ женскими парубками и дѣвками составляли все населеніе. Издалека видѣлись заключенныя старыми на берегу става деревьями избы, всегда новыя отъ еженедѣльной внутри и снаружи побѣлки, а съ вѣтерницъ слышались громкія пѣсни; во вресчиташъ бывало ульевъ на ичелникяхъ, ни черкаскаго стола, когда оно воль вечеръ шло съ левадъ и дубровъ; воль скирдами и одоньями хлѣба гуinea жондлись; молодая красавица въ пѣталъ на головѣ, въ узорчатой плахтѣ подавала на столъ миску за миской съ свѣжемъ, сытною и вкусною пищею. Не могу я забыть и на старости того довольства, добросердечія, отсутствія скорбей, которыя видывалъ въ этихъ уединенныхъ жилищахъ; тогда еще казалось мнѣ, что съ росомъ сходило на нихъ благословеніе свыше.

«Горы составляютъ гораздо болѣе возвышенныя всего пространства нѣмецкихъ земель, и не удивительно, если гости бытъ народа въ горахъ, особенно въ лѣтнее время, покажется такъ же хорошии, какъ пріятны тамъ для глазъ его виды, одинъ другаго заманчивѣе. Гдѣ горы, тамъ натура совсѣмъ не та, какъ въ долинахъ мѣстахъ.

«Но кто не дастъ полной вѣры глани и побоятся приходить въ восхищеніе отъ всего, что имъ представляется: оставъ отъ города со всѣмъ нѣмъ великолѣпнѣе, театрами, салонами, коллекціями, аккадѣміями, политикомъ и даже литературою, а

дня три, четыре походи по селамъ, по деревнямъ, по мызамъ, въ долинахъ, въ ущельяхъ, въ горахъ, — отъ богатаго, зажиточнаго крестьянскаго двора до скудной избы, до бѣдной хижины: найдешь отъ, чему подивиться въ нѣмецкихъ земляхъ, — и прежде всего удивится несоразмѣрно малому числу богатыхъ и достаточныхъ сельскихъ жителей противъ множества скудныхъ и бѣдныхъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, — Богъ вѣсть, какъ это дѣлается — бѣдность, какъ змѣя, умѣла проползти и на прелестные берега Рейна, Неккара, Майна, засѣсть въ виноградникахъ, нужною давить человека, между тѣмъ, какъ передъ окнами избушки его роскошно цвѣтутъ гвоздики, далии, розы, но заботясь о хозяинѣ, — не благодарныя.

«И странно, бѣдность выказывается тамъ не столько еще въ одѣянн, сколько на лицахъ. На лицахъ отпечатокъ душевныхъ страданій отъ недостатковъ, труда и печали о пропитанн себя съ семействомъ. Надобно видѣть изсохшія лица выбившихся изъ силъ стариковъ или истомленныхъ работою женщинъ въ избахъ, обвитыхъ виноградной лозою, надобно видѣть, какъ они разцвѣтутъ на минуту отъ непрошеннаго, но и неожиданнаго талера или гульдена.

«Въ такихъ — съ перваго взгляда покажется — уголкахъ земнаго рая право нѣтъ даже примѣня слышать отъ жителей, что имъ въ этихъ райкахъ очень жутко, много надобно мучиться, пока деньгу добудутъ, сгрызли ихъ скорби о дневномъ пропитанн. Иной, отецъ семейства, продавалъ въ 1843 году весь свой трудъ съ утра до ночи за 7—8, а за фунтъ ризанго хлѣба платить 4½—5 коп. серебромъ на наши деньги. Иная закабалить себя на цѣлый годъ сдѣлать за гусями съ плато съ гуся по крестнеру, алтыжъ мѣдью. Старикъ, старуха, дѣвочка, мальчикъ Богъ вѣсть куда ходять набирать спавшаго съ деревьевъ лѣсту въ названую кучу богатаго земледѣльца за крестнеръ съ телѣжкы, говоря, что другаго способа къ пропитанн нѣтъ у нихъ. Растрогаетъ всякаго мать, котора, въ ожиданн отца изъ отлучки, третій день кормить дѣтей и себя кусочками сухарныхъ лбковъ.

«Смотря на эту бѣдность, я вспоминалъ Вирдбургскаго крестьянина, который, въ старое хваленное время, видя, какъ ловко шутъ Гансъ въ потѣху господамъ сѣвдалъ

топоромъ головы съ его товарищей, заплакалъ и моливалъ, что во всю жизнь еще не удалось ему маѣться два раза до-сыта, а ужъ и умреть пришлось.

«Удивительное дѣло! Куда ни поворотншься, у всѣхъ одно на языкѣ — общее благо: никто еще не назвалъ его по имени: можетъ-быть оно то, что доступно, равно возможно для всего міра; — пусть оно будетъ, пока придетъ что-нибудь лучшее, хлѣбъ, да кому добрый, сытный приварокъ, вода, да кому свободная чарка лп водки, рюмка лп вина, кружка лп пива для бодрости. Этого-то весьма немудренаго общаго блага, попросту довольства, и не замѣтно много въ Нѣмецкихъ земляхъ, даже въ Австрійскихъ, поодадь отъ Вѣны, владѣннхъ, — на перекорѣ сѣверной Германн, которая, сама по уши въ метафизикѣ, забросала Австрію камнями за то, что тамъ будто всѣ до одинаго бѣдятъ только въ сладость, да пьютъ во здравіе, а въ голодѣ и трава не рости.

«У насъ на Руси такое повѣрье, что Адамъ Адамовичъ дня не проживетъ безъ кофе: безгрѣшное, да все заблужденіе. Спору нѣтъ, что истинному Нѣмцу безъ кофе, безъ пива, безъ трубки и безъ *ins grüne*, также, какъ истинному Русскому безъ щей; безъ гречневой кашн, безъ вина и безъ на *базаръ* жизнь не въ жизнь. Но теперь такія времена, что иному Адаму Адамовичу въ цѣлый мѣсяць не удасться отвѣдать даже гороховаго или желудковаго кофе. Лукояновецъ, бывшій со мной за границею, говаривалъ съ пропнческой улыбкою, что кто у нихъ заводилъ вѣру, знаютъ про то псяменные, а поставъ ме приказано быть у нихъ вѣрно за тѣмъ, что они и безъ того круглой годъ на постояденн; о водномъ суцѣ онъ вспоминаетъ съ рѣшительнымъ презрѣніемъ, прибавляя, что въ немъ и вплавъ не всегда захватншь горошину.

«Крестьянинъ въ Германн очень умѣренъ въ пищѣ. Хлѣба обыкновенно тамъ полагается 306 фунтовъ въ годъ на человека, нешто 8 мудовъ; ни въ полѣ, ни около мызъ и домовъ, ни гдѣ не завидншь скмрада или одонья; весь хлѣбъ и сѣно тотчасъ свозятся въ риги, и легко можно представнть себѣ, сколько того и другаго помѣстится въ ригѣ богатаго хозяина самой огромной и длинной; за тѣмъ видншь развѣнныя избы безъ ограда, безъ всякой хозяйственной принадлежнсти; въ

одной связи съ нѣбою и рига, — сарайчикъ, гдѣ моютъ хлѣбъ, съ перегородами съ обѣихъ сторонъ, куда кладутъ снопы и сѣно; въ той же связи мѣсто и для скотныи, у кого она есть. Во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ безъ сомнѣнія лишь половина жителей, и то неполная, въ городахъ и селеніяхъ печетъ хлѣбъ дома; большая половина покупаетъ печеный: — неоспоримое доказательство съ одной стороны недостатка въ хлѣбѣ по числу населенія, съ другой умѣренности въ потребленіи. Урожай 1842—1843 года не удался отъ необыкновенной засухи. Перекупщики и барышники этимъ воспользовались и подняли цѣны, такъ, что они сдѣлались недоступными для бѣднаго народа: фунтъ ржаного хлѣба продавался по 5 коп. серебромъ. Газеты наполнялись извѣстіями, что не въ одномъ мѣстѣ немущія семьи дня по два оставались безъ куска хлѣба. Надежда была только на подвозъ по убѣжденіямъ городскихъ и окружныхъ властей. Единновременная выдача изъ военныхъ запасовъ 10, 20, 80 тысячъ фунтовъ печеного хлѣба — 28, 36, 140 нашихъ кулей — для цѣлаго округа возбѣждалась во всѣ концы земли, какъ подвигъ отеческаго попеченія. Сельскіе магазейны въ Германіи до сей поры со всѣмъ не извѣстны. Видя эту бѣду своими глазами не въ одномъ мѣстѣ, я не могъ не отдать справедливости добросовѣстности народа Нѣмецкаго: терпѣть нужду и голодь, всѣми силами старается деньгу добыть, и молчитъ отъ признанія, что всякъ обязанъ пошнись самъ о себѣ: — на долго ли?

«Вычислено, что мяса потребляется въ самомъ роскошномъ городѣ 160, а въ самомъ трезвомъ 26 ф. въ годъ на человѣка. О селеніяхъ говорятъ, что тамъ ѣдятъ мясо обыкновенно только по воскреснымъ днямъ, и то не всѣ и не каждое воскресенье; а я находилъ не одно селеніе, гдѣ жители ѣдятъ мясо только четыре раза въ году по большимъ у нихъ праздни-камъ.»

Изъ этого видно, что авторъ смотритъ на свой предметъ со всѣхъ сторонъ, хочетъ видѣть въ немъ не эффектную декорацию, а вѣрную картину дѣйствительности. Нельзя сказать, чтобъ у него вовсе не было своихъ предразсудковъ, отчасти славянскихъ, отчасти

старческихъ, но къ чести его должно сказать, что они высказываются иногда въ его мнѣніяхъ, но отнюдь не въ представляемыхъ имъ фактахъ: онъ умѣетъ уважать святость истиннаго факта. Усиливающимся со-дня-на-день науперимъ въ «благословенной» и «счастливой» Германіи — фактъ, достоверность котораго доказывается частыми переселеніями Нѣмцевъ цѣлыми массами въ Америку. Это явленіе неизбежное. Несоразмѣрность народонаселенія съ географическимъ пространствомъ, которое оно занимаетъ, и при этомъ право собственности на землю, въ-сдѣлствіе котораго многие остаются ни съ чѣмъ, для того, чтобъ немногіе пользовались многимъ, — для Европы важное обстоятельство, въ которомъ, можетъ-быть, заключается необходимая причина кореннаго измѣненія въ будущемъ всѣхъ основаній теперешняго ея быта. Торговля и промышленность, ремесла и мануфактуры — не вѣчная точка равновѣсія въ этомъ отношеніи. Переселенія тоже должны будутъ имѣть своей конецъ. Развитіе и усовершенствованіе сельскаго хозяйства, опершагося на науку и сдѣлашагося наукою, тоже должно имѣть свои границы, и человѣку, не вѣщающему на землѣ мѣста, гдѣ бы онъ могъ приклонить голову, тогда-какъ вѣтра и птица находятъ мѣста для своихъ жилищъ и гнѣздъ, — успѣхи сельскаго хозяйства не дадутъ нищему ни собственнаго поля, ни даже работы на чужомъ полѣ...

Кстати: очень-интересны подробности о различныхъ обществахъ, состоящихъ въ Германіи для поддержанія и развитія сельскаго хозяйства, искусства пѣнія, публичнаго обученія, и т. д. Эти общества доказываютъ, какъ силенъ въ Германіи духъ ассоціаціи, столь несвойственный славянскимъ національностямъ.

«Въ Эрфуртѣ, знаменитый съ незапамятныхъ временъ огородами и чистозвучивою Сусанной (*), а съ недавняго времени кон-

(*) Колокоды.

весомъ 1808 года, я прѣѣхалъ къ сожалѣнію моему вечеромъ того самаго дня, гдѣ тамъ закрылся конгрессъ совѣтъ этого рода и тона — германскихъ сельскихъ хозяевъ. Не у кого было спросить, до-сихъ-поръ осталось отъ шумнаго конгресса 1808 г.; а на тихомъ и мирномъ прессѣ сельскихъ хозяевъ торжественно съ трехкратнымъ возгласомъ *Noch!* выведена побѣда, одержанная послѣ многихъ прѣшій, совѣщаній и опытовъ стаиннымъ тысячелѣтнимъ тирингенскимъ угомонъ надъ всеми плугами, сошниками, косулами, сохами въ нѣмецкихъ земляхъ.

На конгрессѣ было нѣсколько сотъ членовъ отъ всѣхъ въ Германіи обществъ (*vereine*) хлѣбопашества, луго-садо-овоще-пчело-шелко-лѣсо-водства. Этихъ обществъ въ разныхъ мѣстахъ считается болѣе 250, и число ихъ каждый годъ умножается. Въ нихъ до 500 и болѣе, ни въ комъ, по списку, нѣтъ менѣе 150 членовъ.

Тутъ всѣ мѣстѣ, и графъ и баронъ, и мѣщанинъ и арендаторъ, и священникъ и ижданинъ, и плуговой и паровой землеплецъ, словомъ, всѣ, кто любитъ не только еще говорить и писать, сколько самомъ дѣлѣ заниматься тою или другою отраслью сельскаго хозяйства съ разлуконъ, охотой и знаніемъ.

Голосъ опытнаго, свѣдущаго крестьянина также уваженъ, какъ и голосъ богатаго помѣщика. Все равно, кто ни подалъ бы дорогу къ лучшему, лишь бы шлась.

Составляются эти общества изъ людей, вкругу каждого извѣстныхъ дѣятельною любовью къ сельскому хозяйству и основательными въ той или другой части свѣдѣніями. Полагая только по 150 членовъ въ каждомъ изъ 250 обществъ, безъ всякаго сомнѣнія можно считать до 35,000 членниковъ, — настоящихъ миссіонеровъ введеннаго на степень науки сельскаго хозяйства.

Одинъ изъ главныхъ трудовъ ихъ есть подробное топографическое описаніе каждаго въ округѣ участка земли, кому бы онъ ни принадлежалъ, частному лицу или общинѣ, такъ, что можно тотчасъ видѣть изъ описанія, гдѣ какая почва, сколько пашни, лугу, лѣсу, песчаннаго, горнаго, ровнаго, вымываемаго, топкаго мѣста; на сѣверъ ли земля или на полдень; сколько гдѣ и какаго скота; достаточно ли

навоза; гдѣ, что и какъ дѣлается, гдѣ что нужно измѣнить и что добавить. По этимъ замѣчаніямъ они съ неутомимымъ терпѣніемъ стараются исправлять недостатки прѣшнорова, вразумленія, убѣжденія, и первые радуются усилкамъ безмятежно своего труда на оесѣдскихъ земляхъ.

«Въ быту человѣческомъ многое зависитъ отъ того, къ чему какъ примешоа. Я помню селеніе, куда, какъ я былъ еще въ ребячествѣ, въ первый разъ привезено три картофеля. Умная помѣщица, осмотрѣвъ невѣданное и неслышанное чудо, одно яблоко сварила, чтобы отвѣдать, а два положила въ песокъ до весны; осенью, положивъ урожай оставивъ себѣ на приплодъ, другую роздала исправнымъ крестьянамъ съ какииъ-то таинственными имъ завѣщаніемъ; съ гола на годъ такимъ образомъ она обошла все селеніе, землею весьма небогатое. Случилось мнѣ, спустя лѣтъ двадцать, быть въ этомъ самомъ селеніи: — не было уже тамъ ни стараго, ни молодого, кто круглой годъ по два раза въ день не ѣлъ бы картофеля, а вмѣ доброй помѣщицы еще и тогда жило между ея и чужими крестьянами. Въ дѣлахъ этого рода, съ перваго взгляду ничтожныхъ, недостойныхъ даже названія дѣло, съ умомъ потребны ангельское терпѣніе и любовь къ ближнему безкорыстѣйшая.»

Этотъ анекдотъ напоминаетъ намъ рассказъ одного помѣщика о томъ, какъ онъ ввелъ въ своей деревнѣ между крестьянами употребленіе картофеля. Нашъ анекдотъ тоже доказываетъ, какъ много можно дѣлать хорошаго безъ крутыхъ мѣръ, безъ принужденія, дѣйствуя умно и ловко. Помѣщикъ, о которомъ мы говоримъ, заставляя картофелемъ участокъ земли, объявилъ своимъ крестьянамъ, что за похищеніе хотя бы одной картофелины, виновный подвергнется строжайшему наказанію. Это было давно (лѣтъ со-рокохъ или болѣе назадъ), картофель до многихъ мѣстахъ Россіи былъ еще тогда невѣданною и неслышанною вещью. Любопытство крестьянъ было сильно возбуждено. И таиъ-какъ помѣщикъ больше повторялъ строгій приказъ, нежели принималъ какиа-нибудь дѣйствительныя мѣры къ охраненію пош

съ картофелемъ, — то картофель и былъ расхищенъ весь. Крестьяне нашли его очень-вкуснымъ: запрещенный плодъ всегда сладокъ! На слѣдующій годъ они уже не воровали барскаго картофеля, потому-что сами стали сажать его для себя, — чего и хотѣлось помѣщику. Да, въ дѣлахъ такого рода много значитъ умъ, споровка и терпѣніе!

«Недостаткомъ такого терпѣнія нельзя попрекнуть нѣмецкимъ обществамъ сельскаго хозяйства. Чудеса творятъ ихъ миссіонеры. Съ той особенно поры, какъ Нѣмцы открыли великую тайну, что они — Саксонцы, Пруссакки, Баварцы, Гессенцы, Швабы, Тирольцы и проч. всё, если не дешоутробные, то уже вѣрно единокровные, и что у нихъ потому одно отечество, общества ихъ сельскаго хозяйства не ограничиваются трудами каждое въ своемъ только округѣ, а установили еще конгрессы, общія собранія сельскихъ хозяевъ. При закрытіи конгресса назначается по общему согласію время и мѣсто для слѣдующаго черезъ годъ или два общаго собранія. Отъ cadaго общества являюся на конгрессъ представители съ отчетомъ о его дѣйствіяхъ, успѣхахъ въ его округѣ, наблюденіяхъ, недоумѣніяхъ.

«Различныя предметы совѣщаній въ этихъ собраніяхъ; но главная цѣль, кажется, состоитъ въ совершенномъ уничтоженіи трехпольнаго хозяйства; въ умноженіи луговъ и посѣва кормовыхъ травъ даже съ большимъ уменьшеніемъ посѣва хлѣба, чтобы имѣть больше скота лучшихъ породъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и больше навоза, единственнаго средства получать съ небольшого количества земли богатый урожай травъ, сѣна и хлѣба; въ составѣ и приготавленіи навоза; въ кормленіи скота, даже овецъ, не на поляхъ и лугахъ, а въ загонкахъ и въ ясляхъ; въ размноженіи льна, табаку, масленыхъ растѣній, огородныхъ овощей; въ усовершеніи обработки земли; въ орошеніи луговъ; въ разведеніи лѣса; въ распространеніи полезныхъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ и вразумленіи простаго народа наукою и искусствомъ. Каждый изъ этихъ предметовъ, напримѣръ лѣсныя плантаціи, орошеніе луговъ, требуетъ, какъ я неоднократно видѣлъ, столько примѣненія къ мѣстности, столько разсудка и искусства, что

сельское хозяйство не даромъ возмужаетъ на стонъ науки.

«Многіе члены этихъ обществъ расказывали мнѣ, какъ трудно и у нихъ вразумленіе простаго народа. Выходитъ, что крестьяннинъ, грамотный ли онъ или неграмотный, родясь онъ въ Бургундіи или на берегахъ Рейна и Неккара, все будетъ смотрѣть тебѣ въ глаза, какъ глушій, сколько бы ты ни говорилъ ему о его родѣ, компотѣ.

«Простой народъ, вездѣ подъ гнетомъ жамы неумирающей, не имѣетъ ни способъ, ни даже времени долго думать о ба голову; надобно передать ему уже все въ готовый плодъ наблюденій, трудовъ, испытаній, пожертвованій, такъ, чтобы онъ ощуцалъ все наизлани; надобно съ того пручать его ко всему исполненію пока польза сама бросится ему въ глаза, и онъ навикнетъ, руку набьетъ.

«Всѣ общества сельскаго хозяйства нѣмецкихъ земляхъ основаны на той практической мысли, что полезныя на этой землѣ свѣдѣнія и умѣнье руководствоваться ими въ сельскихъ работахъ ни отъ кого не могутъ выходить и распространяться по родѣ, какъ только отъ помѣщиковъ, и они, съ ихъ средствами приобретать знанія, захотѣтъ примѣнять ихъ къ своему хозяйству съ любовью къ своему делу, неразлучною съ желаніемъ раздѣлиться со всѣми свое открытіе, свою личную тайну.

«Сравнивалъ я — не безсмысленно и бездушный, — видѣнный мною въ Германіи хозяйства съ своими въ низкомъ германіяхъ. Не говоря ни о различіи въ землѣ, ни о множествѣ мѣстныхъ обществъ, ни о томъ, что мной изъ нихъ пріѣхавъ въ деревню съ аглицкой и французской, съ кузнецкаго моста, подумавъ, что изъ девятнадцатаго вдругъ перекинуло его назадъ въ шестнадцатый вѣкъ, можно было сказать, что многое у меня было бы лучше. Дѣло стало изъяснимымъ: сельское хозяйство — и видѣлъ я у Нѣмцовъ, — сверхъ опытнаго, основаннаго на знаніи и въ каждомъ мѣстѣ особенныя соображенія, требуетъ денегъ, какъ то мѣтно и у насъ по дорогѣ къ Ижорѣ; у меня о знаніи въ сельскомъ хозяйствѣ милости не просимъ спрашивать; да и же, за раздѣлкою съ кредитными учреждениями, не каждой годъ достать и прожитокъ, такъ, что я, грѣшныи члѣвъкъ, привсему все къ этому одному

медателю; — требуетъ отъ хозяина терпѣливаго руководства и умнаго надзора, а я возвращаю эту печаль или на дядьку, который сохранялъ бы между парнями общую тишину, благоустройство и возмѣщала мелочи, или на знатока-агронома, котораго сперва не уймешь, — хочеть все съ головы пачать; потомъ онъ съ кислородомъ, комистомъ и постучится въ дверь къ старинѣ, да какъ увидитъ, что не отворяется, то или примется за мѣры исправительныя, возбуждательныя: — отъ чего тотчасъ ко мнѣ ходяки отъ міра съ слезными жалобами; или и самъ пойдетъ съ стариками-лучшими людьми по ихъ же дорожѣ. Всего хуже то, что у меня голова кругомъ идетъ отъ множества дѣла по экономіи; хотѣлось бы переименовать то, другое, десятое; а все еще я не отыскалъ починнаго пункта. Сиречь меня, чего же хочу: — не могу знать, и сержусь, что деньги не растутъ, какъ грибы. По временамъ самому даже совѣстно, что я, дворянинъ и помѣщикъ, во всемъ томъ, тѣмъ и самъ живу и дѣлаю жить звѣщаю, — въ сельскомъ хозяйствѣ, по безпристрастной повѣркѣ на дѣлѣ — неучъ.

• Не всѣ общества сельскаго хозяйства въ Германіи получаютъ, и то мелочныя, пособія отъ Правительства, которому съ такими добровольными ревнителями общаго блага, не шалашими ни труда, ни времени, ни послѣднихъ пожертвованій для врачеванія народа, не для чего искать другихъ въ этомъ дѣлѣ помощниковъ: лучшихъ не сыщутъ.

• Показалось мнѣ однако же, что эти общества не совсѣмъ правы въ томъ, что всѣ успѣхи сельскаго хозяйства приписываютъ своимъ трудамъ и заботамъ, безъ сомнѣнія впрочемъ достойнымъ поводомъ.

• Первую роль, кажется, играли здѣсь нужда и бѣдность, особенно послѣ опустошеній въ военное время. Нужда, въ школѣ Промысла всегда лучшая наставница, первая тамъ открыла умъ уразумѣть истинное положеніе каждаго состоянія; показала необходимость въ согласіи, единomyслии, сліяніи способствъ и силъ общественно; возбудила общій духъ промышленности, общую охоту къ познанію, любовь къ труду, стремленіе къ лучшему, готовность съ одной стороны помогать слабымъ и дѣломъ, съ другой усвоить себѣ всякое благое уразумленіе. Нужда заставляетъ чѣмъ уничтожать парочья поля,

чтобы при общемъ малоземельи и при быстромъ возрастаніи народонаселенія имѣть больше земли для дневнаго пропитанія; нужда учитъ трудомъ и искусствомъ замѣнять то подкрѣпленіе, которое прежде земля, отдыхая, получала отъ природы (*); нужда велитъ уже тамъ помышлять о заведеніи колоній за тридцать царствъ, — за морями.

• Сверхъ общихъ собраній сельскихъ хозяевъ, рѣдко годъ проходить въ нѣмецкихъ земляхъ безъ того, чтобы не было такого же конгресса Медиковъ, Естествоиспытателей, любителей музыки, пѣнія. Ученыхъ ни на одномъ конгрессѣ еще не было, говорятъ, болѣе тысячи изъ всѣхъ концовъ Европы, которую они столько трудятся наставить на путь истинны, и которая вмѣсто того, чтобы внимать имъ и поучаться, — другая, по ихъ же словамъ, Талліони, прикрывши себя не платьемъ, а словно прозрачнымъ туманомъ, не ходитъ, а порхаётъ, вдругъ ступитъ шагъ неожиданный и непонятный, вдругъ завертнется, и пѣмая, — руками, головою, особенно же погами говорить такъ краснорѣчиво, убѣдительно всякаго слова. На этихъ ученыхъ конгрессахъ перестаютъ быть Австріецъ Австрійцомъ, Пруссакъ Пруссакомъ, Саксонецъ-Саксонцомъ, Баварецъ Баварцомъ, и проч. и проч.: всѣ дѣлаются сынами одной и той же матери — Германіи. Приемъ и угощеніе ихъ честь и слава для всякаго города. Въ Фрейбургѣ рассказывали мнѣ, какъ тамъ на конгрессѣ натуралистовъ и медиковъ народъ въ одинъ голосъ кричалъ мнѣ ура! и не только въ городѣ, но и въ окрестныхъ селеніяхъ огни горѣли въ честь мнѣ. Не мнѣ судить о пользѣ этихъ просвѣщенныхъ собраній. Сами говорятъ, что въ нихъ только сѣвъ; будутъ ли всходы, потомъ и плоды, время покажетъ.

• Можно подумать, что ученые конгрессы въ Германіи заведены по примѣру англійскихъ ученыхъ обществъ, которыхъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія столько, что въ одномъ Лондонѣ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ сряду приходится на каждый день по три собранія

(*). Есть однако же въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстахъ, даже въ Богеміи, такіа земли, которыя, при семъ удобреніи, волею двухъ хлѣбовъ надобно оставлять въ шару два года сряду.

не того, другого общества, или еще ближе по примѣру Британскаго Общества, которое ведетъ цыганскую жизнь, переселяясь каждой годъ на одну недѣлю изъ мѣста въ мѣсто съ большою, говорятъ, пользою для государства. Есть однако же различіе между германскими и англійскими учеными обществами. Ученымъ, обыкновенно вечернимъ, совѣщаніямъ въ Лондонѣ всегда предшествуютъ огромный roast-beef, тучный plumb-pudding въ рамѣ изъ бенгальскаго огня, старый хересъ и цирклоцешскій tea-kettle; а за семидневнымъ засѣданіемъ британскаго общества, гдѣ бы оно ни водворилось на недѣлю, слѣдуютъ семь дней сряду великолѣпныя пиршества, которыя оно даетъ на свой счетъ сотнямъ сочленовъ съ роскошью и пышностью богатаго Набоба Индійскаго. Германскія ученые собранія плохо еще понимаютъ необходимость и сладость такого комфорта.

« Не случилось мнѣ видѣть ученаго конгресса: видѣлъ конгрессъ любителей пѣнія въ Швейнфуртѣ на Мейнѣ:—было ихъ до 800 человекъ. Изъ баварскихъ городовъ и селеній охотники отираются на конгрессъ такимъ образомъ: огромная нѣмецкая фура превращается въ подвижную, красивую, впрочемъ, изъ вѣтвей съ цвѣтами, бесѣдку и наполняется любителями, сколько можетъ помѣститься. Одинъ изъ нихъ на порогѣ бесѣдки, на козлахъ то-жъ, держитъ въ рукахъ большой флагъ съ аллегорическою надписью и съ гербомъ своего города или селенія. Въ процессѣ по пути черезъ городъ или деревню почтальонъ подаетъ вѣсть о шествіи длиннымъ бычьемъ голосистѣе всякой трубы;—мертвого поднимаетъ изъ гроба, а флагоносецъ отъ въѣзда до въѣзда изъ селенія не перестаетъ мазать флагомъ во все четыре конца, работаетъ изо всей силы. Также торжественно въѣзжаютъ и въ мѣсто конгресса. Принимаютъ и размѣщаютъ гостей депутаты отъ магистрата. — Въ продолженіе трехъ дней на берегу Мейна было кѣпіе духовныхъ концертовъ и ораторій: всеисполтъ баснетовъ! — страшно подумать. Праздникъ заключился раздѣломъ отъ магистрата голубой не ленты, а бумажки для ношенія въ петлицѣ. Но-дѣе давалеры на другой день наводнили Киссингенъ съ свѣтлыми лицами отъ радости и залуженной почести.

« Не для всякаго уха слышно такое корольское пѣніе; но у Ниддента — оно страшно

ихъ. Однажды я ходилъ вечеромъ по городу; на площади изъ дома, ярко освѣщеннаго, выходилъ гулъ, какъ отъ колокольнаго звона съ Цвана Великаго. На дворѣ стояли большіе omnibusы. Любители сосѣдняго города захотѣли пойтъ съ тамошними любителями пѣнія; эти уѣхали съ тѣмъ же въ другой городокъ; — безъ нихъ воспѣли и возвращались во-своисл. Говорятъ, что эти общества любителей корольскаго пѣнія ограждаютъ чистый германскій вкусъ отъ французскаго и итальянскаго вліанія.

« Не случилось также мнѣ видѣть въ старки произведеній сельскаго хозяйства: бываетъ въ разныхъ мѣстахъ, — въ Мюнхенѣ каждой годъ полъ названіемъ октябрьскаго праздника. Рассказывали мнѣ о бывшей недавно въ одно время съ конгрессомъ Экономистовъ выставкѣ въ Карльсругѣ; кончилась праздникомъ въ тамошнемъ роскошномъ паркѣ. Хороводы молодыхъ крестьянъ и дѣвушекъ были представителемъ округовъ и общинъ Великаго Герцогства, каждой хороводъ въ національномъ своемъ одѣваніи. Я отгадалъ, что красивѣе всѣхъ были Муртальскія дѣвушки въ черныхъ корсетахъ, съ серебряными на шеѣ цѣпочками, въ бѣлыхъ чулкахъ, въ коротенькихъ складкахъ юбокъ цупцоваго цвѣта, съ бѣлыми небольшими передниками, въ соломяныхъ шляпахъ швейцарскихъ, съ свѣжими розами на щекахъ, съ огнемъ, какъ звѣзды, въ черныхъ глазахъ.»

Это и слѣдующее мѣсто изъ книги г. Ф. П. Ј. можетъ служить самымъ разительнымъ доказательствомъ той истины, безпрестанно повторяемой въ « Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ » и отчасти въ « Отч. Запискахъ », что безъ систоводства невозможны успѣхи земледѣлія. и что раціональное сельское хозяйство должно опираться на науку, а безъ знакомства съ такъ-называемою земледѣльческою химіею ничего и хлопотать о систематическихъ пріемахъ воздѣлыванія земли. Говоритъ, намъ это не нужно: у насъ земли некуда дѣвать. Прекрасно! гдѣ много земли, тамъ нужно не раціональное хозяйство, трудолюбіе и капиталовъ и времени, а спорова дѣвать съ нѣмалою затратою и

браженіемъ то, что отны наши дѣла съ сравненіемъ толкуютъ и безъ аго соображенія. Но тамъ, гдѣ уже твуется недостатокъ въ землѣ и шество въ народонаселеніи, — тамъ ональное сельское хозяйство есть не прихоть, не роскошь, а необходимость, якорь спасенія.

ерманія и Швейцарія той вѣры, что имъ не изъ Бельгіи, Голландіи, Анперешла тайна, а они сами съ наленіемъ XIX столѣтія открыли ее, — у народнаго богатства, состоящую въ , что надобно имѣть сколь можно ше скота, особенно рогатаго. Гдѣ же столько корму? — Рѣшились сокрахлѣбонашество. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ де выеъвало десять, тамъ теперь сбъвается пяти четвертой хлѣба, хотя лу стало больше. Вездѣ расширяются сѣнокосные; полями завладѣли корм травы; чтобъ добыть болѣе корму, не вездѣ даютъ въ трубку завиться; мыскимъ скаламъ, между недоступныхъ гольныхъ камней, подумавши, телековры разстланы для просушки на іѣ: — сколько труда для десятка пущина или травы, которой на кормъ въ загоняхъ и ясляхъ весною, дѣн осенью нужно гораздо болѣе, чѣмъ на зимніе мѣсяцы! Отъ всего этого явное взгляду покажется, что чело въ тѣхъ мѣстахъ о себѣ мало печет. Выходитъ совсѣмъ иное. Общій го что съ развикоженіемъ луговъ увелись и улучшилась, да еще какъ? — оводство и коммозаводство: отъ того токъ навоза, а отъ этого избытка зембосилалась въ сѣлахъ, словно помоло такъ, что теперь одна десятина да хлѣба больше, нежели сколько дава пржеде, и при хорошихъ урожаяхъ, ри десятины, и все отъ того, что прежде бывали тошіе хлѣбы, тамъ е растетъ густой клеверъ. Пожалѣ что ни одно мѣре не дошло до на низокыхъ губерній: завелъ бы озбогатамъ торгъ колониальнымъ това — навозомъ. Платили же въ монхъ хъ за фуру этого товара по 15 франк а изъ Англіи, слышно, корабли ко на край сѣвта за птичьимъ пометомъ. обоньны смотрѣтъ на искусственные гдѣ они заводены или заводятся, и тѣмъ способомъ ерощенія, что имѣтъ у

лазъ ирригаціи. На нологихъ берегахъ рѣкъ и рѣчюкъ, гдѣ когда-то были, а вдали и теперь еще лежатъ сыпучій песокъ, но гдѣ въ полную воду или отъ дондей берега понижаются съ легкимъ наросомъ ила, дѣтъ за пять стали цахать безплод ный песокъ, валить туда навозъ, сѣять травы. Время и трудъ образовали на сыпучемъ пескѣ растительный слой, и тамъ, гдѣ натура не дала ниши даже ладландскому моху, — откуда взялся? — разцѣлъ богатый поемный лугъ.

«Въ другомъ мѣстѣ такой же песокъ или глина у рѣки быстрой, но крутоберегой: здѣсь огромный цигирь силою теченія вѣчно вертится, выливая воду на лугъ, созданный такимъ же трудомъ и искусствомъ. Въ горахъ, въ садахъ, въ долинахъ рѣдко найдешь ручеекъ, который бѣжалъ бы, какъ ему хочется, и не помогая землѣ давать возъ-другой сѣна. Сѣжія кочки разбрасываютъ, роютъ и засѣваютъ; съ заросшихъ сѣѣваютъ бѣрежно дернъ и уравниваъ, закрываютъ имъ эти лысины.

«Въ лошанахъ, по скату горы, гдѣ только есть бугры или и мелкія неровности, дернъ снимаютъ длинными полосами и скатываютъ; потомъ уравнивъ скать или лошину, на сѣѣзаннымъ полосамъ стелютъ эти коври — для ровнаго ерощенія всего мѣста. Для того же по етлогостямъ длинныхъ горъ стоятъ, какъ веркала, единъ за другимъ небольшія пруды съ замасною водою.

«Здѣсь мѣръ провела, Богъ гдѣсь откуда, воду въ долину, каналами разрѣзала ее на участки, у грани каждаго поставила затворъ и дѣлится водою по счету тавель. Иногда послѣ дружнаго сѣнокоса вся дельна отенъ подъ водою: смотришь, — черезъ мѣсяцъ опять коса коситъ траву шедковую. Иной въ горахъ, захвативъ водовелъ на лету, велать ему бѣжать не жолобамъ, но каналамъ и выливалось черезъ край, пробираться сквозь траву внизъ, какъ можно тише.

«Смотря на всѣ эти способы ерощенія, съ такимъ искусствомъ и точностію, съ такимъ успѣхомъ и пользою употребленные людьми неучеными, крестьянами, совсѣмъ незнакомыми съ Гидравликою, кетѣлось бы знать имена тѣхъ божественней рода человеческого, которые показали людямъ эти пособія въ нуждахъ и то, что сами приобрѣли долгимъ развикоженіемъ, трудомъ въ испытаніяхъ, и жоргоуеціи

ем, передавая одинъ другому, звали тер-
миными руководствомъ въ обычаи въ
видѣ простаго, лехитраго дѣла.

Но и для луговъ одной воды мало. Нѣ-
мецъ и Швейцарецъ знаютъ, когда пора
сдобрить навозомъ, когда посыпать лугъ
свѣжей землею. Приходить мнѣ на память,
что случилось со мною въ Нюртенѣ, гдѣ
и Пасталоци и Институтъ его давно уне-
рли. Недалеко отъ дороги на лугу стояла
пара воловъ съ возомъ сѣна. Молодая,
красная женщина съ маленькими, чисто
обутыми ножками, въ кисейномъ розовомъ
платьѣ, въ шенизеткѣ, съ браслетами на
рукахъ, въ соломенной шляпкѣ, въ швед-
скихъ перчаткахъ, будто рѣзвилась, — со-
бирала граблями сѣно, которое рослый и
видный мужчина вилами металъ работни-
ку на возъ. — Ваше ли это дѣло? говорю я
красавицѣ. — Вопросъ не поправился ей.
Подхожу къ мужику; разговорился. Онъ
былъ негодяица, въ сношеніи съ торго-
выми домани въ Женевѣ и Базелѣ; суда
по бѣлаю на немъ, по шелковымъ чул-
камъ, по всему платью, вѣроятно, былъ
не изъ бѣдныхъ; имѣлъ въ Нюртенѣ домъ
и участокъ сѣнокоснаго луга, самъ косилъ
траву и самъ убиралъ сѣно — въ третій
разъ того года, а нанялъ работника съ
волами перевозить сѣно въ городъ; гордил-
ся рашими умѣньемъ косить и вести тор-
говые счеты. Я изъяснилъ ему сожалѣніе,
что сдѣлалъ дамѣ вопросъ не вполнѣ. —
«Это моя гувернантка» — и подозвалъ Це-
лестину. Подумала, что я хотѣлъ посмѣ-
литься надъ ея сельской работою, разубѣ-
рился, подала мнѣ руку въ знакъ при-
мирения, и мы разошлись пріятелями. —
Отходящи, вижу по лугу на *Derriere le
lac* (*) множество женщинъ, столовъ, по-
лотенъ, всякаго бѣлья, дамскаго платья.
Прачки собирали и катали бѣлье. Идутъ
дамы, одѣты всѣ какъ на праздникъ, од-
на другой моложе и лучше, одна другой
веселѣе, — и давай помогать прачкамъ та
складывать, та катать, та гладить бѣлье.
— Отговала меня отъ нихъ уединенная
къ сторову проселочная дорога: хотѣлось
взглянуть на садъ, который издали пока-
зывался. Приѣхала туда же преогромная
бочка на парѣ не воловъ, а слоновъ. Не
могъ я понять, ни что въ ней, ни къ че-
му она тамъ. Вдругъ работникъ, открывъ

бочку, сталъ чарить и издали скоп-
ный лугъ между деревьями волнать
денякивъ золотомъ. Бѣла и ноги у
Этого рода золото для подобнаго у
блесня въ Швейцаріи на откупу и
дается недешево.

«Съ перваго взгляду покажется, что
нѣмецкихъ земляхъ и въ Швейцаріи
скотинѣ уваженіа болѣе, нежели въ
дамъ. Между людьми хотя изрѣдка
же кое-гдѣ удастся если не драго-
дѣть, то размолику, поборанку услы-
но какъ ни держи ухо остро и какъ
смотри въ оба, никогда не дожидается
отъ хозяина и работника, ни отъ пла-
ка и кучера, ни отъ вѣдока и отъ
ни отъ слуги и барина, ни отъ куръ
почталоциа, чтобы крикнулъ на лоша-
сердцемъ, съ бранью, невѣжливо, а
ударилъ по лошади — не шестомъ, а
ко битчемъ, или бы заставилъ ее,
скачки, помчаться впередъ хоть на
ту — такой потѣхи, вѣтъ живя, на
не кушныи: хлопаетъ себѣ битчемъ
духу. Есть сверхъ того такія нева-
ные мирные трактаты между двумя
лошадьми: — дашо выслася въ тѣхъ
лахъ по дорогамъ пески, крутымъ
топи и въ самые проливные дожди;
сокнать горъ не умѣла еще а такъ
нѣтъ до того, чтобы по бокамъ
было взвѣздоевъ длинными всагъ
редъ поворотами. Отсюда впередъ
ре почтовыхъ лошади въ каретѣ, и
семь лошадей въ фурѣ нѣмецкой безъ
дачи къ четыремъ духамъ, а къ всѣмъ
тырехъ сотоваришей шагу не ступа-
такой уговоръ, который однимъ изъ
нихъ жителей называлъ мнѣ одинымъ
шагомъ на пути полезовой народи
визмацин.

«Мало ихъ обществъ, конгрессовъ
всѣхъ родахъ дѣлъ человѣческихъ:
дашь еще общества милосердія въ
дамъ и рогатой скотинѣ. Мнѣчего
лось мнѣ читать, что вышло или
отъ этихъ обществъ, а полагаю, что
но ихъ учению фурманъ не вынужд
ди, когда уставеть, ничто, какъ
воду, бросить въ нее сверхъ того
другую муки; а когда приѣдетъ къ
лону двору на почлегъ, та дворянъ
knescht, еще у ворота беретъ у ш
и лошадей, а сама охъ, чолонъ
abend и ни о чемъ не заботясь, по-

(*) Названіе городского гулянья на бе-
регу Женевскаго Озера.

цать себя въ общую столовую, садится за столъ и, пока подадутъ, чего спросить, читаетъ газеты: лошади и безъ него отложены, обтерты, поставлены въ стойла, накормлены, напоены, а поутру и заложены.

Замѣчательны подробности о нѣмецкихъ сословіяхъ въ отношеніи къ землѣ, какъ личному владѣнію, какъ выдѣльному участку и какъ къ чужой собственности, дающей за трудъ содержаніе.

Занимательно въ Нѣмецкой землѣ состояніе земледѣльцовъ, Bauer, которыхъ мы пожаловали у себя во крестьяне. Настоящій нѣмецкій Bauer есть Grundbesitzer, тотъ, у кого есть грунтъ, участокъ земли, по праву собственности или по договору, со всѣмъ нужнымъ для хлѣбопашества обозначеніемъ. Для прочихъ есть тамъ другія названія: Köther, Kothsassen, сидящій—буквальный переводъ—до поры до времени не во тѣхъ и тѣхъ смертной, а только еще въ тѣхъ, — безлошадный, безземельный, малоземельный, чернорабочій, Tagelöhner, подеищикъ, Hintergassen, захребетникъ, бездомный, бобыль.

Въ Пруссіи съ Мартынова дня 1810 года всѣ свободны. Другія государства предпріимавшія въ этомъ Пруссію только на нѣмкихъ основаніяхъ; нѣкоторые послѣдовали общему примѣру весьма недавно. Въ небольшихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ владѣль и однакожь крестьянъ, исправлявшихъ ватурою точно также и такую же баршину (Frohndinst), какую крестьяне въ владѣніи исправляютъ у насъ на помѣшкѣ. Въ одномъ владѣніи даже намѣлъ и меткій дьякъ сборъ десятины на Государя со всѣхъ произведеній земли, до крайности стѣснительный для хлѣбопаша во всѣхъ отношеніяхъ. Не легкокъ разрывъ съ старинною!

То вѣрно, что Bauer, хлѣбопашецъ, сельскій хозяинъ, хотя по чиноположенію сталъ на нижней ступени гражданского быта, но сохранилъ принадлежавшее ему уваженіе; теперь онъ и на Дантигахъ въ лицѣ своихъ выборныхъ сидитъ вмѣстѣ съ представителями высшихъ сословій. Сельское хозяйство въ Германіи вошло въ знатъ до того, что

нѣтъ стыда причислить себя къ Бауэрамъ всякому, кто постоянно не живетъ въ городѣ, подъ названіемъ gutbesitzer, grundbesitzer занимается воздѣлываніемъ земли и ея произведеній своими или чужими руками.

« Не всякій gutbesitzer (рѣчь здѣсь не о рыцарскихъ дворянскихъ имѣніяхъ) есть grundbesitzer. — Въ разрядъ gutbesitzer входитъ не только тотъ, кто владѣетъ своею, но и тотъ, кто владѣетъ по договору чужою землею, — и послѣднихъ теперь множество: въ числѣ ихъ есть докторъ, отставные офицеры, юристы, канцелярскіе, педагоги, и проч. и проч. Встрѣчаешь между ними людей образованныхъ, начитанныхъ, свѣдущихъ не въ одномъ сельскомъ хозяйствѣ. Надобно видѣть въ базарные дни многихъ ихъ вмѣстѣ на рынкахъ съ рогатымъ скотомъ, съ хлѣбомъ, съ разными продуктами, и слышать ихъ разговоры. Съ однимъ случайно у меня рѣчь завязалась и дошла до той луковицы, которая, пролежавъ десятка два столѣтій въ Египетской муміи, дала еще ростъ при искусномъ за нею уходѣ съ тапашеюся жизнію въ луковицѣ, онъ сравнилъ здравый Германскій смыслъ, который, по словамъ его, теперь только пошелъ въ ростъ. Большая часть нѣмкихъ членами обществъ сельскаго хозяйства; часто сверхъ того они стѣзжаются для взаимныхъ совѣщаній, — но знаніяхъ, опыту и примѣру отъище полезные люди для государства.

« Grundbesitzer есть истый нѣмецкій Bauer; къ немже дѣсти нѣсть, который не приказываетъ, не рассчитывается только съ работниками, а самъ съ ними трудится въ потѣ лица. Бываетъ онъ ganz и halb-Bauer. Ganz или Voll-Bauer, полный домостроитель, есть настоящій скопидомокъ. Всего у него въ волю для себя и въ продажу; все у него прочно, часто, просторно. Найдете у него образъ жизни патриархальной съ первыми чинами двора: для не проживетъ безъ оберъ-слуги grossknecht и безъ оберъ-ключницы grossmagd; онъ же Sechspräniger: мало того, что у него на работу выходить четыре, шесть паръ лошадей или воловъ, въ старые годы онъ не выѣзжалъ съ семьею ни въ городъ, ни на погостъ, ни на ярмарку, ни на свадьбу къ сосѣду иначе, какъ въ шараванѣ въ шесть лошадей; нынче, снисходя къ духу вѣка, ѣздитъ въ четыре. Онъ сверхъ того Herr Amtmann и любе ему, когда не толь-

во свои, но и чужіе даятъ ему этотъ титулъ: въ принадлежавшихъ порохъ мѣстахъ есть антыаны и оберъ-антыаны; они дичья ихъ не хуже: у него - то живутъ довольство и радость. Halbbauer, Halbräppler, второклассный хозяинъ, съ однимъ, много съ двумя парами лошадей, воловъ или коровъ, — порядочный хлѣбонашечъ; но у него въ сравненіи съ немцами ни тепло, ни холодно, такъ по среднему; есть у него то и другое, но всего не многого, и радость навѣщаетъ его нечасто. У тѣхъ, у кого въ семьѣ одна лошадь, одна корова, преобладаютъ притязаніе такъ же на званіе Ваггера: но нѣтъ трудно попасть въ высшее общество.

«Grundbesitzer любятъ жить на своемъ крутъ. Есть однако пѣлые герода, называемые однимъ Гага и Halbbaugами; земли ихъ около города, и знаете ли, кто еще съ нами такъ обитаетъ? — Но слухамъ, дряхлая, строгая германская честность и непорочность.

«Ваггеровъ Grundbesitzerровъ отъ прежнихъ временъ немного осталось въ пѣвочныхъ земляхъ. За то теперь коренные хлѣбонашцы въ нѣкоторыхъ государствахъ не въобщемъ Grundbesitzer..... Въ бывшіе до того хлѣбонашцы и всѣ, кто сверхъ того хотѣлъ и могъ быть хлѣбонашцами, получили участки земли, грунты, въ полную собственность: живущіе на коренныхъ земляхъ они даны отъ короля, на помѣщичьихъ — отъ помѣщиковъ.

«Помѣщикамъ предоставлены утвержденіе шулццовъ (названія полицейская расправа, отрывокъ iuris dominici), а въ названное время года и право неовой охоты на отведенныхъ отъ нихъ къ крестьянамъ земляхъ.

«Крестьяне, Grundbesitzer, скоро за умъ прилаживаются: получить земли немного, и ту еще въ дробныхъ клочкахъ, они увидѣли желаніе соединенія этихъ дробей и приступили къ отдѣленію своихъ участковъ къ однимъ мѣстамъ. Суету я нашелъ между женщинами въ двухъ или трехъ селеніяхъ въ Пруссіи: остались одни безъ мужей; тѣ пошли на Сепарацию, а они толковали, чѣмъ - то она кончается. Сепарация у нихъ то же, что у насъ спеціальное, нелюбимое размежеваніе; во всякомъ мѣстѣ давно кончена, въ другихъ продолжается. Любилась мнѣ крестьянка, которой мужъ, какъ и всѣмъ въ

общинѣ, на сепарации достался въ удѣлъ бѣлшій и желтый песокъ; но унывала и рада была, что въ грунтъ весь въ одной мѣстѣ: — рукавъ будетъ гдѣ разорвется; да и лучший капиталъ нашъ, говорилъ, не будетъ пропадать безъ росту и безпоротно; въ школѣ есть намъ толковали, что время такой капиталъ, которому вѣны нѣтъ; бѣгаетъ, бывае вездѣ и вездѣ отъ полоски къ полоскѣ.

«Гдѣ сепарация кончена, тамъ множество хозяевъ выселились на свои земли, какъ у насъ въ Курляндской Губерніи, гдѣ совсѣмъ нѣтъ большихъ деревень и рѣдко гдѣ два, три двора вѣстѣ. Видно у Нѣмца въ кровя — жить особъ - стаяю, когда еще Тацитъ писалъ, что Германцы и въ его время не любили селиться, какъ Римляне, домъ къ дому улицами, а жили особняками, да еще и огораживались.

«Приятно смотрѣть на усадьбу выселишагося на свой грунтъ хлѣбонашца. Стоитъ удивленно изба съ хозяйственными принадлежностями въ большемъ не способамъ или меншемъ разбѣрѣ; кругомъ на песокъ или на глинѣ хлѣбъ въ толщину, кормовыя травы, ближе къ избѣ орляды, пѣвты, фруктовыя деревья: не мучная, а полезная побѣда труда надъ природою, совсѣмъ неласковою! Какое-то чувство самостоятельности завито въ нѣмца: за то и надежда у него только на Бога, да на трудъ своихъ рукъ: помнилъ въ негодѣ ни отъ кого не ожидаетъ, и шлеть ему не отъ кого.

«Помѣстные крестьяне, Grundbesitzer, въ Пруссіи почти то же, что у насъ свободные хлѣбонашцы, но не безъ различій, и прежде всего въ томъ, какіе образы свободные хлѣбонашцы у насъ приобращаютъ себя отъ помѣшковаго земли и увольненіе отъ работъ и повинностей, и какъ тамошніе крестьяне, безъ уплаты къ праву собственности, дѣлать получили и то и другое, стали мелкими помѣщиками. Самое состояніе ихъ у насъ обезпечено несравненно прочѣе, и здѣсь въ полномъ видѣ представляется волна перешедшаго къ намъ отъ предковъ, глубоко облуживаемаго обычая нѣтъ мелкія дачи общественныя и индивидуальныя уравниваются по числу действительныхъ работниковъ, тягловъ. Дѣла нѣтъ о бѣ землю, до поры до времени, нѣмца, и каждой годъ: дача не дробится, и

меншается: удвойся, учетверись онъ; будешь на тягло меньше земли, но безъ земли ни одно не останется, и надежда на Бога, ума тогда прибавится. Въ нѣмецкихъ земляхъ напротивъ того, хотя и не во всѣхъ, каждой свободный хлѣбопашецъ, Grundbesitzer, имѣетъ свой отдѣльный участокъ земли и властенъ продать, промѣнять его, весь или частями. По смерти отца въ нѣмыхъ мѣстахъ вся земля съ обзаведеніемъ переходитъ въ видѣ маіората къ старшему сыну, отъ котораго прочіе дѣти, по равному съ старшимъ праву на наследство, получаютъ вознагражденіе деньгами. Отецъ не назначилъ мѣры вознагражденія: определяется цѣновщиками. По рѣдкости денегъ въ народѣ и въ нѣмецкихъ земляхъ, обыкновеннымъ ночью послѣдствіемъ такого обычая бываетъ низкая, убыточная для сопослѣдниковъ опѣка и при всемъ томъ неоплатный долгъ на новомъ хозяинѣ, такъ, что и этотъ и тѣ часто ума не приберутъ, какъ изворотиться. Въ другихъ мѣстахъ отецъ дѣлитъ свой участокъ земли между всѣми дѣтьми: дѣти, ставъ отцами, также дробятъ свои доли и нерѣдко третье поколѣніе счету уже не находитъ держать скотину для мелкихъ клочковъ. Отъ того ручная обработка поля заступомъ годъ отъ году тамъ размножается; годъ отъ году болѣе немужихъ семей. Ктому же вездѣ не безъ добрыхъ людей: барышники скупаютъ мелкія дробя и продаютъ борозды къ загому. Раздробленіе земли безконечными раздѣлами, неуспешное искусство барышниковъ, всегда пріятный запахъ отъ денегъ и умѣнье богатаго составлять себѣ изъ частицъ prosperous цѣное, обращали уже на себя вниманіе не одного Правительства; но въ 1843 году это зло еще не было унято; не легка и унять его. Между тѣмъ сколько семей, которыхъ прадѣды были примѣрными богатыми хозяевами, разсыпался отъ этихъ раздѣловъ, ноши въ заработки, въ родешики, сдѣлались нищими и по праву свободы отдали себя въ кабалу!

Есть и другое послѣдствіе этихъ раздробленій, вообще малоземелья, для тамошнихъ краевъ, кажется, не совсѣмъ безвредное, — чрезмѣрное умноженіе численности умалкъ кѣвъ на нѣдѣля. Не ходитъ въ тамошнія большія фабрики: возвращаются уже туда изъ Англии нелегкія времена свободными.

Жилъ я нѣсколько времени на Рейнѣ и встрѣчалъ тамъ, особенно въ прусскихъ провинціяхъ, странныхъ людей. Иному ничего не приказано; самому придется охота сосчитать, напримѣръ, сколько именно въ томъ или другомъ мѣстѣ настоящихъ ганц- и halb-хлѣбопашцовъ, а изъ нихъ сколько такихъ, у которыхъ навозъ составляется по всѣмъ правиламъ систематическаго компоста: — ходить, ѣздить, покою не даетъ ни себѣ, ни другимъ, писать къ знакомымъ и незнакомымъ, платить деньги за посылаемые и получаемыя письма, на дру и вснѣ видѣть лишь то, что взялъ себѣ въ голову, а послѣ такого трех-четырёх-лѣтняго сыску покажетъ тебѣ на листочкѣ почтовой бумаги отчетъ съ подчеркнутыми красною и зеленою краской итогами, что въ Рейнскихъ Прусскихъ провинціяхъ ганц- и halb-хлѣбопашцовъ 232 т., а изъ того числа только еще 63 т. такихъ, у которыхъ изъ навозныхъ кучъ капля воды не покрадется. Заключивъ этимъ исчисленіемъ трудъ свой, онъ — другой III., — раздаетъ и разсылаетъ во всѣ углы наставленія о приготовленіи навоза (*).

Народъ по Рейну промышленный, умный, подвижной, работающій; но какъ онъ тамъ живетъ, не скоро поймешь. Взятъ изъ того же отчета Пруссіи Владѣніа: не говоря о томъ, что тамъ есть мѣста, гдѣ на одной квадратной верстѣ (не много больше 104 нашихъ десятинъ) живетъ до 100 душъ, вообще тамъ земля удобной и неудобной, съ песками, горами и каменными скалами, считается всего до 10; милліоновъ ихъ десятинъ (900 квадратныхъ сажень въ ихъ десятинѣ); раздроблена же она почти на 11 милліоновъ частицъ. Въ большихъ тамошнихъ помѣстьяхъ, по увѣренію жителей, не болѣе 1500 ихъ, нашихъ 500 десятинъ; 300—400 ихъ десятинъ (115—150 нашихъ) составляютъ уже порядочное помѣстье. Семья хлѣбопашца, 5—6 душъ, почитается весьма-зажиточною, когда имѣетъ 7—8 ихъ, нашихъ 3 десятины; полъ пашнею, стѣнокосомъ, усадьбою, садомъ, виноградникомъ. Помѣстій, которыхъ владѣльцы платятъ съ земли въ казну не менѣе 75 талеровъ въ годъ и могутъ потому

(* Съ однимъ изъ такихъ счетчиковъ я повѣрялъ книгу Эпила Жакиена: не во всемъ онъ согласенъ былъ съ счетчикомъ.

быть избираемы въ провинціальныя депутаты, тамъ только до 425, владѣльцовъ же такихъ не болѣе 326. Рѣдкое помѣстье все въ одномъ мѣстѣ; тѣмъ ниже сходяшь тѣмъ дробн мельче; три десятныя зажиточнаго хозяина разбросаны въ разныхъ мѣстахъ; земля въ совершенномъ разбѣганіи; одна десятина въ 8 — 10 мѣстахъ. Отъ того столько миллионночь частей и частицъ большыхъ и меншихъ: отъ раздѣловъ, отъ продажъ частицъ отъ частицъ нѣтъ конца раздробленію; есть частицы земли, съ которыхъ годовая подать въ казну не составляетъ нашей копѣйки. Дивно ли за тѣмъ, что и Рейнъ съ береговъ своихъ не отсюда уносить въ море бѣдность? Правительство, чтобы пресѣчь это зло, по слухамъ, предполагало мѣру, ниже которой земля не дробилась бы ни раздѣлами, ни продажей, съ приведеніемъ мѣръ и съ отмежеваніемъ къ однимъ мѣстамъ: ландтагъ на то не согласился. Что передъ этою наша чрезполосность даже въ Податаской и Черниговской губерніяхъ?

«Помѣшники въ Пруссіи (дворяне, рыцари) съ Мартынова для 1810 года все еще остались съ землею, но уже безъ рукъ. Въместо наряда на барщину, надобно было искать рабочихъ за деньги. Не безъ поговорки было на первыхъ порахъ, и теперь еще не безъ воспоминаній. Но умъ золотой рудникъ, — скоро наметел: мѣнія раздѣлены на хозяйства; чего помѣшникъ не разсудилъ оставить на свое пожеланіе, все то расхватили у него gutbesitzer, possessors, и зарывають свои деньги въ его землю. Заведено множество отдѣльныхъ мызъ, Höfen, съ небольшими къ нимъ участками земли и съ хозяйственными принадлежностями, — и тотчасъ налетѣли туда пахтеры, мызники; построены избы, и жильцовъ на первую клычъ сбѣжалось болѣе, тѣмъ сколько могли помѣститься.

«У Gutbesitzer и у пахтеровъ сельскія работы исправляются наемными поденщиками, большею частью изъ Kothsassen, которыми полны селенія. Поденщикъ работаетъ 84 часа въ недѣлю, приходитъ на работу позавтракавши, дома и ужинаетъ; обѣдъ у хозяина. Хорошая плата здоровому, исправному поденщику 5—6 грошей (*) въ день за 14 часовъ труда, изъ кото-

рыхъ недремающій глазъ хозяина не подаритъ ему и четверти.

«Тма охотниковъ постоянно жить у помѣшниковъ: жильцу дается изба, къ ней ключекъ земли подъ картофель и дозволеніе держать двѣ овцы, иногда и корову, да пары по двѣ куръ, гусей, утокъ. Жилецъ обязанъ, за исключеніемъ воскресныхъ дней, работать круглый годъ на помѣшника и въ недѣлю отработать тѣ же 84 часа; за полный день работы 3 — 4 гроша; въ иныхъ мѣстахъ жилецъ получаетъ отъ помѣшника 15 — 18 талеровъ и четверти двѣ хлѣба зерномъ за весь годовый потъ. Женѣ его плата меньше и она еще обязана работать два дня въ недѣлю безмездно. Жилецъ на эти деньги долженъ одѣть, обуь, прокормить свою семью, заплатить Schul-Communal-geld и проч. и проч. Остающіеся по смерти жильцовъ малолѣтніе дѣти заранѣе обыкновенно преготовляются помѣшникомъ въ дворовые слуги. Исправный тамошній слуга — настоящій хамелеонъ: одѣваетъ хозяина, служитъ за столомъ, онъ же на посылкахъ, на козлахъ то-жъ. Одинъ изъ новъхъ школьныхъ начевалъ у пріятеля на дачѣ и разсѣлъ кто-то подкарался и взялъ его платье и обувь; черезъ полчаса тотъ же укрышкой принесъ обратно обувь и платье; вѣданъ завтракъ; поѣхали въ городъ на яръ лихихъ лошадей съ лихимъ кучеромъ: пошли смотрѣть войско: проходитъ въ рѣдахъ солдатъ (*) въ полной формѣ, — къ удивленію моего знакомаго тотъ самый, который чистилъ ему платье, позвалъ завтракъ, запрягалъ лошадей, сидѣлъ у черемою на козлахъ.

«Надобно видѣть весь бытъ этого великаго многочисленнаго класса свободныхъ жильцовъ, Hintergassen, и поденщиковъ съ ихъ преподобными лозами и тошными вѣтвями: несутъ тяготу дня и вѣръ, вѣкъ отживають въ трудѣ и печалѣ, оставляя дѣтямъ въ наслѣдство лишь тотъ же трудъ и тѣ же печали. Странное проталурѣіе въ дѣлахъ человѣческихъ! По праву свободы въ нѣмецкой землѣ всякой власти или умереть голодною смертію или идти въ кабалу; отойди отъ одного, принять

(*) Во многихъ мѣстахъ срочъ слуги 7 дѣтъ, 2 — 3 года гарнизонной: за тѣмъ всякой власти, куда хочеть, а только въ остальные 4 — 5 дѣтъ обязанъ явиться на сборное мѣсто къ осеннему слугу и на долго, въ день часа на два.

(*) Грошъ — копейка серебромъ.

а къ другому хозяину; но здѣсь и граница свободы: отошедши, иной со свѣчкою и сыщетъ угла, гдѣ пріютиться. Отъ того немущему тамъ лучше пойти съ дѣтьми и женой на вѣкъ въ кабалу, чѣмъ на побой скитаться безъ куска хлѣба по блону свѣту. Такъ эти люди, полу-негры, бѣжъ живутъ между огня и полыни. Ужамъ свои законы; ставятъ всѣхъ подлинну мѣру и тихомолкомъ самую свободу ками отдають въ рабство: истинное поноженіе всѣхъ этихъ людей.

Въ Австрійскихъ, въ нѣкоторыхъ и другихъ владѣніяхъ крестьяне почти на той же ногѣ, какъ у насъ крестьяне обязанности, съ нѣкоторыми только отгѣнками. Въ Богеміи, наприимѣръ, земля есть собственность помѣщика, а живущіе на ней крестьяне владѣютъ, каждый по мѣрѣ своихъ способовъ, большимъ или меньшимъ часткомъ, ни въ какомъ случаѣ однако не отчуждаемымъ и недѣлимымъ. Независимое, не добровольное между владѣльцами и крестьянами соглашеніе, а самыя иконы однажды навсегда установилъ полноты крестьянъ (roboty) въ его подданности. По закону обязаны работать на помѣщика отъ семьи — ganz-bauer за участокъ до 30 морговъ земли (°) 186 дней въ году а парѣ, а гдѣ нужно, и на двухъ парахъ лошадей или воловъ, и 40 дней безъ лошадей; Halbbauger за участокъ до 15—20 морговъ, съ лошадьми 100, безъ лошадей 120 дней; Viertel-bauer за участокъ до 8—10 морговъ, съ лошадьми 50, безъ лошадей 40 дней. За тѣмъ идутъ крестьяне: rustical, которому хозяинъ изъ трехъ первыхъ разрядовъ позволить построить избу на своемъ участкѣ съ доскутомъ земли отъ картофель; Dominical, которому владѣлецъ то же позволить на своей землѣ; hauseger, у котораго только хижина, келья: первый обязанъ работать на помѣщика 13, второй 26 дней въ году безъ лошадей; послѣдній на посылкахъ. Работы оложено не менѣе 84 часовъ въ недѣлю. Законъ вошелъ въ такія подробности, что и забылъ даже куръ, яницъ, другихъ мелочей для владѣльца. Но забудь онъ или рикашикъ его сказать въ воскресенье конику, въ какіе именно дни на недѣлѣ и куда онъ долженъ выйти къ нему на работу: всей недѣлѣ для него какъ не было; за прегрѣшеніе онъ наказывается увольненіемъ забытаго крестьянина отъ

работы на него во всю недѣлю съ зачетомъ тому трехъ дней. Помѣщикъ властенъ принять къ себѣ всякаго, но на однихъ и тѣхъ же, закономъ постановленныхъ условіяхъ; отъ него также всякому вольно отойти, куда пожелаетъ, но не иначе, какъ предваривъ о томъ Амта свой, который обязанъ снести съ другимъ Амтомъ, куда крестьянинъ хочетъ переселиться, и получивъ его согласіе на пріемъ къ себѣ переселенца, расчестся съ нимъ и отпустить его. Амтъ, Jus domini, земская внутренняя расправа, представляеть лицо помѣщика. Законъ вѣрилъ ему въ границахъ его земли тишину, благоустройство, безопасность, всѣ нужды общественныя, надзоръ за исполненіемъ предписаній Правительства, право рѣшать споры, тажбы крестьянскія, словомъ, все, что не есть уголовное преступленіе, и далъ ему власть понужденія крестьянъ къ точному исполненію всѣхъ определенныхъ въ пользу владѣльца работъ и повинностей. Мелкопомѣстные могутъ, для большаго удобства въ содержаніи Амта, составить изъ нѣсколькихъ помѣстій одинъ Амтъ, но съ дозволенія Правительства. На рѣшеніе Амта въ лицѣ помѣщика недовольный въ правѣ жаловаться; но всѣ другія двери для него заперты; открыта ему на такой случай одна дверь — вышшаго Богемскаго Кассационнаго Суда въ Прагѣ. Не только помѣщики и судьи, сами крестьяне убѣрали меня, что безъ этихъ Амтовъ обѣ стороны пошли бы по мѣру.

«Земля въ Австрійскихъ Владѣніяхъ по добротѣ, произведеніямъ и приносимымъ выгодамъ разделена на 12 классовъ. Хозяинъ, сверхъ работъ на помѣщика, платитъ въ казну поземельную подать Grundsteuer, — полный хозяинъ, ganz-bauer, за свой участокъ 1-го класса не менѣе 90—100 гульденовъ (°) въ годъ. У кого меньше земли, или она низшаго класса, по расчету меньше и платитъ: сверхъ того каждый хозяинъ платитъ въ казну подать съ строенія, Gebäude-Steuer, по полугульдену въ годъ за каждую горницу; слѣдующъ за тѣмъ сборы съ промышленниковъ, съ припасовъ всѣхъ возможныхъ родовъ, Verzehrgungssteuer, съ ремесленниковъ, Gewerbe-steuer; въ общину поголовное Kopfsteuer, на содержаніе школьнаго учителя, Schulgeld, въ случаѣ надобности добровольнаго склади, наконецъ Sportelgeld: — не пересчитаемъ всего того, за что Казна

(°) Два морга — наша сороковая десятина.

(°) Австрійскій гульденъ 60 коп. сер.

ку и начальныя правила геометріи; е) географію и истоію отечества; г) начальныя основанія физики для разсѣянія предразсудковъ и нелѣпныхъ сказокъ о громѣ, молніи, другихъ въ натурѣ явленіяхъ; г) гимнастическія упражненія, чистописаніе, понятія о хлѣбопашествѣ, садоводствѣ.

«Всѣ безъ изъятія дѣти знатныхъ и безвѣстныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ родителей, мальчуган и дѣвочки, должны знать по силѣ, по мочи всѣ эти предметы до выпуска изъ школы. Гдѣ бы они ни учились, въ народныхъ ли школахъ, въ частныхъ ли заведеніяхъ, въ домахъ ли родителей, по истеченіи 14 лѣтъ подвергаются испытанію и каждый изъ нихъ долженъ получить аттестатъ отъ приходскаго школьнаго Совѣта о способностяхъ, успѣхѣхъ въ ученіи, нравственныхъ склонностяхъ, релігіозныхъ понятіяхъ. Безъ этого аттестата ни одинъ молодой человѣкъ не можетъ ни быть допущенъ къ причастію св. Таинъ, ни принять въ высшее училище, ни вступить въ службу; не можетъ даже принятыя въ контору купеческую, ни къ мастеровому, ни въ работнику, ниже въ пастухи къ стаду овецъ.

«Въ городскихъ школахъ тѣ же предметы ученія; но по надобностямъ городскихъ жителей нѣкоторые изъ нихъ преподаются въ пространнѣйшемъ видѣ, географія, исторія, математика, естественная исторія, языки, въ томъ числѣ и латинскій, о которомъ на вопросъ, къ чему онъ? вездѣ былъ мнѣ отвѣтъ, что ничто такъ не изощряетъ разсудка и здраваго смысла. Воспитаніе въ этихъ школахъ также оканчивается съ 14 годомъ возраста.

«Каждый городъ и каждое селеніе имѣютъ одну, двѣ, три и болѣе школы по паралелію. Въ одномъ приходѣ бываетъ нѣсколько школъ, какъ жители согласятся мѣстной удобности. Находишь селенія изъ 10—12 дворовъ и съ деревенскою школою.

«Всѣ школы строятся и содержатся отъ городовъ и сельскихъ общинъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ они въ прекрасныхъ зданіяхъ; въ селеніяхъ есть весьма порядочныя; но не въ одномъ еще мѣстѣ они не строены малымъ чѣмъ лучше тѣхъ школъ, какія въ старыя годы я видывалъ въ каждой церкви въ городахъ и селеніяхъ Новгородской, Харьковской, Черниговской, Кіевской, и частію Воронежской губерній,

и которыя въ одной нѣмецкой книгѣ названы Diaken-Schulen.

«Въ деревняхъ школьный сборъ составляетъ одинъ грошъ, 3 коп. серебр., за дѣтя въ мѣсяцъ: въ городахъ оны нѣсколько выше. Этого, другіе мелкіе сборы и добровольныя складки идутъ на содержаніе учителя. Правительство тогда только, и то очень рѣдко, подаетъ руку помощи, допояняетъ недостатокъ, когда ни общинѣ, ни приходской церкви совсѣмъ уже не изъ чего дать учителю полное содержаніе, деньгами по-крайней-мѣрѣ 100—125 талеровъ въ годъ сверхъ помѣщенія и отопленія. Мелкіе сборы — на крестинахъ, на сватбахъ, на похоронахъ: является школьный учитель, держа въ рукѣ тарелку съ мукою, и обходитъ всѣхъ гостей и хозяевъ; каждой кладетъ въ муку, сколько можетъ; сборъ высыпается въ кружку.

«Общій такимъ образомъ для всѣхъ состояній, обязанный для всѣхъ и каждого законъ—учить дѣтей тому, что составляетъ кругъ народнаго воспитанія. Съ этою цѣлію образованіе городскихъ и деревенскихъ школъ, предметы и метода ученія, обязанности учителей, школьных совѣтовъ, приходскихъ священниковъ, вліяніе сихъ послѣднихъ на воспитаніе прихожанъ и внѣ народныхъ училищъ, обязанности окружныхъ инспекторовъ, суперинтендентовъ, книги, какія въ школахъ должны употребляться, часы ученія до и послѣ обѣда, срокъ, на сколько времени дѣти отпускаются къ родителямъ въ полевою рабочую пору—все до послѣдней мелочи закономъ предусмотрено, объяснено и постановлено въ непремѣнное правило и руководство.

«За тѣмъ всѣ городскія и сельскія школы, а съ ними и все воспитаніе народа законъ ввѣрилъ церкви, духовенству.

«Каждая городская и деревенская школа имѣетъ свой школьный совѣтъ, Schulvorstand. Предсѣдатель приходскій священникъ, сколько бы школъ ни было въ его приходѣ; за нимъ учитель школы, начальникъ сельской управы, Schultheissen, котораго недолжокъ нашъ сотникъ, и почетнѣйшій изъ отцовъ семейства, оны же и попечитель школы, по выбору общины. Въ городскихъ школьныхъ совѣтахъ за сѣдають членъ отъ магистрата и двое почетнѣйшихъ гражданъ также по выбору общества. Школьный Совѣтъ обязанъ слѣдить за вѣрными и точно такъ, какъ

предписано, исполненіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ, печется о доставленіи холнаго содержанія учителю, снабжаетъ одеждой и обувью дѣтей бѣдныхъ родителей, чтобы ни одно дитя ни подъ какимъ видомъ не ускользнуло отъ школы. Кто живетъ не въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ школа: распоряджайся, какъ хочешь, а дѣти каждой день должны быть въ школѣ.

«Школьный учитель есть подчиненный помощникъ приходскаго священника: законъ говорить о немъ, какъ о важномъ лицѣ въ государственномъ служеніи: — посвящаетъ всего себя на службу Богу и Исусу Христу, отечеству и человѣчеству.

«Года не проходятъ, чтобы школьные учителя и приходскіе священники, тѣ и другіе особо, не собирались по взаимному соглашенію раза по два, по три въ году изъ ближайшихъ мѣстъ въ городъ или селеніе для совѣщанія, какъ лучше и успѣшнѣе исполнять свои обязанности. Помню рассказъ о суматохѣ между учителями отъ упрямаго, но очень остраго мальчика, сколько было между ними о немъ конференцій и переписокъ: упрямото дошло до того, что показалось учителю казусомъ; слово за слово; пошли совѣщанія, какъ переломить блуднаго сына терпѣніемъ и твердостью безъ наказанія розгами, чтобы не оскорбить въ немъ чувства чести.

«Школы нѣсколькихъ приходоѡ поручаются надзору одного изъ опытнѣйшихъ приходскихъ священниковъ. Затѣмъ осматриваетъ ихъ суперъ-интендентъ, посѣщаетъ ихъ назначенный отъ Правительства окружный инспекторъ. Чумы не лезъ больше бояться, какъ тамъ болтаютъ того, чтобы врагъ-человѣкъ не подсыпалъ плевель въ пшеницу. Неменѣе бояться того, чтобы дѣти или не доучились или переучились: столько же требуется доходить до границы, сколько воспрещается переступать черезъ грань, поставленную Правительствомъ для народнаго воспитанія: думаютъ, что народная школа должна быть одна, и что только въ единообразіи воспитанія можетъ сохраниться зародышъ истинной народности.

«Отъ непривычки странно слышать о семинаріяхъ, консисторіяхъ, когда рѣчь идетъ о свѣтскихъ училищахъ. Семинаріи называются заведенія, гдѣ молодые люди приготавливаются въ школьные учителя. Консисторіи — въ Пруссіи училищная Коллегія составляетъ отдѣленіе Про-

визіальной Консисторіи—управляютъ и родными школами и семинаріями: — старинныя названія, сохранившіяся вѣроятно какъ потому, что самой вещи, назови ее тѣмъ ли, другимъ ли именемъ, оттого ни тепло, ни холодно, такъ и по главной, христіанской цѣли народнаго образованія. Законъ называетъ народную школу и-ствомъ, гдѣ совершается важный трудъ въ святомъ дѣлѣ воспитанія народа.

«Показалось мнѣ, что протестантское духовенство имѣетъ больше вліянія на народныя школы, чѣмъ католическое; отъ многихъ знающихъ людей также я слышалъ, что первое рвеніемъ въ нравственномъ и религіозномъ образованіи общества превосходить ожиданіе правительства.

«Не безъ удовольствія смотришь на дѣтей, какъ они въ 7 часовъ утра, въ часъ по полудни бѣгутъ въ школу изъ всѣхъ угловъ деревни и города, — знакомые уже съ чувствомъ обязанности въ такомъ возрастѣ, когда дѣти обыкновенно или сидятъ, поджавъ ноги, на улицахъ или играютъ въ кости и городки, бранятся и ссорятся, во всякомъ же случаѣ занимаютъ въ себя зародышъ пагубной чумы — праздности и безотчетности. Мальчики и дѣвочки до 10 лѣтъ бѣгутъ въ школу, потому отдѣльно.

«Видѣлъ я многихъ деревенскихъ учителей: не имѣютъ въ виду ни чины, ни особенныхъ наградъ, не считаютъ я дѣл, сколько еще остается до перемѣны службы, а иные изъ нихъ по любви къ дѣтямъ, терпѣнію, умѣнью изъяснить имъ все просто и вразумительно, такое сокровище, какое и со свѣтцемъ не встрѣтишь. Ктому надобно послушать, какъ они, а за ними и дѣти запекутъ: *Netlich lieb habe ich dich, Herr, meine Stucke, man: Nach dir, Herr, verlanget mich.* Не всякой разъ выйдешь отъ нихъ съ тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ пролези, и по этому можно судить, почему такъ хоральное пѣніе вошло даже въ составъ Министерства народнаго воспитанія.

«Въ деревенской школѣ засталъ я дѣтей за вычитаніемъ и просилъ учителя заставить кого-нибудь изъ учениковъ сказать мнѣ, сколько пойдетъ кирпича въ стѣну данной мною длины, вышины и толщины. Ученикъ съ третьей скамьи сдѣлалъ вычисленіе довольно скоро и, какъ учитель сказалъ въ похвалу ему, правильно — безъ грифельной доски, на память.»

Авторъ *Замѣтокъ за Границею*, съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ, сообщаетъ драгоценныя свѣдѣнія о минимомъ возрожденіи славянства въ Богеміи. Изъ его словъ видно, что это дѣло чисто литературное, не имѣющее никакого корня въ натурѣ. Вотъ, что говорить онъ объ этомъ:

«При Іосифѣ II Богемцы подумали, что онъ хотѣлъ за-живо задѣть Чешскій языкъ; и языкъ отъ того ожилъ: всѣмъ извѣстны съ того времени труды Богемскихъ литераторовъ прежнихъ и нынѣшнихъ, Шафарика, Ганке, Палацкаго. Въ Прагѣ подумаешь, что все вѣнецкое оттуда бѣжало; по названію тамъ все богемское, клубы, концертныя залы, вечернія бесѣды, кофейныя дома, гостиницы, Nowiny, Květy, другіе журналы на Чешскомъ языкѣ; есть и театръ Чешскій; но когда бытъ сцена Богемской, это уже зависѣло отъ соглашенія съ вѣнецкою театральною дирекціею, а она не шла для того другаго времени, какъ только по воскреснымъ днямъ отъ 4 до 6 часовъ послѣ обѣда. Въ этомъ все возрожденіе славянства: о чемъ столько гулу; глубже не пошелъ, нельзя и пойти ему глубже. Nosroda nowa или newe Wirsbau, Obuwnik или Schubmacher: вещь отъ того или другаго нарѣчія ни хуже, ни лучше, а это забавляетъ людей: нусть себѣ гѣшатся. Съ задумчивымъ Богемцемъ срослось уже слишкомъ много вѣнецкаго быта; въ самыхъ мелочахъ это видно: подумайте купить, даже въ Прагѣ, чего бы то ни было, возьмѣть, винограду, грушъ, рѣпы, моркови, въ праздникъ и не двенадцатый; ничего не слышите до 3 часовъ послѣ обѣда, а ровно въ 3 часовъ сотни торговки, не торговцы, на площадяхъ со всѣми припасами. Водится ли тамъ грѣхъ за народомъ чисто славянскимъ? Я даже той гѣры, что не будь въ Богеміи уже столько германскаго духа: не гордился бы по его милости Австрія ни хрусталею, ни другими превосходными богемскими издѣльями.»

Какъ черта вѣнецкихъ нравовъ, сталъ противоположныхъ славянскимъ, крайне-любопытенъ и поразителенъ въ книгѣ г. Ф. П. Л. слѣдующій анекдотъ:

«Въ небольшомъ вѣнецкомъ городѣ казначей жилъ, какъ и весь тамъ Beamten-Weit живетъ, однимъ жалованьемъ. Въ должностномъ мірѣ тамъ свои законы и обычаи: какъ прежде за послѣдняго Курюрста Саксонскаго вся Саксонія безъ ошибки могла сказать за нѣсколько лѣтъ впередъ, примѣромъ 1790 г., что Курюрстъ надѣлаетъ на себя 3 марта 1800 г., новый ли мундиръ или французскій кафтанъ, суковный или бархатный, тем-

наго или свѣтлаго цвѣта, съ обыкновенными или алмазными пуговицами: такъ теперь во всѣхъ вѣнецкихъ земляхъ извѣстно и вѣдомо всякому, какъ должностной чиновникъ живетъ и до смерти будетъ жить съ 1000—1300 талеровъ годоваго оклада, изъ какой матеріи у жены его будетъ платье, изъ какого кружева чепчикъ, сколько разъ въ году онъ пригласитъ къ себѣ пріятелей на чашку жиденькаго чаю съ полусливками, кухнями, и на бесѣду. Года три казначей шелъ по битой дорогѣ: вдругъ отъ него зовъ на обѣдъ!—Различно судили о столь чрезвычайномъ происшествіи, а какъ оно стало повторяться, кому-жъ на бѣду казначей на супругѣ его показали платье, шаль, кружево уже не прежняго достоинства: то званныя перешептались, избранныхъ каждой разъ было меньше, отказывались отъ приглашеній одинъ по нездоровью, другой по занятіямъ, мужскъ и женскъ погъ по какому-то чутью до удостовѣренія, не было ли здѣсь чего нибудь нечиста. Заговорили; говоръ дошелъ до провинціального города, и вдругъ коммиссія ночью прямо къ казначей казначейства: всей суммой противъ книгъ не оказалось; казначей отбылъ въ крѣпость. До чего дошла? — Общее мнѣніе шіюмъ и довошккъ!»

Любопытнѣшее въ *Замѣткахъ за Границею* относится до земледѣлія, земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ въ Германіи и Швейцаріи, до желѣзныхъ дорогъ и народнаго образованія въ Германіи. Впрочемъ, много любопытнаго замѣчено г-мъ Ф. П. Л. и на-счетъ Сѣверной-Италіи, равно какъ и на-счетъ многихъ произведеній искусства, особенно готическихъ храмовъ въ Германіи. Выписанные нами отрывки не дадутъ вполне понятія о дѣльности этой книги, — что очень-выгодно для ея читателей, которые, вѣроятно, не оторвутся отъ нея не дошедши до послѣдней, т. е. 370 страницы, не смотря на ея старинный слогъ и немножко-устарѣвшіе взгляды на многіе предметы. Она не изъ тѣхъ книгъ, которыя прочитываются не безъ удовольствія и потомъ забываются навсегда: всякому, кто прочтетъ «Замѣтки» г. Ф. П. Л., захочется украсить ими свою избранную библіотечку. Такая книга драгоценна для справокъ, и ее можно съ удовольствіемъ прочесть и въ другой, и въ третій разъ.

ГОЛОСЪ ВЪ ЗАЩИТУ ОТЪ «ГОЛОСА ВЪ ЗАЩИТУ РУССКАГО ЯЗЫКА».

Wär der Gedank' nicht so verwünscht gescheidt,
Man wär versucht, ihn herzlich dumm zu nennen.

SCHELLER. (*Wallenstein.*)

Но умyselь другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ...

Крыловъ. (*Музыканты.*)

Должно однакожь замѣтить, что литературныя несогласія того времени были не иное что, какъ рыцарскіе поединки, въ которыхъ дѣйствовали однимъ законнымъ и честнымъ оружіемъ; тогда искали торжества мнѣнію своему, хотѣли выказать искусство свое, удовлетворить глупой уладоности ума, искавшаго, въ подобныя минуты случайностей, гласности и блеска. Не поше-приведенному замѣчанію, что у насъ тогда было болѣе аматѣровъ, нежели артистовъ, слыдуеть, что и въ сихъ расприхъ выходили другъ противъ друга добровольные, безкорыстныя бойцы, а не наемники, которые ратуютъ изъ любви, нападаютъ сегодня на того, за котораго дрались вчера, торгуютъ равно и присягою и оружіемъ своимъ, и за безсиліемъ своимъ въ бою неистову, готовы прибѣгать ко всѣмъ пособіямъ предательства. Убѣгая съ открытаго поля битвы, разбѣганные и уязвленные побѣдителями, они признаютъ себя побѣжденными: если стрѣлы не метки и удары не вѣрны, то они ищутъ впереди себя другое оружіе, потаенное, ядовитое, ставятъ свои неприступныя засады, изъ коихъ морочатъ противниковъ своихъ навѣрное.

Князь Вяземскій (*Библиотечный журналъ и Литературныя Записки о Фоминѣ въ 1841 году.*)

Всѣ согласны въ очевидности успѣховъ нашей литературы. Каждая эпоха ея имѣла своихъ достойныхъ представителей; настоящая имѣетъ своихъ, и въ этомъ отношеніи ей нѣтъ гордиться передъ своими предшественницами. Но она имѣетъ полное право гордиться предъ ними своею зрѣ-

лостью. Съ годами она стала мужественнѣе, опытнѣе, умнѣе. И если она пережила не слишкомъ много годовъ, за то, въ пережитые ею немногие годы, подверглась многимъ неожиданнымъ измѣненіямъ, перепробовала много новыхъ путей мысли и формы; это принесло ей ту великую пользу, что

новость мысли или формы она уже не принимаетъ больше за достоинство этой мысли или за достоинство этой формы. Съ литературою, естественно, возмужала и публика. Теперь посредственность тщетно стала бы ридиться въ павлинья перья изысканной оригинальности, ложнаго пафоса, блестящей фразеологiи: время успѣховъ ея миновало. Разсчетливое корыстолюбiе, въ связи съ добродушною ограниченностью, тщетно стало бы теперь надѣвать на себя маску изступленнаго фанатизма: оно никого не увѣритъ въ глубокости своихъ убѣжденiй, въ которыхъ всё увидать одно только низкое лицемерiе. Старый, выписавшiйся сочинитель можетъ теперь сколько ему угодно вападать на талантъ и гений, на убѣжденiе и заслугу, и хвалить само-го-себя и свои сочиненiя: отъ этого ни ему, ни его сочиненiямъ не будетъ лучше, такъ же какъ не будетъ хуже ни таланту, ни гению, ни убѣженiю, ни заслугѣ. Имена потеряли теперь все свое очарованiе. Публика восхищается сочиненiями, а не именами. Кто бы ни издавалъ для нея сборники хорошихъ статей,—если статьи хороши, она раскупаетъ сборникъ, хотя бы его издатель былъ вовсе ей неизвѣстенъ; если статьи плохи, она не покупаетъ сборника, хотя бы его издатель былъ презнаменитое лицо въ литературѣ, и подъ статьями сборника тоже выставлены были громкiя имена. Если бы гениальный писатель вдругъ издавалъ что-нибудь недостойное его таланта и имени, это сочиненiе безъ всякихъ обидъ было бы названо всѣми посредственными или плохими. Новый талантъ, великiй или обыкновенный, можетъ теперь смѣло выходить на литературное поприще безъ журнальныхъ и всякихъ другихъ протекцiй: онъ сейчасъ же будетъ признанъ за то, что онъ есть въ самомъ дѣлѣ, него успѣхъ всегда будетъ болѣе или менѣе соответственъ его степени. Направление современной литературы русской носитъ на себѣ отпечатокъ зрѣлости и мужественности. Литература наша съ

недоступныхъ высотъ великихъ идеаловъ, которыхъ осуществленiй никто не видалъ и не встрѣчалъ на землѣ, спустилась на землю и принялась за разработку современной действительности, представляемой толпою. Этимъ, изъ предмета праздноя забавы она сдѣлалась предметомъ дѣльнаго занятiя. Въ ней теперь утвердились два великiе элемента—стражи здраваго эстетическаго вкуса противъ всего фразѣрскаго, натянутаго, неестественнаго, слабаго, сантиментальнаго, ложнаго: мы говоримъ объ *иронiи* и *юморъ*. Съ ними открытъ для нашей литературы прямой, широкой и надежный путь къ истиннымъ, плодотворнымъ успѣхамъ въ будущемъ.

Но главная, существенная сторона успѣховъ современной русской литературы заключается, конечно, въ томъ, что теперь широкъ и легокъ путь для таланта, узокъ и труденъ для посредственности, невозможенъ для бездарности. Но изъ этого самаго прогресса вышло не совсѣмъ-отрадное слѣдствiе, какъ-бы для доказательства того, что, если справедлива поговорка, «нѣтъ худа безъ добра», видно, правда и то, что не бываетъ и добра безъ худа. Посредственность и бездарность всегда были завистливы, безпокойны и раздражительны: но теперь неудачи доводятъ ихъ до готовности пользоваться всѣми средствами для поддержанiя своего падшаго кредита, для пораженiя всѣхъ и cadaго, кто съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ дѣйствуетъ на литературномъ поприщѣ. Журнальная полемика—не новость въ нашей литературѣ. Почти всѣ записные читатели на святой Руси до страсти любятъ полемическiя статьи,—и, въ то же время, почти всѣ любятъ бравить полемику. Многие изъ нихъ точно такъ же отъ всей души убѣждены въ страшномъ вредѣ полемики для нравовъ, какъ и въ великой пользѣ для тѣхъ же нравовъ отъ пресеранса, сплетенъ и вѣзоты. Что до насъ,—мы убѣждены, что въ благоустраенномъ обществѣ нестерпимы злоупотребленiя

полемики, т. е. дурной тонъ, площадная рѣзкость выраженій, личности; но что въ полемикѣ, умѣющей держаться въ предѣлахъ чисто-литературныхъ вопросовъ и выражаться прилично, нѣтъ никакого вреда, а напротивъ, есть много пользы, потому что такая полемика даетъ литературѣ жизнь и движеніе. Если бы иногда полемика и позволяла себѣ немного забываться и проговариваться, — большой бѣды въ этомъ нѣтъ, и такого рода промахи должны подлежать суду общественнаго мнѣнія. Назадъ тому лѣтъ двѣнадцать, полемика ваводняла собою всѣ журналы, и нельзя сказать, чтобы иногда она не грѣшила противъ хорошаго тона; но за то, и нельзя сказать, чтобы позволяла себѣ такіа странныя выходки, которыя скорѣе можно назвать «юридическими», нежели «литературными».

Недавно въ одномъ петербургскомъ журналѣ, однимъ очень-уважаемымъ лицомъ въ нашей литературѣ, была высказана слѣдующая дѣльная мысль: «У насъ есть уже что-то похожее на школы, на партіи въ наукѣ и литературѣ; бываютъ споры хоть не со всѣмъ за идеи, а за самолюбіе и карьеры, однакожь, въ нихъ сверкаютъ иногда искры идей, какъ крупинки золота въ глыбахъ рудокопной грязи. Все это производитъ какую-то игру въ обществѣ, хотя не шумную и не богатую выигрышемъ, но показывающую, по-крайней-мѣрѣ, уже замѣчательное развитіе понятій, нѣкоторую самостоятельность умовъ». Дѣйствительно, въ этихъ словахъ заключается очень-вѣрная характеристика журнальной стороны современной русской литературы. Къ-сожалѣнію, у насъ не во всѣхъ «глыбахъ рудокопной грязи» сверкаютъ искры идей, но есть глыбы, въ которыхъ все — грязь, и ни одной искорки. А между-тѣмъ, теперь нѣтъ ни одной «глыбы», которая не претендовала бы на идеи, не кричала бы о глубокомъ убѣжденіи; нѣкоторыя изъ этихъ глыбъ даже рѣшились говорить темнымъ ми-

стическимъ языкомъ и не шутя обѣщаютъ измѣнить весь міръ къ лучшему, изгнать изъ него пороки и водворить въ немъ добродѣтель, для чего и совѣтуютъ міру — не жалѣть денегъ, подписываясь на нихъ, т. е. на глыбы-то... Разумѣется, подобныя странности не могутъ получить никакого успѣха, на чемъ бы онѣ ни опирались — на искреннемъ убѣжденіи, или на расчетѣ. Но во всякомъ случаѣ, неуспѣхъ раздражаетъ самолюбивую посредственность и лицемерную расчетливость. Надобно бороться противъ всего, въ чемъ есть истина и талантъ; но съ ними не ровенъ бой для лжи и бездарности: надобно изобрѣсти другое оружіе. И оно изобрѣтено и дѣйствуетъ, если пока и неуспѣшно, за то неутомимо, и съ большими надеждами на будущее. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно — что съ нѣкотораго времени сдѣлались довольно-частыми и обыкновенными полемическія статьи, въ которыхъ авторъ сперва очень-вѣжливо отдаетъ справедливость своему противнику, начинаеть съ литературнаго вопроса, а потомъ незаметно переходитъ къ патриотизму и т. п., тонко намекая, что его противникъ такъ или сякъ грѣшитъ противъ того и другаго... Вы принимаетесь за статью, по заглавію которой думаете, что въ ней идетъ дѣло о весьма-невысокихъ предметахъ, напримѣръ, грамматикѣ, риторикѣ, какого-нибудь литературнаго произведенія — новѣсти, романа, водевиля, — и вдругъ видите, что это вовсе не литературная статья, а что-то въ родѣ *procès verbal*... Если бы вы, читатель, были Ирани, то, прочтя такую статью, неволью воскликнули бы: «Бисмилляхъ! это что за извѣстіе?» положили бы въ уста своего понятія палецъ удивленія и, за невозможностію рѣшить задачу, возложили бы упованіе на Аллаха... Просиявъ извинить насъ за эти *восточныя* фразы: мы недавно вновь прочли *Мирзу Хаджи-Бабу Исфавани*, на-дняхъ вышедшаго вторымъ изданіемъ, и какъ-то неволью исполнились восточнаго

духа: передъ нашими глазами такъ и вертятся то муфтин, готовые обвинить правотѣрнаго въ нерадивомъ выполненіи ежедневнаго намаза, то грозные *фетваши*, всегда готовые, по маю *кадіа*, повалить правотѣрнаго на спину, вставить его ноги въ *фелекы* и бить по пятамъ палкою до-тѣхъ-поръ, пока сердце его не обратится въ *кебибъ* (мелко-рубленое жаркое), мозгъ не засохнетъ въ костяхъ, чрева не обратится въ воду, и душа не выскочитъ изъ всѣхъ отверстій его тѣла...

Въ одиннадцатой, т. е. *нолбрской* книжкѣ *Москвитянина* за прошлый 1845 годъ, благополучно достигшей береговъ Невы въ январь благополучно-вступившаго 1846 года есть статья: *Голосъ въ защиту русскаго языка*. Она начинается такъ:

«Въ 8 А^в Отечественныхъ Записокъ за А(а)вгустъ сего (т. е. 1845) года, въ отдѣлѣ Библиографической Хроники помѣщена особенно замѣчательная статья, разборъ книги: «Грамматическія Разысканія В. А. Васильева». Она замѣчательна не потому, что сочиненіе г. Васильева удостоивается (*да? въ чьей?*) особенной похвалы, не потому, что отдается должная справедливость знаменитому труду О. П(и)ротоіерея Паскаго, и не потому только, что возбуждаетъ любителямъ отечественнаго языка, что «последняя, шестая, часть *Филологическихъ Наблюденій* приводится къ окончанію авторомъ и вмѣстѣ съ четвертою «и вѣною не замедлитъ поступить въ печать». — Статья сама по себѣ замѣчательна субъективно и объективно. Первое, по тому рецензента и его способу изложенія; второе, по тому, что главный предметъ ея параллель Р(р)усскаго языка съ Ф(ф)ранцузскимъ. Последній безусловно восхваляется,

А Россіи — Боже мой! —
Таска... да кака!

Машаллахъ, иншаллахъ! это что за буква? Таска—да еще кака! и кому же? Россіи!!!... Мы сейчасъ покажемъ, въ чемъ угодно было *Москвитянину* увидѣть нашу (съ позволенія сказать!) таску Россіи; но сперва отвѣтимъ на вступительные пункты «Голоса» *Москвитянина*. Почтенный журналъ про-

«У насъ съ нѣкотораго времени Ж(ж)урналы, по праву сильнаго завладѣнія, почти исключительно поставили себя стражами, законодателями и оракулами въ наукахъ и словесности. Огромное влияние ихъ на сію последнюю производится не отдѣльными статьями, сообщаемыми и подписанными кѣмъ-либо изъ сотрудниковъ Ж(ж)урнала или постороннихъ его вкладчиковъ. Такія статьи составляютъ не болѣе (,) какъ голосъ или мнѣніе кого-нибудь одного: а одному не всегда и не скоро удается сдѣлаться главою школы. Главное сосредоточіе этого влияния два особые отдѣла, собственно *Критика* и *Библиографическая Хроника*, нѣкѣмъ не подписываемыя. — Этотъ обаянный, периодическій трудъ постоянныхъ рецензентовъ Ж(ж)урнала, есть голосъ редакціи, которая за него стоитъ круговой порукой, голосъ самого Ж(ж)урнала, проявленіе его духа и направленія, которое тѣмъ болѣе распространяется, чѣмъ болѣе Ж(ж)урналъ имѣетъ подписчиковъ и читателей. И въ этомъ отношеніи Отечественнымъ Запискамъ неоспоримо принадлежитъ прерогатива посреди всѣми другими Ж(ж)урналами нынѣшняго времени.»

Журналы, видите ли, по праву сильнаго завладѣнія, поставили себя стражами, законодателями и оракулами въ наукахъ и словесности! Нѣтъ, господинъ *Москвитянинъ*, это не такъ! Журналы у насъ судятъ о предметахъ науки, искусства и литературы не по праву сильнаго завладѣнія, а по позволенію Высшей Власти, со временъ Петра-Великаго и до настоящаго мгновенія сдѣлывающей и благотворяющей усѣхамъ просвѣщенія и образованности въ Россіи. Было время, когда Великая Монархиня была участницею журнала, въ качествѣ писателя. Теперь журналистика сдѣлалась потребностью образованной части русскаго общества, вошла, такъ-сказать, въ его привычки и нравы, именно въ-слѣдствіе этого дѣятельнаго покровительства свыше. Что теперь есть (какъ и были прежде и, къ-сожалѣнію, будутъ всегда) журналы, которые добиваются поспать въ законодателя и оракулы наукъ и словесности,—это правда; но правда и то, что именно этого-то рода

журналы и не успевают никогда из своего напряженія, потому-что успѣхъ всегда остается на сторонѣ журналовъ, которые безъ претензій, по заводу съ талантомъ и знаніемъ дѣла, объявляютъ свое мнѣніе о предметахъ, законо-подлежащихъ ихъ сужденію, т. е. о наукѣ, искусствѣ и литературѣ. Что хорошій журналъ долженъ имѣть опредѣленное мнѣніе, быть вѣрнымъ однажды-пріятому имъ направленію, подъ опасеніемъ оказаться плохимъ и кануть въ лету, или едва влачить свое чахоточное существованіе — въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Подписываются, или не подписываются критическія и библиографическія статьи въ журналъ, — это рѣшительно все равно и нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Когда журналистъ — человѣкъ безъ мнѣнія, журналъ его будетъ безцвѣтенъ и мертвъ, хотя бы его сотрудники и не подписывали подъ статьями своихъ именъ. Когда же журналистъ знаетъ свое дѣло, — статьи иношества его сотрудники, съ подписью ихъ именъ, всегда будутъ согласны съ его мнѣніемъ, потому-что онъ не допуститъ до участія въ своемъ журналѣ людей разномыслящихъ, о которыхъ можно сказать:

Зпѣямъ молодымъ: кто въ дѣсь, кто по дрова!

Вотъ, на примѣръ, въ *Москвитянинѣ* всѣ критики и рецензій подписываются или полными именами, или хотя заглавными буквами именъ, и всѣ эти статьи толкуютъ о чемъ-то объ одномъ, кажется, о словенствѣ или славянствѣ, или о чемъ-то этакомъ; но — странное дѣло! — во всѣхъ этихъ статьяхъ, толкующихъ объ одномъ, именно одно-ю-то и нѣтъ, отъ-того ли, что гг. сотрудники не совсѣмъ понимаютъ о чемъ сами говорятъ, или отъ-того, что не могутъ согласиться другъ съ другомъ, — отъ той или другой причины, или по обѣимъ вмѣстѣ, только въ *Москвитянинѣ* часто выходитъ развѣголосоца. За доказательствомъ не далеко ходить. Г. Шевыревъ, рабъ-ирая *Мертвою Душою*, до небезъ превоз-

несъ ихъ автора, а «Голосъ въ Защиту Русскаго Языка» очень-немного хорошаго видить въ Гоголѣ. Не-уже-ли таково разнорѣчіе одного и того же журнала объ одномъ и томъ же писателѣ — есть достоинство, заслуга? И не-уже-ли говорить всегда одно и то же, не противорѣча самому-себѣ, есть больше, чѣмъ недостатокъ журнала? Что за странная логика у *Москвитянина!*.. Но послушаемъ его дальше:

« Не сочувствуя духу и направленію О. З. нельзя однакоже отказать въ справедливомъ уваженіи, на которое имъ дають право, во-первыхъ, постоянная и строгая исправность ихъ выхода; во-вторыхъ, кромѣ здоровой толщины (слово О. З.) книжекъ, точное выполненіе многосторонней программы Ж(ж)урнала. Переводныя статьи, иногда заключающія въ себѣ цѣлыя книги, непремѣнно воны и большею частію хорошо переведены. Въ Критикѣ иногда встрѣчаются статьи (и) писанныя бойкимъ перомъ мастера. Матеріальная часть всегда въ порядкѣ относительно исправности печати и даже разсылки книжекъ. Вообще видна какавто постоянная внимательность къ читателямъ, заботливость, сдѣлать ихъ довольными, которая заставила бы думать, что удовлетвореніе исполнѣ ихъ ожиданій и вмѣстѣ огромное вліяніе на мнѣніе публики суть двѣ единственныя цѣли Ж(ж)урнала, и что, за ними, уже какъ не нужное послѣдствіе, приходитъ сама-собою дѣль нѣсколькихъ тысячъ подписчиковъ; но О. З. сами открываютъ соевымъ другомъ, усиливаясь доказать, даже съ нѣкоторою досадою, что въ *журналахъ*, также какъ въ *мануфактурномъ и торговои производствѣ*, деньги суть и цѣль и средство.»

Благодаримъ за похвалы нашему журналу, какъ кажется, не совсѣмъ незаслуженныя; но и не подустимъ неправды, совершенно-незаслуженно на него взводимой. Да будетъ извѣстно *Москвитянину* и всѣмъ, кому нужно это знать, что «Отеч. Записки» никогда не говорили, что будто-бы въ журнальномъ производствѣ деньги суть и цѣль и средство. *Москвитянинъ* ссылается, въ доказательство справедливости своего обвиненія, на слѣдующія строки «Отеч. Записокъ»:

«Съ появленія «Библиотеки для Читанія», литературный трудъ сдѣлался капиталомъ... Много было тогда объ этомъ споровъ, и многіе видѣли въ этомъ униженіе литературы, литературное торгашество. Рыцари литературнаго безкорыстія, или, лучше сказать, литературнаго домъ-хикотства, не замѣчали, что въ ихъ пышныхъ фразахъ больше ребячества, нежели возвышенности чувства. Въ наше время, когда не богачамъ жить такъ трудно и жить можно только трудомъ, въ наше время не цѣнить литературы на деньги, значить не цѣнить ея ни во что, не признавать ея существованія. Дѣйствительно, можно ли предполагать богатую литературу тамъ, гдѣ книги — не товаръ, и гдѣ говорятъ: «все товаръ — и битое стекло, и мусоръ, и песокъ; но книга — не товаръ»? Можно ли предполагать дѣйствительное существованіе литературы тамъ, гдѣ можетъ жить своимъ трудомъ и подѣшникъ, и разнощикъ, и продавецъ стараго тряпья, и битой посуды, и тѣмъ болѣе писецъ, — но гдѣ не можетъ жить своимъ трудомъ писатель, литераторъ? Чтѣ бы ни говорили, но аксіома неоспоримая, что нельзя въ одно и то же время быть волеиъ и хорошимъ чиновникомъ и хорошимъ литераторомъ: чиновникъ непремѣнно будетъ мѣшать литератору, а литераторъ чиновничку. Чтобы быть ученымъ, поэтомъ, или литераторомъ волеиъ, необходимо видѣть въ наукѣ, въ искусствѣ, или въ литературѣ свое исключительное призваніе, свое, такъ сказать, ремесло, свой родъ промышленности, говоря языкомъ политической экономіи.»

Гдѣ жъ тутъ сказано, что деньги — и цѣль и средство въ литературѣ? Послѣ этого всѣ поэты и художники нашего времени — торгаши, работающіе только для денегъ? И изъ всѣхъ поэтовъ, Байронъ особенно долженъ быть обвиненъ въ торгашествѣ, потому-что, получивъ богатое наслѣдство, онъ все-таки бралъ съ Муррая страшныя суммы за свои поэмы. Пушкинъ получалъ отъ книгопродавца за каждый стихъ свой по червонцу: торгашъ, для котораго въ поэзіи деньги были и средствомъ и цѣлью! Сколько намъ извѣстно, знаменитый нашъ живописецъ К. П. Брюловъ никому не даетъ да-

ромъ своихъ картинъ, но беретъ за нихъ хорошія деньги: торгашъ, для котораго, въ живописи, деньги суть и средства и цѣль!.. Кто же не торгашъ?... Позвольте: что это напечатано на задней обложкѣ *Москвитинина* А! объявленіе о продолженіи *Москвитинина* на 1846 годъ, съ краткимъ, но краснорѣчивымъ извѣщеніемъ, что «подписная цѣна за 12 книгъ, большаго формата, въ большую осьмушку, на ЛУЧШЕЙ бѣлой бумагѣ (,) 40 рублей, съ пересылкою 45 рублей ассигнаціями... Но, можетъ-быть, *Москвитинникъ* хотѣлъ этимъ намекнуть, что бываютъ-де на свѣтѣ *безкорыстные* журналы, которые ничего не платятъ своимъ сотрудникамъ и вкладчикамъ? Дѣйствительно, бываютъ, — и стоить только перелистовать хоть одну книжку такого журнала, чтобъ убѣдиться въ томъ, что онъ ничего не платитъ за статьи: онъ такъ плохъ, что у читателя невольно рождаются подозрѣнія, ужъ не платятъ ли сотрудники журнала за помѣщеніе въ немъ своихъ сочиненій... Впрочемъ, это не больше, какъ подозрѣніе, въ которое можетъ впасть только неопытный читатель: опытнымъ извѣстно, что такіе сердобольные журналы — родъ литературныхъ богаделенъ, гдѣ призираются всѣ литературные недужные и калеки, всѣ убогіе и нищіе умомъ и дарованіемъ. Безкорыстный журналистъ не всегда бываетъ въ накладъ отъ своего сердолюбія: ничего не платя своимъ сотрудникамъ, онъ тѣмъ болѣе получаетъ самъ — для доказательства, что деньги есть только средство, а не цѣль въ литературѣ...
Безплатные журналы издавать легко: на нихъ нужно такое небольшое количество подписчиковъ, какое всегда найдется, при извѣстной ловкости, — и издатель, по-этому, всегда будетъ съ барышомъ, небольшимъ, но вѣрнымъ... Вотъ отъ-чего иногда таетъ столько глѣтъ сразу иной журналецъ, котораго почти нигдѣ не видно и котораго, повидимому, никто не читаетъ...

Обвинять «Отеч. Записки» такъ обвинительно въ явномъ проповѣдова-

них мысли, будто въ журнальномъ дѣлѣ деньги не только средство, но и цѣль, *Москвитянинъ* пускается въ разсужденія о томъ, что прежде трудѣе было сдѣлаться критикомъ, нежели теперь, послѣ чего вдругъ переходитъ къ статьѣ «Отеч. Записокъ», возбужденной его негодованіем, и смущается духомъ отъ словъ «Отеч. Записокъ», что первымъ критикомъ на Руси былъ Карамзинъ, а послѣ него — Жуковский и Мерзляковъ. Чтò же тутъ не понравилось *Москвитянину*, чтò смутило его такъ? А то, что, видите ли, и прежде Карамзина были критики. Дѣйствительно были, хотя и до того плохіе, что о нихъ не стоить и упоминать. Не всякій тотъ критикъ, кто пишетъ критики, такъ же какъ не всякій тотъ поэтъ, кто пишетъ стихи. Критикъ — тотъ, чьи мнѣнія имѣютъ вѣсъ и принимаются публикою, кто, слѣдовательно, имѣетъ большее или меньшее вліяніе на развитіе и направленіе вкуса въ обществѣ. Чтòбы быть таковымъ критикомъ, вовсе не нужно представить заранѣе «собственныя произведенія, если не въ образцѣ, то въ оправданіе своихъ мнѣній», какъ утверждаетъ *Москвитянинъ*. Чтòбы быть хорошимъ критикомъ, вовсе не нужно быть поэтомъ, такъ же какъ для того, чтòбы быть хорошимъ поэтомъ, вовсе не нужно быть критикомъ. Вивекельманъ не былъ скульпторомъ и не представилъ ни одной статуи — если не въ образцѣ, то въ оправданіе своихъ мнѣній, — и тѣмъ не менѣе онъ — Вивекельманъ, а не *Москвитянинъ*. Чтò Карамзинъ, будучи хорошимъ для своего времени критикомъ, былъ вмѣстѣ и такимъ же поэтомъ и писателемъ, — это дѣлаетъ ему двойную честь и славу; но вѣтъ ни малѣйшей нужды дѣлать изъ этого примѣра общее правило. Репцензентъ можетъ быть авторомъ однѣхъ рецензій, и тѣ писать языкомъ небрежнымъ, неправильнымъ — говорятъ *Москвитянинъ*. Это еще что за новость? Писать однѣ рецензій, а не писать вмѣстѣ съ ними, на-примѣръ, хоть рецензій, значить впасть въ вину? Да со-

чинитель этой удивительной статьи долженъ быть человекъ весьма-оригинальный и вмѣстѣ съ тѣмъ непошлѣно-строгий! Онъ напоминаетъ намъ доктора Франція, который чуть не повѣсилъ парагвайскаго сапожника за то, что тотъ не умѣлъ починить сѣдла. Какое для насъ счастье, что мы не Парагвайцы: — худо было бы намъ!.. Касательно же того, что рецензентъ теперь можетъ писать рецензій языкомъ небрежнымъ и не правильнымъ, — это не новость, и дивиться тутъ нечему: всѣ рецензенты, критики, поэты, словесники исконно вѣкомъ пользовались правомъ писать такимъ языкомъ, каковы они умѣютъ, каковы они въ силахъ писать. Исключеніе остается, кажется, только за китайскими сочинителями, потому что въ Китаѣ, подъ опасеніемъ ста ударовъ бамбукомъ по ушамъ по носу, нельзя писать, не получивъ на это права отъ палаты десяти тысячъ перомоній. Отъ-того такъ и процвѣтаетъ литература Средней Имперіи! Во всѣхъ другихъ странахъ міра это дѣлается совѣмъ иначе: всякій можетъ писать какъ умѣетъ. У насъ тоже. Понятія о небрежномъ и неправильномъ языкѣ условны: одному кажется такъ, другому иначе. *Москвитянику* языкъ «Отеч. Записокъ» кажется небрежнымъ и неправильнымъ, а намъ языкъ *Москвитянина* кажется еще хуже, нежели небрежнымъ и неправильнымъ. Вотъ для образчика нѣсколько строкъ изъ *Москвитянина*: «Конечно, изъ всей громады мыслей и чувствъ, волнующихъ славянское племя, возникающее изъ праха и отряхающее вѣковой сонъ съ отяжелѣвшихъ вѣждъ, изъ всѣхъ стремленій, переходящихъ въ бытии, наибольшее наше участіе должна возбуждать жизнь единовѣрныхъ Сербовъ, связанныхъ съ нами крѣпче другихъ узами православія, братской любви и сильнѣйшимъ предчувствіемъ, что опора и надежда ихъ самостоятельности заключается въ Россіи. Чтò это такое — громада мыслей и чувствъ? Чтò такое — стремленія, переходящая въ бытии? Чтò такое: главное отъ насъ свя-

ценнаго огня къ родитѣ въ той же статьѣ (*Письмо изъ Вѣны о славянскихъ новостяхъ*, г-на Ригельмана, стр. 37 и 41)?.. Можетъ-быть, все это—образчики правильнаго, обработаннаго языка русскаго? Можетъ-быть! Не споримъ—на вкусъ товарища итъ! Выраженія въ статьѣ «Голосъ въ защиту русскаго языка» въ родѣ: *на сію послѣднюю*, не обнаруживаютъ, по нашему мнѣнію, умѣнья хорошо писать. Правда, г. Д. (подъ статью *Москвитянина* подписана буква Д.) пишетъ довольно-правильно; но чтобъ онъ писалъ *хорошо*—это другой вопросъ, который онъ рѣшаетъ по-своему, мы тоже по-своему, и котораго настоящимъ рѣшителемъ можетъ быть только публика... Продолжая свои нападки на рецензента нашего времени, или—сказать прямо—на рецензента «Отеч. Записокъ», *Москвитянинъ*, или его сотрудникъ г. Д., говоритъ, что для него, рецензента нашего времени, итъ законовъ, а онъ самъ законъ для всѣхъ, что онъ неумолимъ, какъ *salus* древнихъ, изрекаетъ свои приговоры безъ розысканій и доказательствъ, на основаніи собственнаго произвола, увѣренъ въ своей непогрѣшительности. Изъ чего все это слѣдуетъ? Богъ-вѣсть! Изъ того, вѣроятно, что рецензентъ нашего времени рѣшается—сѣсть свое сужденіе итъ,— между-тѣмъ, какъ г. Д., сколько замѣтно по тону статьи его, явно выдаетъ произволъ своихъ мнѣній за высшую инстанцію рѣшенія литературныхъ вопросовъ.

Достигши своей главной цѣли, т. е. обвиненія «Отеч. Записокъ» въ разныхъ небывалыхъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ недостаткахъ, *Москвитянинъ*, или его сотрудникъ г. Д., переходитъ къ своей побочной цѣли—къ разбору рецензіи «Отеч. Записокъ» на книжку г. Васильева *Грамматическія Розысканія* (томъ ХLI, Библиографическая Хроника, стр. 51—61). Онъ дѣлаетъ изъ нашей статьи длинныя выписки, заключая каждую изъ нихъ короткимъ замѣчаніемъ собственной работы. Мы не можемъ и не хотимъ перепечатывать вновь своей статьи, и по-

тому постараемся изложить какъ-можно-короче ея содержаніе, подавшее поводъ къ такимъ нападкамъ со стороны *Москвитянина*, и главные пункты этихъ нападковъ.

Въ нашей статьѣ было сказано, что русскій языкъ чрезвычайно-богатъ, гибокъ и живовисенъ для выраженія простыхъ, естественныхъ понятій, въ доказательство чего указано было то, что въ русскомъ языкѣ иногда для выраженія разнообразныхъ оттѣнковъ одного и того же дѣйствія существуетъ до десяти и больше глаголовъ одного корня, но разныхъ видовъ. Выше мимоходомъ было замѣчено, что русскій языкъ способенъ къ воспроизведенію изящной эллинской рѣчи. Теперь прибавимъ къ этому, что послѣднее свойство изъ новыхъ европейскихъ языковъ, кромѣ русскаго, принадлежитъ только нѣмецкому и всего менѣе французскому, на которыхъ итъ никакой возможности читать Гомера, какъ бы переводъ имъ былъ хорошъ. Между-тѣмъ, въ статьѣ нашей было сказано, что русскій языкъ еще не развился, не обработанъ, грамматика его не установилась; что нашъ письменный и разговорный языкъ тяжелъ, книженъ, бѣденъ словами и оборотами; что наше дѣльное мѣстоименіе *который* и длинныя причастія, дѣйствительныя и страдательныя, дѣлаютъ нашу рѣчь неуклюжею, растянutoю, тяжелою и книжною. При этомъ замѣчено о превосходствѣ французскаго языка для легкой литературы, для писемъ и для разговора въ обществѣ. Замѣчено, что новые европейскіе языки, происшедшіе отъ латинскаго, получили отъ него богатое наслѣдіе словъ, выражающихъ глубоко-раціональныя понятія, выработанныя древнею цивилизаціею. Это признаю нами, какъ и прежде насъ признаю цѣлымъ свѣтомъ, за великое преимущество новѣйшихъ европейскихъ языковъ передъ русскимъ, который, по-этому, необходимо долженъ испещряться иностранными словами.

Вотъ въ сущности все содержаніе статьи «Отеч. Записокъ», возбуждавшей

негодование *Москитянина*. Не понимаетъ, что въ ней оскорбительнаго для нашего національнаго чувства? После этого, какъ же прикажете изслѣдовать предметы науки, искусства и литературы? После этого, отдать итальянскому климату преимущество предъ петербургскимъ — значитъ ни больше, ни меньше, какъ *тѣска Россіи*?.. Что русскій языкъ — одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ въ мірѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но при этомъ не должно забывать историческаго развитія Россіи и быстраго оборота, произведеннаго въ немъ реформою Петра Великаго. До Петра-Великаго, русскій языкъ вполне соответствовалъ нравственному состоянію Руси и былъ больше, чѣмъ только достаточенъ для выраженія всего круга понятій того времени. Но съ реформою Петра-Великаго, отворившею двери Россіи дотогѣ чуждымъ ей понятіямъ, русскій языкъ по-необходимости долженъ былъ подвергнуться наводненію чужестранныхъ словъ и даже оборотовъ, а высшее общество по-необходимости должно было предпочесть чужой языкъ своему родному. Теперь, когда у насъ есть уже литература и когда самый языкъ подвергся большому измѣненію, эта необходимость не существуетъ болѣе и для высшаго общества. Но, не смотря на то, еще не близко время окончательнаго установленія русскаго языка, и чѣмъ оно отдаленнѣе, тѣмъ больше надежды на болѣе-богатое развитіе нашего языка.

Еще разъ спрашиваемъ: что обиднаго въ нашихъ словахъ для чести русскаго языка или русской національности? Можетъ быть, наше мнѣніе невѣрно, ошибочно, даже вовсе ложно? Подождемъ, что такъ; но не-уже-ли право обиднаго есть чье-нибудь исключительное право? Въдѣ *Москитянинъ*, вѣрно, не считаетъ же себя непогрѣшительнымъ? Если наше мнѣніе о русскомъ языкѣ показалось ему ошибочно, или ложно: онъ могъ сдѣлать свои замѣчанія на наше мнѣніе, опровергнуть его; но не долженъ, не въ правѣ былъ

приписывать намъ, по этому поводу, намѣреній, которыхъ у насъ вовсе не было. Къ чему такая нетерпимость къ чужому мнѣнію, и въ комъ же? въ журналѣ, который безпрестанно разсуждаетъ о добродѣтели, кротости, смиреніи, любви!..

По взглянемъ на доводы *Москитянина*. Первый запросъ его намъ состоитъ въ томъ, зачѣмъ, говоря о вліяніи на русскій языкъ нашихъ знаменитѣйшихъ свѣтскихъ писателей, умолчали мы о вліяніи на него писателей духовныхъ? Отвѣчаемъ: журнальная рецензія — не диссертация, не ученая книга, гдѣ предметъ сочиненія исчерпывается по мѣрѣ возможности весь, до дна. Являясь другая книжка въ родѣ сочиненія г. Васильева, мы, разбирая ее, скажемъ то, чего не досказали по поводу первой; явится третья — опять найдется что сказать по ея поводу о томъ же предметѣ. Сверхъ-того, мы были, какъ говорится, въ своемъ правѣ, говоря о вліяніи на русскій языкъ только свѣтскихъ писателей, такъ же, какъ всякій другой былъ бы въ своемъ правѣ, говоря о вліяніи на нашъ языкъ только духовныхъ нашихъ писателей. Тутъ всѣ многозначительные вопросы: *зачѣмъ и почему*, не имѣютъ мѣста, и на нихъ одинъ отвѣтъ: потому-что такъ хотѣли мы.

Второй запросъ состоитъ въ томъ, зачѣмъ «Отеч. Записки» не показали вліянія на языкъ нашего юридическаго краснорѣчія? «Или» (многозначительно и чисто-юридически замѣчаетъ рецензентъ) «эта отрасль языка у народа, имѣющаго гражданское устройство, такъ ничтожна, что не заслуживаетъ и упоминенія»? Отвѣчаемъ на это: мы вовсе не знакомы съ русскимъ судебнымъ краснорѣчіемъ, потому-что, какъ замѣчаетъ самъ судія нашъ, произведенія этого рода не напечатаны. А о томъ, что не напечатано, журналъ не имѣетъ права и судить. Рецензентъ «Отеч. Записокъ» нисколько не сомнѣвается, что рецензентъ «Москитянина» знаетъ всѣ

науки, и что ему въ-особенности знакомъ языкъ юридическій, какъ это доказывается статья его: тѣмъ лучше для него, — ему и книги въ руки!

Третій запросъ: почему рецензентъ «Отеч. Записокъ», говоря о Пушкинѣ, какъ преобразователь языка, останавливается на повѣсти *Арапъ Непра Велликаго*, и не говоритъ ни слова объ *Исторіи Пугачевскаго Бунта*? Отвѣтъ: рецензентъ забылъ, и охотно признаетъ свою забывчивость непростительною, а третій запросъ дѣльнымъ.

Четвертый запросъ: почему рецензентъ «Отеч. Записокъ» не упоминаетъ на-прим. о *Письмахъ Русскаго Общера*, Ф. Глинки? Отвѣтъ: отъ того, что не считаетъ ихъ стоящими упоминанія. Можетъ-быть, рецензентъ «Отеч. Записокъ» въ этомъ случаѣ ошибается, но ошибки суть свойственны человѣку, — *errare humanum est*. Почему же онъ не упомянулъ о другихъ дѣйствительно-важныхъ произведеніяхъ, упоминаемыхъ ниже рецензентомъ *Москвитянина*, — причина та, что онъ писалъ не диссертацию, а рецензію.

Что касается до стиховъ Кольцова, приведенныхъ въ рецензіи «Отеч. Записокъ», какъ примѣръ живописности русскаго языка въ изображеніи предметовъ природы, они дѣйствительно выражаются такимъ слогомъ, который очень естественъ въ произведеніи, написанномъ въ духъ народной поэзіи.

Но вотъ самый страшный запросъ: гдѣ рецензентъ «Отеч. Записокъ» изучалъ русскій языкъ — въ пословицахъ, въ пѣсняхъ, въ историческихъ яктахъ? Потомъ, именно гдѣ и въ чемъ изучалъ онъ — въ своемъ кабинетѣ, въ бархатныхъ сапогахъ, или въ другихъ какихъ-нибудь мѣстахъ, и въ другихъ сапогахъ? На это рецензентъ «Отеч. Записокъ» имѣетъ честь отвѣтить рецензенту *Москвитянина*, что бархатныхъ сапоговъ онъ не носитъ, что русскій языкъ изучалъ онъ больше всего въ сочиненіяхъ русскихъ писателей, и въ образованномъ обществѣ; съ послѣдними знакомъ; сказки и пѣсни, собранныя Каршю Даниловымъ, зна-

етъ чуть не навзвустъ; читывалъ не безъ вниманія и другіе сборники произведеній народной поэзіи; къ русскому народу прислушивался... Во всякомъ случаѣ, съ отроческихъ лѣтъ пострасти занимаясь русскою литературою и русскимъ языкомъ, и лѣтъ около пятнадцати дѣйствуя на литературномъ поприщѣ съ такою удачею, что самъ *Москвитянина* призналъ и мнѣнныя критическія статьи его въ «Отеч. Запискахъ» писанными бойкимъ жаромъ мастера, рецензентъ «Отеч. Записокъ» думаетъ, что въ дѣлѣ русской литературы и русскаго языка онъ что-нибудь знаетъ, — можетъ-быть, не такъ много, какъ рецензентъ *Москвитянина*, г. Д., но вѣдь не всѣмъ же быть генералами, т. е. полководцами; для многихъ и офицерскій чинъ — недостижимая высота: оному талантъ, оному два...

Далѣе рецензентъ *Москвитянина* дѣлаетъ намъ запросъ: въ какихъ сапогахъ au Marais, à la Chaussée d'Antin, или въ предмѣстіи Saint-Germain, случилось намъ слышать слова *substance*, *absolut*, *abstrait*, *concret*, и есть ли во французскомъ словарѣ Академіи слова: *indifférentisme* и *obscurantisme*? Отвѣтъ: рецензентъ «Отеч. Записокъ» не былъ во Франціи, и ему мало вужды до того, какія употребляютъ, или не употребляютъ слова сапоги au Marais, à la Chaussée d'Antin и въ предмѣстіи Saint-Germain. Прошло уже то время, когда свѣтъ образованія былъ монополиею этихъ трехъ пунктовъ Парижа; онъ теперь во всемъ Парижѣ, вездѣ, гдѣ сходятся образованные люди. Слово *substance* имѣетъ не одно философское значеніе, но и житейское: оно означаетъ и принасы (свѣтныя), и матерію, и сущность; *absolut* — слово употребительное слово, особенно въ приложеніи къ словамъ: *gouvernement*, *puissance*, *monarchie*: можетъ ли быть оно не употребительнымъ въ простомъ разговорѣ тамъ, гдѣ всѣ помѣшаны на политикѣ? Слово *individu* самое простое: его встрѣтите и въ романѣ, и въ комедіи, и въ водевилѣ. Есть ли слова

indifférentisme и *obscurantisme* въ словарѣ Французской Академіи, изд. 1835 года, не можемъ сказать, за неимѣніемъ подъ рукою этого словаря; но, въ угѣшеніе рецензента *Москвитинина*, скажемъ, что они есть не только въ *Dictionnaire général et grammatical des Dictionnaires français* Наполеона Іакде, изданномъ въ 1843-мъ году (*), но даже въ *Словарѣ* Татищева, изданномъ въ 1830—1841 годахъ. Впрочемъ, до словарей намъ дѣла нѣтъ: съ вѣстью довольно и того, что эти слова встрѣчаются даже въ романахъ и повѣстяхъ лучшихъ французскихъ писателей, которые не слѣдуютъ примѣру Птицель, ищущихъ книжнымъ или теоретическимъ языкомъ.

Теперь мы дошли до такой мысли *Москвитинина*, которая, по самой оригинальности своей, весьма-замѣчательна. Рецензентъ «Отеч. Записокъ» назвалъ слова: *фабрика, губернія, малляръ, кучерь, мастеръ, мастерство, подмастерье, смастерить*—иностранными, вошедшими въ составъ русскаго языка. Рецензентъ «Москвитинина», прибавилъ къ нимъ, какъ онъ говоритъ, и старшихъ ихъ братьевъ азійскаго происхожденія: *асаки, ермыкы, аримакы, галаты*, изъясняетъ свое согласіе признавать всѣ эти слова не русскими, а иностранными, но не просто, а на томъ условіи, чтобъ рецензентъ «Отеч. Записокъ» доказалъ ему, что тѣ, чьи предки выѣхали въ XIV столѣтіи отъ Нѣмцевъ и въ Золотой-Орды къ Дмитрію Іоанновичу Донскому, и доселѣ не Русскіе, а иностранцы, хотя 500 лѣтъ исповѣдаютъ (исповѣдываютъ?) православную вѣру, говорятъ русскими языкомъ, служатъ и пользуются всѣми правами гражданства». Рецензентъ «Отеч. Записокъ» рѣшительно отказывается доказывать такую странность;

а что касается до помннутыхъ словъ, онъ такъ же признаетъ ихъ не русскими, а иностранными, какъ русскихъ людей иностраннаго, и при томъ древняго происхожденія, признаетъ совершенно Русскими, а не иностранцами, и основывается на томъ, что національность челоука способна къ перерожденію эвентическому и нравственному, и что слова не исповѣдываютъ никакой вѣры, не желаютъ и не родятъ.

Особенное негодованіе возбуждало въ *Москвитинина* и нѣжніе «Отеч. Записокъ» о непереводимости на русскій языкъ французскаго слова *charité*, котораго значеніе не вполне передается русскими словомъ «милосердіе». *Москвитининъ* почелъ долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ. Онъ приводитъ тексты изъ апостола Павла на французскомъ, русскомъ, церковнославянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, изъ которыхъ видно, что французское слово *charité* по-русски и по-нѣмецки значитъ словомъ *любовь*. Не явилось ли это доказательство, что у Французовъ слово больше противъ Русскихъ и Птицель, потому-что, кромѣ слова *любовь* (любовь), у нихъ есть еще и слово *charité*, которое означаетъ дѣятельную, практическую любовь, обнаруживающую стремленіемъ облегчать страданія ближняго. Мы не думали доказывать, что отсутствіе этого слова у народа можетъ служить признакомъ отсутствія и выражаемаго имъ понятія. Нѣтъ, отсутствіе слова *charité* идетъ слову *любовь* только обширѣйшее значеніе, а у Французовъ оно служитъ признакомъ филологическаго, а отнюдь не христіанскаго преимущества передъ нами. По-этому, совершенно неумѣстны слѣдующія фразы *Москвитинина*. «Жалуютъ тотъ народъ, не совсѣмъ полудикій, который живетъ и не имѣетъ въ своемъ языкѣ слова, для выраженія вполне понятія (,) заключающагося въ словѣ *charité*», и что «этотъ народъ—Русскій». Хорошее ли дѣло произвольно приписывать другимъ подобныя мысли?...

(*) «Indifférentisme, subst. et adj. des deux genres, partisan de l'indifférentisme». М/Том. II, стр. 66).—«Obscurantisme, subst. masc., secte, système des obscurants» (ibid. « 273).

За тѣмъ, въ статьѣ *Москвитянина* слѣдуетъ длинный рядъ фигуръ единаначатія, начинающихся фразою «не вѣримъ рецензенту Отеч. Записокъ». Дѣйствительно, рецензентъ *Москвитянина* такъ же ни въ чемъ не вѣритъ рецензенту «Отеч. Записокъ», какъ рецензентъ «Отеч. Записокъ» ни въ чемъ не вѣритъ рецензенту «Москвитянина». Дѣло очень — простое и естественное: зачѣмъ же дѣлать изъ него что-то важное? Вотъ и оказалось, кто считаетъ себя непогрѣшительнымъ, кто неутомимъ, какъ *fatum* древнихъ, кто изрекаетъ свои приговоры безъ разъясненія и безъ доказательствъ, или съ весьма-бездказательными доказательствами, на основаніи своего собственного произвола: рецензентъ ли «Отеч. Записокъ», или рецензентъ «Москвитянина»? Слово: «не вѣримъ» не есть еще приговоръ; мы не вѣримъ другимъ; другіе въ томъ же не повѣрятъ вамъ. *Москвитянинъ* увѣряетъ, что «нашлось» «возможнымъ» передать на нашемъ «языкѣ» философію, *даже* (?) Шеллинга и Окена. А кто же говорилъ, что они непереводаемы по-русски? Мы говорили только, что ихъ невозможно перевести, но испещривъ русскаго переводца множествомъ иностранныхъ словъ, и повторяемъ это теперь. Если и некоторые пуристы слова: *индивидуумъ* и *фактъ* замѣняютъ словами *недѣлимый* и *быть*, такъ это только смѣшно, а ничуть не доказательно. Что французскій языкъ былъ разработанъ и развитъ два вѣка назадъ, — это фактъ, не смотря на всѣ цитаты *Москвитянина*. Тутъ невозможны никакія параллели съ русскимъ языкомъ. Не говоря уже о превосходствѣ генія, сравните по чистотѣ языка — Расина (и даже Корнеля) съ Озеровымъ, — и вы увидите, что тутъ неумѣстны всѣ сравненія; а между тѣмъ, это писатель XVII вѣка, Озеровъ же — писатель XIX вѣка. Тутъ нечего восклицать: «этому ли богатству намъ завидовать? Ивѣсно этому! Что Вольтеръ жаловался на бѣдность французскаго языка, —

это не доказываетъ богатства русскаго; это доказываетъ только, что Вольтеръ не принадлежалъ къ числу тѣхъ посредственностей, которыя способны остановиться на чемъ-нибудь и удовлетвориться чѣмъ-нибудь. Сверхъ-того, никакой языкъ ни въ какую эпоху не можетъ быть до того удовлетворительнымъ, чтобъ отъ него нечего было больше желать и ожидать. Что же касается до Фонвизина, съ его неестественными, безличными и стучными резонерями, въ роляхъ Стародумовъ, Софій, Милоновъ (а не Миловоныхъ) и Правдыныхъ, до Гребѣдова и Гоголя, — мы отказываемся отъ всякаго спора съ рецензентомъ *Москвитянина*: все доказываетъ, что судити о поэзіи вовсе не его дѣло... Если онъ въ чемъ-либо смелъ, такъ это въ юриспруденціи... — О языкѣ Карамзина и теперь подтверждаемъ наше мнѣніе, считая его столько вѣрнымъ, сколько *Москвитянинъ* считаетъ его ошибочнымъ...

Наконецъ, рецензентъ *Москвитянина* наполняетъ свою статью сличеніемъ тремя печатными листами выписокъ изъ «Словъ и Рѣчей» преосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго. Очень-любопытенъ этотъ оборотъ, Рецензентъ «Отеч. Записокъ» сказалъ, что годовой бюджетъ нашей литературы такъ бѣденъ, что публикѣ нашей почти нечего читать. Рецензентъ *Москвитянина* объявляетъ это извѣстнаго разительнѣе-неосновательнымъ, что въ тѣхъ же «Отеч. Запискахъ», ибѣли за четыре назадъ, извѣщало о выйдѣ изъ печати «Словъ и Рѣчей» преосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго. Гдѣ жъ тутъ разительная неосновательность? Мы говорили о свѣтской литературѣ, о романахъ, повѣстяхъ, стихотвореніяхъ, драмахъ и т. п.; но ни слова не говорили ни о богатствѣ, ни о бѣдности теологической литературы...

Въ одномъ мы совершенно согласны съ рецензентомъ *Москвитянина*: именно — въ его мнѣніи о высокомъ достоинствѣ «Словъ и Рѣчей» преосвящен-

нѣшаго Филарета, какъ со стороны глубокости ихъ содержанія, такъ и со стороны враспорѣчиваго изложенія. И рецензентъ *Москвитянина*, наполнивъ большую часть своей статьи выписками изъ этихъ «Словъ и Рѣчей», имѣетъ полное право сказать, что въ его статьѣ есть много мѣстъ, исполненныхъ высокаго краспорѣчія, хотя и принадлежащихъ не его; а чужому перу.

Царство вѣры не отъ міра сего. Церковь, для ея дѣйствованія, не нуждается въ обыкновенныхъ средствахъ. Для ея *сачмыкъ, не переходящихъ и немемляныхъ истинъ* всеннѣй человѣческій языкъ былъ, есть и будетъ достаточно и богатъ. Проповѣдь требуетъ больше любви и убѣжденія отъ проповѣдника, нежели богатаго развитія отъ языка, на которомъ говорить проповѣдникъ. Первые апостолы были рыбаки, которые, въ простотѣ сердечнаго убѣжденія, прозвѣвъ духовно, увидѣли больше мудрыхъ міра, и сдѣлались *лосцами человековъ*... Короче: мы думаемъ, что исторія духовнаго краспорѣчія должна быть изучаема и излагаема отдѣльно отъ исторіи свѣтской литературы. Это дѣло людей, посвятившихъ себя изученію богословія. Говоря о духовныхъ витіяхъ, нельзя же ограничиться одною внѣшнею стороною ихъ «словъ» и «рѣчей», т. е. однимъ краспорѣчіемъ, но невольно коснешся и содержанія, съ которымъ оно связано, и отъ котораго оно получаетъ свою силу. А это значитъ войти

въ сферу теологіи... О предметахъ теологическихъ должны разсуждать теологическіе, а не литературные журналы, наполняемые стишками, сказками, всякою мірскою суетою, а иногда—что грѣха таять!—и спорами, которые порождаются не совсѣмъ христіянскими чувствами...

Вотъ другое дѣло, если мы скажемъ, что словесность, какъ наука, выдумана педантами, что реторика и пѣнтика — вздоръ, а рецензентъ *Москвитянина* объявитъ, что онъ въ этомъ намъ «не вѣритъ»: объ этомъ можно спорить и важно и шутя... Мы представили, въ оправданіе своего мнѣнія о словесности, какъ науки, о реторикѣ и пѣнтикѣ, цѣлую статью, съ послыльными доказательствами и доводами; а рецензентъ *Москвитянина*, безъ всякихъ доказательствъ, однимъ «не вѣрю», напоминающимъ самовластное «velo», думаетъ порѣшить вопросъ... Такъ рѣшать легко!

Но такіа рѣшенія не стоить ни вниманія, ни опроверженія. Намъ совсѣмъ другое заставило взяться за перо: это вовсе не литературныя обвиненія, вводимыя на насъ *Москвитяниномъ* уже не въ первый разъ. Безъ нихъ, мы и не упоминали бы никогда объ этомъ журналѣ; но при нихъ, мы не считаемъ себя въ правѣ оставлять его безъ отвѣта. Думаемъ, всѣ благомыслящіе люди согласятся съ нами, что молчать въ подобныхъ случаяхъ не годится...

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЕКАБРЬ 1845.

1) Мильничъ. (Le Meunier d'Angi-
-le). Романъ Жоржа Санда. Переводъ
Фурманна: Санктпетербургъ. Въ
Карла Крайа. 1845. Въ 8-ю д. л.
стр.

Обыкновенно, каждый новый годъ
знается у насъ книгами, принадле-
щими старому году. Первые книж-
ки журналовъ появляются первого
января новаго года, следовательно,
гавляются и печатаются въ декаб-
рскомъ году. Рѣдко въ библио-
графіи первыхъ книжекъ журналовъ
мелькнетъ книга подъ фирмою но-
ваго года, да и та — самозванка: тутъ
о — несчастливый временщикъ, но
годъ, отбиваетъ заслугу стараго,
ио приносящая себѣ порожден-
иимъ книги и хвастаясь чужимъ
ромъ. Отчеты о книгахъ новаго го-
дичьяются только въ февраль-
скихъ книжкахъ журналовъ, да и въ
большая часть книгъ принадле-
Т. XLV; — Стл. VI.

жить старому году. Но въ номерахъ
журналовъ за февраль мѣсяць можно
по-крайней-мѣрѣ встрѣтить реченія
болѣе или менѣе-интересныхъ книгъ,
которыя обыкновенно торопятся вый-
ти въ продолженіи января. А между-
тѣмъ, отъ первыхъ-то книжекъ жур-
наловъ новаго года публика и ждетъ
всевозможныхъ чудесъ, особенно отъ
отдѣла библиографіи. Наши издава-
ли въ январю торопятся вынудить
преимущественно дѣтскія книжки съ
картинками, что составляетъ особен-
но не книжную, а игрушечную тор-
говлю, — товаръ для подарковъ въ ново-
му году. Къ этому же разряду надо
причислить и офенціальныя поздрав-
ленія съ новымъ годомъ, въ стихахъ.
Кстати: въ книгѣ новыхъ книгъ, вы-
шедшихъ въ прошломъ мѣсяцѣ, ни,
въ крайнему удовольствію, не нашла
ни одной, которая бы вся написана
была стихами. Это добрый знакъ и

хорошее предвѣстіе для наступающаго года. Дѣйствительно, наступающій годъ,—мы знаемъ это навѣрно,—долженъ сильно возбудить вниманіе публики однимъ новымъ литературнымъ именемъ, которому, кажется, суждено играть въ нашей литературѣ одну изъ такихъ ролей, какія даются слишкомъ немногимъ. Что это за имя, чье оно, чѣмъ занимательно,—обо всемъ этомъ мы пока умолчимъ, тѣмъ болѣе, что все это сама публика узнаетъ на-дняхъ. Наступающій годъ, сколько намъ вѣстно, намѣренъ дебютировать огромнымъ альманахомъ въ форматѣ «Старыхъ Русскихъ Литераторовъ», но еще толще и плотнѣе, красиво изданномъ, наполненнымъ статьями въ стихахъ и прозѣ, съ картинками и безъ картинокъ. Въ этомъ альманахѣ будетъ не только хорошая, изящная проза, но и хорошіе, изящные стихи, что теперь такая рѣдкость. Покуда мы можемъ сказать только, что не многимъ новымъ годамъ удавалось начать свое литературное поприще такою блестящею обновкою... Но и на этотъ разъ, счастливецъ новый годъ блеснетъ трудами и достоинствами своего предшественника, какъ несправедливо уже забытаго легендарнаго толпою...

Мы ожидаемъ того, что скоро будетъ, поговоримъ о томъ, что уже есть. Съ одной стороны, мы очень рады, что ждемъ открыть нашу «Библиографическую Хронику» новаго года таиннаго происхожденія, какъ Малымъ Жоржъмъ Зандъ; съ другой стороны, это есть даже очень прискорбно. Дѣло въ томъ, что чѣмъ выше художественное произведеніе, тѣмъ несприятнѣ видѣть его или произвольно передѣланнымъ, или неудачно-переведеннымъ, или то и другое вмѣстѣ. Le Meunier d'Angibault есть мастерская картина нравовъ средней bourgeoisie современной Франціи. Въ этомъ романѣ есть много историческаго, галерическаго—лицо г-жа Бриколена, истиннаго представителя женственности, чуждости къ деньгамъ, искренности, чуждости чувствъ, ограниченности ума, мелкости души того сосло-

вія во Франціи, которое утвердило свое гражданское и политическое мѣщичество на золотомъ мѣшкѣ. Это лицо нарисовано по-истинѣ гениальною кистью. Но оно не одно интересное лицо въ романѣ. Кромѣ героя романа—мельника, представителя живыхъ силъ и благородныхъ истинныхъ простого народа во Франціи, тутъ попеременно поражаютъ читателя истерски-очерченные образы то нищаго Кадоша, то сумасшедшей дочери Бриколена, несчастной жертвы варварскаго разчета «дражайшихъ» родителей,—матери мельника, отца и матери г. Бриколена, и другіе. Но еще и большой недостатокъ въ этомъ романѣ: въ немъ четыре героя—два мужскаго и два женскаго пола, и изъ нихъ первая пара совсѣмъ не соответствуетъ требованіямъ художественнаго романа: г-жа Блашамонъ и Апри Леморъ—мечтатели, [переслащенные до приторности. Хотя искусство автора умѣло соблюсти единство дѣйствія, не смотря на двойственность интереса, тѣмъ не менѣе характеры этихъ двухъ лицъ были причиною не одной скучной страницы въ романѣ. Но это все не такой недостатокъ, который могъ бы помѣшать роману быть переведеннымъ по-русски. Дѣло въ томъ, что мечты влюбленной четы, рисующіяся на первомъ планѣ, такого свойства, что не могутъ быть переведены русскимъ языкомъ; во-второмъ, переводчикъ позволялъ себѣ кое-что пересказать, пересочинить и переправить, отъ чего и вышло что-то довольно странное и притомъ несприятно-сатирическое.

2) Новосилье. Изданіе вѣдом. Санктпетербург. Въ тѣхъ Императорской Академіи Научн. 1846. Двѣ части. Въ 8-ю д. л. Въ 1 части 444, во II—415 стр.

Новосилье—старый языкъ знаменитый, съ которымъ мы познакомились въ 1833 и 1834 годахъ, — слова были знакомы тому большому десятку лѣтъ, и знакомство съ которыми тогда было намъ

очень-приятно. Онъ явился въ эпоху литературнаго перелома, кризиса, въ ту минуту, когда Петербургъ задумалъ перебить у Москвы литературное первенство, которымъ она до того пользовалась. Первый томъ *Новоселья*, вышедшій въ 1833 году, былъ предвѣстіемъ Библіотеки для Чтенія — журнала, который совершенно измѣнилъ литературныя нравы и обычаи, объявивъ, что онъ желаетъ отъ нашихъ литераторовъ и писателей прежде всего *длительнаго*, а тамъ, если они хотятъ, пожалуй, и безкорыстнаго содѣйствія, и что за то и другое онъ равно будетъ платить имъ государственно-ходячею монетою. Нельзя сказать, чтобъ Библіотека для Чтенія не имѣла полезнаго вліянія на русскую литературу и въ чисто-литературномъ отношеніи: ея шуточки, нерѣдко острия и меткія, почти всегда забавныя, не мало способствовали охлажденію дѣтски-восторженнаго тона, который господствовалъ въ нашей литературѣ, и который не допускалъ шутки, но обо всякомъ вздорѣ любилъ говорить съмысломъ съ видомъ глубокаго убѣжденія. Библіотека для Чтенія воздавала гонимъ на стихи съ дѣтскою ласкою, въ сти, окля, кон, поглику, каконя и таковыя. Все это составляетъ ея неотъемлемую заслугу — въ прошедшій. Со времени ея появленія, и журналы, и книги, и повѣсти, и статьи — все во перемѣнно прежнее микроскопическія размѣры на гигантскіе. Длинныя, обширныя талантомъ и страстью въ литературѣ, и при Библіотекѣ для Чтенія, такъ же точно писали по влочементу, а не изъ корысти, но только, можетъ быть, сбѣгались дѣятельнѣе; корыстныя же, въ свою очередь, не раздвигались безкорыстнѣе, все-таки раздвигались дѣятельнѣе, — и литература русская оживилась на вѣкомъ лѣтъ сразу. Вотъ какого журнала *Новоселья* предвѣстіемъ? Чѣмъ новымъ и острымъ отзывался этотъ альманахъ? По наружности, онъ не былъ похожъ на прежнее микроскопическіе альманахи, состоявшіе изъ мелкихъ стихотво-

реній, да изъ крохотныхъ отрывковъ изъ небольшихъ повѣстей и поэмъ. Онъ смотрѣлъ какъ-то весело, и большая часть публики отъ души хохотала, читая *Большой Выходъ Сатаны* и другія статьи барона Брамбеуса, тогда еще новаго лица въ русской литературѣ; меньшая часть публики читала съ удивленіемъ и восторгомъ *Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*, Гоголя. Теперь, когда этому прошло уже сличкомъ десять лѣтъ, большинство и меньшинство публики совершенно перемѣнилось въ отношеніи къ этимъ писателямъ... Десять лѣтъ — большой періодъ времени для русской литературы! И теперь *Новоселья* интересно, какъ живой памятникъ литературной эпохи, которая теперь уже — дѣла давно-минувшихъ дней, предавъ старинныя глубокіе!

По-этому, мы очень были удивлены появленіемъ втораго изданія *Новоселья*. Альманахъ можетъ быть изданъ, пожалуй, десять разъ сразу, но непременно на такомъ условіи, чтобъ всѣ эти десять изданій шли непрерывно одно за другимъ, съ короткими промежутками времени между однимъ и другимъ. Это свидѣтельствовало бы о необыкновенномъ успѣхѣ альманаха, который желало бы имѣть въ рукахъ огромное число читателей. Но альманахъ, котораго успѣхъ въ свое время былъ хорошъ, и притомъ въ такой мѣрѣ, что одного изданія достало для всѣхъ, желавшихъ купить его, — вдругъ, ни-съ-того, ни-съ-сего, издать этотъ альманахъ въ другой разъ черезъ десять слишкомъ лѣтъ... Это не можетъ не показаться удивительнымъ, по самой простой причинѣ: все, что было лучшаго въ этомъ альманахѣ, т. е. статьи Пушкина, Жуковскаго, Крылова, Гоголя и другихъ извѣстныхъ писателей, давно уже перепечатаны въ полныхъ изданіяхъ ихъ сочиненій. Что же остается въ *Новоселья* неперепечатаннаго? — Статьи барона Брамбеуса, уже значительно подвѣдшія, уже едва возбуждающія улыбку тамъ, гдѣ тогда

заставляли хохотать? Но, вмѣсто вторичной перепечатки ихъ въ альманахѣ, для публики интереснѣе было бы увидѣть изданіе всѣхъ сочиненій этого писателя: тогда, по крайней мѣрѣ, сама собою обозначилась бы цѣнность его произведеній... Что же еще остается въ *Новосельѣ* достойнаго перепечатанія? Не-уже-ли статьи: *Киевскія Вѣдѣны, Омаръ и Проселыцкіе, Ничто, или альманахная статейка о Ничемъ, Воспоминанія, Русскій Икаръ, Раскольникъ, Прозракъ, Полдень въ Венеціи, Митамъ Никитичъ Романовъ, Дѣв Розы, Отрывокъ изъ драматической поэмы, Домовой, Мудренкыя приключенія квартальнаго надзирателя, Премьеръ-Маіоръ, Правдоушкина Желтиба, О любви къ Ближнему, Разговоръ Души съ Тѣломъ, Русская Добросовѣстность?*... Воля ваша, а намъ кажется, что публика охотно уволила бы издателя отъ перепечатки всего этого хлама...

Кажется, *Новоселье* и само это чувствовало, и потому почло за нужное, во второмъ изданіи, поприваридиться щеголемъ по послѣдней модѣ: оно явилось въ лучшемъ форматѣ, на лучшей бумагѣ, напечатанное лучшимъ шрифтомъ и украсилось картинками и политипажамъ... Не знаемъ, помогутъ ли ему эти прикрасы...

3) *Замѣтки за Границею въ 1840 и 1843 годахъ* (.) Ф. П. Д. Санктпетербургъ. Въ тюттенберговой тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 370 стр.

Книга эта издана довольно-опратно. Хотя она не отличается хорошимъ слогомъ, но, со стороны содержанія, въ *Замѣткахъ за Границею* г. Ф. П. Д. столько дѣльнаго и интереснаго, что мы рѣшаемся поговорить о нихъ подробнѣе, въ отдѣлѣ «Критики» слѣдующей книжки нашего журнала.

4) *Русское Чтеніе, издаваемое Сергѣемъ Глинкою. Часть II. Духъ вѣка Екатерины Второй.* Санктпе-

тербургъ. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1845. Въ 8-ю д. л. 326 стр.

Книгу г. Глинки трудно читать, потому-что она составлена довольно-беспорядочно, а главное—въ ней выдается за важное много такого, въ чемъ читатель нашего времени не увидитъ ничего важнаго. Не смотря на то, въ ней встрѣчаются очень-интересныя вещи, только нужно терпѣніе, чтобъ находить ихъ. Кому, на-примѣръ, не интересно будетъ прочесть слѣдующія строки:

«При началѣ изданія Русскаго Вѣстника, Книгиня Е. Р. Дашкова была моею сотрудницею. Однажды, между прочими разговорами, я спросилъ ее, какого мнѣнія была Екатерина о Французской революціи. Вотъ, что я отъ нее слышалъ:

«Слѣша во дворцѣ, я встрѣтила принца д'Артуа въ ту самую минуту, когда онъ садился въ карету, но отняла шляпку отъ глазъ. Императрицу застала также въ слезахъ. «Вы плакали, Государыня?» сказала я. «Плакала, да и есть отъ чего плакать», горестно отвѣчала Екатерина. «Принцы Французскіе въ изгнаніи; Королевское семейство гибнетъ; старинная Франція, какъ будто бѣжать изъ отечества своего. И это ни къ чему не послужило. Эмигранты вошли во Францію вмѣстѣ съ союзными войсками и вмѣстѣ съ ними убѣдились, что имъ ничего ужь дѣлать. Зная легкомысленность и вѣтренность Французовъ и убѣжденная въ негодности порядка общественнаго, я желала, что суматоха французская будетъ минутнымъ порывомъ. Ошиблась. Это не бунтъ, не революція; это, Богъ знаетъ, что такое. Закроемъ высокоумнымъ прикрасы книги и примемся опять за буквы».

«Государыня», сказала я, «Вы то не говорите, что Гиббонъ говоритъ въ истиннѣ, которое я на дняхъ получила отъ него изъ Женевы. Онъ пишетъ, что вѣрнѣе теперашней Франціи—не бѣжало бытіе въ исторіи и что при всѣхъ удачахъ мысли, нельзя опредѣлить, чѣмъ это это кончится».

«Это извѣстно одному Богу», возразила Екатерина. «Правда, однако и то, что дѣлать не кстатн замѣшалось пустое чванство. Къ чему было дворянству наряжаться въ рыцарскія одежды, залтыя золотомъ; къ чѣ-

му было депутатов du tiers état, въ бдѣ-ныхъ ихъ черныхъ значечкахъ, заглаживать въ стѣнѣ дворца Версальскаго? Не люблю Людовика XI, но онъ правду скажетъ:

«Quand l'orgueil marche devant,
Domage suit de près» (*).

«Я ничего не намекнула принцу о мнѣ-ни моемъ; но у насъ при собраніи Депу-татовъ имперіи, всѣмъ былъ равный при-ездъ и одинакая почестъ. Бранить Неккера за то, что онъ удвоилъ число Депута-татовъ средняго сословія противъ чиновъ дворянства и духовенства; но бранить его несправедливо. По закрытіи нашей Пала-ты въ Москвѣ, депутаты разѣхались по домамъ своимъ съ добрымъ мнѣніемъ обо мнѣ, и это ускорило преобразование губер-ній. Ты знаешь, какія клеветы взводило на меня французское министерство. Легкомысленному герцогу Шуазёлю не по-пиривался мой Наказъ за изъясненное въ немъ вниманіе къ народу — и онъ сжегъ его въ Парижѣ. Что же, развѣ это спасло Францію? Я не переѣхала мнѣнія моего о Русскомъ народѣ, а во Франціи все переѣхалось. Люблю перо Вольтера, но трезвымъ чиню досаду на него за презрѣ-ніе къ жившимъ поселямъ. Народъ на-добно вразумить, а не бранить. Ты по-инишь, что я говорила во время Пугачев-скаго бунта; я была убѣждена, что одно заблужденіе, будто-бы онъ тотъ, за кого выдавалъ себя, привлекало къ нему на-родъ; я твердо была увѣрена, что когда талимъ образумятся и узнаютъ коварный обманъ, то сообщники его, сами, собствен-ными руками выладутъ его. Такъ и сбы-лось. Впрочемъ, въ разсужденіи Франціи, я буду держаться правила моего доктора Роджерсона: онъ всегда выжидаетъ дѣй-ствія природы, а потомъ начинаетъ да-вать лекарства; и я стану выжидать, что будетъ съ Франціей.»

«Между-тѣмъ,» продолжала княгиня, «царь Конвентъ, учредилась Директорія и новый генералъ Бонапартъ побѣждалъ въ Италіи и угрожалъ Вѣнѣ.» Въ это вре-мя Императрица мнѣ сказала: «Нашъ Су-воровъ, то и дѣло вышетъ ко мнѣ: Ма-ничина, пусть дѣлалъ противъ Французовъ; но я не пушу его. Я думала, что послѣ

Конвента Французы образумятся, вспо-мять Бурбоновъ и призовуть ихъ. Ошиб-лась и въ этомъ. Слышу, что и Талей-ранъ, прежній Епископъ, вступилъ или вступаетъ въ новое министерство. Мы съ тобою не забыли уроковъ исторіи; мы знаемъ, что Порсема для Тарквинія, а Да-рій для Имарха, по пустому терали вой-ска свои. Питтъ напрасно тратитъ гнѣвъ Англіи. Можетъ-быть, штыки Суворова были бы действительнѣе, но противъ вре-мени трудно бороться. А когда и какъ оно переломится? Это кажется извѣстно одно-му Богу. Книжныя страсти—та же горяч-ка. Ты знаешь, что я искренно желала добра Людовику XVI и за годъ до рево-люціи, всѣ выгоды торговки, которыми отъ насъ пользовалась Англія, уступила Франціи. Что же изъ этого вышло? Боже мой, какихъ поклеповъ не взводили на меня! Есть люди, которые говорятъ, буд-то-бы я рада бдѣ Франціи, и будто те-перь заманшваю оттуда къ себѣ и воен-ныхъ и ученыхъ людей; а мы исключили изъ нашей Академіи Маркиза Кондорсета. Если ты пережеветъ меня, (и дай Богъ, чтобы пережила, мнѣ что-то грустно ста-новится), то помѣсти въ своихъ запискахъ, что Екатерина II не славилась ни мудре-стью, ни силою, но никогда не дурачила людей и никому не желала зла.»

Любопытно также, какъ фактъ исто-ріи русской литературы, слѣдующее мѣсто:

«Безсмертный также вѣнокъ Екатерины, цвѣтетъ въ быльяхъ и небылкахъ. Сочинитель Недоросля, предлагая Государынь около тринадцати вопросовъ, включилъ въ число ихъ и слѣдующій отважный вопросъ: «Имя Монархину честнаго человѣка, что бы мнѣшало взять всеобщимъ прави-ломъ, удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться при-своивать ихъ обманомъ и коварствомъ?» Умная, благодушная Екатерина, какъ буд-то отклони отъ себя державную власть, скромно отвѣчала, какъ частный человѣкъ: «Для того, что во всякой землѣ и во вся-кое время, родъ человѣческой совершен-нымъ не родится.»

Въ это время Собесѣдникъ издавался подъ надзираніемъ Н. И. Шувалова и кня-гини Е. Р. Дашковой. Оба они убѣждали Фонъ-Визина не печатать своихъ вопро-совъ. Онъ не соглашался, говоря, что Ека-терина любить правду. Истиннѣе убѣжде-

(*). Если гордость идетъ впередъ,
То вѣрно на бѣду найдетъ.

нія свои, Шуваловъ представлялъ Императрицѣ вопросы. Прочитавъ ихъ, Она улыбнулась и сказала: «Мы отомстимъ ему,» шутя взяла перо и написала отвѣты.

Вопросы и отвѣты напечатаны были во 2-й части Собесѣдника. Торжество правды и остроумія на сторонѣ Екатерины; и это сказано безъ всякой лести. Каждый можетъ убѣдиться въ томъ, прочитавъ ихъ въ Собесѣдникѣ. Фонъ-Визинъ первый самъ въ этомъ признался и препроводилъ въ третью часть Собесѣдника письмо, въ которомъ обвинялъ себя въ неосторожности. Екатерина такъ же отвѣчала, что «добро-сѣвное раскаяніе все загладило.»

Какъ образчикъ краснорѣчія г-на Гавани, выпишемъ слѣдующій отрывокъ:

«И къ разсвѣнію тмы невѣденія, Екатерина обратила душевное вниманіе на колыбель младенцевъ. Въ 266 § Наказа, Екатерина говоритъ: «Мужики обыкновенно, большею частью имѣютъ по 12, 18 и до 20 лѣтъ отъ одного супружества; однако рѣдко и четвертая часть оныхъ приходитъ въ совершенный возрастъ. Чего для, непременно долженъ быть тутъ какой-нибудь порокъ, или въ пищѣ, или въ образѣ ихъ жизни, или въ воспитаніи, который причиняетъ гибель сей надеждѣ государства, какое цвѣтущее состояніе было-бы сей державы, если-бы могли разумными учрежденіями отвратить или предупредить сію пагубу!»

Извѣстно, какъ еще и во время Екатерины предубѣждены были противъ прививанія оспы и какое множество жертвъ въ крестьянскомъ быту похищала отъ этого смерть. «Къ отвращенію этого зла, говоритъ Митрополитъ Платонъ, Екатерина прививаніе оспы взяла на опытъ Своей жизни.»

Прибавимъ также, что Она первая повѣстила о воспитаніи младенцевъ, дееспособныхъ или сокою питать отечество или защищать его оружіемъ.

На пути скоротечнаго странствованія земнаго, «богатъ и нищъ, говоритъ Соломонъ, сръбства другъ друга, обонкъ же Господь сотвори.» За нѣсколько лѣтъ до разгрома древней Франціи, Французская Академія предложила эту задачу. Въ началѣ XIX вѣка генералъ дю-Фуа сказалъ: «воспитаніе бѣдныхъ обезпечиваетъ жребіи богатыхъ.» Обезпечиваетъ ибо и тотъ и другой совершаютъ путь жизни при

кроткомъ сіяніи того солнца нравственнаго, которое миритъ бѣдность съ богатствомъ, а богатство — сближаетъ съ бѣдностью, вниманіемъ и любовью; но Екатерина предварила и задачу Французской Академіи и мысль XIX столѣтія. Далѣе предложу, что прозорливость Ея опередила и показала все то, что называютъ улучшеніемъ и улучшеніемъ судьбы человѣчества.

Душа Екатерины жила Россіей и для Россіи. Мы видѣли, какъ охотно жертвовала Она собою Русскому народу. Она постигла самобытный его духъ. Послушаемъ объ этомъ разговоръ Ея съ княгинею Дашковой. Въ двадцатый годъ царствованія своего, Екатерина сказала К. Дашковой: «Народъ Русскій, особенный народъ въ свѣтѣ.» — «Что это значить, Государыня? ужели Богъ не всѣ народы сотворилъ равными?» — «Всѣ,» отвѣчала Екатерина, «но каждый народъ различается словомъ своимъ, различается и свойствами природными. Народъ Русскій отличается добродѣтью, умомъ и силою. Двадцатилѣтнее мое царствованіе убѣдило Меня въ этой истинѣ.» (*)

Эту истину недавно повторилъ Устряловъ въ Русской своей Исторіи. «Провиди наши,» говоритъ онъ, «слушала Каледонія на своемъ языкѣ, на языкѣ, понятномъ каждому, приобрѣли ту набожность тихую, мирную, которою они отличались отъ всѣхъ Европейскихъ народовъ.» (**)

Въ Манифестѣ о учрежденіи губерній, Екатерина говоритъ, «что еще 1766 года повѣстила Она собраніе депутатовъ, на война съ Турціей прекратила поладеніе благихъ плодовъ, ожидаемыхъ отъ новаго уложенія, составляемаго по предначертаніямъ Екатерины и совокуннымъ раченіемъ сминовъ Россіи. Но съ закрытіемъ палаты депутатовъ, не прекратились труды Екатерины. Постепенно развивался 245 § Наказа. Повторимъ его: «Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе распространилось между людьми.»

Въ нашемъ XIX столѣтіи сказано: сестинная политика, направляла мысли къ благотѣльной дѣл, ускоряетъ ходъ дѣбра. Она неуменно старается распространяеміемъ здравыхъ понятій, пролагать су-

(*) См. Русскій Вѣстникъ 1808 года.

(**) Часть 2, стр. 209.

еще къ лучшимъ. Но она не насильственно вызываетъ ихъ, она наблюдаетъ только то, чтобы до водворенія ихъ въ умы, укоренились онѣ въ разумѣннѣйшеческомъ.»

1830 года въ первый разъ изданъ былъ Французъ общенародный букварь; и это дѣло превознесло громкими похвалами и повременные французскіе листы. Скажемъ было выше, что мысль Екатерины предупредила все то, чѣмъ величается въ вѣкъ и здѣсь видимъ два новыя издательства. Заботясь объ изданіи обого уложенія, Екатерина приготовляла и распространяла здравыхъ понятій, для того издава общенародный букварь. Горьки пишутъ, что Севострисъ, да съ первоначальнымъ смысломъ своимъ сблизить понятія и сердца народа, извалъ къ колыбели младенца тысячу рстиковъ, предполагая, что отъ зарипи въ душахъ ихъ запалаютъ любовь и сердце къ наследнику престола. Екатерина болѣе сдѣлала. Она всему Русскому народу въ общенародномъ Букварѣ показала тѣ самыя правила, изреченія и истины, которыми первоначально похитивъ Библией для Внуковъ своихъ, глгоидіи переродити Омировыхъ поэмъ ирять, что «Одиссея его — поэма любу къ челоуѣчеству.» Жизнію этой любви, Катерина желала все соединить отъ черво до хижинъ.

Исперывно повторимъ еще: дѣйствота и мысль Екатерины. 1781 года скала Она ииініе свое о самобытномъ своѣи и духѣ народа Русскаго, а 1783 го въ Собесѣдникѣ любителей Русскаго ва, предожгла главное правило, каельно Русской словесности. Кто буу ииать, тому думать по-Русски.

Думать и писать по-Русски, по самотвоу духу народа Русскаго. Въ слѣдое этого, Екатерина въ 23-й годъ своѣ царствования, учредила Народныя Училища. Учрежденіе ихъ Она предварила ииінемъ учебныхъ книгъ по всѣмъ разрау области умственной. Рука Ея положила краугольный камень въ основаніе ииіи общенароднаго ученія. Въ мирѣ ииіи, солнце свѣтитъ для всѣхъ; въ иі нравственности, солнце просвѣщенія ииіи также свѣтъ для всѣхъ, чтобы даиіи видѣть пути, ведущіе къ добру и блоняющіе отъ зла. «Добродѣтель,» гоитъ Сократъ, «знаніе; порокъ—невѣство.» Въ нашъ XIX вѣкъ сказано: «Сла-

ва народная болѣе осуществляется въ ирраственности, нежели въ вещественныхъ источникахъ его богатства.» (*) Это истина: ибо невѣжество и развратъ помрачаютъ душу и уничтожаютъ дары природы. «Втуиѣ,» говоритъ Екатерина въ запискахъ, касательно Россійской Исторіи; «втуиѣ одинъ народъ величается предъ другимъ старѣйшинствомъ и преимуществу ищетъ, ибо по Святому Писанію извѣстно, что всѣ народы суть потомки Адама. Буде же бытъ пренію между народами, то не о старѣйшинствѣ, но приличіе развѣ о томъ, который народъ цѣлаго старѣе прославился добродѣтелию и прочими добродѣтелями.»

Оживимъ дѣянія времени минувшихъ. Въ рѣчи, вложенной Державнымъ въ уста Козловскаго земледѣльца, услышимъ голосъ Екатерины и увидимъ, чего желала Она при учрежденіи Народныхъ Училищъ. Перенесемъ мыслію въ Тамбовъ; войдемъ въ стѣны того аданія, гдѣ присутствовалъ Губернаторъ—повѣ Гавриилъ Романовичъ Державинъ! Посмотрите! кто входитъ въ русское кастанѣ? То однодворецъ Петръ Захаровъ, уроженецъ Козловскій. Онъ вводитъ съ собою юнаго сына, и восклицаетъ: «Проспись Царь Федоръ Алексѣевичъ! Ты основалъ въ Москвѣ Законодательское Училище! Проспись Петръ Первый! Ты въ Сѣверной своей столицѣ основалъ Академію Наукъ. Новое святое дѣло совершается. Уста Русскаго земледѣльца вѣщаютъ Вамъ: проснитесь! возрите! Вы основали духовныя и свѣтскія учебныя заведенія; Преемница Престола Вашего, Екатерина Вторая, подобно солнцу, изливашему на все сіяніе свое, озаряетъ просвѣщеніемъ весь народъ Русскій. Она созидаетъ храмъ любви своей къ народу среди сердецъ простыхъ, но умѣющихъ чувствовать даръ любви и благоволенія. Отныиѣ подъ кровомъ хижинъ водворится свѣтъ, сіяющій въ значительныхъ вѣтшанцахъ наукъ.»

И оборотясь къ сыну, однодворецъ продолжалъ: «Видѣтъ се мною преклонилъ колѣно предъ ииіи изображеніемъ премудрой Царицы! Она желаетъ въ каждой снѣгѣ Россіи видѣть челоуѣка, вполне достойнаго имени челоуѣка; Она желаетъ, да

(*) La gloire d'un peuple réside dans (la) morale bien plus que dans les ressources matérielles.

будутъ вездѣ граждане добродѣтельные и почитаемые отцы семействъ; Она изъ чертоговъ своихъ простираетъ длань въ хижины, и вѣщаетъ: «И вы, земледѣльцы трудолюбивые! И вы вступите на поприще просвѣщенія! И вамъ Богъ далъ мысль, сердце и душу.»

Сбылось предрѣченіе поэта. Появились и у насъ земледѣльцы, которые, подобно хлѣбопашцамъ Швейцаріи, славятъ въ пѣсняхъ вдохновенныхъ Бога и природу. (*) Екатерина вѣрила уму Русскому.

Въ заключеніе, не можемъ не выписать изъ книги С. Н. Глинки слѣдующихъ строкъ, вѣрно характеризующихъ нравственное состояніе Франціи передъ революціею:

«Съ дѣйствіемъ Русскихъ пушекъ и сабель Турецкихъ, соединилась и война противъ мыслей Екатерины II. Какъ будто по какому-то условному знаку, Наказъ Ея преданъ былъ сожженію въ Парижѣ и въ Константинополѣ. Предположимъ, что Порта сдѣлала это, сердясь за то, что Екатерина говорила о самоуправствѣ Турецкихъ судей. Но ужели и тогдашнее Французское Правительство негодовало на Наказъ за изрѣченіе въ немъ Екатерины, что «Она не желаетъ пережить счастья Русскаго народа.» Странное дѣло! Кардиналъ Флѣри, наставникъ и министръ Людовика XV, запрещалъ ему читать Фенелона Телемака, опасаясь, чтобы онъ не заразился любовью къ французскому народу; и Людовикъ XV дремалъ въ нѣгѣ безпечной, не заботясь ни о домѣ своемъ, ни о народѣ.»

С. Н. Глинка въ восторгѣ отъ своего времени: онъ имъ гордится, его любить, имъ живеть, воспоминаніемъ о немъ молодѣетъ. Все это очень-естественно и очень-хорошо: кто не вспоминаетъ съ восторгомъ о своемъ времени, о времени своей молодости? И притомъ, С. Н. Глинка былъ молодъ въ славную эпоху жизни Россіи — ему есть о чемъ вспомнить съ гордостію и упоеніемъ. Но его манера писать много вредитъ ему въ достиженіи цѣли. Впрочемъ, и то сказать: ему уже некогда учиться, или переучиваться пи-

сать. Поблагодаримъ его и за то, что онъ теперь даетъ намъ.

5) Нумизматическія Факты Грузинскаго Царства, книги Михаила Баратаева Documents numismatiques du Royaume de Géorgie, 1844 г. Санктпетербургъ. Въ томъ Императорской Академіи Наукъ. Въ 4-хъ т. л. 500 стр.; XII таблицъ монетъ и т. д. далѣе.

Князь Баратаевъ, членъ Королевскаго Датскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, хорошо знаетъ въ кругу нумизматовъ своихъ нумизматическія Альбомы и тѣмъ, что онъ нашелъ способъ получать металлическіе снимки съ монетъ и медальей, совершенно-схожие съ оригиналами и только въ-отношеніи къ чекану, и въ-отношеніи къ цвѣту металла. Благодаря этому изобрѣтенію, весьма-ценнымъ для нумизматовъ, потому что оно даетъ возможность распространять нумизматическія рѣдкости въ видѣ копій между учеными и любителями, — онъ представляетъ тѣмъ нумизматическіе факты исторіи своей родины.

«Кому», говоритъ краснорѣчивый авторъ Фактовъ: «какъ не туземцамъ предложить священная обязанность приносить ту родную, таинственную чадру, которая столь долго и менно скрывала отъ взора иностранцевъ не только дивныя сокровища Грузии, но и уцѣлѣвшіе подъ отвѣтственной покровомъ женскихъ факты многовѣковой исторіи ея? Дѣйствительно, если сии Грузины не примутъ дружно и разсѣботку своей исторіи, то Европа едва ли скоро узнаетъ ее. Мы, Русскіе, можемъ похвалиться большими заслугами въ этомъ отношеніи, и все, что сдѣлано въ послѣднее время для ознакомленія ученаго свѣта съ грузинскою литературой и исторіей, принадлежитъ преимущественно трудолюбивому иностранцу, члену нашей Академіи. Грузинскіе исторіки, Вахтангъ и Вахуштій, до-сихъ-поръ не переведены и

(*) Сухановъ, Кольцовъ и Слѣпешкинъ.

на одинъ изъ европейскихъ языковъ; показанія ихъ не свѣрены съ показаніями историковъ византійскихъ и мусульманскихъ, — и много еще предстоитъ работъ предварительныхъ для составленія вѣрной исторіи Грузіи.

Къ числу этихъ необходимыхъ для исторіи трудовъ принадлежатъ «Нумизматическіе Факты» князя Баратаева. Грузинскія монеты и медали до-сихъ-поръ были извѣстны весьма мало. Писалъ о нихъ мимоходомъ г. академикъ Френъ, разбирая нумизматическія сокровища Академіи Наукъ. Писалъ о нихъ г. академикъ Броссё, единственный покуда труженикъ нашъ по части грузинской исторіи и литературы; но труды этихъ ученыхъ не могли имѣть надлежащей полноты, потому-что они не имѣли подъ рукою довольно-полныхъ коллекцій. Князю Баратаеву, нумизмату-аматеру, какъ онъ называетъ самъ себя, принадлежить честь перваго, по-возможности, полнаго собранія и обнародованія нумизматическихъ памятниковъ Грузіи.

Извѣстно, что грузинская исторія, подобно всѣмъ другимъ исторіямъ, начинается съ незапамятныхъ временъ; но едва-ли всѣмъ извѣстно, что жизнь Грузіи, какъ царства, начинается съ третьяго столѣтія до Р. Х., съ Фарнаваза, основателя династіи, которая, слившись съ домою Арзакидовъ, господствовала въ Грузіи до конца третьяго столѣтія по Рождествѣ Христовомъ. Ни одного нумизматическаго памятника не дошло до насъ, по-крайней-мѣрѣ до-сихъ-поръ не извѣстно, отъ этихъ отдаленныхъ временъ. Древнѣйшія грузинскія монеты относятся къ династіи сассанидской, при основателѣ которой, Миріанѣ, въ началѣ четвертаго столѣтія, утвердилось въ Грузіи христіанство. Книга г. Баратаева представляетъ намъ монеты двухъ царей этой династіи: Стефаноса II, царствовавшего отъ 639 до 663 г. по Р. Х., и Джованшира, съ кончиною котораго прекратилась на престолѣ грузинскомъ, въ 787 г., династія Сассанидовъ. Эти монеты весьма-важны, потому-

что, свидѣтельствуя о существованіи Грузинскаго Царства и церковныхъ грузинскихъ письменъ въ седьмомъ и восьмомъ столѣтіи, онѣ опровергаютъ извѣстное мнѣніе смѣлаго ориенталиста, который, основываясь на однихъ догадкахъ, утверждалъ, что вѣрнѣйшая исторія Грузіи начинается не ранѣе двѣнадцатаго столѣтія, и что сказанія грузинскихъ историковъ о царяхъ и событіяхъ до этого вѣка—чистыя сказки. Кромѣ этихъ монетъ, въ отдѣлѣ монетъ сассанидскихъ, въ сборникѣ князя Баратаева, помѣщены еще монеты, приписываемыя Вахтангу I, Гургъ-Аслану, жившему въ половинѣ пятаго столѣтія. Этотъ разрядъ монетъ князь Баратаевъ называетъ хосролюниверійскимъ, или грузино-сассанидскимъ, потому-что онѣ, принадлежатъ государямъ династіи сассанидской и по формѣ штемпелей своихъ имѣютъ сходство съ древними монетами Персовъ, извѣстными подъ именемъ сассанидскихъ.

Такъ-какъ мы пишемъ эту статью не для нумизматовъ, которые, если еще не знакомы, то, безъ сомнѣнія, поспѣшатъ познакомиться съ «Нумизматическими Фактами», то, не вдаваясь въ подробности, исчислимъ только разряды, на которые князь Баратаевъ дѣлитъ свое обзорнѣе грузинскихъ монетъ. Второй разрядъ составляютъ монеты грузино-византійскія, названныя такъ потому, что штемпель ихъ заимствованъ отъ монетъ, извѣстныхъ нумизматамъ подъ именемъ греческо-византійскихъ. Тутъ помѣщены монеты, принадлежащія пяти царямъ изъ династіи Бакиратіанъ, заступившей мѣсто сассанидской, и разными отраслями своими занимавшей престолъ Грузіи до присоединенія ея къ Россіи въ 1801 г. Третій разрядъ составляютъ монеты, на которыхъ имена царей и титулы ихъ изображены грузинскими и арабскими буквами. Последнія монеты этого разряда принадлежатъ царю Дмитрію II, царствовавшему отъ 1272 до 1289 г. и за благородное пожертвованіе своею жизнію

для спасенія отечества прозваннаго Жертвователемъ-Собою. Съ этого времени до начала восемнадцатаго вѣканія монетъ съ именами царей грузинскихъ, и не ранѣе, какъ съ царевича Бакара (1716 — 1719) начинается опять рядъ этихъ монетъ, который продолжается до царствованія Георгія XIII (1800 г.) и составляетъ четвертый разрядъ. Этимъ разрядомъ оканчивается книга князя Баратаева. Въ предисловіи онъ общается еще три разряда: въ пятомъ и шестомъ будутъ помѣщены чеканенныя въ Тифлисъ монеты иноплемennныхъ государей, господствовавшихъ надъ Грузіей монгольскихъ хановъ, персидскихъ шаховъ, турецкихъ султановъ и пр., и эти монеты будутъ служить объясненіемъ, почему въ другихъ разрядахъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, не видно монетъ съ именами царей грузинскихъ. Послѣдній, седьмой разрядъ, составятъ монеты, чеканенныя въ Тифлисъ русскими правительствомъ. Надѣмся, что князь Баратаевъ исполнитъ свое обѣщаніе, и любители нумизматики и грузинской исторіи поддержать трудъ его.

Князь Баратаевъ не могъ представить совершенно-полнаго обобранія монетъ грузинскихъ, потому-что его коллекція не представляла ему всѣхъ нужныхъ для того данныхъ. Вѣроятно, много еще нумизматическихъ сокровищъ скрывается подъ спудомъ у туземцевъ, которые не понимаютъ всей ихъ важности, и «Нумизматическіе Факты», составляя и въ настоящемъ своемъ видѣ драгоценное приобрѣтеніе для нумизматовъ, можетъ-статься, принесутъ еще ту пользу, что заставятъ Грузиновъ не скрывать отъ свѣта старинныя монеты и медали, перешедшія къ нимъ отъ дѣдовъ и прадедовъ, и, съ другой стороны, могутъ повести къ тому, что въ коллекціяхъ записныхъ нумизматовъ откроются грузинскія монеты, оставшіяся необъясненными по незнанію грузинскихъ письменъ. Написанная на трехъ языкахъ,—русскомъ, французскомъ и грузинскомъ,—книга князя Баратаева вы-

зываетъ къ дѣятельности всѣхъ нумизматовъ въ Россіи, въ Грузіи и за границей.

Кромѣ полнаго, подробнаго и точнаго описанія монетъ, эта книга заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія объ исторіи Грузіи вообще и особенно о тѣхъ періодахъ, къ которымъ относятся монеты. За каждымъ разрядомъ слѣдуютъ примѣчанія, приложения, думы и пр. Тутъ вся сокращенная исторія Грузіи по туземнымъ источникамъ. Любопытны думы о трехъ грузинскихъ алфавитахъ, о равности ітосчисленій, о трехъ историческихъ именахъ Грузіи и пр. Но, отдавая полную справедливость добросовѣстному и патриотическому труду автора, мы желали бы, чтобъ онъ, продолжая трудъ свой, позаботился о языкѣ, которому не достаетъ простоты и ясности. Самъ авторъ добродушно сознается въ этомъ недостаткѣ и говоритъ въ предисловіи:

«Въ годы, въ которые только-что поступаютъ въ ученики школы, гдѣ обучаются чтенію гражданской печати, я уже носилъ отличительные знаки печати воиновъ на груди моей, въ замѣнъ удачныхъ рукоприкладствъ на челѣ враговъ рукописными именами предковъ моихъ. Они, вписанныя на живомъ пергаментѣ чела ивоземца рукою русскою, стали понятными и памятными для всѣхъ ивоплемениныхъ языковъ, попробовавшихъ со-стязаться съ православнымъ языкомъ святыхъ Руси.—Вотъ въ какомъ приготовительномъ училищѣ или классѣ обучался я и писать, и выкатъ въ понятія объ исторіи, и въ часы досуга отъ всемірной заниматься и частными, не то чтобъ изучать ихъ или комментировать изъ нихъ, но, какъ бы это сказать: заводитъ ихъ ивогда и итпиваться, нерѣдко и съ успѣхомъ, въ чужія исторіи. Гусаръ не опасался критики, бывъ всегда наготовѣ итпичать лихо свои экспромпто-поду-историческія выходы.— Было время, но!... но оно протекло быстро. Увы! подшибло оно крыло полета моего и отбросило нивалидомъ за ряды хреб-

рыхъ сотоварищей моихъ. Свинецъ, вбитый въ меня, опустилъ меня долу и подавилъ всею тяжестью своею... Живу! но уже статскимъ, дѣйствительно статскимъ!... и обритые усы заставили меня постигнуть историческую эмблему обритой головы Сампсона... Вершина *моей*, сравнившись съ дѣвотомъ развѣсистаго султана, бывало осѣнявшего ее, указала, что наступилъ часъ мириться съ врагами. Нечего дѣлать!.. началъ ухаживать и за перомъ. Но скоро ли свыкнешься съ этой антипатіей старо-служивыхъ, частенько выставлявшей, какъ-бы на зло, лихія продѣлки ихъ на-выворотъ?

Изданіе книги превосходное; рисунки медаль и медалей сдѣланы какъ-нельзя-болѣе отчетливо; вообще книга князя Баратаева достойна занять мѣсто въ самой великолѣпной библіотекѣ, и мы надѣемся видѣть въ скоромъ времени ея продолженіе.

6) Историческій Атласъ Россіи, соч. П. П. Павлицева, члена *Совета Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ*. Учебныя пособия для военно-учебныхъ заведеній. *Варшва. 1845.*

Это учебное пособіе, какихъ мало! Въ наше время всѣмъ признана величайшая выгода нагляднаго изученія, гдѣ глаза помогаютъ памяти и разсудку. Въ этомъ отношеніи, сочиненіе г. Павлицева не оставляетъ желать ничего лучшаго. За *Хронологическою картою Россіи*, у него слѣдуютъ *родословныя таблицы* царственныхъ лицъ домовъ Рюрика и Романовыхъ; за таблицами, пятнадцать историко-географическихъ картъ, представляющихъ Россію въ ея различныя эпохи, а на шестнадцатой представлены уступки Россіи до времени царя Алексія Михайловича, и приобрѣтенія Россіи на западѣ и на востокѣ со временъ Алексія Михайловича. Все это выполнено превосходно во всѣхъ отношеніяхъ — и въ ученомъ, и въ редакціонномъ, и въ печатномъ... Военно-учебныя заведенія, находящія-

ся подъ главнѣйшимъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, и въ короткое время ставшія на такую значительную степень совершенства, уже приучили насъ встрѣчать всякое издаваемое ими учебное пособіе съ отраднымъ чувствомъ надежды увидѣть въ немъ новую полезную книгу не только для этихъ заведеній, но вообще для всего учащагося русскаго юношества. И дѣйствительно, «руководства», изданныя для обученія въ этихъ заведеніяхъ наукамъ математическимъ, географіи, нѣкоторымъ частямъ исторіи, и пр., давно уже приваты и другими училищными вѣдомствами, какъ лучшія въ этомъ родѣ изданія. Такая же участь, намъ кажется, ожидаетъ и *Атласъ* г. Павлицева: пособіе, представляемое этою книгою для изученія русскаго исторіи, значительно облегчитъ труды преподавателя, вѣрзувая, такъ сказать, въ память учащагося важнѣйшіе историко-географическіе факты самымъ легкимъ, нагляднымъ образомъ. Совѣтуемъ всѣмъ преподавателямъ и воспитателямъ юношества обратитъ особенное вниманіе на трудъ г. Павлицева и воспользоваться имъ.

7) Рѣчи и Отчетъ *Московской Первой Губернской Гимназіи за 184½ учебный годъ*. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 4-ю д. л. 60 стр.

Мы увѣрены, что Рѣчь г. Рааумова, учителя географіи въ Первой Московской Гимназіи, произнесенная при окончаніи 184½ учебнаго года и помѣщенная въ этомъ «Отчетѣ», прочтется съ удовольствіемъ даже людьми непосвященными во всѣ таинства науки, о которой она разсуждаетъ. Не будемъ говорить о томъ, какое почетное мѣсто въ настоящее время занимаетъ географія въ ряду другихъ наукъ: это болѣе или менѣе извѣстно каждому, кто только слѣдитъ за потребностями и успѣхами вѣка. Впрочемъ, нельзя не замѣтить при случаѣ, что многіе еще до-сихъ-поръ смѣютъ на этотъ

важный предмет съустарѣлой точки, руководствуясь свѣдѣніями, почерпнутыми изъ учебника г. Арсеньева, и не простирая далѣе своихъ требованій. Этимъ-то людямъ мы особенно советуемъ прочитать внимательнѣе прекрасную рѣчь г. Разумова, и думаемъ, что послѣ такого нислаго необременительнаго, но еще пріятнаго для нихъ труда, они совершенно переиначатъ свой взглядъ на одну изъ самыхъ интересныхъ и необходимыхъ для жизни наукъ, или, правильнѣе сказать, не имѣвъ прежде никакого лснаго объ ней понятія, получить новый, свѣтлый взглядъ. Намѣреніе автора представить въ своей рѣчи только нѣкоторыя картины изъ науки о землѣ, выполнено самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Онъ нисколько не затрудняется тѣми препятствіями, которыя необходимо должно было поставить ему на пути къ вниманію слушателей самое опѣпленіе его предмета въ общемъ мѣтвнн. Силою своего таланта онъ поднимаетъ падшее существо и ставитъ его на высоту, о которой оно и не мечтало. Онъ обвиняетъ своимъ обширнымъ глазомъ цѣлый міръ, со всѣми его прекрасно-устроенными частями, подсматриваетъ въ этихъ частяхъ именно то, чѣмъ каждая изъ нихъ рѣзко отличается отъ другой,—словомъ, вы видите полную, мастерски-изображенную картину, со всѣми необходимыми къ ней тѣнями. Чтобы не раздражить любопытства читателей и не прибѣгнуть для удовлетворенія его къ выпискамъ, мы преисрацаемъ наши похвалы. Остается прибавить еще нѣсколько словъ объ искусствѣ автора представлять свои мысли и чувства въ изящныхъ, пластическихъ образахъ. Одушевленный, можно сказать, восторженный своимъ предметомъ, онъ краснорѣчивъ до неистощимости. Но въ этомъ обильномъ краснорѣчнн мы замѣтили одинъ довольно-важный, можетъ-быть, даже неизбежный недостатокъ всякаго постопаваго, непрерывнаго краснорѣчія, а потому невзынательный и въ г. Разу-

мовѣ—это высокопарность, вычурность выраженій, фразѣрство. Чтѣ можно было бы сказать гораздо-проще и яснѣе, то же самое авторъ натагивается выразить кудравнѣе, пышнѣе, а этии иногда затемняетъ самую мысль.

За рѣчью учителя слѣдуетъ рѣчь благодарственная, произнесенная ученикомъ VII класса, Соколовымъ, гдѣ онъ высказываетъ языкомъ благороднымъ тѣ чувствованія, которыя выносить съ собою, оставляя мѣсто своего воспитанія.

Наконецъ, помѣщенъ краткій отчетъ о состояніи гимназін, въ которомъ представлены: обзорнѣе классическихъ занятій, распоряженія правительства, краткая историческая записка о переиѣнахъ, происшедшихъ въ должностяхъ по гимназін и пансіонамъ, навіѣстіе о печатанн лексикона греческо-россійскаго, издаваемого учителемъ Коссовичемъ и доведеннаго до буквы П, объ окончанн печатанн учителемъ нѣмецкаго языка Давидомъ Ферманомъ Deutsche Lese und Schreibungen, свѣдѣнія о гимназін и состоящихъ при ней пансіонахъ. Всѣхъ учащихся къ концу учебнаго года состояло 442 человека. Въ пансіонѣ для благородныхъ 60; въ пансіонѣ для разночинцевъ 150. Въ прибавленн изображены постановленія учебнаго начальства относительно приходящихъ учениковъ и воспитанниковъ пансіоновъ Первой Московской Губернскай Гимназін.

8) О Всенародномъ Распространенн Грамотности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основанн. Изданн второе. Съ дополненнми. Москва. Въ университетскай томъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 90 стр.

Тысяча экземпляровъ этой книжки, напечатанной отдѣльно отъ Журнала Сельскаго Хозяйства, разошлась въ одинъ мѣсяць. Такъ-какъ многіе еще желаютъ имѣть книжку, то г. Масловъ напечаталъ ее вторымъ изданнмъ, съ дополненнми, которыя состоятъ изъ Мыслей и отзывохъ о всенародномъ

распространеніи грамотности, въ Великихъ изписемъ разныхъ особъ къ автору, въ «Извѣстіи о первой вновь-открытой школѣ для ученія грамотѣ крестьянскихъ дѣтей обоего пола въ мѣстѣ князя В. В. Львова». Оставаясь при выраженныхъ нами мнѣніяхъ о сущности такъ-называемаго «религиозно-нравственнаго» воспитанія, о средствахъ, употребляемыхъ для того. Масловымъ, и о цѣли, къ которой могутъ привести эти средства, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязаны благодарить почтеннаго автора за его добрые, благонамѣренныя виды. Различіе мнѣній въ вопросахъ, касающихся такого важнаго пункта, каково народное образованіе, не мѣшаетъ намъ ясно видѣть и оцѣнить благородныя стремленія людей добрыхъ и просвѣщенныхъ. Безъ сомнѣнія, голосъ г. Маслова подвигнетъ многихъ, какъ же онъ подвинулъ нѣкоторыхъ, и приведетъ съ теченіемъ времени къ доброй цѣли...

9) Введеніе въ Грамматику Русскаго Языка. Изданіе второе. *Тетрадь I. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 48 стр.*

Второе изданіе этого «Руководства къ Грамматикѣ» свидѣтельствуетъ о его пользѣ для учащихся. Справедливый отзывъ нашъ оправдывается фактомъ, — фактъ весьма-часто есть самое лучшее доказательство истины.

10) Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Томъ I., книга III. Олоонецкая-Губернія. *Въздано Геденовымъ и Пушкаревымъ. Съ картою губерніи, гербами, планами городовъ и рисунками. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. К. Вингебера. Въ 4-ю д. л. XV и 107 стр.*

О первыхъ двухъ выпускахъ этого «Описанія» мы сочли долгомъ сказать свое мнѣніе со всею откровенностью и съ нѣкоторою подробностью, какъ объ изданіи, заслуживающемъ особеннаго вниманія по своему предмету, но цѣли, по обширности предпріятія. Нѣтъ

надобности говорить, что, при нашемъ образѣ возрѣтія на критику, чѣмъ замѣчательнѣе въ какомъ-либо отношеніи произведеніе, тѣмъ болѣе дежить на критикѣ обязанность внимать во всѣ подробности плана и выполненія, указать на хорошія стороны и раскрыть недостатки. Что подобная критика полезна, доказываетъ самъ г. Пушкаревъ, говоря, что онъ воспользовался нашими замѣчаніями на первыхъ двухъ выпускахъ его изданія, для улучшенія нынѣ-составляемаго имъ описанія Олоонецкой-Губерніи. Мы всегда рады, когда наши замѣчанія принимаются не какъ какія-то нападки и придирки (да забави насъ Богъ отъ нихъ!), какія-то личности, которыхъ мы и знать не хотимъ, — а какъ простое выраженіе нашего убѣжденія въ томъ, что въ разбираемой книгѣ хорошо, и что могло бы быть лучше. Готовность автора пользоваться благонамѣренными замѣчаніями критикомъ для возможнаго усовершенія его сочиненія, есть лучшая порука въ томъ, что онъ сознаетъ важность предпріятого имъ дѣла и ставитъ его выше мелочныхъ расчетовъ авторскаго самолюбія. Только съ такимъ расположеніемъ духа можно взяться за столь огромное предпріятіе, какъ «Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ». Это-то самое обстоятельство заставляеть насъ и нынѣ-вышедшее описаніе Олоонецкой-Губерніи разсматрѣть съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и первые выпуски. Желаемъ одного — чтобы и на этотъ разъ г. Пушкаревъ принялъ столь же благосклонно наши замѣчанія, вышенныя единственныи желаніемъ видѣть *Описаніе Россійской Имперіи* на той степенн совершенства, на которой оно должно стоять по важности предмета.

Первые два выпуска содержали въ себѣ описаніе *Новгородской* и *Архангельской* Губерній. Выполненіе ихъ было далеко-неудовлетворительно; но это не вина г. Пушкарева, какъ онъ самъ объясняетъ въ предисловіи къ описа-

ию Олоонецкой Губернии. Обширные записки его по другим литературным трудам, не позволяли ему заняться «Описанием России по губерниям».

Г. Полевой составил историческое обозрѣніе Новгородской и Архангельской Губерній, а г. Геденовъ сдѣлалъ статистическое ихъ описание. И такъ, всѣ достоинства и всѣ недостатки первыхъ двухъ выпусковъ должны быть приписаны гг. Полевому и Геденову, такъ точно, какъ достоинства и недостатки нынѣ вышедшаго описанія Олоонецкой-Губерніи должны отнесены къ г. Пушкареву, который одинъ занимался его составленіемъ.

Правду сказать, что при той степени неразработанности матеріаловъ для познанія Россіи, описание всѣхъ губерній, въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, есть дѣло явно-превышающее силы одного человѣка; но какъ бы то ни было, г. Пушкаревъ рѣшился одинъ взяться за подобное дѣло. Благодаримъ его за доброе намѣреніе, а о выполненіи вотъ наше мнѣніе.

Описание Олоонецкой-Губерніи начинается историческимъ обозрѣніемъ, которое раздѣлено на два періода: первый періодъ — древній; второй отъ Петра-Великаго до настоящаго времени. Обозрѣніе перваго періода состоитъ изъ краткихъ, отрывочныхъ выписокъ изъ Карамзина и изъ «Актовъ Археографической-Коммиссіи»; въ обозрѣніи втораго періода, указано начало горнаго производства въ олонецкомъ краю, образованіе сперва Олоонецкой-Провинціи и потомъ нынѣшней губерніи. Конечно, эти замѣтки, для нечитавшихъ «Исторіи» Карамзина и неучававшихъ «Актовъ Археографической Коммиссіи», могутъ показаться любопытнымъ; но составляютъ ли они исторію во всемъ значеніи этого слова? Исторія отдѣльной провинціи какого-либо государства можетъ имѣть занимательность и важность, если, на основаніи критической оцѣнки документовъ, вѣрно представлятъ характеръ

постепенныхъ переворотовъ въ судьбѣ провинціи, указано отношеніе къ соседнимъ странамъ, и, что всего важнѣе, отношеніе края къ цѣлому государству, важность мѣстныхъ элементовъ края для цѣлаго государства, и обратно — вліяніе общихъ интересовъ государства на постепенное преобразование провинціи. Только изъ такого рациональнаго взгляда на прошедшее можно вывести полезныя заключенія для настоящаго; только такое изученіе исторіи губерніи позволяетъ судить о ходѣ гражданственности въ отдѣльномъ краю, и о томъ, что приобрѣло государство включеніемъ въ него обозрѣваемой губерніи. Конечно, такой исторіи нѣтъ у г. Пушкарева, да и не могло быть, если у него были въ рукахъ только «Исторія» Карамзина и нѣсколько отрывочныхъ историческихъ документовъ. Ему не доставало еще многого для составленія исторіи олонецкаго края, представляющей такую важность и имѣющей свой особенный характеръ, совершенно-неуловленный г. Пушкаревымъ. Вообще должно сказать, что написать порядочную исторію губерніи невозможно безъ предварительнаго изученія исторіи цѣлаго государства. Безъ втораго даже и въ краткихъ выпискахъ, изъ какихъ состоитъ «Историческое обозрѣніе» г. Пушкарева, можно наговорить много несообразностей въ неясностей. Напримѣръ, въ началѣ «Историческаго обозрѣнія» сказано, что «край, занимаемый нынѣ Олонецкою-Губерніею, извѣстенъ былъ въ древности подъ названіемъ *Кореліи* (.) или *Кириаландіи*». Но какой періодъ времени г. Пушкаревъ разуметь подъ словомъ *древности*? знали ли олонецкій край подъ этимъ именемъ Греки и Римляне? называетъ ли такъ эту страну Страбонъ или Геродотъ? Или названіе *Кореліи* стало извѣстно въ историческомъ мірѣ позже? Этого въ словора г. Пушкарева мы не увидимъ. Затѣмъ авторъ говоритъ: «простирается отъ Финскаго-Залива, Древней *Кореліи* тринадцатіи отъ *Кослианди* (.) или

«Каллию». Что это за страна Квеландія, или Каявія, авторъ не говоритъ; и даже неизвѣстно, какую важность имѣеть этотъ фактъ сопредѣльности Корелии съ Каявіей для исторіи олоонецкаго края. Г. Пушкаревъ говоритъ, что подъ именемъ Корелии «разумѣли (кто?) дикую страну, вмѣщавшую въ себя часть (какую?) нынѣшней Финляндіи, Санктпетербургской и Олоонецкой Губерній». Но на чемъ основано такое показаніе? Въ дѣлѣ историческихъ разысканій нельзя же на слово вѣрять! Г. Пушкаревъ приложить свидѣтельство Карамзина; но довольно ли этого? Если безъ дальнихъ споровъ и разборовъ принимать слова перваго, кто занялся приведеніемъ въ порядокъ лѣтописей, то придется безотчетно повторять чужія слова, не имѣя убѣжденія ни въ основательности, ни въ безосновательности ихъ. Во всемъ этомъ видно, что г. Пушкаревъ писалъ со словъ новѣйшихъ — чужихъ историческихъ, частью даже и историческихъ сочиненій. Въ приписку того, какъ онъ выводитъ на справку авторитеты, немнѣющіе никакого глѣба въ глазахъ историка, приведеть только, что въ своемъ «Историческомъ обозрѣніи» онъ даже ссылается — на кого бы вы думали? — на весьма почетнаго человѣка, но ужъ вовсе не историка — на покойнаго профессора Кадомца Зябловскаго!

Цель «Историческаго обозрѣнія», въ которомъ нѣтъ никакой исторіи, г. Пушкаревъ переходитъ къ «Географическо-статистическому обозрѣнію Олоонецкой Губерній». Оно составлено по образу и подобию издавна печатаемыхъ у насъ географико-статистическихъ обозрѣній губерній. По-этому, здѣсь мы напрасно стали бы искать ригурознаго изученія мѣстности, т.е. есть такого изученія, въ которомъ факты, представляемые «визуальною страдой», вложены въ живой, органическій связи между собою и служатъ надежнымъ основаніемъ для послѣдующихъ заключеній о развитіи страны въ промышленномъ и умственномъ

отношеніяхъ. Пѣтъ, этого здѣсь мы не найдемъ! И такъ, рассмотримъ то, что нашли.

Первый предметъ въ главѣ о мѣстности, — Положеніе губерніи и пространство. Здѣсь авторъ показываетъ, между какими градусами долготы лежить губернія, не указывая, однако, по какому меридіану онъ считаетъ. Но это еще ничего. Далѣе онъ говоритъ: «къ границамъ ея (Олоонецкой Губерніи) прилегаютъ: съ сѣвера и сѣверо-востока Архангельская губернія, съ востока — Вологодская, съ юга Новгородская, съ юго-запада — Финляндскія губерніи: Улеаборгская, Куопіосская и Выборгская» (стр. 13). Куда же дѣлалась Санктпетербургская Губернія, которая, сколько всѣмъ извѣстна, сопредѣльна съ Олоонецкой Губерніей на всемъ пространствѣ отъ Ладожскаго-Озера до границъ Новгородской Губерній?

Площадь, занимаемая Олоонецкою губерніею, представляетъ видъ треугольника, длина коего простирается отъ юго-востока на сѣверъ, а большая широта отъ востока на западъ, (стр. 13.) Вотъ ужъ этого мы не понимаемъ! Площадь представляетъ видъ треугольника, длина коего и широта... По геометріи извѣстно, что треугольникъ измѣряется высотой и основаніемъ, а длины и широты въ треугольнике, по всѣмъ введеннымъ нами справкамъ, не оказалось. Если бы, напротивъ, сказать, что площадь, занимаемая Олоонецкою Губерніею, имѣетъ почти видъ треугольника, котораго вершина на югѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся границы Санктпетербургской, Новгородской и Олоонецкой Губерній, а основаніе обращено на сѣверо-востокъ, почти по прямой линіи между озеромъ Каменнымъ, на границахъ Улеаборгской Губерній, и тѣмъ пунктомъ, въ которомъ сходятся мѣстныя границы Олоонецкой, Архангельской и Вологодской Губерній, то это было бы и правильнѣе и понятнѣе.

Далѣе: «мѣстоположеніе вообще гористое, покрытое лѣсами, которые,

• сгущаясь на вершинахъ горъ, постепенно рѣдѣютъ къ подошвамъ ихъ. • Отъ-чего-же рѣдѣютъ? Извѣстно, что въ Олонецкой-Губерніи, какъ горы покрыты отъ вершины до подошвы сосновыми и еловыми лѣсами, такъ и въ долинахъ находятся густые, непродолжительные лѣса. Пространство губерніи г. Пушкаревъ принимаетъ, на основаніи генеральнаго межеванія, въ 12,916,176 дес. или 2,562 кв. мили. Но автору уже было извѣстно вычисленіе пространства губерніи по картѣ, совершенное Императорской Академіею Наукъ: отъ-чего онъ не держался этого вычисленія, гораздо-точнѣе показывающаго пространство губерній, и на основаніи котораго Олонецкая-Губернія занимаетъ собою 2,722 кв. м.? — Представивъ общее пространство губерніи, г. Пушкаревъ говоритъ сколько изъ него приходится подъ пашнями, лугами, лѣсами, усадьбами и пр.; но изъ сложения этихъ чиселъ вмѣстѣ не выходитъ того итога, который подведенъ г. Пушкаревымъ (стр. 14).

Въ отдѣлѣ второмъ: *горы, возвышенности и почва земли*, не довольно-ясно указаны главныя направленія горныхъ хребтовъ и вліяніе ихъ на фізіономію страны. То же можно сказать и объ описаніи водъ. Между-прочимъ, величина Онежскаго-Озера здѣсь обозначена въ 10,091.9 кв. верстъ, и слѣлана ссылка на Струве, тогда-какъ у Струве она показана въ 11,091,9 кв. верстъ. Въ описаніи климата сказано, что въ губерніи климатъ суровый, между-прочимъ «по причинѣ возвышенности надъ поверхностью моря» (стр. 24). Любопытно знать, на чемъ основано это показаніе. Въ описаніи мѣстности страны, г. Пушкаревъ нигдѣ не упомянулъ о возвышенности надъ моремъ; между-тѣмъ, какъ извѣстно, что Олонецкая-Губернія представляетъ собою какъ-бы впадину въ срединѣ, съ поднятными краями вкругъ. Принимая, неизвѣстно почему, суровость климата возвышенности страны надъ моремъ, авторъ ничего не говоритъ о вліяніи въ этомъ отношеніи сѣвернаго

положенія, а это, кажется, важнѣе. Характеристика времени гола представлена такъ, что она шла бы, пожалуй, ко всякой другой сѣверной губерніи, между-тѣмъ, какъ ближайшее наученіе мѣстности, по вліянію ея на климатъ, могло бы указать болѣе-опредѣлительныя черты мѣстнаго климата. Восхождение и захожденіе солнца (стр. 25) показано не совсѣмъ-вѣрно.

Въ главѣ второй говорится о народонаселеніи. Число жителей показано отдѣльно за 1842, 1843 и 1844 годы, безъ указанія источника, откуда взяты столь свѣжія свѣдѣнія, — а г. Пушкаревъ согласится, что въ этого рода дѣлахъ и отцу родному на слово нельзя повѣрить. Въ исчисленіи народонаселенія по сословіямъ, также неимѣнію на чемъ основаны показанія; это можно сказать тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя цифры даже просто неѣтрны. Напримеръ, число государственныхъ преступленій показано за 1844 годъ 200,870 душъ обоого пола, тогда-какъ, во впечатанному отчету Министерства Государственныхъ Имуществъ, всего числится въ Олонецкой-Губерніи 150,041 душа обоого пола. Свѣдѣнія о движеніи народонаселенія также взяты и три года; но межъ столь-малого числа лѣтъ нельзя въ этомъ случаѣ выводить основательныхъ заключеній.

Говоря о племенахъ, авторъ ссылается на г. Дашкова, и дѣлаетъ изъ Кореловъ и Финновъ два отдѣльных племени, ничѣмъ не доказывая этого положенія, а далѣе самъ говоритъ, что у нихъ одинъ языкъ. Желая представить характеристику корельскаго языка, онъ говоритъ, что всѣ слова его могутъ заключаться въ восемь шибольныхъ частяхъ рѣчи (стр. 87). Но что же это за особенность языка? всѣ шибольныя части рѣчи, различіе которыхъ основано не на свойствахъ языка, а на свойствахъ интонаціи и формъ логическихкихъ. Въ отатѣ сѣверносповѣданіи онъ говоритъ, что интонаціи имѣютъ своего мастера, который управляетъ, тогда-какъ интонаціи

апокалиптическіе духовные нигдѣ не называются.

Въ статьѣ: *Состояніе народной нравственности*, авторъ утверждаетъ, что Олончане не предавы пьянству, и что преступленій совершается мало въ сравненіи съ народонаселеніемъ (стр. 40 и 41). Но какое основаніе принимаетъ авторъ, чтобъ находить число преступленій *малымъ*, и гдѣ масштабъ, чтобъ судить, какое число преступленій должно считать малымъ, какое достаточнымъ, и какое большимъ? Побудительныя причины преступленій показаны общія всему роду человѣческому; слѣдовательно, это нисколько не характеризуетъ степени нравственности Олончанъ. Въ заключеніе картины нравственности народа, авторъ приводитъ четыре частныя случая благотворительности и человѣколюбія (стр. 42), которые ровно ничего не доказываютъ и прилеены здѣсь ни къ селу, ни къ городу.

Въ статьѣ: *Этнографія*, авторъ похвально описаніе нравовъ, обычаевъ и повѣрій народныхъ. Но это еще не этнографія: правильнѣе было бы отнести къ этнографіи развѣсканіе о племенахъ, а статью о повѣрьяхъ отнести къ образованности, которую они характеризуютъ гораздо-лучше, нежели приводимые авторомъ факты (стр. 39 и 40), наприм. то, что въ Петрозаводскѣ издаются губернскія вѣдомости, раздѣленныя на оффиціальную и неоффиціальную части, а сія послѣдняя «по неизбѣжнѣ сотрудничковъ, весьма скудна» (sic!). Весьма-странно г. Пушкаревъ приступаетъ къ описанію нравовъ и обычаевъ жителей. Раскрывая стр. 42, вы видите заглавіе: *Правы и обычаи жителей*, и за тѣмъ читаете: «Здѣшніе коренные жители сложения крѣпкаго, роста невысокаго, большею частью бѣлокуры, какъ всѣ жители сѣвернаго края. Не-уже-ли это нравы и обычаи? Отныняѣ, когда мы встрѣтимъ плечистаго дѣтину, въ сажень ростомъ, мы скажемъ: «этотъ господинъ права очень-плечистаго!» увидя другаго, мы подумаемъ; «этотъ

господинъ имѣетъ обычай необыкновенно бѣлокурый, такъ-что даже онъ похожъ издали на Нѣмца». — Глава третья посвящена промышленности. Здѣсь статья о земледѣліи взята изъ «Земледѣльской Газеты», но такъ сокращена, что въ ней уже немного осталось поучительнаго. Сверхъ-того, тутъ прибавлены и такія вещи, которыя совершенно невѣроподобны. На-прим. урожай ячменя въ губерніи показанъ самъ-8 (стр. 51); но это преглягодатный урожай, котораго дай Богъ и въ странахъ съ лучшею почвою и лучшимъ климатомъ, нежели Олоонецкая Губернія. Этотъ урожай тѣмъ неправдоподобнѣе, что, по уѣренію самого автора, общій характеръ губерніи есть *безплодность* (стр. 15). — Еслибъ даже въ этомъ словѣ—«безплодность», и было преувеличеніе, то все же урожай въ самъ-8 среднимъ счетомъ, въ Олоонецкой-Губерніи неправдоподобенъ.

Такую же неправдоподобность представляетъ уѣреніе автора, будто-бы въ губерніи накашивается 20,000,000 пудовъ сѣна (стр. 53). Нельзя ли сказать, кто сосчиталъ эти пуды сѣна? Мы можемъ удостовѣрить г. Пушкарева, что эта цифра ни на чемъ не основана и поставлена на-обумъ. Притомъ, она и выдуманна весьма-неудовко. Самъ авторъ показываетъ, что въ губерніи 87,996 дес. сѣнокосной земли; положимъ самое высшее количество: 100 пуд. съ десятины, то и тогда выйдетъ всего 9 милльионовъ пудовъ. Но вотъ показаніе, отъ котораго мы еще болѣе пришли въ недоумѣніе: урожай льна въ губерніи г. Пушкаревъ полагаетъ 120 пудъ кудели съ десятины, а зеренъ 4 четверти (стр. 52). Сдѣлайте одолженіе, укажите намъ секретъ такихъ ужасныхъ урожаяевъ! Да-сидѣпоръ, самый опытный хозяинъ радъ-радѣшенекъ, если получитъ около 30 пудовъ льна съ десятины, а замѣтьте, г. Пушкаревъ говоритъ 120 пудовъ кудели, т. е. самаго лучшаго чесанаго льна, котораго и 25 пудовъ съ десятины хорошо получить. Вистѣ съ тѣ-

книжъ чудныиъ урожаемъ кудели, получается до 4 четвертей сѣмени... да это просто золотое дно! до-сихъ-поръ и 2 четверти считалось превосходныиъ урожаемъ, и притомъ не выѣсть съ куделемъ, ибо ленъ, сѣмый для волокна, почти вовсе не даетъ сѣмень, а на сѣмена остается ленъ, который не даетъ хорошей пряжи. Въ Олонецкой же губернии такое чудо, что съ одной десятины и 120 пудовъ кудели и 4 четверти сѣмень... золотое дно, да и только! То же можно сказать и объ утвержденіи г. Пушкарева, будто конопля даетъ съ десятины до 180 пуд. пеньки и 2 четвертей сѣмени. Это уже такой агрономическій фактъ, который заставить всякаго опытнаго хозяина разинуть ротъ отъ удивленія...

Въ статьяхъ «Промыслы и ремесла, заводы и фабрики, торговля и пути сообщенія» можно было пожелать болѣе обстоятельности. Въ главѣ IV помѣщено описаніе правительственныхъ учреждений, а въ главѣ V обзорнѣе городовъ и уѣздовъ. Къ этой послѣдней главѣ приложено нѣсколько литографированныхъ видовъ, порядочно сдѣланныхъ.

При сочиненіи находится карта Олонецкой-Губерніи, выполненіе которой нельзя назвать вполне-удовлетворительнымъ. Главный ея недостатокъ — невѣрность. На-примѣръ, городъ Олоонецъ показанъ на ней выше 61°, тогда какъ онъ находится подъ 60° 39' сѣверной широты. Рѣка Свирь показана вытекающею изъ рѣки Вьттегры, тогда какъ всякому извѣстно, что она вытекаетъ изъ Онежскаго Озера, и т. п. — А жаль, право, жаль; карта налитографирована хорошо, хотя и невѣрною въ чей литографіи.

Эти замѣчанія довольно показывають, на какой степеніи должно стать «Обзорнѣе Олонецкой-Губерніи» г. Пушкарева въ ряду географическихъ и статистическихъ сочиненій. Если наши замѣчанія послужатъ автору въ пользу для улучшенія предпринятаго имъ изданія, то цѣль наша будетъ достигнута.

11) О панизмѣ, или разсужденіи о больнзлахъ, происходящихъ отъ рукоблудія. Сочиненіе доктора Тиссота. С французскаго перевелъ докторъ Александръ Никитинъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Ив. Селезнева. 1843. Въ 8-м д. л. 104 стр.

Книга очень-полезная, даже необходимая въ наше время. Имя автора ругается за достоинство ея содержанія, а имя переводчика — за достоинство перевода. Изданіе очень-хорошо.

12) Повѣсть. Сочиненіе Ал... Пл... Москва. Въ тип. А. Семена. 1843. Въ 12-ю д. л. 45 стр.

Повѣсть сія, написанная г-жей сочинительницей Ал... Пл..., называется такъ: *Местъ жестицины, сцени прощяціальной жизни.* Нѣкая Серафима Мельская, прелестная какъ цвѣтъ розы сити-фолія, милая какъ любовь, оборотливая какъ лазурь неба Итали и роскошную ночь, веселая какъ юная птичка, ясная душой какъ солнечное утро мая, — она съ своею греческой профилею, съ темными бархатными глазами, съ маленькими ротикомъ, альми губками, украшенными блѣдно-розовыхъ щечекъ ямочками... влюбилась въ гвардейскаго офицера Солнцева, который съ своей стороны влюбился въ нее, вѣроятно нѣсколько страннымъ положеніемъ ея ямочекъ, находившихся въ близкомъ разстояніи отъ щекъ. Но чрезъ нѣсколько времени, Солцевъ женился на Владиміръ Парфентьевѣ Гдовской, а Мельская сдѣлалась графиней Мецкой, т. е. женою графа Мецкаго, женою бывшаго военнаго губернатора Х... Тамъ бы дѣло и кончилось, еслибъ Солцевъ не встрѣтилъ въ театрѣ Мецкой, которую все еще любилъ, и еслибъ Мецкая не ввдумала отменить Солнцева, котораго все еще любила. Она, въ театрѣ, въ развѣздѣ, такъ его отдѣлала, что тотъ пришелъ домой — да и застрѣлся, сказавъ потомъ: «знай нашихъ!» Графиня Мецкая, чтобъ загладить свою вину, поставила надъ могилей Солнцева обелискъ, подумавъ томъ: «знай ва-

ших! мы, говоритъ: «не ударимъ лицомъ въ грязь», — а происшествіе то было виной.

13) Замѣтки. *Стихотворенія М. Даргаана. Харьков. 1846. Въ 8-ю д. л. 0 стр.*

Замѣтки г. Даргаана замѣчательны только единими неслѣпостями, грубыми ошибками противъ версификаціи, противъ неслѣпыхъ всѣхъ по самымъ сложнымъ грамматическимъ правиламъ орфографіи. Чтобы не ходить далеко за рѣкѣю, выпишемъ вѣскольکو прокъ изъ перваго стихотворенія: *Пазанъ*:

— «Приведите коня мнѣ осѣланнаго,
Ворожого коня изъ моихъ табуновъ,
Серебромъ чистымъ кованнаго —
Отъ враговъ серебро тѣхъ подковъ!
Онъ могучъ, онъ слуга былъ
Старику, усачу-дѣду.»

Если встрѣчаются въ этомъ хламѣ некоторые стихотворенія, не только средняныя, даже очень-хорошенькія, а такая странность объясняется очень-просто. Авторъ бѣздъ всякой цѣлостности беретъ у другихъ, что ему годно и нужно, чтобы сколько-нибудь очистить свой сборникъ отъ своихъ собственныхъ недостатковъ. Вотъ, напримеръ, стихотвореніе: *въ Альбомъ* рѣзвычайно напоминаетъ собою прекрасный образъ и складъ одного изъ величайшихъ поэтовъ. Мы не станемъ вводить справки, а представимъ его на-лицо, какъ оно значитса г. Даргаана.

Я васъ малюткой часто видѣлъ
Вы были дивно хороши,
Я въ васъ красавицу провидѣлъ,
И въ васъ не чуялъ я души.

И вотъ теперь опять предъ нами,
Черезъ много, много уже лѣтъ,
Какъ ангелъ дивными красами
Вы озарили грѣшный свѣтъ.

Вашъ возрастъ дѣтства миновался,
Какъ прежде, и на васъ смотрю;
Но прежде вами любилъ я —
Теперь любъ пламенно люблю.

Не правду ли мы сказали? Такъ и хочется высказать имя этого поэта, къ которому такъ неучтиво подобрался г. Даргаанъ. Некоторые стихотворенія, подобныя же образамъ взятымъ на прокатъ, сочинитель неслѣпился въ своемъ сборникѣ съ неслѣпостями, разумеется, не въ ихъ пользу, потому-что отъ этого процесса они потеряли своей первобытный видъ и приняли другой, довольно-несаженный, въ которомъ ихъ и не увидѣшь.

14) Баясы. *Москва. Въ тип. А. Евреинова. 1845. Въ 18-ю д. л. 12 стр.*

Баясы, могущія потѣшать только праздность и невѣжество.

15) Виц-Мундиръ, *водесиль ес одномѣ дѣйствии* (.) сочиненіе П. Каратыгина. *Санктпетербургъ. Въ тип. Имп. Глазунова и комп. 1845. Въ 16-ю д. л. 99 стр.*

Этотъ водесиль написалъ для сценическаго эффекта, и на сценѣ дѣйствительно долженъ быть очень-смѣшноръ, хотя и лишень правдоподобія, естественности, характеровъ, образовъ и лицъ. Къ драматургіи и литературѣ онъ вѣскольکو не относится: потому-то мы и увольняемъ себя отъ обязанности распространяться о немъ.

16) Вѣчный Жидъ. *Пародія. Читане вторая. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. И. Фишона. Въ 16-ю д. л. 71 стр.*

Опять *Вѣчный Жидъ!* Скоро ли онъ отвѣтится отъ насъ и оставитъ насъ въ покое—надобѣ до смерти! Каратыгина Шама, или Хама, прелесть, текстъ очень милъ и остроуменъ—въ подлинникѣ; въ переводѣ, это—подражаніе слогу *Поробенія Кота*: плоскость страшная!..

17) О Вредныхъ Насѣкомыхъ. *Издано Ученымъ Комитетомъ Министровъ Государственныхъ Имуществъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1845. Въ 6-ю д. л. VII и 278 стр. Съ*

шестью листами раскрашенными рисунками.

Вотъ прекрасная книга, на которой приятно остановить вниманіе. Отчетливо - составленная, изящно - изданная, приуроченная къ степени познаній, развитыхъ у насъ въ большинствѣ читателей, эта книга будетъ имѣть самое полезное дѣйствіе на практическую хозяйств.

Получаемая изъ разныхъ губерній донесенія о вредѣ, причиняемомъ насѣкомыми, обращали на себя вниманіе Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Бѣдствіе этого рода скорѣе можетъ быть предотвращаемо, нежели искореняемо въ то время, когда оно уже чрезмерно распространилось; но самое предотвращеніе можетъ производиться только тогда, когда мы знакомы съ образомъ жизни вреднаго животнаго. Для распространенія въ классѣ хозяевъ правильныхъ свѣдѣній по этому предмету, Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ предпринялъ составленіе краткаго и основательнаго описанія наиболее-вредныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ насѣкомыхъ, съ приложеніемъ точныхъ изображеній.

Первая изданная нынѣ часть содержитъ въ себѣ описаніе главныхъ чешуекрылыхъ истребителей лѣсовъ и вывѣ, т. е. бабочекъ и мотыльковъ, гусеницы которыхъ причиняютъ значительныя опустошенія. При описаніи насѣкомыхъ, вредныхъ лѣсамъ, принято въ основаніе превосходное и признанное классическимъ сочиненіе профессора Раецбурга: при описаніи же насѣкомыхъ, вредныхъ садамъ, огородамъ, хлѣбнымъ полямъ и т. п., руководствомъ служили сочиненія Буше, Ценкера, Шиндбергера, Коллара, Фрейера и нѣкоторыхъ другихъ, и разныя монографическія сочиненія, какъ отдѣльно-изданныя, такъ и разсѣяныя въ нѣкоторыхъ повременныхъ русскихъ изданіяхъ, а статья о винограднои мотылькѣ составлена г. Стефаномъ, профессоромъ у насъ своимъ

познаніями по части энтомологіи. Къ описанію приложены превосходныя изображенія насѣкомыхъ, весьма искусно раскрашенныя. Можно сказать, что, по отчетливости и изяществу изображеній, это — первое дѣлаемое у насъ изданіе по части энтомологии. Всѣ изображенія слѣданы изъ лучшихъ по этому предмету изданій: Раецбурга, Годара, Буаши и другихъ. Для достоинства этихъ изображеній, Комитетъ не щадилъ и держокъ, зная, что отъ точности рисунка и раскраски преимущественно зависитъ распознаваніе насѣкомыхъ, особенно лицами, незнающими основательно энтомологіей.

При описаніи каждого насѣкомаго представлены всѣ его видоизмѣненія отъ яйца до совершеннаго образа (бочки и проч.); затѣмъ описаны и вредныя насѣкомаго, указано, на основаніи официальныхъ свѣдѣній, когда и гдѣ оно появлялось, и наконецъ изложено средства къ его истребленію.

При разборѣ подобнаго сочиненія вѣтъ, кажется, надобности многого распространяться о его достоинствахъ и хвалить великій, зависящій отъ книгою, — а записать его необходимо всякому хозяйству, тѣмъ болѣе, что онъ при всемъ изяществѣ изданія, предлагается публикѣ по весьма умеренной цѣнѣ.

18) Проекты Каминныхъ и Ревянныхъ Церквей въ византийскомъ стилѣ, со скандалами, иконостасами и другими устройства парусовъ, куполовъ, свѣтоточья, стропиль, лѣсовъ и проч. укрѣпленій практическія. Составилъ архитекторомъ В. Морганомъ. Типографія С. Салтисбергера. 1845.

Извѣстно было бы говорить о важности подобнаго труда. Но не прекрасно.

19) Домостроеніе съ планами, садами каминныхъ и деревянныхъ, скіахъ и сельскихъ одакъ, раскраски и проч. отъ архитектора и архитектора.

ителей, сараевъ, амбаровъ, конюшенъ, знатныхъ садовыхъ украшеній, какъ-то: пьодокъ, протокъ, мостовъ, и многими другими чертежами. Составлено титульнымъ советникомъ Александромъ Дольскимъ. Въ трехъ частяхъ. Изданіе второе исправленное. Москва. Тип. Н. Степанова. 1845. Въ 4-ю л. Въ I-й части 21, во II-й — 14, въ III-й — 9 и 121 таблица.

Въ первой части, подъ именемъ ступенія: представлены исторія художественнаго искусства, отъ древнѣйшихъ временъ до нашего, и теорія званій вообще; вторая содержитъ въ себѣ писаніе строительныхъ матеріаловъ, ретя заключаетъ въ себѣ таблицы краткихъ объясненій. Книга покая, преимущественно для сельскихъ хозяевъ, которые не всегда пользуются хорошими архитекторами.

20) Санктпетербургская Флора, раскрашенными рисунками. Составлена Карломъ Левинымъ. Часть первая. Изданіе литографа И. Селезнева. Санктпетербургъ. Въ тип. издателя. 1845. Въ 8-ю д. л. 23 стр. Рисунковъ 24.

Келасъ отъ души успѣшнаго и, конечно, скорѣйшаго окончанія этому книжно-полезному предпріятію, которое пока единственный недостатокъ — гленивость. Во всемъ остальномъ и авторъ и издатель заслуживаютъ похвалы благодарности.

21) Теорія Садоводства или опытъ лсенія главнѣйшихъ производствъ садоводства изъ началъ растительной фізіологіи. Сочиненіе г. Линдлея, фізіологическаго доктора, вице-секретаря Лондонскаго Общества Садоводства и профессора ботаники при Университетѣ. Переводъ съ англійскаго. Издавъ съ разными дополненіями и примѣчаніями И. П. Давыдовскій. Санктпетербургъ. Въ тип. министерства Государственныхъ Имуществъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 417 стр. Съ дереворычными рисунками, составленными съ текстомъ.

Въ наше время раціональное сель-

ское хозяйство необходимо должно очиститься отъ производствъ по одному наряду (рутины) и основаться исключительно на началахъ химіи и фізіологіи растительной и животной. Эта необходимость нигдѣ такъ не чувствительна, какъ въ Англіи: британское земледѣліе теперь уже затрудняется прокормить настоящее народонаселеніе острова, что же будетъ черезъ шестьдесятъ лѣтъ, когда это народонаселеніе можетъ удвоиться? Какими средствами будетъ сытъ этотъ новый народъ человѣческаго рода? Прежде, нежели успѣютъ состарѣться дѣти теперь существующаго поколѣнія, Великобританія одна будетъ считать сорокъ милліоновъ жителей. Какъ прокормить эти сорокъ милліоновъ продуктами той же самой почвы, которой стасть только на двадцать милліоновъ? Можетъ ли эта почва удвоить всходы? и если это дѣло возможное, какъ полагаютъ многіе, какимъ-образомъ увеличить ея производящую силу?..

Необходимость основать сельское хозяйство на прочныхъ началахъ науки; необходимость сдѣлать изъ почвы капиталъ постоянно возрастающій, который бы давалъ всегда доходы вѣрные, увеличивающіеся пропорціонально множащемуся народонаселенію, — эта необходимость объясняетъ намъ популярность науки въ Англіи и убѣждаетъ, что Англія, въ-отношеніи сельскаго хозяйства, должна служить образцомъ для земледѣльческихъ державъ, какова Россія.

Дѣйствительно, только въ одной Англіи можно изучать раціональное сельское хозяйство; наука сроднилась тамъ съ искусствомъ земледѣлія, и феррианы Либиха, которому, замѣтимъ кстати, такъ мало отдаетъ справедливости его собственная родина, славная, ученая Германія, служившая намъ досихъ-поръ во всемъ образцомъ, — перешли въ разговорный языкъ англійскихъ ферриеровъ. Неопредѣленные выраженія — «удобрить», «унавоить», изгнаны теперь изъ ихъ земледѣльческаго словаря; земледѣлецъ прямо на-

вызвать ученыхъ именовъ элементы, которые необходимо соединить съ почвою, чтобъ увеличить ея плодородіе.

Тѣсная связь между производствомъ и наукою, между теоріею и практикою, существующая въ Англіи, кромѣ живыхъ практическихъ результатовъ, имѣла еще благотворное влияние на самую науку; практика сорвала съ нея надутую педагогическую форму, въ которую стремятся заключить ея вѣжщіе геллертеры, сбѣжала ее популярною, доступною для всѣхъ,—практика дала возможность такимъ образомъ всѣмъ пользоваться животворнымъ свѣтомъ науки...

Нельзя, по-этому, не благодарить г. директора Императорскаго Санктпетербургскаго Ботаническаго Сада, О. В. Фишера, присовѣтовавшаго г. Шиховскому, при настоящей потребности въ основательномъ учебникѣ садоводства, именно перевести сочиненіе изъ англійской литературы.

«Теорія Садоводства», какъ говорятъ самъ авторъ въ предисловіи, писана съ цѣлью доставить благоразумному садовнику и ученому любителю надлежащія научовыя свѣдѣнія о главнѣйшихъ производствахъ садоводства; такимъ - образомъ, Линдлей совершенно исключилъ изъ своего сочиненія садовое искусство, то-есть описаніе способовъ выполненія производствъ, необходимыхъ при воспитаніи, размноженіи и улучшеніи растеній.

Совершенно-противное представляеть большая часть сочиненій о садоводствѣ: тамъ искусство одно бываетъ изложено безъ связи съ общими началами, которыя одни только могутъ доказать основательность практическихъ правилъ; по-этому-то обыкновенно читатель долженъ былъ принимать прелеводство какого-либо способа воздѣлыванія, вѣра на-слово садоводственныиъ писателямъ и не имѣя никакихъ законовъ, по которымъ могъ бы судить о томъ предварительно. По этимъ причинамъ, садоводство, подобно всѣмъ эмпирическимъ занатіямъ, уменьилось

до сборника правилъ или наставленій безответныхъ.

Не будемъ тревожить старинны; и нашимъ любознательнымъ сельскимъ хозяевамъ вѣроятно памяты русскія, доморощенныя хозяйственныя сочиненія гг. Цигры, Бурнашева и пр. и пр., которыя наводняли и, къ несчастью, наводняютъ еще и теперь нашу литературу, вмѣстѣ съ замысловатыми секретами выводить блохъ, выращивать волоса и т. п., составившии славу нѣкоторыхъ московскихъ и петербургскихъ книгопродавцевъ.

«Теорія Садоводства» Линдлея, согласно своему названію, есть собственно приложение растительной физиологій къ садовому искусству; но съинимъ прибавить вмѣстѣ съ ея импромъ: это не ботаническій трактатъ, а удобопонятное изложеніе физиологическихъ началъ жизни растительной, которыя состоятъ въ прямомъ отношеніи къ воздѣлыванію, приложение этихъ физиологическихъ началъ къ обычнымъ приемамъ садоводственной практики и изъясненіе, на основаніи ихъ, употребительныхъ приемовъ въ различныхъ отрасляхъ садоводства. Однимъ словомъ, это собраніе тѣхъ вѣщныхъ началъ, которыя должны содѣлывать себѣ основательности практическихъ правилъ.

Сочиненіе г. Линдлея заслуживаетъ себѣ европейскую извѣстность; оно переведено на всѣ языки; похвалы имѣетъ по-этому не прибавять ничего къ его достоинству; намъ остается только благодарить переводчика за совершенный трудъ и рекомендовать его нормамъ всей читающей публикѣ.

Сочиненіе Линдлея возбуждетъ вкусъ къ садоводству, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ любознательномъ человѣкѣ.

22) Бесѣды о Сельскомъ Хозяйствѣ, составляющія курсъ этой науки, публично преподаваемый въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ въ 1844—45 академическомъ году Профессоромъ Лямоскинымъ. 3 выдана отдѣльн.

жека. Въ университетской тип. 1845.
Въ 8-ю д. л. 242 стр.

Этотъ второй томъ «Бесѣдъ о Сельскомъ Хозяйствѣ» раздѣленъ на двѣ части: въ одной говорится о землеобрабатывавимъ, въ другой—о землевоздѣлывавимъ. Каждая бесѣда (всѣхъ ихъ 16) посвящена политипажнымъ рисункамъ, вставленнымъ въ средину текста. Въ 3 и 4 части будутъ изложены способы разведенія общепользныхъ растений, въ 5 и 6 части общепользныхъ животныхъ, а въ 7 и въ слѣдующихъ томахъ правила управленія имѣніями и организація хозяйства. Третья и четвертая части уже составлены. Онѣ содержатъ въ себѣ описаніе главнѣйшихъ сельскихъ производствъ, а именно нощва, уборки, молотбы, сохраненія хлѣба; затѣмъ подробное описаніе разныхъ овинновъ, ригъ, амбаровъ, житницъ, изложеніе всего того, что касается народнаго продовольствія и хлѣбной торговли, какъ въ чужихъ краяхъ, такъ въ-особенности въ Россіи, наконецъ въ-частности описаніе всѣхъ извѣстныхъ общепользныхъ растений. Два художника, подъ надзоромъ автора, срисовываютъ земледѣльческія орудія, хозяйственныя строенія и другія сельскія принадлежности, и тотчасъ потому вырѣзываютъ ихъ на деревѣ, такъ-что все сочиненіе мало-по-малу наполнится множествомъ политипажныхъ рисунковъ. Въ вышедшемъ теперь томѣ 80 рисунковъ.

Планъ, которому слѣдуетъ г. профессоръ, вездѣ одинаковъ: сначала изложеніе того, что замѣчается по какому-нибудь предмету хозяйства въ Англіи, Франціи, Германіи, гдѣ наука приведена по возможности къ общимъ положеніямъ; потомъ описаніе того, что находится въ Россіи; и наконецъ вѣнне о томъ, есть ли какая-нибудь достаточная причина измѣнить существующіе у насъ по этому случаю обычаи, принять что-нибудь лучшее или остаться при прежнемъ. Планъ хорошъ, потому-что такимъ-образомъ избѣгаются крайности того или другаго направленія: чистаго заимствованія,

безъ соображеній,—или стародавнихъ привычекъ, безъ мысли объ улучшеніяхъ. Читателямъ и слушателямъ г. Ливовскаго остается только желать, чтобъ въ этихъ примѣненіяхъ иностраннаго къ отечественному не было натяжки, чтобъ всѣ предметы хозяйства, представляемые въ видѣ истинномъ, сводились къ общимъ положеніямъ, равно какъ и выводились изъ общихъ положеній; иначе сельское хозяйство будетъ не наукой, а собраніемъ много-различныхъ и разнообразныхъ частностей. Впрочемъ, все дѣло рѣшается здѣсь личностью. Талантъ, и уклонился въ крайности, остается талантомъ: разительный примѣръ тому — бывший профессоръ Павловъ, который слишкомъ отвлекъ свою науку отъ всего фактическаго, частнаго, и однакожъ логическимъ построеніемъ общихъ, многихъ истинъ умѣлъ увлекать слушателей; и не только увлекать, но и дѣйствовать на нихъ благотворно, приучая ихъ умъ къ строгому выводу однихъ положеній изъ другихъ, къ научной формѣ, къ тому ясному представленію истинъ, которое уже само-по-себѣ, независимо отъ содержанія, плѣняетъ умъ. Не-талантъ же, и держась блаженной средины, останется не-талантомъ... Но возвратимся къ книгѣ г. Ливовскаго. Мы сказали: въ примѣненіяхъ иностраннаго къ нашему не должно быть натяжки. Авторъ обязанъ представлять дѣйствительное сходство или противоположность, а не выискивать сходства и противоположности. Намъ показалось немногостраннымъ сближеніе египетскихъ пирамидъ съ укрѣпленіемъ красною лозою или шелоугою нашихъ несковъ въ окрестностяхъ Екатеринослава, въ Новососковскомъ-Уѣздѣ, и въ Алешковскомъ-Уѣздѣ... Самая догадка о причинѣ построенія пирамидъ, пущенная въ ходъ Персини, есть покаместъ только-что догадка. Дѣло вотъ въ чемъ. Политическому преступнику Персини, заключенному въ темницѣ, пришла нечаянно въ голову мысль: «не сооружены ли пирамиды за тѣмъ, чтобъ защищать

близь-лежащая земля от вліянія разрушительныхъ сыпучихъ песковъ? Если это такъ, думалъ онъ, то эти пирамиды должны находиться близь самыхъ пустынь; ихъ число, ихъ величина должны соответствовать угрожающей опасности; большія должны быть расположены въ низкихъ мѣстахъ, а малыя на возвышеніяхъ; наконецъ, тамъ, гдѣ враждебная рука разрушила пирамиды, сыпучіе пески должны были произвести опустошенія болѣе-значительныя, чѣмъ гдѣ-либо. Такъ разсуждалъ аргюи Персини въ своей темницѣ, и какъ велико было его удивленіе, когда, взявъ въ руки нѣсколько лучшихъ описаній Африки, онъ убѣдился, что его догадки были совершенно-справедливы! Пирамиды находятся въ Египтѣ у самого начала Ливійской-Пустыни, и вездѣ, гдѣ только онѣ были разрушены Арабами, пески произвели дѣйствительно большія опустошенія. Пирамиды соединены въ болѣе или менѣе значительныя группы, смотря по тому, съ какою силою ударяютъ объ нихъ столбы летучаго песка. Пораженный этимъ открытіемъ, Персини углубляется въ механическую часть вопроса, въ объясненіе того, какииъ-образомъ скорость вѣтра можетъ быть уменьшена отъ противодѣйствія разныхъ поверхностей, находящихся на его пути. Онъ вычисляетъ математически положеніе, направленіе и форму, которую нужно дать этимъ поверхностямъ за тѣмъ, чтобъ онѣ лучше отражали ударъ столбовъ сыпучаго песка, и находитъ, что теоретически-опредѣленная низъ форма, положеніе и направленіе этихъ поверхностей замѣчаются на-самомъ-дѣлѣ въ египетскихъ и нубійскихъ пирамидахъ. Ободренный своими открытіями, онъ представилъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, Парижской Академіи Наукъ результаты своихъ географическихъ, историческихъ и въ-особенности механическихъ изслѣдованій. Академія назначаетъ по этому случаю особую комиссію, которая, желая повѣрить догадку Персини, дѣлаетъ искусственныя пирамиды,

разстанавливаетъ ихъ группами въ открытомъ мѣстѣ, и изъ вентиляторовъ направляетъ на нихъ столбы вѣтра. Что жъ? эти маленькія, крошечныя пирамиды останавливаютъ движеніе искусственнаго вѣтра! Песокъ ложится на ихъ подошвы, не проходя дальше, не покрываетъ собою того протажнаго земли, которое находится позади пирамидъ. Такимъ-образомъ, вопросъ, который оставался неразгаданнымъ въ теченіе 40 вѣковъ, теперь мало-помалу поясняется. Пирамиды въ Африкѣ не орудия не изъ пустаго тщеславія; онѣ не надгробныя памятники, какъ думали нѣкоторые ученые, — это это искусственныя стѣны, защищающія долину Нила и всю плодородную часть Египта отъ близь-лежащихъ сыпучихъ песковъ; онѣ построены съ необыкновеннымъ искусствомъ и глубокимъ знаніемъ механики (стр. 237 и 238). Догадка очень-остроумная. Но, принявъ ее, надобно допустить, что пирамиды построены враздѣ, а не слѣдовавшія одинъ за другимъ партіями (какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ), и построены по мысли, замышленной какииъ-нибудь механикомъ. Догадка Персини можетъ встрѣтить много возраженій. И почему не думать, что защита пирамидами плодородной долины есть дѣло случайное, а пирамиды построены сами-по-себѣ для другихъ цѣлей? Отдаленныя объясненія, явившіяся въ свѣтъ по истеченіи 40 вѣковъ, легко побуждаютъ думать, но также легко и впадаютъ въ смѣшное. Кто знаетъ? дѣтъ чертъ тамъ, когда порода лошадей выведется, замѣняясь породою желтыхъ лошадей, какой-нибудь другой Персини догадается, что мы держали лошадей не для ѣзды, а для уваженія передъ людьми. И можетъ-быть, со-временемъ докажутъ, что Персини именно для этого и былъ заключенъ въ темницу, чтобъ въ тюремномъ уединеніи, свободномъ отъ всѣхъ развлеченій, рѣшить вопросъ о постройкѣ египетскихъ пирамидъ. Мы упрекнуемъ автора за иллюзионизмъ. Желая упростить науку, онъ, дѣйстви-

тельно, освобождаетъ ее отъ искусственныхъ системъ и лишннхъ техническихъ выраженій; но, съ другой стороны, впадаетъ въ невыносимую реторку. На-прим.: «Кто изъ васъ не слышалъ объ египетскихъ пирамидахъ? чье воображеніе не было поражено при разсказѣ объ этихъ огромныхъ, колоссальныхъ памятникахъ», и проч. и проч. Помилуйте! вѣдь это цѣлая фигура умолчанія, т. е. пустаго *многомоланія!* Если *есть* уже слышали о пирамидахъ, зачѣмъ же намъ еще разъ слушать? Пощадите! Наполнять свою книгу такими возгласами вовсе не значитъ быть простымъ и удопонятнымъ. Это значитъ оставлять дѣло и пускаться въ бездѣлье, т. е. въ высокопарность.

23) Чтенія Общей Химіи, приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу, Р. Геймана. Выпускъ 2-й. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 187—350 стр.

Нѣсколько предвѣдущихъ чтеній, помѣщенныхъ въ 1-й выпускъ, посвящено было объясненію огня и пользы, какую можно извлечь изъ знанія горѣнія, относительно усовершенствованія освѣщенія. Чтенія 2-го выпуска заключаютъ въ себѣ практическія приложенія этого познанія къ хозяйственному и фабричному дѣлу. Седьмое чтеніе объясняетъ приложеніе науки горѣнія къ усовершенствованію способовъ отопленія и къ извлеченію наибольшей пользы изъ горючаго матеріала, или топлива. Осьмое говоритъ о превращеніи топлива въ уголь, или обугливаніи, и дѣйствіи этого угля. Девятое и десятое чтенія разрѣшаютъ вопросъ: какъ опредѣлить нагрѣвательное дѣйствіе горючихъ матеріаловъ.

24) Практическое Руководство къ Бережливому Хозяйству, или собраніе множества секретовъ, касающихся до разныхъ предметовъ хозяйства, которые можно дѣлать каждому дома и недорогоми средствами. Книга для всѣхъ сословій. Переводъ съ нѣмецкаго. Санктпетербургъ. Въ тип. военн-

учебныхъ заведеній. 1845. Въ 8-ю д. л. 94 стр.

Бережливое хозяйство, по понятіямъ автора этой мудрой книги, заключается въ искусствѣ выводить сальные и другія пятна, ловить блохъ, истреблять таракановъ, составлять «блвстательную» ваксу, склеивать разбитую посуду и т. п. Книга назначена для «всѣхъ сословій»; но мы знаемъ только одно сословіе, для котораго она можетъ быть полезна: это — сословіе, скупающее бумагу для макулатуры.

25) Воскресныя Посидѣлнн. Книжка для добраго народа русская. Пятокъ послѣдній, въ которомъ пятки: седьмой, осьмой, девятый и десятый. Санктпетербургъ. Въ тип. Жернакова. 1845. Въ 16-ю д. л. III и 380 стр. *}

Мы уже и забыли о существованіи Воскресныхъ Посидѣлокъ, какъ вдругъ является толстенская, неуклюжая книжонка, «носящая на оберткѣ словъ: *пятокъ послѣдній*. Но, чудное дѣло, это не простой пятокъ, а пятокъ, въ которомъ, *четыре* пятка.. Ничего! посмотримъ и этотъ пятокъ, въ которомъ четыре пятка, тѣмъ болѣе, что онъ *послѣдній!*

Первая статья: *О томъ, какъ Богомъ построено человѣческое тѣло, объ искусствѣ настоящихъ лекарей и о безбашенныхъ надуваньяхъ деревенскихъ лекарей и знахарей*. Ва! да это старая штука. Вся эта статья, которую въ «Посидѣлкахъ» яко-бы разсказываетъ «сельскій фельдшеръ Сидоръ Помогинъ», есть не что иное, какъ перепечатка, отъ слова до слова, изъ третьей части изданной Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ 1799 году книги подъ заглавіемъ «Деревенское Зеркало» (стр. 66—81). Нѣтъ, почтеннѣйшія «Воскресныя Посидѣлки», позвольте, позвольте; мы уже неоднократно объясняли, что вы болѣе ничего, какъ перепечатка чужаго, и перепечатка, сдѣланная безъ толка и разбора... Позвольте! Если это такъ и на нынѣшній разъ, то мы не видимъ надобности далѣе разбирать васъ; мы сошлемся на то, что

уже прежде сказали о васъ, и такъ-какъ это вашъ *последній* пятокъ, то и это — *последнее* наше слово о васъ.

26) Библиотека для Воспитанія. *Отдѣленіе второе. Часть II. Годъ второй. Изданіе А. Семена. Москва, Въ тѣхъ А. Семена. 1845. Въ 12-ю д. л. 96 стр.*

Книжка вышла небольшая, сравнительно съ предыдущими частями, но заслуживаетъ полнаго вниманія по статьямъ въ ней помѣщеннымъ, которыхъ три: *Опытъ о преподаваніи азбуки и другихъ предметовъ, входящихъ въ составъ первоначальнаго ученія* (кн. В. Одоевскаго), *О пуримъ въ чтеніи писателей съ множествомъ* (П. Перевѣскаго), *Предварительныя замѣчанія о педагогикѣ и дидактикѣ* (Ю. Фельселя).

Первая статья извлечена изъ введенія къ издаваемой кн. В. О. Одоевскаго книгѣ: «Наука до Науки». Какъ и всѣ сочиненія этого писателя, она отличается оригинальною, часто глубокою и всегда изъ любви къ истинѣ вытекающею мыслию. Мы познакомились съ нею читателей, а потомъ слышимъ отъ себя нѣсколько замѣчаній. Обыкновенно думаютъ, что цѣль азбуки — какъ-можно-скорѣе научить читать и писать. Это одно изъ самыхъ вредныхъ заблужденій, особенно въ училищахъ, назначаемыхъ для низшаго класса, гдѣ все преподаваніе ограничивается одною азбукою. Если, пользуясь единственно памятью дѣтяти, вы научили ребенка читать, *прежде нежели успѣли его въ состояніи понимать читанное*, вы не только потеряли время, но и произвели явный вредъ — вы дали ложное направленіе умственной силѣ человѣка: онъ, читая, или будетъ ограничиваться *процессомъ чтенія*, не обращая вниманія на смыслъ, или, что еще хуже, непривыкшіи *понимать*, онъ, при чтеніи самой ясной рѣчи, будетъ отрывать мысль отъ мысли, слово отъ слова, и давать имъ смыслъ произвольный, часто совершенно-противоположный настоящему смыслу рѣчи. Чтобы избѣжать такого вреднаго на-

правленія умственной силы ребенка, въ низшихъ училищахъ единственное средство: смотрѣть на азбуку не только какъ на способъ выучить грамотѣ, но и какъ на *иммастическое* упражненіе, при пособіи котораго и нравственныя понятія, и понятія о предметахъ, насъ окружающихъ, могутъ войти въ голову и сердце ребенка, и направить его на путь добрый. Съ этою цѣлю, въ предлагаемой азбукѣ (см. *Дѣтскую Таблицу*, кн. Одоевскаго, изданную для дѣтскихъ приютовъ), каждый изъ слоговъ есть слово, имѣющее смыслъ. Другое заблужденіе состоитъ въ привычкѣ преподавать дѣтямъ, въ высшихъ классахъ, въ систематическомъ или искусственномъ порядкѣ: такъ въ азбукѣ начинаютъ съ опредѣленія цѣли азбуки, буквъ согласныхъ, слоговъ и такъ далѣе. Этотъ способъ есть *вѣрнѣйшее* средство ничему не научиться, кромѣ словъ, вытверженныхъ на память безъ смысла и безъ всякой возможности примѣненія къ самому дѣлу. Главное правило учителю: быть понятнымъ. Преподавать понятно значить передавать ученику то, чего онъ не знаетъ, посредствомъ того, что знаетъ. Но это невозможно, если предвзрительно мыслящая способность ребенка не приготовлена къ этому процессу. И такъ не гоняйтесь за тѣмъ, чтобы скорѣе сообщить ученику новыя, неизвѣстные ему предметы, *либыть ему голому фактами*; приучите его прежде всего къ времени, какъ прилагать мысль свою къ известному предмету; другими словами: умѣйте въ весь возбудить его душу, его слово. Этого мало: у дѣтей есть своя логика, которая зависитъ прямо отъ врожденной человѣку способности мыслить, и собственная метода, которая ограничивается качествомъ и количествомъ предметовъ, неизвѣстныхъ ребенку. И потому, когда дѣятельность мысли возбуждена на *известныхъ* ребенку предметахъ и посредствомъ собственной его логики, тогда мало-по-малу переведите *неизвѣстные* ему предметы на *известные*, но идите медленно, не дѣлайте шага зна-

редь, не утративши, что ребенокъ вашу мысль можетъ пересказать своими словами. Наконецъ, третье заблужденіе состоитъ въ желаніи, сколько возможно, облегчить для ученика преподаваніе, устранить трудъ и сдѣлать учебу почти забавою. Преподаваніе такимъ - образомъ не достигаетъ цѣли и, кромѣ того, вредно, ибо жизнь человѣка есть трудъ, и цѣль первоначальнаго преподаванія состоитъ въ томъ, чтобъ приучить человѣка знать трудъ и уважать трудъ. Слѣдовательно, преподавателю должно пользоваться врожденною человѣку склонностью къ труду, но разобравъ напередъ разныя степени труда, которыя обыкновенно смѣшиваются. Есть трудъ *непосредственно-пріятный*, симпатическій, на-прим., чтеніе книги, внимательной по своему содержанію; есть трудъ *посредственно-пріятный*, требующій болѣе усилій, нежели первый, но въ котораго находится своего рода наслажденіе, облегчающее трудъ, на-прим., мы изучаемъ книгу не потому, чтобъ она была сама-по-себѣ интересна, но потому - что, безъ этого изученія, нельзя понять другой книги; наконецъ, есть трудъ *насмльный*, въ которомъ не заключается наслажденія, и который не предполагаетъ никакого, на-прим., ученикъ принужденъ читать или даже учить книгу на невзвѣстныхъ языкѣхъ, безъ всякой мысли о томъ, что онъ изучаетъ. Всѣ роды трудовъ, ожидающихъ человѣка въ жизни, принадлежатъ къ двумъ первымъ родамъ труда. И потому не забавляйте ребенка, когда онъ долженъ трудиться, но умѣйте привлечь его вниманіе тою внимательностью, которую вы придадите труду, а внимательность есть не иное что, какъ *удовольствіе любознанія*, врожденнаго каждому человѣку. Послѣ обвора нѣкоторыхъ заблужденій, существующихъ при первоначальномъ преподаваніи, авторъ показываетъ учебныя пособия, устройство классной комнаты и главныя приемы преподаванія (выборъ помощниковъ въ ученіи изъ числа уч-

никовъ, равнообразіе въ преподаваніи, и пр.).

Мы совершенно согласны съ первымъ положеніемъ автора, т. е. что надобно привести дитя въ состояніе понимать читаемое прежде, нежели оно научилось читать, или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, что на азбуку надобно смотрѣть не только какъ на способъ выучить грамотѣ, но и какъ на гимнастическое упражненіе, при пособіи котораго и нравственныя понятія, и понятія о предметахъ, насъ окружающихъ, могутъ войти въ голову и сердце ребенка, и направить его на путь добрый. Такимъ взглядомъ на азбуку указывается важность, даже необходимость двухъ предметовъ: умственныхъ упражненій и приобрѣтенія различныхъ знаній. Первые составляютъ, такъ - сказать, логическую пропедевтику дитяти; вторыя — его послышную энциклопедію. Одно относится къ формальному образованію; другое — даетъ матеріалъ ученію. То же самое можно, нѣкоторыми - образомъ, сказать и о другихъ предметахъ изученія: какъ успѣхи въ одной какой-либо наукѣ много зависятъ отъ связи между различными ея частями, такъ успѣхи во всѣхъ наукахъ тѣмъ надежнѣе и быстрѣе, чѣмъ больше связи въ переходахъ отъ одной науки къ другой и чѣмъ заблаговременнѣе эта связь заготовляется. Другими словами: не смотря на разграниченіе наукъ, онѣ могутъ сливаться тѣмъ, что преподаваніе одной сообщаетъ извѣстную часть матеріала другихъ; въ науку, кромѣ главнаго ея предмета, входятъ стѣроною предметы соприсносновенные, не къ этой наукѣ относящіеся. Такъ, при изученіи отечественнаго языка, можно передать дѣтямъ много важнѣйшихъ и наставительныхъ энциклопедическихъ свѣдѣній; и на оборотъ, учителя другихъ предметовъ учатъ въ то же время и языку. Въ такомъ взглядѣ на одновременное изученіе разныхъ предметовъ, на достиженіе нѣсколькихъ цѣлей въ одно время, прет- ся съ одной стороны новозъ ко нѣ-

гимъ злоупотребленіямъ для людей, умѣющихъ злоупотреблять, съ другой — заключается и богатое средство для пользы. Но, соглашаясь съ авторомъ въ его основной мысли, мы встрѣчаемъ у него не совсѣмъ-отчетливое изложеніе этой мысли, какъ-бы маленькое противорѣчіе. На стр. 4-й говорится, что вредно выучить ребенка читать *прежде, нежели онъ прійдетъ въ состояніе понимать читанное* (слѣдовательно, приводеніе его въ состояніе понимать читанное *предполагается* изученію грамоты); а на стр. 7-й сказано, что разныя значенія слова въ азбукѣ, задаваемой авторомъ, представляютъ средства для умственного упражненія и для пріобрѣтенія прочтѣннѣйшихъ нравственныхъ и другихъ понятій, *во время самую изученія буквъ* (слѣдовательно, ребенокъ выучится читать *въ одно и то же время*, какъ прійдетъ въ состояніе понимать читанное). Сверхъ того, напрасно авторъ называетъ заблужденіемъ настоящаго времени тотъ взглядъ на азбуку, который имѣютъ старожилы (слѣдовательно, прошедшіе люди) учебнаго міра. Самыя пошлыя азбуки съ картинками, изображающими *ананасъ, бабу, ведро*, и пр. что иное доказываютъ, какъ не желаніе привлечь буквы къ предметамъ, отъ которыхъ онѣ находились всегда въ какомъ-то сухомъ отвлеченіи, соединить изученіе азбуки или съ изученіемъ другихъ предметовъ, неизвѣстныхъ ребенку, или съ указаніемъ на предметы, ему извѣстные. Вторая мысль автора (возбудивъ дѣятельность мысли на знаемыхъ ребенкомъ предметахъ и посредствомъ собственной его логики, сообщать ему новые предметы) не подлежитъ никакому сомнѣнію и замѣчанію: справедливость ея очевидна. Наконецъ, третья мысль: «привлекать вниманіе ребенка тою внимательностью, которую учитель придаетъ труду», прилагается во всей силѣ къ труду перваго рода, т. е. къ труду непосредственно-пріятному, симпатическому; но гдѣ способъ приложить ее къ труду втораго рода, къ труду посредственно-

пріятному? Какъ, на-прим., заставить ребенка объясниться на иностранныхъ языкахъ, когда ему гораздо-легче и несравненно-пріятнѣе говорить на языкѣ отечественномъ, особенно съ своими товарищами? Ребенокъ не въ состояніи понимать отдаленной пользы, не въ силахъ видѣть наслажденіе, лежащее внѣ труда, на большомъ отъ него разстояніи, точно такъ же, какъ не въ силахъ онъ чувствовать сладость горькаго лекарства, общающаго ему сладостное здоровье. Вотъ почему, въ одномъ отношеніи, справедливо изреченіе старинныхъ азбукъ: «корень ученія горекъ». Въ заключеніе статьи, почтенный авторъ говоритъ: «защитники старыхъ такъ называемыхъ *методъ* — зубренія и преподаванія *разныхъ наукъ* — не повѣрятъ, когда имъ сказать, что въ сихъ немногихъ *правилахъ* заключается вся премудрость *ученія первоначальнаго*. Въ отвѣтъ имъ можно указать на существующія *школы*, гдѣ, посредствомъ наблюденія *сихъ простыхъ правилъ*, достигаются слѣдующія *цѣли*: всѣ *ученики* въ классѣ слушаютъ, а не *зѣваютъ*; тѣлесныя наказанія *неизвѣстны*, а главнѣйшее наказаніе состоитъ въ томъ, что виноватому не позволяютъ *учиться въ продолженіе класса*. Умы, почтенный авторъ! Мы искренно радѣаемъ ваши мысли и добрыя чувства, но не можемъ не видѣть въ этихъ словахъ ученой утопіи, *наземнаго увлеченія*, въ добраго источника *прорастающаго*. Въ условіяхъ жизни и въ самой природѣ дѣтей заключается иногда упорное *противодѣйствіе* нашимъ *цѣлямъ*, или переходъ въ другую сторону. Учитель, по совѣту *вашему*, выбираетъ себѣ *помощниковъ*; *ваше* помощника возбуждаетъ *соревнованіе*; соревнованіе, *незамѣтнымъ путемъ*, уклоняется въ *тщеславіе*, въ *гордость*, въ *желаніе первенства*, — тогда-какъ, *используя* же *путемъ*, оно производитъ въ другихъ *зависть* или *недовѣрчивость* къ своимъ силамъ. Въ самой *природѣ* дѣтей находится часто *столкновеніе* различныхъ *обязанностей*: *продолженіе*

любовнительность встрѣчается съ врожденною живостью, охотою погулять, побѣгать, пошѣяться, пошѣшить то-варищей; какой-нибудь лишній фунтъ крови спорить съ тѣмъ покойнымъ сидѣниемъ или вниманіемъ, которое возлагается на ученика, какъ обязанность; лишній фунтъ мяса враждуетъ съ прилежаніемъ. Тогда начинается борьба между тѣмъ, что должно быть по нашему понятію, и тѣмъ, что есть по внутреннему природѣ... а борьба не есть утопія, хотя, можетъ-быть; и ведетъ къ вой. Посмотрите на двухъ грудныхъ младенцевъ, дѣтей одного отца и матери, кормимыхъ одною кормилицею: тотъ тихъ, какъ агнецъ; тотъ кусаетъ грудь, его питающую.

Другая статья «Библиотеки»: «Предварительныя Замѣчанія о педагогикѣ и дидактикѣ», заслуживаетъ также полнаго вниманія, показывая въ авторѣ — человека начитаннаго, ученаго такъ, какъ только могутъ учиться Нѣмцы. Результатъ статьи слѣдующій: «Истинный воспитатель долженъ дать воспитаннику своему образованіе, сообразное съ природою и согласное съ своимъ цѣлями, т. е. старается дать ему ширеннее, органическое, многостороннее развитіе, не только личное (cultura), но и общественное (civilisation), не только общечеловѣческое, но и народное, словомъ, истинное образованіе». Чистая, теоретическая часть педагогики беретъ за начало *сообразность съ природою*, заимствованное изъ психологіи. Но человекъ — хотя и можно разсматривать его, какъ твореніе независимое отъ условій мѣстности и времени, — есть членъ извѣстнаго народа, живетъ въ извѣстное время; слѣдовательно, его должно воспитать для этого народа и для этого времени, или, какъ выражается Кантъ, для ближайшаго будущаго. Словомъ: отвѣченное понятіе о *сообразности съ природою* доводится конкретнымъ, болѣе-тѣснымъ понятіемъ о *сообразности съ исторіей народа*, съ природою и положеніемъ народа, съ характеромъ времени. Вѣрная оцѣнка такихъ началъ не-

обходима въ педагогической системѣ. Во Франціи, вмѣстѣ съ формою правленія, измѣнялись всегда и немедленно форма и содержаніе самого воспитанія. Воспитаніе и въ-особенности преподаваніе наукъ въ католическихъ земляхъ пріиметъ совершенно-иной характеръ, нежели въ государствахъ протестантскихъ, или у народовъ, исповѣдывающихъ православную вѣру. Сверхътого, не должно забывать, что любовь къ отечеству, истинный патриотизмъ сообразуется, во всякомъ народѣ, съ особенными, ему исключительно-принадлежащими чувствованіями и цѣлями. Русский хочетъ быть другимъ, стремится къ другимъ цѣлямъ, нежели Французъ, Нѣмецъ, или Англичанинъ; каждый народъ составляетъ свой собственный идеалъ образованія. Короче: въ наукѣ воспитанія необходимо различать начала общечеловѣческаго отъ тѣхъ, которымъ слѣдуетъ каждый народъ въ-особенности.

Статья г. Фелькеля тѣмъ-болѣе замѣчательна, что лишь недавно получили толки одного журнала о національномъ образованіи нашемъ, о вредѣ западнаго воспитанія, переносимаго въ нашу жизнь, объ отличіи, которымъ долженъ быть запечатлѣнъ миръ славянской. Выводъ статьи, принятый безусловно, можетъ привести къ ложнымъ заключеніямъ, и потому надобно ограничить его. Въ дѣлѣ народнаго воспитанія слѣдуетъ различать средства отъ цѣли. Выборъ средствъ, конечно, опредѣляется исторіей народа, *сообразностью* съ его прошедшимъ и настоящимъ; но цѣль не должна стѣсняться образомъ народной жизни, въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Иногда народъ жилъ или живетъ такъ незаконно, такъ противно идеѣ истинно-человѣческой жизни, что сообразоваться съ нимъ значитъ потакать разврату, признавать униженіе, укоренять нравственную нищету: здѣсь должно мѣста сообразности, здѣсь должно существовать преобразование (реформа). Смѣшно было бы воспитателю каибудь сообразоваться съ ихъ

обычаем пожирать человеческое мясо, или китайскому императору — съ привычкой Китайцевъ жить отторжено отъ остальнаго міра, упорно сопротивляясь нововведеніямъ. Когда пророки гремѣли противъ израильскаго народа, они не *полагали* жизнь его, какъ она есть, но *отрицали* ее...

Можетъ-быть, авторъ думалъ сказать своимъ выводомъ, что воспитаніе народа должно быть постепенно, что на каждую новую степень совершенствованія онъ долженъ восходить сообразно прежнимъ степенямъ, точно такъ же, какъ мы составляемъ новый членъ прогресса, смотря на предыдущіе члены... Но какъ опредѣлять эту постепенность народнаго движенія? Если смыслъ, усвоивъ себѣ плоды современнаго званія, отходить на далекое пространство отъ отца-небѣды, то почему и народу не отойти на такое же разстояніе отъ предыдущаго своего быта? Если онъ можетъ это сдѣлать, то слѣдуетъ, что возможность лежитъ въ его природѣ, и что этой возможности исторія не побѣждаетъ. А если исторія и протягивается ей, то, по слову евангельскому, похвальнѣе отсѣчь ее, какъ вредный уль, нежели оставаться въ вѣчномъ соблазнѣ съ гнилымъ удомъ. Въ прекрасномъ дѣлѣ совершенствованія находится прямое отношеніе между количествомъ и качествомъ: чѣмъ больше, тѣмъ лучше — даже тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣй. Правда, что высокая зрѣлость нѣкоторыхъ членовъ общества, сравнительно съ грубымъ состояніемъ всего почти общества, имѣетъ своего рода горечь, происходящую изъ любви къ ближнему, изъ уединеннаго ихъ положенія; но въ тысячу разъ благороднѣе, достойнѣе человѣка страдать на высотѣ, нежели блаженствовать въ грязи.

Наконецъ, выводъ г. Фелькеля обещиваетъ такъ-называемую національность, индивидуальныя отличія народа. Авторъ какъ-будто опасается, что, съ образованіемъ народовъ, они сольются въ общемъ сходствѣ нравственныхъ и душевныхъ свойствъ. Страшное дѣ-

ло! люди истинно-образованные, какъ г. Фелькель, боится бросить одну изъ самыхъ важныхъ, вѣкометическихъ заблужденій, которыя нора бы оставить въ пищу грубому невѣжеству: онъ боится того, чему бы, руководствуясь духомъ евангельской любви и слѣтомъ истиннаго разума, мы должны радоваться. Истинное просвѣщеніе уничтожаетъ различія и водворяетъ сходство: въ этомъ его существенный характеръ. Если вы просвѣщаете людей, то вы и въ сближаете ихъ. Не только индивидуальными, но и видными отличіями стараются, и люди приближаются къ желанному, братскому сходству. Существа, лишеныя разума, упорно сохраняютъ свою индивидуальную породу, потому-что не въ силахъ отдѣлиться отъ случайнаго, и ведутъ нескончаемую войну съ другими породами. Время и мѣсто держатъ ихъ въ крѣпкой темницѣ. Но и они, однакожъ, претерпѣвъ вліяніе человѣка, становятся нѣсколько иными: такъ дикое животное становится ручнымъ, домашнимъ, теряетъ свою дикость — отличительное свойство той породы, къ которой оно принадлежитъ. Сила перерожденія, данная разуму, постигаетъ даже неразумное. Тѣмъ болѣе, тѣмъ свободнѣе дѣйствуетъ она въ сферѣ разумныхъ существъ. Повторяетъ существенное свойство воспитанія состоитъ въ уничтоженіи отличій, въ которыхъ нѣтъ еще истинно-человѣческаго достоинства, и въ водвореніи между людьми сходства, состоящаго въ общности истинно-человѣческихъ признаковъ. Другими словами: при дальнѣйшемъ ходѣ просвѣщенія, образованіе личное, индивидуальное, болѣе и болѣе поглощается въ образованіи, согласномъ съ природою человѣка вообще. Царство сходства, любви, духа разума *будетъ* желаннымъ царствомъ будущаго, Божіимъ царствомъ на землѣ. Дѣйствительно, чѣмъ менѣе члвчкъ образованъ, тѣмъ дороже ему индивидуальность, тѣмъ неприятнѣе ему не-индивидуальность. Посмотрите на мушкетера: онъ закинутъ въ своей сферѣ. Въ цар-

что, по его понятію, противно Богу; онъ называетъ это прочее презрительнымъ именемъ басурманства. Ему отравнымъ кажется даже то, что въ другихъ странахъ нѣтъ шестимѣсячной зимы. И не смотря на то, что я Русскій, я дальше отъ такого мужика, нежели отъ образованнаго въ равной со мною степени Нѣмца, подобно тому, какъ и образованный Нѣмецъ ближе ко мнѣ, нежели къ нѣмецкому мужику. Главное дѣло—быть людьми (въ высокомъ значеніи этого слова), а потому можете быть Славянами или не-Славянами. Если нечуждо мнѣ все человеческое, то я спокоенъ и счастливъ и мало забочусь о томъ, какимъ путемъ пришелъ я къ возвышенной цѣли: постепеню или скачкомъ, исторически или неисторически, французски или нѣмецки. Примеръ французской или англійской политики, католическаго или протестантскаго правительства ничего не доказываетъ, когда говорится о соединеніи всѣхъ людей духомъ истиннаго просвѣщенія. Мы можемъ, безъ помощи примѣровъ, видѣть, — и дѣйствительно видимъ, — плоды вѣковыхъ эгонстическихъ заблужденій въ борьбѣ іезуитовъ съ университетомъ, въ общности французскихъ ремесленниковъ, въ нищетѣ Ирландіи. Если Англичане и Французы не прилагаютъ къ дѣлу того, въ чемъ убѣждены каждый съ нихъ, какъ въ необходимомъ свѣдѣніи истиннаго просвѣщенія, — имъ же хуже, они же виноватѣй. Это значить только, что они эгонстически отгораживаются отъ того, что признають въ тайнѣ сердца.

Г. Перевальскій, въ умной и дѣльной статьѣ своей: *О пуризмѣ въ чтеніи* *маломодой* *отъ юности*, рѣшаетъ вопросъ: что надо читать въ классѣ? Онъ справедливо вооружается противъ нѣтъ отсталыхъ пуристовъ, которые *суютъ* въ руки одного только Карамзина и страшной ошалою караютъ, напримеръ, Гоголя, тогда-какъ многія сочиненія послѣднаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ строкъ, могутъ и должны быть читаны въ классѣ. Мы замѣчаемъ

только, что напрасно г. Перевальскій вооружается противъ того особеннаго класса пуристовъ, которыми законъ не писанъ. Великіе писатели, пределяя иногда примѣры того, что она лучшія свои сочиненія ставятъ ниже другихъ, не-лучшихъ, всегда-почти вооружаютъ противъ себя дюжины посредственностей. За примѣрами ходить недалеко: г. Михайла Дмитріевъ советовалъ Грибоѣдову не печатать *Горь отъ Ума*, г. Бугаринъ ругаетъ *Мертвыя Души* Гоголя. Не знаемъ, что отъ этого выиграли или проиграли Гоголь и Грибоѣдовъ; но знаемъ, что имени гг. Михайлы Дмитріева и Бугарина останутся въ потомствѣ, какъ имена такихъ пуристовъ, изъ которыхъ одинъ не повинаялъ *Горь отъ Ума*, а другой ругалъ Гоголя.

27) Библиотека для Воспитанія. Отдѣленіе первое. Часть V. Годъ сто-рой. Изданіе Августа Семена. Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 12-ю д. л. 228 стр.

Изъ стихотвореній Дельвига помѣщены въ этой книжкѣ только четыре: Русская пѣсня (Пѣла, пѣла пташечка), Н. М. Языкову (сонетъ), Романсъ (Сегодня пирую я съ вами, друзья) и Отставной Солдатъ (идиллія). Но втораго считать почти не должно: особенное замѣчаніе редакціи признаеть эти стихи слабыми и говорить, что она помѣстила ихъ, какъ чрезвычайно-замѣчательныя по отношенію къ бю-графіи Дельвига. Признаемосъ откровенно, мы не могли не улыбнуться какъ этому замѣчанію, такъ и количеству помѣщенныхъ пьесъ, вспоминая объщеніе редакціи знакомить читателей Библиотеки для Воспитанія съ поэтическою физиономіею каждаго поэта... Какимъ-образомъ по четыремъ стихотвореніямъ, изъ которыхъ одно слабое, читатели составлять себѣ истинное представленіе оличительныхъ свойствъ Дельвига? что узнають дѣти, даже юноши, изъ одной пѣсни, изъ одного романа, изъ одного драматическаго разговора? Не-

славіе въ Языкову скажетъ имъ, что Дельвигъ былъ, во-первыхъ, знакомъ съ Языковымъ; что онъ, во-вторыхъ, полюбилъ Пушкина еще младенцемъ, что онъ подружился «цѣлаца нирвъ» (то есть Баратынскаго) съ женою;—но это черты біографіи, какъ справедливо замѣчено въ выноскѣ, а не признаки поэтической личности. Бываютъ, дѣйствительно, такіа лирическія пьесы, въ которыхъ ясно обнаруживаются всѣ стремленія поэта, его задушевный образъ мыслей, прошедшее и настоящее его жизни. Познакомиться съ такими пьесами, значитъ узнать индивидуальность автора. Въ доказательство ссылаюсь на «Тсона и Эскина», Жуковского, на «Воспоминаніе» или «Безумныхъ глѣтъ угасшее веселье», Пушкина. Чѣмъ поэтъ выше, тѣмъ сильнѣе умѣетъ онъ выразить себя въ пьесахъ, или даже въ одной клятвѣ, обнаруживая равныя стороны своего духа или одну только сторону, по которой уже читатель, при маломъ пособіи своихъ соображеній, составитъ заключеніе и о прочемъ. Но Дельвигъ не принадлежалъ къ такимъ поэтическимъ личностямъ: онъ узнается изъ многихъ своихъ произведеній; четырехъ стихотвореній (трехъ хорошихъ и одного слабаго) для этого недостаточно. Мы хотимъ этимъ сказать не то, что въоторыа сочиненія Дельвига лишнія въ «Библіотекѣ для Воспитанія»: хотимъ только сказать, что обѣщаніе «Библіотеки» — «знакомить съ поэтическою фаніономіею поэтовъ» не всегда исполнимо или всегда-почти неисполнимо по многимъ причинамъ, и главное—по возрасту читателей, для которыхъ «Библіотека» назначается.

Вторая статья: «Окончаніе разсказа о троянской войнѣ». Еслибъ побольше чистоты и легкости въ разсказѣ, эта статья вполне согласовалась бы съ требованіями дѣтскаго воспитанія... Дѣтей какъ-можно-ранѣе надобно знакомить съ капитальными литературными произведеніями древности, чтобы вкусъ ихъ образовался на величественной простотѣ и естественности такихъ

поэтовъ, каковы Гомеръ и Софокль. Тогда възкою и пошлою явится имъ посредственность съ своими вычурами вмѣсто искусства, съ своими ходулицами вмѣсто величія, съ своими эффектами вмѣсто силы. Благодуміе Гектора, въжность Андромахи, Пріамъ въ статкѣ Ахиллеса, скорбь Ахилла о Патроклѣ—будутъ вѣчными образами истинно-изящнаго. Къ удивленію, мы встрѣтили въ «Библіотекѣ для Читенія», въ отдѣлѣ такъ-называемой критики, чудовищное понятіе объ «Иліадѣ». Нѣкто г. К. П. вооружился и противъ философіи и противъ миеологіи. Зачѣмъ-де, говоритъ онъ, знать дѣтски всѣ эти миеологическіе вымыслы: гораздо-де имъ лучше читать исторію Наполеона, какъ онъ грабилъ чужое и чужимъ добромъ награждалъ маршаловъ, покорнѣйшимъ своихъ слугъ. Какъ-будто одно мѣшаетъ другому! истинно-человѣческое хорошо и до Р. Х. и по Р. Х., и въ Грекахъ и въ Наполеонѣ. Знакомство съ классической древностью есть одно изъ необходимыхъ требованій современной образованности. Пусть запасется этимъ знакомствомъ каждый, кто подѣ стирость глѣтъ не желаетъ оспорить себя какимъ бы то ни было банальствомъ — хотя бы философическимъ.

Г. В. П. въ-сласть разсказалъ исторію Хорватовъ. Чтѣ за пріятная статья! Мы, Русскіе, до-сихъ-поръ не знали, гдѣ черпать полюбу рукою сокровища; мы не знали, на-прим., въ «источникѣ», изъ котораго можно черпать *первыя* извѣстія о Хорватцахъ, есть сочиненіе греческаго императора Константина-Багрянороднаго объ *управленіи имперіей!* Одни имена *царей* братьевъ, подѣ предводительствомъ которыхъ Хорваты пришли въ Славеную-Далмацію, стоятъ россійской музыки. Выслушайте: «Они, г. в. Хорваты, пришли подѣ предводительствомъ пяти *царей* братьевъ, *Дугица, Лобела, Косеана, Мушка, Хорвата*. Присоедините сюда еще *двѣ* сестеръ ихъ: Тугу и Бугу, и *дѣ* тогда можете быть *дородными* на *дѣ*

и день. Незамыслительность наша къ родамъ славянскаго племени ужасна: едва-ли кто до-сихъ-поръ подобвалъ, что одна въ одиннадцати общинъ, на которыя были раздѣлены латинскіе Хорваты, именно: Прирь, — у Константина-Багрянороднаго зывается *Парадалассія*. Забудьте это, внимательные соплеменники Хорватъ: Парадалассія. Другія общины я уже назвалъ вамъ: Ливна, Петина, Юга, Брибаръ, Нона, Книвъ, и проч., кромѣ этихъ одиннадцати общинъ, еще три другія: Кърбава (*вы похмулись?.. измените!*), Лика и Гапко. То же касается до имени «община», оно (надобно вамъ знать это) изрѣчено славянофилами для означенія того, чего никогда не было у Славянъ; на-прим., никакъ нельзя сказать: лавине были народъ просвѣщенный, и потому славянофилы говорятъ къ: «Славяне имѣли общины». Это во и то же. Языкъ статьи: о Хорватъ, намъ и слѣдовало ожидать, русско-хорватскій; на-прим.: «Это происшествіе не должно относить къ цѣлому народу Хорватовъ, а только къ нѣсколькимъ родамъ». Чисто-русскій языкъ сказалъ бы: «должно относить къ цѣлому народу, а только...»
Последнія три статьи «Библиотекки и Воспитанія»: Иоанна Д'Аркъ (статья ора), «Исторія города Москвы» и Книга Рафаэля (часть третья), г. свирева.

28) Книга для постепенныхъ переводовъ съ русскаго языка французскій. Составленная Егоръ Гугельмъ. Изданіе четвертое. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 45. Въ 12-ю д. л. 260 стр.
Полезная и весьма интересная книжка.

29) Руководство къ Первоначальному Изученію Русской Истории. Сочиненіе Н. Устрялова, прикомандированнаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учебною книгою съ украшенными картинками. Съ историческими атласами. Т. XLIV. — Ота. VI.

сомъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. 1845. Въ 16-ю д. л. 120 стр.

Заглавіе этой книжки — ея лучшая рекомендація публикѣ.

30) Новѣйшая Грамматика, съ присовокупленіемъ пинтичскихъ правилъ. Изданное для обученія юношества Яковомъ Пожарскимъ. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазукова и Коми. 1845. Въ 8-ю д. л. 67 стр.

Грамматика, въ вопросахъ и отвѣтахъ, Якова Пожарскаго, съ присовокупленіемъ пинтичскихъ правилъ, должно быть, двойникъ таковой же грамматики Меморскаго. Трудно и вообразить что-нибудь негнѣе этой книжицы! Страшно и подумать, что есть дѣти, которыя, негнѣствомъ дражайшихъ родителей или варварствомъ полуграмотнаго педагога-учителя, обречены учиться правиламъ русскаго языка по этой грамматикѣ, написанной словно во времена Тредьяковскаго! Но, видно, за то ей и счастье; не даромъ же говорятъ: не родись умнымъ, родись счастливымъ... По-крайней-мѣрѣ, эта варварская книжица уже не въ первый разъ попадаетъ намъ въ руки...

31) Вѣка. Подарки на Рождество. Автора съ примѣрами постепеннаго чтенія. Санктпетербургъ. Въ тип. Journal de St.-Petersbourg. 1845. Въ 8-ю д. л. 112 стр.

32) Преданіе о графинѣ Бертѣ (,) или Замокъ Витсгау. Сочиненіе Александра Дюма. Переводъ съ французскаго. Изданіе, украшенное 150 картинками Бертала. Санктпетербургъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 118 стр.

33) Донъ-Кихотъ Ланчестскій. Рассказы для дѣтей. Съ гравированными картинками. Три книжки. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Фишера. Въ 24-ю

д. л. Въ I-ой книжкѣ 177, во II-ой—150, въ III-ей—180 стр.

34) ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА, изд. О. Студитскимъ. Южная Европа. Съ картинкою, травированною на мѣди, и 15 политипажамъ. 1846. Въ тип. Фишера. Санктпетербургъ. Въ 16-ю д. л. 113 стр.

35) МЕРИ И ФЛОРА, повѣсть для дѣтей. Переводъ съ англійскаго Александры Ишминой. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1846. Въ 12-ю д. л. 270 стр.

36) КНИЖУЛЫ ВЪ 1844 ГОДУ, или ПОВѢДКА ВЪ МОСКВУ. Сочиненіе Александры Ишминой. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1846. Въ 12-ю д. л. 270 стр.

37) КАРТИВЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ДѢТСТВА ЗНАМЕНИТЫХЪ ЖИВОПИСЦЕВЪ. Переводъ съ французскаго. Подъ редакцію М. Чистякова. Съ 6-ю картинками. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. Въ 16-ю д. л. 207 стр.

38) МАТЬ НАСТАВНИЦА, или разговоры о многоразличныхъ предметахъ, образующихъ умъ и сердце полезнѣйшими познаніями, представляемыхъ (?!!) въ разговорахъ матери съ своими дѣтьми. Съ 118 раскрашенными фигурами. Для обученія французскому языку. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и Кошп. 1845. Въ 16-ю д. л. 153 стр.

39) АЛЬМАНАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Украшенный гравюрами и рисунками З. Ковригина, травированными на деревѣ барономъ Неттельгоретомъ. Санктпетербургъ. 1845. Печатано во французской тип. Въ 36-ю д. л. 140 стр.

40) РОБИНСОНЪ. Разказъ для дѣтей. Санктпетербургъ. Въ тип. Жермаковъ. 1845. Въ 16-ю д. л. 80 стр.

41) ПАНТЕОНЪ РУССКИХЪ БАСНОПИСЦЕВЪ. Санктпетербургъ. Въ тип.

губернскаго правленія. 1845. Въ 16-ю д. л. 124 стр.

42) МАЛЕНЬКІЯ ДѢТИ. Повѣсти Бланшара, для дѣтей перваго возраста. Съ 11-ю литографированными картинками. Изданіе второе, значительно исправленное. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 12-ю д. л. 144 стр.

43) ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДЛЯ ДѢТЕЙ, украшенная 18-ю литографированными рисунками, работы Наполеона Кюи. Санктпетербургъ. 1845. Печатано во французской тип. Въ 24-ю д. л. 146 стр.

Наконецъ литература наша начинаетъ обращать вниманіе на дѣтей и заботиться о доставленіи имъ читательской пищи, способной развивать ихъ умъ и сердце. Странно, что она хлопотеть о дѣтяхъ одинъ только разъ въ году — отъ праздника Рождества до праздника Пасхи, какъ-будто въ убавленіи, что умъ и сердце дѣтей способны къ развитію именно только въ это время. Иной скептикъ, пожалуй, увидитъ тутъ чистую спекуляцію со стороны русской литературы, или, лучше сказать, со стороны составителей, переводчиковъ и издателей дѣтскихъ книгъ, — увидитъ ихъ илжнью заботливостъ больше о своемъ собственномъ карманѣ, нежели о головахъ и сердцахъ дѣтей. Онъ скажетъ, пожалуй, что эти книги выдаются передъ праздниками, какъ игрушки, которыя поучаются дряжайшими родителями для подарковъ дѣтямъ... Но скептикъ такой игнороль, который не вѣритъ ничему мистическому и прекрасному, никакому безкорыстію, особенно, если это безкорыстіе выгодно для кармава безкорыстныхъ людей. И потому, не будемъ слушать злостныхъ наветовъ и внушеній, и издадимъ должную дань хвалы безкорыстнымъ авторамъ, переводчикамъ и издателямъ тринадцати книжекъ, заглавія которыхъ выставлены въ началѣ нашей статьи.

Мнѣнія о полезности и необходимости дѣтскихъ книгъ теперь раздѣлились на двѣ противоположныя стороны. Одна утверждаетъ, что безъ этихъ книжекъ дѣтямъ нѣсть спасенія; другая говоритъ, что онѣ не только бесполезны, но и положительно-вредны; и что если дѣтямъ должно читать что-нибудь кромѣ учебниковъ, такъ это книги, которыя читаются и взрослыми, разумеется, при условіи строгаго выбора. Мы сами много думали объ этомъ вопросѣ, и теперь рѣшительно объявляемъ себя на сторонѣ втораго мнѣнія. До семи, или около семи лѣтъ, воспитаніе дитяти должно быть преимущественно физическое, но не въ духѣ почтенной старинны, которая буквально держалась значенія слова «воспитывать» и закармливала дѣтей чуть не на смерть, такъ-что матерія подавляла въ нихъ духъ, и они смотрѣли на дѣтями, а хорошо-откормленными телатами, барашками, или поросятами. Хорошо-воспитанный ребенокъ не долженъ быть ни животнымъ, ни человѣкомъ, а ребенкомъ: лицо его должно носить на себѣ отпечатокъ здоровья, веселости, живости, ясности, и на немъ должно отражаться не столько присутствіе ума, сколько отсутствіе тупости и глупости. Излишне-сильное и преждевременное нравственное развитіе въ дѣтяхъ такъ же вредно, какъ и развитіе тѣла въ ущербъ интеллектуальности: оно вредитъ правильному физическому развитію и, слѣдовательно, вредитъ здоровью — первѣйшему и драгоценнѣйшему изъ всѣхъ благъ и даровъ жизни. Говорятъ, что сильно, не по лѣтамъ развитыя дѣти бывають подвержены разговнымъ воспаленіямъ, именно въ причинѣ этой развитости. Развивать дѣтей должна наука, ея постепенное, медленное, по тѣмъ болѣе вѣрное изученіе, а не книжки, писанныя для забавы и пріучающія дѣтей къ поверхностности, легкомыслію и мечтательности. И такъ, до семи лѣтъ пусть дитя ѣсть, спать, играть и говорить, а съ семи пусть оно, сверхъ всего этого, еще и учится. Чѣмъ же наполнить время,

остающееся ему отъ ученія? — Игрою, рѣзвостью, бѣганьемъ, гимнастическими забавами. Когда дитя подвинется къ своему двѣнадцатилѣтнему возрасту, и игры не будутъ уже вполне удовлетворять его, когда пробудится въ немъ потребность удовлетворять чѣмъ-нибудь и фантазію и умъ, — тогда давайте ему романы Вальтера Скотта и Купера; но только и тутъ не давайте ему зачитываться. Почему бы, напримеръ, не дать ему въ руки *Донъ-Кихота*, не искаженнаго, не передѣланнаго? Для дѣтей должны существовать не дѣтскія книги, но особенныя изданія книгъ, писанныхъ для взрослыхъ, — изданія, въ которыхъ должно быть исключено все такое, о чемъ имъ рано знать, все, что можетъ дать ихъ фантазіи вредное для здоровья и нравственности направленіе. Такихъ-образомъ, должно измѣнить почву спену въ *Донъ-Кихотѣ*, гдѣ драка рыцаря печальнаго-образа и его оруженосца съ погонщикомъ муловъ происходитъ отъ трактирной служанки, условившейся прійти къ погонщику на востель. Но опошлявать для дѣтей великія произведенія, приноравливая ихъ къ дѣтскому возрасту, — ни на что не похожее великія произведенія дѣлаются вредными сказками, и дѣтямъ отъ нихъ нѣтъ никакой пользы. Сказочки и повѣсти, которыми напитываютъ малолѣтнихъ дѣтей нарочно для нихъ составляемыя книжки, сильно возбуждаютъ въ нихъ самую опасную изъ душевныхъ способностей — фантазію, и дѣлаютъ изъ дѣтей мечтателей, фантазиковъ, резонеровъ, записныхъ читальщиковъ. Воля ваша, а гораздо пріятнѣе видѣть ребенка весело, шумливо, но прилично рѣзвающимся, нежели силащимъ не за учебною книжкою. Можно давать дѣтямъ и книги для забавы, но преимущественно съ картинками, съ объяснительнымъ текстомъ, драгоценнымъ особенной занимательности. Въ такомъ случаѣ картинки непременно должны быть хороши, а текстъ писанъ правильнымъ, хорошимъ языкомъ. Вообще, это предметъ обшир-

ный, о котором многое можно сказать, чего теперь не позволяет намъ ни мѣсто, ни время. И потому обратимся къ книжкамъ, заглавія которыхъ выставлены выше.

Русская азбука, названная *Елкою*, есть рѣшительно первая хорошая книга въ этомъ родѣ, какую мы встрѣтили въ-продолженіе всего времени, какъ занимаемся ех-офіціо разборомъ книгъ. Въ ней есть методъ, котораго достоинства нельзя не признать съ перваго взгляда. Надана она изящно: бумага, печать, исправность корректуры, наконецъ, вкусъ въ типографическомъ отношеніи, — все это заслуживаетъ полной похвалы. Сверхъ-того, *Елка* украшена множествомъ прекрасныхъ иллюстрацій. Авторъ этой азбуки — женщина, г-жа Анна Драганъ. Это нѣмъ съ-сихъ-поръ сдѣлается почетнымъ именемъ между всѣми писателями для дѣтей.

Преданіе о графинѣ Бергъ — волшебная сказка для дѣтей, г-на Александра Дюма. По содержанію и изложенію (о языкѣ скажемъ ниже), она можетъ считаться одною изъ лучшихъ сказокъ этого рода. Издана она со всевозможною типографическою роскошью — бумага и печать могли бы напомнить собою парижскія изданія, еслибъ множество безъ нужды и безъ смысла натянутыхъ заглавныхъ буквъ не пестрило страницъ крайне-безвкусно; картинки — прелесть. Но ужъ видно, судьбѣ угодно, чтобъ русская книга почти всегда на чужь-нибудь да споткнулась: русское изданіе *Преданія о графинѣ Бергъ* споткнулось на грамотности, да еще какъ! — Судите сами: на первой же страницѣ напечатана фраза: «Кто та-кое была графиня Берта!.. Мы получили-было сперва, что это опечатка, но какъ-то, заглянувъ въ оглавленіе, и тамъ увидѣли эту же злополучную фразу: «Кто та-кое была графиня Берта». Читаемъ далѣе — и не вѣрнимъ глазамъ своимъ:

«Любезный графъ, замокъ нашъ старѣетъ и угрожаетъ развалиной; мы не мо-

жемъ долѣе оставаться безвѣстными въ этомъ дряхломъ жилищѣ, я думаю, если вы, о гласны, что пора намъ выстроить новое» (стр. 6).

По-каковски это?.. Но далѣе:

«Доминикъ горько улыбулся при этомъ двойномъ намекѣ на низкое свое происхожденіе, и не хотѣлъ сдѣлать подлѣ чуждаго хлѣба, означилъ своему адъютанту улыбуясь съ нимъ мѣста» (стр. 38). — Вѣ сердце графа не было привычки къ чувстванію нѣжности, и если онъ когда-либо былъ проникнутъ (чѣмъ же?), то это было не надолго» (стр. 46). — Но едва ли кормилица успѣла заглянуть въ комнату, какъ съ друзъ побѣдѣла и затрещала по всему тѣлу» (стр. 49). — Баронъ Вильгельмъ пришелъ обитать замокъ» (стр. 54). — Благородная его походка и непревужденность въ движеніяхъ доказывали, что онъ привычки былъ получать гостепривѣтство отъ величайшихъ вельможъ» (стр. 84). — «Главная дѣсь будучи мѣстою, онъ думалъ и проч. (стр. 84).

Но довольно! Судя по этимъ образчикамъ языка и слога, можно думать, что эта книжка переведена какою-нибудь Чухонкою. Хороши такіе стивши въ этой книгѣ:

Занки, затворы суть для насъ
Немошныя, напрасныя преграды,
Невиннаго дитяти жалкій гласъ,
(жалтал)

Проникъ ко мнѣ, лишилъ меня отрамъ
Въ могилѣ тихой, гѣковой,
И прехъ внезапно глѣнный мой
Ожилъ вновь юною душой...

и такъ далѣе... Бѣдныя дѣти! какое красивое чудовище безграмотности приготовлено на вашу погибель!..

Домъ Кизотъ Ламанскій — довольно-пошлая сказка, сдѣланная изъ пресходѣйшаго романа. Даже эпизодъ Дульциней-Тобозской и самое изданіе исключены изъ этой книжочки. Но крайней-мѣрѣ она грамотно написана, красиво издана, и къ ней приложено шесть или семь картинокъ довольно-недурныхъ.

Путешествіе Вокругъ Селѣя — зрѣло-написанная и очень-полезная для

дѣтей книжка, если только полезно учить дѣтей забавляя и приучая такими-образомъ ихъ къ поверхностному знанію всего понемножку.

Мери и Флора — насквозь проникнутая чистѣйшею нравственностью въ англійскомъ духѣ и пріятнымъ слогомъ переведенная повѣсть. — *Калхулы 1844 года, или Помодка въ Москву* — книжка, написанная тоже весьма-пріятнымъ слогомъ.

Въ *Картинахъ изъ исторіи дѣтства знаменитыхъ живописцевъ* дѣти не поймутъ самаго главнаго: что такое живопись и живописецъ; все же остальное будетъ имъ понятно въ этой книжкѣ, въ которой картины порядочны, но картинки могли бы быть лучше.

Безграничное заглавіе *Матери-Наставницы*, въ которомъ есть *разговоры, представляющіе въ разговорахъ*, достаточно показываетъ, какого рода эта книжонка.

Альманахъ для дѣтей — старый нашъ знакомецъ, въ которомъ прежніе черныя политическія (злые) негостини изъ книжки г. Кирилова: *Тимъ Современникъ Правосъ*) превратились теперь въ

раскрашенные картинки. Все остальное такъ же плохо, какъ и было.

Робинзонъ — изданіе книгопродавца Василія Полякова: этихъ все сказано!

Въ *Пантеонѣ Русскихъ Баснописцевъ* помѣщены басни: Крылова, Дмитріева, Измайлова, Хеминцера, *Хераскова, Ломоносова, Сумарокова, МАНЦЕВА, Хвостова, АГАФИ, ЛОБЫСВВИЧА, Алимпикова, ЛАДЫЖИНСКАГО, Милкова, Невдомскаго, РЖЕВСКАГО, СОБОЛЕВА*... Вотъ ужъ подлинно всякаго жита по лопатѣ! И все это умѣстилось на 124 страничкахъ въ 16-ю долю листа! Какъ полезно будетъ дѣтямъ читать такіа вирши, какъ эти:

Басню учить быть судьбѣ послушнымъ
намъ всегда,
И тако мы свой вѣкъ пребудемъ безъ
опада!

Маленькія Дѣти — преглупенькія сказочки съ дрянными картинками.

Краткую Исторію Петра Великаго для дѣтей, за нимѣніемъ лучшей, можно дать дѣтямъ въ руки, но не иначе, какъ вырвать изъ нея ея уродливыя картинки.

==

КНИГИ, ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

1) *FRANÇOIS LAURIER, suivis du Juif Errant, de la Nonne Sanglante, et de quelques essais de vers russes. Poésies par Mlle Elise d'Oulibicheff, auteur de Pensées et Soucis et d'Étincelles et Cendres. Москва. Въ том. Семка. 1845. Въ 8-ю д. ч. 171 стр.*

Сколько мы знаемъ, поэтическія таланты женщинъ — большею частію одаренныя. Испытывая силу творче-

ства въ разныхъ родахъ поэзіи, онѣ оставляли несомнѣнные признаки дарованія въ одномъ какомъ-нибудь родѣ, признавая прочія свои сочиненія простою попыткою — не болѣе. Какою же это роль, въ которомъ поэты-женщины выказываютъ талантъ и искусство? — Дирическій, столько требующій чувства; а чувство, какъ извѣстно, въ высшей степени развито у прекрасной

половины: человеческого рода. Вот почему съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы всѣ лирическія пьесы г-жи Удыбышевой въ новой книжкѣ ея стихотвореній, — пьесы преимущественно элегическаго строя, выражающія извѣстную надежду, жалобы на судьбу, разочарованіе: «Réponse du poëte à ses detracteurs», «Au critique», «A lui», «Ta soeur», «Ne le dis pas», «Le rêve au son des cloches» и проч. Что же касается до русскихъ, то мы, уважая поэтическій талантъ автора, скажемъ, что они многими уступаютъ французскимъ стихамъ — но потому, чтобы въ нихъ не было того же истиннаго чувства, но потому-что выраженіе русскими стихами требуетъ и особеннаго искусства и особеннаго навыка. Въ доказательство сличите: «Le rêve au son des cloches» и переводъ той же пьесы на русскіе стихи: «Мечта при колокольномъ звонѣ», — такая разница!

2) *Langue Française. Second volume. Choix de récits pour les premières études en français. A l'usage de la Pen-*

sion Pascault. Москва. Въ тѣхъ Славяна. 1845. Въ 12-ю д. л. 110 стр.

Первая книжка объяснила произношеніе, чтеніе и первыя правила орфографіи окончавшій словъ, т. е. окончаніи перемѣнныхъ, служащихъ къ показанію различныхъ свойствъ слова. Вторая книжка, или «Собраніе Рассказовъ», имѣеть двоякую цѣль: дитя, рассказывая прочтенное и разговаривая съ своимъ учителемъ о предметахъ чтенія, приучится выражаться на французскомъ языкѣ; а разбирая статью, переписывая ихъ, излагая на бумагѣ то, что излагало прежде наустно, сортируя снова по разрядамъ, оно, мало-помалу, выучится орфографіи. Послѣ основательныхъ занятій, изложенныхъ въ первыхъ двухъ книжкахъ, дитя уже можетъ приступить къ грамматикѣ и другимъ упражненіямъ, съ всю сопряженнымъ. Книжки г. Пакѣ должны обратить на себя вниманіе преподавателей французскаго языка: это — плодъ многолѣтней опытности человѣка умнаго, просвѣщеннаго и звяющаго словомъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

На-дняхъ появится въ свѣтъ первый номеръ Литературной Газеты, составленный *Н. А. Полевымъ*, въ распоряженіи котораго, какъ извѣстно, «Газета» будетъ находиться въ теченіи всего 1846 года. Этотъ номеръ ея полонъ, разнообразенъ и интересенъ. Онъ составляетъ довольно-большую тетрадь, напечатанную въ 8-ю долю листа, уборчистымъ шрифтомъ въ два столбца, и состоитъ не изъ трехъ, какъ обѣщано, а изъ четырехъ листовъ и равняется почти деся-

ти листамъ обыкновенной печати, — такъ-что это уже не газетная тетрадь, а добрая книжка журнала. Вотъ содержаніе 1-го номера:

1. *Матеріалы для исторіи графа П. Х. Витгенштейна* — письма Императора Александра, Императрицы Елизаветы, Кутузова, Аракчеева, письмо Витгенштейна послѣ клакандской битвы, описаніе Псковскаго памятника, поставленнаго имъ товарищамъ воюда въ 1812 году, и проч. — II. *Примѣч. и обычаи Кавказскихъ Горцевъ*, изъ са-

писокъ *В. Т. Раджицкаго*, долго жившаго на Кавказѣ. III. *Аллея вдова*, повесть Рабу. IV. *Стихотворенія* (гг. Филимонова, Струговщикова, барона Розова, и другихъ). V. *Критика и Библиографія* (*Русская Литература*: Мѣсяцесловъ; Воспоминанія *Ө. В. Булгарива*; *Петруша*, *И. Оже*; Письмо изъ *Свибурска*, *М. П. Погодина*: *Заняскі герцога де-Лириа*, и проч.—*Иностранная Литература*. *Esprit des institutions militaires*, сочиненіе *Маршала Мармона*, и проч.). VI. *Театръ*. *Итальянская опера въ Парижѣ* (*Моріани*, *Гризи*, *Россини*, *Донизетти*, *Беллини*, *Верди*, и новая опера его «*Навуходоносоръ*»). VII. *Извѣстія и Смысь*: Нынѣ владѣющіе въ Европѣ Государи — Адмиралы изъ царскихъ семействъ — Военные пароходы въ Англіи — желѣзныя дороги въ Германіи — Добываніе золота — Новыя географическія открытія — *Абдуль-Меджилъ*, султанъ турецкій — *Евгеній Сю* — *Петреида*, голландская поэма — Литературныя и Музыкальныя Извѣстія — Петербургскія Записки, Мода и проч.

Для слѣдующихъ номеровъ заготовлено множество статей ученыхъ, литературныхъ и пр., и приняты мѣры къ безостановочному выходу Газеты въ назначенные сроки.

«Литературная Газета» выходитъ ежемѣсячно. Цѣна: 11 р. 50 к. безъ пересылки, и 13 р. сер. съ пересылкою.

Насъ просили извѣстятъ, что въ весьма-непродолжительномъ времени выйдетъ уже окончиваемая печатаніемъ книга: *Петербургскій Сборникъ*, издаваемый *Николаемъ Некрасовымъ*. Содержаніе ея слѣдующее:

Бѣдные Люди, романъ *Өедора Лоттескаго*; *Помѣщикъ*, рассказъ въ стихахъ *И. Тургенева*; *Капризы и Раздѣлы*, *Искандера*; *Парижскія Увеселенія*, *И. Панаева*; *Макбетъ*, трагедія *Шекспира*, переводъ *А. Кронеберга*; *Мартингалъ* (изъ записокъ *Гробовщика*), *Аллея Вл. Ө. Одовскаго*; *Машенька*,

поэма *А. Майкова*; *Три Портрета*, рассказъ *И. Тургенева*; два отрывка изъ поэмы «*Семейство*», *Н. Некрасова*; *Мысли и замѣтки о русской литературѣ В. Бѣлинскаго*; *Мелкія Стихотворенія*. О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ, *А. В. Никитенко*.

Книга эта включаетъ въ себѣ слишкомъ тридцать-пять печатныхъ листовъ большаго формата и убористаго шрифта, напечатана на отличной веленовой бумагѣ и нѣкоторыя статьи ея («*Помѣщикъ*», «*Парижскія Увеселенія*») иллюстрированы. Иллюстрацій до 50-ти. Цѣна книгъ 4 р. сереб., съ пересылкой 4 р. 50 к. Желающіе получить эту книгу тотчасъ по выходѣ ея могутъ адресоваться съ своими требованіями заблаговременно въ книжный магазинъ *П. А. Ратькова* и *Комп.*

При заключеніи этой книжки, появилось еще нѣсколько книгъ, о которыхъ поговоримъ въ будущемъ мѣсяцѣ. «*Походъ 1796 года Бонапарта въ Италию*», соч. *М. Богдановича* — извѣстнаго уже своимъ военно-историческими трудами; «*Настольная книга для всѣхъ сословій*», соч. *И. Буттера*; «*Сборникъ историческихъ свѣдѣній о Россіи*» *Д. В.*; пятый томъ четвертаго выпуска «*Библиотеки Романовъ*» (*Странствующій Жидъ, Ө. Сю*), издаваемой книгопродавцемъ *Улитинымъ*, который, встаети сказать, предпринимаетъ съ будущаго года изданіе *Библиографическаго Извѣстія о новыхъ вышедшихъ книгахъ въ Москвѣ, Санктпетербургѣ и другихъ городахъ Россіи*. Это будетъ, — сколько можно судить по объявленію, напечатанному въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. — нѣчто въ родѣ ежемѣсячнаго реестра книгъ, съ обозначеніемъ года издаванія книги, ея формата, типографіи, въ которой она напечатана, и съ журнальными отзывами о примѣчательнѣйшихъ сочиненіяхъ. Последнее, намъ кажется, на-

просто: мало ли какъ толкуютъ журналы о книгахъ! и если свести свѣдѣнія нѣсколькихъ журналовъ объ одной и той же книгѣ, то часто читатель будетъ приходить въ тупикъ отъ противорѣчающихъ отзывовъ и не будетъ знать, что ему думать о книгѣ. Лучше бы сдѣлалъ издатель, еслибъ печаталъ одни реестры, какъ дѣлаетъ это ежемѣсячно «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», помѣщающій въ своихъ «Прибавленіяхъ» полныя заглавія всѣхъ издаваемыхъ въ Россіи книгъ и брошюръ на всѣхъ языкахъ, даже еврейскомъ, латышскомъ, и пр. Эти реестры оециальнаго журнала

со-временемъ составятъ драгоцѣннѣйшій и вѣрнѣйшій матеріалъ для библиографа.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ поговоримъ мы и о *Воспоминаніяхъ Оаддея Булгерина*. Теперь же не говоримъ никому, что изъ вышла только первая часть; вторая, говорятъ, выйдетъ вѣднѣхъ, и такъ-какъ самъ сочинитель объявляетъ въ предисловіи, что она «можетъ быть кончить на этихъ двухъ томахъ», то мы и рѣшились подождать второй части, чтобъ можно было основательнѣе судить о всей книгѣ, и чтобъ отчетъ нашъ былъ полнѣе и подробнѣе.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Январь 1846.

44) Новый Емеля, или превращенія. А. О. Вельтмана. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ четырехъ частяхъ. Въ 8-ю д. л. Въ I-й—250, во II-й—232, въ III-й—232, въ IV-й—250 стр.

Наконецъ-то мы, кажется, отдохнемъ отъ всѣхъ историческихъ и не-историческихъ романовъ, которыми нагружается задній дворъ нашей литературы. По-крайней-мѣрѣ, мы въ правѣ ожидать этого отдохновенія, основываясь на блестящемъ имени, украшающемъ сочиненіе, заглавіе котораго здѣсь выписано. Думаемъ даже, что покой нашъ будетъ продолжителенъ, потому-что намъ предстоитъ прочесть четыре части романа, обязанная своимъ существованіемъ неистощимой изобрѣтательности извѣстнаго романиста. Изъ нашей памяти еще до-сихъ-поръ не изгладилось пріятное воспоминаніе о томъ, съ какими—если не наслажденіемъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, удовольствіемъ мы любовались созданіями причудливой фантазіи г. Вельтмана, въ которыхъ нередко даже отражалась какая-нибудь затѣйливая, оригинальная и сильная мысль. Увлеченные безсознательно порывомъ этого воспоминанія, мы, пришедши, съ жадностью схватились за

новое произведеніе автора «Сердца и Думя», и напередъ обѣщали себѣ въ одинъ приемъ прочесть всѣ четыре части новаго романа, въ той надеждѣ, что это время пройдетъ незамѣтнымъ для насъ образомъ и вознаградитъ собою многія потеряныя минуты. Прочитываемъ первыя страницы, и что же видимъ? Увы! Не сбылись наши ожиданія; мы убѣдились въ безощадной вѣрности русской пословицы: «не все то золото, что блеститъ», и не наша вина, если мы не могли выполнять не только всего обѣщанія, которое дали себѣ въ первую минуту увлеченія, — даже половины его, даже третьей и четвертой части.

Да, горько было наше разочарованіе! Въ душѣ нашей осталось послѣ такого неожиданнаго обмана какое-то тяжелое, непріятное впечатлѣніе. Намъ досадно было на автора и еще досаднѣе на самихъ-себя. Досаду нашу можно сравнить только съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ вы находитесь, встрѣтивъ случайно своего короткаго пріятеля, котораго вы давно не видали, но котораго знали какъ человека умнаго, остраго, замѣчательнаго. Вы рады задумать его въ своихъ объятіяхъ, готовы расцаловать

его... Но вдруг онъ начинаетъ говорить вамъ какія-то странныя, непонятныя рѣчи. Вы смотрите на него съ изумленіемъ, не узнаете его. Вамъ кажется, не ошиблись ли вы, не приняли ли другаго за него. Нѣтъ! предъ вами тотъ же самый вашъ пріятель, съ которымъ вы такъ охотно проводили время, — тотъ же, только много не тотъ. • Какъ онъ измѣнился! • думаете вы, и идете прочь. Правда, въ романѣ г. Вельмана попадаются нѣкоторыя частности, напоминающія его прежнее время, когда онъ такъ богатъ былъ неподдѣльнымъ юморомъ; но эти частности нисколько не выкупаютъ скуки, которую чувствуешь вообще, читая «Емелю», и потому теряютъ все свое значеніе. Развѣ въ болтовнѣ самаго ограниченнаго человѣка не встрѣчаются иногда нѣкоторыя блестящія остроумія и наблюдательности? Однакожь, болтовня его ничего не выигрываетъ отъ этой случайности и всегда остается утомляющею, усыпляющею болтовнею... Исторія, которую рассказываетъ г. Вельманъ, до такой степени невѣроятна, насильственно сконбинирована, что даже не вѣрится, можно ли выдумать что-нибудь неудачнѣе. Различныя сцены его театра превращеній, которыхъ ужъ черезчуръ много въ романѣ, могутъ забавлять собою развѣ только людей невзыскательныхъ, которые вѣруютъ въ каждое печатное слово и помираютъ со смѣха отъ всякаго вздора... Но, вотъ сюжетъ романа: были — жили два супруга. Жили они очень-порядочно, какъ обыкновенно живутъ большею частью всѣ супруги — до поры, до времени. У нихъ не было дѣтей, и, признаться сказать, оба они были небольшие охотники до дѣтей. Вдругъ одному изъ нихъ, или точнѣе, одной, т. е. супругѣ, ни съ того ни съ другаго, захотѣлось взять къ себѣ на воспитаніе пріемыша. Сколько Платонъ Андреевичъ ни увѣрялъ свою дражайшую половину, что отчаяваться не надо, что у нихъ могутъ быть еще свои дѣти, что нужно подождать немного, Наталья

Дмитріевна ни за что не хотѣла дожидаться; ей, что называется, вышло и положь. Она устояла въ своемъ рѣшеніи и взяла чужаго ребенка, котораго окрестила Эмилиемъ, а Платонъ Андреевичъ изъ нелюбви къ пріемышу, разрушившему послѣднюю его надежду имѣть собственныхъ дѣтей, прозвалъ Емелей. Наталья Дмитриевна души не слышитъ въ своемъ воспитаникѣ, а почтенный супругъ ея и слышать о немъ не хочетъ. Кажется, онъ и правъ, потому что изъ этого Эмили или Емели вышелъ препустой человѣкъ, между-тѣмъ, какъ авторъ хотѣлъ представить въ лицѣ его человека очень-непустаго. Наконецъ, Емеля, кончивъ свое воспитаніе въ домѣ родителейскомъ, становится Емельяномъ и опредѣляется въ полкъ воевать съ Французами, а больше для того, чтобъ показать свою удалу, мастерить различныя продѣлки, которыя еще болѣе оправдываютъ прежнее нерасположеніе къ нему Платона Андреевича, потому что въ нихъ ясно выразилась и пустота этого лица, героя романа. Замѣтно, что онъ всадъ силится играть роль отчаяннаго остряка, и рѣшительно нигдѣ не удается ему исполнить это намѣреніе. Все выходитъ что-то неловко. Чтобы читателя лучше могли судить объ этомъ героѣ и вообще о романѣ г. Вельмана, изъяснимъ одну сцену, гдѣ герой, по приказанію своего командира, волочитъ за барышнями, волочитъ за собой свою единородную дочь, и откровеннымъ признаніемъ въ смѣхъ шашняхъ бѣситъ своего начальника:

— Ну, что братъ, Емельякъ, какъ обстоятъ благополучно? спрашиваетъ Матвѣевичъ, когда онъ явится къ нему.

— Все обстоятъ благополучно, отвѣчаетъ Емельякъ Герасимовичъ.

— Вдоголо проведъ время?

— Очень-весело, какъ нельзя веселѣе, Артамовъ Матвѣевичъ.

— А исполнилъ приказъ мой?

— Какъ же можно не исполнить приказа! Исполнилъ въ точности, какъ и дуетъ, по приказу...

— Ну, говори... незрало, удачно во-
лочился?

— По долгу обязанности, исправно.

— Хорошо! О, да изъ тебя будетъ
прокъ! Ну, за кѣмъ же волочился? гово-
ри всю подноготную... Я и самъ бывалъ
не промахъ! За кѣмъ же? а?

— За кѣмъ? повторилъ Емельянъ Ге-
расимовичъ: за кѣмъ же, какъ не за
Варварой Артамоновной!

— Какъ! вскричалъ Артамонъ Матвѣ-
евичъ: за моею дочерью?... ..

— Варвара Артамонова лучше всѣхъ,
сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ! Ахъ ты, шпареной поросе-
нокъ!... за моею дочерью!

Емельянъ Герасимовичъ удивился гроз-
нымъ восклицаніямъ Артамона Матвѣви-
ча.

— Ну, что жъ ты, говори, волочился?
Она тебѣ отвѣчала?

— Отвѣчала.

— Отвѣчала?

— Отвѣчала.

— Ахъ, ты, разбойникъ!.. Соблазнить
мою дочь!... Ну, что жъ ты, говори! го-
вори все, какъ было.

— Она спросила меня: о чемъ я заду-
мался...

— Ну!

— Я сказалъ: о комъ же мнѣ думать,
никъ не о васъ, Варвара Артамоновна...

— Ну, а она?

— А она?... я потребовалъ у нея руч-
ку.

— Еще и руку!... руку моею дочери!...

— Она не дала.

— Еще бы тебѣ дочь моя дала свою
руку, да еще безъ согласія отца.

— Да я сказалъ, что разобью себѣ го-
лову.

— Жаль, пусть бы шишка вскочила на
лбу!...

— Чегожъ, я бы и разбилъ себѣ голо-
ву! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ рѣ-
шительно; надо того, я бросился бы въ
воду.

— Кто жъ помѣшалъ, чортъ, что ли?...

— Нѣтъ, не чортъ, а Варвара Артамо-
новна не допустила.

— Какъ! вскричалъ Артамонъ Матвѣ-
евичъ, вскочивъ съ мѣста.

— Вотъ такъ... скватила меня обонимъ
ручички, а я тотчасъ же...

— Что тотчасъ же?... ахъ, ты негодя й!
мою дочь срамить!... Сестра сквозь паль-
цы смотритъ, что въ ей дѣлать такой со-

блзкъ!... Да я тебя обдеру какъ круну,
сударь!... Что жъ вы, цѣловались?... ми-
ловались?... а?...

— По принадлежности, отвѣчалъ такъ
Емельянъ Герасимовичъ, не понимая за
что сердится Артамонъ Матвѣевичъ.

— По принадлежности? а? что? ну!...
Э, э! да ты молчишь, пріятель! Знаетъ ко-
шка, чье мясо съѣла!.. Пстой, я тебя
выучу, дружокъ!.. Вѣстовой! подь арестъ
его! на хлѣбъ, да на воду!...

Каковъ простакъ этотъ Емельянъ Ге-
расимовичъ? Какъ хитро притворлет-
ся! — охъ куда метнулъ!.. А какова вся
эта сцена? Впрочемъ, въ некоторые ха-
рактеры очерчены очень-удачно. Та-
ковъ, на-примѣръ, характеръ Платона
Андреевича. Можно любоваться его из-
ображеніемъ.

«Платонъ Андреевичъ любилъ порядокъ.
Все свободное время его посвящено было
на то, чтобъ ходить за женой и за людь-
ми. Наталья Дмитріевна, какъ геній без-
порядка, размететь свои вещи по всему
дому; а Платонъ Андреевичъ собереть
ихъ со всего дому и препроводитъ въ
уборную. Наталья Дмитріевна жарко въ
блондовомъ чепчикѣ, она не скинетъ его
и не положитъ бережно, а сброситъ съ
головы, оставить гдѣ попало; а Платонъ
Андреевичъ, обходя дозоромъ, найдетъ
чепчикъ, поворчитъ и отнесетъ въ убор-
ную.

— Ты, матушка, чудный человекъ:
скинешь, да и кинешь!

— А васъ кто просилъ прибирать? безъ
васъ приберуть.»

Привычная рука изображала также
сцену, въ которой герой романа, же-
лая догнать свой полкъ, спрашиваетъ
у толпы народа, стоящаго на площа-
ди:

«— А что, братцы, прошелъ полкъ ми-
лиціонный?

— А что, братцы, никакъ прошелъ?
спросилъ одинъ купецъ у прочихъ.

— Да прошелъ же, кажись, прошелъ!
отвѣчали нѣсколько голосовъ.

— А куда прошелъ?

— Да, чай, въ Калугу.

— Ужъ правду ли ты говоришь, Евсей
Гавриловичъ: ужъ не во Владимиръ ли?

— Статочное ли ты дѣло говоришь!
вѣдь они пошли на встрѣчу Французу; а
Владимиръ-то гдѣ?

— У тебя Якимъ Тихоничъ, на все своя причина; съ головой ты малый да не бывайши. Дозвольте, ваше благородіе, спросить, откуда изволите ѣхать?

— Изъ Москвы.

— Изъ Москвы? Прошу ко мнѣ откушать чайку, ваше благородіе.

— Уже если такъ, ваше благородіе, такъ ужъ ко мнѣ пожалуйста откушать чайку съ подливочкой.

— Постой, Лукьянъ Федосенчъ, не всякому прошенію почтеніе: его благородію угодно моей хлѣба-соли откушать... Пожалуйста, пожалуйста!... вѣдь у него домъ на краю города, пожайдите!

— Знаемъ мы ваши угощенія, Тихонъ Еремѣвичъ; чашекъ-то у васъ ханской, перваго разбору, китайской укладки: съ одной чашки подопрѣютъ бока!

— А чѣдъ, Тихонъ Еремѣичъ, чай и трубочкой поподчуетъ его благородіе?

— И трубочкой поподчую, Лукьянъ Федосенчъ, если на то пойдеть!

— То-то душа! истинный христіанинъ! Да нѣтъ ли у васъ невѣсть въ домѣ? на струментъ какомъ не играютъ ли? потѣшили бы его благородіе.

— Собака! Пожалуйста, покорно просимъ ваше благородіе.

Вся эта сцена точь-въ-точь списана съ натуры. Какъ хороши эти молодцы, старающіеся отбить другъ у друга гостя, заманить его къ себѣ, единственно для того; чтобъ кое-что развѣдать о Французѣ! Съ какииъ усердіемъ они порочатъ другъ друга, чтобъ какъ-нибудь достигнуть своей цѣли! Интересенъ также отвѣтъ крестьянъ, у которыхъ Емеля спрашиваетъ, не видали ли они клубка. Этотъ клубокъ — волшебный, который дала ему Баба-Яга, и который, обратившись въ яйца, побѣжалъ въ поле и вдругъ исчезъ.

— Заяцъ? видѣли баринъ.

— Какой заяцъ! клубокъ.

— Не видали, баринъ; да какой, сизой что ли!

— Какой сизой баринъ? бѣлой клубокъ, клубокъ, ну слышите, клубокъ!

— Такъ вѣрно бѣлой?

— Не видать! продолжали, крестьяне, смотря подъ небеса; глядько Васька, у тебя очи зоркіе, никакъ онъ летаетъ?

— То ворона, дядя Иванъ.

И вотъ, приударивъ коня, покатился Емеля за короной.

— Что, братцы, баринъ-то никакъ тебѣ? сказалъ одинъ крестьянинъ.

— Да знать што!

— Оказія!

— Ишь ты, глядь-ко!

— Эка!

Но опять повторимъ, что подобныя отрывки, хотя и напоминаютъ прежній талантъ автора, однакоже не выкупаютъ пустоты содержанія въ его романѣ. По крайней-мѣрѣ, прочитавъ цѣлыя дѣи части, мы могли остановить свое вниманіе только на этихъ немногихъ строкахъ. Замѣтимъ еще одно довольно-важное обстоятельство, которое говорить не въ пользу автора. Г. Вельманъ возвращается къ старому блаженному времени, когда ругали Французовъ не на живото, а на смерти, и дѣлали на нихъ разные каррикатуры. Онъ съ своей стороны также силится представить ихъ въ самомъ смѣшномъ видѣ, и особенно нападаетъ на ихъ языкъ, который ему, Богъ-знаетъ какими причинами, не нравится. Бѣдный французскій языкъ! Вся пятая глава второй части посвящена этому приятному и полезному занятию. Она носитъ на себѣ слѣдующее названіе: «О томъ, какъ Емельянъ Герасимовичъ пошелъ въ область тѣней, а потомъ превратился во французскаго генерала, и потерялъ употребленіе русскаго языка». Эта глава — вершъ фантастическаго изобрѣтательности автора, и въ до же время служитъ сильнѣйшимъ, несравненнымъ доказательствомъ того, до какой степени вычурности и безнужности можетъ доходить фантазія, неудерживаемая мыслию, и какъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ даровъ природы можетъ быть во зло употребленъ. Въ романѣ г. Вельмана бездна фантазій, но что въ этомъ толку, когда нѣтъ мысли одушевляющей, проникающей своею животворною силою цѣлое произведеніе? Въ бреду человѣка, больного горячкою, также слышится фантазія; но развѣ она можетъ кого-нибудь ин-

теревать, кроме врача, который, по своей обязанности, должен, если не выслушивать ее до конца, то хоть прислушиваться къ ней, чтобъ вѣрнѣе узнать состояніе своего пациента и увѣннѣе лечить его?

Окончимъ свой отзывъ о романѣ г. Вельтмана тѣмъ же, чѣмъ и начали. Да; мы отъ автора «Ежели» ожидали совѣтъ не того, что онъ далъ намъ. Но что жь дѣлать? Въ этомъ бренномъ мірѣ все совершается такъ. Самые лучшія мечты, благороднѣйшія надежды не находятъ осуществленія, а какія-нибудь нещныя мысли, для которыхъ бы по-настоящему и не должна быть устроена голова человѣческая, идутъ-собою своею дорогою и приходятъ даже къ цѣли.

45) ПЕТЕРБУРГСКІЙ СБОРНИКЪ, издаваемый Н. Некрасовымъ. *Некоторые ситиы и иллюстрированы.* — В. Г. Бѣлижскій. — Ф. М. Достоевскій. — Исмаиловъ. — А. И. Кронебергъ. — А. Н. Майковъ. — Н. А. Некрасовъ. — А. В. Нипитанко. — Кн. В. Ф. Одоевскій. — И. И. Панаевъ. — Гр. В. А. Соллегувъ. — И. С. Тургеневъ. — Санктпетербургъ. Въ тип. Дюверда Шраца. 1846. Въ 8-ю д. л. 560 стр.

Всему читающему русскому міру извѣстно, что г. Некрасовъ слѣлалъ страшное литературное преступленіе: забудучи знаменитымъ литераторомъ, г. в. лѣтъ двадцать не печатая своего имени и надъ всякаго рода сочиненіями, и, слѣдовательно, не приобрѣта права поправлять чужихъ сочиненій, хотя бы они были лучше его собственныхъ; онъ издавалъ очень интересныи сборникъ статей подъ именемъ «Физиологія Петербурга», гдѣ поправлялъ только своя собственные статьи, не касаясь чужихъ... Да гдѣ жь тутъ преступленіе? Мы и сами не видимъ его; но есть люди, которые находятъ тутъ преступленіе, о чемъ и объявляютъ во всеуслышаніе. Но г. Некрасовъ не вѣрить справедливости обвиненій, что будто для изданія сборника, несправедливо нужно имѣть право по-

правлять чужія статьи, — и вотъ снова дерзнуть публику прекраснымъ сборникомъ, въ которомъ онъ опять-таки поправлялъ только то, что было написано имъ самимъ.

Такихъ альманаховъ, какъ «Петербургскій Сборникъ», у насъ еще не бывало. По формату, числу листовъ и изящности изданія, онъ напоминаетъ собою «Сто Русскихъ Литераторовъ»; что же касается до содержанія, то съ этой стороны «Сто Русскихъ Литераторовъ» ни сколько не напоминаютъ собою «Петербургскаго Сборника». Не говоря о прекрасномъ переводѣ *Макбета* (съ подлинника) г. Кронеберга, о поемахъ гг. Тургенева и Майкова, и о другихъ статьяхъ этого альманаха, — что все, вмѣстѣ взятое, могло бы дать цѣну всякому такого рода сборнику, — въ «Петербургскомъ Сборникѣ» напечатанъ романъ: *Блудные Люди* г. Достоевскаго — ина совершенно-неизвѣстное и новое, но которому, какъ кажется, суждено играть значительную роль въ нашей литературѣ. Въ этой книжкѣ «Отеч. Записокъ» русская публика прочтетъ и еще романъ г. Достоевскаго, *Двойникъ*, — этого слишкомъ-достаточно для ея убѣжденія, что такими произведеніями обыкновенные таланты не начинаютъ своего поприща. Но и безъ *Блудныхъ Людей* г. Достоевскаго, о «Петербургскомъ Сборникѣ» можно было бы сказать больше, нежели сколько позволяютъ тѣсныя рамы рецензіи. Если бы *Блудные Люди* вышли даже отдельною книжкою, то и тогда о нихъ нельзя было бы говорить иначе, какъ въ отдельной критической статьѣ, потому-что при разборѣ подобнаго произведенія, обыкновенныя похвальныя фразы, какъ бы онѣ въ сущности ни были справедливы, не могутъ имѣть мѣста. Разбирать подобное произведеніе искусства, значить — выказать его сущность, значеніе, при чемъ легко можно обойтись и безъ похвалъ, ибо дѣло слишкомъ ясно и громко говорить за себя; но сущность и значеніе подобнаго художественнаго созданія такъ глубоко и

многозначительны, что въ рецензіи нельзя только намекнуть на нихъ. Это заставляетъ насъ отложить подробный критическій разборъ Петербургскаго Сборника до слѣдующей книжки «Отеч. Записокъ», — что дастъ намъ возможность поговорить о *Двойникѣ*, который къ тому времени будетъ прочтенъ всею публикою.

Въ Петербургскомъ Сборникѣ семь статей въ прозѣ, двѣ поэмы стихами; «Макбетъ» переведенъ и стихами и прозою, согласно съ подлинникомъ; девять мелкихъ стихотвореній, изъ которыхъ въ-особенности должна быть замѣчена пьеса самого издателя альманаха, называющаяся: *Во Дорогѣ*. Двѣ статьи (*Помѣщикъ*, г. Тургенева и *Периодскія Увселенія* г. Панаева) иллюстрированы прекрасными виньетками, — первая, русскими, рисованными г. Агнѣвымъ, и рѣзанными на деревѣ г. Вернадскимъ; вторая — взятыми изъ французскихъ изданій.

46) Переводы Александра Струговщикова. *Статей въ прозѣ книга первая. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 8-ю д. л. 214 стр.*

Мы не можемъ отдать себѣ яснаго отчета въ причинахъ, побудившихъ г. Струговщикова издать отдѣльно четыре статьи Гёте, уже прежде напечатанныя въ журналахъ. Какъ журнальные статьи, онѣ замѣчательны, особенно же: «Боги, Герои и Виландъ» (*); но, повторяемъ, къ чему было соединять ихъ въ одну книжку? Первая статья «Привзанія Прекрасной Души», сама не что иное, какъ отрывокъ изъ «Вильгельма Мейстера», лишенная своей обстановки, совершенно теряетъ истинное свое значеніе. Гёте, этотъ по преимуществу объективный гений, глубоко понимая и уважая человѣческую жизнь во всей ширинѣ ея, не оставлялъ ни одного замѣчательнаго

явленія дѣятельности повседневныхъ въ сознательную, художественную форму; въ «Привзаніяхъ Прекрасной Души» онъ постарался представить весь бытъ, образъ мыслей, всю сущность жизни небольшого, избраннаго общества въ Германіи восемнадцатыхъ годовъ, главными представителями котораго могутъ служить — въстала княгиня Г—на и друзья ея, философы Якоби и Фюрстенбергъ. Эти «прекрасныя души» (сакраментально-названная аристотратія человечества), выразились, впрочемъ, довольно блѣдно, какъ блѣды онѣ сами, въ гётевскихъ «Привзаніяхъ». Люди благородные, умные, тонко-чувствующие, грациозно-восторженные и болѣе всего развитые, они жили въ искусственномъ уединеніи какъ-бы въ монастырѣ; хлопотали обо всемъ: о религіи, воспитаніи, свободѣ отношеній, но въ-особенности хлопотали много о самихъ-себѣ; разрѣшали всѣ возможные вопросы, и въ нихъ великія открытія и предначертанія не перешли тѣсной границы кружка, изъ котораго они сами никогда не вышли, любясь до конца самимъ-собою и не зная другихъ печалей, прои собственныхъ воображаемыхъ страданій. Они улаживали по-своему судьбу и будущность человечества и приодили въ ужасъ и отчаянную безнадѣльность, когда дѣятельность протриворѣчила ихъ фантазіямъ; предались религіозности, мечтательной и идеализированной; словомъ, страдали всѣми немощами «кружка». Въ нихъ не было жизни, потому-что не было дѣятельной связи съ жизнью общаго; потому-что они по самолюбію и по сластолюбію удалились отъ ближнихъ и ограничились «выбранными душами». Въ Вильгельмѣ Мейстерѣ «прекрасная душа» получила свое определенное мѣсто, какъ отдѣльное явленіе. Она окружена другими болѣе замѣчательными явленіями; ея собственное значеніе черезъ-чуръ нейтрализуется... Изъ-чѣму же г. Струговщикова вырвалъ именно въ привзаніяхъ изъ круга рожденія и представилъ ихъ какъ

(*) Статья эта была напечатана въ «Отеч. Запискахъ» 1839 года.

лю, какъ ничто ослепленное и ослепительное? Не-уже-ли и для г. Струвицкова нѣтъ ничего выше «превасной души»?

Статья: «Боги, Герои и Виллванд» носитъ къ юности Гёте; какъ сатира, она весьма-дальна, умна, бойко и вѣко манисана, не безъ шекеншировсканіиэльмыкъ замашекъ. Въ ней оемѣи псевдо-эллипсискія произведенія Виллванд, который самъ звалъ греческій языкъ; но духу греческаго народа колѣть учиться у Французовъ, незнавнхъ греческаго языка.

Статья: «Случай изъ Живни Гёте», вольно-интересна. Въ ней вѣрно представленъ психологическій моментъ развитія страстнаго, умнаго, полуромантикаго человека, который и хотѣ и не можетъ совладать съ наукою съ самимъ-собою. Не напрасно г. ругославинскій, перевода Гёте, говоритъ отъ своего лица.

Последняя статья: «О картинахъ смерти» — статья совершенно-журнальная. Переводъ хорошъ, но постоенъ; мы рѣшительно не понимаемъ ничинъ отдѣльнаго изданія этой книги. Охота же была вырвать изъ поической хламиды Гёте четыре доскуа, да еще и не изъ самой хламиды, изъ подкладки, и сшить ихъ вѣтъ?!

47) Стихи на объявленіе памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину. (Послался А. Ш. Турецкому.) 1845. Въ тил. нуста Самела. Въ 8-ю д. л. 7 стр.

Стихотвореніе въ родѣ старинныхъ на торжественнае случаи! Подлинно, «ничто не ново подъ луною»: мы были, оды и теперь есть; вся равна въ «оригі», а не въ сущности. режнія оды не думали о народности старались парить па-манерь Пиндана и Горация — двухъ отягченныхъ сурмановъ, которые даже и не знали о Словацахъ, ни о славяноземцахъ! Теперь не тѣ: г. Н. Языковъ, «членитель «Стиховъ на объявленіе», «уступилъ мѣстныъ стариннымъ» вѣ-

щамъ оды ни въ народнѣ, ни въ пре-выспренности, но превосходя ихъ въ реторикѣ, — превосходить ихъ еще и въ народности. У него, Карамзинъ воздвигъ себѣ памятникъ, достойный праведныхъ похвалъ. Что такое: праведная похвала? Должно быть, то же, что справедливая: но если въ праведной меньше смысла, за то больше народности. Памятникъ Карамзина, по словамъ г. Н. Языкова, краше столба каменосъчноаго. Удивительный эпитетъ—каменосъчный! «Позабывая призывъ блистательныхъ чести», Карамзинъ—почтенный собесѣдникъ простосердечной старины, а не наемникъ новизны, — не лукаво судилъ сказанія праотцевъ»...

Одушевились прошедшии, какъ почтенный собесѣдникъ старины, г. Н. Языковъ вдругъ обмозовался нѣсколькими энергическими стихами объ Иванѣ Грозномъ:

Трехъ мусульманскихъ царствъ счастливый покоритель —
И кровопійца своего!
Неслыханный тиранъ, мучитель непреклонный,
Природы ужасъ и позоръ!
Въ Москвѣ за казнь казнь; у плахи беззаконной —
Весь день мыслитъ ты годоръ.
По земскимъ городамъ тогда кромѣшныхъ бродить,
Нося грабежъ, губя людей,
И бѣшено-свирѣпъ, самъ царь ее предводитъ, и пр. и пр.

Послѣ Ивана Грознаго, Русь отдухнула подѣ-властью «вѣлюбивой». Потомъ является бродяга «воинтанникъ латинства»: въ Кремлѣ онъ побезилъ соблазны и безчинства,

Ночныиъ скаканій шумъ и грозы,
И пѣсни буйныя, и струнное гуденіе...

Одна изъ заслугъ Карамзина, по мнѣнію г. Н. Языкова, состоитъ въ томъ, что его трудъ —

...Будить въ насъ огонь прекрасный и пыскаой,
Огонь чистѣйшій и святой,
Уже недвижимъ въ насъ, зарпютишій въ насъ г.убоко

Отъ жизни блудной и претой, —
Любовь къ своей землѣ.

Блудная и пустая жизнь, по мнѣнію г. Н. Языкова, дѣлаетъ насъ преданными чужбинѣ. Интересно знать, кого онъ разумѣетъ подъ словомъ «насъ»; а что онъ разумѣетъ подъ «блудною» и «пустою» жизнью, — о томъ не трудно догадаться тому, кто читывалъ донрабмы г. Н. Языкова...

48) *Невскій Альманахъ на 1846 годъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Констѣянтинъ Жермакова. 1846. Въ 8-ю д. л. 280 стр.*

Невскій Альманахъ 1846 года похожъ немного на человека, довольно-обыкновеннаго, даже дюжиннаго, о которомъ давно уже ни слуху, ни духу, котораго всѣ считаютъ покойникомъ и который вдругъ, неожиданно является къ вамъ въ новомъ костюмѣ и если не съ новыми манерами, то съ претензіями на новыя манеры. *Невскій Альманахъ* появлялся въ русской литературѣ, кажется, въ 1826, 1828 и 1832 годахъ, въ маленькомъ форматѣ въ 16-ю долю листа, съ выметками, портретами и картинками, съ посредственными статейками въ прозѣ и плохими стихиками, между которыми иногда попадались и хорошіе. По части картинокъ, онъ особенно отличился въ 1828 году, представивъ такія сувальскія изображенія изъ *Евгенія Оныина*, надъ которыми и тогда всѣ смѣялись отъ души, а Пушкинъ даже написалъ на нихъ стихи, которые, но изъ неудобству къ печати, не были напечатаны. Впрочемъ, по поводу *Невскаго Альманаха*, Пушкинъ написалъ и еще стихотвореніе, которое было напечатано, и котораго вотъ первые стихи:

Примите *Невскій Альманахъ*.
Онъ имѣлъ и въ прозѣ и въ стихахъ:
Вы тутъ найдете ***ова.
В***, Х***ова,
К***, дальній вамъ родня
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.

Но всему видно, что Пушкинъ ослѣдъ очень-благодаренъ *Невскому Альманху* за его картинки изъ *Оныина* и особенно за изображеніе Татьяны и видѣ жриной короовницы, страдавшіе свазками въ желудкѣ.

Какъ бы то ни было, но вотъ *Невскій Альманахъ* просыпается послѣ почти-пятнадцатилѣтняго сна, и является къ намъ въ большомъ форматѣ, шпгольски, хотя и съ страшнымъ количествомъ опечатокъ, изданный, въ юмористическими повѣстями, со множествомъ стихотвореній въ новѣйшемъ вкусѣ. Совершенное перерожденіе въ одномъ только *Невскій Альманхъ* остается вѣрнѣ стариннѣ—въ посредственности. Онъ украшенъ статьями Каргагова—*Повѣдка къ Озеру Розельма*—писателя, дѣтъ двадцать лѣтъ прославившагося сильною охотою писать *Повѣдка къ Озеру Розельма* имѣетъ стоюна имени своего творца. Г. *Юрченко*, *Фома Костыма* и *Вичиора* лмихъ, до-сихъ-поръ еще ничѣмъ не нѣвшіе прославиться, украсили *Невскій Альманахъ* повѣстями, отличающимися остроуміемъ и юморомъ необыкновенными. Особенно далеко обшаргуйдти въ этомъ отношеніи г. *Фома* стыга. Не можемъ удержаться, что не представитъ здѣсь образчикъ самороднаго и весьма-граціознаго юмора; повѣсть его: *Дневна прѣисеиѣ въ городѣ Фертѣ, по случаю вѣзда городничаго*, пишется такъ:

«Духъ времени, стремленіе къ обрѣзавности, проявляющееся отчасти въ устрицахъ, и въ машинныхъ чтепереводимыхъ романахъ и доноринныхъ повѣстей, въ чтеніи, основанномъ на критикѣ адрѣаго — на зачумленномъ а питающемъ любопытствѣ, *бродящщмъ* (?) кровь, и проч. и проч. — это, то есть, это самое и прочее—вращае даже въ отдаленный уѣздный городъ *Фертѣ*, дремавшій подъ извѣстными мой добрый читатель, градусами долготы и широты.—Когда естъ это, то есть, охочее провинило въ городѣ *Фертѣ*, лежншій отъ оуены лѣра, то осы, они шрѣске городѣ — верста за 300, во городѣ *Фертѣ*, — съ тремя ульцами и лѣтаю

резултатами, стать самостоятельными геро-
дами Фермаза! и въ немъ появились
франты, съ лорнетками и безъ лорнетокъ,
франты въ пальевыхъ перчаткахъ — и со-
всѣмъ безъ перчатокъ — франты, со всѣ-
ми принадлежностями и безъ всякихъ
принадлежностей франтовства; и весь этотъ
люди, чудный — единственный, иногда —
фантастическій люди, мудро — хитро ко-
кетничалъ, жадая, кривлялся, улыбался,
нагибался, полагал — даже въ своихъ трехъ
улицкахъ и пяти переулкахъ...» (стр. 174—
175).

Удивительный юмористъ г. Ома
Костыга!..

Двѣ-три странички изъ *Поморскихъ
Очерковъ* г. Хмельницкаго не пред-
ставляютъ ничего особеннаго въ литера-
турномъ отношеніи. Его же статья—
Мой Млякиъ въ старину могла бы до-
ставить автору огромную извѣстность:
теперь, это — такъ... ничего особенна-
го... *Битва Смоленская въ 1812-мъ году*,
статья г. Н. Полеваго, интересна по
содержанію; но новое ли это произве-
деніе неутомимаго бельетриста, или
отрывокъ изъ стараго, — ничего объ
этомъ въ альманахѣ не сказано. Инте-
реснѣйшая прозаическая статья въ
этомъ странномъ изданіи — *Николаев-
ская Школа*, Е. А.—а. Называя ее ин-
тересною, мы разумѣемъ одно содер-
жаніе, факты, а отнюдь не изложеніе.

Нескій Альманахъ наполнили своимъ
стихотворнымъ произведеніями гг.
поэты: П. Ч., Межевичъ, Григорьевъ,
Викторъ Корсаки, Ротчевъ, Ленскій,
Сущиковъ, Рудыковскій, Роаниъ, Обо-
ловскій, Ястребовъ, Соколовскій, В.
Вотковъ. Особенную силу поэтическаго
одушевленія обнаружилъ г. Межевичъ,
воспѣвши *Русскія Пѣсни*:

Что за пѣсни, что за пѣсни
Распѣваетъ наша Русь!
Ужъ какъ хочешь, братъ, хотъ тресни,
Такъ не спиѣть тебѣ, Французъ!
Золотыя, удалыя —
Не нѣмецкія (?)
Пѣсни русскія, живыя —
Молодецкія!

Дивно, Французу легче треснуть, чѣмъ
пропѣть таную пѣсню; но мы думаемъ,

что, въ свою очередь, едва ли не сдѣлать со-
чинитель этихъ стиховъ можетъ про-
пѣть одну изъ тѣхъ пѣсень, которыя
Французъ поетъ безъ науги. Чтò ни
говорите, а — хвала нашей народности
въ литературѣ: у насъ теперь од-
нимъ поэтомъ больше!.. *Нескій
Альманахъ* изданъ съ благотвори-
тельною цѣлю: половина выручки за
эту книгу обратится въ пользу воспи-
танниковъ Николаевской Школы, при
Домѣ Призрвѣнн Престарѣлыхъ и
Увѣчныхъ Гражданъ въ Санктпетер-
бургѣ; другая половина составитъ по-
собіе одному обѣдѣвшему семейству.
Мы убѣждены, что достиженію этой
прекрасной цѣли нисколько не помѣ-
шаетъ то обстоятельство, что *Нескій
Альманахъ* довольно плохъ...

49) Юмористическія Разсказы
Нашею Гремени, издаваемыя Абра-
кадаброу. Съ политипажами. Книжка
первая. 1846. Въ тѣл. Фишера. Санкт-
петербургъ. Въ 8-ю д. л. 50 стр.

Пошло дѣло на юморъ! Юморъ те-
перь намъ ни-по-чѣвъ, дешелѣ паре-
ной рѣпы! Всякій веселѣчакъ дурнаго
тона считаетъ себя теперь юмористомъ!
Человѣкъ, котораго все остроуміе, всъ
ѣдкость состоятъ въ томъ, что онъ вы-
совываетъ языкъ на все, чего даже не
воображаетъ, сѣло выдаетъ себя за
юмориста! Эти люди думаютъ, что
юморъ очень-обыкновенная вещь, и что
ничего нѣтъ легче, какъ быть юмори-
стомъ. Имъ не растолкуешь, что
юморъ — талантъ, да еще какой! почти
столько же рѣдкій, какъ гениальность...
Имъ не уѣбришь, что на сто остроумцевъ,
дѣйствительно-остроумныхъ, едва ли
можно найти одного юмориста, пото-
му-что даже остроуміе и величїя со-
всѣмъ не одно и то же, чтò юморъ...

Абракадабра — какъ это юмористиче-
ско! Но юморъ г. Абракадары состоитъ
только въ томъ, что онъ въ своей раз-
сказъ, довольно плохой, втиснулъ
старыя политипажи изъ *Иллюстра-
цій* г. Кукольника. По-этому, ни одинъ
политипажъ и не идетъ къ разска-
зу. Особенно цекстати пришлись ю-

литипажи изъ русской сказки *О Иване Царевиче*: на нихъ чиновникъ *Феклисть Парамоновичъ* (какое юмористическое имя!) *Вертихвостовъ* (какая юмористическая фамилия!) изображены щеголеватый мужичкомъ. Юморъ разсказа состоитъ въ томъ, что помощникъ столоначальника, *Феклисть Парамоновичъ Вертихвостовъ*, влюбленный въ дочь экзакутора, *Марью Петровну*, дѣлаетъ ей разныя закупки на свои собственные деньги, которыя *Марья Петровна* общаетъ ему заплатить. Онъ входитъ въ долги, раворяется, скватываетъ горячку, отставляется отъ должности, а *Марья Петровна* выходитъ замужъ за его начальника. Все это разсказано неправдоподобно и вяло, съ претензіями на остроуміе.

50) Энеида *Виргилия*. *Письма I, II и III*. *Посланицю О. П. Переводъ I. Ш. Одесса. Въ тип. А. Брауна. 1845. Въ 8-мъ д. л. 99 стр.*

Искусственная эпопея любимца всѣхъ филологовъ, умаго и граціознаго *Виргилия*, не была еще у насъ переведена удовлетворительно. Впрочемъ, теперь даже Французамъ не придется за голову сравнивать *Виргилия* съ *Гомеромъ*; вопросъ о значеніи «Энеиды», кажется, теперь уже вопросъ рѣшенный. Но нельзя не оглядъ полной справедливости цѣломудренной, хотя вѣроятно-золотой красотѣ стиха латинской поэмы, обдуманному расположенію цѣлага, блеску описаній. Шестая книга «Энеиды», въ своемъ родѣ, *chef d'oeuvre*. Г. I. Ш. не совсѣмъ недостойно чести переводить *Виргилия*. Главнѣйшій недостатокъ его перевода состоитъ въ отсутствіи истиннаго поэтического таланта; поэза метръ г. I. Ш. суха и прозаична. Но вообще переводъ добросовѣстенъ и довольно вѣренъ, хотя кой-гдѣ и попадаются небольшіе промаки. Для примѣра, выпишемъ отрывокъ смерти *Лаокоона* изъ второй книги (стр. 44):

Море спокойно было, какъ вдругъ (разсказывать страшно)
Двое усталыхъ драконовъ несутся къ намъ отъ *Текдоса* (?)

Грозно влечется ихъ тѣло, сгибается въ безобразія кольца;
Дыбомъ изъ длинныхъ омы, грудь нагиалась надъ волною;
Кромѣ подобныя гребни багровые грозно поднялись...
Прочее тѣло кругами гигантскими по морю вьется.
Съ шумомъ вскинула волна, избивая серебistou ибву.
Кровью облитая очи ихъ огненными взоромъ сверкаютъ;
Быстро мелькаетъ языкъ и нѣстью сияетъ испускаетъ.
Блѣдность покрыла намъ лица, и мы разбѣжались отъ страха.
Ближе и ближе плывутъ ужъ тѣло на берегъ съносима,
Къ *Лаокоону* прямо несутся. Тутъ оба дракона,
Плестю сильно схвативъ доос дѣтей золотыхъ,
Кольцами вьются по нимъ и страшныя лъвы наносятъ.
Къ дѣтямъ на помощь кидается онъ; но быстрые зѣны
Вдругъ обхватили отпа и гигантскими вьжутъ узами.
Дважды ужъ грудь обвил и дважды чешуйчатой выей
Шею страдалца связавъ, головы на шутъ высоко;
Жалеть смертельно, и лѣтъ ихъ черною пѣшой клубится.
Тщетно метаясь, то хотеть расторгнуть онъ сильныя узы,
То испускаетъ ужасныя вопли до сводовъ надзвѣздныхъ,
Жертвенный быкъ, уязвленный смертельнымъ ударомъ сквернымъ,
Такъ реветъ и бѣжитъ и кровосумъ шло уноситъ...
Оба чудовища, трупы оставивъ, вьскетъ ползутъ и (?)
Стройно несутся къ святыхъ враждебной *Минермы*...
Тамъ подъ стонами богини тался надъ силью эгиды.

Весьма-порядочно, хотя сухо и блѣновато. Впрочемъ, мы должны замѣтить г. I. Ш., что онъ могъ бы переводить еще ближе и вѣрнѣе, и что пропускани не слѣдуетъ набѣгать трудностей. Наприм., въ началѣ второй книги, онъ переводитъ такъ:

quelque chose inconnue vidi,
 et qu'on me dit que j'étais...
 vous:

расскажу вамъ все, что видѣлъ...

то не въ состояніи художественно провозводить подлинникъ, тотъ дол-
 нъ по-крайней-мѣрѣ держаться бу-
 льнаго смысла. А г. I. Ш. вообще пе-
 саетъ только двѣ трети, иногда поло-
 зу подлинника, такъ-что иногда по-
 юль его сбивается на подражаніе.
 падается, какъ уже мы замѣтили
 ше, ошибки, изобилующія не фило-
 га. На-прим., въ девятомъ стихѣ
 прой пѣши, «caelestia sidera» не зна-
 гь «падающія звѣзды» (что не имѣетъ
 гь никакого смысла), но закатываю-
 лся, заходящія звѣзды... Такимъ
 нбояъ даже довольно-много... Впро-
 мь, нельзя не одобрить труда г. I.
 и не пожелать его скорого предол-
 нія и окончанія, при чемъ мы посе-
 туемъ стараться переводить какъ
 жно-тщательнѣе и ближе, тѣмъ бо-
 е, что поэтическое достоинство его
 вховъ не въ состояніи заставить насъ
 быть понадающіяся иногда невѣрно-
 и небрежности перевода.

51) Библиотека Романовъ, повѣ-
 ей, путешествій и записокъ, издава-
 Н. Н. Улитинымъ. Выпускъ чет-
 тый, томъ пятый. Москва. 1848. Въ
 университетской тип. (Странствующ-
 й Жидъ. Романъ Ежена Сю, авто-
 Парижскихъ Тайнъ. Переводъ въ фран-
 скаю. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 76,
 II-й—112, въ III-й—108, въ IV-й—
 8 стр.)

Поблагодаримъ издателя за то, что
 ъ, наконецъ, повернулъ на другую
 рогу въ своемъ изданіи: отъ домо-
 щныхъ произведеній безталантно-
 н, которая навязывала ему даромъ,
 ъ одного только желанія *печататься*,
 одивныя чада досужей своей фанта-
 з. онъ обращается къ произведени-
 ь писателей извѣстныхъ. Еслибъ
 сколько — прежде пришла ему эта
 злившая мысль, «Библиотека Рома-
 нь» имѣла бы лучшей холъ, и жур-

налъ нашъ не имѣлъ бы надобности
 прибѣгать къ строгимъ о ней отзывамъ.
 Хотя мы далеко не видимъ въ «Страй-
 ствующемъ Жидѣ» тѣхъ первокла-
 сныхъ достоинствъ романа, которые,
 вѣроятно, находятъ въ немъ подлин-
 чики «Библіотеки для Чтенія» и сама
 «Библіотека для Чтенія»; но, во-пер-
 выхъ, авторъ «Вѣчнаго» или точнѣе
 «Странствующаго Жиды» — сильный
 талантъ и, во-вторыхъ, романъ его
 прочтенъ или читается всѣмъ образо-
 ваннымъ міромъ. А это значитъ много,
 особенно въ-отношеніи къ русскому
 грамотному міру. У насъ, при удив-
 тельномъ разнообразіи образованно-
 сти въ различныхъ классахъ народа и
 въ лицахъ одного и того же класса, —
 когда эта образованность однимъ кон-
 помъ погружена еще въ «Похожденія
 Милорда Георга», а другимъ восходитъ
 до высшихъ явленій европейской ци-
 вилизаціи, у насъ, говоримъ, прочтеть
 съ удовольствіемъ «Вѣчнаго Жиды»
 значитъ уже читать безъ удовольствія
 многое домашнее. А вѣдь это добрый
 знакъ! Мы не хотимъ вѣсть запреще-
 нія на знакомство съ книгами, подоб-
 ными той, которую мы сейчасъ назва-
 ли: сохрани насъ Боже отъ такой не-
 терпимости! Карамзинъ, хвала страсть
 къ чтенію, какъ вѣрный признакъ дви-
 жущагося впередъ просвѣщенія, го-
 ворилъ о низменномъ словѣ грамот-
 ныхъ людей: «пусть они читаютъ Не-
 счастнаго Никонора». Скажемъ и мы:
 пусть тѣ, которые не доросли еще до
 «Вѣчнаго Жиды», читаютъ сатириче-
 скіе романы выписавшихся писателей:
 все это лучше, чѣмъ сидѣть на «Несча-
 стномъ Никанорѣ», «Милордѣ Георгѣ»
 и т. п. твореніяхъ. Но тѣ, которые уже
 прочли эти оригинальныя или перевод-
 ныя произведенія и, прочитавъ, требу-
 ютъ лучшаго, тѣ найдутъ въ новомъ пе-
 реводѣ «Вѣчнаго Жиды» богатый за-
 пасъ интереснаго содержанія, характе-
 ры, обращающіе на себя вниманіе да-
 же своимъ преувеличеніемъ, и пріятный
 рассказъ, на который Французы такіе
 мастера. Безъ мысли о томъ, что такое
 художественность эстетическаго про-

исследования (и за чѣмъ эта мысль тѣмъ, которые ищутъ въ романахъ эванизм и развязки, однимъ словомъ басни, сюжета?), безъ мысли о томъ, что можетъ быть и дѣйствительно есть романы лучше романовъ Сю, безъ мысли... однимъ словомъ: *безъ мысли*, — романъ этотъ займетъ ихъ надолго, будетъ для многихъ, на всю ихъ жизнь, идеаломъ романовъ и вмѣстѣ съ этимъ убьетъ возможность наслаждаться сатирическими и чувствительными романами отечественныхъ писателей. Итакъ, итъ худя безъ добра.

До-сихъ-поръ вышелъ четыре части. Слѣдующія не замедлятъ явиться. Переводъ вездѣ хорошъ. Къ тексту будутъ два приложевія: альбомъ литографированныхъ рисунковъ (числомъ до 400), изображающихъ различныя сцены романа, и галерея портретовъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Все это продается по сходной цѣнѣ. Русскіе читатели поблагодарятъ издателя, который заботится о томъ, чтобы доставить имъ возможность прочесть, съ наибольшимъ удовольствіемъ, *современный романъ*.

52) Мирва Хаджи-Баба Исфгани. *Сочиненіе Моріера. Вольный переводъ Барона Брамбеуса. Изданіе второе. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1845. Четыре тома. Въ 12-ю д. л. Въ I-мъ томѣ 513, во II-мъ — 396, въ III-мъ — 327, въ IV-мъ — 360 стр.*

Мирза Хаджи-Баба Исфгани — старшій нашъ пріятель, съ которымъ мы познакомились лѣтъ двѣнадцать назадъ. Встрѣча съ хорошимъ знакомымъ всегда пріятна, а *Мирза Хаджи-Баба* — книга умная и дѣльная, которую и въ другой, и въ третій разъ можно прочесть съ наслажденіемъ. Она переноситъ насъ на Востокъ, на настоящій Востокъ, въ среду, въ сердце Востока, чистаго, безпримѣснаго Востока, умѣшаго вполне защититься отъ всякаго вліянія со стороны растлѣннаго, гнѣющаго Запада. Кто не читалъ романа Моріера, тотъ не можетъ имѣть на-

стоящаго понятія о счастіи жить и Востоку и быть восточнымъ человекомъ. Что это за полная наслажденіи жизнь! Чего стоить одно блаженствіе — дѣлать *кейфъ*, т. е. курить кальянъ, поджавъ шею себя ягоди, и ни о чемъ ровно ни о чемъ не думать! Въ думать — тоже необрѣтеніе лувани Запада, *замадка*, которую ставятъ они на погребель восточныхъ душъ... Ахъ сто траты времени на опасную привычку «думать», восточные остроумно придумали наводнять свое время благочестивыми восклицаніями: *бисмилляхъ, махаллахъ, мамаллахъ* (во имя Аллаха, буде угодно Аллаху, да будетъ воля Аллаха). Безъ этихъ восклицаній, набожный мусульманинъ ничего не дѣлаетъ, и потому въ икандомъ городѣ можно услышать отъ рожниковъ такіе возгласы: «Огурцы! огурцы! во имя святѣйшаго Имамъ, огурцы; свѣжія яйца! о Магомета, о Ал! яйца, огурцы!» А повареннымъ наслажденіемъ — пять разъ въ день тириить намазъ! Когда туть екучать... Турловниче, голова, руки, ноги, ямыкъ-ли занято еженитутно, все, кромѣ мозга, ума... Даже дѣлая кейфъ, восточный человекъ ртомъ курить, а руками творить молитву... А наслажденіе серала — страшно и подумать! По нашему варварскому западному образу мыслить, сераль — есть понятіе во-свѣтъ нравственно; но восточный человекъ стумѣлъ и самую живость соединить съ чистѣйшею нравственностью: восточныя женщины не знаютъ грамотѣ, ругаются, царапаются, отравляютъ другъ друга ядомъ, но и то какъ онѣ стыдливы, цѣломудренны! Попробуй-ко мужчина заглянуть нтъ въ лицо, — бѣда! онѣ весь миру-гаютъ такъ, что отъ этой брани любій русскій мавошикъ содрогнется... Ни Персіанинъ, ни Турокъ не смеетъ вамъ: *моя жена, или: здоровъ ли еси сумрула*, но постарается смачить эти выраженія, въясняясь таинственно: *мой домъ, — каковъ вашъ домъ?* и такъ далѣе, потому что слово *асема* на Востоку счтается недрамливающимъ, не-

господствующимъ словомъ, которое жаждетъ въ умѣ санья «безправственна» понятія... Вотъ это — правствен- сть!

Конечно, и на Востокѣ есть свои не- обства и непріятности, незнакомыя какому Западу, какъ-то: иногда от- ютъ по щекамъ тузлею, или по пакъ нашкою, иногда выпцпляютъ по лоску борода, а то, пожалуй, обрѣ- ть носъ и уши, сдеруть съ живаго хуру, или живаго посадятъ на колъ... сами посудите, во-первыхъ, гдѣ бываетъ безъ своихъ маленькихъ пріятностей, а во-вторыхъ, вѣдь — е-такдиръ — судьба, предовредѣ- ніе: чтожъ вы за собака, чтобъ мати хотнть того, чтѣ написано на аскахъ предовредѣленія? Но я и забымъ, что я, мой читатель, развратася вліалн- ть лукаваго Запада, ннѣте несчаствіе вѣрнтн предовредѣленію... А хоро- се вѣрованіе! съ нимъ, человекъ въ авѣ всю жизнь свою ничега не дѣ- лать, кромѣ какъ воровать, мошенни- чать, творнтъ намазъ, да созерцать *якносто-девятъ* таинственныхъ со- шршенствъ Аллаха...

Главную же и высшую добродѣ- ль восточнаго человека составляетъ, нѣтъ сомнѣнія, особенность его «на- ріотизма». Правда, на его языкѣ нѣтъ даже слова «отечество», кото- рое, какъ и выражаемое имъ поня- тіе, заимствовано новѣйшими европей- скими народами у древнихъ языч- никовъ, Грековъ и Римлянъ. Для му- сльманина, отечество тамъ, гдѣ ис- ламъ, и ему не грѣхъ рвать своихъ отечественниковъ, лишь бы только нѣ рвалъ ихъ съ «привѣтнвыми» е, а не съ проклятыми глаурамн... Му- сльманннъ еще не доросъ до понятія государства, о гражданствѣ, о нхъ ребованіяхъ и обязанностяхъ, и своей однтъ онъ не пожертвуетъ ни труб- ою табаку; но за то, онъ страстно при- ерженъ къ своему пепелищу, къ мо- нламъ своихъ отцовъ, вѣренъ обыча- мъ старныи в родины — добродѣ- тн чисто-восточныи! Прераніе и не- ланнть *протузачанннхъ* къ проклятымъ

глаурамъ, кафирамъ и, въ-особенности, Франкамъ, какъ представителямъ раст- гѣннаго, гннющаго Запада, не ннѣтъ предѣловъ: это тоже чисто-восточнаи добродѣтель! Восточные люди знаютъ свое достоинство. Въ этомъ отношеніи, слѣдующій отрывокъ изъ *Мирян Хад- жнн-Добы Исфаманн* представляетъ со- бою великолѣпную картину восточнаго «патріотизма»:

«Спусти нѣсколько времени, переменной- мастеръ, съ серебрянымъ въ рукахъ под- носомъ, на которомъ находилось сто но- выхъ тюменовъ, явился у водоому вмѣстѣ съ хозяиномъ (последній безъ башма- ковъ), и громкимъ голосомъ воскликнулъ: — «Подѣйшіи изъ работъ Порога Счастія дерзаетъ почитательннше представнть па- дншаху, Убѣжашу міра, Средоточію все- ленной, парю царей, Тѣни Аллаха на землн, что рабъ его, мнрза Ахмакъ, *же- кнмн-башн*, молнтъ о позволеніи облобы- затъ прахъ священныхъ стопъ его, и под- несть ему въ подарокъ сто тюменовъ.»

— «*Хонн амедидн!* (добро пожаловать), мнрза Ахмакъ!» отвѣчалъ шахъ. «Слава Аллаху, ты хорошіи служнтель. Шахъ исполненъ къ тебѣ особеннаго благово- ленія: важность твоя увеличилась. Сту- пай, возблагодари Аллаха, что шахъ по- жаловалъ къ тебѣ въ домъ, и прннмалъ твоя подарокъ.»

Хекнмн-башн ударилъ челомъ, и поцѣ- ловалъ землю.

Шахъ оборотился къ эмиру эмировъ, и прнмолвилъ: — «Клянусь головою шаха, мнрза Ахмакъ прекрасннй человекъ! Ему нѣтъ равнаго во всей Персіи: онъ мудрѣ Локмана, ученѣ Джалиуса (!) а?»

— «*Белн! белн!* (конечно, конечно)» отвѣчалъ эмиръ эмировъ. «Но что они за собаки, Локманъ или Джалиусъ, чтобъ сравнтся съ тѣми, которыхъ шахъ от- личать нзволнтъ? Мнрза Ахмакъ по-исти- нѣ находка испытаннаго благополучія ца- ря царей. Подобнаго шаха Персіи ннкогда не выдала — и у такого шаха да эта- кой *жекнмн-башн!* Пусть хвалнтъ врачей нндійскихъ и франкскихъ; но, если нскать учености, то, право, нигдѣ болѣе какъ въ Иранѣ (!). Кто осмѣлнтся требовать

(*) Гелена.

(**) Иранъ — настоящее имя Персіи.

для себя пророководства передъ государствомъ, озаряемымъ присутствіемъ Несравненнаго падишаха?»

— «Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что съ начала міра до этого времени, Иранъ всегда славился умомъ своихъ жителей, мудростью и великолѣпіемъ своихъ государей,» сказала мѣдъ. «Отъ Кеммерса (*), перагаго провантала роду челоуѣдского, до дняшн царствующаго шаха, Иранъ представляетъ непрерывный рядъ такихъ властителей, какиихъ ни одна земля показать у себя не можетъ. Индія имѣла своихъ падишаховъ, Арабія халифовъ, Туранъ (**) хановъ, Китай фатгуровъ (**), Турція имѣетъ и теперь своихъ хункаровъ, или «Кровопродливцевъ» (****); но что касается до Франковъ, которые, Аллаха вѣдаетъ откуда, приѣзжаютъ въ мовладвїя продавать и покушать, и приносятъ мнѣ дань своими подарками, то что у нихъ за шахи? Они бѣдняжки, нѣрѣрные, имѣютъ какиихъ-то *кравей* (****), которыхъ имена даже не доходятъ до нашего свѣдѣнія.»

— «Да, да! я жертва шаха; но кромѣ Англичанъ и Франгузовъ, о которыхъ кое-что слышно, всѣ прочія поколѣнія франкскія ѣдятъ грязь въ совершенномъ забвеніи,» присовокупилъ эмиръ эмировъ. «Что касается до Москоу (Русскихъ), то, слава Аллаху, въ сравненіи съ нами, они менѣе нежеланіи — ничто! Если бы Иранъ (Персіянцъ) размахнулъ хорошенько, то могъ бы закннуть свою шапку за сто фарсаховъ (*****) по ту сторону гробницы отца всѣхъ Руссоу.»

— «Ха! ха! ха! твоя правда, эмиръ!» воскликнулъ шахъ, свѣясь. «Москоу — радоръ! У нихъ была Хуримдъ кудля, «Достославная» (*****), которая покорила

много земель, и воздвигла основаніи нудраго законодательства; но что это не значитъ въ сравненіи съ нашими, наирмиръ, Джемшидомъ или Рустомомъ, который убилъ лютаго дракона — в? *Машалла!»* Кызылбашъ, «Красногоровые» (*), были и будутъ первыи народамъ въ мірѣ; и если бы Москоу изувала свѣдѣться дракономъ, то Кызылбашъ сядетъ на него верхомъ, и поймавъ расотатъ по всей земной поверхности.»

— «Удивительно! удивительно!» началъ эмиръ эмировъ. «Шехиншахъ, царь царей, говорить какъ соловей. Какой франкскій шахъ въ состояніи сказать такъ остроумно?»

— «Да, конечно!» воскликнули всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ. «Да живеть онъ тысячу лѣтъ! Да не уменьшится никогда тѣнь его!»

— «Но нестати, о Франкахъ,» началъ шахъ: «объ нихъ рассказываютъ такъ много нехорошаго, что, право, надобно возложить на Аллаха наше укуваніе. Говорятъ, будто у нихъ нѣтъ *эндорурозъ*, или теремовъ; мужчины и женщины живутъ вмѣстѣ; послѣдніи не носятъ покрывалъ, и позволяютъ гадать себѣ къ лицу всѣмъ и каждому, какъ у насъ Туркиенки. Мирза Ахиякъ! ты буди *хемимъ* и *файлосуфе* (**), объясни мнѣ, пожалуйста, отчего происходитъ, что по эту пору одни только мусульмане умѣли искорить меншицъ ноль свою власть, принудить ихъ къ повиновенію, и обезначить себя на счетъ ихъ вѣрности? Повстанутъ,» присовокупилъ онъ, улыбаясь, «что, по благословенію Аллаха, самому тебѣ досталась жена удивительная: смиренна, покорная, цѣтъ кротости и славки повиновенія.»

— «Пельвууеъ благоволеніемъ и покровительствомъ царя царей, и доволетъ всѣмъ, что мнѣ писаноламо судьбою,» отгвѣчалъ *осканди-башки*. «Я, мой дашъ (**), мое семейство, мы всѣ рабы шаха, и все, чѣмъ владѣемъ, ему принадлежить. Если рабъ вашъ имѣетъ какое-нибудь достоинство, то это не его доблестъ, а слѣдствіе всеобъемлющей милости падишаха, Убѣ-

(*) Первый царь баснословной персидской династїи, Пашададовъ.

(**) Туркестанъ Независимый, или Великая Вухарія.

(***) Титулъ, даваемый Восточными Китайскими Императорамъ: отъ этого слова происходитъ названіе фарфора.

(****) Одинъ изъ официальныхъ титуловъ Султана.

(*****) *Кравъ*, то же что король.

(*****) Пятьсотъ верстъ.

(*****) Такъ Персіяне называютъ Екатырину Великую. *Хуримдъ кудля*, значитъ собственно «надвѣвающая солнцу вмѣсто шапки», то есть, знаменитая, достославная.

(*) Народное названіе Персіянцъ.

(**) Мудрецъ и философъ.

(***) Домъ, *дамъ*, принимается въ персидскомъ языкѣ въ значеніи слова «женщина», которое и значеніе «посрѣдница».

жизни мира. Когда вы прикажете, то и недостатки мои будут добродетелями. Хорошо сказалъ Сади: «можетъ ли какой-нибудь сѣдѣльщикъ горѣть ясно въ лицѣ солнца, и минаретъ казаться высокимъ у подножія горъ Эльвенда?» Что касается до вопроса, который шахъ предлагалъ изволать въ разсужденіи Франкова, то подлѣйшій изъ рабовъ имѣетъ счастье представить слѣдующее: они не могутъ удивлять женщинами такъ самолюбиво, какъ мусульмане, потому что они не люди, а родъ животныхъ, уподобляющихся, относительно къ правамъ и привилегіямъ, прочимъ безразумнымъ тварямъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ у животныхъ, что самцы и самки помѣщаются всегда вмѣстѣ: то же самое примѣчается и у Франковъ. Животныя не совершаютъ ни какихъ умовеній, и не молятся пять разъ въ день: Франки тоже. Тѣ живутъ въ дружбѣ съ женщинами, и они то же; потому что не только ихъ у себя не избиваютъ, но еще делятъ, и въ Европѣ, какъ слышно, въ каждомъ порядочномъ домѣ есть особая комната для фамильной свиньи. Въ обращеніи своемъ съ женщинами они также не отстаютъ отъ животныхъ: когда кобель увидитъ суку на улицѣ, то онъ тотчасъ начищаетъ съ нею любезничать — то же самое должны дѣлать и Франки. Женщина, въ тѣхъ печальныхъ краяхъ, есть слово безъ значенія, такъ какъ женщины не составляютъ тамъ собственности. *Ал младатъ мады Аллаха!* штъ божества, кромѣ Аллаха, и Магометъ пророкъ его.»

— Умно скавалъ, *тежимъ-башимъ*, право, умно воскричалъ дядь. «Ясно, какъ день, что мы одни лишь люди, а всё прочее — скоты: почти то же самое скавалъ и нашъ сѣдѣльщикъ Пророкъ (да благословитъ его Аллахъ и да привѣтствуетъ отъ его!). Невѣрные будутъ вѣчно горѣть въ аду, а правовѣрные блаженствовать въ седьмомъ небѣ, на лонѣ прелестныхъ хурій.»

Не менѣе великолѣпную картину восточныхъ понятій и познаній о Европѣ представляетъ собою эпизодъ изъ романа Моріера, гдѣ мирва Фиругъ, находясь въ Константинополѣ, даетъ Хаджи-Бабѣ порученіе собрать свѣдѣнія о Европѣ, по данной ему отъ его правительства инструкціи.

«Однажды, поутру, онъ киднулъ меня къ себѣ, и, выславъ всѣхъ изъ комнаты, сказалъ тихимъ голосомъ: — «Хаджи, душа моя! я давно хотѣлъ переговорить съ вами. Мои посольскіе люди, большею частью, ни къ чему неспособны. Они хотъ и Персіане, и природного ума у нихъ болѣе, нежели у всѣхъ прочихъ народовъ, взятыхъ въ совокупности; но въ дѣлахъ *делали* (*) они настоящіе ослы, и, вмѣсто пользы, только мѣшаютъ мнѣ. Посмотрѣвъ на васъ — вы человѣкъ! — видѣли свѣтъ, знаете, какъ жить съ людьми. Сколько я примѣталъ, вы въ состояніи сыграть любую штуку надъ каждою въ свѣтѣ бородою и вытануть мозгъ изъ костей всякой вещи, не повредивъ ея кожи. Мнѣ нуженъ именно такой человѣкъ; и если вы будете усердно трудиться со мною на пользу службы падишаха, Убѣжища мира, то онъ убѣлитъ лицо мое и ваше, и головы наши возвысятся удивительнымъ образомъ.»

— «Я вашъ рабъ,» отвѣчалъ я: «кладу вамъ въ горсть свое ухо, и готовъ исполнять ваши порученія ревностно, по крайнимъ моимъ способностямъ.»

— «Поэтому, вы, вѣрно, слышали въ городѣ, зачѣмъ пріѣхало сюда наше посольство,» продолжалъ онъ. «Наше посольство пріѣхало сюда покупать невольницъ для шахова гарема: я имѣю порученіе обучить ихъ здѣсь пляскѣ, шитью и женскимъ рукодѣліямъ, и закупить, для высочайшихъ женъ, парчевыхъ тканей и другихъ предметовъ роскоши. Но это только дипломатическая хитрость — истинная цѣль посольства, приворованная къ понятіямъ такихъ коровъ, какъ Турки. Не думайте, чтобъ я пріѣзжалъ на край свѣту за такою мелочью. Истинная цѣль моего посольства несравненно важнѣе, и требуетъ большаго умѣнія. Нашъ царь царей одаренъ соображеніемъ быстрѣе молніи, и когда онъ меня избралъ въ посылы, то можете вообразить чтó это значить! Повѣστε же хорошенько ухо, и слушайте чтó я вамъ скажу.»

«Мѣсяцовъ семь тому назадъ, прибылъ къ порогу Дверей Счастія, въ Тегеранъ, посолъ, отправленный къ намъ нѣкоторымъ кафиромъ, и привезъ съ собою письма къ шаху, странно писанныя и зане-

(*) *Делали*, счастье, и вмѣстѣ правительствомъ: Восточные всегда смѣшиваютъ два эти понятія.

чтанныя еще странше. Этотъ Бунапуртъ называетъ себя падишахомъ Французовъ и султаномъ разныхъ неизвѣстныхъ народовъ. Посолъ представилъ грамоту, въ которой сказано, что все, что онъ ни найдетъ передъ шахомъ или его визирями, должно быть такъ свято, какъ бы было наврано самимъ султаномъ Французовъ, и что онъ, Бунапуртъ, противорѣчить тому не будетъ. Самъ посолъ человекъ необыкновенный: онъ только тѣмъ и бредитъ, что могуществомъ своего народа; другіе же еравскія поколѣнія, по словамъ его, не стоятъ и куска грязи. Онъ беретъ жемчъ отцовъ *Москова*, и возвратитъ шаху Грузію, Баку, Дербендъ и всѣ прежнія наши владѣнія, покоренныя Русскими. Сверхъ того, онъ говоритъ, что его султанъ завоеуетъ Индію и отдастъ ее намъ, прогнавъ Англичанъ въ послѣднее отдѣленіе *джеджемема* (аду). Словомъ, обѣщаетъ дать шаху все, что только душа его ни пожелаетъ.

«Мы слышали, что Французы умѣютъ дѣлать парчи и серебряныя подсвѣчники; но чтобъ они были въ состояніи совершать подобныя чудеса, о томъ до нашего понятія никогда не доходило.

«Правда, кое-что было у насъ извѣстно о предпріятомъ ими чалу (грабительскомъ набѣгѣ) на Египетъ, потому-что коѣе и ханна вдругъ вздорочали на Востока. При династіи Сефи пріѣзжалъ къ намъ однажды посолъ отъ французскаго царя, которому имя было *Руа-де-Франс*. Но какимъ образомъ этотъ Бунапуртъ попалъ въ французскіе султаны, того и самыя ученѣйшіе изъ нашихъ богослововъ объяснить не могутъ. Армянскіе купцы утверждаютъ, что они дѣйствительно слышали о существованіи такого человека, и говорятъ, что онъ ужасный колдунъ и большой возмутитель. Вслѣдствіе нхъ показаній, шахъ согласился принять посла: но подлинны ли, или нѣтъ, представленныя нмъ грамоты, начертанныя непонятными письменами; вздоръ ли это, что онъ говоритъ, или правда, одинъ лишь Аллахъ-Теали вѣдаетъ: — намъ почему думать? Всѣ наши визиря, малые и великіе, стали въ тупикъ, и самъ шахъ (да сохранить его Господь!), самъ, говорю, шахъ, который постигаетъ всѣ тонкости вещей, ничего не смысляетъ въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ Армянина, Кожки Обѣда, который бывалъ въ французскомъ городѣ *Марселин*, гдѣ бесцѣнно заключили его

на сорокъ дней въ темницу, названную *караннымъ*, и другаго Армянина, по имени *Нересса*, обучавшагося въ монастырѣ лорвишей, въ какомъ-то чудномъ Западномъ городѣ, построенномъ на днѣ морскомъ, въ пучинахъ Океана (*), при Дерахъ шаха ни кого не было, способнаго зачесть свѣтлыиикъ понятія въ кончатъ мозговъ нашихъ, и объяснить что за родъ банкротовъ, этотъ Бунапуртъ и его посланники: плуты ли они и самозванцы, или въ самомъ-дѣлѣ владѣтели могущества и изобрѣтатели побѣды? пріѣзжали ли они за тѣмъ, чтобъ сорвать намъ съ головы шапки и бѣжать, или чтобъ налить на насъ шубу благополучія?

«Вскорѣ, однако жъ, загадка объяснилась сама собою. Англійскіе глауры, производящіе торговлю между Индостаномъ и Персією, изъ которыхъ нѣкоторые италестуютъ въ самомъ Бушафѣ, узнали какими-то образомъ, что сказанный посолъ прібылъ въ Тегеранъ. Они тотчасъ прислали къ намъ нарочныхъ съ ишеками и представленіями, прося убѣдительно не принимать Француза, и, для достоянія своей цѣли, жертвуя золотомъ, гордостью и существенными выгодами своими. Мы вдругъ смѣкнули, что между двумя соперничающими дисцианами, можно играть много.

«Клянусь святымъ дейимомъ (**): отправилъ шахъ: «это происходитъ отъ владѣнія благополучной звѣзды нашей! Я тутъ сижу снѣкойно на своемъ престолѣ, ни о чемъ не думаю: — гляди! пріѣзжаютъ нечестныя собаки съ Сѣвера и Юга, съ Запада и Востока; приносятъ богатые дары, и молятъ меня — о чемъ же? — о позволеніи подраться у моего Стремени! Ради ишеки Пророка, приведите ихъ въ мое свѣтлое присутствіе! Восматрива, что за твари.»

«Когда я отправлялся въ Стамбулъ, въ Тегеранѣ ожидали прібытія англійскаго посла изъ Индіи. Письма, недавно мною полученные отъ Стремени государя, наполнены подробностями о переговорахъ касательно обрядовъ пріему этого новаго посольства. Но шахъ не можетъ ни на что рѣшиться, пока не получитъ

(*) Венеція, гдѣ Армяне имѣютъ свою Академію.

(**) Дейимъ, древняя корона персидскихъ царей.

ть моя доносенія. Онъ слыжалъ, что въ Кеметайтинголь есть образцы всѣхъ франкскихъ поколѣній, которыя содержатъ тамъ своихъ посланниковъ; и, въ своей безпримѣрной мудрости, возложилъ на меня тайное порученіе собрать поединными свидѣніи обо всемъ, что до нихъ касается, чтобы наконецъ знать, могутъ ли присланные въ Тегеранъ послы, англійскій и французскій, или же говорить правду о своей къ намъ дружбѣ, и объ ихъ взаимной враждѣ и ссорахъ.

«Теперь вы видите, любезный Хаджи, что предметъ моего посольства чрезвычайно важенъ и основанъ на тончайшихъ соображеніяхъ. Я одинъ, — а для исполненія его во всей точности требуется, какъ я вижу, по-крайней-мѣрѣ человекъ сорокъ. Не повѣрите, какое множество открываетъ я здѣсь различныхъ сортовъ невѣрннхъ! Едва соберу извѣстія объ одной свашѣ, а тутъ уже хрюкаетъ другая, а за нею третья, четвертая, такъ, что и комца нѣтъ этой отверженной стаѣ. Нео всѣхъ моихъ людей, вы одинъ въ состояніи пособить мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Я полагаюсь на ваше проворство. Вы хорошо знаете турецкій языкъ: такъ познакомьтесь съ нѣсколькими невѣрными, и узнайте отъ нихъ о всѣхъ ихъ козняхъ и интригахъ. Я сообщу вамъ по секрету копію съ данныхъ мнѣ шахомъ наставленій, а вы старайтесь достать мнѣ нужныя дознанія на каждую статью въ особенности. Пока изготовится копія, шлите, душа моя, въ уголку, и подумайте, какъ это сдѣлать.»

Получая отъ посла извѣщеніе изъ данной ему *сикае-наме*, или инструкціи, я пошелъ на ближайшее кладбище, чтобы прочесть его въ уединеніи. Вотъ главнѣйшія статьи этой инструкціи:

I. Посолъ долженъ собрать достовѣрныя свидѣнія о мѣстоположеніи и прострѣтствѣ Френгистана (Европы), особенно о существованіи такъ называемаго въ Персіи *Шахи-Фиренга*, «Царя Франковъ», о которомъ упоминается въ разныхъ Восточныхъ повѣстьяхъ и исторіяхъ; и буде таковой существуетъ, то узнать, гдѣ его столица, и что онъ дѣлаетъ.

II. Освѣдомитесь, сколько именно считается нынѣ иль, то есть поколѣній или улусовъ франкскихъ; раздѣляются ли они на *мешр-имини*, «гражданъ», и *саера-имини*, «кочующихъ», какъ же-

тели Востока, или же слѣдуютъ другому раздѣленію; какъ эти поколѣнія управляются, и кто именно ихъ ханы.

III. Какое пространство земли занимаетъ Франсизъ (Франція); есть ли это поколѣніе, улусъ, платящій дань другому народу, или же особенное, самостоятельное государство, и кто таковъ кафиръ Бунапуртъ, называющій себя его падишахомъ.

IV. Обратитъ преимущественное вниманіе на отличительныя черты народнаго характеру Французовъ; опредѣлить ихъ склонности и умственные способности, степень воинской храбрости, искусство и промыселъ, чтобы сказать положительно, умѣе ли они Турокъ, или нѣтъ.

V. Подобнымъ образомъ узнать подробно обо всемъ, что касается до *Имиллиз* (Англіи), славящейся съ давняго времени въ Персіи тонкимъ сукномъ, часами и перочинными ножницами, а именно: — какого они роду невѣрные; — правда ли, что они живутъ на острову; — и буде это обстоятельство окажется справедливымъ, то удостовѣрится, круглый ли годъ живутъ они на немъ, или же этотъ островъ есть только ихъ *дйлакт*, «лѣтнее кочевье», съ котораго, при наступленіи осени, переправляются они на твердую землю, на *кышлакт*, или «зимнія пастбища»; — также, не обитаютъ ли они болъшею частью на корабляхъ и лодкахъ, питааясь одною рыбой; — и какъ достигли они до того, что завоевали Индію и побѣдили многихъ правовѣрныхъ. Сверхъ того, стараться рѣшить окончательно вопросъ, подавшій поводъ къ продолжительнымъ преніямъ въ Персіи: въ чемъ состоитъ разница между Англією и Великобританією, между Лондономъ и Англією: Лондонъ, часть ли Англіи, или Англія часть Лондона, и какимъ образомъ управляютъ всѣ эти государства.

VI. Подлинныя и основательныя свидѣнія о существѣ и войскахъ *Кумиани* (*) особенно важны для персидскаго правительства. Поэтому на посла возлагается обязанность освѣдомиться съ надлежащею точностью, что такое значитъ *рѣченая Кумиани*; — есть ли это, какъ многіе полагаютъ, одна старая баба, или же собраніе многихъ старыхъ бабъ; — и спра-

(*) Остъ-Индійской Компаніи.

ведлива ли молва, что она подобно тибетскому далай-ламе, никогда не умирает. Также, кто ее отец, братья, сестры, сыновья, племянники, и чѣмъ они занимаются?

VII. Гдѣ теперь кочуютъ извѣстный *Налъкыранъ*, «Подковоломъ (*)», и въ какихъ отношеніяхъ находится онъ съ Бунапуртомъ и Англичанами?

VIII. Средоточію вселенной весьма были бы приятны положительныя извѣстія о *Емидюмъ*, или *Новомъ Свѣтѣ* (Америкѣ); особенно о растущемъ въ тѣхъ странахъ деревѣ, представляемомъ всѣми шарманками, на которомъ, вмѣстѣ апельсиновъ, рождаются обильными кистями красныя дѣвницы, о чемъ упоминается и въ турецкой географіи, печатанной въ Константинополѣ. Посоль долженъ войти съ кѣмъ свидѣть въ сношенія, чтобъ выписать одно такое дерево для шаха, который желаетъ посадить его въ своемъ гаремѣ, и развѣсть во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, для удобства и потѣхи правовѣрныхъ.

IX. Наконецъ послу поручается сочинить полную исторію Франковъ, съ приобсужденіемъ своего мнѣнія, какими именно средствами можно довести ихъ до того, чтобъ они не пили вина и не ѣли свинины; и, вообще, представить къ Подножію Престола подробный планъ обращенія этихъ невѣрныхъ къ магометанскому закону.

Противъ нѣкоторыхъ статей этой инструкции, какъ-то: о Подковоломѣ и деревѣ, производящемъ дѣвницъ вмѣсто плодовъ, посоль отмѣтилъ собственноручно, что онъ уже собралъ нужныя о томъ свѣдѣнія. Я вытвердилъ наизусть остальные статьи, спряталъ бумагу за подкладкою своей шапки, и отправился на лодкѣ въ Стамбуль. Во время кратковременнаго моего богатства, я подружился было съ однимъ *катимбъ*, или «писцемъ» иностраннаго приказа, управляемаго рейс-эндиемъ, и, принимая отъ посла копію инструкціи, совѣтовалъ ему прибѣгнуть

къ рѣдкимъ и основательнымъ немощамъ этого чиновника. Мирза Фиррузъ имѣлъ одобрять мое предположеніе и упомянулъ мнѣ обѣщать турецкому дипломату денежную награду, если онъ откровенно сообщитъ намъ все, что мы есть о Франкахъ. Въ случаѣ недостаточности его показаній, надѣялся имъ, черезъ его посредство, получить дальнѣйшія повѣненія изъ самого источника турецкой мудрости, то есть изъ большой толсто-окутанной головы самаго рейс-ендія. Приятель мой, *катимбъ*, былъ теловѣкъ тажедаго нрава и не смѣнилъ скорѣ на слово; но я ласкалъ себя надеждою, что, покуривъ съ нимъ табуку и нанютивъ его кофею, приведу языкъ его въ движеніе.

Я звалъ кофею, гдѣ онъ обыкновенно просиживалъ свободное отъ службы время, пошелъ прямо туда и засталъ его нѣжно размогмагоса на подмосткахъ, съ предлиннымъ зубукомъ въ зубахъ. Притѣвлявъ его безкомочными измятыми руками и преданности, я приказалъ подать двѣ чашки лучшаго иракскаго кофе, вальсъ на подножьи, и сълѣдующаго его. Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ вынулъ чашку, не для того, чтобъ звать теченіе безнадѣжно для него времени, но чтобъ похвалить или пореде мною. Я воспользовалась этимъ случаемъ, и завелъ съ нимъ разговоръ о семъ дѣлѣ.

— «Эти франкскіе чаши, не правда ли?» спросилъ я.

— «Настоящіе франкскіе!» отвѣтилъ онъ съ важностію, передавая ихъ мнѣ, для осмотра. «Другихъ, такыхъ чашъ нѣтъ въ цѣломъ мірѣ.»

— «Удивительно!» воскликнулъ я: «эти Франки должны быть народъ необыкновенный.»

— «Конечно; но что проку?» сказалъ *катимбъ*: «всѣ они каферы, народъ тѣмъ и проклятій.»

— «Ряди имени Аллаха!» прервалъ я, вѣжливо втыкая ему въ зубы отпуготъ отъ собственныхъ губъ трубку: «скажите мнѣ что-нибудь объ ихъ. Обширна ли страна Френгистанъ? Гдѣ живетъ царь Франковъ?»

— «Что вы говорите, другъ мой, обширна ли страна?» возразилъ онъ. «Френгистанъ, то есть, *Аеруна* (*), обширнѣе

(*) Подъ этимъ именемъ Восточные поларуничаютъ Августа II, короля польскаго, современника Петра Великаго, славившагося рѣдкою тѣлесною силой. *Налъкыранъ*, или «подковоломъ», неизвѣстно по какому поводу, играетъ въ ихъ повѣстьяхъ не послѣднюю роль, какъ знаменитый рыцарь Френгистана.

(*) Европа.

всего свѣта; и царь тамъ не адмѣя, а пропастъ султановъ, кралювъ, терсюковъ (*), такъ, что и во сто лѣтъ ихъ не пересчитаемъ.»

— «Но рабъ вашъ слышалъ, что всѣ Франки принадлежать къ одному племени, и только раздѣляются на разные поколѣнія и улусы, управляемые особыми ханами.»

— «Святѣйшій нашъ Пророкъ сказалъ, что всѣ невѣрные составляютъ одинъ народъ; и это совершенная правда. Извольте видѣть: всѣ они одинаково брѣютъ щеки и оставляютъ волосы на головѣ; носятъ черные колпаки, и наряжаются въ узкое и короткое платье; всѣ пьютъ вино, ѣдятъ свинину, не вѣрують въ благословеннаго Магомета, и равно не видятъ музльманъ. Поэтому-то и страна ихъ называется у насъ общимъ именемъ: «Домъ вражды и подвизанія завѣру». Но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что они раздѣлены между собою на многія государства, управляемыя независимыми царями. Посмотрите, сколько тутъ разныхъ франкскихъ пословъ, которые безпрестанно призываютъ бить челоуъ на порогѣ Дверей Счастія и посурмить глаза свои правды тучей нашего падишаха! Ихъ крайней-мѣрѣ, челоуекъ двадцать, и одинъ хитрѣе другаго: эти собаки приносятъ нашей землѣ такое оскверненіе, что за ними намъ самимъ не гдѣ было бы дѣваться, если бы мы упованія нашего не возлагали на Аллаха.»

— «Во имя Пророка, исчислите мнѣ ихъ по порядку, а я буду записывать,» сказалъ я. Слава Аллаху, эфенди мой, ты челоуекъ мудрый, и постигаете тонкости предметовъ.» — Тутъ я вынулъ чернильницу изъ-за пояса; онъ погладилъ себя по бородѣ, посучилъ усы, и началъ разсказывать; но сперва возразилъ: — «На что вы напрасно объ нихъ безпокоитесь? Всѣ они одинаковы псы, и буде угодно Аллаху, вскорѣ сгорятъ въ аду такъ, что и помину объ нихъ на землѣ не будетъ. Слѣдственно, трудъ вашъ пропадетъ даромъ.»

— «Потому именно я и хочу списать ихъ благоверенно,» отвѣчалъ я: «а не то, потому правовѣрные не будутъ знать, какіе народы, кромѣ ихъ, прежде жили на свѣтѣ.»

(*) Королей и герцоговъ.

— «Это другое дѣло,» примолвилъ онъ важно и сталъ считать на пальцахъ: «сидите, во-первыхъ, *Немсе глору*, «сѣмецкіе язычники,» иначе называемые Австрійцами. Они наши ближайшіе сосѣди; доставляютъ намъ сукно, сталь и стекло. Ихъ императору, то есть, султану, гордится своими происхожденіемъ отъ одного изъ древнѣйшихъ невѣрныхъ родовъ, и присылаетъ къ намъ своего посла, съ тѣмъ, чтобъ мы его кормили и одѣвали. Эти *Немсе* народъ по-истинѣ добрый, трубочокурный, безвредный: мы имъ неоднократно мѣли кости, и ходили войною подъ самую ихъ столицу.

«Во-вторыхъ, *Московъ глору*, Русскіе невѣрные, самое нечистое и опасное племя. Они отняли у насъ *Узы* (Очаковъ), Крымъ и многія другія области. Говорятъ, что имъ суждено покорить Константинополь: — Аллахъ великъ! — съ предположеніемъ бороться нельзя. Ай, *Московъ*! *Московъ*! Они выжали намъ мозгъ изъ костей: за то, когда намъ случится ушибъ голову кому-нибудь изъ нихъ, то ужъ восклицаемъ *Машаллахи!*

— «Не говорите мнѣ о *Московѣ*, ради вашей души!» сказалъ я съ жаромъ. «Я ихъ знаю: они стрѣляютъ заколдованными пулями.»

— «Третій родъ Франковъ составляютъ *Трандавуль глору*, называемые также *Пурусе* (*). Посолъ ихъ живетъ въ Брюгелдере; но Аллахъ вѣстъ что онъ тамъ дѣлаетъ, и зачѣмъ сюда призываетъ. Мы не знаемъ даже, гдѣ ихъ государство: однако терпимъ у себя ихъ посланника, единственно потому, что Дверь падишаха открыта для всѣхъ, и вслѣдъ въ-правѣ некакъ въ ней убѣжища.

«Что мнѣ вамъ сказать болѣе? Да! — есть еще на сѣверѣ два поколѣнія невѣрныхъ, именуемые *Шведъ* и *Даньмарка*, которыхъ послы часто призываютъ бить челоуекъ на Порогѣ Серали, но только для того, чтобъ получать отъ насъ жалованныя кафтаны. *Даньмарка* (Данія), право, не знаю, что за городъ. Что касается до *Шведъ* (Шведовъ), то мы познакомились съ ними по случаю короля ихъ, *Карлоса*, который ѣзжалъ къ намъ отъ сабли московскаго царя, извѣст-

(*) *Трандавуль*, имя, даваемое Турками Русскимъ, перековерканное изъ слова *Бранденбургъ*.

наго *Дели Петруна* (*) Иначе не знали бы и *оба* их существовашии.

«За тѣмъ слѣдуютъ *Филемени глауры* (**), или Голландцы. Это язычники тяжелые, тупые, мужиковатые: между Франками они то же, что въ нашихъ странахъ Армяне: исключительно заняты торговлею, и, кромѣ денегъ, ничего не понимаютъ. Въ прежнія времена, они присылали къ намъ соціальныхъ пословъ, чтобы получить позволеніе продавать свои сыры и сельдей; но теперь государство ихъ уже не существуетъ. Извѣстный Бунапуртъ, говорять, прибралъ ихъ *джедмуръ* (республику) въ свои руки, и выкушалъ все ихъ масло и всѣ сыры. Этотъ Бунапуртъ (да кончить онъ жизнь свою на доиѣ вѣры Пророка!), по-истинѣ человѣкъ! Онъ не хуже Тамерлана, и достоинъ стоять наряду съ персидскимъ Надиръ-Шахомъ и нашимъ Сулейманомъ.»

— «Бунапуртъ! Бунапуртъ!» воскликнулъ я, прерывая рѣчь *кадиба*: «объ немъ-то я и хотѣлъ у васъ освѣдомиться. Скажите пожалуйста, что это за человѣкъ? Говорять, что онъ глауръ удивительно дерзкій и предприимчивый.»

— «Что мнѣ сказать?» отвѣчалъ мой дипломатъ. «Извѣльте видѣть: онъ былъ прежде простой французскій лимчаръ; потомъ попалъ въ аги, въ бейларбен; и наконецъ сдѣлался султаномъ огромнаго государства. Теперь онъ весь Френгистанъ держитъ въ своей горсти, и у насъ, въ Диванѣ, имѣетъ сильныхъ покровителей, которые не только позволяютъ его послужить неслыханную грязь на нашей правозѣрной землѣ, но и сами покушаются ее съ его тарелки: это называется *мултишка*. Недавно, онъ напалъ-было на Египетъ съ его несмѣтною ратью; но мы, по милости Пророка, дали ему порядкомъ вкусить мусульманской сабли! Теперь онъ намъ закадычный другъ.»

— «Но есть еще одно невѣрное похвалѣе, называемое *Инцилизъ*,» сказалъ я: «народъ самый дивный и непостижимый, который живетъ на острову и дѣлаетъ перочинные ножки.»

— «Да, есть!» промолвилъ *кадибъ*. «Низко кланаясь передъ нашими султанами два столѣтія сряду, послы ихъ про-

били себя во лбахъ агры. Эти глауры были всегда вѣрнѣйшими нашими союзниками, и пользовались большою милостію униженнаго Кровопроливца, пока не издавали подплыть съ своими кораблями подъ самыя Сераль. При помощи Бунапуртова послы истребили ихъ до послѣдняго человѣка, и теперь болѣе объ нихъ не слышно.»

— «Не знаете ли вы чего-нибудь про ихъ правительство?» спросилъ я. «Скажутъ ли ихъ король? Сколько головъ можетъ онъ отрубить въ сутки?»

— «Куда ему рубить головы!» возразилъ воевди, съ презрительною насмѣлкой. «Онъ не Кровопроливецъ, а чучело. Они его кормятъ, одѣваютъ, гѣшатъ различными зрѣлищами, снабжаютъ красивыми дѣвками, и кланяются ему въ землю, а власти не предоставляютъ никакой. Онъ не смѣетъ даже высѣчь своего визиря палками по пятамъ. Какой онъ султанъ! У насъ всякому агѣ предоставлено болѣе власти, чѣмъ этому кралю. Намъ, наприкладъ, *емичери-агасы* въ правѣ обрѣзать уши половинѣ города, тогда, какъ тотъ собственную жену свою не дерзнетъ зашить въ мѣшокъ и бросить въ море.»

«Что касается до ихъ правительства, то и самъ чортъ не добьется въ немъ толку. Эти глауры строятъ прекрасные корабли, дѣлаютъ отмінные часы, ножки, сукно и многія другія вещи; но, относительно къ государственному управленію, они стоятъ ниже Татаръ и Курдовъ. У нихъ есть двѣ какія-то палаты, наполненныя шутами, которые имѣютъ право вѣщиваться во всѣ дѣла, противорѣчить распоряженіямъ визирей, женить короля и разводять его съ женою, по своему произволу. Когда бунтуетъ какой-нибудь англійскій паша, то если визирь не нереспоритъ этихъ шутовъ, король не можетъ ни отрубить ему головы, ни истребить его роду и семейства, ни даже конфисковать его имѣнія. Это сущая безадыца, а не *делетъ*, не правительство! Вѣрода становится дыбомъ, когда послушаешь, что объ немъ рассказываетъ *Инцилизъ-Яхъ-Эеенди*, бывший нашникъ исламникомъ въ Лондонѣ! Другъ мой, Хаджи! Аллахъ всемогущій, всевѣдущій, одинъ народы надѣлилъ мудростію, а другіе сумасбродствомъ. Да будутъ восхваляемы Онъ и Пророкъ его, что намъ не судяно протерпѣвать бѣдствій этихъ нечестивыхъ глауровъ, а позволено курить по-койно табакъ, дѣлать *кафе* и *блѣнокъ*»

(*) Такъ называютъ Турки Петра Великаго.

(**) *Филемени*, то же, что Фланандцы.

ствовать на прелестных берегах Босфора, подъ сѣнью обоюднаго мечя неподвижныхъ султановъ.

— «Странно, странно!» воскликнулъ я. «Если бы не вы это говорили, я никогда бы не повѣрилъ, что подобный порядокъ вещей можетъ существовать между разумными созданиями. Послѣ того, легко быть можетъ, что покоренная Англичанами Индія въ самомъ дѣлѣ управляется старою бабой. Вы ничего о томъ не слышали?»

— «Старою бабой!» промолвилъ изумленный катибъ, и призадумался. «Свѣдѣніе о старой бабѣ не дошло еще до нашего понятія. Аллахъ вѣдаетъ это лучше. Но въ томъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Такой сумасшедшій народъ, какъ Франки, и оцель въ состояніи посадить невѣрную бабу на навалившемъ престолѣ великаго могола, и приказатъ ей править Индостаномъ. Однако, агать передъ вами не стану: объ этомъ я ничего не слышалъ въ Стамбулѣ.»

— «Нѣтъ божества, кромѣ Аллаха!» вскричалъ я, промолчавъ нѣсколько времени. «Чудныхъ вещей рассказали вы мнѣ объ этихъ глаухахъ! Всѣ ли это, или же есть еще другіе на свѣтѣ невѣрные? Ради вашей бороды, просвѣтите меня въ моемъ невѣжествѣ. Аллахъ! Аллахъ! кто бы подумалъ, что свѣтъ устроенъ такимъ образомъ.»

Онъ погрузился въ думу, и потомъ сказалъ: — «Да! Я забылъ еще упомянуть вамъ отрехъ южныхъ поколѣніяхъ: Доны невѣрія, именно, объ Испанцахъ, Португизахъ и Тальянхъ, то есть, Испанцахъ, Португальцахъ и Итальянцахъ. Но они не стѣять того, чтобы и говорить объ нихъ, такъ какъ и сами невѣрные считаютъ ихъ племенами мяточными. Испанцы извѣстны у насъ только по своимъ накамкамъ (пистрамъ); изъ Португаліи вернулись къ намъ Жиды, а Италія безпрестанно посылаетъ сюда своихъ дervашей, съ которыхъ мы получаемъ значительныя суммы за выдаваемыя имъ изволенія строить церкви и громко пѣть магобы. Напа, то есть, халифъ этихъ глауховъ, живетъ въ Красномъ Яблокѣ (*), и нѣбеть цѣлую общину музульманъ въ свою вѣру; но, благодаря Пророку, мы, безъ помощи дervашей, обратили го-

раздо болѣе подданныхъ его въ нашу вѣру, нежели онъ нашихъ въ свою.»

— «Позвольте предложить вамъ еще одинъ вопросъ,» примолвилъ я. «Мнѣ очень желательно было бы знать что-нибудь объ *Енидиюмъ*, то есть, о Новомъ Свѣтѣ. Я никакъ не могу сообразить въ головѣ того, что повѣствуютъ объ этомъ государствѣ. Чтобы туда попасть, надобно ли спускаться подъ землю, или какъ?»

— «Съ Новымъ Свѣтомъ нѣтъ у насъ ни какихъ сношеній,» возразилъ катибъ. «Корабли изъ тѣхъ странъ иногда къ намъ приходятъ; но какими именно путемъ выѣзжаютъ они изъ-подъ земли, отъ антиподовъ, о томъ я не спрашивалъ. Могу однако жъ васъ увѣрить, что они тѣ же невѣрные. На этотъ счетъ успокойте умъ вашъ, Хаджи: изъ Новаго ли, или изъ Стараго Свѣта. всѣ они сгорятъ въ одномъ и томъ же аду.»

Въ первомъ изданіи, *Мирза Хаджи-Баба Исфазани* былъ раздѣленъ на два романа; въ первомъ къ заглавію было прибавлено: *въ Персіи*, во второмъ — *въ Анліи*; каждый романъ былъ раздѣленъ на четыре части. Теперь оба они изданы подъ однимъ общимъ заглавіемъ, и оба, вмѣсто восьми частей, раздѣлены на четыре. Это лучше и удобнѣе. Изданіе красиво. Четыре картинки, приложенныя къ роману, не дурны.

53) Походъ 1796 года Бонапарта въ Италію, сочиненіе М. Богдановича, *Генеральную Штаба полковника, Императорской Военной Академіи профессора. Печатано съ Высочайшаго дозволенія. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1845. Въ 8-ю ф. л. 123 стр.*

Сочиненіе г. Богдановича принадлежить къ числу очень немногихъ отрядныхъ явленій въ нашей довольно-бѣдной военно-учебной литературѣ. Мысль описать походъ 1796 года — эпохнѣ-счастливая: кому не любопытно такъ-сказать, прослѣдить, перьямъ дѣйствія одного изъ замѣчательныхъ полководцевъ нашего времени, въ которомъ, уже при самомъ началѣ его шприца, военный гевій развѣртывается въ полное блескъ и увлекаетъ собою вниманіе цѣлой Европы? Самъ

(*) Римъ у Турокъ называется *Кызыл Замъ*, или Красное Яблоко.

Наполеонъ называлъ этотъ походъ своимъ Илиадою, и дѣйствительно, это была поэма, и поэма изумительная. Итальянская армія, отдѣленная отъ прочихъ войскъ, дѣйствовавшихъ на западной границѣ Франціи, не смотря на всѣ усилія предшествовавшихъ главнокомандующихъ, въ теченіи трехъ лѣтъ не могла пробраться черезъ горы и была заключена на тѣсномъ пространствѣ генуэзской ривьеры, образуемой южными скатами Апеннинскихъ Горъ, называемыхъ La Corniche, и моремъ, у береговъ котораго крейсировалъ англійскій флотъ. Слабость силъ этой арміи, постоянный недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ, доводившій ее до крайняго разстройства и изнуренія, и наконецъ, самая ничтожность производимыхъ ею дѣйствій, заставили союзниковъ мало придавать важности этому театру войны и считать себя съ этой стороны совершенно обезпеченными; но явился предводителемъ ея двадцати-семи-лѣтній полководецъ Бонапарте, и положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Не взирая сойтатъ старыхъ и опытныхъ генераловъ, черезъ чуръ осторожныхъ, онъ сосредоточилъ разбросанныя до того времени войска, быстро перешагнувъ горы, отрубавъ Австрійцевъ отъ Сардинцевъ, ввелъ свою армію въ плодородныя страны Италиі, разбилъ некрѣпительскія войска по частямъ, привудилъ Сардинцевъ къ заключенію отдѣльнаго перемирія, переправился черезъ По въ тылу австрійской арміи, штурмовалъ мостъ при Лоди, и заставилъ Больё воспѣшно отступить въ рѣку Минчио, обложилъ Мантую. Все это было совершенно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ: такова была быстрота дѣяній его дѣйствій. Армія, въ-стѣ недостатка, начала получать все въ изобиліи; войска, унаваши духомъ, оживлялись и начали смотрѣть на себя, какъ на героев, которыхъ ничто не въ состояніи будетъ противостоятъ, пока они находятся подъ командой Бонапарте. Генералы, смотрѣвшіе прежде на юнаго полководца, который

пренебрегалъ ихъ руководствами, съ недоумѣрчивостью и завистью, убѣдились въ силѣ его дарованій, получили высокое къ нему уваженіе и безприсловно готовы были исполнять всѣ его распоряженія. Отсюда начинается рядъ дѣйствій еще болѣе-важнѣйшихъ: Австрійцы хотѣли, во что бы ни стало, останавитъ усилія Бонапарте и возвратитъ потерянное. Бонапарте рѣшился противостоятъ имъ всю силою своего генія и воли. Война въ Италиі разгаралась, и этотъ театр дѣйствій началъ получать не только въ глазахъ Франціи и Австріи, но и въ глазахъ цѣлой Европы первостепенную важность. Австрійцы поняли, что ни Больё, ни слабые остатки его разстроенной арміи, не въ состояніи будутъ противостоятъ Бонапарте, и потому составили новую двадцатипяти-тысячную армію, подъ начальствомъ Вурмзера, и направили ее въ Италию. Вурмзеръ, предполагая окружить Бонапарте, двинулся до обоеихъ берегамъ Гардскаго-Озера; но Бонапарте, бросивъ свою осадную артиллерию подъ стѣнами Мантуи, воспользовался раздѣленіемъ непріятельскихъ силъ, разбилъ часть ихъ при Догго, нанесъ поражение самому Вурмзеру при Кастильйоне и отбросилъ его въ Тироль, заставилъ Вурмзера дорого поплатиться за кратковременное торжество надъ Мантуей, гдѣ онъ захватилъ брошенную Наполеономъ артиллерию. Австрійцы снарядили армію Вурмзера до 45,000, и она въ эта армія двинулась для освобожденія Мантуи двумя колоннами по правому берегу Адижа и долиною Вренты къ Веронѣ. Бонапарте, пользуясь центральнымъ своимъ положеніемъ и отношеніи раздѣленныхъ силъ непріятеля, съ тою же стремительностью опрокинулъ правую колонну къ Триенту, двинулся оттуда къ верховьямъ Вренты въ тылъ войскамъ Вурмзера, и постепенно тѣсилъ и наносилъ его передъ-гарду поражение, заставилъ самого Вурмзера искать спасенія со всею арміею въ стѣнахъ Мантуи. Составилась

третья пятидесятитысячная армія и поручена Альвинци. Альвинци направилъ также часть войскъ по правому берегу Адиджа къ Риволи, а самъ двинулся къ Веронѣ и, узнавъ о приближеніи Бонапарте, занялъ сильную позицію у Кольдіеро. Бонапарте, противопоставивъ генерала Вобуа съ частью войскъ отряду у Риволи, явился съ главными силами въ Веронѣ, сдѣлалъ покушеніе овладѣть позиціею при Кольдіеро, но, не успѣвъ въ этомъ, выступилъ изъ Вероны, спустился внизъ по правому берегу Адиджа, три дня упорно бился, чтобъ, переправясь чрезъ Адиджъ, пройти по узкимъ дефилеямъ, образуемымъ топкими болотами, ударить во флангъ австрійской арміи и принудить ее оставить кольдіерскую позицію. Положеніе его стало ужасно крайнимъ: съ одной стороны, Вобуа едва успѣвалъ удерживать непріятельскія войска при Риволи, которыя грозили каждую минуту зайти ему въ тылъ, съ другой, неудачныя покушенія при Арколѣ, растроивали его войска, заставляли ихъ испытывать большія потери и могли грозить имъ совершеннымъ пораженіемъ. Но Бонапарте, не теряя присутствія духа, днемъ водилъ главные силы на бой при Арколѣ, ночью являлся въ отрядѣ Вобуа, одушевлялъ его войска своимъ присутствіемъ и приготавливалъ ихъ на завтрашній день къ новому упорному сопротивленію. Сила воды наконецъ восторжествовала; войска Бонапарте вышли изъ дефилеи при Арколѣ, Австрійцы посѣвши отступить, и Бонапарте, отклонивъ угрожавшую ему опасность, побѣдителемъ вступилъ въ Верону, въ ворота противоположныя тѣмъ, изъ которыхъ, назадъ тому три дня, выступилъ. Въ началѣ 1797 года Австрійцы сдѣлали еще новую и послѣднюю попытку для освобожденія Мантуи. Альвинци усилился до сорока тысячъ и раздѣлился опять на нѣсколько колоннъ; одна часть войска направилась отъ Бассано къ Веронѣ и отъ Падуй чрезъ Левьяго къ Мантуѣ: главные силы изъ двадцати-восьми

тысячъ, раздѣлившись также на нѣсколько колоннъ, двинулись къ Риволи. Бонапарте встрѣтилъ ихъ при Риволи, удержалъ наступленіе главныхъ силъ, выходящихъ изъ горъ по частямъ, отрѣзалъ и опрокинулъ колонну, слѣдовавшую по самому правому берегу Адиджа, при которой находились артиллерія и обозы всей арміи, и, дививъ такимъ образомъ главные силы Австрійцевъ содѣйствіемъ ихъ артиллеріи, отбросилъ ихъ съ потерей въ горы, окружилъ и взялъ въ плѣнъ отрядъ, зашедшій ему въ тылъ, и поручивъ своимъ военачальникамъ дальнѣйшее преслѣдованіе разбитой арміи, обратился къ войскамъ, перешедшимъ чрезъ Нижній-Адиджъ и слѣдовавшимъ къ Мантуѣ, нанесъ имъ поражение и вскорѣ овладѣлъ Мантуей. Сѣверная Италия была покорена менѣе нежели въ годъ; но подвигъ Бонапарте былъ еще не оконченъ. Для того, чтобъ удержать Италію за собою, надобно было заключить миръ съ Австріей, чего не иначе можно было достигнуть, какъ, отбросивъ послѣдніе остатки разбитыхъ армій, подступить къ стѣнамъ Вѣны. Между-тѣмъ, всѣ обстоятельства, казалось, препятствовали этому: рейнская армія, одерживавшая перелѣтъ успѣхи, отброшена была назадъ на лѣвый берегъ Рейна; эрц-герцогъ Карлъ, одинъ изъ знаменитыхъ полководцевъ того времени, дѣйствовавшій противъ рейнской арміи, по отступленіи ея обращенъ съ главными силами противъ Бонапарте, чтобъ препятствовать его дальнѣйшему наступленію. Бонапарте не получалъ изъ Франціи никакихъ подкрѣпленій; армія его отъ безпрерывныхъ дѣйствій ослабла; въ Италіи безпрестанно обнаруживались противъ Франціи возстанія; Венеція явно клонилась на сторону Австріи; жители Тироля открыли уже военныя дѣйствія и готовы были, при малѣйшемъ движеніи Бонапарте впередъ, грозить его сообщеніямъ. Не смотря, однакожь, на всѣ эти препятствія, Бонапарте смѣло, рѣшительно и быстро слѣдовалъ впередъ, заставлялъ отсту-

пать передъ собой эрц-герцога Карла, наносилъ пораженія его арьергарду, окружалъ и разбивалъ отдѣльныя части войскъ, дошелъ до Леобена и принудилъ Австрію къ заключенію кампюфорніоскаго мира.

Таковъ былъ главный характеръ дѣйствій этого знаменитаго похода.

Походъ этотъ описанъ многими французскими и нѣмецкими писателями; замѣчательнѣе другихъ описаніе его въ книгѣ генерала Жюмви - Революціонныя Войны, въ сочиненіяхъ самаго Наполеона, изданныхъ Монтоломъ, въ Исторіи Французской Революціи Тьера, и, на нѣмецкомъ языкѣ, въ сочиненіяхъ генерала Клаузевица, одного изъ лучшихъ стратегическихъ писателей; но вообще этотъ походъ никогда не бывалъ предметомъ особаго, ему-одному посвященнаго сочиненія, — и для того, чтобы познакомиться хорошо съ первыми военными дѣйствіями Бонапарте, надобно было приобрѣтати, по-крайней-мѣрѣ, всѣ упомянутыя нами сочиненія. Г. Богдановичъ изданиемъ своей книги облегчилъ этотъ трудъ и сдѣлалъ вполне-доступною исторію похода 1796 года для всей читающей публики, соединивъ при этомъ и хорошее руководство для челоука военно-ученаго. Всѣ дѣйствія онъ изложилъ ясно, отчетливо, логически, поддерживая постепенно своимъ рассказомъ возрастающій интересъ событій, и прибавилъ къ походу 1796 года краткій обзоръ дѣйствій 1797 года, какъ необходимое заключеніе этой дивной поэмы, безъ чего она казалась бы неоконченною. Трудъ его — не компиляція изъ французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ, — нѣтъ, это собственное его созданіе, въ которомъ видна добросовѣстность въ изученіи всѣхъ возможныхъ относящихся къ тому фактовъ, знаніе военнаго дѣла и особенная способность, необходимая для хорошаго военнаго писателя, чтобы излагать часто весьма сложныя военныя событія, стройно, послѣдовательно, и представлять ихъ читателю какъ-бы въ панорамѣ. Слогъ его чистъ и правиленъ. Ав-

торъ старался сдѣлать самый расказъ какъ-можно-болѣе сжатымъ, и отъ этого расказъ нисколько не утратилъ ясности, хотя самое описаніе и лишилось той живости и увлекательности, которыя могли бы быть ему приданы очерками замѣчательныхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и другихъ любопытныхъ подробностей. По нашему мнѣнію, не мѣшало бы также предъ началомъ описанія этой кампаніи, хотя въ самомъ краткомъ обзорѣ, изложить характеръ образа веденія войны во время предшествовавшихъ революціонныхъ войнъ, чтобы чрезъ это показать читателю болѣе-рѣзкими чертами, въ чемъ именно состоялъ отличительный характеръ дѣйствій Бонапарте въ описываемый походъ, и чѣмъ онъ съ первой минуты появленія своего на военномъ поприщѣ въ званіи главнокомандующаго, сталъ выше всѣхъ современныхъ ему полководцевъ и выше понатій своего времени.

Изданіе книги красиво. Къ ней приложены два плана, изъ которыхъ одинъ изображаетъ театръ войны въ Сѣверной-Италіи, а другой пять картъ замѣчательнѣйшихъ сраженій. Словомъ, трудъ г. Богдановича имѣетъ неогнемое достоинство и заставляетъ насъ желать, чтобы авторъ дарилъ чаще военную литературу подобными произведеніями.

54) Англійская Индія въ 1843 году, сочиненіе графа Эдуарда Варрена, служившаго офицеромъ королевско-англійской арміи въ Индіи. (Мадрасскаго Президентства). Часть вторая. Идил Платонъ Голубковъ. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1845. Въ 12-ю д. л. 484 стр.

Объ этой довольно-любопытной книгѣ мы высказали свое мнѣніе еще въ прошломъ году, когда появилась въ свѣтъ первая часть сочиненія Варрена. Мнѣніе наше остается въ томъ же самомъ видѣ и теперь, при выходѣ второй части. Какъ офицеръ королевско-англійской арміи въ Индіи, въ которую онъ поступилъ единственно изъ

реального желанія ближе познаться съ этою во многихъ отношеніяхъ интересною, а, между-тѣмъ, не только еще изслѣдованною странною, авторъ, при своей любознательности, могъ видѣть и сообщить много полезнаго. И, благодаря его искусству передавать въ точности и ясности все имъ видѣнное или слышанное, эта возможность въ его сочиненіи принимаетъ форму дѣйствительности. Его молитвенскія замѣчанія о Мадраскомъ-Президентствѣ, которыя составляютъ предметъ второй части его труда, часто отличаются тонкостію и вѣрностію взгляда. Впрочемъ, нельзя не замѣтить къ слову, что тамъ, гдѣ авторъ рассказываетъ собственно образъ жизни, нравы и обычаи Индійцевъ, онъ кажется больше дома. Эту мысль мы высказали по случаю изданія первой части; повторяемъ ее и теперь. Остается пожелать, чтобъ вышла сколько-возможно-скорѣе третья часть этого полезнаго сочиненія. Такія книги составляютъ утѣшительное явленіе въ нашей бѣдной литературѣ.

55) Величіе Пресвятыя Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 262 стр.

Г-жа Глинка издала книгу: «Жизнь Пресвятыя Богородицы», достигшую уже третьяго изданія въ небольшой срокъ времени. Простою, ясною и согрѣтою чувствомъ рѣчью рассказала она событія жизни Богородицы, и эта рѣчь нашла сочувствіе въ сердцахъ благочестивыхъ читателей. Добрый примѣръ не остался безъ подражанія: явилась книга «Покровъ Пресвятыя Богородицы», сочиненіе, далеко уступившее своему образцу. Теперь является: «Величіе Пресвятыя Богородицы». Мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, чтобъ сейчасъ-названная нами книга была подражаніемъ труду г-жи Глинки... Нѣтъ, было бы несправедливо такъ думать, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, самъ авторъ говоритъ въ предисловіи, что онъ «собралъ достовѣрныя

сказанія о Пречистой Матери Божіей для собственнаго назиданія»; во-вторыхъ, самая книга называется не «Жизнію Пресвятой Богородицы». Содержаніе ея слѣдующее: 1) Въ родѣ предисловія, 2) Пророчества о Пресвятой Дѣвѣ и прообразованіяхъ Ея въ Ветхомъ Завѣтѣ, 3) Отдѣленіе первое: отъ Рождества Пресвятыя Дѣвы Маріи до Благовѣщенія Архангела, 4) Отдѣленіе второе: отъ Благовѣщенія Архангелова до Вознесенія І. Х., 5) Отдѣленіе третье: Жизнь Богоматери отъ Вознесенія Господа до блаженнаго ея успѣнія, 6) Успѣніе Пресвятыя Богородицы, 7) Похвалы Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ: святаго Андрея Критскаго, святаго Тарасія, патріарха константинопольскаго, святаго Димитрія митрополита ростовскаго, Стефана митрополита рязнскаго, 8) Молитва. — Распредѣленіе статей показываетъ, что книга, о которой мы говоримъ, принадлежитъ къ сочиненіямъ болѣе ученыхъ или, по-крайней-мѣрѣ, имѣющимъ болѣе ученую форму, чѣмъ сочиненіе г-жи Глинки: въ замѣнъ этого, послѣднее выигрываетъ тѣмъ, что относится болѣе къ сердцу, которымъ и воспринимается охотно. «Величіе Пресвятой Богородицы» написано очень-хорошимъ языкомъ; положеніе событій ведено съ знаніемъ дѣла; въ авторѣ видна ученость и начитанность. Изданіе книги прекрасно.

56) Радуйся Благодатная, Господь съ тобою! Благочестивыя размышленія о рожденіи, земной жизни и взлѣтѣ на небо Пресвятой Дѣвы Маріи. Съ 20 молитвенными возношеніями къ Пресвятой Божіей Матери. Изданіе братьевъ В. и Н. Исаевыхъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1846. Въ 12-ю д. л. 185 и III стр.

Эта книжка написана тоже не въ подражаніе сочиненію г-жи Глинки, что доказывается названіемъ: «Благочестивыя размышленія о земной жизни Богородицы». Но по всему видно, что она есть сокращеніе или, по-крайней-мѣрѣ, подражательное изложеніе «Ве-

личію Пресвятыя Богородицы, что доказывалось распредѣленіемъ статей: Пророчества и прообразованія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, потомъ Ея Житіе, и наконецъ Молитвы.

57) Достопамятныя Сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцовъ. Переводъ съ греческаго, изъ книги: *Ecclesias Graecae Monumenta, ed. Luthetias Parisiorum, a J. V. Cotelerio, 1677 ann., составленный при Московской Духовной Академіи. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л., 313 стр.*

Еслибъ читатель на заглавномъ листѣ свѣтскаго творенія увидѣлъ, что оно переведено изъ книги, напечатанной въ 1677 г., то онъ не мало бы тому удивился, и въ удивленіи своемъ могъ бы составить различныя гипотезы, равно-справедливыя или несправедливыя, для объясненія мысли переводчика. Онъ могъ бы, на-примѣръ, подумать, что или твореніе семнадцатаго вѣка принадлежитъ къ гениальнымъ произведеніямъ мудрости, которыя долго не старѣются, или переводчикъ принадлежитъ къ отсталымъ людямъ. Но когда тотъ же читатель, видя передъ собою книгу XVII-го столѣтія, знаетъ въ то же время, что предметъ этой книги заключается въ сферѣ предметовъ религіи, — той сферѣ, гдѣ все столько же свято и блаженно, сколько съ другой стороны, неизмѣнно, — тогда онъ не удивляется ни книгѣ, ни ея переводчику или переводчикамъ. Миръ нашъ, то-есть, миръ грѣшный, который позволяемъ себѣ называть «мирскимъ», есть сфера, постепенно развивающаяся, гдѣ все прежде уступаетъ не только свое мѣсто, но и первенство новому: семнадцатый вѣкъ уступилъ свое первенство восьмнадцатому, восьмнадцатый девятнадцатому, точно такъ же, какъ и девятнадцатый уступилъ свое мирское величіе слѣдующимъ вѣкамъ. Напротивъ, миръ религіи, этотъ «не-мирской» миръ, есть сфера свято-непреложная, небесно-незыблемая; здѣсь все уже сказано

и сдѣлано; остается вѣровать сказанному, исполнять предписанное, подражать сдѣланному; и чѣмъ ближе подходишь къ началу религіи, тѣмъ она является чистѣйшею въ сердцахъ людей, а чѣмъ дальше отъ начала, тѣмъ люди болѣе-и-болѣе теряютъ свою первобытную религіозную ревность, тѣмъ хуже они становятся, тѣмъ нужнѣе стовать о всеобщемъ разаратѣ, то-есть, о равнотіи мірскаго міра. Поэтому Достопамятныя Сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ Отцевъ, изданы ли они въ 1677 или напечатаны въ 1845 году, имѣютъ равно-одинакую, т. е. высокую цѣну, ибо на непреложныя истины религіи время и нѣкто не дѣйствуютъ. Но посмотрите, какъ въ это время, т. е. отъ 1677 по 1845 г., понизился миръ мірскаго, подлежащій развитію, непрерывно-измѣляющійся, не смѣющійся, не могущій остановиться! Предисловіе подлинника, явившееся въ 1677 году,шло безполезнымъ говорить о руководствѣ при чтеніи книги; оно не подразумевало никакихъ вопросовъ со стороны читателей, меньше-развитыхъ, т. е. меньше-грѣшныхъ, чѣмъ мы, и болѣе близкихъ къ силоту подвижничеству. А предисловіе перевода, явившееся въ 1845 г., сочло нужнымъ сказать нѣсколько словъ о руководствѣ при чтеніи высокой книги, свисходя къ тѣмъ недоразумѣніямъ, которыя могутъ осѣнить душу современныхъ читателей, не довольно-опытныхъ въ духовной жизни, но на то опытныхъ на пути мірскаго развитія и, въ-слѣдствіе этого, сдѣлавшихся способными къ разнымъ недоумѣніямъ и вопросамъ. Главнѣйшій пунктъ руководства состоитъ въ слѣдующемъ: Читатель встрѣтитъ въ сказаніяхъ много подвиговъ чрезвычайно-высокихъ, которые покажутся неудобоваражаемыми, доступными только людямъ отрѣшившимся отъ общественной жизни и всецѣло посвятившимъ себя соверпанію, молитвѣ и дѣланію благочестія. (Пред. VI). Затрудненіе здѣсь представляется важное: неопытные въ духовной жизни могутъ сдѣлать:

Какъ оторваться отъ общественной жизни, когда общественная жизнь проникла всюду, — проникла, во-первыхъ, въ грѣховное сердце каждаго человѣка, въ видѣ неудержимаго желанія жить въ обществѣ; проникла, во-вторыхъ, въ грѣховный умъ человѣка, въ видѣ мысли, что человѣкъ и не долженъ и не можетъ жить внѣ общества; проникла, въ-третьихъ, во всѣ умы земли, въ слѣдствіе развитія мірской жизни, которая тѣмъ и отличается отъ немірской, что хочетъ жить въ мірѣ и не хочетъ жить не въ мірѣ? Удобно ли подражать великимъ свѣтильникамъ пустынь египетскихъ, когда уже скоро исчезнутъ даже египетскія пустыни, уступивъ свое мѣсто городамъ, селеніямъ, каналамъ? Куда убѣжать отъ людей, когда со всѣхъ сторонъ бѣгутъ къ намъ люди, требуя общей, мірской жизни? А еслибъ и могли мы это сдѣлать, то все не убѣжимъ мы отъ самихъ себя, отъ такого же человѣка, котораго собственныя мысли иногда соблазнительнѣе многихъ постороннихъ дѣлъ? Количество общественнаго шума замѣнится здѣсь (въ ущербъ духовной жизни) мірскимъ развитіемъ ума, недолговѣяющаго, подраживающаго и зашрашивающаго?—Предисловіе перевода отвѣчаетъ неопытнымъ: «Спаситель не ко всѣмъ подвигамъ обзывалъ всѣхъ своихъ послѣдователей: *могущій отмстить да отмститъ*, говорилъ онъ о дѣтственномъ состояніи. По ученію Апостола Павла (I Кор. 7, 20), никто не принуждается, ради послѣдованія Иисусу Христу, непременно оставлять свое званіе, въ которомъ оставленъ Промыслъ: въ каждаго званіи можно болѣе и болѣе преуспѣвать въ духовной жизни. При томъ въ духовной жизни благоразумно подвизающіеся не вдругъ приступаютъ къ великимъ и труднымъ подвигамъ, но постепенно восходятъ къ нимъ. Великіе свѣтильники пустынь египетскихъ въ началѣ своего подвизничества не были такими (VI и VII). Изъ этого видно, что требованіе, выраженное въ предисловіи къ переводу,

состоитъ собственно не въ томъ, чтобы, подобно нѣкоторымъ блаженнымъ и святымъ Отцамъ, удалиться въ какую-нибудь пустыню, — потому-что въ настоящемъ состояніи нашего грѣшнаго міра, развивающаго даже изъ пустыни не-пустыни, это физически-трудно (если не невозможно), а въ томъ, чтобы, не живучи отшельникомъ, жить, какъ жили въ отшельничествѣ святыя и блаженныя Отцы, т. е. со дня на день преуспѣвать въ любви къ Богу, и въ ревности къ соблюденію его заповѣдей. Для преуспѣванія же нужно: «по-мнить Бога за каждымъ дѣломъ, исполнять предъ Богомъ и ради Бога всѣ обязанности своего званія, и въ уединеніи и предъ людьми, въ домѣ и въ обществѣ, дѣлать все, какъ учить дѣлать Спаситель, Его Апостолы, св. Отцы и учителя церкви; вспоминать и размышлять каждый день о краткости сей жизни, о тлѣнности благъ земныхъ и скоротечности мірскихъ удовольствій, о смерти, о страшномъ судѣ, о вѣчномъ блаженствѣ праведныхъ и нескончаемыхъ мукахъ грѣшныхъ». (IX и X). Если исполняющій все это и между-тѣмъ живущій въ мірѣ и пострадаеть отъ того въ дѣлахъ своихъ, т. е. въ мірскихъ дѣлахъ, то это страданіе замѣнится ему въ высокую заслугу. Каждый христіанинъ, желающій жить по примѣру великихъ свѣтильниковъ пустынь египетскихъ, не замедлитъ записаться этою душеспасительной книгой, назидательность которой мы старались выразить по силамъ.

58) Новороссійскій Календарь на 1846 годъ, издаваемый отъ Ришельевскаго Лицея. Одесса. Въ городской тип., 1845. Въ 8-ю д. л. 389 и V стр.

Новороссійскій Календарь безспорно принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ и полезнѣйшимъ изданіямъ этого рода. Тщательно-составленный, богатый разными статистическими и другими свѣдѣніями, изящно-зданный, онъ стоитъ гораздо-выше всѣхъ издаваемыхъ у насъ календарей, и до-

жетъ быть полезною книгою не только въ рукахъ жителя Новороссійскаго-Края, но и всякаго просвѣщеннаго чело-вѣка.

«Новороссійскій Календарь» раздѣленъ на четыре отдѣленія. Первое въ собственномъ смыслѣ календарь; тутъ вы найдете мѣсяцословъ: православно-каѳолическій, армяно-григоріанскій, римско-католическій и протестантскій; церковное счисленіе; роспись праздниковъ и вѣкторіальныхъ дней; календарь еврейскій и мухаммеданскій; начало времени года; небесныя явленія и т. д. Во второмъ отдѣленіи помѣщены: Россійскій Императорскій Домъ; хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отечественной исторіи въ Новороссійскомъ-Краѣ и Бессарабіи; указатель достопримѣчательныхъ предметовъ въ городахъ и мѣстечкахъ Новороссіи и Бессарабіи; указатель армарокъ, существующихъ въ этомъ краѣ, таблица географическаго положенія нѣкоторыхъ городовъ и мѣстъ края; Повороссійскій Дорожникъ; свѣдѣнія о почтахъ; парходныя сообщенія; маяки и мореплавательные знаки въ Черномъ и Азовскомъ Моряхъ; транспорты; страховыя конторы и т. д. Отдѣленіе третье есть Новороссійскій Адресъ-Календарь. Наконецъ, весьма-любопытно четвертое отдѣленіе, посвященное разнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ о Новороссійскомъ-Краѣ: здѣсь находится весьма-хорошо составленное обзореніе внѣшней торговли Новороссійскаго-Края и Бессарабіи въ 1844 году; историко-статистическое описаніе Еватеринослава; свѣдѣнія о городахъ: Елисаветградѣ, Вознесенскѣ, Николаевѣ и Балаклавѣ; замѣчанія о системѣ днѣпровскихъ пороговъ и нѣсколько болѣе-мелкихъ статей. Это послѣднее отдѣленіе дѣлаетъ «Новороссійскій Календарь» необходимымъ актомъ для всѣхъ занимающихся отечественною статистикою.

59) Совѣты Матерямъ о Физическомъ Воспитаніи Дѣтей. Сочиненіе К. Ф. Гуфланда (.) Переводъ съ послѣдней изданія. Санктпетербургъ. 1845.

Въ тип. Журнакова. Въ 16-ю д. л. 142 стр.

О пользѣ и важности этого сочиненія нѣтъ нужды говорить; но необходимо сказать, что оно стоило бы лучшаго перевода.

60) Настольная Книга для всѣхъ сословій. Въ двухъ частяхъ. Сочиненіе Ивана Буттера. Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 4-ю д. л. 156 стр.

Подобнымъ книгамъ, дѣйствительно, прилично названіе *настоольныхъ*, потому-что въ нихъ часто встрѣчается подобность. Такъ-называемые дѣловые люди безъ нихъ не ступать шагу: куда дѣловой челоуѣкъ, туда и настольная книга,—или лучше: куда настольная книга, туда и дѣловой челоуѣкъ. Первая часть «Настольной Книги» включаетъ въ себя: полные рассчеты процентовъ по вкладамъ, займамъ и ссудѣ, частнымъ оборотамъ и прочимъ предметамъ, съ приложеніемъ правилъ Опекунскаго Совѣта, формъ объявленій и подробныхъ таблицъ для переложенія Россійскихъ и иностранныхъ монетъ, учета приходоуъ, расходоуъ и выдачи жалованья; равнымъ образомъ о сберегательной кассѣ и операціяхъ государственнаго Заемнаго и Коммерческаго Банкоуъ. Вторая часть содержитъ въ себя: краткую бухгалтерію, форму счетныхъ книгъ, вѣдомостей и отчетоуъ по сельскому хозяйству, съ примѣрнымъ показаніемъ дѣловородства и заключенія баланса на три мѣсяца, образцы коммерческихъ писемъ, заемныхъ обязательствъ и различныхъ другихъ документовъ; о вексельномъ порядкѣ, о вексельномъ курсѣ, о гербовой бумагѣ и такъ о ней, о новѣйшихъ мѣтрахъ и вѣсахъ, съ приложеніемъ почтовой табели и таксы для отправленія писемъ, денегъ и посылокъ.

61) О Дѣйствіяхъ Природы и произведеніи рода челоуѣческаго, или о стремленіи одного пола къ другому, о плодотвореніи, зачатіи, зарожденіи и сохраненіи младенцевъ, для произведенія на свѣтъ здоровыхъ людей и для сохра-

меня собственныя силы и здоровья, съ показаніемъ безвредныхъ и испытанныхъ средствъ къ укрѣпленію ослабѣвшихъ органововъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л., 116 стр.

Намъ сдается, что заглавіе книги сочинено переводчикомъ для видашей приманки покупателей; у автора, вѣроятно, называется она иначе. Не утверждаемъ этого положительно, но думаемъ такъ, потому-что содержаніе книги вовсе не дурна, хотя во многомъ односторонно. Переводчикъ, кромѣ заглавія, сочинилъ, вѣроятно, и публикацію о своемъ переводѣ, весьма-курьёзную, въ которой онъ говоритъ:

«Проникнуть по возможности въ таинственную лабораторію природы, въ которой совершается процессъ дѣторожденія, — слѣдить за постепеннымъ развитіемъ новаго существа, какъ будущаго гражданина міра, бюсти о его сохраненіи до выхода и по выходѣ на свѣтъ, и, не давая ему уклоняться отъ истиннаго пути, преслѣдовать его шагъ за шагомъ, до той минуты, пока не сдѣлаетъ онъ важнѣйшаго шага въ жизни, ведущаго къ неразрывному соединенію двухъ сердецъ брачными узами; потомъ, по вступленіи въ бракъ, руководствовать юными супругами во взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и показать тѣ условія, при которыхъ могли бы они, въ свою очередь, производить на свѣтъ дѣтей, крѣпкихъ тѣлесными силами и цвѣтущихъ красотою — вотъ что было предметомъ предлагаемаго сочиненія» (*Московскія Вѣдомости*, № 141 сего года).

Кто пишетъ эти публикаціи — не спрашиваемъ. Кто ихъ печатаетъ? печатается онъ, вѣроятно, отъ книгопродавцевъ.

Разумѣется, въ предлагаемой книгѣ нѣтъ и сотой доли того, о чемъ сказано въ публикаціи. Книжка содержитъ въ себѣ нѣсколько замѣчаній и совѣтовъ, большею частію всѣмъ извѣстныхъ, безъ которыхъ обходиться, обходятся и будутъ обходиться люди. Книжка, впрочемъ, не дурна, хотя сильнѣе видѣть важность автора,

проникнутою своимъ предметомъ. Намъ нравится особенно то, что онъ не стѣсняется закоповъ природы, не свываетъ земныхъ, врожденныхъ челоуѣку влеченій отвлеченными цѣлами.

Но, при многихъ дѣльныхъ замѣчаніяхъ, авторъ иногда смѣшновъ своими воззрѣніями, одностороннимъ взглядомъ на жизнь вообще и на бракъ въ особенности. Онъ крайне заботится, во-первыхъ, о томъ, чтобъ актъ соединенія совершался не иначе, какъ съ сознательною мыслію о возрожденіи, обновленіи рода челоуѣческаго, — а вторыхъ о томъ, чтобы доставить мужчинѣ жену-красавицу. О послѣднемъ многіе сильно хлопочуть и потому не въ этомъ дѣло. Пусть авторъ скажетъ, куда дѣваться не-красавицамъ, если цѣль женщины есть любовь, бракъ, произведеніе дѣтей. Вотъ совѣты автора:

«Женщины съ большою головою показываютъ склонность къ честолюбію; броветки неукротимы характеромъ и склонны къ деспотизму; рыжія не способны производить на свѣтъ красивыхъ дѣтей; жешщины, у которыхъ замѣтна борода, весьма преданы сладострастію и не обладаютъ кротостію характера; тошная, угловатая, грубо-округленная шея означаетъ вспыльчивую и сердитую женщину; женщина съ слишкомъ узкою грудью, выдавшинися плечами и бедрами не можетъ производить красивыхъ дѣтей, склонна къ чахоткѣ и подвержена труднымъ родамъ; плоскій, вдавшійся животъ означаетъ дурное пищевареніе и малую производительную способность. И такъ выберите себѣ въ подругу жизни дѣвушку съ гибкой таліей, съ густыми, длинными, мягкими каштановаго цвѣта волосами, съ пріятно-округленными формами тѣла, широкими бедрами, упругими лядвенями и полными грудями, средняго роста, и ир. (стр. 44 и 45).

Смотрите, не ошибитесь! Узнайте прежде всѣ означенныя качества дѣвушки. А вы, милостивыя государыни, большеголовые, слишкомъ-смуглыя и рыжія, съ замѣтной бородой и усамъ, съ тонкой и угловатой шеей, вы, узкогрудыя и плоскожи-

вотныя, большія ростомъ, малыя ростомъ — нагъво кругомъ! маршъ! убирайтесь въ чистую! Вы не должны жить съ мужчинами! Вамъ не бывать за мужемъ, хоть и вы созданы для замужства!

62) **Практическая Медицина. Лекции профессора Дядьковского. Третья книга. Москва. 1845. Въ 8-ю д. л. XVI и 192 стр.**

Третья книжка, въ которой окончено изложеніе лихорадочныхъ болѣзней, содержитъ еще въ себѣ, подъ названіемъ: «Видѣто предисловія», статью *первую*, а эта статья есть имъ болѣе, въ мѣстѣ, какъ отвѣтъ рецензенту, помѣстившему свой отзывъ о первой книгѣ «Практической Медицины» въ 9-мъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ» прошлаго года.

«Отечественныя Записки», точно, говорили о характерѣ ученія Дядьковского, указавъ на ту односторонность, въ которую впадалъ онъ, подобно многимъ очеь-увнымъ и ученымъ людямъ. Эпиграфъ, выставленный на главномъ листѣ книги ея издателямъ, обратилъ на себя особенное наше вниманіе, потому-что въ немъ выражается направленіе, которому слѣдовалъ Дядьковский. Иначе, для чего бы и печатать эпиграфъ, еслибы они не имѣли никакаго отношенія ни къ сочиненію, ни къ сочинителю? Мы говорили объ эпиграфѣ, потому-что эпиграфъ говорилъ о Дядьковскомъ. О содержаніи самого сочиненія не могли мы войти въ разсужденіе по самой простой причинѣ: сочиненія еще не было, да и теперь нѣтъ; была только первая книга, а теперь вышла третья. Эти три книги заключаютъ въ себѣ навѣстное число страницъ, но не заключаютъ всей системы практической медицины. По отпечатаніи же системы вполнѣ, журналъ нашъ не замедлитъ представить отчетъ о лекціяхъ Дядьковского — отчетъ, общанный намъ однимъ изъ учащихся достойнѣйшаго профессора.

Вспомните эпиграфъ, савмостоятельный изъ собственныхъ словъ Густина

Дядьковского: «Не признавать ничего умоположенія за истину иначе, какъ только убѣдившись въ истинности его вѣрностію и логическаго, и правденнаго, и физическаго его употребленія». «Отечеств. Записки» заглянули по сему случаю слѣдующее:

Мысль: «не признавать ничего умоположенія за истину иначе, какъ убѣдившись въ истинности его» — весьма нехвальна, и, при известныя условія, можетъ привести къ важнымъ результатамъ. Условія эти состоятъ въ исключеніи односторонности, вредной идеализму науки, а односторонность — въ идеализмъ или, вѣрнѣе, въ логичности ученія. Кто не признаетъ чужихъ умоположеній, тотъ пусть дастъ умоположенія собственныя, добытыя путемъ науки и наблюденій природы, а не заключающіяся въ одной постройкѣ силлогизмовъ. Дядьковскій често впадалъ въ этотъ грѣхъ, т. е. вставою умоположеній жертвовалъ такъ-называемой строгости логическаго развитія. Онъ былъ влюбленъ въ систематическій приборъ науки, въ диалектическое прелѣдованіе мысли. Ему нравилась не столько самая мысль, какъ результатъ мышленія, сколько это мышленіе, какъ путь къ результату. Парадоксъ, мастерски выдержанный, противорѣчіе общему убѣжденію, логически-защищенное, находилъ въ немъ больше сочувствія, чѣмъ претая истина, освобожденная отъ логическихъ оковъ, чѣмъ вѣрность убѣжденія, представленная безъ большой и мѣшечей посылки. — Анти-эмпирическое, т. е. логическое направленіе медицины оказало вредное вліяніе на учащихся тѣмъ, что вседало въ нихъ презрѣніе къ опыту, занятиямъ, чужимъ трудамъ вообще, иностраннымъ въ особености, и, въ мѣстѣ всего этого, давало имъ ложное смеленіе силлогизмовъ. Прочитавъ и обширныхъ знаній не имѣлось — а те было буйство разума, которое всегда спрашивать: есть ли тутъ логика? когда бы надобно было спросить: есть ли тутъ истина? По-крайней-мѣрѣ, профессоръ прикрывалъ свой недостатокъ твердой головою, силою своей логики; но чѣмъ прикрыть недостатки, если нѣтъ ни таланта, ни логики?»

Издатель «Практической Медицины» отвѣчаетъ намъ такъ:

«Эпиграфъ заключаетъ въ себѣ смыслъ и болѣе обширный и болѣе знаменательный, нежели какой видѣть въ немъ рецензентъ. Наводненіе Россіи иностранцами, слѣбое имъ подражаніе и даже безусловное вѣрованіе во все, что послѣтъ хотя одно нма иностранное, отверженіе съ пренебреженіемъ всего, что есть русское, хотя бы оно дѣйствительно было лучшее — вотъ что было поводомъ къ выраженію: не признавать ничего умоположенія за истину иначе, какъ», и проч. (стр. IV).

Желали бѣ мы, чтобъ г. Дядьковскій, хотя изъ могилы, полюбовался на логику своего восторженнаго поклонника. Смыслъ выраженія: «не признавать ничего умоположенія...» болѣе обширенъ, потому-что оно относится къ иностранцамъ!!! Руководствуясь обыкновенной логикой, мы были увѣрены, что слово *ничего* относится ко всему умоположеніямъ, какъ иностраннымъ, такъ и не-иностраннымъ. По логикѣ «Медицинской Практики» выходитъ, что *ничего* значитъ *иностраннаго*, такъ-что если отечественное умоположеніе будетъ логически, нравственно и физически-невѣрно, то его можно и должно признать за истину... Намъ кажется, что такимъ объясненіемъ эпиграфа, смыслъ его (г. е. эпиграфа) стѣсняется, а не расширяется; если мы, основываясь на законѣ исключенія третьяго, раздѣлимъ людей на иностранцевъ и не-иностранцевъ, то конечно иностранцевъ будетъ меньше, нежели иностранцевъ и *людей* не-иностранцевъ. Правду мы сказали, что есть логика особеннаго рода, которая во всемъ виляетъ не все. И потому, позвольте насъ спросить, господинъ издатель, помощію какого телескопа отыскали вы въ эпиграфѣ Дядьковского *иностранцевъ*? Мы прочли эпиграфъ нѣсколько разъ, и не видимъ въ немъ ничего подобнаго. Если Дядьковскій *подразумывалъ* въ немъ то, что вы теперь высказываете публично, то читатели эпиграфа, непосвященные въ исторію тайныхъ мыслей покойнаго профессо-

ра, не имѣютъ никакого права подражывать, въ ясныхъ и опредѣлительныхъ словахъ эпиграфа, того, чего *подразумывать* въ немъ не слѣдуетъ.

Желая еще болѣе расширить смыслъ эпиграфа, г. издатель продолжаетъ:

«Исторія всѣхъ просвѣщенныхъ государствъ убѣждаетъ насъ въ истинѣ, что наука, пересаженная изъ государства образованнаго въ государство менѣе образованное, не можетъ свободно развиваться, тѣмъ менѣе можетъ принести достойный плодъ сему послѣднему, если не будетъ воздѣлываема на родномъ языкѣ этой страны.»

Выше, слово *ничего* значило *иностраннаго*; теперь то же самое слово значитъ *отечественный языкъ*. Такое salto mortale можетъ сравниться только съ быстрымъ отпращиваніемъ на тотъ свѣтъ, по законамъ особенной логики. Но призываетъ въ свидѣтели Иппократа, что истинное умоположеніе, на какомъ бы языкѣ оно ни было выражено, останется истиннымъ, точно такъ же, какъ ложь, на любомъ языкѣ выраженная, останется ложью. Если покойный Дядьковскій при словѣ «ничего умоположенія» *подразумывалъ*: «на иностранныхъ языкахъ выраженаго», то напрасно г. издатель не объяснилъ этого *подразумыванія*.

Вслѣдъ за этимъ, расширяясь болѣе и болѣе, г. издатель говоритъ о необходимости русской медицинской литературы (которая вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ: *ничего умоположенія*?!). Доказательства необходимости слѣдующія:

Во-первыхъ: «Врачи, служащіе въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, особенно весьма-отдаленныхъ, по малымъ средствамъ, по отдаленности разстоянія и черѣдко по незнанію иностранныхъ языковъ, не имѣя возможности выписывать медицинскихъ книгъ изъ-за границы, терпятъ большой въ нихъ недостатокъ». (стр. V). Но зачѣмъ же выписывать изъ-за границы, когда въ Москвѣ и Петербургѣ

есть очень-хорошія книжныя лавки, въ которыхъ иностранныя книги продаются *дешевле* русскихъ? Съ малыми средствами трудно купить отечественное произведеніе, хуже заданное и болѣе дорогое, при одинаковомъ объемѣ. Отдаленность разстоянія равно далека и для русскихъ книгъ, которыя продаются тамъ же, гдѣ продаются и иностранныя, т. е. не въ Чухломѣ, не въ Алешихахъ, не въ Сапожкѣ, а въ Петербургѣ и Москвѣ. Снисходительность къ незнанію языковъ есть потворство невѣжеству: правительство требуетъ теперь даже отъ *поступающихъ* въ университетъ знанія латинскаго и одного или двухъ новыхъ языковъ. Чтѣ же сказать о *вышедшихъ* изъ университета?

Во-вторыхъ: «Необходима русская медицинская литература для врачей, не знающихъ русскаго языка, по происхожденію иноплеменныхъ, но по службѣ русскихъ: языкъ есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ, могущее соединить въ одно неразрывное цѣлое различныя племена, обязанныя быть подданными одного и того же государства» (id). Но кто же изъ незнающихъ русскаго языка захочетъ ему учиться по русской медицинской литературѣ? Извѣсто всѣмъ и каждому, что русскія медицинскія книги болшею частію пишутся языкомъ тяжелымъ, книжнымъ, что авторы русскихъ медицинскихъ книгъ, зная медицину, иногда почти не знаютъ русскаго языка. Не говорю уже о томъ, какъ смѣшна претензія медицины «соединить въ одно неразрывное цѣлое различныя племена!!». Это вовсе не ея дѣло. Пусть она только выучится хорошенько *лечить*.

В-третьихъ: «Русская медицинская литература имѣетъ большую важность въ отношеніи къ государственной экономіи. Какой огромный капиталъ ежегодно переходитъ изъ Россіи въ другія государства на выписку медицинскихъ книгъ; а отъ врача, — говорить Гузландъ, — какъ и отъ всякаго добраго гражданина, требуется удерживать капиталъ въ оте-

чествѣ» (стр. VI). Но развѣ тѣ знанія, которыя доставляютъ намъ хорошая иностранная книга, не есть капиталъ, и вещественный и невещественный? Развѣ приобрѣтеніе дурной книги соотечественника моего не есть безразсудное мотовство, напрасная трата денегъ? Въ первомъ случаѣ деньги остаются за границею, но я возвращаю ихъ сторицею, посредствомъ того, чтѣ узналъ я. Во второмъ случаѣ, деньги мои достались человѣку, который, изъ заимѣвъ ихъ, далъ мнѣ плохую книгу: что же лучше?

Расширившись наконецъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, г. издатель говоритъ: «Русская медицинская литература для самостоятельнаго своего развитія требуетъ предварительнаго самостоятельнаго у насъ развитія медицины, какъ науки. А медицина какъ наука, не можетъ образоваться безъ предварительныхъ наблюденій и опытовъ. Итакъ, для образованія самостоятельной русской медицины необходимы собственныя наши наблюденія и опыты» (стр. VIII). Вотъ это дѣло: собственныя наблюденія и опыты, — однимъ словомъ: ученіе. Но еще будетъ дѣлать, если вы начнете съ того, чтѣ уже другіе наблюдали и надъ чѣмъ они производили опыты, чтобъ вамъ, младшимъ въ наукѣ и жизни, не сидѣть напрасно десять лѣтъ надъ тѣмъ, чтѣ можете узнать въ десять часовъ. Не подавайтесь пустому самолюбію, которое вамъ шепчетъ на-ухо: свое, свое! Изучите прежде чужое, а потомъ уже соиздайте свое, повѣряйте я до-полнѣннѣ чужое своимъ. До-нормально-времени, болше переводите, нежели думайте объ оригинальныхъ произведеніяхъ. При настоящемъ положеніи нашей образованности, переводная хорошая книга много полезнѣе читателямъ, чѣмъ ваши собственные труды, которыми вы не скажете ничего новаго, а развѣ повторите то, чтѣ сказано не вами. Это не имѣетъ, однакожъ, издавать сочиненія соотечественниковъ, выходящихъ изъ толпы, каковъ былъ Дядьковский. Не-

дайте ихъ, съ эпиграфами или безъ эпиграфовъ—все равно; но только уго-воръ лучше денегъ: если съ эпиграфа-ми, то съ такими, въ которыхъ бы ни-чего не подразумѣвалось; если же безъ эпиграфовъ, то можете подразумѣвать, чтó вамъ угодно. Пословица: «хоть кривой, да свой» должна быть забыта: вначе самобытность выйдетъ кривая, чтó вкуду не годится. Г. Мухинъ вы-далъ свою анатомію въ то время, какъ много было очень-хорошихъ иностран-ныхъ анатомій, удобныхъ для перево-да—и что же? гдѣ теперь его *доморо-щенна анатомія*? Г. Зацѣпникъ, перево-дя нѣкоторыя очень-хорошія статьи въ свой «Терапевтической Журналъ», написалъ *Русское ученіе о жизни*—и что же? что это ученіе? Самъ издатель «Практической Медицины», вѣроятно, не одобряетъ его.

63) ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ, чи-танная въ Земледѣльческой Школѣ Им-ператорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства преподавателемъ сельскаго хозяйства П. Преображен-скимъ, 4-го сентября 1845 года. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 25 стр.

Лекція такъ-себѣ, — пожалуй, если угодно, лекція добрая. Она рассужда-етъ о сельскомъ хозяйствѣ, предметѣ очень-важномъ въ наше вре-мя, возбуждающемъ вниманіе помѣ-щиковъ. Въ ней все есть, чтó только нужно для вступительной лекціи, да-же, можетъ-быть, больше. Она и на-чинается по-сельски. Въ своемъ воз-званіи къ слушателямъ, лекторъ ве-лѣчаетъ ихъ доволно-наилгическимъ названіемъ. «Милые друзья мои!» вос-кликаетъ онъ въ избытѣ чувства и продолжаетъ бесѣдовать съ ними слад-ко, умилительно. «Подъ именемъ сель-скаго хозяйства» говоритъ онъ: «мы имѣемъ полное право разумѣть науку о средствахъ доводить до возможно-го совершенства производи-тельные силы хозяйства, и потому уже постоянно удерживать ихъ на этой степени совершенства». Кажет-ся, ХЛНУ, — Ога. VI.

ся, опредѣленіе хоть куда, даже годит-ся на университетскую кафедру,—не-множко туманно, неопредѣленно, не-ясно, заносчиво, во, впрочемъ, хоро-шо? Такъ нѣтъ! Автору самому оно какъ-будто не нравится, какъ-будто не-много простовато. Ему хочется вы-разиться гораздо изящнѣе, возвышен-нѣе, кудравѣе — и онъ вотъ что гово-ритъ о той же самой наукѣ, но только другими словами: онъ называетъ ее наукою о средствахъ—получать воз-можно-большій чистый доходъ отъ хозяйства или возможно-большіе про-центы съ капитала, котораго стоить итнѣвнѣе. За тѣмъ слѣдуетъ поасне-ніе нѣкоторыхъ темныхъ выраженій въ этомъ опредѣленіи — и дѣло обхо-дится какъ-нельзя-лучше. Но вотъ чтó совершенно не идетъ къ лекціи: авторъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, — вѣроятно, встревоженный въ высшей степени своею собственною лекціею, — что многіе встаютъ противъ науки сельскаго хозяйства, считая ее за пу-стую теорію, и что подобныя мысли выказываются иногда печатно (не-уже-ли же не письменно?) въ журналахъ. На это замѣтимъ мимоходомъ, что вста-ютъ не противъ самой науки, необхо-димость и польза которой въ настоящее время очевидна и не имѣетъ нужды въ защитникахъ, — а противъ тѣхъ ча-сто недѣльныхъ понятій, которыя нѣко-торымъ угодно выдавать за результа-ты науки, — противъ плохихъ хозяевъ, которые берутся за дѣло не такъ, какъ должно, и наконецъ еще противъ пло-хихъ преподавателей сельскаго хозяй-ства. Слѣдовательно, выходна автора въ пользу этой науки, неблаговоли-тельная для какихъ-то журналовъ, въ которыхъ будто-бы *выказываются* (не высказываются ли?) мысли и притомъ печатно не въ похвалу предмета зава-тій автора, — по нашему мнѣнію совер-шенно-лишняя и невыражающая со-бою никакой мысли.

64) О Коннозаводствѣ Вообще и преимущественно въ Россіи, съ замѣча-

миами о конных заводах и их управле-
нии. Сочиненіе Людвига Берггофера. Мо-
сква. Въ университетской тип. 1845.
Въ 8-ю д. л. 148 стр.

Довольно-дѣльная и умная книга о
лошадяхъ и конныхъ заводахъ, въ ко-
торой со всею подробностію изслѣдо-
на эта важная отрасль хозяйства госу-
дарственнаго. Авторъ, кажется, из-
училъ свой предметъ въ совершенствѣ
и передаетъ его отчетливо. Лучшею
для нея похвалою можетъ служить
польза, которую она безъ всякаго со-
мнѣнія принесетъ въ свое время.

65) Учебныя Руководства для
военно-учебныхъ заведеній. Гео-
графія. Часть третья. Политиче-
ская Географія Европы. Составилъ
Н. П. Соколовскій. Санктпетербургъ.
1846. Изданіе четвертое, исправ-
ленное. Въ тип. военно-учебныхъ заведе-
ній. Въ 8-ю д. л. 196 стр.

Объ этомъ прекрасномъ трудѣ, посвя-
щенъ на себѣ имя г. Соколовскаго, по
принадлежащемъ другому, мы уже ве-
радъ говорили. Теперь намъ остается
сказать только, что эта третья часть
стоитъ первыхъ частей «Географіи».

66) Всѣобщій Географическій
Атласъ, составленный по Дюбуру и
приспособленный къ географіамъ: Влянка,
Арсеньева, Шульгина, Соколовскаго,
Ободовскаго и орун. Лангеронъ. Санкт-
петербургъ. 1846. 61 стр. текста и
тридцать полулистовъ картъ.

Этотъ атласъ, изданный книгопро-
давцемъ, г. И. Глазуновымъ, заслужи-
ваетъ вниманіе по хорошему плану и
отчетливости выполненія. Въ началѣ
Атласа помѣщено «Краткое географиче-
ско-историческое обозрѣніе всѣхъ госу-
дарствъ», а въ концѣ приложенъ «Алфа-
бетный списокъ всѣхъ замѣчательныхъ
мѣстъ, съ указаніемъ, на какомъ листѣ
и между какими градусами долготы и
широты оныя означены, дабы облег-
чить черезъ это прискливаніе сихъ
мѣстъ на картахъ». Все это очень хо-
рошо придумано и исправно выполне-
но, отъ чего Атласъ очень удобенъ и

для справокъ и для руководства при
преподаваніи географіи.

67) Географія въ Эстампахъ, съ
повѣстями и картинками по предметамъ
географіи, сочиненіе Ришона и Альоре-
да Вингольда. Рисунки Людовика Лас-
сала. Санктпетербургъ Въ тип. Жер-
накова. 1846. Въ 8-ю д. л. 283 стр.

Эта книга напечатана по-русски и
по-французски — *texte en regard*. Пе-
редъ каждою повѣстью географическое
описаніе страны, въ которой происхо-
дитъ дѣйствіе повѣсти. Все это хоро-
шо; жаль только, что повѣсти нелюбо-
пы, картинки дурны, а русскій пе-
реводъ плохъ, что читатель захѣ-
титъ даже по самому заглавію: «Гео-
графія въ эстампахъ съ повѣстями и
картинками по предмету географіи...
Богъ-знаетъ что такое!..

68) Всѣобщія Географія, прино-
собленная къ преподаванію въ высшихъ
учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ третій.
Москва. Въ университетской тип. 1846.
Въ 8-ю д. л. 225 и 400 стр.

Третій выпускъ содержитъ изъ себя
продолженіе описанія государствъ
европейскихъ. Тѣ же качества, кото-
рыми отличаются первые два выпу-
ска, находятся и въ этомъ: продолженіе
науки въ современныя ея состоя-
ніи, и живое изложеніе достопримѣ-
тельныхъ предметовъ. Юношество не
любитъ вылагу, убивающую своимъ су-
хостью разсудка. Оно требуетъ истины
и сочувствія истинъ: не хотѣя учени-
ки учиться находить верную и пра-
вдѣ изъ нихъ пропущены вторичныя.
Авторъ «Всѣобщей Географіи» (Т.Т.)
дастъ и то и другое въ своей книгѣ;
которая, безъ сомнѣнія, выйдетъ въ
руководствѣ, сообразно своему назна-
ченію.

68) Избранныя Русскія Стѣпо-
творенія для Дѣтей. Санктпетер-
бургъ. Въ тип. Карла Крафа. 1846. Въ
8-ю д. л. 126 стр.

Издатель этой спекуляціи и коммун-
ціи, видно, не шутя утверждаетъ, что Собо-
левъ и Лермонтова—дѣтская стихотворенія, и

что *Утесъ* и *Къ Поллярной Земль* г. Боведиктова, и *Петроградъ* г. Шевырева—образцы не только дѣтской, но еще и высокой поэзіи. Безъ соображенія, безъ плана, безъ мысли, надергалъ онъ тамъ-сямъ разныхъ стихотвореній, старыхъ и новыхъ, дурныхъ и хорошихъ, — особенно дурныхъ, — напечаталъ все это въ особенной книжкѣ и, сѣдя у моря, ждеть погоды... Разсчитать!..

70) *Кашка Графини Берты. Сказка для дѣтей. Сочиненіе Александра Дюма. Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1845. Въ 16-ю д. л. 105 стр.*

Въ первой книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы говорили о великолѣпно и красиво-изданной, но безграмотно-переведенной сказкѣ А. Дюма *Преданіе о Графиня Берта*. Вотъ другой переводъ той же сказки; онъ грамотнѣе, но изданъ безобразно, съ плохими картинками, которая, къ довершенію всего, нисколько не идутъ въ дѣлу: на одной даже изображенъ Суворовъ, читающій аистовъ въ церкви!!!.. (Стр. 24). Прежде старались замечать нублику картинокъ, а теперь просто поддѣлаютъ ее иш... Да здравствуетъ промышленность!..

71) *Поэтическая Арифметика, сочинилъ Г. К. Брюновъ. Одесса. Въ средней тип. 1845 г. Въ 8-ю д. л.*

Собраніе различныхъ задачъ изъ теоріи вѣроятностей и арифметики обыкновенной, не политической, составленное безъ всякой системы и по-видимому даже нечитующее особенной цѣли. Впрочемъ, эта книга исключительно издава для воспитанниковъ Одесскаго Лицея и въ своемъ мѣстѣ можетъ быть полезною.

72) *Гостиница для Датской Вѣнч. книжка съ стихами для мальчиковъ. Сочиненіе автора Дѣтскаго Цвѣтника и Дѣтскаго Навильона. Съ десятью раскрашенными картинками. Санктпетербургъ. 1846. Въ французской тип. 96 стр.*

Дурно, неопытно напечатанная книжка въ такомъ крохотномъ форматѣ, величины котораго нѣтъ возможности опредѣлить, выполненная преплохими виршами, и тоже плохими, но только нераскрашенными картинками.

73) *Азбука Нѣмецкаго Новѣйшаго, Букварь, по которому скоро и легко можно научитися правильно читать и говорить по-нѣмецки, содержащій въ себѣ: начало (?) буквъ и ихъ произношеніе, примѣры для чтенія, правоученія, грамматики или правила нѣмц(е)цкой этимологии, разговоры, краткія повѣсти и басни. Вновь сочиненный (?) П. Васильевымъ. Изданіе осьмое книгопродавца Ильи Лоскутова. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1845. Въ 8-ю д. л. 107 стр.*

Одного длиннаго, несладкаго и безграмотнаго заглавія этой книжки достаточно для показанія, что это одинъ изъ тѣхъ самоучителей, по которымъ никто и никогда еще не выучивался никакому языку.

74) *Александръ Первый, отецъ своего народа и другъ человечества, или некоторыя черты изъ жизни Благословеннаго. Историческія рассказы, народныя преданія и анекдоты, собранныя (е) Васильемъ Потаповымъ. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 16-ю д. л. 147 стр.*

Тоже книжечка очень-порядочная. Ея добрая цѣль и похвальное намѣреніе воскресить вѣкоторыя воспоминанія о Благословенномъ Государѣ, драгоценныя для сердца каждаго Русскаго, въ полной мѣрѣ заслуживаютъ русское спасибо, котораго единственно желаетъ авторъ. Особенно интересенъ рассказъ подъ названіемъ «Георгіевскій Кресть». Въ немъ выражается та глубокая привязанность русскаго солдата къ своему царю и отечеству, которая часто заставляетъ его совершать подвиги невѣроятные, приносить жертвы изумительныя. Въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, когда ему нуженъ только отдыхъ послѣ продолжительной и трудной работы на полѣ чести; онъ, по первому призыву царска-

го голоса на пользу отечества, беретъ давно-оставленное ружье и съ бодрымъ, ювошескимъ духомъ идетъ на встрѣчу врагамъ. Государь, въ награду за такое примѣрное усердіе своего вѣрнаго слуги, возлагаетъ на него собственными руками георгіевскій крестъ — и эта должная дань его заслугамъ, на которую онъ смотритъ какъ на небесную милость, приноситъ въ его сердце неописанную радость. Бѣдный старикъ такъ счастливъ, въ такомъ находитъ блаженствѣ, что его слабый отълѣтъ разсудокъ наконецъ падаетъ подъ бременемъ этого счастья. Его послѣдняя, предсмертная мысль, которая поглотила собою все его существованіе — это мысль о крестѣ. Онъ возьметъ съ собою этотъ крестъ и на послѣднюю перекличку.

75) Александръ Васильевичъ Суворовъ. *Простонародный русский рассказ. Сочиненіе* Василія Потапова. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 16-ю д. л. 35 стр.

Разговаривали русскіе мужички и отставные солдаты, сидячи на заваленкѣ, о томъ, о сѣмъ, а больше ни о чемъ. У нихъ былъ какой-то сельскій праздникъ. На этомъ праздникѣ очутился какой-то проѣзжій, который цаловалъ медали у Семёва Семеныча, цѣлъ кукареку и помогъ выдать Настиньку за Василья Потапыча. Иванъ Никонычъ узналъ въ проѣзжемъ Александра Васильевича Суворова. Книжечка довольно - недурная, но крайней-мѣрѣ займетъ любопытство простолудинновъ, тѣмъ болѣе, что она удачно припророчила къ нѣхъ вкусу.

76) Сказаніе о томъ, какъ Россія сражалась за вѣру, царя и отечество въ 1812 году. Соч. Ивана Бочарова. Санктпетербургъ. Въ тип. военнo-учебныхъ заведеній. 1846. Въ 12-ю д. л. 183 стр.

Сколько намѣреніе и цѣль г. Бочарова хороши, столько исполненіе дурно. Вездѣ фраза выисто чувства; а на-

родность состоитъ у него не въ умѣн смотрѣть на вещи русскимъ умомъ, а въ употребленіи кое-гдѣ простонародныхъ словечекъ.

77) Вотъ Наши съ Натурѣмъ. Сельскіе и рисовалы на камнѣ Н. Щедровскій. Печатано въ литографіи Тилма. 1845. Портфель перепл. Девидомъ русскою.

Поль этимъ заглавіемъ, г. Щедровскій издалъ тетрадь съ двадцатью рисунками (въ полулистѣ), представляющими разные сцены изъ быта восточнорусскаго простонародья. Намѣреніе хорошее, и мы особенно рады тому, что оно и выполнено очень-умно. Рисунки г. Щедровскаго во всѣхъ отношеніяхъ очень-хороши; но главнымъ достоинствомъ въ томъ, что изображены на нихъ фигуры и лица — истинно-русскія. Печатаемыя рисунки въ три тома. Въ 1847 году, г. Щедровскій обѣщаетъ издать еще такую же тетрадь. Очень-рады мы только, что г. Щедровскій любитъ истинныя названія не особенно-зрѣлаго тона: первая тетрадь у него и звана: *Вотъ Наши*, а вторую онъ хочетъ назвать: *Знай Нашихъ*. Какъ-же все это? Не лучше ли сказать просто *Картины Русской Жизни*, или иль какъ-нибудь? Пошлый, хвастливый тонъ, надѣемся, не составляетъ истиннаго условія русской народности.

78) Заколдованный Принцъ, или Переклятый Душъ. Комедія-оперетта въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ немецкаго Императорскихъ Санктпетербургскихъ Театровъ режиссеромъ русской труппы Н. Н. Куликовымъ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Жериковъ. Въ 16-ю д. л. 107 стр.

При игрѣ г. Мартынова, занимающаго роль олопожника Ганса, отъ него удивительно-много и забавно не слыш.

79) Искусство Гадать, посредствомъ ширмактія, гороскоповъ, кофейной гущи, астрологіи, музыки, сна, воды, земли, воздуха, зорилла, луны, итд.

Литературн., и проч. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1846. Въ 16-ю д. л. 108 стр.

Нечего говорить о томъ, для чего и для кого издава эта издорная книжонка.

80) Воишевнов Зеркало Судьбы или собраніе всѣхъ извѣстныхъ способовъ узнавать будущее. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 16-ю д. л. 64 стр.

81) Старичокъ Балагуръ. Съ эпиграфами: «Вались народъ отъ Азскихъ Воротъ! Здѣсь сладка паташка». Изданіе второе съ изданія 1844 года безъ перемѣнъ. Москва. Въ тип. Алексѣя Ершова. 1845. Въ 8-ю д. л. 42 стр.

82) Народный Русскій Пѣсенникъ. (.) Собранный В. С. Изданіе четвертое съ исправленіемъ и дополненіемъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 16-ю д. л. 75 стр.

Эта книжонка извѣстно какого рода. Отъ нихъ не забавишься, какъ говорятъ православные, ни крестомъ, ни вѣстомъ. Что ни тверди объ нихъ, лѣзуть да лѣзутъ.

83) Черное Время, или некоторыя сцены изъ жизни Емельки Пучаева. Историческій романъ XVIII вѣка. Сочиненіе Петра С...нова. Изданіе третіе. Москва. Въ тип. И. Смирнова. 1845. Въ двухъ частяхъ. Въ I-ой — 149, во II-ой — 96 стр. Въ 16-ю д. л.

Да, черное время было въ старомъ 1845 году для всѣхъ сочинителей книжекъ и скучныхъ историческихъ романовъ XVIII и другихъ возможныхъ и невозможныхъ вѣковъ. Сколько ни хлопотали бездарные писатели, чтобъ заманить почитеннѣйшую публику въ свои сѣти, какія ни употребляли средства, на какія хитрости ни прибегали, чтобъ привлечь покупателей на своей гнилой товаръ, всѣ ихъ усилия оставались напрасными и безплодными. Случалось даже невѣдко, что печатаніе ихъ правдой, бездѣльной лжи выходило въ свѣтъ пятнадцатую лѣтнюю. Но я тутъ не было никакой

удачи. Читатели плохо вѣрили въ эти изданія и смотрѣли на нихъ, какъ на самую бовсовѣстную спекуляцію, направленную къ ихъ карманамъ. Теперь вопросъ: уже-ли новый 1846 годъ будетъ свисходительнѣе къ провазведеніямъ досуужей безтажности? Отвѣтъ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть отрицательный. Одно подвержено сомнѣнію, будетъ ли сильнѣе и дѣйствительнѣе вліяніе этого года на уменьшеніе плохихъ писакъ, наполняющихъ подвалы книжныхъ лавокъ своими уродливыми созваніями? Но будущее неизвѣстно, и потому не ставемъ теряться въ бесполезныхъ о немъ догадкахъ. Представимъ лучше одну картину изъ «Чернаго Времени», гдѣ съ такимъ изумительнымъ мастерствомъ раскинулась фантазія сочинителя. Эта дивная, восхитительная картина, верхъ искусства, изображаетъ сонъ героя историческаго романа, какого-то глупаго доктора, — по-крайней-мѣрѣ такимъ можно почесть его по нелѣпому сну. Полюбуйтесь, если угодно, на эту картину. Вотъ она передъ вами въ полномъ своемъ величіи:

«Вся жизнь его (доктора) была наполнена чудесами. Онъ былъ также сынъ доктора; еще съ младенчества страсть къ путешествіямъ появлялась во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Въ первый разъ, когда онъ услышалъ отъ нѣкоторыхъ людей о Москвѣ, о ея красотѣ, могуществѣ и славѣ, сердце его затрещало такимъ трещотомъ, котораго онъ еще не ощущалъ доселѣ. Съ этихъ поръ любимое его занятіе было ходить въ мѣста удивленные и мечтать о Москвѣ бѣлокаменной. Между тѣмъ, ему минуло 17 лѣтъ. Прогуливаясь однажды съ своею любимую мечтою по берегу рѣки, онъ прилежъ на траву и непримѣтно склонился ко сну — и вотъ предъ нимъ новый міръ, міръ чудный, дивный, таинственный, и онъ блуждалъ по этому міру, переплывалъ моря, переходилъ чрезъ горы, лѣса и пустыни; но вотъ наконецъ онъ являлся на прекраснѣйшей равнинѣ. Предъ нимъ дѣва, чудна красота этой дѣвы: она и стара и молода въ одно и то же время. Какое величіе и кротость въ ея взорахъ! Кажется, она готова уми-

чтожить и готова помиловать каждого въ эту минуту. Бѣлое покрывало накинуто было на плеча ея, бѣлыя какъ снѣгъ и прозрачныя какъ источникъ. Она подняла свою руку мѣшину и прекрасную, и сказала ему торжественнымъ голосомъ: «Я Москва!» Сердце перестало биться въ груди его отъ этого магическаго слова, ему казалось, что онъ ничего не желалъ, ничего не чувствовалъ, ничего не мыслить. — «Я Москва!» повторила она торжественно — и исчезла.»

Очаровательная, величественная, умиленная, сладостная картина! Чудный, дивный, таинственный живописецъ г. Петръ С...новъ! Право, хорошо, очень-хорошо! *Такимъ трепетомъ затрепетало у насъ сердце отъ умиленія, которая досель мы еще не ощущали...* Спасибо ему. Но г. Петръ С...новъ мастеръ и съ другой стороны. Въ его историческомъ романѣ пропасть драматизма. Последняя глава первой части «Чернаго Времени», гдѣ бушуетъ атаманъ Емелька Пугачевъ съ своими разбойниками, представляетъ въ этомъ родѣ превосходнѣйшій, удивительнѣйшій образецъ.

84) Ермакъ, покоритель Сибири. Историческій романъ. Изданіе четвертое. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ двухъ частяхъ. Въ I-ой части 95, во II-ой—79 стр. Въ 18-ю д. л.

Вотъ и четвертое изданіе неувѣстнаго сочинителя, или четвертая спекуляція на людское легковѣріе! Рассказывается нѣжная исторія любви. Герой романа молодой казакъ, которому бы вмѣсто оружія владѣть веретеномъ, а вмѣсто воинственной пѣсни ворковать: «Стояетъ сизый голубчикъ». И этотъ-то пошленькій воркувъ — самъ Ермакъ, покоритель Сибири, который говоритъ ужасную чепуху своей голубкѣ, какой-то Великѣ — и оба чрезвычайно-довольны сами собою. Мѣстами сочинитель выказываетъ претензіи на остроуміе, которое какъ-то ему вовсе не дается. Однакожь, не угодно ли немножко послушать, какъ и о чемъ разговариваютъ два любящихся сердца.

«Храбрый воинъ! оказала она, не испуганность, съ какою вы спали меня отъ близкой смерти, уже давно заслуживаетъ награду.

«— Милостивая государыня! отбѣдилъ воинъ съ нѣкоторымъ подобоострастіемъ и бореніемъ души, хотя бы я при этомъ случаѣ лишился жизни, то и тогда бы почелъ себя весьма-счастливымъ.»

85) Чортовы Салазки. 16 стр. Въ 16-ю д. л.

Вздоръ въ стихахъ, на который, впрочемъ, найдутся читатели, потому что онъ все-таки сноситъ разныхъ историческихъ романовъ, каковы, напримѣръ, вышесказанные, или каковъ хоть вотъ этотъ:

86) Іоаннъ Грозный и Стефанъ Баторій. Историческій романъ. Сочиненіе А. А. Четыре части. Изданіе третье. Москва. Въ тип. скороспѣшника В. Кириллова. 1845. Въ 16-ю д. л. Въ I-ой части 128, во II-ой — 168, а III-ей—224, во IV-ой—80 стр.

Послѣ этого извольте вѣрить людямъ, которые говорятъ, что трудно писать историческіе романы, что будто-бы нужно хорошо изучить исторію той эпохи, изъ которой романистъ беретъ предметъ для своего романа, вслѣдовать всѣ обстоятельства, предшествовавшія и послѣдовавшія ему событію, которое онъ изобразитъ, вникнуть въ характеры, нравы и обычаи дѣйствующихъ лицъ того времени, придать имъ «изящное и сильное, рѣзкое выраженіе, отличить каждое изъ нихъ тономъ, похваломъ, порицаніемъ, свойственными каждому изъ нихъ отдѣльно въ слѣдствіе характера, образа жизни и тому-подобнымъ условій. Всѣ эти слухи слышны теперь въ высшей степени неоправданными, даже ложными. Сочиненіе г. А. А., которое вышло въ свѣтъ уже третьимъ изданіемъ, вслѣдствіемъ, довольно-удачно, случается на извѣстность сочинителя,

из скромности неоткрывающего своего имени, доказываетъ какъ-нельзя лучше, что для историческаго романа совѣтъ не требуется никакого ученія исторіи— это было бы слишкомъ — утомительно; не нужно также яснаго, меткаго взгляда на происшествія, умѣнья поваять ихъ значеніе, ни таланта, ни воображенія, ничего того, чѣмъ вы восхищаетесь въ произведеніяхъ писателей, неподходящихъ подъ категорію первой буквы въ русской азбуки. Надобно только пастись Исторіею Государства Россійскаго Карамзина, — издавія, поплуй, хоть Смирдина, прочитайте его раза два какое-нибудь произшествіе, положимъ, на-примѣръ.

объ Іоаннѣ-Грозномъ и Стефанѣ Баторіи, и перенести это событіе въ особенную книжку, спитую изъ сѣрой бумаги въ четырехъ частяхъ — и вотъ вамъ историческій романъ съ громкимъ названіемъ «Іоаннъ Грозный и Стефанъ Баторій». Разумѣется, что для занимательности романа потребно вставить въ него какіе-нибудь разговоры, какіе только прійдутъ въ голову, завязать пошлую интригу, придумать свой собственный языкъ, который очень идетъ къ такого рода историческимъ романамъ, и отдать свое произведеніе въ какую-нибудь книжную лавку—въ той надеждѣ, что авось найдутся невзыскательные покупатели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

тому не извѣстно имя Линде, пріобрѣтшаго себѣ знаменитость «Польскимъ Словаремъ»? Этотъ словарь, введеніе сорокалѣтняго своего существованія, сдѣлался настольною книгою всякаго русскаго ученаго—археолога и филолога. Теперь Линде—уже сестидесятилѣтній старецъ; онъ живъ въ Варшавѣ и продолжаетъ, не гоня на преклонныя лѣта и болѣзнь, неутомимо трудиться надъ изысканіями по части русско-славянскаго языкознанія. Онъ собралъ множество матеріаловъ для сравнительнаго «Русскаго Словаря», и нѣкоторые изъ нихъ уже приведены въ порядокъ, такъ статьи на буквы А, Б, В, Г, Д, Е, З, составлены и, послѣ нѣкоторой

передѣлки и дополненія, могутъ быть изданы въ свѣтъ; для остальныхъ же буквъ сдѣланы и дѣлаются постепенные выписки изъ разныхъ сочиненій славянской и новой письменности русской, и редакція статей, по мѣрѣ возможности, подвигается впередъ. Мы получили изъ Варшавы такъ-сказать образцовую тетрадь, составляющую отрывокъ изъ цѣлаго словаря, т. е. часть статей на букву К, — отъ К до К л в. Г-въ П. М., издавшій эту тетрадь, говоритъ между прочимъ въ предисловіи: «Непростительна и невозвратима была бы потеря, еслибъ новый трудъ г. Линде и собранные имъ матеріалы остались безъ надлежащаго употребленія, и не были бы извѣстны просвѣщенной

• публикѣ. Вотъ что побудило меня напечатать хотя нѣкоторую часть нѣзъ трудовъ знаменитаго лексикографа. Изъ этихъ листовъ можно уже получить нѣкоторое понятіе о направленіи и объемѣ труда, предпринятаго г-мъ Линде, а изъ приложеннаго при нихъ списка прочитанныхъ и приведенныхъ сочиненій и писателей легко убѣдиться, какъ въ богатствѣ и важности матеріаловъ, такъ и въ томъ, что г. Линде старается придать труду своему возможную полноту и цѣлостность. Дѣйствительно, на 24-хъ страницахъ этого выпуска приводятся 113 различныхъ книгъ, на которыя сдѣланы ссылки; а исчисленіе всего, прочтеннаго г-мъ Линде для этого «Словаря», можетъ привести въ ужасъ самаго неутомимаго чтеца. Но съ такимъ только вооруженіемъ и можно приниматься за подобный испанскій трудъ. Нетерпѣливо будемъ ожидать появленія «Русскаго Словаря», напередъ желая ему всевозможнаго успѣха и надлежащей оцѣнки со стороны русской публики. — Мы, вѣроятно, будемъ еще имѣть случай говорить о тетради, изданной теперь въ видѣ образца.

Третій выпускъ *Романовъ Валтера Скотта*, замѣланный выходомъ по обстоятельству, но сосѣдъ - зависѣвшихъ отъ редакціи, появился теперь въ книжномъ магазинѣ-издателя, г-на Олькина. Въ этомъ томѣ содержится полный романъ *Айомо*. — Четвертый выпускъ, содержащій въ себѣ также полный романъ «Гей-Меннингъ», выйдетъ изъ печати въ будущемъ мѣсяцѣ.

Появились два новыя періодическія изданія, — одно на французскомъ языкѣ, въ Петербургѣ, другое на русскомъ,

въ Гельсингборгѣ. Первое называется *l'Artiste Russe* и предпринято г-мъ Гилью (Guillou), извѣстнымъ ученымъ знатокомъ музыки и образованнымъ литераторомъ, участвовавшимъ неоднократно въ разныхъ журналахъ нашихъ и между прочимъ въ «Messager de St. Pétersbourg», гдѣ статьи его обратили на себя особенное вниманіе публики. Теперь г. Гилью рѣшился начать изданіе собственнаго журнала, подъ вышеприведеннымъ названіемъ, и наполнять его статьями, заимствованными изъ лучшихъ европейскихъ періодическихъ изданій, отчетами о концертахъ, музыкальныхъ новостей, художественныхъ выставкахъ и вообще о всѣхъ новѣйшихъ произведеніяхъ искусства. Въ составъ журнала войдутъ и статьи, нигдѣ-ненапечатанныя, но исключительно для него написанныя. Въ первомъ, появившемся теперь номерѣ, помѣщена нигдѣ до-сихъ-поръ ненапечатанная повѣсть г-на Bachelier Josué (бакалавра Жозуэ — вѣроятно, псевдонимъ): *Kismet*; — les *Nouvelles populaires*. Мишеля Массова; басня Крылова «Гусь», переведенная на французскій г-мъ Огюстомъ Лемі, и «Beaux-arts: avant-propos» самого издателя, г. Гилью. Къ этой тетради приложены ноты «Мелодія для контра-то» соч. графа Мих. Юр. Вельгорскаго. — *L'Artiste Russe* выходитъ два раза въ мѣсяцъ (15-го и 30-го) тетради изъ 4—5 листовъ, заключающихъ въ себѣ отъ 32 до 40 страницъ въ 4-ю долю листа, напечатанныхъ въ два столбца весьма-красиво на бѣлой бумагѣ. Двѣнадцать-четыре такіа тетради въ теченіе года составятъ четыре тома, заключающіеся 1,800 страницамъ обыкновенной печати. Ежемѣсячно будутъ появляться при первой тетради какой-нибудь музыкальной новости, вторая картинка модъ. Цѣна за двѣ тетради 10 р. сер., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.

Другое новое изданіе — *гласный Календарь*, издаваемая на русскомъ и французскомъ языкѣ съ начала нынѣшняго года въ Гельсингборгѣ, съ дозволенія г-на

мѣстника кавказскаго, князя М. С. Воронцова, г-мъ Константиновымъ. Въ объявленіи объ этой газетѣ сказано:

• Кругъ ея дѣйствій будетъ столь же обширенъ, какъ и страна, носящая это названіе; редакция газеты устроена быть всѣ усилила, чтобъ содержаніе ея было и столько же любопытно и столько же богато разными свѣдѣніями, какимъ для всѣхъ представляется Кавказъ, и чтобъ она вполне соответствовала тѣмъ надеждамъ, которыя въ правѣ каждый имѣть отъ газеты, издаваемой въ такой любопытной странѣ. Редакция же съ своей стороны дѣлать себя надеждою, что это полезное предпріятіе будетъ поддержано всѣми, кто умѣетъ цѣнить благородное стремленіе къ распространенію просвѣщенія и свѣдѣній о краѣ, до сихъ-поръ такъ мало извѣстномъ. — Газета *Кавказъ* въ наступающемъ 1846 году будетъ выходить еженедѣльно, въ субботу, по одному большому листу. — Цѣна за годовое изданіе на русскомъ или армянскомъ языкѣ въ Тифлисѣ 7 руб., съ пересылкой и доставкой на домъ 7 р. 50 к. сер. •

Мы получили уже первый номеръ этой газеты, вышедшій 5 января. Содержаніе его составляютъ Высочайшіе указы и приказы, касающіеся до Кавказскаго-Края; далѣе — вступительная статья отъ редакціи, внутреннія извѣстія Кавказа и разныя извѣстія, относящіяся къ тому же краю. Въ отдѣлѣ библиографіи рассмотрѣнъ «Кавказскій Календарь на 1846 годъ», — новость, позволеніемъ которой мы также обязаны просвѣщенной заботливости г. наиѣстника кавказскаго, давно уже заслужившаго отъ признательныхъ соотечественниковъ славное имя неустрашимаго воина и доблестнаго гражданина въ самомъ высшемъ значеніи этого слова. Въ концѣ номера помѣщенъ чрезвычайно-любопытный «Перечень метеорологическихъ наблюденій, дѣланныхъ въ Тифлисской Обсерваторіи въ 1845 году» — важный матеріалъ для естественныхъ испытателей. Въ фельетонѣ напечатаны двѣ статьи: «Сцены изъ во-

енной жизни» и «Кулачный бой въ Тифлисѣ», очень-интересно рассказанныя. — Душевно желаемъ успѣховъ этой новой газетѣ, проникнутой такимъ мѣстнымъ интересомъ и знакомящей насъ съ страной, сдѣлавшеюся столько для всѣхъ интересною, особенно въ послѣднее время, когда управленіе ею ввѣрено князю М. С. Воронцову.

Литературной Газеты, какъ извѣстно, поступившей съ начала нынѣшняго года въ завѣдываніе Н. А. Полежаго, вышло въ теченіе января, какъ и слѣдовало, четыре номера. Въ этихъ номерахъ заключается 13 съ половиною листовъ, напечатанныхъ самымъ убористымъ шрифтомъ въ четвертку, въ два столбца, такъ-что изъ нихъ можно было бы составить книжку въ 26 листовъ обыкновенной печати. Содержаніе этихъ номеровъ составляютъ между прочимъ слѣдующія статьи, которыя не испортили бы какого-угодно журнала: «Матеріалы для исторіи князя П. Х. Витгенштейна», «Нравы и обычаи Кабардинцевъ», «Война Россіи съ Турціею въ 1737 году», «Письма Мурата къ генералу Бельгару», «Записки Валтера Скотта, или самизъ названіемъ», «Посѣщеніе Петровъ-Валовичъ Оленецкаго Края», «Письма короля шведскаго Густава III къ графу Стендингу», «Матеріалы для русской исторіи въ Британскомъ Государственномъ Архивѣ», «Исторія плѣна Наполеона на Островѣ-св.-Блены» сочиненіе генерала Монтолона, и, наконецъ, цѣлый романъ Шарля Рабу «Вдовья Аллая». Далѣе, — въ каждомъ номерѣ находится статья по части критики и библиографіи русской и иностранной, т. е. разборы только-что вышедшихъ книгъ, новости, извѣстія, сдѣла, моды и всѣ прочія принадлежности еженедѣльной газеты. Все это довольно-свѣжо и разнообразно. Тагъ-какъ описанія всѣхъ

каго журнала наиболѣе опредѣляется его критикою, то, для ознакомленія читателей съ преобразованною «Литерат. Газетою», представляемъ разборъ, сдѣланный ею «Воспоминаній» г. Булгарина, тѣмъ болѣе, что, по множеству статей, долженствовавшихъ помѣститься въ нынѣшней книжкѣ нашего журнала, мы не могли напечатать своей статьи о нихъ, — вообще, впрочемъ, согласной съ мнѣніемъ «Литературной Газеты» объ этой книгѣ.

Въ 1-мъ номерѣ, при появленіи первой части «Воспоминаній», вотъ что сказано въ «Литературной Газетѣ»:

«Чьего любопытства не возбудить жизни челоѣка (т. е. г-на Булгарина), который родился Полякомъ, воспитанъ въ русскомъ кадетскомъ корпусѣ, послѣ покоренія Польши былъ въ русской службѣ, сражался въ русскихъ рядахъ, увлеченъ потомъ судьбою полъ знамена Наполеона, бился подъ орами его въ Испаніи, и когда смокли битвы, промѣнялъ саблю на перо, сдѣлался сперва польскимъ, а потомъ русскимъ литераторомъ, грознымъ журналистомъ, и вотъ уже двадцать-пять лѣтъ не сходять съ боеваго журнальнаго поприща?...

Цитируемъ въ 3-мъ номерѣ:

«Прочитавъ теперь двѣ части *Воспоминаній* О. В. Булгарина, мы скажемъ, что даже не читали Русской книги, которая въ исторической рѣшѣ, описывая дѣйствительность, была бы притомъ такъ занимательна подробностями, какъ *вымышленный романъ* . . . . .»

Мы постараемся передать нашимъ читателямъ содержание любопытныхъ «Воспоминаній» О. В. Булгарина въ особенныхъ извлеченіяхъ, а теперь, по праву, но невольной, даже грустной обязанности критика хотить, ибо обязаны замѣнить нѣкоторыя ошибки и недостатки автора. Блаженъ читатель, читающій просто, и не обязанный отдавать другимъ отчетъ въ своемъ читаньи! У критика обязанность другая, ибо онъ долженъ отчетомъ своимъ читателямъ. Между тѣмъ, такой отчетъ нерѣдко ставитъ критика въ

положеніе затруднительное. Не говоритъ о критикантахъ, у которыхъ одна обязанность: *отдѣлать* книгу порядкомъ, и своя публика, кто въ восторгѣ, если любимецъ ея *отсѣлалъ* всю набудь—браво! и дѣлу конецъ! Критикантовъ должно отдѣлать отъ критиковъ настоящихъ. Завѣсовѣть другое дѣло, и обязанность гораздо труднѣе. Главное не въ томъ, что потребны знаніе дѣла, осмотрительность и безпристрастіе. Главное въ томъ, что нерѣдко оправдывается Русская пословица: «говорить правду, терять дружбу». Слѣдующая голосъ безпристрастнаго читателя съ воплемъ литературныхъ удалцовъ, многие говорятъ: *отдѣлалъ*, при самомъ умѣренныхъ и осторожныхъ замѣчаніяхъ. Найдутся друзья, которые рады перебить языкомъ, а вѣдь всякій авторъ челоѣкъ! Еще Гораций утверждалъ, что «поэты неродъ раздражительный», а всѣ авторы съ родни поэтамъ. Всего менѣе можемъ мы опасаться, что О. В. Булгаринъ почтетъ наши замѣчанія внутренними неприязнь. Онъ видитъ, какъ почтительно отнѣсмы его «Воспоминанія», и какъ отнѣсмы мы справедливость ихъ литературному и историческому достоинству. Онъ самъ негда говоритъ и твердитъ намъ, что *личнаго* нравственный недостатокъ его *состоятъ* въ *страсти къ правдѣ*, немилосердная правдивость, и неумѣнье скрывать правду. Не уже ли онъ послѣ сего можетъ сердиться за правду? Не вѣрнѣе, и будемъ говорить ее О. В. Булгарину, какъ онъ говоритъ ее другимъ — безъ записки!

Мы не будемъ спорить тамъ, гдѣ авторъ сказываетъ свое мнѣніе объ разныхъ предметахъ, и по нашему мнѣнію, рѣшительно ошибается. Такъ, наприимѣръ, рассуждая (стр. 30) о *слогѣ* и *слогѣхъ*, авторъ утверждаетъ, что «пока Карамзинъ былъ независимымъ литераторомъ, былъ простъ, милъ, лютучъ, естественъ въ слогѣ, а когда въ званіи историографа *много* началъ казаться важнымъ, серьезнымъ, критическимъ, по *тогдашнему* времени, то сдѣлался до 7-го тома *Истории Государства Россійскаго падуть, немилыя, и не естественныя въ слогѣ!* Съ 8-го тома *Истории* Карамзинъ снова вошелъ въ свой *натуральный* характеръ, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, слогъ его въ *концѣ* и послѣдующихъ томахъ естественъ и простъ». Намъ кажется, что мнѣніе автора невѣрно, а способъ изложенія этого мнѣнія оскорбительнъ для памяти безмер-

леге историографа нашего. Карамзинъ былъ неакадемикъ и былъ хорошъ, сдѣла-ли историографомъ и заглавья казались приторно-сладкими, по тогдашнему убѣжденію, когда «педанты вѣрили, что тотъ слогъ образцовый, который составляетъ весь періодовъ», а съ VIII-го тома Карамзинъ опять исправляется! Повторимъ: не-вѣрно, ослѣпительно, и прибавимъ еще — ошибочно! И когда же было это *тогдашнее время*? Въ 1816 году, когда писали Жуковский, Батюшковъ, наши образцы и учителя, князь П. А. Вяземскій, также образецъ слога въ своемъ родѣ, когда было лучшее время нашей прозы, когда писали лучшее прозаики наши, Сперанскій, Дашковъ, Гидичъ, Гречъ? И не-уже-ли вышѣшій слогъ, вышѣшная проза наша, хоть бы на-примѣръ, слогъ самого Ф. В. Булгарина можно почесть болѣе усовершенствованнымъ, и нашихъ вышѣшныхъ прозаиковъ, противъ которыхъ безпрестанно сражается Ф. В. Булгаринъ, шагнущими въ понятіяхъ о сло-гѣ и прозѣ далѣе Карамзина? «Педанты вѣрили и вѣрятъ, что только тогъ слогъ образцовый, который составляетъ весь періодовъ». Не стражась *трехъ восклицательныхъ знаменъ*, которыми вооружился здѣсь авторъ, просимъ записать насъ въ педанты, и спрашиваемъ: гдѣ нашела онъ слогъ, или просто рѣчь, безъ *періодовъ*? Страшныя понятія о самыхъ первыхъ нача-лахъ грамматики!

Не менѣе странно читать, когда авторъ утверждаетъ, что «чувство и воображеніе не только не нужны въ дѣлахъ, но даже вредны», что въ дѣлахъ нужны только *даровый умъ, ясное сужденіе и искусство чиноустройства*, и что «нѣтъ и не можетъ быть *школа, ни въ обществѣ, ни въ службѣ*» (стр. 292, 294). Такъ можетъ думать только кажда-нибудь приказная строка, посѣ-дившая въ приказахъ, чиновникъ, кото-рый далѣе своей канцелярш ничего не ви-дитъ, до не образованный и просвѣщен-ный, военный и гражданскій чиновникъ. И мы уже вовсе не понимаемъ, что за общество изображаетъ Ф. В. Булгаринъ, въ которомъ нѣтъ, ни поэзіи, ни чувства, ни *образованія*! Если онъ самъ не замѣ-чалъ ихъ, ни въ службѣ, ни въ обществѣ, это вина не службъ и не общества, а его самого. За тѣмъ же по себѣ вѣрять всѣмъ! Сердитый на вышѣшнее общество вообще, авторъ, описывая бытъ 1807 года, восклицаетъ: «Образованное общество не было на-

ружство въ расчесть и спекуляціяхъ, и слова: *Россия, слава, народная честь*, зву-чали въ ушахъ пріятѣе золота, и про-буждали чувство, не уснувшее глубокимъ сномъ на ложѣ зноима» (стр. 318). Смѣемъ утвердить, и беремъ доказать несправедли-вость такого мнѣнія о вышѣшнемъ обще-ствѣ, которое опять таки въ сущности не-вѣрно. Здѣсь опять довольно будетъ при-бавить, что по собственнымъ своимъ по-нятіямъ, или лучше сказать, по себѣ, о другихъ судить не должно, и что такіа влегія о прежнемъ золотомъ времени, и о современномъ издеаніи нравовъ, такіа съ-тованія «о братин, въ мірской поглыбшей суетѣ», смѣшны и жалки!

Входя въ психологическо-физиологиче-скія сужденія о народныхъ характерахъ и темпераментахъ, авторъ восклицаетъ: «Ничего нѣтъ забавнѣе объясненія слова: характеръ и темпераментъ, въ *нашихъ* (?) лексиконахъ. Одни ихъ смѣшиваютъ, дру-гіе говорятъ такой *ездоръ*, чмо уши *внутъ!*» Слѣдуютъ открытія автора, что темпераментъ, живость, веселость Фран-цузовъ «суть послѣдствія ихъ *легкаго* (?) пріятнаго климата, и *лицъ*, ибо «Фран-цузскій *превосходный супъ* (*pot au feu*) ихъ пріяныя приправы, *тробели, чепелки*, и наконецъ вино, способуютъ живости, когда напротивъ, самый климатъ Герма-ніи, здоровый, но слишкомъ *однообразный* (?), иногда *урюмый* (?), грубая, тя-желая ижепкая пища, и неизмѣнное употребленіе вина, способствуютъ къ ступеню крови и какой-то неподвижной хо-лодности!» Не знаемъ мы опредѣленія темпераментовъ народныхъ и притѣмъ, отъ которыхъ они выводятся въ *какихъ-то нашихъ лексиконахъ*, но отъ опредѣленія Ф. В. Булгарина — повторить его сло-ва — невольно «уши внутъ!»

Предоставляемъ другимъ вступаться за нашу современную драму, уничтожаемую Ф. В. Булгаринимъ. Восхваляя Озерова и утверждая, что ему не было преемниковъ, Ф. В. говорить: «Есть у насъ драмы, и даже *нѣкоторые* изъ нихъ *очень хороши*, но русской трагедіи въ новомъ вкусѣ и въ новомъ духѣ — нѣтъ! Нѣтъ ничего тако-го, чтобы мы могли поставить, хотя на нисшей ступени, за Валленштейномъ, Орлеанскою Дѣвою, Дочь-Карлосомъ, и проч. Бѣлая русская драма, да, стократъ но бѣдная! выслушай свой приговоръ и притѣмъ его! *Вышѣшніа русскія драмы,*

или трагедии (не знаю как их назвать) и не *красятся*! Конечно, съ русской драмой! Внимайте вы всё, Кукольникъ, Хомяковъ, Розенъ, Оболдовскій, Муравьевъ, Гоголевы, Полевой, Ротчевъ, вы всё, внимавшіе иногда рукописесканія нѣмцкаго общества, уснувшего на ложѣ эгоизма: вы не *красятся* Ѳ. В. Булгарину, хоть онъ иногда и самъ похваливалъ васъ! Въ грозномъ гнѣвѣ на русскія драмы, «изъ которыхъ есть даже нѣкоторыя очень-хорошія, онъ не пощадилъ даже самого-себя. Литературный Брутъ! Онъ забылъ даже *свою драму*, свою: *Шугу Ньюкарлеби*, и возвелъ ее на костеръ осужденіи вмѣстѣ съ другими русскими драмами! За что же гнѣвъ? Вотъ за что: «Насъ утѣраютъ, что онъ писаны стихами, пяти-стопными либами, а я сижу съ ними», Страшно повторить, что видитъ въ нихъ Ѳ. В. Булгаринъ, но такъ и быть — повторимъ: «амжу въ нихъ намыщенную, раздутую, рубленую, или крошечную прозу, въ родѣ Гонзаласа Кордуанскаго, или Кадма и Гарціи, Хераскова. Одинъ писатель (попался, бѣднякъ!), впрочемъ, талантливый (глазъ гнѣвъ, тутъ и милость—добрый Ѳаддей Венедиктовичъ!) пошелъ въ наше время еще дальше. Онъ даже отвергъ ритмъ, или размѣръ въ своихъ драмахъ, на заглавіи которыхъ выставлено, что онъ писаны стихами!!!» Три восклицательные знака! Бѣда! Это Геркулесова палица въ рукахъ Ѳ. В. Булгарина, съ которою онъ, какъ мы выше говорили, не страшится даже изгонять *періоды* изъ языка? А ты, одинъ писатель, впрочемъ, талантливый! — внимай и знай: «*Стихи безъ мѣры (ритма) и безъ рѣзвы, еще хуже, нежели музыка безъ гармоніи.*» Какъ, что такое? скажешь ты—*ризма въ стихахъ* тоже, что *гармонія въ музыкѣ*? Ѳ. В. не удостоитъ тебя отвѣтомъ, и прибавитъ: «Но въ наше время все сходитъ съ рукъ!» Въ-самомъ-дѣлѣ, не всегда, но иногда «все сходитъ съ рукъ», но за что такъ сердится Ѳ. В. на наше время? Не-уже-ли по привычкѣ всѣхъ тѣхъ, кому шестой десятокъ лѣтъ на исходѣ? Но онъ долженъ быть выше подобной участи обыкновенныхъ стариковъ, похожихъ на подагрика въ баснѣ Дмитріева. Осуждать русскія драмы за то, что они писаны стихами безъ рѣзвы... Боже мой! да, вѣдь не всё же? Вотъ *Шуга Ньюкарлеби* писана прозою? Ужъ не для такихъ-ли *прозаическихъ* драмъ оставленъ уголокъ, что изъ драмъ

есть у насъ «нѣкоторыя очень-хорошія». Умно, но справедливо ли?

Впрочемъ, обо всемъ, что мы здѣсь находимъ замѣтили, о слогѣ Керашина, о теноромантахъ, о дѣловыхъ людяхъ, о современной драмѣ, о современномъ обществѣ, и о многихъ другихъ, мы спорить не станемъ, и даже не выведемъ много этого погрѣшности въ «Воспоминаньяхъ Ѳ. В. Булгарина. Такъ онъ думаетъ, такъ ему кажется. Волею или Но мы не можемъ пропустить безъ замѣчанія, что оба тома Воспоминаній обмываютъ—какъ бы здѣсь выразиться?—перьями не правды, а ошибками, омылками, словомъ, чѣмъ-то такимъ, чего лучше назвать нельзя. И тѣмъ строже надобно здѣсь быть, что авторъ напередъ говоритъ читателямъ: «Мои почтенные читатели! вѣрьте мнѣ, что все сказанное въ этихъ воспоминаніяхъ суццая истина. Пусть современники уличаютъ меня во лжи. Гдѣ-льзя сказать правды, тамъ я молчу, а молчу. Вообще въ моихъ Воспоминаніяхъ нѣтъ ничего въдуманнаго или, все это справедливо. Я долженъ пропустить много, но не обязанъ прибавлять, или искажать истину.» Прекрасно, благородно, иначе нельзя, никто и не «обвиняетъ» автора «прибавлять», или «искажать истину», но вотъ задача: «*Ошибиться я могу въ числахъ, въ именнахъ, въ порядкѣ происшествій, потому что пишу не изъ книгъ, но изъ памяти, но въ существѣ все правда.*» Здѣсь трудно положить математическое раздѣленіе между *ошибкою* и *исправдою*. Что такое: *ошибка*, если не *исправдо*? И если меня уличаютъ въ *исправдо*, могу ли я оправдаться тѣмъ, что это «не *исправдо*», а *ошибка*? Дѣло темное! Вы никто не изъ книгъ, а изъ «памяти», но слушая васъ, мы вправѣ сказать: «говорите, да оглядывайтесь». Память наша слаба, и для чего не взглянуть вамъ иногда въ книгу? Если мы находимъ такіа *ошибки*, которыхъ простить не можемъ, съ нами, что мы *знаемъ*, плохое вамъ извѣстіе, что вы «ниشته изъ памяти!» И кто же намъ поручится послѣ того, что въ разсказахъ вашихъ о томъ, чего мы не *знаемъ* и не *знаемъ*, нѣтъ также — положитъ, *ошибокъ*, чтобы не спорить въ словахъ! Оставя всё дальнѣйшія изъясненія, обращаемся къ дѣлу, и попросимъ Ѳ. В. Булгарина растолковать намъ, на примѣрѣ, съдѣвшее.

«Императора Павелъ Петровичъ отозвалъ Суворова изъ Италіи, и генерала Германа изъ Голландіи» (стр. 167). Когда же это было? Известно, что Суворова изъ Италіи не отзвали. Ему велѣно было идти въ Швейцарію, и видя разбитіе Корсакова подъ Цюрихомъ, онъ принужденъ былъ по повелѣю оставить Швейцарію. Еще менѣе могъ отзывать Германа, когда онъ былъ разбитъ и въ плѣну! Императоръ Павелъ не только не думалъ отзывать войскъ изъ Голландіи, но боясь за дарованія Германа, послалъ туда лучшаго генерала своего послѣ Суворова, М. А. Голенищова-Кутузова.

«Императоръ Александръ, въ угодность первому консулу, отозвалъ Колычева изъ Парижа, на зѣдоссть котораго (зѣдоссть Маркова?) онъ жаловался» (стр. 174). О. В. приписываетъ Колычеву событіе съ графомъ Марковымъ, дѣйствительно отозвавшимъ за горделивое обращеніе съ Наполеономъ, въ 1803 году. Колычева просто смѣнилъ Марковъ въ званіи посла, въ 1804 году.

На стр. 230 находимъ, что послѣ Пресбургскаго мира «Императоръ Германскій лишился прежняго титула, и сталъ называться Императоромъ Австрійскимъ.» Онъ никогда и не назывался «Императоромъ Германскимъ», а если рѣчь о титулѣ «Римскаго Императора», то отеченіе отъ сего титула послѣдовало не по Пресбургскому трактату, но чрезъ полгода потомъ, августа 6, 1806 года, при учрежденіи Рейнскаго Союза. Пресбургскій трактатъ подписанъ 20-го декабря 1805 года.

«Блестательная побѣда Фридриха Великаго, услажда надъ Русскими при Кунерсдорфѣ, и Цорндорфѣ» (стр. 233). Помните, О. В.! Да, если ужъ и Цорндорфскую битву включать въ число Фридриховыхъ побѣдъ, позволяйте вамъ напомнить, что иногда Фридрихъ не былъ такъ страшно разбитъ, какъ во Франкфуртской, или Кунерсдорфской битвѣ! Страшная будетъ ошибка памяти, если назвать Полтавскую битву побѣдою Карла XII, а вѣдь это одно и то же, что Кунерсдорфъ назвать побѣдою Фридриха!

«Фридрихъ Великій изобрѣлъ конную артиллерию» (стр. 244). Извините! Не безъши военными людьми, мы знаемъ, и какъ же вамъ, военному человеку, не знать, что конная артиллерія есть наша, Русское изобрѣтеніе, которое перенялъ у насъ Фридрихъ!

Но удивленіе наше было неизъяснимо, когда на стр. 272 читали мы слѣдующее: «Пущено въ свѣтъ (въ 1806 г.) родъ объявленія, безъ подписи, для воспламененія народа противу нарушителя общаго спокойствія, Наполеона Бонапарте... Этотъ современный актъ чрезвычайно любопытенъ и рѣдокъ. Я удержалъ въ памяти нѣсколько выраженій. Начинаясь онъ сими словами: «Неустовый врагъ, Наполеонъ Бонапарте, удобоимася Сатанъ...» Представивъ его (Наполеона) какимъ-то Картушемъ, объявилъ, что онъ идетъ на Россію, и приглашалъ околчить за домъ Пресвятыя Богородицы, и за Царя Православнаго...» Начать съ того, что въ началѣ этого акта было сказано, отъ кою именно издается онъ. Далѣе этотъ актъ не только не рѣдокъ, и особливо не чрезвычайно рѣдокъ, но напечатанъ въ «Собраніи законовъ Россійской Имперіи», томъ XXIX, № 22, 394, стр. 928—930. Картушемъ въ немъ Наполеона не представляли, а изображали его гордымъ завоевателемъ и нарушителемъ мира, и сражаться «за домъ Богородицы» въ немъ не приглашали.

Ужъ читалъ ли когда его О. В.? Здѣсь всего странище, что О. В. удержалъ въ памяти выраженіе, будто Наполеонъ «удобоимася Сатанъ», а этихъ словъ тамъ не было и нѣтъ! Какъ же они удержались въ памяти О. В.? Вотъ что значить — «писать изъ памяти!» Припомнить то, чего вовсе не бывало!

Не знаемъ, злодѣйка ли память, или что другое виновато, но мы находимъ въ «Воспоминаніяхъ» даже цѣлые ряды событій, представленные прервато, и съ такими неточностями или неправдами — виноваты, ошибками, что читая ихъ, не понимаете, какъ могъ допустить ихъ авторъ. И пусть бы о старинѣ шла рѣчь, а то говорится о томъ, что дѣлалось почти въ глазахъ автора, или разсказывалось ему самими дѣйствителями! Говоримъ не о такихъ дѣлахъ, гдѣ, хотя истина и видна, но можно понимать ее иначе, и спорить. Такъ О. В., говоря о Питтѣ, и оспаривая, что не личная неязвисть къ Наполеону, и не глубокая политична эгоизма, думавшая только о величій Англіи, и постигнувшая, что его можно основать только на паденіи Наполеона и Франціи, утверждаетъ, что какое-то Аркадское желаніе «утвердить во Франціи миралюбное правительство», руководило Питта. Что тутъ сказать? Пожалѣть, что О. В. неспра-

ведливо (что легко можно доказать) обвиняет при семъ случаѣ Биньона, но убѣдить его въ несправедливости его словъ невозможно. Онъ скажетъ: «все такъ, но я знаю, что Питтъ иначе думалъ!» Тогда останется поклониться и сказать: «Можетъ быть, потому что Питта лично мы не знали, и онъ намъ своихъ мыслей не сказывалъ!» Нѣтъ! Въ «Воспоминаніяхъ» Э. В. найдемъ мы многія мѣста, гдѣ онъ говоритъ, чего вовсе не бывало, когда истина вполне извѣстна и открыта всѣмъ и каждому—указываемъ для примѣра на его описаніе Прусской войны 1806 года: это рядъ ошибокъ, въ историческомъ и военномъ отношеніи, ошибокъ непростительныхъ! Э. В. говоритъ, что онъ рассказываетъ то, что слышалъ отъ маршала Сюше, и «одного изъ лучшихъ Прусскихъ офицеровъ, любимаца Блюхерова, майора Коломба.» Можетъ быть! Если очевидный свидѣтель иногда «цвѣтитъ, украшаетъ, даже иногда творитъ, не боясь обличенія, и скажетъ намъ: я такъ видѣлъ, такъ слышалъ — критика безмолствуетъ,» по словамъ Карамзина. Но могли ль Сюше и Коломба рассказывать Э. В. слѣдующее:

1) Что при началѣ Прусской войны Наполеонъ чрезвычайно ласкалъ Пруссию, и обѣщалъ ей большія выгоды, уговаривая ея не воевать (стр. 234).

2) Что Герцогъ Брауншвейгскій воротился изъ похода во Францію, въ 1792 г., потому что былъ разбитъ при Вальми Келлерманомъ (стр. 236).

3) Что Пруссаки, судя о войскахъ Наполеона по Англійскимъ каррикатурамъ, ожидали встрѣтить въ побѣдителяхъ при Ульмѣ и Аустерлицѣ «Французскихъ маршловъ съ ихъ поварами и парикмахерами» (стр. 255)!

4) Что Наполеонъ передъ Іенскою битвою, «испытывая свое огорченіе, написалъ письмомъ Королю Прусскому, гдѣ приглашалъ его къ союзу, предоставлялъ ему не только Ганноверъ, но и полное вліяніе въ сѣверной Германіи» (стр. 257).

5) Что послѣ битвы при Заальцбургѣ, Шлейхтъ и Зальфельдъ, Пруссаки «лишились магазиновъ, отъ чего водворялись въ прусской арміи не только недостатки, но даже голодъ» (стр. 263)!

6) Что когда Пруссаки дрались при Іенѣ и Ауерштедтѣ, то они были тыломъ къ Рейну, къ которому прежде шли фронтъ,

а Французамъ отдала тыломъ къ Эльбѣ, а къ Рейну лицомъ! Можно взглянуть на стр. 264, если намъ не вѣрять!

7) Что въ Іенскомъ сраженіи герцогъ брауншвейгскій былъ убитъ (стр. 267).

Не исчисляя ничего даѣе, осмѣливаемся утверждать, что указанныхъ нами семи подробностей не могла передать Э. В., ни Сюше, ни Коломба. Предложимъ, что они вовсе не знали событій похода герцога Брауншвейгскаго въ Шампанию, переговоровъ и дѣлъ Наполеона съ Пруссіею въ 1805 и 1806 годахъ, и обстоятельностью письма Наполеонова къ прусскому королю; вѣрнѣе, наконецъ, мнѣнію Пруссаковъ, что Даву, Бернадоттъ и Динь, не тожи на французскихъ маршловъ — пусть такъ: они не были историками, полководцами, дипломатами. Но какъ же они, самолично, могли говорить, что герцогъ Брауншвейгскій былъ убитъ подъ Іеною, когда онъ былъ только раненъ, бѣжалъ, и умеръ въ Альгойтѣ, уже въ началѣ мѣсяца? Какъ могли они рассказывать, что съ востяну Шлейхтъ и Зальфельдъ сохранили магазинъ въ прусской арміи, когда Шлейхтъ и Зальфельдъ были переломомъ мѣста для расположенія прусской арміи, магазиновъ запасныхъ тамъ не было — да и кто утверждаетъ магазинъ въ авангардѣ? — а былъ магазинъ къ тылу прусской арміи, и именно, въ Эрфуртѣ, а главнымъ въ Наумбургѣ, Лейпцигѣ и Магдебургѣ, что все делалось Наполеону уже по разбитіи прусской арміи? Наконецъ, еслибъ Сюше и Коломба говорили намъ, полководцы, о потерѣ Французамъ тыла въ Эльбѣ, а Пруссакамъ тыломъ къ Рейну, мы ожидали бы имъ отвѣта: Мн. гг., прелесть дележить Рейнъ и Эльба текутъ на разливъ. Прусская армія сосредоточилась, стояла въ Эрфуртѣ до Лейпцига, съ запада на востокъ, и отъ Эрфурта до Іены, съ сѣвера на югъ. Наполеонъ направилъ къ Іенѣ фронтъ главной арміи. Слѣдовательно, Пруссаки восточнѣе были лицомъ къ Эльбѣ и спиной къ Рейну, а Наполеонъ преслѣдовалъ къ Эльбѣ, а льбымъ къ Рейну. Тутъ что-нибудь, да такъ, и мы удаляемся, слыша подобную небывальщину отъ насъ, военнотъ людей и самолично!

Но оставимъ поля битвы, и обратимся на что-нибудь ближе къ намъ, что даже мы сами можемъ пообрѣть, какъ самонаблюдцы. На стр. 148 — 154 находимъ въ «Во-

спомынаіяхъ» исторію двухъ извѣстныхъ моряковъ, Хвостова и Давыдова, и — да проститъ намъ почтеннѣйшій О. В. нашу откровенность, хоть онъ и говоритъ, что «*если исторія знала похождения Хвостова и Давыдова*», и что онъ О. В. «*зналъ хорошо Хвостова и Давыдова*», но разскажь его объ нихъ — ошибка на ошибку!»

1. Начинается тѣмъ, что Рязановъ, а не Рязанъ, находясь въ Петропавловскомъ портѣ, за столомъ, говоритъ: «Русская честь требуетъ отнестись варварамъ!» — Дайте только позволеніе, а я заставлю Японцевъ раскаться! отвѣчаетъ Хвостовъ. Рязановъ, въ порывъ гнѣва, напишетъ нѣсколько строкъ съ видъ позволенія, и отдастъ Хвостову. Тотъ бѣжитъ на свой бригъ, и собирается въ походъ. На другое утро Рязановъ хочетъ взять позволеніе, но Хвостовъ не соглашается, и немедленно отплываетъ въ Японію.

Это что-то въ родѣ новеллы о Божѣ королевичѣ. Еслибъ такъ было дѣло, Рязановъ и Хвостова надобно бы почтеть сумасшедшими. Планъ Рязанова былъ весьма смелъ, для него экипажъ готовили суда на острвѣ Ситхѣ, и одно, тендеръ, построили нарочно, а другое, бригъ, купили у Американца Вулфа. Рязановъ предвѣстилъ послѣ того Хвостову мати на Сахалинъ и другіе острова, по словамъ его принадлежащіа Россіи, и если найлучъ имъ тамъ поселенія японскія, истребить ихъ, стараясь шалить Японцевъ, и потомъ, давъ имъ почувствовать силу Россіи, завести съ ними сношенія и торговлю. Давыдовъ немедленно отправился по назначенію, а Хвостовъ повезъ Рязанова въ Охотскъ. По прибытіи сюда, Хвостовъ отпустилъ къ отплытію, когда Рязановъ потребовалъ къ себѣ инструкцію, ему данную, и возвратилъ ее съ двусмысленною припискою. Хвостовъ хотѣлъ объявиться, но Рязановъ уже уѣхалъ изъ Хотска въ Россію. Инструкцію можно было возложить положительно и отрицательно. Хвостовъ истолковалъ ее по своему, и поплылъ къ Сахалину.

2. «Съ однимъ бригомъ Хвостовъ надѣль столько хлопотъ Японцамъ, что все государство пришло въ движеніе, брали дѣла, дѣлали высадки, жегъ города и селенія, и только за недостаткомъ боевыхъ машинъ, возвратился въ Петропавловскій портъ, съ богатѣйшею добычею.

Ничего этого не было. Хвостовъ напелъ Японцевъ на одномъ изъ Курильскихъ-Острововъ, считаемыхъ принадлежащими Россіи, Японцы встрѣтили его неприязненно. Онъ сразился съ ними. Ночью Японцы безъ бою бѣжали, и оставили крѣпость. Хвостовъ забралъ себѣ припасы, сжегъ крѣпость, и возвратился въ Петропавловскій портъ. *Богатѣйшая добыча* состояла въ немногихъ японскихъ рѣдкостяхъ.

3. «Въ Петропавловскомъ портѣ началъ стовалъ тогда, извѣстный всему флоту, капитанъ Бухаринъ. Тогда въ Сибири Богъ вѣсть что дѣлалось!»

Мы сами были тогда въ Сибири, и смѣемъ утвердить, что въ Сибири Богъ слытъ что, тогда ничего не дѣлалось. Бухаринъ началъ стовалъ въ Охотскѣ, а не въ Камчаткѣ, гдѣ былъ тогда начальникомъ генерал-майоръ Кошелевъ.

4. «Бухаринъ посадилъ тогда подлѣ крѣпкой каруглѣ Хвостова и Давыдова, и овладѣлъ всѣмъ ихъ грузомъ!»

Нѣтъ! Они спокойно перезимовали въ Камчаткѣ, лѣтомъ осмотрѣли Сахалинъ, и осенью 1807 года прибыли въ Охотскъ, а не въ Петропавловскій портъ, гдѣ Бухаринъ, боясь отвѣтственности за ихъ поступки, арестовалъ ихъ.

5. «Хвостовъ и Давыдовъ ушли изъ тюрьмы, и ильшкомъ пробрались черезъ всю Сибирь; не показываясь въ городахъ и слѣдуя проселочными дорогами. Они встрѣтились въ сибирскихъ пустыняхъ съ извѣстными въ то время разбойникомъ, начальствовавшимъ толпою бѣглецовъ. Присутствіе духа и молодечество Хвостова и Давыдова поправились разбойнику, и онъ помогъ имъ пробраться въ Россію!»

Почтеннѣйшій Оадей Венедиктовичъ! Вѣдь это что-то въ родѣ «сказки», а не похождения людей, которыхъ вы знали хорошо въ Финляндіи и въ Петербургѣ (стр. 184), похождения, которыми «знали *если армія и исторія!*»

Правда, что нетерпѣливые, шалки, Хвостовъ и Давыдовъ, при помощи Охотскихъ жителей, ушли изъ тюрьмы, и ильшкомъ достигли рѣки Алдана. Затѣмъ, въ Якутскѣ, явились они къ почтенному тогдашнему начальнику Якутска, Г. И. Кареташевскому, и онъ отправилъ ихъ въ Ир-

Иркутскъ, гдѣ ихъ съ почетомъ приняли, бывший тогда губернаторомъ Н. Н. Трескинъ и всѣ жители. Они оставались въ Иркутскѣ, пока не получено было повелѣнія, отправить ихъ въ Петербургъ. Тогда они спокойно поѣхали, съ казенною подорожною, въ удобной кибиткѣ, провожаемые множествомъ друзей Иркутскихъ за Ангару.

Если всѣ сии подробности не были извѣстны О. В., если кто обезобразилъ ему личность Хвостова и Давыдова, какъ же могъ онъ осмѣлить — повѣрить, что Хвостовъ и Давыдовъ «прошли пѣшкомъ изъ Камчатки, черезъ всю Сибирь, не показываясь въ городахъ, проселочными дорогами» (которыхъ нѣтъ въ Сибири), и что имъ «помогъ пробраться въ Россію извѣстный разбойникъ, начальствовавшій толькою бѣглецовъ», какой-нибудь воюда охиревшій Волжскимъ, О. В. вѣрить, что «тогда въ Сибири Богъ вѣсть что дѣлалось», но чѣмъ же воображаетъ онъ себя Сибирь, и еще болѣе, за кого онъ насъ принимаетъ, рассказывая подобныя небылицы, если онъ и не самъ выдумалъ ихъ?

Также не вѣрно представлена осталшая часть исторіи Хвостова и Давыдова, и самая смерть сихъ храбрыхъ офицеровъ. И тутъ ужъ не чужие рассказы, не въ Сибири происходило дѣло, а въ Финляндіи, передъ глазами самого О. В. Что жъ мы находимъ? О. В. утверждаетъ, что послѣ морской битвы, гдѣ храбрыя отличились, «главнокомандующій, графъ Буксгевденъ прислалъ обоимъ друзьямъ въ главную квартиру, и въ награду за ихъ подвиги, велѣлъ отдать имъ гауптвахтѣ генеральскую почесть!» Почтеннѣйшій О. В.! развѣ какойнибудь главнокомандующій нѣбѣтъ власти позволять подобныя почести? И если Хвостову и Давыдову, за ихъ, согласимся, храбрый подвигъ, Буксгевденъ отдалъ такой почетъ, то что же долженъ былъ дѣлать другимъ? Дѣло все происходило такъ: бывший тогда морской министръ, П. В. Чичаговъ, когда Хвостовъ и Давыдовъ пріѣхали въ Петербургъ (а не «внезапно явились», и «ночь сулъ отданы не были»), представилъ Государю Императору все дѣло, и испросилъ имъ дозволеніе отправить въ Финляндію, Государь Императоръ позволилъ, повелѣвая до времени оставить всѣ дальнѣйшія изслѣдованія. Удалцы отправились, и показали чудеса

храбрости въ дѣлѣ съ Шведами между островами Суццаломъ и Ворцелломъ, Августа 18-го, 1808 года. Главнокомандующій флотиліею, капитанъ 1-го ранга Селдиановъ, донося обо всемъ главнокомандующему, послалъ съ донесеніемъ Хвостова. Заставши главнокомандующаго на бережной пристани, Хвостовъ такъ восхитилъ его разговоромъ, что когда шли они въ то время мимо гауптвахты, и карулы выѣзжалъ отдавать честь, Буксгевденъ обратился къ окружающимъ его, и сказалъ съ улыбкою, указывая на Хвостова: «Господа! честь сію отдають не мнѣ, но побѣдителямъ!» Вотъ все, а то ли находимъ въ «Воспоминаніяхъ» *самовидца?*

Такъ, въ какомъ-то мнѣніи своемъ рассказъ представлена смерть Хвостова и Давыдова... Но, довольно! Представленнымъ нами замѣчаніямъ достаточно для убѣжденія, что въ книгѣ О. В. Булгарина выходятъ не только что «ошибки въ числахъ и именяхъ», но и такія, которыя не имѣютъ чѣмъ помочь имъ оправдаться! Скрытие насъ Богъ основать на этихъ ошибкахъ обвиненіе противъ всего, что вспоминаеть О. В., но грустно думать, что если мы находимъ ошибки въ томъ, что мы хорошо знаемъ, авторъ Воспоминаній даетъ намъ право подозревать ошибки и въ томъ, чего мы не знаемъ, но что имѣютъ другіе... Для чего же выдать насъ въ такое грустное искушеніе? Для чего свое прекрасное, легкое, живое твореніе безобразить странными вымышленіями, не свѣдѣться ни о чемъ хорошенько — для чего вообще *торопиться вспоминать?*

Да, не здѣсь ли тайна всего? Торопливость и поспѣшность оканчиваются въ подробностяхъ, въ общности, даже въ словѣ Воспоминаній. Авторъ скачетъ на почтовыхъ, и забываетъ подорожную ветку на всякой станціи, а безъ подорожной, смотритель почтовыхъ станцій авторитетъ, критика не можетъ дать ему толковій, то-то онъ вѣдалъ бы даже по какой-нибудь дѣлности. Авторъ избралъ въ эпиграфъ свои слова: «Отцы и братья! ужъ ся тѣ описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправлява Бога для, а не кляните!» Эпиграфъ ни сколько не оправдываетъ автора. Слова, имъ приведенныя, написалъ смиренный никомъ, сибирскій Несторову лѣтописецъ, и прибавилъ дѣло, къ словамъ, приведеннымъ О. В. Булгарина.

внѣтъ: «Зане умъ молодой, не домысли, а книга была вѣтхимъ», то есть: «я молодой умомъ не домыслилъ, а книги, съ которыхъ списывалъ, были вѣтхи». Но *Э. В.* не съ вѣтхихъ книгъ списывалъ, и умъ его, зрѣлый умъ старца, не могъ не домыслить. Слѣдовательно, *Эниграфъ* ему не оправданіе.

Рады будемъ, если замѣтки наши побудятъ *Э. В. Булгарина* быть снисходительнѣе къ другимъ. Возглашая себя поборникомъ правды, онъ непрерывно воюетъ съ другими за мѣлочь, за обмолвку, за журнальныя пустяки. Кто безъ ошибки? «Врачу! исцѣлся прежде самъ!» Вотъ, на примѣръ, рѣчь объ языкѣ: мы ни слова не говоримъ о небрежностяхъ языка, какія безпрестанно встрѣчаются въ Воспоминаніяхъ, а тѣмъ менѣе думаемъ выводить изъ нихъ доказательства незнашій Русскаго языка, какъ нерѣдко дѣлаетъ съ другими *Э. В. Булгаринъ*, и вовсе не приписываемъ ошибокъ его противъ языка отсутствію *Н. И. Греча*. Другой примѣръ: на стр. 286, *Э. В.* приводитъ слова Гамлета, и пишетъ такъ: *to be, or not to be, no glagolъ: бытъ, пишется по Англійски: to be.* Вышла сѣшшая ошибка. Слово: *a bee*, значитъ по Англійски: *пчела*, и слѣдовательно, вмѣсто: *бытъ или не бытъ*, *Э. В.* заставляетъ Гамлета говорить: *пчела или не пчела!* Это похоже на извѣстную ошибку *Нѣнца*, который на шить, въ честь королевы *Викторіи*, написалъ, вмѣсто: *God save the Queen (Боже! спаси королеву!), God shave the Queen (Боже! выбри! королеву!).* Выведетъ ли изъ этого, что *Э. В.* не знаетъ по Англійски? Нимало: ошибка, хоть и забавная! Да избавить только его Богъ отъ опечатокъ Другаго рода, а подобныя мы рады прощать!»

Г. Булгаринъ отвѣчалъ на эту скромную и вѣжливую критику длинною длинною статьею, отличающеюся особенными качествами, и гдето смился отклонить обвиненія «*Лит. Газеты*». *Г. Полевой*, въ 4-мъ номерѣ «*Газеты*» началъ жер разбирать эти опроверженія *Г. Булгарина* тѣмъ же вѣжливымъ тономъ и съ тѣмъ же спокойствіемъ, которое, во-видимому, вызываетъ такую горячность со стороны его противника, —

хотя *Г. Булгаринъ* и выставилъ въ *Эниграфѣ* къ своей статьѣ изрѣченіе: «*Алексѣй, не будь яр!*», однакожь не держится этого благоразумнаго правила. — *Г. Полевой* общается въ слѣдующихъ номерахъ «*Газеты*» разобратъ и опровергнуть всѣ защитныя пункты *Г. Булгарина* и по-престальнѣе взглянуть на «*Воспоминанія*», представляющія богатый матеріалъ какъ для біографіи нѣхъ сочинителя, такъ и для оцѣнки его знаній. Советуемъ прочесть эти статьи «*Лит. Газеты*». Очень-любопытно!

Мы ни слова не сказали бы въ похвалу «*Литературной Газетѣ*», еслибъ редакція ея имѣла какую-нибудь связь съ редакціею «*Отеч. Записокъ*», какъ напрасно старается увѣрять «*Сѣверная Пчела*», вопреки нашимъ неоднократнымъ объявленіямъ. «*Литературная Газета*» — повторемъ снова — находитъ въ полномъ распоряженіи *Г. Полеваго*, и всѣ достоинства ея должны быть приписываемы ему или его редакціи, а не редакціи «*Отечеств. Записокъ*». *Г. Полевой* (какъ онъ самъ справедливо выразился въ 4-мъ номерѣ «*Газеты*») нисколько не стѣсненъ въ выраженіи своихъ мнѣній какими-либо отношеніями къ «*Отеч. Запискамъ*». «*Литер. Газета*» такъ же точно можетъ противорѣчить «*Отеч. Запискамъ*», какъ «*Отеч. Записки*» противорѣчить ей. Это два совершенно-отдѣльные журнала, какъ два отдѣльные человека, имѣющіе каждый свое направленіе, свои мнѣнія, свою физиономію. Тутъ даже не можетъ быть никакой *camaraderie*, въ которую такъ вѣрують и которую такъ часто оправдываютъ свои перемѣнчивыя сужденія. Различіе мнѣній нисколько не предполагаетъ вражды: можно спорить другъ съ другомъ и не быть врагами. Этого не понимаютъ тѣ «*вныи*» съ своею *camaraderie*, — а между-тѣмъ это давно уже понимаютъ всѣ образованные люди въ Европѣ.

Вышла 21-я тетрадь «Императорской Эрмитажной Галереи», издаваемой П. Гойе-Дефонтемом и Польем Пети. Въ ней находятся гравюры съ картинъ: Ватто «Савояръ», Поль-Поттера «Сторожевая собака», Жана Стеена «Пальцы для кружель», «Пейзажъ Сальватора Розы и бюгрфеа Антуана Ватто. При этой же тетради подписавшіеся на «Галерею» получаютъ въ подарокъ прекрасный портретъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны Маріи Александровны.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Essai sur les origines de la Hongrie, par Auguste de Gérande (Опытъ о Происхожденіи Венгровъ, соч. Огюста де-Жерандо).

Когда Венгры, въ концѣ IX столѣтія, появились на восточныхъ границахъ Европы, и ихъ грозныя полчища, жаждавшія грабежа и опустошеній, навели ужасъ на западныя страны, въ то время могъ ли кто-нибудь подумать, что эти свирѣпыя Маджары, враги христіанской Европы, не болѣе какъ по истеченіи одного вѣка сдѣлаются самыми вѣрными и надежными ея защитниками; что эти воинственные немцы будутъ осѣдлыми жителями Пампони и оскуютъ здѣсь свое новое отечество между береговъ Дуная и ущелій Горь-Карпатскихъ? Между-тѣмъ, такова была судьба Венгровъ. Это чудо произошло въ ихъ христіанскій вѣкъ. Съ водворенія святой религіи, Маджары стали на стражъ европейской гражданственности и спасали ее по-очередно отъ Монголовъ Чингиса, отъ Татаръ и повелителей Мусульманства.

Рассказы объ этихъ великихъ заслугахъ, оказанныхъ Венграми христіанскимъ народамъ, наполняютъ венгерскія лѣтописи. Главный элементъ исторіи Венгріи составляетъ война, вѣчные крестовые походы противъ новыхъ ордъ, приходившихъ съ Востока. Кромѣ этихъ героическихъ подвиговъ, намъ почти-ничего неизвѣстно. Между-тѣмъ, въ лѣтописяхъ Венгріи сохранились еще такіе факты, которые имѣютъ интересъ и для другихъ странъ Европы, особенно для Франціи.

Въ средніе вѣка, Венгія находилась подъ могущественнымъ вліяніемъ Франціи. Въ XII столѣтіи, Венгерцы толпами отправлялись въ Парижъ, чтобъ искать образованія въ школахъ французской столицы. Въ XIV столѣтіи, этотъ воинственный народъ находился подъ властію дома анжуйскаго, Карла-Роберта и Лудовика-Великаго. И въ эту именно эпоху, Маджары стали народамъ европейскимъ; въ эту эпоху, они оставили свои палатки изъ грубаго войлока, построили себѣ каменные дома и основали множество

деревень, съ чистыми, опрятными жилищами, вытянутыми въ одну линію.

Во время владычества дома анжуйскаго, Франція и Венгрія вступили между собою въ тѣсныя, дружескія сношенія, которыя были утверждены договорною грамотою 1397 года. Даже въ прошломъ вѣкѣ, языкъ французскій былъ въ общемъ употребленіи между венгерскими вельможами.

Но самый интересный, и вѣстѣ, самый спорный пунктъ въ ученоемъ мірѣ составляетъ вопросъ о происхожденіи Маджаровъ.

Лѣтописцы среднихъ вѣковъ, основываясь на простомъ сближеніи обстоятельствъ, именно, что Унгары или Угры пришли въ Европу по тому же пути, по которому вторгались въ ея предѣлы Гунны и Авары, ни мало не сомнѣвались, что они принадлежали къ тому же семейству народовъ и вышли изъ той же страны, какъ и предшествовавшія имъ азіатскія орды. По ихъ мнѣнію, Венгры были азіатскіе бѣглецы, сдѣлавшіеся завоевателями въ Европѣ: потому они и получили наименование *Турковъ* или переселенцевъ. Это историческое вѣрованіе въ первоначальное братство Гунновъ, Аваровъ и Венгровъ продолжалось до конца прошлаго вѣка, и до-сихъ-поръ еще остается народнымъ преданіемъ между Маджарами.

Но, при критическомъ направленіи исторіи, прежнія догадки и убѣжденія были отвергнуты. Изученіе міра славянскаго и германскаго подорвало основанія простой и логической системы, которую прежде такъ легко объясняли роль и судьбы народа венгерскаго, системы, которую подтверждало нашествіе варваровъ съ востока на западъ. Германскіе ученые правили за непреложную историческую истину, что войны Арпада, перваго вождя Венгровъ, пришла изъ глубины сѣвера; что Маджары составляли вѣтъ народовъ финскихъ; что первоначальное ихъ отечество было въ Сибири, при берегахъ Оби, гдѣ и теперь еще обитаетъ ихъ братья по происхожденію.

Остатки, Башкирцы, Лапландцы. Напрасно народъ венгерскій защищалъ свое происхожденіе, напрасно указывалъ на Кавказъ, служившій ему переходнымъ путемъ и до-сихъ-поръ сохраняющій слѣды этого перехода: ученые рѣшили, что онъ пришелъ съ сѣвера, и не Кавказъ, а Горы-Уральскія были свидѣтелями его переселеній.

Гёттингенскій профессоръ Шлѣцеръ первый предложилъ эту догадку объ урало-финскомъ происхожденіи Венгровъ, въ концѣ XVIII столѣтія. Онъ опирался на разысканіяхъ одного венгерскаго Славянина, Сайновича, который старался доказать родство языковъ финскаго и маджарскаго. Слѣдствіемъ, эта теорія приобрѣтала болѣе и болѣе приверженцевъ, и, не смотря на храбрость и отвагу венгерскіихъ всадниковъ, не смотря на ихъ восточный взглядъ, гибкую талію и тѣнь физической красоты, который встрѣчается во всѣхъ маджарскихъ деревняхъ Венгрии, безстрастные и неуязвимые обитатели прибрежныхъ странъ Вѣлаго-Моря признали теперь британцы или предками храбрыхъ рыцарей береговъ дунайскихъ. Кланротъ и Абель-Ремюза, своими разысканіями, дали рѣшительный перевѣсъ новой теоріи объ урало-финскомъ происхожденіи Венгровъ передъ прежнею системою среднихъ вѣковъ.

Венгерцы, между-тѣмъ, съ одной стороны, достойно защищали отъ нападенія иностранной учености, что никогда не соглашались признать установленное ими гиперборейское начало, и въ неровной борьбѣ съ великими авторитетами ученаго міра, они, культурные, оставались побѣжденными. Нѣкоторые изъ народное преданіе о славянскомъ происхожденіи нашего защитили въ одномъ молодомъ французскомъ ученомъ, который предпочитаетъ старую всѣмъ новымъ теоріямъ. Г. Огюстъ-де-Жерандъ путешествовалъ въ Маджаріи въ время по странѣ, населенной Маджарами, разсказывалъ имъ о своихъ путешествіяхъ, и, увидя ихъ языкъ, съ совершеннымъ достоинствомъ слѣдствіи выступилъ противъ

германскихъ теорій. Его *Olympe* о Происхожденіи Венгровъ (*Essai sur les origines de la Hongrie*), оправдывающій народное преданіе Венгерцевъ, можно считать новымъ открытіемъ. Это сочиненіе, не обширное по своему объему, можетъ положить конецъ спорному и темному дѣлу лингвистовъ и археологовъ, и въ этомъ отношеніи имѣеть всестороннюю историческую важность.

Господинъ Огюстъ де-Жерандо изучалъ свой предметъ съ любовью; онъ углублялся въ смыслъ народныхъ преданій, разбиралъ гѣтонскія національныя и иностранныя, изучалъ венгерскій языкъ, внимательно перечиталъ путешествіе Пляно-Карнина и монаха Юліана. Онъ указываетъ даже путь, по которому шли Маджары черезъ ущелья Кавказа и нестѣйскія равнины Южной-Россіи. Первоначальное сродство Венгровъ Ариса и Гунновъ Атталы доказывается между-прочимъ однимъ еще малозвѣстнымъ фактомъ. Въ Трансильваніи до-сихъ-поръ обитають одно отдѣльное племя Секеловъ или Сячуловъ, которые, еще въ пятомъ вѣкѣ, нашли для себя убѣжище въ горахъ этой провинціи. Замѣчательно, что языкъ остатковъ Гунновъ Атталы говоритъ языкомъ понятнымъ для Венгерцевъ, появившихся въ Европѣ уже въ девятый вѣкъ. Можно ли требовать доказательства сродства народовъ большаго вѣкаго, чѣмъ единство языка?

Опревратя урало-финскую теорію исторически, авторъ переходитъ къ грамматическимъ доказательствамъ протетавизма. Онъ указываетъ ошибки, выходящія объясненія въ параллели словъ маджарскихъ и финскихъ, на которую обратилъ вниманіи урало-финскаго происхожденія Венгерцевъ. Чтобы показать правоту этого основанія, довольно замѣтить на этотъ разъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ фактовъ, къ какимъ прибѣгаютъ иногда ученые для поддержанія своей мнѣнию сходствѣ языковъ финскаго и венгерскаго. Въ двадцати-пятой главѣ *Альмуса Альмусиссима*, которая состоитъ изъ двадцати-семи страницъ, описъ

лингвистъ, родомъ Венгерцевъ, всѣми силами доказывавшій сродство своего роднаго языка съ нарѣчіями полярныхъ племенъ, нашелъ только два слова, въ которыхъ могъ открыть кое-какое сходство между двумя языками; именно: *huotema honenda*, по-фински, *housar hatland*, по-венгерски. Не правда ли, поразительное сходство?! Между-тѣмъ, въ цѣлой главѣ только эти два слова и представляютъ нѣсколько возможное сближеніе языковъ. Чтобы отыскать подобное доказательство, для этого надо имѣть болѣе чѣмъ обыкновенную пропріетельность!

Все, что открыто для подтвержденія тождества двухъ языковъ, то-есть, финскаго и венгерскаго, ограничивается нѣсколькими десятками сходныхъ словъ. Но по словосочиненію, маджарскій языкъ не имѣеть никакого характеристическаго сходства съ языкомъ Финновъ или Скандинавовъ. Маджарскій языкъ отличается оригинальными формами, и если надо искать его сходства съ иностранными языками, то можно найти его не на сѣверѣ, а на югѣ. По мнѣнію автора, о венгерскомъ языкѣ можно сказать, что словосочиненіе въ немъ турецкое, а слова—персидскія. Потому Османовъ, не имѣя никакихъ ученыхъ основаній, гораздо-болѣе приблизился къ истинѣ, чѣмъ еврейскіе ученые, на-счетъ происхожденія воиновъ Корвина, когда, среди битвы, кричали имъ: «Вы наши братья, но не годные братья».

Авторъ находитъ слѣды восточнаго происхожденія Венгерцевъ даже въ ихъ физическомъ устройствѣ, которое не имѣеть ничего общаго съ безобразнымъ типомъ Остяковъ и Башкировъ. Жители всѣхъ маджарскихъ деревень охраняють до-сихъ-поръ тѣ же черты, какими секретарь короля Вѣлы описовалъ перваго вождя маджарскаго: *Etat ipse Almus facie decorus, sed niger, et nigros habebat oculos sed magnos, statura longus et gracilis*. Самъ Альмусъ имѣлъ красивое, но смуглое лицо; глаза у него были черные и большіе; роста онъ былъ высокаго и сложенія

отройно. Все это можно сказать о ка-
комъ-нибудь героѣ востока, но никогда
о жителяхъ сѣвера.

Предоставимъ теперь самому автору
сказать нѣсколько словъ о языкѣ, нра-
вахъ и идеяхъ Венгерцевъ.

«Вы не найдете» говорить онъ: «ни въ
одномъ европейскомъ государствѣ народа
съ такимъ воинственнымъ характеромъ,
какъ Маджары, а' *vitez Magyar menzel*,
«храбрая маджарская нація», какъ гово-
рятъ Венгерцы. Ни одинъ народъ не при-
обрѣлъ такой славы своимъ героизмомъ и
рыцарскою храбростію.

«Уже-ли Маджары принесли съ сѣвера
этотъ великолѣпный венгерскій костюмъ,
вадой когда-либо могла придумать люда,—
костюмъ, блестящій всею азіатскою пыш-
ностію? Знаете ли, какими эпитетами со-
дрождается всегда имя Венгерца, въ лѣ-
тописяхъ ли то, или въ народныхъ поэ-
тическихъ произведеніяхъ, или въ устахъ
каждаго? Вотъ они: *A parduc zos vitez*
Magyar «Храбрый Маджаръ, покрытый
барсовыми кожами!» *A haszaganuz vitez*
Magyar, «Храбрый Маджаръ, покрытый
тигровыми кожами!» Уже-ли это наряды
сѣверныхъ жителей?.. Языкъ венгерскій
цѣлѣнъ, богатъ образами и метафорами.
Крестьянинъ называетъ свою жену: *Csil-*
lagom, «моя звѣздочка», или *gyonyuom*,
«моя жемчужина». Требуя покровитель-
ства отъ своего господина, онъ говоритъ:
«Я ставлю себя подъ ваши распростертыя
крылья» и прочее. Подобныхъ выраженій
можно привести нѣсколько тысячъ; они
составляютъ характеристическое отличіе
языка Маджара, который въ самой энчи-
номъ сохраняетъ слѣды своего восточна-
го происхожденія.

«Прибавимъ еще, что ни въ сказкахъ,
ни въ народныхъ преданіяхъ, ни въ
пѣсняхъ, нѣтъ и поминъ о странѣ, по-
добной той, какую германскіе писатели
признаютъ первоначальною отчизною Вен-
гровъ. Между-тѣмъ, вы услышите мно-
жество пословицъ и афоризмовъ употребле-
льныхъ сравненій, которыя показываютъ,
что венгерскій языкъ образовался въ ка-
комъ-нибудь другомъ климатѣ. У Финновъ
нѣтъ словъ для названія нѣкоторыхъ не-
когда-неизвестныхъ имъ предметовъ; ме-
жду-тѣмъ, въ венгерскомъ языкѣ есть осо-
бенныя названія для означенія этихъ пред-
метовъ. На-примѣръ: *oroszlant*, левъ; *osz-*
vet, муха; *teve*, верблюдъ; *szekes*, дра-
конъ; *dogoska*, драконъ, и прочее.»

«Наконецъ, въ любимыхъ вѣнкахъ Вен-
герцевъ часто говорится о смилительной
красотѣ. Это восторженное описаніе кини-
ней формы свойственно всѣмъ народамъ
восточнымъ. А этой красотѣ вы не найдете ни у Ла-
ландцевъ, ни у Остяковъ, ни у Самоѣдовъ,
и причины этого очень-легко разгадать.»

Результатъ сочиненія г. Огюста де-
Жерандо тотъ, что истинное происхожденіе
Венгерцевъ находится въ сказаніяхъ венгерскихъ
историковъ среднихъ вѣковъ и въ пре-
даніяхъ самихъ Маджаровъ. Гуны,
Авары и Венгры, — эти три народа —
братья по своему происхожденію, по-
очередно наводившіе оковы на по-
лицы Европы. Изъ нихъ только два
народа были побѣждены и протѣваны;
послѣдніе же, оварские свѣтозвѣзды хри-
стіанской религіи, основались въ Евро-
пѣ и сдѣлались защитниками европей-
ской гражданственности противъ вар-
варовъ и помазовъ.

LETRES ET INSTRUCTIONS DE
LOUIS XVIII AU COMTE SAINT-PIERRE,
précédées d'une notice par M. de Vataville
(Письма и инструкции Людовика
XVIII графу де-Сен-При, изд. Верон-
томъ).

Графъ де-Сен-При принадлежалъ къ
числу тѣхъ несчастныхъ францу-
скихъ вельможъ, которые прожили по-
ловину своей жизни въ эпоху благо-
датнаго спонсорства государей; въ
блестящемъ, образованномъ обществѣ,
и вдругъ очутились лицомъ къ лицу
съ грозною революціею, въ которой
чужды не были приготовления. Онъ
родился въ 1766 году. Въ июльскіе
годъ онъ вступилъ въ 1792-го года.
Во время семилѣтней войны, онъ
служилъ храбро и доблестно въ
войскахъ. Ему не было еще тридцати
лѣтъ, какъ онъ занялъ постъ нелепого
посланника въ Португалію. Три
года спустя, онъ былъ посланъ въ
Швецію; а потомъ въ Константино-
поль: въ послѣднемъ, французская ре-
волюція побудила его покинуть
Португалію и отправиться въ Швецію,

и это-то дѣло было поручено графу де-Сен-При. Онъ два раза занималъ постъ французскаго посланника въ Константинополь и такимъ-образомъ прожилъ тамъ не менѣе пятнадцати лѣтъ, и былъ свидѣтелемъ упадка Порты и побѣдоносной славы Россіи.

Въ 1785 году, графъ де-Сен-При возвратился въ Парижъ, гдѣ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, могъ ожидать прекрасной будущности, еслибъ надъ Франціею не собрались уже грозныя тучи. Онъ заслужилъ славную извѣстность; онъ зналъ иностранные дворы, и былъ равно повѣстенъ и уважаемъ при всѣхъ дворахъ; онъ зналъ все, что можно было знать въ то время о политикѣ, ходѣ дѣлъ и интересахъ европейскихъ державъ. Съ такими достоинствами, онъ могъ бы быть отличнымъ министромъ въ царствованіе какого-нибудь неограниченнаго монарха. Но монархія Лудовика XVI тогда склонилась къ упадку. Революція готова была вспыхнуть.

Въ своемъ краткомъ предисловіи, г. де-Барантъ мастерски начертилъ картину трехъ ужасныхъ годовъ, въ-продолженіе которыхъ графъ де-Сен-При имѣлъ горестную почесть быть министромъ Лудовика XVI. Еслибъ графъ де-Сен-При жилъ пятидесятью годами позже, то, безъ сомнѣнія, онъ съ своимъ познаніями и способностями, былъ бы прекраснымъ конституціоннымъ министромъ; но въ 1789 году онъ могъ быть только отвѣтственнымъ министромъ неограниченнаго монарха. А этого было мало для революціи, требовавшей гражданскаго равенства и политической свободы; но съ другой стороны было слишкомъ-много для двора и аристократической партіи. Съ-тѣхъ-поръ, какъ необходимость заставила допустить хоть незначительную реформу, министры должны были бороться, въ совѣтъ, съ необыкновенными препятствіями. Но когда, послѣ этой борьбы, министры донесли Національному-Собранію объ уступкахъ, съ трудомъ изторгованныхъ у короля и друзей его, революція уже вспыхнула. Эти уступ-

ки были сдѣланы уже поздно; онѣ казались неудовлетворительными и были гордо отвергнуты. Несчастные министры безвинно навлекли на себя ненависть со всѣхъ сторонъ; въ глазахъ аристократовъ, они казались явобидцами, а въ глазахъ настоящихъ явобидцевъ — аристократами! Сколько надо было имѣть твердости характера этина людямъ, чтобы перенести капризы двора, чтобъ съ терпѣніемъ выслушивать упреки въ неблагодарности къ королю въ ту минуту, когда они служили ему со всѣмъ усердіемъ, — чтобъ наконецъ выдержать все презрѣніе и всѣ капризы, которыми осыпалъ ихъ Версаль! Но что могли сдѣлать министры? Еслибъ Неккеръ и де-Сен-При пользовались даже полною доктренностью короля, и тогда едва-ли могли бы спасти его. Правда, они могли бы предостеречь его отъ грубыхъ ошибокъ. Руководимый ихъ совѣтами, Лудовикъ XVI не предпринялъ бы такихъ слабыхъ мѣръ 14 іюля, которыя кончились взятіемъ Бастиліи; онъ не собралъ бы съ такимъ шумомъ войскъ кругомъ Парижа, какъ-будто для того, чтобъ раздражить революцію и принудить ее принять наступательное положеніе. Пятаго въ шестаго октября, онъ не сталъ бы дожидаться нападенія въ самомъ дворцѣ, чтобъ отдать въ руки революціонеровъ и позволить имъ вести себя въ Парижѣ. Графъ де-Сен-При предлагалъ два плана: или выступить съ войскомъ противъ толпы бунтовщиковъ, преградить имъ дорогу и, въ случаѣ крайности, отважиться на битву; или отправиться въ Рамбуль съ королемъ и королевскою фамиліею. Король нѣсколько разъ измѣнялъ свои мнѣнія и рѣшился остаться въ бездѣйствіи, не потому, чтобъ это было лучше, но потому-что это болѣе согласовалось съ нерѣшительнымъ характеромъ Лудовика XVI. Эта нерѣшительность была роковымъ его несчастіемъ.

Но смерть Лудовика XVI искупила всѣ его недостатки; память его стала навсегда священна. Онъ умеръ, какъ монархъ, принесшій себя въ жертву

за свой народ. Но взгляните на него из совѣтъ. Королевская власть тяготитъ его; онъ дремлетъ среди самыхъ важныхъ прений; онъ идетъ къ своей гибели, и самъ чувствуетъ это, но не предпринимаетъ никакихъ средствъ къ спасенію себя и Франціи. Онъ является въ Национальное Собраніе и своей рѣчью исторгаетъ слезы умиленія и пріику энтузіазма у самыхъ отчаянныхъ революціонеровъ. Всѣ надѣются, что необходимыя реформы совершатся спокойно, что Франція и монархія будутъ спасены! Но между-тѣмъ, какъ надежда и радость блестятъ еще на всѣхъ лицахъ, Лудовикъ XVI возвращается во дворецъ свой. Здѣсь онъ встрѣчаетъ печальныя лица придворныхъ, видитъ слезы королевы, — и слезы оставляютъ его. Онъ снова предается нерѣшимости и бездѣйствію, тогда-какъ кругомъ его совершается разговоръ, который приведетъ его отъ 14 іюля къ 10 августа, а отъ 10 августа къ 21 января! Лудовикъ XVI могъ быть великимъ только въ одинъ день, именно въ день своей смерти. Мы не должны роптать на Провидѣніе, когда оно исповыдастъ неслыханныя несчастія и ужасныя испытанія. Быть-можетъ, эти несчастія и испытанія — дары его благодати, которыя были необходимы, чтобъ пробудить въ нашей душѣ высокія качества, до-тѣхъ-поръ выходяшіяся въ усыпленіи. Лудовикъ XVI заслужилъ бессмертіе въ одинъ день: только 21 января онъ явился королемъ!

Послѣ этого нельзя осуждать министровъ, которые должны были управлять государствомъ среди подобныхъ смутъ, не имѣя опоры ни въ королѣ, ни въ народѣ. Они должны были пожертвовать своими воспоминаніями и предвѣщаніями, — а эта жертва была тягостна. Графъ де-Сен-При съ радостію оставилъ министерство въ 1791 году и, для спасенія своей жизни, удалился въ Англію. Но во время эмиграціи, его жизнь была еще печальнѣе. Лудовикъ XVIII, принявшій титулъ короля послѣ смерти Людовика, призвалъ

къ себѣ графа де-Сен-При и сдѣлалъ его своимъ главнымъ министромъ. И здѣсь, при дворѣ Лудовика XVIII, несмотря на угрюмыя обстоятельства, не только сохранился, съ какими-то религиознымъ благоговѣніемъ, весь церемониаль Версаля, но еще графу де-Сен-При было суждено встрѣтить счастливаго соперника. Король предоставилъ ему только оффиціальныя дѣла, потому-что его имя имѣло въсь привилегіи иностранныхъ дворахъ; но довѣренности своей удостоивалъ одного господина д'Аваре. Всѣ важныя дѣла передавались въ руки д'Аваре, который писалъ на поляхъ свои замѣчанія. Графъ де-Сен-При жаловался на эту несправедливость, и король, для утѣшенія его, рѣшился только переписывать собственною рукою замѣчанія д'Аваре. Графъ де-Сен-При предлагалъ свои совѣты, но король съ неудовольствіемъ выслушивалъ эти совѣты и гордо отвергалъ ихъ. Къ чести Лудовика XVIII надо сказать, что, будучи изгнанникомъ, лишенный короны, онъ явился достойнымъ звукомъ Лудовика XIV. Не имѣя надежнаго престопаща; онъ заключаетъ условія какъ король, и объявляетъ Германіи, что никогда не согласится на раздѣленіе Франціи. Вообще, въ письмахъ Лудовика XVIII къ графу де-Сен-При, видна сила истиннаго величія и изумительнаго легкомыслія. Въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ, этотъ государь увлекается мелочами и приводитъ стихи изъ Горация. Но ничто не мешаетъ въ немъ твердаго сознанія своихъ правъ; онъ столько же является королемъ въ Митахѣ, какъ могъ бы явиться въ Версали. Впрочемъ, въ этой отношеніи главнымъ составляетъ предсловіе Баранта, которое стоитъ истерти. Въ выходя изъ скромной роли биографа, знаменитый писатель съ рѣдкимъ талантомъ рассказываетъ и судитъ о происшествіяхъ, связанныхъ съ жизнью де-Сен-При. А де-Сен-При не участвуетъ во всѣхъ важныхъ событіяхъ: онъ былъ послѣднимъ изъ константинополь, гдѣ долженъ былъ вы-

держивать честь Франціи, униженной семилѣтнею войною и трактатомъ 1763 года; былъ министромъ Лудовика XVI въ страшную годину, предшествовавшую паденію трона; былъ министромъ Лудовика XVIII во время эмиграціи. Словомъ, судьба какъ-будто хотѣла, чтобъ онъ, такъ-сказать, отразилъ на себѣ всю исторію своего времени.

СЬНОНИКЪСЪ ЛОРРАЙНСЪСЪ, 2-ме сѣріе, par M. Th. Coursiers. Paris et Bar-le-Duc (Лотарингскія Хроники, 2-я сѣрія; г. Т. Курсье. Парижъ и Бар-ле-Дюкъ).

Между провинціями Франціи, литературные труды которыхъ проявляются съ болшею дѣятельностію, должно упомянуть о Лотарингіи, и между людьми, прославляющими ее, г-на Т. Курсье, родившагося въ Линьи и посвятившаго себя изученію мѣстной исторіи.

Мы уже упоминали о первой части этого изданія, вышедшей въ прошломъ году. Вторая, только-что вышедшая, въ ней же заключается семь легендъ: 1) *Комедіи герцога Зотелона* (L'Esuyer du duc Zothelon) относится къ XI столѣтію, эпохѣ, въ которую феодализмъ ослабѣваетъ предъ великимъ порывомъ крестовыхъ походовъ, и когда Лотарингія не обратилась еще въ герцогство; 2) *Легенда* (Une tradition); 3) *Положенія капитана Жерара* (Les aventures du capitaine Gérard), весьма-любопытный очеркъ военныхъ нравовъ XVIII столѣтія; 4) *Жизнь Скульптора* (La vie d'un Sculpteur barrois), занимательная біографія *Лежѣ Ришье*, прозваннаго *il barrois*, знаменитаго ученика Микель-Анджело и артистической знаменитости Лотарингіи; 5) *Заране вѣселиться* (S'êbattre d'avance), эпизодъ изъ жизни графа Воданкура, соперника Ренѣ на герцогскую корону; 6) *Катерина-Лотарингская* (Cathérine de Lorraine), драматическая біографія знаменитой аббатисы, защищавшей Ремірмонъ отъ войскъ Тюренна и заставившей великаго полководца отступить съ уро-

номъ. 7) *Последній изъ Мордессоновъ* (Le dernier de Mordessons), представляетъ вѣрную картину религиозныхъ войнъ XVI столѣтія; всѣ подробности этой хроникѣ дышатъ дикою энергіей фанатизма.

Приводимъ въ примѣръ вторую хроникѣ.

Заглавіе ея:

Легенда.

«Во время оно, на границахъ древней страны Ленкуа, близъ мирныхъ береговъ Орнена, въ долину, стояла маленькая хижина, въ которой обитало счастье. Это миленькое жилище, скрытое огромными деревьями, покрывавшими весь склонъ горы, у подножія которой струилась рѣчка, походило на гнѣздо голубей, исчезающее во мху и высокой травѣ.

«Такъ жили молодые супруги, въ которыхъ по русымъ, шелковистымъ кудрямъ можно было узнать потомковъ древняго поколѣнія Галловъ, сохранившагося еще во всей своей чистотѣ въ этихъ дикихъ странахъ. Стилькарникъ ловилъ въ Орнѣхъ пурпурныхъ форелей, сребристыхъ карповъ и голубыхъ берѣзовъ; на берегу же рѣки, среди душистыхъ, красивыхъ цвѣтовъ, онъ ставилъ силки птицамъ. Съ каждой стороны хижины, на берегу рѣки, тысячи тѣнистыхъ бѣсѣдокъ, устроенныхъ самою природою, бывали свидѣтелями невинной любви его къ прелестной Неалѣ. Тамъ, при тихомъ журчаніи Орнена, струившагося по темнымъ камешкамъ, молодые люди вмѣстѣ вдыхали вечерній вѣтерокъ, исполненный благоуханій, вмѣстѣ прислушивались къ гармоническимъ мелодіямъ соловья, и вмѣстѣ наслаждались любовію, которая не только не ослабѣвала отъ времени, но постоянно возрастала, какъ прелестная лилія весной.

«Тамъ они часто проливали сладостныя слезы радости, и, прижимая къ сердцу плодъ любви своей, нѣжно обнимались. Счастливая живавъ! она превращалась только

вечеромъ, когда луна серебрила вер-
хушки высокихъ деревьевъ, только для
того, чтобъ возобновиться опять ут-
ромъ, когда первые лучи солнца по-
злащали соломенную крышу скром-
ной хижины.

Но однажды войны Аттилы сошли
въ долину; роскошный Назіумъ, разо-
ренный землетрясеніемъ (*), не пред-
ставлялъ уже ничего болѣе ихъ жад-
ности: они прошли подобно грозѣ не-
бесной. И вездѣ остались неизгладимые
слѣды ихъ прихода: ни одинъ
посѣвъ не уцѣлѣлъ на пути кары Бо-
жіей, все было опустошено, все ис-
чезло, подобно пыльному вихрю, уно-
симому порывомъ сѣвернаго вѣтра.
Зажженные дѣса распространили по-
всюду ужасъ, и города, доселѣ населен-
ные, гордившіеся своею красотою, сво-
ими сокровищами, были разорены и,
какъ-бы пораженные громомъ, не воз-
ставали изъ своихъ развалинъ. Сѣтру-
домъ находятъ въ наше время ученые
и дѣятельный антикваріи въ некоторые
безобразные слѣды, сомнительные
остатки ихъ.

Въ эти времена печали и унынія,
догда струи мирнаго Орнена уносили
трушы, бѣдный рыбакъ впервые по-
знакомился со страхомъ...

Но бичъ миновалъ.

Въ первый разъ жители мирной
хижины увидѣли вдали черныя кры-
лья несчастія, и молодые люди еще
болѣе постигли, повали счастье, ко-
торымъ наслаждались, потому-что
они видѣли бѣдствія своихъ несча-
стныхъ сосѣдей, сдѣлавшихся жерт-
вой свирѣпаго варварства воиновъ
Аттилы. Сжавъ въ своихъ мощныхъ
рукахъ Неалу, Стильбарикъ прижи-
малъ ее къ своему сердцу и осыпалъ
поцалуями съ тѣмъ же жаромъ, съ
какимъ путешественникъ цалуегъ лю-
бимые вредметы послѣ долгаго и
опаснаго отсутствія.

Вскорѣ дни ихъ опять потекли съ
быстротою воды, протекающей вдали

(*). Таково народное мнѣніе въ окрестностяхъ этого города.

и уже невозвращающійся. Дѣти ре-
сли; они были прелестны и здоровы,
потому-что никакое заведеніе простѣ-
щенныхъ городовъ не препятствовало
развитію ихъ физическихъ силъ.
Каждый вечеръ Неала возвращалась
домой съ своимъ маленькимъ стадомъ,
доила коровъ и потомъ бросалась въ
объятія мужа.

Однакожь, Аэціи поразилъ страш-
ный бичъ, — и тотъ, который догдо
опустошалъ вселенную, долженъ былъ
спасаться бѣгствомъ, оставивъ свою
добычу во власти Меровея, Теодора-
ка и Аэція. Опять Орненская-Долина
огласилась крикомъ Гумновъ, — они
бѣжали, — Одинъ покинулъ ихъ.
Франскія и римскія войска преслѣ-
довали ихъ съ ожесточеніемъ тиг-
ровъ, нежелающихъ выпустить изъ
когтей своихъ добычу. И те и другое
войско предавалось грабежу, и ше-
стои, сана начинавшіе созрѣвать, бы-
ли истреблены.

Въ этотъ разъ, мирная хижина не
спаслась отъ бѣшенства урагана.

Однажды вечеромъ, малая семья си-
дѣла въ темнотѣ, подъ навѣсомъ гус-
таго бука, освѣляемаго своими тѣне-
лыми вѣтвями хижины, и внимательно
слушала древнія галльскія легенды,
которыя рассказывала Неала, какъ
вдругъ послышался сильный шумъ:
не тотъ, къ которому они уже привык-
ли, но одинъ изъ тѣхъ страшныхъ
и сверхъестественныхъ взрывовъ, ко-
торые слышатся во время землетря-
сенія.

Хижина какъ-бы покачнулася на
легкомъ основаніи своемъ.

Испуганная дѣти скрылись на гру-
ди матери, которая внезапно и съ бо-
лезнью въ сердцѣ умолила. Стильба-
рикъ подумалъ, что Назіумъ вѣроятно
будетъ истребленъ, и съ трепетомъ
поднялся со скамьи. Въ то же мгно-
віе, бѣшенный порывъ вѣтра съ шумомъ
отворилъ дверь хижины, и семья, упавъ ницъ, со страхомъ ожидала
смерти. Гроза безъ дождя раздирала
тучи тысячами молній и, слымая дивный
ревъ съ подземнымъ грохотомъ, какъ-

• Бы поражала ужасомъ самую природу.
• Стилькарникъ всталъ и нетвердымъ
• шагомъ пошелъ къ берегу Орена,
• чтобъ узнать причину этого неспости-
• жимаго явления.

• За страшною ночью наступило ут-
• ро, а Стилькарникъ все еще не возвра-
• щается къ Неалѣ. Каждую минуту вы-
• ходила она на порогъ скромнаго жи-
• ланца, и взоръ ея погружался вдалѣ;
• но увъ! она возвращалась домой не-
• утѣшенная, потому-что глаза ея не
• открывали ничего, кромѣ высокихъ
• деревъ лѣса; ничто, кромѣ плеска
• волкъ, не поражаало слуха ея. Только
• дликій вой волковъ, пожиравшихъ тру-
• сы Гунновъ, разбросанные по доро-
• гамъ, наполнялъ душу ея новымъ, не-
• выразимымъ ужасомъ. Молчаливая и
• грустная, она съ отчаяніемъ взира-
• ла на своихъ дѣтей, беззаботно игра-
• вшихъ съ собакой и по-временамъ об-
• нимавшихъ мать. Но блѣдное и груст-
• ное лицо ея, слезы, струившіяся по
• ея щекамъ, опечалили дѣтей, и они
• окружили мать съ печалію, причину
• которой сами не умѣли объяснить се-
• бѣ. Стадо, запертое противъ обыкно-
• венія и кетерчиваво желавшее выйд-
• ти на луга, наполняло воздухъ пла-
• чевымъ воемъ, которымъ какъ-бы
• оплакивало отсутствіе хозяина. Уны-
• ніе было всеобщее...

• Легкая надежда оставалась еще въ
• сердцѣ Неалы; она взяла съ собою
• дѣтей и взошла на холмъ, находив-
• шійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хи-
• жины. Въ глубокой горести шла она
• но тропинкѣ, по которой столько разъ
• гудала съ мужемъ. Тогда она была
• счастлива и не думала, что насту-
• пать день, когда и она узнаетъ муче-
• ннѣйшаго ожиданія. Наконецъ, она
• взошла на холмъ.

• Дѣти бѣгали и рѣзвились между
• цѣпками, а мать со слезами на гла-
• захъ смотрѣла вдалѣ; но нигдѣ ниче-
• го не было видно. Вдали уцѣлѣвшія
• холмы и кучи разваливъ показыва-
• ли слѣды Навіума, города Кесарей,
• города просвѣщеннаго и возвращен-
• наго...

• Все было тихо; легкій вѣтеръ ш-
• ралъ листьями деревъ... Неала сѣла,
• потому-что силы покидали ее и, за-
• крывъ прелестное лицо руками, она
• сидѣла нѣсколько часомъ какъ-бы
• уничтоженная отчаяніемъ. Голодъ
• сталъ мучить дѣтей ея: въ нихъ го-
• реть не убивала тѣла! Требованія
• ихъ напомнили Неалѣ, что она мать, и
• она встала, чтобъ возвратиться съ ни-
• ми въ долину.

• О, верхъ злополучія! первое зрѣні-
• е; представившееся ея взору, было
• пламя, пожиравшее хижину...

• Сварѣные всадники сѣлись смотрѣ-
• ли на эту картину, столь ужасную для
• несчастной семьи. Потомъ зазвучали
• трубы, воины погнали лошадей, и
• долго еще эхо Долины вторило ихъ не-
• истовымъ крикамъ.

• — Мамсенька, мамсенька, посмотри:
• они подождутъ нашу домъ!

• — Они сожгли куклу, которую па-
• пенька сдѣлалъ мнѣ!

• — И мои кости!

• — Маменька, я ѣсть хочу!

• — И я...

• Неала была подъ бременемъ го-
• рести сильной, необъятной, безутѣ-
• шной: она съ нѣжностью глядѣла на
• дѣтей, стараясь отвести взоръ отъ
• пламени, пожиравшаго хижину.

• — Маменька, ѣсть хочу! повторилъ
• младшій изъ сыновей.

• Она не отвѣчала, но встала; лицо
• ея было блѣдно; она опять обратила
• къ горизонту взоръ, въ которомъ про-
• являлось мрачное безуміе.

• — Маменька, гдѣ мы будемъ спать?

• — Пойдемъ къ нашенкѣ!

• — Пойдемъ къ рѣкѣ!

• Неала не внимала уже голосу сво-
• ихъ дѣтей, и они спустили головы,
• чтобъ скрыть слезы, потому-что взоръ
• вые узнали голодъ. Вскорѣ, одмакомъ,
• они забыли горестъ и воротились къ
• дѣтскимъ играмъ въ высокой, цвѣту-
• щей травѣ и въ зеленѣющихъ ро-
• щахъ. Незамѣтымъ образомъ, бѣгая
• одинъ за другимъ, достигли они до
• склона горы.

«Незла стала звать ихъ; даже посредъ жесточайшихъ страданій мать не забываетъ дѣтей. Но никто не отвѣчалъ ей. Она посиѣшно обомла холми, призывая дѣтей, — одно echo вторило ей голосу... И когда наступила ночь, Незла, усталая, изнеможенная, прилегла на траву молча, безъ рыданій, безъ слезъ...

«На другой день, черные вороны съ злобѣющимъ крикомъ и размахивая крыльями опускались на трупъ ея.

«Много столѣтій спустя, въ зеленой долинь, въ которой нѣкогда находилась мирная хижина, съ наступленіемъ ночнаго мрака, синеватый огонекъ блуждалъ около того мѣста и скользилъ по душистымъ бѣльцамъ... Онъ какъ-будто кого-то искалъ, и съ наступленіемъ дня исчезалъ.

«И каждый вечеръ народъ съ боязненнымъ чувствомъ смотрѣлъ, какъ душа Галла Стилькаррика искала жену и дѣтей.

Мы съ намѣреніемъ перевели этотъ отрывокъ изъ книги г. Курсье, потому-что онъ лучше всякихъ объясненій и сухихъ разсужденій можетъ подать идею о *Лотаринскихъ Хроникахъ*.

Alexandrine, par madame Eugénie Foa (Александрина, романъ г-жи Эжені Фоа).

Госпожа Эжені Фоа дала названіе Александрины собранію своихъ новыхъ повѣстей. Эта интересная книга содержитъ въ себѣ восемь отрывковъ, болѣею частью основанныхъ на историческихъ фактахъ и относящихся къ 1289, 1400, 1500 и 1609 годамъ. Легкій разсказъ госпожи Фоа придаетъ какую-то свѣжесть и особенную заманчивость стариннымъ происшествіямъ, раскрывающимся въ вѣрной исторической картинѣ. Мы желали бы представить анализъ двухъ повѣстей, двухъ произведеній свободной фантазіи сочинительницы, которыми украшено это собраніе; но къ-чему преобразовать живящее, цвѣтущее произведеніе въ сухой скелетъ? Если мы скажемъ, что героиня повѣсти любила,

была любима, была счастлива или несчастна, что герой былъ вѣроенъ или извѣстнъ, былъ блонкурый или черноволосый, конечно, мы сниземъ прелесть. Но спрашиваемъ, къ чему это послужить? Вы будете знать содержаніе повѣсти, будете знать планъ повѣсти; но при всемъ томъ не будете имѣть впечатлѣнія о сочиненіи. Анализъ не оставитъ въ васъ никакого впечатлѣнія, по которому каждый читатель только и судитъ и имѣетъ право судить объ авторѣ и его произведеніи. Мы намѣрены лучше привести нѣсколько отрывковъ изъ Александрины, которые покажутъ вамъ, что сочинительница владѣетъ перомъ. Особенно ея талантъ видѣнъ въ письмахъ, принадлежащихъ къ двумъ повѣстямъ, отъ которыхъ все сочиненіе получило свое имя. Вотъ отрывокъ изъ одной повѣсти, въ которой объясняется положеніе Александрины между мужемъ, нежелающимъ ея, и человѣкомъ, старающимся оболъстить ее.

«Какъ плохо вы понимаете жизнь, мое бѣдное дитя! Ваша судьба нечальна; но почему не возмиситесь надъ ней? Надо имѣть силу духа, и тогда можно господствовать надъ судьбою. Ваша прекрасная, чистая душа мечтаетъ о какомъ-то фантастическомъ мѣрѣ, и вы недовольны тѣмъ, что нигдѣ его не находите...

«Еслибъ вы не любили, Александрина, я поняла бы причину вашего отъѣзда; но душа ваша, такъ открыто выражающаяся въ чертахъ вашего лица, что отнимаетъ всякую возможность притворяться; вашъ голосъ, ослабѣвающій при моемъ, вашихъ слезы, избѣгающіе встрѣчи съ моими съ такою уклончивостью, трепещущей руки... все это не говоритъ ли о вашей любви? да и можете ли вы не полюбить того, кто столько любитъ васъ?

«Да, Александрина, этотъ человѣкъ, столько холодный, столько мстительный, который такъ много ждалъ, хотя ему нѣтъ еще и тридцати лѣтъ; этотъ человѣкъ, хвастающійся своимъ

• безчувственнымъ сердцемъ, размышляющій вмѣсто того, чтобъ чувствовать, анализирующій даже свои страдания, — этотъ человекъ, увидѣвъ васъ, снова почувствовалъ и жаръ молодости и первыя обаянія любви. Изъ всѣхъ прежнихъ опытовъ, у него осталось только умѣнье управлять собою.

• Десять лѣтъ назадъ, Александрина, я преслѣдовалъ бы васъ съ такою же любовью, какую питаю къ вамъ теперь; и теперь, разбирая свою страсть и ваше отчаяніе, я хочу убѣдить васъ; указывалъ вамъ эти вещи съ настоящей точки зрѣнія, хочу возвратитъ васъ себѣ.

• Мои правила самыя отчаянныя, признаюсь въ этомъ; но справедливо и то, что я обращаюсь къ женѣ, которая находится въ отчаянномъ положеніи.

• Вы пожертвовали мною, Александрина; чему, я спрашиваю? Свѣту? Но что значитъ для него ваша жертва? Онъ цѣнитъ только лицемеріе, прѣдлагаетъ одинъ соблазнъ. Вы пожертвовали мною, повторяю я, общественнымъ приличіямъ.

• Между тѣмъ, замѣйте, Александрина, что я не вооружаюсь противъ супружества; эта мысль далека отъ моего сердца! Супружество, — божественное постановленіе, прекраснѣйшее изъ всѣхъ общественныхъ постановленій; это связь семействъ, опора общества; это надежда молодыхъ людей, покой стариковъ; это храмъ честныхъ женщинъ. Счастливое супружество — настоящій эдемъ на землѣ; увы! для чего люди осквернили этотъ святой союзъ, превративъ его въ расчетъ или торговый оборотъ.

• Александрина, обыкновенныя природы покоряются случаю, но натуры высшія господствуютъ надъ нимъ. Я скажу вамъ то, что, безъ сомнѣнія, навѣститъ васъ мужъ вашъ: для чего разбивать сосудъ, если жидкость въ немъ стала мутною? для чего вы оставили мужа, который оказалъ вамъ свое покровительство, если не лю-

• бовъ, — и меня, который, въ сумракѣ вашей жизни, горѣлъ бы всею любовью, какую Богъ вложилъ въ сердце мужчины къ женщинѣ? Я далекъ отъ мысли нарушить спокойствіе семейства, отклонить молодую женщину отъ ея обязанностей, лишить ее отраднаго спокойствія, плѣнительнаго колорита чистой стыдливости, и предложить ей, въ замѣнъ этого, бурю земныхъ страстей, жгучую мечту о счастіи... вѣтъ... вѣтъ!.. И вы могли видѣть это, Александрина, тогда, какъ я видѣлъ вашу восхитительную улыбку, какую вы дарили свѣтъ, который отдааетъ вамъ дань удивленія, и вашего мужа, который любилъ васъ такъ, какъ любить владѣлецъ свой домъ, свое поле, своего коня, и любовью котораго вы были довольны, какъ женщина съ высокими правилами нравственности; я видѣлъ все это, и вѣстали въ душѣ пробужденное вами обаяніе восторга... Но вы страдали, ваши слезы свидѣтельствовали о тяжести вашихъ узъ, ваша блѣдность обличала вашу грусть: кто послѣ этого могъ бы устоять противъ желанія снова вызвать радость на ваше чело и улыбку на уста ваши?

• Итакъ, я буду ожидать васъ, Александрина. Не клятвами хочу я доказать вамъ свою любовь и успокоить вашу тревожную совѣсть, напуганную невинными предразсудками юности, — предразсудками, которые я уважаю, повѣрьте мнѣ; вѣтъ, но моими дѣйствіями, моею жизнію. Положитесь на мою честь, на мою скромность, на любовь мою. Посѣтите меня, я ожидаю васъ и надѣюсь, потому что вы любите меня, потому что вы страдаете, а болѣе всего, потому что вы имѣете дурнаго мужа.

LE BRIGAND DE LA LOIRE, par Auguste Ricard, 2 vol. in 8°. L. de Pottier, éditeur, Paris. (Дуарскій Разбойникъ, Огюста Рикара, 2 части.)

Г. Огюстъ Рикаръ выступилъ на литературное поприще такъ-называемыми подъ-де-коковскими романами, пото-

рые, далеко уступая своему образцу, были не вѣ безцѣрмонны, но вѣ вѣ съ тѣмъ не видѣли ни занимательности, ни веселости, ни вѣрной наблюдательности Поль-де-Кока. Еслибъ г. Рикаръ остался подражателемъ, онъ никогда не вышелъ бы изъ посредственности, но онъ написалъ нѣсколько романовъ совершенно-оригинальныхъ и весьма-занимательныхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и послѣднее сочиненіе его, *Луарскій Разбойникъ*. Баюта этого романа занимательна и богата разнообразными эпизодами, исполненными живости и увлекательности. Мѣстами встрѣчаются страницы, которыхъ нельзя читать безъ участія. Характеры вѣрно очерчены. Можно упрекнуть г. Рикара въ томъ, что онъ очень-лестно отзывается о себѣ-самомъ, во второй части, на страницѣ 69, гдѣ онъ заставляетъ Поля Шардена, наборщика типографіи, прозваннаго *обезьяной*, говорить пріятелю:

«Жаль, дружокъ! Ты, кажется, могъ бы быть поумнѣе, коли читаешь романы мосье Поль-де-Кока и мосье Оюста Рикара! А то ты глупъ, какъ носорогъ, никогда не выходявшій изъ вѣдра своей семьи!»

Но смотря на нѣкоторые недостатки, этотъ романъ читается съ удовольствіемъ и принадлежитъ къ числу лучшихъ сочиненій этого автора.

Les Trois Harmonies, chansons et poésies, par M. Constant Baucourt. Un volume. (Три Гармоніи, пѣсни и стихотворенія, г. Констана Бокюра, Одна часть).

Въ нашъ вѣкъ, какъ извѣстно, поэзія—аномалія. Всѣ хлопчуть и заботятся только о томъ, какъ-бы заработать деньгѹ, и поэтовъ никто слушать не хочетъ. Но поэты не унываютъ; въ ожиданіи лучшихъ временъ, они воютъ для чистѣйшей, благороднѣйшей части общества, для той части, которую много ожидаетъ въ будущемъ, а именно—для женщинъ и народа.

Еслибъ стихотворенія г. Констана Бокюра принадлежали къ разряду по-

дающихъ надежды, мы только упомянули бы о нихъ; но такъ-какъ они облачаютъ мыслителя-поэта, то мы желаемъ ближе познакомиться съ ними читателей.

Книга его раздѣлена на три гармоніи: на пѣсни, поэмы и гимны.

«Дѣтей» говоритъ авторъ «убаюкиваютъ пѣснями; мужей воспламеняютъ героическими поэмами; гимнами оживляютъ безсмертную надежду стариковъ».

Пѣсни, какъ-бы сродныя французской почвѣ, во всѣ времена слѣдовали за измѣненіями французскаго права: въ древнія времена, онѣ были исполнены шумной вакхической веселости; во времена Фронды и при Людовикѣ XIV, главною цѣлю ихъ было злословіе; потомъ, онѣ дошли до беззавѣстности, приторнаго любезничанья, и наконецъ, въ нихъ же проявляется дикая, кровавая энергія революціи. Во времена имперіи, въ пѣсняхъ воспѣвались только быты.

Беранжѣ воскресилъ пѣсню и въ нѣсколько-лѣсныхъ, быть-можетъ, формахъ, съумѣлъ выразить идеи возвышеннаго гения... Беранжѣ представилъ своимъ послѣдователямъ и подражателямъ образецъ до-того полный и совершенный, что они не осмѣливаются состязаться съ нимъ. Но не-уже-ли въ послѣ этого всѣ средства истощены? Нѣтъ. Поэтъ долженъ ихъ искать въ народномъ характерѣ, въ радостяхъ, надеждахъ и цѣлой жизни народа.

Кажется, г. Констанъ Бокюръ не со-всѣмъ повалъ истинный характеръ пѣсни. Пѣсни его разнообразны, утѣшительны, безъ желчи, но не всегда исполнены глубокой идеи. Разберемъ подробно три разряда, три гармоніи г. Констана Бокюра.

Первая содержитъ въ себѣ пятьдесятъ пѣсень на разные предметы: веселость, колкость, сатира, любовь, вино, удовольствие, религія, нравственность, политическія разочарованія, честность, патріотизмъ, свобода, народъ, дворянство, Анакреонъ и Діогенъ, Наполеонъ и Беранжѣ, нашъ сельскій

смищенникъ, сельскій философъ, поэ-
тическое убъище, пробужденіе въ
Италіи, Кесарь и Вѣчный Жидъ,
полька, дѣвушка безъ имени, Аделъ и
почтательница, фаланстеріанецъ, зем-
ледѣлецъ, іезуитъ и конецъ міра—та-
ковыя заглавія этихъ пѣсень.

Но лучше приведемъ припѣры.
Чтобъ незнакомиться съ книгой, дол-
жно прочитать ее.

Opéra bouffe — легкая пѣсенка, въ
которой приводимъ два слѣдующіе
куплета:

Les yeux troublés, le temps
Craint déjà de frapper à faux;
Contre un thyrses il change sa faux
Et s'endort penché sur son urne.
Nébé, non sans rire en dessous,
Boucement efface ses rides.
Ne craignez plus les ans rapides:
Les dieux sont gris, amusez-vous...

Pluton laissant sa porte ouverte,
Accourt aux célestes lambris.
Soudain les amours et les ris
Evanchissent sa cour déserte.
Des torrents d'un vin pur et doux
Eloignent les feux du Ténare.
Ne croyez plus au souffre avare:
Les dieux sont gris, amusez-vous (*).

Вотъ пѣсня *Смерти*:

Il faut mourir, c'est une loi certaine,
Mors, amis, songez-moi de fleurs,

(*) «Промудрись у Времени глаза и мимо
бѣдетъ она ударить; промѣняя косу на
тирсе, оно склоняишия на урну засы-
паннаго Гоба; исподтишка смѣясь, тихонь-
ко отарать его морщины. Не бойтесь
болѣе бисмерны времени: боги кибельны,
ардаишеск...»

«Цѣлуютъ, не затворивъ за собою дверь,
сидишь въ небесныя падацы. Вне-
запно кунидоны и радости омыдѣвають
его опустѣлымъ дворомъ. Потокъ слад-
чаго и сублагно вѣннъ гасать пѣлмнъ Те-
ларн. Не бойтесь болѣе жадной бездны;
болѣе шиблнннн; несомнѣнно: еси въ 1.1

Et défendez qu'une voix importante
De l'agonie augmente les douleurs.
Je veux passer comme un bluet qui tombe
Sous la faucille au temps de la moisson,
Et que l'amour m'endorme dans la tombe
Avec une chanson...

La mort vaut mieux que les sermons d'é-
glise;
Car elle endort sans discours superflus:
Elle vaut mieux que le vin qui nous
grise:
Ceux qu'elle endort ne se réveillent plus.
Donc, si jamais à ce convive aimable,
Je puis offrir un dîner sans façon,
Le verre en main je veux l'attendre à
table
Avec une chanson (*).

Наконецъ, чтобъ подать вѣрную и
полную идею о поэтѣ, мы вполнѣ вы-
пишемъ слѣдующее стихотвореніе:

Le philosophe du village.

Avec un soupir ingénu
Je me souviens que mon grand-père
Me disait: J'ai pourtant connu
Un homme de bien sur la terre!
On se pressait sur son passage,
Et chez nous on l'avait nommé
Le philosophe du village.

(*) «Надо умереть: это общій законъ.
Итакъ, друзья, увѣщайте меня цѣлѣ-
ми и запретите докучливому голосу уве-
личивать мои предсмертныя страданія.
Я хочу умереть такъ, какъ падаетъ
василекъ подъ косой; во время жатвы;
и пусть любовь усыплетъ меня въ могилѣ
— пѣсенкой...»

«Смерть лучше настоящихъ, нежели что
усыплетъ безъ дѣлнннхъ разглагольствій;
она лучше вина. Потому-то тѣ, ко-
торыхъ усыплетъ, уже въ предсмер-
тннхъ даются. И такъ, если когда-либо мнѣ
удастся безъ чинновъ предложить объѣдъ
этому милому собесѣднику, такъ се ста-
каномъ въ рукѣ я хочу ждать его за сте-
ломъ — съ пѣсенкой.»

Tous les enfans sur son chemin
Par la robe entraînant leur mère,
Accouraient lui baiser la main
Et lui réciter leur prière;
Jamais il ne leur disait rien
Qui put contrister leur jeune âge:
Aussi les enfans aimaient bien
Le philosophe du village.

Il était pauvre, mais pourtant
Sa main ne rebutait personne.
Et pour qu'on s'en allât content,
De son cœur il faisait l'aumône,
Qu'on demandât au malheureux
D'où lui venait tant de courage,
Il nommait les larmes aux yeux,
Le philosophe du village.

Le tendre, mais chaste désir
Ne craignait pas son presbytre;
Le vice eût pu seul y rougir,
L'amour y parlait sans mystère.
Aussi jamais vieillard prudent
Des amans ne prenait ombrage,
Tant qu'ils avaient pour confident
Le philosophe du village.

Il n'effrayait pas la gaité,
Son esprit la rendait plus pure;
A nos jeux s'il n'eût assisté,
On dansait mal sur la verdure.
Au hameau sous des pampres d'or
S'élève un trône de feuillage
Où l'on croit voir siéger encore
Le philosophe du village.

Il nous fallut le voir mourir!
De fleurs sa tombe fut couverte...
Mais le troupeau qu'il sut nourrir
N'a jamais séparé un pâtre.
Le hameau verrait d'heureux jours,
Aux champs on serait bien plus sage,
Si le pasteur était toujours
Le philosophe du village.

Главный недостаток для современников в том, что поэт старается подражать Беранже. Но это недостаток, происходящий из весьма понятного источника: из глубокого уважения, которое молодой поэт питает к своему великому предшественнику. Кроме того, молодость автора проявляется еще в часто повторяемых словах: роман, поэзия, любовь, надежда, душа, добротность, ангель, мечта и проч.

Не смотря на эти недостатки, поэзия г. Констан де-Бокюра лучшая из всех, написанных после Беранже.

Во *сторых* своих гармониях, в которых заключаются бессмысленные поэмы, г. де-Бокюр гораздо выше.

Под названием *Сон Прометей*, заключается целый ряд поэтических картин мифологии и поэзии, и тут в авторе пробуждается высокое вдохновение. Муза древних времен улыбается читателю, и невозможно противиться этой очаровательнице, когда она представляется в таких чудных формах. Каждая из мелких поэм этой большой поэмы образует нечто отдельное, полное... Это чистая греческая скульптура, чуждая в общем, очаровательная в подробностях своих. Вот - как можно описывать Венеру:

«O Vénus Aphrodite, ô belle Cythérée!
Les amours attelés à ta conque dorée,
Effleurant de leur vol la surface des mers,
Sous leurs pieds enfantins calmement se font
amers.

De tes cheveux pesants ta main rose et fine

Presses le sel humide et la cendre blanche
Et les flots exprimés, gouttes de blancheur,
Pleurent sur ton beau corps et se font
l'écume.

Souriant à demi, penchant un peu le front
De la terre et des cloux tu rêves en silence

Du soir et du matin flambées de soleil
Et de la lune en son tourbillon

Nos jours sont capotés quand ton front se penche
Sur la mer et sur les îles

Et de tes farouches mains insaisissables amants

Notre main suit toujours la main qui la
tourmente.

Ah! si ton pied léger daigne fouler encore
La terre des humains veuve du siècle d'or,
Puissent les noirs rochers t'offrir des fleurs
écloses

Et les déserts surpris se cacher les
roses;

A tes pieds délicats les tigres se coucher,
Les lions pour te voir en tremblant s'appro-
cher,

Puis ému qu'aux accords de la lyre d'Or-
phée,

Sentir à ton aspect son coeur se ranimer
Et renaitre en pleurant au doux besoin d'ai-
mer!

Наконецъ, третья часть гармоній. Въ каждомъ изъ трехъ стихотвореній: *Амелы*, *Свобода* и *Видннн*, есть мѣста, которыя, даже отдѣльно взятые, могли бы составлять славу поэту. Гимнъ *Аннелы* въ-особенности замѣчательнъ.

HISTOIRE UNIVERSELLE depuis les premiers âges du monde jusqu'à l'époque actuelle, par M. Lapougeaye. (Всемирная Исторія отъ первыхъ вѣковъ до настоящихъ временъ, г. Лапоннрѣ).

«Celui qui embrasse tout résume tout,» — сказалъ Монтескьё, и эта аксіома особенно-важна въ приложеніи ко всемирной исторіи. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ умѣть vybrать изъ множества фактовъ и событій такіа, которыя особенно заслуживаютъ вниманія, съ которыми оживается цѣлый міръ идей и чувствъ. Бесскѣтъ бросилъ взглядъ на исторію міра; но его рѣчей къ дознанію польза назвать собственно исторіей: въ нихъ нѣтъ того развитія, которое составляетъ необходимое условіе подлиннаго труда; это уроки для ученика — уроки съ указаніями, посредствомъ которыхъ онъ самъ можетъ попомнить свои свѣдѣнія. Вообще, всемирныя исторіи, какия только были написаны до настоящаго времени, или впадаютъ въ подробности, или предполагаютъ собою какую-нибудь особенную цѣль — те политическую, то релігіозную. Следовательно, надобно было пожелать: чтобы исторіи, — тѣмъ болѣе,

что вышъ нѣтъ самыхъ благопріятныхъ для историческихъ изслѣдованій: Умѣнхи исторіи очевидны; языкъ онъ сталъ твердъ и самостоятеленъ. Усердіе ученыхъ и особенно духъ развѣснаний, изслѣдованій, развившіяся въ наше время, подвинули исторію на нѣсколько шаговъ впередъ. Шатобрианъ, Огюстенъ Тьерри, Тьеръ и Луи Бланъ, историки, сдѣлавшіеся почти народными во Франціи, вродили яркій свѣтъ на эту отрасль человѣческихъ знаній. Г. Лапоннрѣ, писавель добросовѣстный и смѣлый, приобрѣвшій своими прежними трудами уваженіе людей мыслящихъ, рѣшился подарить отечественной литературѣ всемирную исторію. Особенно интересна первая часть его исторіи; въ ней авторъ изображаетъ картину перво-бытнаго міра и говоритъ о Китайцахъ, Индійцахъ, Персахъ, Ассирійцахъ, Египтянахъ, Велоннахъ, Атлантцахъ, Целтахъ, Скандинавахъ, Пеласгахъ, Вреяхъ, Финнннвахъ, Вавилоннахъ, Грекахъ и Римлянахъ; онъ рассказываетъ ихъ законовъ, учрежденій, богослуженія, правленія, династій, царствовавшихъ надъ ними, ихъ переселеній и революцій. Рассказъ блестящій, быстрый, занимательный, переноситъ читателя изъ одной страны въ другую; а зарава философія паритъ надъ всѣми фактами, расположенными въ самомъ строгомъ логическомъ порядкѣ. Этотъ прекрасный трудъ, о по-явленіи котораго спѣшимъ уведомить читателей, украсенъ еще сверхъ-того искуснымъ карандашомъ Жюля Давида и гравюрами Ребеля.

HISTOIRE DES JOURNAUX ET DES JOURNALISTES, depuis la révolution Française, par M. Léonard Galois. (Исторія Журналовъ и Журналистовъ со времени Французской революціи, Леонара Галлуа).

Современная исторія — вся въ журналахъ. Въ этомъ журналѣ новаго рода вы можете видѣть сннціозную любовь энциклопедическую; онъ великимъ образомъ въ-нѣтъ об-разнообразнаго міра. Писавель историческаго

попытки не найдете въ одномъ журналѣ: се надо искать во всѣхъ журналахъ. Человекъ хладнокровный, приращающій на помощь исторіи эти разнородные органы общественной жизни, сумѣетъ различить увлеченіе страстей и опредѣлить настоящій характеръ событія. Безспорно, самая лучшая исторія революціи, самая существенная и правдоподобная, была бы та, въ которой были бы собраны тщательно все ежедневныя событія той бурной эпохи и искусно представлены уму читателя. Ничто не можетъ сравниться этого впечатлѣнія; но такъ какъ невозможно перепечатывать полною коллекцію этихъ историческихъ документовъ, то необходимо избрать изъ многого самое существенное. За это дѣло взялся г. Леонаръ Галлау, авторъ уже нѣкѣтми нѣкоторыми историческими сочиненіями; онъ написалъ чрезвычайно-любопытную книгу, въ которой воскресилъ давно-забытыя имена Бриссо-Варвилля, редактора «Французскаго Патриота»; Пельтье, редактора «Дѣлій Апостольскихъ»; Маря — редактора газеты «Другъ Народа» и Гербера, издававшаяго «Отецъ Рюсселя».

Ничто не можетъ сравниться въ живости, силѣ и смѣлости съ языкомъ французскихъ журналовъ того времени, — съ языкомъ, нерѣдко необузданнымъ и напоминающимъ парижскіе рынки. Но за то, среди грязныхъ памфлетовъ сколько можно найти высокихъ истинъ, сколько ума и краснорѣчія! Съ какою граціей, на-примѣръ, Бриссо-Варвилль упрекаетъ Камилла Демулена въ излишней его горячности:

«Живешь ли ты», говоритъ онъ: «чтобы твои способности были полезны обществу? Учись и мысли; хочешь ли ты быть независимымъ? обѣдай дома, а не у преемодителей партій и людей чиновныхъ. Хочешь ли судить о нихъ вѣрно и здраво? суди о нихъ по дѣламъ ихъ и мнѣніямъ, а не по слухамъ и сплетнямъ. Малоюшь, не гдари

себѣ кумиромъ писаного смертнаго, и клинись ничѣмъ именовъ. Ты вождь, Камилль!»

Многое можно бы сказать объ этомъ сочиненіи, о благоуміи Французскаго Патриота, о духѣ Апостольскихъ Дѣлій, и странной энергіи «Друга Народа»; но наше дѣло указать только читателямъ на трудъ, заслуживающій вниманія въ историческомъ значеніи.

ABRÉGÉ DE L'HISTOIRE GÉNÉRALE DES TEMPS MODERNES, depuis la prise de Constantinople par les Turcs (1453) jusqu'à la révolution française, par M. F. Ragon, inspecteur de l'Académie de Paris. — Cinquième édition. — Trois volumes in 8. (Краткая-Всегобщая Исторія новѣйшихъ временъ, отъ взятія Константинополя Турками (1453) до французской революціи, г. Ф. Рагона, инспектора Парижской Академіи. — Три части).

Цѣль изданія этой книги состоитъ въ томъ, чтобы совокупить въ одно цѣлое и сдѣлать доступными для молодыхъ людей факты, разъясненные во множествѣ книгъ, которыя нѣтъ трудно имѣть подъ рукою, — чтобы избавить учащихся отъ скучныхъ разысканій, требующихъ много времени и большаго терпѣнія, и наконецъ, чтобы облегчить для нихъ изученіе исторіи новѣйшихъ временъ, представивъ въ картинѣ ясной, полной и методической существенные элементы науки, дальнѣйшее развитіе которыхъ предоставляется имъ наставникамъ. Пять изданій, послѣдовавшихъ одно за другимъ, ругаются за достоинство и пользу этой книги. А между-тѣмъ, трудъ этотъ былъ сопряженъ съ большими усиліями; автору нужно было перепечатать тысячи томовъ, чтобы извлечь изъ нихъ главное. Но это еще не все: нужно было расположить въ методическомъ порядкѣ безчисленное множество избранныхъ нѣтъ фактовъ, разъяснить ихъ съ ясностью и соединить

краткость съ интересомъ, изящество слога съ простотою. Книга г. Рагона принята за основаніе при обученіи новой исторіи во всѣхъ публичныхъ заведеніяхъ Франціи; это самое заставляетъ думать, что и французское правительство признало въ ней тѣ достоинства, о которыхъ мы говорили и которыя составляютъ сущность всякаго классическаго труда.

Исторія Франціи, разсмѣется, занимаетъ большую часть книги г. Рагона. Кажется, она составлена изъ множества старинныхъ «мемуаровъ», изъ которыхъ авторъ приводитъ многіе отрывки. Сверхъ того, онъ, какъ видно, много пользовался и трудами иностранныхъ историковъ, особенно англійскихъ и нѣмецкихъ. Особенно занимательны исторія морскихъ открытій Португальцевъ и Испанцевъ, исторія вооруженія наукъ и искусствъ въ XVI вѣкѣ, положеніе борьбы Голландіи съ Испаніей, тридцатилѣтняя война, война американская и исторія царствованія Фридриха II и Петра I. Сверхъ-того, къ послѣдному изданію присовокуплено еще нѣсколько главъ, посвященныхъ исторіи литературъ французской, англійской и нѣмецкой: ихъ не было въ прежнихъ изданіяхъ. Это дополненіе еще болѣе увеличиваетъ достоинство и успѣхъ книги, которой ни одинъ образованный человекъ не откажетъ мѣста въ своей библіотекѣ, тѣмъ болѣе, что въ ней онъ можетъ имѣть краткіи очерки всего того, чему нѣкогда учился.

Le Couvent des Carmes pendant la révolution, par M. Eugène Loudun. (Кармелитскій монастырь во время революціи, г. Эжена Лудена).

Небольшая, очень-занимательная Фрошюра; она напоминаетъ одну изъ ужаснѣйшихъ сценъ революціи. Хотя воспоминаніе объ этомъ событіи не сесетъ лества для національнаго самолюбія Французовъ, но исторія верушана — изъ нея страшицы не вырастятъ. Г. Луденъ рассказываетъ эти сцены весьма-увлекательно и съ большаго жаромъ. Кармелитскій монастырь. — Отд. VII.

стырь построенъ на улицѣ Вошираръ, въ глубинѣ двора; это и понынѣ весьма-любопытное зданіе.

«Зала сорока-пяти», говоритъ авторъ: испещрена латинскими, французскими и испанскими надписями, въ стихахъ и провѣ; одиѣ изъ нихъ дышатъ романтизмомъ, другія республикой; одиѣ вдохновлены пылкимъ энтузіазмомъ, другія святою покорностью. Нѣкоторыя изъ нихъ начертаны чернилами, другія карандашомъ, нѣкоторыя даже кровью... Кровь отъ времени приняла цвѣтъ ржавчины. «Невольное любопытство останавливаетъ посѣтителя, когда онъ читаетъ, напримеръ, изъ Сенеки: «Le spectacle le plus digne des regards de Dieu est l'homme de bien luttant contre l'adversité!»

Далѣе:

«Jo non son reo, non lo saro mai.»

Еще:

«Non omnis moriar.»

Нѣтъ:

«Cui virtus non deest
Ille nunquam omnino miser!»

Подобныя воспоминанія должны быть сохранены для потомства.

Les philosophes baptisés par Adolphe Dumas. (Крещенныя философы), Адольфа Дюма.

Авторъ «Cité des hommes» задумалъ броситься въ омутъ общественныхъ и политическихъ раздоровъ, волнующихъ Францію, и высказать свое мнѣніе о современномъ положеніи вещей. Поэзія всегда принимала участіе въ интересахъ человѣчества; но проза показала ему болѣе-приличною для памфлета — потому-что это сочиненіе не что иное, какъ памфлетъ, который довольно-жестко отзывался правилами нѣкоторыхъ философовъ нашего времени. Г. Адольфъ Дюма принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые,

подобно отцу Марабб, смотреть на Вольтера, какъ на старую обезьяну, а на послѣдователей его — какъ на маленькихъ обезьянъ, *самажу*. Нельзя согласиться съ его мнѣніемъ въ отношеніи къ философіи, и нельзя не признавать, что Вольтеръ оказалъ много истинныхъ услугъ человѣчеству; онъ первый замѣтилъ много недостатковъ какъ прошедшихъ, такъ и своего вѣка. Противъ этихъ-то явъ Вольтеръ вооружился орудіемъ ироніи. Пока будутъ на землѣ умы здравые и положительныя, философія Вольтера не перестанетъ пользоваться должнымъ уваженіемъ.

Весьма-простительно поэтамъ нехвалить Вольтера, когда рѣчь идетъ о его трагедіяхъ, хотя и онѣ имѣютъ свои достоинства; но Вольтеръ — философъ имѣетъ право на полное ихъ уваженіе, хотя бы за то, что онъ пояснилъ многое въ исторіи, что онъ держалъ въ своихъ рукахъ свѣтильникъ, которымъ озарились бури французской революціи. Г. Адольфъ Дюма, по примѣру автора «*Le Génie du Christianisme*», прибѣгаетъ къ чувствамъ и образамъ, чтобы защитить то, на что нападали Вольтеръ и его послѣдователи: не значитъ ли это — вести борьбу съ потокомъ вѣковъ, который въ порывистомъ теченіи своемъ уноситъ и нравы и мѣтніи, и перерождаетъ землю.. Но всякая борьба для насъ пріятна: человѣкъ любить усиливать, увеличивать свое могущество, ему пріятно прочитывать себя неизмѣннымъ, вѣчнымъ..

Палитра г. Дюма надѣлена, какъ видно, всеми цвѣтами радуги. Впрочемъ, въ новомъ сочиненіи г. Адольфа Дюма много истинной поэзіи — и это лучшая сторона его; что же касается до его критическихъ идей, то, мѣстами, онѣ просто запутаны, непонятны; съ удовольствіемъ слѣдуешь за авторомъ, но не знаешь куда онъ ведетъ; не всегда даже знаешь, откуда выходитъ.

VIE DE ZUMALACARÉGUI, capitaine générale de l'armée de Charles V (Жизнь Цумалакарэги).

Жизнь полководца карлистовъ была недолговременна; онъ умеръ на сороклетомъ году отъ рожденія, спустя полтора года отъ начала своего военного поприща; но жизнь эта блистательна; Цумалакарэги обнаружилъ много амергическихъ качествъ въ партизанской войнѣ, которую онъ велъ за своего повелителя, дона-Карлоса. Даже сами хрестивосы отдають справедливость военнымъ способностямъ Цумалакарэги и превозносятъ его великодушіе. Впрочемъ, человѣколюбіе не всегда совмѣстно съ правилами партизанской войны; по-этому и противники Цумалакарэги нерѣдко называютъ его разбойникомъ, какими слыли во время революціи предводители Вандейцевъ. Это обыкновенныя любезности, какіи партіи надѣляютъ другъ друга долѣхъ-порѣ, пока правдолюбивое общество не укажетъ каждой вещи ея настоящее мѣсто. Вотъ одинъ довольно-любопытный анекдотъ изъ жизни Цумалакарэги.

Генералъ былъ въ своей главной квартирѣ, въ Вильеравкѣ; какой-то крестьянинъ подходитъ къ нему скорыми шагами и подаетъ запечатанное письмо. Бѣднякъ, вопли вътренный въ важности возложеннаго на него порученія, ожидаетъ щедрой награды. Надобно сказать, что посланецъ не умѣлъ читать, и потому не могъ разобратъ, что на конвертѣ было написано: *Атаману воровъ Цумалакарэги*. Генералъ взглянулъ на крестьянина и, увидѣвъ, что онъ ждетъ съ полной увѣренностью награды, улыбнулся, не смотря на свою вспыльчивость, досталъ монету въ пять франковъ и бросилъ ее въ шляпу посланца.

— А отвѣтъ? спросилъ крестьянинъ.

— Я самъ принесу его, гордо отвѣчалъ Цумалакарэги, и сдержалъ слово: отвѣтъ былъ написанъ кровью.

Цумалакарэги умѣлъ приобрести любовь своихъ подчиненныхъ, и даже во многихъ случаяхъ доказывалъ ему свою привязанность; онъ часто предпринималъ опасныя экспедиціи: однажды онъ пришелъ въ большое селу-

дженіе. На дворѣ стояла суровая зима; дождь лилъ какъ изъ ведра; войскамъ случилось въ это время проходить по вязкому, глинистому мѣсту; обувь всей арміи неизменно должна была завязнуть въ глубокой грязи, и солдатамъ предстояло удовольствіе продолжать походъ босикомъ. Тогда Цумалакарѣги рассказываетъ по арміи приказъ, что тотъ, кто сбережетъ свою обувь, получитъ одинъ франкъ въ награду. Солдаты сняли сапоги, положили ихъ въ ранцы, и пошли босикомъ за лаврами побѣды; по счастью, ни одинъ изъ нихъ не потребовалъ обѣщанной награды; а то, вѣроятно, генералу было бы нѣсколько трудно исполнить свое обѣщаніе.

Смертельно-раненный при осадѣ Бильбао, Цумалакарѣги чрезъ нѣсколько дней умеръ, и умеръ въ бѣдности, — лучшее доказательство его честности. Увидѣвъ свою дочь, которая стояла у порога, онъ поврѣсилъ ее призвать духовника; негемскій священникъ пришелъ и сталъ его исповѣдовать. Родные, узнавъ, что ему остается прожить нѣсколько минутъ, призвали нотариуса.

— Господинъ Томасъ, спросилъ нотариусъ: — чтѣ вы оставляете на себѣ, и какая ваша послѣдняя воля?

— Я оставляю, отвѣчалъ онъ: — жену и трехъ дочерей, единственныхъ сокровища, какими обладалъ на свѣтѣ; больше этого я ничего не могу оставить.

Это завѣщаніе не такъ гордо, какъ завѣщаніе Эпаминиона, который, умирая, сказалъ, что оставляетъ по себѣ дочерей, Лектру и Мантивою. Отвѣтъ Цумалакарѣги гораздо-трогательнѣе: въ немъ видно болѣе человѣчественности. Самъ Плутархъ не пренебрегъ бы этими словами въ своихъ Жизнеописаніяхъ Знаменитыхъ Мужей. Характеръ частныхъ лицъ царитъ надъ духомъ партій и ихъ распри. Этимъ-то человекъ и приобретаетъ мѣсто въ исторіи, и имя Цумалакарѣги останется на страницѣхъ ея.

Émile Littré, *Dictionnaire des mots fran-*

çais, par M. Richard de Radonvilliers. (Обогащеніе Французскаго Языка, лексиконъ новыхъ словъ, г. Ришара де-Радонвилье).

Съ перваго взгляда, словарь г. Ришара Радонвилье кажется сборникомъ самыхъ страшныхъ варваризмовъ, какіе только могла создать прихоть Французскаго языка. Вѣроятно, никто не прельстится гармоніей, хоть, на-примѣръ, такихъ словъ: *abymiser* — открывать бѣдны; *anglaiser* — англизировать; *dédouiller* — перестать носить трауръ; *déticier* — сдѣлать приятнымъ; *déprobisier* — потерять честность; *funestiber* — сдѣлать пагубнымъ; *incomposer* — не составлять; *protocoler, vigilter, moucharder*, и т. п.; итѣ сомнѣнія, что подобныя звуки способы растерзать самыя неделикатныя уши, и что ихъ услышишь развѣ гдѣ-нибудь въ Бельгіи, гдѣ языкъ Французскій пользуется довольно-вабавными эксцентричествами. Во всякой странѣ, въ каждомъ государствѣ есть свои *обогатители языка*; нѣкоторые изъ нихъ болѣе или менѣе счастливы. Но нельзя не улыбнуться съ состраданіемъ при услышаніи людей, мало-знакомыхъ не только съ иностранными, но и съ русскими — не говоримъ роднымъ языкомъ. Такъ мы видимъ часто попытки въ родѣ слѣдующей: *riquant* — *щипливый*. Не правда ли, какъ хорошо сказать: *щипливая брометка* (*brûle riquante*)? Это одно слово, созданное субботнымъ «ѣльетономъ Пчелы», сдѣлать Французскаго *moucharder*. Какъ бы то ни было, но у Радонвилье достало терпѣнія набрать *двадцать-одну* тысячу подобныхъ словъ, и притомъ каждое изъ нихъ допускалось не иначе, какъ по паспорту самой этимологіи или съ за-свидѣтельствоваіемъ того, что у него дѣйствительно Французское происхожденіе...

Впрочемъ, этотъ трудъ, требовавшій немощнаго терпѣнія и слуховыхъ грамматическихъ познаній, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Хоть, къ несчастію языка, можно вѣрнѣе предсказать, что не всѣ слова, доцу-

скаемых г. Радонвиллѣ, о-французятся— они оскорбляютъ гармонію этого прекраснаго языка; однакожь, многія изъ нихъ, рано или поздно, будутъ приняты въ «Словарь Французской Академіи»; такъ, на-прим., слова: *provincialisier, rangourdir, vitaliser* и нѣкоторыя другія вовсе не противны для слуха. Въ теченіи вѣка, французскій языкъ значительно обогатился; сверхъ-того, ему предстоятъ еще новыя завоеванія, и г. Радонвиллѣ — Коломбъ въ своемъ родѣ, пускается въ безвѣстныя моря искать новыхъ словъ. Можно сказать, что онъ водрузилъ французскій языкъ въ неизслѣдованной гортани.

ЭТИЕННЕ ДЕ ЛА ВОЭТІВ, *ami de Montaigne, étude sur sa vie et ses ouvrages*, par M. Léon Feugère (Этьеннъ де-ла-Босси, другъ Монтеня; его жизнь и творенія; г. Леона Фёжера).

Книга Этьенна де-ла-Босси, подъ заглавіемъ «*Servitude volontaire*», во многихъ отношеніяхъ очень-замѣчательна. Босси былъ еще очень-молодъ, когда издалъ эту книгу; но серьезное воспитаніе XVI столѣтія и постоянное изученіе древности рано развили въ немъ возвышенность ума и твердость духа. Местъ, постигшая гороль Бордо, возбуждала его негодованіе и была причиною появленія его знаменитой книги, которой удивлялись философы всѣхъ временъ, какъ образцу краснорѣчія и строгой логики, достойному лучшихъ временъ Греціи и Рима. Кромѣ того, Босси былъ еще законовѣдецъ и поэтъ; онъ жилъ пламенною жизнью, жаждающею все обнять, — жизнью, которою особенно отличается его время, жизнью Монтеня и Раблѣ, которая была такъ многосторонна и плодотворна. Босси оставилъ нѣсколько сочиненій, подобно Ронсару, нѣсколько влестій, подобно Дю-Беллѣ, и нѣсколько эпиграммъ, подобно Марб. Любопытная жизнь его разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ г-нъ Леонъ Фёжеромъ, писателемъ уже заслужившимъ одобреніе Французской Академіи своими предшествовавшими трудами. Босси умеръ

на тридцать-пятиомъ году отъ рожденія, на рукахъ Монтеня. Авторъ «Опытовъ», какъ извѣстно, разсказалъ трогательными словами печальную кончину своего друга.

Изъ стиховъ, приведенныхъ г. Леонъ Фёжеромъ, слѣдующіе четыре отличаются особенно-нѣжною меланхоліею. Вотъ какъ Босси воспѣваетъ счастье уединенной жизни:

O Médoc! mon pays solitaire et sauvage,
Il n'est point de pays plus plaisant à mes
yeux;
Tu es au bout du monde, et je t'en aime
mieux.
Nous savons, après tous, les malheurs de
notre âge!

Въ этихъ четырехъ стихахъ видна душа нѣжная, сострадательная. Трудъ г. Фёжера заслуживаетъ полной похвалы, и Босси ничего не потерялъ, прождавъ такъ долго своего историка.

LES PARFUMS ET LES FLEURS, par M. V. Debaux (Благоуханія и Цвѣты, г. В. Дебб).

Г. Дебб, котораго перо вмѣстѣ и краснорѣчиво и поучительно, послѣ своей *Гигіены Красоты*, подарилъ французской литературѣ новый очень-милый томикъ, подъ названіемъ *Благоуханія и Цвѣты*, который расписалъ встать къ святкамъ, когда родители раздаютъ подарки дѣтямъ. Предметъ этого сочиненія — одна изъ самыхъ пестрыхъ, самыхъ ароматическихъ отраслей естественныхъ наукъ. Г. Деббъ начинается свою книгу описаніемъ всѣхъ извѣстныхъ духовъ, разсказываетъ исторію ихъ отъ глубокой древности до нашихъ дней, говоритъ объ употребленіи ихъ въ жертвоприношеніяхъ и въ туалетахъ дамъ, въ рукахъ которыхъ они сдѣлались потучными вспомогательными средствами красоты; къ этому онъ присовокупляетъ любопытную и поучительную диссертацію объ удивительномъ дѣйствіи ароматовъ на нашу нервную систему. Въ этой главѣ встрѣчаются страшныя, по-

чти - рефронтные факты. За сими, рѣчь переходитъ на цвѣты, эти милыя чада весны, какъ называли ихъ во время оно; говорится о ихъ любви, ихъ браняхъ, о чудесныхъ метаморфозахъ, какъ имъ можетъ дѣлать надъ ними искусство садовника, — словомъ, обо всемъ, что только есть интереснаго въ растительномъ царствѣ. Потомъ г. Деббѣ говоритъ о садахъ, и говоритъ гораздо-лучше, нежели почтенный аббатъ Делиль, — начиная отъ знаменитыхъ висячихъ садовъ вавилонскихъ и до садовъ англійскихъ и китайскихъ, вошедшихъ въ моду въ наши времена. Не думайте, чтобъ онъ выпустилъ изъ вида языкъ цвѣтовъ, — нѣтъ, онъ открылъ и его тайны.

Эта книга можетъ быть полезна для всѣхъ возрастовъ, для всѣхъ классовъ общества. Поэтъ и художникъ найдутъ въ ней исторію и символику растений, посвященныхъ божествамъ Олимпа. Дамы и молодые люди, безъ всякихъ усилій памяти, могутъ почерпнуть изъ нея историческія свѣдѣнія, необходимыя въ наше время для каждаго благовоспитаннаго человѣка; наконецъ, даже тѣ читатели, которые ищутъ въ книгахъ одного удовольствія, найдутъ въ ней свою долю.

L'omnibus d'Eric, par M. Paulin Litaugas. (Тѣнь Эрика, г. Поленъ Лимерака).

Шарль Ноддѣ былъ милый, очаровательный рассказчикъ. Сколько оставилъ онъ по себѣ остроумныхъ твореній, въ которыхъ видно игривое, цвѣтистое воображеніе! У него фантастическое всегда сливается съ наивной прозой, съ тонкой, деликатной насмѣшкой надъ существенностью. Г. Поленъ Лимеракъ въ своемъ новомъ романѣ, «Тѣнь Эрика», хотѣлъ идти по слѣдамъ Ноддѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, ему удалось соединить въ этомъ рассказѣ фантазію съ художнической граціей. Трудно представить вѣрный разборъ этой книги: это не романъ, основанный на обыкновенной интригѣ; это рядъ мыслей и размышленій, нерѣдко

оригинальных по формѣ, но и нерѣдко написанныхъ наудачу, какъ-бы на оборотѣ игральныхъ картъ. Г. Поленъ Лимеракъ, уже извѣстный своими критиками, является теперь предъ публикой въ качествѣ романиста.

РАЗНЫЯ НОВОСТИ.

Недавно вышелъ томъ переводныхъ повѣстей (Nouvelles choisies), набранныхъ изъ сочиненій Гоголя. Въ «Смѣси» этой книжки «Отеч. Записокъ» мы даемъ отчетъ извѣстнаго критика Сент-Бѣва объ этой книгѣ, дѣлающей теперь много шума въ Парижѣ.

Жизнеописанія знаменитѣйшихъ французскихъ полководцевъ среднихъ вѣковъ, издаваемые нынѣ г. Лекюромъ, будутъ служить великодушнымъ памятникомъ славы французскаго оружія. Авторъ этихъ біографій, г. Мавасъ, не ограничивается однимъ рассказомъ жизни своихъ героев: онъ повѣствуетъ также о нѣкоторыхъ битвахъ, прославившихъ французское оружіе, и о борьбахъ, которыя отечество его должно было выдержать въ продолженіи трехъ вѣковъ противъ иноземцевъ. Г. Мавасъ старается объяснить причину того героическаго сопротивленія, которое Англичане встрѣтили во Франціи. Причина его заключается, по его мнѣнію, въ патриотизмѣ общинъ (communes).

UNE NUIT DE NOÛL (Ночь на Рождество) г. Ремона.

Этотъ любопытный романъ представляетъ поэтическую картину средняго вѣкова; онъ отличается блистательнымъ, энергическимъ слогомъ. Нѣкоторая оригинальность, замѣтная въ основаніи этого романа, еще болѣе увеличиваетъ его достоинство.

Г. Ад. Ребиттѣ, написавшій «Essai sur la poésie et sur la poétique», прекрасно излагаетъ свой предметъ. То же самое можно сказать о *Священнослужителѣ* (Le Prêtre) г. Базасса.

Недавно вышла въ свѣтъ прекрасная большая поэма г. Сумбъ «Жанна д'Аркъ». Очень-любопытное предисловіе къ этой поэмі написано поэтомъ Жюлемъ Дефевромъ, другомъ г. Сумбъ. Со-временемъ мы поговоримъ подробнѣе объ этомъ твореніи, которое авторъ на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему отечеству.

CODE DU CHASSEUR AU CHIEN D'ARRET par M. Elzear Blaze. (Правила Охоты съ Лягавой Собакой, г. Эльзеара Блаза).

Охота — одно изъ удовольствій, которое, можетъ-быть, самымъ лучшимъ образомъ способствуетъ къ рав-

нобію жизненныхъ отвлеченій и вознаграждаетъ ущербъ, приносимый нашему здоровью невурительными кабинетными трудами. Охота оживляетъ мозгъ и сообщаетъ ему новую силу: усталость, которую она производитъ въ человѣкѣ, побуждая его къ дѣятельности и умственной и физической, не причиняетъ ему никакого вреда; напротивъ, она уничтожаетъ ало. Нельзя не привязаться къ удовольствіямъ охоты, читая остроумные рассказы г. Эльзеара Блаза. Уже въ-продолженіи пятнадцати лѣтъ эта книга занимаетъ досуги свѣтскихъ людей; это четвертое ея изданіе.

ЛОНДОНЪ
Въ Типографіи
Г. С. С. С. С.
1877

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

LETTERS FROM JAMES, Earl of Perth, Lord Chancellor of Scotland etc. to his sister, the Countess of Errol, and other members of his Family. Edited by V. Jerdan, Esq., M. R. S. L. Printed for the Camden Society (Письма Жемса, графа пертскаго, лорда-канцлера Шотландіи и пр. къ сестрѣ, графинѣ эррольской, и другимъ членамъ его фамиліи. Издаюи У. Джерданомъ.)

Пертскіе бароны часто дѣйствовали въ пользу Страртовъ съ благороднымъ мужествомъ и самоотверженіемъ. Жемсъ, четвертый графъ пертскій, авторъ этой переписки, родился въ 1648 году: Онъ воспитывался въ университетѣ-св.-Андрея, и потомъ посѣтилъ Францію. Наслѣдовавъ своему отцу, онъ на тридцатомъ году жизни присягнулъ на званіе тайнаго совѣтника и сдѣлался главнымъ судьей (Justice-General) Шотландіи въ 1682 году. Въ 1684 году, онъ вступилъ въ званіе канцлера Шотландіи и главнаго шерифа Эдинбургскаго Графства. При вступленіи на престолъ Якова II, онъ принялъ римско-католическую вѣру.

Такова государственная жизнь графа Жемса; переписка его, издавая Джерданомъ, знакомитъ съ его частною жизнью. Первое письмо писано изъ Стирлинг-Кестля, отъ 29 декабря 1688 года; въ немъ описаны подробности бѣгства его изъ Шотландіи:

«Во вторникъ на прошлой недѣлѣ, Блерь прибылъ изъ Эдинбурга и раз-
Т. XLIV. — Отд. VII.

сказалъ мнѣ, что к — (король Яковъ II) уѣхалъ во Францію и пр., что если я не спасусь немедленно бѣгствомъ, то погибну; снѣ нанялъ корабль, который будетъ готовъ къ отплытію изъ Брунтисленда въ слѣдующую ночь въ пять часовъ и убѣдительно просилъ меня не медлить, потому-что снѣга на Очельсѣ были чрезвычайно-глубоки; онъ говорилъ, что если я поѣду днемъ, то не спасусь. Потомъ Блерь воротился въ Брунтислендъ, еще разъ предложилъ насъ переодѣться какъ-можно лучше и не медлить. Жена моя переодѣлась такъ искусно, что я самъ не узналъ бы ея; я же не имѣлъ ни средствъ, ни возможности это сдѣлать и опасался быть узнааннымъ. Около шести часовъ вечера мы выѣхали изъ Друммонда по разнымъ дорогамъ: она отправилась въ Демингъ, я въ другую сторону по холмамъ, покрытымъ глубокими снѣгами и по которымъ врядъ ли когда-либо до насъ проходила нога человѣческая. Къ разсвѣту я прошелъ двѣ мили за Кинроссомъ, гдѣ остался до перваго часа по полуночи вѣстѣ съ мистеромъ Дэвидомъ Дрѣмондомъ, котораго чемаданъ я несъ; потомъ по непроходимымъ почти дорогамъ мы добрались къ пятому часу по полуночи до Брунтисленда, гдѣ уже ждала насъ жена. На бѣду намъ понадобились два человѣка съ нашего корабля, что заставило насъ остановиться въ корчмѣ и про-

ждать тамъ цѣлыя пять часовъ; наконецъ насъ перевезли на корабль, и мы отплыли при попутномъ вѣтрѣ. Никто не узналъ моей жены; но два чело-вѣка, находившіеся въ корчмѣ въ Брунтислендѣ, узнали меня, и одинъ изъ нихъ немедленно побѣжалъ въ Киркальди и рассказалъ, что я бѣжалъ съ четырьмя лошадьми, нагруженными деньгами, что правительство даетъ 1000 фунтовъ стерлинговъ тому, кто поймаетъ меня, и т. п., и встревожилъ весь городъ. Байлей Бдсуэль (обязанный многими нашему брату) своими софтами и примѣромъ, до того воодушевилъ народъ, что двадцать-пять отчаянныхъ чело-вѣкъ немедленно сѣли на судно и пустились за нами въ погоню. Надо, однакожъ, замѣтить, что жена Бдсуэля, опасаясь отчаянной защиты съ нашей стороны, удержала мужа; тогда нѣкто Уильсонъ, бывший въ продолженіи пятнадцати лѣтъ морскимъ разбойникомъ (вы, вѣроятно, слышали объ этомъ негодяѣ), привалъ начальство надъ толпой, которая, распустивъ всѣ паруса и дѣйствуя веслами, погналась за нами. Мы полагали, что находимся уже внѣ опасности, но докторъ Нильсонъ (сопровождавшій насъ), зайтивъ на разсвѣтѣ судно, предположилъ, что оно насъ преслѣдуетъ. Не смотря на то, что я сомнѣвался въ этомъ, капитанъ корабля спряталъ меня и жену, когда убѣдился въ бы-стротѣ, съ которою приближалось судно.

Далѣе слѣдуетъ описаніе того, какъ графъ и жена его были взяты и отвезены въ Киркальди, и какъ съ ними жестоко поступали до отпращиванія ихъ въ Стирлингъ, гдѣ они были заключены въ темницу. Подробности заточенія описываетъ графъ въ слѣдующемъ письмѣ къ своему брату:

«Находясь во власти людей, поступающихъ со мною чрезвычайно-стро-го, даже жестоко, я не знаю, долго ли мнѣ позволятъ переписываться съ друзьями, а потому спѣшу уведомить васъ о моемъ жалкомъ положе-

ніи, не входя въ подробности пред-шествовавшихъ событій. Пусть се-стра наша сообщитъ вамъ свѣдѣнія о томъ, какъ начались смуты, какъ я долженъ былъ бѣжать изъ Эдинбор-га, какъ домъ мой былъ ограбленъ и сожженъ, какъ меня лишили пенсін, которую я заслужилъ своими много-лѣтними трудами, какъ я сѣлъ на ко-рабль въ Брунтислендѣ, какъ меня до-гнали, ограбили, отвезли въ Киркаль-ди, обвинили въ томъ, будто я намѣре-вался поджечь этотъ городъ, возму-тили противъ меня народъ, какъ графъ марскій, присланный за мною совѣтомъ, слышалъ, что народъ тре-бовалъ, чтобы меня немедленно пош-ли, и наконецъ, какъ меня привезли сюда и заключили въ темницу. Жена моя раздѣляла всѣ мои страданія и мученія съ нечеловѣческими терпѣ-ніемъ и смиреніемъ.»

Ожидая рѣшенія суда, графъ пребылъ въ Стирлингъ - Кестлѣ до августа 1693 года; тогда, выданнымъ 5000 фунтовъ стерлинговъ, онъ былъ освобо-жденъ, обязавшись немедленно выѣхать изъ королевства. Оттуда въ письмахъ его заключаются описанія различныхъ его путешествій. Изъ Мاستрихта онъ пишетъ:

«Главный предметъ, замѣченный мною здѣсь, — есть чудотворное расчи-щеніе въ Августинскомъ - Монастырѣ. Одинъ добродѣтельный мужъ далъ обѣтъ сходитъ къ гробу Господня. Воротившись оттуда, онъ пришелъ съ собою чотки и нѣсколько другихъ святыхъ вещей для всѣхъ своихъ род-ныхъ. Во время раздачи, младшая дочь этого чело-вѣка была въ церкви. Пришедши домой, она стала про-сить отца, чтобы онъ подарилъ ей какую-нибудь свя-тую вещьку.»

«— Увы! дочь моя, началъ онъ, я уже все роздалъ, и у меня остался только тотъ грецкій орѣхъ, который я привезъ съ собою съ Масливой-Горы.»

«— *C'est assez pour moi*, сказала она, и побѣжала въ садъ, чтобы посадить орѣхъ, пока Господь ожидаетъ

ей милость и дакъ приняться этому орѣху.

И точно—выросло большое орѣховое дерево. Молодая дѣвушка поступила въ Августинскій-Монастырь.

Нѣсколько лѣтъ спустя, молнія ударила въ дерево, и въ сердцевинѣ его нашли это расчатіе, величину съ тринацлати-лѣтняго ребенка.

Но почтенный лордъ не ограничивается богословскими разсужденіями; онъ иногда пускается въ шуточки; вотъ, на-примѣръ, описаніе бала въ Венеціа:

Танцы состоятъ здѣсь въ томъ, что кавалеръ прохаживается взадъ и впередъ съ дамой часа три или четыре средю (съ музыкой или безъ музыки — нѣтъ все равно); эта процессія оканчивается английскимъ надридеиъ; потомъ танцуютъ нѣчто въ родѣ ригодна или менуэта; за тѣмъ слѣдуютъ французскіе танцы и, наконецъ, часовъ около шести утра, они пускаются въ національные танцы, которыми очень бы пристали звуки бодынки и которые похожи на пляски нашихъ горцевъ, съ тою разницею, что здѣшніе женщины очень ловко выставляютъ на показъ хорошенькія ноги: это весьма соблазнительно.

Графъ пертскій пробылъ два года въ Римѣ, потомъ былъ призванъ въ Сен-Жерменъ королевемъ Іаковомъ, который пожаловалъ его герцогемъ пертскимъ, кавалеромъ подвезки, камергеромъ королевы, первымъ лордомъ и гувернеромъ принца валлійскаго.

Онъ сначала въ Сен-Жерменѣ 11-го марта 1716 года.

«Въ Друммонд-Кестлѣ», говоритъ редакторъ переписки, сохранился портретъ графа пертскаго, написанный Сентларромъ въ 1714 году, и величавѣе и недавнѣ латинскихъ классиковъ, Виргилія, Горация и др., подаренное ему Лудовикомъ XIV и украшенное шифромъ короля L, съ двойною французскою короною и янтарными.

OLIVER CROMWELL'S LETTERS AND SPEECHES, with Illustrations by Thomas Carlyle. 2 vols. Chapman et Hall (Письма и рѣчи Оливера Кромвеля, съ объясненіями Томаса Карлейля).

Можно сказать почти утвердительно, что самое замѣчательное въ Кромвелѣ — его практическій умъ. Онъ не терпѣлся, подобно многимъ другимъ, въ умозрѣніяхъ, въ отвлеченностяхъ, но дѣйствовалъ. Каждая мысль его почти немедленно проявлялась въ дѣйствіи. Это служило нѣкоторымъ-образомъ оправданіемъ всей его жизни. Кромвелъ часто ошибался, но всегда былъ искрененъ, и обвиненія, тяготѣвшія надъ нимъ, должны скорѣе падать на время, нежели на человѣка. Г. Томасъ Карлейль, прилежно изучая своего героя, о которомъ надаетъ уже не первое сочиненіе, вылитъ въ немъ человѣка великаго, гениальнаго, но въ высшей степени соединяющаго въ себѣ всѣ недостатки своего вѣка.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору новаго сочиненія г. Карлейля, — къ разбору писемъ и рѣчей съ бесчисленными комментаріями, — представимъ краткій біографическій очеркъ Оливера Кромвеля.

Оливеръ Кромвелъ родился въ Гунтингдонѣ, 25-го апрѣля 1599 года. Онъ дворянскаго происхожденія и со стороны матери былъ въ родствѣ съ королевскимъ домомъ Стюартовъ. Оливеръ поступилъ въ школу доктора Бирда, съ которымъ и послѣ долгое время находился въ перепискѣ. Молодой Кромвелъ рано свинтилъ съ богословскими диспутами. Пуританство въ то время быстро распространилось, и г. Карлейль говоритъ, что глубочайшіе мыслители и болящая часть благороднаго дворянства обзавели себя пуританами.

Будучи шестнадцати лѣтъ отъ роду, Оливеръ поступилъ въ Сидней-Суссекскую (Кембриджъ) Коллегію, находящуюся подъ управленіемъ Ричарда Годулета, а восемнадцати лѣтъ вступилъ во владѣніе нѣвнѣмъ и титуломъ

отца. Научалъ ли онъ законы въ Лондонѣ — подлежатъ сомнѣнью; также и то общее мнѣнiе, что онъ волею буйства, воевую жизнь, ничѣмъ не оправдывается.

На двадцать-второмъ году своего возраста женился онъ на дочери сэра Джемса Вучьеръ (Vouchier); потомъ, по смерти отца, воротился на родину къ своей матери, гдѣ и поселился, занявъ мѣсто отца въ мирномъ судѣ, другими членами котораго были старшій учитель Оливера, докторъ Вирдъ, и нѣкто Робертъ Барнардъ. Дядя его оставался до окончанiя засѣданiй 1625 года въ парламентѣ, куда поступилъ и Оливеръ, не ранѣе однакожь 1627 — 1628 года. Кромвель такъ мало старался прославиться въ парламентѣ, что большая часть недалековидныхъ английскихъ историковъ рѣшила, будто онъ никогда не былъ хорошимъ ораторомъ и еслибъ не вступилъ въ военную службу на сорокъ-третьемъ году отъ рожденiя, то ни заслуги, ни преступленiя его не сдѣлались бы извѣстными. Комментарiи г. Карлейля рѣшительно опровергаютъ подобныя негнныя сужденiя.

Если, въ это время, Кромвель и говорилъ въ парламентѣ, то совсѣмъ не изъ тщеславія, не по внушенiю самолюбія, а какъ человѣкъ, сознающій свой долгъ, согласно съ правилами, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ. Впрочемъ онъ скоро удалился въ Гунтингдонъ, а оттуда уѣхалъ въ Сент-Ивезъ, нисколько не думая о своемъ политическомъ значенiи.

Изъ переписки Кромвеля, относящейся къ этому періоду его жизни, который онъ прожилъ вдали отъ спеши политической дѣятельности, особенно замѣчательно одно его письмо къ Сен-Джону. Въ этомъ письмѣ выражается религіозное настроенiе духа, составляющее главный характеръ Кромвеля, но видѣтъ съ тѣмъ и открывается, что, въ ранніе годы, Кромвель не слишкомъ строго держался своихъ нравственныхъ правилъ.

«Любезный братъ», такъ пишетъ Кромвель къ Джону (13 октября 1638 г.): «съ чувствомъ искренней признательности я замѣчаю любовь ко мнѣ въ вашемъ и живомъ обо мнѣ воспоминаніи. Но, увы! зачѣмъ такъ высоко вы цѣните мои строки и мою бесѣду! Я краснѣю отъ стыда, когда перечитываю ваши выраженiя и сознаю въ себѣ, какъ безплодна моя жизнь и какъ слабо усовершенствованіе моего таланта. Впрочемъ, для славы Божіей, я открою вамъ то, что Богъ совершилъ въ душѣ моей. Въ этомъ случаѣ, я буду искрененъ. По истинѣ, я нахожу, что Онъ отвергаетъ источники въ сухой, безплодной и безводной пустынѣ. Я живу, какъ вамъ извѣстно, въ Мешекѣ, что, какъ говорятъ, значить *промедленіе*, въ Кедарѣ, что значить *чернота*. Но Господь не оставилъ меня. Хотя Онъ еще медлитъ, но я увѣренъ, что Онъ возьметъ меня въ свою скинию, въ свою обитель. Моя душа знаетъ въ сонѣ Первороднаго, тогда-какъ тѣло мое пребываетъ на землѣ; и если здѣсь я могу прославлять моего Бога дѣйствіемъ или страданіемъ, то я считаю себя блаженнымъ. Но истинно, ни одно бѣдное твореніе не имѣетъ болѣе причинъ подвизаться за дѣло Божіе, какъ я. Я имѣлъ въ виду огромныя выгоды, но увѣренъ, что никогда не воспользуюсь ни однимъ богомъ. Господь приметъ ли меня въ число своихъ сыновъ и поможетъ ли мнѣ ходить въ свѣтъ, — приведетъ ли насъ къ свѣту, какъ Онъ есть свѣтъ? Онъ есть свѣтъ, освѣщающій нашъ мракъ и нашу темноту. Я не смѣю сказать, что Онъ сокращаетъ отъ меня лицо свое. Онъ благоволилъ дать мнѣ узрѣть свѣтъ въ Его свѣтѣ. Одинъ лучъ, упавшій въ мрачную ядоль, производитъ въ немъ необыкновенную отраду, — да будетъ же благословенно имя Его за то, что Онъ озарилъ столь мрачное сердце, какъ мое! Вы знаете мой прежній образъ жизни. Я жилъ во мракѣ, любилъ мракъ и ненавидѣлъ свѣтъ; я былъ перемѣнъ, пер-

• щій въ грѣшниковъ. Это правда, я
 • невидѣлъ благочестіе; но Богъ поми-
 • лосердовалъ обо мнѣ. О! какое богат-
 • ство Его милосердія! Воздайте Ему
 • славу за меня, молитесь обо мнѣ,
 • чтобъ Онъ, положивъ благое начало,
 • совершилъ Свое дѣло въ день Суда
 • Христова. Поклонитесь отъ меня
 • всѣмъ моимъ друзьямъ; я искренно
 • привязанъ къ нимъ за ихъ любовь ко
 • мнѣ. Я славлю Господа за нихъ; они
 • же оставляютъ своими поचेініями
 • моего сына. Еще разъ прощайте.
 • Господь да будетъ съ вами: такъ мо-
 • лится васъ искренно любящій братъ
 • Оливеръ Кромвель.

Кромвель всегда, въ своихъ дѣй-
 ствіяхъ и словахъ, обнаруживаетъ
 практическій умъ, покорный внуше-
 ніямъ религіи, но напитанный тѣмъ
 религіознымъ духомъ, который обна-
 ружился въ Англіи еще въ эпоху мла-
 денчества Кромвеля, развился и уси-
 лился въ періодъ его возмужалости, в
 который волновалъ и увлекалъ въ край-
 ности самыхъ достойныхъ членовъ
 тогдашняго общества. Эпоха возрожде-
 нія общества всегда начинается борь-
 бою и кровопролитіемъ. Только въ
 1640 году, Англичане снова получили
 право въ первый разъ въ продолженіе
 одиннадцати лѣтъ — свободно открыва-
 вать свои мысли и чувства въ парла-
 ментѣ, и то только въ теченіе трехъ
 недѣль, когда Кромвель засѣдалъ въ
 кембриджской палатѣ. Вскорѣ шот-
 ландская армія перешла за Тивъзъ,
 овладѣла Ньюкастлемъ, Нортонбер-
 лендомъ и Дѣремомъ. Кромвель снова
 вступилъ въ парламентъ и между-
 тѣмъ, какъ сектанты нападаютъ на до-
 гматы епископской церкви, онъ, пред-
 давный всю душою религіозному воз-
 станію, прилежно занимается богослов-
 скимъ ученіемъ Шотландцевъ. Въ этомъ
 случаѣ вполнѣ обнаруживается его
 характеръ. Онъ не привязывается къ
 формѣ, но страшится дойти до исти-
 ны и предается своимъ занятіямъ ско-
 рѣе по внушенію сознанія, чѣмъ изъ
 самолюбивыхъ видовъ играть главную

роль въ рѣшеніи вопроса, такъ долго
 волновавшаго государство. Но въ 1641
 году, кругъ его дѣятельности распро-
 странился, и вліяніе его на ходъ обще-
 ственныхъ дѣлъ становится замѣтнѣе.
 Вскорѣ онъ сдѣлался главою въ совѣ-
 тѣ и предводителемъ на войнѣ. Въ
 сентябрѣ 1641 года, онъ былъ уже на-
 читаномъ въ парламентской арміи. И
 этотъ серьезный, миролюбивый фер-
 меръ, сорока-трехъ лѣтъ отъ роду,
 надбѣваетъ на себя воинскіе доспѣхи и
 вступаетъ въ борьбу съ великанами и
 властями.

Послѣ анджильской битвы, Кромвель
 былъ произведенъ въ чинъ полковника
 кавалерійскаго полка. Скоро пред-
 ставился ему случай доказать свою
 воинскую отвагу въ сраженіи при Ген-
 сборо, гдѣ былъ убитъ генералъ Ка-
 вендишъ, братъ графа шлоуэстльскаго,
 второй сынъ графа дивонскаго. Вотъ
 описаніе этого сраженія, сдѣланное
 самимъ Кромвелемъ:

• Занявъ вершину горы, мы уни-
 • дѣли сильнѣйшій отрядъ непріятель-
 • ской кавалеріи не далѣе, какъ на
 • оружейный выстрѣлъ отъ насъ; по-
 • зади его стоялъ резервъ цѣлаго
 • полка. Мы старались построить ва-
 • шнихъ солдатъ, какъ могли. Непрѣ-
 • тель быстро устремился на насъ,
 • чтобъ напасть въ-расплохъ. Мы уда-
 • рили на большой отрядъ; я командо-
 • валъ тогда лѣвымъ флангомъ. Снача-
 • ла битва была равна съ обѣихъ сте-
 • ронъ; но потомъ непріятель началъ
 • отступать, а наши солдаты, замѣтивъ
 • это движеніе, бросились впередъ, и
 • тотчасъ весь отрядъ былъ разбитъ;
 • нѣкоторые побѣжали въ одну сторону,
 • тогда-какъ другіе устремились къ
 • своему резерву; наши солдаты пре-
 • слѣдовали и били ихъ на простран-
 • ствѣ пяти или шести миль. Забѣ-
 • тивъ, что непріятельскій резервъ все
 • еще удерживаетъ свою позицію, я
 • остановилъ своего майора Веллея
 • отъ преслѣдованія, и съ своимъ соб-
 • ственнымъ отрядомъ соединилъ еще
 • нѣкоторыхъ солдатъ нашего полка,
 • такъ-что у меня всего было три отря-

да. Въ резервѣ стоялъ генералъ Кемпбелль; онъ обращалъ своимъ солдатамъ то противъ меня, то противъ англольскаго полка, который одинъ остался на мѣстѣ, тогда-какъ остальное войско погналось за бѣгущимъ неприятелемъ. Наконецъ, онъ началъ на Ливольдскъ и разбилъ ихъ. Въ это же самое время я ударилъ на него съ своими тремя отрядами. Это такъ поразило его, что онъ оstarнлъ предѣлованіе и старался только отбиться отъ меня. Но я тѣснилъ его и принудилъ сойти съ горы, положить на мѣстѣ большое число неприятелей; передъ горою, я загналъ генерала въ топь, гдѣ мой капитанъ нанесъ ему смертельный ударъ. Остальное войско разсѣлось,—ни одного человека не осталось на мѣстѣ.

Это извѣстіе доставило Кромвелю всеобщую вѣстивость. О немъ говорили всегдѣ. Парламентъ назначилъ его губернаторомъ Эли (Ely), мѣста важнаго въ военномъ отношеніи и теперь вышшаго нужду въ воинскихъ талантахъ Кромвеля. Быстрее развитіе этихъ талантовъ удивительно въ человѣкѣ, который недавно еще отличался только на поприщѣ мирнаго гражданина. Извѣстно, впрочемъ, что онъ пользовался наставленіями полковника Дальбера въ военномъ искусствѣ.

Въ 1648 году, когда въ Виндзорѣ предводители арміи собрались на совѣщаніе и рассуждали объ участи короля, Кромвель говорилъ рѣчь и заключилъ слѣдующими словами: «Нравствъ лежитъ долгъ призвать Карла Стюарта къ отвѣту за пролитую имъ кровь и за совершенное имъ зло. Этотъ частный приговоръ Кромвеля скоро сдѣлался общимъ мнѣніемъ, и судьба короля совершилась 9-го февраля 1649 года. Кромвель достигъ высокой степени могущества; но онъ шелъ въ этому величію всегда прямымъ путемъ, съ сознаніемъ своего долга. Кажется, онъ никогда не имѣлъ повода бороться съ укорани совѣсти. Между тѣмъ, какъ Карлъ ожидалъ приговора

суда въ Карисбрукѣ, Кромвель былъ спокоенъ; онъ съ родительскою вѣнностью занимался семейными дѣлами и обдумывалъ планъ ирландской экспедиціи. Послѣ смерти короля, онъ увидѣлъ себя въ опасномъ положеніи, обладателемъ, какъ говорилъ онъ самъ, неограниченнаго и самовластнаго могущества. Онъ созвалъ и утвердилъ своимъ авторитетомъ парламентъ, отказался отъ королевскаго титула и принялъ только названіе протектора.

Датѣ г. Карлейль весьма-подробно рассказываетъ о предсмертныхъ минутахъ Кромвеля. Ни укоризны совѣсти, ни страхъ смерти не мучили его... Онъ предавался спокойнымъ, благочестивымъ размышленіямъ и искренней молитвѣ. Въ доказательство словъ своихъ, г. Карлейль приводитъ предсмертную молитву Кромвеля о народѣ:

«Господи! я брешное твореніе, во Твоею благодатию соединенъ съ Тебю!.. И я молюсь Тебѣ за твой народъ. Ты избралъ меня, недостойнаго, орудіемъ проявленія твоей милостивой воли; Ты поручилъ мнѣ сдѣлать имъ добро, и многіе изъ нихъ питаютъ ко мнѣ, ничтожному, высокое уваженіе, хотя нинѣ желаютъ и будутъ радоваться моей смерти. Господи! продай твою милости къ нимъ! Даруй имъ единое сердце и взаимную любовь. Сотвори имя Христово славнымъ, великимъ въ мірѣ...» и проч.

Кромвель умеръ 3-го сентября 1658 года.

Послѣ страшнаго приговора, произнесеннаго надъ Оливеромъ Кромвелемъ, книга г. Карлейля — утѣшительное явленіе. Издатель оказалъ истинную услугу исторіи, издавъ подлинныя документы, по которымъ вѣрнѣе и даже очень-вѣрно можно судить о человѣкѣ, оказавшаго съ одной стороны великія услуги отечеству, а съ другой подвергнувагося рѣшительному суду современниковъ и потомства. Въ изданіи г. Карлейля всякій можетъ судить о Кромвелѣ по своему разумѣнію. Здѣсь являются факты, противорѣчащіе общепринятымъ сужденіямъ историковъ,

смотрѣвшихъ на одну внѣшнюю сторону предметовъ и невзвѣсившихъ въ сущность дѣла.

THE DISPATCHES AND LETTERS of Vice Admiral Lord Viscount Nelson. With Notes. By Sir Nicholas H. Nicolas. Vol. IV (Депеши и письма вице-адмирала лорда-виконта Нельсона, съ примечаніями сэра Николаса — Г. Николаса).

Депеши и письма лорда Нельсона, заключающіяся въ этомъ томѣ, относятся къ 1799 — 1801 годамъ. Изъ всѣхъ собранныхъ здѣсь документовъ, заслуживаютъ общее вниманіе читателей только тѣ, которые принадлежатъ къ славной эпохѣ жизни Нельсона, когда онъ явился героемъ подвѣтами Копенгагена.

Шестаго ноября 1800 года, лордъ Нельсонъ возвратился изъ Средиземнаго-Моря въ Англію. Народъ встрѣтилъ своего героя съ восторгомъ; его прибытіе въ какой-нибудь городъ или деревню было истиннымъ праздникомъ для жителей; его провожали отъ одной станціи до другой съ нипровизированными триумфомъ, который стоіалъ всѣхъ блестящихъ, совершавшихся по программѣ триумфовъ древнихъ Римлянъ. Перваго января 1801 года, лордъ Нельсонъ получилъ чинъ вице-адмирала. Спустя нѣсколько времени, англійское правительство отправило свой флотъ въ Балтійское-Море, подъ главнымъ начальствомъ адмирала сэра Гейда - Паркера. Помощникомъ адмирала былъ назначенъ лордъ Нельсонъ. Такъ столкнулись два человѣка совершенно - противоположныхъ характеровъ. Сэръ Гейд - Паркеръ былъ человѣкъ холодный, флегматическій, разсѣтливый, тогда-какъ лордъ Нельсонъ отличался рѣшительностью, отвагою и геройскою храбростью. Съ перваго дня своего назначенія, до той минуты, какъ сэръ Гейд - Паркеръ согласился двинуть флотъ къ Копенгагену, лордъ Нельсонъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ добиться этого согласія своего адмирала. «Тѣмъ болѣе я думаю»,

говорилъ онъ: «тѣмъ болѣе убѣждался въ своемъ мнѣніи, что не должно терять ни одной минуты въ аттакѣ неприятеля, который съ каждымъ днемъ и часомъ становится сильнѣе, и мы никогда не можемъ имѣть для того болѣе выгоды, какъ въ настоящую минуту. Теперь меня занимаетъ только одно то, какъ добраться до неприятеля съ болѣею безопасностью для нашихъ кораблей. По моему мнѣнію», прибавлялъ онъ: «самыя от-важныя мѣры вмѣстѣ и самыя спасительныя.» И флегматическій сэръ Гейд - Паркеръ не могъ не уступить своему пылкому товарищу; но онъ не могъ рѣшить своего сомнѣнія, идти ли черезъ Зундъ, или слѣзать обходъ по Бельту. Лордъ Нельсонъ стремился только къ одной цѣли — идти къ Копенгагену, и черезъ Зундъ ли то, или черезъ Бельтъ, или инымъ путемъ», говорилъ онъ: «только не теряйте времени!»

Сэръ Николасъ подробно описываетъ это время, въ которое являются въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ непрерывная дѣятельность лорда Нельсона и осторожныя распоряженія его начальника. Здѣсь мы находимъ анекдотъ, мало важный по своему содержанію, но самую свою мелочностью характеризующій главную черту Нельсона, этотъ безпокойный духъ, который заставлялъ его вмѣшиваться во всѣ случаи, и важныя и пустыя.

«Разъ, когда корабль, при тихомъ вѣтрѣ, едва подавался впередъ, лордъ Нельсонъ тотчасъ слѣзлъ свои распоряженія. Но послѣ этого, паруса совсѣмъ упали. Лордъ Нельсонъ обратился къ вахтенному офицеру и сказалъ угрюмо: — Смотрите, что мы слѣзали. Ну, сэръ, что вы думаете теперь дѣлать? — Не знаю, отвѣчалъ офицеръ въ недоумѣніи: — я опасуюсь, что корабль не пойдетъ. — Ну, если вы не знаете, что дѣлать съ нимъ, я тоже знаю не болѣе васъ. Съ этими словами онъ возвратился въ свою каюту, предоставивъ офицеру распоряжаться какъ ему угодно.»

Намѣреніе лорда Нельсона было — нечаянно явиться на датскихъ моряхъ и быстротою своего движенія предупредить грозное приготовленіе къ оборонѣ. Съ этой цѣлю, онъ хотѣлъ было отправиться съ нѣсколькими готовыми кораблями, предоставивъ другимъ явиться послѣ, когда будетъ возможность. Но 15-го марта, флотъ былъ разбитъ сильными вѣтрами, и только 19-го былъ приведенъ опять въ порядокъ. Потомъ подулъ сѣверо-западный вѣтеръ, и флотъ долго не могъ пройти черезъ Каттегатъ. 25-го вѣтеръ благоприятствовалъ плаванію по Зунду; не смотря на то, 26-го корабли двинулись по Большому - Бельту; но когда прошли нѣсколько миль вдоль береговъ Зеландіи, сэръ Гейд - Паркеръ вдругъ переизмѣнилъ свой планъ, и флотъ возвратился на прежнюю стоянку. «Теперь», говоритъ полковникъ Стуртъ: «Датчанамъ дано было слишкомъ много времени для постройки укрѣпленій». Уже 30-го марта флотъ вошелъ въ Зундъ. Лордъ Нельсонъ былъ въ авангардѣ. Корабли приблизились къ гесингборскому берегу, чтобы укрыться отъ выстрѣловъ, которыми осыпали ихъ Датчане. «Датскія баттарей» говоритъ сэръ Ничоласъ: «открыли огонь почти изъ ста орудій, какъ-скоро нашъ передовый корабль, «Монархъ», поравнялся съ ними; во все время, пока проходилъ нашъ флотъ, баттарей продолжали пальбу, къ немалому удовольствію нашихъ солдатъ, которые не потерпѣли отъ того никакого вреда.»

Датчане успѣли приготовиться къ оборонѣ. Сѣверная оконечность мелей, близъ кронборгскихъ баттарей, равне какъ портъ и арсеналъ, были закрыты страшною флотиліей. Не смотря на то, отважный и предприимчивый Нельсонъ заставилъ своего адмирала принять рѣшительныя мѣры. На военномъ совѣтѣ онъ вызвался идти въ атаку и требовалъ себѣ десять кораблей. Сэръ Гейд - Паркеръ согласился на предложеніе Нельсона и далъ ему да-

же два корабля лишніе прогнать тубуемыхъ.

«Во время этого военного совѣта, лордъ Нельсонъ обнаружилъ всю энергію своего характера. Нѣкоторые члены представляли трудности, предстоявшія англійскому флоту въ борьбѣ съ тремя союзными державами, съ которыми должно было завязаться дѣло на этихъ моряхъ. Лордъ Нельсонъ ходилъ по каютѣ, раздраженный нерѣшительностью членовъ. Когда заговорили о Шведахъ, онъ отрывисто замѣтилъ: — чѣмъ больше число, тѣмъ лучше. Когда же предложили возраженіе насчетъ Русскихъ, то онъ повторилъ нѣсколько разъ: — я желалъ бы, чтобы ихъ было вдвое болѣе.»

Перваго апрѣля, въ десять часовъ утра, лордъ Нельсонъ далъ сигналъ сняться съ якоря и на семидесятичетырехъ-пушечномъ кораблѣ, «Элеоноръ», повелъ свою эскадру къ грознымъ укрѣпленіямъ Копенгагена, между тѣмъ, какъ всѣ другіе корабли остались на якоряхъ, и ихъ экипажи были правдыми зрителями ужасной сцены.

Полковникъ Стуртъ рассказываетъ интересныя подробности о дѣйствіяхъ лорда Нельсона въ ночь, предшествовавшую атакѣ. «Какъ-скоро эскадра стала на якорь, Нельсонъ сѣлъ за столъ, вмѣстѣ съ своими офицерами. Онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и пилъ въ честь попутнаго вѣтра и за успѣхъ слѣдующаго дня. Всѣ капитаны отправились на свои корабли, кромѣ Риу, который, вмѣстѣ съ лордомъ Нельсономъ и Фолеемъ, составлялъ планъ сраженія и тѣ инструкціи, которыя должно было разослать на корабли утромъ. Лордъ Нельсонъ былъ такъ утомленъ, что старый слуга, Олленъ, ивѣдавшій, въ подобныхъ случаяхъ, надъ своими господиномъ большую власть, всталъ, чтобы онъ легъ спать. Лордъ Нельсонъ легъ на полъ, но все продолжалъ диктовать инструкціи. Около одиннадцати часовъ, являясь капитанъ Гарли съ доносеніемъ объ и-

• слѣдованной имъ глубинѣ пролива.
 • Почти въ часъ за полночь, инструк-
 • ция была кончена и отданы писа-
 • рямъ для переписки. Лордъ Нель-
 • сонъ, вмѣсто того, чтобъ предаться
 • усномнительному сну, каждый полча-
 • са выбѣгалъ въ каюту писарей и по-
 • буждалъ ихъ скорѣе оканчивать свои
 • дѣла, потому-что началъ дуть благо-
 • приятный для флота вѣтеръ. Пере-
 • писка была окончена около шести
 • часовъ утра; лордъ Нельсонъ тотчасъ
 • одѣлся, позавтракалъ и въ семь ча-
 • совъ далъ сигналъ всѣмъ капита-
 • намъ.

Планъ Нельсона протянуть линію своихъ кораблей до кровборгскихъ баттарей, былъ разстроены несчастнымъ случаемъ: три корабля его съѣли на мель въ Королевскомъ-Каналѣ. Сраженіе началось въ десять часовъ. Обѣ стороны дрались съ ожесточеніемъ. Датчане, въ-продолженіе нѣсколькихъ часовъ, потерпѣли ужасное пораженіе, такъ-что около втораго часа, нѣкоторые изъ датскихъ кораблей прекратили огонь. Между-тѣмъ, и английскіе корабли съ своей стороны много потерпѣли отъ сильной борьбы, которую должны были выдерживать съ теченіемъ, мелями и непріятельскими орудіями. Эти обстоятельства такъ устрашили адмирала Гейдъ - Паркера, что онъ выбросилъ сигналъ отступленія. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, никакой начальникъ, на мѣстѣ Нельсона, не захотѣлъ бы увеличивать свою отвѣтственность непоминовеніемъ. Но отличительная черта Нельсона была самонадѣянность, которая не разъ заставляла его забывать долгъ подчиненности. И теперь, когда оказался знаменитый сигналъ адмирала, сигнальный офицеръ тотчасъ донесъ объ этомъ Нельсону, который въ это время расхаживалъ у прѣваго борта корабля. Онъ, казалось, не слышалъ словъ офицера и продолжалъ ходить. Встрѣтивъ его на первомъ поворотѣ, офицеръ спросилъ: долженъ ли онъ повторить сигналъ? Лордъ Нельсонъ отвѣчалъ: «нѣтъ» и съ замѣтнымъ вод-

неніемъ принялся снова ходить взадъ и впередъ. И такъ, сигналъ не былъ повторенъ на «Элевантѣ», битва продолжалась, и, благодаря рѣшительному характеру Нельсона, английскій флотъ прославилъ себя блистательною побѣдою. Датскій флотъ былъ уничтоженъ и укрѣпленія разрушены. Вскорѣ послѣ этого Англія заключила миръ съ Данією. Нельсонъ получилъ титуло виконта и возвратился въ Англію въ июнѣ того же года.

Остальные документы, заключающіеся въ этомъ томѣ и относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1801 года, не имѣютъ общаго интереса; но во всякомъ случаѣ они драгоценны потому, что относятся къ исторіи такого знаменитаго героя, какъ лордъ Нельсонъ.

THE LIVES OF THE LORD CHANCELLORS AND KEEPERS OF THE GREAT SEAL OF ENGLAND, from the Earliest Times till the Reign of King George IV. By John Lord Campbell. The First Series, in 3 vols., to the Revolution of 1688. London, J. Murray. (Жизнеописанія лордовъ-канцлеровъ и хранителей государственной печати Англіи, съ давнѣйшихъ временъ до царствованія короля Георгія IV. Сочиненіе Джона, лорда Кемпбелла. Первая серия, въ трехъ частяхъ, — до революціи 1688 года. Лондонъ, Д. Моррей).

Сочиненіе лорда Кемпбелла начинается введеніемъ, въ которомъ подробно изложены происхожденіе, права и обязанности званія лорда-канцлера.

«Этимологія слова: chancellor — говоритъ авторъ: такъ мало поясняетъ предметъ, что мы находимся въ великомъ затрудненіи при рѣшеніи вопроса: происходитъ ли cancellarius отъ cancellare или cancelli — отъ дѣйствія похощренія (cancelling) королевскихъ указовъ, когда они бывали противны законамъ, или отъ небольшихъ ярутовъ, жезловъ, которыми разгоняли толпу отъ ниши или канцеля, въ которой сидѣлъ придверникъ суда.»

• Известнѣйшій защитникъ перваго
• пива — Джонъ селмоберійскій (въ
• царствованіи Генриха II), прослав-
• ляющій канцлера въ стихахъ, служа-
• щихъ предисловіемъ къ его *Polycra-*
• *ticon* :—

• *Hic est qui leges regni cancellat iui-*
• *quas,*
• *Et mandata pii principis aqua facit.*

• Но гораздо болѣе вѣса имѣетъ ав-
• торитетъ Гиббона, который, описавъ
• недостойное поведеніе императора
• Каріуса, набравшаго своихъ любя-
• щихъ и даже министровъ изъ низша-
• го слоя общества и поручившаго
• управленіе городомъ ничтожному
• канцлеру (*chancellor*), замѣчаетъ:
• Это слово, столь ничтожное въ своемъ
• первоначальномъ значеніи, по странно-
• му стеченію обстоятельствъ сдѣла-
• лось въ послѣдствіи званіемъ перваго
• сановника въ европейскихъ государ-
• ствахъ.

• Первое юридическое сочиненіе, въ
• которомъ объяснены власть и права
• лорда-канцлера, есть: — *Diversité des*
• *Courtes*, — написанное въ концѣ пят-
• надцатаго или началѣ шестнадцатаго
• столѣтія.

• Когда лордъ-меръ приходилъ въ
• известнѣйшій день въ канцелярію и по-
• сылалъ протоколиста пригласить лор-
• да-канцлера къ обѣду въ Гильдгаллъ,
• то послѣдній оставался съ покрытою
• головою и не отвѣчалъ на приглаше-
• ніе.

• Канцлеръ, долѣ другихъ властво-
• вавшій въ Англіи, былъ въ послѣдствіи
• причисленъ къ лику святыхъ, подъ
• именемъ св.-Суизина (*St. Swithin*). Онъ
• былъ канцлеромъ при Эдбертѣ и Эдель-
• вульфѣ, отцѣ Альфреда (отъ 825 до
• 862 года).

• Онъ былъ особенно — уважаемъ
• всѣмъ духовенствомъ, какъ римскимъ,
• такъ и англійскимъ, за то, что пер-
• вый учредилъ въ Англіи, въ пользу
• папы, сборъ, известнѣйшій подъ назва-
• ніемъ *Peter's pence*. Около пятиде-
• сяти лѣтъ спустя послѣ смерти, онъ
• былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Вторымъ канцлеромъ Завоевателя
былъ Осмондъ, который, по словамъ
лорда Кемпбелла, первый прославилъ
своими сочиненіями. Важнѣйшее изъ
нихъ: *A History of the Life and Mir-*
• *acles of Alden, a Saxon Saint, the first*
• *Bishop of Sherborne* (Исторія жизни и
чудесъ Ольдена, ссоискаго свято-
го, перваго епископа шерборнскаго).

Преемникомъ его былъ Вальдритъ, и
поэтическое названіе поела или куш-
ка происходитъ отъ этого канцлера,
носившаго, какъ утверждаютъ, драгоцѣ-
нный, великолѣпный поносъ. *Смексы*
говорить:

• *Athwart his breast a baldrick brave*
• *he wore,*
• *That shine like twinkling stars with*
• *stones most precious rare ...*

И Поле употребляетъ это слово:

• *A radiant baldrick, o'er his Shoulder*
• *hid,*
• *Sustained the sword that glittered*
• *at his side...*

Впрочемъ, это только предположеніе.

Обратимся теперь къ царствованію
Генриха I:

• Джоэрей Рюусъ извѣстенъ тѣмъ,
• что первый открыто приобрѣлъ званіе
• канцлера за деньги. Не смотря на ста-
• ринную законную поговорку *quod*
• *cancellaria non emenda est*, исторія
• повѣствуетъ, что Джоэрей Рюусъ,
• епископъ дѣрбенскій, выторговалъ у
• короля Генриха I званіе канцлера за
• 3006 фунтовъ, 13 шиллинговъ, 4 пен-
• са, — сумму равную 45,000 фунтовъ
• стерлинговъ на нашу монету; и нѣтъ
• никакого сомнѣнія, что Рюусъ не
• отказывался ни отъ налоговъ, ни отъ
• взятокъ, чтобъ вознаграждать себя за
• такой огромный расходъ.

За эти краткіи очерки слѣ-
дуетъ пространная біографія Тома-
са Бекета, о которомъ прежде исто-
рики и біографы наговорили множе-
ство нелѣпныхъ сказокъ. Ничѣмъ не
оправдывается мнимое сврійское про-
исхожденіе его; напротивъ, Финисте-
ренъ, секретарь Бекета, положитель-
но говоритъ, что родители его были

лондонскіе граждане. Весьма - забавно преданіе, что матери Бекета, во время беременности, приснилось однажды, будто она носитъ въ чревъ своемъ Кантербѣрійскій-Соборъ, или то, что при рожденіи его повивальная бабка вскрикнула: — Родился архіепископъ! — Лордъ Кемпбелль говорить:

• Что касается до Бекета, то мы имѣемъ весьма - подробное и досто-
• вѣрное сочиненіе его секретаря, и,
• вмѣсто того, чтобъ по-своему объ-
• яснить и перетолковывать это сочи-
• неніе, какъ дѣлаютъ новѣйшіе писа-
• тели, я лучше сообщу изъ него нѣ-
• которые, весьма-любопытные отрыв-
• ки:

• Домъ и столъ канцлера былъ все-
• гда открытъ для всѣхъ придворныхъ,
• или другихъ почтенныхъ людей, же-
• лавшихъ пользоваться его госте-
• приимствомъ. Онъ всегда садился за
• столъ окруженный графами и баро-
• нами, приказывалъ, чтобъ полъ по-
• коевъ, въ которыхъ онъ принималъ
• гостей, всегда былъ покрытъ зимою
• чистой соломою и сѣномъ, а лѣтомъ
• чистымъ тростникомъ и сучьями, да-
• бы дворяне, не находившіе мѣста за
• столомъ, могли ложиться на полъ безъ
• опасенія замарать свою тонкую, до-
• рогую одежду. Домъ его былъ полонъ
• золотой и серебряной посудой; во-
• вкусовыхъ яствахъ и винахъ былъ
• всегда избытокъ. Первые дворяне
• Англій и правители сосѣднихъ коро-
• левствъ посылали своихъ сыновей въ
• услуженіе къ канцлеру. Онъ воспи-
• тывалъ ихъ и, возведя въ-послѣдствіи
• въ званіе рыцарей, отсылалъ обратно
• къ роднымъ. Нѣкоторыхъ онъ остав-
• лялъ при себѣ.

• Рѣдко проходилъ день, чтобъ канц-
• леръ не наградилъ кого-либо драго-
• цѣнными подарками, какъ - то: ло-
• шадьми, вооруженіемъ, золотыми или
• серебряными украшеніями, или же
• значительными суммами денегъ.

• Канцлеръ былъ въ большой милос-
• сти у короля, духовенства, арміи и на-
• рода за его добродѣтели, великоду-
• шіе, кротость и благодарнiя. По окон-

чанин государственныхъ занятій, онъ
• посѣщала, вмѣстѣ съ королемъ, церк-
• ви, общества или дворцы.

• Однажды, въ холодный зимній
• день, Бекетъ ѣхалъ рядомъ съ коро-
• лемъ по одной изъ лондонскихъ улицъ.
• На встрѣчу имъ попался старый ни-
• щій въ оборванномъ рубищѣ.

• — Видишь ли ты этого человѣка?
• спросилъ король.

• Канцлеръ. — Вижу.

• Король. — Какъ онъ бѣденъ! какъ
• дряхлъ! какъ несчастливъ!.. Не наша
• ли обязанность дать ему теплую оде-
• жду, чтобъ покрыть оковенные его
• члены?

• Канцлеръ. — Точно, ваша; вы,
• какъ король, должны пещись объ
• этомъ.

• Между-тѣмъ, нищій приближался.
• Король остановилъ лошадь и ласково
• обратившись къ бѣдняку, спросилъ
• его: желаетъ ли онъ имѣть теплую
• одежду?

• Нищій, не зная, съ кѣмъ имѣетъ
• дѣло, подумалъ, что валь нищъ под-
• шучиваютъ. Тогда король сказалъ
• канцлеру:

• — Пускай тебѣ принадлежитъ честь
• этой милостыни! И, схвативъ горно-
• стаявую, пурпурную мантию канцле-
• ра, хотѣлъ сорвать ее съ плечъ.

• Канцлеръ защищался всѣми сила-
• ми. Поднялась суматоха, вся свита и
• множество народа окружили короля и
• канцлера, но тщетно старались увзвать
• причину этой борьбы, продолжав-
• шейся съ такимъ жаромъ, что каж-
• дую минуту, казалось, противники
• упадутъ съ копей.

• Наконецъ канцлеръ рѣшился усту-
• пить; король сорвалъ съ него мантию,
• отдалъ ее нищему и рассказалъ все
• дѣло своимъ придворнымъ, которые
• громко засмѣялись, но вмѣстѣ съ
• тѣмъ наперерывъ другъ передъ дру-
• гомъ стали предлагать канцлеру свои
• собственные мантии. Нищій же, бла-
• годара Бога, преражно удался въ
• великолѣпной одеждѣ.

• Часто король обѣдывалъ у канцле-
• ра и пилъ за его здоровье; однажды

• онъ для шутки вѣхалъ къ нему въ столовую верхомъ съ конемъ въ рубѣ. По-истинѣ, я не знавалъ людей, болѣе дружныхъ и расположенныхъ одинъ къ другому... »

Бекетъ былъ канцлеромъ до 1162 года, и ни разу не вмѣшалась къ нему нелюбовь и дружба короля. Онъ занимался не только внутреннимъ управленіемъ государства, но, въ случаѣ нужды, отправлялся посланникомъ въ чужія государства, или предводительствовалъ войсками.

Въ царствованіе Ричарда I, замѣчательно издачіе олероновыхъ законовъ и введеніе морской юриспруденціи: послѣднее приписываютъ самому Ричарду, но должно полагать, что оно составлено вице-канцлеромъ Мальсиеномъ, или какимъ-либо другимъ законодательцемъ, сопровождавшимъ короля въ его путешествіяхъ.

Въ царствованіе Іоанна, когда Англія сдѣлалась подвластною папѣ, лордъ-канцлеръ де-Грэй былъ духовная особа. Онъ сначала былъ епископомъ личфильдскимъ и коventрійскимъ, въ 1214 году ворстерскимъ и наконецъ йоркскимъ, — и былъ епископомъ не безъ труда, потому-что духовенство не признавало его, какъ человѣка *minus sufficiens in literatura*, не смотря на то, что онъ кончилъ курсъ въ Оксфордскомъ-Университетѣ, и уже въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ должность лорда-канцлера.

Долгое время папа не хотѣлъ утвердить его въ званіи архіепископа йоркского, по причинѣ его *crassa ignorantia*.

Сочиненіе лорда Джона Кемпбелла заслуживаетъ полнаго уваженія, какъ трудъ добросовѣстный и какъ собраніе весьма-любопытныхъ фактовъ, изъ которыхъ нныя служатъ какъ-бы поясненіемъ историческихъ событій.

Ограничимся на первый случай разборомъ одной части, дошедшей до насъ. Въ-слѣдствіи поговоримъ подробно о слѣдующихъ частяхъ, гораздо-болѣе любопытныхъ и занимающихъ насъ болѣе-близкихъ къ намъ, и,

слѣдовательно, болѣе-достоверныхъ источниковъ.

THE LIFE OF MOZART, By Edward Holmes. *Чарманъ и Холмсъ* (Жизнь Моцарта, со включеніемъ его переписки. Соч. Эдварда Хольмса. Чапманъ и Галль).

Хорошія біографіи музыкантовъ-рѣдкость въ литературѣ. Къ этимъ рѣдкостямъ относится сочиненіе г. Хольмса, извѣстнаго уже своею книгою *Ramble among the Musicians of Germany* (*Прогулка между музыкантами Германіи*). Онъ исполнилъ свое дѣло умно и добросовѣстно, не умалось похвалить, приторнымъ восторгомъ, часто проваливающимся въ сочиненіяхъ подобнаго рода.

Отецъ Іоанна-Хриостома-Вольганга-Амадеуса Моцарта былъ человѣкъ, вышедшій своимъ заслугами изъ толпы и хотя не достигнувшій замѣнитости, во ставшій выше посредственности. Онъ былъ сынъ аугсбургскаго переплетчика, учился законодѣнію въ Зальцбургскомъ-Университетѣ; но, вѣроятно, убійственная бѣдность, тяготѣющая надъ учащемся германскою молодѣжью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побужденіе музыкальнаго инстинкта, заставили его оставить законы и вступить домашнимъ музыкантомъ къ архіепископу, у котораго онъ въ-слѣдствіи занималъ должность вице-капельмейстера. Въ перепискѣ Леопольда Моцарта, веденной во время его путешествія съ дѣтьми, встрѣчаются замѣтки и наблюденія, доказывающія тонкій, проницательный умъ и основательное знаніе музыки. Въ прекрасномъ письмѣ къ Геллерту, онъ высказываетъ восторгъ, произведенный въ немъ чтеніемъ его стиховъ. Въ Зальцбургѣ, Леопольдъ слылъ за «сатирическаго юмориста».

Онъ былъ красивый, стройный мужчина. Жена его, Анна Берглина, нятельница Института св. Гильвена, была тоже красавица. Хотя въ-слѣдствіи, когда таланты дѣтей его стали развиваться, въ немъ пробудился нѣсколько-жест-

вантильный духъ купца, владѣющаго чудеснымъ товаромъ,—ему, однакожъ, нельзя ставить этого въ вину; быть-можетъ, онъ былъ вынужденъ къ тому обстоятельству, что весьма-вѣроятно, ибо всегда питалъ онъ нѣжнѣйшую привязанность къ своимъ дѣтямъ и всегда былъ прекраснымъ семьяниномъ. Вообще, въ біографіи Вольфганга Моцарта, отецъ его занимаетъ почетное мѣсто, что не всегда бываетъ съ родителями гениальныхъ людей.

У Леопольда Моцарта было семеро дѣтей; только двое изъ нихъ остались въ живыхъ: Вольфгангъ, родившійся 27 января 1756 года, — и Анна-Марія, немногими годами старѣе брата. Будучи семи лѣтъ отъ роду, она начала свои музыкальныя занятія. Самъ отецъ былъ ея преподавателемъ, и въ то же время трехлѣтній Вольфгангъ, присутствовавшій на урокахъ, показывалъ признаки той чудной памяти, которою отличаются всѣ гениальные музыканты.

«На пятомъ году» говоритъ авторъ: «малютка удерживалъ въ памяти блестящія соло, которыя ему удавалось слышать въ концертахъ, и отецъ, шутя, сталъ давать ему уроки.»

Въ то же время, Вольфгангъ, научившись писать, уже сталъ сочинять, и усвѣхи его были такъ быстры, что въ 1762 году Леопольдъ Моцартъ, жившій почти въ бѣдности въ Зальцбургѣ, предпринялъ первое путешествіе съ дѣтми въ Мюнхенъ, гдѣ нацѣрвался дать публичный концертъ.

Анекдоты трубака Шахнера относительно ранняго развитія способностей маленькаго Вольфганга всѣмъ извѣстны. Вѣроятно, многимъ извѣстна и страсть ребенка къ математикѣ; въ его время, однакожъ, и эта страсть не служила достаточнымъ опроверженіемъ обвиненія Вольфганга въ *восторженномъ идиотизмѣ*. Одинъ изъ гениальнѣйшихъ людей считался въ дѣтствѣ *идиотомъ!* Математика послужила къ большому развитію музыкальной организаціи Моцарта, — къ развитію того тонкаго чувства ритмъ-

ра, которымъ отличаются всѣ его произведенія; но много ли имѣетъ времени для образованія или для уравненія одного таланта приобрѣтеніемъ другаго — ребенокъ, съ шестилѣтняго возраста начинающій жить публичною жизнью?

Успѣхъ поѣздки въ Мюнхенъ соблазнилъ Леопольда Моцарта предпринять другое, болѣе значительное путешествіе. Осенью 1762 года, онъ перѣѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Вѣну, и съ-тѣхъ-поръ вначивается занимательная, добродушная переписка его съ г. Гагенауэромъ, которою воспользовался г. Хольмсъ. Намъ рѣдко случалось читать что-либо наивнѣе этихъ писемъ. Отецъ распространяется въ нихъ о *мловомъ сюртучкѣ* своего сына, о *блломъ тафтаномъ* платьицѣ дочери, подаренныхъ дѣтямъ императрицей. Онъ часто упоминаетъ о кротости своего сына, о быстромъ развитіи его блестящаго и самостоятельнаго гения. Бѣдный отецъ! онъ не предвидѣлъ, что, истощивъ въ дѣтствѣ и въ молодости всѣ свои силы, Вольфгангъ не будетъ уже въ состояніи бороться съ препятствіями и огорченіями, неразлучными съ художническою жизнію человѣка, одареннаго чувствительнымъ, мягкимъ сердцемъ!

Изъ Вѣны Моцартъ отправился въ рейнскія провинціи, и въ письмахъ своихъ оттуда упоминаетъ о свиданіи со многими знатными, высокими особами: принцами музыки и принцами-музыкантами, — между прочими съ Жомелли, жившемъ въ Штутгартѣ со всею роскошью знатнаго барина; съ принцессой Амаліей, сестрой прусскаго короля, которая охотно наградила бы маленькаго Вольфганга деньгами, но за немнѣишемъ ихъ была расточительна на одни поцалуи. Болѣе-прежняго ободренная семья отправилась изъ рейнскихъ провинцій въ Парижъ. Не входя въ подробности постепеннаго развитія таланта гениальнаго ребенка, мы извлечемъ замѣтки изъ парижскаго дневника отца его, сообщаемыя г. Хольмсомъ.

Малютка игралъ передъ королевской фамилией въ Версали; тамъ же онъ игралъ на органѣ, въ церкви, въ присутствіи всего двора. Игра его на органѣ понравилась здѣсь болѣе игры на фортепьяно. Потому дѣти дали два публичные концерта, и Моцарты вошли въ большую моду. Портреты ихъ были прекрасно награвированы; въ честь ихъ написано множество стихотворствъ, и всадѣ ихъ принимали съ отличными уваженіемъ. Здѣсь Вольфгангъ издалъ свои первыя композиціи: два отдѣленія сонатъ для фортепьяно, съ аккомпаньементомъ скрипки. Одно было посвящено Викторіи, второй дочери короля, другое графинѣ Тессѣ. Отъ послѣдней молодой Моцартъ получилъ въ подарокъ серебряную табакерку (?); принцесса же Кариньянъ подарила ему серебряную чернильницу съ приборомъ и съ серебряными перьями.

Люди съ ума сходятъ отъ моихъ дѣтей», пишетъ отецъ.

Сатирическій нравъ Леопольда Моцарта проявляется въ письмѣ его къ мадамъ Гагендуръ, изъ Парижа, отъ 1 февраля 1764 года. Съ сожалѣніемъ упоминая о неблагопрістойныхъ и даже некрасивыхъ нарядахъ французскихъ дамъ, о страшномъ потребленіи румянъ и бѣлизъ, онъ присовокупляетъ:

«Что же касается до ихъ религіи, то ея здѣсь нѣтъ, даже въ женщинахъ. Увѣрю васъ, что въ Парижѣ весьма трудно встрѣтить хозяйку; никто почти не живетъ дома, а всѣ живутъ какъ ни пошло, какъ прійдется... Если Господь не жалится надъ этимъ народомъ, то съ Франціей будетъ то же, что было нѣкогда съ сильной и славной Персидской Имперіей.»

За этимъ слѣдуетъ картина этикета версальскаго двора:

«Я долженъ замѣтить вамъ, что здѣсь не существуетъ обычай цаловать руки королевской фамиліи *au passage*, т. е. когда члены ея проходятъ чрезъ королевскіе покои и галерею, идя въ церковь; равно нельзя безпокомить ихъ

ни просьбами, ни разговорами; ни королю, ни другимъ членамъ королевской фамиліи въ это время не кланяются и ни передъ кѣмъ не преклоняютъ колѣнъ; вообще, не оказываютъ никакого знака почтенія, а стоять прямо и неподвижно. Мы тоже недавно находились при дворѣ во время шести королевской фамиліи; вы не можете себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе произвело на Французовъ, привязанныхъ къ обычаямъ своего двора, то обстоятельство, что дочь короля, увидѣвъ мнѣ дѣтей, остановилась передъ ними и не только позволила имъ поцаловать свою руку, но даже сама расплывалась ихъ. То же самое сдѣлала и супруга дофина. Но удивленіе придворныхъ возрасло еще болѣе, когда за царскими обѣдомъ, макунувъ новаго года, насъ однихъ провели къ королевскому столу, гдѣ Вольфгангъ имѣлъ честь стоять возлѣ ея величества и разговаривалъ съ нею; она передала ему кушанья на своей тарелкѣ и позволяла цаловать свою руку. Королева говоритъ по-нѣмецки такъ же хорошо, какъ и мы; но такъ-какъ роль не знаетъ нѣмецкаго языка, то она должна безпрестанно переводить ему отвѣты моего смѣльчана Вольтанга.»

Въ день рождества Христова она были въ версальской церкви и присутствовали при заутрени и трехъ обѣдахъ. Вотъ что говоритъ Леопольдъ о церковной музыкѣ:

«Я слышалъ тамъ много хорошаго и много дурнаго. Все, что новалось однимъ голосомъ, было *беслушно*, холодно и шукало не годилось; а нимъ словомъ, это была настоящая французская музыка; но за то хоры безъ исключенія хороши, даже прекрасны. Я каждый день ходилъ съ моимъ мелодикомъ въ галерею, во время королевской обѣды, чтобы слушать хоръ. Королевская обѣда всегда бываетъ въ часъ, кромѣ тѣхъ дней, когда королева отправляется на охоту; тогда для него служатъ обѣды

« въ десять часовъ, а для королевы въ половину пераго.»

Далѣ, Леопольдъ Моцартъ говоритъ о страсти Французовъ къ вышности, великолѣпю и расточительности:

« Богаты во Франціи одни земледѣльцы, говоря относительно; госпо- да всѣ обременены страшными долгами. Самые огромныя богатства находятся въ рукахъ сотни людей, состоящихъ изъ банкировъ и танъ-называемыхъ *fermiers généraux*; во и тѣ весьма щедрны для Лукрецій, немнѣющихся нужды закапываться.»

О модахъ того времени:

« Странно, что здѣсь дамы носятъ шатля, обшитыя мѣхомъ; шен ихъ обшиты мѣхомъ; въ волосы, вмѣсто шпѣтовъ, вилетенъ мѣхъ; на рукахъ, вмѣсто браслетовъ, мѣхъ, — словомъ, ведаѣ мѣхъ! Но всего забавнѣе, что носы, на которыхъ здѣсь носятъ шпиаги, обшиты мѣхомъ. Самое вѣрное средство защитить мечъ отъ *roses*! »

« Не угодно ли вамъ познакомиться? говоритъ Леопольдъ Моцартъ далѣ: « съ прелестницей, обворожившей короля, съ очаровательной мадамъ де-Помпалуръ? Она, должно быть, была некогда удивительно-хороша, потому-что слѣды красоты ея удѣляла и до-сихъ-поръ. Станъ ея величественъ; она высокаго роста и довольно-дородна; нѣтъ лица ея отличаетъ ее удивительною, неподдѣльною бѣлостью; въ глазахъ у нея есть нѣкоторое сходство съ нашей императрицей. Покой ея, обращенные окнами въ версальскій садъ, — настоящій рай; въ Преддѣльи-Сент-Оморѣ, въ Парижѣ, у ней великолѣпный отелъ. Въ помнатѣ, гдѣ стоялъ вызолоченный и великолѣпно-украшенный реалъ, ны зашѣгли два портрета, изображающіе короля и ее во весь ростъ.»

« Здѣсь идутъ безпрестанныя споры на-счетъ французской и итальянской музыки. Французская музыка, вся шибетъ ваята, не стоитъ и соломен- ни; впрочемъ, есть надежда, что дурной вкусъ, господствующій въ тепе-

решней французской музыкѣ, скоро будетъ истребленъ.»

« У гравѣра теперь четыре сонаты, сочиненія Вольфганга Моцарта. Ве- образите, какую суматоху промаи- дуть эти сонаты, когда на заглавницѣ листъ будетъ выставлено, что онѣ со- чиненія семилѣтнаго ребенка и коро- самого, который безъ помощи фор- тельно можетъ написать ноты для скрипки, или для другаго какого-либо инструмента. Со-временемъ, вы замѣ- шите эти сонаты: въ одной изъ нихъ особенно превосходно *andante*. Ге- снадъ творить каждый день новаа чудеса съ этимъ ребенкомъ. Когда мы возвратимся на родину, онъ будетъ весьма-полезенъ для нашей придвор- ной музыки. Онъ теперь принимаетъ участие во всѣхъ публичныхъ кон- цертахъ, разыгрываетъ всѣ ноты а *prima vista* безъ малѣйшаго труда. Дочь моя играетъ труднѣйшія компо- зиціи Шоберта и Экарда, особенно послѣднія, которыя она исполняетъ съ рѣдкимъ совершенствомъ. Завист- ливый Шобертъ не можетъ скрыть своей досады, къ общему удоволь- ствію.»

Изъ Парижа Моцартъ поѣхалъ, въ 1764 году, въ Лондонъ. Всѣ подробнос- ти пребыванія его въ Англии были нѣсколько разъ описываемы въ журна- лахъ и біографіяхъ знаменитыхъ му- зыкантовъ. Въ то время стало оав- ываться, что изобрѣтательный гениій мальчика былъ такъ силенъ, что ни трудности исполненія, ни похвалы, ни рукошесканія не могли повредить ему. Знаменитая его симфонія, написанная въ то время для двухъ сарнаковъ, те- нора и баса и двухъ рожковъ, на-самомъ-дѣлѣ наумительно-хороша. Не смотря на разлеченія и удовольствія жизни, которую Вольфгангъ велъ, онъ не переставалъ мыслить.

Наконецъ, Леопольдъ Моцартъ веро- тился на родину и удалился въ Зальц- бургъ, чтобъ тамъ въ тишинѣ и уединеніи посвятить себя вновь совер- шеннѣйшему развитію небеснаго дара,

вложеннаго въ душу гениальнаго ребенка.

Дальше г. Хольмисъ разсказываетъ о музыкѣ, написанной Вольфгангомъ къ латинской комедіи подъ названіемъ *Аполлонъ и Гіацинтъ*, о Пасхальной Кантатѣ, о нѣмецкой опереткѣ *Бастьянъ и Бастьянна*, представленной на домашнемъ театрѣ у друга семьи Моцарта, доктора Меснера. Отъ первой до послѣдней страницы біографіи, мы постоянно встрѣчаемъ доказательства равнобразнаго таланта Моцарта и легкости, съ какою онъ сочинялъ. Списокъ твореній его, приложенный въ этой біографіи, изумляетъ количествомъ и разнообразіемъ заключающихся въ немъ вещей.

Молодой Моцартъ вторично пріѣхалъ въ Вѣну, — но уже какъ талантъ самостоятельный, почти зрѣлый. Старые музыканты до того устрашили его соперничества, что всѣми силами старались препятствовать его успѣхамъ. Последнее обстоятельство нѣсколько сомнительно, тѣмъ болѣе, что основано только на увѣреніяхъ отца, до того увлеченнаго гениемъ сына, что въ каждомъ человѣкѣ, нераздѣлявшемъ восторга его, онъ видѣлъ противника и врага. Г. Хольмисъ также слѣдуетъ этому мнѣнію и пускается въ длинныя разсужденія объ интригахъ и заговорахъ, предпринятыхъ въ Вѣнѣ на сцену первой оперы Вольфганга Моцарта *La finta Semplice*. Ошибочность этихъ обвиненій пойметъ всякій, кому хоть нѣсколько извѣстны равнодушіе директоровъ и режиссеровъ, высокомеріе и капризы артистовъ и ничтожность обѣщаній вельможъ.

Не смотря на то, Леопольдъ, получивъ обратно произведеніе сына съ рѣшительнымъ отказомъ, напечаталъ, что «весь міръ вооружился противъ него», что «зависть хотѣла подавить талантъ его сына» и проч. Но Вольфгангъ былъ благодаренъ отцу: въ отвѣтъ тѣмъ, которые не хотѣли, или, лучше сказать, не умѣли понять его дарованій, онъ сочинялъ *Торжественныя*

обѣдню, *Проскомидію* (offertorium) и *Концертъ для трубы*.

Эти произведенія, пишетъ г. Хольмисъ, немедленно вознаградили его за претерпѣнную неудачу.

Мы даже думаемъ, что непринятіе оперы *La finta Semplice* послужило въ пользу молодому Моцарту. Это обстоятельство почти заставило его уѣхать изъ Вѣны и воротиться въ Зальцбургъ, а нѣсколько времени спустя (въ декабрѣ 1769 года), предпринять путешествіе въ Италію. Въ тѣ времена подобное путешествіе было весьма важно для музыканта. Церковная музыка на югѣ не приняла еще того простого, пошлаго характера, который теперь отличается. Въ каждомъ городѣ были искусныя пѣвцы и музыканты.

Съ этого времени начинается переписка Вольфганга.

Изъ писемъ его видно, что веселая, беззаботная, восторженная итальянская жизнь много содѣйствовала къ развитію въ немъ всѣхъ средствъ дарованныхъ ему природою. Въ Мантуѣ онъ нашелъ прекрасную оперу, хоршій оркестръ, отличные инструменты. Тамъ онъ слышалъ пѣвицу Бастарделлу. Въ Болоньи онъ повѣдомился съ Фаринелли и Падромъ-Мартини. Изъ Флоренціи Леопольдъ Моцартъ пишетъ:

«Я засталъ здѣсь Томаса Янни, молодого англійскаго виртуоза, ученика знаменитаго Нардини. Онъ одностороста съ Вольфгангомъ, и мы встрѣтились съ нимъ у писательницы сеньоры Коррала. Оба мальчика играли цѣлый вечеръ, и ихъ обнимали и целовали. На другой день, маленькій Англичанинъ пришелъ къ намъ съ своею скрипкой и провелъ у насъ весь вечеръ. Вольфгангъ также импровизовалъ ему на скрипкѣ.

«На слѣдующій день мы обѣдали у г. Гаварда, назначенъ великаго-герцога, и мальчики опять играли нѣсколько. Маленькій Томасъ проводилъ насъ домой и горько заплакалъ, увидя, что мы намѣрены уѣхать на слѣдующій день. Утромъ, въ десять часовъ, онъ

Былъ уже у нѣтъ и съ слезами на глазахъ вручилъ Вольфгангу стихотвореніе, написанное для него снѣжкой Корнелла. Онъ проводилъ насъ до городскихъ воротъ... миѣ жаль, что вы не могли видѣть сцены разставанья; описывать ее не берусь.

Въ одномъ письмѣ изъ Италіи Вольфгангъ рассказываетъ, что у него трещитъ голова отъ математики. Далѣе онъ хвалитъ сестру за много приложеніе къ менуету Гайдна, и потомъ вдругъ освѣдомляетъ о птичкѣ, которую оставилъ дома:

• Здорова ли госпожа канарейка? По-жалуйста, напиши миѣ, продолжаетъ ли она пѣть? свичеть ли она по-прежнему? Звѣдешь ли, почему я вспомнилъ о канарейкѣ? Потому что у насъ, здѣсь, въ передней есть канарейка, которая поетъ такъ же звонко, какъ наша. *A propos, Herr Johannes*, вѣроятно, получилъ уже наше письмо. Вчера привесли намъ наши новыя платья, и мы были точно купидончики. Похлопись отъ меня Нанди и скажи ей, чтобъ она помолилась за меня.

Возвращаясь на сѣверъ, отецъ и сынъ остановились въ Болоннѣ, гдѣ Вольфгангъ былъ принятъ въ знаменитое филармоническое общество. Тамъ онъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ: ему поручили либретто оперы *Митридатъ*. Сочиняя музыку этой оперы, ребенокъ часто увлекался до слезъ страданіями и горестями своего героя. Наконецъ онъ кончилъ оперу, и она имѣла огромный успѣхъ въ день св. Стефана, въ 1771 году, и была играна болѣе двадцати разъ сряду. Въ слѣдъ за тѣмъ поручили новую оперу юному *cavaliers filarmonico*, какъ Миланцы называли своего новаго композитора, и исполненные сладостивѣйшихъ надеждъ и ожиданій отецъ и сынъ воротились на родину.

Теперь мы приближаемся къ періоду, съ котораго должны считать гѣта Моцарта до его произведеній, такъ какъ поѣздка въ Италію поставила его на сценѣ самостоятельнаго, вѣдѣннаго гаванга.

По возвращеніи его на родину, ему поручили написать драматическую серенаду на бракосочетаніе эрцгерцога Фердинанда, которая и была исполнена въ Миланѣ осенью 1771 года. Это незначительное твореніе, *Ascanio in Alba*, подадо поводъ другому достойному композитору выказывать благородство души и безпристрастіе, рѣдко-встрѣчаемое между музыкантами и особенно въ отношеніяхъ зрѣлаго мужчины къ мальчику. Композиторъ *Gasce*, сдѣлавшійся народнымъ и извѣстный подъ названіемъ *Il Sassone*, также написалъ оперу по случаю этого же праздника, но, не смотря на незначительность произведенія Моцарта, оно произвело такое сильное впечатлѣніе, что гораздо болѣе-важное сомнѣніе *Gasce* было оставлено безъ вниманія. Не смотря на то, послѣдній поступилъ благородно, объявивъ, что «этотъ мальчикъ затмитъ ихъ всѣхъ».

Избраніе новаго архіепископа зальбургскаго и нѣкоторыя послѣдовавшія за тѣмъ неприятели звушили Моцарту рѣшительное отвращеніе къ родимому городу. Окончимъ первый или такъ-называемый *итальянскій* періодъ жизни Моцарта выпискою изъ сочиненія г. Хольмса:

• Въ октябрѣ, Моцартъ вмѣстѣ съ отцомъ отправился въ Миланъ для заключенія договора съ тамошнимъ опернымъ театромъ и постановки на сцену къ карнавалу оперы: *Lucio Silla*. За трудъ свой онъ долженъ былъ получить 130 джильати (*gigliati*) и всю бытность въ Миланѣ долженъ былъ имѣть меблированную квартиру. При постановкѣ этой оперы, особенно оказалось дурное управленіе *блажественнаю* театральнаго народа, который, какъ говорятъ отецъ Вольфганга, любить все откладывать до конца. Когда речитативы были доставлены изъ Зальбурга, авторъ либретто отправилъ ихъ въ Вѣну на разсмотрѣніе къ *Метастазію*, который произвелъ не только большія перемены и улучшенія, но прибавилъ еще ко второму действию цѣлую сцену.

• Это обстоятельство заставило Вольфганга переписать большую часть рецензива. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: «Мысли мои такъ заняты новою оперою, что, видѣсто письма, я опасаясь написать вамъ цѣлую арію.» Другое затрудненіе была болѣзнь тенора Кардони, заставившая искать въ Туринѣ и Болоньи другаго пѣвца и хорошаго актёра, который могъ бы достойнымъ образомъ доиграть роль Люцій Силлы. Снѣйора де-Амичисъ, примадонна, была очень расположена къ молодому композитору и дѣйствовала въ пользу его, за что и онъ вслѣдствіи старался угодить ей, создавъ ей роль, въ которой она могла выказать свой талантъ во всемъ блескѣ. Во время послѣднихъ репетицій, когда у Вольфганга было и безъ того уже много дѣла, онъ былъ приглашаемъ три вечера сразу на собранія графа Фирміани и оставался тамъ отъ 5 до 11 часовъ. На третій день, Вольфгангъ, по собственному желанію ихъ королевскихъ величествъ, игралъ на фортепьяно при всѣхъ ихъ. Ихъ величества милостиво разговаривали съ нимъ.

• Весьма-трогательно то обстоятельство, что, не смотря на множество занятій, отецъ и сынъ находили еще время ходить въ соборъ и молиться о выздоровленіи больнаго друга ихъ, Гагенауэра.

• Наконецъ, опера сѣиграна. Неприятностей было тѣмъ. Во-первыхъ, представленіе ея началось тремя часами позже назначеннаго срока и продолжалось до двухъ часовъ утра. Вотъ что пишетъ Леопольдъ:

• Эрцгерцогъ долженъ былъ написать пять поздравительныхъ писемъ на новый годъ къ императору, императрицѣ и другимъ лицамъ; а такъ какъ онъ пишетъ весьма-вскорю, то пришелъ въ театръ чрезвычайно-поздно. Представьте себѣ залу, набитую биткомъ съ половины шестаго часа; публику, обнаруживающую свое нетерпѣніе; разряженныхъ и встревоженныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, сжа-

• сующихся, чтобы публичка не зашла на нихъ слухомъ ожиданія. Крѣпкого, теноръ, бывшій соборнымъ пѣвцомъ въ Лоди и избранный за вошеміеише лучшаго, никогда еще не пѣвалъ на такомъ большомъ театрѣ и предъ такою многочисленною публикою. Онъ только дважды въ жизнь свою пѣлъ за перваго тенора въ Лоди. Послѣ первой аріи примадонны, онъ долженъ былъ выразить свой гнѣвъ, но, забывшись, пришелъ въ такое неистовство, что, казалось, хотѣлъ изградить пощечиною пѣвицу или разбить ей кулакомъ носъ. Зрители захотали. Это смутило снѣйору Амичисъ, непонявшую причины сѣихъ публички, и она исполнила свое дѣло не совсѣмъ - удовлетворительно въ первое представленіе. Къ смущенію ея присовокупилось чувство зависти отъ-того, что при первомъ появленіи на сцену рѣімо иомо, эрцгерцогиня, и видѣствъ за нею и слушатели, привѣтствовали его рукоплесканіями. Это обстоятельство было слѣдствіемъ хитрости пѣвца; ему удалось дать знакъ эрцгерцогинѣ, что онъ не будетъ въ состояніи пѣть, если его не ободрятъ. Чтобы утѣшить снѣйору Амичисъ, ее призвали на другой день ко двору.

• Оперу давали около тридцати разъ, и по окончаніи представленій ея Вольфгангъ былъ въ восторгѣ. «Онъ бѣгаетъ и скачетъ по комнатѣ и пишетъ отецъ, отъ радости, что наконецъ можетъ отдохнуть.»

• Такимъ-образомъ кончается описаніе перваго періода блистательной карьеры молодого артиста.

• Теперь приступимъ ко второму періоду, болѣе-блистательному, но шѣствѣ съ гнѣмъ болѣе-тягостному. Горечь жизни принимаетъ уже къ сладостнымъ, беззаботнымъ юношескимъ мечтамъ...

• Вошедъ въ этотъ періодъ жизни Моцарта, — его юношескія гнѣта, мы увидимъ, что потвердилъ созданіе невиданнѣ-равнанагося гонія признаніють характеръ болѣе и болѣе шумя.

Вальвий, и что, наконецъ, послѣднія произведенія Моцарта въ этотъ периодъ становятся выше прекраснѣйшихъ, догдѣ-нѣвѣстныхъ музыкальныхъ сочиненій.

Первая опера, написанная имъ для Германіи, послѣ поѣздки его въ Итацію, была *La Finta Giardiniera*. Она играна въ Мюнхенѣ, во время карнавала 1775 года, и была принята съ такимъ восторгомъ, что властолюбивый архіепископъ зальцбургскій сталъ опасаться, чтобъ молодой композиторъ не свергъ съ себя его иго. Но Вольфгангъ былъ еще слишкомъ молодъ. Онъ довольствовался нѣсколькими временными ничтожными жалованьями въ 5 талеровъ (около 25 руб. асс.) *per annum*, переносилъ еще прихоти архіепископа; но наконецъ терпѣніе его лопнуло: онъ рѣшился искать счастья въ другихъ городахъ.

Въ сентябрѣ 1777 года, Моцартъ уѣхалъ съ матерью изъ Зальцбурга, куда его мать не возвращалась. Она прибыла въ Аугсбургъ, гдѣ Вольфгангъ познакомился съ фортепьяннымъ мастеромъ Штейномъ.

«*A propos*» пишетъ онъ отсюда: «я долженъ сказать вамъ два слова о маленькой дочери Штейна: кто можетъ безъ смѣха смотрѣть и слушать ее, когда она играетъ, долженъ быть, подобно отцу ея, настоящимъ камнемъ (Stein). Она никогда не садится посрединѣ фортепьяно, но всегда немножко съ боку, чтобъ ей удобнѣе было покачиваться и дѣлать разныя гримасы. Глаза ея закатываются, руки комически-граціозно изгибаются, пальцы прыгаютъ по клавишамъ... она играетъ восторженно и—фальшиво. Я нарочно упоминаю объ ней, чтобъ отцу мой могъ воспользоваться ея жеманностью, если ему придется еще когда-нибудь давать уроки молодымъ дѣвушкамъ».

Потомъ Моцартъ уѣхалъ въ Мангеймъ и старался поселиться тамъ. Его тамъ приняли сначала довольно-холодно.

«Они думаютъ» пишетъ онъ: «что тамъ-какъ я малъ и молодъ, то во мнѣ не можетъ быть ничего великаго и стараго».

Не смотря на то, вскорѣ около молодого Моцарта образовался кружокъ истинныхъ любителей и знатоковъ, между которыми былъ и нѣкто Веберъ. У Вебера была пятнадцатилѣтняя дочь, пѣвшая превосходно. То была Алоизія Веберъ, въ послѣдствіи г-жа Ланге, сестра Констансы, на которой Вольфгангъ женился нѣсколько лѣтъ спустя.

Грустно было разставаться молодому человѣку съ Мангеймомъ: тамъ онъ впервые узналъ любовь. Но отецъ убѣдился, наконецъ, что сынъ его не достигнетъ ни до чего, не побывавъ въ Парижѣ.

Мать и сынъ прибыли туда въ неблагоприятное время для молодого композитора, только-что выступающаго на музыкальное поприще. Глюкъ и Паччини были въ то время любимцами Парижанъ. Даже могущественное покровительство барона Гримма не спасло нашего героя отъ униженія, которому онъ подвергся, когда ему позволили играть передъ герцогиней бурбонской:

«Когда я пришелъ во дворецъ, меня отослали въ обширную неоплеменую залу, въ которой было холодно, чѣмъ на дворѣ; тамъ я долженъ былъ ждать болѣе получаса. Наконецъ герцогиня явилась и очень-вѣжливо замѣтила мнѣ, что всѣ ея фортепьяно разстроены, но что, не смотря на то, она съ удовольствіемъ готова слушать мою игру».

«Я отвѣчалъ, что считаю величайшимъ счастьемъ играть въ ея присутствіи, но что теперь тому предстаетъ естественная невозможность. Пальцы мои окоченѣли отъ холода, и я просилъ позволенія идти согрѣться въ комнату, гдѣ топился каминъ».

«— Ah, oui, monsieur, vous avez raison, отвѣчала она».

«И, не обращая болѣе вниманія на меня, сбѣла къ столу и стала рисовать».

Нѣсколько придворныхъ дамъ и камереровъ также усѣлись вокругъ стола.

Это продолжалось около часа; потомъ мнѣ доложили, что я могу явиться. Окна и двери были отворены; со всѣхъ сторонъ дуло: я отогрѣлъ руки, но ноги мои по-прежнему терѣли отъ холода и, въ добавокъ, у меня начинала болѣть голова. Увѣряю васъ, что одна приятельность къ хлопотамъ барона Гримма удержала меня: я нѣсколько разъ собирался уйти. Наконецъ, я коснулся клавишей арфа, ваго, набитаго фортепьяно. Въ залѣ царствовало *altum silentium*, но никто, казалось, не обращалъ на меня вниманія, потому что и герцогиня и придворныя преспокойно продолжали рясовать. Я игралъ для стѣпъ, студьевъ и столовъ... Всѣ эти неприятели вывели меня наконецъ изъ терѣннѣя, и, проигравъ кое-какъ нѣсколько варяцій изъ Фишера, я всталъ. Меня приѣтствовали пышными *éloges*. Но я отвѣчалъ съ нѣкоторою досадою, что они не могутъ судить о моей игрѣ, потому что фортепьяно никуда не годится, и что я, пожалуй, буду играть передъ герцогиней въ другой разъ, если ей угодно будетъ избрать инструментъ получше этого. Но герцогиня не отпускала меня: я долженъ былъ ждать герцога. Между тѣмъ, она сѣла возлѣ меня и *proposiva*, чтобъ я сыгралъ еще что-нибудь, слушала очень-внимательно. Я забывъ и холодъ, и головную боль, и не, смотря на разстройство инструмента, сталъ играть такъ, какъ я игралъ, когда бывалъ въ духѣ. Посадите меня за лучший инструментъ въ мѣрѣ, но между людьми, неповинующимъ музыки, и я буду играть безъ удовольствія, следовательно—душно.

Въ каждомъ изъ оныхъ писемъ Вольфгангъ выражаетъ свою досаду на Парижъ. Ничто ему не нравится въ этомъ городѣ. Ему поручили учить дочь герцога де-Гина музыкѣ—и бытъ находить, что у нея нѣтъ ни слуха, ни малѣйшихъ способностей. Незначительное мѣсто органиста въ Версалѣ,

которое ему предлагали, не могло доставить ему ни почести, ни денегъ... Но еще величайшее горе заставило его возненавидѣть Парижъ: тамъ скончалась мать его, послѣ кратковременной болѣзни... Письма, въ которыхъ Моцартъ сообщаетъ это горестное извѣстiе отцу, исполнены искренней снновней любви.

Леопольдъ Моцартъ опасался молодости и неопытности сына, а потому написалъ ему, чтобъ онъ воротился домой.

Мы уже упоминали о томъ, что Вольфгангъ оставилъ свое сердце въ Мангеймѣ: онъ любилъ Алоизию Веберъ, но она забыла его, и когда онъ воротился, приняла довольно-холодно. Замѣтивъ это, Вольфгангъ сѣлъ въ фортепьяно и запѣлъ извѣстную нѣмецкую пѣсенку:

Ich lass das Mädel gern,
Das mich nicht will...

выражая тѣмъ готовность свою отказаться отъ невѣрной. Младшая сестра ея, Констанса, сдѣлалась предметомъ юношеской любви Моцарта.

Съ возвращенiемъ въ Зальцбургъ, Вольфгангъ воротился къ прежней близости, подвергался прежнимъ униженiямъ. Однакожь, положенiе его улучшилось зимою 1780 года, когда курфирстъ баварскiй поручилъ ему написать оперу *Idomeneo*. Въ этой оперѣ видѣтъ уже талантъ зрѣлый, могущественный; каждая нота глубоко облумана... Успѣхъ этой оперы рѣшилъ судьбу молодаго композитора.

Пробывъ въ Мюнхенѣ до половины марта 1781 года, Моцартъ получилъ приказанiе послѣдовать за зальцбургскимъ дворомъ въ Вѣну. Тамъ саволюбiе его сильно страдало. Онъ долженъ былъ обѣдать вмѣстѣ съ лакеями и поварами. Чувствительное, нѣжное сердце его не исполнилось негодованiемъ, и онъ рѣшился лучше ѣсть черныя хлѣбы или совсѣмъ не ѣсть, чѣмъ подвергаться подобнымъ униженiямъ. Отъ оставилъ службу у архиепископа и, рѣшившись посвятить занятiя свои одной публикѣ, съ любовiю привался за большую

оперу *Die Entführung aus dem Serail*, которая была представлена въ июлѣ 1782 года.

Опера эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ и вполнѣ осчастливила молодого композитора, — осчастливила потому, что доставила ему возможность жениться на той, которую онъ нѣжно любилъ...

4 августа 1782 года, бракъ былъ заключенъ въ домѣ баронессы Вальдштеттенъ. Описание бракосочетанія заключается въ слѣдующемъ письмѣ Вольфганга:

• *Вьнна, 7 августа 1782 года.*

• *Mon très cher père!*

• Милая Констанса, которую я те-
• верь — благодаря Бога! могу назвать
• моею, давно уже знала положеніе мо-
• ихъ дѣлъ и состояніе моего сердца. Ея
• привязанность и любовь ко мнѣ была,
• однакожь, такъ сильна, что она не
• колеблясь согласилась соединить судь-
• бу свою съ моею. Целую ваши руки и
• со всею нѣжностью, которую сынъ
• долженъ питать къ родителю, благо-
• дарю васъ за согласіе и отцовское бла-
• гословеніе. Моя милая жена съ слѣду-
• ющей почтой будетъ писать вамъ. На
• брачной церемоніи присутствовали
• мать Констансы, младшая сестра ея,
• г. фон-Торвартъ, ландратъ фон-Цетто
• и г. фон-Гиловски. Когда насъ обвиня-
• чали, жена моя заплакала; глядя на
• нее и я расплакался, а тамъ и всѣ
• другіе. Все свадебное пиршество со-
• столло въ ужинѣ, которыми угостила
• насъ баронесса Вальдштеттенъ. Ужинъ
• былъ не баронскій, а княжескій. Во
• время ужина раздалась громкая му-
• зыка; шестнадцать музыкантовъ
• разыгрывали на духовыхъ инстру-
• ментахъ мои собственные сочиненія.
• Моя Констанса нетерпѣливо ожидаетъ
• той минуты, когда намъ удастся по-
• бывать въ Зальцбургѣ; я увѣренъ, что,
• увидавъ ее и познакомившись съ нею
• покорооче, вы поймете мое блажен-
• ство. Моя опера была опять играна
• третьяго-дня по желанію навалера
• Глюка. Я съ удивленіемъ принималъ,

• по-видимому, искреннія похвалы его.
• Завтра я буду обѣдать съ нимъ. •

Моцартъ приступилъ къ новой жи-
• зни, полной блистательнѣйшихъ на-
• деждъ, оправдываемыхъ огромнымъ
• успѣхомъ его *Похищенія изъ Серала*.
• Но, къ сожалѣнію, надежды его не сбы-
• лись, встрѣтивъ сильное препятствіе
• въ самомъ характерѣ молодого компо-
• зитора.

Денежныя затрудненія, въ которыхъ
• такъ часто находился Моцартъ, не бы-
• ли слѣдствіемъ незначительности до-
• ходовъ, но происходили отъ неопытно-
• сти и дурнаго хозяйственнаго распо-
• ряженія. Г. Хольмъ извиняетъ своего
• героя тѣмъ, что неумѣнье *считать* —
• недостатокъ всѣхъ гениальныхъ людей;
• но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ, что
• Моцартъ нѣсколько разъ принимался
• за приведеніе въ порядокъ своихъ дѣлъ.
• Онъ сталъ записывать все, что полу-
• чалъ за концерты, за уроки и за сочи-
• ненія, — но это продолжалось только отъ
• марта 1784 до февраля слѣдующаго
• года. Потомъ онъ поручилъ это жепѣ,
• подаривъ ей нарочно для того тетрадь,
• на одной концѣ которой была пи-
• саны переводы его съ англійскаго язы-
• ка. Но и эта тетрадка была вскорѣ за-
• быта, или затеряна.

Извѣстно, что Моцартъ не могъ ра-
• ботать по принужденію и къ сроку.
• Онъ все откладывалъ до послѣдней ми-
• нуты и потомъ вдругъ, въ минуту твор-
• ческой эмергіи, создавалъ или лучше
• сказавъ, передавалъ бумагѣ давно уже
• созданное въ умѣ его произведеніе.
• Такъ была написана увертюра къ *Don
• Giovanni*. Такъ точно Вальтеръ Скоттъ
• самъ сознается, что лучшія произведе-
• нія, вышедшія изъ-подъ пера его, суть
• тѣ, которыя онъ писалъ, когда ему
• приходили сказать изъ типографіи, что
• все дѣло стало за нимъ, что печатные
• станки требуютъ пищи. Такъ лучшія
• композиціи Россини созданы въ то вре-
• мя, когда онъ страдалъ отъ голода и
• жажды и когда его окружали докуча-
• вые директоры театровъ.

Впрочемъ, Моцартъ находилъ всегда большую помощь въ своей изумительной памяти.

Синьора Стриназакки, скрипачка изъ Мантуи, прибыла въ Вѣну и поучила отъ императора позволеніе дать концертъ въ королевскомъ оперномъ театрѣ. Она познакомилась съ Моцартомъ, который взялся написать для нея сонату. По какимъ-то обстоятельствомъ, сочиненіе сонаты было отложено до вечера передъ концертомъ. Стриназакки, безпокоясь объ успѣхѣ своего концерта, написала къ Моцарту, чтобъ онъ прислалъ ей партію изъ сонаты, желая лучше заучить ее. Моцартъ исполнилъ ея желаніе. Собираются въ оперный домъ; играютъ — репетицій небыло, — всѣ въ восторгѣ. Императоръ во все время концерта не спускалъ глазъ съ Моцарта. По окончаніи сонаты, онъ послалъ сказать молодому виртуозу — композитору, чтобъ онъ прислалъ къ нему свои ноты. Посланный, заставшій Моцарта въ-расплохъ, воротился къ королю съ листомъ бѣлой бумаги, разлинованной для нотъ.

— Какъ! вскричалъ императоръ съ изумленіемъ, обратившись къ Моцарту: — ты опять игралъ наизусть?

— Ваше величество, скромно отвѣчалъ композиторъ: — извольте спросить синьору Стриназакки, и она скажетъ вамъ, пропустилъ ли я хоть одну ноту.

Тоже самое онъ сдѣлалъ въ сонатѣ, написанной имъ для себя и Брунетти въ одинъ часъ.

Хотя успѣхъ подобныхъ поступковъ навивляетъ ихъ смѣлость, но подражать имъ не только опасно, но даже безразсудно. Подобные *coup de force* позволительны только гению. Подражатель, хотя и талантливый, можетъ жестоко поплатиться за нихъ. Эти поступки тѣсно связаны съ тѣмъ безмозглымъ и наивнымъ, гениальнымъ, — назовите какъ угодно, — поведеніемъ, которое свертгло артиста въ страданія, въ тоску, въ жалобы на жизнь, скоро истощившія его и свертгшія его въ могилу. Причиной бѣдственнаго положенія Моцарта былъ также недостаточный законъ

о литературной и артистической собственности въ Австріи. Авторъ только въ такомъ случаѣ и до-тѣхъ-поръ имѣлъ исключительное право на свое произведеніе, пока хранилъ его у себя подъ замкомъ. Лишь только кака-нибудь опера имѣла успѣхъ, какъ сотни изданій перепечатанныхъ изъ нея арій поступали въ продажу безъ вѣдома и согласія композитора.

Въ 1785 году, вышли въ свѣтъ нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ композицій нашего героя; между прочими квартеты, посвященные Гайдну и концертъ для фортепьяно въ D minor, который былъ разыгранъ въ первый разъ не только безъ репетированія, но Моцартъ самъ не успѣлъ проиграть его ни разу. Въ этомъ же году, на въ послѣдній разъ видимъ Леопольда Моцарта, прѣхавшаго въ Вѣну, навѣстить сына.

Одна изъ особъ, съ которыми композиторъ преимущественно любилъ разыгрывать свои пьесы для фортепьяно въ четыре руки; была синьора Мартинвасъ, дама въ лѣтахъ, заглававшая хозяйствомъ своего старшаго брата. Эта старая дѣвица славилась своими позваніями въ науки и искусствахъ. Великій поэтъ Метастазіо жилъ въ продолженіи *шестидесяти лѣтъ* въ домѣ ея брата и умеръ въ немъ. Коллегиумы въ Болоньи и Паіи прислали ей дипломъ на званіе докторши — *dottoressa*. Не смотря на свои лѣта, она была жива и весела, какъ молодая дѣвушка. Моцартъ любилъ бесѣдовать съ нею и всегда восхищался ея музыкальнымъ вкусомъ.

Леопольдъ Моцартъ провалъ у сына, шесть недѣль. Здоровье его было расстроено, и онъ сильно страдалъ отъ подагры. Не смотря на то, сынъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ доставить развлеченія отцу. Вольфгангъ вивалъ его даже къ Франк-масонамъ, къ которымъ изучилъ таинства этого братства. Не смотря на всю славу, которой уже пользовался сынъ его, старикъ не былъ доволенъ, потому-что въ будущемъ ему не представлялось еще ни-

чего опредѣленнаго, вѣрнаго для молодого человека.

Дальше, г. Хольмсъ въ постепенномъ разсказѣ развиваетъ картину домашней жизни Моцарта. Не смотря на огорченія, которыя скрывала бѣдная Констанса отъ мужа, она по-неволѣ должна была иногда спрашивать его быть болѣе бережливымъ и порядочнымъ. Моцартъ утѣшалъ ее, обѣщалъ исправиться и исполнялъ обѣщаніе два на два, не болѣе.

Замѣтивъ удивительныя музыкальныя способности Гуммеля, Моцартъ до того привязался къ этому мальчику, что ввѣлъ его къ-себѣ въ домъ. Гуммель пользовался уроками Моцарта, но иногда эти уроки были довольно-странныя.

Однажды поздно вечеромъ, Моцартъ воротился домой съ женою изъ гостей. Вошелъ въ комнату, они застали къ ней Гуммеля, сидящаго на стульяхъ. Моцартъ только-что получилъ новый концертъ для фортепьяно и нетерпѣливо желалъ послушать его. Самоу же ему играть—лѣнь. Онъ приказываетъ женѣ разбудить мальчика, дать ему стаканъ вина и посадить за фортепьяно. Концертъ сыгранъ. Начинаются разсужденія. Гуммель слушается и учится. Правда, это урокъ, но полуночный. Агудъ, также поступившій въ-послѣдствіи къ Моцарту, всегда съ уваженіемъ говоритъ о своемъ учителѣ; однакожь онъ замѣчаетъ, что Моцартъ охотнѣе сыграетъ партію на бильярдѣ, нежели дастъ урокъ.

Въ 1785 году, Моцартъ кончилъ кантату *Davidde Penitente*, которая, не смотря на похвалы музыкальныхъ критиковъ, не соответствуетъ своему назначенію: обѣдня превратилась въ ораторію. Въ томъ же году онъ сталъ обдумывать *Le Nozze*. Еще разъ повторимъ, что Моцартъ создавалъ свои произведенія опера въ умѣ, а потомъ уже въ нѣсколько часовъ или дней перекладывалъ ихъ бумагѣ. Писать партитуру *Le Nozze* онъ началъ въ апрѣлѣ, а играва она была въ маѣ! Всѣ покрови-

тели Моцарта опасались, что эта опера не будетъ имѣть успѣха, частію отъ-того, что была написана на-скоро, частію же отъ промисловъ болѣе-могущественныхъ композиторовъ, находившихся тогда въ Вѣнѣ.

«Сальери и вся его шайка», пишетъ Леопольдъ Моцартъ: «вооружать противъ Вольфганга небо и землю». Но ничто не въ силахъ уронить такихъ композицій, каковы *Voi che sapete*, *No più andrai* и *Sull'aria* — потомство всегда оцѣнитъ ихъ по достоинству. Не смотря на то, сборы съ третьяго представленія *Le Nozze di Figaro*, принадлежавшіе, по условію, Моцарту, были такъ незначительны, что нисколько не поправили его обстоятельствъ. Онъ до того усталъ духомъ, что рѣшился не писать болѣе для Вѣны.

Le Nozze di Figaro была третья опера, которую Моцартъ написалъ по заказу императора Іосифа; но послѣдній оплачивалъ ему доселѣ однимъ *благоволѣніемъ*. Не довольствуясь этимъ, Моцартъ совсѣмъ уже рѣшился ѣхать въ Англію; всѣ дѣла его были приведены въ нѣкоторый порядокъ, день отъѣзда назначенъ, когда онъ неожиданно получилъ званіе придворнаго композитора. Это обстоятельство разрушило всѣ его планы.

Вскорѣ за тѣмъ, весной 1787 года, Моцартъ получилъ извѣстіе, что его *Свадьба Фигаро* произвела фуроръ въ Прагѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ приглашеніе отъ графа Іосифа Туна. Моцартъ былъ такъ хорошо принятъ, что далъ слово отдать слѣдующую свою оперу на тамошній театръ. Опера эта — *Don Giovanni*; она была играва 4-го ноября 1787 года.

Въ-теченіе этого же года, уменьшилась удивительная дѣятельность Моцарта. Въ 1789—90 годахъ, онъ уже писалъ не болѣе одной пьесы въ мѣсяцъ. Музыкальныя лавки, бывшія до-тотѣ главнымъ источникомъ доходовъ композитора, не стали болѣе покупать его сочиненій, потому-что онъ не хотѣлъ подчинять ихъ требованіямъ моды. Гошнейстеръ, издатель сочине-

ний Моцарта, посоветовалъ ему однажды писать въ болѣе-народномъ стилѣ, или онъ не будетъ болѣе повупать его композицій.

— Такъ я лучше брошу свое перо, отвѣчалъ Моцартъ съ горестью: — и умру съ голода!

Подобныя огорченія увеличивали его тѣлесныя страданія. Безпрестанныя неприятности совершенно разстроили его денежныя обстоятельства, — разстроили въ томъ отношеніи, что онъ безъ толка тратилъ деньги: ему нужны были развлечения шумныя, чтобъ заглушить тоску сердца. Обыкновенными собесѣдниками Моцарта были актёры и оперные музыканты, люди всякаго происхожденія, безъ образованія и, болшею частію, безнравственные; знакомство съ ними столько же вредило его репутаціи, сколько и кошелку. Двое изъ этихъ людей, Шиканедеръ, директоръ театра (для котораго Моцартъ написалъ *Die Zauberflöte*), и Штадлеръ, кларнетистъ, безчестнымъ образомъ обманули композитора; онъ, однакожь, простилъ имъ и продолжалъ оказывать благодѣянія. Общество Шиканедера, человѣка, находившагося часто въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но веселаго и беззаботнаго, доводило Моцарта до изнѣшности, вредившихъ его здоровью, потому что по ночамъ онъ долженъ былъ вознаграждать потерянное время. То Моцартъ не зналъ откуда добыть денегъ для обѣда, то у него лилось шампанское и токвиское. Страсть его къ танцамъ, баламъ, маскарадамъ была такъ сильна, что онъ не пропускалъ случая побывать въ обществѣ. Онъ охвѣдалъ всегда со вкусомъ и желалъ нравиться не однимъ своимъ талантомъ. Онъ былъ очень-валять собою и очень обидѣлся, когда прусскій посланникъ, рекомендуя его, сказалъ:

— Не судите о гениальности Моцарта по его невидной наружности.

Моцартъ сочинялъ пантомимы и балеты, и самъ принималъ въ нихъ участіе. Въ роляхъ Арлекина и Пьерро онъ

былъ неподражаемъ. По его сдѣлствію, публичныя маскарады въ Вѣнѣ во время карнавала происходили съ настоящею итальянскою живостью: самъ императоръ и весь дворъ принимали въ нихъ участіе. Вѣда такую жизнь и безпрестанно увлекаемый изхремъ удовольствій, Моцартъ сохранилъ, однакожь, все величіе своей натуры и пыталъ искреннюю, нѣжную привязанность къ своему семейству.

Весною 1789 года, Моцартъ предпринялъ путешествіе на сѣверъ Германіи. Онъ, какъ кажется, не былъ приглашенъ, однакожь его нетерпѣливо ожидалъ прусскій король, котораго до того обворожили откровенность, пріимодушіе и гениі Моцарта, что онъ приглашалъ его остаться у него, предлагая ежегодную пенсію въ три тысячи талеровъ.

— Могу ли я оставить добраго своего императора? отвѣчала Моцартъ...

Отъ осени 1789 года до слѣдующей осени, обстоятельства Моцарта пришли въ самое жалкое состояніе. Въ продолженіе этого времени, дѣятельность его еще болѣе уменьшилась, хотя онъ и написалъ одну оперу, два квартета, квинтетъ и нѣсколько арій.

Намъ кажется, что г. Хольмсъ, ведѣ и во всемъ защищая своего героя, ошибается, приписывая бѣдственное положеніе его недостатку шокровителства и опощренія. Моцартъ зарабатывалъ столько денегъ, что могъ бы жить не только въ довольствѣ, но даже богато.

Наконецъ, чаша переполнилась... здоровье композитора совершенно разстроилось, — послѣдній часъ его прѣбывалъ. Переведемъ страничку изъ счиненія г. Хольмса, — разекавъ о послѣднихъ минутахъ великаго гениа:

« Въ два часа того самаго дня, съ-который Моцартъ скончался, его посетили нѣкоторые актёры изъ театра Шиканедера. Въ послѣднія минуты страсть его къ музыкѣ пробудилась съ новою силой. Онъ спросилъ, чтобъ принести только-что конченную партитуру его замѣнителемъ Ле-

• фисетъ и предложилъ пріятелямъ про-
 • нять его. Самъ Моцартъ пѣлъ альто,
 • Шанъ сопрано, Гоферъ, зять его, те-
 • норъ, а Гарле басъ. Они допѣли до
 • первыхъ нотъ *Lacrymosa*, какъ вдругъ
 • Моцартъ зарыдалъ. Его долго не
 • могли успокоить. Онъ предчувство-
 • валъ свою близкую кончину. Врачи
 • рѣшительно отказались отъ него. Ули-
 • вительно, что, не смотря на религіов-
 • нныя правила, въ которыхъ Моцартъ
 • былъ воспитанъ и которыя сохра-
 • нилъ во всю жизнь, онъ не просилъ,
 • чтобъ къ нему привели духовника.
 • Поздно вечеромъ свояченица его во-
 • ротилась домой; когда она ушла, ему
 • было гораздо легче, а потому она и
 • не торопилась. Вотъ собственный ея
 • рассказъ:

• Представьте себѣ мое изумленіе,
 • когда сестра моя, обыкновенно тихая
 • и кроткая, — какъ сумасшедшая выбѣ-
 • жала ко мнѣ на встрѣчу и вскричала:
 • — Слава Богу! что ты воротилась...
 • Онъ безъ тебя былъ очень боленъ, и
 • я каждую минуту ожидала, что онъ
 • умретъ. Поиди къ нему! — Когда я по-
 • дошла къ его постели, онъ сказалъ
 • мнѣ: — Хорошо, что ты пришла... я
 • умру, по-крайней-мѣрѣ, между свои-
 • ми. — Я всячески старалась утѣшить
 • его, но онъ возразилъ: — Нѣтъ, у ме-
 • ня уже на языкѣ вкусъ смерти... ка-
 • кой-то странный, незнакомый мнѣ до-
 • селъ вкусъ... Я доволенъ, что вы
 • здѣсь, по-крайней-мѣрѣ будетъ кому
 • утѣшить мою Констансу. — Я сходила
 • къ матушкѣ, чтобъ извѣстить ее
 • обо всемъ, и потомъ опять воротилась
 • къ умирающему. Зюсмейеръ стоялъ
 • возлѣ постели его, а на одвѣлѣ лежалъ
 • Requiem, о которомъ Моцартъ все
 • еще разсуждалъ. Потомъ онъ позвалъ
 • жену и просилъ, чтобъ она до времени
 • никому не рассказывала о смерти его,
 • чтобъ Альбрехтсбергеръ первый могъ
 • подать просьбу на полученіе должно-
 • сти капельмейстера, которую зани-
 • малъ самъ Моцартъ. Желаніе его бы-
 • ло исполнено, потому-что Альбрехтс-
 • бергеръ получилъ это мѣсто. Разсма-
 • Т. XLIV. — Отд. VII.

• тривалъ страницы своего Requiem, онъ
 • сказалъ со слезами на глазахъ:

• — Не говорилъ ли я вамъ, что я ви-
 • саль это для себя?

• Докторъ приказалъ накладывать
 • ему на голову холодныя примочки,
 • которыя произвели въ больномъ силь-
 • ную лихорадочную дрожь, уже не
 • прекращавшуюся. Около двухъ ча-
 • совъ онъ пролежалъ въ сильнейей
 • хоромѣ и ровно въ полночь скон-
 • чался...

• Такъ умеръ Вольфгангъ-Амадеусъ
 • Моцартъ, 35 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ отъ
 • роду.

• Похороны его были чрезвычайно
 • скромны... незначительныя издержки
 • привилъ на себя баронъ Свигтенъ.

• Брѣнные останки гениальнаго чело-
 • вѣка были погребены на кладбищѣ
 • St. Marger Linie, близъ Вѣны; тамъ
 • же въ послѣдствіи упокоился прахъ
 • двухъ лучшихъ и достойнѣйшихъ
 • друзей его: Альбрехтсбергера и Гай-
 • дна. Гробъ былъ опущенъ въ землю...
 • даже простой камень не легъ на мо-
 • гилъ его... жена не имѣла средствъ,
 • а другіе и не заботились о томъ...

• Изъ шестерыхъ дѣтей Моцарта,
 • остались въ живыхъ только два сына.
 • Старшій, Карлъ, вѣроятно и понынѣ
 • находится въ одномъ коммерческомъ
 • домѣ въ Миланѣ; младшій, Вольф-
 • гангъ-Амадеусъ, былъ музыкан-
 • томъ, долгое время находился въ
 • Лембергѣ, но потомъ переселился
 • въ Вѣну, гдѣ и скончался вѣсколь-
 • ко мѣсяцевъ назадъ. Онъ былъ
 • любимъ за кротость, добродушіе и
 • былъ очень-хорошій музыкантъ. Мно-
 • го горя претерпѣла бѣдная вдова Мо-
 • царта, чтобъ поправить свое разстро-
 • енное состояніе. Императоръ австрій-
 • скій приказалъ дать концертъ въ ея
 • пользу; примѣру этому послѣдовали
 • Берлинъ, Прага, Лейпцигъ и многіе
 • другіе германскіе города. Вдова Мо-
 • царта заплатила всѣ долги мужа...

• Къ этому мы должны присовокупить
 • недавнее извѣстіе одного музыкальнаго
 • журнала, что могла Моцарта, нахо-

нецъ, открыта, и что знаменитая германская пѣвица г-жа Хассельтъ-Бартъ намѣрена воздвигнуть на ней памятникъ собственнымъ иждивеніемъ.

Огавчая разборъ сочиненія господина Хольмса, мы должны сказать, что оно въ высокой степени интересно, не смотря на нѣкоторыя пристрастные сужденія автора, — и едва-ли другое какое-либо живнеописаніе можетъ быть поучительнѣе этого.

Satanstoe; or the Family of Littlepage. A Tale of the Colony. By J. F. Cooper (Сатанстоу или Семейство Литтлпейжъ. Романъ Купера).

Романомъ «Сатанстоу» (Большой-Палецъ Дьявола), знаменитый американскій писатель еще увеличилъ свою литературную славу. Сюжетъ этого романа совсѣмъ не фантастическій, какъ бы можно было подумать по его заглавію: это простая повѣсть, исполненная истины; это картина жизни и кроткихъ патриархальныхъ обычаевъ обитателей небольшой англо-голландской колоніи Альбани.

Сатанстоу—названіе небольшого имѣнія рода Литтлпейжъ, за единственнымъ представителемъ котораго авторъ заставляетъ читателя слѣдовать въ путешествіи по обширнымъ дѣственнымъ лѣсамъ Америки. Это-то путешествіе, сопряженное съ опасностями и битвами, рассказываетъ Фениморъ Куперъ съ обыкновеннымъ своимъ талантомъ.

Мѣстныя описанія, портреты, характеры, разговоры, — все очерчено съ тою вѣрностью, съ тѣмъ поэтическимъ колоритомъ и драматическимъ одушевленіемъ, которые составляютъ отличительныя черты таланта Купера. У него все взято прямо съ натуры. Всѣ лица и характеры его остаются вѣрны сами себѣ до конца.

Въ новомъ романѣ, на первомъ планѣ является Корнелиусъ Литтлпейжъ, герой романа, простодушный и наивный какъ ребенокъ, сильный и твердый, какъ мужчина, — человекъ талантливый и мужественный, но вѣстѣ съ тѣмъ

строгий и разсудительный. Въ контрастѣ къ нему рисуется вѣчно-веселое, смѣющееся, беззаботное лицо Голландца Гуэрт - Тен - Эйка, предающагося всѣмъ встрѣчающимся удовольствіямъ, но грознаго мужествомъ и рѣшимостью посреди опасности. Далѣе представляется молодой и блестящій майоръ Бюльстроде, вѣтреный волокита, но человекъ честный и благородный, ума поверхностнаго, но сердца добраго. Потомъ чувствительная и прелестная Анна Мордауитъ и граціозная Мэри Валластъ, кокетка, заставляющая страдать бѣднаго Гуэрта, котораго она любитъ, сама не сознавая въ томъ.

Единственный и всегдашній недостатокъ Купера — утомятельность длиноты. Конечно, хорошо давать отдыхъ уму читателя, который сбивается въ событіяхъ и эффектахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, какъ громъ за молніей, въ новѣйшихъ французскихъ романахъ; но не должно утомять его. У Купера обыкновенно дѣйствіе слишкомъ-долго подготавливается и также долго развязывается.

Не смотря на то, въ новомъ романѣ его встрѣчаются прекрасныя мѣста. Такова, на-примѣръ, сцена, во все продолженіе которой герои его находятся между страхомъ и надеждой, между жизнью и смертію: Корнелиусъ, Гуэртъ и семейство Мордауитъ вѣхали на саняхъ, въ темную, безвѣдную ночь и ледяное ложе одной изъ обширныхъ рѣкъ Америки, на которыхъ Христофоръ Колумбъ воображалъ, что находится въ открытомъ морѣ. Вдругъ, среди могильной торжественности иррака и тишины, разразилась страшная буря. Внезапное возвышеніе воды приподняло, разбило, отдѣлило ледяную кору. Страшный трескъ возмущаетъ объ опасности, угрожающей путешественникамъ. Трескъ усиливается, ледъ движется подъ ногами лошадей, дѣтъ возможность выѣхать на берегъ... рѣка течетъ между двумя прямо отвѣсными скалами... несчастные путешественники должны погибнуть; но сторонамъ

ихъ поднимаются, перекидываются, громовидятся гигантскія льдины, угрожающія раздавить ихъ въ своемъ паденіи... по сторонамъ ихъ открываются бездны, готовые поглотить ихъ... Лошади, почувяъ опасность, взбѣсались и повесели. Это еще боѣе увеличиваетъ опасное положеніе путешественниковъ; надобно остановить сани, съ быстротою молвіи скользяшія по льду: Гуэртъ перерѣзываетъ ремни упряжи и выходитъ изъ саней, чтобъ осмотрѣть окрестности. Тогда только они замѣчаютъ, что находятся на льдинѣ, которую шибко несетъ бурный потокъ. Корнелиусъ страшится за свою возлюбленную... Эта нѣмая сцена поглощаетъ все вниманіе, возбуждаетъ участіе читателя, и любителя и любительницы сильныхъ ощущеній найдутъ въ ней достаточную пищу.

Вообще, этотъ романъ завлекателенъ и занимателенъ, потому-что все въ немъ вѣрно, все естественно, величественно безъ натяжки, краснорѣчиво—безъ напыщенности.

Отлагая продолженіе обзорѣнія новѣйшихъ произведеній англійской литературы до будущаго мѣсяца, мы замѣтимъ только, что въ концѣ прошедшаго 1845 года вышли еще слѣдующія замѣчательныя книги: *Conraris Fleming* и *Alroy*, два романа д'Шеразли, автора «*Conningsby*»; и *The new Timon* (Новый Тимонъ), а *Romance of London, Part. I.* Герой послѣдняго сочиненія, Морваль—плодъ незаконной связи Англичанина съ Индіанкой, воспитанный посреди величественной природы своей отчизны и перенесенный обстоятельствами въ лондонскій блѣдъ этого сочиненія уже много поэзіи, много разнообразія. Авторъ еще не извѣстенъ. Сообщаемъ три портрета изъ *Новаго Тимона*:

ВИАЛЛИНГТОМЪ.

Next with loose vein and careless canter
wiew
Our man of men, the Prince of Waterloo;
O'er the firm brow the hat as firmly
prest,
The firm shape rigid in the buttoned west;
Within—the iron which the fire has proved,
And the close Sparta of a mind unmoved!
Not his the wealth to some large natures
lent,
Divinely lavish, even where mispent,
That liberal sunshine of exuberant soul,
Thought, sense, affection, warming up the
whole.
Hush'd at command his veriest passions
halt,
Drill'd is each virtue, disciplin'd each
fault.
His eye ne'er wrong, if circumscribed
the sight,
Widen the prospect and it ne'er is right;
Seen through the telescope of habit still,
States seem a camp, and all the world—
a drill! (*)

O'Коннелъ.

But who, scarce less by every gazer eyed,
Walks yonder swiaging with a stalwart
stride?
With that vast bulk of chest and limb
assign'd
So oft to men who subjugate their kind;

(*) Вотъ съ опущенными поводьями, безпечнымъ галопомъ скачетъ нашъ мужъ изъ мужей, князь ватерлооскій. На твердомъ челѣ плотно надѣта шляпа, и до верху застегнуть на груди его мундиръ. Подъ мундиромъ—железо, прошедшее черезъ огонь, и спартаицкій непоколебимый духъ. Не для него тѣ сокровища, которыми судьба надѣляетъ своихъ любимцевъ; онъ расточаетъ ихъ, иногда и не впрокъ, но всегда величественно, подобно щедрому солнечному свѣту; душа его пренеполнена чувствительности, глубокихъ мыслей и любви. По одному усилію, онъ побѣждаетъ даже свои страсти; въ ограниченномъ пространствѣ взглядъ его всегда вѣренъ; расширяте границы—и онъ ошибется. Всегда взирая чрезъ зрительную трубу привычки на свѣтъ, онъ смотритъ на него какъ на плац-парадъ, а на государство—какъ на военный станъ!

So sturdy Cromwell push'd broad-shoulder'd on;
 So burly Luther breasted Babylon;
 So brawny Cleon bawld his Agora down;
 And large-limb'd Mahmoud clutch'd a Prophet's crown!
 Ay, mark him well! the schemer's subtle eye,
 The stage-mime's plastic lip your search defy.
 The blood all fervour, and the brain all guile —
 The patriot's bluntness, and the bondsman's wile (*).

Россель Россель.

Next cool, and all unconscious of reproach,
 Comes the calm «Johnny, who upset the coach».
 Now formed to lead, if not too proud to please —
 His fame would fire you, but is manners freeze.
 Like or dislike he does not care a jot;
 He wants your vote but your affection not;
 Yet human hearts need sun, as well as oats —
 To cold a climate plays the deuce with votes.
 And while his doctrines ripen day by day;
 His frost-nipp'd party pines itself away; —
 But see our statesman when the steam is on;

(*) Но кто это, преследуемый любопытством толпы, идет твердым, смелым шагом? Он одарен глгь могущественным тгьсложением, которое достается часто въ удгьл повелителямъ людей. Такъ смгьло Кромвель выступала впередъ; такъ мужественно Лютеръ шелъ грудью на Вавилоу; такъ низвергъ Клеонъ свою Агору; такъ широкоплечий Мухаммедъ овладгьлъ вгьнкомъ пророка. Да, смотрите на него! но не разгадаете ни умнаго взора, ни значительной улыбки. Въ крови его пламя, въ мозгу лукавство; съ жесткостью патрiота соединяетъ онъ хитрость девальвика.

And Hanged Johnny glows to glorious John!
 When Hampden's thought, by Falklands mused drest,
 Lights the pale cheek, and swells the generous breast;
 When the pent heat expands the quickening soul —
 And foremost in the race wheels of genius roll! (*)

Сэръ Робертъ Пиль очерченъ одной строкой:

«And still the cautious trot, the cautious mind betrays.»

(И всегда осторожная рысь обнаруживаетъ осторожную душу.)

Р. Пиль часто пргьжааетъ въ парламентъ верхомъ на смиромъ конгь, который хорошо знакомъ всгьмъ прохожимъ по Парламент-Стриту.

Всгь эти наблюдения надъ английскими государственными людьми, въ поэмгь дгьлаетъ сестра Морвала, Каланта, сидя у открытаго окна въ Парламентской-Улицгь. Поэма раздгьлена на четыре части, изъ которыхъ вышла только первая.

(*) Холодно, съ спокойнымъ духомъ выступаютъ смиренный «Джонни (Ванчикъ), опрокинувшй карету». Какъ бы онъ былъ способенъ быть вожатымъ, еслибъ не былъ слишкомъ гордъ! Слава его восслаиваетъ, но поступки охлаждають. Онъ никакъ не забегнется о провалахъ или пориданияхъ; ему нуженъ вашъ голосъ, а не ваша привязанность. Но человгьческому сердцу столько же нужно солнце, какъ и овеу; и во вгьръ того, какъ дашь-оно-дня учене его зрбеть, его партiя, поврежденная злодомъ, исчезаетъ. Но взгляните на нашего государственнаго человекга при полной изровой силгь, какъ тогда дгьвный Ванчикъ становится большимъ Иваномъ, — когда Гамплена мысля, разукрашенная музами Фалькленда, румянитъ блгьвную шеку и подымають благородную грудь; когда спертый жаръ расширяетъ окривую душу и колеса гения порегонются вгьдъ!

VIII.

С М Ъ С Ъ.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

СЭРЪ ТОМАСЪ МУРЪ.

Одною изъ лучшихъ эпохъ въ исторіи англійской поэзіи была та, когда туземный гений, цѣлый вѣкъ бывъ связанъ подражаніемъ чужимъ образцамъ, сбросилъ съ себя иго французскаго вкуса, и — явился рядъ поетовъ, отличавшихся столько же оригинальностію, сколько разнообразіемъ формъ и вдохновеніемъ. Коуперъ, Бёрнсъ, Крэмбъ, Кольриджъ, Уордсуортъ, Соути, Уильсонъ, Т. Кампбелль, Роджерсъ, Ли-Гонтъ, Гогъ, наконецъ Томасъ Муръ, Вальтеръ Скоттъ и Байронъ, — всѣ эти голоса, цѣвшіе на новые или забытые тоны, возвысились почти въ одно и то же время въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка; всѣ они теперь смолкли; кого постигла смерть, кого старость, — и второй рядъ поетовъ далеко уступаетъ первому.

Къ числу послѣднихъ ветерановъ этой блестящей фаланги принадле-

жить Томасъ Муръ. Авторъ «Ирландскихъ Мелодій» и «Лалла-Рукъ», в теченіи многихъ лѣтъ составлялъ съ Вальтеромъ Скоттомъ и Байрономъ родъ триумвирата, который признавала вся Англія. Нѣкоторыя изъ его твореній имѣли болѣе двадцати изданій. Неудивительно сказать, однакожь, что когда для него, еще при жизни, настало потомство, то оказывается, что рука времени имѣла болѣе-разрушительное вліяніе на его гибкую и блестящую поэзію, чѣмъ на произведенія двухъ его знаменитыхъ сподвижниковъ, болѣе-твердыхъ и живучихъ. За предѣлами Англіи, репутація его, впрочемъ, никогда не стояла наравнѣ съ репутаціей Вальтера Скотта и Байрона. Такъ-накъ не столько глубина чувствъ и энергія страстей, сколько грація, гармонія развѣтра и богатство колорита составляютъ прекрасную сторону его гениа, то очевидно, что его произведенія принадлежать къ числу тѣхъ, которыя чрезвычайно-много теряютъ, переходя изъ одного языка въ другой. Всѣ вообще переводы Мура не даютъ понятія о блескѣ и прелести оригинала.

Какъ бы то ни было, имя Мура—одно изъ самыхъ блистательныхъ литературныхъ именъ настоящаго вѣка; чрезвычайная гибкость его таланта, упражнявшагося во всѣхъ родахъ поэзии, отъ анакреонтической оды, элегии, баллады, эпической поэмы, до политическаго сатиры, въ которой онъ вѣскогда приобрьлъ громкій успѣхъ, доставила ему, не говоря уже о прозаическихъ его сочиненіяхъ, изъ которыхъ многія весьма-замѣчательны, популярность, основанную на одобреніи умовъ самыхъ разнообразныхъ по направленію; его читали и читаютъ еще и въ аристократическихъ гостиныхъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ книжнѣхъ земледѣльца.

Особенно Ирландія утѣшалась и утѣшается пѣснями поэта, котораго она любитъ, какъ одного изъ самыхъ ревностныхъ своихъ патриотовъ.

Томасъ Муръ родился 28-го мая 1780 года, въ Дублинѣ, отъ почтеннаго негодіанта, Гаррета-Мура, который имѣлъ только этого сына, да двухъ дочерей. Нѣжно-любимый отцомъ, матерью, сестрами, поэтъ сохранилъ о своемъ дѣтствѣ пріятныя воспоминанія, которыя передаетъ онъ въ раздѣлахъ своихъ стихотвореній, особенно въ посланіи къ сестрѣ изъ Америки. Въ предисловіяхъ къ разнымъ своимъ сочиненіямъ, вошедшимъ въ составъ полнаго собранія его произведеній, Томасъ Муръ, подобно всѣмъ старѣющимъ поетамъ, припоминаетъ разные событія своей жизни. Вотъ что говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ предисловіевъ:

«Не могу сказать, какихъ лѣтъ началъ я пѣть и сочинять стихи. Школьнымъ учителемъ моимъ былъ Самуилъ Уайтъ, человѣкъ до крайности тщеславный, но чувствительный и добрый, который, за тридцать лѣтъ до того былъ первымъ наставникомъ Шеридана, и который, пробившись съ нимъ годъ, объявилъ наконецъ, что ученикъ его — набитый дуракъ. Онъ давалъ также уроки въ литературу молодымъ Ирландцамъ

знатныхъ домовъ и особенно любилъ домашніе театры; страсть къ этимъ театрамъ съ нѣкотораго времени распространилась въ Ирландіи. Въ Карлсбургѣ, въ Картонѣ, у герцога лейпцигскаго, въ Марли, у Латушей, составлялись спектакли, распоряженіе которыми поручаемо было Уайту. Въ 1776 году, онъ написалъ прологъ къ маскараду Комуса, разъигранному въ Марли, а знаменитый ораторъ Греттенъ составилъ эпилогъ, — единственную пьесу въ стихахъ, написанную этими великими человѣкомъ. Съ дѣтства я любилъ эти игры; Уайтъ занималъ ими своихъ воспитанниковъ, и я отличался по этой части; всегда сохранилъ я любовь къ нимъ. Въ послѣдствіи, когда я игралъ въ Килькенни, мнѣ много аплодировали въ роляхъ комическихъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ былъ какой-нибудь намекъ на мой малый ростъ (*).

Въ 1790 году (мнѣ было десять лѣтъ), я написалъ эпилогъ къ пьесѣ, поставленной моимъ учителемъ на домашнемъ театрѣ у лэди Борроу, въ Дублинѣ. Когда мнѣ было тринадцатъ лѣтъ, въ 1793 году, явились мои стихи въ печати, въ дублинской «Антологіи», гдѣ я имѣлъ счастье полу-

(*) Томасъ Муръ чрезвычайно-малъ ростомъ, такъ малъ, что однажды въ Лондонѣ, на обѣдѣ, какой-то Французъ, не знавшій его, видя, что онъ встаетъ изъ за стола и идетъ за дамами въ гостиную, вскричалъ со смѣхомъ: «*ah! voilà le petit bonhomme, qui s'en va*». Принцу валлсскому приписываютъ слѣдующую забавную выходку. Бывъ въ связяхъ съ Муромъ во время своей оппозиціи, принцъ слѣдался, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, предметомъ самыхъ рѣзкихъ его нападокъ, когда, достигнувъ регентства, онъ отказался отъ прежнихъ своихъ мнѣній. Оскорбленный сатирами поэта, онъ являлся одному придворнику и сказалъ: «пусть бережется этотъ шутилакъ! — Такъ ваше высочество хотите предать его суду? спросилъ придворный. — Идѣтъ, но если онъ начнетъ слова, я посажу его въ бочкалъ.»

читать, названіе почтеннѣйшаго корреспондента. Въ слѣдующемъ году, я помѣстилъ въ томъ же сборникѣ сочиненіе къ моему школьному учителю, и тамъ же въ первый разъ прочелъ отрывки изъ поэмы «Удовольствія Памяти», Самуила Роджерса, который въ послѣдствіи сдѣлался однимъ изъ лучшихъ моихъ друзей.

Обстоятельства политическія не мало содѣйствовали моему образованію. Я былъ Ирландецъ, слѣдовательно — тысячу преградъ надлежало преодолѣть мнѣ на поприщѣ адвокатскомъ, на которое думали пустить меня мать и отецъ, съ улыбкою смотрѣвшіе на мои опыты поэгическіе. Французская революція взволновала Ирландію; я помню публичный обѣдъ, данный въ 1792 году въ честь этого событія; отецъ взялъ меня съ собой на этотъ обѣдъ, и я сидѣлъ на колѣняхъ преезидента, когда провозглашенъ былъ текстъ: «пусть отъ вѣтра Франціи зазеленѣетъ нашъ ирландскій дубъ!»

Въ скоромъ времени, въ началѣ 1790 года, Англія начала войну съ Франціей, и англійское правительство, чувствуя необходимость успокоить Ирландію, рѣшилось отменить самыя жестокіе изъ уголовныхъ законовъ, существовавшихъ тогда противъ католиковъ. Родителямъ позволено было свободно воспитывать дѣтей на родинѣ, и имъ открыты были доступы къ большей части публичныхъ должностей. Молодой Муръ воспользовался этими уступками англійскаго правительства; выдержавъ экзаменъ, онъ принятъ былъ въ Дублинскій Университетъ и поступилъ въ *Trinity-College* (*).

(*) Эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ предисловія, прибавленнаго Муромъ къ послѣднему изданію его перевода Анакреона, по-видимому, указываютъ, что поэтъ родился отъ фамиліи католической; но изъ другихъ предисловія видно, что онъ членъ реформатской церкви, и надо думать, что Муръ, действительно, протестантъ.

Весьма-рано Томасъ Муръ пристрастился къ Анакреону и задумалъ перевести его. Въ 1794 г., будучи четырнадцати лѣтъ, онъ напечаталъ въ дублинской «Антологіи» переводъ пятой оды. Переводъ потомъ въскольکو другихъ одъ, онъ показалъ ихъ одному изъ своихъ профессоровъ, пастору Кирри, бывшему въ послѣдствіи протестантскимъ епископомъ въ Оссори. Профессоръ похвалилъ переводъ и убѣждалъ молодого переводчика окончить его и издать, справедливо однакожь замѣтивъ, что университетъ не можетъ поощрить перевода эротическаго поэта.

«Но въ то же самое время», говорит Муръ: «почтенный протестантскій прелатъ получилъ въ подарокъ отъ папы экземпляръ того же Анакреона, изъ ватиканской бібліотеки. Чтобъ дополнить мой переводъ, я сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ дублинской бібліотеки, куда, по особенной милости, пускали меня въ часы, неназначенные для публики, и гдѣ я приобрѣлъ ту начитанность, о которой свидѣтельствуютъ примѣчанія къ разнымъ моимъ сочиненіямъ».

Ирландскій поэтъ, дѣйствительно, очень щедръ на примѣчанія; почти каждая его поэма сопровождается учеными прибавленіями, назначенными для тѣхъ, кто любитъ углубляться въ читаемое.

Между-тѣмъ, какъ онъ готовилъ такіе-то образцы на студенческой скамейкѣ первое произведеніе, долженствовавшее доставить ему на долгое время прованіе Анакреона-Мура, въ немъ развивалась двоякая страсть: къ ирландской музыкѣ и къ ирландской свободѣ. «Эта страсть», говоритъ онъ: «никогда меня не покидала. Ирландская музыка была задушена, когда г. Бентингъ, въ 1796 г., собралъ и издалъ народные напѣвы, очаровавшіе меня». Тогда-то, вѣроятно, родилась въ головѣ Мура мысль, которую осуществилъ онъ спустя двѣнадцать лѣтъ въ самомъ популярномъ изъ своихъ сочиненій, — мысль написать слова на эти напѣвы. Предпріятіе было труд-

ное, ибо, какъ говорить самъ Муръ: поэтъ, желающій передать различныя чувства, выражаемыя этими напѣвами, долженъ понять и перечувствовать то быстрое движеніе ума и сердца, ту невыразимую смѣсь грусти и беззаботности, которая составляютъ характеръ Ирландцевъ, и которыми глубоко запечатлѣна ихъ музыка. Въ самыя веселыя наши пѣсни непремѣнно вкрадывается какая-нибудь жалобная нота, которая мимоходомъ бросаетъ отъ себя тѣнь.

Это-то соединеніе грусти и веселья превосходно осуществилъ поэтъ въ своихъ «Ирландскихъ Мелодіяхъ», о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Въ то время, какъ дублинскій студентъ пристращался къ пѣснямъ старыхъ бардовъ своей родины, готовилась инсurreкція 1798 года. Общество соединенныхъ Ирландцевъ, католиковъ и протестантовъ, приготовляло общее возстаніе, которое должно было вспыхнуть съ прибытіемъ французской арміи, посланной директоріею. Находясь въ связяхъ съ молодымъ и прекраснымъ Робертомъ Эмметомъ, приобрѣвшимъ въ послѣдствіи такую извѣстность своей несчастной смертью и героической любовью, которую внушилъ онъ благородной дочери Коррена, молодой и прелестной Сарѣ, невѣстѣ вдовѣ, воспѣтой авторомъ «Мелодій». Томасъ Муръ участвовалъ во всѣхъ проектахъ, во всѣхъ надеждахъ заговорщиковъ. Въ Дублинѣ издаваемъ былъ имъ смѣлый журналъ, «the Press». Муръ помѣстилъ въ немъ нѣсколько статей, безъ вѣдома своихъ родныхъ; мать, узнавъ о соучастіи его въ этомъ опасномъ предпріятіи, успѣла убѣдить его отказаться отъ него; но онъ продолжалъ свои сношенія съ Робертомъ Эмметомъ. Разъ, когда тотъ игралъ передъ нимъ на фортепьяно воинскую пѣсню стараго Эриана, восторженный молодой Ирландецъ воскликнулъ: «Зачѣмъ не могу я летѣть въ битву при звукахъ этой пѣсни, во главѣ двадцати тысячъ человекъ?»

Часть битвы пробилъ слишкомъ-скоро въ слѣдствіе ареста одного изъ вождей заговорщиковъ, исполнительный комитетъ, опасаясь, чтобы правительство не предупредило возстанія, рѣшилъ приступить къ дѣлу, не дожидаясь прибытія французскихъ войскъ. Уже назначенъ былъ день открытаго возстанія, какъ Рейнольдсъ открылъ планъ заговорщиковъ. Инсurreкція, однакожь, вспыхнула, но она повела только къ суровымъ мѣрамъ со стороны англійскаго правительства. Робертъ Эмметъ избѣжалъ опасностей борьбы, но не избѣгъ, спустя нѣсколько лѣтъ, ошафота. Другой участникъ этой трагедіи, лордъ Эдвардъ Фитцджеральдъ, любимецъ Ирландцевъ и вождь инсurreгентовъ, заплатилъ жизнью за свои покушенія. Томасъ Муръ возлжигъ ему въ послѣдствіи историческій памятникъ въ прозаическомъ сочиненіи, изданномъ въ 1831 году подъ заглавіемъ *Life and Death of Lord Edward Fitzgerald* (Жизнь и смерть лорда Эдварда Фитцджеральда). Это сочиненіе заключается въ себѣ точное и краснорѣчивое изложеніе всѣхъ событій, относящихся къ инсurreкціи 1798 года, и причинъ, по которымъ возстаніе было неулачно. Непосредственнымъ результатомъ этой неудачи были усиленіе строгости англійскаго правительства и уничтоженіе ирландскаго парламента.

Между-тѣмъ, какъ всюду лилась кровь, лордъ Клоръ производилъ слѣдствіе относительно мнѣній студентовъ университета, и молодой Муръ, сильно подозрѣваемый, съ трудомъ избѣжалъ преслѣдованій англійскаго комиссара.

Въ слѣдующемъ (1799) году, дублинскій студентъ отправился въ Лондонъ, чтобы вступить въ члены общества Миддль-Темпль, которое было родъ приготовительнаго учрежденія для вступленія въ сословіе адвокатовъ. Онъ привезъ съ собою переводъ Анакреона, который и издалъ въ 1800 году, посвятивъ его принцу валлисскому. Этотъ принцъ, другъ Шеридана и Фосса и

главнѣйшихъ виговъ, игралъ тогда роль оппозиціонную, которая доставила ему большую популярность. Переводъ Мура, вѣсколько жеманный и принужденный, по этимъ самымъ качествамъ имѣлъ большой успѣхъ; онъ открылъ переводчику входъ въ самыя блестящія гостиныя и побудилъ его окончательно откаться отъ адвокатскаго поприща. Въ слѣдующемъ (1801) году, онъ выдалъ томъ эротическихъ стихотвореній, частію оригинальныхъ, частію подражаній древнимъ; эти стихотворенія, довольно - граціозныя, но слишкомъ-вольныя, изданы были подъ характеристическимъ псевдонимомъ *Little* (маленькаго).

«Томъ-Литтль», шуточно говорилъ авторъ въ предисловіи: «умеръ двадцати-одного года; онъ былъ довольно-любовливъ, не честолюбивъ, большой любитель эротическихъ поетовъ: Тибулла, Катулл, Проперція и др. Жизнь его и генеалогія не интересны для публики; большая часть его стихотвореній написана въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, что критики, при сужденіи о нихъ, должны имѣть нѣкоторое снисхожденіе».

Въ томъ же году журналы объявляли, что скоро выйдетъ «Философія Удовольствія» Мура; но эта философія не вышла и вѣроятно никогда не выйдетъ, потому-что бывший эротическій поэтъ нынѣ одинъ изъ самыхъ усердныхъ богомоловъ во всѣхъ грѣхъ соединенныхъ королевствахъ, и притомъ, прежде, чѣмъ сдѣлался набожнымъ человѣкомъ, покинулъ пустой и блестящій родъ поэзіи, въ которомъ приобрѣлъ первые успѣхи, и посвятилъ себя сочиненіямъ болѣе достойнымъ его таланта. Долго, однакожъ, извѣстность Мура, поэта эпическаго, лирическаго, патріотическаго, основывалась преимущественно на эфемерной славѣ произведеній его молодости, и Томъ-Литтль часто мѣшалъ смотрѣть серьёзно на Томаса Мура. Какъ бы то ни было, степенной Англіи очень нравился этотъ запрещенный плодъ. Томъ-Литтль, хорошій музы-

кантъ, пріятный пѣвецъ, блестящій говорунъ, страстный любитель прекраснаго пола, интересный человѣчекъ въ четыре фута и пять дюймовъ, сдѣлался моднымъ львенкомъ, котораго оспаривали одна у другой вдовы, сине чулки, дамы и дѣвицы, болѣе или менѣе эманципированныя. Напрасно Джеффри, тогдашній литературный диктаторъ, строгій критикъ «Эдинбургскаго Обзорнія», бросалъ эпиграммы въ этого маленькаго Дората; слѣдствіемъ была только дуэль между критикомъ и поэтомъ, сдѣлавшимися въ-послѣдствіи искренними друзьями, — дуэль, мирное окончаніе которой подало поводъ къ насмѣшкамъ влукъ шутниковъ. Разсказывали, будто полиція, вмѣшавшись въ дѣло, отобрала у дуэлистовъ пистолеты и, при осмотрѣ ихъ, нашла въ нихъ только пороховъ. Секунданты объясняли это странное явленіе тѣмъ, что будто-бы одна пуля выпала на дорогѣ въ каретѣ, и они, безъ вѣдома соперниковъ, чтобъ уравнять бой, вынули пулю изъ другаго пистолета. Но каково бы ни было это приключеніе, мы увидимъ, какъ въ-послѣдствіи, въ 1811 году, оно едва не произвело между Байрономъ и Муромъ, еще въ то время незнакомыми другъ съ другомъ, новой дуэли, слѣдствіемъ которой было также превращеніе соперниковъ въ искреннихъ друзей.

До дуэли съ Джеффри, бывшей въ 1806 году, Муръ, благодаря своимъ связямъ съ главными членами партіи виговъ, получилъ, въ 1803 году, когда виги на короткое время вступили въ кабинетъ, выгодное и вовсе не литературное мѣсто секретаря адмиралтейства на Островахъ - Бермудскихъ. Онъ отправился къ этому посту, издавъ сочиненіе въ прозѣ, подъ заглавіемъ: *Размышленія о настоящемъ кризисѣ*. Но, скоро наскучивъ должностію, несообразною съ его наклонностями, онъ за половину своего жалованья нанялъ исправлять свою должность какого-то чиновника, за промахъ котораго послѣ пришлось ему заплатиться

очень-дорого. Онъ отправился назадъ въ Англію, посѣтивъ на возвратномъ пути Америку, и возвратился въ октябрь 1804 года въ Лондонъ, гдѣ издалъ въ 1806 году свои *Оды, Посланія и Поэмы объ Америкѣ*. Въ этихъ стихотвореніяхъ живѣйшій энтузіазмъ къ великимъ сценамъ заатлантической природы перемѣшанъ съ ѣдкими нападками на молодое американское общество. Не смотря на то, Муръ пользуется значительной популярностью въ Соединенныхъ-Штатахъ. Въ 1808 г., онъ издалъ двѣ сатиры подъ названіемъ *Corruption* и *Intolerance*. Эти двѣ сатиры, говорилъ онъ самъ, написаны на манеръ Ювенала, имѣли меньше успѣха, чѣмъ болѣе-легкія эпиграммы его, и не дождались втораго изданія. *Скеттиксъ*, третья сатира, вышла въ 1809 году, и также имѣла успѣхъ посредственный. Ъдкій и горькій тонъ не такъ приличенъ Муру, какъ тонъ насмѣшливый и легкій.

Въ слѣдующемъ году, поэтъ женился на молодой Англичанкѣ, миссъ Дайкъ, превосходной музыкантшѣ, женщицѣ отличной во всѣхъ отношеніяхъ, составившей счастье жизни Мура и, можетъ-быть, не мало содѣйствовавшей очищенію въ его поэтическихъ созданіяхъ чувства любви, которое до-тѣхъ-поръ слишкомъ смѣшано было съ утонченною и прихотливою чувственностью.

Въ томъ же (1810) году вышли первые выпуски *Ирландскихъ Мелодій*, написанныхъ на народные напѣвы. Каждый выпускъ содержалъ въ себѣ двѣнадцать пѣсней; эти выпуски, выходявшіе съ большими промежутками, имѣли огромный успѣхъ; переведенные почти на всѣ европейскіе языки, даже на латинскій, они всюду распространили имя и славу поэта.

« Не разъ замѣчали », говоритъ гдѣ-то Томасъ Муръ: « что ирландская музыка есть вѣрнѣйшій комментарий на ирландскую исторію. Молвія энергіи, которая блещитъ и исчезаетъ, минутныя страданія, теряющіяся въ минуту веселія, вся эта романтическая

смѣсь грусти и радости, — таковы черты ирландской исторіи и ирландского характера, такъ сильно, такъ вѣрно выразившіяся въ ирландской музыкѣ. »

Таковы также черты очаровательной и разнообразной поэзіи ирландского барда. Въ каждой изъ его мелодій измѣняются и сюжетъ, и тонъ, и размеръ, смотря по напѣву, къ которому приурочивается ее поэтъ. Пѣснь любви, восная пѣснь, пѣснь смерти, праздничная пѣснь, похоронная пѣснь въ честь героевъ, — однимъ словомъ, вся жизнь новой Ирландіи, приуроченная къ напѣвамъ, высказывавшимъ жизнь старой Ирландіи, — вотъ что составляетъ сущность *Ирландскихъ Мелодій*. Часто воспоминанія минувшихъ временъ смѣшиваются въ нихъ съ воспоминаніями настоящаго; герои двѣнадцатаго вѣка являются рядомъ съ лицами, дѣйствовавшими въ 1798 году; Бриенъ-Храбрый подлѣ Роберта Эммета; вѣроломная супруга О'Рура. эта Елена древней Ирландіи, — подлѣ Сары Коррены, благородной дѣвушки молодой Ирландіи, которая ничего не можетъ любить, кромѣ могилы, гдѣ спитъ ее возлюбленный.

Байронъ сказалъ объ *Ирландскихъ Мелодіяхъ*: « онѣ будутъ жить, пока будетъ жить Ирландія, пока будетъ жить музыка, пока будетъ жить поэзія ». Муръ считаетъ ихъ лучшимъ своимъ созданіемъ. *Мелодіи*., сказалъ онъ гдѣ-то: « единственное мое произведеніе, которое перейдетъ къ потомству ». Онъ самъ пѣлъ ихъ въ лондонскихъ гостиныхъ, и его манера пѣнія не мало способствовала тому, что онъ удивлялся и рукоплескала даже противники его.

Къ этой эпохѣ относятся первыя сношенія Мура съ Байрономъ; извѣстно, что поэтическіе дебюты знаменитаго лорда очень-дурно приняты были эдинбургскими критиками; правду сказать, эти дебюты были очень-посредственны. Извѣстно также, что негодование пробудило въ Байронѣ гевій, который до-тѣхъ-поръ не выказывался

во всей силѣ. Знаменитая сатира «Англійскіе барды и шотландскіе критики», издава была въ 1800 году; въ этой сатирѣ находилась, между прочимъ, колкая выходка на-счетъ дуэли Мура и Джеффри. Ирландскій поэтъ счелъ долгомъ потребовать удовлетворенія письмомъ, написаннымъ въ ту минуту, когда лордъ Байронъ отправлялся на Востоку, и которое не дошло до него.

Въ теченіи этого путешествія, продолжавшагося полтора года, Муръ женился. «Женившись», говорилъ онъ: «я принялъ обязанности супруга и отца, и не нѣтъ состоянія, которое могъ бы оставить семейству, я уже не думаю подвергать себя бесполезной опасности». Съ этими мыслями, онъ написалъ Байрону второе письмо, въ которомъ требовалъ только, чтобъ Байронъ откасался отъ своей обидной выходки, и высказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе, чтобъ это обстоятельство доставило ему честь попасть въ число знакомыхъ благороднаго лорда. Байронъ, какъ истинный Британецъ, сначала весьма дурно принялъ это ирландское объясненіе, и отвѣчалъ только, что выходка, о которой идетъ рѣчь, направлена была на Джеффри, а не на Мура, на котораго онъ не имѣлъ причины сердиться; но какъ-скоро Муръ объявилъ, что доволенъ этимъ объясненіемъ и отказался отъ прежнихъ своихъ требованій, то Байронъ въ свою очередь изъявилъ желаніе войти съ нимъ въ сношеніе. Первое свиданіе было у Самуэля Роджерса, и эти три поэта скоро сдѣлались самыми искренними друзьями.

Въ 1812 году, Муръ, написавъ остроумную комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ, *Синій Чулокъ*, началъ изданіе сатирическихъ писемъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ: *Intercepted Letters, or the Two-Penny Post-Bag* (Перехваченныя Письма). Эти письма, которыхъ авторъ выдавалъ за переписку между главными придворными лицами, и въ которыхъ онъ далъ полную волю своей колкой насмѣшкѣ, произвели фуроръ. Меньше, чѣмъ въ полтора

года, разошлось четырнадцать изданій этихъ «Писемъ», напечатанныхъ подъ псевдонимомъ Томаса Броуна-младшаго.

«Мои шутки», говоритъ Муръ: «поправились даже мои противники и мои жертвы»; онъ забавлялъ торіевъ, и регента сибѣлая нтъ. По этому поволу винили меня въ неблагодарности къ нему, но всѣ благодарія, которыя онъ меня осыпалъ, ограничивались тѣмъ, что онъ принялъ посвященіе моего перевода Анакреона, и приглашалъ меня раза два на обѣдъ и разъ на балъ, въ 1811 году, гдѣ я былъ четыреста-пятидесятью гостемъ.»

Скажете, однакожъ, что сатиры Мура, не смотря на все ихъ изощренность, отзываются немного вольностью англійской полемики; онъ входитъ въ подробности, касающіяся личности и домашней жизни. Байронъ радовался успѣху друга. «Муръ» писалъ онъ въ это время: «имѣть индивидуальность въ своемъ талантѣ, или лучше сказать въ своихъ талантахъ; его поэзія, его музыка, его голосъ принадлежатъ исключительно ему одному, и въ этой поэзіи, въ этой музыкѣ, въ этомъ голосѣ есть выраженіе, котораго не имѣли и не будутъ имѣть другая поэзія, другая музыка, другой голосъ. Но какъ поэтъ, онъ можетъ имѣть полетъ гораздо-высшій. Нѣтъ ничего такого, чего бы Муръ не въ состояніи былъ сдѣлать, какъ-скоро онъ захочетъ серьезно заняться дѣломъ. Манеры его—манеры лучшаго обществъ; онъ ласковъ, кротокъ и любезенъ всѣмъ, кого я знаю.»

Въ теченіе большей части 1814, 1815 и 1816 годовъ, авторъ «Перехваченныхъ Писемъ» отдыхалъ на лаврахъ, живя на прекрасной дачѣ своей въ Дербишайрѣ и приготавливая поэму, которая должна была довершить его славу.

«Съ 1812 года, говоритъ онъ, друзья мои настаивали, чтобъ я написалъ большую поэму въ родѣ *Rokeby* или *Marmion* Вальтера Скотта. Я думаю

«объ этомъ долго и приготовилъ сюжетъ. Другъ мой Перри сообщилъ мнѣ планъ гг. Лонгмантъ, издателямъ, и продалъ имъ поэмѣ, которая едва была начата, и которой они не знали ни одного стиха, — за непомѣрную цѣну—3,000 гиней (75,000 р. асс.)».

Сдѣлка была чрезвычайно-выгодна, но легко ли, думалъ Муръ, написать поэмѣ, которая стоила бы 75,000 р.?

«Страшна была такая отвѣтственность» говоритъ онъ: «я работалъ, сколько было силъ. Тогда-то родился въ моей головѣ эпизодъ объ «Огнепоклонникахъ» (это лучший изъ четырехъ эпизодовъ, составляющихъ поэмѣ), «Гвбрахъ», отстаивающихъ свою вѣру отъ мусульманскаго деспотизма. Я перечиталъ кучу книгъ, чтобъ собрать матеріалы для этой поэмѣ, и успѣлъ до такой степени освоиться съ мѣстомъ дѣйствія поэмѣ, что въ послѣдствіи одинъ Англичанинъ, воротившійся изъ Индіи, и никакъ немогшій повѣрить, что я никогда не бывалъ тамъ, вскричалъ: «но если достаточно прочитать Эрбелота, то стоить ли ѣхать на берега Ганга на хребтѣ верблюда?» Люди, какъ-нибудь-лучшезнавшіе азиатскую жизнь, хвалили вѣрность моихъ описаній; мнѣ сказывали, что нѣкоторые части этой поэмѣ переведены были на персидскій языкъ въ Испагани, и одинъ англійскій путешественникъ нашелъ ее на берегахъ Каспійскаго Моря.»

Посвященная Самуилу Роджерсу поэма «Лалла-Рукъ» вышла въ Лондонѣ въ 1817 году, и имѣла большой успѣхъ. «Я былъ въ восторгѣ», говоритъ Муръ; «издатели мои не остались въ накладѣ». Западъ, какъ говорилъ Байронъ въ это время, былъ уже набитъ поэзіею; Вальтеръ Скоттъ овладѣлъ средними вѣками; авторъ «Гяура» разработывалъ Азиатскую-Турцію и Грецію; Томасъ Муръ кинулся на Индостанъ и воспроизвелъ его со всѣмъ волшебствомъ мѣстнаго его колорита. Но только формою и ограничивается восточный характеръ поэмѣ Мура; онъ изобража-

етъ восточную природу, восточные обычаи; но относительно характеровъ и идей это поэма чисто-западная, европейская. Самое содержаніе поэмѣ вовсе не восточное. Абдалла, царь Малой-Бухаріи, отказавшись отъ престола въ пользу своего сына Амириса, проѣзжаетъ чрезъ Дели, чтобъ сѣсть въ Суратѣ на корабль и отправиться по гребу пророка; нышню принять онъ въ Дели могущественнымъ императоромъ Ауренгзебомъ и просить у него для своего сына руки прекрасной его дочери, Лалла-Рукъ. Бракъ заключенъ; молодая принцесса съ многочисленною свитою отправляется къ супругу; съ нею ѣдетъ великій камергеръ, Фадладина, который всѣмъ недоволенъ, не критикуетъ, и который представляетъ карикатуру Джеффри, критика «Эднборгскаго Обзорнія». Лалла-Рукъ, скучивъ бесѣдой Фадладина, съ удовольствіемъ узнаетъ, что въ числѣ служителей, присланныхъ для сопровожденія ея будущимъ ея супругомъ, находится молодой поэтъ, который получилъ позволеніе входить въ шатеръ принцессы, если она того пожелаетъ, и рассказывать ей исторіи, чтобъ разогнать дорожную скуку; она спѣшитъ позвать его къ себѣ. Фадладина, въ качествѣ критика не любящій поэтовъ, хмуритъ брови; но Лалла-Рукъ настаиваетъ, и прекрасный Фераморъ ходитъ. Онъ приноситъ съ собою гитару, чтобъ развлечь принцессу не только рассказами, но и музыкой, и, почитательно поклонившись принцессѣ, начинаетъ исторію о «Хорасанскомъ Пророкѣ».

Начинается первая изъ четырехъ поэмъ, составляющихъ поэмѣ «Лалла-Рукъ»; все предшествующее наложено прозой, — и каждый изъ рассказовъ въ стихахъ отдѣляется повѣствованіемъ въ прозѣ, гдѣ авторъ передаетъ подробности приключенія, впечатлѣнія Лалла-Рукъ и Фераморса, и непрерывными критикой Фадладина. Рассказъ поэмѣ «Пророкъ», Фераморъ рассказываетъ другую «Рай и Перри», потомъ третью «Огнепоклонники», наконецъ

четвертую • Свѣтъ Гарена • Каждая поэма имѣетъ свой размѣръ.

Сравнивая мелодическій голосъ Ферморса съ рѣзкимъ голосомъ Фадладина, принцесса наконецъ влюбляется въ красавца-поэта; съ ужасомъ видитъ она приближеніе конца путешествія, приближеніе минуты, когда она сдѣлается супругою Алириса. Прибывъ въ Кашмиръ, Ферморсъ покидаетъ ее, и блѣдная, изнемогающая, отправляется она во дворецъ Алириса, который ждетъ ее на тронѣ. Она входитъ во дворецъ потупивъ голову; царь идетъ на встрѣчу ей, беретъ ее за руку; она поднимаетъ глаза, вскрикиваетъ и падаетъ въ обморокъ. Алирисъ не кто иной, какъ самъ Ферморсъ, который подъ этимъ именемъ провожалъ свою невѣсту отъ Дели, желая прежде быть ея любовникомъ, а потомъ уже супругомъ. Судите объ изумленіи и ужасѣ великаго камергера Фадладина!

Этотъ рассказъ въ прозѣ составляетъ очень-интересную часть цѣлаго созданія. Что касается до четырехъ поэмъ, замѣчательныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, то мы не можемъ анализировать ихъ здѣсь въ подробности; скажемъ только, что, заставляя Фадладина оцѣнивать ихъ, Муръ въ тяжеломъ портретѣ критика выказалъ болѣе совѣстливости, нежели сколько выказываютъ обыкновенно поэты, говоря о критикахъ, *этихъ трибахъ, растущихъ у ногъ великихъ дубовъ* (*). Фадладинъ часто не лѣпъ; такова ужъ роль его; но онъ не всегда говоритъ не лѣпости. Такъ, когда въ концѣ путешествія, высказывая свое мнѣніе о поэтическомъ достоинствѣ Ферморса, онъ сравниваетъ его поэмы съ тонкими золочеными досками, безъ балласта и кормила пущенными на воду, которыхъ весь грузъ состоитъ изъ благовоній и цвѣтовъ; когда онъ говоритъ объ изобиліи у поэта цвѣтовъ и птицъ, и утверждаетъ, что пѣсни Ферморса болѣе похожи на шумъ птичника, чѣмъ на пѣвіе птицъ, то такое мнѣніе можетъ быть невозмож-

но строго, но не вовсе лишено смысла, и нельзя не похвалить приподушія Мура, который самъ такимъ-образомъ высказываетъ упреки, какіе можно сдѣлать его поэмѣ.

Спустя нѣсколько времени послѣ изданія поэмы • *Далла-Рукъ* •, въ концѣ 1817 года, Томасъ Муръ, съ другомъ своимъ Роджерсомъ, совершилъ поѣздку въ Парижъ, гдѣ написалъ новое сатирическое произведеніе въ стихахъ: • *Семейство Фоджъ въ Парижѣ* •, имѣвшее успѣхъ, равный успѣху • *Перехваченныхъ Писемъ* •. Мэстеръ Фоджъ — лондонскій франтъ, посланный въ Парижъ лордомъ Кэстльри въ качествѣ шпиона; онъ пишетъ министру самыя смѣшныя донесенія о состояніи Франціи; сестра его ведетъ переписку съ одною изъ своихъ пріятельницъ; ея наблюденія надъ обществомъ, ея любовныя приключенія съ усатымъ юношей, котораго она сначала считаетъ полковникомъ, а потомъ встрѣчаетъ въ магазинѣ, за конторкой, съ аршиномъ въ рукахъ, — все это забавно въ высшей степени. Немного спустя, Муръ, воротившись въ Лондонъ, издалъ первый выпускъ *Селщенныхъ Писемъ*, подражаній Библии; нѣкоторые приворожилъ онъ къ музыкѣ Моцарта, Гайдна, нѣкоторые самъ положилъ на музыку. Въ то же время издалъ онъ томъ балладъ, которыхъ и слова и музыка принадлежать ему. Путешествіе въ Италию, предпринятое въ томъ же году съ лордомъ Джономъ Росселемъ, внушило ему *Стихи на дорожѣ* (*Rhymes on the Road*), которые изданы были позже.

Во время этого-то путешествія, постигъ онъ въ Венеціи лорда Байрона, который подарилъ ему свои Записки, поручивъ напечатать ихъ; мы поговоримъ объ этомъ ниже. Возвратившись въ Лондонъ, онъ скоро отправился опять въ Парижъ, гдѣ прожилъ съ своимъ семействомъ около трехъ лѣтъ, въ ожиданіи рѣшенія весьма-непріятнаго денежнаго дѣла, начавшагося въ слѣдствіе дурнаго управленія дѣлами вступившаго его мѣсто на Островахъ-Бермудскихъ. На Мурѣ оказались дол-

(*) Викторъ Гюго.

ги, простиравшіеся до 150,000 фран. Друзья предлагали ему въ заемъ эту сумму, но онъ отвергъ ихъ предложенія, рѣшившись уплатить долги трудомъ. Такъ-какъ кредиторы согласились ввѣять только пятую часть долга, то онъ расплатился съ ними деньгами, полученными за новыя свои сочиненія, о которыхъ говорить здѣсь считаемъ мы не умѣстнымъ.

Въ 1823 году, Муръ издалъ *Стихи на доротъ и Разныя стихотворенія*; въ 1824 г., *Записки капитана Рока*, ирландскаго Роб-Роя; въ 1825 г., *Биографію Шеридана*, очень-подробную и весьма-замѣчательную; въ 1827 г., романъ *Эпикурецъ*, начатый во время пребыванія его въ Парижѣ, — изящный, но слабый очеркъ сюжета, такъ широко развитаго Шатобрианомъ въ «Мученикахъ», — именно борьбы раждающагося христіанства съ язычествомъ; въ 1829 г., *Комическія оды о законахъ, хлѣбныхъ налогахъ, католикахъ и пр.*, родъ дневника современныхъ вопросовъ, въ стихахъ; въ томъ же году, *Вечера въ Греціи*, произведеніе довольно незначительное; въ 1831 г., *Жизнь Фитцджеральда*, въ томъ же году *Записки о жизни лорда Байрона*, написанныя въ замѣнъ записокъ самого поэта, которыхъ Муръ, съ согласія фамиліи Байрона, рѣшился не печатать. Это дѣло подадо поводъ къ большому спорамъ; оригинальныя записки уже проданы были книгопродавцу Моррею за 50,000 франковъ. Когда рѣшено было не издавать ихъ, Томасъ Муръ возвратилъ книгопродавцу 50,000 франковъ и не принялъ этой суммы отъ фамиліи Байрона, желавшей вознаградить его; что же касается до отмены изданія подлинныхъ записокъ, то это было предметомъ довольно-жаркаго спора не только въ Англіи, но и въ Европѣ. Тѣмъ, кто ворицалъ его, Томасъ Муръ отвѣчалъ, что, получивъ рукопись въ подарокъ, онъ считалъ себя въ правѣ дѣлать съ нею, что ему угодно; на это возражали, что рукопись была дана ему для изданія; но, независимо отъ причинъ фамильныхъ, Муръ утвер-

ждалъ, что изданіе рукописи *нѣтъ* было бы болѣе-вредно, чѣмъ выгодно для памяти поэта. Правъ или неправъ былъ онъ? Мы не хотимъ рѣшать этого щекотливаго вопроса, главный судья котораго — совѣсть Мура; но во всякомъ случаѣ публика, которая, любя закулисныя тайны, считаетъ себя обманутою Муромъ, не можетъ слишкомъ жаловаться на него. Жизнь Байрона такъ извѣстна, что, право, не знаешь, чего желать болѣе? Будуарныхъ тайнъ во всей ихъ наготѣ? Мы согласны, что это очень-интересно, но ничто не вѣщаетъ читателю дополнить самому изображеніемъ такіа подробности; это пунктъ, въ которомъ великіе люди наиболѣе сходятся съ простыми смертными. Вообще, мы не думаемъ, чтобы пропуски, находящіеся въ запискахъ Байрона, составляли большую потерю для исторіи.

Въ 1833 году, Муръ, болѣе и болѣе увлекаясь вопросами религіозными, издалъ *Путешествіе ирландскаго дворянина, ищущаго религіи*; въ 1833 году, новое сатирическое сочиненіе въ родѣ «Семейства Фоджъ», и наконецъ, въ томъ же году, превосходную *Исторію Ирландіи*. Въ 1842 году, издавъ полное собраніе своихъ сочиненій, которое вышло въ Лондонѣ въ десяти томахъ, исправленное, съ предисловіями и примѣчаніями, Муръ этимъ какъ-бы простился съ литературной сценой. Съ этого времени, онъ мирно живетъ въ своемъ помѣстьѣ Слопертонѣ, въ Уилтшейрѣ, близъ замка маркиза Лэндсдоуна, съ которымъ онъ въ дружбѣ уже сорокъ лѣтъ, и, не переставая заниматься музыкой и поэзіей, посвящаетъ отправленію религіозныхъ обязанностей большую часть времени, которое употреблялъ прежде на другія занятія.

*

КАРМЕНЪ.

Рассказъ Проспера Мериме.

Я всегда подовѣрвалъ, что географы лгутъ, утверждая, будто поле мундской битвы находилось въ странѣ Бастуловъ-Пеновъ, близъ выѣзней Монды, мпяхъ въ двухъ къ сѣверу отъ Марбельи. Основываясь на текстѣ безымяннаго автора *Bellum Hispaniense* и свѣдѣніяхъ, собранныхъ мною въ превосходной библиотекѣ герцога Осуны, я полагалъ, что въ окрестностяхъ Монтильи надо искать замѣчательнаго мѣста, гдѣ Цезарь рѣшилъ дѣло съ поборниками республики. Осенью 1830 года, находясь въ Андалузіи, я слѣлалъ довольно-продолжительную поѣздку, чтобъ окончательно разрѣшить этотъ вопросъ, и диссертация, которую я издамъ въ непродолжительномъ времени, надѣюсь, не оставитъ ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ въ умахъ археологовъ. Но въ ожиданіи, пока диссертация моя разъяснитъ географическую проблему, на которую еще вся ученая Европа смотритъ въ недоумѣніи, я расскажу вамъ исторію, которая связана съ воспоминаніемъ о моихъ археологическихъ изысканіяхъ.

Въ Кордовѣ я нанялъ проводника и двухъ лошадей и пустился въ дорогу, взявъ съ собою только «Комментаріи» Цезаря, да нѣсколько рубашекъ. Одинажды, — мы были въ то время на возвышенностяхъ Каченской Равнины — усталый, умирая отъ жажды, опаленный полуденнымъ солнцемъ, я отъ всей души посылаю къ чорту и Цезаря и сыновей Помпея. Вдругъ замѣтилъ я, довольно-далеко отъ дороги, мѣсто, покрытое тростникомъ. Это значило, что тутъ есть вода. Дѣйствительно, приѣхавъ туда, я увидѣлъ болото, въ которомъ исчезалъ ручей, выходявшій изъ узкаго ущелья между горами Сьерры-Кабра. Я разсудилъ, что если поѣду вверхъ по ручью, то найду воду посвяже, въ которой будетъ меньше пиа-

вокъ и лягушекъ и, можетъ статься, отыщу сколько-нибудь тѣни среди утесовъ. Входя въ ущелье, лошадь моя заржала, и ей тотчасъ отвѣчала другая лошадь, которой я не видалъ. Шаговъ сто дальше, ущелье вдругъ расширилось, и я увидѣлъ родъ естественнаго цирка, обставленнаго высокими бросавшими тѣнь утесами. Нельзя было найти мѣста, которое обѣщало бы путешественнику болѣе-пріятный отдыхъ. У подошвы крутыхъ скалъ, близъ ключъ и образовалъ небольшой бассейнъ, на днѣ котораго бѣлѣлся чистый, какъ снѣгъ, песокъ. Пять-шесть прекрасныхъ зеленыхъ дубовъ, со всѣхъ сторонъ закрытыхъ отъ вѣтра и освѣжаемыхъ ключевой водой, возвышались на берегу бассейна и раскидывали надъ нимъ свою густую зелень; кругомъ, трава мягкая, глянцовитая, представляла ложе, лучше котораго нельзя было найти ни въ одной гостинницѣ на разстояніи десяти миль вокругъ.

Не мнѣ первому принадлежала честь открытія этого прекраснаго мѣста. Когда я приѣхалъ, тамъ уже отдыхалъ, и, безъ сомнѣнія, спалъ какой-то мужчина. Разбуженный конскимъ ржаніемъ, онъ всталъ и подошелъ къ своей лошади, которая, пользуясь сномъ своего господина, лакомилась свѣжей травой. Незнакомецъ — былъ человекъ молодой, роста средняго, сложенія крѣпкаго, съ взглядомъ иррациальнымъ и гордымъ. Лицо его, загорѣлое отъ солнца, было темнѣе волосъ. Одной рукой держалъ онъ лошадь за узду, въ другой былъ мѣдный мушкетонъ. Признаюсь, мушкетонъ и суровый видъ этого молодца сначала нѣсколько озадачили меня, но я такъ много слышался о разбойникахъ, которыхъ никогда не встрѣчалъ, что наконецъ пересталъ вѣрить ихъ существованію. Притомъ, такъ часто случалось мнѣ встрѣчать честныхъ поселянъ, которые отправлялись на рынокъ вооруженные съ ногъ до головы, что видъ огнестрѣльнаго оружія не давалъ мнѣ права усомниться въ правдивости незнакомца. — И сверхъ-

того, думалъ я, что ему въ мощѣ рубашкахъ и комментаріяхъ? Разсудивъ такимъ-образомъ, я фамильярно кивнулъ ему головой и съ улыбкой спросилъ, не помѣшалъ ли его сну? Не отвѣчая мнѣ, онъ вымѣрлялъ меня глазами съ головы до ногъ; потомъ, какъ-бы довольный этимъ осмотровъ, съ такимъ же вниманіемъ оглядѣлъ моего проводника, слѣдовавшаго въ нѣсколькихъ шагахъ за мною. Я увидѣлъ, что проводникъ побѣдился и остановился, обваруживая сильный испугъ. — Ну, плохая встрѣча! сказалъ я про себя, — но благодарзіе совѣтовало мнѣ не обнаруживать никакого безпокойства. Я слѣзъ съ коня, велѣлъ проводнику размуздать его, и ставъ на колѣни на краю плюча, сначала погрузилъ въ него голову и руки, потомъ утолилъ мучившую меня жажду.

Между-тѣмъ, я наблюдалъ за проводникомъ и незнакомецъ. Первый, очевидно, приближался неохотно; второй, казалось, не имѣлъ противъ насъ дурныхъ замысловъ, потому-что пустилъ лошадь на волю, и мушкетонъ его, который онъ держалъ сначала въ горизонтальномъ положеніи, направленъ былъ теперь дуломъ къ землѣ.

Не считая себя въ правѣ оскорблять-ся невниманіемъ, оказаннымъ моею особѣ, я разлежъ на травѣ и спросилъ незнакомца, нѣтъ ли у него огнива. Виѣсть съ тѣмъ я вынулъ изъ кармана сигары. Незнакомецъ, не говоря ни слова, пошарилъ въ своихъ карманахъ, досталъ огниво и вырубилъ мнѣ огня. Очевидно, онъ становился обходительнѣе, потому-что слѣлъ насупротивъ меня, впрочемъ, все еще не покидая мушкетона. Закуривъ сигару, я выбралъ лучшую изъ остальныхъ сигаръ и спросилъ, курить ли онъ.

— Курю, отвѣчалъ незнакомецъ. То были первая слова его, и я замѣтилъ, что у него выговоръ не андалузскій, почему и заключилъ, что онъ — должно быть такой же путешественникъ, какъ и я, только вѣрно не археологъ.

— Вотъ эта сигара вѣрно вамъ понравится, сказалъ я, подавая ему настоящую гаванскую регаію.

Онъ поблагодарилъ меня легкимъ наклоненіемъ головы, закурилъ свою сигару отъ моеи, опять кивнулъ мнѣ въ знакъ благодарности, и за тѣмъ принялся курить, по-видимому, съ величайшимъ удовольствіемъ. Какъ давно воскликнулъ онъ, медленно высклая изо рта и ноздрей первую струю дыма: «какъ давно не курилъ я!»

Въ Испаніи, дать или взять сигару, значитъ то же, что на Востокѣ раздѣлить съ кѣмъ-нибудь хлѣбъ-соль; этимъ устанавливается гостепримство. Мой незнакомецъ оказался говорливѣе, нежели какъ я ожидалъ. Впрочемъ, хотя онъ и называлъ себя жителемъ Монтильскаго-Округа, вѣдно было, что онъ плохо знаетъ этотъ край. Онъ не зналъ, какъ называется прелестная долина, въ которой мы находились, не могъ назвать мнѣ ни одной изъ соседнихъ деревень; наконецъ, на вопросъ: нѣтъ ли въ окрестностяхъ разрушенныхъ стѣнъ, широкихъ черепицъ съ загнутыми краями, обтесанныхъ камней, онъ признался, что никогда не обращалъ вниманія на подобныя вещи. Зато вѣдно было, что онъ знатокъ въ лошадяхъ. Онъ раскритиковалъ мою лошадь и рассказалъ генеалогію своего бѣгуна, кордуанскаго уроженца; благородное животное, дѣйствительно, было такъ привычно къ труду, что, по словамъ хозяина, развѣ онъ проскакалъ тридцать миль то галопомъ, то крупною рысью. Среди длинной тирады, онъ вдругъ остановился, какъ-будто сховавшись и досадуя, что высказалъ слишкомъ-много. — Я очень торопился въ Кордову, прибавилъ онъ съ вѣкторнымъ замѣшательствомъ. Мнѣ нужно было, видите ли, похлопотать у судей по одному тяжбному дѣлу... И говоря это, онъ смотрѣлъ на проводника моего Антонію; а тотъ уставилъ глаза въ землю.

Тѣмъ и ключъ привели меня въ такое пріятное расположеніе духа, что я вспомнилъ о превосходномъ окрестъ,

который положили въ сумку проводника мой монтельскіе пріятелі. Я велѣлъ принести его и пригласилъ незнакомца раздѣлать съ нами этотъ импровизированный обѣдъ. Если онъ не курилъ долго, то по всему видно было, что онъ не ѣлъ по-крайней-мѣрѣ двое сутокъ. Онъ убиралъ кусокъ за кускомъ, какъ голодный волкъ, и я полагалъ, что встрѣча его съ нами была для него истиннымъ благодѣніемъ неба. Между тѣмъ, проводникъ мой ѣлъ мало, нилъ еще меньше, а говорить — вовсе не говорилъ, хотя до-сихъ-поръ былъ страшнымъ болтуномъ. Присутствіе незнакомца, очевидно, стѣснило его, и какая-то недовѣрчивость, причины которой я не могъ угадать положительно, отдаляла ихъ другъ отъ друга.

Уже послѣдніе куски хлѣба и око-рока исчезли; мы закурили по другой сигарѣ; я велѣлъ проводнику взну-дѣть лошадей, и собирался проститься съ новымъ пріятелемъ; тутъ онъ спросилъ меня, гдѣ я располагаю ночевать.

Не замѣчая знаковъ, которые подавалъ мнѣ проводникъ, я отвѣчалъ, что думаю ночевать въ гостинницѣ «дель-Куэрво».

— Плохой же выбрали вы ночлегъ... Я ѣду туда же; если позволите, мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— Очень-радъ, отвѣчалъ я, саясь на лошадь. Проводникъ, державшій мнѣ стремя, опять значительно мигнулъ мнѣ. Въ отвѣтъ я пожалъ плечами, давая тѣмъ знать, что я совершен-но-спокоенъ, и мы пустились въ до-рогу.

Танцевенные знаки Антоніо, его безпокойство, нѣкоторыя слова, вырвавшіяся у незнакомца, особенно его тридцати-мильная поѣздка и несо-вѣстн-правоподобное объясненіе ея, — уже показали мнѣ, что я долженъ думать о своемъ спутникѣ. Я не сомнѣвался, что это контрабандистъ, можетъ-быть, даже разбойникъ; но что за бѣда? Я зналъ испанскій характеръ и былъ увѣренъ, что нечего опасать-ся человека, который ѣлъ и курилъ со мною. Присутствіе его даже обезпечи-

вало меня отъ всякой дурной встрѣчи. Притомъ, я радъ былъ случаю узнать наконецъ, что такое разбойникъ. Не каждый день можно встрѣтить такого человека, и, что ни говорите, а право, какъ-то пріятно быть подлѣ существа опаснаго, особенно, когда чувствуешь, что нечего его бояться.

Я надѣялся довести незнакомца по-степенно до откровенности, и, не смотря на миганье проводника, завелъ разговоръ о разбойникахъ. Разузнется, я говорилъ о нихъ съ должнымъ почтеніемъ. Въ Андалузіи славился въ то время бандитъ Хозе-Маріа, про подвигъ котораго говорила вся Испанія. Не Хозе ли Маріа ѣдетъ со мной? думалъ я про себя. Я рассказывалъ разныя исторіи объ этомъ героѣ, какія помнилъ, — исторіи, впрочемъ, относившіяся къ чести его, и выразилъ свое удивленіе къ его храбрости и великодушію.

— Хозе-Маріа негодяй, холодно ска-залъ незнакомецъ.

— Что это значить? Правду ли онъ говорить, или скромничаетъ? спраши-валъ я самъ себя, ибо, всматриваясь въ моего спутника, я успѣлъ найти въ немъ всѣ примѣты Хозе-Маріи, описаніе которыхъ читалъ я на воротахъ главнаго города Андалузіи. — Да, это онъ. Русые волосы, голубые глаза, большой ротъ, прекрасные зубы, маленькія руки, тонкая рубаша, бархатный камзолъ съ серебряными пуговицами, штилеты изъ бѣлой кожи, гнѣдая лошадь... нѣтъ болѣе сомнѣнія. Но уважимъ его инкогнито.

Мы пріѣхали въ гостиницу. Она была такою, какою описалъ мнѣ ее незнакомецъ, то-есть, самую жалкою, какія я когда-нибудь встрѣчалъ. Большая комната служила кухней, столовой и спальней. Среди комнаты, на гладкомъ камнѣ разведенъ былъ огонь; дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ крышѣ, или, лучше сказать, останавливался, образуя облако въ нѣсколькихъ футахъ надъ поломъ. Вдоль стѣнъ раскинуто было пять-шесть старыхъ лошаковыхъ пононь: это были по-

столи для путешественниковъ. Въ двадцати шагахъ отъ дома, или отъ единственной комнаты, которую я описалъ, стоялъ сарай, служившій конюшней. Въ этомъ бѣдномъ жилищѣ, по-крайней-мѣрѣ на ту пору, не было никого, кроме старухи, да дѣвочки лѣтъ десяти или двѣнадцати; онѣ были черны, какъ сажа, и одѣты въ гадкія лохмотья.

— Вотъ все, сказалъ я про себя: — что осталось отъ народонаселенія Мунды-Богической! О Цезарь! О Секстъ-Помпей! какъ изумились бы вы, еслибъ воротились на свѣтъ!

Увидѣвъ моего спутника, старуха воскликнула съ изумленіемъ: — А! сеньйоръ донъ-Хозе!..

Донъ-Хозе нахмурилъ брови и повелительнымъ движеніемъ руки тотчасъ остановилъ старуху. Я обернулся къ проводнику и незамѣтнымъ знакомъ показалъ ему, что очень-хорошо знаю, съ кѣмъ пришлось мнѣ провести эту ночь. Ужинъ былъ лучше, нежели какого я ожидалъ. Намъ подали на маленькомъ столикѣ стараго жаренаго пѣтуха съ рисомъ и индійскимъ перцемъ, потомъ индійскій перецъ въ маслѣ, наконецъ *испачо*, родъ салата изъ индійскаго перца. Три блюда съ такими приносами заставили насъ часто прибѣгать къ монтильскому вину, которое было превосходно. Послѣ ужина, замѣтивъ мандолину, висѣвшую на стѣнѣ, — въ Испаніи въ каждомъ домѣ найдете вы мандолину, — я спросилъ прислуживавшую намъ дѣвочку, умѣетъ ли она играть на ней. — Нѣтъ, отвѣчала она; но донъ-Хозе играетъ такъ хорошо!

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я ему: — спойте что-нибудь; я страстно люблю вашу народную музыку.

— У васъ такія превосходныя сигары, что я не могу отказать вамъ, сказалъ весело донъ-Хозе, и приказавъ подать мандолину, заѣлъ подъ аккомпаньманъ ея. Голосъ его былъ грубъ, но пріятенъ; навѣвъ грустный и странный; что касается до словъ, а ихъ не началъ.

— Если не ошибаюсь, сказалъ я: — пѣсня эта не испанская. Слова должны быть баскскія.

— Да, отвѣчалъ донъ-Хозе иррачно. Онъ положилъ мандолину на полъ, и скрестивъ руки, съ замѣтнымъ выраженіемъ печали началъ смотрѣть на угасавшій огонь. Освѣщенная лампою, стоявшею на столикѣ, фигура его, вмѣстѣ и благородная и суровая, напоминала мнѣ мильтонова Сатану. Подобно ему, можетъ-быть, спутникъ мой думалъ о странѣ, покинутой имъ, объ изгнаніи, которому подвергся за свою вину. Я пытался оживить разговоръ, но донъ-Хозе не отвѣчалъ, погруженный въ печальныя мысли. Уже старуха ушла спать въ уголокъ залы, а дѣржавое одѣяло, протанутое на веревкѣ. Дѣвочка пошла за ней въ это убѣжище, назначенное для прекраснаго поля. Тогда мой проводникъ, вставъ, сказалъ мнѣ, не хочу ли я идти съ нимъ въ конюшню; при этомъ словѣ, донъ-Хозе, какъ-бы пробудившись отъ сна, спросилъ его сердито, куда онъ идетъ.

— Въ конюшню, отвѣчалъ проводникъ.

— Зачѣмъ? Лошадямъ данъ кормъ. Ночуй здѣсь; господинъ тебѣ позволить.

— Боюсь, какъ-бы лошадь сеньйора не захворала; мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ посмотрѣлъ ее; можетъ-быть, онъ прикажетъ что-нибудь сдѣлать съ ней.

Видно было, что Антоніо-хочется переговорить со мной наединѣ; но я не хотѣлъ подавать никакихъ подозрѣній дону-Хозе и мнѣ казалось, что лучше всего неказивать возможную къ нему довѣренность. По-этому, я отвѣчалъ Антоніо, что не анаю никакого толка въ лошадяхъ, и что мнѣ хочется спать. Донъ-Хозе пошелъ за нимъ въ конюшню и скоро воротился оттуда одинъ. Онъ сказалъ мнѣ, что за лошадь нечего опасаться, но что мой проводникъ черезъ-чуръ дорожитъ ею, третъ ее своимъ нагаздемъ, чтобы проказность мандолины, и располагаетъ провезти

всю ночь въ этомъ пріятномъ занятіи. Между-тѣмъ, я растянулся на лошаковъхъ пополахъ, тщательнѣо закутавшись въ плащъ, чтобъ не имѣть съ ними непосредственнаго сообщенія. Донъ-Хосе, попросивъ извиненія, что осмѣливается расположиться подлѣ меня, легъ передъ дверью, подсыпавъ напередъ пороху на полу мушкетона, и положивъ его подъ сумку, служившую подушкой. Мы пожелади другъ другу спокойной ночи и минутъ черезъ пять спали уже мертвыми сномъ.

Я думалъ, что отъ усталости преспокойно просплю ночь въ такой галлѣйкой гостинницѣ; но черезъ часъ пренепріятный зудъ пробудилъ меня отъ перваго сна. Отгадавъ причину этого зуда, я встала, полагая, что лучше провести остальную часть ночи подъ открытымъ небомъ, чѣмъ подъ этимъ негостепріимнымъ кровомъ. На-цыпочкахъ добрался я до двери, перешагнувъ черезъ постель дон-Хосе, который спалъ сномъ праведника, и, не разбудивъ его, вышелъ изъ дома. У воротъ стояла широкая деревянная скамья; я расположился на ней спать. Уже глаза мои смыкались во второй разъ, какъ мнѣ показалось, будто идутъ ко мнѣ тѣнь человека и тѣнь лошади, ступая тихо, безъ малѣйшаго шума. Я приподнялся на скамьѣ и узналъ Антоніо. Дивясь, что въ такую пору онъ не въ конюшнѣ, я всталъ и пошелъ ему на встрѣчу. Замѣтивъ меня, онъ остановился. — Гдѣ онъ? тихо спросилъ меня Антоніо.

— Въ гостинницѣ спать; видно клоны ему ни-почемъ; зачѣмъ ты вывелъ лошадь?

Тутъ я замѣтилъ, что Антоніо тщательнѣо окуталъ ноги лошади въ остатки стараго одѣяла, чтобъ она не топала, выходя изъ сарая.

— Ради Бога, говорите тише, сказалъ Антоніо. — Вы не знаете, что это за человекъ. Это донъ-Хосе Наварро, знаменитѣйшій разбойникъ андалузскій. Цѣлый день я подавалъ вамъ знаки, да вы, видно, не хотѣли понять ихъ.

— Разбойникъ онъ или нѣтъ, мнѣ что за дѣло? отвѣчалъ я:— онъ не ограбилъ насъ, и, быюсь объ закладъ, водсе не хочетъ ограбить.

— Все такъ, сеньйоръ, но вѣдь двѣсти червонцевъ получить тотъ, кто выдастъ его начальству. Мили полторы отсюда стоятъ уланы, и до разсвѣта прискачетъ сюда нѣсколько бравыхъ молодцовъ... Я взялъ бы его лошадь, да она такъ зла, что, кромѣ Наварро, никто не можетъ подойти къ ней.

— Чортъ тебя возьми! сказалъ я. — Что сдѣлалъ тебѣ этотъ бѣднякъ? Да и увѣренъ ли ты, что это именно донъ-Хосе?

— Совершенно; съ часъ назадъ, онъ пришелъ за мной на конюшню и сказалъ: «Ты, братецъ, кажется, знаешь меня. Смотри же, если скажешь своему господину, кто я такой, я размоужу тебѣ голову.» Оставайтесь, сударь, подлѣ него; вамъ бояться нечего. Пока вы будете здѣсь, онъ ничего не будетъ подозревать.

Разговаривая такимъ образомъ, мы такъ далеко отошли отъ гостинницы, что нельзя было слышать топота лошадиныхъ копытъ. Антоніо мигомъ снялъ съ ногъ лошади лохмотья, и приготовился сѣсть на нее. Я пробовалъ удержать его просьбами и угрозами.

— Сеньйоръ, я бѣдный человекъ, говорилъ онъ: — глупо терять двѣсти червонцевъ, особенно, когда можно набавить страну отъ этойкой гадины. Но берегитесь; если Наварро просвется, онъ тотчасъ схватится за ружье, и тогда не вѣшайте! Я ужъ такъ далеко вышелъ, что назадъ воротиться вельзя; дѣлайте, какъ знаете.— Негодяй былъ уже на сѣдлѣ; онъ прищворилъ коня, и скоро въ темнотѣ я потерялъ его изъ вида.

Я былъ очень-сердитъ на проводника, и не зналъ, что дѣлать. Подумавъ съ минуту, я рѣшился и вошелъ въ комнату. Донъ-Хосе спалъ еще, безъ сомнѣнія, вознаграждая въ эту минуту труды и безсонницу нѣсколькихъ тревожныхъ дней. Я принужденъ былъ трасти его изъ всей ночи, чтобъ разбу-

дѣть. Никогда не забуду я свирѣпаго взгляда и движенія, сдѣланнаго имъ, чтобъ схватить мушкетонъ, который, изъ предосторожности, я положилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его постели.

— Извините, сказалъ я:—что я разбудилъ васъ; но я хочу предложить глупый вопросъ: пріятно ли будетъ вамъ увидѣть здѣсь полдюжины улазовъ?

Онъ вскочилъ на ноги и страшнымъ голосомъ спросилъ:

— Кто вамъ это сказалъ?

— Не въ томъ дѣло, кто сказалъ; дѣло въ томъ, что это вѣрно.

— Вашъ проводникъ извѣстилъ мнѣ, но онъ заплатитъ! Гдѣ онъ?

— Не знаю... Въ конюшнѣ, я думаю... мнѣ сказалъ человѣкъ...

— Кто вамъ сказалъ?.. Не можетъ быть, чтобъ старуха...

— Человѣкъ, котораго я не знаю...

Безъ дальнихъ словъ, есть у васъ или нѣтъ причины не дожидаться солдатъ? Если есть, не теряйте времени: если нѣтъ, то спокойной ночи, и извините, что я разбудилъ васъ.

— А! вашъ проводникъ!.. проводникъ!.. Съ перваго взгляда онъ мнѣ не понравился... Но... мы разочтемся... Прощайте, сеньоръ. Да наградитъ васъ Богъ за эту услугу... Я вовсе не такой злой человѣкъ, какъ вы думаете... Прощайте! Мнѣ жаль только, что я не могу покинуться съ вами.

— За услугу — услуга, донъ-Хозе: общайте мнѣ никого не подозревать и не думать о мщениі. Вотъ вамъ сигары на дорогу; счастливаго пути! И я подалъ ему руку. Онъ пожалъ ее, не говоря ни слова, взялъ мушкетонъ и сумку, и, сказавъ нѣсколько словъ старухѣ на языкѣ, котораго я не могъ понять, побѣжалъ въ сарай. Черезъ нѣсколько минутъ, я услышалъ, какъ повесся онъ въ гаюпъ по полю.

А я опять прилежъ на скамью, но не могъ заснуть. Я спрашивалъ себя, хорошо ли я сдѣлалъ, спасая отъ висѣлицы разбойника потому только, что онъ ѣлъ со мною окорокъ? Не имѣлъ ли я проводнику, который под-

держивалъ сторону закона? не отдалъ ли я его на жертву мести злодѣя? Въ обязанности гостепріимства?.. Предразсудокъ дикарей, разсуждалъ я: ни мнѣ будетъ лежать отвѣтственность за всѣ преступленія, которыя совершитъ бандитъ... Не-уже-ли предразсудокъ-этотъ истинникъ совѣсти, который противится всѣмъ разсужденіямъ? Я колебался еще въ недоумѣніи на-счетъ нравственности моего поступка, какъ показалось полдюжины всадниковъ съ Антонио, который благоразумно держался въ аррьергардѣ. Я пошелъ на встрѣчу имъ и объявилъ, что разбойникъ бѣжалъ часа два назадъ. Старуха, при допросѣ, объявила, что звала Наварро, но, живя одна, никогда не рѣшилась бы донести на него, потому-что могла бы заплатить за это извѣнію. Она прибавила, что донъ-Хозе каждый разъ, какъ бывалъ у ней, уѣзжалъ всегда ночью. Что касается до меня, я долженъ былъ отправиться въ ближайшее селеніе, предъявить свой паспортъ и дать объясненіе альмаду; за тѣмъ мнѣ позволили снова пристѣсти за археологическія изысканія. Антонио сердился на меня, подозревая, что я помѣшалъ ему заработать дѣсти червонцевъ. Не смотря на то, мы расстались въ Кордовѣ добрыми друзьями; я наградилъ его, какъ позволило состояніе моихъ финансовъ.

Нѣсколько дней провелъ я въ Кордовѣ. Мнѣ указали въ библиотекѣ доминиканцевъ на одну рукопись, въ которой я долженъ былъ найти интересныя свѣдѣнія о древней Мултѣ. Очень-хорошо принятый добрыми монахами, я дни проводилъ въ монастырѣ, а вечеръ гулялъ по городу. Въ Кордовѣ, въ вечернее время, много правдивыхъ людей собирается на набережную, устроенную по правому берегу Гвадалкивира. Тамъ они дышатъ воздухомъ кожевническихъ заводовъ, которые поддерживаютъ древнюю славу этой страны но кожанной части, но за то наслаждаются све-

щемъ, которое не видѣть можно видѣть. За нѣсколько минутъ до вечерняго звона (*angelus*), множество женщинъ собирается вблизи набережной, которая довольно-высока. Ни одинъ мужчина не смѣетъ вѣшаться въ эту толпу. Звонъ *angelus* означаетъ оффиціальное наступленіе ночи. При послѣднемъ ударѣ колокола, всѣ эти женщины раздѣваются и входятъ въ воду. Поднимаются крикъ, смѣхъ, адскій шумъ. Мужчины смотрятъ на купальщицъ съ верху набережной, пялятъ глаза, но видятъ, впрочемъ, очень-немного. Но эти бѣлыя и неопредѣленныя формы, рисующіяся на темной лазури рѣки, расшевеливаютъ поэтическія головы, и у кого хоть немножко есть воображенія, тотъ безъ труда представитъ себѣ, не опасаясь участи Антеона, куманье Дианы съ нимфами. Мнѣ рассказывали, будто разъ шалуны подкупили звонаря, чтобъ онъ прозвонилъ *angelus* двадцатью минутами раньше законнаго срока. Хотя было еще свѣтло, гадальщицкія нимфы не задумались, и, вѣря больше *angelus*, чѣмъ солнцу, съ сповоной совѣстью начали раздѣваться. Я при этомъ не былъ. Въ мое время, звонарь былъ неподкупимъ, отчетъ темный, и развѣ вонька могла отличить старую торговку амальсинами отъ лучшей моруанской гризетки.

Однажды вечеромъ, когда уже ничего не было видно, я курилъ, опершись на парапетъ набережной. Вдругъ женщина, поднявшись по лѣстницѣ, ведущей отъ рѣки, сѣла подлѣ меня. Въ волосахъ ея былъ большой букетъ изъ жасминовъ, котораго широкія лепестки издають вечеромъ умоительный запахъ. Она была одѣта просто, можетъ-быть даже бѣдно, все въ черномъ, какъ одѣвается большая часть грязетокъ въ вечернее время. Подошедъ ко мнѣ, купальщица моя спустила на плечи мантилью, покрывавшую ея голову, и, при тускломъ свѣтѣ звѣздъ, я увидѣлъ, что она невелика ростомъ, молода, хорошо сложена и съ большими глазами. Я тотчасъ внулъ сит-

гару. Она поняла эту французскую внимательность и успѣшила сказать мнѣ, что любить запахъ табака и сама курить слабые *parelitos*. Къ счастью, папелитосы были у меня въ карманѣ, и я предложилъ ей. Она соглашала взять одну. Мы закурили, разговорились, и проболтали такъ долго, что на набережной остались только я, да моя прекрасная купальщица. Я не оцѣль непримичивыя предложить ей отправиться въ *caserio* (*) покушать мороженого. Не долго боролась она съ своей скромностью и приняла мое предложеніе, но прежде хотѣла знать, который часъ. Я тронулъ вружину моихъ часовъ съ релетидіей, и бои карманныхъ часовъ, казалось, очень неумалъ ее. — Какія изобрѣтенія у васъ, господи иностранцы! Откуда вы родомъ, сеньйоръ? Вѣрно Англичанинъ (**).

— Французъ и вашъ покорнѣйшій слуга. А вы, сударыня, конечно, здѣшняя?

— Нѣтъ.

— Такъ, по-крайней-мѣрѣ, Андалузская? Это замѣтно по вашему приятному выговору.

— Если вы такъ хорошо различаете выговоры, то должны угадать, кто я такая.

— Я полагаю, вы изъ страны Иусса, въ двухъ шагахъ отъ рая.

(Я слышалъ эту метафору, обозначающую Андалузію, отъ друга моего Франсиска Севилья, известнаго иннидора).

— А! рай... здѣшніе люди говорятъ, что онъ созданъ не для насъ.

— Ну, такъ вы... я остановилась, не смѣя сказать «Жидовка».

(*) Кое-гдѣ съ ледникомъ. Въ Испаніи, въ каждой деревнѣ найдете вы *neveria*.

(**) Въ Испаніи, каждый путешественникъ, который не носитъ съ собой образчиковъ миткаля или шелковой матеріи, считается Англичаниномъ, *Inglesito*. Точно также и на Востокѣ. Въ Халкидѣ, я видѣлъ честь быть известнымъ подъ именемъ милорда Франкуза.

— Ползете, вы видите, я Цыганка; хотите, испорожу вамъ? Слыхали вы когда-нибудь про Кармениту? Это я.

Въ то время, — этому будетъ уже лѣтъ пятнадцать, — я былъ таковой басурманъ, что не полагался съ искуга, вида поддѣл себя ворожею. — Хорошо! подумалъ я: — на прошлой недѣлѣ, я ужиналъ съ Разбойникомъ; сегодня между нѣтъ морозное съ служительницею дьявола. Въ путешествіи надо все видѣть. — Я видѣлъ еще другое побужденіе короче познакомиться съ ней. Къ стыду своему, долженъ признаться, что, выходя изъ училища, я убавилъ нѣсколько времени на изученіе тайныхъ знаменій и даже не разъ покушался вызвать духа тьмы. Хотя я давно выучился отъ страсти къ подобнымъ извѣщаніямъ, но всё суевѣрія имѣли еще для меня что-то заманчивое, и я радъ, что теперь представился случай узнать, до какой степени доведено искусство магии у Цыганъ.

Болтая всякій вздоръ, вошли мы въ постройку и ушлись за маленький столѣтъ, освѣщенный восковымъ свѣчомъ, горѣвшюю въ стеклянномъ шару. Тутъ на досугъ могъ я рассмотреть Цыганку, между тѣмъ, какъ молчаливые люди, покушавшая мороженого, вѣроятно, съ крайнимъ удивленіемъ видѣли меня въ такомъ обществѣ.

Очень-сообщительно, чтобъ Карменъ была чистой цыганской породы; по крайней-мѣрѣ, она была далеко-лучше всѣхъ Цыганокъ, какихъ я видалъ. Меланчи говорилъ, что та же женщина красавица, которую можно опредѣлить посредствомъ десяти прилагательныхъ, такъ, чтобъ каждое изъ нихъ могло быть примѣнено къ тремъ частямъ ея особы. На-примѣръ, она должна имѣть три вещи черныя: глаза, рѣсницы, брови, и т. п. Хотите узнать остальное, читайте Брантома. Хотя Цыганка не могла претендовать на такія совершенства. Кожа ея, впрочемъ совершенно-блѣдая, приближалась къ пѣту мѣди. Глаза косые, но разрѣзъ ихъ былъ чудесный; губы толстоваты, но хорошо обрисованы, и

за ними видѣлись зубы бѣлыя и длинныя безъ ножницы. Волосы черныя съ синеватыми стлжонъ, какъ травы верона, длинныя, лоскотноыя. Чубъ не утомлялъ насъ слишкомъ-многоватымъ описаніемъ, снажу коротко: съ лѣдымъ недостаткомъ соединилось въ ней достоинство, которое отъ конраста, можетъ-быть, сильнѣе бросило въ глаза. Это была красота страшна и дикая, ошугра, которая способна удивляла, но которой нельзя было заблук. Особенно глаза ея имѣли извращенныя видѣтъ и сластолюбное и жестокое, какого не встрѣчалъ я ни въ какомъ взглядѣ человѣческомъ. Цыганскій глазъ — волчій глазъ — гласить иезавиская поговорка, и это вѣрно: Если бы не имѣете возможности видѣть земной глазъ, посмотрите на женщину, когда она подстерегаетъ воробья.

Разумѣется, сильнѣе было бы, если бы Цыганка отаза имѣла вырваннаго кое-сѣтъ. Поэтому, я предложилъ предложить ее де-се-дема; она согласилась безъ затрудненія, но хотѣла исполнить прежде званіе, сколько времени, и просила, чтобъ пробовалъ мои карты.

— А, да они золотыя! сказалъ она, смотря на нихъ съ величайшимъ вниманіемъ.

Когда мы вышли изъ постройкы, была уже темная ночь; лавки болѣею частью заперты и улицы почти пусты. Мы прошли Гвадалупевроий-Мостъ и на концѣ предвѣстия остановились передъ малыми доминиканомъ. Казалось мальчикъ отворилъ намъ дверь. Цыганка сказала ему нѣсколько словъ на языкѣ, имъ неизвѣстномъ; тотъ-рыи, какъ узналъ я послѣ, былъ имѣлъ цыганскій. Мальчикъ тотчасъ исчезъ, и мы остались въ обширной комнатѣ, которой все нѣбось состояло изъ столика, двухъ табуретокъ и стула. Видѣлъ я также кушину съ шайкой, груду апельсинскыхъ и пучокъ лука.

Какъ-своро мы остались одинъ. Цыганка вытаскала изъ сумки нѣсколько картъ, покаты, вышуманные жамелема; и другія вещи, необходимыя для воробья. Затѣмъ она вѣлѣ-

а мнѣ сдѣлать монетою крестъ на лѣвой рукѣ, и начались магическія церемоніи. Нѣтъ надѣжности говорить мнѣ, что она насказала мнѣ.

Къ-несчастью, уединенная бѣсѣда ваша скоро была разстроена. Съ шумомъ отворилась дверь, и мужчины, съ закутанымъ въ черный плащъ, вошелъ въ комнату, ворча на Цыганку. Онъ повнималъ, что онъ говорилъ, но о тому его голоса замѣтно было, что нѣ сердитъ. Увидѣвъ его, Цыганка е обнаружала ни изумленія, ни гнѣва; на приближала ему на встрѣчу, и съ чрезвычайною бѣгlostію проговорила ему нѣсколько фразъ на таинственнымъ языкѣ, который я уже слышалъ. Изъ всего разговора я понялъ только слово *paylle*, часто повторявшееся. Я зналъ, что Цыгане зовутъ такъ всѣхъ, но не принадлежигъ къ ихъ племени. Редколагая, что рѣчь идетъ обо мнѣ, въ ожиданіи щекотливаго объясненія схватился уже за ножку табурета выжидалъ минуту, когда приличнѣе будетъ бросить его въ голову невзвонца. Онъ грубо оттолкнувъ Цыганку подошелъ ко мнѣ; потомъ, отступивъ а шагъ, оназала:

— Сеньйоръ, это вы?

Я посмотрѣлъ на него въ свою очередь и узналъ пріятеля моего, дона-Хозе. Въ эту минуту, я пожалѣлъ, что пробудилъ его въ гостиницѣ.

— А! это вы, любезнѣйшій? сказалъ такъ силе, какъ только могъ: — вы пришли въ такую минуту, когда Цыганка разсказывала мнѣ очень-интересныя вещи.

— Опять привялась за свое! Но это-у будетъ конецъ, сказала онъ сквозь зубы, устремивъ на нее суровый взглядъ.

Между-тѣмъ, Цыганка продолжала то-то говорить ему на своемъ языкѣ. Она постепенно одушевлялась. Глаза ея назывались кровью, становились грашвыими; она топала ногою. Видно было, что она угоаривала его сдѣлать то-то, а онъ не хотѣлъ. О чемъ бы а рѣчь, можно было догадаться, потому-что Цыганка нѣсколько разъ

быстро проводила рукой по своему горлу. Я молчалъ, что рѣчь идетъ о томъ, какъ бы перерѣзать горло, и очень-подозрѣвалъ, что это горло именно — мое.

На весь этотъ потокъ краснорѣчія донь-Хозе отвѣчалъ нѣсколько словъ коротко и сухо. Тогда Цыганка бросила на него взглядъ глубокаго презрѣнія; за тѣмъ, усѣвшись по-турецки въ углу комнаты, взяла апельсинъ и начала ѣсть.

Донъ-Хозе взялъ меня за руку, отворилъ дверь и вывелъ на улицу. Шаговъ двѣсти прошли мы въ глубочайшемъ молчаніи. Потомъ, протянувъ руку впередъ, онъ сказалъ:

— Идите все прямо, вы придете къ мосту.

За тѣмъ онъ отвернулся отъ меня и быстро удалился. Я воротился домой не совсѣмъ въ веселомъ расположеніи духа. Раздѣваясь, я замѣтилъ, что моихъ часовъ съ репетитіей не было уже въ карманѣ.

По разнымъ соображеніямъ я не пошелъ на другой день къ Цыганкѣ въ часамъ, не просилъ также и корректора отыскать ихъ. Окончивъ разсмотрѣніе рукописи доминиканцевъ, я отправился въ Севилью и, простиравъ нѣсколько мѣсяцевъ по Андалузіи, рѣшился воротиться въ Мадридъ. Нужно было проѣзжать черезъ Кордову. Я не думалъ долго останавливаться тутъ, потому-что опротивѣлъ мнѣ этотъ прекрасный городъ съ гвадалквивирскими купальщицами. Какъ бы то ни было, надо было, однакоже, повидаться съ пріятелями, исполнить кой-какія комиссіи, и все это должно было задержать меня въ древней столицѣ мусульманскихъ государей по крайней-мѣрѣ дня на три или на четыре. Я зашелъ въ монастырь доминиканцевъ: почтенный монахъ, всегда обнаруживавшій живѣйшее участіе въ монахъ разисканіяхъ о мѣстоположеніи древней Муданъ, встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями.

— Славу Богу! говорилъ онъ: — а мы ужъ думали, что васъ нѣтъ въ жи-

выхъ, и я, вашъ Богомолецъ, читалъ и *raiser* и *ave* за спасеніе души вашей. Такъ вы не убиты, — а что вамъ обобрали, это мы знаемъ.

— Какъ такъ? спросилъ я, немного изумленный таинкѣ привѣтствіемъ.

— Да, часы съ репетитіей, которые мы такъ хорошо знаемъ, — отмысканы; вамъ отдадутъ ихъ...

— То-есть, часы, которые я потерялъ... сказалъ я, немного смутившись...

— Негодай сидѣть въ тюрьмѣ, и такъ-какъ онъ такой человекъ, который не побоятся изъ-за гроша застрѣлить христіанку, то мы и опасались, не убилъ ли онъ васъ. Я пойду съ вами къ корредктору, и ваши прекрасные часы будутъ вамъ возвращены. Говорите же дома послѣ этого, что судьи въ Испаніи не знаютъ своего дѣла!

— Признаюсь вамъ, лучше лишиться часовъ, чѣмъ быть свидѣтелемъ въ судѣ, и видѣть, какъ изъ-за меня повѣсятъ какого-нибудь бѣдняка...

— О, не безпокойтесь! судъ знаетъ его хорошо; повѣсятъ его не за васъ. Впрочемъ, я ошибся; его не повѣсятъ: онъ дворянинъ, гдальго; — послѣ завтра его *zaduшатъ* (*). Вы видите: будь однимъ воровствомъ больше, или меньше, это не измѣнитъ его судьбы. Хорошо, еслибъ только онъ воровалъ! Но онъ совершилъ нѣсколько убійствъ, одно страшнѣе другаго.

— Какъ его зовутъ?

— Здѣсь извѣстенъ онъ подъ именемъ Хозе Наварро, но у него есть еще другое имя, баскское, котораго ни вамъ, ни мнѣ никогда не выговорить. Увѣрю васъ, стѣнитъ посмотрѣть на этого человека, и вамъ, какъ путешественнику, не слѣдуетъ пропускать случая, чтобъ узнать, какъ въ Испаніи злодѣи расстаются съ свѣтомъ. Онъ теперь въ церкви; отецъ Мартинесъ проводитъ васъ туда.

(*) Въ 1830 г. дворянство еще пользовалось этой привилегіей. Нынѣ, эта казнь, *garrote*, досталась на долю черни.

Доминиканецъ такъ настойчиво уговаривалъ меня посмотрѣть на приготовленія преступника къ смерти, что я не могъ отказаться. Я пошелъ къ арестанту, замахнулся лачвою сигаръ.

Меня звели къ дону-Хозе въ то время, когда онъ обѣдалъ. Холодно взглянулъ онъ мнѣ головою и учтиво поблагодарилъ за подарокъ, который я принесъ. Отсчитавъ нѣсколько сигаръ, онъ отдалъ мнѣ остальные, говоря, что больше ему не нужно.

Я спросилъ его, не могу ли посредствомъ денегъ или кредита поухъ друзей выхлопотать какое-нибудь облегченіе его участи. Сначала онъ покачалъ плечами, печально улыбаясь; потомъ, одумавшись, просилъ меня отслужить обѣдню за упокой души его. — Согласитесь ли вы, прибавилъ онъ робко: — отслужить другую обѣдню за особу, которая оскорбила васъ?

— Конечно, отвѣчалъ я: — но, кажется, никто здѣсь не оскорблялъ меня.

Онъ взялъ мою руку и грустно пожалъ ее. Послѣ минутнаго молчанія, онъ опять спросилъ: — Сидѣю ли я просить еще у васъ одной услуги? Когда вы отправитесь назадъ, на родину, вы вѣрно поѣдете черезъ Наварру? По-крайней-мѣрѣ, вы не минуете Викторіи, а оттуда Наварра недалеко.

— Да, я именно поѣду черезъ Викторію; но легко можетъ статься, что поверну на Пампелону, а для васъ я охотно сдѣлаю этотъ крюкъ.

— Ну, такъ если вы поѣдете въ Пампелону, вы найдете тамъ много для себя интереснаго... это вѣроятно городъ... я дамъ вамъ вотъ эту медаль (онъ показалъ маленькую серебряную медаль, которую носилъ за шею); вы завернете ее въ бумагу... (Онъ остановился на минуту, чтобъ утишить свое волненіе), передадите ее или прикажете передать доброй женщинѣ, которой адресъ я скажу вамъ. Скажите ей, что я умеръ, но какъ умеръ, не говорите.

Я далъ слово исполнить его порученіе. На другое утро, опять пришелъ я

къ нему въ тюрьму и провелъ съ нимъ часть дня. Онъ разсказалъ мнѣ начальную исторію, которую предлагаю здѣсь читателямъ.

Я родился, — такъ началъ онъ, — въ Элисондо, въ Бастанской-Равнинѣ. Зовутъ меня донъ-Хосе Лизаррабенгоа, и вы, зная хорошо Испанію, легко можете угадать по этому имени, что я Баскъ. Называюсь я донъ-Хосе, потому-что дворянинъ, и будь мы въ Элисондо, я показалъ бы вамъ свою родословную на пергаментѣ. Родные хотѣли, чтобъ я былъ въ духовномъ званіи, отдали меня въ ученье; но ученье не шло мнѣ на умъ. Я страстно любилъ играть въ мячъ, и это погубило меня. Когда мы, Наваррцы, играемъ въ мячъ, то забываемъ все. Разъ, во время игры, товарищъ мой изъ Алавы завелъ со мной ссору; мы схватили *мажиль* (*), и я такъ его отдалалъ, что долженъ былъ покинуть родину. На дорогѣ встрѣтились драгуны, и я поступилъ въ альманзасскій кавалерійскій полкъ. Наши горцы скоро выучиваются военному ремеслу. Произвели меня въ капитаны; обѣщали сдѣлать вахшистромъ, но, къ несчастію, разъ поставили меня на караулъ у табачной фабрики въ Севильѣ. Если вы бывали въ Севильѣ, то видали это огромное зданіе, за валомъ, близъ Гвадалкививира. Я какъ теперь передъ собой вижу ворота, подлѣ воротъ караульную. Испанцы на службѣ или играютъ въ карты, или спятъ; я, какъ настоящій Наваррецъ, старался всегда чѣмъ-нибудь заниматься: работалъ изъ латушной проволоки цѣпочку, на которой долженъ былъ висѣть затравникъ. Вдругъ, товарищи говорятъ: слышите, ребята, звонитъ колоколъ; дѣвки сейчасъ пойдутъ на работу... Надо вамъ знать, сударь, что на фабрикѣ работаютъ отъ четырехъ до пяти сотъ женщинъ. Онѣ свертываютъ сигары въ большой залѣ, куда мужчина

не можетъ войти безъ позволенія полицейскаго чиновника, потому-что, когда жарко, женщины, особенно молодыя, снимаютъ съ себя лишнее платье. Въ то время, какъ работницы, послѣ обѣда, возвращаются на работу, къ фабрикѣ собирается много молодежи. Рѣдкая изъ фабричныхъ дѣвушекъ откажется отъ табуиной мастилы, и охотникамъ на этой ловлѣ стобѣтъ только нагнуться, чтобъ поймать рыбку. Между-тѣмъ, какъ товарищи мои и городская молодежь глазѣли на дѣвокъ, я сидѣлъ на скамьѣ, у воротъ. Я былъ тогда молодъ; родинка не выходила у меня изъ головы, и я не думалъ, чтобъ могла быть хорошенькая дѣвушка безъ синей юбки и косы, упадающей на плечи (*). Притомъ, Андалузьяки пугали меня; я еще не привыкъ къ ихъ манерамъ. Вѣчно шутки, никогда не услышишь дѣльнаго слова. Итакъ, работаю я цѣпочку, и слышу, товарищи говорятъ: Цыганка! Цыганка! — Я поднялъ глаза, и увидѣлъ ее. Была пятница; этого дня я никогда не забуду. Я увидѣлъ Карменъ... вы ее знаете; у нея встрѣтилъ я васъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ.

На ней была красная коротенькая юбка, изъ-подъ которой видѣлись бѣлые, шелковые, дрявые чулки, и красные сафьянные башмаки, съ лентами огненнаго цвѣта. Она откинула мантилью, чтобъ выказать свои плечи, и большой букетъ кассин, выходящій изъ ея рубашки. Во рту у нея былъ также цвѣтокъ кассин. На родникъ моей, увидѣвъ женщину въ такомъ костюмѣ, народъ сталъ бы креститься. Въ Севильѣ, Карменъ слышала со всѣхъ сторонъ наглые комплименты; она отвѣчала на-право и на-лѣво, дѣлала глазки, была безстыдна, какъ настоящая Цыганка. Съ перваго взгляда она мнѣ не понравилась, и я слова принялся за работу, но, по обычаю

(*) Желѣзные палки Басковъ.

(*) Обыкновенный костюмъ послѣднее въ Наваррѣ и баскскихъ провинціяхъ.

женщинъ и кошекъ, которыя не йдутъ тогда, когда ихъ зовутъ, а приходятъ, когда не зовутъ, — Карменъ остановилась передо мной и сказала:

— Молодецъ, подари мнѣ цѣпочку; я буду носить на ней ключи отъ сумки.

— Какъ бы не такъ! отвѣчалъ я: — самому нужно.

— А! такъ ты привыкъ быть на цѣпцѣ! — Всѣ захохотали; я чувствовалъ, что у меня выступила на лицѣ краска, и не нашелся, что отвѣчать Цыганкѣ. — Коли ты не хочешь дарить, такъ вотъ я тебѣ подарю на память... И она кинула мнѣ въ лобъ цвѣтокъ кассии, бывшій у ней во рту. Точно пуля ударила меня... Я не зналъ, куда дѣваться, и былъ неподвиженъ, какъ доска. Когда она ушла на фабрику, я увидѣлъ цвѣтокъ, лежавшій на землѣ у ногъ моихъ; не знаю, что мнѣ вздумалось, только я поднялъ его такъ, что товарищи не замѣтили, и бережно положилъ за пазуху. Первая глупость!

Спусти два или три часа, я все еще спалъ и думалъ объ этомъ случаѣ, какъ приближаетъ въ караульномъ фабричный сторожъ въ новыяхъ, съ встревоженнымъ лицомъ. Онъ сказалъ, что въ большой сигарной залѣ убита женщина, и что надо послать туда караулъ... Вахмистръ приказалъ мнѣ взять двухъ человекъ и идти. Вхожу въ залу; триста бабъ въ рубашкахъ или почти что въ рубашкахъ, кричатъ, плачутъ, шумятъ, такъ — что и грома Божьяго мельзя было бы слышать. Командироваюсь въ эту толпу, и вижу: одна женщина стоитъ облитая кровью; на лицѣ ея нарисована ножомъ, въ два приема, буква Х. Насукротивъ раненой, около которой суетилось нѣсколько женщинъ, стояла Карменъ; ее держали пять-шесть бабъ. Раненная кричала: духовника! духовника! умираю! Карменъ молчала; только скрежетала зубами, да ворочала глазами, какъ хамелеонъ. — Что тутъ такое? спросилъ я. Не легко было узнать, что случилось, потому что всѣ работницы

принялись рассказывать вдругъ. Кажется, раненая женщина похвасталась, что у ней хватаетъ денегъ купить осла на трианскомъ базарѣ. — Вотъ еще вздумала осла покупать! сказала ей Карменъ: — Видела бы себя на мѣстѣ. — Та отвѣчала ей, что на мѣстѣ вѣдь не умбеть, потому что она не Цыганка! и не дочь сатаны, а что Карменъ скоро познакомится съ ея осломъ, когда коррекцидеръ отправитъ ее прогуляться на немъ по городу и пометитъ свадь ея двухъ лакеевъ, чтобъ опенять мухъ. — Постои же! вскричала Карменъ, вотъ я сдѣлаю на твоей режѣ водовой для мухъ... — И вслѣдъ за тѣмъ, ножомъ, которымъ рвала сигары, нарисовала она на лицѣ ея крестъ.

Дѣло было ясное; я взялъ Карменъ за руку. — Ну, голубушка, сказалъ я ей учтиво: — ступай-ка за мной. — Она взглянула на меня и какъ-будто узнала. — Пойдемъ, сказала она съ покорнымъ видомъ. — Гдѣ ногъ нѣтъ? — Она накинула мантилью на голову, закрыла все лицо, такъ — что видны были только одни глаза, и смиренно, какъ ягненокъ, пошла за солдатами. Пришла въ караульню; вахмистръ говоритъ: дѣло важное; надо отвести въ тюрьму. Опять мнѣ велѣно идти съ нею. Два солдата пошли по сторонамъ ея; я свали. Пришли мы въ городъ. Сначала Цыганка молчала, — но въ Улицѣ-Зити, — вы знаете эту улицу, что невивается, какъ змея, — она спускаетъ мантилью на плечи, открываетъ свое обманчивое лицо, и обернувшись ко мнѣ, говоритъ:

— Послушай, молодецъ, куда это ты ведешь меня?

— Въ тюрьму, голубушка, говорю я ласково, какъ добрый солдатъ долженъ говорить съ арестантомъ, особенно съ женщиной.

— Въ тюрьму? Что же со мной будетъ? Нѣтъ, сказался надо мной. Ты такъ молодецъ, такъ добръ... Потомъ продолжала гораздо тише: пусть меня; подарю тебѣ кусочекъ *bar lach*; съ нимъ всѣ женщины будутъ любить те-

бя... *Bar lachi*, сударь, магнитный камень. Цыгане говорят, что кто утисеть произволеться имъ, можетъ дѣлать чудеса. Хотелките его въ порошокъ и дайте любви женщины выпить и-должно переживокъ въ рюмкѣ бѣлаго вина, — женщина ваша. Я отычалъ ей самымъ серьезнымъ образомъ, какъ только могъ: — нечего валоръ болтавъ, валоръ идти въ тюрьму, такъ правдано.

.. У васъ, Баскскъ, выговоръ такой что Испанецъ легко насъ узнаеть; Карменъ не трудно было отгадать, откуда и родомъ. Вы знаете, сударь, что Цыганскъ, не нѣтъ родины, бродя по всему свѣту; говоритъ на всѣхъ языкахъ; Карменъ довольно-хорошо знала баскскій языкъ. *Laguna ene bilots arena*, товарищъ моего сердца, сказала она мнѣ другу: ты—мой землякъ?

Жизнь мнѣ, сударь, такъ прекрасна, что когда услышишь его на чуждой сторонѣ, сердце такъ и задрожитъ... Я въ Элисондо, отычалъ я по-баскски, тронутый звуками роднаго голоса.

.. А я въ Этчаларъ, сказала она. — Это въ четырехъ часахъ отъ насъ. — Цыгане увели меня въ Севилью. Я работала на фабрикѣ, хотѣла заработать денегъ, чтобъ было съ чѣмъ воротать мать Маррру, въ бѣдную мать, у которой одна подвора — я, и все нѣтъ—садить съ двенадцатью яблонями. Вотъ тебѣ и родина, и бѣлая гора наши; Моя обидѣла, потому что я родилась не въ этой странѣ кошенинскихъ, торгашей гнилыми ясельскими; ащ—шиде—шинустились всѣ на меня, землякъ я сказала мнѣ, что всѣ ихъ сельские сансароны, съ своими ножами, не испугаютъ одного нашего молда съ своимъ беретомъ и маклей. Товарищъ, другъ мой! не-уже-ли ты ничего не слылаешь для землячки?

.. Она жгла, сударь, все жгла. Не знаю; сказала ли она въ жизни хоть одно слово правды; но когда она говорила, я вѣрилъ ей, не могъ не вѣрить. Я обезумѣлъ, не обращалъ ни на что вниманія и думалъ, что если бы Испанцы затѣли дурно отзы-

ваться о моей родинѣ, я перѣзжалъ бы лишь лицо такъ же, какъ перѣзала она лицо работницѣ. Коротко сказать, я былъ точно пьяный, началъ говорить глухости, и готовъ былъ слышать глухость.

— Если я тебя толкну и ты упадешь, землякъ, говорила она по-баскски: — то эти двѣ кастильскыя репутантъ не удержатъ меня...

Я забылъ и приказъ и все, и сказалъ: — другъ мой, землячка, попребуи; и да поможетъ тебѣ наша горная Богородица! — Въ ту самую минуту, проходила мы мимо одного изъ твоихъ узникъ переулковъ, которыхъ такъ много въ Севильѣ. Вдругъ Карменъ обернулась и — хватъ меня кулакомъ въ грудь. И упалъ на-взничъ... Однимъ прыжкомъ перескакиваетъ она черезъ меня, и пускается бѣжать; мы только и видѣли ноги... Говорятъ: ноги, какъ у Баска! — ее ноги стѣлали многихъ другихъ... такъ же проворны, какъ и красны. Подымаюсь, бѣгу за арестанткой; товарищи за мной; но гдѣ нагнать ее? Карменъ исчезла. Притомъ всѣ лампшкы этого квартала помогали ей бѣгству, смѣялись надъ нами, водили насъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ. Послѣ многихъ маршей и контрмаршей, мы принуждены были воротиться въ карантиню, безъ росписки смотрителя тюрьмы.

Мои солдаты, чтобъ набѣжать наказанія, объявили, что Карменъ говорила со мной по-баскски, и правду сказать, не совсемъ было натурально, чтобъ дѣвичій кулакъ могъ слышать съ разу такого здоровяка, какъ я. Дѣло казалось двусмысленнымъ, или лучше сказать очень-яснымъ. Какъ кончался караулъ, меня тотчасъ разжаловали въ рядовые и отправили на шѣлицъ въ тюрьму. Это было первое наказаніе съ-тѣхъ-поръ, какъ поступилъ я на службу. Прощайте, вахмистрскіе галунны, которые я считалъ уже своимъ!

Первые дни въ тюрьмѣ проведъ я очень-печально. Поступая въ солдаты, я воображалъ, что дослужусь не-крайней-мѣрѣ до-офицёрства: Жонга, Милъ,

земляки мои, вышли въ генерал-кавалеры. Чепелангарра, который убѣждалъ къ вамъ такъ же, какъ и Мина, былъ полковникомъ, и я часто игралъ въ мячъ съ его братомъ, такимъ же бѣднякомъ, какъ и я. Теперь я говорю самъ-себѣ: все то время, которое прослужилъ ты безъ наказанія,—пропавшее время. У начальства ты на худомъ счету; въ десять разъ теперь труднѣе заслужить хорошее мнѣніе, чѣмъ было тогда, когда ты былъ рекруткомъ. И за что же попалъ ты подъ наказаніе? За негодную Цыганку, которая смѣлалась надъ тобой и теперь воруетъ гдѣ-нибудь въ городѣ. Не смотря на то, она не выходила у меня изъ головы. Повѣрите ли, сударь, ея шелковые, дырявые чулки, которые показала она мнѣ цѣликомъ, перескакивая черезъ меня, безпрестанно мнѣ мерещились. Связь тюремную рѣшетку глядѣлъ я на улицу; много проходило женщинъ, но не видалъ я ни одной лучше Цыганки. И затѣмъ, невольно, похалъ я цѣтокъ касси, который она бросила въ меня: онъ былъ сухъ, но все еще пахучъ... Если есть на свѣтѣ колдуны, эта дѣвка была совершенной колдуньей.

Однажды входитъ ко мнѣ сторожъ и подаетъ алькальскую булку (*).

— Вотъ, говоритъ онъ:—сестра тебѣ прислала. Беру хлѣбъ и думаю: какая сестра? ни родной, ни двоюродной нѣтъ у меня въ Севильѣ; вѣрно это ошибка. Но булка была такъ хороша, такъ аппетитна, что я рѣшился съѣсть ее, не стараясь разузнавать, кто и кому прислалъ ее. Начинаю рвать; ножъ встрѣчаетъ что-то твердое. Смотрю: это англійская пилка, завеченная въ тѣстѣ. Кромѣ пилки, я нашелъ золотую монету въ два піастра. Тутъ ужъ я не сомнѣвался, что это подарокъ Кар-

менъ. Для Цыганки, свобода составляетъ все, и они готовы снести горло, чтобъ избавиться одолжественнаго заключенія въ тюрьмѣ. Черезъ часа, она толстая желѣзная полоса въ рѣшеткѣ была перенесена, и у первого вахтера, съ прилачкою двухъ піастровъ, я могъ бы проѣхать солдатское платье на партикулярное. Человѣку, который не разъ лазилъ по скаланъ доставля орляты въ гнѣздахъ, не мудрено было спуститься на улицу изъ окна, вышней отъ земли меньше тридцати ступеней; но я не хотѣлъ убѣжать. Солдатская честь еще была во мнѣ, и доверчивство казалось мнѣ большимъ преступленіемъ. Какъ бы то ни было, я былъ тронутъ этими знаками любви обо мнѣ Карменъ. Когда сидѣлъ въ тюрьмѣ, пріятно думать, что на свободѣ есть другъ, принимающій въ тебѣ участіе. Только золотая монета бѣжкомъ меня: хотѣлось бы отдать ее казаль; но кому?

Послѣ того, какъ меня разсказали въ рядовые, я думалъ, что мнѣ уже ничего не остается больше терпѣть, но мнѣ предстояло еще удивленіе: какъ-то вышелъ я изъ тюрьмы, меня поставили на часы, какъ простаго солдата. Вы не можете вообразить, чѣмъ чувствуетъ человѣкъ съ душой въ вѣлбномъ случаѣ! Кажется, лучше скончался бы, чтобъ меня разотрясли. Но крайней-мѣрѣ, тогда идешь впередъ своего звѣзда; чувствуешь, что ты нибудь значимъ; ахъ на тебя смотрятъ.

Меня поставили на часы у двери дома нашего полковника. Это былъ молодой, богатый человѣкъ, добрый и молодой, любившій повеселиться. У него была въ гостяхъ вся молодежь—офицерство, много статскихъ, были и женщины, кажется антрисемъ. А я... мнѣ казалось, весь городъ собрался къ полковнику, чтобъ посмотреть на меня. Вотъ подѣжжаетъ карета полковника; его камердинеръ на запяткахъ. Отворяются дверцы: кто жъ, думаете, выходитъ? Цыганка. Она была разодѣта въ пухъ, вся въ золотѣ, въ лентахъ. Платье съ блестками, голубые башма-

(*) Алкала-де-лос-Панадеросъ — городокъ въ двухъ миляхъ отъ Севильи, гдѣ приготовляются прѣкрасныя булки. Говорить, достоинство ихъ завѣсть отъ воды рѣки Алкала; каждый день приносятъ ихъ множество въ Севилью.

на такое съ блестными, зодѣ цѣнты и мушкетеръ. Въ рукѣ у ней былъ тамбурина. За ней выѣхали изъ кареты еще двѣ Цыганки, одна молодая, другая старуха; съ молодыми всегда бываетъ старуха, да старикъ съ гитарой, тоже Цыганъ; онъ играетъ, онѣ пляшутъ. Цыганокъ, вы знаете, часто зовутъ въ общества танцовать ромалосо: это ихъ пляска.

Карменъ узнала меня, и ны обидѣлась взглядеиъ. Въ эту минуту, мнѣ хотѣлось бы провалиться сквозь землю. *Adieu lagime* (здравствуй, товарищъ), сказала она:—А, молодецъ! ты стоишь на часахъ, какъ рекуртъ. И не успѣлъ я вымолвить слова, она была уже въ дѣлѣ.

Все общество было на дворѣ и, не сходя на толпу, я, сквозь рѣшетку, видѣлъ почти все, что тамъ дѣлалось (*). Слышалъ я касташеты, тамбурина, хохотъ, браво; по-временамъ замѣчалъ я голосу Карменъ, когда она пела съ тамбуриномъ. Потомъ я слышалъ, какъ оенцеры говорили ей нѣкоторыя вещи, отъ которыхъ кровь бросалась мнѣ въ лицо. Чтѣ она отвѣчала, не знаю. Именно съ этого дня, я думаю, началъ я любить ее, потому-что мнѣ раза три-четыре приходила въ голову мысль войти во дворъ и перебить всѣхъ этихъ шельмъ, говорившихъ ей нѣжности. Съ доброй частью продолжалось мое мученіе; потомъ, Цыганки вышли и старались дойти въ каретѣ. Карменъ, проходя мимо, сказала мнѣ тихонько: «землякъ, если любишь полагаться, приходи въ Триану, въ Дильясъ-Пастидъ». Легкая, какъ полевонкъ, она прыгнула въ карету, кучеръ уда-

рилъ по лошакамъ, и вся эта веселая компания утичалась Богъ-вѣсть куда.

Нетрудно вамъ догадаться, что какъ-скоро сѣѣнился съ караула, тотчасъ отправился въ Триану, выбранившись и вычистившись, точно на парадъ. Она была у Дильясъ-Пастидъ—старого Цыгана, чернаго какъ Мауръ; много горожанъ собиралось къ нему ѣсть жареную рыбу, особенно, думаю, съ-тѣхъ-поръ, какъ появилась у него Карменъ. «Дильясъ», сказала она, увидѣвъ меня: «сегодня я не буду здѣсь. Помѣнь, землякъ, гулять». Она накинула на себя мантилью, и вотъ ны на улицѣ. «Карменъ», сказалъ я: «я долженъ поблагодарить тебя за подарокъ, который ты прислала мнѣ въ тюрьму. Булку я съѣлъ. Пилой отточу я свое копые,—и сберегу ее на память о тебѣ, а деньги—вотъ онѣ».

—Смотри, пожалуй, онъ сберегъ деньги, сказала она съ хохотомъ. — Впрочемъ, тѣмъ лучше, я сама теперь не при деньгахъ. Проѣдешь ихъ. Ты меня угощаешь.

Мы пошли по дорогѣ въ Севилью; у входа въ Улицу-Зибѣ, она купила дюжину апельсиновъ и велѣла завязать ихъ мнѣ въ платокъ. Немного-подальше, она купила еще хлѣба, колбасу, бутылку мансаильи; потомъ вошла въ кондитерскую. Тамъ она кинула въ контору золотую монету, которую я ей отдалъ, потомъ другую, которую достала изъ своего кармана; наконецъ спросила, нѣтъ ли у меня еще денегъ. У меня было нѣсколько куартосовъ, и я отдалъ ихъ, стыдась, что не было больше. Я думалъ, что она хочетъ скупить всю лавку. Она набрала всего, чтѣ было самаго лучшаго и дорогаго, *uemas* (*), *irgou* (**), сахарныхъ фруктовъ, прокатала всѣ деньги. Эти покупки я долженъ былъ нести въ бумажныхъ картузахъ. Вы знаете, можетъ быть, Улицу-Кандилехо, гдѣ стоитъ голова короля дона-Пе-

(*) Въ большей части домовъ въ Севильѣ вы найдете внутренний дворъ, окруженный портиками. Тамъ хозяева и гости проводятъ дѣтніе дни. Этотъ дворъ покрывается полотномъ, которое днемъ фрызгиваютъ водою, а на ночь свиваютъ. Ворота на улицу почти всегда отворены, и проходъ, ведущій во дворъ, *zaguan*, заставляется желѣзной рѣшеткой изливной отѣлки.

(*) Сахарные лѣтные желтки.

(**) Родъ мядальваго пирожнаго.

дро-Жестокого (*). Мы остановились въ этой улицѣ передъ ветхимъ домомъ. Карменъ постукала въ окно нижнего этажа. Какая-то Цыганка, восточная едунка сатавы, отворила намъ. Карменъ сказалъ ей нѣсколько словъ на португальскомъ языкѣ. Старуха сначала было заворчала. Чтобы успокоить ее, Карменъ далъ ей два анельскихъ горсть кофея, поднесла вино. Потомъ

(*) Король донъ-Педро, известный подъ именемъ Жестокого, любилъ, подобно Гарри-эль-Решиду, гулять по вечерамъ по улицамъ Севильи и докать приключеній. Однажды ночью, въ уединенной улицѣ, онъ поспорилъ съ человѣкомъ, дававшимъ серенаду. Ссора кончилась дуэлью, и король убилъ влюбленного кавалера. При звукѣ шпагъ, какая-то старуха высунула голову въ окно и освѣтила сцену лампой, *candilejo*, которую держала въ рукахъ. Надо знать, что король донъ-Педро имѣлъ страшный глупый недостатокъ: когда онъ шелъ, его каблуки ташки стучали. Старуха, по этому звуку, легко узнала его. На другой день, дежурный полицейскій чиновникъ явился къ королю съ докладомъ: «Ваше величество, въ эту ночь, въ такой-то улицѣ, была дуэль. Одинъ изъ дравшихся убитъ.» — Узнали ли вы, кто убитъ? — «Узналъ, ваше величество.» — Почему онъ до-сихъ-поръ не доставленъ? — «Ваше величество, я жду приказаній.» — Не забывайте законъ. — А надо знать, что король указомъ повелѣлъ отрубать голову каждому дуэлянцу и выставлять ее на мѣстѣ битвы. Чиновникъ извернулся въ этомъ случаѣ, какъ умный человекъ. Онъ велѣлъ отпилить голову отъ статуи короля, и выставлялъ ее въ нишѣ среди улицы, гдѣ совершилось убійство. Эта выдумка очень понравилась королю и всѣмъ Севильцамъ. Улица получила названіе отъ лампы старухи — единственной свѣдѣльницей приключенія. Такое народное преданіе. Какъ бы то ни было, до-сихъ-поръ существуетъ въ Севильѣ Улица-Кандилежо, и въ этой улицѣ каменный бюстъ, который считается портретомъ донъ-Педро. Къ сожалѣнію, этотъ бюстъ новѣйшей работы. Преній крайне устарѣлъ въ XVII столѣтіи, тогдашнее городское начальство заимало его новинку.

нагнула ей на спину на нтію, выпревошла въ дверь и заперла изъ двери. Карменъ остался одинъ, она начала плакать и сѣсться, какъ сумасшедшая, кричала: — Ты мой раба; я твой раба (*). Я стою среди комнаты съ шопушши въ рукахъ, не знаю, куда пошелъ ты. Она бросила все на полъ, и вынула изъ кармана, говоря: «Я хочу заплатить долгъ свой... Ну, душа, суди сегодня...»

Донъ-Хосе на минуту замолчалъ; потомъ, закурилъ сигару, продолжилъ:

Мы провели вдовѣ цѣлый день, три, или — и прочее. Наѣхавъ кое-какъ, какъ несчастный ребенокъ, она бросила изъ приоткрытыхъ щелей воды, приговаривая: — Все будетъ шерсть для старухи... Свѣдѣльница бросала въ стѣну и разбивала; — это, говорила она, чтобы мухи болели, отъ насъ отлетѣли... Нѣтъ дурчества, которое бы она не сдѣлала. Я сказалъ, что ты не будешь бы посмотрѣть, какъ она вышетъ; но гдѣ достать востановить? Карменъ, не задумавшись, бросила единственную тарелку, бѣжавшую изъ комнаты, разбила ее въ куски, и плещетъ ромашку, притруживая рубашку жалко, такъ же хорошо; какъ-будто въ рукахъ у ней были востановить изъ чернаго дерева или слоновой кости. Нельзя было ебсучаться съ этой дѣвушкой, угадалъ насъ. — Выступилъ вечеръ; слышу: бьетъ время. — (Воръ говоритъ, идти въ казармы, на поркачку. — Въ казармѣ указали ему презрительно: такъ ты вечеръ; конишь на веревочкѣ? Ты настоящая шпоровака (**)) и не платю, и не характору. Ступай, у тебя курное сердце. Я остался, зная напередъ, что не выловить изъ ареста. Утромъ, она черная сказала, что пора разстаться. — Свѣдѣльница, Хозенто, спросила она: раскѣ-

(*) Раба — мужъ; раба — жена.

(**) Иवानскіе драгуны носятъ жалкія мушкетеры.

такая ли я съ тобой? По нашему закону, я тебѣ не была должна, потому-что ты не нашъ, *реуго*; но ты пригожь и мнѣ понравилась. Мы кенты. Прощай.

— Я спросила, когда опять увидимся.

— Когда ты будешь не такъ глухъ, сказала она смѣясь. Потомъ прибавила сѣрыми: — знаешь ли? мнѣ кажется, я тебя люблю немножко. Но это не на долго. Себаѣ и воду виѣстѣ не ужиться. Можетъ-быть, еслибъ ты принялъ цыганскій законъ, я рѣшилась бы сдѣлаться твоей роди. Но это глупости; этого быть не можетъ. — Прощай, каварейна, я поѣду, — ты отбѣжался отъ меня очень дешево. Ты встрѣтилъ чорта, да, чорта... но онъ не всегда черенъ и не свернулъ тебѣ шеи... Поставь свѣчку передъ твоей *Магаги* (*): она заслужила ее. Ну, еще разъ прощай. Не думай больше о Карменѣ; не то, она женить тебя на кадушкѣ съ деревянными ножками (**).

Говоря это, она отняла засовъ отъ дверей; ны вышли на улицу; она закуталась въ мантилью и пошла прочь отъ меня.

Карменъ говорила правду. Хорошо бы я сдѣлала, еслибъ перестала думать объ ней, но съ этого дня, проведеннаго въ Улицѣ-Кандилехо, я не могъ думать ни о чемъ другомъ. Цѣлый день бродилъ я по городу, надѣясь встрѣтить Карменъ, спрашивалъ о ней у старухи, у Лальсы-Настіи. Мнѣ объявили, что она отправилась въ *Лаларъ* (***) , то-есть Португалію. Впрочемъ, такъ велѣла отвѣчать мнѣ Карменъ; но я скоро узналъ, что они лгутъ. Случилъ нѣсколько недѣль послѣ того дня, который провелъ я въ улицѣ Кандилехо; я стоялъ на часахъ у городоникъ воротъ. Недалеко отъ этихъ воротъ, обвалилась часть городской стѣны; днемъ валѣывали брешь,

а на ночь ставили тутъ часового, чтобъ не пробирался этой дорогой контрабандисты... Въ теченіи дня, я замѣлъ, что Лальсъ-Настія нѣсколько разъ приходила мимо караулки и разговаривала съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей; его всѣ знали. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не мнѣ ли я какихъ вѣстей о Карменѣ. — Нѣтъ, говорю ему. — Ну, такъ будешь мнѣ. — Онъ не ошибся. На ночь, меня до ставили на часы у бреша. Только-что караулъ ушелъ, вижу, идетъ ко мнѣ такая-то женщина. Сораде горороче мнѣ, что это Карменъ. Я замричала однокожь: прочь! здѣсь не пускаютъ! — Экой злой! сказала мнѣ она, снукая съ головы мантилью. — Какъ, это ты, Карменъ? — Да, землякъ. Хотелъ бы немножко, поговоримъ о дѣлѣ. Хочешь заработать дуре? Придутъ сюда люди съ улами; не мѣшай мнѣ.

— Нѣтъ, говорю: — я долженъ кончить мнѣ; такъ приказано.

— Приказано! Приказано! А вѣдь ты не думаешь признатъ въ Улицѣ-Кандилехо?

Воспоминаніе объ этомъ днѣ задѣло меня за живое. — Да, говорю: — такъ стоило забыть приказъ; но я не хочу денегъ контрабандистовъ.

— Посмотришь; не хочешь денегъ, такъ, можетъ-быть, хочешь опять идти со мной къ старой Доротей?

— Нѣтъ! сказала я, дѣла вадъ собой величайшее усиліе: — не могу.

— Ну, хорошо; коли не хочешь, такъ я знаю, къ кому обратиться. Я позову съ собой къ Доротей твоего вахмистра. Онъ, кажется, малой добрый, и поставитъ на часы такого мелодна, который не увидитъ чего не надо видѣть. Прощай, каварейна! Посиѣюсь же я въ тотъ день, когда приказано будетъ повѣстѣ тебя.

Я мнѣ слабость кликнуть ее назвадъ и объялъ пропустить, если нужно, всю цыганщину, только бы получить отъ нея единственную награду, которой желаю. Она объяла сдержатъ слово завтра, и повѣдала, къ своимъ друзьямъ; стоявшимъ у входа

(*) Святая, — Святая Дѣва.

(**) Висѣлица, оставшаяся вловою отъ послѣдняго висѣльника.

(***) Красная (земля).

она отвела меня въ домъ, похожій на домъ Доротей и стоявшій въ глубинѣ какого-то переулка. Тамъ она сама и другая Цыганка, обмыли меня, перевязали рану, какъ не перевязалъ бы нашъ полковой фельдшеръ, дали мнѣ чего-то выпить, уложили на тюфякъ, и я заснулъ.

Вѣроятно, эти женщины подбавили въ мое питье какого-нибудь усыпительнаго зелья, потому что я проснулся уже на другой день очень поздно и чувствовалъ сильную головную боль и маленькую лихорадку. Не скоро вспомнилъ я страшную сцену, въ которой участвовалъ наканунѣ. Перевязавъ снова мою рану, Карменъ и ея пріятельница, сидѣвшія подлѣ моего тюфяка, обмѣнялись нѣсколькими словами на цыганскомъ языкѣ, и этотъ разговоръ составлялъ, кажется, медицинскую консультацію. Потомъ, онѣ обѣ объявили, что я скоро выздоровѣю, но что надо какъ-можно-проторѣе убраться изъ Севильи, потому что, если буду пойманъ, меня непремѣнно разстрѣляютъ. — Землякъ, сказала мнѣ Карменъ: — тебѣ надо чѣмъ-нибудь заняться; теперь, когда ты уже не будешь получать хлѣба отъ короля, надо подумать, чѣмъ бы прокормиться. Ты такъ глупъ, что не можешь работать; но ты проворенъ и силенъ; если у тебя достанетъ смѣлости, ступай на берегъ и сдѣлайся контрабандистомъ. Я же вѣдь обѣщала, что тебя повѣсятъ. Это все-таки лучше, чѣмъ быть разстрѣланнымъ.

Въ такомъ-то заманчивомъ видѣ представляла мнѣ Карменъ новое поприще, которое избрала для меня, и, вправду сказать, теперь, когда я заслужилъ смертную казнь, это поприще одно и оставалось мнѣ. Не большого труда стоило ей уговорить меня. Мнѣ казалось, что эта жизнь тревожная и мятежная тѣснѣе соединитъ меня съ нею. Я думалъ этой жизнью приобрести любовь ея. Часто слыхалъ я про контрабандистовъ, которые на доброй лошади развѣжались по Андалузiи съ пушкетомомъ въ рукѣ, съ любовницей

за спиной. Я уже воображалъ, какъ буду свадать по горамъ и долинамъ, и пригожая Цыганка будетъ сидѣть позади меня. Когда я говорилъ ей объ этомъ, она помирала со смѣха и говорила, что ничего не можетъ быть прекраснѣе ночи на бивуакѣ, когда каждый ромъ удаляется съ своей ромы въ палатку. — Если ты будешь со мной въ горахъ, говорилъ я: — я буду спокоенъ на-счетъ тебя. Тамъ нѣтъ поручиковъ, и нѣ съ кѣмъ будетъ мнѣ дѣлать тебя.

— А! ты ревнивъ, отвѣчала она. — Тебѣ же хуже. Какъ можно быть до такой степени глупымъ? развѣ не видишь, что я люблю тебя, потому что никогда не требовала отъ тебя денегъ?

Когда она говорила такими образами, мнѣ хотѣлось задушить ее.

Когда я выздоровѣлъ, Карменъ достала мнѣ партикулярное платье, и я вышелъ изъ Севильи, не бывъ никѣмъ узнанъ. Я отправился въ Хересь съ письмомъ Пастіа къ одному виоторговцу, у котораго собирались контрабандисты. Начальникъ ихъ, по имени Давкаиръ, принялъ меня въ свою шайку. Мы отправились въ Гаусинъ, гдѣ встрѣтилъ я Карменъ, назначившую мнѣ тамъ свиданіе. Въ экспедиціяхъ, она служила нашей шайкѣ шпиономъ, и лучшаго шпиона нельзя было сыскать. Она возвращалась изъ Гибралтара, гдѣ уговорилась съ хозяиномъ одного корабля о выгрузкѣ англійскихъ товаровъ, которые ны должны были привезти на берегъ. Мы дождались этой выгрузки близъ Эстеповы; часть товаровъ спрятали въ горахъ, съ остальными отправились въ Ронду. Карменъ поѣхала туда прежде насъ и потомъ увѣдомила, когда безопасно войдемъ въ городъ. Это первое путешествіе и слѣдующія кончились благополучно. Жизнь контрабандиста мнѣ нравилась больше солдатской; я дѣлалъ подарки Карменъ. Деньги водились. Вездѣ принимали насъ хорошо; товарищи были дружны со мной и даже оказывали мнѣ уваженіе, потому что я убилъ уже на своемъ вѣку одного че-

люди, тогда-таки въ члѣнѣ ихъ были знанія, которую не выслу на совѣсти подобнаго водовага. Но особенно въ этой новой жизни правилось мнѣ то, что я часто видалъ Карменъ. Она была дружице со мною, чѣмъ прежде, по передъ товарищами не выказывала, что была моею любовницею, даже шла съ меня страшную клятву не говорить мнѣ ничего на ея счетъ. Я былъ до такой степени слабъ передъ этой тварью, что повиновался всѣмъ ея прихотямъ. Притомъ, въ первый разъ видѣлъ я въ ней такую скромность честной женщины и въ простотѣ сердца думалъ, что она дѣйствительно изменила свой образъ жизни.

Шайка наша, состоявшая изъ восьми или десяти человекъ, соединялась только въ рѣшительныя минуты; обыкновенно же мы разсѣяны были по городамъ и селеніямъ, по два, по три человека. Каждый изъ насъ имѣлъ для себя какой-нибудь промыселъ: тотъ былъ вѣдникомъ, другой барышникомъ; я торговалъ суровскими товарами, но, по прихоти севильскаго дѣла, не показывался въ мѣстахъ, гдѣ было много народа. Разъ — это было ночью, — всею шайкѣ назначено было собраться у Вехера. Данкарь и я — мы пришли раньше другихъ. Онъ былъ веселъ. — Къ намъ прибудетъ еще товарищъ, сказалъ онъ мнѣ. — Карменъ сыграла удивительную штуку. Она помогла своему ромъ бѣжать съ тарифскихъ галеръ. — Я уже начиналъ понимать цыганскій языкъ, на которомъ говорили почти всѣ мои товарищи, и слово ромъ крайне поразило меня. — Какъ! ея мужъ? такъ она замужемъ? спросилъ я контрабандиста.

— Да, отвѣчалъ онъ — за Гарсіей-Кривымъ, такимъ же плутомъ-Цыганомъ, какъ она сама. Кривой былъ на галерахъ. Два года Карменъ старалась освободить его. Все не удавалось, пока не смѣнили смотрителя на галерахъ; съ новымъ она скоро поладила. О, это золотая дѣвка! — Можете вообразить, какое удовольствіе доставила мнѣ эта новость. Скоро увидѣлъ я Гар-

сію-Криваго; это было самое гадкое чудовище, искормленное цыганщиной; чернымъ тѣломъ, еще чернѣе душой, онъ былъ злодѣеиъ, каковаго и я встрѣчалъ въ жизни. Карменъ пришла съ нимъ, и когда она называла его мнѣ своими ромъ, надо было видѣти глаза, какіе она мнѣ дѣлала, и ея гримасы, когда Гарсія отворачивался отъ насъ. Я былъ сердитъ и не говорилъ съ ней цѣлую ночь. Утромъ мы увидѣли, какъ слѣдуетъ, контрабанду, навьючили лошаковъ и были уже въ дорогѣ, какъ увидѣли, что дюжина всадниковъ гонится за нами. Андалузы, хваставшіеся передъ — тѣмъ геройствомъ, оказались жалкими трусами; только Данкарь, Гарсія, Карменъ, да молодой человекъ изъ Эсхты, по имени Ремендадо, не потеряли бодрости. Прочіе покинули лошаковъ и бросались въ овраги, куда всадники не могли за ними слѣдовать. Спасти лошаковъ было нельзя; мы выбрали лучшее товары, взвалили ихъ себѣ на плечи и старались спастись, собираясь на трудные утесы. Между-тѣмъ непріятель стрѣлялъ въ насъ, какъ въ утокъ; въ первый разъ слышалъ я тогда свистъ пули, и, признаюсь, не робѣлъ. Мы спаслись всѣ, исключая бѣднаго Ремендадо, которому пуля попала въ ногу. Я кинулъ свою связку товаровъ и хотѣлъ поднять его и нести. — Дуракъ! вскричалъ мнѣ Гарсія: — что намъ дѣлать съ падающею доканай его, да возьми себѣ свою связку. — Кинь его, кинь! кричалъ мнѣ Карменъ. — Усталость заставила меня опустить Ремендадо на земь. Гарсія подошелъ и выстрѣлилъ въ него изъ мушкетона. — Молодецъ будетъ тотъ, кто его теперь узнаетъ, сказалъ онъ, смотря на Ремендадо; лицо котораго разорвано было въ куски двѣнадцатью пулями. — Вотъ, сударь, какую жизнь велѣтъ! — Вечеромъ, измученные, голодные, разоренные потерей лошаковъ, мы отдыхали въ кустарникѣ. Что же, вы думаете, сталъ дѣлать тогда пролитый Гарсія? Онъ вынулъ изъ кармана карты и сталъ играть съ Данкаремъ при свѣтѣ огня, который мы раз-

длинны. И въ это время лежала на кровати, смотрѣла на вѣдаль, думала о Рамондадо и говорила самъ себѣ, что лучше бы мнѣ быть на его мѣстѣ. Карменъ сидѣла подлѣ меня, и врозь-врозь постукивала въ кастаньеты, напѣвая что-то въ-полголоса. Потомъ, нагнувшись ко мнѣ, какъ-бы желая сказать что-то на ухо, два-три раза почти-насилно, поцаловала меня. — Ты дьяволъ! говорила я ей. — Да, отвѣчала она.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ, она отправилась въ Гаусинъ, а на другой день утромъ нальчикъ, ковшъ настухъ, привнесъ намъ хлѣба. Мы пробыли тутъ цѣлый день и ночью подошли поближе къ Гаусину. Ждали вѣстей отъ Карменъ, — ихъ не было. На третій день, глядя: идетъ по дорогѣ погонщикъ лошадей; рядомъ съ намъ на лошади хорошо-одѣтая женщина подъ зонтикомъ; а вѣ-слѣдъ за ней дѣвочка, должно быть, ея служанка. Гарсія говоритъ намъ: «смотрите-ка: чудотворецъ Николай шепеляетъ намъ двухъ лошадей и двухъ женщинъ; правда, лучше бы четыре лошади, но на этого развѣ и того довольно». Онъ велелъ мущинамъ и сѣсть на лошадей, открылъ въ кушетникахъ. Мы, Данкавръ и я, слѣдовали за нимъ полого-по-одаль. Когда путешественники поравнялись съ нами, мы вышли изъ-за кушетки и закричали погонщику: стой! Женщина, увидѣвъ насъ, вѣдого того, чтобы испугаться, — а одинъ нашъ кобыль ногъ испугать хотѣ кого, — захотѣла. — Ахъ, вы *lillipendi* (дураны), закричала она: сочли меня за *etani* (барыню). То была Карменъ, но такъ перепугана, что говорила на другомъ языкѣ, и никогда не узнала бы ея. Она, спрятавъ съ лошади, поговорила шепотомъ съ Данкавромъ и Гарсіей, потомъ сказала мнѣ: — Каверейка, мы увидимся прежде, чѣмъ тебя повѣсятъ. Я фу въ Гибралтаръ по дѣламъ цыганскимъ. Вы скоро получите отъ меня вѣсти. — На прощанье, она унесла намъ шестю; гдѣ мы могли найдти на нѣсколько дней приютъ. Эта дѣвка бы-

ла проводницей нашей тайны. Смердъ мы получили отъ нея немного денегъ и извѣстіе еще лучше денегъ, что въ такой-то день, по такой-то дорогѣ, поѣдутъ въ Гибралтаръ въ Грехула два английскіе лорда, у которыхъ много гиней. Гарсія хотѣла убить ихъ, но Данкавръ и я — мы воспротивились. Кромѣ рубашекъ, въ которыхъ мы крайне нуждались, отобрали у нихъ только деньги, да часы.

Да, сударь, погодишь слышаться легко. Хорошенькая дѣвушка верушить тебѣ голову; подерешься за нее, убьешь противника, долженъ бѣжать въ горы и изъ контрабандиста становишься разбойникомъ прежде, чѣмъ успеешь подумать о своемъ положеніи. Мы расудили, что, по ограбленіи милордовъ, намъ неслало оставаться въ окрестностяхъ Гибралтара, и потому углубились въ Рондскую-Оьерру. — Вы говорили мнѣ какъ-то о Хозе-Маріа: тамъ я познакомился съ нимъ. Съ нимъ была его любовница; она никогда не отставала отъ него. Это была пригожая дѣвушка, умная, скромная; никогда не скажетъ, бывало, непристойнаго слова, — а какая преданность! И за все это онъ обращался съ ней очень-дурно, волочился за всѣми дѣвками, и иногда вдругъ прикидывался ревнивецемъ. Разъ онъ ударилъ ее ножомъ. Что жъ? она еще болѣе стала любить его. Ужъ такъ созданъ женщины, особенно Андалузянки! Любовница Хозе-Маріа гордилась рубцомъ, оставшимся на рукѣ ея отъ раны. Къ довершенію всего этого, Хозе-Маріа былъ дурной товарищъ... Въ одной экспедиціи съ нами вмѣстѣ, онъ устроилъ дѣло такъ, что весь барышъ достался на его долю, а на нашу — только удары, да хлопоты. Но возвратимся къ моей исторіи.

Долго о Карменъ не было никакихъ слуховъ. Данкавръ говорилъ: кому-нибудь изъ насъ надо побывать въ Гибралтарѣ и явдаться съ ней; вѣрно, она затѣяла какое-нибудь дѣло. Я бы отправился самъ, но меня всѣ звали въ Гибралтаръ. — Кривой возражалъ: и

меня также; рака (*) вѣрно еще не забыла меня, и такъ-какъ у меня только одинъ глазъ, то, какъ я имъ переодѣнась, все не мудроно учить меня. — Значить, мнѣ надо идти? спросилъ я въ свою очередь, радуясь случаю повидаться съ Карменъ:—ну, такъ что же мнѣ дѣлать? Товарищи говорятъ: ступай водою или сухимъ путемъ, какъ хочешь, и когда будешь въ Гибралтарѣ, спроси въ портѣ, гдѣ живетъ торгова шоколадомъ, по имени Роллона; если найдешь ее, то увидишь все, что нужно. Условались, чтобъ всѣмъ троимъ отправиться въ Гаусинскую-Сьерру; такъ я долженъ былъ разстаться съ товарищами и отправиться въ Гибралтаръ подъ видомъ продавца фруктовъ. Въ Рондѣ, человекъ, преданный намъ, досталъ мнѣ паспортъ; въ Гаусинѣ дали мнѣ осла; я навьючилъ его апельсинами и дынями, и пустился въ дорогу. Прибывъ въ Гибралтаръ, я не нашелъ Роллоны: она или умерла или сослана была на галеры, и этимъ объяснилось, почему прекратились наши сношенія съ Карменъ. Поставилъ осла въ конюшнѣ и набравъ апельсиновъ, я пошелъ въ городъ продавать ихъ, думая, не встрѣчу ли гдѣ знакомаго лица. Въ Гибралтарѣ много всякой сволочи, стекающейся туда изъ всѣхъ странъ свѣта; это настоящая вавилонская башня: пройдите десять шаговъ по улицѣ, невремѣнно услышите столько же языковъ. Много видѣлъ я Цыганъ, но не смѣлъ довѣряться имъ: я ихъ щупалъ и они меня щупали. Мы отгадывали, что мы—негодяи; только не знали, одной ли шайки. Два дня прождалъ я по городу, не узнавъ ничего ни о Роллонѣ, ни о Карменъ, и уже думалъ отправиться назадъ къ товарищамъ. Вдругъ, иду я по улицѣ, при закатѣ солнца, и слышу женскій голосъ изъ окна: «разношникъ!» Подымаю голову и вижу: на балконѣ стоитъ

Карменъ, опираясь на руку толстаго офицера въ красномъ мундирѣ съ золотыми эполетами. Она одѣта была богато: на плечахъ шаль, на головѣ золотая гребенка, платокъ шелков. Англичанинъ, на локонѣ испанскихъ лавилъ, закричалъ мнѣ, чтобъ я шелъ наверхъ, что барыня хочетъ эполетовать, а Карменъ сказала мнѣ по-баскски: «ступай сюда, и ничему не дивись». Не знаю, чего болѣе, радости или досады чувствовалъ я, отъяскавъ Карменъ. У дверей стоялъ высокій, смуглый ирландскій англійскій лакей, который провелъ меня въ богатую гостиницу. Карменъ, лишь только я вошелъ, сказала мнѣ по-баскски: «ты не знаешь ни слова по-испански, ты всея испанкомъ со мной». Потомъ, обратясь къ Англичанину, продолжала: не праламъ я говорила вамъ? я тотчасъ узнала, что это Баскъ; вы услышите, что это за смѣшной языкъ. Посмотрите, какъ у него крупное лицо, не правда ли? Такая кошма, которую застали въ глаза!» — А у тебя, сказалъ я ей по-баскски: такое бесстыдное лицо, что вотъ такъ и хочется хватить тебя кулакомъ въ твоемъ любовникѣ. — Любовникъ! Какой же ты угадчикъ? И ты ревнуешь меня къ этому дурану! Нѣтъ, мнѣ вижу, сталъ глуше, чѣмъ былъ и Улицѣ-Кандилехо. Развѣ не видишь, что я обдѣлываю теперь на славу итганское дѣло? Ототъ день—мой; гни этого рака будутъ мои; я веку не износъ, и приведу туда, откуда онъ никогда не выйдетъ.

— А я, если ты будешь еще обдѣлывать этакъ итганскія дѣла, слышу то, что ты въ другой разъ не примочишься за нихъ.

— Вотъ-что! Да развѣ ты не раба и можешь мнѣ приказывать? Крикну это правится, такъ тебѣ какое дѣло? Будеть съ тобою того, что ты ослы можешь сказать, что была немыши-скоррô (*).

— Что такое онаъ говоритъ? спросилъ Англичанинъ.

(*) Такъ простой народъ въ Испаніи зоветъ Англичанъ, по причинѣ краснаго мундира ихъ.

(*) Любовникомъ, или, вѣрнѣе, приказчи-

— Онъ говорить, что ему хочется пить, отвѣчала Кармень, и, раскинувшись на канapé, засмѣялась, что такъ легко перевела нашъ разговоръ.

А когда, сударь, Кармень смѣялась, нельзя было не смѣяться съ ней. Толстый Англичанинъ съ-дуру тоже засмѣялся и приказалъ подать мнѣ пить.

Въ то время, какъ я пилъ, Кармень сказала: видишь этотъ перстень, что у него на пальцѣ? хочешь, подарю тебѣ?

Но я отвѣчалъ: я отдалъ бы палець, чтобъ только мнѣ да твоему милорду сойтись въ горахъ, съ макилами въ рукахъ.

Англичанинъ разслушалъ это слово и спросилъ: макила, что это такое?

— Макила, сказала Кармень, продолжая смѣяться: — значить—апелсинъ. Не правда ли, какъ смѣшно зовутъ они апельсины? Онъ говорить, что ему хотѣлось бы попотчевать васъ макилой.

— Да? сказалъ Англичанинъ. — Ну, такъ принеси и завтра макилы. Въ то время, какъ мы говорили, вошелъ лакей и доложилъ, что обѣдъ готовъ. Англичанинъ всталъ, далъ мнѣ пистрѣ, и подалъ руку Кармень, какъ-будто она не могла идти одна. Кармень, все со смѣхомъ, сказала мнѣ: — Я не могу пригласить тебя на обѣдъ, но завтра, какъ только станутъ бить сборъ на парадъ, приходи сюда съ апельсинами. Ты найдешь комнату, меблированную получше комнаты въ улицѣ Кандилехо, и увидишь, все ли я по-прежнему твоя Карменита. Потомъ, мы потолкуемъ и о дѣлахъ цыганскихъ. — Я ушелъ, и въ слѣдъ мнѣ неся хохотъ Кармень и крикъ Англичанина: принеси же завтра макилы!

Я вышелъ самъ не свой. Ночь я не спалъ, и утромъ былъ въ такой досадѣ на вѣщанну, что рѣшился, не взглянувъ съ нею, отправиться изъ Гибралтара. Но при первомъ ударѣ барабана, мужество покинуло меня; я взялъ лотожъ съ апельсинами и побѣжалъ къ Кармень. Стора окна ея была приподнята, и я видѣлъ большой черной глазъ ея, высматривавшій меня.

Т. XLIV. — Отд. VIII.

Напудренный лакей тотчасъ ввелъ меня къ ней. Кармень дала ему какое-то порученіе, и какъ-скоро мы остались одни, она засмѣялась дикимъ смѣхомъ крокодила и бросилась мнѣ на шею. Никогда не видалъ я ее прекраснѣе. Убрана, опрыскана духами... шѣбель крытая шолкомъ; занавѣсы шитые золотомъ... а я — черенъ, и грязенъ, какъ разбойникъ! *Минчоррд*, говорила Кармень: — мнѣ хочется все перебить здѣсь, поджечь домъ и убѣжать въ Сьерру. И затѣмъ слѣдовали нѣжности... и потомъ смѣхъ... и потомъ, она плясала и рвала фалбалы на своемъ платьѣ: никогда обезьяна не дѣлаетъ такихъ прыжковъ, такихъ гримасъ, такихъ шалостей! Наконецъ, она уgomонилась и сказала мнѣ: слушай, поговоримъ о дѣлѣ. Я хочу, чтобъ онъ отвезъ меня въ Ронду, гдѣ, видишь ли, у меня сестра-монахиня... (тутъ новый хохотъ). Мы проѣзжаемъ черезъ одно мѣсто, которое я тебѣ скажу. Вы бросаетесь на него, но, прибавила она съ дьявольской улыбкой, знаешь ли, что надо сдѣлать? Пусть Кривой выйдетъ первый. Вы держитесь немного по-одаль. Ракъ ловокъ и храбръ; пистолеты у него добрые... понимаетъ? Она снова захохотала, и отъ этого хохота меня кинуло въ дрожь.

— Нѣтъ, сказалъ я:—ненавижу Тарсию, но онъ мой товарищъ. Со-временемъ, можетъ-быть, я освобожу тебя отъ него, но мы считаемся съ нимъ честно, по-наваррски. Я Цыганъ только случайно, и всегда останусь Наваррцемъ.

— Ты глупъ, настоящій *payllo*. Ты точно карликъ, который считаетъ себя большимъ, потому-что можетъ далеко плевать (*). Ты не любишь меня; убрайся вонъ!

Когда она мнѣ говорила: ступай вонъ, я не могъ идти вонъ.—Я далъ ей слово воротиться къ товарищамъ и дожидаться Англичанина; съ своей сто-

(*) Цыганская поговорка.

роны, она мнѣ обѣщала прикидываться больною до отъѣзда изъ Гибралтара въ Ронду. Я пробылъ еще два дня въ Гибралтарѣ. Она приходила ко мнѣ, переодѣтая, въ гостиницу. Наконецъ, я уѣхалъ, но у меня въ головѣ былъ свой планъ. Я воротился къ товарищамъ, узнавъ часъ и мѣсто, гдѣ будутъ проѣзжать Англичанинъ и Карменъ. Данкаиръ и Гарсія ждали меня. Ночь провела мы въ лѣсу, разложивъ огонь изъ сосновыхъ шишекъ, которыя горѣли чудесно. Я предложилъ Гарсію играть въ карты. Онъ согласился. Во вторую партію, я сказалъ ему, что онъ плуруетъ; Гарсія засмѣялся. Я кинулъ ему карты въ лицо. Онъ хотѣлъ взять свой мушкетонъ, но я наступилъ на него ногой и сказалъ: говорятъ, ты умѣешь драться на ножахъ; хочешь попробовать со мной? Данкаиръ хотѣлъ разнять насъ. Между-тѣмъ, я уже два-три раза ударилъ кулакомъ Гарсію. Гнѣвъ придалъ ему храбрость; онъ выхватилъ свой ножъ, я свой. Мы оба сказали Данкайру, чтобъ не мѣшалъ намъ. Онъ видѣлъ, что нѣтъ возможности насъ остановить, и отошелъ въ сторону. Гарсія съежился, какъ кошка, готовая прыгнуть на мышъ. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ шляпу, чтобъ отбивать удары, а ножъ выставилъ впередъ. Такова ужъ манера Андалузцевъ. Я сталъ по-наваррски, прямо передъ нимъ, поднявъ лѣвую руку, выставилъ лѣвую ногу впередъ, а ножъ держалъ вдоль праваго бедра. Кривой кинулся на меня, какъ молнія; я повернулся на лѣвой ногѣ, и онъ ударилъ ножомъ въ воздухъ; за то я попалъ ему прямо въ горло, и ножъ вошелъ такъ глубоко, что рука моя была подъ подбородкомъ Криваго. Я сильно повернулъ ножъ, и онъ переломился. Дѣло было кончено. Клинокъ ножа вышелъ вмѣстѣ съ широкою струею густой крови. Цыганъ рухнулъ на-земь, какъ пень. «Что ты сдѣлалъ!» сказалъ мнѣ Данкаиръ. — «Послушай,» сказалъ я ему: — мы не могли жить вмѣстѣ. Я люблю Карменъ и хочу быть одинъ. Притомъ, Гарсія былъ бездѣль-

никъ, и я не могу забыть, что она сдѣлала съ бѣднымъ Ремендадо. Теперь насъ только двое, за то мы — добрые малые. Хочешь, чтобъ я былъ твоимъ другомъ на жизнь и смерть?»

Данкаиръ протянулъ мнѣ руку. — Онъ былъ человекъ въ лѣтъ пятидесяти.

— Къ чорту эта любовь! вскричалъ онъ. — Еслибъ ты потребовалъ у него Карменъ, онъ продалъ бы тебѣ ее за пиастръ. Насъ теперь только двое: что же мы можемъ сдѣлать завтра?»

— Я справлюсь одинъ, отвѣчалъ я. — Теперь мнѣ все ни-почемъ.

Мы похоронили Гарсію и перенесли свой бивуакъ на двѣсти шаговъ далѣе. На другой день, Карменъ и Англичанинъ проѣзжали съ двумя погонщиками и слугой. Я сказалъ Данкайру: на свою долю беру я Англичанина, а ты пугни другихъ; они не вооружены. — Англичанинъ былъ храбръ, и еслибъ Карменъ не толкнула его подъ руку, онъ убилъ бы меня. Коротко сказать, я съ бою взялъ Карменъ, и первое мое слово ей было, что она вдова. Узнавъ, какъ это случилось, она сказала мнѣ: ты всегда будешь *lillipendi*. Гарсія долженъ былъ убить тебя. Твоя наваррская манера драться — глудость, и онъ убивалъ не такихъ, какъ ты. Вся сила въ томъ, что пришло его время. Придетъ и твое.

— И твое, отвѣчалъ я: — если ты не будешь для меня настоящей раж. Дѣ, сказала она: — я не разъ, гадая на кофе, видѣла, что намъ суждено кончить жизнь вмѣстѣ. Что жъ? пусть будетъ что будетъ! И она ударила въ кастаньеты, что дѣлала всегда, когда хотѣла прогнать отъ себя какую-нибудь неприятную мысль.

Всѣ эти подробности, вѣроятно, мнѣ наскучили, но я скоро кончу. Еще довольно долго вели мы прежнюю жизнь. Данкаиръ и я — мы подговорили къ себѣ нѣсколько товарищей, поначавшихъ прежнихъ, и занимались контрабандою; иногда же, надо признаться, останавливались и на большой дорогѣ, но только въ послѣдней крайности, когда уже не было другого средства достиг-

денегъ. Впрочемъ, мы не убивали путешественниковъ, а только отбирали у нихъ деньги. Нѣсколько мѣсяцевъ я былъ доволенъ Карменъ; она была очень-полезна для насъ, потому-что разузнавала, когда и гдѣ можно поживиться добычей. Она жила то въ Малагѣ, то въ Кордовѣ, то въ Гренадѣ, но, по первому слову моему, являлась ко мнѣ или въ уединенную гостиницу, или на бивуакъ. Разъ только,—это было въ Малагѣ,—она нѣсколько обезпокоила меня. Я узналъ, что она увиливается за богатымъ купцомъ, съ которымъ, вѣроятно, думала повторить гибралтарскія проделки. Не смотря на всѣ убѣжденія Данкаира, я отправился въ Малагу и прибылъ туда днемъ; отыскалъ Карменъ и тотчасъ увезъ ее съ собой. Мы поссорились.—Знаешь ли, говорила она мнѣ: — съ-тѣхъ-поръ, какъ ты сталъ мой *rome*, я люблю тебя меньше, чѣмъ когда ты былъ моимъ *мимчорро*! Я не хочу, чтобъ меня мучили, особенно командовали мною. Я хочу быть свободною и дѣлать что мнѣ вздумается. Берегись доводить меня до крайности. Если ты мнѣ понадобишься, я съищу молодца, который сдѣлаетъ съ тобой то же, что ты сдѣлалъ съ Кривымъ. — Данкаиръ помирилъ насъ, но мы насажали другъ другу такія вещи, которыя остались у насъ на сердцѣ, и между нами не было уже прежней любви. Спустя немного времени, насъ постигло несчастіе. Отрядъ солдатъ напалъ на насъ врасплохъ. Данкаиръ былъ убитъ, двое товарищей—тоже; остальные двое взяты въ плѣнъ. Я былъ тяжело раненъ, и будучи у меня лошадь похуже, непремѣнно попалъ бы въ руки солдатъ. Съ пулей въ глѣзъ, ускакалъ я въ глѣзъ съ единственнымъ товарищемъ, оставшимся у меня. Слѣвая съ лошади, я лишился чувствъ, и думалъ, что мнѣ суждено спастись въ кузаринѣ, какъ модрѣ-женному зайцу. Товарищъ отнесъ меня въ знакомую намъ пещеру, потомъ отправился за Карменъ. Она была въ Гренадѣ и тотчасъ явилась. Въ-теченіи двухъ недѣль ни на минуту не по-

кидала она меня, почти не смыкала глазъ, и ухаживала за мной съ такою внимательностью, какую женщина можетъ оказывать только самому любимому человѣку. Какъ-скоро въ состояніи я былъ держаться на ногахъ, тайкомъ провела она меня въ Гренаду. Цыганки находятъ вездѣ безонасный пріютъ,—и болѣе полутора мѣсяца провель я въ домѣ, подлѣ самой квартиры корректора, который искалъ меня. Наконецъ я выздоровѣлъ; но, во время болѣзни, я имѣлъ время поразмыслить о своей будущности и рѣшился перемѣнить образъ жизни. Я предложилъ Карменъ оставить Испанію, уѣхать въ Америку и жить тамъ честнымъ образомъ. Она смѣлась надо мной.—Мы не созданы сажать напусту, сказала она: — наша участь жить на-счетъ *payllos*. Слушай! я уговорила съ Натаномъ-бен-Жозефомъ, что въ Гибралтарѣ: у него есть бумажныя матеріи, которыя ждутъ только тебя, чтобъ ты провезъ ихъ. Онъ знаетъ, что ты живъ, и вадѣтся на тебя. Что скажутъ наши гибралтарскіе друзья, если ты не сдержишь слова? Она уговорила меня, и опять принялся я за свое жалкое ремесло.

Въ то время, какъ я жилъ тайно въ Гренадѣ, былъ бой быковъ, и Карменъ пошла туда. Воротившись, она много говорила про ловкаго пикадора, по имени Лукасъ. Она знала, какъ зовутъ его лошадь, и что стоить его шитая золотомъ куртка. Я не обратилъ на это вниманія. Хуанито, послѣдній товарищъ мой, спустя нѣсколько дней, сказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ Карменъ съ Лукасомъ въ лавкѣ у какого-то купца. Это встревожило меня. Я спросилъ Карменъ, какъ и для чего познакомилась она съ пикадоромъ. «Это такой малой», сказала она: «котораго не надо упускать изъ рукъ. Въ рѣкѣ, которая шумитъ, или много воды, или много камней (*). Онъ выигралъ въ циркѣ 1,200 реаловъ. Изъ двухъ одно: наде

(*) Цыганская поговорка.

или прибрать къ рукамъ эти деньги, или такъ-какъ онъ хорошій ѣздокъ и не трусь, завербовать его въ нашу шайку. Тотъ-то и тотъ-то умерли; тебѣ нужно замѣнить ихъ кѣмъ-нибудь. Возьми его съ собой.

— Не хочу, отвѣчалъ я: — ни его денегъ, ни его-самого, и запрещаю тебѣ говорить о немъ. — Берегись, сказала она: когда мнѣ запрещають что-нибудь дѣлать, я тотчасъ это дѣлаю. — Къ-счастью, пикадоръ отправился въ Малагу, а я занялся тайнымъ провозомъ бумажныхъ матерій Жида Бен-Жозефа. Много хлопотъ было и мнѣ и Карменъ въ этой экспедиціи, — я забылъ про пикадора; можетъ-быть, и она тоже забыла его, по-крайней-мѣрѣ на ту пору. Около этого времени, сударь, встрѣтилъ я васъ, сначала близъ Монтильи, потомъ въ Кордовѣ. Не буду говорить вамъ о послѣднемъ нашемъ свиданіи. Вы, можетъ-быть, знаете его подробнѣе меня. Карменъ украла у васъ часы; она хотѣла оборвать у васъ и деньги, особенно хотѣлось ей украсть этотъ перстень, который я вижу на вашемъ пальцѣ; она говорила, что это волшебное кольцо, и что оно ей непременно нужно. Мы поссорились, и я ударилъ ее. Она поблѣднѣла и заплакала. Въ первый разъ видѣлъ я, что она плачетъ, и это страшно на меня подѣйствовало. Я просилъ у ней прощенія, но она сердилась на меня цѣлый день, и когда я отправлялся назадъ въ Монтилью, не хотѣла обнять меня. Мнѣ было очень-прискорбно, — по дня черезъ три она явилась ко мнѣ съ смѣющимся лицомъ, веселая какъ заблудившійся. Все было забыто и два дня провели мы какъ вѣжные любовники. На прощаньи, она сказала мнѣ: «Въ Кордовѣ праздникъ; хочешь посмотрѣть его; кстати узнаю, кто поѣдетъ изъ города съ деньгами, и скажу тебѣ». Я отпустилъ ее. Оставшись одинъ, я началъ думать объ этомъ праздникѣ и объ этой везанной перешѣвѣ Карменъ. Вѣрно, ужъ она отомстила за себя, разсуждалъ я; иначе не пришла бы ко мнѣ первая. Какой-то добрый

человѣкъ сказалъ мнѣ, что въ Кордовѣ бой быковъ. Кровь во мнѣ закипѣла, и какъ безумный поскакалъ я въ Кордову. Прихожу на площадь. Мнѣ указали Лукаса, и на скамьѣ, противъ барьера, узналъ я Карменъ. Стѣла мнѣ посмотрѣть на нее только минуту, чтобъ убѣдиться въ вѣрности моихъ подозрѣній. Лукасъ былъ точно лопухъ, онъ сорвалъ съ быка бантъ (*) и волнесъ его Карменъ, которая тотчасъ украсила мнѣ свою голову. Быкъ отмигнулъ за меня. Пикадоръ отъ толпы его полетѣлъ на арену вмѣстѣ съ лошадей. Я взглянулъ на Карменъ; слушать не было на мѣстѣ. Мнѣ нельзя было выбраться изъ той части цирка, гдѣ я сидѣлъ, и надо было дожидаться конца зрѣлища. Тогда я пошелъ въ домъ, который вы знаете, и пробылъ тамъ вечеръ и часть ночи. Около двухъ часовъ утра пришла Карменъ и нѣсколько изумилась, увидѣвъ меня. — Вдѣнь, сказала я. — Вдѣнь, отвѣчала она. Мы сѣли на лошади, — она сзади меня, — и ѣхали остальную часть ночи, не говоря ни слова. Днемъ остановились въ удивленной гостинницѣ, недалеко отъ монашеской обители. Тамъ я сказалъ Карменъ:

— Послушай, я забываю все. Не буду ни въ чемъ упрекать тебя; только поклоняйся мнѣ, что поѣдешь со мной въ Америку, и будешь жить тамъ спокойно.

— Нѣтъ, отвѣчала она сердито: — не хочу ѣхать въ Америку; мнѣ и здѣсь хорошо.

— Потому-что здѣсь твой пикадоръ! Но не забудь, если онъ и выздоровѣетъ, ему не слобровать отъ меня. Впрочемъ, виноватъ ли онъ? Мнѣ надоѣло убивать твоихъ любовниковъ; я убью тебя.

(*) *La divisa* — бантъ или лента, ленточка, которыхъ показывается откуда быкъ. Этотъ бантъ прикрѣпляется къ кожѣ животного посредствомъ крючка, и пикадоръ, если хочетъ показать свою любезность какой-нибудь дамѣ, срываетъ съ живаго быка этотъ бантъ и подноситъ ей.

Она пристально посмотрѣла на меня и сказала:

— Я всегда такъ и думала, что ты убьешь меня. Въ первый разъ, какъ я увидѣла тебя, встрѣтился пошъ у воротъ дома. И въ эту ночь, выѣзжая изъ Кордовы, развѣ ты не видалъ? заицъ пробѣжалъ черезъ дорогу подъ ногами твоей лошади. Видно, такъ суждено!

— Карменсита, спросилъ я:—неужели ты перестала любить меня?

Кармень не отвѣчала. Она сидѣла на скамьѣ, поджавъ ноги, и чертила что-то пальцемъ на землѣ.

— Переменнымъ образомъ жизни, Кармень! говорилъ я умоляющимъ голосомъ. Уѣдемъ въ чужую сторону, гдѣ никогда не будемъ разлучаться. Ты знаешь, недалеко отсюда, подъ дубомъ, зарыты у насъ сто-двадцать унцій золота... Кроме того, есть наши деньги Жюда Бен-Жозефа...

Она улыбнулась и сказала:

— Сначала я, потомъ ты. Я знаю, что это такъ должно быть.

— Подумай! продолжалъ я:—терпѣливое истощается; рѣшайся, или я рѣшусь.

Я покинулъ ее и пошелъ гулять въ ту сторону, гдѣ была обитель. Мовахъ молился на колѣняхъ. Я дождался, какъ кончилась его молитва; мнѣ бы самому хотѣлось помолиться, но я не могъ. Когда онъ всталъ, я подошелъ къ нему:

— Святой отецъ, помолитесь за челоука, который стоитъ на краю гибели.

— Я молюсь за всѣхъ страждущихъ, отвѣчалъ старецъ.

— Не можете ли вы отслужить обѣдню за спасеніе души, которая, можетъ-быть, предстанетъ скоро предъ моего Создателя?

— Дѣ, отвѣчалъ онъ, пристально смотря на меня. И такъ-какъ въ лицѣ моемъ, вѣроятно, было какое-нибудь странное выраженіе, то онъ хотѣлъ, чтобъ я поразговорился.

— Мнѣ кажется, я васъ гдѣ-то видалъ, сказалъ онъ.

Я положилъ на скамью его пластръ. — Когда же отслужите вы обѣдню? спросилъ я.

— Черезъ полчаса. Скажите мнѣ, молодой человекъ, не лежить ли у васъ что-нибудь на совѣсти? Хотите ли вы выслушать совѣты христіанина?

Мнѣ хотѣлось плакать. Я сказалъ, что зайду черезъ полчаса, и ушелъ. Я пролежалъ на травѣ, пока не зазвонилъ колоколъ. Тогда я пошелъ опять къ обители, но не входилъ въ церковь. По окончаніи обѣдни воротился я въ гостиницу. Я надѣялся, что Кармень убѣжала... но она была тутъ. Ей не хотѣлось показать, что я испугалъ ее. Сидя у стола, она выливала растопленное олово въ деревянную чашу, наполненную водою, и рассматривала формы, какія принимало оно. До такой степени занимало ее это гаданье, что она не замѣтила моего прихода. То вынимала она изъ воды кусокъ олова и залучливо поворачивала его на всѣ стороны, то напѣвала магическія пѣсни, въ которыхъ Цыганки призываютъ Марію-Надилью, любовницу дона-Педро, бывшую, говорятъ, *Bari Crallisa*, великою королевой Цыганъ (*).

— Кармень! сказалъ я ей:—хочешь ли ѣхать со мной?

Она встала, оттолкнула деревянную чашку, и, накинувъ на голову мантилью, собралась ѣхать. Подвела мою лошадь; она сѣла позади меня, и мы поѣхали.

— И такъ, моя Кармень, сказалъ я ей:—ты хочешь ѣхать со мной, не такъ ли?

— Дѣ, ѣду съ тобой на смерть; но жить съ тобой не стану.

(*) Обвиняютъ Марію-Надилью въ томъ, будто она околдовала короля дона-Педро. Народное преданіе говоритъ, что она подарила королеву Бланкъ-Бурбонской золотой поясъ, который очарованнымъ глазамъ короля показался живой змѣею. Отсюда происходило отвращеніе, которое онъ всегда показывалъ несчастной государыней.

Пріѣхали въ удивленное ущелье; я остановил лошадь. «Такъ здѣсь?» сказала Кармень, и прыгнула на-земь. Она сняла съ себя мантилью, бросила ее къ ногамъ своимъ, и стояла неподвижно, пристально смотря на меня.

— Ты намѣренъ убить меня, я это вижу, сказала она:—убей, если хочешь, но я не уступлю тебѣ.

— Прощу тебя, будь разсудительна. Послушайся меня! все прошлое забыто. Вѣдь ты погубила меня; для тебя сдѣлался я разбойникомъ, убійцей. Кармень! Кармень! дай же мнѣ спасти тебя и самому спастись съ тобою!

— Хозе, отвѣчала она:— ты требуешь невозможнаго. Я уже не люблю тебя, а ты еще любишь, и потому-то хочешь убить меня. Я могла бы сказать тебѣ какую-нибудь ложь, но не хочу напрасно ломать голову. Все конечно между нами. Какъ мой ромъ, ты имѣешь право убить свою роми; но Кармень всегда останется свободною. Цыганкой родилась она, Цыганкой и умретъ.

— Такъ ты любишь пикадора? спросилъ я.

— Да, я любила его, какъ тебя, одну минутою,—можетъ-быть меньше, чѣмъ тебя. Теперь я никого не люблю, и ненавижу себя за то, что любила тебя.

Я бросился къ ногамъ ея, ввѣлъ ея руки, орошалъ ихъ слезами, я напомнилъ ей о прежнихъ минутахъ счастья... предлагалъ ей остаться разбойникомъ, чтобъ угодить ей; все, сударь, все предлагалъ я ей, чтобъ только она не переставала любить меня.

— Любить тебя не могу, сказала она:—жить съ тобой не хочу.

Ярость овладѣла мною. Я вынулъ ножъ. Я хотѣлъ, чтобъ она испугалась и просила о пощадѣ; но эта женщина была — демонъ.

— Въ послѣдній разъ, вскричалъ я:—хочешь ли остаться со мною?

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! сказала она, топая ногой, и, снявъ съ пальца перстень, подаренный мною, бросила его въ кусты.

Два раза ударилъ я ее ножомъ. То былъ ножъ Криваго, взятый мною, когда мой изломался въ его горлѣ. При второмъ ударѣ, Кармень упала, и вскрикнувъ. Еще и теперь я какъ-будто вижу большой, черный глазъ ея, пристально смотрящій на меня; малюпому, онъ сталъ мутенъ и закрылся.

Цѣлый часъ безъ чувствъ, безъ мысли, сидѣлъ я передъ ея трупомъ. Потомъ вспомнилъ, что Кармень часто высказывала желаніе быть похороненной въ лѣсу. Я вырылъ нѣкоторую яму и положилъ туда трупъ ея. Долго искалъ я свой перстень въ кустатъ и наконецъ нашелъ. Я положилъ его въ яму, а съ нимъ положилъ и крестикъ. Потомъ сѣлъ на коня, кричала въ Кордону, и въ первой караулѣ объявилъ свое имя. Я сказалъ, что убилъ Кармень, но не рѣшился сказать, гдѣ похоронилъ ея тѣло. Монахъ былъ святой человекъ. Онъ молился за нее! онъ отслужилъ обѣдно за спасеніе души ея... Вѣдная Кармень! Не она виновата; виноваты Цыганки, что воспитали ее такимъ-образомъ!..

*

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

1) FÉLINE, OU L'Homme de bien (Фелинь, или Добродѣтельный человекъ), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Эмиля Ожье.

Пьеса Французскаго-Театра. Главное дѣйствующее лицо, дающее имя комедіи, называлось у автора Великъ, но какъ одинъ честный гражданинъ Париза, не желая дѣлать свое имя имя да ае-ишѣ, юридически воспоставалъ противъ ненавѣрному злодѣя-убіенія его имени, то Великъ заки-

нень Фелиномъ. Авторъ комедіи, нѣ- сколько времени назадъ, отличился успѣхомъ въ пьесѣ *la Cigüe*, выкроенной изъ шекспирова Тимона-Аѳинскаго, и бывшей кстати при движеніи, возбужденномъ въ театральной литературѣ Лукреціей г. Понсара, которому, мимоходомъ сказать, Французская Академія недавно присудила премію въ 10,000 Франк., все за ту же Лукрецію. Впрочемъ, въ свое время мы отдавали отчетъ о *Cigüe* г. Ожѣ. Чтобъ дать понятіе объ его новой пьесѣ, приводимъ рецензію на нее извѣстнаго Ипполита Люка въ фельетонѣ журнала *Siècle*. Она соединилъ и ту выгоду, что покажетъ характеръ теорій французскихъ критиковъ, — по-крайней-мѣрѣ большинства критиковъ такихъ, которыхъ голосъ имѣетъ силу для большинства.

Свобода поэтовъ посягать на все, свобода въ наше время слишкомъ-часто примѣняющаяся къ правамъ, рѣдко бывала въ такомъ полномъ дѣйствіи, какъ въ новой пьесѣ. Авторъ какъ-будто тѣшится тѣмъ, что перескакиваетъ всѣ приличія, которыхъ самыя легкіе его предшественники не осмѣливались совершенно переступить; онъ выставляетъ доктрины, которыя, по его мнѣнію, лежатъ въ основѣ нашего общества и которыхъ, къ счастью, тамъ вовсе нѣтъ; онъ принялъ за начало такія безоградная теорія, противъ которыхъ мы долгомъ считаемъ протестовать для чести человечества. Непозволительно даже коническому поэту видѣть все въ худомъ свѣтѣ, развѣивать хладнокровно картины эгоизма и развращенія, намекать, наконецъ, будто человѣкъ можетъ почитать себя добродѣтельнымъ, когда, второй Тартюфъ, онъ безпрестанно въ сдѣлкѣ съ совѣстью, и когда личный интересъ можетъ наклонить его къ самымъ отвратительнымъ поступкамъ. Немного найдется, по нашему мнѣнію, предметовъ неприятнѣе того, который вымыслилъ авторъ *Фелина*, подъ предлогомъ изображенія своихъ современниковъ, и современники имѣли бы право заве-

сти съ нимъ процессъ о безчестіи. Около одного богатаго старика, въ родѣ глупаго Геронта, движутся разные лица, изъ которыхъ племянникъ его, Фелинъ, съ-давнихъ-поръ сторожитъ его наслѣдство; съ другой стороны, у старика есть племянница, Жюльетта, бѣдная сиротка, которую онъ недавно привѣрнулъ и которой располагаетъ оставить живіе. Отсюда завяжется борьба о будущемъ завѣщаніи. Фелинъ будетъ стараться погубить невинную дѣвушку въ глазахъ старика, чтобъ тотъ лишилъ ее наслѣдства. Молодой повѣса, по имени Октавъ, замѣтилъ Жюльетту, но въ то же время замѣтилъ и Розву, жену Фелина, чего мнимый добродѣтельный человѣкъ отнюдь не подарѣваетъ. Фелинъ держалъ пари, какого не отважились бы держать величайшіе развратники, вызвалъ Октава соблазнить Жюльетту; Октавъ поймалъ его на словѣ. Онъ влюбилъ въ себя дѣвушку, не покидая впрочемъ никакихъ своихъ плановъ на мадамъ Фелинъ. И такъ, вотъ на чемъ основана пьеса, — на двойномъ обольщеніи вѣроломно разсчитанномъ; молодой фатъ, подстрекуемый плутомъ, собирается обезчестить дѣвушку, либо обмануть человѣка, котораго зоветъ другомъ. О! во сколько кратъ больше люблю я Валероу, Эргастоу, Орасоу и всѣхъ прочихъ молодыхъ шалуновъ, живыхъ и милыхъ, нашего стариннаго репертуара; если Маскарилы и Скапены промышляли имъ деньги не всегда оцѣнъ-законными путями, то развѣ нѣтъ не освящаютъ средства! Для честной страсти, для истинной любви бываютъ они не совѣмъ разборчивы на средства интриги; зато они по всѣмъ правиламъ добра и чести добиваются Маріаннъ, Агнесъ, Изабеллъ. А какъ они ихъ любятъ! и какъ ими любимы! Дѣло идетъ объ избавленіи возлюбленной отъ какого-нибудь ревниваго опекуна и о женитбѣ на ней на-зло этому старому ревнивцу, который смѣшонъ, потому что для него миновали годы любви.

Самъ графъ Альмавива женится на Ровинѣ; но заносить съ радостью соблазвъ въ честное семейство, увидѣть молоденькую дѣвушку свѣтлую и чистую, какъ юный цвѣтокъ, и желать ее опозорить, «фуй! Если въ свѣтѣ это бываетъ, пусть театръ этого не показываетъ, либо пусть караетъ подобные поступки, трактуя ихъ съ глубокимъ презрѣніемъ. Мсье Октавъ, принимающій на себя видъ любезнаго вѣтренника, не что больше, какъ презрѣнный развратникъ. Фелинъ еще хуже; Фелину нѣтъ извиненія въ ювошескомъ сумасбродствѣ; онъ кореннымъ образомъ пороченъ. Онъ человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ; онъ все расчлѣняетъ, и, что дѣлаетъ его еще несноснѣе, анализируетъ самъ себя, ищетъ плохихъ предлоговъ для красоты подлыхъ дѣлъ. Возможно ли это? Лицемеры иногда вводятъ другихъ въ заблужденіе, но обыкновенно сами знаютъ себя настоящую цѣну; иначе, не было бы совѣсти, было бы одно пустое слово. Добродѣтель существуетъ только черезъ этотъ голосъ сердца, готовый поражать укоризною всегда то, что противно его святымъ внушеніямъ; еслибъ человѣку можно было считать себя честнымъ и не быть такимъ, еслибъ уничтожить полное сознаніе добра и зла, еслибъ совѣсть слушалась живыхъ софизмовъ и задушала угрызенія, — божественное дыханіе отлетѣло бы изъ міра; общество повергло бы въ хаосъ. Посмотрите на Тартюфа: у Тартюфа нѣтъ монологовъ, нѣтъ рѣчей a parte; Тартюфъ очень знаетъ, что онъ ханжа, лицемеръ, старается убѣдить другихъ въ противномъ, но не рассуждаетъ самъ съ собою; ему пришлось сказать себя слѣшкомъ-много худого. Мольеръ и натура согласны тутъ, какъ вездѣ. Лицо Фелина, какимъ его представилъ авторъ, недопустимо — не потому, чтобъ не было въ свѣтѣ многихъ слывущихъ добродѣтельными, которые меньше всего суть честные люди, но они обманываютъ всѣхъ,

кромя самихъ-себя. Вглядѣнься на другіе характеры: у Фелина есть жена, и эта жена, къ-несчастью, такое же недѣйствительное лицо. Мы находимъ въ мадамъ Фелинъ холодную болтуню съ большимъ навыкомъ къ двусмысленнымъ разговорамъ, которая думаетъ, что уступаетъ чувству, бросаясь на шею молодому челоуку. Просто, женщина вольныхъ нравовъ не можетъ возбуждать никакого интереса. Этому рода существа должны быть выставляемы на театрѣ съ большою осторожностью и подъ защитою веселости, которая все спасаетъ. Если же это честная женщина, разглядѣвшая ясно душу своего мужа и ищущая отрады въ иной любви, то гдѣ же страсть, гдѣ умеченіе, гдѣ волненіе, смущеніе, опасеніе, которыя сопровождаютъ такіе ошибки, и, не служа имъ извиненіемъ, простираютъ на нихъ родъ прощенія? Да и можно ли повѣять истинную вѣжностъ къ такому челоуку, какъ Октавъ, со стороны женщины мало-мальски опытной? И такъ, два главные характера кажутся намъ истинными! Единственнымъ внивающимъ участіе лицомъ остается авторъ его молодая сиротка. Она важна, любитъ Октава и ищетъ на то право: она видитъ въ немъ одну блестящую сторону, и не можетъ видѣть другой; онъ сказалъ ей, что любитъ ее, и она повѣрила. Начало хорошо; но авторъ его не выдержалъ. Сама Жюльетта у него портитъ всѣ свои прекрасныя качества, она была дядя, — который хочетъ сдѣлать изъ насъ сдѣдницею и котораго она зоветъ своимъ старикомъ, — непостижимую суровость, и рѣшаясь на поступокъ, оправдываемый положеніемъ ея, какъ сироты. Неприлично, чтобъ молоденькая дѣвушка смѣло входила въ квартиру холостаго мужчины и дѣлала ему брачныя предложенія: это — дерзкое свидѣтельство въ пользу ея воспитанія. Мы ждали бы видѣть брачное торжество г. Эмиля Октава. Это ожидала дружественная публика, но

• торой благосклонность - обличалась
• при каждомъ удачномъ стихѣ. И од-
• наковъ, послѣ многихъ рукописка-
• ний, публика вышла холодна. — до та-
• кой степени справедливо, что сочле-
• нсннѣ плана и истина характеровъ —
• существенныя качества драматиче-
• скаго произведенія. •

2) *Ricne d'Amour* (Богатый Лю-
бовью), *водевиль въ одномъ дѣйстви,*
соч. гг. Дювера и Лозанна.

Мосей Пенгуонъ отправился на базъ по подпискѣ въ пользу Испанцевъ или Грековъ — злѣхъ вѣчныхъ пред-
логовъ къ антрша; привлеченный за игорный столъ и обыгранный въ дацкнхетъ, онъ лишился всего, что въ его карманахъ было металличе-
скаго, мѣднаго, серебрянаго и золотаго. Что за нужда мосей Пенгуо-
ву! онъ человекъ-философъ, и если деньгами бѣденъ, то любовью бо-
гатъ; онъ цѣлые два года обожаетъ женщину, которой спасъ жизнь; ху-
до только онъ сдѣлалъ, что сѣлъ играть, забывъ пословицу: несчаст-
ливъ въ картахъ, счастливъ въ любви. Ядлется мадамъ Вальдивиль, дульци-
ней мосей Пенгуона; она требуетъ ма-
ленькой услуги и хочетъ немедленно быть отвезена домой въ каретѣ. Пони-
маете ли положеніе бѣдняжки Пенгуо-
ва? Въ карманѣ ни полушки; нѣтъ ни пріятеля, ни такого знакомца, у кото-
раго можно бы попросить взаимы пя-
тифранковую монету. Имѣть пяти-
франковую монету и потомъ умереть—
таковы жеданія мосей Пенгуона. Игра
выручила его изъ тѣснаго положенія,
и пятифранковая монета нашлась къ
его услугамъ. Но, о бѣдствіе! столь
пламенно желанная монета оказывае-
тсн свинцовою. Мученіе Пенгуона снова
начинается. Къ-счастію, у него есть
новенькое пальто, которое можно бу-
детъ дать въ обезпеченіе кучеру.
Простакъ, онъ не зналъ, что на ба-
зѣ по подпискѣ не ходятъ въ новыхъ
пальто. Новенькое пальто оказывае-
тсн поддѣвненнымъ какой-то нивуда не-
годной одеждою. А тутъ еще мадамъ

Вальдивиль перетѣнила мысли, и взду-
мала остаться ужинать. Пенгуонъ окон-
чательнѣо погнбъ; ему остается только
пойти кинуться въ воду, — какъ вдругъ,
роясь въ карманахъ, онъ находитъ ко-
шелекъ полный золота. Заказавъ пре-
восходный ужинъ, варитъ отличный
экипажъ; но, увы! и тутъ бѣдняжку
постигаетъ невзгода. Является какой-
то нахалъ и начинается дѣль, что съ-
дасть ужинъ, приготовленный для хо-
рошенькой дамы, которая убѣжала при
его приближеніи; дакъ, слѣдуетъ вы-
зовъ. Къ-счастію, театральныя злопо-
лучія не длятся долѣе шестидесяти
минуть. Дѣло развязывается объясне-
ніями и женитьбою. — Роль Пенгуона
писана авторами для Арналя, известна-
го комическаго актѣра на театрѣ Palais
Royal.

3) *Le Fils du Barbill* (Сынъ Ци-
рюльника), *комедія-водевиль въ трехъ*
дѣйствіяхъ, соч. и. Ла-Руна и Обера.

Ренсѣ — цирюльничъ старой школы.
Лавка его, номѣщающаяся въ цен-
трѣ префекторальнаго города Анжера,
пристыдила бы смнренную лавочку
простаго деревенскаго парикмахера.
Однаковъ, Ренсѣ не врагъ прогресса;
единственно по остатку закоренѣлой
привычки пребылъ онъ вѣренъ преда-
ніямъ и мыльницамъ прошедшей эпо-
хи; но онъ хочетъ, чтобы сынъ, кото-
рымъ надѣлили его небо и жена, не
отсталъ отъ вѣка. Мальчикъ далеко
пойдетъ! Парикмахеръ, съ свойствен-
ной ему пронцательностью, увидѣлъ,
что наслѣдникъ его пишетъ стихи по
всякому поводу и даже безъ всякаго
повода, и смекнулъ, что молодой чело-
вѣкъ одержимъ метроманіей. Вольтеръ,
въ подобномъ случаѣ, сказалъ бы упор-
ному стихоплету то же, что сказалъ па-
рикмахеру Андре, который посвятилъ
ему трагедію: «дѣлайте парики!». Но
старикъ Ренсѣ, не будучи Вольтеромъ,
говоритъ иное и льститъ дурной на-
клонности сына. Орленокъ надѣется
расправить крылья, и не отцовская
брнтва обрѣжетъ ему эти крылья. Онъ
полетитъ, перепархивая съ колокольца

на колокольню, до купола Института. Так начертано въ книгѣ судьбы. Одинъ парижскій журналъ уже засвидѣтельствовалъ ему подорожную къ безсмертію; открывъ свои столбцы его «Оды къ Наполеону». Между-тѣмъ, Блондэнъ, самый прозаическій изъ провинціальныхъ нотариусовъ, усиливается, хотя тщетно, утишить это лихорадочное вдохновеніе, предсказывая Эмилю разные неприятыя случаи. Эмиль улыбается той презрительной улыбкой, которая прилична непризнанному достоинству, и скромно общается имѣть столько гениа, чтобъ обойдтись безъ интригъ. Великій человекъ никогда не появляется одинъ: Эмиль совершаетъ свой взъездъ въ столицу въ сообществѣ Пилада Мориса, другаго непонятаго великаго человека. Заслуженный аптекарскій ученикъ, вышедшій самъ въ мастера, этотъ гениальный нововодитель, изобрѣлъ родъ пилюль, которыхъ славу и выгоду присвоиваетъ себѣ одинъ безсовѣстный контрафакторъ. И Франція ихъ глотаетъ! Какъ бы то ни было, но участіе аптекаря успокоиваетъ насъ на-счетъ участи поэта: не удастся поэзія, пилюли сдѣлаютъ свое дѣло. Великіе люди должны помогать другъ другу: аптекарь найдетъ лекарство отъ припадковъ поэзіи. Пока первый актъ пьесы кончается, и двое пріятелей поселяются на новой квартирѣ, скажемъ пару словъ объ одномъ лукавцѣ. Мосьё Блондэнъ, по своему двойному званію гражданина и нотариуса, одаренъ дочкою на-возрастѣ и холостымъ писцомъ. Этотъ молодой честолюбецъ, парижскій эмигрантъ въ-слѣдствіе кой-какихъ частныхъ обстоятельствъ, интересуется и наукою и дочкою своего хозяина. Но Жюльетта съ отцомъ имѣла виды на Эмиля, ихъ родственника. Дюбрѣль тотчасъ по-нялъ (такъ догадлива любовь!), что лучшее средство помѣшать молодымъ людямъ соединиться—было разлучить ихъ. Съ этой цѣлью, выхлопоталъ онъ напечатаніе въ журналѣ знаменитой «Оды къ Наполеону», увѣренный, что голова Эмиля не устоитъ противъ по-

добнаго соблазна; потому, довершая свое дѣло, отрекомендовалъ поэта мадамъ Сент-Обенъ, лореткѣ съ большимъ вліяніемъ въ литературномъ мірѣ. Открывается занавѣсъ для втораго акта. Эмиль породилъ трагедію. Несчастный! Повинуясь коварному внушенію Дюбрѣля, мадамъ Сент-Обенъ убѣждаетъ простодушнаго поэта, что онъ непременно долженъ задать вальтаровскій завтракъ критикѣ, чтобъ заткнуть ей ротъ. Поэтъ, забывъ, что «глухо голодное брюхо», развертываетъ рукопись и начинаетъ подчивать гостей, какъ ордеваромъ, пятью актами своей трагедіи. Слушателямъ такъ понравилась эта питательная поэзія, что они единодушно заснули въ концѣ перваго явленія. Эмиль бѣсится и приходитъ въ отчаяніе; но въ утѣшеніе ему остается уваженіе мадамъ Сент-Обенъ и просвѣщенное сужденіе друга его, аптекаря. Чобъ переварить такую обиду, онъ кидается на гошара, пожираетъ пирогъ съ потрохами и пьетъ шампанское словно президентъ общества воздержанія. Въ разгарѣ праздника, является добрякъ Ренсе. Гости больше. Но дядюшка Блондэнъ съ дочерью помрачаютъ картину. Лется новая проповѣдь нотариуса, который, судя по этимъ образчикамъ, обманулъ въ настоящемъ своемъ призваніи. Жюльетта также хочетъ сказать свое слово, и дурно дѣлаетъ, потому-что мадамъ Сент-Обенъ, которая сгараетъ страшнымъ желаніемъ говорить, пользуется случаемъ для реплики. Бракъ разстроивается изъ-за нѣсколькихъ лишнхъ капель вина, и нельзя очень сожалѣть Эмиля. Мосьё Блондэнъ былъ бы малозабавнымъ тестемъ, а прелестная Жюльетта очень-сварливой женой. Предатель Дюбрѣль заслуживаетъ благодарности за избавленіе своего врага отъ тягости такихъ супружескихъ узъ. — Разочарованный въ своихъ мечтахъ, поэтъ возвышается въ шестой этажъ. Не даромъ сказано, что удивжающіеся вознесутся. Въ хлопотахъ переборки, онъ потерялъ свою драгоценную рукопись, двѣ дести бумаги, стоявшія

восемь гривенъ, пока были не измараны. Старикъ Ренсэ, философъ-оптимистъ, пускается брить парижскіе подорожки, удостоивающіе его своей довѣренностью, а повѣтъ продолжаетъ существовать отцовскимъ талантомъ, въ ожиданіи, пока будетъ имѣть возможность жить своимъ собственнымъ. Слѣдовало бы тутъ произойти эффекту отъ пилюль, но его нѣтъ. Если аптекарскій ученникъ геній, то и повѣтъ тоже геній. Потерянная трагедія благополучно отыскивается. Все спасено, даже честь Эмиля. Со временъ понсаровой «Дукреціи», изъ провинціи не можетъ прибыть иной трагедіи, какъ образцовой. Дядюшка Блондёнъ принужденъ скорѣе извиняться и возвращать свое уваженіе и руку дочери повѣту, котораго пьесу будутъ играть на Французскомъ-Театрѣ. — Водевиль молодыхъ авторовъ играемъ не безъ успѣха на театрѣ Délassemens Comiques.

4) LA MAÎTRAISSÉ DE MAISON (Хозяйка Дома), комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Мельсвилля и Кармуша.

Мамзель Адриенна балованное дитя своей тѣтушки, баронессы ***. Всѣ прихоти мамзель Адриенны исполняются немедленно, и вотъ ей пришла въ голову причуда новаго рода: она хочетъ безграничной власти; соскучась брать уроки музыки, пѣнія, рисованья, ботаники и географіи, мамзель Адриенна желаетъ учиться управлять домомъ; въ-слѣдствіе того, она требуетъ у тѣтн въ свое завѣдываніе департаментъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и внѣшнихъ сношеній. Баронесса не можетъ имъ въ чемъ отказать хорошенькой племянницѣ. Мамзель Адриенна приняла въ свои руки власть и пользуется ею самымъ неограниченнымъ образомъ: заказываетъ обѣды на двадцать-пять особъ, и приглашаетъ всѣхъ сосѣдей, не забывъ въ томъ числѣ позвать одного очень-миленькаго полковника, который вскружилъ ей голову. Нѣтъ ничего проще, какъ сдѣлать мамзель Адриенну совершенно-счастливою: она

недурна, полковникъ очень-любезенъ; куплетъ бы къ публикѣ, и поскорѣе за свадебный контрактъ; но пьесѣ требуются два акта, и выходитъ отсрочка счастію мамзель Адриенны. У молоденькаго полковника есть дядя; этотъ дядя нѣкогда провинился передъ тѣткою Адриенны: стало-быть, надо помирить двухъ стариковъ,—а это дѣло не легкое. За тѣмъ и придуманъ второй актъ, послѣ котораго дѣло улаживается, къ удовольствію дѣйствующихъ лицъ и публики. — Водевиль театра Gynpase, равно какъ и слѣдующій:

5) LA PLUIE ET LE VEAU TENDS (Ненастье и вѣдро), водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. гг. Гостейна и Деннери.

Одна графиня то печальна, то весела, а никто не знаетъ, отъ-чего ей сіятельство сейчасъ сдѣлалось, а черезъ минуту въ самомъ ирраціональнѣмъ расположеніи духа. Графъ рѣшительно сбился съ толку. Къ-счастію, нѣкто Клавдіусъ, докторъ своего ремесла, наконецъ объясняетъ тайны этого живаго барометра. *Ненастье* — chevalier, *вѣдро* — тотъ же chevalier. Является онъ,—графиня отогрѣвается на лучахъ этого блѣлокураго солнышка; скрывается онъ,—графиня заблѣнетъ и кутается въ самое досадное расположеніе. Увидѣвъ это и уразумѣвъ, докторъ Клавдіусъ дѣйствуетъ сообразно болѣзни. Послѣ различныхъ періодовъ болѣзни и леченія, графиня исцѣлилась: нѣтъ уже ни ненастья, ни вѣдра; надъ пьесою разстилается сѣроватое небо гименей; персонажи живутъ въ атмосферѣ, гдѣ ни тепло, ни холодно, ни скучно, ни весело, именно какъ въ водевилѣ гг. Гостейна и Деннери.

За исключеніемъ довольно-пошлыхъ водевилей, и то въ небольшомъ числѣ, изъ новостей парижской сцены можно еще привести развѣ мелодраму театра Galté:

6) L'EXPIRATION (Наказаніе), драма-водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Давриньи и Мальяна.

Война сопряжена со множествомъ жертвъ. Иной возвратился цѣль и невредимъ съ поля сраженія, а дома у себя нашелъ все разореннымъ. Онъ завоевывалъ славу, а у него похитили честь. Именно такого рода несчастіе постигло полковника графа д'Альтони. По исходѣ кампаніи, онъ прискакалъ дѣлать смотръ женѣ и дочери; но на перекличку явилась только дочь. Жена дезертировала, оставивъ ему письмо о своемъ погребеніи. Дѣло вошло въ нѣкоторую огласку, и графъ рѣшился положить ему блистательный копецъ, ставъ прямо подъ пушечное жерло, которое, впрочемъ, опалило ему только глаза порохоми. Къ несчастію, слѣпота посѣтила его слишкомъ-поздно, когда ему не осталось уже ничего имъ видѣть, ни узнавать. Глазъ не потеряешь безъ болѣзни, какъ пару очковъ. Пока полковникъ лежитъ на одрѣ недуга, за нимъ явилась ухаживать какая-то незнакомая женщина. По одной изъ странностей, очень-естественныхъ на сценѣ, мадамъ Моренъ (такъ она себя называетъ) имѣетъ голосъ удивительно-похожій на голосъ покойной жены полковника. Но что мы говоримъ, полковника! Полковника уже нѣтъ, графъ д'Альтони уже не существуетъ на свѣтѣ. Тотъ, кто носилъ эти титулы, церемѣнилъ имя и скрылъ свои эпюлеты, чтобъ не быть принуждену ежедневно краснѣть отъ оскорбленій, наносимыхъ его имени. Благодаря церемѣнѣ жительства и псевдониму Беллей, онъ надѣется избѣжать общественнаго злословія. Бѣдный слѣпецъ! Прошли пятнадцать лѣтъ со времени несчастнаго случая. Мадамъ Моренъ осталась въ домѣ гувернанткою при мадмуазель Беллей, молодой вертушкѣ, повертывающей много годовъ. Мосей Беллей принялъ также въ домъ стараго солдата, храбраго Симона, своего вѣрнаго товарища, и молодого сироту, Жоржа, сына другаго храбраго солдата. Одно важное дѣло отзываетъ мадамъ Моренъ въ Тулузу. Сесилія, ея воспитанница, хочетъ ее проводить въ каретѣ до

большой дороги, гдѣ она пересадитъ въ дилижансъ. Такой знакъ привязанности къ своей гувернанткѣ имѣетъ иную побудительную причину. Въ сѣднемъ лѣсу есть охота, и любопытная дѣвушка безъ труда уговоритъ дубраго Симона возвратиться домой этой дорогою. Желаніе ея исполнено, но лошадь, испуганная звукомъ роговъ, поехала; Симонъ выставляется изъ кареты унять лошадь, и падаетъ. Сесилія съ каретою на краю пропасти, гдѣ непремѣнно погибнетъ, — какъ вдругъ раздается выстрѣлъ, и подстрѣленная лошадь останавливается. Шалушка Сесилія отдѣлалась однимъ страхомъ. Виновики этого блистательнаго военнаго подвига, столь удачно застрѣлившій лошадь, которой онъ не видалъ, мѣтивъ въ кабана, не можетъ укрыться отъ общепотребительнаго триумфа: его везутъ въ замокъ мосей Беллей, который непременно желаетъ знать имя извѣстнаго отца. Сесилія двойнѣ счастлива, услышавъ, что имѣла честь быть спасена графомъ де-Санта-Ферроу, первокласснымъ испанскимъ градомъ. Жоржъ, одержимый злощастіемъ предчувствіемъ, косо поглядываетъ на Испанца. Графъ Санта-Ферра не могъ равнодушно видѣть красоты и пріамаго Сесиліи. Этотъ авантюристъ, который такъ же не графъ Санта-Ферра, какъ мосей Беллей не мосей Беллей и мадамъ Моренъ не мадамъ Моренъ, чувствуетъ потребность поправить свое состояніе, сильно-разстроенное сумасбродствами молодости. Потому, онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ, чтобъ привести къ благополучному концу свою брачную спекуляцію. Онъ расточаетъ дѣвушкѣ самые свѣжіе цвѣты, самые новые романсы и самые любовные комплименты... хотя не самые новые. Сесилія не гонится за кичливостію, и тѣмъ охотнѣе довольствуется этими любовностями, что Жоржъ и мадамъ Моренъ не приучили ее къ нимъ: они, въ силу пословицы «кто вѣрнѣе любить, тотъ вѣрнѣе бранить», безпрестанно и въ-сауши читаютъ ей проповѣди. Итакъ, графъ

можетъ безопасно предъявить свое искательство: Сесилія прійметъ его хорошо. Мосё Беллей также сговорчивый человѣкъ, и день брака назначенъ. Сесилія не хочетъ уступить другимъ удовольствію сообщить эту пріятную новость товарищу своего дѣтства; но, противъ ожиданія, Жоржъ, вмѣсто того, чтобъ радоваться вмѣстѣ съ нею, вздыхаетъ и говоритъ о своемъ удаленіи. Дѣвушка удивляется и понять не можетъ, какъ Жоржъ не радъ, что она будетъ графинею Санта-Ферра. Приѣзжаетъ мадамъ Моренъ. Она выиграла свой процессъ въ Тулузѣ; но дѣло не въ томъ. Вотъ бѣда: самозванный графъ Санта-Ферра есть кавалеръ Савтаремъ, соблазнитель графини д'Альтони. Вы уже угадали, что мадамъ Моренъ та самая графиня, которая выдала себя за умершую, чтобъ продолжать жить подлѣ мужа, столь же обожаемаго, сколько обманутаго. И то сказать, бѣдная женщина была вовсе не такъ виновата, какъ вы думаете. Если она сама не ошибается, то ея исторія очень-похожа на исторію Лукреціи, за исключеніемъ кинжала; но мало ли нужно твердости страдать съ покорностью цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ въ наказаніе за невольный проступокъ? И однакожъ, когда безчестный Санта-Ферра, отъ бѣшенства, что планъ его разрушился, открываетъ имя той, которая нѣкогда была его жертвою, она кидается на колѣни и проситъ прощенія, впрочемъ, безплодно. Неумолимый Беллей, сдѣлавшись противъ воли снова графомъ д'Альтони, хочетъ ее прогнать, не взирая на пятнадцатилѣтнее покаяніе, не взирая на дочь, которой такъ нуженъ материнскій надзоръ. Къ-счастію, авторы мелодрамы большіе оптимисты, и зритель не останется въ отчаяніи. Мадамъ Моренъ, т. е. графиня д'Альтони, съ успѣхомъ ходатайствуетъ передъ дочерью за Жоржа, который хранилъ тайну своей любви изъ деликатности, чтобъ не обмануть довѣренности благодѣтеля; Сесилія съ такимъ же успѣхомъ ходатайствуетъ передъ полковни-

комъ за мать, а Жоржъ, чтобъ избавить ихъ отъ непріятнаго свидѣтеля, протыкаетъ шпагою измѣнника, надѣлавшаго столько тревогъ. Драма имѣла слезный успѣхъ, слѣдовательно, довольно-большой и сравнительно-довольно-прочный, судя по обыкновеннымъ опытамъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ОТЗЫВЫ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ О ГОГОЛѢ.

Въ послѣдней книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1845 года, мы говорили о переводѣ пяти повѣстей Гоголя на французскій языкъ и ихъ необыкновенномъ успѣхѣ во Франціи. Мысль, и отчасти самое выполненіе этого перевода, принадлежитъ г. Луи Віардо, литератору, приобрѣвшему во Франціи громкую извѣстность превосходнымъ переводомъ «Донъ Кихота» на французскій языкъ и своими глубокомысленными книгами о разныхъ картинныхъ галереяхъ въ Европѣ. Нѣтъ нужды говорить, по какому обстоятельству г. Луи Віардо провелъ въ Петербургѣ почти полгода, и теперь вновь находится въ немъ; лучше сказать, что г. Луи Віардо самымъ пріятнымъ и обязательнымъ для нашего національнаго чувства образомъ ознаменовалъ свое у насъ пребываніе. За это мы благодарны ему отъ всей души. Не зная по-русски, онъ не могъ переводить русскаго поэта; но за то не всякій иностранецъ могъ, подобно ему, понять и оцѣнить автора, рекомендованнаго его вниманію, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что у него не стало бы

терпѣнія заниматься какими-нибудь безцѣльными и ложными произведеніями, еслиб такое произведеніе было выдаваемо ему за что-нибудь достойное вниманія. Такииъ образомъ, если въ лицѣ двухъ русскихъ литераторовъ, изъяснившихъ г. Луи Виардо желаніе содѣйствовать въ дѣлѣ ознакомленія французской публики съ однимъ изъ лучшихъ русскихъ писателей, онъ нашелъ людей, вкусъ и разборчивость которыхъ ручались ему за безошибочность выбора, то сочиненія Гоголя нашли въ немъ цѣнителя съ тонкимъ, эстетическимъ тактомъ, который по одному подстрочному переводу, близко и удачно сдѣланному русскими переводчиками, тотчасъ вѣрно угадалъ подлинникъ, такъ-что, не вредя колориту, могъ сдѣлать *retouche sur les mots et les phrases*, и былъ въ правѣ сказать, что слогъ отчасти принадлежитъ ему. Во всякомъ случаѣ, ему безусловно принадлежитъ наша благодарность за ознакомленіе Европы съ первымъ талантомъ современной русской литературы.

Первоначально напечатаны были въ «Illustration» *Старосветскіе Помѣщики* и *Записки Сумасшедшаго*. Мы знали изъ вѣрнаго источника, что эти двѣ повѣсти обратили на себя въ Парижѣ сильное вниманіе. Тѣмъ негрѣзливѣе ожидали мы сужденій о всей книгѣ во французскихъ *revues*, не ожидая ихъ, впрочемъ, отъ французскихъ журналовъ, которые, занимаясь исключительно политикою, почти не обращаютъ вниманія на литературныя явленія. Наконецъ, въ «Revue des Deux Mondes» показала статья Сент-Бѣва, одного изъ наиболѣе-уважаемыхъ во Франціи критиковъ, который своей громкой извѣстности въ качествѣ критика обязанъ академическими креслами. Здѣсь надо объяснить еще одно обстоятельство. «Revue des Deux Mondes» издается партіею, враждебною партіи, издающей «Revue Independante», такъ-что послѣднее *revue* и основано прямо съ цѣлію противоборствовать направленію перваго, — а такъ-

какъ на книжкахъ «Revue Independante» стояло имя г. Луи Виардо, какъ одного изъ его издателей, то уже по одному этому обстоятельству нельзя было ожидать со сторовы «Revue des Deux Mondes» никакого пристрастія въ пользу книги, изданной г. Луи Виардо. Не смотря на все это, вотъ какъ отозвался о повѣстахъ и талантѣ Гоголя Сент-Бѣвъ, критикъ «Revue des Deux Mondes». Прилагаемъ его статью вполнѣ, съ выписками мѣстъ изъ повѣстей Гоголя во французскомъ переводѣ.

«РУССКІЯ ПОВѢСТИ (Nouvelles Russes) Николая Гоголя, переведенныя на французскій языкъ Луи Виардо.

Прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ приостановились переводы иностранныхъ писателей, нѣкогда такъ часто появлявшіеся на французскомъ языкѣ. Великое движеніе, одушевлявшее иностранныхъ литературы въ продолженіи тридцати первыхъ годовъ настоящаго вѣка и которое тѣтъ живо ощущаемо было во Франціи, во времена реставраціи, утихло постепенно, подобно многимъ другимъ явленіямъ, и представляетъ собою только безпредѣльную гладь, по которой, во всѣхъ направленіяхъ, мелькаютъ паруса, но на которой не обозначается владыки на одной величественной флотиліи, ни одного славаго флага.

Быть можетъ, совершается всеобщее, могучее дѣло; быть-можетъ, степень идей, знаній и самой цивилизаціи нечувствительно возмывается повсюду; но, вклучитѣмъ, въ-отношеніи къ литературной дѣятельности, самыя славныя ея результаты исчезли; уцѣлѣвшіе же дряхлѣютъ, и никто еще не замѣнилъ ихъ.

Фактъ очевидный въ-отношеніи къ Англіи, Германіи и Италіи. Обновившаяся въ нѣкоторомъ родѣ Испанія пытается обратити на себя взоры. Что же касается до Россіи, то Французы никогда не имѣли времени (и это ихъ вина) узнать ее ближе, даже и тогда, когда она имѣла Пушкина и Лермонтова. Въ настоящее время, дѣло идетъ о романистѣ, писателѣ повѣстей, котораго имя, многоразумное въ Россіи, не проникло еще во Францію. До перевода, изданнаго г. Виардо, сочиненій

но, чтобы кто-нибудь изъ Франгузовъ читалъ хоть одно изъ оригинальныхъ произведеній Гоголя. Я также не читалъ ихъ прежде, но имѣлъ то преимущество, что, нѣсколько времени назадъ, на пароходѣ, между Римомъ и Марселемъ, встрѣтилъ самого автора и по разговору его, въ которомъ обнаруживался умъ сильный, точный и въ высшей степени наблюдательный, могъ уже предвидѣть, что оригинальнаго и действительно (gée) должны заключать въ себѣ его произведенія. Гоголь, прежде всего, старается вѣрно очертить нравы, открыть истинное, природное, какъ въ настоящемъ, такъ и въ историческомъ прошедшемъ; онъ погружается въ народный духъ, и куда ни обратитъ своего вниманія, съ любовью открываетъ и изучаетъ его. Въ выборѣ сочиненій его для перевода, г. Виардо долженъ былъ особенно полумать о ихъ разнообразности; изъ пяти переведенныхъ имъ повѣстей, каждая имѣетъ особенный характеръ, отличный отъ прочихъ. Это выгодно для читателя, но затрудняетъ критика. Многіе Русскіе сравниваютъ Гоголя съ Меримѣ. Этого рода сравненія всегда довольно-смыслы и прилагаются только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Вѣрнѣе всего, что Гоголь не заносится въ заоблачныя страны; онъ наблюдаетъ; онъ не пятася отъ чертовой и голой стороны предметовъ и не затрудняется ничѣмъ; онъ заботится, прежде всего, о природѣ. Должно быть, онъ много читалъ Шекспира.

Изъ повѣстей, переведенныхъ г. Виардо, замѣчательнѣе и интереснѣе всѣхъ перналъ: *Тарасъ Бульба* (*Taras Boulba*). Это имя одного запорожскаго казацкаго вождя. Въ его дикомъ, звѣрскомъ, величественномъ и, по мгновеніямъ, высокомъ характерѣ, авторъ хотѣлъ представить изображеніе того, что были еще нѣкоторые изъ независимыхъ вождей припадѣвшихъ береговъ въ первой половинѣ XVII вѣка:

«C'était, dit-il, un de ces caractères qui ne pouvaient se développer qu'au XVI siècle, dans un coin sauvage de l'Europe, quand toute la Russie méridionale, abandonnée de ses princes, fut ravagée par les incursions irrésistibles des Mongols; quand, après avoir perdu son toit et tout abri, l'homme se réfugia dans le courage du désespoir; quand sur les ruines fumantes de sa demeure, en présence d'ennemis voisins et implacables,

il osa se rebâtir une maison, connaissant le danger, mais s'habituant à le regarder en face; quand enfin le génie pacifique des Slaves s'enflamma d'une ardeur guerrière, et donna naissance à cet élan désordonné de la nature russe qui fut la société cosaque (*kasatchestvo*). Alors tous les abords des rivières, tous les gués, tous les défilés dans les marais, se couvrirent de Cosaques que personne n'eût pu compter, et leurs hardis envoyés purent répondre au sultan qui désirait connaître leur nombre: « Qui le sait? Chez nous, dans la steppe, à chaque bout de champ, un Cosaque.» Ce fut une explosion de la force russe que firent jaillir de la poitrine du peuple les coups répétés du malheur.»

Тарасъ Бульба есть одинъ изъ начальниковъ *мола* или полковниковъ этого казацкаго общества, которое представляло весьма-простую, прочную организацію, дружины которой Гоголь такъ ясно обозначилъ. Окруженные Татарами и Турками, которыхъ они гнушаются, какъ язычниковъ, и Поляками, ненавидимыми для нихъ, какъ католики, Запорожцы, вѣрные чистой греческой религіи, являются поколѣніемъ и республикой грубыхъ и неукротимыхъ рыцарей, въ вѣчной борьбѣ съ врагами, раскинутые по степлямъ и готовые возстать по первому сигналу. Главное ихъ мѣсто, называвшееся *сечею* (*setch*), было обыкновенно на дѣвировскомъ островѣ. Лѣтомъ, во время сельскихъ работъ, въ сѣчѣ оставалось мало народа; зимой собирались туда цѣлыя толпы; и туда-то, при первой опасности, по первому воззванію, стекались всѣ начальники, разбѣжные по окрестнымъ странамъ; тамъ-то, какъ на майскомъ полѣ, шумно рѣшались великія предпріятія, морскіе набѣги на берега Чернаго Моря, грозныя вторженія въ Турцію и Польшу. Повѣсть эта начинается самымъ оригинальнымъ образомъ. Два сына Тараса Бульбы, учившіеся, по обыкновенію, въ кіевской семинаріи, возвращающаюся подъ отеческій кровъ, полные силы, привыкшіе здоровьемъ, молодыми, рослыми казаками, которые обѣщаютъ много, но которые еще путаются въ своихъ длинныхъ школьныхъ одеждахъ. Приемъ Тараса, который тормозитъ ихъ, издѣвается надъ ними и почти заставляетъ старшаго, вѣсто привѣтствія, пошутиться съ нимъ еялою, живо переносятъ насъ въ тотъ міръ дикости и суровости; молчаливымъ

мать, взволнованная и опечаленная, которая едва осмѣливается насладиться возвращеніемъ своихъ дѣтей, проникнута глубокимъ и вѣчнымъ чувствомъ: узнавъ настоящее состояніе женщины въ тѣ варварскія времена и при тѣхъ обычаяхъ, ясно представляется глазамъ читателя. Старый Тарасъ, гордая своими молодцами, тотчасъ же замышляетъ посвятить двухъ эманципированныхъ школьничковъ въ казачью жизнь и, послѣ сытнаго пира, рѣшается завтра же вести ихъ въ Сѣчу. Путешествіе по степямъ, прїѣздъ въ Сѣчу, разнообразная группа, одушевляющія картину, возбужденіе къ войнѣ Тараса Бульбы, которому надобна бездѣйственность и который хочетъ открыть блестящее поприще своимъ сыновьямъ, отрѣшеніе кошевого (*coschevoï*), или главнаго начальника, который не хочетъ завести войну, и выборъ новаго, болѣе покорнаго кошевого, — всѣ эти сцены очерчены свободно и смѣло кистью; рѣчь новонабраннаго кошевого, когда онъ принимаетъ и даетъ рѣшительный приказъ выступать въ походъ, по своей прелести и естественности, достойна пера Мериме. Казаки вступаютъ въ Польшу, жгутъ и громятъ замки и аббатства. Сыновья Тараса Бульбы всегда впереди, и сердце ихъ отца трепещетъ отъ радости. Характеры этихъ двухъ молодыхъ людей различны: старшій, Остапъ (или Евстахій), вылитый казакъ, спокоенъ, хладнокроуенъ, пророчливъ и неустрасимъ въ опасности; съ двадцатидвухлѣтнаго возраста проявляются уже въ немъ высокія качества будущаго вождя. Младшій, Андрей, болѣе блестящъ, но безразсуднѣе и слабѣе даже въ своемъ героизмѣ; въ немъ есть примѣсь чего-то польскаго; онъ не сотворитъ Запорожцемъ. Запорожскія полчища, опустошивъ страну, обложили городъ Дубно. Неискусные въ правильности намалеваніи на укрѣпленныя мѣста, Запорожцы стараются принудить городъ къ сдачѣ голодомъ. Романическій эпизодъ прерываетъ кровавый расказъ. Будучи еще въ кievской семинаріи, Андрей имѣлъ случай увидѣть прекрасную молодую Польшку, дочь воеводы; онъ любитъ ее. Она заключена въ городъ съ своимъ отцомъ и, узнавъ Андрея въ казацкихъ рядахъ, посылаетъ за нимъ. Андрей вѣжентъ; мысль, что эта небесная красота умираетъ отъ голода, помрачаетъ его умъ. Ночью, онъ намѣняетъ своему казакъ-

кому долгу и съ сѣтными припасами входить въ осажденный городъ. Съ этой минуты, у него нѣтъ ни религіи, ни племени, ни отца. Минута, когда старый Тарасъ узнаетъ отъ Жиды, что Андрей въ городѣ и красуется въ рядахъ польскихъ вельможъ, его оцѣненіе при этой новости, его одинъ и тѣ же безпрестанно повторяемые вопросы, его упорное невѣріе, — все это черты истинной природы, глубока, такія, которыми мы привыкли удивляться только въ сценахъ Шекспира. Такъ, въ *Макбетъ*, когда объявляютъ Макдуу объ умершавшей его жены и дѣтей и онъ отвѣчаетъ: «Всѣ мои милыя дѣтя?.. Вы сказали всѣ?.. О адскій воронъ! Всѣ!.. Какъ? Всѣ мои прелестныя малютки и ихъ мать...» Первое движеніе Тараса напоминаетъ это. Вся нѣжность и наездъ стараго казака обращаются съ этой минуты на его благороднаго сына, Остапа. Осада продолжается съ перемѣннымъ для враждующихъ сторонъ счастьемъ. Узнаютъ, что Татары, пользуясь отсутствіемъ запорожскихъ витязей, ограбили сѣчу и увезли казну. Армія осажденныхъ раздѣлилась: одна часть, подъ предводительствомъ кошевого, возвращается на востокъ, чтобъ отыскать Татарамъ; другая остается въ мѣстѣ, подъ начальствомъ самого Тараса Бульбы, взбраннаго, по этому случаю, въ *атаманы*. Старый Тарасъ, оставшись съ ослабленнымъ войскомъ, намѣревается возбудить мужество. Минута, слѣдующая зарюкою, обрисована превосходно. Авторъ дѣлается повтомъ; мы входимъ тутъ въ духъ народа:

« Tarass voyait bien que , dans les rangs mornes de ses Cosaques, la tristesse, peu convenable aux braves commençait à incliner doucement toutes les têtes. Mais il se taisait; il voulait leur donner le temps de s'accoutumer à la peine que leur causaient les adieux de leurs compagnons; et cependant il se préparait en silence à les éveiller tout à coup par le *bourra* du Cosaque, pour rallumer avec une nouvelle puissance le courage dans leur ame. C'est une qualité propre à la race slave, race grande et forte, qui est aux autres races ce que la mer profonde est aux humbles rivières. Quand l'orage éclate, elle devient tonnerre et rugissements, elle soulève et fait tourbillonner les flots, comme ne le peuvent les faibles rivières; mais, quand il fait doux et calme, plus sersine que les rivières au court

rapide, elle étend son incommensurable parpe de verre, éternelle volupté des yeux.

Здѣсь начинается рядъ битвъ, которыя кажутся слѣшкомъ-длинными; столько послѣдовательныхъ эпизодовъ этой запоэтической Илиады не могутъ занимать насъ до конца. Кажется, что авторъ, въ этой части своей повѣсти, имѣлъ передъ глазами народныя пѣсни, которыя хотѣлъ выставить; слогъ принимаетъ чисто эпическую форму и наполняется гомерическими сравненіями. Короче, побѣда остается за Поляками, и тяжелораненный Тарасъ приходитъ въ чувство только во время бѣгства въ Украйну, куда завозить его одинъ изъ его храбрыхъ товарищей. Что же сдѣлалось съ Остапомъ? Это первая мысль Тараса, когда онъ приходитъ въ себя. Достойный его сынъ остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителей. Съ этой минуты, одна идея въ головѣ отца, одно неутомимое желаніе, — выручить, если можно, своего Остапа, или, по крайней-мѣрѣ, увидѣть его и омстить за него; ибо, если онъ не уйдетъ изъ рукъ подобныхъ враговъ, страшныя мученія ожидаютъ его. Горестъ отца, его равнодушіе къ шумнымъ оргіямъ съѣн, гуль которыхъ едва касается его уха, его уединенныя прогулки съ ружьемъ въ полѣ, часы, которые проводитъ онъ, сидя у моря, и возвращается назадъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, — описаны съ энергическою вѣрностію.

Наконецъ, онъ остановился на одномъ: онъ отыскиваетъ стараго Жида, съ которымъ имѣлъ не одно уже дѣло. Жида въ этихъ странахъ исполняютъ все и достигаютъ всего посредствомъ золота. Тарасъ общается много золота Жиду Янкелю, и тотъ беретъ провести его переедѣтымъ въ Варшаву, гдѣ Остапъ и его товарищи бѣдствія заключены въ темницу, въ ожиданіи казни. Путешествіе, пріѣздъ въ жидовскій кварталъ, попытки проникнуть въ темницу, перемѣшаны съ происшествіями, которыя невольнo заставляютъ улыбаться среди печальнаго разсказа. Короче, не смотря на всё усиліе, смѣлость, уловки Жидовъ, Тарасъ Бульба не могъ свидѣться съ Остапомъ, и только въ день самой казни увидѣлъ онъ его изъ толпы зрителей, окружающихъ эшафотъ. На немъ костюмъ нѣмецкаго вельможи; проводникъ его, Янкель, стоитъ поодаль отъ него. Сцена ведена удивительно; авторъ украсилъ ее патети-

ческими, высокими мѣстами. Во-первыхъ, толпа, какъ и всѣ толпы, фанатическая, любопытная, жадная, легкомысленная; но вдругъ начинается волненіе, и со всѣхъ сторонъ раздаются крики: Ведутъ! Ведутъ! Казаки!

« Ils marchaient la tête découverte, leurs longues tresses pendantes; tous avaient laissé pousser leur barbe. Ils s'avançaient sans crainte et sans tristesse, avec certaine tranquillité fière. Leurs vêtements, de drap précieus, s'étaient usés et flottaient autour d'eux en lambeaux; ils ne regardaient ni ne saluaient le peuple. Le premier de tous marchait Ostap.

« Que sentit le vieux Tarass, lorsqu'il vit son Ostap? Que se passa-t-il alors dans son coeur?.. Il le contemplait du milieu de la foule sans perdre un seul de ses mouvemens. Les Cosaques étaient déjà parvenus au lieu du supplice. Ostap s'arrêta. A lui le premier appartenait de vider cet amer calice. Il jeta un regard sur les siens, leva une de ses mains au ciel, et dit à haute voix:

— Fasse Dieu que tous les hérétiques qui sont ici rassemblés n'entendent pas, les infidèles, de quelle manière est torturé un chrétien! Qu'aucun de nous ne prononce une parole!

« Cela dit, il s'approcha de l'échafaud.

« — Bien, fils, bien! dit Boulba doucement; et il inclina vers la terre sa tête grise.»

Палачъ принимается за истязанія. Авторъ не передаетъ страшныхъ подробностей казни; но однако, онъ не можетъ умолчать о всемъ и постепенно доводитъ насъ до послѣдняго крика, который прерываетъ слезу; вся эта страница достойна глубокаго вниманія:

« Ostap supportait les tourmens et les tortures avec un courage de géant. L'on n'entendait pas un cri, pas une plainte, même lorsque les bourreaux commencèrent à lui briser les os des pieds et des mains, lorsque leur terrible broiement fut entendu au milieu de cette foule muette par les spectateurs les plus éloignés, lorsque les jeunes filles détournèrent les yeux avec effroi. Rien de pareil à un gémissement ne sortit de sa bouche; son visage ne trahit pas la moindre émotion. Tarass se tenait dans la foule, la tête inclinée, et, levant de temps en temps les yeux avec fierté, il disait seulement d'un ton approbateur:

«— Bien, fils, bien!..»

«Mais, quand on l'eut approché des dernières tortures et de la mort, sa force d'âme parut faiblir. Il tourna les regards autour de lui: Dieu! rien que des visages inconnus, étrangers! Si du moins quelqu'un de ses proches eût assisté à sa fin! Il n'aurait pas voulu entendre les sanglots et la désolation d'une faible mère, ou les cris insensés d'une épouse, s'arrachant les cheveux et meurtrissant sa blanche poitrine; mais il aurait voulu voir un homme ferme, qui le rafraîchît par une parole sensée et le consolât à sa dernière heure. Sa constance succomba, et il s'écria dans l'abattement de son âme:

«— Père! où es-tu? entends-tu tout cela?»

«— Oui, j'entends.»

«Ce mot retentit au milieu du silence universel, et tout un million d'âmes frémissèrent à la fois. Une partie des gardes à cheval s'élançèrent pour examiner scrupuleusement les groupes du peuple. Yankel (le Juif) devint pâle comme un mort, et, lorsque les cavaliers se furent un peu éloignés de lui, il se retourna avec terreur pour regarder Boulba; mais Boulba n'était plus à son côté. Il avait disparu sans laisser de trace.»

Маленкій историческій романъ Тараса Бульбы, въ сущности, кончается здѣсь; слѣдующая глава есть только страшное и кровавое заключеніе.

Слѣдъ Бульбы, дѣйствительно, вскорѣ открывается, онъ воротился къ своимъ, безъ труда подыалъ ихъ рассказомъ о своихъ бѣдствіяхъ, и сто-тысячъ казаковъ дѣлаются на границахъ Украйны. Опустошеніе, убійства, пожары не прекращаются до смерти стараго Тараса, который, въ главѣ своего полка, не хочетъ признать мира, предложеннаго Поляками и принятаго всѣми остальными казаками. До послѣдняго своего издыханія, продолжаетъ онъ мечъ и опустошать. «Это вамъ памятникъ по Остапѣ», приговаривалъ онъ. Эта простая повѣсть, Гоголя обрисовывая только частіцу прошедшаго, выставляетъ въ ней историческія событія, которыя облекаются, въ нѣкоторой степени, настоящее.

Другія повѣсти представляютъ менѣе занимательности; онѣ показываютъ разнообразіе таланта Гоголя. Жаль, что не могла выбрать пьесъ болѣе однородныхъ и болѣе способныхъ опредѣлять, съ перваго раза, главный характеръ автора: критикъ затрудняется немного предъ этимъ разнообразіемъ сюжетовъ и примѣшій. Небольшой рассказъ, подъ назва-

ніемъ *Старосѣтекіе Помѣщики (Un Ménage d'autrefois)*, обрисовывающій однообразную и счастливую жизнь двухъ супруговъ въ Малороссіи, составляетъ счастливый контрастъ съ грубыми и жестокими сценами «Бульбы»: все такъ тихо, спокойно, ровно; обыкновенно, нельзя себѣ представить, чтобъ Россія заключала въ себѣ идилліи, подобныя идилліи Филимона и Бавкиды, — натуры, которая, кажется, осушествляютъ идеалъ англійскаго Ломе, и въ которыхъ *feeling* дышетъ во всей своей полной сладости: Карлъ Лембъ могъ бы написать этотъ очаровательный, маленкій рассказъ; но въ концѣ, когда старикъ потерялъ свою неразлучную подругу, когда странникъ, который видѣлъ его пять лѣтъ назадъ, видѣлъ его вдовцомъ, немощнымъ, разбитымъ отъ паралича и почти ребенкомъ, когда, во время обѣда, любимое лакомое блюдо напоминаетъ бѣдняку покойницу, и онъ начинаетъ рыдать, авторъ снова трогаетъ глубокія, чувствительныя сердечныя пружины, которыя онъ раскрывалъ въ «Бульбѣ». Много можно бы говорить объ этой повѣсти, еслибъ необходимость не заставляла ограничиться однимъ разборомъ и оставить читателю желать еще чего-нибудь. — Вообще же, по переводу г. Віардо, Франція узнаетъ въ Гоголѣ человека съ истиннымъ талантомъ, тонкаго и неумолимаго наблюдателя чело-вѣческой природы.»

«Journal des Débats», издающійся людьми той же партіи, которая издаетъ и «Revue des Deux Mondes», перепечаталъ въ своемъ фельетонѣ *Via* (№ 16 декабря и слѣд.), присовокупивъ къ этому отъ себя краткій отзывъ о Гоголѣ и краткую, но вѣрную характеристику каждой изъ его пяти повѣстей, переведенныхъ по-французски. Вотъ чѣмъ заключаетъ «Journal des Débats» свое сужденіе о Гоголѣ: «Nous donnons cette dernière composition comme spécimen d'un recueil qui a déjà valu à son auteur une renommée populaire dans sa patrie, et qui doit le classer en tout pays au rang des meilleurs conteurs de ce temps». То-есть: «Мы шествуемъ это послѣднее произведеніе (*Via*), какъ образчикъ сборника, который уже доставилъ своему автору народную извѣстность въ его отечествѣ,

и который долженъ во всякой странѣ дать ему мѣсто между лучшими нувеллистами нашего времени. — Что скажутъ на это нѣкоторые изъ нашихъ quasi-критиковъ, которые, въ сочиненіяхъ Гоголя, не хотѣли видѣть ничего, кромѣ грязи?..

II.

О новомъ романѣ г. Загоскина.

Наконецъ, въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ я прочелъ двѣ главы романа: *Брянскій Лѣсъ* — «новаго, въ высшей степени превосходнаго романа нашего даровитѣйшаго писателя, Михайла Николаевича Загоскина» (слова этого журнала). *Брянскій Лѣсъ*, по замѣчанію того же журнала, «будетъ замѣчательною эпохою въ современной русской литературѣ». Въ этомъ романѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является «раскольникъ», съ курчавой головой, крутымъ широкимъ лбомъ, вздернутымъ къверху носомъ и сѣрыми угрюмыми глазами, по временамъ задумчивыми, а иногда сверкающими и исполненными жизни, что виѣтъ составляло фнзіономію весьма выразительную и восящую на себѣ отпечатокъ какого-то самобытнаго и твердаго характера. Въ-самомъ-дѣлѣ, у насъ мало таинхъ романовъ, гдѣ дѣйствовали бы раскольники, между которыми найдутся многие злодѣи и пролупые плуты, въ родѣ боярина Кручины Шалонскаго или удалца Кириши. Но меня, прочитавшаго двѣ главы превосходнаго романа, поразили преимущественно не завязка на постояломъ дворѣ, не вздернутый носъ и курчавая борода, а философія даровитѣйшаго автора, которой онъ постоянно держится въ своихъ произведеніяхъ и которая свѣтится сквозъ каждую строчку романа. Это — философія, оправдывающая или обвиняющая любое событіе голосомъ дѣйствующихъ лицъ, — философія, награждающая добродѣтель и наказующая порокъ вымысленными приключеніями повѣсти. Что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, все прежде проходить чрезъ головы созданныхъ авторомъ героевъ; а потомъ уже, возвышая или смиряя этихъ героевъ, авторъ ясно показываетъ, каково событіе принадлежитъ къ грѣшнымъ созданіямъ мудрости человеческой, въ-особенности

Кстати о «Сѣверной Пчелѣ». Представляемъ здѣсь новые образчики ея умѣнія писать по-русски, — умѣнія, которое даетъ ей законное право величать себя хранительницею чистоты русскаго языка. Вотъ, для примѣра, нѣсколько мѣстъ, взятыхъ изъ послѣднихъ, декабрьскихъ листовъ ея: «Содвиненные Штаты вовсе не испуались несчастіями, случившимся съ англійскими пароходами» и проч. (номеръ 281). — «Въ номерѣ 268-мъ Сѣверной Пчелы, извѣщая о назначеніи Киприана Робера, сочинителя превосходнаго творенія о Южныхъ Словянахъ, П(п)рофессоромъ С(с)ловянской Д(д)ип(п)тературы во Французскомъ Коллегіумѣ, на мѣсто прежняго профессора назъ С(с)ловянскаго племени, была напечатано» (номеръ 277): *извѣщая, было напечатано* — какъ это хорошо сказано, совершенно по-русски!.. «Надобны вѣки, чтобы Балтійскій Портъ выросъ въ половину столицы Россійской Имперіи; надобны вѣки, чтобы Москва и Петербургъ уступили другимъ городамъ свои преимущества» (номеръ 289): не вѣки, а вѣка, г. фельетонистъ! вѣки по-русски значать то же, что по-французски рауріёges... «Черечитыяя недавно Тысячу и одну Ночь, странная мысль пришла мнѣ въ голову» (номеръ 289): по-каковски это?... Ай-да блюстителница чистоты русскаго языка! Бѣднѣй русскій языкъ, подъ чью опеку попалъ ты! И эти люди увѣряютъ публику, что они пишутъ, какъ писалъ Карамзинъ! Навѣрное, Карамзинъ, будучи ребенкомъ, не писалъ такъ.

заморской, и какое произошло без всякой мысли со стороны людей, которые ужь такъ сотворены, что все загадать, къ чему ни прикоснутся. Патриархальная философія г. Загоскина сильнѣе всего вооружается противъ тѣхъ, которые имѣютъ несчастную привычку заноситься «мыслію», и преимущественно благоволятъ къ тѣмъ, у кого много дѣтей. Вотъ вы увидите, что «раскольникъ» свернетъ себѣ голову, а Кирила Андреевичъ Буйносовъ, у котораго было одиннадцать дочерей, да еще сожительница, получитъ милость и возвышеніе за свою добродѣтель. А что онъ дѣйствительно добродѣтелевъ, это очевидно изъ разсказа его слуги, да еще изъ того, что этотъ разсказъ *приманется* философіей г. Загоскина. Изъ одиннадцати дочерей Буйносова, ни одной въ живыхъ не осталось: три утонули переѣзжая на поромѣ черезъ Оку; пять скончались отъ разныхъ недуговъ; двѣ умерли отъ оспы, а послѣдняя пропала, собирая грибы въ лѣсу. Философія, прославляющая блаженное старое время, никакъ не можетъ смутиться отъ такихъ ничтожныхъ обстоятельствъ, каковы гибельное устройство поромовъ, плохіе лекаря и дурной присмотръ нянюшекъ. Противъ судьбы, нужной для романическихъ завязокъ, идти трудно; притомъ же самъ слуга Буйносова говоритъ: все это, особенно оспа, есть поущеніе Божіе... Но возвратимся къ послѣдней дочери. Когда она окончательно пропала въ лѣсу, бояринъ рвалъ на себѣ волосы, боярыня лежала какъ мертвая, нянюшка Татьяна убѣжала въ лѣсъ, *да ужь назадь и не бывала, Игнатъевну изъ петли вынули...* Здѣсь перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ; здѣсь полное блаженство стараго времени, торжество таланта г. Загоскина и виѣсть превосходство добродѣтели Кирила Андреевича Буйносова. Авторъ, пользуясь правомъ романиста, заставляетъ читателя догадываться, какимъ бы образомъ Буйносовъ оказалъ свою добродѣтель нянюшкѣ Татьянѣ, еслибъ она вернулась изъ лѣ-

са; но дѣло съ Игнатъевной представляеть истину въ совершенной ясности. Изъ двухъ добродѣтелей: оставляющей въ петлѣ и вынимающей изъ петли, послѣдняя безспорно выше, и г. Загоскинъ, не довольствуясь добродѣтелью простою, изображаетъ добродѣтель въ высшей степени. Это ясно. Неяснымъ остается пока только одно: чему больше удивляться — добродѣтели Кирила Андреевича Буйносова, или искусству романиста представлять добродѣтельныхъ людей.

Когда я вижу, что не только цѣлый романъ, который будетъ эпохою въ литературѣ, но и двѣ главы его развиваютъ ясно философію автора, тогда я мало обращаю вниманія на завязку и развязку, на характеры дѣйствующихъ лицъ, даже на время и мѣсто дѣйствія. Какая мнѣ нужда, что мѣсто дѣйствія постоялый дворъ, какъ въ «Юрѣ Милославскомъ», что съѣхавшіеся постояльцы похожи на съѣхавшихся постояльцевъ въ «Юрѣ Милославскомъ», что тамъ и здѣсь есть слуга и баринъ, купецъ и его прикащикъ, и, въдобавокъ, по таинственному лицу. Я не хочу знать не только сходствъ, но и различій: такъ, напримѣръ, въ «Юрѣ Милославскомъ», зима, здѣсь, въ «Брянскихъ Лѣсахъ», лѣто; тамъ — холодная зимняя ночь, здѣсь — жаркій лѣтній день. Въ романахъ даровитѣйшаго писателя главное дѣло — его философія, а въ этой философіи главное дѣло оправданіе или обвиненіе, т. е. награжденіе или наказаніе. Въ романахъ, написанныхъ подъ влияніемъ такой опредѣлительной философіи, крупныхъ различій нѣтъ и быть не можетъ, а встрѣчаются различія только во временахъ года и въ частяхъ дня.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ ПИТАНІЯ. *Дыханіе, животная теплота. Изслѣдованія Либиха.* — Соединеніе физиологій съ химією, которое совершилось только въ новѣйшее время, представляеть явленіе большой важности въ исторіи науки; это соединеніе, этотъ союзъ, открылъ намъ жизненный процессъ въ царствахъ животномъ и растительномъ. Мы знаемъ теперь, что такое *лѣдъ, пища и лекарство*; понятія о голодѣ и смерти не ограничиваются уже болѣе одними только описаніями явленій или состояній. Намъ теперь положительно извѣстно, что пищу у людей составляютъ двѣ категоріи различныхъ веществъ, изъ которыхъ одніе служатъ собственно для питанія и воспроизведенія нашего организма; другія же, напротивъ, назначены совершенно для иныхъ цѣлей. Въ наше время, математически можно доказать, что пиво не питательно; ни одинъ изъ его элементовъ не способенъ превращаться въ кровь, въ мускульную фибру, вообще въ части нашего организма, двигателя жизненной дѣятельности. Превжія понятія объ участіи пива, сахара, крахмала, гумми въ жизненныхъ процессахъ также измѣнились въ новѣйшее время.

Къ первымъ условіямъ поддержанія жизни животной принадлежать: принятіе пищи (утоленіе голода) и поглощеніе кислорода (процессъ дыханія). Въ теченіи каждаго момента своей жизни, человѣкъ постоянно глотаетъ кислородъ посредствомъ органовъ дыханія. Это поглощеніе не останавливается, пока животное живетъ. Наблюденія физиологовъ доказываютъ, что организмъ взрослога человѣка, по прошествіи двадцати-четыре часовъ, не измѣняется своего вѣса, не смотря на количество принятой пищи, не смотря на количество кислорода, въ это время поглощеннаго, которое также довольно-значительно. Опыты Лавуазье от-

крываютъ намъ, что взрослый человѣкъ въ теченіи года принимаетъ въ свой организмъ изъ атмосферы семьсотъ-сорокъ-шесть фунтовъ кислороднаго газа; къ концу года, мы находимъ, что вѣсъ человѣка не измѣняется вовсе, или измѣняется ничтожнымъ образомъ. Куда же пропадаетъ это огромное количество кислорода, которое человѣкъ принимаетъ въ теченіи года? Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ совершенно-удовлетворительно; ни одна частица кислорода не остается въ организмѣ, но выходитъ изъ него въ видѣ углеродистаго или водороднаго соединенія. Углеродъ и водородъ составныхъ частей животнаго организма соединяются съ кислородомъ, который принимаемъ мы черезъ кожу и легкія, и отдѣляются въ видѣ угольной кислоты и водянаго пара. Съ каждымъ выдыханіемъ, въ каждый моментъ жизни, животный организмъ отдаетъ извѣстное количество своихъ составныхъ частей, которыя соединяются въ немъ-самомъ съ кислородомъ атмосфернаго воздуха. Чтобы основать наши сужденія на опытныхъ данныхъ, допустимъ вѣстѣ съ Лавуазье и Сегеномъ, что взрослый человѣкъ ежедневно принимаетъ въ себя шестьдесятъ-пять лотовъ кислорода; предположимъ, кромѣ того, что этотъ человѣкъ содержитъ въ себѣ двадцать-четыре фунта крови, въ которой находится восемьдесятъ процентовъ воды; слѣдовательно, судя по составу крови, для полного превращенія ея углерода и водорода въ угольную кислоту и воду, необходимо восемь фунтовъ пятьдесятъ-два золотника кислорода, которые взрослый человѣкъ принимаетъ въ свой организмъ въ теченіи четырехъ дней и пяти часовъ.

Какимъ образомъ дѣйствуетъ кислородъ, поглощаемый въ процессѣ дыханія, прямо ли соединяется онъ съ составными частями крови или съ другими углеродистыми и водородными веществами нашего организма, слѣдующее заключеніе во всякомъ случаѣ остается неизмѣннымъ—что человѣче-

скій организмъ въ-продолженіи четырёхъ дней и пяти часовъ долженъ принять въ себя, въ питательныхъ веществахъ, углерода и водорода столько же, сколько находилось въ двадцати-четырёхъ фунтахъ крови. Здѣсь предполагается, организмъ, что сохраняетъ свое нормальное состояніе и не измѣняетъ своего вѣса.

Въ-самомъ-дѣлѣ, точныя опредѣленія количества углерода, которое принимаемъ мы въ нашъ организмъ въ видѣ пищи и которое мы также отдѣлимъ неизмѣненнымъ, не въ сосдиненіи съ кислородомъ, въ видѣ твердыхъ или жидкихъ испраженій, доказываютъ, что взрослый человѣкъ, при умѣренномъ движеніи, ежедневно потребляетъ углерода 27,8 лота. Эти 27,8 лота углерода выходятъ черезъ кожу и легкія въ видѣ углекислаго газа. Чтобъ превратить въ углекислый газъ эти 27,8 лота углерода, необходимо 74 лота кислорода. Аналитическія изслѣдованія Буссенго (Ann. de Chimie et de Phys. 1 p. Лѣтописи Химіи и Физики) показываютъ, что лошадь въ теченіи 24-хъ часовъ уничтожаетъ 138½ лота углерода; а дойная корова 141½ лотъ. Эти количества углерода отдѣляются изъ ихъ организма въ видѣ углекислоты; лошадь, чтобъ превратить весь этотъ углеродъ въ углекислоту, поглощаетъ 13 фунтовъ и 21 золотникъ кислорода, а корова 11 фунтовъ и 64 золотника.

Количество углерода, потребляемаго ежедневно человѣкомъ, опредѣлено Либихомъ послѣ точныхъ наблюдений надъ 836 солдатами; пища ихъ, состоявшая изъ хлѣба, картофеля, мяса, чечевицы, гороха, бобовъ, перца, соли, масла и проч., постоянно была взвѣшиваема съ совершенною точностью, и содержаніе углерода, т. е. химическій составъ ея также былъ опредѣленъ предварительно.

Каждая частица кислорода, принятаго въ организмъ, выходитъ въ видѣ угольнаго или водороднаго соединенія, и отдѣлившіеся углеродъ и водородъ, кромя того, замѣщаются снова угле-

родомъ и водородомъ, который принимаемъ мы въ пищу; слѣдовательно, количество пищи, необходимое для поддержанія животнаго организма, непременно должно быть въ прямомъ отношеніи съ количествомъ поглощеннаго кислорода.

Два животныя, которыя въ одно и то же время вдыхаютъ въ себя черезъ кожу и легкія неравныя количества кислорода, уничтожаютъ также соотвѣственно неравныя количества пищи. Поглощеніе кислорода, въ равныя времена, можетъ быть выражено числомъ вдыханій; ясно, что для одного и того же животнаго количество пищи должно измѣняться сообразно съ силою и числомъ вдыханій.

Дѣти, у которыхъ органы дыханія имѣютъ большую дѣятельность, нежели у взрослога человѣка, должны чаще принимать пищу и сравнительно больше. Птица безъ пищи умираетъ на третій день. Положите змѣю подъ кококолъ съ кислороднымъ газомъ, — по прошествіи часа вы едва откроете слѣды угольной кислоты; змѣя такъ мало поглощаетъ кислорода; по-этому она живетъ безъ пищи три мѣсяца и болѣе.

Въ спокойномъ состояніи, число вдыханій менѣе, нежели во время волненій или работы; въ обоихъ случаяхъ, совершенно подобное же отношеніе должно существовать и между количествами пищи.

Избытокъ пищи несомнѣнъ съ недостаточнымъ вдыханіемъ кислорода, или движеніемъ слабымъ; точно также сильное движеніе, требующее большаго количества пищи, никогда не бываетъ соеинено съ слабыми органами пищеваренія.

Количество кислорода, которое животное принимаетъ черезъ легкія, зависитъ не только отъ числа вдыханій, но также и отъ температуры вдыхаемаго воздуха.

Въ-самомъ-дѣлѣ, грудная полость животнаго постоянно сохраняетъ одинаковую величину; слѣдовательно съ каждымъ выдыханіемъ входятъ въ

не, одинаковые объемы воздуха; но въ нихъ и въсь кислорода, который ни въ себѣ заключаютъ, необходимо подверженъ измѣненію, потому что теплый воздухъ расширяется, а воздухъ холодный сжимается. Такимъ образомъ, въ двухъ равныхъ объемахъ плаги и холоднаго воздуха, въсь кислорода будетъ различна.

Лѣтомъ атмосферный воздухъ влаженъ, сыръ, содержитъ въ себѣ водяные пары; зимою онъ сухъ, и сырость, водяные пары, замищаются небольшими количествами воздуха; зимою, следовательно, въ одинаковомъ его объемѣ, кислорода находится болѣе, нежели лѣтомъ.

Лѣтомъ и зимою, у полюсовъ и подъ экваторомъ, мы вдыхаемъ равные объемы воздуха. Холодный воздухъ, входя въ дыхательное горло и легкія, нагревается и принимаетъ температуру своего организма. Чтобы провести въ легкія извѣстное количество кислорода зимою, мы должны употреблять при вдыханіи меньшую силу, нежели лѣтомъ; при одинаковой же силѣ вдыханія зимою, поглощаемъ мы болѣе кислорода.

Понятно, что при одинаковомъ числѣ вдыханій на берегу моря, мы поглощаемъ кислорода болѣе, нежели на горной высотѣ; понятно также, что количества отдѣляющейся углекислоты поглощаемаго кислорода измѣняются соответственно высотѣ барометра.

И зимою и лѣтомъ, мы отдаемъ меродъ въ одинаковомъ видѣ соединенія; но при низкой температурѣ при сильномъ давленіи воздуха, мы вдыхаемъ углекислоты болѣе, нежели при высокой температурѣ. Мы способны, слѣдственно, уничтожать въ воздухѣ углеродъ, соразмѣрно съ отдѣляющимся его количествомъ,—въ Швеции необходимо принимать его болѣе, нежели въ Сициліи, а въ нашихъ странахъ—зимою болѣе, нежели лѣтомъ.

Еслибы мы даже и въ холодныхъ и въ жаркихъ странахъ уничтожали одинаковыя количества пищи, то безконечная премудрость Создателя устрои-

ла уже такъ, что эта пища содержитъ въ себѣ различныя количества углерода. Плоды, которыми питаются жители юга, заключаютъ въ себѣ въ зрѣломъ состояніи не болѣе 12 процентовъ углерода; напротивъ, ворвань и рыбы маля — обыкновенная пища обитателей полярныхъ странъ — содержатъ въ себѣ углерода отъ 66 и до 80 процентовъ.

Не трудно соблюдать умеренность въ тепломъ климатѣ, и переносить голодъ подъ экваторомъ; но холодъ и голодъ въ короткое время истощаютъ организмъ.

Взаимное дѣйствіе питательныхъ веществъ и кислорода, который разносится въ нашемъ организмѣ потокомъ кровообращенія, составляетъ источникъ животной теплоты.

Всѣ живыя созданія, существованіе которыхъ связано съ поглощеніемъ кислорода, заключаютъ сами-въ-себѣ источникъ теплоты, независящій отъ среды, въ которой живутъ они. Фактъ этотъ справедливъ для всѣхъ животныхъ; онъ распространяется также и на проростающія сѣмена, и на цвѣты растений, и на зрѣющіе плоды.

Теплота обнаруживается только въ тѣхъ частяхъ животнаго, куда проникаетъ артеріальная кровь и вмѣстѣ кислородъ, поглощаемый въ процессѣ дыханія. Волосы, шерсть, перья, не имѣютъ своей собственной теплоты.

Явленія теплоты въ организмѣ животныхъ всегда, вездѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ, суть результатъ соединенія горючаго вещества съ кислородомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ какомъ бы видѣ углеродъ ни соединялся съ кислородомъ, всегда процессъ ихъ соединенія сопровождается отдѣленіемъ теплоты; и количество свободной теплоты бываетъ постояннымъ для всѣхъ случаевъ,—все равно, совершается ли процессъ, соединенія медленно или быстро, при высокой или при низкой температурѣ. Такимъ-образомъ, углеродъ пищи, который въ животномъ организмѣ превращается въ угольную кислоту и уголь, сожигаемый въ воздухѣ или въ чистомъ кислородномъ воздухѣ, отдѣ-

ляютъ равныя количества теплоты; только эта теплота продолжается на равныя времена; въ чистомъ кислородномъ газѣ горѣніе происходитъ быстрое и температура выше; въ воздухѣ оно совершается медленно, температура ниже, но она продолжается долѣе.

Ясно теперь, что число градусовъ теплоты, освобождающейся въ животномъ организмѣ, должно увеличиваться или уменьшаться соразмѣрно съ количествомъ кислорода, вдыхаемаго въ равныя времена. Животныя, которыя дышатъ быстро, скоро, и слѣдственно, поглощаютъ много кислорода, имѣютъ температуру, сравнительно, выше другихъ животныхъ, объема съ ними равнаго, но принимающихъ кислорода менѣе. Дети, у которыхъ температура 39° , поглощаютъ кислорода болѣе взрослому челоуѣку, имѣющему $37^{\circ},5$ теплоты животной. Животная теплота птицъ 40° или 41° , и они кислорода вдыхаютъ болѣе четвероногихъ, у которыхъ температура отъ 37° до 38° , болѣе, наковецъ, амфибій и рыбъ, имѣющихъ кровь $1^{\circ},5$, или 2° горячѣе окружающей ихъ среды.

Строго говоря, всѣ животныя теплокровны; но собственная теплота не зависитъ отъ окружающей температуры только у тѣхъ, которыя дышатъ посредствомъ легкихъ.

Точныя наблюденія свидѣтельствуютъ, что температура челоуѣка и животныхъ теплокровныхъ не подвержена измѣненіямъ, остается постоянною во всѣхъ климатахъ, въ умеренной полусѣ, полѣ экваторомъ и у полюсовъ, не смотря на ужасное различіе среды, въ которыхъ они живутъ.

Животный организмъ есть тѣло нагрѣтое, и онъ дѣйствуетъ вокругъ себя, какъ всѣ горячія тѣла; онъ принимаетъ теплоту, нагрѣвается, если внѣшняя температура выше, и отдѣляетъ отъ себя теплоту, если внѣшняя температура ниже его собственной внутренней температуры. Мы знаемъ, быстро охлажденія всякаго горячаго тѣла зависятъ отъ различія темпера-

туры внѣшней и его собственной, т. е. чѣмъ холоднѣе окружающая среда, тѣмъ быстрее происходитъ охлажденіе. Изъ этого слѣдуетъ, кака ужасная разница существуетъ между количествами теплоты, которыя отдѣляются, на-примѣръ, челоуѣку, живущій въ Палермо, гдѣ внѣшняя температура почти равна жару крови, и обитателю полюсовъ, гдѣ температура атмосферы 40° или 50° ниже его собственной температуры. Но, не смотря на это различіе, кровь Лапландца такъ же горяча, какъ и жителя юга. Это неопровержимо доказываетъ, что теплота, отдѣляемая организмомъ кнаружи, замѣщается въ немъ съ необыкновенною быстротою, и что замѣщеніе зимою, у полюсовъ, дѣлается быстрые, нежели лѣтомъ и полѣ экваторомъ.

Количество кислорода, поглощаемого въ процессѣ дыханія измѣняется въ различныхъ климатахъ, по температурамъ внѣшняго воздуха. Слѣдательно, чтобъ организмъ постоянно удѣрживалъ одинакую температуру, соразмѣрно съ количествомъ отдѣляющейся теплоты, во время его охлажденія, непременно должны возрастать количество вдыхаемаго кислорода и количества углерода и водорода, необходимыхъ для соединенія съ этимъ кислородомъ.

Понятно, что отдѣляющаяся теплота замѣщается на-счетъ взаимнаго дѣйствія составныхъ частей пищи и вдыхаемаго кислорода. Организмъ животный въ этомъ отношеніи представляетъ намъ совершенное подобіе печи, которую мы безпрестанно наполняемъ топливомъ; сравненіе это въ-снѣскольکو тривиально, но вѣрно. Пища въ организмѣ измѣняется различно, принимаетъ различныя формы; но окончательно, въ заключеніи, всегда углеродъ ея превращается въ углекислоту, водородъ — въ воду, азотъ и углеродъ несгорѣвшій отдѣляются въ видѣ мочи и твердыхъ испраженій. Чтобъ поддержать въ ней всегда одинаковую температуру, необходимо употреблять различныя количества топли-

ва, сообразно съ вѣншею температурою. Пища есть топливо въ-отношеніи животнаго организма, и когда кислородъ имѣеть свободный доступъ, у насъ отдѣляется теплота.

Зимомъ, когда мы двигаемся въ холодномъ воздухѣ, количество вдыхаемаго кислорода увеличивается и въ той же пропорціи возрастаетъ позывъ на пищу, богатую углеродомъ или водородомъ; разъ удовлетворена эта потребность, организмъ можетъ противостоять самой сильной стужѣ. Голодъ въ организмѣ производитъ ощущеніе холода. Голодный мерзнетъ, и всѣмъ извѣстно также, что въ сѣверномъ климатѣ хищныя животныя гораздо прожорливѣе, нежели въ южномъ.

Въ холодной или умѣренной полосѣ воздухъ, который постоянно стремится сжечь нашъ организмъ, заставляетъ насъ работать и даетъ намъ этимъ самымъ средство противостоять его разрушительному дѣйствию; въ жаркихъ странахъ, напротивъ, дѣятельность человека гораздо-менѣе, потому-что потребность пищи не такъ ощутительна.

Наши плоть замѣняютъ намъ отчасти пищу; чѣмъ теплѣе мы одѣваемся, тѣмъ значительнѣе, чувствуемъ мы, уменьшается до извѣстной степени позывъ на ѣду—опять по той же причинѣ, что въ этомъ состояніи организмъ отдѣляетъ менѣе теплоты, охлаждается менѣе, и пищи для замѣщенія необходимо также менѣе. Еслибъ мы ходили голые, подобно Индійцамъ, или охотились, ловили рыбу подобно Самоѣдамъ, прилежитомъ холодѣ полярныхъ странъ, мы были бы въ состояніи уничтожать по полутеленку, по дюжинѣ салныхъ свѣчей, мы выпивали бы тѣ же количества водки или жира безъ всякаго вреда именно потому-что углеродъ и водородъ этихъ веществъ служатъ для поддержанія равновѣсія между температурами внутренней и атмосферной.

Изъ предъидущихъ положеній необходимо слѣдуетъ, что количество употребляемой пищи зависитъ отъ числа вдыханій, отъ температуры вдыхаема-

го воздуха, отъ количества теплоты, отдѣляемой снаружи нашимъ организмомъ. Всѣ факты, всѣ явленія подтверждаютъ истинность этого закона. Жители юга не могутъ принимать, въ видѣ пищи, углерода и водорода болѣе, нежели сколько выдыхаютъ; малѣйшій излишекъ вредитъ ихъ здоровью; и даже совершенно разстроивается его жители сѣвера такъ же точно болѣютъ, страдаютъ отъ голода, если отдѣляютъ въ процессѣ дыханія углерода и водорода болѣе, нежели сколько принимаютъ его въ свой организмъ въ видѣ пищи.

Англичанинъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что на островѣ Ямаикѣ онъ теряетъ аппетитъ, который доставлялъ ему столько наслажденій, и только съ помощью самыхъ сильныхъ приправъ, каенскаго перца, на-пр., удается ему съѣдать столько же в такой же пищи, какъ и въ своемъ отечествѣ. Но углеродъ этой пищи не потребляется въ организмѣ, потому-что температура воздуха слишкомъ высока, томительный зной иѣшаетъ увеличить число вдыханій посредствомъ продолжительнаго движенія и ввести въ организмъ новое количество кислорода, соразмѣрное съ количествомъ принятой пищи.

Напротивъ, кто страдаетъ разстройствомъ органовъ пищеваенія, у кого желудокъ дурно варитъ, не можетъ превратить пищи именно въ то состояніе, въ которомъ соединяется она съ кислородомъ, тотъ не выноситъ суроваго климата, напримѣръ, Англій; но здоровье того должно поправиться въ Италиіи и вообще въ южныхъ странахъ, потому-что здѣсь вдыхаетъ онъ кислорода сравнительно меньшее количество, и слабый желудокъ его можетъ переварить соразмѣрно меньшее количество пищи. Если, напротивъ, этотъ больной остается въ холодной землѣ, легкія его необходимо уничтожаются подъ влияніемъ кислорода.

Дѣтомъ у насъ господствуютъ болѣзни печени (болѣзнь углеродистая), а

вижю—болѣзни легкихъ (болѣзни кислородныя).

Охлажденіе нашего организма увеличиваетъ позывъ на ѣду. Такимъ образомъ, одно присутствіе на открытомъ воздухѣ, въ каретѣ, на палубѣ корабля, возбуждаетъ уже аппетитъ, заставляетъ насъ больше ѣсть, если мы даже остаемся и безъ движенія, потому что организмъ здѣсь значительно охлаждается черезъ отдѣленіе теплоты и быстрое испареніе.

То же самое долженъ испытывать тотъ, кто привыкъ выпивать большое количество холодной воды, потому что вода нагрѣвается въ нашемъ организмѣ до 37 градусо́въ, поглощаетъ въ немъ много теплоты и необходимо такъ же увеличиваетъ аппетитъ. Люди слабого сложенія, чтобы замѣстить эту теплоту, соединившуюся съ холодною водою, необходимо должны провести въ свой организмъ лишнее количество кислорода посредствомъ усиленнаго движенія.

Громкій разговоръ, пѣніе, крикъ, присутствіе въ сыромъ воздухѣ имѣютъ вліяніе на аппетитъ по той же самой причинѣ.

Итакъ, ища, содержащая въ себѣ углеродъ и водородъ, служитъ для производенія животной теплоты. Самые простые наблюденія доказываютъ намъ, что водородъ пищи играетъ здѣсь такую же важную роль, какъ и углеродъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.)

РАЗВИТІЕ КОСТЕЙ. *Изслѣдованія Флурана, Брюля и Гюгена.* — Вотъ уже нѣсколько лѣтъ Флуранъ постоянно ищетъ подѣлать законы образованія матерій въ твердыхъ, устойчивыхъ органахъ, изъ которыхъ состоитъ скелетъ высшихъ животныхъ. Всѣмъ извѣстно, всѣ согласны, что въ мягкихъ частяхъ организма совершается непрерывное возобновленіе матерій. Дѣятельность кровообращенія, быстрота, съ которою заживляются раны, и во-

обще возобновляются органическія физическія разстройства, ясно доказываютъ, что въ каждой точкѣ мягкаго, уже развитаго органа, существуетъ постоянный наплывъ новой матеріи и исчезновеніе, уничтоженіе матеріи старой. Но кости, гдѣ твердое состояніе есть, по-видимому, препятствіе этому двойному движенію, подчиняются ли также закону непрерывнаго обращенія матеріи?

Флуранъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ совершенно-утвердительно: законъ возобновленія, возобновленія матеріи, говоритъ онъ, распространяется также и на твердыя части нашего организма—на кости.

Итакъ, кости принимаютъ участіе въ общей жизни пѣлаго организма; кровь обращается въ нихъ, какъ и вездѣ; она уничтожаетъ и возобновляетъ вещество ихъ такъ же, какъ и нервовъ, мускуловъ, кожи и пр. Интересно знать теперь, въ какомъ порядкѣ, какимъ образомъ совершается это возобновленіе? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ болѣе или менѣе удовлетворительно, мы должны необходимо прежде вернуться къ анатоміи костей.

Кости бываютъ плоскія, короткія и длинныя; къ послѣднимъ принадлежатъ бедро, голень, плечо и другія, составляющія остовъ конечностей. Длинныя кости имѣютъ концы болѣе или менѣе раздутые, которые называются головками; между ними находится срединная часть меньшаго діаметра — это тѣло кости; то мѣсто, гдѣ оканчивается тѣло и начинается головка, носитъ названіе шейки. Каждому извѣстно, кромѣ того, что эти кости внутри заключаютъ въ себѣ каналъ, наполненный полужидкимъ жиромъ—костянымъ мозгомъ. Этотъ жиръ не находится въ прямомъ соприкосновеніи съ костяными стѣнками канала, но отдѣленъ отъ нихъ тонкою перепонкою, которая служитъ ему вмѣстилищемъ. Прямо противоположно съ этою костною оболочкою существуетъ еще другая перепонка, которая прикрываетъ наружную поверхность кости и къ ко-

торой прикрѣпляются мускулы.

Итакъ, костяное вещество заключено между двумя перепонками: наружною, такъ-называемою надкостною, и внутреннею, или мозговою оболочкою.

Назначеніе обѣихъ этихъ перепонокъ—образовать, поддерживать и питать кости.

Самый же процессъ образованія, какъ вывелъ Флуранъ изъ множества опытовъ, совершается слѣдующимъ образомъ:

1) Кость растетъ въ длину черезъ наложеніе матеріи на концахъ;

2) Она растетъ въ толщину черезъ наложеніе матеріи снаружи;

3) Мозговой каналъ растетъ и увеличивается черезъ всасываніе, поглощеніе внутреннихъ слоевъ старой матеріи.

Эти три положенія составляютъ давноизвѣстный результатъ первыхъ изслѣдованій Флурана. Ученый физиологъ не ограничился ими, и это доказываютъ его новые опыты, новыя наблюденія надъ развитіемъ костей, представленные имъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ Парижской Академіи Наукъ.

Если мы воткнемъ въ тѣло кости живаго животнаго три гвоздика — одинъ посерединѣ, два возлѣ головокъ, то по прошествіи одного или двухъ мѣсяцевъ замѣтимъ, что разстоянія между гвоздиками не измѣняются, но головки перемѣняютъ мѣстности, удаляются одна отъ другой и отъ гвоздиковъ, съ которыми прежде были смежны.

Ненамѣняемость разстояній между гвоздиками доказываетъ, что кость не растягивается, какъ предполагалъ Дюгамель; но разстояніе между головками измѣняется, увеличивается; ясно, что эти головки постепенно перемѣщаются, и вотъ какъ происходитъ ихъ перемѣщеніе: новые слои матеріи отлагаются на ихъ свободныхъ концахъ; старая же матеріи головокъ, смежная съ шейкою, поглощается, всасывается, такъ-что конецъ головки постепенно переходитъ сначала на середину, а потомъ на шейку.

Скульпторъ лѣпиль фигуру изъ воска или изъ глины; онъ ошибся, шею, на-примѣръ, сдѣлалъ слишкомъ-короткую. На восковой фигурѣ легко поправить ошибку: нужно только немного снять воска съ головы; гораздо-труднѣе въ этомъ случаѣ дѣлаться съ глиною: глина гораздо-тверже воска, ее нельзя снять тонкимъ слоемъ какъ воскъ, и чтобъ поправить недостатокъ, скульпторъ долженъ наложить глины на голову, снять ее у подбородка и потомъ, въ заключеніе, перемѣстить всѣ части лица. Посредствомъ точно такого же сложнаго процесса, природа перемѣщаетъ головки костей; здѣсь роль скульптора играетъ надкостная плева; она одарена способностью отлагать и всасывать костяное вещество *кстати, у мыша, именно тамъ, гдѣ это необходимо.*

Брюле и Гюгенъ хотѣли своими изслѣдованіями, которыя представили они также Парижской Академіи Наукъ, объяснить собственно постоянство окрашенныхъ слоевъ костянаго вещества въ костяхъ нѣкоторыхъ животныхъ.

Извѣстный фактъ, что если кормить животное црвою, то кости его пропитываются этимъ веществомъ и окрашиваются въ красный цвѣтъ; Флуранъ и Дюгамель пользовались этимъ явленіемъ для наблюденія движенія, исчезновенія и возобновенія матеріи, и Флуранъ, мы видѣли, утверждаетъ, основываясь на своихъ наблюденіяхъ, что это двойное дѣйствіе совершается въ-продолженіи цѣлой жизни.

Сэрръ и Доэръ повторяли опыты Флурана и Дюгамеля и нашли, что кости нѣкоторыхъ животныхъ постоянно удерживаютъ красный цвѣтъ. Вотъ это именно явленіе искали объяснить Брюле и Гюгенъ.

Брюле и Гюгенъ, согласно съ Флураномъ, допускаютъ въ костяхъ двойное движеніе матеріи, ея поглощеніе и возобновеніе; только они эти явленія ограничиваютъ извѣстнымъ пространствомъ времени, въ-продолженіи котораго кость достигаетъ опредѣленной

величины, а не растягиваютъ ихъ на цѣлую жизнь.

КРОВООБРАЩЕНИЕ МОЛЮСКОВЪ.

—Обширный отдѣлъ молюсковъ, куда относятся всѣ организмы этого класса, извѣстные подъ именемъ *раковинъ*, въ послѣднее время былъ предметомъ многихъ изслѣдованій, особенно важныхъ въ отношеніи физиологическомъ.

Кювье, а за нимъ и всѣ зоологи допускали, что у этихъ животныхъ кровообращеніе совершается въ системѣ сжатыхъ сосудовъ, какъ у млекопитающихъ и вообще у позвоночныхъ животныхъ; что кровь у нихъ изъ сердца распространяется въ артеріи, потомъ черезъ ихъ волосныя развѣтвленія переходитъ въ вены, которыя переносятъ ее въ органы дыханія, откуда, наконецъ, она возвращается особыми же каналами, сосудами, въ сердце. Такая сложная система кровообращенія явно не согласовалась вообще съ простою организаціею молюсковъ; но какъ бы то ни было, Кювье, основываясь на своихъ неточныхъ наблюденіяхъ, классъ молюсковъ поставилъ въ своей системѣ животнаго царства выше всѣхъ безпозвоночныхъ животныхъ, выше насѣковыхъ даже, которыя явно представляютъ организацію сложнѣйшую.

Кювье самъ нашелъ у молюска *зайка* (*aplysia*) прямое, непосредственное сообщеніе между аппаратомъ кровообращенія и брюшною полостью, гдѣ помѣщены внутренности, органы пищеваренія, и знаменитый французскій натуралистъ говоритъ, что это самое удивительное явленіе, которое только когда-либо удавалось ему открыть. Позже, Мильнъ-Эдвардъ, изучая посредствомъ микроскопа организацію асцидій, нашелъ, что кровь обращается у нихъ въ сосудахъ несовершенно-сомкнутыхъ, которые соединяются между собою только въ передней части животнаго, такъ-что питательная жидкость у нихъ свободно разливается въ брюшную полость, но асцидін,

по простотѣ своей организаціи, занимаютъ послѣднія мѣста въ классѣ молюсковъ, и натуралисты видѣли въ явленіи, замѣченномъ Мильнъ-Эдвардсомъ, только результатъ органическаго упрощенія (*degradation organique*). Наконецъ, Валансьенъ и Ричардъ Оуенъ (*Owen*) нашли, что органы кровообращенія кораблика (*patulis*) устроены такъ же точно, какъ и у зайки.

Въ прошедшемъ году, вопросъ о кровообращеніи молюсковъ былъ предметомъ долгихъ преній въ Парижской Академіи Наукъ, и наконецъ рѣшенъ удовлетворительно, благодаря изслѣдованіямъ Катрфажа и Мильнъ-Эдвардса.

Мемуаръ Катрфажа объ организаціи молюсковъ—зеферина, амфорина, актеонъ, актеонія, халида, щитовость, изъ которыхъ составилъ онъ отдѣльную, самостоятельную группу, и которыхъ до-сихъ-поръ смѣшивали съ сосѣдними группами, послужилъ вывозомъ къ ученому спору. Молюски эти подобны улиткамъ, только отличаются отъ нихъ яркими цвѣтами и на спинѣ имѣютъ палочки различной формы, расположенныя правильно. Мемуаръ Катрфажа былъ представленъ Парижской Академіи Наукъ еще въ началѣ прошедшаго года; мы до-сихъ-поръ объ немъ ни слова не говорили въ этомъ отдѣленіи нашего журнала, выжидая, чѣмъ кончатся пренія, завѣшавшія, какъ мы увидимъ далѣе, цѣлый годъ отличнѣйшихъ зоологовъ Европы.

Мильнъ-Эдвардъ открылъ у зеферины очень-любопытное анатомическое явленіе: кишки у этого молюска образуютъ не простую трубку, какъ у прочихъ сродныхъ ему животныхъ, но развѣтвляются и вѣтки своя пускаютъ внутрь палочекъ, находящихся на спинѣ. Повторяя наблюденія Мильнъ-Эдвардса, Катрфажъ нашелъ, что у зеферины и вообще у всѣхъ шести упомянутыхъ молюсковъ аппаратъ кровообращенія неполный: у однихъ онъ открылъ сердце и артеріи и не нашелъ венъ, у другихъ даже онъ не замѣтилъ ничего подобнаго организаціи

кровообращенія; но у всѣхъ, видѣлъ онъ, кровь свободно разливается въ брюшной полости и омываетъ кругомъ внутренности, находившіяся въ ней.

Факты эти легко можно было подтвердить каждому, кто умѣетъ только обращаться съ микроскопомъ; но они противорѣчили идеямъ, получившимъ въ наукѣ уже право гражданства, и вотъ-почему они были приняты съ такимъ недоброжелательствомъ, какъ новая ученая ересь; многіе натуралисты опровергали, и совершенно-произвольно, даже возможность этихъ фактовъ.

Суэ (Souleyet), извѣстный хирургъ флота, сдѣлался органомъ прогивной партіи. Онъ объявилъ, что всѣ моллюски, названные Катрфажомъ *флебентерозыми*, представляютъ нормальную организацію типа съ очень-незначительными измѣненіями, что кровообращеніе ихъ совершенно такое же полное, какъ у другихъ сродныхъ съ ними животныхъ, т. е. что кровь двигается у нихъ, выходитъ и возвращается въ сердце въ системѣ сомкнутыхъ каналовъ, сосудовъ. Суэ оградилъ себя именами Кювье, Блэнвилля, онъ подтверждалъ идеи всѣми-принятыя, и вотъ почему Парижская Академія Наукъ приняла его подъ свою защиту, а *флебентеризмъ*, плодъ точныхъ наблюденій Катрфажа, признала *безсмысленною бреднею*.

Между-тѣмъ, Мильнъ-Эдвардъ сначала одинъ, а потомъ въ соединеніи съ Валансьеномъ, представилъ Парижской Академіи новыя изслѣдованія о кровообращеніи моллюсковъ вообще. Труды этихъ двухъ натуралистовъ обвиняли теперь уже не отлавленную группу, но цѣлый классъ. Мильнъ-Эдвардъ производилъ свои наблюденія надъ живыми моллюсками во время путешествія по Сициліи и Италіи.

Всѣ факты, всѣ явленія, подмѣченныя Мильномъ-Эдвардомъ и Валансьеномъ, свидѣтельствуютъ, что *есть моллюски имѣютъ неполный аппаратъ кровообращенія*, что у всѣхъ животныхъ этого класса кровь, выходя изъ артерій, свободно

разливаются въ брюшной полости. Упрощеніе такого важнаго аппарата совершается постепенно. *Природа не дѣлаетъ скачковъ* (*natura non facit saltus*), сказалъ Линней; истинность этого афоризма знаменитаго Шведа подтверждается здѣсь удивительнымъ образомъ. У моллюсковъ высшихъ, аппаратъ артеріальный развитъ очень-хорошо; у нихъ находятся и вены; но, нисходя къ низшимъ группамъ этого класса, мы замѣчаемъ, что вены уменьшаются числомъ и болѣе и болѣе упрощаются. У зайки весь венный приборъ составляютъ два толстые сосуда, которые сообщаютъ сердце и жабры. Венная кровь двигается у нихъ по всему организму и возвращается къ жабрамъ не въ сомкнутыхъ сосудахъ, но въ открытыхъ канавахъ (*lacines*), представляющихъ подобіе губки, если можно такъ выразиться.

И такъ, *флебентеризмъ* не составляетъ исключительной принадлежности известной группы, но есть характеръ, общій цѣлому классу моллюсковъ.

Подъ именемъ *флебентеризма*, мы означаемъ здѣсь особенное анатомическое строеніе, въ силу котораго часть кишечнаго канала раздѣляетъ отправленіе сосудистаго аппарата. И въ этомъ смыслѣ *флебентеризмъ* принадлежитъ многимъ безпозвоночнымъ животнымъ. Приведемъ здѣсь одинъ примѣръ. На берегахъ моря находятся множество маленькихъ раковъ, называемыхъ *пикногонидами* (*pisnogonides*); они очень-похожи на полевыхъ пауковъ; туловище у нихъ тонкое, а ноги очень-длинные; сообразно съ туловищемъ, кишечный каналъ также тонокъ и въ каждую лапу пускаетъ отъ себя длинныя вѣтки; аппарата кровообращенія у пикногонидовъ нѣтъ, и кишечный каналъ съ своими вѣтками отправляетъ его назначеніе. И такъ, *пикногониды* представляютъ намъ *флебентеровыхъ* ракообразныхъ животныхъ.

Важные результаты, обнаруженныя Мильномъ-Эдвардомъ и Валансьеномъ, нашли многочисленныя подтвержденія въ наблюденіяхъ Пуше, Ван-Бенедена, Оуэна и Нордмана.

Такимъ-образомъ, всѣ полюски представляютъ неполный аппаратъ кровообращенія.

Факты, изложенные нами, очень важны для общей физиологій. Существованіе прерывчатого кровообращенія до-сихъ-поръ считалось несомнѣннымъ съ высшею организаціею. Мильнъ-Эдвардъ и Валансьенъ своими открытіемъ подвинули науку впередъ. Теперь очень-вѣроятно, что прерывчатое кровообращеніе существуетъ у животныхъ самыхъ высшихъ и даже у человѣка въ нѣкоторыхъ частяхъ органама; оно можетъ объяснить многія непонятныя жизненныя явленія и разрѣшить важную задачу питанія.

ВЛІЯНІЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА НА РАСТИТЕЛЬНОСТЬ. — Вліяніе атмосферы и явленій, совершающихся въ ней, на нашу планету, на существа, населяющія ее, не подлежитъ сомнѣнію.

Бекерель постоянно занимается опредѣленіемъ вліянія электричества на растительность. Недавно сообщилъ онъ Парижской Академіи Наукъ одинъ чрезвычайно-любопытный фактъ:

Онъ положилъ четыре, совершенно-одинаковыя луковицы въ сосудъ, наполненный слабымъ растворомъ соли въ водѣ. Двѣ изъ этихъ луковицъ оставилъ онъ при обыкновенныхъ условіяхъ, третью привелъ въ сообщеніе съ положительнымъ полюсомъ гальваническаго столба, а четвертую съ отрицательнымъ полюсомъ. По прошествіи короткаго времени, Бекерель замѣтилъ, что первая три луковицы мало развились, а четвертая начала цвѣсть.

И такъ, по-видимому отрицательный полюсъ особенно помогаетъ растительности.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВѢЙШІЯ ОТЕРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Въ окрестностяхъ Мёдона отыскали въ землѣ древній жертвенникъ друмскихъ жрецовъ, со множествомъ человѣческихъ костей. Г. Серръ, членъ Парижской Академіи Наукъ, бывшій при открытіи этой рѣдкой древности, нашелъ между костями нѣсколько череповъ цельскаго племени.

— Въ Римѣ одинъ скульпторъ нашелъ въ землѣ прекрасную древнюю греческую вазу изъ чернаго мрамора, произведенную въ IV или V столѣтіи по Р. Х. Эта ваза, въ 4 фута вышиною и 2 въ поперечникѣ, украшена вазу акантусовыми листьими и даже головами сатировъ, а наверху въ рельефѣ представлена Божія-Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ, по сторонамъ двѣ молящіяся фигуры, потомъ Іисусъ Христосъ, сидящій на престолѣ и окруженный апостолами. Эта знаменитая древность поступила уже въ музей Collegio Romano.

— Въ-присутствіи многихъ ученыхъ археологовъ, министра Сантанджео и Карла Бонуччи, главнаго директора древностей неаполитанскихъ, сдѣланы были, въ прошломъ ноябрѣ, новыя раскопки въ древней Помпѣѣ. Въ одной изъ боковыхъ улицъ отыли храмъ Августа со многими лавками, въ которыхъ Римляне продавали разную кухонную посуду; въ противоположномъ этикъ лавкамъ домѣ найдено много кусковъ мрамора, пять статуй равной величины, фаунъ и нѣсколько женскихъ сфингуръ. Между женскими особенно замѣчательнъ человѣческой скелетъ, окутанный драпировкою, что представляетъ аллегорію зависти (Invidia). Въ улицѣ della Fortuna отыры домъ Сади Марте, въ которомъ заключалось ну-

блѣнное присутственное мѣсто. Въ комнатахъ его найдены равныя сосуды звязцовой формы, много монетъ Гальбы и Веспасіана, бронзовые треножники, лампы, фонари, амфоры и вазы изъ terra-cotta, стеклянная бутылка и мраморныя гири для вѣсовъ.

— Въ Единбургѣ, башмачникъ Эммануэль Стольтунъ изобрѣлъ машину для шитья сапоговъ и башмаковъ изъ кожи, сукна и другихъ матерій. Сапожная машина готовится въ день 12 и башмачная 30 паръ обуви. Сдѣланные машиною сапоги и башмаки въ половину дешевле обыкновенныхъ.

— Въ Лондонѣ какой-то столяръ изобрѣлъ весьма-удобную для чтенія книгу машинку, которую можно привинчивать къ дивану, постели, кресламъ, и проч. Машинка состоитъ изъ стального прута, вдѣланнаго въ кусокъ краснаго дерева. Лежите ли вы на софѣ, кровати, или сидите въ спокойныхъ креслахъ, привинтите гдѣ угодно означенную машинку и положите на нее книгу, какъ на пальцетъ. Въ «Mosaic's Magazin» помѣщенъ рисунокъ этого сварла.

— Одинъ лондонскій ювелиръ изобрѣлъ золотой крючокъ для дамскихъ часовъ, съ котораго никакъ нельзя потерять часы, да и плутамъ невозможно красть ихъ, ибо часовая брошка снабжена особеннымъ механизмомъ. Королева Викторія первая начала носить на своемъ поясѣ часы съ такимъ механическимъ крючкомъ.

— Архитекторъ Булавжѣ, посланный французскимъ правительствомъ въ Грецію для реставраціи памятниковъ, окончивъ большую частію свои работы и отправивъ теперь для той же цѣли въ Архипелагъ, на острова Эгину, Милосъ, Делосъ, также на материкъ Греціи, въ Дельфы. Въ 1831 году, была также послана въ Грецію археологическая французская коммиссія, но она ограничилась только реставраціею памятниковъ въ Морѣ.

— Живописецъ Мюллеръ, въ Кельнѣ, сдѣлалъ открытіе, которое, конечно, произведетъ эпоху въ живописи масляными красками. Ему удалось краски сохранять свѣжими на палитрѣ, полотнѣ, или деревѣ, на неопредѣленное время, смотря по надобности. Картина, написанная его красками, можетъ совершенно высохнуть въ сутки, такъ-что черезъ восемь дней ее удобно покрыть лакомъ. Составъ его красокъ гораздо-легче обыкновеннаго, что представляетъ для живописца множество выгоды, ибо, по его способу, не дожидаясь, чтобъ колера высохли на картинѣ, можно на нихъ накладывать другія краски, такъ-что тѣни и свѣтлыя мѣста картины не сдѣлаются отъ-того грязными.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ послѣднемъ придворномъ концертѣ, въ Мадридѣ, сама королева Изабелла пѣла арію изъ «Нормы», говорить, съ большимъ искусствомъ и легкостію. Изабелла очень-хорошо играетъ на фортепяно и беретъ уроки на арфѣ. Марія-Христина въ этомъ же концертѣ пѣла дуэтъ изъ «Вильгельма Телля» съ первымъ теноромъ мадритской оперы. Инфантъ Францискъ-де-Паула, имѣющій отличный баритонъ, пѣлъ съ своими дочерьми въ хорѣ.

— Надворный совѣтникъ Шиллингъ, въ Штутгартѣ, приготовляетъ къ изданію музыкальный альбомъ Бетховена, въ которомъ будутъ участвовать всѣ извѣстные въ Европѣ композиторы. Саксонскій композиторъ Гейслеръ отыскалъ гдѣ-то неизвѣстную доселѣ колыбельную пѣсенку, подъ названіемъ «die Nase», сочиненіе бессмертнаго Моцарта, и послалъ эту пьесу Шиллингу для напечатанія въ бетховеновъ альбомъ.

— Почти во всѣхъ театрахъ Европы, зрители во время антрактовъ слушаютъ, или должны по-необходимости слушать самую раздражительную для ушей музыку. Въ парижскихъ народныхъ театрахъ между дѣйствіями происходитъ шумъ, гамъ и часто драка въ верхнихъ ярусахъ, наполненныхъ простонародною публикою. Директоръ театра *Odeon* выдумалъ новое средство для развлечения публики во время антрактовъ. Публика собирается въ театральное фойе, гдѣ устроена картинная галерея съ перемѣною картинъ два и три раза въ недѣлю. Французскіе художники, желающіе получить известность, съ охотою посылаютъ новыя свои произведенія на выставку театра *Odeon*.

— Тальioni пріѣхала въ Римъ; за двѣнадцать балетныхъ представленій получить она 24,000 франковъ. Она уже имѣетъ два прекрасные palazzo въ Венеціи и теперь строитъ великолѣпную виллу на берегу Комскаго-Озера. Въ этихъ чертогахъ она намѣрена окончить свое артистическое поприще и почить на заслуженныхъ лаврахъ.

— Китайцы терпѣть не могутъ неумѣстнаго крика актѣровъ на сценѣ, что такъ нравятся инымъ публикамъ, — и для предупрежденія этой неприятели, у нихъ на каждомъ театрѣ находится полицейскій сержантъ, вооруженный бамбуковою палкою. Этотъ блюститель тишины и порядка ложится спать за кулисами, и если крики и завыванія трагическаго актѣра разбудятъ его отъ сладкаго сна, онъ имѣетъ право усмирить крикуна оффиціальною тростью.

— Въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ уже существуетъ особый институтъ для вокальной классической музыки и церковнаго пѣнія подѣ дирекціею известнаго дилеттанта князя Пюа, сына знаменитаго французскаго маршала. Тринадцать дамъ-патронессъ завѣдываютъ институтомъ; между ними мно-

го знаменитыхъ именъ, каковы: герцогиня Граммонъ, Талейранъ, Альберра, де-Краонъ. Композиторы: Адавъ, Оберъ, Караффа, Галевн, Мейербергъ, Россини — почетные члены этого института, въ который принимаются только для соучастія отличные оперные пѣвцы и пѣвицы. Въ этомъ восточномъ собраніи отличнѣйшихъ голосовъ можно только услышать настоящую вокальную классическую музыку, и нигдѣ больше не услышите ее теперь, даже не исключая и знаменитой сицистинской капеллы въ Римѣ. Въ концерты, даваемые этимъ институтомъ, почти невозможно имѣть доступъ частнымъ людямъ. Надобно для этого непременно быть знакомымъ съ кѣмъ-нибудь изъ дамъ-патронессъ. Билеты для входа въ вокальный концертъ стоятъ отъ 50 до 100 франковъ.

— Въ Лондонѣ 12 публичныхъ театровъ, не считая разныхъ подвижныхъ сценъ, устроенныхъ въ городскихъ и загородныхъ трактирахъ для потѣхи и увеселенія простаго народа. Лѣтомъ играютъ на театрѣ Геймаркетскомъ трагедіи и комедіи, въ Оперномъ англійскія комическія оперы, въ Садлер-Уэльсѣ разныя пьесы, которыхъ дѣйствіе происходитъ на водѣ, въ Астлей-Амфитеатрѣ играютъ фарсы, а также даются акробатическія конныя представленія и пляшутъ на канатѣ; въ театрѣ *Sargey* представляютъ народныя бюрлески и пантомимы. Въ началѣ октября закрываются всѣ означенныя театры, и мѣсто ихъ заступаютъ зимніе: Друриленскій, Ковентгардескій, итальянская и англійская опера. Тогда нѣкоторые отличные артисты лѣтнихъ театровъ играютъ на зимнихъ, и наоборотъ, актѣры зимнихъ театровъ играютъ весною на лѣтнихъ. Жалованье актѣрамъ и актрисамъ увеличивается отъ 13 до 200 талеровъ въ недѣлю, смотря по ихъ талантамъ. Простосходные же сюжеты, любимицы публики, получаютъ за каждое представленіе по 50 фунт. стерлин. (1,250 р. асс.) и сверхъ того бенефисы. Надобно за-

нѣтъ, что въ большихъ театрахъ хотѣ устроены три ряда ложъ, но цѣна на нихъ одинакая. Въ 9 часовъ вечера, двери театра снова открываются для публики, и тогда можно нѣтъ мѣсто всадъ за половинную цѣну. Каждое представленіе продолжается вообще до 12 часовъ или до 1 часа ночи. На всѣхъ лондонскихъ сценахъ суелѣръ не вызываетъ головы изъ-подъ пола, но обыкновенно помѣщается за первою кулисою и подсказываетъ роль актѣрамъ весьма тихо, такъ-что зрители въ креслахъ вовсе не слышатъ его.

— На лондонскихъ театрахъ ведется издавна обычай, что актриссы, вызванныя публикою на сцену, обязаны не просто кланяться и дѣлать книксенны, а становиться предъ зрителями на правое колѣно. Во все продолженіе аплодисменовъ бѣдная артистка должна нѣсколько разъ сгибать колѣно и опять подыматься.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Алжирскій цементъ для каменныхъ строеній составляется изъ двухъ частей золы, трехъ глины, одной части песка, и все это слѣдуетъ замѣсить на деревянномъ маслѣ. По дороговизнѣ у насъ деревяннаго масла можно замѣнить его льнянымъ съ примѣсю свинцовой окиси. Этотъ цементъ вовсе не пропускаетъ въ себя сырости и особенно хорошъ для постройки наружныхъ стѣнъ домовъ, подвѣрженныхъ разнымъ перемѣнамъ погоды.

— Извѣстно, что самыя лучшія англійскія иглы часто ломаются и тупятся при шитьѣ лощеного полотна, колденкора и проч.; для предупрежденія этого должно шовъ бѣлья легко помазать венеціанскимъ или другимъ хорошимъ мыломъ.

Т. XLIV. — Отд. VIII.

— Чтобы жесткую говядину сдѣлать мягкой, надобно мясо два-три раза вымыть въ холодной водѣ, потомъ завернуть въ салфетку и на ночь положить въ теплую печь, гдѣ уголья совершенно потушли. На другой день вынутое изъ печи мясо будетъ очень вкусно и мягко-вареное или жареное.

— Въ Кѣнигсбергѣ недавно учрежденъ особый женскій институтъ, въ которомъ молодыя дамы и дѣвицы обучаются исключительно искусству готовить кушанья, чтобы въ послѣдствіи угодить вкусу своихъ мужей и быть полезными и экономными хозяйками въ домашнемъ быту. Доселѣ приготовленіе иныхъ вкусныхъ блюдъ составляло какъ-бы семейныя тайны и секреты въ каждомъ благоустроенномъ нѣмецкомъ хозяйствѣ, но теперь, благодаря учрежденію повареннаго института въ Кѣнигсбергѣ, эти кухонныя секреты могутъ быть доступны каждой молодой дѣвицѣ и дамѣ: теперь уже нельзя будетъ упрекнуть нѣмцевъ извѣстнымъ стихомъ:

Siebzehn Jahr' und sieben Wochen
Und kann noch keine Suppe kochen.

Теперь всякая кѣнигсбергская красавица на такой упрекъ скажетъ насмѣшливо: «Да мнѣ стѣитъ только мѣсяцъ поучиться въ поваренномъ институтѣ, и я сдѣлаюсь самою лучшею поварихою...»

— Въ Лейпцигѣ, съ новаго года будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ хозяйственная и кухонная газета подъ названіемъ: *Küchen und Wirtschaftszeitung*. Въ ней будутъ помѣщаться статьи о приготовленіи кушанья для ежедневныхъ обѣдовъ, о сбереженіи равной провизіи во все время года, о платьѣ, бѣльѣ и обо всемъ, что касается до хорошаго домашнего хозяйства. Въ изданіи этой полезной газеты участвуютъ нѣсколько лейпцигскихъ

1/2 5

данъ, извѣстныхъ экономовъ, также повара и практическіе гастрономы.

Wollt ihr den Mann und euch beglücken
So wählt und ordnet jeden Tag
Was Küch und Keller je vermag.

МЕЛОЧИ.

Викторъ Гюго окончилъ на-дняхъ свой романъ *Quinquangrogné*, двадцать лѣтъ съ нетерпѣніемъ ожидаемый публикою. Книгопродавецъ, купившій право на изданіе этого романа въ теченіи 20 лѣтъ, заплатилъ автору 150,000 франковъ. Въ Штутгартѣ какой-то нѣмецкій спекулантъ уже объявилъ о переводѣ этого романа на нѣмецкій языкъ.

—Извѣстно, что фельетоны ежедневныхъ газетъ нынче наполняются романами, которые, будучи помѣщаемы по часгямъ, часто прерываются на самыхъ интересныхъ мѣстахъ и заставляютъ читателя ждать продолженія цѣлый день, а иногда и нѣсколько дней. Вотъ какъ выразилъ скорбь свою одинъ изъ парижскихъ читателей: «Романъ, помѣщенный въ фельетонѣ политическихъ газетъ, можно сравнить съ корзинкою сливъ на рынкѣ. При покупкѣ попробуешь одну сливу; если она окажется вкусною, то, разумѣется, возьмешь и всю корзинку. Если вы захотите читать новый романъ, то берете номеръ газеты и начинаете перелистывать его наудачу, не зная, впрочемъ, что будетъ даѣе, но уже волею или неволею дѣлаетесь рабомъ этого фельетона на цѣлую четверть года. Вотъ, напримѣръ, новый и чрезвычайно-интересный романъ Александра Дюма: «Графиня де-Монсорбъ», помѣщенный въ фельетонахъ газеты: «*Constitutionnel*». Я вхожу въ кофейную и спрашиваю прислужника: *la dame de Monsorban*. — Пѣтъ, сударь. «Какъ? увасъ нѣтъ газеты «*le Constitutionnel*»? — Вотъ она, сударь. Я беру исполн-

скій листъ, бросаю бѣглый взглядъ на фельетонъ, но не тутъ-то было: тамъ нѣтъ «Графини де-Монсорбъ», за то на третьей страницѣ припечатано извѣстіе слѣдующаго содержанія: «Г. Александръ Дюма, живущій въ St. Germain en-Laye, отправилъ рукопись своего романа по желѣзной дорогѣ въ Парижъ; но рукопись его не получена въ типографіи. На послѣдней страницѣ той же газеты вижу опять извѣстіе: рукопись романа хотя и получена въ типографіи, но поздно. Нѣчего дѣлать, я выхожу въ дурномъ расположеніи духа изъ кофейни и утѣшаюсь, что въ слѣдующихъ листахъ газеты прочту «Графиню де-Монсорбъ». На другой день беру опять фельетонъ, начинаю читать романъ съ большимъ вниманіемъ. но вдругъ вижу въ скобкахъ слова: «продолженіе впредь»,—автору пошла въ глазъ пылинка нюхальнаго табака, и онъ не мѣгъ окончить фельетона. Далѣе встрѣчается мнѣ фраза въ подобномъ же родѣ,—продолженіе фельетона прервано, потому что къ автору пришелъ парижскій банкиръ и началъ съ нимъ разсуждать объ акціяхъ сѣверной желѣзной дороги. Потомъ ключница принесла Александру Дюма кофе и завтракъ; онъ отложилъ перо до слѣдующаго дня и занялся другими дѣлами. Фельетонъ не кончится, потому-что у автора погасла свѣча, а фосфорныхъ спичекъ не было подъ рукою... Иначе и не можетъ быть, поумалъ я, когда публику потчиваютъ романомъ подѣнно.»

—Французскія дамы нѣсколько разъ пытались заводить въ Парижѣ женскую академію, но всегда безъ успѣха. Ученый ареопагъ послѣ двухъ-трехъ засѣданій совершенно разстроивался. Нынче одна богатая аристократка составила планъ для новой академіи, употребивъ значительный капиталъ на ея устройство. Уже десять сочинительницъ поступили въ члены новой академіи, которые облобызав еще набирать тридцать членовъ, чтобъ составить сорокъ литературныхъ женщ-

тостей. Женщины-академики будутъ получать пенсіи, и однимъ изъ первыхъ ихъ занятій будетъ составленіе новаго лексикона французскаго языка.

— Французскій ученый де-Бавиль (Basville) издалъ недавно въ Парижѣ книгу подъ заглавіемъ: *Mémoires pour servir à l'histoire de Languedoc*, въ которой доказываетъ, что гербовая бумага для официальныхъ актовъ употреблялась уже въ 537 году по Р. Х., во время царствованія императора Юліана. Авторъ, конечно, ошибается въ этомъ случаѣ, ибо извѣстно, что въ Европѣ голландцы первые ввели въ употребленіе гербовую бумагу. Голландскіе штаты обѣщали значительную награду тому, кто выдумаетъ новый налогъ, легкій для народа и прибыльный для государства. Кто-то тогда напалъ на *le impost van bezegelte brieven*, что очень понравилось голландскому правительству (1624 г.), и введеніе этого налога оказалось очень выгоднымъ для казны.

— Въ Германіи на 1846 годъ издается 819 журналовъ и газетъ ученыхъ и литературныхъ, 1017 политическихъ и въѣющихъ мѣстныхъ интересъ. Въ нѣмецкихъ областяхъ Австріи выходитъ только 26 журналовъ, въ Пруссіи 405 (въ Берлинѣ 24), Баваріи 96, Виртембергѣ 48, въ Саксоніи 94, Ганноверѣ 24 и т. д. Въ Сѣверной-Америкѣ издается 10 газетъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ Россіи 12. — Въ параллель этому воть состояніе французской журналистики: въ одномъ Парижѣ выходитъ въ свѣтъ 440 періодическихъ изданій, между которыми 426 на французскомъ, 6 на польскомъ, 4 на англійскомъ, 1 на нѣмецкомъ, 1 на испанскомъ и 1 на итальянскомъ языкахъ. Въ Бельгіи на 4,173,000 жителей считается 140 газетъ и журналовъ съ миллиономъ подписчиковъ. Въ 1830 году, было тамъ только 34 журнала; съ того времени число ихъ учетверилось.

— Въ Берлинѣ есть особый книжный магазинъ для горничныхъ, кухарокъ, лакеевъ, бѣлошвеекъ, извозчиковъ и проч. Въ немъ книги вообще бываютъ разрозненныя, съ вырванными листами, безъ заглавій, замасленные саломъ, ваксою, и пр. Читатели, конечно, не въискательны, довольствуются чтеніемъ повѣстей и романовъ безъ начала и конца, но когда горничная или кухарка объявляетъ претензію библіотекарю, что она не читала окончанія какой-нибудь курьёзной исторіи, то книгохранитель говоритъ ей: «прийди сюда, моя голубушка, завтра; я тебѣ расскажу конецъ повѣсти.»

— На соут-уэстернской желѣзной дорогѣ, въ Англій, вагоны перваго класса устроены со всевозможною роскошью: внутренность экипажей, а также скамьи и пр., подбиты ватой съ пружинами и обтянуты шелковою матеріею. Всякіе толчки отъ внезапной остановки поѣзда нечувствительны для пассажировъ. Въ дверяхъ и окнахъ вагоновъ, кромѣ стеколъ, вѣлана тонкая металлическая ткань изъ проволоки, которая не пропускаетъ дорожной пыли въ вагоны, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для очищенія воздуха въ экипажахъ, не причиняя ни малѣйшаго сквознаго вѣтра.

— Два лишніе удара молоткомъ прибавили къ «*Mystères de Paris*» новый рассказъ о неслыханномъ злодѣйствѣ. Въ Парижѣ, въ улицѣ St-Nicolas-d'Antin, каменщикъ, пробивая стѣну одного дома, нашелъ въ срединѣ ея девять человѣческихъ скелетовъ. При полицейскомъ осмотрѣ дома оказалось, что нѣсколько человѣкъ замуровлено было въ стѣнѣ за пятнадцать лѣтъ предъ симъ, а другіе недавно, года за полтора. Полиція взяла подѣ стражу даму, которая нанимала квартиру въ означенномъ домѣ.

— Въ берлинской тюрьмѣ сидитъ извѣстный игрокъ, который, по приговору суда, долженъ писать въ вѣсто-

чении свои монуары. Въ вознагражденіе за трудъ онъ получаетъ лучшую пищу, чѣмъ прочіе арестанты. Игроки берлинскіе очень опасаются, что прежній ихъ товарищъ по игрѣ откроетъ въ своихъ запискахъ всѣ ихъ плутни.

— Въ Болоньѣ, во время маскарада, въ театральной залѣ, упалъ съ руки дамы брильянтовый перстень и провалился въ щель подъ полъ. Одинъ изъ кавалеровъ, сопровождавшихъ даму, поднялъ доску пола, и къ ужасу своему увидѣлъ ящикъ, наполненный порохомъ, на которомъ лежала связка фосфорныхъ зажигательныхъ спичекъ. Шаги танцующихъ могли бы вспламенить спички и порохъ. Вотъ чисто-итальянскій замыселъ!

— Въ Лондонѣ составилось общество противъ поединковъ или дуелей, которое, конечно, будетъ со-временемъ имѣть большое вліяніе на нравственность молодого поколѣнія Англичанъ. Въ этомъ обществѣ уже считается 500 членовъ, поклявшихся взаимно другъ другу ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ не драться на дуэли. Между членами находятся нѣсколько знаменитыхъ аристократовъ, на-прим. герцога манчестерскій, лордъ Уэстминстеръ, Эдмондъ, Эффингемъ, Борлингтонъ, Гросвеноръ, Арондель, Соррей, Сандонъ, Эшли, Морпетъ, сэръ Берингъ, Аукландъ, Куперъ. Къ этимъ лордамъ и герцогамъ присоединились еще 20 генераловъ и 17 адмираловъ англійскаго флота.

— Во время ужасныхъ казней, въ первую французскую революцію, террористъ Каррье приказалъ разстрѣлять 280 Вандейцевъ, находившихся подъ начальствомъ графа Леронера, и взятыхъ въ плѣнъ республиканцами. Эта экзекуція поручена была майору Гюго (отцу знаменитаго поэта), который долженъ былъ повиноваться. Гюго, разбирая плѣнныхъ, къ удивленію своему, нашолъ между ними 25 дѣ-

вчатъ, одѣтыхъ въ солдатскую форму. Онъ не рѣшился пролить крови невинныхъ жертвъ и по этому случаю составилъ военный совѣтъ изъ офицеровъ своего батальона. Офицеры согласились на предложеніе командира, и 25 хорошенькихъ дѣвухекъ спасены были отъ вѣрной смерти. Черта чисто-французская!

— Первѣйшею красавицею въ Европѣ была Паулина де-Вигьѣ (Viguiet): въ этомъ увѣрили всѣ ея современники и, между прочимъ, Петрарка; онъ написалъ въ честь ея нѣсколько сонетовъ и называлъ Паулину Вигьѣ чудомъ природы. Вигьѣ жила въ Тулузѣ, и при каждомъ появленіи ея на улицѣ, ее окружала густая толпа народа, которая не могла довольно насмотрѣться на ея обворожительныя прелести. Изъ дальнихъ странъ пріѣзжали въ Тулузу путешественники единственно для того, чтобъ взглянуть на царицу красоты, Паулину Вигьѣ. Тулузскій парламентъ, замѣтивъ, что около Паулины собирается на улицахъ множество народа и боясь возмущенія черни, приказалъ знаменитой красавицѣ выходить со двора не иначе, какъ подъ вуалемъ. Народъ не хотѣлъ лишиться лицезрѣнія Паулины и грозилъ бунтомъ. Парламентъ наконецъ уступилъ настоянію народа и позволилъ Паулинѣ два раза въ недѣлю показываться изъ своего окна любопытнымъ. Красавица жаловалась парламенту на такое ограниченіе свободы, но просьба ея не была уважена. Чудитѣ всего то, что Паулина Вигьѣ сохранила свою красоту до глубокой старости, имѣла до 80 лѣтъ.

— Экономные Нѣмцы дѣлали уже нѣсколько попытокъ въ разныхъ странахъ Германіи, чтобъ питаться лошадинымъ мясомъ, но эта гиппокагія не укоренилась на нихъ почвѣ. Мадридъ въ Демольдѣ возобновилъ употребленіе въ пищу конины и даже дѣлалъ блинный обѣдъ на дѣлсти переселенцевъ, на которомъ лошадиное мясо было прѣ-

готовлено разными гастрономическими способами.

— Бракосочетаніе леди Вильерсъ съ капитаномъ Иботсономъ въ Гретна-Гринѣ, извѣстно уже публикѣ изъ разныхъ французскихъ и англійскихъ газетъ. «Morning Post» описываетъ слѣдующимъ образомъ эту оригинальную свадьбу. Когда женихъ и невѣста прибыли въ мѣстечко Гретна-Гринъ, знаменитый кузнецъ, вѣнчающій всѣхъ аристократическихъ бѣглецовъ изъ Лондона, сидѣлъ за роскошнымъ обѣдомъ съ нѣсколькими виженерами, находящимися при постройкѣ желѣзной дороги на границѣ Шотландіи. Кузнецъ — хозяинъ извинился передъ гостями, вышелъ изъ-за стола и отправился въ сосѣднюю комнату, гдѣ его ожидали пріѣзжіе посѣтители. На вопросъ капитана Иботсона, можетъ ли онъ ихъ обвѣнчать? кузнецъ отвѣчалъ: «Я уже нѣсколько лѣтъ занимаюсь свадьбами и буду заниматься, не смотря на всѣ юридическія интриги лорда Брума, который всѣми силами старается лишить меня этой привилегіи.» Кузнецъ на минуту оставилъ посѣтителей и послѣ возвратился къ нимъ въ оффиціальномъ нарядѣ вѣнчателя. Когда спросилъ онъ объ имени и фамиліи невѣсты, она немного смутилась и не могла отвѣчать на вопросъ. Кузнецъ, ободривъ леди, сказалъ, что олимпъ принцъ, недавно имъ обвѣнчанный, также не могъ упомянуть всѣхъ своихъ именъ и объявилъ только шесть, что, однакожь, не помѣшало бракосочетанію совершиться. Въ свидѣтеліи при этомъ обрядѣ позвано было нѣсколько почтальоновъ съ карлильской станціи. Женихъ и невѣста объявили, что они холосты, и что пріѣхали въ Гретна-Гринъ добровольно, безъ всякаго посторонняго принужденія. Кузнецъ, обратясь къ капитану, спросилъ: «Желаете ли вы вступить въ законный бракъ съ леди Вильерсъ, и будете ли съ нею жить такъ, какъ повелѣваетъ законъ Божій? будете ли любить ее, и общаетесь ли быть все-

гдашнимъ ея покровителемъ, не оставлять въ нуждѣ и болѣзни, быть ей вѣчно вѣрнымъ до скончанія вашей жизни?» Женихъ далъ клятву, положивъ правую руку на Библію. Послѣ подобныхъ вопросовъ, слѣдующихъ также невѣстѣ, она произнесла тотъ же обѣтъ. Кузнецъ надѣлъ кольца на руки новобрачныхъ, прочиталъ обычную формулу вѣнчанія и потомъ молитву. Послѣ того, кузнецъ составилъ протоколъ бракосочетанія леди Вильерсъ съ капитаномъ Иботсономъ, который скрѣпили своими подписями карлискіе почтальоны въ качествѣ свидѣтелей. По окончаніи обряда, подали шампанское, конфеты, влоды и мороженое на счетъ новобрачныхъ. Кузнецъ и почтальоны ѣли и пили за десятыхъ. Въ четыре часа молодые супруги отправились въ почтовомъ diligencѣ въ Эдинбургъ; гости, обѣдавшие у кузнеца, и рабочими желѣзной дороги громко прокричали «здравіе» новобрачнымъ.

— Въ Питсбургѣ (въ Америкѣ) забунтовались дѣвушки-работницы на бумагопрядильныхъ фабрикахъ, требуя отъ содержателей этихъ заведеній прибавки за дѣльной платы и уменьшенія рабочихъ часовъ. Тщетно старался мэръ города успокоить ихъ: бунтующія отвѣчали на его рѣчи бранью, комками грязи и камнями. Правительство города, однакожь, не рѣшилось выслать, для усмиренія ихъ солдатъ, съвѣрженными ружьями: кто же будетъ сражаться съ молодыми женщинами? иное дѣло, еслибъ непріятель состоялъ изъ старыхъ бабъ. Наконецъ, фабриканты согласились на прибавку жалованья работницамъ и уменьшенія рабочаго времени, и все пошло по старому.

— Кусокъ земли, на которой построенъ огромный городъ Нью-Йоркъ съ 300,000 жителей, купленъ былъ въ 1657 году Голландцами у одного индійскаго племени за 10 рубатъ, 30 паръ чулокъ, 10 ружей, 30 плитокъ свинца, 30 фунтовъ пороха, 30 топоровъ, 30 чугунъ

выхъ котловъ и одну мѣдную сковороду. Индѣйцы тогда очень были рады, что за пустую, бесплодную землю взяли такое множество необходимыхъ имъ вещей.

— Въ гринвичскомъ арсеналѣ есть исполнскій мечъ въ 15 сажень длиною и въ 216 центровъ вѣсомъ. Изъ этого оружія можно выковать 42,000 сабельныхъ клинковъ. Древнее преданіе гласитъ, что нѣкогда родится въ Англіи такой силачъ, который будетъ въ состояніи владѣть этимъ огромнымъ мечомъ, сдѣлается героемъ и покоритъ для Великобританіи весь свѣтъ.

— Англійскіе дипломаты вѣютъ обыкновеніе обѣдать при нѣмыхъ свидѣтеляхъ, которые, конечно, не разболтаютъ публикѣ ихъ политическаго разговора. Эти свидѣтели называются *Dish waiters* и состоятъ изъ столиковъ, подставляемыхъ за обѣдомъ къ каждому гостю съ правой руки. Слуги кладутъ на столики нѣсколько паръ ножей, вилокъ и прочее, что нужно для перемѣны блюдъ, потомъ выходятъ изъ столовой и затворяютъ двери. Гости остаются одни, сами себѣ прислуживаютъ при раздачѣ кушанья и могутъ пить и говорить сколько имъ угодно.

— Въ зданіи французской палаты депутатовъ устроена особая кухня, въ

которой кухарка варитъ бульйонъ для гг. членовъ законодательнаго собранія. Кухарка эта очень-хорошо-знаетъ, когда надобно варить полный котелъ бульйона, когда половину, когда третью часть. На-примѣръ, если въ палатѣ дѣло идетъ объ адресѣ королю въ полномъ собраніи депутатовъ, у кухарки кипитъ бульйонъ черезъ край котла также, когда говоритъ Тьеръ безконечныя свои рѣчи, и въ прочихъ чрезвычайныхъ случаяхъ. По субботамъ же она варитъ малую порцію бульйона, ибо знаетъ, что депутаты въ этотъ день разбираютъ только неважныя просьбы, подаваемые въ палату частными людьми.

— Въ Парижѣ возбуждаетъ теперь общее любопытство какой-то искусный курильщикъ, который выпускаетъ табачный дымъ изъ рта разными фигурами, — цвѣтами, вазами, столбиками, и даже выдѣлываетъ весьма-похожіе портреты вѣстныхъ лицъ. Этотъ человѣкъ, въ-теченіи двадцати лѣтъ, старался усовершенствовать свое дотлѣ-невиданное искусство и наконецъ дошелъ до того, что ему удивляется весь свѣтъ. Знаменитый курильщикъ хочетъ объѣхать всю Европу, чтобы во всѣхъ столицахъ показывать свое мастерство.

М О Д Ы.

Теперь появилась головная уборка очень-простая—изъ лентъ. Два огромныя *chou* прикалываются съ обѣихъ сторонъ косы— вотъ и все; но за то сколько вкуса тутъ и простоты! Чаше всего эти *chou* носятъ съ гладко-зачесанными волосами, а также и съ локонами. Если же нужна бальная прическа, то всего лучше приколотъ гирляндку изъ цвѣтовъ съ бархатной зеленью, когду положить тремя петлями, а передніе волосы завить въ нѣсколько булекъ. Для дамъ же есть превосходныя бархатныя тюрбаны съ плетенымъ золотымъ довышкомъ, а также тюрбаны изъ бѣлаго газа съ лопастаньями. Большія бриллантовыя булавки очень-часто показываются на прическѣ между цвѣтовъ, лентъ и кружевъ.

Относительно шляпокъ, кажется, появился расколъ: нынѣ въ восхищеніи отъ шляпъ *Patélas*, и дѣлаютъ ихъ еще открытѣе прежняго, другія же, напротивъ, предпочитаютъ шляпки, à *la Duchesse*, которыя гораздо-закритѣе и скромнѣе. Споръ еще не рѣшенъ; но безъ сомнѣнія, шляпки à *la Duchesse* побѣдятъ, потому-что, во-первыхъ, это новый фасонъ, а во-вторыхъ, потому-что шляпы *Patélas* для нашего климата слишкомъ - открыты и особенно невыгодны для зимы.

Нынѣ появились превосходныя шелковыя платки съ разрисованными бортами и углами и съ широкой бахромой. Мы видѣли одинъ такой платокъ въ Итальянскомъ Магазиנѣ, на Невскомъ-Проспектѣ: платокъ былъ синій, но удивительнаго цвѣта и съ огромнымъ разрисованнымъ угломъ изъ самыхъ ярнхъ цвѣтовъ. Также появились очень-нарядныя шелковыя матеріи съ бархатными полосами.

Носовыя платки доходятъ до чудеснаго своей вышивкой и кружевами; на нихъ вышиваютъ не только имена, но и девизы.

Башмаки дѣлаются съ самымъ коротенькимъ передкомъ, который едва покрываетъ пальцы; но задокъ по этому долженъ быть гораздо-выше, иначе башмакъ не могъ бы держаться на ногѣ.

Бальные платья дѣлаются все по-прежнему, съ тою только разницею, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе прибавляется на нихъ камень; на-примѣръ, бриллантовыхъ булавокъ между бантами, изумрудныхъ пуговицъ и т. д.

Шелковыя платья дѣлаются бол-
шею частію изъ полосатыхъ матерій
довольно-яркихъ цвѣтовъ.

Для гулянья очень-красивы бархат-
ныя пальто на горностаѣ съ боль-
шимъ горностаевымъ воротникомъ.

Распашные капоты съ отворотами
дѣлаются очень - красивые ; на - при-

иѣръ, черный атласный капотъ съ тем-
но-зелеными бархатными отворотами.

Вееры теперь уже совсѣмъ не такъ
пышны, какъ прежде, безъ перьевъ,
и съ ними кладется какъ-можно-меньше
золота.

О спензерахъ вѣтъ еще никакого на-
вѣстія.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

БЕНЖАМЕНЪ КОНСТАНЪ.

Бенжаменъ Констанъ — одно изъ самыхъ интересныхъ лицъ вѣдѣннѣйшей исторіи Франціи, и заслуживаетъ изученія подробнаго. Публицистъ, философъ, ораторъ, романистъ, свѣтскій человекъ, онъ имѣлъ успѣхъ во всѣхъ сферахъ, гдѣ вращалась его дѣятельность. Когда, пятнадцать лѣтъ назадъ, этотъ конституціонный трибунъ умеръ, весь Парижъ толпился на похоронахъ его; потомъ, вокругъ его могилы настало молчаніе, и между тѣмъ, какъ толпа уже почти забыла имя, которое не звучитъ болѣе въ ушахъ ея, писатели, изучающіе или готовящіе исторію, обсуживаютъ жизнь, дѣла и сочиненія Констанана, и ведутъ о немъ тотъ предварительный споръ, который предшествуетъ приговору потомства.

Вообще, въ настоящее время, преобладаетъ во Франціи невыгодное мнѣніе о Бенжаменѣ Констанѣ.

Первая причина этого заключается въ такъ-называемой религіозной реакціи; есть люди, слящіеся защитить религію, на которую никто не нападаетъ, поразить нечестіе, котораго никто не защищаетъ, возстановить между церковію и государствомъ соперничество, элементы котораго не существуютъ. Эти люди не могутъ простить Бенжамену Констану того, что, во время реставраціи, онъ былъ однимъ изъ самыхъ могучихъ противниковъ нхъ политическо-религіознаго возстанія противъ идей 1789 года, — противникомъ тѣмъ болѣе страшнымъ, что самъ онъ былъ чуждъ предубѣжденій той стороны, которую защищалъ, и проникнуть, если не догматическими вѣрова-ніями, то по-крайней-мѣрѣ чувствомъ религіознымъ. И отищая теперь за удары, которые наносилъ имъ этотъ

Т. XLIV. — Отд. VIII.

поборникъ свободы совѣсти, они чернятъ его память, клеветуютъ на его жизнь, и, за недостаткомъ лучшихъ аргументовъ, противопоставляютъ мыслямъ ума возвышеннаго, внушеніямъ сердца благороднаго, нѣкоторыя слабости характера, который, можетъ-быть, у Бенжамена Констанана не всегда былъ вровень съ его умомъ и сердцемъ (*).

Также невыгодно смотрятъ на знаменитаго публициста поживавшіеся со времени іюльской революціи теоретики, придумывающіе новое устройство общественное. Эти теоретики съ пренебреженіемъ глядятъ на усилія людей, въ послѣдній полулѣтъ трудившихся надъ конституціоннымъ воспитаніемъ Франціи; они забываютъ, что если имъ-самимъ можно теперь свободно высказывать свои теоріи и, не страшась другихъ судей, кромѣ публики, хлопотать о приложеніи этихъ теорій къ дѣлу, то этимъ они обязаны людямъ, которыхъ такъ порицаютъ.

Наконецъ, невыгодно судятъ о Констанѣ литераторы, — критики психологическіе; для нихъ Бенжаменъ Констанъ, на бѣду себѣ, написалъ романъ «Адольтъ», въ которомъ превосходно изобразилъ характеръ человека безъ энергіи эгоизма, безъ силы самоотверженія, человека съ большимъ тщеславіемъ и съ большою слабостію. Они смотрятъ на этотъ романъ, какъ на исповѣдь автора; для нихъ Адольтъ — одно лицо съ Бенжаменомъ Констаномъ.

Г. Сент-Бѣвъ напечаталъ, въ прошломъ году, въ «Revue des Deux Mondes» переписку молодаго Констанана съ госпожею де-Шаррьеръ, и присоединилъ

(* Въ этомъ духѣ написана статья *Benjamin Constant* въ прибавленіи къ *Biographie Universelle* г. Мишле. Все, что въ этой статьѣ есть вѣрнаго, замѣтливо изъ превосходной статьи г. Лѣво-Веймара, напечатанной въ *Revue des Deux Mondes*, и написанной советіемъ въ другомъ духѣ и съ другою цѣлію.

къ этимъ письмамъ примѣчанія, въ которыхъ строго судить автора, и въ заключеніе приписываетъ ему отсутствіе началъ, либеральную политику безъ уваженія къ людямъ, религиозность безъ вѣры. Правъ ли онъ, не слишкомъ ли строгъ онъ къ Констану?

Вообще, въ настоящее время, Констану считаютъ эгонистомъ, человекомъ безъ правилъ, скептикомъ. Надо думать, однакожь, что потомство, разсматривъ политическую, даже частную жизнь Бенжамена Констана, едва ли согласится съ этимъ мнѣніемъ. Вѣсьмаонъ-дѣлѣ, можно ли назвать эгонистомъ человека, который, имѣя умъ обширный, провинцальный и гибкій, владея перомъ сильнымъ, въ теченіе сорокалѣтнихъ переворотовъ не сумѣлъ приобрести прочнаго и блестящаго положенія въ свѣтѣ? Можно ли назвать человекомъ безъ правилъ того, кто съ начала до конца своего поприща упорно защищалъ противъ всѣхъ властей, слабыхъ и сильныхъ, пользы народа, и который, живя въ эпоху реакцій и насилій, проповѣдовалъ ненависть ко всѣмъ реакціямъ, ко всѣмъ насиліямъ? Можно ли, наконецъ, назвать скептикомъ человека, который большую часть своей жизни обдумывалъ сочиненіе о религіяхъ? Правда, его религіозныя мнѣнія измѣнялись нѣсколько разъ: сначала онъ былъ почти невѣрующимъ, потомъ доходилъ до самаго восторженнаго мистицизма, и наконецъ перешелъ въ спокойный рационализмъ. Но для объясненія этихъ переходовъ стоитъ только прочесть письмо Констана, писанное въ 1811 году къ одному пріятелю, слѣдовательно, вовсе не предназначавшееся для публики; оно напечатано Шатобрианомъ въ предисловіи къ *Etudes Historiques*.

Мое сочиненіе о религіяхъ, говоритъ Бенжаменъ Констанъ: «можетъ служить подтвержденіемъ словъ Божова: чѣмъ меньше знаешь, тѣмъ больше склонности къ атеизму; чѣмъ больше знаешь, тѣмъ больше склонности къ религіи. Именно, углублясь

въ факты, собирая ихъ со всѣхъ сторонъ, сталкиваясь съ безчисленными прѣдѣтствіями, которыя они противопоставляютъ невѣрію, и я принужденъ былъ обратиться къ идеямъ религиознымъ,—и обратился къ нимъ съ полными убѣжденіемъ...»

Но пора и намъ обратиться къ биографіи.

Анри-Бенжаменъ Констанъ де-Ребекъ родился въ Лозаннѣ, въ Швейцаріи, 23 октября 1767 г. Фамилія его происходила изъ Эра, въ Артуа; предки его были храбрыми воинами, которые служили подъ знаменами герцоговъ бургундскихъ и императора Карла-Пятаго. Около половины шестнадцатаго вѣка, одинъ изъ нихъ, Отюстенъ Констанъ де-Ребекъ, принявъ протестантскую вѣру, покинулъ Артуа, бывший въ то время испанскою провинціей, и, отправившись во Францію, сталъ подъ знаменами гугенотской партіи, предводимой королемъ наваррскимъ, — въ послѣдствіи Генрихомъ IV. Въ кутрасскомъ сраженіи, капитанъ Констанъ спасъ жизнь короля, погнавшаго въ самый пылъ схватки. Въ этой же самой битвѣ, въ первыхъ рядахъ арміи виднѣнъ былъ гугенотскій пасторъ, по имени Антуанъ де-Шандлѣ, прибавившій къ своему имени библейское прозваніе Саделъ; въ то время, какъ храбрый артуаскій капитанъ бился съ врагами, пасторъ Саделъ, воздвѣвъ руки къ небу, молилъ Бога о побѣдѣ, одушевлялъ мужество воиновъ, восиѣвая псалмы. Кровь этого пастора и кровь этого капитана, спустя два вѣка, соединились, и плодомъ такого соединенія былъ Бенжаменъ Констанъ; его мать, Анриетта де-Шандлѣ, по прямой линіи происходила отъ пастора Садела.

Изъ Записокъ Сюлли видно, что, послѣ отреченія Генриха IV отъ протестантизма, капитанъ Констанъ былъ въ числѣ протестантскихъ вождей, думавшихъ превратить Францію въ республику. Открытіе этого заговора поставило его, въ 1605 г., удалиться въ Швейцарію, въ Лозанну, гдѣ онъ и

сдѣлался родоначальникомъ многочисленной фамилии, члены которой съ отличіемъ служили—одни во Франціи, другіе въ Голландіи.

Дядя Бенжамена Констана, въ послѣдствіи генерал-лейтенантъ голландской службы, былъ въ числѣ швейцарскихъ офицеровъ, защищавшихъ 10-го августа Тюльерійскій-Дворецъ. Отецъ его, Жюсть-Луи Констанъ де-Ребекъ, при самомъ рожденіи, имѣлъ уже чинъ капитана голландской службы. Мать, женщина сложенія слабаго и нѣжнаго, умерла, давъ ему жизнь, и дѣтство Бенжамена лишено было заботъ материнскихъ, которыя имѣютъ такое вліяніе на развитіе характера дитяти.

Послушаемъ, какъ самъ Бенжаменъ Констанъ описываетъ вліяніе, которое характеръ отцовскій имѣлъ на его характеръ:

«Обращеніе его со мною скорѣе можно было назвать благороднымъ, великодушнымъ, чѣмъ нѣжнымъ. Я былъ проникнутъ его правами на мою признательность и уваженіе; но до вѣрности не было между нами. Въ умѣ его было не знаю что-то ироническое, несогласовавшееся съ моимъ характеромъ (въ послѣдствіи, онъ самъ, однакожъ, въ сильной степени обнаруживалъ такое же направленіе ума). Я предавался въ это время тѣмъ пылкимъ впечатлѣніямъ, которыя увлекаютъ душу за предѣлы сферы обыкновенной и внушаютъ ей презрѣніе ко всѣмъ окружающимъ ее предметамъ, — и находилъ въ отцѣ не цензора, а холоднаго и насмѣшливаго наблюдателя, который сначала съ улыбкою сожалѣнія слушалъ мои бредни, а потомъ съ досадою прекращалъ разговоръ... Письма его исполнены были ума и нѣжности; но какъ-скоро мы сходились другъ съ другомъ, то въ чемъ было что-то принужденное, чего я никакъ не могъ объяснить себѣ, и что дѣйствовало на меня тягостнымъ образомъ... Я не зналъ, что даже съ сыномъ своимъ отецъ мой былъ робокъ, и что часто, долго ждавъ отъ меня какого-нибудь знака нѣжности,

которой я не смѣлъ выразить изъ опасенія его наружной холодности, онъ покидалъ меня со слезами на глазахъ и жаловался другимъ, что я не люблю его.

«Принужденность въ обращеніи съ отцомъ имѣла большое вліяніе на мой характеръ; будучи такъ же робокъ, какъ онъ, я привыкъ скрывать въ самомъ-себѣ все, что чувствовалъ, привыкъ считать для себя стѣсненіемъ и какъ-бы препятствіемъ совѣты, участіе, помощь, даже присутствіе другихъ, привыкъ вступать въ разговоръ только по необходимости и оживлять его безпрерывною шуткой, которая дѣлала его не такъ тягостнымъ для меня и помогала мнѣ скрывать настоящія мои мысли; отсюда то отсутствіе откровенности, въ которомъ еще и нынѣ упрекаютъ меня друзья, и неохота вести разговоръ серьёзный, которую мнѣ всегда трудно бываетъ одолѣть. Въ то же время и отсюда же возникло пламенное желаніе независимости, досада на связи, окружавшія меня...»

До тринадцати-лѣтняго возраста, Бенжаменъ Констанъ воспитывался въ домѣ родительскомъ и съ изумительною быстротою выросталъ тѣломъ, умомъ и сердцемъ. Отъ этого времени сохранились письма, свидѣтельствующія о необыкновенно-раннемъ развитіи его умственныхъ способностей.

На тринадцатомъ году, онъ отправленъ былъ въ Англію и помѣщенъ въ Оксфордскомъ Университетѣ; тамъ пробылъ онъ недолго, однакожъ успѣлъ хорошо изучить англійскій языкъ. Ученые продолжались въ Германіи, въ Эрлангемскомъ Университетѣ, и окончилось въ Эдинбургѣ, гдѣ Бенжаменъ Констанъ былъ соученикомъ и другомъ Макинтоша, Эрскайна, Грагама и другихъ молодыхъ выговъ, со временемъ сдѣлавшихся отличѣйшими государственными людьми Англіи. Безъ сомнѣнія, дѣлѣдствіе сорекоменіа, которое возбуждало такое товарищество, равно развилась въ немъ любовь къ свободѣ политическою и къ истинной любви къ занятіямъ, та неодолима

потребность въ умственной работѣ, которая никогда не покидала его среди жизни тревожной и бурной.

Кончивъ ученіе, онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ въ началѣ 1787 года, въ прологъ французской революціи. Ему было тогда двадцать лѣтъ. Введенный въ домъ Неккера и Сюара, у котораго и жилъ, онъ посѣщаетъ общество «Филозофовъ», слушаетъ въ Лицее курсы Лавгарца, наблюдаетъ броженіе умовъ и въ то же время предается разсѣянности, свойственной лѣтамъ его...

«Я былъ бы радъ» писалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя: «снова увидѣть Парижъ, и очень жалѣю, что, когда былъ тамъ, то глупо тратилъ время, деньги и здоровье... Я, можетъ-быть, также глупъ и теперь, но по-крайней-мѣрѣ не считаю похвальнымъ дѣломъ не спать ночей, играть, разорваться, и, безъ удовольствія проведя ночь, хворать днемъ въ-слѣдствіе безпорядочной ночи.»

Пребываніе его въ Парижѣ было кратковременно; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, отецъ узналъ о его шалостяхъ, и недовольный тѣмъ, что сынъ тратитъ жизнь безъ цѣли и желая дать ему какое-нибудь опредѣленное занятіе, велѣлъ ему покинуть Парижъ и пріѣхать къ нему въ Буа-ле-Дюкъ, гдѣ онъ стоялъ тогда съ полкомъ своимъ.

Приказаніе пришло въ такое время, когда Бенжаменъ Констанъ, влюбленный въ молодую дѣвушку, получилъ отказъ въ рукѣ ея, былъ въ сильнѣйшемъ припадкѣ отчаянія.

«Когда всѣ мои планы рушились, я считалъ себя несчастнѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ, представлялъ себѣ бѣднаго отца, обманувшагося во всѣхъ своихъ надеждахъ — и упалъ духомъ, страдалъ, плакалъ... Нелѣпная мысль пришла мнѣ въ голову: уйду, говорилъ я самъ себѣ, стану жить одинъ; не буду составлять несчастія отца, надоѣдать другимъ. И вотъ носнѣшно беру я три рубашки и нѣсколько чулковъ... Сдѣлавши, жившій наизпротивъ, занимаетъ мнѣ ошейникъ; беру лошадей и сажусь въ

карету съ тремя рубашками, парю туфель и съ тридцатью лундорами въ карманѣ. Лечу, въ двадцать часовъ дѣлаю шестьдесятъ миль, пріѣзжаю въ Калѣ, сажусь на корабль, переѣзжаю въ Дувръ и какъ-бы пробуждаюсь отъ сна. Раздраженный отецъ, друзья, знакомые вертятся въ моемъ воображеніи; я одинъ съ пятнадцатую гивемьями, безъ слуги, безъ плановъ, безъ рубахъ, безъ рекомендательныхъ писемъ! Вотъ, сударыня, въ какомъ положеніи я теперь, когда пишу къ вамъ.»

Этимъ рассказомъ начинается переписка съ г-жею де-Шаррьеръ, названная г. Сент-Бѣвомъ. Этой дамѣ, родомъ Голландкѣ, вышедшей за Швейцарца и жившей въ Швейцаріи, писавшей романы и равныя брошюры, было тогда по-меньшей-мѣрѣ сорокпять лѣтъ. Бенжаменъ Констанъ нарисовалъ портретъ ея, разумеется, съ прикрасами, въ своемъ «Адолфѣ», гдѣ онъ говоритъ о «женщинѣ уже въ лѣтахъ, которой умъ, замѣчательный и странный, началъ развиваться его собственнымъ умъ; о женщинѣ, которая, подчинившись необходимымъ приличіямъ свѣта, увидѣла, что всѣ надежды обманули ее, что молодость ея прошла безъ радости; о женщинѣ, которая, находя одно утѣшеніе въ умѣ своемъ, анализировала все умомъ и научила его бояться общихъ правилъ, догматическихъ формулъ; въ прозѣ это значитъ, что г-жа де-Шаррьеръ была женщина не совсѣмъ-обыкновенная, не злая, довольно-скептическая, и болѣе умная, чѣмъ чувствительная. Молодой Констанъ подружился съ нею, и эта дружба, какъ можно видѣть изъ переписки, превратилась было на нѣсколько мѣсяцевъ въ отношенія болѣе-близкія, но потомъ она приняла свою первоначальную форму, и наконецъ, послѣ восьмилѣтнихъ сношеній, перешла въ равнодушіе. Сент-Бѣвъ и этотъ результатъ обращаетъ въ порицаніе Бенжамену Констану. Но, сказать по правдѣ, что же тутъ рѣзкого? Напротивъ, не удивительно ли,

что при всей противоположности возраста и состоянія, даже характера этихъ двухъ лицъ, не смотря почти на безпрерывную разлуку, не смотря на перрешны и бури въ жизни молодого человека, послѣднее письмо Констанъ оканчивается еще нѣжностями и сожалѣніями. «Прощайте, вы, украшенная восемь лѣтъ моей жизни, вы, которую я не могу, не смотря на печальный опытъ, вообразить при нужденною и притворяющеюся, вы, которую оцѣню я такъ, какъ никто не оцѣнитъ васъ, — прощайте, прощайте!»

Какъ бы то ни было, эта переписка драгоцѣнна, судя по вѣданнымъ отрывкамъ ея. Г. Сент-Бѣвъ увѣряетъ, что особа, въ обладаніи которой она находится, не дастъ ее вполнѣ, и этого надо желать, потому-что подобная переписка утвердить, можетъ-быть, лучшее мнѣніе о Бенжамеѣ Констанѣ, котораго умъ хвалить, порицая сердце. Первая часть переписки вся посвящена веселому разсказу о бѣгствѣ въ Англію. Констанъ описываетъ, какъ онъ странствуетъ нѣшкомъ, съ собакой и двумя рубашками, истрачивая пять-шесть шиллинговъ въ день, проходя девяносто миль въ три дня, довольный бѣдностью, позволяющею ему видѣть деревенскую жизнь, и воображая, какъ пріятно ему будетъ, поносивъ грязное бѣлье и костюмъ разорившагося дворянина (broken gentleman), нѣтъ бѣлье чистое, платье сухое и опрятное. Правда, во всемъ этомъ разсказѣ больше веселости, чѣмъ чувства; молодой странникъ думаетъ только о томъ, какъ бы позабавить умную и настишную даму; но и то сказать, отчего же ему тревожиться? Ручаюсь за «отпа», говоритъ онъ: «онъ будетъ недоволенъ мной и мной безразсудствомъ, хотя и увѣряетъ, что проситъ меня; но я рѣшился сдѣлать свое другому вопреки ему; и буду такъ веселъ, такъ свободенъ, такъ чистосердеченъ, что онъ поневогѣ будетъ сѣяться и полюбить меня.»

Изъ безразсуднаго побѣга въ Англію молодой Констанъ возвращается въ Лозанну, гдѣ отецъ бранитъ его и проситъ съ условіемъ, чтобъ онъ принялъ выхлопотанное для него мѣсто при дворѣ герцога брауншвейгскаго. Онъ проводитъ два мѣсяца въ Коломбѣ, у г-жи де-Шаррьеръ, и отправляется въ Брауншвейгъ; тамъ онъ страшно скучаетъ, мститъ за эту скуку насмѣшками надъ людьми, которые причиняютъ ее, обдумываетъ свое сочиненіе о религіяхъ, и, сѣясь надъ собой и другими, влюбляется наконецъ въ молодую дѣвушку, состоящую въ свѣтѣ владѣтельной герцогини, и женится на ней въ 1789 году. Едва минуло два года — и супружеское счастье, о которомъ мечталъ онъ, превратилось въ адъ; онъ просилъ развода. Если судить по письмамъ, то не онъ одинъ былъ виноватъ въ этомъ разстройствѣ семейной жизни. «Если бы она рѣшилась хоть сколько-нибудь облегчить его» пишетъ онъ: «я бы все-еще несъ его... Нѣтъ, не въ умѣ сила, а въ характерѣ. У меня было больше ума, чѣмъ у ней, а она попирала меня ногами...» Разводъ былъ выхлопотанъ.

Наконецъ, эта жизнь въ Брауншвейгѣ, исполненная тайныхъ мукъ и мелочныхъ заботъ, становится ему ненавистною. Демократъ и насмѣшникъ, онъ приобрѣлъ себѣ много недоброжелателей въ брауншвейгскомъ обществѣ. Общее волненіе въ Европѣ будитъ въ немъ честолюбіе; ему нужно отечество, — отечество, которому стоило бы служить; онъ выбираетъ Францію, старую родину отцовъ своихъ. Скинувъ шитый золотомъ мундиръ камергера, онъ возвращается сначала въ Швейцарію, гдѣ встрѣчаетъ въ первый разъ, 19-го сентября 1794 года, г-жу Сталь. Съ перваго взгляда, она произвела въ немъ живой восторгъ: «рѣдко» говоритъ онъ: «видалъ я подобное соединеніе качествъ удивляющихъ и привлекающихъ, столько блеска, столько прелести, простоты... однимъ словомъ, это существо особенное, су-

«щество высшее, которое можно встретить только разъ въ цѣлый вѣкъ, — существо такое, что тотъ, кто знаетъ его, кто другъ его, не долженъ требовать другаго счастья».

Желая слѣлаться великимъ, чтобъ приобрести любовь великой женщины, Бенжаменъ Констанъ ѣдетъ въ Парижъ, въ 1796 г. Онъ прѣхалъ съ паспортомъ, въ которомъ названъ былъ женеvскимъ гражданиномъ. Быть-можетъ, онъ не принялъ съ самаго начала званія французскаго гражданина (*), потому-что не рѣшался еще окончательно утвердиться на этой ненадежной почвѣ и хотѣлъ предварительно изслѣдовать ее. «Мониторъ», перепечатывая въ своихъ столбцахъ первую его брошюру, подъ заглавиемъ: *De la force du gouvernement actuel et de la necessitѣ de s'y rallier*, брошюру, изданную въ Парижѣ въ фюбралѣ 1796 г., и напечатанную, кажется, въ Швейцаріи, говоритъ о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Замѣчательно, что иностранецъ съ глубокою проницательностію разбираетъ интересы нашей страны, доказываетъ силу нашего правительства, слабость и невѣрные расчеты нашихъ враговъ и почти вездѣ соединяетъ блескъ и силу слога съ вѣрностію взглядовъ. Такъ-какъ книга, о которой мы объявляемъ, можетъ быть очень-полезнаю для спокойствія и

«счастія отечества, то мы считаемъ долгомъ своимъ познакомить съ нею читателей вполнѣ».

Г. Лѣве-Веймаръ, въ статьѣ своей о Бенжаменѣ Констанѣ, говоритъ, что г-жа Сталь, по прѣздѣ Констанъ въ Парижъ, увлекла его въ партію роялистскую, и что онъ напечаталъ въ журналахъ три статьи противъ декретовъ, служившихъ дошолженіемъ конституціи III года, — декретовъ, въ силу которыхъ двѣ трети членовъ Конвента должны были быть членами новаго законодательнаго собранія. Но, не говоря уже о томъ, что эта оппозиція противъ декретовъ не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ роялистскаго направленія, невѣроятно, чтобъ г-жа Сталь сделала его тогда къ роялизму, потому-что она не только не симпатизировала съ роялистскимъ движеніемъ, обнаружившимся въ ванденвертѣ, но, сколько могла, защищала конституцію III года. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только ея позднѣйшія сочиненія, но и современники, именно г. Лакретель, бывший въ числѣ предводителей Парижанъ, возставшихъ противъ Конвента, и въ *Dix ans d'ѣpreuves* рассказывающій продолжительный разговоръ свой съ г-жею Сталь, гдѣ она сильно порицаетъ его предпріятіе и старается оглушить его.

Дѣло въ томъ, что въ то время умнѣйшіе люди во Франціи, Дону, Лажюинне, Буасси - д'Англа и другіе, съ которыми г-жа Сталь сходилась въ мнѣніяхъ, искренно и единодушно желали, чтобъ республика упрочилась, чтобъ порядокъ и свобода привирядились подъ конституціею III года. Не смотря на свои недостатки, эта конституція все-таки была лучше всѣхъ прежнихъ. Она утверждена была общимъ согласіемъ Франціи, арміи и самого Парижа. Парижане противились только декретамъ о выборѣ двухъ третей членовъ Конвента, — и противились, опасаясь болѣе террористовъ, чѣмъ роялистовъ.

(*) Право его на французское гражданство основывалось на законѣ 15-го декабра 1790 г., въ которомъ было сказано, что всѣ лица, родившіяся въ чужой странѣ, но происходяшія въ какой бы то ни было степени отъ Француза или Француженки, удалившихся изъ отечества по релягиознымъ причинамъ, признаются французскими гражданами и пользуются правами, присвоенными этому званію, если возвратятся во Францію и принесутъ гражданскую присягу. Въ 1792 г., отецъ Бенжамена Констанъ рѣшился воспользоваться этимъ закономъ и, давъ присягу въ муниципальномъ совѣтѣ Доля, поселился въ окрестностяхъ этого города, въ помѣстьѣ, въ которомъ и умеръ въ 1812 г.

Прибывъ во Францію въ такое время, Бенжаменъ Констанъ, подъ влияніемъ г-жи Сталь, сдѣлался органомъ мѣня, равно неблагопріятнаго и для террористовъ и для роялистовъ,—мѣня, состоящаго въ томъ, что Франція, сбросивъ съ себя иго первыхъ, не должна желать господства послѣднихъ. Въ этомъ духѣ, умѣренно-республиканскомъ, написана была его брошюра, въ заключеніи которой онъ краснорѣчиво призывалъ всѣ партіи къ примиренію и къ поддержанію правительства.

Примиреніе это было невозможно, потому-что предшествовавшая борьба была слишкомъ жестока; директорія не въ силахъ была произвести этого примиренія. Такой подвигъ сужденъ былъ Бонапарте, который и совершилъ его, убивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свободу.

Служи нѣсколько дней по изданіи брошюры, Бенжаменъ Констанъ, просившій директорію о дарованіи ему правъ французскаго гражданства и получившій отказъ,—потому-что, по конституціи III года, для этого надо было прожить семь лѣтъ во Франціи,—подалъ законодательному собранію просьбу, въ которой объяснялъ, что какъ отецъ его признанъ французскимъ гражданиномъ, то и онъ имѣетъ законное право на это гражданство.

Послѣ непродолжительныхъ преній объ этой просьбѣ, рѣшеніе ея было отложено на непродолжительное время. Между-тѣмъ, Бенжаменъ Констанъ купилъ имѣніе близъ Люзарша, и такъ-какъ онъ записался въ муниципальные списки этой общины, то въпросъ считался какъ-бы рѣшеннымъ. Но онъ не былъ рѣшенъ, и Бенжаменъ Констанъ никогда не былъ на этотъ счетъ совершенно-спокоенъ. Какъ-скоро Женева присоединена была къ Франціи, Констанъ записался въ жевевскіе граждане,—а это значило одно и то же, что быть Французомъ; но реставрація отняла у него это средство быть Французомъ: она допустила его однакожъ два раза быть депутатомъ.

Не прежде, какъ при третьемъ выборѣ въ депутаты, въ 1824 г., онъ вздумалъ просить палату рѣшить забытое дѣло. Пренія были шумныя и нѣсколько дней занимали весь Парижъ. Г. Дюдонъ, одинъ изъ самыхъ пылкихъ членовъ оппозиціи, взялся первый доказать, что Бенжаменъ Констанъ не имѣлъ чести быть Французомъ, и доказывалъ это въ такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, что вызвалъ противника къ самому рѣшкому отвѣту. За тридцать лѣтъ до того, Бенжаменъ Констанъ въ просьбѣ своей Совѣту-Пятисотъ, къ-несчастью, привелъ отрывокъ изъ «Записокъ Скюлли», гдѣ министръ Генриха IV неопредѣленно говоритъ объ участіи его предка въ замыслѣ учредить республику. Роялисты 1824-го года ухватились за этотъ несчастный аргументъ. — «Но по религіознымъ причинамъ», кричалъ Дюдонъ, «удалился предокъ вашъ изъ Франціи, а за преступленіе противъ величества. Вы сами признались въ этомъ и хвастались этимъ.» — Двадцатилѣтнія побѣды, говорилъ другой депутатъ, не могли сдѣлать власть Бонапарте законною; тридцатилѣтнее пользованіе правами французскаго гражданства не можетъ оправдать притязаній Бенжамена Констана.

Нападеніе было сильное; но Бенжаменъ Констанъ не смутился. Предокъ его, можетъ-быть, и принималъ участіе въ республиканскихъ замыслахъ, къ исполненію которыхъ, однакожъ, не было приступлено, но предокъ его спасъ также жизнь Генриху IV въ кутрасской битвѣ; было по-крайней-мѣрѣ вознагражденіе. Если не хотѣли признать правъ, какія давало ему происхожденіе съ отцовской стороны, и эти права дѣйствительно были отвергнуты Мартиньякомъ, докладчикомъ комиссіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что, родившись въ Артуа, провинція въ то время испанской, капитанъ Констанъ не былъ Французомъ, когда переселился въ Швейцарію,—то оставались права происхожденія съ матерней стороны, и эти права восторжеше-

ствоваши. Прибавимъ также, что въ слѣдствіе розысканій, дѣланныхъ по этому предмету, открыто было, что въ родословной Констана было много храбрыхъ и вѣрныхъ рыцарей. Это открытіе произвело значительное впечатлѣніе, и Бенжаменъ Констанъ дерзавшею окончателью признанъ былъ Французомъ.

Но возвратимся къ политическимъ дебютамъ Констана при директоріи. Въ маѣ 1797 года, онъ издалъ новую брошюру, подъ заглавіемъ: *Des réactions politiques*, и эта брошюра имѣла еще болѣе успѣха, чѣмъ первая. Одинъ и тотъ же духъ въ обѣихъ: любовь къ законности и ненависть къ самовластию, подъ какой бы формой и наименованіемъ ни являлось оно. Въ послѣдней брошюрѣ есть рѣзкая выходка противъ журналовъ якобинскихъ и журналовъ роялистскихъ, и въ послѣдствіи, при реставраціи, часто указывали ему на эту выходку, когда онъ защищалъ свободу тисненія, — возраженіе неосновательное, потому-что онъ, нападая на эти журналы, обвиняя ихъ въ томъ, что они, клеветая на правительство, побуждаютъ его къ мѣрамъ насильственнымъ, никогда не оспаривалъ, не отрицалъ у нихъ права высказывать свое мнѣніе. Первое изданіе разошлось быстро; Констанъ напечаталъ второе и въ началѣ его помѣстилъ новое сочиненіе, изданное потомъ отдѣльно подъ заглавіемъ: *Des effets de la terreur*. Цѣлью этого сочиненія было опровергнуть существовавшее уже тогда мнѣніе о пользѣ терроризма. Авторъ брошюры доказываетъ, что терроризмъ вовсе не былъ необходимъ для спасенія республики, и что онъ сдѣлалъ больше зла, чѣмъ добра.

Съ блескомъ занявъ это положеніе между террористами и роялистами, Бенжаменъ Констанъ привлекъ къ себѣ вниманіе и сочувствіе всѣхъ просвѣщенныхъ и умѣренныхъ республиканцевъ, а съ другой стороны подвергся нападкамъ террористовъ и роялистовъ. Эти нападки были такъ силь-

ны, что заставили его вызвать на дуэль журналиста, по имени Сибюе, который, выдержавъ его огонь, выстрѣлилъ на воздухъ, и на другой же день объявилъ въ своемъ журналѣ, что гражданинъ Сибюе уважаетъ гражданина Констана.

Между-тѣмъ, обѣ партіи, враждебныя правительству, со-дня-на-день становились дѣятельнѣе; особенно роялистская партія, приобретающая большинство въ законодательномъ собраніи, готовилась къ рѣшительной битвѣ съ Директоріей. Для противодѣйствія клубамъ роялистскому и якобинскому, образовался въ отелі Сальма, въ Лильской-Улицѣ, конституціонно-республиканскій клубъ, и Бенжаменъ Констанъ, уже высоко-стоявшій въ мнѣніи общественномъ, избранъ былъ секретаремъ его.

Но вотъ Бонапарте забираетъ въ свои руки Францію; назначенный членомъ трибунала, Бенжаменъ Констанъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые серьезно смотрѣли на свои обязанности и пытались остановить движеніе умовъ, желавшихъ столько же политическаго рабства, сколько славы воинской. Эти голоса, осмѣливавшіеся спорить, скоро не понравились будущему императору; онъ заставилъ ихъ замолчать, удаливъ ихъ изъ трибунала: въ томъ числѣ, разумѣется, былъ и Бенжаменъ Констанъ. «Мы поочистили трибуналъ», сказалъ одинъ государственный совѣтникъ г-жѣ Сталь. — «Вы хотите сказать, что *слали слажи*», отвѣчала она. Она сама рассказываетъ, въ *Dix années d'exil*, что въ тѣ дни, когда въ трибуналѣ говорилъ Бенжаменъ Констанъ, столовая ея была почти совсѣмъ-пуста. Скоро г-жа Сталь была изгнана, и съ нею изгнанъ Бенжаменъ Констанъ; они вмѣстѣ путешествовали по Германіи. Въ январѣ 1804 года, были они въ Веймарѣ, гдѣ принимали ихъ Гёте и Шиллеръ. Здѣсь-то вздумалъ Бенжаменъ Констанъ перевести шиллерова «Валленштейна», и перевелъ его, сказавъ правду, плохими стихами, за то присоединилъ къ пере-

воду предисловіе въ прозѣ, которое гораздо лучше стиховъ. Это предисловіе заключаетъ въ себѣ краснорѣчивый и умный разборъ классицизма и романтизма. Замѣчательно мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ объ идеалѣ любви во Франціи и Германіи; оно доказываетъ, что Бенжамеъ Констанъ, хотя писалъ стихи плохіе, однакожь не былъ лишенъ чувства поэзіи.

Около того же времени между двумя изгнанниками открываются тѣ бури сердца, о которыхъ много толкуютъ біографы г-жи Сталь и Констана. Смотри на него, какъ на «Адольфа», они видятъ въ героинѣ романа, Эленорѣ, портретъ г-жи Сталь; но очевидно, что двусмысленное положеніе Эленоры, — положеніе, болѣе-удобоприимное къ Англичанкѣ, г-жѣ Ливсей, съ которой Бенжамеъ Констанъ имѣлъ временную связь, — не имѣетъ ничего общаго съ положеніемъ г-жи Сталь. Далѣе, въ романѣ говорится, что Эленора была женщина ума обыкновеннаго, а въ этомъ ужъ нѣтъ никакого сходства съ г-жею Сталь; наконецъ, вичего нѣтъ негнѣе, какъ отнести къ тому или другому лицу черты, собранныя воображеніемъ романиста отсюду. Хотя Бенжамеъ Констанъ не былъ Адольфомъ, а г-жа Сталь Эленорой, но вѣрно то, что эти два существа созданы были, чтобъ понимать другъ друга, чувствовали влеченіе другъ къ другу, и между-тѣмъ взаимно мучили себя.

Въ-слѣдствіе отказа г-жи Сталь, который, впрочемъ, не трудно объяснить — отказа законнымъ образомъ соединить свою судьбу съ судьбою Бенжамена Констана, онъ рѣшился, въ 1808 году, жениться на молодой дамѣ изъ фамиліи Гарденбергъ, одной изъ лучшихъ фамилій въ Ганноверѣ. Нѣсколько времени онъ прожилъ спокойно въ Гёттингенѣ и, пользуясь этимъ спокойствіемъ, трудился надъ своимъ сочиненіемъ о религіяхъ. Но и этотъ бракъ былъ непроченъ, и скоро разорванъ. Сердце Бенжамена Констана привыкло къ тревогѣ, къ бурямъ; онъ искалъ этихъ тревогъ въ другихъ сер-

дечныхъ связяхъ, и потому, когда утратилъ уже способность любить и быть любимымъ, предался страсти къ игрѣ, и съ этою страстью сошелъ въ могилу.

Во время послѣдняго пребыванія въ Германіи, въ 1813 году, когда политическое зданіе, воздвигнутое Наполеономъ, со всѣхъ сторонъ рушилось, Бенжамеъ Констанъ издумалъ также нанести ему ударъ и издалъ книгу подъ заглавіемъ: *De l'esprit de conquête et d'usurpation*. Эта книга, предѣвшая Наполеону незабываемое и близкое паденіе, произвела сильное впечатлѣніе во всей Европѣ; по силѣ слога, вѣрности выводовъ и возвышенности взглядовъ, она едва-ли не лучшее произведеніе Бенжамена Констана. Послѣ паденія Наполеона, онъ возвратился въ Парижъ, и предложилъ правительству реставраціи въ помощь перо свое, если правительство будетъ держаться конституціи. Въ этомъ духѣ написалъ онъ въ *Journal des Débats* рядъ статей, изъ которыхъ послѣдніи начали уже принимать отглагокъ недоумчивости и несправедливости къ правительству. Вдругъ снова явился во Франціи Наполеонъ, вызванный съ острова Эльбы именно тѣми ошибками правительства, которыя знаменитый публицистъ не переставалъ порицать. Наполеонъ несся съ быстротою орла. Король и его правительницы бѣжали изъ Парижа. Въ эту минуту, когда все покорилось Наполеону, Бенжамеъ Констанъ бросаетъ еще въ побѣдоноснаго врага послѣднюю, самую вѣдную изъ своихъ стрѣлъ: имъ говоритъ о знаменитой статьѣ его въ *Journal des Débats*, подъ которой онъ выставилъ свое имя и въ заключеніи которой говорить: «я не стану жалкимъ переметчикомъ переходить отъ одной власти къ другой, не стану союзникомъ прикрывать безчестіе...»

А черезъ нѣсколько, Бенжамеъ Констанъ былъ государственнымъ совѣтникомъ при императорѣ и помогалъ составленію дополнительнаго акта къ

учрежденіямъ имперіи (acte additionnel).

Это событіе — самое несчастное въ политической жизни Констана. Враги его ни въ чемъ такъ сильно не упрекали его, какъ въ этой перемѣнѣ отношеній къ Наполеону, забывая, что, если мерицать за это Бенжамена Констана, то по справедливости слѣдуетъ порицать и всю конституціонную партію, начиная съ Лавфайета, который, бывъ приверженцемъ Бурбоновъ до 20 марта, пристрастѣ также къ Бонапарте, объявляющему Франціи свободу и защиту отъ чужеземцевъ, а потомъ покинувшъ его послѣ битвы ватерлооской. Бенжаменъ Констанъ поступилъ въ этомъ случаѣ подобно многимъ другимъ, но никто не поступилъ такъ неловко, какъ онъ. Тѣ, которые не могли дать себѣ отчета въ этомъ поступкѣ, стали обвинять его малодушіемъ, низостью. А между-тѣмъ, онъ объясняется двояко: во-первыхъ, побужденіями очевидно-естественными, принятыми въ извѣстномъ отъ многихъ другихъ, поступившихъ точно также, — именно патристическими чувствами, которые, побуждая забыть прежнюю неприязнь къ Наполеону, заставляли оседлаться съ нимъ для отраженія новаго нашествія враговъ, въ этотъ разъ джественно-важнаго быть гибельнымъ не только для Наполеона, но и для Франціи. Во-вторыхъ, поступокъ Бенжамена Констана объясняется еще другими причинами.

Въ статьѣ, посвященной знаменитому публицисту, г. Лёве-Веймара истолковывается поведеніе его, по возвращеніи Наполеона во Францію, погубившаго живіемъ одной особой изъ высшего круга, въ которую онъ былъ влюбленъ. Это правда. Въ то время, какъ Франція дрожала подл стонами императора, — въ то время, какъ Парижъ былъ въ оцѣнѣнннн и ожиданнн, Бенжаменъ Констанъ, это сухое сердце, какъ называютъ его строгіе біографы, былъ занятъ одною мыслію: какъ бы въ готовящемся переворотѣ найти средство раставить холодную красавицу

полюбить себя. Что же для этого сдѣлать? Защищать Бурбоновъ? Этого недостаточно; у Бурбоновъ есть защитники: есть защитники молодые и красивые, которые, при первомъ извѣстнн о высадкѣ Наполеона, обважають шлагн и изъявляютъ готовность умереть подл стѣнами Парижа. Чтобы превзойти ихъ, чтобы доказать искренности своего мнѣнія, доказать способность къ самоотверженію, которой не хотѣть вѣрить, Бенжаменъ Констанъ беретъ перо, которыми въ это время дѣйствовать опаснѣе, чѣмъ саблемъ, и, когда всѣ покидаютъ Бурбоновъ, наноситъ этимъ оружіемъ послѣднн ударъ Наполеону, — ударъ безразсудный, не могущн привести никакой пользы, могущн повести только къ тому, что онъ, Бенжаменъ Констанъ, будетъ разстрѣлянъ или изгнанъ изъ Франціи, т. е. сдѣлается человѣкомъ интереснымъ въ глазахъ любимои особы.

Вотъ что пишетъ онъ, когда получено было извѣстнн о высадкѣ Наполеона: «Если правительствон соединится съ народомъ, — все можетъ быть спасено, не смотря на армію; если же нѣтъ, то я очень опасаясь за результатъ. Среди всего этого волненія я занялъ только вами; вахется, я сталъ бы думать объ однѣхъ васъ и тогда, когда бы рухнула весь міръ...»

Наполеонъ вступилъ въ Ліонъ, и Бенжаменъ Констанъ пишетъ:

«Простите, что, пользуясь обстоятельствами, я беспокою васъ. Черезъ четыре или пять дней, участь моя навѣрно будетъ рѣшена... Если мы не восторжествуемъ, чрезъ недѣлю я буду или изгнанникомъ, или бѣглецомъ, или въ тюрьмѣ, или меня разстрѣляютъ. Такъ удѣляйте же мнѣ сколько-можно-болѣе вашего времени... Мое чувство къ вамъ — живое мое; ваше равнодушіе причиняетъ мнѣ болѣе гора, нежели сколько можетъ причинить, чрезъ нѣсколько дней, смертнн приговоръ; и когда я думаю, что опасность есть, средство

• списать участіе ваше, радуясь
• опасности».

Наполеонъ идетъ къ Парижу форсированными маршами, и вотъ что пишетъ Бенжаменъ Констанъ:

• Ради Бога, принудьте себя на нѣ-
• сколько дней скрывать отъ меня от-
• вращеніе ваше. Мнѣ нужна моя голо-
• ва; я защищаю тѣхъ, кого вы люби-
• те. Не боюсь я Наполеона, прибли-
• жающагося къ намъ, и нападаю на
• него всѣми способами. Всѣ говорятъ
• мнѣ, чтобъ я не дожидаясь его;
• остаюсь, желая доказать вамъ, что
• и во мнѣ есть мужество, что и во
• мнѣ есть кое-что доброе. Зачѣмъ же
• попираю меня ногами, оскорбляю
• меня (*)?»

Наполеонъ въ Фонтенблѣ, и между-
• тѣмъ, какъ роялисты торопливо бѣ-
• гутъ изъ Парижа, Бенжаменъ Констанъ
• печатаетъ свою знаменитую статью;
• въ тотъ же день онъ пишетъ: «Я очень
• радъ, что моя статья напечатана; по-
• крайней мѣрѣ теперь нельзя уже
• подозревать мою искренность. Богъ
• записка, которая написана мнѣ по
• прочтеніи статьи (**). Еслибъ я полу-
• чилъ подобную ей отъ другой, то мнѣ
• было бы весело и на эшафотѣ...»

И потомъ:

• Мое положеніе очень-просто: вы
• идете, и я ѣду; вы остаетесь, и я оста-
• юсь.»

По тону упрека, господствующему
въ письмахъ Констанъ, видно, что
особа, о которой идетъ рѣчь, отъ-того
ли, что совѣстилась возбуждать его къ
поступкамъ безразсуднымъ, или отъ-того,
что видѣла во всемъ этомъ что-то
театральное, если не останавливала, то
и не возбуждала его, и слѣдовательно

(*) Излишне, можетъ-быть, замѣчать
читателямъ, что это иперболы, обыкно-
венно употребляемыя въ подобныхъ слу-
чаяхъ; Бенжаменъ Констанъ не былъ по-
пираемъ ногами: онъ не былъ только лю-
бимъ такъ, какъ ему хотѣлось.

(**) Вѣроятно, какая-нибудь дама вы-
ражала ему свой энтузіазмъ къ его бла-
стшему безразсудству.

на нее нельзя слагать отвѣтственности
въ политическомъ промахѣ Констанъ.

Какъ бы то ни было, Наполеонъ
вступаетъ въ Парижъ, и всѣ друзья
Бенжамена Констанъ уговариваютъ
его уѣхать. Лафайетъ сначала отпра-
вляетъ его въ загородный домъ по-
сланника Соединенныхъ-Штатовъ; от-
туда Констанъ отправляется въ Нантъ,
чтобъ добраться до берега и сѣсть на
корабль. Пріѣхавъ въ Нантъ, онъ раз-
думываетъ; онъ не въ силахъ пере-
нести мысль о разлукѣ, можетъ-быть,
на нѣсколько лѣтъ, съ тою, которою
вполнѣ занята въ эту минуту душа
его, и, послѣ девяти-дневнаго отсут-
ствія, возвращается въ Парижъ.

Между-тѣмъ, Наполеонъ уже при-
нимался за свою новую роль государя
конституціоннаго; его приверженцы,
вмѣсто того, чтобъ броситься на Бен-
жамена Констанъ, окружаютъ его,
льстятъ ему; онъ не довъряетъ имъ; 14
апрѣля 1815 года, императоръ призы-
ваетъ его къ себѣ, не старается выста-
вить себя передъ нимъ человѣкомъ,
всегда любившимъ свободу, а съ холо-
дностію разбирая, что для него выгод-
нѣе, старается доказать, что онъ нахо-
дится совершенно въ новомъ положе-
ніи и убѣжденъ въ необходимости
устроить правительство на новыхъ на-
чалахъ; онъ отпускаетъ Констанъ, тре-
буя отъ него проекта конституціи.
Черезъ нѣсколько дней, Бенжаменъ Кон-
станъ былъ въ службѣ императора.

Нельзя предполагать, что Бенжа-
менъ Констанъ предвидѣлъ все это за-
ранѣе,—предполагать, что въ то время,
какъ писалъ статью 19 марта, онъ раз-
считалъ и отъѣздъ, и возвращеніе, и
измѣненіе своихъ отношеній къ Напо-
леону, и что съ этимъ расчетомъ го-
ворилъ: «я не стану жалкимъ пере-
метчикомъ переходить отъ одной вла-
сти къ другой... Никто не отказывалъ
Бенжамену Констану въ умѣ, а послѣ-
дняя борьба Наполеона съ Европою
такъ мало обѣщала успѣха, что умный
человѣкъ, неприслававшій къ Напо-
леону во время его могущества, едва-
ли могъ быть руководимъ побужденіа-

ми личной выгоды, принимая его сторону въ обстоятельствахъ трудныхъ. Поэтому, Бенжаменъ Констанъ сдѣла могъ приводить въ оправданіе себѣ ту же причину, какую приводили многіе другіе, и онъ сдѣлалъ это въ сочиненіи, изданномъ въ 1820 г., подъ заглавіемъ *Mémoires sur les Cent-jours*. Эта книга, главная цѣль которой — оправданіе его собственнаго поведенія и поведенія конституціонной партіи, представляетъ, особенно во второй части, множество любовитныхъ подробностей о послѣднихъ дняхъ имперіи и императора. Что касается до политическихъ причинъ своего поведенія, Бенжаменъ Констанъ высказываетъ ихъ вкратцѣ слѣдующимъ образомъ:

• Въ одномъ памфлетѣ меня упрекали, что я не далъ убитъ себя подлѣ трона, который защищалъ 19 марта; это потому, что 20-го я поднялъ глаза и увидѣлъ, что тронъ исчезъ, а Франція все еще оставалась...

• Удаляться отъ правительства, установленнаго Наполеономъ, значило оставлять Францію на жертву трехъ равно-бѣдственныхъ случайностей: военнаго диктаторства, совершеннаго порабощенія ея иностранцами, и контр-революціонной реакціи со всѣми ужасами... Чтобы предупредить эти опасности, надлежало присоединиться къ новому правительству и, поддерживая, ограничить его. Не легко было это для людей, которые противились Бонапарте, или по крайней-мѣрѣ удалялись отъ него въ теченіе тринадцати лѣтъ.

Всему этому, конечно, можно вѣрить; но есть случаи, гдѣ форма беретъ верхъ надъ сущностію; есть слова, отъ которыхъ уже нельзя отказаться, разъ произнеся ихъ, — и враги Бенжамена Констана на всѣ его оправданія отвѣчали словами: «я не стану жалкимъ переметчикомъ переходить отъ одной власти къ другой, не стану *прикрывать собизмомъ безчестіе*», и пр. Большой промахъ сдѣлалъ Бенжаменъ Констанъ написавъ эти слова; большой промахъ сдѣлалъ онъ, что, написавъ ихъ, воз-

вратился въ Парижъ. Мы уже видѣли, въ-слѣдствіе какаго чувства сдѣлалъ онъ оба эти промаха, и если послѣдствія ихъ были невыгодны для его политическаго положенія, то также невыгодны они были и для отношеній сердечныхъ, которыя въ то время такъ сильно его занимали. Правда, перспектива новаго изгнанія послѣ паденія Наполеона могла представлять ему надежду сдѣлаться интереснымъ въ глазахъ женщины, благородное сердце которой всегда симпатизировало несчастію; но причины изгнанія отчасти уменьшали этотъ интересъ. Обыкновенное общество любимой особы считало его переметчикомъ тѣмъ болѣе преступнымъ, что онъ асифе другихъ обнаруживалъ усердіе къ Бурбонамъ; по-мѣрѣ-того, какъ приближалась послѣдняя катастрофа имперіи, увеличивалась пустота вокругъ него, и тогда, унылый, писалъ онъ:

• Не о любви теперь рѣчь. Среди ненависти, окружающей меня, я не смѣю произносить этого слова, я мрачню поприщѣ, на которое вступилъ, благословляю небо, что ни одного существа не привязало оно къ судьбѣ моей какини-либо узки; но невозможно дружбы съ вашей стороны сдѣлало бы мнѣ много добра... страданія мои неисчислимы; я могу, я долженъ жить только съ тѣми, которыхъ соединяетъ теперь обща опасность; другіе, кажется, порицаютъ мое поведеніе и ждуть моего паденія... Не страшна мнѣ опасность, но столько несправедливости!...

Послѣ ватерлооской битвы онъ писалъ:

• Прошу увѣдомить, когда вы, затрудняя себя, можете принять меня. Я хорошо понимаю свое положеніе; чувствую, что въ замѣнъ обществѣ — я человекъ изгнанный, и не смѣю теперь возражать противъ этого изгнанія... Для меня все равно, съ кѣмъ бы у васъ ни встрѣтиться, но мнѣ хотѣлось бы только съ тѣми, съ которыми моя встрѣча не можетъ нанести вамъ неприятности, потому

• что я сталъ тѣмъ щекотливѣе, что у
• меня теперь одна защита — моя сила
• физическая и нравственная, и я не
• перенесу равнодушно ни прямого по-
• рицанія, ни оскорбительнаго сожа-
• лѣнія.

Бенжамеъ Констанъ принялъ сто-
рону императора только съ тѣмъ усло-
віемъ, чтобъ императоръ принялъ его
начала свободы. Въ государственномъ
совѣтѣ, во время преній о дополни-
тельномъ актѣ, онъ говорилъ всегда
въ духѣ самомъ либеральномъ; и ког-
да обнаружена была новая консти-
туція, то, подавъ въ защиту главныхъ
началъ ея книгу подъ заглавіемъ *Prin-
cipes de politique applicables à la nou-
velle constitution*, онъ указалъ въ этомъ
сочиненіи тѣ пункты, въ которыхъ
она казалась ему недостаточною. Бу-
дучи послѣдовательнѣе Лафайетта и
другихъ членовъ конституціонной пар-
тіи, онъ не думалъ, что ватерлооская
битва освободила Францію отъ новыхъ
узъ, связывавшихъ ее съ Наполео-
номъ. Всѣми силами своими оспари-
валъ онъ роковую мысль обезоружить
побѣжденнаго героя въ то время, какъ
онъ могъ еще возвратити побѣду
подъ свои знамена, и только тогда,
когда эта мысль, не смотря на его уси-
лія, одержала верхъ, онъ счелъ сво-
имъ долгомъ убѣждать Наполеона
уступить желанію палаты, требовав-
шей отреченія его отъ престола.

• Узнаю по опыту», писалъ онъ при
• этомъ случаѣ: «что гораздо-труднѣе
• говорить правду несчастію, чѣмъ мо-
• гуществу. Время тратится даромъ, и
• душа моя растерзана; сегодня по-
• слѣдній день спасенія, и я не думаю,
• чтобъ мнѣ воспользовались... Скоро
• надѣюсь видѣться съ вами: эта пер-
• спектива успокоиваетъ мою душу, и
• я не хочу заглядывать далѣе.»

Спустя нѣсколько дней, онъ отпра-
вился въ Гагенау членомъ депутаціи,
которую палата послала къ союзнымъ
государямъ. Это посольство было без-
успѣшно. Бенжамеъ Констанъ воз-
вратился въ Парижъ, чтобъ узнать
отъ побѣдителей свою участь.

Тутъ, въ этой душѣ, такъ живо ври-
нимавшей впечатлѣнія, возникаютъ на
время чувства новаго рода. Несчаст-
ный въ любви, тревожимый мыслию о
своей политической будущности, ожи-
дая изгнанія или суда, онъ видитъ
г-жу Крюднеръ; мистическій языкъ
этой сивиллы производитъ на него
впечатлѣніе быстрое и могуществен-
ное, и вотъ насмѣшникъ Констанъ
предается религиозной восторженно-
сти, созерцаію, молитвамъ, и пишетъ
къ той особѣ, которую любилъ прежде
любовью земною, письма, дышущія
любовью божественною, или лучше
сказать письма, въ которыхъ сѣмши-
ваются обѣ эти любви:

• Съ той минуты, какъ овладѣло
• мною пагубное чувство любви къ
• вамъ, погибель моя была рѣшена, но
• вамъ не въ чемъ упрекать себя...
• Иногда я разсуждаю самъ съ собой,
• что въ этой неизъяснимой и болѣз-
• ненной страсти есть, можетъ-быть,
• воля божественная; что среди этой
• любви, о которой я вамъ почти не го-
• ворю, и именно для того, чтобъ не
• говорить о ней, я высказываю вамъ
• спасительныя слова, вызываю въ ду-
• шѣ вашей чувства спасительныя; я —
• лира, разбиваемая бурей; но, разби-
• ваясь, она издаетъ гармоническіе зву-
• ки, которые суждено вамъ слушать.

• Я говорю самъ себѣ: не одно дѣй-
• ствіе вашихъ прелестей причиною
• тому, что вся жизнь моя сосредоточи-
• вается въ горести и въ привязанности
• къ вамъ; мнѣ суждено, сгарая, свѣтити
• вамъ, искупити васъ моимъ страдані-
• емъ... Я говорю самъ себѣ: видно мнѣ
• суждено страдать, чтобъ привести
• васъ въ сферу идей, въ которую я
• самъ еще не вошелъ совершенно; но
• лампа не видитъ своего собственнаго
• свѣта, а между-тѣмъ разливаетъ его
• вокругъ себя. Эта мысль помогаетъ
• мнѣ жить. Впрочемъ, мнѣ нѣчего бо-
• лѣе дѣлать на свѣтѣ. Самолюбіе мое,
• можетъ-быть, чрезвѣрное, унижено;
• вы объявили мнѣ, что я не могу сви-
• скать вашей привязанности, вы сдѣ-
• лали мнѣ немалыми дарами ума, но-

• которые не сдумали вамъ понравить-
• ся... Я прошу у неба смерти тихой и
• скорой, которая оставила бы въ мы-
• сляхъ вашихъ слѣды обо мнѣ и помо-
• гла бы вамъ жить въ той сферѣ, въ
• которую зоветъ васъ столько внутрен-
• нихъ движеній; гробъ мой будетъ
• краснорѣчивѣ моего голоса; воспо-
• мнаніе обо мнѣ будетъ не такъ до-
• кучно, какъ мое присутствіе. И къ
• чему мнѣ жить? Что такое жизнь, по-
• гда нельзя быть любимымъ?..»

Не смотря на таную элегію, Бенжаменъ Констанъ жилъ еще долго. На-
• туры, подобно ему жаждущія силь-
• ныхъ ощущеній, не останавливаются
• навсегда на одномъ чувствѣ. Эти
• ми выписками мы хотѣли доказать
• только, что Бенжаменъ Констанъ не
• былъ вполне, какъ думаютъ нѣкото-
• рые судьи его, эгоистическимъ, тщес-
• лавнымъ Адольфомъ, который, подъ
• видомъ сожалѣнія, хладнокровно ана-
• лизируетъ причиняемыя имъ страда-
• нія; мы видимъ здѣсь совершенно
• противное, и если прибавимъ, что
• у этого тщеславнаго Адольфа любовь
• отвергнута и столь для него гибель-
• ная не превратилась въ отвращеніе
• (какъ обыкновенно бываетъ въ подоб-
• ныхъ случаяхъ у настоящихъ Адоль-
• фовъ), что, напротивъ, онъ сохранилъ
• навсегда доброе воспоминаніе о люби-
• мой особѣ,—что, пятнадцать лѣтъ спу-
• стя, на смертномъ одрѣ, онъ продик-
• товалъ, слабѣющимъ голосомъ, нѣ-
• сколько прощальныхъ строкъ къ ней,
• если прибавимъ, что въ другихъ свя-
• зяхъ, болѣе бурныхъ, онъ показалъ се-
• бя такимъ же,—что, двѣнадцать лѣтъ
• спустя послѣ смерти г-жи Сталь, онъ
• писалъ о ней страницы (*) краснорѣ-
• чивыя, благородныя, трогательныя,
• то надо согласиться, что Бенжаменъ
• Констанъ, если и точно изобразилъ
• самого-себя въ Адольфѣ, представилъ
• себя въ дурномъ видѣ. Но онъ былъ
• существомъ непостояннымъ, безпокой-
• вымъ, несчастнымъ; онъ, умѣвшій ино-

гда такъ хорошо противиться дру-
• гимъ, соединявшій съ пылкимъ вообра-
• женіемъ поэта холодное безстрашіе
• солдата, неспособенъ былъ противить-
• ся самому-себѣ; существенно-добрымъ,
• мужественнымъ, безыорыстнымъ, благо-
• роднымъ, онъ не имѣлъ рѣзкаго досто-
• инства быть человекомъ вполне вели-
• кимъ, такъ же твердымъ, какъ и до-
• брымъ, такъ же настойчивымъ, какъ и
• мужественнымъ, такъ же строгимъ къ
• самому-себѣ, какъ и готовымъ на по-
• жертвованія, въ случаѣ нужды, для
• другихъ, такъ же сильнымъ волею,
• какъ умомъ;—все это факты, которые
• нельзя оспаривать.

Но выписки завели насъ слишкомъ
• далеко. Пробѣжимъ вкратцѣ главныя
• событія послѣдней части жизни Бен-
• жамена Констана.

Когда собралась палата 1815 года,
• то со всѣхъ сторонъ раздалась крики:
• горе побѣжденнымъ! Бенжаменъ Кон-
• станъ не былъ забытъ. Газета «*Quo-
• tidienne*» представила его такъ же ви-
• новнымъ, какъ Лабедуайера, и, слѣдо-
• вательно, заслуживающимъ такого же
• наказанія. Тогда друзья убѣдили его
• уѣхать въ Англію и выждать тамъ, по-
• ка буря утихнетъ. Въ изгнаніи, на
• досугѣ, написалъ онъ *Mémoires sur les
• Cent-jours*, о которыхъ мы уже упоми-
• нали, и издалъ въ Лондонѣ романъ
• *Adolphe*, написанный за нѣсколко
• лѣтъ до того. Это— драма, въ которой
• только два дѣйствующія лица, не-
• чальная картина душевныхъ мукъ,
• предшествующихъ разрыву союза,
• необдуманно-заключеннаго двумя су-
• ществами съ противоположными ха-
• рактерами. Возвратившись во Фран-
• цію въ концѣ 1816 года, онъ вступилъ
• въ ряды начинавшей образовываться
• тогда конституціонной оппозиціи, и
• издалъ *Traité de la doctrine politique et
• des moyens de rallier les partis en France*.
• Быстро слѣдовали за тѣмъ брошюры
• одна за другой (*): дѣятельное сотру-

(*) Въ изданной имъ въ 1829 г. книгѣ:
• *Mélanges littéraires et politiques*.

(*) Эти брошюры, въ которыхъ разсе-
• раются важнѣйшіе воззрѣнія, представляю-
• щаго правленія, въ послѣдствіи перепечата-

ничество въ журналѣ «La Minerve», основанномъ въ противоположность журналу «Conservateur», увеличило его репутацію. Въ 1819 году, онъ явился въ палату депутатомъ отъ Сартскаго Департамента. Не входя въ подробности парламентской дѣятельности Бенжамена Констанъ, замѣтимъ только, что его мнѣнія были мнѣніями лѣвой конституціонной стороны, мнѣніями Фуа, Мавюэля, Казимира Перье, Лавитта, Лафайетта; съ послѣднимъ не сходилса онъ только въ понятіи о средствахъ незаконныхъ, т. е. о заговорахъ, которыхъ никогда не любилъ и въ которыхъ никогда не участвовалъ.

Когда либеральная партія потерпѣла поражение на выборахъ 1824 года, Бенжаменъ Констанъ былъ въ числѣ семнадцати депутатовъ, набѣгшихъ этой неудачи: восторженные роялисты хотѣли удалить его изъ палаты, доказывая, что онъ не Французъ, — о чемъ ны уже упоминали; онъ остался на своей скамьѣ и былъ въ числѣ вождей малочисленной либеральной фаланги, которая, будучи поддержана общественнымъ мнѣніемъ, наконецъ, послѣ трехлѣтней борьбы, низвергла министерство Виллеля. Рѣчи, произнесенныя Бенжаменомъ Констаномъ въ палатѣ депутатовъ съ 1819 до 1827 года, собраны и изданы въ двухъ томахъ. Читатель можетъ видѣть въ нихъ, какую плодovitостью ораторскихъ средствъ, какими изяществомъ слога, какою силою, какою гибкостью въ доводахъ отличалса Бенжаменъ Констанъ. Когда онъ начиналъ рѣчь, произношеніе его было затруднительно, онъ немного прижималъ губы; но разгорячившись, разговорившись заставлялъ слушателей забывать этотъ легкій недостатокъ, и, внимательно слушая его, они не сводили глазъ съ его лица благороднаго, но истомленнаго трудами и бессонными ночами, окаяннѣваго длинными русы-

ми волосами, въ волнистыхъ буйлахъ ниспадавшими на воротникъ платья. Всегда вѣжливый въ нашествіи, всегда хладнокровный въ гнѣвѣ, онъ умѣлъ заставлять слушать себя даже тѣхъ, которыхъ глубоко раздражалъ. Онъ не импровизировалъ на трибунѣ, за то писалъ свои рѣчи съ такою быстротою, которая почти равнялась импровизаціи.

Особенно онъ любимъ былъ молодежью, которой немножко льстилъ и которая за лест платила ему энтузіазмомъ: «Она будетъ лучше насъ», часто говаривалъ Бенжаменъ Констанъ, и эта молодежь любила его, какъ своего представителя въ палатѣ; она любила его за чисто-художническую безпечность въ жизни, за добрыя и дурныя страсти, оспаривавшія его сердце; ибо въ то самое время, какъ Бенжаменъ Констанъ, по лѣтамъ своимъ принужденный отказаться отъ ощущеній болѣе-нѣжныхъ, проводилъ, къ сожалѣнію, часть жизни въ ощущеніяхъ игры, другую часть, самую большую, онъ посвящалъ философскимъ и религиознымъ изслѣдованіямъ, которыя всегда любилъ, защитѣ либеральныхъ началъ на трибунѣ, въ газетахъ и брошюрахъ, и наконецъ заботамъ о несчастныхъ и гонимыхъ. Если представлялась малѣйшая возможность вырвать чью-нибудь голову изъ рукъ палача, Бенжаменъ Констанъ не жалѣлъ для несчастнаго ни времени, ни словъ, ни пера, а въ случаѣ надобности и кошелекъ своего.

Между-тѣмъ, Бенжаменъ Констанъ не былъ счастливъ. Онъ желалъ вести жизнь регулярную и не въ силахъ былъ начать ее. Игра разорала его, губила силы физическія и нравственныя, и старость началась для него такъ же преждевременно, какъ преждевременно было его развитіе тѣлесное и умственное. Эта нервная организація, которую онъ столько употреблялъ во зло, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изнемогала подъ тяжестію болѣзни. Сходя однажды съ трибуны, онъ упалъ и повредилъ себѣ ногу; прежніе недуги усилили бо-

ны съ нѣкоторыми измѣненіями и изданы въ четырехъ томахъ, подъ заглавіемъ *Compt de politique constitutionnelle*.

дѣвъ; онъ уже ходилъ на костыляхъ... Въ такомъ положеніи застала его июльская революція и пробудила въ немъ весь остатокъ нравственной силы; онъ находился въ загородномъ домѣ въ рукахъ хирурговъ, сдѣлавшихъ ему жестокую операцію, когда принесена была ему записка отъ Лафайета. «Здѣсь разыгрывается партія», писалъ Лафайетъ: «въ которой наши головы служатъ ставками; принесите свою»,—и, не смотря на объявленіе хирурга, что всякое движеніе для него чрезвычайно опасно, онъ рѣшился принести свою голову. На носилкахъ отправился онъ въ ратушу и подкрѣпилъ всѣмъ своимъ вліяніемъ мнѣніе о необходимости правленія монархическаго. Новый король наградила его двумя стани тысячь фр. Это случилось такимъ-образомъ: Бенжаменъ Констанъ долженъ былъ Лафайету около 200,000 фр.; когда дѣла богатаго и щедрого банкира вдругъ разстроились, онъ сталъ отъсюду собирать свои капиталы, розданные по рукамъ. Король узналъ, что Бенжаменъ Констанъ затрудняется въ уплатѣ своего долга, и, пользуясь случаемъ обязать двухъ человекъ, бывшихъ для него столь-полезными, предложилъ Бенжамену Констану сумму, необходимую для расчетовъ съ Лафайетомъ. «Вы принесли», сказалъ ему король: «такія жертвы свободѣ, которыя выше вашихъ силъ. Я съ радостію помогу вамъ теперь.» «Ваше величество», отвѣчалъ Бенжаменъ Констанъ: «принимаю вашу помощь, но свобода идетъ впередъ признательности; я хочу остаться независимымъ, и если ваше правительство будетъ дѣлать ошибки, я первый пристану къ оппозиціи.» И дѣйствительно, Бенжаменъ Констанъ не замедлилъ доказывать независимость своего мнѣнія, оспаривая въ разныхъ пунктахъ первое июльское министерство. Быть-можетъ, мысль, что онъ обязанъ былъ доказать публикѣ эту независимость, заставляла его быть слишкомъ-строгимъ къ людямъ, которые, находясь въ весьма-затруднительномъ положеніи, заслужи-

вали нѣкоторой снисходительности со стороны такого просвѣщеннаго ума, каковъ былъ его умъ; можетъ-быть также болѣзнь старости имѣла вліяніе на то, что болѣе горечи, рѣзкости было въ рѣчахъ его... Въ концѣ ноября 1830 г. онъ слегъ въ постель и умеръ 8 декабря того же года, наканунѣ приготовивъ къ печати послѣдній томъ обширнаго своего сочиненія: *De la religion considérée dans sa source, ses formes et ses développements* (*). Этими сочиненіемъ занимался онъ большую часть своей жизни. Еще въ молодости думалъ онъ написать исторію политизма. Напитанный философскими идеями XVIII вѣка, онъ видѣлъ въ этомъ трудѣ случай къ нападаніямъ на христіанство. Къ счастью для своей славы, онъ не написалъ этой исторіи; съ лѣтами измѣнились его мысли, и долго, до конца жизни писалъ онъ сочиненіе, вышедшее въ шести томахъ подъ означеннымъ заглавіемъ.

Признательная къ услугамъ, оказаннымъ Бенжаменомъ Констаномъ, нація сдѣлала ему великодушные похороны; весь Парижъ былъ на улицахъ, многіе дома покрыты были трауромъ; студенты отвезли гробъ его на Кладбище-Отца-Лашеза. Тамъ Лафайетъ трогательно простился съ своимъ другомъ, и авторъ «Адольфа» нашелъ наконецъ въ могилѣ спокойствіе, котораго не находилъ въ жизни.

(*) По смерти Бенжамена Констанъ издано было его сочиненіе: *du Polythéisme romain considéré dans ses rapports avec la philosophie grecque et la religion chrétienne.*

ИЗВѢСТІЯ О ПЕРВЫХЪ ВОЕННЫХЪ ШКОЛАХЪ, УЧРЕЖДЕННЫХЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА-ВЕЛИКАГО.

Le czar sentit qu'il ne pouvait rendre sa nation puissante qu'en l'éclairant, et ce fut le principal objet de ses travaux; c'est en cela surtout qu'il a montré un véritable génie.

ОУЧ. СОМЛ. DE VOLTAIRE.

Военно-учебныя заведенія, подвѣдомственные вышѣ Его Императорскому Высочеству Главному Начальнику, основаны въ разные эпохи отъ начала минуваемаго столѣтія. Всѣ они измѣнились не только въ первоначальномъ своемъ учрежденіи, но даже и въ своихъ назначеніи, управленіи и въ своихъ постановленіяхъ. Приступая къ описанію послѣдовательнаго основанія этихъ заведеній, должно обратиться прежде всего, такъ-сказать, къ ихъ зародышу: къ школамъ Артиллерійской и Инженерной. Начало учрежденія обихъ этихъ школъ, какъ и многихъ другихъ полевныхъ учрежденій, относится къ эпохѣ царствованія Петра-Великаго.

Извѣстно, что сестра нашего преобразователя, Софія Алексіевна, одна воспользовалась образованіемъ, которое желала доставить своему семейству царь Алексій Михайловичъ. Когда преждевременная смерть прекратила дни старшаго сына этого государя, Теодора Алексіевича, приготавливагося къ государствованію подъ надзоромъ своего родителя, тогда Софія Алексіевна достигла хитростію до верховной власти, вовсе не заботясь о воспитаніи меньшаго своего брата, десятилѣтняго Петра. Но Петръ не нуждался въ пособіи постороннемъ: одинъ, безъ наставниковъ, онъ полюбилъ науки и тѣ полезныя ремесла, которыя въ послѣдствіи водворялъ въ своемъ государствѣ. Такимъ-образомъ, обра-

зовавъ себя чрезъ себя - самого, онъ скорѣе другихъ могъ оцѣнить выгоды, которыя въ благоустроенномъ государствѣ порождаютъ просвѣщеніе общественное, а потому и обратилъ вниманіе не только на учрежденіе разныхъ школъ народныхъ, но и на воспитаніе частное своихъ подданныхъ (*). Къ сожалѣнію, при всемъ нетерпѣливомъ желаніи царя пробудить во что бы ни стало умственные способности своихъ подданныхъ, при тогдашней общемъ невѣжествѣ русскаго народа, невозможно было ожидать какъ большихъ успѣховъ отъ воспитанія частнаго, такъ и правильнаго устройства отъ школъ общественныхъ. Всѣ дворяне, исполняя волю царя, стремились единственно къ скорѣйшему достиженію не просвѣщенія, а только однихъ званій спеціальныхъ, чтобъ приспособить себя какъ-нибудь къ исполненію обязанностей, которыя требовались ихъ званіемъ, избирая для этого самыя запутанныя пути, большею частью подъ руководствомъ людей грубыхъ и невѣжественныхъ. До какой степени въ то время были ощутительны недостатки въ преподавателяхъ, можно заключить изъ того, что говоритъ артиллерій майоръ Даниловъ въ своихъ «Запис-

(*) Каждый отецъ семейства, пользовавшійся доходомъ болѣе пятисотъ рублей, обязанъ былъ, по повелѣнію царя, доставлять своимъ сыновьямъ начальное образованіе, состоявшее въ правильномъ изученіи русскаго языка, первыхъ четырехъ правилъ ариметики и латинскаго или какого-нибудь другаго иностраннаго языка. Молодые люди, неполучившіе ни какого образованія, подвергались лишению наслѣдства. Кромѣ сего, указомъ отъ 28 февраля 1714 года, повелѣно было учить дворянскихъ и приказнаго чина дѣтямъ и полѣтямъ дѣтой—геометріи, для чего и посылались во всѣ губерніи учителя, которые выдавали своимъ ученикамъ свидѣтельствоваыя письма въ томъ, что они совершенно знаютъ геометрію. Не получивъ этихъ свидѣтельствоваыихъ писемъ, молодые люди лишались права вступать въ бракъ.

закъ (*) о Преворѣ Алабушевѣ, учившаго въ Артиллерійской Школѣ. «Алабушевъ», пишетъ Даниловъ: «былъ человекомъ пылвымъ и вадорнымъ, по третьему смертоубійству сдѣлалъ подъ арестомъ и ввѣтъ обучать школу: вотъ каковъ характеръ штыкъ-юнкера Алабушева, а потому можно знать, сколь великій тогда былъ недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи.» Если прибавить еще къ этому совершенный недостатокъ въ учебныхъ руководствахъ, которые брали безъ разбора вездѣ, гдѣ только могли, кое-где съ разныхъ иностранныхъ языковъ на славянской, то не трудно представить себѣ, въ какомъ состояніи должны были находиться наши первые военные школы, учрежденныя императоромъ Петромъ, для образованія въ нихъ сѣдующихъ артиллеристовъ и инженеровъ. А потому безъ ошибки можно полагать, что кадетскій корпусъ, основанный 29 іюля 1781 года императрицею Анною Іоанновною, былъ первою правильно-устроенною военною школою для дворянъ русскаго; обѣ же школы, Артиллерійская и Инженерная, замѣчательны только въ томъ отношеніи, что онѣ послужили въ послѣдствіи основаніемъ вышнему Второму Кадетскому Корпусу, и притомъ были первыми военными учебными заведеніями въ Россіи.

Въ 1712 году, по собственноручному указу императора Петра Алексіевича отъ 16 января (**), учреждена въ Москвѣ Инженерная Школа. Въ ней повелѣно было содержать отъ 100 до 150 учениковъ, изъ числа которыхъ двѣ трети должны были быть дворянскаго происхожденія. Для обученія ихъ време-

тнѣ, Государь повелѣлъ съехать мастера изъ Русскихъ, который бы училъ цѣфера, или на Башнѣ (*) для сего ученика посылать. Кромя арсенатки, преподавали ученикамъ Инженерной Школы геометрію, столько, сколько до инженерства надлежитъ, и фортификацію. Нѣчего и говорить, что преподаваніе этихъ наукъ заключалось и необходимо должно было заключаться въ первоначальныхъ только свѣдѣніяхъ, сходно съ тогдашнюю степенью просвѣщенія въ Россіи. Всѣ ученики Инженерной Школы, которые ходили учить цѣфера на Башню, поѣхавши въ этой башнѣ въ четирыхъ свѣдѣніяхъ, раздѣленныхъ свѣдѣніяхъ, позволялось покинуть ученіе и или обѣдать, или по домамъ.—рассказываетъ Даниловъ,—тогда, бываю, ученики великій и безобразный во всѣ голоса крикъ, на подобіе ура, протяжно: шпебашъ.—Вообще,—говоритъ Даниловъ въ другомъ мѣстѣ,—обучали насъ безъ малѣйшаго порядка.

Въ концѣ 1713 года, въ Инженерной Школѣ состояло не болѣе 23 учениковъ; но указомъ Сената, отъ 19 ноября того же года (**), предписано было Военной Коллегіи набрать еще 77 человекъ изъ всякихъ чиновъ людей, также изъ царедворческихъ дѣтей, за которыми есть до 50 дворцовъ. На жалованье ученикамъ и на все содержаніе школы положено было отпустить изъ Штаб-Конторы 3037 рублей 87 копеекъ въ годъ.

16 марта 1719 года, учреждена Инженерная Школа и въ Санктпетербургѣ. Въ нее было переведено изъ Московской Инженерной Школы 74 ученика, вмѣсто которыхъ велѣно набрать вновь 100 человекъ; но въ 1724 году и остальные ученики были переведены въ Петербургъ, и школу повелѣно содержать изъ артиллерійской суммы (**).

(*) «Записки артиллеріи майора Михаила Васильевича Данилова», написанныя изъ въ 1771 году. Авторъ этихъ «Записокъ» самъ обучался въ Артиллерійской Школѣ и выпущенъ изъ нея сурьеромъ въ 1743 году.

(**) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, томъ IV № 2467, пунктъ 17.

(*) Сузареву.

(**) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, томъ V, № 2739.

(***) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, томъ VII, № 4544.

Почти въ одно время съ Инженерною была учреждена и Школа Артиллерійская. Въ 1712 году, государь, указавши Сенату отъ 6 и 9 марта, повелѣлъ дать артиллеріи генерал-майору Гинтеру въ артиллерійскую науку 20 молодыхъ дворянъ, и чтобъ онъ, Гинтеръ, *въ пушкарни на удалыхъ мѣста приималъ въ службу охочихъ людей* (*). Высочайшимъ же именнымъ указомъ, отъ 13 марта 1721 года, повелѣно было, чтобъ находящіеся въ службѣ артиллеристы могли честь выше стяжать и скорѣе сдѣлаться достойными повышенія, выбрать изъ артиллерійскихъ учениковъ и обучать ихъ при Санкт-Петербургскомъ Лабораторномъ-Домѣ всему касающемуся до артиллеріи; а также аршметикъ, геометріи и тригонометріи (**). Такихъ учениковъ сначала положено было содержать тридцать.

Въ архивѣ Второго Кадетскаго Корпуса хранятся дѣла обѣихъ школъ съ 1722 года. Изъ этихъ дѣлъ, между прочимъ, видно, что обѣ школы въ Петербургѣ состояли подъ начальствомъ Капеларіи Главной Артиллеріи и Фортификаціи, и находились въ особенномъ вѣдѣніи генерал-майора Декулова; но непосредственнымъ командиромъ обѣихъ школъ былъ, до 1750 года, инженер-капитанъ Гольцманъ. Казеннаго дома онъ тогда еще не имѣлъ, а, какъ видно изъ помѣнутыхъ дѣлъ, занимались для нихъ помѣщенія на Московской Сторонѣ, въ поточныхъ домахъ двѣ сѣтлицы, съ платою въ 1723 году по три рубля въ мѣсяцъ. Въ Артиллерійскую Школу опредѣляемы были въ это время, кромѣ дворянъ, и сыновья артиллерійскихъ служителей и арсенальныхъ

мастеровъ; они назывались «пушкарскими дѣтьми» и жили постоянно въ школѣ. По выходѣ же изъ школы, «пушкарскіи дѣти» назначались въ мастеровые или въ полковые писаря, но на службу въ артиллерію ни въ какомъ случаѣ не выпускались. Чтò же касается до Инженерной Школы, то въ нее поступали преимущественно дѣти знатнѣйшихъ фамилій. Такъ, напримеръ, въ числѣ переведенныхъ въ 1724 году изъ Московской Инженерной Школы въ Петербургскую, находились: князь Вяземскій, графъ Гендриковъ, князь Мещерскій и другіе, а въ 1725 году выпущены изъ школы, для укомплектованія инженерной и минерной роты: Вельяминовъ, князь Голицынъ, Муравьевъ, Протасовъ, князь Мещерскій и другіе. Многіе изъ учениковъ были женатые. Одного изъ нихъ, по просьбѣ самой жены, Даниловъ обучалъ аршметикъ; однако этотъ женатый школьникъ, какъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» самъ Даниловъ, *не занималъ ученія, ибо великій былъ шалуни, ничего учить не хотѣлъ, переписался изъ школы въ армейскіе полки и тамъ отбылъ отъ ученія.*

Послѣ кончины Петра - Великаго до вступленія на престолъ Анны Иоанновны (1725 — 1730), школы Артиллерійская и Инженерная мало измѣнились въ первоначальномъ своемъ учрежденіи. Первые два года (царствованія императрицы Екатерины I-й) минули, такъ-сказать, въ одномъ созерцаніи твореній Петра-Великаго, а послѣдніе три (царствованія императора Петра II-го) прошли въ каредворскихъ интригахъ между Минниковымъ и Долгорукими. Можно сказать положительно, что въ эти пять лѣтъ одинъ только Миннихъ заботился сколько-нибудь о первыхъ нашихъ военныхъ школахъ.

(*) Дѣянія Петра-Великаго, сочиненіе Голицова, изданіе второе, 1838 года, Томъ V, стр. 69.

(**) Указа этого нѣтъ въ «Подномъ Собраніи Законовъ», но выписка изъ него находится въ архивѣ Второго Кадетскаго Корпуса.

По учрежденіи, въ 1726 году, Комторы Инженернаго Правленія, Инженерная Школа поступила въ ея вѣдѣніе. Однако, не смотря на это, обѣ школы продолжали состоять подъ главнымъ начальствомъ генерал-майора Декулона. Только въ 1727 году, за отсутствіемъ Декулона изъ Петербурга, завѣдывалъ нѣкоторое время школами Брини или де-Брини (Brigny), произведенный въ томъ же году изъ бригадировъ въ генерал-майоры. Но какъ только графъ Минихъ былъ назначенъ генерал-фельдцейхмейстеромъ и надъ фортификаціями обер-директоромъ, онъ тотчасъ же удалилъ де-Брини (*) и принялъ обѣ школы подъ главное свое начальство. Этотъ вѣрный и дѣятельный слуга Россіи, исполнѣ постигавшій тайны мудрой политики великаго ея царя, съ отеческою попечительностью входилъ во всѣ распоряженія, относившіяся до улучшенія школъ, присутствовалъ при экзаменахъ учениковъ, производилъ ихъ въ кондукторы и даже самъ переводилъ отличныхъ изъ класса въ классъ. По его представленію, былъ подтвержденъ въ 1728 году въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ новый штатъ Инженерной Школы на 60 учениковъ, которые раздѣлены были на три класса. Всѣмъ ученикамъ этимъ штатомъ положено было жалованье: въ классъ фортификаціи по 36 рублей въ годъ, въ классъ геометріи и тригонометріи по 24 рубля, а въ классъ ариметики по 18 рублей. Для преподаванія всѣхъ этихъ учебныхъ предметовъ, опредѣлены были: одинъ инженер-капитанъ, два расовальные мастера и два кондуктора. Въ Артиллерійскую же Школу назначенъ былъ директоромъ капитанъ Гинтеръ, «че-

ловѣтъ», — какъ отнесется о немъ въ своихъ Запискахъ Даниловъ, — прележный, тихій и въ тогдѣшнее время первый знаніемъ своимъ; онъ всю артиллерию привелъ въ хорошую препорцію.»

Съ учрежденіемъ Перваго Кадетскаго Корпуса, обѣ школы соединены были въ одно заведеніе, которое послужило въ послѣдствіи основаніемъ нынѣшнему Второму Кадетскому Корпусу.

II. Главы.

НОВОЗЕЛАНДСКІЕ КИТОЛОВЫ (*).

Китоловы, поселившіеся на берегахъ Новой-Зеландіи, состояли первоначально изъ матросовъ, не слѣдшихъ никакого преступленія, но искушенныхъ морскими удобствами береговой жизни въ оставленіи своихъ судовъ, а также изъ бѣглыхъ преступниковъ, которымъ удалось избраться изъ сѣвельныхъ колоній Новой-Голландіи и Вандаменовской - Земли. Немногіе, родившіеся въ этихъ колоніяхъ, вѣроятно, обязаны своимъ происхожденіемъ членамъ того или другаго изъ вышеприведенныхъ разрядовъ. Эти «ходячіе», какъ ихъ вообще называютъ, отличаются необыкновенною красотою и тѣлесною силой. Природнымъ превосходствомъ надъ своими новозеландскими собратьями они, вѣроятно, обязаны раннему знакомству съ суровою жизнью колониальнаго настуха или дровосѣка, и постояннымъ сношеніемъ съ дикими туземцами Австраліи.

Такая разнородность первоначальныхъ составныхъ частей этого страннаго братства произвела самыя рѣзкія противорѣчія въ характерахъ китолововъ. Природное и мужественная отвага морска снѣживаются въ

(*) Графъ Минихъ, въ письменномъ своемъ доносѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о генералахъ, служившихъ подъ его начальствомъ, между прочимъ, говоритъ: «де-Брини можетъ быть употребленъ, только весьма безпокойнаго характера, интригантъ и искательный. Надобно весьма держати его въ рукахъ.»

(*) Изъ *Adventure in New-Zealand by Jerningham Wakefield.*

нихъ съ лукавствомъ и заносчивостью ссыльнаго. Не смотря на сильную наклонность къ пьянству и происходящимъ отъ него порокамъ, китоловъ гостепріименъ какъ-нельзя-больше, и суровое жилище его можетъ служить образцомъ порядка и опрятности. Неограниченная щедрость и великодушіе ихъ, вѣроятно, поощряли бы жадныхъ туземцевъ къ воровству и буйству, еслибъ китоловы не приобрѣли себѣ всеобщаго уваженія несомнѣнною смѣлостью и открытымъ презрѣніемъ и ненавистью ко всѣмъ, обнаруживавшимъ эти дурныя качества. Недостатокъ живаго образованія замѣняется у китолововъ практическимъ знаніемъ свѣта; слѣдствіемъ этого бываетъ необычайная способность ихъ отличать плутовство отъ истинной смелости и лицемеріе отъ искренности, въ людяхъ, съ которыми имъ приходится быть въ сношеніяхъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала правильной колонизаціи Новой-Зеландіи, никто лучше китолова не умѣлъ отличить съ перваго взгляда шарлатана-доктора или ханжу-миссіонера отъ знающаго врача или истинно-достойнаго проповѣдника Слова Божія: онъ первый подѣлываетъ и выставляетъ на всеобщее посмѣшище недостатки и пороки первыхъ, и воздастъ искреннее, должное уваженіе знаніямъ и добродѣтелямъ вторыхъ.

Я, разумѣется, говорю объ общихъ чертахъ этого разряда людей; но есть и между ними нѣсколько ужасныхъ исключеній. Впрочемъ, надобно сказать къ чести китолововъ вообще, что человекъ замѣчательно-дурнаго характера, будь онъ землякъ ихъ или туземецъ, всегда встрѣчается между ними заслуженное презрѣніе.

Довольно-трудно опредѣлить время перваго поселенія на Новой-Зеландіи этихъ суровыхъ рассадителей европейскаго просвѣщенія и европейскіхъ пороковъ. Еще въ 1793 году, китоловыя суда разныхъ націй посѣщали берега острововъ. Сношенія ихъ съ туземцами ознаменовывались возиожи-

ми жестокостями и несправедливостями со стороны бѣлыхъ, вѣроломствомъ и лживостью со стороны туземцевъ, и отвратительною, кровожадною мстительностью съ обѣихъ сторонъ. Много невинныхъ жертвъ, какъ бѣлыхъ, такъ и туземцевъ, погибло въ-слѣдствіе смѣрныхъ возмездій за проплыя убійства и насилія. Около 1807 года, англійскій матросъ Джорджъ Брюсъ сопутствовалъ одному изъ туземныхъ владѣльцевъ, *Те-Пегу*, на сѣверъ острововъ, женился на его дочери и сдѣлался самъ, чрезъ посредство *Те-Пегу*, татуированнымъ предводителемъ. Онъ былъ, вѣроятно, первымъ Европейцемъ, поселившимся въ Новой-Зеландіи, и пользовался надъ своими новыми родственниками вліяніемъ, весьма-благодѣтельнымъ для Англичанъ, которыхъ суда не переставали посѣщать берега его новаго отечества, и которые постоянно имѣли сношенія съ дикими. Но черезъ нѣсколько лѣтъ одинъ безсовѣстный шкиперъ англійскаго китоловнаго судна заманилъ къ себѣ Брюса съ женою, увезъ ихъ, высадилъ мужа въ Малаккѣ, а жену продалъ другому купеческому капитану въ Пуло-Пенангъ.

Послѣ этого случая и до 1814 года, не было слышно, чтобъ Европейцы жили постоянно въ Новой-Зеландіи. Между бѣлыми посѣтителями и туземцами возобновились прежнія сцены варварства и разврата. Насилія и смертоубійства достигли наконецъ до такой степени, что обратили на себя общее вниманіе, и губернаторъ Ново-Южнаго-Валлиса издалъ въ 1814 году прокламацію, въ которой выставлены многія ужасныя подробности: это было сдѣлано по поводу экспедиціи г. Марсдена, имѣвшаго благодѣтельную цѣль основать миссіонерскую колонію на берегу залива острововъ, въ сѣверо-восточной части сѣвернаго острова Новой-Зеландіи.

Изъ документовъ его видно, что нѣсколько матросовъ и бѣглыхъ преступниковъ рѣшились поселиться между туземцами, и искорѣ подтвер-

дилось фактомъ, что двое изъ послѣднихъ, возбудившихъ противъ себя ненависть и презрѣніе туземцевъ своимъ буйствомъ и развратомъ, прѣшли сами къ г. Марсену въ самомъ жалкомъ положеніи, прося его доставить имъ возможность возвратиться въ прежнюю ссылку въ Новую-Голландію.

Со времени основанія этого поселенія въ Новой-Зеландіи, европейскіе бродяги всякаго рода распространились по сѣверной ея части. Двое ссыльныхъ, убѣжавшихъ изъ Сиднея и скрывавшихся на миссіонерскомъ бригѣ г. Марсдена, добравшись до берега, исчезли во внутрь острова. Страннымъ можетъ показаться и то обстоятельство, что въ числѣ послѣдователей первыхъ миссіонеровъ, гг. Марсдена и Кендала, было также двое ссыльныхъ, которыхъ они взяли на поруки. Неизвѣстно, имѣли ли миссіонеры причину раскаяться въ своемъ поручительствѣ.

Еще труднѣе опредѣлять время первыхъ переселеній «тюленьщиковъ» на южные берега Новой-Зеландіи. Извѣстно, что еще въ концѣ прошлаго столѣтія партіи ихъ привозились на южные берега и оставались тамъ съ провизіей и оружіемъ для промысла тюленьихъ шкуръ, которые потомъ забирались приходящими нарочно для этого колоніальными судами. Малое населеніе той части острова было причиною, что прошло нѣсколько времени до столкновеній тюленьщиковъ съ туземцами: но одинъ изъ прежнихъ тюленьщиковъ, котораго г. Уэксфильдъ встрѣчалъ въ Новой-Зеландіи въ 1842 и 1843 годахъ, рассказывалъ ему множество своихъ свѣдѣнійскихъ приключеній, когда жизнь его частовисѣла на волоскѣ, и когда необходимы были всѣ физическія и нравственныя превосходства бѣлыхъ, подкрѣпленные самымъ тѣснымъ единодушіемъ, для обороны противъ вѣроломства и неутомимыхъ нападеній вороватыхъ туземцевъ.

Но основаніе китоловныхъ поселеній на этихъ берегахъ было положено

около 1827 года, когда нѣсколько тюленьщиковъ, занимавшихся нѣкое время своимъ опаснымъ промысломъ вокругъ всего южнаго острова Новой-Зеландіи, рѣшились попытать счастья надъ китами и устроить на этотъ предметъ заведенія въ нѣсколькихъ мѣстахъ южной части Кукова-Пролива.

Въ это время, кровопролитныя войны между туземцами свирѣствовали въ высшей степени своей ярости. Завоеватель *Рауперама* не успѣлъ еще вытѣснить племя *Нанитай* изъ ихъ всегдашняго мѣстопробыванія, и покровительствуемые имъ пачаки (т. е. бѣлые) должны были раздѣлять всю опасность и потери нападающаго племени, съ которыми они не обращались. Не разъ жилища ихъ были выжжены и маленькая собственность разграблена до-чиста отчаянными набѣгами партій изгнаннаго племени.

Число бѣлыхъ, однако, увеличивалось; они упорно возобновляли свои китоловные заведенія, и, приобретая себѣ посредствомъ сношеній съ Сиднеемъ оружіе, порохи и разные товары, сдѣлались въ свою очередь непробитыми для туземцевъ. Нѣкоторые изъ вытѣсненныхъ войнами племенъ образовали въ соседствѣ китолововъ нѣсколько селеній; враждебные *Нанитай* не осмѣливались нападать на своихъ побѣдителей, хорошо-снабженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и снарядами, и подкрѣпленныхъ неврашно-сварженными китоловными шлюпками. Острые копы и остроги китолововъ служили также оружіемъ въ случай нужды, и легкія китобойки (whale-boats, китоловные шлюпки) были основными противниками неуклюжихъ военныхъ челноковъ туземцевъ.

Надобно, однако, сказать, что въ началѣ китоловныхъ селеній сношенія ихъ съ Сиднеемъ были довольно рѣдки и непостоянны, такъ-что они часто оставались безъ средствъ продолжать съ выгодой свои промыслы. Китовый жиръ часто пронадалъ даромъ въ большихъ количествахъ, за недостаткомъ бочекъ, а труды промысловиковъ все-

награждалась только незначительными вырубками са китовой усъ. Но въ 1839 году, когда г. Уокенхэдъ прибылъ въ Куковъ-Провансъ, сношенія китолововъ съ Сиднеемъ были уже регулярны, и они трудились безъ всякой помѣхи со стороны прежнихъ туземныхъ враговъ своихъ. Китоловныя горюхи въ южной части Кукова-Прованса, и многочисленныя селенія на островахъ *Канни*, были уже въ замѣчательно-дѣтствующемъ состояніи.

Въ самомъ началѣ этихъ селеній, китоловы соединялись маленькими партіями и выбирали изъ среды своей искуснѣйшихъ и опытнѣйшихъ для управленія китобойками во время промысла; но вѣроятно, власть этихъ начальниковъ не распространялась далеко. По мѣрѣ умноженія селеній, они содержались и были снабжены всѣми нужными предметами изъ Сиднея, и тогда члены партій начинали регулярно на вѣтвѣнныхъ условіяхъ, а «голова» каждой приобрѣтали роль деспотической власти, которую они умѣли поддерживать какъ на шлюпкахъ, такъ и на берегу благоразуміемъ и твердою волею. Результатомъ этого была суровая дисциплина, почти не уступавшая дисциплинѣ военныхъ судовъ, и тѣмъ болѣе удивительная, что китоловы вообще не умѣли привычки признавать надъ собою чью бы то ни было власть.

Замѣчательно, что между ними существуетъ родъ свода законовъ, передаваемыхъ преданіемъ и почти повсюду уважаемыхъ, касательно противорѣчащихъ притязаній на поиманнаго кита. Каждая китоловная станція имѣетъ свои законы и обычаи; но всѣ они вообще очень-схожи между собою. Приведемъ, на-примѣръ, что тотъ, кто разъ «закрѣпился» за кита, имѣетъ на обладаніе имъ несомнѣнное право, еслибъ даже онъ и нашелся вынужденнымъ обрѣзать ливъ, но лишь бы острога его была въ китѣ; а каждый «острожникъ» знаетъ свое оружіе по законъ-либудь особенной мѣтѣ. «Закрѣпиться» за кита значитъ всалить

въ него острогу, изъ которой привязано 200 сажень тонкой трѣпкой веревки или лива; почувствовать боль; китъ начинаетъ метаться и вдругъ опускается въ глубину, а веревка, которой немедленно вытаскивается самецъ около 150 или 180, улетаетъ китобойку съ невѣроятною быстротою въ-слѣдъ за разбѣгившимъ отъ боли чудовищемъ: Китобойка, «закрѣпившаяся» за китенка, имѣетъ право на обладаніе его матерью, потому-что самца кита никогда не увидать своего дѣтща. Если китобойка проситъ помощи шлюпки, принадлежащей соперничающей партіи, то она раздѣляетъ добычу съ тѣмъ, отъ кого получила содѣйствіе. Эти и многія другія постановленія никогда не забываются, но такъ хорошо известны всѣмъ и каждому, что споры бывають очень-рѣдки; въ такихъ случаяхъ, дѣло рѣшается авторитетомъ старшихъ «головъ» селенія. Единственный случай разоназываетъ г. Уокенхэдъ: «что спорившіе обратились къ посредничеству вѣкона, былъ въ 1843 году: дѣло состояло въ томъ, что убитаго и поставленнаго на ночь на якорь кита унесло въ море, и другая шлюпка, захвативъ его, возвратила всаженную въ него острогу ея хозяину. Китъ былъ унесенъ теченіемъ лишь за десять отъ того мѣста, гдѣ его убили; но всеобщее презрительное негодованіе было единодушно выражено противъ человека, унижившаго себя до обращенія къ *законникамъ*, наперекоръ уставамъ своего залива».

Время промысла, на которое нанимаются китоловы, начинается съ мая и продолжается до начала октября, включая въ себя такимъ-образомъ зимніе мѣсяцы южнаго полушарія. Въ продолженіе этого періода, самки съ своими китятами держатся около береговъ Новой-Зеландіи. По-временамъ, ихъ набирается столько, что даже китоловныя суда, обыкновенно занимающіяся своимъ промысломъ въ открытомъ морѣ, располагаются на нѣсколькихъ мѣсяцахъ въ заливахъ Новой-Зеландіи.

дѣм и удалеть съ такою добычей, каковой бы нѣтъ нѣтъ не удалось залезть въ морѣ — не говоря уже о томъ, что прибрежные промыслы не сопряжены съ такими трудами, лишениями и опасностями, какъ морскіе, въ продолженіе которыхъ нѣтъ часто случается не видать берега по три, по четыре и даже пяти мѣсяцевъ, и плавать въ мѣстахъ бурныхъ, холодныхъ и сырыхъ.

Новозеландскіе китоловы раздѣлились на три разряда: *голова*, *передовой* и обыкновенные гребцы. *Голова*, что свидѣтельствуетъ и названіе его, начальствуетъ китобойкой; мѣсто его на рулѣ, исключая моменты, когда кита убиваютъ—это уже его дѣло. *Передовой* гребетъ первымъ весломъ съ носа шлюпки; онъ «закрѣпляется» за кита острою и правитъ шлюпкой подъ руководствомъ *голова* въ то время, когда тотъ убиваетъ кита. Простымъ гребцамъ остается только грести, когда и какъ имъ прикажетъ «голова» или «передовой»; только одинъ изъ нихъ, *кадочикъ*, сидящій подлѣ кадокъ съ линемъ, имѣетъ особенную обязанность смотреть, чтобъ линь былъ чисто уложенъ и чтобъ не могъ запутаться, когда «закрѣпились» его другъ понадобится выпускать. Вѣсто жалованья, имъ выдается известная доля барышей ловли, которую каждый получаетъ по своему званію: «голова» больше всѣхъ, потомъ *передовой*, потомъ остальные гребцы. Начальникъ китоловной «партіи» командуетъ одною изъ шлюпокъ и называется «первымъ головою»: онъ «голова партіи», такъ-какъ начальникъ каждой китобойки «голова» своей шлюпки.

Языкъ китолововъ не что иное, какъ родъ *argot*, или тарбарщины, почти непонятной непосвященному. Главныя лица ихъ пользуются, подобно героямъ «Иліады», отличительными прозвищами. Такъ, на-примѣръ, одинъ «первый голова» партіи назывался всѣми не иначе, какъ «Старикомъ»; другой былъ «Длинный Бобъ», третій «Масникъ Петтъ»; если мы присовокупимъ еще

имена «Билла Буастича», «Маттиа Смита», «Жирного Джексона», «Черного Джима» и «Билла Купера», то почти исчислимъ всю китоловную аристократію Новой-Зеландіи. Всѣ предметы мѣровой торговли съ туземцами имѣютъ также свои особенныя клички, для того, чтобъ можно было разсуждать между собою въ присутствіи туземцевъ, не посвящая ихъ въ таинства своихъ расчетовъ. Такъ, на-примѣръ, свинья в картофель называется *серкунами* и *коротышками*; ружья, пороха, простыни, трубки и табакъ на языкъ нарѣчи—*маллики*, *пыль*, *подстилки*, *пароходы* и *трава*. Туземный предводитель—*поб* (сокращенныя *лоба*, *земля*), женщина—*мѣла*, дѣвушка—*прещотта*, дитя—*сигулл*. Каждый изъ туземныхъ вождей пользуется, кромѣ общаго прованіа, еще частнымъ, какъ, на-примѣръ, тутъ были: «Сатана», «Старая Звѣя», «Забѣлка», «Булачникъ», «Склябородый», «Убийца», «Дикій Чортъ», «Долговзросый» и тому подобное.

Китоловныя партіи, занимаемыя въ Сидней, получали задатки тамъ и истрачивали ихъ на мѣстѣ. Послѣ этого какой-нибудь бригъ или шкуна шере возить всю «соловь» — такъ всегда партіи величаютъ сами-себя—на стацію въ Новую-Зеландію, съ шлюпками, китоловными снарядами, провизіей, крѣпкими наитками, товарами для вымѣниванія у туземцевъ дровъ и свѣжей провизіи, платкомъ, табачкомъ и всякимъ скарбомъ; все это отдается на сохраненіе «перваго головы» и отпущается нанимателемъ партіи также въ видѣ задатка на-счетъ будущихъ барышей, по самымъ безбожнымъ цѣнамъ. Прибывъ на мѣсто, партія доплатится тѣмъ изъ своихъ предметовъ членовъ, которые по какимъ-нибудь причинамъ, или для собственнаго наслажденія, провели свое лѣто тамъ.

Шлюпки, выграбоненыя и слабосильныя на-ново, заслуживаютъ мѣткою подробнѣйшаго описанія. Китобойки суть длинныя шлюпки легкой постройки, острыя съ носъ и кормомъ, шесты

также съдвигая (то-есть нѣтъ освѣщенности выходить изъ воды выше середины), длиною отъ двадцати до тридцати футовъ и раскатыма, съдвѣственно, довольно-узкія. Кормовая часть, футовъ на пять или на шесть впередъ, забрана глухою настѣлкой наравнѣ съ привальными брусомъ; изъ нея выколѣтъ вертикальный «*болванъ*», цилиндрической брусъ дюймовъ около шести въ діаметръ, на который навиваются обороты или два линя отъ острога, для того, чтобъ придержатъ его высучиваніе, когда за нѣтъ «*запрѣчивались*» и онъ мѣтитъ за собою своихъ преслѣдователей. На этомъ же болванѣ - голова китобойки навиваются замѣтки, въ веселованіе каждаго нѣтъ, убитаго его шлюпкой. Превнѣ китобойки строились обыкновенно пяти-весельными, но теперь, особенно для береговыхъ партій, ихъ дѣлаютъ шести, семи и даже восьми-весельными. Нечетное число веселъ признаемо удобнѣйшимъ, потому что гребля остается равная съ обѣихъ сторонъ въ самый критическій моментъ, когда острожники, сидящіи за передовымъ весломъ, готовятся поразить нѣтъ. Выбѣтъ руля служить длиною и зеревое весло, омырающееся на брусомъ, придѣланный сверху ахтерштевень, и придерживаемое къ нему ремешкомъ; весло обращается въ этой петлѣ свободно и обшивается въ томъ мѣстѣ кожей изъ предосторожности противъ тренія. Подлѣ самой рукоятки проходитъ насквозь весла желѣзный болтъ, въ плоскости лопасти; за него - голова шлюпки держится правою рукою и править этия рулевныя весломъ (которое на большихъ китобойкахъ бываетъ 27 футовъ длины) стоѣтъ, съ удивительною ловкостью и граціей. На большомъ волненіи, неопытныи рулевой былъ бы вмѣ непрѣтнѣ выброшенъ за бортъ, но для настоящаго китолова самое огромное волненіе - вещь весьма обыкновенная. Для остальныхъ веселъ, также обшиваемыхъ кожей, втыкаются деревянные уключины, вытачиваемыя изъ крѣпкаго дерева и обвертываемыя матианки. Прямо противъ уключинъ, ни-

же болванъ, трѣбно придѣлывается къ борту другой стороны брусочки съ двадцатью, куда вставляются рукоятки веселъ, когда нѣтъ надобно «*сунуть*», т. е. держать лопасть выше воды, не вышняя весла изъ уключины, для того, чтобъ быть въ готовности на всякій случай, когда китобойка «*запрѣчивалась*», или когда ей приходится идти нѣтъ парусомъ. Когда китобойка сунуть весла, выжидая чего-нибудь, то говорится, что она «*въ дремлетъ*». Мачта въ большой рейсовый, почти треугольный, парусъ, кладется во время гребли, чтобъ возмѣщать ей, подъ заднюю банку, такъ-что другой конецъ ея высовывается на правую сторону рулевого, которому легко достать ее въ случаѣ нужды или убрать. Выбѣтъ съ мачтою и парусомъ укладывается также легкій флагштокъ съ наизвѣстнѣй - нибудь фантастическими флажкомъ. Мачта вставляется во вторую банку съ носа, а флагъ напуска трѣнится за среднюю. Китобойки отлично ходятъ подъ парусомъ и могутъ носить большую парусность. Въ носовой части, на разстояніе трехъ или четырехъ футовъ, сдѣлана такая же настѣлка, какъ въ кормовой, и назади ея запрѣваны въ поперечной доскѣ двѣ шлюпки, обыкновенно обшиваемыя кожей, въ которыхъ острожники омыраются дѣлными, чтобъ на волненіи стоѣтъ твердо на ногахъ, когда онъ готовится пустить свое оружіе въ нѣтъ. Острога, — желѣзное оружіе, котораго носомъ нѣтъ видѣ нѣскольکو-пехотий на главѣ прежняго французскаго герба, съ зазубринами, чтобъ ей не легко было выдернуться; она придѣлывается къ ахтерштевену пяти-футовому древету, и острога ея оберегается отъ ржавчины деревянными футляромъ. Во время лопки, острога кладется на такъ-называемую клину или вылообразную уключину передоваго весла. Къ острогѣ прививаются линя, котораго двѣсти сажень укладывается въ двухъ кадкахъ, нарочіо для того сдѣланныхъ. Запасныя остроги и копы съ овальными стальными остриями, спрятанными у каждаго въ деревянный футляръ, хранятся подъ бан-

клин; носки, или маленький четырехгранный люрокъ съ острыми лезвиями, владеемъ въ носу; анкеромъ воды, бутылка грогу, непромокаемая куртка гробцовъ и ладная сузарей погружаются въ горно, если предвидится долгая и лавная погоня за китомъ. Иногда къ возмущенношитобойни присовокупляется «лапата», — острое желѣзное орудіе, въ видѣ маленькаго заступна, на длинномъ древкѣ. Лапата употребляется самыми отчаянными китоловами для пораненія нита въ кость, чтобы сдѣлать страшные ранки его нечѣе омаевина, когда чудовище начнетъ метаться съ острою въ самую тѣлу.

Китобойки раскрашиваются, по фантазіи «голова», разными красками, и весь камодъ всегда особенно отъ ослѣпленнаго поркуса палюнки. На носу обыкновенно обвивается вѣвѣла, серъз лумы, глаза, шаръ, или какое-нибудь другое фантастическое украшеніе; или китобойка часто красуется огромными буграми на ея горевой наружной обшивкѣ.

Командная слова «голова» кратки и ясны: одна сторона шлюпки, не числу весель, называется «дѣфинна», а другая грѣйна. Командуя грѣбцами, онъ обыкновенно говоритъ: «грѣби лѣ», «табанъ» (*) тра, «грѣби всѣ», «табанъ назадъ», «суши весла», и т. п. Китобойки обыкновенно повертываютъ на волнѣхъ, безопасны въ жестокіе вѣтры, выгребаютъ и прѣскаютъ къ берегу въ сильные бурны. Въ попутную бурную погоду стоять только нѣтъ рѣшак у носу и привалить нижній конецъ рѣйки къ привальному брусу, чтобы прологитъ очень-спокойно какое угодно разогнаніе; если нѣтъ придется поддерживать шторкъ въ мирѣ, то они сдвигаютъ редъ и лота нѣтъ весель, матчы и носу, спускаютъ его съ навѣтреной стороны за бортъ, «сушать»

(*) Табанить значить буровить веслами, чтобы остановить ходъ шлюпки, или грести назадъ. Если одна сторона будетъ грести, а другая затабанить, то шлюпка круто заворотится.

рулевое весло и отторгиваются доблестной перепоной погоды. Вѣтеръ, ударя въ лопать весла, не дозволяетъ плывунокъ уклоняться подъ вѣтера. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одно китоловное судно разбилось на Друмишловомъ-Рифѣ, подъ экваторомъ; двѣ китобойки со смаснившимъ людомъ достигли благополучно острова Гуагана, прибывъ въ крѣпкіе вѣтры къ этому способу, и армиланъ таковы-образомъ около двухъ-тысячъ морскихъ миль (около 3500 верствъ).

Пришелъ на станцію, голова партіи озабочивается, чтобы большіе желѣзные чаны, служащіе для выталивания жира, были осмотрѣны, вычищены и если нужно, перащены; спуски для шлюнокъ также осматриваются и починываются; желѣзные стрѣлы, подмости съ талини и прочіи сварлены, шпиль и дочтатая частыма, на которой жиръ вырѣзывается изъ кита, — все это также приводится въ порядокъ и готовность; желѣзные сараи, доми для помѣщенія партіи, кузан и курорная устроиваются на выно; провѣны и всѣ припасы убираются въ сухое и безопасное мѣсто. Потомъ выбираютъ пупера, носарекъ, плотника, молжра и «язычника». Последний получаетъ свой титулъ въ-слѣдствіе предоставленнаго ему исключительнаго права пользоваться нѣтъ жиромъ, выталиваниемъ изъ лезья и внутренностей кита, въ вознагражденіе за обязанность «звѣрять» его. Къ большой китоловной партіи присоединяется еще привалщикъ, который ведетъ съестъ вещицы, забаресаны въ магазинъ партіи иными нѣтъ ея членомъ. Это дѣлается съ тѣмъ, чтобы каждый могъ въ случаѣ промысла заложить сколько ему угодно, и получить по самымъ безобиднымъ цѣнамъ сколько ему заблагоразсудится платья, табану, крѣпкихъ ванитовъ, и прочаго, чтобы потомъ ему пришлось получить какъ-нибудь-нибудь нѣтъ чистыи деньги. Станція танкается отъ тумановъ картоселети, драшца, свиньяи и рѣшено рода шпаносети. Нерель начались лавы, чтобы нар-

тин предстоитъ еще весьма-важная обязанность: запастись для своихъ людей туземными жемами на время промысла. Люди, проведеніе алтѣхъ лѣто, уже непремѣнно иѣбуютъ восточныхъ спутницъ; они прожиааютъ свободные отъ промысловъ мѣсяцы у родственниковъ своихъ супруговъ въ совершенной правдѣ, или занимаютъ восточныя земли, или покупаютъ у своихъ туземныхъ родственниковъ и сосѣдей овишей и картофель, и перепродаютъ те и другое съ хорошинами барышами закладшими къ Новой-Зеландіи суланъ. Но люди, ежегодно возвращающіеся изъ Сидней съ жиромъ, или приходящіе на промыселъ въ первый разъ, стараются съ бывальными своими товарищами во ссѣдствіи селеній, съ тѣмъ, чтобъ добыть себѣ сожительницъ на время лова. Опытные «головы» или «переловые» партій заключаютъ торжественные договоры съ родственниками избранныхъ красавицъ, и условія эти почти всегда исполняются ненарушимо. Въ случаѣ, если жена окажется вѣрною или станетъ отличнымъ-медленно учиться своимъ хозяйственнымъ обязанностямъ, какъ-то: поваренному искусству, почииванью вѣтви и малю бѣлья, то отецъ награждаетъ виновной увольтею ее дочкой и доставляетъ взаимъ другую, болѣе способную къ выполненію этихъ статей уговора. Китоловъ, съ своей стороны, по истеченіи срока, увлачиваетъ условленные товары и, сверхъ того, долженъ принимать съ нѣкоторой степенью снисходительности непрощайческія пощещенія своихъ новыхъ родственниковъ во время промысла. Запастъ женами считается головами партій въ числѣ важнѣйшихъ, и безъ сомнѣнія много содѣйствуетъ опрятности, добродѣтели и спомойствію ихъ подчиненныхъ. Обязанность *оанилѣ* (*wahine*) или жены состоитъ въ слѣдующемъ: она вѣстаетъ за чезъ передъ расцѣтомъ, привозаваетъ завтракъ и привезаетъ все, что ей супругу и повелителю нужно взять съ собою на шланю, которая

должна уйти до сора; шланъ и почииваетъ его вѣтви, содержитъ дѣтъ въ чистотѣ и порядокъ, и наконецъ, привозаваетъ ужинъ изъ восточнаго мужа. Она же обязана въ отсутствіи хозяина дѣми оказывать гостеприимство случайнымъ пощитителямъ; сверхъ того, она часто добровольно поддерживаетъ грубостанъ и вобланъ, стараясь ушмать своего мужа или пріятелей его во время вѣльных оргій и необѣданныхъ при томъ бѣсовыхъ дракъ — те и другое слѣдуетъ почти-вероятно послѣ нажлой удачной лова. Женѣ новоселандскихъ китолововъ отличаются вообще сильною признательностію къ своимъ временнымъ супругамъ; они скоро привыкаютъ къ порядку и порядку вѣтви, облегчаютъ сношенія между китоловами и своими земляками, и часто приобретаютъ благодѣтельное вліаніе на будущія страсти бѣлмъ. Жены во всемъ, кромѣ брачнаго обрада, оиѣ часто дѣлаются законными женами китолововъ — если въ ссѣдствіи случится какъ-нибудь печальное англійскіе вѣсторъ. Они соотавляютъ отрадную часть партіи китолововъ отечій или селеній и содѣйствуютъ нѣкоторымъ образомъ просвѣщенію своихъ земляковъ, оказывая уваженіе къ добрымъ качествамъ полуобразованныхъ бѣлмъ, тогда-какъ ихъ собственныя усилія снигчаютъ многія дурныя черты ихъ бѣлмъ и суровыхъ характеровъ...

Положимъ теперь, что предварительная оргія, служащая необѣданнымъ предположеніемъ промыслу наждато года, почти кончена. Приказчикъ партіи перестаетъ отнустать изъ магазина изъ долгъ, пока что-нибудь не приобретется. «Головы» собственноручными силами средотами «ушмываютъ» нѣсколькихъ неугомонныхъ веркуновъ, которымъ не правится превращеніе наслажденій для предстоящихъ тяжелыхъ трудовъ; шланки ежедневно вѣтжаютъ практиковаться на греблѣ и водѣ парусами. Наконецъ, утромъ въ одне изъ первыхъ чиселъ мая, съ сигналаго холма, належащаго на ош-

знает сердце и поддается сильно есть сила.

Но вотъ объ шлюпки приедомъ въ мнѣтное недоуміе: китъ скрылся—однако онъ вскорѣ выныриваетъ подлѣ шлюпки «старого Джорджа». Молодой острожникъ его, недалеко везеденный въ это званіе, промахивается острогою по киту и получаетъ въ награду лейку, нущенную ему въ голову сильною рукою взбѣшеннаго старика, который при этомъ случаѣ не жалѣетъ самыхъ свирѣпыхъ «французскихъ фразъ». Соверникъ Джорджа промазывается его неудачю и маневрируетъ такъ, чтобъ очутиться на томъ мѣстѣ, гдѣ во всей вѣроятности китъ снова выныриваетъ. — «Греби два, тебамъ три!» кричитъ онъ, круто заворачивая къ животному, и тотомъ, видя, какъ оно поднимается изъ воды самонахъ въ двухъ отъ китобойки, онъ командуетъ передовому, стоящему съ подвѣстою острогой: «смотри впередъ! все ли чисто? пуснай!» и нущеная сильною рукою острога летитъ прямо и вѣрно въ черную массу. Это называется «запрѣниться», какъ я уже повсѣлялъ выше. «Суши весла!» командуетъ голова; ливъ съ выгономъ высучивается изъ лавы; оборотъ его накинута на «болвану», чтобъ нѣсколько привадержатъ эту быстроту, и китобойка летитъ, буквально разбѣывая каждую волну, такъ-что хребты пѣны возвышаются съ обѣихъ сторонъ высоко надъ ея бортами. Гребцы сидятъ мѣлочливо за своими подвѣстыми веслами; только передовой держитъ въ готовности топорикъ, чтобъ перерубить ливъ, лишь только онъ «забѣтъ», т. е. запутается, да еще загребной поливаетъ во время намъ болванъ, который жестоко дымится отъ тревія лива. Теперь обнаруживается все искусство «головы», который правитъ китобойкою при этомъ страшномъ ходѣ и долженъ слѣдить за каждымъ движеніемъ неугавнаго кита, потому-что отъ малѣйшей провѣвки его и шлюпка можетъ опрокинуться. Когда ливъ ослабѣетъ, онъ велитъ «выбираться»; если работа

вдругъ истощается впередъ, онъ причитаетъ «грам!» т. е. вынужденъ ливъ; по-временамъ онъ задаетъ острогѣ пощипку, который едва помнитъ, что онъ ищетъ дѣлается, и не знаетъ чего ему ожидать,—до того, что заглушивается его до нѣкотораго рода самоотверженія. Остальные гребцы «бѣгаютъ за китомъ» и вылетаютъ какъ-будто равнотеніемъ и отдаютъ поощрительныя, усложною гребан: они смотрятъ такъ хладнокровно, что по-видимому хотѣли бы закурить трубки, еслибы это не было рѣшительно противъ всего правды.

Ливъ быстро высучивается за китомъ—дѣлаетъ сажень едва китило, когда киту вдругъ задумалось «пронѣрять глубину», то-есть быстро опускается въ глубь; но вотъ является другая китобойка той же партіи, по сигналу, слѣзавшему ей «лажкомъ», и ливъ-только китъ вынырнулъ, чтобъ перевести духъ, въ него всаживается другая острога. Китъ неспособенъ отъ поостеренныхъ уснаій, быстрота его хода уменьшается, и онъ чаще выныриваетъ на поверхности воды: голова наконецъ предвидитъ моментъ неслабнаго удара.

«На верну!» причитаетъ онъ острожнику и проверно вѣшается съ шлюпками. Хоть шлюпки уменьшаются по мѣрѣ утомленія кита. «На воду, гребни сильнѣй!» командуетъ голова звонко и рѣзко; гребцы его, по-крайней-мѣрѣ старшіе изъ нихъ, знаютъ уже по его голосу и по тому, какъ онъ держитъ надъ головою свое острое, свѣтлое копье, что онъ сейчасъ нанесетъ киту рѣшительный ударъ.

Китъ, по-видимому, уснулъ на поверхности воды; но и онъ медленно готовится къ истребленію своими враговъ.

Голова слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ. «Греби ровнѣе! вылетѣте! гребни два, тебамъ три! вылетѣте! такъ держитесь! приставай!» и вдругъ, видя, что китъ медленно приближается, одно изъ своихъ владѣтельныхъ парусовъ, онъ всаживаетъ въ него въ мѣру

сѣщающій китоловный городокъ Телавити, на южной половинѣ Новой-Зеландіи: почти всѣ они сильны и жилисты. Видя, какъ они мѣшала кипящее въ чанахъ масло и поправляли огонь въ раскаленныхъ топкахъ, я невольно вспомнилъ о страшномъ глѣсномъ горнилѣ шиллеровой баллады *Der Garg zum Eisenhammer*, нарисованномъ въ безподобныхъ очеркахъ Реца. Спросилъ одного изъ нихъ, работаютъ ли они по воскресеньямъ, я получилъ презрительный отвѣтъ: «О, воскресенья никогда не заглаживаютъ въ этотъ заливъ!» Вся земля вокругъ топильни и весь ближайшій берегъ были пресмыщены китовыми жирами, и вонь отъ валывшихся повсюду кусковъ мяса, костей и остатковъ остова была нестерпимая.»

Если путешественнику случится поѣхать китоловное селеніе, то онъ вездѣ найдетъ радушный пріемъ. Все, что въ есть въ запасѣ лучшаго изъ сѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, предлагается ему жителями китолововъ, которые мужья, уѣзжая на лодку, строго наказываютъ не щадить для гостя ничего, а на ночь ему предлагается лучшая койка въ цѣломъ домѣ.

Жилища китолововъ обыкновенно выстраиваются для вѣкъ туземцами: деревянные рамы облетаются камышомъ, тростникомъ и прутьями; все это вылезается снаружи и внутри глиною и накрывается болѣе или менѣе крышей. Вольшая печь занимаетъ одинъ конецъ дома: она вѣчно окружена толпами туземцевъ съ горшечками и чугунами котелками, любимицы собаками и позвоноками китового спиннаго хребта, служащими вмѣсто стульевъ; въ дымовой трубѣ непрестанно коптитса нѣсколько добрыхъ окороковъ и рыбы. Койки въ два этажа съ опрятными занавѣсками расположены вдоль стѣнъ, на подобіе постелей пассажирскихъ каютъ пароходовъ англійскаго канала; на серединѣ стоятъ большой сосновый столъ съ такими же скамьями по бокамъ; на стропилахъ и полкахъ положены запасныя бухты амля,

весла, мачты и паруса, острогц, лопатки и колья и жестяная лампадка, тщательно-вычищенная. Двѣ четвероугольныя дыры въ стѣнѣ служатъ окнами, которыя на ночь закрываются ставнями. Боченокъ съ солонною, ящикъ съ мукою и ушатъ воды стоятъ по одну сторону дверей, а по другую опрятный прилавокъ, на которомъ разставлены ярко-вычищенные оловянные блюда, нѣсколько стакановъ и фаянсовой посуды. На порогѣ сидитъ старая дворовая собака неизвѣстной породы, облѣзая и покрытая рубцами, доставшимися ей въ безчисленныхъ сраженіяхъ; она спокойно отдѣлывается отъ любезностей свиньи и нѣсколькихъ попрошаекъ-туземцевъ, которымъ равнообразно хочется войти въ домъ и воспользоваться всѣмъ, что въ немъ плохо лежитъ. Двое или трое маори (такъ называютъ себя туземцы Новой-Зеландіи) спятъ на солнышкѣ, завернувшись въ простыни и прислонясь къ стѣнѣ, и нѣсколько полукровныхъ ребятишекъ возятся съ козлами или бѣгаютъ за курами и голубями по замасленному прибрежью передъ домомъ. Величайшая опрятность, господствующая внутри жилища китолова и въ одеждѣ женщинъ и дѣтей, напоминаетъ прибрежныхъ голландцевъ, — на этотъ счетъ и китоловы особенно възыскательны.

Если въ виду покажется судно, то шлюпки выѣдутъ къ нему далеко на встрѣчу и введутъ его на безопасное якорное мѣсто: это происходитъ отчасти отъ желанія узнать новости, а отчасти и отъ вошедшей въ пословицу готовности моряковъ помогать своимъ собратіямъ. Когда Торнъ (судно, на которомъ г. Уокфильдъ пришелъ въ Новую-Зеландію) стояло на якорѣ у острова Капити, въ октябрѣ 1839 года, увидѣли шедшій съ юга брикъ, тщетно пытавшійся вылавировать къ якорной стоянкѣ противъ крѣпятаго сѣверо-западнаго вѣтра; шкиперъ его, незнавшій мѣстности и имѣвшій мало людей, часто входилъ въ полосу сильнаго неблагоприятнаго теченія и не только не

подавался къ сѣверу, но даже безире-
станно терялъ мѣсто. Толемъ Ивнсъ,
извѣстный подъ названіемъ «Старика»
и начальствовавшій главною китолов-
ною станціей, выѣхалъ на своей кито-
бойкѣ къ брику во время самаго же-
стокаго порыва. Судномъ управляли
дурно: вмѣсто поворота оверштагъ,
оно поворотило черезъ фордовиндъ и
разминивалось съ китобойкой, которая
такимъ-образомъ очутилась миль за
три отъ своей станціи и должна была
выгребать домой противъ крѣпкаго
вѣтра и теченія. Часа два самая уси-
ленная гребля не подавала ей ни на
шагъ впередъ; наконецъ, теченіе слѣ-
жалось слабѣе, и она возвратилась бла-
гополучно, а брикъ между-тѣмъ унес-
ло миль на десять въ море, и вѣтеръ
ревѣлъ хуже прежняго. Когда усталые
гребцы вытаскивали шлюпку на бе-
регъ, одинъ изъ нихъ пробормоталъ,
что онъ не обаявался выгребать ко
всѣмъ сильнейшимъ брикамъ.

Старикъ обернулся и, отсыпавъ ему
цѣлый коробъ ругательныхъ словъ,
сказалъ: «Ты ворчишь, а? Такъ мы
выѣдемъ снова — спускайте шлюпку!»
Стояло величайшаго труда, чтобъ от-
говорить упрямаго старика отъ этой
опасной экспедиціи, которая, навѣрно,
была бы его послѣднею. Станція его
на *Токомануль*, или *Островкѣ-Ивнса*,
была всегда образцомъ порядка и дис-
циплины. Китобойка его походила на
щегольскую гичку какого-нибудь во-
ениаго судна или яхты. Она была вся
тѣльнаго цвѣта съ красною носовою
частью, на которой было нарисовано
гербовое перо принца валлійскаго; на-
званіе «Лихой Джекъ» красовалось на
кормѣ. Гребцы были всегда одѣты
однообразно, въ синихъ или красныхъ
рубашкахъ съ бѣлыми прошвами и въ
чистыхъ бѣлыхъ шальварахъ, съ
зюйд-вестками (*) на головахъ. Кор-

новая настилка накрывалась толстою,
красною циновкой; ключины бе-
режно обернуты маткиами; остроги,
конья, мачта съ парусомъ и даже флаг-
штокъ — въ зеленыхъ крашеныхъ на-
русинныхъ чехлахъ. Когда она при-
ставала съ разлета къ борту стоящаго
на якорѣ судна, весла убирались ра-
зомъ, и загребной принималъ кормовое
отъ головы, выѣзжавшаго на судно; послѣ
этого шлюпка отталкивалась, сла-
валась съ кормомъ за корму и гребцы
не трогались съ своихъ мѣстъ, — совер-
шенно какъ на военныхъ капитанскихъ
гичкахъ. Тотъ же порядокъ и такая же
дисциплина соблюдались въ тѣхъ вы-
лазующихся мѣстахъ, куда приставали
шлюпки для высматриванія и выжи-
данія китовъ. Если берегъ былъ при-
глубый, то шлюпка закрѣплялась фа-
ллемъ; если подлѣ него была отмель,
то шлюпку вытаскивали на сушу, вы-
ше возвышенія прилива, подставляли
подпорки и дневальный не отходилъ
отъ весел. На ночь для каждой шлюпки
зажигалось во два огня: одинъ для
головы и острожника, а другой для
остальныхъ гребцовъ.

Китоловамъ часто приходится также
трудиться; въ дурные годы, когда ки-
товъ появляется мало, они гребутъ
ночи на пролетъ и выѣзжаютъ миль
на пятнадцать (около двадцати-шести
верстъ) отъ своихъ станціи: все это
равностаніе гребутъ безъ отдыха, и го-
лова дозволяетъ своимъ людямъ су-
шить весла и залуричь трубки на при-
лде, какъ прійдя на мѣсто предположа-
емой ловаи.

По-видимому, китоловы ставятъ снѣ-
хъ рѣшительно ни во что. Г. Уэк-
фильдъ видѣлъ, какъ одна китобойка
вышла изъ Веллингтона (*) на свое

чтобъ вода не стекала съ головы за шпр.
Онѣ названы по юго-западнымъ вѣтрамъ
(south-westers), самымъ бурнымъ и дожд-
ливымъ.

(*) Въ 1839 году, полковникъ Уэкфильдъ
(для автора путешествія), главный агентъ
Ново-Зеландскаго Компаніи, отправилъ въ
Новую-Зеландію на суднѣ Торнъ, чтобы

(*) *Зюйд-вестки* (South-westers) шляпы
изъ крашеной или смоленой парусины,
которыхъ заднія поля шире переднихъ
и боковыхъ и ложатся на спину, для того,

станцію, на разстояніи миль сорока, въ такой вѣтръ, что многія каботажныя суда не рѣшились высунуться: и все это потому только, что первый голова, «Черный Моррей», разсчелъ, что люди его достаточно пропьянствовали на полученные ими задатки, и что ихъ пьяныхъ легче уговорить от-

путь у туземныхъ владѣтелей большіе участки земли для основанія регулярной англійской колоніи и для выбора мѣста, удобнаго для торговаго порта. Онъ избралъ для послѣдняго заливъ Порт-Никольсонъ, находящійся на сѣверномъ берегу Кукова-Пролива, раздѣляющаго большіе острова Новой-Зеландіи. Въ слѣдующемъ году переселенцы, привезенные изъ Англіи на нѣсколькихъ нарочно для этого снаряженныхъ судахъ, основали городъ Веллингтонъ, который въ два года выросъ на берегу залива и сдѣлался главнымъ торговымъ пунктомъ Новой-Зеландіи. Въ 1840 году, англійское правительство объявило владѣчество королю Виктору на всѣхъ берегахъ острововъ Новой-Зеландіи и учредило тамъ регулярное колоніальное правленіе. Къ сожалѣнію, посланный туда губернаторъ, по наущенію миссіонеровъ, которыхъ главное селеніе было въ *Корорарека*, при заливѣ острововъ, на сѣверо-восточномъ берегу Новой-Зеландіи, избралъ мѣсто для столицы колоніи. Недалеко отсюда и основалъ городъ Ауклендъ, въ мѣстѣ далеко не столь выгодномъ, чѣмъ Веллингтонъ, такъ-что туда поселилось нѣсколько эмигрантовъ не ранѣе, какъ въ 1843 году. Миссіонеры противодействовали колонистамъ Ново-Зеландской Компаніи, потому-что лишались при регулярной колонизаціи значительной части своего прежняго вліянія и выгодъ, которыми они пользовались почти отъ исключительныхъ сношеній своихъ съ туземцами. Не смотря, однако, на многія злонамѣренныя стѣпенія со стороны губернатора, Веллингтонъ, куда безпрестанно приходили китоловныя и купеческія суда изъ Англіи и Австраліи, продолжалъ процвѣтать стараніями старыхъ и вновь-прибывшихъ колонистовъ, умѣвшихъ пользоваться естественными богатствами страны и мѣстными удобствами, такъ-что въ 1843 и 1844 годахъ тамъ было уже нѣсколько каменныхъ домовъ, церковь, лавка, клубъ, конскія скачки, земледѣ-

правиться на станцію. Онъ добрался туда благополучно, совершивъ единственною посредствомъ своего искусства и присутствія духа, самый трудный и опасный переходъ, на который немногіе бы рѣшились и съ совершенно-трезвыми гребцами.

Въ-продолженіе промѣсла 1843 года, китъ, преслѣдуемый нѣсколькими шлюпками соперничающихъ партій, убѣжалъ отъ нихъ въ бурныя, бьющія отъ берега на четверть мили разстоянія около *Отаки*, въ крѣпкіе вѣтры и послѣ нихъ. Видя этотъ маневръ кита, большая часть китобоевъ не рѣшилась за нимъ слѣдовать, а стала сушить весла въ буруна; вѣтръ былъ такой, что ни одинъ изъ головъ не волея бы пристать къ берегу не овроканившись. Но «Биль Буфетчикъ», бывшій тогда на короткой, поворотливой, пятидесятилетней китобойкѣ, смѣло послѣдовалъ за китомъ, «загрѣвшись», «бѣжалъ» за нимъ и «чубилъ» его—и все это не выходя изъ странійишаго буруна.

Такая же замѣчательная рѣшительность обнаруживается у китолововъ въ случаѣ какихъ-нибудь раздоровъ ихъ съ туземцами. Въ началѣ 1843 года, вожди *Раунерага* и *Рауигага*, нащѣреваясь ограбить «Длиннаго Джордана», голову маленькаго китоловной станціи, состоящей изъ двухъ шлюпокъ, на островѣ *Кавити*, затѣяли съ нимъ ссору. Однажды утромъ начали они на него въ-расплахъ, со всѣми охотами, и забравъ все, что у него было, не исключая шлюпокъ, переезели свое добычу на островокъ, бывшій резиденціею *Раунерага*. Длинный Джорданъ вступилъ въ сношенія съ двумя главными сосѣдними китоловными станціями. Голова одной изъ нихъ отъезжался, боясь, что магистратъ Веллингтона вступится противъ такого само-

чекскія выставки; тамъ издавалось нѣсколько газетъ и въ-продолженіи двухъ лѣтъ перебивало болѣе 200 купеческихъ судовъ, не считая каботажныхъ, служившихъ для прѣбрѣжнаго плаванія по портамъ Новой-Зеландіи.

уравстра; по головы другой, зная, по-видимому, неосновательность подобных опасений (*), рѣшили дѣло по-своему. Насажавъ на нѣсколько китобоевъ людей, вооруженныхъ коцями, острогами, «лопатками» и старыми ржавыми ружьями, они отправились вмѣстѣ съ ними прямо на островъ Вауэраги.

Видя ихъ приближеніе, лукавый вождь вышелъ на берегъ и началъ «куражиться», какъ выражаются китоловы, и спросилъ, чего имъ надобно.

— А вотъ сейчасъ увидишь! отвѣчалъ тѣмъ, и, выскочивъ изъ шлюпокъ, оружили его и Равагаету съ своимъ опаснымъ оружіемъ, требуя немедленнаго возвращенія всего вѣстаго.

Желаніе ихъ было немедленно исполнено: неустанные вожди приказали своимъ поданнымъ спустить на воду узеловыя шлюпки и погрузить въ нихъ всѣ награбленные вещи. Потомъ китоловы уѣхали отъ уничтоженныхъ грабителей, обѣщавъ выгнать ихъ всѣмъ съ Капити, если они въ другой разъ осмѣлятся провиниться такимъ же образомъ.

На нѣкоторыхъ китоловскихъ станціяхъ простые гребцы всѣ изъ туземной молодёжи—тѣ, которые брали ихъ на лавку, остались или довольны. Можно предположить, что въ слѣдствіе этого обычая и супружескихъ узъ китоловскъ съ туземцами, они произвели значительную переѣмку въ бытѣ Моловоландцевъ еще до прибытія Торн. Г. Уэлкнльда встрѣчалъ многихъ, постоянно одѣвавшихся по-европейски и говорившихъ довольно-хорошо по-англійски; нѣкоторые превращены въ выучившихъ плотничать; челоки большей частью были снабжены холщевыми парусами и употреблялись на китобоевъ. Одна туземная деревня близъ Те-ава-ити высылала двѣ китобойки,

на которыхъ всѣ люди были моряки, хотя нѣтъ никогда не удавалось убить кита, но они часто «закрѣплялись» и получали по 20 фунтовъ стерлинговъ за каждаго отъ шлюпки, которая пользовалась ихъ трудами. Вождь Гико всегда ѣздитъ на китобойцѣ, и многие утверждаютъ, что онъ самъ «закрѣплялся» за кита. Говорятъ, что жители южнаго острова сдѣлали еще большіе успѣхи въ подражаніи искусству и трудолюбію бѣлыхъ китолововъ и туземщиковъ. Племя *Нанитау*, прежде столь враждебное, нѣмѣтъ, какъ полагаютъ, около тридцати большихъ шлюпо-боекъ. Г. Уэлкнльдъ видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Капити; онъ имѣетъ прекрасныя морскія качества, управляютъ кормовымъ весломъ и на каждой по два рейковыхъ паруса.

Но за то и дурныя качества характера китолововъ привились въ указанной степени ко многимъ изъ туземцевъ: нѣкоторые сдѣлались горькими пьяницами, многіе наглыми хвастунами, забіяками и безчувственными голодаями. Въ прежніе годы, когда китоловы были не такъ многочисленны, чтобъ могли обороняться противъ нападеній туземцевъ, они должны были прибѣгать къ ихъ вождямъ и свекорамъ и даровать имъ покровительство лествью и подарками; то же случается и теперь, дѣломъ, когда китоловы разбросаны по разнымъ островамъ и туземнымъ селеніямъ. Слѣдствіемъ этого бываютъ алчность, заносчивость, придиричивость и грабительство вождей; хотя китоловы и смѣются надъ ними, когда они вмѣстѣ и когда съѣла на дѣхъ сторонѣ, за то одиночнамъ поселенцамъ или вновь-прибывшимъ бѣлымъ, это непривышнымъ къ такимъ вещамъ, преходитъ вѣдѣній оттерливаться. Иновѣстные владѣтели Новой-Земли никогда не упускаютъ случая притѣснить Европейцевъ, которымъ приходится очутиться беззащитными въ ихъ рукахъ. Были даже и такіе случаи (но ихъ можно считать рѣдкими исключеніями), что враждебные поступки туземцевъ просятъ волею власти прав-

(*) Колонисты Веллингтона всегда жалуются на несправедливость и неискренность своего магистрата.

ходили на внушеніяхъ и даже съ содѣйствіемъ нѣкоторыхъ изъ китолововъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что обширная масса китолововъ навѣрно заклеивала бы подобныхъ злодѣевъ заслуженнымъ безчестіемъ, еслибъ она вполне убѣдилась въ дѣйствительности ихъ преступленій.

Такимъ-образомъ, мы видимъ, что китоловы, задолго еще до регулярной колонизаціи, подвергались всѣмъ опасностямъ первыхъ сношеній бывшихъ съ дикими; они первые ознакомились съ берегами острововъ Новой-Зеландіи и вообще съ прибрежными странами, приучили туземцевъ къ новымъ потребностямъ и привили къ нимъ много новыхъ пороковъ, наконецъ, внушили имъ значительное уваженіе къ физическимъ качествамъ *накава*, или бѣлыхъ. Кромѣ миссіонерской миссiонерки г. Марсдена въ 1814 г., этия суровыя труженники принадлежатъ исключительная честь проложенія пути къ болѣе-возвышенному просвѣщенію—переселенцы и остальные миссіонеры слѣдовали по ихъ стопамъ. Нѣсколько не унижая благосостоянія дикихъ, образовавъ ихъ въ нравственномъ отношеніи и давъ имъ новую, чистую религію, Европейцы, однако, не могутъ оспаривать несомнѣнный фактъ, что первыми и, конечно, бесспорнѣйшими расадителями европейскаго просвѣщенія въ Новой-Зеландіи были суровые китоловы, тюленьщики, пильщики и добыватели льна: эти скитальцы испытали величайшія опасности и удержались между варварами-туземцами единственно своимъ мужествомъ, упорствомъ и физическою силою.

Въ сношеніяхъ своихъ съ европейскими колоніями Новой-Зеландіи, китоловъ обнаруживаетъ большое сходство съ матросомъ, возвратившимся изъ долгаго, труднаго плаванія. Получивъ по окончаніи промысла слѣдующую имъ по расчету уплату, она отпрасляется дуломъ въ Веллингтонъ

или Нельсонъ (*). Разумѣется, что снабженіе китолововъ всѣмъ нужнымъ и покупка продукта ихъ ловли перешли изъ рукъ силенейшихъ купцовъ къ веллингтонскимъ, которые платятъ имъ лучше и отсылаютъ китовый жиръ прямо въ Англію; а потому мѣсяца на два или недѣля на шесть въ году, Веллингтонъ дѣлается рѣшительно Портсмутомъ въ шивятюрѣ. Вуйное веселье не прерывается; въ каждомъ кабачкѣ или погребѣ раздаются дикіе звуки скрипки и волынки; маленькій импровизированный театръ набивается бивкомъ регулярно разъ въ недѣлю, и слабая полиція Веллингтона часто страдаетъ отъ разныхъ практическихъ шутокъ замысловитыхъ китолововъ. Программа увеселеній доводится гонимы на шлюпахъ, при чемъ часто проваклядываются довольно значительныя деньги; — или по-временамъ почтенными драмами, поводъ къ которымъ подаетъ глубокое пресрѣніе, выражаемое китоловами къ «увальнымъ-эмигрантамъ», или *Johnny-grants*, какъ они ихъ называютъ. Если китоловинный промыселъ увеличится и будетъ процвѣтать, то мирнымъ жителямъ Веллингтона скоро придется выбраться и поселиться въ окрестностяхъ. Промотавъ деньги свои на удовольствія, изобрѣтеныя самыми дикими фантазіями, неутомимые гуляки притихаютъ и отправляются искать себѣ работы на лѣто.

Нѣкоторые присоединяются къ пильщикамъ, классу людей, составленному почти изъ одинаковыхъ съ ними матеріаловъ и характеромъ схожихъ съ китоловами, потому что пильщики ведутъ также дикую и трудную жизнь въ лѣсахъ по сосѣдству коловій; также любятъ выпить и любятъ множество общихъ съ китоловами значеныхъ мѣсть и людей. Надобно сказать, что привычки пильщика не во-

(* Другой городъ, основанный Ново-Зеландскою Компаніей на южномъ берегу Кука-Проліва.

решаютъ въ него той же отчаянной смѣлости, или той же любви къ порядку и остротности, какими отличаются китоловы, а потому пильщикъ стоитъ рѣшительно степеневю ниже китолова.

Другіе покупаютъ у окрестныхъ туземцевъ свиней и картофель, и привозятъ на рынки въ колоніяхъ; но тѣ, которые исключительно занимаются этимъ торгомъ, опять-таки въ нравственной отношеніи ниже китолововъ. Чтобы выгодаѣ купить свой товаръ, имъ надобно подличать передъ маори и льстить имъ, для того, чтобы не дѣлать почти-неизбѣжныхъ въ такихъ случаяхъ подарковъ: такая дипломатія очень-трудна и унижаетъ ихъ характеръ. Но лучшими и самыми доброспорядочными изъ китолововъ можно считать тѣхъ, которые «накутавшись», отправляются на мѣсто въ деревню, гдѣ живутъ родственники ихъ семьи и обрабатываютъ тамъ какой-нибудь клочокъ земли, который туземцы имъ охотно уступаютъ. Эти люди постоянно колеблются между тихими удовольствіями семейной жизни и спокойствіемъ земледѣльца, и сильными ощущеніями китовой ловли, не зная чему отдать преимущество. Многие изъ нихъ, самодовольно указывая лутешествію на свои участки, покрытые превосходною шиеницей, или на свои фруктовые деревья, утверждаютъ, что имъ уже опротивѣлъ китовый промыселъ, и что на будущій годъ пусть кто хочетъ бьется за этою дьявольщиной; а между-тѣмъ приходится первое мая, и тотъ же мирный земледѣлецъ стоитъ за рулевымъ весломъ своей китобойки; глаза его жадно смотрятъ впередъ, и онъ съ прежнимъ олушевленіемъ вскрикиваетъ: «Вотъ онъ!—вотъ фыринулъ!—гребни, гребни сильнѣй!..»

Всѣ первоначальные пильщики, добыватели льна, «свищики», тюленьщики и китоловы, принимали дѣятельное участіе въ туземныхъ междоусобныхъ войнахъ, въ которыхъ они отличались самую запальчивую храбростью и часто не уступали въ жестокости ту-

земцамъ. Выкидыши этихъ разнородныхъ промышленниковъ понадаются повсемѣстно въ Новой-Зеландіи; эти праздноватающіеся бродяги—герскіе пьяницы и предамы всѣмъ возможнымъ порокамъ; они навѣрное сдѣлались бы разбойниками, еслибъ здѣсь нашлось достаточно искушенія для занятія этимъ ремесломъ. Они скитаются безъ цѣли, не находятъ себѣ мѣста ни у китолововъ, ни у кого бы то ни было, потому-что бродяжество сдѣлало ихъ неспособными къ работѣ, и вообще они извѣстны подъ названіемъ «утапывателей взорья»; они часто посѣщаютъ колоніальныя тюрьмы (которыя въ новыхъ городахъ являюся самымъ жалкомъ видѣ), но сидятъ въ нихъ не долѣе того, сколько имъ заблагоразсудится пользоваться пищею и пощипаніемъ на казенный счетъ.

Въ 1844 году считалось тридцать двѣ китоловныя станицы, завсѣшанія отъ Веллингтона, при которыхъ на северномъ островѣ было 25 китобоевъ, а на южномъ 43; на этихъ 68 шлюпкахъ и находившихся при станицахъ мелкихъ каботажныхъ судахъ, было около 650 человекъ. Въ промыселъ 1843 года они добыли 1215 тоннъ китоваго масла (около 73,000 пуд.) и 40 тоннъ китоваго уса (около 2550 п.): все это вмѣстѣ стоило въ Лондонѣ 50,000 фунт. стерл. или около 320,000 рублей серебромъ.

Успѣхъ ловли, разумѣется, не всегда одинаковъ; но по всему надобно предполагать, что китоловный промыселъ клонится къ упадку. Нѣтъ сомнѣнія, что число китовъ значительно уменьшается отъ истребленія самокъ и даже китятъ, которые не переживаютъ того, что за нихъ закрѣпляются съ цѣлью ловить ихъ матерей, ибо тѣ, какъ выше было сказано, никогда не покидаютъ дѣтей своихъ.

Ходъ китовъ начинается обыкновенно въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Они по-видимому идутъ съ юга и появляются сперва около восточнаго входа въ Куковъ-Провизъ; потомъ идутъ самымъ прямымъ, прямымъ-

тая сѣверную его часть, отъ береговъ которой тянутся большею частію отмели; и наконецъ, обогнувъ довольно-близко островки Мана и Капити, выходятъ изъ Кукова-Пролива въ такъ-называемый «Материнскій-Заливъ», простирающійся миль на полтора ста къ сѣверу отъ Капити къ Мысу Эгмонту. Въ Материнскомъ-Заливѣ, — названіе такъ потому, что тамъ самки разрѣшаются отъ бремени, предпочитая его по причинѣ мелководья, — ихъ никто еще не тревожилъ.

Г. Уэкфилдъ присоединяется къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что прибрежный китоловный промыселъ долженъ быть рѣшительно запрещенъ, для того, чтобъ киты могли безпрепятственно посѣщать избираемые ими для дѣторожденія заливы.

«Страшно подумать», говоритъ онъ далѣе: «какихъ послѣдствій должно бы было ожидать, еслибъ китоловы оставались въ-продолженіе многихъ лѣтъ безъ всякаго надзора со стороны правительства: нѣтъ сомнѣнія, что эти суровые колонисты довершили бы свои подвиги окончательнымъ истребленіемъ туземцевъ, сколько враждебными столкновеніями съ ними, столько же и постоянно-привычными къ нимъ злокачественными болѣзнями и пороками.»

Дурное вліяніе ихъ сдѣлалось бы ощутительнымъ для всего мореходнаго свѣта. Въ странѣ, имѣющей всѣ естественныя удобства и матеріалы для строенія и снаряженія судовъ, гдѣ жизненныя потребности въ такомъ изобиліи, легко могла бы составиться могущественная нація морскихъ разбойниковъ, которыхъ закрытыя бухты и превосходныя проходы гавани разныхъ островковъ и самые извилистые проходы между ними, доставили бы весьма надежныя притоны; тогда бы имъ ничего не значило сдѣлаться грозой всей морской торговли Австраліи и острововъ Южнаго-Моря. Когда въ Новую-Зеландію достигли слухи о вѣроятности войны между Англіею и Соединенными-Штатами, по случаю

нѣкоторыхъ несогласій на-счетъ границы Штатовъ съ Канадою, китоловы стали помышлять весьма-серьезно о призахъ, которые бы они набрали, выѣзжая въ море на своихъ китобойкахъ и нападав на всѣ американскія суда, которые приблизились бы къ Кукову-Проливу.

Не смотря, однако, на многія черныя стороны своего характера, китоловы заслуживаютъ уваженіе за прямодушіе и гостепрійство, за необычайную отважность, отчаянную предпринимчивость, непоколебимую твердость въ опасностяхъ и стойкость, съ которыми они борются со всѣми затрудненіями, встрѣчающимися на ихъ бурномъ поприщѣ.

А. Бутковъ.

1843.

*

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНДУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

7) L'ÉTOILE DE SEVILLE (Севильская Звѣзда) *большая опера съ четырьмя дѣйствіями, слова г. Ниполита Люка, музыка г. Бальфа.*

Лордъ Голленъ въ своей біографіи Дона-де-Веги, напечатанной въ 1817 году, далъ подробный разборъ «Севильской Звѣзды» (Estrella de Sévilla); вотъ вкратцѣ главная сцена. У дона-Бустоса, рехидора севильскаго, есть сестра, дона-Эстрелья, знаменитая своею красотою; онъ думаетъ выдать ее, за Сива андалузскаго. Между тѣмъ, довъ-Савчо IV, молодой король, весьма-любчивый и предприимчивый въ любви, уже выдалъ Эстрелью и любитъ ее. Онъ подкупаетъ слугу дона-Бустоса и проникаетъ въ домъ рехидора. Возвращаясь домой,

донъ-Бустосъ слышитъ очень-подозрительный разговоръ между королемъ и горничною сестры. Онъ показывается; король, чтобъ выйти изъ опаснаго положенія, открывается; но донъ-Бустосъ показываетъ видъ, будто не вѣрить ему, и даже защищаетъ короля отъ такого оскорбительнаго обвиненія. Какъ можетъ король рѣшиться на такой безчестный поступокъ! Прочитавъ ему строгое наставленіе, онъ отпускаетъ его и умерщвляетъ виновную служанку. Оскорбленный король призываетъ Сидъ андалузскаго и приказываетъ ему убить донъ-Бустоса. Сидъ колеблется, но наконецъ уступаетъ желанію короля, обѣщающаго ему свою защиту на случай преслѣдованій за убійство. Сидъ заводитъ ссору съ донъ-Бустосомъ, отказываясь отъ руки его сестры. Оскорбленный Бустосъ хватается за оружіе, Сидъ убиваетъ его. Эстрелья проситъ короля, чтобъ виновный былъ выданъ ей, на основаніи одного стариннаго закона, отдавашаго убійцу на произволъ родственниковъ убитаго. Она хочетъ спасти его, но Сидъ не соглашается бѣжать. Она выходитъ изъ тюрьмы, въ которой онъ заключенъ, въ твердомъ намѣреніи умереть съ горести; онъ же хочетъ погибнуть на эшафотѣ.

Этотъ разборъ подавъ Лебрёну, въ 1823 году, мысль его трагедіи «Сидъ андалузскій», которая, несмотря на нѣкоторыя заслуги, встрѣтила весьма-мелестный приемъ. Этими же сюжетомъ воспользовался для своей оперы г. Ипполитъ Люкъ; онъ, какъ знатокъ иностранныхъ литературъ, очень-искусно передѣлалъ его сообразно съ требованіями новѣйшей сцены.

Либретто намъ кажется прекраснорасположеннымъ для музыки. Давно на оперной сценѣ не являлось такого заманчиваго сюжета. Г. Ипполитъ Люкъ замѣнилъ сестру донъ-Бустоса сестрою короля, Эстрелью, которая считается дочерью рехидора; онъ думалъ, что испанская ревность брата за честь сестры не можетъ возбудить довольно-сильнаго интереса, и что утрата

брата далеко не сравнится съ утратою отца.

Но-большой-части составляютъ ебѣ самое ложное повятіе о поэзіи, и о формѣ поэзіи, болѣе удобной для музыки; по странному мнѣнію, до-сихъ-поръ еще весьма-распространенному, воображаютъ, что въ каватинѣ самые плохіе стихи становятся хороши и что даже чѣмъ они хуже въ чтеніи, тѣмъ лучше въ музыкѣ. Непонятно, почему самый выразительный изъ языковъ долженъ непремѣнно появляться въ союзѣ съ пошлыми и бессмысленными словами. Поэзія поющагося имѣетъ свои красоты, точно такъ же, какъ и поэзія читающагося, хотя онѣ между собою разнятся.

Лирическая поэзія должна непремѣнно быть выраженіемъ яркаго чувства, или неизбежнымъ слѣдствіемъ нѣвѣстнаго положенія. Сочиненіе г. Ипполита Люкъ, разбираемое съ музыкальной точки зрѣнія, представляетъ счастливое сочетаніе всѣхъ условій, благопріятствующихъ композитору. Прелестный романсъ, наивная баркарола являются подлѣ самыхъ драматическихкихъ и потрясающихъ сценъ. Кроме того, авторъ доказалъ, что къ условіямъ лирической драмы можно присоединить очарованіе стихосложенія, которое въ «Севильской Звѣздѣ» отличается свойственною автору оригинальностью и силою.

И г. Бальвъ умѣлъ воспользоваться всѣми выгодами либретто. За увертюрою, кончающеюся энергическою финальною темою втораго дѣйствія, слѣдуетъ прелестный хоръ; за хоромъ дуеттино Занды и Педро. Педро рыбакъ, влюбленный въ Занду, горничную Эстрельи. Въ этомъ дуетѣ, Педро спрашиваетъ Занду, будетъ ли ея госпожа на правдникѣ, который готовится къ въѣзду новаго короля, донъ-Саучо. Занда отвѣчаетъ, что нѣтъ, потому-что отецъ Эстрельи, донъ-Бустосъ, запретилъ дочери быть на правдникѣ. Донъ-Бустосъ замѣтилъ, что король влюбленъ въ донью Эстрелью, а у него очень-важныя причины оставаться стѣ лю-

Божь. Входитъ торжественный хоръ подъ звуками марша, который напоминаетъ берлиозовъ маршь апотеоза, но не смотря на то, вовсе не производитъ непріятнаго впечатлѣнія; можно его упрекнуть въ излишнемъ употребленіи трюмбоновъ и барабановъ, но мелодія хорошо обрисована, и ритмъ ея весьма-удаченъ. Послѣ марша, довь-Санчо, Сидъ андалузскій, такъ прозванный за свое мужество, проситъ у Бустоса руки Эстрелья. Бустосъ соглашается; наконецъ, является король довь-Санчо IV. Видъ Алькасара напоминаетъ ему счастливые годы дѣтства, и онъ поетъ каватину, полную сладкой меланхоліи. Для избѣжанія оставовки въ дѣйствіи, сюда же помѣщенъ балетъ, который сначала показался слишкомъ-длиненъ, и при второмъ представленіи былъ обрѣзанъ.

Эстрелья, какъ женщина, и въ-особенности какъ Испанка, не могла устоять противъ желанія посмотреть на праздникъ хоть съ балкона; къ-тому же, она думала въ свитѣ короля увидѣть своего возлюбленнаго, дон-Санчо. Король видитъ ее, и хотя ему говорятъ, что она дочь рехидора дон-Бустоса, онъ рѣшается обольстить ее. Первое дѣйствіе заключается маршемъ свиты, отправляющейся на турниръ.

Второе дѣйствіе. Эстрелья сидитъ въ задумчивости и безпокойствѣ. Чтобъ развлечь ее, Заида поетъ ей мавританскую пѣсню, которую недавно выучила. Пѣсня эта, хотя и не совѣтъ восточнаго характера, тѣмъ не менѣе прелестна. Слѣдующій за тѣмъ романсъ Эстрельи полонъ нѣжной грусти; это одно изъ лучшихъ произведеній Бальфа.

Декорация переиѣняется; садъ рехидора. Измѣнникъ, слуга Бустоса отворяетъ калитку и впускаетъ короля съ его наперсникомъ. Заида, узнавъ о затѣваемомъ похищеніи, предупредила Бустоса, и они вдвоемъ ждуть похитителя. Квартетъ, полный таинственности, отличающійся мастерскимъ расположеніемъ голосовъ, возвѣщаетъ ужасную сцену. Бустосъ показываетъ

видъ, будто не узнаётъ короля, оскорбляетъ его, и даже бьетъ его мечомъ плашмя, какъ, рассказываетъ одинъ анекдотъ, Альбукеркъ билъ Филиппа IV. Бустосъ свываетъ людей, и король принужденъ бѣжать, чтобъ его не узнали. Мотивъ этого квартета полонъ энергіи и прекрасно инструментованъ. Можно развѣ упрекнуть г. Бальфа въ томъ, что онъ не воспользовался присутствіемъ бустосовыхъ слугъ, чтобъ въ третій разъ привести мелодію и продлить финаль, который немного коротокъ.

Третье дѣйствіе открывается прелестнымъ хоромъ и балетомъ, съ аккомпаньементомъ настаньетовъ, необходимыхъ въ оперѣ, происходящей въ Испаніи. Выходитъ король, еще подъ влияніемъ нанесеннаго ему оскорбленія; горькіе упреки Бустоса пробуждаютъ въ немъ воспоминаніе о поступкѣ его съ отцомъ. Превосходный анданте выражаетъ это положеніе его души. Затѣмъ слѣдуетъ большой дуэтъ короля съ Сидомъ, самое капитальное мѣсто всей оперы. Этотъ дуэтъ очень-удачно прерывается мотивомъ, поющимъ безъ оркестра и провозвещающимъ сильное впечатлѣніе на слушателей. Дуэтъ и конецъ квартета служатъ доказательствомъ высокой степени развитія, доступной музыкальному таланту г. Бальфа. Новая переиѣна декорации. Нѣжный гобойный соло возвѣщаетъ очаровательную баркаролу; король, по требованію Сиды, посылаетъ вызовъ Бустосу, прося у него тайной встрѣчи. Сидъ заступаетъ мѣсто короля, бьется съ Бустосомъ и наноситъ ему смертельную рану. Въ эту минуту Эстрелья, идя къ церкви, въ которой долженъ совершиться обрядъ вѣнчанія, видитъ трупъ отца. Эта сцена весьма-выгодна для хорошей драматической артистки. Въ горести и отчаяніи узнаётъ она, что убійца скрывается въ королевскомъ дворцѣ; переходя отъ отчаянія къ негодованію и ярости, она бѣжитъ во дворецъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи, король тщетно старается утѣшить дон-Сан-

чо, котораго сердце раздрается самымъ сильнымъ раскаяніемъ. Вдругъ врывается Эстрелья, въ сопровожденіи алькадовъ и народа. Она грозно требуетъ, чтобъ убійца былъ ей выданъ. Композиторъ успѣлъ вполне воспользоваться этимъ прекраснымъ положеніемъ. Алькады хотѣтъ схватить виновнаго; но донъ-Санчо, на основаніи стариннаго обычая, поручаетъ месть Эстрельѣ, предоставляя ей одной рѣшить участь своего возлюбленнаго. Тутъ прекрасный дуэтъ ея съ женихомъ: донъ-Санчо хочетъ умереть, не открывъ своей тайны. Эстрелья не вѣритъ, чтобъ онъ былъ виновенъ, потому-что по-прежнему любитъ его и готовится раздѣлить его участь. Оба хотѣтъ броситься въ пропасть, но въ эту минуту входитъ король, въ рукахъ у него завѣщаніе отца, изъ котораго онъ узнаетъ, что Эстрелья его сестра. Музыка этого дуэта полна высокой страсти и нѣжности. Вообще, четвертое дѣйствіе, и въ драмѣ и въ музыкѣ, всѣхъ лучше. Эта опера имѣла огромный успѣхъ, который, можно надѣяться, долго поддержится, тѣмъ болѣе, что она очень-хорошо поставлена и превосходно выполняется.

8) *UNE FEMME LAIDE* (Безобразная Женщина), *одесиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. 1. Премарѣ.*

Сэръ Дэвидсонъ живетъ въ небольшомъ домѣ, среди глухаго лѣса; онъ разослалъ всѣхъ своихъ людей, и самъ себѣ служитъ швейцаромъ, камердинеромъ и поваромъ. Почтенный Шотландецъ живетъ такъ взаперти за тѣмъ, что у него есть дивное сокровище, которое онъ хочетъ скрыть отъ всѣхъ глазъ: дочь его Алиса—чудо красоты; сестра Алисы, такая же красавица, была обольщена и увезена. Дэвидсонъ не хочетъ подвергнуть честь своего имени вторичному позору. Нѣжныя отеческія наставленія онъ замѣнилъ замками и рѣшетками, и самъ безпрестанно стережетъ свою овцу, какъ пастушья собака. Милъ на двадцать въ околки распространилъ онъ

слухъ, будто дочь его ужасно безобразна, потому-что никому и въ голову не приходитъ увѣриться въ истинѣ этого обстоятельства. Отсюда слѣдуетъ, что молодая Алиса страшно скучаетъ, и еслибъ ея молочная сестра, Катерина, не развлекала и не утѣшала ея, она просто умерла бы съ тоски. Но молодые дѣвушки пересказываютъ другъ другу свои надежды, желанія и мечты. Вотъ вдругъ одна любимая мечта Алисы исполняется. На заборѣ является премилый и прехорошенькій молодой человекъ въ прелестномъ мундирѣ. Сэръ Токлей, любезный негодяй, товарищъ и пріятель герцога Абдермала; ему поручено обрыскать всю Англію и открыть подлинникъ портрета, въ который герцогъ влюбился по уши. Разузнется, это портретъ Алисы, и вотъ его исторія. Когда Алиса была еще въ монастырѣ, одна изъ сестеръ, не находя лучшей модели, срисовала съ нея прелестную миниатюру. Воры (вѣдь они вездѣ найдутъ дорогу, даже въ монастырь) украли портретъ; какой-то Жидъ купилъ его и перепродалъ герцогу, который, видно, охотникъ покупать старье. Вотъ герцогъ и влюбился, и послалъ Токлея отыскивать оригиналъ.

И такъ, Токлей проникъ въ гнѣздо прелестной малиновки; но повѣренный герцога—негодяй, и мало уважаетъ права своего повелителя. Портретъ украли: почему жъ бы не украсть и оригиналъ, но только для самого-себя? Между-тѣмъ, проѣзжаетъ герцогъ; Токлей объявляетъ ему, что дочь Дэвидсона страшно безобразна и представляетъ ему своего камердинера, нарядивъ его съ помощью проказницы Катерины въ женское платье. Герцогъ хочетъ удалиться, какъ вдругъ является суровый Шотландецъ съ ружьемъ и вовсе не думаетъ шутить. Два человека пробрались въ его берлогу; одинъ изъ нихъ долженъ дать свое имя его дочери; Токлей приноситъ себя въ жертву; онъ готовъ жениться на Алисѣ, которою герцогъ не видалъ. Герцогъ ди-

вѣтъ его великодушю, его преданности, его самоотверженію.

Перенесемъ теперь къ герцогу Абдермалу; чтобъ утѣшиться въ своей горести, онъ даетъ маскарадъ, на который приглашено все сосѣднее дворянство. Среди бала получаютъ онъ мадушеную записку, въ которой читаетъ слѣдующія слова: «Красавица, которую вы такъ давно отыскиваете, здѣсь на балѣ». — Герцогъ въ восторгѣ. Токлея пробирается дрожь. — Да, г-жа Токлей на балѣ, но она прѣехала съ весьма-похвальнымъ намѣреніемъ: она хочетъ вытребовать портретъ, — достигаетъ желанной цѣли, даетъ славный урокъ мужу, дурачить отца, на котораго было ей за что сердиться, и все кончается какъ-нельзя-лучше.

9) *Sous les Arbres* (Подъ Девьями), драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. Бишйона.

Директоръ Водевильнаго-Театра ввѣредъ объявилъ, что эта драма будетъ играть не болѣе одного раза, въ чемъ зрители вполнѣ убѣдились, увидавъ пьесу, — увидавъ только, потому что они ея не слышали за громкимъ хохотомъ и богатырскими зѣвками партера и ложь.

10) *Trois Militaires plus un* (Трое Военныхъ и еще одинъ), пародія въ пяти картинахъ, соч. гг. Лери, Генѣ и Куальгака.

Пародія на драму Александра Дюма, но пародія снисходительная и мягкая; впрочемъ, она довольно забавна. Король англійскій замѣненъ парюмеромъ Шарлемъ; всѣ другія лица такъ измѣнили значеніе.

Трое военныхъ и еще одинъ, послѣ долголѣтней разлуки, встрѣчаются у кабачницы-вдовы, бывшей во времена ѳны предметомъ ихъ любви. Они показываютъ другъ другу клочки рыжихъ волосъ, которые непостоянная вдова дарила всѣмъ и каждому. Въ годовованіи призываютъ она цирюльнича, который имѣетъ тѣ же причины неудовольствія и обладаетъ такимъ

же обличительнымъ клочкомъ волосъ. Они приказываютъ ему обрить жертву, которая въ-послѣдствіи умираетъ отъ старости и отъ насморка, обратившагося въ хроническую болѣзнь.

Отсюда непримиримая вражда молодого Морданта, который измѣническимъ образомъ брѣтетъ имъ головы, отводитъ ихъ въ полицію и строитъ имъ различныя другія козни; но четыре воина торжественно выходятъ изъ всѣхъ затрудненій, и онъ наконецъ самъ дѣлается жертвою собственныхъ своихъ хитростей.

Авторы этой пародіи, которыхъ числомъ двое и еще одинъ, не могутъ жаловаться на пріемъ, слѣваанный ей публикою.

11) *Le Marchand de Marrons* (Торговецъ Каштанами), комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Дювера и Лозанна.

Пьеска немного - сентиментальная, какъ почти все, что играетъ на театрѣ *Gymnase Dramatique*. Торговецъ каштанами не что иное, какъ филантропъ, или, если угодно, чувствительный человекъ въ кожаной фуражкѣ и бархатной курткѣ. Подъ видомъ будто печетъ каштаны, почтенный Жозефъ дѣлается провидѣніемъ богатаго г. Дюбиньона. Когда негодяй хочетъ похитить манзель Дюбиньонъ, Жозефъ предупреждаетъ замыселъ похитителя; когда г. Дюбиньонъ разорился, Жозефъ даетъ у себя пристанище долговазому Дюбиньону и его дочери. Жозефъ работаетъ за троихъ и даже за четверыхъ; Богъ благословляетъ его каштаны, и Жозефъ дѣлается богатымъ супругомъ молодой Дюбиньонъ. — Какъ видите, пьеса не слишкомъ затѣйливая.

12) *La Loi Salique* (Салическій Законъ), комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. Скриба.

Почти то же можно сказать о новой комедіи Скриба. Онъ всегда охотникъ быть гнаться за невозможнымъ, проповѣдитъ затрудненія; казалось бы,

члену академіи слѣдовало поостепениться; но Скрибъ остается все тотъ же. На этотъ разъ, онъ придумалъ, что молодой король датскій, не застѣчивый молодой человѣкъ, какимъ всѣ его считаютъ, а, напротивъ, весьма-снѣлая дѣвица. Это, какъ видите, довольно-трудная задача. Какимъ-образомъ мальчикъ этотъ — дѣвочка? — Потому-что самъ онъ этого не знаетъ! — И зачѣмъ изъ дѣвочки сдѣлали мальчика? — Въ слѣдствіе салическаго закона. — Какъ же сдѣлать, чтобъ мальчикъ этотъ узналъ, что онъ не мальчикъ, а дѣвочка? — Скажутъ ему это со всѣмъ должнымъ его полу и достоинству уваженіемъ. — Ну, а когда мальчикъ обратится въ дѣвочку, что станется съ комедіею? — Придумаемъ заговоръ противъ бывшаго молодого человѣка. Датскіе штаты отмѣняютъ салическій законъ; вмѣсто короля будетъ королева, и королева отдастъ руку вмѣстѣ со скипетромъ дальнему своему родственнику, предводителю гвардіи; вотъ весь планъ. — Говоримъ, что планъ несбыточенъ: авторъ тѣмъ пуще только дорожить своимъ вымысломъ; онъ кроитъ, точитъ, нижетъ слова, громоздитъ остроты, плететь гладкіе куплеты, и такимъ-образомъ производить на свѣтъ пьесу, которою самъ не налюбуется. — Но публика судила не такъ; она сочла невѣроятнымъ этого мальчика - дѣвочку, незнающаго себя-самого, и слушала «Салическій-Законъ» весьма-сухо; прелесть и остроуміе разговора и подробностей не могли оживить этого ребяческаго вымысла. Пьесы не освистали, но всѣ казались утомлены, и съ нетерпѣніемъ ждали конца.

13) LES ROMMES DE TERRE MALADES (Больной Картофель), *шутка въ трехъ картинахъ*, соч. гг. Дюмануара и Клервиля.

Шутка эта имѣла необыкновенный успѣхъ; въ ней является весь 1845 годъ со всѣми своими достопримѣчательностями — среди града шутокъ, остротъ и недѣльностей; послѣдній ку-

pletъ возбудилъ самый безграничный, всеобщій восторгъ.

14) LA FAMILLE POISSON (Смѣшество Пуассоновъ), *комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ*, соч. г. Сансона.

На французскомъ театрѣ была цѣлая династія Пуассоновъ: Рамонъ, Поль, Филиппъ, и Франсуа-Арну; всѣ они прославили роль Криспена, которою созданіе принадлежитъ дѣду, Рамону Пуассону. Этотъ типическій характеръ Криспеновъ и Меццеттиновъ, котораго происхождение не итальянское, а испанское, не разъ занималъ любопытство ученыхъ. Говорятъ, будто Криспень, вооруженный предлинною шпагою, въ короткомъ плащѣ, въ круглой шляпѣ на бекрень, всегда готовый прихвастнуть своимъ мужествомъ и подвигами, списавъ съ испанскихъ бѣглецовъ, вступавшихъ въ службу къ богатымъ людямъ въ южныхъ провинціяхъ Франціи, послѣ болѣе или менѣе продолжительной бродячей жизни. Рамонъ принялъ эту нарядъ и игралъ эту роль съ большимъ успѣхомъ, такъ-что она утвердилась на французской сценѣ. Реньяръ чрезвычайно-остроумно обрабатывалъ ее. Не менѣе занималъ ученыхъ вопросъ, зачѣмъ Рамонъ надѣлъ сапоги. Одни говорятъ, что этимъ онъ намекалъ на участь слуги, бывшаго на посылкахъ по парижскимъ улицамъ, на которыхъ было по два фута грязи; Другіе утверждаютъ, что у Пуассона не было чулокъ и что онъ хотѣлъ сапогами скрасть этотъ недостатокъ. Сапоги перешли къ его преемникамъ точно такъ же, какъ и бормотающіе, которое у него было отъ природы. — Рамонъ Пуассонъ принадлежитъ къ тому времени, когда актѣры еще не причислялись къ извѣстному постоянному театру, а вели какую-то цыганскую, кочевую жизнь. Подобно Мольеру, Рамонъ былъ вмѣстѣ и поэтъ, писалъ на-скоро пьесы для своей труппы, соображаясь съ способностями актѣровъ и съ грубымъ вкусомъ своего времени. Къ числу лучшихъ его сочиненій принадлежитъ комедія *Baron de la Crasse*, ко-

торая, не смотря на свое безвкусіе, грубость и неблагопристойность, имѣла огромный успѣхъ; современники не знаютъ уже какими словами хвалить ее. *Lubin ou le Sot vengé* (Отомщенный Дуракъ) также пользовался всеобщимъ уваженіемъ, хотя въ меньшей степени. Онъ писанъ восьмисложными стихами, любимымъ размѣромъ Пуассона. — Изъ множества другихъ его пьесъ, которыхъ едва сохранились названія, нельзя не упомянуть о «Баскомъ Поэтѣ» (*le Poète basque*), который представляетъ нѣкоторыя странности. Незнанный поэтъ предлагаетъ королевскимъ актёрамъ сыграть нмѣ съ своимъ слугою «Влюбленную Мегеру», комедію въ трехъ дѣйствіяхъ. Слуга съ одной стороны былъ одѣтъ въ Скапе на, а съ другой въ Агату, и вѣтѣлся тѣмъ или другимъ лицомъ къ зрителю, смотря по тому, кого изъ нихъ онъ представлялъ въ ту минуту. Когда Пуассонъ печаталъ своего «Баскаго Поэта», онъ написалъ къ нему предисловіе, которое гораздо любопытнѣе всѣхъ его сочиненій. Онъ тутъ весьма умно и колко смѣется надъ мечтами и слабостями поэтовъ.

«Я надѣялся», говорить онъ: «что пьеса моя пойдетъ паряду съ «Жецомъ» (Корнеля), что она будетъ имѣть болѣшій успѣхъ, нежели «Сидъ»; но вышло не такъ». Пуассонъ не жалуется на книгопродавцевъ, напротивъ: «Они всѣ безъ ума отъ моихъ произведеній; безпрестанно твердятъ мнѣ, что моиже сочиненія цѣны нѣтъ, и въ самомъ дѣлѣ они правы: ихъ никто не покупаетъ. Еслибъ мы съ ними не дарили ихъ, то ихъ ни у кого бы не было, кромѣ насъ; а цѣного сказать, когда я у нихъ въ лавкѣ, они во всю глотку кричатъ: *у меня есть комедіи г. Пуассона, воспода, пожалуйте къ мнѣ*; и это доставляетъ невыразимое удовольствіе ничтожному поэту. Признаюсь, очень-дрѣтжно и лестно слышать свое имя на устахъ книгопродавца. Благодаря моему гевію, я не разъ удостоивался этой чести и вкушалъ сладость, вида въ печати свои труды; но ду-

маю, видѣть, какъ свои труды продаются, должно быть совсѣмъ другое дѣло: я этого удовольствія никогда не испытывалъ, хотя четыре года съ рядомъ очень-часто нарочно за тѣмъ ходилъ въ лавки».

Пуассонъ очень-мило рассказываетъ, какъ одинъ разъ онъ встрѣтилъ покупателя. Добрякъ давалъ три су за «Барона»; Пуассонъ такъ этому обрадовался, что отдалъ ему книгу даромъ; слѣдовательно, и на этотъ разъ ему не удалось видѣть себя продаваемымъ, а случай въ другой разъ не представился. Онъ кончаетъ слѣдующимъ глубокимъ замѣчаніемъ:

«Я вздумалъ быть сочинителемъ, я, незнающій почти грамотѣ, нечитавшій ничего кромѣ Лазарилья де-Тормеса, Бюскова и Фортунатуса. Хвала, которую льстецы расточаютъ наравнѣ какой-либо пустой штукѣ и прекраснѣйшей поэмѣ, въ конецъ губить человека. И меня превозносили до небесъ послѣ представленія тѣ, которые не платили за входъ. Чтò можетъ быть забавнѣе, твердили они: никто не пишетъ съ такою принужденностью, какъ вы; нельзя ничего вообразить лучше въ этомъ родѣ; вы должны бы больше писать. Я все это глоталъ какъ нектаръ, и на слѣдующій же день отправлялся въ лавки показать себя; мнѣ казалось, что всѣ съ благоговѣніемъ будутъ смотрѣть на меня. Есть люди гораздо поискуснѣе меня, но такіе же слабые на-счетъ мнѣвія о себѣ; они такъ же добродушно глотаютъ этотъ дымъ, и, если не ошибаюсь, наглотаются еще больше меня, прежде, чѣмъ дымъ станетъ душить ихъ».

Рамонъ Пуассонъ не весь свой вѣкъ жилъ Цыганомъ; Лудовику XIV не нравилась эта вольница; не любилъ онъ ихъ грубую, но колкую, ѣдкую сатиру, ускользавшую отъ всякой цензуры, и тѣмъ сильнѣе дѣйствовавшую на умы, что она была облечена въ драматическую форму; потому онъ назначилъ Мольера своимъ придворнымъ актёромъ и поэтомъ; увидѣвъ живаго и остроумнаго Пуассона, онъ приглад-

спилъ и его, давъ ему, какъ и Мольеру, какую-то придворную должность. Сынъ Рэмона, Поль, пошелъ по слѣдамъ отца и двадцать лѣтъ тѣшил публику въ тѣхъ же роляхъ. Разсказываютъ, что однажды Французскій Театръ объявилъ: *Ифигенію въ Авлидѣ* (въ которой будетъ нѣчто необыкновенное, чего никогда не видано и не будетъ видано). Разумѣется, это привлекло любопытную толпу. Новость состояла въ томъ, что Поль Пуассонъ, бормотунъ, игралъ Ахиллеса. Эта шутка не удалась. Оставивъ сцену, онъ, однакоже, одинъ разъ еще, на семьдесятъ-второмъ году отъ роду, явился, по желанію Людовика XIV, въ роли г. Журдена. — Изъ пятерыхъ его дѣтей замѣчательны двое, Филиппъ и Арнү.

Филиппъ, подобно дѣду, былъ актѣромъ и авторомъ. Онъ оставилъ роль Криспеновъ и обратился къ трагедіи, но безъ успѣха. Онъ не долго оставался на сценѣ. Рэмонъ Пуассонъ образовался въ своей бродячей жизни; въ его игрѣ было мало искусства, но зато было знаніе людей, комизмъ, подчерпнутые имъ въ частыхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ со всякаго рода людьми. Сынъ его Поль уже былъ гораздо-искуснѣе, но за то не имѣлъ ни той веселости, ни той естественности, ни того глубокаго комизма; еще менѣе обладалъ этими качествами Филиппъ. Франсуа-Арнү Пуассону опредѣлено было воскресить славу дома и напомнить дѣда. Отецъ, частію отъ того, что не предполагалъ въ немъ талантъ, частію же изъ честолюбія, не хотѣлъ, чтобъ онъ пошелъ по его слѣдамъ, и опредѣлилъ его въ военную службу. Но Арнү, при первомъ удобномъ случаѣ, вырвался изъ неволи, оставилъ полкъ, прикинулъ къ бродячей группѣ актѣровъ, пошелъ съ ними бродить и играть на разныхъ провинціальныхъ театрахъ; наконецъ, прибылъ тайно въ Парижъ и просилъ позволенія дебютировать. Отецъ узналъ и сталъ противиться, кинулся къ ногамъ одного придворнаго сановника, жалуясь на сына, хотѣвшаго

обезчестить его. Арнү чрезъ посредство одного пріятеля отца уговорилъ его выслушать его въ какой-либо роли. Отецъ согласился, и самъ назначилъ роль Соція въ *Амеліонѣ*. Арнү такъ улачно сыгралъ ее, что Поль со слезами обилъ его и далъ ему отеческое благословеніе на Криспены.

Арнү Пуассонъ дебютировалъ и принять съ восторгомъ; онъ наслѣдовалъ весь талантъ предковъ и вскорѣ былъ принятъ въ придворные актѣры.

Г. Самсонъ, преемникъ Пуассоновъ, которыхъ роль онъ занимаетъ со славою, во Французскомъ Театрѣ выбралъ для своей комедіи сопротивленіе семейства Пуассоновъ дебюту Арнү, и, по вольности, весьма-позволятельной поэмѣ, продолжилъ до того времени жизнь Рэмона Пуассона, умершаго за шесть лѣтъ до рожденія своего внука. Но года на сценѣ ничего не значатъ: главное — характеры, а въ этомъ отношеніи, г. Самсонъ совершенно успѣлъ; его три Криспена имѣютъ самую комическую и оригинальную физиономію.

Рэмонъ, записавшійся подъ старость лѣтъ въ святоши, и сынъ его Поль, въ полной увѣренности, что сынъ втораго, Арнү Пуассонъ, занявъ своею должностію подпоручика, тѣмъ болѣе, что они каждый мѣсяцъ получаютъ отъ него письма изъ Лилля, гдѣ онъ стоитъ съ полкомъ. Они о немъ не беспокоятся. Но Арнү чувствовалъ свое призваніе: онъ рожденъ актѣромъ. Тайкомъ оставивъ полкъ, онъ пошелъ въ Монсъ и ангажировался подъ именемъ Лароза; для предосторожности оставилъ онъ одному пріятелю должную писемъ, полныхъ разныхъ подробностей о его воровствѣ и военныхъ занятіяхъ: каждый мѣсяцъ одно письмо посылалось въ его роднымъ. Между тѣмъ, Арнү выучилъ весь репертуаръ дѣда — и хорошо сдѣлалъ; роль барона, которую онъ разыгрываетъ предъ Рэмономъ, миритъ его съ дѣдомъ. Старый Рэмонъ пустился въ благочестіе и презираетъ театръ; но онъ не можетъ совершенно забыть

прошедшаго: талантъ внука воскрешаетъ его молодость. Армію дебютируетъ со славою; дѣла и отецъ приносятъ его достойнымъ преимникомъ Криспеновъ.

Эта комедія имѣла заслуженный успѣхъ; языкъ ея легокъ и остроуменъ; интрига хорошо ведена; множество презабавныхъ сценъ вполне оправдываетъ одобрительный приѣмъ публики.

15) *V'la ce qui vient de paraître* (Вотъ что явилось), *водевиль въ одномъ дѣйствиіи*, соч. гг. Денверіи и Клервилля.

Гг. Денверіи и Клервилля вздумали облегчить трудъ критиковъ и дали обзорніе *Водевильнаго Театра*, въ формѣ водевиля; но все это пошло, тупо и скучно. Въ этой пьесѣ являются въ лицахъ прошедшее, настоящее и будущее, и, говорятъ, съ большимъ трудомъ отыскали актрису, которая согласилась бы взять на себя роль прошедшаго!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

БРАТЯ ГУМБОЛЬДТЫ — ПСЕВДОНИМЫ ВЪ НАУКѢ.

(Письмо къ редактору.)

Милостивый государь!

И я, какъ Архимедъ, могу воскликнуть — *нашелъ, нашелъ!*

Я сдѣлалъ на-двѣхъ такое открытіе, которое для науки, конечно, гораздо интереснѣе, нежели новое объясненіе Персеиды о назначеніи свѣтотѣней пирамидъ. Они говорятъ, что пирами-

ды никогда не были памятниками страстей человѣческихъ, а имѣли назначеніемъ оградить страну отъ песчаныхъ метелей; оно можетъ-быть и такъ, да, во-первыхъ, недостаточно доказано, а во-вторыхъ, менѣе-важно, нежели мое открытіе. Я вамъ скажу, что за люди братья Гумбольдты...

Вы, милостивый государь, какъ и многіе изъ насъ грѣшныхъ, полагали, что баронъ Александръ Гумбольдтъ ѣздилъ по Африкѣ, Америкѣ и Азіи, по-всюду своимъ гениальнымъ взоромъ открывалъ новые матеріалы для наукъ, изъ которыхъ нѣкоторыя и основаны имъ-самимъ; вы, подобно намъ, думали, что въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ, на Уралѣ и на Алтаѣ, видѣли и говорили рѣчи барону Александру Гумбольдту: ни чуть не бывало, — это былъ не Гумбольдтъ. Вы, какъ и мы грѣшныя, думали, что баронъ Вильгельмъ Гумбольдтъ достойно извѣстемъ своимъ изысканіемъ о значеніи и организаціи рѣчи человѣческой и нарѣчій рода нашего, равно и антикварными трудами: ни чуть не бывало, — и это не Гумбольдтъ. Мы всѣ полагали, что сотни печатныхъ трудовъ, подписанныхъ именами этихъ двухъ главнѣйшихъ знаменитостей въ современной наукѣ, принадлежатъ въ-самомъ-дѣлѣ имъ, но мы ошибались. Да кто же они? спросите вы. А вотъ извольте далѣе читать: два эти лица, убѣдившись наконецъ, что вся Европа питаетъ къ нимъ уваженіе, спискиваемое гениемъ и трудомъ въ наукѣ, наконецъ разоблачили себя. Да, милостивый государь, разоблачили себя, и, къ чести нашей, они Русскіе, они Славяне.

Есть равные способы сказать публикѣ свое имя. Гумбольдты, какъ люди истинно-даровитые, употребили самый замысловатый способъ, но имѣли и самый доказательный. Они прежде писали подъ псевдонимомъ, теперь издаютъ тѣ же самыя статьи, которыя извѣстны каждому не чуждому образованности, подъ настоящимъ своимъ именемъ. Замысловато, но ясно.

Въ двадцатыхъ годахъ, А. Гумбольтъ былъ въ полномъ блескѣ своего могучаго таланта; тогда онъ вездѣ прокладывалъ новые пути въ наукахъ, самымъ существеннымъ образомъ способствовалъ къ основанію физической географіи, гидрографіи, климатологін и географіи растений. Въ это время, онъ сыпалъ печатными трудами и увлекъ все образованное общество своимъ глубоководнымъ и притомъ картиннымъ изложениемъ. Онъ между прочимъ напечаталъ на французскомъ языкѣ два тома «Картинъ Природы» (*), началъ ихъ картиною степей и пустынь, которая и доселѣ составляетъ существеннѣйшее наше понятіе объ этихъ физическихъ полосахъ земной поверхности. Ныльче, подъ старость лѣтъ, увѣрившись въ своихъ силахъ, онъ, по изложенной причинѣ, повторяетъ эту статью на своемъ природномъ, русскомъ, языкѣ.

Извольте сами повѣрить: вотъ образецъ этой статьи на французскомъ языкѣ и на русскомъ; выписываемъ часть первой страницы, средину и заключеніе:

Гумбольдтъ во франц. статьѣ.

(Стран. 4—5):
Au pied de la chaîne de montagnes de granit qui résista à l'action violente des eaux, quand au premier âge de notre planète, leur irruption forma le golfe de Mexique, commence une vaste plaine, qui s'étend à perte de vue. Lorsque l'on a laissé derrière soi les vallées de Caracas, et le lac de Tacarigua parsemé d'îles, et dont les eaux reflètent l'image des bananiers, dont il est entouré; lorsque l'on a quitté les cam-

Онъ же, въ русской статьѣ.

(Стран. 202—203):
Въ Америкѣ, при подножьи высокаго, гранитнаго хребта Антикесовъ, который еще въ первыя времена дѣтскаго возраста нашей планеты поставилъ неодолимую преграду напору волнъ, начинается обширная, необозримая равнина. Послѣ горныхъ долинъ Каракаса и устьянаго острова озера Такаригуа, въ которое смотрятся высокія тропическія деревья, послѣ луговъ, убранныхъ свѣжею зе-

lignes ornées par la tendre verdure de la canne à sucre de Taïti, ou les bosquets ombragés par l'épais feuillage des cacao-tiers, la vue se porte au sud sur les steppes ou déserts qui s'élèvent insensiblement et terminent l'horizon dans un lointain sans bornes.

En quittant ces lieux où la nature prodigue la vie organique, le voyageur frappé d'étonnement entre dans un désert dénué de végétation. Pas une colline, pas un rocher ne s'élève comme une île au milieu de ce vide immense. La terre présente seulement ça et là des couches horizontales fracturées, qui souvent couvrent un espace de deux cents lieues carrées et sont sensiblement plus élevées que tout ce qui les environne. Les naturels du pays les appellent des bancs et semblent par cette expression deviner l'ancien état des choses, lorsque ces élévations formaient des écueils de la grande mer intérieure dont les steppes étaient le fond.

(Стран. (10—11):
C'est sur le dos des montagnes centrales de l'Asie, entre le mont d'Or ou Altai et le Tsoung-ling, depuis la grande muraille de la Chine jusqu'au delà du Thian-Chan ou des Monts-Célestes et vers le lac d'Aral, que s'étendent dans une longueur de plus de deux mille lieues les steppes les plus éle-

венью сакрагнн тростника и осѣняемыхъ густою тѣнью кокосовыхъ дѣсовъ, разстилается къ югу степь, и будто подымаясь, далеко сливается съ горизонтомъ.

Изъ страны, гдѣ такъ роскошно развивалась вся органическая жизнь, съ уменьшеніемъ видны путешественникъ, что онъ пришелъ на край однообразной пустыни. По всему непамятному пространству не видны ни одного пригорода, ни одной скалы. Только кой-гдѣ мѣстами, иногда съ поверхностію на несколько квадратныхъ миль, высятся надъ окружающемъ равниною и степями низцы извѣстнаго или песчанника. Отмѣлами называютъ изъ туземцы, какъ будто сознавая ихъ происхожденіе въ эпоху образованія Америки, потому что въ самомъ дѣлѣ, какъ учить насъ Геологія, эти возвышенія были отмѣлами, а самыя степи знамя большаго, теперь уже не существующаго моря.

(Стран. 209—210):
На горныхъ хребтахъ Средней Азии, между Золотыми горами или Алтаемъ и Цунгъ-Лингомъ, отъ Китайской стѣны и Небесныхъ горъ и въ Аральскому озеру, въ длину на 7000 версты, разстилаются самыя возвышенныя и самыя большія степи въ цѣломъ свѣтѣ. Некоторые изъ этихъ чистыхъ равнинъ, по-

(*) Tableaux de la nature etc. Paris. Gide fils, 1828.

Въ двадцатыхъ годахъ, А. Гумбольдтъ былъ въ полномъ блескѣ своего могучаго таланта; тогда онъ вездѣ прокладывалъ новые пути въ наукахъ, самымъ существеннымъ образомъ способствовалъ къ основанію физической географіи, гидрографіи, климатологій и географіи растеній. Въ это время, онъ сыпалъ печатными трудами и увлекъ все образованное общество своимъ глубокоученымъ и притомъ картиннымъ изложеніемъ. Онъ между прочимъ напечаталъ на французскомъ языкѣ два тома «Картины Природы» (*), началъ ихъ картиною степей и пустынь, которая и доселѣ составляетъ существеннѣйшее наше понятіе объ этихъ физическихъ полосахъ земной поверхности. Нынче, подлѣ старости лѣтъ, увѣрившись въ своихъ силахъ, онъ, по изложенной причинѣ, повторяетъ эту статью на своемъ природномъ, русскомъ, языкѣ.

Извольте сами повѣрить: вотъ образецъ этой статьи на французскомъ языкѣ и на русскомъ: выписываемъ часть первой страницы, средину и заключеніе.

Гумбольдтъ во франц. статьѣ.

(Стран. 4 — 5):
Au pied de la chaîne de montagnes de granit qui résista à l'action violente des eaux, quand au premier âge de notre planète, leur irruption forma le golfe de Mexique, commence une vaste plaine, qui s'étend à perte de vue. Lorsque l'on a laissé derrière soi les vallées de Caracas, et le lac de Tacarigua parsemé d'îles, et dont les eaux reflètent l'image des bananiers, dont il est entouré; lorsque l'on a quitté les can-

Онъ же, въ русской статьѣ.

(Стран. 202—203):
Въ Америкѣ, при подножьи высокаго, гранитнаго хребта Андесовъ, который еще въ первыя времена дѣтскаго возраста нашей планеты поставилъ неодолимую преграду напору волнъ, начинается обширная, необозримая равнина. Послѣ горныхъ долинъ Каракаса и усѣяннаго островами озера Такаригуа, въ которое смотрятся высокія тропическія деревья, послѣ луговъ, убранныхъ свежеемъ зе-

l'horizon dans un lointain sans bornes. En quittant ces lieux où la nature prodigue la vie organique, le voyageur frappé d'étonnement entre dans un désert denué de végétation. Pas une colline, pas un rocher ne s'élève comme une île au milieu de ce vide immense. La terre présente seulement ça et là des couches horizontales fracturées, qui souvent couvrent un espace de deux cents lieues carrées et sont sensiblement plus élevées que tout ce qui les environne. Les naturels du pays les appellent des bancs et semblent par cette expression deviner l'ancien état des choses, lorsque ces élévations formaient des écueils de la grande mer intérieure dont les steppes étaient le fond.

Теперь же, въ двадцатыхъ годахъ, А. Гумбольдтъ былъ въ полномъ блескѣ своего могучаго таланта; тогда онъ вездѣ прокладывалъ новые пути въ наукахъ, самымъ существеннымъ образомъ способствовалъ къ основанію физической географіи, гидрографіи, климатологій и географіи растеній. Въ это время, онъ сыпалъ печатными трудами и увлекъ все образованное общество своимъ глубокоученымъ и притомъ картиннымъ изложеніемъ. Онъ между прочимъ напечаталъ на французскомъ языкѣ два тома «Картины Природы» (*), началъ ихъ картиною степей и пустынь, которая и доселѣ составляетъ существеннѣйшее наше понятіе объ этихъ физическихъ полосахъ земной поверхности. Нынче, подлѣ старости лѣтъ, увѣрившись въ своихъ силахъ, онъ, по изложенной причинѣ, повторяетъ эту статью на своемъ природномъ, русскомъ, языкѣ. Извольте сами повѣрить: вотъ образецъ этой статьи на французскомъ языкѣ и на русскомъ: выписываемъ часть первой страницы, средину и заключеніе.

(Стран. (10—11):
C'est sur le dos des montagnes centrales de l'Asie, entre le mont d'Or ou Altai et le Tsoung-ling, depuis la grande muraille de la Chine jusq'au delà du Thian-Chan ou des Monts-Célestes et vers le lac d'Aral, que s'étendent dans une longueur de plus de deux mille lieues les steppes les plus éle-

лению сахарнаго тростника и осѣненныхъ густою тѣнью кокосовыхъ листьевъ, разстилается къ нему степь, и будто подымаясь, далеко слышится съ горами томъ.

Изъ страны, гдѣ такъ роскошно развивалась вся органическая жизнь, съ изумленіемъ видятъ путешественники, что онъ пришелъ въ край однообразной пустыни. По всему неизмѣрному пространству не видно ни одного пригорода, ни одной скалы. Только кой-гдѣ кустами, иногда съ поверхностію изъ несколькихъ квадратныхъ миль, высются надъ окружающею равниною и стелются въ степи извѣстника или песчаника. Отмелами называютъ изъ туземцы, какъ будто создала ихъ происхожденіе въ эпоху образованія Америки, потому что въ самомъ дѣлѣ, какъ учить насъ Гауссигъ, эти возвышенія были отмели, а самыя степи днѣвъ большаго, теперь уже не существующаго моря.

(Стран. 209—210):
На горныхъ хребтахъ Средней Азии, между Золотыми горами или Алтаемъ и Цунгъ-Лингомъ, отъ Китайской стѣны до Небесныхъ горъ и въ Аральскому озеру, къ длинѣ на 7000 версты, разстилаются самыя возвышенныя и самыя большія степи въ цѣломъ свѣтѣ. Некоторые изъ нихъ чистыя равнины, по-

(* Tableaux de la nature etc. Paris. Gide fils, 1828.

ées et les plus vastes du monde. Quelques-unes sont des plaines ouvertes d'herbes; autres se parent de lantes salines, toujours vertes, grasses et parfumées. Un grand ombre brillent de sin d'efflorescences purpuriques, qui se cristallisent en forme de lichens et qui couvrent le sol glaiseux et taché éparses semblables à de la neige nouvellement tombée.

Ces steppes tartares et mongoles, interrompues par diverses chaînes de montagnes, se peuplent de peuples encore grossiers du nord de l'Asie, la race des hommes anciennement civilisés, qui depuis un temps immémorial, habitent le Tibet et l'Hindouan. Elles ont été aussi de l'influence sur les diverses destinées de l'espèce humaine. Elles ont culé la population vers la sud, et bien plus que l'Himalaya, en plus que le cimes des Alpes de Pingsor et de Gorcea, interceptent les rapports des nations dans le nord; elles ont opposé des barrières insurmontables à l'introduction des mœurs plus douces, et au génie créateur des arts.

(Стр. 54—55): est pourquoy celui-ci, au milieu des cordes des peuples, cherche à réposer son esprit, porte volontiers ses regards sur la vie paisible des montes et étudie les secrets mystérieux que meurent l'univers; ou bien se livre à cette noble passion dont le

россия травой, въ которыхъ разукрашены сочными, вѣчно зелеными сочными, а есть и такія, которыя издали блестятъ и ярко бѣлятъ, потому что растреснувшая соль, какъ плетенка, покрываетъ ихъ глинистую почву, будто осыпанную сѣнью — вышедшимъ сѣнгомъ.

Эти Монгольскія и Татарскія степи, перерѣзанныя разнообразными горными грядками, отдѣляютъ древнее, первобытное, давно образованное человѣчество въ Тибетъ и Индостанъ отъ дикихъ Северо-Азиатскихъ народовъ. Они имѣли разнообразное вліяніе на судьбу человѣческаго рода. Они отъсѣнили къ югу здѣсь бывшихъ жителей, разорвали и перервали сношенія народовъ, больше чѣмъ Гималайской хребтъ, больше чѣмъ святого горы Серинагура и Горки и положили на Северъ непреодолимыя границы, за которыя не переступающа обуздающая нравы образованность и художественное творчество.

По этому-то кто отъ грустной картины непримиримого раздора народовъ и въковой вражды людей между собою стремится къ тишинѣ и вѣтровоному спокойствію духа, — тотъ хотѣе углубляется въ такую, безмолвную жизнь природы, съ любовію изучаетъ сокровища

дѣла сего сердца человека (un coeur de l'homme) toujours animé, par un pressentiment secret il porte sa vue vers les aïeux, qui obéissent aux lois immuables de l'harmonie, poursuivant leur carrière éternelle.

вѣчныя дѣла ея силъ, погружается въ безмолвную жизнь растеній и металловъ; — иди, отдавшись тому вроденному въ человѣкѣ чувству, которое направляетъ его на истинныя предчувствія о другомъ высшемъ, надземномъ мірѣ, — сдѣлать за вышними звѣздами, истинныя свѣтила, которыя въ ненарушаемомъ порядкѣ, отъ перваго дня творенія, совершаютъ свой неизмѣнный, вѣчный путь, и изучаетъ законы вѣчной гармоніи.

Можно бы было продолжить выписку, но это было бы совершенно-напрасно; достаточно замѣтить, что на первой страницѣ до послѣдней, эти двѣ статьи столько же схожи между собою во всѣхъ мелочахъ. Но въ началѣ русской статьи, Гумбольдтъ помѣстивъ развитіе мыслей, выраженнаго имъ изъ средины французской статьи, что на первый разъ нѣсколько сдѣлать это Гумбольдтъ? Вѣроятно, чтобы подшутить надъ нами.

Изъ этого сличенія вы ясно видите, что обѣ означенныя статьи принадлежатъ одному лицу: тѣ же мысли и въ томъ же порядкѣ, то же изложеніе, повторяющееся въ совершенномъ томъ-же образѣ, выраженій, разстановокъ знаковъ препинаній — словенъ, — самыя подробнѣйшія прилагательныя, чего быть никакъ-бы не могло, если бы эти статьи принадлежали двумъ разнымъ лицамъ.

Не правда ли, о способѣ замѣлочности, но совершенно ли достигаютъ онъ своей цѣли?

Во-первыхъ, Гумбольдтъ небрежно для того, чтобы ознакомить насъ съ собою, — одну статью изъ лучшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ изъ всѣхъ

Вы помните, конечно, что баронъ Александръ Гумбольдтъ, посвящаетъ «Картинны Природы» родному брату своему, Вильгельму Гумбольдту; а какъ первый есть г. Ефремовъ, то послѣдній — родной братъ его. Вы спросите, можетъ-быть, зачѣмъ же г. Ефремовъ назвалъ себя барономъ Гумбольдомъ? потому-что это самое обыкновенное дѣло при псевдонимахъ: припомните хоть одного—барона Брамбеуса.

Оканчивая свое длинное письмо, я обращаюсь къ вамъ и. г., съ покорнѣйшею просьбою, которой вы, какъ истинный ревнитель искусствъ просвѣщенія, конечно, не оставите безъ удовлетворенія.

Во-первыхъ. Вамъ, какъ редактору журнала, легче, нежели мнѣ, обратиться къ г-ну Гумбольдту и спросить его, дѣйствительно ли братъ его назывался Вильгельмомъ, или онъ просто Василій, какъ иногда переводятъ въ русскихъ сочиненіяхъ и переводахъ имя «Вильгельмъ». Что узнаете, сдѣлайте милость, передайте намъ по-скорѣе, чтобъ и насъ вывести изъ большаго затрудненія.

Во-вторыхъ. Просимъ васъ покорно подлѣ излеченіями изъ «Космоса», поимѣщаемыми въ вашемъ журналѣ, поднѣсывать впрѣдъ не Гумбольдтъ, а Ефремовъ, или, по-крайней-мѣрѣ, Гумбольдтъ - Ефремовъ. Зачѣмъ вводить довѣрчиваго читателя въ заблужденіе?

Въ-третьихъ. Не можете ли узнать, и. г., не ластъ ли А. Гумбольдтъ и остальныхъ своихъ сочиненій на своемъ родномъ языкѣ? Постарайтесь склонить его на эту мысль; вамъ многіе скажутъ отъ-души спасибо.

Имѣю честь и пр.

В. Соколовъ.

Января 12-го дня.
Казань.

II.

ГРАММАТИКА, ЛОГИКА, ФЕЛЬЕТОНСКОЕ И АСТРОНОМІЯ ФЭЛЬЕТОНСТА «СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ».

Удивительныя, невозможныя событія совершаются въ нашей литературѣ! «СѢврная Пчела», хранительница отечественнаго языка, защитница грамматическаго благочинія, подаютъ примѣръ самый плохой: она пятнаетъ чистоту языка, о которой такъ усердно заботится каждую субботу въ своей «журнальной всляку вслячинѣ». Пускай бы мелкіе газетные вкладчики творили всякіе промахи: это ихъ дѣло и въ ихъ натурѣ; у доброй публики не достало бы духа сердиться на фалангу фельетонистовъ и критикановъ. Что жъ дѣлать! могла бы она подумать. Тотъ учился, да не доучился; этотъ не учился вовсе; тамъ рассуждаетъ юноша; здѣсь хлопочетъ берзонпсецъ, страстный охотникъ *мечтаться*, которому, по волѣ судьбы, слѣдовало бы жить и умереть плохимъ корректоромъ... Но вотъ что удивительно: г. Булгаринъ, который написалъ предисловіе къ Грамматикѣ г. Греча и всякую субботу твердитъ о чистотѣ русскаго языка и о Грамматикѣ г. Греча... забылъ Грамматику г. Греча! Глазамъ не вѣрится, а повѣрить надобно, къ крайнему сожалѣнію «СѢврной Пчелы» и Грамматики. Ради всего, что вамъ драгоценно, взгляните въ фельетоны 289 и 292 номеровъ «СѢврной Пчелы» 1845 года, — фельетоны, подписанные *Ошию* и *Буки*, т. е. Фаддеемъ Булгариннымъ, какъ онъ самъ объяснялъ нѣсколько разъ. Читайте и удостовѣрьтесь: «*Перечитывая недавно Тысячу и одну Ночь, страшная мысль пришла мнѣ въ голову*» (номеръ 289). То-есть: не г. Булгаринъ, а *страшная мысль перечитывала Тысячу и одну Ночь!!!* Что это такое? Не-уже-ли такъ можно связать придаточное предложе- ніе съ главнымъ? Да гдѣ же сопра-

щенная Грамматика г. Греча, которая гласитъ такъ: «глаголъ главнаго предложенія и дѣепричастіе придаточнаго должны относиться къ одному и тому же предмету?—Далѣе: «Г. Дезидери преподавагъ языкъ по собственной своей методѣ, имѣ изобретенной, и которую ученикъ можетъ послѣ приискать и къ другимъ языкамъ» (номеръ 292). Не знаемъ, что скажетъ г. Гречъ, прочитавъ этотъ щегольской галицизмъ въ фѣльетонѣ своей газеты, а мы пока замѣтимъ, что ему вѣроятно очень грустно будетъ встрѣтить, сверхъ галицизма, еще слѣдующее выраженіе: «*Кюда онъ (виѣй) сытъ и безопасенъ, то спитъ преспокойно*» (номеръ 290). Вотъ какъ!—подумаетъ г. Гречъ—защитникъ моихъ грамматикъ забылъ, что въ чистомъ русскомъ языкѣ союзу *юда* соответствуетъ *тогда*, а не *тог..*

Мало того, что г. Ф. Б. грѣшитъ противъ грамматики—не только г. Греча или вообще грамматикъ русской (въ чемъ большая разница), — онъ грѣшитъ даже противъ логики. Слушайте со вниманіемъ. Говоря о крокодилѣ и фараоновыхъ мышахъ (предметахъ, какъ извѣстно, самыхъ фѣльетонныхъ), г. Булгаринъ прибавляетъ: «онъ (крокодилъ) однимъ дыханіемъ убьетъ сто такихъ мышей, а мышъ истребляетъ цѣлыя породы крококоловъ, какъ говоритъ *преданіе, питался илъ яйцами*» (номеръ 299). Помилуйте! Возможно ли, чтобы «преданіе питалось яйцами», да еще крококоловыми?.. Воля ваша, этого не было и не бываетъ; это вы сами сочинили. Конечно, по фѣльетону выходитъ такъ; но вѣдь фѣльетонъ «Сѣверной Пчелы» самъ-по-себѣ, а логика сама-по-себѣ. Этихъ вещей никогда не должно смѣшивать, если вы любите чистоту русскаго языка, до того любите, что же держитесь грамматики г. Греча... Но довольно: отъ янцъ перейдемъ прямо къ фѣльетону г. Булгарина: «*Мышь — это опасительная идея, а крокодилъ — это сильное зло. Идея не можетъ бороться со зломъ, но истребить со временемъ его вероисполнителя, и самое зло исчезнетъ*»

(номеръ 290). Аллегорія эта такъ темна, что требуетъ комментарія. Что разужить г. Ф. Б. подъ *идею*? Просто—просто *мысль*, потому что онъ, въ томъ же фѣльетонѣ, объ изданіи Русскаго Цѣнца говоритъ: «*идея прекрасная*». Ерго: *мышь* есть *мысль*. Теперь мы много понимаемъ: аллегорія г. Ф. Б. частію замѣтована изъ «Слова о Пльку Игоревѣ», гдѣ Болякъ *мыслию* растакаетъ на древу, т. е. *мыслию*, какъ объясняли нѣкоторые и даже самъ Пушкинъ. Чудѣсная философія: «*мысль* (т. е. *мышь*) истребляетъ *зло*! Но развѣ, могли бы спросить мы, не бываетъ *зла*хъ *мыслей*? Мы согласны, что ихъ гораздо-меньше, нежели *мыслей* *пустыхъ*; однакожъ все-таки есть *онѣ*. Впрочемъ, мы не предложимъ этого вопроса г. Ф. Б. по той причинѣ, что въ грамматикахъ г. Греча нѣтъ отличія *идеи* отъ *мысли* и отъ *зла*. А на «нѣтъ», по русской половицѣ, и суда нѣтъ—«Я ужасно люблю звѣринецъ! Ужъ она на мысль (читай: *мышь*), что эти звѣри и гады не могутъ растерять, ни укунить меня, *дастъ* (вѣсто: доставлять) *мнѣ наслажденіе*» (номеръ 299). Что правда, то правда... Какъ бы то ни было, но г. Ф. Б. не только философствуетъ о звѣряхъ, но даже истребляетъ на тотъ же ладъ, до такой степени, что въ его воображеніи возникаютъ древніе фавны, которыхъ онъ называетъ *льскими чертлами*, и которыхъ мы назовемъ безъ церемоній *льскими*; итакъ, въ томъ же фѣльетонѣ значителъ, что *льские черти называютъ сенегальскихъ обезьянъ туземцами*: «А какъ думаютъ о своей фигурѣ мадриаллы, сенегальскія обезьяны, называемыя *туземцами льскими чертлами*?» (№ 299). Впрочемъ, туземцы не должны слышать роптать на это; по конструкціи фѣльетона выходитъ, что они могутъ отпадать сенегальскимъ обезьянамъ тою же монетою, назвавъ ихъ, съ неслыханною справедливостію, *льскими чертлами*. Каждому свое! Отъ обезьянъ и *льскихъ чертей* обращаемъ къ фѣльетонѣ «Сѣв. Пчелы», а не могу не воскликнуть: жаль, крайде жаль! «Сѣв. Пчела»

плохо кончила старый годъ (Фельетоны писаны 28 и 29 декабря): это—дурное предзнаменованіе!

Но мы еще не дошли до самаго любопытнаго пункта, любезный читатель. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ «Сѣверной Пчелѣ» много такихъ промаховъ, а удивительно то, какъ Фельетонъ ея, дѣлая такія ошибки противъ грамматики и логики, въ 292 № проповѣдуетъ: «Если бѣ мы теперь спросили у нѣкоторыхъ журналовъ, на какомъ основаніи они попрали Русскую Граматику, или (,) перевода дурно съ иностранныхъ языковъ, пишутъ галлицизмами, это, пожалуй, назвали бы бравно!» Каковъ же Фельетонъ! Самъ попраетъ русскую грамматику, да, сверхъ того, грамматику г. Греча, самъ пишетъ галлицизмами—и въ своихъ же собственныхъ ошибкахъ укоряетъ другихъ! Можно полагать, что г. Гречъ вступится за честь своей газеты, и, отъ лица всѣхъ журналовъ, скажетъ Фельетонисту: «врачу, исцѣляйся самъ». Впрочемъ, есть болѣзни немисцѣлимыя...

Встрѣтивъ новый годъ очень-дурно: ужасными ошибками противъ логики, русскаго языка и грамматики г. Греча, Фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» началъ этотъ новый годъ, кажется, еще хуже. Дурное предзнаменованіе сбывается. Въ 10 № «Сѣв. Пчелы» г. Булгаринъ называетъ себя ученикомъ г. Греча, извѣщая ему публично благодарность. Дѣло похвальное! Благодарность и почтеніе—двѣ священные добродѣтели... Но благодарность доказывается не словами, а дѣломъ, исполненіемъ наставленій и уроковъ; а мы видѣли, какъ Фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» отдѣлалъ грамматику г. Греча! Въ словахъ г. Ф. В., выражавшихъ благодарность, заключалась крайняя неправильность грамматическая...

Прочитавъ Фельетонъ 10 № «Сѣв. Пчелы», мы невольно спросили себя: кто преподавалъ составителю этого Фельетона астрономію, или хоть математическую географію? Или учитель, преподававшій ему математическую гео-

графію, былъ крайне-плохъ, или составитель крайне-неблагодаренъ къ своему учителю, т. е. изъ-рукъ-вонъ не свѣдуя въ самыхъ начальныхъ основаніяхъ этой науки. Критикуя статью: «Возращеніе кометы Бѣлы», помѣщенную въ смѣси одного изъ петербургскихъ журналовъ, Фельетонистъ приводитъ прежде слова этого журнала: «Господинъ Ольберсъ и другіе астрономы вычислили, въ 1832 году, что комета Бѣлы должна прорѣзывать плоскость эклиптики въ разстояніи только 25,000 верстъ отъ земли», и потомъ продолжаетъ слѣдующее: «Во первыхъ, что значитъ плоскость? Плоскость—есть пространство, имѣющее протяженіе въ длину и ширину, но не въ глубину. А что значитъ эклиптика? Греческое слово, означающее солнечный путь, т. е. умственная линія, проведенная по земному шару, которой солнце никогда не оставляетъ. Какъ же умственная линія, несущая ствующая въ натурѣ, можетъ имѣть плоскость? Такимъ образомъ и экваторъ, и меридіанъ, и ось земная, и поворотные круги должны имѣть плоскость!» Вѣдь это, воскликнулъ бы Сквозникъ-Дмухановскій, Богъ знаетъ что такое! Нѣтъ плоскости эклиптики!!!!???? Да разверните «Астрономію» извѣстныхъ астрономовъ (вѣдь вы любите авторитеты), напр., Біота, Литрова, Гершеля, и читайте: «Собственное движеніе солнца совершается въ плоскости, которая проходитъ черезъ центръ земли и пересѣкаетъ экваторъ подъ угломъ, равнымъ почти 23° 28'. Сія-то плоскость и называется плоскостью эклиптики. Если линію, содержащуюся между зенитомъ и надиромъ, пересѣчемъ плоскостью, то получимъ плоскость *юризонта*. Если вообразимъ плоскость, проходящую черезъ зенитъ и оба полюса міра, то получимъ плоскость *меридіана*. Если черезъ центръ небеснаго свода вообразимъ плоскость, перпендикулярную къ оси міра, то получимъ плоскость *экватора*». И въ «Лекціяхъ Популярной Астрономіи» С. Зеленаго о кометѣ Бѣлы сказано: «путь ея слу-

чайнымъ образомъ пересѣкаетъ плоскость эклиптики» (стр. 350). Вы видите, г. Фельетонистъ, что на небѣ довольно воображаемыхъ плоскостей. Небесная плоскость образуется очень просто: «черезъ данныя точки воображая плоскость» — вотъ вамъ и умственная небесная плоскость. Г. Фельетонистъ думаетъ, что умственные линіи можно проводить только по земному шару, да и то на «глобусъ» — слово, которое онъ поставилъ въ скобкахъ подлѣ словъ «земной шаръ». Такая астрономія — глобусная, существуетъ только въ умѣ г. Фельетониста. Въ оправданіе свое, онъ говоритъ: «какъ умственная линія можетъ имѣть плоскость?» Забавный вопросъ! Точку и линію можно вообразить, а плоскость — нельзя! Ужъ не боится ли г. Фельетонистъ, что слова «комета прорѣжетъ плоскость эклиптики» читатели примутъ буквально, въ томъ смыслѣ, какъ принимаютъ слова: прорѣжетъ кожу? Въ самомъ дѣлѣ опасно! У г. Греча же не объяснено это двусмысліе въ «Учебной Книгѣ». Жаль намъ «Сѣв. Пчелу», хранительницу грѣхопаденій во всѣхъ наукахъ, а еще больше жаль г-на Фельетониста, который попался въ ужасный просакъ — прежде на землѣ (до новаго года), а потомъ на небѣ (въ первыхъ числахъ новаго года). Советуемъ ему прочесть хоть «Математическую Географію», изданную для народныхъ училищъ въ царствованіе Екатерины II. Учтись никогда не грѣхъ!

Тотъ же Фельетонъ изводитъ мудрость надъ кометами. «Библиотека для Чтенія», назвавъ кометы легкими, пустыми, прозрачными пузырями, прибавляетъ, съ свойственною ей рѣшительностью, что знаменитыя твердыя ядра ихъ, которыхъ столько пугались, — простой глазной обманъ, происходящій отъ несовершенства нашихъ зрительныхъ инструментовъ. Фельетонистъ вступилъ за честь кометъ и опредѣлилъ ядро кометы самымъ оригинальнымъ образомъ: «Б. для Ч. превратно понимаетъ слово *ядро*, полагая, что это должно быть непременно что

•будь твердое, какъ ядро пушечное или ядро въ орѣхѣ. Ядро въ науцѣ. (ядро въ науцѣ — какъ это нилу!) — считать только средоточіе, или, такъ сказать, основаніе (!!!) шарообразнаго (!!) тѣла, и выраженіе: *ядро кометы* употребляется въ противоположн. значеніи, т. е. лучей.» Коротко и ясно: ядро кометы то же, что не-хвостъ ея, а хвостъ ея то же, что не-ядро. Ядро противоположно хвосту, а хвостъ противоположенъ ядру. Въ самомъ же дѣлѣ, ядро ничего не значитъ: это — противоположность хвоста!?? Развернемъ опять хоть «Популярную Астрономію»: «Многіе астрономы утверждаютъ, что они сквозь самое ядро видѣли небшія звѣзды; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что ядро кометы закрываетъ звѣзды; до-сихъ-поръ еще, это обстоятельство остается нерѣшеннымъ. Арабъ раздѣляетъ всѣ кометы на три рода: кометы, неимѣющія ядра; кометы, которыхъ ядро можетъ быть прозрачно, и кометы сильно блестящія, которыхъ ядро, вѣроятно, твердо и непрозрачно» (стр. 342). Итакъ, Фельетонный астрономъ нашъ не имѣетъ даже популярнаго свидѣній въ астрономіи. Онъ не знаетъ, что есть кометы, неимѣющія ядра (т. е. основанія, хвостной противоположности, по Фельетону); онъ не знаетъ, что есть кометы, которыхъ ядро твердо и непрозрачно. Исполать!

III.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВАЖЕЦЪ.

Можно бы написать большую книгу объ авторскомъ самолюбіи вообще, и о сочинительскомъ самолюбіи въ особенности. Первому бываютъ подвержены люди съ талантомъ; второму — несредственность и бездарность. Въ обоихъ случаяхъ, эта страсть — источникъ величайшихъ страданій для одержимыхъ ею. Впрочемъ, талантъ, какъ бы ни былъ болѣзненно-раздражителенъ, всегда имѣетъ свои минуты торжества,

которыя, по возможности, ослабляютъ видную силу страданія отъ неудачъ, или отъ несправедливыхъ приговоровъ, внушаемыхъ пристрастіемъ и невѣжествомъ. Но когда бездарный человѣкъ, одержимый бѣсоимъ сочинительства, въ то же время исполненъ раздражительнаго самолюбія, которое, будучи въ разговорѣ съ его безукусіемъ и невѣжествомъ, убѣждаетъ его въ томъ, что его произведенія превосходны и единодушно порицаются всѣми только по недостатку брожелательству, зависти и сдѣланію: тогда взору наблюдателя представляется явленіе, столько же жалкое и страшное внутри, сколько смѣшное и комическое снаружи. Подобныя явленія подлежатъ исследованію и психолога и врача. Задорный писака — истинный мученикъ; онъ не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью, и вездѣ, во всемъ видитъ злыя противъ него намѣренія. Вы сказывали при немъ, что не любите читать: онъ обидѣлся; другой сказывалъ при немъ, что не хотѣлъ бы быть литераторомъ: онъ обидѣлся; третій сказывалъ при немъ, что не любитъ романовъ и повѣстей: онъ обидѣлся; четвертый показывалъ при немъ какое-нибудь новое произведеніе (не его, разумѣется): онъ обидѣлся... Несчастный! его мучитъ всякій чужой успѣхъ, его терзаетъ появленіе всякаго замѣчательнаго сочиненія, всякаго замѣчательнаго таланта; онъ ревнуетъ даже славу первоклассныхъ европейскихъ поэтовъ!.. А въ своей литературѣ, онъ играетъ роль зайца, котораго всѣ травятъ изъ одного удовольствія травить. Выйдетъ плохое сочиненіе, совсѣмъ не изъ написанное: его сравниваютъ съ тѣмъ или другимъ изъ его сочиненій. Ніякого вѣща, кстати и некстати, подъ перомъ рецензентовъ. То онъ издаетъ сочиненіе за сочиненіемъ, то на время умолкаетъ, выжидаетъ — и вдругъ, думая, что всѣ забыли его старыя грѣхи, смѣшнить журналы и публику изданіемъ новаго жалкаго дѣтскаго своей бѣдливенной фантазіи. Видя, что всѣхъ не задобрить, онъ выбираетъ одного изъ наиболѣе насмѣливавшихся надъ

нимъ журналовъ — и начинаетъ лѣстить некстати въ своихъ сочиненіяхъ; но неумолимый журналъ тѣмъ больше издѣвается надъ нимъ... Что дѣлать? Бѣднякъ рѣшается самъ сдѣлаться критиканомъ и рецензентомъ. «Меня бранили», говоритъ онъ: «буду же и я бранить другихъ». Но ему въ то же время хочется казаться безпристрастнымъ, и онъ считаетъ долгомъ своимъ хоть что-нибудь да похвалить во всякой вздорной книжонкѣ. Впрочемъ, по сочувствію бездарности, онъ хвалитъ только одно посредственное, ничтожное, и оуждаетъ только гениальное и таланливое, да ужъ развѣ что-нибудь очень-безмысленное и безграмотное. Но онъ оуждаетъ «съ легкою ироніею», а въ-самомъ-дѣлѣ сонно, вяло, плоско, съ беззубыми остротами и пошлыми шуточками. Однакожъ, и это ему не удается. Рецензій его не принимаетъ ни одинъ журналъ; онъ надаетъ ихъ отдѣльными тетрадами, которыя доставляютъ обильную пищу этой насмѣшливости журналовъ, а сами не идутъ, не раскупаются... Чудакомъ овладѣваетъ отчаяніе: изъ полемическаго рыцаря-печальнаго-образа, онъ становится полемическимъ Orlando Furioso. Ему остается одно: найти пріютъ въ какомъ-нибудь изданіи. Наконецъ — о радость! издатель какого-нибудь литературнаго сора, видя въ нашемъ зайцѣ большой полемическій задоръ, предлагаетъ ему безвозмездно трудиться въ своемъ изданіи. Несчастный зайца радъ и самъ платитъ послѣднія деньжонки; чтобъ только печатали его статьи, даромъ же онъ готовъ работать съ плеча, день и ночь. Издатель тоже радъ ему: онъ употребляетъ его даромъ и только поправляетъ его статьи; самолюбивый зайца бѣднѣетъ и дрожитъ за всякое вычеркнутое или поправленное слово; но прошлыя неудачи дѣлаютъ его по-неволѣ уступчивымъ: лишь бы не отягилъ у него возможность бранить тѣхъ, которые такъ долго смѣялись надъ нимъ, — онъ готовъ переносить отъ своего хозяина все... Но, за то, тревещите вы, враги его! Онъ ужъ больше

не говорить о безпристрастїи, о справедливости... Но, увы! враги его, которыхъ онъ думалъ видѣть подъ своими ногами, уничтоженныхъ, умирающихъ, — его враги опять весело смѣются, потому-что ничего нѣтъ смѣшнѣе и прїятнѣе, какъ бессмысленная злоба, какъ пухлое изверженіе надувшейся бездарности... Что же будетъ дѣлать заяцъ, когда убѣдится въ своемъ бессилїи? что ожидаетъ его, несчастнаго?.. Да, это любопытный типъ, драгоценный предметъ для литературно-физиологическаго очерка съ картинками, подъ названїемъ: «Литературный Заяцъ...»

IV.

НОВЫЙ КРИТИКАНЪ.

А что новаго въ нашей литературѣ? Последняя новость въ ней — явленіе новаго необыкновеннаго таланта. Мы говоримъ о г. Достоевскомъ, который рекомендуется публикѣ *Блудными Людями* и *Двойникомъ* — произведенїями, которыми для многихъ было бы славно и блистательно даже и закончить свое литературное поприще; но такъ начать, — это, въ добрый часъ молвить! что-то ужъ слишкомъ-необыкновенное... Теперь въ публикѣ только и толковъ, что о г. Достоевскомъ, авторѣ *Блудныхъ Людей*; но слава не бываетъ божъ терній, и говорятъ, что посредственность и бездарность уже точатъ на г. Достоевскаго свои деревянные мечи и копыя... Тѣмъ лучше: такія тернія не колятъ, а даютъ ходъ таланту, который — не талать, если у него нѣтъ враговъ и завистниковъ. — Поэтому, последняя литературная новость — *Петербургскій Сборникъ*, альманахъ, издаваемый г. Некрасовымъ; перлъ этого альманаха опять-таки *Блудныя Люди*, но въ немъ и кромѣ того много замѣчательно-хорошихъ произведенїй. — Пока тутъ и всѣ новости. Но не безъ новостей и въ другомъ углу нашей литературы. Въ нихъ, самая забавная

(и ужъ не совѣтъ-наветъ) напечатанныхъ статей въ «Сѣверной Пчелѣ» — именно г. Я. Я. Я. Мы бы не сочли за лучшее упоминать объ нихъ въ нашемъ журналѣ; но г. Я. Я. Я. такъ замаятъ *Отеч. Записками*, такъ хлопочетъ о нихъ и такъ усердно служитъ имъ, что у насъ никакъ не достасть жестокости не награждать его за это мнѣною виданїемъ. Мы ужъ и счетъ потеряли его статьямъ противъ *Отеч. Записокъ*. Онъ порочитъ въ нихъ все съ плеча — званїемъ нашихъ! Затѣйливая подпись этихъ статей: Я. Я. Я. многоименнаго «Quos ego!» Нентуа у Виргилїа. Мы особенно-благодарны г. Я. Я. Я. за то, что онъ ровно ничего хорошаго не подходитъ въ *Отеч. Запискахъ*: въ этомъ мы видимъ съ его стороны великую жертву пользамъ нашего журнала... Такой врагъ лучше друга! Нѣкоторыя журналы въ старину наивнѣе себя такихъ враговъ: нашъ служить намъ даромъ, безкорыство. Одно только огорчаетъ насъ въ статьяхъ г. Я. Я. Я. — именно онъ ужасно растянуты, длинны; сначала не дочитывали ихъ, а теперь и вовсе перестали читать. Что онъ нѣсколько водяны и скучны, — въ этомъ нельзя обвинять г. Я. Я. Я.: онъ дѣлаетъ, что можетъ, что въ силахъ дѣлать. Зато, онъ не затрудняется въ энергїи (нѣсколько, правда, простонародной) выраженїи и словъ: и за это мы ему тоже благодарны. Жаль еще, что у него есть замашка — въ большой статьѣ вырывать тамъ-и-сямъ по сразѣ, по полурыву, по слову, по полуслову, стараться, сблуженїемъ этихъ урывковъ, дать имъ совѣтъ-превратный смыслъ; но, можетъ-быть, это нужно ему для практики, для давленїи нашихъ успѣховъ на поприщѣ, болѣе-сообразнѣе съ его наклонностями, нежели сколько сообразно съ нѣмъ литературнаго поприща... Въ такомъ случаѣ, будучи ему столько обязанъ, желаемъ ему успѣвать и пруспѣвать...

Еще разъ: возражать г. Я. Я. Я. мы не намѣрены, сколько изъ благодарности за его усердіе къ нашему журналу.

своёмъ и въ ожиданіи засчастить его урочить свою природную скромность, которую доказалъ онъ въ 281 номерѣ «Сѣверной Пчелы» за прошлый 1843 годъ, сознавшись откровенно, что онъ никакъ не могъ понять одного мѣста въ притчи «Отецъ Записокъ» на «Тарантасѣ»... Но, какъ бы то ни было, мы, сподобивъ благодаря г. Я. Я. Я., за его неоспѣненныя услуги нашему журналу и преса его продолжать ихъ и на будущее время, мы въ то же время поздравляемъ «Объезжую Пчелу» съ приобретениемъ такого сотрудника.

Кстати о «Сѣверной Пчелѣ». Фельетонистъ этой газеты, не упуская времени подписки на журналы, посвящаетъ свое перо преимущественно *Отецъ Записокъ*. Въ фельетонѣ 16 номера, онъ рѣшился даже немногочисленныя, будто-бы какой-то сотрудникъ «Отецъ Записокъ» говорилъ съ нимъ, защищая ихъ отъ его нападокъ, а фельетонистъ будто-бы все шуцалъ пулъсь у сотрудника «Отецъ Записокъ», утѣряя его, что у него горькое, тихое помѣшательство: *idée fixe*... Право, это все напечатано въ фельетонѣ 16 номера «Сѣверной Пчелы», для которой «Отецъ Записки» давно уже сдѣлались *idée fixe*... Сотрудникъ «Отецъ Записокъ» разговаривалъ серьезно съ г. фельетонистомъ «Сѣверной Пчелы»: Что вы это!.. Пошуйте-ко свой собственный пулъсь, г. фельетонистъ!—Далѣе, г. Ф. В. нападаетъ на нашу статью о книжкѣ г. Колинскаго «Упрощеніе Русской Грамматики», по обыкновенію, приписывая намъ намѣренія и цѣли, которыхъ мы никогда не имѣли, и откровенно (что дѣлаетъ ему особенную честь) выражается такъ: «Хотя мы постарѣе васъ и—*тутъ уже нельзя скромничать*» (пожалуйста, не церемоньтесь!) «побогѣе васъ сдѣлали для Л(а)итературы, но не отваживаемся на нововведенія» и пр. Что вы старше насъ—прида; что вы больше насъ сдѣлали—должно быть такъ, если вы сами такъ

серiously отдаете справедливость собственнымъ заслугамъ...

Замѣчательна въ этомъ фельетонѣ еще слѣдующая черта. Прославляя, по обыкновенію, собственное правдолюбіе и нападая на пристрастіе толстыхъ журналовъ, фельетонистъ говоритъ: «Какъ въ Средніе Вѣки, у этихъ журналовъ есть оглашенные, которые не смѣютъ появиться въ феодальномъ владѣніи, а если появятся, то ландскнехты тотчасъ нападаютъ на нихъ, или пускаютъ въ нихъ стрѣлы издали. Имена этихъ несчастныхъ рыцарей (печального образа?) всегда выставлены на черной доскѣ, въ сѣняхъ полуразрушеннаго замка (т. е. въ отдѣленіи критики и библиографіи). Вотъ, напримѣръ, въ каждой книжкѣ (?) *Отецъ Записокъ* вы встрѣтите имя *Л. В. Бранта*, которое выставлено въ родѣ мишени для упражненія въ остроуміи журнальной свиты и самого начальника дружины ландскнехтовъ. Г. Брантъ, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ написалъ нѣсколько повѣстей и романовъ (*Аристократку* и *Жизнь какъ она есть*), и по нимъ измѣряется теперь достоинство (?) всего, что пишется въ этомъ родѣ на Руси. Съ нѣкотораго времени то же самое находимъ и въ Библиотекѣ для Чтенія. Г. Брантъ писалъ библиографическія обозрѣнія (разосланные, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, при Русскомъ Инвалидѣ), оцѣнивалъ журнальную правду, и храбро сражаясь съ феодалами, свалилъ не одного ландскнехта, такъ и по дѣломъ ему!» Романъ, совершенный романъ, въ родѣ *Виктора или Дитя въ Лысу!* Этакъ, пожалуй, публика до того заинтересуется трогательными приключеніями г. Бранта на литературномъ поприщѣ, что станетъ наконецъ читать съ умплениемъ его *Аристократку* и *Жизнь какъ она есть*, а потомъ — чего другого!—пріймется за чтеніе и его полемическихъ статей въ «Сѣверной Пчелѣ»...

Далѣе, правдолюбивый фельетонистъ увѣряетъ своихъ читателей, будто бы «Отецъ Записки» дурно отозвались о

Статистическія Александра Струве-щикова, заимствованныя изъ Гёте и Шиллера... Нечего сказать! Это одинъ изъ бессмертныхъ его подвигговъ по части «правдолюбія»...

V.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь А. А.!

Препровождаю къ вамъ двѣ записки, которыя считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія публики, что и прошу васъ сдѣлать чрезъ вашъ журналъ.

Въ фельетонѣ 22 номера «Сѣверной Пчелы» напечатано слѣдующее:

«Долго, очень долго говорили въ литературномъ мірѣ, что выйдетъ собраніе разныхъ литературныхъ новостей, написанныхъ известными русскими писателями, и въ Отеч. Зап. наконецъ объявили, что это собраніе новостей приметъ заглавіе *Зубоскала*, и будетъ выходить книжками или томами, подъ редакцію г. Некрасова. Имя одного известнаго писателя было объявлено, а теперь сдѣлалась извѣстною и книга, но уже подъ заглавіемъ *Петербургскаго Сборника*. Искренне благодаримъ тѣхъ умныхъ людей, которые для соблюденія приличія въ русской словесности посоветовали издателю переимѣнить заглавіе книги.»

На это считаю нужнымъ объявить, что «Сѣверная Пчела» сдѣлала два совершенно-равныя изданія, ибо *Петербургскій Сборникъ* не имѣетъ ничего общаго съ *Зубоскаломъ*. Подъ именемъ «Зубоскала» предполагалось выпустить въ свѣтъ *комическій альманахъ* (какъ и было названо это изданіе въ объявленіи, напечатанномъ въ 11 номерѣ «От. Зап.»). Изданіе этого альманаха, — издателемъ котораго, впрочемъ, я идишь себя не объявлялъ, не состоялось. Изъ этого видно, что благодарность «Сѣверной Пчелы» за соблюденіе приличія въ русской словесности, адресованная умнымъ людямъ, совершенно не пришла къ стати.

Въ той же «Сѣверной Пчелѣ» въ 3 номерѣ нынѣшняго года, въ страницѣ «Журналистики», говоритъ о «Литературной Газетѣ», сочинитель статьи подписывающійся буквами *А. А.*, объявляетъ, что эта газета издалась въ прошломъ году подъ редакцію гг. Кошкы и Некрасова. На это я долженъ объявить, что редакторомъ этой газеты я никогда не былъ, а въ прошломъ году съ апрѣля мѣсяца не принималъ въ ней даже ни малѣйшаго участія, и слѣдовательно мнѣ не должно приписывать ни досужности ея, ни ответственности за ея недостатки.

Вашъ и проч.

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВЪ.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИСПОЛНИНСКІЙ ТЕЛЕСКОПЪ ЛОРДА РОССА.

(Изъ письма сэра Джемса Соутъ къ г. Пумазору).

Въ сентябрѣ прошлаго 1844 года, сэръ Джемсъ Соутъ сообщилъ читателямъ англійской газеты *Times*, что устройство огромнаго телескопа лорда Росса, о которомъ столько было толковъ и слуховъ, подвинулось такъ далеко, что уже въ то время можно было этимъ инструментомъ наблюдать небо съ весьма удовлетворительными успѣхомъ. Большое зеркало было, однакоже, тогда только приблизительно отполировано и вставлено въ трубу, для того, чтобъ предварительно удостовѣриться — согласуется ли *диаметральная* его фокусная длина съ *оптической*. Разница оказалась весьма значительною, и зеркало оставлено въ трубѣ безъ употребленія, до прибытія Соутъ и доктора Робинсона въ замокъ лорда Росса въ февралѣ 1845 года. Послед-

ло - дурная погода позволила наблюдать одну только луну, а потому 21 февраля зеркало было вынуто и послѣ окончательной огнотирки вновь поставлено въ трубу 4 марта.

Большое зеркало имѣетъ въ диаметръ 5 футовъ, толщины $\frac{3}{4}$ дюйма, въ сумѣ 1 $\frac{1}{2}$ тонны: оно состоитъ изъ 252 частей шде и 115 частей олова. Фокусная его длина 54 фута; труба сдѣлана изъ соснового дерева; нижняя ея часть, въ которую вставляется зеркало, представляетъ восьми-футовый кубъ; диаметръ середины трубы $7\frac{1}{2}$, а оконечности $6\frac{1}{2}$ футовъ. Телескопъ утверждёнъ между двумя каменными стѣнами, построенными по направленію меридіана, на разстояніи 23 футовъ одна отъ другой. Стѣны эти длиною по 71 футу, а вышиною футовъ не пятидесяти.

Во внутренней сторонѣ восточной стѣны утверждена прочная желѣзная дуга, около 43 футовъ въ радиусѣ, снабженная подпорками и такъ устроенная, что сторона ея, обращенная къ телескопу, можетъ быть съ точностью поставлена въ плоскости меридіана. Это устройство весьма-важно. Къ дугѣ прилагаетъ четырехугольный брусъ, имѣющій на одной изъ своихъ оконечностей колесо, скользящія по металлическому ящику, придѣланному въ нижней части телескопной трубы, въ пяти футахъ отъ зеркала, тогда-какъ верхняя часть бруса совершенно-свободна. Этимъ механизмомъ устанавливается съ точностью положеніе телескопа въ меридіанѣ и легко опредѣляется всякое отклоненіе, потому-что, на вышесказанномъ брусѣ, начертаны линіи, отстоящія другъ отъ друга на одну минуту времени по экватору. Труба, имѣющъ съ зеркаломъ и его оправою, вѣситъ около 15 тоннъ.

Общая подпора телескопа утверждена на каменномъ фундаментѣ, углубленномъ въ землю на 6 футовъ. Эта подпора двигается, помощію цѣпи и вѣрота, такъ легко, что инструментомъ, не смотря на 15 тоннъ вѣса, легко поднимается силою двухъ человѣкъ. Онъ уравновѣшенъ во всѣхъ положеніяхъ.

Теперь можетъ онъ быть употребляемъ между 14° южной высоты и зенитомъ; но когда механизмъ будетъ совершенно оконченъ, то поле наблюденій obejmеть дугу между 10° высоты къ югу и 47° къ сѣверу, такъ-что всѣ предметы между полюсомъ и 27° южнаго склоненія могутъ быть наблюдаемы; и притомъ каждый предметъ на экваторѣ будетъ видимъ около 40 минутъ времени по обѣимъ сторонамъ меридіана.

Наблюдатель стоитъ на одной изъ четырехъ подвижныхъ галерей; изъ нихъ три верхнія выдаются изъ восточной стѣны, а четвертая—нижняя—находится на возвышенной платформѣ, по горизонтальной поверхности которой она можетъ скользить отъ одной стѣны до другой, посредствомъ сморучнаго наблюдателя механизма, столь удобнаго, что ребенокъ можетъ имъ владѣть. Если телескопъ направленъ около полудна къ востоку отъ меридіана, то галереи, висящія между стѣнами, представляютъ, если взглянуть снизу, что-то похожее на опасность; но небольшая осторожность достаточна для совершенной безопасности. Каждая галерея можетъ быть выдвинута изъ стѣны весьма-скоро самимъ наблюдателемъ, безъ посторонняго пособія.

Телескопъ поднимается отъ наименьшаго возвышенія до зенита, при пособіи двухъ помощниковъ, дѣйствующихъ вѣртомъ, въ шесть минутъ времени. Огромная масса такъ удободвижна, что саръ Соутъ беретса, если ему назначать прирде восхожденіе и склоненіе какого-либо небеснаго предмета, навести на него поле телескопа въ восемь минутъ.

Найдя предметъ, наблюдатель долженъ имѣть слѣдовать за нимъ помощію винта, потому-что телескопъ не имѣетъ еще экваторіальнаго движенія. Но какъ-скоро будетъ придѣланъ часовой ходъ, то наблюдатель будетъ пользоваться всѣми возможными удобствами.

Ночь на 5-е марта 1845 г. была превосходная. Многія туманныя пятна были наблюдаемы докторомъ Робинсо-

пята, сорок Джемсонъ Соуэри и сорок лордонъ Россонъ. Некоторые изъ этихъ пятенъ, впервые отъ создания, представлялись земному наблюдателю группами звѣздъ; въ некоторыхъ же не замѣчено и слѣдовъ разрѣшенія. Соуэри говоритъ, что въ жизни своей не видалъ онъ такого небеснаго великолѣнія, какъ увидалъ въ эту ночь чрезъ ньюлинскій рефлекторъ графа Росса. Хотя большую часть пятенъ, видѣнныхъ имъ въ эту ночь, Соуэри наблюдалъ и прежде въ свой 12-дюймовый ахроматъ, но-не смотря на силу этого инструмента, одного изъ превосходнѣйшихъ изъ нынѣ-существующихъ, то, что онъ видѣлъ въ него, отличалось отъ видѣннаго въ телескопъ графа, какъ для простаго глаза отличается тусклый Сатурнъ отъ блестящій Венеры.

Нѣзъ болѣе-извѣстныхъ туманныхъ пятенъ наблюдались въ эту ночь: кольцеобразное въ Ловчикъ Псахъ или 31 по каталогу Мессье, которое разрѣшилось на звѣзды при увеличеніи въ 648 разъ, и 94-е Мессье, въ томъ же созвѣздіи. Последнее представлялось большою круглою группою звѣздъ, довольно-сходною съ извѣстною группою въ Геркулесъ — 18 по Мессье.

Хотя чрезъ такое разрѣшеніе туманныхъ пятенъ, считавшихся дотолѣ неразрѣшными, сила телескопа оказалась чрезвычайною, но Соуэри ожидалъ еще чего-то лучшаго. Опытъ научилъ его, что часто телескопъ, очень-хорошо разрѣшающій туманныя пятна, будучи, даже съ умѣреннымъ увеличеніемъ, наведенъ на свѣтлую звѣзду, является весьма-недостаточнымъ и несовершеннымъ. Соуэри говоритъ: при жизни В. Гершеля, я видѣлъ въ Слэу (Slough), помощію 20-футоваго рефлектора, между прочими: 3-е Мессье, 5-е Мессье, 13-е Мессье, 92-е Мессье, кольцеобразное пятно въ Лирѣ и большое пятно въ Андромедѣ. Ни одинъ телескопъ подобнаго развѣрженія показывалъ ихъ лучше; но въ ту же ночь, тотъ же телескопъ, направленный на Альфу Лиры, не могъ выдер-

жать увеличеніи въ 800 разъ: совершенство телескопа показается не по наблюденіямъ туманныхъ пятенъ, но по наблюденіямъ звѣздъ первой величины. Если, при сильномъ увеличеніи, телескопъ покажетъ такую звѣзду круглою и свободною отъ мерцанія и оптическихъ неправильностей, то можно быть увѣреннымъ, что не одинъ туманный пятно, но и всѣ небесныя предметы будутъ онъ показывать хорошо. Покупая въ 1829 году, въ Парижѣ, мое большое объективное стекло, продолжаетъ Соуэри, я навелъ его на Альдебарана и, посмотрѣвъ не долге одной минуты, немедленно заплакалъ донгами, хотя никто изъ находившихся при томъ парижскихъ астрономовъ не думалъ, что я однимъ разомъ сдѣлалъ испытаніе моего объектива.

Такъ-какъ въ 11 часовъ Ратуль былъ близко меридіана, то Соуэри навелъ на него шести-футовое отверстие телескопа, и при 800 равномъ увеличеніи, увидѣлъ звѣзду круглою, едва-выступающею, безъ хвостиковъ и другихъ оптическихъ недостатковъ. Она казалась не планетнымъ кружкомъ, какъ въ соуэровъ большой рефракторъ, но круглою точкою, подобною восточному свѣту на угольномъ Астрѣй, и этотъ блестящій образъ такъ мало былъ подверженъ абераціи, что Соуэри могъ намѣрить его положеніе и разсѣленіе отъ всѣхъ звѣздъ, бывшихъ въ то же время въ полѣ телескопа, помощію нитянаго микрометра, при 1,000 равномъ увеличеніи. Это изобрѣтеніе совершалось весьма-удобно, во-первыхъ, потому, что свѣтлая звѣзда была совершенно-кругла, а во-вторыхъ, что объективъ телескопа, хотя и стоялъ на открытой воздухѣ, при порядочномъ вѣтрѣ, былъ твердъ и неподвиженъ, какъ скала.

Въ слѣдующія ночи, наблюденія надъ слишкомъ-тридцатью туманными пятнами выключили большую ихъ часть изъ разряда непонятныхъ туманностей и перевѣстали ихъ въ разрядъ звѣздныхъ группъ. Многие туманности, особливо 5 Мессье, представляли въ

телескопъ зрѣлище, великолѣпнѣе всякое описаніе. Наблюдали также множество двойныхъ звѣздъ, при разныхъ отверстіяхъ телескопа и при увеличеніяхъ отъ 360 до 800 разъ. Такъ-какъ лордъ, не имѣя никакихъ обстоятельствъ, не могъ самъ руководить окончательною отполировою зеркала, то, при самой осторожности, часть его въ видѣ кольца, шириною около 6 дюймовъ, осталась не совершенно-выползированнойю. Этому, безъ сомнѣнія, должно приписать слабое мерцаніе, замѣченное вокругъ Регула.

Изъ двойныхъ звѣздъ первого класса, Соутъ наблюдалъ въ россосъ телескопъ: Кси Большой Медвѣдцы и Гамму Дѣвы. Онъ могъ измѣрить ихъ съ величайшею точностію, не смотря на то, что это одна изъ самыхъ трудныхъ двойныхъ звѣздъ. Въ д'аррестовѣй моментъ (12 марта) при 400 разовомъ увеличеніи не замѣчено ничего особеннаго. Касательно луны повторимъ собственныя слова сѣра Соута: «Давно уже описалъ я зрѣлище, которое представляетъ луна въ мой большой рефракторъ съ 12-дюймовымъ отверстіемъ. Вообразите же себѣ, что въ мой инструментъ я только глядѣлъ на луну, тогда-какъ въ телескопъ лорда я смотрѣлъ *въ луну*; не могу лучше выразить силу и дѣйствіе Левіаѳана. 15 марта, когда лунѣ было 7½ дней, я весьма-ясно могъ разсматривать темную ея часть, горы которой казались мнѣ весьма-измѣримыми. Никогда не замѣчалъ я ничего подобнаго. Въ то мгновеніе, когда я взглянулъ въ телескопъ, звѣзда 7-й величины находилась близъ неосвѣщеннаго края луны. Видя, что затмѣніе звѣзды луною неизбежно должно послѣдовать, я предложилъ графу наблюдать самому первое затмѣніе, видѣнное чрезъ его телескопъ; но онъ не согласился, и я жалѣю, что крайняя его любезность лишила его удовольствія, которое мнѣ доставило это наблюдение. Въ то мгновеніе, когда звѣзда должна была исчезнуть за темнымъ краемъ луны, она какъ-будто

прикоснулась къ ней и склонилась по темному полю нашего окутника, — и я видѣлъ звѣзду, какъ-будто луна отдѣлалась на то время прозрачною, или самая звѣзда находилась между мною и луною. Это явленіе продолжалось около двухъ секундъ и потомъ звѣзда мгновенно исчезла въ 10 ч. 9 м. 22,72 сек. звѣзднаго времени. Я нѣсколько уже разъ наблюдалъ это кажущееся отраженіе звѣзды на лунномъ дискѣ; но въ этотъ разъ, по причинѣ необыкновеннаго блеска звѣзды, зрѣлище было особенно-великолѣпное. Причина же этого явленія покрыта доселѣ завѣсою непроходимой тайны.»

Много было въ ученыхъ и научныхъ журналахъ болѣе или менѣе основательныхъ толковъ о телескопѣ лорда Росса. Французскіе и нѣмецкіе политико-литературные журналы напечатали бездну величностей о чудесахъ, отыскивавшихъ исполнителю телескопомъ на небѣ. Еще недавно одну изъ подобныхъ небылицъ повторяли, съ звуками восклицанія, нѣкоторыя изъ вѣдшихъ газетъ. Чтобы положить преграду дальнѣйшимъ истиннокакимъ, Соутъ публиковалъ письмо свое къ г. Шумахеру и изъ этого письма предложили мы читателямъ «От. Зап.» краткое извлеченіе, заключающее въ себѣ очеркъ наблюдений, сдѣланныхъ весною 1845 г. въ россосъ телескопъ. Послѣ этихъ наблюдений, зеркало было вновь вынута изъ трубы и снова тщательно переполіровано; но наблюденія, сдѣланныя послѣ переполіровки, еще нигдѣ не обнаружены; впрочемъ, мы надѣемся скоро подѣлиться ими съ читателями «От. Зап.», заимствовавъ свѣдѣнія изъ самаго зѣрнаго источника — изъ писемъ самихъ наблюдателей. Въ заключеніе, представимъ примѣры добросовѣстности и достовѣрности гласныхъ извѣстій. Болѣе десяти журналовъ описывали въ подробности видѣ, который представляетъ въ россосъ телескопъ знаменитое пятно въ созвѣздіи Оріона. Соутъ же утвердительно и

неть, что оріоново пятно доселѣ еще ни разу не было наблюдаемо въ телескопѣ ирландскаго лорда...

М. Хотинскій.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ ПИТАНІЯ. *Дыханіе, животная теплота.*—
Исслѣдованія Либиха. (Окончаніе.)

Теперь, чтобъ хорошо понять всѣ явленія процесса дыханія, будемъ наблюдать животное голодающее. Оно продолжаетъ дышать, поглощаетъ, точно такъ же какъ и прежде, кислородъ изъ воздуха и отдѣляетъ угольную кислоту и пары воды. Не трудно открыть источникъ, доставляющій эти продукты, потому-что, какъ мы замѣчаемъ, въ то же время провадаетъ углеродъ и водородъ животного организма. Въ самомъ-дѣлѣ, первое вліяніе голода обозначается исчезновеніемъ жира; этотъ жиръ не находится ни въ твердыхъ исправленіяхъ, ни въ мочѣ; углеродъ и водородъ его отдѣляются черезъ кожу и легкія въ видѣ кислородныхъ соединеній, ясно: что составныя части жира были употреблены для процесса дыханія.

Человѣкъ ежедневно поглощаетъ шестьдесятъ-пять лотовъ кислорода; выходя, эти шестьдесятъ-пять лотовъ уносятъ съ собою извѣстную часть организма (Кюрри рассказываетъ, что одинъ больной, который не могъ глотать въ теченіи мѣсяца, уменьшился въ вѣсѣ на сто фунтовъ, а жирная свинья, засыпанная землею во время обвала горы, прожила безъ пищи сто шестьдесятъ дней, и вѣсѣ ея уменьшился на сто-двадцать фунтовъ.)

Жизнь зимноспящихъ животныхъ, также періодическое накопленіе и исчезновеніе жира другихъ животныхъ, — всѣ эти давно-извѣстныя явленія доказываютъ, что кислородъ, во время дыханія, не дѣлаетъ выбора между веществами, съ которыми соединяется. Кислородъ соединяется со всѣми частями организма, и если углекислоты онъ отдѣляетъ сравнительно болѣе воды, это

происходитъ отъ недостатка водорода, потому-что вообще при низкой температурѣ водородъ къ кислороду имѣетъ сродство сильнѣйшее, нежели углеродъ.

Мы знаемъ, въ-самомъ-дѣлѣ, что травоядныя животныя выдыхаютъ углекислоты объемъ, равный поглощенному кислороду; напротивъ, животныя мясоядныя, одни, которые ѣдятъ жиръ, поглощаютъ кислорода болѣе, нежели выдыхаютъ углекислоты, и даже во многихъ случаяхъ они углекислоты отдѣляютъ въ половину менше. Эти наблюденія неоспоримы; они гораздо-убѣдительнѣе всѣхъ искусственныхъ явленій, такъ-называемыхъ опытовъ, которые совершаются на животныхъ, если есть случай наблюдать непосредственно природу жели этины случаемъ случитъ воспользоваться.

Въ организмѣ, который терпитъ голодъ, мало того, что жиръ таетъ постепенно, но и растворяется всѣ твердыя вещества. У трупа, умершаго голодною смертью, мускулы тонки, жестки, неспособны сокращаться; эти двигающія части организма еще предохраняли его другія части отъ дѣйствія кислорода; наконецъ, составныя части мозга подвергаются также окисленію; тогда наступаетъ расстройство умственныхъ способностей, безуміе и въ заключеніи смерть, съ которою оканчивается всякое сопротивленіе кислороду воздуха; въ организмѣ обнаруживаются только химическія явленія гніенія, и всѣ части его соединяются съ кислородомъ.

Время, въ которое животное умираетъ отъ голода, зависитъ отъ тучности организма, отъ степени движенія (напряженія и работы), отъ температуры воздуха и отъ присутствія воды; вода постоянно испаряется черезъ легкія и кожу; жидкость эта — посредникъ всѣхъ движеній организма; помято, что недостатокъ ея долженъ ускорить смерть. Бывали примѣры, что отъ постоянного употребленія воды, смерть слѣдовала за голодомъ въ прострѣтвѣн только двадцати дней, а

въ одномъ случаѣ даже и послѣ двухъ мѣсяцевъ.

Во всѣхъ хроническихъ болѣзняхъ, та же самая причина, то же вліяніе атмосферы производитъ смерть. Когда не достаетъ матеріаловъ, которые назначены въ организмѣ поддерживать процессъ дыханія, когда органы больного не выполняютъ своихъ отправленій, когда они теряютъ способность превращать пищу именно въ то состояніе, въ которомъ составныя части ея соединяются съ кислородомъ, тогда употребляется на этотъ конецъ собственная масса этихъ органовъ— жиръ, мясо, нервы и пр. Процессъ дыханія, дѣйствіе атмосферы въ этихъ случаяхъ бываетъ причиною смерти. Недостатокъ пищи, недостатокъ способности усвоить организмъ ея составныя части есть только отрицательная причина остановки жизненной дѣятельности. Пламя гухнетъ, когда сгараетъ масло; но его сожигаетъ кислородъ воздуха.

Во многихъ болѣзняхъ также пища превращается въ продукты, которые не усваются организмомъ; діета есть единственное средство уничтожить ихъ; они окончательно пропадаютъ именно потому, что составныя части ихъ соединяются съ кислородомъ воздуха. Когда разстроено отправленіе кожи или легкихъ, моча измѣняетъ свой обыкновенный цвѣтъ, бурбѣтъ; въ ней появляются углеродистыя вещества.

Дыханіе можно сравнить съ гирею или съ пружиною, которая приводитъ въ движеніе часовой механизмъ; дыханія представляютъ намъ качанія маятника, управляющія ходомъ. Мы можемъ на нашихъ обыкновенныхъ часахъ опредѣлить заранѣе съ математическою точностію всѣ измѣненія въ ихъ правильномъ ходѣ, зависящія отъ длины маятника и отъ перемѣны температуры; но многимъ ли навѣстно и понятно вліяніе воздуха и тепла на здоровье человека? а опредѣлить условія этого вліянія такъ же легко, какъ

вывести законы, управляющіе движеніемъ обыкновенныхъ часовъ.

Если кровь, то-есть ея составныя части, увеличиваетъ массу животного организма, если она образуетъ, воспроизводитъ его органы, то названіе пищи можетъ быть присвоено только тѣмъ веществамъ, которыя способны преобразиться въ кровь. Чтобы знать, какия вещества могутъ превратиться въ кровь и, слѣдственно, питать организмъ, необходимо опредѣлить составъ пищи и сравнить его съ составомъ крови.

Два вещества представляютъ главныя, существенныя части крови: одно, *фибрина*, отдѣляется изъ крови тотчасъ, когда она находится въ петлю кругообращенія. Всякому извѣстно, что кровь свертывается въ соприкосновеніи съ воздухомъ и раздѣляется на желтоватую жидкость, водянистую часть (*serum*) и студенистую массу; если взбивать свѣжую кровь палочкою или прутьями, эта студенистая масса липнетъ къ нимъ въ видѣ тонкихъ, нѣжныхъ, упругихъ нитей; это и есть фибрина: она совершенно тождественна въ свойствахъ съ мускульною фиброю, очищенною отъ всѣхъ постороннихъ веществъ. Вторая составная часть крови находится въ ея водянистой жидкости. Это бѣлковина; она тождественна съ яичнымъ бѣлкомъ и придаетъ водянистой жидкости всѣ свойства бѣлка. Бѣлковина свертывается въ жару и образуетъ бѣлую, упругую массу.

Фибрина и бѣлковина, существенныя части крови, заключаютъ въ себѣ всего семь химическихъ элементовъ; въ числѣ ихъ находится азотъ, сѣра, фосфоръ и костяное начало. Въ водянистой части растворены углекислыя, фосфорислыя и сѣрнокислыя соли кали и натра. Кровяные шарикъ заключаютъ въ себѣ фибрину, бѣлковину и красное окрашивающее вещество, гдѣ желѣзо — постоянный, существенный элементъ. Наконецъ, кромѣ этихъ главныхъ составныхъ частей, кровь содержитъ въ себѣ еще, правда въ незначительномъ количествѣ, жирныя вещества, отаичающіеся во многихъ

составъ соединены отъ общаго вещества жира.

Химическій анализъ приводитъ къ удивительному результату, что фибрина и бѣлковина заключаютъ въ себѣ одни и тѣ же органическіе элементы, которые соединены между собою даже въ одинаковой пропорціи; сравните анализы бѣлковой и фибриной, — вы откроете равенство развѣ въ сотыхъ доляхъ, равенство, которое часто бываетъ въ двухъ анализахъ одного и того же вещества.

Различіе физическихъ свойствъ фибрины и бѣлковой ясно доказываютъ, что въ обихъ этихъ составныхъ частяхъ кроивъ элементы расположены и группированы не одинаковымъ образомъ, хотя составъ ихъ совершенно тождествененъ. Это гипотетическое заключеніе недавно подтвердилъ точнымъ образомъ извѣстный ученый физиологъ Дени; онъ успѣлъ превратить химическими средствами фибрину въ бѣлковину, т. е. придать фибринѣ возможность растворяться и свертываться — свойства, отличающія бѣлковину.

Кромѣ тождественности состава, фибрина и бѣлковина имѣютъ еще одно общее химическое свойство: обѣ онѣ растворяются въ водо-хлорной кислотѣ и даютъ растворы темноголубаго пидидоваго цвѣта, которые относятся одинаковымъ образомъ ко всѣмъ реактивамъ.

Въ процессѣ питанія, бѣлковина и фибрина могутъ превращаться въ мускульную фибру, и наоборотъ, мускульная фибра переходитъ снова въ кровь. Физиологи давно уже согласны между собою касательно этого взаимнаго перехода: химія оставалось только доказать, что эти превращенія совершаются сами собою, безъ посредства другаго посторонняго элемента.

Сравнивъ теперь химическій составъ бѣлковой, фибриной и животныя тканей. Мы отироемъ здѣсь слѣдующія отношенія:

Всѣ части животнаго организма, имѣющія опредѣленную форму, всѣ органы содержатъ въ себѣ азотъ. Этотъ

элементъ входитъ въ составъ каждой живой двигающейся части органа; всѣ онѣ, кромѣ того, заключаютъ въ себѣ углеродъ и элементы воды, хотя не въ той пропорціи, въ какой находятся они въ водѣ.

Фибрина и бѣлковина содержатъ въ себѣ семнадцать процентовъ азота; то же количество его находится и во всѣхъ частяхъ органовъ.

Самые точные опыты и наблюденія доказываютъ, что животный организмъ не можетъ воспроизвести въ себѣ ни одного химическаго элемента, — ни углерода, ни азота — изъ другихъ веществъ, не заключающихъ въ себѣ этихъ элементовъ. Слѣдовательно, всѣ вещества питательныя, назначенныя для кровотоверенія, т. е. для образованія тканей, перепонокъ, кожи, волосъ, мускуловъ, должны заключать въ себѣ извѣстное количество азота, потому что онъ входитъ въ составъ органовъ, — потому что организмъ не въ состояніи воспроизвести въ себѣ азота изъ другихъ элементовъ химическихъ, — и потому что азотъ атмосферный не употребляется въ жизненныхъ процессахъ.

Мозгъ и нервы заключаютъ въ себѣ большое количество бѣлковой и еще двѣ особенныя жирныя кислоты, которыя отличаются отъ обыкновеннаго жира содержаніемъ фосфора (фосфорной кислоты, можетъ-быть). Фреми нашелъ въ одной кислотѣ азотъ.

Вода и жиръ — единственныя части животнаго организма, не содержащія въ себѣ азота; обѣ онѣ не связаны въ опредѣленной формѣ, не принимаютъ участія въ жизненномъ процессѣ, и служатъ только посредниками между различными отправлениями.

Вещества минеральныя, входящія въ составъ животнаго организма, суть известь, желѣзо, магнезія, поваренная соль и щелочи.

Процессъ питанія у хищныхъ животныхъ принимаетъ самую простую форму: они живутъ кровью и мясомъ животныхъ травоядныхъ и зерноядныхъ. Эта кровь, это мясо совершенно тождественныя въ всѣхъ частяхъ

связать съ ихъ собственною кровью, съ ихъ собственнымъ мясомъ; между ними не существуетъ никакого различія ни химическаго, ни физиологическаго.

Пища хищныхъ животныхъ образовалась изъ крови; эта пища разжижается въ желудкѣ и разносится по всему организму; она превращается сначала въ кровь, которая возобновляетъ уже всѣ части организма, подвергавшіяся только измѣненію или разложенію.

Хищныя животныя усваиваютъ себѣ всю массу пищи, исключая ногтей, волосъ, перьевъ и костей.

И такъ, въ смыслѣ химическомъ, можно сказать, что хищное животное уничтожаетъ само себя, чтобъ только поддержать жизненные отправленія, потому что пища его совершенно тождественна съ частями органовъ, которыя требуютъ возобновленія.

Иначе, по-видимому, представляется намъ процессъ питанія травоядныхъ животныхъ: ихъ органы пищеваренія имѣютъ довольно-сложное строеніе; а пища ихъ состоитъ изъ растительныхъ веществъ, которыя, сравнительно, мало заключаютъ въ себѣ азота.

Изъ чего же, спрашивается теперь, создается кровь животныхъ травоядныхъ? изъ какихъ веществъ развиваются ихъ органы?

Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ съ совершенною точностію.

Химическія изслѣдованія открываютъ, что всѣ части растеній, служащія для питанія животныхъ, содержатъ въ себѣ элементы, богатые азотомъ. И ежедневный опытъ доказываетъ, что животныя сѣдаютъ этой растительной пищи тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе находится въ ней азота, и не могутъ питаться частями растеній, несодержащими въ себѣ азота.

Зерна хлѣбныхъ растеній, горохъ, бобы, чечевица и овощи заключаютъ въ себѣ, особенно, много азотистыхъ веществъ; впрочемъ, они находятся во всѣхъ растеніяхъ и во всѣхъ частяхъ ихъ, только въ меньшемъ количествѣ.

Азотъ въ растеніяхъ находится въ видѣ трехъ тѣлъ, которыя легко различить по ихъ свойствамъ: между ними два растворяется въ водѣ, третье не растворимо.

Свѣжій растительный сокъ, только что выжатый, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, всегда отдѣляется студенистымъ осадкомъ зеленаго цвѣта; различныя жидкости смываютъ этотъ цвѣтъ и обнаруживаютъ сѣровато-бѣлую массу. Этотъ осадокъ есть первое азотистое питательное вещество травоядныхъ животныхъ; оно называется *растительною фибриною*.

Сокъ злаковъ особенно богатъ этимъ веществомъ; его также много находится во ржи и вообще въ сѣменахъ хлѣбныхъ растеній; изъ ржи можно добыть его въ чистомъ видѣ, посредствомъ очень-простою механическою операціи. Въ этомъ состояніи растительная фибрина известна подъ именемъ клейковины; но замѣчу, что клейкость, характеризующая клейковину, не есть существенная принадлежность фибрины, и въ вершѣ другихъ хлѣбныхъ растеній фибрина не клейкая.

Растительная фибрина, какъ доказываетъ способъ ея добытія, не растворяется въ водѣ; но безъ всякаго сомнѣнія, она была растворена въ сокѣ растенія живаго и осаждается изъ него въ послѣдствіи, какъ фибрина изъ крови.

Второе азотистое питательное вещество находится, также въ растворѣ, въ сокѣ растеній, но оно не отдѣляется изъ него при обыкновенной температурѣ, а только осаждается, если нагрѣть сокъ до кипѣнія.

Такимъ-образомъ, если взять свѣжій процеженный сокъ овощей, — цвѣтной капусты, спаржи, на-примѣръ, — то онъ свертывается и отдѣляется пленучій осадокъ, который, по наружному характеру и по другимъ свойствамъ совершенно-тождественъ съ осадкомъ, образующимся также при кипѣніи въ воднистой части крови или въ яичномъ бѣлкѣ, разведенномъ водою. Этотъ осадокъ — *растительная*

бѣлковина; она потребляется въ большомъ количествѣ въ орѣхахъ, миндаляхъ и другихъ сѣменахъ, заключающихъ въ себѣ, вмѣсто крахмала, масло и жиръ.

Наконецъ, растительный казеинъ представляетъ третье азотистое питательное вещество, вырабатываемое растеніями; преимущественно находится онъ въ стручкахъ гороховыхъ, бобовыхъ и чечевичныхъ. Растительный казеинъ, подобно бѣлковинѣ, растворяется въ водѣ, только растворъ его не свертывается отъ жара, и это составляетъ собственно его отличіе отъ бѣлковины. При выпариваніи, растворъ растительнаго казеина покрывается сверху пленкою; будучи же смѣшанъ съ кислотами, онъ свертывается подобно молоку.

Эти три вещества—растительная фибрина, бѣлковина и казеинъ, составляютъ собственно азотистыя основанія пищи травоядныхъ животныхъ. Растенія часто содержатъ въ себѣ другія азотистыя вещества—ядовитыя или лекарственныя, но они не служатъ къ возрастанію, увеличенію массы организма, потому-что находятся въ незначительномъ количествѣ.

Химическій анализъ этихъ трехъ веществъ показываетъ, что они заключаютъ въ себѣ одни и тѣ же органическіе элементы, между собою соединенные въ одинаковой пропорціи и, что особенно замѣчательно, они по составу своему совершенно-тождественны съ элементами крови—фибриною и бѣлковиною. Всѣ эти три вещества точно такъ же растворяются въ крѣпкой водохлорной кислотѣ и даютъ жидкость темноголубаго индиговаго цвѣта; даже въ физическихъ свойствахъ животная фибрина и животная бѣлковина совершенно не отличаются отъ растительной фибрины и растительной бѣлковины. Достоино замѣчанія, что тождество состава не ограничивается собственно элементами органическими, но распространяется на содержаніе сѣры, фосфора, извести и щелочей.

Эти отклоненія объясняютъ намъ теперь, какъ просто совершается развитіе животнаго организма, образованіе его органовъ, гдѣ сосредоточивается вся жизненная дѣятельность. Растительныя вещества, которыя животное употребляетъ для кровотожденія, содержатъ въ себѣ совершенно-готовые элементы этой жидкости: фибрину и бѣлковину, и, сверхъ того, заключаютъ въ себѣ еще желѣзо, которое переходитъ въ окрашивающее вещество крови.

Растительная и животная фибрина, растительная и животная бѣлковина различаются только по царственному виду. Когда эти вещества не находятся въ пищѣ, животное не можетъ питаться; но пища, содержащая ихъ въ себѣ, передаетъ травоядному животному вещества, поддерживающія существованіе животныхъ хищныхъ.

Итакъ, растительный организмъ приготовляетъ кровь для всѣхъ животныхъ, потому-что, собственно говоря, хищныя животныя потребляютъ, въ видѣ мяса и крови, тѣ же растительныя вещества, которыя питали животныхъ травоядныхъ; растительная фибрина, растительная бѣлковина измѣняются въ нихъ желудкѣ такъ же точно, какъ въ желудкѣ хищныхъ фибрина животная и бѣлковина животная.

Изъ предъидущаго теперь ясно, что развитіе органовъ животнаго, возрастаніе его, увеличеніе его массы зависятъ отъ поглощенія извѣстныхъ веществъ тождественныхъ съ существенными элементами его крови. Животный организмъ не творитъ крови; онъ придаетъ ей только форму; онъ не можетъ, не въ состояніи создать ее изъ веществъ, несодержащихъ въ себѣ уже въ готовности составныя ея части; но нельзя отрицать въ немъ способности воспроизводить другія соединенія, другіе органическіе продукты; напротивъ, мы знаемъ, что организмъ творитъ цѣлый рядъ тѣлъ, отличающихся своимъ составомъ отъ элементовъ крови; но основаній, входящихъ

унктъ этого рода — самые элементы рови, создаютъ растенія.

Организмъ животныхъ можно разсматривать какъ высшее растеніе: онъ развивается на-счетъ веществъ, образованіе которыхъ было цѣлью и концомъ существованія обыкновеннаго растенія; растеніе приноситъ сѣмя и тотчасъ же умираетъ или заканчиваетъ одинъ изъ періодовъ своей жизни.

Этотъ безконечный рядъ соединеній, начинающийся питательными началами растеній — водою, угольною кислотою, аммоньякомъ, и оканчивающийся самыми сложными частями животнаго организма, какова, напримеръ, нервная масса, — не представляетъ нигдѣ разрыва. Последний продуктъ творческой дѣятельности растеній составляетъ первое питательное вещество царства животнаго.

Растеній не производятъ вещества личекъ, перепонокъ, нервовъ, мюга.

Нѣчему особенно удивляться, что растенія создаютъ элементы крови, если припомнить себѣ, что жиръ бычій или бараній находится совершенно-готовый въ сѣменахъ какао, что деревянное масло есть представитель человеческого жира въ растительномъ царствѣ, что коровье масло тождественно съ пальмовымъ масломъ, и что всѣ маслянистыя сѣмена содержатъ въ себѣ или рыбій или лошадиный жиръ.

ОТНОШЕНІЕ ПЕРВОЫТНАГО РАСТЕНІЯ НОГГЕРАТІА (NOGGERATIA) КЪ СОВРЕМЕННОЙ ФЛОРѢ. Въ палеонтологіи, наукѣ о первобытныхъ представителяхъ жизни органической на нашей планетѣ, точное опредѣленіе вида этихъ представителей такъ же важно, какъ критическое восстановление великихъ историческихъ событій. Палеонтологія предположила себѣ цѣлью воссоздать исторію нашей планеты въ эпохи, предшествовавшія распространенію человеческого рода; единственные памятники, служащіе основаніемъ этой исторіи, представляютъ ничтожныя, но-видимо-

му, обезображенные обломки, отпечатки животныхъ и растеній, населявшихъ поверхность земнаго шара въ эти отдаленныя отъ насъ времена. Понятно отсюда, какого вниманія требуетъ изученіе этихъ удивительныхъ памятниковъ, на которыхъ зиждутся законы постепеннаго развитія существъ органическихъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, Адольфъ Броньяръ, основатель растительной палеонтологіи, представилъ Парижской Академіи Наукъ свои изслѣдованія растенія ноггератія, которыя имѣютъ цѣлью опредѣлить его отношеніе и мѣсто между современными намъ растеніями. Изслѣдованія Броньяра представляютъ собою новое подтвержденіе теоріи постепеннаго развитія жизни органической на нашей планетѣ.

Въ наше время, царство растительное составлено изъ слѣдующихъ пяти большихъ отдѣловъ: растенія тайнобрачныя-лчестыя, тайнобрачныя-сосудистыя, явнобрачныя двусѣменодольныя, голосѣменные и скрыто-сѣменные, и явнобрачныя односѣменодольныя. Памбогѣе - совершенную организацію въ современной флорѣ представляютъ односѣменодольныя и двусѣменодольныя, скрытосѣменные, которыя по этому называются высшими растеніями. Изъ этихъ большихъ пяти отдѣленій въ эпоху происхожденія каменноугольной формации, существовали только три пераыя, т. е. растенія низшія, имѣющія простую, мало-сложную организацію. Таково были мнѣнія Адольфа Броньяра и большей части геогностовъ касательно растительности нашей планеты въ эпоху каменноугольную. Основаніемъ этому мнѣнію служили остатки представителей класса тайнобрачныхъ напоротниковъ, лецидодендровъ и представителей двусѣменодольныхъ голосѣменныхъ — сигиларіи, казаниты, астерофилиты и проч., исключительно находимые въ формации каменноугольной.

Графъ Штеррибергъ открылъ въ бо-

гемскомъ каменномъ углѣ отпечатокъ листа новаго растенія, которое назвалъ онъ *Noggerathia foliosa*, и которое отнесъ къ семейству пальмъ, т. е. къ классу лѣнобрачныхъ односѣмено-дольныхъ. Открытіе Штернберга было важнымъ опроверженіемъ мнѣнія Адольфа Броньяра о растительности нашей планеты въ эпоху каменноугольную и вообще о постепенномъ развитіи царства растительнаго.

Но вотъ послѣднія изслѣдованія Адольфа Броньяра, опровергающія опредѣленіе графа Штернберга.

Отпечатки листьевъ ноггератии представляютъ жилки или нервы равной длины, параллельныя между собою и выходящія изъ основанія листа; средней жилы, отличающей листья пальмъ, Броньяръ не нашелъ въ нихъ. Расположеніе жилокъ въ этихъ листьяхъ ноггератии явно указываетъ мѣсто этого растенія въ классѣ голосѣменныхъ, въ семействѣ саговыхъ, возлѣ рода *Заміа*.

Новое нечаянное открытіе придало еще болѣе важности наблюденіямъ Броньяра. Посѣщая бессѣжскія каменноугольныя копи, Броньяръ нашелъ, вмѣстѣ съ листьями ноггератии, еще сѣмена и листья, совершенно-подобныя сѣменамъ и оболочкамъ органовъ оплодотворенія (цвѣтамъ) саговыхъ растеній. Трудно допустить случай въ такомъ удивительномъ соединеніи обстоятельство, гдѣ болѣе, что подобныя открытія повторились еще недавно въ другихъ каменноугольныхъ копяхъ. Невозможно сомнѣваться, что эти листья, сѣмена и цвѣты принадлежатъ одному растенію ноггератии (*Noggerathia foliosa*) Штернберга, которая, по тому, должна быть отнесена къ классу голосѣменныхъ-двусѣмено-дольныхъ, къ семейству саговыхъ.

Итакъ, въ эпоху каменноугольную, наша планета, согласно съ мнѣніемъ Броньяра и закономъ постепеннаго развитія растенія, была покрыта еще растеніями организація не совершенной, каковы тайнобрачныя и двусѣмено-дольныя-голосѣменные.

НОВОЕ ИСКУССТВЕННОЕ МИНЕРАЛЬНОЕ УДОБРЕНІЕ. — Въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала, мы подробно рассмотримъ, въ отдѣлѣ сельскаго хозяйства, это полезное изобрѣтеніе Либиха, которое представлено было отъ его лица Диеенбахомъ въ послѣднемъ съѣздѣ ученыхъ въ Кембриджѣ.

НОВАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА, ВОЗВРАТНО ДѢЙСТВУЮЩАЯ (А РЕАКЦИОН). — Газы, пары, выходя изъ приемника, представляютъ двоякое движеніе—прямое, впередъ, и обратное, назадъ, въ направленіи, противоположномъ первому: такъ, напримѣръ, при выстрѣлѣ, газы устремляются изъ ружья впередъ вмѣстѣ съ пулею, и въ то же время отталкиваютъ самое ружье назадъ. Въ физическихъ кабинетахъ существуетъ множество приборовъ моделей, которыя приводятъ въ движеніе однимъ обратнымъ или возвратнымъ дѣйствіемъ (*réaction*) газовъ. Итакъ, дѣйствіе это представляетъ силу довольно-значительную; но до-сихъ-поръ всѣ попытки сдѣлать изъ нея двигателя полезнаго, остались безуспѣшными. А между-тѣмъ, возвратное дѣйствіе пара производитъ вращательное, круговое движеніе, непосредственно, безъ помощи особаго, лишняго механизма, какой представляютъ намъ паровыя машины. Попятно, слѣдовательно, что машина, въ которой можно двигателемъ употребить возвратное дѣйствіе, необходимо должна имѣть гораздо-простѣе устройство; въ ней необходимо уничтожатся всѣ части, служащія для примѣны прямолинейнаго движенія въ круговое или вращательное.

Новая паровая машина съ возвратнымъ дѣйствіемъ (*à réaction*), которую представили въ прошедшемъ мѣсяцѣ гг. Изоаръ и Мерсье Парижской Академіи Наукъ, отличается въ-самомъ-дѣлѣ своею замѣчательною простотою. Вотъ, какъ описываетъ ее г. Арманъ Сегь въ своемъ докладѣ Академіи:

• Новая машина, говоритъ онъ, не имѣетъ ни почки, ни котла, ни цилиндра, ни поршня, ни коромысла, или, точнѣе сказать, она состоитъ изъ одного органа, въ которомъ соединены всѣ эти части.

• Вотъ ея устройство:

• Стержень, внутри пустой, стоитъ вертикально по серединѣ треножника; верхушка стержня поддерживаетъ горизонтальный подносъ, на которомъ поднимается желѣзная трубка, свернутая нѣсколько разъ въ видѣ цилиндрическаго винта; верхній конецъ трубки открывается узкимъ отверстіемъ. Конусъ, колпакъ изъ листового желѣза, возвышается по срединѣ цилиндрической спирали или винта, состоящаго, какъ мы сказали, изъ свернутой желѣзной трубки. Къ горизонтальному подносу прикрѣпляется большой ковшъ, служащій какъ-бы прикрѣпкою для всего прибора; вертикальный, укрѣпленный на треножникѣ стержень, снабженъ блокомъ, который передаетъ силу и движеніе. Последнюю часть этого прибора составляетъ верхній резервуаръ.

• Машина эта дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ:

• Въ большой ковшъ, накрывающій весь приборъ, кладутся куски горячаго кокса; они падаютъ на вершину конуса, располагаются кругомъ его основанія и наполняютъ все пространство между этимъ конусомъ и свернутою трубкою.

• Когда такимъ образомъ очагъ снабженъ топливомъ, зажигаютъ огонь; трубка нагрѣвается; машина теперь готова придти въ движеніе вращательное; остается только провести изъ верхняго резервуара или изъ насоса воду въ пустой стержень и въ трубку, гдѣ превращается она въ пары, которые, выходя въ отверстіе, ворочаютъ уже весь приборъ.

• Машина гг. Изодара и Мерсье дѣйствовала въ присутствіи всѣхъ членовъ Академіи и удивила всѣхъ быстротою движенія; въ этомъ опытѣ, она дѣлала

до 1000 оборотовъ въ минуту; но обыкновенная быстрота ея 2000 и 3000 оборотовъ въ минуту. Г. Сегье утверждаетъ, что она дѣлаетъ въ минуту 10,000 оборотовъ; впрочемъ, эту быстроту можно умѣрить посредствомъ зубчатыхъ колесъ.

Съ объемомъ измѣняется сила машины. Это дастъ возможность дѣлать изъ нея самыя разнообразныя приложенія.

НОВАЯ ПЛАНЕТА «АСТРЕЯ». — Открыть планету значитъ обезсмертить себя на многіе вѣка, не смотря на то, что подобное открытіе дѣло случая, дѣло счастья; мы это говоримъ, не думая унижать новой заслуги нѣмецкаго астронома, г. Генке (Hencke); напротивъ, мы видимъ здѣсь важное подтвержденіе и доказательство необходимости и пользы точныхъ и подробныхъ картъ неба для успѣховъ астрономіи.

Эти карты, извѣстныя подъ именемъ лаландовыхъ, потому-что Лаландъ первый улучшилъ ихъ, сдѣлалъ точнѣе и подробнѣе, — имѣютъ большое вліяніе на успѣхи астрономіи. Онѣ даютъ возможность астрономамъ изучать движеніе кометъ и вообще расширять наши познанія о составѣ вселенной, помогая открывать новыя небесныя тѣла.

8 декабря, Генке замѣтилъ въ наблюдаемой имъ части неба свѣтло девяттой величины, котораго не оказалось на картѣ Берлинской Академіи, заключающей въ себѣ всѣ звѣзды IV часовъ прямаго восхожденія. Внимательно наблюдая эту новую звѣзду, Генке нашелъ, что она имѣетъ свое собственное движеніе; слѣдовательно, это должна быть или комета, или планета; но всѣ обстоятельства клонятся въ пользу послѣдней гипотезы; новая звѣзда не имѣетъ ни хвоста, ни облачности.

Три ряда наблюдений, произведенныхъ г-мъ Генке 8, 14 и 16 декабря, назначаютъ слѣдующее положеніе для этой новой планеты:

8 декабря, въ 8 часовъ 65° 25' восхожденія прямаго; 12° 41' склоненія сѣвернаго.

14 декабря, въ 18 часовъ 57 мин. — 64° 0' 24' восхожденія прямаго; 12° 39' 53" склоненія сѣвернаго.

16 декабря, въ 10 час. 20 мин. 16 сек. — 63° 35' 53" восхожденія прямаго; 12° 40' 1" склоненія сѣвернаго.

Слѣдовательно, она въ день проходить не болѣе 14 минутъ градуса.

Вотъ величина ея орбиты, выведенная г. Фэ изъ большаго числа наблюденій :

Эпоха средней долготы

1845 г. декабря 14 . . . 71° 31' 6"

Долг. восходящаго узла . 135° 13' 6"

Склоненіе . . . . . 6° 1' 2"

Половина діаметра орбиты . . . . . 2° 60' 4"

Движеніе въ орбитѣ . . . . . прямое.

Время полного обращенія — 4 года 3 мѣсяца съ половиною.

Изъ этого видно, что новая звѣзда находится между Вестой и Юноною. Рядомъ съ нею движутся, слѣдовательно, четыре такъ-называемыя малыя планеты, которыхъ орбиты почти соприкасаются между собою, и которыя, по всей вѣроятности, занимаютъ мѣсто одной большой планеты. Эти малыя планеты суть: Веста, Юнона, Церера и Паллада; первая и наибольшая между ними имѣетъ только 100 миль въ діаметръ. Астрономъ Ольберсъ, чтобъ объяснить такую особенность нашей солнечной системы, предполагаетъ, что эти малыя планеты суть обломки большаго разбившагося небснаго тѣла. Астрея, открытая г. Генке, вѣроятно, есть пятый его обломокъ.

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВОЛЬНЫМЪ ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ НА 1845 — 1846 ГОДЪ.

Императорское Вольное Экономическое Общество съ самаго своего учрежденія, въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, нимало цѣлю поощрять всѣ полезныя труды и предпріятія по сельскому хо-

зяйству и промышленности, и для сего предлагало къ публичному совѣщанію разныя задачи, за рѣшеніе которыхъ выдавало медали и денежныя преміи.

Слѣдуя этому обычаю, Общество составило и на нынѣшній годъ программу двухъ задачъ, рѣшеніе которыхъ можетъ принести не малую пользу тѣмъ вѣтвямъ народнаго благосостоянія, которыхъ эти задачи касаются, а именно: публичной гигиены и гдсоводства.

Задача первая.

Императорское Вольное Экономическое Общество, обращая вниманіе на вредныя послѣдствія для здоровья отъ употребленія въ пищу испорченной соленой рыбы, и находить, какъ то достоверныя наблюденія показали, что рыбы, такъ-называемыя коренныя, въ особенности *осетръ* и *балуа*, въ соленомъ видѣ, иногда подвергаются такой порчѣ, что становятся смертоносными для людей, употребляющихъ ихъ въ пищу, не только сырыя, но и вареныя. Нѣкоторые предметы, относящіеся къ отравленію этого рода, довольно уже изслѣдованы; но доселѣ мы почти ничего не знаемъ о происхожденіи и свойствахъ яда, находящагося въ рыбахъ, которому обыкновенно приписываютъ это отравленіе, столь жестокое по своимъ послѣдствіямъ.

Вольное Экономическое Общество, желая посвятить этотъ важный для общественнаго здоровья предметъ, предлагаетъ къ разрѣшенію слѣдующіе вопросы:

1) Показать, въ какихъ именно частяхъ означенныхъ рыбъ образуется вредоносное начало, которое могло бы быть названо рыбно-жирнымъ ядомъ, еслибъ подтвердилось, что оно дѣйствительно образуется въ жирѣ этихъ рыбъ.

2) Какимъ образомъ этотъ ядъ зарождается въ рыбѣ, для чего нужно бы вертатѣ вложить время ловли, способъ соленія, перевозки, сохраненія, продажи и употребленія въ пищу упомянутыхъ рыбъ.

3) Для отдѣленія вредоноснаго яда

ла, подвергнуть химическому разложению испорченныя рыбы, а равно и разсолъ, въ которомъ онѣ хранятся; потомъ, химически изслѣдовать этотъ ядъ, для показанія его свойствъ физическихъ и химическихъ, и наконецъ, испытать оный надъ живыми животными, для узнанія физиологическаго его дѣйствія на органамъ.

4) Если не удастся отдѣлить вредное вещество въ чистомъ видѣ, то извѣдать надъ животными: одинаково ли вредны испорченная рыба сырая и вареная? Если находится разница между тою и другою рыбою, то опредѣлить: въ какой степени она существуетъ? Вредна ли также жидкость, въ которой сварена испорченная рыба, и наконецъ, какія именно приправы или какой способъ приготовления могутъ уничтожить ядовитость испорченной рыбы.

5) Нельзя ли при этомъ будетъ найдти дѣйствительнѣйшее врачебное средство (противоядіе) противъ наступившаго уже отравленія?

За совершенно удовлетворительное разрѣшеніе этой задачи назначается золотая медаль въ 30 червонцевъ и 500 руб. сер. преміи; за второй по достоинству отвѣтъ—серебряная медаль въ 30 руб. сер.

Срокъ присылки отвѣтовъ назначается не позже 1 мая 1847 года.

Задача вторая.

Предлагается доставить подробное описаніе наилучшаго способа осушки болота для разведенія на немъ лѣса, съ исчисленіемъ нужныхъ на то издержекъ и съ изложеніемъ способовъ успешнаго лѣсоразведенія на осушенномъ болотѣ; въ подкрѣпленіе же должны быть приведены примѣры осушенія болотъ и разведенія лѣса, съ подробнымъ описаніемъ мѣстоположенія, свойства и высоты болота надъ ближайшими водами.

Вольное Экономическое Общество, по надлежащемъ разсмотрѣніи, назначаетъ за лучшій, вполне-удовлетворяющій отвѣтъ на эту задачу, золотую медаль въ 100 червонцевъ; за рѣшеніе

не столь удовлетворительное—золотую медаль въ 60 червонцевъ; за третій по достоинству отвѣтъ большую серебряную медаль въ 40 руб. сер.

Последній срокъ для представленія отвѣтовъ на эту задачу назначается 1 августа 1847 года.

Условія присылки задачъ.

Составители, какъ на ту, такъ и другую изъ предложенныхъ задачъ, представляя отвѣты, адресуютъ ихъ въ Императорское Вольное Экономическое Общество, въ Санктпетербургъ, но имени своего не подписываютъ и не объявляютъ, а означаютъ въ особо-запечатанномъ конвертѣ имя и адресъ свой; на самой же задачѣ выставляютъ только мѣсяць и годъ и произвольно-избранный ими какой-либо девизъ, и тотъ же самый девизъ надписываютъ на упомянутомъ, особо-запечатанномъ конвертѣ, въ который, при отвѣтѣ на задачу 2-ю, слѣдуетъ вложить и свидѣтельство сосѣднихъ помѣщиковъ, или мѣстнаго начальства.

Отвѣты могутъ быть писаны предпочтительно на русскомъ, но также на французскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРЕТЕНІЯ.

Въ артиллерійскомъ комитетѣ въ Дуэ (Douai) дѣлали на-дняхъ опыты надъ новозобрѣтенными химическими фитилями, для зажиганія пореха при пальбѣ изъ пушекъ. Означенные фитили, приготовленные изъ особаго химическаго состава, имѣютъ свойство фосфорныхъ зажигательныхъ спичекъ; надобно только слегка шар-

ивнуть о заправку фитилемъ — и въ ту же секунду послѣдуетъ выстрѣлъ изъ орудія. Говорятъ, во всей французской артиллеріи химическіе фитили будутъ введены въ употребленіе вмѣсто обыкновенныхъ пеньковыхъ. — Сдѣлано также улучшеніе въ артиллерійскихъ зарядныхъ ящикахъ. Они будутъ на рессорахъ, а внутри обиты мягкой подкладкою, для того, чтобы порохъ отъ тряской ѣзды не встирался въ мякоть.

— Знаменитый инженеръ Брюнель, построившій лондонскій тоннель, изобрѣлъ новаго устройства паровозъ, который можетъ проѣхать въ часъ 10 вѣмецкихъ миль.

— Г. Редманъ, въ Манчестерѣ, сдѣлалъ важное улучшеніе въ электрическихъ телеграфахъ. Онъ, вмѣсто произвольныхъ знаковъ на циферблатѣ, вздумалъ употребить обыкновенныя буквы азбуки, и этимъ не только устранилъ запутанность сигнальных знаковъ, но и упростилъ сообщеніе телеграфическихъ извѣстій съ одной станціи на другую.

— Директоръ лейпцигской желѣзной дороги, г. Буссе, изобрѣлъ новый снарядъ для доставленія удобства вагонамъ подниматься на холмы и другія небольшія возвышенности. Онъ придѣлалъ къ переднему вагону архимедовъ винтъ, приводимый въ дѣйствіе особымъ механизмомъ, устроеннымъ въ самомъ вагонѣ. Этотъ винтъ задвѣгаетъ за зубцы чугуннаго рельса, положеннаго въ срединѣ дороги, между двумя обыкновенными рельсами. Такимъ-образомъ весь поѣздъ можетъ подниматься на холмы и другія возвышенности дороги.

— Въ англійскихъ газетахъ пишутъ, что въ Бразиліи открыта снова богатѣйшая алмазная копъ, такъ-что тамъ сгребаютъ эти драгоценныя камни шляпами. Англійская аристократія оцѣняется, что скоро цѣна на брил-

лянты очень повысится, а потому богатые лорды стараются заранее продавать свои брильянтовые вещи. Лордъ Лондондерри, имѣющій брильянтовый на миллионъ фунт. стерл., отправилъ нарочнаго комиссара въ Бразилію, чтобъ тамъ освѣдомиться на мѣстѣ о справедливости означеннаго извѣстія.

— Въ газетѣ London Observer описано весьма-удачное оживленіе замершей женщины посредствомъ гальванизма. Въ началѣ января, женщина, жившая въ Феррабриджѣ, скрылась ночью изъ дома отъ побоевъ пьянаго своего мужа, и легла спать на дворѣ. Ночью былъ сильный морозъ и несчастную нашли поутру совсѣмъ замершею. Врачи употребили всѣ медицинскія пособія, чтобъ оживить ее, но все оказалось тщетно. Наконецъ вздумали привести въ дѣйствіе гальваническую батарею и, при второмъ ударѣ электрическаго тока, замершая начала шевелиться и открыла глаза.

— Изъ Манчестера въ Ливерпуль устроена будетъ весной желѣзная дорога для провоза на рельсахъ купеческихъ кораблей со всѣмъ грузомъ и такелажомъ. Этотъ сухой путь для торговаго флота сбережетъ хозяевамъ кораблей тяжкія гаванныя и другія подати, притомъ очень упроститъ и сдѣлаетъ гораздо-удобнѣе нагрузку судовъ товарами.

— Англійскій инженеръ, г. Реттингъ, (Retting) изобрѣлъ новый ночной телеграфъ для морскихъ судовъ. Этотъ снарядъ состоитъ изъ обыкновенной аргантовой лампы, которая отбрасываетъ освѣтительные лучи свѣта чрезъ разноцвѣтныя стекла. Каждый цвѣтъ стекла имѣетъ особое значеніе въ азбукѣ морскихъ сигналовъ. Эти стекла передаются передъ лампою, какъ въ волшебномъ фонарѣ — *laterna magica*. Первый опытъ надъ ночнымъ телеграфомъ сдѣланъ былъ на казенномъ пароходѣ «Комета». Сигналы о-

кавались весьма-удовлетворительными, адмиралъ сэръ Шарль Огль нарядилъ особую комиссію для обсуждения во всей подробности этого полезнаго изобрѣтенія.

— Профессоръ физики Силлиманъ, въ Нью-Йоркѣ, узналъ на опытѣ, что громовой отводъ не предохранитъ дома отъ молніи, если желѣзный пруть отвода не глубоко проникаетъ въ сырую землю или колодезь, въ которомъ постоянно держится вода. Промельшившій лѣтомъ молнія ударила въ домъ Силлимана, и домъ совершенно сгорѣлъ отъ-того, что проводникъ громотвода углубленъ былъ въ землю только на три дюйма.

— Морскіе черви, которые такъ вредны для кораблей, необшитыхъ мѣдью, исправляютъ въ морѣ ту же полезную должность, какую взяли на себя термиты или бѣлые муравьи на твердой землѣ. Если бъ не было на свѣтѣ морскихъ червей, то рѣки и всѣ морскіе заливы совершенно засорились бы отъ наноснаго лѣса, который уносится съ горъ горными водопадами и потомъ плыветъ по рѣкамъ и заливамъ. Морскіе черви исправно протачиваютъ наносный лѣсъ, который, распавшись на куски, скоро и легко гниетъ въ водѣ и уничтожается.

— Г. Броньяръ, директоръ севрскаго фарфороваго завода, издалъ два тома объ искусствѣ глазированія фарфора и поднесъ свое сочиненіе Парижской Академіи Наукъ. Онъ открылъ секретъ составленія древней черной краски этрусскихъ вазъ, а также и другихъ цвѣтовъ, которые черезъ огонь принимаютъ на себя самую блестящую лазурь.

— Въ нѣмецкомъ журналѣ желѣзныхъ дорогъ (Eisenbahnjournal) механикъ Гереманъ находитъ много неудобствъ въ нынѣшней системѣ желѣзныхъ дорогъ, особенно на счетъ напрасной траты большаго количества

пара. Онъ предлагаетъ, вмѣсто гладкихъ желѣзныхъ шинъ, класть зубчатые, особенно для провоза по нимъ товаровъ и другихъ тяжестей. Дордга говоритъ онъ отъ этого въ 5 разъ болѣе выиграетъ, то-есть, за провозъ тяжестей по зубчатымъ шинамъ можно будетъ брать плату въ-четверо мѣнѣе настоящей. Правительства очень должны наблюдать за управленіемъ желѣзныхъ дорогъ на акціяхъ, и не давать слишкомъ обогатиться монополистамъ. Пароходъ можетъ, напримеръ, провезти въ часъ нѣсколько миль груза отъ 10 до 20,000 центнеровъ: почему же такой же грузъ не можетъ везти, въ то же время, паровозъ? Надобно только къ нему придѣлать огромныя колеса въ разиѣрѣ пароходныхъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Первою пѣвицею въ свѣтѣ почитается теперь Мехиканка Коччія (Coccia), которая далеко превосходитъ своимъ чуднымъ голосомъ знаменитыхъ прималоннъ. — Гривы, Унгеръ, Сабатье, Дженни Линдъ, Гарсію-Віардъ, и прочіи Знаюки увѣряютъ, что даже знаменитая Каталани, въ блестящій періодъ своей славы, не имѣла такого оборотительнаго голоса, какъ Коччія, которой хотя 25 лѣтъ отъ роду, но она не знаетъ никакихъ трудностей въ пѣніи. Для нея легко исполненіе труднѣйшихъ пассажей. Никогда еще дилеттанты не слыхали столь обширнаго, чистаго и звучнаго сопрано.

— Въ 1845 году на всѣхъ парижскихъ театрахъ было представлено 269 новыхъ пьесъ, произведенія 200 авторовъ и композиторовъ. Между этими пьесами находилось: 4 трагедіи, 11 оперъ, 30 драмъ и 200 водевилей. Самыми плодovitѣйшими писателями были Баяръ, Клервилъ и Дюмануаръ; первые два написали по 12 пьесъ, а послѣдній 9. Академикъ Скрибъ сочи-

виль только 3 водевиля да 3 оперныя либретто.

— Французскій писатель Феликс Пиа (Piat), который за разныя выходы противъ Жюля Жанена сидитъ досихъ-поръ въ тюрьмѣ, сочинилъ пьесу «Диогенъ», которая уже играна была на театрѣ Одеонъ. Сочинитель вышущемъ былъ подъ конвоемъ на день изъ тюрьмы, чтобъ присутствовать въ театрѣ въ первое представленіе своей пьесы. Съ Диогеномъ выходятъ на сцену нѣсколько классическихъ нашихъ знакомцевъ: Алкивиадъ, Сократъ, Платонъ, Софоклъ, Эврипидъ, Ланса, Фриана и Аспазія. Съ Аспазіею Диогенъ заводитъ любовныя связи. Во всей пьесѣ г. Пиа хлещетъ бичомъ критики разныя политическія злоупотребленія древности и новѣйшихъ временъ. Публика вызвала на сцену сочинителя въ первое представленіе.

— Парижскіе журналы говорятъ, что знаменитая пѣвица Джулія Гризи и пѣвецъ Маріо не возобновили своихъ контрактовъ съ парижскою и лондонскою оперою. По окончаніи лондонскаго театральнаго сезона, они будутъ свободны и отправятся пѣть въ Вѣну, Берлинъ, а послѣ въ Петербургъ.

— Въ Римѣ шестилѣтняя дѣвочка, Ригетта Мерли, слѣпая отъ рожденія, удивляетъ публику своимъ необыкновеннымъ музыкальнымъ талантомъ. Она не только играетъ по слуху на фортепьяно самыя трудныя композиціи, но и сама сочиняетъ разныя музыкальныя пьесы. Ригетта Мерли скоро поѣдетъ въ Парижъ давать публичныя концерты.

— Во многихъ церквахъ Папскихъ Владѣній, но болѣе всего въ самомъ Римѣ, хранится большое число неизданныхъ въ свѣтъ музыкальныхъ сочиненій, ораторій, кантатъ, и проч. прежнихъ итальянскихъ композиторовъ. Папа назначилъ особую комиссію для

разбора этихъ музыкальныхъ манускриптовъ и для впечатанія важнѣйшихъ изъ нихъ. Предсѣдатель означенной комиссіи, профессоръ музыки Пьетро Альфіери, уже приготовилъ къ изданію нѣсколько церковныхъ сочиненій знаменитаго композитора Палестрины.

— Въ нѣкоторыхъ парижскихъ журналахъ осыпали похвалами нашу танцовщицу г-жу Андреянову, которая три раза танцевала съ большимъ успѣхомъ въ Оперѣ. Но она не ушла и отъ насмѣшекъ въ газетахъ, какъ видно, нелюбящихъ ничего русскаго. Напримѣръ: Тальйони и Карлотта Гризи танцуютъ только ногами, а М-ле Андреянова танцуетъ всѣмъ тѣломъ, совершенно по-русски. Скрыбъ насчетъ г-жи Андреяновой отозвался такъ: «Россія похитила у насъ всеравненную Пяесси, это еще куда ни шло, мы забыли обиду, — но за это похищеніе отдала насъ г-жею Андреяновой: вотъ этимъ уязвила она наше сердце». — «Какъ вамъ нравится Андреянова?» спросилъ одинъ князь критика Планша. — Извините, ваше сіятельство, я ее вовсе не понималъ, потому что не понимаю по-русски.

МЕЛОЧИ.

Въ Лейпцигѣ, всѣ вѣмечіе литераторы празднуютъ ежегодно день рожденія Шиллера. Въ послѣднее торжество, вѣмечкій романистъ Робертъ Геллеръ читалъ записку о пребываніи Шиллера въ Голицѣ гдѣ томъ 1785 года. Лейпцигскій граждаанинъ, г. Шнейдеръ, былъ тогда еще двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, прислуживалъ знаменитому поэту и разсказываетъ про него слѣдующее: Шиллеръ, живя въ Голицѣ, вставалъ рано по утру въ три или четыре часа, и тотчасъ отправлялся гулять въ поле. Шнейдеръ сопровождалъ его, неся графинъ съ водою и стаканомъ. Въ пять часовъ, погъ возвращался домой и всѣ поети-

ческія идеи, пришедшія ему въ голову во время прогулки, высказывалъ за-кадычному своему другу, книгопродавцу Гёшену. Шиллеръ гулялъ часто въ полѣ въ большомъ пеглижѣ, просто въ халатѣ, безъ галстука, съ непокрытою головою. Онъ былъ блѣденъ лицомъ, покрытъ веснушками, имѣлъ волосы рыжіе и длинныя. Комната поэта, просто-выбѣленная пзвесткою, заключала въ себѣ самую необходимую и бѣдную мебель. На столѣ и на полу всегда валялись разбросанныя бумаги. Шиллеръ вовсе не курилъ табаку, но нюхалъ очень-часто. Въ квартирѣ своей онъ не держалъ вина, но любилъ попить въ компаніи на званныхъ объѣдахъ. Шестидесяти лѣтняя старушка, бывшая сосѣдка Шиллера въ Голисѣ, помнитъ, что рыжій поэтъ въ хорошую погоду часто сиживалъ передъ своимъ домомъ подъ развѣсистою явою, погружаясь въ глубокую думу, подперши голову рукою, и съ перомъ за ухомъ.

— Одною изъ древнѣйшихъ газетъ въ Европѣ, можно почитать «*Phage des Pyrennès*». Этотъ журналъ издается съ 1540 года по сіе время наследственно въ семействѣ Фове (Fauvet) въ-теченіе 305 лѣтъ. Нынче эта фамилія вымерла и собственность журнала перешла въ другія руки.

— Александръ Гумбольдтъ заслужилъ самую лестную похвалу отъ Французовъ; они говорятъ, что Гумбольдтъ пишетъ по-французски не хуже ихъ академиковъ. Французы воображаютъ, что ихъ языкъ труднѣе китайскаго. Недавно извѣстный публицистъ аббатъ Ламнѣ признался печатно, что онъ только теперь началъ понимать совершенно французскій языкъ.

— Въ Турціи просвѣщеніе дѣлаетъ большіе успѣхи. Въ Константинополѣ уже выходитъ модный журналъ на турецкомъ языкѣ. Самъ султанъ началъ

прилежно учиться французскому языку у своего тайнаго секретаря.

— Между многочисленными подписчиками на «*Journal des Debats*» находится заклятый врагъ Французовъ Абдаль-Кадеръ. Алжирскій эмиръ приказываетъ для себя переводить всѣ интересныя политическія статьи этой газеты на арабскій языкъ. Должность переводчика исправляетъ одинъ плѣнный Французъ.

— Скрибъ оставляетъ на время драматургію и пустился, по примѣру Сю, Дюма и проч. бѣлетристовъ, въ фельетонную литературу. Онъ подрядился въ газетѣ «*Siecle*» помѣстить романъ въ шести частяхъ подъ названіемъ: «*Piquillo Aliaga*».

— Въ Парижѣ музыкальные журналы разными и всевозможными средствами вербуютъ себѣ подписчиковъ. На-примѣръ, «*la France Musicale*» объявила, что каждый пренумерантъ на эту газету получить безденежно билеты въ двѣнадцать концертовъ. Кто же будетъ не въ состояніи выслушать 12 даровыхъ концертовъ, тому редація пошлетъ въ замѣнъ цѣлую книгу нотъ новѣйшихъ композиторовъ.

— Во Франціи свирѣпствуетъ ужасная монументоманія. Въ послѣднее десятилѣтіе сооружено болѣе 60 памятниковъ въ честь знаменитыхъ людей: бронзовыя конныя статуи въ Парижѣ и Алжирѣ герцогу орлеанскому, въ Кондѣ-сюр-Нуаро—Дюмон-Д'Юрвиллю; въ Шатору—генералу Бертрану; въ Дьеппѣ—адмиралу Дюжону; въ Дюнкерхенѣ—знаменитому корсару Жану Баргу; въ Живе—композитору Мегюлю; въ Гаврѣ—Казимиру Делавинню; въ Дон-де-Соньѣ—Шарлю Нодье; въ Монтобарѣ—Бюфону; въ Монлидье—сельскому эконому Пармантье; въ Страсбургѣ—Клеберу и Гуттенбергу; въ Версали—аббату де-Ленѣ. Почти въ каждомъ городишкѣ департамента Французы сооружаютъ памятники въ

честь своихъ соотчичей. Если эта статуеманія не уменьшится, то для умершихъ Французовъ будетъ гораздо-достославнѣе быть похороненными во-всѣ безъ памятника.

— Г. Иорданъ, издатель журнала «Славянскія Лѣтописи», учредилъ въ Лейпцигѣ центральное депо славянскихъ книгъ, которыя онъ намѣренъ сбывать въ Вѣну, Прагу, Брюнъ, Ольмиуцъ, Грецъ, Лайбахъ, Аграмъ, Пестъ, Пресбургъ, Лембергъ, Позень, Краковъ, Варшаву, Вильну, Петербургъ, Москву и Одессу.

— Художниками, занимающимися дагерротипными портретами, замѣчено, что такіе портреты, снятые съ одного и того же лица, имѣютъ нѣкоторую равность, какъ въ экспрессіи, такъ и въ свѣто-тѣни. Лейпцигскій художникъ г. Штѣреръ успѣлъ посредствомъ гальванопластики сдѣлать нѣсколько копій съ одного дагерротипнаго портрета. Хотя копій и оказались сходными во всѣхъ частяхъ съ оригиналомъ, но, во-первыхъ, отъ вліянія гальванопластической мѣдной осадки, черты и свѣто-тѣни лица не столь рѣзки, какъ на оригиналѣ.

— Въ королевской парижской библиотекѣ поставленъ древнѣйшій памятникъ Египта, а именно: зала, которая построена была въ Карнакѣ за 3,500 лѣтъ до нашего времени. Французскій археологъ Приссѣ нашелъ въ Карнакѣ этотъ памятникъ древности, снялъ съ него подробные рисунки и потомъ, уложивъ камни въ ящики, отправилъ ихъ на нѣсколькихъ корабляхъ во Францію. Въ Парижѣ эта египетская рѣдкость поставлена почти такъ, какъ находилась въ Карнакѣ. Шестьдесятъ статуй въ натуральную величину красуются въ этой залѣ, въ которой также сохранилась древнѣйшая египетскій папирусъ въ 15 футовъ длины.

— Французы нашли въ Алжирѣ

древнее германское племя, котораго родъ восходитъ ко временамъ полководца Велизарія. Это племя отличается отъ Арабовъ и Мавровъ своею бѣлою лица, голубыми глазами и бѣлокурыми волосами. Въ провинціи Константины можно найти такихъ людей; они называются бѣлые Ауры, хотя переименованы съ разными туземными племенами. Бѣлые Ауры вообще средняго роста; они рѣдко женятся на Мавританкахъ, но строго держатся мухаммеданской вѣры. Въ Константинополѣ много бѣлыхъ Ауровъ, составляющихъ исключительно классъ ремесленниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это племя происходитъ отъ Готовъ и Вандаловъ, переселившихся въ Африку въ разныя войны Римлянъ.

— Французскій городъ Ажанъ включаетъ въ стѣнахъ своихъ трехъ замѣчательныхъ парикмахеровъ: поэта Жасмена, драматическаго писателя Мажена, который написалъ трагедію «Спартакъ», принятую на первый французскій театръ въ Парижѣ, и Карбоннеля, изобрѣтателя искусственные питомники для устрицъ. Онъ продалъ свое изобрѣтеніе за 100,000 франковъ обществу парижскихъ рыбныхъ торговцевъ.

— Въ Лондонѣ обывательскіе дома большею частію строятся для житья одному семейству. Въ такихъ помѣщеніяхъ рѣдки обыкновенные ворота, которые замѣняются главными дверями съ подъездомъ и лѣстницею съ улицы. У дверей ручка дѣлается въ видѣ молотка, которымъ посѣтитель долженъ ударить разъ, два, или три, смотря по его достоинству и званію. Знатный посѣтитель, ударивъ молоткомъ одинъ разъ, унижаетъ свое званіе, а бѣднякъ, который осмѣлится стукнуть въ дверь два или три раза, можетъ заслужить названіе невѣжды и дерзкаго грубіяна. Одинъ ударъ молотка возмущаетъ хозяину дома, что къ нему пришелъ продавецъ молока, масла, развозчикъ съѣстныхъ припасовъ, лакей, или

угольщикъ. Одинъ скромный ударъ значить: «мнѣ бы хотѣлось войти». Два раза виѣтъ право стучать почтальмонъ, разнощикъ аффишъ, визитныхъ картъ, приглашеній и тому-подобные люди. Это значить: «мнѣ нужно войти». Тройной стукъ молоткомъ означаетъ приходъ хозяина дома, или его короткаго пріятеля; это просто значить: «отворите». Стукъ, повторенный четыре раза, извѣщаетъ домашнихъ о пріѣздѣ богатаго джентльмена, знатной особы, какого-нибудь иностраннаго дворянина. Этотъ сигналъ можно растолковать словами: «я хочу войти». Наконецъ, четыре удара молоткомъ, два раза повторенные staccato, уже означаютъ прибытіе знатнаго лорда, миледи, набоба, или русскаго князя, нѣмецкаго барона и вообще всякаго знатнаго лица. Этотъ восьмеричный ударъ значить на языкѣ этикета: «отворите скорѣе; я вамъ дѣлаю много чести своимъ визитомъ». Англичане вообще строго наблюдаютъ, кому и сколько разъ слѣдуетъ стучаться въ дверь (door hounding), и если лакей, посланный отъ какого-нибудь знатнаго лорда, ударить мепѣ, чѣмъ слѣдовало бы по званию его господина, то тотчасъ прогоняется со двора, какъ невѣжа, оскорбившій достоинство того, кому онъ виѣтъ честь служить.

— Кто бывалъ въ Венеціи, тотъ, вѣроятно, видѣлъ, что когда на колокольнѣ св. Марка пробьетъ 2 часа, голуби со всѣхъ сторонъ слетаются на главную площадь города для полученія пищи. Эти миролюбивыя птицы очень уважаются Венеціанцами съ XIV столѣтія, когда крылатые курьеры извѣстили республику о завоеваніи Кандіи венеціанскимъ войскомъ. Англійскій матросъ однажды поймалъ и убилъ такого голубя на Площади-св.-Марка; народъ хотѣлъ растерзать его въ куски за такое святотатство. Во время республики, нѣсколько тысячъ голубей кормились на счетъ казны, а въ новѣйшее время умеръ одинъ богатый патрицій и завѣщалъ въ своей духовной значи-

тельный капиталъ для кормленія голубей на вѣчныя времена.

— Изъ новѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній о Неаполѣ видно, что въ 1845 году считалось тамъ 400,813 жителей, раздѣленныхъ на 34,224 семейства. Если прибавить къ тому гарнизонъ города и иностранцевъ, то число жителей увеличится до 430,086 человекъ. Въ Неаполѣ находятся 52 мужскіе и 24 женскіе монастыря. Монаховъ 1528, монахинь 1094, свѣтскаго духовенства 3211, гвардіи и арміи 58,845 человекъ. Въ городѣ находятся 4 академіи, 1 университетъ, 1 лицей, 5 коллегій и 26 народныхъ школъ, въ которыхъ обучаютъ дѣтей монахи; 9 публичныхъ библиотекъ, королевская обсерваторія, ботаническій садъ и знаменитый Museo Borbonico — самое богатѣйшее собраніе древностей въ Европѣ; 8 театровъ и консерваторія музыки. Отъ Неаполя устроены уже двѣ желѣзныя дороги: одна чрезъ Портичи въ Torre del Greco до Помпеи и Ноперы, другая чрезъ Каверту въ Капуу и Нолу.

— Бывшее жилище Наполеона въ Лонгвудѣ (на Островѣ-св.-Клювы) находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ окнахъ выбиты всѣ стекла, дверь въ главномъ входѣ изломана, бильярдная комната Наполеона вся очерчена углемъ и ужасно-грязна. Въ комнатѣ, гдѣ императоръ скончался, поставлена патентованная молодильная машина; на полу навалены сѣно и солома. Комната, гдѣ помѣщалась библиотека, превращена въ кухню и чуланъ для храненія провизіи. Спальня и кабинетъ Наполеона совершенно исчезли: изъ этихъ комнатъ слѣлана конюшня. Большая горница, въ которой усопшій императоръ лежалъ на парадной постели, раздѣлена на 8 стойлъ, гдѣ стоятъ быки и лошади.

— Въ Нью-Йоркѣ одинъ искусный егеръ такъ выдресировалъ лягавую собаку, что она теперь, конечно, можетъ послужить пріятромъ неограни-

ченнаго терпѣнія и вѣрности. Охотникъ положилъ въ ротъ этой собакѣ жареную курицу и пошелъ съ ней на охоту на три дня. Некопленна собака не села во рту ношу и не осмѣлилась даже попробовать своего лакомага куска. Черезъ восемь дней послѣ того нашли эту собаку околѣвшею отъ голода; но жареная курица лежала у ней въ запахъ несѣденною. Если это не пущь, то собака такая достойна, чтобы ей соорудили памятникъ.

— Въ пентонвилльской тюрьмѣ Лондона, узники получаютъ такую роскошную пищу, которой, конечно, не имѣетъ большая часть ремесленниковъ въ Европѣ. Арестантамъ даютъ пять разъ въ недѣлю пить шоколадъ, за обѣдомъ ростбифъ, голландскій сыръ, зелень и полтора фунта бѣлаго хлѣба.

— Первую бумагу изъ холстиннаго тряпья, начали дѣлать въ городѣ Ревенсбургѣ, лежащемъ на берегу Боденскаго Озера — на фабрикѣ Гольбейна, въ 1301 году. Эта бумага имѣла прозрачный гербъ фамиліи Гольбейновъ — бычью голову. Въ этой фамиліи родился знаменитый живописецъ Гольбейнъ.

— Въ Англіи недавно умеръ богатый чудакъ, который завѣщалъ въ своей духовной 20,000 фунт. стерл. дамѣ, принадлежащей къ сословію сѣннихъ чулокъ, которая напишетъ лучшее сочиненіе о женскомъ тщеславіи и кокетствѣ.

— При королѣ Карлѣ X былъ вѣкто Шазе, плохой рифмоплетъ, который назывался поэтомъ національной гвардіи и получалъ отъ казны 6,000 франк. жалованья. Эта курьезная должность напомнила намъ объ одномъ человѣкѣ стараго времени, d'ancien régime, г. Пезэ (Pezeu), который занималъ должность главнаго хравителя королевскихъ остротъ (bon-mots). Онъ, разумѣется, ничего не дѣлалъ и получалъ даромъ жалованье.

— Въ pendant къ извѣстному карлику Тому Пусу, явилась въ Парижѣ карлица 25 лѣтъ отъ роду, ростомъ въ 75 сантиметровъ, стройнаго тѣлосложенія. Эта крошка очень-хорошо танцуетъ, поетъ итальянскія арии, читаетъ лекціи о физикѣ и рассказываетъ очень-краснорѣчиво исторію своей жизни. Она гораздо-умнѣе генерала Тома Пуса. Карлица имѣла честь представляться французскому королю и его семейству, а также и королевѣ Изабеллѣ, въ Мадридѣ.

— Въ Лондонѣ есть особаго рода таверны, куда всякій гость можетъ приходить съ своимъ кускомъ говядины, т. е. сыраго ростбифа, который въ нѣсколько минутъ изжаритъ кухарка на рострѣ огромнаго очага въ глазахъ посетителей таверны. По сосѣдству лондонскаго банка находится такая харчевня, гдѣ нерѣдко обѣдаютъ директоры Остивдской-Компаніи и богатѣйшіе купцы. За приготовленіе ростбифа съ подливкой и прочими принадлежностями платятъ бездѣлицу—10 пеннинговъ; но содержатель таверны ищетъ тутъ свой расчетъ, потому-что у него въ-теченіе дня изжарится нѣсколько пудовъ чужой говядины, отъ которой растопленнсе сало и часть жира остается въ его поѣзду. На очагѣ подъ ростромъ устроенъ особый сварякъ, куда стекаетъ эта жирная влага, покрывающая издержки таверны какъ на наемъ прислуги, такъ и на отопленіе и освѣщеніе.

— Одинъ французскій спекулантъ платитъ ежегодно 300,000 фр. парижскому городскому управленію за грязь, сметаемую со всѣхъ улицъ Парижа. Спекулантъ приготовляетъ изъ этой грязи порошокъ (poudrette) для удобренія полей, и съ большою прибылью продаетъ свое произведеніе парижскимъ огородникамъ и садовникамъ. Не-уже-ли въ Петербургѣ не найдется смысленныхъ людей, которые бы, по примѣру парижскаго спекуланта, захотѣли на откупъ петербургскую грязь, и,

мъ кажется, не уступающую парижской?

— На парижскомъ базарѣ, гдѣ про-
давались разныя вещи въ пользу бѣд-
ныхъ, участвовали также и фран-
цузскіе писатели. Въ ящикахъ за
стекломъ было выставлено нѣсколь-
ко рукописныхъ статей Дюма, Сю,
Альзака, Викторя, Гюго и проч.

— Въ Берлинѣ распространилась
слуха, что туда прѣхалъ инкогнито
какой-то индійскій принцъ, который
собирается жениться на дѣвушкѣ, знаю-
щей совершенно экономію и домашнее
хозяйство. Богатый женихъ не разби-
раетъ, изъ какого сословія попадется
ему жена, лишь бы только она умѣла
экономить по-нѣмецки. Принцъ оста-
новился въ богатой гостинницѣ Unter
den Linden, и нѣмецкія дѣвы засыпа-
ли его письмами и рекомендаціями.
Нѣтъ отбоя отъ невѣстъ. Тутъ, вѣроят-
но, скрывается какая-нибудь мисти-
фикація, тѣмъ болѣе, что въ помяну-
той отели остановились нѣсколько мо-
лодыхъ, пригожихъ собою людей. Дѣ-
вицы особенно интересуются однимъ
молодцомъ смуглаго лица, съ азіат-
скою фаворитскою.

— Слово «карнавалъ» (carnaval)
произошло отъ латинскаго caro vale
(прощай, мясо!). Маски, употребляв-
шіяся въ Римѣ во время карнавала,
были выдуманы древними Греками
и Римлянами. Онѣ покрывали
лицо масками, являясь въ
общественныя собранія. Поппея (Por-

rea), супруга Нерона; первая изъ рим-
скихъ дамъ начала носить маску,
чтобъ защитить свое прелестное лицо
отъ вліянія солнечныхъ лучей и отъ
худой погоды. Въ царствованіе фран-
цузскаго короля Франциска II, всѣ
знатныя дамы носили черныя бархат-
ныя маски (loup) на улицахъ, гулянь-
яхъ, и даже въ церквахъ.

— Одинъ парижскій продавецъ гал-
стуховъ напечаталъ слѣдующій пуфъ въ
газетахъ: «Модныя галстухи для
«оперныхъ пѣвцовъ. Прочъ галсту-
«хи съ желѣзными пряжками: они
«безпокоятъ и царапаютъ затылокъ;
«прочъ разныя проволоки и щетина,
«которая прорываетъ лучшій крѣпкій
«атласъ! Галстухи вышшняго фасона
«очень-опасны для человѣка: они дер-
«жатъ его шею въ рогаткѣ арестанта.
«Шея должна быть совершенно-сво-
«бодна, а потому прошу покорнѣйше
«васъ, гг. щеголи, джентльмены и про-
«чій модный народъ, покупать у меня
«новозобрѣтенныя галстухи. Кашлай-
«те, чихайте, пойте во все горло—мой
«галстухъ ни мало не сожметъ вашей
«шеи, онъ все вынесетъ и вытерпитъ.
«Знаменитый Дюпрэ, именно, облянъ
«моимъ галстухамъ, что постъ свобод-
«но, вѣрно, безъ малѣйшаго усилія.
«Его перечеркнутое С не остановится
«въ горлѣ, когда Дюпрэ надѣнетъ мой
«галстухъ. Короче сказать, кто хочетъ
«быть знаменитымъ пѣвцомъ и уди-
«вить всю Европу своимъ голосомъ,
«тотъ непремѣнно долженъ купить у
«меня галстухъ».

Ватныя манто для гулянья дѣлаются въ родѣ криспенъ (Crispin), которые носились прошлаго года, съ тою только разницею, что они не такъ широки внизу, какъ криспенъ; но пальто все еще въ большой модѣ, и вѣроятно долго его не перестанутъ носить, особенно тѣ, у кого хороша фигура. Самое модное пальто дѣлается почти въ обтяжку, не только въ талии, но и въ подолѣ, такъ чтобы на немъ не было ни одной складочки. Рукава у пальто довольно-широкіе и длинныя; но воротникъ уже такъ малъ, что его едва можно замѣтить.

Такия пальто дѣлаются изъ бархата, атласа и другихъ толстыхъ шелковыхъ матерій. Бархатныя пальто обшиваются большею частію аграмантомъ, но не къ самому концу, а отступя на вершокъ; атласные же — бархатомъ, въ два, въ три и болѣе рядовъ. На-верху до самой талии пальто должно быть застегнуто большими аграмантовыми пуговицами.

Манто обшивается горностаемъ и вообще мѣхомъ, но не бахромой и не кружевами.

Визиты (visites), фасонъ которыхъ мы уже описывали, съ каждымъ днемъ чаще и чаще показываються; вы ихъ увидите вездѣ: и на гуляньяхъ, и въ театрѣ, и на балу, и въ утреннемъ неглиже, а въ Парижѣ они почти считаются необходимою для маленькихъ ужинновъ (petits soupers). Надобно замѣтить, что нынѣшней зимою вошли опять въ моду въ Парижѣ ма-

ленькіе ужины, бывшіе въ такой модѣ во время регентства. Теперь мода требуетъ, чтобы хозяинъ дома посылалъ экипажъ за своими гостями, приглашенными къ нему на балъ и маленькій ужинъ, и по окончаніи отпирывалъ ихъ обратно домой.

Само-собою разумѣется, что визиты дѣлаются съ разными измѣненіями, напр. для гулянья тѣмныя бархатныя, обшиваются мѣхомъ, а иногда и вся визита сдѣлана изъ горностаа или шиншелы. Наверху у горла она не очень-открыта и съ рукавами. Для театра и вечеровъ визиты большею частію дѣлаются изъ матерій сѣтчатыхъ цѣтвовъ, обшиваются кружевами и бахромой. Для утренняго неглиже очень-многія носятъ визиты безъ рукавовъ.

Платья по-прежнему очень-широки и длинны. Бархатныя уборы на платьяхъ все еще въ большомъ употребленіи; не смотря на то, что такъ давно онѣ вошли въ моду, удивительно, что до-сихъ-поръ еще не надоедаютъ; впрочемъ это надо приписать разнообразію уборовъ. Напр. вотъ самая модная уборка для платья: не очень-широкая бархатная лента нашивается напередѣ платья въ видѣ лѣстницы до самой талии; ступеньки этой лѣстницы, въ большомъ другъ отъ друга разстояніи; на концахъ ихъ пуговицы съ маленькими кисточками. Лифъ убирается точно также, только съ тою разницею, что на юбкѣ ступеньки сначала длиннѣе и потомъ постепенно укорачиваются; на лифѣ у талии онѣ очень-ко-

ротки, а потомъ чѣмъ далѣе изъ верху, тѣмъ становятся длиннѣе. Такіе лифы очень-похожи на гусарскія куртки. Вмѣсто бархата на такую уборку употребляютъ агриантъ точно въ такомъ же видѣ, какъ показано на картинкѣ въ нынѣшней книжкѣ «Отеч. Записокъ».

Бальные платья очень - граціозны въ видѣ юбки, особенно кисейныя, тюлевыя, креповыя и вообще изъ всѣхъ легкихъ тканей. Обшиты эти платья въ нѣсколько рядовъ узенькимъ атласнымъ руло, бѣлымъ или цвѣтнымъ.

Шелковыя бальные платья убираются широкимъ бѣлымъ и чернымъ кружевомъ, которое нашиваютъ въ нѣсколько рядовъ на юбку, но не фалбалой, а вгладь.

Цвѣты какъ для платья, такъ и для головной уборы почти считаются необходимою; большіе букеты рассыпаются очень-часто по всей юбкѣ, внизу платья; а иногда спускается превосходная гирлянда вмѣсто кушака.

Измурудныя, коралловыя, ахонтовыя и брильянтовыя застѣжки, булавки, шпильки и брошки болѣе и болѣе входятъ въ моду.

Перчатки должны быть самыя коротенькія и едва доходить до кисти, безъ всякихъ украшеній: за то бра-слетовъ можете надѣвать сколько угодно. Вѣеры снова начали показываться съ перьями, золотомъ и драгоценными камнями; но простые разрисованныя вѣеры на эмали или на атласѣ все еще въ большомъ употребленіи.

Въ Парижѣ самыя модныя вѣеры называются à la Dubaggy; они состоятъ изъ круглаго зеркала, окруженнаго перьями, совершенно какъ носили наши бабушки. Мандаринскіе вѣеры также очень красивы: они дѣлаются изъ золотыхъ прутиковъ съ золотыми снурками и оливками и подбиваются алымъ, разрисованнымъ атласомъ; наконецъ, есть и американскіе вѣеры, сдѣланные изъ бѣлаго или розоваго атласа, украшеннаго кружевами и перьями разныхъ красивыхъ птицъ.

ОПЕЧАТКИ,

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ XLIV-мъ ТОМѢ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ», ВЪ

ПОЭМѢ АНДРЕЙ (Отд. I):

Напечатано:

Стр. Строка.

15 8 *снизу*: представилась.

— 11 — гроза бѣдой,

29 5 *сверху*: малодумны,

Должно читать:

представилось.

грозы бѣдой,

малодушны,

О Г Л А В Л Е Н І Е

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

	Стр.
а) СТИХОТВОРЕНІЯ:	
Андрей. Поэма въ двухъ частяхъ.	
И. С. ТУРГЕНЕВА	1
б) ПРОЗА:	
Двѣ Минуты. Свѣтская повѣсть.	
Графа В. А. СОЛЛОГУБА.	33
Графиня Монсорб. Романъ въ пяти частяхъ. АЛЕКСАНДРА ДЮМА.	
Части первая, вторая и третья	67 и 229
Двойникъ. Приключенія господина Голядкина. Романъ Э. М. ДОСТОЕВСКАГО	263

II. НАУКИ.

Германскій Таможенный Союзъ (Zollverein). М. П. З—го	1
Космосъ. Соч. А. Гумбольдта. <i>Статья третья.</i> (Картина природы: Общій обзоръ явленій)	41
Консульство и Имперія. Соч. Тьера. <i>Статья восьмая.</i> (Впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ смертію герцога ангенскаго. Продолженіе процесса Жоржа и Морб. Самоубійство Пингрю. Волненіе умовъ. Возвратъ къ монархическимъ идеямъ. Многочисленные адреса. Рѣчь де-Фонтана по случаю приведенія къ окончанію гражданскаго кодекса. Роль Фушѣ при этомъ обстоятельствѣ: онъ дѣлается орудіемъ готовящейся перемѣны. Камбасересъ оказываетъ нѣкоторое сопротивленіе этой перемѣнѣ. Фушѣ настроиваетъ сенатъ. Первый консулъ не даетъ прямого отвѣта сенату и обращается къ иностраннымъ дво-	

Стр.

рамъ, чтобъ вызнать, признаютъ ли онего въ новомъ тулѣ, который онъ намѣренъ принять. Благопріятные отзывы Пруссіи и Австріи. Первый консулъ, послѣ довольно-долгого молчанія, отвѣчаетъ сенату, прося это государственное собраніе высказать вполне мысль свою. Трибунъ Кюрё первый подаетъ голосъ о восстановленіи монархіи. Пренія по этому предмету въ трибунатѣ, и рѣчь трибуна Карно. Сенатъ обращается къ первому консулу съ предложеніемъ ему монархической власти. Необходимыя измѣненія въ консульской конституціи. Имперская конституція. Высшіе государственные сановники. Должности военныя и гражданскія. Сенатъ провозглашаетъ Наполеона императоромъ. Продолженіе процесса Жоржа и Морб. Осужденіе на смерть и казнь Жоржа. Помилованіе приговоренныхъ къ смерти Армана де-Полиньяка и де-Ривьера. Изгнаніе Моро. Превращеніе республики въ военную монархію) 57

Законы о торговлѣ хлѣбомъ въ Англіи и Франціи 98

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за ноябрь и декабрь 1845 года.	1 и 9
Событія въ отечествѣ за тѣ же мѣсяцы того же года	6 и 11

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

Взглядъ на выставку промышленныхъ издѣлій въ Варшавѣ, въ 1845 году. *Статья третья.* (Химическія издѣлія; — стеариновые свѣчи; — свекловичный сахаръ). Ф. Масновскаго. 1

Теорія Домостроительства въ ея нравственномъ, физическомъ, умозрительномъ и практическомъ отношеніи, изложенная докторомъ Пухомъ. 12

Домостроительство и Домоводство. *Вечеръ первый.* Разговоръ объ изысканіи промысловостей, и возбужденіи фабричности вообще, и о соленыхъ огурцахъ въ особенности. Его же 17

V. КРИТИКА.

Русская Литература въ 1845 году. Замѣтки за границею въ 1840 и 1843 годахъ, Ф. П. Л. 23

Голось въ защиту отъ Голоса въ защиту Русскаго языка, напечатаннаго въ Москвитинѣ. 44

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1) *Русскія книги, вышедшія въ декабрь 1845 и январь 1846 года.*

Мельникъ, Ж. Санда 1

Новоселье, изд. 2-е 2

Замѣтки за Границею, Ф. П. Л. 4

Русское Чтеніе, изд. С. Глинкою, ч. II . . . . . —

Нумизматическіе факты Грузинскаго Царства, кн. М. Баратаева. Историческій Атласъ Россіи, Н. И. Павлицева 11

Рѣчи и отчетъ Московской Первой Гимназіи . . . . . —

О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи; изд. 2-е. Введеніе въ грамматику русскаго языка; изд. 2-е, тетр. I 13

Описаніе Россійской Имперіи, кн. 3-я (Олоонецкая Губернія), изд.

Геденовымъ и Пушкиревымъ 13

Онанизмъ, соч. Тисота 18

Повѣсть, соч. Ал... Пл... . . . . . —

Замѣтки. Стихотв. М. Дарагача 19

Балясы . . . . . —

Виц-Мундиръ, вѣд. Каратыгина . . . . . —

Вѣчный Жидъ (пародія), ч. II . . . . . —

О вредныхъ настикомыхъ . . . . . —

Проекты каменныхъ и деревянныхъ переквей, В. Моргана 20

Домостроеніе, составл. А. Рудольскимъ; изд. 2-е . . . . . —

Санктпетербургская Флора, сост. К. Левинымъ, ч. III. 21

Теорія Сѣдоводства, соч. Линдлея. Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ, Я. Линовскаго. 22

Чтенія общей химіи, Р. Геймана 25

Практическое руководство къ бременному хозяйству . . . . . —

Воскресныя Посидѣлки, пятокъ послѣдній . . . . . —

Библиотека для Воспитанія, ч. II 26

Библиотека для Воспитанія, ч. V 31

Книга для постепенныхъ переводовъ, Е. Гугеля 33

Руководство къ изученію русской исторіи, Н. Устрялова. . . . . —

Новѣйшая грамматика, Я. Пожарскаго . . . . . —

Елка. . . . . —

Преданіе о графинѣ Бергѣ, соч. А. Дюма . . . . . —

Донъ-Кихотъ Ламанскій . . . . . —

Путешествіе вокругъ свѣта, изд. О. Студитскимъ 34

Мери и Флора, пер. А. Ишимовой. Каникулы въ 1844 году, сочин. А. Ишимовой . . . . . —

Картины изъ исторіи дѣтства знаменитыхъ живописцевъ . . . . . —

Мать Наставница . . . . . —

Альманахъ для дѣтей . . . . . —

Робинсонъ . . . . . —

Пантеонъ русскихъ баснописцевъ. Маленькія Дѣти. . . . . —

Исторія Петра Великаго для дѣтей. Новый Емеля, А. Вельмана 41

Петербургскій Сборникъ, изд. Н. Некрасовымъ. 45

Переводы А. Струговщикова 46

	Стр.		Стр.
Стихи на объявленіе памятника Карамзину, Н. Языкова	47	Вотъ наши съ натуры, И. Щедровскаго	76
Невскій Альманахъ на 1846 годъ	48	Заколдованный Принцъ, водев. Н. Куликова	—
Юмористическіе Разказы, Абра- кадабры	49	Искусство гадать	—
Энеида Виргилія, перев. І. Ш.	50	Волшебное Зеркало Судьбы, ...	77
Библіотека Романовъ, вып. 4-й (Странствующій Жидъ)	51	Старичокъ Балагуръ, изд. 2-е	—
Мирза Халжи-Баба Исфгани, соч. Моріера	52	Народный Русскій Пѣсенникъ, В. С.; изд. 4-е	—
Походъ 1796 года Бонапарте въ Италію, М. Богдановича	61	Черное Время, П. С. . . . . нова; изд. 3. Ермакъ, романъ; изд. 4-е	78
Английская Индія въ 1843 году, Э. Варрена, ч. II.	64	Чортовы Салазки	—
Величіе Пресвятыя Богородицы	65	Іоаннъ Грозный, соч. А. А.; изд. 3. 2) Книги, издаваемыя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:	—
Радуйся Благолатная	—	Erines et Lauriers, par Mlle Elise d'Oulbicheff	37
Достопамятныя Сказанія о подвижничествѣ святыхъ отцевъ	66	Langue française, par Pascault.	38
Новороссійскій Календаръ на 1846 годъ	67	3) Библиографическія и Журнальныя Извѣстія	38 и 79
Совѣты Матерямъ, К. Гуфланда	68		
Настольная Книга для всѣхъ сословій, И. Буттера	69		
О дѣйствіяхъ природы въ произведеніи рода человѣческаго	—		
Практическая Медицина, проф. Дядковского, кн. 3-я	70		
Вступительная Лекція, чит. въ Землед. Школѣ П. Преображенскимъ	73		
О Коннозаводствѣ, соч. Л. Берггофера	—		
Географія Н. Соколовскаго, ч. III. Всеобщій Географическій Атласъ, Лангера	74		
Географія въ эстампахъ, Ришона	—		
Всеобщая Географія для преподаванія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, вып. 3-й	—		
Набравныя Русскія Стихотворенія для дѣтей	—		
Кашка графини Берты, А. Дюма	75		
Политическая Ариметика, Бруна	—		
Гостиница для дѣтской елки	—		
Азбука Нѣмецкая, П. Васильева	—		
Александръ Первый, отецъ своего народа, В. Потанова	—		
Александръ Васильевичъ Суворовъ, В. Потанова	76		
Сказаніе о томъ, какъ Россія сражалась въ 1812 г., И. Бочарова	—		
		VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.	
		1) Французская Литература (Опытъ о происхожденіи Венгрии, Огюста де-Жерандо; — Письма и инструкціи Лудовика XVIII графу де-Сен-При, изд. Барантомъ; — Лотарингскія Хроники, Т. Курсье; — Александрина, г-жи Э. Фоя; — Луарскій Разбойникъ, Огюста Рикара; — Три гармоніи, Констана Бокура; — Всемирная Исторія, г. Лапонице; — Исторія Журналовъ и Журналистовъ, Л. Галлуа; — Всеобщая Исторія, Ф. Рагона; — Кармелитскій Монастырь, Э. Лудѣна; — Крещенные Философы, Ад. Дюма; — Жизнь Цумалакареги; — Этьеннъ де-ла-Бовси, Л. Фежера; — Благоуханіе и Цвѣты, Б. Дебѣ; — Тѣнь Эрика, П. Лимерака, и проч.)	1
		2) Английская Литература (Письма Джемса, графа пертскаго, лорда-канцлера Шотландіи, и проч., къ сестрѣ, графинѣ эр-рольской и другимъ членамъ своей фамиліи; — Письма и рѣчи Оливера Кромвеля, съ объясненіями Томаса Карлейля; — Дене-	

ши и письма вице-адмирала лорда-виконта Нельсона, съ приключеніями сэра Ничоласа; — Живописанія лордовъ-канцлеровъ и хранителей государственной печати Англіи (до революціи 1688 года); — Жизнь Моцарта, соч. Э. Хольмса; — Сатанстоэ, новый романъ Купера; — Три портрета изъ «Новаго Тимона»: Веллингтонъ, О'Коннелъ и Джонъ Россель).

VIII. СМѢСЬ.

БІОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ:

Серъ Томасъ Муръ 1
Венжаменъ Констанъ 73

Карменъ. Разсказъ П. Мегриве 11
Извѣстія оперныхъ военныхъ школахъ, учрежденныхъ въ царствованіе Петра-Великаго. П. Н. Гавцова 89
Новозеландскіе Кытоловы. А. И. Бутакowa 92

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Французскій Театръ въ Парижѣ:
Feline, ком.—Riche d'Amour, вод.
— Le Fils de Barbier, ком.-вод.—
La Maitresse de Maison, ком.-вод.—
La Pluie et le Beau Temps, вод.—
L'Expiation, драма-вод.—
L'Etoile de Sevilla, опера.—Une femme laide, вод.—
Sous les arbres, драма.—Trois Militaires plus un, пародія —
Le Marchand de Marrons, ком.—
La Loi Salique, ком.—
Les Pommes de terre malades, шутка.—
La Famille Poisson, ком.—
V'la ce qui vient de paraître, вод. . . . . 38 и 109

Стр. . . . . Стр.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ:

Отзывы французскихъ журналовъ о Гоголѣ 45
О новомъ романѣ г. Загоскина. 51
Братья Гумбольдты—псевдонимы въ наукѣ 117
Грамматика, логика, философія и астрономія фельетониста «Съверной Пчелы» 121
Литературный Заецъ 124
Новый Критиканъ 126
Письмо въ редакцію о «Зубоскаль» 128

Ученыя Извѣстія.

Физиологическія явленія питанія 59
Развитіе костей 58
Кровообращеніе моллюсковъ 60
Вліяніе электричества на растительность 62
Исполнискій телескопъ лорда Росса. (Изъ письма сэра Дженса Соута къ г. Шумахеру.) 128
Отношенія первобытнаго растенія «поггегатія» къ современной флорѣ 137
Новое искусственное минеральное удобреніе . . . . .
Новая паровая машина, возвратко дѣйствующая 138
Новая планета «Астрея» 139
Задачи, предложенныя Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ на 1845—1846 годъ 140

Разныя Извѣстія.

Новѣйшія открытія и изобрѣтенія 62
Театральныя и музыкальныя новости . . . . . 63 и 144
Мелочи . . . . . 66 и 144
Моды (съ двумя парижскими картинками).

JAN 28 1925

